ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (б)

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 ОКТЯБРЯ — 3 ДЕКАБРЯ

1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. ОЛЬМИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ
Л. КРАСИНА, М. ЛИТВИНОВА,
ИС. ГУКОВСКОГО и Е. СМИТТЕН

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

№№ 1—7

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД — 1925

Ленинградский Гублит № 2059. Тираж 10.130 — 13 л. Заказ № 510.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие. *М. Ольминский*	V
Как возникла „Новая Жизнь". *Л. Красин*	VI
Страничка воспоминаний. *М. Литвинов*	VIII
Из воспоминаний И. Э. Гуковского	X
Из воспоминаний. *Е. Смиттен*	XI
Листок Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.	—

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 1.

С.-Петербург	1
„Большинство" и „меньшинство". *П. Румянцев*	2
О народной милиции. *Б. Самойлов*	3
Свободные речи. *Н. Минский*	5
Русская печать	6
Русскому рабочему. *К. Бальмонт*	—
Орел и курица. (Сказка.) *Е. Н. Чириков*	—
18 октября. *Тэффи*	7
Заметки о мещанстве. *М. Горький*	—
Москва	10
Телеграммы	11
К вопросу о Совете Депутатов	13
Из записной книжки хроникера. *Л. Львов*	14
Хроника	15
В учебных заведениях	17
На фабриках и заводах	19
Иностранная печать	21
Финляндия. *А. Г.*	22
Областной отдел	—

Приложение к № 1.

Программа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии	24

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 2.

С.-Петербург	27
Какая „милиция"? *И. Г-г.*	28
Русская печать	29
Впечатления. *А.*	—
Отрывки. Доверяем только милиции. *Леонид Галич*	30
I. Тан и „мобилизация общественных и народных сил". *Н. Рожков*	31
Амнистия. *А. Г.*	32
Пчелки. *Тэффи.*	—
Рождение новой партии. *Евгений Чириков*	—
Борьба за власть. *В. Волгин*	34
„Союз союзов". *Я. Л.*	36
Телеграммы	—
Москва	39
Союз „истинных" фармацевтов	40
Воззвание Союза союзов	41
Хроника	—
В учебных заведениях	44
Партийные резолюции	—
На фабриках и заводах	45
Театр и музыка	46
В Кронштадте. Погром или восстание?	47
Готовящийся погром. Открытое письмо совета старост Петербургского университета	—
Рассылка прокламаций черной сотни все увеличивается	48
Иностранный отдел	—
Польша	49
Областной отдел	50
Из провинциальной печати	51

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 3.

С.-Петербург	53
Об организации. *Б. Радин*	54
Освобождение. *М. Таганский*	55
Рождение новой партии. *Евгений Чириков*	56
Русская печать	57
Впечатления. *А.*	58
Pro domo sua. *Н. Минский*	59
Ответ г. Рожкову. *Тан.*	60
В Кронштадте	—
Телеграммы	61
Москва	62
Заседание думы	—
Правительственное сообщение	63
От С.-Петербургского Агентства	64
От С.-Петербургского градоначальника	—
От собрания Союза союзов 3-х районов	—
Хроника	—
К погрому	66
Всеобщая политическая забастовка в Западной Европе. *И. Г-г*	—
Письма в редакцию	68
Из партийной жизни	69
Из жизни рабочих	—
Судебная хроника	71
Иностранный отдел	—
Польша и Литва	72
Областной отдел	—

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 4.

С.-Петербург	77
Пропаганда действием. *Д-он.*	78
Полемика. *П. Румянцев.*	79
Русская печать	80
Заметки о мещанстве. *М. Горький*	—
Впечатления. *А.*	82
Телеграммы	83
Москва	86
В Совете Рабочих Депутатов	—
Свидание Г. А. Лопатина с родными. *С. К-о*	87
Хроника	—
В учебных заведениях	89
К погрому	90
В обществе экономистов	—
Письма в редакцию	91
Из партийной жизни	—

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Профессиональные союзы	92
Опасный параграф. *Хрусталев*	—
Из жизни рабочих	94
Польша	95
Областной отдел	96

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 5.

С.-Петербург	99
Кронштадтский суд	—
Об организации. *Б. Радин*	100
О внеклассовой лжи и классовой истине. *Алексеев*	101
Русская печать	102
Подите прочь! *Н. Минский*	103
Отрывки. *Леонид Галич*	104
К делу об'единения. *Рядовой*	—
Москва	105
Телеграммы	108
О реальной политике. *Н. Рожков*	112
Свобода печати. *В. Тотомианц*	—
„Черная сотня" в Западной Европе. *Б. И.*	114
Патроны и патрон. *Тэффи*	—
Вопросы улицы. *Юрий Каменев*	115
К крестьянскому движению в Гурии. *М. М. Ш.*	116
Кронштадт	117
Вопрос о милиции в Думе. *Л. Львов*	119
Письмо в редакцию	—
Без цензуры. *Н. Адорин*	120
Хроника	—
В учебных заведениях	123
Из партийной жизни	125
Из жизни рабочих	126
Иностранный отдел	129
Польша и Литва	—
Областной отдел	130

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 6.

С.-Петербург	135
Три сатрапии. *К. П—ов*	136
Они становятся решительнее! *Юр. Каменев*	137
Маска сброшена. *Б. Радин*	138
Об организации. *Н. Менделеев*	139
Русская печать	140
Впечатления. *А. П.*	—
Телеграммы	141
Москва	142
Иные речи. *Л. Львов*	143
Резолюция, принятая Советом Рабочих Депутатов	—
В Совете Рабочих Депутатов	144
Хроника	—
Открытое письмо к товарищам. *Егор Юзов*	146
В учебных заведениях	—
Из партийной жизни	147
Профессиональные союзы	—
Из жизни рабочих	149
Иностранная печать	152
Польша и Литва	—
Областной отдел	153

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 7.

С.-Петербург	157
„Послабление" крестьянам	158
„Новая Жизнь" и союз в защиту свободы печати. *Н. Минский*	159
Москва	160
Телеграммы	162
Второе свидание Г. А. Лопатина с родными. *С. К—о*	164
Среди адвокатов *Л. Л.*	—
В учебных заведениях	165
Профессиональные союзы	—
Об организации. *П. Н. Гвоздев*	166
Памяти Павла Августовича Грожана. *А. Лукьянов*	168
О профессиональном движении и о задачах социал-демократии. *М. Борисов*	—
О Совете Депутатов. *Рабочий К. Д.*	169
К вопросу о реорганизации партии	171
Революция и армия. *Б. Самойлов*	—
Русская печать	174
Новые партии. *Тэффи*	176
Отрывки. *Леонид Галич*	177
Улучшение солдатской пищи. *Б. С.*	178
К крестьянскому движению в Грузии. *М. М. Шах*	—
Письмо в редакцию. *М. Горький*	180
Заседание думы	—
Хроника	—
К забастовкам	182
В Совете Рабочих Депутатов	183
От редакции „Известий Совета Рабочих Депутатов"	184
Резолюции	—
Из жизни рабочих	185
Иностранный отдел	186
Польша и Литва	188
Областной отдел	189

Предисловие.

В настоящее издание входит социал-демократическая газета „Новая Жизнь“, издававшаяся в Петербурге (так назывался тогда Ленинград) в так называемые „дни свободы“, после октябрьской всеобщей забастовки, когда растерявшееся самодержавное правительство пошло на лицемерные уступки, возвещенные царским манифестом 30 (17) октября.

В короткие „дни свободы“ выходили: большевистская газета „Новая Жизнь“ и меньшевистская — „Начало“. Между обеими фракциями назревало об‘единение, что нашло себе выражение в статье П. Румянцева „«Большинство» и «меньшинство»“ в № 1 „Новой Жизни“ и в отсутствии открытой полемики между обеими газетами.

После закрытия этих газет правительством, были попытки поставить газету под общей редакцией большевиков и меньшевиков: вышли „Северный Голос“, закрытый правительством на третьем номере, и „Наш Голос“, закрытый с первого же номера. Нужно заметить, что эти „об‘единенные“ газеты носили довольно явственный меньшевистский оттенок, так как большевики были отвлечены конференцией, происходившей в Финляндии.

* * *

Газета „Новая Жизнь“ выходила с 9 ноября (27 октября по ст. стилю) по 16 декабря (3 декабря по ст. стилю) 1905 г. Всего вышло 28 номеров.

С 21 номера газета начала выходить под заголовком: „Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия“ и под лозунгом: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Настоящее издание выходит со следующими изменениями старого текста:

1) На газете обозначались числа по старому стилю; в настоящем издании добавлен и новый стиль.

2) Во избежание повторений, полный текст заголовка перепечатывается только в № 1 газеты. Условия подписки и приема рукописей к напечатанию, плата за об‘явления, адрес конторы и редакции и время приема в них — во всех остальных №№ опускаются. Также опускается об‘явление о выходе газеты ежедневно, кроме послепраздничных дней.

3) Дата указывается только в заголовке газеты.

4) Извещение: „В этом № 6 страниц“, находящееся под заголовком 5, 6, 9, 11, 12, 19 и 26 №№ газеты, в настоящем издании не приводится.

5) Об‘явление об открытии подписки на „Новую Жизнь“, перечень сотрудников газеты, адрес главной конторы и отделений, встречающиеся почти в каждом номере, сохраняются только в первом номере.

6) Список сотрудников „Новой Жизни“, приведенный в № 1, постепенно увеличивался. С № 5 начали печататься имена: А. Гальперин, О. Дымов, Л. Ляндсберг, М. Лядов; из иностранцев: Г. Гроссман [1]), К. Каутский, К. Либкнехт, Р. Люксембург; № 6 — Поседов (Польша); № 10 — Юр. Каменев; № 12 — из иностранцев: Брак, Ж. Гед, Марсель Кашен, П. Лафарг; № 15 — из иностранцев: П. Луи, Рессель; № 18 — Алексинский, Алексеев, Волгин, Галерка, Линдов, Орловский, Рядовой, Самойлов.

С № 21 выбывает из списка сотрудников Л. Львов.

7) С № 18 об‘явление о приеме подписки на „Новую Жизнь“ и перечень адресов старых и вновь открытых отделений, где принималась подписка, было дополнено:

„Подписка принимается с первого числа каждого месяца. На один месяц с пересылкой и доставкой за границу 1 р. 75 к. Наложенным платежем и в кредит газета не высылается. Отделения конторы и агентства: 1) Москва, дом Баженова, № 24, кв. 11; 2) Киев, д. М. Г. Виленского, Благовещенская, 30; 3) Одесса, у пом. прис. пов. Штильмана, Театральный, 15; 4) Харьков, у Александра Николаевича Грамматикова; 5) Рига, С. Файман, Мариинская, 18; 6) Вильна, Э. Голомб, Садовая, 7; 7) Казань, ред. „Волжского Листка“; 8) Лодзь, Дзельная, 7, представительство „Просвещение“; 9) Отделение в Екатеринославе, у Каплана, Упорная, 9.

За границей принимается подписка и продаются отдельные №№ в *Agence de la Presse Russe*: Париж, 11, *Avenue de l'Opéra*. Берлин, 101, *Friedrichstrasse*. Лондон, 77, *Lower Thames Street*. Е. С. Ницца, 13, *Promenade des Anglais*.

8) Об‘явления о вечерах, концертах, спектаклях и лекциях в настоящее издание не вошли. Об‘явления эти следующие: в № 4 — концерт в пользу семейств рабочих, пострадавших от забастовок; № 8 — спектакль в пользу рабочих, пострадавших от забастовок; № 12 — концерт в пользу семейств, пострадавших от забастовок; № 13 —

---

[1]) С 5-го по 11 номер включительно Г. Гроссман числится в списке иностранных сотрудников, а уже с № 12 — в списке русских сотрудников.

вечер в пользу политических амнистированных, устроенный комиссией по амнистии, избранной Союзом союзов и Обществом помощи политическим ссыльным и заключенным; № 19 — концерт в пользу семейств рабочих, пострадавших от забастовок; № 21 — спектакль в пользу освобожденных борцов за свободу; № 22 — концерт с благотворительной целью; № 23 — концерт в пользу пострадавших от стачек рабочих.

О лекциях: в № 6 — „О профессиональных рабочих союзах"; в № 17 — прис. пов. М. С. Маргулиеса „Тактика женщин в борьбе за достижение политического равноправия" (в пользу амнистированных); о серии лекций: „Общественно-политические течения и задачи современности с точки зрения народно-социалистического направления" и о лекции В. М. Викторова: „Аграрная программа социал-демократии"; в № 26 — о первых двух лекциях проф. Рейснера (Реуса) „О политических партиях в Германии".

9) Одно и то же об'явление, напечатанное во многих номерах газеты под-ряд, в настоящем издании сохранено только в том № газеты, где оно впервые напечатано, а именно: в № 4 — о выходе газеты „Начало"; № 12 — от рабочих Товарищества механического производства обуви; № 13 — от Федеративного Совета Петерб. Комит. и Петерб. Группы Р.С.-Д.Р.П.; № 20 — о выходе газеты „Еврейский Рабочий"; № 21 — о выходе газеты „Борьба"; № 22 — от комиссии о безработных; № 27 — о созыве IV с'езда Р.С.-Д.Р.П.

10) Совсем опущены: биржевой отдел, об'явления коммерческого характера, об'явления о спросе и предложении труда.

11) Адрес типографии приводится только в № 1 газеты.

В оглавление вошли только названия статей и отделов. В конце издания будут приложены предметный и именной указатели [1]).

Всю работу по подготовке газеты для настоящего издания выполнила, под моим наблюдением, научная сотрудница Истпарта А. Казовская.

М. Ольминский.

---

[1]) Все ошибки, имевшиеся в подлиннике, за исключением орфографических и мелких опечаток, сохранены и в настоящем издании.

Ред.

Как возникла „Новая Жизнь".

Расстрелы 22 (9) января 1905 года послужили началом под'ема революционного движения по всей стране. Протесты студенчества и различных общественных организаций, увеличивающееся количество стачек рабочих, уличные демонстрации, столкновения с жандармами, полицией и войсками, террористические акты, отдельные попытки восстаний против помещиков и царских чиновников, — все это давало картину нарастающего всенародного „бунта". И всякому сколько-нибудь проницательному наблюдателю было ясно, что страна на всех парах идет к революции.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, разумеется, также учитывала в лице обоих ее крыльев надвигающееся событие и проделывала болезненный, но необходимый и благодетельный процесс внутреннего преобразования, выразившийся в резком разделении двух крыльев — большевистского и меньшевистского.

Агитация Ленина за партийный с'езд нашла свое завершение в созыве в Лондоне третьего с'езда партии, который был первым с'ездом отделившейся от меньшевиков большевистской партии. На этом с'езде вполне ясно и отчетливо были формулированы основы большевистской тактики по всем главнейшим вопросам и, в частности, поставлен и разрешен вопрос о народном восстании, о временном революционном правительстве,—все вопросы, определявшие на много лет тактику большевистской партии и способствовавшие ее славной Октябрьской победе в 1917 году.

На третьем с'езде был избран Центральный Комитет и Центральный Орган Партии. Технически-организационное ядро Центрального Комитета было послано в Петербург для налаживания работы во всероссийском масштабе. Тов. Ленин, как редактор Центрального Органа, с другими товарищами-литераторами до поры до времени оставался в Женеве и руководил оттуда политической работой Центрального Комитета.

В Петербурге с лета 1905 года в качестве постоянного бюро Центрального Комитета пришлось работать пишущему эти строки (под кличкой „Никитич"), тт. П. П. Румянцеву и А. А. Богданову („Рядовому"). Все увеличивающийся под'ем общего возмущения против царского режима, в связи с выступлениями народных масс и все более и более смелыми выступлениями печати, поставил на очередь и для нашей Партии вопрос, если не о выходе из подполья (особыми иллюзиями на счет „весны" большевики никогда не отличались), то, по крайней мере, о подготовке своей собственной легальной газеты, которая при первой к тому возможности, по крайней мере, могла бы осведомлять Партию о всех событиях, организовывать и об'единять силы и вовлекать в движение широкие массы.

Так как другие товарищи - цекисты, находившиеся на работе в самой России, были заняты постоянными раз'ездами или сидели в областных центрах, то вся подготовительная работа пала на нас троих.

К тому времени наша Партия имела уже довольно хорошо налаженные финансовые и технические связи, располагала довольно широким кругом сочувствующих в различных слоях общества и среди оппозиционной буржуазии, и, опираясь главным образом на эти связи, мы приступили к организации большой большевистской легальной газеты.

Ближайшими помощниками нашими в этом деле были А. М. Горький и М. Ф. Андреева, через посредство которых удалось связаться с рядом необходимых для предприятия лиц. Первая задача была в том, чтобы найти таких лиц, в распоряжении которых имелось разрешение на издание газеты. В то время получить такое разрешение было очень трудно, так как основным условием являлась „благонадежность". А чем благонадежнее был редактор, тем, конечно, труднее было склонить его на совместную с нами работу, тем труднее было обеспечить нашим собственным

партийным редакторам возможность сделаться действительными хозяевами и распорядителями газеты. Помимо идейных разногласий здесь играло роль еще и то весьма реальное обстоятельство, что за каждую резкую или неугодную цензуре статью и даже просто за „направление“ газеты ответственный ее редактор весьма легко мог очутиться в тюрьме или в ссылке без суда, распоряжением административной власти.

После долгих поисков и безуспешных попыток получить разрешение на имя какого-либо из наших товарищей или близких нам друзей из разночинской братии (адвокатов, врачей и т. д.), дававших нам явки и прибежище нашим нелегальным товарищам, мы наткнулись на литератора и поэта Н. М. Минского. Он имел разрешение на издание газеты и по своему умонастроению в то время был склонен пойти на такое довольно рискованное предприятие, как совместное издание газеты с весьма мало известной ему группой каких-то социал-демократов, рекомендованных ему Горьким. П. П. Румянцев, правда, пользовался некоторой известностью по своим работам в земской статистике, а А. А. Богданов уже тогда был известен в легальной печати как экономист.

С большим трудом, после ряда размолвок, грозивших сорвать все дело, удалось кое-как сколотить редакцию с привлечением А. М. Горького, Н. М. Минского, З. Венгеровой, Тэффи, Габриловича (Галича) и, с нашей стороны, Ленина, Воровского, Ольминского, Румянцева, Богданова и Красина. Компания получилась пестрая, — и когда теперь я смотрю на пожелтевшие листы „Новой Жизни“, где в числе сотрудников, на-ряду с Н. Лениным, Луначарским, Лядовым, Покровским, Ольминским, Гольденбергом, Каменевым, красуются не только имена отошедших от нас впоследствии, в процессе дальнейшего развития революции, марксистов [1]), но и имена таких реакционеров и белогвардейцев, как Чириков или Бунин, трудно удержаться от улыбки перед этой своеобразной гримасой жизни. Как бы то ни было, господа Бунины, Бальмонты, Чириковы повинны в участии в первой большой легальной большевистской газете и таким образом внесли, сами того в то время не подозревая, свою лепту и в подготовку великого Октября.

К финансированию нами был привлечен известный в то время беллетрист Н. Гарин, который тогда сочувствовал нашей Партии и дал некоторые суммы на постановку газеты.

Организовать такую газету в то время — особенно если принять во внимание наши в общем жалкие средства — было не так-то просто. Типографии с ротационными машинами имелись лишь у богатых газет. Первое, о чем пришлось думать, это — о покупке собственной ротационной машины. При посредстве некоего комиссионера Гольдберга нам удалось найти подержанную ротационную машину фирмы Кениг, — и начало собственной типографии было этим заложено. Надо было думать, однако, и о том, как легализовать довольно значительную торговую и хозяйственную работу в связи с изданием газеты, тем более, что у нас в то же время были и другие издательские планы, вплоть до издания популярной литературы, листовок, а в известный момент — и просто прокламаций и воззваний. Решили создать особую издательскую фирму (товарищество) под названием „Дело“, причем в качестве ответственных пайщиков пришлось приглашать лиц, обладающих полной легальностью и известным „общественным“ положением, которые обеспечивали бы получение разрешения (требовалось разрешение и на это), и в то же время таких, которым не только можно было бы доверить деньги, но которые не были бы на нас в особой претензии, если бы довелось в связи с нашими изданиями и другими коммерческими начинаниями и посидеть немного в тюрьме.

Издательницей нашей газеты мы назначили М. Ф. Андрееву, а товарищество „Дело“ было организовано в составе М. И. Бруснева (отбывшего к тому времени 5 лет „Крестов“ и 8 лет ссылки в Верхоянске, основателя первых социал-демократических кружков в Петербурге), С. Б. Красиной-Лушниковой и М. И. Мухиной, владелицы меблированных комнат на Мойке, сочувствовавшей почему-то большевикам. На углу Фонтанки и Гороховой, в только что отстроившемся новом доме, мы наняли помещение для типографии и начали устанавливать машину.

Чтобы не задерживать печатания газеты, мы вошли в соглашение с типографией „Народная Польза“, в которой и напечатаны были все номера „Новой Жизни“.

Большую трудность представляло снабжение газеты бумагой при малом коммерческом опыте тогдашних партийных организаций и деятелей; кое-как удалось наладить получение бумаги в кредит, без чего молодая газета не могла встать на ноги. Такую же трудность представляла для нас тогда организация об‘явлений, рассылка газеты по провинции и постановка розницы в самом Питере и в Москве.

Приготовление к изданию газеты, отыскание квартиры (на Невском 68, около Аничкова моста), организация редакции, установление связи с заграницей и с провинциальными корреспондентами, — все это требовало значительного времени. И мы не успели выпустить первого номера газеты, как уже грянула всеобщая забастовка, и революция 1905 г. официально была подтверждена царским манифестом.

18 октября народные массы Петербурга с красными флагами заполнили улицы и приветствовали свободу. Царское правительство, одной рукой вывешивая манифест о свободах, другой организует черносотенцев и хулиганов и высылает против толп, заполняющих улицы, войска и казаков. Трепов издает приказ не жалеть патронов. Об‘является амнистия. Печать на некоторое время получает фактическую свободу. Центральный Комитет и местные комитеты нашей Партии используют положение, раз‘ясняют массам непрочность дарованных царем свобод [1]), призывают использовать открывшиеся возможности для усиления агитации, пропаганды и организации народных масс и в первую очередь — рабочих. Раз‘ясняют необходимость готовиться к вооруженной борьбе, создавать боевые дружины, заготовлять оружие, завязывать связи в войсках.

Можно себе представить, с какой лихорадочной поспешностью наша группа закончила предварительную работу, чтобы как можно скорее выпустить газету, необходимость которой стала в сто раз более настоятельной.

---

[1]) Как Румянцев или Богданов.

[1]) См. листок Ц.К. от 18 октября, приложенный к настоящему изданию.

Первый номер „Новой Жизни“ появился в четверг, 9 ноября (27 октября по старому стилю). В редакцию, как сказано выше, кроме буржуазных литераторов, вошли со стороны нашей Партии товарищи: Ленин, Румянцев, Богданов, Красин.

Фактическое участие тов. Ленина в „Новой Жизни“ началось еще до приезда его в Россию, но вплотную в работу он вошел только по приезде в Петербург.

Только те из старых товарищей, которые по своему собственному опыту знают, с какими огромными чисто техническими трудностями была связана нелегальная партийная работа в дореволюционное время, поймут, каким громадным приобретением для нашей Партии и для всего дела революции была эта первая большая, легальная партийная газета. Мы впервые получили возможность с широкой всенародной арены обращаться к рабочему классу и к крестьянам. Уже не в листках, передаваемых из рук в руки, не в истрепанных номерах заграничных газет, проникших конспиративно в Россию, а в ежедневных номерах столичной легальной газеты мы открыто могли давать массам лозунги, учить рабочих и крестьян организовываться, подготовлять дальнейшее сопротивление, готовиться к восстанию. Разумеется, всем нам было известно, что свобода печати не гарантирована ничем, и поэтому во всякий момент мы должны были опасаться дальнейших урезываний прав нашей газеты. Тем интенсивнее нужно было использовать те дни, во время которых газета фактически выходила без особых стеснений.

Владимир Ильич был главным редактором, и все политические директивы вырабатывались в первую очередь им. Он использовал газету и для непосредственной организации нашей Партии. Так, в № 13 газеты от 15 ноября находим его статью об организации Партии, где он с полной определенностью указывает те пути, которыми прошло развитие нашей Партии.

Отмечу здесь практическое значение „Новой Жизни“ и ее редакции и контор, а также типографии, как центров, около которых группировалась партийная работа. В дореволюционное время нелегальному революционеру для того, чтобы получить возможность повидать своих товарищей в городе, куда он только что приехал, приходилось тратить часы и дни на хождение по явкам с паролями, с десятками всяких предосторожностей. С открытием контор и редакции газеты эти учреждения превратились в явочные пункты для всех товарищей, являвшихся в Питер по партийным делам. И в редакции и в конторе была, как говорится, „нетолченая труба“ всякой партийной публики. Придя туда, вы могли видеть в уголку Надежду Константиновну Крупскую с ее неизменными записочками и бумажками, окруженную толпой приезжих, которые получали от нее адреса, справки, явки, указания и т. д. В других углах той же комнаты вы встречали товарищей с Кавказа, из Сибири, из Иваново-Вознесенского района, приехавших за литературой, за партийными директивами, привезших корреспонденцию или явившихся за получением шифра, материалов для провинциальных типографий и т. д.

В первое время после выхода газеты партийные явки в стенах ее контор действовали легально. По мере того, как революция шла на убыль, конечно, эта сторона деятельности газеты начала увядать. В интересах самосохранения, мы постепенно прекращали доступ широкой партийной публики в помещение газеты, подыскивая другие центры и в особенности широко используя создавшиеся к тому времени связи на фабриках и заводах.

Наша большевистская Партия с самого начала „свобод“ не особенно увлекалась ими, и наступившая реакция не застала нас врасплох: мы не растеряли накопленных в подполье конспиративных навыков. Увлечение свободами, если и было, то разве только в области типографской. Мы не только устроили типографию для большой газеты и арендовали большую типографию на Ивановской улице, но и перевели на легальное положение знаменитую подпольную типографию из Баку. За это пришлось поплатиться, так как при арестах и разгроме всех революционных организаций нам пришлось лишиться довольно ценного имущества...

Л. Красин.

Страничка воспоминаний.

В начале ноября (по старому стилю — конце октября) 1905 года я неожиданно получил от Л. Б. Красина предложение заняться постановкой легальной социал-демократической газеты „Новая Жизнь“. Незадолго перед этим я приехал из Риги в Петербург для подпольной работы. Проживал я там по паспорту инженера Людвига Вильгельмовича Ница, ибо к октябрьской амнистии я отнесся с большевистским недоверием. Не было также уверенности в том, что все мое прошлое покрывается амнистией, так как охранка обвиняла меня в насилии над часовым при побеге из киевской тюрьмы. Нелегальный подпольщик в роли фактического издателя большой ежедневной газеты — положение, не лишенное пикантности. В прошлом я имел отношение к подпольным печатным станкам, заведывал также экспедицией и типографией „Искры“ в Женеве. Соблазнительно было приложить руку к делу постановки первого легального социал-демократического органа, и я предложение Красина принял. То же предложение было за несколько дней до этого сделано И. Э. Гуковскому; но дело у него как-то не клеилось, поэтому решено было его назначить секретарем редакции, а административно-издательскую часть поручить мне.

Хлопоты о даче разрешения на издание газеты потребовали бы слишком много времени, а поэтому решено было воспользоваться разрешением, имевшимся у поэта Минского, который, таким образом, должен был фигурировать в качестве ответственного редактора. Нужно было также легальное лицо в роли официального издателя газеты — и таковым была намечена М. Ф. Андреева. Финансовые заботы взял на себя М. Горький.

Я немедленно отправился в Москву для обсуждения ряда финансовых вопросов с Горьким, а также для получения доверенности от Андреевой. Вернувшись из Москвы 8 ноября (26 октября), я получил задание выпустить

первый номер газеты на следующий же день. Было заключено временное соглашение с типографией „Народная Польза“ на Коломенской; помещение для конторы было снято на Невском; но ни мебели, ни штата служащих, ни экспедиции, ничего решительно не было подготовлено. Пришлось наскоро купить мебель, привлечь из районов основной кадр сотрудников, а экспедицию поручить партийному переплетчику Каплану, который, к сожалению, взялся за это дело, не справившись со своими силами и знаниями.

Фактическим первым редактором был назначен П. П. Румянцев, а заведующими отделами — внутренним, иностранным, хроники и т. д. — Б. Авилов, Л. Габрилович (Галич), В. Ксандров, К. Платонов, Тэффи и др. Администрация была составлена из Л. Б. Красина, Гуковского и меня.

Петербургскими рабочими и широкой публикой выход первого номера первой легальной социал-демократической газеты ожидался с нетерпением. Это нетерпение еще увеличилось, когда стало известно, что с первым номером будет разослано бесплатное приложение — программа Партии. С раннего утра контора на Невском стала осаждаться народом. Типография работала чрезвычайно медленно и за ночь успела выпустить всего около 15.000 экземпляров, которые были буквально вырваны из рук курьеров при доставке их в контору. Печатание пришлось продолжать в течение всего дня и экземпляры раздавать по мере поступления их в контору.

Об организации продажи газеты через разносчиков в этой суматохе не могло быть и речи, и рабочим из районов приходилось посылать на Невский своих уполномоченных для получения газеты. То же повторилось и в следующие дни. Типография оказалась не в состоянии удовлетворить спрос. Экспедиция не была еще налажена, и подписчики из провинции, за исключением Москвы, первых номеров газеты не получали. Подписка поступала в контору ежедневно тысячами. Почтовые переводы доставлялись корзинами. Из провинции посылались телеграфно горячие мольбы о высылке газеты. Не зная подписной цены, многие подписчики посылали сотни рублей по телеграфу, умоляя высылать газету по любой цене.

В конторе работала преимущественно партийная публика, с техникой газетного дела не знакомая, и коэффициент полезного действия был не очень высок. Больше всего приходилось страдать от неумелости экспедитора. Самому мне приходилось работать по 20, а иногда по 24 часа в сутки. В течение 10 дней удалось, однако, связаться с новой добавочной типографией, наладить аппарат экспедиции, привлекши к этому делу опытных людей, пересортировать сотрудников в конторе, уплотнив их приглашенными из других газет спецами, выработать договоры с артелями по разноске газет, зарегистрировать газету на почтамте, организовать сеть специальных разносчиков для рабочих районов и сдать в аренду газетные об‘явления.

Аппарат продолжал еще некоторое время работать с перебоями. Выпуск газеты часто запаздывал к отходу почты вследствие того, что приходилось печатать в двух типографиях — наружный лист в одной, а внутренний в другой, — и вследствие того, что ни контора, ни экспедиция не могли справиться с все увеличивавшимся спросом на газету. Чинил препятствия и почтамт, вследствие чего на вокзалах днями оставались неотправленными тюки газеты. Жаловались подписчики, что почтовые чиновники и почталионы вынимали газету из бандероли для собственного чтения.

В провинции составлялись кружки для коллективной выписки „Новой Жизни“. Наживались спекулянты, доводившие цену отдельного номера в провинции до одного рубля и выше. Через месяц, однако, почти все дефекты были устранены, и аппарат стал работать настолько нормально, что, когда в Петербурге было созвано совещание всех администраторов ежедневных газет для выработки общих мер борьбы с почтамтом, полицейскими властями и спекулянтскими газетными артелями, я был выбран постоянным председателем этого совещания. Это означало известную дань уважения к постановке нашей газеты.

Оборотный капитал газеты составляли те 15.000 рублей, которые я получил вначале от М. Горького. Эта сумма ушла на первоначальное оборудование газеты, и в дальнейшем газета полностью окупалась подпиской и об‘явлениями. Отдел об‘явлений был сдан конторе Метцль, если не ошибаюсь, за 3 — 4 тысячи в месяц, при чем мы оставили за собой право на бесплатное печатание партийных об‘явлений. Некоторую финансовую поддержку оказывали писатель Чириков и артистка Яворская ежедневными отчислениями от ставившейся последней пьесы Чирикова (кажется, „Евреи“). Такую же поддержку оказывала и Комиссаржевская. Но и без этой поддержки газета не только могла бы существовать, но и приносить Партии крупный доход, несмотря на сравнительно высокие оклады, которые получали буржуазные редактора и сотрудники газеты.

Газета вскоре стала центром партийной жизни в Петербурге. В конторе устраивались партийные совещания, собрания, свидания, явки и пр. Становилось тесновато; и пришлось выселить редакцию в другое помещение, снятое на Троицкой улице.

В контору часто приходили рабочие, крестьяне, обыватели с устными жалобами на притеснения начальства. Являлись чиновники, офицеры и даже полицейские — каяться и исповедываться в своих прошлых грехах и заверять в своих симпатиях к социал-демократии. Между прочим, о предполагавшемся окружении и задержании Петербургского Совета Рабочих Депутатов я получил с утра предупреждение лично от гвардейского офицера, явившегося в контору газеты.

Приезд в Петербург Ленина сразу внес большие изменения в составе редакции. Владимир Ильич не мог мириться с тем влиянием, которое пыталась проводить в газете группа Минского, пользуясь своим формальным правом собственности на газету. Владимир Ильич поставил вопрос ребром, и редакция целиком перешла в руки Ц. К. Владимир Ильич с тех пор принимал самое деятельное участие в газете, и частенько я видал его во втором и в третьем часу ночи в типографии, просматривающим последние корректуры своих статей.

После напечатания „Манифеста“ (см. № 27 газеты) газета была закрыта. Распоряжение полиции было получено в типографии поздно ночью, и по соглашению с наборщиками и печатниками мы решили выпустить

последний номер вопреки запрещению. Администрация типографии запротестовала, и ее пришлось заарестовать, заперев на всю ночь в одной из комнат типографии. Отпечатанный номер газеты был отправлен не в экспедицию, а непосредственно в районы через вызванных оттуда партийных работников. Утром полиция должна была констатировать успешное распространение запрещенного номера.

Контора на Невском продолжала еще работать некоторое время для ликвидации дел. Когда я явился раз в контору, швейцар шепнул мне на ухо, что меня желал видеть какой-то сыщик. На мой вопрос, что сыщику угодно от меня, швейцар ответил, что он хотел справиться, работают ли у нас в качестве сотрудников лица, отмеченные им в оставленной швейцару записке. Взглянув на записку, я прочитал свою настоящую фамилию, настоящую фамилию нелегальной сотрудницы „Мышь" (Лалаянц), а также фамилию моего секретаря, Е. Г. Смиттен.

Охранке, повидимому, до самого конца не удалось расшифровать меня, и она собиралась у меня же справляться обо мне самом. Я решил не испытывать больше судьбу и, велев швейцару направить сыщика ко мне, если он явится, отправился в свой кабинет, собрал все необходимые бумаги и черным ходом вышел на улицу, чтобы больше в этом здании не появляться. Через несколько дней я покинул Петербург, получив от Ц. К. новое назначение. Из газет я потом узнал, что в конторе через несколько дней был произведен обыск, при чем было будто бы обнаружено оружие. Было возбуждено дело в суде против М. Ф. Андреевой, Гуковского и меня. Если не ошибаюсь, на суде фигурировали Андреева и Гуковский, а в отношении меня дело было отложено.

М. Литвинов.

Москва.
25 ноября 1924 г.

Из воспоминаний И. Э. Гуковского.

В Петербург я прибыл в сентябре 1905 г., когда всеобщее забастовочное движение уже началось. В это время предполагалось сделать попытку издавать легальную марксистскую газету. Разрешение на газету под названием „Новая Жизнь" уже было получено. Официальной издательницей числилась М. Ф. Андреева, а официальным редактором — поэт Минский. В редакцию, кроме Минского и связанных с ним Галича и Тэффи, в то время также изображавших из себя марксистов или марксиствующих, должны были войти П. П. Румянцев, А. А. Богданов (Малиновский) и Л. Б. Каменев; в качестве сотрудников предполагалось привлечь всех большевистских литераторов. Финансовой частью заведывал Л. Б. Красин, а мне было предложено занять место секретаря редакции, на что я охотно согласился. Пока шли переговоры, дела было немного: в виду все нараставшего революционного движения в Питере и во всей России, все были настолько заняты, что окончательное открытие газеты откладывалось со дня на день.

На 30 (17) октября в квартире Румянцева было назначено собрание большевистской части редакции. Я застал там только Богданова и его жену. Только около 11 часов вечера пришли все остальные и принесли с собой отпечатанный на мимеографе октябрьский манифест. Ни одна типография в тот день из-за забастовки не могла его отпечатать.

Насколько я помню, на этом собрании, кроме меня и Богданова, были: Румянцев, Красин, Базаров и, кажется, Б. В. Авилов. Было решено принять самые срочные меры к возможно скорому выпуску газеты, а также был составлен от имени Ц. К. Партии листок к рабочим, призывавший их продолжать борьбу и предупреждавший, что манифест далеко еще не есть победа рабочего класса [1]).

Мне было поручено заняться приисканием помещения и всего необходимого для скорейшего издания газеты. Пришлось с утра следующего дня экстренно заняться этим делом. 9 ноября (27 октября) вышел первый номер „Новой Жизни"; в виде приложения к номеру была дана программа Р.С.-Д.Р.П.

Типография наша была не особенно мощной, и газету приходилось печатать в течение целого дня. Тираж был 60 — 80 тысяч экземпляров. Больше типография не в состоянии была выпускать.

Газета должна была выходить ежедневно. Но благодаря систематическим преследованиям со стороны полиции и юстиции, ежедневно выпускать газету не удавалось. За время с 9 ноября по 16 декабря, когда газета была закрыта окончательно, удалось выпустить 28 номеров. Редкий номер газеты не давал повода к привлечению редактора к ответственности. Меня, в качестве официального секретаря редакции, вызывали к следователю по важнейшим делам, и между нами происходил диалог приблизительно следующего содержания. Следователь, пред'являя мне номер газеты, спрашивал, с целью ли распространения был выпущен этот номер. Я отвечал, конечно, утвердительно. „В каком количестве был распространен номер?" — спрашивал следователь. — „60 — 80 тысяч", — отвечал я. — „Кто автор такой-то статьи?" — Ответ: „Это тайна редакции". — „И вы не скажете?" — „Нет." — „Так что отвечает редактор?" — „Да". — Этим кончалось.

15 декабря газета была закрыта. Было решено попытаться издать новую газету, уже совместно с меньшевиками, так как одновременно было закрыто и „Начало". Издали газету „Северный Голос". Ее закрыли после третьего номера. Издали „Наш Голос", закрытый после первого номера. К этому времени Совет Рабочих Депутатов был разогнан. Президиум его арестован. Московское восстание подавлено. Реакция торжествовала по всей линии. Редакция рассыпалась, члены ее раз'ехались в разные стороны, а контора осталась для ликвидации всякого рода расчетов.

Ис. Гуковский.

[1]) Очевидно, именно этот листок печатается в настоящем издании, — помеченный 18 октября.

Из воспоминаний.

В „Новой Жизни“ я была помощницей заведующего конторой газеты. Заведывал же конторой и всей коммерческой стороной дела тов. Литвинов, именовавшийся тогда „Людовигом Вильгельмовичем“.

Не помню, каков был тираж газеты. Во всяком случае главный кадр подписчиков составляли рабочие. Были заводы, как петербургские, так и провинциальные, которые подписывались на несколько десятков экземпляров. Зачастую подписчики, преимущественно из рабочих, обращались в редакцию с трогательным выражением своей радости по поводу выхода в свет рабочей газеты. Обращались с просьбой об указании, „что читать рабочему“. Были и другие запросы. Вспоминаю случаи присылки вместе с подписной суммой денег на „общее рабочее дело“. В редакции и в конторе газеты вечно толпился народ — преимущественно рабочие.

Е. Смиттен.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

18 октября 1905.

К русскому народу.

Граждане! Борющийся пролетариат России победил. Невиданная в истории забастовка миллионов рабочих остановила всю общественную жизнь страны, и самодержавие, расшатанное девятимесячною отчаянной борьбой революционного народа, признало себя побежденным. Царь пуль и нагаек, царь тюрем и виселиц, царь шпионов и палачей подписал манифест о конституции, о правах народа [1]).

Дорогою ценою, кровью и голодом революционного народа куплена эта победа. Пусть же, торжествуя победу, он сумеет правильно ее оценить, чтобы разумно воспользоваться ею.

Царь говорит о свободе, о правах граждан, об участии народа в управлении страной. Верить ли царю?

Нет! Исконный враг народа, побежденный его силою, не мог стать его другом. Лжи и лицемерия, уверток и ловушек полны обещания царя и его руководителя — министра Витте.

Народу необходимо народное правление. Оно должно быть установлено самим народом в его Учредительном Собрании, созванном на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайной подаче голосов. Что же дает царь?

В свою Государственную Думу — Думу помещиков, капиталистов и кулаков — он обещает „по мере возможности“ допустить выборных и от остального народа. Разве это то, что надо? Нет! Ясно, что это значит. Царь хочет сохранить большинство в Думе для своих друзей, он хочет, чтобы народ в ней был бессильным меньшинством.

Царь ссылается на краткость срока до созыва Думы: ему, будто бы, нет времени лучше ее переделать. Явная ложь! Гораздо скорее и легче устроить выборы со всенародным голосованием, чем с нелепым опросом и проверкой, у кого сколько земли и денег для выборного ценза, и с нелепым выбором от избирателей — уполномоченных, от них — выборщиков, от них — депутатов. Царь просто хочет иметь в Думе „по мере возможности“ меньше представителей от народа.

Этой Думе царь дает часть своей законодательной власти, ей поручает он надзор за чиновниками, она должна выработать новое избирательное право. Может ли народ верить, что эта Дума, где высшие классы — в боль-

---

[1]) *От редакции.* Приводим текст царского манифеста:

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
мы, Николай вторый,
император и самодержец
Всероссийский
царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая,
и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народная—его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев надлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, и охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих преднамечаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым об‘единить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующем краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку,

и 3) установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира в родной земле.

Дан в Петергофе в 17 день октября, в лето от рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего одиннадцатое.

На подлинном собственною его императорского величества рукою подписано:

„Николай“

шинстве, где народ — в меньшинстве, что она установит такие законы, такой надзор за чиновниками, такое избирательное право, какие нужны народу? Ответ ясен: нет, такая Дума сделает все, чтобы дать как можно больше силы и права высшим классам, как можно меньше — народу.

Царь обещает гражданам свободу слова, совести, собраний, союзов, неприкосновенность личности... И тут же министр в своем докладе прибавляет, что необходимо ограничить эту гражданскую свободу, сколько потребуется для порядка и спокойствия, и вводить ее постепенно, потому что народ, будто бы, к ней „не привык". Но ведь „для порядка и спокойствия" царь и его слуги и до сих пор „ограничивали свободу" своими штыками и нагайками, к которым народ, по их мнению, очевидно, вполне „привык". Насколько же теперь будут они „ограничивать свободу?" Ответ ясен: как можно больше, насколько сила позволит.

В России до сих пор царствует сословный строй, который дворянам дает одни права, купцам — другие, крестьянам и рабочим — третьи, вернее, никаких. Этот строй выгоден помещикам и капиталистам, ненавистен народу. Ни царь, ни министр не говорят ни слова об отмене сословного строя. Почему? Ответ ясен: они хотят его сохранить.

Тысячи бойцов за свободу, за народное дело томятся в тюрьмах и ссылках. Царь не упоминает ни словом об их освобождении. А министр говорит только о том, что будет „противодействовать" тем, кто опасен для порядка. Но ведь опасными для порядка царь и его слуги считают всех, кто борется за свободу, всех сознательных рабочих и крестьян, всех социал-демократов и других революционеров. Что же означает молчание царя и угроза министра? Ответ ясен: они хотят и впредь держать в тюрьмах и ссылках всех работников народного дела, всех бойцов за народные интересы.

Царь и министр лгут и лицемерят, и верить им нельзя. Они хотят успокоить народ бумажной конституцией и втихомолку отнять у него то, что ему наобещали. Они хотят столковаться с высшими классами и сохранить за собой военную силу, чтобы сообща подавлять народ.

Победа одержана, но этого мало. Чтобы упрочить за народом завоеванные права, чтобы добиться новых, ему нужны не бумажные обещания, а действительные обеспечения, надежные гарантии.

Первая гарантия — немедленное вооружение народа, немедленное снятие военного положения и усиленной охраны во всех городах и местностях, где они установлены; немедленное удаление оттуда войск, увольнение и отдача под суд всех чиновников, запятнанных насилиями над народом, грабительством и кровопийством. Это — гарантия того, что народная свобода и народные права не будут отняты насилием.

Вторая гарантия — немедленный созыв Учредительного Собрания, представителей народа, выбранных путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, собрания, наделенного всей полнотою власти для установления нового порядка. Это — гарантия того, что новый порядок будет установлен в интересах народа — самим народом.

Третья гарантия — отмена сословного строя. Это — гарантия действительной равноправности граждан и действительной свободы выборов.

Четвертая — 8-часовой рабочий день для всех рабочих. Это — гарантия того, что рабочий класс, своей самоотверженной борьбою свергнувший старое самодержавие и положивший начало свободе, будет иметь время и возможность деятельно участвовать в политической борьбе и политической работе страны.

Пятая гарантия — немедленная и полная амнистия всем политическим ссыльным и заключенным. Это — гарантия того, что борьба за свободу впредь не будет признаваться преступлением.

Товарищи! Эти гарантии необходимо завоевать, их нет — борьба должна продолжаться!

Товарищи! Забастовка нам еще нужна, нужна, чтобы враги видели, что нас нельзя успокоить бумажкой, что вы хотите иметь действительные права и действительную силу. Забастовка нужна и для того, чтобы вы теперь же, на свободе, в собраниях и на митингах, обсудили свое положение и свои требования, свои силы и свои способы борьбы, до каких пор продолжать стачку и когда ее кончать. Вы должны столковаться, чтобы вести дело дружно, вместе бастовать и вместе кончать: в единстве действий — ваша сила.

Товарищи-рабочие! Чтобы быть политической силой, рабочий класс должен организоваться в рабочую партию. Эта партия — социал-демократия.

Социал-демократия ведет борьбу за свободу и лучшее будущее рабочего класса и всего человечества. Она призывает вас не верить царскому правительству и вооружаться, чтобы силой отстаивать свою свободу, потому что настоящей свободы царское правительство дать не может. Она ставит первой целью русской революции настоящее народное правление — демократическую республику — и 8-часовой рабочий день. Она зовет рабочий класс добиваться всего этого для победоносной дальнейшей борьбы за высшую цель. Эта цель — уничтожение всякого гнета и всякой эксплоатации, передача всему трудящемуся народу в общественную собственность всей земли, фабрик, заводов, — всех средств производства. Таков идеал рабочей партии — социалистический идеал.

Товарищи! До сих пор наиболее сознательные из вас примыкали к рабочей социал-демократии тайно. Теперь, опираясь на завоеванное право, вступайте в ее ряды открыто, и пусть ее красное знамя ведет вас от победы к победе!

Да здравствует демократическая республика и борьба за социализм!

Да здравствует Росс. Соц.-Дем. Рабочая Партия!

Да здравствует великая русская революция!

Центральный Комитет Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Россійская Соціалъ-Демократич. Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

КЪ РУССКОМУ НАРОДУ!

18 октября, 1905.

Граждане! Борющійся пролетаріатъ Россіи побѣдилъ. Невиданная въ исторіи забастовка милліоновъ рабочихъ остановила всю общественную жизнь страны, и самодержавіе, расшатанное девятимѣсячною отчаянной борьбой революціоннаго народа, признало себя побѣжденнымъ. Царь пуль и нагаекъ, царь тюремъ и висѣлицъ, царь шпіоновъ и палачей подписалъ манифестъ о конституціи, о правахъ народа.

Дорогою цѣной, кровью и голодомъ революціоннаго народа куплена эта побѣда. Пусть же, торжествуя побѣду, онъ сумѣетъ правильно ее оцѣнить, чтобы разумно воспользоваться ею

Царь говоритъ о свободѣ, о правахъ гражданъ, объ участіи народа въ управленіи страной. Вѣрить ли царю?

Нѣтъ! Исконный врагъ народа, побѣжденный его силою, не могъ стать его другомъ. Лжи и лицемѣрія, увертокъ и ловушекъ полны обѣщанія царя и его руководителя—министра Витте.

Народу необходимо народное правленіе. Оно должно быть установлено самимъ народомъ въ его учред. собраніи, созванномъ на основѣ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права при тайной подачѣ голосовъ. Что же даетъ царь?

Въ свою госуд. думу—думу помѣщиковъ, капиталистовъ и кулаковъ—онъ обѣщаетъ „по мѣрѣ возможности" допустить выборныхъ и отъ остального народа. Развѣ это то, что надо? Нѣтъ! Ясно, что это значитъ. Царь хочетъ сохранить большинство въ думѣ для своихъ друзей, онъ хочетъ чтобы народъ въ ней былъ безсильнымъ меньшинствомъ.

Царь ссылается на краткость срока до созыва думы: ему, будто бы, нѣтъ времени лучше ее передѣлать. Явная ложь! Гораздо скорѣе и легче устроить выборы со всенароднымъ голосованіемъ, чѣмъ съ нелѣпымъ опросомъ и провѣркой, у кого сколько земли и денегъ для выборнаго ценза, и съ нелѣпымъ выборомъ, отъ избирателей—уполномоченныхъ, отъ нихъ выборщиковъ, отъ нихъ—депутатовъ. Царь просто хочетъ имѣть въ думѣ „по мѣрѣ возможности" меньше представителей отъ народа.

Этой думѣ царь даетъ часть своей законодательной власти. ей поручаетъ онъ надзоръ за чиновниками, она должна выработать новое избирательное право. Можетъ ли народъ вѣрить, что эта дума, гдѣ высшіе классы въ большинствѣ, гдѣ народъ—въ меньшинствѣ, что она установитъ такіе законы, такой надзоръ за чиновниками, такое избирательное право, какіе нужны народу? Отвѣтъ ясенъ: нѣтъ, такая дума сдѣлаетъ все, чтобы дать какъ можно больше силы и права высшимъ классамъ, какъ можно меньше—народу.

Царь обѣщаетъ гражданамъ свободу слова, совѣсти, собраній, союзовъ, неприкосновенность личности... И тутъ же министръ въ своемъ докладѣ прибавляетъ, что необходимо ограничить эту гражданскую свободу, сколько потребуется для порядка и спокойствія, и вводитъ ее постепенно, потому что народъ, будто бы, къ ней „не привыкъ". Но вѣдь „для порядка и спокойствія" царь и его слуги и до сихъ поръ „ограничивали свободу" своими штыками и нагайками, къ которымъ народъ, по ихъ мнѣнію, очевидно, вполнѣ „привыкъ" Насколько же теперь будутъ они „ограничивать свободу"? Отвѣтъ ясенъ: какъ можно больше, насколько сила позволитъ.

Въ Россіи до сихъ поръ царствуетъ сословный строй, который дворянамъ даетъ одни права, купцамъ—другія, крестьянамъ и рабочимъ—третьи, вѣрнѣе—никакихъ. Этотъ строй выгоденъ помѣщикамъ и капиталистамъ, ненавистенъ народу Ни царь, ни министръ не говорятъ ни слова объ отмѣнѣ сословнаго строя. Почему? Отвѣтъ ясенъ. они хотятъ его сохранить.

Тысячи бойцовъ за свободу, за народное дѣло томятся въ тюрьмахъ и ссылкахъ. Царь не упоминаетъ ни словомъ объ ихъ освобожденіи. А министръ говоритъ только о томъ, что будетъ „противодѣйствовать" тѣмъ, кто опасенъ для порядка. Но вѣдь опасными для порядка царь и его слуги считаютъ всѣхъ, кто борется за свободу, всѣхъ сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ, всѣхъ соціалъ-демократовъ и другихъ революціонеровъ Что же означаетъ молчаніе царя и угроза министра? Отвѣтъ ясенъ: они хотятъ и впредь держать въ тюрьмахъ и ссылкахъ всѣхъ работниковъ народнаго дѣла, всѣхъ бойцовъ за народные интересы.

Царь и министръ лгутъ и лицемѣрятъ, и вѣрить имъ нельзя. Они хотятъ успокоить народъ бумажной конституціей и втихомолку отнять у него то, что ему наобѣщали. Они хотятъ столковаться съ высшими классами и сохранить за собой военную силу, чтобы сообща подавлять народъ

Побѣда одержана, но этого мало. Что бы упрочить за народомъ завоеванныя права, чтобы добиться новыхъ, ему нужны не бумажныя обѣщанія, а дѣйствительныя обезпеченія, надежныя гарантіи.

Первая гарантія—немедленное вооруженіе народа, немедленное снятіе военнаго положенія и усиленной охраны во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ, гдѣ онѣ установлены; немедленное удаленіе оттуда войскъ, увольненіе и отдача подъ судъ всѣхъ чиновниковъ, запятнанныхъ насиліями надъ народомъ, грабительствомъ и кровопійствомъ. Это—гарантія того, что народная свобода и народныя права не будутъ отняты насиліемъ.

Вторая гарантія—немедленный созывъ учредительнаго собранія, представителей народа, выбранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, собранія, надѣленіе всей полнотою власти для установленія новаго порядка. Это гарантія того, что новый порядокъ будетъ установленъ въ интересахъ народа—самимъ народомъ.

Третья гарантія отмѣна сословнаго строя. Это гарантія дѣйствительной равноправности гражданъ и дѣйствительной свободы выборовъ.

Четвертая—8 часовой рабочій день для всѣхъ рабочихъ. Это гарантія того, что рабочій классъ, своей самоотверженной борьбою свергнувшій старое самодержавіе и положившій начало свободѣ, будетъ имѣть время и возможность дѣятельно участвовать въ политической борьбѣ и политической работѣ страны.

Пятая гарантія—немедленная и полная амнистія всѣмъ политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ. Это гарантія того, что борьба за свободу впредь не будетъ признаваться преступленіемъ.

Товарищи! Эти гарантіи необходимо завоевать, ихъ нѣтъ,—борьба должна продолжаться!

Товарищи! Забастовка намъ еще нужна нужна, чтобы враги видѣли, что насъ нельзя успокоить бумажкой, что вы хотите имѣть дѣйствительныя права и дѣйствительную силу. Забастовка нужна и для того, чтобы вы теперь же, на свободѣ, въ собраніяхъ и на митингахъ, обсудили свое положеніе и свои требованія, свои силы и свои способы борьбы, до какихъ поръ продолжать стачку и когда ее кончать Вы должны столковаться, чтобы вести дѣло дружно, вмѣстѣ бастовать и вмѣстѣ кончать. въ единствѣ дѣйствій ваша сила.

Товариши рабочіе! Чтобы быть политической силой, рабочій классъ долженъ организоваться въ рабочую партію. Эта партія—соціалъ-демократія

Соціалъ-демократія ведетъ борьбу за свободу и лучшее будущее рабочаго класса и всего человѣчества. Она призываетъ васъ не вѣрить царскому правительству и вооружаться, чтобы силой отстаивать свою свободу, потому что настоящей свободы царское правительство дать не можетъ. Она ставитъ первой цѣлью русской революціи настоящее народное правленіе—демократическую республику—и 8 часовой рабочій день. Она зоветъ рабочій классъ добиваться всего этого для побѣдоносной дальнѣйшей борьбы за высшую цѣль. Эта цѣль—уничтоженіе всякаго гнета и всякой эксплоатаціи, передача всему трудящемуся народу въ общественную собственность всей земли, фабрикъ, заводовъ—всѣхъ средствъ производства. Таковъ идеалъ рабочей партіи—соціалистическій идеалъ.

ТОВАРИЩИ!

До сихъ поръ наиболѣе сознательные изъ васъ примыкали къ рабочей соціалъ-демократіи тайно. Теперь, опираясь на завоеванное право, вступайте въ ея ряды открыто и пусть ея красное знамя ведетъ васъ отъ побѣды къ побѣдѣ!

Да здравствуетъ демократическая республика и борьба за соціализмъ!

Да здравствуетъ Росс. Соц.-Дем. рабочая партія!

Да здравствуетъ великая русская революція!

Центральный Комитетъ Росс.
Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

№№ 1—7

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 1
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ
с пересылкой и доставкою:
Въ Россіи
На 1 г. На 6 м. На 3 м. На 2 м. На 1 м.
9 р. 4 р. 50 к. 2 р. 25 к. 1 р. 50 к. 80 к.
За границей
На 1 г. На 6 м. На 3 м. На 2 м. На 1 м.
12 р. 6 р. 3 р. — к. — к.
Отдельный номер стоит 5 коп.
ПЛАТА ЗА ОБ'ЯВЛЕНИЯ: за строку нонпарели за 1 раз впереди текста 50 коп., позади текста 20 коп. За об'явления о предложении труда половинная плата. Плата за перемену адреса 30 копеек.

Новая Жизнь

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ЧЕТВЕРГ, 27 ОКТЯБРЯ
(9 ноября) 1905 г.
Выходит ежедневно, кроме дней послепраздничных.
КОНТОРА (Невский, 68) открыта для подписки и приема об'явлений по будням от 10 до 5, по праздникам от 12 до 2.
РЕДАКЦИЯ (Невский, 68) открыта для личных об'яснений от 3 до 5 дня.
Рукописи, доставленные без обозначения условий, оплачиваются в случае напечатания по усмотрению редакции.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на большую ежедневную политическую и литературную газету
„НОВАЯ ЖИЗНЬ“.
Издается при ближайшем постоянном участии
МАКСИМА ГОРЬКОГО.

В газете принимают участие: Б. Авилов, Ю. Адамович, Л. Андреев, В. Базаров, К. Бальмонт, А. Богданов, И. Бунин, З. Венгерова, В. Вересаев, Л. Вилькина, А. Вольский, Л. Габрилович (Галич), Н. Гарин, И. Гольденберг, М. Горький, В. Ксандров, М. Ландау, Н. Ленин, А. Луначарский, М. Лунц, Л. Львов П. Малянтович, П. Маслов, Н. Минский, М. Ольминский, К. Платонов, Н. Покровский, Б. Радин (Русов), Н. Рожков, Н. В. Романов, П. Румянцев, Т. Семенов, А. Серафимович, Скиталец, И. Степанов, Тэффи (Бучинская), Е. Чириков, Г. Чулков, В. Шанцер, С. Юшкевич и мн. др.

Газета ставит своей задачей быть выразительницей политических и экономических интересов рабочего класса. Большое внимание будет уделено научным, эстетическим и философским вопросам.

Подписка принимается с первого ноября; подписавшимся с первого ноября все номера, вышедшие в октябре, будут высланы без приплаты. Подписная цена с пересылкой и доставкой:

	на 1 г.	на 1/2 г.	на 3 мес.	на 2 мес.
В России	9 р. — к.	4 р. 50 к.	2 р. 25 к.	1 р. 50 к.
За границу . . .	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	— р. — к.

На один месяц с пересылкой и доставкой 80 к.

Подписка принимается: в Петербурге, в главной конторе, Невский, 68, с 10 часов утра до 5 часов дня; в Москве: 1) Тверская улица, дом 38, книжный магазин „Труд“, 2) Моховая улица, книгоиздательство „Колокол“, и во всех книжных магазинах России.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*
Издательница *М. Ф. Андреева.*

К читателям-товарищам.

Начиная трудное и ответственное дело издания ежедневного органа, который ставит своей задачей выражать политические и экономические интересы рабочего класса, редакция сознает, что выполнить удовлетворительно эту задачу она сможет только при деятельной и дружной поддержке читателей. Прошли те времена, когда, по выражению Щедрина, „писатель пописывал, а читатель почитывал“. Только тесный союз редакции газеты со всеми ее единомышленниками обеспечит конечный успех общего дела. Поэтому редакция обращается ко всем читателям-товарищам — и в особенности к товарищам-рабочим — с просьбой присылать статьи и заметки, как сообщающие факты современной общественной жизни, так и освещающие их значение, не стесняясь литературной формой. В частности, мы обращаем эту просьбу к провинциальным товарищам, от которых всецело зависит осветить жизнь всех углов России и тем помочь делу ее освобождения.

Вследствие спешности выпуска, в настоящем номере „Новой Жизни“ отсутствуют некоторые постоянные отделы.

С.-Петербург.

27-го октября.

Заря новой жизни загорается над Россией. В муках революции рождается эта новая Россия. Из недр народа поднялась великая сила обновления. Она столкнулась с упорным сопротивлением умирающего режима. И из этого столкновения развилось то движение, колебаниями которого живет теперь не только вся Россия, но и весь мир.

Какова задача российской великой революции? Демократизация всего общественного и государственного строя. В управлении страной на место абсолютизма должно стать народное правительство. В отношениях между гражданами и государством полицейско-чиновничий произвол должна заменить охрана законом свободы вероисповедания, слова устного и печатного, собраний и союзов и неприкосновенности личности и жилища. В отношениях граждан между собой должны быть уничтожены все привилегии одних и ограничения других, связанные с принадлежностью к тому или другому сословию, племени, вероисповеданию, полу; все совершеннолетние и правоспособные граждане должны быть равны в правах и обязанностях.

Эти демократические требования до известной степени об'единили собой различные классы общества — и буржуазные и пролетарские. Но степень полноты и решительности, с какой выставляются эти требования, различна у отдельных классов. Точно так же неодинаково для отдельных классов и значение совершающегося демократического переворота; для буржуазии — это конечная цель движения, для пролетариата — это только этап на пути к социальному перевороту.

Надо ясно сознавать, что переживаемая нами революция по существу своему—буржуазная. В конечном счете старый порядок в России, унаследованный от крепостной эпохи, разрушило развитие капитализма, сделавшее за последние 50 лет колоссальные успехи. Капиталистическое производство создало новые социально-экономические отношения. Образовались новые общественные классы: буржуазия и пролетариат, с рядом переходных между ними групп, в числе которых видную роль играет у нас так называемая интеллигенция. Между тем сохраняются старые сословные перегородки, лишающие сто миллионов крестьян даже тех немногих прав, которыми пользуются представители других сословий, и мешающие свободной группировке новых классов. Гражданская свобода стала необходимым условием для организованной борьбы отдельных общественных классов за свои интересы. Но вместо гражданской свободы старый порядок давал полицейско-чиновничий произвол, душивший всякое проявление общественной самодеятельности. Развитие капиталистического производства поставило перед государством новые колоссальные задачи как в области внутренних, так и международных отношений. Справиться сколько-нибудь удовлетворительно с этими задачами мог только сам народ через своих действительных представителей. Но вопреки этому сохранялся в неприкосновенности абсолютизм с его громадными полчищами враждебных народу чиновников и полиции. Эти-то противоречия между социально-экономическим развитием России и ее общественным и государственным строем и привели к затяжному кризису, а потом—и краху, каким была японская война. И народ поднялся из чувства самосохранения, требуя свободы и нового демократического строя.

Впереди борцов за освобождение России стоит рабочий класс, как это было и в других странах в периоды освободительной борьбы. Эта мировая роль пролетариата об'ясняется его положением в современном капиталистическом обществе и его историческими судьбами. Класс, трудом которого создается богатство и культура современного общества, занимает в нем последнее место. Отдавая собственникам средств производства весь прибавочный продукт, всю прибавочную стоимость, для себя рабочий класс получает только минимум средств существования. Угроза нищеты и голода всегда стоит перед рабочим и его семьей. И чтобы крепче держать пролетариат в подчинении капиталистической эксплоатации, буржуазные классы всегда стремились ограничить его гражданские и политические права. Но та же капиталистическая эксплоатация сплачивает рабочий класс в одну великую армию, об'единенную сознанием единства классовых интересов и необходимости дружной за них борьбы. Капитализм, превращающий разрозненные предприятия мелких производителей в одно общественное производство, поставил и конечную цель этой борьбе: развитие общественного производства требует, чтобы средства производства принадлежали всему обществу, а не отдельным частным лицам, т.-е. требует социализма.

Во имя этой цели более 50 лет назад Маркс и Энгельс, великие вожди рабочего класса, обратились к нему с призывом: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“. С тех пор во всех культурных странах образовались рабочие партии, ставшие под знамена международной социал-демократии, так как они сознали, что только братский союз рабочих всего мира будет в силах преобразовать общество на началах социализма.

Но борьба за интересы и задачи рабочего класса ведется, конечно, в границах существующих государств. И здесь степень политической свободы и политической власти, которой пользуется народ, имеет решающее значение: ею определяются и способы борьбы и ее ближайшие результаты. Вот почему рабочий класс всегда выносил на своих плечах дело борьбы против деспотизма и абсолютизма. Вот почему и у нас рабочий класс является передовым борцом за освобождение страны.

Но он не только передовой, но и самый последовательный борец за свободу. Буржуазия, из боязни силы и власти пролетариата, готова помириться с полумерами, с полуреформами. Порой она готова заключить союз с реакцией против рабочего класса. Пролетариат в требованиях преобразования общества на демократических началах идет до конца. Только при вполне демократическом строе он получит равные с буржуазией гражданские и политические права. А эти права дадут ему новую, могучую силу для социального преобразования.

Вот почему совместная борьба пролетариата с буржуазными классами за освобождение может быть только временной. В ходе этой борьбы неизбежно наступит момент, когда буржуазия предаст рабочий класс реакции. Так учит история. И русский рабочий класс должен воспользоваться ее уроками. Он должен организоваться под знаменем социал-демократии в рабочую партию, так как только такая партия сохранит ему достигнутые победы и поведет к новым, только она свяжет его с международным пролетариатом в одну великую семью.

Союз в защиту свободы печати, не признавая в принципе никаких кар, налагаемых в административном порядке на произведения повременной печати, протестует против конфискации № 372 „Русской Газеты“ распоряжением С.-Петербургского цензурного комитета.

Номера „Новой Жизни“ не представляются в цензуру, согласно решению союза в защиту свободы печати.

„Большинство“ и „меньшинство“.

Громадная роль социал-демократии в общественном развитии всего мира общепризнана. У нас в России в происходящей освободительной борьбе она также занимает передовую позицию. Если вынужденно-конспиративный характер ее деятельности не позволял до сих пор социал-демократии об'единить русский пролетариат в одну могучую массовую организацию, то идейное ее влияние на рабочий класс было громадно. Социал-демократическая программа, социал-демократические лозунги политической и экономической борьбы широко развились в пролетарских массах, и во имя их совершалось и совершается освободительное движение.

Мало того: демократические требования социал-демократии получили широкое признание и оппозиционных кругов буржуазии, они стали, можно сказать, общенародными. Чтобы не быть голословными, укажем на

судьбу у либералов требования созыва учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. Как известно, либералы в период своей политической „весны“ — при Святополк-Мирском — не смели и заикнуться о всенародном учредительном собрании. Они лепетали нечто, не весьма вразумительное, об „участии представителей населения“. И вот, когда на одном из банкетов несколько ораторов социал-демократов предложили включить в резолюцию требование созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего избирательного права, маститый председатель банкета, он же редактор политического журнала, считающего себя прямым преемником „Отечественных Записок“, высказал крайнее негодование по поводу такой „бестактности“ социал-демократов, „срывающих банкет“.

Разумеется, собравшиеся на банкете почтенные либералы поддержали своего председателя. С тех пор прошло менее года. Либералы разместились по союзам и заполнили ряды конституционно-демократической партии. И что же... Созыв учредительного собрания всеобщим голосованием они считают теперь своим требованием.

Но успехи и рост политического значения русской социал-демократии не могут скрыть темной стороны ее истории за последние два года. Мы говорим о расколе российской социал-демократической рабочей партии на две фракции: „большинство“ и „меньшинство“. Раскол этот, конечно, ослабил партию. Он внес путаницу в умы членов партии как интеллигентов, так и, в особенности, рабочих, значительную часть которых он оттолкнул от партии. Раскол создал почву для демагогии самого низкого сорта. А в замкнутых партийных кружках, особенно заграничных, благодаря ему образовалась удушливая, истерическая атмосфера личной борьбы, взаимных обвинений и ненависти.

Партийный раскол есть наследие изжитых уже ненормальных условий деятельности социал-демократии в полицейско-самодержавном государстве. Партия давно уже переросла эти условия. Ей стало невыносимо душно в „подполье“, и пока она не находила из него выхода в широкие пролетарские массы, в рядах ее и происходила та давка, которая выразилась в форме раскола. „Большинство“ и „меньшинство“ образовались в 1903 г., на втором с‘езде партии, по организационному вопросу. Так как существовавшие политические условия не позволяли решить спорный вопрос партийной практикой, то спор перешел в литературу, и вокруг периодических органов сгруппировались враждебные друг другу кружки. Ненормальная обстановка ссыльно-эмигрантской жизни придала этой полемике специфический колорит. Попытка разрешить спорные вопросы на третьем с‘езде не увенчалась успехом. По формальным основаниям, правильность которых спорна, „меньшинство“ отказалось участвовать в с‘езде и созвало одновременно с ним „конференцию“. Таким образом оформлен был раскол партии. Но в то же время сравнение постановлений с‘езда и конференции показало, что сколько-нибудь значительных различий в тактике, оправдывающих существование двух партий, нет, и обе фракции постановили подготовить взаимное об‘единение.

В настоящее время изменившиеся политические условия требуют этого об‘единения безотлагательно. Перед партией стоит громадная очередная организационная задача. Социал-демократия из конспиративной организации должна стать открытой партией пролетарских масс. Мы не предрешаем здесь ни срока, ни конкретных форм этого перехода. Но что он не может быть совершен сколько-нибудь удовлетворительно при существовании двух разобщенных фракций с одинаковой программой и тактикой, — это бесспорно. Было бы самоубийственной политикой для обеих фракций, составляющих социал-демократическую партию, начать теперь борьбу по перетягиванию рабочих масс в „свою“ организацию. В результате выиграли бы только те элементы, которые хотят поссорить рабочий класс с социал-демократией, противополагая ей идею „самостоятельной“ рабочей партии. Враги социал-демократии — а их у нее слишком достаточно среди буржуазных партий даже весьма радикальной окраски, — всегда с злорадством следившие за расколом партии и использовавшие его для своей агитации против социал-демократии, не могли бы пожелать для себя ничего лучшего, как сохранение теперь „большинства“ и „меньшинства“.

Мы отнюдь не хотим всем вышеизложенным сказать, что между этими двумя фракциями нет совсем тактических или организационных разногласий. Они есть. Но они не достаточны, чтобы оправдать образование двух самостоятельных партий, и могут вполне хорошо ужиться в границах одной и той же партии. Невозможно представить сколько-нибудь обширную и жизненную партию, в которой не было бы оттенков мнений, подчас довольно резко различных. Наоборот, в столкновении этих различий заключается жизнь, залог идейного развития партии, ее прогресса. Но эта идейная борьба внутри партии не должна нарушить ее единства, как политической организации. Пример такого правильного отношения к „разногласиям“ дают нам немецкие товарищи.

Сколько раз немецкая буржуазная пресса с злорадством подчеркивала разногласия в среде немецких социал-демократов и предсказывала раскол на ближайшем же „партейтаге“. Но каждый „партейтаг“ социал-демократии приносил буржуазии новое разочарование: немецкая социал-демократия остается единой.

На обязанности всех русских социал-демократов лежит осуществить практически об‘единение партии для совместной и дружной работы по разрешению многих насущных задач социал-демократии в новой России.

П. Румянцев.

О народной милиции.

Кровавые подвиги черных сотен приобретают с каждым днем все более и более угрожающие размеры. Если в Петербурге, не в пример прочим городам, жертвы хулиганов насчитываются пока единицами, то нет сомнения, что накопляющаяся в рядах новоявленных защитников самодержавия потенциальная энергия рано или поздно, и даже вернее рано, чем поздно, выльется наружу. Петербурга не минет чаша, преподнесенная многим городам России хулиганами-добровольцами и хулиганами по обязанности службы.

Эта новая „черная опасность“ заставляет серьезно призадуматься. Смотреть ли на черные сотни, как на

организации чисто полицейские, видеть ли в них искренних защитников азиатского строя, или даже разудалую вольницу, нашедшую удобный случай погулять во-всю — факты массовых убийств и единичных насилий, еврейских погромов и „подпаливаний“ интеллигенции и т. п. заставляют говорить о себе. Подвиги разудалых молодцов должны быть прекращены.

Если даже отказаться от весьма и весьма вероятной гипотезы о благосклонном поощрении со стороны некоторых превосходительных и высокопревосходительных временщиков и помпадуров, если даже допустить, что правительство искренне хочет прекратить эти неслыханные злодейства своих „друзей“, то остается все же предположение не столь компрометирующего, но весьма печального в глазах сторонников теперешнего правительства свойства,—а именно, что правительство не в силах оградить жизнь граждан от шаек разбойников и буянов. Выводы наши в обоих случаях одни и те же—и только усиливаются в первом из них.

Ответ на вопрос, как бороться с „черной опасностью“, гласит — организация народной милиции. Если правительство не в состоянии защищать граждан, и если граждане в то же время не склонны к морали непротивления злу — ясно, что им необходимо подумать о самозащите. Это наше человеческое право, это наша гражданская обязанность. Но обороняться один-на-один — не всегда удается, да это и не достигает цели. Ни для кого не секрет, что чья-то невидимая, но благодетельная рука снабжает черные сотни оружием; ни для кого не тайна, что шайки организованы, действуют по намеченному наперед плану. Ясно, что оружию надо противопоставить оружие, организации — организацию. Важно принять не только „меры пресечения“, но и „меры предупреждения“. Только когда не совсем благородные и далеко не бесстрашные рыцари павшей самодержавной бюрократии будут знать, что всякие попытки к убийствам и насилиям встретят дружный и организованный отпор, — можно быть уверенным в личной безопасности граждан.

Более того. Народная милиция должна сыграть еще и другую, более важную роль. В наше переходное время, когда нами завоеваны вольности и права свободных граждан, при сохранении на местах старых слуг отжившего строя, мы ничем не гарантированы, что помпадуры и помпадурчики всяких калибров будут пытаться игнорировать наши завоевания и будут применять старые испытанные меры к обузданию свободолюбия, не будут срывать, например, собрания под различными предлогами, заниматься провокацией в широком масштабе с целью найти повод к кровавым „усмирениям“, введению военного положения и т. д., и т. д. и т. д. Кто или что может оградить нас от подобных поползновений реакционного губернатора, полицеймейстера и т. п.? Ни министр, недавний поборник самодержавия, ни основные законы, не имеющие никакого значения в глазах чиновников, воспитавшихся на произволе и беззаконии, не могут служить нам ни в малейшей степени гарантией неприкосновенности наших политических прав. Лишь мы сами можем защищать как нашу личность, так и наши основные права. Решимость отстоять свою жизнь и свои гражданские вольности во что бы то ни стало, организованность и боевая готовность заставят шайки хулиганов и чиновных врагов свободы отказаться даже от мысли о насилиях, и чем сильнее и многочисленнее будет народная милиция, тем реже придется пускать в ход оружие, тем меньше будет жертв, тем меньше крови будет пролито, тем более шансов, что победоносное шествие свободы не будет омрачаемо ненужными и невинными жертвами. Организация народной милиции — дело политически-целесообразное и истинно-гуманное.

Каков должен и может быть контингент милиции? Шайки хулиганов грозят всем друзьям свободы, произвол властей грозит самому существованию свободы — ясно, что организация народной милиции должна быть в руках искренних поборников свободы. Но какой класс населения самый искренний и самый последовательный защитник свободы? Жизнь уже ответила на этот вопрос — в этом с нами должны будут согласиться даже те, кто в других случаях с нами вовсе не согласен, — что надежнейшим оплотом свободы является пролетариат, что рабочий класс завоевал России начатки свободы и что ему по праву принадлежит задача охранения этих начатков и обеспечение условий их последовательного и непрерывного развития. Условия жизни пролетариата, обстановка фабрики, атмосфера классовой борьбы, формы рабочих организаций, — все это дает необходимые для подобной милиции предпосылки. Рабочие организации, заводские и районные, дают рамки отдельных отрядов, атмосфера классовой борьбы создает готовность самоотверженного отстаивания общих интересов, фабричная обстановка воспитывает дух дисциплины, а подвижность и привычка к пунктуальному посещению мастерской дают уверенность в быстром и своевременном появлении отрядов в нужный момент. Уменье поддержать порядок уже неоднократно обнаруживалось и признается за пролетариатом даже врагами рабочего движения.

Пролетариат ради своих классовых интересов и в интересах общегражданской свободы должен взять на себя организацию народной милиции, только он один, в виду указанных выше причин, может успешно выполнить задачи народной милиции. Это не значит, что другие слои населения, например демократическая интеллигенция, не могут принимать участия в рядах народной милиции, но, очевидно, интеллигенция не в состоянии играть здесь значительную роль как по своей относительной малочисленности, так и по условиям интеллигентской психики. Зато помощь свободолюбивых слоев буржуазии вообще может выразиться в снабжении рабочих оружием и в доставлении средств на покупку его.

Действительная гарантия личной неприкосновенности и последовательное проведение и расширение свобод и вольностей всего народа находятся в зависимости от вооружения народа. Если черные сотни, играя на руку реакции, производят беспорядки, то рабочие баталионы в интересах культуры и свободы должны водворять порядок.

Таким образом, в наше смутное время, по иронии истории, роли меняются — силы, действующие под эгидой или при попустительстве полицейского правительства, стремятся к временной анархии, а разрушительная партия пролетариата берет на себя задачу восстановления порядка. Конечно, „порядок“ отнюдь не самоцель в глазах борющегося за свои интересы рабочего класса, но в его

интересах, как и в интересах громадного большинства населения России, — прекращение бесчинств, творимых одичалыми „друзьями“ и представителями изжитого режима.

Пролетарская милиция обеспечит права рабочего класса— всему же населению России вооруженный пролетариат гарантирует ненарушимую широкую политическую свободу и близкую победу демократии.

Ополчение пролетариата для защиты народной свободы явится в то же время первым прочным шагом на пути к замене постоянных правительственных войск ополчением самодержавного народа.

Б. Самойлов.

Свободные речи.

I.

Совершающийся у нас государственный переворот во многих отношениях отличается от революций, разыгравшихся в свое время в Европе и превративших большинство европейских стран из самодержавных монархий в конституционные. Русская революция должна была преодолеть несравненно большую силу сопротивления, нежели европейские. Размах ее поэтому энергичнее и неудержимее, и можно с уверенностью сказать, что одним устранением абсолютизма она не ограничится, а приведет к ломке более решительной и к творчеству более смелому.

Как быстро чередуются времена, а с ними мечты людей! Всего год тому назад конституция являлась запретной и как бы недостижимой мечтой среднего русского обывателя. А теперь конституционная монархия является мечтой нашего пошатнувшегося, сбитого с ног революционной волной, правительства. Оно признало себя побежденным, но не потеряло надежды уступкой самодержавия купить право на дальнейшее существование и власть. В сущности, оно уже вслух отреклось от самодержавия, ибо отказалось от законодательной власти — этого главного признака и основной прерогативы самодержавного режима. Если же оно, тем не менее, продолжает именовать себя самодержавным, то поступает так по тому же расчету, по которому купец, уже решивший про себя уступить товар за предложенную цену, все еще продолжает запрашивать и ждет, пока покупатель повернется к нему спиной, чтобы сказать окончательное: „пожалте!“

Правительство, повидимому, ждет того момента, когда Государственная Дума рассердится и повернется к нему спиною, для того, чтобы, сославшись на пример всей Европы, бесповоротно отказаться от самодержавия и об‘явить себя конституционным. Как знать, может быть, оно даже согласится присягнуть на верность конституции и привести к этой присяге войска. Ничего не поделаешь: пример всей Европы! По иронии судьбы то самое правительство, которое всегда твердило о самобытных началах русского строя и посылало на эшафот и в каторгу за малейшую попытку пересадить на русскую почву гарантии европейской свободы, оно же вынуждено ссылаться на пример Европы для того, чтобы удержаться на своем покачнувшемся фундаменте. Но теперь указание на Европу может оказаться запоздалым. Теперь уже русская революция помышляет о самобытности...

В двух отношениях наша революция разнится от европейской, — и каждое из этих различий само по себе настолько важно, что на долгое время предрешает направление и судьбу всей политической жизни России. Первое различие заключается в том, что все государственные перевороты в Европе были произведены народом под руководством буржуазии, которая, стремясь к политической свободе и личной неприкосновенности, в то же время изыскивала более верные способы эксплоатации трудящихся классов. Каждая европейская революция оказывалась компромиссом двух противоположных начал — свободы и эксплоатации, и равнодействующей этих двух сил являлась представительная конституционная монархия— этот рай политических мечтаний для буржуазии и ад экономической действительности для пролетариата. Не то мы видим у нас. Россия—единственная страна, которая обязана переменой государственного строя главным образом сознательному рабочему классу, огромной организованной армии творческого труда, которая одна оказалась в состоянии противопоставить насилию — силу и упрямству — угрозу. Покуда либералы заикались о правовом порядке, покуда „Сыны Отечества“ и „Вестники Европы“ кивали на Запад, полицейски-самодержавное правительство издевалось над разумом и совестью и спокойно расхищало народный труд. Но, к счастью, русская интеллигенция, в лице учащейся молодежи, рано поняла свою историческую миссию — быть будильником рабочих масс, бродильным грибком пролетарского движения. Толкнувшись, в эпоху хождения в народ, в деревню и не найдя там отклика, она пошла в сторону наименьшего сопротивления, рассеялась по фабрикам и заводам и занялась делом, которое Достоевский так неумно и непроникновенно назвал процессом отколупывания отдельных человечков от народной массы. Насколько этот процесс был плодотворен, показала только-что пережитая нами бескровная революция [1]).

Незабвенные дни! — Конечно, мы все и раньше знали, что обязаны рабочему всеми благами жизни: и пищей, и одеждой, и средствами передвижения, и светом, и водоснабжением. Но одно дело знать, а другое—видеть. Мы — свидетели октябрьской забастовки — воочию убедились, что труд является самодержцем жизни даже и тогда, когда он отдыхает и как бы отсутствует. Существует персидская легенда о том, как бог создал в шесть дней природу и человека, в седьмой день предался отдыху и в этот день великого бездействия создал красоту, песню и пляску. Нечто подобное можно сказать о рабочем. Пока он трудится, он создает для человечества пищу, одежду и кров, все условия комфорта и культуры. Когда же он бросает работу и отдается великому бездействию забастовки, он создает — свободу. Мы видели, как самодержавный труд [1]).

Одержав такую победу, сознательный рабочий класс вправе воспользоваться ее плодами. Таково первое условие, заставляющее предполагать, что русская революция приведет не к двусмысленному компромиссу — конституционной монархии, по самой сущности относящейся враждебно к идеалам рабочего класса, а к непритворному народовластию.

Но есть еще и другая причина, столь же могучая и неустранимая, заставляющая верить, что политическая жизнь России потечет по руслу демократизма. О ней — до следующего раза.

Н. Минский.

[1]) См. поправку от редакции в № 2 „Новой Жизни“, стр. 2 Прим. к настоящ. изд.

Русская печать.

*** На словах возвещена конституция, а на деле свирепствует произвол. Мы слышали слова о свободе и видели расстрелы и избиения. Стреляют в обезоруженных людей, зверски избивают студентов, громят думы и земства, натравляют черносотенцев и войска на мирные собрания и процессии. Реакцией провозглашен лозунг: „Хулиганы всех положений, об'единяйтесь". Вместо возвещенных свобод, идет травля и кровавая бойня, от которой содрогаются все, кто был бы уже готов успокоиться и примириться с обещанными уступками — в том самом виде, в котором оне обещаны.

Немудрено, что эти „умеренные", т.-е. либеральные буржуа, продолжают жаться к союзнику, мощь которого уже испытали. Трудно сказать, делается ли это сознательно, или многое здесь подсказывается инстинктом, но несомненно, что либеральная буржуазия и ее орган — прогрессивная пресса — усердно заискивают у пролетариата. Они уже не верят правительству и в конвульсиях бессилия и тревоги жаждут спрятаться за спину пролетариата, поступаясь полнотой прав на эксплоатацию во имя безопасности и свободы. В программу буржуазного „блока" — конституционно-демократической партии — включены, хотя и скрепя сердце, с недовольством, прорывающимся в оговорках, некоторые из основных пролетарских требований, выдвинутых в настоящий момент: восьмичасовой рабочий день, учреждение примирительных камер из представителей предпринимателей и рабочих, широкая охрана труда и т. д. и т. д.

Г. Вл. Набоков поясняет эту тактику в „Праве":

Последние события показывают, какая колоссальная опасность угрожает русскому обществу. Всколыхнувшееся море опустошительными волнами перекинулось через берег; бесчинства черных сотен и хулиганов превзошли в три дня все, что история последних десятилетий дала ужасного, кровавого. И ополчаясь против этого стихийного террора, все левые партии должны сплотиться, предоставив правым броситься в об'ятия реакции. Мы знаем, что такая реакция не может быть долговременной, дни ее сразу окажутся сочтенными. Но мы содрогаемся при мысли о тех потоках крови, которые эта реакция прольет по всей русской земле, о той массе новых жертв, которые будут принесены на алтарь освобождения России. Раскол между нами и стоящими влево мы бы считали поэтому не только политической ошибкой, но и историческим преступлением.

*** „Сын отечества" поет в униссон:

В кровавые дни наши враги не различали ни национальностей, ни партийных различий и оттенков; они избивали, убивали и насиловали всех, кто казался им причастным к делу освобождения России, — евреев, армян, русских, земцев, социал-демократов. Можем ли мы при таких условиях тратить хоть одну каплю наших сил на взаимные пререкания и внутренние раздоры? Наши разногласия могут и должны остаться; различными останутся также пути и способы действия. Но больше, чем когда-либо прежде, мы должны помнить, что враг у нас один. Организация всех передовых сил общества для борьбы с общим врагом — это задача дня.

Этот лозунг для пролетариата — не новость. Это старый и испытанный лозунг: „итти врозь, бить вместе". Пролетариат и на этот раз не отказывается завоевать для буржуазного общества полную свободу от произвола. Но он будет хорошо помнить, что как нельзя верить правительству, так безумно доверяться и буржуазии. Вы хотите временного союза? Он не нужен. И без вашего приглашения пролетариат сделает то, чего вы от него ждете. Но он сделает больше.

Русскому рабочему.

Рабочий, только на тебя
Надежда всей России.
Тяжелый молот пал, дробя
Оплоты крепостные.
Тот молот — твой. Пою тебя
Во имя всей России!
Ты знал нужду, ты знаешь труд,
Ты слишком знаешь голод.
Но ты восстал. С тобой идут
Все те, кто сердцем молод.
Будь тверд, яви еще свой суд,
Острог не весь расколот.
Тебя желают обмануть,
Опять, опять и снова.
Но ты нам всем наметил путь,
Дал всем свободу слова.
Так в бой со тьмой, и грудь на грудь,
То — зов Сторожевого.
Сторожевой средь темноты,
Сторожевой средь ночи —
Лишь ты, бесстрашно-смелый, ты,
Твои нам светят очи.
Осуществятся все мечты,
Ты победишь, Рабочий!

К. Бальмонт.

Орел и курица.

(Сказка.)

В одной клетке сидели орел и курица. Орел смотрел через клетку в ту сторону, где выглядывало голубое небо, и где белые голуби свободно пролетали куда-то мимо, а курица смотрела во двор, на проталины, на навоз и лужи, смотрела туда, где копались в навозе счастливые кахетинки...

И обоим, и орлу и курице, было тяжело и скучно...

— „Давай, орел, сломаем клетку!"—предложила курица.

— „Давай, сломаем"...

И они начали ломать клетку.

Орел острым клювом разгибал железные прутья, и алая кровь сочилась у него изо рта, а курица кудахтала...

Долго они так трудились сообща, и, наконец, лопнул один из железных прутьев...

Тогда курица выпрыгнула на двор и закричала о том, что она давно уж собирается снестись...

— „Курица, помоги же мне выбраться из клетки".

— „Выходи!"

— „Но у меня на ноге еще железное кольцо и цепь, приковывающая меня к клетке..."

— „Не могу... я слабая женщина..."—сказала курица.

— „В чем дело? — спросили ее подошедшие кахетинки и когда узнали, то закричали:—Нельзя выпускать орла! Его клюв обратится на нас же!"

Услыхал эти разговоры человек, подошел к клетке и сказал:

Он вам даст требуемые гарантии, но добудет гарантии и от вас. Об'единение мы можем понять только в том смысле, что вы дадите нам их добровольно, не упираясь и не откладывая на завтра, что должно быть осуществлено немедленно.

18 октября.

Тихое, прозрачное небо с затаенным солнцем. Поникшие недвижные флаги, казенно прицепленные к балконам и подоконникам.

По улицам, задерживаясь на углах, спеша, журча и переливаясь, течет толпа. Она вливается в общее широкое и бесконечное русло, в могучую и торжественную процессию, еще невиданную нашим тихим небом, нашими поникшими флагами.

Серый воздух разрезан красными знаменами. Они извиваются, как темные гигантские струи воскресшей торжествующей крови.

И над ними звенит и колышет их гимн свободы, гимн великого единого счастья человеческого.

Звонкие женские голоса дрожат стальными, вибрирующими нитями:

„Марш, марш вперед,
Рабочий народ!"

Тихо внимают застывшие громады - дворцы новым словам новой жизни.

Из-за угла, щелкая подковами, медленно выезжает патруль и серый, тусклый исчезает за толпой, словно вспомнившаяся галлюцинация старого сна.

* * *

Около думы густая толпа.

Говорит оратор-студент. Слова его разбираются плохо, но и те отдельные отрывки, которые долетают, — производят сильное впечатление.

Извозчики, под'ехавшие вплотную, слушают, качают головой, обмениваются мнениями.

— Значит, свобода, — толкует один. — Значит, теперь городовой все равно, что не персона.

— Крышка им теперь, — соглашается другой. — Давно пора. Наедешь ему на самый носак, а он стоит и не прянится. Вавилон египетский! Нарочно, чтоб штраф записать. Теперь побегает!

— День-то какой! — восторженно шепчет старичек в гарусном шарфе. — Довелось-таки увидеть, дожить до эдакого дня!.. И откуда они такую песню выучили?

— То ли мы еще знаем, дедушка. Дай только время — покажем!

— Смотри! Смотри! Ой, стыдобушка головушке — околоточный красному-то знамени под козырек делает.

Весело смеющиеся лица оборачиваются. Толстый околоточный, вытянувшись во фронт, отдавал честь и озирался, ища „начальство", чтобы, согласно воинскому артикулу, поесть его глазами. Искал тщетно. Так и не поел, но козырял исправно.

— „Эге!.. Скверное дело..."

И опять человек исправил сломанный прут: — курицу он пустил гулять по двору, а орла, с окровавленным клювом, оставил в клетке...

Е. Н. Чириков.

Заметки о мещанстве.

I.

Мещанство — это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства — уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее об'яснить себе все, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей.

Но об'ясняет мещанин не для того, чтобы только понять новое и неизвестное, а лишь для того, чтобы оправдать себя, свою пассивную позицию в битве жизни.

Отвратительное развитие чувства собственности в обществе, построенном на порабощении человека, может быть, об'ясняется тем, что только деньги как будто дают личности некоторую возможность чувствовать себя свободной и сильной, только деньги могут иногда охранить личность от произвола всесильного чудовища—государства.

Но об'яснение — не оправдание. Современное государство создано мещанами для защиты своего имущества — мещане же и дали государству развиться до полного порабощения и искажения личности. Не ищи защиты от силы, враждебной тебе, вне себя: умей в себе самом развить сопротивление насилию.

Жизнь, как это известно,—борьба господ за власть и рабов—за освобождение от гнета власти. Темп этой борьбы становится все быстрее, по мере роста в народных массах чувства личного достоинства и сознания классового единства интересов.

Мещанство хотело бы жить спокойно и красиво, не принимая активного участия в этой борьбе, его любимая позиция — мирная жизнь в тылу наиболее сильной армии. Всегда внутренно бессильное мещанство преклоняется пред грубой внешней силой своего правительства, но если как мы это видели и видим — правительство дряхлеет, мещанство способно выпросить и даже вырвать у него долю власти над страной, — при чем оно делает это, опираясь на силу народа и его же рукой.

Оно густо облепило народ своим серым, клейким слоем, но не может не чувствовать, как тонок этот холодный слой, как кипят под ним враждебные ему инстинкты, как ярко разгорается непримиримая, смелая мысль и плавит, сжигает вековую ложь...

Этот натиск энергии снизу вверх возбуждает в мещанстве жуткий страх пред жизнью, — в корне своем это страх пред народом, слепой силой которого мещанство выстроило громоздкое, тесное и скучное здание своего благополучия. На тревожной почве этого страха,

* * *

Казанская площадь. Знамена, знамена! Алые, радостные! Сшитые тайно и спешно дрожащими от счастья руками, любовно несомые.

Уличные мальчишки с красными перевязками на фуражках, с красными шарфами через плечо.

— Как красиво! — говорит кто-то.

— Красиво, — отвечает другой. — Очень красиво. — Некрасиво только, что убитые есть....

— Убитые....

Колышатся знамена. Вот между ними одно черное, жуткое. Выплыло, остановилось. Кто-то говорит...

Образуются маленькие кучки — митинги. Рассказывается о событиях дня, о бесчинствах хулиганов, о резолюции Стачечного Комитета.

А мимо, вдоль Невского, все вьется и растет и растет бесконечно могучая толпа. И кто примыкает к ней — назад не возвращается.

* * *

Огромные коридоры университета.

Живая цепь студентов разделяет движущуюся массу толпы на два встречных потока.

Аудитории полны. Через потускневшие от жары стекла видны возбужденные лица. Вспыхивают единодушные возгласы, крики „ура", аплодисменты.

Актовый зал весь движется и гудит.

Стоят тесно, прижавшись плечом к плечу. Солдат, дама в белых перчатках, студент, рабочий, офицер, чиновник с кокардой, женщина в платке, матрос. Все вместе, все слушают, все одинаково вспыхивают от тех слов — искр, которые бросают с высокой эстрады все новые и новые ораторы.

— Тише! Товарищ-офицер будет говорить.

— Ура-а-а! — приветствует заявление восторженная публика. Громче всех кричит верзила — гвардейский солдат, с добродушным детским лицом. — Ур-а-а!

Офицер говорит от союза военных, об их солидарности с народом.

Каждое его слово ловится, повторяется, передается через двери тем, кто не попал, не услышал.

Офицера сменяет другой офицер. В одной из аудиторий устраивается митинг для военных.

* * *

На площади перед университетом грандиозный митинг. Ораторы говорят с эстрады.

Освещенные окна тускло озаряют темную густую человеческую массу. Она тихо рокочет и копошится, то сливаясь густым ядром, то расползаясь, словно расплескиваясь вширь.

Здесь уже нет такой тесной связи между ораторами и слушателями.

Простор неба, свобода движений, возможность обменяться словом с соседями ослабляют напряженность цепи внимания.

Меняются места, ведутся вполголоса беседы.

Какой-то господин подошел к булочнику с корзиной на спине.

— Что, булочник, и ты пришел послушать?

— Да, вот хотелось и мне узнать, что у нас такое делается.

на предчувствии отмщения, у мещан вспыхивают торопливые и грубые попытки оправдать свою роль паразитов на теле народа — тогда мещане становятся Мальтусами, Спенсерами, Лебонами, Ломброзо, — имя им легион...

В будущем, вероятно, кто-то напишет „Историю социальной лжи" — многотомную книгу, где все эти трусливые попытки самооправдания, собранные воедино, представят собой целый Арарат бесстыдных усилий подавить очевидную, реальную истину грудами липкой, хитрой лжи.

Мещане всегда соблазняются призрачной возможностью доказать самим себе и всему миру, что они ни в чем не виноваты.

И доказывают более или менее многословно и скучно, что в жизни существуют необоримые, роковые законы, созданные богом, или природой, или самими людьми, что по силе этих законов человек может удобно устроиться только на шее ближнего своего и что если все рабочие захотят есть котлеты — на земле не хватит быков...

Противоречия между народом и командующим классом — непримиримы. Каждый человек, искренно желающий видеть на земле торжество истины, свободы, красоты, должен бы, по мере сил своих, работать в пользу быстрейшего и нормального развития этих противоречий до конца, ибо в конце этого процесса пред всеми людьми с одинаковой очевидностью встанет и преступность нашего общественного устройства, и ясная для всех невозможность дальнейшего существования его в современных формах...

Мещанство всегда пытается задержать процесс нормального развития классовых противоречий.

Когда в жизни усиливается трение враждебных сил, мещане тревожно прячут головы под крыло какой-либо примирительной теории. Уклоняясь от личного участия в борьбе, мещанин старается ввести в нее более или менее авторитетное третье лицо и возлагает на него защиту своих мещанских интересов. Раньше он ловко пользовался для своих целей богом; задавив бога устройством церкви, обратился к науке, везде стараясь найти доказательства необходимости для большинства людей подчиниться меньшинству.

Каждый раз, когда на светлом и величественном храме науки появляется какая-то темная, подозрительная плесень, так и знайте — это мещанин коснулся храма истины своей нахальной, нечистой рукой...

Науку родили опыт и мысль человечества, она есть свободная сила, которую трудно подчинить интересам мещанства, — в науке не нашлось доводов, оправдывающих бытие мещанства, напротив — чем дальше она развивается, тем более ярко освещает вред паразитизма...

На почве усиленных попыток примирить непримиримое у мещанина развилась болезнь, которую он назвал — совесть. В ней есть много общего с тем чувством тревожной неловкости, которое испытывает дармоед и бездельник в суровой рабочей семье, откуда — он ждет —

— Конституция, голубчик, — свобода, значит.

— Свобода?

— Ну да. Свобода слова, печати, собраний... Понимаешь, можешь собираться, если захочешь.

— А еще что? — любопытствует булочник.

— Еще? Как бы это тебе об'яснить получше? Ну — свобода союзов.... Об'ясни ему, Мари, — обращается господин за помощью к подошедшей жене.

— Мне трудно, — отказывается жена, — il ne comprend pas.

— Бородатое лицо булочника вдруг раз'ехалось в лукавую улыбку.

— Вот вы насчет печати изволили сказать. Сталобыть так-с. А то уж мы боялись — не нарочно ли эту статью в манифесте-то пропустили.

— Каково! Каково! — подтолкнул господин локтем жену. — Ты слышала?

— А потом еще выражали у нас надежду, — с самым невинным видом продолжает булочник, — надежду на учреждение социал-демократической республики.

— Что-о?

У господина поднялись брови и в'ехали под котелок.

— Что-о? Что ты выговорил! Да откуда ты это?...

— Вот так булочник, — сказал рядом студент. — Я думал—у него в голове выборгский крендель, а он, изволите ли видеть — социал-демократическая республика. И выговорил-то как — так и отчеканил. Проще чем сайка с маком... Ловко!...

— Что же это такое?—не могла прийти в себя дама.— Тетя Лиза еще сегодня за завтраком вместо „конституция“ говорила „контрибуция“, а тут вдруг булочник...

На балкон выходит новый оратор.

Толстый чиновник с кокардой на бархатном околыше внимательно слушал несколько минут и вдруг рассердился.

— Чорт знает что такое? Товарищ-товарищ, товарищ-товарищ, — ничего не поймешь.

— Правильно изволили заметить, господин, — поддерживал его рабочий. — Вам этот разговор очень трудно понимать, непривычка-с. Вам нужно: „мерзавец“, раз-два — да и в ухо. Это разговор — ясный. Его легко понимать.

* * *

Мимо Исаакиевского собора движется бесконечная процессия.

— Идут! Идут! — кричат друг другу извозчики.

Останавливают лошадей, снимают шапки. Идут.

Их пение, смягченное черными ночными туманами, звучит, как таинственно-вдохновенная молитва.

В зыбком свете редких фонарей колышатся их знамена длинными, прямыми, темными полотнищами. Они сбросили свой дневной алый радостный цвет и спокойные, могучие, ведут за собой свой народ, свое великое воинство, вперед, через черную ночь, к новому рассвету, в новую жизнь.

Тэффи.

его могут однажды выгнать вон. В сущности и совесть— все тот же страх возмездия, но уже ослабленный, принявший, как ревматизм, хроническую форму... Эта особенность мещанской души позволила мещанину создать новое орудие примирения — гуманизм, — это нечто вроде религии, но не так цельно и красиво: тут есть немного логики, немного доброго чувства, жалости и много наивности и всего больше христианского стремления дать людям, вместо хлеба насущного, мыльные пузыри. В конце концов это милостыня народу, довольно жалкие и пресные крохи, великодушно брошенные богатым Лазарем своему бедному тезке... Это не имело успеха, народ не насытился, не стал более кротким и попрежнему, хотя и безмолвно, но очень косо смотрел голодными глазами, как пожирались плоды его труда... Было ясно — гуманизм не может служить для мещан орудием защиты против напора справедливости...

Мещанин любит говорить народу: „возлюби ближнего своего, как самого себя“, но под ближним всегда подразумевает только самого себя и, поучая народ любви, оставляет за собою право жить за счет чужого труда — незыблемым.

Когда мещанство убедилось, что народ не хочет быть гуманным и учение Христа не примиряет рабочего с его ролью раба, навязанной ему государством, — оно почувствовало и гуманизм, и религию, как излишний балласт в своей тесной, квадратной, маленькой душе, оно захотело освободить себя от этого балласта — отсюда и начался отвратительный процесс разложения мещанской души.

Нужно было видеть пьяную радость мещан, когда Ницше громко заговорил о своей ненависти к демократии!

Им показалось, что вот, наконец, явился некий Геркулес, он очистит авгиевы конюшни мещанской души от серой путаницы понятий, освободит из мелкой и пестрой сети чувствований, которую они так долго и усердно и бездарно плели своими руками, которая связала их взаимно друг друга отрицающими нитями, — я хочу, но я не должен, я должен, но я не хочу, — связала и привела в тупик бессильного отчаяния — я не могу жить. Мещанство немедленно сделало из Ницше идола, заключив всю многообразную душу его в один жуткий крик:

— Спасайтесь, как сможете. Мир погибает, ибо идет демократия!

Но это был крик агонии самого мещанского общества, издыхающего от утомления в поисках хотя бы и дешевого, но прочного счастья, хотя бы и скучного, но устойчивого покоя, тесного, но твердого порядка. Может быть, Ницше был гений, но он не мог сделать чуда, не мог влить новую горячую кровь в изношенные жилы и огнем своей души не мог пережечь мелких лавочников в аристократов духа. Призыв к самозащите пал на бесплодную почву — мещанство живет чужим трудом и может бороться только чужими руками...

Раньше оно могло покупать людей на службу себе деньгами, позднее подкупало их обещаниями и всегда обманывало. Теперь, когда люди начали понимать свои

Москва.

25 октября.

— В сегодняшнем номере „Русского Слова“ помещено следующее знаменательное письмо в редакцию: „Пережив ужасную душевную драму, я не нашел дальнейших сил для сделок с совестью, подал в отставку. Вместе с тем я возбудил ходатайство об исключении меня из казачьего сословия. Есаул Петр Ильченко“.

26 октября.

— В сегодняшнем номере „Русских Ведомостей“ помещено открытое письмо к митрополиту московскому и коломенскому Владимиру, подписанное профессорами и преподавателями московской духовной академии. В этом письме авторы его говорят, что десяток успокоительных слов, которые митрополит опубликовал в московских газетах, не может изгладить из памяти общества того, что было сказано народу с церковного амвона. „Для вашего высокопреосвященства,—говорится далее в письме,—существует только одно средство исправить допущенную вами ошибку: произнести с церковного амвона те слова мира и любви, которые вы высказали в вашем письме. Если вы действительно не находите оснований противодействовать освободительному движению и жаждете только всеобщего примирения и спокойной культурной работы в условиях новой свободной жизни, скажите это вашей пастве на том же святом месте, с которого вы заставили московское духовенство посылать проклятия борцам за наше освобождение“. Следующие заключительные строки письма набраны курсивом: „Призовите всех верных сынов православной церкви открыто и честно стать под знаменем свободы, водруженным над Россией высочайшим манифестом 17 октября текущего года“.

— В „Русском Слове“ помещено следующее знаменательное письмо нижних чинов I Донского казачьего полка: „Мы очень хорошо знаем и понимаем, что казаки других полков, которые сюда присланы, очень плохо себя ведут и большой стыд от них всему нашему войску. Очень нам жалко, что газеты не пишут номера полков, что обижают жителей. Москвичи будут думать, что это I полк безобразничает, а мы Христом богом клянемся, что не выпустили ни одной пули и никого не били. Мы стоим в Москве с самой турецкой кампании, и ни один москвич не имел на нас никакой претензии. Никто из гг. офицеров никогда нам не приказывал ни бить никого, ни трогать никого. Мы даже только теперь стали ездить с плетьми, а при генерале Вершинине, что командует теперь гвардейским нашим полком, даже многие их не имели совсем. Мы стараемся никого не обидеть. Собралось нас казаков 78 человек, да 11 гг. урядников, да два фельдшера. Все сие верно. Писал по просьбе казаков старший урядник Z. I полк“.

— Из Тулы телеграфируют некоторые подробности о прикосновенности губернатора Осоргина к последнему погрому: „Городской голова Волков, присяжный поверенный Рязанов и др. лица утверждают, что об избиении 21 октября говорили накануне ночью. Днем городской голова и прокурор просили губернатора предотвратить избиение, но все тщетно. Накануне черносотенцы качали губернатора Осоргина“.

— Из Киева сообщают: „Газеты вновь обезличиваются цензурой. 37 политических, заключенных в тюрьмах, не получая от Витте ответа на телеграмму об освобождении, об‘явили голодовку“.

— Сегодня освобождены из мест заключения трое крестьян деревни Аксеновки, Можайского уезда, арестованных за распространение воззваний Крестьянского Союза среди своих односельчан. Арестованные, попавшие под амнистию, были встречены при выходе из тюрьмы группой своих земляков, устроивших своим односельчанам шумную овацию.

— Центральное бюро всероссийского союза почтово-телеграфных чиновников извещает, что с‘езд представителей почтово-телеграфных учреждений, уполномоченных для окончательной выработки программы союза и пред‘явления требований, состоится в первой половине ноября.

— Союз союзов решил официально открыть свою деятельность и осуществит свое намерение на-днях.

— Из Одессы сообщают „Русскому Слову“ следующие по-

личные интересы, их трудно обмануть. Люди все более резко делятся на два непримиримых лагеря — меньшинство, вооруженное всем, что только может защитить его, большинство, у которого только одно оружие — руки и одно желание — равенство. Направо стоят бесстрастные, как машины, закованные в железо рабы капитала, они привыкли считать себя хозяевами жизни, а на самом деле это — безвольные слуги холодного, желтого дьявола, имя которому—золото. Налево все быстрее сливаются в необоримую дружину действительные хозяева всей жизни, единственная живая сила, все приводящая в движение,— рабочий народ... сердце его горит уверенностью в победе, и он видит свое будущее — свободу...

Между этими двумя силами растерянно суетятся мещане, — они видят: примирение невозможно; им стыдно итти направо, страшно — налево, а полоса, на которой они толкутся, становится все теснее, враги все ближе друг к другу, уже начинается бой...

Что делать мещанину? Он не герой, героическое непонятно ему, только иногда на сцене театра он любуется героями, спокойно уверенный, что театральные герои не помешают ему жить. Он не чувствует будущего и, живя интересами данного момента, свое отношение к жизни определяет так:

Не рассуждай, не хлопочи,
Безумство ищет, глупость судит.
Дневные раны — сном лечи,
А завтра быть тому, что будет.

Живя — умей все пережить:
Печаль, и радость и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава богу...

Он любит жить, но впечатления переживает не глубоко, социальный трагизм не доступен его чувствам, только ужас пред своей смертью он может чувствовать глубоко и выражает его, порою, ярко и сильно. Мещанин всегда лирик, пафос совершенно не доступен мещанам, тут они точно прокляты проклятием бессилия...

Что им делать в битве жизни? И вот мы видим, как они тревожно и жалко прячутся от нее, кто куда может — в темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетики, построенные ими на скорую руку из краденого материала; печально и безнадежно бродят в лабиринтах метафизики и снова возвращаются на узкие, засоренные хламом вековой лжи тропинки религии, всюду внося с собою клейкую пошлость, истерические стоны души, полной мелкого страха, свою бездарность, свое нахальство, и все, до чего они касаются, они осыпают градом красивеньких, но пустых и холодных слов, звенящих фальшиво и жалобно...

Эту скучную и тревожную суету мещанства наших дней, испуганного предчувствием своей гибели, последнюю главу его бесцветной истории можно назвать так:

„Мещане, кто во что горазд!“

М. Горький.

дробности последних кровавых дней: „Всех убитых за четыре дня 1.100 человек, раненых, изувеченных и искалеченных до 3.000. Хоронят в братских могилах по 35-ти человек. Масса убитых неопознаны. Черносотенцы из хулиганов и полицейских провокаторов открыто называются „треповцами“. Несколько офицеров, решившихся притти на помощь несчастным, которых убивали и грабили, подвергнуты наказанию и сидят на гауптвахте. В пассажирском поезде, пришедшем 21-го октября, найдено 10 убитых и более 20-ти раненых“.

— Из Варшавы телеграфируют от 25-го октября: „Если провокация не прекратится, то, по слухам, решено обливать пойманных провокаторов бензином и зажигать их на улицах для устрашения черносотенцев“.

— Сегодня комитет общественной самообороны, не имеющий ничего общего с комитетом, разработавшим проект об организации городской милиции, разработал проект организации общественных дружин самозащиты и постановил немедленно же приступить к этой организации. Будет устроен сбор пожертвований на вооружение для дружинников, и уже предложено всем союзам и другим общественным организациям собирать средства и организовать дружины общественной самообороны.

— В Москве организовался комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших во время последних еврейских погромов. Сегодня, в первый день деятельности комитета, собрано уже свыше 30 тыс. рублей. Члены комитета обратились с воззванием ко всем, без различия вероисповеданий и национальностей, притти на помощь пострадавшим евреям. Комитет получает со всех концов России сотни телеграмм с подробным описанием тех ужасов, которые происходили в разгромленных городах и которые превзошли все те бедствия, которые испытывали евреи до настоящего времени.

— „Вечерняя Почта“ сообщает, что епископы Никон и Трифон, знаменитые своими патриотическими проповедями, в непродолжительном времени уходят на покой.

— На нескольких московских фабриках и заводах, в том числе и большой фабрике Р. Симона, рабочие пред‘явили ряд экономических требований и заявили, что при неудовлетворении они забастуют. Часть требований удовлетворена, но рабочие заявляют, что не станут на работу, пока не будут удовлетворены полностью.

— Среди рабочих Московско-Брестской железной дороги, которой управляет полковник Мец, устраненный несколько лет тому назад от управления Петербургско-Варшавской жел. дор., заметно сильное брожение. Дело в том, что г. Мец принимал все меры к тому, чтобы противодействовать освободительному движению среди высших и низших служащих дороги, не брезгал угрозами, прибегал к насилию и замеченных „свободолюбцев“ устранял от занимаемых должностей без всякого предупредительного заявления. В происходившем на-днях собрании служащие и рабочие единодушно выработали резолюцию, которой высказывается полное порицание действиям г. Меца. Эта же резолюция передана по телеграфу и кн. Хилкову.

— Отставка московского городского головы принята в думских городских сферах с полным равнодушием. Уже теперь образовались партии для избрания кандидатов на должность городского головы. Консервативная партия наметила А. И. Гучкова, прогрессивная партия—известного общественного деятеля проф. С. А. Муромцева. Выборы городского головы состоятся в непродолжительном времени, еще до начала выборов в городскую думу.

— Представители профессоров университета и остальных высших учебных заведений были у московского градоначальника бар. Медема и обратили его внимание на крайне тяжелое положение учащихся города Москвы, которые не застрахованы от повсеместного на них нападения. Точно так же депутация посетила прокурора судебной палаты, указала на ряд фактов, изобличающих действия полиции в крайне странной форме, а также сообщила о случаях, когда на глазах полиции избивалась учащаяся молодежь. Градоначальник и представитель судебной власти обещали принять энергичные меры к расследованию всего происходившего, а также и к тому, чтобы воспрепятствовать в дальнейшем нападению на учащихся.

— Сегодня получено известие из Рогачевки, Дмитр. уезда, Моск. губ., что врачи покинули селение в виду того, что черносотенцы решили разгромить земскую больницу. Рогачевка славится тем, что поставляет черносотенцев на Москву; почти все охотнорядцы вышли из этого села.

— А. И. Гучков выехал в Петербург. П. Крушеван выехал из Москвы.

— В Москве нарождается целый ряд новых союзов. Так, возникает союз служащих в кредитных учреждениях Москвы, союз драпировщиков-обойщиков, союз столяров и союз преподавателей средней школы.

— Сегодня в Петербург выезжает депутация от московских высших учебных заведений с целью разрешения здесь вопроса о начале учебных занятий в упомянутых заведениях.

— Студенты московской духовной академии заявили, что не начнут занятий, пока в академии не будет введена автономия. Ожидают, что занятия в московской духовной академии в текущем учебном году не возобновятся.

— Попечитель московского учебного округа, г. Шварц, внял наконец, единодушному желанию своих подчиненных и по телеграфу отправил в министерство ходатайство об отставке.

— Вчера состоялось общее собрание старост московских биржевых артелей. Из 37 биржевых артелей, имеющих в общей сложности более 5.000 членов, 34 прислали своих представителей. На обсуждение собрания был поставлен вопрос об организации союза биржевых артелей. Единодушно было признано, что такой союз является необходимой и неотложной потребностью. Затем был поднят вопрос об об‘единении всех существующих в России биржевых артелей. Решено приступить к разработке устава об‘единенных артелей и с этой целью учредить комиссию, в состав которой пригласить компетентных лиц и юристов.

— Московская городская управа сняла зимний театр „Аквариум“ с целью предоставить театр для собраний и митингов. Театр будет сдаваться безвозмездно не только городским служащим, но и всем желающим. Митинги начнутся с сегодняшнего дня. Все дни уже разобраны на неделю вперед. Будут митинги столяров, плотников и ремесленников разных цехов.

— Об избрании помощником ректора московского университета нам передают следующие подробности: записками были предложены следующие кандидаты: проф. В. И. Вернадский и М. К. Любавский. Последний от баллотировки отказался. После подсчета голосов оказалось, что проф. Вернадский избран 56 голосами против 19. Избрание было встречено рукоплесканиями.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Отзвуки погромов.

Владимир, 26 октября (СПА).—Депутация от окружного суда заявила прокурору о необходимости расследования погрома. Дума единогласно просит прокурора о гласном расследовании погрома, с участием представителя думы. В воскресенье в народном доме состоялся митинг, прошедший спокойно.

Киев, 26 октября (СПА).—Вчера происходило собрание купцов под председательством купеческого старосты Чоколова. Обсуждался вопрос об облегчении участи купцов-евреев, пострадавших от погрома. Постановлено организовать специальный комитет для этой цели; уполномочить Чоколова быть официальным представителем интересов пострадавших, ходатайствовать о сложении с них казенных налогов и отсрочке городских платежей.

Одесса, 25 октября (СПА).—Дума постановила образовать особую комиссию для собирания и выяснения заявлений пострадавших и свидетелей на основании точных данных и ходатайствовать о возбуждении судебного преследования против виновных. Дума ассигновала 25.000 рублей в пользу пострадавших от беспорядков и 10.000 рублей на организацию охраны городских зданий и поддержание порядка в городе.

В редакциях всех газет организован комитет для сбора пожертвований в пользу пострадавших.

На бирже состоялось совещание представителей торговли. Постановлено обратиться к управлению железных дорог и обществу пароходства с просьбой не принимать перевозки товаров без фактуры и удостоверения самоличности грузителя, органи-

зовать комитет из представителей банкирских учреждений для оказания кредита пострадавшим фирмам.

Сегодня похоронено около 200 опознанных трупов.

Васильков, 25 октября (СПА).—Тревожные дни прошли, еврейское население начинает успокаиваться.

Новгород-Северск, 25 октября (СПА).—Сегодня состоялось заседание городской думы. Был прочитан манифест и решено в целях охраны ходатайствовать о присылке на постоянный постой казаков. Организуются ночные патрули из местных домовладельцев. В городе спокойно.

Новороссийск, 25 октября (СПА).—По городу расклеено воззвание гласных думы, приглашающее население к мирному восприятию дарованной свободы. Воззвание заканчивается следующими словами: „В свободной отныне России не должно быть произвола, насилий и бесправия. Свободные граждане должны строго и по совести соблюдать законы страны, пока они не заменены новыми. Довольно жертв! Довольно крови!“

Симферополь, 25 октября (СПА).—Город принял обычный вид. Большая часть войск с улиц снята. Следы погрома уничтожаются. Еврейские лавки открылись.

Мозырь, 25 октября (СПА).—Во вчерашнем собрании представителей города, социал-демократической организации и русской партии дано обоюдное обязательство мирного сожительства еврейского и русского населения. Фабрики и железная дорога принялись работать.

Иваново-Вознесенск, 25 октября (СПА).—Погромы стихают, фабрики стали работать. Почти все евреи уехали из города.

Елисаветград, 25 октября (СПА).—Избран комитет по оказанию помощи пострадавшим от беспорядков. Магазины открыты. Город успокаивается.

Освобождения политических.

Васильков, 25 октября (СПА).—Освобождены 8 политических арестованных. В местечке Ракитном начавшийся погром немедленно остановлен.

Херсон, 25 октября (СПА).—В городе спокойно. Освобождено 47 политических заключенных.

Минск, 25 октября (СПА).—Из тюрьмы освобождено 16 политических арестованных.

Возобновляется издание газеты „Северо-Западный Край“ в прежнем составе сотрудников.

Забастовки и демонстрации.

Ишим, 26 октября (СПА).—По приглашению управы вчера на площади в присутствии всех учащихся и многочисленной публики отслужен молебен по случаю манифеста о даровании свободы. Затем по требованию публики отслужена панихида в память погибших борцов за свободу. Публика пропела вечную память и „боже, царя храни“. Были речи. Собрание закончилось шествием по главным улицам с пением. Вечером была устроена иллюминация.

Варшава, 26 октября (СПА).—После общей забастовки вчера впервые появились в Варшаве извозчики. Сегодня открыты магазины; на Привислинских и Варшаво-Венской дорогах движение не возобновлялось. Конки, телефоны и аптеки пока бездействуют.

Пенза, 26 октября (СПА). — Прекратившееся вследствие забастовки пассажирское движение Ряжск-Рузаевка-Ртищево восстановилось.

Гельсингфорс, 26 октября (СПА).—По постановлению университетского совета, занятия и лекции в университете вчера возобновились. Студенты политехнического института на общей сходке постановили уведомить совет о прекращении ими забастовки. Все школы возобновили вчера свою деятельность.

Воронеж, 25 октября (СПА).—На юго-восточных железных дорогах правильное пассажирское движение восстановлено с 24 октября, и в ночь с 24 на 25 октября введено в действие зимнее расписание движения пассажирских поездов.

Мало-Архангельск, 25 октября (СПА).—Об'явление манифеста 17 октября отпраздновано торжественно. Вечером состоялся банкет с речами. Публикой была пропета вечная память погибшим за идею освобождения борцам.

Юрьев, 25 октября (СПА). — Жизнь города вошла в обычную колею.

Иркутск, 24 октября (СПА). — После десяти дней забастовки железнодорожное сообщение с Россией возобновилось экспрессом, вышедшим отсюда в полдень. За ним отправлен задержанный вчерашний почтовый.

В Иркутске сосредоточено несколько сот человек, принадлежащих к составу Красного Креста и задержанных здесь забастовкою дороги.

В Иркутске полное спокойствие.

Самооборона и милиция.

Москва, 26 октября (СПА). — Сегодня дума отклонила большинством всех против 10 голосов учреждение городской милиции.

Сегодня возвратились делегаты, посланные думой к графу С. Ю. Витте. Граф обещал принять все меры к успокоению умов.

Виндава, 26 октября (СПА). — Здесь образуется самооборона, состоящая из представителей всех слоев общества, для защиты жизни и имущества.

Рига, 25 октября (СПА). — День прошел спокойно. Студенческая самооборона дежурит в еврейском предместье.

Сызрань, 25 октября (СПА). — В экстренном заседании дума, в ознаменование манифеста 17 октября, постановила освободить всех учащихся от платы во всех городских школах.

Одесса, 26 октября (СПА). — Городская дума обратилась к населению с воззванием, в котором просит успокоиться и найти в себе твердость, чтобы прекратить горе, облегчить несчастных и возвратиться к труду, взаимной помощи и сознательной работе на началах гражданской свободы.

Управа, принимая во внимание, что спокойствие в городе не вполне установилось, обратилась к командующему войсками с просьбой назначить охрану в местах, где размещены жители, пострадавшие от погрома.

Местный отдел академического союза решил собрать весь материал, относящийся к беспорядкам. Специальная комиссия отдела решила лично представить графу С. Ю. Витте этот материал с указанием виновников погрома.

Прокурор окружного суда просит всех жителей города, бывших очевидцами преступлений во время беспорядков, заявлять ему или судебным следователям об этом.

Пожертвования в пользу пострадавших поступают в большом количестве.

Население понемногу успокаивается. В гавани возобновился подвоз товаров и погрузка товаров на пароходы. Заграничные хлебные фирмы заявили, что согласны покупать только хлеб, находящийся в пути.

Чернигов, 26 октября (СПА). — (Оф. корр.) — Начались аграрные беспорядки в уездах Нежинском, Суражском, Козелецком, Черниговском, Городнянском, Новозыбковском, Сосновицком.

Антиеврейские беспорядки продолжаются в некоторых уездах. Войск, находящихся в распоряжении властей, недостаточно.

Ревель, 26 октября (СПА). — В состоявшихся сегодня собраниях рабочих решено возобновить работы на всех фабриках и заводах завтра утром.

В уезде образовалось несколько шаек из лиц пришлого элемента, пытающихся поднимать население против помещиков. Одной из таких шаек уничтожена плотина в имении Костифер; произведен погром в имении Руйль. Близ станции „Лахт“ сформировалась другая шайка, угрожающая окрестным имениям. Приняты энергичные меры к рассеянию шайки и задержанию злоумышленников.

Нижний-Новгород, 26 октября (СПА).—Дума в экстренном собрании образовала комитет с целью умиротворения партий и выработки воззвания к населению о спокойной работе. В городе до сих пор благополучно. Дума по этому поводу совершила благодарственный молебен.

Кострома, 26 октября (СПА). — Судебное следствие о побоище 19 октября идет спешно. Является масса лиц, желающих давать показания. В силу манифеста освобождены из тюрьмы 5 политических заключенных, в том числе двое приговоренных судом и трое находившихся под следствием.

Екатеринбург, 26 октября (СПА). — Восстановилось полное спокойствие. Начато энергичное следствие по поводу последних событий.

Батум, 26 октября (СПА). — Закрыты все учебные заведения, банки, конторы и магазины. Прибывшие пароходы уходят, не выгружая, не нагружая товаров; некоторые стоят на рейде. Генерал-губернатор созвал по этому поводу совещание с купцами и промышленниками. Прибыло военное судно „Донец".

Валки, 26 октября (СПА). — Губернатор просит предводителя дворянства принять меры к широкому ознакомлению населения с манифестом 17 октября и успокоению общества.

Рыбинск, 26 октября (СПА). — Сегодня в 12 ч. прекратилась забастовка железнодорожных мастерских. Устанавливается правильное движение поездов по линии Рыбинск — Бологое.

Измаил, 26 октября (СПА) — Произведенный еврейский погром прекращен пограничной стражей.

Екатеринослав, 26 октября (СПА). — Железнодорожное движение восстановлено. Трамвай бастует. В городе спокойно. Раз'езжают патрули.

Киев, 26 октября (СПА). — Войска, охранявшие политехникум, сняты, и доступ туда студентам открыт. Университет попрежнему охраняется войсками.

Во вчерашнем заседании центрального комитета по оказанию помощи пострадавшим от погрома среди присутствующих собрано по подписке 250.000 рублей.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Нью-Иорк, 25 октября (7 ноября) (СПА). — Состоялся многолюдный митинг, организованный здешним еврейским обществом. Образован комитет для сбора пожертвований в пользу евреев в России, пострадавших от погрома. В этот фонд уже поступило 56.800 долл. от лиц различных вероисповеданий, но преимущественно от евреев. Из Лондона, Парижа и Берлина получены телеграммы с выражением желания организовать международное общество для помощи пострадавшим от погрома евреям. Распределять пособие предполагается через британских дипломатических агентов.

Париж, 25 октября (7 ноября) (СПА). — На состоявшемся в Елисейском дворце заседании совета министров решено назначить выборы для частичного обновления сената на 25 декабря (Гавас).

Лондон, 25 октября (7 ноября) (СПА). — В помещении банкирской конторы лорда Ротшильда состоялось сегодня после полудня собрание выдающихся представителей еврейского общества; решено, что русско-еврейский комитет выпустит воззвание о пожертвованиях в пользу фонда для вспомоществования евреям, явившимся жертвами беспорядков в России (Рейтер).

Лондон, 25 октября (7 ноября) (СПА). — „Королевское общество" назначило в нынешнем году медаль профессору Д. И. Менделееву за его заслуги в области химии и физики.

Решт, 26 октября (СПА). — Сообщенное „Закаспийскому Обозрению" из Энзели сведение, будто в северной Персии, под влиянием духовенства, персы бойкотируют армян — неверно. Отношения персов к армянам попрежнему прекрасны.

Нью-Иорк, 25 октября (7 ноября) (СПА). — Из Каракаса передают слух, что французский уполномоченный в делах покинул Венецуэлу (Рейтер).

К вопросу о Совете Депутатов.

26 октября состоялось соединенное собрание членов районных комитетов фракций большинства и меньшинства социал-демократической партии по вопросу об отношении к Совету Рабочих Депутатов. Как известно, в состав Совета входят выбранные от фабрик и заводов Петербурга рабочие, которых можно разделить на три группы: социал-демократов, „беспартийных" и весьма незначительную группу — „социалистов-революционеров".

„Беспартийные" большею частью стоят бессознательно на социал-демократической точке зрения, голосуя за все социал-демократические резолюции. Благодаря этому последние принимались Советом все время огромным большинством голосов. „Известия Рабочих Депутатов" также носят характер социал-демократического органа, все статьи писались в нем социал-демократами. Таким образом, фактическими руководителями Совета являются социал-демократы. Но по отношению к партии Совет занимает, однако, весьма странное положение, ибо, будучи, с одной стороны, фактически социал-демократическим, он в то же время не стоит ни в каких обязательных отношениях к партии. В боевой момент проведения всеобщей стачки этот вопрос не стоял перед Советом, который в сущности был стачечным комитетом, но теперь в самом Совете возникает вопрос, к какой партии он должен примыкать. На состоявшемся на-днях заседании Федеративного Совета фракций большинства и меньшинства была вынесена единогласно резолюция в том смысле, что Совет Рабочих Депутатов, если он предполагает играть политическую роль, а не ограничивает свою деятельность известными, совершенно определенными, конкретными функциями,—должен стать под руководство Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Вчерашнее собрание целиком было посвящено вопросу о том, как провести эту резолюцию в жизнь. Представители фракции „меньшинства" прежде всего заявили, что резолюция Федеративного Совета для них не обязательна, так как она не утверждена районными комитетами. Признавая затем необходимость придать Совету социал-демократическую окраску, представители меньшинства рекомендовали не торопиться превратить Совет в партийную организацию, советуя „замять" вопрос о характере Совета, если б он даже возник в самом Совете.

Представители фракции „большинства", напротив, полагали, что не дело социал-демократов „заминать" вопросы и что, так как в Совете вопрос о том, чем он должен быть, уже поставлен на очередь, то социал-демократы должны отстаивать в нем ту точку зрения, что раз он хочет быть политической организацией,— он должен признать руководство Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. „Беспартийным" Совет мог бы быть только в том случае, если б он превратился в профессиональную организацию, созданную для осуществления известных конкретных целей, или преследовал бы определенные соглашения между различными организациями в целях борьбы.

По окончании обсуждения резолюции Федеративного Совета с принципиальной ее стороны, была внесена от имени Фед. Сов. резолюция практического характера.

В ней рекомендовалось: 1) устроить ряд митингов для выяснения значения социал-демократической партии как единственной руководительницы классовой борьбой пролетариата, 2) устроить порайонные собрания членов районных комитетов фракций большинства и меньшинства и районных депутатов социал-демократов с целью выяснения вопроса, на каких заводах следует устроить дополнительные выборы или переизбрания, наметив совместно общих кандидатов, 3) образовать в Совете Рабочих Депутатов социал-демократический bloc.

Уже после того, как резолюция была поставлена на голосование, представители меньшинства заявили, что собрание является неправоспособным, так как на нем присутствуют не все члены районных комитетов фракции меньшинства. В виду этого представители меньшинства отказались от голосования. Оставшимися членами районных комитетов резолюция Федеративного Комитета была принята единогласно.

Из записной книжки хроникера.

14 октября.

— Петербург разделяется на 4 военных района с 4-мя генералами во главе. Каждый генерал получает широкие полномочия насчет стрельбы.

— К забастовке примыкает большинство страховых обществ, банков и частных контор.

— Закрываются все средние учебные заведения и школы.

— Шансы графа А. П. Игнатьева на премьерство растут.

— В некоторых частях города перестает действовать водопровод.

— На Невском от Николаевского вокзала до Казанского собора гаснет электричество.

— На улицах патрули.

— В большинстве театров представления отменяются.

— В университете митинги: писателей, конторщиков, железнодорожников, инженеров, рабочих, студентов, гимназистов, реалистов и мн. др.

— Митинги: в технологическом институте, на высших женских курсах, в академии художеств, на курсах Лесгафта и в др. уч. зав.

— Наборщики бастуют.

— По Николаевской жел. дор. пришли 3 поезда.

— Телефонное сообщение в городе прекращается.

— 17 союзов примыкают к забастовке.

— 4 члена союза инженеров: Ковалев, Макаров, Готлиб и Кирпичников арестованы.

— Союз мастеров и техников бастует.

— Приказ „патронов не жалеть“ бездействует.

15 октября.

— Бастуют аптеки. В аптеках Сергиевской, Спасопреображенской, Владимирской и у Каменного моста разбиты окна, после чего они закрываются.

— Бастуют мировые судьи, окружный суд и палата.

— Забастовали учителя всех женских институтов.

— В военно-медицинской академии организуются санитарные отряды.

— Санитарные отряды формируются в женском институте, на высших женских курсах и в других уч. зав.

— Военный министр закрывает военно-медицинскую академию.

— Высшие женские курсы и женский медицинский институт закрываются.

— На фабрике Пельцера убит 1 рабочий, ранено 2 солдата.

— На митинге рабочих Обуховского завода постановлено не давать продовольствия казакам.

— Служащие сената и государственной типографии бастуют.

— Численность патрулей увеличивается.

— Шансы Витте падают.

— Приказ „патронов не жалеть“ бездействует.

16 октября.

— Служащие Государственного банка бастуют.

— Весь город в войсках.

— Технологический институт осаждается по всем правилам военного искусства; в осажденном институте 83 студента и профессор.

— Бастуют: главная телефонная станция, электрические о-ва: Сименс и Гальске, Шуккерт и „Надежда“.

— Солдаты, работающие на электрических станциях, обратились к рабочим с просьбой снять их.

— Забастовала Финляндская жел. дор.

— Войскам, исполняющим патрульную службу, увеличивается содержание.

— Приказ „патронов не жалеть“ бездействует.

17 октября.

— Забастовка растет.

— Улицы переполняются войсками.

— Все учебные заведения осаждаются войсками.

— Войска на улице прибывают.

— Вечером об‘явлен манифест.

— Приказ „патронов не жалеть“ начинает действовать.

— Осажденный технологический институт подвергался обстрелу.

— Граф Витте начинает принимать депутации.

— Вышел 1-й номер „Известий Совета Рабочих Депутатов“.

— Манифест расклеивается на улицах.

18 октября.

— Народ огромными толпами с красными флагами приветствует свободу.

— Войска успокаивают публику шашками и пулями.

— Граф Витте принимает депутацию.

— Приказ „патронов не жалеть“ действует crescendo.

— Черносотенцы и хулиганы избивают свободных граждан.

— У технологического института стрельба усиливается.

— Граф Витте принимает еще одну депутацию.

— Конногвардейцы работают шашками.

— Типография „Сын Отечества“ подвергается тщательному обыску.

— Корнет Фролов наносит 3 раны проф. Е. В. Тарле.

19 октября.

— Манифест о свободах заклеивается Треповским приказом, подтверждающим готовность расстреливать.

— Из автономного университета изгоняется публика и тут же избивается.

— Все высшие учебные заведения закрываются; у входа стража.

— На Выборгской стороне резня; убитых и раненых около 200 человек.

— Граф Витте принимает 4 депутации.

— Приказ „патронов не жалеть“ действует во-всю.

20 октября.

— Треповский „манифест“ заклеивается правительственным сообщением, возвещающим, что пока действуют старые законы.

— Черная сотня „работает“, поощряемая полицией.

— Граф Витте принимает депутации и говорит „не как граф, а как русский человек“.

— Приказ „патронов не жалеть“ действует.

21 октября.

— Весь город в войсках.

— Резня утихает.

— Граф Витте ведет газетные разговоры „не как граф“...

— Черная сотня работает.

— Апраксинцы и сенновцы организуются.

— Прием депутаций у графа Витте продолжается.

22 октября.

Обнародована амнистия.

— Манифестанты с белыми флагами получают царскую благодарность за патриотические чувства.

— Рабочий Совет назначает торжественные похороны погибших на улицах.

— Трепов напоминает о патронах.

Граф Витте ищет министров и принимает депутации.

Рабочий Совет отменяет похороны, заявляя, что даст сражение, когда пролетариат подготовится.

Таганцев отказался от портфеля министра народного просвещения.

23 октября.

Невский с утра переполняется народом.

Войска и патрули спрятались внутри дворов.

Витте ищет министров.

— По распоряжению администрации погром черной сотни отложен.

— А. Постников отказывается от портфеля министра народного просвещения.

Патрули появляются на улицах.

— Треповский приказ „патронов не жалеть“ бездействует.

24 октября.

— Черная сотня деятельно подготовляется.

— Витте ищет министров.

— Патрули оставляют улицы и размещаются внутри домов.

— А. Ф. Кони отказывается от портфеля министра народного просвещения.

— Вечерние газеты назначают новых министров.

— Витте заявляет, что он хотя и говорил, но собственно ничего не говорил.

— Трепов собирается уйти.

25 октября.

— Газеты окончательно назначают министров.

— Кн. Е. Н. Трубецкой собирается отказаться от портфеля министра народного просвещения.

— Патрули на улицах и в домах.

— Трепов не уходит.

— Витте ищет министров.

— Витте переезжает в запасный дворец.

26 октября.

— Кн. Е. Н. Трубецкой еще не отказался от портфеля.

— Ищут министров.

— Газеты делают 7-ую перетасовку министров „по самым достоверным сведениям“.

— Трепов уходит, но не скоро.

Л. Львов

Хроника.

— На одном из своих последних заседаний соединенное собрание центрального и местных бюро Союза союзов приняло следующее постановление:

„В Центральный Комитет Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

„Соединенное собрание центрального и местных бюро Союза союзов с глубокой скорбью узнало о смерти даровитого и стойкого борца за счастье и свободу народа, Николая Эрастовича Баумана.

„Собрание шлет выражение своего сочувствия Партии, выдающимся членом которой был покойный“.

— К убийству М. Ю. Гольдштейна. На запрос супруги М. Ю. Гольдштейна к управляющему губернией ген. Храповицкому, последний ответил: „М. Ю. Гольдштейн 19 октября, во время столкновения двух партий, избит, при чем скончался в тот же день от полученных увечий“.

— Кровавые события, которыми ознаменовались первые дни после обнародования манифеста о свободе и неприкосновенности личности, вызвали уже сильную реакцию. Быстрый переход от минутной радости к сознательному возмущению борющихся масс реально обрисовался среди поляков. Недоверие к манифесту вызвало между представителями двух несовместимых польских политических партий — социалистов (п. п. с.) и национдемократов (н. д.) переговоры об об‘единении для совместной усиленной борьбы.

— Трепов ушел. 26-го вечером ген. Трепов подал в отставку. Отставка принята.

— Московский митрополит Владимир уходит на покой.

— О „Крестах“. До опубликования амнистии все петербургские тюрьмы были заполнены политическими преступниками. На Выборгской стороне, в так называемых „Крестах“, политическими была заполнена даже домовая церковь. На дверях церкви был вывешен аншлаг, гласивший, что „по случаю ремонта церковь закрыта“.

— Министр юстиции С. С. Манухин по соглашению с министром внутренних дел вошел в Государственный Совет с новым законопроектом для установления уголовной ответственности за распространение ложных сведений о деятельности правительственных установлений и должностных лиц. По мнению Манухина, в настоящее время распространение таких сведений законом не карается.

— За период всеобщей забастовки из военных учебных заведений—кадетских и пажеского корпусов -уволено несколько воспитанников, открыто высказавших свою солидарность во взглядах, проводившихся в других забастовавших

учебных заведениях. Помимо увольнения, „вольный дух“, проникший в кадетские дортуары, был причиной уже приводившегося в газетах факта отобрания от кадет оружия.

— В Главном управлении по делам печати прежнего оживления как не бывало. В виду отсутствия работы, служащие приходят в управление после часу дня и направляются прямо в буфет. Все столичные издания приостановили обязательную присылку сюда газет и журналов, и лишь только провинция, очевидно, еще по старым традициям, высылает экземпляры своих изданий. Цензурный комитет, до сих пор занимавшийся пересмотром рукописей, в настоящее время сидит без работы, так как еще неделю тому назад приток рукописей совершенно приостановился. Таким образом, осталось без обыкновенной работы около двадцати цензоров.

— В бюрократических сферах. Коммиссия под председательством графа Д. М. Сольского в двух заседаниях выработала вчерне проект реорганизации Государственного Совета. Главные основы реформы сводятся к следующему:

Государственный Совет будет состоять из членов двоякого рода: одни—по назначению, другие—по выбору.

По вопросу о выборах возникли два мнения: одни предполагали сосредоточить выборы в губернских собраниях выборщиков в Государственную Думу; другие находили более целесообразным предоставить выборы членов Государственного Совета губернским земским собраниям. Выработанный вчерне проект остановился на последнем. Губернские земские собрания будут выбирать по одному на каждую губернию члену Государственного Совета. Помимо земских собраний, выбирают членов Государственного Совета еще биржевые комитеты, тоже по одному члену. Выбранные члены никакому утверждению не подлежат.

Каждый выборный член Совета пребывает в этом звании 5 лет, по прошествии которых может быть снова выбран на второе пятилетие.

Таким образом, первоначальное количество членов Государственного Совета по выбору будет простираться приблизительно до 40. Это количество будет увеличиваться, по мере введения земского положения в неземских губерниях.

Далее проект предлагает представлять на усмотрение только мнение большинства в том случае, если это большинство составит не менее 2-х третей присутствовавших; в противном случае, представляются на утверждение оба мнения.

Далее проект предусматривает реформу делопроизводства государственной канцелярии.

Проект этот по окончательной выработке пойдет на рассмотрение кабинета министров.

— Назначение кн. Урусова министром внутренних дел еще не решено. В высших сферах кандидатом на этот пост называют также князя П. Д. Святополк-Мирского, которого С. Ю. Витте пригласил в Петербург.

— На место ушедшего товарища обер-прокурора синода Ширинского-Шихматова назначен и уже вступил в исполнение своих обязанностей директор канцелярии синода Остроумов.

— 25 октября в Петербург прибыл редактор „Освобождения“ П. Б. Струве. С ним прибыл член редакции „Нашей Жизни“ В. В. Водовозов, приговоренный бывшим киевским генерал-губернатором Клейгельсом к 3 мес. тюремного заключения. Одновременно с ними выехал из Берлина В. А. Поссе, бывший редактор петербургского журнала „Жизнь“, потом, после его закрытия, редактировавший социал-демократический журнал в Париже под тем же названием. Г. В. Плеханов нездоров, и потому вряд ли ему удастся выехать скоро; у П. Б. Аксельрода опасно больна жена, и потому тоже нет надежды на его скорое возвращение („Н. Ж.“).

— В пятницу, 28 октября, к 3 часам дня, в столовой Лесного института группой студентов социал-демократов назначена сходка. Просят товарищей, живущих в городе, явиться на сходку для разрешения текущих вопросов, имеющих важное значение.

— Начальником охтенских заводов взрывчатых веществ ген.-м. Липницким 20 октября был об‘явлен расчет рабочим механической мастерской капсульного производства. Увольнение рабочих (в числе 87 человек) мотивируется состоявшимся на днях их постановлением забастовать на три дня. Забастовка была вызвана тем, что начальник заводов, разрешив рабочим на основании манифеста устроить 18 октября митинг в помещении заводской столовой, в то же время вызвал войска, которые заняли помещение, предназначенное для митинга; последний, конечно, не состоялся. Расчет назначен в трехдневный срок до 26 октября включительно. Кровавых столкновений не было.

— Российское телеграфное агентство закрыло свою типографию и рассчитало своих наборщиков (6 человек).

Телеграммы теперь воспроизводятся на гектографе с помощью циклостиля.

Бюро союза печатного дела приняло меры к приисканию работы для рассчитанных наборщиков и поручило юрисконсульту пред‘явить иск к Российскому телеграфному агентству об уплате рассчитанным за две недели вперед.

— В типографии Каспари, в которой печатался журнал „Родина“, рабочими срезана в стереотипе цензурная пометка о разрешении.

Каспари уволил наборщика, срезавшего пометку.

Бюро союза печатного дела приняло меры к выяснению инцидента.

— Примкнувшие к общей политической забастовке наборщики „Ведомостей Петербургского Градоначальства“ были расчитаны без уплаты денег за две недели вперед, следуемых им согласно 104 ст. уст. о промышленности.

При расчете им было заявлено, что, если они явятся с требованием денег, они будут изрублены городовыми. Факт этот сообщен в Бюро союза рабочих печатного дела. Бюро отправило рассчитанных рабочих к старшему фабричному инспектору с заявлением протеста против невыдачи жалования за 2 недели вперед.

С своей стороны Бюро приняло меры к приисканию мест для рассчитанных рабочих и поручило своему юрисконсульту пред‘явить иск к градоначальству.

— Из Архангельска сообщают, что под впечатлением последней резни и недвусмысленных угроз со стороны черной сотни, оттуда на-днях вынужден был выехать прис. пов. П. Н. Переверзев, имевший значительную практику и пользовавшийся большими симпатиями среди населения.

— Настроение служащих и рабочих Николаевской жел. дор. приподнятое. Особенно их возмущает невыдача „наградных“ (свыше 100 тыс. руб.), уже давно ассигнованных и исчезнувших неизвестно куда. Если эти деньги им не будут выданы, железнодорожники-николаевцы предполагают снова начать забастовку с 4 ноября.

— 23 октября, вечером, на Выборгской стороне два пьяных казака приставали к прохожим, требуя денег „на пиво“. Отказывавших они хлестали нагайками. Стали собираться рабочие с целью обуздать их, но они скрылись в пивную, где потребовали бесплатного угощения пивом. Толпа долго ждала казаков на улице и, наконец, вытащила их из пивной и стала бить. В это время налетели еще 12 казаков, которые немедленно пустили в ход нагайки. („С. О“.)

— 25-го октября на статистических курсах состоялась сходка слушателей.

После продолжительных дебатов „на злобу дня“ была принята следующая резолюция: „Мы, слушатели статистических курсов, считаем долгом приветствовать действующие прогрессивно-радикальные партии, пролетариат, рабочих и часть прессы, как самоотверженных борцов, долго выносивших на своих плечах дело обновления страны, своею кровью, жизнью и годами тюрьмы плативших за служение идее, тех борцов за свободу и право, амнистия которым не милость, а запоздавшая должная дань.

„Разделяем единодушное негодование на организацию черных сил, еврейских погромов, избиение интеллигенции и учащихся.

„Признавая за актом 17-го октября важным лишь принципиальное значение, вопрос о прекращении забастовки оставляем открытым, но в дальнейшем подчиняемся голосу стачечного комитета. Как слишком малочисленная группа, мы не можем выступить особой коллективной единицей, а потому оставляем в силе прежнее постановление: примкнуть к уже существующим организациям.

„Считаем долгом присоединиться к дружному требованию народа полной и общей амнистии, формулированной бюро Союза союзов“.

— Постановление думы от 24 октября. С.-Петербургская городская дума, приветствуя монаршее решение умиротворить страну путем политической амнистии, считает, однако, своей священной обязанностью высказать, что при тех условиях, в коих находится обновляемая ныне Россия, необходимо бесповоротное забвение тяжелого прошлого и дарование полной амнистии по всем религиозным и политическим делам, по коим уже состоялись судебные приговоры, а равно и по

тем, по коим судебное разбирательство еще не закончено или даже не начато, не исключая из сих дел и посягательств, вызванных враждою одной части населения против другой.

Признавая вместе с сим, что значительное обострение последних событий вызвано из'ятиями из общего судебного порядка дел политических и широкими применениями чрезвычайных мер, до полевых судов включительно, дума находит, что ныне же следует отменить всякое административное по делам политическим разбирательство, к которому относится и производство в судах военных. Передача такому разбирательству судебных дел колеблет силу закона. Неприкосновенность личности немыслима без суда независимого. Наконец, в тех же видах всеобщего умиротворения дума признает в высшей степени необходимым немедленную бесповоротную отмену смертной казни: 1) Лишая наказываемого блага невосстановимого, смертная казнь роковым образом увековечивает ошибки, столь возможные во всяком уголовном процессе. 2) Наказание это противно историческим заветам нашего законодательства. 3) Наука его отвергла, а жизнь требует его упразднения.

— Вернувшийся из-за границы профессор А. А. Исаев, прочтет в воскресенье, 30 октября, в зале Тенишевского училища лекцию на тему: „Общественное движение на Западе и в России". Начало лекции в 2 часа дня.

— 25 октября в фойэ Нового театра состоялось чрезвычайное собрание членов союза сотрудников периодической печати. Главный интерес собрания сосредоточился на критике деятельности нынешнего совета, мало отвечающей, по мнению многих, основным целям союза. После долгих дебатов членов союза и членов совета (всячески старавшихся реабилитировать себя) собрание постановило просить бывших членов совета К. И. Арабажина, Лесмана и Носкова подготовить дела совета для сдачи их новому совету, который предполагается избрать в следующем собрании.

Перед началом собрания присутствовавшие почтили вставанием память всех погибших в последние дни борцов за свободу как в Петербурге, так и других городах, а также выразили сочувствие члену союза г. Мукалову, раненому на Невском проспекте.

В последнем заседании избрано в состав союза 49 новых членов. Следующее собрание состоится 30 октября в коммерческом училище Шрекника (Загородный пр.).

— 14-го сентября на общем собрании петербургского союза учителей и деятелей по школьному и внешкольному образованию выделилась группа социал-демократов, не считающая возможным принять политическую платформу, принятую на всероссийском с'езде учителей, состоявшемся в Финляндии в июне настоящего 1905 года. Группа эта образовала отдельный союз, приняв программу социал-демократической рабочей партии. Приводим устав этой группы:

Устав социал-демократического союза деятелей по школьному и внешкольному образованию.

§ 1. Союз ставит себе целью об'единение деятелей по школьному и внешкольному образованию для создания условий, способных обеспечить существование свободной школы, одинаково доступной для всего населения.

Разделяя классовую точку зрения пролетариата и находя, что создание такой школы невозможно в рамках господствующего буржуазно-капиталистического строя, союз считает необходимым коренное переустройство существующего строя на основах социализма.

§ 2. Ближайшие задачи союза:

а) Содействовать выяснению классового самосознания как в сфере своей профессиональной деятельности, так и среди широких слоев населения.

б) Расширять и углублять политическое и экономическое мировоззрение своих членов.

в) Освещать вопросы школьной жизни.

г) Защищать профессиональные интересы своих членов.

Состав союза.

Членами союза могут быть все деятели по школьному и внешкольному образованию, сочувствующие целям и задачам союза.

Организация союза.

Союз представляет из себя федерацию местных групп. Об'единяющим органом является федеральное бюро.

Во внутренней организации местные группы пользуются полной автономией.

Средства союза составляются из членских взносов и других поступлений, при чем местные группы отчисляют определенный процент в распоряжение федерального бюро. Размер членского взноса определяется местной группой.

— Требования столичных пожарных. Петербургские пожарные вчера, 26 октября, возбудили перед своим начальством ряд требований исключительно экономического характера.

Пожарные требуют увеличения содержания на 60 руб. в год, выдачи на руки денег, причитающихся им за обмундирование и пищу, выдачи денег на наем квартиры семейным пожарным, упразднения школьной гимнастики в учебной команде при рождественской части, заменив ее преподаванием грамоты и письма, уменьшения денежных штрафов, изменения предполагаемого к утверждению нового пенсионного устава и проч.

Требования пожарных, изложенные письменно, сегодня будут представлены бранд-мейстерами бранд-майору.

Резолюция пастырского собрания петербургского духовенства.

Пастырское собрание петербургского духовенства, обсудив вопрос о современном положении духовной школы и духовного образования в России, пришло к следующим заключениям:

1) Пастырское собрание выражает полное убеждение, что волнения в наших высших и средних духовных школах есть следствие ненормального их положения; в виду этого собрание решительно протестует против массового увольнения воспитанников академий и семинарий.

2) Относительно духовных академий пастырское собрание убеждено в неотложности дарования им полной автономии.

3) Пастырским собранием признается настоятельно необходимым свободный доступ воспитанников средних, мужских и женских духовных школ во все высшие учебные заведения на общих основаниях, для чего необходимо уравнять общеобразовательный курс семинарий и курс епархиальных женских училищ с курсом гимназий.

4) Пастырское собрание настаивает на полном устранении каких-либо привилегий черного духовенства в занятии административных должностей в духовных учебных заведениях и на введении выборного начала в отношении к этим должностям.

5) Признавая неотложным дело коренной реформы всех духовно-учебных заведений, пастырское собрание находит, что это дело реформы может целесообразно осуществиться только через особое совещание свободно-избранных представителей от духовенства и от преподавателей духовных школ, с принятием во внимание заявлений воспитанников.

Изложенные заключения пастырское собрание постановило представить петербургскому митрополиту.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— В студенческом общежитии при политехническом институте вывешено об'явление: „Правление кассы взаимопомощи студентов спб. полит. инст. созывает общую сходку в четверг, 27 октября, в 2 часа дня, для выяснения дальнейшей тактики студентов, в виду прекращения политической забастовки постановлением сходки от 20 октября. Студенты-политехники приглашаются явиться в возможно большем количестве". Об'явление это проникло и в печать. Вчера, 26-го, директор института кн. Гагарин об'явил студентам, что ему дано знать, что, в виду постановления комитета министров считать все высшие учебные заведения закрытыми, данная сходка, как и вообще все собрания, допущена быть не может, поэтому ген. Трепов снова возобновляет осадное положение института, снятое 18 октября, расставив войска около институтской территории. В институт и общежития будут пропускаться только студенты политехники. Князь приглашал студентов воздержаться от собрания, чтобы избежать столкновения с вооруженной силой. Надо заметить, что снятое 18 октября осадное положение фактически существовало и до сих пор; оно изменило лишь внешнюю форму: вместо двух пулеметов и батальона солдат, присланных г. Треповым, осадное положение поддерживала черная сотня. Толпы хулиганов ходят по Большому Сампсониевскому и Муринскому второму пр. и избивают студентов. Дерзость их доходит до невероятия. Так на-днях на проезжавшего ст. У. напали хули-

ганы, сшибли верх пролетки и избили его до потери сознания. В настоящее время насчитывают до 10 пострадавших студентов и 2 лаборантов. Вместе с осадным положением возобновляется и обещание г. Тр., данное от 16 сент., если в стенах института или общежития будет устроен митинг или собрание, а также если студенты допустят посторонних в общежитие, подвергнуть общежития внутреннему и внешнему обстреливанию и не постесняться, в случае необходимости, не оставить камня на камне.

— Академия художеств кругом оцеплена войсками. У каждого входа стоят два часовых; доступ в академию сопряжен с большими затруднениями. Служащие и живущие в академии на право входа имеют особое удостоверение и, кроме того, при входе тщательно распознаются сторожами. Посторонняя публика только при очень настойчивом требовании допускается во внутрь здания и то только при соблюдении правила: „дворник провожает до самых дверей". Многие профессора и учителя высшего художественного училища обратились в канцелярию с просьбой прислать им жалование на квартиру, не желая итти под конвоем дворников. Вопрос об открытии высшего художественного училища еще не рассматривался.

— В медицинской академии. Военно-медицинская академия и студенческая столовая закрыты на неопределенное время. Охрана снята, но вход в академию разрешен только по билетам. В помещении общежития, где в настоящее время находятся эвакуированные раненые с востока, студентам по желанию выдаются отпуски сроком на 28 дней. В субботу студенты академии предполагают созвать сходку.

— Эпидемия в Павловском институте. В петербургском Павловском институте (Знаменская ул.) появилась эпидемия скарлатины. Администрация института разослала родителям повестки о взятии из института детей. В настоящее время в госпитале института находится более 20 больных. Несколько девочек уже умерло.

— В институте путей сообщения военная охрана снята. Около главного входа дежурит полиция. Общежитие открыто. Пропускаются туда только студенты.

— В институте гражданских инженеров военная охрана снята. Полиция дежурит и никого не пропускает. Студентам выдаются 28-дневные отпуски.

— В технологическом институте ворота со стороны Забалканского проспекта охраняются солдатами. В здание института не пропускают никого, столовая закрыта.

— На-днях состоялось окончательное постановление св. синода по вопросу о забастовке во всех четырех духовных академиях России.

Синод определил: предоставить студентам „подумать" до 1 ноября. Если же они не возобновят занятий в назначенный срок, то им „предоставляется" раз'ехаться по домам до конца года.

Несмотря на эту угрозу, сходка 26 октября снова постановила стойко держаться забастовки и в то же время выбрала по два депутата с каждого курса и направляет их к обер-прокурору синода кн. Оболенскому с требованием о введении в академии автономии.

— В горном институте пока никаких перемен нет. У входных дверей попрежнему „почетный" караул.

— На дверях университета сегодня, 26 октября, появилось новое об'явление следующего содержания: „Гг. студенты и лица, имеющие надобность обращаться за справками в канцелярию университета, приглашаются сноситься с канцелярией по почте".

— Высшие женские курсы продолжают быть закрытыми.

— Курсы Лесгафта. Главный вход в помещение курсов с Английского пр. охраняется двумя городовыми.

— В консерватории. С 17 октября на дверях здания появилось без всякой подписи об'явление: „Консерватория закрыта впредь до особого распоряжения". Здание полицией не охраняется.

— 14 октября в здании 2-й петербургской гимназии, согласно постановлению воспитанников, назначен был первый народный митинг. Митинг не состоялся, так как, вследствие просьбы директора Давиденкова, гимназия в этот день с утра охранялась усиленным нарядом полиции. Возмущенные таким поступком директора, пансионеры произвели в помещении гимназии демонстрацию.

Открытое письмо председателю совета министров графу Сергею Юльевичу Витте.

Повсеместные избиения мирных граждан и разгромы целых городов, непрекращающиеся еврейские погромы, последние кровавые события в Одессе, Баку, Твери, Томске и других городах заставляют все общество подняться против совершающихся насилий и требовать за них ответа.

Бюро союза инженеров и техников, выслушав сообщение председателя бакинского отделения императорского русского технического общества инженера К. И. Хатисова о происходящем в настоящее время в Баку погроме и познакомившись с полученными из Баку известиями, решило немедленно обратиться к вам, граф, с гласным запросом по поводу совершающихся событий.

Все последние погромы ясно показывают, что правительственные агенты во многих случаях заодно с темными силами, борющимися против освободительного движения. Обращения различных общественных управлений, организаций и частных лиц к правительству оказались бесплодными. Вы сами, граф, заявили представителям гор. Баку, что вы не являетесь в настоящее время правомочным лицом по отношению к Кавказу, так как там имеется особый наместник.

Подобные же заявления были сделаны вами и на другие запросы. Но народ не может удовлетвориться таким уклонением правительства от ответственности. В настоящий исторический момент всей России необходимо знать, являетесь ли вы, как председатель совета министров, главой русского правительства и представляет ли это правительство действительно организованную силу, а не случайное собрание отдельных правителей, действующих на свой страх и риск.

Настоятельно необходимо, чтобы с вашей стороны последовало немедленное раз'яснение русскому народу, который ждет ответа.

Только после этого заявления русское общество может относиться к правительству, как к организованной силе, отвечающей за поступки отдельных своих агентов.

Если вы, граф, действительно стоите во главе ответственного министерства, то вся ответственность за последние кровавые события падет на вас, и общество в праве требовать от вас ответа. Этот ответ должен выразиться не только в простом заявлении, а и в реальных поступках.

Ваш долг немедленно удалить из среды правителей тех лиц, с которыми вы не солидарны. Оставление же у власти подобных лиц покажет вашу солидарность с ними и возложит всю ответственность за их поступки на вас, как главу министерства. Вы должны сделать это немедленно, твердо помня, что всякое промедление вызовет новые кровавые жертвы, за которые вам придется дать ответ народным представителям.

Бюро союза инженеров и техников.

„Черная сотня".

На-днях, как сообщает „Сын Отеч.", к приказчикам Круглого рынка (на Николаевской улице) явилась депутация от „молодцов" Сенного рынка с предложением устроить в воскресенье, 30 октября, патриотическую манифестацию, которая должна сопровождаться избиением студентов, „жидов" и пр. „смутьянов". Приказчики Круглого рынка из'явили свое полное согласие, и все, как сообщают газете, деятельно готовятся к предстоящему побоищу, стараясь привлечь на свою сторону возможно большее число „молодцов". Сенной рынок в последнее время стал центром черносотенных организаций. Отсюда именно, по общему признанию, распространяется в Петербурге проповедь человеконенавистничества.

Здесь же, по слухам, идет усиленная подписка по сбору пожертвований для вооружения „патриотической боевой дружины". По тем же слухам, близкое участие в приискании средств для покупки оружия принимают члены причта храмов, расположенных в районе упомянутых торговых центров.

К подвигам черной сотни. С 22 октября в городе стали распространяться слухи о готовящемся погроме еврейских квартир и лавок.

Подтверждением этим толкам явились прокламации черносотенных „лиг“, призывающих „истинно-русских“ людей бить жидов.

Симптомом тому были также какие-то особые знаки мелом, в виде крестов, буквы „ж“ и т. п., сделанные неизвестными лицами на многих еврейских квартирах и магазинах.

Особенная тревога заметна была среди евреев, живущих в районе Александровского рынка и Сенной — этих центрах деятельности „черной сотни“.

Однако, несмотря на несомненно готовившееся нападение на евреев, погрома не произошло, вследствие, надо думать, недостаточной организованности „патриотов“.

25 октября многие торговцы Александровского рынка и Сенной площади получили по почте гектографированные воззвания, призывающие к избиению жидов.

Характерно, что на адресованных купцам прокламациях черной сотни, очевидно, для подчеркивания особого почтения со стороны черносотенцев к желательным им адептам, красовалось: „Его Сиятельству, имя, фамилия“...

Вот текст двух прокламаций:

„Православные! Зачем продаете Россию? Зачем даете силу нашим крамольным панам, заботящимся только о себе, а не о благе народа! Все инородцы, покоренные русской кровью, думают отделиться от России, а жиды вооружены и ждут, чтобы среди общей смуты выкупаться в русской крови.

„Всех этих крамольников поддерживает С. Ю. Витте, женатый на жидовке. Он овладел доверием царя, притворяется верноподданным, а сам, между тем, собирается сделаться царем на Руси. Сам он расхищал казну, ввел казенную продажу водки, чтобы споить русский народ. Теперь этот негодяй бежит от народного гнева и переселяется из своей квартиры на Каменноостровском пр., д. 5, ближе к Зимнему дворцу. Не дадим же погибнуть нашей родине, братья“.

Вторая прокламация украшена виньеткой с изображением креста, ножа, топора, черепа, револьвера, косы, русского флага и пуль.

„Смерть жидам! Русский народ! Смерть жидам! Отряхнись от своего сна и вступи на путь истины и правды! Тебя обижают, над тобой глумятся, а Твой Великий Царь-батюшка не знает, не ведает про то! Его окружают такие министры-жиды, как Витте и подобные им. Царь-батюшка не знает твоего горя, народ! Ему не дают читать наших русских газет, Ему про тебя не докладывают. Такой Витте теперь, что хочет,—то и делает! Витте хочет провести повсюду жидов, повсюду их насадить, и тогда великое горе и бедствие ждет тебя, русский народ! Не заговоришь ты тогда по-русски, не помолишься по-православному, а будут везде жид, жид и жид. Великий русский народ! надо бороться против жидов! Будем их бить!

„Бей жидов! Начнем с проклятого Витте. У нас есть много людей, которые пожертвуют собою за Царя, за родину, за веру православную... Верь нам, Великий русский народ! Не успокоимся мы до тех пор, пока не изобьем всех жидов до единого, всех до последнего!!! Мы уже наметили этого вора Витте!! Не пожалеем мы себя, а что Витте скоро убьют, так услышите вы скоро Сами, Русские Граждане! Сто человек решили пожертвовать собой (черная сотня!), пойдем на смерть один за другим. Его, Витте, убьем как собаку. Будем бить жидов проклятых и всех жидовствующих... Смерть Витте! (рисунок черепа).

„Долой всех жидов! Не успокоимся, русские граждане, до тех пор, пока не перебьем жидов и жидовствующих до последнего! Бей жидов! Москва. Русская национальная московская лига“.

Со слов сообщаем, что 23 октября это воззвание расклеивалось на столбах за Нарвской заставой городовым.

В Петербурге они щедро, в нескольких экземплярах, рассылались купцам, торговцам, приказчикам и т. д.

В Александровском рынке 24 октября стоял наряд войска и полиции.

Еврейские лавки были полузакрыты.

Полицеймейстер, посетивший рынок, уверял евреев, что полицией приняты все меры к предупреждению беспорядков.

Уверения эти мало успокоили их. Известно, что почти во всех городах, где происходили еврейские погромы, полиция шла рука-об-руку с „черной сотней“.

Образование союза рабочих башмачного и сапожного дела.

В понедельник 24 октября в большом зале народного дома гр. Паниной состоялось многолюдное и оживленное собрание рабочих сапожного и башмачного дела. На собрании присутствовало более 400 человек. Целью собрания было учреждение профессионального союза рабочих сапожного и башмачного дела. Председатель собрания в самом начале рассказал вкратце историю возникновения этого союза.

Лишенные всех прав рабочие, сапожники и башмачники, как и все их товарищи других профессий, принуждены были организоваться втайне. В этих целях в июле месяце было созвано ночью тайное собрание в одном из пригородных лесов. На собрании присутствовало более 100 человек башмачников и сапожников. После доклада о значении профессиональных союзов, их истории в Западной Европе и той роли, которую они должны сыграть и в России, собрание единогласно постановило учредить профессиональный союз башмачников и сапожников. Было выбрано бюро из 12 человек, которые должны были выработать устав союза и принять все меры к скорейшему созыву общего собрания. Устав был выработан, но цензура не давала возможности его напечатать, а местная администрация не допускала устройства собрания. По условиям своей работы разрозненные сапожники не смогли оказать давления на администрацию, как это сделали рабочие других профессий.

Завоеванные теперь рабочими права дают возможность свободно собираться, и потому бюро поспешило созвать собрание для учреждения союза. После речи председателя двое ораторов вкратце выяснили значение профессиональных союзов для рабочих. Одним из членов бюро был прочитан затем устав союза. Следующий оратор в краткой речи выяснил основные его положения. Союз имет целью защиту экономических и профессиональных интересов рабочих сапожного и башмачного дела и поднятие их умственного и нравственного уровня. Для этого он руководит экономической борьбой, поддерживает стачечников, безработных, выдает дорожные пособия, оказывает юридическую помощь и т. д., устраивает публичные лекции, чтения, курсы.

Затем оратор указал, какое важное значение имеет теперь для рабочих правильное понимание политического положения страны, программ различных политических партий и т. п. В этом отношении союз может также оказать большую пользу своим членам. После кратких дебатов устав был принят единогласно при громких аплодисментах и всеобщем торжестве. Председатель заявил, что отныне союз существует и немедленно начинает действовать. Заявление это было принято восторженно. После перерыва было выбрано правление, и после краткого отчета бюро собрание было закрыто.

Полиция пыталась распустить это собрание в самом начале под предлогом, что о нем ничего неизвестно полиции, угрожая даже вооруженной силой. Настойчивость председателя и выдержанность собрания разрушили замыслы полиции. Правление союза сообщает свой адрес. Моховая, 32, кв. 40.

На фабриках и заводах.

Обуховский завод.

Движение в пользу политической забастовки началось на Обуховском заводе еще 4 октября, когда стало известно, что московские события вызвали забастовку на Семянниковском, Вагонном, Чугунном и других заводах Шлиссельбургского тракта. Организованные рабочие Обуховского завода высказывались против забастовки, указывая на то, что не далек день всеобщей политической забастовки, которая должна начаться по призыву Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. 4 октября завод поэтому весь день работал. Однако, 5 октября, под впечатлением кровавых столкновений у Семянниковского (Невского судостроительного) завода, вопрос о забастовке был поднят опять; сначала в собраниях по мастерским, а затем на общем собрании было решено об‘явить трехдневную политическую забастовку (до понедельника 10 октября). За забастовку по приблизительному подсчету было подано 2.300 голосов против 2.030. В заявлении, врученном начальнику завода,

были выставлены следующие лозунги: учредительное собрание, всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек, неприкосновенность личности и немедленная амнистия всем пострадавшим за политические и религиозные убеждения.

Забастовка предполагалась мирная, и столкновений с полицией постановлено было избегать. Однако сама полиция провоцировала столкновения. Так, в пятницу вечером в трактире, где собралось человек сорок рабочих, был заперт парадный вход и всем рабочим было предложено выходить через черный. Выходящих подхватывали стоявшие у ворот городовые и немилосердно избивали. Никакого повода к подобному насилию рабочие не подавали. Собрание носило случайный характер, и многие не знали друг-друга. В другой раз, днем, около общественной лавки, где обыкновенно много рабочих и их жен, раз'езд казаков, видимо для потехи, в'ехал на панель и начал давить толпу. Однако спровоцировать серьезного столкновения не удалось, и в понедельник, 10 октября, рабочие стали на работу.

В среду, 19-го, на заводе стало известно постановление Петербургского Комитета Социал-Демократической Рабочей Партии о всеобщей политической забастовке. Несмотря на то, что обуховцы уже раз бастовали, и притом всего три дня тому назад, среди большинства рабочих не было даже сомнения, присоединиться ли к всеобщей забастовке или нет. Поэтому в четверг на митинге, где должен был окончательно обсуждаться вопрос о забастовке, большинство решительно стояло за нее. И только человек 200 или 300 наиболее отсталых рабочих протестовали. Оратор от комитета развил перед товарищами всю важность единовременного и повсеместного выступления пролетариата, раз'яснил значение забастовки как средства для политической борьбы и приглашал присоединиться к постановлению комитета. По этому вопросу говорило около десяти ораторов рабочих. После двухчасового обсуждения была принята следующая резолюция:

„Обсудив предложение Петербургского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии присоединиться к всеобщей политической забастовке, мы, рабочие Обуховского завода, на собрании 19 октября единогласно постановили:

1) Мы об'являем политическую забастовку, выставив требования немедленного освобождения всех политических и религиозных заключенных и возвращения ссыльных, и заявляем, что будем до конца бороться за созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для введения в России демократической республики.

2) Мы заявляем, что достигнуть этого возможно только путем всенародной открытой борьбы, поэтому мы призываем всех товарищей, понявших это, сплотиться вокруг партийных революционных комитетов для организации и проведения этого последнего натиска на самодержавие.

3) Признавая, что в этот последний и решительный бой с нашим врагом мы должны вступить тогда, когда это выгодно нам, а не нашим врагам, мы призываем всех товарищей воздерживаться от частичных столкновений с полицией и войсками, ослабляющих только наши силы.

4) Свою политическую забастовку мы будем продолжать до тех пор, пока наши организации не призовут нас к прекращению ее“.

На собрании присутствовало от 2000 до 3000 человек.

В субботу утром были произведены выборы в Рабочий Совет. Было выбрано 10 человек — по одному на каждые 500 человек.

В понедельник, вторник и среду в заводе происходили митинги, на которых выбранные делегаты докладывали о деятельности Рабочего Совета.

На митинге в четверг разбирался манифест 17 октября. Рабочие отнеслись к манифесту очень недоверчиво. Ораторы подчеркивали, что одновременно с провозглашением „свободы“ на улице производится расстрел мирных граждан, бесчинства казаков и насилия городовых продолжаются попрежнему. Как жертвы насилия тут же выступили два товарища с повязками на головах. В ответ на манифест решено требовать немедленной амнистии, удаления войск из Петербурга и организации милиции из рабочих.

В пятницу на митинге было заслушано постановление Рабочего Совета и Федеративного Совета Р. С.-Д. Р. П. о возобновлении работ в пятницу, в 12 часов дня. Почти все ораторы поддерживали это постановление. Против него говорил только один оратор-рабочий. Кроме того, на этом же митинге говорило несколько ораторов о необходимости организации пролетариата в самостоятельную политическую партию. Развивались идеи социал-демократии, как международной партии борющегося пролетариата. Призыв к организации встречался очень сочувственно.

Карточная фабрика.

В тот же день происходил митинг на Карточной фабрике. Состав рабочих здесь очень серый. Пропаганда и агитация здесь велась очень слабо. Условия труда невыносимы; отношение администрации возмутительно. Поэтому для проведения забастовки наиболее сознательные рабочие обратились к обуховцам с просьбой „снять“ рабочих. Обуховцы исполнили просьбу, и фабрика в понедельник стала. По настоянию обуховцев же директор разрешил рабочим и работницам собрание. На собрании ораторы подробно выяснили сущность и значение пролетарской борьбы, важное значение настоящей политической забастовки; разбирали манифест 17 октября и призывали к организации под флагом социал-демократии. В пятницу Карточная фабрика, по призыву стачечного комитета, стала на работу.

Картонная фабрика и типография Кирхнера.

Фабрика и типография Кирхнера, на которой работает около 500 человек, об'явила всем рабочим расчет за участие в политической забастовке и при обратном приеме отказалась принять 30 человек.

От имени Совета Рабочих Депутатов и союза рабочих печатного дела была отправлена к Кирхнеру депутация с требованием немедленного приема расчитанных рабочих.

Кирхнер заявил, что С. Р. Д. он не знает, а союз рабочих печатного дела, по его мнению, не представляет большой силы, так как между рабочими может произойти такой же раскол, как и среди владельцев типографий, образующих союз типографов.

Депутация отказалась от дальнейших об'яснений с Кирхнером. На 26 октября назначено общее собрание всех рабочих фабрики Кирхнера для решения вопроса о забастовке и форме бойкота по отношению к фабрике Кирхнера.

На Охтенских заводах.

Странные дела творятся на Охтенских заводах взрывчатых веществ. До настоящего времени действуют отобранные от служащих при их поступлении на должность „подписки“ в том, что они, служащие, обязуются в случае надобности, работать безвозмездно во внеурочное время, воскресные и праздничные дни. Эти подписки отбираются на основании распоряжения начальника заводов и тщательно скрываются. В приказе с ссылкой на приказ по артиллерии от 5 декабря 1900 года (новая редакция от 24 мая 1905 г. за № 145 п. 2) есть статья 14-я, которую мы приводим дословно:

„14. В случае надобности мастеровые и рабочие обязаны работать в праздничные и воскресные дни, а также в сверхурочные, при чем работающие поденно рассчитываются по числу часов праздничной или сверхурочной работы полуторной установленной платой и работающие задельно получают дополнительно по расчету тех же часов половину условленной поденной платы, установленной примечанием к статье 6-ой.

ПР. 1. Сверхурочная работа разрешается не более, как на 4 часа“.

Как видно из этой статьи, работающие сверхурочно не только не обязаны работать безвозмездно, но труд их оплачивается полуторным вознаграждением.

Еще в 1904 году один из служащих г. Вережников возбудил дело о неправильном принуждении его работать безвозмездно во внеурочное время, требуя при этом возвращения ему денег, причитающихся за сверхурочную работу по расчету, указанному в 14 статье. Дело это было возбуждено г. Вережниковым в силу необходимости, лишь после оставления им службы, а потому признанное несвоевременным, было отклонено.

В главном артиллерийском управлении нам удалось по этому делу найти содержание одного документа, доказывающего, что принуждение служащих работать в сверхурочное время без вознаграждений является беззаконным. Приводим содержание этого документа:

Главное артиллерийское управление.

10 декабря 1904 года.

№ 51850.

Начальнику Охтенского завода взрывчатых веществ.

„Его императорское высочество инспектор всей артиллерии, оставив без последствий претензию Вережникова, как несвоевременно заявленную, признал в то же время, что распоряжение ваше об отобрании от писца Вережникова, не нанятого, как видно из об'яснения вашего, на особых условиях, подписки с обязательством работать во внеурочное время без вознаграждения является, за силой 14 ст. правил о найме рабочих и мастеровых технических артиллерийских заведений, неправильным.

Подлинное за надлежащими подписями".

Этот документ сам по себе совершенно ясен. Добавим только, что подписки и до настоящего времени отбираются, текст же и самый факт существования этого документа держатся в величайшем секрете.

На Семянниковском заводе.

23 и 24 октября происходили митинги. Обыкновенно начинаются они в 4 часа, когда кончаются работы: после забастовки рабочие революционным путем ввели у себя восьмичасовой рабочий день. 23-го темою митинга поставлено было: отношение к Совету Рабочих Депутатов. Ораторы социал-демократы выяснили рабочим программу и тактику социал-демократии, а также необходимость самостоятельной классовой партии пролетариата, которая только одна может быть руководителем политической борьбы рабочего класса. В этом отношении Рабочий Совет, как организация непартийная, политическим вождем быть не может. В результате собрание приняло следующую резолюцию: если Рабочий Совет желает быть политическим вождем рабочего класса, он должен принять программу и тактику социал-демократической раб. партии. На митинге 24-го в порядок дня было поставлено: отношение социал-демократии к крестьянству. Первый оратор начал свою речь указанием на опасности иногда раздающегося в рабочей среде лозунга: долой полемику, так как в момент партийной группировки всех общественных сил точное выяснение своего отношения ко всем вопросам программы и тактики для рабочего класса особенно важно. Затем он вкратце обрисовал те тактические позиции, которые были заняты партией на 3-м ее с'езде по отношению к крестьянству. После него говорили 4 оратора соц.-рев., старавшихся доказать тождество классовых интересов пролетариата и крестьянства. Однако, последующие ораторы (трое) путем анализа классового расслоения крестьянства доказали неосновательность этого положения. В то же время один из этих ораторов рассеял предрассудок, будто социал-демократы игнорируют те элементы крестьянства, которые способны стать на пролетарскую точку зрения, указав на деятельность московской окружной организации партии.

Иностранная печать.

Падение русского самодержавия,—говорит „Leipziger Volkszeitung",—внесено 17 октября в протокол всемирной истории: указ 17-го октября знаменует отставку абсолютизма. Власть, дарующая своим „подданным" неприкосновенность личности, свободу совести, союзов, собраний, печати и выборов, перестает быть самодержавной. Но русская революция не была бы революцией, если бы обещания на бумаге могли ее успокоить. Русский народ, русские рабочие поднялись не для того, чтобы завоевать лист бумаги, им важно стать крупной силой. Но до тех пор, пока штыки и пушки еще в полном послушании правительства, никакие бумажные обещания не имеют ни малейшего значения. Орудия русской артиллерии должны быть предоставлены народным массам, списки офицеров должны быть очищены, подозрительные генералы и чиновники должны быть удалены, главные пункты города, Петропавловская крепость, должны быть охраняемы вооруженными рабочими, все революционеры должны быть вооружены. Лишь после этого можно начать переговоры, и только при таких условиях переговоры могут привести к результатам. Русские рабочие, повидимому, и признают этот путь единственно возможным. Ожесточение достигло высшей степени. Революция теперь уже победоносно перешагнула через лист бумаги, поданный ей дрожащей рукой самодержавия.

Демонстрация в Вене.

(Корреспонденция „Leipziger Volkszeitung".)

Никто не мог предвидеть событий, разыгравшихся в четверг. Борьба рабочих за избирательное право освящена кровью. Больше пятидесяти раненых свидетельствуют о грубом противодействии, которое правительство в бессильном ослеплении хочет противопоставить исторической необходимости. Вечером в Sophiensaal, в самом обширном помещении Вены, назначено было собрание. Огромный зал, вмещающий около 5.000 человек, был переполнен народом еще задолго до начала собрания. Пришлось закрыть вход. Никто из тысяч присутствующих не двинулся с места. На улице, около входа, столпилось около десяти тысяч жаждущих принять участие в настоящих событиях. Случилось то, чего уже не было много лет, — улица оказалась местом сборища. Начались речи. Говорили немцы, чехи, итальянцы, славяне — всех выслушали с увлечением. Вдруг около стены взвился красный флаг, за ним другой, третий; на глазах возмущенной полиции флаги продолжали развеваться над толпой до конца собрания. В это время в зале уже началось собрание. Первым оратором выступил Пернсторфер. Он заговорил о грандиозной революции в России в связи с событиями в Австрии. Каждую фразу принимали с бурным восторгом. Он предупреждает правительство не восстановлять против себя рабочих. „Терпение масс исчерпано; пока-что мы довольствуемся демонстрациями, но в крайнем случае пойдем дальше!" Слова оратора были заглушены несмолкаемыми аплодисментами. Наконец он бросил лозунг: „Мы решили организовать всеобщую забастовку". После этого несколько минут невозможно было восстановить тишину. Ежеминутно выбрасывали красные флаги, усиливая энтузиазм. Вторым говорил чех Немец. Он также возвестил о решении рабочих итти до конца за свои права; ему ответили одобрительными возгласами. Так же отнеслись и к следующим ораторам, итальянцу Питтони, словаку Кристану, румыну Виттик и, наконец, депутату Дашинскому, каждое слово которого вызывало еще больший восторг, потому-что он говорил от имени польского народа, давшего революции столько героев и мучеников. К девяти часам вечера собрание окончилось. Медленно двинулось шествие из зала и с улицы — впереди шло человек двадцать с красными флагами. Зал находится недалеко от Ringstrasse, главной улицы Вены, на которой происходили все демонстрации избирательного права.

С восторженными криками: „да здравствует русская революция!" и с пением освободительных песен демонстранты прошли несколько улиц и дошли до конца Rabenbergerstrasse. Это место полиция избрала для нападения. Ровно в девять часов передние ряды были у перекрестка. Там их ждала конная и пешая полиция. Толпу начали оттеснять обратно в Rabenbergerstrasse: ей оставалось пройти немного до дворца, правда, дворец достаточно охранен войсками, но было бы крайне неудобно, если б многотысячные революционные крики не проникли дальше дворцовых стен. Впрочем, император Франц-Иосиф в то время покинул дворец и уехал в Шенбрунн.

Быть может, толпа и не продолжала бы шествия и вернулась бы обратно, но в это время ужасное уже совершилось. Безо всякого предупреждения начальник стражи выхватил шашку из ножен, остальные последовали его примеру, конная и пешая полиция с остервенением бросилась на беззащитную толпу.

Тщетно некоторые старались спастись в соседние улицы — со всех сторон на них набрасывалась полиция и рубила, куда попало. Другие в паническом страхе пытались перескочить через заборы, падали, следующие на них. Упавших продолжали избивать шашками — рубили женщин и подростков. С трудом удавалось унести раненых из свалки. Тяжелее других ранен техник, которому полицейский выколол глаз шашкой. Одному полицейскому его же усердный товарищ нанес страшный удар шашкой по голове. Полиция не щадила своих жертв, гналась за отдельными манифестантами по разным улицам. Улицы покрылись осколками стекол. Все соседние кофейные и рестораны переполнились ранеными. Многие спаслись в редакции „Рабочей Газеты", где им была оказана медицинская помощь. В редакции видна была масса шляп, совершенно изрезанных шашками. Туда же принесли кусок шашки, отлетевшей при

особенно удачном ударе. Через несколько минут сражение кончилось. Все прошло, как страшный сон. Но события покажут, что рабочие не забудут зверства полиции. Если этим преступным нападением рассчитывали запугать народные массы и отбить охоту к дальнейшим демонстрациям, то теперь всякому, даже самому безмозглому полицейскому, ясно, что получен совершенно обратный результат. Рабочие до крайности возмущены и ни перед чем не остановятся. Не хотели мирной демонстрации — хорошо! Полиция больше не увидит картину бегства беззащитных. До 21 ноября, дня открытия парламента и общего рабочего отдыха, волнение может достигнуть чудовищных размеров.

Борьба за всеобщее избирательное право будет доведена до конца; каковы бы ни были жертвы — победа обеспечена.

Финляндия.

Не только друзья Финляндии, сочувственно следившие за героической борьбой финского народа с подавляющим по численности врагом, — все, кому вообще дороги интересы рабочего класса, должны с чувством живейшей радости приветствовать блестящую победу, одержанную финскими народными массами.

Победа действительно грандиозна, грандиозна, как и движение, ее создавшее. Мощным напряжением всех сил всего народа пали не только цепи политического абсолютизма, рухнули и остатки феодального строя.

Когда в 1899 году впервые была занесена рука на финляндские вольности — манифест 3 (15) февраля вызвал единодушный крик негодования. Не потому, чтобы финляндские учреждения, сохранившие почти одни во всем мире сословное представительство, фактически устраняющие демократические слои народа от участия в государственной власти, — не потому, чтобы эти учреждения соответствовали истинным потребностям новых народных сил или удовлетворяли интересам развивающегося пролетариата. Манифест вызвал глубокое возмущение во всех слоях общества, даже в тех, которые игнорировали учреждения, ими попираемые, — потому что он являлся посягательством на исконную политическую самостоятельность страны, священную для всего народа.

Политика обрусения, приведения всего к одному знаменателю — безгласного рабства, проводилась последовательно и неуклонно. Свободную страну наводнили шпионами и жандармами. Уничтожили войско; выгоняли честных финских чиновников, заменяя их проходимцами типа ташкентцев; арестовывали, высылали лучших людей страны. Не было надругательства, которому ослепленные обрусители не подвергали бы честный и трудолюбивый народ. Народ долго терпел, верный историческим традициям лойяльности; народ долго думал, что эта политика — результат какого-то недоразумения, и что он сможет разсеять это заблуждение петициями, адресами и т. д.

Ответом на них были репрессивные меры Бобрикова. Глухое недовольство стало нарастать, а когда деятелям Финляндии стали, вопреки основному закону страны, брить лбы, чтобы их отправлять солдатами за пределы великого княжества, народ не выдержал. Началась эра террористических актов. Имперское правительство и здесь не оставило своих бессмысленных мечтаний физической силой войска и полиции раздавить нравственное могущество им же революционизированного народа.

Беззакония продолжались, и народ восстал на защиту права. Но в то время, как у правительства были лишь старые средства угнетения и насилия, историческое развитие выковало новое оружие и вложило его в руки нового класса. Это оружие — была всеобщая политическая стачка; этот класс — городской и сельский пролетариат. Пролетариат восстал не во имя одних только старых лозунгов, он создал новый лозунг демократического государственного устройства. И лозунг его стал общенародным, за которым пошла вся страна. Один-два дня всеобщая политическая забастовка вооруженного народа стала фактом до того грозным, что правительство увидело себя вынужденным отступить, сдав все позиции — от манифеста 1899 года до устава о воинской повинности 1901 года.

Манифест 24 октября 1905 г., кроме отмены репрессивных мер, возвещает реформу народного представительства на демократических началах. В телеграммах из Гельсингфорса мы читаем, что социал-демократическая партия выразила свое удовлетворение достигнутыми результатами. Мы знаем энергию и решимость, мы знаем организованность и самоотверженность финского народа. Мы не сомневаемся поэтому, что реформы 24 октября получат осуществление на деле.

„Это случилось, чтобы служить примером". Эти слова апостола неотвязно звучат у нас в голове, когда мы шлем наши горячие приветствия нашим финским товарищам.

А. Г.

Областной отдел.

К событиям в Баку.

С Кавказа продолжают притекать в столичные газеты „Правительственные сообщения". Очевидно, этот способ оповещения публике официальной „правды" во мнении кавказских властей недостаточно еще дискредитирован приемами Сипягина, Плеве, Булыгина и других. Предполагается, что среди читающей публики есть еще лица, которых можно завербовать в правительственный лагерь кивками в сторону армян, социал-демократических комитетов, армянских дашнакцутюнов, грузинских социалистических комитетов и прочих „крамольных" организаций. И это после того, как даже „Новое Время" обозвало эти сообщения правительственной ложью.

Несколько дней тому назад было опубликовано длинное правительственное сообщение о событиях в Баку. Оказывается, что армяне все еще продолжают стрелять из домов и бросать бомбы в мирных хулиганов и патриотов-манифестантов, отлично зная по примеру прошлых месяцев, что за такими их действиями последует массовое истребление армян же, разгром их квартир, поджог их домов, грабеж их имуществ. Карась любит, чтобы его жарили в сметане: армянам нравится, чтобы их убивали и жгли татары и хулиганы. Ну, конечно, войску при таких условиях не остается ничего больше, как оцеплять горящие дома и не подпускать к ним пожарной команды. В горящих домах, видите ли, взрываются бомбы и склады патронов. Правительственному сообщению удалось даже при пожаре одного дома констатировать точное число взорвавшихся в огне патронов. Кончается история всякий раз тем, что властям удается „уговорить" бесчинствующую толпу приостановить разгром до завтра. В результате, от армянских бомб ни одного убитого, а от бесчинств толпы и „уговаривания" войска сотни убитых армян, в числе их много женщин и детей, и целые кварталы разрушенных и разграбленных армянских домов, в числе их богадельня, населенная калеками, женщинами и стариками.

Какого низкого мнения должны быть кавказские власти о русском общественном мнении, если они думают подобной грубой ложью ввести его в заблуждение! Телеграммы, полученные частными лицами и учреждениями и опубликованные в петербургских газетах, не оставляют никакого сомнения в наличности самой грубой провокации со стороны полиции, опираю-

щейся, главным образом, на черносотенников и мусульман, подготовленных многолетней пропагандой пресловутого „пророка“ мусульманского эксклюсивизма—Агаева. Вот как рисует положение дел частная телеграмма, посланная г. Витте из Баку 24 октября:

„Уже пятый день в городе царит полная анархия, идет организованная резня армян. Несмотря на об‘явленное генерал-губернатором воспрещение манифестаций, хулиганы, прикрываясь желанием устроить патриотические шествия, ходят по городу с портретом государя и флагами, сопровождаемые офицерами и войсками с ружьями на перевес. Останавливаясь перед заранее намеченными армянскими домами и производя перед ними панику выстрелом, хулиганы уверяют, что из этих домов стреляли, и начинают грабить, а затем и поджигать их под прикрытием войска, которое в свою очередь бомбардирует эти дома. Усиленное возбуждение среди толпы и войска против армян поддерживается провокацией еще не удаленных туземцев полицейских и офицерами. Был случай выстрелов, сделанных офицером при криках: „армяне стреляют!“ Офицер этот был настигнут и остановлен председателем военного суда, сделавшим ему замечание. К подожженным домам толпа не подпускает пожарную команду. Из них выводят всех обитателей, кроме армян, которых там же сжигают. Спасающихся подстреливают войска. Толпа ворвалась в армянскую богадельню, где вырезала беззащитных больных, женщин и детей. Раненых масса. Громадная часть населения выброшена на улицу без крова и пищи. Положение армян отчаянное. Войска не только не защищают, но и не позволяют защищаться от толпы. От имени армянского населения, поставленного вне закона, взываем к вашему сиятельству с почтительной просьбой приказать принять неотложные меры к прекращению царящей в городе анархии“.

Такое положение дел продолжается и сейчас в Баку, а власти стараются кого-то обмануть своими сообщениями. К чему это? Разве недостаточно громко осудил народ лживые приемы властей? Новая жизнь требует и новых приемов. Общественное мнение, добившееся 17 октября обещания передачи власти народу, не может быть введено в заблуждение ложными сообщениями.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*
Издательница *М. Ф. Андреева.*

Типография Т-ва „Народная Польза“. С.-Петербург. Коломенская, с. д., № 39.

Приложение к № 1.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

ПРОГРАММА

Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, принятая на втором с'езде Партии.

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата, российская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером современного буржуазного общества и ходом его развития.

Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребностей предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплоатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплоататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, — т.-е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплоатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем бур-

жуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплоатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса—социал-демократия—зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплоатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата. На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что ее развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы:

1) Самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату;

2) Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших 20 лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения; двухгодичные парламенты; жалованье народным представителям;

3) Широкое местное самоуправление; областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения;

4) Неприкосновенность личности и жилища;

5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов;

6) Свободу передвижения и промыслов;

7) Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности;

8) Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина об'ясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях;

9) Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства;

10) Право каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника;

11) Выборность судей народом;

12) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа;

13) Отделение церкви от государства и школы от церкви;

14) Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует отмены косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, Партия требует:

1) Ограничения рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих;

2) Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства;

3) Полного запрещения сверхурочных работ;

4) Воспрещения ночного труда (от 9 ч. вечера до 6 ч. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями;

5) Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16—18 лет) 6-ю часами;

6) Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения жен-

щин от работы в течение 4-х недель до и 6-ти недель после родов, с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время;

7) Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей; освобождения женщин, кормящих ребенка, от работы не реже, чем через три часа, на время не менее, чем на полчаса;

8) Государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов;

9) Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты деньгами по всем без исключения договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время;

10) Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.);

11) Назначения достаточного количества фабричных инспекторов во всех отраслях народного хозяйства и распространения надзора фабричной инспекции на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая казенных (труд домашней прислуги входит также в сферу этого надзора); назначения инспектрис в тех отраслях, где применяется женский труд; участия выбранных рабочими и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценков, приемкой и браковкой материала и результатов работы;

12) Надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их в наймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их как частных лиц и граждан;

13) Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей; бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей, с сохранением содержания во время болезни;

14) Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда;

15) Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей;

16) Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства, с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне Партия требует прежде всего:

1) Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство как на податное сословие;

2) Отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

3) Возвращения крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей; конфискации с этой целью монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии, а равно обложения особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4) Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или—в том случае, если земли переходили из рук в руки,—выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для передачи в собственность крестьян на Кавказе тех земель, которыми они пользуются, как временно-обязанные, хизаны и проч.; в) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства;

5) Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и об'являть недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

С своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом.

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 2

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ПЯТНИЦА, 28 ОКТЯБРЯ
(10 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

С.-Петербург.

28-го октября.

Пункт 2-й манифеста 17 октября говорит: „Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив, засим, дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку“.

Таким образом, правительство не только не отказывается от мысли созвать Государственную Думу, отвергнутую с негодованием русским пролетариатом, но даже намерено предоставить ей некоторые права Учредительного Собрания.

Расчет здесь довольно ясен. По закону 6 августа Государственная Дума должна была состоять исключительно из „цензовиков“ — крупных и мелких землевладельцев и капиталистов. Пролетариату не дано было в ней места. Это — понятно. Правительство имело полное основание рассчитывать на „благонамеренность“ буржуазии, хотя бы и либеральной, и хорошо знало революционность пролетариата. Теперь, сломленное напором революционного рабочего класса, оно идет на уступки. Оно согласно расширить, „по мере возможности“, избирательные права народа.

Но как велика эта мера?

В печать проникли уже сведения о предполагаемых изменениях системы выборов в Государственную Думу. Ценз „квартиронанимателей“ будет понижен с X до III разряда, и в столице достаточно платить за квартиру только 40 (!) рублей, чтобы попасть в избиратели. Рабочим также предполагается предоставить в Думе из почти 600 мест — 20. Но выборы все же остаются не всеобщими, не равными, не прямыми и не тайными. „Цензовики“ буржуа преобладают попрежнему.

В них правительство видит и ищет своих естественных союзников против революционного народа и, в частности, против рабочего класса, который также естественно стремится под знамя международной социал-демократии. Ведь угроза политического господства пролетариата и призрак социализма одинаково страшны и для правящей и для управляемой буржуазии. Вот почему правительство не очень-то страшится „учредительной“ роли цензовой, буржуазной Государственной Думы. Даст ли эта Дума народу всеобщее, равное и прямое избирательное право с тайной подачей голосов — это еще весьма сомнительно. Но если даже и даст, то это все же лучше, чем созыв теперь же Учредительного Собрания, которое может не оставить камня на камне в полуразрушенном здании старого порядка.

И правительство делает явную попытку столковаться с буржуазией. Только такое значение имела беседа Витте с приглашенными им из Москвы представителями конституционно-демократической партии. Правительство предлагает либералам „содействовать“, те торгуются относительно реформ. На сей раз либералы запросили Учредительного Собрания на основе всеобщего избирательного права. И Витте ответил, что „правительство не может взять на себя ответственность“ за немедленное введение всеобщего избирательного права, в виду происходящих столкновений между различными слоями населения.

Какое реальное значение может иметь эта „нерешительность“ правительства? Только одно правительство еще не знает, сыграют ли организованные его агентами погромы роль контр-революции. Если да, то тогда можно обойтись не только без Учредительного Собрания, но, пожалуй, можно вернуться и к абсолютизму.

Во власти пролетариата, во власти революционного русского народа решить этот вопрос. Пролетариат, если хочет обеспечить за собой политические права, дающие возможность бороться за улучшение его экономического положения, бороться за социализм, должен добиться, во что бы то ни стало, созыва Всенародного Учредительного Собрания. Он не может предоставить буржуазии решать за него, какой государственный или общественный порядок учредить в России. Он не может помириться на жалком участии небольшой кучки рабочих в цензовой Думе.

Выгодно для правительства и буржуазии, но не хитро задумано это представительство рабочих в Государственной Думе. Рабочие выбирают путем косвенных выборов только рабочих, как крестьяне выбирают только крестьян. На первый взгляд наивному человеку покажется, что это-то и хорошо, и справедливо: будут настоящие рабочие и настоящие крестьянские представители, а не „интеллигенты“. На самом же деле цель такого представительства в том, чтобы помешать политическим партиям, а главным образом социал-демократии, провести своих представителей. Поддадутся ли на эту удочку товарищи-

рабочие? Не сомневаемся ответить нет. Мы уверены, что пролетариат ни пред чем не остановится, чтобы добиться Всенародного Учредительного Собрания для установления истинно-демократического строя.

Поправка. В первом номере, в статье Минского „Свободные речи“, благодаря спешной корректуре, вкрались типографские ошибки. Именно: на странице 5-й, на 27-й строке снизу, напечатано: „бескровная революция“, вместо „октябрьская революция“; в 11-й строке следует выбросить слова: „Мы видели, как самодержавный труд“.

Какая „милиция“?

Старый режим... Шаг за шагом отступает он под напором народного освободительного движения, во главе которого идет пролетариат. И каждый шаг вперед на этом театре войны отмечается потоками крови и грудами трупов. Этот театр войны — вся необ'ятная Россия. Еще так недавно ночь беспросветная свинцовой тучей висела над ней и глушила все живое, все мыслящее, все способное болеть не только за свою личную шкуру, радоваться не только радостям своего нутра.

И старый режим знал, что эта тьма — его надежнейший союзник. Всеми силами, не покладая рук, готовил он будущей свободной России свою черную армию контр-революции, ревниво оберегая беспросветную тьму дикого невежества; одевая все новые и новые своры взяточников и насильников в мундиры полиции и администрации; разжигая самые грубые и низкие страсти — страсти религиозные, страсти национальные; превращая армию — носительницу идеи национальной независимости — в школу порока и озверения; заражая всю народную жизнь духом бесправия, лжи и насилия.

Так готовил старый режим свою черную армию, так готовил он свою последнюю ставку — тот всероссийский разгром, в буре которого он пытается теперь найти свое возрождение.

И снова потоки крови, снова груды трупов — трупов людей, сердца которых горели пламенем святой борьбы за свободу...

Что же делать? Где та сила, которая отстоит уже добытые завоевания и доведет их до логического конца?

Эта сила — милиция*), организованная нашими городскими думами,—таков ответ, который приходится часто слышать в последние дни. Но этот ответ — самообман или лицемерие!

Требовать сейчас введения городской милиции значит или не видеть за деревьями леса, или готовить российской свободе западню.

Ибо борьба за свободу не остановится на достигнутом; в ее ходе есть своя внутренняя логика, и эта логика доведет ее до конца. И кому действительно страшны и отвратительны жертвы — жертвы бесплодные, — тот должен учитывать не только жертвы момента, но и жертвы будущего.

Вот почему сознательный пролетариат, идущий во главе освободительной борьбы, не должен и не может отдать в руки нашей дряблой, трусливой цензовой буржуазии великое дело охраны достигнутых и грядущих завоеваний. Это означало бы предать и российскую свободу и самого себя, и приуготовить в недалеком будущем новые гекатомбы жертв — жертв пролетарских.

Российская буржуазия упустила выигрышный для нее исторический момент. Она великолепно разыгрывает роль тех „предков“ Марка Твэна, о которых он говорит: „То были храбрые ребята! Когда войско шло на войну, они уныло тащились в хвосте его; когда оно возвращалось, они шли впереди его с громкими победными песнями“. Этим самым российская буржуазия выдала пролетариату — как передовой фактической силе — вексель, и этот вексель в свое время будет пред'явлен к учету. И чем больше сохранит за собою пролетариат то господствующее положение, которое он занял теперь в деле борьбы за политическую свободу, тем ничтожнее будет количество жертв, которых потребует этот учет.

Имея неоспоримое право на этот учет, пролетариат знает, что право есть пустой звук, если оно — не сила. И еще он знает из истории, что, когда пролетариат других стран пред'являл в аналогичные моменты свой исторический вексель, не закрепив предварительно всех своих позиций, — буржуазия отвечала ему не хуже любого старого режима массовыми расстрелами. И российский пролетариат не должен повторять ошибок своих западно-европейских братьев. Он не позволит — не должен позволить — „храбрым ребятам“ наших дум взять в свои руки дело охраны российской свободы, покупаемой пролетарской кровью прежде всего. Ибо, получив свою „умеренную и аккуратную“ свободу, они обрушатся потом на тот же пролетариат в его непреклонном стремлении к свободе демократической.

В России не должно быть места предательским кадрам „национальной“, „муниципальной“, „подвижной“ и т. п. гвардий. Призванный страж и беззаветный защитник российской свободы против черной армии — российский пролетариат. И дело организации охраны свободы должно быть делом его рук, его партии. Он спасет Россию от полного разгрома, доведет дело завоевания свободы до конца.

Не жертвы ужасны. Ужасна их бесплодность. Чтобы отстоять дело свободы, нужно вооружить ее самое. А это значит вооружить носителя российской свободы — российский пролетариат... Тогда — и только тогда — дух победоносной российской революции утвердится на развалинах старого режима, светлый и беспощадный.

И. Г-г.

---

*) Поскольку защитники „милиции“ имеют в виду вооружение свободной России для борьбы с черной армией контр-революции, постольку они допускают здесь — вольно или невольно — прежде всего, путаницу в терминах. Милиция — это вооружение всего народа для защиты отечества от внешнего врага; теперь же речь идет о вооружении свободной России для борьбы с внутренним врагом свободы.

Русская печать.

*** Реформы, возвещенные на бумаге, продолжают пополняться и дополняться, к сожалению — тоже на бумаге. В „Руси“ находим заметку:

Граф Витте, — как сообщает петербургский корреспондент „Journal“, — заявил в одном разговоре, что данная политическая амнистия недостаточна и что следует ожидать вскоре новой дополнительной амнистии.

Кроме того, он сказал, что три четверти всех губернаторов выйдут в отставку.

Отчего бы и не все 100 процентов?

*** По поводу недавних событий „Наша Жизнь“ делает справку. Газета вспоминает брошюру одного из русских социал-демократов, предсказывавшую, что русскую революцию сделает всеобщая стачка.

Насколько помнится, автор статьи — мы не считаем себя вправе называть его — исходил из того соображения, что все оппозиционные элементы России из непролетарской среды крайне слабы и едва ли-де окажутся способными к активной борьбе с абсолютизмом; тем более, что, по мнению автора, наша „буржуазия“ сумела приспособиться к самодержавному режиму, и серьезного, глубокого антагонизма между ней и абсолютической формой правления не существует.

Единственным революционным классом представляется автору наш пролетариат, и на него-то он и возлагал все надежды по совершению в России коренной реорганизации государственного строя. Но, соображая возможные способы и приемы „производства“ революции, автор решительно отвергал осуществимость переворота при помощи непосредственной вооруженной борьбы пролетариата — „рабочих батальонов, стянутых в столицу“, — так помнится, он выражался, — и потому, в конце концов, он склонялся к той мысли, что нашему пролетариату не останется другого средства, как устроить всеобщую забастовку и принудить таким путем буржуазию и покровительствующее ей правительство удовлетворить требования пролетариата. В свое время мысли, изложенные в этой статье, обратили большое внимание в среде наших социал-демократических групп и вызвали некоторую полемику. Между прочим, Н. Ленин, автор известного памфлета: „Что делать?“, находил, что решение, данное в названной статье, не соответствует истинному социал-демократическому мировоззрению, являя собой уклонение в сторону анархизма.

„Наша Жизнь“ хочет кого-то уколоть. Ей кажется, что тактика Ленина, — т. е. тактика русской социал-демократии, — обличена ходом событий. Советуем газете не торопиться. Переворот еще не закончен. Стихийная всеобщая стачка не сбила с ног самодержавный режим, а только оглушила его. О свободах мы пока только слышали. И если манифесты о них завоеваны не „рабочими батальонами“, то без помощи рабочей милиции бумажки полетят в печку, а ваши либеральные спины будут попрежнему расхлестываться нагайками.

*** Состав совета министров, в котором на-ряду с Витте красуются такие душители, как Дурново, Редигер и К°, наводит „Русь“ на грустные размышления.

Мы лично совершенно не сомневаемся в искренности намерений графа Витте, но должны сказать, что вполне правы и те, которые отказывают ему теперь в доверии.

Доколе граф Витте идет под руку с пережитками распадающегося режима, не может быть и не будет доверия общества к такому министерству.

Чтобы иметь доверие, без которого его задача не выполнима, граф Витте должен оставить совершенно политику бюрократических компромиссов и, открыто порвав с режимом прошлого, опереться исключительно на организованные и здоровые общественные силы страны. Без этого задача графа Витте не выполнима, и все усилия его будут бесплодны. И он должен это сделать немедленно, не упуская момента, пока это еще возможно.

Пора оставить наивность и не приписывать отдельному человеку всемогущества, присущего лишь господу богу. Граф Витте не висит в воздухе и не поступает так, как ему заблагорассудится, а действует под властным напором спорящих общественных сил. Тут вопрос вовсе не в Витте, а в том, кто кого одолеет.

Впечатления.

I.

... Все идет вполне нормально к своему концу.

Монарх возложил на правительство выполнение своей непреклонной воли — „даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности“.

Это было 17 октября, в день крушения императорского поезда в 89 году.

С этого же дня во всех городах империи началось усиленное избиение казаками, полицией и черной сотней рабочих, студентов, евреев, детей и прочих врагов самобытного строя России. Уже убиты сотни людей, и между ними убит казацкой пулей сын портного Вася Бубнов, человек двух лет и шести месяцев от роду.

И, несомненно, будут убиты еще многие сотни русских людей...

В церкви священник говорил речь. Он ругался, как раздраженный лавочник, которому помешали отдохнуть от трудов торговли, лгал, как невежда, обиженный тем, чего он не может понять, и клеветал на русский народ, захлебываясь желчью...

Истекая бессильной старческой злобой, этот служитель бога любви и милосердия говорил во храме своего кроткого бога языком инквизитора и зверя...

Он благословлял на убийства и заранее разрешал будущим убийцам Каинов грех.

Местное „правительство“ присутствовало во храме, слышало исступленную речь безумного старика и, очевидно, не нашло ее противоречащей непреклонной воле монарха...

Вероятно, призыв к убийствам из уст главы церкви христовой уже даст свои результаты, когда вы получите это письмо. Мы живем в стране, где убийцы берут недорого—идут на работу за рубль и не протестуют, если полиция платит им только 30 к., как это было во Пскове и Курске.

Вслед за убийствами надо ожидать, что правительство спокойно скажет обществу:

— Видите: вам была дана гражданская свобода на началах действительной неприкосновенности личности, а вы омрачили ее распрями и кровью. Очевидно, вы еще не созрели для свободы, а потому...

И мудро, как всегда, отдаст приказ полиции:

— Остановить немедленно движение колеса истории!

В Саратове уже об‘явлено военное положение.

А колесо, приведенное в движение лучшими силами народа, завертится еще быстрее!

Право же все идет вполне нормально!..

II.

Либералы, почему-то именующие себя демократами, кажется, несколько преждевременно ликуют.

Преждевременно — не потому, что победа, купленная ценою крови пролетариата, не может быть прочной победой в их руках, — нет, известно, что мещанство при всей его духовной нищете умеет очень талантливо пользоваться плодами чужого труда.

Но, порвав свою кратковременную и, как всегда, фальшивую связь с народом, оно осталось одиноким ранее, чем следовало бы.

Черная сотня плохо разбирается в программах.

А кто теперь гарантирует мещанству „действительную неприкосновенность личности“? Многоглаголивый граф Витте и кандидат на роль герцога Альбы г. Трепов? Это очень почтенные личности и, конечно, они могут не без удовольствия перестрелять и перевешать тьмы народа, но все же это — два небольших человека, несмотря на величину их кулаков.

Милиция, составленная из черной сотни, — вот прекрасная охрана интересов мещан. Это будет именно такая милиция, о которой говорил гласный московской думы Щепкин и которая, по его словам, „должна защищать собственность и порядок от нарушений, с чьей бы стороны они ни исходили“...

Несомненно,—в груди мещанина сидит какой-то гнусный чорт, холодно корректирующий каждое движение мещанского сердца...

Если это сердце, под давлением ужасов жизни, мучительных страданий залитой кровью народа несчастной, избитой страны, искренно качнется влево, — чорт, усмехаясь, толкнет трусливое, слабое сердце правее, правее...

А.

Отрывки.

Доверяем только милиции.

Главная беда Витте, что никто ему не верит в кредит. Рабочие боролись не для того, чтобы, выбив власть у Игнатьева, благодарно поднести ее Витте. Оставалось опереться на либералов. Но и те к займам не склонны. Держат на запоре сердца, как банкир — денежный ящик, и даже вексель с надписью „конституция“, кажется, не принят к учету. Так часто попадали впросак и платили звонкой монетой — золотом своей благодарности — за бумаженки, оказывавшиеся фальшивыми, что теперь сделались осторожными и требуют уплаты вперед. Это очень неприятно для Витте, и мне его от всей души жаль, но таково уже лукавство истории, что тот, кто отстает от нее, осуждается на неприятные изумления.

Чем отличается теперешний манифест от прежних обещаний и извещений? Только тем, что обещает щедрее. Гарантий же попрежнему никаких. Уже на-днях нам дипломатически намекнули, что, если мы не будем послушными, то ведь реформу можно и затянуть, а пока править по-старому, с большой прикосновенностью к личностям, с свободой цензурированной печати и широким правом собраний — во дворе дома предварительного заключения.

Чьи-то руки, притаившиеся за сценой, уже вцепились в обещанные „свободы“, и никто не может ручаться, что эти яркие, цветистые декорации не будут уволочены за кулисы так же быстро, как их оттуда приволокли.

Я вполне готов допустить, что Витте — человек честный и искренно стремится к тому, чтобы сдержать свое слово. Но был искренним и князь Святополк, и, однако, все его обещания кончились расстрелом рабочих. К своему премьерскому месту граф Витте, насколько мне известно, не привинчен и не приколочен гвоздями. Стоит дунуть придворному ветерку, и премьер может очутиться на воздухе, а вместе с ним и его „система правления“. Но даже если Витте останется, то, пока щедрость посулов не обопрется на действительные гарантии, Россией будет править не он, а свора полицейских чиновников. Или, может быть, вы допускаете мысль, что из вчерашних воров, взяточников, устроителей погромов и избиений, укрывателей мошеннических притонов, пайщиков грабительских шаек — за ночь станут либеральные джентльмены? Полиция — начиная от губернаторов и кончая околоточным надзирателем, — несомненно, пустится во все тяжкие, чтобы только замутить воду и не дать осуществиться свободам.

Она не может иначе поступать хотя бы уже потому, что поголовно кормится взятками, а при введении гражданской свободы промышлять взятками мудрено.

Если Витте — искренний человек, то его первой заботой должно быть ограждение населения от этих полицейских воздействий. Нелепо говорить о свободе, когда воры и каторжники в мундирах беспрепятственно измываются над народом, бьют его, калечат в участках, решают по своему усмотрению, где ему быть и что делать, вымогают деньги и послушание. Но вот со дня манифеста прошло уже, слава богу, десять дней, а до сих пор что же сделано? Не только ничего не предпринято для охраны прав населения, хотя бы предоставлением ему возможности охранять самого себя, но даже заведомые преступники не смещены с административных постов. Откуда же возьмется доверие?

Не спроста в первый же день после манифеста со всех сторон стали сыпаться требования об учреждении гражданской милиции. Мы все чувствовали, что за ближайшим углом, злобно притаившись и выжидая, стоит каторжник в полицейском мундире, развращенный вековыми возможностями вымогать, грабить и властвовать. Мы понимали, что он уже приготовился, что он уже замыслил борьбу с грозной для него конституцией. Мы знали, что он уже перешептывается со своими товарищами по грабежу—босяком, сутенером и хулиганом. Мы видели, как из рук в руки переходят, зловеще поблескивая, ножи, кастеты и револьверы. Мы видели, как выстраиваются войска, подчиненные полицейскому усмотрению, чтобы прикрыть, в случае надобности, отступление громил и насильников.

Я обращаюсь к доверяющим Витте и говорю им: неужели вы думаете, что требование устроить милицию было просто мимолетным капризом? Неужели вы и теперь не поймете, что тут указан вам единственный путь для

закрепления возвещенных свобод? Сотни тысяч окровавленных рук протянулись к вашим словам, к тем свободам, о которых вы говорили, и стараются запятнать буквы, чтобы все, о чем вы мечтали, заволоклось багровым налетом. Если вы хотели свободы — хотя бы той, буржуазной, необходимой предпосылки иной, скрытой в далях будущего развития, — если вы хотели быть искренними, не могли же вы не понять, что мало возвещения о свободе, надо дать народу возможность укрепить это драгоценное благо, отстоять его от неминуемых покушений. Вы очень хорошо знаете, каков состав „исполнителей", каковы кадры администрации, вы говорите об их развращенности, об их варварстве, оставшемся первобытным, — и вы можете думать, что, пока сила у них, пока в противовес этой силе не создана иная, культурная, — хоть одна из драгоценных свобод может войти в жизнь? У нас такой наивности нет.

События, разыгравшиеся в России за эти несколько дней, показали, насколько мы дальнозорки и насколько близоруки другие. В Радоме, Полтаве, Одессе, Вязьме, Ростове-на-Дону — почти во всех крупных южных городах полиция уже устроила погромы. Я говорю смело „полиция" потому, что официальное же агентство только что оповестило газеты, что среди одесских громил орудовали переодетые полицейские. Если же так было в Одессе, то я не вижу оснований предполагать, что в Ростове этого не было. Казаки, подчиненные губернатору, — тоже, по сообщению агентства, — укрывали погромщиков от самообороны. Весьма возможно, что, устраивая погромы, полицейские и вольные черносотенцы надеялись убить двух зайцев разом: напугать ободрившееся население и крупными кровавыми беспорядками затормозить ход реформ. Поддастся ли на эту удочку г. Витте?

Пролетариат хочет милиции — не потому, как уверяют его враги, чтобы он желал „смут", а потому, что он желает правопорядка и действительного обеспечения свободы.

И он хочет милиции пролетарской, потому что он не может не знать, что всякая иная милиция будет храбро отсиживаться по домам, когда пойдет речь о защите завоеванных прав от штыков и пулеметов властей, и геройски рваться в сражение, когда представится случай усмирять безоружных рабочих.

Кто мечтает об оплоте свободы, те пусть смело обратятся к пролетариату. Пролетариат проведет свое требование вместе с ними, если их слова искренни; вопреки им, если они только декорация.

Леонид Галич.

Г. Тан и „мобилизация общественных и народных сил".

По мнению некоторых гласных Московской городской думы, эта самая дума прошлой весной „стала во главе освободительного движения" („Русск. Вед.", № 277). По свидетельству членов покойного теперь „союза освобождения" (ныне — конституционно-демократической партии) в известном их воззвании к народу, изданном земским с'ездом в августе текущего года, освободительное движение в России началось постановлениями земского с'езда в ноябре 1904 г.: за земцами, видите ли, пошли и рабочие, и студенты, не говоря уже о других общественных группах.

Пока так говорили господа земцы и думцы, можно было только посмеяться над таким самомнением: пусть себе думают на здоровье, что они — вожди движения, что они — соль земли, что они дают пример гражданского мужества. Ведь все равно жизнь уж слишком явно противоречит этим росказням, чтобы они кого-нибудь могли обмануть; даже более: было приятно отметить лишний раз пустую хвастливость либеральной буржуазии, не задумавшейся в то же время предать народ своим согласием на вступление в булыгинскую Думу. Но вот к голосам земцев и думцев присоединяется голос человека с демократическим прошлым и с известной литературной репутацией: на происходящем теперь в Москве областном с'езде делегатов учительского союза известный писатель г. Тан заявил буквально следующее: „Мобилизация народных и общественных сил" началась $1^1/_2$ года тому назад всероссийским земским с'ездом, затем организацией союза адвокатов, союза литераторов, инженеров... Мобилизация шла вниз и чем ближе была к нижним слоям, тем сильнее проявлялась ее деятельность, потому что внизу люди были связаны непосредственно с самой жизнью. Такими союзами были учительский и лиц медицинского персонала. Скоро движение охватило железнодорожных служащих; за ними поднялся вообще русский рабочий; его подготовили две организации — „социал-демократы и социалисты-революционеры" („Русск. Вед.", № 277).

Не правда ли, как это мило! Начали земцы, продолжала якобы „внеклассовая" или „надклассовая" интеллигенция, и лишь за ними поднялся рабочий... Что за дело г. Тану и его единомышленникам из среды земцев и думцев до того, что рабочий начал подниматься еще в 1882 г., когда первые массовые стачки вызвали необходимость появления первых фабричных законов. Не важно для этих господ и то, что уже стачки конца 90-х годов имели политический оттенок, а казанское, московское, ростовское и вообще южное рабочее движение 1901 и 1902 годов были уже ярко-политическими, а ведь это было задолго до земских с'ездов с их робкими, бесцветными заявлениями.

Г. Тан и его единомышленники забыли, конечно, и о том, что свободная Россия создана пролетарским движением, а союзы, и в частности учительский союз, ничего не сделали в политическом смысле за все время своего существования. Тот же учительский союз и в профессиональном отношении, т. е. в деле защиты школы от всяческого произвола, и в деле материальной, юридической и нравственной взаимопомощи учителей (под нравственной взаимопомощью мы разумеем содействие выработке сознательных, твердых и глубоких политических убеждений) не сделал ни шагу вперед. Нельзя же, в самом деле, считать серьезным делом рассылку по земствам жалкого циркуляра о нуждах школы от имени союза. А в последней всеобщей забастовке союз себя так ничем и не показал...

И это понятно: большая часть союзов — и в частности союз учительский — бессильны политически, потому

что политической силой могут обладать только партии, это — политическая азбука; но они бессильны также и профессионально, потому что большинство из них не соединяет не только всех, но и большей части прогрессивно-настроенных членов данной профессии. Иллюзорные, мнимые политические задачи союзов препятствуют правильному развитию их профессиональных задач, и потому союзы лишаются и того значения для политической жизни страны, какое они, несомненно, имели бы, оставаясь профессиональными союзами в том смысле, в каком это выше указано.

Н. Рожков.

Амнистия.

Когда 18 октября Петербург узнал, что старый строй отступил, и что главная его позиция — абсолютизм — бесповоротно сдана, первый помысел народных масс был обращен к тем борцам, которые жизнью, счастьем и свободой жертвовали во имя освобождения страны.

Полная и безусловная амнистия, освобождение всех, кого открытое исповедывание заветных убеждений привело в тюрьму или ссылку, — требование такой амнистии не сходило с уст. Категоричность этого требования была столь очевидна, что правительство уже 19-го вынуждено было заявить, что амнистия последует на-днях. Субботний № „Правительственного Вестника“ действительно принес ее нам в виде указа, данного сенату 21 октября.

Уже внешняя сторона этого правительственного акта заставляет нас предполагать, что не дух молодой свободы, а дух канцелярского бюрократизма господствовал при его составлении.

Важны и имеют непосредственное практическое значение пункты 6 и 1 указа.

Пункт 6 освобождает от наказания всех лиц, подвергшихся до 17 октября административным карам по политическим делам.

Нерешенным остается вопрос, имеющий большое практическое значение, а именно об ответственности за побег из ссылки. За последние годы эти побеги, как известно, особенно участились, и значительной части ссыльных удавалось вырваться из Сибири, чтобы снова ринуться в освободительную борьбу уже в качестве „нелегальных“.

Согласно пункту I, освобождаются все осужденные судом за политические преступления, предусмотренные перечисленными в нем статьями нового уголовного уложения и некоторыми статьями старого, равно как все те, против которых возбуждено или имеет быть возбуждено уголовное преследование за такие преступления, если они совершены до 17 октября. Статьи эти имеют в виду: оскорбление императора или члена императорского дома, составление, печатание, хранение, распространение и провоз сочинений, содержащих в себе такое оскорбление или угрозу (ст. ст. 103, 104, 106, 107), участие в противоправительственной демонстрации (121), участие в рабочей или революционной организации, если таковая не имела в своем распоряжении средств для взрыва или склада оружия (125 и 126 ч. I), предоставление помещения для

Пчелки.

Мы бедные пчелки, работницы пчелки.
И ночью и днем все мелькают иголки
В измученных наших руках.
Мы солнца не видим, мы счастья не знаем,
Закончим работу и вновь начинаем
С покорной тоскою в сердцах.
Был праздник недавно, чужой — нас не звали,
Но мы потихоньку туда прибежали
Взглянуть на веселье других.
Гремели оркестры на пышных эстрадах,
Кружилися трутни в богатых нарядах,
В шитье и камнях дорогих.
Мелькало роскошное платье за платьем,
И каждый стежок в них был нашим проклятьем
И мукою каждая нить!
Мы долго смотрели без вздоха, без слова...
Такой красоты и веселья такого
Мы были не в силах простить!
Чем громче лились ликования звуки,
Тем ныли больнее усталые руки,
И жить становилось не в мочь!
Мы видели радость, мы поняли счастье,
Беспечности смех, торжество самовластья...
Мы долго не спали в ту ночь.
В ту ночь до рассвета мелькала иголка:
Сшивали мы полосы красного шелка
Полотнищем длинным, прямым...
Мы сшили кровавое знамя свободы,
Мы будем таить его долгие годы,
Но мы не расстанемся с ним!
Все слушаем мы — не забьет ли тревога,
Не стукнет ли жданный сигнал у порога —
Нам чужды и жалость и страх!..
Мы бедные пчелки, работницы пчелки,
Мы ждем... и проворно мелькают иголки
В измученных наших руках.

Тэффи.

Рождение новой партии.

I.

Вспоминалось мне часто Щедринское выражение: „применительно к подлости“, когда я присутствовал в качестве стороннего наблюдателя на организационном с'езде новой партии, назвавшей себя „конституционно-демократической“...

Пусть мои сотоварищи разбирают программу этой вновь устроенной партии, как она вылилась в окончательной форме. Я думаю, что не менее важно и интересно знать, как эта партия „рождалась“... Если хочешь узнать человека, то иди к нему, ибо когда он к тебе приходит, то „причесывается“, „наряжается“, старается казаться по возможности лучше...

собрания революционной организации (127), произнесение революционных речей и публичное чтение прокламаций и их распространение, пропаганда революционных идей, в особенности среди войск, рабочих и крестьян (128, 129, 130, 131), составление, размещение, хранение и провоз нелегальной литературы (132), недонесение о тяжком политическом преступлении и укрывательство важных политических преступников, освобождение политических преступников из-под стражи (163, 164, 166 ч. 2, 168 ч. 3 и 173 ч. 4), участие в стачках (1358 и след. Улож. о нак.). Пункт этот исчерпывающего перечня всех политических преступлений, предусмотренных нашим, поистине, редко-жестоким уголовным законом, не дает и оставляет целый ряд деяний в стороне; но, охватывая случаи, наиболее часто применявшиеся на практике, фактически должен повести к немедленному освобождению значительного количества заключенных.

И мы горячо приветствуем товарищей, получивших снова возможность отдать свою энергию, силы и дарования на благо рабочего класса, на борьбу с его врагами.

Но п.п. 6 и 1 и ограничивается положительная сторона указа. И чем больше вдумываешься в мотивы, продиктовавшие постановление п.п. 2, 3, 7, тем более приходишь к убеждению, достаточно подтвержденному всеми кровавыми ужасами последних дней, — что правительство не желает понять требований, властно пред'являемых ему всей русской жизнью, — не желает или не умеет.

Пункт 2 говорит, что отбывающие наказание за государственные преступления, совершенные 10 лет тому назад и более, подлежат: а) каторжане — ссылке на поселение на четыре года, с воспрещением им в течение следующих за окончанием ссылки 3 лет жительства в столицах и столичных губерниях; б) сосланные же на поселение или переведенные на поселение из каторги по отбытии ими поселения, в течение 4 лет, лишены на три года права в'езда в столицы. Лица, принадлежащие к обеим группам, отдаются после поселения на три года под надзор полиции. Лишение же всех прав состояния заменяется для них лишением некоторых особенных прав и преимуществ.

Таким образом, В. Н. Фигнер, М. Ю. Ашенбреннер, В. Л. Иванов, М. Н. Тригот, Л. А. Волькенштейн, Б. А. Оржих и др. лишены возможности вернуться в столицы и обречены нести клеймо политическаго бесправия, которое налагается на рецидивистов после третьей кражи.

Нужно отдать справедливость старому порядку: даже умирающий, он умеет мстить.

Всем остальным „политическим преступникам", и в особенности тем, которые были преданы военному суду — произволом ли министра внутренних дел, генерал-губернатора или командующего войсками, — наказание сокращается наполовину, смертная же казнь и бессрочная каторга заменяется каторжными работами на 15 лет (п.п. 4 и 7). Правило это относится как к уже осужденным, так и к преданным суду.

Мы затрудняемся сказать, какой из приведенных выше пунктов более противоречит самой элементарной справедливости, самым очевидным требованиям жизни. Муки людей, томящихся десятки лет, увековечиваются. Без-

---

Как известно, члены партии „Освобождение", с'ев до 10.000 рябчиков и написав до 10.000 пудов „резолюций преступного характера", надоели друг другу и людям... Сегодня „рябчики" и „резолюция", завтра рябчики и резолюция, послезавтра... Наконец, об'елись и рябчиками и резолюциями... А возу все нет ходу... Время резолюций прошло... Требовалось другое блюдо... Жизнь упорно напоминала, что хотя все люди братья, но не все родные, а есть двоюродные, троюродные и так далее. Мужики начали усиленно напоминать, что одной свободой, братством и равенством не отделаешься. Аграрные недоразумения приняли хронический характер... Рабочее движение, росшее и крепшее в глубине, разом показало, что шутки прошли... И повисли „братство, равенство и свобода" в воздухе...

— Свобода — свободой, а ты скажи, как касательно земли? — спрашивал мужик у либерального помещика на митинге в Покровской слободе.

— Как полагаешь: чья земля? божья, али кому другому принадлежит?

Рабочий даже не спрашивал... О чем ему было спрашивать? Он отлично знал цену братству, равенству и свободе, а после 9 января утратил окончательно и бесповоротно всякие сомнения...

— Мы соединились во имя политической свободы и только, — говорил „освобожденец".

— Не подойдет! — ответил мужик.

— Не надуешь! — сказал рабочий...

На кого же опереться?.. Не на кого!.. Завели было кое-какие „шашни" с одной левой стороной, мужик поперек дороги встал со своим девизом „земля божья". А другая левая сторона не проявляла особенного желания знакомиться...

— Хоть брось!.. Из братства ничего не получается...

А волна жизни все настойчивее била в берега русской действительности... Классовый характер борьбы звучал все явственнее, определеннее...

И вот более благоразумная и дальновидная часть „Освобождения" откололась и отхлебнула по глотку от воды живой... „Внеклассовая" интеллигенция, одушевляемая прежней верой в „критически-мыслящую личность", соединилась с помещиками, капиталистами и заблудящимися интеллигентами, и пошла рука об руку добывать политическую свободу...

— Почему непременно класс?!. Прекрасно можно обойтись без этих классов!

— Я хотя помещик, но прежде всего порядочный человек с идеалами!

— Хотя я имею фабрику, но я готов служить братству, равенству и свободе...

— Правда, я, в принципе, социал-демократ, но... я, прежде всего, человек зрелый и потому понимаю, что „обобществление орудий производства" — абсурд.

— На кого же обопремся?..

— На всех по возможности!..

— Мы — внеклассовая партия и потому должны опереться на всех и все по возможности и ни на кого в частности...

законная процедура военных судов, где обычным наказанием является казнь, где кассационные жалобы на смертные приговоры не передаются высшему суду, — получает признание, и пятнадцатилетняя каторга становится уделом тех, над кем полиция и войска совершали неслыханные насилия.

Нужно ли после этого еще подчеркнуть, что „амнистия“ вовсе не касается ни сотен крестьян, осужденных за аграрные беспорядки, ни солдат и матросов, процессы которых еще памятны нам, ни лиц, пострадавших за свои верования и религиозные убеждения? Нужно ли подробно останавливаться на этом?

Мы думаем, что нет, что всякому ясно, что такая амнистия, при которой Гершуни остается в Шлиссельбурге, Герман Лопатин идет на поселение, а Тахчогло приговаривается к 15-летней каторге в то время, когда гг. Треповы, Хрипуновы и К° остаются на местах и призывают подчиненные им власти „не жалеть патронов“, не может ни успокоить кого-либо, ни внушить доверия к искренности правительства.

Очевидно, только сам народ в лице своих истинных представителей на первом же законодательном собрании даст полную свободу всем тем, кто столько принес за нее жертв.

А. Г.

Борьба за власть.

Момент, переживаемый Россией, является одной из тех эпох, когда борьба партий развертывается с полной силой. Нация севера, скованная тысячью цепей, проснулась, ожила, — старое рушится, новая жизнь завоевывает себе права: она проявляется то в виде широких общемировых потоков, которые являются лишь повторением истории Запада, то в виде тонких национальных штрихов, которые яркими жилами проглядывают в общих течениях.

Это не те воображаемые национальные черты, выдумывая которые сознательные и бессознательные реакционеры прочат России химерическое будущее царства берендеев, а те, которые, вкрапленные в общечеловеческие контуры, как самоцветные камни, придают им чудно-волшебный блеск. Это те особенности, скорее не русской жизни, а русской революции, которые ярко проявились в только что пережитые дни, когда грозная рука народа начертала современному Сарданапалу: мэне, тэкель, фарес, — да, он взвешен и найден легким, но кому же он будет разделен? — Здесь-то и выдвигаются роковые слова: борьба за власть. Здесь-то и сказываются особенности Российской Великой Революции.

Когда на Западе выдвигался тот же вопрос, он стоял в более узких рамках, жизнь была менее сложна. Две силы боролись между собой: старая отживающая монархия, опиравшаяся на расслабленные сословно-феодальные элементы, которые уже потеряли тогда свою экономическую силу, сохранив лишь мишуру привилегий, и молодая буржуазия, полная сил и энергии, шедшая в бой

И вот бывшие „освобожденцы“ облачаются в новую кожу...

Для рабочих — восьмичасовой рабочий день „по возможности“.

Для мужичка — расширение площади землепользования тоже по возможности...

Для помещика — отчуждение части владения по справедливой оценке...

Для духовенства — оставление в покое церковных и монастырских земель *).

Для себя — две палаты...

И только для женщин, при всей своей демократичности, новая партия не решилась поставить вопрос определенно и предоставила ратовать как кому заблагорассудится... Почему не пожелали уравнять с собою женщину, — как ни старались об‘яснить, ничего не об‘яснили... и только все запутывали...

— Серьезная программа не может этого сделать!

— В принципе мы все за женщин, но тактические соображения и т. д.

— Какие такие тактические соображения?

А, видите ли, один член поговорил с мужичком, и тот был против, а так как партия опирается на народ, то...

Вообще, в принципе они молодцы, в принципе они друзья крайних партий, но они, как заявляли лидеры партии, не социалисты... Вот тут и разберись.

Друзья, а не социалисты! В чем же дружество?!.

— Всем сестрам по серьгам! — В том числе и левым партиям...

Бочком подходят и расшаркиваются с мужичком и рабочим, не забывая, что они — внеклассовые помещики, фабриканты, интеллигенты...

Доброй души партия!..

Добрые помещики...

Дивные фабриканты...

Сентиментальные интеллигенты...

Бывшие марксисты...

Социал-демократы в третичном периоде...

Нарисую вам несколько картинок умилительного братства...

Представителей печати посадили не в зале, а в соседних комнатах, около дверей, а дабы эти нахалы знали твердо свое место, даже веревкой отгородили зал собрания... Пожалуй, еще голосовать вздумают, срывать программные вопросы, — всякие тут есть... даже и „друзья с левой стороны“...

— С. Ив. — обращается один из сих изгоев. — Как же это?! Конституцию желаете, а печать попрежнему заставляете в дырочку выглядывать?!

В перерыв стол выдвигают за веревку и отгораживаются от печати рядом поперек поставленных стульев.

Доходят до „двух палат“...

— Зачем две палаты?..

*) В проекте программы было именно так, и лишь незначительным большинством решили экспроприировать одни „монастырские“ земли.

со славным кличем: le jour de la gloire est arrivé! Ее вожди с полным правом говорили о грядущих днях славы: ведь Камиль Демулен бросил первую искру в народную массу, он—буржуазный идеолог — повел ее на Бастилию; ведь Дантон заставил сделать короля первый шаг к эшафоту!

А кто теперь из вождей буржуазии решится повторить слова великого трибуна: pour vaincre les ennemis de la patrie il faut de l'audace, encore de l'audace et toujours de l'audace.

Русская дряблая буржуазия мечтает не о днях славы, когда власть берется с бою, а о жалких тусклых сумерках, когда она может присосаться к такому же бесцветному слизняку, как и она; мечтает о возможности миновать те дни, когда нация, проходя через горнило боя, выдвигает из себя самые крепкие элементы.

Девятнадцатый век не прошел даром для России, — идея нашего времени, идея рабочего класса наложила печать и на буржуазную революцию. Теперь на политической сцене есть третья самостоятельная сила — пролетариат; и он не только пред'являет свои права на участие в дележе старого порядка, но и наложит свою печать на грядущий строй демократической России.

Эту особенность русской революции не должна упускать из виду ни одна политическая партия, и прежде всего, конечно, самая революционная из них — партия пролетариата. Нельзя отдаваться историческому процессу, как чему-то всесильно, неминуемо грядущему; это будет не детерминизм, а дурной сорт фатализма, заклейменный словом „хвостизм". Выгодная особенность соотношений политических сил в русской революции должна быть использована до конца российской социал-демократией, и способ этого использования есть борьба за власть, приход ко власти и проведение в жизнь заранее намеченной программы.

Те, кто говорят, что не дело пролетариата работать на буржуазию, вытаскивать для нее каштаны из горна революции, жестоко обжигая руки, забывают, что в сущности все революции совершал пролетариат, что он боролся, он страдал, а буржуазия являлась лишь парадирующим арьергардом, пользующимся плодами не им достигнутых побед.

Ведь громовые речи Мирабо и остроумие Сейсса оказались бы ничем, если бы парижский пролетариат не разбил темные силы реакционного заговора восстанием 14 июля 1789 года. Но тогда он являлся неорганизованной массой, не сознававшей своих классовых интересов и поэтому шедшей на буксире буржуазных политиков. Это была та масса патриотов-санкюлотов, которая бастовала, голодала, боролась и умирала, свергала партии, но не могла закрепить за собой даже элементарных профессиональных и политических прав.

И теперь буржуазную революцию в России совершает рабочий класс, но с тою разницей, что он организован и сознает свои классовые интересы; к тому же теперь ему не опасны и утопии близких золотых дней, он не лелеет несбыточных надежд на скачок из царства необходимости в царство свободы, а видит перед собою определенную возможность создать ту широкую демократическую платформу, на которой разыграется последняя борьба под красным знаменем интернационала.

В. Волгин.

— Не желаете две, стойте за одну. Кто как хочет!

— Сделаем примечание!

— Но какая же это партия, с примечаниями-то?.. Удобно ли?..

Вторая палата будет выбираться из представителей городского и земского самоуправления...

Плохой тот член партии, который не сумеет и при двух палатах вылезти...

С одной стороны, „всеобщее, равное, тайное" и т. д., а с другой стороны, две палаты, при чем во вторую выбирают из представителей городского и земского самоуправления. В чем тут заковыка?!.

Опираются на мужичков и рабочих, а прямых выборов во вторую палату остерегаются...

Это как будто бы и „не по-дружески"...

Слева — друзья, а они косятся — направо...

С женщинами целая история. П. Н. Милюков ни за что не хочет уравнять женщин. И все бюро тоже не желает. Напрасно многие идеалистически настроенные внеклассовые интеллигенты, приехавшие из провинции, говорят речи в защиту дарования одинаковых прав мужчинам и женщинам, напрасно представительницы „союза женского равноправия" мечут гром и молнии... П. Н. Милюков и его верное бюро не желают уравнения... Для них это — уравнение со многими неизвестными. Горячились, спорили, бюро краснело и потело, но упорствовало:

— Все это так, но мы не можем!..

— Бюро должно будет выйти!..

Голоса разделились поровну. Что тут делать?.. Заговаривают о том, что всегда и везде голос председателя равен двум голосам... Не действует...

— Господа! Иначе мы потеряем бюро... Полезных и самых деятельных работников партии!

Уперлись провинциалы, — сердятся.

— Это выходит уже насилие...

Куда-то исчезает „бывший марксист и теперь еще в душе марксист" и скоро об'являет не без некоторого удовольствия.

— Прибыла графиня Бобринская!

И прибывшая графиня решает дело не в пользу женщин... Графиня настроена идеалистически: она только часа два тому назад говорила, что призвание женщины— жертвовать мужчинам... Тип Некрасовских „Русских женщин" уносит графиню в места и времена отдаленные... Графиня решила дело... и представительницы женского равноправия повесили носы...

— Вот тебе и конституция?!. Вот тебе и демократы!

— Мы принципиально все за равноправность, но... сделаем примечание...

Для настойчивых провинциалов делают лазейку в виде нового примечания: кто не хочет, пусть не стоит за равноправность женщин, кто хочет — стоит...

— Опять примечание?!.

— Примечательная, однако, партия!..

Евгений Чириков.

„Союз союзов“.

Исторические октябрьские дни явились своего рода экзаменом для всех политических организаций, в том числе и для „Союза союзов“. Члены центрального и местных бюро „Союза союзов“ обнаружили в эти дни кипучую деятельность, устраивая ежедневные заседания, входя в переговоры, вопреки уверению, что время переговоров с правительством прошло, письменно, устно и по телефону, с различными администраторами, начиная от гр. Витте и ген. Трепова, и проч., и проч. А в результате этой деятельности у членов Союза не могло не возникнуть сомнения, что все их благие намерения пропали даром и что их слезные послания к г.г. Витте и Треповым не тронули сердец этих деятелей. Членов Союза просили „спасти Россию“, но клали под сукно их резолюции о полной амнистии, об избиении евреев и т. д. Администрация считалась с ними лишь постольку, поскольку надеялась на их „содействие“. К чести „Союза союзов“ он в целом ни разу ни обнаруживал склонности „содействовать“ агентам правительственной власти, но зато отдельные его члены с большой готовностью принимали приглашение г. Витте „помочь“ ему „умиротворить Россию“.

„Союз союзов“ принял в эти дни борьбы целый ряд резолюций, но напрасно было бы искать в этих резолюциях указания на ту позицию, на которой стоит „Союз союзов“. Как только речь заходила о выражении своего отношения к существующим политическим партиям и программам этих партий, члены Союза обнаруживали удивительную растерянность и беспомощность. И это, конечно, нисколько не удивительно, ибо вряд ли какая-нибудь политическая организация имеет в своем составе столько разношерстных элементов, как „Союз союзов“. Буржуазные земцы, умеренно-либеральные профессора, писатели-радикалы, полусознательные и сознательные конторщики-социалисты — все это об‘единено в одной организации и хочет иметь свою „политическую программу“. Когда социал-демократы указывали, что союзы с таким разнообразным по направлению составом могут быть исключительно профессиональными, но не политическими, их обвинили, по обыкновению, в сектантстве, доктринерстве и проч. Теперь мы живем в такое время, когда сама жизнь ставит на очередь вопрос о ясном и точном определении каждой политической организацией своей партийной позиции, и „Союзу союзов“ приходится volens-nolens определить свое отношение к существующим партиям, если он хочет остаться политической, а не профессиональной организацией. Одного лозунга: „Долой самодержавие и да здравствует Учредительное Собрание“ теперь уже недостаточно, жизнь заставляет итти дальше. И „Союзу союзов“ предстоят еще большие „неприятности“ в дальнейшей деятельности. Уже теперь два союза фактически откололись от „Союза союзов“: союз земских конституционалистов — направо, союз конторщиков и бухгалтеров — налево. Несомненно, что в дальнейшем предстоит полное распадение „Союза союзов“, если он не превратится в профессиональную организацию, так как образовать одну политическую партию „Союз союзов“, при неопределенности и пестроте его классового состава, не может. Буржуазные элементы союзов отойдут к конституционалистам-демократам и родственным им партиям; пролетарские и полупролетарские должны примкнуть к социал-демократии, если они достаточно сознают свои классовые интересы.

Прошлое наглядно показывает, насколько политически бессильны интеллигентские организации и в частности „Союз союзов“. Даже к политической забастовке Союз примкнул уже тогда, когда она была фактически осуществлена, хотя говорил он о забастовке долго, много и страстно...

Вообще, деятельность Союза за последнее время можно охарактеризовать словами: „много слов, мало дела“. Слова по большей части все были хорошие, но так как их авторы не опирались ни на какую реальную силу, то слова остались только словами.

Справедливость требует, в заключение, отметить, что „Союз союзов“ оказал в эти дни кое-какие услуги стачечникам и политическим заключенным своей благотворительной деятельностью, выразившейся в сборе денег, материальной помощи выпущенным из тюрем и т. д.

Я. Л.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Гельсингфорс, 26 октября (СПА). — Как видно из полученных газетами телеграмм, забастовка, охватившая могучею волною все города Финляндии, повсеместно прекращается. В Таммерфорсе, по предложению стачечной комиссии, окончательное прекращение забастовки назначено было на 24 октября, в 6 час. вечера. На митинге 25 октября были прочитаны во всеуслышание манифест и высочайшая грамота о созыве сейма. Митинг закончился пением гимна „Наш Край“. Забастовка в Або была закончена торжественно на многолюдном митинге, на котором были произнесены речи на шведском и финском языках о законности и закономерной свободе. Город по поводу манифеста украшен флагами. Население огромными массами следовало со знаменами и музыкой по улицам, распевая патриотические гимны. Вечером была большая иллюминация. Настроение самое радостное. Газеты в Або сегодня выходят.

Гельсингфорс, 27 октября (СПА). — Делегаты так называемой „национальной гвардии“, состоящей из рабочих, вчера в сенате требовали вознаграждения в размере 160.000 марок за несение полицейской и караульной службы во время забастовки и за лишения, перенесенные их семействами за это время. Генерал-губернатор с своей стороны не встретил препятствий, и сенат в экстренном заседании вотировал выдачу рабочим названной суммы из финляндских казенных средств.

Гельсингфорс, 26 октября (СПА). — В полученной 24 октября из Ньюстада телеграмме указывается, что стачка закончена и что там царит полное спокойствие. Город украшен флагами. Общее торжественное настроение. Вечером была зажжена иллюминация.

Мариенгам, 25 октября (СПА). — Общая забастовка кончилась в 12 час. дня. Митинги происходят ежедневно.

Порядок поддерживается гражданскою стражею после прекращения полициею своей деятельности. Вследствие опубликования манифеста, город украшен флагами. Вечером город был иллюминован и был спущен фейерверк.

Погромы.

Юзовка, 27 октября (СПА). — За время беспорядков были раненые и убитые. Теперь спокойно. В поселке Дебальцево, 23 октября, начавшийся погром был предотвращен мерами, принятыми начальником депо и рабочими.

Курск, 27 октября (СПА). — В „Губернских Ведомостях" опубликовано обширное обращение курского губернатора к курским крестьянам и рабочим людям, заявляющее о принятии самых строгих, указанных в законе мер против всякого насилия и против захвата чужой собственности земельной или имущественной. Крестьяне и рабочие приглашаются нерушимо выполнять свои обязанности на местах и с радостным сердцем готовиться к выборам в Государственную Думу.

В той же газете опубликовано следующее воззвание епископа курского Питирима: „Обращаюсь ко всем пастырям вверенной мне паствы с убедительнейшею, самою усердною просьбою употребить все пастырское воздействие к предупреждению и устранению междоусобия среди населения, поучая его в своем поведении и отношениях к ближним действовать в духе братолюбия, заповеданного нам господом нашим Иисусом Христом".

Москва, 27 октября (СПА). — Московский градоначальник об'являет: „Лихие люди желают породить смуту и вызывают междоусобицу в Москве посредством разбрасываемых повсюду печатных воззваний. Русские люди, под знаменем „за веру, царя и отечество", призывают народ к насильственным действиям против крамольников. Предупреждаю, что с настоящими крамольниками я сам слажу, но расправы не допущу и приму все нужные действительнейшие и удобнейшие меры для прекращения беспорядков, для вразумления заблуждающихся и усмирения ослушных".

На открывающемся 6 ноября в Москве с'езде земских и городских деятелей будут рассматриваться следующие вопросы: 1) об избирательном законе; 2) о выработке проекта временных законов, обеспечивающих свободу личности, совести, слова, печати, собраний и союзов; и 3) об отношении с'езда земских и городских деятелей к текущим событиям.

Баку, 27 октября (СПА). — Город имеет совершенно военный вид. Русские требуют разоружения и выселения из Баку армян. По донесению полиции, в каждом сожженном громилами армянском доме взрывались 20, 30, 50 бомб. Число убитых превышает 60, раненых 100. Население выезжает из города. Газеты вышли с предварительною цензурою.

Кременчуг, 27 октября (СПА). — Временный генерал-губернатор об'являет, что лица, которые окажут сопротивление при обысках полиции для обнаружения награбленного во время бывшего погрома имущества, будут подвергаться штрафу до 100 руб. или месячному аресту.

Сызрань, 27 октября (СПА). — Губернатор, с целью успокоить население, обратился к директору училища и полиций-мейстеру с телеграммой следующего содержания:

„Соединенное собрание родителей и учащихся реального училища и женской гимназии с педагогическим советом жалуется на возбуждение населения и безнаказанность за избиение учащейся молодежи. В виду серьезности положения, примените все возможные меры к ограждению личности и недопущению насилий одних над другими, напомните чинам полиции и патрулям их обязанность оказывать помощь и покровительство каждому жителю, независимо от убеждений, национальности и вероисповедания лица, нуждающегося в защите".

Киев, 27 октября (СПА). — Управляющий губернией об'являет, что им получено много сведений о неправильных и преступных действиях городской полиции во время происходивших беспорядков и приглашает лиц, бывших очевидцами подобных действий, подавать о том заявления.

Елисаветполь, 27 октября (СПА). — Уездным начальником получено известие, что татарское население Сарису вырезано армянами. Известие это взволновало татарскую чернь города. Арестован извозчик, призывавший татар к мести. Армянские лавки закрыты. Настроение тревожное.

Москва, 27 октября (СПА). — И. д. московского губернатора Джунковский обратился циркулярно к земским начальникам по поводу нападений крестьян на земские учреждения и земский персонал. Губернатор предлагает земским начальникам раз'яснить населению, что насилие недопустимо, что всякое насилие нарушает царскую волю, что земские учреждения предназначены для потребностей крестьян, что нападение на них, помимо нарушения царской воли, является бессмысленным и грубым действием. Губернатор обещает добросовестно относиться к своим законным обязанностям и действовать на законных началах и согласовать административные действия с духом манифеста 17 октября.

Предстоящий 2 ноября с'езд конституционно-демократической партии отложен до окончания общеземского с'езда.

Сегодня получено разрешение открыть вновь контрольную палату. Государственный контролер обещал удовлетворить требования чиновников, но сходки запретил.

Одесса, 27 октября (СПА). — Дума постановила восстановить занятия в городских училищах, организовать помощь одеждой и пищей учащимся, детям пострадавших родителей, и регулировать цены продуктов первой необходимости, усилив деятельность городской хлебопекарни, войдя в сношение с частными хлебопеками и отпуская городской уголь по пониженной цене; а также организовать помощь безработным, выпущенным из тюрьмы.

Скончался от раны, полученной во время беспорядков, гласный думы, инженер Лишин.

Совещание экспортеров и биржевых корабельных маклеров постановило разослать своим заграничным клиентам воззвание о помощи пострадавшим от беспорядков.

Следствие о беспорядках ведется усиленно. Опросы пострадавших и свидетелей производятся судебными властями и разными общественными организациями.

Распространившиеся за границей слухи об убийстве итальянского генерального консула в Одессе лишены всякого основания.

Сегодня настроение в городе тревожное. Опасаются завтра нового погрома. Представители общественных учреждений несколько раз посетили командующего войсками с просьбой принять меры.

Одесса, 27 октября (СПА). — Командующий войсками заявил представителям общественных учреждений, в том числе консулам, что им приняты все меры к подавлению готовящегося на завтра погрома. Усилен местный гарнизон.

Беспорядки и забастовки.

Митава, 27 октября (СПА). — В пределах Курляндской губернии движение поездов по расписанию производится только на Московско-Виндавской линии. По Риго-Орловской линии производится сокращенное движение при помощи чинов железнодорожного батальона. По Либаво-Роменской линии движение носит случайный характер.

Варшава, 27 октября (СПА). — (офиц. корр.) — На основании высочайшего указа от 21 октября, в течение трех дней в Варшаве были освобождены 1511 лиц, арестованных административным порядком. Тревожное состояние в городе продолжается. Забастовки не прекратились. Открывшиеся вчера утром магазины после полудня вновь закрылись, кроме торгующих с'естными припасами.

Ревель, 27 октября (СПА). — В городе все фабрики и заводы работают. В ночь на сегодня в Ревельском уезде, в местности, центром которой является Хоггерс, шайками громил разгромлено десять имений. Высланы пехотные патрули и прибывшие сегодня в город казаки для поимки шаек. Газеты не выходят.

Кирсанов, 27 октября (СПА). — Сегодня ночью в нескольких местах горели помещичьи экономии, подожженные крестьянами.

Сюда прибыли казаки и войска.

Батум, 27 октября (СПА). — Забастовка продолжается. Полицейские чины сопровождаются военными патрулями. Утром перед Петербургской гостиницей убит террористами околоточный надзиратель Шмыкин, оставивший большую семью.

Кутаис, 27 октября (СПА). — После тринадцатидневной забастовки прошел первый пробный поезд в Тифлис.

Кронштадт, 27 октября (СПА). — К вечеру в Кронштадт прибыли войска: пехота, кавалерия и пулеметная рота. По улицам раз'езжают казаки, ходят патрули и стоят пулеметы. Беспорядки вечером не возобновлялись. Всякие буйства энергично прекращались. Народу на улицах очень мало. Царит тишина.

Милиция и самооборона.

Самара, 27 октября (СПА). — Расклеено губернатором об'явление, успокаивающее жителей. В случае беспорядков и насилий будут приняты решительные меры. Комитет безопасности деятельно организует охрану.

Кисловодск, 27 октября (СПА). — В виду отсутствия войск, город ходатайствует о вооружении части населения казенными берданками.

Кострома, 27 октября (СПА). — Городская дума ассигновала 5.000 рублей на увеличение содержания полиции и 15.000 руб. на организацию и содержание в течение полугода городской милиции.

Для митингов ремонтируется городом манеж, вмещающий более 2.000 человек.

Париж, 26 октября (СПА). — В осведомленных парламентских сферах считают неосновательными опасения возможного полного или частичного министерского кризиса, вследствие преобладания правой, большинство которой подало голос за правительство по поводу запроса Лази.

„Temps“ во втором вечернем издании высказывается в том же смысле.

Лондон, 27 октября (СПА). — По словам „Jewish Chronicle“, сегодня отправлено телеграфным переводом из Лондона в Петербург 20.000 фунт. ст. для помощи пострадавшим от погрома. 10.000 фунт. ст. пожертвованы фирмою „Натаниен Ротшильд С-вья“, и 10.000 фунт. ст. переведены из Нью-Иорка банкирским домом „Яков Шиф“.

Киев, 26 октября (СПА).—Средние учебные заведения открываются 1 ноября.

Белосток, 26 октября (СПА).—Сегодня с двухнедельным опозданием выехали коммивояжеры здешних фабрик. В район их поездки включен Дальний Восток.

София, 27 октября (СПА).—Болгарская печать без различия направлений посвящает самые сочувственные отзывы произведенной в России реформе. Орган господствующей стамбуловской партии „Нов Век“ говорит: „Истощенная столькими испытаниями и сильной борьбою, наша великая освободительница встает ныне возрожденною“. Беспартийный „Дневник“ говорит, что болгары могут только поздравить русский народ с завоеванными правами, и что Болгария может ожидать большего в своих интересах от обновленной России, чем от России старой. Славянофильский „День“ заявляет, что правовой строй является основным камнем внутреннего развития России и колоссального развития ее мощи. Великая реформа, по мнению газеты, положит также основание осуществлению всеславянской солидарности. Жизнетворные лучи русской свободы дадут новые силы австрийскому славянству; поляки Пруссии и Австрии будут стремиться к об'единению с поляками России, чтобы слиться с великой семьей славянских народов.

Энзели, 27 октября (СПА). — Принц Шуаэс-Салтане прибыл в Энзели для от'езда за границу и останется там в ожидании телеграммы персидского консула в Баку об установлении порядка в этом городе.

Москва, 27 октября (СПА).—В городе жизнь вошла окончательно в обычную колею. Всякие шествия и демонстрации прекратились сами собою. Вечером изредка собираются рабочие и мастеровые в разных местах на митинги для обсуждения своих нужд. Театры открыты. Рестораны торгуют. Торговые заведения тоже. На улицах обычное движение. Никаких столкновений уже четыре дня не было. Слухи об анти-еврейском движении были не верны. Такого движения не было. Железные дороги работают нормально. Большинство забастовавших рабочих на местных фабриках стали на работу.

Сегодня, по просьбе студентов Московского сельско-хозяйственного института, началось чтение лекций в институте.

Вольск, 26 октября (СПА). — В экстренном думском заседании с участием представителей разных учреждений, заводов и граждан избрана комиссия для расследования событий 20 октября. Возбуждено ходатайство о присылке войск.

Иркутск, 26 октября (СПА).—Учебные заведения открыты. Наряды солдат с улиц убраны. В виду отсутствия поездов, здесь скопилось 3.000 больных и несколько санитарных поездов.

Мариинск, 26 октября (СПА).—Движение поездов в обоих направлениях возобновилось. Забастовка прекратилась.

Кутаис, 26 октября (СПА). — Служащие железной дороги выразили готовность работать, если работают тифлисские железнодорожные служащие, но из Тифлиса сведений нет. Телеграф еще не восстановлен. Получены новые известия из Озургетского уезда, согласно которым уездный начальник Лазаренко и мировой судья Пекарский не убиты, а захвачены.

Феодосия, 26 октября (СПА). — Город успокоился. Магазины открыты. Охрана снята. Городской архив и дела уничтожены огнем. Прибыла северная почта.

Гельсингфорс, 27 октября (СПА). — Стачечный Комитет студентов в первые дни забастовки издал об'явление, в виду ложного представления, которое часть русского населения Гельсингфорса имела о настоящем движении Финляндии. В об'явлении указывалось, что друзья свободы Финляндии требуют свободы слова, печати и собраний и созыва народного представительства, следовательно, тех же благ, что и борцы за свободу в России. „Мы не питаем—говорилось далее—никаких враждебных чувств к русским, ибо любим и уважаем русский народ. Все мирные русские обыватели Гельсингфорса поэтому могут быть вполне убеждены, что им не грозит никакой опасности“.

Выборг, 27 октября (СПА). — Военное положение снято. В городе спокойно.

Сухум, 27 октября (СПА).—Вчера вечером 45 неизвестных туземцев-разбойников ограбили Драндский монастырь и убили после истязания старика игумена Евфимия. Охранявшие монастырь 11 казаков вели безуспешно перестрелку. Эта же шайка разграбила недавно лавки селения Тамыш. Грабежи и убийства совершаются повсюду.

Бомбей, 27 октября (СПА).—Принц и принцесса Уэльские прибыли сюда сегодня утром на броненосце „Renown“.

Мариуполь, 27 октября (СПА). — Дума постановила ассигновать на первое время 1.000 руб. благотворительному комитету для помощи пострадавшим от погрома. Общий убыток от погромов достигает миллиона рублей.

Кельцы, 27 октября (СПА).—После полумесячного перерыва получена петербургская почта. 29 октября назначено возобновление занятий в гимназиях.

Юзовка, 26 октября (СПА).—В поселке Щербиновке, Бахмутского уезда, начинался погром, но рабочие рудника дали громилам отпор.

Москва, 27 октября (СПА).—Городское общественное управление вырабатывает соглашение с военным ведомством о предоставлении манежа, вмещающего до 20.000 человек, для устройства народных митингов. Теперь там стоят войска.

Сегодня в кассу общеземской организации поступил от казны один миллион рублей на благотворительную помощь голодающему населению. Ожидаются дальнейшие ассигнования от казны. В распоряжении общеземской организации имеется теперь около двух миллионов рублей.

Сегодня в практической академии коммерческих наук открывается заседание начальников учебных заведений ведомства министерства финансов, имеющее целью выработать меры приспособления внутренней жизни этих щкол к новым условиям русской жизни.

Екатеринбург, 27 октября (СПА).—Началась выборная кампания. В большинстве—общеземская партия, в меньшинстве—демократы.

Варшава, 27 октября (СПА).—По инициативе „Варшавского Курьера“ образовалась пекарня для производства хлеба по дешевым ценам или бесплатно для рабочего населения.

Сегодня утром вышел поезд Брестской линии. Около станции „Новоминск“ произошло крушение, вследствие развинченных рельс. Паровоз и 9 вагонов разбиты. Убит обер-кондуктор. Ранены кондуктор, смазчик и несколько других лиц.

Ташкент, 27 октября (СПА).—Забастовка на железных дорогах прекратилась. Опасность еврейского погрома устранена.

Кронштадт, 27 октября (СПА).—Вчера в 6 часов вечера начались серьезные беспорядки. Сегодня разгромлены морское собрание, магазины. Подожжена разграбленная винная лавка. Толпа бунтовщиков, в числе которых есть и матросы, наводит панику на обывателей, стреляя в воздух. Для прекращения беспорядков духовенство морских церквей устроило крестный ход. Пароходы, отходящие в Петербург и Ораниенбаум, переполнены. В двух местах горят дома, подожженные толпой.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Париж, 27 октября (9 ноября) (СПА).—Французская печать продолжает настаивать на необходимости для всей благоразумной, либеральной части русского общества сплотиться вокруг правительства и оказать ему поддержку в борьбе с реакцией и анархией. Газета „Journal“ говорит: „Правительство может бороться с крайней правой и крайней левой лишь при поддержке друзей порядка“. Газета „Petit Journal“ с чувством удовлетворения замечает, что правительством начато во многих местах судебное следствие по поводу беспорядков, и полагает, что граф Витте и его сотрудники заслуживают полного доверия страны. С другой стороны фронт противников явился неожиданно. Многочисленная группа радикалов, всегда желающих еще большего, подбадриваемая успехами на новые усилия, видящая в каждой уступке ассигновку на дальнейшие уступки и, как известно, ничем не удовлетворяющаяся—вот второй фронт, с которым нужно считаться графу Витте. Русская свобода еще не застрахована от явных и тайных нападений. Поэтому следует радикалам быть осторожными и энергично и закономерно способствовать проведению конституции в жизнь. Когда на либералов нападет общий враг, то крайним элементам следует обдумать, хорошо ли нападать с тыла на союзников и тем способствовать успехам реакции. В столь критическое время радикалы должны вооружиться терпением. Всегда и везде с трудом достаются свобода и право самоопределения. Эволюция России взывает к разсудку и помощи всех прогрессистов, с целью дать возможность графу Витте завершить его великое дело и подвести государство под крышу здания конституции.

Лондон, 26 октября (8 ноября) (СПА).—„Globe“ говорит: „Хотя беспорядки, правда, значительно менее серьезные, и продолжаются еще в некоторых местах России, тем не менее общее положение свидетельствует, что дело быстро идет к успокоению. Графу С. Ю. Витте нужны все мужество и искусство государственного деятеля, чтобы преодолеть трудности, с которыми ему приходится считаться. Вполне основательно можно сказать, что последние действия русского правительства могут считаться доказательством его твердой решимости ввести широкие социальные, политические и экономические реформы“. (Рейтер).

Амстердам, 26 октября (8 ноября) (СПА).—Либеральный орган „Handelsblatd“ говорит: „Очевидно, нужно время и спокойствие для осуществления либеральных проектов русского правительства. Нужно также доверие к прямоте его намерений. Правительство пытается достигнуть этого доверия мерами против сеятелей смуты. Необходимо также, чтобы прекратились гонения на евреев. Сообщения, что причины еврейских погромов стали предметом судебного расследования, производят прекрасное впечатление“.

„Nieuwe Rotterdamsche Courant“ указывает на необходимость об‘единения всех умеренных элементов вокруг графа Витте, с целью оказать ему помощь при осуществлении возвещенных реформ в интересах учреждения конституционного правительства. Надежда на такое осуществление не может быть велика, если благоразумное население и чиновники не будут благоприятствовать успеху графа Витте.

Социалистическая газета „Volk“ констатирует, что сознание необходимости спокойствия и безопасности начинает уже преобладать над чрезмерно возбужденными страстями и что, повидимому, также начинает уже обнаруживаться успокоение. Только когда последнее наступит, слово будет за правительством. (Амст. агент.).

Париж, 26 октября (8 ноября) (СПА).—Во французских политических сферах окончание волнений в России считается необходимым не только для сохранения могущества России, но и для сохранения, упрочения и развития приобретенных прав. Поэтому в этих сферах выражают надежду, что либеральные партии окажут поддержку в деле успокоения страны.

В этом смысле сегодня высказываются также все газеты. „Journal des Dèbats“, указывая, что граф С. Ю. Витте покинул в 1903 году занимаемый им пост в виду своих взглядов на восточный, польский, финляндский, еврейский и студенческий вопросы, считают это обстоятельство верной гарантией будущей политики кабинета, либеральный характер которой подчеркивается выбором сотрудников. „Эти обстоятельства,—продолжает газета,—на-ряду с уроками истории, в особенности французской, должны заставить русский народ оказать доверие правительству и терпеливо выждать новых свободных учреждений, которые будут в состоянии действовать только при полном восстановлении порядка“.

„Temps“ приветствует образование однородного министерства. Газета указывает на недостаток понимания радикальными партиями настоящего политического положения для развития дарованных уже прав. По ее словам, легальный путь пригоднее революционного. Невозможно сразу создать все здание и безумно не признавать в полученных правах зачатков дальнейшего развития.

По мнению „Liberté“, не только либералы, но и все честные люди должны поддержать правительство в деле проведения реформ и в борьбе с реакцией.

Вена, 26 октября (8 ноября) (СПА).—Обсуждая еврейские погромы в России, „Abendpost“ и „Neue Freie Presse“ говорят, что за ними скрывается контр-революция, которая со дня опубликования высочайшего манифеста 17 октября ведется в интересах уничтожения дела внутреннего освобождения России, к осуществлению которого сделаны первые шаги. Эти еврейские погромы имеют целью разжечь страсти, сбить с толку либеральную интеллигенцию, уничтожить и дискредитировать преобразования, едва только начатые. Только в том случае, если вся интеллигенция станет на сторону графа С. Ю. Витте, может быть положен конец этому положению. Граф Витте уже нашел необходимым в двух официальных сообщениях, которые читаются, как трогательные призывы к помощи, обратиться к либеральной интеллигенции за сотрудничеством.

Необходимо вмешаться в дело еврейских погромов быстро и с железной рукой, если хотят, чтобы только что робко взошедшее зерно доверия не погибло, прежде чем покажется плод. Для русской интеллигенции эти погромы должны служить новым толчком к тому, чтобы сплотиться вокруг графа Витте и принять участие в его деле. Контр-революция не остановится, если не выступить против нее своевременно.

Москва.

26 октября.

— Московский комитет Р. С.-Д. Р. П. получил пожертвование на памятник Бауману 288 руб. Борцам за свободу от Коровина, Васнецова 300.

— Здесь получено сведение из Егорьевска, Рязанской губернии, что погром организован полицией: черная сотня произвела разгром всех домов, где раньше производились обыски, и в тех домах, где жили лица, находящиеся под полицейским надзором. Среди изуродованных есть рабочий, принадлежащий к рабочей организации, Туницын.

— 24-го днем прис. пов. Трынкевич был остановлен просящим милостыню фельдшером, который рассказал ему, что во время избиения студентов, 20 октября, он видел, как пристав поддерживал толпу избивать студентов и раздавал финские ножи. Они вместе отправились к прокурору, где было записано показание.

— 24 октября, в целом ряде домов, полиция предупреждала дворников, чтобы они в случае прибытия толпы направляли ее в квартиры бывших политических заключенных.

— На московской телефонной станции по вечерам теперь ежедневно дежурят солдаты.

— За последние дни по Б. Никитской ходят толпой приказчики и обращаются к хозяевам магазинов с требованием закрывать магазины и прекращают торговлю. Желания приказчиков исполняются.

— Городская управа и исполнительная комиссия, пригласив представителей городских рабочих, предоставили им выработать правила забастовок на экономической почве, чтобы избежать их неожиданности и стихийности. Представители городских рабочих заявили, что проект правил забастовок на экономической почве будет готов в самом непродолжительном времени. Что же касается политических забастовок, то рабочие оставляют в этом случае за собой свободу действий, так как в этом отношении они связаны обязательствами с другими корпорациями.

— Организовавшиеся в Москве дружины для общественной самообороны частью уже приступили к исполнению взятых на себя обязанностей.

— Фактически установлено, что пребывавший в Москве И. Крушеван принимал участие во многих собраниях „истинно русских“ людей и по его проекту был выработан план действий для защиты государственных устоев страны путем погромов.

— Сейчас в Москве получено известие, что А. И. Гучков, Д. Н. Шипов и кн. Урусов не войдут в состав кабинета министров. Кабинет будет составлен из высших чинов и будет иметь временный характер до той поры, пока выяснятся все пред'являемые правительству требования и будет определенно выработан характер общего направления министерств. Также получено известие, что временно исполняющий обязанности министра внутренних дел П. Н. Дурново подал прошение об отставке.

— Продовольственное совещание под председательством товарища министра Ватаци пришло к заключению о необходимости отпустить 1 миллион рублей в пользу голодающих в исключительное распоряжение общеземской управы.

При обсуждении этого вопроса присутствовавший в совещании представитель Красного Креста настаивал на том, чтобы деньги эти были переданы названному обществу, которое при пополнении их собственными средствами передаст в распоряжение общеземской организации. Предложение это было отвергнуто. Сегодня же в Москву уже был переведен ассигнованный 1 милл. рублей.

— В Москве организуется союз легковых и ломовых извозчиков, которые решили пред'явить владельцам извоза ряд экономических требований.

Союз станет также на защиту работающих в извозном промысле пред полицейскими властями, по собственному усмотрению и произвольно налагающими кары и денежные штрафы на извозчиков.

— Комитет, организованный в Москве для оказания помощи пострадавшим от повсеместных еврейских погромов, получает щедрые пожертвования не только от евреев, но также и от москвичей-христиан, которые выражают свое полное сочувствие пострадавшим и негодование по поводу учиненного над ними насилия.

— Сегодня окончательно сформировался союз типографских рабочих. В состав его вошло 8.000 человек; цель союза—отстаивание правовых интересов, саморазвитие, учреждение различных просветительных и др. учреждений, защита рабочих интересов и т. д. Решено собрать средства и в самом непродолжительном времени приступить к изданию „Вестника Союза“.

— Сегодня состоялось соединенное заседание московского отделения деятелей печатного дела. Присутствовали типографы, члены общества книгоиздателей, группа об'единенных писателей, которая 19 октября постановила не считаться с существующими условиями цензуры и фактически осуществлять свободу печати. Собрание пришло к заключению, что необходимо создать союз печатной деятельности для об'единения в нем как издателей газет, так сотрудников и типографов. Союз этот должен, если возможно, присоединиться к Петербургскому союзу защиты свободы печати. В случае наложения кары на какую-либо из типографий или изданий союз действует за круговой порукой. Редактор-издатель „Русского Листка“ г. Казецкий доказывал, что не следует итти напролом, что правила о свободе печати уже разработаны, и что на-днях они будут опубликованы. Г. Казецкий произнес по этому поводу прочувственную речь, которая никакого успеха не имела. Подавляющее большинство присутствующих нашло необходимым фактически осуществить свободу печати, в полном об'еме, теперь же, не выжидая каких-то правил. Указывалось, что теперь прекращать издание или закрывать типографию не станут, а будут привлекать к суду по 1024 ст., и, следовательно, в каждом отдельном случае угрожает штраф до 300 рублей или арест до 3-х месяцев. Но и этого не будут предпринимать, так как надо считаться с временем и условиями, при которых мы живем.

— Сегодня возобновились занятия в московской контрольной палате. Депутация служащих контрольной палаты, ездившая в Петербург к государственному контролеру, была принята генералом Лобко, который заявил, что все законные требования служащих будут удовлетворены, но что впредь все сходки и собрания безусловно воспрещаются; участники сходок и собраний будут уволены, а начальствующие лица, допустившие сходку или собрание, будут преданы суду. Бюро служащих постановило, в виду неопределенности ответа г. Лобко, отдалить осуществление требований до 7-го ноября. Вместе с тем бюро постановило осуществить некоторые из пред'явленных требований: не являться на ночные дежурства, не быть на службе долее 5-ти часов.

— В непродолжительном времени в Москве будет издаваться новая большая политическая газета „Век“, издателем которой является присяжный поверенный Мамикошен.

— Являющиеся в московскую мещанскую управу за паспортами московские мещане требуют, чтобы на их паспортах вместо слов „московский мещанин“ было написано „московский гражданин“. Просьбы эти пока остаются без удовлетворения.

— Профессора московского сельско-хозяйственного института Кулыгин и Худяков обратились в местную группу академического союза с предложением созвать всероссийский с'езд по сельскому хозяйству. Предложение принято единогласно.

— В пользу пострадавших от еврейских погромов в редакцию „Нов. Ж.“ поступило от д-ра Зеленко 10 руб. От группы служащих центр. упр. Никол. жел. дор. служб материальной и пути 47 р. 20 к. в пользу амнистированных ссыльных и заключенных.

— На собрании конституционалистов-демократов в Москве постановлено организовать губернские комитеты в каждом губернском городе, а в Петербурге и в Москве, кроме губернского комитета, еще и городской комитет. Группа союза освобожденцев в Москве примкнула в партии конст.-дем. В Петербурге группа освобожденцев в состав конст.-дем. партии не вошла, но отдельные личности примыкают.

— Нападения на земские больницы Московской губ. создали повсюду в уездах панику. Московская губернская земская управа вызвала в Москву всех старших врачей земских больниц, и сегодня вечером должно состояться в управе совещание о мерах к ограждению больничных учреждений от нападений черносотенцев.

— Бюро общеземских с'ездов занято в настоящее время составлением проекта Учредительного Собрания и детального составления проекта избирательного закона на основании прямого, равного, тайного и всеобщего голосования.

Союз „истинных“ фармацевтов.

Владельцы аптек, реагируя, повидимому, на обнародованные „свободы“, вздумали организовать свой союз, благо теперь это слово санкционировано даже в полицейском участке. 26-го происходило по этому поводу собрание. Всем явившимся на собрание раздавались листки, начинающиеся со слов „цель союза“ и заканчивающиеся подписью „типография Бусселя“.

Программа не чужда и политики: после 7 пунктов имеется приписка, гласящая о свободе личности, печати и т. д.

В 12-м часу ночи аптекарь Леммергирт заявил себя председателем, открыл собрание и дал слово... юрисконсульту фармацевтического общества прис. пов. Слиозбергу.

Юрисконсульт заговорил. Он говорил долго и утомительно. Более часу продолжалась его речь. Он заявил, что хотя он и не фармацевт, но „большой любитель об'единений". Странно было слышать из уст почтенного юриста вещи, совсем, казалось бы, не подходящие для него. Он убеждал фармацевтов владельцев и служащих „сплотиться на почве общих интересов". Возмущался тем, что служащие приравнивают себя к рабочим, в то время когда они представляют собою интеллигентных тружеников, и взывал к трогательному единению; похвалив союз фармацевтов, оратор пытался доказать, что этот союз только политический, а он, оратор, предлагает фармацевтам экономический союз, хотя и не без политики.

Затем оратор ссылался на низкую таксу и на необходимость об'единиться для защиты существующей концессионной аптечной системы. По окончании речи заявивший себя председателем г. Леммергирт сообщил, что касаться программы он не позволит. Присутствовавшие представители союза фармацевтов разбили оратора по всем пунктам. Почтенному юристу пришлось выслушать ряд замечаний по поводу его полного незнания тех вопросов, которые он затронул.

Возражая оратору, члены союза категорически заявили ему, что союз представляет вполне выяснившуюся организацию определенной группы пролетариата и, как таковая, имеет скорее экономические, чем политические, задачи; что именно на экономической почве союз об'единил фармацевтов различных политических воззрений; что принадлежность к рабочему классу не только не шокирует фармацевтов, а что, наоборот, союз считает для себя честью состоять в общей рабочей организации, в Совете которой он имеет своего представителя.

Заявление же Слиозберга о низкой таксе фармацевты считают плодом недоразумения; достаточно указать на то, что по таксе стоимость лекарств превышает наличную стоимость материала в 10 раз.

Все высказавшиеся члены союза заявили, что предлагаемая программа для членов союза фармацевтов является безусловно неприемлемою, ибо по своим тенденциям она может быть названа союзом „истинных" фармацевтов в известном смысле этого слова.

Воззвание Союза союзов.

Граждане! По городу раздаются листки с приглашением избивать евреев и так называемую интеллигенцию, т.-е. образованных людей. Вас приглашает к этому полиция, как сообщали газеты, и злые люди, желающие поселить вражду между народными массами, с одной стороны, и евреями, учащейся молодежью и интеллигенцией — с другой, и потом воспользоваться этим замешательством, чтобы снова отнять те начала свободы, которые стал завоевывать себе русский народ.

Граждане! Не верьте тем, кто зовет вас на разгромы и убийства мирных граждан, на братоубийственную войну. Нам всем один путь, одна дорога, пока мы не завоюем свободы. Все те, кому тяжело живется, кто страдает от теперешних порядков, должны подать друг другу руки, должны итти вместе. Мы все должны сплотиться и не поддаваться призывам к грабежам и насилиям.

Мы знаем все, что и евреи такие же люди, что они несут еще больший гнет со стороны полиции и начальства. Студенты всегда выступали с защитой нужд рабочего люда и боролись за права всего населения, неся за это тяжелые кары. На интеллигенцию вас всегда натравливала полиция за то, что она противодействовала произволу властей и стремилась охранять интересы всех граждан.

Мы призываем вас, граждане, противодействовать насилию над мирными жителями и об'единиться для защиты общего святого дела — освобождения России.

Хроника.

— Князь Е. Н. Трубецкой 26-го вечером на предложение Витте занять пост министра народного просвещения заявил, что, как член конституционно-демократической партии, он может принять предлагаемый пост при условии, если будет принята программа его партии. До окончательного ответа г. Трубецкой пожелал посоветоваться со своими единомышленниками. После совещания с представителями конст.-дем. партии он заявил Витте, что предлагаемого поста принять не может. В этом совещании Д. Н. Шипов заявил, что раз г. Трубецкой отказывается, то он с своей стороны думает тоже отказаться.

— 26 октября в беседе с И. В. Гессеном Витте жаловался на затруднительность своего положения. Советы он получает со всех сторон, но сотрудников пока подобрать не может. Пока кабинет министров не сформировался, очень трудно проводить в жизнь намеченные планы. Предполагается устранить 34 губернаторов, из них 13 уже смещены. Функции Государственной Думы будут расширены. В принципе он стоит за общеизбирательное право, но без добавлений; главным образом он против равного избирательного права.

— Дело о журнале „Зритель". Вчера в первом департаменте Правительствующего Сената разбиралось дело о журнале „Зритель". Министр внутренних дел А. Г. Булыгин ходатайствовал о прекращении издания. Ходатайство это оставлено сенатом без последствий. Следующий номер „Зрителя" выходит в воскресенье.

— Назначенный в Москве на 6-ое ноября с'езд группы земских и городских деятелей будет посвящен вопросу об отношении тактики группы к выборам в Государственную Думу. Как известно, на последних с'ездах группа решила не бойкотировать Государственную Думу по „тактическим соображениям". Теперь, — когда, под влиянием революционного движения, „соображения" гг. земских конституционалистов о ходе событий в России не совсем оправдались, и народ, вопреки ожиданиям либеральных земцев, выступил на историческую сцену раньше, чем они ожидали, — группа решила „пересмотреть" свое решение о выборах в Думу.

— В городе упорно циркулирует весьма странный слух: полковника Мина назначают градоначальником. Полковник Мин, помимо усердного исполнения приказа „патронов не жалеть", известен своим знаменитым „письмом в редакцию". Надо полагать, что этот слух не что иное, как насмешка, ибо назначение этого господина градоначальником было бы прямо глумлением над обществом.

— 22 октября петербургская группа „Бунда" отправила в путиловскую больницу для возложения на гроб жертв 18—20 октября венок с надписями на красных лентах: „Борцам за свободу — Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России".

— Между существующими в Петербурге и имеющими в скором времени возникнуть либеральными газетами идет усиленная конкуренция по поводу желания каждой из них стать официальным органом конституционно-демократической партии. С другой стороны, либеральные издатели находятся в настоящее время в весьма трагическом положении, не зная какую партийную программу выставить на своем знамени.

— Вернувшемуся на-днях из-за границы редактору „Освобождения" П. Б. Струве одна из петербургских либеральных газет предложила стать во главе издания в качестве руководителя ее.

— На одном из последних заседаний Союза союзов постановлено выразить сочувствие „Бунду", ведущему геройскую борьбу в интересах еврейского пролетариата.

— Как мы слышали от одного из товарищей, освобожденных из Выборгской тюрьмы, надзиратели этой тюрьмы собирались пред'явить администрации ее коллективную петицию об установлении трех смен, увеличении жалованья и т. д., предполагая в случае отказа подкрепить свою петицию забастовкой. Текст петиции, по просьбе надзирателей, написал один из политических заключенных.

— 26 октября в заседании центр. бюро Союза союзов заслушан доклад прибывших в Петербург пензенских делегатов о подвигах черносотенцев и полиции при беспощадном избиении демонстрантов. Постановлено, в виду попустительства и бездействия полиции, требовать предания суду пензенского губернатора Хвостова и полиции.

— По поводу трагической смерти проф. М. Ю. Гольдштейна, тело которого прибудет для похорон в Петербург 29 октября, центральное бюро, исходя из постановления Совета Рабочих Депутатов о несвоевременности, в виду чисто тактических соображений, устройства демонстративных похоронных процессий, постановило: устройство похорон проф. Гольдштейна поставить в зависимость от решения С. Р. Д. Кроме того, постановлено требовать предания суду убийц М. Ю., которые прокуратуре известны. По поводу еврейских погромов были сообщены факты о готовящемся в Петербурге погроме, с целью избиения евреев и интеллигенции, который предполагают устроить по некоторым данным 30 октября. Черносотенцы, при непосредственном участии полиции, деятельно подготавливаются, запасаются ножами, выпускают воззвания к народу и т. п. Центральное бюро постановило обратиться к думе с требованием принять радикальные меры для защиты здоровья и жизни населения, а также выпустить воззвания к народу для раз'яснения истинных целей черносотенцев и полиции. Вопрос о выборе постоянного председателя решен в отрицательном смысле. Постановлено избрать секретариат из 5 человек, на обязанности которых возложить регулирование дел центрального бюро, выработку программ заседаний, предварительный рассмотр возникающих вопросов и т. д. Избрание состоялось путем закрытой баллотировки, результат которой будет оглашен в ближайшем заседании. Вопрос о милиции пришлось отложить до ближайшего заседения, в виду того, что избранная для обработки этого вопроса комиссия из 3 лиц не успела представить доклада. Постановлено вопрос этот на ближайшем собрании поставить на первую очередь в программе дня.

На Виндаво-Рыбинской дороге.

Генерал Трепов в своей деятельности по восстановлению в стране „порядка и законности" нашел себе опасного конкурента в правлении общества Московско-Виндаво-Рыбинской дороги. Последнее нашло деятельность правительственных агентов в этом отношении недостаточной и прибегло к „своим мерам".

С целью избежать возможности повторения общей забастовки, — правление в настоящее время организует среди своих служащих „союз сторонников порядка и законности". Организация эта производится довольно просто. Всем служащим предлагается для подписи следующая бумажка:

Союз сторонников законности и порядка.

„Россия охвачена смутой и междоусобицей, проливается кровь, и озлобление с каждым днем растет. Впереди нас черная туча, угрожающая России страшными бедствиями. Единственное спасение заключается в том, чтобы водворить нарушенный порядок, по возможности успокоить бушующие страсти. Мы, нижеподписавшиеся, сознавая, что на проведение в жизнь реформ, намеченных актом 17 октября 1905 г., требуется время, сим обязуемся:

1) спокойно выжидать полного проведения обещанных реформ; 2) стараться путем увещаний успокаивать и привлекать на свою сторону недовольных; 3) не придавать значения враждебным выражениям лиц, нам не сочувствующих; 4) за насилие и угрозы привлекать виновных к законной ответственности, отвечая насилием лишь в крайнем случае самозащиты; 5) не принимать участия ни в каких политических союзах, не основанных ни на одном из пунктов акта 17 октября 1905 г. и не участвовать ни в каких подписках, кроме явно благотворительных; 6) братски поддерживать друг друга во всех случаях и словом и делом. Обязательство это силу сохраняет до проведения в жизнь положений манифеста 17 октября с. г. и не далее начала февраля 1906 г."

Предложение правления ставит служащих в очень тяжелое положение. Подписаться — изменить товарищам, не подписаться — значит при первом случае лишиться места.

— Чиновники министерства путей сообщения приступили к сбору подписей под резолюцию, протестующую против частичной амнистии политических преступников.

— Чиновники гор. Вильны обратились в бюро союза петербургских чиновников с просьбой выслать им устав союза.

— К свободе печати. 27 октября типографский инспектор г. Любимов обходил, по приказанию главного управления по делам печати, редакции газет, порвавшие сношения с цензурным ведомством, и составлял протоколы о привлечении издателей к ответственности по ст. 1042. Остается спросить: не сделано ли это распоряжение ради курьеза?

— В „Крестах". В настоящее время, после амнистии, выясняются порядки, царившие в одиночной тюрьме „Кресты". Так, усердные надзиратели из любви к искусству производили у политических обыски. В тюремной бане карманы политических контролировались самым тщательным образом. Каждая найденная бумажка отправлялась „по начальству", которое в наказание за это лишало политических права читать, писать. За переписку с уголовными сокращалась прогулка на половину (полчаса—летом). „Начальство" (напр. помощник нач. Гудема) требовало, чтобы политические стояли перед ним на вытяжку, и когда, вместо этого, политические с негодованием протестовали, начальство устрашало карцером, а иногда приводило это в исполнение. Пом. начальника Гудема предупреждал политических, что „в его распоряжении находится много репрессивных мер", почему он предостерегает, чтобы политические „не фордыбачили".

С „воли" многие письма в тюрьму совсем не пропускались и даже после амнистии; такие письма освобожденным не возвращены. Кроме того, каждое письмо, как из тюрьмы, так и адресованное в тюрьму, путешествовало по жандармским и иным управлениям в Петербурге не меньше недели.

На прошения в жандармское управление, прокурору и т. п. часто не получалось никакого ответа, хотя бы прошение повторялось несколько раз. Прошения, написанные не „по форме", вовсе не принимались. Начальник тюрьмы для личных об'яснений с политическими, по требованию последних, не являлся. Были факты, что помощник начальника Гудема являлся в камеру по требованию политических только через 10 дней.

С уголовными арестантами обращение еще хуже. Весь тюремный режим унижает, обезличивает арестанта. За малейшее нарушение „порядка" (стук в стены, „грубость" и пр.) арестанта отправляют в карцер, находящийся в подвале. В карцере совершенно темно и сыро. Пища арестантам выдается в недостаточном количестве. Например, фунт мяса выдается арестанту на две недели. Хлеба также мало. По средам и пятницам щей не дается. Вообще арестанты живут впроголодь, и часто приходится видеть, как уголовные, возвращаясь с прогулки, подбирают корки хлеба, выброшенные свиньям. Вообще положение уголовных арестантов (особенно одиночек) в „Крестах" невыносимо.

— В совет присяжных поверенных при Петербургской судебной палате доставлен 25 октября официальный список лиц, освобожденных из-под стражи 19 октября и содержавшихся в полицейском доме Рождественской части по распоряжению с.-петербургского градоначальника. Лица эти, главным образом, были задержаны на улице, фабриках и заводах за агитацию к забастовке и нарушение обязательных постановлений. Всего освобождено 21 лицо: крестьяне Иван Горбунов, Федор Голубьев, Петр Марошкин, Николай Смирнов, Петр Щербаков, Василий Шпагин, Матвей Федоров, Павел Петров, Василий Смирнов, Александр Никонов, Александр Шипов, Василий Пахомов, Сергей Самуилов, Сергей Богданов, Яков Васильев, мещ.: Эдгард Тамберг, Александр Петров, Иван Кузьмин, Николай Осипов, Александр Лаврет и финл. уроженец Арвид-Юган Хамляйнен.

— Состояние здоровья журналиста М. К. Мукалова, раненого штыком и избитого нагайками 19 октября, улучшается. Рана ежедневно тампонируется. Особенно сильно дают себя чувствовать теперь удары нагайками. Результатом поранения и избиения явилось сильное расстройство нервов, что служит сильным препятствием к более скорому выздоровлению.

— Утром 19 октября у Спасской части собралась небольшая кучка народа, среди которой серели пальто околоточных и блестел погонами полицейский пристав (?). Заинтересовавшись происходящим, мой знакомый вмешался в толпу и сделался свидетелем того, как пристав (?), взывая к патриотизму истинно-русских людей, приглашал из толпы желающих „заработать" по 50 коп. войти во двор части, где он образует из них дружину, долженствующую „усмирить" бунтовщиков, гуляющих с красными флагами по улицам, и водворить порядок в городе, при чем за „отличие" обещал особую награду. Однако, „патриотов" нашлось немного.

— 25 октября в гимназии человеколюбивого общества приступили, после недельного перерыва, к занятиям. Явившиеся на уроки ученики об'явили начальству, что они „приступают к учебным занятиям не потому, что ими были получены официальные повестки, а считаясь с решением Совета Рабочих Депутатов, постановившего прекратить всеобщую забастовку". На просьбу учащихся разрешить им сходку — начальство ответило отказом. Пренебрегая последним, гимназисты собрались в рекреационной зале и вынесли резолюцию, в которой об'явили, что „связывают себя круговой порукой со всеми учащимися средне-учебных заведений г. Петербурга для борьбы всеми силами и средствами в случае, если кто-либо из товарищей пострадает от забастовки". На сходке было произнесено много речей на текущие темы. В огромном количестве распространялись прокламации „Северного союза учащихся средних школ".

— На Васильевском острове, на фабрике гильзовых машин Айваз, владелец фабрики, считаясь с резолюцией Совета Депутатов, ввел 8-часовой рабочий день, выдал рабочим 300 руб. и 1000 руб. решил передать в стачечный фонд Совета Депутатов.

— 26 октября забастовало 130 человек рабочих машинного отделения Орлова в экспедиции заготовления государственных бумаг. Забастовка началась на почве недоразумения с эмеритальной кассой. Рабочие требовали немедленной ликвидации кассы. Администрация обещала ликвидировать кассу в январе месяце. К этой забастовке примкнули и другие мастерские (рабочих в экспедиции 2.500 человек, а со служащими 3.900 человек). Администрация вывесила об'явление, чтобы желающие работать подавали прошения в контору. Эспедиция закрыта по 10 ноября.

— Забастовавшие телефонистки центрального телефона пред'явили выработанные ими требования, заключающиеся в следующем: 1) 6 час. рабочий день; 2) на ночные дежурства не могут быть назначаемы лица моложе 20 лет; 3) жалованье при поступлении 40 руб., по истечении известного срока службы 50 руб.; 4) сверхурочные работы совершенно отменяются; 5) по истечении 15 лет службы — пенсия, равная годовому окладу; 6) замужество не должно быть причиной удаления со службы; 7) ежегодный отпуск с сохранением оклада; 8) признание корпоративной организации служащих, прием и увольнение со службы только с ведома и согласия корпорации.

Администрация на пред'явленные требования, видимо, не соглашается и начинает уже организовывать новые кадры служащих. Московский Стачечный Комитет решил принять энергичные меры, чтоб поддержать телефонисток.

— Сообщение о том, что Числав-Мечислав Струмила-Петрашкевич не освобожден — неверно. М. Струмила-Петрашкевич амнистирован и освобожден из дома предварительного заключения 22 октября; адрес его известен комиссии по амнистии.

— В виду назревших профессиональных экономических нужд чертежников и вследствие отсутствия об'единяющей всех чертежников организации, временное организационное бюро настоящим обращением приглашает г.г. чертежников, сочувствующих идее возникновения и развития союза, собраться в воскресенье, 30 октября, в 8 час. в., в народном доме гр. Паниной (Тамбовская ул.) для выяснения следующих вопросов: 1) организация союза чертежников, по примеру других профессиональных союзов; 2) экономическое положение чертежников и средства для его улучшения; 3) об отношении возникающего союза чертежников к существующим профессиональным союзам; 4) желательность выбора делегата в Рабочий Совет и Союз союзов, и 5) отношение чертежников к текущим событиям.

— На заседании союза чиновников в пользу Стачечного Комитета продавались книги и брошюры изданий „Молота", „Буревестника" и др.

— К забастовке фармацевтов. В главный медицинский департамент поступило на обсуждение медицинского совета предложение о внесении в кондуитные списки аптекарских учеников отметок об участии их в забастовках. Медицинский совет, рассмотрев это предложение, разрешил его в отрицательном смысле.

— Бесплатные курсы для рабочих. Специальная комиссия при Лиговской окраинной консультации помощников присяжных поверенных организует систематические народные чтения по вопросам права и государствоведения. Первое чтение состоится в субботу, 29-го октября, в $8^1/_2$ час. вечера, в народном доме графини Паниной (угол Тамбовской и Прилуцкой ул.). Приват-доцент В. Н. Сперанский прочтет вступительную лекцию по государствоведению, под заглавием: „Происхождение государства".

— Несмотря на то, что большинство из учреждений Петербурга выдали своим младшим служащим или пособия или повышенные оклады содержания для возмещения расходов, происшедших от вздорожания жизненных припасов во время забастовки, железные дороги пока ничего не сделали для своих служащих в этом направлении. Большинство из занимающихся в управлениях и службах железных дорог живет по линии Николаевской железной дороги и платит теперь в местах своего жительства по 20 коп. за фунт самого плохого русского мяса, по 45 коп. за фунт низкосортного кухонного масла и за все — в таком же роде.

— Военно-медицинская академия. Студентам выдаются отпуски на 28 дней и даже на более долгий срок. 24-го, 25-го и 26-го октября происходили заседания конференции профессоров академии о положении дел в академии. Начальник академии, проф. Бехтерев, высказался за закрытие академии. Студенты решили созвать на 29-е октября общеакадемическую сходку.

— Отголоски забастовки. Вчера на вокзале Николаевской железной дороги у билетных касс вывесили об'явление: „Вследствие скопления на ст. Сызрань свыше четырех тысяч пассажиров, едущих на и за Самаро-Златоустовскую железную дорогу и задержанных прекращением движения по этой дороге, и за использованием всех наличных средств для удобного ожи-

дания пассажиров до восстановления движения, Сызрано-Вяземская железная дорога просит впредь до уведомления прекратить продажу билетов пассажирам, едущим на станции Самаро-Златоустовской и за нею лежащих железных дорог.

— Ссуды, назначенные комитетом вспомоществования студентам университета, будут выдаваться в университетской коллегии в пятницу, 28-го октября, от 2 до 4 час. дня.

— Петербургский градоначальник 27 октября издал следующее раз'яснение по полиции: „Лица, замеченные в подстрекательстве к забастовке, задержанию вообще не подлежат, за исключением случаев, когда ими проявлены какие-либо насильственные действия, или когда для водворения уличного порядка представляется необходимым временно из'ять сих лиц из толпы. На лиц, задерживаемых полицией, протоколы составляются лишь при явном нарушении ими действующих обязательных постановлений или при совершении ими преступлений, предусмотренных Уложением о наказаниях. Арестуемые за эти преступления подлежат зачислению за судебными следователями, охранным отделением и сыскной полицией".

ДУМА О ПОГРОМЕ.

Вопрос о предстоящем погроме был возбужден в заседании думы 26 октября.

Гласный Целибеев обратил внимание думы на покупку в лавке Фомина 600 финских ножей по удостоверению полиции.

Что-либо одно: или удостоверение полиции подложно, или наша полиция принимает самое деятельное участие в организации и вооружении черной сотни.

Дума постановила поручить гласным А. А. Азарьеву и А. Э. Бари расследовать этот факт и о результатах доложить следующему собранию.

Далее собранию доложено было о том, что на петербургских рынках черносотенцами и полицией раздаются возмутительные воззвания.

В качестве меры для борьбы с этим предложено было организовать бесплатные лекции в залах городской думы. На лекциях будут раз'яснять манифест о свободах.

Дума приняла предложение и на этом успокоилась.

Для разработки этого вопроса избрана комиссия из гласных: Фальборка, Набокова, Кривенко, Оппенгейма, Федорова, Глазунова и Черногорова. Других средств дума не могла придумать.

Вопрос о том, как бороться с черносотенным элементом, восседающим внутри думы, в заседании поднят не был.

Странный прием борьбы с черной сотней дал и „странный" результат: состав комиссии представляет характерную смесь, наводящую на мысль, что в ней самый вопрос об отношении к погромам может возбудить существенные разногласия.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ЧИНОВНИКОВ.

Русское чиновничество, охваченное могучей волной освободительного движения, „изменило" своим душным канцеляриям и открыто вступило на арену если не политической борьбы, то политических заявлений...

26 октября в обширном помещении Тенишевского училища, под председательством г. Комаровского, при громадном стечении представителей чиновничьего мира состоялось общее собрание союза чиновников, служащих в правительственных учреждениях.

В начале заседания, по предложению председателя, собрание почтило вставанием память мучеников-борцов за свободу, погибших в исторические дни 18—20 октября.

Затем, г. Богданов по поручению бюро союза доложил собранию историю возникновения союза чиновников.

Докладчик далее ознакомил собрание с течением забастовки чиновников в различных правительственных учреждениях.

После сообщения г. Богданова приступлено было к прениям по вопросам — „о необходимости политического об'единения чиновников" и „о политической программе союза".

В результате прений единогласно была принята выработанная бюро политическая программа следующего содержания:

„Союз служащих в правительственных учреждениях, об'единяя деятельность поборников коренного переустройства государственной жизни России на основе демократической конституции при всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве, ставит своей основной целью общее с настоящим освободительным движением и интересами всей страны дело скорейшего осуществления в текущей действительности нового порядка.

В частности ближайшие свои задачи союз видит:

1) В деятельной работе по пересозданию на началах права и в интересах всего народа внутреннего приказного строя правительственных учреждений, в связи с соответствующим изменением общего направления их деятельности.

2) В последовательном проведении в жизнь основных принципов гражданственности как в сфере служебных отношений, так и в области общего правового положения чиновника, как полноправного гражданина своего отечества".

Собрание закончилось в час ночи.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— Снятое 18 октября с политехнического института осадное положение в настоящее время фактически приняло лишь несколько иную форму. Вместо двух пулеметов и батальона пехоты, расставленной около институтской территории по приказанию г. Трепова, блокаду поддерживает черная сотня. На Большом Сампсониевском проспекте и на Муринском втором ходят толпы хулиганов и избивают проходящих и проезжающих студентов. Дерзость их доходит до невероятного. Так, на днях на проезжавшего на извозчике студента И. напала толпа черносотенцев, сшибла верх пролетки и избила его до потери сознания. В настоящее время насчитывается до 10 пострадавших студентов и два лаборанта.

— Сегодня, 24 октября, состоялось заседание совета профессоров политехнического института по вопросу о времени возобновления учебных занятий. После 4-часового совещания профессора разошлись, не вынеся никакого решения. Окончательное постановление состоится завтра в заседании, имеющем быть в два часа. Завтра же предполагается назначить на 11 часов утра созыв студенческой сходки по этому же вопросу.

— Вчера при возобновлении занятий в Царскосельской гимназии директор Анненский произнес речь, посвященную манифесту от 17 октября. В ответ на это один из учеников VIII класса обратился с горячей речью к товарищам. В этой речи он разбирал „конституцию", „данную" манифестом 17 октября, и в противовес г. Анненскому, говорившему о данных якобы гарантиях свободы, указал, что свобода дана не свыше, а добыта кровавыми усилиями революционного народа, и что гарантией народной свободы являются не обещания, а готовность революционного пролетариата и всего народа к дальнейшей борьбе. После этого ученики с пением марсельезы разошлись по классам. В тот же день, по окончании занятий, в здании гимназии состоялась сходка учеников старших классов, на которой принципиально была решена необходимость организации товарищеского суда, свободы сходок и принятия мер для ограждения учащихся от черносотенных выступлений, в виде организации самообороны и установления необязательности формы. О решениях сходки доведено до сведения директора.

Партийные резолюции.

— На собрании рабочих делегатов Невского района 26 октября была вынесена следующая резолюция: „Совет Рабочих Депутатов высказался принципиально за введение восьмичасового рабочего дня революционным путем. Приветствуя и поддерживая инициативу Семянниковского завода, уже осуществившего это постановление, районное собрание делегатов Невской заставы постановило ввести, по возможности, во всех заводах с 27 октября восьмичасовой рабочий день. Вместе с тем собрание заявляет о своем непреклонном намерении добиваться введения восьмичасового рабочего дня законодательным путем".

— 26-го октября состоялось заседание Комитета Об'единенной Организации при Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. П. студентов высших учебных заведений.

На случай открытия высших учебных заведений по вопросу о тактике студентов социал-демократов принята резолюция:

„Комитет Об'единенной Организации студентов социал-демократов, обсудив положение закрытых правительством высших учебных заведений, в целях самозащиты в борьбе с революционным народом, еще раз подчеркивает свою точку зрения на вопрос о значении высших учебных заведений в революционной борьбе: высшие учебные заведения в видах революционной тактики должны быть открыты и предоставлены в полное распоряжение революционного народа, для которого теперь более чем когда-либо необходимо стоять на страже своих интересов, так как правительство, выпустив манифест с обещаниями и натравив черную сотню на революционный народ, стремится организовать контр-революцию".

В связи с поднятым вопросом о реорганизации партийной работы при Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. П. рассматривался вопрос о средствах к новой постановке дела пропаганды социал-демократических идей среди учащейся молодежи.

— 27 октября происходило соединенное собрание митинговых ораторов, выступающих от имени обеих фракций Социал-Демократической Партии. Обсуждалась резолюция, выработанная Федеративным Комитетом по поводу Совета Рабочих Депутатов для проведения на рабочих митингах. Резолюция эта гласит следующее:

„Мы, собравшиеся рабочие, после обсуждения пришли к следующему выводу. В настоящее время, когда под ударами революции разрушается старый режим, рабочим необходимо тесно сплотиться в одну партию, чтобы в ее рядах неутомимо бороться за наши интересы. В противном случае буржуазные партии захватят в свои руки все плоды победы, добытые нашими руками. Рабочим нужна единая партия. Рабочая партия должна принять программу, которая выражает интересы пролетариата всего мира. Такой программой является программа международной социал-демократии. Российский пролетариат есть часть всемирного пролетариата. Российская Социал-Демократическая Партия есть часть всемирной социал-демократии. Все рабочие, организованные в союзы, должны находиться под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Поэтому мы обращаемся к возникшему, во время последней политической забастовки, Рабочему Совету и, находя единственно приемлемым для него программу Социал-Демократической Партии, предлагаем ему вести дальнейшую борьбу за демократическую республику, народную милицию, 8-часовой рабочий день и социализм в рядах этой Партии".

После продолжительных прений ораторы обеих фракций пришли к соглашению агитировать в пользу этой резолюции на рабочих митингах.

— Заседание Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов. 27 октября присутствовало 21 член: были представители от районов и от Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии и предст. Москвы от Партии Соц.-Револ. В порядке дня были поставлены следующие вопросы: 1) организация помощи безработным; 2) об увольнении за забастовку; 3) о пороховом заводе; 4) об общем собрании Совета Раб. Депутатов.

По первому вопросу принято предложение, внесенное союзом равноправия женщин об открытии им на их средства, под контролем Совета Рабочих Депутатов, дешевой столовой для безработных Нарвского района.

По второму вопросу: постановлено послать к администрации гвоздильного завода, уволившей за забастовку 10 чел., 2 представителей Исполнительного Комитета с требованием немедленного принятия обратно уволенных, подкрепленным угрозой бойкота и т. п. Решено к рабочим выпустить листок с призывом поддерживать уволенных товарищей и агитировать на всех митингах за недопущение произвола со стороны администрации. Уволенным, впредь до принятия на службу, решено выдавать пособия. Размер пособия для безработных и уволенных определен: взрослому холостому 30 коп. в день, на первого ребенка—15 коп., а на второго и т. д. по 10 коп.

Внесено заявление от союза инженеров, в котором союз обусловливает выдачу денег в стачечн. фонде — допущением представительства от союза инженеров в Совете Рабочих Депутатов.

Постановлено: предложить инженерам передать деньги кассиру Рабочего Совета, представительство же их в Совете отклонить. Представители инженеров и других либеральных организаций могут входить в сношение с Исполнительным Комитетом.

Рабочие пороховых заводов просили разрешить им собраться. Генерал, заведывающий заводом, разрешил, но рабочих при входе в собрание встретили штыки. Рабочие заволновались, и тогда заведывающий заводом рассчитал рабочих, не уплатив им даже за 2 недели вперед. Решено послать 3-х делегатов с требованием обратного принятия уволенных.

На фабриках и заводах.

— В Колпино забастовка продолжается. Рабочие, кроме политических, выставили также и экономические требования, но эти требования до сих пор еще не удовлетворены. Мало того: администрация заводов почти ничего не предпринимает в этом направлении, кроме одного заседания, на котором платонически возбужден этот вопрос; назревшим требованиям не дают никакого исхода. Возбуждение среди рабочих приподнятое. Все возмущены событием, когда на известную мирную манифестацию рабочих и инженеров было направлено войско и произошло кровавое столкновение с человеческими жертвами.

— На заводе Сан-Галли. На чугунно-литейном и механическом заводе Ф. Сан-Галли после пред'явления рабочими требований, в которых они требовали утверждения выбранных ими старост и чтобы администрация завода не отказывала рабочим в зимнее время, все рабочие были уволены. После полуторамесячной забастовки администрация завода начала прием рабочих, выбирая преимущественно благонадежных и притом пока в самом ничтожном количестве. Из 150 человек, работавших в литейной мастерской, принято только 10 рабочих, в механическом отделении из 250 принято 50 человек, в котельной мастерской принято около 160 человек и отказано более 40. Кроме того, завод уволил двух мастеров, одного из механической мастерской г. Бибера и литейной мастерской г. М. Ф. Пальт. Эти два мастера были любимцами рабочих, которые в знак уважения поднесли г. Биберу золотой перстень с надписью „на память от рабочих завода Ф. Сан-Галли".

М. Ф. Пальт и Бибер были уволены администрацией завода за то, что категорически отказались исполнять полицейскую службу, возложенную на них владельцем завода. Обязанности эти заключались в том, чтобы мастера (вместо сторожей) стояли у ворот завода и пропускали в мастерские только „благонадежных" рабочих.

Отношение администрации завода к рабочим возмутительное. Администраторы обращаются к рабочим со словами „хулиганы", „дармоеды" и пр.

Не принято обратно на завод также несколько рабочих, проработавших у Ф. Сан-Галли много десятков лет. Из котельной мастерской, например, уволен рабочий, проработавший 36 лет, другой рабочий был на заводе 12 лет, здесь же отказано рабочему котельной мастерской, у которого во время работы свело пальцы. В пособии ему также отказано.

С утра у ворот завода толпится народ — это все „неблагонадежные", выброшенные за борт. Администрация „обещала" принять и этих, но обещание это и останется, кажется, обещанием.

— Во время всеобщей забастовки админстрация Франко-русского завода заявила о полной своей солидарности с забастовавшими рабочими. Однако „полная солидарность" оказалась довольно подозрительною: именно, рабочие, непримкнувшие к политической забастовке, получили от администрации зачет двух прогульных дней вместо одного, который зачли участвовавшим в забастовке. Товарищи рабочие в приеме администрации видят попытку внести раздоры в их семью.

За Невскою заставою.

4 октября по почину Семянниковского завода началась забастовка на Шлиссельбургском тракте для выражения сочувствия московским товарищам. К 12-ти часам весь тракт, за

исключением Обуховского завода, уже прекратил работы. Ходила только конка. К коночным рабочим была отправлена депутация. Те ответили, что провести забастовку одним им не удастся, и предложили семянниковцам „снять“ их. Решено было остановить движение. Около двух часов на углу Шлиссельбургского проспекта и Прогонного переулка собралась большая толпа рабочих, которая начала таскать на рельсы груды булыжника, бревен и т. п. Когда, таким образом, путь был прегражден, стали ждать поезда. Поезд должен был остановиться; пассажиры вышли.

Движение, таким образом, было прекращено. Между тем издали показались казаки. Рабочие стали спешно строить баррикады: около вновь строющегося каменного дома у Прогонного переулка опрокинули и сдвинули несколько ломовых телег, натаскали бревен, досок и булыжника. Укрывшись за баррикадой и заняв дом, толпа стала ждать приближения казаков. Атака казаков была встречена градом каменьев и револьверными выстрелами. Казаки дали залп и бросились на баррикаду.

Однако перед баррикадой лошади остановились. Тогда казаки, спешившись, стали разбирать баррикаду, а затем и наступать на рабочих. Последние, отстреливаясь, отступили через задний двор. Между тем на противоположной стороне проспекта столпилась масса народу. На виду у казаков, уже кончавших свое дело, какой-то рабочий громко призывал народ к дружной борьбе с самодержавием. Помощник пристава, пытавшийся арестовать рабочего, был схвачен толпою, избит и заперт в пустой сарай. В это время подоспел новый наряд казаков, который начал немилосердно избивать толпу. Многие получили серьезные поранения саблями и нагайками. Часа в три-четыре казаки стали прямо неистовствовать: били всех проходящих, не разбирая правого и виноватого. Один рабочий, живущий дальше, в селе Фарфоровом, вышел из дома против фабрики Наумана и, не зная, что конка не ходит, остановился посреди дороги, чтобы подождать поезда. В это время налетевший сзади казак нанес ему тяжелую рану саблей по шее. Выбежавших на его крик нескольких рабочих избили плетками. Отдельные группы рабочих казаки хватали, тащили во двор фабрики Паля и там избивали до полусмерти. Так было избито 14 человек. Все эти неистовства продолжались до самого вечера, когда казаки были разведены по дворам.

Вечером по тракту начали бродить толпы хулиганов, которые в какие-нибудь час-полтора перебили почти все фонари по проспекту и боковым улицам. На тракте воцарился мрак. Начался грабеж. Среди зловещего мрака небольшие кучки темных личностей то здесь, то там почти бесшумно взламывали двери лавок и так же бесшумно передавали награбленное добро тут же стоявшим сообщникам, которые и уносили его. Казаки и полиция во все время грабежа демонстративно не вмешивались. За ночь разграблено до двадцати мелочных лавок.

В экспедиции заготовления государственных бумаг.

27-го октября, в десятом часу утра, у ворот экспедиции заготовления государственных бумаг было вывешено следующее об‘явление:

„С 27-го сего октября мастерская машин Орлова закрыта для работ. Согласно § 4 внутреннего распорядка, рабочие этой мастерской предупреждаются, что с 10-го ноября они считаются уволенными из экспедиции и могут получить расчет в домовой конторе, начиная с понедельника, 31-го октября“.

Накануне к управляющему экспедицией г. Голицыну явилась депутация от рабочих с просьбой приступить к выдаче денег пенсионной кассы. Г. Голицын ответил, что без разрешения министра финансов сделать ничего не может, но обещал сделать об этом доклад на-днях. Депутаты на это ответили, что они не доверяют обещаниям администрации и требуют гарантии в том, что требование их будет исполнено.

Следует заметить, что на-днях состоялась сходка в экспедиции, где подавляющим большинством (87%) рабочие решили упразднить свою пенсионную кассу.

Требуемая гарантия дана не была, что и вызвало забастовку 160 рабочих на орловских машинах. Сегодня утром этих 160 рабочих, пришедших на работу, к занятиям не допустили. Вследствие этого, 27-го утром, к г. Голицыну явилась депутация от остальных рабочих с требованием допустить своих 160 товарищей к занятиям. В этом требовании депутатам было отказано. Тогда последние заявили, что они также немедленно прекращают работы, и в десять часов утра все работы в экспедиции прекратились во всех отделениях, и на воротах появилось следующее об‘явление:

„С 27-го сего октября экспедиция закрыта для работ. 10-го ноября все рабочие будут уволены из экспедиции. Тем, которые пожелают поступить вновь в экспедицию, подчиняясь условиям договора, изложенным в правилах внутреннего распорядка, предоставляется подать немедленно о том письменное прошение чрез чиновника особых поручений“.

Сегодня в продолжение всего дня принимались прошения от вновь поступающих в экспедицию. Очевидно, обратно рабочие будут приниматься с известной сортировкой.

Сегодня г. Голицын был принят у и. д. министра финансов, которому представил заявление о желательном закрытии пенсионной кассы экспедиции.

Театр и музыка.

НОВЫЙ ТЕАТР.

26 октября на сцене „Нового театра“ имела выдающийся успех пьеса А. Шницлера „Зеленый Попугай“. Успех был, конечно, главным образом психологический. На сцене „последний день старой Франции“, день взятия Бастилии, и кликов торжествующей демократии достаточно, чтобы в наши дни наэлектризовать зрительный зал. Но помимо этого, Шницлер преподает в своей отходной старому миру урок исторической и внутренней справедливости. Его сатира направлена не только против аристократии, как может показаться с первого взгляда. Конечно, виртуозное высмеивание аристократов, не понимающих своего положения, — самое яркое в пьесе. Тут на-лицо все элементы: и бездушие собственников, глумящихся над порабощенным народом, и полное нравственное вырождение, разврат молодых и старых мужчин и женщин, и близорукая тупость, почти слабоумие царедворцев, помешаных на этикете: они не могут отрешиться от поклонения кумиру монаршей власти, даже когда он валится с пьедестала. Но столь же зло и тонко Шницлер вышучивает другой элемент старого порядка — тех, кто не живет, а играет, тех, которые тешат пресыщенную праздность и скрывают живой двигающий на дело гнев под маской притворства. Ничтожны аристократы, но ничтожны и осуждены на погибель также актеры, превращающие веселую таверну „Зеленого Попугая“ в пеструю ярмарку, где вся жизнь представлена „в шутку“. Актеры Шницлера символизируют все условное в жизни общества, все перегородки, все надуманные понятия о сословной чести.

Сопоставляя в резких контрастах два противоположных полюса в жизни старого строя, аристократов и гаеров, Шницлер и разыгрывает остроумные вариации на тему: нет границ между игрой и действительностью, между истиной и ложью... Тут, в мире условности и гаерства, границы действительно нет, истина и ложь сливаются. Но эта трагикомедия отживающего мира, где все притворно, разыгрывается на фоне грозных событий, знаменующих действительную силу — искреннюю действенную жажду свободы. Революция побеждает скептическую философию старого мира — вот смысл пьесы Шницлера, одной из наиболее остроумных и художественных сатир в современной литературе. Разыграна она была в „Новом

театре“ с большим под‘емом. Из отдельных исполнителей выделялись: г-жа Яворская, очень грациозная в роли лукавой порочной маркизы, г. Аркадьев в роли хозяина таверны, г. Шмидт в роли маркиза де-Лансака.

Еще две сатирические пьесы дополняли спектакль, носивший общий протестующий характер. „Вор“ Мирбо — сатира на мещанство современного общества, где, может быть, честнее быть откровенным вором, чем носить маску одной из честных профессий — и жить все-таки обманом. „Мадемуазель Фифи“ — патриотическая пьеса на сюжет Мопассана тоже с протестом против условности понятий о чести. Проститутка оказывается благороднее немецкого офицера с его военным ухарством. Пьеса разыграна очень дружно. Роль Рахили одна из самых ярких в репертуаре г-жи Яворской.

Зин. Венгерова.

В Кронштадте.

Погром или восстание?

Уже несколько дней тому назад ходили упорные слухи о том, что в самом близком будущем предстоит „поголовное избиение“ в Кронштадте. Собрания и митинги происходили все-таки в полном порядке; особенным интересом отличались политические митинги матросов и солдат артиллеристов, на которых присутствовало, в общем, около 10 тысяч человек. Одновременно с этим организовались и черносотенцы. Полиция и некоторые офицеры принимали явное участие в этой организации, уговаривая хулиганов „всевозможных родов и профессий“ избивать „жидов и социалистов“, мутящих спокойствие и тишину и добивающихся „никому не нужных свобод“. В результате этого в минувшее воскресенье толпы вооруженных черносотенцев и солдат нападали на отдельных рабочих и интеллигентов и жестоко избивали их; было несколько убийств. Но все минувшее бледнеет перед тем, что случилось в ночь на 27 октября.

26 октября с 6 часов вечера начался „общий“ погром, сопровождаемый самыми возмутительными насилиями и грабежами. Толпы вооруженных подонков общества нападали на отдельные дома, убивали и грабили все, что попадалось на пути. В некоторых местах вспыхнули пожары. Электричество и газ перестали действовать. Погром усиливался, начались массовые поджоги.

К 12 часам ночи события достигли ужасающих размеров. Грабили, уничтожали — и все это совершалось на глазах полицейских и воинских властей, которые не только бездействовали, но сами, переодетые, принимали активное участие в насилиях. Возбуждение и паника среди жителей достигли крайних пределов в 3 часа ночи, когда с быстротой молнии распространился слух о взрыве пороховых погребов. Слух пронесся, но взрыва не последовало — говорят, что ждут его с часу на час. Зато страшное пламя пожаров охватывало все новые и новые места.

По слухам, одновременно с погромом вспыхнуло восстание матросов; половина сухопутной артиллерии перешла на сторону матросов.

Морское инженерное училище в Кронштадте закрыто на неопределенное время.

При стычке с крепостным баталионом матросов много убитых и раненых.

Сегодня в Кронштадт отправлен эскадрон кавалерии и пехота из Петергофа.

Готовящийся погром.

Открытое письмо совета старост Петербургского университета.

Граждане! Могучий и грозный натиск пролетариата на неприступную до самого последнего времени твердыню самодержавия пробил в ней значительную брешь. Испуганное, растерявшееся правительство пошло 17 октября на уступки и обещало русскому народу свободу без гарантий. Теперь, видя, что революционная волна пала и основательно предвидя приближение девятого вала, российская монархия не теряет времени и все силы, все средства пускает в ход для того, чтобы потопить в крови освободительные стремления народа, чтобы затем снова отобрать завоеванные им права. В этих целях с циничной откровенностью самодержавие вступило в братский союз со всеми темными силами страны, в этих целях, опираясь на невежественные массы, подняло их и ведет на сознательное большинство русского народа. В целом ряде городов пролита кровь, кровь прольется и в Петербурге при благосклонном участии Крушеванов и полицейских агентов, вступивших в трогательный союз. Граждане! Мы, старосты Петербургского университета, призываем вас к защите собственных интересов, к организации вооруженного отпора черной сотне. Студенчество в первую голову попало в проскрипционный крушевановский список. Академический легион студентов университета уже образовал необходимую помощь в деле его вооружения. Жертвуйте на вооружение народа! Жертвуйте на академический легион!

Совет старост Петербургского университета.

На 30 октября, по слухам, назначено в столице избиение интеллигентов, студентов и евреев Это вовсе не является секретом; об этом знают и говорят решительно все. Подготовления к избиению идут весьма деятельно; вербовка в кадры черной сотни происходит открыто с полной откровенностью и при непосредственном участии, даже более — под руководством администрации, при чем последняя отнюдь не скрывается а делает это с полным сознанием исполнения своего прямого долга.

Пропаганда избиения в наибольшей степени практикуется на окраинах и пристанях, где сконцентрирован чернорабочий элемент. Здесь представители полиции разных рангов при дружном содействии всевозможных подозрительных суб'ектов усиленно занимаются толкованием манифеста, варьируя на все лады формулу: „жиды и студенты заставили царя отречься от престола". Эту версию в различных толкованиях мне лично приходилось слышать сегодня во многих местах. На Тучковой набережной уже более недели идет весьма деятельная агитация, и все отбросы населения в настоящее время представляют вполне организованную и вооруженную дружину. Здесь душой всему делу является купец Лобов, который с утра до вечера переходит с одной баржи на другую, „воодушевляя" босяков и хулиганов.

По справкам, собранным у местных обывателей, еще за несколько дней до об'явления манифеста, на набережной у барок стали появляться какие-то личности, ни по виду ни по костюму не подходящие к обычному здесь элементу. Эти люди с тех пор и по сие время ни на одну минуту не оставляли местность, сменяясь партиями по несколько человек. Все время они находились в самых тесных сношениях с грузчиками: часто приносились какие-то пачки.

О характере деятельности агитаторов можно судить по следующему факту.

23 октября утром двое из них появились по обыкновению у барок и сделали какой-то знак, и тотчас же из барок высыпало несколько десятков босяков с палками и двинулись к Невскому.

Так же деятельно подготовляется Калашниковская набережная, Сенная, Апраксин рынок, Забалканский проспект — преимущественно в местности скотопригонной площади.

В этих местах пропаганда имеет вполне определенный вид: дворники и городовые составляют списки евреев, студентов и лиц интеллигентных профессий. Ни для кого не секрет, для чего это делается. На улицах, в трактирах, в с'естных лавках, в чайных, словом о предстоящем погроме говорят громко и определенно. Повсюду, по заявлениям местных жителей, среди народа толпятся полицейские в штатской одежде.

Откровенность полиции доходит до следующих характерных разговоров: к управляющему одного из домов на Тучковой набережной местный околоточный надзиратель пришел с настоятельной просьбой оставить выгоняемого дворника, ибо „он человек нам полезный"; при этом блюститель порядка стал об'яснять „полезность" дворника. Оказалось, что он деятельно работает на пользу „общего дела" — предстоящего „избиения крамольников".

— Это — важное для правительства дело, — заявил околоточный, ибо необходимо подавить крамолу.

В виду подготовляемого погрома, направленного против интеллигенции и евреев, рабочие Петербургской стороны организуются и вооружаются для охраны как своего района, так и центральной части города. Все товарищи приглашаются в субботу вечером и в воскресенье с утра на улицы своего района и в центральные части города для противодействия темным элементам столицы.

— 27 октября в университетской коллегии состоялось очередное заседание совета старост. На обсуждение был поставлен вопрос о мерах самозащиты студенчества от организованного нападения черных сотен. После продолжительных дебатов, было решено послать депутацию в городскую думу с требованием вооружения городской гражданской милиции и выдачи денег на вооружение уже сорганизованного академического легиона. Кроме того, было доложено одним из старост, что комитет общества вспомоществования студентам спб. университета желает, чтобы представители от старост присутствовали на его заседаниях и участвовали в распределении пособий, назначаемых комитетом. Предложение было принято и, кроме того, постановлено просить комитет об ассигновании известного количества денег для снабжения недостаточных студентов штатской одеждой.

— Под влиянием тревожных слухов о черносотенном погроме, назначаемом на 30 октября, многие из обывателей отправляют свои семьи в окрестности (Удельную, Выборг, и т. п.).

— Нам сообщают, что по городу раздают кастеты, ножи и „штаны". Последние — затем, чтобы узнать своих. Получившие кастеты хвалятся их качеством: „хорошо мы их (евреев) отработаем".

— На Забалканском проспекте полиция собирает адреса живущих по проспекту евреев.

— В собрании социал-демократов, организаторов высших учебных заведений, решено употребить энергичные усилия для организации дружин самообороны против черносотенников.

Рассылка прокламаций черной сотни все увеличивается.

Сегодня многие евреи получили следующий „Манифест":

„Великий Русский Народ! Кто не читал из Вас, кто не знает у кого не трепетало от радости все существо человеческое, когда слух впервые разнесся могучей волной по святой Руси о даровании нашим Великим Государем всему российскому народу величайшего блага, блага свободы и гражданства? Кто же из Нас теперь не оценит этой великой заслуги Государя Нашего перед своим народом? Кто же теперь со слезами радости не будет благодарить Его, Его, Манифестом своим предотвратившего кровавые насилия при создании нового государственного устройства? Но не все могли оценить этот Великий дар, принесенный нашим Государем своему народу. Нашлись люди, которые в тот же день открыто говорили речи и внушали народу насильственно низвергнуть Царскую Власть и установить в государстве республику. И кто говорил об этом? Это говорили люди, которые ничем не дорожат, у которых нет ничего святого, у которых нет отечества, нет постоянного очага в государстве и которые живут только там, где лучше их гешефты... Таковые люди говорили об этом на митингах, и это были жиды, распявшие Нашего Господа Иисуса Христа, и теперь они хотят убить нашего Царя.

Великий Русский Народ! к вам обращаемся мы ... не допустите власти жидов, не слушайте их пропаганды, бейте их!

Теперь у нас есть Великий Русский Царь, к которому всякий может пойти... и при котором поддерживается существование Руси. А если не будет Его? Если жиды возьмут верх над Вами. Если они устроят из вашего Государства Республику, в которой будет президентом жид... к кому обратитесь Вы? Где будет Ваше государство? „За Русского Царя призывает Вас Русский Народ!" „Да здравствует Великий Русский Царь!" „Да здравствует Великий Русский Народ!" „Смерть жидам!!!"

Русская Национальная Лига".

Иностранный отдел.

Свободная Россия и Европа.

Великие события последних дней потрясли весь мир. Миллионы русских пролетариев вышли на борьбу за свободу и с невиданной силой двинули вперед всю страну. Вековые устои зашатались, свободный вихрь ворвался в затхлые подполья, золотое солнце заглянуло в столетние казематы.

Грандиозными манифестациями под красными знаменами отпраздновал российский пролетариат свою первую великую победу. Страна насилия и бесправия стала страной борьбы за свободу. Сильнейший враг освобождения человечества начал ослабевать. Международная

социал-демократия со всех концов мира восторженно приветствует русский рабочий класс; к рядам всемирного пролетариата, к рядам борцов за социализм примкнули новые баталионы. Мировая борьба пролетариата получит новый толчок, а международный пролетариат нанесет новые удары своим врагам.

Уже почти наступило то время, которое предвидел три года назад Каутский в статье „Славяне и революция". Россия — главный оплот реакции в 1848 году, Россия, вступившая в союз с австрийским правительством, чтобы подавить геройскую венгерскую революцию, Россия — ледяная гора, о которую разбились волны, поднятые великими бурями 1848 года, — сама дает толчок международному освободительному движению.

Демонстрация в Вене в пользу всеобщего избирательного права, митинги и уличные столкновения в Австрии — прямые отголоски московских и петербургских событий.

Новые широкие задачи становятся перед русским пролетариатом. Немногие союзники, примыкавшие до сих пор к задним рядам русского пролетариата, после первой победы отхлынули назад: буржуазия — и международная и русская—начинает уже кричать о порядке во что бы то ни стало. В дальнейшей борьбе русскому рабочему классу придется полагаться только на свои силы. Вчерашние друзья его — завтра могут стать его врагами. Но он не останется одинок; взамен робкого и ненадежного союзника — русской либеральной и радикальной буржуазии — он приобретает могучего и верного союзника — международный пролетариат.

Общая цель об'единила уже идейно пролетариат всех стран, теперь наступает время об'единения действий. Враги мирового освободительного движения всегда поддерживали друг друга; они давно уже оценили значение международной круговой поруки, международных „священных союзов". Реакционное правительство Германии до последнего времени было деятельным врагом русского революционного движения и деятельным другом русского абсолютизма.

Теперь могучее орудие — международная солидарность и взаимная поддержка—переходит в руки рабочих партий.

Русский народ понес уже неисчислимые потери от внешней политики правительства. От имени народа велись войны, заключались союзы. Обогащая и усиливая правящую группу, внешняя политика усиливала обнищание народа и служила орудием его порабощения.

Под прикрытием непроницаемой тайны кабинетов дипломатов, под сильнейшим влиянием придворной интриги и личных отношений готовились союзы, войны и займы. Народ узнавал о своей судьбе только тогда, когда события уже совершились, когда нет больше возможности повлиять на их ход.

Социал-демократия всех стран в борьбе с тайными врагами пролетариата и демократии действует одним и тем же оружием. Это оружие ее — пресса — широкая гласность, открытое и свободное обсуждение всех вопросов политики. Везде социал-демократическая пресса принуждает своих врагов выступать открыто, везде она разоблачает тайны застенков и канцелярий и то же испытанное оружие она применит в области внешней политики.

Выступая за идейное об'единение международного пролетариата, за солидарность и взаимную поддержку рабочего класса всех стран, социал-демократическая пресса должна зорко следить, чтобы тайно от народа не заключались против него союзы, чтобы тайно не ковалось против него оружие.

К. Платонов.

Революционное движение в Австрии.

Австрийский пролетариат, выступивший на борьбу за всеобщее избирательное право, решил продолжать борьбу, несмотря на кровавые столкновения с полицией и войсками.

В передовой статье социал-демократическая газета „Wiener Arbeiterzeitung" пишет: „Кто был свидетелем неслыханных злодеяний, совершенных полицией на улицах Вены, тот перенесся на улицы городов России, тот видел варварство русских казаков. Наша редакция превратилась в лазарет, в каждой комнате лежат раненые — свидетели и жертвы работы венской полиции; если бы неприятельская армия завладела городом, ужасы были бы немногим больше.

„Но если стоящие у власти думают и надеются, что венские рабочие, что рабочие всей страны робко отступят перед силой, то они ошибаются: роковые последствия этой ошибки они скоро увидят.

„Лучше погибнуть, лучше умереть, чем жить в рабстве!

„Мы не требуем ничего невозможного; то, что мы требуем, принадлежит нам по праву. Если бы было возможно усилить могучее движение, начавшееся среди рабочих Австрии, то кровопролитие на улицах Вены его усилило бы. И оно его усилит. Мы пойдем вперед, мы не испугаемся опасности и смерти.

„Бастионы населения теперь могут защищаться только пролитием потоков крови, но это их не спасет — они должны пасть, они падут".

Один из ораторов—немец, говоривший на большом собрании в зале Софии перед столкновением с полицией, при бурном одобрении рабочих социал-демократов, заявил: „Мы переживаем славный момент — в Вене, столице клерикальной, бюрократической Австрии, произносятся речи под красным знаменем. Красное знамя развевается над нами — знамя победы русской революции, тем сильнее чувствуем мы свое рабство, свой позор. Мы радуемся, что, наконец, с востока идет к нам свобода, но мы не только радуемся — мы поучаемся, мы видим, что завоевать свободу можно только тем революционным путем, на который вступил русский пролетариат (бурные аплодисменты и крики), мы заговорим языком русского пролетариата. Восторг охватил нас, когда до нас дошли вести о победоносной революции. Теперь мы тоже исполняем свой долг, и этим мы обязаны нашим русским братьям. Мы не остановимся, пока в Австрии не будет создана почва для свободного развития всех народов, для свободного развития рабочего класса".

Польша.

Положение страны после манифеста.

Манифест 17 октября не удовлетворил Польшу.

Всеобщая политическая забастовка продолжается, народ вооружается, среди горожан и даже крестьян спешно формируются боевые дружины...

И действительно, разве может польское революционное движение хоть на минуту остановить свое походное движение и свой мощный призыв к освобождению страны от исключительного гнета и произвола правящих сфер? Разве может наступить спокойствие, когда государственный акт 17 октября не затрагивает тех насущных традиционных требований польского народа — требований широких национальных прав: полной автономии, сейма в Варшаве, всеобщего избирательного права?

Этих прав добивается и Польская Социалистическая Партия (P. P. S., как minimum своих требований), и социал-демократы, и националисты-демократы, и народники. Это и понятно: удовлетворения этих требований жаждет почти весь польский народ, загнанный, исстрадавшийся и измученный исключительными законами и произвольными распоряжениями правительства.

Теперь, когда об'явлена свобода слова, когда по всей России газеты и журналы выходят без предварительной цензуры, в Варшаве, по распоряжению генерал-губернатора, вся периодическая пресса приостановлена за бесцензурный выход. Разве это не воплощенный произвол? Разве такими мерами достигают умиротворения и спокойствия, которого, по его заявлению, хочет правительство? Сегодня приостанавливают прессу, завтра запрещают устройство митингов, процессий — почти ежедневно происходят кровавые столкновения с войсками. Правительство желает, повидимому, репрессивными мерами подавить начинающееся восстание в Польше и потому оно организует военную силу. Не довольствуясь, вероятно, тем огромным количеством войск, которое размещено в крупных центрах Царства Польского, оно входит в соглашение с Германией — и та, на случай восстания в Польше, дает согласие двинуть в пределы страны и свои полки. Мы знаем из достоверного источника, что теперь на прусской границе, в Катовицах и Мысловицах стоят в полной походной готовности три прусских полка.

Но польский народ не успокоится, не успокоится он до тех пор, пока не получит верных гарантий осуществления тех минимальных требований, которые являются необходимостью для прогресса страны и без которых в настоящее время уже не может обойтись страна.

И если эти требования не будут исполнены, то временное затишье, которое может, конечно, наступить, явится зловещим призраком того красного пламени, которое скоро озарит эту сплошь наэлектризованную страну — призраком восстания, революции со всеми ее жертвами.

К.

Областной отдел.

Харьков.

(Корреспонденция „Новой Жизни“.)

10-го числа, ровно в 10 часов дня, началась забастовка в мастерских К.-Х.-С. ж. д. В какие-нибудь $^1/_2$ часа мастерские, депо, телеграф, управления всех служб, контроль и пр. стали. Служащие земской управы присоединились и, пройдя по городу, закрыли все присутственные места, а городские приказчики — все магазины. Затем забастовка охватила конку, паровозный завод, завод „Гельферих-Саде“, вплоть до самых малых мастерских. Вся деловая жизнь замерла, и население в приподнятом настроении хлынуло к центральным улицам и площадям. Между тем, экспромтом организовалось несколько митингов. Один из них произошел на Ивановской леваде и, по официальным сообщениям, состоял из 10—12 тысяч человек. В разгаре речей какой-то хулиган сделал 4 выстрела из револьвера в воздух; произошла страшная паника, но скоро все снова успокоилось. Подобные же митинги происходили на паровозном заводе и на Московской улице, во дворе службы тяги Х.-Н. ж. д. Везде было решено не пред'являть никаких экономических требований и считать забастовку чисто политической. Полиция все это время благодушно бездействовала, и события развивались естественным порядком. Часов около 8-ми толпа собралась на Екатерининской улице около гостиницы „Россия“ и разграбила оружейный магазин Тарнопольского. Когда дело было почти закончено, подскакал отряд казаков, который был встречен револьверным залпом. Подобный прием так возмутил донцев, что они карьером бросились наутек и около Лопанского моста, очертя голову, наскочили на сброшенные вагоны конки, при этом пострадало 5 лошадей и казаков. Возбужденные станичники решили, что самое подходящее при таких обстоятельствах дать залп вдоль улицы. Пострадали, конечно, больше всего любопытные, которых набилась полная улица. Все это еще более наэлектризовало толпу, и с утра 11-го около университета началась постройка баррикад. Власти совершенно растерялись. Я сам видел, как в одном пункте человек 10 валили телефонные столбы, а шагах в 150 спокойно стоял отряд казаков, городовые и пожарные. К вечеру вся Соборная площадь была забаррикадирована.

Все мостовые внутри крепости были выворочены; камни были перенесены на 2-й этаж на случай атаки.

На окнах были заготовлены кислоты из лабораторий, и защитники в числе 600 человек решились дорого продать свои позиции. В распоряжении их имелось 250 ружей и 120 револьверов. Источником оружия явились еще 2 магазина „Спорт и Охота“, при чем около первого произошла перестрелка между хозяином его и толпой. Нападающие потеряли 8 человек, но в конце концов застрелили хозяина и разобрали оружие.

Все форты и даже собор были украшены красными флагами.

Наконец, власти решили действовать и самым лучшим сочли свести революцию на еврейский погром. Хулиганы были мобилизованы на Павловской площади. Запасшись царским портретом и трехцветным флагом, они сначала подвергли избиению публику, толпившуюся по тротуарам, а затем приступили к высаживанию дверей в одном магазине. Баррикадисты тотчас командировали один отряд в тыл хулиганам, который открыл по последним стрельбу; в то же время с фронта показались вооруженные рабочие паровозного завода, также начавшие стрелять. Хулиганы быстро оказались смятыми, флаг из трехцветного обращен в красный. Часов в 8 вечера началась стрельба войска по народу.

Повод, насколько можно выяснить, состоял в том, что казачий офицер на быстром скаку при повороте вылетел из седла. Казаки, вообразив, что он убит, стали стрелять в сплошную массу публики (версий много, но это самая вероятная, ее приводит даже „Южн. Кр.“). Это был сплошной ужас. Были и ответные выстрелы... Между тем либералы решили организовать „комитет безопасности“, и в качестве такового предстали перед губернатором и потребовали права организовать народную милицию. Губернатор согласился, но либералы, найдя это дело очевидно неблагодарным, передали его тем, что сидели за баррикадами. Последние согласились и командировали отряды в разные части города. Но отряды попали в гнусную западню; возвратился только один отряд, остальные же были варварски истреблены. На следующий день „комитет безопасности“ взял на себя роль посредника и парламентера; результатом явилось соглашение: баррикадисты очищают укрепления, вынеся с собой то оружие, которое смогут пронести неявно, а равным образом разберут все мины и фугасы, и взамен получают право устройства митингов на площадях (кроме центральной). Сдача была почетная, и публика от самой крепости до Скобелевской площади (место первого митинга) стояла шпалерами и приветствовала смельчаков. Митинг прошел очень приподнято. Интеллигенция заявила, что она идет вместе с народом. Рабочие попросили прислать на предстоящий 12-го митинг около паровозного завода представителей профессуры, адвокатов, земцев. Митинг этот произошел при огромном стечении публики. Депутаты от различных профессий являлись на митинг за инструкциями. Все эти дни длилась, между прочим, общая забастовка пекарей, и в городе не было хлеба; кондуктора ж. д. подавали митингу петицию об улучшении своего положения. Вообще митинг сделался каким-то законодательным вечем, отдавал приказания и организовал „комитет борьбы“. На следующий день, 14-го, были похороны. Сумская от театра до клиники была запружена народом. Был организован оркестр и хор. Порядок был образцовый. Переодетый городовой пытался вызвать панику выстрелом, но был схвачен. Толпа хотела убить его, но один адвокат увез его к губернатору, где и установили его личность. Толпа была так велика, что шла на кладбище от клиники часов 5, щедро популяризируя среди любопытных революционные песни. На кладбище про-

изошел опять митинг, постановивший прекратить забастовку везде, кроме жел. дор. После этого введено было военное положение. Город наводнен войсками. В таком-то положении застал нас манифест о свободе. Военное положение не снято.

Дерпт.

(Корр. „Новой Жизни".)

Кровавые события, разыгравшиеся по всей России, не миновали и Юрьева. 17 октября, при попытке постройки баррикад около Конной почты, солдаты, находившиеся в здании почты, стали стрелять по толпе, и в результате—несколько раненых и один убитый. На следующий день в 1 час дня было об'явлено военное положение, а в 2 часа пришел манифест. Сейчас же были устроены грандиозные демонстрации с красными знаменами и с вытребованным оркестром военной музыки, который играл марсельезу и похоронный марш. Демонстрации прошли очень мирно, при чем встречавшиеся на улицах офицеры отдавали честь красному знамени. Затем военное начальство опомнилось и расклеило везде об'явления о том, что оно при беспорядках будет прибегать к оружию. Это об'явление было расклеено 20-го, и рядом с ним везде было повешено другое (в жирной траурной рамке): „Граждане гор. Дерпта приглашаются сегодня присутствовать на похоронах павшего за свободу Иоганна Адамсона. Коалиционный Совет социалистических организаций гор. Дерпта".

Похороны были в высшей степени торжественны: 150 человек распорядителей-студентов охраняли порядок, и он действительно был образцовым, несмотря на 30—40-тысячную толпу.

За знаменем коалиционного Совета во флере несли черный гроб, украшенный красными розетками и лентами, затем бесконечное количество красных знамен: от Росс. С.-Д. Рабочей Партии, от „Бунда", от эстонской с.-демократии и др., черные знамена с красным, числом до 30... Процессия включала в себе хор и оркестр. На кладбище на могилу возложено было больше 10 венков. Говорились соответствующие речи. После похорон вся процессия двинулась к университету, в актовом зале которого были оставлены все знамена.

На улицах никого не было, в домах тоже: весь город присутствовал на похоронах. Пока здесь все спокойно. Город под военной охраной.

Из провинциальной печати.

— Киевский погром едва ли не самый ужасный из всей кровавой серии погромов. Сказались два года царствования одного из самых типичных ставленников самодержавия — проклятой памяти Клейгельса. Соучастие войск и полиции сказалось здесь особенно ярко. Киевские газеты дают подробности, не оставляющие на этот счет никаких сомнений:

„И шумно двигалась пьяная толпа хулиганов, грозная и страшная не силой, не возбужденной горячностью, не дубинами и железными ломами, нет! Сильная своей уверенностью в безнаказанности, верой в помощь полицейских шашек, солдатских штыков, пуль и казацких нагаек. И звучали в воздухе хриплые крики, и неслись роковые слова „бей жидов"... И с гиком врывалась толпа в дом, со звоном падали железные ворота... Момент... и из окна глядело бледное лицо и судорожно наводило на толпу револьвер... Момент... толпа расступалась, выплывало из нее регулярное войско... Момент... и потрясался воздух от залпов, и летели разбитые стекла... войско удалялось, и что-то летело из окна... А когда оно падало на мостовую, то слышался легкий стон, и оно умолкало... навеки...

„А они били это скомканное тело железными палками, и орошала липкая кровь и мостовую, и железные палки, и кулаки пьяных хулиганов..."

Самое прекращение погрома разоблачает его истинных руководителей:

„К вечеру стало известно, что погром решено прекратить".

Решили и прекратили.

— „Сев. Край" сообщает:

„Крестьяне некоторых селений Юрьевского уезда недавно на общем сходе вынесли следующую резолюцию: «Мы, крестьяне селений Борского, Васильевского, Родников и других, собравшись 9 октября на общий сход, рассмотрели положение о Государственной Думе и пришли к следующему заключению: Государственная Дума во всяком случае не может считаться действительным народным представительством, так как, во-первых, громаднейшая, беднейшая часть населения России в лице рабочих и крестьян избирательных прав лишена. Ведь нельзя же в самом деле считать представителями крестьян людей, просеянных сквозь четыре сита и избранных притом 10-ою частью крестьян-домохозяев; во-2-х, Государственная Дума является простым совещательным собранием без права решающего голоса в издании законов, учреждением политически бессильным, лишенным даже свободы слова при обсуждении, ибо ему воспрещено касаться основных законов Российской империи. В виду всего этого, мы заявляем, что ничего хорошего от этой Думы не ждем, от выборов в нее отказываемся и всякого, кто будет принимать сознательное участие в этой комедии выборов представительства, как выборщиков или членов этой Государственной Думы, мы считаем изменниками и врагами свободы народа».

„Присутствующих на сходе крестьян было 300 человек".

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*
Издательница *М. Ф. Андреева.*

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 3

С.-ПЕТЕРБУРГ.
СУББОТА, 29 ОКТЯБРЯ
(11 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

29 октября прибудет из Архангельска тело

Михаила Юльевича
ГОЛЬДШТЕЙНА.

Родные и друзья извещают, что перенесение усопшего с Николаевского вокзала на Волково кладбище состоится в 11 часов утра, в субботу, 29 октября.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Наша молодая газета успела уже испытать на себе последствия „свободы слова“, возвещенной в манифесте 17 октября и других правительственных актах.

Первый номер „Новой Жизни“ полиция отбирала у газетчиков на улицах уже к вечеру его выхода, а в 12 час. ночи в экспедиции газеты было конфисковано 8.000 экземпляров, предназначенных к отправке в провинцию. В 7 час. утра следующего дня инспектор типографий опечатал в типографии газеты матрицу первого номера и уничтожил стереотип. 28-го же октября ред.-изд. Н. М. Минский был вызван к судебному следователю по важнейшим делам и привлечен к суду по 2 части 129 ст. нового уголовного уложения, т. е. за распространение сочинений, возбуждающих к ниспровержению существующего государственного и общественного строя. Судебный следователь, кроме того, передал мировому судье предложение главн. упр. по делам печати о привлечении Н. М. Минского к ответственности за выпуск газеты без пред‘явления номеров ее в цензуру, что, по его словам, лишило его возможности конфисковать газету. Мы протестуем против произведенного над нами насилия и отдаем на суд всего общества попытку администрации заставить молчать свободный голос социал-демократического органа печати.

С.-Петербург.

29-го октября.

Ближайшие задачи в деревне.

Пролетарское социал-демократическое движение с особенной силой проявилось в городах. Это естественно. Капитализм собрал здесь громадную армию рабочих, об‘единенных классовым стремлением борьбы с эксплоатацией и организованных самим производством в фабричные и заводские батальоны и полки. Но городские рабочие лишь авангард всего пролетариата страны, гвардия народа, борющегося за свое освобождение. Для России, с ее громадной массой сельского населения, которое до сих пор насильственно удерживается в тисках полукрепостного состояния и потому недостаточно еще дифференцировалось в классовом отношении, это особенно верно. Но напрасно было бы думать, что освободительное движение не проникло в деревню. Социал-демократия нашла себе благодарную почву и в деревне.

Однако, здесь условия деятельности иные, чем в городах. И не только потому, что сельское население разбросано территориально и не об‘единено работой в одной мастерской. Крестьянство не представляет собой одного класса. Оно распадается на несколько слоев с различными классовыми интересами. Деревенская беднота целиком принадлежит к пролетариату, хотя она сознает свои классовые интересы менее, чем городские рабочие. Наоборот, деревенские „богатеи“ — типичные буржуа, со всей их реакционностью и тупостью ко всему, что не касается их кармана. Между этими двумя слоями находится третий, промежуточный—крестьян-„середняков“, не утративших еще окончательно хозяйственной самостоятельности и не получивших еще возможности эксплоатировать труд своих собратий. Представители этого слоя находятся в неустойчивом равновесии. Их идеал — „землица“, округление своих владений, расширение своего хозяйства, словом, идеал мелкого буржуа. И „удача“ всегда переводит такого крестьянина-хозяина в разряд богатеев - „кулаков“. Но идеал — одно, а действительность — другое. „Удача“ бывает редко, а несчастье, можно сказать, подстерегает крестьянина из-за всех углов его трудной жизни. Пожар, скотский падеж, неурожай, болезнь или смерть работника — все губит слабое крестьянское хозяйство и из „самостоятельного“ делает его „батрацким“, пролетарским.

Но все слои крестьянства скованы общими цепями низшего, не полноправного сословия, прикрепленного к земле, которую крестьяне должны обрабатывать не только в силу экономической необходимости, но и в силу прямой обязанности, наложенной на них государством. Крестьяне—это полукрепостные государства, которыми управляет все тот же „барин“ добрых старых времен в лице земского начальника, станового пристава, податного инспектора и прочего многочисленного большого и малого начальства. Начальство это вольно, как и в крепостную старину, над свободой и честью крестьянина и в праве вмешиваться в его хозяйственную и даже семейную жизнь. Словом, это самая настоящая крепостная опека.

Мало этого, крестьянство — до сих пор „податное“ сословие. Кроме косвенных налогов, тяжким бременем лежащих на всем многомиллионном трудящемся народе, крестьяне платят много прямых налогов, платят выкуп за землю, давно уже ими выкупленную, и исполняют натуральные повинности по починке дорог, поставке под „начальство“ лошадей, тушению лесных пожаров и проч.

Хотя крестьяне прикреплены государством к земле, но отведенное им пространство ее крайне тесно: оно сдавлено кольцом государственных, удельных, церковных и помещичьих земель. Чтобы жить, крестьянин должен работать на этих землях, отдавая их владельцам ту долю продукта, которую те потребуют. Доля эта так велика, что в сравнении с ней прибавочная стоимость, выжимаемая из рабочего фабрикантом, кажется пустяком. Вот почему в деревне царит такая беспросветная нищета, низводящая человека на положение голодного животного. И потому же требование земли так властно и единодушно выражается крестьянами.

Таково положение деревни. Чего же может и должна она ждать от революции? Мы говорили уже, что происходящая в России революция по существу своему буржуазная. Это остается верным, конечно, и для деревни. Уничтожение всех остатков крепостничества в деревне и приобщение ее обитателей к числу свободных, полноправных граждан России, управляющейся самим самодержавным народом, — такова первая ближайшая задача социал-демократии в деревне. Успешное выполнение ее возможно только в том случае, если крестьянство активно и сознательно примкнет к великой освободительной борьбе пролетариата. Для этого в деревнях должны быть организованы крестьянские комитеты, руководство которыми должны взять в свои руки сознательные социал-демократы.

На обязанности этих комитетов будет лежать фактическое установление демократического строя в деревне на место царствующего там теперь начальнического произвола. Они же займутся вопросом об урегулировании на местах земельных отношений. Вопрос же о необходимой для этого экспроприации государственных, удельных, монастырских, церковных и частновладельческих земель и о формах ее может быть решен только Всенародным Учредительным Собранием. Чем скорее будет осуществлена намеченная организация крестьянства, тем прочнее будут завоевания свободы и демократизма в России.

Об организации.

I.

Пережитые дни всеобщей политической забастовки и освободительной борьбы пролетариата показали всему миру высокую степень классовой сознательности русского рабочего и сильно развитое чувство классовой солидарности. Своим открытым выступлением под знаменем социал-демократии он подтвердил тот факт, который никем, кажется, не оспаривался, что русское пролетарское движение, также как и международное, руководится и направляется социал-демократией. И в этом случае, как не раз бывало и раньше, пролетариат выставлял те требования, которые выставляла социал-демократия, подхватывал ее лозунги, руководился ее указаниями; не менее знаменательно это выступление пролетариата и с той стороны, что, несмотря на атмосферу всеобщего сочувствия, которым буржуазные элементы окружали его борьбу, нигде пролетариат не поддался влиянию буржуазной демократии и все время шел своим самостоятельным путем, увлекая за собой все оппозиционные элементы, заставляя их поддерживать свои требования, но ни в коем случае не смешиваясь с ними организационно. На всех собраниях, во всех открытых заявлениях резко звучали те ноты, что пролетариат даже в период буржуазной революции не может верить буржуазии и ее уверениям в полной готовности бороться за демократию, не может и не должен. В октябрьские дни русский рабочий открыто подчеркнул, что он вполне ясно понимает противоположность своих интересов интересам буржуазии и не пойдет на ее удочку, какая бы заманчивая демократическая приманка ни была на ней. Практика первого, действительно общепролетарского, выступления лишний раз показала, что непримиримая политика социал-демократии, вполне вытекающая из анализа классового положения пролетариата в буржуазном обществе, есть единственная возможная для рабочего класса политика.

Теперь, когда широкая волна стачечного движения стихает, когда во многих местах рабочие приступили к работам, и жизнь временно входит в обычную колею, естественно возникает вопрос: какова очередная задача момента, что делать теперь, куда направить силы?

Резолюции федеративного совета Российской С.-Д. Р. Партии и Совета Рабочих Депутатов дают ясный ответ на это. Они говорили, что под напором пролетариата существующий режим пошел на уступки, и теперь пролетариат, прекращая забастовку из соображений тактических, должен направить все силы для использования своих побед в целях дальнейшей борьбы.

Пролетариат должен, опираясь на эти победы, сплотиться, организоваться, вооружиться и готовиться в решительный момент к окончательной атаке. Организоваться, сплотиться, сгруппироваться вокруг пролетарского знамени, создать сплоченную боевую армию — вот очередная задача дня. Правда, и раньше рабочий класс организовывался, и раньше сознательные его элементы тратили массу сил на привлечение товарищей в ряды пролетарской партии, но все это происходило в маленьком масштабе в подполье. Теперь и масштаб и форма организации должны резко измениться. Теперь должна итти открытая вербовка членов, открытое обсуждение классовых задач пролетариата, открытое выступление членов партии, как таковых. Теперь время сорганизовать широкую массовую партию, и на это должно быть прежде всего направлено внимание всех борцов за рабочее дело. До сих пор социал-демократия имела широкое идейное влияние на пролетариат, он подхватывал ее лозунги, он боролся под ее знаменем. Теперь она должна, пользуясь громадным идейным влиянием, вовлечь в свои ряды, ввести в свою организацию всех стоящих на социал-демократической точке зрения, признающих программу и тактику социал-демократии. Это — очередная задача.

В широких слоях рабочих очень сильно стремление организоваться. В сознании не менее широких слоев пролетариата внедрилась уже идея необходимости быть совершенно независимыми от всяких буржуазных элемен-

тов, итти по своему пролетарскому пути в политике. Почти весь пролетариат видел и видит в социал-демократии, этой партии классовой борьбы пролетариата, единственного вождя пролетарского движения. Теперь остается только это стремление рабочих организоваться и это их признание социал-демократии соединить вместе и создать массовую организацию социал-демократии—широкую партию пролетариата.

Буржуазия уже легализировала свою организацию, уже многие ее слои сгруппировались в открытые политические партии. Не сегодня — завтра они направят свои стопы к пролетариату в целях подчинить его своему влиянию. Делалось это не раз и раньше, но попытки эти всегда терпели крах под напором критики социал-демократии, с одной стороны, и трусливости буржуазных идеологов, неспособных при полицейском режиме развить широкую работу в массах, — с другой. Теперь надо ждать, что попытки эти еще более участятся. Пролетариат должен быть тесно сплочен, хорошо сорганизован и политически высоко развит, чтобы не подпасть под их влияние. Конечно, долго пролетариат по своему социальному положению под влиянием буржуазии не может остаться, но возможность даже временного господства буржуазной идеологии в рядах пролетариата губительно отзовется на успешности дальнейшей борьбы за социализм. Только программа выдержанная, безусловно классовая партийная организация может оградить пролетариат от возможности проникновения в его среду буржуазных влияний. Вот почему очередной задачей дня является создание, вокруг имеющихся партийных ячеек, широкой массовой организации рабочих социал-демократов.

Не только открытое выступление пролетариата под знаменем социал-демократии, но и широкое участие всех признающих социал-демократическую программу в партийной организации безусловно необходимо для нашей дальнейшей борьбы.

Уже недопустимо такое положение дел, при котором масса лиц, признающих нашу программу, оставалась вне пределов партии, не входила в ее организацию. Не в интересах освободительной борьбы пролетариата также существование каких бы ни было групп, проводящих социал-демократическую политику, но организационно не связанных с партией. Партия пролетариата должна быть едина, хорошо организована и сплочена. Она должна быть и строго классовой, а следовательно, международной. Такова — социал-демократия.

Сознательный пролетарий не может не быть членом этой партии, так как она является единственным выразителем его классовых интересов.

В следующей статье мы коснемся вопроса о желательных формах организации партии.

Б. Радин.

Освобождение.

(Памяти Николая Эрнестовича Баумана.)

За высокие стены и крепкие затворы Таганки к нам все же доносилось веяние живой, свободной, могучей жизни пробудившегося народа. Забастовка типографских рабочих взбудоражила нас; особенно радовали и волновали известия о многолюдных митингах, о народных собраниях на улицах и площадях, о столкновениях народа с полицией, всегда ненавистной, всегда презренной, отравляющей жизнь граждан насилиями и произволом, который так долго и так безропотно выносили. „Москва всколыхнулась, Москва воскресла“, — повторяли мы друг другу.

Все говорило о приближении грозного, великого исторического момента. Какими микроскопическими по своему значению казались нам, сравнительно с происходящими событиями, наши „дела“, за которые многие из нас сидели уже более года, наши „незаконные собрания“ из 7 человек, захваченные у нас документы о войне против войны, наши „тайные сообщества с целью ниспровержения“ и проч. Но одна мысль наполняла нас неизмеримой гордостью, вдохновляла нас, заставляла чувствовать связь между собой и огромной всколыхнувшейся массой борющегося народа: это было сознание того, что почти 15-летняя работа принесла, наконец, свой плод. Не даром, значит, были принесены в жертву свободе тысячи жизней, не даром были все муки застенков, все ужасы ссылки, жизнь беглецов-конспираторов, не имеющих приюта. Во мраке реакции выходили мы на жизненную дорогу—безнадежность и уныние царили кругом нас. Но в наших руках ярким пламенем горел факел, рассыпая кругом бесчисленные искры, налетал ветер и разносил эти искры, они пропадали у нас из глаз, исчезая во мраке, но не гасли, а разносились по всему родному краю, тлели в тиши, пока из них не вспыхнуло, наконец, яркое пламя. Лелеял, хранил и раздувал священный огонь этих искр именно тот общественный класс, к которому мы шли с нашим факелом, рабочий класс, пролетариат. Все страдания русской жизни, весь ее ужас лежал, главным образом, на его плечах. Более, чем кто-либо, он таил в себе ненависть к существующему порядку и, поднявшись на борьбу с ним, вынес на себе всю ее тяжесть, всегда шел впереди и теперь, наконец, близок к победе. Военно-полицейская диктатура с ее казнями, ссылкой, тюрьмой, каторгой, с ее расстрелами и разгромами оказалась бессильной задержать победное шествие революционного пролетариата.

Грандиозность событий повлияла, повидимому, даже на жандармов. Они стали освобождать по 2 и по 3 человека в день, новых привозили все меньше. Число политических со 102 быстро упало до 96. Однажды вечером уже после поверки „волчок“ в двери моей камеры открылся, и в него просунулась голова „дяди Коли“, как мы называли Н. Э. Баумана: „До свиданья. Освобожден“. Мы расцеловались, и я обещал на прощанье еще посчитаться с ним, когда буду на свободе. Мы с ним держались разных мнений на некоторые вопросы партийной жизни и постоянно препирались во время общих прогулок.

Но мне пришлось увидеть уже только его холодный труп, окровавленный, обезображенный гнусным ударом, быть может, наемного убийцы.

Это подлое убийство было как бы последним звеном в той цепи издевательств, которым подвергали Баумана жандармы и прокуратура. Он был арестован в июне 1904 года, и в феврале 1905 г. „дело“ перешло из жандармского управления в судебную палату. В июне некоторые из обвиняемых были освобождены под залог. Бауману было в таком освобождении отказано. 27 августа был назначен суд, но, за неявкой свидетелей из числа

сыщиков, дело слушанием отложено, и палата постановила освободить под залог всех обвиняемых. Но, когда они прибыли в тюрьму, оказалось, что прокурор задержал постановление палаты об освобождении Баумана, и тюремная администрация отказалась его выпустить. Защитники поехали хлопотать. Но в палате им ответили, что постановление задержано прокурором, и палата умывает руки в этом беззаконии. Прокурор ответил, что Баумана задержало в тюрьме охранное отделение. Градоначальник сослался на департамент полиции. Этот последний в своем ответе на телеграмму Баумана ссылался на министерство юстиции, а министерство через полтора месяца отписало, что оно тут решительно не при чем. Явное беззаконие охранного отделения, этот пинок пониже поясницы, который оно, в согласии с прокуратурой, нанесло казенному правосудию судебной палаты, до крайности возмутило всех политических. На предложение товарищей об'явить голодовку в виде протеста против охранки Бауман ответил отказом. Он всегда был принципиальным противником тюремной голодовки. Жандармы освободили его только под влиянием начавшихся волнений среди населения столицы.

Еще утром, в день освобождения, мы вспоминали с ним 1902 год. Он жил тогда в Москве, как доверенное лицо „Искры", в то время Центральной Организации Р.С.-Д.Р. Партии. По поручению той же организации я приехал тогда к нему для переговоров по одному делу. Мой приезд пришелся накануне дня монархической демонстрации, устроенной генералом сыщиков Зубатовым перед памятником Александра II-го, с участием более 30.000 рабочих. Московский Комитет, по словам Баумана, был в полном отчаянии. Влияние социал-демократов среди рабочих было настолько слабо, что парализовать монархическую демонстрацию казалось совершенно невозможным. Ограничились тем, что отпечатали листки, и все члены Комитета отправились раздавать их толпе. Арестован никто не был, но и листки, повидимому, не были замечены массой. „Какой переворот", — говорил он, пока мы гуляли на тюремном дворе, делясь впечатлениями от потрясающих известий, приходивших с воли. Что бы сказал он, если бы мог подняться из своего красного гроба и окинуть взглядом стотысячную толпу народа, с красными знаменами и пением революционных песен провожающую его до могилы.

Когда разразилась всеобщая стачка, охватившая всю Россию, наше нервное возбуждение достигло крайней степени. Никто не мог заниматься, все были выбиты из колеи монотонного режима, все ждали чего-то. У всех в глазах светилась надежда, строились планы, прекратились теоретические разговоры, умолкли даже наши шахматисты, целые вечера выкрикивавшие через окна свои ходы. Утром 18 октября (вторник — день свиданий) родственники принесли нам текст манифеста. Мы недоумевали. Нет свободы печати, охранка сохраняется, Трепов остается у власти, а главное, мы не на свободе. Это издевательство, насмешка, весь манифест — одни лживые фразы. Нет конституции, если мы в тюрьме. Свобода не совместима с властью жандармов. Мы еще не знали, что народ шел уже освобождать нас, что Бауман был уже убит. Пришло известие, что жандармы освободят вечером тридцать человек. Наконец, наступил вечер, зажгли фонари. Мы не расходились по камерам и стояли толпой в коридорах, опьяненные возбуждением, смутной тревогой, предчувствием борьбы и свободы. Вдруг какой-то отдаленный гул донесся до нас сквозь двойные рамы и железные решетки. Все бросились к камерам. Охваченный ураганом чувств, в состоянии какого-то безумного восторга, я припал к решетке открытого настежь окна, не чувствуя на своих плечах тяжести облепивших окно товарищей. Огромная толпа народа заполняла весь переулок перед тюрьмой, а над толпой развевались красные знамена свободы, освещенные кровавым отблеском факелов. Народ запел марсельезу, а из-за решеток неслись ответные звуки того же могучего жизнерадостного гимна, гимна освобожденного пролетариата. „Долой само-

---

Рождение новой партии.

II *).

Так же справились конституционалисты - демократы с 8-часовым рабочим днем.

— По возможности и в тех производствах, где это окажется возможным!

— Что же это все по „возможности"?! — сердятся провинциалы. — Ведь и наши демократические департаменты тоже все делали и делают по „возможности"...

Голосуют и вдруг — прямо „8-часовой рабочий день"...

Уж кажется удружили в левую сторону... Чего лучше?..

Оказывается, что в бюро подано заявление несколькими членами, что они ездили, по поручению собрания, по общественным делам и потому не могли принять участия в баллотировке. Требуют перебаллотировки.

В результате 8-часовой рабочий день подпирается разными оговорками...

Партия строит идиллию братства: спорные вопросы между предпринимателями и рабочими будет решать особая примирительная камера, куда войдут поровну рабочие и промышленники. Ну, а если не сойдутся?

Тогда судья праведный решит дело...

Что судья будет праведный — сомнений не встречается. Что закон будет праведный — нет сомнений...

Доходит дело до аграрной программы... Напряженное внимание... Тихо... Становой пролетает над землею...

„Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: безземельных и малоземельных крестьян, а также и других разрядов мелких хозяев-землевладельцев, государственными, удельными и кабинетскими землями, а также путем отчуждения для той же цели за счет государства части частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке".

Провинциалы в недоумении: какой части, какой справедливой оценке?!.

Поднимаются один за другим идеалисты и предлагают несуразные для партии вещи:

*) См. № 2 „Новой Жизни".

державие!"—крикнул кто-то.—„Этот лозунг уже отошел в прошлое",—отозвались соседи. „Да здравствует свобода! Ура!" Толпа гудела и колыхалась, доносились неясные отдельные возгласы.

Для меня, пропитанного скептицизмом, пережившего много тяжелых поражений, видевшего много побед, купленных дорогой ценой и не приведших к желанному успеху, этот народ, явившийся к нам вестником свободы, был убедительным, наглядным символом ее. „Народ пришел освобождать нас! Это действительно революция!" — повторял я, и слезы, едва ли не первые в моей сознательной жизни, полились у меня из глаз. Я не мог оторваться от зрелища и не заметил, что остался один. Камеры политических, неизвестно как, оказались открытыми; товарищи высыпали в коридор и столпились на площадке у окна, выходящего к воротам. Многих уже выводили в контору; возбужденные, радостные, они проходили сквозь толпу, осыпаемые приветствиями. Было решено, что освобожденные могут уходить, не ожидая очереди других. Товарищ Л., широкоплечий, приземистый рабочий, уже гремел своим могучим голосом, обращаясь к народу. Он убеждал не входить толпой в контору, чтобы избежать могущего произойти кровопролития, так как во дворе тюрьмы с утра стоял отряд гренадеров в полном вооружении. Другой товарищ произнес приветственную речь. Вдруг раздался револьверный выстрел, он был сделан в воздух кем-то из толпы, стоявшим у ворот. Сквозь разбитые стекла я видел, как пороховой дым легким облачком таял в полумраке осенней ночи. Толпа шарахнулась, знамена заколебались. Почти сейчас же послышались один за другим сухие, резкие звуки, как будто где-то под самым ухом ломали палки. Это стреляли казаки с угла переулка. Толпа дрогнула и поредела. Из конторы тюрьмы вышел губернатор; с его появлением ружейная трескотня умолкла, народ успокоился. Сквозь освещенные окна нам были видны в конторе лица наших товарищей, осененные красными флагами, символом крови, пролившейся за свободу. Решено было отойти от окон, чтобы своим видом не возбуждать толпы. Но в этот момент три делегата вошли в коридор, приветствуя нас от имени народа.

Когда я вместе с другими вышел в контору, она имела совершенно необычный вид. Особую пикантность зрелищу придавали три фигуры жандармских офицеров. Для чего они здесь присутствовали, я не знаю. Над их головами развевались красные флаги, и, посмотрев на их физиономии, я разом готов был простить им все их гнусности, все издевательства, их высокомерие, их наглость, все приемы, с помощью которых они добывали у слабых духом показания, позорившие на всю жизнь: так беспомощны, так жалки были их лица.

Наконец, мы, свободные граждане, выходим на улицу. Мы еще не знали в этот момент, что Бауман был уже холодным трупом.

Толпа приветствует нас, обнимает, целует. Все лица сияют упоением победы. Шумной толпой двинулись мы по улицам Москвы, прохожие присоединялись к нам, из окон многих домов махали платками. Грудь дышала глубоко и свободно; проклятое подполье осталось теперь позади, перед нами арена открытой, свободной политической борьбы; мы, наконец, вступили в семью цивилизованного человечества. Слава пролетариату, разбившему оковы мысли, слова и дела.

М. Таганский.

Русская печать.

*** В числе прочих петербургских газет и „Наша Жизнь" посвятила первому номеру нашей газеты несколько снисходительных строк. Обозреватель печати в „Нашей Жизни" останавливает свое внимание на статье т. Румянцева „«Большинство» и «меньшинство»". Процитировав то место статьи, в котором говорится о невозмож-

---

— Я уполномочен стоять за национализацию!..

— Мы — партия демократическая, а эта часть программы редактирована таким образом, что можно подумать, что мы отстаиваем интересы помещиков!

— Нельзя ли определить минимум земли, которую следует оставить помещикам?!.

Бюро снова потеет. П. Н. Милюков снова вынужден заявить, что, если будет решена национализация, то он выйдет... (Конечно, и бюро тоже.) Программа у них серьезная, внеклассовая... Уж на что бы лучше? Все бы классы имели возможность поработать на земле... Сказано так круто и решительно, что стоявшие за национализацию не решаются даже потребовать для себя примечания...

— Минимум! Какой минимум? В. Н.! вы предлагали минимум?..

Час от часу не легче...

— Под минимумом я разумел то количество земли, которое потребно для семьи.

Встает князь Петр Долгорукий (надо сказать, что в решительных моментах всегда появляется князь, или графиня, или другое именитое лицо, а не наивные провинциалы) и опять доказывает, что у них партия внеклассовая, и потому такой постановки вопроса и быть не может...

Далее следует комический эпизод. Поднимается один из скептически настроенных членов и говорит:

— Тут сказано: увеличение площади безземельных... Насколько мне известно, безземельные ничего не имеют, как же мы им увеличим?..

Некоторое замешательство, смущение... Бюро склоняется друг к другу головами... Ответ:

— Сказано: увеличение площади землепользования... Есть безземельные, вынужденные работать на чужой земле...

— Далее. Мне кажется, что демократическая партия должна опираться на крестьянство, а в крестьянстве, насколько это выяснилось на первом крестьянском с'езде, преобладает такой взгляд, что следует конфисковать у помещиков всю землю, и не с выкупом, а без оного... Говорили они, что помещиков придется им на пенсию взять, ибо они ни на что не способны и будут валяться под забором...

Встает князь.

— Весьма вероятно, что среди крестьян есть башибузукские наклонности, но они имеются и у некоторых

ности желательного успеха открытой деятельности социал-демократической партии при существовании двух разобщенных фракций с одинаковой программой и „тактикой“, обозреватель говорит:

Выходит таким образом, что обе враждующие фракции нашей социал-демократии не различаются между собой не только по программе, но и по тактике, — положение, по меньшей мере, нуждающееся в фактическом подкреплении.

Очевидно, некоторым из бывших „марксистов“, приютившихся в редакции либеральной газеты, очень хотелось бы подчеркнуть те „разногласия“, которые до известной спепени поддерживали их собственную „приспособляющуюся“ позицию в политике. Дело, очевидно, идет „о плане земской кампании“ Искры, отвергнутом „большинством“, о разногласиях по вопросу о бойкоте булыгинской Государственной Думы и т. д. Действительно, эти разногласия были. Но стремительное и победоносное освободительное движение пролетариата давно бесповоротно разрешило их и, конечно, не в пользу половинчатой и компромиссной тактики.

Обозреватель требует „фактического подкрепления“ высказанной мысли о солидарности обеих фракций. Одно из них дано было в разбираемой статье. Это — указание на однородность постановлений III с‘езда партии и конференции „меньшинства“. Другое обозреватель может почерпнуть в солидарной работе Петербургского Федеративного Совета обеих фракций партий.

* * * Г. Столыпин из „Нового Времени“ получил, наконец, от своего брата, саратовского губернатора и участника балашовского избиения, довольно точную справку об отношениях администрации к черносотенцам и спешит поделиться этой справкой с читателем.

Что такое черные сотни?

Это, во-первых, разный темный сброд, подстрекаемый усердной не по разуму полицией и провокаторами, а во-вторых — это полемический прием.

Черная сотня в первом определении, несомненно, существовала и существует. Сразу авгиевых конюшен вычистить нельзя, и для меня несомненно, что, если высшая администрация жаловалась на низкопробный состав дореформенной полиции, то после манифеста последняя не могла каким-то чудом обратиться в идеал. Какой-нибудь взяточник из провинциальных околоточных или сыщик из подонков общества, а таких легионы, несомненно, должен был своеобразно реагировать на возвещенную реформу, и если была возможность подстрекнуть на безобразие, то этою возможностью он, конечно, воспользовался.

Очень просим читателя не забыть, что этот отзыв — мнение знатока.

Впечатления.

III.

Право народных масс на широкое участие в политической жизни каждой данной страны — неоспоримое, священное право, и честные люди не нуждаются в мотивации его. Но, как известно, честных людей среди командующих классов не очень много, и потому я приведу один неотразимый, на мой взгляд, мотив в пользу этого права...

Вот уже несколько лет наша страна живет напряженной духовной жизнью, а в последнее время сила напряжения достигает размеров бури. Наше мещанское общество более года кипит в атмосфере жгучих вопросов политического обновления страны, но где же среди него таланты?..

Когда Франция жила в положении, подобном нашему, у нее были Вольтер, Руссо, энциклопедисты, люди Жиронды, колоссы Горы — а у нас?

Не будем говорить о крупных людях, поищем просто талантливых людей, которые хоть бы ясно видели все раны нашей измученной страны. Намечаются плохие пародии на Сейсса, Флесселя, Бальи, возможен Анахарсис Клоотц, а в общем, все более или менее хладнокровные люди, они много говорят и пишут и всегда, почему-то, дурным языком...

помещиков. Мы — партия внеклассовая и поэтому не можем и т. д.

— Нельзя ли примечание?..

Вдруг один из членов партии помогает:

— Насколько я понимаю: мы в программе ставили минимум, а уклоняться влево можно сколько угодно...

Бюро в изумлении.

— Кто стоит за национализацию, должен отделиться.

Да оно и наивно ведь!.. Друзья влево, так этот член полагал, что ступать ногою в левую сторону не воспрещается... Да ведь так можно шагнуть, что конституционно-демократическая партия превратится для него в „прогрессивно-консервативную“...

Шагать — шагай, но не широко.

Встает один из членов бюро и поясняет всю зловредность крайности:

— Взять всю землю у помещиков и передать крестьянам, — это не в государственных интересах. Мы не должны упускать государственных интересов, мы партия государственная... Если это сделать, понизится степень общей культуры сельского хозяйства,—и т. д., в том же духе „государственных интересов“, в каком это говорят нефтепромышленники, сахарозаводчики и пр. патриоты...

По мере того, как рассматривались краеугольные камни программы, членов убавлялось... Уезжать было некуда (забастовка ж. д.), а с каждым днем партия таяла... Началось с 76, дошло до 40... Многие разочарованные интеллигенты, раскусившие орех, стали мыкаться по разным митингам, где преобладало классовое население...

Во время одного из заседаний появляется вездесущий писатель Тан и с горячностью и пылом говорит:

— Господа. Вы здесь так спокойно занимаетесь выработкой конституции, разбираете параграфы, спорите о мелочах, а там, за стенами, рабочие, борющиеся с правительством, голодают... Я видел ужасы...—И т. д.— Если вы считаете их друзьями, помогите же им материально!

Пускают в ход шапку и получается 171 р. + конфуз!.. Конфуз исправляется: организуется помощь, собирают значительные суммы...

Не при деньгах были, должно быть... Всяко случается.

Доходят до тактической стороны программы.

Проектированная Дума никуда не годится... Они пойдут туда только за тем, чтобы заявить это и потребовать...

— Совсем не следует ходить!

Эта нищета ума и чувства, это отсутствие ярких талантов — верный признак духовного вырождения мещанского общества...

Под давлением гнета политических условий, оно привыкло к постоянным сделкам со своей совестью и, отравленное ядами своего гнилого организма, видимо, издыхает. Все, что говорится и делается мещанами наших дней, рисует картину полного заражения крови...

Ничтожны речи, неловко и непрочно сшитые из старых слов,—никто не может вложить в них того нового, огненного содержания, какое влагают истинные представители народа, люди, и плотью и духом родные ему. Мелки и трусливы поступки — в них чувствуется прежде всего страх, как бы не испытать неприятного. И во всем сквозит жалкое, старческое утомление. Изношенные души, истасканные умы...

Эти жалкие, маленькие люди живут в яркие дни народного гнева и светятся призрачным светом гнилушек, и эти люди хотят быть представителями народа, силы, которая бесплодно зовет их к жизни, силы, которой они и согреты и накормлены...

Скучно и противно было бы на земле, если бы луна и днем представляла нам солнце. — Скажут: теперь условия изменились. Да, но гальванический ток не воскрешает трупа, хотя и может заставить его двигать мускулами...

Необходимо дать народным массам широкий доступ к жизни: только живая, горячая кровь народа окрасит все вокруг в яркие цвета красоты и радости, только у народа есть энергия молодости и пафос героизма, только силою народа, вечного источника жизненной энергии, воскреснет страна к новой жизни, только народ силою своей осуществит наши бескровные, бледные мечты о красоте, свободе, истине, только он введет в жизнь богиню, вам чуждую и враждебную,—богиню-справедливость!

А.

Pro domo sua.

Одна из консервативных газет, отличающаяся тем, что вся ее редакция состоит из бывших либералов, выражает свое удивление по поводу того, что я, будучи мистиком, пристал к социал-демократическому движению. В этих словах верно лишь то, что я в последние годы в самом деле занимался философскими проблемами и написал книгу о мистическом разуме. Но я думаю, что между истиной философской и истиной политико-экономической нет противоречия, как нет противоречия между математикой и химией. Противоречие существует лишь между истиной и ложью. Вот, если бы я когда-нибудь участвовал в упомянутой газете или в подобных ей органах печати, а потом пристал к социал-демократии, меня в самом деле можно было бы винить в непоследовательности и в том, что я разыгрываю „водевиль с переодеваниями“. Долго размышляя о возможном воплощении истины на земле, я пришел к убеждению, что величайший враг философии не кто иной, как буржуазное общество, постыдно равнодушное к истине, ущемленное в своей серединности, трусливое, непоследовательное, признающее только одну философию — приспособляемости к обстоятельствам минуты и одну религию — комфорта и спорта. Мистика, по самому своему существу дерзновенная и чистая, может мириться в области воли с такой же дерзновенной, как она сама, с такой же безбрежной по своим горизонтам доктриной, какой является доктрина социал-демократии. Если мистической истине суждено одержать когда-нибудь победу над духом людей, то я уверен, что победа эта совершится только в чистой атмосфере экономической правды и всеобщего, свободного, радостного, никем не эксплоатируемого труда.

Н. Минский.

— Когда же наступит момент заявить и уйти...

— Это решить нельзя... По ходу вещей... Обстоятельства покажут!..

Ропот провинциалов...

— Довольно тянуть... Дадут вам работу: и по рабочему вопросу, и по избирательному праву, и по аграрному вопросу и скажут: „Помогайте, работайте“... И вы сядете и будете сидеть, и трудно будет найти время заявить, и фактически вы только сыграете роль представителей...

Дебаты все горячее, горячее. Споры обостреннее... И вдруг... вдруг гонец из „Русск. Вед.“.

— По телефону — конституция!

— Браво!!. браво!..—Все повскакали, хлопают в ладоши, поздравляют друг друга... Речи о том, как было трудно бороться, добыть конституцию... Сколько погибло... Благодарность рабочим и клятва — никогда уже не отдавать обратно того, что взято с бою!

Некоторые смущены... По телефону сообщена квинтэссенция и в такой милой форме, что остается возликовать... (Телеграммы еще не знали.)

— Гм!.. вот тебе и раз...

— События бегут с такой быстротой, что...

— Пожалуй, мы теперь очутились вправо?.. По отношению к друзьям?

— Гм... Вот так штука...

Лица сияют... Поднимается женщина с горящими глазами и, волнуясь, с упреком говорит:

— Господа! Вы получили свободу... В борьбе за эту свободу погибло много женщин... Эту свободу добывали вместе мужчины и женщины... Неужели и теперь вы откажете в равноправии?

Кто-то из наивных провинциалов кричит:

— Долой все наши примечания!..

— Господа! Нам предстоит еще много борьбы впереди!..

Масса, масса!..

Не устаньте!

Евгений Чириков.

Ответ г. Рожкову.

(Письмо в редакцию.)

Во втором номере „Новой Жизни“ напечатана заметка г. Н. Рожкова по поводу речи, произнесенной мной на последнем с‘езде народных учителей в Москве. Эта заметка содержит несколько недоумений или упреков по моему адресу.

Я лично не стал бы возражать против упреков, ибо сознаю, что в такое лихорадочное время, как теперь, люди склонны обмениваться даже еще более острыми комплиментами. Но в данном случае мною руководит желание восстановить фактическую истину. Вообще, я могу принять на себя ответственность только за статьи, подписанные моим именем, а не за чужой пересказ моих слов. В передаче г. Рожкова, заимствованной из репортерского отчета „Русских Ведомостей“ и которую он почему-то признает буквальной, мне, например, приписывается утверждение, что известный ноябрьский земский с‘езд имел место $1^1/_2$ года тому назад.

Я очень далек от мысли недооценивать огромное значение рабочего пролетариата в настоящей освободительной борьбе, и факты относительно казанского, московского и ростовского рабочего движения 1901 и 1902 годов мне известны не хуже, чем кому-либо другому.

Освободительное движение началось в России не со вчерашнего дня. Оно тянется более ста лет и имеет многострадальную историю. Оно составлялось и составляется из согласного действия двух великих демократических сил русского народа—передовой интеллигенции и рабочего пролетариата. Не место возбуждать вопрос о первенстве. Нельзя спрашивать, какая половина революционных ножниц врезывается сильнее в так называемый существующий, или, лучше сказать, существовавший, уже разрушенный строй. Обе одинаково необходимы. Жертвы, принесенные интеллигенцией и пролетариатом, одинаково кровавы и болезненны. Могилы Радищева и Новикова, Пестеля и Герцена, Петрашевского, Софии Перовской и шлиссельбургских узников стоят рядом с тысячами других, более свежих, рабочих могил, которыми черная сотня и казаки усеяли ныне все лицо русской земли. И в рядах организованных социалистических партий интеллигенция идет рядом с пролетариатом и неотделима от него. Это для нее тем легче и естественнее, что очень значительная часть ее и по своему экономическому положению неотделима от рабочего пролетариата. Фабричный рабочий, интеллигентный разночинец и бедный студент живут в одинаковых каморках, питаются одинаковой скудной пищей, и правящие классы в своей политической оценке сливают их в одно целое.

То, что я говорил на учительском с‘езде, не относилось к освободительному движению в его целом, а только к его последней фазе, протекавшей в течение минувших 12 месяцев. В это время, под влиянием общественного возбуждения, рядом с прежними политическими организациями возникли новые. Я говорю о профессионально-политических союзах. Развитие освободительного движения стало совершаться концентрическими, все расширяющимися кругами, все углубляясь и ускоряя свой ход, и, наконец, в начале октября оно превратилось в огромную воронку, с окружностью в пятнадцать тысяч верст, с водоворотом в средине и с бездной в глубине. Эта бездна притянула в свои недра все элементы русской жизни и заразила жаждой забастовки консисторию и сенат, городовых и даже министров, и в этой бездне утонули наши разбитые цепи и исчезло самодержавие.

Значение союзов нисколько не ослабляется тем, что многие из них, особенно более ранние, были бездейственны и пассивны. Зато другие были активны и наносили старому строю самые решительные удары.

Таковы, например, для Москвы союз железнодорожных рабочих и служащих, союз типографов и наборщиков, союз фармацевтов и другие.

Организованные партии действовали самостоятельно рядом с союзами, принимали также участие и в организации союзов, но всеобщность движения, его ширина и размах в значительной мере созданы этой новой политической формой.

Это нисколько не ослабляется тем обстоятельством, что в настоящее время многие союзы стали выступать открыто под партийным знаменем. Роль союзов в городах с завоеванием свободы окончена, и место их должны заступить организованные политические партии. Первое место среди них будет принадлежать социал-демократии, конечно, в слиянии теперешних организаций меньшинства и большинства, и реорганизованной соответственно тем массам, которые поступили и еще поступят в ее ряды.

В деревне политическая работа еще только начата, и нам предстоит провести деревенские массы сквозь последний, самый большой профессионально-политический союз, сквозь великий крестьянский союз, чтобы, выставляя требование о передаче всей земли народу, нейтрализовать происки деревенской черной сотни и сделать крестьянство пригодным для организации в демократическую партию, которая пойдет об руку с партией рабочего пролетариата.

Тан.

В Кронштадте.

Дня три - четыре назад состоялся на площади большой митинг матросов, на котором был выработан и пред‘явлен начальству ряд требований. Требования касались улучшения пищи, прибавки жалованья, сокращения срока службы и более свободного, более человечного режима. Главный начальник признал все требования законными и обещал принять меры к их удовлетворению. На следующий же день возбуждение и движение из флота перекинулись и на крепостную артиллерию. Был устроен громадный митинг артиллеристов и вообще пехотинцев, и на нем решено было пред‘явить и к своему начальству требования, приблизительно тождественные с флотскими.

О том, как это сравнительно мирное движение перешло уже в открытое восстание, я передаю в различных версиях.

Первая — во время митинга артиллеристов один армейский офицер, видя толпы присутствовавших матросов, вскричал: „Вот они, зачинщики-то, вот кто бунтует нашу мирную армию“, и быстро сделал в толпу несколько выстрелов, которыми уложил одного или двух матросов. Этого было достаточно. Толпа, с криками: „Матросы, нас убивают!“, „к оружию!“,—встала как один человек. По рассказам же других дело было так. После митинга артиллеристов группа наиболее активных, выделявшихся солдат, матросов и штатских была заарестована и препровождена в какое-то помещение. Как только об этом пронесся слух, матросы, солдаты и рабочие толпами стали стекаться к месту заключения товарищей, требуя немедленного освобождения всех и угрожая в противном случае освободить всех силою.

Отряду солдат, охранявших тюрьму, приказано было, „патронов не жалея“, бить прямо в толпу. Раздалась команда. Солдаты выстрелили в воздух. Тогда один офицер выпустил по толпе шесть пуль. Кровь, трупы убитых товарищей возбудили толпу: „К оружию!“—раздался общий клич, и началось восстание. Быстро матросы и солдаты вооружились, быстро заставили прекратить всякие попытки сопротивления со стороны некоторой части армии, быстро завладели частью артиллерии. Мелкие военные суда (канонерки и пр.) оказались в их руках и к их услугам. Офицерство частью было перебито, частью же скрылось, переодевшись в солдатские шинели.

Но, вместе с восстанием, поднялись на поверхность все темные силы города, все подонки общества... Начались погромы богатых магазинов, буржуазных домов, квартир „начальства“. Вспыхнуло пожарище. Винные лавки (а их там очень много) были разгромлены. „Черная сотня“ и наименее сознательные матросы и армейцы перепились... Начались взаимные схватки и грабеж. Появилась дезорганизация... Нет общего плана. Масса, огромная масса пьяных, не сознающих момента.

Вчера и в прежние дни эскадры в Кронштадте не было.

В Кронштадте во время погромов, как нам сообщают, разгромлены, между прочим, офицерское собрание и библиотека — одна из лучших в России.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Кронштадт, 28 октября (СПА).—Сегодняшний день прошел спокойно; ни беспорядков, ни стрельбы не было; пожары прекращены; прибыли баталионы 3 гвардейских, 4 армейских полков, артиллерийская часть, пулеметная команда. Патрули собирают по улицам матросов.

Кронштадт, 28 октября (СПА).—Последовательные факты минувших дней: 23 октября, после матросского митинга, последовал погром домов терпимости. 24 октября состоялся об'езд главным командиром флотских экипажей и пред'явление матросами своих требований. 25 октября произведен вторичный погром домов терпимости. 26 октября матросами произведена попытка отбить артиллеристов, задержанных за беспорядки, и произошли возмущения в некоторых ротах, артиллерии, крепостном баталионе и беспорядки в экипажах, вооруженное восстание, погром магазинов, 7 поджогов, погром морского собрания и морской библиотеки и бесчинства хулиганов. 27 октября погромы продолжались, и прибыли войска для укрощения бунтующих. 28 октября беспорядки приходят к концу, матросов начали обезоруживать. Число жертв беспорядков определить трудно, но во всяком случае оно меньше, чем казалось вначале под впечатлением ужасной стрельбы. В морском госпитале 20 убитых, 6 умерших от ран и 75 раненых. Есть убитые и раненые в других местах. Город имеет вид военного лагеря. Царит тишина.

Минск губ., 28 октября (СПА).—Вышел после четырехмесячной приостановки „Северо-Западный Край“ с прежней, строго марксистской программой.

Плоцк, 28 октября (СПА).—Забастовали наборщики типографии „Плоцких Губернских Ведомостей“.

Владимир, 28 октября (СПА).—В Орехово-Зуеве начался было еврейский погром, но в начале же стих. В других фабричных центрах везде тихо. Были небольшие волнения на экономической почве, но теперь все успокоилось. Во Владимире совершенно тихо.

Радом, 28 октября (СПА).—(Оф. корр.). — В Радомском и Козелецком уездах крестьяне рубят казенный и городской леса. Увещания не действуют. Посланы войска. Разгром гминных управлений и винных лавок местами продолжается. В городе пока спокойно.

Киев, 28 октября (СПА).—Здесь возникает новое периодическое издание—еженедельный журнал „Южная Неделя“, который явится органом рабочей партии.

Калиш, 28 октября (Оф. корр.).—Вследствие новых попыток хулиганов нарушить спокойное течение жизни в отдельных случаях, встреченных сопротивлением со стороны мирных обывателей, губернатором приглашены были свыше 100 обывателей на совещание. Мнения их разделились. Одни настаивали на военной охране, другие требовали увеличения полиции, третьи высказывались за учреждение милиции. Последнее ходатайство, как незаконное, было отклонено. Военная охрана признана желательной лишь в исключительных случаях более серьезного возмущения толпы. На усиление полиции нет средств у города. Собравшиеся просили губернатора подвергнуть затронутый вопрос особому обсуждению горожан, назначенному на завтра, после чего резолюция будет представлена губернатору.

Киев, 28 октября.—По окончательному официальному подсчету, число жертв во время манифестаций и еврейского погрома определилось в 47 убитых и 21 умерших от ран.

Казань, 28 октября (СПА). — Газеты вторую неделю не выходят вследствие забастовки наборщиков и типографских рабочих. Владельцы типографий ни на какие уступки не согласны.

Киев, 28 октября (СПА). — Начальник края генерал Сухомлин обратился к населению с воззванием: „Прибыв в Киев из заграничного отпуска и вступив в управление высочайше вверенным мне краем, я застал население города в состоянии крайней тревоги под влиянием недавних печальных событий. Такое состояние общества не должно продолжаться; при нем немыслимо спокойное течение гражданской жизни. В настоящее время для скорейшего проведения в жизнь преобразований, возвещенных высочайшим манифестом, необходима спокойная солидарная работа всех членов общества, и я прошу жителей города Киева иметь в виду, что я не допущу ни разгромов имущества, ни покушений на личную безопасность граждан, к какому бы сословию, званию или национальности они ни принадлежали“.

Коканд, 28 октября (СПА).—Забастовка кончилась, возобновилось движение железной дороги.

Варшава, 28 октября (СПА).—Забастовка продолжается. Утром часть лавок открылась, но в полдень опять закрылась. Фармацевты прекратили забастовку; аптеки открыты. По инициативе „Варшавского Курьера“ открыты две хлебопекарни для голодающего населения.

Кельцы, 28 октября (СПА).—В виду происходящих в Сосновицах беспорядков, туда отправлена 23-я конно-артиллерийская батарея.

Наборщики и служащие в типографиях, не желая прибегать к забастовке, устроили, совместно со своими хозяевами, собрание, в котором выработали ряд мер, клонящихся к улучшению своего быта и постановки типографского дела.

Луганск, 28 октября (СПА).—Вчера вечером дума избрала комитет помощи пострадавшим от погрома и ассигновала ему 1.000 руб. В городе идет подписка. Вопрос о городской милиции решен отрицательно.

Митава, 28 октября (СПА).—Против насильственного закрытия магазинов генерал-губернатором издано энергичное распоряжение по губернии, прекратившее деятельность агитаторов в этом направлении. Во избежание столкновений между партиями запрещены также всякие манифестации, хотя бы и патриотические. В городе совершенно спокойно.

Батум, 28 октября (СПА).—Постановлением генерал-губернатора вновь запрещено выходить на улицу после шести часов вечера, носить толстые палки и бурки, ездить на велосипедах, собирать сходки без соблюдения правил, опубликованных 12 октября. Виновные подвергаются законному наказанию. Ночью ходили по городу усиленные патрули.

Известие о смерти озургетского уездного начальника от взрыва бомбы не подтверждается.

Попрежнему сообщения нет, но ожидается прекращение забастовки, в виду разногласия между различными партиями.

Тифлис, 28 октября (СПА). — Наместник телеграфировал бакинскому генерал-губернатору принять безотлагательно самые энергичные меры для прекращения бесчинства черни и армянских погромов, напомнив чинам гарнизона, что священный долг солдата защищать и охранять граждан без различия их национальности.

Тифлис, 28 октября (СПА).—В Гурии испорчены железнодорожные пути и телеграф. На всем пространстве работают саперы. Партизанские отряды гурийцев ведут борьбу с казаками.

Кронштадт, 28 октября (СПА). — Сегодня Кронштадт об'явлен на военном положении с подчинением всех войск и администрации коменданту крепости.

Москва.

28 октября.

— Среди еврейского населения Москвы опять сильнейшее беспокойство по поводу упорно циркулирующих слухов о предстоящем еврейском погроме. Евреи опять выселяются из своих жилищ, переселяются в гостиницы или к своим знакомым-христианам. Особенно волнует московских евреев то обстоятельство, что по улицам Москвы ходит группа хулиганов и отмечает крестиками и какими-то иероглифами те дома, в которых, по любезно сообщаемым дворниками сведениям, живут евреи. Более состоятельные еврейские семьи торопятся покинуть Москву, оставляя свои квартиры на произвол судьбы.

— Из Твери сообщают, что союзными организациями составлены списки вдохновителей и участников гнусного тверского избиения, которые расклеены по улицам города. Во главе списка стоит фамилия губернатора Слепцова, полицеймейстера Киреевского, а затем идет перечень остальных „деятелей“, в числе которых значится бывший околоточный надзиратель, три бывших сыщика, трактирщики, много сапожников. В списке обозначены точные адреса избивателей и сообщается, что дальнейшие списки участников погрома будут на-днях опубликованы.

— В виду того, что московская городская дума отклонила вопрос об организации городской милиции, торговцы-владельцы магазинов на Петровке решили организовать свою собственную охрану своих предприятий. С этой целью предложено вооружить до 800 приказчиков, из них 500 человек будут вооружены револьверами, 300 человек вооружатся винтовками. Охрана будет чередоваться с таким расчетом, чтобы от нее не страдала торговля из-за отсутствия приказчиков.

— Профессор Ростовцев, письмом в редакцию „Русских Ведомостей“, настаивает на необходимости уничтожить форму в высших учебных заведениях.

— В комиссию по редактированию политических брошюр для народа, издаваемых на городские средства, избраны профессора: Мануилов, Вернов, Спижарный, Кишкин и присяжный поверенный Столповский.

— Начальник Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги г. Валуев разослал по линии циркулярную телеграмму, в которой предлагает всем служащим и рабочим обсудить свои нужды и сообщить ответы на следующие вопросы: 1) какие желательно установить наименьшие оклады и наименьшую заработную плату; 2) как и в каком размере и через какие сроки желательно производить прибавки жалования и прибавки заработной платы; 3) какое желательно установление рабочего времени; 4) высказать свои соображения по вопросу квартирному и обмундировочному. Во всех ответах г. Валуев просит точно указывать цифры.

— В московском городском управлении вырабатывается соглашение с военным ведомством о предоставлении в распоряжение города манежа для устройства в нем народных митингов.

— Довольно большая группа хулиганов ходит по московским магазинам и цинично и грубо требует пожертвований на „черную сотню“. Зарегистрированы случаи приставания той же банды к отдельным прохожим по улицам.

— Редакция „Вечерней Почты“ в течение одной недели собрала в пользу Стачечного Комитета, из одних только мелких пожертвований, 1.500 рублей.

— Вчера, во время представления, в Солодовниковском театре произошел следующий инцидент: публика в середине спектакля стала требовать исполнения „Марсельезы“. Тогда из директорской ложи встал директор театра и громко во всеуслышание заявил, что „Марсельеза“ не может быть исполнена в его театре. Публика, однако, не смутилась этим заявлением и продолжала настаивать на исполнении „Марсельезы“, не давая возможности продолжать спектакль. В конце концов, оркестр должен был сыграть „Марсельезу“.

Заседание думы.

Заседание 28 октября открылось заявлением Бари и Азарьева; по поручению думы они произвели расследование истории о покупке ножей и убедились, что в указанной в газетах лавке 600 ножей не было куплено.

Затем председательствующий М. В. Красовский читает заявление Елизарова.

Гл. Елизаров заменяет председателя ревизионной комиссии Иващенко. Пробыв в этой должности некоторое время, Елизаров пришел к убеждению в полной невозможности работать в ревизионной комиссии.

В об'яснениях мотивов, приведших Елизарова к такому решению, обнаружилось одно из многочисленных безобразий в городском хозяйстве.

Ревизионная комиссия, оказывается, состоит из 18 человек, получающих до 2.400 р. в год. Председатель Иващенко, радея „своим человечкам“, скомплектовал ревизионную комиссию из чиновников министерства финансов, где он занимает видное положение. На ревизионную комиссию г. Иващенко имеет весьма определенный взгляд: для него она является испытанным средством для вещественного доказательства своего расположения к тем или другим подчиненным.

Подчиненные, облагодетельствованные столь „убедительным“ путем, во взгляде на ревизионную комиссию солидарны со своим „благодетелем“. Рассказ г. Елизарова о том, как они исполняют свои обязанности в комиссии, вносит в собрание веселое настроение:

— Я прихожу в комиссию. Пусто. Часам к одиннадцати являются какие-то господа с портфелями. До 12 часов толкаются без толку. В 12 начинается закусывание. А затем все

незаметно исчезают. Жду до 4-х часов. Никого. Ну, и я ухожу. Никто ничего не знает, что им делать, да и не хотят и думать об этом.

Далее действительность, нарисованная Елизаровым, носит уже прямо анекдотический характер.

— Из газет я узнаю, что городские сборщики растратили 10.000 рублей. Призываю делопроизводителя ревизионной комиссии — Миляева.

— Как же, — спрашиваю, — до сих пор не знали?

— Да много работы.

— За сборщиками наблюдает кто-нибудь?

— Да контролеры.

— Сколько их?

— 12 человек (каждый получает по 1.200 р. в год).

— А за ними кто наблюдает?

— Старший контролер (2.600 р. в год).

— Кто это?

— Я.

В зале хохот.

— Значит, он и в ревизионной комиссии, он и контролер. Ревизор Миляев проверяет Миляева контролера.

Но окончательно развеселилось собрание, когда узнало, что Миляев, в виду „обилия занятий", хлопочет о прибавке 2.400 р. в год.

Вероятно оттого и случилась растрата, что во-время не догадались прибавить. Обменялись прениями довольно таки бессодержательными.

В словопрении потонул и стушевался самый вопрос. Для приличия решили потребовать у Иващенко по приезде его отчет, а пока упросили Елизарова остаться.

На этом успокоились и приступили к обсуждению вопроса о мерах предупреждения готовящегося избиения. Последовал ряд предложений: лекции, проповеди, воззвания и т. д., все в том же духе.

Гл. Л. В. Ходский предложил обязать домовладельцев воздействовать на дворников, несомненно принимающих видное участие и действующих в компании с хулиганами.

Гл. Редько вступается за честь и достоинство дворников и так горячо протестует против обвинения дворников, как будто задето его личное достоинство.

Затем пошли разговоры, — и в результате является предложение расклеить воззвание от имени думы.

Поговорили, впрочем, по этому поводу не мало; огромное большинство высказывалось за воззвание, а когда подвергли закрытой баллотировке, голоса разделились поровну.

Затем доходят до вопроса, который отодвинули на конец, вместо того, чтобы приступить к нему с самого начала: выслушать ли депутации от студентов. К этому времени некоторые депутации, напр. от университета, не дождавшись результатов, успели уйти. Остались лишь депутаты от политехнического института.

Выслушать ли их?

Последовал неясный гул—не то одобрения, не то отрицания. Гласный Кабат предлагает спросить у них полномочий, если они являются от имени студентов.

Это предложение проваливается. На открытую баллотировку ставится вопрос о допущении их.

— Кто против — прошу встать!

Некоторые начинают ерзать, но только у двоих хватает мужества встать. Это — архитектор Кондратьев и инж. Архангельский.

Депутация принята.

Один из депутатов читает постановление сходки студентов политехнического института.

„Сходка студентов Петр. политехнического института, принимая во внимание целый ряд насилий со стороны черной сотни над гражданами вообще и над учащимися в частности и не находя способа оградить неприкосновенность личности граждан, в виду полного бездействия, а зачастую и содействия черной сотне полиции и войск, предлагает городскому самоуправлению упразднить ныне действующую городскую полицию, организовать милицию из граждан при полной готовности со стороны студентов стать первыми в ее ряды".

Депутат закончил призывом к гражданским чувствам думцев и выразил уверенность, что дума обратит должное внимание на крайне важный и острый вопрос.

Дума оказалась на высоте своих традиций: постановила принять к сведению заявление студентов и сообщает, что в будущем собрание рассмотрит заявление студентов. Будущее заседание состоится в среду, а избиение назначено на 30 октября.

Дума, конечно, не виновата в том, что черная сотня поторопилась.

Спустя несколько минут один из депутатов взволнованно сообщает, что сейчас в Лесной отправился отряд черной сотни.

Это заявление не производит почти никакого впечатления. Председатель указывает на поздний час и необходимость рассмотреть еще ряд „неотложных вопросов".

Гг. Азарьев и Кедрин призывают к немедленному принятию мер — Кедрин предлагает сейчас требовать от градоначальника принять меры.

И опять пошли разговоры.

В конце концов дума постановила немедленно командировать голову к градоначальнику.

Градоначальник ответил городскому голове, что никаких беспорядков не ожидается, но что на всякий случай все меры приняты, и везде, в особенности в те места, где живут студенты и евреи, размещена сильная охрана. Соответственно этому по городу и расклеиваются об'явления.

В заключение избираются делегатами на с'езд в Москве: Лерхе, Люстих, Лихачев и Старицкий.

Правительственное сообщение.

В обращаемых к правительству заявлениях по поводу происходящих беспорядков повторяются беспрестанно указания на искусственное возбуждение или поддержку их администрацией. Правительство категорически об'являет, что со стороны центральных учреждений все распоряжения клонились лишь к одной цели — поддерживанию спокойствия и порядка. В тех случаях, когда представлены будут достоверные сведения об организации или поощрении полицейскими чинами насилий над личностью и имуществом кого-либо, произведено будет тщательное расследование, и все возможные меры к устранению повторения подобных случаев будут приняты.

Однако, серьезность переживаемых обстоятельств должна заставить всех отдать себе отчет в происходящем. Как бы основательны ни были жалобы и нарекания на действия отдельных чинов администрации и полиции и допуская, что они подтвердятся, такая деятельность названных чинов не могла бы служить единственной или даже главной причиной тех поражающих явлений, которые происходили в эти дни на всем пространстве России. Рядом донесений и сообщений рисуются совершенно тождественные повсюду ход беспорядков, внезапность их и сила. Эти сведения дают основание полагать, что люди, утомленные стачками и отсутствием порядка и безопасности, не наступивших и после издания манифеста 17 октября, проявляют свое недовольство в тех резких и тяжелых формах, в которых обыкновенно совершаются подобные народные движения.

Ко всем вопросам этим правительство считает своей обязанностью относиться совершенно беспристрастно и оказывать помощь и защиту в равной мере всем, кто в них нуждается; но оно признает невероятным, чтобы опасность дальнейшего возбуждения страстей народных масс не была для всех одинаково очевидна. Основаниями гражданской свободы должны быть уважение к жизни, собственности и личным правам других и повиновение законности и порядку. Конечно, при отсутствии в самом населении ярко проявленного в этом направлении настроения никакие лучшие намерения правительства не могут возместить этот недостаток, и гражданская свобода, дарованная в принципе, может остаться вне всякого житейского применения. Точно так же враждебные отношения крайних политических партий и безучастие умеренных, которое проявилось при обращении правительства к активной их поддержке, создают положение вещей, неблагоприятное для введения реформы. Но правительство не может допустить и мысли, чтобы русский народ или какая-либо его значительная часть сознательно предпочитали беспорядок порядку, внутреннее междоусобие мирному, правомерному развитию. Поэтому совет министров, вступающий ныне в действие, приложит все силы к осуществлению воли Государя Императора. Но надо, чтобы он имел возможность работать, направив все свое внимание к успешному выполнению возложенной на него задачи. К созданию условий, которые

обеспечивали бы возможность такой правильной работы, должны стремиться все те, кто желает развития начал, указанных Его Императорским Величеством во Всемилостивейшем Манифесте 17-го октября.

От С.-Петербургского Агентства.

По поводу помещенного в № 10644 „Нового Времени", от 28 сего октября, письма, подписанного представителями казачества, находящегося в Петербурге, мы уполномочены вновь заявить, что граф С. Ю. Витте не может принимать на себя ответственности за все появляющиеся без его ведома в газетах сообщения о высказываемых им мнениях и взглядах.

Воззрения правительства, коего представителем эти дни по необходимости был, главным образом, граф Витте, а отныне будет вступающий в обязанности свои совет министров, излагаются в правительственных сообщениях (СПА).

От С.-Петербургского градоначальника.

По городу распространяются слухи о предстоящих в Петербурге беспорядках. Тревога эта поддерживается и печатью. Фактических данных, которые подтверждали бы подготовку в Петербурге беспорядков, у градоначальника не имеется. Тем не менее, предупредительные меры приняты, и если бы попытки к беспорядкам с чьей бы то ни было стороны действительно последовали, то таковые будут немедленно подавлены.

(П.А.).

От собрания Союза союзов 3-х районов: Коломенского, Василеостровского и Литейного.

По городу упорно циркулируют слухи о погромах, направленных против жизни и имущества обывателей, главным образом интеллигенции, учащейся молодежи и евреев.

На защиту полиции и войск рассчитывать нечего!

Примерами других городов это уже достаточно доказано. По всей России уже происходят погромы, грабятся имущества, отнимаются последние средства к существованию и льется кровь не только мужчин, но и беззащитных женщин и детей. Петербургу грозит участь Харькова, Одессы, Твери, Томска и других городов.

Озабоченные мыслью спасти себя и обывателей Петербурга от ужаса черносотенного террора, мы обращаемся ко всем обывателям Петербурга, кому дорога жизнь родителей, жен и детей, кому дорога своя собственная жизнь, как кормильца семьи.

Мы предлагаем гражданам города Петербурга образовывать дружины самозащиты, которые необходимо расположить в различных районах города.

Тем же, кто не находит для себя возможным вступить в число дружинников, предлагаем самим организовать группы лиц по отдельным домам, что является необходимым, так как в настоящее время нет возможности доверять дворникам охрану домов и жилищ.

Все квартиронаниматели должны об'единиться и стараться всеми силами не давать возможности черносотенным элементам проникать в дома в целях разгрома и убийств.

Граждане! В переживаемое нами тяжелое время никто из нас не может быть уверен в завтрашнем дне — надейтесь только на себя — организуйтесь.

Хроника.

— К вопросу о веротерпимости. Министр юстиции внес в Государственный Совет законопроект „о согласовании некоторых постановлений уголовного законодательства с указом 17 апреля 1905 года об укреплении начал веротерпимости и о введении в действие второй главы нового уголовного уложения ранее введения его в полном составе". Законопроект этот будет утвержден в Государственном Совете впредь до открытия Государственной Думы.

— Товарищ министра юстиции, А. А. Хвостов, и управляющий межевой частью, Н. Д. Чаплин, оставляют свои посты; заместителем А. А. Хвостова называют директора первого департамента министерства юстиции И. Г. Щегловитова.

— Скорый суд. Из представленной в высочайше учрежденное особое совещание для пересмотра действующих учреждений Правительствующего Сената записки обер-прокурора первого департамента видно, что в 1899 году оставалось нерешенных дел 3.569, в 1900 году — 4.969, в 1901 году — 6.975, в 1902 году — 9.095, в 1903 году — 11.566, в 1904 году — 12.090. Ежегодное поступление дел определяется автором записки в 12 с лишком тысяч, число же докладчиков равняется 12.

— 28 октября, под председательством ректора университета И. И. Боргмана состоялось совещание директоров с.-петербургских высших учебных заведений, посвященное исключительно ненормальному положению высших учебных заведений.

Совещание постановило обратиться к правительству с заявлением о необходимости скорейшего осуществления в столице права собраний, свободы слова, неприкосновенности личности, одним словом, всего того, что обещано в манифесте 17 октября. Собрание выбрало делегатов, которым поручено лично передать постановление совещания председателю совета министров С. Ю. Витте.

Кроме этого, собрание постановило обратиться к городскому управлению с просьбой пойти на помощь в организации митингов, т. е. в предоставлении для них соответствующих помещений. Делегатами избраны профессора: Боргман, Воронов, Белелюбский, Салазкин, Фаусек и Гагарин.

— Жертвы освободительного движения. Проходившие по Литейному проспекту 28 октября, около 2 часов дня, были свидетелями интересного шествия: из Симеоновского переулка вышла и свернула по направлению к окружному суду группа приблизительно в 15 человек матросов с котомками, без всякого оружия; группа эта была окружена отрядом солдат. Проходивший в это время прис. пов. Б. снял шляпу и замахал матросам, на что последовал грубый окрик конвоирующих: „проходи, проходи!". Спустя не более пяти минут показался другой такой же отряд; в этом отряде матросов было уже около 25 человек, а солдат около 80. Обе партии направились по направлению к выборгской тюрьме.

— В Преображенском полку современные события отразились довольно оригинальным образом. С 13 октября по 31 все строевые получают прибавку: рядовые—по 15 коп. в день; унтера—по 30 коп. Обычная порция мяса с 1/2 фунта возросла до 3/4 в день, а по утрам, вместо черного хлеба, выдается каждому по 1 ф. ситного. Словом, откармливают, чтобы „лучше били", как выражаются сами солдаты.

— Убийца. С 17-го на 18-ое октября возле технологического института корнет конногвардейского полка Александр Ильин зарубил шашкой студента N, своего бывшего товарища по гимназии. Обстановка убийства следующая. Когда студент обратился к корнету с речью подумать, что он делает, и именем их прошлого уговаривал его прекратить резню, то корнет ударом шашки свалил студента с ног. Через несколько секунд студент поднялся и побежал. Ильин пришпорил лошадь, нагнал убегавшего и вторым ударом шашки зарубил его на смерть. С окровавленным оружием корнет возвратился домой и, показывая его отцу, фабриканту известного картографического заведения (Пряжка, 5), нагло хвалился своим преступлением.

— К „покушению на убийство" жандармского генерала Шмакова. „Новое Время" в № 10.642 продолжает травить юношу Александра Смирнова, нанесшего царапину жандармскому ген. Шмакову 18 октября у Царскосельского вокзала, после ружейных залпов семеновцев. Случай этот уже был описан во всех газетах. Необходимо лишь добавить следующее.

После того, как у безоружного Смирнова жандармы уже искромсали шашками правую руку и всю спину, на него „геройски" набросился заведующий полицией Царскосельской линии, жандармский полковник Евстафьев, и несколько раз рубанул обнаженной шашкой истекающего кровью симпатичного юношу. И это после того, когда Смирнов заявил: „Я сдаюсь". Затем, когда Смирнова вели на вокзал, Евстафьев грозил при-

стрелить Смирнова и все время с ним возмутительно обращался.

Напрасно сам Евстафьев умалчивает о той благородной роли, которую он сыграл, „защищая“ своего начальника Шмакова.

— Охрана охранного отделения. Во время всероссийской забастовки у знаменитого дома Пушкина (Мойка, д. 12), где помещается охранное отделение, наблюдалось необычайное оживление. Помимо агентов наружной полиции, здесь расхаживало много агентов сыскной полиции. Проход по панели у этого дома публике был запрещен, так как были расставлены рогатки. Обитатели дома опасались разгрома и приняли все меры к охране его. Во дворе находился все время эскадрон жандармов во главе с офицером. Несколько дней тому назад большинство тайной охраны было снято. В подвальном этаже окна с улицы заколочены досками, с маленькими просветами.

— Охрана Гостиного двора. До настоящего времени внутри Гостиного двора для охраны его находятся солдаты. Все гостинодворские купцы в складчину уплачивают военному ведомству по 40 руб. в сутки. Охрана существует со дня общей политической забастовки.

— На высших женских курсах. Охрана снята.

— В лейб-гвардии саперном батальоне произошел 28-го октября следующий инцидент. Солдатам в 12 ч. дня было приказано итти на обед. Явившись на кухню и узнав, что на обед приготовлен один только горох, без мяса, солдаты категорически отказались получить обед и удалились. Начальство пыталось уговорить солдат „не бунтовать“, но это ему не удалось. Солдаты, у которых не было своих денег на покупку еды, предпочли голодать, чем отказаться от своего решения. Следует прибавить, что с 5 час. утра солдаты грузили на военном цейхгаузе казенное имущество. После тщетных попыток уговорить солдат с'есть сваренный обед, начальство распорядилось сварить вечером по $^1/_2$ ф. мяса на человека.

— Среди тружеников печатного дела, работающих в государственной типографии, вновь началось брожение, вызванное главным начальником типографии Чунихиным, бывшим начальником выборгской тюрьмы, предполагающим ввести с 1 ноября десятичасовой рабочий день, взамен ныне установившегося девятичасового.

— По достоверным сведениям, добытым одним прис. повер. из прокуратуры, Анна Вал. Надеждина, привлекавшаяся по делу „мартовцев“ (покушение на Трепова), на-днях будет выпущена из Петропавловской крепости. Прокуратура в этом отдельном случае дала заключение по 125 ст. Если суд с этим согласится, тов. Надеждина будет освобождена по амнистии. В Петропавловке осталось еще более двадцати человек „мартовцев“.

— 28 октября в Петербург приехал из-за границы М. А. Рейснер, не имевший больше года возможности жить в России.

— Неприкосновенность жилищ. 27-го октября в академии наук состоялось собрание академиков по вопросу о вооруженной „охране“ академии. Совершенно для себя неожиданно в роли неблагонамеренных очутились г.г. академики. По распоряжению ген. Трепова, академия тщательно охраняется войсками, которые в воскресенье не впустили в здание академии занимающихся в ней академиков и служащих под тем предлогом, что в праздник не должно быть никаких занятий. Собрание решило потребовать снятия „охраны“ и, если это требование не будет удовлетворено, обжаловать действия генерал-губернатора или лица, его заменяющего, в сенат.

— После амнистии. Из ссылки вернулись политические: Шаманин Павел, Шульман Константин (из Вологды), Сергеев Иван (из Грязовец, Вологодской губ.). Освобождены политические заключенные: Дурново Евг. (поруки 400 р.), Панфиленко (поруки 75 р.), Чураков (поруки 100 р.). В больнице св. Николая Чудотворца в настоящее время томятся четыре политических заключенных: Татьяна Леонтьева, Григорий Агапов, Моисей Пожацкий и Мендель Розенбаум. К Вере Николаевне Фигнер, освобожденной в прошлом году после 22-летнего заключения в крепости и в настоящее время находящейся в имении Казанской губернии под надзором полиции, указ об амнистии почему-то до сих пор не применен. Находящиеся при ней „дозорные“ до сих пор не удалены. („С. О.“).

— О. Иоанн Кронштадтский в виду последних событий спешно покинул Кронштадт.

— Совещание железнодорожных служащих. Служащие правления Рязанско-Уральской железной дороги, в виду настойчиво циркулирующих слухов о предстоящем 29 октября разгроме еврейских жилищ, постановили собраться для совещания относительно мер в случаях нападения громил на квартиры кого-либо из служащих правления. Собрание состоялось в четыре часа дня, 28 октября, в помещении правления. На собрании постановлено образовать охрану из собственных служащих, соответственно вооруженных. Охрана квартир семейных служащих возложена на бессемейных служащих.

— Благодаря настойчивым хлопотам тов. Рохлина-Раколина, тов. Розенбаум освобожден из больницы Николая Чудотворца.

— Из товарищей эмигрантов вернулись уже в Петербург, воспользовавшись амнистией, г.г. Парвус, Мартов и Мартынов.

— В „Крестах“ сидел тов. И. Зайцев. Незадолго до об'явления „амнистии“ он начал страдать галлюцинациями, почему и просил перевести его в больницу, в общую палату. После многочисленных просьб, администрация обещала перевести его вместе с одним товарищем в больничную камеру. Однажды вечером за ним явились надзиратели и увели его в больницу. Администрация сдержала свое обещание: тов. Зайцев просидел всю ночь в общей камере с двумя сумасшедшими. На волю он вышел совершенно разбитым, с потрясенными нервами и расшатанным здоровьем. О его судьбе до сих пор ничего неизвестно. Кто знает о нем что-нибудь, пусть сообщит в совет присяжных поверенных (Сергиевская, 13), от 12 до 3 ч. дня.

— Иллюстрация к „приказу“ Трепова. В магазине Трейдена (на Невском) выставлена остроумная миниатюра-акварель: пирамида, составленная из боевых патронов, и внизу подпись: „Не жалеть!“.

— Совет русского женского общества обратился к графу С. Ю. Витте с запросом: подразумеваются ли в манифесте от 17 октября в числе допущенных к избирательным урнам и женщины, или половина населения России попрежнему лишена избирательного права. Граф Витте уведомил председательницу совета, что „при издании высочайшего манифеста 17 октября вопрос о предоставлении лицам женского пола избирательных прав не обсуждался“. В виду этого, совет женского общества решил продолжать свою деятельность к достижению политических прав женщин.

— Управляющий экспедицией заготовления государственных бумаг г. Голицын сегодня подал прошение об отставке.

— 27 октября состоялось частное собрание членов союза инженеров, на котором обсуждался вопрос об организации милиции. Принят ряд решений немедленной организации самообороны.

— Бюро студентов военно-медицинской академии по организации и созыву сходок и митингов и группа младших преподавателей академии всероссийского академического союза назначает на субботу, 29 октября, в 2 часа дня, в помещении Пироговского музея (Б. Сампсониевский, 2), общее собрание студентов и персонала младших преподавателей академии для выяснения вопросов, связанных с настоящим моментом.

— Оклады высших сановников. Самый большой оклад присвоен нашему послу в Турции, Зиновьеву: он получает 77 тысяч в год; затем по 75 тысяч рублей получают послы Нелидов, граф Остен-Сакен и князь Урусов. Муравьев, бывший министр юстиции, ныне посол в Италии, получает 60 тысяч. Министру иностранных дел графу Ламздорфу ассигнуется по 34 тысячи. 33 тысячи полагается посланнику в Голландии Струве. Оклад в 30 тысяч присвоен графу Витте. Граф Сольский получает 24.400 рублей; председатель д-та законов государственного совета Фриш получает жалованье в размере 22.500 рублей. По 22 тысячи получают: Победоносцев, князь Хилков, Ермолов и Горемыкин. Член государственного совета граф Пален и статс-секретарь Куломзин получают по 21.600 рублей. Ровно 21 тысячу получает Герард.

— Частные артельщики, состоящие при биржевых артелях (многочисленный класс служащих, совершенно необеспеченный, и служащих без залога), решили организоваться в особый профессиональный союз для защиты своих интересов. Первое общее собрание назначено на 6 ноября; о месте заседания будет об'явлено в газетах особо.

— Земство „заботится“ о крестьянах. В интересах защиты бедных крестьян, возбуждался неоднократно вопрос об учреждении при петербургской уездной земской управе консультационного бюро помощников присяжных поверенных. Гласный думы Н. А. Оппель еще в 1902 году возбудил ходатай-

ство пред данной управой о необходимости отведения комнаты для бюро. И вот 16 ноября 1902 г. за № 2674 следует ответ из управы Н. А. Оппелю: „У нас лишних комнат нет“. Через 3 года Н. А. Оппель снова возбудил ходатайство о крайней необходимости отвести одну комнату в интересах крестьян. И что же?.. 12 сентября с. г. за № 1989 уездная управа снова отвечает Н. А. Оппелю, что „нет помещения“.

— В четырех верстах от ст. Саблино, Николаевской железной дороги, в имении, принадлежащем г. Хитрову, работники этого имения, притесняемые управляющим, пред'явили ему ряд различных требований об увеличении заработной платы и улучшении пищи. Управляющий требований этих не исполнил. Рабочие забастовали и выбили несколько стекол в доме управляющего. Это дало повод ему просить для усмирения бунтующих рабочих в имении казаков, и вот теперь по Саблину „раз'езжает взвод этих усмирителей, пугая мирных обывателей“.

— Многие петербургские гостиницы переполнены еврейскими семействами, переселившимися в эти „крепости“ из своих квартир, которые предполагают атаковать рыцари „черной сотни“. Владельцы гостиниц, по слухам, собираются поднести благодарственный адрес представителям черного ордена, с покорной просьбой и впредь не оставлять их своей милостью.

— Посетителям публичной библиотеки, как известно, не выдаются те из русских книг, которые вошли в министерский index librorum prohibitorum (указатель запрещенных книг), а из иностранных — все те книги, которые входят в издаваемый комитетом цензуры иностранный список книг, запрещенных к обращению в России.

Запрещение это, после обнародования манифеста 17 октября, не имеет никакого основания, а между тем, насколько нам известно, никакого распоряжения, которым бы российскому гражданину разрешалось заглянуть в „святое святых“ библиотеки, до сих пор не сделано. Полагаем, что администрации публичной библиотеки следовало бы немедленно принять меры к тому, чтобы все без исключения книги богатого книгохранилища библиотеки выдавались всем желающим с ними ознакомиться. Ведь, время нелепых запретов на мысль и слово уже миновало.

— Самоуправство. Газетчики окраин Петербурга и даже таких мест, как Семеновский, Измайловский полк, Сенная площадь, Никольский рынок, Коломна, у Нарвских ворот, жалуются, что полиция бесцеремонно отнимает у них номера газеты „Новая Жизнь“.

— В некоторых киосках Пташникова 1-ый номер газеты „Новая Жизнь“ продавался без приложения, при чем продавцы на запросы публики отвечали, что они вынимают и уничтожают эти приложения, так как „там пишут бунтовщики“. Это приложение заключает в себе программу Социал-Демократической Рабочей Партии. Не может ли контора киосков Пташникова дать более осмысленную мотивировку своего насилия?

— Комиссия, избранная на предварительном совещании 22-х издательских фирм, состоявшемся 26 октября, приглашает все книгоиздательские фирмы Петербурга прислать своих уполномоченных на общее собрание, имеющее быть в понедельник, 31 октября, в зале общества технологов (Английский пр., д. 45), в 8 час. вечера. Предмет обсуждения — учреждение союза книгоиздателей для осуществления свободы печати по отношению к периодическим изданиям.

К погрому.

— В борьбе с погромами. Знаменитая комиссия, избранная петербургской думой для выработки мер к устранению предстоящего разгрома, 24 октября приступила к исполнению своей задачи. Помимо членов комиссии, в заседании участвовал архимандрит Михаил... Комиссия, как известно, представляет весьма любопытную смесь людей самых разнообразных направлений. При избрании своем комиссия, как на средстве борьбы, остановилась на чтении лекций, которыми предполагалось, повидимому, наставить на путь истинный черносотенцев и хулиганов. Эта мера, однако, подверглась резкой критике со стороны г. Оппенгейма. Выступив против этого, почтенный гласный заговорил по обыкновению весьма пространно. Раскритиковав все предложенные комиссией меры, Оппенгейм предложил более целесообразную: обратиться к православному духовенству. Далее он нарисовал картину действия духовенства: оно будет проповедывать в храмах и школах; будет устраивать процессии

Всеобщая политическая забастовка в Западной Европе.

(Историческая справка.)

Пролетарские социал-демократические партии начали образовываться в Западной Европе, когда известный минимум политической свободы имелся уже налицо. Для них, следовательно, речь шла уже о возможно большем расширении и упрочении народных прав и вольностей.

Если непосредственные, повседневные экономические интересы различных групп пролетариата — бесконечно разнообразны, то политические интересы его едины. Политическая борьба поэтому есть борьба по преимуществу обще-пролетарская, массовая. Вполне естественно, что в этой области западно-европейский пролетариат выдвинул и самую массовую форму борьбы — всеобщую политическую забастовку.

Последняя — явление относительно новое; Западная Европа познакомилась с ним лишь в последнем десятилетии истекшего века. За это время в различных странах Западной Европы произошло пять всеобщих политических забастовок. Все они ставили себе целью расширение и упрочение политической свободы, но имели различный успех.

* * *

Единственная страна, успевшая пережить за последние двенадцать лет две всеобщие политические забастовки, — это Бельгия.

Бельгийская рабочая партия первая в международной семье пролетарских партий прибегла к этому оружию в 1893 г. Целью всеобщей политической забастовки в этом году было завоевание всеобщего и равного избирательного права. Партия добилась значительного, но неполного успеха. Вторично бельгийский пролетариат выступил на этот путь борьбы в 1902 г. и потерпел полное поражение.

По бельгийской конституции избирательным правом пользовалась до 1893 г. лишь ничтожная кучка торгово-промышленной и землевладельческой буржуазии. Поэтому, когда молодая пролетарская партия подняла знамя борьбы за всеобщее и равное избирательное право, она встретила горячее сочувствие и поддержку в широких демократических слоях населения. Призыв к всеобщей политической забастовке был сделан генеральным советом партии накануне того дня, когда в палате депутатов должен был рассматриваться вопрос о расширении избирательного права. Целью забастовки было оказать мощное давление на буржуазию в лице ее тогдашнего представителя — палаты депутатов. Призыв подействовал как нельзя лучше, и на другой день торгово-промышленная жизнь замерла во всех больших городах и в промышленных центрах. Это был блестящий результат целого ряда

и т. д. По мнению оратора, на духовенство единственная надежда. Собрание, не очень требовательное, и к этому предложению отнеслось серьезно. Отец Михаил заметил, что достигнуть этого не трудно, ибо 36 священников, обратившихся недавно с воззванием, почтут своим долгом принять участие в умиротворении населения по системе, изображенной комиссией. Комиссия, однако, не удовлетворилась одной только этой мерой. Этого мало. Сидели, сидели и порешили, помимо проповедей, организовать собрания, в которых производились бы чтения на политические темы — т. е. вернулись опять-таки к чтениям. Комиссия упустила из виду два весьма существенных обстоятельства: во-первых, разгром назначен на 30-е число, а проповеди и лекции еще должны быть санкционированы думой, что последует, повидимому, не скоро, а во-вторых, пожелают ли черносотенцы и хулиганы посещать эти „митинги". В виду этого, для плодотворности деятельности комиссии я вношу к ее сведению следующие два предложения: 1) обязать всех черносотенцев и хулиганов посещать эти проповеди и 2) попросить этих рыцарей отложить разгром до тех пор, пока их зверские чувства сменятся голубиной кротостью.

Л.

— Родители учеников гимназии и реального училища К. Мая получили вчера следующее об'явление: „В виду восстания матросов и сухопутных войск, происшедшего сегодня, 27 октября, в Кронштадте и могущего переброситься в Петербург, нахожу опасным собирать завтра для занятий учеников в гимназии. Директор гимназии и реального училища К. Мая, В. Кракау". Он же извещал родителей учеников о начале занятий со вторника 25 октября, „но при этом считал долгом указать, что при общем возбуждении и раздражении одной части населения против другой он фактически бессилен гарантировать безопасность учеников не только вне стен, но и в стенах учебного заведения".

— Указание на то, что в организации погромов и в текущих событиях в Кронштадте принимали участие и представители офицерства („Нов. Жизнь" № 2), вызвало заявление в редакцию от 3-х морских офицеров в том смысле, что офицерский корпус в его целом ни в коем случае не мог принимать какого-либо участия в разгроме Кронштадта.

— Утром 29 октября к В. С. Смородину, проживающему на Петербургской стороне (Ординарная ул., д. 3-а, кв. 36), явился старший дворник и заявил ему, со слов околоточного, что в одну из ближайших ночей будут избивать „жидов", в виду чего и просил предупредить сестер Фарбер, снимающих у Смородина комнату, чтобы они немедленно переехали из этого дома. На вопрос квартирохозяина, куда именно они должны выехать и где они могут считать себя в безопасности, дворник ответил, что, по его мнению, „в другой губернии им будет лучше".

— В флотских экипажах. Почесть организации еврейских погромов принадлежала почти исключительно полиции. В настоящее время лавры ее, повидимому, воспламенили и чинов морского ведомства. По крайней мере 22 октября один адмирал в 18 флотском экипаже убеждал матросов, что все беспорядки в стране происходят исключительно благодаря „жидам", что последних следует беспощадно бить. Впрочем, надо отдать справедливость адмиралу,—он разрешил бить не только „жидов", но и всех, кто решился бы начать разговоры с матросами о политике. Адмирал при этом обещал полную безнаказанность нижним чин. Из 18 экипажа адмирал направился в 14-й с той же целью. Однако, здесь нашелся смельчак, который решился противоречить адмиралу. Разумеется, он был немедленно схвачен и посажен под арест.

— Флотский офицер г. В. 18 флотского экипажа ведет, как нам сообщают, среди солдат деятельную агитацию, рекомендуя матросам присоединиться к „черной сотне" и итти громить евреев и интеллигенцию.

— Евреи, живущие в районе Вознесенского проспекта, сообщили местному приставу о своих опасениях погрома со стороны „черной сотни", назначенного на 29 октября.

Пристав поклялся, что не даст обидеть ни одного еврея, подведомственного его участку. Снесясь по телефону с градоначальником, пристав заявил, что, по распоряжению ген. Дедюлина, в дома с особенно скученным еврейским населением будут отправлены несколько рот солдат для защиты от „черной сотни". Солдаты будут размещены по квартирам евреев, предоставивших для этой цели свои помещения.

Харчи ротам должны предоставить евреи. Последние приготовили уже все, чтоб встретить дорогих „гостей".

— 27 октября на Садовой ул. можно было наблюдать не безынтересную сценку.

лет пропаганды и агитации, энергии которых трудно найти что-либо равное в истории пролетариата.

Впервые в этой истории рабочий класс воспользовался орудием стачки против буржуазного государства. И, как это всегда бывает, когда пролетариат выдвигает новое средство борьбы, — как это было и в различных странах Западной Европы при первом праздновании пролетариатом 1-го мая в 1890 г.,—страх охватил правящую буржуазию и значительно парализовал ее волю.

Она ответила пролетариату обычными своими средствами—полицией, армией, тюрьмой, но все же предпочла пойти на уступки перед лицом массового движения, в результате которого ей уже рисовались ужасы социальной революции. Бельгийский пролетариат одержал победу наполовину: палата приняла всеобщее, но решительно отвергла равное избирательное право.

Борьба за уравнение политических прав возгорелась с новой силой и в 1902 г. Генеральный Совет партии снова призвал бельгийский пролетариат ко всеобщей политической забастовке. 300.000 рабочих ответили на этот призыв. Но бельгийская буржуазия, успевшая своевременно прочно оградить себя целым лесом штыков, взглянула на этот раз более спокойно на всеобщую политическую забастовку. Ужас перед возможностью социальной революции, о которой не помышлял пролетариат ни в 1893 г. ни в 1902 г., уступил место методической упорной борьбе против пролетарских требований. Борьба эта вылилась в целом ряде уличных стачек, унесших немало жертв. Победе правительства немало способствовало поведение либеральных элементов общества. Либеральные партии, сильно заинтересованные в переходе ко всеобщему избирательному праву в 1893 г., отнеслись сравнительно равнодушно к уравнению политических прав в 1902 г. Союз с либералами, к которому нашла нужным прибегнуть рабочая партия в 1902 г., значительно сузил размах пролетарской борьбы. Колебания либералов, фактический отказ выполнить существенные обязательства, взятые ими на себя при заключении союза, внесли деморализацию и в ряды пролетариата. Правительство победило; представителям пролетариата в палате депутатов не удалось добиться ни одной уступки. Поражение это ни в каком случае не было позорным. Забастовка кончилась по призыву Генерального Совета рабочей партии так же дружно, как и началась, и вся буржуазная пресса вынуждена была признать за пролетарской армией громадную стойкость и выдержку.

Поражение не заставило партию отказаться от всеобщей забастовки как орудия политической борьбы. Партия снова готовится к ней, расширяя свое политическое влияние в массах, укрепляя профессиональные организации пролетариата. На этот раз партия готовится выступить на борьбу совершенно самостоятельно.

Для завоевания всеобщего и равного избирательного права к всеобщей политической забастовке пришлось прибегнуть и пролетариату Швеции. Забастовка эта была организована и проведена Шведской Социал-Демократи-

Вокруг посыльного собралась толпа хулиганов, оживленно о чем-то беседовавших. По временам из толпы раздавался голос посыльного:

— „Господа православные, соединяйтесь, организуйтесь и тому подобное, об'единяйтесь, кто как может, ибо необходимо вырезать всех студентов, курсисток и жидов. В противном случае они захватят власть и устранят православную веру“.

Об ораторских талантах посыльного одним из свидетелей доведено до сведения прокурора С.-Петербургского окружного суда.

— В субботу 22 октября произошел следующий случай. К рабочему, выходившему из здания Соляного Городка одним из последних, подошел городовой и спросил:

— „Что тут за собрание было?“

— „А здесь сегодня было назначено собраться и поговорить о том, как интеллигенцию, студентов и других крамольников бить“, — ответил рабочий.

— „Что ты врешь! Это не здесь“,—вырвалось у городового.

— „А где же?“ — быстро спросил рабочий.

Но городовой этот вопрос не удостоил ответом.

Где же?..

Письма в редакцию.

М. г., господин редактор!

Просим вас поместить нижеследующее:

Мы, сознательные рабочие разных мелких мастерских городского района, не имеем права молчать перед такой наглой проповедью избиения студентов и евреев, и мы должны действовать, как и другие наши товарищи больших заводов, организовав отряд самообороны с целью не допускать никаких насилий над мирными жителями. Отряд готов выступить на защиту во всякое время днем и ночью, при первом нападении на мирных жителей со стороны черной сотни.

Мы просим всех сознательных рабочих присоединиться к нашему решению и дружно дать отпор черносотенцам.

Группа рабочих центрального района.

Вчера и сегодня петербургские газеты наполнены тревожными слухами о готовящемся 30 октября еврейском погроме в г. Петербурге. Мы не будем вдаваться в критику осуществимости такого предприятия в нашей столице. В настоящий момент для реакции нет ничего невозможного. Следовательно, 30 октября мы, как и всегда, должны быть на посту. Мы можем и должны противопоставить организации организацию же.

Цель настоящего письма просить Вас через посредство Вашего органа обратиться с воззванием ко всем рабочим г. Петербурга с приглашением быть наготове 30 октября, чтобы в самом начале подавить возможные погромы. Мы глубоко убеждены, по опыту 18 октября, что одна тень организованного отпора обратит в паническое бегство черных рыцарей издыхающего режима. Но, повторяем, мы должны быть на чеку, мы должны быть сорганизованы. Ячейки такой организации уже существуют: рабочие Путиловского, Лесснеровского и Невского судостроительного заводов уже образовали дружины для самообороны. Необходимо, чтобы местная социал-демократическая организация (Федеративный Комитет) или Совет Рабочих Депутатов взяли на себя распределение рабочих сил по местам. Крайне желательно самое широкое и своевременное распространение воззвания на всех фабриках и заводах. Уже одно появление рабочих в том же внушительном количестве, как это было 23 октября на Невском, способно предотвратить всякие попытки устройства погромов и избиений.

Группа читателей-товарищей.

Прочитав в № 6 газеты „Русь“ от 27 октября заметку о постановлении рабочих Обуховского завода выразить помощнику начальника завода полковнику Шеманову порицание за его нетактичное поведение в отношении инженера Школдина и о циркулирующих будто бы слухах о том, что рабочие Обуховского завода настоятельно требуют гласного разбора этого дела, я, инженер Школдин, в интересах истины, с своей стороны из'являю полную готовность на гласный разбор вопроса о причинах моего ухода с завода, о чем довожу до сведения рабочих и служащих Обуховского завода.

Инженер-технолог Ф. Школдин.

Адрес мой: С.-Петербург, Обуховский завод, д. 3, кв. 13.

ческой Партией как средство демонстрировать перед буржуазией силу партии. Для забастовки был заранее назначен определенный срок — именно те дни, в течение которых шведская палата депутатов должна была рассматривать вопрос о расширении избирательных прав. Забастовка оказала свое действие, и палата предписала правительству представить законопроект о всеобщем избирательном праве.

Однако, вождь шведской социал-демократии Брантинг сам признал, что в значительной степени пролетариат обязан был своим успехом тому, что шведская буржуазия была захвачена несколько врасплох, впервые имея дело с этим новым орудием пролетарской борьбы.

Тяжелым поражением окончилась попытка организовать всеобщую политическую забастовку в Голландии. Она носила скорее оборонительный характер. В январе 1903 г. голландский железнодорожный пролетариат провел победоносно свою частичную забастовку, а в следующем месяце напуганное правительство голландской буржуазии внесло в палату депутатов законопроект, коим предлагалось выделить железнодорожных рабочих из всей массы пролетариата и лишить их права устраивать стачки. По отношению же ко всему пролетариату законопроект предлагал лишить рабочих права ставить во время стачки свои караулы, долженствующие следить за тем, чтобы работы не возобновлялись помимо постановления самих стачечников.

Только $^1/_4$ часть голландского пролетариата обладает политическим избирательным правом. Борьба чисто парламентским путем против реакционных актов правительства заранее была обречена на безуспешность. И голландский пролетариат попытался противопоставить буржуазному правительству всеобщую политическую забастовку, выставив основным требованием неприкосновенность пролетарских прав. Забастовка эта не была достаточно подготовлена и возникла даже несколько неожиданно. В ответ на реакционный акт правительства бросил работу только железнодорожный пролетариат. Когда стало ясно, что правительство не только не склонно итти на уступки, но готовит железнодорожным рабочим самые жестокие репрессии, раздался призыв ко всеобщей политической забастовке. Пролетариат ответил на этот призыв, но отсутствие подготовки, отсутствие организации, недостаточная осведомленность широких пролетарских кругов и жестокие репрессии со стороны правительства и со стороны буржуазии обрекли этот пролетарский порыв на полную неудачу. Более 5.000 рабочих, из них 1.500 железнодорожников, было выброшено на улицу за участие в забастовке.

Последняя имела все же громадное воспитательное значение. Обострение и оголение классовых противоречий дало сильный толчек развитию классового самосознания и поставило перед голландским пролетариатом задачу создания прочной пролетарской организации, способной противостоять в решительный момент соединенным силам реакции. На первых же выборах в городские думы,

Из партийной жизни.

27 октября состоялось собрание выборгского отделения Совета Рабочих Депутатов. Присутствовало немного больше половины общего числа делегатов. На очереди стоял вопрос о взаимоотношении между Партией и Советом. Собрание 15 голосами (голосами только депутатов) против 1, при 3 воздержавшихся, приняло известную резолюцию Федер. Комитета социал-демократических организаций Петербурга, приглашающую Совет „принять социал-демократическую программу и стать в ряды Партии для дальнейшей борьбы". Выяснивши, таким образом, свое принципиальное отношение к этому вопросу, собрание приступило к обсуждению резолюции, внесенной представителем „меньшинства" в выборг. отд. С. Р. Д. и предлагающую делегатам не выходить из Совета, если он решит остаться учреждением беспартийным. Резолюция эта была принята большинством голосов. В виду такой постановки вопроса, была внесена новая резолюция, уже со стороны „большинства", гласящая: „Мы считаем для себя невозможным оставаться в Совете, признавшем себя беспартийным учреждением, но в то же время желающем играть роль политического руководителя рабочих масс". Резолюция была принята 9 голосами против 5. 2 товарища уже ушли.

— 26 октября состоялось 1 собрание (16 чел.) соц.-демократов с завода Парвиани, долженствующее послужить основной ячейкой легальной соц.-демократической организации на этом заводе. Был выбран заводский комитет, распределены функции.

— 27 октября состоялся общий митинг на металлическом заводе (Растеряева) на Выб. стороне, на котором единогласно была принята вышеупомянутая резолюция Федерат. К-та по поводу Совета Р. Д.

Из жизни рабочих.

Резво-Островская мануфактура.

Управляющий Резво-Островской мануфактурой акционерного общества Воронина, Лютш и Чешера, г. Петров, не позволяет производить рабочим выборы в Совет Депутатов; лиц же, агитирующих за избрание и устройство собраний, увольняет. Пока уволен Барулин, которому управляющий отказался выдать как заработок, так и плату за 2 недели вперед, заявив при этом Барулину: „За прогульные дни заявите тому комитету, куда ходите; мне ваша личность не нравится". Исполнительный Комитет при Сов. Раб. Депутатов предполагает собрать рабочих Резво-Островской мануфактуры в отдельном помещении для привлечения их к рабочей организации, а к акционерному обществу предполагает пред'явить иск о возмещении платы Барулину за 2 недели.

Ижорские заводы.

Рабочие ижорских колпинских заводов произвели выборы 10 депутатов в Рабочий Совет, а также предполагают образовать профессиональный союз рабочих металлического производства.

За Нарвской заставой.

В среду, 26 октября, 5 человек рабочих с Путиловского завода, возвращаясь домой по Екатерингофскому парку, запели „Марсельезу"; постовой городовой их остановил и запретил петь. Перестав петь, рабочие пошли дальше. На Сутугинской улице, что у Нарвских ворот, трое из них стали возиться, а остальные смотреть на эту забаву. Вдруг дворник из ближайшего дома подал свисток, соседние дворники повторили сигнал, и сразу из под-ворот одного дома появились казаки и налетели на рабочих.

Рабочие бросились врассыпную, одних колотили дворники, вооруженные кастетами, а некоторые даже револьверами, за другими погнались казаки.

Один увертывался от них до тех пор, пока не выбился из сил, а когда упал, то царские опричники стали хлестать его, пока несчастный снова не вскочил и не бросился снова бежать. Но палачи и здесь не оставили своей жертвы, догнали у какой-то лавченки и, ударив еще раз десяток, христолюбивые воины направились на других.

В это время дворники колотили остальных рабочих, которые защищались бутылками. Одному из дворников в этом побоище была проломлена бутылкой голова.

Особенно отличались дворники домов №№ 5 и 4.

имевших место вскоре после забастовки, сказался сильный рост числа сторонников социал-демократии.

Последняя всеобщая политическая забастовка произошла в Западной Европе в сентябре 1904 г. Это было в Италии. Забастовка эта разразилась внезапно, как протест против зверской стрельбы по безоружному народу в г. Костелуцци 15 сентября 1904 г. В тот же день всеобщая забастовка протеста охватила Сицилию и Милан. Призыв, сделанный Итальянской Социал-Демократической Рабочей Партией в ночь на 16 сентября, поставил на ноги всю рабочую пролетарскую Италию. Волнения длились шесть дней. Характерной особенностью этой забастовки служит то, что к ней примкнули очень дружно и сельскохозяйственные рабочие, в количестве 120.000 человек.

Громадны были воспитательные результаты этого грандиозного движения. Оно укрепило профессиональные и экономические организации итальянского пролетариата, значительно расширило пределы партии и вовлекло в пролетарскую политическую борьбу те слои пролетариата, которые до того времени плелись в хвосте различных буржуазных партий. На первых же парламентских выборах, последовавших за этим движением, обнаружился очень сильный рост числа сторонников социал-демократии. Она собрала 316 тысяч голосов вместо 165 тысяч, полученных ею на предыдущих выборах.

Как мы видим, западно-европейский пролетариат, прибегая ко всеобщей политической забастовке, не ждал от нее, как от таковой, каких-либо крупных результатов. Для него это орудие борьбы, взятое само по себе, есть орудие давления, орудие демонстрации. Расширить и упрочить политическую свободу, добытую в свое время с оружием в руках, или дать правительству отпор в его реакционных затеях — таковы цели, которые ставил себе западно-европейский пролетариат, прибегая ко всеобщей политической забастовке.

Располагающее громадными богатствами, мощным аппаратом репрессии, современное государство всегда легче выдержит временное прекращение торгово-промышленной деятельности, чем пролетариат. Но „революция" скрещенных рук представляет в руках организованного пролетариата несомненно сильнейшее средство давления и демонстрации своих сил. Перед лицом такой „революции"-забастовки — господствующий класс — или каста — никогда не откажется от своего господства во всем его целом; но такая „революция" может вырвать те или иные уступки, может заставить отказаться от тех или иных реакционных актов.

Таким образом, там, где политическая свобода уже завоевана, всеобщая политическая забастовка может послужить орудием расширения и упрочения ее.

Но всеобщая политическая забастовка не может решить — и не решает — дела в революционные периоды жизни общества. И в этом ее слабость.

И. Г-г.

— На Путиловском заводе среди чернорабочих организуется черная сотня. Говорят, что ее полиция вооружает и угощает. Черносотенцы не стесняются и громогласно заявляют, что, мол, „искореним крамолу", а „крамольников будем бросать в доменные печи". Наблюдаются уже теперь их проделки за Нарвской заставой; вчера они избили двух мирных рабочих возле конторы Путиловских заводов.

— На Путиловском заводе, по заявлению явившихся к нам рабочих, не принимают рабочих, уволенных за забастовку. Все освобождающиеся вакансии замещаются через контору по „особой рекомендации", главным образом, черносотенцами.

— В субботу, 22 октября, петербургская группа „Бунда" отправила в Путиловскую больницу венок для возложения на гроб жертв 18—20 октября с надписями на красных лентах: „Борцам за свободу", „Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России" („Бунд").

— 1-ое общество городских конно-железных дорог обязалось удовлетворить пред'явленные ему забастовавшими служащими требования. Обещание осталось невыполненным. 4-го ноября состоится собрание, на котором вновь будет поднят этот вопрос, и, в случае неудовлетворительного его разрешения, служащими вновь будет об'явлена стачка.

— Иск рабочих фабрики Лютш, Чешер и Воронин. Рабочие фабрики акционерного общества Лютш, Чешер и Воронин, в количестве 1.100 человек, подали прошение о взыскании с фабрики месячного заработка за время январской забастовки. Дело это разбиралось у мирового судьи 42 участка, который присудил взыскать в пользу рабочих по 32 руб. на каждого человека. Администрация фабрики, недовольная решением мирового судьи, передала это дело в мировой с'езд, который также присудил взыскать в пользу рабочих по 32 рубля.

28 октября дело это должно было разбираться в сенате, который рассмотрение его передал в департамент общих дел.

— Среди рабочих. 27 октября, вечером, в народном доме Нобеля состоялся митинг.

В собрании были подняты и разрешены ряд вопросов внутренней заводской жизни. Во время обсуждения этих вопросов в собрании появился г. Нобель и обратился к рабочим с речью.

В ней он советовал рабочим прекратить политическую борьбу и терпеливо ждать реформ, обещанных правительством.

При этом он указал как на предположение графа Витте предоставить несколько мест в Государственной Думе представителям от рабочих, так и на то, что амнистия всем политическим преступникам, повидимому, будет дарована. В заключение он высказал свой взгляд на 8-часовой рабочий день, к введению которого он отнесся безусловно отрицательно: борьбу за 8-часовой рабочий день он назвал делом „скверным и несправедливым". Первый из ораторов, отвечавших г. Нобелю, коснулся вопроса о Государственной Думе. Охарактеризовав ее как сделку царизма с капиталистами, он указал на то, что введение нескольких представителей от рабочих не меняет существа дела, а следовательно, и отношения пролетариата к Думе; в своей речи он высказал глубокую уверенность в том, что рабочий класс, сильный своим классовым самосознанием и солидарностью, не даст обмануть себя этим „избирательным правом".

Другой из ораторов, ссылаясь на речь г. Нобеля, подчеркнул постоянное стремление капиталистов отсоветовать, помешать рабочим заниматься политикой; он указал на то, что сами капиталисты в это время организуются в партии, и что пролетариат должен отвечать им тем же, т. е. создавать собственную политическую партию.

Такой партией, вполне строго и последовательно защищающей интересы пролетариата, как указал оратор, является социал-демократия. Оба оратора были слушателями встречены очень сочувственно.

Собрание закончилось обсуждением вопроса о черной сотне. Как на средство борьбы с нею, было указано на народную милицию; в качестве временных мер, указывалось на организацию боевых дружин, отмену запрещения носить и приобретать оружие.

— Собрание рабочих и служащих на телефонной станции. На-днях в верхнем зале телефонной станции состоялось смешанное заседание. Преобладали телефонные барышни и сюртуки. Президиум состоял исключительно из сюртучных людей. Рабочие были исключительно в задних рядах и несколько смущенно высматривали и еще смущеннее слушали речи служащих „в защиту рабочего класса". Мы нисколько не покушаемся на искренность защитников рабочих. Но думаем, что совместные союзы служащих и рабочих нежизненны и нежелательны. Каждая категория должна образовать свой союз. На телефонной фабрике находится 328 рабочих и 98 механиков, 300 телефонисток и 30 старших служащих. Рабочие должны организовать свой союз и примкнуть к союзу рабочих. Великое изречение Маркса, что „освобождение рабочего класса только может быть делом рук самих рабочих", необходимо проводить в жизнь.

Подробный отчет о заседании в следующий раз. На собрании принята следующая резолюция:

„Сложное и обширное дело телефонных сообщений, в котором заинтересованы не только абоненты, но и все население города, в настоящем своем состоянии не может считаться стоящим на надлежащей высоте и не удовлетворяет потребностям населения ни по своему развитию, ни по действию, ни по техническому совершенству.

„Не входя здесь в расследование причин этого печального явления и признавая, что нравственная ответственность в деле, в котором мы все работаем, отчасти ложится на каждого из нас, мы заявляем, что, по нашему мнению, только полная реорганизация всего строя предприятия, условий его развития и эксплоатации на автономных началах с предоставлением руководительства выборному совету от служащих и от городского самоуправления может поставить его на надлежащую высоту.

„Вместе с тем, собрание высказывается, что извлекаемые из предприятия доходы должны быть, согласно обещанию городского самоуправления, при приемке сети, исключительно обращаемы на усовершенствование самого предприятия и на улучшение быта служащих".

— Среди рабочих печатного дела. 26 октября, в помещении технического общества, состоялось собрание рабочих печатного дела типографий: Вольфа, Гаевского, словолитни Лемана и переплетной Кирхнера. Собрание было созвано бюро союза рабочих печатного дела для улаживания конфликтов, возникших между рабочими и хозяевами на почве последней политической забастовки.

Из доклада рабочих выяснилось, что в словолитне Лемана (работает 130 человек, в том числе много женщин) в текущем году было 5 забастовок. Последние две были политического характера. Участие лемановских рабочих в последней всеобщей забастовке не на шутку испугало хозяина, особенно когда ему стало известно, что большинство рабочих принадлежит к союзу рабочих печатного дела. Леман „пред'явил" рабочим требование выйти из союза, организовать свой союз при содействии хозяев, обещал субсидию и брался выхлопотать рабочим для этого „отеческого" союза штрафной капитал. „Бросьте политику, вы получили свободу слова, собраний, организуйтесь в рекомендуемый мною новый союз, иначе я сам вступлю в союз хозяев-типографов", убеждал Леман рабочих.

На все заигрывания Лемана рабочие ответили категорическим отказом, заявив при этом, что они из союза не выйдут и действия будут согласовывать с постановлением союза и Совета Рабочих Депутатов.

„Но раз вы, г. Леман, называете нас гражданами, то поступите с нами, как с гражданами, а не рабами. Мы требуем отмены обысков, штрафов и ограничения приема чернорабочих, которыми часто пользуется хозяин, выбрасывая на улицу квалифицированных рабочих". Обыски отменены, а на остальные требования хозяин должен был дать ответ вчера, в пятницу, 28 октября.

— На переплетной и картонажной Кирхнера (около 500 человек рабочих, большинство женщин) хозяином удалены с фабрики рабочие депутаты, руководившие последней политической забастовкой.

В своих речах рабочие нарисовали безысходно тяжелую картину положения рабочих у Кирхнера. Не говоря о своеобразной атмосфере в женских отделениях, создаваемой мастером и заведывающим штатом, на фабрике введены обязательные в течение целого года сверхурочные работы, оплачиваемые по обыкновенной расценке. При несогласии исполнять сверхурочные работы, рабочим выдается расчет. На собрании обсуждался вопрос, как возвратить уволенных товарищей: Афанасьева, Зво-

нова, Рейнберга, Павлова и Баранова. Собрание поручило бюро союза печатного дела и Совету Депутатов вступить в переговоры с хозяином цо поводу обратного приема уволенных. В случае несогласия Кирхнера, прибегнуть к бойкоту его товаров и, как крайнее средство, устроить забастовку.

— В типографии Вольфа после прекращения политической забастовки возникла частичная экономическая. Из 350 человек рабочих забастовало 200 человек (два отделения—цинкография и наборное не примкнули). По предложению бюро союза, забастовавшие рабочие стали на работу и ждут к 28 октября ответа от хозяина на свои требования: установление 9-часового рабочего дня, увеличение расценок и установление годового праздника.

Бюро союза, исходя из того положения, что рабочие должны готовиться к новой всеобщей забастовке, рекомендовало воздерживаться от частичных забастовок. По вопросу о забастовке у Вольфа, собрание решило передать его решение союзу рабочих.

— В типографии Гаевского уволен рабочий депутат Ментус за участие в политической забастовке. По этому поводу собрание не могло выработать детальных действий до собрания подробных справок и назначило на 28 октября, в 8 часов вечера, собрание рабочих фабрики Гаевского.

— В бюро союза рабочих печатного дела 20 октября поступило следующее заявление: „Мы, литографские рабочие, присоединились к московским товарищам и пред'явили к своим хозяевам еще и экономические требования. Бастуем уже 3 недели. Просим вас поддержать материальными средствами, так как мы уже нуждаемся в помощи". Бастующие литографий:

у Хаймовича	150	чел.
„ Веферса	150	„
„ Киббеля	100	„
„ Шварца	80	„
„ Лапинера	70	„
Всего	550	чел.

Бюро немедленно приступило к обследованию вопроса и организации помощи. В последнем примет участие и Совет Депутатов.

— Примирительное бюро послало своих членов в типографии: Фарберга, Яблонского, Сойкина, Пионтковского, с требованием обратного приема уволенных рабочих за политическую забастовку. Подробности переговоров будут сообщены.

Судебная хроника.

Дело о членах „Центрального комитета армянской самозащиты".

В последнем заседании уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената слушалось дело Назаретянца, Тер-Григорьева и Кеворкова, обвиняемых в государственном преступлении. Эти лица были преданы суду тифлисской судебной палаты по обвинению в том, что в начале 1904 года вступили в сообщество, присвоившее себе наименование „Центрального Комитета Армянской Самозащиты", зная при этом, что таковой поставил себе целью своей деятельности ниспровержение существующего в России государственного строя. Независимо от сего, Назаретянц был предан суду по обвинению в том, что, состоя в означенном преступном обществе, он, во исполнение постановления названного армянского революционного комитета, по предварительному соглашению с другим лицом и с заранее обдуманным намерением, лишил жизни 10 марта 1904 года, в городе Акалцихе, секретаря местного духовного правления, Назарьянца, нанеся ему 17 ран. Вместе с ним и другие два были преданы суду по обвинению в том, что, не принимая непосредственного участия в этом, они, уже после совершения его, принимали меры к сокрытию Назаретянца от правосудия, зная об учинении им сего преступления, при чем один устроил с этой целью помещение в Тифлисе, а другой дал ему свой паспорт. Тифлисская судебная палата, рассмотрев это дело, признала пред'явленное к подсудимым Назаретянцу и Кеворкову обвинение доказанным и приговорила первого к ссылке в каторжные работы на 6 лет и 8 месяцев, а второго—к заключению в крепость на один год; Тер-Григорьева палата оправдала. Правительствующий Сенат приговор палаты утвердил.

Иностранный отдел.

Революционное движение в Австрии.

Кровавое воскресенье в Праге.

Воззвание к пражским рабочим с предложением собраться в воскресенье на улице „Am Graben" для обсуждения требования всеобщего избирательного права подняло весь пролетариат Праги.

Около половины одиннадцатого утра огромный Wenzelsplatz походил на море голов — рабочих было не менее пятидесяти тысяч. Три большие стройные колонны двинулись с красными флагами с Graben'a к Landesmuseum, а оттуда они повернули обратно и медленным темпом пошли обратно с пением революционных песен. Послышались возгласы: „Да здравствует всеобщее избирательное право! Да здравствует демократия!"

Прошел целый час без инцидентов.

Демонстрация протекала мирно, но полиция сама вызвала столкновение: она двинулась против течения толпы и загородила ей путь. Что же оставалось делать толпе? Столкновение стало неизбежным. Толпа продолжала двигаться вперед. Вдруг началась свалка с криками, свистом; полиция обнажила шашки и врубилась в толпу. Народ пробовал защищаться. Многие бросились бежать. Молодежь подбирала камни и отвечала на нападение. Произошла паника. Раненым с трудом удавалось выбираться из толпы, многие падали.

Во время свалки раздались выстрелы. Некоторые очевидцы и полиция утверждают, что стреляли какие-то три суб'екта, которые тотчас же убежали. Полиция озверела. Толпа, спасаясь, бросилась на соседние улицы, но полиция преследовала ее и продолжала рубить направо и налево. В убегающую толпу стали стрелять. Весть о стрельбе молнией облетела весь город. Начали вооружаться. Новые толпы устремились на Graben. Число жертв еще не выяснено, но раненых не менее 100. Один семнадцатилетний рабочий убит.

К концу свалки пришли войска — драгуны, пехота и стрелки. К часу Wenzelsplatz, Graben и прилегающие к ним улицы были оцеплены войсками.

Эти события не могли не отозваться на настроении города. На улицах начали собираться группы, везде происходили столкновения с полицией. Ожесточение увеличивалось с каждой минутой. Начали срывать орлы с казенных зданий, вырывать железные прутья с окон для обороны.

Революционное возбуждение охватило все слои пролетариата.

Вечером, в праздник годовщины сражения на Белой Горе, устроенный рабочими националистами, явилось несколько тысяч рабочих социал-демократов. Обсуждались утренние события. Ораторы говорили о вооруженном восстании. Когда участники митинга возвращались в город, опять произошел целый ряд кровавых столкновений; избивали прикладами или же арестовывали. У многих арестованных нашли оружие. Среди раненых много детей и женщин. Арестовано до 180 человек.

На другой день продолжались схватки, снова многие были ранены. Вечером город был осажден войсками и напоминал поле битвы. Отовсюду стянуты войска.

Спектакли и концерты были прерваны, публика потребовала марсельезу. Около пяти часов вечера на Karlsplatz собралась толпа. Внезапно распространился слух, что туда направляются войска. Мигом были сооружены баррикады, загородившие улицы. Полиция пыталась разрушить их, но была отбита толпой.

Что делается в России? Куда она идет? Какие ужасы ждут ее? Какие пожары грозят перекинуться на ее соседей? Социалисты, анархия, новое нашествие варваров или успокоение? „Мирную“ жизнь и порядок принесет революция? Чего желать — сильной власти, крутых мер, стрельбы, ежовых рукавиц для недозрелого народа и крайних партий, или лайковых перчаток европейски либерального правительства? Вот вопросы, которые ставит и на которые не находит ответа европейская буржуазная пресса. Традиционное незнакомство с политической жизнью России, незнакомство, культивированное русской официальной и подцензурной прессой, снова обнаруживается во всей силе. Призывы к терпению и доверию за последние дни стали раздаваться реже. Либеральные органы, не говоря уже о радикальных, начинают помнить, что время торжества принципов гражданской свободы в России еще не наступило. Отзывы о текущих событиях в России, поражавшие своей чрезмерной определенностью в первые дни после манифеста, теперь бледны и расплывчаты. Только социал-демократическая пресса, сразу заявившая, что без гарантий, обеспечивающих отвоеванные свободы, не может быть речи о новом режиме, удерживает свою позицию.

„Berliner Tageblatt“ предполагает, что Россию ждет республика или военная диктатура. „Мы не можем предвидеть, — говорит газета, — по какому пути пойдут двинувшиеся массы. В одном только мы можем быть пророками — манифест не конец народного движения, а только начало конца; Россия идет навстречу времени, равному по своим ужасам величайшим катастрофам всемирной истории. Витте — еще не спаситель новой России, точно так же, как Трепов не последний защитник абсолютизма“.

Последнее несомненно верно: мы знаем это, даже не обладая даром пророчества.

Польша и Литва.

— В Варшаве на-днях состоялось примирительное совещание представителей Польской Социалистической Партии (P. P. S.) и польских социал-демократов, на котором решено, в виду очень важных событий дня, действовать совместно, выставив на первом плане требование полной автономии Польши, как minimum политических требований. Ходят упорные слухи, что вопрос об автономии Польши в настоящее время разрабатывается правительством, и что он встречает сильное противодействие со стороны представителей старого режима.

— В Лодзи и в Сосновицком округе забастовка продолжается. Среди горнорабочих замечается приподнятое настроение. Экономические требования их до сих пор не удовлетворены. Газета „Górnik“ (Гурник), орган социалистической партии, выходит аккуратно. В Лодзи были попытки произвести еврейский погром, но они встретили энергичный отпор со стороны организованных рабочих, которые об'явили, что будут всех провокаторов и хулиганов обливать бензином или керосином и сжигать.

— Среди литовцев-крестьян Россиенского и Тельшевского уездов Ковенской губернии идет усиленная социалистическая агитация; в деревнях устраиваются многолюдные собрания. Близость прусской границы, особенно Тильзита, где, главным образом, издаются литовские журналы и газеты, сильно способствует этому.

Избиение младенцев.

Признанная манифестом „неприкосновенность“ личности находит себе прекрасное подтверждение в образе действий блюстителей порядка гор. Варшавы. Так, 20 октября чины полиции, пользуясь любезными услугами воинских частей, произвели дикое избиение опасных для государства преступников. Приводим список убитых и раненых в славном деле нашей славной армии и обращаем внимание читателей на возраст пострадавших:

Ранены:
Шлема Федер, кожевник 19 лет.
Андрей Радзшевский, ст. пол. инст. 18 лет.
Болеслав Зогурский, ст. пол. инст. 21 год.
Иозеф Витковский, уч. 11 гимн., 13 лет.
Станислав Штанде (мать убита), 7 лет.
Иосек Вейнберг, 12 лет.
Хаим Вайнштейн, 12 л.

Убиты:
Станислава Здунковска, 16 лет.
Бронислава Смиетановска, 18 лет.
Неизвестная еврейка, около 18 лет.
Верек Амбарас, 15 лет (убит в 3 ч. дня патрулем на Королевской улице).
Мария Голенбовска, 16 лет.
Шмуль Надер, 18 лет.
Перин Боров, 18 лет.
Абрам Винчик, 14 лет.
Янкель Воловскура, 16 лет.
Шимон Бринка, 14 лет.
Лейзор Люксенбург, 16 лет.
Хаскель Ферштейн, 16 лет.
Шлема Желиховер, 13 лет.
Израиль Бран, 19 лет.
Вениамин Рабинович, 20 лет.
Хаим Вахольдер, 14 лет.
Иошуа Зельцер, 14 лет.
Иохер Флашенберг, 17 лет.
Малке Клепфиш, 16 лет.
Гецель Школьник, 17 лет.
Исаак Эдельман, 15 лет.
Петр Винченко (православн.), 17 лет.
Георгий Мелцлер (учен. V гимн., сын жандарм. полк.), 17 лет.

Областной отдел.

Октябрьские дни в Одессе.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Напрасно будет ждать Россия от одесской прессы ответа на вопрос: кто и как организовал октябрьский погром?

По окончании кровавой бойни градоначальник Нейдгарт призвал представителей печати и сказал им приблизительно следующее: „Надо предать забвению все, что было... Если вы начнете копаться в подробностях, искать виновников, — вновь разгорятся страсти, и я не ручаюсь за спокойствие“.

— Молчи, или вновь выпущу на улицу хулиганов...

Первый митинг в Новороссийском университете состоялся в воскресенье, 10 октября, и привлек тысяч до 12 народа. В четверг забастовала железная дорога. На субботу в университете были назначены студенческая сходка и железнодорожный митинг. Общий митинг был назначен на воскресенье.

Но в субботу с утра университет уже был наполнен рабочими, приказчиками и учащеюся молодежью. Ходили рассказы о бойне, устроеной в тот день полицией на Канатной улице, у частной гимназии. Гимназисты и гимназистки пришли „снимать“ товарищей и „были рассеяны холодным оружием“, т. е. нагайками и шашками. Тяжело ранен студент, искалечено несколько человек детей.

В этот день в университете перебывало до 20.000 человек, говорили десятки ораторов о всеобщей политической забастовке, распространялись призывные листки Одесского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, по городу кое-где ходили партии „с'емщиков“. Большинство ораторов социал-демократов призывало рабочих и интеллигенцию от столкновений с властями воздерживаться, при встрече с войсками рассеиваться, а затем вновь собираться и продолжать „с'емку“. На утро ожидался грандиозный митинг. На митинге выступало несколько солдат, унтер-офицеров и один офицер. Но к 7 часам утра в воскресенье университет уже был оцеплен войсками: пропускали только студентов.

Подходившие к университету толпы направлялись оттуда на Преображенскую улицу и скоро заняли все тротуары этой и соседних улиц. Часов в 12 начали закрывать магазины и останавливать конки, снимать с извозчиков седоков. Остановленные вагоны конной железной дороги по традиции моментально были опрокинуты и положены поперек улицы. Отверстия между вагонами закладывались бревнами, появилась колючая проволока.

В постройке баррикад самое горячее участие принимала учащаяся молодежь приказчики, обыватели, женщины и дети. Ни одна из революционных организаций к постройке баррикад не призывала, но они росли сами собой на всех улицах, и их выросло больше десятка.

Появившиеся на улицах войска мирно демонстрировали, не мешая постройке баррикад. Пехоту народ встречал восторженными кликами, казаков — гробовым молчанием. Войска отвечали народу приветствиями, в одном месте после речи к солдатам оратора-рабочего началось братанье между солдатами и народом, с поцелуями и об'ятиями. Но на углу Успенской и Ришельевской уже шла стрельба; уже лилась народная кровь. Без выстрела со стороны толпы, на ее братские приветствия — казаки ответили залпом, и на месте остались восемь человек. Загремели залпы и на других улицах: на Еврейской, Преображенской. Убито 15, ранено до 100 человек. Саперы отказались было стрелять в безоружную толпу, но по команде начальства драгуны прицелились в саперов, и те дали залп.

В другом месте даже казаки отказались исполнить зверский приказ своего офицера.

В этот день вечером на заседании думы решено было учредить при городском голове совещательную комиссию из представителей думы, разных общественных союзов и рабочих организаций. После заседания думы ночью состоялся в городском здании народный митинг.

В понедельник состоялось заседание комиссии. Явившиеся туда представители 3-х с.-д. организаций („Бунда“, „Комитета“ и „Группы“ Р. С.-Д. Р. П.) заявили, что пришли только для ознакомления с характером комиссии, войти же в нее до получения соответствующих полномочий от своих организаций не могут.

Примеру с.-демократов последовали социалисты-революционеры и с.-сионисты.

Интересен и состав комиссии: городской голова, человек 5 гласных, 3 представителя союза городских служащих, 3—врачебного, 2—адвокатского, 2—академического, 1—от коалиционного совета, 1—от ветеринаров, 1—от еврейского союза, 1—от еврейской самообороны, 1—от союза равноправия женщин и т. д. Когда поставлен был вопрос о количестве представителей, то всем союзам дали по 2—3 голоса, а с.-демократическим организациям ни за что не хотели давать больше одного и так ни до чего не договорились. Кроме конституирования, так и незаконченного, комиссия успела разрешить только один вопрос—об участии в похоронах жертв воскресной бойни, при чем все собрание больше часу упрашивало гор. голову г. Крыжановского принять участие в процессии.

На утро у еврейской больницы, откуда должны были начаться похороны, начали собираться толпы, но оказалось, что трупы ночью были украдены полицией и уже погребены. Во дворе больницы состоялся митинг, и в этот день забастовка сделалась всеобщей, везде были распространены воззвания всех с.-д. организаций.

Часов в 11 стал известен манифест 17 октября. Начали собираться толпы у думы и университета. Десятки тысяч рабочих и других граждан ходили по городу с красными знаменами. Около университета толпа смешалась с двумя ротами солдат и оттуда двинулась к Херсонскому участку освобождать заключенных.

Оттуда пошли к Портовому участку, потом к Бульварному, к Александровскому и к тюрьме. Все арестованные административным порядком были освобождены без столкновений. Над университетом и думой развевались красные знамена, десятки их двигались с густой толпой по улицам, развевались над дрожками, в которых ездили ораторы и забастовщики по заводам, приглашая всех примкнуть к забастовке. Всюду пение революционных песен, возгласы, об'ятия и речи. Вот оратор, прочтя манифест, констатирует уступку правительства, указывает на то, что правительство хочет мира, но „мы — заканчивает оратор,—не японцы, нам не нужен союз с виновниками еще недавних жертв, и мы не пойдем на мир, пока не добьемся того, из-за чего боролись: Учредительного Собрания и всеобщего, равного, прямого и тайнаго избирательного права“.

На углу Ришельевской и Еврейской, где была в воскресенье баррикада, оратор приглашает проходящие толпы поклясться пролитой на этом месте кровью, что они будут до конца бороться, пока не добьются того, за что положили кровь павшие товарищи.

Такого дня, такого ликованья, такого праздника Одесса еще не видала...

Но она и не подозревала, что на окраинах уже начинается погром, что там уж раздаются вопли и крики о помощи ограбленных и насилуемых. Погром начался на Дальнике и разгорался с ужасающей быстротой.

Рабочие и студенты, у кого было оружие, бежали туда, где начался погром, бежали защищать граждан, только что получивших неприкосновенность личности, бежали с револьверами, с ножами, с дубинами, с железными прутьями...

А в думе заседала комиссия общественной безопасности и обсуждала текст воззвания к народу. Час шел за

часом; в комнату заседаний врывались рабочие и студенты, чиновники и приказчики, вопили о помощи, рассказывали ужасающие подробности: а комитет заседал и обсуждал, дебатировал редакцию воззвания: „самодержавный режим“ или „бюрократический строй“ и т. д.

Воззвание, правда, было довольно радикальное: Учредительное Собрание, всеобщее, равное и т. д. избирательное право, милиция, удаление казаков, разоружение полиции и т. д. Но комиссия в конце концов печатать воззвание не решилась, и представители с.-д. организаций, конечно, окончательно ушли из комиссии.

А погром разрастался. Стрельба не смолкала.

(Окончание следует.)

Ростов-на-Дону.

(Корр. „Новой Жизни“.)

18-го октября, в день получения манифеста, решено было отпраздновать его закрытием магазинов и молебном. К 12 час. дня на Б. Садовой ул. собралась толпа в несколько десятков тысяч человек. Отсюда толпа двинулась по направлению к Государственному Банку, где был взят портрет Александра II в память освобождения крестьян. Публика встретила портрет криками „ура“ и двинулась дальше. На углу Малого пр. выступил оратор с речью, в которой напомнил, что товарищи, которым обязаны этим манифестом, томятся в тюрьмах, и предложил отправиться к заводу „Аксай“, соединиться с рабочими и двинуться оттуда на тюремную площадь, чтобы требовать освобождения заключенных, не останавливаясь даже перед силой. Предложение было принято с энтузиазмом, толпа двинулась к заводу. В Нахичевани произошла встреча обеих манифестаций, еще более поднявшая настроение. Здесь выступили с речами г-да: Сватиков, Иоф, Коган, д-р Ладыженский и оратор Донского Комитета. К тюрьмам шли с пением „Дубинушки“, „Марсельезы“. Здесь процессию уже ожидали казаки и солдаты. Тем не менее они совершенно не вмешивались все время, пока ораторы произносили речи.

Собрание решило отправить к градоначальнику, находившемуся в тюрьме, депутацию с просьбой освободить заключенных. Просьба была удовлетворена частично — выпустили 21 человек; относительно остальных градоначальник обещал снестись с Петербургом и выпустить их на следующий день. В 5 час. вечера собравшиеся увидели, что по направлению к трибуне движется толпа и казаки. Публика, предполагая, что это свои, радостно встретила их, как вдруг раздался залп. Мигом все разбежались, оставив на месте лишь трупы убитых — взрослых и детей; между прочим, убита тов. Рейзман, говорившая на митинге.

Выяснилось, что с казаками приблизились черносотенцы. Они же на обратном пути начали разбивать еврейские магазины. В городе началась паника. К 7 час. вечера вся Садовая покрылась массой бегущих, неизвестно куда, людей. Моментально организовалась самооборона — к сожалению, слишком незначительная, — человек в 150.

В 8 час. черносотенцы явились на Новый базар, в каких-нибудь полчаса разграбили все лавки. Отсюда они двинулись на Московскую улицу, но встретили энергичный отпор со стороны самообороны; в результате, со стороны хулиганов оказалось, как говорят, убитыми чел. 15—20 и около 100 раненых. Самооборона держалась так с 8 ч. вечера 18-го до полудня 19-го, когда явился отряд полиции и казаков, давший залп по самообороне. Со стороны обороняющихся оказалось 3 убитых и 12 раненых. Оборона отступила.

Не встречая больше препятствий, хулиганы начали жечь и грабить исключительно еврейские магазины.

Уничтожив весь Новый базар, перешли на Московскую ул. Русские магазины остались нетронутыми, за исключением обувного магазина Антипова, подожженного из мести одним техником. Хулиганы его здесь же и растерзали. Во всем громадном городе, даже на окраинах, не оставили почти ни одного еврейского магазина или лавочки. В грабеже казаки принимали участие наравне с остальными хулиганами, и железнодорожным рабочим, образовавшим 19-го с небольшой кучкой солдат оборону, пришлось отбирать награбленное добро как у хулиганов, так и у казаков. К сожалению, и эта оборона оказалась не действительной, т. к. их рассеяли казаки, давшие, по команде офицера, несколько залпов. Среди рабочих оказалось несколько убитых. В то же время по Московской ул. шли, под предводительством городовых, хулиганы. Первые стреляли в оказывавших сопротивление хозяев и служащих, вторые — жгли и грабили.

Когда хулиганов спрашивали, что они делают, они отвечали, что действуют по приказанию начальства, которое велело им действовать так в течение двух дней.

Теперь прежде цветущий город представляет груду развалин. Страшно посмотреть. Неужели же об‘явленная свобода означает только свободу бесчинства администрации?

Во главе погромников стояли, как безусловно установлено, присяжный поверенный, гласный думы В. Севастьянов, с братом. В течение всего лета велась самая энергичная пропаганда в этом духе, темным портовым рабочим читались лекции, раздавались листки, брошюры и т. д. Все общество невероятно возмущено и требует предания суду главных виновников.

Уральские заводы.

Богословский округ Пермской губ.

Об‘явление высочайшего манифеста на Надеждинском рельсопрокатном заводе дало следующие результаты:

18 октября туда долетел слух о манифесте. Собравшаяся толпа рабочих, численностью 2000 — 3000 ч., подняв красные флаги, беспрепятственно манифестировала в продолжение нескольких часов по заводу до тех пор, пока не встретилась с другой, более многочисленной контр-манифестацией патриотов, выкинувших белый флаг. Произошло столкновение, все население завода в крайнем возбуждении бросилось на улицу, произошла свалка. „Красные“ или „горшковцы“ (по имени руководителя революционной демонстрации), теснимые патриотами, заняли здание бывшего клуба, превращенного недавно в народный дом, и очутились в осадном положении. В течение нескольких часов „горшковцы“ выдерживали осаду, но принуждены были сдаться и выдать врагам оружие. После этого 10 зачинщиков из их числа были арестованы и отправлены в тюрьму на Туринские рудники. Тут произошел неожиданный инцидент: полиция Туринских рудников освободила арестованных, ссылаясь на незаконность ареста. Узнав, что зачинщики на воле „белые“ пришли в ярость, и гнев толпы был усмирен лишь тем, что находчивый староста вызвался исправить действия полиции, предложив свои услуги для поимки выпущенных преступников. Ему в помощь толпой было командировано 25 чел. По мере того, как развертывались события, росли возбуждение толпы и необходимость найти выражение своего настроения в „активных действиях“. С этой целью часть „белых“ отправилась к заводоуправлению, где ею были жестоко избиты мелкие служащие и четверо заведующих цехами (в их числе Зарудный — брат известного адвоката — и Горшков). В атмосфере разгоревшейся вражды нарождались и росли чудовищные слухи, будто „горшковцы“ решили разгромить и сжечь весь завод. Поднялась невероятная паника, многие побросали свои жилища и бежали в соседние селения. „Белые“ затребовали через исправника у губернатора войска. Наумов, тот самый, которого водила по Перми толпа революционеров с красным флагом. В ожидании войск, заменяющим должность главноуправляющего заводом (г. Широких) была организована из отставных солдат „милиция“ и торжественно приведена к присяге (?).

К чести администрации завода надо сказать, что она решительно протестовала против вызова войск; главноуправляющий заводами (г. Владыкин) был в отсутствии. На чьей стороне был бы он, ясно из следующего факта: месяца 3 — 4 тому назад рабочие потребовали прекращения заводоуправлением выдачи средств на содержание полиции, которая держала себя возмутительно по отношению к рабочим. Владыкин взял на себя обязанность снестись телеграммой с губернатором; в результате было дано разрешение убрать полицию и образовать охрану из рабочих, выбранных самими рабочими.

Надо заметить, что эти беспорядки на Надеждинских заводах не есть что-нибудь случайное, стихийное; — глухое бро-

жение на Уральских горных заводах началось еще лет 5 тому назад, с тех пор оно идет, постепенно нарастая, принимает угрожающие размеры и приобретает политическую окраску и под влиянием социал-демократической литературы и агитации, которая охватила теперь весь Урал, перебросилась в район Зауралья.

Курск.

(Корр. „Новой Жизни".)

10-го октября началась забастовка в управлении М.-К.-В. жел. дороги, а также в мастерских, депо и на линии. 11-го октября забастовала губернская управа. Вечером, 11-го октября, начались в управе митинги с самыми крайними речами и резолюциями. Везде об'являлась забастовка политическая, и решено было не начинать работать до об'явления о созыве Учредительного Собрания. С самого начала каждой забастовавшей группой, как рабочих, так и служащих, избирался стачечный комитет. С 11-го октября стачечные комитеты об'единялись в „бюро забастовки", на обязанности которого лежало превращение последней во всеобщую, добывание денег на поддержание стачки и устройство митингов. 13-го октября официальная общественная жизнь в Курске почти совсем приостановилась.

На вокзале ежедневно устраивались железнодорожные митинги, в городе же коллегия управы после нескольких митингов заперла здание управы и обратилась к губернатору с просьбой охранять это здание от „улицы". Мы остались без помещения.

Была сделана попытка устроить митинг в общественном клубе. Собралось тысячи три народу. В зале все шло великолепно; но по окончании митинга, когда стали расходиться, черносотенная толпа избила помощника присяжного поверенного Котлярова.

18-го был опубликован манифест. На улице началось большое движение. Публика направилась к земской управе и члены ее, по приказу губернатора, открыли помещение. Начался митинг, который закончился лишь в 12 часов ночи. Часов с 8 вечера начался митинг в общественном клубе. Часть публики, выйдя из управы, направилась по улице с песнями марсельезы и, встретив казаков, освистала последних. Казаки стали бить публику нагайками, вследствие чего кто-то из публики сделал один выстрел из револьвера, и этим было положено начало еще большему избиению.

Избитые и очевидцы явились в клуб и требовали от собравшихся защиты. Собрание немедленно постановило послать депутацию к губернатору с требованием убрать с улиц казаков.

Одновременно с этими двумя митингами состоялось заседание членов стачечных комитетов, на котором постановили: не удовлетворяясь тем, что дает манифест, но, принимая во внимание, что уступка, сделанная правительством, довольно существенна, об'явить 19-ое октября народным праздником. Стачечные комитеты решили устроить в этот день грандиозную уличную демонстрацию и выбрали депутацию, которая должна была об'явить об этом губернатору и потребовать от него, чтобы в этот день на улице не было ни полиции ни казаков. После продолжительных переговоров с губернатором депутация получила от него согласие на то, чтобы ни войск ни полиции 19-го октября на улице не было.

В 12 часов дня 19-го октября от дома губернской управы началось шествие довольно большой толпы (7—8 тысяч человек) с красными знаменами, с музыкой и хором. Ко времени открытия шествия явился губернатор в сопровождении казаков. Ему указали на последних, тогда он махнул рукой, и казаки умчались. Губернатор сказал толпе, чтобы шли совершенно спокойно, что никто пальцем не тронет.

Оркестр заиграл марсельезу, и толпа с красными знаменами двинулась по Московской улице. Шествие вышло грандиозное. На каждом квартале останавливались, кричали „ура", пели революционные песни, пропели вечную память погибшим в борьбе за свободу. В окнах домов и на балконах было тоже много народу. Демонстрантов приветствовали. Не доходя одного квартала до Николаевской площади, обычного сборного пункта черной сотни и хулиганов, хулиганы встретили демонстрантов камнями; головная часть толпы дала несколько револьверных выстрелов, и хулиганы отступили. С криками „ура" манифестация продолжалась и благополучно дошла до конца Московской улицы — до Николаевской площади. Последняя оказалась буквально запруженной серым народом, из прилегающих к городу слободок. Авангардом этого серого народа была черная сотня.

Манифестанты остановились и стали перестраиваться для обратного шествия.

Знаменщики и оркестр заняли новые места, и манифестация двинулась обратно.

Вдруг посыпались камни. Некоторые манифестанты ответили выстрелами. Толпа заколебалась. Выстрелы участились. А через несколько минут манифестанты стали бежать, преследуемые черносотенцами и серым народом. Началось форменное избиение.

Громадное большинство явилось на манифестацию без оружия, поверив губернатору, что ни войска, ни казаков, ни полиции не будет, что войско, казаки и полиция будут спрятаны во дворах лишь на всякий случай. Оказалось, что манифестанты были обмануты: полиции и казаков не было, но зато была натравлена черная сотня, которая и сделала то, что ей приказали. Избиение было организованное: 1) избили врача В. И. Дожленкова, адвокатов фон-Агре, Аншельсани и барона Розена, заведующего оценочным отделением губ. управы М. В. Кумаринца, т. е. таких лиц, которые так или иначе были неприятны местной администрации; 2) избиение завершилось еврейским погромом, при чем магазины и дома русских тщательно пропускались; 3) когда на другой день черная сотня вздумала разграбить колбасный магазин, губернатор, присутствовавший при этом, отдал приказание не трогать, и черная сотня не тронула; 4) свидетельскими показаниями устанавливаются такие факты: казаки во все время погрома сопровождали громил, нисколько не препятствуя им; громилы выбрасывали из магазинов вещи, а казаки либо топтали эти вещи, либо брали их себе. По слухам, сегодня арестовано 30 казаков с награбленными вещами (часы и проч.).

Многие видели, как громил награждали деньгами от имени администрации. Сами черносотенцы говорят, что их хорошо напоили водкой да еще дали по рублю денег, и т. д. и т. д. Избив демонстрантов, черносотенцы отслужили молебен, в котором принял участие архиерей; после молебна черносотенцы с иконой и портретом царя отправились громить евреев, но прежде еще облобызались с несколькими казацкими офицерами и с начальником жандармского управления Вельком, последнего даже качали . . .

Редактор-издатель *Н. М. Минский*.

Издательница *М. Ф. Андреева*.

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 4

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 30 ОКТЯБРЯ
(12 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

В первой половине ноября начнет выходить большая социал-демократическая газета

„НАЧАЛО“

(в двух изданиях)

при ближайшем участии: П. Б. Аксельрода, М. С. Балабанова, Б. Б. Веселовского, С. А. Волькенштейна, Д. М. Герценштейна, Ф. Дана, В. И. Засулич, Н. И. Иорданского, Кольцова, Л. М. Клейнборта, О. А. Когана, А. М. Коллонтай, А. Е. Лосицкого, В. Львова, Л. Мартова, Мартынова, П. П. Маслова, П. Нежданова, М. Панина, Парвуса, Г. В. Плеханова, Е. Смирнова, Старовера (А. Н. Потресова), С. Н. Салтыкова, Ст. Струмилина, Н. Троцкого, В. Ф. Тотомианца, А. Ю. Финна-Енотаевского, И. Чернышева, С. Юшкевича и др. Из иностранных писателей обещали свое содействие: В. Адлер, А. Бебель, К. Каутский, Роза Люксембург и Фр. Меринг.

Наша газета — орган революционного пролетариата. Пролетариат России своей самоотверженной борьбой открыл нам поле свободного слова — мы свое свободное слово несем на службу пролетариату России. Мы стоим на почве программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Своею целью мы ставим вести вперед трудящиеся классы народа в революционной борьбе, не удовлетворяясь никакими уступками и пользуясь каждым приобретением, чтобы укрепить революционную армию и расширить революционные требования. Будить политическое сознание эксплоатируемых масс, установить между ними духовную связь и соединить с ними идейно всех честно чувствующих и смело думающих людей — вот наши средства борьбы.

Пролетариат России стал авангардом революционной социалистической армии всего мира. Являясь глашатаями российского пролетариата в его борьбе за свое освобождение, мы служим интересам угнетенных классов всего мира. Наша борьба находит отклик в их борьбе, а их борьба могучим откликом отзовется на наших революционных успехах. Да здравствует свободное слово!

Подписная цена с доставкой и пересылкой по России: на 1 год — 8 руб., на $^1/_2$ года — 4 руб., 3 месяца — 2 руб., на месяц — 75 коп.

Временный адрес редакции: Каменноостровский пр., 13, кв. 17.

Издатель *С. Н. Салтыков.*

Редактор-издатель *Д. М. Герценштейн.*

С.-Петербург.

30-го октября.

По поводу событий в Кронштадте.

По имеющимся сведениям трудно еще восстановить детальную картину событий в Кронштадте. Но несомненно, что мы имеем здесь дело с смешением восстания и погрома. Восстали матросы и солдаты крепостной артиллерии. Громили и сожигали город хулиганы, к которым, вероятно, пристали бессознательные элементы из числа восставших. Сознательные же повстанцы не сумели предотвратить разгром путем сильной и определенной по своим целям организации „бунтующих“ масс.

До сих пор грабежи, убийства и насилия над мирными жителями-гражданами были „патриотической“ привиллегией черных сотен. Революционеры только сражались с реакционными сторонниками старого порядка или оборонялись от нападения его защитников — полиции, казаков, войск. Мало того, в последнее время кровавые оргии черносотенцев, действующих под прикрытием полицейской и военной силы, заставили революционный пролетариат взять на себя защиту жизни, имущества и свободы граждан, т. е. охранение настоящего, а не полицейского порядка.

Так опровергла жизнь охотно распускаемые сторонниками старого полицейского самодержавного режима и столь пугавшие обывателей детские сказки о кровожадности революционеров, будто бы угрожающих имуществу и самой жизни мирных граждан. Если при народных волнениях, во время стачек и политических демонстраций и случались грабежи, пожары и убийства, то производились они всегда не революционными рабочими, а хулиганами и бессознательной частью толпы, большей частью по подстрекательству самой полиции. И усмиряли грабителей часто сами бунтующие рабочие.

Так было до сих пор и должно быть и впредь. Революционный народ должен твердо помнить социал-демократическое правило: борьба идет со строем, с порядками, с отдельными же лицами — лишь постольку, поскольку они защищают отживший вредный порядок. Дело революции, взятое на себя пролетариатом, — великое, святое дело освобождения всего народа, без различия классов, не исключая даже „черносотенцев“, творящих свои злодеяния не столько по злой воле, сколько по темноте и непониманию своих же интересов, чем пользуются подстрекатели из кучки насильников и эксплоататоров, желающих во что бы то ни стало сохранить выгодный им полицейско-само-

державный строй. Революционный пролетариат не может и не должен допустить, чтобы на его чистое и святое дело пала тень обвинений в насилиях над мирными гражданами. Поэтому при массовых действиях приходится иметь все время в виду не только своего непосредственного врага, но и тех „хунхузов“ из черной сотни, которые всегда готовы воспользоваться шумом борьбы, чтобы пограбить и понасильничать. Приходится организоваться не только для борьбы, но и для защиты мирных граждан.

Требования восставших в Кронштадте войск также в точности неизвестны. Но известен непосредственный повод восстания. Он лежит в поистине каторжных условиях жизни наших войск. Дурное питание, изнурительная служба, грубое и даже жестокое обращение начальства — вот где кроется непосредственная причина недовольства матросов и солдат. Правительство за солдатом все еще не признает прав гражданина. Все еще не понимает, что солдат прежде всего гражданин, который временно несет почетную обязанность—оружием защищать свое отечество от нападения извне.

В николаевские крепостные времена солдатская служба была, можно сказать, пожизненна: солдат служил 25 лет. Это был в полном смысле раб государства. Военную службу несли только крепостные крестьяне, „благородные“ же были от нее освобождены. И многие крестьяне предпочитали каторгу и даже смерть военной службе — таким мучительствам подвергали тогда солдат.

С тех пор воинскую повинность правительство сделало всеобщей и сократило срок службы до 4 лет, а для „образованных“ даже до 2. Но жестокая дисциплина, грубость обращения начальства с солдатами, побои — остались. Их только несколько ослабили. Осталось даже крепостное право офицеров по отношению к денщикам. Понятно, что при таких условиях солдату живется очень тяжко и теперь. И чем сознательнее становится русский народ, тем тяжелее ему переносить военную службу, превращающую его из человека и гражданина в бездушную вооруженную машину. Солдат, по существующему воинскому уставу, должен беспрекословно подчиняться приказаниям начальства и беспрекословно обращать свое оружие против тех, на кого начальство укажет, хотя бы это были его братья.

Нужно ли говорить, что это оружие слишком часто обращается против того народа, который посылает своих сынов в армию? Что армия в руках правительства и буржуазии слишком часто играла и играет роль орудия для подавления народной свободы?

Вот почему социал-демократия требует замены постоянной армии народной милицией. Каждый совершеннолетний гражданин, за исключением только физически неспособных к военной службе, должен уметь владеть оружием и проводить известное время в рядах народной милиции для обучения военному делу. Это даст стосорокамилионному народу России такую вооруженную силу, которой не сломить никакому внешнему врагу. В то же время это уничтожит военную касту, уничтожит казарму, столь напоминающую теперь тюрьму; уничтожит — и это самое важное — возможность для врагов народа покушаться на его свободу.

Итак, всенародная милиция должна заменить постоянную армию. Пока же за солдатами должны быть признаны все права свободных граждан свободной России.

Пропаганда действием.

Трудно сказать, кто явился автором этого анархического принципа: был ли он впервые выдвинут приверженцами анархизма в некоторых романских странах, теми политическими недоумками, свобода которых состоит в свободе от повелений логики и психология которых, во всяком случае, ближе к психологии буржуазии с ее индивидуалистическими капризами, чем к психологии пролетариата с его коллективной стойкостью; или же так охарактеризовали способ борьбы анархистов их противники, желая этим показать внутреннюю противоречивость их способа влияния на народные массы. Но как бы то ни было, „пропаганда действием“ стала на политическом жаргоне вполне определенным термином, обозначающим непременный атрибут анархизма.

Чудовищный принцип в действительности никогда и нигде не применялся систематически. Отдельные бессмысленные террористические акты в Западной Европе и Америке совершались от времени до времени отдельными лицами, относительно политических убеждений и партийной принадлежности которых никогда не удавалось установить что-нибудь определенное. Сама же анархическая партия может быть так названа только с большой натяжкой. В сущности „анархическая партия“ представляет собою некоторое внутреннее противоречие: анархисты больше всего боятся организации; их индивидуалистический пошиб не выносит коллективного действия, и дороже всего им „безумный красивый жест“ отдельно стоящего „героя“.

Серьезные революционные партии всегда и везде смотрели на „пропаганду действием“ как на бессмысленную и крайне вредную затею. В частности, революционные партии пролетариата в романских странах вели и ведут ожесточенную борьбу с анархическими тенденциями склонных к минутным увлечениям южных народов, и успехи этой борьбы ясно обнаруживались повсюду в дискредитировании анархизма как в теории, так и на практике.

Власти и правящая буржуазия не раз пытались сваливать ответственность за те или другие проявления „пропаганды действием“ на социал-демократию. Усердно старались они смешивать в одну кучу представителей революционного марксизма и кричащих героев революционной фразы. Но им нигде не удалось затемнить этим сознание пролетариата. Для сознательного пролетариата всех культурных стран ясна непримиримость учения борьбы классов с мишурными афоризмами индивидуализма, равно как непроходимая пропасть, лежащая между обдуманной и выдержанной массовой тактикой рабочей партии и спазматическими проявлениями личного революционизма.

„Mit geisitigen Waffen ist das rote Ungeheuer nicht zu bekämpfen“ — духовным оружием нам не по силам бороться с красным чудовищем (с социал-демократией), — сказал раз в припадке откровенности один из видных представителей консервативной партии в германском рейхстаге. Ценное признание! И это вынужденное долголетней социал-демократической агитацией признание, означающее полное банкротство буржуазной идеологии, сопровождалось взыванием к борьбе с „красной партией“ с помощью репрессий. Защитникам отживших и отживающих форм общественной жизни не по плечу „духовное оружие“, они сознают, что рисковано им состязаться с „красными“

на почве „пропаганды словом“, и из сомнительного арсенала анархизма они заимствовали себе негодное оружие „пропаганды действием“.

„Пропаганда действием!“ Таков без сомнения лозунг наших властей в их борьбе с освободительным движением русского народа. „Действия“ должны показать вред политической свободы. „Действия“ должны распространять идею самодержавной власти. „Действия“ черных сотен, организуемых и руководимых полицией и правительственными явными и тайными агентами и находящих постоянную защиту в войсках, эти „действия“ служат средством „пропаганды“ старого порядка.

Прием не совсем новый в русской правительственной практике. „Пропаганда действием“ составляла главное содержание политики еврейских погромов, изобретенной Плеве и проведенной с редкой систематичностью. На ужасах погромов, на резне беззащитных людей, на истязаниях детей и стариков, на изнасилованиях женщин должен был демонстрироваться русский народ. Зверем, которого необходимо держать на цепи, таким хотело русское правительство выставить русский народ перед культурным миром. Этим и только этим оно надеялось оправдать свое существование.

„Пропаганда“ не удалась. Слишком топорно устроено было тонкое дело. На первом же опыте, на Кишиневе, аляповатость организаторов „демонстраций“ выдала всю эту чрезвычайно важную „государственную тайну“. И все усилия правительства сохранить эту тайну не имели успеха. Документально и неопровержимыми свидетельскими показаниями установлено авторство погромов.

А дальше... дальше перестали стесняться. Открыто заявляли правительственные власти, что ответом правительства на антиправительственную демонстрацию будет еврейский погром, открыто устраивались эти погромы, открыто вербовались громилы, открыто они защищались силой „доблестного русского оружия“, открыто войска стреляли в самооборону. Но власти наши уважают „действия“. „Действия“ все-таки происходили. „Действия“ должны что-либо показать, ну, хоть вражду русского народа к евреям. И „действия“ одобрялись и вошли в элементы самодержавной политики.

Опыты повторялись и расширялись. Привлекались новые об‘екты для „пропаганды действием“. Армяне, грузины, а затем не побрезгали и коренными русскими, — земцами, студентами и интеллигенцией.

„Действия“ пропагандировали, говорили ясно и красноречиво, но говорили совсем не то, чего хотели „пропагандисты“. Они демонстрировали страшное чудовище, но этим чудовищем оказался не русский народ, а та кучка его угнетателей, которая ценой его позора хотела купить себе право на дальнейшее его угнетение.

И об‘ятый ужасом встал русский народ с пролетариатом во главе. Могучим натиском на врага он вырвал у него первую позицию. А враг, видя, как победитель собирается укрепить отвоеванную позицию, пустил в бой весь свой арсенал привычного ему оружия—„пропаганды действием“.

На всем протяжении России запылал пожар: грабят, жгут, убивают, зверски истязают; тысячи жертв, стон и крики ужаса стоят в воздухе... То „пропагандисты“ распространяют идею самодержавной власти, не слабым человеческим словом, а „действиями“; то демонстрируется русский народ; то обосновывается благотворность старого порядка.

И эти „действия“ покажут...

Д-он.

Полемика.

„Сын Отечества“ открыл поход против „Новой Жизни“. Пока это не идейная борьба. Почтенный собрат из другого лагеря прибегает к довольно затасканному приему полемики — набрасывает тень на литературную этику сотрудников „Новой Жизни“. В № 217 „Сына Отечества“ находим целых два выпада против нашей газеты.

Г. Пешехонов обрушивается на напечатанную в № 1 „Новой Жизни“ мою статью „«Большинство» и «меньшинство»“, усматривая в ней „инсинуацию“ по адресу редактора „Русского Богатства“. Г. Пешехонов так рассержен этим, что даже лишает нас своего милостивого привета по поводу выхода газеты в свет.

Относительно той части статьи, которая так задела г. Пешехонова, он „должен заявить, что сказанное... — неправда“. Что же, касающееся г. Пешехонова и его единомышленников, я сказал? Я говорю, что „либералы в период своей политической весны — при Святополк-Мирском — не смели и заикнуться о Всенародном Учредительном Собрании и лепетали нечто, не весьма вразумительное, об «участии представителей населения»“. Быть может, г. Пешехонов, вы станете утверждать, что это-то и есть неправда и инсинуация? Но г. Пешехонов благоразумно замалчивает мое принципиальное положение и предпочитает перейти, так сказать, к протокольно-полицейской стороне дела — к примеру, которым я иллюстрирую свое положение.

Из всех банкетов, происходивших прошлой осенью в Петербурге, я выбрал банкет 14 декабря 1904 г. потому, что это—единственный либеральный банкет, на котором я лично присутствовал, и потому, что на нем наиболее резко сказался политический оппортунизм даже наиболее радикальных слоев буржуазной интеллигенции. Я не назвал банкета и имени „маститого редактора“, так как это не имеет никакого значения для дела. Важно было лишь указать, что „маститый редактор“ стоит в первых рядах буржуазной интеллигенции.

Разберем же „протокол“ банкета, составленный г. Пешехоновым. Председательствовал не Н. Ф. Анненский, а г. Кедрин. Признаю правильность этой поправки. Но разве она меняет дело? Ведь г. Кедрин был только, так сказать, подставным председателем, а действительное руководство банкетом принадлежало вовсе не ему. Этим, конечно, и об‘ясняется, почему из моей памяти изгладилась фигура г. Кедрина, и, наоборот, так резко врезалась фигура Н. Ф. Анненского и его сотрудников, протестующих против внесения в резолюцию требования созыва Учредительного Собрания. Что Н. Ф. Анненский также, а может быть еще горячее, протестовал против неприличной выходки какого-то случайного господина, к делу не относится. Г. Пешехонов признает, что социал-демократы („и социалисты-революционеры“,—добавляет он) внесли вышеуказанную поправку к резолюции. Далее он говорит, что „возражения против поправки

делались,—делал их и Н. Ф. Анненский“... Из-за чего-же шум? Ведь, мотивы возражений здесь не важны, так как либералы всегда говорят и говорили, что „по существу“ они демократы и только из соображений такта не заявляют об этом громко. „Никакого негодования,—по словам г. Пешехонова,—вышеуказанная поправка социал-демократов“ вызвать не могла—тем более со стороны представителей журнала, считающего себя преемником „Отечественных Записок“. Не знаю в таком случае, как характеризовать врезавшиеся в мою память горячие, протестующие речи и негодующие голоса в толпе против „бестактности“ социал-демократов, „срывающих“ банкет. Что Н. Ф. Анненский затем участвовал в редактировании „поправки“ опять таки не меняет дела.

Итак, что же осталось от следственного протокола г. Пешехонова? Только одно: Н. Ф. Анненский не председательствовал на банкете. Охотно принимаю эту поправку. Но она, конечно, не может заставить меня переменить свой взгляд на „эволюцию“ политических лозунгов либералов и вступивших с ними в „блок“ радикалов из буржуазного лагеря.

Что такой „блок“ существовал—фактически по крайней мере—для меня несомненно. В него входили весьма разнородные по политическим взглядам элементы, начиная с умеренных „земцев“ и кончая сотрудниками „Русского Богатства“. Сожительство этих разнородных элементов возможно было, конечно, только вследствие взаимного приспособления. Ну, и приспособлялись друг к другу, стараясь в то же время приспособить к себе правительство „тактичными“ речами и депутациями.

А в это время революционный пролетариат вел политическую борьбу. И по мере его побед, менялись лозунги „блока“ буржуазных либералов и радикалов, становясь все радикальнее и все более приближаясь к демократическим требованиям пролетариата. Или это также „неправда“ и „инсинуация“, г. Пешехонов? Бросьте же довольно также застаревшую у вас привычку полемизировать ad hominem и спорьте по существу.

П. Румянцев.

Русская печать.

*** Времена „подполья“ прошли. Деятельность социал-демократии выносится на свет гласности, даже — кто бы мог этого ожидать — официозной гласности.

Орган министерства финансов, „Торгово-Промышленная Газета“, разбирает наши цели и идеалы в связи с профессиональным движением. Разумеется, симпатии органа на стороне социальной реформы, но и о нашей программе газета говорит беспристрастно, даже в сдержанно-сочувственном тоне. Приводим характерный отрывок.

Возлагать какие-либо особые надежды на развитие в стране рабочих союзов нельзя, как нельзя отрицать или тормозить этот вид рабочего движения. Вместе с тем невозможно думать, что создание профессионального движения является, как одно время предполагали, основываясь на преувеличении значения одного из этапов развития английского трэд-юнионизма, оплотом или гарантиею против развития движения политического. Наоборот,

---

Заметки о мещанстве.

II.

Каждый, разумеется, видит все в жизни так, как он хочет видеть, а кто ничего не хочет, видит только себя — скучное и жалкое зрелище!

Мещанин не способен видеть ничего, кроме отражения своей серой, мягкой и бессильной души.

Наиболее уродливые формы отношения мещанства к народу сложились в нашей нелепой стране. Вероятно, на земле нет другой страны, где бы командующие классы говорили и писали о народе так усердно и много, как у нас, и уж наверное ни одна литература в мире, кроме русской, не изображала свой народ так приторно-слащаво и не описывала его страданий с таким странным, подозрительным упоением.

Придавленный к земле тяжелым и грубым механизмом бездарно устроенной государственной машины, русский народ — скованный и ослепленный Самсон — воистину великий страдалец.

И воистину с молчаливым терпением титана долго держал он на плечах своих страшную тяжесть рабского, каторжного труда, зверских преступлений со стороны власти, сладострастного издевательства над его личностью помещиков и полиции, держал безропотно и лишь порою, встряхнув плечами, рвался к свободе, но — слепой — не находил пути к ней, и снова, и еще крепче связывали его...

Когда человека пытают, а он, полный презрения к палачам, мужественно молчит, — это красиво, вызывает восторженное уважение к мученику и, несомненно, является прекрасной темой для поэта...

Но когда русского мужика бьют по зубам, секут розгами, ломают ему ребра, а он, едва ли в чем-либо виновный, стонет: „не буду!“ — в этом мало человеческого и совсем нет красоты — это должно бы вызывать гнев и ненависть к силе, угнетающей народ, это должно бы возбуждать страстное, упорное желание разрушить и перестроить мрачную, душную казарму, в которой задыхается родина.

Русская литература с печальным умилением смотрела, как тупая сила власти, разнузданной своей безнаказанностью, насилует русский народ, как она старательно отравляет суевериями этот вечный источник энергии, которой бесправно пользуются все, как истощается почва, дающая всем и хлеб и цветы, она смотрела на это преступление против жизни ее родины и лирически вздыхала.

Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Наша литература — сплошной гимн терпению русского человека, она вся пропитана тихим восторгом пред страдальцем-мужичком и удивлением пред его нечеловеческой выносливостью.

„Где ты черпал эту силу?“

спрашивает она его, но народ был для нее натурой, с которой она красиво и сочно писала более или менее талантливые картины для удовлетворения своих творческих эмоций и эстетического вкуса мещан...

Соль истинной поэзии в изображениях мужика и его жизни, даже у крупных писателей, часто и странно сме-

история Запада нам показывает, что как в свое время развитие союзного движения в среде рабочего класса было только частичным развитием общеполитических прав, так и современное западно-европейское профессиональное движение является идущим рука об руку с политическим. От единовременного развития возникли только более определенные взаимоотношения, а не уничтожение одной из форм. Одними такими средствами борьбы, как стачка или бойкот, рабочий класс никогда не может ограничиться. Из вышеприведенных данных было видно, что рабочие союзы в большинстве стран являются только отростками политической рабочей партии, так или иначе находящей себе место в учреждениях представительного правления. На это же указывает и германская рабочая партия, говоря в своей программе, что, „чем более отдельные слои сплачиваются в единый рабочий класс, тем более его борьба должна принимать политический характер, ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая“.

Тут есть фактические неточности. На примере Англии видно, что не всегда профессиональный союз идет в своем развитии „рука об руку“ с ростом политического сознания. Но и то уже нам кажется показательным, что при слове „политическая борьба“ орган министерства финансов не торопится упасть в обморок.

Конечный идеал нашей партии газета формулирует так:

Как организовать такое народное хозяйство, при котором социальная масса не дифференцировалась бы на классы эксплоататоров и эксплоатируемых?

При чем считает нужным добавить, что профессиональное движение —

это все большее восприятие „земного“, будничной мелочи и второстепенных задач — нисколько не омрачает ясности светлого и яркого солнца конечного идеала.

* * * „Сын Отечества“ продолжает гневаться на г. Минского за то, что он, по поводу упражнений почтенной газеты в словесном радикализме, вспомнил известный пушкинский стих о „«Сынах Отечества» и «Вестниках Европы»“. Гнев не пошел впрок редакции почтенного органа, ибо заставил ее договориться до больших пошлостей. Г. Минскому ставится в упрек его сотрудничество в „Рассвете“, хотя, казалось бы, такой упрек более чем странен со стороны редакции, все „столпы“ которой годами работали под ферулой князя Ухтомского, да еще не в „Рассвете“, предоставлявшем простор свободному слову, а в „Петербургских Ведомостях“, под сенью двуглавого орла и поблизости казенных об‘явлений. Еще удивительнее другой, делаемый г. Минскому почтенной редакцией упрек в том, что

не велика заслуга... храбро итти вперед, когда не приходится ни бороться с цензурным гнетом ни рисковать и жертвовать изданием.

Нелепость этого упрека тем резче кидается в глаза, что он сделан рядом с известием о привлечении г. Минского к уголовной ответственности по п. 2 ст. 129 за тот самый номер „Новой Жизни“, в котором помещен непочтительный отзыв о „Сыне Отечества“. Оказывается, что и теперь, после обещанной свободы печати, газетная деятельность сопряжена с риском и жертвой, за исключением, конечно, радикального краснобайства. Редакция „Сына Отечества“ обходит эту бьющую в глаза нелепость тем, что в одном месте она говорит о г. Минском, а в другом—о редакторе-издателе „Новой Жизни“: полемический прием, который, мягко выражаясь, следует назвать литературным хулиганством.

шивается с патокой грустного лиризма, а он всегда одинаково неуместен при описаниях жизни русской деревни, ибо, по меньшей мере, неприлично лирически вздыхать, когда на ваших глазах люди утопают в грязи и во тьме.

И всегда в отношениях русского писателя к своим героям - мужикам чувствуется нечто вроде удовольствия видеть их ничтожными, мягкими, добрыми и терпеливыми...

Положим, необходимо употребить солидные усилия для того, чтобы вывести из терпения русского мужика, но наше правителельство — воздадим ему должное! — всегда успешно выполняло эту задачу; однако, роскошное зеркало русской литературы почему - то не отразило вспышек народного гнева — ясных признаков его стремления к свободе. Она изображала нам Калиныча и Хоря, Муму, Касьяна, Антона Горемыку, Платона Каратаева, дедушку Якова и Мазая, Акима во „Власти тьмы“ и бесконечную вереницу иных мудрых, но косноязычных и немых людей. На ее глазах из среды народа выходили: Ломоносовы, Кольцовы, Никитины, Суриковы, но она не замечала их и забыла отметить в прошлом таких крупных выразителей народной воли, как Разин и другие. Она не искала героев, она любила рассказывать о людях сильных только в терпении, кротких, мягких, мечтающих о рае на небесах, безмолвно страдающих на земле. Все они терпеливо — непременно терпеливо, без гнева, без ропота — несут на плечах своих гнетущие души и тело невзгоды и позор рабской жизни. Милые люди! Они совершенно неспособны к делу строительства жизни и кажутся созданными природой специально для мирной работы на господ. Такие славные божьи коровки эти духовно чистенькие мужички, они так любовно мудры, полны такой готовностью страдать, что право удивляешься, как можно было таких людей-младенцев драть на конюшнях плетьми, пороть розгами, продавать оптом и в розницу, как баранов, и вообще обращаться с ними... неделикатно?

Сознательно или бессознательно, но всегда настойчиво, наша дворянская литература рисовала народ терпеливо равнодушным к порядкам его жизни, всегда занятым мечтами о боге и душе, полным желания внутреннего мира, мещански недоверчивым ко всему новому, незлобивым до отвращения, готовым все и всем простить, курносым идеалистом, который еще долго и долго способен подчиняться всем, кому это нужно.

Мещанство читало красивые рассказы о смирном русском народе, искренно восхищалось его незлобивым терпением и, спокойно, крепко сидя на его хребте, дало ему лестный титул народа-богоносца.

Ко времени вынужденного народом освобождения его от крепостного права, и кстати — от земли, в нашей стране, как это известно, образовался небольшой, но энергичный слой людей, сильных духом и внутренне свободных. Это была смелая вольница, „кто с борку, кто с сосенки“, — неудачные дети духовенства, уроды из дворянских семей, блудные сыновья чиновников, только что рожденные фабрикой рабочие, — все умные, здоровые, веселые работники, бодрые, как люди, проснувшиеся на рассвете ясного майского дня. Полные молодой жаждой жизни красивой и свободной, они увидели пред собой

Впечатления.

IV.

Беседуя с г.г. Головиным, Кокошкиным и кн. Львовым, граф Витте, между прочим, сказал: „При господствующем в настоящее время в стране возбуждении, доходящем до ежедневных кровавых столкновений различных частей населения между собой, он не считает возможным правительству взять на свою ответственность проведение в жизнь столь коренных реформ, как установление всеобщего, прямого и равного избирательного права“.

Заявление — многозначительное, в нем чувствуется нечто предостерегающее. Действительно, некая часть населения, очевидно, до такой степени привыкла к бесправию и произволу, так полюбила эти основные устои нашей государственной жизни, что не желает никаких свобод и зверски протестует против них. Она живьем сожигает сторонников освободительного движения, топит детей в помойных ямах, избивает студентов и грозит перерезать всех, кто с нею несогласно мыслит и действует.

Граф Витте просит принять это к сведению. Но доводы графа не защищают политики правительства. Благодаря свободе слова, эта политика освещена достаточно ярко, и все грамотные люди видят ее грязный, уродливый, лживый обман, залитый кровью лучших людей страны. Та часть населения, которая протестует против свободы с ломами и дубинами в руках, организована администрацией, ею вдохновляется, она избивает людей не только на глазах полиции, но и при ее личном участии — это точно установлено прессой, и это должен бы знать граф Витте.

Администрация, духовенство, полиция, дворники и серая, полуголодная масса, не озаренная светом мысли, — вот та часть населения, которая враждебна реформе. Это она привела страну в состояние анархии, она громит, убивает и всячески свирепствует, как голодный, раздраженный зверь. Все эти дикие люди, развращенные долгими годами своей власти над страной, озверели, чувствуя, что приближается конец их своеволию и произволу, и вот они бьются за свою свободу — последний, позорный бой. Их свобода — свобода воров и убийц. За ними стоят войска, искусственно раздражаемые против народа. Известно, что солдат и казаков плохо кормят, целые дни и ночи без надобности гоняют по улицам, держат запертыми во дворах, всячески злят и наускивают их, и поят водкой перед тем, как пустить на избиение народа.

И всегда говорят им, что во всех неудобствах их жизни, — искусственно создаваемой начальством, — виновен бунтующий против насилия народ.

Вражды между населением нет, но есть заговор бюрократии против народа.

И то, что сказал граф Витте, на языке правды звучит так: — Есть две части населения, обе борются за свободу, и хотя одна, ничтожная количественно и гнусная духовно, борется за свободу насилия над личностью, а другая за неприкосновенность личности и благо всей страны, однако, первая, несмотря на малочисленность, все еще сильна своей властью и организована, а другая бесправна, безо-

---

жизнь, устроенную их отцами, и с презрением, с гордой насмешкой отвернулись от нее — тесной, скучной, нищенски бедной содержанием, формами и красками, нагло и грубо построенной на непосильном труде ограбленного, темного народа.

Вокруг них шумно суетилось встревоженное реформами мещанское общество, — ожиревшее, вырождающееся, уже духовно мертвое, оно судоржно корчилось, как гальванизированный труп, и на пороге новой жизни тупо злилось, трусливо и злобно шипело, чувствуя, что на земле для него остались только могилы. Буйная молодость дерзко и весело пела отходную остаткам крепостного строя и зорко присматривалась, ища свое место в жизни.

А правительство, освободив народ, тотчас же усердно занялось разведением чиновников, ковкой звеньев новой цепи для народа. К разночинцам оно относилось подозрительно и враждебно, люди, которые не хотели быть чиновниками, были излишни и вредны для него. Было ясно: если интеллигент - разночинец хочет жить, он должен встать ближе к народу, опереться на него и увеличить свою дружину за счет его. Интеллигент понял это, пошел в народ сеять среди него „разумное, доброе, вечное“...

Разумеется, наше правительство не могло допустить на ниве народной никаких посевов, кроме тех, которые укрепляли бы легенду о неземном происхождении его власти. И вот началась беспримерная в истории эпическая борьба горсти смелых людей с чудовищем, которое похитило свободу и зорко, жадно стережет ее...

Эта битва была красива, как старый рыцарский роман, она родила много героев и пожрала их, как Сатурн своих детей. Герои погибли. Участь героев — всегда такова, и не будем оскорблять память героев сожалением о гибели их...

Это были стойкие, крепкие люди, но история поставила их между холодной наковальней и тяжелым молотом. Много они хотели поднять, много сдвинули с места и надорвались в усилиях разбудить народ, — он до этой поры не видел ничего доброго от господ и не поверил им, когда они бескорыстно принесли ему ученье о свободе, равенстве и братстве.

Те, кому лгали столетия, не могли научиться верить в годы...

В эти дни, когда рыцари бились на смерть со змеем, — мещанство в стихах и прозе доказывало, что:

Умом России не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить,

что русский народ чрезвычайно самобытен, и что греховная западная наука, развратные формы жизни Запада совершенно не годятся для него. Влияние Запада может только испортить, разрушить кроткую, мягкую душу и прочие редкие качества народа-богоносца, воспитанные в нем порками на конюшнях, сплошной неграмотностью и другими идеальными условиями русской самобытности.

В творениях мещан на эту тему есть много любопытного, но самое замечательное в них — соединение таланта с какой-то истинно-восточной ленью ума и татарской

ружна... От вашей уступчивости, господа, будет зависеть, на чью сторону встанет правительство...

— А как же „непреклонное исполнение воли монарха“? Очевидно, граф Витте, купно с поместной администрацией, полицией и всей черной сотней, считает эту волю призрачной.

Прекрасно! По этому пункту не может быть разногласий между „различными частями населения“ нашей страны.

Идол свергнут.

V.

Триста лет над Россией мрачно реяли черные крылья двуглавого орла; все шире простирал он их, покрывая страну черной тенью страха пред ним, и всем казалось, что эта зловещая, жадная птица обладает необоримой силой.

Вместо перьев — стальная щетина штыков, вместо глаз — пустые дула дальнобойных пушек, клюв и когти, обагренные кровью, — это было страшно, и никому в голову не могло притти, что чудовище давно уже мертво, что это не живой организм, а просто арматура, прихотливо разложенный склад разнообразного оружия. Но теперь для всех стало ясно, что сила, которая держала страну в страхе, — призрак. Даже те, что еще вчера рабски, безропотно, нелепо служили ей, ныне отрицают ее.

Вот какое письмо напечатано в „Руси“:

„На Михайловской ул. 19 октября, около 12 ч., я была свидетельницей следующей сцены. Городовой сдирает с доски манифест и собирается наклеить на его место приказ ген. Трепова. К нему подходит студент и говорит: «Что вы делаете? Ведь это царский манифест». — Что нам царь, мы должны слушаться Трепова, — последовал ответ. За справедливость ручаюсь.

А. Г.“

„Личность и адрес автора нам известны. Не только на указанной улице, но едва ли не по всему городу 19-го октября манифест о свободах был заклеен «об‘явлением» ген. Трепова, при чем свидетелями подтверждается, что сдирали манифест сами полицейские.

Ред.“

Итак, кончена трагикомедия!

Мы подождем, однако, поздравлять страну с новой династией...

А.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Москва. (Собственная телеграмма „Новой Жизни.“) — Товарищ Павел Августович Грожан убит 22-го октября. Похоронен не опознанным. Личность установлена 29-го октября.

Одесса. (Случайная.) 29-го октября. — Подготовлявшееся избиение интеллигенции, сегодня вызвавшее страшную панику и массовое бегство из города, устранено принятыми мерами Каульбарса. Положение продолжает быть угрожающим; дневные грабежи мирных жителей войсками продолжаются. Варфоломеевская ночь бледнеет перед ужасами одесских зверств. Люди разрывались в клочья в присутствии и при помощи городовых

хитростью, которой мещане прикрывали эту лень мыслить смело и до конца ярко-пестрыми словами восторга перед народом. Немой, полуголодный, безграмотный народ, по уверению мещан, был призван обновить весь мир таинственной силой своей души, но для этого прежде всего требовалось отгородить его от мира высокой стеной самобытности, дабы не коснулся его свет и воздух Запада. Он, еще недавно, награда вельможам за придворные услуги, живой инвентарь помещичьих хозяйств, доходная статья, предмет торговли, вдруг стал любимой темой разговоров, об‘ектом всяческих забот об его будущей судьбе, идолом, перед которым мещане шумно каялись во грехах своих. Растерянная, суетливая мещанская мысль, как летучая мышь над костром, завертелась вокруг народа в своих поисках оправдания и примирения.

Эта жалкая суета развращала порою лучшего поэта тех дней, и часто он, вступая в общий хор лицемерно кающихся, фальшиво вторил им:

... Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Чего пожелать?
Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит во имя христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусство, науки,
Предаваться мечтам и страстям...

В этом, допустим, искренном лирическом порыве сытого и несколько сконфуженного своей сытостью человека чувствуется немного иронии над собой, но какая странная скудность фантазии! Неужели народу, усыпленному насильно, народу, сон которого ревниво оберегали тысячи верных слуг Левиафана-государства, неужели этому народу нельзя было пожелать ничего лучшего доброй ночи? В те дни, когда уже многие били в набат, стараясь разбудить его? В те дни, когда герои одиноко погибали в битвах за свободу?

Мещанам нравились подобные стихи, и они искренно, от всей души, желали милому народу — спокойной ночи. Что они могли пожелать ему кроме этого? Это и гуманно и дешево...

В это время — время борьбы — одни из них тревожно и угрюмо, как совы, кивали головами на Запад, где горел, не угасая, огонь свободы, и в муках рождалась истина, они кричали, что оттуда льется отрава, которая погубит русский народ. Другие пристраивались в услужение к радикальным идеям, незаметно стараясь одеть их в уродующие одежды компромисса. Третьи злобно в стихах и прозе клеветали на все, что было им враждебно, молодо, красиво, смело, и во всем, что они делали, звучала их вечная тревога за свой покой — тревога нищих духом.

А в страну медленно входил железной стеной окутанный серыми тучами дыма и пара великий революционер, бесстрастный слуга желтого дьявола, жадного золота, все разрушающий капитализм...

М. Горький.

и казаков. Женщинам распарывали животы и напихивали перьями. Казаки, при криках „ура“ хулиганов, вырывали из рук сестер милосердия раненых и разрубали шашками. Особенно зверски рубили студентов. Убитых 1.100, раненых тяжело несколько тысяч. Вся Молдаванка умерщвлена. Разбой, хорошо подготовленный, направляемый искусной рукой, превзошел стремления организаторов. Сознавшиеся городовые заявили, что действовали по приказу известных всему городу лиц. Когда восторженная толпа манифестантов узнала о начавшемся разбое на Прохоровской улице, десятки тысяч двинулись туда на помощь, но были встречены дружными залпами войск, окружавших маленькую кучку хулиганов и переодетых городовых, и начали шествие по Дерибасовской, оглашая воздух выстрелами. Это было начало разгрома центра города. Хулиганы партиями в двадцать—тридцать человек, защищаемые казаками и управляемые известными вожаками, Цулукидзе, Шишкиным, Азарьевым, Ивановым, Полянкевичем, шли из дома в дом, грабя и убивая всех евреев. Богачи—Бродский, Пуриц и многие другие,—уплатившие полиции тысячи, не тронуты. Градоначальник, сопровождаемый казаками, приветствовал хулиганов на Екатерининской улице. Карантинные стражники мимо меня носили в казармы ограбленное. Отбирание дворниками у хулиганов награбленного прекратилось в первый день, ибо, по указанию хулиганов, расстреливались именно все те дома, возле которых хулиганы были останавливаемы и пойманы. Дворники, городовые, провокаторы стреляли с крыш домов — с целью вызвать обстрел домов войсками. Чудовищные, сказочные вещи приходится рассказывать, если бы не подтверждалось пламенными показаниями хулиганов и полицейских. Сообщение „Ведомостей“ о снятии полицейских постов, вследствие нападения на городовых,—бесстыдная ложь. Посты сняты 16 числа, до которого не было ни одного случая ранения городовых; вообще, жители первые два дня никоим образом не стреляли по войскам.

Возможны единичные выстрелы в третий и четвертый день, когда явно подтверждается разбой войск и казаков при декоративном участии хулиганов. Городская дума дважды телеграфировала Витте о немедленном удалении градоначальника. Телеграмма задержана была распоряжением градоначальника. Солдаты и казаки не отрицают полученного приказа грабить и убивать. Провокаторами разосланы телеграммы по станциям и деревням о движении 20.000 евреев для резни христиан. Ужасы убийств на станциях, особенно Раздельной, не поддаются описанию. „Южные Ведомости“ продолжают волновать население хулиганскими статьями, защищая убийц, якобы восставших за поруганные права царя. Мещанский староста категорически отрицает заявление градоначальника о полученном воззвании тридцати тысяч мещан принять меры, иначе они сожгут университет со всеми недоучками. Отставка Трепова внесла успокоение в общество. Население с нетерпением ждет смещения и предания суду градоначальника Нейдгардта. Градоначальник созвал редакторов, угрожал возобновлением разбоев, в случае печатания каких-либо сведений о происшедшем. Газеты вынуждены молчать. Необходимо немедленно прекратить издание „Ведомостей Градоначальства“. Редакторы и сотрудники получили угрожающие письма. Телеграммы российского агентства возбуждают негодование наглою ложью.

РОССИЯ.

Рига. 29 октября (СПА).—От губернатора Звегинцева расклеено об‘явление с призывом сохранять спокойствие и соблюдать порядок. В видах успокоения населения, губернатор предупреждает, что не допустит ни в каком случае никаких уличных манифестаций, чтобы не возбуждать одну часть населения против другой. Настроение тревожное. В городе были разбросаны прокламации об избиении евреев, латышей, интеллигенции и студентов.

Кременчуг, 29 октября (СПА).—Временный генерал-губернатор предупреждает, что всякие попытки устроить еврейский погром будут энергично подавлены, и громилы преданы военно-полевому суду.

Елисаветград, 29 октября (СПА).—Царившая в пятницу и в субботу, вследствие слухов о новом погроме, сильная паника улеглась. Магазины открыты. Жизнь входит в обычную колею. Раз‘езжают патрули.

Шадринск, 29 октября (СПА).—В городе спокойно. Собрание граждан постановило образовать союз с целью раз‘яснения населению уезда истинного значения манифеста 17 октября.

Одесса, 29 октября (СПА). — В городе спокойно. Иностранцы покинули пароходы.

Варшава, 29 октября (СПА).—(Оф. корр.). — Положение вещей в городе не изменилось. Забастовки продолжаются. По словам „Курьера Варшавского“ организовалась группа купцов для борьбы против забастовок, которые, по их мнению, достигли некоторых политических результатов и потому должны быть пока прекращены, чтобы дать правительству время провести обещания в жизнь и избавить жителей от грозящей им нищеты и голода.

Васильков, 29 октября (СПА).—Начавшиеся антиеврейские беспорядки в селах: Кожанке, Сидорах, Острийках и Фурсах быстро прекращены.

Саратов, 29 октября (СПА). —Аграрное движение разрастается. Крестьянские беспорядки с разгромами усадеб охватили пять уездов. В Балашовском уезде разгромлены усадьбы Прозоровского и Голицына, в Зубриловке — Кривского и других, в Саратовском, кроме Тепловской казенной экономии, разгромлены усадьбы: Катковой, Рейденбурга, Бенкендорфа, князя Щербатова и других. Постоянно получаются телеграммы о новых погромах усадеб.

Сосновицы, 29 октября (СПА).—Стачка продолжается. Вчера на улицах вновь появились на постах полицейские чины. Опечатаны две местные типографии, печатавшие революционные издания. Сегодня расклеено об‘явление о том, что по распоряжению варшавского генерал-губернатора никакие публичные шествия и манифестации не разрешаются. Уличные сборища манифестантов будут рассеиваться всеми мерами до употребления оружия включительно. Начальник уезда об‘являет, что допускает по желанию жителей образование милиции, но будет строго преследовать за практикуемые ныне вымогательства с угрозами денег на милицию от жителей.

Холм, 29 октября (СПА). — По ходатайству начальников учебных заведений попечителем варшавского округа прекращены временно занятия. Поезда между Холмом и Брестом курсируют правильно.

Тифлис, 29 октября (СПА).—Приказом наместника Кутаисская губерния об‘явлена на военном положении с предоставлением командующему 20 пехотной дивизией генерал-лейтенанту Шимковскому полномочий генерал-губернатора.

Управляющий губернией Кипшидзе телеграммой опровергает слухи о принятии губернской администрацией репрессивных мер в Гурии, об‘ясняя эти слухи печальным столкновением населения с пластунами, при чем были человеческие жертвы с обеих сторон, также отсутствием телеграфного сообщения и, присовокупляя, что для расследования и принятия мер к успокоению выехал в Гурию губернатор Старосельский.

Тифлисская городская дума обратилась к населению с воззванием о принятии зависящих мер к успокоению населения в Тифлисе.

На железных дорогах забастовки прекратились.

Факт стрельбы 22 октября из помещений редакций „Возрождения“ и „Тифлисского Листка“ отрицается этими газетами.

Воронеж, 29 октября (СПА).—После происшедших разгромов и грабежа еврейских магазинов и квартир 21 и 22 числа, осталось без крова и одежды более ста семейств. Производится строжайшее следствие. Собрано пожертвований более 10.000 р. Думою ассигновано 3.000 р. Производятся обыски и отбирается разграбленное имущество.

Кострома, 29 октября (СПА).—Местные евреи напуганы слухами о предстоящем разгроме жилищ и лавок, подобном бывшему в Ярославле. Иные покинули квартиры и даже город, но страхи напрасны: никаких нападений в городе нет; во всех учреждениях идут занятия обычным путем; набор также идет спокойно и успешно.

Саратов, 29 октября (СПА).—Пасторское собрание местных священников постановило выразить глубокое негодование и порицание редакции „Духовного Вестника“ и просить епископа Гермогена запретить ставить слова: „печатается с благословения

его преосвященства". То же собрание постановило выразить глубокое сочувствие евреям и всем пострадавшим от погрома, открыв добровольную подписку.

Владикавказ, 29 октября (СПА).—Населению городских окраин розданы полицией берданки, отпущенные по распоряжению военных властей для защиты от грабежей.

Гельсингфорс, 29 октября (СПА).—Куопиоский губернатор М. Берг подал в отставку.

Томск, 28 октября (СПА).—Происходят похороны жертв беспорядков под охраной. Все спокойно.

По слухам, на общем совете управления железной дороги единогласно решено ходатайствовать перед министерством путей сообщения о переводе всех служб в Омск. Открыт сбор пожертований в пользу пострадавших во время последних беспорядков.

Киев, 28 октября (СПА).—Министерство финансов, идя навстречу потерпевшим от погрома купцам, предложило местному отделению государственного банка не сокращать кредита, но расширить его, дабы дать возможность купцам восстановить торговлю.

Варшава, 28 октября (СПА).—По распоряжению попечителя учебного округа, все гимназии и прогимназии закрыты до успокоения умов. Владельцы лавок, желая открыть торговлю, организуют самооборону против принудительных действий забастовочного террора. Забастовали все кондитерские.

Железнодорожные делегаты разрешили марковскому под'ездному пути открыть завтра движение для провоза пассажиров и доставки с'естных припасов.

Енисейск, 28 октября (СПА).—В виду циркулирующих слухов о замышляемых хулиганами насилиях над интеллигенцией, учащимися и евреями, дума вчера в экстренном частном совещании организовала комиссию для скорейшей выработки мер обороны.

Бреславль, 29 октября. — Социал-демократы внесли предложение о необходимости начать агитацию против прусской системы трехклассного избирательного права, а также устраивать уличные демонстрации. Вчера бюро социал-демократической партии, председателями которой являются Бебель и Зингер, обсуждало это предложение и отклонило его. Однако, бюро решило вместе с этим теперь же начать энергическую агитацию в пользу введения всеобщего избирательного права в Пруссии.

В субботу на будущей неделе имперский суд в Лейпциге приступит к рассмотрению дела так называемой писательницы Шолякиновой, обвиняемой в том, что она занималась шпионством с целью узнать тайны германской армии. Обвиняемая выдавала себя за корреспондентку некоторых русских газет.

Белосток, 29 октября (СПА).—В городе опубликовано следующее об'явление генерал-губернатора Богоевского: „В городе распростаняются злонамеренными людьми слухи о предстоящем еврейском погроме. Об'являю, что всякая попытка произвести беспорядок будет подавлена самым беспощадным образом и что войска и полиция, исполняя свой долг перед государем и единой Россией, всегда будут стоять на стороне порядка, не различая партий и национальностей".

Радом, 29 октября (СПА). — По официальным сведениям, в Островце фабричные рабочие на многолюдном митинге постановили содействовать умиротворению рабочих; с этой целью образована группа рабочих, часть которой предназначена для оказания поддержки местной полиции в деле поддержания порядка.

Калиш, 29 октября (СПА).—Вчера на митинге народной партии постановлена следующая резолюция: „Для успокоения края необходима полная автономия Польши в законодательном, административном, судебном и школьном вопросах с Сеймом в Варшаве, избранным всеобщей и тайной подачей голосов".

Москва, 29 октября (СПА). — В Москве вокруг Гучкова и Шипова образуется новая политическая партия, которая будет правее конституционно-демократической партии и будет стремиться под флагом манифеста 17 октября к осуществлению всех возвещенных в этом манифесте свобод. Партия будет издавать свою газету.

Сегодня градоначальник и городская управа расклеили на всех видных местах два об'явления, призывающие население к успокоению. В городе тем не менее замечается тревога. Цензурный комитет обратился к прокурору с предложением привлечь, на основании 129 ст. ул. о нак., за стремление ниспровергнуть существующий строй газету „Вечерняя Почта", напечатавшую революционную прокламацию.

Газета „Русские Ведомости" привлечена к ответственности за непредставление в цензуру установленных номеров.

Киев, 29 октября (СПА).—Совет университета постановил возобновить занятия с 31 октября с предупреждением, что университет будет вновь закрыт, если в стенах его будут происходить митинги.

Мариуполь, 29 октября (СПА).—Население еще не успокоилось и, будучи тревожно настроено, опасается воскресного дня.

Батум, 29 октября (СПА).—Настроение в городе попрежнему тревожное. Открывшиеся магазины вновь закрылись.

Вчера произошло столкновение толпы с войсками. Есть раненые.

Одесса, 29 октября (СПА).—Известие из Одессы об уничтожении во время погрома заводов маслобойного Муската и химического Аркуса — неверно. Оба завода продолжают функционировать.

Новороссийск, 28 октября (СПА).—По городу упорно циркулируют слухи о предстоящих погромах.

Варшава, 29 октября (СПА).—Забастовка продолжается. Население кое-где организовало самооборону против погромов, о которых ходят тревожные слухи. Вчера и сегодня в разных пунктах убито и ранено десять лиц, подозреваемых в хулиганстве.

Могилев, 29 октября (СПА).—Сегодня двумя выстрелами в живот и руку ранен в своей приемной губернатор Клингенберг. Стрелявшая дама, назвавшаяся баронесой Меендорф, задержана. Положение губернатора неопределенное. Дама оказалась женой члена могилевской городской управы Езерской.

Сызрань, 29 октября (СПА).—Сегодня ночью произошло крушение поезда у Сызранского моста через Волгу. От шедшего впереди товарного поезда были умышленно оторваны семнадцать вагонов, на которые и налетел почтовый поезд. Убит один рабочий; 17 хлебных вагонов и вагон цистерна разбиты вдребезги.

Елисаветград, 29 октября (СПА).—Во вчерашнем заседании думы вопрос о городской милиции снят с очереди, в виду распространившихся среди населения нелепых слухов о назначении и составе милиции.

Баку, 29 октября (СПА).—В городе сильно распространены волнующие население слухи, будто завтра произойдет погром. Властями приняты меры.

Газеты с разрешения наместника выходят без цензуры. Следствие по делу о погроме началось.

Калиш, 29 октября (СПА).—15 дней забастовки Калишской железной дороги причиняют огромные убытки промышленности и сельскому хозяйству. Возбуждается генерал-губернатором ходатайство о замене бастующих железнодорожных служащих саперами.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Париж, 28 октября (10 ноября) (СПА).—Отказ палаты приступить немедленно к обсуждению запроса Дюмона оказался полной неожиданностью и вызвал сильное волнение. Члены оппозиции высказались за обсуждение текущих вопросов, чтобы помешать прениям, которые должны были восстановить правительственное большинство. Социалисты примкнули к оппозиции, чтобы повредить кабинету.

Когда палата приняла резолюцию, отклоняющую немедленное обсуждение запроса Дюмона, Изоар направился к министерской скамье и сказал Этьену: „Вы пленник правой..." Этьен горячо ответил. Тогда Барто покинул министерскую скамью со словами: „Я не хочу, чтобы говорили, что и я пленник правой. Пред-

почитаю удалиться". Несколько друзей присоединились к нему вместе с Этьеном, тщетно пытавшимся его успокоить и склонить вернуться к своему месту на министерской скамье. Берто заявил, что выходит в отставку. Через некоторое время Берто вернулся в зал заседаний, но сел на свое прежнее депутатское место, показав этим, что отказывается от своего портфеля.

Москва.

29 октября.

— На собрании Федеративного Совета Московского Комитета и Московской группы Российской Социал-Демократической Партии постановлено обратиться ко всему населению с воззванием оказать энергичное противодействие темным силам, стремящимся препятствовать освободительному движению. „В Москве пролито уже много крови,—говорится в воззвании,—а теперь по городу ходят настойчивые слухи о новых ужасных преступлениях. Одна молва леденит кровь в жилах! Собираются адреса студентов, докторов, адвокатов, профессоров, гласных думы и других ненавистных реакции лиц и составляются планы одновременного их убийства... Указывается и время, когда этот адский план будет приведен в исполнение: ночь с субботы на воскресенье. По городу распространяются отвратительные прокламации, приглашающие москвичей к избиению." Далее в воззвании указывается на „преступное молчание и бездействие городской думы" и указываются способы противодействия черной сотне. „Мы, пролетарии,—говорится в воззвании,—сумеем отстоять себя и будем жестоко мстить за всякую жертву, вырванную из наших рядов, но мы считаем священным долгом защитить всех невинно страдающих и грудью отстоять свободу и счастье всей измученной России, и для вашего собственного блага, блага ваших детей, жен, братьев и сестер вы должны помочь нам в нашей неравной борьбе"... „Городская дума должна сложить свои полномочия,—требует воззвание,—и уступить свое место временному комитету, который должен организовать новые выборы гласных на началах всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Эта новая дума сумеет обеспечить спокойствие жителям Москвы".

— Совет Социал-Демократической Партии обратился к гражданам Москвы с воззванием по поводу ожидаемого нового выступления черной сотни. Воззвание рекомендует москвичам требовать удаления войск и вооружения. Охрана города организована пролетариатом. По улицам раз'езжают небольшие группы драгун в 6—8 человек.

— Вчера на фабрике Кушнарева состоялся митинг, устроенный социал-демократическим союзом типографщиков. Обсуждались вопросы о профессиональных союзах рабочих и отношении их к социал-демократии. Ряд таких митингов будет устроен на всех фабриках.

— В Иваново-Вознесенске черная сотня охотится за депутатами от рабочих. Дом одного депутата громился дважды и окончательно разгромлен. Один рабочий сварен в котле. Есть убитые. Много раненых. Многие рабочие выехали из города.

— В виду слухов о возможности в Москве нового погрома, состоялось соглашение между всеми боевыми дружинами для охраны населения. Если войска не будут направлены для поддержки громил, то боевые дружины, несомненно, рассеют громил.

— „Русские Ведомости" печатают сегодня следующее сообщение ректора московского университета: „Неделю тому назад новое здание университета было самовольно занято студентами и посторонними лицами. 27 октября советская комиссия, через посредство профессора Вернадского, вошла в сношения с центральным университетским органом, в обладании которого находилось новое здание университета. В этот день центральный университетский орган не нашел возможным собраться для обсуждения условий, при которых здание могло быть возвращено в ведение университета, а, между тем, положение осложнялось тем, что на 29 число центральный орган назначил общестуденческую сходку, о чем и об'являл в „Вечерней Почте". 28 октября профессора Вернадский, Зелинский и Хвостов отправились на заседание центрального университетского органа, и тот нашел возможным обсудить поставленные профессорами вопросы только вечером. В 11 часов ночи к ректору явились три делегата и заявили следующее: „12 голосами против 6 центральный студенческий университетский орган не желает обсудить предложенные условия, в виду того, что они выработаны не в советской комиссии, а на частном совещании. На это ректор сообщил, что ему, ректору, сообщено администрацией об ее решении во всяком случае воспрепятствовать общей сходке, созываемой в новом здании университета на 29 октября. После этого, в 12 часов ночи, к ректору явились два новых делегата и заявили, что все находившиеся в новом здании университета вышли оттуда. При этом ректору были переданы ключи оставленного здания".

— На-днях состоится собрание рабочих механического производства по вопросу о выработке условий отдельных фабричных организаций, которые должны будут примыкать к общей рабочей организации.

— В половине ноября в Москве начнет выходить газета „Утро". Издание предпринято известным общественным деятелем и книгоиздателем С. А. Скирмунтом. Направление газеты социал-демократическое.

— По городу сегодня расклеены предупреждения градоначальника, что всякие беспорядки будут немедленно подавляемы. В виду того, что в разбрасываемых и рассылаемых по почте приглашениях избивать евреев рекомендовалось начать погром с Арбатской площади—там сейчас стоят усиленные наряды войск.

— Исполнительная комиссия городской думы и городская управа продолжают вести непосредственные переговоры с городскими рабочими об удовлетворении пред'явленных ими требований. Сегодня рабочим водопровода заявлено, что почти все их требования удовлетворены: 9-часовой рабочий день, увеличение получаемой заработной платы, обещаны квартиры, пенсии для рабочих, прослуживших установленный срок и т. д.

— Манифест 17 октября произвел раскол в прогрессивной партии. Одна часть отпавших сформировалась в самостоятельную партию, присвоившую себе наименование „Союз 17 октября". Во главе новой партии стоят А. И. Гучков и Д. И. Шипов. Новая партия намерена на с'езде городских и земских деятелей 6-го ноября ознакомить с'езд с программой партии. Для пропагандирования своих идей партия намерена издавать в Москве большую газету.

— Союз железнодорожных служащих, по постановлению Стачечного Комитета, начал отчисление 10% с жалованья и заработной платы на стачку, которая предположена на 21-ое ноября. На этот раз все вагоны будут выкачены на линию главного полотна, и таким образом путь будет загроможден. Стачка возникает из-за неисполнения правительством своего обещания ассигновать 8 миллионов рублей на улучшение быта железнодорожных служащих.

— Председатель московского цензурного комитета обратился к прокурору московского окружного суда с ходатайством о привлечении к ответственности: 1) редактора газеты „Вечерняя Почта" по 129 ст. за напечатание прокламации, призывающей к ниспровержению существующего государственного строя; 2) издателя И. Д. Сытина по 1024 ст. за напечатание „Листка со словом священника Петрова" без цензурного разрешения; 3) редактора „Русских Ведомостей" по ст. ст. 147 и 1032 за непредставление в цензурный комитет узаконенного числа экземпляров. Инспекция по надзору за типографиями конфисковала издание Крестьянского Союза—листок под заглавием „Чего хотят люди с красным флагом".

— Москва переживает сегодня тревожный день: ждут погрома евреев и интеллигенции. С несомненностью установлено, что погром этот, действительно, подготовлялся, но до сих пор никаких попыток начать его черною сотнею проявлено не было. Возможно, что, видя перед собою хорошо сплоченную самооборону, хулиганы и черная сотня не дерзнут приступить к исполнению своего гнусного плана. До 9 час. вечера в городе спокойно.

В Совете Рабочих Депутатов.

— В этом же заседании были сделаны доклады делегатов о введении на фабриках и заводах 8-часового рабочего дня. На некоторых заводах он уже введен, на других предполагается ввести на-днях. В заключение были приняты Советом две резолюции, из которых исполнительной комиссии поручено выработать одну. Первая резолюция гласит: „Обще-городской Совет Рабочих Депутатов в собрании 29 октября единогласно поста-

новил с понедельника, 31 октября, на всех фабриках и заводах г. Петербурга революционным путем ввести 8-часовой рабочий день. Взаимная же поддержка рабочих всех районов будет залогом общего постановления Совета Депутатов".

По второй резолюции одновременно с этим рекомендуется добиваться, чтобы расценки не понижались благодаря сокращению рабочего времени.

Предложение группы делегатов включить в порядок дня настоящего заседания вопрос о политической физиономии Совета после оживленных прений было отклонено значительным большинством голосов.

Подробности в следующем номере.

— В заседании Совета Рабочих Депутатов 27 октября между прочим был сделан ряд сообщений о приготовлениях рабочих к самообороне против черной сотни. Один делегат сообщил, что, когда на Выборгской стороне прошел слух о наступлении черных сотен, рабочие бросились приготовлять холодное вооружение, и к 2 часам все были вооружены. 400 вооруженных фармацевтов сорганизовались, назначили пункты и ждут нападения.

Вооружились рабочие Речкинского завода и расставили караул по Забалканскому проспекту.

Рабочие Семянниковского завода вооружились.

Рабоче завода Лесснер 29-го целый день приготовляли металлические плетки и кинжалы.

За Московской заставой рабочие вооружились и запаслись склянками серной кислоты; путиловцы изготовили массу клинков. Там идет подписка на вооружение—собрано 5.000 руб.

В том же роде были сделаны сообщения делегатов с других заводов. Везде изготовляют оружие и собирают деньги на покупку револьверов.

Свидание Г. А. Лопатина с родными.

Сегодня, 29 октября, перевезенному из Шлиссельбургской крепости в Петропавловскую Герману Александровичу дано было первое свидание, после двух десятков лет, с сыном и братом Всеволодом Александровичем.

Свидание состоялось в Петропавловской крепости в присутствии начальника петропавловской политической тюрьмы. Продолжалось свидание всего полчаса. Герман Александрович уже старик — ему 61 год. 20-летнее пребывание в заключении еще более состарило его. 4 года предварительного заключения и 17 лет в Шлиссельбургской крепости!

Удручающее впечатление, унесенное родными из этого свидания, усугубилось еще крайне тяжелым положением, в которое поставлены узники Петропавловской крепости. Вместе с Г. А. в Петропавловскую крепость привезены из Шлиссельбурга еще 8 человек.

Крайне характерно положение, в котором очутились эти мученики, проведшие уже десятки лет в одиночном заключении, совершенно оторванные от мира, истощенные физически от долгого лишения света и воздуха.

Казалось бы, что, согласно об'явленной амнистии, они должны бы очутиться в лучших условиях.

На деле вышло совсем обратное.

Если в Шлиссельбургской крепости они пользовались некоторой возможностью видеться друг с другом, проводить дни в прилегающем к камере огородику, т. е. все же хоть иногда дышать воздухом, то теперь они всего этого лишены. Теперь они подвергнуты суровому режиму Петропавловской крепости. Они помещаются в камерах хотя и больших, но страшно сырых. Решетчатое окно камеры в верхней части стены выходит в крепостную стену. Расстояние между тюремной стеной и крепостной—аршина $1^1/_2$. Из окна виднеется только клочок неба.

В камере вечная полутьма.

Пища неважная. Всякие передачи, допускаемые остальными тюрьмами, здесь воспрещены.

Прогулкой одиночной по тюремному двору Г. А. и сотоварищи пользуются ежедневно только по 12 минут. Тюремное начальство крепости за своими толстыми стенами осталось верным своим традициям и даже к этим заключенным, которые должны быть выпущены не сегодня-завтра, если не на свободу, то во всяком случае из тюрьмы, хотя бы с ограничением свободы передвижения, даже к ним оно не нашло возможным применить хотя бы некоторое отступление от уже отжившего режима.

Свидания разрешаются два раза в неделю по $^1/_2$ часа.

Казалось бы, что этим заключенным, после десятков лет одиночества без свидания, можно бы разрешить видаться с родными и чаще и дольше.

Но сквозь толстые стены крепости еще не проникли новые веяния.

И почему их перевели в крепость, а не в дом предварительного заключения или выборгскую тюрьму, где режим все же не такой суровый?

Изоляция заключенных является мерой пресечения для подследственных.

Уместна ли эта мера для людей, проведших в заключении десятки лет?

Не додумалась наша администрация, что бесчеловечно переводить людей после долгих лет заключения в подобную обстановку, лишая их света и воздуха.

Проще всего, конечно, было бы выпустить их всех хоть на поруки к родным до решения вопроса об их дальнейшем месте жительства.

Брат Г. А., Всеволод Ал., подавал прошение об освобождении Г. А. за его поручительством. Ответа еще не последовало, „наши власть имущие вообще не торопятся". Об условиях выпуска Г. А. никакого разговора еще не было.

Пока тянется наша обычная канцелярская волокита, в Петропавловской крепости томятся 9 человек, старых борцов за свободу, убивших лучшие годы, силы и здоровье в казематах Петропавловской и Шлиссельбургской крепости.

Наш священный долг всеми силами добиваться, чтобы эти славные борцы хоть на склоне лет вернулись к жизни и не томились в сырых и темных мешках, которым они уже отдали свою жизнь.

С. К—о.

Хроника.

— В Саратове умер от огнестрельной раны, полученной во время хулиганского погрома, член Российской Социал-Демократической Партии Александр Яковлевич Ветров. Покойный был одним их деятельнейших членов Партии. Неоднократно подвергаясь преследованиям правительства за свою деятельность, товарищ Ветров погиб от рук черносотенников, мужественно отражая их нападения во главе дружины самообороны.

— В 8 часов вечера в городскую думу явилась депутация совета старост петербургского университета и обратилась к председателю с просьбой допустить ее в зал заседаний, чтобы сделать заявление от совета старост. Указав на неотложность вопроса, депутация просила внести свое заявление в первую

очередь. Председатель предложил студентам пойти на хоры и подождать того времени, когда их пригласят. Не успели депутаты поместиться, как явился сторож и пригласил их к члену управы, который сообщил, что г. председатель предлагает им сделать заявление в следующую среду. Заявив, что так относиться к неотложным заявлениям граждан преступно, депутаты настойчиво просили передать председателю: 1) что их заявление должно быть выслушано сегодня и 2) что дума обязана их выслушать. Переговоры с председателем успехом не увенчались. Тогда депутаты вызвали нескольких гласных и просили их возбудить этот вопрос в собрании и настоять на допущении депутации в заседание. Получив обещание, депутаты стали терпеливо ждать приглашения. Ждали час, два, наконец, пробило 11, а приглашения все нет и нет. Находя, что такое отношение к представителям студенчества оскорбительно, студенты, подав мотивированный протест против поведения думы, ушли.

Депутаты же от политехнического института остались ждать. Как отнеслась дума к их заявлению, уже известно: она приняла к сведению и „будет его обсуждать".

Впрочем, от нашей думы было бы наивно ждать иного отношения, если мы вспомним, что в ней черносотенный элемент занимает почтенное место.

— В ночь на 28 октября из Шлиссельбургской крепости перевезены в Петропавловскую шлиссельбургские старики-узники. 29 октября брат и сын Германа Лопатина получили свидание в крепости.

— Во вчерашней хронике была помещена заметка о возвращении в Россию эмигрантов Парвуса, Мартова и Мартынова. Сообщение это, как нам достоверно известно, основано на недоразумении. Как нам сообщают, возвращение их отложено до получения действительных гарантий безопасности.

— Из Пелыма, Тобольской губернии, Гуринского уезда, бежали следующие политические ссыльные: 1) Б. Шапиро, 2) А. Криницкий, 3) Я. Чертин, 4) С. Глуз, по делу с.-р., 5) Леонид Потылицын, 6) Людмила Громозова, 7) С. Розеноер, 8) Аврам Заславский, 9) Яков Коростышевский, 10) Мордко Коган, все бежавшие благополучно прибыли за границу.

— Дружины самозащиты. Сегодня, 29 октября, состоялось собрание представителей уже организованных дружин самозащиты.

Цель собрания — об'единение всех организованных уже дружин и выработки общего плана защиты населения от нападения черносотенцев.

После обмена мнений, из которых выяснилось, что главной целью дружины должно быть не нападение на толпы черносотенцев, а только самооборона и защита населения от нападающих, вопрос об об'единении был поставлен на баллотировку и принят единогласно.

Потом приступлено было к выработке плана самозащиты.

Принят следующий план: город делится на участки, в каждом участке назначен сборный пункт, куда стекаются назначенные в данный пункт дружинники, которые тут же выбирают из своей среды руководителя, а также назначен центральный пункт, куда соберутся все представители.

В виду упорных слухов о готовящемся нападении черносотенцев в ночь с 29 на 30 октября, постановлено немедленно принять меры к защите. Назначены дежурные, на обязанности которых немедленно сообщать в сборные пункты о готовящемся нападении.

Дружинники должны находиться на своих местах сегодня с 6 час. вечера.

— 28 октября в заседании центрального бюро Союза союзов по вопросу об организации самозащиты постановлено: произвести выборы из членов бюро Союза или членов профессиональных союзов, входящих в состав Союза союзов, 14 лиц—по одному на каждый район. Предложить Совету Рабочих Депутатов избрать со своей стороны 14 человек, тоже по одному на каждый район, для создания районных организаций самозащиты. Выбрана комиссия из 3 лиц для приглашения этих 14 человек районных организаторов из среды членов Союза союзов; единогласно решено войти в сношение с думой по вопросу о самозащите, но не возбуждать никаких ходатайств или просьб. По вопросу о денежных средствах постановлено выдать каждому члену центрального бюро книжки для сбора пожертвований и разослать подписные листы во все редакции, конторы и промышленные заведения. Одним из членов центрального бюро был поднят вопрос об упорных слухах об ожидаемом избиении евреев и интеллигенции в ночь с 29 на 30 октября. Существующие уже дружины самозащиты принимают серьезные меры для оказания защиты населению. Необходимо оказать немедленную поддержку средствами этим дружинам. Постановлено отпустить немедленно из сумм кассы центрального бюро Союза союзов 400 рублей. По вопросу о милиции выбрана комиссия для выработки проекта организации милиции.

— Бегство из столицы. Что творилось вчера—весь день, а особенно вечером—на Финляндском вокзале, с трудом поддается описанию. Длинной непрерывной вереницей тянулись сюда, обгоняя друг друга, извозчичьи пролетки и кареты, переполненные седоками всех возрастов и состояний, начиная с грудных детей и кончая седобородыми старцами-патриархами. Семья мелкого ремесленника, ютившаяся с своим незатейливым скарбом на невзрачном „ваньке", чередовалась с великолепным ландо упитанного богача-ювелира. На тесном вокзале была буквальная давка; всюду сумрачные лица, беспокойные взгляды, плач детей и невообразимая суматоха. Билеты и места в вагонах брались с бою, но многим так и не удалось уехать, несмотря на то, что до ближайших станций было отправлено не в очередь несколько экстренных поездов.

Временно выселялись из столицы не одни евреи, но и более осторожные из русских; нам известно несколько случаев бегства даже офицерских семейств, повидимому наиболее застрахованных от готовившегося на вчерашнюю ночь дикого избиения черной сотней.

Паника, оказывается, охватила не только Петербург, но и Царское Село, которое почти опустело; большинство спешно выехало в Выборг.

— Во втором № „Новой Жизни" сообщалось о пожертвовании владельцем фабрики папирос г. Айваз 1000 руб. в пользу Стачечного Комитета. На самом деле, сумма в 1000 руб. пожертвована не г. Айвазом, а его рабочими, которые отказались от поденного жалованья.

— Демонстрация. По окончании работ 28 октября группа рабочих Франко-Русского завода, человек в 500, демонстративно прошла по Мещанской ул. с красными знаменами и пением революционных гимнов. Так как манифестация рабочих была организована случайно и спешно, то в ней не могло принять участие большое количество рабочих. Из окон многих домов, из толпы посторонней публики на панелях, привлеченной манифестацией труда, сочувственно махали платками. Даже лавочники добродушно улыбались навстречу демонстрантов. Рабочая манифестация не встретила на этот раз насилий со стороны полиции и войск и протекла совершенно мирно.

— Забастовка рабочих в экспедиции заготовления государственных бумаг продолжается. В видах ее поддержания, рабочие не выдают дров для отапливания машинного отделения, мастерских и частных квартир фабрики. По определению рабочих разрешается отапливать лишь больничное помещенин. Электричество не горит.

— 28 октября владельцы оружейных магазинов пред'явили администрации требование гарантии имеющегося на складах товара по его нарицательной стоимости. Взамен этого им предложено было охранять магазины. Не видя в этом гарантии своего имущества, владельцы предпочли распродать свой товар, чем подвергнуть его риску разграбления. В виду этого 28-го и 29-го в оружейных магазинах оружие продавали всем желающим без требований разрешений на право покупки. Несмотря на то, что об этом не публиковалось, весть об этом распространилась по городу, и за эти два дня торговцы оружием распродали почти весь товар. К вечеру 29-го цены на изделия повысились почти вдвое. Револьверы вместо 16 руб. продавались за 25—30 руб. До позднего вечера магазины были переполнены.

— 29-го октября к вечеру оружейный магазин Чижова на Литейном проспекте буквально осаждался самой разнообразной публикой. Преобладали г.г. офицеры и воспитанники „правительственных" высших учебных заведений — лицеисты, правоведы и др. Торговля оружием разного рода и патронами шла очень бойко, так как товар отпускался без всяких свидетельств и разрешений на право владения оружием. Главное окно магазина из предосторожности было забаррикадировано, и публика пропускалась в магазин через узенькие двери. У магазина до поздняго вечера толкались любопытные. Полиция, по крайней мере наружная, отсутствовала, благодаря чему никаких печальных инцидентов не было.

— Кронштадтские документы. Сегодня в первом часу дня публика, проходившая по Литейному проспекту, была

свидетельницей торжественного шествия военных подвод, нагруженных различным офицерским хламом, отставшимся после кронштадтского погрома. Подводы были обильно окружены вооруженным конвоем и направлялись к Литейному мосту.

— Академия художеств. Бывший вице-президент академии художеств И. П. Толстой, согласившийся принять портфель министра народного просвещения, мотивировал перед советом академии свой уход из нее тем, что его оскорбила депутация учеников академии своим дерзким, вызывающим отношением. Депутация от учащихся, бывшая у графа накануне и во время закрытия академии, собравшись, проверила все свои поступки и не нашла в своем поведении ничего некорректного и вызывающего; во время переговоров она вела себя крайне сдержанно, несмотря на возбужденное состояние учеников. Заявление графа совету академии является тем более странным, что накануне он говорил ученикам о том, что вынужден будет выйти в отставку, так как академия закрыта и занята полицией помимо его желания и обещания не допускать вмешательства полиции в академическую жизнь. На последней сходке учеников в академии художеств решено совершенно игнорировать администрацию, назначенную от правительства и не выбранную советом профессоров. Не это ли решение граф принял за личное оскорбление? Его вышеуказанная тактика приводит многих в недоумение.

— 27 октября к помощнику прокурора петербургского военно-окружного суда полковнику Тавастшерна приходили делегаты от Союза союзов с требованием посвятить их в положение некоторых дел о политических преступлениях. Требование их было уважено и тотчас же удовлетворено („Н. Ж.“).

— В принадлежащих Русскому обществу выделки пороха пороховых погребах обнаружена кража. В погребе № 31 взломаны замки и похищено 3 ящика пороха. Кем и для какой цели похищен порох — еще не установлено. Производится следствие.

— Нам сообщают, что в настоящее время в полтавской тюрьме находится политический арестованный И. Ю. Добровольский, лишенный уже три месяца возможности свиданий с родными и знакомыми. Арестован И. Ю. Добровольский был в первых числах августа и находился раньше в лубенской тюрьме, откуда и был переведен в Полтаву. По слухам, дошедшим из тюрьмы, Добровольский закован в кандалы.

— 28 октября состоялось общее собрание общества взаимопомощи лаборантов и доцентов. Почти все оно было посвящено вопросу об участии представителей младших преподавателей в советах высших учебных заведений. Как оказывается, г.г. профессорам очень не хочется, чтобы младшие преподаватели вошли в эти советы. Собрание очень быстро и легко разбило все доводы г.г. профессоров против их участия в советах и решило добиваться участия младших преподаватей в советах на правах полноправных членов.

— С 30 октября в праздничные дни от $2^1/_2$ до $4^1/_2$ час., на частных С.-Петербургских счетоводных и коммерческих курсах М. В. Побединского (Невский, 102), открывается ряд лекций преимущественно по современным вопросам. Ближайшие лекции состоятся проф. А. А. Исаева и М. В. Бернацкого.

Первая лекция г. Бернацкого „Современные вопросы экономической политики (рабочий вопрос)“ состоится 30 октября.

— Представители союза фармацевтов требуют немедленного освобождения заключенных еще в петербургских бастилиях товарищей борцов за освобождение России. Подписались следующие лица: Гордин, Ронталь, Беньямович, Борок, Эфрат, Кугель, Иерахманов, Велле, Залесский, Салитан, Тасмут, Мейтус, Иентсон, Борах, Лурье, Трейберг, Вира, Зайцев, Серман, Форштейдт, Эсикберг, Вальтер, Бродский, Палин, Цвибельт, Керпис, Тинно, Волков, Деречинский, Калянский, Бар, Трейкаль, Архангелов.

— 30-го октября в 9 часов утра состоится митинг в заводе Франко-Русского общества. Вход для всех беспрепятственный.

— Служащие правления Рязанско-Уральской жел. дороги в виду крайне тревожного настроения, установившегося вследствие ожидания погрома в субботу 29 октября, с утра приостановили занятия.

— Орган союза учителей. Петербургский отдел всероссийского союза учителей всех школ решил в недалеком будущем издавать свой орган.

— Отправка войск в Кронштадт. Вчера, 28 октября, с Охты были отправлены последние имеющиеся здесь роты Охтенского полка, вызванные экстренно в Кронштадт и выехавшие туда по Балтийской железной дороге. Так как за уходом рот названная часть города остается без военной охраны, то полицией сделано заявление о необходимости перевода сюда других частей войск из центральной части города.

— Заседание III-го отдела (потребительных товариществ и обществ) С.-Петербургского отделения комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах имеет быть в понедельник, 31 октября 1905 г., в $8^1/_2$ ч. в., в зале общества для распространения коммерческих знаний (Эртелев пер., 12).

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— В горном институте у главного входа и лаборатории стоит военный караул. Кроме того, институт оцеплен усиленным нарядом полиции. Последняя заняла все входы, даже и профессорские квартиры. Для того, чтобы попасть к кому-нибудь из профессоров, студентам приходится вызывать дворника, и только после того, когда дворник сходит к префессору и получит согласие последнего принять студента, полиция открывает вход. На-днях кто-то повесил у главного входа под об'явлением о закрытии института рисунок, изображающий 2-х солдат, колющих штыками рабочего. Под рисунком было подписано: „Хороша служба солдата, знай, коли родного брата“. Рисунок этот очень заинтересовал солдат института.

— Несмотря на удаление г. Трепова, политехнический институт все еще до сих пор закрыт, и вход в него для студентов воспрещен. Отпускные билеты на разные сроки, впредь до 15-го января, выдаются в помещении 1-го общежития; там же принимается плата за пользование общежитием. В настоящее время взято более 230 отпусков.

Студенты-политехники, живущие в общежитии, весьма встревожены слухами о готовящемся погроме общежития черной сотней. Возник вопрос об обороне. Слух о погроме имеет, повидимому, большое основание, так как на прилегающих к институту улицах заметно небывалое до сих пор количество представителей черной сотни, которые бесцеремонно пристают к студентам, требуя денег и делая по их адресу целый ряд замечаний на тему, что студенты—бунтовщики, народ из-за них страдает, и что надо „бить“ студентов.

Все это происходит на глазах у полиции и дворников, которые, несмотря на распоряжение градоначальника, относятся к черносотенцам весьма снисходительно. Вопрос о возможном погроме общежития и избиении студентов возбуждался на одной из прошлых сходок, при чем было решено отправить в городскую думу депутатов с просьбою содействовать учреждению милиции, имеющей своею целью оградить личность студентов от действий черной сотни. Результат ходатайства этой комиссии уже известен из газет: погром предполагается на 30 октября, а отцы города соизволят рассмотреть его на „ближайшем заседании“.

— Сходка студентов лесного института. 27-го октября в столовой лесного института состоялась сходка студентов, на которой группой социал-демократов была предложена следующая программа дня: 1) отношение студентов к современному положению России; 2) о вооружении студентов; 3) об открытии института. Сходка не могла продолжаться больше двух часов, с $2^1/_2$ до $4^1/_2$ часов дня, иначе градоначальник угрожал прибегнуть к вооруженной силе. После того, как сходка не нашла возможным не согласиться с условиями градоначальника, приступили к разборке всех трех вопросов совместно, как имеющих тесную связь друг с другом. Прения продолжались не долго. После этого была принята следующая резолюция: 1) мы, студенты лесного института, считаем необходимым вооружиться для борьбы с контр-революцией (против черносотенцев); 2) вопрос о самой технике вооружения студенческой дружины будет выработан социал-демократической группой; 3) институт открывается на условиях, предложенных организационным комитетом в сентябре месяце“.

— Протест директора против учащихся. Во время перемены, 27 октября, ученики VI класса реального училища Богинского стали обсуждать напечатанную в газетах резолюцию, вынесенную в „Введенской“ гимназии о старостах. Сходка была нарушена появлением директора, разогнавшего группу учащихся, получивших при этом от него строгий выговор. Он об'явил, что сходки в классе допустимы быть не могут. Собравшись же снова, учащиеся установили принцип круговой поруки.

К погрому.

— Петербургский градоначальник официально заявил, что у него не имеется никаких фактических данных о готовящемся погроме, слухи о котором „распространяются некоторыми органами печати". Г. градоначальник, повидимому, очень не внимательно читает эти „некоторые органы печати", иначе он имел бы ряд несомненных фактических данных; за последние дни газеты прямо таки пестрят этими данными: приводятся точные адреса, где были получаемы сообщения от лиц, хотя и низшей административной братии, но гораздо более осведомленных насчет „фактических данных". Приводим еще одно из многочисленных фактических данных: в квартиру г-жи Ш., в доме № 8 по Колпинской улице, на Петербургской стороне, явился дворник и сообщил, что им бояться нечего, ибо он уже передал полиции список евреев, живущих в этом доме; „а кроме их никого бить не будут", заявил дворник". „Свобода для того и дана, чтобы избить жидовское племя". Градоначальнику предоставляется право проверить это и все другие „фактические данные". Впрочем, для составления официальных сообщений в известном стиле — проверка, конечно, бесплодна, ибо всем известно, в каком виде являются перед обществом факты после того, как они пройдут сквозь горнило официальной канцелярщины. Кому же неизвестно, что, например, над количеством раненых и убитых граждан в „официальных сообщениях" производятся всевозможные математические манипулиции, при чем получается такое впечатление, что официальные лица не умеют считать выше 10.

— В дворницкую дома № 47 по улице Жуковского явились 27 октября два каких-то суб'екта и потребовали от находившегося там младшего дворника списка живущих в этом доме евреев. Младший дворник ответил, что такие сведения может дать только старший дворник, который вернется лишь через 2 часа. Суб'екты эти вернулись через 2 часа и обратились с тем же требованием к старшему дворнику. Последний ответил, что евреев в этом доме нет. На требование о пред'явлении домовой книги старший дворник ответил отказом. 28 октября домовладелец получил угрожающее анонимное письмо с угрозой, что в случае, если данные дворником сведения окажутся неверными, он будет избит, а имущество разнесено („Н. Ж.").

— Петербургский Комитет Р.С.-Д.Р.П. выпустил воззвание под заглавием: „Царская Конституция и Погромы". Останавливаясь на ужасах избиений, Р.С.-Д.Р.П. отмечает, что „правительство, свирепо подавляющее всякую мирную демонстрацию после об'явления „свободы собраний", не может справиться с кучками наглых, но трусливых хулиганов".

— В виду усиленно циркулирующих по городу слухов о том, что на 30 октября предполагается избиение черной сотней обывателей столицы, назначенное на 30 октября в доме гр. Паниной собрание чертежников отлагается на неопределенное время.

— Рабочие некоторых петербургских заводов решили защищать с оружием в руках курсы Лесгафта, если на них будет произведено нападение.

— За последнее время рабочие в механических мастерских разных заводов усиленно заготовляют холодное оружие для организации самообороны против черносотенников.

— 2-я петербургская классическая гимназия 28 октября снова закрыта.

— Центральный комитет Союза союзов обратился ко всем русским гражданам с воззванием, в котором в ярких красках рисует те ужасы и безобразия, которые творятся теперь в стране; указывая на массовые избиения и останавливаясь на причинах, побуждающих некоторых лиц агитировать за избиения, воззвание говорит, что

> чиновникам, полиции и ея приспешникам есть резон отстаивать старые порядки и бояться новых. Они чуют, что приходит конец их хозяйничанью; нельзя будет попрежнему самоуправствовать, не придется богатеть от взяток. При новых порядках народ будет контролировать их и заставит их следовать закону.
>
> Для них старое время было действительно добрым временем, и им хочется вернуть его.
>
> Но они пытаются уверить всех, что и народ не хочет отказаться от старой жизни, что и народ не видит ничего лучшего, как полный произвол чиновников и полиции.
>
> Мы громко заявляем, что это ложь.
>
> Не народ восстает против свободы, против лучших своих братьев, за то, что они ведут его к свободе.
>
> Не в интересах народа избивают несчастных евреев. Только негодяи в своих корыстных видах, чтобы спасти старые порядки, распространяют всякие вздорные слухи про евреев, уверяют, будто они враги русскому народу. Еврейский народ такой же, как и русский, — мирный, трудящийся народ. Все люди братья,—сказано в евангелии.
>
> Каждый честный человек, если при нем какой-либо негодяй начнет чинить насилие, должен вступиться за жертву насилия.

В обществе экономистов.

На 28 октября в собрании экономистов назначено было сообщение А. А. Радцига на тему „Об экономических задачах Государственной Думы".

Докладчик в самых общих чертах нарисовал печальное положение русских финансов. По его мнению, немедленно нужно сократить государственный бюджет, в виду необходимости расплачиваться с многочисленными долгами. Поэтому, по мнению докладчика, вопрос о государственном бюджете должен быть рассмотрен Думой на первых ее заседаниях.

Первый оратор прежде всего ознакомил аудиторию с критическим очерком немецкого экономиста д-ра Мартина, под заглавием „Россия и Япония". Немецкий экономист как бы предостерегает свое отечество от займов России, в виду того, что, по его мнению, Россия накануне революции и не позже как через пять лет дойдет до государственного банкротства.

Для разрешения обостренного финансового положения оратор предлагает следующий выход: прибегнуть к внутреннему займу, благодаря которому 166 миллионов десятин государственной земли могли бы быть выкуплены всем русским народом для безземельного крестьянина. Второй оратор коснулся в своей речи вопроса аграрного. Он находит, что необходимо немедленно разрешить этот вопрос, иначе — крестьяне сами его разрешат отнятием земли не только у государства, но и у помещиков.

Вслед за этим оратором начались „другие" речи...

Перестали говорить о теории; начали говорить о событиях дня.

Далее Н. Н. Волков подробно, как очевидец, нарисовал картину кронштадтского погрома. Убеленный сединами старец Кулябко-Корецкий дрожащим от волнения голосом читает отрывки письма из Пензы: в день об'явления манифеста о свободах произошло побоище, вернее, война между вооруженными солдатами и подростками-школьниками, которые своей невинной кровью обагрили улицы Пензы...

В награду за такие подвиги войска удостоились похвалы начальства, губернатора г. Хвостова.

Всего раненых 56 детей. Хотели послать в Петербург телеграмму с мольбой о защите, но губернатор не пропустил подобной телеграммы. Волнение оратора передалось всей аудитории... Чувствовалось всеобщее возбуждение, потребность хоть чем-нибудь выразить протест против подобных насилий.

Со всех сторон слышалось: „таких начальников под суд".

Однако, 2 члена „Русского Собрания“, П. П. Соколов и А. В. Васильев, начали громить интеллигенцию, возбуждающую народные страсти, а потому и повинную в проливаемой крови.

Наступил решительный момент...

Поднялся страшный шум, послышались крики: „Долой провокаторов!“ и оратор (г. А. В. Васильев) принужден был оставить кафедру, с которой он собирался проповедывать родные, близкие ему идеи, так хорошо усвоенные черной сотней.

Среди несмолкаемого шума собрание в первом часу ночи было закрыто.

К.

Письма в редакцию.

Милостивый государь
г. редактор!

Не откажите поместить нижеследующее:

В номере „Русской Газеты“ от 26 октября помещена заметка о введении 8-часового рабочего дня на Невском судостроительном и механическом заводе (Семянникова), в которой, между прочим, сказано: „24 октября собравшиеся, за исключением корабельной мастерской, рабочие в числе более 6.000 человек самостоятельно установили 8-часовой рабочий день“... Не говоря уже о том, что сообщение об общем собрании рабочих не вполне точно, указание, касающееся корабельной мастерской, фактически неверно. Вопрос о введении 8-часового рабочего дня обсуждался на собраниях по отдельным мастерским, не исключая и корабельной. Последняя всецело присоединилась к предложению делегатов о введении 8-часового рабочего дня, указывая только на необходимость не получасового, а полуторачасового перерыва на обед; полуторачасовой перерыв в корабельной мастерской необходим в виду отсутствия там парового отопления. Между указанием на необходимость полуторачасового перерыва и отказом от участия в общем обсуждении вопроса о 8-часовом рабочем дне есть некоторая разница.

Депутат корабельной мастерской
Арсений Владимиров.

Г. редактор.

В виду появившегося в № 1 газеты „Новая Жизнь“ сообщения о том, что Федеративный Комитет „большинства“ и „меньшинства“ обсуждал вопрос о присоединении Совета Рабочих Депутатов к Социал-Демократической Рабочей Партии, как к единственной представительнице интересов рабочих, мы, делегаты Совета Рабочих Депутатов, члены Партии Социалистов-Революционеров, в собрании своем постановили заявить на ближайшем общем собрании Совета Рабочих Депутатов:

1) что Совет избирался для представления интересов всех рабочих г. Петербурга без различия партий, поэтому об‘являть себя присоединившимся к какой-либо партии Совет Рабочих Депутатов не имеет права;

2) что если Социал-Демократическая Рабочая Партия, пользуясь большинством в Совете Рабочих Депутатов, проведет об‘явление его социал-демократическим, мы, делегаты социалисты-революционеры, обратимся к выбравшим нас товарищам с просьбой рассудить, в праве ли был Совет обратиться в партийную организацию.

3) Мы, делегаты Совета Рабочих Депутатов, соц.-рев., заявляем, что утверждение Федеративного Комитета соц.-дем. о том, что их партия является единственной представительницей интересов рабочих, не соответствует истине, так как Партия Соц.-Рев., как выразительница интересов всего трудового рабочего народа, является, следовательно, и представительницей интересов пролетариата.

Собрание делегатов Совета Рабочих Депутатов, членов Партии Соц.-Революционеров.

27-го октября 1905 г.

Из партийной жизни.

Приказчики социал-демократы.

28 октября состоялось заседание организационного бюро приказчиков с.-д., случайно собравшегося не в полном составе. Очередным вопросом этого заседания было: 1) об‘единение приказчиков в их борьбе с капиталом и 2) организация всех приказчиков с.-д. с целью взять в свои руки руководство этой борьбой.

После долгого обсуждения выяснилась необходимость: 1) привлечения всех приказчиков в профессиональный союз, задачей которого является экономическая борьба, взаимопомощь и общее развитие приказчиков; 2) одновременно с привлечением в союз— об‘единения приказчиков социал-демократов для сплочения партии вообще и возможности большего влияния на деятельность профессионального союза в частности.

Организационное бюро решило созвать всех приказчиков социал-демократов, устроить учредительное собрание социал-демократического приказчичьего союза. Тут же был выработан порядок дня учредительного собрания:

1) Сообщение представителя Р. С.-Д. Р. П. — программа партии, организация, тактика и положение дел партии в России.

2) Организация социал-демократического союза приказчиков.

Кроме того, организационное бюро приказчиков с.-д., в котором присутствовало 6 делегатов приказчиков Рабочего Совета из 11, постановило запросить Рабочий Совет о его политической физиономии, в виду того, что приказчики с.-д. не могут доверять политическое руководство учреждению с невыясненной политической платформой.

Рабочие Балтийского судостроительного и механического завода 28 октября с. г. на общем собрании вынесли следующую резолюцию:

„Мы, рабочие, должны единодушно присоединиться к Совету Рабочих Депутатов города С.-Петербурга, который борется за свои экономические и политические дела рабочего класса. Мы, рабочие, должны всеми силами, всеми средствами бороться с черной сотней, подавлять ее в самом начале ее организации, не допускать провокаторства в заводе и вносить заявления о каждом появлении провокаторства делегатам.

Да здравствует организация!

Да здравствует Социал-Демократическая Рабочая Партия“.

На имевшей недавно место конференции по аграрному вопросу, в которой приняли участие комитеты Р. С.-Д. Р.П. Уральского и Средне-Волжского районов, приняты следующие постановления относительно об‘единения работы на местах.

Об‘единение работы на местах является насущной потребностью. Наученные горьким опытом, мы отвергаем мысль о создании районного центра, как постоянного учреждения, отделенного от местных организаций. Естественным возможным способом об‘единения мы признаем выделение наиболее опытных работников из состава местных комитетов; на обязанности их будет лежать осведомление каждой организации о положении районной и обще-партийной работы. Переезжая из одного комитета в другой, они будут в то же время усиливать темп работы на местах своего временного пребывания. Собираясь периодически при Центральном Комитете, эти работники установят живую идейную и практическую связь партийного центра с местными организациями, обеспечив самому Ц. К. действительную возможность осуществить свои партийные задачи.

Являясь, таким образом, агентами Ц. К., такие работники утверждаются им, будучи выделены местными комитетами на их конференциях.

Рассматривая резолюцию III-го с‘езда об отношении к крестьянскому движению, конференция, найдя неясной формулировку пункта а), сочла необходимым изложить свое толкование некоторых мест.

Поддержку революционных мероприятий крестьянства мы понимаем таким образом:

При наличности стихийного крестьянского движения на обязанности социал-демократов лежит выполнение следующей задачи: внести в такое движение элементы организованности и сознательности, связывая каждое отдельное выступление с общей революционно-демократической деятельностью крестьянских комитетов и тем превращая отдельные простые аграрные

преступления в отдельные революционные акты всеобщего демократического движения.

В выражении: „революпионные мероприятия, способные улучшить положение крестьянства“ слово „улучшить“ мы понимаем не в смысле укрепить хозяйственную самостоятельность крестьянина, как мелкого собственника - землевладельца, и тем противодействовать развитию крупного капиталистического хозяйства в деревне, а лишь в смысле создания наилучших условий для свободного развития классовой борьбы в деревне.

По вопросу о конфискации помещичьих земель мы высказываем следующее соображение: в том случае, если конфискации подвергнется земля капиталистически организованного хозяйства, ближайшим следствием этого акта явится затемнение классовых противоположностей в данном месте, но эта потеря должна считаться ничтожной в том случае, когда самый акт конфискации, революционизируя умы крестьянства, обеспечивает успех демократического переворота, результатом которого явится громадное развитие производительных сил страны и необходимо соединенное с ним ускоренное развитие классовых противоречий и классовой борьбы.

Организация работы в деревне.

А. При каждом комитете должна быть сформирована особая группа для работы в деревне или, по крайней мере, выделено несколько работников, специально посвящающих себя этой работе. На обязанности их лежат периодические об‘езды всех пунктов, в которых имеются более или менее прочные связи.

Б. В более значительных селах и уездных городах должны сформировываться при об‘ездах местные группы из более развитых и сознательных крестьян и сельской интеллигенции. Выполняемая этими группами работа должна постепенно усложняться.

Первоначально она заключается в следующем: во- 1) распространение литературы, 2) устройство собраний, на которых выступают приезжие агитаторы, 3) осведомление комитета об общих условиях деревенской жизни и о выдающихся событиях. Далее в сферу деятельности местных групп должна войти 4) первоначальная пропаганда и агитация.

Последнее может осуществиться лишь при выполнении двух условий: а) регулярное посещение деревни городскими руководителями, которые направляли бы теоретически и практически работу местной группы; б) снабжение местных групп пособиями для пропаганды и агитации.

Пособия для пропаганды: 1) программа, по которой члены группы могли бы вести первоначальные занятия в крестьянских кружках; 2) более серьезная программа, которой могли бы руководиться в своих собственных занятиях члены группы. При обеих программах должны быть указаны источники, которые легче всего достать в деревне. Недоступные должны доставляться в группы комитетом. Конференция указывает на необходимость скорейшего выпуска в свет серии брошюр пропагандистского характера, обещанных Центр. Ком.

Пособия для агитации: 1) листки, в которых популяризируются наши общие и специально крестьянские лозунги, 2) примерные сельские приговоры, составленные по поводу каждого практического лозунга, как-то: бойкот Госуд. Думы, отказ от платежа податей и пр. Констатируя недостаточность местных литературных сил для выполнения этих задач, мы сейчас устанавливаем обмен листками между всеми представленными на конференции и обращаемся с тем же к Московскому, Саратовскому, Самарскому к-ам и Симбирской группе.

Неоценимым пособием для пропаганды и агитации явилась бы специальная крестьянская газета, правильная постановка которой в сильнейшей степени повысит продуктивность нашей работы в деревне. Создание такого органа должен взять на себя один из наиболее сильных к-ов района.

Лозунги, с которыми мы идем к крестьянам:

1) Всенародное Учредительное Собрание.

Как часть этого лозунга предлагается выдвигать лозунг:

Организация крестьянских боевых дружин, одной из подготовительных стадий является дезорганизация правительства, выражающаяся в следующих революционных мероприятиях крестьянства:

а) Организация крестьянских комитетов.
б) Бойкот Государственной Думы.
в) Отказ от уплаты податей.
г) Отказ от поставки рекрутов.
д) Бойкот правительственных учреждений и агентов.
е) Активное открытое выступление.

Профессиональные союзы.

Опасный параграф.

(Открытое письмо к товарищам — членам союза рабочих печатного дела.)

Сначала я должен оговориться. Речь будет итти не об отдельных частях „101 пуда“ русского свода законов и не об отдельных циркулярах плодовитых министров.

Правовые нормы прежнего строя капитулировали вместе с самодержавием перед грозным натиском революционного пролетариата. А потому, говоря словами Л. Толстого, оставим мертвым мертвецов погребать и обратимся к живым.

Я имею в виду устав союза рабочих печатного дела. Союз этот, хотя и недавно народился на свет, но своей законченной организацией резко выделяется от других профессиональных организаций, носящих пока аморфный характер. Целый ряд обстоятельств (трехдневная забастовка, об‘явленная союзом в конце сентября из-за сочувствия москвичам, последняя политическая стачка, фактическое осуществление союзом свободы печати, организация примирительной камеры и т. д.) показали труженикам печатного дела силу союза, и число членов стало возрастать с поразительной быстротой.

Бюро не всегда даже успевает производить записи новых членов.

Недалеко уже время, когда подавляющее большинство рабочих печатного дела (наборщики, типографские и литографские печатники, накладчики, переплетчики, словолитчики, цинкографы—всего около 25.000 человек) будет стоять под красным знаменем союза в качестве постоянных членов.

Не хуже рабочих силу союза поняли и хозяева.

Активные наступательные действия против союза открыл владелец словолитни Леман.

Этот бравый генерал - от - словолитчиков не чужд и дипломатии. Вначале он склонял рабочих „кроткими мерами“ — просьбами, потом стал требовать от рабочих его словолитни выйти из союза рабочих печатного дела, предлагал „бескорыстно“ свои услуги для организации при его содействии особого союза словолитчиков, обещал субсидию, обещал выхлопотать штрафной капитал в союз... И когда хозяйское „мягкосердие“ разбилось о непреклонную стойкость рабочих, Леман заявил: „Выходите из союза, бросайте политику, иначе я сам поступлю в союз хозяев“.

У Лемана есть подражатели, но не все. Есть категория владельцев, мечтающих восстановить гармонию между трудом и капиталом. Они тоже знают силу союза и потому из‘являют желание вступить в члены союза рабочих печатного дела. О таком желании хозяев можно было бы и не говорить совсем, если бы отдельные лица союза не высказывались за прием хозяев в члены-соревнователи, основываясь на § 8 устава. Опасный параграф со всеми своими примечаниями гласит, что в члены-соревнователи, пользующиеся совещательным голосом, принимаются по предложению бюро лица, оказавшие услуги союзу (союзный врач, юрисконсульт и т. п.) или лица, сочувствующие целям союза и вносящие не менее 10 р. в год.

Мягкие души, мечтающие о сотрудничестве хозяев под красным флагом союза, неправы формально и по существу. Разве капиталисты могут сочувствовать задачам союза, направленным для борьбы с капиталом и капиталистами? Эта тенденция чревата последствиями и в корне убивает всю классовую организацию союза. Много заплатил рабочий класс, пока проникся сознанием противоположности интересов труда и капитала. И вдруг в своей пролетарской броне своими собственными руками думают сделать брешь, чтобы пустить ко дну весь союз.

Так называемые „практические люди", именующие себя героями маленьких дел, „стоят за прием в члены хозяев из-за коммерческих соображений". С лихой собаки, мол, хоть клок шерсти; и почему с хозяев не содрать от 10 р. до 100 р. в год?

Но представляют ли новаторы, как будут вырабатываться планы борьбы с Отто Кирхнерами, Леманами, Вольфами, Гаевскими и К° в присутствии их? Вы призовете всех врагов в свою штабную квартиру, раскроете ваши укрепления, планы и диспозиции ваших сил.

Поймите, что даже русские генералы не доходили до этого в русско-японскую войну, а понявши это, отбросьте опасные иллюзии хозяйскими взносами увеличивать ваши стачечные фонды.

Наше профессиональное движение измеряется пока днями, но и в этой краткой хронологии есть свои „уроки истории".

Что представляет из себя екатеринославский „профессиональный союз"—союз ремесленных рабочих и их хозяев? Что представляет в Екатеринославе русский „профессиональный" союз приказчиков и их хозяев? Это не только мертворожденные организации, бессильные в борьбе за свои интересы, но они своим существованием затемняют классовое сознание, принося тем самым страшный вред профессиональному движению. Екатеринославские товарищи занялись уже реорганизацией этих, с позволения сказать, „патриархальных" союзов на чисто пролетарской основе.

Чтобы не было никаких сомнений, и чтобы еще раз был подчеркнут классовой характер союза, на общем собрании рабочих, в воскресенье, 30 октября, должно быть внесено обязательное добавление к § 8 устава в том смысле, что и в члены-соревнователи не принимаются хозяева, управляющие, маклера и другие представители администрации. В союзе не место ни А. Каспари, именующему себя „конституционалистом", чуть не „республиканцем", и в то же время рассчитывающему рабочих за срезывание цензурной пометки на обложке журнала „Родина", ни г. Башмакову, заявившему, что перед красным знаменем он не снимет шапки, пока ее у него не собьют кулаком. Беспокоиться же о г.г. Леманах и их присных нам нечего. Выставив аншлаг на дверях нашего союза: „Хозяевам и администрации вход воспрещен", мы их не удерживаем от участия в хозяйских союзах. Скатертью им дорога!

Хрусталев.

— В воскресенье, 30 октября, в 4 ч. дня, в помещении Технического общества (Соляной Городок, вход с Пантелеймоновской улицы) состоится собрание рабочих: портных, портних и скорняков, для обсуждения своих профессиональных нужд.

— Сегодня, 30 октября, состоится собрание профессионального союза приказчиков. Предполагается после выслушания доклада делегата приказчиков о деятельности Рабочего Совета прочесть реферат об экономическом положении России и делении населения на классы. Затем будет возбужден вопрос о реорганизации совета союза приказчиков, так как его физиономия не соответствует физиономии профессионального союза.

— На собрании 26-го октября, устроенном бюро союза рабочих печатного дела для рабочих типографий Гаевского, Вольфа, переплетной Кирхнера и словолитни Лемана, было выяснено положение дел после забастовки.

— В типографии Гаевского уволен депутат рабочих; поручено бюро союза и Совету Депутатов войти в сношение с хозяином типографии для возвращения выборного обратно в заведение.

— Рабочие Вольфа пред'явили к хозяину типографии требования: 1) 9-часовой рабочий день вместо 10½, 2) один годовой праздник, кроме двунадесятых, 3) увеличение платы. 24-го была об'явлена забастовка, и работы были прекращены. Хозяином типографии было обещано дать ответ рабочим в пятницу. Рабочие типографии постановили полученный ответ обсудить совместно в союзе рабочих печатного дела и на общем собрании выработать дальнейший образ действий.

— В словолитне Лемана были пред'явлены требования: 1) плата за время забастовки, 2) отмена обысков, 3) отмена штрафов, 4) ограничение числа необученных рабочих. В ответ на требование, хозяин заведения начал склонять рабочих к выходу из союза рабочих печатного дела, он предлагал организовать особый союз словолитчиков, обещал свое содействие для организации такого нового союза и денежную помощь. „В противном случае", заявил хозяин, „я сам войду в союз типографов, и тогда посмотрим, который союз будет сильнее". На все это рабочие заявили, что требование хозяина выйти из союза печатного дела есть насилие над их гражданскими правами, и поэтому они, не препятствуя хозяину выбирать для себя какой угодно союз, остаются в том союзе, где находят для себя более целесообразным, от лисьего предложения хозяина организовать особый союз словолитчиков отказываются и настаивают на своих экономических требованиях; ответ на них должен быть дан не позже 31 октября, и они рассмотрят его совместно с союзом раб. печ. дела.

— В типографии Кирхнера после забастовки были не приняты 5 человек. Рабочие, откладывая вопрос об об'явлении забастовки для возвращения уволенных товарищей до выяснения переговоров представителей бюро союза раб. печ. дела и Совета Депутатов, постановили в случае неудачи переговоров об'явить через посредство всех союзов и лиц, сочувствующих им, бойкот на все издания и произведения фабрики Кирхнера, особенно же на календари, которые, как нам известно, расходятся перед новым годом в бесчисленном количестве экземпляров.

— 26 октября представители бюро союза раб. печ. дела вступили в переговоры с издателем „Родины", г. Каспари, об'явившим расчет всем наборщикам за уничтожение в стереотипе строки о дозволении цензуры. Выяснив принципиальную поспешность рабочих Каспари, представители бюро союза предложили г. Каспари немедленно возвратить всех рабочих в типографию и уплатить им за два дня плату; после продолжительных переговоров рабочие были приняты обратно, и обещана им часть платы за время прекращения работ. С утра 27-го работы возобновились.

26 октября, в 8 час. вечера, в народном доме Нобеля состоялось собрание союза литографов. Об имеющем быть собрании было сообщено администрации, и в зале присутствовал представитель власти не в форме, который все время держался в задних рядах. Первым пунктом порядка дня было чтение проекта устава союза. После того, как были внесены кое-какие незначительные поправки в проект устава и были установлены размеры взносов ежемесячных и вступительных, проект был единогласно принят. Тут же были избраны кассир и комиссия из 15 человек для проведения устава в жизнь. Союз тут же был об'явлен открытым. Вторым пунктом порядка дня был вопрос о стачке. Примкнувши 3 недели назад к стачке типографов, об'явленной по солидарности с московскими товарищами, литографы всех крупных заведений выставили свои экономические требования, из коих главное было — 9-часовой рабочий день. Некоторые заведения быстро уступили, другие же рассчитали своих рабочих, надеясь заместить их новыми. Но литографы, имея возможность собираться и сговариваться между собою, твердо держались и не являлись в те мастерские, где стачка

продолжалась. В конце концов, все хозяева согласились на 9-часовой рабочий день и на некоторые требования. На собрании было заявлено, что некоторые заведения, добившись всего, приступают к работам, другие же решили бастовать до тех пор, пока не придут к соглашению и по другим пунктам, кроме 9-часового рабочего дня. Для поддержания этих товарищей на собрании было решено отчислить в их пользу однодневный заработок тех литографов, которые уже приступили к работам. На собрании, между прочим, были переданы суммы, собранные таким образом в некоторых литографиях, но еще не поступившие в стачечный фонд, и были оглашены те литографии, где сбор уже был произведен ранее. Кроме того, был оглашен факт, что из одной бастующей литографии заказчиком был взят заказ обратно и передан в другую литографию, где работы производились. На прежних же собраниях было решено, что все товарищи должны отказываться от исполнения таких заказов. В ответ на это заявление один из литографов указал, что к ним, действительно, поступил такой заказ, но они решительно отказались исполнить его до тех пор, пока не увидятся с товарищами и не выяснят того, от какой литографии отобран этот заказ. Образец был тут же представлен, признан бастовавшими товарищими за свой, и собрание рукоплесканиями и криками благодарности чествовало этот пример товарищеской солидарности. В конце собрания один из ораторов приглашал товарищей об'единиться и вооружиться для противодействия „черной сотне", которая не останавливается даже перед нападением на беззащитных женщин. Другой оратор остановился на характеристике переживаемого момента, отметил отличительные черты той борьбы, которую ведет пролетариат, и тех профессиональных союзов, которые теперь основываются. Он указал на то, что все наши вновь образуемые союзы стоят и не могут не стоять на точке зрения классовой борьбы. Они образуются, в виду необходимости борьбы труда с капиталом, и не хотят затушевывать своих стремлений. Для того, чтобы союз возможно полнее и совершеннее об'единял всех рабочих данной профессии, он должен принимать членов без различия партий, но история—и наша и чужая—слишком ярко доказала нам, что, кроме экономической борьбы, рабочие должны вести и политическую борьбу. К какой же партии рабочие не как члены союза, а как граждане, должны примкнуть? Оратор предостерегал от политической беспринципности различных могущих образоваться, „независимых" рабочих партий и звал всех под знамена социал-демократии.

Из жизни рабочих.

Металлический завод.

Подобно тому, как в Невском районе Семянниковский или Обуховский, так здесь Выборгский металлический завод задает тон целому ряду других более мелких окружающих его заводов. И в последнюю политическую забастовку металлический стойко держался от 14 до 21 октября, снимал рабочих с других заводов и строго следил за исполнением всех постановлений Рабочего Совета. Только раз был момент, когда, казалось, поколебалась стойкость рабочих металлического завода, именно, когда рабочие Розенкранца принялись за работу. Однако, стоило ораторам социал-демократам на митинге указать на все значение настоящей стачки, ни одна рука не поднялась за прекращение забастовки. Митинги продолжались почти каждый день вплоть до самого прекращения забастовки. Ораторами выступали исключительно социал-демократы обеих организаций. 27 вечером был устроен еще один митинг. 3 оратора, посланные соединенной коллегией митинговых ораторов Р. С.-Д. Р. П., свободно прошли в завод в 6½ ч. вечера в ново-механическую мастерскую, где был назначен митинг.

Рабочие всех мастерских стекались сюда толпами, и без четверти 7 митинг был открыт.

Первый оратор в своей речи коснулся исключительно экономических нужд данного завода: именно, вопроса о возможности и способах введения на нем революционным путем 8-час. рабочего дня, вопроса о стоимости работ и сверхурочных работах, и предложил для решения данных вопросов путь, принятый уже в соединенном заседании выборных от всех мастерских. Собравши все сведения по мастерским о возможности и необходимости повышения расценок при сохранении штучной платы или введения заработной нормы при замене ее поденной, представить все эти сведения в комиссию из 7 человек, которая, сгруппировав их определенным образом, и после утверждения этих новых расценочных норм всеми рабочими на общем митинге, представила бы их в виде ультиматума администрации завода, явочным порядком введя в то же время 8-час. рабочий день. При этом особенное внимание при начале этой борьбы оратор предлагал обратить на полную осведомленность, которой должны обладать выборные относительно настроения своих мастерских в целях большей солидарности и сплоченности их в будущей борьбе.

Следующие речи были чисто политического характера и содержали в себе раз'яснение конечной цели социал-демократии и ее ближайших задач — организации пролетариата в единую классовую партию. Особенное внимание обращалось на возможность захвата плодов одержанной победы буржуазными партиями и на новые формы организации, формы более открытые и легальные. „Долой подполье!"—было лозунгом, данным ораторами,—пусть каждый рабочий признает себя социал-демократом и открыто запишется в ряды Р. С.-Д. Р. П. В результате была вынесена единогласно следующая резолюция: „Мы, собравшиеся рабочие, после обсуждения пришли к следующему выводу: в настоящее время, когда под ударами революции падает царское самодержавие, нам, рабочим, необходимо тесно сплотиться в одну партию, чтобы в ее рядах неутомимо бороться за наши интересы, в противном случае буржуазные партии захватят в свои руки все плоды победы, добытые нашими руками. Рабочим нужна единая партия. Рабочая партия должна принять программу, которая выражает интересы пролетариата всего мира. Такой программой является программа международной с.-д.; российский пролетариат есть часть всемирного пролетариата, а российская социал-демократия — часть всемирной социал-демократии. Все рабочие организации и союзы должны сплотиться под знаменем С.-Д. Р. П. Поэтому, мы, собравшиеся рабочие, находим единственно приемлемой для Рабочего Совета, выросшего во время последней стачки, программу Р. С.-Д. Р. П. и предлагаем Совету вести дальнейшую борьбу за народную милицию, 8-час. рабочий день и социализм в рядах этой партии".

Тут же было принято решение противодействовать, путем проскрипционных списков и публикаций в „Новой Жизни" имен и фамилий, подвигам черной сотни.

Митинг окончился в 8 час. вечера.

За Московской заставой.

29 октября в 12 часов дня прекратила работы сапожная мастерская Российско-Американской мануфактуры. Рабочие и работницы означенной мануфактуры заявили администрации фабрики о желании собраться и поговорить о своих нуждах, прося дать им для этой цели подходящее помещение. Когда депутат от рабочих заявил об общем желании своих собратьев, то получил... немедленно расчет... Об этом обстоятельстве он передал своим сотоварищам, и те немедленно бросили работу...

Здесь сильно циркулируют слухи о нашествии хулиганов, черносотенцев, в виду чего рабочими местных заводов приняты меры к тому, чтобы „достойно" встретить этих патриотов. Меры эти приняты потому, что никто не верит в целительную силу публикации от имени градоначальника.

С понедельника решено начать работы без обеденных перерывов с 8 ч. утра до 4 ч. веч., т. е. работать 8 час. Последнее время мелким служащим жилось настолько тяжело, что, как мы слышали, директор Спб. вагоностроительного завода, Э. Басманн, решил выдать ½-месячный оклад всем служащим своего завода.

Местный.

На Обуховском заводе.

— Рабочие о восьмичасовом дне. На Обуховском сталелитейном заводе вчера, 27 октября, в пятом часу пополудни, рабочие, оставив мастерские, собрались на общее совещание по вопросу об установлении на заводе восьмичасового рабочего дня. На запрос, пред'явленный рабочими администрации завода по поводу сокращения дня до восьмичасовой нормы, ответ был получен отрицательный. Не взирая на это, рабочие постановили самостоятельно осуществить свою мысль и прекратили работы на два часа ранее обычного времени.

28 октября на Обуховском заводе рабочие впервые осуществили восьмичасовой рабочий день.

Путиловский завод.

— Рабочие корабельной и лесообделочной мастерской Путиловского завода 18 октября связали начальника корабельной и мастера лесообделочной, потом одели на их головы грязные мешки и, при общих возгласах радости и смеха, вынесли их на улицу и бросили в грязь. Правление общества Путиловских заводов об'явило рабочим этих мастерских поголовное увольнение. Возмущенные рабочие предложили свой поступок рассмотреть всем товарищам завода; с этой целью было назначено несколько собраний, на которых большинство высказывалось за забастовку как единственный верный способ подействовать на правление. Правление, взволнованное этой угрозой рабочих, выпустило вчера воззвание к ним, в котором советует успокоиться и приняться за правильную работу, ибо в противном случае, в случае забастовки, завод придется совсем закрыть.

СОБРАНИЕ РАБОЧИХ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БУМАГ.

28 октября, в десять часов утра, в зале народного дома Паниной состоялось собрание 4.000 рабочих экспедиции заготовления государственных бумаг, под председательством счетчика 2-го отделения экспедиции Павлова.

Собрание было открыто речью депутата рабочих экспедиции, при чем был изложен подробно ход текущих событий за последние дни забастовки, т. е. с 26 октября по текущий день.

Причина забастовки, как оказывается, лежит не только в желании рабочих избавиться от своей пенсионной кассы, но и в том взаимоотношении, которое применяется чиновниками к рабочим. Произвол среди бюрократов-чиновников экспедиции царит здесь во всем своем величии.

Как на одно из последствий произвола, рабочие указывали на уволенных на-днях только г. Голицыным 160 рабочих орловских мастерских экспедиции.

Затем депутаты от рабочих, г. Прогер и М. Ушаков, уволенные из экспедиции за участие в комиссии Шидловского, доложили собранию о своем вчерашнем посещении гр. Витте.

Гр. Витте принял указанных представителей в час ночи и беседовал с ними до четырех часов утра, при чем депутаты прочитали свои требования, изложенные в докладе - записке. Требования эти состоят из следующих пунктов, на которые Витте им тут давал ответы:

1) Упразднить пенсионную кассу экспедиции и выдать ее участникам собственные взносы с % и приплатою казны с %.

Ответ Витте: Так как касса учреждена законодательным порядком, то ее ликвидировать в один день нельзя, поэтому предлагаю вам выбрать из своей среды третейский суд, в который вошли бы: один чиновник, фабричный инспектор (по желанию депутатов избран г. Литвинов-Фалинский), один известный общественный деятель и пять рабочих экспедиции. Этот третейский суд должен в пятидневный срок вынести решение по вопросу о выдаче рабочим добавочных казенных денег и сделать свои заключения, которые прошу чрез депутатов доставить мне.—Кроме того, Витте говорил, что растраты, очевидно, в пенсионной кассе нет, и если бы таковая оказалась, то немедленно будет пополнена казной.

2) Сделать раздачу прибылей по %, а не в виде награды.

На это Витте из'явил свое согласие.

3) В виду дороговизны жизненных продуктов, а также и квартир, установить минимальный оклад содержания рабочим 30 руб. мужчинам и 25 руб. женщинам, с периодической прибавкой чрез известное время. Периодические прибавки должны быть выработаны администрацией совместно с рабочими, с правом решающего голоса рабочих.

Удовлетворение этого параграфа Витте считает возможным.

4) Отменить эксплоатацию детского труда и принимать детей на работу в качестве учеников, но не рабочих.

На это Витте безусловно согласился.

5) При увольнении рабочих из экспедиции должна быть учреждена особая комиссия из администрации и самих рабочих ...

С этим пунктом Витте согласился, но заявил, что желательно было бы, чтобы в данном случае рабочие имели только совещательный голос.

6) Обеспечить рабочих, получивших увечья и потерявших здоровье на работах в экспедиции. Работающих же с увечьями перевести на более легкий труд, дабы они не были в тягость другим рабочим.

На это Витте согласился.

7) Уволить мастеров и чиновников, выслуживших пенсию по старому уставу.

В этом вопросе Витте обещал разобраться.

8) Сделать переоценку труда совместно с администрацией и представителями от рабочих.

На это Витте ответил, что рабочим желательно дать в данном случае право совещательного голоса.

9) Допустить рабочих в состав комитета кассы 11 апреля в память Александра 2-го. Витте нашел это вполне возможным.

10) Уменьшить штат чиновников по письменной части и мастеров, которые сидят совершенно без дела.

Этот пункт Витте находит возможным удовлетворить.

11) Согласно требованию всех рабочих, экспедиция примет на работу бывшего депутата в комиссии Шидловского, Михаила Ушакова, отстраненного от работ произволом администрации.

Ходатайство это удовлетворено.

12) Строго наказать тех лиц, которые приказали войскам расстреливать мирно беседовавших рабочих 4 октября с. г.

— Это,—ответил Витте,– дело суда.

13) Отстранение от службы в экспедиции протоиерея Орнатского за целый ряд безнравственных поступков, не подобающих священному сану.

На это Витте заявил, что он пригласит к себе отца Орнатского и с ним побеседует.

14) Отстранить от должности управляющего экспедицией г. Голицына и его помощника Владимира Михайловского.

На это Витте ответил, что Голицын уже сам уволился, а Михайловский будет уволен с назначением нового управляющего.

В присутствии депутатов Витте сделал письменное распоряжение о передаче требования рабочих на немедленное распоряжение и. д. министра финансов Шипова.

В виду того, что депутаты пришли к соглашению с Витте, собрание постановило начать работы с понедельника.

Во время заседания в зал собрания явился чиновник экспедиции г. Гингрос и заявил следующее:

— Г. министр финансов просит прислать сегодня к двум часам в экспедицию своих депутатов для переговоров с ним. К этому времени г. министр будет их ожидать в экспедиции.

Немедленно было выбрано 20 человек депутатов: Ушаков, Васильев, Грудков, Павлов, Прогер (эти шесть человек вошли и в число избранных для третейского суда), Воробьев, Парфенов, Шоломов, Никольская, Иванов, Кузьмичихин, Гринюк, Кудрявцева, Моисеева, Мольский, Кестнер, Никифорова, Марков, Прокофьев и Воинов. Затем собрание было закрыто, и депутаты немедленно отправились для беседы с Шиповым.

Беседа эта, продолжавшаяся два часа, ни к чему не привела, так как Шипов отказался санкционировать обещания Витте, заявив, что третейский суд должен раньше разобраться в требованиях рабочих, при чем министр предложил в третейский суд гласного думы г. Лихачева, рабочие же заявили, что они Лихачева не хотят и просят назначить Фальборка.

Г. Шипов ответил на это, что с Фальборком он не знаком, а потому пригласить его не может.

Вместе с тем, г. Шипов просил, чтобы пока начались работы в экспедиционной водокачке и на электрической станции, так как от этой забастовки страдают больные.

Депутаты на это ответили, что свет они дадут, для чего купят на свои средства свечей, также будет доставлена вода.

Через несколько минут после беседы с министром, на воротах появился следующий аншлаг. „Товарищи! Ваши депутаты не пришли ни к какому соглашению, а потому забастовка продолжается“.

Польша.

— Введение автономии в Польше, говорят, решено в положительном смысле. Учреждено будет наместничество с сеймом в Варшаве и автономными учреждениями. Во всех школах и учреждениях польский язык получит право гражданства. Первым наместником, по слухам, называют графа Бенкендорфа, российского посла в Лондоне.

Областной отдел.

Вильно.

— Кровавые события в Вильне. — Под влиянием железнодорожной забастовки началось сильное брожение в городе. Польской, литовской и еврейской социал-демократическими партиями была об'явлена всеобщая забастовка. 16 октября, в воскресенье, жизнь в городе замерла; торговля и все учреждения перестали функционировать. В тот же день был назначен общий митинг в железнодорожном собрании, но собрание было оцеплено войскам и казаками... Решено было немедленно обратиться к губернатору, графу Палену, с просьбой устранить войска. Гр. Пален ответил, что это не от него зависит, что распоряжается войском генерал-губернатор, притом он обещал лично прибыть к месту митинга: и действительно, спустя некоторое время к железнодорожному собранию под'ехал гр. Пален. Когда депутаты от рабочих изложили ему свое требование немедленно удалить войска, гр. Пален предложил им совместно отправиться к генерал-губернатору; лишь только коляска с губернатором и четырьмя депутатами тронулась с места, как раздался выстрел из окна прилегающего дома (все уверяют, что это была провокаторская проделка); пуля попала губернатору в руку. Отряд пехоты, охраняющий здание железнодорожного собрания, открыл в это время огонь по толпе. Раздались душу раздирающие крики смертельно раненых. 17 октября состоялись торжественные похороны восьми жертв кровавой расправы войск; в этом шествии участвовало около 60-ти тысяч человек, а на кладбищах произносились речи на польском, еврейском и русском языках. 20 октября был ранен на Завальной улице ненавистный околоточный надзиратель Абрамович рабочим, которого немедленно арестовали. Тогда толпа потребовала его освобождения. Произошло столкновение между войском и народом, было дано несколько залпов, при этом около 30 человек убитых и раненых.

Октябрьские дни в Одессе.

(Корр. „Новой Жизни".)

(Окончание.)

Я поехал на Дальник. На Прохоровскую из города бежали сотни и сотни защитников. На „толчке" разбирали куски железа, на углу какие-то рабочие и студенты требовали оружия у владельца оружейного магазина, а он клялся, что полиция все забрала.

На Третецком переулке я увидел первые жертвы. Из кареты скорой помощи вынули на носилках молодого русского рабочего с пулей в груди: „Ничего, товарищи, скоро подымусь",— говорил он, силясь улыбнуться. За ним вынули старика еврея с разбитой головой, с обнаженной исцарапанной грудью: „Да дайте же помощь",—кричал он на всю улицу...

Справа грянул залп, и мимо меня промчалась рассеянная войсками и полицией толпа защитников, а за завесою из войск и полиции шли громилы и делали свое страшное дело.

Погром разрастался.

Комиссия и дума заседали, протестовали, ездили к Нейдгардту, к командующему войсками Каульбарсу, а те отвечали, что „либералы" сами виноваты в погроме, что они озлобили „граждан".

На утро 19-го были назначены похороны трех из убитых 16-го, трупы которых сохранились в клинике. Дума постановила в полном составе присутствовать на похоронах, ассигновала 5.000 на вооружение милиции.

В университете организовывалась милиция. Одни за другими организовывались десятки, вооружались и отправлялись туда, где шла бойня. Революционные организации мобилизовали и посылали в огонь свои отряды, маленькие, жалкие в сравнении с силами врага, но сильные духом.

Ночью погром немного затих. На утро к университету опять потянулись толпы, понесли венки. Но коалиционный совет, кажется, вместе с советом профессоров похороны отменили и предложили народу рассеяться. Ораторы приглашали всех вооруженных итти в кварталы, охваченные резней, а остальным предлагали итти останавливать словом невежественную чернь.

Революционная толпа очистила улицу, разошлась по домам, за исключением вооруженных, да тех, кто ждал оружия. Улицей завладела черная сотня. По Дерибасовской шла патриотическая манифестация, с образами, царскими портретами, национальными флагами; били встречных евреев и студентов, колотили стекла в магазинах.

В университете спешно готовили отряды самообороны, число десятков дошло до 27-ми (только студенческих). На улицах самооборона рассеивала толпы хулиганов, но вслед появлялись казаки и войска и расстреливали геройских защитников.

А провокация сверху продолжала действовать. Нейдгардт издал об'явление, где говорил, что 30.000 мещан требуют прекращения преступных собраний в университете и грозят сжечь университет.

Каульбарс грозил разрушить артиллерией дома, откуда раздадутся выстрелы. И не мало домов в этот день было подвергнуто расстрелу; сигналом служил иногда провокаторский выстрел, иногда попытки сопротивления со стороны какого-нибудь еврея, защищающего свое имущество, свою жизнь, честь дочери или жены.

Еще накануне, когда начался погром, народом был разбит оружейный магазин на Дерибасовской ул. и роздано для самообороны кой-какое оружие. На другой день разобрано оружие еще в двух магазинах. Число самообороронщиков превышало уже тысячу человек.

Университет ждал нападения, поджога. У всех окон, на лестницах и балконах стояли вооруженные рабочие и студенты, разливали по склянкам серную и азотную кислоту, готовились дорого продать свою жизнь и жизнь тех несчастных, что нашли здесь убежище.

Вокруг университета стояли войска, и офицер заявил студентам, что он толпу хулиганов не допустит к университету, но что пулеметы поставлены по обе стороны, и если с университета раздастся хоть один выстрел,—он сотрет университет с лица земли.

Толпа хулиганов, собранная с утра у Херсонского участка, двинулась к университету, солдаты закрыли дорогу, в солдат раздались холостые выстрелы, солдаты выстрелили в воздух, и толпа пошла дальше на Новый базар, где и начала погром. Несколько раз приходили в университет сведения о приближении громил, и каждый раз там готовились к геройской защите. Университет напоминал крепость.

„Бюро комитета по вооружению", „Продовольственный пункт", „Лазарет", „Арестантское помещение"—такие надписи помещались на дверях и не были пустым звуком.

Кормили тысячу человек, рассылали по городу сотни санитаров и сестер милосердия, приводили десятки арестованных, отправляли десятками бойцов.

А погром разрастался. У телефона не успевали записывать улицы, с которых неслись просьбы о посылке охраны, о высылке санитаров, патронов. А к вечеру пришло зловещее сообщение, что на Дальнике началась поголовная резня. Приходившие говорили, как насиловали старух и девушек, как вешали вниз головой, как выбрасывали людей с третьего этажа, как колотили детей головами об углы, как добивали раненых, как убивали санитаров и сестер милосердия, как казнили самооборонщиков. Ни у кого не оставалось сомнений, кем организуются погромы. Войска и полиция расстреливают самооборонщиков, закрывают входы в квартал, а внутри идет вакханалия.

Обождем, что скажет статистика. Но вряд-ли она найдет много домов на окраинах, где не было бы разгромов, где не было бы убитых. Убито 56 студентов. Ранено вдвое больше. Всего убитых и раненых насчитывают свыше 10.000 человек. Процент умирающих от ран громадный; раны нанесены большею частью тупым орудием по голове.

Самооборона действовала геройски. Я видел, как 20—30 челов. гнали тысячную толпу. Вот студент-кавказец с ноганом в руке стоит на углу Базарной площади и один отстреливается от толпы; вот его товарищ отбивает у трех хулиганов девушку, которую они собираются изнасиловать. Ночью самооборона одна только поддерживала порядок. Она была признана всем населением и даже администрацией. Вот милиционер ведет по улице почти через весь город хулигана, а этот тащит узел, с которым его поймали. Вот студент-кавказец усадил на дрожки двух солдат-громил, держит их за шиворот и везет туда же. Доставлено было в университет человек 150 грабителей, тысяч на 15 награбленного имущества. Везли отобранные вещи все обыватели, даже солдаты.

Вот картина. На лестнице университета стража. С улицы входят два солдата со штыками и ведут хулигана. И таких картин было немало.

В университет было доставлено 3 полицейских револьвера, отобранных у переодетых городовых.

Десятки хулиганов и обывателей, несколько офицеров, все, кто был в самообороне, утверждают в один голос, что полиция не только попускала, но и наталкивала, организовывала погром, участвовала в нем.

Вот факты. На Раскидайловской улице в 11 часов ночи стоит кучка полицейских, казаков и рота солдат. Все кругом тихо.

Приближаются громилы. Раздается выстрел. Казаки и полицейские бегут по дворам, будят всех обывателей, требуют, чтобы они вставали, готовились к защите, потому что идут жиды резать русских. На это мне жаловались в доме № 12 по Южной улице. То же было на углу Раскидайловской, где я сам проходил в этот час. И это везде, и на Слободке, и на Дальнике, и на Пересыпи. После двух-трех таких тревог русские уже озлоблены, напуганы и, как звери, бросаются на каждого еврея.

А вот рассказ доставленного в университет студента Б. Его отец служит на мельнице миллионера Вайнштейна.

Владелец этой мельницы просил у Каульбарса солдат для охраны, телеграфировал графу Витте. Ему дали роту солдат, но поместили их визави в полицейском участке. Явились громилы. Из соседней школы мукомолов ученики дали по громилам залп, тогда присланные для охраны войска принялись расстреливать мельницу. Мать Б., два брата и две девушки хотели спастись через другой выход к морю. Мать изнасиловали здесь же на улице на глазах отца и детей, изнасиловали и убили обеих девушек, сына ударили по голове и бросили в море, другого убили и куда-то отволокли. Оставшиеся спрятались в закроме за мешками и два часа подвергались обстрелу солдат.

А что делалось в квартирах рабочих и мелких торговцев евреев!..

Три дня бушевал погром, хулиганы и полиция зверели все больше и больше. Самооборону расстреливали без пощады. Были отряды, где из 30 человек возвращалось 5—6. Солдаты и полиция останавливали каждого проходившего и, если находили оружие, то здесь же на месте убивали.

На третий день вечером решено было прекратить посылку самообороны, потому что ее уничтожали раньше, чем она достигала места погрома.

На четвертый день Каульбарс издал приказ о прекращении погрома, и он был к утру прекращен.

Ис. Кора.

Вольск.

(Корр. „Нов. Жизни“.)

Утром, 20 октября, гимназисты и реалисты пошли закрывать женскую гимназию. Затем все двинулись по Московской улице, где примкнули и учащие. С красными флагами и пением революционных песен толпа медленно двигалась по главной улице, закрывая по дороге маленькие мастерские и лавчонки. Большие магазины были закрыты с полудня.

Учащиеся шли по мостовой, а учащие группировались на тротуарах. Вдали, около земской управы, виднелась толпа. Манифестанты думали, что это рабочие с завода хотят присоединиться к шествию, и спокойно подвигались вперед. Как вдруг раздался крик: „Бей их!“ Толпа набросилась на манифестантов, часть которых не успела убежать и подверглась самому беспощадному зверскому избиению. Черная сотня орудовала здесь не менее 3 час. Избита и изувечена масса детей, начиная с 17—18 лет и кончая 12. Били не просто, а с издевательством и мучительством. Гимназисток раздевали до-гола, вырывали волосы с мясом, перекидывали вниз головой и били нагайками между ног. Но варварам казалось и этого недостаточно. Они подкидывали вверх детей, бросали на землю и потом становились ногами на живот, выдавливали внутренности и кричали: „Ага, живот болит!“ Ужас об'ял весь город, помощь подать неоткуда.

Полиция не вмешивалась. Вы спросите: а что делала толпа, родители, граждане? Все бежали, попрятались и молчали. Нашелся было один заступник и пострадал. К нему явился было аптекарь с лекарствами и также был избит за то, что „принес мору“, как кричала толпа. Одного юношу сбросили с крыши вниз головой. Из числа пострадавших установлены сейчас следующие лица. Убит Яблочников; ранены: акцизные чиновники Александров и Ситников, городской лесничий Виноградов, аптекарь Широкогоров. Так праздновал Вольск царский манифест.

Казань.

Заимствуем из „Самарской Газеты“ интересные подробности о событиях в Казани.

После думского заседания 19 октября огромная, тысяч в двадцать, толпа народа, вместе с несколькими гласными и представителями партий во главе, двинулась по полицейским участкам. По пути она окружала встречавшихся постовых городовых, обезоруживала их и двигалась дальше.

В полицейские участки заходили только представители толпы и требовали у полиции выдачи оружия. Все, как высшие, так

и низшие чины, страшно растерялись. Многие из них прятались в участках под кровать, под нары кордегардии и т. п.

Толпа же только разоружала полицию, но ни один из полицейских чинов не был избит. Высшие чины не доверяли мирным намерениям граждан, поэтому, сдав оружие, скрывались; низшие чины несколько скорей и проще осваивались с положением вещей и поэтому даже обращались к представителям партий, руководящим толпой, с просьбой принять их потом на службу для охраны города, высказывая предположение, что тогда им наверно и платить больше будут, и что вообще им тогда лучше будет житься.

Самое шествие толпы граждан имело грандиозный вид и все время совершалось в полнейшем порядке.

Так горожане ходили от участка к участку, увозя за собою экипажи, нагруженные шашками и револьверами.

Во дворе университетской клиники манифестантами был устроен митинг. На этот митинг явились исполняющий должность городского головы Грауэрт, прокурор окр. суда Калин вместе с приставом 6-ой части. Они попросили позволения беседовать с руководителями народного собрания, что им было разрешено. Г. Грауэрт заявил, что, так как полиция разоружена, то в виду этого охрану мирных жителей во время наступающей ночи должны взять на себя те представители партий, которые руководили движением. Последние на это дали свое согласие и тут же решили для такой цели вооружить отобранным у полиции оружием граждан, известных им лично. Таким образом, тут же быстро была сформирована первая часть гражданской милиции, разбита на десятки с более опытными и вполне надежными руководителями.

Г. Казин также подтвердил заявление г. Грауэрт и, кроме того, просил, чтобы вновь установленная милиция оказывала содействие представителям закона, если таковое потребуется. На это было тоже дано согласие, но только на те случаи, когда требования представителей закона не будут расходиться с интересами и желаниями народа. К митингу стекались все новые и новые толпы народа, и раздача оружия совершалась самым деятельным образом.

Когда раздача эта окончилась, вновь сформированная дружина стала впереди толпы и открыла грандиозное шествие ее к городской думе. В половине 8-го был открыт митинг в театре. Ораторы говорили как на общие, так и на частные темы. Все собрание признало необходимым для ограждения интересов и жизни народа разоружить полицию и войска, особенно казаков, и вооружить самих граждан. Митинг протекал в полном порядке и был даже сфотографирован одним фотографом.

На митинге было сообщено извещение губернатора, который для охраны города на эту ночь назначил патруль из солдат.

Но собрание отнеслось недоверчиво к этим действиям администрации и потребовало, чтобы эти патрули находились не под командой властей, а даны были в распоряжение милиции и ее руководителей, что и было исполнено губернатором.

К ночи новая милиция, насколько возможно, была сформирована, заняла посты по улицам и ходила вместе с солдатскими патрулями. В думе же гласные с руководителями милиции до поздней ночи занимались приобретением нового оружия из магазинов и вооружением новых рядов милиции.

Но дальнейшие события привели в Казани, как нам сообщают, к трагической развязке. На требование о разоружении полиции и удалении казаков губернатор дал письменно согласие на вооружение милиции и разоружение полиции, что же касается казаков, он ответил, что не в его власти вывести их из города.

21-го началась хулиганская манифестация. Она подошла к думе и потребовала выдачи всей милиции. Из думы был дан залп в воздух. Появились войска и начали обстреливать думу. Все сдались. Их провели черным ходом в тюрьму, всего 131 чел. Те, кто попал в руки хулиганов, были разорваны на клочки. Городом овладели хулиганы. Полиция вступила в свои права. В думе в шкафах были найдены трупы. 22-го началось снова хулиганское движение с национальными флагами и прочими атрибутами. К вечеру разразился еврейский погром. 23-го погром продолжался. На улицах не видно было ни одного интеллигентного человека. Толпа кричала: „Перережем, тогда успокоимся“. Хотели разнести тюрьму и больницу, где лежали „крамольники“. В городе царил сплошной ужас. Каждую минуту ожидали, что раз‘яренная толпа начнет ходить убивать студентов по квартирам. Раненых узнать нет никакой возможности. Разгромлена синагога и масса магазинов.

Редактор-издатель ***Н. М. Минский.***

Издательница ***М. Ф. Андреева.***

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 5

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ВТОРНИК, 1 НОЯБРЯ
(14 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

1 ноября в 8 час. вечера состоится в Соляном Городке экстренное собрание Совета Рабочих Депутатов по поводу кронштадтских событий.

Родители, братья и товарищи
извещают о смерти
ПАВЛА АВГУСТОВИЧА ГРОЖАНА,
последовавшей 27 сего октября в Москве.

С.-Петербург.

1-го ноября.

Восьмичасовой рабочий день и политическая борьба.

С понедельника, 31 октября, по постановлению Совета Петербургских Рабочих Депутатов на фабриках и заводах должен быть введен „революционным путем“ восьмичасовой рабочий день.

Это — факт, который должен быть отмечен в летописях не только русского, но и всемирного рабочего движения. Только организованный, только сознавший свою силу пролетариат в состоянии выставить и провести требование восьмичасового рабочего дня, осуществление которого имеет громадное значение для развития самосознания рабочих; для превращения их из белых рабов капитала, шесть дней в неделю работающих до потери сознания, а в седьмой вином заглушающих боль уставшего тела и вопль угнетенной души, в человека - гражданина.

В сущности говоря, дело идет сразу об исполнении двух требований — сокращения рабочего дня до восьми часов и повышения расценки до такого размера, чтобы не понизилась общая заработная плата рабочего. Непосредственный результат успеха рабочего класса в этой схватке с капиталом будет заключаться в усилении политического влияния пролетариата. Освободившееся от работы время он употребит на свое саморазвитие, на свою гражданскую жизнь. А в настоящий момент она сосредоточивается на политической и профессиональной организации рабочего класса и на его политической борьбе.

Но если введение восьмичасового рабочего дня даст могучий толчок классовому и политическому движению пролетариата, то и обратно: только победоносная политическая борьба рабочего класса, только современное революционное движение сделало возможным введение у нас восьмичасового рабочего дня.

Русский рабочий класс есть наиболее молодая часть армии международного пролетариата. До сих пор в условиях полицейско-самодержавного государства русский пролетариат не мог организоваться в такие сильные и стройные организации, как западно-европейский пролетариат. И если, тем не менее, он выступил в качестве авангарда борющегося за свободу русского народа, если он теперь вступает в героическую борьбу с капиталом за свои права на человеческую жизнь, то это об'ясняется революционностью русского рабочего класса, тем высоким под'емом духа, который развился в нем в период его борьбы со старым режимом.

Завоевания рабочего класса, достигнутые в революционное время, будут прочны только тогда, когда он организуется в сознательную и крепкую политическую партию пролетариата. А такой партией является только социал-демократия.

Вот почему мы призываем рабочий класс становиться под знамена социал-демократии, которая поведет его не только к завоеванию человеческой жизни при капиталистическом способе производства, но и к конечной победе — к социализму.

Кронштадтский суд.

Сегодня предстоит новый акт кронштадтской трагедии — военно-полевой суд...

Чудовищная пародия на правосудие, он прибавит, несомненно, еще несколько десятков, если не сотен, новых жертв к бесчисленным жертвам освободительной борьбы.

Мы знаем: много тяжелого, извращенного было в кронштадтской трагедии. Но кто ответственен за это? Истинные ли виновники этих „ужасов“ сегодня сядут на скамью подсудимых, а через несколько дней подставят, быть может, свои груди под ружейные дула?

Нет!

Лишенный всякого морального авторитета внушающий ужас и отвращение всем сколько-нибудь сознательным элементам народа и общества, старый режим десятки лет судорожно впивался своими когтями в армию, как в свой последний оплот. Он методически душил в армии живую

мысль. Он методически вытравлял из армии человеческое достоинство. Он методически превращал армию в тюрьму — в школу рабства и озверения.

Но порывы освободительной бури, обновляющей теперь Россию, прорвались в конце концов и сквозь толстые стены казармы и пробудили жажду свободы и счастья и в солдатских сердцах.

И мудрено ли, что эта жажда прорвалась у кронштадтцев в бурных и жестоких формах? Мудрено ли, что светлая благородная революционная борьба вылилась здесь в извращенных формах и привела к тяжелой и мрачной трагедии?

Кто сеет ветер, пожнет бурю.

И тяжкие жертвы, которых стоит — и будет стоить — эта буря, да падут по справедливости на тех, кто сеял ветер.

Революционный пролетариат поймет и оценит истинный смысл кронштадтских событий. Он впишет имена кронштадтцев рядом с именами черноморцев в бесконечный ряд искупительных жертв российского освобождения. И имена эти еще сильнее разожгут в его сердце святую ненависть к старому режиму и вдохнут в него свежие силы для новой борьбы, для новых ударов.

И он придет, великий час народной свободы и народного суда!

От редакции. Одной, если не самой важной, задачей социал-демократической партии в настоящий момент является реорганизация ее учреждений. Партия из конспиративной, подпольной должна стать открытой организацией пролетарских масс, сохранив в то же время всю выдержанность и чистоту своей программы и своей тактики. Понятно, что партийные работники очень много занимаются теперь организационным вопросом. В частности, в Петербурге вопрос этот осложняется существованием рядом с партийными учреждениями и под их непосредственным влиянием Совета Рабочих Депутатов, об'единяющего в своей среде представителей различных партий и до сих пор формально не вставшего под знамена социал-демократии.

Стремясь всеми силами служить делу об'единения и организации социал-демократической партии, редакция „Новой Жизни“ открывает отдел статей по организационному вопросу и, в частности, по вопросу об открытом признании социал-демократической программы Петербургским Советом Рабочих Депутатов и подобными ему организациями других городов. Редакция просит поэтому товарищей высказываться на столбцах „Новой Жизни“ о вышеуказанных вопросах, не стесняясь литературной формой и имея в виду, что различные оттенки мнений найдут у нас место.

Об организации.

II.

Совет Рабочих Депутатов или партия?

Вопрос о Совете Рабочих Депутатов тесно связан с вопросом об организации партии, и мы считаем необходимым, прежде чем перейти к плану организации, выяснить наше отношение к этому учреждению, сыгравшему весьма крупную роль в последней всеобщей стачке. Выяснение это особенно необходимо потому, что в широких слоях пролетариата часто Совет смешивают с партией и считают его безусловно социал-демократическим. Этому способствовал тот факт, что громадное большинство Совета Депутатов состоит из соц.-демократов, что партийные агитаторы и организаторы принимали очень деятельное участие в создании Совета, что партийные литераторы помогали изданию органа Совета, наконец, вся политика Совета была определенно социал-демократической. Без всяких преувеличений можно сказать, что если Совет так популярен в массах, то только потому, что на многочисленных митингах и агитационных собраниях социал-демократия поддерживала его авторитет, советовала рабочим считаться с советскими решениями и поддерживать выставляемые им лозунги.

Совет в своей политике идет за социал-демократией, это неоспоримо.

Но значит ли это, что Совет, как организация, ставящая себе политические задачи, может заменить партию, значит ли это, что он может взять на себя руководство классовой борьбой петербургского пролетариата?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к способу образования Совета. Совет Депутатов состоит из представителей, избранных в определенном количестве от рабочих фабрик и заводов и от профессиональных организаций. В выборах участвовали все рабочие без различия политических убеждений. Хотя и не всегда была произведена всеобщая подача голосов (благодаря техническим условиям) при выборах, но этот принцип является основным в организации Совета. Таким образом, Совет в себе об'единяет весь петербургский пролетариат, независимо от степени политической сознательности отдельных его слоев, независимо от партийных группировок отдельных его элементов.

В момент политической забастовки, когда весь пролетариат выступает, как класс, в борьбу за свои интересы, именно состав Совета обеспечивает ему успешную деятельность. Никакая стачечная комиссия, если она хочет успешно вести стачку, не может не включить в свой состав представителей всех забастовавших. Вообще, во все моменты, когда весь пролетариат выходит на активные действия, необходимо учреждение аппарата, способного руководить этими действиями. При широкой организации политических партий, боевое соглашение между представителями партий, работающими в пролетариате, выделение общего партийного аппарата, было бы наиболее целесообразным. Но у нас, благодаря полицейским условиям деятельности, наиболее влиятельная в рабочем классе, более сильная социал-демократическая партия не могла создать такого организационного аппарата, который мог бы сплотить примыкающие к партиям массы. Благодаря такому состоянию организации социал-демократии (другие партии были в смысле организационном еще в более плачевном состоянии), появление рабочего Совета, как руководителя стачкой, было неизбежно. Оно было не только неизбежно, оно было и полезно, вот почему социал-демократия содействовала его созданию и популяризации.

Но может ли таким образом созданное учреждение быть политическим руководителем рабочих масс?

Ни в коем случае. Чтобы быть политическим руководителем, надо иметь ясно выраженную программу, точно

поставленные цели. Надо иметь стройную организацию из лиц, принявших эту программу, готовых бороться за эти цели. Если бы Совет Депутатов выбирался лицами, принявшими определенную программу, тогда он мог бы быть политическим руководителем; но тогда бы он был выборным партийным учреждением. А при теперешнем состоянии нашего рабочего движения, нельзя еще ожидать, что все наши пролетарии могут принять одну программу. Рабочие могут подхватить одни и те же боевые лозунги, могут выступать под одним и тем же флагом, на котором написаны те или иные требования, — но это далеко еще не значит, что весь пролетариат принял одну программу. Мы, конечно, убеждены, что пролетариат в своей массе стихийно социал-демократичен. Но это вовсе не значит, что мы хоть на минуту самообольщены возможностью завтра же всему пролетариату стать сознательными социал-демократами. Для этого нужна долгая пропагандистская и организационная работа, нужны об'ективные условия социально-политического развития. Если Совет Депутатов по своей конструкции политическим руководителем не является, то заменить партии он ни в коем случае не может. Он может только руководить определенным выступлением пролетариата, стать во главе определенных активных массовых действий. Ставить конкретные задачи, могущие об'единить весь пролетариат, он может, руководить же классовой политикой — не его задача. Всеобщую политическую забастовку он провел блестяще, ликвидацию стачки он сейчас ведет успешно, о дальнейших его конкретных задачах коснемся в другом месте. Здесь мы хотели коснуться только вопроса, может ли Совет заменить партию или взять на себя руководство политической борьбой пролетариата, и ответили на него отрицательно. Значит ли это, что Совет, ставя себе определенные конкретные политические задачи (вроде руководства всеобщей забастовкой), не должен совсем выяснить своей политической физиономии? Совершенно нет. Пролетариат должен определенно знать, под каким знаменем идет его выборное учреждение, лозунги и директивы какой партии он в своих определенных практических действиях будет проводить в жизнь. В политической борьбе играть в темную не в интересах пролетариата. Определенное заявление со стороны Совета, руководство какой политической партии признает он, к какой политической программе он примыкает, — необходимо. Вопрос этот уже поднят не только Российской Социал-Дем. Раб. Партией, но поднят во всех районах самими рабочими. Не надо быть пророком, чтобы предугадать, каково будет решение. Совет во всей своей деятельности вел социал-демократическую политику, его лозунги были лозунги социал-демократии, — теперь только придется это фактическое господство социал-демократического влияния закрепить в определенно-формулированном решении Совета Депутатов. Первая и ближайшая обязанность Совета поставить этот вопрос перед всеми своими избирателями и самому не откладывать решения его в долгий ящик. Выводы ясны: заменить партию Совет не может. Он может только организовать активные действия, но, чтобы не играть в темную, он обязан выяснить свою политическую физиономию. Это очередная задача Совета Рабочих Депутатов.

Б. Радин.

О внеклассовой лжи и классовой истине.

В известной пьесе Островского „Лес“ изображается некий приятный помещик, который, сидя возле столь же приятной помещицы, в течение всей пьесы повторяет, закатывая глаза в потолок, одни и те же слова:

— „Раиса Павловна, все высокое и все прекрасное!..“ — тут он неизменно захлебывается от восторга и избытка чувств и умолкает.

Я всегда вспоминаю этого сытого, круглого помещика, когда читаю либеральные газеты. В них неустанно и лишь с небольшими вариациями повторяется та же самая неопределенная, но многообещающая фраза о „всем высоком и прекрасном“. Либеральный буржуа, конечно, никогда не оскверняет своего возвышенного ума низкими мыслями о грубых и низменных классовых интересах, его стремления вечно направлены ко „всему высокому и прекрасному“, и он с негодованием говорит о невоспитанных социал-демократах, которые нарушают мировую гармонию бесцеремонным, резким призывом к классовой борьбе.

— „Раиса Павловна, все высокое и все прекрасное!.. Свобода, равенство и братство — это так красиво и так симпатично!“ — и помещики российского либерализма изо всех сил потрясают тюлевым флагом, на котором написаны красивые слова. Они призывают в с е (!) классы идиллически об'единиться под этим одним флагом, забывши временные раздоры ради осуществления „вневременных“ задач.

Много раз уже повторялась в истории старухи Европы эта противная комедия, и, обыкновенно, она имела успех. Одураченные пролетарии устремлялись под тюлевый флаг, содействовали либеральной буржуазии в достижении „внеклассовых“ целей, а потом в недоумении протирали глаза и спрашивали себя: куда же девалось „все высокое и все прекрасное“, к чему приглашали нас ловкие ходатаи по делам либерализма? Где та свобода, которая была написана на тюлевом флаге, и неужели под ней подразумевалась свобода... дохнуть с голода? Где пресловутое равенство, — не в том ли, что все пролетарии равны перед гнетом капитала? Где нежное братство, — не в бессовестной ли эксплоатации человека человеком?

Так повторялось, сказал я, не раз в истории Европы, и надо думать, что опыт прошлого не прошел даром. Пролетарий больше не верит внеклассовым лозунгам либералов. Этим лозунгам, сладким и приятным, „как летом вкусный лимонад“, — этой внеклассовой лжи он противопоставляет решительно и определенно свою классовую правду, ту большую суровую правду, которая слащавых буржуа приводит в священный ужас и негодование, а сынов пролетариата воодушевляет грозным порывом, великим стремлением и железным упорством.

Сознательные пролетарии, идущие под знаменем социал-демократии, уже не поддаются на уловки либеральных буржуа, но честно и откровенно говорят им во всеуслышание:

— „Мы не верим больше вашим изжеванным словам о внеклассовых целях и задачах. Мы по опыту знаем, мы на собственной шкуре убедились, как противоположны ваши и наши интересы. Мы допускаем, что в настоящий момент у нас и у вас один общий враг —

с той, впрочем, разницей, что этот враг вас презирает, а нас боится. Мы будем вместе бить этого врага, но мы заранее знаем, что дальше наши дороги пойдут по разным направлениям. Для вас политическая свобода есть цель, есть дополнение к той экономической власти, которой вы обладаете. Для нас она — лишь средство, лишь мост, через который необходимо перебраться для достижения другого, истинного освобождения человечества. Для вас храм свободы — окончательная станция вашего путешествия. Вам нужен он для того, чтобы было где разложить ваши чемоданы и мешки и приняться за куплю-продажу человеческого труда, за неутомимую стрижку купонов. Мы же стремимся к алтарю свободы не для того, чтобы превратить его в мелочную лавку, — нет, он нужен нам затем, чтобы об'единиться и сплотиться под его сенью и стройными рядами двинуться дальше. Ваша конечная станция будет для нас лишь кратким этапом, с которого мы снова пойдем вперед. И мы уверены, что тогда вы, призывающие нас к союзу и единению, вцепитесь в нас изо всех сил, чтобы прекратить наше движение, остановить нас, истребить наших вождей. Но вам не удастся этого сделать, ибо наши классовые интересы совпадают с интересами общечеловеческого развития. Мы— тот класс, который несет с собой полное ниспровержение всякого гнета, всякого насилия, рабства и подчиненности. Наши стремления совпадают с направлением исторического прогресса. Противоречия капиталистического строя, разрушительные силы, заложенные в его недрах, сами пролагают и указывают нам дорогу, и мы идем по этой дороге. Сама жизнь за нас, а кто может задержать жизнь?.. Никто!..

Вот почему мы так спокойно и твердо шествуем по своей дороге, не озираясь по сторонам и не ища чужой поддержки, как это делаете вы. Мы знаем и верим, что только наша линия — прямая, что нам, пролетариям, некуда больше итти, нет иного пути!

Что же касается вопроса о временном соглашении блоке, то позвольте вам, господа хорошие, напомнить слова поэта: „В одну телегу впречь не можно коня и трепетную лань!“ Какой толк будет, если мы начнем становиться с вами в одну упряжку? Либо нам вас на себе тащить придется, либо вы нам под ноги будете соваться! Лучше уж повезем отдельно — мы свою пролетарскую телегу, а вы свою либеральную таратайку. Для вас же выгоднее: можете вперед забежать и уговориться с нашим „общим врагом“, как вы его именуете, насчет устройства совместной засады против нас, пролетариев. „От'езжайте, господа хорошие!“

Алексеев.

Русская печать.

*** Буржуазная пресса не оставляет нас своим сердитым вниманием. Это — лестно. Особенно знаменательны попытки со стороны буржуазно-либеральных газет — „Сына Отечества“ и „Нашей Жизни“ — бороться с нами путем дискредитирования нашей „социал-демократичности“. Это лучшее доказательство, что наша газета, как действительный орган социал-демократии, внушает нашим противникам серьезные опасения. Обозреватель русской печати в „Нашей Жизни“, в воскресном номере, опять делает против нас трусливую вылазку. На этот раз он выбирает своей мишенью, по мнению многих либералов, „ахиллесову пяту“ социал-демократии, наше отношение к аграрному вопросу, и усматривает у нас „неясность“ и „противоречие“ программе, непозволительные для газеты, имеющей „претензию“ быть „органом партии“.

Выражать мнения партии и доводить до всеобщего сведения ее директивы—не наша „претензия“, а наша обязанность. Что же касается „противоречий“ и „неясности“ в нашем решении аграрного вопроса в России, то здесь неясность и непонимание только в ваших собственных головах, гг. „бывшие марксисты“, пишущие в „Нашей Жизни“.

Мы твердо держимся убеждения, что задачей современной революции по отношению к деревне является уничтожение всех пережитков крепостничества как в области правовых отношений, так и экономических, и что результатом революции будет установление в деревне чисто буржуазных отношений. Поэтому все разглагольствования о „социализации“ земли социалистов-революционеров и их последователей в аграрном вопросе мы считаем или непониманием совершающегося переворота или непростительной демагогией. Даже национализация земли, мыслимая и при сохранении капиталистического способа производства, допустима была бы только при полной демократизации общественного строя и, в частности, при демократической республике. Вот почему наша программа говорит только об уничтожении следов крепостных отношений.

Но требование крестьянами земли отнюдь не противоречит требованиям нашей программы. Удовлетворение его уничтожит пауперизацию (обнищание) крестьянских масс и даст могучий толчок развитию производительных сил страны. Оно будет содействовать быстрой дифференциации крестьянства, распадению его на определенные общественные классы. Это отношение к аграрному движению крестьян совершенно определенно выражено в резолюции III с'езда партии.

Этого не может понять обозреватель печати в „Нашей Жизни“. С одной стороны, его пугает, что экспроприацию части помещичьих земель мы готовы заменить экспроприацией всех помещичьих земель. С другой стороны, он упрекает нас в бюрократической отписке „по крестьянскому вопросу“. И в том и в другом ясно сказалась буржуазная психика обозревателя. Он настолько привык к опеканию „народа“ сверху, все равно, попечительным ли начальством или сердобольной интеллигенцией, что предоставление активной роли выборным крестьянским комитетам, руководимым социал-демократией, кажется ему „бюрократической отпиской“. Точно так же он не может понять, как это мы предоставляем Учредительному Собранию решить вопрос о формах экспроприации земель. Но ведь Учредительное Собрание будет решать и другие вопросы социальной политики. И возможно, решит их не так, как требует того наша программа. Значит ли это, что можно обойтись в решении назревших социально-политических вопросов без Всенародного Учредительного Собрания? Конечно, нет. Но также это не значит, что мы отказываемся защищать и проводить в Учредительном Собрании свои требования.

Такова „ясность“ в головах бывших марксистов из „Нашей Жизни“, и таков их демократизм.

*** Наступает, кажется, время, когда „хороший тон“ требует, чтоб все называли себя „социалистами“.

Среди студенчества,—говорит „Русь“,—народилась новая партия „христиан-социалистов“ с девизом „Alma mater для беспристрастной науки“. Credo партии:

„Alma mater — храм беспристрастной истины (т. е. науки), и его двери ни на минуту не могут быть закрыты (из-за забастовок) для жрецов истины, но да возвестят они данные сей беспристрастной истины всюду алчущим (публичной лекции). Но нет места в стенах сего храма пристрастным, зажигательным речам митингов. Наука беспристрастна.

„Мы против красной (кровавой, жестокой, несправедливой) революции. Но мы сторонники созидающей, творческой, справедливой революции: мы желаем сначала организовать, согласно нашим идеалам, наш собственный академический, юридический, экономический (общий студенческий оборот далеко превысит 10.000.000 рублей ежегодно: вот тут-то и сначала надо наши идеалы реализовать!) быт, а потом уже мы и остальные общества научим (сельские и городские общества будут руководить сами своими делами, и феодализм и капитализм исчезнут).

„И наш лозунг «вперед!»

„Но след за нами — не развалины, не дикий вандализм, а светлый, теплый след — труда, любви, терпенья.

„Мы за свободу слова, но мы против ругательств. Мы за открытое обсуждение всех вопросов с представителями партий, но мы против беспорядочного хаоса сходок... Одна у нас мать-земля, и все мы дети теплого солнышка: так зачем же губить безрассудно молодые жизни? Мы желаем водворить на земле царство правды“.

„Социализм“ этой программы — затхлый социализм „мелких дел“—взят напрокат из старой „Недели“. По стилю же воззвания видно, что писал его г. Розанов („все мы дети теплого солнышка“,—умиления-то, умиления сколько!), а редактировал г. Меньшиков („нет места в стенах сего храма зажигательным речам“ и т. д.—стало-быть, есть место квартальному!).

Подите прочь!

Мне приходится почти ежедневно отбиваться от „приветствий“ собратьев-писателей.

Вчера — „Новое Время“, сегодня — „Сын Отечества“, завтра накинется кто-нибудь другой. Все они вопрошают, восклицают: как! Я—социал-демократ? С каких пор? На каком основании? А философия? А мистицизм?

Отвечу раз навсегда этим вопрошателям — и забуду о них. Да, я принадлежу к тем, для кого только-что пережитые события прошли не бесследно, показав им в новом свете все прошлое и будущее человечества. Для меня, как, вероятно, для бесчисленного множества людей, стало очевидно, что пролетариат—это тот класс, на стороне которого одновременно находится и высшая сила и верховное право. Сила—потому, что рабочий класс, как единственно создающий все блага жизни, один держит в своих руках все пружины общественного механизма. Право—потому, что, не желая быть жертвой чьей-либо эксплоатации, пролетариат сам-то уже никого эксплоатировать не намерен. Его классовые интересы без остатка сливаются с интересами всемирной справедливости. Какой другой класс может сказать это про себя?

Ничего не поделаешь, приходится учиться у истории—и в этом нет ничего постыдного. На то нам даны глаза и уши, чтоб мы могли слышать голос истины и следовать за ней. У писателей, у художников, у мыслителей слух тоньше и взор острее. Только подслеповатый и глуховатый „Сын Отечества“ может удивляться тому, что гимн рабочим был сочинен Бальмонтом. Мне это кажется вполне понятным. Истинные поэты, если не всегда сами живут согласно с правдой, то безошибочно чувствуют, где правда рождается, и тянутся к ней, как цветы к солнцу. Пролетариат для современного поэта стал тем, чем для романтиков — Байрона, Гейне и Лермонтова—был Наполеон: предметом поклонения и восторга.

Вот в сущности все, что я могу ответить своим вопрошателям. Но г. С. из „Сына Отечества“ я должен сказать несколько слов à part. Этот разобиженный инициал не только закидывает меня вопросами и восклицаниями, но через мою голову попрекает моих товарищей по редакции: как мол они позволили мне выступить в роли застрельщика социал-демократических идей? Да успокоится мой разозленный собрат. Роли застрельщика социал-демократии мне никто не предоставляет, да я и сам нимало на нее не претендую. Официальные клички не имеют значения в газете, в которой все дела ведаются коллегией товарищей. В этой коллегии мне принадлежит такой же голос, как другим товарищам. Об'единяет нас всех политико-экономическая догма марксизма. Программе рабочей партии мы все одинаково верны без условий и без ограничений. Не сходимся мы только во взглядах на вопросы философии и мистики. Мои товарищи склонны к материализму и полагают, что die Religion ist eine Privatsache (религия — частное дело каждого человека), я же уверен, что религия — дело всего человечества, конечно, религия разума, а не то, что изуверы и обманщики называют этим именем. Некоторые из членов редакции—в их числе Максим Горький — отвергают метафизику и эстетику, как пережитки мещанской лжи. Мне кажется, что мое отношение к этим явлениям духа более отвечает не только законам мышления, но и характеру социал-демократической догмы. Ведь сущность социал-демократии заключается в ее стремлении к высшим формам культуры. В отличие от толстовства, ведущего в темный тупик сектантства, и от народничества, ведущего к худосочию общины, социал-демократия строит свой идеал на победах техники, на усиленных формах производства, на всеобщем знании и на всеобщем богатстве. Но едва ли можно признавать одну сторону духа и отвергать другую. С перестройкой здания экономических отношений меняется стиль его философской надстройки — таково положение, признаваемое и экономическим материализмом. Над зданием буржуазно-эксплоататорских отношений, представляющим, наподобие палаццо дожей, не то дворец, не то тюрьму, философская надстройка имела вид маленькой башни, тесного бельведерчика, куда по шатким ступеням метафизических противоречий от времени до времени взбирались присяжные доктора философии и полуослепшими от книгоедства глазами рассматривали горизонт жизни. Над зданием всеобщего и свободного труда философская надстройка будет иметь вид просторной террасы, куда по окончании рабочего дня будут подниматься все жители дома, чтобы любоваться созерцанием вселенной. Я верю, что пролетариат, пересоздав социальный строй, сделается носителем мистической истины. Придя на смену усталой и насмешливой буржуазии, пролетариат будет выше их не только нравственно, но и эстетически и духовно. В этой своей вере я схожусь с некоторыми авторитетными вожаками социал-демократического движения. Один из них пишет:

„Машинный рабочий стремится познать истину только ради нее самой, а не в виду какой-нибудь корыстной цели. Поэтому его любознательность не ограничивается какой-нибудь узкой, специальной областью, а взор его обращен на все мировое целое; он хочет охватить весь мир, все общество. Более всего его привлекают самые трудные проблемы; с особенной любовью он относится к вопросам философии, метафизики, и часто трудно бывает свести его обратно с небес на землю".

„В презренных невежественных пролетариях возрождается философский дух блестящих мыслителей афинской аристократии".

Слова эти принадлежат К. Каутскому *), которого никто не заподозрит в непонимании пролетарской психологии.

Удастся ли мне убедить своих товарищей в правоте этого взгляда, не знаю. Я бесконечно верю в силу истины и в силу времени.

Н. Минский.

*) „Экономич. развитие и общественный строй". Спб. 1905. Стр. 129.

Отрывки.

Прописка паспортов.

Почему-то именно либералы ужасно взволновались и огорчились, увидав в нашем числе, в ряду сотрудников „Новой Жизни", знакомые литературные имена. Очевидно, у них такой принцип: уж если ты литератор, так непременно в услужении у „хозяина" и притом не за страх, но и за совесть. Не умещается в голове мысль, что только несвобода печати понуждала выступать там, где хоть что-нибудь да можно было сказать, но где „святая святых" — по крайней мере в политике — приходилось прятать в карман. Теперь запрет снят, и, вырываясь из искусственных сочетаний, силы разместились по-новому, по естественным внутренним тяготениям.

Амнистия еще не взята — ее нет даже и на бумаге, и поэтому подозрительны требования, чтобы каждый из сотрудников „Новой Жизни" представил либералам свидетельство, в какой мере он социал-демократ. Такая откровенность опроса пока еще — провокация. Если вы поговорите с шпионами, то и они смогут вам подтвердить, что можно не кричать на банкетах и не силиться запугивать бюрократию призраком растущей „крамолы" — и все же делать политику. Можно делать политику и в том случае, когда в литературной работе намеренно обходишь ее. Pro domo sua скажу, что, работая в газетах уже давно и давно уже не будучи „либералом", я нарочно отстранился от публицистики, потому что убедился на опыте, что дальше обращений к властям и запугиваний „пока еще не поздно" в легальной русской печати ничего нельзя было сказать.

Я понимаю настроение либералов. Легализация социал-демократии и появление партийных газет означают перелом во вкусах. Рядом с твердой и решительной публицистикой, богатой полнотой знаний и подкупающей отсутствием лицемерия, — растерянность, риторика, половинчатость покажутся пустыми и скучными. „Сын Отечества" раскрыл свои карты, когда сказал с тихой завистью, что мы сбираем плоды с данной всем свободы печати. Действительно, свобода печати не всем пойдет впрок. Только те, кому есть что сказать, используют ее в полной мере. Но разве мы виноваты, что люди растрясли свой багаж, не успев доехать до станции?

Казалось бы, мы никого не стесняем. Напротив, совершенно по-христиански помогаем нашим врагам, давая повод либеральным газетам оживить тусклые полосы пикантною полемикой с нами. Но до сих пор не было и попытки принципиально нам возражать. Просто зара-

К делу об'единения.

До первых больших побед великой российской революции вся наша страна была — одна сплошная тюрьма для всего гордого и свободного, для всего революционного.

Наша партия мучительно изнывала в душной атмосфере нелегальности, в тесных рамках конспирации. Полная сил и жизни, она росла со сказочной быстротой, и чем более она росла, тем более душно и тесно ей становилось в каменном мешке — старой России. Развитие партии не могло быть вполне нормальным, вполне здоровым; болезни ее развития обострялись и осложнялись, глубоко потрясая и жестоко истощая юную организацию.

Худшая из этих болезней была та, которая за полтора года созрела и оформилась в партийный раскол.

Ее причины были неясны вначале, но теперь установить их не так трудно.

Социал-демократия есть партия революционных пролетарских масс. Российская социал-демократия, несомненно, была такова по всему своему идейному содержанию, она всеми силами стремилась стать такою же и практически и организационно, — а самодержавный строй делал ее партией нелегальной и конспиративной.

Это коренное противоречие стремительный ход революционного развития усилил и довел до чудовищных размеров.

Революционное развитие пролетарских масс росло как лавина, т. е. с непрерывно возрастающей скоростью. Организовать это движение должны были сознательные силы революционно-пролетарской партии, — а они были, по сравнению с ним, ничтожны, подготовляться могли только медленно и постепенно, быстро изнашивались и растрачивались под ударами полицейского государства.

Стихийный процесс революции не мог считаться с тем, достаточно ли накоплено сознательно-революционных сил, чтобы организовать его сколько-нибудь планомерно. Рост сознания не мог конкурировать с ростом стихийности, несоответствие все более возрастало, организующие силы партии все в меньшей мере могли удовлетворять потребности пролетарских масс в стройной организации; чувство бессилия давило и угнетало партийных работников.

Из этого бессилия родился раскол.

Положение казалось безысходным, но найти какой-нибудь выход было необходимо. Потребность пролетарской борьбы в организующей работе партии не могла

ботали языки, привыкшие судачить и сплетничать, и зашипела ядовитая клевета.

Особенно бестактны и неумелы нападки одного органа, вошедшего в пословицу своей глупостью. Намеренно не называю газеты, потому что, не желая нас рекламировать, и она не назвала „Новой Жизни“ и посылает брань в пустоту. Замечу лишь, что вот уже двадцать пять лет газета лезет из кожи, чтобы отыскать какой-нибудь „гвоздь“ и им придать себе ходкость.

Когда сиял Дорошевич, газета — вообще очень не щедрая — зазывала этого деда в свой балаган, обещая не поскупиться на угощение. Потом стала торговать уголовщиной. В фельетоне — уголовный роман, в судебной хронике — „Романическое убийство“. „Нож сверкнул над белоснежным затылком, и эта современная Фрина, обнаженная, как мраморная Венера, упала без единого стона“. Потом пошли интервью. По три репортера зараз скопом нападали на знаменитость. Но облако удушливой скуки продолжало почивать над газетой, и даже ее ближайшие сотрудники не решаются читать ее по утрам, а просто подсчитывают свои строки.

Этот орган нас особенно не взлюбил и особенно настойчиво требует, чтобы все наши сотрудники пред‘явили партийные паспорта.

Затем газета находит, что, хотя мы сами интеллигенты, мы создали себе нового идола, в лице рабочего класса, и, преклоняясь перед этим кумиром, слишком непочтительны к старому — той „великой русской интеллигенции, которая принесла столько жертв“ и т. д. и т. д.

Интеллигенция — двусмысленное словечко. Большинство „интеллигентов“ по положению, людей „свободных“ профессий, идет в хвосте буржуазии, иногда даже реакции, и преклонения едва ли достойно. Тот же слой интеллигентных работников, у которых солидарность с пролетариатом вросла в чувства и мысли, — слой людей, делавших революцию, — не есть ли он неотделимая часть русского рабочего класса? Разумеется, ни Энгельс, ни Маркс, ни Лассаль, ни Каутский, ни Меринг никогда не работали на заводе. Но попытайтесь обратиться к пролетариату и потребовать, чтобы он вычеркнул эти имена из своих боевых списков!

Он не отдаст вам этих интеллигентов, как не отдаст сотни других, с именами менее громкими, в большинстве совсем незаметными, но с душою, полной той же готовности рука об руку с рабочими батальонами завоевать новую жизнь.

Леонид Галич.

Москва.

1 ноября.

— Помощник московского градоначальника Руднев и полицеймейстер Свешников сегодня подали в отставку.

— Приезжие из Варшавы единодушно утверждают, что в настоящее время на улицах Варшавы идет резня.

— Железнодорожные управления получили предписание возвратить деньги за неиспользованный проезд и провоз багажа, происшедший вследствие железнодорожных забастовок.

— Хозяйственное бюро Стачечного Комитета откроет завтра свою деятельность.

— В Москве нарождается новый союз служащих в торговых и промышленных заведениях и лиц, занимающихся личным трудом.

— В Москве в настоящее время находится представитель г. Екатеринослава, который сегодня едет в Петербург, чтобы сделать гр. Витте доклад о происходившем там погроме. Дело в том, что местная печать совершенно терроризована, и в газетах ничего не сообщается о происходившем 21 — 23 октября в г. Екатеринославе. Погром, как установлено местными общественными деятелями, организован был хулиганами при благосклонном участии администрации, во главе которой г. Нейдгардт, брат одесского градоначальника, которого считают вдохновителем погрома, как предводителя дворянства г. Миклашевского. Установлено, что среди громил было много переодетых городовых, некоторые же из этих городовых вымазали свои лица сажей. Толпа убивала, громила и разоряла еврейские имущества.

быть удовлетворена полностью. Приходилось чем-то жертвовать.

И тут обнаружились две возможности, а с ними и два типа приспособления к данным условиям. Можно было жертвовать или широтою организующей работы или ее глубиной.

Если нельзя было охватить, хотя бы с приблизительной полнотой, пролетарское движение прочной и стройной организацией, какова должна быть вообще организация социал-демократии, как наиболее революционной партии, отовсюду окруженной враждебными общественными силами, — то надо было решиться на одно из двух: или все-таки создавать прочную и стройную организацию, заранее зная, что она охватит лишь небольшую часть революционно-массового движения, влияя на остальную его часть только идейно, или отказаться на время вообще от мысли о такой организации, и довольствоваться более поверхностной и менее серьезной, но зато более широкой организационной связью. Первая позиция характеризует „большинство“, вторая — „меньшинство“ российской социал-демократии.

С этой точки зрения легче всего понять борьбу и разногласия обеих фракций.

Лозунги „партийная дисциплина“ со стороны „большинства“ и „автономия“ со стороны „меньшинства“ — те лозунги, которые положили начало расколу, — выражают именно эти два основные стремления. Отсюда вытекает и борьба „большинства“ за с‘езд, как верховный орган, строго и прочно организующий партию, и борьба „меньшинства“ против с‘езда с заменой его „конференцией“, которая не создает ничего обязательного, не стесняет никакой дисциплиной. Отсюда громадные усилия, употребленные „большевиками“ для создания руководящего центрального аппарата партии, и прямое почти нежелание „меньшевиков“ иметь такой аппарат, отразившееся в их „организационном уставе“ 1-ой конференции (по этому уставу „руководящий коллектив“ имеется только для местной работы, а высшие общепартийные органы только „связывают и об‘единяют“ партийную работу).

Та же точка зрения вполне освещает и тактические разногласия сторон, которые то сводятся жизнью до едва заметной величины, то вспыхивают с угрожающей силой и яркостью. Например, вопрос о возможности участия партии во Временном Правительстве сводится к тому, может ли партия брать на себя задачу „организовать“ революцию вместе с той ответственностью, которая вытекает из этой задачи, или она должна заранее отказаться от того и другого. Если представлять себе партию как „настоящую“, сплоченную и стройную организацию, за которой стоят массы, то ответ будет один; если рас-

В одном месте на глазах народа был убит отец семьи, затем мать и растерзан их ребенок. Громила толпа в 300 человек, а за ними не отставали солдаты и казаки. Происходили ужасы, не поддающиеся описанию. И теперь все общество живет под страхом, ждут со дня на день избиения интеллигенции.

— „Моск. Вед.“ сегодня говорят: „Г.г. крамольники, пока они не будут, как говорят теперь, корректно держать себя, пока они не будут возмущать русский народ, пока не будут стрелять в портрет государя, пока не будут устраивать красных похорон, петь марсельезы и другие революционные песни и не будут издеваться над тем, что дорого и свято русскому сердцу, — русский народ их и пальцем не тронет; но если они снова будут устраивать революции, то уж тогда пусть пеняют сами на себя“.

— Помощник московского градоначальника, бар. Будберг, заявляет сегодня в „Русских Ведомостях“, что отныне как неправильные действия полиции, так и неправильные сведения о действиях полиции будут расследованы судебным порядком.

— Из Твери сообщают, что в настоящее время почти закончено следствие по поводу произведенного там погрома. Результаты дознания установили причастие администрации к деяниям черной сотни. Роль полицейместера г. Киреевского и двух приставов признана преступной. Арестовано по этому делу уже 6 человек, есть еще причастные к погрому лица.

— С 6 ноября в Москве вступают в силу правила о праздничном отдыхе. Однако, в большинстве торговых заведений правила эти были осуществлены уже сегодня, во многих случаях добровольно, а в некоторых случаях — по требованию приказчиков, обходивших торговавшие магазины. Кое-где были выбиты стекла.

— Сегодня состоялось собрание владельцев пекарен. Решено ввести праздничный отдых: булочные будут торговать в праздничные дни только до 5 часов. К этому постановлению присоединились почти все владельцы пекарен.

— Переговоры между трактирщиками и прислугою до сих пор не привели стороны ни к какому соглашению. Владельцы ресторанов первых двух разрядов сделали уже некоторые уступки: они согласились отдать официантам десять процентов с оборотного рубля. Последние же не удовлетворяются этою уступкою и угрожают открытием собственных ресторанов, утверждая, что нужные для этого средства у них имеются.

— 2-го ноября ожидается новая общая забастовка официантов.

— В Волоколамском уезде возникли серьезные аграрные беспорядки на почве недоразумений крестьян с помещиками. Угрожающий размер беспорядки приняли в имении кн. Шаховского. Крестьяне окружили имение тесным кольцом и не выпускают помещика в город. Кн. Шаховской вообще подвергнулся самой строгой блокаде. Увещания земского начальника не оказывают на крестьян ни малейшего влияния. В имение вызвано верное средство от всех антиправительственных зол — казаки.

— Московская городская управа обратилась в московское общество сельского хозяйства с просьбой уступить ей принадлежащий обществу манеж для устройства в нем митингов. Такой манеж может вместить до 4.000 человек.

— Служащие государственного контроля Московско-Ярославской жел. дороги образовали союз, имеющий целью: 1) оказывать содействие освободительному движению; 2) стремиться к установлению правильного конституционно-демократического правления в стране; 3) оказывать совместную поддержку пострадавшим за политические убеждения.

— 30-го октября в разных мужских и женских гимназиях Москвы состоялись многолюдные совещания родителей, обсуждавшие вопрос о возобновлении учебных занятий и установлении определенного отношения к возникшим в последнее время ученическим организациям. Признано желательным, по возможности, поспешить с возобновлением занятий, но одновременно постановить—не прибегать в отношении учащихся ни к каким принудительным мерам. Признано также желательным привлечение учеников к участию в совещаниях родителей и педагогов, при чем предварительные совещания последних должны происходить без участия учеников.

— Воспитанники московских гимназий организуют союз гимназистов старших трех классов. Общее собрание союза будет представлено двумя делегатами от каждого класса.

— Комитет общественной помощи голодающим решил начать продовольственную кампанию. Комитет начнет работать в Пронском уезде Рязанской губ., где недород уже начал давать себя чувствовать с большой силой. Комитет обладает в настоящее время капиталом в 25.000 рублей.

— Московское педагогическое общество, закрытое по распоряжению администрации несколько лет тому назад, предполагает нынче опять возобновить свою деятельность, основываясь на манифесте 17 октября. Общество пока не может созвать первое общее собрание, так как все помещения, где происходят обыкновенно заседания общества, в московском университете заняты войсками.

— Сегодня в реальном училище Фидлера состоялся митинг техников. На этом митинге представитель партии социал-демократов призывал техников присоединиться к этой партии. Память

сматривать партию как „организацию-процесс“, т. е. неопределенную, слабо оформленную комбинацию сил, мало-по-малу кристаллизующуюся из хаоса, то ответ будет другой. В первом случае возможен и серьезный контроль партии над ее представителями во Временном Правительстве и серьезное давление с ее стороны на более умеренное, чисто демократическое большинство этого Правительства (если социал-демократы там в меньшинстве); во втором случае ни то ни другое невозможно, и роль представителей партии самая жалкая. Говоря об участии во Временном Правительстве, „большинство“ представляет себе первый случай, „меньшинство“ — второй, так что спор идет, в сущности, о разных вещах.

Те же оттенки сказались в тактических разногласиях по вопросу о плане земской кампании в конце прошлого года и об отношении к Государственной Думе — в последнее время. Если считать, что социал-демократия должна вести себя как „настоящая“ партия, как реальная и прочная организация пролетарских сил, то нельзя допустить и мысли о том, чтобы „передоверить“ буржуазным партиям право выступать от имени народа или за народ; тогда нельзя говорить с земцами о том, что, если они хотят „иметь право выступать от имени народа“, то должны пред‘явить правительству такие-то требования, или с архи-цензовыми кандидатами в Думу о том, что социал-демократы согласны поддерживать их на таких-то условиях. Но все такие разговоры становятся возможны и понятны, раз предположим, что „настоящей“ партии нет, и она не создается, а существует и развивается только хаотичная „партия-процесс“; тогда вполне понятна мысль о том, чтобы передоверить пред‘явление народных требований действительным партиям — буржуазным, оказывая на них давление стихийно-революционною силою масс, направляемых агитацией. Отсюда суровое отношение „большинства“ к земствам и Государственной Думе, и сравнительно мягкое отношение „меньшинства“.

Естественно, что различные типы приспособления к данным условиям, выступающие в „большинстве“ и „меньшинстве“, связаны с известными оттенками психологического склада партийных работников. У „большивиков“, с их „организационным упрямством“, преобладает тип организатора; у „меньшевиков“, с их стремлением к широте захвата во что бы то ни стало и с их равнодушием к организационным формам, господствует тип агитатора. У первых больше рассудочности и хладнокровия, у вторых больше настроения и темперамента.

При более удобных обстоятельствах историк с надлежащим спокойствием разберет глубокие социальные основы обоих течений: какие слои выступающего на арену борьбы пролетариата нашли себе идеологов в том и другом те-

погибших борцов за освободительное движение была почтена вставанием, при чем все присутствующие хором спели траурный марш: „Вы жертвою пали в борьбе роковой“. Было принято предложение образовать союз и присоединиться к Союзу союзов. Собрание выработало несколько резолюций по поводу манифеста 17 октября и других актов правительства. Все эти резолюции дышат большим пессимизмом.

— Сегодня московские банщики собрались на митинг, на котором были выработаны требования экономического характера, намеченные к пред‘явлению хозяевам — владельцам бань.

— Упорно циркулирующие по Москве слухи о предстоящих избиениях евреев, студентов и интеллигенции заставили всю более или менее состоятельную Москву стремительно покидать Белокаменную. Более состоятельные стремятся за границу, менее состоятельные едут в Финляндию. Мебель вся увозится в склады, а квартиры остаются пустыми на произвол судьбы. Уехавшие квартиранты твердо убеждены, что им удастся избежать уплаты неустойки за законтрактованные квартиры, так как нынешние события несомненно создали „форс мажор“. Вследствие такого оборота дел, московские домовладельцы терпят большие убытки. Уже теперь число пустующих квартир достигает тысячи. Пустуют квартиры дорогие, тысячные и даже целые особняки.

— Бывший московский городской голова кн. Голицын сегодня в беседе с представителями печати сказал: „Кругом говорят, что я испугался и бежал с поля сражения, убоявшись освободительного движения, в котором я принимал также активное участие, как руководитель городской думы. Это не верно. Я был всегда убежденным конституционалистом, и этому вполне соответствуют все те требования московской думы, которые затем были повторены всеми другими общественными учреждениями. Еще задолго до рельефно проявившегося освободительного движения в моем обращении к государю, во время пребывания в Москве, я говорил об осуществлении тех основ, которые опубликованы 17 октября. Я всегда глубоко верил в то, что гражданская свобода и конституция обратят Россию на путь мощного развития духовных сил страны. Меня не смущают и не колеблют печальные события, которыми омрачен первый момент русской свободы. Горе переживаемых ныне смут — не в свободе и не в манифесте, — но в старом режиме, который еще живет, хотя уже осужден на смерть. Переход от тяжелого гнета к гражданской свободе не мог не вызвать смуты, огорчившей всех приверженцев правового порядка. Но недалеко уже время, когда смута уляжется, и мы увидим нашу родину счастливой и свободной. Оценивая окружающие меня события, я пришел к заключению, что новая жизнь требует новых сил и новых людей. Вот почему я счел себя обязанным дать дорогу тому, кто считает себя в силах стать теперь во главе московской городской думы“.

Далее кн. Голицын высказался по поводу различных требований, пред‘явленных городскими служащими к городскому управлению, и, между прочим, о требовании удалить со службы товарища городского головы г. Лебедева. „Его обвиняют, говорит кн. Голицын, в том, что он состоит в сношениях с охранным отделением. Это неправда; его видели там несколько раз — но он был там потому, что дочь его была арестована по политическому делу“.

Кн. Голицын высказался также, что из кандидатов, намеченных в московские головы, — проф. Муромцев имеет мало шансов, вероятнее всего, что будет избран один из бр. Гучковых.

— Казаки 34-го донского казачьего полка от имени „тихого Дона“ благодарят сегодня письмом в редакцию „Московские Ведомости“. Только эта газета да еще г. Шмаков проявили к ним серьезное отношение. Казаки читали, что писали о них „Моск. Ведомости“, умилялись, и слезы при этом выступали на их глазах. Казакам московская дума не дала квартир, не приютила их, но они все же будут продолжать свою службу и делать свое дело. Они шлют „низкий поклон“ газете от всех своих братьев с тихого Дона.

— Московский союз рабочих печатного дела, принимая во внимание, что в Стачечном Комитете преобладает буржуазный элемент, а представители рабочих находятся в меньшинстве, постановил не подчиняться решениям комитета впредь до реорганизации его на началах пропорционального представительства.

— Союз об‘единившихся московских писателей приискивает более конкретные способы борьбы с нарушением свободы печати со стороны администрации. С другой стороны, большинство издателей нашло упразднение цензуры опасным. По этому поводу на вчерашнем общем собрании союза рабочих печатного дела единогласно принята резолюция — выразить презрение этому большинству.

Вопрос о пропорциальном составе обсуждался в положительном смысле. Сейчас обсуждается техническая сторона вопроса.

— Вчера днем и вечером были избиты несколько человек, при чем казаки и городовые не приняли никаких мер к защите.

— Все боевые дружины охраняли вчера население в наиболее опасных частях города.

— Последние дни на многих домах были поставлены красные кресты и буквы У. В. и В. Р., вызывая у обывателей паниче-

---

чении, какие группы революционной интеллигенции, примкнувшей к пролетариату, явились подходящими выразителями того и другого. Здесь не место такому анализу.

Ясно одно: в любой социал-демократической партии Запада эти два типа дружно работают вместе во имя общих целей, дополняя и, при случае, исправляя друг друга. Только глубокая ненормальность условий ныне благополучно рухнувшего старо-самодержавного режима могла довести различие двух оттенков до степени противоречия и раскола.

Ясно и другое: теперь, когда исчезают основные условия, вызвавшие раскол, наступило время с ним покончить. Теперь это вполне возможно, и очень скоро это произойдет. Вопрос только в том, каким способом всего легче и быстрее можно достигнуть этого.

* * *

Прежде всего, очевидно, что приобретенная захватным путем относительная свобода партийной работы позволяет уже не жертвовать ни широтою организационного размаха этой работы ни его глубиною. Первое может быть достигнуто перестройкой партии на демократической основе, путем проведения снизу доверху выборного начала и переходом партии в большей ее части к открытому существованию. Второе — последовательной и прочной централизацией партии, созданием единого руководящего центрального аппарата. Первое может выполняться — и выполняется, по крайней мере, отчасти, уже теперь — каждой стороною в отдельности, второе должно быть выполнено ими обеими сообща, на их об‘единительном с‘езде.

„Большинство“ еще на третьем с‘езде взяло на себя обязательство проводить в партийной организации демократический принцип повсюду, где внешние условия позволят сделать это без вреда для работы. Это обязательство оно теперь и выполняет, реформируя свои комитеты и группы. „Меньшинство“, со своей стороны, должно теперь отказаться от своего старого отвращения к принципу централизации и к ее основному воплощению в партийной жизни — к суверенному с‘езду.

Об‘единительный с‘езд должен быть созван как можно скорее. До с‘езда придется употребить все усилия к возможно большему сближению обеих сторон: устраивать по всей линии параллельных организаций общие совещания, как по вопросу о слиянии фракций, так и по всем основным вопросам тактики и организации; создавать постоянные органы соглашения, подобные Петербургскому Федеративному Совету, об‘единять и координировать непосредственную работу. Но в то же время необходимо при-

ский страх. Оказывается, что, по случаю общего водопроводного ремонта, мастера отмечали дома, где необходим был ремонт, на что указывали красные кресты. У. В. означали утечка воды, а В. и Р. — водопровод и ремонт.

— У Сухаревой башни многие черносотенцы продают браунинги, розданные полицией, по два и по три рубля за штуку.

— Союз торговых служащих г. Москвы предложил хозяевам торговых заведений сделать постановление прекратить торговлю в праздничные дни и установить норму и для будничных дней; в заявлении к хозяевам, между прочим, говорится: „Если вы хотите тихо и мирно вести свою торговлю и не хотите возбуждать вероломство и раздражение и создавать неприятности среди служащих, то приведите в исполнение ваши обещания, так как в противном случае это очень вредно отразится на самих же хозяевах и их делах.“

— Комиссия, избранная из среды профессоров для поездки в Петербург по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях, отказалась от мысли ехать в Петербург.

— Служащие в московских сберегательных кассах пред'явили ряд требований экономического характера. Между прочим, служащие просили о более справедливом распределении сверхурочных работ, за которые полагается отдельная плата. Начальство касс сегодня решило этот вопрос в том смысле, что вовсе отняло все сверхурочные работы и передало их вольнонаемным служащим.

— Председателем общеземской управы избран Д. Н. Шипов а его товарищем — М. В. Челноков.

— Одного из городских рабочих, Павлова, уволили на-днях за его политические убеждения. Рабочие организации, в виду этого, пред'явили заступающему место городского головы требование о немедленном созыве смешанной комиссии представителей от города и рабочих, которая должна будет разбирать петиции рабочих и следить за отношением заведующих городскими предприятиями к служащим, а также для расследования случая избиения делегатов от рабочих черносотенцами при участии заведывающего миусским парком конной железной дороги.

— Сегодня состоялось собрание служащих различных учреждений ведомства императрицы Марии для обсуждения вопроса об организации союза. Тут были больничные врачи, фельдшера, директора и преподаватели гимназий. Пришли к заключению, что бюрократический режим, существующий в названном ведомстве, вызывает справедливое нарекание со стороны общества. Необходимо широкое участие со стороны общества в учреждениях названного ведомства, так как существующие теперь порядки пагубно отражаются на ведении дела. Решено организовать свой союз, примкнуть к союзам освободительного движения и поставить дело так, чтобы со стороны общества были полномочные представители.

— Состоялось общее собрание членов союза педагогов средних учебных заведений, на которое были допущены делегаты от учащихся. Представители гимназистов пред'явили уже известные требования, а главное, немедленное отстранение от должности попечителя московского учебного округа г. Шварца. Некоторые из членов союза высказались, что они признают свободу ученических собраний, но желательно было бы, чтобы на собраниях этих присутствовали учителя. Делегаты ответили: „Что это будет за свобода собраний, если они будут происходить под надзором учителей? Но ученики сами ничего не имеют против присутствия, если только будут присутствовать любимые и уважаемые учителя, которых пригласят сами ученики“. Собрание с этим доводом согласилось. Также согласились с требованием учеников об упразднении формы и внешкольного надзора. Что же касается устранения г. Шварца, то они бессильны в этом и могут только бойкотировать его. Кстати, слухи об отставке г. Шварца не подтверждаются.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Конотоп. — Мы возмущены! Первые номера вашей газеты конфискованы местной жандармерией. Когда же все это кончится? Примите меры. Жители города Конотопа.

Чернигов, 29 октября (СПА). — Черниговская губерния об'явлена в положении усиленной охраны. Губернатором посланы драгуны и казаки в уезды Черниговский, Городнянский, Суражский и Нежинский.

Темир-Хан-Шура, 29-го октября (СПА). — Расклеено об'явление полицеймейстера, воспрещающее манифестации, соответственно приказанию наместника.

Варшава, 30 октября (СПА). — В городе вечером прежнее крайне тревожное настроение. Опасаются погромов, несмотря на успокоительное об'явление обер-полицеймейстера. Воору-

---

ступить немедленно к устройству об'единительного с'езда.

Чтобы с'езд мог надежнее и легче достигнуть своей цели, необходимы две предпосылки: равенство сторон на самом с'езде и устранение их конкуренции на выборах делегатов. А для этого надо, чтобы обе стороны получили на общем с'езде по равному числу решающих голосов, и чтобы выборы устраивались каждой стороной отдельно.

Словом, „большинство“ и „меньшинство“ должны одновременно и в одном месте созвать свои отдельные с'езды, а затем они, придя к соглашению относительно порядка общей работы, сливаются в один с'езд, на котором право решающего голоса дается определенному одинаковому числу делегатов той и другой стороны, кому именно — решает заранее каждая сторона отдельно.

Только таким путем устраняется опасение „майоризирования“, грубого подавления одной стороны механическим большинством голосов другой.

Наоборот, предложенный некоторыми товарищами, на вид наиболее „примирительный“, проект—устройство прямых совместных выборов на общий „учредительный“ с'езд — всего менее достигает примирительных целей. Как ни заманчиво, повидимому, теперь же стереть все границы фракций и непосредственно смешаться для общих выборов, но тут-то и создается настоящая почва для фракционных настроений и фракционной борьбы. Две стороны не перестанут существовать оттого, что они смешаются в избирательной кампании; но каждая из них будет думать тогда о том, как бы ей побить другую на выборах, как бы послать побольше „своих“ делегатов и провалить „чужих“, как бы получить большинство на с'езде. Все это отпадает только тогда, когда каждая сторона организует свои выборы отдельно и, оставляя заботу о количестве своих решающих голосов, которых все равно не будет больше, чем у другой стороны, будет думать только об их качестве.

Но не приведет ли на практике это равенство голосов к тому, что с'езд окажется неспособен ни к каким решениям? Я убежден, что нет. При незначительности разногласий обеих сторон, при существовании в каждой из них различных оттенков, можно с уверенностью предсказать, что голоса будут группироваться не по фракциям, и каждый новый вопрос будет создавать новую группировку. Живой пример тому — III-й с'езд. На нем об'единились две фракции — „большевики“ и „примиренцы“, находившиеся в довольно острых отношениях между собою, а между тем, прочитайте протоколы III-го с'езда и ни в одном голосовании вы не найдете определенно выраженным этого разделения. Тут имеет гро-

женная самооборона жителей сторожит во всех воротах. Никаких происшествий не было. Вдоль брестской железнодорожной линии расставляются войсковые посты.

В театре состоялся митинг.

Киев, 29 октября (СПА). — Сегодня конфискованы первые номера газеты „Новая Жизнь".

Вышел первый номер журнала „Южная Неделя".

Киев, 29 октября (СПА).—Губернатором получено телеграфное распоряжение о приостановке выборов в Государственную Думу в виду манифеста 17 октября.

Екатеринослав, 30 октября (СПА).—Рабочие заводов не участвовали в грабежах; выяснено, что предместье Чечеловка охранялось рабочими Брянского завода. Рудничные рабочие по культурному развитию значительно ниже заводских. Горная администрация извещается, что рабочие рудников Желтая Река третий день занимаются грабежами в соседних деревнях. Рабочие рудников Копылова, забастовав, принуждают других к грабежам. Требуется военная помощь.

Тифлис, 30 октября (СПА).—Сегодня об'явлен следующий приказ наместника от 30 октября: „В виду наступившего за последние дни успокоения, я, на основании предоставленной мне государем императором власти, отменяю военное положение в городе Тифлисе и Тифлисском уезде, с упразднением временного генерал-губернаторства".

Юрьев, 30 октября (СПА).—Сегодня начальник гарнизона об'являет, что в виду наступившего успокоения в Юрьеве, дальнейшие распоряжения военного начальника, на основании статьи 19 правил о призыве войск для содействия гражданским властям, прекращаются, и все распоряжения по охранению общественного спокойствия, переходят исключительно к гражданским властям.

Ревель, 30 октября.—На открывшийся сегодня в Риге с'езд наборщиков и печатников Прибалтийского края для выработки общих условий труда и организации союза выехали представители от Ревеля.

Опасения еврейского погрома не оправдались.

Никольск, 29 октября (СПА).— Члены общественного собрания собрались вчера в клуб на семейный вечер, который принял характер митинга. Собрание, между прочим, постановило день 17 октября навсегда сделать праздником, почтить память С. Н. Трубецкого вставанием, учредить в Никольском городском училище стипендию его имени, телеграммой выразить соболезнование Московскому университету.

Симферополь, 29 октября (СПА).—Под председательством князя Оболенского состоялось заседание членов-учредителей общества охранения граждан Симферополя. Рассмотрен и утвержден проект устава.

Минск, 31 октября (СПА).—На совещании представителей кредитных учреждений в отделении Государственного Банка, по вопросу о помощи пострадавшим от погромов, постановлено ходатайствовать перед министерством финансов о расширении кредитов при учете денежных векселей в Государственном Банке, а также об увеличении ссуд помещикам под картофель и рожь.

Кронштадт, 31 октября (СПА). — Комендантом крепости сделано распоряжение о запрещении всяких революционных и противоправительственных манифестаций в городе.

Минск, 31 октября (СПА).—Сегодня опасения возможности погрома усилились вследствие появления на еврейских домах красных знаков. Городская управа обращается с успокоительным воззванием к населению. Служащие, мастеровые и рабочие Либаво-Роменской и Московско-Брестской железных дорог обратились к населению с об'явлением, в котором, выражая свое презрение к натравливающим одну национальность на другую, заявляют, что всякой попытке к погрому и насилию дадут решительный отпор.

Гельсингфорс, 30 октября (СПА). — Фабриканты гельсингфорского района на общей сходке решили выдать рабочим полную поденную плату за шесть дней всеобщей забастовки, в надежде, что рабочие сами не примут денег, дарованных им сенатом в нынешнем его составе, а возвратят их в виде полученного аванса. Многие рабочие уже по собственному почину передали означенные деньги на усиление различных рабочих профессиональных и благотворительных фондов.

Берлин, 30 октября (12 ноября) (СПА).—Говоря о нынешнем положении дел в России, „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" замечает, что создателям новой России предстоит преодолеть неслыханные трудности как со стороны консервативных, так и со стороны радикальных утопистов. Поэтому опубликованные до сих пор решения русского правительства заслуживают признательности, так как они обнаруживают искреннее желание порвать с прошлым и осуществить полное обновление российского государственного организма. Решение трудных задач последует тем скорее, чем скорее правительство, вводя Россию в ряды

мадное влияние та атмосфера партийности и товарищеского единения в работе, которая охватывает делегатов на с'езде, и которая тем сильнее, чем важнее исторический момент, чем более ответственным является дело с'езда.

Я хотел бы еще предостеречь товарищей от одного симпатичного увлечения, от „об'единительного идеализма", стремящегося сразу об'единить всех и вся. Многие высказывались до сих пор (и я в том числе) за привлечение на об'единительный с'езд, по возможности, всех национальных социал-демократических партий России или, по крайней мере, тех из них, которые не настаивают на федерализме и согласны на единую централистическую организацию. Бесспорно, дело об'единения теперь стало гораздо легче и проще, чем оно было до сих пор, но все же это очень трудное и сложное дело; не стоит затруднять и усложнять его еще сильнее. Чем больше число договаривающихся сторон, тем больше трений, тем больше поводов к разногласиям, недоразумениям, противоречиям.

Хотя „большинство" и „меньшинство" жили до сих пор, как кошка с собакой, но все же они жили вместе, они знают друг друга, им легче столковаться между собою одним, чем вместе с другими, отдельно от них жившими, меньше знакомыми им организациями. Чтобы вести дело с наименьшим риском и с наименьшими трудностями, надо начать об'единение с себя самих; а потом уже нетрудно будет об'единиться с другими.

Но главное, что необходимо для успеха дела, это заранее принятое на себя обеими сторонами формальное и твердое обязательство подчиниться решениям большинства голосов с'езда, совершенно независимо от того, будет это большинство значительно или ничтожно. Без такого обязательства всякое голосование может вести к возобновлению раскола, и никакой уверенности в будущем нет и не может быть.

Только с'езд, обладающий действительной полнотою власти, действительно „суверенный", способен создать действительно единую партию и единое, сознательное и планомерное политическое руководство ею в интересах борющегося за социализм революционного пролетариата.

Рядовой.

современных конституционных государств, встретит, при улучшении нынешнего положения дел, поддержку со стороны благоразумных кругов, проникнутых искренними намерениями. С помощью последних удастся также восстановить общественный порядок.

Париж, 30 октября (12 ноября) (СПА).—На совете министров решено, что министр внутренних дел Этьен примет портфель военного министра, Дюбьеф — портфель министра торговли. Остальные министры сохранят свои портфели (Гавас).

Париж, 30 октября (12 ноября) (СПА).—Греческий король, в сопровождении принца и принцессы, отбыл в 10 ч. 30 м. в Шербург. Представители президента Лубе и французского правительства приветствовали его на вокзале. (Гавас).

Курск, 30 октября (СПА). — От исполняющего должность курского губернатора Борзенко об'явлено: „По городу распространяются нелепые слухи, призывающие от имени царя к разного рода преступным деяниям; напоминаю населению Курска и пригородных слобод, что непреклонная воля царя состоит в том, чтобы на земле русской на основаниях, возвещенных высочайшим манифестом 17 октября, установились мир и спокойствие. Поэтому лица, пользующиеся его именем для призыва к насилию, кощунственно нарушают его волю. Все граждане Российской империи без различия вероисповеданий, национальности, партий и положения находятся под защитой законов, всякие насилия над личностью и имуществом немедленно будут остановлены решительными мерами подлежащих властей. Виновные будут привлечены к законной ответственности. В настоящее тревожное время всякие манифестации, с какими бы целями они ни устраивались, ведут лишь к раздорам и беспорядкам и потому не могут быть допущены. Население приглашается, в исполнение воли государя императора, вернуться к обычным мирным занятиям, слиться в дружной работе на почве уважения личности каждого и любви к дорогой для всех граждан родине".

Нижний-Новгород, 30 октября (СПА).— На Волге появилось сало; температура—5°. Снега мало.

Елисаветград, 30 октября (СПА).—В соединенном заседании учетного комитета отделения Государственного Банка и управляющих местных частных банков, обсуждался вопрос о помощи жертвам погрома. Постановлено разрешить на льготных условиях кредит пострадавшим торговцам, продолжить срок векселей до одного года, оказывать снисхождение лицам, допустившим протест векселей и открыть небольшой кредит мелким торговцам.

Константинополь, 30 октября (12 ноября) (СПА).— Вчерашнее землетрясение причинило много вреда на Афоне. Монах ирасположились под открытым небом (Корбюро).

Аткарск, 31 октября (СПА).—Выгружены четыре пулемета. Говорят, что два будут отправлены в Петровский уезд и два отправляют дальше. Горит село Баланда. Аграрное движение продолжается. В городе спокойно.

Царицын, 31 октября (СПА).—В городе наружное спокойствие. Преувеличенные слухи и толки об ожидаемом погроме создают нервное настроение. Много еврейских семей выехало. Дума обратилась к населению с воззванием, призывая к мирным занятиям. Казенные здания охраняются солдатами. На улицах патрули.

Саратов, 31 октября (СПА).—Сегодня город принял обычный вид. Патрули сняты. Из уезда также получаются известия о начинающемся успокоении.

Одесса, 30 октября (СПА).—Биржевой комитет постановил, что в число стихийных дней не входят дни погрома в Одессе. Вследствие непрерывных жалоб, что хулиганы препятствуют хлебным визитировщикам визитировать баржи и лодки, комитет обратился к начальнику порта с просьбой принять меры для устранения подобных случаев, делающих невозможным экспорт зерна.

Томск, 31 октября (СПА).—На совещании под председательством губернатора решено приступить к занятиям в низших учебных заведениях и всех средних, за исключением старших классов.

Производятся розыски разграбленного. Собираются пожертвования в пользу пострадавших.

Житомир, 30 октября (СПА).—Слухи о предстоящих еврейских погромах не оправдались. Жизнь постепенно входит в нормальную колею. В городскую думу внесена петиция об учреждении городской милиции.

Кострома, 30 октября (СПА).—Ликвидационная комиссия по делам несостоятельного Коммерческого банка в Костроме постановила выдать кредиторам первые 30% долга. Кредиторы банка в большинстве люди малосостоятельные.

Плоцк, 30 октября (СПА). — Сегодня некоторые магазины открыты, жизнь принимает обычный вид.

Калиш, 30 октября (СПА).—В местные судебные установления поступают новые иски против управления дороги за убытки, причиненные забастовкою. Иски, по мнению юристов, имеют шансы на удовлетворение, ибо рассматривать забастовку с точки зрения забастовщиков, как народное бедствие, за которое дорога не ответственна, юридически неправильный взгляд. Лишь за убытки, причиненные стихиею: наводнением, землетрясением и т. п., никто не ответственен. Забастовка — организация, которую можно было во время предупредить.

Симбирск, 30 октября (СПА).—На Волге появилось сало.

Тверь, 30 октября (СПА). — Слухи о предполагавшемся погроме евреев оказались неосновательными; в городе спокойно. Ночью по главным улицам ходят патрули из рабочих — добровольцев.

Симбирск, 30 октября (СПА).—Сегодня состоялось освящение и открытие отделения Русского для внешней торговли банка.

Кронштадт, 30 октября (СПА). — На улицах расклеены об'явления коменданта крепости, извещающие, что общественные собрания, спектакли, танцовальные вечера должны оканчиваться в 10 ч., обыватели могут появляться на улицах не иначе, как с билетами от полицейских участков или с паспортами.

В городе спокойно. Прибывшие для охраны войска пока остаются в Кронштадте.

Ровное, 30 октября (СПА). — Погода переменная, то идут дожди, то наступают холода с понижением температуры до —5°. Сегодня идет сильный снег. Воды прибыло 8 арш., легкие пароходы ходят.

Рига, 31 октября (СПА). — Сегодня в начале заседания профессорской коллегии политехнического института прочтено поданное за подписью 27 членов заявление следующего содержания:

„Профессорская коллегия выражает свое негодование по поводу постановления обще-студенческой сходки и просит упомянутых в постановлении сходки членов учебного персонала Вальдена, Шварца и Деллена, основываясь на полном к ним доверии, и впредь полностью посвятить свои силы деятельности на пользу института".

Варшава, 31 октября (СПА). — Положение вещей в Варшаве не изменилось. Забастовки продолжаются. На Брестском и Млавском участках Привислинских железных дорог в ходу по две пары поездов под охраной войска.

По словам „Курьера Варшавского", правление газового общества об'явило, что в скором будущем может обнаружиться недостаток газа.

Псков, 31 октября (СПА). — Ночью злоумышленниками ограблена контора находящегося близ города керосинового склада бр. Нобель. Убиты заведующий Коренев и мальчик. Двое ранено. Виновные узнаны и разыскиваются.

Курск, 30 октября (СПА). — „Курские Губернские Ведомости" сообщают, что в настоящее время под наблюдением прокурора окружного суда судебным следователем по важнейшим делам ведется энергичное следствие по поводу всех беспорядков, бывших в Курске. Следствием обнаруживаются виновные в беспорядках и грабеже еврейских лавок и магазинов. Производятся также надлежащие розыски похищенного имущества для возвращения потерпевшим. Обнаружена значительная часть виновных в преступных деяниях, а также обнаружена часть похищенных, разграбленных вещей.

Чистополь, 31 октября (СПА). — На добровольную подписную сумму город нанимает в помощь местной полицейской

команде, для охраны порядка, сто человек, с месячным жалованием в 18 р. Собрания и митинги происходят спокойно.

Задонск, 31 октября (СПА). — Дума обратилась с воззванием к населению не допускать нарушения спокойствия и содействовать в случае нарушения восстановлению его. Усилен ночной караул и учреждена конная ночная стража. Порядок в городе на нарушался.

Плоцк, 31 октября (СПА).—Сегодня прекратилась всеобщая забастовка рабочих и торговцев. Завтра начнут движение по Висле пароходы и барки.

Варшава, 31 октября (СПА). — На под'ездных путях завтра начнется движение.

Митинг служащих банкирских контор решил продолжать забастовку.

Ростов-на-Дону, 31 октября (СПА). — Благодаря спокойствию вчерашнего дня, ожидавшегося с большой тревогой, население заметно успокаивается. По слухам, группа граждан, недовольных бездействием местной думы в деле успокоения города, намерена побудить весь состав гласных подать в отставку.

Москва, 31 октября (СПА). — Заместитель городского головы выезжает в С.-Петербург с докладной запиской к графу С. Ю. Витте по разным нуждам и ходатайствам города.

Владельцы ресторанов решили закрыть завтра все трактиры и рестораны, в виду невозможности удовлетворить требованиям официантов.

Кельцы, 31 октября (СПА).—(Оф. корр.). — Временным генерал-губернатором Келецкой губернии назначен начальник 14 кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Бобылев.

Вчера прервано телеграфное сообщение с Варшавой и внутренними губерниями Империи. Телеграммы в Империю передаются кружным путем.

Президент города обратился к населению с воззванием не верить упорно распространяемым в городе слухам о готовящихся беспорядках.

Москва, 30 октября (СПА). — На чрезвычайном собрании членов литературно - художественного кружка, в ознаменование высочайшего манифеста, ассигновано 10.000 рублей на вольный народный университет в Москве, 5.000 руб. в пользу Стачечного Комитета, 5.000 руб. в пользу политических заключенных, освобожденных из тюрем на основании амнистии.

Ожидавшийся сегодня погром оказался вздорным слухом, день прошел совершенно спокойно, только приказчики, насильственно закрывавшие магазины, кое-где побили несколько стекол.

Хозяева трактиров и ресторанов решили сегодня отвергнуть все требования официантов и закрыть все свои заведения. Официанты, однако, настаивают на своем и решили 2 ноября забастовать, чтобы принудить хозяев к исполнению своих требований.

Центральное бюро всероссийского железнодорожного союза просит категорически опровергнуть слухи о предполагаемой забастовке жел. дорог.

Сегодня во всех почти мужских и женских гимназиях на собраниях родителей и педагогов решено с предстоящей недели возобновить занятия, ибо опасности никакой не предстоит.

Вследствие ложных слухов о происходящих будто бы в Москве беспорядках, многие выезжают из Москвы за границу и в Финляндию, выехало также много евреев и иностранцев.

Сегодня в разных местах Москвы состоялось много митингов, преимущественно рабочих, в помещениях, бесплатно предоставленных городом. Митинги прошли в образцовом порядке. Постановления сводились к экономическим требованиям. Собрание типографских рабочих решило образовать союз рабочих печатного дела.

Варшава, 30 октября (СПА).—„Курьер Варшавский" сообщает, что по инициативе Генриха Сенкевича организовался народный комитет для оказания помощи неимущим и лишенным возможности получить работу.

Москва, 31 октября (СПА). — Фабриканты московского района, разрабатывающие организацию союза, разбились на три группы: текстильную, в которую вошли все мануфактуристы, машиностроительную и сборную, в которую вошли типографы, пивовары и другие фабриканты, не подходящие под первые две группы. При союзе будет организовано справочное бюро по забастовочному движению и будет издаваться бюллетень русских стачек. Главною целью союза является урегулирование отношений между фабрикантами и рабочими и восстановление нормальной жизни на фабриках. Кроме того, решено организовать страховой фонд для покрытия невозмещенных страховыми обществами убытков от погромов и насилий. В фонд будет вноситься каждым фабрикантом по 10 руб. в год с каждого рабочего.

Москва, 31 октября (СПА). — Председателем общеземской управы для борьбы с голодом избран Д. Н. Шипов, его помощником — Челноков. В организацию поступают ходатайства о помощи евреям, пострадавшим от погрома.

Одесса, 31 октября (СПА). — Вновь назначенному Одесскому градоначальнику, генералу Григорьеву, предложено из Петербурга немедленно вступить в должность.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Вена, 30 октября (12 ноября) (СПА). — Министр-президент Гауч принял депутацию от представителей промышленности, явившуюся к нему по поводу забастовки железнодорожных служащих. При этом он заявил ей, что правительство решило немедленно удовлетворить справедливые требования служащих, но с условием, что последние будут исполнять лойяльно свои обязанности. Министр-президент выразил протест против смешения вопроса о заработной плате с вопросом о реформе избирательного права. По его словам, правительство уже занято разработкой проекта этой реформы. Решить этот вопрос придется рейхстагу совокупно с правительством еще в нынешнюю парламентскую сессию.

Берлин, 30 октября (12 ноября) (СПА). — „Berliner Tageblatt" воспроизводит телеграмму „Russ. Corr.", согласно которой редакторам С.-Петербургского Телеграфного Агентства был вчера предложен к исполнению следующий циркуляр директора агентства:

„По распоряжению г. директора, редакторам предлагается ежедневно составлять коллективную телеграмму для заграницы, в которой помещаются те из полученных от наших провинциальных корреспондентов сведения, которые благоприятны для России; сюда относятся сведения, свидетельствующие о восстановлении порядка, о назначенных или производящихся следствиях по произведенным беспорядкам и т. п.".

Токио, 30 октября (12 ноября) (СПА). — („Daily Telegraph"). Адмирал Рождественский, собираясь выехать на родину, поручил начальнику своего штаба отправиться в морской департамент, чтобы выразить властям благодарность за хорошее обращение.

Хотя в городе уже некоторое время спокойно, военное положение еще не снято. Министр-президент оказался не в состоянии выполнить своего обещания относительно созыва экстренной сессии парламента. Арестован бывший президент палаты Ионо, произнесший речь на недавнем митинге, протестуя против мирного договора. Арестовано также несколько других политических деятелей в связи с последними беспорядками.

Токио, 30 октября (12 ноября) (СПА). — Императорским рескриптом парламент созывается на 12 декабря.

Вена, 31 октября (13 ноября) (СПА). — Согласно отчету министерства путей сообщения, положение дел на железных дорогах в общем улучшилось. Новая инструкция, очевидно, оказывает влияние. Поезда запаздывают реже. Движение в тех местах, где оно было приостановлено, теперь возобновилось. Затруднения в движении в главных пунктах угольного района и в Праге устранены. Некоторые затруднения испытывает движение лишь в Тироле.

По газетным сведениям, во время вчерашней демонстрации арестовано 38 социалистов. Раненых оказалось 40, в том числе 8 тяжело (Корбюро).

Токио, 31 октября (13 ноября) (СПА). — С прибытием барона Комуры в Пекин там оживилась дипломатическая деятельность. Русский и германский посланники имели продолжительное совещание с выдающимися китайскими государственными

деятелями. Между германским генерал-губернатором Киа-Чао и китайским губернатором провинции Шандун заключено важное соглашение из пяти пунктов. Оно предусматривает эвакуацию Каоми в течение полугода по подписании договора в Киа-Чао. До января войска будут отведены в Цинтау, откуда отправятся в Германию. Охрана отданной Германии в аренду области и железной дороги перейдет затем к Китаю. Китайское правительство намеревается приобрести германские казармы в Каоми для того, чтобы там устроить школу для обучения немецкому и китайскому языкам. Все германские почтовые учреждения в Шандуне будут переданы китайцам.

Открытие движения на новой дороге между Пекином и Ханькоу ожидается 3 ноября.

Иоганнесбург, 31 октября (13 ноября) (СПА).—В субботу вечером обрушилась вертикальная шахта „Driefontein Deep Mine". Погибло 68 человек, в том числе один белый. Много рабочих, не пострадавших от обломков шахты, утонуло в поднявшейся почвенной воде.

Париж, 31 октября (13 ноября) (СПА). — Известие из Лондона о совещании послов великих держав в Константинополе считается здесь последним дипломатическим актом перед морской демонстрацией. Так как финансовые агенты 6 великих держав пришли к соглашению относительно проекта урегулирования финансов Македонии, то является вполне естественным, что послы требуют от султана утверждения этого проекта и, вместе с тем, одобрения состоявшегося назначения финансовых агентов.

О реальной политике.

Русская общественная жизнь последнего времени, вообще очень яркая и колоритная, дала нам несколько превосходных иллюстраций к вопросу о так называемой „реальной политике", столь любезной мягкому сердцу всякого российского либерала.

Во имя этой реальной политики ополчались против бойкота Государственной Думы, об'являли его „преступлением" (см. „Русск. Вед."),—а жизнь между тем показала, что „преступление" было насущной необходимостью,—доходили в своем прекраснодушии до утверждения, что если бы в этой Думе заседали даже урядники, то и они оказались бы сторонниками всеобщего избирательного права. Смею уверить читателя, что я сам своими ушами слышал такое утверждение из уст одного оратора левого крыла так называемой конституционно-демократической партии. Можно по этому примеру судить, что же должны говорить и думать представители правого крыла той же партии, того крыла, которое, по всей справедливости, надо назвать конституционно-аристократическим.

А что сказать о рассуждениях наших известных либералов (в том числе и профессоров) на пресловутую тему „науки юношей питают"? Ведь очень еще недавно казалось, что эти рассуждения составляют монополию рептильной прессы, и вдруг эта монополия стала у нее оспариваться „конституционно-демократическими" органами. Один весьма почтенный профессор нечаянно (мы уверены в этом) дописался до заявления, что одинакового с ним мнения о пользе науки держатся все „истинные друзья молодежи"; профессор и не заметил, очевидно, что его рассуждения построены по тому же методу, какими руководились публицисты известного пошиба, именовавшие себя истинно-русскими людьми.

Или вот еще иллюстрация: в московской городской думе 15 октября поднят был вопрос о комитете общественной безопасности и учреждении милиции. И дума поступила, конечно, так, как ей диктовали „реальные" политики: московские думцы, ни мало не смущаясь, отвергли предложение социал-демократов сложить с себя полномочия и передать их демократическим элементам общества. Они, конечно, сочли себя такими же—exusez du pera — „избранниками народа" и „лучшими людьми", какими считает земцев петербургское бюро академического союза. И в результате проекты учреждения не столько милиции, сколько, по удачному выражению одного товарища, — городской полиции.

И вот что характерно: наши социал-народники сначала разошлись в этом вопросе с социал-демократами и пошли на компромисс с „конституционными демократами". Правда, на другой день они спохватились и заявили, что лицо, говорившее от их имени в думе, не имело полномочий, и произошла ошибка, на деле же они единодушны с социал-демократами в данном вопросе. Тем не менее, ошибка характерна, особенно если припомнить, что она не первая: первой была знаменитая парижская конференция. Типично для социал-народников, что они ошибаются вправо. Конечно, и социал-демократам случается ошибаться, но смело можно сказать, что они, если и ошибаются, то всегда влево и никогда вправо. Зато их так и не любят прекраснодушные „конституционалисты-демократы", попросту либеральные буржуа.

Внимательный читатель, конечно, понял уже, какая подкладка кроется под всеми этими мероприятиями в духе „реальной" политики: русская общественная жизнь последнего времени дала ряд блестящих доказательств гениальной теории классовой психологии. „Реально" то, что оставляют власть в руках либеральной буржуазии; в самом деле: ведь она—соль земли и готова бескорыстно потрудиться в пользу „меньшого брата", пусть только этот меньшой брат доверится ей и не придает преувеличенного значения рассуждению о либерализме урядников, о пользе наук для юношества и о городской полиции.

Марксизм чужд утопизма, и в этом смысле его политику можно было бы назвать действительно реальной, если бы это слово не было так опошлено. Реализм в политике сводится не к близорукой заботе о своем благополучии в данный момент. Очень часто во имя реализма необходимы жертвы — он должен сочетаться с предвидением будущего и состоит в планомерной помощи нарождению новых общественных форм. Это и составляет отличительный признак марксизма.

Но об этом подробнее — в другой раз.

Н. Рожков.

Свобода печати.

В классической стране свободы, в Англии, свобода печати впервые стала практиковаться после первой революции, когда в 1649 году была об'явлена республика. При Кромвеле, выразившемся так: „Мое правительство ничего бы не стоило, если бы не могло выдержать бумажного выстрела", печать пользовалась некоторой свободой.

Однако, закон о цензуре был отменен позже, а именно после второй революции. В феврале 1695 года палата общин почти единогласно решила не возобновлять закона о цензуре. Палата лордов была другого мнения, и потому возник спор между двумя палатами. В конце концов палата лордов уступила, и, таким образом, путь к прогрессу журналистики был освобожден от формальных препятствий.

В дальнейшем свобода печати устанавливалась в Англии, несмотря на реакционные вспышки правительства и буржуазии, обычным правом. Английский народ ставил свободу слова во всех формах его проявления выше всего. Он сам и его выдающиеся представители практиковали эту свободу, борясь с правительством, когда последнее делало попытки надеть намордник на печать.

Насколько высоко ставили свободу печати общественные деятели Англии, видно хотя бы из слов великого оратора и драматурга Шеридана (1751 — 1816), произнесшего следующие знаменательные слова: „Лучше быть без парламента, чем без свободы печати; лучше отказаться от ответственности министров, от Habeas Corpus etc, от права разрешения налогов, чем от свободы печати, — потому что эта свобода все равно вернет все остальные“.

И действительно, нигде свобода печати и слова вообще не отстаивалась так народом, как в Англии. Английский народ был готов пойти на все, лишь бы не лишиться этого высшего блага. Мы видели, что свобода печати установилась в Англии очень давно, раньше, чем во всех других государствах. Она практиковалась несмотря на все препятствия. Английский народ игнорировал оставшиеся законы о печати, которые были совершенно отменены гораздо позже, а именно в 1861 году, когда в России совершилось только освобождение крестьян от крепостной зависимости. Полная свобода, фактическая и формальная свобода печати, сделалась в Англии незыблемой основой общественной жизни, глубоко внедрилась в нравы англичан. Поэтому англичанам не нужны специальные законы, устанавливающие свободу печати, и их нет в Англии. Эта свобода основана на традициях, на обычае, на отсутствии законодательного стеснения печати, а главным образом, на сознании всего народа, что свобода слова во всех его проявлениях есть неот‘емлемое народное право, что без этой свободы немыслима правильная и мирная общественная жизнь.

Другим государством, где свобода печати была провозглашена довольно рано, является Франция. Французская печать была освобождена от оков абсолютизма еще в конце XVIII столетия, но в отличие от Англии впоследствии закрепощалась вновь несколько раз.

Как только в 1789 году собрались в Париже Генеральные Штаты, волна общественного мнения смыла много устаревших учреждений, в том числе и предварительную цензуру, и свобода печати была осуществлена. 19 мая генеральный директор книгоиздательства разослал редакторам периодических органов циркуляр, в котором было сказано, что „король, уступая справедливому нетерпению публики, счел за благо разрешить газетам говорить обо всем, что происходит в Генеральных Штатах“. Этот циркуляр на бумаге ограничивал независимость газет узкою сферою, но фактически он только маскировал отступление побежденного правительства. И это настолько было ясно для всех, что французские газеты пользовались полной свободой, создавались без всякого предварительного разрешения и печатали все, что им было угодно.

Не хватало только санкции этой свободы законами страны. Но и это вскоре было сделано в знаменитой „Декларации прав человека и гражданина“. 2-я статья „Декларации“, гласящая, что „свобода выражения мысли и мнений является одним из наиболее ценных прав человека“, и что „следовательно, каждый гражданин в праве свободно говорить, писать и печатать“, была формулирована герцогом Рошфуко, который при этом произнес восторженный панегирик прессе, сказав между прочим: „Это она разрушила деспотизм, это она еще раньше уничтожила фанатизм“...

Впоследствии французской печати пришлось пережить много тяжелых лет. Но, когда окончательно восторжествовала республика, одним из ее первых начинаний в области законодательства было решение кодифицировать все законы о печати в одном законе, который окончательно освятил бы полную свободу печати. Такой закон был опубликован в июле 1881 года, и вот его главные статьи в передаче Е. Смирнова („Периодическая печать на Западе“. Петербург, 1904 г., стр. 298 — 299): „Типографское дело и книгоиздательство свободны. На каждой выпущенной в свет печатной вещи должны быть помечены имя и местожительство типографа. Два экземпляра ее должны быть представлены для национальных коллекций“.

Почти так же проста глава, касающаяся периодической печати. Она состоит из десятка ясно и точно составленных статей, из которых мы приведем первую и главнейшую: „Всякая газета или другое периодическое издание могут быть издаваемы без предварительного разрешения и без всякого залога“.

Отсюда мы видим, что выработка законов о печати дело несложное и что Англия даже совсем обходится без них. Еще проще упразднение учреждений, поставивших себе целью стеснение печати. За границей с этого начиналось осуществление свободы слова. У нас же этот процесс совершается шиворот навыворот. Провозглашена свобода слова, а главное управление по делам печати существует. Даже иноязычная печать еще не освобождена от из‘ятий, от „икры“, ибо комитет иностранной цензуры еще не закрыт, и почтовая иностранная цензура еще существует. Не является ли существование этих ненавистных для народа учреждений вопиющим к небу противоречием? Неужели наши правители не опомнятся, не заставив лишний раз повторить слова великого немецкого писателя Герреса (1776—1848) о том, что „жалкие министры противодействуют свободе печати на том же основании, на каком проститутки ненавидят уличное освещение“?

В. Тотомианц.

„Черная сотня“ в Западной Европе.

С ужасом и негодованием смотрит весь цивилизованный мир на подвиги наших черносотенцев и хулиганов, совершаемые при благосклонном содействии и даже под планомерным руководством полиции. Но, хотя подобных невероятных, чудовищных погромов не знала Европа чуть ли не со времени тридцатилетней войны, справедливость требует заметить, что „черная сотня“, как социальное явление, известна многим цивилизованным государствам. При этом любопытно, что как общественный состав, так и идейные вдохновители и тайные руководители этих „патриотов“ и „охранителей“ во всех странах в общем одни и те же.

Ниже всего, в качестве всегда готового „боевого материала“, продающего первому встречному свои кулаки и свой участковый „потректизм“, стоят хулиганы и сутенеры („коты“), эта накипь цивилизации, эти представители общественного „дна“. Затем идут разные элементы мелкой буржуазии и близких к ней по своей мещанской психологии групп: мелкие торговцы, кабатчики, приказчики и т. д. Вдохновителями всегда являются духовенство и продажная пресса, а организаторами—полицейские (конечно, лишь там, где они не подчинены—как в Англии—органам общественного управления) и вообще представители всех реакционных сил.

За примерами ходить не далеко. Вспомним то возмущение и боль, какие вызывали во всех нас неистовства французских „националистов“ во время дрейфусовской эпопеи. Еврейские погромы, избиения интеллигенции (конечно, в микроскопическом, по сравнению с нами, масштабе), при наглом одобрении газет вроде „Нового Времени“, тайном подстрекательстве духовенства и явном попустительстве полиции,—все это происходило во Франции на наших глазах, лет 6—8 тому назад. Казалось, какой-то тупой и злобный демон овладел страной, на которую мы привыкли глядеть как на носительницу лучших человеческих идеалов. И все это было создано несколькими реакционными правительствами, сменявшими друг друга целый ряд лет, и исчезло, как дым, когда окончательно восторжествовали республиканцы. Блестящий анализ всех общественных групп, принимавших участие в этом черносотенном походе, дает Анатоль Франс в своей замечательной книге „Histoire contemporaine“. Он рассказывает, как представители „золотой молодежи“, разные разорившиеся маркизы и графы, приверженцы принцев-претендентов, под руководством духовных отцов, нанимали, вооружали и организовывали подонки парижской улицы для избиения всех сторонников Дрейфуса.

Между прочим, мы находим у него подробность относительно роли полиции. После смерти Фора, когда президентом был выбран республиканец и демократ Лубэ и образовано было радикальное министерство, полиция в Париже, оставшаяся еще от прежнего правительства, избивала на улицах и арестовывала манифестантов, кричавших: „да здравствует Лубэ“, и оставляла в покое хулиганов, руководимых маркизами и кричавших: „да здравствует король“. Не правда ли, tout comme chez nous?

Другой подобный пример черносотенной вакханалии представляет Англия во время англо-бурской войны. Все мы помним, как доставалось так называемым „пробурам“, т. е. защитникам независимости буров, от толпы подкупленных хулиганов и озверевших „дикарей цивилизации“, изящных джентльменов в цилиндрах, подстрекаемых газетами крупных биржевиков, ради которых и была затеяна война, и благословляемых смиренными пасторами. Но роль полиции, подчиненной в Англии не правительству, а демократическому городскому самоуправлению и воспитанной в духе уважения к закону и правам граждан,—при этом совсем иная. Всем известны случаи, когда полицейские грудью отстаивали от „патриотической“ черносотенной толпы митинги „пробуров“, на которых ораторы громили правительство.

Далее, на черносотенцах, организованных полицией и избивавших всех, „несогласно мыслящих“, опиралось не раз правительство в Болгарии. Наконец, и Соединенные Штаты знают много примеров диких расправ хулиганов и одичалых „мещан“ над несчастными неграми.

Но нигде, конечно, не было и в помине тех невероятных ужасов, которые творятся у нас, нигде полиция не являлась в роли откровенных грабителей и разбойников...

И везде главным защитником интеллигенции, культуры, свободы и человеческого достоинства от нападений всех темных сил разлагающегося буржуазного строя являлся и является организованный пролетариат.

Б. И.

Патроны и патрон.

Спрятав лик в пальто бобровое
От крамольников-врагов,
Получивши место новое
Едет Трепов в Петергоф.
Покидая пост диктатора,
Льет он слезы в три реки.
Два шпиона-провокатора
Сушат мокрые платки.
„Ах! Подобного нелепого
Я не ждал себе конца:
Генерал-майора Трепова,
Благодетеля-отца,
Кто порядки образцовые
Ввел словами: „Цельсь! Пли!“—
В коменданты во дворцовые
Не спросяся упекли!
Ведь для них я был Мессией,
Охранял и строй, и трон,
Был один над всей Россией
Покровитель и патрон!“
— Трепов! Не по доброй воле ли
С места вам пришлось слететь?
Сами вы учить изволили,
Чтоб патронов не жалеть!

Тэффи.

Вопросы улицы.

I.

На улицу.

Грандиозные события, разыгравшиеся в промежуток последних двух недель, хранят в себе разрешение многих тактических вопросов, выдвинутых ходом освободительного движения в России. Центр тяжести общественного внимания, громадным усилием рабочих масс, переброшен сразу в новую плоскость—и много политических комбинаций, много теоретических построений сразу выброшено за борт жизни, в то время как определенная тактика, тактика III с'езда Р. С.-Д. Р. П. в уроках последних событий найдет себе новые подтверждения и новые силы. В чем, в самом деле, кроется смысл последних дней? Улица заговорила. Никогда еще улица не говорила так громко и решительно, и никогда еще поэтому она не играла в судьбах русского освободительного движения подобающей ей роли. Теперь улица и ее политическая роль—факт. И в этом именно—залог дальнейшего роста движения и гарантия новой демократизации России. Гарантии эти кроются не в частных победах, вырванных уже движением, не в благих желаниях того или другого реформатора из недр бюрократии—нет, они кроются в том, что жизнь выбросила все вопросы на улицу и отдала их на ее решение. С этих пор улица, ее движение, становится решающим фактором постановки и решения всех вопросов политической жизни. Она становится единственной и окончательной инстанцией, к которой принуждены апеллировать все и всяческие организации общественных сил, и достаточно бурного, но мелководного и прерывистого ручейка—улица превратится в бурное море. Улица пришла и резко и определенно поставила вопрос о формах ликвидации старого режима. Из элемента подсобного, из формы устрашения—улица стала творческим, действенным элементом политического переустройства. Этот факт неминуемо повлечет за собой распад или, вернее, пересмотр тех общественных программ, которые базировались на отрицании факта широкого уличного движения или, что встречалось чаще, пытались учесть возможность и угрозу этого движения в свою пользу, в пользу тех общественных слоев, об'ективная задача которых была собственными усилиями и вопреки своей ясносознанной цели наглядно демонстрировать невозможность ликвидировать старый режим помимо и вне непосредственного влияния улицы. Улица самым фактом своего появления резко и определенно поставила дилемму: или с улицей за новую демократизацию общественно-политического строя России или помимо улицы, а значит и против нее, за возможно большее сохранение возможно большего количества элементов старого порядка. Третьего исхода не дано, ибо всякий третий исход, всякая „третья" тактика возможна только при условии заместительства движения улицы движением либеральных перьев, при отсутствующем теперь условии передоверия улицей защиты ее политических прав какой бы то ни было ненародной, буржуазной организации. С того момента, как улица взяла свою судьбу в свои руки, отсутствие этой возможности говорить „за улицу"—есть отсутствие третьего исхода, третьей тактики. Этот третий исход, как он принимался наиболее солидными непролетарскими организациями, с суб'ективной точки зрения представляет из себя попытку без улицы и помимо нее дать ей возможную степень государственного демократизма. Об'ективно же—отстранением улицы от активной политической роли дать ей демократизм в мере возможности... для крупной буржуазии. Активное выступление улицы ставит знак равенства между формулой „помимо улицы" и „против улицы" и, оголяя, таким образом, позицию буржуазных спасателей улицы... и отечества, обрекает указанную тактику на политическую смерть, поскольку она не обратится в политическое шарлатанство.

Этот „третий" метод ликвидации старого режима представляет собой, таким образом, ликвидацию его буржуазией в целях буржуазии при подчиненной и закрепощенной буржуазии улице, т. е. наиболее вредную, с точки зрения демократизации России, форму этой ликвидации. Практически—это сильная монархия, ограниченная крупным промышленным и земледельческим капиталом при двухпалатной системе на основе не всеобщего, не равного, не прямого голосования, это подчинение рабочих масс буржуазной идеологии, это жесточайшая политическая и экономическая эксплоатация их при почти полной невозможности их политического воспитания, это, быть может, исключительные законы для социалистов, это, во всяком случае, серые будни социал-демократии под игом свирепого „конституционного" правления, это реализация идеалов г. Витте и крупных финансистов, а быть может, и центра освобожденного виттевской конституцией из плена нелегального жительствования „Освобождения". Устранение этого метода ликвидации есть одно из главнейших завоеваний прожитого этапа революции, и закрепление этой победы в головах широких народных и пролетарских масс должно составить одну из главнейших задач пролетарской партии в данный момент. Но устранение этой политической комбинации открывает эпоху жесточайшей конкуренции двух других, но зато вполне ясных и определенных политических комбинаций: с улицей или против улицы, ибо, повторяем, „помимо улицы" в данный момент есть явное политическое шарлатанство, если только оно будет провозглашаться, или не менее ясное предательство улицы, когда оно будет проводиться в жизнь. А в жизнь оно уже проводится, и с этим предательством улицы нам приходится встречаться ежедневно. Когда либеральная и радикальная пресса в целом ряде чрезвычайно прочувствованных статей настойчиво просит правительство г. Витте убрать поскорее г. Трепова; когда либеральные думцы и земцы, попавшие в водоворот гражданской войны, открытой контрреволюционной организацией союза „черной" улицы с г.г. Треповым, Курловым, Слепцовым, Роговичем и пр., слезно просят у правительства г. Витте сенаторских ревизий и смещений; когда та же дума посылает на утверждение г. Трепова проект организации милиции; когда другие общественные организации подают г. Витте весьма разумные советы о необходимости полной амнистии или других гарантий, подкрепляя эти советы весьма, вероятно, полезными для г. Витте лекциями из теории и практики конституционного права; когда „Русь" рекомендует верить правительству г. Витте, а „Сын Отечества", не веря покуда, занят составлением условий, при которых он готов поверить,—мы не находим уже времени

удивляться благородству и истинному патриотизму господ уверовавших и не верящих еще советчикам, мы не находим уже в себе смелости заподозревать этих господ только в политическом недомыслии, не собираясь даже напомнить им, что политическое недомыслие есть в известный момент преступление. Нет! Мы можем только констатировать, что формула „помимо“ улицы уже проводится в жизнь, и что в данный момент это „помимо улицы“ — есть, уже есть, „против улицы“. Ибо, господа, г. Витте — это одно, а гарантия свобод — это другое; удаление Трепова г-м Витте — это одно, а борьба с контр-революцией — это другое, ибо, господа, постижение г-м Витте конституционной мудрости — это одно, а реализация демократического строя в России — это совершенно другое. И другое это потому, что вопросы о гарантии свободы, о борьбе с контр-революционными попытками, о реализации демократического строя в России — это вопросы улицы, выдвигаемые только тогда, когда улица красных знамен — налицо, и решаемые только ею, только в рамках движения улицы. А вопрос о сенаторских ревизиях, о пределах или даже беспредельности даруемой г-м Витте амнистии, о смещении г. Трепова, г. Курлова и К° г-м Витте, о разрешении или неразрешении милиции, вопрос о способности г. Витте к усвоению лекций и советов — это вопросы той биржи, на которой котируется высота под‘ема улицы в виде уступок бюрократии — буржуазии и обратно. Этот торг открыл г. Витте своим докладом и сразу обозначил цену за предательство улицы актом 17 октября — он продолжает этот торг своими обращениями к „вдумчивой и благомыслящей части общества“, понемногу рассчитываясь по данному векселю г. г. Победоносцевым, Глазовым и т. д.

И нет ни одной общественной организации, кроме пролетарской, которая в той или другой форме не попыталась бы принять участие в распродаже г-м Витте того старого хлама, который, подмытый широким потоком движения улицы, стал никуда негодным. Игра ловкого биржевого дельца ясна—распродать возможно выгоднее фиктивные ценности, чтоб под шумок бойкой распродажи спасти то, что можно спасти. Концентрация общественного внимания на этой распродаже смехотворна, попытка учесть результат грандиозного движения внедрением в голову г. Витте правил истинного конституционализма, самоубийственная политика жертвования жизненными интересами дальнейшего развития освобод. движения идолу успокоения и умиротворения, стремление использовать на момент стихшую улицу, как подкрепление своих требований и просьб, обращенных к правительству,— это есть не что иное, как стремление эскамотировать улицу, низвести ее до роли осадного орудия в семейном споре г. Витте с „благомыслящей“, жаждущей успокоения частью общества. Это то самое „помимо“, которое равно „против“. К Витте через Витте для „благомыслящей“ части общества или к улице через улицу для улицы— тут надо выбирать, тут нельзя переставить ни одного члена формулы из одной в другую. Два общественных слоя, две определенные тактики, два метода реализации своих идеалов! Между этими двумя тактиками нет и не может быть примирения. Апелляция к бюрократическому реформаторству и апелляция к улице—это две конкурирующие формы политического действования в данный момент. И общественным организациям придется в ближайшие же дни выяснить степень своего сочувствия идее полной демократизации России принятием одной из двух тактик. И для истинного демократизма выбора нет, хотя трудно будет нашему русскому, непролетарскому демократизму учиться итти на улицу. У нас была улица не только 14—18 октября, но и улица 18—22 октября. Не только улица красных знамен, но и улица знамен черных. И если наш буржуазный радикализм не мог и не хотел учиться у первой, то вторая его научит. Контрреволюция учится у революции и учит оппозицию. Чему учит эта черная улица и что надо, что немедленно необходимо улице красных знамен, мы рассмотрим в следующих заметках.

Юрий Каменев.

К крестьянскому движению в Гурии.

I.

Гурия вновь заволновалась...

Правительство вновь пустило в ход пушки и пулеметы, штыки и нагайки...

А между тем, уроки жизни, казалось бы, достаточны уже, чтобы убедить правительство, что развитие народов не считается с необузданным произволом отдельных личностей, какие бы силы ни стояли за ним.

Последние известия с театра военных действий гласят: Кутаисская губерния об‘явлена на военном положении; в Озургетском уезде бомбами убиты уездный начальник, мировой судья и более ста пластунов; посылаются подкрепления; беженцы из Гурии передают о кровопролитных столкновениях войск с народом; из Озургетского уезда получаются тревожные слухи о потерях войск и убийстве чиновников...

Представители реакции в этих событиях найдут лучшее доказательство „неподготовленности России“. Рептильная пресса не замедлит заподозрить гурийское движение в сепаратизме и будет призывать к подавлению его вооруженною силою.

Буржуазно-либеральная печать будет требовать от „либерального премьера“ „по мере сил и возможности“ итти „влево“, чтобы пламя, охватившее Гурию, не охватило всю Россию...

„Социалисты“ разных не социал-демократических толков, указывая на гурийское крестьянство, попытаются разбить на-голову своих идейных врагов, придерживающихся „узкоклассовой точки зрения“, сторонников научного социализма — социал-демократов.

В виду всего этого, выяснение истинной подкладки крестьянского движения в Гурии представляет значительный интерес.

Крестьянское движение на Кавказе, в Грузии, вызвано исключительными условиями землепользования в этой части Кавказа и резко отличается от так называемых крестьянских беспорядков, часто повторяющихся в различных местностях России. Оно носит вполне планомерный и сознательный характер. Это не крестьянские бунты, связанные с „царскими указами“, с „золотыми грамотами“.

Так называемого „либерального“ течения в крестьянском движении также не наблюдалось.

Петиционная комедия, долго забавлявшая крестьян коренной России, не привилась среди угнетенных слоев кавказского революционного крестьянства.

Освободительное крестьянское движение стремится к осуществлению определенных задач и не способно на авантюры: им руководит с момента возникновения до настоящего времени партия пролетариата — социал-демократия.

Безусловно, и в Гурии сознательному социалистическому движению предшествовало движение чисто стихийное, бессознательное брожение, вызванное исключительными условиями в положении крестьян.

Лучшие земли сосредоточены в руках помещиков, дворян и сельской буржуазии, вытесняющей разоряющееся грузинское дворянство; почти крепостническая зависимость связывает крестьян с их владельцами; бессердечная эксплоатация, непосильные налоги, подати и различного рода повинности, произвол и бесчинство администрации — все это толкало крестьянство Грузии на путь освободительной борьбы. Но невежественное крестьянство не могло сразу разглядеть своего главного врага, умело скрывавшегося за помещиками, ростовщиками и сельской буржуазией.

Казацкие нагайки, солдатские штыки и ружья, которые правительство пустило в ход при первых же попытках гурийских крестьян пред‘явить к своим угнетателям самые элементарные требования, показали крестьянам, куда должны быть направлены их усилия.

Непосредственным опытом кавказское крестьянство поняло необходимость политической борьбы и борьбы с гурийскими помещиками.

В этот период острых столкновений двух общественных классов, из которых один еще слишком темен и неорганизован, другой слишком безжалостен и деспотичен, возгоревшееся стихийное движение нуждалось в воздействии извне, в непосредственном руководстве революционной организации, которая направила бы стихийное движение по определенному пути.

Такой организацией явилась на Кавказе Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Взяв движение в свои руки, она тем самым спасла его от беспочвенного авантюризма. Она направила движение против всех социально-экономических остатков прошлого и против общественных групп, заинтересованных в сохранении этих остатков.

Являясь действительной выразительницей пролетарских интересов, она нашла сочувствие и среди неимущего гурийского крестьянства, по положению своему почти не отличающегося от пролетариата.

Скоро социал-демократия приобрела массу сторонников, сознательно примкнувших к партии, что в свою очередь сильно способствовало дальнейшему росту партии на Кавказе.

Очень характерно, что современное крестьянское движение Гурии следует непосредственно за открытым выступлением кавказского пролетариата и непосредственно связано с ним.

Хотя начало крестьянского движения в Гурии совпадает с неурожаем 1901 г. и непосредственно следовавшей за ним голодовкой, но не всякое крестьянское движение из временной вспышки превращается в непрерывное планомерное движение.

Именно рабочее движение в соседних с Гурией городах показало гурийцам необходимость стойкости и организованности в борьбе. Оно показало, что не временных, хотя бы и грозных вспышек боятся, главным образом, угнетатели.

Но неурожай 1901 года имел еще другие последствия. Он приобщил часть крестьянского населения к рабочему движению тем, что в погоне за куском хлеба громадный процент сельского населения отправился в города за заработком.

Голодом революционизированные крестьяне, попав в среду революционного пролетариата, уже выступившего открыто против буржуазии и произвола правительства, восприняли у рабочего класса его тактику и его лозунги борьбы.

С другой стороны, современное крестьянское движение многим обязано правительству, заботившемуся (хотя и невольно) о содержании в крае достаточного контингента рабочих агитаторов, высланных на родину, в деревни, из городов Кавказа, главным образом из Батума, за участие в рабочем движении.

И „зловредные“ рабочие, безусловно, играли не малую роль в деле выяснения взаимоотношения крестьян и помещиков. Они первые в широких крестьянских массах популяризировали идею противоположности классовых интересов безземельных крестьян и помещиков, указали на необходимость организованности крестьянских масс для плодотворной борьбы.

Итак, экономическое развитие, с одной стороны, и правительство, с другой стороны, способствовали быстрому перенесению социалистической пропаганды из городов в деревни.

Голод толкал бедных, голодных крестьян в города, где им представлялась широкая возможность наблюдать за революционным движением геройского кавказского пролетариата.

Правительство гнало революционеров-рабочих из городов в деревни для распространения социалистической пропаганды.

Высланные рабочие, как временные гости, подготовили почву и облегчили работу ушедшим в города крестьянам, большинство которых возвращалось обратно в деревни сознательными революционерами.

Из всех причин, толкавших крестьянство на путь революционной борьбы, правительственные репрессии являлись одними из самых важных.

Новые попытки правительства остановить силой движение послужат новым импульсом к дальнейшему росту его.

Правительство само раздувает пламя пожара, охватившего Гурию.

М. М. Ш.

Кронштадт.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Нижеследующее описание кронштадтских событий записано непосредственно со слов матроса, очевидца и участника этих событий.

Брожение среди матросов началось еще давно, но особенно деятельная работа, в смысле пропаганды и организации, началась с мая этого года.

На воскресенье, 23 октября, предполагался громадный митинг. Благодаря неожиданному его назначению (за 2 часа), власти не успели принять никаких мер, и 5.000 человек матросов, а также депутаты от артиллерии, пехоты — от каждой команды и роты — собрались на Соборной площади. В это время команды уже были закрыты, форты не пропускали, однако, депутаты пробрались.

Пришли туда и власти, которые со слезами умоляли разойтись, советуя поговорить в экипажах, а общие собрания тогда устраивать, когда кончат службу; их просьбы, однако, исполнены не были. Постановлено было митинг считать за предварительный, остаться пока в выжидательном положении, а на следующее воскресенье назначить общее собрание кронштадтского гарнизона.

Составлена была петиция государю, где изложены следующие требования матросов:

1) Согласно дарованному манифесту, матросы являются российскими гражданами. Как таковые, они имеют право собираться и обсуждать свои дела. Если военным неудобно собираться на площадях, пусть им отведут манеж.

2) Сократить срок службы.

3) Жалованье не меньше 6-ти рублей в месяц.

4) Выдавать хорошую обмундировку и хорошую пищу, а то приходится чуть ли не круглый год одеваться на свои деньги.

Кормятся же они человек по 10 из одного бака, больные и здоровые, все вместе.

Некоторые по этой причине не могут часто есть и изнуряются. Потому каждый должен иметь отдельный прибор.

5) Матросы должны по своему усмотрению располагать свободным временем.

Теперь же, как крепостные: обо всем всем просить разрешения приходится.

6) Беспрепятственная доставка вина, так как матросы — не дети, опекаемые родителями.

7) Военные должны иметь доступ всюду, на все частные собрания.

Теперь же они в этом стеснены.

Например, в одном сквере есть надпись: „вход с собаками воспрещен“ и т. д. И тут же внизу: „матросам и солдатам вход запрещен“. А между тем они — „защитники отечества“, исполняют трудную службу и в то же время на-ряду с собаками поставлены.

Так как этот митинг должен был быть предварительным, то говорилось, главным образом, об экономических требованиях.

Впрочем, говорились речи и по политическим вопросам.

То обстоятельство, что из 40.000 жителей Кронштадта только 180 имеют избирательное право, вызывало уже давно общее негодование.

Решено требовать всеобщего избирательного права. Кроме того добиваться:

1) Уничтожения сословий, чтобы все были равны.

2) Свободы религии.

3) Неприкосновенности личности, а то придут, схватят матроса и без защиты посадят.

4) Образования на родном языке.

5) Свободы слова.

Ведь военные низшие чины только и могут говорить: „точно так“, „никак нет“, „есть“. Они должны иметь право и с начальством и везде говорить открыто и что хотят.

Затем решено было бороться вместе с народом за демократическую республику, за свободу. Говорили, главным образом, матросы.

В 7½ часов вечера собрание мирно разошлось, не было ни пьяных, ни шуму.

Так как артиллерия была на митинге не вся, то один крепостной батальон пред‘явил в понедельник свои требования, сходные с выработанными выше. Недовольными там были, главным образом, чины одной роты — 150 человек.

Ответ на заявления неизвестен, но только в среду эти 150 человек были перевязаны, брошены в темные вагоны и должны были быть увезены.

Проходившие случайно в 3 часа матросы услышали их крики: „спасите, братцы!“. Они прибежали в учебный минный отряд и закричали: „наши братья погибают“.

Тогда несколько сот матросов и крепостной артиллерийский батальон бросились спасать. Вызванная на них боевая полурота взяла оружие „к ноге“, т. е. отказалась стрелять. Тогда выстрелили офицеры и убили 4, ранив человек 11. Матросы бросились по экипажам вооружаться. Командир не имел ничего против, открыл арсенал и выдал ружья. Это было около 8 час. вечера.

Вооруженные ружьями и патронами, матросы в числе 900 чел. из 7 экипажей вышли во двор обсудить положение. Так как убивали драгунские офицеры (в город было прислано 400 красносельских драгун), то все были крайне возмущены. Говорили, что крайне обидно, что на них присылают чужих воинов. Раз так, то никто не застрахован от опасности быть застреленным и проч. Решили: необходимо вывести войска из города.

Согласился и командир, что это очень обидно. По его разрешению разводящий начал выдавать оружие.

Матросами же решено было немедля устроить вооруженную манифестацию и присоединить к себе всех остальных. Затем отрядом двинулись в город — впереди вооруженные, затем невооруженные и сзади опять вооруженные. Это для того, чтобы никто не убежал. Но только что они повернули к Театральной — без всякого предупреждения раздался залп. Произошло смятение, человек 20 упали. Тогда матросы открыли огонь: из 400 драгун спаслось только несколько десятков, которые спрятались во дворах.

Так как на помощь матросам прибыла с другой стороны новая партия матросов же, то стрельба происходила с 2 сторон. К 11 час. с усмирителями разделались, и усмирять было уже некому: из своих никто не поднял бы оружие.

Затем ходили группами по городу. Не было ни грабежей, ни шума — газеты нагло врут, говоря об этом. Только, проходя мимо морского собрания — гнезда безобразий,— побили стекла и сделали несколько выстрелов для страху. Что матросы разбили библиотеку — это наглая ложь. Если это сделали, то хулиганы. Мирные жители вышли на улицу, смешались с матросами, и шли обсуждения о разных делах.

В это же время матросы решили устроить форменную оборону города от всяческих усмирителей, которых можно было с часу на час ожидать.

Вот тут-то и случилось нечто ужасное и безобразное.

К матросам стали подходить вольные люди и подговаривать выпить по чарке и разгромить винные лавки. Агитация этого сорта велась настойчиво и непрерывно, но матросы не соглашались и решили предотвратить грозившие бедствия.

Вдруг невдалеке раздался треск и шум. Бросились защищать, но ... страсти разгорались, и не было уже удержу.

Громили сразу во многих местах. Многие винные лавки были уже разграблены, вино лилось повсюду. Грабеж производился только вольными людьми, но к пьющим постепенно присоединились и некоторые из матросов, к вечеру — в 1 час ночи все были пьяны.

Удалось установить, что весь погром организован был полицеймейстером. Уже в среду утром все городовые были на постах в штатском платье и усиленном наряде. Когда же, в разгаре событий, матросы бросились для защиты в одно место, где производился главный погром, они увидели следующую картину (рассказчик был всему очевидцем): во главе шайки хулиганов находился сам полицеймейстер, одетый в штатское. Он руководил действиями разнузданной толпы и направлял ее на богатые магазины. Тогда прибывшие матросы хотели его убить. От одного из выстрелов он упал, обливаясь кровью.

Тщетно пытались матросы остановить разгром: они останавливали несших узлы с награбленным добром, ставили около них патрули, защищали детей, женщин и стариков, разгоняли толпы хулиганов, стреляя в воздух — все было напрасно.

Улицы были в вине, напивались до потери сознания, страсти разыгрались и не было им удержу. С 3 часов начались пожары в разных концах города. Чаще пожары были от случайных причин: загорался спирт, керосин.

Когда стало ясно, что оборона рухнула, решили бежать.

В 9 час. утра, в четверг, из Ораниенбаума отправлен еще отряд драгун. В пятницу получено точное известие, что до 8 час. вечера им не удалось высадиться. Из фортов, перешедших на сторону матросов, обстреливали и не подпускали их.

О дальнейшем рассказчику уже неизвестно.

ВОПРОС О МИЛИЦИИ В ДУМЕ.

„Между прочим“ дума занимается и вопросом о милиции и, разумеется, к этому животрепещущему вопросу дума относится с обычным равнодушием. Решить вопрос отцы города полагают, пользуясь испытанной системой, которую они с „успехом“ применяют ко всем вопросам.

Общее присутствие управы вместе с некоторыми гласными 28 октября „обменивались соображениями“ на тему о том, как организовать городскую милицию. Говорили, конечно, много. Самый вопрос был понят своеобразно. Так, напр., голова Н. А. Резцов предложил два способа для разрешения вопроса: или сформировать специальные отряды полицейских или, еще проще, подчинить наличный персонал „фараонов“ городскому самоуправлению.

Из споров обнаружилось только полное отсутствие компетенции спорящих в затронутом вопросе. Сводились споры к тому, что недурно бы подчинить существующий полицейский персонал городу, но он „не может быть на высоте задачи“; с другой стороны, не худо бы свою полицию завести, но для этого надо „пересмотреть действующий закон“ и изучить „полицейское право“, а главное — „где взять денег“.

Когда всем надоело говорить, приняли следующий проект:

1) Существующая полиция переходит в ведение города, после чего она должна быть реорганизована. Дворники в домах оставляются в количестве, необходимом для потребностей домовой службы; все настоящие их обязанности переходят к гражданской страже.

2) Реорганизованная полиция получает наименование гражданской стражи и состоит из 12 отрядов. Количество лиц, входящих в отряд в качестве рядовых и начальствующих, определяется особым расписанием.

3) Для вступления в гражданскую стражу желающие должны удовлетворять следующим условиям: а) быть здорового телосложения и обладать физическою силою, б) окончить курс не ниже городского училища, в) возраст от 25—45 лет, г) пользоваться безукоризненной репутацией, д) обладать умением обращаться с оружием.

Содержание гражданской стражи принимается всецело на счет казны. Рядовые получают довольствие квартирное: холостые натурою, женатые—квартирными деньгами от 12—25 руб. и жалованье в размере 30 руб. Жизнь, здоровье и трудоспособность всех служащих гражданской стражи должны быть застрахованы городским общественным управлением. В случае увечья, впредь до выздоровления, пострадавшие получают содержание в полном размере. Обязанности гражданской стражи состоят в поддержании порядка и спокойствия на улицах, во дворах домов и публичных местах. Подробности обязанностей гражданской стражи определяются инструкцией, утвержденной думою. Десятские избираются рядовыми; сотские избираются десятскими и т. д. За проступки по службе гражданская стража судится особым дисциплинарным судом. Общее заведывание стражей вверяется особому комитету из 40 лиц, избираемому думой из граждан Петербурга. Комитет этот избирает начальника стражи и его помощников. Лица эти утверждаются думой. Кроме того, комитет избирает особый исполнительный орган для заведывания гражданской стражей в хозяйственном и административном отношении. В случае, если правительство не согласится на передачу существующей полиции в ведение городского общественного управления, последнее самостоятельно организует в дополнение к существующей полиции гражданскую стражу на вышеуказанных основаниях.

Уже самого поверхностного взгляда на эту „программу“ достаточно, чтобы притти к одному непреложному выводу: думе вопрос не по плечу, ибо она даже не понимает сущности его.

Потрясающая действительность последних дней отнюдь не подействовала на думу, и на вопрос о милиции она смотрит, как на один из тех хозяйственных вопросов, для которых как показал опыт, не существует срока земской давности, и полагает развлекаться обсуждением вопроса не один год.

Но милиция — не охтенский мост. Это вопрос серьезный, острый и, главное, требующий дела, а не слов.

Вся миссия думы здесь сводится к одному: дума должна притти на помощь пролетариату в деле организации милиции.

Л. Львов.

Письмо в редакцию.

К событиям в Кронштадте.

Рабочие и служащие с.-петербургского механического и калильного завода Э. Тильманс и К° доставили в редакцию „Новой Жизни“ следующее заявление:

„Военно-полевые суды готовы занести свою руку на головы сотен матросов, виновных в том, что они не вынесли поругания человеческого достоинства и гнета начальства, развращенного отживающим режимом.

„Смертная казнь нависла над сотнями матросов Кронштадта, бесцеремонными притеснениями и оскорблениями доведенных до отчаяния. А теперь этих несчастных матросов желают судить при закрытых дверях без всяких гарантий.

„Мы заявляем, что смотрим на подобный суд не как на суд, а как на бойню. Мы протестуем против всякого пролития крови. Мы глубоко убеждены, что гражданский суд, суд гласный, найдет в действиях матросов только протест против невыносимого гнета, бесправия и насилия, а это — протест всего русского общества.

„Долой военные суды! Долой смертную казнь!“

Следуют 142 подписи.

От г-жи Пороховщиковой, пострадавшей от черносотенцев, мы получили следующие сведения об избиении ее, ее сына и крестника.

„В 8 часов вечера, вместе со своим тринадцатилетним сыном Александром, учеником гимназии Гуревича, и крестником, Н. Е. Смирновым, управляющим моей типографии, я ехала домой в Лесной, по дороге заехала в клинику Вилье посетить больного, оставив моих спутников около ворот. Больной попросил меня остаться у него, и я пошла было предупредить своих. В тот момент, когда я одевалась, я увидела через стеклянную дверь огромную толпу с красными флагами, певшую марсельезу. Я без пальто бросилась к своим и в тот же момент в мирную толпу демонстрантов были даны под-ряд три залпа. Мы бросились к под‘езду клиники, но бухгалтер, стоявший у под‘езда, несмотря на наши просьбы, не хотел нас впустить, швейцар вынес мне пальто. После долгих упрашиваний нас впустили. На просьбу, обращенную к тому же бухгалтеру, поговорить по телефону с мужем, мне было отказано.

Четверть часа после стрельбы мы отправились на извозчике в Лесной. Около фабрики Сегаль на нас набросились черносотенцы, человек 60, и начали нас бить. По приказанию какого-то мужчины нас отпустили. Обезумевшие от ударов, мы поехали дальше, но около Сампсониевской мануфактуры черносотенцы остановили нашего извозчика, сорвали нас с пролетки и начали бить без пощады, крича: „вы все против царя, мы вас перебьем“. Били кулаками, палками и какими-то особыми резинами. Удар камнем по голове лишил меня сознания. Через несколько минут я вновь пришла в себя от страшной боли: меня били ногами. Поднявшись на колени, я именем христа умоляла пощадить моего сына, но в ответ получила несколько ударов по голове палкой, которой мне рассекли голову до кости в нескольких местах, и, несмотря на то, что я обливалась кровью, меня продолжали бить. Наконец, приказание какого-то мужчины „женщину с ребенком пропустить“—избавило меня и сына от дальнейшего избиения. Меня дотащили до перевязочного пункта Нобеля, где мне и была сделана первая перевязка. Через час вбежал к нам крестник мой, который каким-то чудом спасся от смерти. Получив от извозчика рваный картуз и представившись пьяным, он сошел за своего и, несмотря на опасность, вновь пробрался через толпу, чтобы отыскать нас. Из перевязочного пункта мы были переведены в заразные бараки проф. Чистовича, где провели ночь, и где нам доктором г. Юрьевичем, сестрой милосердия г. Хвостовой, фельдшером г. Яковлевым и еще одним фельдшером из медицинской академии был оказан такой уход и внимание, какие можно получить от самых близких людей.

Удивительно и возмутительно то, что для мирной толпы, поющей марсельезу, войска „не жалеют“ патронов, зато в нескольких шагах от себя позволяют черной сотне безнаказанно убивать и калечить мирных жителей...

Я вся изранена: голова разбита, повреждены бок и почки, от ноги отбит кусок кости, глаза, нос и вообще все лицо в кровоподтеках. Сын и крестник мой также сильно пострадали... Обо всем

происшедшем составлен протокол... Я не могу простить и оправдать этого беспричинного зверского избиения людей, особенно ребенка!.. И пусть мне ответят, где власть, где правительство, которое в столице позволяет избивать граждан разнузданной массе черносотенцев и хулиганов".

БЕЗ ЦЕНЗУРЫ.

(Письмо в редакцию.)

Ты нам всем наметил путь,
Дал всем свободу слова.

К. Бальмонт. „Русскому рабочему".
„Новая Жизнь", № 1, 1905 г.

Во всех газетах, вышедших после октябрьской забастовки, напечатано, что они выходят без цензуры, „согласно решению союза для защиты свободы печати". Ваша уважаемая газета вышла также с таким аншлагом.

Так ли это, действительно ли уж „союз для защиты свободы печати" обладает такой силой, что решился на такое дерзновенное нарушение „устава о цензуре и печати"? Нет ли кого-либо сзади, кто дергает за веревочки заседающих в этом союзе либеральных марионеток?

Ваш орган, желающий быть органом социал-демократии, представителем интересов русского пролетариата, должен бы знать, да и знает, конечно, кто именно за веревочки эти дергал.

Ведь редакция, конечно, знакома с „Известиями Совета Рабочих Депутатов". Знакома она также и с напечатанным в этих „Известиях" постановлением Совета Рабочих Депутатов, что „только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылают своих номеров в цензуру".

Вот кто значит дергал веревочки!

Ведь об этом постановлении напечатано только в „Русском Рабочем".

Мы понимаем скрывание этой главной причины от большой публики нашими либеральными органами, но отказываемся найти какое-либо об'яснение этого факта для „Новой Жизни". Разве редакционный недосмотр?

Мы надеемся, что редакция в ближайшем номере исправит свой недосмотр. Иначе как же понять „дал всем свободу слова"?

Привыкнувши к бюрократической волоките с.-петербургских редакций, заявляю, что, если во вторник 1-го ноября не появится этого моего письма, то я буду принужден обратиться в другие органы печати, а в „Совет Рабочих Депутатов" само собой.

С почтением
Н. Адорин.

От редакции. Ни тон, ни содержание этого письма не позволяют нам заподозрить в авторе письма товарища—социал-демократа. Но так как он указывает на действительный пробел в первых 4-х номерах газеты, то мы считаем необходимым дать место этому письму. Чтобы итти еще дальше в выяснении реальных корней свободы слова в нашей стране, мы должны указать, что сила и влияние „Совета Рабочих Депутатов" подготовлены долгими годами работы в Петербурге соц.-демократической партии и непосредственно созданы в значительной мере работою в организации этого Совета наших партийных товарищей. Если мы случайно упустили сделать указание на данный конкретный факт проявления силы революционного пролетариата, то мы, надеемся, в достаточной мере подчеркивали то общее положение, что всей свободой, какой в данный момент русское общество на деле располагает, оно обязано революционному пролетариату.

Специально для читателей-товарищей мы прибавим еще следующее. Организованная в течение нескольких дней, газета наша несомненно страдает пока еще не малыми пробелами; мы могли бы избегнуть их, отложивши на время выпуск в свет газеты; это было бы, может быть, выгодно для ее непосредственного „успеха", но для общего дела мы считали более полезным начать издание как можно скорее. Мы надеемся на помощь читателей-товарищей в устранении всех этих пробелов, мы убеждены, что они будут рассматривать наше дело как свое!

Хроника.

— В № 4 „Новой Жизни" сообщалось о смерти товарища Павла Августовича Грожана и о том, что труп его похоронен неопознанным. В настоящее время редакция получила известие, что погребение трупа товарища Грожана еще не состоялось. Известие о том, что покойный не был опознан, вызвано тем, что труп товарища страшно изуродован.

— 31-го на рассвете скончался в Петропавловской больнице от огнестрельной раны, полученной 18 октября на Сампсониевском проспекте, рабочий Николай Зоркин.

— Опять полковник Мин. В субботу, 23 октября, в 11 часов утра, лейб-гвардии семеновский полк в полном составе был собран на дворе своих казарм. Командир полка, полковник Мин, поблагодарив офицеров и солдат за их верную службу престолу и отечеству в эти тяжелые дни, сказал, что он уверен, что и в будущем, как всегда, семеновцы будут верны присяге и долгу.

— 30 октября состоялись похороны М. Ю. Гольдштейна, зверски убитого в Архангельске во время демонстрации. Гроб с телом покойного прибыл в Петербург в 6 час. 40 м. утра. В двенадцатом часу дня гроб был перевезен на траурной колеснице с Николаевского вокзала на Волково кладбище, где М. Ю. похоронен рядом с Н. К. Михайловским. Над свежей могилой литератор Д. П. Сильчевский и столяр-рабочий Я. М. Ахун произнесли речи, посвященные памяти покойного. М. Ю. Гольдштейн был охарактеризован как борец за свободу, посвятивший служению ей всю свою жизнь. На гроб покойного возложены венки: от Московского района социалистов-революционеров—„Павшему бойцу за свободу", от Петербургского Комитета Партии Социалистов-Революционеров—„Дорогому учителю", от архангельской колонии ссыльных — „Погибшему на развалинах самодержавия", от редакции журнала „Мир Божий"— „Борцу за свободу", от архангельских учительниц — „Неутомимому борцу за свободу", от архангельских рабочих и мн. др. Во время опускания гроба с телом покойного в могилу хор из публики пел „Марсельезу". Присутствовавшая на похоронах полиция держалась все время в отдалении...

— 31 октября в Петербург прибыла польская депутация в следующем составе: Выгановский, Хельковский, Держбицкий, Гавроньский, ксендз Гралевский, бар. Кронберг, Козловский, кн. Здислав Любомирский, Лемницкий, евангел. патер Махлейд, Марческий, граф М. Замойский, гр. Ад. Красинский, Нжорынский, бар. Гейдель, Иос. Островский, Фел. Бобровский, М. Берзон, крестьяне: Супреин и Ночницкий и варшавский рабочий Громацкий. Все это — представители всевозможных партий, стоящих на точке зрения проведения реформ эволюционным, а не революционным путем; представители польских социал-демократов и социал-революционеров в этой депутации отсутствуют. Цель депутации заявить свои требования; ни просить ни ходатайствовать депутация ни о чем не намерена. Депутация намерена заявить, что: 1) распространенные слухи о вооруженном восстании для отделения Польши вымышлены, 2) что поляки отнюдь не намереваются отделиться, а желают только автономии, при чем автономии, главным образом, культурно-национальной и в области самоуправления, а отнюдь не желают

установления особой границы, марок, денежных знаков и т. п., и 3) депутация категорически против введения военного положения.

— В Петербург командирован из Варшавы директор генерал-губернаторской канцелярии Ячевский. По слухам, приезд последнего тесно связан с об'явлением Царства Польского на военном положении.

— Центральный комитет петербургского Союза союзов в экстренном собрании постановил обратиться ко всем союзам с призывом выразить протест против явного нарушения положений манифеста 17-го октября в Царстве Польском и против введения в Польше военного положения, как исключительную меру, направленную против польского политического освободительного движения, которое Союз союзов считает частью общего освободительного движения.

— Витте и Струве. Гр. Витте продолжает вести „политические беседы" с „освобожденцами" и представителями конституционно-демократической партии. На-днях г. Витте посетил, по его приглашению, редактор „Освобождения" П. Б. Струве. Г. Струве имел с председателем совета министров продолжительную беседу, содержание которой он держит в секрете.

— Вооружение против черной сотни. На многих механических и металлических заводах для защиты населения от нападения хулиганов и черной сотни администрацией заводов выдается рабочим сталь и железо для самостоятельной ковки холодного оружия. Таким образом почти все рабочие города Петербурга вооружены против черной сотни.

— Тревожную ночь с 30 на 31 октября провели жители окрестностей Петербурга. На Забалканском проспекте у Горячего поля была необычайная тишина. Кое-где виднелись кучки хулиганов. Изредка показывался взвод казаков, нарушая мертвую тишину стуком лошадиных подков о мостовую. Городовых также почти не было видно. У технологического института расхаживали часовые лейб-гв. семеновского полка. Институт инженеров путей сообщения ни полицией ни часовыми не охранялся. У ворот института вывешен аншлаг, сообщающий, что, по постановлению совета министров, институт путей сообщения, наравне с прочими высшими учебными заведениями, остается закрытым впредь до особого распоряжения.

— Для охраны от черносотенцев на городскую скотобойню был вытребован 30 октября отряд казаков. Те, по обыкновению, напились и разговорились с гимназистами, случайно находившимися во дворе скотобойни. Так как у гимназистов были другие взгляды на политику, чем у казаков, то последние набросились на гимназистов и стали их хлестать нагайками; гимназисты разбежались и спрятались по квартирам, но казаки начали бить окна и готовились силою ворваться, требуя выдачи „политиков"; с трудом удалось спасти гимназистов через другие двери. Сильно пострадал один гимназист, случайно пришедший на двор.

— В районе Вознесенского и Забалканского проспектов ночь с 29 на 30 октября прошла спокойно.

В 10 часов вечера на Вознесенском проспекте появились группы хулиганов, оглашавшие улицу дикими возгласами. Не успели они проявить каких-либо активных действий, как их окружил патруль конно-гренадеров, гарцовавший всю ночь по улице, и быстро рассеял черносотенцев.

Четверо из скандалистов, наиболее сопротивлявшиеся, были отправлены под конвоем дворников в управление 4-го участка Спасской части.

Меры „подавления", принятые полицией, очевидно, неуклонно решившейся, под влиянием заявлений различных организаций и газетных статей, предупредить всякие попытки к погрому, оказали свое воздействие на черносотенцев, и они не выполнили намеченной программы избиения.

— В районе Сенной, например, где ожидали наиболее сильного проявления буйства темной массы, ночь прошла спокойнее, чем в мирное время. На улицах были расставлены усиленные наряды городовых, дежурили пристава, околоточные, строго охранявшие порядок.

— 31 октября началась эмиграция евреев из Финляндии и гостиниц, где они в ночь с 30 на 31 спасались от предполагавшейся Варфоломеевской ночи, которая, к счастью, не осуществилась.

— В столице уже дня 4 как появился знаменитый вождь черносотенцев Паволакий Крушеван.

Деятельно поработав при организации еврейских погромов в Киеве, Одессе и многих других городах и местечках юга, сей великий муж направил свои стопы в Москву. Но там он не пришелся по вкусу полиции, и ему предложено удалиться из Москвы.

Теперь сей муж проживает на Невском пр., в Северной гостинице, № 71, и не преминет, конечно, применить свой агитационный и организаторский талант между петербургскими черносотенцами.

— Союз адвокатов решил произвести подробное обследование на местах причин и виновников погромов против интеллигенции и евреев.

Организация обследования возложена на особую комиссию в составе присяжных поверенных: Л. А. Базунова, М. М. Винавера, М. Л. Гольдштейна, А. С. Зарудного и князя Д. Г. Сидамонова-Эристова.

Обследование предложено произвести не только чрез местных, но и чрез специально посылаемых из Петербурга и Москвы адвокатов.

Вместе с тем, комиссия просит всех очевидцев погромов не отказать прислать свои показания, адресуя их в совет присяжных поверенных для М. М. Винавера.

— Из многих десятков городов, потерпевших от погромов, доходит крик о помощи оставшимся без крова, одежды и хлеба десяткам тысяч евреев. Надвигается суровая зима. Необходима неотложная помощь.

Образовавшийся кружок дам для сбора пожертвований платьем, бельем и прочими вещами обращается ко всем желающим притти на помощь бедствующим с просьбой посылать жертвуемые вещи по следующим адресам: А. С. Терк — Басков п., 12, О. М. Фридляндская — Троицкая, 36, А. А. Соловейчик — Адмир. наб., 6, А. Я. Соловейчик — В. О., Соловьев пер., 23, А. А. Розен — Площ. Мариинск. театра, 2, О. Б. Гольденберг — 4-я Рождественская, 10, Н. Я. Каменко—Каменноостровский, 1, С. Ж. Гольдштейн — Знаменская, 25.

— В службе сборов С.-Петербургско-Варшавской жел. дор. образована комиссия из делегатов от служащих. Обязанности комиссии, главным образом, будут состоять в том, чтобы следить за правильным распределением прибавок, наградных и вечерних занятий, а также разбирать и недоразумения, возникающие между начальством и служащими. Начальник этой службы поздравил делегатов и пожелал, чтобы комиссия рассматривала исключительно нужды своего учреждения, согласно приказа князя Хилкова от 15 октября.

— 29-го октября депутация профессуры Московской духовной академии в составе: ордин. проф. С. С. Голубева, экстр. проф. И. В. Попова, проф. Садова и доцента И. Я. Громогласова, совместно с представителями профессорской корпорации Петербургской духовной академии, представили обер-прокурору синода, Оболенскому, заметку о необходимости введения в указанных академиях автономии. Записка принята Оболенским с обещанием, что ей будет дано соответствующее направление. В тот же день вечером депутация в указанном составе имела в гостинице „Москва" особое совещание. Члены депутации решают, что они положением дела вынуждены будут в понедельник или во вторник вторично говорить с Оболенским по возбужденному корпорациями обеих академий вопросу о введении в высших учебных заведениях автономного образа правления.

— В виду того, что большинство из низших железнодорожных служащих и рабочих Николаевской железной дороги мало знакомы с теми требованиями политического и экономического характера, которые были пред'явлены для удовлетворения, решено устроить на этих днях в нескольких местах дороги ряд собеседований, на которых и ознакомить низший персонал служащих как с пред'явленными требованиями, так и с достигнутыми общей железнодорожной забастовкой результатами. Для этой цели уже составлен подробный отчет, написанный понятным для них языком. Кроме того решено бойкотировать всех сослуживцев, шедших против забастовки, не взирая на их служебный ранг.

— Подвиги новгородской черной сотни.—Очевидец, приехавший на-днях в Петербург, рассказывает о деятельности черной сотни в Новгороде. Между прочим, черная сотня, по словам полиции, решила громить учительскую семинарию, расположенную от города в трех верстах. Полицией было сообщено по телефону, что толпа в несколько тысяч человек идет громить семинарию. Перепуганные семинаристы бросились в чащу леса, захватив с собой свои вещи. Они образовали круг и развели костры. Преподавательский персонал с семьями рассыпался также по соседним деревням. Несколько

дней сидели семинаристы в лесу на „военном положении". Как оказалось, на самом деле ничего подобного не было. Слухи о погроме учительской семинарии распускались самой полицией.

— 31 октября петербургский губернатор сообщил губернской комиссии по производству выборов в пресловутую Государственную Думу, что избрание выборщиков, по распоряжению министерства внутренних дел, откладывается на неопределенное время, так как предположено изменить нормы избирательного права. Для составления избирательных списков городской думой организовано было целое делопроизводство, затрачены немалые средства, собранные с населения. Не лучше ли всем этим спискам и разным комиссиям вовсе опочить? До Учредительного Собрания недалеко.

— На Николаевской жел. дор. среди служащих образуется союз с любопытной программой:

Признавая с одной стороны классовые противоречия между пролетариатом и капиталистами, программа, однако, гласит: „мы, рабочие, нужны капиталу, и капитал, в свою очередь, нуждается в нас". По вопросу о политической борьбе программа гласит: „союз признает политическую борьбу лишь постольку, поскольку политика непосредственно коснется экономических интересов пролетариата".

Повидимому, он становится на ту же стезю, на которой стоит пресловутое „общество механических рабочих".

— В публичной библиотеке вывешено об'явление, что с 21-го октября перестали поступать некоторые периодические издания. Об'ясняется это тем, что при функционировании цензурного комитета он заботился о снабжении библиотеки газетами и журналами, теперь же библиотека рискует остаться совершенно без периодической литературы, даже и провинциальной.

— Собрание чиновников экспедиции заготовления государственных бумаг. 28-го октября в театральном зале экспедиции состоялось собрание под председательством М. К. Струкова.

В начале собрания явилась депутация из пом. управл. экспедицией Михайловского, главного инженера Скворцова, старшего бухгалтера Гельфрейта и завед. пенсионной кассой Еленского. Депутаты заявили, что были у министра финансов Шипова, который им сообщил о своем согласии упразднить пенсионную кассу в самом недалеком будущем. Затем собрание обсуждало вопрос о допущении на собрание депутатов от рабочих. Решено было депутатов пригласить; последние не замедлили явиться. Затем чиновники, во главе с г. Брамзиным, начали восхвалять достоинства своего начальника г. Голицына. Депутаты от рабочих протестовали, и г.г. чиновникам прошлось пережить несколько неприятных минут. Затем г. Клейн (чиновник) убеждал рабочих довериться чиновникам экспедиции, которые им желают добра. Рабочие ответили, что не доверяют им. В это время в зал собрания ворвалась толпа рабочих. Испуганные чиновники начали разбегаться, вследствие чего председатель закрыл собрание.

К этому необходимо добавить, что представителей прессы в собрание не допускали, и когда одному из последних все-таки удалось проникнуть туда, за ним был устроен форменный сыск.

— Союз нотариальных конторщиков г. С.-Петербурга. На-днях состоялось первое собрание организационного комитета „союза нотариальных конторщиков", на котором присутствовали представители 21 нотариальной конторы.

На собрании постановлено было урегулировать норму рабочих часов во всех нотариальных конторах, ограничив рабочий день 7-часовой работой; существующие в некоторых конторах вечерние занятия решено совершенно упразднить.

О таковом постановлении собрание уполномочило сообщить всем нотариусам столицы.

По получении ответа от нотариусов состоится второе собрание членов союза, который предполагает выработать устав кассы взаимопомощи и изыскать средства для образования такой кассы.

К РЕФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА.

Проект реформы государственного совета уже окончательно выработан и будет рассмотрен в кабинете министров немедленно после его сформирования.

Земельный ценз, дающий право быть избранным в члены государственного совета, определен 2.500 десятинами. Тут же высказывается желательность, помимо установления земельного, еще образовательного ценза, размер которого проектом, однако, не устанавливается; этот вопрос, повидимому, придется выяснить непосредственно кабинету.

По вопросу о выборах проект предлагает две схемы:

По одной—выборы производятся губернскими земскими собраниями, и тогда число земельных представителей по выбору в государственном совете определится цифрой 34.

По другой схеме выборы предполагается производить в губернских собраниях выборщиков в Государственную Думу, и тогда число членов будет значительно увеличено.

Помимо членов государственного совета, выбранных по той из схем, которая будет принята, предположено еще 26 членов по выбору: 10 от православного духовенства, 10 от иноверного и инославного духовенства и 6 от биржевых комитетов.

Члены православного духовенства будут назначаться синодом, от других исповеданий — соответствующими высшими духовными инстанциями.

Для лиц последних категорий, т. е. духовных и биржевых представителей, ценз не установлен.

Одновременно с этим проект усматривает необходимость изменения некоторых основных законоположений о государственном совете.

Так, например, существует положение, гласящее, что если по одному вопросу несколько членов из'явили желание высказаться, то преимущество отдается старшим по сроку нахождения в совете.

Сохранение этого положения в реформированном совете представляется неуместным.

К ПОНИЖЕНИЮ ВЫКУПНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ НА 1906 г.

Государственный совет в последнем заседании своем обсуждал вопрос о понижении выкупных платежей для крестьян.

Это понижение мотивируется, во-первых, рядом неурожаев, а в особенности, предстоящим в 1906 г. особенно острым кризисом в указанном отношении, а во-вторых, минувшей войной, приведшей крестьян к крайне тяжелому положению.

Министр финансов (бывший) предлагал понизить общую сумму выкупных платежей только для десяти губерний на общую сумму 10 миллионов рублей.

Государственный совет, рассмотрев вопрос, поставил его шире и постановил понизить выкупные платежи на 20 миллионов по следующей разверстке: по Воронежской губернии понижено 2.423.000 р., по Казанской—1.742.000 р., по Курской—1.975.000 р., по Нижегородской—793.000 р., по Оренбургской—285.000 р., по Орловской—1.157.000 р., по Пензенской—1.101.000 р., по Полтавской—528.000 р., по Рязанской—1.184.000 р., по Самарской—1.376.000 р. по Саратовской—1.350.000 р., по Симбирской—718.000 р., по Тамбовской—2.098.000 р., по Тульской—911.000 р., по Уфимской—205.000 р., по Харьковской—1.525.000 р., по Черниговской—442.000 р., по Области Войска Донского—181.000 р.

Затем обсуждался вопрос об облегчении участи семейств, члены которых погибли на войне.

Постановлено: семьи, обслуживаемые до войны одним работником, вовсе освободить от всяких казенных платежей, если этот работник погиб или потерял работоспособность. Это освобождение распространить вплоть до того времени, когда в данной семье подрастет работник. Наблюдение за этим будет предоставлено военной власти.

В тех же семьях, где работников несколько, платежи понизить сообразно с количеством погибших или потерявших работоспособность членов семьи.

Это понизит приход приблизительно на 6 миллионов в год.

— Департамент экономии постановил в виду уменьшения приходной статьи бюджета, за понижением выкупных платежей на 26 миллионов, возместить эту сумму путем соответствующего повышения таможенных тарифов, что и будет внесено в бюджет на 1906 год.

СРЕДИ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ.

— 31 октября, под председательством П. Ф. Якубовича (Мельшина), состоялось собрание книгоиздателей, посвященное вопросу об учреждении союза книгоиздателей, для осуществления свободы печати по отношению к непериодическим изданиям.

На собрании присутствовали представители 52 книгоиздательств. Прежде всего дебатировался вопрос, желает ли собрание образовать союз книгоиздателей. Смысл речей всех ораторов, высказавшихся по этому вопросу, сводился к тому, что свободу печати, по отношению к непериодическим изданиям, необходимо немедленно же провести в жизнь. Брошюрные издании так же, как и газетные, не могут в настоящее время нести на себе правительственный гнет и произвол. В особенности правительственный гнет испытывает провинциальная печать. Большинство ораторов находили, что книгоиздатели должны непременно об'единиться в союз с круговой порукой и бороться за осуществление свободы печати, не посылая отныне ни одной строки в цензурные ведомства.

Во время прений в собрание явилась депутация от союза рабочих печатного дела. Заметив, что собрание как-то нерешительно намеревается проводить в жизнь общие интересы, депутат рабочий сказал: „Я пришел не убеждать вас, а сказать вам, что как бы вы ни реагировали на данный вопрос, какое бы постановление вы ни вынесли сегодня, мы, рабочие, уже постановили игнорировать цензуру. Мы вынесем это на своих плечах. В случае вашего нежелания присоединиться к нашей резолюции, мы применим к вам активный и пассивный бойкот и, поверьте, сумеем с вами так же справиться, как и с правительством". Оратора приветствовали громкими аплодисментами.

После этого собранию было предложено на указанных началах сорганизоваться в союз. Вопрос был поставлен на баллотировку и почти единогласно решен в утвердительном смысле. Только один из присутствующих, книгоиздатель прив.-доц. Новороссийск. университета г. Тимофеев, между прочим, бойкотированный в Одессе за выпуск постыдной диссертации „История телесных наказаний в России", подал голос против об'единения.

Предложение председателя, не посылая в цензуру, уведомлять правительство о выходе книг, встретило всеобщий протест. По этому поводу депутат-рабочий сказал: „Это, мне кажется, равносильно тому, что мы, завоевав себе гражданскую свободу гулять по улице, будем заходить в участок и заявлять полиции: «мы пошли гулять»". Наконец, собрание постановило, чтобы с пятницы ни один печатный листок не выходил с цензурной пометкой. В заключение собрание приняло следующую резолюцию:

„1) Образовать союз книгоиздателей для борьбы за свободу печати.

2) Члены союза обязываются: а) прекратить всякие сношения с цензурным ведомством, как по предварительной, так и разрешительной цензуре, по отношению ко всякого рода изданиям, без исключения; б) бойкотировать те типографии, которые откажутся исполнять означенное постановление союза; в) прекратить отпуск всех своих изданий тем книгопродавцам, которые с пятницы откажутся иметь у себя на складе хотя бы одно издание, вышедшее без предварительной или разрешительной цензуры, а также и тем, которые после срока, определенного общим собранием союза книгоиздателей, будут принимать к себе для продажи петербургские издания, прошедшие через какую-либо цензуру; г) прекратить всякие сношения по помещению публикаций и посылке изданий для отзывов с теми периодическими изданиями, которые дадут у себя место для публикаций или отзывов о процензурованных изданиях, вопроки предварительному сообщению о том бюро союза; д) подчиняться всем постановлениям союза, безотносительно к тому, участвовал ли тот или иной член в данном постановлении или нет.

3) Для поддержки работников печатного дела, которые могут пострадать при осуществлении свободы печати для непериодических изданий, учреждается особый фонд из единовременных и экстренных членских взносов, основания и размеры которых определяются общим собранием или уполномоченным им бюро.

4) Войти в сношение со всеми союзами и обществами, причастными к печатному делу, для совместной борьбы за осуществление свободы печати.

5) Войти в Центральный Комитет Союза союзов с предложением бойкотировать всеми входящими в него профессиональными союзами те типографии и книжные магазины, которые откажут в своем содействии осуществлению задач союза.

6) Оповещать путем повременной печати общество о тех лицах и фирмах, которые тем или иным образом будут препятствовать осуществлению свободы печати, с предложением бойкотировать их.

7) Избрать бюро союза книгоиздателей, определить пределы его полномочий и возложить на него исполнение постановлений общего собрания союза и ведение всех его текущих дел".

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— Институт гражданских инженеров закрыт. Все входы охраняются полицией. Отпуски выдаются на 28 дней и до 1-го февраля. Во дворе Ново-афонского подворья (напротив здания института) стоит войсковой наряд.

— Технологический институт еще занят войсками. Отпуски выдаются на 28 дней.

— Институт путей сообщения еще закрыт. Отпуски выдаются до 1-го февраля, но без ручательства в том, что ранее этого срока институт не будет открыт. Все входы тщательно охраняются „блюстителями порядка". Общежитие открыто; допускаются в него только студенты института.

— Академия художеств все еще оцеплена кругом войсками. У главного входа, на дверях которого красуется старинная надпись: „свободным художествам", попрежнему безмолвно стоят два часовых и штыками преграждают доступ внутрь свободным художникам.

— Слушательницам высших женских курсов отпускные билеты выдаются до 1-го декабря. Директор курсов, проф. Фаусек, предлагает курсисткам выждать неделю, предполагая, что в течение этого времени окончательно выяснится вопрос об открытии курсов. На пятницу, 4 октября, в 11 ч. дня, курсистками назначена сходка, на которой должны быть рассмотрены следующие вопросы:

1) Рассмотрение изменившихся условий общественной жизни.
2) Условия открытия курсов.
3) Требование полной амнистии.

— В университет, попрежнему, никак нельзя пробраться тем, кто не имеет входного билета. Войска охраняют все входы и выходы.

— В горном институте никаких перемен. Попрежнему здание охраняется солдатами.

— Архангельское землячество просит сообщить, что взамен венка на могилу убитого в г. Архангельске М. Ю. Гольдштейна, собранные деньги решило отдать в распоряжение петербургского пролетариата. Деньги переданы уже в соответствующую организацию.

— К открытию женских высших курсов. Совет общества изыскания средств для технического образования женщин, стоящий во главе вновь открывающихся петербургских женских политехнических курсов, обсуждает в настоящее время проект правил для курсов. В зависимости от общих политических причин, новое учебное заведение откроет свои курсы, по предположению, к январю месяцу. В заседании совета на днях выяснилось, что всех желающих поступить в слушательницы записалось около 400. Поступление на курсы будет предоставлено преимущественно владелицам золотых и серебряных медалей. Таковых насчитывается 135. Остальные слушательницы будут приниматься по конкурсу аттестатов. Всего будет зачислено слушательницами около 180 человек.

— В военно-медицинской академии. Староста выпускного курса об'являет, что во вторник, 1 ноября, в час дня, в музее Пирогова, состоится второе собрание студентов выпускного курса военно-медицинской академии для обсуждения вопросов, касающихся государственных экзаменов.

В СОЮЗЕ ИНЖЕНЕРОВ.

30 октября, в Соляном Городке, состоялось многолюдное собрание союза инженеров и техников, посвященное, главным образом, обсуждению вопроса о положении дел в Царстве Польском. Представитель польского федеративного всероссийского союза инженеров г. Минкевич ознакомил собрание с последними событиями в Польше.

По словам г. Минкевича, поляки решили во что бы то ни стало добиться автономии. Представитель союза адвокатов

сообщил о приеме гр. Витте депутации от польских адвокатов, которым председатель совета министров заявил, что правительство ни в каком случае не будет действовать „из-под палки“, и что никакие „ухищрения“ поляков не заставят его дать Польше автономию. Из дальнейших сообщений выяснилось, что в Петербург прибыла еще депутация от лиц интеллигентных профессий в составе 22 человек, которая уполномочена заявить г. Витте, что в случае отказа правительства отменить в Царстве Польском все репрессивные меры, поляки прибегнут к самым решительным действиям.

Ряд ораторов — русских и поляков — представил очерк развития революционного движения в Царстве Польском и указал на необходимость поддержки этого движения русскими революционными партиями. По выслушании всех ораторов собранием была единогласно принята следующая резолюция: „Прибывшая из Царства Польского депутация польского федеративного всероссийского союза инженеров доложила общему собранию о положении, созданном в Царстве Польском, где об‘явлена всеобщая политическая забастовка, еще продолжающаяся во имя требований автономии для Польского края. Признавая, что в общем освободительном движении наши польские сограждане были проникнуты теми же принципами демократической свободы, как и весь русский народ и другие национальности, входящие в состав Империи, но что в то же время правительство, видимо, стремится опереться на реакционную часть населения, с целью извратить смысл единого и великого освободительного движения, собрание союза инженеров, единогласно выразив сочувствие польскому народу, находящемуся в исключительных тисках падающего режима, протестует против попытки подавить движение средствами военной диктатуры и постановляет: 1) поручить бюро союза инженеров немедленно войти в соглашение с другими союзами, организациями и партиями для принятия всех мер к соединению с польским народом; 2) совместно с означенными организациями созвать ряд митингов против военной диктатуры и 3) призвать все русское общество к организации митингов по всей России“.

В конце заседания одним из присутствующих было сообщено, что в Кронштадте уже приговорены к смертной казни 150 матросов. Собрание постановило выразить по этому поводу свой протест.

Депутат от рабочих Ижорских заводов рассказал, что, по распоряжению начальника завода г-на Гросса, казаки разогнали на-днях мирный митинг рабочих этого завода. Собрание постановило бойкотировать всеми мерами г. Гросса и оказать помощь уволенным им служащим завода.

По вопросу об оказании помощи пострадавшим от неурожая собрание постановило присоединиться к московскому сельскохозяйственному обществу, уже организовавшему, как известно, помощь голодающим.

Политическое движение на Западе и в России.

(Доклад А. А. Исаева.)

30 октября в Тенишевском училище было назначено собрание, на котором профессор А. А. Исаев должен был прочесть доклад о политическом движении на Западе и в России.

Явившейся к 2 ч. дня в большом количестве публике два околоточных заявили, что лекция не разрешена, и что проф. А. А. Исаев беседует по этому поводу по телефону с градоначальником. Беседа продолжалась довольно долго, и только около трех часов мерзнувшей на улице публике было заявлено, что лекция разрешена.

В начале своего доклада А. А. Исаев охарактеризовал современное политическое движение России и провел параллель между ним и положением Франции в дореволюционное время. Как во Франции, так теперь в России во всех областях царит страшный произвол; положение крестьянства, мелких горожан и рабочих ужасно. Есть, однако, существенная разница между положением вещей во Франции в XVIII столетии и в современной России; разница эта состоит в большой сознательности русского пролетариата. Указав далее на сильное распространение в русском обществе идей социализма, докладчик указывает на научную обоснованность социалистических идей и глубокую справедливость его основных положений. В заключение своего доклада А. А. Исаев выразил пожелание, чтобы все русские социалистические партии соединились и действовали сообща.

Один из оппонентов докладчика (социал-демократ) заметил, что соединение двух русских социалистических партий — социалистов-революционеров и социал-демократии—невозможно, в виду их разногласий по принципиальным вопросам; единственно, что, по мнению оппонента, возможно, это временное соглашение между этими партиями по некоторым тактическим вопросам.

НОВАЯ „ПАРТИЯ“.

Выступление русского пролетариата в защиту своих классовых интересов не на шутку испугало г.г. фабрикантов и заводчиков. Напуганные в особенности решением петербургского пролетариата завоевать себе революционным путем 8-часовой рабочий день, они решили „об‘единиться“ для отстаивания своих интересов.

31-го в Тенишевском училище состоялось учредительное собрание вновь организующейся „прогрессивно-экономической партии“. На собрание, созванное петербургским обществом для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, были приглашены представители крупных торговых и промышленных фирм, банковых и кредитных учреждений, страховых обществ, пароходных, железнодорожных предприятий и проч. Представители печати на заседание не были допущены: г.г. фабриканты и заводчики столь скромны, что не решаются предать гласности свои откровенно-циничные речи.

В собрании был заслушан проект „воззвания“ к избирателям в Государственную Думу и рассмотрен проект „политической программы“ партии.

Программа задается целью охранить русскую промышленность от „посягательств“ на нее. Так, п. 5 отд. VII („Рабочий вопрос“) милостиво предоставляет „рабочим и работодателям права свободного примирительного соглашения в спорных случаях“, но требует, чтобы „примирительные учреждения“ организовались не иначе, как „по почину и с общего согласия заинтересованных сторон“ и не „должны иметь принудительного характера“. П. 2 отд. VII допускает „законодательное ограничение рабочего времени для женщин и малолетних“ (но не для мужчин), но тщательно умалчивает о том, до каких пределов он должен быть ограничен и т. д.

Чувствуя, должно быть, что в настоящее время без ограничения рабочего дня не обойдешься, г.г. фабриканты и заводчики согласны, чтобы государство регулировало условия труда, но не иначе, как после „международного соглашения“...

В ОБЩЕСТВЕ ОХРАНЕНИЯ НАРОДНОГО ЗДРАВИЯ.

— На 29 октября в обществе охранения народного здравия было назначено заседание отделения по оздоровлению населенных мест, общественных и частных зданий и промышленных заведений. Должно быть ожидавшиеся в этот вечер беспорядки помешали членам названного общества собраться в достаточном количестве — присутствовало на заседании человек шесть; не явился даже секретарь общества.

Тем не менее собравшиеся „рассмотрели“ вопросы, намеченные в повестке. Из этих вопросов заслуживает внимания сообщение о новом международном обществе, посвящающем свою деятельность „санитарии городов“. В состав нового общества входят: инженеры - архитекторы и врачи-гигиенисты. Цель общества — изучение санитарии городов и крупнейших промышленных центров. Общество будет иметь свой орган, и редактору его постановлено назначить определенное жалованье; по мнению учредителей общества, известное вознаграждение лица, ведущего отчет, будет способствовать большей продуктивности его деятельности.

На собрании обсуждалась также программа деятельности общества в 1905 — 1906 году. Предполагается разработать вопросы: о проекте канализации Петербурга, о расширении сети водоснабжения столицы, о типах жилищ для пролетариата, об оздоровлении промышленных заведений и об улучшении быта служащих на путях сообщения в санитарно-техническом отношении.

Из партийной жизни.

Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, обсудив 22 октября на конференции из представителей организованного пролетариата Москвы ряд насущных вопросов, постановил:

1) Так как всеобщая политическая забастовка еще раз показала, что, несмотря на все ее огромное значение и достигнутые ею результаты, одной ее недостаточно для окончательной ликвидации старого строя и осуществления намеченных пролетариатом целей, — временно ее прекратить.

2) Немедленно и энергично готовиться к следующей всеобщей забастовке, которая должна превратиться в решительную битву пролетариата за свои минимальные политические и экономические требования.

3) Усилить и расширить организацию пролетариата, ибо всеобщая забастовка еще больше сплотила его, дала нам новые кадры сознавших свои классовые интересы рабочих и с несокрушимой очевидностью доказала всему рабочему классу, что его сила в стройной организованности, дружной поддержке и классовом самосознании.

4) Приглашая прекратить всебщую политическую забастовку, настойчиво рекомендовать продолжение забастовок там, где были пред'явлены различные требования хозяевам и где условия благоприятствуют борьбе; просить рабочих помогать хотя бы материально бастующим товарищам.

5) Всеми силами отстаивать взятую пролетариатом с бою свободу слова и собраний и требовать от администрации заводов и фабрик помещений для устройства рабочих митингов, лекций и т. д.

6) Товарищей, предательски убитых 20 октября казаками и черной сотней, организованной и вооруженной полицией, хоронить, во избежание новых жертв, без демонстративных шествий, приготовить им могилы рядом с могилой товарища Баумана; послать на похороны депутатов от районов и Комитета с венками; устроить, как только это окажется возможным, грандиозное шествие на дорогие могилы павших товарищей и поставить им от имени московского пролетариата общий памятник.

7) Принять соответствующие меры против бесчинств казаков и организаторов, подстрекателей и руководителей черносотенных шаек, а также против попустителей их бесчеловечных действий.

Московский Комитет и Московская Группа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии издали следующее воззвание к товарищам:

„Товарищи! Великая российская революция близится к победе. Наступающие решительные события требуют особенной сплоченности и единства пролетарской борьбы. От степени сознательности, степени организованности пролетариата и от единообразия его выступлений зависит, главным образом, исход революции. Полная победа революции может быть тогда и только тогда, если во главе ее будет итти пролетариат, который сумеет повести за собою до конца крестьянство и мелкую городскую буржуазию в борьбе за демократическую республику. В интересах сплоченности и организованности рабочего класса, а значит, в интересах наиболее полного успеха революции, Московский Комитет и Московская Группа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии решили, несмотря на наличность тактических и организационных разногласий, образовать Федеративный Об'единенный Совет для совместного руководства политическими выступлениями московского пролетариата в предстоящих событиях. В задачи Федеративного Совета будет входить об'единение и планомерное регулирование устной и литературной агитации и всех публичных выступлений пролетариата, равно как и сношения со всеми остальными организациями. Московский Комитет и Московская Группа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“.

На собрании Невского Районного Комитета П. К. Р. С.-Д. Р. П. 29 октября обсуждалась резолюция Федеративного Комитета об отношении к Совету Рабочих Депутатов. Резолюция обсуждалась по пунктам, при чем были вынесены следующие постановления:

1) Собрание считает необходимым агитировать как в самом Совете Рабочих Депутатов, так и в широких рабочих массах за принятие Советом программы и тактики Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (принято большинством всех голосов против одного товарища, оставшегося при особом мнении, см. ниже).

2) Собрание считает, что, в случае принятия Рабочим Советом социал-демократической программы, он должен обратиться в организацию, преследующую технические цели.

3) В случае, если Рабочий Совет откажется принять социал-демократическую программу и заявит о своем желании продолжать свою деятельность на прежних основаниях неоформленной политической организации,—собрание считает необходимым для социал-демократических делегатов оставаться в Совете, чтобы путем дальнейшей агитации заставить его признать социал-демократическую программу (за резолюцию — 9, против — 4, воздержалось — 2).

4) В случае, если Рабочий Совет провозгласит себя рабочим парламентом, собрание считает недопустимым участие в нем социал-демократов (принято всеми голосами против одного).

Особое мнение одного товарища по поводу первой из приведенных резолюций: „Совет Рабочих Депутатов не может быть признан социал-демократическою организациею, так как массовые выборы, на основе которых он составился, не могут быть гарантией его сознательности и социал-демократичности. В виду этого, если Совет, как таковой, желает принять на себя политическое руководство пролетарским движением, то социал-демократы должны выйти из состава Совета и считаться с Советом, как демократическою организациею.

„Если Совет не примет никакой политической платформы, то социал-демократы, об'единившись в Совете, должны проводить через него социал-демократические директивы и поставить своей задачей обратить его в федерацию профессиональных союзов, принимая во внимание, что профессиональная организация покрывает организационные рамки Совета Депутатов“.

Кроме того на том же собрании обсуждался вопрос о постановке пропаганды и агитации. Эта сторона партийной деятельности должна, по мнению собрания, выражаться: 1) в организации митингов на злободневные темы; главная цель митингов— укрепление социал-демократического руководительства пролетарской борьбой; 2) в организации публичных лекций и курсов по всем вопросам программы-максимум и -минимум; цель: пропаганда социал-демократических идей в широких массах пролетариата; 3) в организации кружковых занятий. Кружки признано необходимым сохранить в целях выработки сознательных партийных работников. От публичных лекций кружковые занятия отличаются не только числом слушателей, но и, главное, постоянством состава. Кружки составляются, главным образом, из уже вступивших в партию товарищей, желающих подробнее разобраться в вопросах партийной программы и тактики. Минимальный состав кружка определен в 15 человек. Впрочем, собрание подчеркивает, что до образования таких больших кружков Районный Комитет обязан удовлетворять требования присылки пропагандиста даже и в кружки, меньшие по численности; 4) в организации кружков для подготовки агитаторов и пропагандистов из среды самих рабочих. Для обсуждения этой части партийной работы собрание признает необходимым: 1) выделить из общегородской коллегии митинговых ораторов особую коллегию для Невского района; 2) образовать при Невском районе коллегию лекторов; 3) восстановить и усилить заброшенную за последнее время коллегию кружковых пропагандистов и агитаторов.

---

26 октября состоялось собрание районных депутатов городского района. Присутствовало свыше 20 чел.; была принята следующая программа дня:

1) выборы районного штаба,
2) организация боевой дружины,
3) о помощи из средств Стачечного Комитета,
4) организация выборов.

Выбран районный штаб из 3 чел., которому и поручено организовать всю работу в районе.

Организация дружин после долгих прений была поручена районному штабу, а также поручено передать этот вопрос для обсуждения на общее депутатское собрание.

Признано необходимым оказать помощь в следующих пунктах: 1) на завод Зигеля — 1 чел., 2) на завод Сан-Галли—без указания количества нуждающихся, 3) на фабрику Свирского—в размере 50 р., 4) на фабрику Юделевич — 1 чел., 5) фабрика Воронина нуждается, кроме денежной поддержки, также и в юридической помощи.

Обсудив положение дел в партии и ознакомившись с ходом переговоров по вопросу о партийном об'единении между Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. и О.К. отколовшейся ее части, Иваново-Вознесенский Комитет находит, что, во-1-х, организационные разногласия не настолько велики, чтобы служить препятствием партийному об'единению, что, во-2-х, тактические разногласия по своему существу не могут мешать существованию единой партии и что, в-3-х, только один вопрос о Государственной Думе, решенный некоторыми меньшевистскими организациями в смысле принятия участия в выборах в нее, делает невозможным в ближайшем будущем об'единение с этими организациями; он заявляет, что об'единение в высшей степени желательно, особенно принимая во внимание настоящий момент, когда идет борьба, с одной стороны, за то — быть или не быть революции, и, с другой стороны, за практическое руководство ею, но при этом заявляет, что об'единение возможно лишь на основе постановлений III с'езда или же осуществимо путем созыва внеочередного об'единительного с'езда. До окончательного же об'единения Иваново-Вознесенский Комитет рекомендует Ц.К. и всем параллельным организациям устраивать ряд конференций между всевозможными группами для временных соглашений по поводу того или иного выступления социал-демократии и пролетариата, а также для взаимного выяснения разногласий.

Принято восемью (8) голосами против четырех (4) при одном отсутствовавшем. Четыре товарища принимают эту резолюцию, кроме слов: „или же осуществимо путем созыва внеочередного об'единительного с'езда". Они находят, что об'единение должно состояться только на основе постановлений III с'езда (3 рабочих и 1 интеллигент).

Эта же резолюция была предложена конференции районных комитетов и после долгого обсуждения была принята 26-ю голосами против 4-х при 7 воздержавшихся.

Из жизни рабочих.

В Совете Рабочих Депутатов.

В заседании Совета Депутатов 29 октября принимал участие 281 делегат: от Невского, Московского, Нарвского районов, Васильевского острова, Петербургской, Выборгской стороны, порта, Галерного и Гребного острова, центра, пяти электрических станций, водокачки, Порохового завода, Ижорских (Колпинских) заводов и профессиональных союзов: приказчиков, конторщиков, часовщиков, портных, фармацевтов и два представителя от союза мастеровых и техников.

При обсуждении порядка дня один депутат от имени организационного бюро приказчиков с.-д. просит внести на обсуждение настоящего собрания вопрос о политической физиономии Совета.

— Приказчики с.-д.,—заявляет он,—не находят для себя возможным подчиняться политическому руководству учреждения, не примыкающего к с.-д. партии.

— Исполнительная комиссия Совета,—отвечает председатель,—вопрос это обсуждала, но ни к какому определенному решению пока не пришла. Необходимо на чем-нибудь ей столковаться. Затем она вынесет свои резолюции, одну или несколько, на районные собрания делегатов, а потом и на Совет.

Предложение приказчиков вызывает дебаты. Некоторые депутаты против внесения вопроса о партии на обсуждение Совета из опасения вызвать раскол. Один оратор заявляет, что он послан сюда решать „рабочие дела", а не „заниматься партийностью". Другая часть депутатов, напротив, доказывает настоятельную необходимость разрешения этого вопроса. „Как можно вести политическую борьбу, — говорили они, — не имея политической программы, не примыкая ни к какой политической партии". Тем не менее, значительным большинством голосов Совет отклонил предложение приказчиков. Та же неудача постигла следующее предложение части депутатов — назначить комиссии срок для выработки определенного решения по данному вопросу.

Один из ораторов, говоривших в пользу назначения срока, развивал мысль, что необходимо прежде решить, важно ли и нужно ли Совету иметь политическую физиономию, и если да, то следует выяснить этот вопрос как можно скорее. Оратору с трудом удалось закончить свою речь, так как некоторые депутаты, а также председатель довольно громко высказывали признаки нетерпения, находя, что вопрос трактуется не по существу.

За назначение срока высказалось всего лишь 64 депутата.

Председатель сообщил несколько фактов увольнения рабочих за политическую забастовку. На Охтенском заводе взрывчатых веществ было уволено около 100 рабочих. Посланные комиссией делегаты добились приема всех, кроме 4 товарищей депутатов. Совет постановил: устроить на заводе митинг и выяснить рабочим необходимость добиваться возвращения всех товарищей. В случае стачки оказать поддержку.

На В.-Островском гвоздильном заводе уволено 10 рабочих, очевидно, в связи с ходатайством рабочих этого завода перед администрацией освободить их от рабочих-агитаторов. В виду явной несознательности рабочих гвоздильного завода, Совет постановил оказать уволенным материальную поддержку и постараться распространить свое влияние на этот завод.

Далее сделан был ряд докладов о приготовлениях к защите против погромщиков. В общем картина получилась довольно внушительная. Везде на фабриках и заводах готовятся к бою. Выделывается оружие, собираются деньги на приобретение револьверов, организуются дружины, назначаются патрули. Некоторые докладчики демонстрируют холодное оружие, заготовленное в их мастерской. Каждое сообщение сопровождается шумными аплодисментами. Чувствуется сильное воодушевление и желание бороться до конца. Затем, по поводу так называемой „Ушаковской независимой рабочей партии" один оратор сказал горячую речь. Охарактеризовав предприятие г. Ушакова и „Русск. Раб.", издаваемый за счет правительственной субсидии, как зубатовскую попытку затемнить классовое самосознание пролетариата и отвлечь его от естественного руководителя рабочего класса — социал-демократической партии, оратор закончил свою речь энергичным восклицанием по адресу г.г. Ушаковых „руки прочь", вызвавшим громкие аплодисменты со стороны депутатов.

После небольшого перерыва депутаты сообщили, что сделано на их заводах относительно фактического введения 8-часового рабочего дня. Рабочие Обуховского, Семянниковского и почти всех остальных заводов Невского района с 27 октября установили у себя 8 часов работы. В Московском районе рабочие готовы ввести 8-часовой рабочий день, хотя это должно понизить их заработок, так как они работают поштучно. В настоящее время рабочий день сокращен на полчаса.

Александровский механический завод с 28 октября работает 8 часов, несмотря на понижение заработной платы. По настоянию администрации, вопрос о сокращении рабочего времени был решен закрытой баллотировкой, при чем 1.668 голосов высказалось за, а 14—против. На „Невской бумагопрядильне" (?) работают 8 часов. На зав. „Сименс и Гальске" — 8-часовой рабочий день вводится с 4-го ноября, на заводе „Атлас" уже введен, на заводе „Айваза" — также, на центральной электрической станции — то же самое. На многих других заводах решено вводить 8-часовой рабочий день с понедельника или вторника текущей недели. В резолюции Совета, как уже сообщалось, предполагается установить на всех заводах и фабриках гор. Петербурга 8-часовой рабочий день с 31 октября. По этому вопросу принята следующая резолюция:

„Совет Рабочих Депутатов приветствует тех товарищей, которые революционным путем ввели у себя на заводах восьмичасовой рабочий день.

Совет Рабочих Депутатов считает, что повсеместное введение 8-часового рабочего дня требует соответственного повышения расценок, дабы заработная плата осталась по меньшей мере на прежнем уровне. Совет Рабочих Депутатов единогласно постановил всем отставшим заводам и фабрикам с 3-го октября примкнуть к борьбе за 8-часовой рабочий день, вводя его на всех заводах и фабриках революционным путем. Взаимная поддержка рабочих всех районов будет залогом общего постановления Совета Депутатов".

Типография Стасюлевича.

Общее собрание рабочих типографии М. М. Стасюлевича (Вас. остр., 5 л., д. 28) 31 октября постановило ввести восьмичасовой рабочий день. Настоящее постановление скреплено подписью всех рабочих типографии Стасюлевича.

Картонажная фабрика Отто Кирхнера.

31 октября рабочие Кирхнера собрались во дворе для обсуждения своих нужд. Кирхнер пытался сорвать собрание через своих клевретов, пугая рабочих: „казаки едут". Когда это не подействовало, Кирхнер вызвал полицию. Околоточный надзиратель в сопровождении штата городовых потребовал от рабочих „честь-честью разойтись, а то...". Рабочие разошлись, а пока председателю собрания Кирхнер предложил расчет.

Собрание рабочих Адмиралтейства.

Рабочие депутаты петербургского порта обратились 29 октября к временно заменяющему командира порта г.-м. Наумову с просьбою разрешить им общее собрание рабочих для обсуждения требований их к начальству, выработанных депутатской комиссией.

Г.-м. Наумов ответил на заявление рабочих, что просимое разрешение они могут получить исключительно от прибывшего уже на место своего служения командира порта Кузьмина.

Но Кузьмина в данное время нет в Петербурге. И следовательно, свидание с ним невозможно. Изрекши это, г. Наумов просил рабочих отказаться на сей раз от своего плана, потерпеть до возвращения Кузьмина.

Депутаты в вежливой форме припомнили г. Наумову русскую пословицу: „Семеро одного не ждут". А тем более 7.000 человек.

После долгих переговоров, ген. Наумов удовлетворил просьбу рабочих, и общее собрание состоялось. Выслушав представленную депутатами формулу, выражающую экономические и политические требования рабочих, собрание единогласно утвердило постановление депутатов. Одним из пунктов последнего является, между прочим, требование немедленной полной амнистии всем пострадавшим в борьбе за счастье и свободу народа.

Решения рабочих будут доведены до сведения морского министерства.

Балтийский завод.

Рабочие Балтийского механического судостроительного завода 31 октября впервые явочным порядком провели у себя восьмичасовой рабочий день; в четыре часа дня они покинули работу.

Необходимо добавить, что обеденное время рабочие сократили на целый час, с полутора часов для обеда назначили лишь полчаса — от 12 до 12½ дня.

— Совет рабочих Франко-Русского завода после совещания 29 октября по вопросу о текущих событиях принял следующую резолюцию: „В виду того, что нам грозит опасность от черной сотни и хулиганов, решили организовать самозащиту; за неимением же средств постановили обратиться к дирекции с требованием выдачи 1.500 рублей со штрафного капитала", представили это свое решение общему вниманию рабочих завода. Все единогласно постановили: „В виду того, что полиция и шпионы в несознательных массах народа распространяют слухи, что те рабочие, которые устраивают митинги и собрания, готовятся грабить церкви и убивать тех, которые к ним не примыкают; в виду того, что полиция организует черные сотни и снабжает их оружием, — рабочие Франко-Русского завода, по примеру товарищей других фабрик и заводов, решили, помимо указанного Советом источника средств, сделать меж собой денежный сбор для приобретения оружия".

Последняя забастовка на городской центральной станции внесла некоторую долю улучшения в экономический быт служебного персонала. Городское общественное управление, которому эта забастовка причинила не мало хлопот и забот, „приняв во внимание тяжелые условия труда" телефонных барышень, увеличило ежемесячные оклады их жалованья на 10 рублей.

Избранное на-днях на митинге бюро союза служащих по городскому общественному управлению обратилось ко всем своим 10.000 товарищей со следующим воззванием:

„В единении сила!

„В виду назревших вопросов, как правовых, так и экономических и вследствие отсутствия об'единяющих всех служащих по с.-петербургскому городскому управлению организаций, временное организационное бюро, состоящее из представителей разных городских учреждений, настоящим обращением приглашает товарищей, сочувствующих делу основания и развития союза служащих по с.-петербургскому общественному управлению, отозваться на этот призыв.

„Идея союза: организация самопомощи и самозащиты на основаниях товарищества и взаимной поддержки, т. е. принцип „один за всех и все за одного".

„По получении обратно настоящего извещения с подписями товарищей, из'явивших свое желание присоединиться к этому полезному начинанию, будет испрошено от г. городского головы разрешение на созыв особого собрания служащих в зале с.-петербургской городской думы.

„Программа общего собрания будет своевременно оповещена вместе с извещением о времени собрания".

Победа литографских рабочих. 3 октября началась стачка литографских рабочих около 2.000 человек. Примкнув к общей трехдневной забастовке, об'явленной союзом рабочих печатного дела из-за солидарности с москвичами, литографские рабочие пред'явили к хозяевам целый ряд экономических требований: введение 9-часового рабочего дня (накануне праздников 8 часов), повышение заработной платы на 20% для получающих 30 р. в месяц и на 10% для высшего заработка, комиссия из рабочих для разрешения возникших недоразумений приема и увольнения рабочих, отмена обысков, улучшение санитарных условий в предприятиях, получка заработка в часы работы, двухнедельные отпуски ежегодно, сохранение за всеми стачечниками их мест и т. д. Требования пред'являлись вначале частичные, но по мере развития стачки, из-за нежелания хозяев итти на уступки, требования принимали общий характер.

Всем движением руководил Стачечный Комитет, решивший в конце стачки организовать профессиональный союз литографов.

26 октября состоялось учредительное собрание литографов, на котором принят выработанный устав. В уставе пока осталось невыясненным отношение союза литографов к союзу рабочих печатного дела. В настоящее время главные требования литографских рабочих (9-часовой рабочий день, повышение заработка и т. п.) удовлетворены.

Стачечный Комитет во время почти 4-недельной забастовки разрешил в некоторых литографиях, где хозяева соглашались на уступки, приступить к работам с тем, чтобы часть заработка шла в стачечный фонд. Кроме того, Стачечный Комитет проводил и проводит, чтобы „нарушители стачки" были немедленно увольняемы с занятых ими во время стачки мест. Пока уволено 4 таких нарушителя стачки.

Завод Франко-Русского общества.

Состоявшийся 30-го октября, с 9 часов утра, митинг рабочих Франко-Русского завода сопровождался следующим инцидентом. Желая присутствовать, как представитель „Новой Жизни", на митинге, я около 10 ч. утра был у ворот завода. Сторож, охранявший вход во двор, заявил, что, по распоряжению заводской администрации, он не может пропустить на митинг меня, как постороннее лицо. Мои доводы в пользу нелепости подобного рода распоряжения на сторожа не подействовали. Директора завода я не нашел. Когда я во второй раз зашел в контору с целью добиться пропуска, то находившийся там во внутренних аппартаментах один из инженеров завода меня не принял, а через швейцара передал, что никто, помимо рабочих этого завода, не может присутствовать на митинге, и за разрешением следует обратиться к представителю полицейской власти. Но, находя для себя позорным обращаться в данных случаях к содействию полиции, я рассказал о насильственных действиях администрации случайно вышедшему с митинга рабочему. Тот, возвратившись, передал о случившемся собранию, и все присутствовавшие единогласно постановили немедленно пригласить меня, как представителя социал-демократического органа, к ним на митинг.

Высланная депутация человек в 30, окружив меня со всех сторон, торжественно проводила в помещение собрания. Проходя по двору завода, один из депутации полусерьезно заметил стоявшему околоточному: „Что же это вы вздумали препятствовать!“, на что тот растерянно поднес руку к фуражке и, сбиваясь, сказал: „Это... это не я, а контора“. Его заявление было встречено смехом. Собрание встретило представителя рабочей газеты шумными рукоплесканиями, а говоривший в то время выдающийся среди рабочих оратор сказал несколько прочувствованных по адресу органа слов. В связи с инцидентом стоит в положительном смысле решенный вопрос о желательности присутствия на митингах в заводе не только семейств рабочих, но и вообще всех желающих. Из поставленных на очередь программных вопросов дня, по единогласному решению, отменен на будущее время паспортный (адресный и больничный) налог, который вычитался с рабочих конторой из их заработной платы. Затем рассматривался имевший место 29 октября случай на заводе. Мальчик лет 9-ти, сын рабочего, раздавал в заводе листки с каким-то воззванием Союза союзов. Сторож с, очевидно, сильно развитым у него охранным инстинктом задержал мальчика и передал его полиции. Он был арестован, а пачка воззваний у него отобрана. Директор завода уволил сторожа. Но на собрании решено было предложить сторожу извиниться и дать обещание не служить полиции в качестве добровольца; в противном случае — решение директора утвердить. Вслед за этим был поднят вопрос о том, какую физиономию желало бы собрание рабочих Франко-Русского завода придать Совету Рабочих Депутатов. Представитель социал-демократической партии в блестящей пространной и популярной речи раз'яснил слушателям основные положения учения, доказал с историческими ссылками их истинность, выставил и разбил общеизвестные тезисы противников научной доктрины, обскурантов, приписывающих ей заведомо ложный и гнусный характер, и выяснил положение социал-демократического учения в его эволюционном развитии настоящего, как переходный момент от капиталистического способа производства к социализму. Его речь часто прерывалась громкими, долгими аплодисментами. Представитель социал-революционной партии указал собранию, что в решении такого важного вопроса, как поставленный на очередь, необходима особенная осторожность, и определенное решение по вопросу следует поставить после рассмотрения программы социалистов-революционеров. В своей речи оратор особенно настойчиво указывал на обостренность аграрного вопроса в России. Но его речь часто прерывалась нетерпеливыми возгласами. Определенного решения по вопросу собрание не вынесло, в виду его длительности, и продолжение митинга перенесено на 31 октября.

Металлический завод.

В воскресенье, 30-го октября, на общем собрании рабочих металлического завода решено присоединиться с 1 ноября к другим заводам, пожелавшим ввести 8-часовой рабочий день. Представитель арсенала высказался в свою очередь в том же смысле.

В виду разногласий на заводе Розенкранца, рабочие этого завода просили собрание помочь им быть солидарными с товарищами, уже введшими 8-часовой день.

Во время перерыва в толпе кто-то громко заговорил. Раздались голоса: „Пожалуйте на эстраду!“

Оратор вошел на примитивную эстраду, поднялся на помост, устроенный на ней, и заговорил.

Речь его звучала громко, страстно и убежденно. Он доказывал, что быстрота и энергия революционного движения в России всколыхнули весь буржуазный мир Европы, результатом чего на русской границе появилась 200-тысячная германская армия, а под Петергофом ее флотилия.

Машиностроительный завод Семенова.

В субботу, 29 октября, после окончания работы на машиностроительном заводе Семенова состоялся митинг рабочих. Обсуждался вопрос о Совете Депутатов Рабочих; в течение последнего времени постоянно поднимается вопрос: что из себя представляет Совет Депутатов Рабочих? Профессиональная ли это организация или политическая? В последнем случае—становится ли Совет Раб. Депутатов в ряды какой-нибудь из существующих партий или образует новую „независимую“ рабочую партию?

После обсуждения этого вопроса собрание единогласно постановило, что Сов. Раб. Деп. должен быть профессиональной организацией и брать на себя лишь такие задачи, как организация профессиональных союзов и заводских боевых касс, организация отпора черной сотне, руководство стачкой, если она опять начнется, проведение в жизнь 8-часового рабочего дня и т. п. Роли политического руководителя С. Д. Р. не может взять на себя, так как эту роль он мог бы исполнить лишь в том случае, если бы в нем существовало единомыслие по политическим вопросам, а такого единомыслия нет и быть не может. Политическим руководителем рабочего класса может быть только партия, — Российская С.-Д. Р. П. Если, однако, при голосовании вопроса о том, профессиональная ли С. Д. Р. организация или политическая, вопрос будет решен в пользу признания Совета политической организацией, то опять таки по единогласному решению собрания, депутаты завода Семенова должны настаивать на том, чтобы С. Д. Р. признал себя организацией социал-демократической—партийною, так как Р. С.-Д. Р. П. есть единственная партия, правильно защищающая истинные интересы пролетариата.

Далее обсуждался вопрос об образовании профессиональной не политической заводской кассы борьбы; вопрос в принципе был решен в положительном смысле; был прочитан примерный устав кассы, собрание постановило в течение ближайших дней детально с ним познакомиться и в ближайшем будущем основать кассу; было предложено некоторую часть денег, имеющих поступать в кассу, отчислять на политическую борьбу и передавать ее в распоряжение той политической партии (или тех политических партий), к которой (которым) по своим взглядам примыкают члены кассы, в данном случае в распоряжение Р. С.-Д. Р. П. Собрание отнеслось к этому предложению сочувственно. На-днях состоится учредительное собрание членов кассы, которое окончательно решит все вопросы, касающиеся кассы.

Третьим был поставлен вопрос об отпоре черносотенцам в случае попытки устроить погром ночью или на следующий день. Тут же были организованы вооруженные отряды и установлено, на каких улицах и в какое время эти отряды должны дежурить. Чувствовался под'ем духа, чувствовалась готовность бороться за право и правду.

Завод Ф. К. Сан-Галли.

Несколько дней тому назад на чугуно-литейный и механический завод Ф. К. Сан-Галли было принято обратно около 350—400 чел. рабочих, уволенных полтора месяца назад. Рабочие эти уже приступили к работам. Всего же на заводе было более 800 рабочих; таким образом, оказались не принятыми 400 чел. Не принятые же рабочие каждое утро толпились группами у ворот завода, с целью поступить обратно на завод. Между работавшими и не принятыми возникла вражда, в виду того, что первые не сдержали данного обещания и пошли работать на старых условиях. 31 октября, когда рабочие после обеда возвращались на завод, около 2-х часов дня, их встретила на Предтеченской ул. толпа не принятых рабочих. Произошло столкновение. Одной из сторон было произведено в толпу несколько выстрелов, повидимому, в воздух, ибо никто не был ранен. Произошел переполох. Работавшие на заводе бросились на двор завода. Здесь они, вооружившись ломами, молотками и кусками железа, отправились к ожидавшей у колонии другой толпе рабочих и вступили с ними в драку. Во время этой жаркой схватки четыре человека было ранено. Их отправили в городскую Обуховскую больницу. Как говорят, раненые рабочие принадлежали к партии не принятых на завод. После столкновения обе партии разбежались. Одни пошли на завод работать, другие же разошлись по домам.

По словам нескольких рабочих, не принятых на завод, один из администраторов завода сказал как-то рабочим котельной мастерской: „Вы возьмите молотки, они у вас большие, да и вы здоровые, сильные, и придавите их, этих бунтовщиков“. Эти слова относились к рабочим литейной, модельной и механической мастерских, как стоящим во главе движения. Рабочие этих трех мастерских являлись главными инициаторами по выработке требований, пред'явленных заводу.

Вагонная мастерская Николаевской ж. д.

На 30 октября в 6 час. веч. был назначен митинг в вагонной мастерской Николаевской ж. д., о чем и напечатано об'явление в газетах („Русск. Газ.“, № 378). Но когда публика подходила к калитке, ведущей в мастерскую (уг. Чубарова пер. и Екатеринославской ул.), то встречала у входа двух жандармов, кото-

рые предупредительно возвещали, что „никакого митинга сегодня не будет". (В глубине двора виднелось еще трое рослых „блюстителей порядка"). А когда суровым стражам указывали напечатанное в газетах об'явление, они презрительно цедили сквозь зубы: „Ну, мало ли чего в газетах пишут!"

Г. министром путей сообщения разослана нижеследующая телеграмма:

„Начальникам и управляющим дорог, исключая Самаро-Златоустовской, Сибирской, Забайкальской, Китайской, Восточной, Уссурийской, Закавказских, Владикавказской и под'ездных путей.

„Государь император 28 сего октября высочайше соизволил на отмену на дорогах Европейской сети, за исключением Самаро-Златоустовской, Владикавказской и Закавказских, применения положения о железнодорожных служащих в военное время во всех частях, касающихся особого порядка ответственности за проступки и преступления, порядка увольнения от должностей и в отпуски, но с сохранением всех прав, предоставленных означенным положением командированным служащим и их семействам" (СПА).

Иностранный отдел.

„National Zeitung" передает слух, что между Петербургом и Берлином состоялось соглашение, по которому в „нужную минуту" пять германских корпусов будут отправлены через русскую границу в пределы Царства Польского.

Нам телеграфируют из Лондона: „Сегодня здешние газеты публикуют нелепую ложь о призывах к избиению евреев, якобы появляющихся в газете «Новая Жизнь» от имени Максима Горького".

Нам неизвестно, каковы источники этой действительно нелепой лжи, — безграмотность корреспондента или сознательная клевета наших врагов. В России, конечно, такого рода известие не произведет никакого впечатления — наша точка зрения слишком очевидна, но и английские газеты могли бы знать, что у нас, социал-демократов, нет более ненавистных врагов, чем наемники и добровольцы самодержавного режима, которые в борьбе с революционным движением не остановились перед варварскими злодеяниями недавних погромов и избиений.

Польша и Литва.

Военное положение в Царстве Польском.

Рескриптом, данным 28 октября на имя правительствующего сената, вся Польша об'явлена на военном положении. Правительство, не довольствуясь, повидимому, теми преследованиями и многочисленными жертвами последних дней, теми ужасами ежедневных арестов и постоянного расстреливания мирных жителей городов и деревень, которым подвергает их местная администрация, громогласно заявляет, что оно „военной силой подавит всеобщую политическую забастовку страны", что „ни одно из благ, вытекающих из высочайшего манифеста 17 октября, не сделается достоянием края", что оно попрежнему заставит молчать поляков, великодушно разрешая им питать в глубине души розовую надежду на то, что правительство, быть может, бросит несколько мелких реформ. „Правительство не даст автономии, не даст никаких реформ, связанных с автономией, которых вы добиваетесь; оно из-под палки не даст ничего, можете рассчитывать лишь на институции земского характера — это я вам могу пообещать, а больше ничего", сказал гр. Витте в субботу, 29 октября, польской депутации адвокатов, прибывших специально в Петербург. Гр. Витте очень недружелюбно обошелся с депутацией, он не дал ей возможности говорить о тех ужасах и насилиях, совершающихся теперь в сплошь наэлектризованной стране, предоставив им лишь пять минут времени. Неудивительно! Военное положение было подписано уже в пятницу, 28 октября решено подавить забастовку пулями и штыками.

Вернуть полякам местную автономию не значит расчленить Россию, кромсать ее на части. Опыт других стран (Америка, Швейцария) красноречиво доказал, что автономия сильнее спаивает отдельные части государства. Союз свободных народов — польского и русского, а этого и добивается польский рабочий класс, обеспечит лишь правильное культурное развитие их.

Двадцать дней уже продолжается в Польше всеобщая политическая забастовка — приостановилась торговля, промышленность, движение, словом, все; двадцать дней почти весь народ, во главе с рабочим классом, мирно на всех многочисленных митингах, процессиях и собраниях единогласно требует полной местной автономии Польши и всеобщего избирательного права, того естественного права на культурное и национальное самоопределение — права самим заботиться о местных нуждах и стремлениях. Право это имел народ, пользовался им в 1815 году, но потом оно дерзко и жестоко было отнято, и тысячи жертв, защищая это право, нашли верную смерть на виселице, в тюрьмах и рудниках Сибири.

Двадцать дней рабочий класс упорно требует удовлетворения своих минимальных политических требований. Он страдает и голодает от недостатка провизии и топлива; в Сосновицком округе наблюдается уже голод, в Варшаве и Лодзи чувствуется недостаток топлива. В то время, когда рабочий класс напрягает свои силы, правительство дает полномочия варшавскому генерал-губернатору Скалону, этому варшавскому Трепову, подавить движение, и он модифицирует приказ „патронов не жалеть" словами: „Не достаточно сдерживать толпу, а надо самыми энергичными мерами искоренить, убить этот опасный зародыш". Это творится в „свободной" России, на самой ее культурной окраине.

Опять польется невинная кровь польских рабочих, опять насилие и произвол, поборов все человеческие и гражданские права, выступят на сцену, и, быть может, правительство, ценой ужасов и страданий, достигнет цели — временного спокойствия; но это спокойствие, эта внешняя тишина явится предвестником сильной бури.

В Варшаве с целью дискредитирования рабочих полиция прилагает все усилия, чтобы вызвать еврейский погром; при том она сама, в лице переодетых и замаскированных городовых, организует банды хулиганов. 24 октября рабочими было поймано несколько таких суб'ектов; рабочие, не стесняясь, убивают всех провокаторов; 27 октября было убито и ранено около десяти человек.

В Шавлях, Ковенской губернии, попечителем Виленского учебного округа уволено 400 учеников и учениц за участие их в митингах и собраниях последнего времени. Родители уволенных ходатайствовали перед министром народного просвещения; последний обещал принять их обратно, хотя с некоторыми исключениями.

В Поневеже, Ковенской губернии, за последнее время происходят частые манифестации политического характера; в этих манифестациях принимают участие главным образом ремесленные рабочие, а также и крестьяне соседних деревень.

В Варшаве произошло совещание Польской Партии Социалистической (P.P.S.), Польской Социал-Демократической и Еврейской Социал-Демократической Партии в Польше, Литве и России (Bund), на котором единогласно выставлено требование полной местной автономии Польши и всеобщего избирательного права; решено также продолжать всеобщую политическую забастовку.

Обращение союза польской радикальной молодежи к русскому народу в ответ на действия правительства от 28 октября 1905 г.:

„Об'явить на военном положении все 10 губерний Привислинского края" — вот первое проявление деятельности правительства „свободной" России, вот та искренность, с которой правительство графа Витте и комп. отвечает на требования и стремления многих миллионов „русских подданных".

Вихрь революции стихает, и русское правительство начинает сводить счеты с „крамольными идеями", с „дерзновенными по-

пытками, нарушающими цельность и единство Империи", пуская в ход испытанное средство divide et impera.

После столь блистательно удавшихся „еврейских" погромов, пронесшихся по России, теперь приготовляется „кровавая баня" и для Царства Польского. Польский народ весь без различия партий, классов и сословий, как это признает и „манифест к полякам" гр. Витте, весь высказался за требование полной автономии с особым сеймом.

Передовая часть русского народа, та часть, которая своей кровью, долгой борьбой с самодержавием одержала победу, она признала права польского народа на автономную свободу. Не обращая внимания даже на это, правительство, которое появилось на свет божий из крови народной, полякам напоминает лишь кровавые уроки прошлого. Но это — уроки и для русского народа, который уже раз в 63 году был обманут Катковскими рептилиями, и сам свою свободу утопил в польской крови.

Так пусть же история не повторится, и русский народ по достоинству пусть заклеймит презрением жалкие попытки к насилию над польским народом разлагающегося самодержавия и искренно присоединится к девизу — за вашу и нашу свободу.

Союз польской радикальной молодежи.

Областной отдел.

Киев.

(Корр. „Новой Жизни".)

Приехали Гейден с секретарем для производства ревизии по поводу последнего погрома. Им удалось докопаться до черносотенного организационного комитета. Во главе его стоят П—о, К—с и С—о.

Удалось захватить многочисленные документы, из которых видно, что сначала должен быть еврейский погром, а потом избиение всех поднадзорных. Для этого взяты будто бы списки из охранного отделения.

Ревель.

(Корр. „Новой Жизни".)

Волна всеобщей политической забастовки захватила и ревельский пролетариат. 9—10 октября все крупные фабрики и заводы, насчитывающие вместе до 15 — 20 тысяч рабочих, приостановили работу. Забастовка сопровождалась митингами, демонстрациями и отдельными столкновениями с войсками. 12 октября было разобрано все оружие в местных оружейных складах. Одновременно с этим начались и грабежи, разгромили и разграбили некоторые мануфактурные лавки, булочные, кондитерские и др. Был подожжен немецкий театр, сгоревший весь до основания, были выбиты стекла в „Балтийском банке" и некоторых других конторах и магазинах. Власти при этом совершенно бездействовали. Губернатор Лопухин, на все требования местной буржуазии о помощи, отвечал, что он бессилен против беспорядков, так как войска у него мало, а вследствие остановки железнодорожного движения, подкрепления ждать неоткуда. Тогда городская дума решила передать охрану города в руки рабочих. Последние приняли предложение думы на условиях освобождения политических заключенных и удаления с улиц солдатских патрулей, которые, впрочем, только и делали, что обыскивали прохожих, отбирали револьверы, а попутно и деньги и ценные вещи.

И дума и губернатор тотчас согласились на указанные условия; но губернатор, по обыкновению, выполнил их только наполовину. 15 октября все политические арестованные были освобождены и представлены гласным думы, г. Д., собранию рабочих в местном клубе „Эстония", но патрули не были убраны, и хотя ночь с 15 на 16 в общем прошла спокойно под охраной рабочих, однако, стража последних местами подвергалась избиению со стороны солдат.

Утром 16 октября состоялся митинг, на котором присутствовало от 8 до 10 тысяч рабочих. Руководила местная с.-д. организация. Перед закрытием собрания было об'явлено, что, принимая на себя охрану порядка в городе от хулиганов, рабочие тем самым нравственно обязываются не подавать ни малейшего повода к столкновениям с войсками; всякий, кто осмелится стрелять на улице, заранее об'является провокатором. Это заявление было встречено единодушными аплодисментами. Но это не помешало отряду драгун без всякого повода напасть на группу рабочих, возвращавшихся с митинга. В это время на рынке собралась толпа в $1^1/_2$ тысячи человек, преимущественно рабочих, остановившихся послушать своих делегатов, которые должны были передать собранию результаты своих переговоров с думой. Появились и ораторы. Вдруг произошло нечто, повергшее в ужас и оцепенение всех собравшихся на этом месте. Усиленный патруль солдат человек в 100 — 120, под командой офицера, охранявший здание окружного суда, без всякого повода направился беглым маршем на толпу, выстроился полукругом на расстоянии 30 шагов от собравшихся и без всякого предупреждения открыл убийственный огонь пачками прямо в толпу. Раздались один за другими 5 залпов, и 300 человек легли на месте, остальные в паническом ужасе бросились бежать.

Число убитых свыше 100, раненых — вдвое больше. В первые минуты опасно было подавать помощь раненым, так как солдаты и после этих залпов продолжали нападать на толпу и стрелять в отдельных лиц, затем штыками и прикладами они приканчивали раненых, грабили убитых и не давали никому приблизиться к месту побоища. Так, один дворник, успевший положить раненого на извозчика, был после этого тут же убит; с одной убитой (Гольдман) были сняты кольца и т. д. Поэтому можно с положительностью сказать, что многие раненые истекли кровью раньше, чем им успели подать первую помощь. Через час — 1 ½ площадь рынка представляла собою поле, усеянное трупами, плававшими в лужах крови. Никто до сих пор не понимает, чем было вызвано это неслыханное преступление. Губернатор валит на пьяного офицера, пьяный офицер на губернатора, а все вместе на несчастный телефон, которым будто бы воспользовался какой-то злой шутник, чтобы потешиться. Тем не менее, на другой день губернатор издал лживое и клеветническое об'явление, в котором событие 16 октября было искажено до неузнаваемости, и в котором оправдывалось поведение войск, а мирный обыватель призывался к порядку под угрозой повторения подобных катастроф. И это было накануне свободы собраний. Гробовым молчанием встретил город манифест о „свободах".

20 октября состоялись похороны 50 убитых. Весь город облекся в траур. Вся будничная жизнь замерла, все высыпали на улицу, направлялись к месту катастрофы.

50 гробов, утопавших в венках с различными надписями („жертвам произвола“, „борцам за свободу“ и т. д.), были собраны на этом месте из разных больниц, и отсюда кортеж в 30.000 человек направился в полном порядке, охраняемом рабочими, к кладбищу, специально отведенному для погибших 16 октября за 7 верст от города. По всем улицам развевались черные флаги, фонарные столбы были обвиты перемежающейся белой и черной материей.

На кладбище социал-демократическими ораторами были произнесены соответствующие речи. Вечером того же дня на первом „свободном“ народном митинге социал-демократические ораторы, при полном сочувствии аудитории, подвергли резкой критике двусмысленное поведение городской думы. Обсуждался вопрос о поведении думы, смешивавшей в своем „постановлении“ по поводу убийств 16 октября рабочих с громилами, решившей передать дело 16 октября прокурорскому надзору и крайне слабо реагировавшей вообще на преступное поведение администрации. 21 октября, в 1 ч. дня, несмотря на будничное время, клуб „Эстония“ был битком набит народом.

Все резолюции социал-демократов были приняты при шумных рукоплесканиях. Вот эти резолюции: а) местного характера: 1) отставка думы и назначение новых выборов в городские гласные на началах всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов; 2) предание виновников убийств 16 октября народному суду, выбранному на тех же основаниях; 3) удаление войска из города; 4) распущение существующей полиции и замена ее новой, организованной новой городской думой и ей подчиненной; 5) широкая помощь рабочему классу в его политической и экономической борьбе; б) общего характера: 1) созыв Государственной Думы на упомянутых выше началах и превращение Государственной Думы в Учредительное Собрание для водворения в России демократической республики; 2) распущение войска и замена его народной милицией; 3) 8-часовой рабочий день. Была также принята резолюция, внесенная одним либералом, — об уравнении евреев в правах с населением других национальностей. Резолюция о предании дела 16 октября сенаторской ревизии, предложенная другим либералом, была отвергнута. Митинг продолжался и после резолюций, при чем снова говорили исключительно ораторы социал-демократы, каждый раз вознаграждаемые шумным одобрением публики.

С 22 до 25 происходили непрерывные митинги на заводах „Двигатель“, „Вольта“, „Ревельск. металлич.“, продолжавших всеобщую забастовку. Непосредственные сведения из Петербурга запоздали на несколько дней, вследствие перерыва железнодорожного сообщения, и истинное положение дела стало в точности известно „Ревельскому комитету“ только 25 октября вечером. 24-го же утром, по постановлению „Комитета“, сделанному накануне, были закрыты все учебные заведения (женская гимназия, 2 мужских гимназии, реальное училище и все городские училища), типографии, газеты и некоторые более мелкие фабричные предприятия (лесопильные заводы Ротермана, Макарова и некоторых др.). Лишь после того, как на другой день, 26 октября, „Комитет“ на общей сходке рабочих некоторых крупных заводов об‘явил о своем решении прекратить забастовку,—работы повсюду возобновились, и жизнь вошла в свою колею.

Митинги 22—25 октября были, между прочим, посвящены и вопросу о погромах. Дело в том, что под влиянием погромов, происходивших в эти дни по всей России, и также юдофобской агитации местного органа немецкой аристократии „Revalische Zeitung“, призывавшей громы и молнии на головы евреев социал-демократов, по городу стали носиться слухи о предстоящем погроме евреев и в Ревеле; еврейское население города, насчитывающее всего несколько сот семейств, не без основания дрожало за свою жизнь; многие выехали из города.

В такую минуту наши либералы не нашли ничего лучшего, как предложить социал-демократам понизить тон своих речей и обратиться с соответствующим воззванием к рабочим. Но от организации самообороны они великодушно отказались, а на одном митинге, созванном ими 27 октября исключительно для понимающих по-эстонски, они даже отказались поднять вопрос о погромах, так как это, дескать, „нетактично“ и может как раз разжечь национальные страсти вместо того, чтобы просветить самосознание народа. Мы им, разумеется, ответили, что не намерены в своей тактике пользоваться советами людей, прячущих свои головы во время грозы и вновь высовывающих их в ясную погоду, выставляли на их же митинге ораторов, раз‘яснявших собранию истинное значение хулиганства и погромов в настоящее время, говорили на эту тему на заводских митингах и везде встречали дружное одобрение и несмолкаемые рукоплескания. На одном собрании — на „Ревельск. металл. зав.“—после речей наших ораторов раздался даже дружный крик: „elagu iudit“ (да здравствуют евреи). Не ограничиваясь этим, „Комитет“ приступил к практическим мерам защиты еврейского населения. Но, повидимому, черная сотня сама почувствовала беспочвенность своей затеи в Ревеле и решила бить отбой до сражения с организованным ревельским пролетариатом. До сих пор, по крайней мере, страхи оказались напрасными, и погрома в Ревеле не было.

Р. К.

Вятка. Рабочими Вятских железнодорожных мастерских недавно принята следующая резолюция:

„Мы, сознательные рабочие Вятских железнодорожных мастерских, на предложение начальника Пермской железной дороги продолжить отчисление вместо Красного Креста, — в виду окончания войны — на устройство школы и пансиона, отвечаем следующее:

„В этом предложении мы видим наглость правительства, которое, вместо того, чтобы дать полный отчет в расходовании тех трудовых грошей, которые жертвовали мы отнюдь не добровольно во время войны, старается возложить на нас новую повинность в виде устройства пансиона для детей железнодорожных служащих и школ, для детей рабочих на том, дескать, основании, что мы привыкли сокращать свои потребности.

„Мы, рабочие, отнюдь не враги народного просвещения, но мы также и не сторонники существующей школьной системы, убивающей всякие проблески разумной мысли, пробуждающейся в головах детей.

„В этих школах, вместо разумного воспитания, господствует поповское мракобесие, соединенное с бюрократически-полицейским попечением правительства.

„В возмутительном предложении г. холопа самодержавной власти мы видим призыв правительства итти с ним под руку в борьбе против наших сознательных братьев - рабочих, которые готовятся свергнуть господство произвола и насилия и водворить на его место самодержавие народа.

„Жертвуя на такие школы, мы этим способствовали бы тому, чтобы наши дети привыкли с малых лет ко всякому гнету, как политическому, так и экономическому, чтобы, выросши, они

сделались покорными слугами правительства и капиталистов, утешаясь лишь несбыточной мечтой о будущем блаженстве в царстве небесном.

„Вот почему мы отвергаем предложение начальника дороги: мы не хотим сделаться помощниками правительства, которое, позорно кончивши войну, собирается всеми своими темными силами обрушиться на пролетариат, задавить в последнем его проснувшийся „мятежный“ дух, а нас приглашает помочь ему воспитать наших детей в духе тупого покорства предержащим властям.

„Мы, солидарные с нашими передовыми товарищами-рабочими, решительно протестуем против подобных затей“.

Кременчуг.

(Корр. „Новой Жизни“.)

18 октября с утра распространился по городу слух, что получен манифест о даровании народу всех свобод и что Государственной Думе дано законодательное право. Жители города высыпали на улицу.

Часов с двенадцати войска с музыкой направились к Соборной площади. Туда же двинулся и народ. Явилась и полиция с полицеймейстером во главе.

По прошествии часа офицер, сидя на лошади, громко прочел манифест, встреченный публикой и войсками долго не смолкавшими криками „ура“. Пошли взаимные поздравления. Публика целовалась с войсками, генерал Калитин пожимал всем руки; полицеймейстер Иванов громко сказал: „Я был ваш враг, теперь я ваш друг“. Говорят, что полицеймейстер прибавил при этом: „Теперь можете собираться, я вам мешать не буду“. Публика и ему пожимала руки и долго качала с криками „ура“.

Обратились к генералу Калитину с просьбой освободить политических заключенных. Генерал долго не соглашался, потом обратился к толпе с предложением спеть гимн. Пропели „Боже, царя храни!“ при аккомпанименте военного оркестра, и генерал, обратившись к полицейместеру, сказал: „освободите!“ Опять крики „ура“, и толпа направилась к тюремному замку. За ней последовала сотня казаков Волжского полка. Там толпа простояла в ожидании довольно долго, мирно беседуя с казаками и угощая их папиросами. Наконец, казак под‘ехал к начальнику сотни и что-то ему шепнул. Начальник сотни обратился сейчас же к толпе с криком: „Прошу разойтись, а то шерсть полетит! Полусотня направо, полусотня налево, марш!“ Моментально казаки, разделившись на две части, бросились на толпу, избивая нагайками и топча лошадьми. Толпа в ужасе бросилась в боковые улицы, где долго казаки преследовали их и избивали. Так закончился акт первый. Часа в четыре был митинг в большой синагоге. Народу собралось немного. Было произнесено несколько речей, после которых благополучно разошлись.

В городе появились казачьи раз‘езды. Часов в шесть вечера по Екатерининской улице прошла с пением небольшая толпа со знаменем Кременчугской Организации Бунда. Около здания думы казачий раз‘езд пытался рассеять бундовцев, но один из казаков был сшиблен с лошади, которая убежала. Казаки уехали. Разошлась также и толпа.

В восемь часов вечера начался митинг в Народной аудитории, куда собралось более тысячи человек, среди которых было много и детей. Полиция отсутствовала, не было и войска.

Когда я проходил по улице около 10 часов вечера, меня остановил стоявший на углу извозчик со следующими словами: „Хорошо, что вы не в аудитории. Около думы раньше сбили с лошади казака, и теперь казаки собираются отомстить“. Я не придал этому никакого значения. Говорят, что около этого же времени мимо аудитории проезжал полицеймейстер, который, заметив стоявшую тут кучку людей, сказал: „Отчего вы не в аудитории? Теперь можно“.

Около 11-ти часов, когда читалась уже резолюция (к слову, очень умеренная), и часть публики начала расходиться, в аудиторию вошли полицеймейстер, жандармский ротмистр Якобсен и несколько полицейских. Толпа, возбужденная провокацией у тюремного замка, закричала: „Вон полицию!“ В этот момент в зал ворвалась полусотня казаков. Убегавших из аудитории избивали нагайками и шашками на улице казаки, окружившие аудиторию со всех сторон. Наконец, полицеймейстер и жандармский ротмистр уехали, и пристава заявили оставшейся публике, что они могут выходить, так как больше бить не будут. Публика разошлась, за исключением врачей, которые остались перевязывать раненых. В аудитории остались один убитый и около десяти получивших тяжелые огнестрельные раны. Раненые шашками и легко раненые пулями поспешили уйти, и число их неизвестно. Так закончился 2-й акт, и начались приготовления к акту 3-му.

19-го утром стало известно, что полиция и казаки усердно распускают слухи, что в аудитории, во время митинга, евреями был публично изрезан портрет государя, и что в этот день ждут еврейского погрома. На самом деле портрет был еще до начала митинга вынесен в безопасное место, где и оставался все время.

Наступила зловещая тишина. Еврейская депутация с раввином во главе отправилась к начальнику местного гарнизона, казачьему генералу Калитину, просить защиты на случай возникновения беспорядков. Генерал заявил, что он не может поручиться за казаков, так как они сильно озлоблены вчерашним „нападением“ евреев на казака, прибавив, что, если евреи и сегодня появятся толпой на улице, то он их загоняет в Днепр, будь их хоть тысяча человек. Пошли к полицеймейстеру. Тот подтвердил только, что действительно народ сильно раздражен против евреев. Пошли к городскому голове, который обещал созвать экстренное заседание думы для обсуждения настоящего положения. Часов в 12 прибавился слух, что из винной лавки Мищенко раздают хулиганам даром водку. На улице появилось много пьяных. В 3 часа на Екатерининской улице, по направлению к собору, прошлась патриотическая демонстрация. Портрет государя нес сын полицеймейстера. За ним человек 20 темных личностей и столько же мальчишек и подростков. Шествие заключали полицеймейстер Иванов, его помощник Пышнов, пристав Трусевич и другие чины полиции. Встречавшихся по дороге евреев тут же избивали, чего не мог не видеть полицеймейстер. От Соборной площади процессия, уже значительно увеличенная, последовала обратно к думе, возле которой был пропет народный гимн, а затем полицеймейстер зашел в думу, где в это время происходило совещание гласных, а толпа с портретом начала громить ближайшие еврейские лавки в присутствии полиции и находившихся около думы войск. Часов в 6 небольшая толпа, разгромив в присутствии полиции и войска оружейный магазин Клейфа, возобновила погром лавок, продолжавшийся всю ночь до рассвета. 20-го числа, когда все сразу затихло, утром к городу стали подходить крестьяне из ближайших волостей, рассказывавшие, что ночью приезжали в деревни казаки и звали итти в Кременчуг, где разрешено три дня грабить евреев, а пришедшая с базара прислуга заявила, что по случаю праздника погром отложен до окончания богослужения, что действительно и подтвердилось. По окончании службы толпа с военной музыкой и портретом государя прошлась с полицией во главе по улицам и вновь приступила к погромам. В этот день, кроме магазинов, было разгромлено также много еврейских квартир.

Часть толпы направилась, между прочим, в посад Крюков, находящийся по другую сторону Днепра. Говорят, что офицер, охранявший с ротою мост, не хотел пропустить толпу в Крюков; тогда явился помощник полицеймейстера Пышнов и потребовал от офицера, чтобы толпу пропустили. Пышнов пошел вместе с толпою и, пока громили Крюковский базар, спокойно закусывал в находящейся тут же лавке Гончарова. В Крюкове разграблены все лавки и все еврейские квартиры, из которых уцелели только две.

И здесь полиция совершенно бездействовала, а войска даже помогали громилам. Так, ворота у дома Залкинда оказались слишком крепкими, и толпа не могла с ними справиться; тогда под‘ехал казак, встал на лошадь, перелез через забор во двор и открыл ворота. Когда замки на лавках не поддавались, солдаты снимали штыки с ружей и передавали громилам, как орудие взлома. Хотя распоряжение об об‘явлении Кременчуга на военном положении получено было в 7 час. вечера 20-го, тем не менее погром в Крюкове и за насыпью продолжался всю ночь и прекратился только 21-го с рассветом, когда были расклеены об‘явления, что город об‘явлен на военном положении. Моментально прекратился погром без всяких репрессий со стороны войск или полиции. Ясно, что при желании погром мог быть прекращен в любое время, не прибегая к оружию, и курьезное впечатление производит то, что с 21-го числа поставлены около думы 4 пушки.

Временным военным губернатором назначен генерал Калитин, грозивший загнать евреев в Днепр. Меры к розыску раз-

грабленного имущества почти не принимаются. Очень много из награбленного было отвезено в казармы, особенно в казачьи, но никто не решается сказать об этом грозному генерал-губернатору. Зато очень деятельно принялись за преследование крамолы. Арестованы председатель митинга и многие из присутствовавших на митинге. Говорят, что г. Шарый и один студент будут преданы военному суду. Генерал Калитин раз'езжает по городу, окруженный казаками, у которых дула от ружей направлены на прохожих. Приходящих по делу к генералу тоже окружают казаки и направляют на них дула во все время аудиенции.

Принялась за искоренение крамолы и кременчугская уездная земская управа, которая в совещании от 24-го октября постановила предложить участковым врачам Н. С. Гуревич и Н. М. Шохиной подать в отставку, в виду того, что они, „как принадлежащие, по мнению населения, к иудейскому вероисповеданию, не могут при настоящих условиях продолжать свою дальнейшую полезную деятельность".

Урал.

(Корр. „Новой Жизни".)

Отношение уральских горнозаводских рабочих к Государственной Думе. Всюду идет усиленная критическая работа. Злободневная тема — вопрос о Государственной Думе. Пролетариат, ясно понимая все значение этого фиктивного учреждения, твердо становится на почву решительной активной борьбы. Организованные рабочие горнозаводского района на Урале, на последнем своем собрании, по вопросу о Государственной Думе, пришли к такому практическому выводу:

„Дело социал-демократии — всеми силами бороться против собрания Государственной Думы и употреблять всю энергию на подготовку вооруженного восстания, которое, приведя к образованию Временного Правительства, вызовет к жизни Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, с тайной подачей голосов".

Поневеж.

(Корр. „Новой Жизни".)

Забастовало местное реальное училище; причина — отказ директора Лебедева исполнить требование воспитанников об обратном приеме в училище одного из товарищей, ученика III класса Волка, выпущенного по амнистии из местной тюрьмы. Г. Лебедев — ревностный последователь достославной политики бывшего инспектора училища, г. Юденича, получившего весною пощечину за доблестные похождения черносотенного характера.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 6

С.-ПЕТЕРБУРГ.
СРЕДА, 2 НОЯБРЯ
(15 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

Комиссия по амнистии, избранная Союзом союзов и Обществом помощи политическим ссыльным и заключенным, считает долгом своим обратить внимание русского общества на безвыходно-тяжелое положение наших политических эмигрантов. Разбросанные по разным городам Западной Европы и Америки, многие без знания языков, они были лишены возможности выдерживать конкуренцию местных обывателей, почему в подавляющем большинстве случаев и раньше испытывали крайнюю нужду. Теперь положение их ухудшилось: распались многие организации, где они имели кое-какой заработок, закрылись некоторые учреждения. Поспешили вернуться на родину, пользуясь указом об амнистии, те из товарищей, которые имели на это средства. Легко понять отчаяние оставшихся на чужбине с сознанием, что отсутствие каких-либо средств обрекает их на долгое пребывание вне родины, и только оно воспрепятствует вернуться к близким, к родным, к своему народу. Их сотни. Помощь нужна значительная и безотлагательная. Деньги принимаются в комиссии по адресу: Спб., Сергиевская ул., д. 13. Помещение совета присяжных поверенных.

Вследствие непредвиденного тиража и в виду отсутствия запасов соответствующего качества бумаги в Петербурге, газету приходится временно печатать на менее плотной бумаге, в чем контора „Новой Жизни“ извиняется перед подписчиками.

С.-Петербург.

2-го ноября.

Россия и Польша.

Делу освобождения России грозит новая опасность. Вся Польша об'явлена на военном положении, и эту свирепую меру правительство оправдывает тем, что поляки якобы стремятся к отделению от России.

Это, прежде всего, фактически неверно. С самого начала русско-японской войны в Польше усилилось революционное движение, как и во всей, впрочем, России. Вопрос об организации народного восстания для восстановления самостоятельной Польской республики был тогда поднят и решен отрицательно всеми польскими партиями, не исключая и националистской Польской Социалистической Партии (Polska Partja Socialistyczna), в программе которой есть требование независимости Польши. С тех пор отношение к этому вопросу не изменилось.

Ни одна польская партия не ставит теперь своей ближайшей задачей отделение Польши от России. Поляки добиваются только автономии, т. е. права иметь свой сейм, издающий местные законы и ведающий местные дела, свой суд, свои школы и, конечно, право иметь свой язык. При этом, разумеется, поляки не отказываются ни от участия во всероссийском парламенте ни от подчинения всероссийской конституции.

Политическая забастовка, которую польский пролетариат выдерживает уже три недели, и те народные демонстрации, на которые указывает правительственное сообщение о введении военного положения в Польше, служат средством добиться именно автономии. Движение носит, по существу, мирный характер. И если бывают столкновения демонстрантов с полицией и войсками, и проливается кровь, то нападающей стороной являются именно полиция и войска, а не революционеры. Признаков вооруженного восстания с целью отделиться от России до сих пор в Польше не было.

Ясно, что от автономии, которой требует польский народ, до государственной независимости Польши—„дистанция огромного размера“. И правительство понимает это, конечно, не хуже нас. В чем же, в таком случае, дело? Зачем понадобилось обрушить гнет и ужасы военного положения на целый культурный край?

В самом правительственном сообщении есть намек, указывающий, где надо искать ответ на поставленный выше вопрос. Вспоминаются шестидесятые годы. Польское восстание 1863 г. послужило могильным камнем для освободительного движения тогда еще юношески-неопытного в политике русского народа. Поднялась волна „патриотизма“, вынесла на поверхность политической жизни Каткова с его „Московскими Ведомостями“ и захлестнула немногочисленных еще тогда борцов за свободу. Началась реакция, упорная и кровопролитная борьба с которой продолжалась до наших дней.

Уже не хочет ли правительство повторить „урок истории“? Не даром наша нейтральная пресса и наши „патриоты“ всех оттенков, начиная с „гражданина“ Мещерского и кончая членами „партии правового порядка“,

так ополчились против постановления земского с'езда об автономии Польши и так завопили о целости и неделимости России, хотя делить ее никто не покушался. Как знать, не ответит ли польский народ на введение военного положения вооруженным восстанием? И тогда черносотенный „патриотизм", усиленный „патриотизмом" бессознательной и легковерной части народа, уверовавшей в „польскую измену", может подавить молодую русскую свободу. За Катковыми же наших дней остановки не будет!

Вот возможные результаты введения военного положения в Польше. Вот в чем опасность этой правительственной „меры" не только для Польши, но и для всей России, для свободы всего русского народа.

Но, сознавая новую опасность для дела русской свободы, не будем ее преувеличивать. Правительство, делая новый ход, не предусмотрело сущего пустяка. Оно упустило из виду, что Россия и Польша шестидесятых годов и нашего времени коренным образом различаются между собой. Образовались новые общественные классы, поставлены новые общественные задачи. И, что всего важнее, народилась новая великая сила, ведущая человечество к свободе и братству,—пролетариат.

Польский и русский рабочие классы—родные братья одной великой международной семьи пролетариата. У них одно сознание, одни цели, общие ближайшие задачи и одни способы борьбы с общим врагом.

Социал-демократия, руководящая борьбой пролетариата, по своим принципам стоит за централизм и против федерализма. Образование немногих крупных государств на место многих мелких, разобщенных между собой политическими и таможенными рогатками, способствовало той миссии капитализма по об'единению (концентрации) и обобществлению производства, которая подготовляет победу социализма; способствовало также образованию могучих и обширных армий организованного пролетариата вместо отдельных мелких отрядов, могущих вести только партизанскую борьбу с капитализмом и деспотизмом. Поэтому было бы реакционной политикой стремиться к восстановлению старых дробных и отчасти уже стершихся национальных границ.

Но социал-демократия в то же время всеми силами протестует против всякого национального гнета, против всякого подавления ярмом централизованного государства стремлений к национальному самоопределению. Поэтому в свою программу - minimum Российская Социал - Демократическая Рабочая Партия внесла требование „права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства" (п. 9-й), помимо требований „областного самоуправления для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения" (п. 3-й), „права населения получать образование на родном языке...; права каждого гражданина об'ясняться на родном языке на собраниях; введения родного языка наравне с государственным во всех местных, общественных и государственных учреждениях" (п. 8-й).

На введение военного положения в Польше русский пролетариат должен ответить ускоренной и энергичной мобилизацией своих сил под знаменем социал-демократии для защиты завоеванной уже свободы и для дальнейших ее завоеваний, а также для поддержки польских братьев. Свобода — в опасности, товарищи!

Три сатрапии.

„На обязанность правительства возлагаем мы выполнение нашей воли: даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов".

Так говорил манифест.

„Командируемые по высочайшему повелению в Саратовскую, Черниговскую и Тамбовскую губернии генерал-ад'ютанты имеют право устранять от занятий всех служащих, подвергать личному задержанию всех лиц, признаваемых ими опасными для общественного порядка, закрывать промышленные заведения, приостанавливать издание газет, журналов, об'явлений, брошюр и т. п., издавать обязательные постановления".

Так говорит инструкция управляющего министерством внутренних дел.

Непреклонная воля—преклонилась в две недели. Наряду с об'явлением Польши на военном положении, три губернии превращаются в сатрапии. Реакция надвигается. Ни одна из дарованных свобод не вошла в жизнь.

О причинах перемены курса можно догадаться, приглядевшись к самому манифесту. Он начинается словами: „Смуты и волнения великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце наше..." Смуты и волнения—т. е. всеобщая забастовка и революционное движение—привели к манифесту, завоевали политические права. Теперь забастовка кончилась, смуты и волнения перестали тревожить сердца, теперь можно воспользоваться временным затишьем рабочего движения и начать успокаивать не обещаниями гражданской свободы, а старыми испытанными средствами—азиатски бесцеремонными и бесконтрольными административными мерами.

Командировка генерал-ад'ютантов вызвана, разумеется, ожиданием „беспорядков" в трех губерниях, в частности—крестьянским движением. Казалось бы, нет более простого средства разрешить сложные аграрные недоразумения, как предоставить голодающему населению на основании незыблемых основ гражданской свободы на свободных собраниях, путем организации свободных выборных крестьянских комитетов, выяснить свои ближайшие нужды и меры к их удовлетворению. Но нет, хотя крестьяне и принадлежат к числу „мирных людей, стремящихся к спокойному выполнению своего долга", для которых и предназначены „свободы", возвещенные манифестом,—им давать свободу не на бумаге, а в действительности—опасно. Они прежде всего, разумеется, займутся решением земельного вопроса, а решение это может, преисполнив скорбью сердца привилегированных землевладельцев, облегчить в то же время их карман. Поэтому правительство, уклоняясь от выполнения непреклонной воли манифеста, предпочло испытать сначала старые средства, пользуясь кажущейся тишиной.

Очень возможно, что „инструкция"—только один из первых шагов в сторону реакции, что за ней последуют новые меры обуздания. На это намекало уже правительственное сообщение, об этом достаточно ясно говорил граф Витте польским делегатам.

Для социал-демократии и передового пролетариата нет неожиданности в том, что правительство стремится

занять прежние позиции. „Борьба продолжается“—таков был лозунг социал-демократии в ответ на манифест. После победоносной стачки пролетариат необходимо должен оправиться, должен восстановить свои силы, должен использовать плоды своего успеха. И он их использует. Правительство стремится вернуться к старым средствам борьбы, но оружие его притупилось и местами заржавело, прежней силы у него уже нет. Между тем пролетариат успел укрепиться. Стачка усилила и расширила организации; манифестации десятков тысяч рабочих подняли боевое настроение, увеличили солидарность; организованные администрацией черные сотни уже не в силах будут захватить пролетариат врасплох; необходимость вооружения сознана всеми, и организация боевых дружин быстрыми шагами идет вперед.

При новом своем выступлении пролетариат окажется гораздо сильнее прежнего и, как бы далеко назад ни ушло правительство, и сколько бы новых сатрапов оно ни разослало по России, рабочий класс завоюет гражданскую свободу и обеспечит ее незыблемой гарантией — народным вооружением.

К. П—ов.

Они становятся решительнее!

„Надо пригласить земско-городской с‘езд в Петербург“.
„Русь“, 26 окт. 1905 г.

Гг. земцы всегда славились своей „реальной политикой“. Небезызвестно также, что реальная политика есть не что иное, как вполне реальное стремление весьма реально присвоить себе плоды чужой реальной борьбы и победы.

Весьма нерешительно становящиеся или, вернее, весьма решительно нестановящиеся на точку зрения борьбы, они становятся весьма решительными тогда, когда приходится учитывать ее плоды. И партия действительных борцов, партия революционного пролетариата может только приветствовать ту решительную откровенность, с которой гг. помещики и купцы заявляют о своем стремлении немедленно использовать в интересах буржуазии только что пережитый нами этап революции.

Партия пролетариата, как партия революционной борьбы, всегда указывала на то, что всякая политическая победа закрепляется только и исключительно захватом политической власти и реорганизацией политического аппарата тем классом, который подготовлен к этой роли данным развитием общественных отношений.

Этот необходимый элемент политических взглядов социал-демократии в применении к переживаемой Россией революции был конкретизирован и закреплен в той резолюции 3-го с‘езда, которая указывала, что действительная и решительная ликвидация старого режима может реализоваться только в виду учреждения нового Временного Правительства. В те времена, когда писалась эта резолюция, это казалось некоторым догматизмом самого скверного, утопически-якобинского оттенка. Но времена меняются... Революция учит, учит даже тех, кто ни в какой связи с ней не стоит. Своими суровыми ударами, своим грандиозным размахом она уже научила гг. земцев и думцев этому методу учитывания борьбы общественных сил.

Революция всегда разочарованиями учит тех, кто ею не очарован. Постоянные разочарования, которые приносила русская революция гг. либералам, сказались, наконец, здоровым скептицизмом, в котором пролетариат увидит и отметит благодетельный результат и подтверждение правильности своей тактики постоянной непримиримости.

Очарованная „весной“ и кн. Святополком, либеральная буржуазия разочаровалась 9 января; вновь очарованная 18 февраля и 6 августа г. Булыгиным, она вновь принуждена была разочароваться в октябрьские дни и, доведенная до отчаяния бесплодностью попыток того и другого, сдавленная между Государственной Думой и всенародным протестом против нее, мечущаяся между трехцветным и красным флагом в паническом ужасе растерявшегося лавочника, она схватилась за идею поставить третьего после Мирского и Булыгина — г. Витте под свой фактический контроль. Временное Правительство, осуществленное союзом „премьера“ и членов земско-городских деятелей,—вот тот исход из революции, за который, как за якорь спасения, схватилась затрепетавшая собственность. Заметьте—не замена правительства Витте, ибо такая замена возможна только при деятельном сотрудничестве революционных масс... Нет! До этого еще не дошли либеральные монархисты. Не замена, нет, но контроль, но союз, но разделение власти, но Временное Правительство умеренно-либерального земца плюс умеренно-реакционный Витте, и скорей, как можно скорей, ибо он боится и красной и черной улицы, ибо прежде всего „надо защищать собственность и порядок от нарушений с чьей бы стороны они ни исходили“, ибо биржевые бюллетени показывают понижение. Земско-городской с‘езд — и Временное Правительство! Какой безумный страх за собственность сказался в этом лозунге для земских сфер, какой грандиозный напор пролетарских масс понадобился, чтобы выбить русский либерализм из стези „доверия“ и ходатайств и бросить его на путь контролирующего недоверия.

Он верил Мирскому, ибо не слышал революцию, он шел в Думу к Булыгину, ибо старался ее не слышать, он не верит даже „конституции“, „даже г. Витте“, когда услышал раскаты революционного грома. Тактика пролетариата верна: толкание либерала влево осуществимо только в виде углубления пролетарского движения, только в виде кристализации пролетарской партии.

Доверчивое ходатайство сменено попыткой помощью Временного Правительства реализовать недоверчивый контроль антиреволюционной буржуазии над бюрократическим аппаратом. Это введение в политический обиход идеи Временного Правительства, как единственного средства закрепления побед революции, представляет несомненный громадный шаг вперед в процессе освободительного движения, и Российская С.-Д. Рабочая Партия, с которой неразрывно связана эта идея, может только приветствовать этот процесс конкретизации представления о ходе русской революции, конкретизации, выполненной под ее непосредственным давлением.

Но конкретное представление о ходе русской революции не дает еще ответа на вопрос о конкретном ее

исходе. Появление идеи (хотя и изуродованной применительно к ее носителям) Временного Правительства в политическом кругозоре непролетарских и ненародных партий только обостряет вопрос о его действительном характере. Здесь мы только мельком можем остановиться на характере и задачах Временного Правительства Витте, Струве. Выдвинутое, как попытка реально использовать созданную пролетарской борьбой и кровью дезорганизацию самодержавной монархии, чисто буржуазное Временное Правительство есть вместе с тем попытка обеспечения „порядка“ в рамках узко-классовой конституции. Взятое же со всеми своими аттрибутами — городской милицией и пр., оно явно представляет буржуазную форму контр-революции, которая при своем осуществлении сменит явно-опасную для буржуазии полицейски-погромную ее форму.

В самом деле — каковы задачи этого правительства, как они намечены „Русью“: 1) подавление анархии, 2) осуществление Государственной Думы. Дело ясно: буржуазия находит, что борьба народа с существующим режимом дошла до предела, переход за который грозит осуществить действительное народовластие, и потому стремится фиксировать ее на данной точке. Подавление революционного движения средствами более европейскими, чем разгул черных сотен, хотя и не исключающими расстрела рабочих, и введение куцой конституции — порядок и собственность — иной и не может быть программа того Временного Правительства, которое получает жизнь не от „улицы“, а от согласия торгующегося г. Витте. Молчание „улицы“ при образовании такого Временного Правительства значило бы, что российский пролетариат сыграл еще раз в мировой истории роль илота буржуазного строительства, роль пушечного мяса, роль политического Иванушки-Дурачка, достающего каштаны из огня для враждебной ему силы.

Но поздно! Революционный социал-демократический пролетариат пойдет во главе „улицы“, чтобы свергнуть Временное Правительство либеральных помещиков и фабрикантов. Он будет поддерживать только такое Временное Правительство, которое, созданное на площадях и улицах городов и деревень, поведет его к полному народовластию и созовет не Государственную Думу, а Всероссийское Учредительное Собрание, и под контролем „улицы“, а не охраняемое от улицы „национальной гвардией“ буржуазии.

Гарантировать отвоеванное путем отнятия власти у правительства Витте — это задумано недурно и во всяком случае умнее, чем попытки просветить Витте насчет истинного конституционализма, но задумано без хозяина. Решительность русского либерализма созревает всегда слишком поздно и потому всегда отдает гнилостным запахом. Дальнейшее развитие освободительного движения сделает такое Временное Правительство, этот опыт буржуазно-либерального торможения революции, таким же несвоевременным, каким оно сделало опыт бюрократически-полицейский, блаженной памяти Булыгинскую Думу. Дело будет сделано, но... mit ein bischen andern Worten.

Юр. Каменев.

Маска сброшена.

Правительство Витте наконец-то заговорило. Заговорило оно не туманными фразами о народной пользе, о будущих свободах, о благе родины, а определенными, не поддающимися никаким кривотолкованиям, действиями. Давно пора. В чем же заключаются эти действия, каково первое „открытое выступление“ первого „конституционного“ министерства?

Оно старо, как стары вообще все приемы нашей бюрократии! „Для восстановления порядка весь Привислинский край временно об‘является на военном положении“ — скромно говорит правительственное сообщение. Еще не высохли чернила, которыми подписывались акты о гражданской свободе, о конституционных гарантиях, как десятимиллионное население отдается во власть военных властей, не раз показавших свои доблести на площадях и улицах всех городов России.

„Конституционное“ министерство Витте оказалось решительнее, чем „самодержавное“ министерство Трепова. Трепов об‘являл на военном положении только отдельные города и губернии, а „либерал“ Витте, призванный к проведению в жизнь царских свобод, без всякого стеснения целых десять губерний за-раз ставит вне даже русских законов, в полное хозяйничание доблестных генералов.

Для революционного пролетариата все это не новость!

Пролетариат всегда хорошо знал цену правительственным обещаниям! Он никогда не сомневался в качестве „даруемых“ реформ! Не раз уже „либеральные“ реформы аккомпанировались ружейными залпами, свистом нагаек, воплями избиваемых и истязуемых граждан. Не первый раз правительство дает доказательство своей „искренности“ и „доброжелательности“! Пусть примут во внимание это новое доказательство „доверия“ к обществу со стороны царских чиновников доверчивые либералы, так часто топчущие с ходатайствами пороги министров.

Революционный пролетариат никогда не сомневался, что „даруемые“ свободы есть новая попытка отвести освободительную борьбу народа от единственного верного — революционного пути — к осуществлению полного народовластия!

Революционный пролетариат всегда предупреждал легковерных граждан от увлечения крохотными завоеваниями, которые никогда не могут быть прочными до полной победы народа, до полного перехода власти к народу!

России обещали право участия граждан в издании законов, обещали прочный правопорядок, а на деле 10 губерний об‘явлены вне закона, отданы в полное распоряжение военного диктатора.

Еще вчера России обещали свободу союзов и собраний, а сегодня граждане десяти губерний лишены не только права собираться, но и права передвижения по улицам городов без разрешения военных властей.

России торжественно обещали неприкосновенность личности — на деле это воплотилось в свободное разгуливание казацкой плети по спинам граждан, в полное господство военных судов, вешающих граждан в 24 часа, в провокаторские убийства переодетыми чинами полиции нежелательных правительству лиц и т. д. и т. д.

Таковы обещанные реформы! Таково первое выступление нового „конституционного“ министерства!

Маска сброшена!

Для нас ее и не было. Мы всегда указывали, что только полное народовластие может установить действительный правовой порядок, действительную свободу. Только вооруженный, победоносный народ может поддержать эту свободу от всяких реакционных поползновений!

Революционный пролетариат, идущий под знаменем социал-демократии, всегда это говорил и всегда звал в свои ряды всех истинных друзей свободы, всех не боящихся народовластия, для решительной борьбы с уже разлагающимся режимом.

Кто еще сомневался в выборе между Витте и революционным народом, теперь уже сомневаться не может! Действительную свободу установить может только народ, во главе с наиболее революционным классом — пролетариатом.

Сомкнитесь же, друзья свободы, под его знаменем!

Б. Радин.

Об организации.

К вопросу о Совете Рабочих Депутатов.

В партийных организациях в течение последней недели горячо дебатируется вопрос о Совете Рабочих Депутатов. Пока продолжалась всеобщая стачка, Совет играл роль стачечного комитета и положение его было вполне ясным. Но теперь, по окончании стачки, возникает ряд вопросов: должен ли С. Р. Д. продолжать существовать или он должен об'явить себя распущенным? Если он не считает последнее целесообразным, то какова должна быть его дальнейшая роль: должен ли он быть организацией профессиональной или политической, и если политической, то должен ли он определить свое отношение к политической организации рабочего класса, к Р. С.-Д. Р. П., должен ли он стать под знамя нашей партии? Мне кажется, что вопрос о том, продолжать ли С. Р. Д. существовать или об'явить себя распущенным, может быть решен лишь после выяснения вопроса о тех задачах, которые может ставить себе Совет Депутатов, лишь после выяснения вопроса, политическая ли или профессиональная организация С. Р. Д.

Желательно ли с точки зрения интересов рабочего класса, с точки зрения Р. С.-Д. Р. П., чтобы С. Р. Д. был политической организацией? Если С. Р. Д. признает себя политической организацией, то пред ним станет вопрос: социал-демократическая ли он организация и должен ли он стать под знамя Р. С.-Д. Р. П. или нет? Если вопрос будет решен отрицательно, то социал-демократы, которых в Совете довольно много,—пожалуй, даже с примыкающим к социал-демократии—большинство,—должны будут выйти из Совета, так как С. Р. Д. становится тогда новой—не социал-демократической рабочей партией, а у социал-демократии уже есть своя партия, которую они считают и не могут не считать единственной истинной выразительницей интересов рабочего класса. Но если социал-демократы выйдут из С. Р. Д., то он перестанет существовать как Совет Депутатов всех рабочих Петербурга, так как значительная часть пролетариата, и притом наиболее сознательная часть, не будет в нем участвовать.

Но если при обсуждении вопроса о том, представляет ли С. Р. Д. социал-демократическую организацию или нет, вопрос этот будет решен в положительном смысле, Сов. Раб. Деп. должен об'явить себя распущенным, так как дальнейшее существование его станет излишним: социал-демократическая организация рабочего класса уже существует—это Р. С.-Д. Р. П.

Некоторые товарищи полагают, что желательно было бы, чтобы С. Р. Д. продолжал временно существовать как социал-демократическая организация, до реорганизации нашей партии, которая открыла бы широкий доступ рабочим массам в свои учреждения. До сих пор, благодаря условиям конспиративной работы, партийные организации были по необходимости очень узки, теперь большинство товарищей рассчитывают, что есть возможность значительного расширения рамок партии, и, пока эта задача не будет выполнена, С. Р. Д. будет заменять, по мысли некоторых товарищей, широкую партийную организацию. Словом, С. Р. Д. должен существовать, по мнению этих товарищей, параллельно с существованием организации Петербургского Комитета и Петербургской Группы Партии. При таком сосуществовании С. Р. Д., как организация выборная, связанная с широкими массами рабочих, необходимо отодвинет на задний план существовавшую до сих пор организацию Петербургского Комитета. Желательно ли это? Мне кажется, что на этот вопрос С. Р. Д. может дать лишь один ответ: безусловно нежелательна организация, не проникшаяся социал-демократическим сознанием. Если существующая уже социал-демократическая организация будет отодвинута назад социал-демократическим „Советом Рабочих Деп.“, то это приведет лишь к понижению темпа социал-демократической борьбы и „принижению сознательности пред стихийностью“.

Итак, С. Р. Д. как политическая—не социал-демократическая—организация существовать не должен, и социал-демократы должны выйти из него, так как его существование может вредно отразиться на развитии социал-демократического движения.

Совет Рабочих Деп. может существовать как профессиональная политическая организация или не должен существовать вовсе. Как профессиональная организация Совет может иметь большое значение, сплачивая в одну организацию всех рабочих пролетариата, ведя агитацию за организацию на заводах профессиональных боевых касс и во время стачки являясь стачечным комитетом. Как профессиональная неполитическая организация С. Р. Д. может сыграть крупную роль в смысле сплочения петербургского пролетариата.

С этой точки зрения голосование в С. Р. Д. по данному вопросу должно вестись таким образом.

1) Желательно ли сохранение С. Р. Д. в рамках профессиональности и развитие его в петербургский профессиональный центр? С точки зрения, изложенной в этой заметке, следует ответить: да. Если собрание постановляет, однако, что С. Р. Д.—организация политическая, то встает второй вопрос:

2) Должен ли С. Р. Д. быть организацией социал-демократической? Ответ: да. И, наконец, последний вопрос:

3) Если С. Р. Д.—социал-демократическая организация, желательно ли немедленное распущение его или допустимо самостоятельное его существование до реорганизации нашей партии? Ответ: желательно скорейшее его распущение.

На эту точку зрения стала коллегия агитаторов и пропагандистов Петербургского района (Петербургской стороны).

Н. Менделеев.

От редакции. Редакция не вполне согласна с постановкой и разрешением вопроса о С. Р. Д. товарищами из Петербургского района. Тем не менее, она дает место этой статье, повторяя свое приглашение товарищам высказываться по поставленному организационному вопросу.

Русская печать.

*** Все множатся и множатся признаки, что силы, напирающие на правительство, начинают размещаться по-новому, отклоняя курс вправо.

При приеме депутации от всех слоев польского общества граф С. Ю. Витте, между прочим, как передают „Нашей Жизни", сказал: „Напрасно вы думаете, что правительство бессильно, боится мятежа и думает уступить; для Польши предположено военное положение, что же касается России, то здесь ясно сказалась полная неподготовленность к провозглашенным реформам. Общество, русское общество, совсем не желает никаких свобод; мы ясно теперь видим, что это желание кучки революционеров. Теперь наступила в России весна, правда, более широкая, чем при кн. Святополк-Мирском, но помните, что ее может сменить реакция, и тогда уже нельзя ни за что поручиться". Принимая депутацию варшавских юристов, граф Витте сказал им: „Вот, вы просите немедленной отмены исключительных законов, а фабриканты ваши требуют настойчиво введения военного положения". „Назовите нам фамилию хоть одного из этих фабрикантов",—сказал один из депутатов. „Этого сделать я не желаю",—был ответ графа С. Ю. Витте. На этом прием депутации был закончен.

Неподготовленность России к реформам сказалась в зверских погромах, устроенных полицией для того, чтобы не дать привиться свободам. Цель черных сотен достигнута. Граф Витте, еще вчера говоривший про главный тормоз реформ — невоспитанность и развращенность администрации,—внезапно изменил свои взгляды и во всем винит русское общество. Реакция, конечно, возможна. Об этом говорит уже то, что фабриканты, по словам Витте, „требуют военного положения".

Буржуазия по-старому близорука и по-старому готова к предательствам. Но уже так ли велика ее сила, и надолго ли измена ее задержит исторический ход?

*** Что-то происходит за сценой, за кулисами придворных влияний. Реакция, на время притихшая, все больше возвышает голос. Декорация гражданской свободы отодвигается все дальше и дальше. Меры относительно Польши дают картину того, что ждет и нас, быть может, уже в ближайшие дни.

Все это так непонятно, так неожиданно после опубликования конституции,—говорят „Новости",—что невольно закрадывается сомнение, не сделано ли это последнее распоряжение под предательским внушением какой-нибудь враждебной новому правительству партии, скрывающейся пока за кулисами. И кто знает, не замешаны ли во всем этом печальном деле те таинственные семь немецких миноносцев, которые белою цепью протянулись от Петергофа до Мемеля и чрез верхушки мачт своих беспроволочно связали Петербург с Берлином?

Газета, впрочем, продолжает надеяться.

Еще можно возвратиться на путь законности и полного примирения с „мятежным польским народом". Для этого нужно дать Царству Польскому такую же автономию, какая дана Финляндии. К такому же решению почти единогласно пришел последний Московский с'езд земских и городских деятелей. Следовательно, такое решение не расходится и с пожеланиями умеренно-настроенных русских людей, к которым граф Витте так настойчиво обращается за поддержкой и лидерам которых он неоднократно предлагал министерские портфели.

Впечатления.

VI.

Стремление правительства и присных его успокоить общество вполне понятно, но успокаивает только истина, какова бы она ни была. Правительство в своем безвыходном положении хочет привлечь общество на помощь себе?

Пусть оно говорит мужественным языком человека, искренно желающего блага своей стране, и не старается прятать гнусную правду событий, вызванных и организованных его агентами.

Необходимо честно сознаться в том, что именно анархистская деятельность губернаторов, полиции, духовенства и провокаторской прессы, живущей на содержании правительства, именно эта деятельность—единственная и главная причина тех поражающих явлений, которые происходили в эти дни на всем пространстве России.

Опираться в свое оправдание на „своеволие темных масс"—по меньшей мере не остроумно. Ведь само же правительство усердно заботилось о том, чтоб массы народа не озаряла мысль.

Издавая акт 17-го октября, оно не подумало о необходимости одновременно по всей стране истолковать этот акт простыми ясными словами, доступными пониманию масс, оно не внушало своим агентам в провинции определенного отношения к этому акту, и даже в столице, на его глазах, полиция уверенно заклеивала царский манифест приказами Трепова. Оно не сочло нужным предупредить провокаторов прессы о степени серьезности своих намерений, и эти раболепные, гнусные, извращенные холопы дружно завыли и залаяли о падении власти царя, о победе „жидов, студентов, интеллигенции".

Травля прогрессивных элементов страны в таких органах, как „День", „Московск. Ведом." и другие рептилии,—это факт.

Распространение прокламаций, призывающих к истреблению интеллигенции,—это факт, и администрации не могли не быть известны источники, откуда изливалась эта злая, ядовитая грязь. Нельзя же допустить, чтоб охранное отделение, всегда хорошо осведомленное своими шпионами о том, кто, где и что печатает, не знало, кем печатаются прокламации союза русских людей и прочих анархистских групп. Оно, конечно, знало это—и оно не мешало этому. Призывы к убийствам с амвонов церквей это факт.

Участие губернаторов в погромах и убийствах—факты, подтвержденные смещением наиболее яростных патриотов из их среды...

Если правительство этого не сделает, то нужно будет признать, как ни страшно даже выговорить это слово, что оно идет к реакции, и что вчерашнее правительственное сообщение — первый и решительный шаг к ней.

Граф Витте говорил с либералами, когда реакция была обессилена. Теперь же и „умеренные“ проекты не послужат темой для разговоров. Для более склонных к реакции правительство между собою и либералами возводит такой барьер.

*** Двойная бухгалтерия откровенности. У правительства две меры для истины: одна—для заграничных банкиров, другая — для домашнего обихода. Заграница заявили открыто, что погромы не обошлись без администрации, а для России это участие стоит еще под знаком вопроса. „Сын Отеч.“ сопоставляет две истины:

Еще удивительнее отрицание правительством „прямоты и искренности“ в последнем его сообщении того, о чем кричит вся Россия, и в чем само правительство сознавалось несколькими днями раньше перед иностранцами, — это участие властей в погромах последних дней. „Нельзя отрицать, что во многих местах такому проявлению (т. е. погромам) покровительствовали агенты местной власти. Нынешнее правительство далеко от того, чтоб игнорировать или скрывать эти факты“... перед общественным мнением Запада, но России „правительство категорически об‘являет, что со стороны центральных учреждений все распоряжения клонились лишь к одной цели — поддержанию спокойствия и порядка“, что в тех случаях, когда представлены будут достоверные сведения об организации или поощрении полицейскими чинами насилий над личностью или имуществом, „допуская, что они подтвердятся“,—назначены будут „тщательные расследования“ и будут приняты всевозможные меры к устранению повторения погромов.

Таким образом, то, что пред Европой правительство не решалось отрицать, что оно признавало за факты, которые не могло ни игнорировать, ни скрыть больше, — то перед Россией еще требует проверки и доказательств.

И когда народное негодование требует немедленного удаления маленьких и больших сатрапов, испачкавших свои руки в народной крови, правительство „прямоты и искренности“ отвечает военным положением!

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Владивосток (от собств. корр.).—26 октября во Владивостоке состоялся первый народный митинг в цирке. Присутствовало более 3.000 человек. Порядок замечательный. Полиция отсутствовала. Офицеры, врачи и рабочие в талантливых речах раз‘яснили значение завоеванной свободы, прославляли борцов. Принята резолюция об образовании комитета защиты прав гражданина. Устроена грандиозная овация полковнику Постникову, требовавшему в соборе отслужить панихиду борцам за свободу. Митинг требовал громовыми кликами удаления городского головы, пославшего от имени населения рабским языком написанную телеграмму. Митинг почтил вечной памятью погибших борцов и славой живых. Бурная овация была устроена бывшим шлиссельбургским заключенным. 27-го городской голова подал в отставку. Союз врачей Уссурийского края избрал из своей среды комитет защиты прав гражданина и общественной безопасности, выразил негодование крепостному врачебному инспектору генералу Езерскому за разжигание национальной вражды между врачами.

Борис Оржих.

Мест. Байрамчи Бессарабской губернии, Аккерманского уезда (случайная).—31 октября здесь произошел еврейский погром, все еврейские дома сгорели, пострадавших—масса, помощь нужна немедленная.

Ромны, 31 октября (СПА). — Роменское городское управление, одобрив проект охраны порядка в городе с участием обывателей, приглашает домовладельцев и торговцев заявить о желании участвовать в охране. Полицейские и военные власти из‘явили готовность оказывать содействие с своей стороны чинам охраны.

Открыто бюро юридической помощи населению, пострадавшему от разгромов.

Москва, 1 ноября (СПА). — Сегодня по Ильинскому шоссе забастовал ряд фабрик и заводов. В этот район командированы войска.

Ломжа, 31 октября (СПА). — Сегодня в городе и в уездах расклеены об‘явления губернатора о введении военного положения.

Все эти факты не надо забывать, сочиняя „правительственные сообщения“, и не нужно говорить о „внезапности беспорядков“, которые открыто подготовлялись.

Довольно лжи и обмана!

И нужно говорить не о людях, „утомленных отсутствием порядка и безопасности“—кто эти люди, что их образ действий окончательно уничтожает престиж власти в глазах „общества“? А в области явлений, „патриотизму“ противоположных, правительству делать нечего — здесь уже верно оценили его значение и силу, здесь не нуждаются в узде, здесь не зверье, а люди, они руководятся не шпионами и полицией, а сознанием своего достоинства.

Что может сказать правительство о поведении стотысячной толпы пролетариата на похоронах Н. Э. Баумана? Что оно может сказать о шествии тысяч сормовских рабочих по улицам Н.-Новгорода?

Пролетариат имеет право гордиться той внутренней стройностью, которая царит в его рядах, и правительство должно с уважением отнестись к этому факту.

„Уважение к жизни и личным правам“—это социальное качество не воспитывалось в русском народе и обществе, ибо было „противно видам правительства“, и оно само в себе не имеет этого качества. Пролетариат воспитал в себе это уважение, несмотря на весь гнет правительства. „Уважения“ к собственности, созданной кровью и потом народа и захваченной мещанами, пролетариат, разумеется, не может иметь. Собственность—идол буржуазии, но сознательный пролетариат не нарушает прав частной собственности, и кто говорит противное, тот клевещет.

Грабят и убивают „черные сотни“—они же „патриоты“, вдохновляет и помогает им в этом полиция—факт, точно установленный даже генерелом Томичем.

Довольно лжи и лицемерия! Этим никого не успокоишь.

Не их силой, не их трудом живет страна, это—крысы на корабле государства. Им никогда и ничего не нужно, кроме порядка, который охранял бы их собственность, и той безопасности, которая позволяет им жить чужим трудом. Что они могут дать стране теперь, когда нужны честные и умные работники-борцы? Эти люди кончили свой цикл жизни, они пресытились, выродились и духовно мертвы. И если их обеспокоили мирные демонстрации

Временным генерал-губернатором Ломжинской губ. назначен генерал-лейтенант Грибский.

Чита, 31 октября (СПА). — Попытка устроить погромы евреев не удалась; граждане организовали оборону.

Варшава, 31 октября.—Между Воломином и Варшавой, Петербургской линии, патруль обнаружил подкоп с динамитным ящиком и проводами для взрыва пути. Злоумышленники скрылись.

На станции Прага-Привислинская взорвалась адская машина вблизи семафора. В виду этого, все линии Привислинских дорог обставлены войсковой охраной.

Тифлис, 31 октября (СПА). — Наместник командирует помощника своего, генерала Маламу и Вейденбаума в Озургетский уезд, чтобы совместно с выборными Грузии постараться уговорить гурийцев отказаться от сопротивления властям и подчиниться законам. Командируются эти лица вследствие ходатайства грузин, предложивших испробовать этот последний способ ранее употребления насильственных мер войсками, которые уже посланы.

Красноярск, 31 октября (СПА). — За последние дни были попытки устроить антиеврейские беспорядки. Некоторые еврейские семейства выехали. Многие видели на базарах подстрекателей, неизвестных в городе. Агитация, однако, успеха не имела. Все спокойно.

Кельцы, 31 октября (СПА). — Опубликовано обязательное постановление временного генерал-губернатора Келецкой губернии. На основании этого постановления, во всех фабриках, торговых и промышленных заведениях должны вестись подробные именные списки рабочих и служащих, воспрещаются изготовление, ношение и разбрасывание петард, хлопушек и шумих, воспрещается именовать себя не принадлежащим именем. В случае нападения на правительственные и общественные учреждения, вводится имущественная круговая ответственность. Происшедший вред и убыток возлагаются на население данного района. За невыполнение своих обязанностей дворники привлекаются к ответственности вместе с домовладельцами. Виновные в нарушении правил подвергаются заключению в тюрьме до 3 месяцев или штрафу до 3.000 р.

Аткарск, 1 ноября (СПА). — Об'явлен 29 октября исправником в положении усиленной охраны вокзал и линии отчуждения. Воспрещаются сходки и собрания. Губернатор об'являет, что командировка генерал-ад'ютанта Сахарова призывает крестьян к успокоению.

Моршанск, 1 ноября (СПА). — Циркулировавшие в городе слухи о готовящихся погромах еврейских магазинов и квартир не оправдались. Последние три дня прошли спокойно. Все еврейские магазины были открыты.

Кельцы, 1 ноября (СПА). — Редакция „Келецкой Газеты" об'явила, что впредь до вступления в силу новых правил о цензуре провинциальных изданий выпуск газеты приостанавливается.

Баку, 1 ноября (СПА). — По сведениям полиции, во время армянского погрома 23 октября убито: армян 51, русских 8, грузин 1, татар и евреев 2, ранено: армян 38, русских 14, евреев 1, мусульман 4, других 2. Сожжено 28 домов, из них 24 армянских, 1 русский, 1 татарский; сожжены также 2 городских будки, ограблено 36 человек: армян 19, русских 4, грузин 5, евреев 3. Эти сведения опровергают сообщения о нападении армян на русских и о национальной вражде между ними.

Москва.

2 ноября.

— В театре Олимпия на завтра был назначен социал-демократический митинг. Администрация сегодня известила городского голову, что митинг этот запрещается, и что будут приняты все меры к недопущению его.

— Во вчерашнем заседании Стачечный Комитет признал необходимость своей организации на новых началах. Комитет исключает из своего состава группы непролетарского характера.

— Вчера происходило бурное заседание почтово-телеграфных чиновников.

— На многих фабриках бастуют. Забастовала фабрика Глинцера вследствие увольнения фабрикантом двух депутатов-рабочих, представительство которых он раньше признавал.

— Городская управа ассигновала на будущий год на полицию и жандармерию на 14.000 р. больше, чем в нынешнем году, т.-е. всего 2 миллиона. Расход на полицию превышает расход на народное образование на 623.000 р.

— В Москве сегодня получена телеграмма начальника главного управления почт и телеграфов, в которой он предупреждает об увольнении чиновников его ведомства, об'единившихся в союз. Эта угроза не произвела на почтово-телеграф-

---

с красными флагами—еще более страшны должны быть для них трехцветные манифестации хулиганов.

Сообщая свои мнения обществу, правительство поступило бы и честно и корректно, если б отметило тот факт, что рабочие, гуляющие по улицам с красными флагами, стекол не бьют, винных лавок не грабят, а ведут себя с тем чувством собственного достоинства, на какое способны люди зрелые и политически и социально.

И рядом с этим необходимо указать, что патриотические манифестации, носящие потреты государя, доходя до винной лавки, портреты бросают и принимаются за разгромы казенной и частной собственности, сопровождая эти разгромы убийствами.

Именно вот это тяготение патриотизма к зверству и кабаку и следует взять темой „правительственных сообщений". Именно в эту сторону власть должна направить свой авторитет, если она верит в его силу.

Нужно указать „черным сотням", что, если правительство действует искренно, если оно понимает великий смысл событий, если оно уже достаточно видело крови и пресытилось, оно должно энергично, как может, вводить в сознание широких масс народа, что интеллигенция, так долго и бескорыстно боровшаяся за его свободу,— носительница правды и разума, а не „крамолы", „измены" и прочих доблестей, свойственных администрации наших дней.

Если говорить о „крамоле", нужно говорить прежде всего о 34 губернаторах, назначенных в отставку, нужно не забывать о шпионах охраны и прочих „русских людях".

Опубликовывая акт 17 октября, правительство не только не нашло нужным честно указать темным массам народа роль своего врага—напротив, видя, как провокаторы травили интеллигентов, как избивали рабочих и молодежь, оно загадочно и подозрительно молчало, видимо, ничего не имея против этой травли, против организованного истребления лучших людей страны. Молчало!

Теперь, испуганное анархией, вызванной его бессилием и его агентами, оно кротко доказывает обществу свою лойяльность и зовет его на помощь себе.

Честные люди не верят ему, честные люди не помогут встать на ноги одряхлевшему произволу!

А. П.

ных чиновников никакого впечатления, так как союз почтово-телеграфных чиновников охватил теперь всю Россию, и нечлены союза считаются единицами.

— Из Твери сообщают, что аресты участников знаменитого „боя“ продолжаются. Но, вместе с тем, тверичане не понимают, почему оставлены без надлежащего внимания главари бесчинств, которые открыто заявляют о предстоящих еще „походах“. Губернатор Слепцов еще у власти, как будто бы еще нет достаточных данных к увольнению его от занимаемой должности.

— В виду известного циркуляра начальника главного управления почт и телеграфов г. Севастьянова, воспрещающего чинам почтово-телеграфного ведомства участие в почтово-телеграфном союзе, комитет названного союза постановил требовать увольнения от должности управляющего министерством внутренних дел г. Дурново и начальника главного управления почт и телеграфов г. Севастьянова, как явных нарушителей высочайшего манифеста от 17 октября. Постановление союзного комитета будет сообщено всем без исключения почтово-телеграфным учреждениям империи. Инцидент угрожает весьма серьезными осложнениями.

— 30-го октября за Пресненской заставой на новом Гуляне толпа фабричных рабочих, в количестве 1000 человек, направилась к Камер-Коллежскому валу, где разгромила колониальную лавку Богомолова, сапожную лавку, в д. Щетина — квасную лавку, в доме Щетинина — колониальную лавку. Прибывшие казаки и полицейский наряд были встречены камнями и револьверными выстрелами. Тем не менее, толпа была рассеяна. В лавке Богомолова задержаны 4 грабителя.

Иные речи.

Разговор о свободах и правах надоел премьеру, и граф Витте заговорил, наконец, „по-настоящему“; и понятно, что в настоящих разговорах „графа“ нет даже тех обещаний, которыми он тщетно пытался утолить гражданский голод страны. Первые дни для оправдания прокламации о свободах граф много и длинно говорил об очень хороших вещах и только просил подождать, повторяя на все лады заглавие известного водевиля: „Не то еще будет“.

Под сладкие напевы г. Витте на улицах столиц и прочих городов продолжалась победа храбрых войск над мирными гражданами; под эти же напевы по всей стране ураганом пронесся весь ужас погромов. Вся страна залилась кровью граждан, получивших „все свободы“ и „неприкосновенность личности“, Витте все говорил, а в стране происходили такие вещи, ужас которых не поддается ни описанию ни пониманию.

Стоном стонала страна, а Витте говорил, говорил... и как из рога изобилия сыпал обещания, что все будет хорошо.

Он удивлялся и даже возмущался, что ему не верили. Он навязывал министерские портфели представителям всевозможных партий; но даже партии центра и правых — даже и те благоразумно уклонялись от такой чести. Граф продолжал говорить и искать министров.

Наконец, ему надоело говорить про свободы, которые успели покрыться толстым слоем правительственных сообщений и треповских приказов. Граф забыл про свободы и заговорил языком сообщений, приказов и воззваний „патриотов“. В разговоре с депутатами от варшавских юристов премьер, как сообщают газеты, между прочим сказал:

„Вот, вы просите немедленной отмены исключительных законов, а фабриканты ваши требуют настойчиво введения военного положения“. „Назовите нам фамилию хоть одного из этих фабрикантов“, — сказал один из депутатов.

„Этого сделать я не желаю“,—был ответ графа С. Ю. Витте.

Ссылка на фабрикантов носит вполне определенный и весьма недвусмысленный характер.

Но еще характернее ответ его польским депутатам:

„Напрасно вы думаете, что правительство бессильно, боится мятежа и думает уступить; для Польши предположено военное положение, что же касается России, то здесь ясно сказалась полная неподготовленность к провозглашенным реформам. Общество, русское общество, совсем не желает никаких свобод: мы ясно теперь видим, что это желание кучки революционеров. Теперь наступила в России весна, правда, более широкая, чем при кн. Святополк-Мирском, но помните, что ее может сменить реакция, и тогда уж нельзя ни за что поручиться“.

Эти слова подсказывают все то, что не договорено графом в его бесконечных беседах; они обнаруживают и взгляды и его политику. Разыграв первую часть своей политической программы - обещания, Витте перешел к следующему абзацу под заглавием: я на все готов, но общество не хочет.

Какое, именно, „общество этого не желает“, распространяться, конечно, нечего, тем более, что язык, которым заговорил граф, достаточно ясный и определенный: „Мы ясно теперь видим, что это желание кучки революционеров“.

Итак, у графа конец свободам: „русское общество“ их не хочет.

Естественно, что после такого заявления граф впадает в дурной тон и угрожает реакцией.

Система знакомая, но думается нам, что с ней теперь не мешало бы быть поосторожнее.

Л. Львов.

Резолюция, принятая Советом Рабочих Депутатов.

Царское правительство продолжает шагать по трупам, оно предает полевому суду смелых кронштадтских солдат армии и флота, восставших на защиту своих прав и народной свободы. Оно закинуло на шею угнетенной Польше петлю военного положения. Рабочий Совет призывает революционный пролетариат Петербурга посредством общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу и свою братскую солидарность с революционным солдатом и матросом Кронштадта и революционным пролетариатом Польши. Завтра в 12 ч. дня рабочие Петербурга прекращают работу с революционными лозунгами:

Долой полевые суды!

Долой смертную казнь!

Долой военное положение в Польше и всей России!

В Совете Рабочих Депутатов.

Заседание открылось речами польской делегации. „Польский пролетариат,—говорили они,—имеет те же задачи, что и русский, он борется вместе с ним за демократическую свободу и за социализм. И вот правительство стремится поселить рознь между двумя народами и для этого прибегает, как всегда, к самым низким средствам. Оно пронизывает ложью свои сообщения, говоря в них, что польский народ стремится к отторжению от России. Это неправда, польский пролетариат требует лишь автономии. Он хочет, чтобы местные дела решались не из далекого чуждого Петербурга, а выборными от польского народа. Русские рабочие должны поддержать польских в их стремлениях, должны протестовать против военного положения в Польше, так как рабочий класс не может мириться ни с каким национальным гнетом“.

Речи товарищей-поляков были покрыты громом рукоплесканий.

Член исполнительной комиссии Совета, товарищ с.-д. в ответной речи указал, что рабочие всех стран, в лице с.-д. партий, всегда стоят за национальное самоопределение и должны бороться против националистических стремлений правительства. „Если в Кронштадте готова пролиться кровь,—сказал он в заключение,—если в Польше и многих русских городах военное положение, то мы должны знать, что только народное народовластие, только самодержавие народа сметет все эти остатки полицейского режима“.

Шумными аплодисментами Совет выразил свое полное сочувствие словам оратора.

Следующий вопрос, вызвавший громадное воодушевление, был вопрос о кронштадтских событиях. Слово предоставляется матросу, которому были устроены овации. Смущенный матрос, повидимому, так растерялся, что из всей его речи можно было понять только одно: „Матросы были не против рабочих, а против правительства“.

Следующие ораторы давали фактические сообщения о кронштадтских событиях. По словам одного оратора, сознательные матросы не призывали товарищей к восстанию, находя его в настоящее время несвоевременным, но принуждены были при начале движения стать во главе его. В самой истории бунта характерно, главным образом, поведение офицерства. Когда матросы жаловались на дурное питание и обращение, то приезжали командиры, говорили речи о терпении и послушании и затем приказывали кричать ура. Тем и кончались заботы начальства о своих подчиненных. Когда же взбунтовавшиеся матросы 4-го экипажа потребовали оружие, то командир бросил им ключи и удрал из Кронштадта.

Другие ораторы подчеркивали провокаторский характер погрома, а также тот ужасный факт, что в результате должны пострадать именно сознательные товарищи, которые в погроме не участвовали, но всегда выделялись во всех протестах.

Далее оратор-делегат в горячей речи, вызвавшей громадный энтузиазм, призывает к протесту против военного суда. „Если мы отнимем товарищей матросов у самодержавия и спасем их от смерти, то мы тем самым приготовим смерть самому самодержавию. Своей защитой мы приобретем себе друзей среди войска“.

Делаются сообщения делегатов о настроении рабочих, выразившемся на митингах по поводу кронштадтского события. Повсюду единодушное возмущение назначением военно-полевого суда, проявившееся в резких, негодующих резолюциях.

Заводы Семянниковский, Леонтьева, Лесснер, Александровский механический завод, Трубочный завод, Балтийский, Франко-Русский, Адмиралтейство, завод Пульмана, все эти заводы выражают свое крайнее негодование и готовы присоединиться к протесту в той форме, как его выражает Совет.

Некоторые лишь заводы, как напр. Путиловский и Выборгский механический, находят лишь, что забастовка—негодное средство протеста и предпочитают демонстрации.

Каждая резолюция встречается с громким сочувствием.

Вопрос ставится о форме протеста.

Председатель произносит горячую речь в пользу протеста путем всеобщей забастовки. После небольшого перерыва выясняются следующие результаты происходивших во время перерыва районных совещаний:

Невский район. Завтра утром собирать митинги и проводить забастовку.

Московский район. Забастовка осуществится.

Нарвский район. Тоже.

В.-Островский. Завтра с 12 могут забастовать Балтийский, Трубочный, Сименс и Гальске и ряд других.

Петербургская сторона. Согласно постановлению Совета забастует.

Выборгский. Забастовать готов.

Городской район. Центральная электрическ. станция забастует.

Относительно некоторых заводов высказываются нерешительно. Говорят, что мешают проведению 8-часового рабочего дня. „Еще не кончили с самодержавием, а тут начали с капиталистами“.

Конно-железные дороги. В забастовке уверенности нет. „Там чорт знает, какая серая публика,—говорит делегат,—а между тем сознательный там один я“. Замечание это вызывает у публики веселое настроение.

Железные дороги. Балтийская, Варшавская и Виндаво-Рыбинская могут забастовать, Николаевская сомнительно.

От Союза союзов. Значительная часть союзов примкнет к забастовке.

Со стороны профессиональных организаций замечается гораздо меньше воодушевления...

В заключение собранием была принята резолюция, приведенная выше.

Хроника.

— 31 октября между 5-ю и 6-ю часами вечера в карете скорой помощи были доставлены в Обуховскую больницу рабочие, раненые в этот день у завода Сан-Галли. Двум из них, Николаю Иванову и Феликсу Стасевичу, немедленно была сделана операция трепанации черепа. Однако операция не спасла. Первый умер около 9 ч. вечера, а второй—около 12 час. ночи. Филипп Елисеев и Иван Богданов получили по несколько ран. У первого—четыре глубоких и одна малая рана на голове и спине. У второго—несколько ран, нанесенных ножом в спину. У обоих все тело в ссадинах и синяках. Их жизнь вне опасности: раны не смертельны; самочувствие довольно хорошее. По заявлению потерпевших, оставшихся в живых, в Обуховскую больницу был направлен и пятый раненый, но он умер по дороге, и труп его увезен в покойницкую.

— Отголоски первых дней свободы. 19 октября около 2-х часов ночи по Невскому проспекту проходила группа, состоявшая из 5 человек; между ними 3 студента. Решительно без всякого повода с их стороны на них налетели казаки. 4 успели спастись в ворота одного из домов между Пушкинской и Николаевской улицами. Один из этой группы Я. не успел убежать; на него посыпались удары нагайками; вскоре избитый Я. упал. Тогда один из казаков соскочил с лошади и, сорвав с избитого золотые очки, спокойно пустился дальше. Прийдя в себя, Я. отправился на временную квартиру казаков при 1 уч. Ал.-Невской части. Здесь он обратился к старшему дежурному с целью получить очки. Очков он не получил, но зато был избит и обруган несколькими казаками. Только 31-го октября Я. оправился от полученных побоев. Свидетелями его избиения были: дворник одного из домов по Гончарной ул. и сиб. ремесленник Л. Фамилии и адреса свидетелей и Я. известны редакции.

— Защитники по так называемому „романовскому“ процессу получили вчера следующую телеграмму:

„Участники якутского протеста, освобожденные восстанием рабочего народа, шлют сердечный привет своим защитникам. Романовцы“.

Как известно, 55 политических ссыльных за этот протест были приговорены в г. Якутске к 12 г. каторжн. работ каждый. При вторичном разборе этого дела в Якутске суд. палата постановила по своей собственной инициативе ходатайствовать о замене каторги двумя годами креп. без лишен. прав.

Это ходатайство не должно было коснуться 19 из подсудимых, отказавшихся от подачи апелляцион. отзывов, и некоторые из подсудимых уже были в каторжных работах. Все подсудимые привлек. к ответ. по 263 и 268 ст.ст. улож. о наказан., т. е. за вооруж. восст., сопровождавшееся убийствами. Протест их состоял в пред'явлении требования властям и мин. внутренних дел Плеве об отмене совершенно противозаконных циркуляров

администрации, запрещающих всякую отлучку из места поселения, запрещающих вопреки точному смыслу положения о гласн. надзоре возвращение за казенный счет отбывших срок ссылки.

— Во время волнений на Обуховском заводе в 1901 году был арестован Ал. Ив. Гаврилов (мастеровой) за распространение прокламаций. По приговору спб. окружного суда Гаврилов приговорен к 6 годам каторги и отправлен на Сахалин. До сих пор о нем нет никаких известий.

— Генерал Трепов нашел себе единомышленника в лице помощника начальника главного управления почт и телеграфов М. П. Севастьянова. Последний издал циркуляр, разосланный по всем российским почтово-телеграфным учреждениям, в котором сообщает, что высочайший манифест от 17-го октября, даровавший населению России права гражданства и, вместе с тем, свободу слова, собраний, союзов и пр., не относится к лицам, служащим на государственной службе. В виду этого воспрещается почтово-телеграфным чиновникам об'единяться в организации, союзы и общества без разрешения начальства. Как известно, петербургскими почтово-телеграфными чиновниками образован был недавно всероссийский союз. Поэтому г. Севастьянов предлагает всем почтово-телеграфным чиновникам, записавшимся в члены союза, немедленно отказаться от участия в нем, в противном случае такие лица должны подать в отставку.

— В редакцию „Новой Жизни" обратились со следующим заявлением:

„Покорнейше просят сообщить сведения о судьбе Александра Степановича Александрова, раб. в 1898 году на Обухов. зав., в 1900 г. выслан в Вятскую губ., в 1901—1902 г.г. жил в Екатеринбурге, дальнейшая судьба неизвестна. Сведения адресовать: Эстляндская, д. 2, кв. 16, А. С. Политаевой".

— Лиц, знающих адрес Марии Егоровны Волошенко, освобожденной из дома предварительного заключения, просят сообщить его в редакцию „Новой Жизни".

— На-днях в газетах появилось известие, что почти все подсудимые (Анна Надеждина, г. Барыков и др.) по делу боевой организации о покушении на генерала Трепова освобождены. Военный прокурор действительно высказался за то, что все они подлежат немедленному освобождению по амнистии, о чем за № 133 и отправил 31 сего октября сообщение в спб. губернское жандармское управление. Однако, и до сих пор жандармское управление задерживает освобождение этих лиц, так как г. Вуич (прокурор судебной палаты) не желает этого освобождения.

— Главное управление по делам печати циркуляром от 19-го октября, разосланным типографиям 23 октября, сообщает, что „впредь до издания нового закона цензурный устав остается в полной силе, в виду чего рекомендую г.г. владельцам заведений печати, впредь до отмены ныне действующего устава о цензуре, в точности руководствоваться ныне существующими законоположениями о печати". Главное управление „ошибается". Устав этот, как показала практика последних дней, бессилен. Что касается его „ходатайства" о соблюдении еще не отмененных законов, то, как мы слышали, в этом решено главному управлению отказать.

— Витте начинает отказываться говорить. В Петербург 30-го прибыли делегаты Союза союзов Донской области, 31 октября они явились к Витте с целью ознакомить его с событиями в Ростове-на-Дону по поводу происшедшего там еврейского погрома 18, 19 и 20 октября и избиения черносотенцами интеллигенции, при чем делегация должна была высказать свой взгляд на эти события и указать меры к прекращению подобных событий на будущее время, а именно: снятие усиленной охраны, удаление казаков, удаление градоначальника и всей полиции и привлечения их к суду за попустительство и т. п. Выслушана была депутация секретарем, который по докладе об этом Витте об'явил делегации, что она принята Витте быть не может. Делегация принуждена вернуться обратно в Ростов-на-Дону, не выполнив возложенного на нее поручения.

— Подписка телеграфных чиновников. Волна всероссийской забастовки, охватившая все слои общества, затронула также и почтово-телеграфных чиновников Петербурга. После окончания забастовки начальник телеграфа г. Дьяков пригласил к себе забастовщиков и брал с них подписку в том, „что телеграфисты впредь обязуются не бастовать, а также не будут подстрекать других к забастовке".

— Свобода печати. 31 октября председателем цензурного комитета г. Котениным были вызваны для об'яснения фактор типографии товарищества И. Н. Кушнерев и К°. г. Апарин и управляющий типографии „Народная Польза" г. Гольдберг, выпустившие без разрешения цензуры журналы: „Всемирный Вестник", „Наборщик", „Печатный Мир", „Север" и „Фельдшер". Представители названных типографий об'яснили, что, игнорируя цензуру, они подчинялись известному постановлению „союза защиты свободы печати", напечатанному во всех газетах. Не признавая данное толкование правильным, г. Котенин возразил, что закон о печати не отменен. Новый же в скором времени будет опубликован. Пока же рекомендуется придерживаться существующих законов о печати.

— Рассмотрев в заседании 31 октября заявление редактора газеты „Новая Жизнь" г. Н. Минского, бюро союза защиты свободы печати постановило: передать это заявление на обсуждение экстренного собрания делегатов союза, назначив это собрание на субботу 5 ноября.

— Мытарства бывшего начальника почтового отделения. Бывший начальник почтового отделения Виктор Львович Полежаев уволен со службы в почтово-телеграфном ведомстве по распоряжению полиции в мае 1904 г. по следующим мотивам: 1) за знакомство с политическим ссыльным студентом В. Л. Алексеевым и 2) за неисполнение распоряжения олонецкого губернатора об отсылке для просмотра жандармского управления корреспонденции, получаемой на имя г. Алексеева.

Жертва царившего полицейского произвола—В. Л. с женой и 3 малолетними детьми очутился выброшенным за борт как политически неблагонадежный, и все двери учреждений, где он мог бы найти работу, закрылись перед ним. 16 месяцев он, таким образом, мытарствует, живя с семьей впроголодь, закладывая и распродавая свое имущество.

Положение этого „преступника" безвыходное.

— Во Владивостоке. Правление страхового общества „Саламандра" получило 1 ноября телеграмму от своего владивостокского корреспондента, что во Владивостоке вспыхнул бунт солдат и весь город находится в огне.

— Еврейское население м. Ильина, Витебской губ., обратилось к гр. Витте с телеграфным запросом, могут ли евреи надеяться, что после манифеста 17 октября они получат возможность проживать повсеместно в России. Гр. Витте ответил, что еврейский вопрос будет рассматриваться Государственной Думой, и что воля монарха в осуществлении провозглашенных в манифесте 17 октября положений непреклонна.

— В Колпине администрация уволила 15 инженеров, принимавших участие в известной манифестации рабочих, окончившейся кровавым избиением. Союз инженеров решил бойкотировать всех, желающих заместить эти „вакантные" должности. Рабочие колпинских заводов, в числе 200 человек, внесли петицию на имя директора завода, в которой они требуют немедленно вернуть всех уволенных.

— Рабочие экспедиции заготовления государственных бумаг обвиняют помощника управляющего экспедиции г. Михайловского в том, что он 4 октября т. г. вызвал войска на двор экспедиции и приказал колоть толпу безоружных рабочих, мирно собравшихся побеседовать о своих нуждах. Со своей стороны г. Михайловский сваливает всю вину на командира первой роты лейб-гвардии Измайловского полка шт.-кап. К. Н. Арнольди, которому было лишь приказано „очистить двор" экспедиции. К. Н. Арнольди понял это распоряжение г. Михайловского несколько „своеобразно" и приказал измайловцам колоть штыками рабочих. В результате 27 раненых и два задавленных рабочих; среди раненых находятся и дети.

— В экспедиции заготовления государственных бумаг. 1 ноября в помещении театра экспедиции состоялась сходка рабочих. Во время сходки собранию было доложено, что г. Михайловский просит депутатов-рабочих к себе для каких-то переговоров. Оказалось, что г.г. чиновники экспедиции стараются всеми мерами тормозить ликвидацию пенсионной кассы; сегодня они заявили, что касса „4 апреля" состоит исключительно из денег чиновников, а потому должна быть и разделена между ними. На это депутаты ответили, что циркулирует слух, что в этой кассе основной фонд когда-то

состоял из миллиона рублей, пожертвованных Александром II. На это им ответили, что в кассе всего 20.000 рублей, и представили какие-то оправдательные документы, в которых рабочим депутатам придется разобраться. Забастовка пока еще продолжается.

— В спб. дух. академии. 1 ноября утром в духовной академии состоялась сходка студентов всех четырех курсов. На сходке было доложено о беседе депутации четырех студентов академии, которые вчера были приняты обер-прокурором синода князем Оболенским. Кн. Оболенский обещал посодействовать всем требованиям студентов академии, но заявил, что отмена старого академического устава возможна лишь после законодательного утверждения.

— В № 3 „Новой Жизни" мы сообщали о брожении среди тружеников печатного дела, работающих в государственной типографии, вновь вызванном главным начальником ее Чухниным, бывшим начальником выборгской тюрьмы, предполагавшим было ввести с 1 ноября десятичасовой рабочий день, взамен девятичасового, ныне установившегося. В настоящее время нам стало известным, что высшее начальство, поставленное в известность о последовавшем протесте со стороны работающей братии, не согласилось утвердить проект господина Чухнина, и рабочий день в государственной типографии останется попрежнему девятичасовой.

— Служащие управления Балтийской железной дороги, на основании представленных С. Ю. Витте служащим всех железных дорог льгот, назначили на 30 октября в помещении службы сборов общее собрание для обсуждения вопроса о союзной организации. Однако, начальник службы сборов Г. П. Польмари нашел необходимым уведомить местного пристава о предстоящем собрании. Служащие, возмущенные таким нарушением предоставленного им права, отказались от назначенного в казенном помещении собрания и подали коллективный протест.

— Несколько представителей студенческой латышской молодежи постановили издавать в Петербурге еженедельную (на первое время) газету на латышском языке. Потребность в издании латышской газеты ощущается особенно сильно в настоящий момент—пробуждения народного самосознания. Газета предназначается для католической части населения Литвы, не имевшей до настоящего времени ни одного периодического органа. Газета будет издаваться под редакцией Франца Кемниша.

— Литературно-музыкальный вечер в пользу семейств рабочих, пострадавших от забастовок, состоится сегодня 2 ноября в зале Тенишевского училища (Моховая, 35). Программа вечера обещает быть интересной и оригинальной. Билеты можно получать в кассе училища. Начало в 8 час. вечера.

— В воскресенье, 30-го октября, на заводе Речкина происходил рабочий митинг. Собрались рабочие Московского района—приблизительно до $3^1/_2$ — 4 тысяч человек.

Порядок дня был принят следующий:

I) Отчет делегата о заседании Совета Раб. Депут. 29-го октября.

II) Предполагаемый погром „черной сотни".

III) Введение 8-часового рабочего дня революционным путем.

IV) Об Учредительном Собрании.

Приняты резолюции:

1) „Мы, собравшиеся рабочие Московского района, с негодованием клеймим политику русского правительства, организующего „черные сотни", натравливающего одну национальность на другую с целью затормозить наше революционное движение и вырвать у нас те плоды, которых мы добились столь трудной борьбой. Мы решаем активно, с оружием в руках, выступить против этого детища русского самодержавия".

2) „Мы, собравшиеся рабочие Московского района, сознавая всю важность и необходимость немедленного введения 8-часового рабочего дня и зная, что ни одно улучшение положения рабочего класса не доставалось нам даром, но только ценою тяжелой и упорной борьбы; что в этой борьбе рабочий класс может рассчитывать только на свои собственные силы, решаем немедленно ввести 8-часовой рабочий день захватным путем".

Митинг продолжался от $10^1/_2$ до 2-х часов.

Агитатор „группы" Р.С.-Д.Р.П.

Открытое письмо к товарищам.

Товарищи! Прошу вас уделить хотя минутку времени для прочтения этой записки:

Товарищи!

Вы все меня обвиняете в получении мною расчета, за что я и желаю у вас у всех просить товарищеского извинения. Да! Я виноват, за что и согласен нести должное наказание. Во мне говорит не чувство собственного удовлетворения, не страх за будущий день, не боязнь за свою шкуру, нет и нет, но во мне говорит чувство собственного сознания в моей виновности.

Повторяю: да, виновен. Судите меня. Но прежде, чем судить, прошу вас обратить внимание на те причины, которые побудили меня сделать такой необдуманный шаг.

В понедельник, когда все шли в завод, разве думал кто-нибудь, что всех вернут обратно? Нет, также не думал и я. Когда мы пошли обратно, у меня в голове, как гвоздь, сидела одна мысль, зачем нас вернули, почему мы стали не нужны. И вот с такими мыслями я дошел до места, где мы все разошлись, и из разговора, который там был, понял, что никому не надо брать расчета.

Прихожу домой, что делать, не знаю: денег осталось несколько коп., сел писать в провинцию письмо, чтобы мне оттуда выслали денег. Ожидаю вечера в надежде, что вечером узнаю от товарищей, как действовать дальше. К сожалению, как ни старался, не узнал ничего.

На другой день слышу, что некоторые берут расчет; меня взяло сомнение, как так: не брать никому и вдруг—берут. Я не знал, что предпринять. Я бы остался верен принципам, если бы не стесненное положение в деньгах; в силу необходимости не брать расчета, и я бы обошелся без него (не думайте, что этим я с себя стараюсь снять клеймо позора), только с усилиями.

Не зная что делать—пошел к заводу, в надежде там узнать: брать расчет или нет.

Ко мне некто подошел из товарищей и сказал: „В городе решили так, чтобы никто не брал расчета"; сказал это и отошел, а я же подумал только: „и все", и остался стоять, ничего не понимая; знал только то, что одни берут, а другие нет. Упоминаю, если бы не такая нужда в деньгах, т. е. если бы я не хотел есть, то я бы не взял расчета. И вот я взял расчет. Да! Теперь судите меня! Но знайте, что я всегда солидарен со своими товарищами. Ваши убеждения — мои убеждения, ваши взгляды — мои взгляды. Да, я хорошо сознаю, что я сделал гадко, подло, против всех товарищей. Вот это сознание и убивает меня.

Товарищи! Лучше выбросьте меня из своей среды, как ненужный элемент, чем иметь недоверие и отворачиваться. Совесть моя всегда была чиста — до этого гадкого поступка; всем я смело смотрел в глаза, теперь этого я сделать не могу. Да, товарищи, если это в вашей силе, то я прошу, извините меня, чтобы я мог загладить свой поступок, с грязной же совестью я не могу явиться туда, где проповедуется новая жизнь всему народу.

Товарищ *Егор Юзов.*

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— На сходке учеников академии художеств, состоявшейся 31-го октября в частном помещении, была вынесена следующая резолюция:

„Собравшись 31-го октября 1905 года, сходка учеников высшего художественного училища, выражая свое негодование по поводу насильственного закрытия академии и игнорирования высшей администрацией постановления совета профессоров, настаивает на немедленном открытии В.Х.У., опираясь на постановление сходки 19-го сентября с. г.

„Далее сходка находит необходимым сделать запрос в совет профессоров: что предпринял и что намерен предпринять совет для открытия В. Х. У. и для удаления войск из академии художеств, а также для ограждения интересов учащихся.

„Сходка верит, что совет не останется пассивным зрителем совершенного над ним и нами насилия и, отбросив пережитки

старого режима, предпримет решительные меры в борьбе с административным произволом.

„Считаясь отныне только с выборным советом профессоров и игнорируя всякую назначенную свыше администрацию, сходка передает совету ключи от здания академии“.

Сходка уполномочила бюро сходок в качестве делегатов для передачи совету вышеприведенной резолюции и ключей от здания академии. Затем была вынесена еще резолюция следующего содержания:

„Мы, учащиеся в академии художеств, присоединяемся к заявлению Союза союзов в требовании полной амнистии лицам, пострадавшим за политические и религиозные убеждения, и в протесте против произвола над польской народностью“.

— Помещение курсов Лесгафта попрежнему охраняется нарядом полиции во главе с околоточным.

— В консерватории попрежнему выставлено об‘явление: „Впредь до особого распоряжения консерватория закрыта“.

— На естественно-научных высших женских курсах нормальные занятия возобновились с 31 октября.

— Сходка студентов-медиков. 1 ноября в помещении Пироговского музея состоялось продолжение сходки студентов выпускного курса военно-медицинской академии. После продолжительных прений собрание пришло, наконец, к заключению, что государственные экзамены возможно держать только при условии открытия академии; на этом основании собрание постановило ходатайствовать перед конференцией военно-медицинской академии о скорейшем открытии ее. С этой целью старосте выпускного курса поручено было войти в конференцию для об‘явления резолюции, выработанной собранием по этому вопросу, и, получив ответ от конференции, созвать сходку для обсуждения дальнейшего образа действий.

— Протест студентов-медиков. Студенты выпускного курса военно-медицинской академии на сходке 1-го ноября вынесли следующий протест против виновников последних кровавых дней в Кронштадте и самого факта предстоящей кровавой бани:

„Мы, студенты выпускного курса военно-медицинской академии, собравшись на сходку 1-го ноября и обсудив происшедшие в Кронштадте события, установили, что истинным виновником их является самодержавный строй, отходящий ныне в область преданий, а в частности взяточничество и казнокрадство администрации кронштадтского порта.

„Во имя гуманности и во имя науки мы решили энергично протестовать против новой гекатомбы, которую готовит правительство в виде массового расстреливания матросов.

„Мы обращаемся в частности ко всем представителям медицинской науки употребить всевозможные способы для предотвращения предстоящих убийств“.

— 31 октября состоялась общая сходка слушательниц Рождественских (лекарских помощниц) курсов. Решено возобновить научные занятия при условии открытия помещения для митингов. 1 ноября заседал совет профессоров совместно с курсовыми старостами. Результаты совещания еще пока неизвестны.

Из партийной жизни.

От учредительного собрания об‘единенных пропагандистской и агитаторской коллегий Невского района.

Изменение внешних условий нашего партийного существования обусловило неизбежность реорганизации как всей партии, так и отдельных отраслей партийной деятельности. Исходя из этого положения, учредительное собрание об‘единенных пропагандистской и агитаторской коллегий Невского района, обсудив вопрос о возможных новых, широких и открытых, сравнительно с существующими, формах своей деятельности, признало необходимым:

во-первых, не порывая окончательно с кружковою формою пропаганды, перенести центр тяжести пропагандистской деятельности из кружков в аудитории, в которых перед рабочею массою в лекционной форме излагалось бы как теоретическое обоснование программы и тактики, так и историческое, через ознакомление рабочих с историей западно-европейского и российского пролетарского движения;

во-вторых, упразднить кружковую форму агитации, фактически уже вытесненную формою агитации митинговою;

и, в-третьих, для организационного закрепления новых форм деятельности учредить следующие три районные коллегии: во-1-х, коллегию митинговых ораторов, во-2-х, коллегию лекторов и, в-3-х, коллегию кружковых пропагандистов.

Профессиональные союзы.

I. ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

От Союза союзов.

По поводу кронштадтских событий.

Согласно газетным известиям, сегодня совершается военно-полевой суд над кронштадтскими матросами и солдатами. Сотни людей обвиняются в восстании, и суд угрожает им смертной казнью.

Следствие по столь многосложному делу закончено в какие-нибудь 3 дня.

Самый суд будет располагать сутками-двумя для решения вопроса о стольких жизнях.

Наконец, в силу недавних постановлений, гражданская защита совершенно устранена от возможности выступить в ограждение интересов обвиняемых солдат и матросов.

В отношении матросов, составляющих большинство обвиняемых, это будет первый случай суда при подобных условиях.

В виду этого мы заявляем:

Во-первых, что обвинение этих людей в указанном порядке идет в разрез с общественным мнением страны, давно и категорически высказавшимся против смертной казни и военно-полевых судов в мирное время.

Во-вторых, что вся обстановка суда совершенно исключает правомерное и беспристрастное отношение к подсудимым.

Мы видим в участниках кронштадтского бунта прежде всего людей, восставших против невыносимого гнета наших военных уставов и обычаев — во имя своего человеческого достоинства и самых элементарных человеческих потребностей.

Это достоинство ежечасно оскорблялось, эти потребности совершенно игнорировались, как признано, между прочим, и официальными сообщениями от 31 сего октября (в отношении военно-сухопутных частей).

Восстание в Кронштадте не имело характера насильничества против частных лиц. Если и были отдельные случаи грабежа и насилия, то, как показывает масса свидетелей, они производились, за редкими исключениями, не матросами.

В виду выше сказанного, мы считаем, что движение кронштадтских матросов и солдат есть лишь одно из проявлений всенародного освободительного движения против царящего до сего времени гнета отжившего режима, и в жестоких репрессиях против обвиняемых мы увидели лишь новое доказательство тому, что обещание ликвидировать самодержавно-полицейский режим на деле совершенно не выполняется.

II. РАБОЧИХ.

30 октября в помещении Технического общества (Соляной Городок) состоялось общее собрание союза рабочих печатного дела.

В порядке дня обсуждались вопросы, связанные с ликвидацией всеобщей политической забастовки:

1. О распространении постановления Совета Депутатов по вопросу о свободе печати на журналы, брошюры, книги и вообще все издания.

2. Об установлении 8-часового рабочего дня в типо-литографском производстве.

3. Об уволенных товарищах и безработных.

4. О выборе делегатов на всероссийский с'езд профессиональных рабочих организаций.

Собрание изменило намеченный порядок дня и приступило к выбору кандидатов в делегаты на с'езд. Пока производилась подача избирательных листков и их подсчет, один из товарищей, участвовавший в московской конференции по организации с'езда, сообщил о программе с'езда и его составе. Важнейшими вопросами, намеченными в программе московского с'езда, были следующие:

1) Отношение профессиональных организаций к переживаемому моменту;

2) Отношение профессиональных организаций к политическим партиям;

3) Желательный тип профессиональных организаций;

4) Рабочее законодательство в связи с финансовой и экономической политикой;

5) Отношение профессиональных организаций к народному представительству и др.

Участниками с'езда могут быть: делегаты профессиональных союзов от 1 до 4 человек из расчета один представитель на тысячу членов; специально выбранные от отдельных фабрик и заводов, еще не примкнувших к союзам; представители от рабочих потребительных обществ и других чисто рабочих взаимно-сберегательных организаций; представители социал-демократической партии, Бунда и социалисты-революционеры. Не могут участвовать в с'езде представители „Зубатовских организаций".

По словам участника конференции, деятельное участие в подготовительной работе с'езда принимают социал-демократы.

Закрытой баллотировкой в делегаты на с'езде были избраны: Хрусталев и Дементьев.

Первая половина заседания была посвящена по преимуществу общим вопросам и взаимоотношению между профессиональным движением и политическим. Сущность большинства речей была резюмирована одним из многих социал-демократов словами:

— Об'единяйтесь в профессиональные союзы для экономической борьбы, но не забывайте ни на один миг, что профессиональные союзы не могут быт вашими политическими руководителями. Экономическая борьба не приведет к победе. Сказавши: да здравствует всеобщая политическая забастовка, вы, тем самым, показали свою политическую зрелость и вы обязаны теперь организоваться политически под знаменем социал-демократии.

Другой оратор социал-демократ указал, что один только класс — пролетариат является врагом всякого насилия и борется за царство будущего — социализм. Товарищ Дементьев выяснил связь между экономической и политической борьбой.

По поводу программы московского с'езда собрание поручило бюро представить в ближайшее время ряд докладов, чтобы высказаться по затронутым вопросам.

При обсуждении вопроса о свободе печати от имени союза издателей—в союз входят пока 30 издательств, в том числе 2 социал-демократических—представители издателей сообщили, что они постановили не считаться с цензурой, постановили бойкотировать те типографии, которые откажутся печатать без цензуры издания и приступили к сбору денег в стачечный фонд для борьбы за свободу печати.

Представитель издателей окончил свою речь словами: „Только вы, товарищи-рабочие, сможете вынести свободу печати на своих плечах, и мы обращаемся к вам".

Собранию была одним из товарищей предложена следующая резолюция: „Общее собрание союза рабочих печатного дела, основываясь на резолюции Совета Рабочих Депутатов о введении самими рабочими свободы печати, постановляет: все книжные и журнальные издания выходят без цензуры, игнорируя главное управление по делам печати, и без представления выпускаемых книг, брошюр и журналов в цензурные комитеты. Ко всем издателям и владельцам типографий, которые не подчинятся настоящему постановлению, применяется самый активный бойкот, а товарищи рабочие прекращают в таких типографиях работу. Приведение в исполнение настоящего постановления поручается бюро союза по сношении с союзами журналистов, издателей и владельцев типографий, высказавшихся за печатание без цензуры.

О дне введения настоящего постановления будет опубликовано в газетах и будут разосланы особые извещения.

Союз совместно с Советом Рабочих Депутатов примет все меры к оказанию материальной помощи тем товарищам, которые в борьбе за свободу печати прекратят работу".

Резолюция принята всеми (более 3000 человек) против одного.

I-ое собрание союза рабочих портных, портних и скорняков,

состоявшееся 30 сентября 1905 года.

Порядок дня, предложенный бюро:

1) Вступительная речь. 2) Доклад бюро. 3) Чтение устава. 4) Запись в члены союза.

Хозяевам было предложено покинуть собрание, так как это касается только рабочих, и им на нем не место. Предложение встречено аплодисментами.

Председатель об'ясняет цель собрания. Рабочие собрались, чтобы обсудить вопрос об улучшении своего положения. Для этого им необходимо сорганизоваться.

Один из чл. бюро. Приветствую товарищей с этим днем, в который возникает этот союз. Теперь труднее будет хозяевам эксплоатировать рабочих. — Оратор обрисовывает тяжелое положение рабочих; рабочие должны сами заботиться о себе, заботиться, чтобы им лучше жилось. Оратор обращает внимание собрания также на бедственное положение учеников, которых хозяева не обучают, а держат, как прислугу, так что из них выходят недоучки. Рабочие создают армию для борьбы с эксплоататорами-хозяевами, и для этой армии нужны люди.

Оратор № 1 говорит о нормировке заработной платы; по его мнению, это первая цель союза. Он говорит о необходимости уничтожить мелкие мастерские, так как их хозяева страшно угнетают рабочих и сбивают цену.

Оратор № 2 (вступительная речь). Рабочие-портные собрались сюда, чтобы об'единиться по примеру всех остальных рабочих.

Общество делится на различные классы, эти классы делятся в свою очередь на более мелкие группы. Но эти интересы отдельных групп не должны разбивать общество на мелкие части. Против рабочих стоят не мелкие группы, а весь класс капиталистов-эксплоататоров. Для борьбы с капиталом рабочие организуются двояко: политически — в политическую партию, так как в этом отношении интересы их всех совпадают. Для борьбы за эти требования рабочим необходимо об'единиться в одну партию, и такой партией является Р. С.-Д. Р. П.

Но рабочие должны организоваться и экономически — в профессиональные союзы.

Оратор № 12 указывает, что самодержавие падает, и что теперь идет война в самом сердце России между правительством и народом. Рабочие добились уже низвержения самодержавия, но добились этого только дружным натиском организованных сил. У фабричных рабочих эта организованность, сплоченность особенно заметна, между тем как у ремесленников не заметно такой солидарности. Что же дадут ремесленники фабричным рабочим за то, что те добились свободы для России?

Оратор призывает ремесленников к организации и приглашает их принять участие в политической жизни, права на что добился им фабричный пролетариат. Тогда ремесленники должны итти рука об руку с фабричными рабочими, так как и у тех и у других положение одинаково: они должны пойти вместе под красное знамя Р. С.-Д. Р. П.

Оратор № 13. Правительство уже отказалось от своих прежних принципов, оно гнется, как железный прут, и идет на уступки. Но оно знает, что рабочий класс хочет своим революционным натиском уничтожить всю гниль старого общественного строя, оно выдвигает против рабочих черную сотню. Предстоит решительный бой.

Рабочие не должны его страшиться, а должны с оружием в руках итти против современного общественного строя.

Оратор № 14 хотел поставить экономические вопросы, но находит, что на этом собрании их решить нельзя, поэтому он просит назначить другое собрание для этих вопросов.

Председатель говорит о деятельности бюро.

Когда еще трудно было собираться, собралось человек 70 и выбрало бюро для выработки устава. Но при первом же собрании бюро явилась полиция и арестовала часть бюро, что вызвало некоторый перерыв в работе.

Адрес бюро: 1 Рождественская ул., 12, кв. 40. По будням от 8 — 10 час. веч. По воскр. и праздн. от 3 — 8 час. дня.

Оратор № 16. Правительство все время братается с тем, кого оно считает способным подавить революцию. Оно призывало сначала корпус жандармов, теперь черную сотню. Но ни то ни другое не могут победить пролетариат. Наступает решительный бой. — Оратор предлагает вооружиться и восстать против врага народа.

Председатель указывает, что портные уже приняли участие в политической забастовке и имеют депутатов в Рабочем Совете. Конечно, портные не могут так действовать, как фабричные рабочие, потому что они еще плохо организованы, но они сделали все, что могли.

В 10 час. собрание было закрыто.

Из жизни рабочих.

Путиловский завод.

Как путиловские рабочие на опыте познали „блага дарованной свободы".

С утра 18 октября среди путиловцев началось брожение. Не то праздничное, не то торжествующее настроение господствовало. На дворе завода видны были группы рабочих, то останавливающиеся около мастерских, то приближающиеся к часовенке. В самой большой группе над головами собравшихся развевалось красное знамя с надписью серебряными буквами: „Да здравствует революция", и слышно было пение марсельезы. Одни собирались отслужить благодарственный молебен по случаю манифеста, другие панихиду по павшим в борьбе за свободу товарищам. Никто и ничто спокойствию, целости и безопасности завода не угрожал, и тревожных признаков не было. В группах руководителей не было; начала действий тоже; рабочие то сходились, то расходились, на лицах многих видно было лишь одно любопытство. Слышны были слова: „Мы хотим попробовать, что это за свобода".

Группа с красным знаменем подошла к железо-прокатной мастерской с целью выяснить значение демонстрации. Но рабочие ж.-д. маст. встретили их враждебно, думая, что механические цехи желают устроить забастовку. Произошло столкновение, кончившееся „снятием" железо-прокатной. В схватке демонстрантов, пришедших не вооруженными, было несколько человек избито ломами, отчего некоторые позже умерли. Рабочие—металлургические, вращая ломами над головой с вызывающим видом, знаками звали к себе демонстрантов. Демонстранты отправили депутата для переговоров по просьбе мартеновцев. Но те, окружив депутата, начали жестоко избивать его. В эту минуту на дворе появились казаки и приготовились к стрельбе по демонстрантам, но были остановлены директором, не желавшим избиения на территории завода (но, повидимому, как доказали дальнейшие события, он ничего не имел против бойни за воротами). Среди демонстрантов оратор-рабочий сказал товарищам: „Товарищи, не трогайте мартеновцев: они несознательные и не знают, что творят, нам нужно не нападать на них, а раз'яснить, внести к ним свет и правду, наш девиз— „пролетарии всех стран, соединяйтесь", не будем же отталкивать от себя несознательных". После этих слов и еще нескольких речей рабочие начали расходиться, и группа из 250 — 300 ч. с красным знаменем пошла к выходу, намереваясь разойтись по домам.

В это время обер-сыщик завода и глава полиции, смотритель Чачи, послал за солдатами, стоявшими около главной конторы, и те под предводительством 2-х офицеров почти бегом пошли в обход конторы к выходным калиткам и выстроились вдоль пути рабочих в 2 ряда.

За солдатами явились казаки. Рабочие, предчувствуя ужасное, смущенно остановились, не решаясь выходить за ворота. Казаки схватили винтовки и собирались, пользуясь остановкой, начать стрельбу через головы солдат без команды, но были остановлены городовым, открывшим для них предупредительно ворота на улицу. В это время солдаты вытеснили ошеломленную толпу на улицу, и началась дикая расправа: стрельба, удары прикладами, разбивавшие черепа, штыковая работа. Все калитки за вытолкнутыми были немедленно заперты, чтобы не дать несчастным жертвам спастись в заводе, а немногие, прорвавшиеся обратно, попали под удары городовых. Очевидец говорит, что происходило нечто прямо невероятное, но строго организованное г. Чачи, Казимиром, Герасимовыми и К°. На глазах очевидцев, солдат догнал идущего по другой стороне рабочего и ткнул его сзади, в поясницу, штыком. Несчастный упал, с нечеловеческим стоном поднялся, закрывая рану рукой, побежал, перегибаясь неестественно назад. „Доблестный же воин", хладнокровно вытирая левым рукавом шинели кровь на штыке и торжествуя „победу", вернулся в ряды. Солдаты вошли во двор завода раньше казаков, продолжавших бойню, выстроились, и офицер, махая шашкой, торжествующе воскликнул: „Я научу эту сволочь собираться".

Вернувшиеся казаки спешились и показывая окровавленные приклады с прилипшими к ним волосами жертв, хвастались своими „геройскими подвигами".

Мертвые тайком зарыты полицией, раненые спрятаны. — На Шипке все спокойно!

В воскресенье, 31-го октября, на Путиловском заводе состоялся многочисленный общий митинг, на котором обсуждался вопрос о немедленном введении восьмичасового рабочего дня. Большинство ораторов высказалось за проведение в жизнь восьмичасового рабочего дня путем фактического применения его, т. е. „отработав 8 часов, уходи домой". На митинге был поднят злободневный вопрос об увольнении 800 рабочих директором Путиловских заводов г. Белоножкиным за известный их поступок над мастерами корабельной и лесообделочной мастерских г.г. Обухова и Минькевича. В понедельник, 1-го ноября, администрацией завода об'явлен расчет этим рабочим. Рабочие очень волнуются этим событием, а уволенные страдают от невозможности приискать себе работу, так как на других заводах их не принимают. В виду этих соображений, решено на митинге потребовать немедленно принять всех рабочих обратно, в противном случае будет об'явлена забастовка.

— 31-го октября депутация от 250 петербургских кондукторов представила начальнику Николаевской железной дороги обширную петицию, в которой они, между прочим, пред'являют следующие требования:

1) Установление рабочего дня в 8 час., при чем учет времени должен вестись по сумме часов за несколько суток.

2) Непрерывная работа не должна продолжаться более 12 часов, работа свыше этого времени должна считаться сверхурочной и оплачиваться согласно особого на то положения.

3) Инвалидность и увечье обеспечиваются за счет дороги.

4) Выдача ежегодных наград штатным и нештатным служащим должна быть обратно пропорциональна получаемому жалованью.

5) Контроль жандармской службы должен быть упразднен.

6) Служащие не могут быть уволены без уважительной причины и без согласия товарищей.

7) Кондуктора должны разделяться только на главных кондукторов и кондукторов. Различие между товарными и пассажирскими кондукторами должно быть уничтожено.

8) Прием кондукторов должен производиться обществом кондукторов.

9) Наряд на поезда должен производиться выборными от общества кондукторов нарядчиками.

10) Оклад жалованья устанавливается в следующем размере: для главных кондукторов—100 р., кондукторов—60 руб.

11) Поверстные и суточные должны быть уничтожены.

— Вслед за демонстрацией рабочих Франко-Русского завода 28 октября администрация командировала в район Коломенского участка отряд казаков, которые и по настоящее время находятся при полицейском участке.

Казенные пороховые заводы.

Управление заводами находится в руках чиновников военного министерства. Те средства, которыми „попечительное" начальство пытается привязать рабочих к заводам, представляют глубокий интерес, но особенно интересно одно средство—это награждение рабочих „за усердие" медалями. Деморализующее значение этой награды—ясно, но администрация завода сумела не только невинность рабочих соблюсти, но и капитал приобрести.

Для того, чтобы получить первую медаль, т. е. малую „серебряную", от рабочих требуется выполнение двух условий:

1) усердие в работе и раболепное повиновение;

2) уплата из заработка 7 р. 50 коп., максимальная же стоимость медали—75 к.

Для получения большой золотой медали требуется:

1) более или менее продолжительный срок службы и более или менее интенсивное проявление рабских инстинктов, при чем продолжительность срока службы находится в зависимости от степени интенсивности в проявлении рабских инстинктов;

2) уплата из заработка 96 рублей, тогда как максимальная стоимость медали колеблется от 45—48 рублей.

В последние годы, когда рабочие не хотели платить за медали из заработка, количество выданных медалей, благодаря этому, уменьшалось, администрация с особенной силой вознаграждала рабочих медалями „за усердие", но деньги все-таки вычитала из особых фондов рабочих. Конечно, подобная „политика" теперь совершенно ясна для рабочих и никого из них не способна ввести в заблуждение.

Бельгийское общество.

Постановление Совета Рабочих Депутатов от 29 октября о введении революционным путем восьмичасового рабочего дня рабочими бельгийского общества „Электрическое освещение гор. С.-Петербурга" (Фонтанка, 104) осуществлено 31 октября.

Завод Лесснера.

31 октября на заводе Лесснера рабочие, окончивши в 4½ ч. свою работу и установивши, таким образом, 8-часовой рабочий день, устроили митинг. Открылся он сообщениями двух местных делегатов Рабочего Совета о тех решениях, которые Совет принял на последнем своем собрании 29 октября. Затем оратор социал-демократ в своей речи, посвященной восьмичасовому рабочему дню, яркими штрихами обрисовав всю ценность и значение этого института для дальнейшей борьбы за демократические пролетарские требования и социализм, призывал рабочих энергично отстаивать это свое завоевание, не вступая в переговоры и не обращаясь с просьбами и даже требованиями к современному полицейскому правительству. Будущие народные представители свободной России могут дать и дадут этому революционному захвату свою законодательную санкцию. Затем два следующих оратора—оба социал-демократы—указывали на то, что самым беспощадным и последовательным врагом царизма является социал-демократическая рабочая партия, что все классы, борьбой которых исчерпывается содержание происходящих вокруг нас явлений общественной и политической жизни, в самом процессе этой борьбы группируются в политические партии; говорили далее о том, что пролетариат тоже должен сплотиться в единую партию, что отсутствие определенной классовой партии и программы и идейная диктатура буржуазии порождали и могут породить те неприятные и печальные явления, которыми полна история пролетариата, особенно в революционные годы; что единственной партией и программой, отвечающей интересам рабочего класса, является социал-демократическая партия и программа, и что вследствие этого необходимо для всякой организации, желающей руководить политической борьбой пролетариата, принять социал-демократическую программу и тактику. Предложенная по окончании этих речей известная резолюция Федеративного Комитета была единогласно принята.

После принятия резолюции был поднят вопрос о кронштадтских событиях и после речи оратора социал-демократа, изложившего фактическую сторону дела и об'яснившего глубокий смысл этого подавленного, небывалого еще в России восстания, всеми присутствующими единогласно и всесторонне была принята следующая резолюция:

„Ознакомившись с геройским восстанием кронштадтских войск армии и флота, мы, рабочие завода Лесснера, энергично протестуем против комедии скорого военного суда над ними и грозящей им смертной казни и заявляем, что готовы, по первому же призыву наших социал-демократических комитетов, активно поддержать свой протест."

— К истории на заводе Сан-Галли. Подробности столкновения рабочих на заводе Сан-Галли дают весьма характерную картину царящих там нравов.

По сообщению рабочих, оказывается, что владелец завода сорганизовал там черную сотню, в которой состоят: механик—Габюн, управ.—Тальвич, модельный мастер—Мейер, котельный мастер—Ник. Дружинин, обручный мастер—Ситников, писарь—Гаевский, слесарь—Воронцов, котельный мастер—Еремеев, рабочие: Вас. Ананьев, токарь—Палиневский, ток.—Карлсон и мальчик—Мишка. Самое столкновение, по рассказам очевидцев, оказывается таковым: после 1½ мес. забастовки на заводе была принята только часть рабочих, при чем приняты они без всяких предварительных об'яснений. Ежедневно на заводе происходила выкличка рабочих, „одобренных к принятию". В день столкновения у завода собралось до 400 не принятых, с целью узнать—кто из них одобрен. В это время кто-то стал упрекать Ананьева в предательстве. Ананьев сначала оправдывался, а затем бросился во внутрь здания и вскоре выскочил оттуда с ватагой рабочих, вооруженных кто чем попало: „Забастовщики" побежали, при чем часть их бросилась в колонию Сан-Галли, а часть в Предтеченскую ул. Не успевшие убежать подверглись избиению: 9 человек получили серьезные поранения и отправлены в Обуховскую больницу. После этого полиция в сопровождении рабочих, вооруженных ломами и др. оружием, разыскивала в колонии Сан-Галли „крамольных рабочих", при чем называли фамилии искомых лиц.

Завод т-ва „Свет".

Согласно постановлению Совета Рабочих Депутатов, рабочие завода „Свет" (производство керосино-калильных фонарей) с 31 октября ввели у себя 8-часовой рабочий день. На состоявшемся накануне собрании рабочие, в количестве 90 человек, решили начинать работы не с 7 утра, как обыкновенно, а с 8, что и было в точности исполнено. До сих пор „Свет" работал 9 часов в сутки.

Завод Штиглица.

31 октября состоялся небольшой митинг, человек в 150, значительную часть которых составляли женщины. На митинге выступали ораторы социал-демократы, выяснявшие задачи социал-демократической партии и призывавшие рабочих сплотиться под ее знаменем. Говорилось также о необходимости введения 8-часового рабочего дня. Выслушав с большим вниманием и сочувствием речи, собрание в заключение единогласно приняло резолюцию приблизительно следующего характера. „Признавая, что социал-демократическая партия—единственная представительница интересов пролетариата, приглашаем примкнуть к ней Совет Рабочих Депутатов".

Песковский район.

31 октября состоялся митинг рабочих Песковского района. Были рабочие от Штиглица, Бехли, „Свет" и др.—в общем человек 200. Организаторы митинга предполагали устроить выборы депутатов в Рабочий Совет, но, в виду того, что было представлено несколько предприятий, и в то же время ни одно из них не было представлено в достаточном количестве, решено было ограничиться политическим митингом.

Первый оратор охарактеризовал современное рабочее движение как социал-демократическое, об'яснил, на чем зиждется капиталистический строй, развернул перед слушателями картину всего того зла и тех бедствий, который несет капитализм с его неизменными спутниками—милитаризмом и клерикализмом, перешел далее к изображению будущего социалистического строя и, выяснив необходимые предпосылки успешной борьбы за достижение его, призывал рабочих к дальнейшей борьбе.

Второй оратор выяснял зависимость борьбы экономической и политической и показывал необходимость для рабочих организоваться в самостоятельную политическую партию, какой является Р.С.-Д.Р.П. Коснувшись далее роли Совета Раб. Деп., как руководителя стачки в острый момент и как возможного политического руководителя в будущем, оратор выяснил необходимость для Совета иметь определенную политическую физиономию. После этого обсуждался вопрос о немедленном введении революционным путем 8-часового рабочего дня на фабриках Штиглица и Бехли. Выяснилось, что данные для осуществления этого вполне имеются; решено устроить в ближайшие дни митинги на самих фабриках, — чтобы вся масса рабочих принимала в них участие, — и на этих митингах окончательно решить вопрос.

В перерыве и в конце собрания пели „Марсельезу", „Варшавянку" и пр.

Восьмичасовой рабочий день в мастерских Варшавской железной дороги.

Под влиянием постановления Совета Рабочих Депутатов о введении 8-часового рабочего дня во всех промышленных предприятиях города Петербурга, рабочие мастерских Варшавской железной дороги в воскресенье, 31 октября, фактически ввели у себя 8-часовой рабочий день. Они явились на работу в 7 с половиной часов утра, а в 4 пополудни, прекратив работу, все разошлись по домам.

Начальник тяги, инженер Рухлов, узнав о таком постановлении рабочих, отправился к начальнику дороги, инж. Турцевичу, с предложением рассчитать всех его товарищей (инж. Рухлов на общем собрании называл рабочих товарищами), но встретил со стороны последнего отказ. Рабочие прошлись с флагом с надписью: „8-час. рабочий день", пропели революционные песни и этим ознаменовали свою солидарность с Советом Рабочих Депутатов.

Семянниковский завод.

Вопрос о восьмичасовом рабочем дне на заводе считается решенным. Рабочие, игнорируя заводские свистки, не ходят на обед вовсе, а в 3½ ч. аккуратно бросают работу до следующего дня... Свободные часы, которые, таким образом, выигрываются, решено употребить на митинги, совместное чтение газет и разработку вопросов экономической и политической жизни.

Завод Семянникова — передовой застрельщик Невского района. Рабочие других промышленных заведений чутко прислушиваются к тому, что скажут на Семянниковском заводе, как там решится тот или другой вопрос...

Митинги рабочие считают своим достоянием, добытым кровью, недоеданием и рядом отчаянных схваток... За митинги держатся крепко, дружно защищают их и надеются, что без борьбы, упорной борьбы не уступят этого плода победы.

Черносотенных элементов очень мало. Они гнездятся по заводским углам, посылая в бессильной злобе проклятия собраниям жаждущих свободы людей...

На предыдущем митинге было постановлено упорядочить устройство собраний, придерживаться выработанного порядка дня, не мешать обсуждению вопросов посторонними спорами и всецело подчиняться председателю. Митинг 28-го октября прошел при строгом соблюдении этих правил.

Были предложены на обсуждение вопросы: 1) современное положение и социал-демократия; 2) стачечная борьба и с.-д.; 3) классы; 4) меры борьбы и партии.

Первый оратор указал довольно подробно на классовую группировку, борьбу социал-демократии и роль Учредительного Собрания.

Второй говорил о современном моменте, что явилось в результате последней схватки пролетариата с абсолютизмом, какую роль сыграла здесь с.-д. и о дальнейших шагах этой партии.

„С древних времен и до наших дней класс эксплоататоров сидит на шее трудящегося люда и, тратя на роскошь потные рубли, добытые мозолистыми руками, доводит до степени рабства людей, подсадивших их на высшую ступень... Но так же стары и возмущения эксплоатируемых, которые понимают, наконец, в чем корень зла и восстают — сильные и озлобленные... Первое условие победы — сознательная сплоченность.

„В единении сила!» Пять пальцев, соединившись вместе, образуют крепкий кулак, способный дать сильный отпор. Тысячи капель, соединившись, образуют бурный ручей, преодолевающий всякие преграды... Предыдущие протесты были подавляемы потому, что у нас не было этой об'единенности... Теперь другая картина: тысячи сознательных пролетариев об'единяются, образуя революционный водопад, и нет сил, которые могли бы стать на пути этой могуче-исполинской силы"... (Верно! Браво! Верно!)... Дальше оратор коротко указывает на роль пролетариата, крестьянства и интеллигенции в современной освободительной борьбе. Раз'ясняет классовые интересы пролетариата, верно выражаемые только социал-демократией, и переходит к настоящему моменту.

„Прижатое в угол самодержавие, как волк в басне Крылова, пустилось в переговоры и бросило протестующим массам конституцию... Либералы удовольствовались этим свитым из гнилой конопли намордником, но пролетариат знает цену всем этим «дарованиям».

„Только то ценно, что добыто путем борьбы! — Только это не может быть отнято... «Или ты или я», говорит уверенный в победе пролетариат и гордо отклоняет просьбы о перемирии. «Волчью вашу я давно натуру знаю! А потому обычай мой — с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой!»"... (Верно! Браво!). Коснувшись критически конституции и указав на очевидные противоречия слова и дела, заклеймив позором организаторов черных банд и громил, оратор говорит: „Теперь нет больше общественных групп, на которые могло бы опереться изжившее правительство. Своими лживыми обещаниями оно везде посеяло недоверие, и вот организовались банды из безмундирных общественных подонков, в которых ищет себе спасения...

„Это — последняя ставка!.. Как утопающий хватается за соломинку, так, облитый кровью, задыхающийся старый режим — схватился за черные банды..."

Затем оратор коснулся необходимости готовиться к окончательной борьбе, к штурму первой крепости на пути борьбы пролетариата, необходимости организоваться в ряды социал-демократии и закончил свою речь так: „Но ведь известно вам, товарищи, что, раздавив первого врага, мы только расчистим путь для дальнейшей борьбы... После первой победы мы не свернем своего знамени, а будем бороться за социализм, за светлое царство будущего...". Митинг происходил на дворе. Участвовали почти все рабочие завода. Величественную картину представляло из себя море голов, жадно слушающих слова ораторов. На грудах железа, на согнутых медных листах, на вагончиках — везде были люди, и поразительная тишина прерывалась лишь громом рукоплесканий, которым приветствовались слова ораторов. Говорили только социал-демократы. Третий и четвертый ораторы указали на остроту момента, на значение лозунга „пролетарии всех стран, соединяйтесь!". В конце блестящую речь сказал товарищ Абрам. Он говорил о том, что долго социал-демократия задыхалась в подполье, долго рабочие видели в ней какую-то интеллигентскую партию, и теперь только настал момент, когда несколько изменились обстоятельства. „Прочь подполье! — говорим мы. Рабочая партия должна быть именно рабочей. Русский пролетариат будет организовываться так же открыто, как пролетариат Германии... Уже теперь к нам присматриваются страны Западной Европы. В Австрии говорят: «будем, как русские!..» Теперь свое неудовольствие русский пролетариат будет выражать таким же грозным «пфуй», как это выражает пролетариат Германии... Мы начинаем открытую борьбу: наша газета продается открыто; мы собираемся явно, а не при закрытых окнах".

Далее оратор указал на формы организации и дал ряд практических советов.

В заключение большинством всех против троих была вынесена следующая резолюция: „На митинге 28 октября мы, рабочие завода Семянникова, обсудив положение России, пришли к следующему: безобразия последнего времени, как издевательства над мирными жителями войск и организованной при содействии их и полиции „черной сотни", — несомненный продукт самодержавного правления, не имеющего сил упорядочить положение дел в России. Протестуя против пребывания в Петербурге войск и бесчинств их по отношению к гражданам, мы заявляем, что будем вести организованную борьбу с корнем всех этих зол — самодержавием. Только демократическая республика обеспечит нам нормальные условия борьбы за социализм — за демократическую республику мы и будем бороться, организуясь под знамена единственной выразительницы интересов пролетариата — Российской Социал-Демократической Рабочей Партии". Кроме того, вынесли еще следующее заявление: „Мы возмущены бесчинствами так называемой «черной сотни» и заявляем, что при всякой попытке этих банд к насилию над кем бы то ни было, немедленно явимся на место происшествия вооруженными и не позволим устраивать погромы и избиения, хотя бы на это были какие угодно санкции. Просим общество немедленно сообщать нам по телефону о всяких попытках к насилию".

Рабочие разошлись в самом лучшем настроении, веселые, гордые сознанием своей силы.

Иностранная печать.

Уверенность, что манифест должен положить конец русской революции, высказавшаяся всей английской прессой, начинает исчезать и сменяется тревогой за ближайшее будущее. Подсчитывая достигнутые результаты, „Manchester Guardian“ говорит:

„Прошло только десять дней с тех пор, как в России об‘явлена свобода, которая, как казалось в первый момент, окончательно поставит Россию в ряды свободных европейских стран. Конечно, теперь еще рано судить об успехе этой колоссальной реформы, но события, успевшие разыграться, так велики и до того неожиданны, что мы, повидимому, уже окончательно потеряли наши первоначальные наивные надежды. Финляндия, правда, уже завоевала себе свободу, путем неожиданной, огромной по размерам результата революции. Финляндия представляет теперь небольшой, мирный, свободный оазис среди невообразимого хаоса, царящего в России. Положение России в данный момент гораздо более сложное. Прежде всего: что за это время сделал граф Витте для осуществления новых реформ? Он составил кабинет, члены котораго враждебны радикальной тенденции, господствующей в стране. Дана неполная амнистия, которая, правда, освободила многих политических деятелей, но, с другой стороны, оставила в Сибири и в тюрьмах много заключенных, борьба за освобождение которых лежит на обязанности всех стремящихся к свободе. Неуклюжая избирательная система пересмотрена, но пока новый избирательный закон вводит столько осложнений и неравенств, что он не может быть признан усовершенствованием. Для крестьян сохраняются двухстепенные или трехстепенные выборы. Богатые классы, сгруппированные вместе, пользуются несоответственным влиянием. Городские рабочие, вынесшие революцию на своих плечах, посылают в Думу двадцать пять членов из шестисот, т. е. одну четверть того числа, которое при пропорциональных выборах они должны были бы послать, для чего население разделяется на классы и отдается предпочтение богатому классу. Совершенно ясно, это—старый способ, применявшийся патрициями по отношению к плебеям — „разделяй и властвуй“. Такая система может привести только к раздорам, как было в Риме.

Таким образом, граф Витте сдержал свои обещания в границах собственного понимания, но он не удовлетворил ни одной партии, никого не примирил и не разрешил ни одной проблемы. Между тем, приходится считаться с реакционной партией, которая еще не истощила свои средства. Но какая гарантия выполнения реформ? По слухам, в Одессе была новая резня евреев. Консервативная пресса заявляет, что Финляндии уступки были даны только для того, чтобы выиграть время. Польша, конечно, тоже потребует автономии. Армия, повидимому, разделена на два лагеря. Наконец, рабочие, принадлежащие к передовым политическим партиям, избиваемые подстрекаемыми полицией „патриотами“, начинают вооружаться для самозащиты. Трудно себе представить, как можно произвести выборы при теперешних условиях. В настоящее время Россия недалека от анархии, так как движение назад или вперед повлечет за собою гражданскую войну. Конечно, в результате должна быть свобода, но никто не может предсказать, в какую форму выльется вся смесь страстей и стремлений, и кому доведется дожить до свободы и воспользоваться ею“.

Польша и Литва.

— Настроение в Царстве Польском после опубликования военного положения очень тревожное. Момент, переживаемый польским рабочим классом, крайне выдающегося и серьезного характера. Одно из двух: или сейчас, преодолев все усилия и трудности, добиваться желаемой свободы, или временно покориться жестокому произволу и насилию, вооружиться и сильнее сплотиться и ждать момента, и тогда, вместе с русским рабочим классом, рука об руку, с девизом „за нашу и вашу свободу“, приступить к низвержению векового гнета.

Правительство предвидит возможность первого исхода, возможность всеобщего восстания, революции в стране, особенно теперь, когда военное положение железным кольцом сдавило грудь и сердце польского рабочего, а политическая забастовка закалила его силу, придав ей новую мощь. Оно предвидит возможность кровавого исхода, но оно, как будто, не доверяет своей военной силе и обращается к Германии за поддержкой: усиленно говорят, что на границе стоят прусские полки.

Во всей стране власть перешла к войскам. Города и даже села уже оцеплены войсками. По всему пути Привислинских железных дорог стоят войска. Рабочий класс пока молчит; он не произнес еще своего решительного, мощного слова, он ждет поддержки со стороны русского пролетариата, который не должен допустить, чтобы свобода, завоеванная общими усилиями, не распространялась бы на польский пролетариат.

Он ждет — и от решения русского пролетариата будет зависеть его решение.

К.

— Варшавский генерал-губернатор Скалон издал секретное распоряжение, чтобы все телеграммы с заявлением об установлении полной автономии Польши, отправляемые в Петербург на имя гр. Витте представителями многочисленных митингов и собраний последнего времени во многих городах и даже деревнях Царства Польского, были временно задержаны в Варшаве. „Правительственный Вестник“ печатает теперь целый ряд таких телеграмм из Варшавы, Калиша, Радома, Сувалок и т. п., желая повидимому, этим доказать, что они были получены своевременно,—весьма шаткое доказательство, но зато получается курьезное впечатление: „Правительственный Вестник“ пропагандирует идею автономии Польши. Недурно!

— Депутация варшавского магистрата, с графом Тышкевичем во главе, несколько дней тому назад обратилась к варшавскому генерал-губернатору Скалону с требованием разрешить образование городской милиции, мотивируя свое требование, главным образом, возможностью возникновения в Варшаве еврейского погрома, так как полиция и войска не препятствуют, но даже содействуют этому возникновению. Генерал-губернатор Скалон категорически отказал.

— В Сосновицах в субботу, 29-го октября, опечатаны местные типографии, печатавшие „Летучие листки“ о событиях в крае, наступивших после опубликования манифеста 17 октября.

— Союз возрождения польского народа извещает русский народ, что Варшава находится в крайней опасности. Военное положение, постоянные избиения спокойного населения, беззащитного и безоружного, войсками не прекращаются, вследствие чего забастовка продолжается. Грозит голод. Топлива нет. Администрация, видимо, стремится довести народ до отчаяния, чтобы создать предлог для подавления мнимой анархии.

— Варшавский Комитет Социал-Демократической Партии Польши и Литвы, по поводу об‘явления Царства Польского на военном положении, вынес протест следующего содержания:

„Правительственное сообщение, мотивируя сепаративным характером движения в Польше об‘явление военного положения и лишение нас конституции, является преступным маневром националистической тактики правительства с целью отделить польскую революцию от русской.

„Констатируем факт, что власти, потопив в крови наши революционные шествия, дали полную свободу шествиям национально-польским с белым орлом и патриотическими польскими песнями.

„Что на этих шествиях Сенкевич и другие ораторы призывали бастующих приступить к работе и спокойствию.

„Правительство рассчитывало на эти манифестации, так как польский революционный пролетариат не верил правительству, ни польским националистическим манифестациям и всеобщей стачки не прервал.

„Правительство изменило польским националистам, своим союзникам контр-революции, обосновывая белый террор теми же националистическими лозунгами, при помощи которых оно раньше надеялось успокоить пролетариат.

„Констатируем еще тот факт, что националистическое польское движение имеет в виду не отделение Польши от России, а только цели контр-революционные, что революционный польский пролетариат стремится путем общей борьбы с революционным русским пролетариатом к общей свободе, а не к сепарации“.

Резолюция собрания железнодорожных служащих и рабочих Царства Польского.

На собрании, состоявшемся 27 октября в мастерских Варшавско-Венской железной дороги в присутствии около 10.000 служащих и рабочих железных дорог Царства Польского, принята была вторично и единогласно резолюция, принятая уже ранее на общем собрании 18 октября, следующего содержания:

„Царский манифест от 17 октября не дает никаких гарантий в том, что все обещания не останутся пустыми звуками; манифест может оказаться одним из лисьих маневров обагренного народной кровью правительства; он может явиться новой попыткой подавления народного освободительного движения путем союза правительства с массами, доселе привилегированными. Единственной и серьезной гарантией была бы немедленная безусловная амнистия так называемых политических преступников, отмена военного положения, усиленной охраны и организация вооруженной народной милиции.

„Дальнейшим шагом должен быть созыв законодательных собраний на основах всеобщего, прямого, тайного и равного голосования без различия пола, национальности и вероисповедания с самостоятельной автономией для Царства Польского и гарантией рабочему классу 8-часового рабочего дня и действительной законодательной защиты труда при обеспечении старости.

„Ныне всеобщая политическая забастовка должна продолжаться. Мы будем обсуждать вопрос о возврате к труду только тогда, когда двери всех политических тюрем будут открыты и будет гарантирован возврат всех сосланных и эмигрантов, и когда фактически будет снято военное положение“.

Выяснение экономических нужд поручено специальной комиссии эмигрантов.

Отправлена следующая телеграмма гр. Витте:

„На общем собрании служащих и рабочих варшавского железнодорожного узла, состоявшемся 27-го октября, постановлено сообщить Вам, что нормальное течение жизни, одним из необходимых условий которого является возобновление нормального труда на железных дорогах, не может воцариться в Варшаве, пока не будет снято военное положение и усиленная охрана; пока не будут гарантированы на незыблемых основах свобода личности и все свободы, поименованные в первой части манифеста; пока не будет освобождена от цензуры и административного гнета местная печать; пока не будут освобождены и гарантированы на будущее время от произвола полиции все борющиеся за свободу, т. наз. политические преступники.

„Для иллюстрации последнего пункта мы заявляем свой протест по поводу вторичного ареста лиц, освобожденных на-днях в силу амнистии. Полное же успокоение края возможно только при условии признания и немедленного введения автономии Царства Польского на самых широких демократических основах.

„Делегаты железных дорог в Царстве Польском“.

Следуют 27 подписей.

„Центральный Стачечный Комитет союза железнодорожных служащих и рабочих в Царстве Польском“.

Областной отдел.

Черные дни в г. Иваново-Вознесенске.

(Корреспонденция „Новой Жизни“.)

Дням погрома предшествовали и здесь светлые дни торжества пролетарской победы. Самый день об'явления манифеста 17 октября и последующие прошли довольно буднично. Местный комитет Р. С.-Д. Р. П., принаравливаясь к жизни города, решил устроить митинг в первый праздник (22 октября). Но уже 20 вечером почти неожиданно возник митинг перед городской управой. Налетели было казаки, но по требованию толпы были удалены полицеймейстером. Митинг оказался все же сорванным. Следующий день прошел более оживленно, а вечером всюду по городу были шествия с красными знаменами, факелами, песнями и речами.

22-го утром на площадь перед городской управой со всех концов города стали стекаться отдельные отряды рабочих с красными знаменами. Казаки и полиция отсутствовали. Часов в 12 при громадном стечении публики митинг открылся речью оратора из Комитета. Очертив настоящий момент в освободительном движении пролетариата, коснувшись неполноты и неясности манифеста 17 октября, оратор приглашал рабочих не складывать оружия и бороться до конца за республику. Между прочим, в своей речи оратор коснулся и деятельности черной сотни, указав на лавочников и раклистов (мастера при печатных машинах на ситц.-набивн. фабриках), как на ее представителей. Из последующих ораторов один напомнил о заключенных товарищах в местной тюрьме и участках. Публика потребовала их освобождения. Явившийся полицеймейстер прочитал собранию телеграмму губернатора об освобождении заключенных и, вместе с тем, заявил, что собрание здесь он может допустить лишь до 3 часов, а после этого предложил уйти на „Талку“ (обычное место собраний рабочих за городом). Так как официальная часть митинга была закончена, то публика уступила предложению полицеймейстера и всей массой с знаменами и песнями отправилась к тюрьме встречать освобождаемых товарищей. Включив их в свои ряды, толпа отправилась дальше освобождать заключенных на Ямах (предместье города, заселенное преимущественно рабочими). По узким, грязным улицам рабочего поселка толпа растянулась и растаяла; у участка встретили толпу казаки и заявили, что заключенных здесь нет, если же толпа им не поверит и будет настаивать, то казаки прибегнут к оружию. Рабочие сдались и пошли на Талку. На последних улицах города вновь встретили казаков, с угрозами потребовавших убрать знамена. Очевидно, они явно искали первого повода для избиения. Не желая напрасного кровопролития, мирно настроенные рабочие уступили и тут — знамена были убраны до Талки. Дойдя туда, рабочие расположились лагерем; но здесь осталось уже не более 200 человек наиболее сознательных. С наступавшей темнотой на другой стороне речки Талки собралась какая-то толпа и казаки, кричавшие что-то первой толпе. Чтобы узнать, в чем дело, к ним отправились депутатами два человека. Едва они перебрались на ту сторону, как на них налетели казаки, сшибли с ног и, жестоко избив нагайками, от'ехали. Один, более молодой, поднялся и убежал, другой — А. (интелл. рабочий, почти старик) остался лежать. К нему тотчас же подскочили несколько человек из толпы, и началось зверское избиение. Били палками, топтали ногами, вывернули руки и под конец с чувством и толком разможжили голову камнями. Затем все быстро исчезли. Первый удар черной сотни был меткий: мучительной смертью погиб человек, 20 лет стоявший в рядах борцов за свободу, деятельный работник местного с.-д. комитета, любимый и уважаемый всеми его знавшими. Все это произошло очень быстро. Ошеломленные происшедшим, не ведавшие, что творится в это время в городе, рабочие окружили убитого товарища... Оставив у тела стражу, отправились в город, решив на завтра устроить всеобщую забастовку для торжественных похорон убитого. Но... не только торжественных, а никаких похорон не удалось устроить; на следующий день этот человек, как собака, был зарыт тайком в лесу. Все произошло повидимому неожиданно, но, конечно, далеко не так было на самом деле.

Черные силы не дремали, и едва ушли с площади красные знамена, как стали собираться опять другие кучки. Притащили трехцветные флаги, взяли из управы царские портреты, откуда-то взялись попы и начался торжественный молебен. Чуявшие одобрение владимирского губернатора Леонтьева, открыто поощрявшего во Владимире черную сотню к насилиям и грабежу, выступили тут же ораторы из лавочников и темной толпы с проповедью погрома. Подобные собрания происходили еще кое-где по городу и всюду тщательно охранялись казаками. Полицейские агитировали в кучках, что Витте — еврей, что он обманул царя, что царя надо спасти от евреев. Помолившись богу, возбужденная призывами к насилию, черная сотня уже пробовала свои силы тут же на площади над отдельными лицами. Так, были жестоко избиты два рабочих, осмелившиеся выпустить критическое замечание по поводу портретов. Присутствовавшие тут же полицейские энергично... содействовали избиению палками, очевидно занятыми на сей случай. Полицеймейстер, вступившийся под конец, едва не пострадал сам. Толпа с обнаженными головами безумно носилась по площади с флагами, произносились речи, царские портреты на четыре стороны осеняли православных. С наступлением темноты город замер, лишь кое-где носились какие-то крики.

На следующий день (воскресенье) на площади собралось еще более народу. Все шло по черносотенной программе: молебен, „речи“, составление плана погрома, об'явление домов и лиц, подлежащих уничтожению, разделение на отряды, наконец, вооружение погромными снарядами. Лавочники и фабри-

канты ликовали. Первые так сразу трех зайцев убили: и царя-батюшку спасали и своему карману одна польза — „жидовские лавки разобьем, ан и торговать лучше будем...“, а за одно рабочим отомстим за лето. „Депутатишек-то этих главное бы поизбить — все фабрики испоганили...“ — лелеяли свои думы фабриканты и через подручных вдохновляли грабителей водкой и втолковывали свои думы в скрытые головы, а в своей „Думе“ открыто из‘яснялись на те же темы — стесняться тут-то уж было нечего: все люди свои — черносотенники. И те, и другие, и полиция сходились в своих планах. Летом, после 2-месячной забастовки, голодавшие рабочие, использовав все средства для мирного приведения к концу переговоров с фабрикантами, заявили им, что им больше ничего не остается делать, как насильно добыть себе пропитание: но фабриканты и тут не пожелали даже вступить в переговоры с „своими“ рабочими. Тогда по городу были разбиты мелочные и мучные лавки и сожжены фабрикантские дачи. Так как же теперь не отомстить своим врагам в лице их депутатов и „подстрекателей“! В проскрипционные списки были внесены под рубрику „подстрекателей“ все те известные обыватели, кто имел интеллигентное обличье или обладал каким-либо другим подходящим „качеством“.

И вот, напитавшись речами, залив сердце водкой, предводимые хулиганами с флагами и портретами, толпа ринулась на разбой. Полетели стекла в „жидовских“ магазинах, затрещали рамы, посыпались товары, мебель, утварь, пух покрыл снегом мостовые. Обитатели домов успевали большей частью бежать, не столь проворных озверевшая сотня учила, что такое еврей в России. Безумное завыванье толпы, ужасное дело разбоя, зверское калеченье мирных людей леденили душу у случайного зрителя. Видевший картины погрома навек их не забудет.

Отдельные отряды черной сотни носились по городу и громили „жидов“ и депутатов. Так, одним из первых был разгромлен дом, где жил бывший председатель собрания депутатов Н.; Н. с семьей успел спастись. Тут же присутствовали околоточный и полицейские. В самом разгаре погрома на улице показались казаки. Раздались крики зрителей остановить грабеж, но казаки, усилив галоп, пронеслись мимо дома, отдав честь громилам, стоявшим с флагом.

На следующий день погром был в полном разгаре. Фабрики стояли, закрытые на два дня владельцами. Казенки были открыты, на фабриках рабочие поились водкой, раздавались местами какие-то деньги. Кровожадной толпой черная сотня носилась по городу, нигде не встречая ни тени отпора. Доглядывались разгромленные дома; громили новые, искали „жидов“ и новых об‘ектов для погрома. Были разгромлены квартиры нескольких лиц с иностранными фамилиями. Руки чесались, пролитой крови, казалось, было мало. По городу открыто ходили кучки человек 3—5 с ломами, топорами, веревками на плечах, приглашая желающих направиться туда-то. После собрания на площади толпами направились по фабрикам искать депутатов. Было ужасное, кровавое утро. Депутатов вытаскивали на фабричный двор и там на глазах полиции и фаб. администрации зверски убивали. Особенно жестокое избиение было на фабрике Г., наиболее передовой в городе по порядкам и составу рабочих. Там были убиты почти все депутаты, прихвачены и некоторые из передовых рабочих. Их бросали в котлы, топили в реке, медленно, мучительно калечили и уже буквально растерзанных добивали на смерть. Рабочие мужественно встречали смерть и, уже искалеченные, все кричали в лицо мучителям тот же лозунг, уже отживший: долой самодержавие. К вечеру больница переполнилась убитыми и ранеными. Но изуверы и тут не оставили своих жертв. Черная сотня дежурила у больницы, и только наряд солдат кой-как сдерживал их. Они приступили к администрации больницы с требованием выдачи им рабочих на растерзание. А в ответ им неслись из больницы среди стонов те же крики, то же проклятие отжившему строю. Вечером была охота за депутатами на Ямах. Кто мог и успел, бежал из Иваново. На вокзале было опасно показаться, черная сотня работала и там. Но на следующий день, вопреки ожиданиям, рабочие стали на работу. Погром стих; массовых нападений не было, но охота за отдельными лицами продолжалась. К вечеру пронесся слух, что рабочие на двух литейных заводах толпой в 500 человек ушли совещаться для принятия мер против погрома. Атмосфера сразу разрядилась. А на следующий день уже передавали, что „красные“ оправились и засели в Боголюбовской слободе. Вздох облегчения пронесся по городу.

Нижний-Новгород.

(Корр. „Новой Жизни“.)

„Как могло бы быть“.

Да, так могло бы быть, так должно бы быть и так было бы во всей России, если бы, с одной стороны, вчерашний обыватель и нынешний — с разрешения начальства — гражданин понимал, что в настоящий исторический момент у него единственная защита от произвола и насилия — испытанная армия самоотверженных борцов-пролетариев; если бы с другой—у наших „последних могикан“ оставалась хоть капля, не говорю уже, сознания, ответственности перед народом и потомством: это „слишком много чести“ для них, — нет, а простого, самого элементарного чувства человечности, того чувства, которое заставляет профессионального разбойника - убийцу пощадить ребенка, женщину, беспомощного старика...

Я говорю об „октябрьских днях“ в г. Нижнем-Новгороде...

Едва ли еще в России они были так знаменательны. И знаменательны вдвойне: как по силе пролетарского движения, так и в смысле доказательства (так сказать „доказательства от противного“), с таким усердием оспариваемого сейчас правительством, утверждения, что только благодаря преступным стараниям исполнителей его велений, их непосредственному участию, имели место те ужасы, так нагло, бестыдно-нагло сваливаемые на голову несчастного „народа“...

Это второе обстоятельство побуждает меня поделиться своими впечатлениями, даже больше, чем первое: как ни величественно - прекрасна картина моря народного, прорвавшего, наконец, многовековую плотину гнета и бесправия и гордо катящего свои могучие волны в страну свободного простора, но история увидит еще немало более прекрасных картин; подвиги же „слуг царевых“ едва ли еще повторятся на нашей многострадальной родине, по крайней мере, во всей своей теперешней гнусности (их надо торопиться запечатлеть).

Манифест 17-го октября получен был в Н.-Новгороде в ночь на 18-е число, но уже к утру этого дня о нем знал весь город.

К 12-ти часам дня стали стекаться толпы на Благовещенскую площадь, перед Кремлем, к месту строящегося памятника Александру II-му.

Толпы двигались с красными знаменами. Кошмар нашей страны—полицейский мундир—блистал своим отсутствием...

Вот на пьедестале памятника появляется оратор, социал-демократ... В сжатой сильной речи поясняет он, кто именно и какими жертвами добился тех уступок, которые обещаны манифестом; их недостаточность и отсутствие гарантии осуществления обещанного; он призывает не складывать оружия и помнить, что впереди еще долгий, тяжелый путь борьбы—борьбы за сохранение добытого сейчас, борьбы и с теми, кто главным образом пожнет плоды геройских подвигов рабочего класса...

Толпы все прибывают... С нижней части города потоком вливаются рабочие заречной части. Их приветствуют радостными криками... С противоположной стороны слышатся звуки оркестра... Звуки приближаются, крепнут и, наконец, отчетливо выливаются в торжественные раскаты „марсельезы“. Это движется новая толпа под пролетарским знаменем.

Настроение подымается до восторженно-боевого. Призыв итти освободить томящихся в тюрьмах товарищей находит единодушный отклик, и вся масса собравшихся на площади, с группой знаменосцев и оркестром впереди, под звуки революционных песен, движется по главной улице к женской тюрьме. По дороге к ней присоединяются все новые и новые группы—и перед тюрьмой уже целое море—тысяч до 10.

Полиция и все, что с ней,—отсутствует.

Перед тюрьмой расчищается большая площадь для встречи заключенных. Оказывается, однако, что всех уже освободили заранее, кроме одной. Через несколько минут освобождается и последняя и встречается радостными криками толпы. Делегаты от манифестантов обходят все камеры и об‘являют, что ни одной заключенной больше нет.

От женской тюрьмы манифестанты двигаются к мужской. Те же возгласы, те же песни, то же бодро-радостное настроение. По дороге узнают, что и из мужской тюрьмы все выпущены, кроме одного обвиняемого в политическом убийстве и покушениях на убийство, который, однако, сейчас тоже будет освобожден. Известие встречается победными возгласами. Идут удостовериться, что и в мужской нет больше никого... Снова

торжественная встреча, снова победные крики и речи—речи с призывами к дальнейшей борьбе, с призывами почтить память тех, кровью которых добыта та свобода, которой сейчас с таким восторгом пользуется тот, кому усиленно внушали еще вчера, что он не дорос до нее, что он ее не хочет...

Полиция отсутствует...

Так праздновал 18 октября вчерашний обыватель города: служащие, учащиеся, ремесленники, приказчики и городские рабочие.

Но вот другая картина: действующие лица здесь исключительно рабочие.

Площадь перед военной гауптвахтой в Кремле. У входа на гауптвахту два ряда солдат с двумя офицерами во главе; перед ними свободное пространство, окаймленное рядом красных знамен и цепью из рабочих. За цепью тысяч 5 сормовских *) рабочих, внутри цепи, почти вплотную перед солдатами, группа из 20 организованных рабочих, на плечах которых—оратор. Он говорит к солдатам. Речь вдохновенная, речь вызывающая бурю восторга. В ответ ей с гауптвахты машут красным платком трое заключенных за политические преступления—солдаты и офицеры. На лицах офицеров, охраняющих гауптвахту, смущение и растерянность...

Оратор говорит к манифестантам. Среди речи подходит новый отряд солдат человек в 300 и окружает все пространство, занятое знаменосцами и ораторами.

Манифестанты вмешиваются в цепь солдат, беседуют по группам, в одиночку.

Солдаты жадно ловят каждое слово.

От пресловутой дисциплины нет и следа.

Кто-то заявляет от лица городского головы, чтобы манифестанты отнюдь не боялись какого бы то ни было насилия со стороны администрации, что голова гарантирует полную неприкосновенность личности, что относительно заключенных солдат и офицера будут приняты немедленные меры к освобождению, что, наконец, казаки завтра уже будут выведены из города, и если их увидят сейчас проезжающими, то пусть знают, что это они уезжают в казармы.

Манифестанты под звуки революционных песен покидают Дворцовую площадь, выходят на Благовещенскую, где соединяются с возвращающимися от мужской тюрьмы...

Спускающаяся ночь покрывает своим покровом заключительный митинг этого дня на открытом воздухе. С 9 часов вечера митинги в городском театре и Народном доме. Но о них и о еще более грандиозных манифестациях 19-го октября—до следующего раза.

И. Ш.

С. Николаевский Городок.

Саратовского уезда.

(Корр. „Новой Жизни".)

Революционные октябрьские дни отразились и у нас в деревне. После выхода манифеста крестьяне приступили к решительным действиям. Сменены все волостные и сельские власти и произведены новые выборы, в волостном правлении уничтожены дела, касающиеся воинской повинности и уплаты податей; арестована почта, и деньги конфискованы на вооружение народа; казенная винная лавка перешла в руки крестьян, при чем выручка получила то же назначение, что и почтовые деньги. По отношению к помещикам никаких насильственных мер не было принято, за исключением одной: отобрали хлеб и разделили между крестьянами, оставив помещику такое количество, какое необходимо ему, семье и слугам до нового урожая. Помимо того, по окрестным деревням были посланы депутаты с предложением присоединиться к общему движению. Но вот прошел слух, что из города идут войска. Тотчас же были приняты меры для отражения нападения. Земледельческое училище, находящееся в нашем селе, было превращено в крепость: устроены баррикады, заготовлено оружие, расставлены караулы, откуда-то достали даже пушку и укрепили на выгодной позиции. В ту же ночь пришли две роты, но не решились даже войти в село и вернулись обратно. На другой день подошел саратовский вице-губернатор Кноль с большим отрядом войска и остановился в соседней деревне. Защитники же, убедившись в своей малочисленности, решили отказаться от сопротивления и скрылись. Узнав об этом, г. Кноль храбро в'ехал в Николаевский Городок, произнес громовую речь крестьянам и затем, напоив наиболее темных из них, натравил на ни в чем неповинных учеников училища, оставшихся в деревне. Многие из них при этом погибли.

В других деревнях происходило приблизительно то же. Результаты были плачевны. В эти дни не раз можно встретить в поле такую картину: по дороге, покрытой невылазной грязью, плетется группа крестьян, человек в 50. Лица у них хмурые, серьезные. Кругом цепь казаков.

В городе тюрьма переполнена крестьянами. Помещичьи усадьбы горят десятками.

*) Сормовские заводы находятся в 5 верстах от города. В них до 12 тысяч занятых рабочих и около 40 тыс. всего заводского населения.

Ярославль.

(Корр. „Новой Жизни".)

В нашем городе стачки и вообще рабочее движение — явление весьма редкое. Однако, могучая волна стачечного движения коснулась и местных рабочих. Первыми забастовали рабочие станции Урочь. На следующий день примкнули к ним рабочие и служащие станции Ярославль. Затем началась стачка земских типографских рабочих, которые „сняли с работ" и остальных типографских рабочих, за исключением типографии губернского правления, где были приняты экстраординарные меры охраны, вплоть до забаррикадирования ворот и т. п.

В следующие дни к стачке примкнули еще кой-какие мастерские, а 17 числа забастовали рабочие с фабрики Вахрамеева. Образовался Стачечный Комитет. Последний поставил своей задачей провести забастовку на Корзинкинской фабрике, на которой работает более 14 тысяч рабочих, и других фабриках и заводах. Стачечным Комитетом, главным образом, руководил местный комитет Социал-Демократической Рабочей Партии, хотя типографскими рабочими руководили больше социалисты революционеры.

Типографские рабочие выставили сначала исключительно экономические требования. Железнодорожные же рабочие и служащие к экономическим требованиям присоединили политические. В общем, программа требований железнодорожных рабочих вполне совпадала с требованиями, выставленными московским Стачечным Комитетом железнодорожных служащих.

Особенно характерна история стачки в типографии губернского земства. Председатель управы г. Крылов не пожелал даже разговаривать с депутацией от стачечников, а управа вывесила в типографии печатное об'явление, гласившее, что тех рабочих, которые не встанут на работы до 12 часов дня, она будет считать отказавшимися от работы, и они могут взять расчет. Конечно, рабочие не встали на работу.

На защиту интересов типографских рабочих выступил профессиональный союз служащих губернского земства. На собрании земских служащих был выработан ультиматум, в котором предлагалось управе немедленно обсудить требования типографских рабочих совместно с представителями комитета и союза служащих и представителями наборщиков. Управа на это согласилась, а в конце концов согласилась удовлетворить все требования наборщиков. Точно так же были удовлетворены требования и в других типографиях: „Северного Края", „Ярославского Вестника".

— 16 числа сотрудники „Северного Края" об'явили политическую забастовку, а 17 числа служащие губернского земства устроили собрание по вопросу о политической забастовке, на котором было постановлено продолжать забастовку, пока не будет созвано Учредительное Собрание на основе всеобщего и т. д. избирательного права и при наличности основных свобод. Стачечное движение готово было охватить и еще некоторые фабрики, заводы, торговые заведения, но манифест 17 октября, удовлетворивший известную часть политических требований, положил конец почти всем забастовкам. Нам остается в заключение очерка стачечного движения указать на весьма характерный факт. 14 октября губернатор Рогович расклеил по городу об'явление с угрозою, что если стачечники будут насильственно прекращать работы на фабриках и заводах, то он для устранения такого рода насилия применит военную

силу. Это распоряжение очень ярко обрисовывает его политику, если мы сопоставим бездеятельность г. Роговича во время еврейских погромов и избиений учащейся молодежи (с 18 по 22 число), когда было так много совершено насилий и грабежа и г. Рогович ни одного раза не пожелал применить военную силу для рассеяния толпы черносотенников.

Двинск.

19 октября на Соборной площади состоялся громадный митинг всех партий, из каждой говорили свои ораторы.

Во время митинга пронесся слух, что на товарной станции СПВ. железной дороги стреляют в рабочих. Это сильно встревожило присутствующую на митинге массу. Некоторые решили итти к железнодорожным рабочим на помощь. Примкнувшие к ним бросились на Рижскую улицу взламывать оружейные магазины. Этим обстоятельством не преминули воспользоваться хулиганы и стали таскать, как передают, из магазинов самовары и другие вещи. Нападение на оружейные магазины возмутило многих из горожан. 19-е октября закончилось трагически. На Московской улице в расходившихся по домам демонстрантов стрелял казачий раз'езд. В результате 4 убитых и несколько человек раненых, из коих 2 или 3 тоже скончались. Делу о стрельбе казаками, говорят, дан законный ход. („С.-З. Край").

Редактор-издатель ***Н. М. Минский.***

Издательница ***М. Ф. Андреева.***

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 7

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ВТОРНИК, 8 НОЯБРЯ
(21 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

От Вольного Экономического Общества.

Уже не раз в тяжелые минуты, переживаемые нашей родиной, Императорскому Вольному Экономическому Обществу приходилось выполнять возлагаемые на него временем задачи. По примеру прошлых голодовок и ныне Императорское Вольное Экономическое Общество позволяет себе обратиться ко всему русскому обществу с предложением соединить свои силы в борьбе с новым бедствием, постигшим Россию. Ни на минуту не ослабляя общественной борьбы во имя освобождения страны от угнетающих ее общих условий государственной жизни, благодаря которым каждый неурожай неизбежно сопровождается у нас голодом, необходимо обратить внимание и силы общества также и на непосредственную помощь тем, которые уже теперь принуждены голодать.

Более 23 губ. постигнуты неурожаем и уже страдают местами от тифа, а в конец подорванное экономическое положение русской деревни заставляет с ужасом подумать о том, что будет с этой деревней, лишенной хлеба, топлива, скота, павшего жертвой бескормицы. Впереди снова виднеются сотни тысяч жертв голода. Перед этой картиной ужасной действительности священный долг каждого притти с непосредственной помощью голодающим, отстаивая по мере сил своих самое святое право каждого — право на жизнь.

Императорское Вольное Экономическое Общество призывает все русское общество помочь вопиющей народной нужде, кто чем может; с своей же стороны оно берет на себя организацию помощи голодающим при тесном союзе в этом деле с другими общественными организациями.

Пожертвования могут быть направлены по адресу: Спб., Забалканский, д. 33, в Императорское Вольное Экономическое Общество.

Сведения о всех поступивших пожертвованиях и отчет о них будут своевременно публиковаться.

Вице-президент *А. Фаминцын.*

И. д. секретаря *В. Яковлев.*

Петербургское отделение союза инженеров и техников
об'являет начальнику Адмиралтейских Ижорских заводов в Колпине
ген.-майору ГРОССУ
БОЙКОТ
за увольнение 16 инженеров, примкнувших к всеобщей политической забастовке.

Бюро.

С.-Петербург.

8-го ноября.

Политическая забастовка и организация пролетариата.

Петербургский рабочий класс еще раз показал свою политическую зрелость и высокий под'ем революционной энергии. Совет Рабочих Депутатов г. Петербурга 1 ноября постановил об'явить политическую забастовку в виде протеста против суда над кронштадтцами и против военного положения в Польше. На попытку правительства кровью потушить огонь освободительного движения рабочий класс ответил угрозой вновь приостановить общественную жизнь.

Еще раз выясняется та реальная политическая сила, которая находится в руках пролетариата. И вопрос о том, как наилучшим образом, т. е. с наименьшей тратой и с наибольшим результатом, использовать ее, имеет громадное значение не только для пролетариата, но и для всего освободительного движения в России.

Россия стоит на распутьи. Старый порядок рухнул. Это — несомненно. Вернуться к нему Россия больше не может. Но что заменит старый порядок? Какой новый государственный строй будет выработан? И кто его будет вырабатывать? Вот вопросы, которые требуют немедленного разрешения и не только на бумаге, но и на деле.

Для нас они решены: должно быть немедленно созвано всеобщим равным, прямым и тайным голосованием Всенародное Учредительное Собрание, которое установит в России полное народовластие, законченный демократический строй.

Как осуществить это требование, если весь старый правительственный аппарат остается у власти и в силе? Он действует старыми приемами, частью по инерции, частью по сознательному расчету двигающих его лиц: для громадной бюрократической армии самодержавного режима учреждение демократического строя равносильно гражданской смерти. Точно так же невыгоден демократический строй для общественных классов, пользовавшихся всевозможными привилегиями при самодержавии.

Вот почему правительство призывает народ к терпению и „пока“ все старые законы оставляет в силе, не указывая для этого „пока“ никакого срока. Вот почему ни одна из провозглашенных в манифесте 17 октября свобод не получила на практике осуществления.

Свобода собраний... Но она была взята пролетариатом задолго до манифеста, а теперь правительство стеснило ее, закрыв университеты, где собирался народ.

Свобода печати... Но и ее взял сам пролетариат. А правительство пытается теперь наложить на нее узду, грозя поселением и каторгой за действительно свободное слово.

Неприкосновенность личности и жилища... Но странно и произносить эти слова в дни, наполненные ужасами убийств и погромов, совершенных „черной сотней“ под прикрытием и при содействии полиции и войск. Странно и говорить о неприкосновенности граждан, когда половина России находится на военном положении.

В сознании необходимости и неизбежности уступок народным требованиям отдельные агенты правительства, быть может, искренно хотят провести „реформы“. Но эти заплаты не к чему пришить. Старый строй прогнил насквозь. Не о починке его идет дело, а о замене новым, демократическим строем. Но и помимо того, реформы требуют новых деятелей, реформаторов. И невозможно искать их в рядах того правительства, которое всеми силами противилось реформам, для которого реформы казались равносильными самоубийству. Поэтому-то уж столько раз провозглашавшиеся правительством реформы оставались мертвой буквой.

И вот, в течение уже целого года мы присутствуем при необыкновенно поучительной исторической картине. Революционный пролетариат шаг за шагом берет революционным путем права для народа. Свобода стачек, союзов, собраний, слова — год назад это была область мечтаний, которые некогда были названы „бессмысленными“. Теперь это — совершившийся факт. Год назад земцы, с‘ехавшись в Петербурге, лепетали об „участии“ представителей населения в государственной деятельности. Теперь долженствовавшая дать это „участие“ гг. земцам и прочему „порядочному обществу“ „Булыгинская Дума“, не увидавши света, сдана в склад исторических редкостей, в качестве поучительного памятника хитроумной бездарности русской бюрократии. И место Государственной Думы заняло Всенародное Учредительное Собрание, как непреклонное требование революционного пролетариата.

В мере революционных завоеваний пролетариата, но в хвосте их шла, так сказать, литературная деятельность правительства. Издавались указы, рескрипты, манифесты и прочие правительственные акты относительно реформ. Собирались комиссии, сочинявшие многословные проекты всяких „улучшений“. Но сил исполнить эти проекты не было. Ибо бюрократия самодержавного режима знала только два слова, да и те из лексикона щедринских помпадуров: „Не потерплю и разорю“. А тут приходилось „либеральные“ реформы сделать... И народ получал только те права, которые он брал сам революционным путем.

Так было до сих пор. И что касается деятельности правительства, то положение вещей не изменилось. Попрежнему правительство бессильно исполнить свои же собственные обещания реформ и попрежнему оно хочет насилием прекратить освободительное движение народа. Но революционному пролетариату приходится считаться с новыми условиями борьбы, с возможностью направленного против него союза буржуазных элементов и правительства.

Если низы, подонки буржуазии и „босяки“ в виде „черных сотен“ направляются против революции, как дикая сила, способная подавить ее ужасом убийств и грабежей, то верхи буржуазии готовы выступить в роли „успокаивающих“ народ реформаторов, в роли, которую так неудачно пыталось до сих пор играть правительство. Либеральные буржуа еще торгуются с правительством. Но, кажется, сделка скоро будет заключена. И тогда речь пойдет о том, чтобы оставить народу как можно меньше прав, завоеванных им ценою стольких жертв.

Таков общий политический смысл совершающихся теперь событий. И рабочему классу, этому передовому бойцу российской революции, надо ясно понимать его. Чтобы до конца победоносно провести дело революции, дело освобождения России, недостаточно тех временнных и смешанных по политическому составу организаций пролетариата, которые проводят политические забастовки. Нужна всероссийская сильно организованная рабочая партия, единая по своей политической программе и тактике. Такая партия пролетариата у нас уже есть. Это — социал-демократия. В наши дни она должна только, оставив те конспиративные рамки, в которых она действовала до сих пор, открыто об‘единить под своими знаменами весь российский пролетариат.

„Послабление“ крестьянам.

На стремление крестьян выбиться из тисков бесправия и нищеты, стремление, превращающееся в наши дни в грозную лавину, готовую смести на своем пути все препятствия, правительсто ответило манифестом 3 ноября.

Манифест „дарует“ крестьянам льготы по приобретению земель через Крестьянский Банк и уничтожает выкупные платежи с 1907 г., на 1906 же г. уменьшает их наполовину.

А сословная бесправность крестьян? А вся та туча большого и мелкого начальства, которая, как сибирский „гнус“, покрывает и мучит крестьянство? А тот повелительный вопль о земле, который заполнил теперь всю Россию?

В манифесте 3 ноября на эти вопросы нет отзвука... Очевидно, не окреп еще голос народа.

На крестьянском вопросе мы остановимся подробно в следующем номере. Здесь же ограничимся замечанием, что манифест не только не разрешил его, но, можно сказать, и не затронул.

„Новая Жизнь“ и союз в защиту свободы печати.

Mea culpa! Каюсь в том, что, вступая в союз для защиты свободы печати, я верил, что профессиональная организация деятелей печати, имеющая целью борьбу с цензурным произволом, в состоянии об‘единить представителей разных программ и направлений, так как цензурно-политический гнет одинаково ненавистен консерваторам из „Нового Времени“, и буржуа из „Сына Отечества“, и представителям интересов рабочего класса. Но действительность вскоре доказала мне, что такое об‘единение невозможно. Между буржуазной политикой и социал-демократической — нет и не может быть никаких, даже внешних и формальных, точек соприкосновения. Три вечера потерял я в этом противоестественном союзе, и последний из них — вечер 5 ноября — оказался для меня особенно поучительным.

Заседание было посвящено вопросу о необходимости добиться для газет права выходить безостановочно и во дни всеобщих политических забастовок. Все производства и профессии пусть бастуют, и лишь газетам да будет разрешено торговать подписочно и в розницу.

Мотивировал союз свое требование, во-первых, тем соображением, что печать, ведя борьбу за свободу, должна иметь привилегию неумолкаемости. Соображение это, высказанное в собрании, где среди прочих газетных деятелей присутствовали представители „Слова“ и „Света“, не было лишено своего рода пикантности. Внутренний комизм всего инцидента усиливался еще тем, что резолюция союза требовала права безостановочного выхода для всех органов печати, без различия направлений; мотивировка же к этой резолюции указывала на направление печати — ее борьбу за свободу. Очень умно и очень логично.

Второй мотив оказался еще убедительнее. Газетные деятели, видите ли, такие же пролетарии, как и все другие рабочие, и поэтому имеют право на удовлетворение своей просьбы со стороны Совета Рабочих Депутатов. Итак, газетные деятели, сознавая себя пролетариями, вследствие этого должны не участвовать в общепролетарском движении, а итти ему наперерез и требовать себе исключительного положения среди всех рабочих. Еще умнее, еще логичнее.

Впрочем, к чему мотивы и соображения там, где все понятно без слов и заранее предрешено? Нужно ли прибавить, что редакция резолюции принадлежала представителю „Сына Отечества“, и что она была принята почти единогласно? Против нее высказались только трое: я, представитель „Русской Газеты“ да еще один неведомый мне „союзник“. Резолюция отправлена в Совет Рабочих Депутатов, который просьбу союза отверг. Но каково бы ни было решение Совета, смею думать, что безмолвие буржуазной прессы в течение нескольких дней или ее усиленное декламаторство не повлияет на судьбы нашего освободительного движения, и русская Клио об этом обстоятельстве забудет бесследно. Ведь не мешает вспомнить, что октябрьская победа была одержана после двухнедельного газетного безмолвия ...

Покончив с резолюцией о неумолкаемости, союз, после перерыва, перешел к рассмотрению того, что было названо инцидентом с „Новою Жизнью“.

Нашу газету упрекнули в несолидарности за то, что представитель „Новой Жизни“, как это видно из „Известий Совета Рабочих Депутатов“, обратился в этот Совет с просьбой дать нам возможность выпускать свою газету в дни последней забастовки.

В том, что мы считаем политическую забастовку обязательной для всей печати и в то же время ходатайствовали о выходе „Новой Жизни“, члены союза усмотрели внутреннее противоречие, которое и просили меня раз‘яснить. Я мог бы уклониться от ответа, так как поднятый вопрос выходит за пределы защиты свободы печатного слова, составляющей единственную цель и задачу союза. Однако, не желая укрыться за формальным возражением, я исполнил обращенную ко мне просьбу и раз‘яснил собранию сущность и цель всякого забастовочного движения, безразлично экономического или политического. Забастовка — это та арена, на которую труд выступает для бескровного единоборства с капиталом. Труд на время складывает руки и, заставляя капитал пошатнуться, тем самым доказывает ему свое могущество и заставляет исполнить свои требования. Буржуазные газеты — такие же капиталистические предприятия, как фабрики и заводы, и поэтому рабочие печатного дела, примыкая к забастовке, участвуют в общей демонстрации труда против капитала. Но если бы нашлась газета, которая, не представляя из себя капиталистического предприятия, посвятила бы себя защите интересов рабочего класса, то она не только имела бы право, но была бы обязана выступать во время забастовки с удвоенной энергией в защиту этих прав. Такою газетою и является „Новая Жизнь“. В нашем желании выходить во время забастовки так же мало противоречивого и странного, как в том, что Совет Рабочих Депутатов сам же выпускал в это время, поневоле нелегальным путем, свою собственную газету. Равным образом, в этом желании нет ничего несогласного с интересами других изданий, так как наш образ действий обусловлен не внешним фактом принадлежности к газетному цеху, а особенностями нашей программы и принятого на себя служения. Пусть любая газета—„Свет“, „Слово“, или „Сын Отечества“—искренно выступит в защиту интересов рабочего класса, и мы будем относиться к ней как к товарищу, и охотно разделим с нею наши права и обязанности.

Вот, приблизительно, то, что я высказал союзу в ответ на его упрек, и должен сознаться, что не только не убедил „союзников“, но как будто даже еще разозлил их. После многих дебатов было принято, что в виду того, что союз до сих пор считал своей задачей только защиту печати от цензурного произвола, редактор „Новой Жизни“ имел право поступать так, как он поступил, однако, на будущее время члены союза обязываются солидарно выпускать или не выпускать свои издания в случае новой политической забастовки.

Подчиниться этой резолюции мы, конечно, не могли, ибо это значило бы связать свободу своих действий силой, посторонней интересам рабочих и нашей задаче. Конфликт с союзом оказался неизбежным. Произошло столкновение не двух мнений, а двух миропониманий, двух отношений к своему долгу. Члены союза, прини-

мая вторую резолюцию, подчинялись принципу солидарности и поэтому чувствовали себя весьма празднично. Я, отвергая эту резолюцию и выходя из союза, тоже подчинялся чувству солидарности. Но в сознании буржуазном и социал-демократическом понятие о солидарности отражается различными чертами. Когда буржуа говорит о солидарности, он думает о конкуренции, а когда он думает о конкуренции, он уж ни о чем не в состоянии думать, не видит и не слышит, как тетерев на току. Обязавшись солидарностью, члены союза решили на время залить пожирающий их пламень конкуренции, чтобы потом, по миновании забастовки, раздуть его с удвоенной силой. В сознании же социал-демократическом солидарность означает деятельность, согласную с интересами трудящихся масс и направленную к уничтожению всякой конкуренции и всякой эксплоатации. Если вспыхнет новая политическая забастовка, то нет сомнения, что мы в своей деятельности будем руководствоваться принципом солидарности, но так, как мы его понимаем.

Что же касается союза газетных издателей и сотрудников, то не только об их конкуренции и солидарности, но о самом их существовании мы в то время едва ли вспомним.

Вот почему, выслушав резолюцию союза, я об'явил, что, в виду непримиримости миропонимания буржуазного и социал-демократического, я слагаю с себя звание члена союза, заседание которого тут же и покинул, — сознаюсь, не без чувства физического удовольствия.

Н. Минский.

Москва.

7 ноября.

Всероссийский крестьянский с'езд.

Вчера, 6-го ноября, в Москве состоялось открытие крестьянского с'езда. Всего прибыло до 300 лиц.

С'езд открыт г. Курминым, который предложил избрать председателя. Собрание единогласно избрало его же. Товарищами председателя избраны: гг. Стааль и Мазуренко, секретарями — гг. Блеклов и Левицкий.

Председатель сообщил отчет о деятельности комитета крестьянского союза за время с 1-го августа по 6-ое ноября. Комитет между прочим напечатал много прокламационных листков, получивших большое распространение в крестьянской среде. Так, например, листок под заглавием: „Как должно бойкотировать Государственную Думу“ разошелся в количестве 15.000 экз., листок: „Чего требуют люди, ходящие с красным флагом“—в количестве 45.000 экз., листок: „Образцовый крестьянский приговор“ — 8.000 экз. Кроме того издан еще целый ряд листков под другими заглавиями. Комитет задумал учредить свой собственный орган, и в скором времени выйдет первый номер этого органа.

Память всех павших в борьбе за освобождение России почтена собранием вставанием, при чем присутствующие спели „Вы жертвою пали в борьбе роковой“.

Затем начались речи, которых было произнесено очень много и на разные политические темы. Красной нитью в этих речах проходит утверждение, что крестьяне сознают бесцельность погромов.

Было констатировано, что, когда для подавления крестьянских беспорядков были вызваны войска, то войска эти неоднократно становились на сторону крестьян. Так было, между прочим, и на Дону. Делегат из Белоруссии сообщил собранию о том тяжелом положении и ужасном гнете, в котором находится белорусский крестьянин в настоящее время. Оратор закончил свою речь следующими словами: „Белоруссия ждет призыва с оружием в руках“. Все ораторы единогласно указывали на произвол крестьянских властей, а особенно — на произвол земских начальников, зачастую величающих себя „царем и богом“. Выяснилось, что особенно ярко подчеркивает свое царское и божественное происхождение владимирский земский начальник.

Главное требование, на котором базировались все ораторы,— было наделение крестьян землею. У всех крестьян, приславших на с'езд своих делегатов, было и есть только одно желание: передать в собственность народу всю землю, взяв ее у частных владельцев и у казны. Во многих углах крестьяне прямо говорят: „Если нынешней зимой не отдадут нам земли, весной сами ее возьмем“.

Собрание отозвалось на последние события в Кронштадте, высказавшись против смертной казни и постановив следующую резолюцию: „Всероссийский крестьянский союз не признает за русским правительством, которое организует погромы, права судить кронштадтских матросов и требует их амнистии и немедленного освобождения. Довольно крови! Довольно казней! Да здравствует свобода! Да здравствует освобождение союза русск. крестьян, городских рабочих, армии и всего русского народа!“

— Заседание с'езда городских и земских деятелей открыто при пониженном настроении.

Большинство ораторов, признавая, с одной стороны, что правительство пока стоит на старом пути, с другой стороны, считает необходимым заключить с ним дружеский договор. Другие подвергают резкой критике действия правительства после 17 октября: об'явление Польши на военном положении, организацию погрома, лишение почтово-телеграфных чиновников права союзов, отдачу трех губерний во власть бывших эскадронных командиров. Некоторые предлагают откликнуться на предложение Витте и отправить депутатов в Петербург для выражения благодарности царю. Выставленные русским народом политические требования в устах ораторов являются доктринерскими формулами, с которыми практическим политикам нечего считаться. Совет Федеративного Московского Комитета и Московской Группы С.-Д. Партии в своей резолюции об отношении к с'езду земцев и думцев предлагает всем организованным товарищам на всех митингах вести агитации, отмечающие антипролетарскую политику либералов, земцев и так называемых конституционалистов-демократов, а также выбрать представителей Федеративного Совета и Совета Рабочих Депутатов, для заявления земскому с'езду непреклонной воли московского пролетариата и отношение его к постыдному торгу конституционных демократов с правительством.

— Из Гомеля сообщают: делегатское собрание служащих и рабочих Либаво-Роменской и Полесских дорог приняло такую резолюцию: „За погромы стоит и устраивает их черная сотня, вызывая и распространяя вражду между разными национальностями, унижает наше отечество и причиняет вред трудящимся массам, мы, депутаты, заявляем всем жителям Гомеля, что рабочие энергично пойдут против насилия. Пусть знают все, что делегатское собрание решило добиваться всеми мерами увольнения всех служащих и рабочих, которые будут участвовать в погромах“. Такая же резолюция была принята организованным пролетариатом Гомеля.

— Вчера, 6-го ноября, в Москве открылся с'езд земских и городских деятелей. На с'езд прибыло много представителей земств и городов, корреспондентов и посторонней публики, впуск которой производился по билетам.

Председателем с'езда был избран И. И. Петрункевич, товарищами председателя Ф. А. Головин, Н. Н. Щепкин и А. А. Савельев.

Первым говорил Ф. А. Головин, указавший на то значение, которое оказал с'езд на освободительное движение. На с'езде был выработан законопроект основного закона Российской империи. Правительство неудачно пыталось полицейскими мерами тормозить работу земств. Правительство, очевидно, предполагало, что за земством нет реальной силы, которая поддержала бы выставленные земским с'ездом требования. Но великие октябрьские события показали иное. Эти требования как бы воплотились в манифесте 17-го октября, но правительство и тут сделало свою старую ошибку: оно дало стране не все, чего страна требовала, и как естественные последствия этого явилась анархия вместо желанного успокоения. Но, несмотря на это, надо признать, что народ одержал победу над старым порядком.

Собрание почтило вставанием память кн. С. Н. Трубецкого и всех павших борцов за освободительное движение.

Представитель Ставрополя-Кавказского Я. В. Абрамов возбудил вопрос о публичности заседаний с'езда.

Ф. А. Головин заявил, что гр. Тышкевич, Либицкий и Янцон не участвуют в с'езде потому, что были арестованы в Варшаве и препровождены в Москву для высылки в Архангельскую губернию.

Собрание выразило сожаление, что гр. Тышкевич, Либицкий и Янцон не могут присутствовать на с'езде, и постановило телеграфировать графу Витте, прося его разрешить упомянутым трем лицам участвовать на с'езде.

Ф. Ф. Кокошкин заявил, что слух, что будто бы граф Витте предлагал организационному бюро указать из земской среды лиц, которые вошли бы в состав кабинета министров, не верен.

Харьковский уполномоченный г. Кучеров предложил с'езду выбрать депутацию, которая принесла бы государю императору благодарность за дарованные вольности, и высказать графу Витте готовность поддержать его в проведении намеченной программы. Предложение это пока не обсуждалось.

Граф П. А. Гейден коснулся в своей речи вопроса о мерах, необходимых для успокоения страны. Первым условием оратор считает немедленное заявление, что реформа дана правительством бесповоротно, и что самодержавная власть более в России не существует. В виду того, что теперешняя власть не внушает никакого доверия, должен быть немедленно издан соответствующий закон. Нужно издать закон о способах быстрого обжалования административных действий и немедленного разрешения этих жалоб. Нужна на местах сильная судебная власть. Нельзя относиться с доверием к настоящему министру юстиции, который был сотрудником Муравьева и всегда желал уничтожить всякую самостоятельность судебного ведомства.

Представитель Самары г. Масленников говорит, что настоящее положение напоминает положение России в 1612 году, когда Россия была спасена только земским собором. Настоящую власть может теперь представить только земский собор на правах Учредительного Собрания. Жаль, что желанные реформы начертаны на красном знамени, которым народ не сочувствует, будучи принципиальным противником республиканской формы правления.

Саратовский представитель Немировский: „Аграрные беспорядки совершаются по программе социал-революционеров. Нужно сплотиться вокруг правительства".

Бельский из Ковны говорит, что в Литве давно потеряно доверие к правительству. Раньше было решено итти в Государственную Думу, теперь положение резко изменилось. Витте несомненно понимает положение дел, но держится выжидательно и сидит между двух стульев. Нужно, чтобы с'езд не занял такого же положения.

Представитель Нижнего-Новгорода г. Савельев говорит, что нельзя мириться с бесправностью громадной массы народа.

„Нас здесь,—говорит г. Попов из Иркутска,—призывают в Каноссу, но мы смело ответим, что не пойдем в нее, иначе нас почтут не вставанием, а разве только проклятием. Нам не страшны пожары и черные сотни. Мы знаем, что это старый режим напрягает свои последние силы. Он передернул карты и создал хулиганство. Пусть Витте даст гарантию, что он далее пойдет честным путем. Нам обещали амнистию, а между тем многие из наших борцов еще томятся в заключении; нам обещали свободу печати, а вместо этого последовал циркуляр главного управления по делам печати, который если и не отменяет ее, то во всяком случае откладывает ее в дальний ящик".

Затем говорил Аргутинский-Долгоруков из Тифлиса, рассказав о событиях в Тифлисе: „Администрация играла роль не только провокаторов, но и активных насильников. В избиениях участвовали даже юнкера, нападавшие на воспитанников приготовительного класса. Малютки становились на колени, пели „Боже, царя храни", но и это их не спасало. Какого же доверия можно требовать от нас? Дайте нам гарантии, и мы вам ответим доверием. В кредит доверия мы не даем".

Большую и обстоятельную речь сказал представитель Твери де-Роберти: „Перед нами две тревоги: диктатура и анархия. Красный и черный призрак. Этот спектр без промежуточных цветов. Анархия в сущности аграрное движение. Его причина: народное невежество и слабость правительства, обессиленного революционным движением. Надо принять меры, чтобы локализовать пожар. Не надо поспешно бежать в об'ятия нового кабинета; с другой стороны, принимая во внимание нервозное состояние общества, необходимо сделать все для успокоения общества. Смотря на акт 17-го октября как на переходную ступень от старого режима, мы должны сделать смелый, но не легкомысленный шаг навстречу новому кабинету и пред'явить следующие минимальные условия: 1) немедленное не только увольнение, но и предание суду полицейских чинов, где произошли черносотенные погромы; 2) предоставить портфели министра внутренних дел, министра юстиции и финансов лицам, облеченным общественным доверием, предыдущая деятельность которых не идет в разрез с манифестом 17 октября; 3) произвести в декабре и не позже января выборы в Государственную Думу; 4) поручить Думе в январе или феврале выработать основной устав Российского государства на началах манифеста 17 октября; 5) установить новое земское и городское положение; 6) рассмотреть бюджет на 1906 — 1907 г.; 7) продолжить полномочия Государственной Думы на три года; 8) отмена военного положения; 9) полная амнистия". В пункте 4-м значится еще урегулирование аграрного вопроса и обеспечение единства и нераздельности России и политическая автономия Царства Польского.

Отмечаем еще речь князя Е. Н. Трубецкого.

„С'езд должен сказать, что манифест 17 октября — это благая вещь, которая должна об'единить всех для защиты от всяких врагов, сверху и снизу. Если не последует такого заявления со стороны умеренно-прогрессивной партии, министерство может быть смещено другим кабинетом — белого террора—или сметено волною революционного движения. Ежедневно Витте получает до 600 телеграмм, содержащих в себе жалобы на местные власти. Нужно оставить мелочную критику правительственных распоряжений".

Сегодняшнее заседание с'езда закончилось в девять часов вечера. Следующее заседание назначено на завтра, в 1 час дня, в доме Морозова.

— Группа помещиков Московской губернии обратилась в московскую губернскую земскую управу, министерство внутренних дел и к обер-прокурору святейшего синода с заявлениями, в которых просит принять меры к тому, чтобы в церквах и на сельских и волостных сходах крестьянам был раз'яснен точный смысл высочайшего манифеста от 3 ноября. Ходатайство свое помещики мотивируют опасением возникновения аграрных беспорядков, так как многие местные крестьяне заявляют, что уменьшение выкупных платежей для них вовсе не льгота, так как и без того они в последнее время не производили этих платежей, и что им, крестьянам, об'явлена, очевидно, только незначущая часть манифеста, остальную же часть, где содержатся действительные льготы крестьянам, от них „скрыли помещики".

— На происходящем теперь в Москве с'езде делегатов всероссийского крестьянского союза делегат Саратовской губернии сделал сообщение о том, как крестьяне Саратовской губернии устраивали собрания членов союза в течение истекшего лета, когда всякие собрания в губернии строжайше преследовались. Крестьяне собирались преимущественно в лесах, войска устраивали на них облаву, один раз дело доходило даже до стрельбы, были убитые и раненые. Однако, крестьян это не останавливало, и деятельность крестьянского союза продолжала процветать. Делегат Муромского уезда, Владимирской губ., сообщил, что крестьяне названного уезда на карте поделили между крестьянами всю землю уезда, и переубедить их в том, что не придутся им вовсе такие наделы, нет теперь уже никакой возможности. На манифест 3 ноября муромские крестьяне смотрят только как на прелюдию, за которой последует раздел между крестьянами всех государственных удельных и частновладельческих земель.

— Сегодня состоялось совещание профессоров Московского университета, продолжавшее обсуждать вопрос о закрытии университета. В совещании участвовало 56 человек. Пред началом заседания совещанию было доложено заявление студенческого делегатского собрания, указывавшего на необходимость совместного обсуждения профессоров со студентами упомянутых вопросов. Совещание профессоров постановило оставить это заявление без последствий. Принципиально постановлено закрыть университет до 15 января; мотивированное же постановление будет выработано сегодня вечером.

— Сегодня открылась московская консерватория. Профессора явились почти в полном составе, учащихся же явилось всего несколько человек. Последние решат вопрос о возобно-

влении занятий на общем собрании учащихся, которое состоится в среду. Большой зал консерватории охраняется воинским патрулем.

— Вчера на станциях железных дорог московского узла была получена от Рязанско-Уральской железной дороги телеграмма следующего содержания: „4-го ноября на ст. Козлов, Рязанско-Уральской железной дороги состоялось собрание всех служащих и рабочих названной дороги в количестве 3.000 человек, на котором постановлено присоединиться к петербургским забастовавшим товарищам и рабочим, пред'явив требования: об отмене военно-полевого суда над кронштадтскими рабочими и матросами, об отмене смертной казни, об отмене введенного в Польше военного положения и положения об усиленной охране, а также о даровании полной амнистии политическим преступникам. Если указанные требования не будут удовлетворены в течение трех дней, служащие намерены прекратить работу и остановить железные дороги".

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Москва, 6 ноября (случайная).—Комитет московского отделения всероссийского почтово-телеграфного союза, по поручению почтово-телеграфных служащих Москвы, собравшихся в числе более 2-х тысяч человек, обсудивших последние циркуляры начальника главного управления почт и телеграфов, действующего именем управляющего министерством внутренних дел Дурново, отвергающего распространение силы манифеста 6 августа и 17 октября на служащих почтово-телеграфного ведомства, решительно требует немедленной отмены этих циркуляров и каких бы то ни было препятствий к созыву всероссийского с'езда делегатов почтово-телеграфных служащих.

Челябинск, 6-го ноября (случайная).—Получив свободу из рук народа, возвращаясь из изгнания, шлем горячий привет оставшимся в каторжных тюрьмах и крепостях товарищам, приветствуем борцов свободы, чтим память павших уверением в окончательной победе революции.

Бывшие ссыльные: Бойко, Бродская, Каминяр, Левкович, Якобсон, Ярошевский, Леберман, Копчинский, Щеголков, Мацюкович, Скаржинский.

Москва, 6 ноября.—Сегодня открылся областной с'езд всероссийского учительского союза; собрались представители 12 губерний. Речи ораторов сводились к об'единению политической тактики с крестьянским союзом.

На крестьянском с'езде весь день посвящен был делегатским сообщениям о деятельности на местах. Почтена вставанием память павших борцов за свободу. Присутствуют 500 человек.

Сегодня осуществлено полное закрытие торговли в праздничные дни. Не торговали даже лавки в с'естных рядах. Некоторые магазины пищевых продуктов торговали ограниченное число часов.

Москва, 6 ноября.—В заседании с'езда земских и городских деятелей граф Гейден решительно высказывается против Учредительного Собрания в такую минуту, когда нужна сильная власть, обеспеченная законами. В города и местности, где были погромы и беспорядки, нужно послать сенаторов; надо образовать советы из местных сил при губернаторах; надо обеспечить охрану прав граждан правильно поставленной судебной властью. Временные законы обо всем этом способны пока, до Думы, осуществить начало гражданской свободы; они важнее принципиальных вопросов об избирательном праве, которые гораздо лучше выработает Дума. Первое заседание закончилось горячею речью Родичева, в которой он заявил, что, если правительство нуждается в поддержке, то надо дать ему эту поддержку на условиях торжественной присяги акту, отделяющему прежнюю Россию от России правовой; надо поддержать правительство в деле осуществления основного закона 17-го октября, но до этого оно должно совершить дела, достойные этого доверия.

Варшава, 6 ноября.—В городе совершенно спокойно. „Варшавский Дневник" сообщает, что ад'юнкт-профессор Ново-Александрийского лесного института Ланге, руководивший манифестациями в институте, заключен в Ивангородскую крепость по распоряжению генерал-губернатора. Городская касса ассигновала 50.000 рублей на покупку силезского угля в предупреждение угольного голода.

Чита, 6 ноября.—Прибыло десять запасных военных госпиталей. Разместить их можно лишь с трудом. Один готовый большой барак на-днях сгорел. Много громил с награбленным имуществом из Томска проехало в Манчжурию. Несколько осталось в Чите и были опознаны. Город разделен на участки. Для водворения спокойствия губернатор принял все меры.

Дубовка, 6 ноября.—Дума постановила ходатайствовать о постройке в Дубовке порохового и мелинитового заводов, на которые бесплатно уступает 1.000 десятин общественной земли. После молебствия по поводу манифеста 17 октября раз'яснено народу значение дарованной ему гражданской свободы.

Москва, 6 ноября.—Проверка полномочий членов с'езда земских и городских деятелей показала, что присутствуют представители 26 земских и 13 неземских губерний, в том числе Семипалатинской волости, и 39 городов. Из Царства Польского прибыло 23 депутата. С'езд постановил просить графа Витте о допущении в собрание с'езда трех польских деятелей, высланных из Варшавы. Ходатайство еврейского населения Вильны о допущении от него отдельного депутата отклонено. Дальнейшая часть заседания была посвящена выяснению взглядов отдельных представителей на текущие события. Прения, как охарактеризовал их де-Роберти, направлены были к разрешению вопроса, может ли с'езд оказать содействие правительству, и если может, то на каких условиях. Бюро доложило о результатах поездки членов бюро к графу Витте, представило уже известные подробности беседы с графом Витте, при чем решительно опровергло сообщение газет, будто граф Витте предлагал земскому бюро войти в состав кабинета. Представитель Харьковского земства Кучеров и Саратовский городской голова Немировский предлагали оказать поддержку кабинету графа Витте, при чем Кучеров предлагал выразить государю императору благодарность за манифест 17-го октября и способствовать общему умиротворению единением с графом Витте по главным вопросам, предоставив детали разработать Государственной Думе. Немировский указал на весь ужас крестьянского аграрного движения, которое угрожает морем крови. Оратор видит спасение лишь в единении с графом Витте и предлагает оказывать ему поддержку, так как иначе или крайние партии одержат верх, или графу Витте придется броситься в реакцию. Граф Гейден тоже находит, что подробности новых законов выработает Государственная Дума, которая непременно будет либеральна. Это доказывается примером земства, которое, несмотря на свой сословный характер, всегда вотировало за освободительные начала и за равномерное распределение налогов. Но необходимо, чтобы само правительство не впадало в противоречия.

Варшава, 6 ноября.—В два часа дня в русском клубе началась сходка русских служащих в Варшаве. Собралось около 1.000 человек.

Несколько польских общественных деятелей выехали на общий земский с'езд в Москву.

Старица, 6 ноября.—Крестьянские волнения в Лотошине продолжаются. Туда посылаются драгуны.

Одесса, 6 ноября.—Градоначальник об'являет, что существующими законами учреждение милиции не допускается, как угрожающее общественной безопасности и спокойствию, и может лишь вызвать рознь и вражду в обществе и даже повлечь за собою насилия над самими милиционерами со стороны остальных групп городского населения. В целях усиления доверия к производящимся чинами полиции розыскам награбленного во время погрома имущества, градоначальник просит городского голову прислать список лиц, пользующихся доверием граждан Одессы для участия в обысках в качестве понятых.

Правление коммерческой артели обратилось к градоначальнику с предложением услуг при организации городской охраны.

Луга, 6 ноября.—Сообщение с Петербургом восстановлено при помощи железнодорожного баталиона. Занятия в старшем отделении приюта принца Ольденбургского прекращены. В виду общего спокойствия в городе, население к этой мере относится весьма несочувственно. В остальных училищах занятия идут правильно.

Томашев, 6 ноября.—Временным люблинским генерал-губернатором об'явлено, что всякие уличные манифестации будут рассеяны силой оружия.

Варшава, 6 ноября.—По словам „Курьера Варшавского" на Колюшковской ветви Привислинских дорог поврежден мост, вследствие чего движение на два с половиной часа было прервано. Злоумышленники не открыты.

Пенза, 6 ноября.—Пензенская губерния с 5 ноября об'явлена на положении усиленной охраны.

Иркутск, 6 ноября.—В учебных заведениях возобновились занятия.

Курск, 6 ноября.—По распоряжению управляющего министерством внутренних дел Курская губерния с 5 ноября об'явлена на положении усиленной охраны.

Ревель, 6 ноября.—Усиленно формируется балтийская конституционная партия, близкая по программе к партии правового порядка. В городе спокойно.

Киев, 6 ноября.—Постановлением совета профессоров большинством 30 против 28 голосов при одном воздержавшемся университет закрыт до первого января.

Москва, 6 ноября. — Сегодня в земледельческой школе общества сельского хозяйства открылся всероссийский с'езд крестьянских союзов.

Киев, 6 ноября.—Киевская дума послала графу Витте следующую телеграмму: „Киевская городская дума в чрезвычайном ее заседании 6 ноября, не признавая с'езда городских и земских деятелей в Москве выразителем настроения русского народа и находя этот с'езд узкопартийным, определила не посылать на оный представителей от киевского городского общественного управления и признать участвовавших в заседаниях с'езда киевских гласных не имевшими и не имеющими никаких полномочий на участие и выражение взглядов киевской думы. Вместе с тем дума выразила свою несолидарность с принятыми с'ездом в Москве положениями, не сочувствует вообще направлению деятельности с'езда. По поручению думы о вышеизложенном постановлении имею честь довести до сведения вашего сиятельства. Киевский городской голова Проценко".

Екатеринбург, 5 ноября.—Пермским губернатором назначается витебский вице-губернатор д. ст. с. Ключарев.

Астрахань, 6 ноября.—В киргизской степи 1 ноября в 40 землянках обнаружены 78 чумных заболеваний, а по 4 ноября 41 смертный случай. 5 ноября в 70 верстах от Астрахани заболело от чумы 6, умерло 2 человека.

Елисаветград, 6 ноября (СПА).—По собранным биржевым комитетом справкам, проверенным общим собранием биржевого общества, местные торговцы непосредственно пострадали от погрома 18—19 октября на 500.000 рублей. Общим собранием постановлено ходатайствовать перед министром финансов о сложении половины окладного сбора и пересмотре раскладочным присутствием раскладки, в виду того, что многие мелкие купцы разорены и не в состоянии будут уплатить налог.

В мужской гимназии и женской прогимназии завтра начнутся занятия.

Рига, 6 ноября (СПА). — По соглашению родителей и педагогических советов в большинстве средних учебных заведений решено завтра возобновить занятия.

Варшава, 6 ноября (СПА). — Сегодня утром на Кручьей улице к сапожнику еврею явились три неизвестных лица и стали требовать денег, якобы для социальной партии. Получив отказ, они ушли и возвратились около пяти часов, когда хозяин обещал приготовить деньги. Застав в комнате толпу евреев, пришедшие стали стрелять и ранили троих. Один из стрелявших задержан.

Тифлис, 7 ноября. — Вчера состоялись многочисленные митинги здешних крайних партий. Большинство высказалось против предполагавшейся вновь забастовки. Среди педагогов и учащихся также замечается сильное движение в пользу открытия занятий в школах. Успокоительные сведения получаются из Гурии, где, вследствие снятия военного положения и благодаря тактичному образу действий войск, настало заметное успокоение.

Екатеринбург, 7 ноября. — Вследствие волнений рабочих на экономической почве приостановлены кыштымские горные заводы.

Севастополь, 7 ноября. — Сегодня забастовали приказчики торговых и промышленных заведений. Требования их экономические. Большинство магазинов закрыты. Сейчас приказчики устроили митинг в народном доме. В городе спокойно.

Сандомир, 6 ноября. — В уезде разбиты две казенные винные лавки и Липникское гминное управление. Похищено денег до 600 руб. Подозревается грабеж под видом политической демонстрации. В шайке 8 человек.

Киев, 7 ноября. — В экстренном закрытом заседании думы постановлено не посылать в Москву на с'езд земских и городских деятелей представителей киевского городского управления.

Енисейск, 6 ноября (СПА). — Хотя, в виду энергичных действий общественной самообороны, полиции и патрулей, в настоящее время серьезных нарушений порядка нет, и занятия в учебных заведениях идут нормально, купечество, принимая в расчет возможность применения военной силы лишь в крайних случаях и тревожные слухи, собрало свыше 600 рублей, на которые решили пригласить из Красноярска по вольному найму на два месяца десять казаков.

Старый Оскол, 6 ноября (СПА). — Крестьянские беспорядки усиливаются. Сожжены 17 усадеб. Присланы рота пехоты и сотня казаков.

Баку, 6 ноября (СПА). — Генерал-губернатором разрешены митинги. На-днях предстоят собрания рабочих для выслушания докладов петербургских делегатов с'езда нефтепромышленников.

Кострома, 6 ноября (СПА). — Педагогические советы семинарии и женской гимназии сообщили думе свои постановления, в которых выражено негодование по поводу действий толпы, руководимой учениками и техниками, силой и угрозами заставившей учащихся итти на площадь 19 октября на митинг, окончившийся избиением молодежи, и убеждение, что участие средней школы в политическом движении и демонстрациях чуждо задачам школ.

Москва, 6 ноября (СПА). — Сегодня в два часа дня открылся с'езд городских и земских деятелей, председателем избран Петрункевич, товарищами председателя Щепкин и Савельев. С'езд начался докладом Головина, очертившим деятельность земских с'ездов с 6 ноября прошлого года и ту огромную роль, которую они сыграли в освободительном движении.

Москва, 7 ноября. — Сегодня наборщики „Московских Ведомостей", пред'явив ряд требований, которые пока не удовлетворены, забастовали; завтра газета не выйдет.

Сегодня областной учительский с'езд решил присоединиться к крестьянскому союзу.

В сегодняшнем заседании крестьянского с'езда продолжались доклады делегатов о положении крестьянского вопроса в разных уездах.

Одесса, 7 ноября (СПА). — У английского генерального консула состоялось собрание представителей английской колонии для обсуждения мер защиты англичан на случай повторения в Одессе беспорядков. Собрание постановило обратиться к градоначальнику с требованием устранить всякие затруднения при выдаче заграничных паспортов. В случае возникновения беспорядков все члены английской колонии собираются немедленно в здании консульства, для защиты консульства пред'является требование об охране, а в случае неполучения таковой организуется собственная вооруженная охрана из членов колонии. Затем члены колонии направляются под охраной консула в порт, где будут находиться готовыми к отплытию два английских парохода.

Аналогичные постановления выработали: итальянское, австрийское, швейцарское, турецкое и другие консульства. Завтра предполагается собрание всех консулов Одессы.

Возобновилось правильное движение поездов. Отошел курьерский поезд в С.-Петербург.

Москва, 7 ноября. — Сегодня совет университета постановил закрыть университет до 15 января и об'явить во всеобщее сведение мотивы этого решения.

Кострома, 7 ноября. — Вчера частное совещание лиц, принадлежащих к конституционной партии, высказалось за выражение всеми земствами и городами доверия новому правительству с графом Витте во главе, как единственное средство утишения смуты и забастовок и успешности проведения в жизнь начал, возвещенных манифестом 17 октября.

Ревель, 7 ноября. — Вчера и третьего дня три раза рабочие на окраинах, скопившись в большие толпы, пытались проникнуть в центр города, но при появлении войск сами рассеивались.

Чита, 7 ноября (СПА). — Занятия в средне-учебных заведениях возобновились. Сенатор Кауфман выехал в Иркутск ликвидировать госпитали. Врачи здешних лазаретов выразили ему на прощание признательность за корректное и гуманное отношение.

Таганрог, 7 ноября.—Волнение среди заводских рабочих, принявшее широкие размеры, стихло. Работы продолжаются.

Юрьев, 7 ноября.—По требованию здешних властей в город прибыла полурота пехоты.

Второе свидание Г. А. Лопатина с родными.

1 ноября Г. А. Лопатин имел второе свидание с сыном своим, присяжным поверенным Б. Бартом, и родными. Со слов Б. Барта в это и первое свидание разговор его с отцом носил отрывистый характер, как обыкновенно при встрече близких людей, долго не видевшихся друг с другом и старающихся в какие-нибудь ½ часа охватить все события за время разлуки. Б. Барт не виделся с отцом 21 год, помнил он отца смутно, так как расстался с ним 5-летним мальчиком.

О жизни своей в Шлиссельбургской крепости Г. А. говорил мало.

Первые годы жилось очень тяжело. Режим в крепости был ужасно суровый: полное одиночество, лишение книг, общения с товарищами, при ужасном обращении со стороны высшей и низшей тюремной администрации.

Обращались сначала с заключенными „на ты", что вызывало сильные протесты со стороны заключенных. Администрация пробовала на протесты угрожать физическим воздействием, но к ним не прибегали в виду заявления, что на насилие отвечено будет насилием. За попытки перестукиваться на некоторых надевали смирительные рубашки.

За последние 10 лет режим начал изменяться к лучшему, явилась возможность иметь некоторое общение между собой, в последние годы разрешена была переписка с родными два раза в год, но только в виде коротких сообщений о здоровье.

О жизни вне тюрьмы они долгие годы ничего не знали. Проходили долгие годы без просвета, без надежды услышать голос нетюремщика, а впереди смерть в каменном мешке. Только с появлением Карповича, Гершуни и других луч света робко озарил тюремную жизнь и скоро исчез. Вплоть до вывоза из Шлиссельбургской крепости они и не подозревали о возможности скорого выхода из тюрьмы. Вывезены они были из Шлиссельбургской крепости 28 октября, в 1 час дня, и все на одном пароходе. Перевод из Шлиссельбурга в Петропавловку, ожидаемая хоть ограниченная свобода сильно подняли настроение заключенных.

О событиях последнего времени они уже знают из выдаваемых им из крепостной библиотеки новых журналов.

Г. А. интересуется всем, даже мелочи невольно приковывают его внимание, так, напр., его поразил вид его двоюродного брата студента в форме... К сожалению, сырость камеры уже дает себя знать, у Г. А. вновь появились ревматические боли. Только близость свободы поддерживает силы этих мучеников.

А через толстые тюремные стены как будто невольно начинает проникать дух новых веяний.

Старые устои режима крепости как будто начинают колебаться, или общественное мнение заставляет администрацию начинать отступать от своих традиций полицейско-самодержавного режима. Этим заключенным уже дня два дается прогулка не 12 минут, а 2 часа, дается возможность общения между собою, разрешены свидания не 2, а 3 раза в неделю, допускаются передачи.

Но все это мало изменяет положение заключенных.

Каждый лишний день, проведенный в тюрьме, сокращает жизнь этих мучеников на годы. Они должны быть освобождены и немедленно. Родные на запрос о выпуске на поруки получили ответ от администрации, что заключенных выпустят на поруки в указанные родственниками местности, дело за некоторыми формальностями, т. е. за обычной канцелярской волокитой.

Долго ли эта волокита протянется — неизвестно.

С. К—о.

Среди адвокатов.

5-го ноября, т. е. спустя три дня после об'явления всеобщей забастовки, столичные адвокаты собрались в Тенишевском училище для решения вопроса о присоединении к забастовке. Нельзя сказать, чтобы среди адвокатов желание примкнуть к забастовке проявилось в большой мере. Более 3-х часов спорили на эту тему, при чем аплодисменты в одинаковом изобилии сыпались по адресу ораторов, говоривших и за и против забастовки.

Наиболее ярым противником забастовки выступил адвокат Раппопорт. Понимая, однако, что прямо против забастовки говорить „неудобно", — оратор в длинной и бессодержательной речи пытался доказать, что забастовка адвокатов „может повредить общему делу".

Что предполагал оратор под „общим делом", осталось вполне невыясненным, ибо, судя по речи, г. Раппопорт ни с какой стороны не причастен „к общему делу". Это тем более станет ясным, если принять во внимание ту роль, которую почтенный юрист играет в жизни. Г. Раппопорт состоит поверенным многих обществ и фабрик, и его миссия сводится, главным образом, к отстаиванию интересов своих хозяев перед рабочими. Честно зарабатывая свой хлеб, г. Раппопорт уже много лет занимается доказыванием того, что рабочие, получившие увечье или погибшие при „исполнении своих обязанностей", отнюдь не должны быть обеспечены хозяином.

Г. Раппопорт, забыв на время о своей деятельности, пустился даже в „либеральничанье". Начал он с того, что будет „говорить от души", а затем стал выкладывать содержимое своей души. Душа адвоката по увечным делам, вещавшая о своих достоинствах устами своего владельца, обнаружила смесь самого рискованного свойства. О чем только она не вещала: о бесплатных зрителях в театре и о революции, которую она — душа его — не прочь одобрить; о женщинах и социал-демократах, к которым оратор относится с сугубым почтением; говорила душа адвоката и о Бебеле, при чем оратор поручился за то, что Бебель, узнав о забастовке адвокатов, „разразился бы гомерическим хохотом". При этом оратор одобрительно хихикнул. Далее оратор говорил о страданиях рабочих и о многом другом, при чем эту часть „речи" вел в минорном тоне с дрожью в голосе, а быть может, и со слезами, но их за темнотой не видно было: зал тускло освещался свечами в виду бездействия электричества.

Наговорившись всласть, оратор закончил предостережением, что забастовка адвокатов только смешна, „а перед женщиной и политикой бойтесь быть смешными".

По адресу оратора раздались жидкие аплодисменты и солидное шиканье. В ответ на последнее душа храброго юриста устами владельца возвестила: „Я этого не боюсь".

Выступившие вслед за ним Плансон, Бернштам и Волкенштейн разбили оратора и призывали к забастовке. В особенности ярко, быть может, и резко, но вполне заслуженно ответил Раппопорту Ф. А. Волкенштейн; на слова последнего Раппопорт обиделся было и попросил слово, которое ему после порядочного шума было дано. В своем ответе г. Раппопорт окончательно сбился с панталык и заявил, что признает только таких юристов, как погибший недавно Бауман. Но „по справкам" оказалось, что Бауман вовсе не юрист. Раппопорт, однако, и тут „не растерялся" и развязно заявил, что „он жалеет, что Бауман не юрист". По зале пронесся гомерический хохот, повидимому, тот самый, который оратор навязывал Бебелю.

По баллотировке большинство постановило об'явить адвокатскую забастовку без обструкции.

Л. Л.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

Рождественские курсы.

Среди всех учебных заведений столицы Рождественские курсы до последнего времени пользовались счастливым исключением: по постановлению слушательниц, двери курсов и теперь открыты для митингов. По какой-то странной случайности здание не охранялось полицией до знаменательного заседания совета профессоров совместно с курсовыми старостами. И только 3 ноября был составлен первый полицейский протокол „о незаконном сборище". Но, вследствие давления училищного начальства, курсам пришлось, в конце концов, разделить общую участь учебных заведений: занятия на них приостановлены. Для того, чтобы добиться нормального течения занятий и закрытия курсов для митингов, по предложению совета, был внесен на общую сходку вопрос: „При каких условиях слушательницы считают возможным открытие научных занятий на курсах?" При единогласном почти решении курсовые старосты вошли, как делегатки сходки, в заседание совета профессоров. Совместное совещание носило возмутительно постыдный характер, приданный ему председательницей совета, княгиней Мещерской. После того, как депутация слушательниц заявила, что, по постановлению сходки, курсы должны быть открыты как для занятий, так и для митингов, княгиня заявила: „Таким образом, от имени совета об'являю, что курсы будут закрыты". Член совета профессор Гейнац возражает, что заявление Мещерской не есть постановление совета, а ее личное мнение. Княгиня рассердилась и заявила, что она „настоит на закрытии курсов" при дружеском содействии ей в этом полиции. Свящ. Медведь силится доказать, что постановление о митингах вынесено слушательницами под влиянием небольшой „кучки злонамеренных лиц". Но его потуги встречают снисходительную улыбку присутствующих. Профессор Гейнац обращается к депутации с вопросом: „Правда ли то, в чем нас старались уверить на предварительном собрании совета: именно, что участники превращают митинги в кабак?" Возмущенные нелепостью заявления, делегатки ответили, что допускать правдоподобность подобной гнусной сплетни значит отказывать им в уважении их человеческого достоинства, и что отвечать прямо на поставленный вопрос они, к стыду совета, не находят возможным. Несмотря на достоинство ответа, ее сиятельство позволила себе обратиться к депутации со словами: „Признайтесь, ведь, выпивают на митингах?..."

Депутация курсисток покинула собрание. 3 ноября к директору курсов Явейн являлась полиция с требованием у него подписки о запрещении в стенах заведения митингов, но он от подписки отказался. А вслед за протоколом 3 ноября полиция потребовала 4-го числа, у курсисток указаний на организаторш митингов. Конечно, слушательницы отказались от каких бы то ни было об'яснений с полицией. Говорят, что начальница интерната курсов любезно предложила себя в услужение полиции.

---

2 ноября в здании 7 гимназии состоялась сходка учеников VIII класса, созванная директором гимназии для выяснения вопроса о возможности начала занятий. На сходке была вынесена следующая резолюция:

„Мы, ученики VIII класса 7 гимназии, собравшись в гимназию по приглашению директора, постановили следующее: 1) не веря в возможность успокоения страны до действительного исполнения обещанных в высочайшем манифесте от 17 октября реформ, мы, однако, считаем возможным и даже необходимым начать занятия, т. к. всеобщая политическая забастовка окончилась. В случае же новой политической забастовки, мы, вполне сочувствуя освободительному движению, считаем своим нравственным долгом примкнуть к ней в знак своей солидарности с революционным народом. В последнем случае для нас, учеников VIII класса, является желательным прохождение курса частным образом; 2) принимая во внимание, что мы и так уже пропустили много уроков а, с другой стороны, и то обстоятельство, что перерывы занятий предвидятся и в будущем, мы считаем необходимым ввести в курс VIII класса следующие изменения: а) уменьшить число уроков греческого и латинского языков (греч. 3 ур., а лат. 1 ур.), а освободившиеся уроки предоставить для математики (3 ур.) и для русского языка (1 ур.); б) отменить прохождение для экзамена на аттестат зрелости древней и средней историй, заменив их более подробным ознакомлением с новой историей. Кроме того, собрание считает необходимым следующие изменения в гимназическом строе: а) предоставление гимназистам права собираться в гимназии в свободное от занятий время; б) преобразование гимназической библиотеки (в нее должны допускаться все имеющиеся в продаже книги); с) разрешение читать в стенах гимназии газеты и журналы; d) свобода кружков для самообразования; е) уничтожение кондуитов; f) уничтожение в трех старших классах записок о неявке в гимназию и об отказе от уроков. Принимая, однако, во внимание, что постановления двух других старших классов могут не сойтись с нашим, мы откладываем вынесение определенной резолюции до общей сходки и считаем невозможным начинать занятий до созыва ее. Кроме того, мы находим желательным образование при 7 гимназии института старост, но откладываем подробное обсуждение этого вопроса до общей сходки.

„Наконец, мы выражаем свое порицание бывшему нашему преподавателю, а ныне директору реального училища Богинского, г-ну Каттерфельду, за его возмутительное поведение в училище во время последних событий".

— Совет профессоров политехнического института на последнем заседании 4 ноября пришел к заключению, что в настоящий момент открытие института немыслимо, т. к. личность занимающихся студентов ничем не ограждена, и к ним в любую минуту может быть применена военная сила. При малейшем подозрении в желании устроить митинг или даже сходку как институт, так и общежитие могут быть заняты войсками, при чем может произойти столкновение войск со студентами. В силу всех этих обстоятельств совет постановил закрыть институт пока до 15 января; о дне же начала занятий студентов будет об'явлено особо. В настоящее время 2-е и 3-е общежития закрыты. Первое же общежитие временно функционирует.

— Характерный диалог. Совет профессоров Петербургского университета адресовался к совету факультетских старост с вопросом: „При каких условиях студенчество находит возможным открытие университета для научных занятий?" Был дан ответ: „Возобновление занятий возможно лишь при единственном условии открытия университета для митингов". Совет профессоров санкционирует: „Даем свое согласие на устройство в университете митингов, но при условии: во-первых, запретить ораторам призыв к вооруженному восстанию и, во-вторых, не допускать выражений оскорбления величества". На это последовал ответ: „На условия совета профессуры не согласны. Митинги должны протекать при полной свободе слова". Совет профессоров утверждает решение с особыми на этот раз условиями: во-первых, необходимости упорядочения внешней обстановки митингов и, во-вторых, присутствия на них лишь интеллигенции". Совет старост дает категорический ответ: „Не согласны". На этом прервались пока сношения двух „советов".

— 4 ноября в коммерческом училище Е. Ф. Шрекника состоялась сходка учеников, на которой выработана следующая резолюция:

„Мы, ученики 3 старших классов К. У. Е. Ф. Шрекника, собравшись на сходку 4-го ноября 1905 г., выражаем полную солидарность с требованиями, выставленными Советом Р. Д. в заседании 1-го ноября, и примыкаем к общей забастовке впредь до прекращения ее Советом Р. Д.".

Круговая порука была принята единогласно.

Профессиональные союзы.

В Союзе союзов.

Новая забастовка петербургского пролетариата захватила совершенно врасплох либеральных „союзников". Заседание 2-го ноября центрального и местного бюро „Союза союзов", на котором рассматривался вопрос, следует ли Союзу союзов примкнуть к общей политической забастовке петербургского пролетариата, было посвящено не столько обсуждению принципиальных вопросов, сколько тому, как бы союз не „отстал" от общего освободительного движения. Наиболее принципиальным явился проф. Савич, который высказался решительно против всяких политических забастовок.

— Каждые десять дней — политическая забастовка, — ужасался профессор, — это безумно. Протестовать против смертной казни, конечно, следует, но ведь у нас существует лига борьбы со смертной казнью, и мы, вместо того, чтобы устраивать забастовку, можем поручить ей организовать митинги протеста. (Смех.)

Остальные ораторы не столько доказывали необходимость забастовки, сколько то, что об этом уж поздно рассуждать.

— Раз Совет Рабочих Депутатов об'явил общую политическую забастовку, — говорили ораторы, — нам остается только примкнуть к ней, иначе мы отстанем от освободительного движения...

В конце концов было решено предоставить обсудить вопрос о забастовке бюро отдельных союзов.

После продолжительного совещания выяснилось, что все бюро стоят за забастовку, но считают необходимым созвать для окончательного решения вопроса всех членов союза.

В комическом положении очутился союз равноправия женщин, состоящий, как известно, исключительно из буржуазных элементов.

— Мы—тоже за забастовку,—докладывала представительница союза,—но фактически не можем ее осуществить, так как мы и так ничего не делаем.

На общих собраниях союзов, состоявшихся 3-го и 4-го октября, решено было, после страстных и оживленных прений, примкнуть к забастовке.

Центральный комитет Союза союзов 6 ноября, согласно решению Совета Рабочих Депутатов, с своей стороны, постановил прекратить забастовку 7 ноября в 12 час. дня.

По вопросу о постоянных сношениях с Советом Рабочих Депутатов постановлено послать двух делегатов в С. Р. Д. с предложением предоставить им право совещательного голоса.

Предложение группы учителей средней школы социал-демократов об участии в заседаниях с правом совещательного голоса отклонено. Затем постановлено:

1) Выразить протест против увольнения за забастовку.
2) Принять в состав Союза союзов союз сотрудников печати.
3) Устроить 10 ноября митинг по поводу смертной казни.
4) Устроить митинг 12—13 ноября по поводу погромов.

Для устройства митингов избрана комиссия.

В союзе инженеров и техников.

Собрав необходимые данные по поводу увольнения 16 инженеров с Адмиралтейских Ижорских заводов в Колпине, союз инженеров и техников считает своим долгом выступить с энергичным протестом и защитой своих членов, пострадавших за общее освободительное движение.

Обстоятельства дела. К политической забастовке, охватившей всю Россию, примкнул, конечно, и Ижорский завод. Сначала прекратили работы инженеры, а затем постепенно все рабочие. О своем решении забастовать, состоявшемся на собрании 16 октября, инженеры послали коллективное заявление начальнику завода генерал-майору Гроссу *), который, отказавшись принять депутацию, передал, что завод будет работать во что бы то ни стало. В понедельник, 17 октября, двое инженеров — Солончаков и Ботяновский, состоящие в запасе армии, но не призванные в действующую армию, как люди необходимые заводу, получили официальный призыв к исполнению обязанностей, а в пятницу, 21 октября, в виду их отказа, были извещены об увольнении.

Обсудив это обстоятельство, инженеры подали г. Гроссу коллективное требование об отмене этого распоряжения или распространении его на всех, в виду их полной солидарности. В ответ на это требование все подписавшиеся, а также и Солончаков и Ботяновский, получили 26 октября следующее уведомление: „Вследствие отказа вашего от службы, прошу дела и имущество передать (такому-то), сообщив об исполнении и приложив сдаточные документы“.

Петиция 2000 рабочих об оставлении на местах инженеров не имела успеха; г. Гросс заявил депутации рабочих, что представит петицию высшему морскому начальству, но сам будет настаивать на удалении непокорных.

Среди уволенных инженеров оказалось несколько лиц, составивших себе имя в технике и создавших целые отрасли отечественного производства (броневое дело). Некоторые из них потратили лучшие годы своей жизни на создание и улучшение дела на заводе, но г. Гросс, как истый бюрократ, привыкший ставить выше всего внешний порядок и благоволение начальства, а не интересы дела, не остановился перед разгромом всего вверенного ему, очевидно, по недоразумению, предприятия. В настоящее время можно сказать, что Ижорских заводов не существует как промышленного предприятия, так как там нет того запаса опыта, знаний и авторитета, который собран многими поколениями и достойными хранителями которого были уволенные инженеры. Рабочие теряют в них своих постоянных руководителей и просветителей. Как представитель ретроградной бюрократии, г. Гросс не оказался не причастным к „черному террору“ и к числу своих отечественных заслуг прибавил жестокое избиение казаками мирной толпы рабочих. По словам очевидцев, расправа происходила не только на площади, но и в потребительской лавке, где ворвавшиеся казаки избивали покупателей, в числе которых были женщины и дети.

Принимая все изложенное во внимание, общее собрание инженеров и техников выражает глубочайшее негодование по адресу ген.-майора Гросса, требует немедленного удаления его, настаивает на возвращении всех уволенных инженеров и об'являет их места не подлежащими замещению. Лица, согласившиеся занять эти места, должны знать, что и они подвергнут себя всем последствиям бойкота, который союз об'являет г. Гроссу.

Союз приглашает все общество принять самое деятельное участие в бойкоте г. Гросса и поручает бюро союза войти с циркулярным предложением во все учреждения и технические общества и союзы, могущие содействовать реальности бойкота.

Приводим список уволенных инженеров: заведующий броневым отделом Иван Кондратьевич Названов. Мастер бронезакалочной мастерской инж.-технолог Александр Ингольдович Леонтович. Заведующий сталеплавильной мастерской инж.-технолог Иван Федорович Яргин. Конструктор заводов Дмитрий Дмитриевич Дубницкий, инж.-технолог. Заведующий главной чертежной инж.-технолог Афанасий Георгиевич Кишкин. Заведующий медно-прокатной мастерской инж.-технолог Борис Владимирович Жирмундский. Мастер оборочной мастерской, инж.-технолог Борис Моисеевич Ботяновский. Заведующий железоделательным и прокатным заводом инж.-технолог Николай Яковлевич Солончаков. Помощник мастера мастерской цельнотянутых труб инж.-технолог Дмитрий Владимирович Кац. Заведующий лабораторией Александр Емельянович Нефед-Нефедовский. Помощник заведующего лабораторией инж.-технолог Степанов. Заведующий электр. ст. электротехник Степан Михайлович Гладков. Мастер цинковальной мастерской Дмитрий Петрович Ларионов. Помощник кузнечного мастера Арсений Арсеньевич Нечаев. Инж.-технолог Игнатий Васильевич Дерябкин.

*) Генерал-майор Гросс окончил курс в морском техническом училище в Кронштадте инженер-механиком.

Об организации.

Социал-демократия и Совет Рабочих Депутатов.

Чтобы правильно определить ту позицию, которую по необходимости должна занять наша Партия по отношению к Рабочему Совету, нужно, прежде всего, дать себе отчет в том, что такое представляет из себя Совет Рабочих Депутатов.

Всякий раз, когда более или менее широкие народные массы приходят в движение, когда скрытое внутри их брожение находит себе выход в форме того или другого активного выступления, — всякий раз в таких случаях активно выступившая масса нуждается, а потому и выдвигает исполнительный орган своего активного высту-

пления. Пути, при посредстве которых выдвигаются массою такие исполнительные органы, очень различны. В некоторых случаях во главе массы становятся люди, наиболее активно себя зарекомендовавшие в данном выступлении. На них, без всяких выборов, даже без всякого уговора, так сказать, молчаливым согласием, и переносится вся сила исполнительной власти. Так, напр., иногда бывает во время крестьянских бунтов. В других случаях масса доверяет проведение своих постановлений тем организациям, которые пользуются в ее среде достаточным для этого авторитетом. В районе Бунда, а также в Царстве Польском политические стачки, а часто и экономические проводятся всецело социалистическими организациями Бунда, С.-Д. П. и Л., П. П. С. Наконец, иногда исполнительный орган выбирается самою массою. Так именно было у нас во время октябрьской забастовки, когда забастовавший пролетариат Петербурга выбрал Рабочий Совет, поручив ему вполне определенную функцию — проведение об'явленной пролетариатом политической забастовки. Таким образом, генезис Рабочего Совета ясен: это — выбранный пролетариатом исполнительный орган определенного пролетарского выступления. Ни больше ни меньше. И понимая его именно таким образом, социал-демократические петербургские организации как „меньшинства", так и „большинства" решительно повели агитацию за выборы в Совет, как только идея выборов возникла у массы. Конечно, с точки зрения Партии представляется наиболее желательным тот случай, когда масса настолько доверяет Партии, что при каждом своем выступлении смотрит на партийные организации, как на признанный уже исполнительный орган, управляющий всеми движениями массы. При таких условиях ни о каких выборах масса и не думает. Но, к сожалению, при всем громадном идейном влиянии, которое, несомненно, социал-демократия оказывала и оказывает на рост и формы русского рабочего движения, организационные формы партии, по условиям подпольной работы, были слишком несовершенны для того, чтобы они позволили партии не только идейно, но и организационно овладеть массой. Партия это сознавала, а потому она же сама бросила в пролетариат идею выборов, вела агитацию за Рабочий Совет и старалась провести туда своих кандидатов. Таким образом, самый Рабочий Совет возник при непосредственном участии в его образовании социал-демократической партии, и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что значительная доля того влияния, которым Рабочий Совет, несомненно, пользуется, которое позволило ему сыграть такую видную роль в октябрьской забастовке, — создана для него именно социал-демократией.

Итак, Рабочий Совет, как исполнительный орган пролетарского выступления — политической забастовки, возник под непосредственным влиянием социал-демократической агитации. Но вот окончилась забастовка, а Рабочий Совет все-таки продолжает существовать. Мало того, он обнаруживает сильное стремление стать политическим вождем рабочего движения. Физиономия его, таким образом, резко изменяется.

Сообразно этому, должно измениться и отношение к нему Р. С.-Д. Р. П. Если социал-демократия решительно поддерживала Рабочий Совет как исполнительный орган пролетарского выступления, то теперь она должна не менее решительно бороться со всякой попыткой его стать политическим вождем рабочего класса. В самом деле, Рабочий Совет представляет из себя комплот лиц самых разнообразных политических оттенков. При таких условиях политическое руководство Рабочего Совета пролетарской борьбой определится взаимодействующей всех борющихся в нем элементов. Линия пролетарского движения, если только последнее пойдет под руководством Рабочего Совета, будет не прямой, а ломаной, с судорожными изгибами то вправо, то влево, в зависимости от того, чье влияние одержит в нем верх. Неопределенность политической физиономии Совета, его так называемая „непартийность" поведут лишь к тому, что его политика будет политикой компромиссов, каковою по необходимости должна быть деятельность всякого учреждения, носящего характер парламента с представленными в нем различными политическими течениями.

При таких условиях Рабочий Совет, сам того не подозревая, может столкнуть рабочее движение на путь оппортунизма, может невольно стать той лазейкой, которую до сих пор тщетно ищут буржуазные партии, старающиеся вести рабочих на поводу у буржуазии. Вот почему социал-демократия, для которой дороже всего чистота пролетарского движения, которая более всего борется за то, чтобы рабочее движение, вместо изгибов в сторону буржуазии, шло по прямой линии истинно пролетарской социал-демократической программы и тактики, должна решительно бороться против всяких попыток поставить рабочее движение под руководство такой неопределенной политической организации, какою является Рабочий Совет. Вот почему вопрос о политической физиономии Совета был поднят в нем именно социал-демократическими элементами, вот почему социал-демократы агитируют за то, чтобы Рабочий Совет или принял социал-демократическую программу или отказался от роли политического вождя.

Для социал-демократов, которым дороже всего чистота пролетарского движения, это вполне понятно. Но, повидимому, это совершенно непонятно Партии Социалистов-Революционеров, на отношении которой к Рабочему Совету я хочу несколько остановиться.

В письме, помещенном в № 4 „Новой Жизни", делегаты социалисты-революционеры решительно протестуют против начатой Федеративным Комитетом нашей партии агитации в пользу признания Рабочим Советом социал-демократической программы. В то же время делегаты социалисты-революционеры находят для себя возможным участвовать в Совете, как в организации, „представляющей интересы всех рабочих г. Петербурга без различия партий". Таким образом, вопроса о том, может ли подобное представительное учреждение играть, без вреда для интересов рабочего класса, роль политического руководителя, — для социалистов-революционеров, повидимому, не существует. Явление, по меньшей мере, странное и, во всяком случае, показывающее, что о чистоте рабочего движения „партия всех трудящихся" не особенно-то заботится. Вместо того, чтобы ясно и определенно поставить и разрешить этот вопрос, социалисты-революционеры, „из соображений тактики", предпочитают оставаться в Рабочем Совете и, тоже из „соображений тактики", смотреть, как Рабочий Совет принимает социал-демократические директивы и фактически все время идет под флагом социал-демократии, ибо делегатов социал-де-

мократов там подавляющее большинство. Очевидно, интересы социалистической чистоты и выдержанности пролетарской борьбы у социалистов-революционеров отступают совершенно на задний план по сравнению с интересами собственной лавочки. После этого какою странною иронией звучит заявление делегатов социалистов-революционеров, что их партия также является „представительницей интересов пролетариата“.

Социалисты-революционеры возражают, что Рабочий Совет, как учреждение представительное, не может быть партийным. Совершенно верно: в тот момент, когда Рабочий Совет об‘явит себя социал-демократическим, он, как таковой, перестанет существовать, ибо нелепо итти к пролетариату и говорить ему: свободно выбирай в Рабочий Совет своих представителей, но помни, что ты можешь выбирать только социал-демократов, потому, что Совет социал-демократический. Мы говорим это открыто, ибо мы также открыто заявим, что, в противоположность социалистам-революционерам, считаем вредным для рабочего класса, если его борьбой будет руководить „беспартийное“ учреждение; ибо мы, в противоположность социалистам-революционерам, твердо помним и не перестаем твердить на всех пролетарских собраниях, что именно под флагом „беспартийности“, под лозунгом: долой партийность! — провозится в рабочую среду гнилой товар буржуазной идеологии, который, наверное, не прошел бы под своим настоящим именем.

Некоторые товарищи задают еще вопрос: какое место займет Рабочий Совет в Партии, если он примет нашу программу? Пролетарскому учреждению всегда найдется место в пролетарской партии. Это место определится по свободному соглашению между Партией и Рабочим Советом. По моему личному мнению, наиболее подходящая функция, которую Партия могла бы предложить Совету, это организация по отдельным производствам профессиональных союзов и об‘единение их в общий рабочий профессиональный союз. Впрочем, это только мое личное мнение.

Наконец, встречается еще и такое возражение: об‘явив себя партийным, Рабочий Совет, как таковой, перестает существовать. Но что же делать в случае нового пролетарского выступления? Ведь опять возникнет нужда в авторитетном исполнительном органе этого выступления? На это можно ответить следующее. Путем усиления нашей социал-демократической агитации, путем выхода из подполья и открытого выступления нашей партии, путем организации профессионального движения под руководством Рабочего Совета, вступившего в наши ряды,— путем всего этого мы надеемся к моменту нового пролетарского выступления настолько расширить организационное влияние нашей партии на пролетарскую массу, что, когда эта масса бросится в бой, она, обращаясь к нашим партийным комитетам, скажет: вот наши руководители, других нам не надо! К этому должен стремиться всякий сознательный социал-демократ. Если же это нам не удастся, если мы не сумеем стать признанными всею пролетарскою массою вождями ее борьбы, если пролетариат пожелает сам избрать своих вождей, мы так же, как и перед октябрьскими событиями, пойдем к нему и скажем: выбирай их, выбирай новый Рабочий Совет, новый исполнительный орган нового пролетарского выступления. Мы так же, как и теперь, поможем пролетариату создать этот орган; так же, как и теперь, постараемся занять в нем подобающее нам место, подобающее по тому влиянию, которым мы, как-никак, пользуемся в рабочей среде. Но мы так же, как и теперь, начнем борьбу

Памяти Павла Августовича Грожана.

(Убитого в Москве 22 октября с. г.)

Одной из грустных жертв насилия и зла
Пал смелый юноша, на улице убитый...
Он на посту стоял, когда свобода шла,
Чтоб быть ее защитой!
Он вышел на борьбу, когда царили тьма
И мертвенный покой постыдного терпенья;
Его ждала, как склеп, холодная тюрьма,
Но не была она могилой для стремленья.
И в сердце молодом огонь не угасал...
В глухих стенах тюрьмы страданьем закаленный,
Все силы отдал он за светлый идеал
И горячо будил народ порабощенный!
Свершалася мечта: он увидал, как шла
Свобода юная к восставшему народу...
И на посту своем, убит из-за угла,
Пал жертвой за свободу!

А. Лукьянов.

О профессиональном движении и о задачах социал-демократии*).

Основная задача социал-демократии, определяющая направление всей ее партийной деятельности, выражается в немногих словах: организовать рабочий класс в сознательную политическую силу, проявляющую себя как повседневным политическим выступлением, так и революционным натиском в критические минуты. Сознательные социалистические цели и революционные массовые выступления — вот две основные черты, отличающие доктрину с.-д. и ее тактику. Прививать их там, где они в зародыше, развивать их там, где они уже фактически проявляются, наконец, закрепить их в прочные организационные формы — таковы ближайшие задачи российского социал-демократического движения. Мы, несомненно, стремимся и должны стремиться к тому, чтобы партия стала организованным передовым отрядом класса, чтобы за нашими знаменами шли миллионы пролетариев, чтобы наши лозунги подхватывались миллионами людей, словом, чтобы сила пролетарского сознания превратилась в физическую силу организованной массы и подтвердила свои

*) Перепечатано из № 21 „Пролетария“.

с этим новым Рабочим Советом, если только он из исполнительного органа пролетарского выступления будет стараться сделаться руководящим политическим органом пролетарского движения, ибо, повторяю еще раз, только пролетарская, строго классовая партия может руководить политическим движением пролетариата, сохраняя чистоту его лозунгов, а не такая политическая мешанина, такая неопределенная и неустойчивая политическая организация, какою является и не может не являться Рабочий Совет.

П. Н. Гвоздев.

О Совете Депутатов.

(Письмо в редакцию.)

Читатели - товарищи! Перед нами поставлен сложный, требующий при всестороннем рассмотрении холодной рассудительности вопрос — об определении политической роли или платформы, которую должен занять в данное время общегородской Совет Рабочих Депутатов. В самый момент возникновения Стачечного Комитета, еще при проведении в жизнь всеобщей политической забастовки, этот вопрос совершенно не стоял перед Советом, но теперь справа и слева, отдельными личностями и целыми группами, ставятся Совету вопросы о его политической физиономии. Так, на заседании Федеративного Совета фракций меньшинства и большинства была принята единогласно резолюция в том смысле, что Совет Рабочих Депутатов, если он предполагает политически руководить, а не ограничить свою деятельность известными, совершенно определенными, конкретными функциями, должен стать под руководство Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. На неудачном же собрании членов районных комитетов обеих фракций Социал-Демократической Партии по вопросу об отношении к Совету представители фракции меньшинства прежде всего, и вполне основательно, заявили, что резолюция Федеративного Совета для них не обязательна, так как она не только не утверждена районными комитетами, но и еще не разбиралась ими. И в принципе, находя необходимым придать Совету Депутатов социал-демократическую окраску, меньшевики все-таки просили не спешить с превращением Совета в партийную организацию; и, о, горе нашему рабочему косноязычью, кто-то высказался в смысле: нельзя ли замять вопрос о характере Совета, если бы он возникнул даже и в самом Совете. На это большевики, распространяясь на тему: нет и нет, не дело социал-демократии заминать вопросы. Совет не стоит ни в каких обязательных отношениях к Социал-Демократической Партии и в то же время он фактически социал-демократичен, это ненормально, такое отношение к Партии в высшей степени странно. Совершенно не имея в виду спросить у вас, к какой бы фракции вы велели — к большинству или к меньшинству — примкнуть Совету, я ставлю здесь маленькое „но!“ Други! не вызвано ли (?) это странное отношение к Социал-Демократической Партии со стороны Рабочего Совета Депутатов той странной обстановкой, которая создала его (этот Совет), и в которой он продолжает работать теперь? Быстро развернувшиеся за последние недели события как бы медью спаяли все революционные силы в одну организацию Рабочего Совета. Но и не обеспечиваются ли дальнейшим единением и дальнейшие захваты пролетариата на его непосредственном пути к демократической республике?

логические выводы „аргументами улицы“. Это наша цель, руководящая нашей тактикой и нашей политикой.

Но ставя ее себе и практически ее осуществляя, мы должны опасаться одного важного промаха, характеризующего политику буржуазно-оппортунистических партий: именно, мы не должны во имя процесса организации отказываться от идей, социал-демократическую доктрину партии приносить в жертву складывающемуся на практической работе организму партии и, прокладывая рельсы революции, упускать из виду ее конечную станцию. Такой промах происходит весьма легко, тем более, что у большинства товарищей он превращается в революционную потребность, — ибо в минуты, подобные современным, логика парализована, а психология всемогуща.

Ход событий увлекает своей грандиозностью, ломка старого режима идет по всем пунктам, и триумфальная колесница революции с шумом и грохотом совершает свое всероссийское шествие. А мы, фаусты мелких организационных вопросов и мефистофели самих себя, расхаживаем по массовкам и конспиративным квартирам, добросовестно агитируем, скучно спорим и скучно живем. И кажется, что стихийная волна прокатится мимо нас, что мы уже на пушечный выстрел отброшены от великого революционного пути, и что для нас единственный исход — бежать за волной, догонять ее.

Но волны играют скверную штуку с тем, кто плывет по их течению: они выбрасывают его на отмель, а сами убегают вспять к „узким доктринам“ и основным идеям, подсказанным железной логикой истории. Покинутые позиции снова становятся фарватером движения, гора массового под‘ема, родившая либерально-буржуазную мышь, рассыпается на куски, и во весь прежний рост вырастает прежняя аксиома: „стихийность увлекает, но творит только сознательность“. Тогда людям, увлеченным массой и ею же выброшенным, приходится совершать путешествие в Каноссу и вторично присягать тем самым принципам, от которых они отреклись.

Таков процесс партийного роста, одинаковый для всех стран и приобретающий особую остроту в моменты революционной эпохи. Идея социализма, научного по своей доктрине, — основной скелет пролетарского движения. Все остальное концентрируется около него и имеет право на существование лишь постольку, поскольку оно слова и лозунги превращает в факты и действия. Организованная масса—все, если она представляет из себя социалистические батальоны; но она—ничто, если ее об‘единил только инстинктивный протест против настоящего, а не сознательное стремление к определенному будущему. Социалистический пролетариат — наша родина; конгломерат же пролетариев — лишь об‘ект нашего воздействия. С первым и в первом мы живем, со вторым — рассуждаем и агитируем. Эти основные положения настолько

Мы, социал-демократы, находимся в Совете большинством, и поэтому Совет находится под нашим непосредственным влиянием. Она, эта организация Рабочего Совета, могла бы быть и совершенно соц.-демократической, если бы мы, дорогие товарищи - большевики, вместо дела не занимались чесанием наших „фракционных язв". Твердая десять лет тому назад, стена старого порядка теперь покрыта массой больших и малых трещин. Не сегодня-завтра она бесповоротно рухнет, и горе нам, уже и теперь много и много потерявшим, в острый момент дележа распорядительной власти страны оказаться снова без сильных, крепких и единых рук, единой рабочей партии. Дорогие товарищи! Большевики и меньшевики! учтем же, наконец, тон времени; в противном случае, разбегаясь на два или на три фракционных пути, мы, уже имеющие навык и закал, потеряем нашу программу. Каждый из нас согласен, что естественно существование только единой партии, двух партий быть не должно! И в особенности в настоящее время, когда революционный топор беспощадно рассекает душную атмосферу, и когда обломки самодержавия, как буран, летят по всем большим и малым городам России, нам, рабочим, необходимо сплотиться в одну партию, дабы в ее руках дружно бороться за свои классовые интересы.

Социал-демократия, являясь самой истинной выразительницей интересов пролетариата, особенно верно должна оценить всю глубину и силу событий за последнее время, которых двойственность является как бы предпосылкой из старой и давно всем нам знакомой фразы: „Врозь итти и вместе бить". События заставляют нас обособлять себя для захвата большей диктатуры, и события же заставляют нас усматривать в данном времени— минуту мобилизации всех революционных сил в одну боевую организацию. Общегородской Рабочий Совет Депутатов в этом отношении должен явиться станом, откуда уже более или менее стройными рядами должны пойти все мобилизованные силы на новые атаки с царизмом — это самая первая, самая действительная и непосредственная задача Совета.

События приказывают нам быть готовыми к решительным выступлениям, и мы, борящиеся за свое освобождение пролетарии, должны утилизировать (использовать) все боевые силы, об'единив их для этой борьбы за свободу. Мы, социал-демократы, должны стараться как можно больше провести в эту революционную организацию Совета „своих" депутатов и не для того, чтобы взять сразу да и проголосовать программу, а войти в этот боевой рабочий парламент для достижения вполне определенных и ясных политических задач, а именно: 1) организация всероссийского рабочего конгресса (с'езда): а) для выяснения положения страны, б) для учета сил и средств, которыми располагает рабочий класс, в) для выяснения той легальной платформы, которую он должен теперь занять, и проч., проч., проч. 2) Второй задачей Совета должно явиться устройство всеобщей политической забастовки за достижение конечной своей цели, демократической республики, через Учредительное Собрание. 3) И, наконец, в-третьих, организация народной милиции — вооружение пролетариата для закрепления за собой того, что можно назвать уже завоеванным. И, само собою разумеется, Совет Депутатов должен являться, кроме всего, центром профессиональных организаций рабочей массы. Он должен организовывать профессиональные союзы и руководить экономическими забастовками.

Итак, резюмируя все изложенное выше, мы должны сказать, во-первых, что Совет Депутатов, являясь вы-

---

ясны и общепризнаны, что на них не стоило бы останавливаться, если бы они не забывались так часто, если бы революционное настроение не торжествовало над логикой революции.

Профессиональное движение может легко совлечь нашу партию с социалистического на общедемократический путь; вот почему, говоря о нем, приходится повторять и подчеркивать азбучные истины. Стремление об'единиться в профессиональные союзы замечается сейчас всюду; постоянно возникают среди рабочих попытки организовать их, задаются на массовках вопросы на этот счет и т. д. Такое явление далеко не случайно и не может быть отнесено на счет недостатков нашей партийной организации, как это полагают некоторые товарищи. Как бы ни была блестяще поставлена работа, каким бы уважением ни пользовались комитетские организации, — идея профессионального единения все равно продолжает жить, проявляясь все новыми попытками устройства рабочих союзов, касс взаимопомощи и т. д. Она неискоренима, ибо вытекает из недр пролетарского сознания, подсказывается поучительным и горьким опытом жизни.

Возьмите любую стачку, начатую по инициативе социал-демократии и принявшую длительный, затяжной характер,— и вы увидите не прямую линию последовательной борьбы, а лихорадочные вспышки настроения, сменяющиеся таким же лихорадочным упадком. Хорошо еще, если местные условия, как, напр., это было в Иваново-Вознесенске, допускают массовые собрания, где ежедневно руководители отдают отчет в своих действиях, распределяют суммы и т. д. и тем заранее уничтожают зародыши недоверия и подозрений. А там, где этого нет, довольно быстро складываются легенды о подкупе, о растрате собранных сумм и в несколько дней сметают всякие следы первоначального под'ема. Экономическая неорганизованность, отсутствие пролетарского воспитания сказываются здесь во всей силе, вулкан перестает выбрасывать лаву и пламень, а только плюется пеплом и грязью.

Тяжелее всего это отзывается на сознательных рабочих, руководящих стачкой: все упреки падают на их голову, все неудачи приписываются им, — словом, из вождей и любимцев они превращаются в подсудимых. А такой урок не забывается: одни испытали его на своей шкуре, другие наблюдали его со стороны, и у всех сознательных рабочих рождается жгучая потребность обучить массу азбуке борьбы, т. е. организовать ее экономическую солидарность. Без такого условия почти невозможна успешная стачка, а ведь мы, социал-демократы, берем на себя стачечный почин, пропагандируем стачки как единственный путь к экономическим завоеваниям. „Wer A sagt, muss auch B sagen" (кто сказал А, тот должен сказать Б), говорит немецкая поговорка. Применительно к данному случаю можно ее перевести так: кто рекомендует экономическую борьбу, рекомендует и формы ее организации, т. е. профессиональные союзы.

бранным рабочим представительством, находится под непосредственным воздействием рабочей социал-демократии, ибо в процентах по приблизительному подсчету получается следующее: социал-демократов 65%, социалистов-революционеров 13%, „беспартийных“ 22%, из которых 19% тяготеют к социал-демократии.

И, во-вторых, находя необходимым в данный момент небывалой борьбы полное об‘единение всех политических революционных боевых сил для новых наступлений — Рабочий Совет не лишает права участия в своих заседаниях всех выбранных депутатов без всякого различия их политического убеждения...

Рабочий К. Д.

От редакции. Печатая это письмо товарища-меньшевика, редакция исполняет свое обещание дать место также мнениям, несогласным с ее собственными взглядами. Мы находим, что товарищ К. Д. недооценивает важности для пролетариата именно в настоящий момент окончательной борьбы со старым строем, стать под вполне определенное знамя социал-демократии, а не затемнять своего классового сознания участием в „непартийных“ организациях.

К вопросу о реорганизации партии.

В воскресенье, 30-го октября, большевистский районный комитет Петербургского района (Петербургской стороны) обсуждал вопрос о перестройке партийной организации в районе. На собрании районного комитета присутствовало 15 человек: 7 интеллигентов и 8 рабочих; после двухчасового обсуждения этого вопроса собрание единогласно приняло следующие нормы: основу партийной организации образуют заводские и фабричные социал-демократические группы; членами группы считаются лица, признающие партийную программу, признающие для себя обязательным подчинение решениям организации и периодически уплачивающие известный членский взнос на нужды партии (размеры взноса определяются самой группой); для того, чтобы стать членом группы, необходимо заручиться рекомендацией двух членов ее и согласием большинства. Заводские и фабричные группы выбирают: а) из своей среды заводский или фабричный комитет, б) представителя или представителей в районный комитет; представителем группы в районном комитете может быть и не-член данной группы. Правом выбора своего представителя в районный комитет пользуются лишь те группы, число членов которых достигло десяти; каждый следующий полный десяток имеет право на выбор второго, третьего и т. д. представителя; группы, численность которых не достигает 10 человек, соединяются по несколько в одну группу для выбора своих представителей в районный комитет. Коллегия агитаторов и пропагандистов выбирает своего представителя в районный комитет на тех же основаниях, что и заводские и фабричные группы. Представители заводских и фабричных групп и коллегии агитаторов и пропагандистов образуют районный комитет. Районный комитет пользуется правом кооптации; районный комитет распределяет роли ответственного пропагандиста, ответственного агитатора, организаторов подрайонов и секретаря между своими членами.

Революция и армия.

„Войско не может и не должно быть проникнуто духом той или иной партии“... „оно руководствуется требованием воинской дисциплины, преданностью престолу и патриотическим долгом“... Хотя „возможны, конечно, отдельные случаи отступления от сего“. Так гласит одно

Из сказанного вытекает, что профессиональное движение законно, необходимо и неотвратимо; социалдемократ, выступающий его противником, борется с историей, с логикой и с самим собой.

Но, быть может, на это возразят, что особые условия русской жизни делают в данную минуту профессиональные союзы ненужными, даже вредными, что они отвлекают внимание масс от политической борьбы, что они суживают освободительное течение, отвлекая от него лучшие силы, и что, следовательно, необходимо препятствовать их возникновению. Но ведь, во-первых, никакая история в мире не может обязать социал-демократа бороться с ветряными мельницами, преграждая дорогу тому, что неотвратимо; а во-вторых, и самые доводы насчет опасности для России профессиональных союзов покоются на песке идеалистического понимания событий. Разве психологический интерес руководит людьми? Разве политическая свобода — только любопытная игрушка, которую можно променять на другую, более безопасную игрушку чисто экономического об‘единения? Разве революционный процесс вызван к жизни не экономическими силами, проявления которых никто и ничто не может предотвратить?

Нет, никакие союзы в мире не затушуют и не зарубцуют самодержавной язвы. Напротив, каждый шаг их деятельности будет напоминать им о Карфагене, на ряде бесчисленных примеров будет иллюстрировать массам их политическое бесправие и тем самым толкать их к политической борьбе. Если к современной революционной России и не применим европейский аршин, то лишь в том смысле, что в ней с такой быстротой, как нигде, экономическая солидарность пролетариата превращается в его политическую солидарность. Но, считаясь с профессиональными союзами как с неизбежным явлением жизни, мы обязаны выработать к ним определенное отношение и создать для них формы, наиболее благоприятные для развития вширь нашей партии. Прежде всего, мы должны отказаться от мифа нейтральности. Мы не можем стоять в стороне, не говоря ни за, ни против, и только наблюдать их возникновение и развитие. Если мы считаем их полезными для партии, то тем самым мы обязуемся, поскольку это в наших силах, способствовать их зарождению. Не дружественный нейтралитет, а активное содействие — вот наш лозунг по отношению к профессиональному движению.

Затруднение заключается только в одном: в недостатке работников, которых не хватает даже для партийной организации. Но это затруднение не так существенно, как кажется с первого взгляда. Среди рабочих имеется довольно значительный контингент лиц, достаточно развитых в теоретическом отношении, но далеко не революционных по своей психике. Чисто партийная деятельность, с ее риском и напряженностью, писана не для них — и они или открыто стоят в стороне от нее или

из правительственных сообщений и требует признания со стороны общества заслуг и трудов войск по поддержанию порядка в стране и предупреждению кровавых столкновений.

Правительство хочет этим сообщением уверить общество, будто войско является каким-то бесстрастным нейтральным агентом, водворяющим порядок в интересах всего населения, агентом, обезличенным и лишенным каких бы то ни было политических симпатий и антипатий. Только так ли это на деле? Верит ли само правительство в политический индиферентизм войска? Думают ли авторы сообщения, что офицеры и солдаты — только офицеры и только солдаты, а вовсе не граждане, не члены дворянского, мещанского или крестьянского сословия, не дети буржуа или пролетария?

Прежде всего, войско вообще — орган правительственный. Если в правительстве республиканской страны мы не можем не видеть организации классового господства, если войска республики употребляются, хотя и редко, для подавления и устрашения рабочего движения и для защиты „священной“ частной собственности, т. е. явно становятся на сторону буржуазии против пролетариата, то в сколь сильнейшей степени можем мы сомневаться в беспартийности российских войск.

Российские войска все время воспитывались в ненависти к так называемым „внутренним врагам“, под которыми разумелись и все рабочие и вся социалистическая и демократическая интеллигенция; занятия по „словесности“ в значительной степени сводились к клеветам на освободительное движение и к разжиганию политических страстей. Правда, далеко не всегда гг. „словесники“ достигали своих целей в среде солдат, но политические стремления большинства офицеров были совершенно определенны, и утверждать, что они не проникнуты духом какой-либо партии, значит утверждать нечто, совершенно противоположное истине. Если правительство буржуазной республики делает из войска орудие классового угнетения, то правительство полицейского самодержавия прибавляет еще к этой функции обязанности полицейско-охранительного характера. Если во Франции, напр., изредка во время бурной стачки войска убивают двух-трех рабочих, то у нас со времени возникновения рабочего движения, направленного социал-демократией в политическое русло, правительство ради сохранения старого режима расстреливало ежегодно тысячи борцов за свободу и лучшую долю.

Поскольку в войсках России царит дух „воинской дисциплины“, постольку они должны быть преданными защитниками самодержавной бюрократии, послушными исполнителями ее велений, а казарменное воспитание стремится сделать солдат врагами свободы не только за страх, но и за совесть. „Преданность престолу“, вообще говоря, является тоже весьма определенным политическим направлением, так что, говоря об этой преданности, правительство откровенно заявляет, что войска России — это не войска русского народа, а войска русского правительства.

Несколько иначе обстоит вопрос о „патриотическом долге“. Благо отечества может быть и обыкновенно бывает понимаемо весьма различно, и если бы патриотический долг мог играть соответствующую роль в сознании войск, то поведение последних могло бы часто не соответствовать требованиям воинской дисциплины и преданности престолу. Недаром авторы сообщения поставили патриотический долг на третьем месте — сила то не в нем, а как раз в двух первых факторах.

оказывают грошевые услуги, далеко не отвечающие их знаниям и способностям. Старания привлечь их во что бы то ни стало к партийной работе в большинстве случаев кончаются неудачами, ибо нельзя привлечь человека к боевым действиям, раз у него нет боевого характера. Но они могут стать неоценимыми работниками в профессиональном движении и здесь оказать партии громадную пользу. Стоя во главе всевозможных союзов, придавая им определенное направление, они создадут великолепные условия для агитационной работы. Не выступая открытыми сторонниками социал-демократической партии, они расчистят препятствия с ее пути и дадут возможность привлекать к движению все новые и новые силы. И так как такая деятельность наиболее отвечает их стремлениям, то несомненно они сумеют придать работе широкий размах, обеспечить социал-демократии аудиторию. Для партии гораздо выгоднее, чтобы они из плохих революционеров превратились в хороших закулисных социал-демократов.

Так разрешается, на мой взгляд, вопрос о силах, необходимых для профессионального движения. Силы есть, их надо только использовать.

Но одновременно с этим возникает и другая задача: обезопасить профессиональное движение от внесения в него политически-оппортунистических элементов. Некоторые товарищи, стоя на точке зрения постепенного приспособления масс к политической борьбе, не прочь придать профессиональным союзам политическую окраску обесцветив ее до уровня понимания наименее сознательных слоев рабочего класса. „Если выставить лозунгом союза программу-минимум и нашу конечную цель, то это может отпугнуть массы,—говорят они.—Надо, следовательно, выставить такие лозунги, которые, с одной стороны, будят политическое сознание, а с другой стороны, не отпугивают своим радикализмом. А потом уже можно заботиться о дальнейшем углублении программы и превращении ее в чисто социал-демократическую“. Те, которые рассуждают так, забывают, что если не легко перевести массы от экономики к политике, то в тысячу раз труднее излечить их от опошленной политики и сочувствующей ей оппортунистической тактики.

Рабочий, усвоивший себе принципы прекраснодушного либерализма, находит теоретические оправдания своей робости: раньше он был трусом по настроению, а подслащенная либеральная программа превратила его в труса по убеждению. И, успокоенный грошевыми вольностями и свободами, он всеми силами будет противиться дальнейшему радикализированию программы. „У меня ведь есть политика, — скажет он,—дешевая, удобная политика, и другой мне не надо“. Все попытки продвинуть дальше его горизонт, вместо либерализма подставить социал-демократизм, сокрушатся об эту рыхлую стену теоретизированной трусости. Политическая пошлость гораздо опаснее политической безграмотности: язычник Савл мо-

Хотя, по словам правительства, случаи отступления войск от казенной „беспартийности“ единичны, но эти единичные случаи представляются нам слишком частыми и слишком характерными, чтобы их можно было обойти двумя словами. Войска не смогли в знаменательные дни нашей революции остаться безучастными, слепыми орудиями в руках высших властей; под мундирами офицеров и солдат, матросов и казаков оказались сердца революционеров и контр-революционеров, бойцов за свободу и хулиганов. И это вполне понятно. Сколько бы ни пыталось правительство обезличивать солдат, делая из них бездушных автоматов, слепо повинующихся всяким приказаниям, готовых убивать, по мановению руки начальника, братьев и сестер, — все-таки значительное число солдат сознают себя крестьянами и рабочими и сочувствуют их борьбе за лучшую жизнь. Тайные циркуляры военного министра за последние годы и процессы о пропаганде среди войск, с одной стороны, поведение части войск во время июньских событий в Лодзи, бунт черноморской эскадры, многочисленные заявления и резолюции митингов военных чинов, с другой, — подтверждают проникновение социалистических и демократических идей в войска.

Замечаются, однако, и даже в гораздо большей степени, проявления другого рода. Во многих местах, рядом с полицией, деятельной поддержкой черных сотен занимаются казаки и регулярные войска. О подвигах казаков, которые с любовью и увлечением „колют, рубят, режут“ русских граждан, говорилось уже достаточно часто. За последние дни были сообщения и о регулярных войсках такого же характера. Например, в телегр. „Русск. Сл.“ от 27 октября из Кишинева сообщают: „администрация и войска откровенно враждебны еврейскому населению“. В той же газете от 28 окт. из Казани сообщают о молодецком подвиге отряда 230-го резервного баталиона, взявшего приступом думу и получившего за это денежную награду. Подобных сообщений очень много. Если на сторону революции становятся пока отдельные личности или части войск, то в общем и целом войска еще находятся в распоряжении властей, стремящихся к контр-революции.

Последние события в Кронштадте тоже обнаруживают, что (особенно в такие моменты, как переживаемый нами) войска оказываются состоящими из людей, которым не чужды ни политические симпатии и страсти, ни стремления к улучшению (каким путем — безразлично в данном случае) своего материального положения.

Позорная война встряхнула сознание войск, революция вызывает в умах и сердцах солдат и офицеров те или иные стремления, соответственно их социальному положению и степени классового и сословного самосознания. Армия расслоется, и чем далее будут развиваться события, тем рациональнее и глубже будет процесс расслоения. Правда, ежовые рукавицы, в которых высшее начальство держит низшее, а последнее, в свою очередь, солдат, не дают свободно дышать и свободно мыслить чинам армии, но появляющиеся в последнее время заявления от групп офицеров и солдат показывают, что в рядах войск происходит скрытая работа политической мысли, и напрасно авторы сообщения употребили отрицательную частицу там, где ей вовсе не место. Масса фактов обнаруживает, что „войско — может и — должно быть проникнуто духом той или иной партии“. Войско — крупная сила, особенно в наше время, при современной технике вооружения; поведение войска в критические моменты может играть решающую роль. Наше правительство вовсе не так наивно, чтобы не понимать этого, и старается

жет превратиться в Павла, фарисей же Каиафа — никогда или весьма редко. Если мы не в состоянии привить профессиональным союзам нашей социалистической и политической программы полностью, то лучше не прививать никакой, чтобы, по крайней мере, пользоваться полной свободой агитации, не чувствуя себя в компании официальных либералов. Невозможность выставлять на знамени профессиональных союзов политическую программу, хотя бы и укороченную, выясняется еще и из следующего обстоятельства: ведь экономическая солидарность имеет цену только тогда, если ее проявляют все или, по крайней мере, подавляющее большинство рабочих данной профессии. Политическая же программа несомненно отпугнет с самого начала значительные массы рабочих и, тем самым, удалит их от социал-демократической агитации, ослабив в то же время силы профессионального союза.

Но я иду дальше: на мой взгляд, мы не должны прикреплять к профессиональным союзам социал-демократического ярлыка, если даже значительное большинство членов данного союза разделяет программу партии. Не следует забывать, что, чем более крепнет и усиливается какая-либо профессиональная организация, тем более она приобретает в глазах своих сочленов самодовлеющее значение. Конечные цели движения, исчезающие в сумраке будущего, оттесняются на задний план конкретными образами туго набитых касс, миллионных оборотов и т. п. Антикапиталистические организации начинают хвастаться своей капиталистической мощью; две души рабочего вступают в спор, и победительницей часто выступает — увы — не пролетарская. „Маркс и Энгельс, — да ведь они уже давно умерли!“ — восклицает на Кельнском конгрессе какой-то остряк Gewerkschaftler (деятель профессионального рабочего движения) к великому удовольствию присутствующих. „Профессиональные союзы нуждаются в спокойствии“, торжественно провозглашает немецкий товарищ Бомельбург. Союзы нуждаются в спокойствии! А „неугомонных“ революционеров Маркса и Энгельса надо окончательно похоронить, майский праздник следует отменить, идею всеобщей стачки не следует даже обсуждать. — Почему? Да потому, что немецкие профессиональные союзы располагают десятками миллионов капитала, а существующие параллельно с ними потребительные общества имеют оборот в $^1/_4$ миллиарда марок. „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ — гласит социал-демократический девиз. „Пфенниги, соединяйтесь!“ — так переводят его немецкие рабочие, организованные в профессиональные союзы. А ведь большинство из них социал-демократы, читают „Vorwärts“, называют Бебеля и Каутского — unsere Genossen (наши товарищи). Теперь представьте себе, что эти профессиональные союзы официально приняли программу и считаются принадлежащими к партии. Как партийные единицы, они имеют право обсуждать принципы социал-демократии и определять ее

изо всех сил пропитать войска своим духом. То, что правительство называет беспартийным войском, есть в общем и целом правительственное войско. Процесс расслоения, доведенный до конца, должен был бы разбить все войско на два лагеря — сторонников старого режима и друзей свободы и демократии. При настоящем положении армии процесс расслоения задерживается, классовые и политические симпатии искусственно заглушаются, и войско продолжает в массе оставаться механическим орудием в руках правительства.

Идеологи монархии любят говорит о надклассовом и надсословном положении монарха и монархического правительства. Для нашего правительства, собирающегося вскоре созвать Государственную Думу, которая, по всей вероятности, обратится в Учредительное Собрание, представляется очень удобный случай проявить свою „беспартийность". Если наше правительство „парит" над всеми партиями и только стремится итти по равнодействующей различных партийных течений, пусть же оно имеет мужество последовательности и распустит пред выборами и на время заседаний Учредительного Собрания свое якобы беспартийное войско. Увы! У нас нет никаких иллюзий на этот счет; правительство не откажется от своего войска, не откажется добровольно от своих прав и от возможности подавлять своих противников. В борьбе с демократией правительство наше не раз еще попытается прибегнуть к силе.

Поэтому и социал-демократия, как наиболее последовательная из демократических партий, не должна пренебрегать развитием политического сознания войск вообще, а, как партия пролетариата, должна неустанно вербовать в свои ряды пролетариев в военных мундирах.

Б. Самойлов.

Русская печать.

* * * Страхи, что наступит реакция, очень кстати выдвигают вопрос, кто же будет проводит ее в жизнь. Из того, что правительство реакционно, далеко еще не всегда следует, что оно в силах проявить свои вкусы. Энергичнейшая мера реакции

— военное положение.—говорит г. Фалеев в „Нашей Жизни"— передает всю власть в руки военных начальников, которые и действуют посредством военных же полномочий посредственно — через солдат.

Но факт проникновения в среду солдат социал-демократических учений — налицо. Мне самому приходилось в роли защитника в военных судах встречаться с поразительными доказательствами той силы и мощи, которыми пользуются эти учения в армии и флоте. Эти начала завоевывают все больше и больше адептов. И чем строже становятся разные генералы Павловы, Никифоровы, Арбузовы — эти профессиональные искоренители крамолы, — тем сильнее течет освободительная струя, тем жертвы убеждений вызывают к себе больше симпатий среди нижних чинов...

Офицерство потеряло среди солдат большую часть своего престижа. О появлении и успехах среди армии социальных учений констатируется даже официальными отчетами и разными „инвалидами".

И иллюстрируется такими событиями, как восстание в Кронштадте и Владивостоке. Конечно, часть офицерства, идущая рука об руку с либералами, может в настоящее время заметно передвинуться вправо и увеличить кадры реакции, но за солдат тревожиться нечего. Чем глубже недовольство в народе, чем шире рост революции в крестьянских и рабочих слоях, тем сильнее потечет „освободительная струя" и в армии. Подавлять при помощи армии — это значит пробуждать в ней протест и воспитывать ее политически, разумеется, не в духе реакции.

тактику. Посмотрите, какой великолепный либерально-буржуазный винигрет они изготовили бы, если бы в их руках очутилось руководство партийной жизнью. Все параграфы Эрфуртской программы были бы переоценены с точки зрения сбереженного пфеннига, все революционные догмы были бы принесены в жертву политике „реальных интересов". Социал-демократия погибла бы в ту минуту, как судьбу ее стали бы решать не пролетарии вообще, не рабочий класс во всей его совокупности, а представители союза перчаточников, члены союза типографщиков и прочие профессиональные индивидуалисты. Профессия погубила бы партию.

Все сказанное приводит к следующему выводу. Экономическая организация пролетариата должна быть строго отграничена от его политической организации. Школы экономической солидарности нельзя отождествлять с военным лагерем на поле бесповоротной классовой борьбы, каким является социал-демократия по своему существу. Марфа и Мария могут быть сестрами, но им вовсе незачем становиться сиамскими близнецами. Иначе наступит смешение идей, торжество грошевой выгоды над широкими перспективами классовой борьбы. Марфа может научить пролетариат ведению хозяйственных дел, но она также может отучить его от диктатуры.

Такое положение, правильное, по моему мнению, относительно профессионального движения вообще, вдвойне правильно по отношению к России: способствуя зарождению профессиональных союзов, мы должны ограничивать их деятельность чисто экономическими рамками. Для нашей партии союзы — только сфера воздействия, а не составная часть. Официально они не должны выставлять никакой политической программы, если бы даже, по составу своих членов, тот или другой из них мог принять нашу программу полностью. Социал-демократическая программа существует для всего пролетариата, а не для его групп и подразделений; поэтому в профессиональный союз сознательный рабочий входит лишь постольку, поскольку он член данной профессии, в партию же постольку, поскольку он пролетарий. Это значит, что союзу он принадлежит одной частью своего „я", партии же весь целиком.

Отграничив экономику от политики, мы, однако, должны детализировать экономическую деятельность профессиональных союзов. Она может проявляться в самых различных формах: в виде касс взаимопомощи, на случай безработицы и болезни, наконец, в виде чистых боевых организаций, рассчитанных на поддержку стачек. Из этих целей наше преимущественное внимание должна привлечь последняя, боевая сторона профессиональных союзов. В настоящее время, когда стачки растут, как грибы, и успели приобрести в массах широкое право гражданства, идея стачечного фонда встретит самое горячее сочувствие. Она отвечает жгучей потребности настоящей лихорадочной эпохи — потребности вооружаться

*** Приятно видеть розовый оптимизм, когда вокруг хмурые тучи. „Сын От.“ обращается к думам и предлагает им участвовать в революции.

Городские думы, — убеждает газета, — местами поддерживающие разлагающийся строй, местами любительски созерцающие грандиозную борьбу народа за свое будущее, — эти думы должны стать орудиями революции... Не будем пугаться слов. Мы не приглашаем петербургскую думу бросать бомбы. Но когда, не стесняясь ни божескими ни человеческими законами, казацко-полицейские орды вносят смерть и разрушение в области, заботы о которых лежат на думе, то она не в праве ссылаться на городовое положение. Полиции, предводительствующей шайками громил, дума не в праве платить из городских сумм; дума не в праве под предлогом законности уклоняться от учреждения милиции, необходимой для безопасности граждан. На вакханалию беззаконности дума должна ответить, если этого требуют интересы граждан, внезаконными действиями. Это будет революционный путь, но мы живем посреди революции.

Как же так? Те же самые учреждения, которые „местами поддерживают разлагающийся общественный строй“, вдруг, здорово живешь, превратятся в орудия революции. Пока что московская дума на призыв „Сына Отечества“ ответила весьма убедительно: ассигновала на содержание полиции на 60.000 руб. больше, чем на нужды народного образования. Петербургское городское управление — то тоже, как известно, не отстает. Вопрос о куцой милиции старательно засунуло под сукно. Вера в благородство людей — качество, незаменимое в мелодраме, но в политике, как показал опыт, приводит к неприятным сюрпризам.

Единственный призыв к думам, который был бы уместен, должен бы гласить так: потрудитесь сложить полномочия и уступить место достойнейшим. Если это удалось бы осуществить, то о дальнейшем не пришлось бы заботиться.

*** Сановники из министерства финансов кокетничают склонностью к социализму. Своего рода традиция министерства, всегда бывшего немножечко красным. Впрочем, все мельчает на свете, и научные труды Н. Х. Бунге теперь сменились газетными интервью. Одна такая беседа была в газетах за день до стачки. Собеседовал В. И. Тимирязев — конечно, с репортером „Руси“. Зашла речь о социал-демократии. Министр передал отзыв, сделанный когда-то Вильгельмом:

— Социал-демократы — мои политические враги, но когда я вижу, как они прекрасно работают в городском самоуправлении Берлина, я не могу им отказать в уважении.

Берлинским социал-демократам не отказывает в уважении и г. Тимирязев. Но его расстраивают русские, которые никак не могут понять, что им нельзя агитировать, а надо выжидать и надеяться.

— А они все агитируют, — с огорчением заметил министр, — и агитируют за то, что немыслимо, — за восьмичасовой рабочий день.

Мыслим ли такой день — покажет практика жизни. Если трудно его добиться сейчас, пока у власти правительство, очень дружное с промышленными магнатами, то, может быть, уже очень скоро, при первом же парламентском кабинете и при превращении городских дум в широкие демократические коммуны, трудное окажется легким. При всей любви к социализму министр торговли повторяет лишь то, что насвистано промышленными магнатами, и ведет речь как бы от их имени. Немыслимо сократить рабочее время, потому что им это убыточно, и они закроют заводы, лишив хлеба рабочих. Хорошо, спасибо за откровенность! Нам, стало-быть, придется заботиться, чтобы такой беды не случилось, когда восьми-

---

и для политической и для экономической борьбы. При том глубоком брожении, которое охватило сейчас все слои российского пролетариата, профессиональный союз является не столько экономической организацией, сколько экономической мобилизацией. И так как наилучшей школой пролетарской солидарности служит борьба, то мы, социал-демократы, должны подчеркивать в профессиональном движении именно этот боевой момент, придавать профессиональным союзам стачечный характер. Тогда главной осью всех союзов станет классовый антагонизм, готовый в любую минуту проявиться в виде забастовки. Он будет все время концентрировать на себе внимание масс, будить их классовое сознание, изо дня в день готовить их к решительным действиям; и каждая копейка, вносимая в стачечный фонд, будет ежедневно иллюстрировать формулу Коммунистического Манифеста: „вся человеческая история есть история борьбы классов“.

Следующей целью союза, опять таки вытекающей из его основного боевого характера, служит поддержка тех из его членов, которые выброшены из завода или потерпели административные кары за свою принадлежность к союзу.

Теперь остается выяснить взаимоотношение между партийными организациями и профессиональными организациями. Основные принципы могут быть таковы:

1) Профессиональные союзы совершенно автономны в своей профессиональной сфере.

2) Профессиональные союзы не затрагивают никаких общепартийных дел.

3) Члены профессионального союза, принадлежащие к партии, а равно и должностные лица союза принимают все меры для обеспечения социал-демократической агитации в данном союзе.

4) Несколько членов союза, пользующихся там влиянием и принадлежащих к партии, образуют особое агитационное бюро и входят в районный комитет.

5) В районный комитет они входят не в качестве представителей профессионального союза, а в качестве членов партии, несущих на себе особую функцию.

Таким образом, партия имеет в союзе свою негласную агентуру, но не официальное представительство. Такие взаимоотношения, на мой взгляд, дают весьма много выгод нашей партии. Они избавляют ее от необходимости тратить энергию на чисто экономическую борьбу и дают приложение силам, которые иначе остаются мертвым капиталом. С другой стороны, они гарантируют партийную жизнь от вторжения оппортунистических элементов и способствуют ее дальнейшему росту, не вынуждая ее к изменению принятой ею революционной тактики.

М. Борисов.

часовой рабочий день будет введен законодательным порядком. А для этого у нас есть средство: будущие демократические коммуны. Если „забастуют“ промышленники, то откроются коммунальные предприятия, и если будет организован пролетариат, вопрос будет решен. За это мы пока „агитируем“, потому что петербургская дума еще не в наших руках, и мы не можем в ней „прекрасно работать“ по примеру наших берлинских товарищей. Придет время, сумеем и поработать.

* * * У бюрократии незаменимый талант — всех уметь восстановить против себя. Решают опираться на армию и тут же обворовывают солдат и кормят их гнилой солониной. Думают заигрывать с мужиками и, глядишь, уже стегают нагайками совершенно ни за что, ни про что. Наконец, дошло до того, что принимаются за своих же чиновников.

По случаю вздорожания продуктов во время последней всеобщей забастовки канцелярским чиновникам, служащим по вольному найму, и служитилям главного управления землеустройства и земледелия было испрошено пособие в сумме 6000 р.

На долю служащих чиновников (между прочим, в департаменте земледелия и его отделах) пришлось получить каждому от 10 до 15 руб, тогда как личная и домовая прислуга исправляющего должность главноуправляющего, т. с. Шванебаха (швейцар, лакеи, курьеры и т. п.), была вознаграждена суммами от 50 до 200 руб., вероятно, по случаю ухода своего патрона.

Интересно было бы подсчитать, а сколько же пошло на начальство?

Новые партии.

Политические партии растут, как грибы под дождем. Каждый день узнаешь что-нибудь новенькое. Использованы все буквы алфавита в самых причудливых сочетаниях. Некоторым новорожденным партиям пришлось даже приняться за французские буквы. Вчера один из чиновников совершенно особых поручений сообщил мне, что принадлежит к новой партии — партии q (кю); девиз партии — „quand même“ — что бы ни было...

Священник Петров основал партию христиан-конституционалистов-демократов — К.-Х.-Д. (просят не смешивать с курско-харьковской дорогой, которая основала свою партию).

Партия священника Петрова во всем солидарна с партией конституционалистов-демократов (они же „кадеты“), разница только та, что новая партия желает молиться богу. Бог, говорит она, необходим для русского народа.

Это мнение новой партии — далеко не ново. В политике России, как внутренней, так и внешней, бог всегда играл не последнюю роль.

На театр войны в Манчжурию вагонами отправлялись иконы.

Большинство погромов (их я отношу к политике внутренней) начинались с пения молитвы: „Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое“.

И народ русский искони воспитывается на принципе: „Несть бо власть аще не от бога“, в силу которого каждого держиморду-урядника обязуется считать за наместника божия, чем-то вроде римского папы.

Таким образом, у партии К.-Х.-Д. есть веские исторические основы для своего raison d'être. Очевидно, предполагается, что и в политике свободной России будут факты и положения, которые без веры приемлемы быть не могут. Это предусмотрительно.

Я почти вижу пред собой страничку будущего религиозно-политического катехизиса.

Вопрос. Как совместить закон о свободе печати с преданием суду редактора-издателя газеты?

Ответ. В-пятых, сие необ'яснимо. Без веры из этого дела ни за что не выкрутиться. А поверишь и успокоишься.

Очень хорошая партия К.-Х.-Д.

У нее, наверное, найдутся подражатели. Возникает партия М.-Д.—магометан-демократов, Е.-Д.—евреев-демократов. Наконец, партия К.-Х.-Д. по всем признакам исключительно православная. Не может же стоящий во главе ее русский священник разводить лютеран. Вот и новые партии намечаются — Л.-Д. и католики-демократы — К.-Д. (не путать с кадетами).

А сектанты? Не забудем же и сектантов. Х.-Д. — хлысты-демократы (не путать с партией о. Петрова), Д.-Д. — дыромоляи-демократы. Наконец, А.-Д. — атеисты-демократы.

Не малую роль сыграет также партия х.-р.—христиане-реакционеры. Партия эта, старая и многочисленная, многие годы поддерживала х.-с. — христианское самодержавие, и буква х — этот маленький крестик — был им необходим, как самая дьявольски смелая ложь. И он еще не снят с древков трехцветных знамен. Будем помнить об этом.

* * *

Ходят слухи о возникновении еще новых партий. Слухи и достоверные и темные. Разобраться трудно.

Говорят, что петербургские актеры признали себя принадлежащими к пролетариату, но от всего, что за этим логически должно было последовать, решили воздержаться. Партия их будет, кажется, называться д. п.-с. в. — „демократы поскольку выгодно“.

Фабриканты и заводчики основали партию п. э. — „прогрессивных эксплоататоров“.

Какая-то железная дорога, не помню какая, тоже основала свою партию. Все служащие должны были дать подписку о том, что политикой заниматься не будут, и поклялись, что во всем и всегда виновным попрежнему будет стрелочник.

Другая железная дорога тоже заявила, что ее партия политикой заниматься не будет, а во всем остальном сходится с партией к.-д.

Одна классная дама губернского пансиона основала партию во всем сходную с к.-д., но при этом обязательно — танцы.

Танцы — для развития грации.

„Русскому народу-долготерпцу, — говорит она, — необходима грация и красота поз. Тогда только услышит он рукоплескания Западной Европы“.

* * *

С каждым днем, с каждым днем...

Спросили бы вы год тому назад у какого-нибудь почтенного статского советника, к какой он принадлежит партии. Он бы вам сказал: „Мэ-э... в железнодорожном клубе... с прикупкой и гвоздем“...

Теперь не то. Теперь и действительные статские, которые в прошлом году не грешили даже банкетами, и те вкусили от сладости союзов.

— Наша партия,—тут следует несколько букв,—партия, так сказать, прогрессивных генералов. Мы, собственно говоря, сочувствуем, но с другой стороны, отчасти и протестуем. У нас вообще очень сложная программа. Мы ее часто изменяем и пополняем. Сегодня я еще никого из наших не видел, так что даже и не могу вам сказать, хе-хе, как мы обстоим.

* * *

Пока пишу эти строки, возникли еще две новые партии. Само собою разумеется — прогрессивные. Иных теперь и не бывает.

Одну из них—п.-с.—„прогрессивно-севастьяновскую“—основал директор почт и телеграфов.

Девиз партии — „Телеграф и почта да будут вне закона“.

Что бы ни случилось, через какие бы эволюции ни прошла политическая жизнь России, — почтовый чиновник должен оставаться неприкосновенным в своем закостенении. Никакие изменения в законах государства не имеют ни доступа к телеграфному чиновнику, ни власти над ним. Россия сама по себе, телеграф сам по себе. А кто этого вместить не может, пусть убирается вон со службы.

Вторая партия еще прогрессивнее. Пожалуй, даже самая прогрессивная. Дальше и итти некуда.

К ней принадлежат многие весьма известные общественные и государственные деятели.

Кто? — Нет, их называть незачем. Они так твердо и ясно проводят свою программу в жизнь, что по каждому их распоряжению, докладу, постановлению вы всегда безошибочно отличите их.

Об‘единяют они себя под буквами п. п. п. — партия прогрессивных паралитиков.

Тэффи.

Отрывки.

Напрасные страхи.

В том доме, где я живу, швейцар — унтер запаса. Года два назад он женился, а тут, как на грех, возьми да вспыхни война. С тех пор у бедного парня не было ни часу спокойного. Утром выбегает на улицу и первым делом — к газетчику, на углу: „Не слышно ли чего о японцах и не подходит ли их флот к Петербургу?“.

Днем, когда ни выйди на лестницу, все сидит, уткнувшись в газеты, и ищет, лихорадочно ищет. Исхудал, осунулся, пожелтел. И ко всем с тем же вопросом:

— Не подступает ли японец к Неве?

Стараешься его успокоить, но он только пугается еще больше и недоверчиво разводит руками:

— Страшусь, сильно страшусь.

Вспоминается мне это „страшусь“, когда я слышу рассуждения либералов. Вот тоже разновидность людей, так и живущая с душой в пятках. То до смерти напуганы черной сотней, то дрожат, что власти рассердятся и отнимут дарованные свободы. Вся история им представляется в таком виде, что вот пришел добрый и дал, а потом встал с левой ноги, затопал, выгнал в шею и отнял. Как мой швейцар бегал к газетчику — не слышно ли чего о японцах? — так и они, вставши с постели и еще не оправившись от ночных страхов (сон в руку — привиделись хулиганы), тотчас же тянутся к газетным листам и ищут, трепетно ищут. Не назначен ли сердитый начальник, не вводят ли военное положение, не отдан ли под суд Анненский? Заячье сердчишко колотится, заячья душа в пятках, заячьи глаза бегают. Кажется, что где-то в пространстве кто-то властный, мощный и непреклонный, до которого никак не дотянешься, поворачивает загадочные рычаги — и то гремит гром и льется дождь, частый и страшный, то светы, золотые и теплые, ласково звенят в воздухе.

Надо ворожить и молиться, и нет-нет грозное существо и подарит неожиданной лаской. А то, не приведи бог, рассердится, особенно когда найдется нахал и потребует чего-нибудь чрезвычайного или же начнет привередничать.

Нахалом в настоящее время является рабочая партия, которой мало того, что наобещано в манифесте о конституции, а хочется реальных гарантий и реальных прав для народа. Либералы особенно перетрусили, когда на прошлой неделе снова началась стачка. Заграничная мещанская пресса, та прямо напустилась на нас, об‘явив, что, расходясь с Витте, мы играем в руку реакции. Приблизительно такие же обвинения пришлось слышать и здесь. „Крайние во всем виноваты, не дают стране успокоиться, тормозят дело реформ“. Озлобление особенно усугубилось, когда пошли слухи, что Витте увольняют в отставку и назначают премьером гр. Игнатьева. Конечно, либералы уверены, что от такого гибельного удара свободе никогда не оправиться. Им дело представляется так, что граф Витте выхлопотал свободу, и, уйди он, не удержится и она.

Успокойтесь, милостивые государи! Витте, может быть, написал манифест, но выдвинул свободу не он, а навязала ее правительству революция. И лучшая гарантия конституции — это то, что революция продолжается, как показала та же самая стачка, которая вас так напугала.

Может быть, вы не откажетесь вспомнить, что год назад, в осень банкетов, когда рабочая партия попыталась устроить демонстрацию, вы точно так же всполошились и взволновались: „вот увидите, рассердятся наверху, уберут доброго Святополка и посадят вам такого министра, перед которым Плеве — щенок“. И что же вышло? Святополка убрали, но его преемник Булыгин, далеко не радикал по воззрениям, принужден был ходом вещей круто повернуть влево. Добрый Святополк-Мирский подарил вас только доверием, а злой Булыгин — Государственной Думой. Вышло это, разумеется, потому, что не все люди в России верят в ворожбу и молитву, а есть класс рабочих, который хорошо знает, что даром ничего не дается, а все берется борьбой. Под натиском рабочего класса правительство все отступало и отступало. Будет это также и впредь потому, что пролетариат не обманешь, как можно обмануть вас, и потому, что он всегда наготове — как показала и последняя стачка — на каждый поворот вправо ответить дружным отпором.

Либералы потоньше и похитрее избегают говорить о правительстве, но уверяют, что повторение забастовки

возбуждает „общественную реакцию“. В Петербурге только и разговоров, что стачка в октябре месяце была в „обществе“ популярна, а новая, напротив, не популярна. Конечно, причисления к „обществу“ удостоены лишь буржуазные сферы. Что они расстроены забастовкой, это мы давно знали. Но опасна ли такая расстроенность? Полагаю, что не очень опасна.

Правительство настолько сильно, что не справляется о мнении „общества“, а глядит через его голову — на противника действительно сильного. Общество кричало о конституции еще с прошлой весны, а манифест был написан только тогда, когда вспыхнула всеобщая забастовка. Теперь общество готово притихнуть, но одобрительно ли это для власти? Слабый враг стал слабым союзником. Перемена не особенно крупная.

Реакция, конечно, начнется, но час ее еще не настал. Теперь может быть временная заминка, не потому, что общество дуется, а потому, что в пролетарской среде, быть может, накопилась усталость.

Такой момент уже был в начале прошлой весны, и прошло несколько месяцев, пока снова возгорелась борьба. Возможно, что затишье повторится. Но главные революционные силы далеки от поворота направо. Реакция наступит в тот день, когда ее захочет крестьянство. А оно захочет ее, когда будет сыто и обеспечено и, став из мужичков — фермерами, крепко вцепится в земельную собственность.

Пока же мужики — нищие, сдавлены остатками крепостничества, жаждут золотых грамот и получают вместо них разрешение просить помощи у крестьянского банка, пока жгутся помещичьи усадьбы, самовольно вырубается лес и вывозятся сельско-хозяйственные припасы, пока деревня волнуется и не склонна поддержать status quo — реакция еще не близка, и у русского рабочего класса серьезного противника нет.

А потому тактика требует, чтобы он теперь, в это благоприятное время, добивался высшей меры того, что он в состоянии получить.

Леонид Галич.

Улучшение солдатской пищи.

Для усмирения кронштадтских мятежников были, в числе прочих войск, высажены на острове Котлине части стоящей обыкновенно в г. Пскове 24-й пехотной дивизии (93-й Иркутский, 94-й Енисейский, 95-й Красноярский и 96-й Омский полки). Военное ведомство руководствовалось при выборе ее для восстановления порядка, конечно, соображениями о быстроте доставки на место мятежа, но нам кажется, что 24-я дивизия вообще должна была явиться особенно пригодной к выполнению возложенной на нее почетной задачи. Дело в том, что одним из поводов, вызвавших кронштадтскую драму, было недовольство со стороны матросов на выдававшееся им пищевое довольствие. Между тем, как раз в 24-й дивизии вопрос о рациональном питании солдат блестящим образом разрешен с начала этого года. Мы считаем долгом полностью привести тот законодательный акт, который утвердил в дивизии эту великую реформу.

ПРИКАЗ

по 24-й пехотной дивизии
от 23-го марта 1905 года
за № 24.

Гор. Псков.

Вследствие обнаружившегося недостатка количества пищи, выдаваемого на ужин нижним чинам полков дивизии, предлагаю во изменение приказа моего сего года за № 10:

1) В скоромную гречневую и ячневую размазню вместо 3-х ведер воды на 100 человек вливать $3^1/_2$ ведра.

2) В постную гречневую и ячневую размазню вливать $3^1/_2$ ведра воды вместо 3-х, вливаемых до настоящего времени на 100 человек.

3) В мятый картофель как постной, так и скоромной варки вливать 4 ведра воды и класть по 2 фунта ячневой крупы (на 100 человек).

4) В солянку вливать $3^1/_2$ ведра воды и 35 фунтов капусты и 5) в винегрет класть 1 пуд капусты (на 100 человек).

Начальник дивизии
ген.-лейтенант Романенко.
Начальник штаба
полковник Козлов.

Известно, что воды вокруг Кронштадта имеется в изобилии. Известно также, что вода эта настолько мало солена, что беспрепятственно может употребляться в пищу. Таким образом, властям 24 дивизии легко выполнить благодарную задачу устранения одной из коренных причин кронштадтских беспорядков. Для этого им стоит только научить местное начальство изготовлению „улучшенной“ пищевой дачи по рецепту генерала Романенко. Несомненно при этом, что и солдаты дивизии, пользующейся подобным улучшенным питанием, должны особенно неодобрительно относиться к жалобам на плохую пищу со стороны их кронштадтских товарищей.

Б. С.

К крестьянскому движению в Грузии.

II.

Хизанский вопрос.

В истории крестьянского движения в Грузии особенно благодарная роль выпала на долю немногочисленной группы безземельных крестьян-арендаторов, известных под именем „хизан“ (приютившийся).

Хизанский вопрос — это один из проклятых вопросов, выдвинутых кавказской действительностью, ясно и наглядно иллюстрирующий пред всем безземельным и малоземельным крестьянством истинную природу господ помещиков и непримиримость их интересов с интересами угнетенного крестьянства.

Хизаны — это та революционная ячейка, которая бессознательно самым фактом своего полуголодного существо-

вания поддерживала среди обездоленной части грузинского крестьянства вечное недовольство существующими социально-экономическими условиями и стремление ее к полному политико-экономическому освобождению от искусственно созданных в пользу господствующих классов оков.

В начале XVIII столетия, когда Кавказ был об'ят междоусобными войнами между разными горскими племенами, когда разбойнические банды свирепствовали по всему краю, когда грабежи и разбой фактически отрицали возможность мирного развития хозяйственной жизни страны, наиболее трудолюбивые из горцев, главным образом, из Осетии и Мингрелии, искавшие мирной трудовой жизни, переселились в Грузию в количестве нескольких тысяч семейств и искали себе „приюта“ у владетельных дворян, которые любезно предоставили им возможность водворяться на их землях, на условиях вечной аренды.

Конечно, дворянская „любезность“, в основе своей, опиралась на чисто экономические интересы землевладельцев, которые отводили беглецам-крестьянам наиболее трудно поддающиеся обработке „малокультурные, болотистые и скалистые местности“... рассчитывая, вполне основательно, на превращение этих земель в доходные статьи.

Желая оставаться „лично независимыми“ и свободными, пришлецы входили в особые соглашения с помещиками, по которым „при полной личной независимости, они приобретали право на бессрочное пользование землей за определенные повинности“.

Личная независимость безземельного крестьянина от помещика, равносильная личной независимости „рабочего“ от „капиталиста“, — являлась единственным козырем в руках попавших в кабалу к дворянам крестьян.

Но эта кажущаяся „независимость“ оказала хизанам медвежью услугу. Закон, известный под громким именем „освобождения крестьян от крепостнической зависимости“, не коснулся хизан, как „свободных“ и лично независимых. Хизаны фактически очутились в еще более худших условиях, чем их братья по гнету — крепостники.

Единственным правом, которым хизаны могли, как „независимые“, пользоваться, было право „произвольного оставления земли“, при чем они теряли „всякое право на вознаграждение за сделанные на арендуемом участке улучшения и постройки“.

Фактически очутившись в полной зависимости от помещиков, они принуждены были подчиняться всем капризам господ помещиков, которые, под угрозой удаления хизан с занимаемой ими площади, обременяли их непосильными податями и повинностями.

Не говоря уже о податях и налогах, прямых и косвенных, взыскиваемых правительством, одинаково тяжело отражающихся на благосостоянии крестьян всей России, мы остановимся на тех исключительных повинностях, которые несут „свободные“ хизаны по отношению к их помещикам.

Повинности эти — продукт „свободного соглашения“ с помещиками за пользование помещичьей землей и лесом — следующие:

1) Гала — повинность за обрабатываемую землю, равная $^1/_6$ — ½ части урожая.

2) Плата за пользование покосом равняется ½ покоса.

3) Кулухи — повинность за пользование помещичьим виноградником и фруктовым садом, равная $^1/_3$ приготовленного сусла или $^1/_2$ сбора.

4) Бечара — натуральная повинность за право пользования лесом, выгоном и водой.

Повинность эта сводится к обязательной помощи помещику в его сельских работах в течение определенного числа дней, по „уговору“ (!).

Разведенный хизанами сад через 10—15-летнее пользование переходит целиком к помещику, в лучшем же случае им отводится $^1/_2$, другая же половина переходит в собственность хозяина.

В настоящее время натуральное отбывание повинностей во многих местностях заменено денежным, и в среднем оно доходит до 19 р. с дыма, колеблясь от 13 р. в Тионетском уезде до 25 р. в Баргалинском.

Часто наблюдается смешанная форма отбывания повинностей, что особенно выгодно для гг. помещиков. Однако установившаяся норма повинностей ныне уже не удовлетворяет хищнический аппетит гг. помещиков. Цены на землю с каждым днем подымаются все выше и выше, особенно в Кутаисской губернии.

Перспектива выселения хизан с занимаемых ими земель с каждым днем становится все более и более соблазнительной.

Начинается гонение на хизан, принявшее особенно резкий характер в 70-х годах.

Помещики забыли, „что хизаны создали великим трудом доходность дворянских земель, обратив в культурные поля почти недоступные лесные местности“.

Гонения эти вызывают крупнейшие беспорядки в местностях, населенных хизанами (в 1874—76 гг.). Сердобольное правительство, „пылавшее“ любовью к угнетенному крестьянству, в данном случае к хизанам, предпринимает бюрократическую экскурсию в область взаимоотношений помещиков и хизан, что закончилось следующим положением: „хизаны—простые арендаторы и, как таковые, обязаны подчиняться всем требованиям помещиков или удалиться с земли“.

Большего ожидать от самодержавного правительства и нельзя было...

Зато подобное определение положения хизан подлило масла в огонь, и неспокойные хизаны не переставали „тревожить покой“ грузинских дворян-помещиков, нарушая, тем самым, и покой самодержавного опекуна дворян-эксплоататоров.

Правительство вновь берется за разрешение проклятого вопроса, и в результате появляется новое „положение о хизанах 1891 года“, почти целиком направленное в пользу гг. власть имущих, в ущерб хизанам.

Единственный пункт, более или менее справедливый и выгодный (относительно) для хизан, гласил: „Землевладельцы имеют право удалить со своей земли хизанов, но с условием платить им удвоенную стоимость всего того, что сделано хизанами на их земле“.

Пресмыкающееся дворянство, оскорбленное в лучших своих чувствах подобной несправедливостью, подымает ужасный вопль, и начинает сыпать любимого монарха верноподданническими петициями и записками, умоляя не губить грузинское дворянство и изменить положение...

Правительство, так глухо поддающееся народным стонам, скоро вняло просьбе. В 1900 г. появляется новое

положение, по которому помещики во всякий момент могут удалить хизан с занимаемой ими площади, заплатив лишь стоимость построек.

Это окончательно взорвало хизан.

Они, потеряв всякую веру в возможность законным путем улучшить свое положение, решили завоевать силой их попранные права... И в этом отношении, как и во многом другом, нельзя не быть благодарным правительству, неустанно толкавшему все более и более широкие слои населения на путь революции...

Этот последний акт бюрократического творчества явился одним из сильных толчков, направивших русло экономического движения крестьян на путь политический.

Отдельно останавливаться на вопросе об участии хизан в деле революционного движения крестьян Грузии за последний период не будем. На пути борьбы они слились со всеми прогрессивными слоями крестьянства и создали одно общее единое движение, направленное против самодержавного правительства и всех гнилых остатков его.

М. М. Шах.

Письмо в редакцию.

В № 10647 „Нового Времени“ помещена корреспонденция из Лондона. Между прочим, в корреспонденции этой есть такие строки: „Здесь произвела большое изумление весть, что М. Горький — антисемит (?). Популярность его вдруг упала. Зато многие подумали, что у еврейского вопроса есть обратная сторона“.

Не может ли „Новое Время“ спросить своего корреспондента, откуда он почерпнул эту лживую „весть“, и не об‘яснит ли он смысл подчеркнутой мною фразы? В ней ясно чувствуется какой-то гнусный намек — одна из бесчисленных выходок против евреев, но честному человеку трудно понять — в чем дело? Всегда смелый в провокации, всегда беззастенчивый в травле евреев — быть может, орган А. Суворина-отца и на этот раз откровенно изложит, что именно хотел сказать его корреспондент темными словами:

„Зато многие подумали, что у еврейского вопроса есть обратная сторона“.

Какая же это „обратная сторона“?

М. Горький.

Заседание Думы.

Большая часть заседания думы в среду, 2 ноября, была посвящена вопросу о передаче в ведение города полиции безопасности и об учреждении городской милиции. Заседание носило крайне страстный характер. Очень ярко определились два совершенно противоположных течения. Как ни старалось меньшинство ораторов доказать самую насущную необходимость нормальной постановки дела охраны безопасности личности и имущества обывателей, большинство старалось провалить предложение о городской милиции, находя, что „все обстоит благополучно“. Во главе партии этого большинства, так сказать, лидерами ее явились председатель г. Красовский и гласные Оппенгейм и Кухнов. Г. Красовский заявил, между прочим, что все газетные сообщения о бездействии нашей полиции или же об ее действиях известного характера не имеют под собой достаточной почвы, и основываться на них по меньшей мере рискованно. На это заявление г. председателя гласный Оппель огласил следующий факт: „На-днях на одного думского врача напал неизвестный человек и избил его; когда врач обратился за содействием к городовому, последний отказал в просьбе, заявив, что он не может покинуть поста“. Гласный Л. Ходский также огласил факт бездействия полиции, свидетелем которого он был сам. Гл. Набоков заявил, что сама полиция предлагает дворникам запасаться револьверами на случай ожидающихся погромов и грабежей.

Несмотря на все эти факты и очевидную необходимость реорганизации охраны безопасности граждан, вопрос этот долго еще оставался мишенью нападок партии отцов города определенного направления. Гл. Кривенко в пространной и витиеватой речи согласился с тем, что мы переживаем сейчас тревожное время, но... но заводить вооруженную стражу в то время, когда все ярче и ярче разгорается пламя революции, рискованно.

Дебаты разгораются и принимают все более острый характер. Начинают происходить столкновения между отдельными ораторами. Между прочим, гласному Ходскому председатель дважды отказывает в слове. После настойчивой просьбы г. Красовский снимает, наконец, с себя цепь и об‘являет заседание закрытым. Однако, спустя несколько секунд вновь надевает ее и продолжает заседание.

В заключение решено вопрос об охране передать в особую комиссию в таком виде: 1) передача в ведение города существующей полиции безопасности и 2) учреждение городской милиции. Срок для работ комиссии назначен месячный. Вопрос разрешен открытой баллотировкой, при чем за закрытую баллотировку высказался один только гл. Кухнов.

Хроника.

— Избиение публики казаками. Партия черносотенных рабочих из Нового адмиралтейства, проходя 4 ноября, во втором часу дня, по Старо-Петергофскому проспекту, встретила своего товарища депутата г. Селезнева и начала бить, обвиняя его и всех рабочих депутатов в том, что они лишают их заработка, устраивая забастовки. За избиваемого вступилась прохожая публика, которая обратилась за помощью к стоявшему на углу Рижского и Старо-Петергофского просп. младшему помощнику пристава 3-й Нарвской части и полицейскому надзирателю Глазкову. Не успела публика рассказать подробно об избиении Селезнева, как примчался к месту происшествия наряд казаков из 8 человек. Казаки врезались в ошеломленную толпу и начали нагайками избивать ее на глазах полиции, которая невозмутимо созерцала „работу“ казаков. У избиваемых казаки просили по 20 копеек, и горе тому, у кого этих 20 копеек не оказывалось. Избитыми оказались г. Прокофьев, С. Петров и др. Особенно содействовали избиению надзиратель Глазков и постовой городовой Абрамыцин (бляха № 690), которые указывали казакам, кого бить. Публика, возмущенная происшедшим, отправилась в 3-й Нарвский участок, где составила протокол.

В селе Смоленском. 6-го ноября движение парового трамвая по Невской линии было с раннего утра приостановлено кондукторами трамвая, которые забастовали. Неожиданно для всех в час дня показался из депо первый трамвай, а затем последовательно движение по всей почти линии готово было возобновиться. Один из поездов, шедших в город, неожиданно был остановлен толпой рабочих у Невского судостроительного завода. Рабочие заявили, что, в виду общей забастовки, они не позволят продолжать движение. В это время показался казачий раз‘езд, который нагайками и обнаженными шашками начал водворять порядок, последствием чего моментально со стороны рабочих оказались раненые и избитые. В это время кем-то из провокаторов был произведен револьверный выстрел. Из соседнего караульного поста немедленно прибыла пехота, которая начала сразу расстреливать пачками убегающую толпу. „Храбрые“ войска, руководимые „молодцами“ казаками, начали брать приступом чайную Невского судостроительного завода, где происходило собрание представителей всех торговцев района

Смоленского села. Часть войска, стреляя по направлению к заводу, ворвалась во двор, и тут-то началась потеха. Из двора чайной раздавались в ответ единичные револьверные выстрелы. Другая часть войска заняла имперьялы конок и сверху брала на прицел прохожих. Войска, ворвавшись в чайную, начали оттуда извлекать собравшихся для совещания торговцев и рабочих завода. Вытаскивали публику во двор, и здесь казаки и пехота обыскивали всех, а затем избивали прикладами и рубили шашками.

Последствием этого избиения оказалось свыше 30 человек раненых, преимущественно шашками казаков. Около десяти рабочим была оказана первоначальная медицинская помощь в местном заводском лазарете. Во время избиения толпы на заводский двор чайной вышел постоянный председатель митингов рабочий Николай Клемчинский, на которого кто-то тут же указал, как на „опасного" в политическом отношении деятеля. Казаки набросились на него и начали его рубить. Несчастный был отправлен в местный госпиталь, а отсюда вечером в Обуховскую больницу, по дороге куда он скончался. Среди раненых находится один офицер. Избивали публику Омский полк и донские казаки.

— Стрельба на Васильевском острове. В воскресенье, 6 ноября, на Черной речке Васильевского острова, около Трубочного завода, произошло столкновение между рабочими этого завода и войсками. К 11 час. утра рабочие Трубочного завода в большом количестве собрались на улице перед заводом и устроили сходку. Произносились речи. Рабочие обратились к администрации завода с просьбой разрешить им митинг на дворе завода. В просьбе им было отказано, о чем депутат рабочий сообщил собравшимся. В это время наскочил эскадрон конницы и стал разгонять публику нагайками, пуская в ход также обнаженные шашки. В избиении приняли участие солдаты, охранявшие завод со времени забастовки, при чем произвели в толпу два залпа. В результате много раненых.

— Около 12 часов дня, 7 ноября, в помещение бюро союза рабочих печатного дела (Торговая, 25) ворвался пристав местного участка с помощником, околоточными, городовыми и шпионами. Оцепивши помещение бюро, полиция об'явила, что никого не выпустит из бюро, при чем вновь входившие лица обратно не пропускались. Один из желавших выйти был остановлен ударом в грудь околоточным надзирателем, вслед за этим скрывшимся неизвестно куда. Другой околоточный, Маланин, от которого находившиеся в бюро потребовали об'яснения вторжения полиции и незаконного задержания пропущенных лиц, отвечал дерзостями. Из дальнейшего выяснилось, что полиция действует по предписанию петербургского градоначальника и прокурора спб. судебной палаты с целью захватить издание петербургского Совета Рабочих Депутатов „Известия С. Р. Деп.". На предложение явившихся выдать им имеющиеся экземпляры (131 из 35 тысяч) председатель Совета Рабочих Депутатов и члены бюро С. Р. П. Д. ответили, что считают это требование незаконным и не выдадут ни одного экземпляра газеты. Вызванные полицией товарищ прокурора Быков, полиеймейстер и жандармский подполковник Конинский заявили, что они призваны произвести „выемку" названной газеты из помещения бюро. Председатель Сов. Раб. Деп., председатель союза раб. печ. дела, члены бюро союза и члены союза выразили вновь прибывшим чинам полиции негодование по поводу насильственного вторжения всей толпы полицейских и шпионов в бюро, мерзкого поведения неизвестного околоточного и дерзкого—остальных. Опираясь на завоеванную рабочими гражданскую свободу и, в частности, свободу печатного и устного слова, председатель Сов. Раб. Деп., ссылаясь на признание отвоеванной свободы манифестом 17 октября, настаивал на официальной незаконности предпринятого сыска и предполагаемой „выемки", вопреки манифесту и даже без соответствующего предписания от судебной палаты. Присутствующие представители Сов. Раб. Деп. и союза раб. печ. дела на убеждения полиции допустить „выемку" ответили, что допустят „выемку" только подавляющей вооруженной силе. По составлении протокола представители власти очистили помещение, удалившись вместе с занявшими улицу и двор конными городовыми и пехотой.

— Аптекаря-черносотенцы. 4 ноября группа фармацевтов, согласно постановлению союза фармацевтов, приступила к снятию штатов в аптеках. Когда группа подошла к аптеке г. Гордона (на Знаменской улице), она увидела у аптеки охрану из 8 человек полицейских чинов всевозможных рангов, которых предусмотрительный аптекарь пригласил заранее. Несколько делегатов вступило в переговоры с аптекарем. Гордон „возмущенный" обратился к своим приятелям полицейским с требованием „воздействовать на смутьянов".

Приятели аптекаря приступили к исполнению своих обязанностей, т. е. к избиению. Оказалось, что помимо полицейских предварительно организованы были также хулиганы, принявшие энергичное участие в избиении, при чем подбадривающим бранным кликом служил традиционный возглас „бей жидов". Организованное г. Гордоном побоище удалось вполне, к удовольствию организатора. Избитые фармацевты были разогнаны, при чем 9 из них были арестованы и отправлены в участок, где избиение продолжалось.

Узнав о возмутительном хулиганстве Гордона, известного уже давно в аптечном мире своими черносотенными тенденциями, союз фармацевтов и Совет Рабочих Депутатов постановили применить к Гордону бойкот в широкой степени.

Достойным единомышленником Гордона оказался также владелец пушкинской аптеки — Гаккель, прибегший для охраны своей аптеки к целой армии дворников и хулиганов, при просвещенном содействии которых почтенному аптекарю удалось, подобно Гордону, держать открытым свое заведение, когда все аптеки были закрыты.

— В понедельник, 7 ноября, в 2 час. дня, в Матвеевскую аптеку С. И. Майзель, на Петербургской стороне, зашел уполномоченный от С. Р. Д. передать постановление последнего.

Бывший в это время в аптеке владелец аптеки С. И. Майзель разразился нецензурной бранью по адресу делегата и крикнул стоявшему в это время в аптеке какому-то суб'екту: „Гоните его в шею, бейте этих хулиганов, подлецов". Суб'ект этот не замедлил привести в исполнение приказание аптекаря Майзеля.

— Проскрипционный список. У старшего дворника 2-ой петербургской гимназии имеются печатные листки с заглавием: „Список сотрудников газеты «Новая Жизнь»". В список занесен полный состав постоянных сотрудников нашей газеты. Дворник любезно делится с известными ему лицами этими оригинальными сведениями. Что же означает этот печатный список в руках дворника и почему сотрудники „Новой Жизни" оделены особым вниманием охранительных агентов?

— Привет шлиссельбургских узников. Во время реферата о Шлиссельбурге, читанного 3 ноября в зале Тенишевского училища известным писателем Якубовичем (Мельшиным), последним было получено следующее приветствие: „Вернувшиеся к жизни шлиссельбургские узники горячо приветствуют пробуждающуюся родину и всех своих старых друзей, товарищей и знакомых. Герман Лопатин, Сергей Иванов, Петр Антонов, Михаил Фроленко, Михаил Попов, Николай Морозов, Иосиф Лукашевич, Михаил Новорусский".

Приветствие принято было громкими, долго не смолкавшими аплодисментами.

— По поводу избиения 4 октября т. г. рабочих во дворе экспедиции заготовления государственных бумаг. Желая реабилитировать себя пред рабочими экспедиции, помощник управляющего экспедицией В. Михайловский пригласил депутацию рабочих для переговоров. Из беседы с Михайловским выяснилось, что последний не приказывал войскам колоть рабочих, и что вся его вина заключается в том, что он вызвал войска во двор экспедиции. Всю нравственную ответственность за вызов войска он всецело взял на себя. По словам Михайловского, колоть рабочих приказал смотритель здания Ф. Ф. Гессе, который затем произвольно от имени Михайловского благодарил измайловцев за „верную службу". Таких поручений Гессе г. Михайловский не давал. Рабочие экспедиции, не удовольствовавшись „нравственной ответственностью", привлекают г.г. Михайловского и Гессе к уголовной ответственности. Вместе с тем рабочие привлекают и шт.-кап. Измайловского полка К. П. Арнольди, приказавшего солдатам колоть беззащитных рабочих.

— Нами получена 4 ноября следующая телеграмма: „Мастеровые, рабочие и служащие всех служб ст. Рыбинск присоединились к забастовке. Ждем указаний Совета конце забастовки. Долой смертная казнь, полевые суды, военное положение. «Общее собрание»".

— Сыщики охранного отделения начинают понимать, что почва под их ногами шатается. Известный в Нарвском районе сыщик Варламов подал в Алафузовскую больницу прошение о приеме его в качестве смотрителя упомянутой больницы.

— 7 ноября в помещении Вольно-Экономического Общества должно было состояться собрание официантов для обсу-

ждения своих профессиональных нужд (в 10 ч. утра) и собрание учеников зубоврачебных школ (в 12 час. дня). Вышеуказанные собрания не состоялись, т. к. все прибывшие на них были разогнаны полицией.

— Официанты и служащие в петербургских кухмистерских собираются пред'явить хозяевам требования о том, чтобы жалованье в городе платилось за каждую службу отдельно по 3 рубля в длинном платье, а в коротком 5 руб., а за городом 5 р.; а также о том, чтобы хозяева не заставляли брить усов и давали бы обед в службу и в уборку.

— Служащие управления Балтийской железной дороги, вследствие неоднократного нападения на некоторых из них представителей черной сотни, подали своему начальству ходатайство о выдаче им пособия для покупки оружия.

— 13 ноября соберется митинг пекарей и кондитеров с целью предварительного об'единения для образования профессионального союза. Помещение пока еще не выбрано. Митинг начнется с 10 час. утра до 3 ч. дня для пекарей и от 3 ч. до вечера для кондитеров. Выбор времени обусловливается свободными часами, которыми рабочие этих профессий пользуются в воскресный день. Союз имеет в виду послать своих выборных в Совет Рабочих Депутатов.

— 6 ноября состоялся огромный митинг на остр. Голодае, около Трубочного завода. Войсками было произведено два холостых залпа, произведших панику и рассеявших толпу.

— Бывшие члены „собрания фабрично-заводских рабочих г. Петербурга", так называемого „Гапоновского союза", открывают вновь 11 отделов. На-днях будет созвано общее собрание, которое явится учредительным. Устав союза будет выработан на совершенно новых началах.

— В духовной академии. В виду забастовки студентов духовной академии, синод постановил назначить студентам „на размышление" срок до 1 ноября, пригрозив при этом закрыть духовную академию после этого срока. В настоящее время на дверях академии красуется следующий аншлаг: „Синодальное постановление относительно закрытия академии остается в силе, но синод дает студентам еще две недели (до 15 ноября) на размышления". Студенты даже после двухнедельного размышления решили отстаивать свои законные требования об автономии.

— Законопроект о свободе союзов. В самом непродолжительном времени в совет министров поступит только что составленный проф. С. А. Муромцевым законопроект о свободе союзов, в основу которого положен французский закон 1901 года, предоставляющий право создавать ассоциации без разрешения правительственной власти и даже без какого-либо предварительного о том заявления. В настоящее время законопроект этот обсуждается особой комиссией при центральном управлении министерства юстиции, а затем с замечаниями комиссии будет немедленно представлен в совет министров.

— 1 ноября состоялось общее собрание петербургского общества архитекторов. Долго говорили в собрании. Между прочим, был затронут вопрос: примкнуть ли к союзу инженеров? На эту тему говорили очень долго, но никак не могли решиться на такой важный политический шаг. Тем не менее, послали двух своих представителей; какова их роль в союзе, — архитектора не решили.

— Праздничный отдых. С воскресенья, 6 ноября, торговля во всех булочных, колбасных, мясных, зеленных и других мелочных по праздничным и воскресным дням впредь будет производиться от 6 час. утра до 9 час. и от 1 часу дня до 7 час. вечера. Многие петербургские граждане, не привыкшие к таким ограничениям и не успевшие запастись припасами, должны были выжидать открытия лавок. Александровский рынок был также закрыт. У входа вывешены об'явления такого содержания: „Правление общества торговцев Александровского рынка в Спб. сим об'являет, что, вследствие состоявшегося постановления торговцев этого рынка на собрании их, происходившем 3 ноября, о совершенном непроизводстве в Александровском рынке торговли в воскресенье, 6 ноября, в этот день впуск в рынок как торговцев так и других лиц допущен не будет".

К забастовкам.

На Невском (Семянниковском) судостроительном заводе.

Девятитысячная семья рабочих Семянниковского завода дружно отозвалась на резолюцию, принятую Советом Рабочих Депутатов, и в 12 часов 3-го ноября приостановила все работы на заводе. Огромные толпы рабочих начали группироваться на заводском дворе, и тут же решено было собраться в пятницу, 4-го ноября, к часу дня в одной из огромнейших мастерских завода для выражения протеста против существующего правительственного произвола. В пятницу, в указанное время аудитория оказалась переполненной десятитысячной толпой, и на импровизированной трибуне начали выступать агитаторы, старавшиеся раз'яснить толпе положение текущих событий.

Особенный восторг толпы вызвало сообщение одного из ораторов о том, что в настоящую минуту среди присутствующих на митинге находится известный неутомимый борец за свободу своей родины Вера Засулич. Толпа потребовала, чтобы Засулич взошла на трибуну и показалась народу, и, когда героиня исполнила желание митингцев, головы присутствующих начали обнажаться, и гром восторженных кликов приветствовал ее.

Тяжелое впечатление на толпу произвела краткая речь одного из кронштадтских моряков из группы арестованных „150", которому каким-то образом удалось бежать из-под ареста. Моряк просил рабочих защитить товарищей от произвола военного суда и требовать для них суда правого, скорого и обязательно гласного.

В пять часов митинг закончился, и народ с пением рабочих революционных песен и развернутыми красными знаменами двинулся к заводским воротам.

5-го ноября на том же заводе состоялся в час дня второй митинг.

6-го ноября в час дня в той же мастерской состоялся третий и последний митинг за последнюю забастовку. В третьем часу дня во время речи одного из ораторов произошел переполох; кто-то крикнул, что казаки ворвались во двор завода и расстреливают публику. Многотысячная толпа с криком бросилась к выходам рабочей мастерской. Ораторам стоило громадных усилий остановить взволнованные массы, заявляя с трибуны, что ничего не произошло. В это время казаки и пехота на улице расстреливали рабочих.

7-го ноября рабочие пришли на завод в 12 час., но к работам не приступили, устроили митинг, на котором много говорилось о светлой личности зарубленного казаками Н. Клемчинского (рабочий Невского завода).

С утра на воротах завода было прибито заявление за подписью директора, что, если рабочие с завтрашнего дня не станут на работы, завод будет закрыт, и рабочие получат расчет.

На СПБ.-Варшавской жел. дор.

В среду, 2-го ноября, в 11½ час. утра, движение на дороге прекратилось.

После прекращения движения в столярной мастерской этой дороги состоялось собрание рабочих, на котором присутствовало более 2½ тысяч человек.

На собрании ораторы в сильных и ярких выражениях охарактеризовали современное положение России и рабочего класса.

После обсуждения рабочими были выставлены следующие требования:

1) отмены смертной казни;
2) отмены военного положения во всей России;
3) удаления казаков от полицейской службы;
4) полной амнистии.

Кроме требований политических рабочие выставили и следующие экономические:

1) утверждение 8-часового рабочего дня;
2) чернорабочие не менее 1 руб. и женщины не менее 75 коп. в день;
3) увеличение содержания служащим, проектированное по смете на 1906 г., ввести с 1-го ноября сего года.

Приняв резолюцию, рабочие с пением революционных песен разошлись.

— 4 ноября часть Невского пр. от Казанского собора до Знаменской пл. была погружена с 5 часов вечера во мрак. Это продолжалось около получаса. Затем электричество опять появилось. Газовые фонари, в виду забастовки рабочих, начали постепенно, с 5 ноября, потухать. 6 ноября на многих улицах Петербурга была сплошная темнота. На некоторых улицах кое-где лишь мерцали догорающие фонари. С этого дня появилось электричество во всех частных домах.

— На фабрике роялей и пианино Дидерихс. Вследствие постановления Совета Рабочих Депутатов, рабочие фабрики роялей и пианино Дидерихс также забастовали. 7 ноября владелец фабрики начал выдавать всем рабочим расчет. Как мы слышали, владелец фабрики решил ликвидировать все свои дела и уезжает за границу.

— К забастовке типографий. Паровая типография Яблонского (Лештуков пер.) забастовала вместе со всеми фабриками и заводами, по постановлению Совета Рабочих Депутатов, с 3 ноября. Дня через два администрация типографии вывесила следующее обращение к рабочим:

„Администрация Лештуковской паровой скоропечатни сим доводит до сведения лиц, работавших в ее мастерских, что во всех отделениях типографии с 7-го ноября, с 8 час. утра, имеют быть начаты работы. Рабочие приглашаются приступить в указанное время к спокойному исполнению своих обязанностей, предваряя, что неявившиеся будут считаться не желающими продолжать работу, и на их места будут приниматься другие лица“.

— На Николаевском вокзале. 3-го ноября на вокзале Николаевской железной дороги, с 12 час. дня, у главного под'езда появилось следующее об'явление:

„По независящим от управления Николаевской железной дороги причинам пассажирское движение поездов временно приостановлено с 12 час. дня 3 ноября“.

Все выходы и входы охранялись жандармами и войсками.

— Забастовка механиков и рабочих телефонной сети. Волна всеобщей забастовки захватила также и рабочих городской телефонной сети. В виду этого, начальник телефонной сети вывесил следующее об'явление к механикам и рабочим: „Во исполнение предложения управляющего министерством внутренних дел и согласно постановлению городской управы, управление городской телефонной сети предлагает вам явиться к 2 час., 6 ноября, на телефонную станцию (Морская, 22), при чем предваряет, что, в случае невыполнения этого и отказа от исполнения своих обязанностей, с 7 ноября вы будете считаться уволенными от службы на телефонах“.

— Областной комитет петербургского железнодорожного узла в субботу, 5 ноября, вынес следующую резолюцию:

„Забастовка примыкающих к С.-Петербургу дорог, проведенная совместно с трудящимся населением С.-Петербурга, доказала правительству, что приведение в исполнение жестоких мер, как смертная казнь и введение военного положения, всегда встретит в трудящихся классах активное сопротивление.

„Эта же забастовка показала, что силы наши растут и что в тот день, когда комитет найдет нужным дать правительству решительный бой и когда этот бой разразится, победа будет на нашей стороне. Начатую 2 ноября забастовку комитет предлагает закончить 7-го в 12 часов дня. С этого времени, товарищи, собирайте все ваши силы, и если после этого дня признано будет необходимым бастовать, то бастовать будут все дороги России сразу, и бастовать они будут до тех пор, пока решительно все политические и экономические требования правительство не исполнит“.

Означенная резолюция была единогласно принята служащими и рабочими всех железных дорог на митинге 5 ноября.

— На Николаевском вокзале. 4-го ноября с утра отправка пассажирских, почтовых и товарных поездов была совершенно приостановлена; из Москвы же поезда все-таки в продолжение всего дня продолжали прибывать. Одновременно с прекращением движения по Николаевской дороге забастовали правительственный и железнодорожный телеграф. Для сопровождения поездов администрация дороги пыталась пригласить железнодорожный батальон солдат, но эта попытка не увенчалась успехом. Также не увенчалась попытка заменить чиновников-телеграфистов солдатами-телеграфистами; последние заявили, что в прошлую забастовку высшее телеграфное начальство их обмануло, обещав платить им по 50 коп. за час работы; на самом же деле солдатам было уплочено лишь по 2 руб. в сутки.

К забастовке на пригородных трамваях.

В воскресенье, 6-го ноября, кондуктора Лесного и Невского пригородного трамвая явились рано утром в парк и заявили, что к работам не приступят, пока их требования не будут удовлетворены. Кондуктора требовали назначить им минимальный оклад в 30 р., который должен постепенно увеличиваться до 35, 40 и 50 руб. соответственно продолжительности службы. Требование это было удовлетворено. Также было удовлетворено требование кондукторов о назначении им двойных ежедневных смен. Лесной трамвай бастовал целый день, Невский же пригородный начал движение в час дня, но к трем часам движение было приостановлено. 7-го ноября трамваи начали правильно функционировать.

— 6-го ноября на металлическом заводе состоялся многолюдный митинг. Ораторы выясняли значение последней политической забастовки. Пролетариат достиг намеченной цели; участники кронштадтских беспорядков не будут казнены, как это могло быть, если бы рабочие не протестовали забастовкой.

Согласно постановлению Совета Депутатов, с обеда 7-го ноября рабочим разрешается приступить к работе, чтобы по первому требованию того же Совета снова бастовать.

— Движение поездов на Царскосельской дороге было прекращено 4-го ноября утром и возобновилось 7-го ноября.

— 3-го ноября на Царскосельском вокзале на состоявшемся митинге служащих правления, управления и контроля сборов Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги большинство высказалось против присоединения к забастовке.

В Совете Рабочих Депутатов.

Заседание 2-го ноября.

Заседание открылось сообщением депутатов о ходе забастовки. По отзывам их забастовка проходит очень дружно.

Бастуют все большие заводы и фабрики то с утра, то с 12 часов, очень немногие—после 12-ти. Почти на всех заводах были устроены митинги. Некоторые электрические станции уже забастовали, и туда посланы матросы или солдаты, при чем в некоторых случаях матросы, узнав, что рабочие бастуют в виде протеста против предания военному суду их кронштадтских товарищей, отказывались заменить рабочих.

Большинство типографий забастовало. Конторы нескольких газет закрыты; союз служащих контор и экспедиций пер. изданий снимает остальные газеты и журналы. Забастовала контора „Комп. Над.“, стр. общ. „Саламандра“. Аптеки начнут бастовать с 3-го.

Из железных дорог забастовали Балтийская и Николаевская.

Затем в собрании были сделаны еще следующие сообщения.

2-го ноября, вечером, в одной из казарм был митинг, на котором присутствовало 250 солдат; председательствовал фельдфебель; читалась резолюция Совета Рабочих Депутатов, происходили дебаты. В это время вошел офицер. Все остались на своих местах. Офицер спросил, что они делают. Ему ответили. „Почему же вы собрались все вместе: можно читать и обсуждать небольшими группами“,—заметил офицер. Никто не обратил внимания на это замечание. Офицер был очень бледен, весь трясся и поторопился уйти. После его ухода председатель спросил, продолжать ли общее собрание или разойтись, в виду того, что офицер может вызвать войско. Все ответили: „продолжать, хотя бы даже пришло войско“. Собрание продолжалось еще полчаса и закрылось с тем, чтобы завтра собраться опять.

В 17 гвардейском экипаже 2-го также состоялся митинг. Принята резолюция С. Р. Д., к которой прибавлен еще ряд своих экономических требований.

Заседание 3-го ноября.

По поводу письма гр. Витте к „братцам-рабочим“, собрание приняло единогласно при громе аплодисментов следующую резолюцию:

„Совет Рабочих Депутатов, выслушав телеграмму графа Витте к „братцам-рабочим“, выражает прежде всего свое крайнее изу-

мление по поводу бесцеремонности временщика, позволяющего себе называть петербургских рабочих «братцами». Пролетарии ни в каком родстве с гр. Витте не состоят.

„По существу Совет заявляет:

„1) Гр. Витте призывает нас пожалеть наших жен и детей. Совет Рабочих Депутатов призывает в ответ всех рабочих подсчитать, сколько вдов и сирот прибавилось в рабочих рядах с того дня, как Витте взял в свои руки государственную власть.

„2) Граф Витте указывает на «милостивое внимание» к рабочему народу. Совет Рабочих Депутатов напоминает петербургскому пролетариату о кровавом воскресенье 9 января.

„3) Гр. Витте просит дать ему „время" и обещает сделать для рабочих «все возможное». Совет Рабочих Депутатов знает, что Витте уже нашел время для того, чтобы отдать Польшу в руки военных палачей, и Совет Рабочих Депутатов не сомневается, что Витте сделает «все возможное», чтобы задушить революционный пролетариат.

„4) Гр. Витте называет себя человеком, расположенным к нам и желающим нам добра. Совет Рабочих Депутатов заявляет, что рабочий класс не нуждается в расположении царских временщиков. Он требует народного правительства, на основе всеобщего равного, прямого и тайного избирательного права".

Заседание 5-го ноября.

Обсуждается вопрос о продолжении или прекращении забастовки. Большинство ораторов, констатируя настроение на заводах, высказывается за прекращение забастовки в понедельник. Меньшинство стоит за ее продолжение, так как выставленные требования не удовлетворены. Некоторое влияние на исход прений оказывает постановление железнодорожников приступить к работам в понедельник в 12 час. дня.

После оживленного обмена мнениями собрание подавляющим большинством голосов принимает следующую резолюцию:

„Царское правительство решило воспользоваться передышкой, наступившей в революционной борьбе после славных дней октябрьской забастовки; рассчитывая на утомление пролетариата, правительство бросило наглый вызов народу, об'явив всю Польшу на военном положении, отправив пулеметы к голодающим крестьянам и поставив кронштадтских солдат и матросов перед угрозой расстрела.

„Рабочие Петербурга сочли своим долгом дать новый урок царскому правительству и напомнить ему, что революционный пролетариат существует, бодрствует и готов отвечать ударом на удар.

„Стачка-протест, об'явленная Советом Рабочих Депутатов, началась 2 ноября в 12 часов дня и продолжается в настоящий момент с таким единодушием, которое превосходит даже январскую и октябрьскую забастовки. Этот новый революционный удар, нанесенный царскому правительству, не только показал удивительную энергию, неутомимость, сплоченность и дисциплину пролетариата, но и привлек к рабочим симпатии лучшей части армии и вместе с тем еще больше подорвал русские государственные финансы.

„Единодушная забастовка петербургского пролетариата ясно показала царскому правительству и всему населению, что пролетариат не позволит молча душить граждан, восстающих против варварского деспотизма; поэтому Совет Рабочих Депутатов, считая необходимым беречь силы рабочих для решительного сражения, постановляет: прекратить стачечную манифестацию в понедельник 7 ноября, в 12 ч. дня.

„Приглашая рабочий класс всей России поддержать в той или другой форме протест петербургского пролетариата против полевых судов, военного положения, смертной казни и зверских погромов черной сотни, Совет Рабочих Депутатов призывает сознательных рабочих удесятерить революционную работу в рядах армии и немедленно приступить к боевой организации рабочих масс, планомерно подготовляя, таким образом, последнюю всероссийскую схватку с кровавой монархией, доживающей свои последние дни".

Явившийся к концу заседания солдат сообщает, что за последнее время среди солдат идет сильное брожение и раскол: часть стоит за рабочих, часть—против. Начальство ведет агитацию против студентов и евреев. Сознательная часть солдат очень нуждается в поддержке и просит снабжать почаще литературой.

Речь солдата, очень резко критиковавшая существующий режим, произвела на собрание сильное впечатление, что выразилось в громких, долго не смолкавших аплодисментах.

— 6-го ноября состоялось собрание Совета Рабочих Депутатов, на котором между прочим обсуждался вопрос о введении революционным путем 8-часового рабочего дня.

Из докладов депутатов о положении этого дела на разных фабриках и заводах выяснилось следующее:

Многие заводы уже приступили к осуществлению 8-час. дня, другие собираются и некоторые совсем не находили это возможным по разным причинам, или потому, что, получая сдельную плату, они лишаются большей части своего заработка, или потому, что администрация грозит закрытием заводов. В некоторых заводах администрация соглашается сбавить немного рабочий день, но не доводить до 8 час.

После оживленного обмена мнений Совет вынес по этому вопросу следующую резолюцию:

„Совет Рабочих Депутатов констатирует, что энергичная борьба петербургских рабочих за немедленное введение 8-часового рабочего дня неопровержимо доказала, до какой степени это сокращение рабочего времени является жгучей потребностью рабочего класса, за которую он готов бороться до крайней степени.

„Признавая в то же время, что для осуществления этой меры безусловно необходима широкая массовая организация петербургских и вообще российских рабочих в политические и профессиональные союзы, Совет Рабочих Депутатов настойчиво рекомендует петербургским рабочим приложить все усилия к скорейшему созданию союзов и всероссийских с'ездов, которые смогут выработать практический способ для осуществления 8-часового рабочего дня. Вместе с тем Совет Рабочих Депутатов рекомендует немедленно и дружно добиваться возможного сокращения времени, стремясь к скорейшему завоеванию организованным пролетариатом 8-часового рабочего дня".

— Союз мастеров и техников постановил принимать на фабрики и заводы рабочих только по рекомендации Совета Рабочих Депутатов.

От редакции „Известий Совета Рабочих Депутатов".

„№ 6 «Известий» не мог выйти 4-го ноября. В типографию в 3½ ч. н. ворвался отряд полиции и сыщиков под охраной роты стрелков. Взломав опытными руками громил двери, царская опричнина ворвалась с оружием наготове в помещение, где спокойно продолжали работу наши товарищи. Обыскав всех и не найдя у них оружия, полиция была очень обескуражена. Товарищи наши потребовали прибытия прокурора, но ни его самого ни его товарища не нашли дома. Тогда товарищи потребовали беспрепятственного выхода и, сообщив свои фамилии, а также и то, что они, работая в типографии, исполняют предписание Совета Рабочих Депутатов, свободно удалились.

„Типография была опечатана, и ко всем входам приставлена стража, но прибывшие на другой день следственные власти ничего уже не нашли: ни оружия, ни гранок, ни даже оставленных оригиналов'.

РЕЗОЛЮЦИИ.

Резолюции протеста против об'явления Польши на военном положении и предания военному суду кронштадтских матросов.

1. Резолюция, принятая на заводе Пульмана.

„Мы, рабочие завода Пульмана, на собрании в заводе 31-го октября постановили вынести следующую резолюцию:

„Крайне возмущенные решением правительства по отношению к матросам города Кронштадта, заявившим свои справед-

ливые требования, требуем немедленной отмены смертной казни и назначения немедленного следствия, с участием представителей от населения; мы требуем немедленного освобождения матросов; в противном случае заявляем политическую забастовку".

2. Резолюция депутатов Выборгского района, принятая на собрании 31-го октября.

„Восставшие матросы — наши сотоварищи и соратники в борьбе за наше общее дело. Мы с радостью приветствуем их как своих братьев борцов. Мы протестуем против намеченных правительством массовых казней и от имени избравших нас заводов заявляем свою готовность поддержать свой протест политической забастовкой и демонстрациями. Мы постановляем устроить завтрашний день митинги протеста на всех заводах и фабриках. Мы решительным образом требуем отмены военных судов, смертной казни, постоянной армии, в которой, если она будет существовать, неизбежны дикие расправы над солдатами в целях поддержания дисциплины. Мы требуем всеобщего вооружения народа. Мы предлагаем экстренно собраться Совету Рабочих Депутатов, которому заявляем наше мнение о необходимости устройства политической забастовки и демонстраций; окончательное же решение формы протеста предлагаем на усмотрение Совета Рабочих Депутатов".

3. Резолюция, единогласно принятая рабочими Семянниковского завода на митинге 1-го ноября.

„Мы, рабочие Семянниковского завода, собравшись на митинг 1-го ноября, глубоко возмущенные отношением правительства к восставшим в Кронштадте матросам, выражаем самый решительный протест против применения военного суда и смертной казни и требуем гласного расследования кронштадтских событий.

„Мы считаем несовместимым с лживыми заявлениями правительства введение военного положения в Польше. Мы готовы активно поддержать свой протест, общие формы которого предлагаем выработать Совету Рабочих Депутатов".

4. Резолюция рабочих Ново-Адмиралтейского порта, вынесенная на собрании 1-го ноября.

„Мы, собравшиеся рабочие Ново-Адмиралтейского порта, обсудив гнусное намерение самодержавного правительства расстрелять наших славных товарищей, матросов и солдат, поднявших знамя восстания, наравне со всем русским пролетариатом, против гнета произвола царского насилия, требуем немедленного освобождения славных борцов за свободу: в противном же случае мы не отвечаем за последствия и готовы на все, чтобы не допустить казни и отомстить за товарищей, восставших за освобождение измученной правительством родины".

5. Резолюция рабочих завода Лесснера.

„Считая кронштадтское восстание событием колоссальной важности и значения, как грозный признак скорой и неминуемой смерти самодержавия, которое лишается своего последнего оплота — войска, мы, рабочие завода Лесснера, горячо приветствуем товарищей-борцов, энергично протестуем против комедии военного суда над ними и грозящей им смертной казни и заявляем, что готовы активно поддержать свой протест по первому призыву наших социал-демократических организаций. Напоминаем другим войскам, что они наши братья, и что правильно понятые ими их интересы и идеалы являются и нашими интересами и идеалами; мы зовем их вместе с нами бороться против самодержавного правительства за демократическую республику и народную милицию под красными знаменами: Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

6. Резолюция областного комитета железнодорожного узла.

„Правительство, так много обещавшее народу за последнее время, ничего не дало.

„Полевые суды снова вступили в силу. Матросам, восставшим за право и свободу, угрожает расстрел.

„Вместо отмены военного положения, правительство в 3-х губерниях ввело его, чтобы подавить движение крестьян, требующих свободы и земли.

„Исстрадавшаяся Польша, и не думавшая отделяться от России, об'явлена на военном положении.

„Положение нас, железнодорожников, несмотря на обещания, до сих пор не улучшено. Областной комитет железнодорожного узла в последней резолюции об'явил:

„«Что если правительство в ближайшем будущем не выполнит всех требований железнодорожного союза и делегатского с'езда, то комитет снова призовет вас к забастовке».

„Рабочее движение Петербурга разрастается, и потому нам, присоединившись к этому движению, надо снова заявить о своих правах.

„Мы требуем:

1) Полной амнистии.

2) Отмены смертной казни.

3) Отмены военного положения в Польше и других частях России.

4) Уничтожения военно-полевого суда в мирное время.

5) Немедленного исполнения требований и заявлений делегатского с'езда".

Аналогичные вышеприведенным резолюции были приняты на целом ряде других фабрик и заводов.

Из жизни рабочих.

— 6-го ноября рабочие Бельгийского общества электрического освещения г. Петербурга явились на завод для выслушания ответа администрации по вопросу об экономических требованиях, пред'явленных рабочими еще во время 1-ой забастовки. Администрация заявила, что требований рабочих она даже не рассматривала и что она считает необходимым уволить 7 человек депутатов. Так как рабочие этим ответом администрации не удовлетворились, то всем им об'явлен был расчет. Директора Бельгийского общества опасаются серьезных осложнений в своем предприятии, так как многие абоненты намерены порвать свои контрактные договоры, опираясь на пункте условий, гласящем, что, в случае недоставления абонентам электрической энергии по вине администрации, контрактные договоры считаются недействительными.

— Рабочие завода Вестингауза просят нас напечатать следующее: „Мы, рабочие завода Вестингауза, протестуем против резолюции социалистов-революционеров, помещенной в № 7 «Известий Совета Рабочих Депутатов», так как мы, рабочие, никакого согласия с.-р. на вынесение какой-либо резолюции не давали. Принадлежащих к партии с.-р. у нас всего трое, тогда как все остальные признают программу Р.С.-Д.Р.П.".

Завод Франко-Русского общества.

Митинг рабочих Франко-Русского завода, перенесенный с 30-го на 31-ое октября, по вопросу о политической физиономии Совета Рабочих Депутатов не постановил определенного решения, и он, таким образом, остался пока открытым.

Единогласным решением всего собрания в количестве около 2.000 человек решено введение 8-часового рабочего дня в заводе. Со вторника, 1-го ноября, решенный вопрос осуществлен. Работы в Франко-Русском заводе теперь продолжаются с 7 до 11½ часов утра, затем следует получасовой перерыв на обед, с 12-ти возобновляются работы, и в 3½ часа дня рабочие покидают завод.

Директор реагирует на действия рабочих следующим об'явлением, вывешенном в большом количестве не только в мастерских, но и на наружных стенах завода: „Вследствие заявления гг. старост о том, что собрание мастеровых и рабочих постановило ввести на заводе восьмичасовой рабочий день, сим об'являю, что на сокращение рабочего времени общество согласиться не может". Помимо этого, среди рабочих распространено заявление директора о том, что завод будет закрыт, и все рабочие с мастерами и инженерами, заведующими мастерскими, будут уволены. В настоящее время рабочие Франко-Русского завода намерены телеграфировать в Париж о вызове членов акционерного общества с целью совместного мирного решения вопроса о 8-часовом рабочем дне.

Требования рабочих монументных мастерских.

Рабочие монументных мастерских предложили своим хозяевам следующие требования: 1) Рабочий день должен быть безотлагательно десятичасовой, обед должен продолжаться час;

если явится необходимость продолжать работу в праздник, то таковая должна продолжаться не более пяти часов; в случае же необходимости производить работы в сверхурочное время, то за них необходимо уплатить рабочему двойную плату. 2) Каждые две недели рабочему должна выдаваться заработная плата без скидки за зимнее время, при чем расчет должен производиться по субботам в рабочее время. 3) Этим параграфом подробно урегулирована рабочими „штучная работа". 4) У каждого рабочего должна быть на руках расчетная книжка с обозначением в ней поденной платы и сдельной работы. 5) Хозяин не имеет права отказывать рабочему без уважительной причины, при чем отказ рабочего представляется на усмотрение рабочих мастерской. 6) По субботам и в предпраздничные дни работы должны оканчиваться в 4 часа вечера. 7) Пострадавший на работе должен быть обеспечен 50 коп. ежедневно за все время болезни.

Собрание рабочих монументных мастерских постановило на совещании 2-го ноября не приступать к работам до удовлетворения всех указанных требований.

— 2-го ноября состоялся митинг на Балтийском судостроительном заводе. Вынесена была следующая резолюция:

„Кровожадное правительство в последние минуты своего существования хочет кровью залить улицы Кронштадта, кровью наших товарищей, матросов и солдат.

„Мы, рабочие Балтийского завода, с восторгом приветствуем восстание в армии и флоте, ибо с ним падает последняя опора самодержавия.

„Мы всеми силами души протестуем против военных судов вообще, и в Кронштадте в частности, и требуем над матросами и солдатами гласного суда присяжных.

„Мы протестуем против бессмысленного введения военного положения в Польше, в то время как Финляндия за те же требования получила всеобщее избирательное право.

„Призывая армию на сторону народа, призывая польских товарищей к неустанной борьбе с самодержавием, мы, согласно постановлению Федеративного Совета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и Совета Рабочих Депутатов, для подкрепления нашего протеста против военного суда в Кронштадте и военного положения в Польше и других местах России, единогласно об'являем политическую забастовку, которую прекратим лишь по постановлению вышеуказанных центров. Долой военные суды! Долой военное положение и усиленную охрану"!

Митинг рабочих печатного дела 6 ноября.

В 1 час дня в Соляном Городке состоялся митинг рабочих печатного дела при не совсем обычной обстановке.

Дело в том, что градоначальник, заявив, что к нему не поступало заявление об устройстве этого митинга, разрешил его только под тем условием, чтобы в собрании присутствовал полиц. пристав, угрожая в противном случае разогнать митинг вооруженной силой. Это требование было заявлено в то время, когда большинство печатников было уже в сборе и предстояло обсудить и решить много срочных и важных вопросов. Поэтому было решено на этот раз допустить присутствие полиции на собрании, между прочим и для того, чтобы она, как сказал один из ораторов, попривыкла к речам свободных российских граждан. Но, когда уже все важные очередные дела были окончены и принята приводимая ниже резолюция, было получено постановление Совета Рабочих Депутатов, что допускать полицию на митинги в принципе признается невозможным, и если явившиеся полицейские чины не удалятся, то собрание должно быть закрыто. После переговоров председателя с приставом, отказавшимся покинуть зал, собрание решило, руководствуясь указанием Сов. Раб. Деп., закрыть митинг, и рабочие печатного дела спокойно, в строгом порядке разошлись.

Порядок дня сорванного полицией митинга был следующий: 1) протокол предыдущего общего собрания; 2) последнее постановление Совета Раб. Депутатов от 5 ноября; 3) всеобщая политич. забастовка и ее ликвидация; 4) отношение к „союзу в защиту свободного печатного слова" и 5) отношение к союзам хозяев, владельцев типографий, переплетных и проч.

После пространного обсуждения намеченных пунктов была вынесена резолюция:

„Общее собрание союза рабочих печатного дела, выслушав резолюцию Совета Рабочих Депутатов и принимая во внимание, что протест против правительственного произвола и насилия над народом в разных частях России был высказан с желательной силой и победоносным единодушием, постановило, согласно решению Совета Рабочих Депутатов: прекратить в понедельник, 7 ноября, в 12 час. дня, политическую забастовку и обратиться к немедленной и дружной организации для решительной, окончательной и полной победы над захватившими государственную власть врагами народа посредством установления в России истинно-народного правительства.

„Долой всякое насилие и эксплоатацию рабочего народа!

„Да здравствует победоносный революционный пролетариат!"

Иностранный отдел.

„Передовая буржуазия".

Пока наша „коренная" буржуазия еще стоит в нерешительности перед растущей силой пролетариата, по своей революционной неопытности, не зная куда броситься: в об'ятья ли реакции или за смелыми колоннами пролетариата, „знакомые с бурями" немцы уже, повидимому, начинают проводить испытанную буржуазную политику, и „порядок во что бы ни стало" — становится их „боевым" лозунгом. Немецкие помещики в Прибалтийском крае знают теперь своего истинного врага: это — революционный пролетариат. К тому же то обстоятельство, что в Прибалтийском крае революционный пролетариат состоит преимущественно из латышей, представляет этим рыцарям порядка еще удобный случай покичиться „цивилизаторским первенством" германской расы, которой грозит якобы опасность со стороны „необузданного и полуварварского латышского плебса". В „Berliner Tageblatt", органе немецких биржевиков, курляндский помещик плачется на безысходное положение, в которое поставлено помещичье землевладение в Курляндии, благодаря „анархии", учиненной латышскими рабочими. За обычными шовинистическими фразами о превосходстве немецкого национального духа следует характеристика курляндских помещиков, как главных врагов системы Плеве; это требуется по нынешним временам. А все народное движение в Прибалтийском крае есть, по мнению корреспондента-помещика, не что иное, как взрыв дикой национальной вражды со стороны латышей против культурных немцев. Оказывается, что и власти покровительствовали латышским рабочим (покровительство путем массовых расстрелов!) и что вообще это „анархическое" движение, примкнувшее к „анархическим стремлениям русского студенчества", играет лишь на руку полиции. Вся надежда курляндских помещиков на твердую власть, но пессимистический корреспондент не вполне предается этой надежде. „Возможно, что твердой руке Витте — если он обладает таковой — удастся справиться с надвигающейся революцией и образовать либеральное министерство, которое решительными мерами против рабочих водворит порядок в стране... А вырождающийся в нравственном и физиче-

ском отношении русский народ нисколько не стал лучшим оттого, что он получил (!) конституцию... Наши смертельные враги (т. е. сознательные рабочие) вовсе не желают конституции, они хотят революции и анархии. Единственное возможное улучшение для нас это то, что мы, может быть, получим более сильное и решительное правительство...“

Таковы политические desiderata „культурной“, „передовой“ буржуазии наших западных окраин. А малоопытная еще „чисторусская“ буржуазия, надо полагать, не замедлит последовать этому примеру. Caveat пролетариат!

Венский с‘езд.

(Корр. „Новой Жизни“.)

30-го октября, в тот самый день, когда самодержавное правительство России открыто заявило о своем бессилии пред лицом восставшего пролетариата, в Вене открылся С‘езд Австрийской Социал-Демократической Рабочей Партии. Это совпадение не осталось без последствий. Горячее дыхание великой российской революции зажгло вдохновением речи ораторов с‘езда и окрасило в яркий цвет последовавшие за с‘ездом события.

Уже на первом, предварительном собрании делегатов с‘езда д-р Виктор Адлер говорил:

„Мы не можем помочь делу русской революции, но мы можем в нашей стране, на нашей почве, для нашего народа, для нашего пролетариата, в наших формах борьбы и при помощи наших боевых средств сделать все, чтобы хоть до известной степени с честью оправдать себя перед теми, кто борется по ту сторону границы“.

В таком же духе говорил и представитель чешской организации, Немец.

„Русские борцы, — сказал он, — доказали нам, что могут еще быть революции, если только есть налицо истинно революционное воодушевление, если есть мужество и решимость во что бы то ни стало добиваться своих прав“.

Обе речи были встречены бурными одобрениями.

Еще резче выразилось настроение с‘езда в резолюции, предложенной Адлером и принятой единогласно.

„Общий с‘езд международной социал-демократической рабочей партии Австрии приветствует с воодушевлением и с чувством живейшей братской солидарности ту революционную борьбу, которую ведут в России порабощенные, лишенные человеческого достоинства народы против царского самодержавия. Мы приветствуем великую освободительную задачу этой борьбы: из миллионов рабов сделать миллионы свободных людей, возвратить порабощенным, лишенным прав народам их права, их самостоятельность и разрушить проклятое господство произвола. Социал-демократы Австрии следят за развитием революции в России с глубокой надеждой на скорую победу народа, победу, которая нанесет также смертельный удар и западно-европейской реакции. Борясь в Австрии за политические права народа, мы также сознаем, что этим исполняем свой революционный долг, мы часть одной и той же революционной, движущей человечество вперед силы, политическим выражением которой является международный социализм, и наша борьба везде служит одним и тем же великим и возвышенным целям. Вот почему мы шлем борющимся пролетарским массам всех национальностей России наши пламенные пожелания. Да здравствует Российская революция!

„Да здравствует международная, освобождающая народы социал-демократия!“

Боевое, революционное настроение, которым проникнута эта резолюция, еще только начинало подниматься в 1-й день заседаний с‘езда и даже как бы заглохло, когда на очередь был поставлен первый пункт порядка дня: „доклад о парламентской деятельности партии“; пункт этот вызвал между немецкими и чешскими депутатами раздраженные пререкания. Раздражение, однако, скоро уступило место всеобщему воодушевлению, когда с‘езд перешел ко второму пункту: „политический кризис и избирательная реформа“. Особенно горячо говорил делегат Элленбоген. Он указал на тот позор, который навлечет на себя австрийский рабочий класс, если не выступит на борьбу за всеобщее избирательное право, уже почти завоеванное в России и введенное недавно в Венгрии.

„Там, на мрачном востоке, — между прочим сказал он, — наступает день, и начинается весна народов. Разбиты цепи, и от Ледовитого океана до Кавказа гремит призыв к свободе“.

По мере того, как приходили новые известия из России, волна настроения поднималась все выше, и на второй день заседаний, 18 (31) октября, с‘езд решил, по предложению делегата д-ра Зукупа (Soukup), сократить порядок дня: решено было вычеркнуть последний пункт программы (милитаризм), без дебатов принять две предложенные уже резолюции, выслушать реферат д-ра Адлера о всеобщей стачке и затем закрыть с‘езд.

„Довольно уже было сказано слов, — заявил член Исполнительного Комитета партии, Шумахер, — пора перейти к делу. С тех пор, как пришли известия из России, наше место не здесь, а на улицах Вены!“

Вечером того же дня, по решению Исполнительного Комитета, была устроена перед зданием парламента грандиозная демонстрация, в которой принимали участие все делегаты с‘езда вместе с тысячной толпой рабочих: „С‘езд заседал вчера вечером перед парламентом“, — сказал на следующий день, открывая собрание, председатель.

Реферат В. Адлера о всеобщей стачке вызвал новый взрыв воодушевления. Представители различных профессий один за другим доказывали с'езду о полной готовности их товарищей начать массовую стачку с требованием всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Почтив вставанием память жертв российской революции, члены с'езда стали расходиться с пением „Марша социалистов" и „Красного знамени".

„В бой, товарищи", — воскликнул, закрывая с'езд, председатель Томшик.

События, развернувшиеся вслед за закрытием с'езда, доказали, что настроение делегатов было точным отражением революционного под'ема, охватившего широкие рабочие массы Австрии.

Одним за другим поднимаются рабочие легионы; каждый день приносит новые доказательства того, что наступает конец суровой зиме реакции, слишком пятьдесят лет тяготевшей над всей Европой. С востока идет светлая, „прекрасная весна народов", и над миром развертывается красное знамя.

Мих. К.

По поводу правительственного сообщения о еврейских погромах, шведская газета „Dagens Nyheter" пишет: „Мы избалованы в эти дни сенсационными сюрпризами из страны самодержавия. Но только что переданное по телеграфу правительственное сообщение составляет рекорд в своем роде. Это открытое сознание, что ужаснейшее обвинение, которое направлялось против старого режима под царской эгидой, против системы, для которой типичны имена Плеве и Победоносцева, не только не вымышленная и постыдная клевета, а ясная, как день, истина. Во время беспорядков в Баку, когда мистическим образом вооруженные татары учинили резню армян, при еврейских погромах в южной России, начиная с исторических дней Кишинева, — во всех этих случаях раздавалось обвинение, что эти позорные деяния происходили с ведома и пассивного согласия властей и полиции, даже больше, при их положительном участии. В Баку сам губернатор отдал оружие в руки грабителей и убийц, и при последних еврейских погромах власти возбуждали безумную чернь.

„Подобные обвинения появились с различных сторон, и они так единогласны, что невозможно сомневаться в их справедливости. Теперь они нашли официальное подтверждение. «Трагические и достойные сожаления события» можно рассматривать как «самопроизвольную реакцию со стороны консервативной части населения» (что за милый консерватизм!), при чем нельзя отрицать, что эта реакция в некоторых случаях поддерживалась местными властями".

Польша и Литва.

Красноречивым показателем того возбужденного и нервного состояния, которое теперь переживает Варшава, служит следующий факт, имевший место на Островской улице в понедельник, 31-го октября. По этой улице, в 7 часов вечера, проходил патруль солдат; никто из прохожих не обращал на него особенного внимания, но внезапно раздался чей-то крик: „Идет черная сотня"; тогда из прилегающих ворот моментально выбежали вооруженные дружинники, чтобы дать отпор хищникам, защищать свое имущество и жизнь. Убедившись, что нет никакой опасности, что тревогу вызвал какой-то легкомысленный человек или, быть может провокатор, — дружинники и случайно проходившая мимо публика собирались было мирно разойтись по домам, но тут произошло нечто ужасное: патруль без всякого предупреждения дал залп по собравшейся публике, послышались стоны раненых, отчаянные крики и проклятия. Но патруль не ограничился одним залпом: солдаты со штыками набросились на охваченную паническим страхом публику, кололи и рубили до тех пор, пока не очистили совершенно улицу. В результате оказалось около 20 человек тяжело раненых.

Повидимому, приказ по войскам генерал-губернатора Скалона оказал свое действие: с людьми уже обращаются, как с куропатками.

В Варшаве чувствуется не только недостаток топлива, но замечаются уже все признаки голода. Цены на продукты первой необходимости до того повысились, что рабочему классу от этого приходится прямо-таки страдать. Стачечный Комитет прикладывает все усилия, чтобы урегулировать эти цены, но главным препятствием является истощение запасов, особенно муки и сала. Стачечный Комитет решил поэтому увеличить количество товарных поездов, отправляемых из Варшавы по пригородным железным дорогам — Груецкой, Виляновской и Яблонно-Ваверской — с целью снабжения Варшавы с'естными продуктами. Одновременно с этим, многие филантропические общества организуют бесплатную выдачу обедов и каменного угля. В довершение всего новое несчастие надвигается: усиливаются заболевания тифом. Организуется бесплатная врачебная помощь и бесплатная выдача лекарства.

По распоряжению варшавского генерал-губернатора Скалона, все телеграммы с требованием упразднения военного положения, отправляемые из Лодзи в Петербург тамошними промышленными и финансовыми сферами, задерживаются.

Варшавская полиция, повидимому, всеми силами старается вызвать еврейский погром, чтобы, воспользовавшись благоприятным случаем, направить военную силу на рабочих. На-днях она распустила возмутительный слух о том, что на Налевках евреи зарезали десятилетнюю девочку для религиозных целей. Оказавшийся переодетым городовым, провокатор, распускавший этот слух, был убит рабочими.

В Варшаве нет дня, чтобы не проявилась провокаторская деятельность, поощряемая и руководимая полицией, с целью вызвать смятение, погром. Приводим факт, характеризующий пошлый цинизм провокаторов. По сооружению моста на Висле работает артель русских рабочих, прибывших из центральных губерний России. Они живут во временно сооруженных бараках и редко отлучаются в город; тем самым они лишены возможности общения с местными рабочими. Сознание классовых интересов в них совершенно отсутствует; они являются податливым элементом для черносотенных науськиваний. 30 октября ночью возле бараков раздался отчаянный крик: „Поляки режут русских — спасайтесь!" Вскочившие спросонья рабочие пытались было защищаться, но, убедившись в том, что никого нет, успокоились. В это время прибежало несколько запыхавшихся подозрительных суб'ектов, которые начали убеждать рабочих: „Бегите в город, защищайте русских, их режут поляки на главных улицах — Маршалковской и Новом Свете". У некоторых появилось сомнение, недоверие, которое постепенно охватило и остальных, но провокаторская выходка могла вызвать и весьма пагубные действия: смятение, погром.

Польская Социалистическая Партия (P. P. S.) обратилась ко всем западно-европейским социал-демократическим партиям с резким протестом против об'явления военного положения в Царстве Польском.

В Варшаве на Краковском предместии произошло кровавое столкновение с войсками манифестантов, протестующих против об'явления военного положения в Польше. Имеются убитые и раненые в большом количестве, но точно цифра их пока не установлена.

В Петрокове на мирную манифестацию протеста против введения военного положения была направлена рота солдат. На призыв старшего офицера: „расходитесь!" — толпа не тронулась с места. Тогда был отдан приказ стрелять, но солдаты отказались привести его в исполнение. Офицеры сами открыли стрельбу по манифестантам, в результате чего оказалось несколько человек раненых.

В Пултуске несколько сот крестьян жестоко избили хулиганов, пытавшихся вызвать еврейский погром.

Во всех городах Царства Польского происходят многочисленные аресты не только среди рабочих, но также и среди интеллигенции. Арестованных сажают в тюрьмы или немедленно высылают в пределы России — на север ее; так, графа Тышкевича направили в Архангельскую губернию. Одновременно с арестами, естественно, происходят бесчисленные обыски, опечатываются типографии, например, радикальной газеты „Kuryer Codzienny", издаются, поистине, драконовские временные постановления губернаторов, распространяемые не только на города, но даже и на деревни.

В Вильне забастовали обе мужские гимназии и реальное училище. Главная причина забастовки — дерзкое и пристрастное отношение педагогического персонала к учащимся. Состоялось совещание родителей и учителей, но это совещание не привело ни к каким положительным результатам. Родители потребовали смягчения, если не полного упразднения крайних методов руссификации, издавна применяемых в Вильне в самых широких и грубых размерах. В Вильне бывали случаи, когда за польскую речь, произнесенную в стенах учебного заведения, виновники подвергались исключению.

Литовский язык получил, наконец, после долгой неволи, права гражданства. В Вильне издаются газеты и книги на литовском языке, но литовских школ пока нет. Несколько учителей-литовцев обратились к попечителю виленского учебного округа с просьбой разрешить им открыть две народные школы в Россиенском уезде, Ковенской губернии; со стороны попечителя последовало разрешение с условием спросить ковенского губернатора, не встретится ли препятствий с его стороны. Учителя обратились к губернатору и получили от него отрицательный ответ: школ с обучением на литовском языке пока еще нельзя открывать.

Хороша „свобода"!

В Вильне происходят многочисленные собрания рабочих и интеллигенции, на которых энергично протестуют против введения военного положения в Царстве Польском.

Областной отдел.

Москва.

15-го октября началась забастовка на фабрике мебельных материй Миронова (на 4-ой Рогожской). Сначала стачка имела чисто политический характер, и либеральный фабрикант даже поддерживал рабочих, но, когда рабочие пред'явили экономические требования, от либерализма Миронова не осталось и следа. Рабочие требуют, чтобы фабрикант не обкрадывал их фальшивым обмериванием, что практикуется уже давно, затем—повышения заработной платы (на 10%), уничтожения штрафов, улучшения санитарных условий труда и врачебной помощи, признания рабочих депутатов, которые должны участвовать при установлении заработной платы, и пр. Удовлетворить эти требования Миронов наотрез отказался.

Кроме того, рабочие возбудили судебное дело, обвиняя фабриканта в систематическом обмеривании их.

Баку.

Наместником Кавказа получено следующее распоряжение министра Дурново: „Примите все наиболее действительные меры для охраны водопровода, электричества, газа, равно железнодорожных станций. Войскам действовать твердо и решительно, митинги разрешать с особым разбором или вовсе не разрешать, всяких сборищ, шествий, манифестаций не допускать, зачинщиков явных беспорядков подвергать личному задержанию".

Москва.

(Корр. „Новой Жизни".)

„Патриотический" пыл и чувства христианского смирения и бескорыстия толкают нашу черную сотню на новые подвиги. Подлые убийства из-за угла уже не удовлетворяют ее: ведь с убитого студента, кроме пары истоптанных сапог и худой шинелишки, ничего больше не стянешь.

Наемные рыцари порядка и законности вступают теперь на путь вымогательства и шантажа.

Вчера местный богатый купец Л. получил письмо следующего содержания:

„Благоволите немедленно вложить в прилагаемый при сем конверт 500 руб. в пользу Стачечного Комитета и сдать на почту; если последует отказ, то знайте, что жизнь в руках наших.

„Состоящий при Социал-демократическом обществе Комитет забастовщиков (?).

„P. S. Письмо это благоволите вложить вместе с деньгами для нашего руководства, и мы вышлем вам квитанцию в получении денег".

Письмо такого же содержания. но уже с требованием 20.000 руб. получил другой купец—еврей Г.

Комментарии излишни.

По слухам, почтово-телеграфные чиновники получили „приглашение" от черной сотни присоединиться к ним и помочь им „в святом и великом деле", т. к. их всего лишь 800 чел. При этом сообщают, что святая компания соберется в 3 ч. ночи на Тверском бульваре, у памятника Пушкина, оттуда двинется по бульварам, Арбату и Сретенке для избиения евреев и интеллигентов.

Брянск.

(Корр. „Новой Жизни".)

Резолюция, принятая 25 октября собранием рабочих Брянского завода, Орловской губернии:

„1) Принимая во внимание, что в истории освободительного движения вообще, а нашего рабочего движения в частности, армия играет огромную реакционную роль и, заливая кровью рабочего класса необ'ятные пространства России, является главным препятствием на нашем пути к лучшему будущему, мы, рабочие Брянского завода, собравшись на митинге 25 октября, единогласно постановили выразить тем большую благодарность тому собранию офицеров и нижних чинов армии и флота, которые высказали полную солидарность с требованиями рабочего класса и заявили, что «всюду, где народ будет выступать активной революционной силой, и где будет литься его кровь, наши штыки и все наше оружие будет обращено против пославшего нас».

2) Рассматривая деятельность полиции, которая особенно ярко выражается в устройстве погромов и избиений и вообще в направлении невежественной и мало сознательной массы на борцов за освобождение от всевозможного гнета, произвола и насилия и, таким образом, не достигает своей цели по охранению тишины и безопасности жителей, то же собрание считает необходимым заявить директору завода о немедленном удалении всякой воинской силы, о разоружении полицейских чинов и передаче оружия в руки рабочих, обязуясь принять на себя организацию охраны безопасности личности и жилищ всех граждан".

Саратов. „Прив. Краю“ пишут из с. Голицыно, Сарат. у.: 18 октября крестьяне были поражены шествием вооруженных крестьян с пением марсельезы. Вооруженная толпа прошла селом, не производя никаких беспорядков, и направилась в Тепловку. В Тепловке крестьяне, повидимому, ждали вооруженных, потому что двинулись к экономии помимо вооруженных и отперли амбары и взяли все оставшееся в экономии и стали жечь бумаги, а от бумаги, вероятно, и постройки загорелись. Одновременно с пожаром в Тепловке горели экономии—в Сухом Карбулаке, Михайловке, Ириновке, мельница в Александровке. Крестьяне личностей не насилуют, предупреждая живущих в экономии за 3 дня брать свое имущество и уезжать, только не позволяют брать скот и хлеб, говоря, что хлеб принадлежит им, потому что помещики земли не обрабатывают, а всю работу исполняют крестьяне.

Октябрьские дни в Тифлисе.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Забастовка в городе прошла очень дружно. По первому же призыву К-та Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, она охватила не только торговые и промышленные заведения, но даже некоторые правительственные учреждения—суд и почтово-телеграфную контору. С 15 октября в городе замерла всякая жизнь. Уныло смотрели наглухо заколоченные окна магазинов, и ничто не нарушало напряженной тишины. Вечерами тишина изредка нарушалась взрывом бомбы и беспорядочной стрельбой. По утрам кучки рабочих и учащихся расхаживали по улицам в ожидании митингов, но многочисленные взводы солдат и казаков, стоявшие неподалеку в полной боевой готовности, отбивали у ораторов охоту выступать и тем подводить толпу под расстрел.

Так прошло три долгих, томительных дня. 18-го утром собравшаяся на Головинском проспекте толпа узнала о манифесте. Тотчас же выступили ораторы—социал-демократы, в горячих страстных речах указывавшие на истинную ценность дарованного манифеста, на необходимость дальнейшей борьбы за действительное самодержавие народа—демократическую республику. Толпа с восторгом подхватывала лозунги: „да здравствует демократическая республика“, „да здравствует Российская Соц.-Дем. Раб. Партия“. Ей вторили с окон и балконов, посылая восторженные приветствия.

Кроме ораторов социал-демократов выступали также ораторы других партий: социалисты-революционеры, армянская националистическая партия — дрошакисты и грузинская националистическая — сакартвелисты. Первые не имеют за собою в Тифлисе никого, кроме нескольких гимназистов и либералов.

Вторые же, чувствуя революционную силу пролетариата, стараются теперь прятать свои непролетарские требования и выступают от имени пролетариата. Такова ирония судьбы, что партии, всю жизнь свою враждовавшие с „узко-классовой“ партией рабочего класса, вынуждены наряжаться в ее костюм, защищать ее лозунги.

Толпа, по предложению ораторов, двинулась в Нахаловку (рабочий район), чтобы совместно с рабочими обсудить дальнейший план действий. Наскоро были сооружены красные знамена, и широкое народное море заколыхалось в своем величественном шествии. Проходя мимо казарм, толпа останавливалась, и ораторы обращались к солдатам с речами, раз‘ясняя значение манифеста, и приглашали их соединиться с народом. В одной из казарм, где помещалась музыкальная команда наместника, солдаты высыпали на улицу со своими инструментами и приветствовали процессию стройной марсельезой (за этот „проступок“ они были впоследствии наказаны лишением отпуска). Крики „да здравствуют наши братья солдаты“ и ответные „да здравствует свободный народ“ наполняли сердца уверенностью, что отныне солдаты и народ составляют одно целое, что вчерашние рабы в мундирах и без мундиров сегодня превращаются в граждан-борцов, готовых с оружием в руках отстаивать свою свободу..

19-го в Нахаловке состоялся организованный соц.-демократами митинг. Говорили на русском, грузинском и армянском языках. На этом митинге социал-демократическим бюро было предложено отправиться ко дворцу наместника со следующими требованиями: 1) отмена экзекуции *) в деревнях, 2) снятие военного положения в Тифлисе, 3) освобождение политических заключенных и 4) суд над виновниками татаро-армянской резни. По поводу последнего пункта некоторыми ораторами из „большинства“ было указано на наивность и нелогичность пред‘явления самодержавию требования суда над самим собой, тем не менее он был принят. И вот 60-тысячная толпа с целым лесом красных знамен и с портретом Маркса впереди на высоком древке, под звуки марсельезы, варшавянки и машинушки, направилась по главным улицам, увлекая в своем могучем потоке новые толпы, присоединяя к своим новые знамена. В чистом воздухе теплого южного дня далеко звенели подхватываемые толпой слова песни:

„Он разрушит в конец твой роскошный дворец
И оставит лишь пепел от трона,
И порфиру твою он отнимет в бою
И разрежет ее на знамена“.

Казалось, то была не песня, но могучий вздох тысячеголового моря, которому удалось, наконец, пробить стеснявшие его скалы. Перед дворцом толпе загородили путь войска.

Выбрана была депутация из представителей различных партий и направлена к наместнику с вышеизложенными требованиями. Полчаса ожидания — и разгоряченная толпа получила первый отрезвляющий урок: из Назарета ничего не может быть доброго.

Ответ наместника был таков: 1) военное положение не может быть снято, пока в Тифлисе продолжается забастовка, 2) экзекуция может быть отменена только тогда, когда население в деревнях успокоится, и 3) не в его власти выпустить всех политических заключенных.

Выслушав этот ответ, ораторы соц.-демократы тут же на Головинском проспекте открыли митинг: во всех речах указывалось, что ближайшей задачей настоящего момента является широкое вооружение масс. „Нам нужно создать такое положение,—говорил один,—чтобы при первом же крике: «свобода в опасности!» из каждого дома мог выбежать гражданин с оружием в руках на ее защиту“. Много говорили также о социал-демократической программе - минимум, популяризируя ее лозунги.

20-го, 21-го и 22-го были новые соц.-демократические митинги в Нахаловке. Говорили об отношении соц.-демократии ко всяким националистическим партиям, о вооруженном восстании и о временном правительстве (второй и последний вопросы выдвигались исключительно большевиками). Среди ораторов были солдаты, офицеры и даже священники. В эти дни впервые выступили татарские ораторы, явившиеся на митинг во главе нескольких сот татар и со своим красным знаменем. После митингов тридцати сорокатысячная толпа с красными знаменами дефилировала по главным улицам города.

А в это время другие партии: социалисты-революционеры, армянские и грузинские националисты без боя овладели буржуазными кварталами города и, почувствовав себя в родной стихии, на этот раз уже откровенно развивали свои затаенные идеалы. Появились национальные флаги, послышались национальные гимны. Впоследствии носились слухи, что, не довольствуясь соединенной депутацией, посланной накануне к наместнику, обе националистические партии послали свою собственную. Итак, вчера враждовавшие между собой партии, имеющие единственный raison d'être в национальном отчуждении, сегодня подтачивают свой собственный фундамент и готовы слиться в одну грузино-армянскую партию, об‘единенную лишь одним стремлением — ненавистью к пролетариату.

Е. К.

(Продолжение следует.)

---

*) Так называется наложенное за последнее время на Гурию наказание, состоящее в том, что среди крестьян расквартировали сотни казаков, которым первые обязаны давать продовольствие. Такой мерой крестьяне отдавались в полную и бесконтрольную власть дикой орды, проявляющей там свои хищнические таланты в грабежах и насилиях.

Новгород.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Давно уже у нас были случаи нападения и преследования черной сотней отдельных лиц, преимущественно из учащейся молодежи. Теперь черная сотня хозяйничает во-всю. Организована и вооружена она полицией и ее приспешниками. После выхода манифеста 17-го октября Тютрюмов, Мясоедов и др. интеллигенты решили устроить ряд митингов, о чем ими было заявлено публично. 1-ый митинг произошел 21 октября, встречен он был восторженно, закончился пением похоронного марша и марсельезы. Черносотенцам не удалось воспрепятствовать этому, хотя они и предполагали сделать с домом, где устраивались собрания, то же самое, что было сделано в Твери с земской управой. Новгородские черносотенцы хотели итти дальше своих соумышленников; они приготовили особые железные решетки в мастерской своего предводителя Лейзеровича и хотели ими заколотить снаружи окна и двери, а затем поджечь.

В первый вечер они этого не сделали, а ограничились тем, что встречали расходящихся с митинга криками и угрозами по адресу Мясоедова (председ. окружн. суда), сына которого хотели даже убить.

22 октября в летнем саду произошел 1-й народный митинг; явились и представители черной сотни во главе с Лейзеровичем и др. Свистки и крики не помешали митингу пройти в порядке, хотя Лейзерович и крикнул одному из устроителей митинга, земскому служащему Баулину: „Павел Васильевич, так и знай, тебе будет смерть“. Публика была возмущена действиями черносотенцев и решила снова собраться в саду на другой день. По закрытии митинга все толпой направились к выходу, запели марсельезу и выкинули партийные флаги. Перед собором спели вечную память погибшим борцам за свободу. Когда проходили мост, то шедшие сзади видели, как из двора архиерейского дома вылетела толпа черносотенцев и с национальными флагами устремилась вслед за демонстрантами. Около Соловьевской гостиницы на последних набросилась другая толпа, только что подпоенная в соседних трактирах главарями... Слышали, что один из квартальных, Сукин, велел городовому предупредить сидящих в трактире черносотенцев о том, что демонстранты близко. Когда хулиганы завязали драку в тылу процессии, кто-то из городовых выстрелил в толпу демонстрантов; тогда среди них выделилась группа самообороны и дала залп в воздух. Этим большинство было спасено от избиения. Со стороны демонстрантов было трое ранено. Очевидцы рассказывают, как городовые и пристава бежали за толпой демонстрантов и стреляли в нее. Когда все разбежались, черносотенцы устроили огромную патриотическую манифестацию и с пением гимна и „спаси, господи, люди твоя“ отправились громить училища и частные дома. За все время буйная и озверелая толпа, предводительствуемая в некоторых местах полицейскими, разгромила все до одного учебные заведения, городскую земскую управу, где еще она потребовала и выдачи находившегося в ней председателя Кулебакина, но, к счастью, он успел скрыться; затем она разгромила тот дом, где происходили митинги. В него кроме булыжин пускали и пули. Находившиеся в нем лица принуждены были забаррикадироваться. Только толстые и крепкие двери спасли их от раз‘яренной и подпоенной черни. В женской гимназии уничтожили библиотеки и физический кабинет. В понедельник, когда все учебные заведения принуждены были закрыться, в городском училище еще занимались. Пришла депутация от черной сотни во главе с Лейзеровичем и потребовала закрытия училища. Учеников распустили. „Волховский Листок“, самый наиблагонадежнейший орган, назвал черносотенцев громилами, и та же депутация является к губернатору и требует прекращения издания „Волх. Листка“. Из всех училищ были взяты царские портреты, и их носили по улицам, украсив горящими свечками и флажками. Затем они были оставлены в гор. думе. Теперь город положительно в руках черной сотни. Она организовала чуть ли не комитет и собрания, составила проскрипционные списки всех лиц, которых „необходимо“ убить, и оценила их головы по 50 руб. У квартир таких лиц поставлены караульные с револьверами, которыми, как говорят, полиция снабдила черносотенцев в достаточном количестве. Были случаи избиения и убийств отдельных лиц. Между прочим, убит один солдат за то, что он участвовал в демонстрации. Все интеллигенты принуждены скрываться, потому что боевая дружина не успела сорганизоваться и воспрепятствовать действиям черной сотни. Войскам же, несмотря на желания самих солдат положить конец разбою черной сотни, не позволяют стрелять. Так, напр., около женской гимназии офицер двинул было полроты на громил, но вице-губернатор попросил его не делать кровопролития, говоря: „Лучше рамы пусть будут сломаны, чем дело довести до убийств. Пусть пошалят“... Так передавали очевидцы, которые и подтвердят это. И теперь, когда жизнь и имущество намеченных черносотенцами к убийству лиц в опасности, администрация не только не предпринимает ничего против подобных безобразий, но даже способствует черной сотне. Очевидцы рассказывают, как пристав Виноградов с саблей наголо бежал впереди громил и кричал: „Бей их, громи!“ Видели затем, что его несколько раз черносотенцы качали на руках вместе с другими представителями администрации. Городовые после народного митинга призывали открыто на улицах всех к избиению учащихся и интеллигенции за то якобы, что „они царя убить хотят“. Кроме того, поводом для этого послужило и то, что гимназисты за несколько дней перед этим разорвали портрет государя.

Теперь Новгород опустел. Большинство евреев, интеллигентов выехало. Учащихся отправляли из города под конвоем солдат. В ближайший праздник готовится еврейский погром. Лейзерович, Заболотский и прочие предводители разбойничьих банд ходят спокойно на свободе и чувствуют себя прекрасно. Никто и ничто им не препятствует продолжать свою разрушительную деятельность.

Необходимо их арестовать. Весь состав полиции должен быть изменен. Необходима народная милиция. Без всего этого жизнь в Новгороде невозможна. Каждый воспитанник, студент, интеллигент, хотя бы по одному виду, рискует быть зарезанным или застреленным.

P. S. Разгромлена и квартира председателя суда Мясоедова. Сыну его и ему самому, а затем еще и Морозову, главному врачу Колмовской больницы душевно-больных, за то, что он скрывал у себя сына Мясоедова, грозит смерть. Утверждают, что черносотенцы помимо вооружения и кормления получают еще и жалованье в размере 30 коп. на человека в день. Митинги и собрания стали невозможны.

Е.

Екатеринослав.

(Корр. „Новой Жизни“.)

С конца сентября в городе происходили ежедневно митинги рабочих под открытым небом, в горном училище, в аудитории народных чтений и в английском клубе. Полиция принимала меры, но вооруженных столкновений не было.

10 октября, в 3 часа дня, забастовали служащие управления и линейные рабочие Екатерининской ж. д.; в 4 часа во все стороны пошли революционные поезда с красными флагами, послышались тревожные свистки на заводах, и к 6 час. остановилось в с е. Город погрузился в мрак на целую неделю, а трамвай и до сих пор не ходит.

11 октября — отныне исторический для Екатеринослава день — около 10 час. утра, забастовали ученики всех учебных заведений, собрались на улице и искали помещения для сходки, но их никуда не пустили. На проспекте, на углу Кудашевской ул., при проезде губернатора, на них налетели казаки и конные городовые и произвели нагаечную расправу, некоторых измяли, после чего им открыли двор находящегося в том же квартале реального училища, где они стали говорить политические речи. К месту расправы в несколько минут собралась огромная толпа народа (до 30 т.), запрудившая проспект от Иорданской до Волосской ул. Рабочих здесь не было, так как они были отрезаны от города войсками. Появилась рота солдат и казаки. Ученики выскочили из ворот училища и спешно воздвигли баррикады близ Кудашевской ул. Перед баррикадой построился отряд солдат, но под градом камней отступил и построился в боевую линию несколько дальше. С другой стороны баррикады стали наступать казаки.

Публика, состоявшая в большинстве из родителей, родственников и педагогов, замерла в тревоге. Вдруг раздались один за другим шесть залпов — три со стороны казаков и три со

стороны солдат. В страшной панике с истерическими криками публика рассеялась по дворам и боковым улицам, а когда опомнилась, ее глазам представилась ужасная картина — лежали трупы молодежи, много раненых и обморочных. Сейчас же явились врачи для перевязок, и юные герои находили мужество утешать их в эту невероятно скорбную минуту. В течение нескольких дней к этому ставшим священным месту, где долгое время сохранялась лужица крови, наблюдалось паломничество жителей города.

В то же время происходила в управлении сходка служащих ж. д., после которой они в количестве 500 чел. мирно двинулись по Военной улице к месту избиения детей; постановили песен не петь, выстрелов не давать и знамен не выбрасывать. Тем не менее налетели казаки и без предупреждения дали три залпа. Опять много убитых и раненых. Между прочим убиты инженер-техн. Кириллов и инженер пут. сооб. Майковский; ранен легко инжен. пут. сооб. Хлебников. Рабочих и здесь не было. Они, будучи отрезаны от города, окопались на Чечелевке и на Брянском заводе и построили баррикады. Там велась настоящая война — с волчьими ямами и фугасами и проволочными заграждениями; бросили из окопов несколько бомб в казаков и солдат.

Город оставался фактически на военном положении до 18 октября, когда был получен манифест.

13 октября состоялись похороны убитых на проспекте и на Военной ул. Накануне депутация от служащих управления потребовала у губернатора, чтобы во время похорон не было ни одного казака, ни одного солдата и чтобы процессия была общей для русских и евреев. Губернатор после долгих пререканий согласился, взявши поручительство. Тем не менее 13 окт. в назначенный час и кладбище, и больница, где лежали убитые, были оцеплены войсками. Власти предложили избрать в процессию не больше ста чел., но возмущенная публика требовала полной свободы. Прошло часа три в переговорах, и последовало согласие. Хоронили всех убитых в красных гробах в братских могилах. Была масса венков с красными лентами и с революц. надписями, были флаги. В процессии было до 40 тыс. челов., порядок был образцовый. Говорились на кладбище речи. Брянцы в это же время хоронили своих убитых. 4 последующих дня также были торжественные похороны умиравших от ран. В одной процессии порядок был нарушен выстрелом и криком „казаки". Стрелявшего схватили и избили (он на другой день умер), он оказался переодетым помощником пристава (Горбенко).

Гродно.

(Корр. „Нов. Жизни".)

Чиновниками Гродненского окружного суда было получено следующее предложение:

„Гг. чиновникам гродненского окружного суда. Забастовка еврейская и закрытие лавок служит угрозой лишения жизненных продуктов в данное время. В противовес этому союз чиновников гродненской духовной консистории просит гг. чиновников гродненского окружного суда образовавшихся на 20 октября долгов не платить евреям и прекратить забор в еврейских лавках товаров". Следуют подписи (11).

На это чиновники гродненского окружного суда считают долгом ответить так:

„Мы, чиновники гродненского окружного суда, не распространяясь о нравственных качествах вышеозначенного предложения чиновников гродненской духовной консистории, которое ниже всякой критики, можем лишь заклеймить его презрением, но не присоединиться к нему". (Следует 45 подписей).

„P. S. Просим гг. чиновников других учреждений присоединиться к нам".

Рига. „Deenas Lapa" сообщает, что утром 23-го октября в бирже и на митингах разнеслись слухи о готовящемся избиении евреев. И в самом деле, к вечеру того же дня послышались в Московской части города револьверные выстрелы, крики и стоны.

Хулиганы, числом около 200, вооруженные дубинами, камнями и кирпичами, напали на магазины, разбивая, грабя, избивая, хотя газета отмечает, что предводители шайки на следующий день и в понедельник оказались вооруженными револьверами. Ужасы продолжались до поздней ночи. Кровавая схватка с человеческими жертвами произошла на Большой Горной улице, около православной церкви. Здесь собралась кучка самообороны для отпора хулиганов, но вскоре явились казаки и открыли огонь по дружинникам самообороны, из которых один еврей убит и другой — латыш — смертельно ранен. Последний вскоре умер. В воскресенье в той же Московской части произошло несколько кровавых столкновений с тремя жертвами. Около 12 час. дня толпа хулиганов явилась в участок Московской части и заявила о своем намерении устроить патриотическую манифестацию.

Им послали для охраны драгун и казаков. После того, когда толпа достала из бани Несадомова флаг и царский портрет, они начали процессию, в которой были и иконы. Вся эта толпа хулиганов с криками и дубинами маршировала беспрепятственно по нескольким улицам, при чем в намеченных еврейских квартирах и лавках разбивали камнями окна. Попадавшихся по дороге евреев всячески истязали и били. В 4 часа около дома призрения евреев опять раздаются выстрелы. На дворе собралась кучка дружинников самообороны, которая перестреливалась с драгунами. Призвали роту солдат, офицер которой отдал приказ стрелять в дом.

Солдаты стреляли около 5 минут. В результате около 50 раненых и 10 убитых. Отсюда процессия отправилась по Двинской улице и около 6 часов разбрелась.

В понедельник продолжались нападения на отдельных личностей. Избит был студент, вытащенный толпою из конки, ранен д-р Залкинд в тот момент, когда он делал на улице перевязку раненому, и т. д.

Судебный следователь по особо важным делам приступил к расследованию погрома.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (б)

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 ОКТЯБРЯ — 3 ДЕКАБРЯ

1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. ОЛЬМИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ
Л. КРАСИНА, М. ЛИТВИНОВА,
ИС. ГУКОВСКОГО и Е. СМИТТЕН

ВЫПУСК ВТОРОЙ

№№ 8—14

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД — 1925

Ленинградский Гублит № 4660. Тираж 10.125 — 13 л. Заказ № 510.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 8.

	Стр.
С.-Петербург	1
Администратор-террорист. *Б. С.*	2
О реальной политике. *Н. Рожков*	—
Страхование от безработицы или касса взаимопомощи? *Николай Гарри*	3
Русская печать	5
П. Ав. Грожан	—
Письмо в редакцию. *Рабочий Степан Голубь*	6
Телеграммы	—
Москва	7
Хроника	10
Из партийной жизни	—
Совет Рабочих Депутатов	11
Из жизни рабочих	—
Польша и Литва	14
Иностранный отдел	15
Областной отдел	16

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 9.

С.-Петербург. Два с'езда. *П. Румянцев*	21
Политическая партия капиталистов. *М. П.*	22
Мелкобуржуазный и пролетарский социализм	23
Рабочий вопрос в жизни русских муниципалитетов. *Г. Алексинский*	26
Русская печать	27
К крестьянскому движению в Грузии. *М. Ш.*	—
К созыву IV с'езда Р. С.-Д. Р. П.	30
Областной с'езд делегатов групп учительского союза	32
О реорганизации партии. *Н. Ленин*	—
Из жизни рабочих	33
Телеграммы	37
Москва	38
Открытое письмо. Господам членам хозяйственной комиссии и сотрудникам „Северного Края"	40
Иностранный отдел	41
Хроника	42
В учебных заведениях	45
Первый политический клуб. *Л. Л-в*	—
4.000. *С. К-о*	46
Профессиональные союзы	—
Из партийной жизни	48
Письма в редакцию	50
Театр и музыка	51
Областной отдел	52

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 10.

С.-Петербург. Задачи дня пролетарского движения *П. Румянцев*	55
Чего ожидать? *Рядовой*	56
Две демонстрации. *Юрий Каменев*	—
Русская печать	58
Братская могила. *Мих. Мукалов*	—
Из записной книжки хроникера. *Л. Львов*	59
Телеграммы	61
Москва	—
Отмена смертной казни. *Лев К-о*	63
Хроника	63
В учебных заведениях	65
Профессиональные союзы	—
Из жизни рабочих	67
Из партийной жизни	69
Конгресс французской социалистическ. партии. *В. Волгин*	—
Иностранный отдел	70
Польша и Литва	71
Областной отдел	72

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 11.

С.-Петербург. Пролетариат и крестьянство. *Н. Ленин*	77
Осуществим ли всеобщий передел земли. *Б. А.*	78
Армия и народ. *В. Волгин*	80
Аграрное движение в Саратовской губ. *И. Г-г*	81
Русская печать	83
Афинским совам на Моховой. *Н. Т.*	84
Как его убили? *О. Д.*	—
Накануне освободительного движения в армии. *Полевой инженер*	87
„Свободы", проектируемые правительством	89
„Свобода" стачек и союзов. *П. Румянцев*	90
Телеграммы	—
Москва	92
Дело П. А. Кракова	94
Всероссийский торгово-промышленный союз	95
Хроника	—
В учебных заведениях	97
Профессиональные союзы	98
Из рабочей жизни	100
Открытое письмо. *Д. Г. Булгаковский*	105
Открытое письмо устроителям митинга против смертной казни. *Я. Л.*	106
Письма в редакцию	—
Иностранный отдел	107
Польша и Литва	109
Областной отдел	—

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 12.

С.-Петербург. Стачки и профессиональные союзы. *П. Румянцев*	113
Партийная организация и партийная литература. *Н. Ленин*	114
О „радикальной" партии. *М. Г. Козырев*	116
Гимн рабочих. *Н. Минский*	—
Заметки о мещанстве. *М. Горький*	—
Русская печать	119
Как организовать агитацию. *Алексеев*	120
Агитация и пропаганда в Петербургском районе	123
Восстановление истины	
Телеграммы	—
Москва	125
В Совете Рабочих Депутатов	127
Союз или черная сотня. *Лев К-о*	—
Партия правового порядка. *Л. Львов*	128
К созыву IV с'езда Р. С.-Д. Р. П.	129
Хроника	—
В учебных заведениях	132

Стр.
Среди солдат . . . 133
Профессиональные союзы . . . 134
Из жизни рабочих . . . 135
Из партийной жизни . . . 137
Театр и музыка . . . 138
Иностранный отдел . . . 139
Польша и Литва . . . 141
Областной отдел . . . 142

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 13.

С.-Петербург. Неудавшаяся провокация. *Н. Ленин* . . . 145
Пролетарии всех стран, соединяйтесь! *Галерка* . . . 146
Русская печать . . . 148
О реорганизации партии. *Н. Ленин* . . . 149
Федор Афанасьевич Афанасьев. *М. Б.* . . . 151
Москва . . . —
Телеграммы . . . 152
„Избиратели". *Я. Л.* . . . 154
Заседание Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов . . . 155
В Совете Рабочих Депутатов . . . —
Хроника . . . 156
В учебных заведениях . . . 157
Среди солдат . . . 158
Профессиональные союзы . . . —
Из жизни рабочих . . . 159
Из партийной жизни . . . 161
Письма в редакцию . . . 162
Иностранный отдел . . . 163
Польша и Литва . . . 164
Областной отдел . . . 165

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 14.

Стр.
С.-Петербург. Сделка буржуазии с правительством. *П. Румянцев* . . . 167
Войско и революция. *Н. Ленин* . . . 168
Русская печать . . . 169
Поэт рабочему. *К. Бальмонт* . . . 170
Начистоту. *К. Бальмонт* . . . —
По поводу. *М. Горький* . . . —
О реорганизации партии. *Н. Ленин* . . . 171
Москва . . . —
Телеграммы . . . 173
Письма в редакцию . . . 175
Циркуляр редакции «Голоса Средне-Учебных Заведений» . . . 176
«К русскому обществу» (воззвание) . . . —
Телеграмма севастопольцам от Совета Рабочих Депутатов . . . 177
Письмо к одесским товарищам . . . —
Вопросы улицы. *Юрий Каменев* . . . —
Рабочий вопрос в жизни русских муниципалитетов. *Г. Алексинский* . . . 178
К постановке аграрного вопроса. *И. Г-г.* . . . 181
Роль пропаганды и ее постановка. *С. Федорович* . . . 183
К крестьянскому движению в Грузии. *М. М. Шах* . . . 186
Из жизни рабочих . . . 188
Хроника . . . 191
В учебных заведениях . . . 193
В армии . . . 194
Профессиональные союзы . . . —
Из партийной жизни . . . 196
Театр и музыка . . . —
Из иностранных газет . . . —
Польша и Литва . . . —
Областной отдел . . . 197

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 8

С.-ПЕТЕРБУРГ.
СРЕДА, 9 НОЯБРЯ
(22 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

Избранная союзом адвокатов

КОМИССИЯ ПО ОБСЛЕДОВАНИЮ ПОГРОМОВ

доводит до всеобщего сведения, что пожертвования на фонд по обследованию должны быть направляемы к казначею комиссии Л. А. Базунову (Пушкинская, д. 10), а показания очевидцев о погромах—в совет присяжных поверенных (Сергиевская, д. 13) для М. М. Винавера.

С.-Петербург.

9-го ноября.

В Москве заседает с'езд земских и городских деятелей. Обсуждается современное положение вещей в России. Насколько теперь уже наметилось настроение с'езда, видно, что наши земцы остаются верны себе. „Большинство ораторов, с одной стороны признавая, что правительство пока стоит на старом пути, с другой стороны—считает необходимым заключить с ним дружеский договор". Политические требования русского народа являются для земцев „доктринерскими формулами, с которыми практическим политикам нечего считаться".

И гг. практические политики предлагают правительству целый ряд очень „практических" мер, общий смысл которых сводится к тому, чтобы по возможности урезать и ограничить демократические требования, выставленные революционным народом. В великой освободительной борьбе, которую российский пролетариат и другие слои народа ведут с российским правительством, гг. земцы занимают промежуточное положение между борющимися сторонами. Не примыкая к борьбе, они стремятся использовать ее в своих интересах. В своих требованиях правительству они опираются на революционное движение и вместе с тем вступают в сделки с правительством, чтобы остановить дальнейшее развитие этого движения. Буржуазия под всеми широтами и при всяких исторических обстоятельствах остается всегда своекорыстной и трусливой и, вздыхая по свободе, всегда чувствует большое тяготение к „сильной власти".

Акт 17 октября явился результатом геройской борьбы пролетариата, мозолистыми руками пролетариата вырвано у правительства обещание свободы, своею кровью он заплатил за эту победу. И вот еще не убраны трупы борцов, еще не успела высохнуть кровь на улицах и площадях, как гг. земцы уже предлагают благодарить правительство за „дарованную милость" и собираются начать постыдный торг с правительством графа Витте, с правительством, которое расстреливает борцов за свободу, которое потворствует черносотенным погромам!

Наши либералы упрекают правительство за то, что оно продолжает стоять на старом пути, „ничему не научилось и ничего не позабыло". Но и сами гг. либералы обнаруживают столь же похвальное постоянство. Они все еще надеются что-то спасти, как-нибудь поладить с бюрократией и... говорят, говорят, говорят... Исторические уроки и собственный опыт до сих пор ничему не научили наших либералов.

Когда франкфуртский парламент занимался сочинением бумажных конституций, революционный народ сражался за свободу, а германские правительства делали „реальную политику". Наши конституционалисты рискуют очутиться в положении франкфуртского парламента...

В настоящее время политическое положение достаточно определилось, формируются политические партии, намечаются их программы. Наступает момент, когда должна будет установиться новая группировка партий, прежние bloc'и должны распасться. Правительственная „правая" и оппозиционная „левая" должны резко обособиться. Наши конституционалисты делают теперь выбор — итти ли им вместе с „народом" или без „народа", т. е. против „народа". Всякие союзы и договоры с бюрократическим правительством и с „правыми" партиями при настоящем положении вещей являются изменой делу полной политической свободы, предательством интересов широких народных масс. Никакие компромиссы теперь невозможны, приходится твердо и недвусмысленно сказать „да" или „нет". Российский пролетариат сумеет отличить своих врагов от своих союзников, и никакие уверения конституционалистов, что они стоят за общенародные интересы, не помогут им привлечь на свою сторону борющийся пролетариат, если их реальная политика будет расходиться с политическими интересами всего народа.

Г. де-Роберти предлагает пред'явить правительству требование в декабре или январе произвести выборы в Государственную Думу и продлить полномочия Думы на 3 года, присвоив ей роль Учредительного Собрания. Как скоро г. де-Роберти забыл, что последний земский с'езд признал Государственную Думу „неприемлемой"! Еще так недавно наши либералы высказывались за то, что Государственная Дума не должна брать на себя никакой

органической работы, а должна лишь высказаться за Всенародное Учредительное Собрание. Неужели те жалкие заплаты, которые правительство проектирует приставить к первоначальному остову Государственной Думы, удовлетворили наших гг. либералов? Или под напором октябрьских событий, когда заговорил сам народ, и пролетариат отверг всякое политическое заместительство, гг. либералам вдруг сделалось жутко, и они почувствовали тоску по „твердой“ власти и спешат заключить 3-летний контракт с бюрократией. Они могут быть уверены, что пролетариат не допустит этой сделки.

Он не даром боролся за свою свободу, он не уступит своих прав на равное со всеми представительство за чечевичную похлебку исправленной цензовой Думы. Только Всенародное Учредительное Собрание, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, при предварительном условии осуществления полной политической свободы, может удовлетворить пролетариат и крестьянство. Это положение было ясно и определенно формулировано во время октябрьского движения, и нет никаких оснований теперь отказываться от него.

В речах, переданных по телефону, нет указаний, что земцы желали бы немедленного проведения в жизнь всех начал свободы, возвещенных манифестом 17 октября. Ораторы не скупились на упреки правительству, предлагали предать суду чиновников, виновных в потворстве погромам, но о немедленном осуществлении политической свободы не обмолвился ни один из них. Очевидно, они откладывают осуществление свободы до выработки будущей Государственной Думой „основного устава Российского государства“. Впрочем, гр. Гейден находит необходимым для успокоения страны, чтобы правительство немедленно заявило, что реформа дана правительством бесповоротно и что самодержавная власть в России более не существует. Существующее нельзя назвать несуществующим, и слово „бесповоротно“ немногим отличается от выражения „непреклонная воля“. Но, как известно, манифест успокоения не внес, и словесным обещанием теперь уже никого не удовлетворить. Правительство пока-что ограничивается одними обещаниями и уверениями, гр. Гейден не верит этим обещаниям и просит подтвердить их еще раз. Пора уже оставить эту тактику словесных обещаний, она никого не удовлетворит и никого не успокоит и только дискредитирует те общественные группы, которые ее придерживаются.

Администратор-террорист.

Лавры Трепова решительно не дают спать прочим сатрапам, подвизающимся на поприще обуздания восстающего народа и искоренения разрастающейся „крамолы“. Подобно треповскому „патронов не жалеть“, приказ Богдановича, тамбовского вице-губернатора: „поменьше арестовывать, побольше стрелять“ имеет право на внимание революционного народа. Пролетариат и революционные слои крестьянства должны запомнить имена выдающихся извергов, возводящих убийство в систему и гордых своей беспощадной жестокостью. Белый террор всегда вызывает, как ответный удар, террор красный. Целесообразность террора кажется нам и в настоящий момент сомнительной. Необходимо полное уничтожение всей системы белого террора, устранение всех сил, поддерживающих его.

Голодному крестьянству дают пули вместо хлеба. „Озлобление растет“, — сообщает борисоглебский корреспондент „Русск. Вед.“. В опасную игру играют усмирители.

Б. С.

О реальной политике.

II.

Реальной надо называть, конечно, такую политику, которая оправдывается действительностью, достигает целей, сознательно поставленных себе партией. В этом смысле политика Русской Социал-Демократической Партии совершенно реальна. В самом деле: что было поставлено на знамени русской социал-демократии в качестве очередной, ближайшей задачи момента? Активный бойкот Булыгинской Государственной Думы. И разве жизнь не оправдала этой политики? Отвечать на этот вопрос излишне, ответ у всякого перед глазами, активный бойкот — совершившийся факт, Булыгинская Дума — труп, и сколько бы ни пытались гальванизировать этот труп при помощи разных нелепых приемов вроде особого рабочего представительства и понижения ценза по квартирному налогу, — все попытки неизбежно кончатся неудачей, всеобщее избирательное право должно быть осуществлено и, несомненно, будет осуществлено. Даже либералы (они же „конституционалисты-демократы“) поняли это и не пошли в кабинет г. Витте без всеобщего избирательного права: горький опыт бесполезного неудавшегося предательства, выразившегося в позорном решении участвовать в Булыгинской Думе, подействовал даже и на либеральную буржуазию.

Почему-то социал-демократия, которую ее противники так часто склонны обвинять в „утопизме“, „доктринерстве“ и „сектантской нетерпимости и узости“, оказалась настоящим проводником реальной политики? Что дало ей способность правильно понять текущие практические задачи? Надо без всяких обиняков заявить: все это стало возможным для русской социал-демократии именно потому, что она признавала и признает то, что одни из членов конституционно-демократической партии принципиально отвергают, а другие считают „выходящим из сферы практической политики“, — именно социалистический идеал.

О, конечно! Сторонникам буржуазно-реальной политики, не видящим в общественной жизни ничего дальше своего носа, не нужен социалистический идеал. Они обойдутся и без него, он даже им помешает в деле защиты классовых интересов буржуазии. Но как жестоко мстит им жизнь за их политическую близорукость!

Другое дело — для социал-демократов. Идеал общества, основанного на общественном владении землей и капиталом, отрицающего частную собственность на землю и капитал, служит для социал-демократа путеводной звездой, руководящей его действиями в повседневной практической политике. Он диктует социал-демократии

необходимость создать такие общественные условия, которые помогли бы осуществлению социалистического строя, которые сделали бы по возможности безболезненным для пролетариата дальнейший ход капиталистического развития, приводящего в конце концов, путем капитализации и концентрации производства, развития техники и роста сознательности и организации пролетариата, — к торжеству социализма.

Эта преемственная связь социалистического строя с капиталистическим, эта эволюция социализма из капитализма существенным образом отличает современную социал-демократию от буржуазных партий—с одной стороны, и от социалистов-утопистов — с другой. Мы твердо помним, что происходит буржуазная, а еще не социальная революция. У какого социал-демократа не забилось бы сердце от радости, если бы он увидел возможность немедленного осуществления социалистического идеала, идеала не одной „сытости", как ложно уверяют недобросовестные или невежественные противники социал-демократии, но и великой всенародной моральной и интеллектуальной работы, приобщения всех масс к культурным интересам, расцвета науки, блестящего развития искусства, торжества просвещения... Но мы знаем, что, к сожалению, обетованная земля еще далеко, и нам ее не увидеть. Это предостерегает нас от мечтаний о непрерывной революции, о переходе политической революции, сопровождающейся социальными реформами на почве буржуазного экономического строя, в ту великую социальную революцию, которая предстоит в будущем.

Итак, социалистический идеал вовсе не „выходит из сферы практической политики", потому что он диктует необходимость ряда практических мер, подготовляющих его осуществление. Поэтому для реальной политики он не только небезразличен, но существенно необходим: он предотвращает возможность ошибок, происходящих от политической близорукости, он дает необходимую широту взгляда, он предохраняет от того, что я позволю себе назвать „утопизмом вправо", от предательства народных интересов путем действий „применительно к подлости" и притом предательства, оканчивающегося полным фиаско и оказывающегося совершенно ненужным даже и для интересов буржуазных классов.

Но, как уже было сейчас указано, для современной социал-демократии и ее практической политики имеет первостепенную важность еще и теория развития социализма из недр капитализма, теория необходимых предпосылок для осуществления социалистического строя. Эта теория предупреждает „утопизм влево", устраняет мечты о социальной революции теперь же, немедленно. Не в этом, однако, все значение марксистской социологии для реальной, практической политики социал-демократии. Есть еще одна сторона в нашей социологической доктрине, служащая также залогом действительного реализма нашей политики: я говорю о классовой теории общества и государства. Да, социализм рождается в недрах капитализма, развивается из него, но этот процесс совершается путем борьбы противоположных классовых интересов, путем борьбы пролетариата с буржуазией. Памятуя это, социал-демократия не может и не должна поручать заботу об интересах пролетариата разным „благодетелям" и „милостивцам" из среды либеральной буржуазии. Тот общественный класс, который поручил бы заботу о себе в Булыгинской Думе, напр., представителям других классов, подписал бы этим свое собственное testimonium paupertatis, признал бы себя политически-незрелым. Вот почему единственная возможная для русской социал-демократии политика по отношению к Думе была — ее активный бойкот. И жизнь блестяще оправдала реализм этой политики, потому что последняя опиралась на социалистический идеал и на классовую теорию общества.

Мы надеемся не раз еще побеседовать с читателями нашей газеты на эту поучительную тему в будущем и раз'яснить на отдельных подробностях программы Российской Социал-Демократической Партии справедливость мыслей, проводимых в настоящей статье.

Н. Рожков.

Страхование от безработицы или касса взаимопомощи?

За последнее время в большинстве союзов очень горячо обсуждается вопрос о вспомогательных кассах, при чем разногласия возникают преимущественно из-за целей, которым должны служить эти кассы, а в связи с этим, конечно, и из-за формы помощи. Одни стоят за кассы взаимопомощи, другие — за страхование от безработицы.

Что же из двух правильно?

Я безусловно склоняюсь на сторону тех, которые отстаивают принципы взаимопомощи, как более широкие, более справедливые и более отвечающие потребностям времени, в которое они имеют осуществиться. И вот почему:

Страхование предполагает раньше всего выдачу застраховавшемуся, который почему-либо лишился заработка, возмещения, пропорционального его взносам, в продолжение известного периода времени; это означает, что если два лица, скажем x, получающий 30 руб., и y, получающий 100 руб. в месяц жалования, принимают участие в страховой от безработицы кассе, при чем предполагается, что каждый член обязан вносить в кассу 1% с получаемого им вознаграждения, то x, платя 30 коп. в месяц, в случае, если он лишится места, будет получать из кассы по 20 — 30 руб., а y, платя один рубль, будет получать значительно больше, т. е. 50 —75 руб. в месяц (в зависимости от того, одиночки ли они, или семейные).

Такая постановка дела раньше всего ненаучна, ибо мы знаем, что способности работника (рабочая сила его) сами по себе, не будучи использованы, т. е. находясь в состоянии, когда они не могут быть применены для созидания общественно-полезного труда, не представляют никакой ценности; ценность их = 0. Следовательно, ясно, что ценность работника, получавшего за производимую им работу 30 руб. в месяц, во время бездействия = 0, точно также как и ценность работника, получавшего 100 руб. в месяц. Оба работника одинаково не принимают участия в производстве общественно-полезных

продуктов, рабочие силы обоих, каковыми бы они ни были, одинаково бездействуют, поэтому и одинаково ничего не стоят.

Соглашаясь с этим, сторонники страхования от безработицы становятся на другую точку зрения, утверждая, что справедливость требует, чтобы члены кассы, платящие больше, т. е. разряд *y*, получали больше, потому что у них, благодаря возможности жить более широко, образовалось много таких привычек, которых у разряда *x* нет, и удовлетворение которых является потребностью. Не дать же разряду *y* возможности удовлетворить свои потребности несправедливо; это значит заставить его нуждаться, „а тогда, — говорят они, — *y* незачем и страховаться".

Попробуем и мы встать на точку зрения справедливости и посмотрим, к чему мы логическим путем дойдем, исходя из нее.

Совершенно верно: разряд *x* платит только 30 коп., а разряд *y* — 100 коп. Тридцать меньше ста, это знает каждый ребенок. Но, ведь, мы, если уже исходим из точки зрения справедливости, в данном случае должны рассуждать совершенно иначе. Тогда мы должны оперировать не отвлеченными цифрами, а сообразоваться исключительно лишь с количеством трудовой энергии, которую затратили оба разряда для того, чтобы иметь возможность делать взносы в кассу. А тут-то мы и увидим, что *x* зарабатывает 30 коп. в период времени, равный тому, в который *y* зарабатывает 100 коп., т. е. что *y* отнюдь не труднее было платить ежемесячно 100 коп., чем *x* — 30 коп. В результате мы получаем:

I. Работоспособность *y* во время бездействия так же ничего не стоит, как работоспособность *x*.

II. В одинаковый период времени *y* вложил в дело застрахования себя от безработицы отнюдь не больше труда, чем *x*.

Условия совершенно равны.

А в таком случае, за что же *y* должна быть дана возможность жить шире, чем *x* в такое время, когда оба они, не имея заработка и не будучи застрахованы, нуждались бы одинаково?

„Да за то, что у него есть привычки, которых нет у *x*", — говорят сторонники страхования.

Если так, то ясно, что для удовлетворения привычек каждого члена из разряда *y* должно работать несколько членов из разряда *x*. Где же тут справедливость?!

И чем, по мнению сторонников страхования, должны руководствоваться союзы, учреждая кассы: принципом абсолютного равенства своих членов, когда члены эти в зависимости от них и друг от друга, или принципами, допускающими возможность даже и тогда разграничивать их по имущественным цензам? Какую цель должны себе поставить союзы: сообразоваться с насущными потребностями своих членов или с их привычками?

Доказав несостоятельность доводов сторонников страхования от безработицы, как с точки зрения научного анализа, так равно и с точки зрения этики, на которую они пытаются опираться, я не могу не указать также и на непрактичность страховой от безработицы кассы:

a) она дает возможность каждому члену существовать за ее счет в продолжение всего периода времени, на который установлена выдача, ибо застраховавшийся в большинстве случаев предпочтет отказаться от не особенно выгодного предложения и получать деньги из страховой кассы, не работая, чем принять предложение и получать столько же, а может быть только немногим больше, работая;

b) приняв на себя обязательство выдавать своим членам определенные вознаграждения, пропорциональные их взносам, она раньше всего не опирается на статистические данные. Статистики же по вопросу об увольняемости работников и вообще каких бы то ни было положительных данных по вопросу о безработных нет, да и быть не может, ибо количество безработных часто находится в зависимости от таких явлений, как общие или частичные промышленные кризисы, вызываемые не только экономическим, но и политическим состоянием страны, а потому оно и не может заранее поддаваться учету. Таким образом, страховая от безработицы касса как раз в момент самой острой нужды окажется не в состоянии выполнить принятых ею на себя обязательств.

Кроме всего этого страхование от безработицы вообще не отвечает задачам союзов, ибо профессиональные союзы, служа для об'единения своих членов и защиты их правовых и профессиональных интересов, отнюдь не могут ограничиться такой узкой программой даже и тогда, когда она была бы принципиально приемлема. Они должны заботиться о доставлении своим членам помощи во всех случаях, где это является необходимым, и для этого учредить кассы взаимопомощи на самых широких началах, по примеру касс, существующих в западных государствах. В программу таких касс взаимопомощи должны быть включены следующие пункты:

a) пособия членам и их семьям без всякой зависимости от размера взноса, а лишь по степени нужды;

b) доставление бесплатно врачебной помощи и необходимых лекарств;

c) юридическая помощь;

d) бюро для приискания занятий;

e) отчисление в специальный фонд, для образования запасного капитала на случай массовой безработицы, забастовок и прочее;

f) призрение, воспитание и образование лиц, оставшихся после умерших членов и бывших на их попечении;

g) пособие на погребение умерших членов;

h) призрение престарелых и неспособных к труду членов;

i) путем устройства чтений, лекций и т. д. способствовать поднятию умственного уровня членов

и несколько пунктов, имеющих второстепенное значение.

Вот та программа, которую должны принять союзы, на самом деле дорожащие интересами об'единяемых ими членов. Конечно, осуществление всех ее пунктов сразу едва ли окажется возможным, но это и не обязательно. Важно то, что существование касс взаимопомощи с такой программой — факт. Чтобы убедиться в этом, следует только посмотреть на Запад.

Николай Гарри.

(Продолжение следует.)

Русская печать.

*** Странное непонимание нашей статьи „Россия и Польша“, напечатанной в № 6 „Новой Жизни“, обнаружила „Русская Газета“. В заметке „Откуда опасность“ (см. № 382 „Русск. Газ.“) нам приписывается, что опасность мы видим в возможности вооруженного восстания польского народа. Приводится и цитата из нашей статьи, якобы выражающая такую мысль. Но... у цитированного абзаца отсечены первые две фразы, совершенно меняющие его общий смысл: „уж не хочет ли правительство повторить «урок истории»?“ и т. д. Ясно, что правительству приписывается намерение вызвать введением военного положения восстание в Польше и взрыв шовинизма в России. Подавив силой восстание, оно обеспечит успех общероссийской реакции.

Что наша мысль именно такова, видно и из следующего абзаца: „Но сознавая новую опасность для дела русской свободы, не будем ее преувеличивать. Правительство, делая новый ход, не предусмотрело сущего пустяка“... Дальше речь идет о народившейся со времени 1863 г. силе польского и русского пролетариата и их солидарности. И этому-то единению польско-русского пролетариата предназначается историческая роль разрушить новый реакционный план правительства победоносной борьбой с насилием.

Казалось бы, от „Русской Газеты“ можно было бы ожидать более внимательного отношения к мнениям „Новой Жизни“, связанной с „Русск. Газ.“ братскими узами общей идейной борьбы.

*** Тов. Мартов в „Русской Газете“ отвечает на инсинуации либералов, будто стачка не имела успеха.

Пролетариат тоже не хотел начинать новую борьбу в это время. Недавно полученные им раны еще сочились кровью. Он рад был бы накопить новые силы. Но не от него одного зависел выбор момента. Хищники реакции, ободренные заискивающим поведением либералов, спешили восстановить приемы треповского управления. Необходимо было отпарировать удар. Петербургский пролетариат это понял. Через 4 дня после об‘явления забастовки Витте об‘явил, что военно-полевого суда в Кронштадте не будет.

Он говорит, что такой суд и не предполагался, что слухи о нем умышленно пущены в ход врагами правительства. Будто бы? Отчего же, когда два дня назад граф Витте обращался к рабочим с знаменитым отныне воззванием („Братцы-рабочие!“), отчего он тогда не сказал нам, что у рабочих нет основания опасаться за участь матросов?

Не значит ли это, что еще 2—3 дня назад гр. Витте не знал, предстоит ли еще новая кровавая баня в Кронштадте?

А это значит, что 4-дневная забастовка петербургского пролетариата избавила матросов от военно-полевого суда и от обвинения за участие в восстании, что и требовалось доказать, и никакая болтовня о распространителях ложных слухов не сможет затушевать этого факта.

Его узнает вся Россия, его узнают флот и армия. Они скажут: голод своих семейств, свой постоянный кусок хлеба рабочие Петербурга отдали для спасения жертв милитаризма!

Кто из солдат и матросов осмелится после этого поднять вооруженную руку на борющихся за свободу пролетариев?

П. Ав. Грожан.

(Некролог.)

22 октября погиб в Москве еще один из славных товарищей — Павел Августович Грожан. Погиб на улице от руки черносотенцев, защищаясь до последней минуты, из последних сил.

Совсем еще молодой, 26 лет., П. Ав. уже несколько лет проработал в Р.С.-Д.Р.П. и давно уже выделился как ценный и стойкий партийный работник. Швейцарский гражданин — он, по суровой иронии судьбы, провел немало времени в русских тюрьмах и в ссылке.

Родился П. Ав. в Гродно в 1879 г. и первоначальное образование получил в виленском реальном училище, а затем окончил коммерческую школу в Невшателе (в Швейцарии). В ряды партии он вступил в 1902 г., а в январе 1903 г. был уже арестован. Просидев 8 месяцев в доме предварительного заключения, он был выслан „до приговора“ в Вильно под надзор полиции. Суровый приговор — 5 лет Восточной Сибири — не мог быть, однако, приведен в исполнение из-за японской войны: ссылали лишь в северные губернии Европейской России, и П. Ав. попал в Великий Устюг, Вологодской губернии. Но и в ссылке продолжал он партийную работу: зимою 1905 г. он был снова арестован за печатание и распространение прокламаций и еще три месяца просидел в местной тюрьме. Но все шире разливалось по России революционное движение и все больше требовало оно истинных революционных борцов. П. Ав. не мог оставаться пассивным зрителем русской революции — едва освобожденный из тюрьмы, он бежал из ссылки в Москву и, перейдя на нелегальное положение, с удвоенной энергией работал в партии до последнего дня. 22 октября он проезжал в трамвае по Долгоруковской; навстречу двигалась толпа патриотов-черносотенцев, неся впереди портрет своего царя. „Шапки долой!“ — дерзко гремели они встречным, уверенные в своей силе, в своей безопасности. Кто не желал вступать в неравный кровавый бой, должен был повиноваться. П. А. приподнял шапку, также как и другие, и, пропустив передние ряды с портретом, снова надел ее. Но тут, видно, сыщик выдал его толпе: на него набросились; он стал отстреливаться, а когда вышли патроны, отбивался финским ножом. Долго и стойко защищался. Но он был один, и раз‘яренная толпа забила его до смерти. В больницу его привезли уже со слабыми признаками жизни, а через три часа он скончался, так и не придя в сознание. Похоронили его лишь 1/IX на Ваганьковском кладбище в Москве, рядом с товарищами, погибшими в октябрьские дни.

Твердый и сильный характер, смелость и цельность мировоззрения, глубокая неподдельная преданность делу пролетариата — навсегда останутся памятными тем, кто его знал и с ним работал. Смело он глядел вперед и твердо верил — не забудем же и мы, товарищи, стойкого и сильного борца, сраженного вражеской рукой на заре освобождения России, с радостью отдавшего молодые силы и жизнь свою на революционную борьбу пролетариата за лучшее будущее.

Письмо в редакцию.

О Совете Рабочих Депутатов.

Вчерашний день я имел удовольствие видеть в № 7 „Новой Жизни“ напечатанной и читать мною написанную статью о той политической роли, которую должен взять на себя „общегородской Совет Рабочих Депутатов“. Находя неуместным говорить здесь о незначительных редакционных „вывихах“, сделанных редакцией многоуважаемой газеты, я нахожу необходимым подчеркнуть о некоторых смысловых утратах. Так: высказывая свое искреннее пожелание товарищам большевикам и меньшевикам учесть тон времени (битвы) и об‘единиться в единую рабочую партию социал-демократии, я указал, что в противном случае мы, уже имеющие закал и навык, можем потерять программу, как сказано в оригинале. Это непонятно, если не досказать до конца мысль так, как она есть в оригинале. Этим я хотел высказать свое опасение, что как бы одна из рабочих организаций — ну хоть вроде „Совета Рабочих Депутатов“ — не явилась ногами для туловища единой рабочей партии. Затем напечатанное сплотиться в одну партию, дабы в ее „руках“, а следует, и я имел в виду, не „руки — ежевые рукавицы“, а ряды рабочей партии, — „быть в рядах, а не в руках“.

Рабочий Степан Голубь.

От редакции. Во вчерашнем № 7 газеты „Новая Жизнь“ вкралась досадная ошибка. По недоразумению, под статьею: „О Совете Рабочих Депутатов“ поставлена не та подпись: „Рабочий К. Д.“ вместо: „Рабочий Степан Голубь“.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Гельсингфорс. — Социал-демократическая партия в Финляндии, собравшаяся в Таммерфорсе, желает сим выразить свое сердечное сочувствие и свои братские чувства русским товарищам, борющимся за свою свободу. Надеемся, что наша великая борьба, которой и мы имели честь содействовать и которая уже принесла плоды, удастся вполне. Да здравствует борющийся за народное самоуправление и социализм в России! Да здравствует всеобщее единодушие рабочего класса!

Одесса (от собств. корр.).—Собранием 1.500 организованных товарищей обеих фракций 6 ноября единогласно вотировано полное слияние. Отныне в Одессе одна организация. Собрание приглашает прочие организации и центры следовать этому примеру. Да здравствует слияние!

Новороссийск, 7 ноября (СПА). — Сегодня забастовали поденные портовые грузчики, требуя уничтожения артелей.

Варшава, 7 ноября (СПА).—Все фабрики в Варшаве завтра приступают к работам. Исключение составляют железоделательные заводы, где происходит спор по вопросу об уплате полностью за дни забастовки.

Киев, 7 ноября (СПА).—Собрание депутатов служащих Юго-Западных дорог, состоявшееся на станции „Жмеринка“, постановило организовать профессиональный союз. Вопрос о присоединении к Союзу союзов собранием решен отрицательно.

Одесса, 8 ноября.—Весь состав городской управы подал коллективное заявление о выходе в отставку, мотивируя это необходимостью выбора новых лиц, более соответствующих новым требованиям жизни.

Забастовали судовые команды на пароходах русского общества пароходства и торговли. Переговоры градоначальника с забастовщиками привели к окончанию забастовки.

Симферополь, 8 ноября.—Местная газета сообщает, что управлением государственных имуществ получено распоряжение об обратной передаче армянских церковных имуществ армянам.

Саратов, 8 ноября.—По городу расклеено об‘явление полицеймейстера о том, что собрания могут быть устраиваемы только при точном соблюдении правил, установленных законом 12 октября.

До сих пор сформировались две партии: конституционно-демократическая и партия правового порядка.

Варшава, 8 ноября.—Многие купцы решили отсрочить платежи покупателям городов, подвергшихся погромам. В городе спокойно, торговля течет нормально. Недостаток угля препятствует начатию работ на всех фабриках.

Вологда, 8 ноября.—Служащие торгово-промышленных заведений организовали профессионально-политический союз.

Сызрань, 8 ноября.—Сегодня начали проходить с театра военных действий первые партии возвращающихся моряков, которые ведут себя буйно. Для охраны станции экстренно вызывались войска.

Рига, 8 ноября.—Дума во вчерашнем заседании постановила ассигновать 10.000 р. в пользу пострадавших во время последних октябрьских беспорядков.

Елисаветград, 8 ноября.—Временный комитет для вспомоществования пострадавшим от погрома по телеграфу обратился к министру финансов с просьбой о сложении половины раскладочного сбора по раскладке настоящего года.

Сызрань, 8 ноября.—Жителям раздается думское воззвание, раз‘ясняющее манифест 17 октября; даже дети приходских школ получают его и обязаны раз‘яснить учителю, как они поняли манифест.

Варшава, 8 ноября.—Вечером, 6 ноября, в проходивший по Вроньей улице патруль были произведены два выстрела из револьвера проезжавшими на пароконном извозчике двумя мужчинами с женщиной; один из солдат ответил двумя выстрелами, убив обоих мужчин и ранив женщину. По словам „Варшавского Дневника“, один из убитых оказался каменьщиком Малиновским, раненая — воровкой Лаговской.

Москва, 7 ноября.—Сегодня скончался генерал Шанявский, пожертвовавший здание для народного университета.

Чернигов, 7 ноября. — Высочайше командированный в Черниговскую губернию для прекращения беспорядков генерал-ад‘ютант Дубасов, пробыв два дня в Чернигове и найдя, что все меры, какие было возможно принять к прекращению беспорядков, были своевременно приняты губернатором, выехал вчера в северные уезды губернии, где находится в настоящее время командированный раньше губернатором вице-губернатор Родионов и старший чиновник особых поручений Параделов. Вообще можно сказать, что благодаря своевременно принятым мерам беспорядки прекратились, хотя настроение продолжает быть тревожным.

Златоуст, 7 ноября.—Вчера дума постановила поднести всеподданнейший адрес государю императору и благодарность графу С. Ю. Витте по случаю манифеста 17 октября. В том же заседании принято предложение об учреждении милиции. Выработка программы для последней поручена особой комиссии в составе гласных и горожан. Зал думы был переполнен.

Лондон, 7 (20) ноября.—„Globe“ замечает, что в последние дни выясняется несомненное улучшение внутреннего положения в России. На прошлой неделе Совет Рабочих Делегатов не пошел на призыв графа Витте; не менее серьезною опасностью было то, что партия умеренных сторонников реформ потеряла голову и, повидимому, стала на сторону тех лиц, которые подготовляют междоусобие. Стачку следует признать неудавшеюся, революционеры должны чувствовать себя неспокойно, так как

теперь народ, без сомнения, сознает всю опасность того пути, по которому его вели. Надо надеяться, что уступки, сделанные правительством, ослабили недовольство. Народ сознает положение бесконечно яснее, чем год тому назад; в распоряжении народа имеется теперь конституционный механизм, и от народа зависит пустить этот механизм в ход. Разумеется, анархистские покушения не помогут в этом деле, но, повидимому, умеренные реформаторы наконец-таки решились сомкнуться вокруг графа Витте, а они могут в этом деле оказать значительно большее содействие, чем в каком-либо ином. Традиционное в Российской империи уважение к власти и ее представителям будет самой выигрышной картой в руках у правительства, и с помощью либералов правительство может не опасаться повторения беспорядков.

Владивосток, 8 ноября.—По сведениям Ллойда, британский пароход „Suez", нагруженный керосином, столкнулся с русским казенным пароходом „Аргунь", при чем получил серьезные повреждения и выбросился на берег. Человеческих жертв нет.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Токио, 7 (20) ноября (СПА).—(„Daily Telegraph").—В 6 ч. вечера транспорт „Тамбов" с 1.200 пленными вышел из гавани по неизвестному назначению, по всей вероятности, во Владивосток. Время выхода других траспортов еще не определено. Адмирал Рождественский находится на „Ярославе".

Из Нагасаки сообщают, что к ночи беспорядки на русских транспортных судах были прекращены адмиралом Рождественским, и часть полиции была удалена. Русские пленные в Кокуре, Хукуоке, Куруме и Кумамото также обнаруживают признаки недовольства, и власти опасаются, что могут возникнуть беспорядки по уходе транспортов из Японии. Командиры транспортов просят, чтобы пленные были доставлены во Владивосток, на военных судах.

Лондон, 7 (20) ноября (СПА).—В Гайд-Парке состоялся митинг безработных представителей населения. Митинг прошел в полном порядке. В произнесенных на нем речах указывалось, что цель демонстрации заключается не в намерении добиться благотворительности, а в желании получить работу. Принята резолюция, в которой выражается требование, чтобы новое правительство указало парламенту на необходимость начать национальные работы.

Париж, 7 (20) ноября.—Говоря о новом договоре с Кореей, „Journal des Débats" находит, что Корея, благодаря своим природным богатствам, географическому положению, численности и характеру населения, могла бы быть счастливою и независимою страною, но ее погубил лишенный патриотизма правящий класс, окружавший императора, — класс, думавший только о доходных местах.

„Liberté" полагает, что намерение графа С. Витте ждать с разрешением польского вопроса до созыва Государственной Думы должно быть встречено либералами как блестящий триумф новой системы отношений к полякам и как конец исключительных мер, но также и как конец мечтаниям поляков о самостоятельности.

Берлин, 7 (20) ноября.—Известный член рейхстага Шиппель, социалист, сложил с себя депутатские полномочия.

Константинополь, 8 (21) ноября.—Германский посол Маршал посетил вчера министра иностранных дел и, как говорят, советовал ему от имени императора Вильгельма сделать уступки.

Оппозиционная тенденция в Ильдизе, повидимому, ослабевает. Единодушие европейской печати производит сильное впечатление.

Берлин, 8 (21) ноября.—Отставка министра юстиции Шенштедта принята. Министром юстиции назначен председатель суда в Бреславле Безелер.

Константинополь, 8 (21) ноября. — Сегодня должно состояться чрезвычайное совещание совета министров, от которого ожидают решения вопроса о финансовой реформе в Македонии.

Кельцы, 8 ноября. — Хозяйственный совет благотворительного общества, в заседании под председательством католического епископа, постановил все делопроизводство совета и общих собраний вести исключительно на польском языке.

После 1½-недельного перерыва вышла под цензурою „Келецкая Газета".

Шанхай, 7 (20) ноября („Morning Post"). — Предметом совещания между китайскими и японскими уполномоченными в Пекине служат вопросы о праве японцев на аренду Ляодунского полуострова и Восточно-Китайской железной дороги, о содержании военной охраны на железно-дорожной полосе и о сооружении новых железнодорожных линий от Синминтина до Мукдена, от Мукдена до Ы-чжу и от Чаньчона до Гирина.

Москва.

8 ноября.

С'езд земских и городских деятелей.

— Предметом оживленных дебатов сегодняшнего заседания послужила речь Кузьмина-Караваева, произнесенная им в конце вчерашнего заседания. „Земский с'езд,—заявил оратор,—в свое время имел мужество отмежеваться с правой стороны; теперь он должен найти в себе достаточно мужества, чтобы отмежеваться и с левой. Учредительное Собрание бесспорно должно рассматривать как переходную ступень к республике". „Кто не думает о республике, — говорил г. Кузьмин-Караваев, — тому не нужно и Учредительного Собрания... Но едва ли найдется такой человек, который решился бы бросить в деревню идею сменного, безыменного и переменного царя!.." „Манифеста 17 октября, — продолжал г. Кузьмин-Караваев, — добились мы, а не правые или левые фланги. Мы представляли собою до сих пор идейную силу и мы не должны оставлять этой позиции".

— 3-й день заседания. Председателем избирается бывший предводитель черниговского губернского дворянства г. Муханов.

Пред началом прений происходит следующий инцидент. Бюро с'езда докладывает собранию, что им получено извещение от московского градоначальника бар. Медема, который доводит до сведения с'езда, что им получена телеграмма от киевского городского головы г. Проценко, который заявляет, что избранные в частном совещании два представителя от г. Киева не могут считаться уполномоченными города, так как официально думой они не избраны. В собрании недоумевают и удивляются, как это городской голова, выборное лицо, обращается в подобном случае с заявлением к градоначальнику.

Слово А. А. Стаховича. Оратор говорит: „Витте умный человек и честолюбивый, он постарается привести в исполнение предначертания манифеста 17 октября, но на него имеют влияние и оказывают воздействие в придворных сферах. Нам необходима скорей Государственная Дума, созванная на основании всеобщей подачи голосов". В собрании раздаются голоса, что крестьяне не имеют понятия и вообще против „4-хвостной" системы выборов.

Собрание должно высказаться против смертной казни, это будет бестактным, если собрание этого не сделает. Надо выделить из с'езда особую депутацию, которая должна отправиться в Петербург и пред'явить требования.

Ф. И. Родичев. „Не поддерживать правительство надо, а требовать исполнения необходимых мер". По поводу настроения масс г. Родичев говорит: „Правительство пользуется организацией лжи, пусть оно очистится от этой лжи, и в этом мы можем ему помочь".

Кн. Волконский (Рязань). Князь боится, как бы не повторилась сказка о рыбаке и рыбке и как бы нам не очутиться в положении старухи у разбитого корыта. Надо принять меры. „Мы не выступаем в ролях Лассаля и Маркса, а должны выступить в роли Козьмы Минина, — в противном случае может выделиться часть, в виде меньшинства".

Выступают ораторы поляки.

Один из них говорит и возмущается „сказкой" о стремлении поляков отделиться от России с целью образовать свое государство. Это сказка, это гадость, это выдумка с провокаторской целью, чтобы вооружить один народ против другого. Ничего подобного в действительности нет, ни о чем подобном Польша не думала и не думает.

Г. Новодворский (из Варшавы) заявляет собранию, что никаких облегчений комитет министров не предоставил полякам, никаких льгот знаменитым комитетским актом полякам не

дано, наоборот, — после обнародования этого акта полякам еще хуже стало жить. Преследования и угнетения не прекратились, общее положение ухудшилось; (обращаясь к собранию:) „если вы все за автономию — мы пойдем за вами“.

При напряженном внимании всего зала произносит свою речь другой польский делегат, присяжный поверенный Ледницкий:

„Правительство, очевидно, не желает сойти со старой позиции. Оно до сих пор считает себя самодержавным, и, по имеющимся сведениям, совет министров только что заявил, что Царство Польское не получит автономии. Но не ему уже судить об этом: этот вопрос решит народ (громкие аплодисменты), и представители польского народа явились сюда апеллировать к стране и народу. С этим правительством невозможно даже об'ясняться. Стихийное движение польской и русской народности слилось в общих стремлениях (продолжительные и громкие аплодисменты). Мы и бюрократия будем бороться до тех пор, пока один из нас не потеряет физической силы продолжать борьбу.

„Польская народность в данный момент настаивает только на удовлетворении своих национальных требований; вопрос же об автономии будет решен Учредительным Собранием или Государственной Думой. Оратор присоединяется к предложениям де-Роберти, но при условии гарантий, что к старому порядку уже нет возврата. Иначе представители власти должны быть названы революционерами, ибо не те революционеры, которые проводят революцию, а те, которые вызывают ее“.

По окончании речи раздаются долго непрекращающиеся аплодисменты.

Между прочим, польские делегаты об'яснили с'езду, что ссылка в правительственном сообщении на сепаратизм Польши, подкрепленная словами: „Королевство польское“, происходит от безграмотности того лица, которое переводило эти слова правительству: Царство Польское в буквальном переводе на польский язык и будет „Крулевство польское“. А между тем правительство только на этой фразе и строило свое обвинение поляков в стремлении выделиться от России.

Представитель Полтавской губернии указывает, что произвол, усмотрение и насилие сверху вызывают те же явления снизу, но только в более сильной степени. Напряжение паров в котле может достигнуть наивысшей точки. Большая разница между революцией, происходящей в свободной и культурной стране, и такой, как наша. Нельзя забывать положения наших крестьян. Кто может сказать, на что при нынешнем положении пойдет силушка народная. Быть может, через трупы передовых бойцов она направится навстречу реакции. Слишком темна и невежественна масса и велика пропасть между ею и нами. Безусловно необходимо учреждение в губерниях и уездах временных комитетов.

Климов (из Рязани) высказывается против Учредительного Собрания. „Мы только,—говорит оратор,—сила моральная, а нужна сила реальная. Кроме того, мы не можем считать себя истинными представителями народа. Нам приходится считаться с движением двоякого рода: социал-демократическим, прекрасно организованным, и монархическим, которое еще только начинается“.

Ф. И. Родичев (Тверь) по поводу предложения А. А. Стаховича говорит: „Нужно оказывать не личную поддержку тому или другому правительству, но нужно сделать все, что в наших силах, для обновления строя на принципах права и свободы и основанном на них порядке. Кто идет навстречу этим принципам, тот может рассчитывать на нашу поддержку, но на всякую попытку свернуть с этого пути мы ответим противодействием. Поддержка наша должна выразиться в указании прямого пути, и мы скажем: «Идите прямо и не заблудитесь по сторонам». Мы скажем им также, что их орган, вся эта сложная машина со множеством зубчатых колес, приспособленная для угнетения народа, не может работать для его освобождения, и вся эта система должна быть немедленно переустроена. Грозна сила революции, но еще грознее та темная сила, которая уже поднимается, которая может бросить нашу страну в бездну. Циркулируют слухи, что реакция не дремлет... Весьма вероятно... И мы теперь же должны заявить правительству, что всякую отмену, всякое действие против начал 17 октября мы будем считать за акт революционный. Борьба должна вестись не на почве силы, а на почве права, и во главу угла должен быть положен принцип всеобщего избирательного права. Если бы этот принцип был провозглашен в манифесте 17 октября, не было бы столько крови. Пока этот принцип не проведен в жизнь, — нет ничего. Я лично не стоял раньше за четырехчленную формулу, но теперь я со всею силою убеждения отстаиваю ее, потому что это — не доктринерство, а вопрос реальной политики. Этого требует страна, и поздно уже обсуждать этот вопрос академически. Говорят, что народные представители будут просеиваться через решето. Этого не должно быть. Цензовая Дума теперь немыслима. Настроение массы будет иметь решающее значение, иначе оно может выйти за те пределы, за которыми мы стоим. В виду существующего положения, мы должны отказаться от разногласия, мы должны сказать правительству: «Берите наши силы и людей, но докажите, что вы понимаете нас и не обманете нас; занять же без оговорок те места, которые поныне занимались людьми, стоявшими по ту сторону права и порядка, мы не желаем!»“.

И. И. Петрункевич (Тверь). „Для нас, современников, обязательно разрешить вопрос, поставленный историей. Перед нами ужасная картина: кругом погромы, поднимается деревня. Правительство — накануне банкротства, оно утратило власть, и кто знает? — может быть, скоро оно уже не в состоянии будет оплачивать своих агентов.

„И в такой момент нам предлагают расколоться на партии. Не время... Когда гибнет страна, все партии должны соединиться, все должны протянуть друг другу руки. Я не социалист, но в этот момент я готов и им протянуть руку, если только они признают возможным отказаться от классовых интересов и об'единиться для освобождения отечества. Я скажу им: «Мы сосчитаемся в Думе, и тогда, быть может, я уступлю вам». Все предложения, которые мы заслушали, неясны, неопределенны. Ясно только одно, что должна быть власть, которая в состоянии разрешить вопрос. Если бы мы считали правительство способным сделать это, не было бы никакой и речи, но, коль скоро мы говорим об условиях, значит правительству мы не верим. Не ради министерских и губернаторских постов, а только в заботах о благе родины, мы должны принять участие в управлении страною. 17 октября мы не видели еще признаков, что правительство поняло момент и имеет определенную программу действий. Мало того, что сам Витте связан с манифестом 17 октября, надо иметь доказательства, что и правительство стоит на той же позиции. Но действительность убеждает нас в противном. Правительство растеряно и в потемках нащупывает почву. У него нет определенной программы, и его даже нельзя в этом винить: оно и не могло быть другим. Репрессивные меры, к которым прибегает правительство, способны только вызвать еще большую ненависть к нему. Сегодня положение еще гораздо хуже, чем оно было две недели тому назад. То же самое можно сказать и о манифесте, о выкупных платежах.

„Крестьяне даже уже совсем отказались вносить эти платежи, а манифест вдруг освобождает их от половины. Такой акт может вызвать только презрение к власти. Россию со всех сторон рвут на части. Пролетариат говорит, что он одержал победу и она принадлежит ему. Его заслуга в движении неоспорима, но он должен сказать: «Мы кровью купили свободу и передаем ее народу, — пусть сам народ разрешит свои судьбы». Последующее мы осуществим только в собрании народных представителей. Теперь не время торговаться. Если бы правительство 5 — 6 месяцев тому назад дало то, что оно дало теперь, у нас не было бы и революции. Мы не должны повторять ошибок, сделанных правительством. Мы знаем требования страны и должны их удовлетворить, а потому мы признаем и требуем всеобщих выборов, немедленного осуществления уже данных свобод, полной амнистии. При этом мы должны категорически заявить правительству, что это наше крайнее решение. И, конечно, зубчатые колеса существующего бюрократического строя не могут осуществить этой программы. Предлагают судить известных представителей власти. Гораздо важнее их удалить и расчистить почву. Витте жалуется, что нет людей. Это об'ясняется тем, что у нас не революция, а анархия. Обществу нужно принять исключительные меры и сделать это для самого общества: иначе оно докажет свою слабость. Правительство должно обратиться к обществу и частным учреждениям и при их помощи создать на местах комитеты безопасности и порядка. Население простит правительственным деятелям тысячи их ошибок в текущих делах, но оно не простит им погромов. Мы должны сказать Витте: «Ваши губернаторы, ваши исправники не могут осуществить порядка, обратитесь к обществу». Если не будет этого сделано, нельзя будет собрать Думу. Народ политически неразвит, и для образования Думы надо не менее 5 месяцев. Кто знает, что может произойти за это время? Повторяю, у нас не революция (последняя борется за право), а анархия, отрицающая все: неприкосновенность личности, жилища и слова.

Пошлемте же наших представителей в Государственную Думу. В мирной, дружной работе рука об руку они найдут путь, который выведет Россию из затруднительного положения".

Кн. Долгоруков полагает, что мы должны поддерживать министерство графа Витте. Правительство не хотело дать того, что хотело земство, и теперь в стране революция. Министерство Витте — министерство ликвидационное. Мы должны подвести сруб под разваливающееся здание. Перед нами либо Временное Правительство, либо диктатура. Витте тот же бюрократический чиновник, но он умнее других. С'езд должен требовать, чтобы Витте проводил демократическую программу, и тогда он найдет у нас поддержку. По отношению к Царству Польскому следует признать, что военное положение большая ошибка, и оно должно быть немедленно отменено. Царству Польскому должны быть предоставлены свободы манифеста 17 октября. Витте не может пойти назад, так как самодержавный строй отошел в область бессмысленных мечтаний.

Н. Н. Щепкин не верит банкротству, так как верит в народ. „Мы не партия, — говорит оратор, — мы представители страны и должны вывести ее из беды. Сначала мы манифесту поверили и думали, что получили все. Затем наступило разочарование. Все жаждут порядка и порядка правового. Говорят, мы должны поддержать Витте, так как он висит на ниточке. Но нужно ли вообще поддерживать человека, который висит на ниточке, а не на канате? Мы должны заявить Витте, что уже три недели он не дает нам гарантий и он должен дать их завтра. Государственную Думу должен созвать не Витте, а народ. Мы должны сказать Витте, что он должен примкнуть к определенной партии и оттуда взять сотрудников. Эти должны забыть, что они общественные деятели. На них выльется клевета и ненависть, но они помогут выйти из нынешнего положения".

— За три дня с'езда городских и земских деятелей выясняется готовность отказаться от Учредительн. Собрания и четырехчленной системы выборов; левое крыло собрания отстаивает необходимость всеобщего избирательного права, повидимому, в меньшинстве. В Петербург предполагается отправить особую выборную комиссию, на которую Витте может опереться для выборов и провести конституцию. Петрункевич призывает всех сплотиться вместе. Он призывает и крайние партии, которые должны отказаться на время от классовых интересов во имя государственных.

— Крестьянский с'езд. На крестьянском с'езде сегодня повышенное настроение. Ряд ораторов — с основательными данными и фактами—обрисовывает тяжелое положение крестьянства, которое малоземельно, неграмотно, — без школ и без хлеба. Аграрные движения, говорит крестьянин Медведев, нельзя считать признаком крестьянской силы, — это показатель беспомощности. Надо организоваться, надо вооружиться и стать на защиту попранных человеческих прав крестьян. Необходимо теперь же обложить дворянские земли налогом в пользу крестьян, в противном случае могут произойти потрясающие последствия.

Необходимо организовать боевые дружины. Но необходимо предупредить также кровавые события. Надо принять меры к разрешению крестьянского вопроса. Пока принимается первый пункт резолюции: обратиться от имени крестьянского союза к союзу железнодорожных служащих с просьбой устраивать железнодорожные забастовки на тех жел.-дорожных линиях, которые прилегают к местам, где происходят аграрные беспорядки, для того, чтобы на этих линиях не мог происходить подвоз войск.

— В четверг выйдет первый номер социал-демократического органа „Московская Газета".

— На вчерашнем общем собрании союза рабочих печатного дела постановлено образовать фонд для помощи пострадавшим в борьбе за свободу печатного дела. Союз обратился с воззванием к обществу: пожертвования просят направлять в редакцию „Московской Газеты".

— На с'езде делегатов крестьянского союза выборными получена масса сообщений о движениях на местах.

— В Саратовской губернии, по рассказам делегатов, состоялось вооруженное восстание на политической и экономической почве. Массовое хорошо организованное движение в Харьковской губернии и в других.

Сообщения консервативных и либеральных газет большею частью ложны.

— Со стороны духовенства во многих местах сделаны попытки вызвать черносотенные движения, но благодаря влиянию означенного крестьянства эти попытки не удались, а местами им дан организованный отпор.

— В крестьянских массах несомненно видно стремление организоваться. К союзу охотно примыкают целые деревни. Главное побуждение — земельный голод, но кроме того быстро растет политическое сознание. Идея социализации земли выступает в речах почти всех делегатов, хотя преимущественно это стремление проявляется в отвлеченной форме.

На с'езде единодушное требование Учредительного Собрания. Среди делегатов заметно присутствие различных партий — главным образом революционеров.

— Освобожденный из Таганской тюрьмы Полторацкий, покушавшийся на жизнь ген.-м. Трепова, говорит, что помещенный в московских газетах рассказ убийцы Баумана пересказан им со слов уголовных преступников, переведенных из Бутырской тюрьмы в Таганскую за то, что они свой разговор с убийцей Баумана довели до сведения совета присяжных поверенных. Все эти уголовные преступники заключены в Таганской тюрьме самым строгим образом. Их допрашивает товарищ прокурора Руднев.

— Центральный университетский студенческий орган и делегатское собрание студентов решили ответить на помещенное в „Русских Ведомостях" мотивированное заключение совета профессоров о закрытии университета своим подробным об'яснением.

— 10 ноября в Москве начнет выходить ежедневный орган социал-демократической партии меньшинства, под названием „Московская Газета".

— Громадным большинством учащихся в консерватории постановлено на сегодняшнем собрании не возобновлять занятий.

— Общество работников печатного дела в целях противодействия реакционному делу просит своих товарищей не набирать издаваемой в Москве г. Иловайским газеты „Кремль".

— „Московские Ведомости" все еще не могут прийти к соглашению со своими наборщиками и потому завтра опять не выйдут, Недоразумения с наборщиками вышли исключительно на идейной почве, а не на экономической.

— Вчера ректор московского университета посетил редакцию „Русских Ведомостей" и встретил там несколько студентов, с некоторыми обменялся взглядами. Профессор Мануйлов говорил, что совет университета не может признавать ни центрального органа, ни делегатского собрания студентов, так как они избраны не посредством прямой, тайной подачи голосов.

— В Звенигородском уезде, в селе Большие Вязьмы, после литургии священник о. Никольский прочитал крестьянам манифест 17 октября, раз'яснил все важное значение совершаемой реформы государственного строя и предложил отслужить панихиду и вместе помолиться за всех погибших бойцов русского освободительного движения.

— Завтра в „Аквариуме" состоится митинг домашней прислуги. Собрание будет носить исключительно экономический характер. Между прочим, предположено возбудить в городской думе ходатайство о том, чтобы дума устроила для безработной прислуги дом, в котором потерявшая место могла бы иметь приют до приискания нового места. За это каждая прислуга, находящаяся на месте, обязуется вносить по 60 коп. в месяц. Затем предложено возбудить ходатайство об установлении для домашней прислуги 12-часового рабочего дня с 2-часовым перерывом на обед.

— Вчера состоялось собрание московских крестьян-огородников, собравшихся для обсуждения нынешнего положения России и для обсуждения своих нужд. Между прочим, крестьяне-огородники постановили следующую резолюцию: „Просить представителей московских газет обратиться к государю императору с просьбой прибыть в Москву, об'явить здесь народу конституцию, самому первому присягнуть конституции и предложить сделать то же самое народу". Без этого, по мнению собрания, народ не успокоится, и правительство, несмотря на все прилагаемые усилия, не сможет внести успокоения в страну.

— Во все редакции московских газет, не исключая даже „Московских Ведомостей", за последние дни поступает масса писем из самых разнообразных слоев общества с выражением сочувствия по поводу предполагаемого об'явления бойкота одесскому градоначальнику Нейдгардту. Во многих письмах выражается желание, чтобы газеты поместили на своих страницах портрет Нейдгардта, что, по мнению авторов писем, должно очень способствовать успеху бойкота.

— В Москве организуется новый союз газетчиков, которые об'единяются в профессиональный союз-корпорацию, которая намерена предложить редакциям ряд требований чисто экономи-

ческого характера: понижение платы за газеты, приобретаемые газетчиками для розничной продажи, доставка газетчикам на места приложений к воскресным номерам и т. д.

— Завтра в Домниковском училище состоится собрание псаломщиков всех московских церквей для обсуждения своих профессиональных нужд.

Хроника.

— Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии постановляет не прекращать издания центрального органа партии „Пролетарий", но, в виду изменившихся условий, перенести немедленно издание центрального органа в Россию, изменить размеры центрального органа и издавать его лишь по мере надобности для полного, решительного и ясного изложения тех взглядов и лозунгов социал-демократии, которые недоступны и теперь так называемой свободной печати.

— Редакция получила письмо от товарища А. Я. Ветрова, о смерти которого было ошибочно сообщено в „Новой Жизни". А. Я. сообщает, что он поправляется от ран и недели через $1^1/_2$ — 2 надеется выйти здоровым из саратовской больницы. Просим газеты, сообщившие о его смерти, перепечатать эту заметку.

— По слухам сообщают, что восемь офицеров, принявших участие в кронштадтском бунте, будут в самом близком будущем преданы смертной казни. Участь офицеров разделят немногие матросы, остальные же будут помилованы.

— Жизнь в Кронштадте еще не вошла в нормальную колею. На улицах царит мертвая тишина. По ночам раз'езжают патрули. Приезжие обязаны пред'являть паспорта; прибывшие без видов на жительство задерживаются. Матросы размещены: многие будут зимовать на судах.

— 8 ноября городской голова принимал депутацию Союза союзов по поводу циркуляра, разосланного городской управой служащим городской телефонной сети. Городской голова об'яснил, что он являлся только передаточным пунктом распоряжения и предупреждения министра внутренних дел, который, на основании 49 ст. договора города с министерством, уведомил, что в случае новой забастовки все служащие будут уволены, договор с городом нарушен и самое предприятие будет отобрано в казну.

— Убытки города от забастовок увеличиваются наложенным министерством внутренних дел штрафом в 3.000 р. за забастовку телефонов. Однако городская управа не признает за министерством права налагать этот штраф в виду исключительности причин остановки работы на телефонах и намерена обжаловать такое требование министерства.

— Союз торговцев-хозяев столичных рынков и Гостиного двора 8 ноября постановил обратиться к председателю совета министров, министру финансов и городской думе с просьбой о закрытии винных лавок и заведений, торгующих крепкими напитками, в те дни, когда, по состоявшемуся уже соглашению, торговцами будут закрыты магазины. В противном случае, как принятое ими решение — закрытие магазинов — теряет смысл, так и не уменьшается опасность разгрома магазинов пьяными и хулиганами.

— Кандидатом на пост вице-президента императорской академии художеств называют управляющего экспедицией заготовления государственных бумаг, экстраординарного академика императорской академии наук Б. Б. Голицына.

— На телефонной станции. Министерство внутренних дел и его верная союзница петербургская городская управа начинают мстить лицам, принимавшим участие в последней политической забастовке. На центральной телефонной станции заявлен расчет главному механику и двум депутаткам-телефонисткам. Управа грозила также отнять 10-рублевую прибавку, данную „барышням" за их октябрьское „благоразумие" (они в октябре не бастовали), — но потом почему-то раздумала.

— В Финляндии. Из Гельсингфорса послана на имя Витте телеграмма, подписанная тысячами граждан, о немедленном отозвании нового статс-секретаря Финляндии.

— 7 ноября состоялось 2 собрания содержателей ресторанов. Одно собрание состоялось в Аквариуме. На этом собрании рестораторы постановили: „Если кто-либо из официантов будет посещать устраиваемые собрания, имеющие целью образование союза официантов, то он будет немедленно уволен". Все участники собрания обязуются уволенного официанта к себе не принимать.

Второе собрание состоялось в гост. „Англетер" под председательством ресторатора Соловьева. Собрание постановило: никаких требований от официантов не принимать, а в случае забастовки прикрыть рестораны на 3 месяца.

Председатель возмущался наглостью своих, как он называет, „холуев", которым он ни за что не уступит.

По его словам, его холуи живут отлично, у некоторых жены рядятся в шелк, а дети учатся в гимназии.

— К событиям в Кронштадте. Матросы 10 флотскаго экипажа обратились к присяжному поверенному Адамову с просьбой взять на себя защиту по делу об обвинении их в бунте и грабеже во время событий в Кронштадте 26—27 октября.

— К покушению на Д. Ф. Трепова. 18 ноября в помещении здания судебных установлений начнутся заседания военно-окружного суда по делу о покушении на бывшего петербургского генерал-губернатора Трепова. Заседания будут происходить при закрытых дверях и продлятся четыре дня.

— Большое дело. 10 ноября в первом отделении С.-Петербургского окружного суда начнется слушанием интересное дело по обвинению доктора медицины Корабевича и акушерки Роговой в искусственном изгнании плода, последствием чего явилась смерть. Защиту обвиняемых приняли на себя: первого — пр. пов. Марголин и второй — пр. пов. Добровольский. Дело займет несколько дней.

— К отмене смертной казни. 10 ноября Союз союзов устраивает митинг, который будет посвящен разработке и обсуждению мер борьбы со смертной казнью. Подготовительные работы по этому вопросу поручены прис. пов. Грузенбергу, проф. Лутугину и прив. доц. Петербургского университета Святловскому. Место митинга пока не определено. Вход в заседание будет разрешен лишь по именным повесткам.

— В настоящее время в Петербурге находится один из участников портсмутской мирной конференции — Такахира, командированный японским правительством для переговоров относительно обмена военнопленными.

— Генерал-губернатором Финляндии на место покинувшего этот пост кн. Оболенского назначается, по слухам, д. т. с. Н. Н. Герард.

— Собрание сотрудников повременных изданий. В воскресенье, 13 ноября, состоится в училище Шрекника собрание союза сотрудников периодических изданий.

ВОЗМУТИТЕЛЬНОЕ НАСИЛИЕ.

8 ноября вечером в Вольно-Экономическом Обществе должно было состояться собрание. Вице-президент II отдела, проф. Явейн, гарантировал организаторам полную безопасность и неприкосновенность собрания указанием на разрешение градоначальника. Около 7-ми часов вечера начали сходиться участники заседания. Вдруг, совершенно неожиданно, в помещение общества врывается пристав 1 участка Нарвской части, Значковский, и требует у собравшихся входных именных повесток. Ему их не представляют. Пристав требует удаления собравшихся из помещения, что и выполняется. У входных дверей появляется наряд городовых и никого не пропускает внутрь. О случившемся было сообщено проф. Явейн. Возмущенный насилием, вице-президент телефонирует градоначальнику. Ему отвечают: „Нет дома". Полицеймейстер отвечает: „Доложу градоначальнику, а сам не имею права вмешиваться". Переговоры с приставом ни к чему не ведут: он ссылается „на законы". Около двух часов собравшиеся находились в выжидательно-взволнованном настроении, и в 10 часу случайно проникшие в помещение удалились. Собрание, конечно, не состоялось, чего очевидно, и добивались насильники.

Из партийной жизни.

— Центральный и Организационный Комитеты Российской Социал-Демократической Рабочей Партии отправили в Международное Социалистическое Бюро следующее письмо: „Дорогие товарищи! Великая российская революция переживает крайне

серьезный момент; правительство пытается применить уже испытанное им еще в 63 году орудие реакции. На требование польского народа о предоставлении ему автономии, необходимой для действительного культурного самоопределения и для свободного развития, царское правительство ответило военным положением во всей Польше, стараясь разжечь национальную рознь между польским и русским народом и взрывом шовинизма убить революцию. Эта политика царского правительства находит себе поддержку со стороны европейских полусамодержав. Прусское правительство Вильгельма II собирает войска у восточной границы, и есть серьезные основания ожидать, что оно пошлет их в Россию для подавления польского народа.

„Дело российской революции—дело всего человечества — находится в большой опасности. Пролетариат России поддерживает польских братьев энергичным протестом против совершаемого над ними насилия.

„Мы просим вас, дорогие товарищи, сообщать нам, какие меры предпримете вы для предотвращения этой опасности и для помощи русскому народу в борьбе с нею, если она станет реальным фактом. С товарищеским приветом: Центр. Ком., Орган. Ком. Р. С.-Д. Р. П., 4 (17) ноября 1905 г.“.

Тождественный с этим запрос посылается в правление Герм. Соц.-Дем. П.

— Нас просят сообщить, что городским районом Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. получено от И. З-ва 444 р.

Совет Рабочих Депутатов.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов предлагает содержателям аптек: Знаменской, Матвеевской, Воскресенской, Пушкинской, Брезинского, Самсоньевской, Адмиралтейской, Петропавловской, у Синего моста, Каменноостровской, Московской, Чернышевской, Гаванской, Исаакиевской, Ново-Андреевской, Вознесенской уволенных за последнюю политическую забастовку служащих у них фармацевтов принять обратно. Если до 12 сего ноября до 12 часов дня они не будут приняты обратно, Совет Рабочих Депутатов об‘являет всем упомянутым аптекарям бойкот, в котором надеется как на поддержку общества, так и на содействие тех фабрик и заводов, которые забирают медикаменты из этих аптек.

Совет Р. Д. не остановится и перед более репрессивными средствами, если они будут необходимы для защиты интересов уволенных товарищей-фармацевтов.

От союза служащих фармацевтов.

Бюро союза извещает всех служащих фармацевтов города Петербурга, что в нижеследующих аптеках уволены наши товарищи за участие в последней всеобщей политической забастовке. Аптеки: Знаменская, маг. Юргенса, Матвеевская Майзеля, Воскресенская Гольдберга, Пушкинская Гаккеля, Брезинского, Самсоньевская Таскальского, Адмиралтейская Дамского, Петропавловская Валькера, Ново-Николаевская Розенблата, Конюшенная Гордона, у Синего моста Барита, Каменноостровская Вакса, Московская Конгейма, Чернышевская Бонфельда, Гаваньская, Исаакиевская Крепса, Ново-Андреевская Закмина, Вознесенская Клейнермана.

Бюро предупреждает служащих фармацевтов, что оставшиеся во всех этих аптеках свободные места считаем за уволенными товарищами, и эти места не должны быть никем занимаемы.

Бюро.

Из центрального комитета Союза союзов.

7 ноября в Центральном Комитете Союза союзов постановлено: послать в думу депутацию из 3 лиц с требованием отменить предпринятые репрессии против инженеров телефонной станции Жданова и Константинова. Последние были уволены за участие в последней политической забастовке. Если городская дума не отменит своих репрессий против участников в забастовке, депутация уполномочена заявить, что будет предпринята против нее широкая агитация в обществе. По вопросу об арестованных фармацевтах после доклада представителя союза фармацевтов: 1) бойкотировать аптеки Гордона (Знаменская, 30) и Пушкинскую Гаккеля и предложить присоединиться к бойкоту остальным профессиональным союзам. 2) Поручить союзу адвокатов привлечь к ответственности петербургского градоначальника за незаконное заключение в Рождественской части 9 фармацевтов.

В заключение обсуждался вопрос о проекте Учредительного Собрания. Постановлено привлечь представителей всех партий для совместной выработки этого проекта.

Из жизни рабочих.

К ВОПРОСУ О ЛИКВИДАЦИИ СТАЧКИ.

7 ноября состоялось соединенное собрание делегатов осветительных предприятий, созванное служащими и рабочими Бельгийского общества по следующему поводу.

Рабочие и служащие Бельгийского общества, явившись, согласно постановлению С. Р. Д., 7 ноября в 12 час. дня к мастерским для начала работы, были извещены начальством об увольнении 7-ми товарищей. Как об‘яснил директор общества, уволены они были по распоряжению градоначальника. В ответ на это заявление, рабочие и служащие Бельгийского общества, руководствуясь круговой порукой, принятой общим собранием рабочих и служащих осветительных предприятий г. С.-Петербурга от 6 ноября, постановили не приступать к работам, пока уволенные товарищи не будут приняты обратно, войска не будут убраны со станций и пока не будет уплочено за время политической забастовки. При этом рабочими и служащими было поставлено на вид администрации, что новая забастовка, являясь забастовкой экономической, согласно § 37 договора Бельгийского об-ва с городом, повлечет за собой передачу станции в собственность города в том случае, если продолжится более 3 дней.

Сделав такое заявление, рабочие и служащие демонстративно удалились.

Перед началом заседания было получено следующее об‘явление правления: „В виду выяснения обстоятельств дела последней политической забастовки г-ну директору общества со стороны начальников отделений вопрос об удалении отдельных служащих и рабочих решен окончательно в том смысле, что никаких отдельных увольнений по поводу этой забастовки не будет. Правление“.

Это заявление было встречено дружными рукоплесканиями, и вопрос о товарищах Б. О. был снят с очереди.

Тут же состоялся товарищеский суд рабочих и служащих Бельг. о-ва над товарищем Шалигиным, с которого было снято решением суда тяжелое обвинение в нетоварищеском поведении во время забастовки.

Из фактических заявлений выяснилось следующее:

Общество „Гелиос“.

Из 136 человек работало во время забастовки 101 чел. (Крим-предводитель и черная сотня). Остальные считаются уволенными. Из правленских служащих бастовало 15 чел. Никто не уволен.

Администрацией предложен уволенным третейский суд, причем администрация заявила, что не признает Совета Рабочих Депутатов, так как это совет хулиганов, а инженеров, примкнувших к забастовке, считает глупцами; обратный прием обусловлен подпиской о неучастии на будущее время в забастовках.

Бельгийское общество.

Конфликт улажен признанием администрацией незаконности своих прежних распоряжений.

I Общество.

Главный инженер Ульман согласился вывести войска. Черная сотня из несознательных рабочих угрожает опасностью жизни делегатам.

Приступлено к работам. Рассчитанных за забастовку нет. Администрация просит не употреблять насилий во время забастовок по отношению к желающим работать.

Мастер Васильев учинил допрос забастовщикам, по какому поводу бастовали. Забастовщикам из отдела счетчиков заявил, что все будут лишены проездных и экстренных (Васильев был участником первой забастовки).

Станция инж. Смирнова.

Из всех рабочих 23 бастовало. Сейчас работает 21. Солдаты не пропускали в мастерские. Начальник вызывал по группам машинистов, кочегаров и смазчиков, соглашаясь принимать по своему выбору. Руководствуясь круговой порукой, все рабочие демонстративно ушли со станции. Вечером предложено явиться за расчетом. Никто не явился.

Станция Подобедова.

Подписали круговую поруку. Присоединились к союзу. К работам приступили не в 12 час., а в 8 час. утра, так как были связаны честным словом, данным раньше, чем состоялось постановление С. Р. Д. Уволенных нет. За забастовку будет уплачено. Администрация предлагала дать подписку отработать ежедневно сверхурочными 3-часовыми работами прогульное время. Рабочие отказались принципиально от всяких сверхурочных работ.

Со станции Микельштейна поступило заявление о желании вступить в союз. По вопросу о выработке мероприятий по отношению к обществам и рабочим, работавшим во время забастовки, собрание вынесло следующую резолюцию: „Подчиняясь действиям С. Р. Д., мы доводим до сведения Исп. Ком. С. Р. Д. фактическое положение дел на станциях и обращаемся к нему за содействием для устранения возникших конфликтов. Со своей стороны мы предлагаем утвердить следующие принятые нами меры:

„1) Обратиться к предпринимателям со следующим ультиматумом:

„На основании резолюции, вынесенной союзом всех осветительных предприятий г. С.-Петербурга, мы, делегаты всех рабочих и служащих осветительных предприятий, собравшись 7 ноября, постановили:

„Мы требуем, чтобы никто из рабочих и служащих не был уволен и жалованье за все время забастовки было уплочено всем без исключения полностью. В противном случае мы принуждены будем принять крайние меры.

„2) Опубликовать положение дел в газетах.

„3) В виду заявления инженеров, что ими будут приняты все меры к тому, чтобы никто не был уволен, собрание постановило побудить инженеров к активному проявлению своей деятельности в указанном направлении.

„4) Приступить к более прочной организации союза.

„Что касается третейского суда, предложенного администрацией, то собрание постановило: согласиться на третейский суд только в том случае, если третейский судья будет назначен Исп. Ком. С. Р. Д.“.

На заводе Лесснера.

5 ноября на заводе Лесснера с десяти часов утра до часу пополудни происходил митинг. После доклада местного депутата о последнем собрании Сов. Раб. Депутатов несколько ораторов социал-демократов произнесли речи о целях и задачах и об аграрной программе С.-Д. П. Затем говорили социалисты-революционеры, которым возражали опять социал-демократы. В заключение собранию были предложены две резолюции: со стороны социал-демократов и со стороны соц.-революционеров. Принятой единогласно оказалась резолюция с.-д. следующего содержания:

„Манифест 4 ноября, вырванный из рук умирающей самодержавной клики могучими ударами революционного пролетариата и грозным волнением «сермяжного моря» — крестьянства — есть новый показатель бессилия царского правительства дать народу сколько-нибудь сносные реформы. Царский манифест отменяет в недалеком будущем выкупные платежи только потому, что получить их с нищего и голодного крестьянина невозможно. Поэтому мы, рабочие завода Лесснера, считая, что этот манифест является пустыми, жалкими словами, заявляем, что только уничтожение самодержавия и замена его демократической республикой и скорейшее проведение в жизнь аграрной программы российской социал-демократии может коренным образом изменить положение крестьянства, не противореча общему развитию социалистического пролетарского движения“.

На Невском судостроительном заводе.

7 ноября на Невском судостроительном и механическом заводе (Семянниковском) после двенадцати часов дня состоялся митинг, на котором решено было приступить к работам с 7 часов утра 8 ноября.

Было постановлено продолжать введение на заводе революционным путем восьмичасового рабочего дня. На это постановление директор завода И. И. Гиппиус вывесил следующее обращение к рабочим:

„Согласно распоряжению правления, настоящим об‘являю, что если со вторника 8 ноября работы на заводе не будут производиться, согласно существующим правилам внутреннего распорядка, то всем рабочим будет об‘явлен расчет и завод будет закрыт.

„Вследствие дошедших до меня сегодня слухов, что рабочие, невзирая на об‘явленное постановление правления, все-таки намереваются работать и сегодня всего 8 часов, считаю своим нравственным долгом довести до сведения рабочих, что на 70-ти частных с.-петербургских заводах, в том числе, разумеется, и на всех крупных, со вчерашнего дня установлен прежний 10 и 10½-часовой рабочий день.

„Все остановившиеся заводы начали работать вчера в 1 час 30 минут после обеда и проработали до конца.

„Это удостоверено вчера на общем собрании представителей с.-петербургских фабрик. На нескольких фабриках (около 10) работа не производится, так как заявлен уже расчет рабочим.

„Я обращаюсь еще раз к благоразумию рабочих и считаю долгом предупредить их, что постановление правления о закрытии завода не может быть отменено, если с сегодняшнего дня работы не установятся по существующей 10-часовой норме“.

Несмотря на это об‘явление, рабочие Семянниковского завода кончили работы в четыре с половиной часа, проработав, таким образом, восемь часов.

Как мы слышали, с завтрашнего дня гудка не будет, и завод будет закрыт до весны 1906 года.

В мастерских общества „Гелиос“.

Со времени начала всеобщей забастовки в мастерские общества электрического освещения „Гелиос“ были приглашены для работы матросы. После того, как они отказались стать на место товарищей — постоянных рабочих и оставили мастерские, их вновь вернули и заставили работать, но уже под усиленной охраной 16 роты Егерского полка и команды казаков.

За время совместной работы егеря и матросы очень скоро „сдружились“, читая на досуге сообща газеты, брошюры и пр.

7 ноября, когда часть обыкновенных рабочих явилась к исполнению своих обязанностей, „военные рабочие“, пользуясь свободным временем, устроили нечто вроде митинга. Отдельные ораторы с открытой сцены в фабричной столовой делились с аудиторией различными впечатлениями из солдатской жизни, касаясь, главным образом, взаимных отношений между нижними чинами и как непосредственным, так и посредственным начальством. Присутствовавшие тут же офицеры-моряки относились ко всему довольно равнодушно; офицеры же других воинских частей посмотрели на дело иначе, и егеря экстренно в 2 часа ночи на 8-е ноября были водворены в свои казармы.

На смену их были вызваны преображенцы, и картина резко изменилась.

Антагонизм между вновь пришедшими гвардейцами и оставшимися матросами и электротехниками (электротехническая рота) выразился очень ярко. Всякие разговоры сразу прекратились и обе „партии“ обменивались лишь злобными взглядами.

Откуда-то появились брошюры патриотического содержания, предназначенные для раздачи, главным образом „неблагонамеренным“. В распространении этих изданий, повидимому, были очень заинтересованы преображенцы.

Один матросик, посмотрев на брошюрки, апатично замечает вслух:

— Ну, чего там читать? Известно, что раздают.

Рядом стоящего преображенца это замечание раздражает, и он угрюмо говорит по адресу матроса.

— А тебе чего ж надо — республики?

В настоящее время работы потекли обычным порядком, но в мастерских оставлены 30 человек матросов, а также казаки.

Первые на случай новой забастовки, а вторые „на всякий случай“.

За Невской заставой.

Несмотря на окончание забастовки, район за Невской заставой продолжает представлять вид вооруженного лагеря. По Шлиссельбургскому тракту повсюду двигаются вперед и назад усиленные пешие и конные патрули; у фабричных и заводских ворот стоят жаровни, у которых греются казаки и солдаты, составив ружья „в козла“.

Трубочный завод.

Начальник Трубочного завода вывесил об‘явление, в котором сообщает рабочим, что, если с 7 ноября они приступят к занятиям и если в течение двух дней работы будут происходить нормальным порядком с тремя сменами, то он разрешит рабочим устраивать во дворе завода во внеурочное время сходки. После забастовки 7 ноября на Трубочном заводе работы возобновились не с 12 час. дня, как было постановлено Советом Рабочих Депутатов, а с 7 час. утра, „в виду исключительного положения Трубочного завода“, как гласило об‘явление за подписью трех депутатов-рабочих и начальника завода. В чем заключается „исключительное положение Трубочного завода“ не об‘яснено. Завод изготовляет различных образцов трубки, капсюльные втулки и взрыватели для снарядов сухопутной и морской артиллерии, кроме взрывчатых веществ, входящих в снаряжение их. По заборам около Трубочного завода развешены в рамках под стеклом воззвания графа Витте к „братцам-рабочим“.

На Александровском механическом заводе.

Многие заводы, прилегающие к церкви Михаила Архангела, в том числе и Александровский механический завод Николаевской железной дороги, по случаю храмового праздника 8 ноября не работали. В этот день около 10 часов утра рабочие вздумали устроить в вагонных мастерских митинг и собирались у ворот. Когда собралась громадная толпа, рабочие решили войти в мастерские, но там оказались вооруженные солдаты, которые никого не пропускали. Собравшимся пришлось разойтись.

За Невской заставой попрежнему разгуливают патрули и казаки. Многие фабрики и заводы охраняются войсками. Настроение жителей Невского района тихое, спокойное. Конки функционируют правильно. Рабочие продолжают осуществлять восьмичасовой рабочий день революционным путем и с пением „Марсельезы“, „Варшавянки“ выходят из завода.

На Обуховском заводе.

На Обуховском сталелитейном и механическом заводе рабочие, по постановлению Совета Рабочих Депутатов, работают только восемь часов. Администрация завода готова лишь на введение девятичасового рабочего дня. Рабочие не соглашаются. В виду этого начальник завода 8 ноября об‘являет рабочим, что, если они будут впредь осуществлять восьмичасовой рабочий день, то завод будет закрыт.

— 8 октября завод Гребного порта закрыт администрацией на неопределенное время; закрытие завода мотивируется самовольным введением 8-часового рабочего дня.

— На Балтийском судостроительном заводе 7 ноября работы начались с 12 часов дня и прекратились ровно в 4 ч. дня, согласно решению рабочих ввести 8-часовой рабочий день. Работы производились под надзором войск, находившихся внутри мастерских и наблюдавших неотступно за действиями каждого рабочего.

— В Судостроительных мастерских Нового Адмиралтейства начались работы 7 ноября и прекратились ровно в 4 часа. 8 ноября рабочие на завод не были допущены за самовольное введение 8-часового рабочего дня.

— Столовая С.-Петербургского порта, где обыкновенно происходили митинги, 5 ноября оказалась заколоченной досками. Собравшиеся, в числе 70—80 человек, около столовой рабочие решили послать к начальнику порта депутацию с требованием об‘яснить, на каком основании заколочена столовая. Начальник сослался на распоряжение высшего начальства.

— 7 ноября состоялось собрание агентов службы движения Николаевской ж. д., преимущественно составителей и сцепщиков. Собрание имело целью обсудить меры протеста против отстранения от службы пяти человек начальником пассажирской станции небезизвестным Подгоригани. На это собрание был приглашен помощник машиниста Николаевской ж. д. Р. Бертгольд. Собравшиеся вызвали начальника дороги, вместо которого явился начальник станции, в сопровождении конвоя солдат, в числе около 50 человек, во главе с жандармским начальником петербургского отделения Николаевской ж. д. подполковником Максимовичем. Последний, заметив Бертгольда, заорал на него и приказал его вывести. Б. ответил, что ему здесь больше делать нечего, и направился к выходу. Максимович закричал: „Проводите его!“; после повторного приказания солдаты „проводили“ Бертгольда ударами прикладов в спину. Свидетелей при этом было до 40 человек.

— 7 ноября аптечные рабочие из аптеки Оппенгейма Егор Григорьев и Алексей Александров, проходя мимо аптеки на Знаменке известного уже своей черносотенской деятельностью аптекаря Гордона, сняли фуражки. Это не понравилось охранявшим аптеку городовым, которые набросились на этих рабочих, сильно их избили и отправили в участок, где они находятся и поныне.

— Рабочий Путиловского завода Иосиф Домбровский, проходя вечером 4 ноября по Школьному переулку, встретил трех суб‘ектов, которые с криком: „Вот он, оратор, бей его!“ бросились на него с ножами. Домбровский выхватил револьвер, нападающие было отступили; но, так как револьвер дал три осечки, они снова бросились на Домбровского и нанесли ему 8 ран, из которых две в шею. Домбровский лежит теперь в Ушаковской больнице и, по словам посетивших его товарищей, поправляется; он всего два месяца, как оправился от ран, полученных им 9 января. За последнее время Домбровский несколько раз говорил на митингах. В нападении на него подозревают рабочих Мартеновской мастерской, которая уже с лета стала очагом черносотенной агитации. Рабочие этой мастерской — наиболее бессознательный элемент, так как для приема сюда нужны лишь крепкие мускулы и никаких знаний. Каждую стачку их приходилось снимать, при чем они отбивались ломами, предварительно нагрев их концы. Говорить у них можно только под солидною охраною сознательных товарищей. Как на организатора черной сотни в этой мастерской указывают на околоточного Герасимова, влияние которого распространяется, кроме того, на тигельную, сталелитейную и железопрокатную мастерские.

— По поручению Совета Рабочих Депутатов о добавлении, принятом на заседании Совета, к резолюции о 8-час. рабочем дне. Сказано: „Совет Рабочих Депутатов настойчиво рекомендует петербургским рабочим приложить все усилия к скорейшему созданию союзов и всероссийских с‘ездов (?)“. К последнему и сделано добавление: не просто всероссийских с‘ездов, а всероссийского с‘езда профессиональных организаций, которые смогут выработать практические способы для осуществления 8-час. рабочего дня.

— Вчера у Балтийского судостроительного завода имел место вопиющий факт. Из Кронштадта прибыла партия рабочих, командированных Балтийским заводом в Кронштадт для производства работ. Относительно всех командируемых заводом рабочих в заводском уставе существует следующее постановление: возвратившиеся из командировки переписываются и отпускаются на один день домой для устройства своих дел. Когда, после переписи, около 100 рабочих вышли из завода, то на них набросились казаки и беспощадно избили нагайками. Рабочие сделали заявление о случившемся администрации завода.

— На Николаевском вокзале. Согласно резолюции Совета Рабочих Депутатов с 12 час. дня 7 ноября железнодорожные служащие Николаевской железной дороги приступили к испол-

нению своих обязанностей. Так как сразу восстановить движение невозможно, то было решено, впредь до восстановления правильного движения, с 8 ноября отправлять из Петербурга поезда по особому временному расписанию. Охрана вокзала войсками продолжается.

— В настоящее время властями ведется энергичное следствие по поводу печатания Советом Рабочих Депутатов своих „Известий".

8 ноября в жандармское управление был вызван для дачи об'яснений управляющий типографии „Общественная Польза", где был напечатан № 5 „Известий" и конфискован № 6. В тот же день в контору редакции „Биржевые Ведомости" явился пристав, околоточный и фабричный инспектор—для производства следствия по поводу напечатания в типографии названной газеты № 6 „Известий". Там же был составлен подробный протокол, в который внесены показания заведывающего типографией. Подобные же протоколы составлены и в других типографиях, где производилось печатание „Известий".

Администрация Гребного порта начинает ныне прибегать к крайне некрасивому приему „наказания" своих „неблагонадежных" рабочих. Один из них, некто Л-в (редакции известны его имя, отчество, фамилия и №), был уволен за стачку еще 17 октября. 7 ноября г. Л-в сдал в контору завода свои инструменты и расчетную книжку, но своего номера и жестянки он, несмотря на пред'явленное ему требование, не сдал, так как на следующий день, т. е. 8 ноября, он должен был быть в Новом адмиралтействе для проверки подсчета следуемых ему денег (около 5 руб.), а без номера и жестянки рабочих в Новое адмиралтейство не пропускают. На следующий день, 8 ноября, г. Л-в явился в Новое адмиралтейство, но туда его полиция не пустила, заявив, что заведующий Гребным портом донес по телефону, что г. Л-в расчет уже получил; когда последний стал протестовать, то у него попросили „посмотреть" его рабочий номер и жестянку; получив требуемое от ничего не подозревавшего рабочего, полиция бесцеремонно его прогнала, говоря, что, если он вернется, то его будут бить. После такого насилия г. Л-в решил жаловаться адмиралу Кузьмичеву, командиру петербургского порта. Дождавшись его на улице, Л-в обратился к нему с просьбой о помощи, но последний ответил, что он не желает с ним совершенно говорить.

Это прием уже даже не черносотенский!

На Спасской бумагопрядильной и ткацкой фабрике.

В виду храмового праздника Михаила Архангела 8 ноября на Спасской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуре работ не производилось. Фабрика охраняется войсками. У ворот завода вывешено об'явление о сокращении числа рабочих часов такого содержания:

„Правление сим доводит до сведения рабочих Спасской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, что 2 ноября состоялось собрание представителей текстильной промышленности Петербургского района, на котором обсуждался вопрос о сокращении числа рабочих часов, и единогласно постановлено следующее:

„1905 года 2 ноября, собравшись, представители фабрик обрабатывающих волокнистые вещества, постановили об'явить от имени всех собравшихся, что количество рабочих часов устанавливается $60^1/_2$ час. в неделю (шестьдесят с половиной), включая в это время и чистку машин.

„В случае новых требований рабочих, на таковые не соглашаться и закрывать фабрики".

Новый рабочий день вводится не позже 20 ноября 1905 года. Вышеизложенное постановление подписано девятнадцатью фирмами.

Пропорциональная прибавка к заработной плате для сдельных работ будет установлена и размер ее своевременно сообщим рабочим. Вследствие закрытия здешних типографий правление не в состоянии раздать в достаточном количестве между рабочими об'явление, которое оно намерено выпустить одновременно с вышеизложенным, но надеется, что рабочие сами будут способствовать распространению такового.

Спасская и Петровская бумажные и ткацкие мануфактуры правила эти вводят с 16 ноября.

За недостатком места откладываем часть заметок о ходе забастовки, митингах, резолюциях и т. д. до ближайших номеров.

Польша и Литва.

Генерал-губернатор Скалон с каким-то ожесточением преследует польскую периодическую прессу: приостанавливает газеты, запрещает розничную их продажу; цензура с другой стороны сдавливает прессу, вычеркивая даже самые невинные слова и обороты речи.

Во Львове (Галиция) состоялся 1 ноября многолюдный митинг рабочих и студентов, на котором присутствовало около десяти тысяч человек. Митинг носил характер протеста против введения военного положения в Царстве Польском. Произносились речи на польском и русинском языках. Была единогласно вынесена резолюция, протестующая против попыток русского правительства подавить революционное движение в Польше. После митинга состоялась грандиозная манифестация, которая направилась к зданию русского консульства, которое охраняла полиция. Произошло столкновение ее с манифестантами, не приведшее к серьезным последствиям. Далее решено было отправиться к германскому консульству, но здесь также стояла полиция, которая без предупреждения открыла огонь. Манифестанты стали бросать камни в полицию, произошло столкновение, в результате чего оказалось несколько человек раненых студентов и рабочих.

В Гродне 3 ноября солдаты первой и второй батарей местной артиллерийской бригады отправились на гауптвахту с целью освободить арестованных за нарушение дисциплины товарищей. Свое желание не удалось им исполнить, так как патруль, охраняющий гауптвахту, пытался было открыть огонь, а солдаты были не вооружены. На следующий день многие солдаты, из принимавших участие в желании освобождения своих товарищей, были арестованы. Это вызвало сильное брожение во всей бригаде; опасаются возникновения крупных беспорядков.

Состоявшийся в Варшаве десятитысячный митинг железнодорожных рабочих, после горячих прений, постановил прекратить забастовку на всех почти железных дорогах Царства Польского. С восстановлением движения, естественно, восстановилась промышленность и торговля: фабрики начали работать, лавки, банки, конторы отворились. Все, кажется, вернулось бы к нормальному течению жизни, не было бы исключений, но поведение администрации мешает этому. Приводим несколько фактов, характеризующих это поведение. Варшавские телефонистки, в числе прочих служащих, явились на работу 4 ноября, но им было сообщено, что, по распоряжению генерал-губернатора Скалона, они наказаны увольнением. Пришлось только протестовать, да бойкотировать вакантные места. Еще случай: происходил митинг сценических деятелей, на котором была вынесена резолюция, требующая немедленной муниципализации варшавских казенных театров, орудуемых теперь „доблестными кавалеристами", для которых разврат выше искусства. По распоряжению того же генерал-губернатора все театры закрыты, а служащие уволены, при чем им не доплачено около 10.000 рублей содержания.

В Лодзи 5 ноября собралась толпа из рабочих и интеллигенции на Николаевской улице; явился патруль солдат и потребовал разойтись; многие из передних рядов двинулись было в сторону, но в этот момент раздался залп: трое человек убиты и несколько ранены. Убегавших солдаты били прикладами.

В Лодзи 6 ноября имел место следующий возмутительный случай: в местном, соборном костеле служилась панихида в память жертв, павших в борьбе с правительством. На панихиде присутствовало свыше тысячи рабочих обоего пола, а также представители интеллигенции. После окончания панихиды присутствующие затем запели „Zdymen poiaron", а потом „Warzawianka". Не успели еще окончить последней песни, как кто-то

сообщил, что собор окружают со всех сторон войска. Это сообщение вызвало ужас и панику. Раздались возгласы: „солдаты входят в костел"; бросились, толкая и давя друг друга, к боковым выходам и убедились, что, действительно, у всех входов стоят солдаты, но внутри храма нет ни одного. Тревожное настроение немного улеглось. Начали выходить, но у выходов солдаты женщин пропустили, а мужчин арестовали и препроводили в комендантское управление.

В Белостоке по распоряжению губернатора 1 ноября были освобождены все арестованные за нарушение временных постановлений, вызванных введением военного положения. Эта „амнистия" не коснулась тех, которые были привлечены губернатором к ответственности за сопротивление полиции. Возмущенные такой явной несправедливостью губернатора, заключенные разгромили камеры, мебель и окна. Были вызваны солдаты, но арестованные уже успокоились, требуя лишь немедленного их освобождения. Решения еще не последовало.

В Вильне 3 ноября состоялся митинг рабочих мастерских Полесских железных дорог, на котором была вынесена следующая резолюция: „Мы высказываем свою солидарность всем рабочим Царства Польского и России, глубоко презираем всякие попытки правительства натравливать одну народность на другую; мы готовы всеми средствами дать самый решительный отпор тем темным силам, которые хотели бы, путем погромов, грабежей и кровопролития, противодействовать успеху революционного движения".

Иностранный отдел.

Лондон.

Правительство и безработные.

Английские рабочие находятся в лучшем материальном положении, чем их собратья на континенте Европы, но, тем не менее, у целой трети их заработка, даже в периоды промышленного оживления, не хватает на покрытие насущнейших физических нужд. Это не измышление коварных социалистов, а факт, непреложно установленный кропотливыми исследованиями Чарльза Бузса (богатый коммерсант), Сибома Роунтри (крупный шоколадный фабрикант) и других столь же солидных людей, которых никто не заподозрит во вражде к капиталистическому строю. Когда промышленное оживление сменяется застоем, полчища рабочих, обреченных на физическое вырождение, увеличиваются далеко сверх „нормы". Профессиональные союзы, охватывающие, надо заметить, только аристократию труда, не больше четверти всего числа рабочих, поддерживают по мере финансовой возможности своих безработных членов, но и их фонды, в конце концов, истощаются; неорганизованным же рабочим в случае безработицы приходится, распродав свои скудные пожитки, обращаться за помощью к буржуазной благотворительности, итти в работные дома, где царит тюремная дисциплина, где жены отделяются от мужей и дети от родителей, и пребывание в которых сопряжено с утратой политических прав, или же околевать с голоду, если гордость не позволяет просить у буржуазии милостыни. Одно из средств к смягчению бедствий безработицы, которая все усиливается в Англии в последние два года, рабочие видят в организации общественных работ для безработных. Под влиянием агитации, во главе которой стояли социал-демократы, под влиянием митингов и демонстраций безработных и настояний муниципальных властей, правительство внесло в прошлую сессию в парламент законопроект об обязательном учреждении в Лондоне и необязательном — в других местностях центрального и районных комитетов из представителей муниципалитетов и организаций, занимающихся благотворительностью, для сортировки безработных и предоставления работы тем из них, которые с буржуазной точки зрения являются достойными этой милости, т.-е. сидят без дела „не по своей вине". Рабочие члены парламента (13 из 670!) встретили этот законопроект очень сочувственно: нашлось, дескать, правительство, которое считает безработицу бедственным явлением, подлежащим устранению, и признает за рабочими в принципе „право на труд".

В таком духе высказался Кейр Гарди, единственный социалист во всей палате общин, — социалист самодельный, увлекающийся мелкобуржуазными утопиями, мечтающий, между прочим, о наделении безработных землею с целью создания в Англии крестьянского класса. Но радость Кейр Гарди была непродолжительна. Сторонники правительства ополчились на законопроект, усмотрев в нем зародыш социализма, и хотя в конце концов парламент одобрил его, утвердив предложенную организацию помощи безработным на три года в виде пробной меры, денег на опыт из государственного казначейства не было ассигновано. Муниципиальным властям было предоставлено изыскивать средства из своих собственных источников, притом не выходя из известных пределов. В одном Лондоне безработных в настоящее время свыше ста тысяч, во всей Англии свыше полумиллиона, а если считать и семьи безработных, то последнюю цифру придется утроить. „Право на труд", будто бы признанное правительством в принципе, осталось пустым звуком.

Но безработные не расположены голодать молча. Образовался центральный рабочий комитет для оказания давления на правительство. Были поданы петиции королю о созыве чрезвычайной сессии парламента. Жены безработных восточного и южного Лондона устроили демонстрацию перед квартирой первого министра и послали к нему на прошлой неделе депутацию, к которой присоединились и делегаты от центрального рабочего комитета, трэд-юнионисты и социал-демократы.

Голодающие женщины бесхитростным языком говорили первому министру о страданиях своих семей, при чем одна из них предложила ему пожить среди безработных, чтобы убедиться в существовании вопиющей нужды. Социал-демократы Квелч, Ни, Вильямс заявили, что безработные не просят милостыни, а требуют справедливости; нынешний строй виновен в том, что они голодают, и государство обязано предоставить им работу. Были указаны некоторые работы, как сооружение дорог и т. п., которые могли бы быть предприняты с пользою для всей страны.

Ответ Бальфура характерен для политического адвоката буржуазии. Прежде всего он заявил, что не узнал от депутации ничего нового: как существование безработицы, так и размеры ее ему хорошо известны; далее, что рабочие ошибочно думают, будто правительство признает так называемое „право на труд": на самом деле правительство не считает организацию труда функцией государства, это дело частных предпринимателей, которых никоим образом нельзя обескураживать социалистическими опытами; правительство устроило механизм для попечения о безработных и этим выполнило весь свой долг;

деньги на общественные работы дадут частные благотворители, которые будут обескуражены, если парламент отпустит что-нибудь из государственного казначейства, и закроют свои кошельки; он, министр, не верит в осуществимость социализма, а если бы и верил, то полагал бы, что и при социалистическом строе должна быть классификация рабочих на достойных и недостойных... Все это было высказано чрезвычайно любезным тоном, но неблагодарная депутация доложила пославшим ее, что министр вместо хлеба дал безработным камень. Некоторые при этом высказали желание последовать примеру русских товарищей и „устроить правительству Петербург"...

Спустя несколько дней Бальфур произнес большую речь в Сити на банкете в честь нового лорд-мэра. В ней он уделил несколько слов и безработице, сказав, что для смягчения этого бедствия нельзя прибегать к мерам, которые были бы „посягательством на нынешнюю экономическую систему", и, пригласив публику к доброхотным деяниям для приведения в действие механизма, которому не полагается отпускать денег из государственного казначейства. Промышленность может существовать только для обогащения частных предпринимателей, а что сверх этого, то от лукавого...

Угрозу „последовать примеру русских рабочих" английские рабочие вряд ли исполнят: слишком корректный они народ для этого...

Одним из результатов агитации безработных явилось обращение к публике со стороны королевы, которая хочет организовать помощь им от себя и, чтобы поощрить денежную аристократию, раскошелилась на 2.000 фунтов стерлингов. Этот неожиданный и совершенно „неконституционный" поступок королевы вызвал в буржуазной прессе взрыв негодования, — конечно выразившийся в самой почтительной форме.

Добрая женщина, сама того не думая, нанесла буржуазии нестерпимое оскорбление...

Н. А.

Областной отдел.

Нижний-Новгород.

(Окончание.)

На 19 число был назначен соединенный (горожан и сормовцев) митинг под открытым небом. К 12 часам магазины и учреждения, открывшиеся было с утра, закрылись (все они были закрыты и весь предыдущий день), трамвай прекратил ходить, и город принял необычный празднично-торжественный вид.

К этому времени на Благовещенской площади, перед памятником, уже собралась масса народа: всюду развеваются красные знамена, значительно увеличившиеся в числе.

Но характерное явление. Часть новоиспеченных граждан уже отрезвела за ночь: несерьезное отношение к речам, громкие разговоры, пошлый скептицизм вчерашнего обывателя, появляются небольшие группы, пытающиеся сорвать митинг. Настроение начинает падать. ...Чувствуется отсутствие того общественного элемента, для которого свободное слово, свобода собраний такое же необходимое условие жизни, как воздух и пища. Слишком мало среди собравшихся рабочих.

В нижней части города в это время происходит нечто другое: там идет рабочий; идет гордо, с сознанием своей победы; он идет влить свою силу, свою энергию в вялые члены обывателя. Шествие его прямо триумфальное. Панели улицы заняты сплошной массой горожан, вышедшей из закрытых магазинов, из прилегающих улиц, образуя как бы живые берега. В этих берегах мерно катится поток из 20 тысяч сормовских рабочих и рабочих заречной части города. Впереди заводский оркестр музыки, попеременно исполняющий то революционные гимны, то похоронный марш павшим борцам за свободу; за ним целое море красных знамен и дальше, насколько может охватить глаз, сплошная масса голов, все увеличивающаяся и увеличивающаяся присоединяющимися горожанами...

Поток вливается в Благовещенскую площадь; бурный взрыв восторга, и картина совершенно меняется: чувствуя страшную силу прибывших, горожанин спешит изо всех улиц и переулков; площадь буквально вся заполняется народом; толпа доходит тысяч до 40—50...

В течение 2—3 часов город живет невиданной жизнью: беспрерывные речи местах в 10 на площади, сменяющиеся то могучими звуками революционных песен, то торжественными раскатами оркестра, то взрывами бурного восторга слушателей...

Экстренное собрание думы, заседавшей в это время (здание думы находится на той же площади), единогласно постановляет ассигновать 100.000 руб. на учреждение народного университета, принять на свое содержание народный дом для устройства в нем народных митингов, требовать полной амнистии политическим преступникам и т. п. и находит необходимым тотчас об'явить об этом собравшимся на площади. Городской голова с цепью на груди, с полным составом управы появляется на площади и об'являет о состоявшемся постановлении. Над его головой развевается изящное красное знамя с надписью: „Да здравствует народное правление"...

К шести часам вечера площадь пустеет — сормовцы двинулись к пристаням. От'езд их так же эффектен, как и появление в городе: звуки оркестра, многотысячный хор и залпы револьверных выстрелов...

Полиция все время совершенно отсутствует, и порядок образцовейший.

Этот знаменательный день дал тон всем последующим (мне известно только то, что происходило до 27 октября). Правда, митинги под открытым небом и манифестации прекратились — в первых не было нужды в виду достаточности закрытых помещений, вторые уже нашли свое блестящее завершение 19 октября, — но зато начался непрерывный ряд ежедневных митингов в Народном доме, в коммерческом и всесословном клубах. В особенности грандиозны митинги в Народном доме. Здание это вмещает около 3 тысяч человек и каждый день бывает настолько наполнено народом, что часто приходится устанавливать очередь, чтобы удовлетворить всех желающих попасть в него. Речи (почти исключительно социал-демократических ораторов) слушаются с жадным вниманием, вызывают бури восторга.

„Верноподданный народ" все это время не подавал никаких признаков жизни. Он появился только к вечеру 20 октября и под покровом ночи прошел по главной улице с белым флагом и портретом царя. Он состоял из нескольких десятков мальчишек, десятков двух шпионов и переодетых городовых. К 22 октября (праздничный день) ряды его увеличились праздношатающейся серой городской публикой, а к 23 числу приняли максимальные размеры — тысяч до 2, когда ремесленное и мещанское общества постановили отслужить на площади благодарственный молебен по случаю манифеста. Все его хождения по улицам носили совершенно мирный характер. Однако, полиция, пешая и конная, и даже солдатские патрули, нашли необходимым его сопровождать. К 24 числу этот „народ" (а с ним и усиленные наряды полиции) исчез бесследно с улиц города.

Чем же об'яснить, что в классическом центре босяцкого мира, в такое время года, когда за окончанием навигации тысячи разных судовых рабочих выбрасываются на улицу, в патриархальном купеческом городе с громадным числом „молодцов", в городе, только что пережившем самый бессмысленный погром, — и вдруг такая беспримерная идиллия?!.

Во-первых, отношение к „белой" партии, как она называется в Нижнем-Новгороде, „красных". С первых же дней об'явления манифеста представители пролетариата вмешивались в каждую группу недовольных почему-либо революционным характером манифестаций и об'ясняли им настоящий исторический момент, знакомили с задачами пролетариата, указывали

на необходимость народного правления и т. д. Было даже устроено два митинга специально с публикой из „белой“ партии и с ораторами социал-демократами. С этих митингов вся масса, за исключением ничтожного, явно провокаторского ядра, уходила под звуки „Марсельезы“; ораторов благодарили за раз'яснения. В последние же дни и на социал-демократических митингах все больше и больше стало появляться представителей „белой“ партии с просьбою раз'яснить им те или другие вопросы. Были случаи публичного покаяния — не в поступках, их и не было, — а в своем образе мыслей.

Во-вторых, отношение местной администрации. Я уже говорил, что с 18 октября полиция была почти совсем убрана с улиц и начала появляться только в самые последние дни, когда город принял будничный вид. Затем, вице-губернатором все время издавались обращения к гражданам, в которых он просил с полным спокойствием пользоваться свободой собраний и предупреждал, что примет самые решительные меры в случае проявления какого-либо насилия, а тем паче еврейского погрома, о возможности которого одно время были слухи.

Наконец, известное всему городу обстоятельство, что, в случае чего, сормовские рабочие тотчас же пришлют в город несколько сот вооруженных товарищей (что они и сделали на другой день июльского погрома, чем и предотвратили весьма вероятное его продолжение). Что это обстоятельство имело немаловажное значение, свидетельствует следующий факт: когда 22 октября особенно усиленно стали циркулировать слухи о возможности еврейского погрома, и горожане, наполнявшие Народный дом, после обсуждения вопроса о самозащите, стали испытывать нервное беспокойство, заявление с ораторской трибуны, что у нас, ведь, есть испытанная защита — сормовские рабочие, сразу подействовало, как целительный бальзам. На другой день с раннего утра два пароходных общества выслали свои пароходы за сормовской охраной. Услуг ее, как известно, не понадобилось.

П. Ш.

Тифлис.

(Корр. „Новой Жизни“.)

(Окончание.)

Между тем правительство готовило новый кровавый урок.

21-го по главным улицам города поползла патриотическая партия, состоящая, главным образом, из дворников, городовых, шпионов и, частью, из извозчиков.

Предвидя возможность столкновения патриотов с революционерами, социал-демократическое бюро задержало последних до самого вечера на митинге в Нахаловке. Тем временем патриотствующие занялись на улице избиением мирных обывателей. Но это была лишь репетиция.

22-го купленные патриоты, охраняемые цепью войск, уже с утра патриотствовали на Головинском проспекте. Социал-демократическое бюро опять отозвало все свои силы на митинг в Нахаловку. На улице оставались лишь любопытные, да те, которым случайно приходилось пересекать Головинский проспект. На балконах некоторых домов собралась буржуазная публика, которая сегодня с такою же непринужденностью махала платками хулиганам, с какою вчера приветствовала красные флаги и подхватывала революционные лозунги.

Когда группа гимназистов попыталась дать отпор начавшим избивать их патриотам, то этого оказалось достаточно для солдат и казаков открыть беспощадный огонь вдоль улицы. Находившиеся на улицах думали найти себе спасение в домах; тогда было приказано стрелять в дома, и вот забарабанили пули по крышам, зазвенели стекла. В продолжение почти двух часов стояла непрерывная трескотня. Не довольствуясь этим, казаки и юнкера из толпы патриотов врывались в дома, действуя шашками и штыками. В здании 1 гимназии из-под скамеек вытаскивали гимназистов приготовительного класса и брали их на штыки. Не забывали также казаки и своих карманов: у гимназистов перерыли все ящики и взяли оттуда все маломальски ценное; ворвались в редакцию газеты „Возрождение“, переломали шкафы и столы и украли из кассы деньги; в меблированных комнатах „Мухрани“, перебив всех находившихся там, обокрали их, решив, что мертвому никакой собственности не нужно; характерно, что у многих доставленных в больницу трупов не хватало сапог, а у некоторых, очевидно, имевших кольца, были отрезаны пальцы.

И все это происходило под звуки патриотического гимна, при криках: „ура!“, под эгидой взятого из участка портрета.

Очевидно, патриотствующие хулиганы чувствовали себя в безопасности, так как патриотический гимн и их крики были слышны до конца перестрелки и даже после нее. Мало того, как оказалось впоследствии, единственным средством выйти живым из этой кровавой бани было — присоединение к патриотам.

На другой день весь Головинский проспект был превращен в военный лагерь: солдаты стояли среди улицы и на тротуарах; тут же варили им пищу; кое-где виднелись отряды Красного Креста. Многие здания были заняты войсками.

С 22-го по городу начали ходить усиленные слухи о готовящейся при содействии полиции хулигано-татаро-армянской резне.

26-го хоронили убитых гимназистов. Комитет выпустил листок, приглашая жителей в знак глубокого траура закрыть магазины и рестораны, все промышленные заведения, конторы и типографии, а также не освещать ни улиц, ни окон, выходящих на улицу. Все было с точностью исполнено, и с 5 часов город погрузился в абсолютный мрак: не было ни одного фонаря, ни одного освещенного окна; и только дворники боязливо перекликались в ночной темноте; в этот день не выпустили даже из Тифлиса поезда, и пассажиры должны были ждать на вокзале до другого дня.

От редакции. Наши тифлисские товарищи, как видно, держались ошибочной тактики. Вместо того, чтобы звать рабочих к противодействию патриотическим погромам, они старались предотвратить столкновение рабочих и черносотенцев, благодаря чему последние получили полную свободу действий. В других местах, напр. в Москве, Харькове, активное противодействие рабочих, руководимых с.-д., в самом начале пресекало патриотические бесчинства и насилия.

Кровавые дни в Харькове.

Всеобщая забастовка в Харькове вспыхнула сразу. Еще накануне жизнь в городе шла своим обычным порядком, ничто не предвещало бури. 10 октября забастовали железнодорожные мастерские, к ним присоединились все жел.-дор. службы, движение поездов остановилось. Потом стали останавливаться одни за другими все заводы, фабрики, мастерские. К вечеру забастовка была уже всеобщей. На большой площади за вокзалом (Ващенковская левада) состоялся митинг, на который собралось 10 — 15 тысяч рабочих со всего города. Наскоро были устроены трибуны с красными флагами и выступили ораторы, преимущественно социал-демократы. Говорили о значении политической забастовки, о Государственной Думе, о необходимости вооруженного восстания. Настроение было очень приподнятое, в воздухе чувствовалась гроза, но, кроме забастовки, никаких определенных намерений у рабочих не было. Уже темнело, и рабочие толпой стали возвращаться в город. Когда толпа мирно двигалась по Екатеринославской улице, ее атаковали драгуны. Раздались из толпы револьверные выстрелы, и храбрые кавалеристы „в полном порядке“ отступили. По дороге был разбит оружейный магазин Тарнопольского, успели захватить часть оружия. Здесь снова произошло столкновение с кавалерией. Из толпы раздались одиночные револьверные выстрелы, казаки отвечали залпами из ружей. Под конец они впали в такой воинственный азарт, что дали залп по толпе мирной публики, которая из любопытства собралась на Университетской горке. Много было ранено и несколько человек случайных прохожих было убито. Толпа рассеялась, и „поле сражения“ осталось за казаками. Они не удовольствовались этой победой и уже поздно вечером стреляли залпами по кучкам любопытных, собравшихся на Николаевской площади. К ночи все стихло. Известия о казацких подвигах облетели весь город,

и с утра следующего дня тревожное и вместе с тем озлобленное настроение охватило широкие слои населения. В 10 часов утра толпы рабочих собрались у паровозного завода, как было назначено накануне, и состоялся второй всеобщий митинг. В это время в университете собралась сходка; решено было оградиться баррикадами, чтобы остановить нападение казаков и черной сотни и устроить общий митинг. Постройка баррикад началась с лихорадочной быстротой, и через полчаса остовы главных баррикад были уже готовы. Была забаррикадирована с обоих концов Университетская улица, самое здание университета и прилегающая Соборная площадь со старым зданием присутственных мест.

Постройкой баррикад занимались и участники сходки и случайные прохожие. Тут можно было видеть рабочих, студентов, гимназистов, женщин, господ в котелках и шляпах, рядом с ними разных оборванцев и уличных мальчишек. Кто тащил бревно, кто копал землю, кто подавал советы; группы человек по 20 валили телефонные столбы, ломали двери, железные решетки, разбирали мостовую. На окна и крыши университета были нагромождены камни в качестве орудий обороны. Часть толпы проникла в старое здание присутственных мест, были выбиты все двери и рамы, и из окон полетели связки и пачки дел губернского архива. На площади эти пачки разрывались, и скоро вся мостовая была покрыта клочками бумаги.

Весь приказный архив был развеян по ветру...

В это время на другой смежной площади — Павловской — при благосклонном содействии полиции собиралась „черная сотня". Достали откуда-то царский портрет, трехцветные национальные флаги и двинулись толпой с пением „Боже, царя храни!" на Николаевскую площадь. Впереди бежали передовые отряды с палками и камнями и беспощадно избивали всех попадавшихся на пути. Публика в ужасе разбегалась. Из университета небольшая группа, вооруженная револьверами, сделала вылазку, напала на черносотенных и патриотов и в несколько мгновений их рассеяла. Трехцветные флаги были отняты и изорваны, а рамка царского портрета была разбита о голову несшего его „патриота".

Вскоре около оружейного магазина „Спорт", на Николаевской площади собралось человек 200 и начали ломать окна и двери...

Достали откуда-то лом и топор и стали выламывать дверь.

Вдруг раздался ряд револьверных и ружейных выстрелов. Двое из осаждавших магазин были убиты на месте, остальные разбежались. Оказалось, что стреляли из магазина. Выстрелы из магазина сыпались градом, но толпа не унималась. Забегая с боков, небольшие кучки людей осыпали магазин градом камней в ответ на каждый выстрел. Отдельные смельчаки забегали прямо перед магазином и бросали туда огромные камни. Выстрелы продолжались. Тогда толпа стала ломать железные ворота, ведущие во двор дома, где находился магазин.

Долго ворота не поддавались напору толпы, но, наконец, они были разбиты. Толпа ворвалась во двор, проникла в магазин с заднего хода, — и началось растаскивание ружей, револьверов и патронов.

Но вдруг с другого конца площади от Николаевской церкви загремели ружейные залпы, один за другим. Площадь мгновенно очистилась, только из окон магазина время от времени выскакивали отдельные люди, не успевшие бежать с толпой. В толпу, видимо, стреляли, не целясь, но всех отстававших расстреливали поодиночке. Все, кто не успели скрыться, прятались за выступы стен, за двери магазинов, — деваться было некуда: вся площадь обстреливалась сплошным огнем. Когда, наконец, пальба прекратилась, на обеих сторонах площади там и сям были видны трупы убитых и лужи крови. Показались санитары с повязками Красного Креста, но их не допустили убирать раненых и убитых, и вообще на площадь никого не пропускали. Началось распределение захваченного оружия и патронов, организация боевых дружин и размещение их по баррикадам. В это время за баррикадами было несколько тысяч человек. Из представителей обоих комитетов Р. С.-Д. Р. П. (большевиков и меньшевиков) и соц.-револ. образовался „Комитет борьбы", который взял на себя руководство. Установлена была правильная военная организация, высланы вперед сторожевые посты, учреждены смены. Словом, за баррикадами образовалось самоуправление. Сообщение места, окруженного баррикадами, оставалось свободным, многие приходили и уходили, доставлялась провизия, оружие, боевые припасы. К этому времени в городе, в помещении медицинского общества, собрались местные либералы, человек 20 — 30, и образовали „комитет безопасности", или, как потом их иронически прозвали, — „безопасный комитет". Этот „безопасный комитет" вступил в переговоры с губернатором и с защитниками баррикад, и делегаты комитета до поздней ночи ездили по городу от губернатора на баррикады, с баррикад к губернатору. Губернатора они просили не штурмовать университет, разрешить митинги и народную милицию. „Комитету борьбы" предлагали отдать в их распоряжение боевые дружины. Между тем, толпа за баррикадами все редела и редела, и часам к десяти вечера осталось уже не более 500 человек. Доступ на баррикады и из-за баррикад был прекращен. В виду ожидавшихся в городе еврейских погромов из-за баррикад было послано в разные части города несколько отрядов, человек по 15 — 20, вооруженных ружьями и револьверами. Делегаты „комитета безопасности" вернулись от губернатора и сообщили „Комитету борьбы", что губернатор обещает не штурмовать университет, если защитники баррикад сами не начнут стрелять по войскам, согласен допустить выход их на митинг, назначенный на другой день на Скобелевской площади и обратное возвращение за баррикады и передает под охрану милиции несколько улиц. Вскоре после этого пришли известия, что два отряда милиции подверглись нападению войск. Один отряд на Старо-Московской улице был окружен пехотой и полицией. Пристав потребовал, чтобы милиционеры положили оружие, и когда те, видя невозможность защищаться, выполнили это требование, солдаты бросились на них со штыками и перекололи всех, кто не успел убежать. Другой отряд, на Екатеринославской улице, также подвергся нападению полиции и драгунов. Произошла свалка с городовыми, и началась стрельба. Городовые разбежались, а драгуны повернули лошадей и уехали. Наступила ночь. Весь забаррикадированный район был осажден кольцом войск, число которых все прибывало и прибывало. За баррикадами попрежнему кипела работа. Набивались патроны для ружей, подсыпались землей и укреплялись баррикады. Усилена была сторожевая служба; на крышах университета расставлены часовые, которые тотчас сообщали о всех передвижениях войск. Стало рассветать. Было сыро и холодно, густой туман окутывал все улицы. Войска все прибывали, делали какие-то маневры, давали разные сигналы. Получалось такое впечатление, что скоро начнется общий штурм баррикад. Толпы рабочих пытались проникнуть к университету, чтобы выручить осажденных, но войска отбивали все нападения и никого не допускали. Явились снова делегаты „безопасного комитета" и правление университета (они проникли через цепь войск с пропуском губернатора) и сообщили условия, на каких губернатор согласен пропустить защитников баррикад на митинг. „Комитет борьбы" в свою очередь поставил условия, и в заключение сошлись на следующем: защитники выходят из-за баррикад и проходят на Скобелевскую площадь без внешнего оружия, без песен, кликов и красных флагов; защитники баррикад обязуются не стрелять в войска, но в случае нападения черной сотни они открывают огонь; в свою очередь военное начальство гарантирует им свободный выход. Комендант войск просил также удалить мины и фугасы на баррикадах. Около 4 часов дня защитники баррикад тесной колонной, плечо к плечу вышли из университета и направились к Скобелевской площади. По всему пути шествия стоял народ, встречавший шедших кликами приветствий. На Скобелевской площади стояла огромная многотысячная толпа, ожидавшая прибытия защитников баррикад. Защитников баррикад встретили громом приветствий, и начался митинг.

В этот день черная сотня, городовые и казаки, не решавшиеся нападать на толпу, избивали рабочих, студентов, евреев. Храбрые защитники отечества не гнушались убивать поодиночке мирных прохожих на темных и глухих улицах. С утра 13 октября на площади Паровозного завода снова был митинг.

Там и сям виднелись красные флаги, обозначавшие места трибун.

Кроме рабочих было много самой разнообразной публики. Постановлено было разрешить работу пекарням и скотобойням. В это же время в городской думе с представителями разных обществ и „Комитета борьбы" обсуждался вопрос о народной милиции. Представители „Комитета борьбы" от имени рабочих требовали передачи заведывания милицией в их руки. К вечеру стало известно, что губернатор уже не соглашается на милицию, так как получил из Петербурга приказ подавить восстание военной силой, для чего в город было вызвано несколько полков пехоты, артиллерия и драгуны.

14-го с раннего утра начались похороны. Присутствовало не менее 50 тыс. народа. Полиция и войска совершенно отсутствовали, но порядок, поддерживаемый вооруженными дружинами рабочих и студентов, организованных „Комитетом борьбы“, был образцовый. Не было ни суеты, ни давки, огромные толпы в молчании двигались стройными рядами. Впереди шла боевая дружина, за нею оркестр музыки, игравший всю дорогу похоронный гимн: „Вы жертвою пали в борьбе роковой“. За оркестром несли массу венков с красными лентами и революционными надписями на них. Далее, на руках несли гробы по два в ряд, шли родственники убитых и санитары, затем члены „Комитета борьбы“ и разные депутации и публика. Все шествие окаймлялось двойной цепью рабочих и замыкалось другой боевой дружиной. На кладбище после похоронного обряда были развернуты красные знамена, и вся толпа хором под аккомпанемент оркестра пела похоронный гимн.

Красные и черные знамена склонились над могилами. Многие плакали навзрыд. Потом произнесено было много речей. Говорили о павших борцах, выражали презрение войскам, звали на новую борьбу с самодержавием. Под конец выступили представители „Комитета борьбы“ и об‘явили временное прекращение всеобщей политической забастовки. Когда толпа расходилась с кладбища, на столбах уже расклеивались об‘явления о введении военного положения.

Весь город был переполнен войсками всех родов оружия. Общественная жизнь замерла, но бесчинства полиции и казаков продолжались.

Городовые и казачьи патрули все последующие дни нападали на прохожих, особенно по ночам, отбирали деньги и часы и избивали, а если находили оружие, убивали на месте. Им деятельно помогали в этом добровольцы из черной сотни. По городу разбрасываются черносотенные прокламации с призывом к еврейскому погрому, агенты полиции организуют хулиганов, закупают для городовых статское платье и раздают оружие. Настроение в городе напряженное и озлобленное.

Кронштадт.

Среди кронштадтских рабочих распространилось известие, что Пет. Сов. Раб. Деп. решил их бойкотировать за то, что они не поддержали забастовку по поводу последних событий. Рабочие электро-металлического завода морского ведомства надеются, что на них этот бойкот не будет распространен.

Они вполне сочувствовали забастовке, но не забастовали только потому, что не могли рассчитывать на поддержку остальных кронштт. рабочих (17 октября бастовал только один их завод, остальные не присоединились), и, кроме того, забастовка грозила повести к совершенному закрытию завода.

Киев. Из рабочего мира. События 17 – 21 октября дали большой толчок развитию самодеятельности рабочего класса. В настоящее время идет усиленная подготовительная работа для организации профессиональных союзов. Союзы будут иметь своею целью преследование, с одной стороны, профессиональных интересов, с другой — необходимое единение для прочного укрепления и дальнейшего завоевания основ политической свободы. Союзы не предрешают присоединения к той или другой социалистической партии, и организаторы их находят необходимым об‘единение участников на общей политико-экономической платформе, которая дала бы возможность войти в союзы представителям различных партий.

В ближайшем будущем, помимо возникающих союзов: портных, столяров, наборщиков, организуется союз рабочих строительных работ („Киевск. Нов.“).

Самара. Самарский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии действует совершенно самостоятельно и ни в какой зависимости от комитета общественной безопасности не состоял и не состоит, а если и вступает в какие-либо соглашения с какими-нибудь другими организациями, то лишь по отдельным поводам и в строго определенных рамках. С. К. Р. С.-Д. Р. П. („Сам. Газ.“).

Редактор-издатель *Н. М. Минский*.

Издательница *М. Ф. Андреева*.

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.
№ 9
ЧЕТВЕРГ, 10 НОЯБРЯ
(23 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

КОМИССИЯ ПО ПРИИСКАНИЮ ЗАНЯТИЙ

при центральном бюро всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию сообщает частным лицам и общественным учреждениям, что она может рекомендовать лиц как на учительские места, так и для других занятий. Адрес для сношений: СПБ., Чернышев пер., д. 16, кв. 34.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов извещает товарищей-депутатов, что 10 ноября в 4 часа дня состоится в Соляном Городке (уг. Пантелеймоновской и Фонтанки) экстренное заседание Совета Рабочих Депутатов.

Вход по билетам. Заседание закрытое, и посторонняя публика не может быть допущена.

С.-Петербург.

10-го ноября.

Два с'езда.

В Москве одновременно собрались в два с'езда, можно сказать, природные враги,—помещики-земцы и крестьяне. И, если верить телефону, эти два с'езда думают слиться воедино и устроить общие заседания. Не ирония ли это корреспондента? Что может быть общего в программе и в тактике революционно-настроенных крестьян и землевладельцев и капиталистов, хотя бы и либеральных?

Если разобраться в классовых интересах мелкобуржуазной части крестьян (так называемых „настоящих" хозяев — о слиянии с земцами пролетарской части и речи быть не может) и средней и крупной буржуазии из рядов землевладельцев и капиталистов, то очевидной станет противоположность этих интересов. Даже общедемократические требования, об'единяющие, повидимому, различные общественные классы, понимаются ими различно.

Господа из земского и городского с'езда кричат уже об „анархии", взывают к порядку и готовы поддерживать правительство, лишь бы оно остановило поток революции. Этих либералов обуревают уже сомнения, не лучше ли были старые времена „крепкой" самодержавной власти, и страшит грядущая диктатура пролетариата и революционного крестьянства, которая — они понимают — установит полное народовластвие, вполне законченный демократический строй. Как избежать этой опасности и как полнее сохранить силу старого правительства, забрав в то же время власть в свои руки, об этом столь пространно и горячо говорят гг. Петрункевич, Родичев, Милюков и им подобные.

Пролетариат и сознательные элементы крестьянства не могут удовлетвориться теми „реформами", на которых хотят остановиться либералы. Мало того. Они понимают, что либералы предлагают им для буржуазии вытащить каштаны свободы из огня революции, а затем... „меньшому брату" они готовы предоставить попрежнему право „честно работать" на них и обязанность соблюдать „порядок", установленный законами, которые издавать будут они, либеральные буржуа.

Это понимают пролетарии и сознательные крестьяне. И если предполагается слияние двух с'ездов— крестьянского и земского, то это показывает лишь, что руководители крестьянского союза — сознательно или бессознательно—затемняют политическое сознание крестьян.

Крестьянский с'езд сделает свое дело лишь в том случае, если он сумеет положить твердое начало организации крестьянских комитетов на местах. Эти комитеты явятся теми ячейками освободительного движения крестьян, которое продиктует правительству и помещикам свои условия. Эти условия—полное раскрепощение, учреждение законченно-демократического строя и возвращение земли тем, кто полил ее своим потом.

Но могут ли крестьянские комитеты остаться обособленными, несвязанными с великим движением революционного пролетариата, борющегося под победными знаменами международной социал-демократии? Только враги крестьянства могут дать ему такой совет. Разрешение земельного вопроса заключается не в „национализации" и не в „социализации" земли, как говорят социалисты-революционеры, а в социализме. Точно так же политическое освобождение крестьян осуществится только тогда, когда крестьянское движение пойдет в ногу с борьбой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

П. Румянцев.

Политическая партия капиталистов.

(„Прогрессивная экономическая партия".)

В № 5 „Новой Жизни" напечатана заметка под заглавием: „Новая партия". Говоря о состоявшемся 31 октября в зале Тенишевского училища учредительном собрании „прогрессивно-экономической партии", автор заметки об'ясняет ее возникновение тем испугом, который овладел гг. фабрикантами и заводчиками вследствие решения „петербургского пролетариата завоевать себе революционным путем 8-часовой рабочий день".

„Прогрессивная экономическая партия" есть партия крупных капиталистов. Как чисто классовая партия, об'единяющая под своим знаменем определенный класс буржуазного общества, партия крупных капиталистов имеет соответствующие своим интересам программу и организацию. Эта партия родилась не вчера. Хотя в иной форме, соответствующей иным политическим условиям, но она существовала как организация капиталистов задолго до 17 октября, до дня „дарования конституции". 31 октября эта партия „вышла из подполья" и, воспользовавшись завоеванной пролетариатом гражданской свободой, стала привлекать в свои ряды новых сторонников, стала распространять свою программу в той среде, где она может встретить сочувствие, — в среде крупной буржуазии. К „народу" она и не пыталась обращаться: на ее учредительное собрание были приглашены только представители крупного капитала — торгового, промышленного и денежного. Мало того, партия капиталистов не допустила на свое учредительное собрание представителей печати, побоявшись гласности, не решившись открыто перед всем народом высказать свои желания и намерения. Пролетариат обратит на это внимание; он запомнит, как впервые выступала на открытую политическую арену партия капиталистов; он поймет, что тот, кто теперь скрывает свою политическую физиономию от глаз народа, — тот злоумышляет против него.

— —

26 октября, с дозволения цензуры, отпечатано отдельным листком „Воззвание" „прогрессивной экономической партии". К „Воззванию" приложена состоящая из 8 отделов политическая программа партии.

„Предлагаемая программа обязана своим происхождением инициативе «с.-петербургского общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности», где она, в среде многочисленных представителей промышленности, петербургских фабрикантов и заводчиков, была окончательно формулирована, и где образовалось ядро «прогрессивной экономической партии»", — читаем мы в тексте „Воззвания", окончательная редакция которого была принята обществом фабрикантов 21 октября с. г.

Партия капиталистов, „в ожидании скорого созыва Государственной Думы" и под напором грандиозного выступления пролетариата всей России на политическую авансцену, провозглашает в своей программе принципы равенства и свободы, признает необходимым уничтожение самодержавия и замену его парламентским образом правления.

Но... она не настаивает „на немедленном осуществлении своих пожеланий". Зато она решительно заявляет, что „Государственная Дума должна немедленно приступить к правильной созидательной деятельности".

Итак, Государственная Дума, если она соберется, не должна вступать в решительную борьбу с полуразрушенным самодержавием; она не должна, вырвав власть из рук царизма, передать ее в руки самодержавного народа. Государственная Дума не должна ни провозглашать себя Учредительным Собранием, ни брать на себя инициативу по созыву этого собрания. Она должна, разделившись на отделы, „немедленно приступить к правильной созидательной деятельности". Она должна, изменив народу, оправдать возлагаемые на нее правящей кликой надежды и реализовать задуманную царизмом сделку с буржуазными классами общества. Карты раскрыты. Расходясь с требованиями народа, выступившего за немедленный созыв Учредительного Собрания, избранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, партия крупных капиталистов открыто становится на сторону реакции. Она не желает торжества истинного демократизма, не желает и боится перехода власти в руки всего народа.

— —

Говоря об учредительном собрании „прогрессивной экономической партии", я утверждал, что эта партия как политическая организация капиталистов существовала задолго до 17 октября. Я имел при этом в виду „С.-Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности", биржевые общества различных городов и, главным образом, ту комиссию по рабочему вопросу при московском биржевом комитете, на заседаниях которой, еще в марте этого года, было положено начало союзу фабрикантов всей России. Этот союз существует уже более полугода; громадное большинство крупных капиталистов принимает в нем деятельное участие; российский пролетариат на каждом шагу встречает могучее противодействие этой организации, об'явившей еще в марте текущего года всероссийскую стачку промышленников против всех главных экономических требований пролетариата.

Рабочему классу России приходится, следовательно, в своей борьбе за лучшее будущее, иметь дело не с отдельными фабрикантами или заводчиками, а с грандиозной организацией российских капиталистов, выступающей теперь на политическую арену под знаменем „прогрессивной экономической партии". Российскому пролетариату, передовые слои которого будут отныне открыто организовываться в Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию, необходимо знать силы и средства своего противника, необходимо внимательно следить за образованием и ростом всероссийской организации капиталистов. До сих пор вся буржуазная пресса тщательно замалчивала все то, что касалось об'единения фабрикантов для общего противодействия требованиям рабочих. Отчасти это об'ясняется тем, что гг. заводчики и фабриканты не допускали на заседания своих обществ и комиссий представителей прессы. Постановления „комиссии по рабочему вопросу при московском биржевом комитете" не были опубликованы гг. фабрикантами-стачеч-

никами. Либерально-буржуазные газеты не пожелали раскрыть перед пролетариатом козни гг. капиталистов; они отказались, с своей стороны, напечатать доставленный в их редакции текст постановлений московской комиссии фабрикантов,—„дабы не вносить рознь в освободительное движение“.

А между тем постановления московской комиссии сковали новое оружие для борьбы против идущего во главе настоящего освободительного движения русской революции пролетариата, положив начало организации фабрикантов и заводчиков в России.

На чем же об‘единились с‘ехавшиеся в Москву „представители промышленности“? Они убедились, что для успешности „борьбы с распространившимися повсеместно забастовками“ необходимо, с одной стороны, ходатайствовать перед своим союзником, царским правительством, „об изменениях и дополнениях некоторых статей нашего фабричного законодательства“, с другой стороны, необходимо заключить конвенцию между фабрикантами и заводчиками всей России для установления „перечня тех требований (рабочих), по которым уступки не должны быть допускаемы“.

Я не буду разбирать здесь подробно все постановления московской комиссии. Они были перепечатаны в отдельном листке Центральным Комитетом Р.С.-Д.Р. Партии, который разослал их, еще в начале апреля этого года, по всем комитетам Партии. Этим же постановлениям посвящен был выпущенный вслед за тем Центральным Комитетом листок, озаглавленный „Всероссийская стачка промышленников“.

Петербургские фабриканты и заводчики немедленно последовали за своими московскими собратиями. Уже в заседании 15 марта этого года они признали общее соглашение между российскими капиталистами „в принципе безусловно желательным и осуществимым“, и постановили „пригласить всех петербургских фабрикантов и заводчиков на первое время установить соглашение в отношении нижеследующих шести положений“:

1) не делать никакого сокращения в продолжительности рабочего времени, впредь до решения этого вопроса в законодательном порядке;

2) не платить рабочим за время забастовок;

3) не допускать участия рабочих в определении заработной платы и в вопросах внутреннего фабрично-заводского распорядка;

4) не допускать никакого вмешательства рабочих или их представителей в вопрос об увольнении рабочих, потому что право увольнения рабочих принадлежит заводоуправлению;

5) не соглашаться на отмену штрафов;

6) ни в коем случае не устанавливать по требованию рабочих минимальной заработной платы.

„Собрание заводчиков и фабрикантов постановило вышеозначенные шесть положений принять в руководство и придерживаться их неуклонно до изменения, которое может быть установлено таким же общим соглашением“.

Неделю спустя соглашение это подписали 67 петербургских фирм, а с 1 апреля стачка фабрикантов охватила промышленные предприятия, занимающие 100 тысяч рабочих. В настоящее время, как это хорошо знает петербургский пролетариат, редкий фабрикант в Петербурге не принадлежит к организации капиталистов. В ответ на введение рабочими революционным путем 8-часового рабочего дня „собрание представителей 72-х механических и металлургических заводов петербургского района“ пригрозило закрыть все механические заводы Петербурга.

Об‘единенные капиталисты „неуклонно придерживаются“ своего решения ни в чем не уступать борющемуся пролетариату.

Об‘единенные рабочие, руководимые социал-демократией, также неуклонно будут бороться за осуществление своих неотложных требований.

Политические силы пролетариата и буржуазии столкнутся и в собрании народных представителей. Партия пролетариата, российская социал-демократия, и на парламентской почве будет вести неустанную борьбу за свободу и счастье всего народа, за установление законодательным путем 8-часового рабочего дня, за осуществление всех неотложных требований труда.

Пролетариат победит. Его победа будет означать победу великой российской революции, уничтожение всех пережитков докапиталистического порядка, разрушение варварского государственного строя. Все буржуазные партии об‘единятся против него, все силы контр-революции будут стараться задержать его победоносное шествие на пути к установлению самодержавия народа.

И все-таки он победит! Не верить в это — значило бы не верить в будущее России.

М. П.

Мелкобуржуазный и пролетарский социализм *).

В Европе среди различных учений социализма полное господство приобрел в настоящее время марксизм, а борьба за осуществление социалистического строя ведется почти всецело как борьба рабочего класса, руководимого социал-демократическими партиями. Но это полное господство пролетарского социализма, основывающегося на учении марксизма, упрочилось не сразу, а лишь после долгой борьбы со всякими отсталыми учениями, с мелкобуржуазным социализмом, анархизмом и т. п. Каких-нибудь тридцать лет тому назад марксизм не был еще господствующим даже в Германии, где преобладали, собственно говоря, переходные, смешанные, эклектические воззрения между мелкобуржуазным и пролетарским социализмом. А в романских странах, во Франции, Испании, Бельгии, самыми распространенными учениями среди передовых рабочих были прудонизм, бланкизм, анархизм, явно выражавшие точку зрения мелкого буржуа, а не пролетария.

Какая же причина вызвала эту быструю и полную победу марксизма именно за последние десятилетия? Все развитие современных обществ как в экономическом, так и в политическом отношениях, весь опыт революционного движения и борьбы угнетенных классов подтверждали все более и более правильность марксистских взглядов. Упадок мелкой буржуазии неминуемо влек за

*) Перепечатано из № 24 „Пролетария“.

собой рано или поздно отмирание всяческих мелкобуржуазных предрассудков, а рост капитализма и обострение борьбы классов внутри капиталистического общества служили лучшей агитацией за идеи пролетарского социализма.

Отсталость России естественно об'ясняет большую прочность в нашей стране различных отсталых учений социализма. Вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом. И если быстрый рост и поразительные успехи русского рабочего движения доставили уже марксизму победу и в России, то, с другой стороны, развитие несомненно революционного крестьянского движения—особенно после знаменитых восстаний крестьян в Малороссии в 1902 г.—вызвало некоторое оживление старчески дряхлого народничества. Старинное народничество, подновленное модным европейским оппортунизмом (ревизионизм, бернштейнианство, критики Маркса), составляет весь оригинальный идейный багаж так называемых социалистов-революционеров. Поэтому крестьянский вопрос занимает центральное место в спорах марксистов как с народниками в чистом виде, так и с соц.-революционерами.

Народничество было, до известной степени, цельным и последовательным учением. Отрицалось господство капитализма в России; отрицалась роль фабрично-заводских рабочих как передовых борцов всего пролетариата; отрицалось значение политической революции и буржуазной политической свободы; проповедывался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины с ее мелким сельским хозяйством. От этого цельного учения остались теперь только клочья, но, чтобы сознательно разобраться в современных спорах, чтобы не давать этим спорам опускаться до перебранки, необходимо всегда иметь в виду общие и коренные народнические основы заблуждений наших социалистов-революционеров.

Человек будущего в России — мужик, думали народники, и этот взгляд вытекал неизбежно из веры в социалистичность общины, из неверия в судьбы капитализма. Человек будущего в России—рабочий, думали марксисты, и развитие русского капитализма, как в земледелии, так и в промышленности, все более и более подтверждает их взгляды. Рабочее движение в России заставило теперь само признать себя, относительно же крестьянского движения вся пропасть между народничеством и марксизмом сказывается поныне в различном понимании этого движения. Для народника крестьянское движение именно и опровергает марксизм; оно как раз есть движение в пользу непосредственного социалистического переворота; оно как раз не признает никакой буржуазной политической свободы; оно исходит как раз не из крупного, а из мелкого хозяйства. Для народника, одним словом, крестьянское движение и есть настоящее, истинно социалистическое и непосредственно социалистическое движение. Народническая вера в крестьянскую общину и народнический анархизм вполне об'ясняют неизбежность таких выводов.

Для марксиста крестьянское движение есть именно не социалистическое, а демократическое движение. Оно является и в России, как бывало и в других странах, необходимым спутником демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию. Оно нисколько не направляется против основ буржуазного порядка, против товарного хозяйства, против капитала. Оно направляется, напротив того, против старых крепостнических, докапиталистических отношений в деревне и против помещичьего землевладения, как главной опоры всех пережитков крепостничества. Полная победа данного крестьянского движения не устранит поэтому капитализма, а напротив, создаст более широкую почву для его развития, ускорит и обострит чисто капиталистическое развитие. Полная победа крестьянского восстания может лишь создать оплот демократической буржуазной республики, в которой впервые со всей чистотой и развернется борьба пролетариата против буржуазии.

Итак, вот два противоположных взгляда, которые надо ясно понять всякому, желающему разобраться в принципиальной пропасти между соц.-революционерами и соц.-демократами. По одному взгляду, крестьянское движение есть социалистическое, по другому—демократически-буржуазное движение. Отсюда можно видеть, какое невежество обнаруживают наши соц.-революционеры, когда они повторяют в сотый раз (сравни, напр., № 75 „Револ. России"), будто ортодоксальные марксисты когда-нибудь „игнорировали" (знать не хотели) крестьянский вопрос. Против такого крупного невежества можно бороться только одним способом: повторением азбуки, изложением старых последовательно народнических взглядов, указанием в сотый и в тысячный раз на то, что действительное различие состоит не в желании или нежелании считаться с крестьянским вопросом, не в признании или игнорировании его, а в различной оценке современного крестьянского движения и современного крестьянского вопроса в России. Тот, кто говорит об „игнорировании" марксистами крестьянского вопроса в России, есть, во-первых, круглый невежда, ибо все главные произведения русских марксистов, начиная с Плехановских „Наших разногласий" (вышедших свыше двадцати лет тому назад), главным образом и посвящены были раз'яснению ошибочности народнических взглядов на русский крестьянский вопрос. Во-вторых, тот, кто толкует об „игнорировании" марксистами крестьянского вопроса, доказывает этим свое стремление увильнуть от полной оценки действительного принципиального разногласия: есть ли современное крестьянское движение демократически-буржуазное или нет? Направлено ли оно, по его об'ективному значению, против остатков крепостничества или нет?

Социалисты-революционеры никогда не давали и никогда не могут дать ясного и точного ответа на этот вопрос, ибо они безнадежно путаются между старым народническим и современным марксистским воззрением на крестьянский вопрос в России. Марксисты именно потому и называют соц.-революционеров стоящими на точке зрения мелкой буржуазии (идеологами мелкой буржуазии), что они не могут отделаться от мелкобуржазных иллюзий, фантазий народничества в оценке крестьянского движения.

Вот почему нам опять приходится повторять: буки-аз—ба. К чему стремится современное крестьянское движение в России? К земле и воле.—Какое значение будет иметь полная победа этого движения? Добившись воли,

оно устранит господство помещиков и чиновников в управлении государством. Добившись земли, оно передаст помещичьи земли крестьянам. Устранит ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков (отнятие земли у помещиков) товарное хозяйство? Нет, не устранит.—Устранит ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков одиночное хозяйничанье крестьянских дворов на общинной земле или на „социализированной“ земле? Нет, не устранит. Напротив, чем полнее будет разгром и уничтожение высшего сословия (помещичьего), тем глубже будет классовая рознь между буржуазией и пролетариатом. Какое значение будет иметь полная победа крестьянского восстания по ее об‘ективному значению? Эта победа уничтожит до конца все остатки крепостничества, но вовсе не уничтожит буржуазного хозяйничанья, не уничтожит капитализма, не уничтожит деления общества на классы, на богатых и бедных, на буржуазию и пролетариат. — Почему современное крестьянское движение является демократически-буржуазным движением? Потому что оно, уничтожая власть чиновников и помещиков, создает демократический строй общества, не изменяя буржуазной основы этого демократического общества, не уничтожая господства капитала.—Как должен относиться сознательный рабочий, социалист, к современному крестьянскому движению? Он должен поддерживать это движение, помогать крестьянам самым энергичным образом, до конца помогать им сбросить целиком и власть чиновников и власть помещиков. Но в то же время он должен раз‘яснять крестьянам, что недостаточно еще сбросить власть чиновников и помещиков. Сбрасывая эту власть, надо в то же время готовиться к уничтожению власти капитала, власти буржуазии, а для этого надо немедленно проповедывать полностью социалистическое, т. е. марксистское, учение и об‘единять, сплачивать, организовывать сельских пролетариев для борьбы с крестьянской буржуазией.—Может ли сознательный рабочий забыть о демократической борьбе ради социалистической или о социалистической ради демократической? Нет, сознательный рабочий называет себя социал-демократом именно потому, что он понял отношение той и другой борьбы. Он знает, что нет другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу. Он стремится поэтому к полному и последовательному осуществлению демократизма ради достижения конечной цели—социализма.—Почему неодинаковы условия борьбы демократической и борьбы социалистической? Потому, что у рабочих непременно будут разные союзники в той и другой борьбе. Борьбу демократическую рабочие ведут вместе с частью буржуазии, особенно мелкой. Борьбу с чиновником и помещиком можно и должно вести вместе со всеми крестьянами, даже зажиточными и средними. А борьбу с буржуазией, а значит и с зажиточными крестьянами, можно вести надежным образом только вместе с сельским пролетариатом.

Если мы припомним все эти азбучные истины марксизма, от разбора которых предпочитают всегда уклоняться соц.-революционеры, то нам легко уже будет оценить следующие „новейшие“ возражения их против марксизма.

„Зачем,—восклицает „Р. Россия“ (№ 75),—понадобилось поддерживать сначала крестьянина вообще против помещика, а потом (т. е. в то же время) поддерживать пролетариат против крестьянина вообще, вместо того, чтобы сразу поддерживать пролетариат против помещика, и при чем тут марксизм,—один аллах ведает“.

Это точка зрения самого первобытного, детски наивного анархизма. Об уничтожении „сразу“ всей и всякой эксплоатации давно уже, много веков, даже много тысячелетий мечтает человечество. Но эти мечтания оставались мечтаниями до тех пор, пока миллионы эксплоатируемых не стали об‘единяться во всем мире для выдержанной, стойкой, всесторонней борьбы за изменение капиталистического общества в направлении собственного развития этого общества. Социалистические мечтания превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса. Вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание. А у нас в России перед глазами две различных борьбы двух различных социальных сил. Пролетариат борется против буржуазии везде, где есть капиталистические отношения производства (а они имеются даже—к сведению наших с.-р-ов—внутри крестьянской общины, т. е. на самой что ни есть „социализированной“, с их точки зрения, земле). Крестьянство, как слой мелких землевладельцев, мелких буржуа, борется против всех остатков крепостничества, против чиновников и помещиков. Не видать этих двух различных разнородных социальных войн могут только люди, совсем не знакомые с политической экономией и с историей революции во всем мире. Закрывать глаза на разнородность этих войн посредством словечка „сразу“ значит прятать голову под крыло и отказываться от всякого анализа действительности.

Потеряв цельность взглядов старого народничества, соц.-революционеры позабыли даже многое из учения самих народников. „Помогая крестьянству экспроприировать помещиков,—пишет там же „Р. Р.“,—г. Ленин бессознательно содействует водворению мелкобуржуазного хозяйства на развалинах более или менее развитых уже форм капиталистического земледельческого хозяйства. Это ли не шаг назад с точки зрения ортодоксального марксизма?“

Стыдитесь, господа! Ведь вы забыли своего г. В. В! Справьтесь с его „Судьбами капитализма“, с „Очерками“ г-на Николая—она и другими источниками вашей мудрости. Вы припомните тогда, что помещичье хозяйство в России соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Вы узнаете тогда, что существует отработочная система хозяйства, этот прямой пережиток барщины. Если вы, вдобавок, заглянете в такую ортодоксальную марксистскую книгу, как третий том „Капитала“ Маркса, то вы узнаете оттуда, что иначе, как при посредстве мелкобуржуазного крестьянского хозяйства, нигде не шло, да и не могло итти развитие барщинного хозяйства и превращение его в капиталистическое. Чтобы разнести марксизм, вы поступаете слишком уже простым, слишком давно разоблаченным способом: вы приписываете марксизму карикатурно-упрощенный взгляд на прямую смену крупного барщинного хозяйства крупным капиталистическим! Вы рассуждаете: помещичьи урожаи выше крестьянских, значит экспроприация помещиков есть шаг назад. Это рассуждение достойно гимназиста

четвертого класса. Подумайте-ка, господа, не было ли „шагом назад“ отделение мало-урожайной крестьянской земли от высоко-урожайной помещичьей при падении крепостного права?

Современное помещичье хозяйство в России соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Теперешняя борьба крестьян с помещиками есть, по ее об‘ективному значению, борьба с остатками крепостничества. Но пытаться пересчитать все отдельные случаи и взвесить каждый отдельный случай, определить с точностью аптекарских весов где именно кончается крепостничество и начинается чистый капитализм—значит приписывать марксистам свой собственный педантизм. Мы не можем вычислить, какую долю в цене покупаемых у мелкого лавочника припасов составляет трудовая стоимость и какую долю мошенничество и т. д. Значит ли это, господа, что теорию трудовой стоимости надо выбросить?

Современное помещичье хозяйство соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Отсюда только педанты могут делать вывод, что наша обязанность взвесить, сосчитать и переписать каждую черточку в каждом отдельном случае по тому или иному ее социальному характеру. Отсюда только утописты могут делать вывод, что нам „незачем“ различать две разнородные социальные войны. Отсюда следует на самом деле тот и только тот вывод, что мы должны и в своей программе и в своей тактике соединять чисто пролетарскую борьбу против капитализма с общедемократической (и общекрестьянской) борьбой против крепостничества.

Чем сильнее развиты капиталистические черты в современном помещичьем полукрепостном хозяйстве, тем настоятельнее необходимость теперь же организовать самостоятельно сельский пролетариат, ибо тем скорее выступит на сцену при всякой конфискации чисто капиталистический или чисто пролетарский антагонизм. Чем сильнее капиталистические черты в помещичьем хозяйстве, тем быстрее толкнет демократическая конфискация к настоящей борьбе за социализм—и, значит, тем опаснее фальшивая идеализация демократического переворота, производимая при помощи словечка „социализация“. Вот какой вывод вытекает из смешения капитализма с крепостничеством в помещичьем хозяйстве.

Итак, соединять чисто пролетарскую борьбу с общекрестьянской, но не смешивать их. Поддерживать общедемократическую и общекрестьянскую борьбу, отнюдь не сливаясь с этой неклассовой борьбой, отнюдь не идеализируя ее посредством фальшивых словечек, вроде „социализация“, отнюдь не забывая ни на минуту об организации и городского и сельского пролетариата в совершенно самостоятельную классовую партию социал-демократии. Поддерживая до конца самый решительный демократизм, эта партия не даст отвлечь себя от революционного пути реакционными мечтаниями и опытами создания „уравнительности“ при товарном хозяйстве. Борьба крестьян с помещиками теперь революционна, конфискация помещичьих земель в данный момент экономической и политической эволюции во всех отношениях революционна, и мы эту революционно-демократическую меру поддерживаем. Но называть эту меру „социализацией“, обманывать себя и народ насчет возможности „уравнительного“ землепользования при товарном хозяйстве, это уже есть реакционная мелкобуржуазная утопия, которую мы предоставляем социалистам-реакционерам [1]).

---

[1]) Статья написана Н. Лениным (См. Собр. соч., т. VI). Прим. к наст. изданию.

Рабочий вопрос в жизни русских муниципалитетов.

I.

Чем быстрее происходит качественный и количественный рост Российской Социал-Демократической Партии, чем ближе становится ее неизбежный и назревший переход от узких условий подпольной конспирации к условиям широкой открытой работы, тем более настоятельной является возможно детальная и подробная разработка и обоснование отдельных пунктов партийной программы, принятой на II с‘езде. Если некоторые из этих пунктов, как, например, вопрос аграрный, выдвинуты самой жизнью, которая дала уже и конкретный материал для их разрешения, то нет сомнения, что в недалеком будущем то же произойдет и со многими другими пунктами нашей программы. Одним из таких пунктов явится, конечно, вопрос о муниципальной политике, о формах и содержании хозяйственной жизни городских общин. Уже в силу того обстоятельства, что социал-демократическая партия опирается прежде всего на пролетарское население городов, ей придется считаться с этим вопросом, и, если мы обратимся хотя бы к практике германской социал-демократии, то увидим, что вопросы муниципальной политики все сильнее привлекают к себе внимание ее деятелей. Для нас же, русских, изучение этих вопросов имеет еще и то громадное значение, что, знакомя пролетариат с жизнью и деятельностью наших городских управлений, мы находим здесь чрезвычайно яркий и благодарный материал для освещения классовых противоположностей и для характеристики стремлений буржуазии, „либеральной“ и нелиберальной, и ее отношения к рабочему классу.

Одной из самых ярких и важных тем в этой области является характеристика положения рабочих городских предприятий,—здесь с особенной наглядностью вскрывается вся суть и подоплека „рабочего вопроса“ в современном строе. Этот материал мы и намерены использовать в настоящей статье, при чем, характеризуя положение муниципальных рабочих в городах России, мы намеренно не будем пока касаться Москвы, так как в Москве движение городских рабочих имело настолько своеобразные формы, что его лучше выделить в особый очерк.

Развитие капитализма, сопровождавшееся гигантским ростом городских промышленных центров, приводило к расширению и осложнению старых отраслей городского хозяйства и нарождению новых, что требовало в свою очередь все большего и большего количества рабочих рук, все быстрее увеличивало численность рабо-

Русская печать.

*** Даже либеральной печати политика шатаний и колебаний стала, наконец, невтерпеж, „правительству прямоты и искренности“ без обиняков ставят вопрос: что оно—бессильно или двулично?

Мы спрашиваем графа Витте,—говорит, напр., „Русь“,—когда его правительство станет честно конституционным на практике? Он обещал это обществу, печати, народу. Где исполнение этих обещаний?

Если неодолимые для гр. Витте силы мешают ему действовать как хотел бы он сам,—он должен подать в отставку. „Но будет военная диктатура!“ Так что же, если нужно, чтобы совершилось и это государственное безумие, пусть оно совершается! Пробовать, так пробовать! Разве мы, русское общество, не знаем, какой будет единственный несомненный ответ?!

Храбрость либералов понятна. Она им продиктована тем, что говорят революционные партии о невозможности успешной реакции. „Русь“ грозит:

Об‘явите сегодня диктатуру — и завтра начнет бастовать вся Россия, да так, что не только уже правительство, но уже и династия—неужто вы не понимаете такой опасности?—останется при одном удельном княжестве Царского Села, отрезанная от всей России.

Для большей убедительности угрозы газета вспоминает историю.

Все это, разумеется, хорошо, но все же не мешало бы помнить, что правительства словами не запугаешь.

На банкетах не то еще говорилось, пока сверху внушительно не сказали: „Довольно; наболтались—и баста“. И теперь слова либералов, неподкрепленные народным движением, привели бы только к грозному окрику и к тихому ответному „слушаюсь“.

*** А вот не только либеральные слова, но и либеральные дела.

Семьдесят два петербургских фабриканта и заводчика,—говорит тов. Парвус в „Русской Газете“,—собрались и решили: если рабочие будут настаивать на проведении восьмичасового дня, то закрыть фабрики и заводы.

Семьдесят два!

А рабочих более трехсот тысяч.

Семьдесят два человека могут заставить триста тысяч с лишним людей голодать, их самих и семьи их — миллионное население. Без работы — без хлеба. Без молока для детей. Увеличится смертность младенцев. Тысячами их унесут на кладбище. Нужно это, чтобы не уменьшился процент на капитал семидесяти двух богачей!

К крестьянскому движению в Грузии.

III.

Новое повторение весеннего „фарса“.

Всеобщая политическая забастовка, широкой волной прокатившаяся по всей России, послужила сигналом и для Гурии. Гурийское крестьнство взялось за оружие и деятельно принялось за мобилизацию своих сил.

Правительство, верное своей тактике, решило кровью и железом задушить восстание гурийцев. В Гурию были командированы 12.000 войска, 6 пулеметов и несколько пушек, под командой известного своей кровожадностью генерала Алиханова.

Гурии грозила опасность вновь сделаться ареной ужаснейшего кровопролития...

Весть об этом облетела весь Кавказ.

Повсеместно, в городах и деревнях (Батум, Тифлис, Телав, Поти и т. п.), социал-демократическими организациями были созваны многолюдные митинги протеста против зверских намерений правительства.

чих, занятых в городских предприятиях. В силу этого сама собою возникала потребность в упорядочении условий их труда, в урегулировании отношений между ними и муниципальными органами, — словом, в городском хозяйстве больших городов возникал „рабочий вопрос“ так же, как возникал он в предприятиях частных капиталистов. Последнее время вопрос о положении городских рабочих принял особенно острый характер, что стоит в несомненной связи с общими событиями, происходящими в нашей стране, с общим под‘емом русского рабочего движения. Связь эта, правда, в очень неполной форме, постигается даже мозгами самих городских „деятелей“. Так, петербургская городская управа в своем скромном докладе „об увеличении содержания и вообще об улучшении быта некоторых служащих в городских учреждениях“ (см. „Известия Петерб. Гор. Думы“, 1905 г., № 18, стр. 1287 — 1345) сознается, что „вопрос о недостаточном материальном вознаграждении некоторых категорий служащих“ или, выражаясь не столь деликатным стилем, вопрос о нищенской жизни петербургских городских рабочих был „выдвинут на очередь событиями последнего времени“ (стр. 1343). Аналогичное же указание, только в более частной форме, мы находим в приложенном к упомянутому докладу „рапорте“ заведующего городской типографией, который сообщает, что „наборщики на жалованьи и на сдельной плате обратились к нему с просьбою, чтобы и городская типография с 1 февраля ввела у себя повышенный тариф на заработную плату, ссылаясь на то, что в типографиях г. С.-Петербурга с 1 февраля плата эта повышена“ („Изв. Петерб. Гор. Думы“, 1905, № 18, стр. 1305).

Та же связь между обострением рабочего вопроса во внутренней жизни наших муниципалитетов и общим рабочим движением России была отмечена в заседании тифлисской городской думы еще 31 января текущего года: „Известно,—сказал один из гласных,—что в Тифлисе в две последние недели происходили забастовки рабочих... Есть группа рабочих, об улучшении участи которых и мы «имеем право» (!) подумать,—это городские рабочие“ („Тифл. Лист.“, 1905, № 17).

Но помимо этого географического совпадения между центрами рабочего движения вообще и теми городами, где муниципалитетам приходилось считаться с возникновением „рабочего вопроса“ в их собственной внутренней жизни, связь между общерабочим движением и движением муниципальных рабочих наблюдается и в смысле однородности содержания того и другого, а в частности, в присутствии как там, так и здесь политического элемента. Еще задолго до всеобщей политической октябрьской забастовки механики и рабочие петербургской телефонной сети в заявлении, поданном ими на имя управы, настаивали на праве собраний („Изв. Пет. Гор. Думы“,

„Если правительство,—говорится в одной из резолюций,—решится раздавить Гурию, то все собравшиеся здесь, вместе с социал-демократическими организациями и под их руководством, примут все меры, дабы поднять самое широкое и активное революционное выступление в городах и деревнях Кавказа для противодействия силам правительства“.

2 ноября приехали в Тифлис 30 всадников, представителей от различных сельских обществ Иорской долины, чтобы довести до сведения наместника, что, если слух об отправке войск в Гурию верен, то „все их общества готовы постоять за гурийцев до последней капли крови“... „Гурийцы,—говорили они,—были провозвестниками освободительного движения на Кавказе, который не позволит погубить лучших сынов своих“. С другой же стороны, храбрые полководцы с храбрыми войсками, с первых же шагов, натолкнулись на ряд неожиданных неприятных препятствий.

От Риона до Батума, от Ново-Сенаки до Поти линии жел. дороги оказались сильно поврежденными.

Сняты рельсы, вынуты шпалы, мосты в 10—12 местах сильно повреждены, телеграф пострадал настолько сильно, что исправление его потребует очень много времени. На всем пути работали саперы, но как только войска удалялись, то работы снова уничтожались.

Еще более энергичный отпор давали войскам вооруженные отряды гурийцев. В официальном органе «Кавказ» читаем следующие телеграфные донесения с театра военных действий: 16 октября 300 вооруженных гурийцев напали на чохатаурский пост, убили 1 стражника, ранили двух, отобрав 10 берданок и патронов к ним. 17 октября гурийцы увели в плен пристава Гогуа и двух стражников. 19 октября в местечке Насакирали злоумышленниками была устроена засада, откуда выстрелами и бомбами было убито несколько пластунов, ранено 10 чел. и уведено в плен 6 чел. 20 октября казаки с начальником, „забрав раненых и убитых, вернулись обратно в Озургеты“ и т. д. и т. д...

В результате наместник 2 ноября сделал распоряжение о снятии военного положения в Кут. губ. и вытребовал войска обратно.

3 же ноября для „ознакомления с положением дел“ выехала в Гурию комиссия, состоящая из помощников наместника, т. с. Султан-Крим-Гирея и г.-м. Маламы...

Итак, бряцание оружием вновь заменилось повторением весенней кукольной комедии с Султан-Крим-Гиреем в заглавной роли „Петрушки“.

Но к чему вся эта комедия? Кому она нужна? Правительству угодно знать, чего добиваются гурийцы? Отлично. Оно, в марте настоящего года, командировало в Озургетский уезд того же самого Султан-Крим-Гирея, которому было поручено об‘ехать все сельские общества в Гурии, ознакомиться с их нуждами, выяснить причины неудовольствия и об‘явить, „что все законные и справедливые ходатайства (гурийцы не ходатайствуют, а требуют. *М. Ш.*), если это окажется в пределах власти главноначальствующего, будут удовлетворены“...

Султан-Крим-Гирей с честью выполнил возложенную на него задачу. На многочисленных сельских сходах, в присутствии тысячи крестьян, он имел возможность непосредственно познакомиться с требованиями крестьян, которые ясно и определенно заявляли, чего они добиваются.

Резюмируя требования, выставленные крестьянами различных сельских обществ, получим следующую программу-минимум гурийских крестьян.

1) Немедленное освобождение временно-обязанных крестьян с землею за счет государства, возвращение отрезков, отнятых у крестьян при освобождении их

1905, № 20, стр. 1743). Служащие городской больницы в Тифлисе выставленные ими весной требования экономического свойства заканчивают следующим кратким пунктом:

„Требуем свободы слова, печати, собраний, стачек, союзов и созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права“ („Тифл. Лист.“, 1905, № 85).

Чрезвычайно ясно был подчеркнут политический элемент движения рабочими городских мастерских гор. Одессы в обращении их к думской комиссии для выработки предположений по поводу указа 18 февраля:

„Мы глубоко убеждены,—заявляют рабочие,—что наша заработная плата только тогда будет настолько велика, чтобы обеспечить нам безбедное существование, когда защищать интересы рабочих будет не каждый рабочий в отдельности, а союз рабочих всей России. Такой союз сумеет дать рабочим поддержку и помощь в трудную минуту жизни, во время его борьбы за лучшую долю, когда ему приходится защищать свои кровные интересы. Мы желаем установить, чтобы рабочие имели право говорить о своих нуждах и об‘единяться в союзы.

„Рескриптом 18 февраля об‘явлено, что царь призовет выборных, доверием народа облеченных, для издания законов. Полагая, что рабочие тоже народ и что выборные должны быть также и от них, мы считаем необходимым заявить, что депутаты от народа должны быть выбраны всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием без различия национальности, вероисповедания и пола“ („Одесск. Нов.“).

Любопытно отметить, что среди городских „деятелей“ подобные заявления рабочих встречали не раз полное принципиальное(!) сочувствие. Так, тифлисский гласный г. Бабов, указывая на политический характер рабочего движения, говорил в заседании думы, что, „если бы рабочим даже удвоили заработок, то и тогда они все же не успокоились бы, так как каждый теперь понимает, что дальше нет возможности терпеть лишение элементарных прав гражданственности, отсутствие гарантий личной неприкосновенности, свободы слова, собраний, союзов и свободы печати“. А товарищ г. Бабова, гл. Аргутинский-Долгоруков, отметил и ту громадную разницу, которая замечается в отношении закона и правительства к организациям эксплоатируемых рабочих и к организациям эксплоататоров-хозяев: „Рабочие,—говорил он,—лишены возможности организоваться для защиты своих интересов законными путями, а в то же самое время устраивают открыто стачки промышленники, напр. сахарозаводчики и нефтепромышленники, и под видом союзов и синдикатов они сходят им с рук“.

Само собою разумеется, что лишь очень немногие из либеральных буржуа, восседающих на курульных креслах

в пользу дворян и князей (Шемокмедское сельское общество); уничтожение выкупных платежей и возвращение выкупных денег крестьянам (сел. Корели); уничтожение оброчной системы и возвращение крестьянам казенных участков (сел. Марткоби); возвращение церковных, удельных и казенных земель во владение крестьян (сел. Бахва и др.); свободное и бесплатное пользование лесом и понижение арендной платы помещичьих земель.

2) Уничтожение всевозможных повинностей, лежащих тяжелым бременем на крестьянине, полное упразднение сословных делений, обязательное участие дворян в отбывании необходимых повинностей.

3) Отмена всех податей. Уничтожение косвенного налога с предметов первой необходимости и введение прогрессивного подоходного налога, уничтожение торговых и промысловых свидетельств, акциза и акцизного надзора.

4) Всеобщее, бесплатное обязательное обучение для детей обоего пола до 16 лет.

5) Широкое местное самоуправление. Судьи и вообще все чиновники должны быть избираемы самим народом.

6) Полная свобода совести, слова, печати, собраний, союзов и стачек, неприкосновенность личности и жилища, полная амнистия всем пострадавшим за политические и религиозные убеждения.

7) Отделение церкви от государства. Уничтожение различных поборов в пользу духовенства. Церковь и духовенство должны содержаться на счет верующих.

8) Уничтожение постоянного войска и замена его народной милицией.

9) Немедленный созыв Учредительного Собрания. Изменение бюрократического строя России и замена его демократическими формами правления.

Вот те требования, которые пред'явлены Султан-Крим-Гирею, но которые целиком оказались вне рамок „законности", и „справедливости", и „власти главноначальствующего".

Первая кампания Султан-Крим-Гирея закончилась полным фиаско. Он был отозван обратно, и на его место был послан Алиханов с пушками...

Силой штыков думали успокоить Гурию. Но гурийское крестьянство, не поддавшееся кровавой политике репрессий, не поддается и мирной политике заигрывания...

Султан-Крим-Гирей вновь посылается взамен Алиханова. Весенний фарс повторяется при новой обстановке, но при прежних исполнителях.

Тщетные попытки. Ни правительство ни крестьянство от этого ничего не выиграют. Гурия не успокоится до тех пор, пока не успокоится прогрессивная Россия во главе с революционным пролетариатом.

Правительство пытается, правда, привлечь на свою сторону общественное мнение, уверяя, что Гурия стремится отложиться от России, но это ему не удается, потому что никогда гурийцы сепаратистических требований не выставляли. Это признает даже буржуазная пресса.

Националистическая груз. газ. „Цнобис Пурцели" пишет:

„Для того, кто хоть сколько-нибудь следил за последнее время за гурийским движением, современные события не могли явиться неожиданностью; было ясно, что в Гурии разыграется страшная трагедия. Гурийцы были подготовлены к осуществлению идеалов освободительного движения и только ждали начала схватки всероссийского трудящегося народа с современным режимом для завоевания свободы и равенства. Народ был убежден и заявлял вслух, что осуществление правды на земле возможно только при самодержавии народа; целый год он ждал сигнала к всероссийской борьбе; всеобщую стачку он принял за этот сигнал и приступил к активным действиям. Гурийское движение имеет только такой харак-

---

наших городских дум, проводят свое „принципиальное" сочувствие в дело. В большинстве же случаев они торопятся спрятать все свои либеральные фразы в карман при первых решительных шагах со стороны рабочих. Признавая справедливость требований пролетариата, они, как это сделал петербургский гор. голова, расклеивают по улицам успокоительные воззвания, как только пролетарии поднимаются для действительной защиты своих требований; „ходатайствуя" о свободе стачек, они, как это сделала московская городская управа, окружают войсками забастовавшие городские предприятия и заменяют стачечников саперами. Словом, всегда и везде либеральное „сочувствие" борющемуся пролетариату с магической быстротой превращается в предательство и измену.

II.

Указывая в начале этой статьи на тесную связь между рабочим движением вообще и движением муниципальных рабочих, мы не хотели, разумеется, сказать, что обострение рабочего вопроса в городском хозяйстве произошло исключительно под влиянием внешних событий. Напротив, положение рабочих и низших служащих в громадном большинстве городских предприятий и учреждений России само по себе представляет слишком благодарную почву для конфликта между трудом и капиталом. Даже в городах с миллионными бюджетами, вроде Петербурга и Одессы, приходится констатировать полнейшее отсутствие самого элементарного внимания городских управлений к вопиющим нуждам городских рабочих. Так, в заседании петербургской думы 29 апреля текущего года гласные сами сознавались, что „положение рабочих и низших служащих невыносимо" („Сын Отеч.", 1905, № 65). В Одессе то же самое. В Харькове, по деликатному выражению местной газеты, положение городских рабочих „едва ли может быть названо блестящим". О безобразных условиях труда городских рабочих и низших служащих мы имеем сведения из Баку, Тифлиса, Самары, Саратова, Полтавы, Ярославля и других более или менее крупных центров. Надо заметить, что имеющиеся у нас факты столь вопиющи, что остается лишь удивляться, как городские управления могли так беззастенчиво плевать на свои прямые обязанности. Ведь, по признанию петербургской городской управы, „даже помимо нравственной стороны, заботливость города о материальных нуждах своих служащих важна и в чисто практическом отношении: чем лучше служащие обставлены материально, тем больше дорожат они своим местом и тем, следовательно, тщательнее они относятся к своим обязанностям" („Изв. Пет. Гор. Думы", 1905, № 18, стр. 1323). Или попросту говоря, чтобы извлекать из мускулов рабочего максимум продукта, надо кормить его досыта. А между тем, как мы увидим дальше, сплошь и рядом городские

тер, а не иной — оно служит освободительному всероссийскому движению".

Другая националистическая газета „Иверия", которая никак не дождется, чтобы гурийцы на своем пролетарском знамени выставили автономию Грузии в статье „Кого хотят покорить" говорит:

„Нет повода вторично завоевывать Гурию, она ни от кого не отделялась и даже не думала никогда об отделении или отпадении. Сепаратистические замыслы гурийцев — вымысел бюрократов".

М. Ш.

К созыву IV с'езда Р.С.-Д.Р.П.

Ко всем партийным организациям и ко всем рабочим социал-демократам *).

Первая блестящая победа, одержанная борющимся пролетариатом в октябрьские дни, создала новое политическое положение, поставила перед партией новые политические задачи. Старое самодержавие пало, захватным путем осуществлена до известной степени гражданская свобода. К изменившимся условиям партия должна приспособить свою тактику и свою организацию.

Громадная работа, которую придется партии выполнить в этом направлении, потеряла бы большую часть своего реального значения, если бы российская социал-демократия обречена была и впредь оставаться раз'единенной.

Раскол партии, грубо противоречащий ее неизменному лозунгу: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", теперь уже не только невыносим для нее самой и гибелен для всей ее работы, он кроме того теперь совершенно бессмыслен, потому что исчезает основная причина, которая его поддерживала, — глубокий мрак конспиративных условий, полная нелегальность партии.

Мы созываем IV очередной с'езд партии для разрешения назревших политических вопросов, и на первом плане—вопроса о партийном об'единении.

Мы предложили всей российской социал-демократии следующий план слияния. В одно время и в одном месте должны собраться с'езды обеих ее частей и, договорившись между собой о порядке работы, слиться в один с'езд на том условии, что каждая сторона получает по равному числу решающих голосов. Каждая сторона заранее берет на себя твердое и ненарушимое обязательство подчиниться во всем постановлениям большинства голосов этого общего с'езда. Мы глубоко убеждены, что организованный таким путем об'единительный с'езд будет в силах осуществить как дело партийного слияния, так и выработку наилучших форм тактики и организации. Созывая свою часть об'единительного с'езда самостоятельно, каждая сторона обеспечит всего лучше правильность ее представительства и избегнет вредной, разжигающей старое недоверие конкуренции на выборах с другой стороной. Равенство же числа решающих голосов будет ручательством за то, что ни одна сторона не будет механически подавлять другую большинством, и что решения с'езда не будут зависеть от фракционных настроений.

План этот пока еще не принят товарищами из другой части партии; их центр, Организационная Комиссия, предлагает другой план: по ее плану, с'езды или конференции обеих частей партии только договариваются между собой о способе выборов на новый „учредитель-

*) Принято единогласно в полном составе Ц. К-та.

рабочие не имеют возможности удовлетворить самые насущные свои потребности, и, по признанию одной из думских комиссий гор. Петербурга, многие городские рабочие в Петербурге не имеют материального вознаграждения даже „в таком минимальном размере, который обеспечивал бы рабочему хотя бы сносный угол для ночлега, а не заставлял бы его после работы ютиться в сырости или в ночлежке" (там же, стр. 1339). При таком положении дела говорить об удовлетворении каких-либо потребностей высшего порядка, конечно, уже не приходится, по крайней мере, до тех пор, пока рабочий не успел еще выбиться из гнетущей обстановки полуголодного и холодного существования.

Переходя к более подробной характеристике положения городских рабочих, мы сгруппируем сначала те данные, которые относятся к основным вопросам условий их труда и материального существования, т. е. к вопросам о длине рабочего дня, праздничном отдыхе, сверхурочных работах, заработной плате и проч. После этого мы охарактеризуем санитарно-гигиенические условия работы и жизни городских рабочих и затем их правовое положение, т. е. отношение между ними и работодателями и формы зависимости первых от вторых, и, наконец, подведем итоги муниципальной политики русских городов.

Относительно длины рабочего дня приходится констатировать прежде всего крайнее разнообразие ее размеров иногда в одном и том же городе, при чем в большинстве случаев продолжительность ежедневной работы городских рабочих далеко не соответствует тому основному требованию 8-часового рабочего дня, которое является одним из главных пунктов нашей программы-минимум. Так, в Петербурге, по данным городской управы, средняя продолжительность рабочего дня кондуктора городских конно-железных дорог равняется 9 часам в сутки (не исключая праздников), кучера тех же дорог—$9^1/_2$—10 ч., кузнецы и малотобойцы — 10 час., при чем относительно кучеров авторы доклада прехладнокровно заявляют, что „в виду чрезвычайного разнообразия парковой работы, последнюю под точно определенное число часов подвести затруднительно" („Изв. Пет. Гор. Думы", 1905, № 18, стр. 1322). Механики петербургской городской телефонной сети работают по 11 час. (за исключением последнего дня недели, когда они работают часа на 3 меньше), рабочие той же сети работают в течение 8 месяцев в году (1 марта—1 ноября) по 11 ч. и лишь в течение 4 месяцев (1 ноября — 1 марта) по 8 час. в сутки. А рабочие городского садового хозяйства в Петербурге, как видно из рапорта городского садовника (там же, стр. 1338), работают в среднем по $12^1/_2$ час. в сутки, при чем в летние месяцы продолжительность их рабочего дня достигает 17 час. в сутки („работа ежедневная на открытом воздухе, не исключая

ный“ с‘езд и создают общий избирательный аппарат, который и выполняет затем дело созыва „учредительного“ с‘езда.

При этом Организационная Комиссия намерена созвать свою „вторую конференцию“ в такой близкий срок, что для нас технически невозможно собрать IV с‘езд к этому сроку, тем более, что мы непреклонно решили обеспечить на нашем с‘езде самое полное выборное представительство от всех организованных рабочих, входящих в нашу партию.

Для достижения этой цели, на-ряду с сохранением преемственной связи со всей предыдущей идейной и организационной работой партии, мы решили поступить следующим образом:

Мы созываем IV очередной с‘езд Росс. С.-Д. Р. Партии на основе устава III с‘езда, при чем, в силу предоставленного нам этим уставом права, мы приглашаем на с‘езд с совещательным голосом представителей от всей периферии, т. е. от всех организаций, входящих в партию, по одному выборному от каждых 300 организованных товарищей (или от меньшего их числа в тех центрах, где общее число организованных рабочих меньше трехсот). Тех рабочих социал-демократов, которые формально еще не вошли в партию, приглашаем немедленно вступить в партийные организации, чтобы принять участие в выборе делегатов. Как только с‘езд соберется, мы предложим представителям от комитетов, имеющим право решающего голоса по уставу, признать за всеми, приглашенными с совещательным голосом, право решающего голоса.

Мы не сомневаемся ни на минуту, что наше предложение будет принято IV с‘ездом Р. С. - Д. Р. П. Преобладание на с‘езде депутатов от массы рабочих социал-демократов, входящих в партию, будет обеспечено вполне, и в то же время будет сохранена полная связь со всей предшествующей работой социал-демократии и с решениями предыдущих с‘ездов партии.

Назначая открытие с‘езда на 10-е декабря, мы приглашаем все партийные организации как можно энергичнее использовать остающееся до этого срока время на внутренние организационные реформы, необходимые для созыва с‘езда на новых началах, и на обсуждение как в самих организациях, так и на конференциях с товарищами из „меньшинства“ всех тактических и организационных вопросов, относящихся к задачам с‘езда.

Мы позволяем себе выразить надежду, что другая половина партии не откажется созвать новую конференцию или с‘езд одновременно с нашим с‘ездом. Мы надеемся на это, ибо только созывом двух с‘ездов в одно время и в одном месте можно избежать излишней волокиты, можно сразу решить наболевший вопрос об об‘единении.

С товарищеским приветом. Центр. К-т Росс. С.-Д. Р. П.

P. S. Относительно самого созыва с‘езда мы настойчиво просим товарищей иметь в виду, что прежние конспиративные приемы во многом устарели, и что дело надо вести по-новому, широко, смело, открыто и без малейшего промедления. Никакой рассылки агентов с приглашениями не будет. Единственным приглашением будет настоящее заявление. Выборы комитетских делегатов надо производить немедленно, на этих же днях. Немедленно же надо и рабочим, входящим в Р. С. - Д. Р. П., выбирать своих делегатов. При отсутствии средств на посылку делегатов, надо об‘являть особые сборы. Содержание делегатов должно быть обеспечено, по крайней мере, на неделю. Делегаты с‘езда должны сообщить о своем выборе и в местные комитеты и в Ц. К., а затем являться в Петербург к 8 декабря по явке Ц. К. или местного СПБ. комитета партии; если случайно этих явок нет, то к кому бы то ни было из социал-демократов, связанных с партией.

праздников и табельных дней, не взирая ни на какую погоду“). В Самаре рабочие городского пожарного обоза имеют 13-часовой рабочий день („Сам. Лист. Об‘явл.“, 1905, № 142). В Одессе мы встречаемся с продолжительностью рабочего дня городских рабочих в $15^1/_2$ часов („Одесск. Нов.“, 1905, № 6715). В Саратове бойцы городских скотобоен, по собственному их показанию, работают с 4 час. утра до 8 час. веч. и „позднее“, при чем они обязаны работать и в праздники („Сарат. Дневн.“, 1905, № 158; „Прив. Кр.“, 1905, № 154). Наконец, в Полтаве сторожам городских водоразборных будок приходится работать по 18 час. в сутки(!!!), что было официально и публично засвидетельствовано одним из членов полтавской городской управы в думском заседании („Полтавщина“, 1905, № 68).

Какими соображениями руководствовался полтавский муниципалитет, предоставляя своим рабочим 6 часов в сутки для отдыха и сна,—неизвестно, но во всяком случае несомненно, что главную роль в этих соображениях играли своеобразные представления о выносливости и живучести человеческого организма. Понятия полтавских муниципалов изобличают их близкое родство с щедринским Колупаевым, искренне полагавшим насчет рабочего, что „в ём тогда только и прок будет, коли ежели его с утра до ночи на работе морить“.

Чрезмерная продолжительность рабочего дня, не оставляющая городским рабочим свободного времени для отдыха, чтения, самообразования, собраний, лишающая их и семейных радостей, усугубляется тем, что даже воскресным отдыхом многие из городских рабочих не пользуются совершенно. Муниципальные рабочие России поставлены в этом отношении даже в гораздо худшие условия, чем рабочие частных предприятий. Городские фонарщики в Петербурге работают всю неделю, не исключая праздников. Служащие петербургских конок тоже не имеют ни одного свободного дня в неделю, работая даже в первый день рождества и пасхи. Не имеют воскресного и праздничного отдыха рабочие городского садового хозяйства, а рабочие петербургской телефонной сети работают по праздникам с 8 час. утра до 4 час. дня („Изв. Пет. Гор. Думы“, 1905, № 18, стр. 1289 и 1306; № 20, стр. 1745). В Саратове не имеют воскресного отдыха рабочие на бойнях. В Самаре и Тифлисе некоторые категории городских рабочих и низших служащих не имеют ни одного свободного дня в неделю. В Полтаве рабочие водоразборных будок „не имеют, как мы уже знаем, ни одного свободного дня в году“ („Полтавщ.“, 1905, № 68).

Г. Алексинский.

(Продолжение следует.)

Просим всех товарищей-депутатов тщательно запасаться сейчас же всеми письмами и решениями избирающих собраний для комиссии по проверке депутатских полномочий и для первоначальной проверки полномочий Ц. К-ом партии. Без проверки полномочий участие в с'езде, разумеется, допущено быть не может.

Просим всех товарищей социал-демократов немедленно начать на страницах социал-демократических газет обсуждение порядка дня с'езда и проектов резолюций, имеющих быть предложенными на с'езде.

Областной с'езд делегатов групп учительского союза.

Второй день с'езда — 7 ноября — в смысле продуктивности коллективной работы собравшихся опять свелся к нулю. Было доложено об организации областных учительских с'ездов, еще раз вернулись к черным сотням и долго говорили на эту тему, но к каким-либо практическим выводам так и не пришли.

„Вездесущий писатель" Тан сделал сообщение о крестьянском союзе и, как это подобает поэту с сильным воображением, одержанную победу над самодержавным режимом приписал чуть ли не исключительно союзам, а не пролетариату. Члены же союза оказались настолько малосознательными, что даже не возражали г. Тану.

Собрание закончилось скандалом. Группой учителей было внесено предложение в собрание такого рода: учительский союз должен вести борьбу под знаменем с.-р. партии. „Внепартийные" главари (дикие тож, как они себя называют) союза пришли в ужас и закричали о гибели союза.

На этот раз „внепартийность" союза, однако, удалось отстоять только потому, что многие из делегатов заявили протест против предложения с.-р.; свой протест они мотивировали тем, что пославшие их группы не уполномочили их принимать решений о присоединении к какой-либо партии. После этого „дикие" облегченно вздохнули, но, как видно было, уже утратили веру в то, что „внепартийный" союз просуществует вплоть до окончательного политического освобождения России.

О реорганизации партии.

Условия деятельности нашей партии коренным образом изменяются. Захвачена свобода собраний, союзов, печати. Конечно, эти права до последней степени непрочны, и полагаться на теперешние свободы было бы безумием, если не преступлением. Решительная борьба еще впереди, и подготовка к этой борьбе должна стоять на первом плане. Конспиративный аппарат партии должен быть сохранен. Но вместе с тем безусловно необходимо использовать самым широким образом теперешний, сравнительно более широкий, простор. Безусловно необходимо на-ряду с конспиративным аппаратом создавать новые и новые, открытые и полуоткрытые, партийные (и примыкающие к партии) организации. Без этой последней работы приспособить нашу деятельность к новым условиям, оказаться в состоянии решить новые задачи, немыслимо...

Чтобы поставить организацию на новое основание, необходим новый с'езд партии. По уставу он назначен раз в год, назначен в мае 1906 года, но ускорить с'езд теперь необходимо. Если мы не воспользуемся моментом, мы упустим его — в том смысле, что потребность в организации, ощущаемая рабочими крайне остро, выльется в уродливые, опасные формы, усилит каких-нибудь „независимцев" и т. д. Надо спешить организоваться по-новому, надо поставить на общее обсуждение новые приемы, надо смело и решительно определить „новый курс".

Обращение к партии, печатаемое в настоящем номере и подписанное Ц. К-ом нашей партии, определяет этот новый курс, по моему глубокому убеждению, вполне правильно. Мы, представители революционной социал-демократии, сторонники „большинства", неоднократно говорили, что демократизация партии, проведенная до конца, была невозможна при условиях конспиративной работы, что „выборное начало" при этих условиях есть фраза. И жизнь подтвердила наши слова. Неоднократно в литературе (смотри брошюру Рабочего, с предисловием Аксельрода, и письмо „Рабочего, одного из многих", в „Искре" и в брошюре „Рабочие о партийном расколе") отмечалось уже бывшими сторонниками меньшинства, что фактически никакой серьезной демократизации, никакой действительной выборности провести не удавалось. Но необходимость перехода к выборному началу при новых условиях, при переходе к политической свободе, мы, большевики, признавали всегда: протоколы III с'езда Р. С.-Д. Р. П. доказывают это особенно убедительно, если требуются еще тому доказательства.

Итак, задача стоит ясно: сохранить пока конспиративный аппарат и развить новый, открытый. В применении к с'езду эта задача (конкретное выполнение которой требует, конечно, практического уменья и знаний всех условий места и времени) гласит так: созвать IV с'езд на основе устава и в то же время начать сейчас же, немедленно, применение выборного начала. Ц. К. решил эту задачу: комитетчики, как представители полноправных организаций формально, как представители партийной преемственности реально, едут на с'езд с решающими голосами по праву. Выборных делегатов от всех членов партии, следовательно и от массы рабочих, входящих в партию, Ц. К. пригласил, на основании своего права, с совещательным голосом. Ц. К. заявил далее, что он тотчас же предложит с'езду превратить этот совещательный голос в решающий. Согласятся ли на это полноправные делегаты комитетов?

Ц. К. заявляет, что, по его мнению, безусловно согласятся. Я лично глубоко убежден в этом. Нельзя не согласиться на такую вещь. Нельзя представить себе, что большинство руководителей социал-демократического пролетариата не согласится на это. Мы уверены, что голоса партийных работников, регистрируемые со всей тщательностью газетою „Новая Жизнь", докажут очень быстро правильность нашего взгляда: если даже борьба за такой шаг (за превращение совещательного голоса в решающий) и предстоит, то исход несомненен.

Взгляните на этот вопрос с другой стороны, не с формальной точки зрения, а по существу. Грозит ли опасность социал-демократии от осуществления предложенного нами плана?

Опасность могли бы усмотреть в том, что в партию войдут сразу массы несоциал-демократов. Тогда партия растворится в массе, партия перестанет быть сознательным передовым отрядом класса, партия принизится до роли хвоста. Это был бы безусловно плачевный период. И эта опасность, несомненно, могла бы приобрести

серьезнейшее значение, если бы у нас была налицо наклонность к демагогии, если бы основы партийности (программа, тактические правила, организационный опыт) отсутствовали совсем или были слабы и шатки. Но дело все в том, что этого „если бы“ как раз и нет налицо. Среди нас, большевиков, не только не было наклонности к демагогии, а напротив, мы все время решительно, открыто и прямо боролись с малейшими попытками демагогии, требовали сознательности от входящих в партию, настаивали на гигантском значении преемственности в деле партийного развития, проповедывали дисциплину и воспитание всех членов партии в одной из партийных организаций. У нас есть и твердо стоит наша программа, официально всеми с.-д. признанная и никакой критики по существу в коренных своих положениях не вызывавшая (критика отдельных пунктов и формулировок вполне законная и необходимая вещь во всякой живой партии). У нас есть тактические резолюции, последовательно и систематически вырабатывавшиеся и на II и на III с‘езде и многолетней работой социал-демократической печати. У нас есть и некоторый организационный опыт и фактическая организация, сыгравшая воспитательную роль и давшая несомненно плоды, которые не видны сразу, но отрицать которые могли бы только слепые или ослепленные люди.

Нет, товарищи, не будем преувеличивать этой опасности. Социал-демократия создала себе имя, создала направление, создала кадры рабочих - социал-демократов. И в настоящий момент, когда геройский пролетариат доказал на деле свою готовность к борьбе и свое уменье бороться солидарно, выдержанно, за ясно - сознанные цели, бороться в чисто - социал-демократическом духе,— в такой момент прямо смешно было бы сомневаться в том, что рабочие, которые входят в нашу партию и которые завтра, по приглашению Ц. К., войдут в нее, будут в 99 случаях из 100 социал-демократы. Рабочий класс инстинктивно, стихийно социал - демократичен, а более чем десятилетняя работа социал-демократии очень и очень уж не мало сделала для превращения этой стихийности в сознательность. Не стройте себе воображаемых ужасов, товарищи! Не забывайте, что во всякой живой и развивающейся партии всегда будут элементы неустойчивости, шатания, колебаний. Но эти элементы поддаются и поддадутся воздействию выдержанного и сплоченного ядра социал-демократов.

Наша партия застоялась в подполье. Она задыхалась в нем в последние годы, как верно выразился один делегат III с‘езда. Подполье рушится. Смелей же вперед, берите новое оружие, раздавайте его новым людям, расширяйте свои опорные базы, зовите к себе всех рабочих-социал-демократов, включайте их в ряды партийных организаций сотнями и тысячами. Пусть их делегаты оживят ряды наших центров, пусть вольется через них свежий дух молодой революционной России. До сих пор революция оправдывала и оправдала все основные теоретические положения марксизма, все существенные лозунги социал - демократии. И революция оправдала также нашу с.-д. работу, оправдала нашу надежду и веру в истинную революционность пролетариата. Отбросим же всякую мелочность в необходимой реформе партии: встанем сразу на новый путь. Это не отнимет у нас старого конспиративного аппарата (признание и утверждение его рабочими - социал-демократами несомненно: оно доказано жизнью и ходом революции во сто раз внушительнее, чем могли бы доказать это решения и постановления). Это даст нам и новые, молодые силы, выходящие из самых недр единственного действительно революционного и до конца революционного класса, который завоевал России половину свободы, который завоюет ей полную свободу, который поведет ее через свободу к социализму.

Н. Ленин.

Из жизни рабочих.

В Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов.

8 ноября состоялось заседание Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов.

Заслушано заявление Лигера и др. о снятии с них бойкота, как незаслуженного оскорбления. И. К. решил проверить сведения через союз инженеров и в случае, если окажется, что обвинение было ошибочно, — сделает все от него зависящее для реабилитации вышеуказанных лиц. Вследствие заявления рабочих литографов, постановлено поручить союзу печатного дела переизбрать делегатов с тем, чтобы от каждой специальности вышел делегат.

По вопросу о продолжительности рабочего дня постановлено: собрать в недалеком будущем собрания отдельных производств и обсудить вопрос широко. Эти собрания послужат также к образованию профессиональных союзов. На время же до созыва этих собраний принята следующая директива: „На основании мотивов, приведенных в резолюции от 7 ноября, борьба спб. пролетариата за уменьшение рабочего времени и повышение расценок в момент ликвидации политической стачки должна производиться по производствам. Для сего все фабрики и заводы, находящиеся в приблизительно одинаковом экономическом положении, собираются через своих представителей и делегатов на общее собрание данных профессий для решения об удержании сделанных завоеваний и о способах борьбы в каждом производстве, на основании конкретной кон‘юнктуры, выясненной в каждом отдельном случае“.

По вопросу об участии в московском с‘езде профессиональных организаций постановлено: 1) С.Р.Д. командирует делегатов по России для привлечения их на с‘езд рабочих делегатов, имеющий целью об‘единить деятельность отдельных районов. 2) Московский с‘езд профессиональных союзов, назначенный на 15 ноября, просить отложить на время не ранее 10 декабря.

К вопросу о 8-час. рабочем дне.

Семянниковский завод. Рабочие постановили непременно требовать 8-час. рабочий день.

С.-Петербургский район. Завод Гесслера. Директор предлагает работать 9 час. Из 500 раб. только 19 высказались за 9-час. рабочий день (тайной баллотировкой), остальные согласны на расчет в случае неудовлетворения требования. Директор обещал подумать.

Московский район. Завод Озолина. Администрация соглашается на 9½ час. вместо 10 час. Большинство рабочих согласны.

Речкинский завод. Рабочие решили продолжать вводить 8-час. рабочий день, несмотря на об‘явление о расчете.

Вагоностроительный завод. Рабочие, несмотря на заявление о расчете, высказываются за 8-час. рабочий день.

Обуховский завод. Был митинг 8 ноября. Отправлена депутация к администрации, которая уведомила о закрытии завода в случае, если рабочие не согласны работать на старых условиях. Было решено единогласно пока работать 9 час. с тем, чтобы наилучшим образом организоваться.

Путиловский завод. Варшавские мастерские. Несмотря на присутствие войск (семеновцы), митинг состоялся. Администрация отказалась пустить в ход машину. Рабочие

сделали это сами. Работа продолжалась с 12 до 4 час. Рабочие не согласны работать больше 8 час. Об'явлено о закрытии мастерской.

Гвоздильный завод. Ликвидация забастовки тяжело осложнилась на гвоздильном заводе. Поведение администрации заставляет рабочих продолжать забастовку; она потребовала, чтобы рабочими были выбраны ею намеченные депутаты. Если к этому прибавить желание рабочих бороться за предыдущее постановление Сов. Раб. Деп. (8 час. раб. дня), против тяжелых последствий предыдущих забастовок (расчета товарищей) и за некоторые более мелкие экономические требования, — становится понятным, почему конфликт рабочих с администрацией принял такие размеры, которые заставляют рабочих бастовать, несмотря на угрозы общего расчета. Требования рабочих следующие:

1) Признание раб. депутатов администрацией завода.
2) Принятие всех уволенных за политическую забастовку.
3) 8-часовой раб. день.
4) Увеличение платы чернорабочим не менее 1 руб. в день и сдельной на 50 проц.
5) Вежливое обращение и улучшение внутренних порядков.
6) Полная отмена штрафов.
7) Помещение для митингов в заводе, устраиваемых по желанию рабочих.

Борьба за 8-часовой рабочий день.

8-часовой рабочий день является теперь не только ближайшим требованием петербургского пролетариата, но уже проходящим в жизнь фактом. Несмотря на охи и вопли фабрикантов, он вводится революционным путем почти повсюду. Пока к нему примкнули следующие предприятия: Семянниковский завод, Обуховский, Балтийский, Новое Адмиралтейство, Орудийный, Трубопрокатный (Невский), Атлас, Лесснер, Кожевенникова, Большая Охта, Шау (прядильная), Гвоздеделательный Аристова, Новая Бумагопрядильня, Науман, Калинкина, Волынка, Екатерингофская, Воронина, Торшилова, Чешер, Штиглица, Максвель, Паль, Карточная фабрика, Стеариновый и Александровский — 25 самых крупных и передовых заводов Петербурга.

Но хозяева тоже не дремлют: уже закрыты первые шесть из вышеперечисленных, будут закрыты скоро и другие заводы. Несомненно, что это массовое выбрасывание на улицу происходит при благосклонном участии правительства; ясен и план, который хотят применить: закрыть все заводы сразу, выбросить на улицу сотни тысяч пролетариев, неосторожно, даже очень опасно, а потому хотят закрывать по частям.

9-го состоялось по этому поводу заседание депутатов Семянниковского завода, которые, обсудив вопрос, ответили на закрытие завода следующей резолюцией: „Товарищи петербургские пролетарии! Заводчики и фабриканты, поддержанные правительством графа Витте, готовятся выбросить на улицу сотни тысяч петербургских рабочих, не желая согласиться на введенный революционным путем 8-часовой рабочий день. Товарищи, мы, рабочие Семянниковского завода, первые ввели 8-часовой рабочий день, и на нас, в числе первых, пал удар капиталистов и правительства. Наш завод закрыт, и мы выброшены на улицу. Товарищи, такая же участь ждет и вас не сегодня-завтра, и мы зовем вас, братья, проявить вашу солидарность и поддержать общую борьбу за 8-часовой рабочий день. Не дожидайтесь расчета, бросайте работу, чтобы показать заводчикам и фабрикантам единение всех пролетариев Петербурга и их решимость бороться до конца за сокращение рабочего времени. Товарищи, нас выбрасывают на улицу, сплотимся и напомним правительству и капиталистам октябрьские дни.

„Да здравствует 8-часовой рабочий день!

„Пролетарии Петербурга, об'единяйтесь и снова на борьбу до победы!“

Балтийский завод.

Свистки вчера были 11½ — 12 час. Рабочие работали до 4 час. Заявили администрации требование о митинге, каковое не удовлетворено. Администрация затем призвала всех делегатов, которые были окружены 10 офицерами, рядом в комнате стояли солдаты. Офицеры держали себя вызывающе. Начальник просил полковника об'яснить делегатам о том, что митинги допущены быть не могут, вследствие постановления Бирилева, в противном случае будут приняты самые энергичные меры, но разрешил об'явить по цехам о том, чтобы расходились спокойно. Сегодня работали на старом основании, чем вызвано неудовольствие рабочих к делегатам. Сегодня рабочие работали 7½ час. Администрация рада закрыть на 6 мес., ибо работы нет. Сегодня завод тоже окружен войсками, войска есть и внутри завода.

На Патронном заводе.

На воротах гильзового отделения Патронного завода вывешен следующий аншлаг: „Выборные от рабочих гильзового отдела подали заявление с просьбой начать работать на старых основаниях. Высшее начальство решило открыть завод 9 ноября в 7 час. утра“. В этом заявлении, подписанном генерал-майором Шепелевым, есть маленькая неточность. Работы начались не потому, что рабочие согласились на старые условия, а потому, что „Совет Рабочих Депутатов“ постановил прекратить политическую забастовку.

На Телефонной фабрике Эриксона.

7 ноября с 10 час. утра на фабрике происходил митинг, на котором постановлено начать работать с 8 ноября на прежних условиях, но при условии принятия на работу трех амнистированных и одного рабочего, уволенного за забастовку. Управляющий фабрикой инженер Шпергазе согласился принять 3 амнистированных, но уволенного взять отказался, заявив выборным, что лучше закроет фабрику, чем примет рабочего, так как имеет с ним личные счеты. После непродолжительного обсуждения вопроса, рабочие решили, чтобы уволенный товарищ вместе с ними стал во вторник на работу без разрешения администрации, и до тех пор, пока не дадут работы товарищу, не приниматься за работу. Во вторник рабочие, придя вместе с уволенным товарищем на фабрику, не приступали к работам. Администрация потребовала, чтобы уволенный отказался от места, в противном случае фабрика будет закрыта. Считаясь с интересами товарищей, уволенный согласился принять предложение с тем, чтобы администрация исполнила свое обещание — приняла на работу трех амнистированных. Но, увидя уступку, администрация фабрики отказалась принять и 3 амнистированных. Рабочие, возмущенные поступками администрации, устроили сходку, на которой постановили не брать расчета, а бастовать, не посылая писем администрации до тех пор, пока не будут приняты трое амнистированных и уволенный и не введен 8-часовой рабочий день. 9 ноября, в 10 час., утра эриксоновцы пришли на митинг, но ворота фабрики оказались запертыми; прочитав вывешенное об'явление администрации завода, чтобы рабочие пришли в понедельник за расчетом, рабочие пропели „марсельезу“ и разошлись по домам.

Избиение рабочего депутата полицией.

4 ноября рабочий депутат Балтийского судостроительного завода Василий Вересов был арестован полицией на Вас. острове. Доставленный городовым в Суворовский участок г. Вересов был в участке на глазах полиции нещадно избит каким-то суб'ектом, очевидно дворником, и городовым, стоящим на Гаванской улице и Большом проспекте.

На Невском судостроительном заводе.

9 ноября рабочие Невского механического судостроительного завода, придя рано утром на работу, были крайне удивлены тем, что во дворе завода поместились большие наряды казаков и пехоты. На воротах же завода вывешено об'явление, что все рабочие приглашаются получить расчет.

За Невской заставой.

(Письмо в редакцию.)

Много раз, совершенно беспрепятственно, собирались рабочие Невского судостроительного завода в мастерских и во дворе завода. При обсуждении даже самых вопиющих нужд, самого вопиющего злоупотребления со стороны как заводской администрации, так и со стороны больших и малых чинов полиции, там, на этих собраниях, всегда царил полный порядок и примерное уменье пользоваться завоеванной свободой слова. И вдруг теперь, после того, как эта свобода (хотя и нарушимая часто башибузуками-казаками) стала чем-то, вроде как воздух, необходимым для всех „седых и юных“ рабочих, наш директор Гиппиус захорохорился и упрямо заявляет, что уж больше собираться он не позволит, что уж дольше митингов он не

потерпит. Здесь мы, семянниковцы, ставим самый большой знак вопроса и, конечно, не можем не порекомендовать директору Гиппиусу одуматься и быть благоразумным.

Рабочий „Невский Степан“.

— За Невской заставой попрежнему по ночам дежурят патрули рабочих для ограждения от хулиганских попыток на поджоги обывательских домов. На-днях были пойманы два поджигателя, обливавшие дома керосином. Хулиганы безобразничают за заставой, но с ними соперничают и казаки, они пристают к проходящим женщинам, бьют запоздалых прохожих, шатаются по трактирам и привязываются к тем посетителям, которые ведут, по их мнению, противозаконные разговоры.

Собрание работниц Карточной фабрики.

8 ноября в заводской школе Карточной фабрики происходило собрание рабочих и работниц по вопросам внутренней фабричной жизни. На фабрике работает около 450 человек, и потому маленький зал школы был переполнен. Директор фабрики Жемчужников сначала не хотел отвести помещение для собрания, но, когда к нему явились депутаты с митинга обуховских рабочих и потребовали предоставления помещения работницам и рабочим под угрозой бойкота, он уступил. На собрании обсуждалось двойственное поведение директора, назвавшегося при поступлении на фабрику товарищем рабочих, установившего 8-часовой рабочий день и отменившего штрафы, а затем об‘явившего, что он ошибся в рабочих и вернувшегося к старым порядкам. Обсуждалась деятельность мастера Цубе и его клевретов, конторщицы из работниц Кати Лерховой и жены вахтера. Цубе грубо обращается с работницами, ругается цинично и ко всему придирается. Работницы могут поступить только по рекомендации Лерховой, они должны ей делать подарки денежные и товарами из лавок, чинить обстановку ее квартиры.

Недавно увеличен был заработок рабочих на 20% (в марте увеличен на 10%), на рубль. Работницы постановили не начислять процент мастерицам и подмастерицам, как зарабатывающим большое жалованье, а деньги эти прибавить к маленьким окладам некоторых работниц. Мастерицы и подмастерши против этого не протестовали, но Лерхова и вахтерша отправились к директору и почему-то настояли на разверстке процента. Директор решил выдавать процент всем. Работницы возмутились этим и перенесли вопрос на собрание. На собрании решено протестовать против всех этих несправедливостей. Ораторы призывали рабочих к организации и дружному отпору „начальникам“. Затем постановлено было требовать возвращения 3 рабочих, уволенных якобы за недостатком работы.

Фабрика Струк.

Сейчас же после политической забастовки рабочим пришлось вновь забастовать. На этот раз они требуют возвращения 13 уволенных товарищей, в том числе одного делегата, за проведение революционным путем 8-часового рабочего дня. Рабочие хотят устраивать собрания, но хозяин не дает помещения.

Постановление веча служащих и рабочих железных дорог Царства Польского о прекращении забастовки.

На вече 2 ноября служащие и рабочие железных дорог Царства Польского, собравшиеся в мастерских Венско-Варшавской ж. д. в количестве около 10.000, постановили:

„Военное положение, введенное во всем Царстве Польском 31 октября, как ответ на повсеместное требование отмены военного положения и усиленной охраны в Варшаве и Лодзи, является новым актом насилия и гнета со стороны отживающего самодержавия над Царством Польским, новым актом провокаторской политики со стороны местной администрации по отношению к народу польскому, который в продолжение нескольких дней свободы по об‘явлении манифеста 17 октября доказал степень своей высокой культуры, способности к политической жизни и умения пользоваться действительными гражданскими свободами, иллюзию которых дал упомянутый манифест. Сопровождающее введение военного положения правительственное сообщение не больше, как акт провокации со стороны центрального правительства, дабы вызвать ее вооруженное восстание в Царстве Польском, хотело бы разбудить национальный антагонизм, приписывая народу польскому стремление отложиться от России. Против такого преступного освещения событий последних дней в Царстве Польском, мы, железнодорожники, составляющие основную часть трудящегося люда Царства Польского, с возмущением протестуем и подчеркиваем, что, присоединившись к революционному движению в России, мы боролись и боремся за общую свободу народов—нашего и русского. В этой борьбе организованному деспотизму настоящего режима мы противопоставили всеобщую железнодорожную забастовку и хотя не добились всего, что нам нужно, но все-таки встряхнули каменную громаду абсолютизма, нанеся ему громадные бреши. Продлив забастовку в Царстве Польском, мы боролись за наши права, признанные русским народом, и вместе с тем мы протестовали против насилия местной администрации, которая, до введения военного положения в Царстве Польском, самовольно отняла права, только что манифестом возвещенные народу. Борьба наша не окончена. Мы будем бороться до окончательного свержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания на основаниях всеобщего, равного, тайного и прямого голосования без различия пола, национальности и вероисповедания и собственного Учредительного Собрания для Царства Польского.

„В настоящее время будучи хозяевами положения, постановляем прекратить забастовку для возможно лучшего сорганизования, дабы в подходящий момент совместно с пролетариатом целой России выступить для окончательной борьбы с самодержавием.

„На основании соглашения с пролетарскими партиями постановляем:

„Нормальное движение поездов восстановить в полночь с 3-го на 4-ое ноября.

„Центральный Забастовочный Комитет железнодорожного союза дорог Царства Польского“.

Завод Розенкранца.

7 ноября на заводе состоялся митинг. Речь оратора с.-д., говорившего о результатах забастовки и о необходимости дальнейшей борьбы, вызвала громкие рукоплескания. После митинга толпа рабочих с красным знаменем и пением „марсельезы“ направилась по Выборгской набережной.

Собрание представителей фабрик по обработке волокнистых веществ, согласно постановлению фабрикантов от 2 ноября, об‘явило рабочим, что с 16 ноября на фабриках устанавливается $60\frac{1}{2}$ рабочих часов в неделю (включая в это время чистку машин). В обыкновенные дни работа продолжается $10\frac{1}{2}$ часов, в субботу — 8, перед другими праздниками — $9\frac{1}{2}$.

Приморская железная дорога.

6 ноября состоялось собрание рабочих Приморской железной дороги. Присутствовало около 100 человек. Оратор социал-демократ познакомил собрание с резолюцией Совета Рабочих Депутатов, после чего собрание постановило забастовать с $2\frac{3}{4}$ ч. дня до 12 ч. дня 7 ноября. Для оповещения линейных служащих был пущен из Петербурга поезд, остальные были задержаны и движение прекращено. 7 ноября состоялся второй митинг, на котором ораторы знакомили рабочих с программой С.-Д. Рабочей Партии. После речи ораторов многие рабочие стали выражать желание записаться в члены партии.

Фабрика Лаферм.

6 ноября на дворе фабрики происходил митинг в присутствии множества казаков и полиции. Работницы не только не побоялись всей этой своры „охранителей“, но решительно заявили, что не разойдутся, и открыли ворота, чтобы на митинг могли пройти все, кто хочет. Речь ораторши с.-д. была принята восторженно.

Металлический завод.

7 ноября на металлическом заводе состоялся митинг. Митинг открылся сообщением депутата завода о решении Совета Рабочих Депутатов прекратить забастовку в 12 часов дня. Депутат завода поздравил рабочих с победой и, переходя к вопросу о сокращении рабочего дня, предложил требовать пока 9-часо-

вого рабочего дня, так как немедленное осуществление 8-часового рабочего дня революционным путем вызовет расчет всех рабочих администрацией завода. Рабочие единодушно постановили требовать введения 9-часового рабочего дня. После этого депутаты отправились для переговоров с администрацией завода, а митинг, между тем, продолжался. Речи ораторов, говоривших о задачах настоящего момента, о социал-демократии и ее отношении к другим партиям, встречались $2^1/_2$-тысячной аудиторией крайне сочувственно. К концу митинга вернулись депутаты, ходившие к администрации завода. В ответ на решение рабочих немедленно ввести 9-часовой рабочий день, администрация заявила, что все рабочие будут рассчитаны и что инженеры сами будут исполнять обязанности кочегаров и истопников. Депутаты, исходя из того, что рабочие должны накопить силы для окончательной борьбы за 8-часовой рабочий день и низвержение самодержавия, сделали уступку и согласились пока на введение 10-часового рабочего дня. Митинг одобрил решение, и рабочие с пением „марсельезы" разошлись. У ворот их ожидала своеобразная „демонстрация". Вся набережная была загромождена конными городовыми. На перекрестке „в полной боевой готовности" стояла полурота солдат.

На фабрике Ж. Бормана.

7 ноября перед началом работы состоялся митинг рабочих и работниц фабрики Жорж Борман, в количестве 100—150 человек. Председатель открыл собрание докладом о последнем заседании Совета Рабочих Депутатов. Затем говорили социал-демократы.

В заключение были произведены выборы в Совет Рабочих Депутатов, при чем в депутатки намечена одна из работниц.

К 12-ти часам, согласно постановлению Совета Рабочих Депутатов, митинг был окончен, и рабочие встали на работу.

Среди булочников.

6 ноября в помещении союза приказчиков (Демидов, 5), состоялся митинг булочников, на котором присутствовало 150—200 человек. Ораторы призывали булочников к организации. Митинг прошел чрезвычайно успешно, были приняты экономические требования, утвержденные на общем митинге приказчиков 14 октября (о праздничном отдыхе, повышении заработной платы, о нормировке рабочего дня, — при чем в частности для булочников признан пока нормальным 10-час. рабочий день, — гарантия свободы и неприкосновенности личности и необходимости борьбы труда с капиталом и т. д.).

В заключение была принята следующая резолюция: „В случае необходимости проводить в жизнь свои требования путем забастовок, мы, собравшиеся булочники, из'являем свою полную готовность совместно бороться за лучшее будущее со всеми остальными товарищами—приказчиками различных категорий торговли".

Многие записались в члены союза приказчиков.

Резолюция рабочих Пороховых заводов.

„Мы, рабочие Пороховых заводов, собравшиеся 6 ноября в числе 2.500 человек, выражаем свое сочувствие рабочим охтенских заводов взрывчатых веществ за их упорную борьбу против ненавистного всем рабочим начальства и протестуем против несправедливого поступка начальника Липницкого за увольнение шести бастовавших товарищей механического цеха. Требуем немедленно принять их обратно, в противном случае будут нами приняты решительные меры. Принято единогласно".

Патронный завод.

Администрация вывесила об'явление, в котором заявляет, что, если рабочие желают приступить к работе на прежних условиях, то пусть заявят об этом письменно, и тогда завод будет открыт. Никаких же уступок администрация делать не намерена; устных об'явлений с депутатами она иметь не желает. Рабочие решили пока с 9 ноября приступить к работе на прежних условиях.

4 ноября, около 12 час. дня, рабочие Патронного завода сошлись к воротам здания. Депутаты рабочих требовали допустить их к администрации для устных переговоров. Но она не желала даже выслушать представителей рабочих. В это время по мостовой гарцовал взводный командир конных жандармов, поручик Лебедев. Не довольствуясь просторной улицей (Литейный пр.), он в'ехал на тротуар и направил лошадь на собравшихся депутатов. Депутат Семен Яновский, вывернувшись из-под лошади, заметил поручику о неуместности джигитовки на тротуаре. Его благородие страшно возмутился замечанием и с поднятой нагайкой и ругательствами бросился на депутата... Рабочие приготовились уже защищать своего выборного; с другой стороны жандармы и казаки готовы были начать расстреливать безоружных людей... В это время пристав Литейной части схватил за руку поручика Лебедева и тем предотвратил свалку. С. Яновского почему-то арестовали, но, продержав два часа, отпустили.

Орудийный завод.

Заведующий мастерскими полковник Павловский соглашается дать своим рабочим 8-часовой рабочий день. По его словам, завод от этой уступки ничего не потеряет, так как работа на заводе производится сдельно. Доводы полковника не убедили, однако, заводское начальство, и оно не позволяет ему итти на уступки рабочим.

Инструментально-хирургический завод.

8 ноября администрация завода об'явила всем рабочим расчет. Всех рабочих на заводе около 1.300 человек. На этот комплект завод содержит 450 чиновников. В дни забастовки чиновники, разумеется, не пожелали примкнуть к забастовавшим.

Новое Адмиралтейство.

1, 2, 3 и 4 ноября в столовой происходил ряд митингов, на которые сходилось до 3.500 рабочих. На митинге 4 ноября была единогласно принята резолюция, предложенная оратором социал-демократом. В настоящие дни администрация запретила устраивать собрания на том основании, что на них трактуются не экономические вопросы, а политические.

— В экспедиции заготовления государственных бумаг. Третейский суд, в котором принял участие г. Литвинов-Фалинский, гласный думы г. Лихачев и чиновник министерства финансов г. Чистяков, признал подлежащими удовлетворению все требования рабочих экспедиции (см. № 4 „Новой Жизни"), при чем депутаты от рабочих заявили, что они приступят к работам только тогда, когда их требования удовлетворит также министр финансов г. Шипов.

31 октября, в одиннадцать часов утра, состоялось в театральном зале экспедиции собрание около 3.000 рабочих, на котором депутат передал собравшимся о вчерашнем заседании третейского суда.

Затем собранием постановлено бойкотировать отца Орнатского, для чего решено не посещать его богослужений и не приглашать его для исполнения духовных треб.

Во время собрания была прочитана докладная записка поденщиков-рабочих экспедиции, уволенных 28 октября. Рабочие-поденщики пред'явили следующие требования:

1) Уволенных поденщиков 28 октября с началом работ в экспедиции принять обратно.

2) Удалить подрядчика Ларионова и отнять от него все подряды, сданные ему экспедициею, и передать под ведение домовой конторы ремонтную часть, так как упомянутый Ларионов получает от экспедиции по 1 р. 10 к. за каждого рабочего и платит им лишь по 80 к., утаивая таким образом по 30 к. в сутки от каждого чернорабочего. Собранием также решено устроить охрану одного из главных деятелей рабочих экспедиций г. Ушакова, которому неизвестные лица угрожают смертью.

— Сходка рабочих четвертого винного склада. На-днях состоялась сходка рабочих четвертого винного склада. Сходка вынесла следующую резолюцию: 1) существующую при складе пенсионную кассу уничтожить, для чего капиталы, находящиеся в ней, раздать рабочим; 2) немедленно принять обратно на завод отстраненного заведующим складом А. А. Васильевым рабочего-депутата Ерошенко и до исполнения этих требований к работам не приступать. Когда тому же заведующему Васильеву доложили о резолюции сходки, им немедленно были уволены все десять депутатов от рабочих. „Союз рабочих" со своей стороны решил поддержать материально незаконно пострадавших одиннадцать рабочих и вместе с тем постановил начать борьбу с произволом заведующего складом.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Казань, 8 ноября. — Сегодня вышли газеты после 21-дневного перерыва. Вышел „Волжский Вестник“ с новой редакцией. Забастовка наборщиков окончилась. Цель забастовки — введение 9-часового рабочего дня и прибавка в размере 10% — не достигнута.

Якутск, 5 ноября (Случайная).—Якутское сельско-хозяйственное общество в экстренном собрании 4 ноября, выражая свою полную солидарность с обществом народных чтений в Якутске, присоединяет свой голос к его протесту, сознавая, что и сельско-хозяйственное общество не гарантировано от вмешательства в свою деятельность. Председательствующий Рогожин. Секретарь Сабунаев.

Смоленск, 8 ноября. — Состоялся многолюдный митинг чиновников всех ведомств для обсуждения устава общего союза защиты экономических и политических прав.

Москва, 9 ноября. — Сегодня возобновлены работы на фабрике братьев Бородиных. Рабочим сделаны незначительные уступки. Сегодня же на заводе Мейер рабочие стали на работу. Рабочие завода Гоппер забастовали.

Высшие женские курсы закрыты до января.

Варшава, 9 ноября. — В посаде Ракове, близ Ченстохова, на заводе Гантке произведенным полицией обыском обнаружено тайное изготовление холодного оружия, часть которого найдена в жилых фабричных домах. Отобрано 37 пик и 23 сабли.

Москва, 9 ноября. — Сегодня бюро земского и городского с‘езда внесло на обсуждение с‘езда следующую резолюцию по вопросу об отношении с‘езда к правительству. „С‘езд земских и городских деятелей, обсудив политическое движение, созданное манифестом 17 октября и последующими событиями, постановляет: Уже в самых первых своих постановлениях, состоявшихся на с‘езде 6 ноября прошлого года, с‘езд выставил те самые народные требования, удовлетворение которых ныне возвещено народу манифестом 17 октября. Приветствуя появление этого основного государственного акта, с‘езд считает необходимым, особенно в виду трудности положения и серьезности переживаемого Россией момента, определить свое отношение к манифесту 17 октября и к лицам, призванным его исполнить. Признавая манифест 17 октября драгоценным завоеванием русского народа, с‘езд высказывает свою полную солидарность с положенными в его основание конституционными началами и считает их немедленное осуществление и полное развитие необходимым условием для истинного умиротворения страны. Содействие этому умиротворению со стороны общества могло бы быть более действительным, если бы само правительство обнаружило надлежащую решимость и последовательность при проведении в жизнь начал манифеста. При настоящих условиях проведение в жизнь манифеста остается на ответственности министерства. С‘езд же, со своей стороны, выражает уверенность, что это министерство может рассчитывать на содействие и поддержку широких слоев земских и городских деятелей, поскольку оно будет проводить в жизнь конституционные начала манифеста правильно и последовательно. Всякое же уклонение от этих начал встретит в земских и городских сферах решительное противодействие. Единственным способом обеспечить авторитет народного представительства у опирающейся на него власти и водворить порядок в стране с‘езд считает немедленное издание акта о применении к созыву народных представителей всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов с формальной передачей первому собранию народных представителей учредительных функций для выработки, с утверждения государя, конституции Российской империи, переустройства на демократических началах городского самоуправления и проведения иных мер, необходимых при установлении нового правового порядка.

„Кроме того, первому собранию должно быть предоставлено: установление основных начал земельной реформы, принятие необходимых мер в области рабочего законодательства, в целях успокоения страны. Немедленно же, не дожидаясь созыва народных представителей, должны быть приняты следующие неотложные меры: 1) осуществление в законодательных нормах тех основных начал политических свобод, которые провозглашены манифестом 17 октября, и отмена всех ныне действующих разных правил и законоположений, которые противоречат этим началам; 2) производство при участии общественных элементов специальных расследований дел уголовных, потрясавших ужасом всю Россию, в ближайшие по опубликовании манифеста дни; устранение от должностей, привлечение к законной ответственности представителей администрации и полиции в местностях, где произошли погромы; 3) принять меры, чтобы начала манифеста неуклонно проводились на практике текущего управления страной всеми органами администрации от высших до низших и установление возможности привлечения должностных лиц за совершенные ими при отправлении обязанностей нарушения к законной уголовной и гражданской ответственности при общем порядке судопроизводства наравне со всеми прочими гражданами; 4) издание временных правил, определяющих права земств и городов по охранению общественной безопасности; 5) полная амнистия по политическим и религиозным преступлениям, совершенным до издания манифеста; 6) отмена смертной казни“.

Проект этой резолюции был приветствован громкими, единодушными рукоплесканиями, и для обсуждения резолюции записалось более 40 ораторов.

Борисоглебск, 9 ноября. — Аграрное движение, уничтожив много усадеб, затихает. В торговле застой.

Севастополь, 9 ноября. — Главным командиром черноморского флота и портов издано следующее обязательное постановление: „Принимая во внимание крайнюю необходимость оградить военных людей от беспричинных оскорблений, чего, к сожалению, были случаи, об‘являю, что за нанесение военнослужащим беспричинных оскорблений виновные подвергаются заключению в тюрьме от 3 месяцев и денежному штрафу до 3.000 руб.“.

Симбирск, 9 ноября.—Сегодня биржевой комитет послал с‘езду городских и земских деятелей в Москве следующую телеграмму: „Симбирский биржевой комитет, глубоко убежденный, что продолжающиеся во многих частях империи смуты и междоусобицы угрожают полным разорением и даже гибелью государству, признает единственным средством спасения от начавшегося разложения — единение на почве правопорядка, устанавливаемого манифестом 17 октября и всеподданнейшим докладом графа Витте. В этом убеждении, биржевой комитет считает своим гражданским долгом засвидетельствовать перед с‘ездом земских и городских деятелей свое горячее пожелание, чтобы результаты работ с‘езда ознаменовались в пользу сплочения вокруг правительства во главе с графом Витте, в целях скорейшего проведения в жизнь народа правопорядка и успокоения“.

Елисаветград, 9 ноября. — Происходят частые митинги заводских рабочих. Обсуждается вопрос об организации профессиональных союзов.

По ходатайству раввина Темкина разрешен отпуск остатков коробочного сбора в 15.000 руб. для оказания помощи пострадавшим от погрома.

Харьков, 9 ноября.—Сгорела станция Дергачи Курско-Харьково - Севастопольской жел. дор. Причина пожара неизвестна.

Севастополь, 9 ноября. — Главным командиром издано обязательное постановление, на основании которого за всякое насилие над трудящимися людьми, желающими мирно продолжать свои занятия, виновные подвергаются заключению в тюрьме или крепости на 3 месяца или штрафу в 3.000 руб.

Кутаис, 9 ноября.—Вчера в Чиатурах убит наповал выстрелом капитан бессарабского полка Тарасов; убийца — туземец — задержан солдатами.

Севастополь, 9 ноября.—Градоначальник предлагает гражданам обращаться к полиции, указывая лиц, посягающих на свободу, и нарушителей закона для немедленного их арестовывания. Обращение градоначальника вызвано чрезмерной дерзостью лиц, снимавших прислугу. Магазины открыты.

Кутаис, 9 ноября. — Окружной суд и мировые отделы третий день не функционируют: забастовали писцы и канцелярские служащие до секретарей включительно. Они требуют увеличения окладов, распределения остатков между ними и признания товарищеского суда.

Севастополь, 9 ноября. — Приказчики бастуют третий чень; купцы удовлетворили главные их требования — двенадцатидасовой рабочий день и полный отдых по воскресным и праздничным дням. Забастовала домашняя прислуга, повара и официанты ресторанов.

Томск, 9 ноября. — Губернским правлением об'явлен список пострадавших во время беспорядков: находившихся в лечебных заведениях и выздоровевших — 86, умерших — 57, пропавших без вести — 12.

Советом университета решено единогласно допускать женщин к слушанию лекций, при чем постановлено принимать окончивших общеобразовательную школу и выдержавших дополнительный экзамен.

Казань, 9 ноября. — Городская дума послала председателю совета министров графу Витте следующую телеграмму: „Казанская городская дума единственный исход к умиротворению России и достижению благополучия отечества видит в неуклонном, точном и скором проведении реформ на началах манифеста 17 октября. Из'являет вашему сиятельству, как главному исполнителю возвещенных государем императором реформ, чувства глубокого уважения и доверия и надеется, что ваши энергия и опыт не покинут вас до завершения начатого вами дела для блага нашей родины. Исполняющий обязанности городского головы Попрядухин“.

Одесса, 9 ноября. — Два дня продолжается забастовка прислуги на пароходах, стоящих в порту. Вчера ушли без прислуги пароход „Россия“ в заграничный рейс и пароход „Севастополь“ на Кавказ. Требования забастовщиков экономического характера. Забастовала также трактирная прислуга. Трактиры в городе закрылись.

На австрийском пароходе выехали из Одессы за границу свыше 300 евреев. Усилилась эмиграция евреев в Палестину.

Пернов, 9 ноября. — Вчера во время вечерней службы в эстонскую церковь ворвались фабричные рабочие, заставили уйти пастора с кафедры и прервать проповедь. Публика в панике разбежалась.

Рыбинск, 9 ноября. — Биржевой комитет обратился к председателю совета министров графу С. Ю. Витте со следующей телеграммой: „Охватившие нашу родину смуты, принявшие грозный характер, побуждают рыбинское купечество засвидетельствовать пред вашим сиятельством полное доверие к предстоящей деятельности сформированного вами комитета, надеясь, что правительство приложит все усилия к скорейшему осуществлению предначертаний манифеста 17 октября, которое только и может внести успокоение страны и положить конец происходящим смутам. Купечество, всегда стоящее за мирный прогресс, выражает полную готовность оказывать дружную поддержку вашей программе, изложенной во всеподданнейшем докладе 17 октября. Биржевой комитет“.

Асхабад, 8 ноября. — Открыто непосредственное телеграфное сообщение между Асхабадом и Мешедом взамен бывшего до сего кругового сообщения через Серахс.

Симферополь, 8 ноября. — На предстоящем губернском земском собрании будет рассматриваться вопрос о всеобщем начальном образовании в уездах Крыма.

Царицын, 8 ноября.—Царицынский биржевой комитет, разделяя взгляды астраханского биржевого общества, в заседании 8 ноября постановил выразить телеграммой доверие гр. С. Ю. Витте и готовность поддержать формируемое им правительство, видя в этом единственное средство умиротворения населения на началах правопорядка, установленного манифестом 17 окт. Другой телеграммой комитет призывает с'езд городских и земских деятелей сплотиться около правительства графа С. Ю. Витте.

Дмитровск, 8 ноября. — Весть о высочайшем манифесте 3 ноября быстро распространяется в уезде. Крестьяне обнаруживают большую радость. В особенности интересуют их льготы по покупке земли недостаточными домохозяевами.

Елисаветград, 8 ноября. — По ходатайству председателя временного комитета вспомоществования пострадавшим от погрома, министр внутренних дел разрешил выдать комитету 15.000 руб. из остатков сумм коробочного сбора.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Токио, 9 (22) ноября. — Очевидец, прибывший 5 ноября из Владивостока в Нагасаки, сообщил, что во Владивостоке чувствуется недостаток в с'естных припасах, вследствие разрушения продовольственных магазинов. С'естных припасов хватит для прокормления населения едва на 20 дней.

Другой очевидец, уехавший из Владивостока 7 ноября, рассказал по прибытии в Моджи, что беспорядки там прекратились, но что улицы завалены множеством обломков, повсюду кровавые пятна, некоторые трупы еще лежат на улицах, и общий вид города ужасный (Рейтер).

Вашингтон, 8 (21) ноября. — Приготовления к предполагавшемуся завтра обмену ратификациями русско-японского мирного договора не могли быть окончены к сроку, и обмен поэтому отложен на неопределенное время (Ассоц. Пресс).

Белград, 9 ноября (22 ноября). — Министр финансов подписал вчера в Брюсселе договор о $4^1/_2{}^0/_0$ займе на номинальную сумму в 70 миллионов по курсу 81.

Здесь опасаются, что предполагаемая морская демонстрация великих держав вызовет резню среди христиан, главным образом в Македонии и Старо-Сербии.

Токио, 7 ноября. „Daily Telegraph“.—Ближайшим результатом японо-корейского договора явится назначение генерала Хасегавы генерал-губернатором Кореи с местом жительства в Сеуле.

Токио, 8 (21) ноября. „Daily Telegraph“.— В связи с реорганизацией японского флота, японская эскадра будет крейсировать в южных морях до Сингапура. Вследствие экономических условий броненосцы не будут составлять главной силы японского флота.

Газета „Асахи“ сообщает, что русский и германский посланники в Пекине протестовали против назначения инструкторов китайских войск исключительно из японских офицеров. Результатом этого протеста пока было назначение русского полковника.

Берлин, 8 (21) ноября. — В „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ помещена статья относительно предстоящих новых имперских налогов. В статье этой сообщается, что для покрытия новых имперских нужд, требующих от 220 до 230 миллионов, предполагается ввести целый ряд новых налогов, в том числе повысить налог на пиво, который, по приблизительному подсчету, даст казне более 60 миллионов. Кроме того, таможенная пошлина на пиво также подвергнется соответственному повышению. Затем предусмотрены повышение весовых таможенных ставок на сырой табак и значительное увеличение обложения ввозимых в Германию фабрикатов, в особенности сигар. Точно так же и местный табак подвергнется обложению в более высоком размере. Что касается папирос, то предполагается обложить бумагу для них и значительно увеличить также таможенную пошлину на ввозимые папиросы. Налог и повышение таможенных ставок на табак и папиросы дадут, как вычисляют, более 40 миллионов марок (Вольф).

Лондон, 9 (22) ноября.—По словам „Times“, новый японский заем будет, вероятно, выпущен в самом конце текущего месяца. Часть займа в 12 милл. ф. ст. будет реализована в Париже.

Москва.

9 ноября.

(По телефону из Москвы.)

С'езд земских и городских деятелей.

Заседание открылось чтением ряда заявлений, полученных с'ездом, о мерах, необходимых для выхода из современного положения. Заявления эти следующие. Грузинское дворянство и другие слои грузинского общества, а также кутаисская дума просят с'езд заявить о необходимости автономии Грузии.

Астраханский биржевой комитет, организационное бюро харьковского уездного земства, 800 казанских граждан заявляют о необходимости поддержать и сплотиться вокруг правительства. Группа крестьян Полтавской губернии, харьковское медицинское общество заявляют о необходимости созыва Учредитель-

ного Собрания на основаниях 4-членной формулы. Казанская дума и маломожское земское собрание заявляют о необходимости созыва Государственной Думы, последнее — на основаниях 4-членной формулы. Красноярская дума за созыв Государственной Думы и поддержку правительства. Кронштадтская дума протестует против Учредительного Собрания.

Далее читается заявление депутации московского Федеративного Совета Социал-Демократической Рабочей Партии: „Совет, обсудив свое отношение к настоящему с'езду, заявляет, что единственным возможным выходом из современного положения он считает низвержение путем вооруженного восстания царского правительства и созыв Учредительного Собрания с провозглашением демократической республики. Всякий другой выход Федеративный Совет признает попыткой буржуазии обмануть народ. Социал-Демократическая Рабочая Партия относится к настоящему с'езду, который торгуется с правительством, как к изменникам народным интересам".

Далее читается ряд приветствий, и занятия с'езда начинаются речью П. Н. Милюкова. Приступают к обсуждению приведенного в телеграммах проекта резолюции.

— На крестьянском с'езде делегаты продолжали сегодня делать сообщения о положении крестьянского вопроса на местах. Наибольшее внимание было уделено с'ездом делегату из Балашовского уезда, Саратовской губернии. Он говорил, что только передача помещичьей земли во временное пользование крестьян может спасти русское крестьянство. „Это необходимо. Пусть будет организован особый комитет из уполномоченных от крестьян, который будет заведывать этой землей. Этот комитет даст отчет о своих действиях будущему Учредительному Собранию. Кроме того, необходимо немедленное удаление земских начальников, а, главным образом, вся беда заключается в том, что правительство не хочет мира, хочет держаться старых порядков и прислало к нам в Саратовскую губернию генерала Сахарова с пушками и пулеметами. Те, которые говорят нам: «не надо крови», — пусть скажут это правительству", — говорит оратор.

В сегодняшнем заседании с'ездом принята следующая резолюция: „С'езд признает, что единственным спасением народа от бедствий может быть только раздел земель, как государственных, так и частновладельческих, между всеми трудящимися на земле как лично, так и в виде кооперативных товариществ".

Всероссийский крестьянский союз.

Вчерашнее заседание всероссийского крестьянского союза было посвящено вопросу о мерах, какие должен принять союз, чтобы ускорить передачу земли в собственность народа. Первым говорил священник из Черниговской губернии — уполномоченный пяти сходов трех волостей. По его словам, вызвавшим аплодисменты, все согласны, что следует достигать земли, при существовании об'явленных свобод, мирным путем посредством организации крестьянских союзов и всеобщей крестьянской забастовки. „Без свободы крестьяне за себя не отвечают. Они не желают ни огня, ни меча и просят передать в бюро союза, чтобы оно немедленно поставило в известность правительство о скорейшем обнародовании манифеста в целях загашения всеобщего русского костра, который весною несомненно обнимет всю Россию. Они просят, чтобы от союза было предложено дворянам и прочим землевладельцам, чтобы и они также коллективно просили о земельном манифесте, и предлагают им охрану своих имуществ вручать не полицейским, а народным дружинам".

Некоторые из ораторов указывали на всеобщую забастовку и бойкот, как самые верные пути борьбы с правительством, чтобы заставить его собрать Учредительное Собрание. Забастовать предлагается единовременно всем и рабочим и крестьянам так, чтобы правительство, опирающееся на буржуазию, должно было уступить. Если упорство правительства будет продолжаться, самим устроить Учредительное Собрание и охранять его вооруженной дружиной. Некоторые делегаты предлагали сейчас же брать землю, иначе ее не дадут в Государственной Думе.

Одним из последних говорил А. Ф. Сталь. Он предложил, как способ борьбы, отказаться от уплаты податей, от покупки земли, отдаваемой теперь за бесценок, уничтожение волостей, не признавать ни старост, ни земских начальников и урядников. К январю соберется другой с'езд делегатов крестьянского союза, который быть может явится сам Учредительным Собранием, так как надо надеяться, что союз распространится на всю Россию.

В конце заседания была принята следующая резолюция:

„Делегатское совещание всероссийского крестьянского союза считает главной причиной теперешнего и прошлого аграрных волнений бесправие и крайнюю нищету народа. Совещание возлагает за это вину на преступное правительство. Сотни лет оно умышленно держало население в угнетении и невежестве, сотни лет оно всячески разоряло народ в интересах класса помещиков и — последствия налицо: восстание крестьян Саратовской губернии и волнения в 23 других губерниях. Совещание прежде всего шлет братский привет всем крестьянам, передовым борцам за великое дело освобождения народа, и требует: 1) немедленной отмены всех исключительных законоположений, судов и полномочий и, в частности, немедленного вывода войск и отозвания генерал-ад'ютантов из губерний, где происходят волнения; 2) немедленной амнистии всех наказанных ранее за участие в аграрных беспорядках, немедленного освобождения арестованных в теперешних волнениях и прекращения преследования их и по суду и в административном порядке".

Резолюция областного учительского с'езда.

Вчера вечером в заседании областного учительского с'езда, после обсуждения вопроса о мерах борьбы с черносотенным движением, была вынесена следующая резолюция: „1) Выразить свое глубокое негодование всем представителям администрации и полиции, принимавшим участие в погромах мирных жителей и избиении представителей интеллигенции, сознательных рабочих и евреев, или виновных в непринятии мер к предотвращению этих погромов. Имена их должны быть опубликованы во всеобщее сведение с указанием вины каждого из них. 2) С'езд выражает уверенность, что преступления эти не могут оставаться безнаказанными: виновные должны быть привлечены к суду, но не к тому современному, который является послушным орудием в руках самодержавного произвола, но к суду свободного народа. Все эти лица должны быть преданы такому суду первым собранием народных представителей. 3) С'езд выражает глубокое сожаление, что в рядах лиц, участвовавших в погромах, встречались не только наемные слуги правительства, но и добровольные их союзники из всех классов населения, и следовательно из того самого народа, за свободу и счастие которого борются интеллигенция и сознательные рабочие. С'езд призывает народных учителей и ту часть рабочего народа, которая участвует в современном освободительном движении и сочувствует ему, всеми мерами раз'яснять добровольным участникам погрома истинное значение и цель освободительного движения. 4) Политическое воспитание темных масс, из которых набирались участники последних погромов, должно стать главной задачей просветительной деятельности народных учителей. С'езд требует от земских и городских общественных учреждений не только предоставления учителям в этом отношении полной свободы действий, но и всяческого содействия и защиты от произвола учебных и административных властей и охранять личную неприкосновенность учителей. С'езд выражает уверенность, что народные учителя не могут оставаться на службе у тех земств и городов, которые будут уклоняться от выполнения дальнейшей в данную минуту задачи — политического воспитания народа — или откажут в своем содействии деятельности учителей в этом направлении. 5) Всюду, где происходили последние погромы, должны быть произведены подробные общественные следствия. К этому следствию должны быть привлечены представители всех союзов и партий. Собранный таким образом в каждом городе материал должен быть отпечатан отдельной брошюрой. В этих брошюрах будут опубликованы имена всех участников этого злого дела. Пусть знают эти имена их сограждане и пусть произнесут над ними свой суд, пусть прервут с ними всякие сношения".

— В „Русских Ведомостях" сегодня напечатано:

„Как нам сообщают из Петербурга, вопрос о всеобщих, равных и тайных выборах в Государственную Думу в правительственных сферах решается в утвердительном смысле. Что же касается двухстепенности выборов в уездах по известному проекту г. Шипова, то против нее в тех же сферах уже раздаются веские соображения, так что есть основание думать, что и требование прямых выборов для всей России будет принято.

В этом видят нежелание правительства итти в разрез с выяснившимся мнением русского общества".

— Некоторые члены с'езда земских и городских деятелей ведут переговоры с частью членов крестьянского с'езда по поводу организации совместного совещания обоих с'ездов по некоторым важнейшим вопросам. Вопрос о таком совещании будет поднят некоторыми делегатами крестьянского с'езда. Совместное заседание предполагается устроить в четверг.

— Собрание рабочих Перовских мастерских, Московско-Казанской жел. дор., признало, что окончательное и полное освобождение рабочих возможно только при осуществлении полного освобождения народа на почве полного народовластия.

— Вчера обнаружилось сильное движение среди московской женской прислуги. На этот раз движение было направлено уже не против рекомендательных контор, а против нанимателей. Забастовавшая прислуга с утра начала обходить частные квартиры и снимать продолжавших работать товарок. Прислуга ставит требованием работу с 7 ч. до 11 ч. утра и с 3 ч. дня до 11 ч. ночи. Проектируется учреждение союза домашней прислуги, дома общежития и собственной посреднической конторы. Завтра состоится митинг прислуг в „Аквариуме".

— Из Львова от 8 ноября телеграфируют „Русскому Слову": „Wiek Nowy" сообщает, что местные полки пехоты и артиллерии получили предписание быть готовыми к походу. Солдаты получили боевые патроны.

— Из Владикавказа „Русск. Слову" телеграфируют: „Газета «Казбек» уверяет, что начальник местного почтового округа получил от Дурново и Севастьянова следующую шифрованную депешу: «Немедленно увольте всех агитаторов, имеющих влияние на контору, других подкупите, а по отношению к третьим прибегните к мерам застращивания. Дальше снеситесь с охранною полицией. На случай чего, сделайте обыски и направьте по другим преступлениям таким образом, чтобы при забастовке их опять не могли принять, ибо тогда они не смогут представить свидетельство о политической благонадежности». Начальник почтового округа привлекает газету «Казбек» к суду".

— Начальники отдельных управлений и правлений различных служб Московско-Казанской ж. дороги 7 ноября постановили присоединиться к всероссийскому железнодорожному союзу и образовать самостоятельное бюро.

— Вчера вечером состоялось собрание владельцев столярных и мебельных фабрик и мастерских. Вопрос об организации союза принят единогласно. Постановлено: сдельные работы регулировать 10-часовою нормою, сверхурочные работы допускать только в исключительных случаях, платить за такие работы двойную плату, плату производить ежедневно спустя не более часа по окончании работ, организовать бесплатную медицинскую помощь и пр.

— В воскресенье созывается собрание депутатов от строительных рабочих по вопросу об организации профессионального союза. Все рабочие, занятые на постройках, как-то: плотники, штукатуры, каменщики, маляры и др., приглашаются покинуть на это время работы.

— Общее собрание машинистов депо Москва, Московско-Казанской жел. дор., постановило предупредить общество и правительство, что ни один машинист депо не станет на паровоз того поезда, в котором будут перевозиться войска для прекращения будто бы беспорядков, а в сущности — для простого избиения. Во всех таких случаях машинисты будут об'являть забастовку и будут поддерживать ее всеми своими силами.

(От нашего корреспондента.)

— Четвертый день с'езда городских и земских деятелей открывается чтением разных телеграмм и заявлением Московского Федеративного Совета Социал-Демократической Партии. Резкая критика со стороны партии вызвала неудовольствие присутствующих. Организационное бюро пред'явило проект резолюции, в котором говорится об Учредительном Собрании, четырехчленной формуле выборов, полной амнистии, отмене временных и исключительных законов и необходимости привлечь к суду виновных администраторов. Реакционные речи были произнесены Красовским и Гучковым. Оба делали нападения на социал-демократию.

— Сегодня на крестьянском с'езде депутация от конференции московских рабочих социал-демократов обратилась к с'езду с предложением изменить решение предыдущего собрания, по которому представители партий были допущены на с'ездах без права голоса. Когда в этом было отказано, то депутация прочла следующую резолюцию конференции: представители либеральных партий всегда враждебно относились к социал-демократической партии, боясь ее революционной деятельности в деле освобождения русского народа. Лишь с целью подчинения своему влиянию движения среди крестьян, либералы, действуя будто бы беспартийно, основали крестьянские союзы. В виду этого конференция считает своим долгом предупредить товарищей-крестьян из союза, чтобы они не доверяли своим либеральным вождям, которые стараются отколоть крестьянское движение от движения рабочих и даже посеять вражду между организованными рабочими и крестьянами. В виду того на с'езде делегатов крестьянского союза постановили дать представителям социал-демократической партии право голоса лишь под тем условием, чтобы они говорили только тогда, когда их об этом попросят. Конференция, созванная 8 ноября Московским Комитетом Социал-Демократической Партии, постановила: если это решение с'езда не будет изменено и представители партии не получат права говорить свободно, когда найдут нужным, то официальных депутатов от партии на с'езд не посылать. Об этом постановлении конференция немедленно известит с'езд. Конференция полагает, что такое постановление с'езда состоялось под давлением либеральных членов бюро. Революция, которую ведет рабочий класс, не нравится либералам. Конференция приглашает товарищей-крестьян доверять рабочим и верить, что только силой и союзом крестьян и рабочих можно добиться свободы.

— Из Иваново-Вознесенска сообщают, что настроение попрежнему тяжелое. Черносотенное движение прекратилось, но отдельные избиения продолжаются. Судебные власти бездействуют. Рабочие на заводах и фабриках требуют института выборных депутатов. Фабриканты противятся. Вчера на заседании Московского Стачечного Комитета решено преобразовать Комитет. Реорганизация будет заключаться в исключении из Комитета непролетарских элементов. Делегаты в Комитет войдут на основании пропорционального представительства. Выборы будут всеобщие, равные и тайные.

Открытое письмо.

Господам членам хозяйственной комиссии и сотрудникам „Северного Края": В. М. Михееву, В. Н. Эпштейну, В. Н. Ширяеву, П. А. Критскому, П. Я. Морозову и Н. П. Дружинину.

Мы бросаем газету из-за черной сотни.

О! Во время погрома мы не бросали редакции на произвол судьбы, не прятались по чужим квартирам, не ухаживали за вожаками громил, не отстаивали их участия в охране города. Нет! Между нашими товарищами есть раненые в то время, как они защищались с оружием в руках. Мы организовали защиту редакции и вооруженные ждали хулиганов. Они не пришли.

Зато пришли вы, гг. хозяева, которые обегали редакцию, как чумное кладбище, пока была опасность, и заявили нам, что в погромах виноваты социал-демократы с их неумеренными речами на митингах, повинна свобода революционного слова. Довольно свободы слова! Не раздражайте черной сотни, производящей избиения и грабежи, не упоминайте слова „самодержавие", обратимся к „благоразумной" части населения со словами умиротворения.

Мы не допустили позора, чтобы на-ряду с полицейскими призывами к успокоению организатора всероссийской бойни, Трепова, и местных черносотенцев — губернатора Роговича и казакиста Вахрамеева—появилось продиктованное трусостью воззвание „Северного Края".

Мы хотели обратиться ко всем гражданам и пролетариату с призывом силой противостоять всяким попыткам контр-революции. И не только социал-демократы, но и всякий неиспуганный с рождения — мог ли он говорить теперь о чем-либо другом, кроме вооруженной борьбы с остатками самодержавия, видя то, что мы видели?

Что же вы делаете? Ваш председатель, В. Н. Эпштейн, заявляет, что он приостановит газету, которая резкостью тона может вызвать новый погром. Он требует от редактора В. М. Михеева: — „Возьмите диктаторскую власть хоть на несколько дней, упразднитe редакционный комитет и черкайте все опасные места". Прежде это делали бы губернаторские чиновники, теперь литератор В. М. Михеев взял на себя постыдную цензорскую роль. Он не только задержал на время слишком боевые статьи социал-демократов („м. б., потом разрешу"), но даже вычеркивал отдельные места, как заправский цензор времен Плеве. Правда, это были слова, что „цензура упразднена волею пролетариата".

„Волею пролетариата"! Действительно страшные слова!

Там, где литераторы проводят еще несозданный правительством закон против социалистов, нам не место. Мы уходим, господа хозяева, но помните, что, если легок пух, пущенный полицейскими громилами из перин еврейской бедноты, то тяжела ответственность тех, кто зажимает рот людям, которые хотят крикнуть: „Защищайтесь с оружием в руках".

Обращайте же „Северный Край" в либеральную подворотню, из которой можно тявкнуть на пристава довольно храбро, на губернатора — с опаской, на министра — с оглядкой, чтобы во-время спрятаться при появлении самодержавных казаков, а уж на самодержавие поднять голос нельзя, иначе черная сотня с портретом царя впереди и сыщиками сзади придет и выворотит комоды, разгромит сундуки.

Для нас, пролетариев, интересы литературы — не интересы сундука.

Вот почему мы уходим.

Секретарь Вячеслав Менжинский.

Заведующий областным отделом Леонид Федорченко.

Заведующий городской хроникой Владимир Коньков.

Сотрудники: Е. Фальк (Е. Волоцкая), О. Антушевич, Н. Зезюлинский, А. Батуев, П. Пономарев, В. Кириллов, Н. Воронцов, Ал. Метелкин, Фед. Торопов (корректор), Ольга Федорченко (служ. конторы), Григорий Зайцев (экспедитор).

Ярославль, 25 октября.

Иностранный отдел.

Европейская буржуазия и русский пролетариат.

Западно-европейская буржуазная печать, которая вначале выражала свое сочувствие освободительной борьбе в России и воздавала всякие похвалы геройству и выдержке пролетариата, теперь открыла настоящий поход против русской революции.

С бесстыдной наглостью, на которую только способен опытный в деле предательства народа буржуазный класс, угодливая пресса сваливает всю вину за наступающую реакцию на русский революционный пролетариат и его руководителей, которые-де своими необдуманными шагами и чрезмерными требованиями толкают правительство на путь репрессий. Еще недавно та же буржуазная печать „удивлялась прозрачности лицемерной политики Витте", и советы ее благомыслящей части русского общества не шли дальше дипломатического вразумления: „скрывать до поры до времени свое недоверие к либерализирующему премьеру". Теперь все это основательно забыто, и европейские буржуазные органы состязаются между собой в славословиях по адресу „победителя в Портсмуте". Нам, собственно, не приходится удивляться такому быстрому превращению в политических взглядах буржуазной прессы. Это вполне естественно, и ничего другого от печати, защищающей интересы класса эксплоататоров, и ожидать нельзя было. Отчасти тут действует боязнь того, как бы революционные шаги русского пролетариата не нашли себе подражания в западно-европейских странах; отчасти же мудрые предостережения европейских органов буржуазии вызывают в любопытных читателях только старый щедринский вопрос: сколько и как дадено? Но некоторые проявления буржуазной журналистики производят впечатление, что дадено не умно, но зато что следует. В политике нашего правительства имеются такие области, для которых в лучшем случае можно и полезно лишь покупать молчание. Вызвать же печать на разговоры, хотя бы на самые благоприятные отзывы, — по меньшей мере рисковано. Вот хотя бы наше финансовое положение. Это такое „скверное дело", до того дискредитированное повсюду, что, восхваляя его, услужливый журналист рискует произвести обратное впечатление. К тому же, вопрос о положении русских финансов есть для европейской буржуазии вовсе не вопрос „принципа" и „идеи". Кредиторы русского правительства весьма нервно настроены по отношению к данному вопросу. А где до кармана коснется, там и благодетели неподкупны. Поэтому попытка одной влиятельной немецкой газеты реабилитировать русские финансы встретила резкое осуждение даже со стороны весьма угодливой и умеренной немецкой буржуазной печати. Впрочем, приемы апологета русской финансовой политики оказались действительно чересчур смелыми. Он просто испестрил свои выкладки совершенно произвольными цифрами. И нетрудно было „Berliner Tageblatt", защищающему интересы немецких банкиров и в частности немецких кредиторов русского правительства, исправить „ошибки" ревностного поборника русской финансовой политики и выставить наши финансы в надлежащем свете.

„Надо полагать, — приходит к заключению орган биржевиков, — что потребность для русского правительства заключить новый заем чрезвычайно настойчива и безотлагательна. Но нельзя проложить путь к займу выкладками и рассуждениями, основанными на ложных цифрах". Какую медвежью услугу оказал своим доверителям тот, кто из усердия не по разуму купил (дешево или дорого — все равно) этот благоприятный отзыв о русских финансах! *Д—он.*

„Предупреди!" — взывает орган финансовой аристократии Германии, „Berliner Tageblatt", к германскому правительству, — „предупреди революционную волну,

пока не поздно!“ Грандиозная и победоносная русская революция исторгла этот крик у немецкой биржевой буржуазии. О реформах молит она свое правительство, о реформах сверху, чтобы не быть вынужденным провести их при внушительном требовании снизу.

Россия в настоящий момент положительно издергана революционными вспышками и еще долго не будет в состоянии принять участие в международных усобицах. Она должна быть довольна, если ее оставят в покое. В области внешней политики нам с Россией считаться не приходится. Зато чрезвычайно опасно влияние, исходящее из русской революции на нашу внутреннюю политику. Достаточно ярким примером является Австрия, там русское движение сильно повлияло на избирательный вопрос. Без сомнения, немецкие социал-демократы с напряжением следят теперь за Россией. Вопрос о всеобщей забастовке, об уличных демонстрациях не обсуждался бы у нас с таким жаром, если бы Россия не показала примера действительности этих средств борьбы. Пока наши социал-демократы воздерживаются от уличных демонстраций. Но кто знает, не найдут ли в скором времени подходящим момент для подражания русскому примеру, тем более, что еще никому не дано знать, каков будет дальнейший ход событий в России. Кто осмелится теперь пророчествовать для России скорое наступление затишья после бури? А что, если сбудутся самые ужасные опасения, что, если волна революции поглотит весь дом Романовых вместе с графом Витте, что тогда? Только самый неисправимый оптимист может ожидать, что новая революционная волна, идущая с востока, внезапно остановится перед германской границей. Это тем более невероятно, что мы по отношению к польскому вопросу находимся под тем же гнетом, что и Россия. Уже теперь русская часть Польши пред‘являет требование автономии, которое лишь плохо маскирует желание полного отделения Польши от России. Русское правительство в ответ на „нахальные“ польские требования об‘явило весь Привислинский край на военном положении — мера, которую мы должны одобрить с нашей точки зрения, но от которой трудно ожидать, что она в состоянии успокоить возбужденные польские умы. До сих пор прусские поляки еще держатся в стороне. Но и без того наша восточная граница изобилует легко воспламеняющимся материалом. Во всяком случае, наши поляки первые откликнутся на революционное движение в русской Польше. Дело германизации наших восточных провинций еще только начато, и быть может неумелое проведение этой германизации еще больше сплотило поляков.

Но когда кругом сыплются искры, необходимо особенно позаботиться об упорядочении своего дома. А у нас даже при самом поверхностном обзоре получаются самые печальные результаты.

Если извне угрожает опасность, то внутри должны быть приняты меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Но как же это возможно, когда большая часть народа лишена прав и государственная машина работает только для привилегированного меньшинства, тогда как большинство имеет своим назначением только обслуживать и отапливать машину. Мы уже раньше указывали на то, что жалкая трехклассная избирательная система должна быть устранена в силу политической необходимости. Что же, прусское и саксонское правительства будут ждать, пока народ заставит их изменить выборную систему? Не умнее и не осторожнее ли было бы предупредить это и провести эту реформу, пока еще есть возможность?

Как наглядно подтверждается этими строками то, что мы, социал-демократы, твердили постоянно и что буржуазной печатью принималось в лучшем случае как проявление задорного возвеличения своих сил, а именно, что русский пролетариат, борясь за свободу России, вместе с тем борется за народные права и свободу всех цивилизованных стран. Уже немецкая буржуазия, и самая реакционная ее часть, торопит свое правительство покончить с жалкой избирательной системой прусского и саксонского ландтагов. Уже смолкли разговоры о сужении избирательного права рейхстага, которое так настойчиво рекомендовалось германскому правительству представителями имущих классов после „трехмиллионной“ победы социал-демократов в выборах 1903 года. Да, революция идет с востока, и отдаленное ее дыхание наводит страх на темные силы европейской реакции.

Борьба за всеобщее избирательное право в Саксонии.

Центральный агитационный комитет социал-демократической партии в Саксонии выпустил следующее воззвание:

„Саксонский сейм собрался 23 октября и открылся тронною речью. В этой речи ни слова не было сказано об изменении системы трехстепенных выборов. Не остается поэтому сомнения, что саксонское правительство намерено сохранить в Саксонии существующее бесправие саксонского народа. Состав сейма — таков, что на него саксонскому народу надеяться нечего. Члены сейма, избранные на основании трехстепенных выборов, ни за что не согласятся отказаться от своих привилегий.

Тем более саксонский народ должен быть настороже и пользоваться каждым случаем для пропаганды всеобщего избирательного права.

Сотни тысяч рабочих и интеллигентов не имеют, благодаря существующей избирательной системе, возможности участвовать в законодательстве.

Эта несправедливость не может быть дольше терпима. Система трехстепенных выборов — привилегия богатых классов, преимущество денежного мешка.

Мы должны бороться против нее, пока не будет завоевано всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право с пропорциональным представительством.

В конце ноября в сейм будет внесен запрос об отношении правительства к избирательному праву. Мы знаем, что от обсуждения этого вопроса членами сейма, избранными на основании имущественных привилегий, не выйдет ничего, или почти ничего, но мы должны твердо и определенно заявить, что мы желаем равных прав для всех; а чтобы придать нашим требованиям необходимый вес, мы должны во время обсуждения в сейме запроса об избирательном праве устроить массовые собрания во всей стране. Такие собрания центральный агитационный комитет предлагает созвать повсеместно в субботу 5 и воскресенье 6 ноября.

Пусть эти собрания превратятся во внушительные демонстрации за всеобщее избирательное право“.

Хроника.

— Товарищ Николай Клемчинский, подвергшийся 6 ноября зверскому избиению со стороны солдат, казаков и полиции, сообщает следующие подробности произведенного на него нападения.

Выйдя с двумя товарищами к солдатам, товарищ Клемчинский спросил у них, где офицер. В это время какой-то казак с криком: „А депутат! Тебя-то нам и надо!“ ударил товарища Клемчинского шашкой в грудь. В то же время товарищ получил удар шашкой по голове, так что все потемнело у него в глазах. Отступая от наседавших на него озверелых солдат, товарищ бросился к калитке, но попал в столовую завода и очутился в западне. Солдаты стали ломиться в двери. Некоторое время товарищ, обладая огромной физической силой, мог сдерживать их натиск. Наконец солдаты ворвались в комнату, товарищ успел спрятаться, и башибузуки долгое время безуспешно искали его. Один из солдат, открыв его убежище, нанес ему удар штыком в грудь. Товарищ успел отбить удар рукою, и штык пронзил ему левую руку около локтя. Солдаты вытащили товарища и принялись бить его. В бесчувственном состоянии выволокли его из столовой и бросили на землю во дворе около ворот. Здесь продолжалось варварское избиение: били шашками, нагайками, прикладами ружей, ногами. Открыв глаза, товарищ увидел перед собой сидевшего на лошади казачьего офицера (имени его, к сожалению, мы не знаем). На просьбу прекратить избиение офицер отвечал криком: „Прибавь ему еще, мерзавцу!“ Избиение продолжалось с удвоенной жестокостью.

Наконец, товарища бросили в бесчувственном состоянии, почти без признаков жизни, во дворе. Сторожить его оставили двух солдат. Вскоре товарищ пришел в себя, но не мог шевельнуть ни одним членом. В это время к нему подошли заводский пристав (Желдыбин) и городовой (Соловьев). „А депутат!.. Что же его, мерзавца, в живых оставили? Убить не сумели“... С такими словами пристав и городовой принялись добивать товарища Клемчинского... Солдаты отогнали Желдыбина и Соловьева.

У товарища Клемчинского в двух местах разрублена голова, проткнута левая рука, сломаны два ребра, все тело и голова страшно избиты. Но товарищ чувствует себя бодро и вскоре снова с прежней энергией ринется в борьбу.

По желанию рабочих Невского судостроительного (Семянниковского) завода, товарищ Клемчинский переведен сегодня из Обуховской больницы в заводскую.

Приводимые здесь подробности ясно показывают, что избиение товарища Клемчинского не является случайностью: товарища избили именно как депутата завода, как человека, слишком хорошо известного всем своей неизменной энергией, как человека, фактически стоявшего всегда впереди движения.

— В московском полицейском участке находится арестованный товарищ К. П. Поляков. Будучи выслан на три года в Олонецкую губ. и не имея средств к существованию, он в 20 числах октября бежал с места ссылки и прибыл в Петербург. 28 окт. на него напали за Невской заставой черносотенцы и начали бить. Один из них ударил Полякова ножем, но, к счастью, нанес лишь неглубокий разрез пальца руки. Вырвавшись, Поляков вскочил на первые попавшиеся дрожки и уехал. По дороге извозчик потребовал с него „на водку“ и, когда получил деньги, зашел в трактир. В это время вновь подоспели хулиганы. Желая избавиться от неминуемой смерти, Поляков погнал лошадь без извозчика, но его нагнали. Вмешательство городового избавило товарища от преследования черной сотни. Поляков был отведен в участок, где на вопрос околоточного: „Кто ты такой?“ ответил: „Я — политический, бежавший из ссылки“. Околоточный с криком: „А, так ты приехал бунтовать!“ приказал его бить. Его избили до потери сознания и отняли кошелек с 16 рублями, которые ему не возвращены. Теперь товарищ сидит в Московском участке; к нему пред'явили обвинение „в угоне лошади“. Обращаются там с ним грубо, на „ты“, оскорбляют, издеваются. Там же в Московском участке заключены и арестованные за последнюю забастовку рабочие, в количестве 20 чел.; среди них — депутат от завода Зигеля Петр Дмитриев. С ними тоже обращаются очень дурно и заставляют выполнять черные работы.

— Бюро соц.-дем. союза деятелей по школьному и внешкольному образованию просит сообщить, что за всякого рода справками и раз'яснениями по делам союза можно обращаться письменно в бюро педагогического общества — Петербург, Чернышев пер., д. 16, кв. 34, отдел по народному образованию. Об уставе и организации союза смотри „Нов. Ж.“ № 1.

— Убийство рабочего. 7 ноября днем на Большом проспекте у полицейского участка на глазах полиции был убит двумя револьверными пулями рабочий Невского судостроительного завода Григорий Кнопка. Убийца — дворник одного из домов этого участка — арестован.

— Освобождение. Третьего дня из Петропавловки освобожден еще один политический узник, С. А. Басов. Заключенного держали в такой строгой изоляции от внешнего мира, что до своего выхода из крепости он ничего не знал о событиях последнего времени. Когда С. А. Басова вызвали в контору, он подумал, что его везут в суд на разбор дела.

— Политическое дело. 10 ноября в Петербургской судебной палате с участием сословных представителей будет слушаться дело по обвинению Павла Александровича Кракова (народовольца) по 100 статье, которой не коснулся манифест об амнистии. Высшая мера наказания, определяемая этой статьей, — смертная казнь.

— На-днях в севастопольском военно-морском суде будет слушаться дело о восстании на броненосце „Князь Потемкин Таврический“. Защиту обвиняемого прапорщика Алексеева взял на себя присяжный поверенный Грузенберг.

— Здоровье профессора Евг. Викт. Тарле, изрубленного 18 октября около технологического института „доблестным“ защитником царского правительства корнетом Фроловым, в настоящее время совершенно восстановилось. Проф. Тарле выписался из лечебницы 8 ноября вечером вполне здоровым. На голове у Т. заметен небольшой шрам, других следов поранения не видно.

— Вчера, 8 ноября, Петербург обогатился новыми пулеметами. Этот драгоценный транспорт прибыл по Варшавской жел. дор., как нам передавали, из одного заграничного завода, поставлявшего нам эти смертоносные орудия для наших войск в Манджурии; теперь тот же завод направляет их непосредственно в Петербург. Приемкой пулеметов заведывал доблестный конный полк, прославившийся во всех мирных походах последнего времени. Публика с удивлением смотрела на огромные хорошо закупоренные ящики, недоумевая, какой груз в них находится, и только немногим было известно, что таили в себе эти деревянные футляры.

— Реабилитация капитана К. Арнольди. Товарищ управляющего экспедицией заготовления государственных бумаг, Михайловский, получил от капитана К. Арнольди, приказавшего колоть рабочих экспедиции 4 ноября, следующее письмо: „Милостивый государь, В. И., охотно отвечаю вам на предложенные вами вопросы. 1) Непосредственно от вас никаких указаний об удалении рабочих со двора экспедиции я не получал. 2) Приказание колоть штыками рабочих никем решительно отдано не было. Я позволю себе прибавить, в видах выяснения истины, что указание очистить двор от рабочих я получил непосредственно от Ф. Гесс и что колоть штыками совершенно не входило в мои намерения“. Следует подпись: „капитан Арнольди“. Так оправдывается капитан Арнольди в том, что его войском было ранено штыками 22 человека.

— По слухам, вспыхнули бунты в манджурской армии, вызванные плохим провиантированием армии и дерзким отношением офицерского персонала.

— Городовые бастуют. В первом участке Адмиралтейской части 8 ноября, по распоряжению пристава Келлермана, был арестован один из городовых. Остальные городовые этого участка, составив собрание, нашли, что пристав поступил несправедливо, и отрядили одного из своих товарищей с просьбой освободить арестованного. Выслушав просьбу, а также предупреждение, что в случае ее неисполнения ни один городовой не выйдет на пост, пристав распорядился выпустить арестованного, и городовые приступили к исполнению своей службы.

— Министерство торговли и промышленности закончило на-днях составление законопроекта о профессиональных союзах, которые предлагается разрешать открывать „явочным порядком“. Законопроект будет на-днях опубликован.

Как будто немного поздно.

— Святой отец в роли погромного агитатора. Священник Жилин занимается антисемитской агитацией во время урока закона божия в одной из петербургских гимназий в присутствии учениц евреек. Он рассказывает о еврейских погромах, взваливая вину за них на евреев, которые, по его словам, стреляют в иконы и царские портреты и тем вызывают против себя христианское население (примеры: Кишинев, Нежин, Кострома). Он с особенным злорадством описывает, как еврейский раввин в Нежине должен был стоять на коленях перед иконой.

— После отказа за участие в политической забастовке штат Матвеевской аптеки выбрал 2 депутатов из своей среды для переговоров с аптекарем. Майзель сначала отказался было принять депутатов, но потом, предварительно ощупав посланных, нет ли у них револьверов, и не хотят ли они убить его, согласился, наконец, принять их. Депутаты сообщили Майзелю о постановлении С. Р. Д. и бюро союза фармацевтов, что последние не оставят безнаказанным отказ служащим за участие в политической забастовке. В настоящее время в аптеке Майзеля готовит лекарства рабочий Ефим и какой-то народный учитель, ничего общего с фармацией не имеющий. Аптекарь Майзель посоветовал этому учителю значек мин. нар. просв., который у него на околышке, прицепить к груди и выдает его публике за магистра (до забастовки в аптеке Майзеля работали 2 магистра).

— До настоящего времени выяснено, что в 17 аптеках уволены за участие в последней всеобщей политической забастовке 112 фармацевтов. Каменноостровская аптека окружена полицией. Переодетые полицейские и агенты тайной полиции сидят также внутри аптеки и на квартире Вакса.

— Аптекарь Вакс пригласил к себе аптекарского ученика и, угрожая револьвером, заставлял его дать честное слово, что не будет впредь принимать никакого участия в забастовках. Но угроза ученого мужа аптекаря Вакса не удалась: аптекарский ученик в честном слове ему отказал, за что и отказан от кондиции.

— Фабрикация адресов. Главный бухгалтер правления Виндаво-Рыбинской ж. дор. г. Кокушкин, желая „отличиться“ пред начальством, составил „верноподданнический адрес“ и предложил подписать его своим сослуживцам. Желающих подписать адрес нашлось всего 4. Тогда г. Кокушкин стал призывать к себе в кабинет своих подчиненных по одному и заставлял их подписывать адрес, прибавляя: „А не то мы с вами сочтемся“. Число подписей возросло. У г. Кокушкина нашелся подражатель в лице г. Никольского. „Благонамеренная деятельность“ гг. Кокушкина и Никольского возмутила служащих, и они потребовали у управляющего дороги, чтобы он изорвал верноподданнический адрес от служащих в упр. М.-В.-Рыб. ж. дор., которые вовсе не намерены подавать никаких адресов.

Управляющий обещал отдать адрес выбранному от служащих делегату, который тут же и уничтожил его.

— Пятьсот фельдшеров. В Иркутске, как мы слышали, до сих пор сидят 500 фельдшеров, вызванных во время военных действий в Манджурию. Сидят без работы никому ненужные там и с нетерпением ожидающиеся здесь семьями.

— Городские реформаторы. В числе прочих требований, выставленных служащими конно-железных дорог, одним параграфом требуется увольнение управляющего 1 группы кон.-жел. дорог инж. Баринова. 8 ноября в городскую управу поступило заявление инженера Баринова, который, увлекаясь примером корнета Савина, предлагает думе единолично и без денежных затрат уладить все коночные недоразумения. Прежде всего, городская комиссия должна передать свои полномочия ему, Баринову, который на первых порах предлагает уволить всех контролеров и пригласить на их место студентов „вполне благонамеренных“, а затем приняться за остальных служащих. Порукой за успех начинаний Баринов выставляет „честное слово“.

— От бюро союза петербургских книгоиздателей для борьбы за осуществление свободы печати. 31 октября 1905 года в Петербурге образовался союз книгоиздателей для борьбы за осуществление свободы печати по отношению к непериодическим изданиям. Членами союза единогласно сделано нижеследующее постановление:

„Постановляем игнорировать действующий цензурный устав и впредь все наши издания выпускать в свет, не считаясь ни с предварительной, ни с запретительной цензурой“.

Постановление входит в силу с 4 ноября 1905 года.

Полной свободы печати можно достигнуть только при содействии всего общества. Союз обращается к нему с просьбой о поддержке. Союз твердо уверен, что читатели откажутся от приобретения книг петербургских издателей, разрешенных цензурою после 4 ноября 1905 года. Этим путем общество властно скажет свое слово и поможет немедленному осуществлению основной задачи союза.

— Новая командировка сенатора Кузьминского. В Одессу для расследования причин последнего погрома и для выяснения той роли, какую играли местные власти в его организации и подавлении, будет командирован сенатор А. М. Кузьминский, ревизовавший летом нынешнего года город Баку и Бакинскую губернию. Сопровождать сенатора будут председатель Сувалкского окружного суда Хлодовский и товарищ прокурора Московского окружного суда Резников. Оба эти лица участвовали в бакинской ревизии, что окончилось преданием суду всего состава полиции с полицейместером во главе за полное бездействие власти.

— Земцы. 4 ноября состоялось частное совещание губернских гласных петербургского земства. Обсуждался вопрос об участии служащих губернского земства в политической забастовке. Собрание постановило, что хотя, с одной стороны, „не подлежит сомнению, что губернское собрание не в праве касаться личных политических взглядов каждого из служащих и принадлежности их к той или иной политической партии“, но, с другой стороны, губернские гласные „совершенно категорично отрицают возможность сделать губернскую управу ареной политической борьбы“. Кроме того, гг. земцы постановили, что „если бы дальнейшие события в жизни управы показали, что взгляды губернских гласных и гг. служащих в земстве по вопросу о забастовке диаметрально разошлись, то глубокое убеждение гласных таково, что дальнейшая совместная их деятельность на пользу местного населения невозможна“. Другими словами, если служащие посмеют примкнуть к общему освободительному движению страны, гг. земцы выбросят их на улицу... Старайтесь, старайтесь, господа!

— 4 ноября в петербургском обществе страхования, когда появились делегаты союза конторщиков сообщить постановление Совета Рабочих Депутатов о всеобщей политической забастовке, в помещение общества была введена полиция. Служащие конторы, желая выяснить причины появления полиции, просили администрацию разрешить им всем собраться, но администрация им в этом отказала. На-днях будет общее собрание союза конторщиков, которое и выяснит этот инцидент.

— Подписка женщин телеграфных чиновников. Многие женщины, служащие в управлении городских телеграфов в Петербурге, подали управляющему казенной палатой прошения, в которых просили возвратить им незаконно задержанные при поступлении деньги (закон 9 июня 1873 г. о сборе при определении на службу и определение правит. сената 29 мая 1878 г., на основании которого сбор на лиц женского пола не распространен). Аналогичные прошения были поданы также женщинами-чиновниками Варшавского Московского и Виленского округов, которым были возвращены деньги. Просительниц же Петербургского телеграфного округа в ответ на просьбу о возвращении денег начальник главного управления почт и телеграфов призывал к себе каждую в отдельности и брал с них подписку в том, что впредь не будут требовать удержанных правительством денег.

— Занятие под стражей. 2 ноября начальник службы сборов Николаевской железной дороги г. Г. распорядился поставить к дверям под'езда службы стражу из сторожей, на обязанности которых лежало никого не впускать в службу и не выпускать из нее служащих до 4 часов дня.

— По слухам, на капитальный ремонт дома, принадлежащего духовному ведомству, в котором живет К. П. Победоносцев и который будто бы предоставлен ему в пожизненное пользование, отпущено 30 тыс. рублей.

— Приказчики-дрогисты приглашаются в воскресенье, 13 ноября, в 6 часов вечера в союз приказчиков, Демидов пер., 5.

— Митинг, посвященный вопросу о смертной казни, состоится 10-го в Тенишевском училище. Вход по повесткам.

— 4 ноября в больнице св. Марии Магдалины состоялось собрание ее служащих в составе врачей, среднего и низшего персонала больницы, для обсуждения вопроса об автономии. Одним из членов этого собрания было предложено служащим высказаться о своих нуждах. Никто из присутствовавших, однако, не решился открыто их изложить. После того, как одним из присутствовавших врачей было об'яснено служащим, что они могут смело излагать свои желания, свое недовольство, что все врачи будут их защитниками в случае, если кто-либо из них за это будет подвергаться каким-либо репрессиям, и присутствующие врачи присоединились к этому обещанию, служащие стали высказываться. И тут обнаружился возмутительный факт. Смотритель больницы в целях дисциплинарных взысканий бьет служителей „по морде“ (выражение служителей), бьет до появления крови. Эти факты, впервые выплывшие наружу, вызвали горячий обмен мнений среди присутствовавших врачей. Некоторые требовали постановления о немедленном требовании устранения смотрителя от исполнения им его служебных обязанностей впредь до выяснения и рассмотрения обстоятельств этих фактов законным путем. Другие, находя, что вообще принятие подобных мер не входит в компетенцию настоящего собрания, полагали, что вопросу об устранении смотрителя должен быть дан формальный ход через попечителя больницы.

К сожалению, последняя точка зрения, стоящая исключительно на формальной почве, восторжествовала, и этот насущный для служителей вопрос остался без справедливого решения. В дальнейшем служителями был заявлен целый ряд жалоб и пожеланий, уже не вызвавших, однако, прений. Председателем было предложено все эти и другие заявления изложить письменно и передать их комиссии через выбранных на каждых 10 служителей десятских. На этом заседание закрылось, а вопрос об автономии не был подвергнут подробному обсуждению.

— С'езд обществ взаимопомощи. В скором времени в Москве состоится всероссийский с'езд обществ взаимопомощи, на котором будут обсуждаться различные нужды многих обществ. Из Петербурга также едут депутаты, избранные от: „Вспомогательной кассы наборщиков“, „Похоронной кассы“ и „Типографского музыкально-драматического кружка“. В общем на с'езде будут участвовать представители всех аналогичных

обществ. Редакция журнала „Наборщик и Печатный Мир“ также командирует на с‘езд двух делегатов.

— Союз прогрессивной радикальной польской молодежи устраивает в субботу, 12 ноября, в концертном зале Тенишевского училища (Моховая, 33), литературный вечер, посвященный памяти польского поэта Адама Мицкевича (50-летняя годовщина смерти).

Сбор с вечера предназначен для голодных рабочих в Царстве Польском. Примут участие: профессор Кареев, Андрей Немоевский (автор легенд), Людвиг Кршивицкий, Станислав Поснер, Станислав Пшибышевский и мн. др. силы новейшей социальной польской литературы. Начало вечера в 7 час. вечера.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

Рождественские курсы.

В соединенном заседании „педагогического“ и „училищного“ советов Рождественских курсов постановили:

„На основании действующего именного указа от 12 октября 1905 года, митинги в училище недопустимы, но допустимы частные собрания с точным соблюдением § 5 вышеупомянутого указа о собраниях, т. е. по именным приглашениям и без оповещения через газеты с тем, чтобы эти собрания не препятствовали занятиям и не стесняли живущих в интернате. С этой целью соединенное заседание постановило: предоставить для собраний помещение анатомического театра в воскресные и праздничные дни“.

„Выход найден“, — так несомненно решает совет профессоров курсов. Мы примирили настойчивое требование слушательниц о митингах, являющееся общесознанной потребностью времени, и полицейское предписание нам о подавлении законного права на свободное определение.

Но не находит ли совет профессоров Рождественских курсов аналогии в своем решении с известными действиями полиции, заклеившей треповскими приказами манифест 17 октября?

— Митинг в Введенской гимназии. В субботу, 5 ноября, в 12 часов дня, в помещении Введенской гимназии классной дамой был прочитан реферат на тему: „Параллель между испанской и русской революцией“. Реферат этот написан одним из учащихся. После реферата состоялся митинг, на котором присутствовали рабочие и представители различных классов населения. Оживленный обмен мнений вызвал вопрос о забастовке гимназистов. В результате решено поддержать требование Совета Рабочих Депутатов и примкнуть к забастовке. Между прочим, постановили отправиться немедленно в Петровскую гимназию с целью прекратить там занятия. Группа гимназистов, числом около 10 человек, направилась в Петровскую гимназию, но на пути была задержана полицией и препровождена в участок, откуда их, впрочем, скоро выпустили. Вслед за первой депутацией, которую задержали, отправили другую. Занятия там сразу были прекращены.

— Бивуак у Введенской гимназии. В 1 часу дня, 7 ноября, в помещении Введенской гимназии было назначено чтение реферата для учащихся средне-учебных заведений, каковые к этому времени собрались в большом числе. Здесь же находилась полиция, довольно многочисленная, с приставом 1 и 2 участков Петербургской части во главе. Полиция заявила собравшимся, что она вызвана директором гимназии А. Е. Якубовым для того, чтобы не впустить никого в гимназию. К директору были посланы депутаты, но не были им приняты. Тогда 2 депутата отправились к попечителю округа, но его „не было дома“, хотя часы эти как раз были приемные. Во время отсутствия депутатов к месту собрания учащихся были вызваны казаки, которые заняли обширную площадь вдоль Шамшевой, Лахтинской, Широкой и др. улиц. Тут же раз‘езжали для чего-то санитарные кареты. Часа два собравшаяся толпа маленьких граждан простояла под открытым небом в бивуаке, но напрасно: реферат прочитан не был.

— В общежитии студентов инст. инж. путей сообщения 8 ноября вывешено от имени директора следующее об‘явление:

Исполняющий обязанности профессора П. К. Янковский разрешил старостам института созвать 9 ноября с. г. в столовой Николаевского общежития общую сходку студентов института инж. путей сообщения для обсуждения своих академических вопросов без участия посторонних институту лиц, при чем соблюдение последнего условия профессор Янковский принял на свою личную ответственность пред властями.

Сообщая об этом гг. студентам института, профессор Янковский просит их содействовать тому, чтобы это условие не нарушалось, имея в виду также и то обстоятельство, что столовая общежития есть частное учреждение, дальнейшее функционирование которой будет зависеть от соблюдения означенного условия.

Первый политический клуб.

Под этим громким названием об‘единился ряд деятелей направления вовсе недвусмысленного. Самый состав клуба, как равно и программа, наглядно показывают, что клуб этот с полным основанием займет в правом политическом фланге ту крайнюю его точку, где корректное название „правой“ окончательно теряется, уступая место нашему специфическому общеизвестному термину.

Все эти Красовские, Худековы, Пиленки, Кривенки и т. п., составляющие душу нового политического заведения, конечно, не могли ничего лучшего придумать, как отныне знаменитую резолюцию относительно забастовки.

Разобрав вопрос о забастовке, упомянутые политиканы пришли к достопримечательным выводам: забастовки, по их глубокомысленному заключению, зло со всех сторон; куда ни кинь — все клин; она — забастовка — мешает и выборам в Государственную Думу, проделать которые первополитики так страстно желают; она —

„затрудняет и отсрочивает созыв столь необходимого России представительного собрания, являясь, следовательно, действием антиконституционным, стремящимся продлить настоящее нетерпимое положение государства и, быть может, вызывающим реакцию“, —

она, наконец, является „нарушением и оскорблением свободы собраний, печати“ и т. д. и т. д.

Постановление нового клуба помимо перечисления неудобств от забастовок личного характера не лишено и некоторой доли гражданской слезы, пролитой по адресу меньшого брата, так как забастовки „падают главной тяжестью на беднейшие классы населения“.

Мало того, забастовка, по клятвенному заверению политиков,

„возбуждает в стране взаимные недовольство и ненависть, раздражает злые страсти и действует развращающим образом на все слои населения, начиная от низших, народных, и до высших, правительственных, степеней“.

Это последнее обстоятельство в особенности смущает врагов человеконенавистничества и травли, к каковым причисляют себя сотрудники „Нового Времени“.

Это заявление весьма ценно, ибо россияне до сих пор повидимому по ошибке полагали, что виною погромов и резни на национальной почве является „Новое Время“ и подручные ему Крушеваны, Грингмуты и пр.; между тем они сами „скорбят“ по поводу „злых страстей“ и „взаимного недовольства“.

Всему виной забастовки.

Из чувства благоразумия здесь умалчивается, однако, о том, кто же именно содействовал погромам, когда забастовок в таком размере не было вовсе. Об этом клуб не говорит, вероятно, потому, что в доме повешенного не говорят о веревке.

Изложив все свои соображения, политики нового клуба составили, следуя духу времени, и свою „резолюцию“.

Она составлена кратко и лаконически, но между строк ясно и отчетливо видны физиономии „врагов человеконенавистничества“.

Вот эта „резолюция“:

„1. Выразить негодование виновникам всеобщей забастовки, начавшейся 2 ноября.

„2. Выразить сочувствие и одобрение всем работникам, не примкнувшим к ней.

„3. Обратиться к благоразумию и чувству гражданского долга всех тех, кто дал увлечь себя к участию в этой забастовке, и убедительно советовать им отказаться от продолжения ее.

„4. Обратиться к С.-Петербургской и Московской городским думам и ко всем вообще городским и земским учреждениям с просьбою поддержать настоящую резолюцию“.

Избрав столь почтенную платформу, гг. альтруисты по случаю 17 октября обращаются с воззванием к об'единению „всех прогрессивных партий в один общий союз“. Это необходимо —

„в видах укрепления и процветания отечества, своевременного созыва Государственной Думы и торжества в ней элементов законности и порядка“.

Чтобы определить степень „прогрессивности“ политического credo нового клуба, достаточно вспомнить историю его образования.

Еще в начале текущего года организаторы клуба выработали определенную „программу“. Цель клуба по этой программе сводилась к „борьбе с революционным и реакционным элементом“. Тогда же в печати было указано, что для первой миссии имеется и без них достаточное количество „средств и сил“, а вторая едва ли не поведет к борьбе между самими клубистами.

Как бы то ни было, из этого ясно видно, что клуб обнаруживал склонность занять место меж двух стульев. Отсюда и „центр“, на который новый клуб претендует. Центр так сказать особенный, специально-российский.

Надо сознаться однако, что позиция довольно шаткая. В центре между двумя стульями легко можно потерять равновесие и свалиться в ту область, где кончается политика и начинается царство черной сотни.

Л. Л—в.

4.000.

К 15 октября должны были выехать из Петербурга в разные города для явки на место приписки для отбывания воинской повинности около 4.000 рабочих. Но так как железные дороги забастовали, то выехать не удалось.

В виду этого, петербургское губернское по воинской повинности присутствие оставило всех запоздавших к явке рабочих до 12 ноября в столице.

Рабочие эти очутились в очень незавидном положении. Паспорта просрочены; как подлежащие отбыванию воинской повинности, новых паспортов они получить не могут, без паспорта никуда не принимают, да и заводы, кроме того, не хотят принимать на службу на неделю — другую.

Наше правительство, конечно, не думает позаботиться об этих работниках, которые по их вине выброшены на улицу.

Теперь им приходится почти голодать, проводить где день, где ночь, ночевать в ночлежках, а то и под открытым небом. За этот месяц, если у кого и было что, все прожито.

А через неделю — другую этих тружеников облачат в мундир и шинель, заставят дать клятву, что верой и правдой будут служить царю и отечеству, не пощадят живота своего, защищая царя и отечество от внешних и внутренних врагов. В месяц — другой вымуштруют этих тружеников, угрозами, зуботычинами запугают их, а потом выведут для защиты от внутреннего врага на улицу и заставят резать, избивать и пристреливать своих же братьев рабочих.

А пока — эти будущие защитники царя и отечества ходят по улицам оборванные, голодные, и нередко им приходится испытывать силу кулака наших усердных блюстителей порядка.

Один из этих будущих солдат рассказывает о своих мытарствах. Исхарчившись, продав почти весь свой рабочий скарб, он был изгнан из квартиры за неплатеж. Пришлось устроиться в ночлежке. Однажды усталый и измученный после целого дня, проведенного в тщетных поисках работы, он добрался до ночлежки, улегся на нарах. Но отдохнуть и поспать не удалось ему. Среди ночи поднялся необычный шум: то явилась полиция для „облавы“.

Вместе с беспаспортными он был отведен в участок, где изрядно избитый городовыми, он был брошен в так называемый „клоповник“, где и пришлось переночевать. На утро он был отправлен в сыскное отделение для допроса. Допрос, конечно, производился больше кулаками, чем словами. Наконец блюстители порядка, убедившись в полной невиновности будущего солдата, дали ему на прощанье „в шею“, посоветовав больше не попадаться.

Наш будущий солдат и еще несколько таких же новобранцев во избежание подобных встреч с полицией отправились по начальству просить, чтобы их поместили хоть в солдатские казармы или чтобы дали на прокормление до призыва. Из одного правительственного учреждения их с должными наставлениями гоняли в другое, наконец, когда в канцелярии градоначальника они начали настойчиво требовать, чтобы им дали возможность прожить до призыва, они очутились опять в участке и, избитые там, были выгнаны на улицу.

В настоящее время в ожидании приема на военную службу таких мучеников около 4.000 человек.

С. К—о.

Профессиональные союзы.

Союз деятелей по народному образованию.

20 — 21 ноября в Петербурге состоится с'езд деятелей по народному образованию, созываемый для обсуждения следующих вопросов:

1) Отношение учителей к событиям текущей жизни и их тактика в связи с этими событиями: осуществление прав, указан-

ных в манифесте 17 октября; пропаганда идеи Учредительного Собрания, составленного на строго демократических основах избирательного права; распространение правильных взглядов по национальному вопросу и т. п. Тактика учителей средней школы, тактика учителей низшей школы, тактика общая для тех и других, тактика в городах и деревнях.

2) Причины и размеры реакционного (контр-революционного) движения и формы выражения его в городах и деревнях; меры борьбы с ним со стороны учителей.

3) Политическая забастовка учителей: ее целесообразность и практическая осуществимость, план проведения (в средних и низших школах, в городах и деревнях).

4) Отношение учителей к аграрному вопросу (выяснение взглядов крестьян на способы разрешения его; способы, намеченные различными партиями и интеллигентными группами; наиболее рациональное разрешение вопроса).

5) Отношение учителей к рабочему вопросу (разрешение его партиями; столкновение интересов рабочего пролетариата и крестьянского населения в рабочем вопросе; наиболее рациональное разрешение рабочего вопроса для настоящего времени).

6) Отношение союза учителей к другим союзным, партийным и общественным организациям (к крестьянскому и земскому союзам, к местным союзам союзов, к обществам взаимопомощи учителей и т. п.).

7) Организация реформированной школы: начальной, низшей и средней; связь между этими типами школ; привилегии по образованию (дипломы).

8) Условия, необходимые для правильной постановки дела образования; общественные и правовые.

9) Профессиональная тактика учителей в настоящее и ближайшее время.

10) Значение учительского союза для дела просвещения и интересов учителей; меры к скорейшему росту его.

11) Взаимопомощь учителей.

12) Участие учителей в избирательной комиссии.

К участию в с'езде приглашаются: а) делегаты от местных групп союза учителей (по 1 на 5 — 25 членов группы), б) все члены союза, в) учителя низших и средних школ, хотя бы они и не состояли в союзе. С'езд устраивается для губерний: Петербургской, Новгородской, Вологодской, Олонецкой, Архангельской, Псковской, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. За справками и с заявлениями обращаться в бюро петербургского отдела союза учителей (Петербург, Чернышев пер., 16). Доклады для с'езда представляются в бюро не позже, как за сутки до открытия с'езда. Лица, желающие принять участие в с'езде, заявляют об этом в бюро союза, при чем делают взнос на расходы по с'езду в размере 50 коп.

Союз служащих в земских учреждениях.

29 — 30 декабря в Москве состоится союз служащих в земских учреждениях, по следующей программе:

I. Общие цели.

1) Участие союза в настоящем освободительном движении России.

2) Отношение союза к другим всероссийским организациям, как политическим, так и профессиональным.

3) Коренная реформа местного самоуправления на началах полной перестройки избирательных норм и приближение к населению путем введения мелкой земской единицы. Положение в реформированном земстве третьего элемента.

II. Борьба за правовые и материальные требования третьего элемента при существующих условиях.

1) Способы приглашения на службу и увольнения земских служащих.

2) Создание постоянных коллегиальных органов при земском самоуправлении, самостоятельно ведающих каждую отрасль земского дела.

3) Отношение третьего элемента к земской управе и земскому собранию.

4) Выработка общеземских норм труда и материального обеспечения всех разрядов земских служащих.

5) Задачи взаимопомощи в широком смысле.

6) Тактика ближайших действий по отношению к земству: пред'явление резолюций, ультиматумов; забастовка — частичная и общая; коллективный уход со службы; общая круговая порука; касса страхования.

III. Культурно-просветительные задачи третьего элемента по отношению к населению.

1) Просветительная задача на местах; ее плоды и тернии. Меры к повышению ее успешности.

2) Собственно просветительные начинания.

3) Установление тесных связей с населением на местах.

IV. Способы организации третьего элемента.

1) О существующих организациях: союзы, общества взаимопомощи, ссудо-сберегательные кассы etc.

2) Схема организации поуездных союзов третьего элемента на подобие союза московского уездного земства.

3) Всероссийский союз третьего элемента; его центральный орган и делегатские с'езды. Отношение его к Союзу союзов.

За всеми справками по делам, касающимся с'езда, следует обращаться к врачу К. Н. Смирнову (Москва, уездная земская управа).

В Петербурге организуется в настоящее время „союз работников телефонного дела". Союз ставит своей целью: 1) об'единение всех служащих в телефонных предприятиях и защиту их интересов, как служебных, экономических, так и общечеловеческих, 2) улучшение материального положения служащих и т. п.

В союзе фармацевтов.

На одном из собраний аптекарей решено было бойкотировать евреев-фармацевтов, как лиц, по их мнению, исключительно руководящих последними фармацевтическими забастовками.

Многие аптекаря после последней политической забастовки начинают отказывать своим служащим. Аптекарь Шаскольский, владелец Сампсониевской аптеки, призвал в понедельник, 7 ноября, своих служащих фармацевтов и предложил им расчет.

— Владелец Вознесенской аптеки Клейнерман отказал своему провизору.

— В Матвеевской аптеке С. И. Майзель уволил весь штат.

— В аптеке Брезинского отказаны все фармацевты-евреи.

— В бюро союза фармацевтов было доставлено письмо от заключенных товарищей. Они сообщают, что градоначальник распорядился освободить их, за исключением одного. Они отказались оставить участок до тех пор, пока не будут освобождены все, без исключения.

Бюро союза фармацевтов приветствует оставшихся заключенных товарищей за выраженную солидарность и усматривает в их действии акт политической зрелости.

Бюро с. ф. находит, что заключенные товарищи на свободе могли бы дать необходимые для освобождения оставшегося товарища показания.

Через некоторое время после заявления заключенных, все без исключения арестованные фармацевты были освобождены.

— Бюро союза адвокатов решило по поводу последних арестов привлечь к ответственности градоначальника за превышение власти, так как с опубликованием манифеста снимается усиленная охрана, и аресты без суда не могли быть произведены.

— Для борьбы с движением фармацевтов аптекаря организовали свой союз, который назвали „всероссийским союзом фармацевтов". Теперь аптекаря от имени своего союза рассылают фармацевтам прокламации с заявлением об отказе, если не приступят немедленно к работе. В последнем заседании своем союз фармацевтов по этому поводу вынес следующую резолюцию:

„Союз служащих фармацевтов возмущается наглостью самозванного, никем непризнанного так называемого всеобщего фармацевтического союза (союз этот не принят Союзом союзов).

„Союз служащих фармацевтов заявляет, что этот самозванный всеобщ. фармац. союз никакого участия в освободительном движении России не принимал, а в экономической борьбе слу-

жащих фармацевтов он выступал ярым противником последних и всячески мешал проведению в жизнь выставленных союзом требований.

„Союз служащих фармацевтов заявляет, что никаких решений самозванных союзов не признает и считается только с постановлением Совета Рабочих Депутатов“.

В Союзе союзов.

Телеграмма из Орши от командированного представителя из С.-Петербурга.

„Организовав в Орше погром, убийства, полиция явно противодействует расследованию. Вчера, 4 ноября, двое полицейских чиновников ворвались в камеру судебного следователя, потребовали немедленного освобождения арестованного полицейского чиновника Синицкого, одного из организаторов погрома и несомненного убийцы, грозили устроить новый еврейский погром и силой освободить Синицкого. Следователь, не уверенный в своей безопасности, намерен перенести камеру в Могилев, что сделает почти невозможным расследование. Вице-губернатор бездействует. Полицейские обратились к губернским и столичным властям с ходатайством освободить Синицкого“.

Союз дворников.

На-днях к одному из партийных работников социал-демократов обратилась группа петербургских дворников с просьбой помочь им образовать „союз старших и младших дворников“. В составленном ими проекте устава помимо пунктов, касающихся экономического положения дворников, значатся следующие: 1) отмена дежурств, 2) освобождение от несения полицейских обязанностей, 3) отмена административных взысканий, налагаемых градоначальником, 4) „все дворники за совершенные проступки должны привлекаться к одинаковому суду, как и все свободные граждане России“. По словам инициаторов союза, освобождение от полицейских обязанностей составляет заветную мечту всех дворников, в виду чего они твердо убеждены в успехе союза, поставившего себе эту задачу. Средство борьбы указывается обычное — забастовка.

Не забыта в уставе и политика. Четвертый пункт гласит: „Союз петербургских дворников согласен с требованием других делегатов от правительства, т. е. другими словами, мы, дворники, требуем народного Учредительного Собрания“.

Союз фотографов.

На-днях состоялось первое общее собрание фотографов-работников, об‘единившихся в „Всероссийский профессиональный союз фотографов-сотрудников“. Цель союза: 1) защита правовых и профессиональных интересов своих членов; 2) улучшение материальных условий их жизни и труда; 3) содействие усовершенствованию членов по специальности в техно-художественном отношении и пр. Основная часть проекта устава, заслушанного в собрании, принята. Для дальнейшего развития и ведения дел союза собрание временно избрало организационное бюро из 10 членов, представителей местных фотографий. В этом же собрании обсуждался вопрос о политической забастовке.

— 6 ноября состоялось частное совещание представителей некоторых профессиональных рабочих союзов по вопросу об об‘единении деятельности союзов. В совещании приняли участие представители от союзов сапожников и башмачников, портных и портних и рабочих по обработке дерева, а также инициаторы двух нарождающихся союзов: союза садовников и союза позументщиков и ткачей. В целях об‘единения деятельности собрание нашло необходимым образовать справочное центральное бюро рабочих союзов, войти в соглашение с союзами адвокатов, врачей и с другими обществами для общей организации бесплатной юридической помощи, озаботиться о подыскании помещения как для центрального бюро, так и для общих собраний отдельных союзов. Помимо того собрание нашло нужным издавать от имени центрального бюро справочный еженедельный, на первое время, листок „Профессиональный Союз“.

— В субботу 5 ноября, в Соляном Городке состоялось учредительное собрание союза рабочих по обработке дерева. Собранию был предложен проект устава, согласно которому действительными членами союза не могут быть лица, несущие административные обязанности в деревообрабатывающих заведениях (мастера, управляющие, заведующие и др. лица).

Целью своей союз ставит: 1) защиту правовых и профессиональных интересов членов союза, 2) содействие умственному, профессиональному и моральному развитию рабочих по обработке дерева и 3) материальную помощь членам союза. После ознакомления с проектом устава, собрание приняло его как временный, впредь до следующего собрания уже действительных членов союза. При выяснении ближайшей деятельности союза было найдено необходимым бороться за 8-часовой рабочий день (теперь работают 12, 13 и даже 15 часов), за повышение расценок, улучшение санитарных условий труда и за человеческое обращение со стороны хозяев и мастеров.

Все ораторы, находя недостаточным одни лишь экономические задачи, призывали товарищей к организации в политическую социал-демократическую рабочую партию. На этот призыв собрание отвечало единодушными громкими аплодисментами. Затем было выбрано временное организационное бюро из 15 лиц и четыре депутата в Совет Рабочих Депутатов. В тот же вечер в действительные члены союза записалось около 200 человек.

— Резолюция союза садовников Петербурга и его окрестностей. Садовники Петербурга и его окрестностей, собравшись впервые 6 ноября на митинг, обсудив свое экономическое положение и выслушав представителей Р.С.-Д.Р.П., пришли к убеждению, что экономические требования неразрывно связаны с политическими и что только об‘единенный союз всего пролетариата России в силах дружным натиском заставить правительство уступить правление страной представителям народа, выбранным на основании всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Поэтому митинг решил организоваться в профессиональный „союз садовников Петербурга и его окрестностей“, выработать устав союза и примкнуть к Совету Рабочих Депутатов под флагом Р. С.-Д. Р. П.

— СПБ. общество взаимопомощи оркестровых музыкантов приступило в настоящее время к расширению своей деятельности путем организации союза оркестровых деятелей.

С этою целью состоялись 27 и 29 октября, под председательством М. Владимирова, собрания организационного комитета союза оркестровых деятелей.—Приняты следующие резолюции: 1) Переименовать общество взаимопомощи в союз оркестровых деятелей и переработать устав общества соответственно целям союза. 2) Созвать 26 ноября, в 12 ч. дня, митинг оркестровых деятелей, т. е. оркестровых музыкантов, не исключая императорских и придворных, а также композиторов и дирижеров, которых предположено принимать в члены союза. 3) Вопрос о помещении для устройства митинга выяснить заблаговременно. 4) Открыть прием предварительных членских взносов в кассу союза в размере 1 рубля. 5) Предупредить гг. антрепенеров, режиссеров и дирижеров о неназначении в этот день репетиций (спектакли, согласно существующим узаконениям, 20 ноября не могут быть назначаемы). — На следующих заседаниях комитета будут вырабатываемы основные параграфы устава союза и те вопросы, которые будут предложены на обсуждение митинга. Организационный комитет состоит из представителей петербургских оркестров.

Из партийной жизни.

4 ноября состоялась конференция Ремесленного Районного Комитета П.К. Р.С.-Д.Р.П., на которой был принят следующий порядок дня.

1) Отчеты о проведении политической забастовки.
2) Отношение к Совету Рабочих Депутатов.
3) Реорганизация цеховых комитетов.
4) Вопрос об об‘единительном с‘езде.

Из отчетов партийных работников выяснилось, что политическая забастовка происходила: в ювелирных мастерских Дитвальда (до 200 ч.), Фаберже (около 150 ч.), Грачева (60 ч.),

Шуберта (25 ч.), Овчинникова, Бланко, Картена и др.; в слесарных мастерских: Павлова, Черашкина, Малахова, Васильева, Богданова, Кравцовича (150 ч.) и пр.; во всех крупных словолитнях — Лемана (150 ч.), Бергольда (свыше 100 ч.), Фр. Марка, Гольдберга и „Нового Времени". Бастовало огромное число типографий, литографий и т. п. Портные, шапочники, вязальщики, белошвеи и пр. работали почти все.

Затем была сообщена резолюция Федеративного Комитета об отношении к Совету Рабочих Депутатов. После обсуждения ее участники конференции постановили:

„1) Члены Р.С.-Д.Р.П. немедленно же должны выйти из С.Р.Д., если он примет какую-нибудь не соц.-дем. программу.

„2) Остаться в нем, если он останется в своем нынешнем состоянии, чтобы привести его путем агитации к признанию социал-демократической программы.

„3) Вести с этой целью агитацию как среди широких рабочих масс, так и в недрах самого Совета Рабочих Депутатов.

„4) Устроить выборы депутатов там, где они до сих пор еще не произведены, для проведения своих кандидатов; потребовать перевыборов, где они совершены неправильно.

„5) Члены партии должны в С.Р.Д. вносить все принципиальные предложения и резолюции от имени Р.С.-Д.Р.П.

„6) Члены партии должны образовать в С.Р.Д социал-демократическую фракцию, которая выступала бы всегда как единое целое.

„7) В том же случае, если С.Р.Д признает нашу программу, он должен будет проводить в жизнь директивы партии и выполнять технические функции (проведение забастовок, осуществление 8-часового рабочего дня, организацию боевых дружин, заготовление оружия и вообще подготовление и т. п.)".

С.Р.Д.

Решено пред'явить следующую резолюцию:

„Принимая во внимание, 1) что всякая политическая организация пролетариата обязана иметь строго определенную политическую программу,

„2) что С.Р.Д. об'явил себя политическим руководителем движения петербургских рабочих,

„3) что единственным истинным представителем интересов рабочего класса является и может являться только Р.С.-Д.Р.П.,

„4) что всякие неоформленные политические организации пролетариата вносят смуту в сознание рабочих,—

„мы, организованные рабочие и работницы Ремесленного района Петербургского Комитета Партии, собравшись на конференцию в числе 87, настаиваем, чтобы С.Р.Д. поручил Исполнительному Комитету разработать к следующему собранию вопрос об определении политической программы С.Р.Д."

Резолюция эта принята единогласно.

После обсуждения пункта 3 дня о реорганизации цеховых комитетов был принят план Петербургского Комитета с некоторыми дополнениями, которые об'ясняются специфическими условиями работы в Ремесленном Районе. В основных чертах этот план таков:

Прежние комитеты составляют списки всех товарищей данного ремесла, признающих социал-демократическую программу и желающих войти в ряды партии; эти списки пополняются членами партии, работавшими среди рабочих данного ремесла, а также товарищами, указанными Районным Комитетом. Все входящие в эти списки образуют избирательное собрание, которое выбирает цеховой комитет; число его членов и кандидатов к ним определяется самим собранием. Избирательное же собрание назначает агентов цехового комитета для мастерских с незначительным количеством рабочих и отдельные комитеты для более крупных мастерских. Каждый комитет решает самостоятельно, смотря по конкретным условиям своей работы, вопрос о том, может ли один из членов его открыто об'явить себя секретарем данного комитета или нет. Вообще же это признано желательным. Все социал-демократы обязаны открыто признавать себя перед рабочими членами партии при всех активных действиях и выступлениях.

Четвертый пункт за недостатком времени не мог обсуждаться.

Невский район СПБ. Комитета Р. С.-Д. Р. П. 30 октября состоялось собрание Семянниковского подрайонного комитета. Присутствовало 15 человек.

После доклада ответственного организатора Невского района о деятельности Федеративного Совета Р.С.-Д.Р.П. собрание, обсудив резолюцию Федеративного Совета об отношении к Совету Рабочих Депутатов, постановило:

„1) Раз Совет Рабочих Депутатов об'явил себя политическим руководителем рабочего движения, он должен, прежде всего, выяснить свою политическую физиономию, должен ясно и определенно указать те цели и задачи, которые он себе ставит, и те средства, при помощи которых он намерен добиваться осуществления поставленных им себе целей, т. е. другими словами, должен принять ту или иную программу и тактику.

„2) Таковой программой и тактикой, с точки зрения интересов рабочего класса, может быть только программа и тактика социал-демократии.

„3) Пока Совет не принял определенной программы, мы, социал-демократы, должны мобилизовать в нем и вне его все свои силы, открыто выступать в нем от лица социал-демократии и стремиться к тому, чтобы в самом недалеком будущем Совет Рабочих Депутатов принял социал-демократическую программу.

„4) Собрание находит необходимым и желательным принять следующие практические меры. Перед каждым общегородским собранием Совета Рабочих Депутатов должно происходить собрание делегатов социал-демократов, на котором предварительно обсуждаются все те вопросы, которые Исполнительный Комитет Совета намерен внести на рассмотрение общего собрания Совета.

„Решение, явившееся результатом предварительного собрания членов партии, открыто проводится в Совете от имени партии социал-демократами-делегатами. Таким образом, все члены партии, входящие в Совет, проводят в нем единое решение партии и от ее имени".

Голосование этой резолюции производилось по пунктам. Каждый пункт принят единогласно.

Далее собрание перешло к обсуждению вопроса о расширении рамок партии путем введения в организацию выборного начала и открытого выступления партии.

Обсудив доклад ответственного организатора, собрание постановило:

1) Немедленно преобразовать организацию заводского комитета, согласно предложенному плану.

Голосование этого пункта дало следующие результаты:

За — 11 голосов, против — 2, воздержался — 1.

Высказавшиеся против мотивировали свое несогласие тем, что по их мнению легализация должна предшествовать введению выборного начала.

2) По вопросу об открытом выступлении партийных организаций и членов партии.

1. Голосуется следующая резолюция: каждый член партии всюду выступает как таковой, открыто заявляя о своей принадлежности к партии.

Принято единогласно:

2. Избранный заводский комитет, как организация, своего состава не опубликовывает.

За — трое.

3. Весь состав заводского комитета опубликовывает.

За — пять.

4. Заводский комитет избирает одно лицо своего состава, как представителя Р.С.-Д.Р.П. на заводе, и оглашает во всеобщее сведение его имя.

За — девять.

Кроме того, собрание постановило немедленно приискать помещение для устройства лекций по вопросам программы и тактики.

— На-днях состоялось собрание членов взаимопомощи техников. На собрании с достаточной ясностью выяснилось, что за последнее время в среде членов произошла серьезная эволюция во взглядах. Вопросы взаимопомощи отошли на задний план. Общее движение ставится выше вопросов материального самообеспечения. Большинство участников собрания заявило о необходимости всему обществу примкнуть к Российской Социал-Демократической Партии.

Выражен был протест против Союза союзов. Один из ораторов назвал этот орган — созданием буржуазии, не имеющим ничего общего с пролетариатом, его воззрениями, стремлениями и нуждами. Российская Социал-Демократическая Партия в своих стремлениях даст надежду на лучшее будущее. Решено общество, как исключительно профессиональное, ликвидировать и создать общество, имеющее целью: 1) проведение в жизнь

политических прав своих сочленов в частности и союзов в целом; 2) союз техников должен признать себя частью всероссийского пролетариата и стремиться к об'единению со всем остальным пролетариатом; 3) признать над союзом верховное руководство Московского Комитета Российской Социал-Демократической Партии и отчислять 10% из средств союза в пользу кассы названного комитета.

Среди членов многих профессиональных союзов г. Москвы идут серьезные переговоры о слиянии названных союзов; так как теперь не время профессиональных интересов, проектируется создание общих союзов с политической целью и присоединение таковых к организациям Социал-Демократической Партии.

— Из партийной жизни Обуховского завода. Петерб. К-т Р.С.-Д.Р.П. просит нас сообщить, что от покойного товарища Еремина получено 50 рублей.

Письма в редакцию.

М. г., г-н редактор!

Покорнейше просим в вашей уважаемой газете поместить нижеследующее о порядках, господствующих в Николаевском военном госпитале:

Несколько дней тому назад больные 15 отделения просили об улучшении пищи, но никаких результатов не добились. „Зачинщиков“ же „бунта“ пригрозили даже посадить под арест.

7 ноября, мы, больные 13-го (венерического), 14-го (сифилитического) и 15-го (сыпного) отделения, всего в количестве более 200 чел., измученные систематическим недоеданием, решили отказаться от супа и есть только кашу, но раздатчик нам заявил: „Не хотите супа, то не получите и каши“. После этого фельдшером, по нашему настоянию, был приглашен дежурный офицер, который обещал удовлетворить наши требования, что подтвердил и д-р М-ий.

Нас собрали, и начальник госпиталя, Балтийского и др. заводов г.-м. Смельский, приказал всем „вольным“ выступить вперед и обратился к рабочим с такой речью: „Вы что это? Вздумали „бунтовать“ моих солдат? Вам пища нехороша? Бунтовщики, всех под арест посажу!“ Один из рабочих осмелился заявить, что они не бунтовщики, но генерал вцепился в его рукав и с помощью служителя оттащил его в сторону и приказал посадить под арест; таким образом он выволок и второго рабочего. Затем генерал попробовал пищу из бака и нашел, что она действительно никуда не годится, но приписал это тому, что суп был налит поваром сверху, а весь жир остался внизу. Чтобы убедиться в этом, все пошли в кухню; там генерал приказал размешать похлебку в котле, после чего он снова ее попробовал и нашел, что похлебка хоть куда, и предложил проделать то же и нам. Некоторые из рабочих попробовали и нашли, что суп от мешания нисколько не улучшился. „Да вы и дома такого супа не ели“, разгневалось его превосходительство.

В то время, как проделывалась эта комедия, пришел полковник Воловский, смотритель госпиталя, и начал уверять генерала, что забастовка имеет „совершенно другую подкладку“, но генерал оборвал его и приступил к допросу солдат. Он спросил, чем мы недовольны; мы стали просить его улучшить пищу и ввести в нее некоторое разнообразие.

В то время, как генерал разговаривал с нами, солдатами, полковник Воловский подошел к арестованным. Он об'явил, что они пойдут под арест, но один из арестованных начал убеждать, что здесь никакого бунта нет, а только протест против царящих здесь безобразий... „К тому же теперь свобода слова“, закончил он в свое оправдание. Вскоре был вызван капитан, заведующий кухней, и подтвердил, что бумага в пище, действительно, попадается, но откуда она берется — он не знает.

Один из больных солдат обратился к генералу с просьбой освободить арестованных: „Ага, и ты бунтовщик! Арестовать его!“ Среди больных поднялся ропот, и все об'явили, что не будут есть до тех пор, пока не освободят арестованных. Тогда полковник поднял руки и с криком: „марш по палаткам“ бросился на толпу. Больные разошлись, об'явив голодовку. Тогда арестованные обратились к генералу с требованием об'яснить им причину их ареста. „Какое еще вам об'яснение? Убирайтесь к чорту!“ и выгнал их в палату.

Несмотря на освобождение арестованных, довольно, впрочем, оригинальное, мы решили продолжать голодовку, впредь до улучшения пищи, а о происшедшем опубликовать в газетах. К вышеперечисленным отделениям 8 ноября примкнули глазное, ушное и хирургическое отделения.

Мы обращаемся к обществу и товарищам-рабочим с просьбой оказать давление на правительство и изменить быт солдат к лучшему. Это для них же выгодно.

Покорнейше просим другие газеты перепечатать это письмо.

Группа больных солдат с.-петербургского Николаевского военного госпиталя.

Милостивый государь,

г. редактор!

Будьте так добры поместить в вашей уважаемой газете нижеприведенное сообщение.

Насколько от личного, совершенно произвольного усмотрения гг. высших чиновников зависит распределение отпускаемых в пособие служащим в правительственных учреждениях сумм, можно судить из следующего факта:

По случаю вздорожания продуктов во время последней забастовки, канцелярским чиновникам, служащим по вольному найму, и служителям главного управления землеустройства и земледелия было испрошено пособие в сумме 6.000 рублей.

На долю служащих чиновников (м. пр., в департаменте земледелия и его отделах) пришлось получить каждому от 10 до 15 руб., тогда как личная и домовая прислуга исправляющего должность главноуправляющего т. с. Шванебаха (швейцар, лакеи, курьеры и т. п.) была вознаграждена суммами от 50 до 200 руб., вероятно, по случаю ухода своего патрона.

Спрашивается, не справедливее ли было бы со стороны г. Шванебаха вознаградить личную его прислугу из тех 10.000 руб., которые ему были назначены месяца два тому назад на переезд в казенную квартиру главноуправляющего.

Письмо покрыто 15 подписями.

Милостивый государь,

г. редактор!

Не откажите напечатать резолюцию, вынесенную студентами-коллегиантами на общем их собрании по поводу событий, имевших место в училище правоведения.

До глубины души возмущенные насилием, произведенным над товарищами-правоведами, исключенными в числе 17 за высказанные ими честные правовые взгляды, мы, студенты С.-Петербургского университета, живущие в коллегии при университете, выражаем им свою солидарность и в то же время приветствуем их первое смелое отречение от „старого мира“.

Студенты-коллегианты.

М. г., господин редактор!

Прошу поместить следующее:

1-го ноября.

В первый день после введения рабочими 8-часов. рабочего дня на заводах Московского района рабочие, окончивши в 4 час., мирно шли с несколькими флагами с надписями: „Восьмичасовой рабочий день“ по Волковской улице; по дороге к ним присоединялись рабочие встречных заводов. Неожиданно сзади на них нале-

тел казачий отряд. Несколько минут нагаечной работы, и от мирной, огромной процессии осталось несколько человек, которые были прижаты к углу Волковской и Заставской ул. Казаки окружили и начали избивать нагайками, а один обнажил шашку, но был остановлен офицером: „Подожди немножко“. Затем офицер обратился к кучке прижавшихся к стене избитых рабочих: „Запомните раз навсегда. Можете ходить только с трехцветными флагами и с портретом государя... Ничего другого не допущу,—слышите... Никого не пожалею!“ Во время этой речи офицера казаки громко выражали свое нетерпение и недовольство: „Да, что он с такой дрянью разговаривает. Уничтожить бы приказал всю эту сволочь“.—Потом... опять заработали нагайки.

А вот еще милая сценка. Одна местная заводчица, проезжая на извозчике сквозь расходившихся казаков, выкрикивала: „Я за царя, пропустите меня: хорошенько, хорошенько их нагайками, так им и нужно“.

Очевидец.

Театр и музыка.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР.

„Росмерсгольм“, пьеса *Г. Ибсена.*

Каждой своей драмой Ибсен старается доказать, что трагизм жизни создается не стечением трагических обстоятельств и не силой страстей, а самой сущностью душевного процесса, основными законами чувства и воли. Жизнь, прожитая до конца в каком угодно направлении, не может быть не чем иным, как трагедией и самоубийством,—вот главный тезис всего ибсеновского театра. Трагедии Шекспира это—бури на поверхности душевного океана, драмы Ибсена — могучие, неудержимые, хотя и тихие, волнения на бездонной глубине. В этом отношении драма „Росмерсгольм“ должна быть признана одной из лучших в театре Ибсена, так как она происходит на неизмеримо большей глубине, чем, например, „Нора“ или „Женщина с моря“.

Пьесу эту можно бы назвать трагедией чужой жертвы. Схема ее трагизма следующая. Для счастья каждого из нас необходимо устранить мешающее этому счастью препятствие, необходима чья-нибудь чужая жертва. Для счастья Росмера приносит себя в жертву его жена, нищая духом и чистая сердцем Беата. Она бросается с моста в пучину водопада для того, чтобы уступить место своей энергичной, жизнерадостной сопернице Ребекке, которая, по ее мнению, одна может дать счастье благородному, хотя безвольному Росмеру и разбудить его для живой, полезной деятельности. Но это же самопожертвование Беаты, которое является условием счастья Росмера, делает счастье его невозможным, становится для Росмера и Ребекки неумолимым роком и смертным приговором.

Таким образом, центральное лицо драмы не Росмер, и не Ребекка, а умершая Беата. Ее страдания, которые она при жизни от всех скрывала, разрастаются в глубокую посмертную драму, которая в своем неудержимом течении подхватывает Росмера и Ребекку и несет их к неизбежной гибели. При жизни Беаты Росмер был пастором. Под влиянием Ребекки он порывает с церковью, становится сторонником освободительных идей и склоняется к культу жизнерадостности и счастья. Но напрасно он всеми силами тянется к новой жизнерадостности. Посмертные страдания Беаты, как бледные, скользкие подводные травы, опутывают обоих влюбленных и влекут их на дно той самой пучины, куда Беата низринулась с рокового моста.

Как поучительно сравнить судьбу этих двух несчастных влюбленных с судьбою шекспировских любовников для понимания современной драмы и ее отличия от трагедии классической и романтической. Ромео и Юлия, для того, чтобы соединиться друг с другом, должны были побороть препятствия почти непреодолимые. Их разлучали два враждебных стана, они были разделены целым лесом копий и мечей, и тем не менее припятствия были преодолены, и страсть обоих влюбленных увенчалась счастьем. Росмер и Ребекка живут под одной кровлей, и никакая внешняя сила не мешает их соединению. Их разлучают только призраки прошлого, предостережения совести, ропот сомнений. И эти нереальные, внутренние препятствия оказываются единственно непреодолимыми и сильными, как смерть. Все внешние силы ушли во внутрь, война стала незримой, и вместе с тем новое искусство тоже углубилось, сделалось сокровенным, несколько рассудочным и почти бесплотным.

Трудно передать силу впечатления, которое получается от этой бесшумной, ушедшей во глубь трагедии. Глядя на нее, чувствуешь в самом деле дыхание судьбы. Но, отойдя от зрелища и освободившись от непосредственного впечатления, трудно удержаться от некоторых сомнений и вопросов. Росмер и Ребекка все время говорят о служении людям, о желании облагораживать человеческие сердца. Если слова их не риторика, почему они, отчаявшись в личном счастии, приносят никому ненужную жертву, бросаясь в пучину водопада, вместо того, чтобы броситься в пучину общественной борьбы и пожертвовать собой для счастья людей? Почему, внешним образом подражая Беате, они на самом деле оказываются эгоистичнее, чем она, и мельче духом?

Ведь Беата бросилась в воду ради счастья любимого человека. Ради чьего счастья, во имя кого жертвуют собою Росмер и Ребекка? Не слишком ли тонко выткал Ибсен свою психолочическую сеть? Не является ли излишняя глубина замысла одним из недостатков драмы? Не оттого ли в ней так и темно, что она разыгрывается на такой глубине?

Повторяю: все эти вопросы и сомнения одолели меня после спектакля. Непосредственное же впечетление от драмы было необычайно сильное и полное, чему не мало способствовала не только согласная, но художественно-гармоническая игра исполнителей.

Голубева в роли Ребекки сумела сочетать внешнее спокойствие, почти суровость выражения с большой внутренней страстностью и нежностью. Бравич создал в роли Росмера благородный образ, хотя игра его страдала некоторою монотонностью. Г-жа Холмская, игравшая роль горничной, внесла в мрачную трагедию добродушно веселую ноту.

Успех пьеса имела большой и, вероятно, надолго продержится в репертуаре Драматического театра.

Л. Вилькина.

НОВЫЙ ТЕАТР.

Заправилы Суворинского театра думали, вероятно, угодить „духу времени“ и, быть может, даже удовлетворить требованиям „крайних партий“, поставив 7 ноября комедию В. В. Туношенского „Черноморская Цирцея“. Комедия, будто бы, обличительная. В нее автор перетащил из всевозможных старых пьес на избитые темы обычные „отрицательные типы“: инженеров морского ведомства, строющих судна „хозяйственным образом“ и наживающих миллионы; дельцов, обделывающих свои дела под прикрытием служения обществу, чиновных благотворительниц, ворующих общественные деньги самым бесцеремонным образом, и т. д. Все это настолько надоевшие фигуры, что, когда они снова появляются в комедии г. Туношенского, то все их слова и поступки известны зрителю заранее и наводят только скуку.

„Гражданский“ соус, которым приправлено это подогретое блюдо, еще более отвращает от него, внося фальшивую сантиментальность в речи праздноболтающих героев и героинь г. Туношевского. В центре действия стоит „светлая личность“ (самая несносная по мелкому самодовольству и мелким подвигам порода людей) — бухгалтер мошеннического акционерного общества, обличитель своего начальства, журналист с честными принципами — и, конечно, человек, страдающий за свои убеждения. Ему-то и вкладывается в уста якобы революционная речь в конце: он мечет громы против собравшихся в одну кучку представителей старого бюрократического режима, зовет их людьми без стыда и совести и об'являет им, что их царство кончено, что уже близка новая пора торжества правды и справедливости и т. д. по обычному клише. Эта тирада рассчитана на эффект — получается даже впечатление, что она нарочно присочинена в виду некоторых побед освободительного движения — побед, признаваемых уж даже (что же делать?) в суворинском театре. Но она так наивна и риторична, что эффекта — кроме легкого смеха у более сознательной публики — не получается. Есть еще одна носительница гражданских идеалов — молодая девушка, дочь одного из главных дельцов, обворовывающих общество.

Она томится в своей семье, влюблена в благородного обличителя, кричит, что она „гражданка“ (даже публика суворинского театра рассмеялась над неуместностью этого термина в пошлой комедии) и уходит в конце пьесы со своим единомышленником от нечестивцев. Центральная фигура пьесы — Цирцея, т. е. „демоническая“ певица, которая держит в своих руках всю бюрократию и пользуется наворованными — для нее же — миллионами для роскошной жизни. Она сделана по образу и подобию всех интриганок, изображаемых в бульварных французских, а вслед за ними и русских пьесах. Она хищница, но не без сложной психологии, с мечтами о лучшей жизни, но с практическими идеалами. Благородного обличителя она влюбляет в себя, но с тем, чтобы воспользоваться им для „адской“ интриги и добиться своего — женить на себе туза, у которого она состояла в фаворитках. Вся эта интрига ведется в пьесе очень скучно и пошло.

Диалог слаб настолько, что, как только влюбленная парочка остается наедине, — начинается или игра на рояли или раздаются издали звуки вальса, лишь бы заполнить пустоту, так как говорить им не о чем.

Разыграна пьеса скорее хорошо. Г-жа Рощина-Инсарова передает обольстительность Цирцеи. У нее благородный стиль игры на спокойных нотах, но он становится однообразным и в драматических местах расхолаживает. Прекрасно передали комические роли гг. Яковлев, Блюменталь-Тамарин.

Областной отдел.

Харьков.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Наши думцы собрались 4 ноября для обсуждения вопроса о военном положении, переходе полиции в распоряжение города и организации ей в помощь милиции. Главной задачей этой милиции, которая должна представлять собой, как это выяснилось из прений, просто наспросто особый полицейский резерв, находящийся в распоряжении полиции, считается охрана предстоящих собраний для выборов в Государственную Думу от могущих произойти нападений черносотенцев, хулиганов и „других элементов“.

Кто эти „другие элементы“, господа думцы не заговаривали; — оставим открытым этот вопрос и мы, предоставляя недалекому будущему ответить на него. По проекту, внесенному в думу в октябрьские дни, во главе милиции должен стоять особый коллектив, состоящий из семи гласных. Проект этот был своевременно (в заседании 13 окт.) опротестован приглашенными в заседание представителями рабочих, настаивавшими на том, чтобы этот коллектив состоял из трех выборных думы, трех представителей пролетариата и одного от студенчества. Само собой, что наша дума испугалась этого предложения тем более, что, делая его, депутат от пролетариата заявил о нежелании его охранять избирательные собрания „для выборов в Госуд. Думу“.

И вот наши почтенные думцы либерального толка находятся в трагикомическом положении: военное положение исключает возможность предвыборной агитации для проведения желательных кандидатов; но страшна им и отмена военного положения, которая может развязать руки черносотенцам, хулиганам и другим элементам.

На полицию, как показал опыт, надежда плоха; необходимо подчинить ее городу, но и это не гарантия, ибо что могут сделать каких-то 250 городовых, составляющих весь наличный состав низших чинов полиции? Следовательно, необходима милиция. Милиция, гм... но ведь милиция— это рабочие, студенты... Этот элемент желает участвовать в коллективе... рабочие... а как быть с выборами в Государственную Думу!.. Эти невысказанные соображения так и чувствовались во все время прений: охота смертная, да участь горькая.

Гораздо последовательнее были противники положительного разрешения указанных выше вопросов.

Гл. Велитченко рокомендует, чтобы в каждом полиц. участке находились особо избранные думою представители города: это будет гарантировать нас от проявления произвола со стороны полиции и обусловит правильность ее функций.

Эта мысль приводит другого гласного г. Салтыкова в умиление.

— Представители города в участке!—умильно говорит он: — да ведь это все, что нам нужно! Ведь этакой представитель, это будет печальником от города: к нему придут обиженные, оскорбленные искать защиты.

На память невольно приходят слова великого сатирика: „Ничего нам, милая тетенька, кроме утирающего слезы жандарма не нужно“.

Все приходит к концу, окончилось и это полное неискренности заседание городских „печальников“, и окончилось победой печальников либерального толка.

На баллотировке постановлено ходатайствовать („именно ходатайствовать, а не требовать“, — говорил г. Данилович) — о том, чтобы одновременно было снято военное положение, передана полиция городу и разрешено устройство на случай надобности милиции.

И печальники разошлись...

Е. В. Гешин.

Уфа.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Ужасы, сопровождающие опубликование царской конституции по всей России, не миновали и Уфы. Черная сотня, открыто организованная полицией и духовенством, подвергла страшному избиению передовую интеллигенцию. Было несколько убитых, десятки раненых.

Одна из характерных черт „октябрьских дней“ в Уфе — это рост влияния местного комитета партии. Социал-демократы выступали повсюду на митингах, в думе и т. д. С мнением их не только считались, но постоянно прибегали к ним за содействием как представители городского управления, так и губернатор. При этом дело не обошлось без курьезов. Так, напр., правитель канцелярии губернатора подал прошение об отставке, мотивируя свою просьбу нежеланием служить под начальством человека, перешедшего якобы на сторону социал-демократии. Вообще чиновники местного губернатора вкупе с полицией вели себя крайне вызывающе по отношению к губернатору, раз замечали у него стремление считаться с манифестом 17 октября. Орудиями воздействия были клевета и инсинуация.

То они заявляли губернатору, что социал-демократы решили арестовать его, то сообщали о готовящемся будто бы нападении рабочих на тюрьму, то, наконец, пугали губернатора тем, что плотники и крестьяне собираются убить его за измену царю. Все это, разумеется, крайне терроризировало губернатора, и без того страшно растерявшегося.

Духовенство, как черное, так и белое, отнеслось к манифесту крайне враждебно. Была даже командирована специальная депутация к губернатору с предложением удостоверить, что опубликованный государственный акт не фальшивый. Мало того, представители духовенства, не удовлетворенные полученным раз‘яснением, отправились с тою же целью в жандармское управление и только после этого согласились прочесть манифест в церквах.

Ярославль.

(Корр. „Новой Жизни“.)

10 лет рабочие на ярославских фабриках покорно работали и мирились с тяжелыми условиями труда. Но октябрьское стачечное движение захватило и ярославских рабочих, вплоть до Корзинкинской мануфактуры (11 — 15 тыс. раб.), которая считалась здесь непоколебимым оплотом консерватизма и покорности. Еще до издания знаменитого манифеста, корзинкинцы уже стали ходить на социал-демократические митинги. Собираясь отдельно, они вырабатывали и требования — главным образом, экономические, между прочим требование 8-час. рабочего дня.

26 и 27 октября остановились работы в некоторых отделениях: забастовало около 4.000 рабочих, а 28-го стали все отделения. Рабочие собирались на митинги по несколько тысяч человек, но слушали ораторов на экономические темы, избегая резких политических речей. С ростом забастовки крепло настроение, и масса революционизировалась. 28-го утром и вечером были митинги, где социал-демократы говорили о современных событиях. Говорил поп, говорил о христианской любви, о том, что рабочие должны жить в мире со своими хозяевами, говорил, что считает требования рабочих справедливыми, но стачку считает безнравственной и т. п. Кончились его речи тем, что рабочие прогнали попа: „Уходи, — кричали они: — все ты врешь это!“. Некоторые требования рабочих удовлетворены. Для прекращения смуты и митингов были вызваны войска, которые и расположились у фабрики. И теперь только сняли солдатиков.

Сильно волновались рабочие на Смоляковском чугуно-литейном зав., на фабрике Вахрамеевых. Сейчас идет стачка на спичечной фабрике Дунаевых, идет очень дружно под руководством с.-д. комитета. То же самое и на Норской мануфактуре, где масса, до сих пор еще в значительной части своей связанная с землей, тоже слушает с.-д. ораторов и втягивается в круг политических интересов.

Были здесь еще забастовки наборщиков, типографщиков и часовщиков, окончившиеся очень удачно.

Рабочая масса рвется на митинги. На воскресенье Ярославский Комитет Р. С.-Д.Р.П. созывает собрание.

Черная сотня немного угомонилась. Видно, ждет инструкций и распоряжений свыше.

Емельян.

Кизил-Арват.

(Закаспийская обл.)

(Корр. „Новой Жизни“.)

Наша отдаленная и дикая окраина в лице рабочих среднеазиатской железной дороги внесла и свою лепту в великое освободительное движение русского пролетариата от полицейско-самодержавного режима, очень успешно проведя октябрьскую политическую забастовку.

Главная руководящая роль в этом деле выпала на долю наиболее сознательных рабочих кизил-арватских главных мастерских.

Область наводнена войсками всех родов оружия; но во многих воинских частях соц.-дем. пропаганда и агитация уже успела, в некоторой мере, воспитать политически солдатскую массу (на асхабадских митингах и в демонстрациях принимали заметное участие и нижние чины); безобразия казаков, этой узаконенной черной сотни, поставили теперь перед кизил-арватцами на первую очередь вопрос об организации боевых дружин самозащиты, что было уже принципиально решено еще на летних массовках, устроенных под руководством агитаторов, приезжавших с этой целью из Баку.

Вопрос о вооружении был решен здесь следующим образом.

Железа и стали в мастерских оказалось сколько угодно. Теперь почти уже все кизил-арватцы вооружены, правда, довольно примитивными, но прекрасно стреляющими самопалами, пробивающими насквозь на 20 шагов дюймовую доску. В дуло вставляется сильная стальная пружина, которая при спуске выбрасывает железную стрелку с стальным наконечником.

Башибузуки - казаки, уже не раз отведавшие этих „стрелок“, опасливо теперь проезжают мимо отдельных рабочих групп и не так уже ретиво помахивают своими плетками.

Речица.

(Корр. „Новой Жизни“.)

В Речице (42 версты по железной дороги от Гомеля) воинский начальник раздал местным мещанам винтовки, чтобы нападать на еврейское население. Из Гомеля отправился сюда небольшой отряд самообороны (человек 30), но по дороге с вокзала весь отряд попал в засаду и перебит. 9 человек убито. 21 раненых лежат в приемном покое арестованными. Пять из них ранены тяжело. Из Гомеля послали военного врача, т. к. гражданскому было небезопасно ехать туда. В Речице организовали погром священник, воинский начальник, следователь и один инженер. Весь город разорен. Также разорены Чечерск, Носовичи, Унеча, Стародуб, Новозыбков, Семеновка, Сятское, Добрянка, Березна, Сурот и мн. друг. Пострадали и бедные и состоятельные, так что собирать пожертвования не с кого.

Р—н.

Сестрорецк.

(Корр. „Новой Жизни“.)

На Сестрорецком оружейном заводе в народном доме в 2 ч. дня в воскресенье был митинг, на котором выступили представители партий правового порядка. Заведующим народного дома была заранее об‘явлена программа дня, соответствующая приблизительно пунктам программы П. П. П.

Собрание, тысячи в $1^1/_2$ человек, выбрало своего председателя рабочего, вместо официального председателя-заведующего народным домом, и приняло порядок дня, предложенный с.-д. Первый оратор с.-д. развил мысль о связи экономической борьбы

с политической и указал роль пролетариата в борьбе с самодержавием. Следующим выступил г. Половцев, отрекомендовавшись в качестве представителя П. П. П.; он обратился к аудитории: „Товарищи! (гул и крики возмущения) между тем, как с.-д. говорят: «пролетарии всех стран, соединяйтесь», мы говорим вам: «пролетарии России, соединяйтесь». П. П. П. тоже борется за свободу, но не с царем, которого любит русский народ (свистки...), а с его министрами, с проклятым средостением. Теперь, – продолжает оратор,—пора успокоиться и дать время созидательной работе. До 17 октября мы вас призывали бы с оружием в руках отстаивать свою свободу, теперь мы вас приглашаем успокоиться". Следующий оратор с.-д. раз'яснил двойственное положение буржуазии между действующими против своих же законов царскими опричниками и революционным пролетариатом, который является реальной силой, последовательно борющейся за полное народовластие. Оратор советовал рабочим твердо помнить свои интересы. Затем выступил Бобрищев-Пушкин: „Сограждане, я не смею более вас называть товарищами! я к вам пришел не льстить и заискивать, но предупредить: крайние партии на 25 лет задержали развитие России, Александр II, этот великий государь (крики: „Долой, довольно, черносотенец!..") был злодейски убит". (Крики усиливаются. Председатель энергично водворяет порядок.) „Россия будет растерзана внешними врагами, если продолжится революция. П. П. П. призывает рабочих к спокойствию. Она предлагает пролетариату не решать одному дела страны. а выслушать голос всего народа в Государственной Думе..." Свистки прервали его речь. Ему отвечал товарищ с.-д. Он об'яснил, что пролетариат интернационален по природе, что социалистические вожди России и Японии, Плеханов и Котояма, жали друг другу руки во время дальневосточной бойни, и указал на то, что П. П. П. апеллирует к низкому шовинизму несознательных элементов. Он сказал, что в настоящее время рабочий класс должен особенно определенно выделять свои интересы класса и никому не передоверять политического руководства собой, вручив его рабочей партии с.-д. Последний представитель П. П. П.. Добротворский, говорил общими фразами о свободе, о правовом порядке и закончил так: „С.-д. говорит: «Да здравствует пролетариат», я скажу: «Да здравствует русский народ»". После ответной речи одного из товарищей, собрание было уже готово принять резолюцию, но Бобрищев-Пушкин взял слово. Он умолял рабочих не обособляться от прочего населения страны. П. П. П., не в пример с.-д., соединяет и рабочих и крестьян, в нее входят и дворяне, и купцы и священники... („Вот как, и попы есть?.. ну, а жандармы есть?"—взрыв хохота). Б.-П. продолжает о солидарности классов и говорит, что его партия прежде всего ставит справедливость. Она не желает господства к.-л. класса, между тем как с.-д. необходимым условием революции ставят диктатуру пролетариата (председатель: „Фактически неверно"). „Мне говорят: неверно, я докажу документально". Торжественно вынимает программу Р.С.-Д.Р.П. и читает: „необходимое условие этой революции составляет диктатура пролетариата"... Председатель: „передержка!" Читает: „необходимое условие этой с о ц и а л ь н о й революции составляет диктатура пролетариата".

„Социальная революция и русская буржуазная революция не одно и то же".

Поднимаются крики: „Вон его, долой... довольно"...

Наконец собрание поднятием рук е д и н о г л а с н о решает не слушать дальше ораторов П. П. П. Бобр.-Пушкин, отступая, бросает аудитории:

„Так знайте же, у вас нет свободы слова!" Страшное возмущение и волнение, крики: „Вон... долой..."

Затем собрание принимает резолюцию, в которой, отмечая момент появления перед рабочими буржуазной П. П. П., признает единственной выразительницей интересов и единственной руководительницей рабочего класса — Р.С.-Д.Р.П.

Параллельно с прениями шли сношения рабочих с генералом, заведующим заводом. Генерал было пригрозил об'явлением, что все неявившиеся на работу в понедельник, в 7 час. утра, подлежат расчету, а завод будет закрыт. Приехавшие из города депутаты доложили митингу о постановлении Сов. Р. Д. начать работу с 12 час. понедельника.

Генерал заявил было, что ни с каким Советом считаться не хочет.

Рабочие тогда постановили: 1) если завод закрыт, то прекратить электричество, воду, и пар, которые себе выговорил генерал на время забастовки, и 2) следуя уставу заводской кассы, по которому она переходит в руки рабочих после об'явления расчета, взять кассу из правления. Генерал сдался. Победа сильно подняла настроение. Начавшие было откалываться группы недовольных воспрянули духом.

Евгений.

Редактор-издатель ***Н. М. Минский.***

Издательница ***М. Ф. Андреева.***

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 10

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ПЯТНИЦА, 11 НОЯБРЯ
(24 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

От союза медицинского персонала.

Владельцы аптек Гордон (на Знаменской ул., 30), Гаккель (на Пушкинской ул., 9), пригласив полицию и черную сотню, устроили засаду при своих аптеках и, таким образом, захватили членов союза фармацевтов, явившихся в их аптеки по поручению Совета Рабочих Депутатов, при чем захваченные фармацевты подверглись избиению. Союз медицинского персонала об'являет БОЙКОТ этим аптекам и обращается к членам других союзов и ко всем жителям Петербурга с просьбой присоединиться к этому бойкоту.

С.-Петербург.

11-го ноября.

Задачи дня пролетарского движения.

Все более сложные и трудные задачи ставит жизнь российскому пролетариату. И если бы мы не так верили в его классовый инстинкт, который выведет пролетариат на верный путь к социализму, то мы воскликнули бы: дело пролетариата в опасности.

Еще так недавно либералы и радикалы из рядов буржуазии пренебрегали рабочим классом, как ничтожной величиной (quantité negligeable) в политическом отношении, крестьянство же считалось серой массой, совершенно чуждой политике и способной только работать до седьмого пота, а когда станет, наконец, невтерпеж, выражать протест диким буйством, после которого неизменно следовала порка, военная „экзекуция“ и суд.

В это время, сдавленная тисками полицейско-самодержавного государства, работала посредством своих конспиративных учреждений социал-демократия. Она развивала классовое сознание пролетариата, она звала его к об'единению в одну политическую партию, на знамени которой написано—политическая свобода для завоевания социализма. Она беспощадной критикой буржуазного общества и старого полицейско-самодержавного строя подготовила ту победу, которую одержал теперь русский народ.

И вот победа одержана. Близко окончательное торжество демократии. И в такое время выползли на свет божий новые „общественные деятели“. Сознательно, полусознательно или совсем бессознательно они действуют,—мало меняет дело. А дело заключается в том, что многие из этих деятелей, пользуясь сравнительной свободой, стараются смешать политические карты и использовать пролетарское движение в своих целях.

На словах эти буржуазные борцы за образование „самостоятельной“ крестьянской и „самостоятельной“ рабочей партии ратуют за об'единение сил пролетариата против общего врага и, опираясь на эту позицию „соглашений“, восстают против „узко-классовой“ позиции социал-демократии. На самом же деле они затемняют классовое самосознание пролетариата, разбивают его организацию и тем ослабляют его боевую силу.

Что такое социал-демократия? Это—политическая партия пролетариев всех стран. Всякий, кто сознал, что выход из современного жестокого и пагубного общественного строя заключается в социализме, т. е. в уничтожении посредством передачи всех средств производства в общее владение и пользование всего народа, в уничтожении классовых перегородок общества, в уничтожении бедности и богатства, в уничтожении эксплоатации и угнетения; сознал, что путь к социализму есть политическая свобода, есть диктатура пролетариата; всякий, сознавший это, должен вступить в ряды социал-демократии. Естественно, что именно эксплоатируемые пролетарии наиболее чутки к проповеди социал-демократии. Поэтому-то социал-демократия есть массовая партия пролетариата. И сила борющегося пролетариата зависит от того, поскольку он сознательно и организованно входит в ряды социал-демократии.

Но долгие годы полицейского гнета самодержавного государства сказались... Молодой русский пролетариат, только что выходящий на арену открытой политической деятельности, должен выдержать атаку „доброжелателей“ из буржуазного лагеря. Эти радикалы разных оттенков и наименований, вплоть до социалистов-революционеров, неустанно твердят крестьянам и рабочим о необходимости образования союзов рабочих и крестьян, „самостоятельных“ от социал-демократии.

Что же взамен социал-демократической программы они преподносят „самостоятельным“ крестьянам и рабочим? Ничего. Это те же требования социал-демократии в чистом виде—о чем господа радикалы скромно умалчивают—или социал-демократические требования, прикрытые и искаженные туманом фантазий, вводящих народ в заблуждение и удаляющих его от реальных целей борьбы.

И теперь ближайшей и самой насущной задачей пролетариата является сознать самого себя, понять, что он и социал-демократия едино суть, и создать всемогущую организацию единой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

П. Румянцев.

Чего ожидать?

Нашему поколению выпало на долю редкое и опасное счастье быть свидетелями и работниками одной из тех великих революций, которые потрясают жизнь человечества в самых ее основах и, унося в одном стихийном порыве бесчисленное множество загромождающих ее обломков прошлого, освобождают путь для ее мощного развития, для ее небывалого расцвета. Это — величайшая и последняя из великих буржуазных революций. В ее громовых раскатах уже слышатся отзвуки иной, еще более величественной и еще более благодетельной грозы, надвигающейся на весь капиталистический мир и несущей в себе полное его крушение — полное обновление человечества.

Революция еще только началась. Еще дремлют в недрах народа грозные революционные силы, несравненно большие, чем те, которые уже выступили на историческую арену. Пролетариат городов одержал первую, блестящую победу; но и этот класс, об'единенный железной рукою капитала, пробужденный к борьбе идеями и лозунгами социал-демократии, еще далеко не вполне развернул свою энергию, свое революционное сознание. Он продолжает искать лучших форм и способов борьбы. Он нашел сильное оружие — всеобщую забастовку — и твердо держит это оружие в своих руках; но он еще не успел выковать и отточить другого, более острого оружия; он овладел уже большей частью той революционной программы, выполнение которой возложила на него история, но он еще не вполне нашел самого себя. Когда это случится, когда знамя его классовой партии — международной социал-демократии — соберет пролетариат России в одну братскую дружину, сознательно сплоченную на жизнь и на смерть, когда оно станет его единственным знаменем, тогда безмерно возрастет его сила — и горе тогда его врагам, горе тем, кто станет на пути его развития, его свободы.

А деревня еще только просыпается... Стомиллионный крестьянский народ поднимает голову, он устал голодать и надеяться. Воскресает старый лозунг: „Земля и воля". Этот лозунг выражает то, чего не может дать крестьянству власть, исходящая из прошлого, — государство помещиков и земских начальников, — и никакая иная, не порывающая окончательно и бесповоротно с этим прошлым. Теперь поздно торговаться с крестьянством, оно научается требовать и брать, оно захочет всего и не удовлетворится „чем-нибудь". В этом ручательство за непрерывный ход революции, за ее развитие до конца.

Наконец, войско... Уже здесь, в России, прорывается свирепый, стихийный протест, и только ценою кровавой расправы пока еще удается усмирение вчерашних усмирителей. Но еще не вернулись те, кто пережил ужас и позор на Дальнем Востоке. Они видели, они испытали, они поняли... Они скоро вернутся!

Правда, поднимаются, организуются для последней борьбы и темные силы прошлого. Городская Вандея уже заявила о себе пламенем пожаров и зверствами погромов, тысячами бессмысленных убийств и сотнями тысяч азиатских насилий. Будет и крестьянская Вандея — еще более стихийная, еще более ужасная. Несчастные темные люди собираются под черное знамя, чтобы повернуть назад колесо революции. Но они-то и закрепляют окончательно смертный приговор, произнесенный ею над прошлым, — воплощая это прошлое в неслыханно-чудовищных формах, они делают его социально-невозможным.

Еще не было революции такой кровавой, такой жестокой к ее бойцам, но не было и такой освободительной, такой драгоценной для дела всего человечества. Бесчисленны жертвы, но в них искупление. Крутой и тернистой дорогой шло человечество к идеалу свободы и братства; как тяжелая скала, привязанная к его ногам, была старая Россия. Теперь все изменилось, в пропасть падает ненавистное бремя, и юный, гордый народ становится в первые ряды великого движения.

С востока свет! Померкли ночные светила, и сквозь алый блеск зари льются лучи той звезды, которая одна сияет, одна царит на утреннем небе. Это — путеводная звезда борющегося человечества, это — идея социализма. За нею взойдет ослепительное солнце...

Рядовой.

Две демонстрации.

(Заметка.)

Все идет как следует. Пролетариат борется, буржуазия торгуется. На поле брани, на почве, политой пролетарской кровью, на трупах убитых и умерших от голода, создает она торжище и открывает торг народной свободой.

Но реки крови подымаются выше, революция разливается шире, и голоса на либеральном базаре становятся нервнее.

Под хлыстом растущего восстания летят долой все маски народолюбия, горячее дыхание идущего на бой народа смывает румянец либерализма с лиц помещиков и купцов.

Революция идет и все ставит на свое место.

Каждый шаг революции знаменует определенность и ясность в политических программах.

Пред лицом народного движения вскрываются глубочайшие социальные корни либеральных речей, и наглядно демонстрируется роль различных групп в борьбе.

Цели становятся конкретнее, лозунги ярче, тактика резче и решительнее.

Развитие революции сделало уже великое дело: цели, лозунги и тактику, витавшую, казалось, в области теоретических построений, оно сделало неотделимым достоянием революционных масс. Временное Правительство, Учредительное Собрание, собранное помимо и вопреки деятельности правительства, Демократическая Республика вошли в плоть и кровь пролетариата и давно перестали играть роль бумажных химер „утопистов-якобинцев".

И так же неумолимо, как пролетариат, и революционное, сознавшее свои интересы, крестьянство было приведено ходом революции к признанию этих лозунгов, так же неумолима должна была революция подвести к этим вопросам нашу „либеральную“ буржуазию и демонстрировать ее действительную природу на том методе, которым они решаются на происходящем теперь с‘езде земцев и городских деятелей.

Отмахнуться от этих вопросов теперь нельзя, и „дельцы“ с‘езда „решают“ их на практической почве.

„Отвергнуть требования народа, выставить свои умеренные, буржуазные, антинародные требования“, „поддерживать правительство, бороться с народом“, — вот то решение, которым буржуазия ответила на первую же попытку революционного пролетариата вплотную взяться за дело революции; вот та позиция, которую занял либерализм в революционной борьбе народа с царизмом.

Третий с‘езд Р.С.-Д.Р.П. дал правильный прогноз хода русской революции, когда, вполне признавая и подчеркивая, что революция будет буржуазной, что „демократический переворот в России при данном общественно-экономическом ее строе не ослабит, а усилит господство буржуазии“, в то же время указывал, что буржуазия „неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода“ *).

Чем дальше идет революция, чем больше отвоевывает пролетариат, тем сильнее, откровеннее становятся и эти попытки.

На с‘езде, собравшемся после грандиозного выступления пролетариата, как раз в тот момент, когда горячее дыхание города донеслось до деревни и охватило ее жаром борьбы, — зазвучали новые слова. Гул уличной борьбы проник в салоны кн. Долгорукова, чтобы вызвать там протест, чтобы дать стимул, толчок к заговору буржуазии против народа.

Пока земцы не верили в революцию, они пытались показать вид, что заняты вопросом о координировании своих действий с желаниями и борьбой народа. Когда разразилась гроза, они говорят о лучшей форме заговора против революции, против народа. А лучшей формой является, как всегда, та, которая, об‘единяя, увеличивает силы. Новые, неискушенные еще заговорщики поняли, что прежде всего им надо об‘единиться с профессиональными заговорщиками против народной свободы.

„Земский с‘езд должен найти в себе достаточно мужества, чтоб отмежеваться с левой стороны“, — заявляет г. Кузьмин-Караваев...

И „поддержать министерство г. Витте“, — продолжает кн. Долгоруков.

Такова позиция, занятая вполне сознательно и резко подчеркнутая.

Земцы давали себе полный отчет, против чего создают они заговор. Это—заговор буржуазии против действительного народовластия, ибо эта идея уже стала и все более и более становится в процессе революции конкретным требованием народных масс.

Это—заговор буржуазии против Учредительного Собрания, потому что это—требование масс.

Это—заговор буржуазии против всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, потому что это—требование масс.

Это—заговор буржуазии против революции, потому что масса идет этим путем.

Это—заговор буржуазии для поддержки правительства, ибо правительство идет против народа.

Это—заговор буржуазии для поддержки, реализации и закрепления Государственной Думы, ибо идея Государственной Думы есть антинародная, контр-революционная идея.

„Нам приходится считаться с движением двоякого рода: социал-демократическим, прекрасно организованным, и монархическим, которое еще только начинается“, говорил член с‘езда г. Климов.

Они выбирали и выбрали—надо поддерживать „молодое“ монархическое движение, чтоб придать ему силы, чтоб сделать его сильнее социал-демократического.

На протяжении 3 недель мы видели две демонстрации. Пролетариат всей России с 11 октября по 6 ноября демонстрировал силу своего сознания, стойкость и непреклонность своей революционной энергии и воли, сплоченность и боевую готовность своих рядов.

Либеральная буржуазия ныне демонстрирует глубину своего предательства, полноту своей измены делу народа, свою готовность к реакции и... и революция покажет ее практическое бессилие.

Изменять делу народа, продавать его интересы стало уже давно политической профессией буржуазии. Ныне это воплощается в заговоре против народа.

Но заговор окажется бессильным перед могучим ростом революции и сгинет под ее напором, ибо, когда „либеральная“ буржуазия совместно с феодальным правительством готовится к заговору против народа,—это значит, что народ во главе с революционным пролетариатом готовится и должен готовиться к решительным битвам.

На закате „весны народов“, 29 декабря 1848 г., К. Маркс в своей газете писал: „История прусской буржуазии, как и вообще история немецкой буржуазии, показывает, что в Германии установление господства буржуазии под фирмой конституционной монархии невозможно, что возможны только феодальная и абсолютистская контр-революция или социально-республиканская революция“.

Земцы в своих речах как будто стремятся оправдать свою позицию как раз тем, что они оказались перед очерченной дилеммой... Но, идя по стопам буржуазии прусской, русская буржуазия только обостряет эту дилемму, и нам, не сомневающимся, какая „возможность“ победит, остается только приветствовать этот процесс выяснения классовой структуры освободительного движения.

Буржуазия открыто изменяет делу свободы—это значит: революция идет вперед.

Юрий Каменев.

---

*) См. резолюцию о Временном Революционном Правительстве.

Русская печать.

*** У храбро-радикальной „Руси“ нет-нет да и высунется хвостик, обличающий родство ее с „Нов. Врем.“. То спереди, то сзади, то в середине, то в телеграмме, то в фельетоне, то в передовой нет-нет да и проскочит прием „Нового Времени“. Вчера „Русь“ сообщала, что в Варшаве совершаются ужасы: какие-то вооруженные незнакомцы разгоняют русских учителей, не давая им заниматься с детьми. Сегодня есть статья о Финляндии. Написана она журналистом, не забывшим нововременские заветы. Автор сокрушенно доносит, что

законная власть фактически упразднена, и положение в Великом Княжестве самое неопределенное и неуверенное. Всякий авторитет подорван, и никто не знает, кто правит страной. Во многих местах администрация перестала функционировать еще со времени забастовки, полицейские управления запечатаны, и т. д.

Немудрено, что на таком фоне „развиваются такие явления“, как

национальная гвардия, представляющая собою мобилизацию республиканских фракций (главным образом социал-демократов), которые, не довольствуясь достигнутыми реформами, стремятся к полному отложению от России.

Если этого покажется недостаточным, чтобы ввести военное положение, то у „Руси“ есть в запасе еще доводы:

Присутствие в стране совершенно независимой, организованной в батальоны и полки национально-демократической армии служит несомненной угрозой для внутреннего равновесия самой Финляндии. Возможно, что эта армия будет мобилизована для того, чтобы с созывом сейма 7 (20) декабря произвести coup d'état, принудив сейм силой признать главные требования рабочей партии, т. е. однопалатную систему и т. д. В связи с этим уже теперь страна волнуется слухами о предстоящей революции, которая будет направлена против буржуазии и представляющей ее, главным образом, шведской партии.

Словом, угрожает анархия, если только правительство не спохватится и не примет мер обуздания. Газета забывает о том, что в Финляндии рабочие батальоны образцово поддерживают порядок, а у нас „люди порядка“ разгромили и сожгли пол-России. Клевету по адресу социал-демократов, разумеется, не будем опровергать. Донос слишком топорен и ложь его сама себя обличает. Но некстати ли напомнить „Руси“, что она нам предлагала союз и огорчалась, что „оттенки в программах“ мешают прогрессивным газетам итти рука об руку. Вот они—оттенки в программах. И спасибо за такого союзника!

*** За кулисами „прямоты и искренности“. Свобода, возвещенная для того, чтобы достать деньги на ее подавление. Вот — история „великого акта 17 октября“.

Еще задолго до октябрьского акта,—говорит „Сын Отечества“,—наши финансовые агенты вели очень страстные переговоры с фирмами чуть ли не всех стран света, и заем в полтора миллиарда франков был уже почти решен. „Кон'юнктура“ для этих интимных бесед была создана так, что иностранные капиталисты должны были уверовать в искренность петербургского правительства, жаждущего серьезных реформ.

Вера покупалась деньгами. Были розданы щедрые начай заграничным либеральным газетам, и на страницах этих органов внезапно испарились известия о росте „смуты“ в России. Успокоенных печатью капиталистов поманили баснословным процентом.

Правительству были нужны деньги для войны с Россией, и оно, как игрок, уже проигравший почти все свое состояние, было готово подписать какой угодно вексельный бланк.

Сделка должна была состояться на условиях прямо позорных для великой державы, еще не прекратившей своих платежей. Наше правительство соглашалось принять 84 за 100 и платить почти полных 5 годовых. Кроме того, предательски отнимая у русского народа право на труд, оно отдавало половину займа заказами державам, дающим кредит.

Не пришлось бы даже сочинять манифеста, если бы не русский пролетариат.

Иностранное золото было уже почти готово, Мендельсон и Морган уже сделали министру финансов свой последний визит, и правительство, не находя более нужным скрывать своей истинной цели, склонялось к военной диктатуре и к применению „решительных мер“. Почувствовав снова силу в своих руках, правительство слишком поторопилось об'явить войну. Всеобщая забастовка одним ударом убила этот позорный заем, и правительство, попавшее в клетку, со скрежетом зубов бросило народу манифест о дарованин прав...

За три дня до появления манифеста министр финансов Коковцев сделал загранице намек, что задумано устроить „успокоение“: он напечатал в заграничных газетах небольшое официальное сообщение, что вопрос о заключении займа отложен на короткое время „до наступления более благоприятных условий“. Обещав стране конституцию, думали ее обмануть и вынудить у заграницы миллионы, чтобы в конец добить смуту. Но кого же удалось одурачить?

*** Правительство исполнило обещание. Оно сказало, что по делам о погромах будет сделано следствие, и, действительно, сенаторы ревизуют. Только — каковы судьи? Вот сценка, изображенная в „Нашей Жизни“.

Заседание I департамента правительствующего сената. Докладывается дело о разрешении лицам, избранным в земские гласные, вместо установленной в законе присяги, давать торжественное обещание (без упоминания имени божия), как то допускается для городских гласных, присяжных заседателей, свидетелей и т. п. Вопрос возбуждает бесконечные прения. Раздается веский голос украшенного орденами сенатора: „Закон ясен. Положение о земских учреждениях ничего не говорит о торжественном обещании. И общие соображения никакого основания для распространительного толкования не дают: разве лица, не верующие в бога, желательный элемент в качестве земских гласных? В бога не веруют — не велика потеря, если гласными не будут!“ И присутствие сената соглашается...

Невольно вспоминаются слова одного из столпов приказного строя, обошедшие недавно всю печать: „Вы думаете, мы легко сдадимся? Нет, мы не уступим без борьбы — мы будем кусаться, царапаться... потому что это вопрос нашего бытия“.

Будем кусать и царапать, но, конечно, не своих же единомышленников.

Братская могила.

(9 января 1905 года.)

Широко раскинулось Преображенское кладбище... Белых крестов — что деревьев в лесу... Много народу лежит тут...

Под оградою церковного дома—близ военного кладбища, откуда виднеются стоящие правильными рядами синие, желтые, красные железные кресты — свеже-насыпанный необычайной формы могильный холм.

Длинный холм — восемнадцать аршин... Странный вид этой могилы: тут и кресты, и крестики, и просто деревянные колышки с небольшими прибитыми к ним дощечками... Засохшие глыбы земли неприятными для глаза комками выглядывают промеж крестов и колышков с дощечками...

Посредине могильной насыпи высится большой выкрашенный в синюю краску крест. Крест этот, словно маяк, виден далеко по кладбищу... В крест вделана фотографическая карточка. Вокруг надпись: „В братской могиле покоится прах раба божия Андрея Ивановича Круглякова, 18 лет, 22 дня и 4 месяца... Покорному сыну от родителей".

Под этой надписью написано карандашем: „Убит 9 января".

Рядом — большой белый крест; надпись: „Василий Жилинский—26 лет". Под надписью—карточка молодого человека...

Я видел его в покойницкой Обуховской больницы в ночь на 10 января.

Под этим крестом колышек с дощечкой, на которой надпись: „Крестьянка Евдокия Васильева"—не та ли самая, которая лежала рядом с Жилинским в покойницкой Обуховской больницы?

На кресте Александра Иванова надпись: „Прощай, отец, сестрицы, мать! Мне не пришлось жить в этом мире. Прошу я вас лишь не скучать, что я лежу в сырой могиле".

Под крестом также дощечка с надписью: „Неизвестный мужчина. Доставлен со 2 участка Литейной части 9 января 1905 года". А вот еще и еще такие же надписи...

На всех крестах надпись, сделанная краскою: „убит", стерта и восстановлена карандашем... В этой братской могиле официально погребенных значится сорок семь человек.

. . . . . .

Рано утром у братской могилы собралась небольшая группа людей. Были тут рабочие, студенты, курсистки и „вообще народ"; тут же виднелись „гороховые пальто"... И почему-то в этот же день на кладбище прибыли: сотня казаков и две роты солдат...

Нижние чины были расположены в разных местах кладбища — красиво блестели казачьи пики. Офицерство гарцовало на упитанных конях по дорожкам кладбища...

. . . . . .

Ежедневно братская могила посещается народом. Говорят, что на Преображенском кладбище братских могил от 9 января несколько.

Но где эти могилы — вам никто не укажет...

Мих. Мукалов.

Из записной книжки хроникера.

II.

27 октября.

— Трепов окончательно ушел.

— Погромы в провинциях продолжаются.

— Бывший товарищ министра финансов А. Д. Оболенский назначен об.-прокурором синода.

— Витте говорит, но мало.

— Небогатов выругал бюрократию в 3 газетах.

— В главном управлении по делам печати „настроение тихое, без дел".

— Учебные заведения попрежнему охраняются.

— Полиция и черносотенцы готовятся к погрому.

— Митрополит Владимир ушел.

— Финляндцы вводят у себя автономию.

— Д. Н. Шипов собирается отказаться от министерского портфеля.

28 октября.

— Бывший тов. мин. финансов Тимирязев назначен министром торговли.

— Финляндский ген.-губернатор Оболенский охраняется революционерами.

— Охрана с учебных заведений не снята.

— В Кронштадте бунт матросов и солдат.

— К погрому готовятся деятельно.

— Распространяется слух, что нашелся министр народного просвещения.

— Трубецкой и Д. Н. Шипов окончательно решили отказаться.

— Закон о свободе печати спешно вырабатывается.

— Редактор „Новой Жизни" привлекается к судебной ответственности.

— Небогатов выругал бюрократию еще в одной газете.

— Витте жалуется, что у него много советов и ни одного министра.

29 октября.

— Бывший тов. министра финансов Кутлер назначен главноуправляющим землеустройством.

— Выработка закона о свободе печати подвигается.

— Редактор „Русских Ведомостей" привлекается к ответственности.

— Слух о том, что нашелся министр народного просвещения, оказался газетной уткой.

— Учебные заведения заняты войсками.

— Министров нет; поиски продолжаются.

— Финляндцам дают официальное разрешение на автономию, которое они забыли испросить предварительно.

— Трубецкой и Д. Н. Шипов бесповоротно отказались устно и письменно.

— К погрому все готово.

Евреи и интеллигенция бегут из столицы.

— Градоначальник отменяет погром.

— Разочарованный Крушеван с грустью уезжает.

30 октября.

— Бывший чиновник министерства финансов Иван Шипов назначается министром.

— Закон о свободе печати окончательно выработан.

— Редактор „Вечерней Почты" привлекается к ответственности.

— 8-й кандидат на место министра внутренних дел отказывается.

Полковник Мин благодарит солдат за „усердие".

— Польша об'явлена на военном положении.

— Витте молчит.

31 октября.

— Чиновник министерства финансов Путилов получает высшее назначение.
— Ожидается реакция.
— Закон о свободе печати будет опубликован на-днях.
— Редактор „Русского Слова“ привлекается к ответственности.
— С учебных заведений охрана снимается и заменяется другой.
— В академии художеств неожиданно нашелся министр народного просвещения: это И. И. Толстой.
— Витте начинает ругать крамольников.
— Начальник почт об‘являет, что манифест 17 октября не имел в виду почтовых чиновников.
— 35 губернаторов намечены к увольнению.
— Витте делает авансы „патриотам“.
— За ненахождением министра внутр. дел, на этот пост назначают Дурново, уверяя, что это временно.

1 ноября.

— Чиновник министерства финансов Федоров получает высшее назначение.
— И. И. Толстой согласился на все.
— Правительство готовится расстрелять 300 кронштадтских матросов.
— Витте уверяет, что русское общество вовсе не хочет никаких свобод.
— Опубликование закона о свободе печати ожидается со дня на день.
— Главное управление по делам печати напоминает о старых законах и ходатайствует об их соблюдении „пока“.
— Спешно разрабатывают законы о всех свободах.
— Слухи о приближении реакции растут.
— Совет Рабочих Депутатов об‘являет всеобщую забастовку.
— Витте грозит реакцией.
— На улицах появляется войско.

2 ноября.

— Забастовка начинается.
— Патрули увеличиваются.
— Законы о свободах разрабатываются.
— Витте молчит.
— За отсутствием стрелков—военно-полевой суд над матросами отменяется.
— Ходатайство главного управления по делам печати отклоняется.
— Патрули прибывают.
— Забастовка растет.

3 ноября.

— Законы о свободах разрабатываются.
— Войска на улицах прибывают.
— Вышел 5-й номер „Известий Совета Рабочих Депутатов.
— Городская дума образует комиссию по вопросу о милиции.
— Забастовки увеличиваются.
— Витте хочет породниться с рабочими.

4 ноября.

— Крестьянам, прекратившим платежи податей, особым указом разрешается и впредь действовать в том же духе.
— Рабочие уклоняются от родства с Витте.
— Забастовка растет.
— Войска прибавляются.
— 6-й номер „Известий Совета Рабочих Депутатов“ конфискуется в гранках.
— Стрельба местами начинается.

5 ноября.

— Градоначальник приглашает публику расправляться с рабочими делегатами.
— Забастовка растет.
— В „Правительственном Вестнике“ опубликовываются 3 указа.
— Законы о свободах положительно заканчиваются.
— Собрания разгоняются полицией.
— Гранки „Известий С. Р. Д.“ похищаются из-под стражи.
— Дума образует еще одну комиссию о милиции.
— Витте молчит.
— Совет Рабочих Депутатов об‘являет окончание забастовки на 7 ноября.

6 ноября.

— С законами о свободах „настроение вялое“.
— О реакции ничего нового.
— В виду окончания забастовки начинается расстрел публики.
— Земцы заговорили в Москве о единении с Витте.
— Ожидается назначение на ответственный пост нескольких чиновников министерства финансов.
— В „Правительственном Вестнике“ опубликовываются 2 указа обыкновенных и 4 именных.

7 ноября.

— Забастовка кончается.
— Расстрел продолжается.
— О свободах не слыхать.
— О реакции также.
— Дума образует 2 подкомиссии о милиции.
— В „Правительственном Вестнике“ опубликовываются еще 2 указа.
— Земцы продолжают говорить об „анархии“ и единении с Витте.
— Витте молчит.

8 ноября.

— О свободах „без перемен“.
— № 7 „Известий С. Р. Д.“ отпечатан в „Новом Времени“.
— Суворин-отец злится.
— „Русь“ ругает „Новое Время“.
— Земцы говорят без конца.

9 ноября.

— Законы о свободах где-то застряли.
— „Новое Время“ ругает „Русь“.

— „Правительственный Вестник“ вышел без всяких указов.

— В думе подымается вопрос, нужна ли милиция.

— Разговорам земцев конца не видно.

10 ноября.

— Учебные заведения попрежнему охраняются.

— Ни о свободах, ни о реакции не слыхать.

— Земцы все говорят.

— А Витте все молчит.

Л. Львов.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Варша'ва, 10 ноября (Оф. корр.).—Из поступающих постепенно донесений о революционном движении в Царстве Польском видно, что тревожное настроение края не прекращается. В нескольких уездах Радомской, Сувалкской и Петроковской губерний продолжают громить винные лавки, гминные управления и школы. В Радомской губернии, в Конском уезде, порубки казенных лесов принимают угрожающие размеры; в Илжецком уезде появились банды, возбуждающие крестьян к беспорядкам.

5 ноября в посаде Вонхоцке, Илжецкого уезда, злоумышленники обезоружили стражника, разгромили гминный суд, похитив 65 руб. В Садовском гминном управлении, Опатовского уезда, уничтожили дела, книги, похитив в денежном ящике 560 руб. В Сандомирском уезде разгромлены казенные винные лавки.

6 ноября в Радомском уезде собралась двухтысячная толпа и уничтожила в гминном управлении царские портреты, русские вывески и книги. В последнее время в разных местностях края население отказывается платить подати.

Москва, 10 ноября.—Сегодня забастовали телефонистки, недовольные неудовлетворением их требований и увольнением их товарищей; телефон действует частично, работают только 200 телефонов.

Кашира, 10 ноября.—Сегодня состоялось экстренное заседание думы, на котором предводитель дворянства Татаринов внес предложение примкнуть к партии порядка. Дума по его предложению постановила: 1) выразить государю императору одушевляющие думу чувства любви и преданности; 2) просить правительство не верить мнениям, высказываемым различными партиями, союзами и митингами, ибо они не выражают мнения страны, последнее выяснится лишь по собрании законно избранной Государственной Думы; 3) просить правительство назначить заседание Государственной Думы вне С.-Петербурга для ограждения Думы от влияния улицы и 4) просить предводителя дворянства передать это ходатайство графу Витте лично и словесными об'явлениями поддержать его.

Татаринов вместе с тремя депутатами партии порядка, избранными экстренным губернским земским собранием 5 ноября, отправляется в С.-Петербург 14 ноября.

Харьков, 10 октября.—Конституционно-демократическая газета „Мир“, в которой участвует Максим Ковалевский, начнет выходить в Харькове 27 ноября. Здесь учреждается политический социал-демократический клуб.

Симферополь, 9 ноября. — Все виновники еврейского погрома, бывшего 31 октября в двух селах Днепровского уезда, обнаружены.

Киев, 9 ноября.—Киевское купеческое общество постановило ходатайствовать перед Государственным Банком об отпуске на шесть лет специального кредита в 200.000 руб. для выдачи долгосрочных ссуд пострадавшим от погрома местным торговцам. Выдачу ссуд решено возложить на киевское купеческое общество взаимного кредита, которому поручается финансирование операции для обеспечения Государственного Банка от потерь по указанным ссудам. Решено: обложить купцов особым сбором в 15 р. с каждого купеческого свидетельства, что даст в год 8.000 р., которые поступят в возмещение могущих быть потерь.

Киев, 9 ноября.—В Киеве, кроме партии конституционалистов и прогрессистов, возникло начальное ядро новой политической организации при клубе домовладельцев — киевский центральный организационный комитет партии правового порядка. Обе партии уже выработали свои программы, которые в существенном сходятся с петербургской партией правового порядка, при чем партия конституционно-прогрессивная стоит несколько левее последней.

Саратов, 10 ноября.—Состоялось первое многолюдное собрание конституционно-демократической партии.

Иркутск, — Сегодня об'явлено о прекращении действия правил военной цензуры.

Занятия в гимназии приостановлены.

Константинополь, 9 (22) ноября.—Порта передала сегодня вечером австро-венгерскому посольству ответ на требования держав. Относительно финансового контроля в Македонии ответ отрицательный по всем пунктам, при чем Порта ссылается на общественное мнение турецкого населения. Она соглашается исполнить только одно требование — продолжить срок полномочий гражданских агентов в Македонии, но не более, чем на два года. (Корбюро).

Москва, 10 ноября (СПА).—Сегодня забастовали служащие второго общества конно-железных дорог, так как акционеры не могли их удовлетворить в той же мере, как удовлетворены рабочие городских трамваев. Московская прислуга об'единилась в союз и потребовала упразднения всех частных рекомендательных контор и учреждения рекомендательной конторы от городской думы.

Чины управления московского почтово-телеграфного округа и московской междугородной телефонной станции образовали союз, примкнули к почтово-телеграфному союзу без участия в политическом движении, с намерением проводить в жизнь основания манифеста 17 октября, но до Государственной Думы, которою союз должен быть утвержден, заниматься только подготовительной работой.

Московский союз издателей потребовал от всех типографий ответа относительно согласия печатать без цензуры.

Нижний-Новгород, 10 ноября(СПА).—Организуется союз приказчиков с целью борьбы за профессиональные и правовые интересы.

Гельсингфорс, 10 ноября (СПА). — Вазаский гофгерихт единогласно постановил войти с представлением о том, чтобы гофгерихтские члены, смещенные во время минувшего режима, были вновь назначены на занимавшиеся ими прежде должности.

Лондон, 10 (23) ноября (СПА).—Печать оживленно комментирует отказ султана удовлетворить требования держав. По общему мнению, упорство султана об'ясняется событиями в России и Австро-Венгрии, но он, несомненно, пойдет на уступки, когда начнется блокада Митилены. „Times“ предсказывает новое восстание в Македонии и болгарско-турецкую войну, в которой симпатии Европы будут на стороне Болгарии.

Москва.

(По телефону из Москвы.)

С'езд городских и земских деятелей.

Заседание 10 ноября.

Г. Лихачев (Петербург) говорит о демонстрациях и забастовках последнего времени. „Правда, — говорит он, — забастовка — великое дело, всеобщая политическая забастовка дала нам манифест 17 октября, однако, часто обращаться к таким средствам нельзя. Забудьте на минуту о результатах, и вы почувствуете, что забастовка это то же насилие, то же убийство. Я отношусь к этому безусловно отрицательно“.

Граф Гейден: „Прежние с'езды провозглашали начала. Нынешний с'езд — с'езд деловой. На нем должны рассматриваться вопросы тактики. Мы должны доказать, что свобода и порядок вводятся не силой. Мы должны предотвратить реакцию. В культурных странах революция проходит без крови: пред нами государственный переворот в Норвегии. Голые резолюции — не средство для успокоения страны“.

Караулов (из Енисейска): „Акт 17 октября дал принципиальные свободы. Остается только их углубить. Кругом говорят страшные слова и как будто их боятся, но бояться надо не страшных слов, а тех слов, которые не выражают действий и мыслей". Далее автор говорит про себя: „Я, бывший член комитета «Народной Воли», двадцать четыре года проведший в тюрьмах, в Шлиссельбургской крепости, даже при настоящих условиях сомневающийся в легальности права быть здесь, далеко стоящий от «правых» партий, — не верю в возможность осуществления демократической республики, не желаю таковой и полагаю, что добиваться последней значит стремиться к морю крови и слез. Я имею императивный мандат от граждан, аккредитовавших меня пред настоящим собранием, и считаю своим долгом заявить мое мнение". Далее оратор заявляет, что по обсуждаемым вопросам он примыкает к графу Гейдену.

(*Продолжение завтра.*)

Всероссийский крестьянский союз.

Вечернее закрытое заседание 9 ноября.

(От нашего корреспондента по телефону.)

Вчерашнее вечернее заседание всероссийского крестьянского с'езда было посвящено, главным образом, рассмотрению тактики союза в его дальнейшей борьбе за права народа. После долгих и оживленных прений собрание вынесло следующую резолюцию: „1) Установить законодательным путем прочные, справедливые и согласные с волей народа земельные устройства должно Учредительное Собрание, созванное для составления основных законов государства. Учредительное Собрание должно быть избрано всеобщим, прямым, равным и закрытым голосованием без различия пола, народности и вероисповедания, по одному представителю от каждых 100.000 жителей не позднее февраля 1906 года. Закон о созвании Учредительного Собрания должен быть об'явлен немедленно. 2) Учредительное Собрание должно разрешить земельный вопрос на благо народа, согласно его потребностям. 3) Крестьянство, об'единенное в один великий союз, добьется удовлетворения своих требований о созыве Учредительного Собрания. 4) Для того, чтобы деятельность крестьянства в их борьбе за землю шла правильно и крестьянским интересам не было бы причинено вреда какими-либо ошибочными действиями, крестьянский союз возьмет на себя руководство делом, войдет в соглашение с нашими братьями-рабочими городскими, фабричными и заводскими, железнодорожными и другими союзами, а также организациями, защищающими интересы трудящихся классов. 5) В настоящее время совещание, обсудив меры для скорейшей передачи земли народу, постановило: а) не покупать совершенно земли у владельцев, не брать ее в аренду, не входить ни в какие другие земельные договоры; б) в случае, если требования народа не будут удовлетворены, крестьянский союз прибегнет к общей земледельческой забастовке, а именно: отказать владельцам частных хозяйств всех наименований в рабочей силе и всем закрыть их. Для организации же всеобщей забастовки союз войдет в сношение с рабочим классом. Союз примет на себя заботу о пропитании батраков во время общей забастовки. 6) Совещание постановило, что на преследование крестьянского союза, имеющего целью осуществить народные требования с наименьшими жертвами, союз ответит отказом в уплате податей, поставлении рекрутов и запасных, потребует из сберегательных касс и из банков все свои вклады и крестьянские капиталы и закроет все винные лавки. 7) Совещание делегатов крестьянского союза признает необходимым, чтобы крестьяне пользовались свободою слова устного и печатного и свободно устраивали собрания, свободно соединялись в союзы и принимали все нужные меры для беспрепятственного пользования этими свободами, для неприкосновенности личности и жилища. 8) В знак того, что совещание делегатов крестьянского союза смотрит на начатое дело как на святое дело всего крестьянства, оно постановило прекратить употребление вина. Пусть крестьянство, борющееся за землю и право, будет всегда трезво. 9) На основании всех сведений, полученных со всех концов России, совещание заявляет, что оно предвидит: неудовлетворение народных требований приведет страну нашу к великим волнениям и неизбежно вызовет всеобщее народное восстание, потому что чаша крестьянского терпения переполнилась. 10) С'езд делегатов всероссийского крестьянского союза об'являет во всеобщее сведение, что, по достижении народом власти, представители союза в Учредительном Собрании будут считать незаконными и потому неподлежащими возврату все государственные займы, заключенные после 10 ноября сего года до Учредительного Собрания. Всякая же отсрочка платежей (процентов) по уже заключенным до 10 ноября сего года займам будет признана ими за новый займ".

Свое отношение к еврейским погромам всероссийский крестьянский с'езд выразил в следующей резолюции: „В наше великое, грозное время, когда рушится старый строй и на развалинах его рождается новый порядок, обещающий нашей родине светлое будущее, черным пятном являются погромы и избиения мирных жителей. Они организованы врагами освободительного движения, администрацией и полицией. Подстрекатели особенно возбуждают темную, непросвещенную массу населения против евреев. Они распространяют об евреях самые чудовищные слухи. Они призывают к их истреблению. И темные люди из сельского и городского населения, возбуждаемые наусиванием, думают, что еврея и в самом деле можно бить, можно нападать на еврея, жестоко избивать их, убивать, громить и грабить их имущество. Эти погромы, эти избиения возмущают нашу крестьянскую совесть. Евреи такие же люди, как и мы. Из их рядов выходят самоотверженные борцы за общее дело освобождения, которые идут рука об руку с прочими русскими людьми. Множество евреев - рабочих погибло уже в этой борьбе вместе с рабочими-христианами. Евреи также хотят света и свободы, и им должны быть предоставлены такие же права свободно жить и трудиться, как и остальным людям. Мы считаем еврейские погромы позором и грехом; мы призываем все сознательное крестьянство к борьбе с этим злом; мы убеждаем русских людей не следовать бесчестным натравливаниям подстрекателей.

— Из Варшавы телеграфируют „Русск. Слову": „В приказе по войскам Варшавского военного округа предписывается ознакомить каждого солдата с содержанием двух последних правительственных сообщений о военном положении в Царстве Польском".

— Из Екатеринослава той же газете телеграфируют: „Офицеры местных полков, в виду появившихся в издающейся здесь газете «Вестник Юга» компрометирующих сведений о поведении офицеров во время погрома, послали к редактору названной газеты секундантов с вызовом на дуэль".

— Из Курска телеграфируют: „Из Старооскольского уезда сообщают о разгроме 15 винных лавок" („Р. Сл.").

— Из Харькова телеграфируют: „Рабочие учреждают клуб социал-демократов" („Р. Сл.").

— Из Ростова-на-Дону телеграфируют: „Владикавказская железная дорога забастовала снова. Требует удаления из города казаков, смены местного градоначальника графа Пилара-фон-Пильхау и городского головы Емельницкого („Р. Сл.").

— Из Казани телеграфируют: „Знаменитые Чайкин и Комов, обвинявшиеся в похищении иконы Казанской божией матери, бежали из Мариупольской тюрьмы" („Р. Сл.").

— Из Костромы „Р. Сл." телеграфируют: „Начальник нижегородского почтово-телеграфного округа предписал телеграммою начальнику костромской конторы не позволять ехать депутатам почтово-телеграфного союза на с'езд и не разрешать им отпусков".

— Служащие технических и электрических контор в Москве учреждают союз.

— Вчера собирался союз наемных работников книжного дела. Участвовало 250 человек. Единогласно признано, что только организованный пролетариат может добиться осуществления свободы печати.

— Вчера состоялось заседание Московского Центрального Стачечного Комитета. Обсуждалась первая часть проекта реорганизации Стачечного Комитета, выработанного комитетом конституционной комиссии. Рассмотренная часть проекта принята. Согласно этому: 1) делегаты в Стачечном Комитете участвуют исключительно от организаций рабочих и служащих, по социальному и экономическому положению стоящих на одном уровне, при чем от организаций смешанного типа входят представители, избранные пролетарскою частью организации, и 2) означенные делегаты избираются всеобщим, равным и тай-

ным голосованием на основаниях пропорционального представительства.

— Бюро служащих московской контрольной палаты приступило к организации всероссийского союза служащих по ведомству государственного контроля. Бюро уже рассылает всем учреждениям названного ведомства приглашения высказаться по вопросу о программе союза.

— Вчера состоялось совместное заседание бюро московского союза издателей и делегатов союза рабочих печатного дела. Постановлено разослать всем владельцам типографий опросные листки с предложением ответить, согласны ли они с 13 ноября не посылать оттиски в цензуру. Ответ должен быть дан не позже 16 ноября. Неполучение к этому сроку ответа будет сочтено за отказ, а в отношении всякого отказавшегося будет прибегнуто к бойкоту.

— Вчера в помещении театра „Аквариум“ состоялось общее собрание московского союза торгово-промышленных служащих. Обсуждалась программа. Принята резолюция, предложенная представителем Социал-Демократическ. Рабочей Партии: „Общее собрание союза торгово-промышленных служащих, находя глубокое противоречие между обещаниями, данными в манифесте 17 октября, и последовавшими затем мероприятиями и действиями правительства, нарушающими гарантии свободы и неприкосновенность личности, протестует: 1) против военно-полевого суда над кронштадтскими матросами, борцами за свободу; 2) против смертной казни; 3) против диктатуры царских чиновников в губерниях Саратовской, Тамбовской и Черниговской; 4) против военного положения в Польше; 5) против октябрьских погромов, произведенных администрацией и воинскими частями, действовавшими с ведома правительства“.

По отношению к „либералам“ вообще, земско-городскому с'езду 6 ноября в частности, союз присоединился к резолюции Федеративного Совета Российской Социал-Демократической Партии.

— Письмоводители судебных приставов в Москве учреждают союз.

— Сегодня с утра забастовала московская городская телефонная станция. Поводом к забастовке послужило удаление администрацией со службы одной из телефонных барышень.

Отмена смертной казни.

Много званых... Тенишевский зал оказался не в состоянии вместить всех желавших попасть на „митинг против смертной казни“.

К 9 часам зала переполнилась публикой, в количестве около 600 человек, которые, под руководством предварительно записавшихся ораторов, занялись составлением смертного приговора смертной казни.

Первый оратор дал краткий исторический очерк вопроса о смертной казни, перечислив всех выдающихся казненных политических деятелей.

Следующий оратор сделал то же самое в более пространном виде.

Публика приняла эти сообщения с удовольствием, которое натурально обнаружила аплодисментами.

К чему, собственно, утомляли публику тем, что известно каждому мало-мальски грамотному человеку, — осталось все-таки невыясненным.

Далее началась уже форменная агитация против смертной казни.

Ораторы на все лады доказывали, что „смертная казнь— вещь ужасная“, что ее нужно отменить немедленно.

„Ни часа, ни минуты, долой смертную казнь“, — убеждал публику известный адвокат. Говорил он красиво, приводил яркие примеры, но, увлекаясь, доходил до весьма рискованных сравнений. „Одна смертная казнь хуже, чем тысячи, десятки тысяч избиений“, — уверял оратор, приводя в подкрепление этого ряд доводов столь же мало убедительных по существу, сколько красивых по форме.

Судя по речи оратора, можно было прийти к тому непреложному заключению, что участь вопроса находится здесь, в Тенишевском зале, в руках публики, которую оратор умолял отменить, наконец, эту ужасную меру.

Оратор, окончательно увлекшись, дошел до утверждения, что именно от присутствующих зависит все.

Публика, польщенная приписанной ей столь могущественной ролью, единогласно при долго несмолкавших аплодисментах отменила смертную казнь. Несмотря на это, уже согласившуюся публику продолжали убеждать. И в конце концов все это носило характер какой-то неуместной комедии. К чему и для чего это? Кучка в 600 человек, собравшись с разрешения градоначальника, слушала и хлопала упражнениям на тему „долой смертную казнь“ с тем, чтобы разойтись по домам с довольным чувством исполненного гражданского долга. И странное впечатление производило это сборище нарядных мужчин и дам в кокетливых шляпках, глубоко, повидимому, уверенных, что они принимают непосредственное участие в общем движении.

Я не дождался конца митинга; мне, да кажется и всей публике, не было никакой нужды в этих убеждениях, как не было никакой надобности слышать, как один трагикомический адвокат с дрожью в голосе и слезами в 20-й раз передавал о том, как тяжело осужденным.

Когда я уходил, в полуосвещенном вестибюле Тенишевского зала мирно дремал, прикурнув на стуле, помощник пристава.

Этих „революционеров“ он, повидимому, не боялся.

Лев К—о.

Комитет об'единенной организации студентов высших учебных заведений при СПБ. Комитете Р.С.-Д.Р.П. доводит до сведения товарищей студентов и курсисток о том, что общее собрание, назначенное на пятницу, в 4 часа дня, не может состояться по полицейским условиям.

Бюро К. О. О.

Хроника.

— Из Кронштадта сообщают, что правительство готовится убить несколько офицеров и матросов за попытку восстания, — убить, потому что о виновности и наказании едва ли можно говорить там, где нет закона, где разбоем и массовым убийством граждан занимаются сами представители власти. Падут ли эти новые жертвы произвола, вопреки грозному предостережению всего петербургского пролетариата, или будет устроена новая комедия „помилования“, мы не знаем. Мы хотим лишь нарисовать здесь картину из недавнего прошлого, картину, ярко рисующую всю безмерность жестокости и зверства представителей самодержавного строя. В конце августа нужно было расправиться с бунтовавшими матросами „Прута“, но нужно было сделать это так, чтобы были убиты не только те, кого наметил адмирал Чухнин, но и другие, невиновные: адмирал знает, что рано или поздно все матросы должны поднять знамя восстания... В ночь на 24 августа из казарм был взят взвод (около 30

молодых учеников) матросов. Им не сказали, куда и зачем их ведут. Привели их в поле и там окружили батальоном солдат Брестского полка, а затем кто-то из начальства сказал им: „Вы должны будете сейчас расстрелять бунтовщиков, и если вы этого не сделаете, то позади вас стоят солдаты, которым приказано расстрелять и вас вместе с бунтовщиками. Своим отказом вы ничуть не поможете бунтовщикам: их расстреляют все равно. Стреляйте хорошо, потому что, чем скорее умрут осужденные, тем меньше будет у них мучений...“

Говорят, что офицер от волнения не мог произносить слова команды, но команда все-таки была отдана. Матросы стреляли. В одного из убитых попало 16 пуль. Один из них еще кричал после всех залпов: его добили солдаты... Матросы умерли героями. Матрос Петров, выдающаяся личность и социал-демократ по убеждениям, перед смертью сказал, обращаясь к начальству: „Вы этой казнью ничего не сделаете, — вместо нас на борьбу встанут тысячи!“

Если так могут умирать за свободу люди из народной массы, то это значит, что народ завоюет свободу. Если до такого утонченного зверства дошли представители самодержавного режима, то это значит, что режим этот уже отжил давно свой век.

— Свобода собраний. Об‘явленное в газетах собрание Совета Раб. Депутатов не состоялось. Вход в помещение Соляного Городка был занят полицией; тут же дефилировал взвод конных жандармов, грозными окриками заставлявший собравшихся депутатов расходиться. Так проводится в жизнь манифест 17 октября.

— За Невской заставой. Жители района Невской заставы по вечерам боятся выходить на улицу, так как кроме хулиганов здесь бесчинствуют находящиеся казаки. Пьяные казаки пристают к женщинам и бьют проходящих. 9 ноября, например, пьяный казак у Обуховского завода набросился на стоявшего у аптекарского магазина крестьянина и стал бить его нагайкой. Тот ловко отскочил, и удар попал в магазинное окно, которое разлетелось вдребезги. Хулиганы также проявляют себя не менее казаков. Были случаи поджогов рабочих домов. Они обливают дома керосином. Несколько раз пожар был прекращен в самом начале. Говорят, что это действуют представители черной сотни, руководимые известными лицами.

— Еще о насилии полиции. В помещении союза приказчиков (Демидов пер., 5) митинг булочников и кондитеров не мог состояться, так как еще с 11 час. утра у под‘езда дежурила полиция, никого не пропуская на собрание. Околоточный надзиратель заявил, что, так как пекаря и булочники не принадлежат к корпорации приказчиков, а являются только ремесленниками, то они не могут собираться в помещении приказчиков.

До прибытия полиции был вывешен аншлаг, что назначенный митинг не может состояться в виду воздействия местной полиции, которая категорически заявила, что это собрание не может быть допущено. Прибывшая полиция, увидав такое об‘явление, сорвала его и велела написать следующее:

„В виду несоблюдения правил о публичных собраниях, изданных 12 октября, собрание булочников и пекарей состояться не может и откладывается до понедельника 14 ноября, в 3 часа дня“.

Около трех часов дня собралось до 300 человек булочников, которые решили пройти на собрание революционным путем. Осуществить этого, однако, не удалось, ибо некоторые из булочников были арестованы и отправлены в участок. После этого все булочники разошлись.

— Выезжая в Шлиссельбург, мать заключенного в крепости Карповича виделась с сыном два раза. На первом свидании Карпович очень волновался, — свидание было тяжелое. Второе свидание прошло значительно спокойнее. Г-жа Карпович имела возможность сообщить сыну кое-что о современном положении России.

В настоящее время брат заключенного Сазонова тоже ходатайствует о свидании.

Из Петропавловской крепости освобождены еще следующие лица: Б. Н. Моисеенко, П. Андреев, Я. Г. Загородный, В. И. Шиллеров, Подвиций, Барыков, Ан. Вас. Надеждина; остались в крепости: Гильдебранд, Леонтьева, Кл. Бродская, Аудэр, Марков, Сидоренко, Подносенский.

Студент военно-медицинской академии Роберт Иванович Аудэр, арестованный 22 мая 1905 года в деревне Выре, близ ст. Сиверской, обвиняется в приготовлении бомб. Дело ведет следователь по особо важным делам г. Фурса и товарищ прокурора петербургской судебной палаты г. Меллер. По словам г. Фурса, дело будет слушаться месяца через два. Следователь предлагает освободить заключенного под залог в 5.000 руб., которых у родных Аудэра не имеется. („С. О.“).

— Распадение конституционно-демократической партии. Конституционно-демократическая партия отцвела, не успевши расцвесть. „Программа с примечаниями“, как и можно было ожидать, оказалась не в состоянии об‘единить те разнообразные элементы, которые пытались создать одну общую „политическую партию“. Напрасно гг. „кадеты“ старались изгнать из своей программы наиболее „острые“ вопросы; напрасно они старались не затрагивать „тактических вопросов“ — „партия“ распалась раньше, чем она перешла от бесконечных прений к делу. Безжалостная жизнь поставила на очередь тот самый вопрос, которого больше всего боялись затронуть либеральные политики,— вопрос тактический, вопрос об отношении к Государственной Думе. Теперь уже нельзя отделываться туманными фразами об „органической работе“, а необходимо ясно и недвусмысленно выяснить свое отношение к существующим революционным партиям и правительству. Под влиянием этой необходимости „партии“ volens-nolens пришлось заняться „тактическими вопросами“, и здесь-то обнаружилось, что она „об‘единяет“ людей с совершенно различными взглядами. В партии произошел раскол, и из нее началось бегство наиболее радикальных элементов. Из состава центрального комитета партии и из самой партии вышли гг. Богучарский, Кускова, Прокопович и некоторые другие. С другой стороны, некоторые либералы, которых гг. „кадеты“ надеялись завербовать в свою партию, заявили свой решительный отказ от предложенной им чести. На место единой „конституционно-демократической“ в настоящее время уже образуется целый ряд новых партий со всевозможными названиями. Удаление из партии „радикалов“ не спасло, однако, самой партии, и оставшиеся члены ее попрежнему никак не могут сговориться по самым важным вопросам. Одни стоят за Учредительное Собрание, другие против, одни ведут „политические беседы“ с г. Витте, другие полагают, что никаких разговоров с теперешними правителями вести не следует и т. д. Словом, в партии происходит раскол, которого не устранить уже никакими средствами...

— К отмене предварительной цензуры. На-днях гр. Витте и Кобеко представлялась депутация от вновь образовавшегося союза книгопродавцев. Д. Ф. Кобеко заявил, что проект закона о печати уже готов. Согласно проекту, предварительная цензура по отношению как к произведениям печати, так и к рисункам отменена, и остается лишь карательная. Далее, одновременно с выпуском периодических изданий, издатели (а не типографы) обязуются известное количество экземпляров представлять в цензурный комитет. Что же касается книг, то они должны представляться типографами. В состав депутации вошли: г.г. Цейтлин, Карбасников и Морев.

— Из мест, об‘явленных на военном положении, поступает в канцелярию председателя совета министров бесконечное число ходатайств и жалоб на действия местных военных властей. Большей частью все эти ходатайства и жалобы остаются без последствий, так как генерал-губернаторы не находятся в подчинении председателю совета министров.

— В настоящее время в Кронштадте высшее морское училище („Морское инженерное училище императора Николая I“) об‘явлено арестованным, и воспитанников не выпускают из него даже в гавань или „на стенку“ (гавани). Арест наложен по приказанию коменданта, который приписывает училищу возникновение последних беспорядков. Воспитанники, будто бы, хотели незадолго перед этим устроить политическую забастовку, которая, однако, не состоялась, но кто-то донес о сходке начальству, которому известны даже имена ораторов и их речи.

— От имени Совета Рабочих Депутатов, Союза союзов, союза врачей и союза фармацевтов доводится до сведения общества, что в аптеках: Адмиралтейской, Гаванской, Вознесенской и Сампсониевской уволенные за участие в политической забастовке фармацевты приняты обратно, поэтому с них снимается бойкот.

— Обманутые низшие чины петербургской полиции очень обижены своим начальством, эксплоатировавшим их усиленный труд в течение последних смутных дней и не сдержавшим своего обещания вознаградить их за этот труд „по-царски“. Оказывается, что добавочное вознаграждение было обещано около-

точным в размере полутора рублей, а городовым по 50 к. в сутки. На деле же выдано было первым по пятьдесят коп., а вторым по 15 к., т. е. в три раза меньше обещанного.

— 9 ноября, в 6 часов вечера, в квартиру управляющего типографией своего отца, Бориса Николаевича Фридберга, ворвались полицейские власти, произвели, по предписанию градоначальника, жандармский обыск и арестовали его, отправив в дом предварительного заключения. В настоящее время союз типографских рабочих требует освобождения Фридберга. Если же требование не будет удовлетворено, то решено забастовать.

— 9 ноября состоялось собрание делегатов пролетарских профессиональных союзов, на котором обсуждался вопрос о выработке устава таких союзов, для каковой цели была избрана комиссия из 9 человек и по одному от партий. Решено также издавать временно справочный профессиональный листок, на издание которого прив.-доц. В. В. Святловским пожертвовано 1.000 рублей.

В этом же собрании избрана была редакционная комиссия из трех лиц.

Предполагавшийся 15 ноября в Москве делегатский с'езд профессиональных союзов решено, в виду краткого срока, отложить до средних чисел декабря.

— На обсуждение московского с'езда внесено предложение об упразднении центрального конституционно-демократического комитета в виду его полной ненужности. За последнее время в бюро комитета не поступало ни одного запроса.

— Частное земское собрание „не желает потворствовать бунтовщикам и политическим забастовщикам" и потому, на предложение губернской земской управы выдать $^1/_2$-месячный оклад служащим управы в виду поднятия цен на жизненные продукты, ответило категорическим отказом.

— Газета „Слово" сегодня не вышла, так как наборщики прекратили работы, когда владелец типографии г. Березин категорически отказался заплатить им за забастовочные дни.

Поправка. Во вчерашнем (№ 9) номере „Новой Жизни" в заметке о предстоящем вечере, посвященном памяти польского поэта Адама Мицкевича, вкралась досадная ошибка: напечатано, что „сбор с вечера поступит в пользу голодных рабочих Царства Польского." Это неверно, так как вечер устраивается частным образом союзом польской молодежи, и, таким образом, никакого сбора не может и быть, так как на вечере будут присутствовать только лица приглашенные. Именные приглашения выдаются в польской студенческой столовой (Забалканский, 20) от 2 до — 6 час. дня.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

Сходка студентов инст. инж. путей сообщения.

9 ноября состоялась сходка студентов института инженеров путей сообщения, на которой присутствовало около 400 человек. По вопросу о смертной казни была принята следующая резолюция:

„Мы, студенты и. и. п. с., собравшиеся на общеинститутскую сходку 9 ноября, высказываясь против смертной казни вообще, тем более горячо протестуем против готовящегося массового истребления и бессмысленного убийства матросов гор. Кронштадта. Агенты самодержавного правительства, доведшие гнетом издевательства и насилия измученных людей до стихийной вспышки, готовятся ныне в роли судей произвести расправу над жертвами своих собственных преступлений.

„Естественное в настоящее время возмущение вызвано невыносимым дольше режимом, и мы об'являем, что смертные приговоры, как проявление правительственного террора, могут исходить только от врагов народа". Затем сходка единогласно присоединяется к резолюции русско-польского митинга о снятии военного положения с Польши.

По вопросу об открытии института, профессора предлагают следующие выработанные ими условия:

1) Для митингов в учебном заведении отводится определенное помещение (чертежная I курса на 2.000 человек).

2) Число посетителей, находящихся одновременно на митинге, ограничивается советом в зависимости от величины помещений и условий безопасности публики, которая впускается по контрамаркам, число которых устанавливается советом. Впуск публики на митинг контролируется его устроителями. О митингах печатается об'явление в газетах с указанием на ограниченный доступ по контрамаркам.

3) Председатель митинга останавливает ораторов в следующих случаях:

а) если они призывают к вооруженному восстанию или убийствам;

б) если они поносят личность монарха.

Профессора, однако, не гарантируют, что эти условия будут „одобрены" графом Витте.

По этому вопросу принята следующая резолюция:

„Студенты и. и. п. с., признавая, что только об'единенными партиями народ завоюет свободу, считают, что для организации партий необходима свободная пропаганда убеждений и обсуждение событий современной жизни, и поэтому принимают предложенные профессорами условия митингов".

По аграрному вопросу следующего содержания:

„Правительство одной рукой делает уступки революционному движению, охватившему все слои русского народа, другой же отнимает их. Оно об'явило амнистию героям народной свободы и держит в казематах лучших из них. Оно признало законными требования крестьянином земли и в то же время отправляет своих сатрапов для совершения массовых казней над обнищавшим народом. Мы протестуем против произвола, насилия правительства, мы требуем полной амнистии, мы требуем отмены военного положения и усиленной охраны, мы требуем земли крестьянину и воли народу".

— В женском медицинском институте. В понедельник, 14 ноября, в 11 час. утра, слушательницы женского медицинского института созывают в интернате общую сходку.

— В горном институте. По словам „Н. Ж.", студентам выдаются пособия в размере 15 рублей для приобретения штатского пальто.

У главного входа стоит городовой: солдат нет. Два солдата стоят у входа в лабораторию. Предстоит совещание директора со студентами по вопросу об открытии горного института.

Профессиональные союзы.

На 9 ноября было назначено учредительное собрание членов всероссийского союза сценических и театральных деятелей. В помещение Драматического театра, где должно было произойти собрание, кроме лиц, уже раньше записавшихся в члены союза, явилось человек 30 артистов, пожелавших вступить в члены. Так как сегодня должны были быть произведены выборы членов бюро, и либерально-буржуазная, антрепренерско-режиссерская группа, опирающаяся на малосознательное большинство, желала во что бы то ни стало обеспечить выбор своих кандидатов, то вновь записавшиеся не были допущены в зал в качестве полноправных членов с правом голоса и были вынуждены поместиться на хорах. Несмотря на требования многих ораторов и большинства присутствующих, чтобы вопрос о допущении в зал находящихся на хорах был поставлен на баллотировку, председатель г. Красов, поддерживаемый реакционною частью собрания, ораторами которой выступили гг. Кугель, Карпов и др., отказывал и усиленно предлагал приступить непосредственно к выборам бюро. Этим он вызвал протест как со стороны прогрессивной части присутствующих, так и со стороны публики на хорах—обвинение в умышленном недопущении товарищей в зал из опасения, что тогда состоится большинство левой, которое окажет влияние на выборы членов бюро. Вследствие того, что вопрос этот вызвал резкие об'яснения между отдельными лицами и группами, дошедшие со стороны правой до грубой ругани, председателю удалось затянуть споры до 7 часов (в восемь начинается спектакль), и заседание закрылось без результата.

В союзе медицинского персонала.

В среду, 9 ноября, в помещении Вольно-Экономического Общества состоялось общее собрание союза медицинского персонала. Член бюро союза, доктор Святловский, сообщил собранию о положении, в котором очутился союз медицинского персонала во время последней политической забастовкп. Дело в том, что 1 ноября ночью Совет Рабочих Депутатов постановил начать всеобщую политическую забастовку. 2 ноября созвано по этому поводу экстренное собрание Союза союзов, которое решило подчиниться постановлению Совета Рабочих. Союз медицинского персонала, входящий в состав Союза союзов, решил выпустить на второй день воззвание к врачам. Это воззвание, благодаря общей забастовке типографщиков, должно было печататься в типографии Совета Рабочих Депутатов, но оно было конфисковано в ту самую ночь, когда совершено было нападение на типографию. Таким образом, оповестить всех врачей Петербурга о решении примкнуть к забастовке не удалось, вследствие чего союз медицинского персонала участия в последней политической забастовке не принимал.

Затем решено было жертвовать однодневный заработок в пользу стачечного фонда.

Следующий вопрос программы дня был о бойкоте аптек. Присутствовавший на собрании член бюро союза фармацевтов прочитал краткий доклад о возмутительном отношении некоторых аптекарей к фармацевтам, участвовавшим в политической забастовке. Собрание постановило бойкотировать аптеки Гордона и Гаккеля.

Затем по предложению члена бюро союза фармацевтов была выбрана комиссия из практикующих врачей, которая совместно с членами бюро союза фармацевтов выработает технику бойкота по отношению к тем аптекам, которые выбросили за борт свыше ста человек фармацевтов за участие в политической забастовке.

Дальше обсуждался вопрос о политической платформе союза. Целый ряд ораторов доказывал, что для того, чтобы принять ту или другую политическую платформу, союз, состоящий из пролетарских элементов среднего и низшего медицинского персонала в смеси с буржуазной интеллигенцией, должен предварительно дифференцироваться по профессиям, и только тогда они будут реальной политической силой. Указывалось дальше, что у союза имеется политическая программа, принятая Пироговским с'ездом. Поставлен был на голосование вопрос: „Желает ли союз остаться на политической платформе, принятой на Пироговском с'езде?“ Принято единогласно. Дальше собрание присоединилось к решению Союза союзов о предании одесского градоначальника — Нейдгардта суду. Произведены были выборы членов бюро союза; выбранными оказались следующие лица: Маргулиес, Герценштейн, Святловский, Трошин, Гелат, Олейников, Спиро, Вольфсон, Мокиевский, Ладыженская, Шиперович, Кулеша, Минская, Шафир, Шоф.

Среди фармацевтов.

— На последнем общем собрании фармацевтов поднят был вопрос о роли присяжного поверенного г. Слиозберга по отношению к союзу „истинных фармацевтов“. За последние дни, когда петербургские аптекаря самым недвусмысленным образом показали всему обществу свое гражданское мужество, выразившееся в организации избиения участвовавших в политической забастовке фармацевтов нанятой черной сотней и полицией, особенно важно знать, какую роль играет юрисконсульт союза „истинно русских аптекарей“ г. Слиозберг, тем более, что аптекаря, согласно их собственному заявлению, ничего не предпринимают без совета своего постоянного юрисконсульта г. Слиозберга.

— 9 ноября владелица 1 женской аптеки г-жа Лесневская заявила штату, что она считает их уволенными, вследствие их присоединения к политической забастовке, при чем она поставила им следующие условия: служащие должны дать честное слово, что 1) больше в забастовках участвовать не будут, и 2) не присутствовать больше на собраниях служащих фармацевтов. Любопытно, что на собрании фармацевтов 3 ноября было прочитано письмо Лесневской, в котором она выражала полное сочувствие политической забастовке. Письмо было подписано: „Первая гражданка первой женской аптеки“.

Впрочем, г. Лесневская давно уже пользуется „заслуженной“ известностью.

— В Петропавловской аптеке за участие в политической забастовке уволен весь штат. Аптека оцеплена городовыми и дворниками. Лекарства готовят приказчик Романов, кассиршаи сын Валькера, студент петербургского университета.

— В Каменностровской аптеке Вакса к обычным ежедневным расходам прибавился еще расход — 5 руб. на городовых.

По приказу коменданта Кронштадтской крепости, евреи-фармацевты выселяются из Кронштадта.

Союз работников телефонного дела.

В одной из аудиторий технического общества в среду, 9 ноября, состоялось собрание союза служащих и рабочих телефонного дела для выражения протеста против постановления городской управы.

Последняя об'явила следующее: „Считать уволенными всех служащих на телефонной сети, не явившихся в назначенный управою срок, т. е. в 9 ч. утра 7 ноября“. Неподчинившиеся такому решению: гг. Константинов, Чижов, Жданов и Евангулов были немедленно уволены. Молодой союз работников телефонного дела решил об'единиться и выступить на защиту своих товарищей. Программа союза заключается в следующем:

1) об'единение всех служащих в телефонном предприятии и защита их интересов как служебных, экономических, так и общечеловеческих;
2) существенное улучшение быта служащих;
3) учреждение ссудо-сберегательной кассы;
4) учреждение товарищеского суда;
5) улучшение телефонного предприятия в техническом, административном и правовом отношениях и реорганизация всего его строя на автономных началах и
6) устранение канцелярской волокиты.

Гл. Е. И. Кедрин обратился к собранию с речью, в которой указал на необходимость участия в прибылях городской телефонной сети всех работников телефонного дела.

В ярких, пылких речах ораторы рабочие, характеризуя возмутительный поступок городской управы, призывали всех работников телефонного дела к дружной защите борцов путем устройства общей забастовки.

Затем собранию было доложено заявление управляющего спб. городской телефонной сетью И. К. Лебедева, сущность которого сводится к следующему: „в виду массового увольнения моих сослуживцев, пострадавших за свои политические убеждения, считаю долгом заявить, что впредь до возвращения всех уволенных, я лично не считаю возможным продолжать службу во вверенном главному инженеру техническом отделе, так как эти репрессии идут в разрез с манифестом 17 октября“.

В заключение собранием была принята следующая резолюция:

„Союз, обсудив отношение городской управы и управления городской телефонной сети к политической забастовке 2 ноября, пришел к заключению: признав, что забастовка имела целью всеобщий протест против смертной казни и военного положения, представляла явление громадного общественного значения и что насильственные меры, направленные против некоторых членов союза, являются глубокою несправедливостью, возмущающею общественную совесть, что противоречит истинному смыслу манифеста 17 октября, идя в разрез с освободительными стремлениями всего русского общества и народа, собрание союза протестует и требует возвращения своих товарищей и удаления лиц, сопротивляющихся освободительному движению“.

Общее собрание петербургских официантов.

1 ноября состоялось общее собрание петербургских официантов с целью организации профессионального союза и для выяснения своих экономических нужд. Председателем был избран В. Г. Кузьмин, товарищем Александр Гамалея. Собра-

лось свыше 2.000 человек. После выяснения положения официантов, служащих в трактирных заведениях Петербурга, были прочитаны проекты требований, выработанных московскими официантами и группой петербургских официантов.

Единогласно принят проект группы петербургских официантов следующего содержания.

„1) Введение свободного дня в неделю для каждого служащего в трактирных заведениях.

2) Освобождение от всяких обязанностей, не касающихся нашей специальности, как-то: уборка, выколачивание мебели, чистка посуды и т. п.

3) Полное освобождение от ночных дежурств.

4) Отмена всяких поборов за хозяйское имущество и отмена залогов.

5) Отмена всяких штрафов.

6) В случае неуплаты посетителями ресторана за выпитое и с'еденное отвечает хозяин заведения.

7) Обязательное жалованье для каждого не менее 10 р. в месяц.

8) Устройство приличной комнаты для служащих.

9) Выдача столового содержания деньгами в размере 15 руб. в месяц или же натурой: обед из двух блюд, ужин; чаю 1/2 ф. и 5 ф. сахару в месяц.

10) Никто не может быть уволен без уважительной причины.

11) Хозяин не имеет права вмешиваться в личную жизнь служащих и поступков их, не касающихся их служебной деятельности.

12) В случае увольнения без уважительной причины, хозяин заведения уплачивает жалованье вместе с кормовыми за месяц вперед.

13) В случае заболевания каждый служащий сохраняет за собой место и полное содержание в течение месяца.

14) Суд чести, разбирающий поступки товарищей, позорящих корпорацию.

15) Третейский суд при недоразумениях между служащими и хозяином.

16) Безусловно вежливое обращение со стороны хозяев, администрации трактирных заведений и посетителей“.

В заключение единогласно принята следующая резолюция:

„Мы, официанты г. Петербурга, собравшись 9 ноября для обсуждения своих нужд, решили: образовать профессиональный союз официантов г. Петербурга для защиты наших экономических нужд и гражданских прав. Мы избрали бюро для заведывания нашими делами и выработки проекта требований для пред'явления хозяевам.

„Мы приветствуем наших московских товарищей официантов, добившихся уже удовлетворения своих нужд путем забастовки.

„Мы приветствуем все трудящееся население России, поднявшееся за удовлетворение своих экономических, духовных и гражданских нужд.

„Мы будем бороться все за каждого и каждый за всех без различия пола, национальности и вероисповедания.

„Да здравствует весь трудящийся народ России!“

Союз тружеников трактирного промысла.

По вопросу о защите членов союза бюро собрания тружеников трактирного промысла постановило:

В случае увольнения кого бы то ни было из членов союза за участие в собраниях союза:

1) обратиться через печать к общественному мнению, предлагая бойкот виновному предпринимателю;

2) предложить служащим того ресторана, где произошло увольнение, и всем товарищам оказывать ежедневную поддержку уволенному в размере его заработка;

3) просить всех товарищей безотлагательно сообщать в бюро сведения об уволенных, а также имя виновного предпринимателя и название заведения, где подобный случай имел место.

Адрес бюро: Екатерингофский, д. 59, кв. 33.

Из жизни рабочих.

В типографии „Т-ва Голике и Вильборг“.

9 ноября уволены без об'яснения причин 6 человек рабочих — членов союза рабочих печатного дела и выдан расчет за 2 недели. По просьбе оставшихся рабочих, решивших защищать своих товарищей против хозяйского произвола, член примирительной камеры при союзе вступил в переговоры с г. Голике, который категорически отказался принять обратно уволенных, говоря, что все шесть человек уволены не за их отказ от выхода на сверхурочные работы, не за забастовку, не за участие в союзе, что он согласен уплатить им не только за 2 недели, но за целый месяц. „Но только я их видеть не могу, не могу с ними работать. Я же хозяин и могу удалять рабочих с своей мастерской, если они мне не нравятся“. Собрание, бывшее 10 ноября, постановило: 1) Немедленно возвратить уволенных товарищей. При неисполнении этого требования последует забастовка с утра 11 ноября. 2) Выборными рабочими являются те лица, которые избраны по баллотировке и единогласно из каждого отделения для разбора всевозможных недоразумений между администрацией и рабочими, а также для участия в приеме и увольнении рабочих. 3) Сверхурочные работы должны быть предложены через выборных не позже, как за 1 час до окончания дневной работы, дабы выборный имел время переговорить с товарищами.

11-го утром рабочие должны получить ответ.

Если уволенные не будут приняты обратно и товарищи их об'явят общую забастовку, то союз раб. печ. дела, со своей стороны, примет, конечно, меры: будет заявлено всем существующим союзам о бойкоте работ этой типографии и личности Голике и постановлено, что ни один рабочий не может занять места уволенных. Г. Голике вышвыривает, таким образом, людей не первый раз, пора положить предел его кулаческому самодурству. Этот господин так грубо недальновиден, что наивно думает вытравить крамолу у членов союза, отказывая то тому, то другому, но он жестоко ошибается. Каждый день растет сознание, каждый день есть новые последователи из вчера еще спавших умственно людей. Все работники печати скоро будут членами союза, и тогда г. Голике не найдет себе работников, но надо, чтоб он их и сейчас уже не находил.

Завод Франко-Русского общества.

На общем собрании рабочих Франко-Русского завода была вынесена следующая резолюция: „В виду текущих событий собрание рабочих Франко-Русского завода постановило не признавать никаких вычетов по исполнительным листам, а также вычетов в кассу за текущий месяц не производить“. В то же время на стенах завода появилось следующее об'явление:

„Повторяющиеся забастовки и другие нарушения обыкновенного порядка (?) делают невозможным правильное ведение работ на заводе. Средства, отпускаемые правительством для новых работ на будущий год, значительно сокращены, вследствие чего наш завод не получает тех заказов, на которые рассчитывал, посему число рабочих придется сократить. Поэтому, согласно предписания нашего правления в Париже, об'являю, что, в случае дальнейших нарушений правильного хода работ, завод будет закрыт на продолжительное время, а служащие, мастеровые и рабочие будут рассчитаны. Предупреждаю также, что, когда будет признано возможным вновь начать работы, то, по указанным выше причинам, далеко не все рассчитанные будут приняты обратно. Директор Ф. Радлов“.

Мотивы о „средствах, отпускаемых правительством“, могут быть убедительны для предпринимателей, и Радлов, естественно, ошибся адресом, обращаясь к рабочим. Кроме того, едва ли можно быть двух мнений о самом характере настоящего об'явления, построенного на слишком явных логических противоречиях и с ярко выраженной тенденцией чисто полицейского запугивания. Но неужели директор и до этого времени не знает, с кем имеет дело?

Параллельно с об'явлением, директор издал циркуляр мастерам и инженерам: во 1-х, „на штуку не давать"; во 2-х, не допускать сверхурочной работы, за исключением крайне необходимых случаев; в 3-х, прибавку уничтожить за исключением чернорабочих; в 4-х, сократить отпуски рабочих до двух недель, вместо месяца; в 5-х, с готовностью давать расчет и обратно в завод не принимать, и в 6-х, „зорко следить мастерам за рабочими".

Движение в пользу 8-часового рабочего дня в Петербургском районе.

8-часовой рабочий день введен революционным путем на заводах:

1) И. Семенова (машиностроительный) — с 31 октября об'явлен общий расчет на 22 ноября, настроение боевое.

2) Дюфлона — с 9 ноября, настроение боевое.

На заводах Гейслера и Пека; рабочие требуют согласия администрации на введение 8-часового рабочего дня и пока не работают.

На заводе Лангензипена с 31 октября рабочие установили 8-часовой рабочий день; администрация вывесила в начале ноября об'явление, что рабочие будут уволены, если не начнут с 7 ноября попрежнему работать 10 час. и 7-го не начнут работы с утра; рабочие начали работать 7-го с 12-ти, но работают 10 часов.

На заводе Тюдора (аккумуляторы) работают по-старому (10 час.); введение 8-часового рабочего дня чрезвычайно затруднено отсутствием солидарности по этому вопросу среди рабочих.

На казенном заводе по производству врачебных инструментов работали 8 часов; теперь рассчитывают по группам почти всех рабочих за участие в политической забастовке; расчет рабочие берут, но расписываться в получении расчета отказываются.

На фабрике роялей Шредера начали работать, согласно постановлению С. Р. Д. 8 часов; после забастовок 2—7 ноября завод остается закрытым; рабочим администрация заявляет все: „приходите завтра за расчетом", но расчет все-таки не производится; раньше работали $9^1/_2$ часов.

На заводе Мельцера установлен 8-часовой рабочий день (раньше $8^1/_2$ ч.), хозяин заявил, что он не станет противодействовать установлению 8-часового рабочего дня, если он будет установлен и на других заводах.

На фабрике Васильева рабочие ввели с 8 ноября 8-часовой рабочий день, раньше работали $9^1/_2$ часов. На этих днях хозяин уволил двух рабочих, один из которых был раньше депутатом и которые наиболее деятельно вели агитацию за 8-часовой рабочий день.

На переплетной фабрике Кирхнера с 7 ноября работают 9 час. (вместо $9^3/_4$), с согласия собрания хозяев типографских и переплетных предприятий рабочие за введение 9-часового рабочего дня хозяина не благодарили; стоят за 8-часовой рабочий день.

В текстильном производстве на тюлевой фабрике, на трикотажной фабрике Керстена и на фабрике Бека работают на старых условиях (10—11 ч.); вопрос о сокращении здесь рабочего дня будет решен на собрании представителей от всех петербургских рабочих, занятых в текстильном производстве.

На Обуховском заводе.

9 ноября на собраниях по цехам закрытою баллотировкою большинством 480 голосов решено было борьбу за восьмичасовой рабочий день продолжать. Затем, тот же вопрос обсуждался на общем митинге, где также настроение выяснилось за продолжение борьбы; окончательное решение этого вопроса было постановлено отложить до понедельника для того, чтобы сообразовать свои действия с директивами Рабочего Совета, решение которого должно состояться на этих днях. С четверга же до понедельника решено работать девять часов в целях предупреждения закрытия завода.

Завод Барановского.

В собрании 7 ноября рабочими завода была принята следующая резолюция: „В виду истощения наших сил политической забастовкой мы решили временно работать 10 часов, но с тем, чтобы подготовиться к предстоящей борьбе с самодержавным строем за политические права трудящихся и за 8-часовой рабочий день. Не складывая рук, мы единогласно решили вновь вступить в борьбу по первому призыву Совета Рабочих Депутатов, чтобы нанести решительный удар ненавистному полицейскому строю. Мы будем бороться за Учредительное Собрание на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования".

Завод Бекмана.

1 ноября рабочие ввели революционным путем 8-часовой рабочий день. На следующий день утром хозяин заявил, что, если рабочие не согласятся работать попрежнему 10 часов, то он закроет завод, и рабочие могут получать расчет. Обсудив свое положение, рабочие почти единогласно решили лучше взять расчет, чем работать 10 часов. После октябрьской политической забастовки хозяин предлагал рабочим вместо половинной платы за время забастовки „пожертвовать" в их кассу 100 руб., но рабочие от этой подачки отказались.

Завод Пеклие.

Потребовавшим 8-часового рабочего дня хозяин ответил, что он согласится ввести 8-часовой рабочий день лишь в том случае, если его введут все петербургские хозяева у себя.

Завод Лесснера.

На митинге 8 ноября рабочими, в количестве 1000 человек, принята следующая резолюция:

„Мы, рабочие завода Лесснера, узнавши о решении Совета Рабочих Депутатов прекратить на время борьбу за 8-часовой рабочий день, сожалеем о таком решении и выражаем свое твердое желание продолжать начатую борьбу по первому призыву Социал-Демократической Рабочей Партии и Совета Рабочих Депутатов".

---

8 ноября рабочие переплетной мастерской Штуде (улица Гоголя, 16) решили единогласно ввести у себя 9-часовой рабочий день (вместо 10-час.).

Отработав 9 часов, рабочие пошли домой. Хозяин разгневался, требовал продолжения работы, говорил, что никаких постановлений Совета Рабочих Депутатов он не признает, ругал всячески выбранного рабочими его мастерской представителя и в конце-концов об'явил, что завтра же прогонит из мастерской представителя, как главного „смутьяна".

Однако, гнев Штуде нисколько не повлиял на рабочих. Они заявили, что 9-часовой рабочий день установят и что расчета своего представителя не допустят.

О действиях Штуде в тот же день было доведено до сведения бюро союза рабочих печатного дела.

Резвоостровская мануфактура Воронина.

Собравшись в 11 часов дня около фабричных ворот, рабочие отправили депутатов к владельцу фабрики за ответом пред'явленных ими требований и с просьбой разрешить им собраться в коридоре фабрики. Через 20 минут депутаты вышли к рабочим и сказали, что они могут собраться, и сообщили, что фабрикант отказал на все требования, кроме сокращения рабочего дня. Он дает 9 час. После долгих прений рабочие решили бастовать дальше. Казаки со двора удалены.

На Николаевских железнодорожных мастерских 8-часовой рабочий день введен рабочими без всяких серьезных препятствий со стороны администрации.

Фабрика Штиглица.

9 ноября, в 6 час. вечера, вывешено было об'явление, что через две недели фабрика закрывается, потому что „фабрика, поставлявшая для Штиглица шерсть, ввела 8-часовой рабочий день и будет закрыта"... Возмущенные рабочие и работницы в 8 час. вечера собрались в столовой для решения вопроса как поступить теперь. Единогласно сделано следующее постановление: „Поручаем нашим делегатам завтра заявить г-ну Штиглицу, что его распоряжение закрыть фабрику передано будет Совету Рабочих Депутатов, решение которого будет об'явлено Штиглицу своевременно. Рабочие и работницы не будут брать расчета до решения Совета Рабочих Депутатов"...

Фабрика Торчилова.

На фабрике работает много женщин, получают они ничтожное содержание: коп. 30—45 в день, у многих из них дети, так что каждый день забастовки повергает их в совершенно безвыходное положение. И тем не менее торчиловские рабочие и работницы с громадным воодушевлением приняли участие в последней политической забастовке. Несмотря на тяжелое положение, они приступили к работам лишь по решению Совета Раб. Деп. в 12 часов дня 7 ноября. Ежедневно в мастерской фабрики происходили многолюдные митинги, на которых выступали ораторы с.-д. Речи выслушивались с большим сочувствием. Особую популярность приобрела у рабочих одна ораторша с.-д., выступавшая с речами о положении женщины, о необходимости и для нее бороться за свое освобождение в рядах с.-д. рабочей партии. Когда назначали митинг, работницы просили, чтобы обязательно пришла „ораторша".

В том же духе вели себя и рабочие других ткацких фабрик, вообще очень дружно примкнувших ко всеобщей стачке.

Из партийной жизни.

Киев.

2 ноября. В значительной степени изменившиеся политические условия снова выдвинули вопрос о настоятельной необходимости об'единения между так называемыми „большинством" и „меньшинством" социал-демократов. Если и раньше уже чувствовалось утомление и недовольство тем совершенно неестественным положением, в какое попали обе половины партии, то в течение последних событий неисчислимый вред раскола чувствовался особенно мучительно, по крайней мере у нас, в Киеве. Поэтому статья в первом номере „Новой Жизни", призывающая немедленно приступить к подготовлению почвы для полного слияния обеих половин партии, встречена была здесь очень сочувственно и „большевиками" и „меньшевиками".

Пока могу только сообщить, к чему пришли, на частном совещании, большевики.

Полное слияние обеих частей, путем частных соглашений различных местных организаций, по мнению здешней группы большинства, в настоящее время вряд ли возможно. И та и другая половина, и „большевики" и „меньшевики", не могут не чувствовать себя связанными постановлениями с'ездов большинства и меньшинства. Изменения этих постановлений не могут брать на себя местные организации. Это должен сделать только учредительный с'езд партии, скорейший созыв которого представляется поэтому в высшей степени необходимым. Местные организации могут вырабатывать только частные соглашения, которые, благодаря влиянию в каждом отдельном случае местных условий, будут, по необходимости, иметь характер паллиативов. В частности, для Киева, наиболее подходящей формой такого паллиатива, по мнению группы большинства, явилось бы следующее. Всю подготовительную, чисто организационную работу вести пока отдельно, так как в этой именно области существуют самые острые разногласия. Все же действия, связанные с открытым выступлением, вести совместно.

Во всяком случае, было бы крайне желательно, чтобы „Новая Жизнь" высказалась по этому вопросу более конкретно, хотя бы на основании тех переговоров и той практики совместных действий, которые происходили в П-ге в самое последнее время.

Н. П. К.

Конгресс французской социалистической партии.

В Шалоне состоялся первый конгресс недавно об'единенной социалистической партии. Здесь выдвинулся ряд интересных вопросов, и мы коснемся самых важных.

Дебаты открылись речью старого борца Лафарга, который приветствовал освободительную борьбу российских товарищей. В своей речи он подал русскому пролетариату один конкретный совет — отказаться после победы от уплаты тех долгов, которые заключались представителями старого режима и шли на поддержание народного гнета и рабства. Совет бесспорно хорош и еще раньше был выдвинут Урбеном Гойе и вызвал ужас среди буржуазии. Еще бы! Она вложила в акции царизма 8 миллиардов, это не шуточная сумма! Но Жорес приложил все старания, чтобы замять этот неприятный вопрос, так как мелкий буржуа-радикал, покупающий русские акции из патриотизма и высоких процентов, не простит такого покушения на его права высасывать соки из „дружественной" нации.

Самым важным вопросом были приближающиеся выборы, и на этой почве произошло главное столкновение между левым и правым крылом; в борьбе приняли участие лучшие ораторы Франции, как Гед и Жорес.

Выдвинулись две тенденции. Докладчик Кашен, при поддержке, главным образом, марксистов, предлагал везде выставить своих кандидатов и бороться до конца с буржуазией, избегая всяких соглашений. Это решение, по мнению сторонников, должно очистить партию от посторонних элементов, дать ей более самостоятельную позицию, подобно немецкой социал-демократии.

Противники этого решения принципиальных аргументов не приводили, да и не могли их привести, зато опирались на практическую невыгоду при ближайших выборах, на то, что это может пойти в пользу реакционерам, т. е. свели к старому воплю: республика в опасности. Эти нападки блестяще отпарировал Лафарг:

„Социалисты всегда рисковали жизнью и свободой для республики, им не для чего выдвигать свои респу-

бликанские взгляды; зато буржуазные партии всегда готовы предать ее ради интересов своего класса. И все-таки именно во время республики были совершены два ужасных избиения рабочих. Буржуа-республиканцы вместе с монархистами и реакционерами избивали и ссылали рабочих в 1848 году. В 1871 году рабочие и социалисты восстали против бордосского собрания, которое хотело восстановить монархию. Всегда социалисты защищали республику, а буржуа ее предавали".

Революционное решение восторжествовало на зло радикалам, которые в лице Клемансо рвут и мечут на шалонский конгресс. В связи с этим размежеванием стоит отпадение от партии нескольких групп и депутатов во главе с А. Брианом, их решено уже ни в каком случае не поддерживать при выборах.

На конгрессе видное место занимал 8-часовой рабочий день, который вот уже несколько лет французские рабочие собираются ввести революционным путем и все не могут собраться, так что петербургские рабочие в этом случае оказались впереди.

Интересно отметить несколько пунктов в французской партийной жизни в поучение нам. Партия, как выяснил конгресс, страшно бедна, главным образом потому, что организации не стремятся закрепить всех социалистов, партийные взносы, которые в других странах дают большой доход, здесь почти отсутствуют. Французские социалисты фактически не имеют центрального органа, так как „Socialiste", еженедельная газета, по размерам и качеству уступает нашим нелегальным.

Этот конгресс имел огромное значение для Франции, так как завершил об'единение французской секции рабочего интернационала, и Жорес, с обычным красноречием, так характеризовал необходимость этого об'единения: „Об'единенное действие социалистической партии теперь особенно необходимо: для внутренней борьбы с предательским правительством и с большинством, в котором разлагаются все партии, все программы; для внешней политики, ибо в этот момент правительства подлыми махинациями хотят бросить один народ на другой".

Нам, русским, надо обратить внимание на эти слова и итти к об'единению, выставив на общем знамени слова Геда: не надо искать реформ и соглашений, а брать революционным путем то, что необходимо рабочему классу.

В. Волгин.

Иностранный отдел.

Париж.

(От нашего корреспондента.)

I.

10 ноября (29 октября).

Вопрос о праве рабочих и служащих в государственных предприятиях и учреждениях организовываться в профессиональные союзы вызвал здесь оживленные дебаты как в печати, так и в парламенте. Закон 1884 г. о профессиональных ассоциациях разрешил этот вопрос в положительном смысле, но ряд последовавших административных распоряжений и некоторые параграфы уголовных законов внесли много крупных ограничений.

Привлечение к суду 40 членов административного совета парижского союза учителей и учительниц придало особенно острый характер возникшим дебатам, вызвало даже, косвенным образом, частичный министерский кризис.

Пока учителя государственных школ играли лишь роль верных избирательных агентов правительства, пока преподавание их носило „нейтральный" (по мнению буржуазии) характер, т. е. развивало в детях дух скопидомства и квасного патриотизма, пока они входили только в франкмассонские ложи, в группы свободомыслия и в общества стрельбы, гимнастические и т. п., вся буржуазная демократия не находила достаточно сильных выражений для восхваления этих „столпов республики", „просветителей нации", „единственной опоры отечества" и т. д. А раньше, когда они служили опорой министерства, не проходило ни одного торжественного собрания с участием представителей правительства, на котором бы не воскурялся фимиам народным учителям, но положение стало скоро меняться. С закрытием конгрегационных школ число учеников светских школ значительно увеличилось; число же самих школ осталось почти тем же. Работа народных учителей пропорционально возрастала, а жалованье, и так очень скудное, нисколько не увеличивалось. Семейным учителям приходится поэтому совсем туго; это тяжелое материальное положение заставляет их ради защиты интересов организоваться в профессиональные союзы, примыкающие ко Всеобщей Конфедерации Труда. Все больше и больше растет число сознательных учителей и учительниц, входящих в рабочую, социалистическую партию. Буржуазия встревожилась. Националисты и монархисты первые ударили в набат: они давно уже мечтали о том счастливом времени, когда смогут засадить в тюрьмы всех учителей-республиканцев, а тут вдруг не только учителя-республиканцы, но и социалисты-чиновники, получающие жалованье от государства, смеют организовываться в профессиональные союзы, смеют думать и бороться за улучшение своего положения, смеют выражать свою солидарность с рабочим классом, смеют критически относиться к частной собственности, к буржуазному отечеству—скандал небывалый! Чтобы государство—да не имело власти над своими же чиновниками!

Тогда-то прорвалась наружу всем известная ненависть Рувье к социалистическому движению. Первые пионеры профессионального движения привлекаются к суду за участие в недозволенных законом ассоциациях. Националист Лази не защиты ради пролетариата, а из узкого парламентского расчета с целью произвести раскол в республиканском „блоке", интерпеллирует по этому поводу правительство. Рувье, за отсутствием аргументов, пугает буржуазию призраком всеобщей стачки чиновников.

„Дайте им,—говорит он,—право организоваться, и вы увидите, что завтра почта и телеграф перестанут функционировать, школы закроются, в стране наступит анархия". Вся правая и центр шумно аплодируют этим „энергичным" заявлениям. Барту, вечно жаждущий министерского портфеля, только недавно и сразу ставший радикалом, предлагает Рувье другой исход: издадим но-

вый закон, специально касающийся рабочих и служащих в государственных предприятиях, легализируем их движение, дадим им свободу организоваться, но замкнем ее в узкие рамки закона...

Радикалы и радикал-социалисты умоляют Рувье во имя интересов республиканского „блока“ остановить преследование учителей, понимая, что слишком резкие действия Рувье угрожают им потерей усерднейших избирательных агентов как раз накануне выборов; социалисты Жорес и Вальям энергично защищают интересы учителей - пролетариев. Рувье неумолим. Резолюция, выражающая доверие правительству, проходит благодаря голосам националистов, монархистов, центра (оппортунистов) и части умеренных радикалов. Другие радикалы, радикал-социалисты голосовали против. Республиканский „блок“, таким образом, распался.

Составилось новое министерское большинство, опирающееся на правую. Левая встрепенулась: а законопроект об отделении церкви от государства?

Как предстанут радикалы перед судом своих избирателей, не осуществив „самой великой реформы века“? А что если на место Рувье будет еще более консервативное министерство?

Сегодня разыгралось второе действие этой парламентской комедии. Военный министр Берто подал в отставку, не желая больше оставаться в министерстве „правой“. Рувье успокоил радикалов насчет отделения церкви от государства. Пока он будет на своем посту, а он, прибавляет скромно Рувье, единственно подходящий для этого человек, законопроект станет законом. Клерикализм будет побежден. Радикалы и бывшие „социалисты“, Жеро-Ришар, Девиль, Мильран, и Комп., окончательно успокаиваются. Центр, все радикалы и не мало радикал-социалистов этот раз вотируют за министерство. Правая воздерживается, социалисты вотируют против. А преследование учителей? Про него уже забыли. До того ли было? А интерпелляция по поводу преследования бирж труда и антимилитаристской кампании, интерпелляция, которая должна была сегодня обсуждаться? Отложена на другой раз. Рабочий подождет.

Портовые рабочие готовились к стачке уже несколько недель. Всеобщая Конфедерация Труда (союз профессиональных организаций), организации рабочих, занятых в государственных предприятиях, уже издавна ведут усиленную агитацию за „свободу слова“ для пролетариев. На первый взгляд это кажется странным. Неужели, спросит себя читатель, во французской республике все виды свободы не распространяются одинаково на все категории граждан? Неужели пролетарии и во Франции лишены свободы слова? Уже Бабеф в конце XVIII столетия писал: „Там, где нет имущественного равенства, нет и истинной свободы“; теперь бы мы сказали точнее: „пока будет существовать наемный труд, пока рабочий принужден будет продавать свою рабочую силу, до тех пор он не будет пользоваться полной свободой слова и действий“. Пример французской республики слишком ярко подтверждает это положение. Рабочий выбрасывается на мостовую, если не так мыслит, как его хозяин, если вступает в профессиональные союзы или в социалистическую партию, если вотирует не за кандидата хозяина, если требует улучшения своего материального положения. Всегда и везде хозяин широко пользуется могущественным орудием порабощения рабочего—голодом; но рост классового сознания, усиление его политических и экономических организаций все больше и больше кладут предел хозяйскому гнету.

Когда хозяином является частный предприниматель, ему не всегда удается затушевать те узкие, корыстные цели, которыми он руководится при подавлении свободы рабочего. Но когда роль хозяина берет на себя само буржуазное государство, тогда эксплоатацию рабочего прикрывают громкими фразами об интересах национальной обороны, нуждах отечества, общественном благе. Профессиональные организации и стачки являются истинным кошмаром для представителей правящего класса.

Агитация рабочих союзов среди солдат, появление в армии социалистических групп приводят в особый страх буржуазию. Недели две тому назад в Бресте один рабочий, занятый в морском арсенале, произнес на публичном собрании антимилитаристскую речь и попутно выругал своего непосредственного начальника—адмирала, слишком жестоко и грубо эксплоатирующего рабочих. Буржуазные журналисты подняли невероятный шум: рабочий, мол, должен быть наказан; произнося антимилитаристские речи, он подрывает цельность отечества, ругая „храброго“ адмирала, нарушает дисциплину во флоте, и пр. и пр... Адмирал уволил рабочего со службы; в то же время в других портовых городах уволены были еще несколько рабочих за такие же „проступки“.

Профессиональные организации запротестовали: рабочие, говорят они, занятые в государственных предприятиях, должны пользоваться такой же свободой слова и мнения, какой пользуются и все другие граждане. Если на фабрике, заводе, арсенале рабочий и обязан в интересах производства повиновением своему начальству, для него не существует никакого начальства, раз он исполнил свою работу. Профессиональные организации портовых рабочих требуют теперь принятия обратно на службу уволенных товарищей, повышения заработной платы и пенсии старикам - рабочим. Конфедерация Труда энергично поддерживает портовых рабочих.

Линдов.

— „Berliner Tageblatt'у“ телеграфируют из Петербурга: „Могу сообщить из первого источника, что Витте решил отменить черту еврейской оседлости. Евреи получат свободное право жительства во всей России, за исключением обеих столиц, для жительства в которых будет требоваться особое разрешение“. Таково осуществление незыблемой основы свободы совести. Так граф выполняет свое обещание о равноправии всех граждан без различия вероисповедания. „Гражданские свободы“ России, очевидно, будут мириться с запрещением шестимиллионному населению в'езда в Петербург и Москву. Но не будет мириться с таким пережитком варварства революционный русский пролетариат.

Польша и Литва.

В Варшаве некоторые фабрики еще не приступили к работам, причиной тому является нежелание фабрикантов уплатить рабочим за время последней забастовки. 8 ноября на фабрике „Лильпон и Рау“ часть рабочих начала работать, явились другие рабочие и заставили первых прекратить работу.

Сообщаем еще некоторые подробности о возмутительном факте, имевшем место в Лодзи, о котором было сообщено в „Новой Жизни“ 9 ноября.

Когда толпу мужчин, арестованных солдатами в костеле Св. Креста, вели по Николаевской улице, то собравшиеся на этой улице рабочие начали протестовать, кричать и свистать. Офицер, сопровождавший арестованных, приказал солдатам стрелять. Раздался залп, и в результате оказалось несколько человек убитых и раненых. Вечером костел Св. Креста был окружен тремя ротами солдат.

7 ноября в Лодзи, в 7 часов вечера, войско окружило кофейни Белкина, Броша и др., обыскало всех посетителей и некоторых арестовало.

В Плоцке, по распоряжению губернатора, арестовывают даже за произнесение речей самого невинного политического характера. Например, присяжный поверенный Пилавский был арестован за то, что критиковал об‘явление военного положения в Польше.

В Вильне социал-демократическая еврейская партия (Bund) и социал-демократическая рабочая партия созвали 8 ноября митинг протеста против введения военного положения в Царстве Польском; об этом митинге публика была оповещена расклейкой соответствующих анонсов.

В Вильне 6 ноября на Покровской улице был убит переодетый городовой, который уговаривал рабочих ремесленной мастерской „бить жидов“. Это событие характерно в том отношении, что накануне местный полицеймейстер издал распоряжение, запрещающее, под угрозой увольнения от службы, чинам полиции переодеваться.

В Вильне 6 ноября состоялся многочисленный митинг рабочих Либаво-Роменской железной дороги, на котором принята приблизительно следующая резолюция: „мы признаем необходимость автономии Царства Польского, мы протестуем против введения военного положения и против всех репрессивных мер правительства“. На митинге единогласно решено сумму, оставшуюся от пожертвований на военные действия, препроводить в кассу всероссийского железнодорожного союза.

В Скаржиске взорван динамитом железнодорожный мост; железнодорожный путь также поврежден. Полиция прикладывает все усилия, чтобы отыскать виновных. Она обыскивает крестьян соседних деревень, арестовывает и избивает.

Петербургский Комитет Польской Социалистической Партии (P.P.S.) обратился в Совет Рабочих Депутатов, в Федеративный Совет Российской Социал-Демократической Партии и в Петербургский Комитет Партии Социалистов-Революционеров со следующим заявлением:

„Стоя на почве права каждого народа на самоопределение, Польская Социалистическая Партия (P.P.S.) добивается в настоящее время — на-ряду с созывом Учредительного Собрания на основании известного 4-сложного выборного начала в Петербурге для всей Российской империи — созыва также и на основании того же начала Собрания в Варшаве для Царства Польского, с целью установления для него полной автономии. Желая подавить это естественное стремление польского пролетариата, царское правительство об‘явило все Царство Польское на военном положении.

„Петербургский местный Комитет Польской Социалистической Партии (P.P.S.) считает своим долгом обратить внимание русских товарищей на то, что введение военного положения в Царстве Польском не только пагубно отзовется на польском народе, но также в высшей степени вредно повлияет на русское освободительное движение. Необходимы поэтому энергичные шаги для совместного солидарного противодействия этому правительственному мероприятию. Важность момента и крайняя необходимость немедленного принятия соответствующих мер не дала возможности Петербургскому Комитету Польской Социалистической Партии (P.P.S.) заблаговременно снестись со своим Центральным Рабочим Комитетом в Варшаве и заставила взять на себя инициативу: мы обращаемся к представителям русского пролетариата с предложением совместно обсудить положение дел для выяснения отвечающего данному моменту образа действий.

„В виду настойчивых слухов, что в стремлении подавить революционное движение в Польше царское правительство нашло себе поддержку в правительстве Вильгельма II, мы сочли также нужным предложить нашему Центральному Рабочему Комитету обратиться с соответствующим заявлением к Германской Социал-Демократической Партии.

„Польский вопрос входит в настоящее время в тот фазис, когда может и должна проявиться международная солидарность пролетариата в координировании действий социал-демократических партий всех трех заинтересованных народов.

„Петербургский Комитет Польской Социалистической Партии“.

Областной отдел.

Революционные дни в Казани.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Со второй половины сентября Казань стала неузнаваемой. Почти ежедневные громадные митинги в университете и массовые рабочие собрания преобразовали жизнь в городе. Казанский Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии являлся почти единственным организатором этих митингов. Две демонстрации при похоронах еще более усилили революционное настроение как среди рабочих масс, так и вообще в городе. Исторические дни в Казани начались с 17-го. В этот день самодержавие в лице своего представителя губерн. Хомутова не только оттолкнуло навсегда от себя не тронутые еще пропагандой слои казанского пролетариата, но даже благомыслящие либералы сразу прозрели.

По городу же носилось много тревожных слухов, что будут стрелять. Однако, Воскресенская ул. к началу митинга быстро стала наполняться народом. Двери университета действительно оказались занятыми нарядом полиции. Полиция пропускала лишь студентов. Часть публики успела прорваться, и митинг состоялся. Митинг прошел спокойно. И вот, когда уже стали расходиться, совершилось нечто ужасное. В мирно расходящихся и в гуляющую публику врезались казаки, и началось поголовное избиение. Улицы полны были бегущими. Часть же, которая осталась у университета, пробовала было защищаться. Тогда казаки стали стрелять. В это время брошено было несколько бомб. Казаки было рассеялись, но потом открыли огонь по всем направлениям. Часть бросилась в семинарию и там укрылась, часть укрылась в пассаже. Улицы скоро очистились от народа, но пальба все возрастала. Здания семинарии и пассажа в особенности подвергались ужасному огню. Казалось, не будет конца этой стрельбе. Всю ночь в разных концах города слышны были то залпы, то одиночные выстрелы. Достаточно было появиться какой-нибудь фигуре на улице, как по ней тотчас же раздавались выстрелы со всех концов. Так было убито несколько человек, спешивших укрыться в каменных зданиях. Хомутов, очевидно, твердо запомнил приказ Трепова. Патронов, действительно, не жалели. В эту ужасную для Казани ночь, по сообщению одного военного, было выпущено несколько тысяч патронов. Стреляли даже просто по тем домам, где в окнах был огонь.

Но эта ночь переродила многих. Те, кто чуждались революционеров, на другой день сами стали революционерами. На другой день с раннего утра началось усиленное движение. Все спешили к думе. Гласные в большинстве не явились. Ораторы от Соц.-Дем. Комитета настаивали еще на немедленном же разоружении полиции и составлении городской милиции для самообороны. Приглашение о разоружении ненавистной полиции было принято единогласно, и в какие-нибудь 4—6 час. полиция вся была разоружена. Все оружие, револьверы и шашки, было сложено в телегу и под конвоем толпы свезено к университету, и здесь на средине площади происходило вооружение народа вплоть до сумерек. На площади на высоких древках гордо взвивались один за другим красные знамена десятков милиции. Стоя на простой телеге с оружием, оратор призывал дружнее сплотиться. В эту же ночь Соц.-Дем. Комитетом была образована городская коммуна, куда вошли представители и других революционных партий. Во все время коммуна заседала в думе, изыскивая средства для расширения милиции и безопасности жителей. Город ночью и днем охранялся милицией. (Губернатор на другой день согласился на охрану города милицией. Чтобы оправдать расстрел милиции, он теперь отказывается от этого.) На другой день состоялся в театре большой митинг. Говорили по большей части ораторы-соц.-дем. Выступали солдаты с призывом к организации среди солдат своей революционной армии. 20-го при похоронах убитых 17-го устроена была громадная демонстрация. В этот день вышли в легальной типографии напечатанные листки „Ко всем“ (Соц.-Дем. Ком.) и „К гражданам Казани“ за общей подписью с.-д. и с.-р.

Город был неузнаваем. На всех бойких улицах раздавались крики разносчиков, выкрикивающих „утренний“ выпуск прокламаций Каз. Соц.-Дем. Ком. и вечерний выпуск „К гражданам Казани“. Все это делалось совершенно свободно. Листки буквально брались нарасхват.

Порядок в городе был образцовый. Во все дни в думу не было принесено ни одной жалобы на какое бы то ни было насилие.

Но грозные тучи уж собирались над городом: реакция готовилась. Незаметно подготовлялась новая бойня. Губернатор еще с утра 21-го стал вновь вооружать полицию. Хотя на заявление об этом думы он ответил отрицательно, но полицейские не были так скрытны и неосторожно появились на улице вооруженными. В то же время полиция не дремала и в другом отношении: она деятельно собирала черносотенцев, под предлогом патриотической манифестации. Во главе этой агитации встали пристава: Антонов и Васильев, изд. и ред. „Руси Самодержавной“ Соловьев и псаломщик акад. Троицкий. Чтобы не произошло столкновения манифестантов с милицией, последней было приказано не мешать манифестации. Однако, манифестанты с первых же шагов своего шествия начали избиение. Так был избит милиционер, стоявший на Рыбнорядской. Когда же толпа подошла к думе, то в выстроившихся перед думой милиционеров полетели камни и палки. Милиция предупреждала, что будет стрелять, тем не менее толпа рвалась в думу. После же того, когда в упор милиции раздался выстрел, она вынуждена была сделать залп в воздух. Толпа разбежалась, но спустя несколько минут со стороны банка и крепости явились солдаты и открыли залпами огонь по думе. Милиция, отступив в думу, забаррикадировалась. Через несколько часов все находившиеся в думе были арестованы. Неприкосновенность личности, об‘явленная в манифесте, осуществилась довольно своеобразно. Сколько убитых и раненых —определить трудно, администрация усиленно скрывает это. После расстрела у думы начались дикие оргии черносотенных патриотов. Толпа с факелами, портретом царя ходила по улицам, избивала и истязала всех похожих на студентов и интеллигентов. Так, вместо одного оратора был убит пом. прис. пов. Двинский. Характерно, что в эту ночь Хомутов расклеил об‘явление, что порядок восстановлен. Но едва настало утро, как избиения с пением „Боже, царя храни“ начались вновь, а с полудня— погром. Ходившие по улицам патрули и полиция бездействовали.

Мих.

Москва.

В „Русск. Слове“ от 31 октября был напечатан отчет о митинге техников г. Москвы. Организаторы этого митинга просят нас напечатать содержание резолюций, принятых на митинге, так как в „Русск. Слове“ они были изложены неверно и частью пропущены. Согласно присланному нам протоколу, состоялись след. постановления:

1) Признать желательным немедленную ликвидацию о-ва взаимопомощи русских техников и приступить к организации союза техников.

Цель союза — улучшение экономического, правового и политического положения членов.

Союз в борьбе выступает самостоятельно, как независимая профессиональная организация.

Для проведения в жизнь политических прав своих членов в частности и союза в целом союз техников, признавая себя частью общероссийского пролетариата, а единственной представительницей пролетариата в политической борьбе — Рос. Соц.-Дем. Рабочую Партию, признает верховное руководство в политической борьбе за Московским Комитетом Партии.

Членом союза может быть каждый выполняющий по службе те или иные технические функции.

Из общей ежемесячной суммы, поступающей в союз, отчисляется на общее дело в Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии 10%.

Принять участие в Комитете самообороны и выбрать туда делегата.

В виду преступного бездействия московской городской думы необходимо немедленное смещение наличного ее состава и учреждение Комитета для временного правления из представителей революционных организаций, которое озаботится вооружением народа; затем принята следующая резолюция:

„Признавая манифест 17 октября величайшей важности, данный самодержавным правительством вследствие бессилия подавить неслыханное по своим размерам восстание угнетенного народа, техники не верят в возможность выполнения его при существовании обагренных кровью губернаторов, полиции и казаков, а посему, окончив забастовку и приступив к работам с тем, чтобы совершеннее сорганизоваться, собрать необходимые средства, по возможности всем вооружиться и продолжать дальнейшую борьбу с правительством впредь до достижения всех прав, намеченных в программе Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“.

Старочеркасская станица.

Постановление казаков.

1905 года, октября 14 дня, мы, нижеподписавшиеся казаки Старочеркасской станицы, Области Войска Донского, Черкасского округа, собравшись на совещание в присутствии нашего станичного атамана войскового старшины Гаврила Николаевича

Кумскова и обсудив постановление с'езда землевладельцев и крестьян Донецкого округа, единогласно постановили присоединиться к решению означенного с'езда, заключающемуся в нижеследующем:

„1. Для улучшения нашего крайне бедственного положения необходимо, чтобы государством управляли не чиновники, а Государственная Дума, состоящая из выборных от всего народа.

„2. Выборные должны избираться не так, как нам об'явили в новом законе об этой Думе. Нужно всех уравнять, чтоб в выборах участвовали на равных правах все совершеннолетние обоего пола. Выбирать нужно прямо в Думу, а не выборщиков, и голоса на выборах должны подавать тайно, чтобы каждый голосовал по совести, не боясь ни начальства, ни панов.

„3. Выборным от всего народа должно принадлежать право обсуждать и составлять законы; назначать налоги и наблюдать за правильностью государственных расходов. Требовать отчета от министров и других чиновников и никто, кроме Государственной Думы, не должен издавать законы и отменять их.

„4. Необходимо всем русским гражданам без различия происхождения, национальности и вероисповедания и пола, предоставить свободу совести и стачек, свободно устраивать собрания, соединяться в союзы и читать на родном языке и свободно менять местожительство. Никто не может быть арестован и обыскан без постановления суда.

„5. Косвенные налоги с предметов потребления должны быть переложены на налоги с расходов. У кого больше доходов, тот больше плати и налогов.

„6. Также необходимо общее и обязательное образование детей на государственный счет.

„7. Землю нашу должны возвратить в общее пользование всего казачества на условиях, установленных народными представителями, избранными путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

„8. Все сословия должны быть отменены. Население станицы должно пользоваться полной свободой как по выбору членов станичного схода и должностных лиц, так и по ведению всех своих общественных дел.

„9. Станичному сходу должно быть предоставлено право облагать налогами для своих надобностей всех жителей по их доходам.

„10. Окружное и областное управление должно находиться в руках выборных, избранных таким же путем, как народные выборные в Государственную Думу.

„11. Необходимо освобождение и восстановление в правах всех пострадавших за эти требования.

„12. Для осуществления изложенных нами требований в законодательном порядке мы, нижеподписавшиеся, вступаем в областной казачий союз и защиту наших интересов во всех учреждениях и с'ездах доверяем почетному мировому судье Ивану Борисовичу Поздееву, совместно с казаками нашей станицы Василием Алексеевичем Козорезовым, Павлом Ивановичем Переселенковым и Василием Петровичем Козорезовым“.

Такая же резолюция принята Хомутовской и Котельницкой станицами. („Право“).

Феодосия.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Феодосийская резня и ауто-да-фе не поддаются описанию. Толпы разбойников, предводимые провокаторами из переодетых полицейских, всеуничтожающей волной проносились по узким улицам несчастного города и останавливались только в тех местах, на которые получили указания со стороны провокаторов: там они били, убивали, жгли и уничтожали как людей, так и имущество. По тем жертвам, список которых у нас в руках, ясно видно, что озверелая толпа знала свои жертвы: „Вот этого режь, убивай! Вот тут жги!“ это не были случайные эксцессы безумной толпы, действующей без разбору, стихийно.

Жертвами инспирируемой толпы сделались исключительно евреи и отчасти караимы. Но последние были только случайными жертвами.

Убивали только молодых евреев, хорошо известных полиции по своей принадлежности к социал-демократической и революционной партиям. Из таких убито 11 человек. Из них известный студент Нахманович, даровитый человек, все силы свои отдавший освободительному движению. Затем, аптекарские ученики Бербин и Минкин, приезжий студент Бурштейн, приезжая девушка-акушерка, известная по своей деятельности, наконец, сын местного портного Эстеркин, весь отдавшийся служению освобождения России, и др. Все это были люди дела, честные борцы за свободу, деятельные и видные. Всех их, 11 челов. убили не случайно, повторяем, а на них указывала полиция, знавшая их в лицо.

Живые факелы „христианствующей“, „православной“ России были зажжены в трех местах: это, во-первых, местное общественное собрание, куда собрались жители города, без различия пола и возраста, для празднования „дня свободы“. Собрание зажгли со всех сторон, а спасавшихся калечили и добивали. Число сгоревших еще не установлено. Другой факел — городская управа, сгоревшая до основания. Число жертв не установлено. Наконец, петербургская гостиница, против собора (православного). Число жертв неизвестно, но там останавливаются исключительно евреи. Далее сожжен дом Айзенберга, на которого полиция „точила зубы“.

Лозунг „полицейской“ толпы всюду и везде был один: „Бей, жги жидов! Не жалей!“

Войско, местный Виленский полк *), с командиром Герцыком во главе, спряталось, а если где и показывалось, то палец о палец не ударило, а только потешалось над несчастными жертвами.

Самое сильное воображение, самая пламенная фантазия, самый могучий талант не в силах передать на словах все то, что происходило в несчастной Феодосии в знаменитый день провозглашения великих свобод. Манифест о свободе обагрен потоками крови, озарен заревом ауто-да-фе, пред которыми пасуют „деяния“ святых отцов испанской инквизиции!..

Е—р—.

Асхабад.

(Корр. „Новой Жизни“.)

14 октября, в 9 час. утра, жел. дор. рабочие, прекратив работу в мастерских, собрались на вокзале и решили отправиться в управление дороги, врачебную часть, службу сборов, тяги, движения и остальные службы, чтобы прекратить в них занятия. Служащие охотно присоединялись к рабочим. Только жел.-дор. тузы оказали недолгое сопротивление: их на креслах быстро выносили на улицу. Когда же заведывающий коммерческим отделом подполк. Добросельский вздумал было прикрикнуть на рабочих, последние моментально схватили его, посадили в мешок и тоже выволокли „для охлаждения“ на свежий воздух.

С присоединением машинистов, кондукторов, стрелочников и сторожей образовалась толпа в несколько тысяч человек, потребовали прекратить движение поездов. Начальник дороги отказал; тогда машинисты приступили к разборке паровозов, и движение волей-неволей было прекращено.

По настоянию рабочих, были закрыты все питейные заведения, а позже и магазины. Обе гимназии также забастовали.

В последующие дни в городском саду происходили многолюдные митинги, в которых, кроме рабочих и прочей публики, принимала деятельное участие и масса солдат; представители местного гарнизона уверяли в своих речах, что солдаты ни в каком случае не будут стрелять в народ.

15 октября к забастовке присоединилась сначала местная батарея, пред'явившая на-ряду с своими солдатскими требованиями и общепролетарские, а за ней и жел.-дор. батальон, решительно отказавшийся от нарядов на паровозы и в мастерские, куда посылало их начальство взамен забастовавших машинистов и рабочих.

Начальник уезда и города полк. Кукаль-Яснопольский, узнав о забастовке и митингах, окруженный отрядом казаков, с нагайкой в руке, носился из конца в конец города, надеясь, что такой подходящий случай поможет ему проявить свою удаль и залить народной кровью городские улицы и площади.

Наступило 18 октября, день об'явления манифеста, вырванного у правительства единодушной забастовкой русского пролетариата. Все узнали об отвоеванных свободах еще ночью, а на утро обширная Скобелевская площадь уже кипела от могучих волн рабочих и прочей публики. Народ группировался вокруг ораторов, выяснявших смысл и значение исторического момента.

---

*) Полк этот лишь недавно, как обесчещенный за свои „громкие“ дела, был лишен шефства вел. кн. Кирилла Владимировича.

Прикатил, в сопровождении казаков, и Куколь с тем, чтобы об'явить манифест. Передавая толпе эту бумажку, он не удержался от пошлой фразы. „Вот вам свобода, — сказал он, — только не болтайте много". Раздался зловещий свист, невообразимое шиканье и негодующие возгласы.

Два дня мирно продолжались народные манифестации под красными знаменами, с революционными речами и песнями. В противовес им администрация принялась организовывать „патриотические" шествия. Для этой цели полиция навербовала амбалов-персов, платя им от. 25 к. до 80 к. Но затея оказалась бедою. „Народную" массу изображали персы с царским портретом и иконами в руках. Когда эта маскарадная процессия подошла к местной батарее, артиллеристы не могли удержаться от гомерического смеха. Обиженные „патриоты" полезли было в ворота, но со двора раздался выстрел и пуля пробила царский портрет. Солдаты кинулись на манифестантов, швыряя камнями в портрет, и сделали несколько выстрелов, ранив 3 персов. Остальные разбежались.

Сконфуженная неудачей, полиция об'ясняла персидскому населению города, что это стреляли армяне, которых, мол, следует проучить. Стали подготовляться резня и погром, магазины закрылись, вся жизнь замерла. Врачи, лечившие раненых персов, удостоверили, однако, что пули были солдатские нового образца; истина выяснилась, и армяне с персами снова примирились.

— *Ъ.*

Баку. В настоящее время весь состав каспийского флотского экипажа разоружен, и все оружие со знаменем и денежным ящиком сданы на хранение в Салянисский полк. Такие крутые меры ко всем нижним чинам экипажа вызваны тем, что в столкновениях рабочих с полицейской черносотенной организацией матросы становились на сторону рабочих. После нападения черносотенной манифестации на революционную рабочую демонстрацию в Баилове (Бак. г.) 11 матросов, защищавших красный флаг, были арестованы и преданы военному суду.

Кутаисская губ. Из села Бандза, Ново-Сенакского у., Кутаисской губ., сообщают, что из 477 человек, призванных к отбыванию воинской повинности, никто не явился. Жители отказываются от выдачи солдат и уплаты податей впредь до созыва Государственной Думы. („Возрождение".)

Полтавская губ. 26 октября волостной сход села Диканьки (Полтавск. у.) обсуждал манифест 17 октября и после подробного разбора его послал гр. Витте следующую телеграмму:

„Петербург, графу Витте.

„Народное собрание села Диканьки, выслушав высочайший манифест 17 октября и обсудив положение о Государственной Думе, единогласно пришло к убеждению, что будет пользоваться полным доверием народа и справедливо удовлетворит насущные народные нужды, в том числе и самую острую нужду земельную, лишь только Государственная Дума, избранная на началах всеобщего избирательного права, и потому признало необходимость немедленного введения всеобщего и равного избирательного права, хотя бы для этого и пришлось несколько отсрочить первый созыв Государственной Думы". („Полтавщина".)

Таковы условия, которые ставят правительству эти „темные" забитые крестьяне. Видимо, они не столь щедры на то „доверие", которое одушевляет большую часть наших конституционных демократов и либеральных буржуа.

Нижний-Новгород.

В пятницу, 4 ноября, состоялось собрание пропагандистов и агитаторов местного комитета „большинства". Был намечен план работы. Районные агитационные комитеты будут вести широкую агитацию среди масс. Для широких же масс будут организовываться лекции (по билетам) и митинги на текущие темы (вход открытый для всех). Для более сознательных рабочих предполагается систематическое чтение лекций для детального ознакомления с программой и тактикой социал-демократии. Агитационные комитеты в настоящее время заняты отыскиванием подходящих помещений где можно было бы собираться. В этих же помещениях проектируется создать библиотеки-читальни.

По вопросу о слиянии с „меньшинством" собрание признало, что полное слияние двух организаций в настоящее время невозможно. Совместная работа будет происходить в редакционной и финансовой комиссиях и при организации митингов. Из прочитанного отчета финансовой комиссии видно, что за две недели (с 18 октября по 1 ноября) поступило на организацию 541 р. Истрачено 352 р. Остаток 189 р. Главный расход типографский. За две недели издано 82 тыс. экз. прокламаций. Оказывалась помощь освобожденным из тюрьмы. („Ниж. Лист.".)

Двинск.

На-днях в громадном зале для свадеб Раца было устроено общее собрание рабочих Двинского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Ораторы говорили об экономической и политической борьбе. Железнодорожными рабочими решено было сорганизоваться в профессиональный союз, под руководством названного комитета.

Тут же собрали значительную сумму на необходимые для этой цели расходы. Собрание закончилось пением революционных песен. Присутствовало свыше 800 чел.

— 28 октября на общем собрании т. н. периферийных рабочих Р. С.-Д. Р. П. решено было большинством голосов легализировать с.-д. движение путем введения следующих реформ.

Вместо существовавших до сих пор кружков образовать одну общую группу. Для евреев, не понимающих русского языка, создать специальную группу, где лекции будут читаться на еврейском языке. Таким образом создадутся следующие собрания районов: 1) городского, 2) новостроенского, 3) старо-форштадтского, 4) гривского, 5) служащих на С.-П.-В. жел. дор. и 6) Риго-Орловской жел. дор. Сверх того вместо уличной биржи решено открыть политические клубы, куда могут приходить все члены партии, а также лица, за которых ручаются 2—3 члена. В клубе будет устроена библиотека, и будут выписываться все новейшие газеты и журналы; один из таких клубов уже открыт. Решено было также выпустить листок с призывом стать под знамя социал-демократии. („Сев.-Зап. Край".)

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

Главное Тюремное Управление,

оставив все прошения мои и мужа „без последствий", отправляет мужа моего в ссылку по Сибири, а меня, почти слепую, с детьми: девочкой 2-х лет и мальчиком 8 мес., бесчеловечно вынуждает оставаться здесь без средств погибать. Умоляю граждан о помощи и спасении меня с детьми от нищеты!.. Положение крайне безвыходное. *Мойка, д. 22, кв. 22. А. С. Жукова.*

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 11

С.-ПЕТЕРБУРГ.
СУББОТА, 12 НОЯБРЯ
(25 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

С.-Петербург.

12-го ноября.

Пролетариат и крестьянство.

С'езд крестьянского союза в Москве, происходящий в настоящее время, снова выдвигает на очередь дня насущный вопрос об отношении социал-демократии к крестьянскому движению. Для русских марксистов вопрос этот всегда был насущным при определении их программы и тактики. Еще в первом проекте программы русских социал-демократов, напечатанном в 1883 г. за границей группой „Освобождение Труда", было уделено серьезнейшее внимание крестьянскому вопросу.

С тех пор нельзя назвать ни одного крупного произведения марксистов, посвященного общим вопросам, ни одного соц.-дем. органа печати, который бы не повторял, не развивал, не применял к отдельным случаям марксистских взглядов и лозунгов.

Теперь вопрос о крестьянском движении стал насущным не в теоретическом только, а в самом непосредственном практическом значении. Теперь надо превратить наши общие лозунги в прямые призывы, обращенные от революционного пролетариата к революционному крестьянству. Теперь наступил момент, когда крестьянство выступает сознательным творцом нового уклада русской жизни. И от роста сознательности крестьянства зависит в громадной степени ход и исход великой русской революции.

Чего хочет крестьянство от революции? Что может дать революция крестьянству? — вот два вопроса, разрешить которые обязан всякий политический деятель и в особенности всякий сознательный рабочий, являющийся политическим деятелем в лучшем, не опошленном буржуазным политиканством, смысле этого слова.

Крестьянство хочет земли и воли. Об этом не может быть двух мнений. Все сознательные рабочие поддерживают всеми силами революционное крестьянство. Все сознательные рабочие хотят того и добиваются того, чтобы крестьянство получило всю землю и всю волю. Всю землю — это значит не удовлетворяться никакими частичными уступками и подачками, это значит рассчитывать не на соглашение крестьян с помещиками, а на уничтожение помещичьей поземельной собственности. И партия сознательного пролетариата, социал-демократия, самым решительным образом высказалась в этом смысле: на своем III с'езде, состоявшемся в мае настоящего года, Р. С.-Д. Р. Партия приняла резолюцию, в которой говорится прямо о поддержке крестьянских революционных требований вплоть до конфискации всех частновладельческих земель. Эта резолюция ясно показывает, что партия сознательных рабочих поддерживает крестьянское требование всей земли. И в этом отношении с резолюцией III с'езда Р. С.-Д. Р. П. совершенно совпадает по содержанию резолюция, принятая на конференции другой половины нашей партии.

„Всю волю" — это значит выборность чиновников и должностных лиц, которые управляют общественными и государственными делами. „Всю волю" — это значит полное уничтожение такой государственной власти, которая бы не зависела целиком и исключительно от народа, которая не была бы выбрана народом, не была бы подотчетна народу, не была бы сменяема народом. „Всю волю" — это значит, что не народ должен подчиняться чиновникам, а чиновники должны подчиняться народу.

Конечно, не все крестьяне, борющиеся за землю и волю, вполне сознательно относятся к этой борьбе и доходят до требования республики. Но демократическое направление крестьянских требований стоит вне сомнения. Поэтому поддержка этих требований обеспечена крестьянству со стороны пролетариата. Крестьяне должны знать, что красное знамя, которое поднято в городах, есть знамя борьбы за ближайшие и насущные требования не только промышленных и сельских рабочих, но и за требования миллионов и десятков миллионов мелких земледельцев.

Остатки крепостного права во всех и всяческих формах и видах до сих пор давят беспощадным гнетом всю крестьянскую массу, и пролетарии под красным знаменем об'явили войну этому гнету.

Но красное знамя означает не только поддержку пролетариатом крестьянских требований. Оно означает еще самостоятельные требования пролетариата. Оно означает борьбу не только за землю и за волю, но и борьбу против всякой эксплоатации человека человеком, борьбу против нищеты народных масс, борьбу против господства капитала. И вот тут перед нами встает второй вопрос: что может дать революция крестьянству? Многие искренние друзья крестьян (в том числе, например, социалисты-революционеры) не считаются с этим вопросом, не замечают его важности. Они думают, что достаточно

поставить и разрешить вопрос, чего желают крестьяне, достаточно получить ответ: землю и волю. Это большая ошибка. Полная воля, полная выборность всех чиновников, вплоть до главы государства, не устранят господства капитала, не уничтожат богатства немногих и нищеты масс. Полное уничтожение частной собственности на землю тоже не уничтожит ни господства капитала, ни нищеты масс. И на земле, принадлежащей всему народу, хозяйство будет вести самостоятельно только тот, кто владеет капиталом, только тот, у кого есть орудия, скот, машины, запасы семян, денежные средства вообще и т. д. А тот, у кого ничего нет, кроме рабочих рук, неизменно останется рабом капитала, даже при демократической республике, даже при принадлежности земли всему народу. Мысль о „социализации" земли без социализации капитала, мысль о возможности уравнительного землепользования при существовании капитала и товарного хозяйства есть заблуждение. Социализм почти во всех странах Европы переживал такие времена, когда это или подобное ему заблуждение разделялось большинством. Опыт борьбы рабочего класса во всех странах показал на деле всю опасность такой ошибки, и от нее вполне освободились теперь пролетарии социалисты Европы и Америки.

Таким образом, красное знамя сознательных рабочих означает, во-первых, то, что мы поддерживаем всеми силами крестьянскую борьбу за всю волю и всю землю; во-вторых, оно означает то, что мы не останавливаемся на этом, а идем дальше. Мы ведем, кроме борьбы за волю и за землю, борьбу за социализм. Борьба за социализм есть борьба против господства капитала. Ведут эту борьбу прежде всего наемные рабочие, которые прямо и целиком зависят от капитала. Мелкие же хозяева сами отчасти владеют капиталом, сами нередко эксплоатируют рабочих. Поэтому из мелких крестьян не все становятся в ряды борцов за социализм, а только те, кто решительно и сознательно переходит на сторону рабочих против капитала, на сторону общей собственности против частной собственности.

Вот почему социал-демократы говорят, что они борются вместе со всем крестьянством против помещиков и чиновников, а, кроме того, они, городские пролетарии вместе с сельскими пролетариями, борются против капитала. Борьба за землю и за волю есть демократическая борьба. Борьба за уничтожение господства капитала есть социалистическая борьба.

Пошлем же горячий привет крестьянскому союзу, принявшему решение бороться дружно и стойко, беззаветно и без колебаний за полную волю и за всю землю. Эти крестьяне — настоящие демократы. Их ошибки в понимании задач демократизма и социализма мы должны раз'яснять терпеливо, выдержанно, как союзникам, с которыми нас соединяет общая великая борьба. Эти крестьяне—действительные революционные демократы, с которыми мы должны итти и пойдем вместе на борьбу за полную победу теперешней революции. К плану общей забастовки, к решению подняться в следующий раз дружно, сообща, и городским рабочим и всей крестьянской бедноте, — к этому плану и решению мы относимся с величайшим, полным сочувствием. Все сознательные рабочие приложат все усилия, чтобы помочь осуществиться этому плану. Но никакой союз, даже с самыми честными и решительными революционными демократами, не заставит пролетариев забыть об их еще более великой и важной цели, о борьбе за социализм, за полное уничтожение господства капитала, за освобождение всех трудящихся от всякой эксплоатации. Вперед, рабочие и крестьяне, на общую борьбу за землю и волю! Вперед, пролетарии, об'единенные международной социал-демократией, на борьбу за социализм!

Н. Ленин.

Осуществим ли всеобщий передел земли.

„Земля и воля!" — в этих двух словах выражается сущность требований современного крестьянского движения. Какое содержание вложит крестьянское движение в эти требования, как оно распределит полученную „землю", добившись „воли", насколько далеко пойдет в своем требовании „земли", — предсказать заранее трудно, почти невозможно.

Но с уверенностью можно сказать, что оба эти требования в той или иной мере и форме будут осуществлены в близком, сравнительно, будущем. Порукой в этом—ставшее невыносимым для крестьянства, угнетенное и порабощенное положение его и по отношению к государству и по отношению к помещичьему классу, а также и обнищание широких слоев крестьянства, единственным выходом из которого является в настоящее время увеличение площади находящейся в их владении земли.

„Земли и воли" требуют крестьяне, и это требование их поддерживает российский пролетариат в лице Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Это же требование пишет на своих знаменах и Партия Социалистов-Революционеров. Но смысл, который вкладывают в эту формулу обе эти партии, — глубоко различен.

В статье „Мелкобуржуазный и пролетарский социализм" („Новая Жизнь", № 9) обстоятельно раз'яснено это различие, и мы не будем на нем останавливаться, отсылая читателей к этой статье.

Мы рассмотрим, осуществимы ли требования земельной программы социалистов-революционеров, имеются ли налицо такие силы и стремления, которые способны были бы провести на практике эту программу.

В чем состоит эта программа? Социалисты-революционеры формулируют ее так: „социализация земли", т. е. переход всех земель „в собственность государства, всего общества, и в распоряжение местного самоуправления, для наделения общин и товариществ под условием уравнительного и общественного пользования землей".

Выражение „социализация земли", как видно из пояснения самих социалистов-революционеров, означает просто-напросто „национализацию земли" (переход земли „в собственность государства, всего общества"). „Социализация земли" — не имеющее смысла, противонаучное выражение, с помощью которого социалисты-революционеры думают замаскировать буржуазность своей по-

зиции и свое полное научное невежество. Если сохраняется весь буржуазный строй, то передача земли в собственность общества есть не что иное, как передача в собственность буржуазного государства определенной страны, т. е. то, что в научной литературе принято называть „национализацией земли". Дело, конечно, не в слове, а в том содержании, которое скрывается за этим словом. Национализация земли в буржуазном государстве (об осуществлении социалистического государства в близком будущем не решаются говорить даже социалисты-революционеры) означает увеличение силы и влияния правительства буржуазного государства, т. е., в конечном счете, господствующего класса — буржуазии вообще. Этого ли добиваются социалисты-революционеры? Они думают, что переход земли в собственность государства приведет к равномерному распределению земли между „трудовым крестьянством". Но где основания, которые позволяли бы рассчитывать на это?

Весь земельный фонд, не принадлежащий „трудовому крестьянству", далеко недостаточен для того, чтобы обеспечить землей все крестьянство в таком размере, в каком обеспечены ею многоземельные разряды и группы крестьянства. Следовательно, в общий передел должны были бы пойти и крестьянские земли.

В разных районах и в пределах каждого района, будь то губерния, уезд и даже волость, есть различные разряды крестьян с неодинаковой земельной обеспеченностью. Согласятся ли крестьяне, имеющие, положим, 4 дес. на душу, уступить часть своей земли своим соседям, имеющим всего $^1/_2$ дес. на душу? Нет, не согласятся. Далее, во многих местностях России существует подворное владение землей, при чем земля в пределах общества распределена крайне неравномерно (например у так называемых „крестьян четвертного права" или у „старозаимочников"). Многоземельные дворы, разумеется, какие бы блага им ни сулили социалисты-революционеры, не отдадут своей земли малоземельным.

Таким образом, при первой же попытке провести на практике „социализацию земли" пришлось бы столкнуться с крайней разнородностью интересов различных районов, разрядов крестьян и отдельных групп их. Если малоземельное крестьянство стало бы осуществлять программу социалистов-революционеров, то могла бы начаться гражданская война в самом крестьянстве. Наступила бы невообразимая анархия. Но, к счастью, кажется, этого не случится.

Рассмотрим распределение земли внутри общин и товариществ. Социалисты-революционеры говорят „об уравнительном или общественном пользовании". О последнем можно серьезно и не говорить, так как эта форма землепользования (т. е. общее хозяйство на всей земле общины) совершенно не свойственна нашему крестьянству, и все народнические попытки насадить „артельное хозяйство" потерпели самое жалкое крушение. Рассчитывать же на то, чтобы наши крестьяне сразу сделали огромный скачек в своем развитии, от общинного владения с подворным пользованием землей сразу перешли к высоко развитым формам кооперации, — значит совершенно игнорировать сущность нашей земельной общины, весь исторический опыт и косность человеческой психологии.

Остается, значит, „уравнительное пользование", т. е. теперешнее общинное владение, с равным разделением земли по душам и периодическими переделами. Социалисты-революционеры уверяют, что эта форма землепользования самая распространенная, но они умалчивают при этом, что во многих местах община фактически не существует, что переделов земли в них никогда не было или они давно прекратились. Автор „Русской общины" г. Качоровский, авторитет которого, кажется, признают социалисты-революционеры, доказывает, что „переделов" сначала не бывает, потом они вызываются недостаточностью земли, а при дальнейшем росте числа членов общины снова прекращаются. Словом, по выводам г. Качоровского, „переделы" — явление временное, а вовсе не присущее крестьянскому землевладению при всяких условиях. Более того. Тот же г. Качоровский, сам не замечая того, всей своей книгой очень обстоятельно доказывает положение, что земельная община представляет собой учреждение, ничего социалистического в себе не заключающее. Она не является первоначальной формой обобществления производства, но, по самой своей природе, совершенно противоположна всякой сознательной кооперации. В основе всякой кооперации, всякого об'единения сил и средств для достижения общей цели лежит солидарность интересов, подчинение интересов личности интересам целого, тогда как в основе общины лежит борьба интересов. Члены общины ничего не соединяют для достижения общих целей, а напротив, делят то общее, что у них имеется. „Борьба из-за земли" является, по данным г. Качоровского, той силой, которая вызывает переделы земли. Данная община располагает участком земли, который она не имеет средств увеличить. Каждый из членов общины стремится захватить себе возможно больше земли, но так как и другие стремятся к тому же, то в результате этой борьбы за землю получается равное распределение ее между всеми. Как только, благодаря изменению состава населения, распределение земли перестает быть равномерным, группы, имеющие меньше земли, начинают добиваться передела, группы, более обеспеченные, всеми силами ему противятся. И в целом ряде общин переделов не бывает именно по той причине, что малоземельным не удается составить необходимое большинство голосов для передела. Ни о какой солидарности, ни о каком стремлении к справедливому удовлетворению потребностей всех нет речи. Каждый борется за свои интересы (иногда эта борьба ведется с насилием).

Некоторая устойчивость общинного владения (т. е. переделов земли) обусловливалась до сих пор тем, что все общество круговой порукой отвечало за уплату податей, что земля не была еще выкуплена крестьянами в собственность, и подворное разделение земли навсегда было связано с целым рядом зачастую неопредолимых препятствий. Наше бюрократическое правительство с незапамятных времен всеми силами поддерживало и насаждало общинное землевладение.

Поэтому можно думать, что община под влиянием этой борьбы за землю очень легко при полной воле распадется, так как общинное владение препятствует улучшению земледельческой культуры.

Социалисты-революционеры уверяют нас, будто среди крестьян существует воззрение на землю, как „ничью, божию", которая, как свет, как воздух, не принадлежит никому. Такое воззрение действительно встречается среди

крестьянства. Но на свою землю крестьяне не смотрят так: если они вкладывают в нее свой труд, то уже считают ее своей собственностью, основываясь на трудовом принципе. А по мере развития купли-продажи земли и округления участков у отдельных крестьян, это воззрение все более и более исчезает.

Инстинкты собственников уже теперь очень сильны в нашем крестьянстве. А когда падут все преграды для мобилизации земельной собственности и крестьяне будут иметь свою землю, они превратятся, без сомнения, в таких же мелких буржуа, какими являются крестьяне западно-европейские. Крепостнически-патриархальный „социализм“ выветрится бесследно, и значительная часть крестьянства будет стремиться „прикупить“ земли. Начнется буржуазная война „всех против всех“, сильные будут подниматься, слабые падать. Резче обособятся группы с различными интересами, и классовая борьба в деревне получит полное развитие.

Итак, переход земли в руки крестьянства приведет только к дальнейшему расслоению этого крестьянства и усилит классовую борьбу. Таково только и может быть значение перехода земель к крестьянству.

Мы, социал-демократы, сознаем это и потому поддерживаем требование крестьянства „земли и воли“.

Мы знаем, что только классовая борьба пролетариата городского и сельского является той силой, которая приведет нас к социализму.

Мы хотим способствовать развитию классовой борьбы в деревне и в интересах крестьянства, которому грозит вымирание и вырождение, в интересах развития всего общества в целом стоим за переход земли к крестьянству.

Б. А.

Армия и народ.

Основная задача армии это—защита государства от внешних врагов, но с развитием политической и экономической жизни вопрос войны несомненно все более и более исчезает с горизонта цивилизованных стран, стран, где суверенитет народа является высшим контролем национальных планов. Зато все сильнее и заметнее выдвигается роль армии как классового учреждения, служащего опорой капиталистического строя.

Когда буржуазные основы общества были еще крепки и не возбуждали сомнений и опасений у правящего класса, он довольствовался своим фактическим господством и не прибегал к тем средствам, которые подрывали его престиж, подрывали главное оружие буржуазии — формальную законность. Теперь все декламации отброшены в сторону, и армия выдвигается как прямая и грубая угроза пролетариату, оказавшемуся способным пошатнуть „вечные“ законы буржуазного порядка. Но там, где еще не пал феодально-монархический строй, роль армии может быть прогрессивна.

Всегда, чем ближе подходит неминуемый день падения старого порядка, тем крупнее значение армии.

В истории известны моменты, когда государственная власть становилась игрушкой в руках грубой солдатчины, когда она низвергала и возводила всесильных владык. Но это возможно лишь в те моменты народной жизни, когда нация умирает, разлагаясь, а не выдвигает новые слои, идущие на смену старым; лишь в те эпохи, когда народ, старчески бессильный, отдает свое революционное первородство за жалкие подачки ловких политиканов.

Но когда он, сознавая свои идеалы, принимает вырванные реформы лишь как новые позиции для дальнейших натисков, положение армии становится очень тяжелым. Тысячи нитей связывают ее со старым порядком, гибнущие временщики ласкают ее ухаживают за ней, пытаясь создать верных преторианцев. А новые идеи освободительной борьбы, сначала тонкими струйками, потом бурным потоком, проникают за стены казармы; в самой армии начинается распадение, выдвигаются борцы и страдальцы за свободу, создаются опричники, готовые устраивать погромы. С одной стороны, мы видим дикие шайки, с гиком избивающие народ, с другой стороны, мы видим солдат и офицеров, принимающих участие на митингах.

Появляются даже письма, явно показывающие совершающийся переворот. „Пережив ужасную душевную драму, я не нашел дальнейших сил для сделок с совестью и подал в отставку. Вместе с тем я возбудил ходатайство об исключении меня из казачьего сословия. Есаул Петр Ильяченко“ („Русское Слово“, цитируем по „Нашей Жизни“ № 317). И это письмо лишь одно из многих. Что же еще надо! Ведь г. Ильяченко принадлежал именно к той части войск, которую прочат в опору трону и существующего разбоя.

Разделение войск на верные „царю и отечеству“ и на сомнительные идет у нас быстрыми шагами. Когда выпускают на народ казаков или петербургских раскормленных преторианцев, то невольно возникает вопрос: почему не идет в дело манджурская армия? Она бы и прежние поражения наверстала и, пожалуй, как привыкшая не на печи лежать, а воевать, скорее и лучше подавила бы беспокойные элементы и вывела бы Россию из состояния анархии.

Но здесь мы встречаемся с чем-то очень странным: тех самых патриотов, которых так прокламировали и генералы в телеграммах и их лакеи в корреспонденциях, не только не спешат вернуть в Россию, но хотят создать из них военные поселения Дальнего Востока. Эта дикая аракчеевщина сначала появилась в иностранной печати, но никто не хотел верить в такой конец воинских подвигов; теперь же нет сомнений: на тему о колонизации Манджурии русскими солдатами пишутся докладные записки, а в канцеляриях скребут перья, которые могут погубить больше людей, чем японские штыки.

Этот чудовищно-дикий проект должен привлечь внимание русского народа не только потому, что ему покойней иметь дело с манджурцами, вкусившими все прелести своего благородного ремесла, но и потому, что манджурская авантюра стоила достаточно крови и жертв, нельзя допустить вечную ссылку сотен тысяч крепких сил страны, из которой гражданская война и без того уносит ежедневно лучших людей.

Народ в течение полутора года вел борьбу с правительством за прекращение войны, за спасение России от бессмысленных жертв, которые будто бы приносились во славу русского воинства, с которым хотят теперь разде-

латься слишком бесцеремонно, ибо понимают, что военные элементы, готовые примкнуть к освободительному движению в манджурской армии, сильнее всего; они на своей шкуре испытали все язвы монархического строя. Иностранные газеты уже давно сообщают, что у современной России нет больших врагов, чем русские пленные в Японии, а среди вожаков аграрных беспорядков особенно выдавались раненые, вернувшиеся с Дальнего Востока. Наглый проект создать китайскую стену из русских трупов должен привлечь внимание русского общества как характеристика правительственных намерений и его затаенных желаний.

Но наши канцелярские мумии, занятые выдумкой новой египетской казни, не заметили, что за процесс развивается перед ними,—надвигается революция, и, приняв это в расчет, мы смело можем сказать, что колонизация окончится очень скоро и справедливо: войска вернутся на родину, оставив в Манджурии как украшение пограничных столбов нескольких вождей авантюры.

Но, кроме вождей, есть и виновники авантюры, и им не избежать народного суда.

В. Волгин.

Аграрное движение в Саратовской губернии.

Не успело затихнуть грандиозное революционно-забастовочное движение, охватившее во второй половине октября всю городскую Россию, как поднялась деревня. Поднялась она, в своей глубокой темноте, совершенно стихийно и вылила свой протест в форму „бунта“, бунта беспощадного и часто бессмысленного.

Сильное аграрное движение бушует теперь в Саратовской губ. одновременно в нескольких уездах.

Картина этого движения во многих случаях довольно однообразна. Типичная черта ее — аграрный террор, порой в самых крайних проявлениях. Пылают и сравниваются с землей громадные усадьбы, гибнут огромные состояния, гибнут очень часто инвентарь и скот — предпосылки дальнейшего развития производительных сил.

Саратовские газеты буквально пестрят однообразными известиями из уездов Балашовского, Петровского, Аткарского, Саратовского.

„Идет погром хутора кн. Волконского около села Романовки“. „Разграблены казенные винные лавки там же“. В Макаровской волости „жгут, грабят церковный причт, монопольку, купца“... В Ключах „сожгли и разграбили земскую больницу“.

В Петровском уезде „сожжен и разграблен хутор Аплегава; третий день идет грабеж имения Бекетовой и хутора Бундикова“... „Третий день идет разгром винокуренных заводов в с. Даниловке“... В селе Турках „разгромлена железнодорожная станция; разграблена мука и мануфактурный товар“...

И отдельные эпизоды беспощадной расправы складываются в потрясающую картину целых уездов, предаваемых огню и разгрому.

И крайне характерно в этом разгроме то, что жгут и истребляют сплошь и рядом без всякого смысла.

27 октября в „Подгорном“ были сожжены экономические кошары, а в них до 3.000 голов овец (шленские).

А вот как громили громадное богатейшее имение кн. Прозоровского-Голицына. Разгромив службы, экономические постройки, монопольку, лавки,

толпа отправилась во дворец, и начался в полном смысле погром. Били мраморные статуи, рвали редкие картины, ковры. Много было взято оружия, ламп, самоваров, подушек, золотых и серебряных вещей. Когда участники погрома набрали столько, сколько можно унести, дворец зажгли и удалились. На обратном пути зажгли конюшню.

Дольше всего горел дворец: временами казалось, что горит не дворец, а происходит извержение вулкана. Дворец был построен более ста лет тому назад и представлял собой исторический музей.

В нем была прекрасная библиотека французских и немецких философов, картины лучших русских и иностранных художников разных направлений, посуда, японские изящные мелкие произведения, статуи из лучшего мрамора и т. д.

Из разных мест приходят уже и известия о том, что на почве волнений начинается среди крестьян междоусобная борьба, принимающая иногда кровавый характер. Корр. „Сарат. Дневн.“ рассказывает:

Макаровцы пошли всем обществом против грабежей и тем вызвали вражду окружных селений, которые грозят итти войной на Макарово и пожечь все. Дело дошло до того, что уже 27 октября стало известно, что гривские и перевисинские крестьяне назначили в ночь на 28-е поход на Макарово.

Или другая картинка в той же газете (дело происходит после разгрома одного хутора).

Настроение крестьян было самое зверское. Всякий крестьянин, подававший здравый совет, избивался, имущество иногда предавалось огню. Были кровопролитные массовые схватки друг с другом. В Шепелевке крестьяне разделились на две партии, которые, в конце концов, приняли религиозный оттенок (православные и молокане), и шло ужасное, душу раздирающее побоище в течение нескольких суток. Были пущены в ход дубины, колья, топоры. Старшина изувечен и едва живым доставлен в земскую больницу. Есть убитые и много раненых. Лишь залпы из трехдюймовых орудий прекратили резню. Пушечными выстрелами разрушены три дома.

Наконец, все газеты обошло на этих днях известие о том, как в Малиновке, Сердобского уезда, крестьяне-православные убили 42 человека крестьян-раскольников за то, что последние осквернили православный храм, загнав туда скот, который они вместе со своими будущими палачами незадолго до этого увели из одного сообща разгромленного имения.

Рассказывать о том, что происходит в других местностях Саратовской губ., значило бы более или менее повторяться.

В общем это крестьянское движение стоит несомненно вне руководства какой-либо политической партии. Лишь в немногих пунктах роль такого руководителя приписывает себе, как известно, так называемая Партия Социалистов-Революционеров. Но руководство это весьма сомнительного характера. При поверке оказывается, что „партия“ эта в аграрном движении сама безусловно и прежде всего преклоняется пред стихийно-разрушительным характером этого движения, и ее „тактика“ аграрного террора как нельзя лучше это подтверждает. У нас нет точных сведений о том, где именно „партия“ эта участвует теперь в крестьянском движении; и окидывая одним взглядом

картину этого движения, мы видим в общем такое однообразие, что, не имея о том специальных сведений, едва ли можно различить, где именно крестьяне восстали сами по себе, а где к их восстанию успела приложить свою руку „критически-мыслящая личность“ соц.-революционера. Странное руководительство!..

* * *

Но есть в той же Саратовской губ. небольшая округа, где крестьянское движение, как сообщают нам наши корреспонденты, носит значительно иной характер. Движением этим руководила местная организация „Аграрной Группы Саратовского Комитета Р.С.-Д.Р. Партии“. Центром этой округи является село Николаевский Городок, Саратовского уезда. Социал-демократическая работа среди крестьян этой местности велась двоякого рода: положительная работа преследовала пропаганду, агитацию и организацию на основе программы и тактики Р.С.-Д.Р.П., с другой же стороны велась энергичная борьба против Партии Социалистов-Революционеров, в частности против теории и практики аграрного террора.

Борьба эта увенчалась успехом, и в лице движения в этой местности мы имеем попытку провести соц.-демократическую тактику.

В самом начале движения на собрании крестьян местных и ближайших сел и учеников местного земледельческого училища была принята след. резолюция:

„Мы, нижеподписавшиеся, всецело присоединяемся к восставшим рабочим и поручаем своим уполномоченным выработать план действий во время начавшейся революции, которым мы и будем руководствоваться“.

Здесь же был выбран районный „революционный крестьянский комитет“, по два представителя от каждого села. Это собрание уполномоченных и выработало следующий план действий „в момент всероссийского восстания“:

1) выпуск партийного манифеста; 2) смена всех сельских правительственных властей и замена их выбранными, которым и предоставляется вся исполнительная власть; законодательная власть оставляется за общим (областным или волостным) собранием. Уничтожение всех воинских и недоимочных списков; 3) озабочиваясь продовольствием крестьян (в виду голода), составив соответствующие общественные приговоры, предпринять разборку хлеба в соседних экономиях и предоставить все экономические земли трудящемуся населению без выкупа. При разборке экономии выдавать от крестьянского комитета расписку землевладельцу о количестве вывезенного из его экономии хлеба; 4) а) организация сельских революционных комитетов, которые сносятся через своих уполномоченных с районным, а последний через своих уполномоченных с областным (саратовским) комитетом Российской Соц.-Дем. Раб. Партии и действует согласно его указаниям и инструкциям; б) уничтожение всех правительственных податей и налогов, введение прогрессивно-подоходного налога, размер которого определяется общим собранием. Все суммы, собранные таким образом, поступают в сельские кассы, известный процент из них отчисляется в кассу при районном или волостном комитете и областном (саратовском). Районный же комитет имеет прибор для печатания и выпускает всякого рода воззвания и прокламации; 5) организация вооруженных дружин. Отобрать все имеющееся оружие в экономиях и у крестьян, не желающих или не могущих почему-либо вступить в дружину. Если же правительственные арсеналы в городе (Саратове) окажутся в руках рабочих, то просить областной комитет отделить часть оружия и в деревню.

Первые три-четыре дня прошли в митингах в Николаевском Городке и в соседних селах, в демонстративных шествиях с обычными атрибутами, при чем,—пишет наш корреспондент, — „принимали самое деятельное участие парни, девушки, женщины, рядом с седовласыми стариками“.

18-го деревня узнала о манифесте и ответила на него на многолюдном митинге резолюцией,

в которой, между прочим, сказано: „Мы будем бороться до тех пор, пока не добьемся Всенародного Учредительного Собрания и перехода всей земли в руки трудящегося населения“. Постановлено было также „проводить все намеченные меры строго организованно, под руководством крестьянских комитетов, насилий и грабежей никаких не чинить, перед захватами и разборкой хлеба в экономиях составлять приговоры“.

Примерный приговор этого рода гласит: „Мы, нижеподписавшиеся, крестьяне такого-то села, собравшись на сход (число), решили всю землю такого-то помещика (удела, монастыря и т. д.), как не по праву ему принадлежащую, передать без выкупа в пользу таких-то крестьянских обществ. Весь же хлеб, находящийся в амбарах такого-то помещика, в виду отсутствия у нас всяких продовольственных средств, и не надеясь на помощь правительства, постановили разделить между нуждающимися общественниками“.

Активные действия начались 20 октября с волостного правления.

Забрали все книги, касающиеся недоимок, воинской повинности и т. д. Уполномоченные на то крестьяне отобрали у старшины ключи и кассу. Захвачены были далее все книги и оружие в квартире пристава, при чем к квартире была приставлена стража для охраны имущества пристава. Затем было отобрано лишнее оружие и боевые припасы у частных лиц и в лавках. В казенной винной лавке сменили сидельца, конфисковали кассу, торговля, по желанию схода, продолжалась, но под охраной вооруженной стражи.

На почте были конфискованы касса, оружие и телефонный аппарат. Конфискована была также и касса Мариинского земледельческого училища, при чем часть денег была оставлена управляющему на текущие расходы. Со всеми конфискованными деньгами особый нарочный был тотчас же послан в Саратов за оружием. Из учеников земледельческого училища была образована милиция для надзора за порядком.

Для разборки хлеба, которую начали 21 октября, были также выработаны определенные правила касательно 1) определения количества хлеба, которое может быть взято в экономии (часть оставляется для продовольствия рабочих и скота) и 2) распределения этого хлеба между нуждающимися едоками окружных сел.

Все эти действия должны были производиться под непосредственным контролем крестьянского комитета.

Несколько вооруженных дружинников было послано по постановлению схода к помещику Петрову с предупреждением, что завтра приступят к разборке его экономического хлеба, и с предложением выдать имеющееся у него оружие, а также и 2.000 руб. на вооружение. Все это было исполнено.

В этот же день, между прочим, вооруженная дружина, дежурившая последние день и ночь, арестовала двух грабителей.

Когда крестьяне явились на ферму землед. учил. для разборки хлеба, районный комитет определил оставить для собственных надобностей фермы 4.000 пуд. хлеба. 8.000 п. было разобрано. Хлеб вывозился в общественные магазины, где и раздавался нуждающимся. Разборка прошла в полном порядке, без насилий, без недоразумений как на ферме, так и по отдельным деревням.

То же самое происходило одновременно и в намеченных для разборки окрестных помещичьих экономиях. Кроме хлеба, отбиралось оружие. Помещикам выдавалась за подписью „крестьянского социал-демократического комитета“ особая расписка „для пред'явления Учредительному Собранию“. Из домашних вещей не брали абсолютно ничего. Корреспондент наш рассказывает, между прочим, что, когда в большой экономии Беклемишева служащие последнего начали тащить имущество, то крестьяне потребовали от Беклемишева письменного удостоверения в том, что они, крестьяне, „кроме хлеба и оружия ничего не брали и брать не хотели“.

Вообще, пишет корреспондент, „крестьяне обнаружили поразительную дисциплинированность. Они всецело подчинялись выборному комитету. За все время аграрного движения в Николаевском районе не было ни одного предосудительного поступка со стороны крестьян, даже не замечалось пьяных“.

И ту же сознательность и организованность, которые крестьяне проявили при разборке хлеба, они проявили и при захвате земель. Так, например, за казенной фермой было оставлено около 200 дес. земли, количество, которое сам же управляющий признал достаточным для опытно-показательного хозяйства.

План „революции на месте“ был проведен, таким образом, местною организациею, но она оказалась значительно впереди событий, значительно впереди революции общероссийской. 23 октября в с. Николаевский Городок нагрянули войска с пушками, пулеметами. Руководители движения окопались и укрепились в земледельческом училище и решили ждать инструкций Саратовского Комитета Р.С.-Д.Р.П. Инструкция была вскоре получена; в ней рекомендовалось как можно скорее ликвидировать дело, войскам не сопротивляться, более скомпрометированным бежать. Училище-крепость была оставлена защитниками, правительственные агенты энергично принялись за восстановление „старого порядка“.

Семь учеников землед. училища арестованы; они обвиняются по 100 ст. за восстание и содержатся в саратовской тюрьме, как уголовные, при страшно тяжелых условиях. Так мстят им местные представители администрации за то, что они попытались внести известный порякок, оранизованность в местное крестьянское движение.

* * *

На фоне общей картины аграрного движения с. Николаевский Городок безусловно является светлой полосой. Не мы, партия пролетариата, станем обвинять крестьянскую бедноту в стихийно-разрушительном характере ее восстания. Не на нее ложится ответственность за этот характер. Долгая школа рабства, систематическое обирание крестьянских масс и превращение их в массы темных пауперов — такова обычная политика царско-помещичьего самодержавия по отношению к русской деревне. И если теперь в деревне гибнут без всякого смысла на миллионы рублей производительные силы, то это есть непосредственный результат этой политики.

И каждая пылающая усадьба, как и каждый город, разгромленный полицейско-черносотенными ордами, есть новый пункт того грандиозного обвинительного акта, который выдвигает Россия против абсолютизма.

Но с проповедью аграрного террора, который есть не что иное, как непосредственный продукт темноты и полного обнищания русской деревни, социал-демократия не может и не должна мириться. Ибо об‘ективной основой нашей твердой уверенности в неизбежности наступления царства социализма является именно безостановочное, мощное развитие производительных сил. Тактика аграрного террора, тактика разрушения производительных сил, хотя бы и временная, — глубоко реакционна. Бороться с этой тактикой необходимо; а опыт социал-демократической деятельности в округе с. Николаевский Городок показывает, что борьба эта вполне возможна, что революционно настроенное крестьянство способно усваивать и проводить в жизнь тактику социал-демократическую.

И. Г-г.

Русская печать.

* * * „Наша Жизнь“ считает необходимым, чтобы Совет Рабочих Депутатов оставался вне Социал-Демократической Партии.

Мы позволяем себе думать, что тактика Рабочего Совета совершенно правильная, и его стремление стать вне определенной партийной программы тоже вполне правильно. Допускаем даже, как утверждают соц.-дем., что теоретически наиболее полно политические и социальные идеалы рабочих масс представляет социал-демократия, но ведь далеко не все петербургские рабочие — социал-демократы. Утверждать противное не решится и „Новая Жизнь“. Среди петербургских рабочих, даже политически развитых, есть очень много лиц, не выработавших себе пока определенного миросозерцания. Есть, наконец, много рабочих, политически совершенно неразвитых. Следовательно, выразительницей стремлений и мнений всех петербургских рабочих социал-демократия считать себя не может.

Весь вопрос в том: хочет ли Сов. Депутатов итти в хвосте массы или же вести ее за собой? Если есть много рабочих, „политически совершенно неразвитых“, то не за ними же итти органу, главная задача которого „представлять наиболее полно политические и социальные идеалы рабочих“. Чем безупречнее Совет Депутатов исполнит эту задачу, тем успешнее будет его политика и тем прочнее связь с массой. Путь социал-демократии это путь организации пролетариата для борьбы с давящим его строем.

Плоха была бы та партия и плох тот представительный орган, которые плелись бы за отсталыми, а не сознательно вели их за собой.

* * * Земцы, заседая в Москве, решили договориться с правительством. Но с кем же заключать им контракт? С графом Витте? Но он только говорит, а правит кто-то другой. Граф Витте обещает, обещает, а другая, настоящая власть расправляется с народом по-старому. Либерализм Витте—для вывоза, для показа иностранным банкирам. Дома же, для внутреннего употребления, оставлено иное правительство — Дурново, Рачковского и К°.

Из-за границы „Бирж. Вед.“ осведомились, что среди многих сановников и некоторых военных, имеющих доступ ко двору, зреет мысль о военной диктатуре, чтобы снова взнуздать непокорного коня России и управлять им.

Позорные разгромы и бесчеловечные убийства, совершенные в разных городах России, словно по данному сигналу, в один день при поддержке или попустительстве полиции, администрации и бездействии войск — свидетельствуют, что такая организация, бесспорно, существует.

Нити ее, повидимому, находятся в министерстве внутренних дел, которому подчинены губернаторы, отдельный корпус жандармов, полиция, охранные отделения, сыщики.

Правительство составило „кабинет“ для проведения в жизнь манифеста, а теперь выясняется, что некий г. Рачковский, бывший начальник „дозорного депо“ в Париже и изгнанный оттуда, делает в России „внутреннюю политику“ в должности заведующего „политической частью“.

И, очевидно, не без ведома и благословения когда-то тоже уволенного директора департамента полиции, а ныне министра Дурново.

„Кабинет“ живет по евангельскому завету: десница не ведает, что творит шуйца.

Считаем нужным добавить, что в состав тайного кабинета вошел и генерал Трепов. Трепов, Дурново,

Фредерикс — и в их руках полиция и казаки. Если земцы согласятся на договор, то Витте-то его подмахнет.

На радостях по поводу примирения, правительство займет денег, а на завтра Дурново и Рачковский водворят старый порядок.

В иностранных газетах тоже упорно говорят, что введение военного положения в Польше, как и назначение генерал-ад'ютантов для умиротворения крестьян, явилось полной неожиданностью для членов кабинета гр. Витте.

Очевидно, помимо явного, показного, так сказать, правительства, умеющего говорить хорошие, „успокаивающие" и либеральные слова, существует какое-то тайное правительство, устраивающее заговоры и выполняющее при помощи опричников, как и при Иоанне Грозном, погромы и убийства для устрашения непокорных.

Афинским совам на Моховой.

Совет Московского университета, вопреки требованиям огромной части студенчества, снова запер ворота на Моховой, приставив к ним стражу. В третий раз за два месяца совершил насилие над лучшей и благороднейшей молодежью. Ученые мужи не могли потерпеть превращения университета в арену и орудие политической борьбы. Они—жрецы науки, чистой святой науки, далекой от жизни и уличного шума — не могли допустить профанации. Они — друзья и братья студенчества — не могли перенести вида алой юношеской крови. Они—архивариусы и препараторы—не осмелились подвергнуть смертельной опасности чучела и коллекции университета. И не потерпели. Законопатили ватой уши, привыкшие ко всему прислушиваться, паклей — все входы и выходы опустелого здания. Они совершили великое дело и с гордостью озираются. Они не просто чиновники и мертвые люди. Нет, нет! Они — борцы за свободу. „Борясь за свободу науки и академическую автономию", они, „тем самым, служат свободе и прогрессу". Они понимают гражданскую добродетель и дух времени. Они великодушно признают за „каждым членом академической среды полное право принимать участие в общественной и политической жизни страны". Они посылали всепресмыкающиеся телеграммы, бегали к градоначальнику, они... Но довольно и этого. Разойдясь по квартирам, они заперли двери на цепь, облачились в халаты и с тихой радостью сказали себе: „Нет больше серьезной опасности для лиц, постоянно живущих в университетских зданиях". И крепко заснули...

Жрецы науки — я узнаю вас! Когда реакция залила своими мутными волнами страну, когда полицейский режим вырывал жертву за жертвой из рядов молодежи, вы умели только проповедывать смирение и покорность, дрожать за свою шкуру и беспомощно следовать указке участка. Когда пролетарская молодежь подняла открыто знамя борьбы с ненавистным самодержавным строем, а самодержавие ответило чудовищной мерой: отдачей студентов в солдаты, когда тысячи отважных и честных юношей беззаветно ринулись на бой с всесильным врагом, чтобы заплатить за свое воодушевление тюрьмой и ссылкой, вы, „борцы за свободу", обнаружили почти полное „гражданское" равнодушие. Когда в 1901 г. студенты снова заволновались, вы не могли понять, что со студенчеством, поднявшимся рядом с пролетариатом, прошел первый вал революции. Вы не могли оценить громадного политического чутья молодежи. И ваше

Как его убили?

Министр ехал в новой, изящной, слегка пахнущей кожей и парижскими духами, Trèfle, карете. Мерно, молодо и бодро долетал стук восьми копыт; министр прислушивался и мог уловить только пять ударов. Он напряг ухо—был музыкант, прежде хорошо играл на рояле — и уловил шестое копыто; это его обрадовало и, подняв глаза кверху, он улыбнулся нижними толстыми умными веками.

С обеих сторон, поспевая за каретой, неслись, словно призраки, два велосипедиста; это были специальные агенты, охранявшие министра. В первое время, видя через шлифованное стекло кареты эти полукруглые спины и надвинутые на затылок барашковые шапки, ему становилось неловко; он вспоминал, что его предшественник был убит револьверным выстрелом; воскресало чувство, какое он испытывал тридцать лет назад, когда студентом сдавал экзамен. Тоже слегка кружилось в голове, щекотало у затылка, и нервно потели ладони обеих рук.

Но потом привык; велосипедисты ездили рядом: правый—черный, с родинкой у уха, всегда несколько впереди, и министр их почти не замечал.

Прошел месяц, другой, министр успокоился, думал, что его никто не осмелится тронуть. И неужто Смерть не преклонится перед его величием? Поэтому не верил анонимным предостережениям, собирался жить вечно.

Взглядывая на затылки агентов, он воображал, как длинная игла черненой стали, вроде тех, какие употребляют дамы для своих шляп, тихо и мягко вонзается в шею. Он не желал боли этим чужим, вероятно, преданным людям, но полагал, что момент вонзания тонкой гибкой иглы доставит ему, министру, особые конвульсивно радостные наслаждения.

Теперь явилась та же мысль. Глядя на правого агента с родинкой у уха, он думал об игле и сказал, усмехаясь:

— Жиреет, каналья.

Духи Trèfle и запах кожи странно воспринимались. Министр не вспоминал, каким образом попали сюда духи, он вдыхал их нежный, пряный аромат, чувствовал себя сытым, колыхающимся на нервно-эластичных шинах и думал — о чем бы задуматься, кроме государственного дела.

В карете он не хотел отдавать энергию утреннего, свежего мозга государству, которого не любил... Запертый в этом дорогом, удобном и подвижном ящике, он ощущал себя свободным, ничем не связанным, как бы расстегнутым.

— Дайте же мне когда-нибудь тоже, — говорил он вслух неизвестно кому.

В карете он любил говорить вслух отдельные фразы, слова большей частью легкомысленные и даже дурачливые.

„оправдание“ звучало как громкий укор, идущий из лагеря реакционеров. Вы говорите студентам: „Вас запутывают, обманывают и намеренно ухудшают ваше и без того нелегкое положение... Вам устраивают сходки и на эти сходки приглашают людей, совершенно чуждых университетской жизни; частное явление университетской жизни стремятся раздуть в общий пожар. В вас будят страсти, сообщая вам ложные сведения, соблазняя вас мыслью, что в вашем деле принимают участие все учебные заведения и само общество, называя такие факты «грандиозными манифестациями»“.

„...Университет становился злосчастной отдушиной, через которую люди всех рангов и сословий стараются пропустить свое неудовольствие“... И вы просили их: „будьте тише воды“... Так боролись вы за свободу, т. е. так дискредитировали вы движение.

Когда рабочий пролетариат напоил улицы и площади городов густой кровью, когда сотни студентов пали жертвой разнузданной полиции и войск, когда революционный народ вырвал из рук деспотичной олигархии право народа на свободу, вы на время зашевелились. Вынесенные волной революции, не пролив ни одной капли вашей холодной крови, вы стали пользоваться дарованной вам пролетариатом свободой, лепетать жалкие слова о правовом порядке, науке, свободном университете. И только. Но вы остались тем, чем всегда были,— жалкими, эгоистичными буржуа, не выносящими дыхания народной свободы.

Когда молодежь открыла университетские здания для митингов, когда холодные стены впервые огласились горячей речью мужественного пролетариата, когда университет в первый раз стал служить делу просвещения, приобщая десятки тысяч народа к жгучим вопросам современности, освещая их с точки зрения величайших научных истин и самых жизненных партийных программ, когда университет впервые поднял факел настоящей свободы слова и убеждений,—вы не выдержали этой широкой волны народной жизни и стали гасить светоч свободы. Кровью своей, неустанной борьбой с правительством, организованной политической забастовкой студенчество, несмотря на все ваши проклятия по адресу „забастовщиков“, оскорбительные в ваших глазах сравнения молодежи с бастующими рабочими, студенчество — да оно, опираясь на пролетариат — даровало вам автономию. И что вы сделали с ней? Вы обратили ее в орудие деспотической власти против студенчества и стали подавлять ею пролетарское движение.

И когда студенчество бросило вам заслуженное обвинение, что вы предали университет полиции и властям, что вы совершили насилие над молодежью, вы молча проглотили этот жесткий упрек. Вы не имели даже мужества принять вызов, украдкой отпарируя удары студенчества, даже не называя обвинителя по имени.

„Забудем слово забастовка, — говорили вы, совет Московского университета, четыре года тому назад, — и никогда не применим его в стенах университета“. И вы забыли ваше слово, чтобы превратить его в дело. Вы забастовали, когда это вам оказалось на-руку.

Вы закрыли университет, чтобы предупредить кровопролитие. Так говорите вы. Но студенчество не нуждается в вашей опеке. Оно политически созрело, и, во всяком случае, зрелее вас, оно знает, чего хочет, оно знает, что нужно стране. И ваша „опека“ так же гнетет их и мешает им, как опека земских начальников убивает крестьян. Если администрация грозила военной расправой со студенчеством, ваша обязанность была

— И на слезе щека обвисла... Семь раз отмерь, а один соври... Поищем лучше колобороду...

Ему нравилось, что вот он, министр, страшная гроза России, говорит такие глупости.

Летом, когда светило солнце, он иногда откидывался назад, устраивал из своих пальцев обычный русский кукиш и так ездил по городу. А с тротуаров, видя карету его сиятельства, старушки часто крестились, и городовые вытягивались, словно подпирали внезапно обрушившееся на них небо.

Министру шел пятьдесят первый год, он был совершенно здоров и боялся на свете только двух обстоятельств: вышучивания заграничных юмористических листков (статей серьезных не боялся) и зубной боли. В бога же он не верил. Зубы у него были на удивление крепкие, белые; они никогда не болели, но ему казалось, что настанет день — день возмездия — и зубы заноют страшной непрестанной длительной болью. Нельзя будет уснуть всю ночь. Как человек, не страдающий зубами, он преувеличивал представление о боли; получив назначение министра, он на другой же день, словно вспомнил, — распорядился, чтобы всегда, особенно ночью, был под рукой зубной врач - англичанин.

Прошли двое рабочих, повидимому, наборщики. Министр саркастически и нагло усмехнулся им, зная, что те не видят.

Неожиданно он вспомнил, откуда духи в карете.

Это жена генерала Ширянского. Вчера в кабинете она просила за кого-то, потом вдруг протянула руки и положила их на черный сюртук министра. Вместе уехали в его карете и всю дорогу почему-то говорили по - французски. У нее черные глаза — близкие горячие глаза —и это лучше, выше и интереснее вопроса о раскольниках и о евреях.

А евреи особенно были на совести этого человека. Приблизительно около двух тысяч евреев, в том числе женщины, дети и старики, загублены по воле, приказанию и попустительству министра.

Прогремевший на весь земной шар еврейский погром в К. был делом рук этого человека. „По соображениям высшей государственной мудрости“ — так говорили потом — являлось необходимым, чтобы в весенние, дивные, тоскующие по радости, дни две тысячи бедных, голодных и жалких людей только за то, что у них в волосах темный пигмент, были изрезаны, задушены, оглушены ударами коротких железных ломов. Необходимо было, чтобы потные, грязные, тоже часто голодные и жалкие парни вколачивали женщинам гвозди в темя, отпиливали бы столярам руки их же пилами, взрезали бы животы беременных и набивали их пухом, изнасиловали матерей на глазах сыновей - гимназистов...

Стон от погрома поднялся к голубым весенним небесам и понесся к планетам в звездное пространство и все еще несется, и все еще ищет и взывает к справедливости.

уведомить его об этом и предоставить полную свободу действий. Люди, умирающие на уличных баррикадах, сумеют постоять за себя и в здании университета. Да и может ли ваша опека предупредить кровопролитие? Ученые мужи, запершие университет, могли бы спасти студентов от предательских казачьих пуль со стороны манежа? Бросьте ваши притязания — вы бессильны.

Вы закрыли университет потому, что политика не совместима с наукой, университет—не арена политической борьбы. Но прочь ложь! Ваша наука никогда не была свободной от самой прозаической политики. В буржуазном строе „академическая“ наука, наука чиновников министерства народного просвещения, работающих ради жалованья, чинов и общественного положения, была всегда грубо тенденциозной, грубо буржуазной и защищала интересы господствующих классов. Вы, ученые, должны же знать Менгера:

„Всякая сильная политическая власть надолго подрывает независимость ученых в тех научных отраслях, где затрагиваются ее интересы. Так, самодержавная или полусамодержавная монархия самым решительным образом оказывает влияние на науку истории, права, государствоведения; так, могущественная церковь делает невозможным об‘ективную философию или естествознание“. И Менгер с полным правом мог утверждать: ученые пишут в защиту властвующего; если „знание есть сила“, то так же верно, что „власть есть наука“ (Macht ist Wissenschaft).

Эти слова ни к кому так не применимы, как к вам. Десятки лет вы, деятели академии, были оплотом самодержавного строя и носителями его идеалов. Все сильное и независимое изгонялось из университета; оставались покладистые „люди порядка“, готовые целовать руку, которая их душила, а вновь пролезали протекциями и связями бездарности, креатуры, низкопоклонники. Из университетской науки был выбит всякий вольный дух, и вы прекрасно уживались в этой затхлой атмосфере полицейщины. Ваши курсы и лекции, ваши истории с диспутами и кафедрами — позорный памятник этого пресмыкательства. Ваше бездействие, как и ваша деятельность, были актами политическими, актами партийными, достойными той среды, откуда выходят деятели союза русских людей и бесцветные либералы. Ваши политические идеалы расположились между этими двумя полюсами, и ваши действия тяготели к центру—к благожелательному консерватизму и консервативной благожелательности.

Партийные деятели партийной науки, вы обратили и университет в арену и оружие политической борьбы. Между вами и студенчеством в отношении к политике нет и не было никакой принципиальной разницы. Вы и студенты — каждый по-своему — старались сделать университет проводником своих политических идеалов. Даже больше: вы, как представители академической власти — полицейской и духовной, вы пользовались для своих целей университетом как учреждением, тогда как студенты — одними стенами не ваших университетских зданий. Но политический характер действий ваших и студенчества вне сомнения. Когда партийное студенчество организовало в стенах университета грандиозные митинги, на которых с шумными приветствиями встречались яркие лозунги социал-демократической программы, вы, в противовес предложили свои услуги для устройства политических бесед и собраний, где вы бы с вашей точки зрения истолковывали советы и предлагали студенчеству свою тактику. Весь смысл борьбы между вами и студенчеством вскрыт.

И много еще пройдет времени, пока замрет всколыхнутый ужасом воздух, и последние волны растают где-то в холоде меж планетных пустынь.

Этот редкий, по своей бесстрашной гнусности, факт обсуждался и комментировался несколькими сотнями газет. Десятки нелегальных изданий посылали палачу огненные проклятия.

Убитые его не беспокоили, даже не снились, но если министр опасался внезапного приступа мучительной зубной боли, то исключительно из-за города К. Он думал, что это, пожалуй, будет справедливо, и любезно разговаривал с дантистом - англичанином.

Лошади дружно бежали, и мягко вздрагивал элегантный экипаж. Было еще приятнее ощущать Trèfle после того, как вспомнилась причина его присутствия.

— Какой странный сон, — произнес вслух министр и, как это с ним бывало, вспомнил весь сегодняшний сон. Снилось, что он спешит на вокзал, т. е. то самое, что делает теперь... Смотрит, на городских часах двадцать пять минут десятого. Темно.

Он в каком-то маленьком городишке, нанимает извозчика не торгуясь, тот хлещет лошадь, и она несется быстро, как ветер. Времени все меньше остается, извозчик вместо того, чтобы делать крюк по улицам, едет по прямой линии, в‘езжает в какую-то лавку и сразу попадает в лабиринт комнат. Министр чувствует, что это ошибка. Едут в двери, из одной квартиры в другую, по-видимому, поднимаются; трудно разобрать в котором этаже. Вдруг стена, у стены спит еврейская девушка горничная.

— Вставай, — безвзучно говорит ей на жаргоне извозчик, — надо проехать.

Девушка с разметавшимися волосами, в сорочке, упавшей с полных плеч, поднимается, и они пролетают сквозь стену на чердак к слуховому окну.

Ах, как высоко! Издали видно красное туманное пятно: это вокзал; как-то выходит, что министр один верхом на лошади. От следующей крыши отделяет переулок. Министр начинает налаживать доску, но сзади его кто-то дергает. Стало сразу страшно, он смутно понимает, что кричит во сне и пугает камердинера.

Министр, подумал, нельзя ли назад, но не знает дверей, и вот он в ловушке.

— Вашу саблю! — строго говорит ему юноша.

— А где здесь отдают сабли? — спрашивает министр и думает — как будет смешно рассказывать, что в такую страшную минуту он не потерялся и юморизировал...

— Курьезный сон! — сказал министр.

Дробный стук копыт, видны затылки велосипедистов, пахнет парижскими духами.

Министр вынул черные часы прекрасной швейцарской конструкции и стал внимательно глядеть на стрелку.

В то же время за мраморным клейким столиком дешевого ресторана молодой человек, лет двадцати пяти, тоже вынул черные часы швейцарской конструкции...

Это борьба умеренных партий с крайними, консерваторов, слегка орошенных жижицей либерализма, — с социалистами и радикалами, борьба бюрократического мещанства с пролетариатом и демократией, борьба тактики „применительно к подлости“ с тактикой революционной. Вы не надеялись устоять против напора революционных сил в открытом бою, в свободном состязании, и вы закрыли университет. Вам ненавистна демократия и демократическая свобода. Милостью студенчества получив автономию, вы отбиваетесь теперь от притязаний демократии, в лице студенчества, на участие в академическом правительстве, — и вы закрыли университет.

Вы испугались широкого народного движения, озаренного светочем истинного знания, одухотворенного жаждой счастия и героизмом,—и вы закрыли университеты. Вы должны были так поступить — так действует теперь вся буржуазия.

Университеты, думы, биржи, земства — вы все всполошились, вы все ненавидите демократию потому, что боитесь потерять свою власть и свои привилегии, и каждый из вас кладет палку под колесницу победоносной революции. Вы забили тревогу потому, что демократическая свобода грозит диктатурой пролетариата, и вы подняли истрепанное знамя реакции. Закрытый университет—это вехи того же контр-революционного течения буржуазии против пролетариата, как и резолюции городских дум против милиции, земства — о сочувствии правительству Витте, биржевых и фабрикантских собраний—о подавлении пролетариата военной силой.

Жрецы науки—вас скоро узнает Охотный ряд и крепко пожмет ваши руки. А пока не мешайте им! Они спят! Совы из Афин бодрствуют только по ночам.

Н. Т.

Накануне освободительного движения в армии *).

В эти весенние дни русского освободительного движения, в дни томительно-длинного и судоржного умирания дряхлого, выдохшегося „старого порядка“ могучая, ничем не останавливаемая волна новой жизни властно выдвинула в безотлагательную очередь, капитальный вопрос о взаимоотношениях народа, правительства и армии. Для многочисленной и пестрой русской армии, разбросанной ныне отдельными корпусами, отрядами, постами, караулами и патрулями, начиная от негостеприимных, кровью залитых полей северной Манджурии и кончая почетными парными часовыми для охраны губернаторских и генерал-губернаторских под‘ездов, для этой многострадальной армии, также как и для народа, является неприятною, скверною неожиданностью ее теперешнее положение „между двух огней“ и та особенная роль, которую навязывает армии потерявшееся правительство.

По словам недавно опубликованного правительственного сообщения или, что вернее, по словам единственного в своем роде премьера без кабинета графа Витте, войску „поставлена трудная задача поддержания общественного и государственного порядка“, то есть переданы функции самого правительства, функции административно-полицейские, столь далекие и чуждые истинному

*) Мы охотно даем место ряду статей „Полевого инженера“ как „голосу из армии“, не отступая, разумеется, ни на шаг от требований нашей программы — замены постоянной армии народной милицией.

Оба — министр и совершенно чужой, никогда им не виденный человек — напряженно глядели на часовую стрелку и считали... И они сблизились. Странно узнали друг про друга, духовно встретились.

Министр ощутил, что неизвестные глаза где-то следят за ним, ждут. А там, тот ясно почувствовал, как человек в карете узнал, что за ним следят. Минуя стены, пронесся и установился между двумя людьми странный ток и все укреплялся... Ближе... Ближе...

У министра, как тогда перед экзаменом по финансовому праву, стала кружиться голова, защекотало у затылка и запотели ладони рук.

Он смотрел на стрелку и вдруг почувствовал, что там перестали глядеть, и это страшно... Сразу оборвалась связующая нить. Что-то потерялось, блеснувшее в темноте... Но оно вынырнет!

Дробно стучат копыта — пять... шесть... семь... все восемь — он все уловил. Едут, шурша по снегу, велосипедисты... Покойная славная карета, вот городовой вытянулся, отдавая честь. Через две минуты вокзал...

Что-то мелькнуло, накинулась тень — это выбежал из под‘езда человек—накинулась на шлифованное стекло кареты тень, и два глаза, конечно, те самые, очутились близко. Министр поднял руку, заслоняя лицо, дрогнули страшные белки близких и чужих глаз, началась мысль, но не кончилась.

Страшная зубная боль, неслыханная по жестокости, залила его мозг. Мелькнули две желтые полоски на сплошном черном густом фоне — это пульсировало сердце — и министр умер.

От страшного взрыва бомбы карета разлетелась в щепы. Кучер упал с проломанной головой; гвозди, которыми была начинена бомба, впились ему в затылок.

На снегу валялись крепкие здоровые зубы министра, пятеро вместе. Странно уцелели черные часы. Баба собирала в платок мозги покойного.

Убийца, молодой человек, выхватил револьвер, его обезоружили. Он был также ранен и стонал, велосипедист с родинкой ударил его. Два наборщика были оглушены взрывом, один упал.

Дрогнул весь город. Прибыли солдаты и оцепили место, обагренное кровью; прохожие подбирали части костей и бросали их через головы бесстрастно стоящих солдат. Внутри образовалась маленькая кучка этих ужасных останков. Кое-где послышались смешки. Стали бросать через солдатские головы и другие вещи.

У красного комочка мяса — думали, что это сердце — стал городовой с саблей наголо и сторожил его.

О. Д.

назначению действительных защитников своей родины и своего отечества.

Вероятно, в тех же видах „поддержания общественного и государственного порядка“ недавно исключены из рядов малолетней армии за сочувствие освободительному движению рабочего пролетариата многие воспитанники пажеского и других кадетских корпусов; вероятно, в тех же мудрых видах всевидящее око строгого и монархически-преданного начальства и теперь, в эти золотые дни освободительной зари, внимательно и досадно-надоедливо блюдет за особо „подозрительными“ лицами среди офицерского состава etc, etc...

Ну, это — правительство, начальство, а сама армия? Само войско?

Разве армия не чувствует в самых глубоких тайниках своей души, что она тот же самый, только „вооруженный народ“? Разве армия не живет — питается одними и теми же смелыми и красивыми мыслями, одними задушевными, давно и бережно лелеянными желаниями с русским народом, твердо решившимся ценою каких бы то ни стало жертв, завоевать себе исконно человеческие и гражданские права? Разве не менее наболевшее и истерзанное сердце армии не бьется в такт, в унисон с горячим и взволнованным сердцем рабочего пролетариата?

Разве насильно оторванный от истощенной земли или смрадной фабрики бесправный земледелец или рабочий— ныне солдат — не тот же товарищ-гражданин?.. Разве, наконец, армия поголовно состоит из изуверов, готовых, по бессмысленному приказу бездушного начальника-треповца, рубить и стрелять своих отцов, матерей, своих малолетних детей? Разве?..

Разве армия не видит, не сознает, что ее обманывают самым наглым образом враги народа, враги отечества?

Отечество в опасности!

Да, отечество в опасности потому, что правительство не выполняет своих туманных обещаний, потому что правительство не выражает желаний и воли народа.

Слышишь ли ты, серая, замордованная, заплеванная русская армия, слышишь ли ты этот призыв? понимаешь ли ты его?..

Отечество в опасности!.. Враги народной свободы не дремлют и рассчитывают опереться на ту же армию.

И она, русская армия, в настоящее время стоит на рубеже, неподготовленная, жалкая, неорганизованная, растерянная и подавленная обилием событий и их головокружительно скорым темпом...

Что бы ни толковали самые талантливые и убежденные столпы старого порядка об офицерской и полковой семье, о принципах товарищества и равенства, широко развитых в военной среде, однако, надо сознаться, что теперешнее положение дела ярко и ясно показывает, что армия русская была не более, как механически организованным, случайно, внешними отличиями сплоченным конгломератом крупных полубогов, мелких необеспеченных и ленивых чиновников - пенсионеров 20-го числа и более или менее бесправного, холодного и голодного нижнего слоя — солдат всех званий и отличий.

И эта неподготовленная к гражданскому обновлению, антиобщественная армия сразу колыхнулась, проснулась, заговорила, почуяла свою действительную силу и также настойчиво требует, жаждет обновления, освобождения из устаревших, дряхлых и неимоверно узких оков-рамок и изжитых, чисто бумажного, кабинетного происхождения форм. Армия начинает понимать, что она может быть только тогда действительно народною армиею, призванною с оружием в руках проливать свою кровь за правое дело, когда она стряхнет с себя стесняющие ее тиски и преобразуется не более, не менее, как в народную милицию...

Для возможности действительного осуществления такого коренного, радикального обновления, для уничтожения той пропасти, которую упрямо и настойчиво, с усердием, достойным лучшего дела, делает правительство между армиею и народом—гражданами, необходимо и армии примкнуть к великому освободительному движению русского рабочего пролетариата, выставив ряд точных, закругленных и ясных требований общечеловеческих, общегражданских и требований специальных, самое появление которых вызывается существованием и полною юридическою силою специально-военного законодательства, суровых, отсталых и едва ли не диких судебных и дисциплинарных установлений и затхлой груды бесчисленных приказов и циркуляров высших военных учреждений, регулирующих и безжалостно карнающих общественную и частную личную жизнь каждого военнослужащего.

Выяснение этих неотложных и необходимых, как воздух, как свет и тепло солнца, реформ должно стоять для армии на самом первом плане, на-ряду с тем или другим бесповоротным решением армии об ее позиции в настоящее время. Армия не должна забывать, что „кто не с народом, тот против него“...

Впрочем, могут ли быть какие-нибудь сомнения относительно той твердой и неприступной позиции, которую в самом непродолжительном будущем открыто и честно займет армия в русском освободительном движении, когда офицер-казак печатно заявляет, что, не вынесши мучительного разлада своей служебной деятельности на улицах Москвы с неподкупным голосом совести, он подает в отставку и одновременно просит об исключении его из казачьего сословия; когда пять гвардейских офицеров печатно возмущаются зверскими действиями гг. Фроловых, Зыковых и их присных и приглашают товарищей разделить их негодование, их протест и выйти в отставку в случае, если эти преступления останутся ненаказуемыми; когда рядовые казаки и урядники 1-го Донского полка печатно же заявляют, что они никого усмирять не намерены; когда питомцы Константиновского артиллерийского училища вслух выражают свое сочувствие русскому освободительному движению и свою радость по поводу его побед; когда матросы военного флота, кронштадтские саперы, минеры и артиллеристы от слов переходят к делу?..

Нет, никаких сомнений не может и не должно быть!..

О примерной программе необходимых в армии хозяйственных, административно-бытовых и законодательно-судебных реформ в следующий раз.

Полевой инженер.

„Свободы", проектируемые правительством.

Нам доставлены следующие документы относительно проектируемых правительством изменений в законах о стачках и профессиональных союзах.

Статьи закона, касающиеся стачек и досрочного расторжения договора о найме, надлежало бы изменить следующим образом:

А. Отменить действие нижеследующих статей закона:

1) ст. 51[4] (по прод. 1895 г.) устава о наказаниях,

2) ст. ст. 1358, 1358[1] (по прод. 1895 г.) уложения о наказаниях.

Б. Ст. 125, пункт 3 и ст. 364, пункт 1, а также ст. ст. 367, 368, 369 уголовного уложения, высочайше утвержден. 22 марта 1903 г. — исключить.

В. Взамен отменяемых статей внести в подлежащие части устава о наказаниях, уголовного уложения 22 марта 1903 г. и устава о промышленности, нижеследующие постановления:

1. Все запрещения и карательные постановления против промышленников или рабочих, касающиеся стачек и соглашений с целью добиться выгодных условий рабочей платы и обстановки труда, в особенности путем прекращения работ или расчета рабочих, — отменяются.

2. Всякий, кто с целью принуждения другого к принятию участия в стачках и соглашениях рабочих и работодателей, или к подчинению им будет:

1) употреблять насилие, или угрожать другому, или его жене, или детям, или наносить ущерб его имуществу;

2) настойчиво всюду преследовать другого;

3) прятать орудие, одежду или иную собственность, принадлежащую другому, или им употребляемую, лишать его таковых или мешать ими пользоваться;

4) осаждать дом или иное место, равно как и пути к ним, где другой живет, работает, занимается или случайно находится, или

5) бесчинно, в сообществе двух или более лиц, преследовать другого по улицам или дорогам;

буде содеянное им не составляет более тяжкого преступления, наказывается арестом не свыше 3 месяцев.

3. Рабочий в заведениях по водоснабжению, канализации и освещению населенных мест, виновный в самовольном отказе от работы до срока найма, и собственник или заведующий такими заведениями, виновный в досрочном изменении условий найма,— если от того произошла остановка действий заведения, — подвергается:

аресту до трех месяцев.

Подстрекатели к стачке в вышеозначенных заведениях подвергаются аресту до шести месяцев.

4. Ст. уст. о промышл. дополнить следующею статьею:

Если прекращение работы или невыход на нее рабочих повлекли за собою невозможность продолжать производство в заведении или какой-либо его части, то заведывающий фабрикою или заводом может немедленно расторгнуть договор с означенными рабочими. Каждому из сих рабочих предоставляется, однако, искать в порядке, предусмотренном в примечании 2 к ст. 105 уст. о промышл., с владельца фабрики или завода вознаграждение за 7 дней со времени приостановки работ. Таковое вознаграждение присуждается рабочему, если он докажет, что прекращение им работы или невыход на нее последовали по болезни или невозможности явиться на работу.

Г. Изменить нижеприведенные статьи закона, изложив их в следующей редакции:

Ст. 1359 улож. о наказ. Если содержатели фабрик, заводов и мануфактур будут заставлять рабочих, вместо следуемой им платы деньгами, получать ее товарами, хлебом или другими какими-либо предметами, то они за сие подвергаются:

денежному взысканию от ста до трехсот рублей и, сверх того, обязаны вознаградить за понесенные, вследствие сего, работниками убытки.

Ст. 1359[2] улож. о наказ. (по прод. 1895 г.). За совершение проступков, предусмотренных в статьях 1359 и 1359[1] сего уложения, в третий раз, или хотя бы в первый и второй раз, но когда эти проступки повлекли принятие чрезвычайных мер для подавления беспорядков, заведующий фабрикой или заводом подвергается:

аресту на время до трех месяцев и, сверх того, может быть лишен права заведывать фабриками или заводами на время до двух лет.

Проекту временных правил о профессиональных союзах предшествует мотивировка, сводящаяся к констатированию факта нарождения многочисленных союзов, внелегальное существование которых, по мнению мин. Тимирязева, „при настоящих весьма сложных условиях государственной жизни" является обстоятельством неблагоприятным.

В виду этого, министр предлагает:

1. Установить, впредь до издания общего узаконения о профессиональных обществах и союзах, нижеследующие временные по сему предмету правила:

1) Лицам, занятым в промышленных и торговых предприятиях одинаковыми, однородными или имеющими связь между собою работами или промыслами, а также владельцам однородных промышленных и торговых предприятий предоставляется вступать в профессиональные общества, учреждаемые на основаниях, указанных в следующих статьях настоящих правил.

2) Профессиональные общества имеют целью исследование и защиту экономических интересов, исследование и улучшение условий труда своих членов.

3) В частности, профессиональные общества могут ставить себе целью:

а) принятие мер к устранению, путем миролюбивого соглашения или третейского разбирательства, недоразумений, возникающих на почве договорных условий между нанимателями и нанимаемыми;

б) выработку нормальных такс и определение других нормальных условий труда в различных отраслях промышленности и торговли;

в) выдачу пособий своим членам в случаях безработицы и при стачках;

г) устройство касс взаимопомощи, а также похоронных, приданных и т. п. касс;

д) устройство библиотек, профессиональных школ, курсов и чтений;

е) доставление своим членам возможности выгодного приобретения предметов первой необходимости и орудий производства;

ж) оказание содействия по приисканию работы или рабочих рук;

з) оказание юридической помощи своим членам.

4) Профессиональные общества могут представлять подлежащим учреждениям свои заключения и ходатайства по вопросам, касающимся целей и деятельности общества.

5) Профессиональным обществам предоставляется приобретать движимое и недвижимое имущество, поскольку это необходимо для правильного действия общества и состоящих при нем учреждений.

6) Профессиональное общество может искать и отвечать на суде.

7) Каждое профессиональное общество имеет свое правление, избираемое общим собранием общества из числа его членов, состоящих в русском подданстве и обладающих полной гражданской правоспособностью.

Правление заведывает делами общества на основании устава общества (ст. 11) и руководствуясь особыми по отдельным предметам постановлениями общего собрания.

8) Профессиональное общество может открывать свои отделения для определенных групп своих членов.

9) В случаях, когда общество подразделяется на отделения, общее собрание общества может быть заменяемо собранием уполномоченных отделений.

10) Профессиональным обществам предоставляется вступать в профессиональные союзы для совместного осуществления какой-либо одной или нескольких из тех целей (ст. 3), для коих учреждены общества.

11) Подробности порядка действий общества и его отделений, а также порядок управления его делами, поскольку это не указано в настоящих правилах, определяются уставом.

Соотношения профессиональных обществ, входящих в профессиональный союз (ст. 10), а также порядок управления его делами определяются уставом союза.

12) В уставе (ст. 11) должно быть указано:

1. цель, название и местонахождение профессионального общества;

2. порядок вступления и выбытия членов;

3. права и обязанности членов;

4. размер членских взносов и порядок уплаты их;

5. организация правления общества и порядок заведывания его имуществом; способ избрания и полномочия правления и лиц, на коих возлагается управление делами и имуществом общества;

6. срок полномочий членов правления и лиц, на коих возложено управление делами и имуществом общества, а также порядок досрочного устранения их от должности;
7. способ помещения капиталов общества;
8. способ ведения отчетности;
9. порядок и срок созыва общих и местных для отделения общества собраний;
10. предметы ведения общего собрания;
11. условия, наличность которых требуется для действительности постановления общего собрания;
12. порядок изменения устава и закрытия общества, а также способ ликвидации дел общества;
13. устройство различных вспомогательных при обществе учреждений (касс взаимопомощи и для выдачи пособий, библиотек, профессиональных школ и т. д.) — или же ссылка на особые приложения к уставу, в которых содержатся подробные постановления по сему предмету;
14. Точный размер, порядок и случаи наложения дисциплинарных взысканий на членов общества, если предполагается ввести таковые взыскания.

13) Учредители профессионального общества должны сделать заявление об образовании общества, с приложением его устава в двух экземплярах и списка лиц, участвующих в том или ином отношении в управлении его делами.

14) Правление общества обязано немедленно заявлять о каждом изменении в составе правления и вообще в составе лиц, участвующих в управлении делами общества, а также о каждом изменении устава и о вступлении общества в союз. В последнем случае к заявлению должен быть приложен и устав союза.

15) Заявления, упомянутые в статьях 13 и 14, подаются подлежащему, по месту нахождения правления общества, старшему фабричному инспектору, который обязан выдать немедленно же письменное удостоверение в получении и сообщить копии сих заявлений и приложенных к ним документов в отдел промышленности министерства торговли и промышленности для зарегистрирования, а также известить о поступившем заявлении подлежащего губернатора (градоначальника или обер-полицеймейстера).

Примечание. Министру торговли и промышленности, по соглашению с подлежащими министрами, предоставляется по отношению к тем местностям, где не учреждены должности старших фабричных инспекторов, возлагать обязанности последних на иных местных должностных лиц или на местные учреждения.

16) Профессиональное общество закрывается: а) по постановлению общего собрания и б) по постановлению суда, если будет доказано, что общество не соответствует постановлениям настоящих правил или иным общим постановлениям закона.

17) Дело о закрытии профессионального общества возбуждается должностными лицами и учреждениями, упомянутыми в ст. 15 и примечании к ней, местною прокурорскою властью или же заинтересованными лицами.

18) Прежде возбуждения дела о закрытии профессионального общества (ст. 17) ему должно быть предложено устранить в определенный срок несоответствия с действующими постановлениями.

19) Если, при закрытии общества по постановлению суда (п. б ст. 16), окажется, что в его уставе не указан порядок ликвидации дел, или указанный порядок не согласуется с законом, то таковой порядок устанавливается судом, постановившим решение о закрытии общества.

II. Министру торговли и промышленности предоставить издавать подробные правила о порядке регистрации и представления отчетов профессиональных обществ.

III. Ответственность за нарушение изложенных в отделе I постановлений установить на следующих основаниях:

Учредившие профессиональное общество или принадлежащие к составу его правления лица, виновные в том, что заведомо нарушили настоящие правила, наказуются денежным взысканием не свыше 100 р.

IV. 1. Дела о закрытии профессиональных обществ (отдел I, п. б ст. 16) подлежат ведению окружного суда.

2. Дела, указанные в отделе III, подчинить ведению мировых судей, а в тех местностях, где введено положение об установлении земских начальников, уездному члену окружного суда.

Об изложенном министр торговли и промышленности имеет честь представить на благоусмотрение совета министров.

Министр торговли и промышленности *Тимирязев.*

За управляющего отделом *Иванисов.*

„Свобода“ стачек и союзов.

Революционный пролетариат взял свободу стачек и союзов. Фактически уже около года участие в стачке не наказуется по суду, как того требует русский закон, потому что „наказывать“ пришлось бы сотни тысяч, миллионы бастующих рабочих. Были попытки высылать забастовщиков „административно“, но и от этих мер усмирения правительству пришлось отказаться. В его руках остались только нагайки, шашки, штыки и пули... Но, ведь, применение их уже не прекращение стачек, а война с восставшим пролетариатом.

Точно так же 126 статья нашего уголовного уложения никого больше не удерживает от вступления в профессиональные союзы. И союзы растут, как грибы после дождя, ибо на простор вырвалось стремление рабочего класса к организации для борьбы за свои интересы.

И вот теперь правительство собралось узаконить то, что узаконила уже жизнь, что отвоевал себе пролетариат. Выше мы печатаем два законопроекта о стачках и союзах, вносимых министром финансов в совет министров. Мы в следующих номерах „Новой Жизни“ разберем еще подробно оба плана правительства сузить законом рамки рабочего движения; теперь же остановим внимание пролетариата только на законопроекте о свободе стачек.

Успех всякой стачки зависит от организованности и солидарности рабочих. Стачку необходимо поддержать, на колеблющихся надо подействовать авторитетным словом товарищеского убеждения, готовых изменить штрейкбрехеров, как говорят немцы, надо угрозой, силой заставить быть верными общему делу. Во всем мире существует „снимание“ стачечниками работающих товарищей, существует так называемое „пикстрирование“, т. е. недопущение к работе готовых стать на нее. И все эти деяния, неизбежные при стачке, по новому законопроекту, наказываются тюрьмой до 3 месяцев. Ясно, что уголовное наказание за стачку, давно уже отмененное всем цивилизованным миром, наше правительство пытается сохранить в новой, замаскированной форме.

Мы не сомневаемся, что пролетариат не позволит себя дурачить; что он отвергнет этот „дар“ правительства, как уже отверг многие попытки правительства сковать жизнь рабочих новыми цепями подчинения и эксплоатации под видом законов, „регулирующих отношения труда и капитала“.

П. Румянцев.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Дмитровск, 11 ноября. — Земскими начальниками получено распоряжение орловского губернатора немедленно лично прочитать на волостных сходах манифест 3 ноября и раз‘яснить благодетельное значение его для крестьян.

В Дмитровском уезде начались аграрные беспорядки. В некоторых имениях произведены разгромы, в других имениях производится крестьянами самовольная порубка леса. На место беспорядков выехали казаки. Брожение среди крестьян усиливается в виду небывало тяжелых условий текущей осени для сельского хозяйства.

Смоленск, 11 ноября. — Губернской администрацией получены тревожные сведения о беспорядках в Смоленском, Ельнинском, Краснинском, Пореческом и Гжатском уездах. Войск мало. В уездных городах организованы общественные охранные дружины.

Курск, 11 ноября. — Аграрное движение, затихшее в южных уездах, охватило Суджанский уезд. Крестьяне жгут усадьбы, грабят и разоряют экономии.

Суджа, 11 ноября. — Погромы в северной части уезда не прекращаются; начальник казачьей сотни настоятельно требует присылки пехоты.

Волковышки, 11 ноября. — На-днях разбиты казенные винные лавки в Шумске и Руде; ограблена лавка в Кетуловках, разграблено сельское училище в Олькениках. Крестьяне нескольких гмин, подстрекаемые агитаторами, не платят податей.

Кельцы, 10 ноября. — В некоторых местностях губернии население отказывается платить подати. Разгромлены гминное управление в Келецком уезде и казенная винная лавка в Стопницком уезде.

Губернатором получено раз'яснение от варшавского генерал-губернатора, что штрафы, налагаемые на семейства уклонившихся от исполнения воинской повинности лиц иудейского вероисповедания, должны быть взыскиваемы немедленно по их наложении во всем об'еме.

Москва, 11 ноября. — В вечернем заседании с'езда земских и городских деятелей за прямую подачу голосов подано 174 голоса, за двухстепенную—32 и за смешанную, т. е. прямую для городов и двухстепенную для деревень,—28. Созыв Учредительного Собрания отвергнут 137 голосами против 90. За предоставление первому собранию народных представителей учредительных функций высказалось 199 голосов, против 23. Затем вся вторая часть резолюции была принята с'ездом.

После этого с'езд перешел к обсуждению мер, которые должны быть немедленно приняты для успокоения страны. Обсуждение затянулось за полночь. Завтра заседание целиком будет посвящено польскому вопросу. Записалось 20 ораторов. Польский вопрос выделен из общей программы.

Сегодня забастовавшие рабочие разгромили табачную фабрику Бостанжогло. В этом районе забастовало еще несколько фабрик. Забастовщики опрокинули у Гаврикова переулка вагоны конки. На Красносельской улице толпой забастовщиков в 500 человек разгромлены казенные винные лавки, трактир и гастрономический магазин. Толпа проникла на фабрику Абрикосова и сыновей, где поломала машины и разгромила фабрику.

Киев, 11 ноября. — На просьбу городского головы принять репрессивные меры по отношению к стачечникам и забастовщикам, начальник края ответил категорическим отказом, заявив, что будет воздействовать лишь морально; этот способ он считает единственно целесообразным.

Заславль, 11 ноября. — В селах Жукове и Ногачевке крестьяне рубят леса князя Сангушко и стреляют в лесную стражу. По телеграфу вызван эскадрон драгун.

Борисов, 11 ноября. — В одном из имений уезда крестьяне производят погром; туда отправлены драгуны.

Москва, 11 ноября. — Проектируется всероссийский с'езд делегатов служащих городских управлений.

Телефонное сообщение надеются к вечеру восстановить.

Либава, 11 ноября. — Расклеено об'явление генерал-губернатора, предупреждающее крестьян воздержаться от самовольной рубки чужих лесов под угрозою в противном случае подавить такое движение военною силою с преданием виновных военному суду.

Короча, 11 ноября. — Директор гимназии отказался удовлетворить требования учеников. Порядок в гимназии нарушен. Многие прекратили занятия.

Кострома, 11 ноября. — Постановление городской думы о займе на учреждение городской милиции опротестовано губернатором и передано губернскому присутствию.

Ночная охрана производится на добровольный сбор домохозяев.

Гельсингфорс, 11 ноября. — Гласные Гельсингфорса постановили ассигновать миллион марок для выдачи заимообразно субсидии на споспешествование возникновению целесообразных и отвечающих гигиеническим требованиям рабочих жилищ, а также на планировку и канализацию подходящего участка для рабочего предместья вне городской черты.

Кострома, 11 ноября. — Комитет конституционно-демократической партии приглашает сочувствующих ее программе вступить в члены и вносить один процент ежемесячного содержания или заработка. Думе сообщена ответная телеграмма графа Витте, в которой он благодарит за добрые пожелания и за готовность содействовать ему в деле успокоения родины.

Виндава, 11 ноября. — Генерал-губернатор, не разрешая организации самообороны, предложил городу увеличить число городовых, но это город считает невыполнимым. Приказчиками магазинов предложен хозяевам ряд требований, выработанных Социал-Демократической Партией; значительная часть требований удовлетворяется.

Бузулук, 10 ноября. — Вчера днем здесь разбиты все четыре вынные лавки. Винный склад отстояли служащие на складе рабочие. Толпа выбила решетки и замки и освободила 21 уголовного арестанта. Благодаря увещаниям нескольких человек из интеллигенции, погром магазинов и домов не состоялся. Разбиты окна полицейского управления, поводом послужили столкновение полиции с новобранцами и поранение двух новобранцев. Вечером город успокоился. Сегодня прибыли казаки и артиллеристы из Самары.

Полтава, 11 ноября. (Офиц. корресп.). — Губернатором князем Урусовым организованы в каждом стане особые урядические конные команды по 25 человек. Организация команд вызвала успокоение землевладельцев и сочувствие многих уездных земств, оказавших помощь доставлением лошадей; хотя в губернии настроение очень возбужденное, явных аграрных беспорядков нет и не было, были случаи ночных поджогов и пастьбы скота на владельческих полях; сведения о беспорядках в Хорольском и Кременчугском уездах неверны. Еврейские погромы прекратились; везде производятся следствия и аресты подстрекателей.

Варшава, 11 ноября. — Сегодня утром неизвестные люди на улице Тамке убили на квартире отставного казачьего полковника Алексеева и его соквартиранта и ранили другого.

Киев, 11 ноября. — Центральным комитетом конституционно-прогрессивной партии послано с'езду городских и земских деятелей приветствие, в котором выражается с'езду глубокое убеждение в необходимости оказания поддержки гр. Витте в деле скорейшего созыва собрания народных представителей и неуклонного проведения реформ на основах манифеста 17 октября. Решив оказать графу Витте доверие и поддержку, комитет просит о том же с'езд.

Москва, 11 ноября. — Сегодня забастовали выгрузчики северного склада московской таможни в числе 400 человек. Забастовщики направились в главный склад таможни на Каланчевской площади и потребовали прекращения работ. В виду угроз прибывших, рабочие главного склада оставили работы. Выгрузчики и прочие рабочие получают на своем содержании 16 руб. в месяц и требуют повышения жалованья до 25 руб. Толпа окружила таможню; ожидается прибытие казаков. Вчера вечером забастовавшие рабочие произвели разгром фабрики Кудряшова и дома владельца фабрики; громилами уничтожено имущество владельца фабрики, инвентарь фабрики и конторы — документы, корреспонденции, паспорта, фактуры и проч. Корпус с жилым помещением для рабочих не тронут. Погром этот в отсутствии власти вызвал сегодня реакцию на фондовой бирже.

Сегодня посторонними забастовавшими рабочими остановлены работы на фабрике братьев Носовых.

Екатеринбург, 11 ноября. — Здесь учреждается союз служебного труда для борьбы с капиталом, к которому примкнула масса лиц из состава общества приказчиков.

Владимир. губ., 10 ноября. — Совещание родителей мужской гимназии, всего 240 человек, высказалось за участие родителей в педагогическом совете наравне с учителями. Решено открыть гимназию 15 ноября.

Варшава, 11 ноября. — В 7 час. вечера между станциями Насельск и Гонсоцин, Млавской ветви Привислинских дорог, во время густой мглы шедший из Варшавы товаро-пассажирский поезд с одиннадцатью переполненными пассажирскими вагонами встретился с товарным поездом. Паровозы и несколько вагонов разбиты. Есть убитые и раненые. Выслан спасательный поезд с медицинской и технической помощью. На Островецкой ветви движение восстановлено.

Варшава, 11 ноября. — Театры открываются в субботу. Все фабрики приступили к работе.

Киев, 10 ноября. — Начальником края получено извещение об отмене в крае постановления комитета министров, ограничивавшего поляков в правах службы в частных обществах.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Лондон, 11 (24) ноября. — Кембпель-Баннерман, который, вероятно, будет преемником Бальфура, вчера открыто заявил, что будет сторонником самоуправления Ирландии.

Москва.

(По телефону из Москвы.)

Всероссийский крестьянский союз.

В сегоднешнем заседании крестьянского с'езда обсуждался, главным образом, вопрос о крестьянских организациях на местах. Г. Тесленко в очень красивой живой речи набросал проект таких организаций по плану снизу вверх. Ячейку крестьянской организации, по его проекту, должен составлять сельский союз; сельские союзы об'единяются постепенно в волостные, волостные — в уездные, уездные — в губернские. Средства союза должны составляться из членских взносов. Это будет кстати и отличным будирующим средством. Крестьянин, давший хотя бы пятак, будет уже следить за тем, чтобы союз не дремал, а работал. Г. Блеклов в длинной речи развил план крестьянских организаций в таких местностях, где и понятия не имеют о всероссийском крестьянском союзе. Затем был затронут вопрос о роли литературной пропаганды, и было выслушано заявление группы делегатов о том, как нужно действовать на местах.

Сегодня для приветствования с'езда в заседание прибыла делегация от всероссийского железнодорожного союза. Делегация заявила, что она считает для себя честью вступить в единение с крестьянскою организацией и что деятельность последней вызывает большой интерес и внимание со стороны железнодорожных рабочих, о чем свидетельствуют многочисленные запросы о деятельности крестьянского союза, поступающие в железнодорожный союз из разных концов России.

После перерыва делал сообщение делегат Караваев, развивший проект крестьянских организаций по плану сверху вниз. Всероссийский крестьянский союз должен организовать свои центральные бюро в губерниях, уездах, волостях и селениях. Главная роль в сплочении организаций должна принадлежать интеллигенции. Черниговский делегат возражал против последнего: прежде нужно предоставить это дело рабочим, а потом уже можно пустить интеллигенцию, иначе не поверят.

Затем вносится предложение об учреждении постоянного всероссийского крестьянского клуба, но на этом заседание прерывается до следующего дня.

Во вчерашнем заседании приняты две следующие резолюции:

I.

„Сельские, волостные, уездные и губернские управления. действующие в настоящее время, народу вредны. Сельские должностные лица — десятские и сотские — несут полицейскую службу. Сельские и волостные сходы и волостные старшины подчинены земским начальникам и полиции. Земские начальники, предводители дворянства, полиция, губернаторы и всякие другие чиновники внесли в крестьянскую жизнь произвол и кривосуд. В земстве крестьяне-гласные лишены всякой самостоятельности. Весь этот порядок и все это устройство должны быть изменены. Все население должно быть уравнено в правах. Сословные различия должны быть уничтожены. Все должностные лица — сельские, волостные, уездные и губернские — должны быть избираемы всем совершеннолетним населением, без различия пола, народности и вероисповедания. Население должно пользоваться полной свободой как по выбору должностных лиц, так и по ведению своих общественных дел. Новое устройство на этих основаниях должно быть установлено Учредительным Собранием. До тех же пор совещание делегатов всероссийского крестьянского союза считает нужным устранить власть чиновников и дворян над крестьянским населением, для чего постановляет: 1) не представлять сельских и волостных приговоров на утверждение земских начальников, а приводить их в исполнение по постановлению сходов (в местностях, где нет земских начальников, а сохранились присутствия по крестьянским делам и непременные члены, так же поступать относительно их); 2) ни по каким делам, в том числе и по судебным, к земским начальникам не обращаться; 3) не давать земских, волостных и мирских подвод чиновникам и полиции, не давать квартирных и дорожных денег, не посылать рассыльных, сотских и десятских властей; 4) сменить всех, тянущих руку властей, крестьянских должностных лиц и выбирать и посадить на их место людей, угодных населению и справедливых (в выборах этих должны участвовать все проживающие в волости от 20 лет, без различия пола, народности и вероисповедания, а не одни только домохозяева; голосование всеобщее, прямое, равное и закрытое); 5) отменить все мирские и волостные сборы, которые сходы признают для крестьян бесполезными; 6) для охраны общественного имущества избрать тем же порядком, как и остальных должностных лиц, особых уполномоченных, и 7) не давать показаний и сведений жандармам и полиции, по всем же делам крестьянского союза и товарищей, борющихся за землю, право и свободу народа, никаким властям показаний не давать“.

II.

„Об'явленные манифестом 17 октября свободы ежедневно нарушаются правительством. Необходимо немедленное издание закона, обеспечивающего действительную свободу союзов, слова, печати, собраний и неприкосновенность личности и жилища и отменяющего настоящую систему. Всякое нарушение этого закона со стороны административных властей и полиции должно по этому закону подлежать суду присяжных с вознаграждением потерпевших от этих нарушений за убытки за счет виновных“.

— Постановлено созвать второй с'езд всероссийского союза крестьян не позже 15 января, в случае экстренной надобности, и ранее этого срока. В союзе могут принимать участие по одному делегату от каждой волости. Голосовать и говорить будут иметь право только по два делегата от уезда. Признано необходимым учреждение на местах сельских комитетов, охватывающих одно или несколько мелких селений. Для определения деятельности комитетов и упрочения влияния крестьянского союза на местные дела, совещание делегатов высказалось за учреждение волостных комитетов, члены которых избираются путем прямых выборов. Вопрос об уездных и губернских комитетах бюро предлагает обсудить на волостных сходах, чтобы окончательно этот вопрос был решен на втором всероссийском крестьянском с'езде.

С'езд городских и земских деятелей.

Заседание 10 ноября.

На этом прения кончаются. От организационного бюро выступает профессор П. Н. Милюков и резюмирует все сказанное по поводу резолюции.

„Мы должны в резолюции дать только то, что приемлемо. Представители правой нам и так говорят: «Материал ваш — не практический и неосуществимый». Бюро же полагает, что имеющееся в резолюции может быть принято. Поэтому оно отвергло все те предложения, которые оно само считало неприемлемыми

Много говорили об Учредительном Собрании. Некоторые отожествляли этот термин с представлением о республике. Бюро полагает, что оно рассеяло всякие сомнения на этот счет, включив в резолюцию, что конституционный закон должен быть одобрен государем".

Организационное бюро принимает для внесения в резолюцию следующие указания: 1) замена определенного срока выборов словами: „немедленный созыв"; 2) относительно отмены законов, ограничивающих права национальностей; 3) слова о рассмотрении бюджета на 1907 г. заменяются формулой общей без указания года; 4) обновление органа административных чинов; 5) мнение о том, что все министры должны быть подчинены совету министров. Следующие положения бюро отвергает, но не потому, что оно им не сочувствует, а потому, что это либо детали, либо эти положения нашли себе место в общих положениях: 1) требование контроля над администрацией; 2) право законодательного почина; 3) подчинение указов закону; 4) расформирование казачьих полков второй очереди; 5) о праве городов и земств увольнения от службы полицейских чинов; 6) об отмене репрессивных мер в губерниях, где происходят аграрные беспорядки; 7) об уничтожении охранных отделений; 8) об амнистии матросов; 9) об увольнении в запас манджурских армий и 10) о передаче в ведение земств всего продовольственного дела.

Поименным голосованием с некоторыми незначительными поправками значительным большинством принята первая половина резолюции, предложенной организационным бюро с'езда земских и городских служащих.

Весьма продолжительные прения вызывает пункт резолюции об амнистии. Поправки к этому пункту вносятся гг. де-Роберти, Врублевским, Петрункевичем, Кузьминым-Караваевым и Абрамовым. Петрункевич предлагает дополнить пункт об амнистии словами: „за исключением преступлений, связанных с грабежами и поджогами".

С'езд отвергает все поправки и принимает краткую формулу: „полная амнистия по политическим и религиозным преступлениям".

По последнему пункту резолюции, о смертной казни, с'езд единогласно принимает формулу бюро.

Князь Тавтеридзе предлагает внести в резолюцию пункт о том, что всякого рода акты, направленные против конституционных начал, должны считаться преступлением.

Поправка эта встречает сочувствие, но на баллотировку не ставится и снимается с очереди.

— Воззвание от комиссии по организации помощи амнистированным при московских об'единенных союзах: „Настоятельно необходима широкая братская помощь всем, кто отдал великому делу народного освобождения все свои силы, помыслы, часто лучшие годы жизни. Нужда очень велика. Необходимо временно поддержать и подыскать занятия освобожденным в Москве, необходимо дать возможность вернуться на родину борцам за свободу и счастье народа, политическим эмигрантам. Все, кто может облегчить эту нужду деньгами или указанием занятий (для интеллигенции и рабочих), может обращаться в бюро комиссии при консультации помощников присяжных поверенных при московском столичном с'езде мировых судей. Пожертвования принимаются также редакциями газет: «Русское Слово», «Русские Ведомости», «Вечерняя Почта» и «Новости Дня»".

— Вчера на заседании в бюро профессиональных союзов были прослушаны доклады представителей Стачечного Комитета и Совета Рабочих Депутатов. Товарищ-большевик высказал мнение, что Сов. Раб. должен быть беспартийным. Представитель от союза с.-р. заявил, что уже при организации Совета проведен принцип партийности, ибо решающий голос имеют только депутаты с.-д. Товарищ-меньшевик отвергает идею о беспартийности Совета.

— На-днях выходит первый бюллетень московского бюро профессиональных союзов. В нем напечатаны материалы о созыве представителей конференции.

— В субботу и в воскресенье состоится ряд собраний с целью учредить союзы садовников, перчаточников, рабочих мелких кожаных изделий, кондитеров и строительных рабочих и т. д.

— Московские извозчики составляют особый союз.

— Рабочие университетских типографий получили удовлетворение и прекратили экономическую забастовку. Однако, считают для себя невозможным разверстывать „Московские Ведомости".

— 9 ноября были случаи избиения бастующих прислуг городовыми. Были аресты. В конторе для найма прислуг относятся враждебно к забастовавшим.

— Забастовка домашней прислуги повлекла за собой несколько печальных инцидентов. Третьяго дня группа забастовщиков подошла к конторе „Посредник" и стала требовать выдачи ей книг записи. Появились городовые и жестоко избили толпу. В тот же день другая толпа подошла к конторе рекомендаций Жиа и потребовала впуска. В контору пропустили только женщин и заперли их. Внутри конторы оказались городовые. Они смеялись над женщинами и ругали их площадными словами. Только после настойчивых требований оставшихся на улице мужчин были открыты двери, и женщин выпустили. Группа забастовщиков, 35—40 человек, направились по Тверской. Здесь толпа была остановлена городовыми, при чем десять человек мужчин и женщин были арестованы.

— Служащие и агенты акционерной компании Зингер об'единились в союз, составили петицию об улучшении своего положения, подали администрации эту петицию. Администрация назначила ответ на 10 ноября и в назначенный срок действительно прислала ответ, но отрицательный. Служащие в акционерной компании Зингер забастовали вследствие отказа удовлетворить их требования. Всех агентов у Зингера имеется 20.000 человек.

— Вчера забастовали рабочие табачной фабрики Бостанжогло. Рабочие стали бить в фабричном здании стекла, но прибывшие казаки рассеяли их, нанеся многим жестокие побои.

— Вчера забастовали рабочие второго общества конно-железных дорог. Рабочие в течение всего дня мешали правильному движению, а в Гавриковском переулке опрокидывали вагоны.

— Вчера забастовали скорняки. Требования экономические. Скорняки убеждены, что их требования будут удовлетворены, так как теперь — разгар скорняжного сезона.

— Вчера состоялось собрание делегатов-официантов. Так как до сих пор ответа на пред'явленные требования официанты не получили, то на сегодня решено начало забастовки. Собрание постановило выразить свое негодование редактору-издателю „Московского Листка" Н. И. Пастухову за то, что он в собрании трактирохозяев очень грубо выразился об официантах. Постановлено бойкотировать „Московский Листок".

— Сегодня московские официанты привели свою угрозу в исполнение и забастовали. Все рестораны, трактиры и буфеты на вокзалах закрыты. Только на Курском вокзале открыт буфет, но прислуживают только одни буфетные мальчики. До сих пор только одна Лоскутная гостиница из'явила согласие на все требования официантов и просила их начать работу. У ресторана „Дрезден" околоточный надзиратель арестовал официанта и отправил его во 2 участок Тверской части.

— Вчера в помещении московского университета состоялось собрание общества любителей российской словесности. Собрание постановило примкнуть к союзу издателей и активно поддержать его борьбу против цензурного гнета. Затем постановлено устроить ряд чтений и собеседований по истории участия литературы в освободительном движении нашей страны от декабристов и до наших дней.

— Из Смоленска телеграфируют „Русскому Слову": „Чиновники почтово-телеграфной конторы отказались подписать предложенное начальником конторы обязательство не участвовать в союзе почтово-телеграфных чиновников.

— Московский градоначальник прислал сегодня в городскую управу запрос о том, кто участвовал в „непрерывном заседании московской думы", созванном в недавние тревожные дни. В управе полагают, что градоначальник любопытствует с целью возбудить против участников заседания уголовное преследование. Кроме того, градоначальник предложил управе доставить ему проект устава или самый устав организации городских служащих, но управа ответила, что не может доставить градоначальнику устава, так как сама его не имеет.

— „Русскому Слову" доставлена следующая телеграмма, адресованная местному союзу комитета Московско-Казанской железной дороги со ст. Сасово: „В ночь на девятое ноября в квартире главного кондуктора Курочкина казаки выбили стекла, при чем осколками поранили девочку. Днем 9-го в квартиру местного жителя Козлова ворвались казаки с обнаженными шашками, требовали водки и закуски; у портного Эстермана требовали денег на водку; в доме Лаганцевой разбили стекла. Сегодня,

10-го, в лавке Артамонова требовали с обнаженными шашками денег на водку. Были и другие случаи. Служащие и жители Сасово настроены тревожно". Подписано: „Сасовский железнодорожный комитет".

— Московские громилы стали раз'езжать на гастроли по железным дорогам. Их летучие отряды ездят и по ближайшим к Москве городам; на-днях было совершено несколько смелых и дерзких грабежей в Можайске и Богородске. В Можайске удалось задержать одного из грабителей. У него оказалась записная книжка, в которой подробно был перечислен ряд богатых лиц и магазинов города и разработаны планы наиболее удобного их разграбления.

— Общество любителей духовного просвещения обратилось к митрополиту московскому и коломенскому Владимиру с просьбой обратиться к ходатайству митрополита петербургского и ладожского Антония о смягчении участи кронштадтских матросов. Митрополит Владимир сделал по этому поводу запрос петербургскому митрополиту и получил сегодня телеграфный ответ, в котором петербургский митрополит Антоний заявляет, что никакого ходатайства о помиловании кронштадтских матросов он не возбуждал и возбуждать не намерен.

— Сегодня депутаты городских телефонных служащих обратились к телефонной администрации с ходатайством о возвращении на службу 43 барышень, уволенных за первую телефонную забастовку. Администрация ответила отказом. Сегодня исправлено и включено в действие около 2.000 телефонных абонентов, остальные же аппараты пока бездействуют.

— Петиция служащих в пивных лавках Москвы будет пред'явлена администрациям заводов 12 ноября. Служащие назначили семидневный срок для получения ответа.

— Врачи московских городских больниц обратились в городскую управу с мотивированным ходатайством относительно правового и материального улучшения их личного положения.

Дело П. А. Кракова.

11 июля 1904 г. в Петербурге был задержан Павел Александрович Краков, который, по собственному признанию, входил в состав группы народовольцев. 14 февраля 1903 г. П. А. Краков был привлечен к ответственности по делу Марии Негрескуль и других лиц по обвинению их в госуд. преступлении. Из показаний свидетеля Котылева выяснилось, что Краков дважды эмигрировал за границу без паспорта и был близок к Негрескуль, дочери эмигранта П. Лаврова. Поселившись в Швейцарии в 1903 г., Краков был арестован по распоряжению местных властей. 7 декабря того же года состоялось постановление швейцарского союзного совета о высылке из пределов Швейцарии П. Кракова и Владимира Бурцева. Оба были уличены в напечатании и распространении в Женеве на русском языке воззвания, возбуждающего к убийству русского царя, главнейших представителей власти. 4 июля 1904 года с.-петербургским охранным отделением были получены негласные сведения о том, что П. А. Краков прибыл в Петербург для террористического акта. Благодаря секретным наблюдениям, удалось открыть и местопребывание его — Фонтанка 146, кв. 10. На допросе П. А. Краков заявил, что он принадлежит к группе народовольцев, но ближайших целей своей деятельности не об'яснил. Из дальнейшего допроса выяснилось, что он после высылки из Швейцарии поселился в Париже. В апреле 1904 г. Кракову было об'явлено полицейским комиссаром о том, что, согласно постановления французского министерства внутренних дел, он подлежит высылке из пределов республики; но постановление это не было приведено в исполнение.

Обвиняемому П. А. Кракову 30 лет, и обвинение к нему пред'явлено по 100 и I ч. 102 ст.

Дело о П. А. Кракове началось слушанием 10 ноября в петербургской судебной палате в усиленном составе сословных представителей. Председательствовал старший председатель петербургской судебной палаты Максимович. Обвинял товарищ прокурора палаты Гессе. Защищали присяжн. пов. О. О. Грузенберг и В. В. Беренштам.

На вопрос о том, признает ли себя П. А. Краков виновным, последний ответил отрицанием. На суде П. А. Краков заявил, что подтверждал и подтверждает свою солидарность с программой и тактикой, изложенными в брошюрах Бурцева „К оружию" и „Народоволец". При этом П. А. Краков добавил, что „Народная Воля" в настоящее время не существует и обвиняют его, таким образом, в принадлежности к несуществующей партии. Если бы „Народная Воля" существовала, он мог бы только приветствовать ее. По словам обвиняемого, за границей была только литературная группа лиц, существовавших идеями „Народной Воли". Так как подсудимый признал, что все вещи, которые упомянуты в протоколе обыска, действительно принадлежат ему — свидетели были освобождены от допроса.

Прис. пов. В. В. Беренштам ходатайствовал о приобщении к делу письма к нему Бурцева вместе с печатной брошюрой „Долой царя", имеющих отношение к этому делу. Палата в этом ходатайстве отказала, но вместе с тем постановила не читать писем Бурцева к Кракову, приобщенных к делу в качестве улик против обвиняемого.

Прокурор просит огласить протокол осмотра брошюры и „Книгу за 100 лет", излагающие программы партии „Народная Воля" и группы народовольцев. Прис. пов. О. О. Грузенберг энергично протестует против этого, заявляя, что журнал и книга не были найдены при осмотре, а были приобщены к делу в качестве вещественных доказательств из департамента полиции. Палата после совещания постановляет огласить эти акты осмотра. Читается программа партии „Народная Воля", где между прочим говорится, что „террористическая деятельность (ее) состоит в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионов, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п.".

С своей стороны, прис. пов. В. В. Беренштам ходатайствует о разрешении огласить заявление исполнительного комитета партии „Народная Воля" по поводу убийства президента С.-А. Соединенных штатов Гарфильда.

После некоторых пререканий оглашается очень характерное заявление исполнительного комитета следующего содержания: „Выражая американскому народу глубокое соболезнование по случаю смерти президента Джалса Ав. Гарфильда, исполнительный комитет считает долгом заявить от имени русских революционеров свой протест против насильственных действий, подобных покушению Гито. В стране, где свобода личности дает возможность честной и идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность — в такой стране политическое убийство, как средство борьбы, есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей. Деспотизм предосудителен, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направлено против насилия. 10 сентября 1889 г. Исполнительный комитет".

Кроме того, по просьбе защиты оглашается выдержка из № 2 „Народоволец" из ст. Бурцева два места, являющиеся программными: „Мы будем первыми, кто выскажется за полное прекращение террористической борьбы, раз только правительство честно захочет отказаться от своей разбойничьей политики. Мы теперь — за террор не потому, что он нам нравится, а единственно потому, что, по нашему мнению, в настоящее время нет других средств борьбы с правительством, которые могли бы без помощи террора заставить его пойти на уступки. Когда в России будет возможна честная уверенная в себе политика, независимая ни от каких Победоносцевых, хотя бы такая, какая начиналась под давлением революции при Лорис Меликове, и будет открыто заявлено, с достаточными гарантиями, о наступлении новой эры для России, эры свободного развития, мы тоже, подобно Степняку, «одобрим принятие мирных условий» и будем тогда против террора, как мы теперь против него—в свободных странах. Мы считаем необходимыми условиями успешной политической борьбы свободу печати, сходок и личности. При наличности этих условий мы без террора дойдем до всех своих заветных идеалов".

Затем начались прения. Прокурор в своей речи настаивал между прочим на том, что протокол, хотя и без подписи Кракова, является его сознанием. Далее, Краков прибыл в Петербург с револьвером и, очевидно, с целью совершить террористический акт.

Защитник Беренштам указал прежде всего на то, что в программе партии народовольцев в качестве орудия активной борьбы значатся бомбы. Далее разобрал детально улики, пред'явленные к обвиняемому, и доказал полное отсутствие их.

Прис. пов. О. О. Грузенберг в юридическом анализе разобрал возможность применения к подсудимому упомянутых статей закона и в свою очередь доказал полное отсутствие состава какого бы то ни было преступления. Если б даже согласиться с постановлением швейцарского союзного совета, так П. А. Кракову должно быть пред'явлено обвинение по 129 ст., но не по 102 и 100.

После полуторачасового совещания палата вынесла оправдательный приговор, при чем председатель заявил, что Павел Александрович Краков не только оправдан, но и сейчас же освобождается от конвоя.

Всероссийский торгово-промышленный союз.

Господа капиталисты об'единяются... Всего несколько дней тому назад возник союз фабрикантов и заводчиков, и теперь возникает новый „всероссийский торгово-промышленный союз".

11 ноября состоялось первое учредительное собрание этого союза. Оно не было разогнано полицией, как был накануне разогнан Совет Рабочих Депутатов, ибо правительство хорошо знает и понимает, что в лице гг. капиталистов оно имеет хорошего и надежного союзника, на которого можно положиться, и с которым оно легко и скоро сторгуется...

Обширный зал Петровского училища, где состоялось собрание, был совершенно переполнен представителями капитала и их „услужающими". На рассмотрение собрания был представлен выработанный „учредительным бюро всероссийского торгово-промышленного союза" проект „программы" союза. Вот основные черты этого проекта в том виде, в каком они были предложены бюро:

1) единая неделимая империя с конституционным монархом;

2) введение в основные законы империи всех свобод провозглашенных манифестом 17 октября;

3) предоставление Думе права законодательного почина;

4) самостоятельное возобновление каждой новой сессии Государственной Думы в сроки, заранее ею определенные, без права досрочного роспуска членов думы;

5) включение в основные законы всеобщего равенства граждан путем уничтожения всех сословных привилегий, вне всякой зависимости от пересмотра действующего свода законов;

6) экономическое содружество торгово-промышленных классов и их служащих на пространстве всей империи в целях развития отечественных торговли и промышленности.

В собрании все пункты „программы" утверждаются почти без прений. Продолжительные и страстные прения вызывает лишь вопрос о „досрочном роспуске членов Думы". Прис. пов. Климов замечает, что нельзя сомневаться в том, что в предстоящей избирательной кампании одержат огромную победу представители социал-демократии и социалистов-революционеров.

— Выступая, — говорит оратор, — с широкими реформами для крестьянства и пролетариата, они, несомненно, увлекут за собою массу и обеспечат себе огромное большинство в Государственной Думе. Вот почему лишение монарха права распустить Думу представляло бы огромную опасность для представителей капитала.

Собрание соглашается с г. Климовым и огромным большинством голосов решает исключить „опасные" слова из программы союза.

Далее тот же оратор указывает на необходимость включить в программу пункт о „неприкосновенности личных и имущественных прав". Собрание соглашается, конечно, и с этим.

Одним из ораторов возбуждается вопрос о необходимости об'единения всех умеренных партий и в противовес радикальному Союзу союзов (!) создать такой же умеренный союз.

В заключение собрания гг. „русско-подданные деятели торговли и промышленности" записываются во вновь образующийся союз, имеющий целью, согласно уставу, „об'единение деятелей торговли и промышленности на почве совместных защиты и представительства их классовых интересов". Членами союза могут быть „все без исключения совершеннолетние русские подданные, обоего пола, без различия вероисповедания, занимающиеся торговопромышленной деятельностью, кроме представителей физического рабочего труда"...

Хроника.

— В 18 зап. батальоне вчера отказались от обеда в виду плохого его качества. Ротный командир телеграфной роты распорядился вести на обед повзводно и силой заставлял солдат есть. Некоторые из солдат делали вид, что едят, другие же так и не ели.

— В приказе по лейб-гвардии саперному батальону от 11 ноября с. г. № 317 значится: „Рядового военно-телеграфной роты Валентия Шаршавого, срока службы 1902 г., за неуместный и оскорбительный разговор с урядником л.-гв. казачьего его величества полка арестовать на 30 суток смешанным арестом, при чем содержать его 8 суток усиленным, 8 строгим, 7 усиленным и 7 простым". Подписал ком. бат. полковник Тарасевич. Дело в том, что в военно-телеграфной роте л.-гв. саперного батальона устроен временный (на время забастовок) полевой штаб под начальством казачьего генерала Ширмы при 8 ординарцах — казачьих урядниках. Рота, естественно, не рада этим пришельцам и всячески старается от них избавиться. Один из урядников заявил по начальству, что Шаршавый назвал его за его деятельность разбойником и душегубом. Это заявление урядника послужило причиной столь суровой расправы с Шаршавым.

— В Николаевском инженерном военном училище отдан приказ из'ять из читальни юнкеров все „революционные" газеты, особенно „Новую Жизнь", а равно конфисковать все номера последней, поелику они будут замечены у учащихся, с применением соответствующего взыскания. Юнкерам рекомендуется читать „Гражданин", „Ведомости Спб. Градоначальства", „Свет" и „Новое Время". Распоряжение это вызвало среди юнкеров и более развитой части преподавателей глубокое негодование, тем более, что до этого они пользовались, сравнительно конечно, свободой выбора газет, соответственно своим убеждениям.

— Движение среди нижних чинов полиции. 10 ноября по полицейским участкам Петербурга разослано „воззвание" к нижним чинам, — околоточным и городовым, — подписанное „бюро союза полицейских служащих". В этом воззвании указывается на цель профессиональных союзов и что достигается посредством дружного единения сплоченных единиц, в ярких выражениях описывается быт и положение городовых, как париев, отверженцев, указывается на презрение к ним общества и на начальственный гнет, выставляется их крайне незавидное материальное положение и предлагается сделать подсчет лиц, желающих вступить в союз. Это воззвание произвело сильное впечатление среди нижних чинов; они решают заметным большинством сорганизоваться в профессиональный союз.

— „Незаконное" собрание городовых. 10 ноября городовые с.-петербургской полиции 2 участка Нарвской части собрались для выяснения своих нужд. Собрание это было „незаконно", так как не было сообщено за 3 дня градоначальнику, как того требуют правила, изданные 12 октября. Несмотря на это, начальство хотя и протестовало, но должно было мириться, ибо не было кому разгонять собравшихся.

Ежегодно у городовых высчитывают по 10 рублей с каждого человека, и деньги эти неизвестно куда исчезают. Многие городовые служат по несколько десятков лет и при увольнении не получают высчитываемых денег обратно. Таких денег собралось около двух миллионов рублей. В первых числах декабря городовые Нарвской части ожидают обещанной „за усиленные труды" прибавки, в размере 5 рублей в месяц. В случае неудовлетворения обещанной прибавки городовые грозят устроить забастовку. Как мы слышали, за нарушение правил о собраниях городовые привлекаются к ответственности. На-днях состоится следующее собрание городовых.

— Директор из охранного отделения. 5 ноября 4 депутата от царскосельской гимназии явились к директору местного реального училища И. И. Фомилианту и предложили ему от лица гимназической сходки закрыть училище. Директор принял их вначале очень любезно, но переходил все в более резкий тон и, наконец, категорически отказался исполнить их предложение. Удивленные таким приемом, депутаты удалились, но в прихожей были арестованы оказавшимся (!) там полицеймейстером. Депутаты потребовали, чтоб арест был произведен при директоре. Сошедший вниз г. Фомилиант заявил депутатам: „Я вас не звал" и, обращаясь к полицеймейстеру: „Можете"... По составлении в здании полиции протокола, депутаты были отпущены.

— Иски к виновникам кишиневского погрома. В последнем заседании общего собрания 1 кассационного департамента правительствующего сената слушалось 8 дел, возбужденных потерпевшими от кишиневского погрома против бывших бессарабского губернатора фон-Раабена, вице-губернатора Устругова и других должностных лиц о взыскании с них вознаграждения за причиненный ими вред в размере нескольких десятков тысяч рублей. Виновность ответчиков, по мнению истцов, констатирована министром внутренних дел, который в циркуляре причину беспорядков об'яснил „нераспорядительностью полиции, не имевшей, очевидно, должного руководства". В виду этого, истцы ходатайствовали о присуждении им права взыскать с губернатора и пр. лиц суммы на покрытие убытков, причиненных им разграблением их имуществ. Соединенное присутствие правит. сената признало иск неправильным в самом его основании и, не входя в обсуждение дела по существу, в иске отказало. На это решение истцами были принесены в общее собрание сената апелляционные жалобы. Прав. сенат по общему собранию 1 и касс. д-тов хотя жалобы оставил без последствий, но решение соединенного присутствия отменил; из этого решения вытекает, что истцы тогда могут пред'явить к администрации гражданские иски, когда виновность их в бездействии будет признана уголовным судом.

— Вчера от 12 до 2 ч. дня новый министр народного просв. гр. Толстой принимал выборных ректоров и директоров всех высших учебных заведений. Находя существующее положение вещей в учебных заведениях невыносимым, приглашенные предложили министру около 15 ноября открыть их для занятий, при чем, в виду от'езда многих студентов, придать занятиям факультативный характер, предоставляя чтение и слушание лекций только желающим. Естественно, что с открытием занятий могут начаться и митинги, против — они, директора, ничего не имеют, но если бы митинги приняли угрожающий характер, то можно закрыть заведения до 15 января и тогда вновь повторить опыт.

Министр предложил было сразу закрыть до 15 января, а потом согласился с директорами и обещал поддержать их предложение в „высших сферах".

На прощанье министр заявил, что он не допускает возможности быть „начальством выборных директоров" и просит видеть в нем „покорного слугу, а не начальника". Так начинают говорить министры!

— Начальник Балтийской и Псково-Рижской жел. дороги инж. Каянус уволил за участие в последней забастовке 38 человек из главной бухгалтерии (всех служащих в бухгалтерии 41), а также Филиппова из канцелярии и сторожа Жарозика из материальной службы. В резолюции инж. Каянуса от 8 ноября об увольнении говорится, что опасаться насильственных действий со стороны забастовщиков не следует. (На случай во дворе службы есть казаки.) Далее указывается, что, если служащие подадут прошения об обратном приеме, и если начальство найдет их „надежными" и „полезными" для службы, то такие служащие могут быть приняты вновь. Служащие не желают подавать прошения, а для выяснения дела выбрали и отослали 10 ноября делегатов к министру путей сообщения инж. Немешаеву. Министр Немешаев заявил, что за забастовку никто уволен не будет. Служащие с нетерпением ожидают окончания дела и не знают, верить ли резолюции начальника дороги инж. Каянуса или словам министра Немешаева.

— Цензора не унывают. Несколько цензоров, находившиеся бессменно на главном телеграфе для просмотра газетных и других депеш, в настоящее время переведены в общую цензуру, при чем все без исключения депеши идут прямо по назначению, избегая цензуры. Иностранные же газеты и журналы идут неукоснительно в иностранную цензуру, где кисти с черными красками деятельно работают.

— Письмоводителем при спб. городской телефонной станции В. Н. Чижовым, который был оставлен при исполнении обязанностей условно впредь до разрешения городской управой вопроса об обратном его приеме, хотя он отказался подписать предложенную всем бумагу и явился на работу по окончании политической забастовки, подано в управление сети заявление следующего содержания:

„Довожу до сведения управления сети и прошу доложить городской управе, что я могу продолжать исполнение своих обязанностей лишь с того момента, когда все товарищи одних со мной убеждений будут возвращены на свои места".

— 8 ноября в зале Павловой состоялся малороссийский вечер. После него предполагалось устроить митинг. Однако сразу же по окончании (в 1 час ночи) чьи-то таинственные руки начали тушить огни во всех залах и таким образом выдворять публику, хотя зал был снят до 3 часов ночи. Один из руководителей вечера заявил, что здание окружено полицией и хулиганами, которые хотят войти в зал, как только начнется митинг, поэтому руководитель просит публику „спокойно" разойтись.

Митинг так и не состоялся.

— Вчера с поездом Балтийской железной дороги приехали из Нарвы в Петербург на охрану три батальона 92 Печорского пехотного полка. Охране этих батальонов поручена местность около стекольного завода.

Под квартиру прибывших отведен театр стекольного завода, в котором также квартируют батальоны 93 Нейшлотского пехотного полка, приехавшие несколько дней тому назад из Ревеля для той же цели.

— Политика и карман. 9 ноября в помещении Волжско-Камского коммерческого банка состоялось совещание директоров всех частных банков столицы.

По вопросу, как отнестись к вновь образовавшемуся „союзу служащих в банковских и кредитных учреждениях", собрание выказало себя двуликим Янусом: решено, что против какой бы то ни было политической программы союза (которая никакого прикосновения к кошельку гг. директоров не имеет) администрация банков не должна ничего иметь; что же касается деятельности союза, относящейся к внутренней жизни банков и в особенности возможных требований об улучшении экономического положения служащих (что уже и по карману может ударить), то администрация будет всеми силами против этого бороться. Это решене было доведено до сведения служащих, которые в высшей степени возмутились и решили на-днях созвать экстренное собрание.

— В Матвеевской аптеке С. И. Майзель находятся в засаде городовые и сыщики, лекарства готовят фельдшер, представитель ваксы Этингер и жена аптекаря.

— В городе распространяется любопытное письмо или, вернее, воззвание. Воззвание это приглашает российских граждан обнаружить свои патриотические чувства по весьма оригинальному рецепту: поднести адрес не более и не менее как графу Витте. Осуществить сие намерение предлагают всего лишь за 5 руб., которые просят адресовать какой-то „даме под вуалью", г-же Гартман, при чем приводится точный адрес.

Что это? Афера или фабрикация „общественного мнения"?

— В подвергнутой бойкоту Пушкинской аптеке Гаккеля в настоящее время изготовлением лекарства занимаются: рассыльные мальчики и кассирша. Дешево и сердито. Каково, однако, будет публике от этих „лекарств"?

— Сенатор Е. Ф. Турау командируется в Киев для выяснения причин событий, происходивших в октябре месяце.

— Ярославский губернатор возбудил вопрос, каким способом должны производиться выборы уполномоченных от волостей на волостных сходках, путем открытой или закрытой подачи голосов, баллотировкой по запискам или шарами. Правительствующий Сенат указом на имя этого губернатора раз'яснил, что выборы эти должны быть производимы принятым в данной местности порядком, и однообразия в этом отношении добиваться не надо.

— О нормировке рабочего дня и праздничном отдыхе приказчиков. Городскою комиссиею о праздничном отдыхе закончен проект обязательного постановлен ия о праздничном отдыхе. По этому проекту, всякая торгово-промышленная и ремесленная деятельность разрешается не свыше 12 часов в сутки. Каждому служащему должен быть предоставлен непрерывный отдых от занятий: ежедневно в течение двух часов и еженедельно в течение 24 часов. В праздничные дни торговля может быть производима в течение не свыше четырех часов в сутки, если такие дни приходятся накануне праздничного дня; в воскресные дни и дни двунадесятых праздников торговать совершенно воспрещается. Ограничение торговли не распространяется на торговлю газетами, на лечебные заведения, на буфеты станций жел. дор. и на торговлю с'естными припасами.

Все эти труды комиссии со ссылкой на проекты правил, выработанных в комиссии Тимирязева, в министерстве финансов, берлинской полицией (!) и т. д., являются запоздавшими, так как петербургский ремесленный, а отчасти и торговый пролетариат

уже фактически осуществил свои насущные потребности, не справляясь с постановлениями берлинской полиции.

— Телефонные самодержцы. На городской телефонной станции издавна установился порядок самодержавного произвола господ управляющего Семеновича и главного инженера Толлочко. Считать свой каприз законом, а служащих безропотными рабами вошло у них в привычку. Еще на-днях эти телефонные самодержцы уволили со службы двух инженеров. Наконец, долготерпение станционных рабочих истощилось, и они заявили сегодня городскому голове категорическое требование об удалении гг. Семеновича и Толлочко со службы. На неисполнение этого требования рабочие ответят забастовкой.

— Благонадежность банковских служащих и награда начальства. Служащие Тульского поземельного банка проявили во время последней забастовки достойную всякой похвалы благонадежность: на призыв забастовать они ответили решительным отказом. Банковское начальство возблагодарило их по заслугам, при чем, конечно, отказ от „бунта" был оплачен деньгами. Лестно...

— Ген. Дедюлин и столичные пожарные. На-днях у нас были указаны требования, выставленные петербургскими пожарными. Градоначальник передал их на рассмотрение думской пожарной комиссии. Этой последней понадобились некоторые раз'яснения, и она обратилась в пожарные команды с просьбою прислать депутатов. Однако градоначальник наложил запрет на выборы. Мотивом он выставил то обстоятельство, будто пожарные—военные. Однако, с этим своеобразным толкованием не могла согласиться даже думская комиссия: она указывает, что пожарные служат по вольному найму, а у брандмейстеров чины идут в гражданском порядке. Комиссия предложит думе обжаловать это мудрое распоряжение г. Дедюлина. Среди же пожарных оно вызвало большие волнения, которые легко могут вылиться в форму забастовки.

— В управлении Балтийской железной дороги 10 ноября уволено до двухсот человек за участие в забастовке. Уволенным предложено подать прошение об обратном принятии на службу.

— Обидчивый гласный. На-днях состоялось собрание юридической комиссии, избранной петербургской думой для обсуждения вопроса, в праве ли гласные думы заниматься подрядами и поставками. После долгих и страстных прений вопрос этот решен в том смысле, что хотя в законе и нет прямых указаний на запрещение гласным думы брать на себя городские подряды и поставки, — но этого следует все-таки избегать. Гласный И. К. Дымша заявил по поводу постановления комиссии свое особое мнение, в котором он указывает, что решение комиссии оскорбительно для всех гласных, так как комиссия, как будто, сомневается в честности гласных.

— Дума и телефонистки. В одно из ближайших думских заседений управа вносит вопрос об увеличении жалованья телефонисткам на 10 рублей в месяц. В течение долгого времени телефонистки упорно добивались увеличения жалованья, но управа не обращала внимания на их просьбы. Общая политическая забастовка надоумила забастовать и телефонисток. Требования телефонисток сразу были удовлетворены министром внутренних дел Дурново, сделавшим распоряжение о немедленном увеличении телефонисткам жалованья на 10 руб. По требованию министра, оказавшегося либеральнее петербургской думы, и вносится вопрос о постоянном увеличении жалованья телефонисткам.

— 7 декабря в гражданском кассационном департаменте правит. сената будет слушаться принципиальное дело по иску рабочего Максимова с фабрики Чешер (на Выборгской стороне) заработной платы за время забастовки. От того или иного решения этого дела будет зависеть судьба сотен исков, уже пред'явленных и еще не пред'явленных к той же фабрике.

— 10 ноября в Лиговском народном доме была прочитана лекция о „профессиональных союзах новейшего времени". Отнеслись к лекции весьма сочувственно.

В субботу 12 ноября, в 8½ час. вечера, имеет быть чтение г. Яновского на тему: „Что такое право?".

— Недостаток вексельной и гербовой бумаги. В городе чувствуется большой недостаток в вексельной и гербовой бумаге, казенных бандеролях и пр. изготовлениях экспедиции заготовления государственных бумаг. 11 ноября множество фургонов Государственного Банка, губернского казначейства и др. казенных учреждений явились в экспедицию за указанными изделиями, которых здесь имеется еще запас. Но депутаты от рабочих экспедиции заявили, что не разрешат вывоза изделий экспедиции, пока не выяснится вопрос о пенсионной кассе. Фургоны возвратились пустыми обратно.

— Бойкот. В заседании 10 ноября общество горных инженеров постановило присоединиться к бойкоту, об'явленному союзом инженеров и техников генерал-майору Гроссу.

— Недостаток городовых. „Вед. Град." приглашают обывателей, отставных нижних чинов, не моложе 25 и не старше 45 лет, ростом не ниже 2 арш. 5 вершк., записываться в городовые.

— В выборгской консультации помощников присяжных поверенных в воскресенье 6 ноября состоялось собеседование по правовым и общественным вопросам. По предложению явившихся в количестве 40—50 чел. рабочих на обсуждение были поставлены вопросы: „Что значит возглас: «долой самодержавие!». «Что дают манифесты 17 октября и 4 ноября?»". Собеседование прошло очень оживленно. Следующее собеседование состоится в воскресенье 13 ноября, в 2 часа дня, на темы: „Что такое черная сотня?", „О восьмичасовом рабочем дне", „О женском труде".

— Академический союз признал обвинения, пред'явленные студентами военно-медицинской академии, недостаточными для исключения из числа членов союза профессора Бехтерева.

— Бюро союза рабочих башмачного и сапожного дела приглашает всех столичных сапожников и башмачников на общее собрание в это воскресенье, в 3 часа дня, в помещении Охтенского театра. Товарищей просят принести с собою членские взносы. За теснотою помещения и большим количеством профессиональных работников просят посторонних не стеснять собрания.

— В субботу 12 ноября, в 7 часов вечера, в помещении Соляного Городка состоится собрание членов союза ювелиров и золотых и серебряных дел мастеров. На собрании будет рассмотрен устав союза.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— Выбранная учениками академии художеств из своей среды комиссия по вопросу об автономии академии выработала проект полной реорганизации всего художественного академического строя, исходя из общих принципов свободы общественной жизни, науки и искусства. Главнейшее основание проекта новой высшей художественной школы сводится к следующим основаниям: школа должна быть автономна, управление ею должно принадлежать профессорам и ученикам на равных правах, система преподавания научных курсов должна быть предметная, и дипломы должны быть уничтожены. Проект подробно выясняет отношения профессоров и учеников, административные формы новой школы, состав советов профессоров и старост, условия приема, получение звания художника и все детали общего устройства школы. Этот проект коренным образом изменяет существующие до сих пор формы академического строя и представляет по своей конструкции нечто совершенно новое, основанное на самых широких началах свободы высшее художественное учреждение. Проект в количестве многих экземпляров рассылается ученикам академии и лицам заинтересованным.

— В технологическом институте. Петербургский технологический институт попрежнему охраняется войсками Семеновского полка, хотя снаружи их не видно. Вход в студенческую столовую производится по билетам. К живущим в институтском помещении профессорам вход без билетов также запрещен.

— В институте гражданских инженеров. Главный под'езд открыт для справок. Войск нет. На лестнице сидит городовой для наблюдения за „порядком". Вопрос об открытии института остается пока открытым.

— Правление политехнического института получило от неизвестного около 3.000 рублей для выдачи пособий нуждающимся студентам института.

— В частном коммерческом училище Шрекника (угол Можайской и Загородного) учениками IV класса была на-днях составлена и подана начальству петиция об удалении из училища преподавателя математики Павлова в виду того, что этот „почтенный" педагог позволяет себе грубейшие приемы по отношению к воспитанникам, называя их „хулиганами", „дрянью" и „сволочью". Ученик Д., подавший эту петицию от лица класса, 9 ноября исключен из училища по постановлению педагогиче-

ского совета. В ответ на эту кару учениками об'явлен бойкот всем преподавателям, принимавшим участие в заседании совета.

— Царское село. 11 ноября, после очистки помещений гимназии, ученики, согласно постановлению Совета Рабочих Депутатов, прекратили политическую забастовку и приступили к занятиям.

---

9 ноября в 12-й гимназии учащиеся старших классов по приглашению старост собрались на сходку в 10 часов утра в одном из зал гимназии.

Так как на сходке присутствовало абсолютное большинство (более $^2/_3$ общего числа всех учащихся старших классов), решения ее были об'явлены обязательными для всех учащихся старших классов. Прежде всего сходка об'явила круговую поруку и постановила на всякие репрессивные меры против отдельных товарищей за их участие в сходках и за убеждения — отвечать активным протестом и забастовкой. Затем учащиеся выработали ряд требований, поручив президиуму сходки передать их секретарю педагогического совета, а старостам пред'явить на общем собрании родителей. Вот главнейшие требования: 1) Передать всю власть в гимназии педагогическому совету. 2) Необходимы периодические собрания родителей всех старших классов вместе; в собраниях должны присутствовать старосты всех старших классов, которые пользуются так же, как и члены педагогического совета, правом совещательного голоса. 3) Установление института старост в четырех старших классах. 4) Принятие в гимназию без различия вероисповедания и национальности. 5) Упразднение института классных наставников в четырех старших классах. 6) Сложить с помощников классных наставников обязанность следить за порядком в четырех старших классах и возложить эту обязанность на самих учащихся: a) Введение в трех старших классах лекционной системы, свободное посещение гимназии (отмена записок о неявке). b) Введение в курс изучения основ социальных наук и уменьшение уроков древних языков и т. д.

Ученики трех старших классов С.-Петербургской 6 гимназии, собравшись 9 ноября в актовом зале на сходку, решили: избрать от каждого класса, подобно другим учебным заведениям, старшин, а также выразить директору г-ну Мору протест по поводу закрытия гимназии (занятия были прекращены с 14 октября).

На следующий день родителям гимназистов были разосланы такого рода повестки:

„Вследствие сильного волнения между учениками старших классов, учебные занятия в 4, 5, 6, 7 и 8 классах шестой гимназии временно прекращаются 9/XI—05. Директор Мор“.

В Царскосельской гимназии.

Ученики старших классов Николаевской Царскосельской гимназии, собравшись на сходку, большинством 106 против 19, вынесли нижеследующую резолюцию:

„Когда под напором революционного пролетариата самодержавие пошло на уступки и возвестило народу действительные гражданские права, т. е. свободу слова, совести, собраний союзов и неприкосновенность личности, тем не менее, вслед за возвещенными свободами широким потоком пролилась народная кровь.

„Теперь, когда весь революционный пролетариат, в лице Совета Рабочих Депутатов, решил общую политическую забастовку, мы, как дети народа и солидарные с ним, об'являем политическую забастовку, и пусть нашим лозунгом будет:

„Долой смертную казнь!

„Долой военные суды!

„Долой военное положение в Царстве Польском и всей России“.

О решениях сходки было доведено до сведения директора И. Ф. Анненского. Вечером собрался педагогический совет, который решил, игнорируя заявления учеников, продолжать занятия во что бы то ни стало и предупредить обо всем полицию.

На следующий день, после утренней молитвы, д. с. с. Анненский об'явил ученикам первое решение совета, благоразумно умолчав о втором. Гимназисты с пением „Марсельезы“ вышли из зала, произведя по дороге химическую обструкцию.

Перед под'ездом гимназии их встретил полицеймейстер, в соседнем здании был „приготовлен“ наряд городовых, предложивший им разойтись. Гимназисты, направившись во двор, после краткого совещания решили, не устраивая демонстрации, мирно разойтись по домам.

В 6-й гимназии 9 ноября на сходке учеников была выработана резолюция следующего содержания:

„Мы, ученики 3 старших классов 6-й гимназии, собравшись на сходку 9 ноября в здании гимназии, постановили учредить при 6-й гимназии институт старост, поручить ему войти в общий совет старост средних учебных заведений и предоставить ему следующие полномочия:

„1) Безусловное подчинение решению совета старост, выбранных по два из каждого отделения 3 старших классов тайным голосованием.

„2) Старосты берут на себя устройство собраний и руководство ими.

„3) На старостах лежит обязанность ведения переговоров с начальством.

„4) Желательно присутствие старост на педагогических советах с правом голоса.

„5) Личность старост неприкосновенна.

„6) Старосты должны употребить все усилия, в случае закрытия гимназии, к скорейшему ее открытию.

„Настоящий состав совета старост выбран временно, до ближайшей сходки, где полномочия их могут быть изменены“.

Профессиональные союзы.

Из центрального комитета Союза союзов.

На заседании центрального комитета Союза союзов 11 ноября была выслушана просьба представителей об'единенных дружин самозащиты о долгосрочной ссуде в 1.000 рублей.

Постановлено просьбу удовлетворить.

Затем было приступлено к главному вопросу дня — об Учредительном Собрании.

Одним из членов был прочитан выработанный вчерне проект по этому вопросу и предложено несколько тезисов.

Собрание постановило при данном составе собрания тезисов не разбирать, а передать на рассмотрение особого собрания.

Вопрос о составе собрания для окончательной выработки проекта вызвал продолжительные прения.

Часть ораторов настаивала на необходимости передать этот проект на предварительное рассмотрение союзов.

Другие предлагали собрать бюро всех союзов и представителей демократических партий и фракций.

Большинство доказывало неудобство этих предложений, которые только замедлят ход дела.

По мнению последних, выработку этого вопроса необходимо предоставить избранному уже по этому вопросу комитету совместно с Исполнительным Комитетом Совета Рабочих Депутатов и представителей партий, что явится первым шагом об'единения с существующими партиями. По окончании прений собрание постановило: выработку проекта об Учредительном Собрании предоставить собранию из центрального комитета, Исполнительного Комитета С. Р. Д. и из представителей революционных партий: социал-демократической — большинства, группы меньшинства, социалистов-революционеров, Бунда, польских соц. и кавказских организ. и демократических партий: конституционалистов, торгово-промышленной и Н. Д. (польской народно-дем.).

Всем партиям предложить прислать делегатов, не более 6 человек от каждой.

Затем постановлено:

1) По поводу распространяемых слухов о различных террористических приемах, имеющих быть предпринятыми центр. ком. Союза союзов, раз'яснить, что подобные приемы не входят в программу Союза союзов. Центр. ком. просит верить только тем сообщениям, которые оглашаются в печати.

2) На 15 ноября назначить общее собрание всех бюро профессиональных союзов в Вольно-Экон. О-ве.

3) На 16-е—заседание центрального комитета Союза союзов,

Перед закрытием заседания пришел старший лесничий Самарского удельного ведомства Петропавловский, которым сделано следующее сообщение.

В Самаре состоялось собрание чиновников Самарского удельного ведомства, которое выработало следующую резолюцию:

„1) 1 ноября 1905 г. мы, нижеподписавшиеся, служащие Самарского удельного округа, приветствуя общее освободительное движение, выражаем полную готовность посильно содействовать водворению в дорогой родине мира и свободы, огражденных твердыми, ясными и ненарушимыми законами.

„2) Исходя из первого положения, мы убеждены, что только немедленный созыв Учредительного Собрания, составленного путем свободной, всеобщей и закрытой подачи голосов, может выработать основные законы, способные примирить все партии, а потому немедленный созыв Учредительного Собрания является решительно необходимым.

„3) Ближайшей целью освободительного движения является осуществление всех свобод, из коих первая — полная амнистия всем пострадавшим до 17 октября с. г. за свои политические и религиозные убеждения в борьбе за свободу.

„Для осуществления намеченных выше положений мы согласились присоединиться к организующемуся ныне в г. Самаре союзу служащих в правительственных и общественных учреждениях.

„Для сношения с другими организациями и союзами и для подготовки вопросов, подлежащих обсуждению на общем собрании, образовано бюро из 6 лиц". (Следуют подписи 44 лиц.)

5 ноября Петропавловский, как участник собрания, переведен в г. Вельск, Архангельской губ. В Петербург приехал для выяснения причины перевода или, правильнее, ссылки.

9 ноября в главном управлении уделов получена телеграмма за подписью 32 лиц с протестом.

Главное управление уделов телеграммой же распорядилось расследовать, действительно ли эти лица подписались под телеграммой. Если же это подтвердится, то всех подписавшихся немедленно уволить со службы.

— Союз рабочих и крестьян Новгородской г. В настоящее время разрабатывается проект устава вновь нарождающегося „союза рабочих и крестьян Новгородской губ.". Центральное бюро этого союза будет находиться в Петербурге, а отделения будут открываться в различных местностях Новгородской губ. Союз имеет целью политическое и социальное развитие своих членов и будет способствовать проведению своих членов в Государственную Думу. Кроме того, союз организует кассу взаимопомощи и др.

Сочувствующие целям союза интеллигенты будут приниматься в члены только по тщательному выбору.

Среди приказчиков.

На собрании петербургских приказчиков 6 ноября, на котором присутствовало около 2.000 человек, принята следующая резолюция:

„Союз приказчиков в первый раз, 6 ноября, воспользовался отвоеванным у хозяев-эксплоататоров полным воскресным отдыхом и обсудил при большом стечении приказчиков ту незначительную роль, какую до последнего времени петербургские приказчики, страдавшие от своей неорганизованности, недостаточной солидарности и хозяйского гнета, играли в общем революционном движении. Теперь же мы твердо решили выступить рука об руку под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии для достижения светлого царства социализма — народного счастья, свободы, равенства и братства.

„Отныне петербургские приказчики употребят все свои силы, чтобы по первому призыву Совета Рабочих Депутатов и Российской Социал-Демократической Партии все наши товарищи-приказчики стройно и дружно бросили свои прилавки и грозной силой в рядах петербургского пролетариата двинулись бы в решительный бой с царским правительством".

Начала свободы, которые проводит в жизнь русское общество, прежде всего должны отразиться на школьном деле. Школа потребует коренного переустройства, и для этого нового дела потребуются новые люди. Вопросом первой очереди для прогрессивной части учительства является теперь мобилизация прогрессивных учительских сил, которые взяли бы на себя великое дело создания новой нормальной школы. С этой целью при центральном бюро всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию открыта комиссия, которая берет на себя рекомендацию лиц на учительские места как в учебные заведения всех типов, так и на частные уроки. Для развития своей деятельности комиссия обращается как к лицам учительского персонала низшей и средней школы, ищущим мест, так и к нуждающимся в преподавательском труде, с предложением своего посредничества.

Всякого рода заявления лиц первой категории просят направлять в комиссию или через местные организации „всероссийского союза учителей" или непосредственно. Такого рода заявления должны быть сопровождаемы подробными сведениями о предшествующей деятельности.

Адрес для сношений: С.-Петербург, Чернышев пер., д. № 16, кв. 34. В комиссию по приисканию мест.

С.-д. союз деят. по школьному и внешкольному образованию выражает свое глубочайшее изумление по поводу постановления союза средней школы, отказавшегося примкнуть ко всеобщей политической забастовке пролетариата и союзных организаций в столь серьезный и острый момент политической жизни России. Этим своим постановлением союз средней школы становится в резкий конфликт с учащимися и, маскируя свой отказ заботами о благе учеников, вступает на путь лицемерия в общественной жизни и в педагогике. По отношению же к низшей школе резолюция союза средней школы является противоречащей элементарным товарищеским отношениям и весьма вредной в деле того общего освободительного движения, которое либеральные союзы выставляют своим лозунгом.

От союза учителей.

От бюро союза средней школы. 14 ноября, в 1 ч. дня, в концертном зале Тенишевского училища состоится митинг, устраиваемый союзами родителей и учителей средней школы. Вход исключительно по повесткам. Члены союза средней школы могут получать таковые для себя в Тенишевском училище, женской гимназии Стоюниной, у Г. А. Лучинского (В. О., 14 линия, д. 47) и А. А. Липовского (В. О., 5 линия, д. 34).

Союз зубных врачей и учеников зубоврачебных школ.

7 ноября в помещении Вольно-Экономического Общества состоялось общее собрание членов союза. Сначала оно было разогнано полицией, но после долгих хлопот было разрешено. Полиция стала у входа и пропускала только тех, кто имел пригласительные повестки. Собрание обсуждало устав союза. Собрание признало необходимость для союза в политической борьбе руководиться директивами Росс. С.-Д. Рабочей Партии. В основу устава положены следующие начала:

„Союз — организация профессионально - политическая. Поскольку союз организация профессиональная — он принимает в число своих членов зубных врачей, техников и учеников зубоврачебных школ, признающих необходимость свержения самодержавия. Член профессионального союза не обязывается иметь определенных политических убеждений — отсюда союз является организацией, об'единяющей людей одной профессии и тем создающей арену для выработки членами определенного мировоззрения. При всякого же рода выступлениях в политической борьбе союз, как организация интеллигентных пролетариев, принимает программу партии, организующей пролетариат всего мира, каковой является Соц.-Дем. Партия. В политической борьбе союз будет подчиняться общим принципам соц.-демократии и руководствоваться указаниями Российской С.-Д. Рабочей Партии. Преследование политических задач в союзе обязательно лишь для тех членов, которые принимают и политическую платформу союза, соглашение подчиняться директивам партии"... Следующее общее собрание назначено на воскресенье 13 ноября.

— Собрание чертежников, вследствие встретившихся затруднений, переносится из Вольного Экономического Общества в зал общества Гражданских Инженеров — Серпуховская, 10 (близ Загородного). Время и день собрания прежние: 13 ноября в 1 ч. дня.

— 10 ноября состоялось собрание членов временного бюро союза служащих в банковских и кредитных учреждениях. Бюро постановило: в настоящее время к Союзу Союзов не примыкать и делегатов своих туда не посылать; пока решено вести в своем союзе усиленную агитацию, и, когда политическое сознание членов союза вырастет, примкнуть к платформе организации наиболее подходящей.

— Собрание представителей типографий. В воскресенье, 13 ноября, состоится собрание управляющих типографий, факторов и метранпажей газетных. Цель собрания— образовать союз. Таким образом, кроме существующих союзов: „владельцев печатных заведений" и „союза рабочих печатного дела", будет существовать и „союз работников, служащих посредниками между владельцами типографий и их наборщиками".

В союзе владельцев печатных заведений.

9 ноября состоялось экстренное собрание членов союза владельцев печатных заведений. Заседание началось сообщением о приеме депутации от совета союза графом С. Ю. Витте и Д. Ф. Кобеко.

Депутация об'яснила С. Ю. Витте, что в столичных печатных заведениях невозможно будет приступить к нормальным работам ранее, чем не будет провозглашена полная свобода печати, так как до осуществления этой меры вряд ли наступит успокоение в среде рабочих печатного дела. Если произойдут новые забастовки, то петербургские типографы вынуждены будут прекратить свою деятельность, так как, с одной стороны, они не могут относиться равнодушно к тяжелому положению бастующих рабочих, а с другой, они не могут дольше нести убытки. Граф Витте, по обыкновению, ответил, что законы не создаются в один день, и что до наступления в стране спокойствия правительство не имеет возможности заняться разработкой законов. В заключение беседы, длившейся более получаса, С. Ю. Витте рекомендовал отправиться от его имени к Д. Ф. Кобеко.

Д. Ф. Кобеко заявил депутации, что он охотно дополнит заготовленный проект закона статьями, имеющими отношение к книгам, брошюрам и иллюстрациям.

Спустя несколько дней совет союза представил С. Ю. Витте и Д. Ф. Кобеко докладную записку следующего содержания:

„Союз владельцев печатных заведений имеет честь заявить, что правильное течение работ в с.-петербургских заведениях печатного дела немыслимо впредь до осуществления следующих назревших требований:

„1) Полная отмена цензуры предварительной как для периодических изданий, так и для книг, брошюр, выходящих отдельно или в тексте периодических изданий, книг, брошюр и т. п.

„2) Полная отмена цензуры запретительной и замена ее ответственностью по суду.

„3) Упразднение главного управления по делам печати и цензурных комитетов.

„4) Сосредоточение надзора за печатью в смысле привлечения к судебной ответственности в ведомстве министерства юстиции при судебных учреждениях".

Далее в собрании дебатировался вопрос о немедленном проведении в жизнь принципа свободы печати членами союза и был разрешен в утвердительном смысле 91 голосом против 9. При этом установлена круговая порука.

Изменение устава союза выразилось в том, что члены союза получают возможность группироваться в самостоятельные секции на автономных началах.

Затем рассматривался вопрос о 9-часовом рабочем дне в связи с вытекающими из него новыми требованиями. Вопрос этот был отчасти предрешен на предыдущем собрании, после того как совет имел беседу с представителями рабочих. После долгих прений решено принять минимальный тариф, выработанный обществом деятелей печатного дела, а именно: 20 коп. за 1.000 букв книжного набора. Тариф этот принят 67 голосами против 25.

По вопросу о вознаграждении рабочих за время забастовки, окончившейся 21 октября, собрание постановило уплатить каждому в отдельности 3-дневный заработок. Что же касается тех лиц, которые не явились по окончании ее на работу без уважительных причин, собрание не признало возможным удовлетворять их требования о вознаграждении в том или ином размере. Вообще относительно политических забастовок собрание высказалось в том смысле, что платить за забастовочные дни не следует, так как для пользы освободительного движения печать не должна приостанавливать свою деятельность. Решено лишь в той или иной форме приходить на помощь рабочим, выдавая им ссуды, авансы, пособия и т. д.

Из рабочей жизни.

— В Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов. Вследствие того, что назначенное на 10 ноября экстренное собрание Совета Рабочих Депутатов не было допущено полицией, 10 ноября был экстренно созван Исполнительный Комитет для выяснения вопроса о применении 8-час. рабочего дня. Выяснилось следующее. Работают на старых условиях: Новое Адмиралтейство, Гребной и Галерный острова, Балтийский завод. Бирилев заявил, что митинги будут разгоняемы военной силой. Путиловский, оба Речкинских, бр. Леонтьевых, Лангензипена, Металлический взялись за работу с целью дальнейшей организации. Розенкранц (сознательных рабочих увольняют), Феникс, Орудийный, Новый Арсенал, Крейт, Гаванера, Нов. Бавария, Лесснер, весь Нарвский и почти весь Московский район. На следующих заводах рассчитаны: на всех стекольных заводах Франка и К° (1.000 чел.), конфектная фабрика Сыромятникова (300 ч.), Режи (200 ч.) и Лаферм (200 ч.). Об'явлен расчет на следующих производствах волокнистого вещества: Росс. Бумагопрядильня, Триумфальная, Паля, Торнтона, Миксвеля, Гесслера. Если завтра не будет проведен 9-час. рабочий день, то об'явят расчет на Варшавских мастерских. На Семянниковском заводе при голосовании вопроса о рабочем дне в медных мастерских высказались 220 за 8-час. и 26 за 9-час. На электрической станции высказались за 8-час. все, за исключением одного. Единогласно за 8-час. рабочий день высказались пароходно-механическая, мастерская корабельная, сталелитейная и др., зная, что на остальных заводах работают 9 часов. На Триумфальной мануфактуре висит небезынтересное об'явление: „В случае производства работ вне правил внутреннего распорядка расчет заработной платы будет производиться: для сдельных рабочих по существующим расценкам, для месячных — поденно соответственно времени, проведенному на работе в фабрике".

Совет Рабочих Депутатов 8 ноября отправил трех депутатов к морскому и военному министрам по вопросу о возобновлении работ на закрытых заводах и разрешении на них общих собраний. Депутаты явились сначала к морскому министру Бирилеву. Последний встретил их словами: „Я принимаю вас не как депутатов от С. Р. Д., а как рабочих, с которыми и желаю поговорить". Когда депутаты об'яснили цель своего прихода, министр заявил: „Я заводы открою, но с условием: работать будут на старых условиях. Ни 8-час. рабочего дня, ни собраний, как общих, так и по мастерским, допускать не буду. Я делаю вам последнюю уступку, и если будут собрания или самовольный уход с работ, то заводы будут закрыты не меньше чем на 6 мес. Работы на судостроительных заводах производятся только с благотворительной целью, чтобы дать рабочим заработок. Суда строются плохо и к тому времени, когда выстроятся, оказываются устаревшими". Депутат заявил, что исполнители работ не виноваты в негодности судов, что работают они по чертежам. Далее депутат об'яснил подробно министру, что введение 8-час. рабочего дня будет выгодно и администрации заводов, не говоря уже, конечно, о рабочих. Министр ответил на это, что даже введение 9-час. рабочего дня было ошибкой, и что если бы он был хозяином, то ввел бы 10-час. раб. день. Сокращение раб. дня сопряжено с большими расходами, а денег-де нет сейчас ни в казначействе, ни у народа.

Депутат говорил, что можно сократить штат служащих по администрации. „Что в администрации есть много лишних, ненужных людей, я это знаю", — ответил министр. „Воруют — знаю, но за границей еще больше воруют, со временем это выведется". Дальше министр говорит: „Первая ваша забастовка была умная, и вы много ею вырвали, а вторая — я даже не могу понять, для чего она была? Иван Петров или Сидор Иванов, плотник или слесарь, бастуют вдруг за то, что в Польше военное положение". Рабочий говорит, что они не только из-за Польши бастовали, а для того, чтобы требовать, во 1) отмены смертной казни, во 2) отмены военного положения в Польше и в России вообще, в 3) уничтожения полевых судов. Беседа продолжалась больше часу. Военного министра депутация не застала дома.

— 9 ноября в Соляном Городке состоялось собрание рабочих Нового Адмиралтейства и Гребного порта. Собрание было устроено с разрешения градоначальника, и в наказание за это рабочие принуждены были все время лицезреть фигуру г. пристава и наслаждаться звоном его шпор.

Обсуждались вопросы о 8-часовом рабочем дне и об отношении к командиру порта, адмиралу Кузьмину. Были выяснены те затруднения, которые встречает проведение 8-часового рабочего дня в несознательности и неорганизованности рабочих порта. По этому вопросу была принята резолюция:

„Мы приступаем к работе 10 ноября, при 9-часовом рабочем дне. Мы не добились 8-часового рабочего дня; добиться его нам будет легче, когда мы все тесно об'единимся в союзы и будем иметь свою стачечную кассу. Мы станем вновь на борьбу, когда нам укажут наши делегаты в Совете Рабочих Депутатов".

При обсуждении этого вопроса оратором с.-д. было выяснено значение профессиональных союзов, их роль в борьбе рабочего класса; он показал, что для окончательного освобождения рабочего класса надо бороться за социализм и, как необходимое условие — за демократическую республику. Поэтому надо организоваться в Р. С.-Д. Р. Партию.

Далее было прочтено описание приема адм. Кузьминым депутации от рабочих порта. Было выяснено, какое значение имеют его подстрекательства к погрому. При этом оратор с.-д. разобрал отношение к национальностям со стороны пролетариата и натравливающую политику правительства. Приняты были такие резолюции:

„Мы требуем гражданского равноправия и отмены исключительных законов для всех национальностей. Мы утверждаем, что вражду между национальностями насаждает правительство и капиталисты в своих интересах — для затмения сознания рабочих". И кроме того:

„Командир Спб. порта, адм. Кузьмин, не может быть терпим рабочими в качестве начальника, так как в ответ на справедливые требования адмирал Кузьмин издевался над рабочими и призывал их к погромам.

„Сознание рабочих, их чувство человеческого достоинства слишком выросло, чтобы потерпеть такое отношение.

„Если адмирал Кузьмин не уйдет в отставку, то мы об'являем ему бойкот (т. е. не будем выполнять его приказаний, не будем входить с ним в какие бы то ни было отношения и т. д.). О нашем постановлении сообщаем Совету Рабочих Депутатов с предложением примкнуть к бойкоту".

После этого обсуждался вопрос о требовании денег за забастовочное время. Вопрос был расчленен; сначала обсуждалась 1-я половина забастовки (политическая забастовка), затем 2-я — забастовка против воли, т. к. завод был закрыт.

Постановили: „Мы прекращаем временно политическую забастовку и признаем необходимым приступить вновь к борьбе при первом призыве наших депутатов. Деньги за время политической забастовки мы не считаем возможным взять.

„Мы требуем полной цеховой платы за время с 8-го по 10-е с. м., т. к. 8-го мы к работе допущены не были по распоряжению командира, хотя он и был предупрежден, что в данный день и час мы приступим к работе. Считая его лично виновником остановки работы, мы требуем уплаты из его личных средств". Все резолюции были предложены одним из служащих в порту (либералом) и прошли с поправками с.-д. единогласно. Присутствовало около 500 человек.

На подковном заводе Поссе.

На заводе Поссе работают около 1.000 человек. 1 ноября революционным путем ввели 8-часовой рабочий день. На следующий день администрацией завода было вывешено об'явление, что через две недели все об'явлены к расчету. После политической забастовки делегаты заявили своим рабочим, что в виду того, что сейчас нет возможности ввести 8-часовой рабочий день, надо продолжать работать 10 часов. Рабочие возмутились и потребовали или немедленного введения 8-часового рабочего дня или всем получить расчет и потребовать уплаты за две недели вперед. В среду 9 ноября был устроен митинг, на который пригласили управляющего завода и потребовали немедленного введения 8-часового рабочего дня. Управляющий отказал и об'явил всем расчет не раньше, чем через две недели. Рабочие не согласились ждать расчета две недели и демонстративно покинули завод. На следующий день в четверг 10-го администрацией было вывешено второе об'явление следующего содержания: „В виду того, что рабочие самовольно революционным образом хотят ввести 8-часовой рабочий день, завод через две недели закрывается, и тогда все получат расчет". Рабочие собрались на совещание и вынесли следующее решение: „В виду того, что завод выполняет сейчас казенные заказы, отказаться сейчас же от исполнения этих работ и потребовать уплаты за две недели вперед". Был вызван фабричный инспектор, который стал на защиту хозяев и на требования рабочих ответил отказом. Во время собрания была устроена засада казаков, а в конторе находилась полиция.

На петербургском вагоностроительном заводе.

В виду решения администрации вагоностроительного завода за Невской заставой произвести расчет рабочих за неоднократные забастовки, как экономического, так и политического характера, рабочие приступили к работам. Работа продолжается пока десять часов, но рабочие надеются ввести революционным путем восьмичасовой.

Расчет назначен на 14 ноября.

Во вторник 8 ноября всем служащим и рабочим на пассажирской и товарной станции Спб.-Варшавской ж. д., а также составителям поездов и стрелочникам, приходилось работать с помощью нижних чинов, которые были разведены начальником движения Недосековым, очевидно с целью иметь на будущее время, в случае забастовки, нижних чинов, знающих железнодорожное дело. Железнодорожные служащие и рабочие не желают исполнять подобных обязанностей, и если начальство заставит их и далее „обучать солдат", то они будут вынуждены принять решительные меры против этого, так как „обучение" мешает правильному ходу ответственной железнодорожной работы.

Спб.-Варшавская жел. дорога.

Рабочие и мастеровые Спб.-Варшавской жел. дор. продолжают революционным путем вводить 8-часовой рабочий день. Управление означенной дороги, не желая допустить такого введения, вывесило 8 ноября следующее об'явление:

„Управление С.-Петербурго-Варшавской жел. дороги сим об'являет мастеровым и рабочим с.-петербургских мастерских и 1 участка тяги, что 8-часовой день не может быть принят и что плата за дни забастовок мастеровым и рабочим с.-петербургских мастерских и 1 участка тяги производиться не будет.

„Вследствие сего управление С.-Петербурго-Варшавской жел. дор. предлагает мастеровым и рабочим с.-петербургских мастерских и 1 участка тяги производить работы, начиная с 9 сего ноября, согласно правил внутреннего распорядка существующего договора найма, указанных в выданной на руки каждому из мастеровых и рабочих расчетной книжке".

Мастеровые и рабочие, прочитав вышенапечатанное об'явление, решили послать из своей среды депутатов к министру

с тем, чтобы они требовали немедленного проведения в жизнь 8-часового рабочего дня.

Выбранные депутаты были у министра 10 ноября и по возвращении устроили, с разрешения начальника дороги инж. Валуева, общее собрание мастеровых и рабочих. Депутаты об'явили, что министр высказался против 8-часового рабочего дня, заявляя, что введение его в России приведет страну в разорение. Далее министр советовал успокоить товарищей, приступить к правильной работе.

„О вас заботятся,—заявил министр, —больше вас самих".

Затем был поставлен вопрос, проводить ли далее революционным путем 8-часовой рабочий день. При решении этого вопроса рабочие и мастеровые согласились считаться с постановлениями рабочих на других дорогах.

Управление дороги 11 ноября вывесило новое об'явление:

„Управление С.-Петербурго-Варшавской жел. дор. сим об'являет мастеровым и рабочим с.-петербургских мастерских и 1 участка тяги, что если завтра, 11 сего ноября, работы будут самовольно производиться 8 часов, взамен 9 часов, установленных существующими правилами договора найма, то мастерские с 12 сего ноября будут закрыты, и все мастеровые и рабочие, как нарушившие договор найма, изложенный в выданных им на руки расчетных книжках, будут уволены от службы с выдачею расчета, о дне какового будет об'явлено особо".

Завод Вестингауза.

На заводе в субботу, 12 ноября, предстоит расчет всем рабочим. Хозяин не соглашается на введение 8-часового рабочего дня. Сначала он соглашался на 9-часовой, но потом, побывав в совете петербургских фабрикантов, об'явил, что рабочий день останется по-старому и что если рабочие на это не согласны, то он закроет завод, так как в противном случае он поступит вопреки решению совета фабрикантов. Рабочие закрытой баллотировкой огромным большинством голосов решили отказаться от работ на старых условиях. Голосовавшие в меньшинстве присоединились к решению большинства, и все рабочие решили взять расчет.

Чугуно-литейный завод Экваль.

В политической стачке рабочие принимали деятельное участие, а теперь им пришлось вступить в борьбу с хозяином по следующему поводу. Рабочие уже давно требуют удаления управляющего г. Францизского, досадившего им своим грубым обращением, обвешиванием и обмериванием при расчетах. Но хозяин горой стоит за своего любимца. Тогда рабочие решили прибегнуть к своим средствам. 2 ноября они торжественно вывезли Францизского на тачке. Однако, и это не помогло. Тогда, 7 ноября, рабочие решительно потребовали увольнения Францизского, угрожая в противном случае забастовать. Хозяин заявил, что он предпочтет закрыть завод. Собравшись на сходку, рабочие об'явили забастовку и ушли с завода с красным флагом и революционным пением.

— На Ново-Калинкинской бумагопрядильной мануфактуре. 10 ноября рабочие указанного завода явились на работы, при чем, проработав 8 часов, разошлись. 11 ноября рабочие явились на работы, но завод оказался закрытым до понедельника. Рабочим завода об'явлен расчет; очевидно, и в понедельник работы не возобновятся, так как главные рабочие — „мильщики" — заявили, что более 8 часов в сутки работать физически немыслимо.

— На Галерном островке. 11 ноября рабочие судостроительного завода на Галерном островке стали на работы, при чем рабочий день считается девятичасовым. Рабочим при этом об'явлено, что при следующей забастовке завод будет закрыт на неопределенное время и рабочие получат расчет.

— В Новом Адмиралтействе. 11 ноября рабочие судостроительного завода в Новом Адмиралтействе, явившись на работы, были удивлены тем, что мосты, соединяющие заводы со входом в них, разобраны, и поэтому рабочие были лишены возможности войти на завод. Администрация же завода заявила пришедшим, что работы возобновятся лишь 16 ноября, и если рабочие будут настаивать на 8-часовом рабочем дне, завод будет совершенно закрыт.

— В экспедиции заготовления государственных бумаг. 11 ноября рабочие экспедиции с раннего утра приступили к работам, но заявили, что необходимо раз'яснить вопрос о пенсионной кассе несколько точнее, чем в подписанном об'явлении с условиями министра финансов Шипова. Если требование это будет раз'яснено не в пользу рабочих, последние забастуют. На воротах экспедиции красуется об'явление за подписью и. обяз. управляющего следующего содержания: „Недоразумение, касающееся пенсионной кассы, будет выяснено и результат тотчас же будет сообщен рабочим". Если недоразумение с пенсионной кассой 11-го не выяснится—рабочие экспедиции решили вновь забастовать.

— Гвоздильный завод. В дополнение к сведениям, помещенным в № 9 „Новой Жизни", сообщаем, что все рабочие на заводе в настоящее время уволены. Около 1/4 части рабочих требует уплаты денег за две недели.

— 10 ноября в мастерских Варшавского вокзала вывешено об'явление с предупреждением, что, если рабочие будут кончать в 4 час. (8-час. рабочий день), то все будут рассчитаны. Это об'явление и присутствие на вокзале войск в усиленном количестве не помешало, однако, в тот же день рабочим кончить работу в 4 час. Кстати, войск на вокзале порядочно, располагаются даже в вагонах по линии.

— К введению 9-час. рабочего дня. Согласно постановлению Совета Раб. Деп., рабочие печатного дела (типографщики, накладчики и переплетчики) в типографиях Киршбаума (на Дворцовой пл. и Галерной ул.), выполняющих заказы исключительно министерства финансов, ввели у себя с 8 ноября революционным путем 9-час. рабочий день, выходя на работу с 8 час. утра и кончая в 7 час. веч., с 2-час. перерывом на обед (раньше они кончали в 8 час. веч.). Плата осталась прежняя.

— Число рабочих, приступивших к работам. За последние два дня приступило к работам на столичных фабриках и заводах (по официальным сведениям) около 17.000 человек рабочих.

Казенные Пороховые заводы.

20 октября ген. Ледницкий вывесил об'явление об увольнении рабочих механической мастерской, при чем им предлагалось брать расчет 24, 25 и 26 числа. Увидя в этом желание рассортировать рабочих, последние отказались итти за расчетом. Так продолжалось две недели. Наконец, были приняты все, кроме 6. В это время весь завод с 6 тыс. рабочих принужден был остановиться, тем более, что к механической мастерской из сочувствия примкнули рабочие электрической и водопроводной мастерских, а также машинисты и кочегары. 3 ноября человек 40 собралось к заводу. Начальник пригласил их к себе и стал вести беседу в следующем духе. „Выборы делегатов незаконны, законно только то, что разрешено начальством. Ваше требование удалить войско с завода меня удивляет. У вас какое-то неуважение к войскам, а между тем войска у нас очень хорошие. Получают всего 3 коп. в день, а идут, куда их пошлет начальство. А как они метко стреляют! 8-часовой рабочий день. Но вы раньше работали 11 часов, потом 9, теперь хотите 8, наконец захотите только получать жалованье". Эта странная речь плохо подействовала на рабочих. На следующий день вышло на работу лишь несколько человек, и завод не мог приступить к работам.

Механический завод И. А. Семенова.

Согласно решению Совета Рабочих Депутатов, рабочие завода Семенова ввели у себя с 31 октября революционным путем 8-часовой рабочий день. В этот день на заводе состоялось собрание рабочих, единогласно (при одном воздержавшемся) принявших это решение в тайном голосовании. Хозяин, присутствовавший на собрании, убеждал рабочих, что теперь не время выставлять экономические требования, теперь надо бороться за политическую свободу: а после, при политической свободе, можно будет бороться и за улучшение экономического положения. 7 ноября в заводе было вывешено об'явление, что если с 8 ноября рабочие все не начнут работать на прежних условиях, все

получат расчет. Рабочие снова собрались для обсуждения этого вопроса и тайной баллотировкой большинством всех против 9 постановили не работать больше 8 часов. 8 ноября появилось новое об'явление г-на Семенова:

„В виду того, что рабочие, несмотря на мое требование от 7 ноября, нарушили сегодня правила внутреннего распорядка тем, что проработали всего 8 часов, настоящим заявляется всем рабочим завода расчет на основании п. 4 ст. 104 устава о промышленности, и завод с 22 ноября сего года будет закрыт; рабочие должны немедленно представить свои расчетные книжки в контору для вписания расчета. И. Семенов". В тот же день хозяин завода инженер-механик И. А. Семенов угрожал рабочим в разговоре с ними, что если они не начнут работать на старых условиях, то им не только будет дан расчет с 22-го с. м. и притом расчет по пониженной поденной плате (8/9 прежней платы; работающие в аккорд получат, конечно, плату по старой расценке), но никто из уволенных рабочих ни на одном машиностроительном заводе в Петербурге работы не найдет. Если рабочие попытаются помешать работать у него тем рабочим, которых он себе подыщет, то это им не удастся (рабочие поняли слова хозяина в том смысле, что он прибегнет к содействию полиции и войск). Рабочие попрежнему продолжают уходить с завода, отработав 8 часов; среди них царит сильное возбуждение; о работе на старых условиях значительное большинство рабочих не хочет и слышать. Некоторые рабочие, особенно из пожилых, работающих на заводе 10 лет и больше, настолько возмущены речью хозяина, что говорят о том, чтобы уйти с завода, даже если г. Семенов согласится на 8-часовой рабочий день; заметим, что до последнего времени инженер-механик И. А. Семенов разыгрывал из себя либерала.

Следует прибавить, что у г. Семенова нет конкуренции, так как машины, которые он производит, патентованы. Да и сам г. Семенов проговорился рабочим 31 октября, что его завод мог бы с успехом существовать и при 8-часовом рабочем дне, даже если бы другие заводы не установили 8-часового рабочего дня. На собрании 9 ноября рабочие постановили уполномочить своих депутатов снестись с представителями других машиностроительных заводов относительно того, как вести себя по отношению к хозяевам.

На Невском судостроительном заводе.

8 ноября рабочим Невского судостроительного и механического завода (Семянниковского) было об'явлено, что, если они будут продолжать работать восемь часов, то завод будет закрыт. Рабочие, отработав 8 часов, демонстративно оставили работы и вышли из завода. 9 ноября утром обычного гудка не было; несмотря на это, рабочие пришли на завод с целью приступить к работам, но здесь их встретили вооруженные солдаты. Завод оказался закрытым. У ворот завода вывешено следующее об'явление:

„В виду того, что рабочие, несмотря на об'явление 7 сего ноября, 8 сего ноября не приступили к работам на точном основании правил внутреннего распорядка,—настоящим об'является всем рабочим завода расчет на основании 1 пункта 105 ст. устава о промышленности, и завод, согласно распоряжению правления от 9 ноября с. г., об'является закрытым. Прием расчетных книжек для вписания заработка за октябрь и вписания расчета будет производиться в помещении столовой завода с 9 ноября по 12 ноября с 10 час. до 4 час. дня. О дне выдачи заработка за октябрь и окончательного расчета будет об'явлено особо. Расчет за отработанное время в ноябре будет произведен по среднему заработку за сентябрь. Директор завода И. Гиппиус".

С целью не допустить на завод посторонних лиц издан такой приказ: „Настоящим предлагаю всем служащим озаботиться получением вновь проходных билетов на завод. Билеты выдаются канцелярией завода и только за моей подписью.

„Вход без билетов на завод воспрещается. Возобновление билетов должно быть закончено завтра, 10 ноября".

Работницы сигарной фабрики „Режи" по единодушному постановлению собрали деньги для увольнения одной из товарок, обвиняемой в провокаторстве; ей было, согласно существующим правилам, уплачено за две недели вперед и об'явлено увольнение с фабрики. Владелец фабрики пробовал протестовать против увольнения помимо его ведома его же служащими „лучшей из работниц", но работницы, к которым присоединились и рабочие этой фабрики, твердо стояли на своем решении о необходимости увольнения из своей среды черносотенного элемента. 9 ноября администрацией фабрики был об'явлен расчет всем рабочим и работницам, а фабрика об'явлена закрытой на неопределенное время. Собравшиеся с утра рабочие на фабрику уже допущены не были. Тут же на улице около фабрики устроено было собрание, на котором постановлено было бойкотировать владельца фабрики прекращением на ней каких бы то ни было работ, даже в случае ее открытия, до января. По расчету некоторых из рабочих, ознакомленных с экономическим положением фабрики, прекращение работ до января совершенно парализует капитал владельца этой фабрики.

На заводе бр. Бромлей.

5 ноября рабочие механического завода бр. Бромлей в количестве 1000 чел. революционным путем осуществили 42-часовой непрерывный отдых, в предпраздничный день окончив работу в 2 часа дня. 7 ноября ими же решено было революционным же путем провести 8-час. рабочий день, но с утра на фабрике появилось об'явление от правления, что „в виду неоднократных нарушений со стороны рабочих условий найма, правление назначает выдачу жалованья на 19-е и полный расчет всем по 22 ноября". В ответ на это об'явление рабочие бросили работу и решили продолжать забастовку, а расчета ни в каком случае не брать. На заводе состоялось несколько общих собраний.

На заводе Сан-Галли.

После всеобщей политической забастовки на заводе Сан-Галли рабочие приступили к работам. Администрация завода все еще продолжает понемногу прием рабочих, тщательно фильтруя их. Колония рабочих и завод охраняются солдатами. Столовая рабочих закрыта. В ней „приютились" солдаты. Многие из уволенных рабочих покидают квартиры в колонии из боязни перед черносотенцами, а некоторые вовсе уезжают в деревню

На Обуховском сталелитейном заводе.

Исп. об. начальника Обуховского сталелитейного и орудийно-снарядного завода полковник Шеманов, в виду решения рабочих осуществлять революционным путем восьмичасовой рабочий день, об'явил рабочим следующее:

„Сим об'является, что в случае открытия завода, рабочие будут приняты только на существующих законных условиях. За дни забастовки никакой платы выдано не будет".

7 ноября рабочие, придя на завод, обсуждали вопрос о возобновлении работ на старых условиях, т. е. с девятичасовым рабочим днем. Вопрос решался посредством открытой баллотировки, при чем большинством 2.950 против 1.700 голосов было решено приступить к работам на старых условиях. После такого решения все рабочие приступили к работам, которые окончили в пять с половиной часов дня. 8 ноября с утра рабочие приступили к работам. Около 12 час. дня депутаты от рабочих просили начальника завода вновь рассмотреть вопрос о восьмичасовом рабочем дне на этот раз посредством закрытой баллотировки. Начальник завода просьбу уважил и вывесил такое об'явление: „Об'явлением 5 ноября мастеровым и рабочим было категорически заявлено, что в случае открытия завода рабочие будут приняты только на существующих законных условиях. Сегодня, в среду 9 ноября, назначается последний день для обсуждения рабочими их дальнейшего поведения. Если сегодня хотя одна мастерская позволит себе уйти с работы ранее положенного гудка, в 5½ час. вечера, то завод закрывается с расчетом всех мастеровых и рабочих".

Инструментально-хирургический завод.

2 ноября, когда распространилась всеобщая забастовка, рабочие, не имея экономических причин, все же единогласно решили поддержать требования политического характера товарищей. Заведующий, полковник Чибыкин начал воздействовать на механическую часть, принуждая не подчиняться общему движению. Воздействия, как и следовало ожидать, потерпели фиаско. Тогда он принял следующие радикальные меры: начальнику механической части инж. технологу Н. Н. Архипову вручил от гл. мед. упр. приказ о месячном аресте, а для остальных всех вывесил об'явление: „Если рабочие в 2 часа 3 ноября не станут на работы, то всем об'являю расчет, а завод закрываю". Рабочие просили дать им возможность собраться в заводе и обсудить положение дел, но получили отказ. Заведующий же привел угрозу в исполнение и отказался принять депутатов для об'яснений. Делегаты от рабочих пошли к морскому министру обжаловать распоряжение полк. Чибыкина и, не добившись толку, направились к военному министру. Последний весьма обстоятельно раз'яснил, что завод отдан полк. Чибыкину в полное распоряжение, и он, министр, не в праве вмешиваться в его распоряжения. 9 ноября все рабочие получили расчет на том основании, что „рабочие не соответствуют своему назначению, а завод не оправдывает затрачиваемых расходов".

На Балтийском судостроительном заводе.

8 ноября рабочие депутаты завода, беседуя с начальником полковником Вешкурцевым, услыхали от него следующее: „Вы, депутаты, за двадцать копеек надбавки в день за работы готовы продать всех своих товарищей". Переговоры депутатов были немедленно прерваны, и рабочим было сообщено о словах Вешкурцева. Решено было в тот же день в обеденное время собраться в одной из мастерских, где состоялся рабочий митинг, на котором решено было немедленно потребовать к себе полковника для об'яснений. Вешкурцев, увидев снова у себя депутатов, струсил и вышел к рабочим лишь тогда, когда рабочие ему честным словом гарантировали безопасность. Явившись на собрание, полковник старался оправдаться в своих словах, но неудачно. 9 ноября завод бездействовал, так как рабочие не явились на работы. Весьма вероятно, что завод на-днях совершенно закроется.

В экспедиции заготовления государственных бумаг.

9 ноября в театральном зале экспедиции состоялось собрание рабочих экспедиции. Депутатами рабочих было передано о посещении их 8 ноября Витте и министра финансов Шипова. Несмотря на слово, данное рабочим Витте, что все их требования будут удовлетворены, г. Шипов отказался утвердить постановление третейского суда, избранного самим же Шиповым. Последний заявил, что рабочего экспедиции г. Ушакова на работы не допустят; тогда депутаты заявили, что они не ручаются за то, что забастовка может затянуться на неопределенное время. Вечером депутаты были вновь приглашены к Шипову, и последний им заявил, что готов принять г. Ушакова на работы. Большинство требований рабочих удовлетворено. Остальные требования будут приводиться в исполнение постепенно. 11 ноября работы в экспедиции возобновляются.

Карточная фабрика.

На императорской Карточной фабрике одно из главных требований работниц приведено в исполнение: главный мастер Цубе удален. 9 ноября депутатки-работницы явились к директору и заявили общее желание об удалении с фабрики этого врага работниц, в течение 28 лет издевавшегося над ними. Директору говорили, что во избежание каких-либо недоразумений Цубе должен быть удален добровольно. В противном случае, работницы, решившие добиваться удовлетворения их требования, заявили намерение вывезти Цубе с фабрики в каретке.

Директор вначале ответил работницам, что он не может удалить мастера, потому что он давно работает, хорошо знает дело, новому же человеку еще придется привыкать, но затем он вышел и сказал, что Цубе, несмотря на просьбы его, директора, сам не хочет оставаться на фабрике. Работницы не ожидали такой скорой победы и теперь намереваются добиться удаления конторщицы Кати Лерх, а затем провести в жизнь и другие свои экономические требования.

Завод Посселя.

На заводе вывешено 10 ноября об'явление, призывающее приступить к работам на старых правах, т. е. работать 10 часов. Если же рабочие не приступят к работам на старых правах, то через две недели им будет выдан расчет. Рабочие, прочитавши об'явление, собрались в одной из мастерских и после нескольких совещаний вынесли такую резолюцию: „1) мы, рабочие, не желая нарушить постановления Сов. Раб. Депутатов и на основании других соображений, ни под каким видом не приступим к работам на старых правах; 2) требуем за две недели вперед средний наш заработок".

На заводе был фабричный инспектор, который предлагал правлению завода ввести 8-ч. рабочий день или же выдать расчет за две недели вперед, но правление, ссылаясь на постановления 72 фабрикантов, не согласилось ни на то, ни на другое.

В конторе правления депутаты раб. заметили околоточного Новоселова и пом. пр. Смирнова, которых и попросили удалиться. Через несколько минут после удаления околоточного во дворе домов Посселя появились солдаты. Рабочие, увидя солдат, стали волноваться, в особенности женщины, и заявили, что они не уйдут до тех пор, пока не уберут со двора солдат. Рабочие, желая убедиться окончательно в удалении солдат, послали своих выборных осмотреть все дворы вместе с пом. пр. Смирновым. После тщательного осмотра солдаты были найдены в подвале.

Российская бумагопрядильня.

На фабрике вывешено следующее об'явление: „Собрание фабрикантов по обработке волокнистых веществ об'являет рабочим фабрики, что с 16 ноября 9-ч. рабочий день будет продолжаться $10^1/_2$ ч., а в субботу 8 ч., т. е. $60^1/_2$ час. в неделю. За нарушение будет об'явлен расчет". На бумагопрядильной и ткацкой триумфальной мануфактуре об'явлено:

„В виду того, что рабочие заявили вчера о своем намерении насильственно ввести 8-ч. рабочий день и самовольно прекратили работу раньше времени, указанного в правилах внутреннего распорядка, а потому фабрика будет закрыта с расчетом через 2 недели от 7 ноября".

Фабрика Лейземан.

7 ноября в 12 часов дня согласно постановлению Совета Раб. Деп. рабочие явились на фабрику и послали за ключами от нее. Хозяин ключей не дал и позвал к себе „штучников" для переговоров, „месячникам" же разрешил „вернуться домой". После долгих споров с рабочими хозяин согласился на следующие условия: рабочее время ограничивается $9^1/_2$ часами. Месячники сохраняют прежнее содержание, а поштучная плата увеличивается на $10^0/_0$, с внесением в расчетные книжки цеха 1 р. 25 коп. для штучника, чего раньше не было. На вопрос рабочих, когда можно приступить к работе, хозяин ответил дня через 3, а может быть, через неделю, так как он хочет перестлать в мастерских полы. „Хотя бы через месяц", ответили рабочие и разошлись. Решительный ответ рабочих смутил хозяина, и он послал об'явить, что на следующий день могут приступить к работам.

О-во столичного освещения.

Служащие и рабочие подписали на-днях следующее обязательство о круговой поруке:

„Мы, нижеподписавшиеся, рабочие и служащие о-ва столичного освещения, обязались своими честными словами:

„1) Отстаивать всеми средствами рабочих, служащих, инженеров и техников от всех взысканий за забастовку, каковые могут последовать со стороны администрации, т. е. проводить принцип: «один за всех, все за одного».

„2) Требовать от администрации уплаты жалованья за все время забастовки полностью и увольнения тех служащих и рабочих, кои не примкнули к забастовке или открыли ее ранее постановления нашего общего собрания.

„Гарантией исполнения всех этих обязательств служит наше честное рабочее слово и подпись".

Следуют подписи.

Арсенал.

7 ноября депутаты рабочих ходили к начальнику мастерских с об'явлением о прекращении забастовки по постановлению Совета Раб. Деп. Вместе с тем, депутаты потребовали — дать помещение для митинга. Начальник заявил, что он не признает Совета и не станет говорить с рабочими, если они являются от его имени. Депутаты ответили, что иначе, как от имени Совета, они говорить не могут, и ушли. Чтобы не исполнить постановления Совета, начальник открыл мастерские лишь на следующий день.

Фабрика Пинтша.

Администрация согласна уплатить сполна за вторую забастовку в том случае, если ей будет представлен список тех заводов, которые уплатили за забастовку.

Завод Титовой.

Когда во время забастовки группа рабочих Пороховых заводов подошла к заводу Титовой с целью пригласить рабочих на общий митинг, у ворот их встретили солдаты во главе со студентом технологом Титовым. Последний очень волновался, то краснел, то бледнел и твердил рабочим: „Уходите, уходите, а то солдаты будут в вас стрелять".

Завод Нобеля.

— 6 ноября в 7 часов вечера состоялось собрание рабочих завода Нобеля. На очереди стояли вопросы, касающиеся данного завода. С речью выступил хозяин, утверждавший, что он говорит „не как капиталист", а как „идущий вместе с рабочими". Говоря о невыгодности для него некоторых заказов, он сказал, что вообще всегда терпит убытки (в публике смех). Отвечавший ему рабочий задал вопрос, не существует ли в таком случае завод Нобеля с благотворительной целью. Под конец хозяин рассердился и покинул собрание с тем, чтобы, как он заявил, ехать в другое собрание — фабрикантов и заводчиков.

---

7 ноября забастовали рабочие (900) на парфюмерной фабрике Брокар и К°, вследствие увольнения администрацией одного из депутатов.

---

7 же ноября забастовал красильный цех Даниловской мануфактуры, доселе не примыкавший к стачке ткачей. Теперь забастовали все фабрики (около 5.000 чел.).

На-днях произошло собрание служащих в гастрономических и фруктовых магазинах Соловьева.

Положение служащих очень тяжелое: с 7 часов утра до 1 часу ночи (на обед дают очень мало времени), не позволяют жить на частных квартирах, вследствие чего семейные должны нанимать отдельные квартиры для семьи, отпуск дается лишь через 20 месяцев службы без сохранения содержания. Собрание постановило требовать повышения жалованья, ограничения числа рабочих часов, позволения жить не в общежитии, выдачи квартирных денег.

Госпитальная команда клинического военного госпиталя 10 ноября устроила у себя в казарме собрание.

Требования, которые выработаны на этом собрании и будут представлены начальнику военно-медицинской академии профессору Бехтереву, чисто экономического характера.

На фабрике механического производства обуви.

Более двух недель как закрыта фабрика товарищества механического производства обуви. Около 2.500 человек сидят теперь без работы.

На 12 ноября в 12 час. дня назначено собрание рабочих за Московской заставой в доме 89—91 по Забалканскому пр. по вопросу об удовлетворении требований рабочих. Посылаемым от рабочих депутатам администрация фабрики заявляет, что она их не знает и знать не желает.

За Московской заставой на постоялом дворе в доме № 13 по Бассонной улице расположена сотня казаков.

Служители политехнического института получили от правления института предложение искать новые места. Пока им будет уплачиваться жалованье по 7 января и до этого времени предоставляется казенная квартира. Если институт в январе откроется, то они будут оставлены на старых местах.

Открытое письмо.

Меняется время, меняются и убеждения. Это старая, непреложная истина.

Скажу о себе. Когда я, в бытность мою священником, несколько лет тому назад, издавал брошюры для солдат, то был убежден, что своим трудом приношу пользу.

В настоящее время, с сожалением в душе, сознаю, что я шел по ложному пути и сеял гнилые семена и тем, вместо пользы, вносил в жизнь несомненный вред.

В этом приношу публичное раскаяние.

Обращаясь затем ко всем заведующим частными и правительственными библиотеками и читальнями, убедительнейше прошу исключить как из каталогов, так и из употребления имеющиеся в библиотеках и читальнях мои следующие издания:

1) „Священная преданность царю и отечеству"; 2) „За веру, царя и отечество"; 3) „Первые шаги молодого солдата"; 4) „Русский солдат на войне"; 5) „Полезные советы нижним чинам, увольняемым в запас армии"; 6) „На случай войны". А также последнюю брошюру, изданную для народа: „Что должен помнить и делать русский народ во время войны".

Д. Г. Булгаковский.

P. S. Прошу другие газеты перепечатать это письмо.

Открытое письмо устроителям митинга против смертной казни.

Милостивые государи!

Решив побеседовать на тему о смертной казни, Вы позаботились о том, чтобы ни один „непосвященный", ни один пролетарий не попал на Ваше собрание. Вы разослали повестки только избранным. Вы не позаботились даже ради приличия, чтобы хотя несколько Ваших повесток попало на петербургские фабрики и заводы.

Долго и скучно доказывали Вы собравшейся публике, типичной публике Ваших либеральных митингов, что смертная казнь — варварство, и она должна быть как можно скорее отменена.

Публика скучала, потому что все, что Вы говорили, было ей давно известно. Вы великолепно, конечно, знали, что среди собравшихся не было ни одного, кто бы не разделял Вашего возмущения против смертной казни.

И тем не менее Вы продолжали говорить и доказывать, говорить и доказывать без конца.

А на улице в это время стояло человек 50 публики, просивших впустить ее на Ваш „митинг".

Вы ссылались на тесноту помещения, хотя зал был далеко не полон, на владельца помещения А. Острогорского, который запрещает пускать публику и поставил городовых для „охраны" здания.

Но никто из Вас не потрудился выйти к публике и об'яснить ей в чем дело, пока Вас не заставили это сделать.

Когда одному из Вас было заявлено, что Вы обязаны пустить всех, имеющих билеты, он бесцеремонно ответил: „Мы им (имевшим повестки) заплатим".

Милостивые государи! Я не квалифицирую Ваш образ действий, я предлагаю Вам самим решить его.

Я. Л.

Письма в редакцию.

Господин редактор!

Всепокорнейше просим вас отпечатать в вашей многоуважаемой газете:

Мы сознательные матросы гвардейского экипажа. Кругом и всюду радуются новому режиму правления, а у нас ежедневно прибавляются новые и новые строгости. Начнем с прошлого, т. е. с февраля месяца сего года. Один из нас, матросов, борясь за правое дело свободы, не делал ничего против бюрократии, но они его погубили и погубили без возврата нашего бедного товарища. А кто, как не фельдфебеля, эти губители матросов, делают у нас много зла и их сторонники любимцы, которые среди своих товарищей называются сыщиками. Когда командир экипажа позвал его к себе и стал спрашивать, он ему рассказал все, что нужно матросу. Командир же ему ответил так: если бы мне была дана воля, то я бы поставил середь двора два столба с перекладиной и стал бы вас, подлецов, всех вешать, и обозвал его самыми скверными словами, издевался над ним самым нахальным манером. Раньше хоть мы пользовались чтением газет, но когда газеты после 18 октября стали писать все нужные данные, т. е. открывать глаза слепым, нам их читать запретили. А кто запретил — тот же еще бюрократ, растащитель казенной обмундировочной принадлежности. При начале войны с Японией были разбиты наши суда „Кореец" и „Варяг". Когда была получена телеграмма, то один из наших офицеров изволил пожалеть нас в таком виде: жаль господ офицеров, а этих червей хватит. Нам крайне обидно, неужели мы черви? Не будь этих червей, тогда, надеемся, не было бы этих орлов, как они себя считают. Конечно, этим орлам все можно. Они даже с командой здороваются в церкви во время богослужения, как это было в 1903 г. Управляющий морским министерством, покойный Тыртов, поздоровался с нами в церкви св. Спиридония. Убедительно просим вас отпечатать.

Остаемся признательные матросы гвардейского экипажа.

Следуют подписи.

М. г.

Обращаю внимание сочувствующих на тяжелое положение депутатов от рабочих. Вчера вечером пришел ко мне рабочий Нового Арсенала (с ним приходилось быть на митингах). Он обратился ко мне с просьбой посоветовать ему, что делать, как ему быть, так как совершенно неожиданно лишь за то, что был депутатом, получил расчет и лишен теперь насущного куска хлеба. Расчет дан еще 23 рабочим. Защищавшие остались беззащитными.

Откуда стало известным начальству — кто депутат и кто „политически ненадежен"?

Разве еще царствует полицейский сыск и налагаются наказания на „этих основаниях"? Неужели это мыслимо после манифеста? Товарищи-рабочие! Можете ли вы допустить такие расчеты, оставить депутата своего без поддержки? Гарантируйте своих выборных пострадавших за великое дело освободительной борьбы. Фамилия рабочего — Веденеев, Иван Иванович. Адрес — Сампсониевский пр., д. 74, кв. 14.

Посоветуйте, помогите ему.

Доктор Студенцов.

М. г., г-н редактор!

В городской хронике № 6 Вашей уважаемой газеты замечено, что до сих пор нет никаких известий о высланном на Сахалин Ал. Ив. Гаврилове, арестованном во время волнений на Обуховском заводе в 1901 г.

Очевидно, речь идет об Анатолии Ивановиче Гаврилове. Имея о нем некоторые сведения, спешу поделиться ими через посредство „Новой Жизни" с товарищами.

В конце 1904 г., не помню месяца, но по всей вероятности в октябре, Анатолий Иванович возвращался с Сахалина, амнистированный, кажется, по какому-то манифесту.

Встретился я с ним в Уфе и ехал до первой станции Сам.-Зл. жел. дороги. Гаврилов был без пальто и без денег, но не унывал...

В январе (если не ошибаюсь) я получил от него письмо, в котором он сообщал, что доехал до родных мест и теперь живет в имении безвыездно, так как в Петербург его не пускают.

Больше я от него писем не получал, и где он теперь находится — не знаю... может быть, ему был разрешен

выезд из деревни, или он сам себе его разрешил. Адрес имения, где жил Гаврилов, следующий: Г. Боровичи, Новгородской губ., на полустанок „Травково", деревня Каменное, А. И. Г.

Вот все, что я могу сообщить товарищам о Гаврилове.

С. М. Проскурнин.

М. г., господин редактор!

Не откажите дать место в вашей уважаемой газете нижеследующему заявлению:

6 сего ноября во время ж.-дорожной забастовки СПБургского узла г. начальником временного движения СПБург - Вологодской ж. дороги была отправлена по линии телеграмма следующего содержания:

„От Рыбацкого до Вологды. Нач. ст. Рев. дв.

„По дошедшим до меня сведениям на линии имеются агитаторы, склоняющие служащих к забастовке. Убедительно прошу агентов вверенной мне службы не примыкать к этому безобразному движению, рассчитывая на полную с моей стороны поддержку.

№ 641. В. Васильев".

Обращая внимание на некоторые выражения и общий смысл этой телеграммы, делегаты СПБург - Вологодской ж. д. заявляют:

1) Всероссийское революционное движение начато и проводится в жизнь отнюдь не отдельными агитаторами, а всем русским пролетариатом, уведомление же г. Васильева об имеющихся на линии агитаторах выказывает явное стремление инсинуировать русское революционное движение в глазах своих подчиненных.

2) Революционное движение уже достигло более или менее ощутительных результатов и приветствуется как трудящимися классами, так и образованными людьми всего Стараго и Нового Света, поэтому выражение г. Васильева „к этому безобразному движению" является попыткой дискредитировать революционное движение чисто черносотенными приемами.

3) Обещание начальственной поддержки в противодействии освободительному движению заключает в себе взгляд на агентов службы движения как на темную массу — сырой материал для организации черной сотни, неспособную понимать того лозунга свободы и прав человеческих, который выдвинут российским пролетариатом в его борьбе с самодержавно-полицейским произволом и капиталистическим гнетом.

Признавая таковой взгляд г. Васильева на агентов службы движения глубоко не соответствующим действительности и оскорбительным для их чести и человеческого достоинства, а также признавая за вышеизложенной телеграммой характерные особенности черносотенно-начальственной пропаганды и сыска, мы, делегаты СПБург - Вологодской ж. дор., считаем своим долгом передать этот поступок г. Васильева на суд товарищей железнодорожников и на суд общественного мнения путем оглашения его в печати.

Делегаты СПБург - Вологодской жел. дор. 1905 г., 10 ноября.

На подлинном 9 подписей.

Милостивый государь, г. редактор!

Не откажите поместить в вашей уважаемой газете возмутительный случай полицейского произвола.

29 октября с. г. я со своим знакомым Г. Шарониным около двух часов ночи садились на извозчика, угол Садовой ул. и Екатерингофского пр., в это время подбежал к нам какой-то суб'ект (как видно хулиган) и моментально засыпал нюхательным табаком нам обоим глаза. Пользуясь удобным моментом, он успел вытащить у меня из кармана книжку и пустился бежать. Чувствуя ужасную боль в глазах, мы все же заметили его направление, стали кричать. На наш крик подбежал и постовой городовой и 2 дворника, которым и удалось задержать этого суб'екта. При входе в участок 4 Спасской части со своим знакомым, упомянутым г. Шарониным, и извозчиком № 6419, как очевидцем всего происшедшего в это же время был доставлен и хулиган, в сопровождении 2 дворников. Дежурный околоточный надзиратель г. Скумс, как видно, был сильно обескуражен таким поздним временем и, не изволив выслушать какие-либо заявления с нашей стороны, сию же минуту приказал отпустить задержанного, даже не узнав причины его задержания и личности, а нам внушительно отрапортовал убираться вон, несмотря ни на какие с нашей стороны претензии и протесты.

Константин Кузьмин.

По поводу заметки „Из жизни рабочих" в № 10 газеты „Новая Жизнь" покорнейше прошу поместить в ближайшем номере нижеследующее об'яснение:

Компетентными в оценке моей личности с нравственной стороны считаю тех многочисленных служащих и рабочих, с которыми мне пришлось совместно работать в течение последних тридцати пяти лет. Мнение же обо мне анонимного автора вышеупомянутой заметки считаю незаслуженным и необоснованным. Что же касается свободы выбора сотрудников, то мне кажется, она составляет неот'емлемое право всякого гражданина, не лишенного по суду прав состояния. Настолько же неоспоримо, мне кажется, право всякого служащего и рабочего переходить от одного хозяина к другому, заявив об этом за две недели.

Председатель правления товарищества Р. Голике и А. Вильборг

Роман Голике.

Звенигородская, 11. 11 ноября 1905 г.

Милостивый государь, г. редактор!

Покорнейше просим поместить в ближайшем № уважаемой вашей газеты следующее наше заявление:

Мы, нижеподписавшиеся, служащие Воскресенской аптеки Г. Гольдберга, сим заявляем, что сего 10 числа весь уволенный за участие в последней политической забастовке штат принят обратно; штрейкбрехеры Зализа и Пладис удалены.

Просим Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов и бюро союза служащих фармацевтов снять бойкот с вышеназванной аптеки.

И. Зазунский, Ф. Зазунская, Г. Бар, З. Долгинов, О. И. Блонд, В. Гринцейг, Д. Соловейчик, Ж. Соловейчик, Р. Десслер, А. Гаттельсон, К. Изаксон, П. Вейц, Ц. Салитан.

Иностранный отдел.

Лондон.

Агитация безработных.

Помимо центрального рабочего комитета, имеющего целью агитацию в пользу безработных в Лондоне, видные члены социал-демократической федерации, независимой рабочей партии, комитета представительства труда и профессиональных союзов образовали так называемый „на-

циональный совет права на труд". Совет выпустил манифест к народу следующего содержания: „Все рабочие должны работать, чтобы жить, поэтому все рабочие имеют право требовать работы. Этого требует справедливость, потому что государство налагает на граждан тяжелые обязанности, которые могут быть выполнены только посредством плодов труда и за неисполнение которых граждане наказываются тюремным заключением и потерей гражданских прав.

„Государство дает кров, пищу, одежду и занятие преступникам и умалишенным, но для бедствующих безработных фактически не делается ничего. Правительство нехотя провело закон о помощи безработным, но поставило приведение его в действие в зависимость от доброхотных даяний. Но рабочий народ гнушается милостыни и требует справедливости. Далее, официальные циркуляры, изданные в руководство местным властям, признают право на помощь не за безработными вообще, а только за впавшими в крайнюю нужду. Надо, чтобы неимение работы и желание получить ее уже давали право на труд. Опыт показывает, что безработица вызывается не исключительными, а постоянно действующими причинами, и закон должен быть приведен в соответствие с этим фактом. Соединяйтесь рабочие! На примере России мы видим, чего можно добиться дружными усилиями. Неужели же полноправные рабочие будут молча страдать со своими женами и детьми в богатейшей в свете стране?" В заключение „национальный совет права на труд" рекомендует рабочим устраивать и связывать с ним местные комитеты, приглашать безработных к активному выступлению и принять участие в конференции социалистических, профессиональных и муниципальных организаций, которая состоится пред началом парламентской сессии и наметит способы воздействия на законодателей.

Лондонский центральный рабочий комитет организовал внушительную демонстрацию безработных, которая удалась как нельзя лучше. Безработные разных частей Лондона и его окрестностей были собраны на набережной Темзы и отсюда с музыкой и знаменами двинулись по наиболее богатым улицам в Гайд-парк. Устроители предполагали, что в этом марше безработных примет участие тысяч пять человек, — число, достаточное для того, чтобы буржуазия получила известный намек. Но действительность превзошла все ожидания, и в Гайд-городке собралось не менее тридцати тысяч демонстрантов, при чем посторонняя публика, принявшая участие в шествии любопытства ради, составляла самый незначительный процент. Говоря словами „Times'a", „зрелище было такое, что никто не отважится игнорировать его смысл, а мирное и добропорядочное поведение демонстрантов только усиливало впечатление". „Хлеба или работы", „Проклятие вашей милостыне, хотим честного труда", „Нужда не знает законов", „Голодающий имеет право на хлеб своего ближнего" — такие изречения красовались на знаменах. На одном знамени, как бы в насмешку над правительством, были написаны слова, сказанные когда-то первым министром: „Есть пределы человеческому терпению"... Речи говорились в подобном же духе. Принята была следующая резолюция: „Настоящий митинг лондонских безработных решительно протестует против мысли, будто благотворительность может излечить или хотя бы смягчить бедствие безработицы, и требует, чтобы правительство признало элементарное право каждого человека зарабатывать себе пропитание честным трудом и созвало парламент для разрешения им крупных общественных работ, имеющих национальное значение". Далее митинг об'являет постоянную войну сторонникам капиталистического строя, который осуждает честных „рабочих на вынужденную праздность и голодание".

„Благотворители торопятся со своей милостыней, чтобы хоть несколько унять голодного зверя", пока он еще не рассвирепел. На призыв королевы, пожертвовавшей 2.000 ф. стерл., откликнулись многие из аристократии и плутократии, и в одну неделю благотворительный фонд возрос до 65.000 фунтов стерл. Один лорд пожертвовал целых 10.000 фунт. стерл., быть может желая побить рекорд. Угрозы рабочих — „устроить в Лондоне Петербург" — не будут, конечно, приведены в исполнение, но парадирующая по улицам нужда вызывает беспокойство в буржуазии. Знает кошка, чье мясо с'ела.

Н. Ален.

Новый флотский законопроект в Германии.

Германское правительство внесло в рейхстаг новый законопроект об увеличении флота. Реализация этого увеличения рассчитана на 14 лет, и к 1920 г. германский флот должен иметь в своем составе 38 эскадренных броненосцев вместимостью в 18.000 тонн. Соответственно этому проектируется также сильное увеличение состава крейсеров и в особенности миноносцев. Такое увеличение как в общем, так и в частностях мотивируется, как видно из официозных и официальных об'яснений, опытом русско-японской войны, показавшим негодность военных кораблей старого типа для морского боя. Выполнение этого проекта потребует увеличения расходов на морское ведомство в 70 миллионов марок ежегодно. Когда в 1897 году правительство германское выступило со своей программой „догнать Англию в морском деле", социал-демократическая партия, принципиально и решительно отвергая эту программу, как часть общей системы враждебного народным интересам милитаризма, указывала между прочим на всю фантастичность такой затеи и на то, что требования правительства в этой области будут расти из года в год до бесконечности. Тогда такое предсказание социал-демократов осуждалось буржуазной прессой как намеренное „раскрашивание черными красками". Теперь же само правительство постаралось подтвердить предсказания социал-демократов. Не успели еще выполнить первую программу, как у правительства уже оказалась вторая программа, еще более широкая и рассчитанная на еще более долгое время.

Но за те несколько лет, которые прошли между первыми попытками увеличения состава германского флота и теперешним правительственным законопроектом, произошла весьма интересная перемена в отношении к правительственным флотским программам со стороны так наз. левых политических партий. Раньше только часть правого крыла свободомыслящей партии — свободомыслящего союза—поддерживала требования правительства. Левое же крыло этой партии—свободомыслящая народная партия не решалась открыто игнорировать свою программу и обещания, данные ее представителями в рейхстаге своим

избирателям. Теперь господствующим течением в лагере буржуазного свободомыслия является стремление итти навстречу всем желаниям правительства, относящимся к укреплению и увеличению вооруженной силы Германии. Партия центра в этом вопросе, как во всех других важных вопросах, раньше практиковала политику „сердитой ворчливости и мягкой уступчивости“. До обсуждения данного законопроекта в рейхстаге католическая партия грозила правительству, что она его провалит, критиковала, с приближением сессии начинала „давать с собой торговаться“, а в самом рейхстаге совершался пресловутый „перелет“ центра (der Umfall des Zentrauns), и католические депутаты голосовали за все, чего от них требовали. Так было раньше. Теперь уже не слыхать резкой критики со стороны центра. Он предпочитает отмалчиваться. А отдельные голоса из его рядов раздаются даже в защиту законопроекта. Об‘ясняется эта перемена, главным образом, тем общеизвестным фактом, что либеральная буржуазия все более открыто и беззастенчиво примыкает к реакции, на которую она возлагает все свои надежды. Но по отношению к флотскому вопросу играет немаловажную роль сознание промышленной буржуазии, что без внешних рынков ей не обойтись, так как производство растет неимоверно быстрее потребления, что ей поэтому грозят чем дальше, тем более острые и частые кризисы, что теперь, в виду „подражания“, которое встречает капиталистический способ производства в азиатских странах, рискованно завоевывать рынки „экономическим путем“, что необходимо вернуться к стародедовским приемам захвата областей с помощью „бронированного кулака“. Нетрудно, конечно, убедиться, что и „старые приемы“ приведут в конце концов к печальным результатам. Но буржуазия не может задуматься над будущим, она спешит, ей некогда, она спешит использовать настоящий момент и непосредственное будущее, она любит „реальную политику“ по девизу: après nous le déluge!

Д-н.

Польша и Литва.

На-днях ожидается прибытие в Петербург варшавского генерал-губернатора Скалона, который сделает в совете министров доклад о современном состоянии Польши.

Состояние Польши тревожное, настроение всюду приподнятое. Конфликт пролетариата и администрации, после прекращения забастовки, не ослабел, но даже усилился. Военное положение железным кольцом сдавило всякую свободу. Из Варшавы, Лодзи и других городов ежедневно поступают самые неутешительные известия; аресты общественных деятелей и высылка их из края продолжаются; о свободе собраний, а также печати даже помину нет. Волна революционного движения теперь направилась в деревню: крестьяне отказываются платить подати, в некоторых местах вспыхнули крестьянские бунты.

В Плонске арестован и отправлен в Архангельскую губернию известный общественный деятель доктор Рутковский единственно за то, что позволил себе критиковать временное распоряжение местного губернатора.

В Вильне забастовка учеников продолжается; родители их выставили требование автономии школьной системы.

Областной отдел.

Кавказ.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Национализм как один из источников хулиганства.

Понять бакинские погромы и резню в Закавказье невозможно, если не учесть силы и значения воинствующего панисламизма.

Полиция, конечно, много и энергично способствовала организации погромов, но только благодаря панисламизму татарская масса так легко воспламенилась и согласилась быть орудием хулиганов. Как известно, февральскую резню в Баку начали не невежественная татарская масса и не беднота, вечно эксплоатируемая, а лавочники; в Нахичевани, в Эриванской и Елисаветпольской губерниях сельское население совершало погромы под руководством крупных беков и владетельных ханов.

Таким образом, невежество татарской массы было использовано прежде всего классом сознательных эксплоататоров, которым полиция обещала покровительство и безнаказанность; татарская масса не ставила никаких преград распространению погромов: в нужный момент не оказалось организованного татарского пролетариата, который мог бы одним мощным размахом положить конец поползновениям эксплоататоров и хулиганствующих националистов.

„Для обеспечения будущего, — говорит орган панисламистов, — нам нет необходимости бороться против самодержавного режима. Но нам нужно готовиться к борьбе против будущего (конституционного) правительства. В будущем нашему народу грозит большая опасность; эта грядущая опасность уже близка, и нам предстоит бороться. Нам, прежде всего, нужно иметь организованную силу. Другого выхода нет“. („Гаят“ № 12).

В основе своей панисламизм — религиозно-политическое движение, но, чтобы заинтересовать им массу, панисламисты стали возбуждать хищнические инстинкты толпы, обещав ей возможность грабежей. Грабеж притягивал в ряды панисламизма подонки общества, резня создавала необычайно напряженную и весьма восприимчивую атмосферу, а шефы панисламизма использовали столь для них выгодное положение в целях дальнейшей агитации.

Что даст панисламизм трудящейся татарской массе?

Нищету, голод и полное затемнение ее классового самосознания.

Кого воодушевляет панисламизм?

Буржуазную интеллигенцию, мечтающую об об‘единении „правоверных“ под властью халифа и утверждающую, что „ислам не только вера, но и организация, почти национальность“, — это во-первых; татарских беков, ханов, агаларов и всевозможных отпрысков отжившего феодализма, которые с завистью смотрят на мир произвола и насилия за рубежом — в родной Персии и Турции, боятся грядущих реформ и с благоговением и надеждой хватаются за лохмотья панисламизма — это во-вторых; и, наконец, в-третьих, „панисламизм воодушевляет татарскую промышленную буржуазию, которая, подстрекая хулиганов на пожары и погромы, создает невозможные условия существования для немусульман, выживает их

из насиженных мест и освобождается, таким образом, от опасных и сильных конкурентов.

Итак, панисламизм, затемняя классовое самосознание пролетариата в настоящем, стремится вернуть Кавказ к эпохе ханов, произвола и насилия.

Получив широкое развитие на почве режима Голицына, под покровительством кнута и насилия, панисламизм уже теперь поверг Кавказ в пучину крови и стонов и грозит краю в будущем еще большим несчастием.

В интересах мирного и культурного развития Кавказа панисламизм должен быть обезврежен—это сделает социал-демократия, обнажив сущность панисламизма перед кавказским пролетариатом, вообще, и татарским, в частности.

И. Диловар.

Ташкент.

(Корр. „Новой Жизни".)

Нам сообщают из Ташкента, что 25 октября там начались волнения в местных саперном и стрелковом батальонах. Поводом послужила дурная пища, и солдаты начали с того, что облили гнилым борщом своих командиров. Волнение продолжалось несколько дней.

18 октября, в день об'явления манифеста, жел.-дор. рабочие, собравшись на митинг, решили пойти к тюрьме и потребовать освобождения арестованных за политич. убеждения. Но начальник тюрьмы, вызвав роту солдат, приказал дать в толпу четыре залпа боевыми патронами. В результате масса убитых и раненых.

И на далекой русской окраине „дарование" (?) свобод было полито народною кровью!

Самара

(Корр. „Новой Жизни".)

Уже давно наблюдалось среди местных типографских рабочих стремление сорганизоваться в союз. Бывшие в январе и мае стачки еще сильнее подчеркнули эту необходимость. После последней же стачки начали возникать по отдельным типографиям маленькие кассы, как, напр., в типографии „Сам. Газеты" и „Сам. Курьера".

Взятая в последнее время свобода собраний помогла делу организации.

30 октября в народном доме состоялось собрание рабочих в типографских предприятиях; присутствовало до 200 чел.

Ораторы от местного комитета Р. С.-Д. Р. П. говорили о профессиональных союзах, о политических партиях, о классовой борьбе и о социализме.

Собрание единогласно решило организовать профессиональный союз и выбрало комиссию для разработки устава. В эту комиссию вошло 9 рабочих — представителей от разных типографий и два представителя от местного комитета Российской Соц.-Дем. Раб. Партии.

Комиссия выработала проект устава, который будет предложен общему собранию рабочих типографий.

На собраниях комиссий возбуждался вопрос о том, не следует ли поставить будущий союз в определенные организационные отношения к Р. С.-Д. Р. П.

Желательность такой связи была признана почти единогласно, но для настоящего времени найдена неосуществимой, т. к. среди типографщиков существует масса серого элемента. которых одно слово „социал-демократия" отшатнет от союза.

Представители Р. С.-Д. Р. П. голосовали в этом же смысле, и комиссия единогласно решила не ставить пока союз в определенные организационные отношения к Сам. Ком., но вести самую широкую социал-демократическую агитацию среди членов союза.

Преддожение одного из немногих посторонних, присутствовавшего на собрании комиссии, относительно выставления такой политической программы, которая „не отпугнула бы серую массу и могла бы помирить на себе все оппозиционно и революционно настроенные элементы", было единогласно отвергнуто, так как, по мнению комиссии, рабочие могут выставлять в качестве политической программы только программу Р. С.-Д. Р. П., а это уже ранее было признано невозможным.

Стачечное движение всколыхнуло самые отдаленные уголки. На-днях надзиратели местной тюрьмы пред'явили своему начальству петицию, угрожая в случае отклонения ее забастовкой. В этой петиции стоят следующие требования: об увеличении жалованья, о выдаче полного обмундирования, об улучшении квартир.

2-го забастовали 11-я и 12-я артиллерийские батареи. Отказались от исполнения каких бы то ни было приказаний, несения службы и пр. Требуют немедленного роспуска по домам.

На бывшем в этот день митинге Сам. Ком. Р. С.-Д. Р. П. присутствовало между прочим до 70 солдат и 2 казака.

На-днях назначено комитетом собрание исключительно одних солдат.

Не хватает хороших агитаторов.

Нижний-Новгород.

(Корр. „Новой Жизни".)

30 октября состоялось собрание организованных рабочих Н.-Новгорода комитета большинства. Решено организовать агитационные комитеты в различных частях города. Задача агитационных комитетов — расширение организации, привлечение в ряды партии новых слоев пролетариата. Агитационные комитеты открывают клубы, где будут вестись беседы о современном положении, о программе и тактике партии. Подыскиваются помещения для клубов — трактиры, частные квартиры... Городскими помещениями (школами и т. п.) едва ли будет можно воспользоваться. Вчера открыт клуб в Канавине в специально нанятой квартире. Присутствовало около 100 организованных рабочих. Выступало 3 оратора от комитета.

Организацией обращено внимание на то, что митинги в народном доме недоступны многим рабочим: приходят позднее 8 ч., все места заняты и вход закрыт.

Решено устраивать два раза в неделю собрание по билетам. Билеты будут раздаваться организацией по заводам, мастерским. Первое такое собрание будет 6 ноября в городском театре или народном доме. Лекция (программа maximum) в воскресенье 7 ноября будет повторена в Сормове, в народной столовой.

30 октября здесь в первый раз выступили конституционалисты-демократы. На собрание (в коммерческом клубе) впускали по билетам.

„Кадеты" (как здесь называют конституционалистов-демократов) блестяще провалились. „Мухи дохли со скуки", говорят счастливцы, попавшие на собрание. Один из ораторов, д-р Скворцов, окончательно добил публику. Чтобы прекратить его „партийные" излияния, публика аплодировала ему, — не действует... Председатель Егуин кричал на публику, топал ногами, стучал стулом... Говорить нашим ораторам было невозможно. Публика была в состоянии полной прострации. Выступал, впрочем, с удачной критикой программы к.-д. один соц.-революционер.

Один с.-д. поставил вопрос о тактике к.-д.: „Если вам не дадут Учредительного Собрания, что вы тогда будете делать?"

Нашли, что вопрос очень-очень важный, но они еще не решили его, о тактике подумают.

Предполагалось продолжение на следующий день. Вместо этого у коммерческого клуба аншлаг: собрание откладывается на неопределенное время (по независящим обстоятельствам), а в самом клубе вывешено об'явление: „Желающие вступить в ряды кон.-дем. партии благоволят записываться в клубном буфете".

Бойко разбирали на митинге к.-д-ов „Революционные песни" издания с.-д. комитета. Раскуплено несколько сот. Также хорошо идет программа партии.

Вчера (1 ноября) состоялся волостной сход в с. Казине, Балахинского уезда, для производства выборов в уездное собрание. Присутствовал агитатор от комитета. Сход постановил бойкотировать Государственную Думу, выборы произведены не были.

Сход выразил свое негодование по поводу назначения нижегородским губернатором одесского Нейдгардта (здесь циркулирует слух, что его сюда назначат). Из многих мест губернии поступают заявления о присылке в деревни соц.-дем. ораторов.

Вильно.

(Корр. „Новой Жизни“.)

От виленской группы Росс. С.-Д. Рабочей Партии мы получили письмо с указанием на неточности в корреспонденции из Вильно, напечатанной в „Новой Жизни“. Вот что сообщают наши виленские товарищи:

Забастовка была об‘явлена и проведена до конца Об‘единенным Комитетом Бунда и Росс. С.-Д. Раб. Партии, который фактически играл руководящую роль в городе во время стачки, и к голосу которого прислушивались и остальные революционные партии, и комитет железнодорожников, и даже городская дума. Все митинги во время забастовки, как до манифеста 17 окт., так и после него, были организованы и проведены Об‘един. Комит. Благодаря содействию главным образом Об‘ед. Комит., железнодорожникам в Вильне удалось организовать свою стачку и продержаться до получения телеграммы из железнодорожного центра. Об‘единенным же Комитетом было устроено трое торжественных похорон жертвам революции (17, 18 и 23 окт.), при чем 17-го хоронили не восьмерых, а только четверых, и участвовало не 60.000 чел., а тыс. 30. Гораздо более многолюдны были вторые похороны (хоронили бывш. чл. Гомельского и Виленского Ком. Бунда Кисина). Прекратилась стачка по призыву Об‘ед. Комитета в пятницу 21 окт., в 12 ч. дня. Покушение на околоточного Абрамова было не 20 окт., а 21-го (притом покушение, кажется, провокаторское), и Абрамов не ранен, как сообщалось в корреспонденции, а цел и невредим.

Ковров, Владимирской губ.

(Корр. „Новой Жизни“.)

6 ноября на митинге в столовой при Ковровских железнодорожных мастерских, где присутствовало до 3.000 ч. исключительно рабочих ж.-д. мастерских и фабрики Треумова, собравшимися принята следующая резолюция:

„Мы, рабочие, выражаем полное презрение отжившему самодержавию, которое при помощи опричников и хулиганов проливает широкой рекой пролетарскую кровь. При последнем своем издыхании русское правительство протягивает еще раз кровавые руки, чтобы пролить кровь кронштадтских матросов, борцов за святую свободу, у которых пришел конец рабскому терпению, пришел конец насмешкам и издевательствам над человеческим достоинством. Мы призываем всех пролетариев, всех, в ком не рабская душа, откликнуться на общий пролетарский призыв. Пусть могучая волна пролетарского движения скажет самодержавию: «Прочь кровавые руки, пришел конец военному положению, конец смертной казни, конец полевым судам! Пришло время, когда народная рука поставила виселицу только для своих палачей».

„Довольно крови и страданий! Довольно штыков и казацких нагаек! Пролетарии, сходитесь, вставайте под знамя свободы, под красное знамя Р. С.-Д. Р. П. К оружию, граждане!

„Да здравствует Временное Революционное Правительство!“

Из Ромен, Полтавской губ., нам сообщают, что предводитель черной сотни Литвиненко стрелял в группы манифестантов с красными флагами, за что был убит кем-то, оставшимся неизвестным. Но почему-то в убийстве Литвиненко был заподозрен товарищ Колпаков. Он арестован и сидит в местной тюрьме, закованный в цепи.

Окна, Подольской губернии.

Нам доставлено следующее воззвание временного комитета для оказания помощи евреям, пострадавшим от погрома, бывшего в м. Окне, Балтского уезда, Подольской губ., 22 и 23 октября 1905 года.

„Граждане-братья! 22 и 23 октября 1905 г. в м. Окне произошли беспорядки, сопровождавшиеся разгромом, разграблением и поджогом еврейского имущества. Вчерашний богач сегодня превращен в нищего. Масса жителей осталась без крова, без хлеба и без пристанища; ощущается крайняя нужда. Покорнейше просим всякого, в ком бьется сердце человека и брата, прийти на помощь посильной лептой в пользу обездоленных и обнищавших окнянцев. Всякое даяние — благо.

„С пожертвованиями просим адресоваться к казначею комитета М. З. Пантуху, м. Окна, Подольской губ.

„Список жертвователей и отчет будут опубликованы.

„Казначей М. З. Пантух.

„Члены комитета: И. Лернер—духовный раввин, Г. Крайз, Л. Гельфанд, Н. Л. Веприк, Н. Гольденберг, Э. Бройтман, Л. Ройз, Г. Гельд“.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 12

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 НОЯБРЯ
(26 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

Товарищи рабочие!

В виду продолжительности нашей стачки как политического, так и экономического характера мы, рабочие товарищества механического производства обуви, обращаемся ко всем рабочим с просьбою оказать нам материальную поддержку во время нашей борьбы с фабрикантами. Помощь просим направить в бюро союза рабочих сапожного цеха (Забалканский пр., д. № 89—91, кв. 24, от 10 до 12 час. дня и вечером от 7 до 9 час. вечера), а также в редакцию „Новой Жизни“ (Невский, 68) и в редакцию „Русской Газеты“.

С.-Петербург.

13-го ноября.

Стачки и профессиональные союзы.

Вчера мы опубликовали два документа, из которых видно, какую свободу стачек и союзов намерено правительство дать рабочим. Мы не знаем, станут ли эти законопроекты законами и, если станут, то когда и каким способом. Но они важны как показатели того, на какие уступки пролетариату готово итти правительство, заключающее теперь сделку с буржуазией.

Сила рабочего класса, создающего все богатства, все блага современного буржуазного общества, заключается в солидарности, в единении. При том грандиозном разделении труда, которым характеризуется капиталистический способ производства, приостановка работы на одной фабрике грозит ее хозяину-капиталисту разорением, забастовка в какой-либо одной даже отрасли производства грозит расстройством всего хозяйственного механизма страны. Если же забастовка принимает всеобщий характер,—приостанавливается вся общественная жизнь капиталистического общества. Естественно, что забастовка является в руках рабочего класса одним из важнейших орудий не только в экономической, но и политической борьбе.

Вот почему русское самодержавие, всегда стремившееся жить в мире и согласии с помещиками и капиталистами, до последней возможности ограничивало свободу пролетариата организовываться и организованно бороться с врагами. В ход пускались все средства, чтобы подавить стачечное и „союзное“ движение рабочих. Казацкие нагайки и шашки, солдатские пули, — вспомните царское спасибо „молодцам-фанагорийцам“, расстреливавшим в 1895 г. рабочих-стачечников Большой Ярославской мануфактуры,—аресты и высылки, наконец, суд с заранее, в министерстве юстиции, заготовленными приговорами,— таковы приемы, которыми самодержавное правительство старалось подавить рабочее движение, укротить борьбу рабочего класса с эксплоатацией капитала.

Но грозная волна пролетарской борьбы оказалась сильнее всех правительственных мероприятий, и прежде, чем правительство признало это формально, пролетариат взял свое право организованной борьбы. Он выковал из стачки могучее орудие борьбы за свою свободу; он организовался в отдельные союзы, которые должны слиться в общий могучий поток рабочего движения, руководимого великим знаменем международной социал-демократии.

И что же? Теперь правительство, готовое об‘явить, что „все запрещения и карательные постановления против промышленников или рабочих, касающиеся стачек и соглашений с целью добиться выгодных условий рабочей платы и обстановки труда, в особенности путем прекращения работ или расчета рабочих, — отменяются“, грозит трехмесячным арестом всем, кто попытается осуществить стачку.

Ибо как можно бороться посредством стачки, если нельзя бороться против нарушителей стачки, против „штрейкбрехеров“? И в то же время с хозяев-капиталистов слагается обязанность платить рабочему за двухнедельное время, если „прекращение работы или невыход на нее рабочих повлекли за собою невозможность продолжать производство в заведении или какой-либо его части“. Пролетариат не может помириться с таким законом. Он будет добиваться и добьется свободы стачек действительной, а не бумажной только. Он добьется уничтожения тех статей закона, которые являются препятствием к действительному осуществлению забастовок.

Одним из непременных условий успешной борьбы пролетариата путем стачек, а тем более другими более могучими путями является его организованность. В борьбе экономической профессиональные союзы — первая и необходимая ступень организации. Поэтому-то первое

дуновение политической свободы России вызвало к жизни множество союзов работников самых разнообразных отраслей труда. Но необходимо, чтобы эти союзы не были стеснены ни в их задачах ни в способе их достижения. Между тем проект временных правил говорит:

„Профессиональные общества имеют целью исследование и защиту экономических интересов и исследование и улучшение условий труда своих членов".

Следовательно, всякое уклонение в сторону „политики" будет достаточным поводом для закрытия союза путем суда.

Но возможно ли точное разграничение между экономической и политической борьбой пролетариата? Опыт борьбы рабочего класса за последний год доказал истину слов великих вождей международного пролетариата: „Всякая экономическая борьба есть в то же время борьба политическая".

И на это мы должны указать рабочему классу, мы должны указать, что в законопроекте о профессиональных союзах правительство оставляет себе лазейку для преследования и подавления классовой борьбы пролетариата.

Какой же вывод из анализа двух важнейших проектов правительства в области „рабочего" законодательства?

Старое правительство не может и не в праве издавать законы, удовлетворяющие рабочий класс. Необходимо новое правительство, избранное всем народом.

Необходимо Всенародное Учредительное Собрание. Только оно одно может установить такой порядок, при котором сам народ, сам пролетариат будет издавать законы, которые установят действительную свободу гражданской жизни, действительную свободу борьбы рабочего класса за лучшие условия жизни, борьбы, которая приведет к уничтожению капиталистической эксплоатации, к социализму.

П. Румянцев.

Партийная организация и партийная литература.

Новые условия социал-демократической работы, создавшиеся в России после октябрьской революции, выдвинули на очередь вопрос о партийной литературе. Различие между нелегальной и легальной печатью—это печальное наследие эпохи крепостнической, самодержавной России—начинает исчезать. Оно еще не померло, далеко нет. Лицемерное правительство нашего министра-премьера еще бесчинствует до того, что „Известия Совета Рабочих Депутатов" печатаются „нелегально", но, кроме позора для правительства, кроме новых моральных ударов ему, ничего не получается из глупых попыток „запретить" то, чему помешать правительство не в силах.

При существовании различия между нелегальной и легальной печатью вопрос о партийной и непартийной печати решался крайне просто и крайне фальшиво, уродливо. Вся нелегальная печать была партийна, издавалась организациями, велась группами, связанными так или иначе с группами практических работников партии. Вся легальная печать была непартийна, потому что партийность была под запретом, но „тяготела" к той или другой партии. Неизбежны были уродливые союзы, ненормальные „сожительства", фальшивые прикрытия; с вынужденными недомолвками людей, желавших выразить партийные взгляды, смешивалось недомыслие или трусость мысли тех, кто не дорос до этих взглядов, кто не был, в сущности, человеком партии.

Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! Пролетариат положил конец этой гнусности, от которой задыхалось все живое и свежее на Руси. Но пролетариат завоевал пока лишь половину свободы для России.

Революция еще не закончена. Если царизм уже не в силах победить революции, то революция еще не в силах победить царизма. И мы живем в такое время, когда всюду и на всем сказывается это противоестественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной и прикрытой, „дипломатичной" увертливой „легальностью". Это противоестественное сочетание сказывается и на нашей газете: сколько бы ни острил г. Гучков насчет социал-демократической тирании, запрещающей печатать либерально-буржуазные, умеренные газеты, а факт все же остается фактом: центральный орган Российской Социал-Демократической Рабочей Партии „Пролетарий" все же остается за дверью самодержавно-полицейской России.

Как-никак, а половина революции заставляет всех нас приняться немедленно за новое налаживание дела. Литература может теперь, даже „легально", быть на $^{9}/_{10}$ партийной. Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, „барскому анархизму" и погоне за наживой социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверх-человеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, „колесиком и винтиком" одного единого великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, об'единенной социал-демократической партийной работы.

„Всякое сравнение хромает", говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, „бюрократизирующего" свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индиви-

дуализма. Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отожествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами, — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского российского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает.

Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедывать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный социал-демократический пролетариат во всей России сознал эту новую задачу, ясно поставил ее и взялся везде и повсюду за ее решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим итти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать, и мы создадим, свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма.

Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то. Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения, не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические „очищения“ своей партии. Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной „свободы критики“ внутри партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердо-каменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставит нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями.

Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горсти богачей, не может быть „свободы“ реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде „дополнения“ к „святому“ сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией литературе противопоставить действительно-свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу.

Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения „верхним десяти тысячам“, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и

живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих).

За работу же, товарищи! Перед нами трудная и новая, но великая и благодарная задача — организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим рабочим движением. Вся социал-демократическая литература должна стать партийной. Все газеты, журналы, издательства и т. д. должны приняться немедленно за реорганизационную работу, за подготовку такого положения, чтобы они входили целиком на тех или иных началах в те или иные партийные организации. Только тогда „социал-демократическая“ литература станет таковой на самом деле, только тогда она сумеет выполнить свой долг, только тогда она сумеет и в рамках буржуазного общества вырваться из рабства у буржуазии и слиться с движением действительно передового и до конца революционного класса.

Н. Ленин.

О „радикальной“ партии.

Среди многочисленных народившихся партий, стремящихся заполнить промежутки между центром, с одной стороны, крайней левой и крайней правой, с другой,—обращает на себя внимание учрежденная 3 ноября радикальная партия (см. программу ее в вечерн. выпуске „Биржевых Ведомостей“ от 7 ноября).

Программа ее распадается на две части: политическую и социально-экономическую. В политическом вопросе новая партия, повидимому, вполне заслуживает своего названия радикальной: она стоит за демократическую республику, за одну палату, федеративное устройство (российские штаты), предоставление избирательных прав женщинам, отмену всех сословных и чиновных различий и т. п. И если бы радикальная партия ограничилась одной политической частью программы, то до нутра партии, до ее бессознательного существа было бы трудно добраться. Правда, и в политических ее суждениях проскальзывают странные моменты: так, говоря о федералистическом устройстве русского государства, радикальная партия считает желательным распространение политической автономии на мелкие территориальные единицы. Детальнее программа на этом именно вопросе не останавливается, так что приходится понимать слова буквально. Речь идет, повидимому, не об областях, населенных одной национальностью, не о таких совокупностях, как Кавказ, средне-азиатские владения, об‘единенных общим управлением, отчасти общими интересами. Говорится именно о „мелких единицах“, т. е. губерниях, может быть, уездах. Но раз вся Россия должна быть распределена по мелким единицам, вроде кантонов, то естественно, что федералистическое устройство далеко от политической автономии Польши, Финляндии и т. п., и оно прежде всего предполагает введение республиканского строя. В противном случае мы бы имели тип вроде Германской империи. Но как историческое происхождение мелких германских государств, так и их династический характер не позволяют считать такой тип государственного быта жизненным для России. Поэтому раз федерализм ставится как принцип на-ряду с конституционной монархией, существование коей (как переход-

Гимн рабочих.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша — сила, наша — воля, наша — власть.
В бой последний, как на праздник, снаряжайтесь!
Кто не с нами, тот — наш враг, тот должен пасть.
Станем цепью вкруг всего земного шара
И по знаку, в час урочный, все — вперед!
Враг наш дрогнет, враг не выдержит удара,
Враг падет — и возвеличится народ.
Мир возникнет из развалин, из пожарищ,
Нашей кровью искупленный новый мир.
Кто работник, к нам за стол! Сюда, товарищ!
Кто хозяин, с места прочь! Оставь наш пир.
Братья-други, счастьем жизни опьяняйтесь.
Наше все, чем до сих пор владеет враг.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Солнце в небе, солнце красное — наш стяг.

Н. Минский.

Заметки о мещанстве.

III.

Толстой и Достоевский — два величайших гения, силою своих талантов они потрясли весь мир, они обратили на Россию изумленное внимание всей Европы, и оба встали, как родные, в великие ряды людей, чьи имена: Шекспир, Данте, Сервантес, Руссо и Гете. Но однажды они оказали плохую услугу своей темной, несчастной стране.

Это случилось как раз в то время, когда наши лучшие люди изнемогли и пали в борьбе за освобождение народа от произвола власти, а юные силы, готовые итти на смену павшим, остановились в смятении и страхе пред виселицами, каторгой и зловещей немотой загадочно неподвижного народа, молча, как земля, поглотившего кровь, пролитую в битвах за его свободу. Мещане, напуганные взрывами революционной борьбы, изнывали в жажде покоя и порядка, готовые подчиниться победителю, предать побежденного и получить за предательство хоть маленький, но всегда лакомый для них кусок власти...

Тяжелые серые тучи реакции плыли над страной, гасли яркие звезды надежд, уныние и тоска давили юность,

ной стадии) допускает и радикальная партия, то его следует понимать иначе. Тогда смысл федерализма заключается в придании крупного значения органам местного самоуправления, в доведении земских учреждений до роли местных законодателей.

Принимая во внимание современный уровень сознательности крестьянства, а также ту преобладающую роль, которую земскому самоуправлению удается играть в жизни уездов, пункт радикальной партии относительно законодательной автономии мелких единиц может быть истолкован лишь в одном смысле: радикальная партия, заботясь о привлечении в свои ряды возможно более широких кругов, хочет создать переходный мостик для очень ценных для нее людей—для земцев. Если республиканский строй, поставленный на знамени новой партии, может отпугнуть земцев, то предположение наделить земства законодательной властью может их привлечь на сторону партии.

Нам сделают возражение: но ведь радикальная партия требует демократической республики, т. е. выборов всеобщих и т. д., а при этих выборах земцам нечего надеяться получить преобладание.

Но это возражение очень легко парировать: общественные слои только теперь нами именуются „земцами", „крестьянами" и т. п. Когда принципы политического равенства будут осуществлены — а этого ждать не так долго—то начнется более или менее быстрое расслоение общества на крупную, мелкую буржуазию и пролетариат, а самой буржуазии — на землевладельческую и промышленную. Уездное население разобьется тогда по этим новым группировкам, и в силу земледельческого характера большинства наших уездов в нем будет преобладать мелкая буржуазия. За кем же она будет итти?—за пролетариатом или за крупной буржуазией? И нам кажется, что, минуя эпохи революционного под'ема, землевладельческое крестьянство (а землю оно, в конце концов, получит хотя бы за выкуп) станет всецело против пролетариата с его отличными интересами, с его особой, чисто пролетарской психикой и враждебностью к устойчивому поклонению собственности и всему, что с ней неразрывно связано, иначе говоря, оно бросится в об'ятия крупной буржуазии, притом опять-таки землевладельческой. Результат возможных выборов, народных представителей таким образом будет предрешен: выборы будут демократическими, ибо в голосовании будет принимать участие вся крестьянская масса, но избранными окажутся, в большинстве, идеологи земельной собственности, средние и крупные землевладельцы.

Характер радикальной партии становится еще яснее, если приглядеться к ее экономической программе.

В рабочем вопросе она глухо говорит о „минимуме требований социалистических партий", склоняется слегка в сторону государственного социализма, но отнюдь не становится на социалистическую точку зрения. В аграрном вопросе, где нельзя не высказаться решительно по вопросу о частной собственности, радик. партия старается обойти эту щекотливую тему и в то же время хочет дать нечто более или менее определенное. Она признает возможным нарушить святость собственности путем экспроприации государственных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных земель, и она же пытается удержать принцип частной собственности дарованием частным владельцам за их земли вознаграждения, хотя бы и „минимального". На-ряду с этим идет ряд мер „регулирующего" характера, почерпнутых тоже из области государственного социализма, вроде уравновешения арендных цен, определения предельного количества земли, которым может владеть одно лицо, и т. д. Благо-

---

окровавленные руки темной силы снова быстро плели сети рабства.

В это печальное время духовные вожди общества должны бы сказать разумным и честным силам его:

— Нищета и невежество народа — вот источник всех несчастий нашей жизни, вот трагедия, в которой мы не должны быть пассивными зрителями, потому что рано или поздно сила вещей заставит всех нас играть в этой трагедии страдающие и ответственные роли. Для государства мы — кирпичи, оно строит из нас стены и башни, укрепляющие злую власть его. Искусно отделяя народ от нас, оно делает всех бессильными в борьбе с его бездушным механизмом. Никто разумный не может быть спокоен, доколе народ — раб и слепой зверь, ибо — он прозреет, освободится и отомстит за насилие над ним и невнимание к нему. Не может быть красивой жизни, когда вокруг нас так много нищих и рабов. Государство убивает человека, чтобы воскресить в нем животное, и, силою животного укрепив свою власть, борется против разума, всегда враждебного насилию. Благо страны — в свободе народа, только его сила может победить темную силу государства. Поймите — нет иной страны, где бы люди чести, люди разума были так одиноки, как у нас. Боритесь же за торжество свободы и справедливости, в этом торжестве — красота. Да будет ваша жизнь героической поэмой...

— Терпи! — сказал русскому обществу Достоевский своей речью на открытии памятника Пушкина.

— Самосовершенствуйся! — сказал Толстой и добавил: — не противься злу насилием!..

...Есть что-то подавляюще-уродливое и постыдное, есть что-то близкое злой насмешке в этой проповеди терпения и непротивления злу. Ведь два мировых гения жили в стране, где насилие над людьми уже достигло размеров, поражающих своим сладострастным цинизмом. Произвол власти, опьяненной безнаказанностью, сделал всю страну мрачным застенком, где слуги власти, от губернатора до урядника, нагло грабили и истязали миллионы людей, издеваясь над ними, точно кошка над пойманной мышью.

И этим замученным людям говорили:

— Не противьтесь злу! Терпите!

И красиво воспевали их терпение. Этот тяжелый пример наиболее ярко освещает истинный характер отношения русской литературы к народу. Вся наша литература — настойчивое учение о пассивном отношении к жизни, апология пассивности. И это естественно.

Иной не может быть литература мещан, даже и тогда, когда мещанин-художник гениален.

Одно из свойств мещанской души — раболепие, рабье преклонение перед авторитетами. Если некто однажды

даря своему крайнему демократизму и в то же время отрицательному отношению к коллективизму, радикальная партия осуждает себя на политический оппортунизм, на стремление провести лишь такие облегчения для трудящихся масс, которые будут в данный момент иметь успех среди господствующих классов. Об'яснение этому очень легко найти: в современном строе радик. партия не может увлечь за собой широкие народные массы, имеющие свое естественное представительство в социал-демократии, а с другой стороны — она стоит слишком лево, чтобы найти поддержку в правительственной партии *). Не имея самостоятельного значения (в парламентском смысле), радик. партия будет итти то с мелкой буржуазией, то с рабочими, то, наконец, и с крупными буржуа — в зависимости от кон'юнктуры данного момента... Не желая т. о. отрезать себе путь для соглашения с любой из партий левее центра, радикальная партия не ставит и не может ставить вопросы слишком резко и оставляет почву для уступок, соглашений и „торга".

Радикальная партия, благодаря этим своим „удобным" свойствам, имеет все шансы на постепенный рост и успех. Теперь, сегодня, ее республиканизм, хотя отчасти скрытый под готовностью признать конституционную форму менее „законченной", но все же приемлемой, — ее республиканизм некоторых ужаснет, а многих оставит в положении неустойчивого равновесия. Они и не прочь признать республику более „совершенной" формой государственной жизни, но — пока монархия довлеет, у них не хватает смелости решительно выступить против нее. Но как только династический принцип заколеблется и, не выдержав борьбы в столь противных ему конституционных рамках, отступит перед народовластием, тогда немедленно кадры радикальной партии раздадутся и дадут в себя доступ всем либеральным элементам, теперь примыкающим к конституционалистам - демократам. И к тому моменту, когда радикальной партии придется играть в жизни страны действительно крупную роль, она будет разжижена и разбавлена боязливо сторонящимися ее ныне элементами.

Если даже допустить, что учредители этой партии подходят к делу своему действительно искренно, — что они так веруют, как пишут, то проникновение в их среду массы более умеренных элементов сильно обесцветит партию и придаст ей в ясно выраженной форме тот характер, который в скрытом виде, несомненно, в ней заключается: характер буржуазно-республиканской партии. Но нельзя также отрицать, что при современном положении русской промышленности строй развивающегося капитализма, а следовательно, растущей буржуазии и ее влияния — строй естественный и необходимый для России. Проведение демократического принципа очистит поле от всяких наносных элементов, и классы предстанут друг перед другом в их ничем не прикрытой наготе.

Радикальная партия, переименованная в те (может быть не столь далекие) времена в партию „республиканскую", явится представительницей буржуазии и — в зависимости от хода экономической жизни страны — будет продвигать к власти слои то крупного, то мелкого капитала. Республика будет свята для тех и других, ибо будет гарантировать расцвет промышленности от случайностей всяких „coup d'état", династических переворотов и проч. Буржуазия сумеет примириться с отменой блестящего двора, имеющего своих поставщиков, и с уста-

*) Под „правительственной" партией мы понимаем ту комбинацию, которая получится от конкубината конституционно-демократической партии с теперешним деловым министерством.

подал мещанину от щедрот своих милостыню внимания, мещанин делает благодетеля кумиром и кланяется ему, точно нищий лавочнику. Но это только до поры, покуда кумир живет в гармонии с мещанскими требованиями, а если он начнет противоречить им, — что бывает крайне редко, — его сбрасывают с пьедестала, как мертвую ворону с крыши. Вот почему писатель-мещанин всегда более или менее лакей своего читателя, — человеку приятно быть идолом.

Ожидаю, что идолопоклонники закричат мне:

— Как? Толстой? Достоевский?

Я не занимаюсь критикой произведений этих великих художников, я только открываю мещан. Я не знаю более злых врагов жизни, чем они. Они хотят примирить мучителя и мученика и хотят оправдать себя за близость к мучителям, за бесстрастие свое к страданиям мира. Они учат мучеников терпению, они убеждают их не противиться насилию, они всегда ищут доказательств невозможности изменить порядок отношений имущего к неимущему, они обещают народу вознаграждение за труд и муки на небесах и, любуясь его невыносимо тяжкой жизнью на земле, сосут его живые соки, как тля. Большая часть их служит насилию прямо, меньшая — косвенно — проповедью терпения, примирения, прощения, оправдания...

Это — преступная работа, она задерживает правильное развитие процесса, который должен освободить людей из неволи заблуждений, она тем более преступна, что совершается из мотивов личного удобства. Мещанин любит иметь удобную обстановку в своей квартире и в душе. Когда в душе его все разложено прилично — душа мещанина спокойна. Он — индивидуалист, это так же верно, как нет козла без запаха.

В древности еврейский мудрец Гиллель дал человеку удивительно простую и ясную формулу индивидуального и социального поведения.

— Если я не за себя, — сказал он, — то кто же за меня? Но если я только за себя — зачем я?

Мещанин охотно принимает первую половину формулы и не может вместить другой.

Есть два типа индивидуализма: индивидуализм мещанский и героический.

Первый ставит „я" в центре мира — нечто удивительно противное, напыщенное и нищенское. Подумайте, как это красиво — в центре мира стоит жирный человечек с брюшком, любитель устриц, женщин, хороших стихов, сигар, музыки, человек, поглощающий все блага жизни, как бездонный мешок. Всегда несытый, всегда трусливый, он способен возвести свою зубную боль на степень мирового события, „я" для этого паразита — все.

Второй говорит: „Мир во мне; я все вмещаю в душе моей, все ужасы и недоумения, всю боль и радость жизни, всю пестроту и хаос ее радужной игры. Мир —

новлением президентства, которое тоже будет получать солидные суммы на „представительство". А все остальное—и милитаризм, и железнодорожное строительство на хищнических началах, и эксплоатация труда—все останется попрежнему, за исключением тех небольших подачек, которые придется кинуть вечно алчущему народу, чтоб „не рыпался".

И, пополненная сотнями „честных республиканцев", радикальная партия естественным ходом вещей—не волей учредителей, а волей своей гостеприимной программы,—весьма быстро превратится в партию буржуазную, буржуазную par excellence. А это значит не что иное, как то, что партия эта станет правительственной и потеряет в глазах сомневающихся всю прелесть недосказанного, всю привлекательность полускрытого. Пролетарская партия, социал-демократия, станет тогда в резкую оппозицию к радикальной партии, но и теперь, предвидя неизбежный ход ее эволюции, мы должны предостеречь пролетариат от сближения с этой партией, которая своей туманной программой может только затемнить классовое самосознание рабочих.

М. Г. Козырев.

Русская печать.

*** Правительство—не знаем только какое: белый кабинет графа Витте или черный кабинет Дурново—очень озабочено тем, чтобы мысль о пролетарской милиции внедрилась даже в головы либералов. Кому же, наконец, не прискучит то и дело подставлять свою спину под нагайки пьяных казаков. Возмущение умеренных элементов растет с каждой минутой. Пока еще оно прорывается в виде скромных писем в редакцию. Но на этом дело не остановится.

6 ноября, около 1 часа ночи, — пишут в „Русь" техник К. Гусев и пом. прис. пов. Д. Мелиоранский, — в ресторан „Яр" на Петербургской стороне ворвались два спешившихся патрульных казака, размахивавших нагайками, совершенно пьяных, требуя водки.

Ни просьбы швейцаров и распорядителя удалиться, ни угрозы публики пожаловаться начальству не помогали. Казаки заявили, что им „все можно", и бросились по лестнице во второй этаж. Произошла неописуемая паника; раздались крики: „Казаки идут!" и публика бросилась прятаться. Кто-то бросился к телефону, но он не работал.

Минута была критическая, когда два пьяных вооруженных с головы до ног казака стали грозить винтовками. Не знаем, чем бы это кончилось, если бы не распорядительность владельца г. Белугина, который торжественно вручил громилам бутылку водки, после чего те с криками и песнями удалились на улицу, где их ждала толпа пьяных товарищей.

Таким же нападениям подверглись еще некоторые заведения на Петербургской стороне.

А вот другое письмо, напечатанное в той же газете.

Вчера, 7 ноября, на Петербургской стороне происходило следующее. В 1 часу ночи я возвращалась домой по Большому проспекту. Улица кишела казаками и городовыми, наводившими панику на всех прохожих. Городовые принимали деятельное участие в ночной оргии улицы. Казаки, как истинные башибузуки, наезжали на тротуар, спьяна покачиваясь в седлах. Другие казаки пешком расхаживали по панелям с пьяными лицами, налитыми кровью глазами и озверелым видом. Они не только обнимались с женщинами улицы, но приставали и ко всем вообще женщинам, грозно помахивая нагайками. Защиты искать было негде. Вся улица представляла сплошную оргию.

В сравнении с волною погромов и даже с тем, что совершается за заставами,—все это милые шуточки. Но там страдали евреи, за заставами калечат рабочих, и лица „обеспеченных классов" могли хранить хладнокровие. Теперь же дело другое: вопрос идет о собственных спинах. Возможно, что проект милиции, еще недавно почивавший под сукном, внезапно обнаружит живучесть.

это народ. Человек—клетка моего организма. Если его бьют — мне больно, если его оскорбляют — я в гневе, я хочу мести. Я не могу допустить примирения между поработителем и порабощенным. Противоречия жизни должны быть свободно развиты до конца, дабы из трения их вспыхнула истинная свобода и красота, животворящая как солнце. Великое, неисчерпаемое горе мира, погрязшего во лжи, во тьме, в насилии, обмане, — мое личное горе. Я есть человек, нет ничего кроме меня".

Это миропонимание, утонченное и развитое до красоты и глубины, которой мы себе представить не можем, вероятно и будет миропониманием рабочего, истинного и единственно-законного хозяина жизни, ибо строит ее он. Это миропонимание в русской литературе не отражалось. Она вообще ме могла создать героя, ибо героизм видела в пассивности, и если пыталась изобразить активного человека, — это выходило бескровно и бесцветно даже у такого красивого и крупного таланта, как Тургенев. Только яркий и огромный Помяловский глубоко чувствовал враждебную жизни силу мещанства, умел беспощадно правдиво изобразить ее и мог бы дать живой тип героя, да Слепцов, устами Рязанова, зло и метко посмеялся над мещанином...

Восьмидесятые годы были временем полного торжества мещан, и, как всегда, они торжествовали злобно, но скучно и бесцветно. Со слезами восторга прослушали речь Достоевского, и она успокоила их. Терпение ни к чему не обязывало мещан, но его можно было рекомендовать народу. Они, конечно, спокойно сложили бы бессильные, хоть и жадные руки, но совесть—эта накожная болезнь мещанской души—настойчиво указывала на необходимость вооружения народа оружием грамоты, и некая, небольшая часть их видела свое одиночество в стране, где так мало грамотных людей, которые могли бы играть для мещан роли слушателей, собеседников, читателей, потребителей газет, книг и прочих продуктов высшей деятельности мещанского духа. Мещанин любит философствовать, как лентяй удить рыбу, он любит поговорить и пописать об основных проблемах бытия, — занятие, видимо, не налагающее никаких обязанностей к народу и как нельзя более уместное в стране, где десятки миллионов человекоподобных существ в пьяном виде бьют женщин пинками в животы и с удовольствием таскают их за косы, где вечно голодают, где целые деревни гниют в сифилисе, горят, ходят — в виде развлечения — в бой на-кулачки друг с другом, при случае опиваются водкой и во всем своем быте обнаруживают какую-то своеобразную юность, которая делает их похожими на первобытных дикарей.... Итак, мещане все-таки поняли необходимость увеличить свою армию и взялись за дело.

*** Плотина между армией и народом начинает ощутительно колебаться. Здесь много помогает печать: через нее революционные струи, до сих пор сочившиеся потайно, открыто льются в казармы. Особенно приятно отметить, что всколыхнулось не одно офицерство: забродила и солдатская масса. Движение пока еще неоформлено, окрашено в „экономический“ цвет, но мы знаем на примере рабочих, как быстро частные цели сменяются широкими, боевыми. То же будет и в армии:

Военная жизнь солдата, — пишут финляндские стрелки, в „Нашей Жизни“, — основанная на дисциплине, как начальство выражается, далеко не соответствует народной свободе. Почему бы не облегчить и наш солдатский быт? Разве мы настолько отвергнуты от общества и народный союз смотрит на нас так же, как наше начальство, которое приравнивает солдата к скотине? Бедный солдат настолько забит и запуган офицерством, что не только сказать, но и голову поднять боится.

К чему четырехлетний срок службы: не для того ли, чтобы быть прислугой у гг. офицеров, мыть белье, полы и няньчить детей и т. п. и за все эти труды получать оскорбление, унижение и даже иногда побои, на которое наше начальство не скупится? Довольно солдату быть прислугой, ибо он не на то призван, а также нужно непременно изменить положение солдата, чтобы он мог свободно вздохнуть и располагать собою, и не боялся всяких глупых постановлений, например, не курить, не держать руки в карманах, не ходить по улице и бояться, как бы не прозевать отдать честь, ибо нас карают очень строго за глупости. Также следует обратить внимание на пищу солдат. Если бы отпускаемые казною суммы получались целиком солдатом, то было бы еще сносно, но добрая половина куда-то пропадает. Понятно, получается невозможная пища, а начальство приходит, пробует и хвалит: „Пища отличная!“

В пережитые нами тяжелые дни событий на Дальнем Востоке мы приносили посильную лепту в пользу Красного Креста, в царские дни полагаемую нам чарку водки начальство приказало пожертвовать в пользу вышеназванного общества, на что мы согласились. Но об этом ни в каких газетах не было помещено, и, после наведенных нами справок, оказалось, что таковые пожертвования не приносились. Обидно переносить такие поступки благородных...

О пробуждении гражданского чувства говорят дальнейшие строки.

Эти господа (офицеры) над нами издеваются в течение четырех лет, на каждом шагу напоминая нам присягу, а также стараются отделить иноверцев, наших товарищей по службе, с которыми мы живем дружно; они ведь несут службу так же ревностно, как и мы, но начальство старается озлоблять на них, начинают топтать в грязь и позорить иные вероисповедания. Нам, русским людям, слушая такие беседы, делается больно и обидно за своих товарищей, но противоречить не имеем права, ибо дисциплина сковывает нас по рукам и ногам.

Как организовать агитацию.

I.

В настоящее время, когда перед выходящей из конспиративного подполья российской социал-демократией стоит грандиозная задача привлечения пролетарских масс страны под знамена партии и прочного закрепления организационного влияния на эти массы, вопрос о правильной постановке партийной агитации приобретает особенную важность. Старые формы агитации в виде произнесения более или менее случайных речей на „массовках“ и „летучках“, плюс редкие собрания во время стачек и демонстраций, сменяются новыми. Небольшая аудитория „массовки“ разрослась в обширные „митинги“ с многотысячным составом слушателей, и партийный агитатор действительно стал тем рупором сознательного пролетариата, через посредство которого, с одной стороны, партия бросает свои призывы и лозунги в пролетарские массы, а с другой — сам пролетариат говорит пред лицом страны. Словом, та политическая кафедра,

---

Раздался успокаивающий и довольный крик—истинно мещанский пароль:

— Наше время — не время широких задач!

И наскоро создали пошлый культ „мелких дел“ — воистину мещанский культ. Какая масса лицемерия была вложена в этот культ и сколько было в нем самообожания.

Другая группа мещанства,—быть может, более искренняя в своем желании оправдать печальный и постыдный факт своего бытия, — пошла на зов Толстого. Началось „самосовершенствование“, этот жалкий водевиль с переодеванием. В стране, где люди еще настолько неразумны, что пашут землю деревянной сохой, боятся колдунов, верят в чорта, в этой грустной и бедной стране грамотные люди, юродствуя идеи ради, стали отрицать разум. Подвергли науку наивной и убогой критике. Отрицали искусство, отрицали красоту, одевались в крестьянское платье и неумелыми руками ковыряли бесплодную землю, всячески стараясь приблизиться к дикарю и называя это самоистязание „опрощением“. Дикий, но совсем не глупый мужик смотрел на чудаков и пренебрежительно усмехался, не понимая мотивов странного и смешного поведения господ. Иногда, раздраженный своей тяжкой жизнью, выпивший водки, мужик обижал опрощенцев, но они „не противились злу“ и этим вызывали к себе искреннее презрение мужика.

Так вело себя мещанство совестливое, а масса его — жадная и наглая—открыто торжествовала победу грубой силы над честью и разумом, цинично добивая раненых. Она создала из клеветы, грязи и лицемерной угодливости победителю некий форт для защиты своего положения в жизни, в него засели довольно талантливые языкоблуды, навербованные по преимуществу из ренегатов, и дружно принялись заливать клеветой и ложью все, что еще горело в русской жизни.

Погибли „Отечественные Записки“, и один из ренегатов проводил их в могилу гаденькой усмешкой:

— Пела - пела пташечка, да замолкла. Отчего же ты, пташечка, приуныла?

Эти потомки крови Иуды Искариота, Игнатия Лойолы и других христопродавцев, охваченные болезненной жаждой известности, но слишком ничтожные для того, чтобы создать нечто крупное, скоро почувствовали свое бессилие быть вождями и сделались растителями мещанства. Открыто брызгая пахучей слюной больных верблюдов на все мало-мальски порядочное в русской жизни, они более четверти века развращали людей проповедью ненависти к инородцам, лакейской услужливости силе, проповедью лжи, обмана — и нет числа преступлениям их, нет меры злу, содеянному ими. Малограмотные и невежественные, они судили обо всем всегда применительно к подлости, всегда с желчью неудачников на языке. Не-

на которой приходится теперь выступать партийному оратору, совершенно изменилась как в количественном, так и в качественном отношении. Является настоятельная необходимость приспособить к этой перемене весь агитационный аппарат партии.

Первый вопрос, с каким мы встречаемся в данном случае, это вопрос о возможно более широком разветвлении агитационного аппарата и о соответствующем увеличении агитационных сил. Речь агитатора, его слова — это едкая кислота, которая падает на тусклую амальгаму несознанных и неоформленных инстинктивных стремлений и порываний массы и вызывает на поверхность те элементы классового самосознания, которые, в скрытом виде, уже заключены в этой амальгаме, — вызывает и кристаллизует их. Чем равномернее будет распределено это агитационное воздействие партии, чем постояннее и глубже оно будет, тем большее количество пролетариев будет сходиться под красное знамя социал-демократии.

Но для того, чтобы агитационный механизм мог выполнять свою громадную и сложную работу, он должен быть снабжен необходимым количеством сил. И, привлекая эти силы, партия должна обращаться прежде всего к самому пролетариату, создавать возможно более многочисленные и постоянные кадры партийных ораторов из среды рабочих. Что пролетарские массы во множестве выдвигают из себя выдающиеся агитаторские силы, выдающиеся ораторские таланты, это знает всякий, кто посещает собрания рабочих, кто слышит речи, произносящиеся на этих собраниях. Поразительную логику и дисциплину ума, пламенную энергию и страсть, изумительную находчивость, остроумие и едкий сарказм проявляют многие из ораторов-рабочих, становящихся поистине народными трибунами русской революции. Привлечь эти силы и таланты к партийной работе, использовать их возможно шире — вот ближайшая задача нашей партии. Наши агитаторские коллегии, порою очень многочисленные, состоят почти исключительно из интеллигентов; пополнить их агитаторами-рабочими необходимо, ибо при посредстве таких агитаторов партия укрепит свою связь с массой, свое агитационное влияние на нее. Выяснение качественного и количественного состава агитаторских сил среди рабочих, организация агитаторских кружков и групп для теоретической и практической подготовки агитаторов из рабочих, привлечение их в агитаторские коллегии при всех организационных ячейках и центрах, от заводского до общегородского и центрального комитета, — все это следует поставить на первую очередь. И когда партия сумеет открывать и выделять агитаторские силы в среде самого пролетариата, сумеет привлечь эти силы к серьезной и планомерной партийной работе, тогда агитационное влияние партии на массу будет широко, глубоко и надежно.

II.

Сделав умелый подбор агитаторов и, в особенности, привлекая к агитации все наличные агитаторские силы из среды рабочих, партия должна поставить на должную высоту идейное руководство своими ораторами. Один из важнейших вопросов в данном случае это — вопрос о директивах. Бывают нередко случаи, что местный центр оставляет своих агитаторов без руководящих указаний по весьма сложным и важным вопросам партийной жизни, и каждому партийному оратору приходится самому решать эти вопросы за собственный страх и риск. Благодаря этому возможны такие ненормальные явления, что два партийных оратора развивают неодинаковую точку зрения на один и тот же вопрос. А пишущему эти строки

которые из этих желчных честолюбцев еще и теперь старчески ползают по страницам своей газеты, но это уже змеи, потерявшие яд. Безвредные гады, они вызывают только чувство отвращения к ним своими бессильными попытками сказать еще что-нибудь гнусное и развратное, еще раз подстрекнуть кого-то на преступление...

Но все это известно, и обо всем этом так же противно и стыдно говорить, как о насилии над женщиной, как о растлении ребенка, ибо хочется поскорее подойти к поведению мещанства сегодня, в наши трагические дни...

Однако, справедливость побуждает указать, что наиболее жизнеспособные мещане шли и в революцию. Они понимали, что толкутся в тесных развалинах старой тюрьмы, выстроенной подневольным трудом; у них не было определенной позиции в темном хаосе русской жизни, жизнь их была бесцветна и скучна. И они пошли в революцию охотно, но — как спортсмены англичане ездят из Лондона на Каспий бить диких уток. Со временем мы увидим этих господ среди работников революции, где они, вместе с госпожами Кукшиными, производят неприятный шум, вредную суету и путаницу, увидим, как они, органически с народом несвязанные, чуждые ему, капризные в своих настроениях, быстро, как фокусники, меняли свои взгляды, вызывая этим тяжелые недоумения в головах своих учеников и отрицательное, враждебное отношение у рабочих к представителям пролетарской интеллигенции.

Рядом со всеми этими попытками маленьких, трусливых людей уклониться от суровых требований действительности в тихую область мечтаний или удобно встать где-либо с края жизни, в качестве зрителя, наблюдающего ее драмы, рядом с иезуитской суетой мещанства — бесстрастно шла железная работа капитала, математически правильно сортировавшего людей на две резко враждебных группы, а в красных корпусах фабрик и заводов, под гулкий шум машин, воспитывалась новая, могучая, истинно-жизненная сила, та сила, которой ныне все мещане обязаны своим освобождением из тесной клетки государства и для которой они готовы создать другую клетку, попрочнее той, где они сами сидели. Мещанин в политике ведет себя, как вор на пожаре: украл перину, снес ее домой и вновь явился на пожар гасить огонь, который он же сам тихонько раздувал из-за угла...

М. Горький.

известен даже факт, когда один и тот же оратор в одной своей речи — до получения директивы от центра — говорил одно, а в другой — после получения директивы — другое. Какое впечатление могут производить подобные факты — как бы редки они ни были — на массу, ясно само собой.

Значит первое, что должно быть выдвинуто в области идейного руководства агитацией со стороны партии, — это быстрое и подробное осведомление партийных ораторов с руководящими директивами, которые даны как высшим, так и местным центром. Каким образом организовать передачу и раз'яснение директив — путем ли обсуждения их в общем собрании агитаторов всего города или при посредстве ответственных агитаторов районов—это вопрос техники. Но как бы то ни было, необходимо принять за обязательное правило, чтобы центр, посылающий агитатора для проведения в массу определенной идеи или лозунга, давал ему предварительно ясную руководящую директиву. В противном же случае всегда может повториться то, что на наших глазах происходило здесь, в Петербурге, когда партийным ораторам приходилось выступать перед рабочими по вопросам о профессиональных союзах, введении 8-часового рабочего дня революционным путем и т. д., не имея по этим вопросам директив местного центра.

Идейное руководство агитацией, конечно, не может исчерпываться лишь передачей и раз'яснением директив. Необходимо организовать правильные и постоянные занятия, или собеседования с коллегией агитаторов, чтобы направление агитации, ее содержание, характер, тон и, если хотите, самая ее форма не были чем-то случайным, всецело представляемым личному усмотрению и вкусу отдельного агитатора. Конечно, деятельность агитатора есть в значительной степени дело личного таланта, но руководство и контроль над применением этого таланта должны осуществляться партией. Идейный руководитель агитаторской коллегии должен организовать в ней разработку и обсуждение плана текущей агитации, содержания речей, их характера и прочее. Независимо от этого, идейный руководитель агитации обязан предоставить партийным ораторам возможность следить за партийной литературой, возможность пополнять свои знания. Только в таком случае агитационные речи будут содержательны, только в таком случае в них будет не одно горячее чувство, но и ясная мысль, которой так жадно ищет пролетарская масса. Я лично представляю себе идейного (и, вместе, идеального) руководителя агитации в виде лица (или коллегии), к которому каждый агитатор мог бы обратиться за руководящим указанием как теоретического, так и практического характера. Не всякий, разумеется, может быть энциклопедистом и разрешать все сомнения и вопросы, но ведь этого и не потребуется, так как идейный руководитель агитации может в данном случае воспользоваться услугами партийных теоретиков и литераторов, при помощи которых можно организовать рефераты по важнейшим вопросам программы и тактики для партийных ораторов, получить литературную справку и т. д.

Необходимо только, чтобы все это было специально организовано, а не носило того характера случайной, беспорядочной суматохи и беготни, какой носит нередко теперь.

III.

Сформировав надежные кадры партийных агитаторов, пополнив состав их свежими силами, наладив идейное руководство агитаторами и их выступлениями, остается упорядочить самую технику дела — равномерное распределение сил, целесообразное сочетание их, концентрацию агитации в наиболее опасных и наиболее важных для партии пунктах и т. д. Организатор агитации, т. е. лицо или коллегия, приводящие в действие ее аппарат, должен через районных организаторов и их помощников и через районных агитаторов быть постоянно и основательно осведомлен о положении дел в районах, подрайонах и на заводах. Он должен следить за настроением рабочей массы, за теми течениями, которые возникают в ее среде. Он следит также за агитационной работой других партий, в особенности за агитацией тех мелкобуржуазных утопистов, которые своими красивыми, но пустыми словами и обещаниями затемняют классовое сознание пролетариата. Следя за ними, партия развивает в случае надобности усиленнную контр-агитацию, чтобы рассеять туман реакционного утопизма и вывести массы на единственно правильный пролетарский путь. Само собою разумеется, что сделать все это возможно, лишь будучи в курсе дела, лишь наблюдая за настроением массы, изучая, так сказать, индивидуальность отдельных заводов. Ведь техника распределения агитационных сил заключается не в том, чтобы составить список предстоящих митингов, да распихать по ним ораторов, а в том, чтобы с надлежащей быстротой производить перемещение и концентрацию этих сил. Агитация — это артиллерийский огонь, которым партия издали начинает обстреливать важные для нее позиции, а умелое сосредоточение артиллерийского огня если не решает боя, то подготовляет его исход. Агитатор первый пробивает брешь в толстой коре классовой бессознательности и партийного безразличия, — за агитатором идет пропагандист и организатор, закрепляя и оформливая влияние партии.

Наметив в общих чертах план организации агитационной работы, я хочу подчеркнуть, что необходима дифференциация, обособление трех основных функций этого дела. Подбор агитаторских сил и организация агитаторских кружков, для подготовки партийных ораторов из рабочих, не должны соединяться в руках одного лица или одной коллегии вместе с идейным руководством, а также с техникой распределения сил. Эти три главных дела, каждое само по себе, настолько обширны, важны и сложны, что было бы ошибкой сливать их в одном учреждении, так как подобное слияние фактически сводится к тому, что одна функция процветает на счет остальных или же не процветает ни одна. Организатор агитаторских групп и кружков, идейный руководитель и организатор технической стороны агитации — вот три самостоятельных органа, которые каждый местный центр должен иметь у себя. Само собой разумеется, что по общим для них вопросам эти три органа об'единяются и действуют совместно, но в сфере своей специальной работы каждый из них несет свою личную ответственность.

Жизнь сама приводит к подобной постановке дела. Так, например, еще недавно Московскому Комитету партии пришлось принять в свой состав вместо одного

ответственного агитатора нескольких, распределяя между ними функции.

К такому же мнению пришла и агитаторская коллегия Петербургского Комитета, которая на одном из последних своих заседаний принципиально одобрила изложенный выше план. Осуществление этого плана, проведение его из области благих пожеланий в область действительности — дело нелегкое, но ведь зато оно даст нам могучее орудие победы, грядущей победы социал-демократической партии.

Алексеев.

P. S. К более детальной разработке нашего плана мы еще вернемся.

Агитация и пропаганда в Петербургском районе.

Коллегия агитаторов и пропагандистов (большевиков) Петербургского района (Петербургской стороны) обсуждала во вторник, 8 ноября, вопрос о постановке в районе агитации и пропаганды. Решено сохранить в Петербургском районе кружковую форму агитации как основную форму этого рода партийной деятельности; это признано необходимым в виду того, что при кружковой агитации (агитационками у нас называются кружки, носящие в других городах название пропагандистских кружков низшего типа) агитатор имеет возможность непосредственного общения с каждым из своих „учеников", имеет возможность, таким образом, выяснять относительно каждого из них, что он понял и чего не понял из изложенного, и раз'яснять непонятое; в Петербургском районе это важно особенно потому, что уровень развития рабочих здесь относительно ниже, чем в некоторых других районах; это об'ясняется тем, что здесь преобладают небольшие фабрики и заводы, относительно много фабрик, условия труда на которых, как общее правило, хуже, чем на заводах, и просветительная работа наших агитаторов и пропагандистов прерывалась здесь нередко благодаря провалам и летним „каникулам". На-ряду с организацией целого ряда небольших агитационных кружков (10, 12 и 15 человек) решено попытаться организовать один большой кружок, человек в 50 или более, и, в случае удачи этого опыта, организовать несколько разных кружков. На-ряду с систематической (по программе) агитацией в кружках ведется и, конечно, будет вестись агитация на митингах на заводах и фабриках. Что касается пропаганды, то решено, не уничтожая и тут системы кружков, организовать систематический ряд лекций и несколько отдельных рефератов по специальным вопросам; приблизительная программа лекций и рефератов будет предложена ответственным пропагандистам района на обсуждение одного из ближайших собраний коллегии.

Агитационно-пропагандистская работа в районе с каждым днем расширяется; после провала весною и „мертвого сезона" летом здесь пришлось с конца сентября строить всю организацию почти заново; разыскивались старые связи, завязывались новые; митинги на заводах устраивать здесь почти не удавалось, организация кружков до двадцатых чисел октября шла мало усиленно, так как постоянные митинги в высших учебных заведениях отвлекали от посещения кружков, которые уже образовались. После всеобщей стачки кружки начали организовываться очень быстро, и в настоящее время их имеется около 20; в ближайшем будущем число их, вероятно, еще значительно возрастет. В последнее время удалось также настолько укрепиться на многих заводах, что явилась возможность устраивать митинги в заводах: в течение последней недели (1—8 ноября) при содействии нашей организации были устроены митинги на фабриках и заводах Семенова, Тюдора, Дюфлона, Васильева, Лангензипена, Мельцера.

Восстановление истины.

Корреспондент „Daily Telegraph", пустивший в оборот нелепую выдумку об антисемитизме «Новой Жизни» и Максима Горького, об'ясняет весь инцидент недоразумением. В номере той же газеты напечатана следующая телеграмма:

„На прошлой неделе я сообщил перевод антиеврейской прокламации, воспроизведенной в газете «Новая Жизнь», при чем я выразил удивление, что газета, издаваемая Максимом Горьким и Минским, хотя бы и вследствие тактической ошибки, сыграла в руку антисемитизму, распространив возмутительнейшее произведение между сотней тысяч своих читателей.

„Некоторые иностранные газеты заключили из моей телеграммы, что Горький и Минский антисемиты и проводят антисемитические идеи в своем органе. Это, разумеется, совершенно неверно. Они резко выступают против всяких форм антисемитизма и воспроизвели дикую прокламацию исключительно с целью разоблачить «черную сотню»".

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Москва, 11 ноября. — По возобновлении заседания с'езда Родичев внес изменение в проект резолюции, изложенной в третьем пункте в таком виде: временные меры состоят в введении польского и других местных языков в учебных заведениях, судах и администрациях Царства Польского в самом широком об'еме, в каком это технически или фактически возможно, и сохранении при этом прав меньшинства. Прения открыл Солеговский из Варшавы с протестом против обвинения в желании отторгнуться; и до манифеста 17 октября в Польше были беспорядки, забастовки и бомбы, однако же не обвиняли в сепаратизме, но об'явили манифест, поляки братались с русскими, но администрация края выступила с обвинением в сепаратизме, желая удержать старый строй. Поляки явились раскрыть свою душу. В 1863 году поляки поплатились за обращение к иностранному вмешательству. Теперь они обращаются к свободному русскому народу с просьбою дать полякам свободу жить, свободу развивать свою культуру на пользу славянства и русского народа, с просьбою снять иго с Польши. Редактор „Освобождения" Струве находит, что в Польше анархия, как и в России, и нужно поэтому не военное положение, а либеральное управление и автономия. Иностранное вмешательство, которым пугают сторонники военного положения, не страшно. Если бы оно случилось, российский император ответил бы вооруженной рукой, и все русские сплотятся, чтобы отразить вмешательство. Пусть польскую автономию оплакивают в Берлине. Москва и Варшава ждут торжественного праздника славянских народов. Князь Федор Долгоруков по знакомству с самыми крайними польскими партиями свидетельствует, что обвинение в сепаратизме неосновательно; автономия не сепаратизм. За нее в лучшую эпоху стоял Катков. За областное управление был граф Игнатьев. Оратор приветствует сближение поляков в Москве, Кремль и Прага протягивают друг другу руки. В недалеком историческом будущем возможна федерация славянских государств, в которой Россия и Польша сыграют на культурной почве крупнейшую роль. Лихачев из Петербурга предлагает оставить вопрос об автономии до Государственной Думы. Шраг из Чернигова стоит вообще за широкую автономию окраин и верит, что только свободно устроенная Россия привлечет к себе славянские государства и покажет в об'единении всех славян такую грозную силу, которую ничто не сокрушит. Немировский из Саратова просит автономию; права языка и самоуправления поляков могут быть защищены имперским законодательством. Право же для Польши самостоятельного местного законодательства в несогласиях с имперским правительством создаст невыгодное положение для России на почве экономического соперничества. Обиженным может оказаться менее культурный русский народ. Политического соперничества оратор не боится. Польша не уйдет от России, это не в ее выгодах. Кашкаров из Калуги просит правитель-

ство заявить, что польский вопрос должен быть решен без соображения о германском вмешательстве, которому русский народ сумеет дать должный отпор. Попов из Иркутска и Шулятников из Костромы высказываются за автономию. Красовский из Петербурга просит отложить решение вопроса до Государственной Думы. „Неудобно обходить другие окраины, давать автономию Польше потому, что она культурнее. Не дело с'езда решать реальные вопросы. Это дело Государственной Думы. С'езд должен установлять только принцип. Сейчас автономия может создать осложнения с западным соседом, и хотя призыв ораторов дать отпор вмешательству очень патриотичен, но дело в наш век решают пушки. В такое время, когда горят города, громят имущество, не время решать вопрос об автономии. Оставим это дело Государственной Думе". — В 12 часов ночи об'явлен перерыв.

Одесса, 11 ноября. — Советская комиссия при университете подала в отставку вследствие принципиальных разногласий с большинством совета.

Забастовка официантов на пароходах Русского общества пароходства прекратилась. Пароходная администрация согласилась удовлетворить требования официантов.

Белосток, 12 ноября. — Дума постановила в виду кризиса, переживаемого Россией, предложить всем городским думам об'единиться и возбудить ходатайство перед земельными банками и министерством финансов о предоставлении заемщикам-долговладельцам разных льгот.

Ярославль, 12 ноября. — Студенты лицея подали заявление о желательности немедленного открытия лицея; совет отклонил их просьбу, оставаясь при прежнем решении не открывать лицея до 15 января.

Париж, 11 (24) ноября. — По сведениям „Journal des Debats" французский союз промышленников и торговцев намерен обратиться к правительству и палате депутатов с протестом против торгового договора с Россией, который, по мнению союза, принесет в жертву интересам виноделия интересы французской промышленности.

Гомель, 12 ноября. — Состоялись выборы гласных в городскую думу; интеллигенция отказалась. Избраны мещане и ремесленники.

Сызрань, 12 ноября. — Почтовые служащие, за исключением восьмерых воздержавшихся, присоединились к всероссийскому почтово-телеграфному союзу и отправили делегатов на с'езд.

Ялта, 12 ноября. — Ежедневно происходят митинги различных партий в специально отведенном для этого городском доме, вмещающем больше тысячи человек. Сформировалась партия конституционалистов-демократов.

Москва, 12 ноября. — Сегодня вечером на фабрике Сиу, на Петербургском шоссе, произошли большие беспорядки. Войска и полиция усмирили толпу.

На Красносельской улице разгромлены некоторые фабрики.

Митава, 12 ноября. — Генерал-губернатором издано сегодня об'явление, в котором говорится, что в виду того, что на волостных сходбищах сговариваются рубить казенные и помещичьи леса, он отдал приказание в таких порубщиков стрелять, а зачинщиков сходбищ высылать в отдаленные губернии.

Виндава, 12 ноября. — Начинаются аграрные беспорядки. Местами состоялись сходки, на которых решено приступить к рубке леса на частных дачах. Губернатором приказано стрелять в порубщиков, пойманных предавать военному суду и зачинщиков сходов немедленно выселять в дальние губернии.

Харьков, 12 ноября. — Совет университета высказался за снятие военного положения и полное прекращение дел о лицах, причастных к устройству баррикад в университете.

Москва, 12 ноября. — Сегодня в 1 час дня в зале биржевого собрания состоялось совещание выборных биржевого общества по поводу последних тревожных событий, выразившихся в разгроме некоторых фабрик. Постановлено обратиться письменно к местной администрации с просьбою принять меры к ограждению частной собственности фабрикантов и к прекращению разгрома фабрик.

Севастополь, 12 ноября. — В ожидании демонстрации рабочих и матросов магазины спешно закрываются.

Москва, 12 ноября. — Забастовавшие служащие телефонной станции препятствовали сегодня входу на станцию служащим, почему пришлось заменить телефонисток саперами.

Градоначальник опротестовал постановление городской думы об образовании особой невооруженной стражи для наблюдения на митингах и опротестовал также постановление думы об обращении к святейшему синоду с протестом против проповедей священников.

Александр Гучков отклонил кандидатуру в городские головы.

Тегеран, 12 ноября. — Последние события в России отразились в Тегеране в форме сельской агитации. Духовенство в мечетях, переполненных по случаю рамазана, резко осуждает государственный строй и представителей администрации, превознося конституционный строй как условие прогресса. При этом духовенство настаивает на необходимости сильной армии и на укреплении границ.

Новочеркасск, 12 ноября. — Дворянское собрание постановило: просить не командировать с Дона четыре вновь мобилизованных казачьих полка, признавая их необходимость на Дону.

Праскобея, 12 ноября. — Абреки Терской области производят нападения. В Ачик-Адакском приставстве убит и ограблен богатый ногаец Эрик Аджиев, у которого, по слухам, похищено 60.000 рублей. В приставство прибыли казаки.

Кельцы, 12 ноября. — Посад Славков, Олькушского уезда, 12 дней находился во власти революционеров. Жители посада, под влиянием частного инженера Суйковского, образовали для заведывания делами общества комитет, который учредил посадскую милицию, уничтожил портреты их величеств в гминном управлении, закрыл школы, вытребовал из гминной ссудо-сберегательной кассы 75 руб. на нужды комитета, ввел в гминном управлении переписку на польском языке. Посланные туда начальник земской стражи и эскадрон драгун восстановили порядок. Агитатор Суйковский арестован. В Олькушском уезде за антиправительственную агитацию и участие в нападениях на гминные управления и казенные винные лавки арестовано 5 человек.

Томск, 12 ноября. — По вечерам бывают единичные случаи нападения на проходящих.

Епископом Макарием раздаются пожертвования и деньги всем пострадавшим в смутное время в городе.

Ярославль, 12 ноября. — Работы на табачной фабрике Дунаева возобновились. Забастовка прошла спокойно, так же, как и на фабриках Ярославской Большой мануфактуры и Порской мануфактуры, имеющих до 16.000 рабочих. Часть требований последних удовлетворена.

Севастополь, 12 ноября. — Вчера вечером на дворе Черноморской флотской дивизии матрос ранил выстрелом из револьвера контр-адмирала Писаревского.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Лондон, 11 (24) ноября. — Здесь указывают, что правительство, не желая предстать перед парламентом, тем самым отсрочивает на несколько недель необходимость выбрать одно из двух: или выйти в отставку или распустить парламент. Вместе с этим оно предупреждает общие парламентские выборы, которые должны состояться на Рождестве, и необходимость создать временное правительство, которое может оставаться у власти только очень недолго. (Рейтер).

Лондон, 12 (25) ноября. — Сэр Дильк в речи, произнесенной в Оксфорде, высказал мнение, что англо-японский договор способствовал заключению мира. Не было тайной ни для кого, что одной из причин изменения первоначального текста договора, в первых своих редакциях точно размечавшего географические границы, а в последней устанавливавшего их весьма неопределенно, — было желание Британии прийти к прямому соглашению с Россией, которая, очевидно, получит всю выгоду

гарантированного Англией status quo на Дальнем Востоке. Соглашение, которое основывалось бы на расчленении Афганистана, как это предполагалось прежде, было бы большой ошибкой. То, что предполагается теперь, гораздо более осуществимо, так как из признания status quo вытекает наибольшая обеспеченность мира. (Рейтер).

Распространившиеся слухи об очищении Германиею Киао-Чжао, по имеющимся у нас сведениям, оказываются неверными.

Москва.

(По телефону из Москвы.)

С'езд земских и городских деятелей.

(Дневное заседание 12 ноября. Польский вопрос.)

Заседание открывается в 1 час. дня, председательствует С. А. Муромцев. Продолжается обсуждение вопроса о Царстве Польском.

Красовский (из Петербурга) говорит против автономии.

Новодворский (из Царства Польского). Туман, покрывающий польский вопрос, уже исчез. Правительственные сообщения уже получили настоящее освещение и могут быть сданы в архив. Провозглашенный ими девиз „divide et impera" разоблачен. Теперь всем ясно, что требованием автономии Польша не желает отложения от России.

Г. де-Роберти. После вчерашнего заседания я слышал такую фразу: „Какая малая истина и какое море слов"... Нет, господа, это истина не малая, а великая и очевидная. „Море слов..." да тут нужно не море, а океан слов, потому что мы говорим здесь не для себя, а для печати, а чрез нее — и для всего народа. Простое равенство граждан требует дать автономию Польше.

Далее оратор шлет упрек Петербургу за его консерватизм. Петербургский делегат г. Красовский протестует. Г. де-Роберти заявляет, что обидеть никого не желал.

Кн. Е. Трубецкой. Устанавливая резолюцию по польскому вопросу, необходимо считаться с общественным мнением и сделать ее приемлемою для масс населения. В ней прежде всего должна быть признана цельность и единство России.

Попов (из Иркутска). Мы помним, как Россия с Австрией и Германией делили ризы польского народа. Мы должны искупить этот грех и исправить историческую ошибку. Дальше этого дела откладывать нельзя.

Офицер Кочкарев (из Калуги) говорит, что нам нужно бояться Германской империи. Она не осмелится ввести на свою почву русские войска, а если бы и ввела, то вся Россия, как в 1812 году встанет и даст отпор.

Котляревский, говорит о невыгодах союза с Германией. „Если в Польше приняты репрессивные меры в угоду Германии, то это большая политическая ошибка. Союз с Германией нам ничего дать не может; автономия же Польши может улучшить наше положение, сблизить нас с Францией и Англией. В этом скажется наш патриотизм".

Лихачев (из Петербурга). Выслушав речь поляков, я понимаю, что ничего другого они сказать не могли. Весьма ясно, что все добиваются самоуправления, хотя бы в ущерб общегосударственным интересам. Но нельзя забывать русской крови, пролитой в Польше, и поспешно разрешить этот вопрос. Необходимо его оставить до созыва Думы.

Росман (из Царства Польского). В Польше беззаконие вводится в принцип закона, но беззаконию не удастся установить порядок. Это, очевидно, сознали местные власти и перенесли центр своих действий из Варшавы в Лодзь, которая представляет для их провокационной политики наилучшие условия, так как там много немецких фирм, которым, разумеется, чужды интересы русского и польского освободительного движения. Местный полицеймейстер с успехом мог бы заменить Трепова. Оратор приводит ряд возмутительных фактов насилия над местными жителями, как, например, запрещение ходить с палками, держать руки в карманах и т. д. Оратор просит настаивать, не ожидая отмены военного положения, на отмене в Лодзи провокационной политики.

Шраг (из Чернигова). До разрешения польского вопроса в целом необходимо немедленное разрешение вопроса о местных языках. Приветствуя автономию Польши, нельзя не упомянуть об автономии других областей России: Украины, Сибири, Литвы и Грузии.

Гомолицкий (из Нижнего-Новгорода). В Польше отменены свободы, дарованные манифестом 17 октября. Десятимиллионное польское население поставлено в исключительно бесправное положение. Против этого нужно энергично протестовать прежде всего потому, что hotie fibicras mihi, а затем нельзя не вспомнить, что польские солдаты рядом с русскими проливали кровь на полях Манджурии. В армии было до 20% поляков. Мы должны высказаться определенно, что гражданских прав мы можем быть лишены только по суду и за действительные преступления.

В Польше восстания нет, но если продолжать насиловать польский народ, то оно будет, и с ним, быть может, вся Россия подымется против общего врага.

Лишинский (Вильно) на основании фактического материала опровергает правительственное сообщение о восстании в Польше.

Немировский (из Саратова). Когда говорят об автономии Польши, то говорят об уничтожении в ней гнета. Так ли это? Я лично думаю, что автономия не определяет отдельных прав Польши. Я признаю права на язык, на самоуправление и самоопределение, но не допускаю отдельного сейма и сепаратного польского законодательства.

Возможно ли разрешить экономические вопросы страны независимо от центрального управления? При этих условиях неизбежен ущерб для наибольшей части страны, населенной бедным и относительно некультурным людом, здесь может появиться несоответствие между небольшим по размеру, но тяжелым по удельному весу государственным привеском и остальной страной.

Щепкин, Н. Н. Страх — плохой советчик. Нас пугали всякими ужасами: революцией, реакцией, нашествием иноплеменников, но нам эти ужасы не должны быть страшны. Мы знаем, что надо сказать народу, и он нам поверит, что, чем дальше от центрального начальства, тем лучше (аплодисменты); что касается опасности извне, то это тоже не страшно. Струве сказал, что все подымемся и отразим врага. А если уже Струве берется за оружие, то я ничего не боюсь. Но я не могу поверить, что наш монарх мог призвать к нам иностранцев. Да, наконец, и последние не боятся итти к нам, так как знают, что у них в тылу будет армия западной демократии, которой не чуждо русское освободительное движение, и я не знаю, куда при этих условиях могут деваться Габсбурги и Гогенцоллерны (громкий смех и оглушительные аплодисменты). Я слышал от князя Петра Долгорукова про провокацию варшавского генерал-губернатора и, если бы это сказал не Петр Долгоруков, то этому нельзя было бы поверить: „Генерал его величества сказал подданным его величества, что его величество призовет в нашу страну иностранные войска". Я предлагаю напечатать это заявление в газетах за скрепой председателя.

Собрание почти единогласно принимает это предложение.

Заключительное заседание по польскому вопросу.

(На вечернем заседании 12 ноября.)

Большинством 166 голосов против 12, при одном воздержавшемся, постановлено вступительную часть резолюции сохранить. Она выражена следующими словами:

„Подтверждая в полном об'еме постановления предыдущего с'езда городских и земских деятелей по вопросу об автономии Царства Польского и заявляя в то же время, что указанное в этом постановлении разрешение польского вопроса не только не имеет ничего общего с понятием отделения Польши от России, но, напротив, представляется необходимым для прочного обеспечения целости и могущества империи и, что поэтому мотивировка в правительственном введении военного положения в Царстве Польском требованием автономии и об'яснение этого требования как первой ступени к отторжению России, совершенно не соответствует действительному положению вещей, с'езд постановил: признать неотложно необходимыми для умиротворения края следующие меры".

Далее баллотируется вопрос о замене термина „автономии“. Термин „автономия“ сохраняется.

Первый пункт, требующий „отмены введенного в Царстве Польском военного положения“ принимается.

Баллотируется второй пункт.

Этот пункт ставит требованием: „формальное включение в круг вопросов, подлежащих разрешению первого собрания народных представителей Российской империи вопроса о введении в Царстве Польском автономного устройства при условии сохранения государственного единства империи“.

Этот пункт принимается единогласно.

Затем баллотируется полностью вся резолюция и принимается большинством 168 голосов против 10, при 1 воздержавшемся.

Всероссийский крестьянский с‘езд.

(По телефону от нашего корреспондента.)

Возбуждаются вопросы, как разбирать тяжбы, раз будет приводиться в исполнение постановление с‘езда о бойкоте земских начальников. Некоторые ораторы предлагают учредить должности выборных судей. Г. Курнин предлагает лучше судить дела целою общиной. Делегат Сумского уезда заявляет, что в их уезде еще раньше крестьяне сделали приговор не обращаться в волостные суды, а разбирать все тяжбы третейским судом.

После продолжительных прений с‘езд постановляет не предрешать этого вопроса.

По вопросу о самообложении бюро предлагает не устанавливать определенных размеров последнего.

Далее возникает вопрос, как относиться к Государственной Думе — итти в нее или бойкотировать. Вопрос возбуждает большие прения. В конце концов с‘езд принимает следующую резолюцию:

„Первый с‘езд делегатов всероссийского крестьянского союза постановляет: 1) не выбирать ни в выборщики, ни в уполномоченные в Государственную Думу, т. е. бойкотировать ее; 2) считать врагами народа всех, кто будет принимать участие в выборах в Государственную Думу; 3) немедленно открыть широкую предвыборную агитацию и выбирать только в Учредительное Собрание на основаниях всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов, без различия пола, национальности и вероисповедания, и 4) если возможно, разделить уезды на избирательные округа.

По предложению делегата Печенкина, с‘езд выражает вставанием почтение памяти погибших в русско-японской войне, после чего председатель г. Курнин об‘являет с‘езд закрытым.

— Сегодня все конки и трамваи второго бельгийского общества бездействуют, вследствие полной забастовки служащих. На городской линии по Покровке вагоны хотя и ходят, но рейсы совершаются неправильно. Забастовщики два раза опрокидывали вагоны, к счастью без публики.

— Забастовка домашней прислуги продолжается. Прислуга продолжает ходить по городу толпами по 200 — 300 человек, но после вчерашнего избиения драгунами, заходить в частные квартиры не решается. Забастовщицы ограничиваются тем, что сманивают в свои ряды встречающихся на улицах прислуг, идущих за закупками в магазины. Благодаря этому, толпы забастовщиц постепенно возрастают.

— Издатель „Вечерней Почты“ г. Холчев, спустя сутки после отправления им известной телеграммы гр. Витте и во все петербургские газеты, получил сегодня от градоначальника уведомление, что к обеспечению неприкосновенности редакции и типографии „Вечерней Почты“ приняты все необходимые меры.

— Рабочие фабрики Ралле призывают общество к бойкоту произведений этой фабрики, администрация которой не нашла возможным удовлетворить даже самые скромные требования рабочих.

— Завтра состоится учредительное собрание союза учащих в московских церковно-приходских школах, имеющего целью об‘единение учащих и выяснение профессиональных нужд и защиту своих прав.

— На бронзовой фабрике Вишневского забастовавшие рабочие громили фабрику, разбив стекла. Владелец фабрики произвел в толпу несколько револьверных выстрелов. По слухам, двое ранено. Явившиеся драгуны рассеяли толпу.

— Среди московских художников, музыкантов и др. представителей изящных искусств зарождается всероссийский союз деятелей изящных искусств.

— Из Симферополя телеграфируют „Русскому Слову“: „Симферопольская полиция проявляет странное поведение. Арест околоточного Ермоленко, уличенного в активном участии в погроме, вызвал протест в одновременной забастовке. Околоточные, городовые и пристава сложили свои обязанности и ходили по городу. Губернатор Волков склонил забастовщиков к исполнению обязанностей“.

— Из Одессы телеграфируют той же газете: „Путем опроса установлен факт избиения политических арестованных при полицейских участках“.

В течение двух недель из канцелярии градоначальника выдано 18.000 паспортов на выезд за границу.

— Из Курска телеграфируют в ту же газету: „Из уездов продолжают поступать неутешительные известия: аграрное движение везде растет“.

— Из Смоленска телеграфируют „Русскому Слову“: „Аграрные движения охватили селения Ельницкого и Рославльского уездов. В Красненском уезде крестьяне угрожают разгромом усадьб“.

— Из Харькова телеграфируют той же газете: „Депутации рабочих, явившейся к генерал-губернатору, об‘явлено, что в следующий раз такие депутации будут арестованы“.

— Несмотря на амнистию, из Бутырской тюрьмы до сих пор еще не выпущен В. И. Федоров-Забрежный, обвиняемый в принадлежности к анархистской группе и в том, что он при аресте его оказал вооруженное сопротивление.

— 10 ноября стали возвращаться с Дальнего Востока запасные офицеры, отправленные туда 5 октября. Оказывается, что генерал Линевич требовал этих офицеров еще в июне, а отправлены они были на войну уже после заключения мира. Таких офицеров было отправлено 1.500. Считая расход на каждого человека минимум в 700 рублей, мы получим сумму свыше одного миллиона рублей.

— Забастовка кондукторов и рабочих второго общества городских конно-железных дорог сегодня продолжается.

— Вчера состоялось общее собрание техников, на котором была вынесена резолюция, в которой митинг признает введение военного положения в Польше провокаторским вызовом со стороны умирающего правительства. Высказывая полную солидарность с революционными стремлениями польского народа, митинг призывает товарищей техников к дальнейшей непримиримой активной борьбе с полицейским правительством рука об руку с русским и польским пролетариатом.

— Рабочие суконно-ткацкой фабрики Кондрашова забастовали, пред‘явив ряд требований. Администрация фабрики ответила на это отказом. Рабочие 10 ноября не вышли на работу, а затем толпой в 1.000 человек пришли к фабрике, выбили камнями окна, ворвались в здание, порвали приводные ремни и стали выбрасывать из окон товары. Последние тут же уносились и даже увозились на подводах. Далее толпа ворвалась в контору и изорвала все книги и документы. Затем толпа направилась к служащим фабрики и в их квартирах перебила окна. В это время прибыли драгуны и разогнали толпу. 17 человек арестовано и три подводы с награбленным товаром задержаны.

— Вчера в помещении литературно-художественного кружка состоялось собрание конституционно-демократической партии. Сначала председательствовал П. Н. Милюков, но затем, когда он уехал на земский с‘езд, председательское место занял И. В. Гессен. Первая половина заседания была посвящена польскому вопросу, вопросу о введении в Польше военного положения, влияния Германии и т. д. Особенно горячо и страстно пошло заседание, когда один из ораторов взывал о необходимости перейти к деятельной пропаганде идей партии в народе. При начале прений по этому вопросу на заседание прибыл П. Б. Струве, встреченный долгими и шумными аплодисментами. П. Б. Струве произнес горячую речь, защищая свою партию от нападок в том, что конституционно-демократическая партия состоит из аграриев и буржуа. Далее оратор говорил, что страшны все крайние партии в смысле их увеличения. Не страшен призрак реакции, а страшна хозяйственная дезорганизация страны. Если народ будет увлекаем крайними партиями, дело может окончиться покорением России каким-нибудь новым генералом на белой ло-

шади. Тогда наступит новое самодержавие с еще худшим гнетом, чем теперь. По поводу закрытия университетов и других высших учебных заведений оратор сказал, что это — падение культуры. Речь П. Б. Струве была покрыта шумными рукоплесканиями. Далее говорило еще несколько ораторов. Между прочим, студент — представитель студенческой конституционно-демократической партии — заявил, что эта партия предлагает свои услуги для ознакомления народа со взглядами конституционно-демократической партии. Необходимо раз'яснить народу аграрную программу партии и привить идею, что осуществление программы может быть произведено только путем народного представительства.

В Совете Рабочих Депутатов.

Заседание 12 ноября было посвящено, главным образом, вопросам, связанным с проведением 8-часового рабочего дня.

Предварительно было сообщено об аресте наборщиков Самсонова и Симановского и корректорши О. Я. Никольской в связи с печатанием № 6 „Известий С. Р. Д.“.

Вопрос о мерах для освобождения товарищей откладывается на конец заседания. Затем председатель об'ясняет, почему в прошлый раз не могло состояться заседание. Оказывается, что „свобода собраний“ зависит от помещения. Для Соляного Городка необходимо разрешение градоначальника, а для Вольно-Экономического нет.

Затем были открыты прения по вопросу о введении 8-часового рабочего дня. Как известно, проведение революционным путем 8-часового рабочего дня, рекомендованное массам Советом Р. Д., принято там с громадным сочувствием. На многих заводах и фабриках были сделаны попытки ввести 8-часовой рабочий день. Рабочие обнаружили при этом энергию и единодушие, но встретили ожесточенное сопротивление со стороны капиталистов. Один завод за другим стали закрываться, первые подали пример казенные заводы, за ними последовали частные. Из сообщений, сделанных на заседании, оказалось, что везде, где рабочие настаивают на своем требовании, об'являют им расчет. И тем не менее рабочие во многих случаях не хотят отказываться от своего требования, они просят у Совета помощи или указаний. Под влиянием всего этого в Совете очень остро встал вопрос, что делать дальше. По этому вопросу говорило более 20 ораторов. Часть из них оказалась решительными сторонниками продолжения борьбы во что бы то ни стало. Особенно горячо настаивали на этом две делегатки, одна от Лаферма, другая от ткацкой фабрики. Другая часть, напротив, считает необходимым отказаться на время от борьбы с капиталистами. „Двойную борьбу“ мы не в состоянии вести, самодержавие сильно, а капиталисты еще сильнее. Если закроются фабрики, не будет рабочих сил для борьбы с самодержавием. Наиболее многочисленная группа ораторов находит, что Совет сделал ошибку, подняв массу на такую борьбу, которая требует не только воодушевления, но еще более сплоченности и организованности всего пролетариата. Но раз дело сделано, нужно поддержать тех товарищей, которые до сих пор еще держатся и не хотят уступить. Нужно оказать им материальную помощь.

После перерыва Исполнительной Комисией была предложена одна резолюция, а группой семянниковских делегатов другая. В последней предлагалось призвать рабочих к двухдневной всеобщей забастовке с требованием открыть закрытые заводы. После довольно продолжительных прений принята резолюция И. К.

Принятая резолюция в виду протеста одного из районов отложена приведением в исполнение до следующего заседания.

---

11 ноября состоялось заседание Исполнительного Комитета С. Р. Д. Фактические сообщения по 1-му вопросу.

Внесены предложения: 1) через посредство представителя почтово-телеграфного ведомства вносится заявление о желании организовать чисто пролетарский союз служащих почтово-телеграфного ведомства. И. К. постановил: для координации действий прислать представителей от почтово-телеграфного ведомства как в Исполнительный Комитет, так и в Совет Рабочих Депутатов, а также привести в исполнение свое постановление относительно привлечения железнодорожных представителей; 2) вносится официальное предложение от центр. бюро Союза союзов устроить совместное собрание для выработки проекта Учредительного Собрания в виду необходимости единения по данному вопросу революционных и демократических партий. Предполагаемые участники: центр. бюро Союза союзов, Исполн. Ком. С. Р. Деп. в полном составе, революц. организац. Росс. Соц.-Демокр. Раб. Партии (обе фракции), партия Соц.-Револ., Бунд, Польск. Парт. Соц., кавказск. революционные организации (не больше чем по 6 представителей). Из демократ. организаций: демократ.-конституц. партия, торгово-промышленная партия, народно-демократическая партия.

Исполнит. Ком. Сов. Р. Депутатов постановил сделать официальный запрос Союзу союзов по поводу внесенного предложения.

По рассмотрении фактических сообщений о конфликтах, возникших на почве введения 8-час. рабочего дня, Исполнительный Комитет предлагает Совету Рабочих Депутатов:

1) Прекратить временно агитацию за немедленное введение революционным путем 8-час. рабочего дня.

2) Призвать пролетариат к усиленной организации в целях дальнейшей планомерной борьбы и заняться подготовкой всеобщего с'езда товарищей рабочих.

3) Вопрос о частичных завоеваниях, достигнутых на отдельных фабриках и заводах, разрешить на конференциях фабрик и заводов, находящихся в одинаковых условиях.

От рассмотрения вопроса об открытии 11 гапоновских отделов Исполнительный Комитет пока отказался, в виду неясности сделанного предложения. Из обмена мнений на эту тему выяснилось, что Исполнительный Комитет предполагал бы вопрос об 11 отделах связать с вопросом о политических клубах и профессиональных организациях.

Союз или черная сотня.

Кучка столичных аптекарей, об'единившихся под просвещенным руководством своего юрисконсульта г. Слиозберга, конечно, не представляла бы такого интереса, чтоб на нее обращали внимание, если бы наглость, с которой эти господа стремятся импонировать общественному мнению, не превосходила по своим размерам даже пресловутую аптечную таксу.

Невзирая на то, что эту компанию отверг Союз союзов и союз фармацевтов, основанный еще тогда, когда слово „союз“ не было разрешено полицейским участком, невзирая на то, что по своей программе об'единявшиеся аптекаря представляют не что иное, как синдикатик для борьбы с общим движением, несмотря на это — почтенные торговцы лекарствами продолжают именовать себя весьма громким именем: „всеобщий российский фармацевтический союз“.

В своей программе и в письмах, рассылаемых в редакции, они продолжают заявлять, что их союз „имеет целью об'единить всех фармацевтов, как аптекарей, так и служащих, на почве их общих профессиональных и политических интересов“. Продолжают заявлять это, несмотря на то, что на их же собрании представители союза фармацевтов заявили, что предначертанная аптекарями „политическая платформа“ для фармацевтов неприемлема; что же касается экономических интересов, то об об'единении служащих и владельцев на этой почве и речи быть не может.

Далее, на общем собрании союза фармацевтов была вынесена вполне определенная резолюция по адресу союза аптекарей, и в этой резолюции категорически устанавливалось самозванство этих господ.

Но „союзников“ это мало смущает. Они идут своей кривой дорогой. Для придания же союзу „надлежащего“ оттенка, для того, чтобы показать, что у них имеются и служащие, они прибегают к приемам, наглядно характеризующим весь самозванный „союз“; некоторые аптекаря принимают служащих при непременном условии записаться в члены нового союза.

Но этого мало. Несмотря на характерную и весьма типичную черносотенную подкладку, этот новый союз с развязностью, достойной лучшей участи, апеллирует к общественному мнению специальными письмами в редакцию. Оказывается, что они основали свой союз „в интересах общества“. В его же интересах они уволили всех фармацевтов, участвовавших в забастовке, ибо „всему обществу грозила опасность весьма часто оставаться без лекарств“.

Гг. аптекаря при этом благоразумно умалчивают, что для „обеспечения общества лекарствами“ они прибегают к содействию рассыльных мальчиков и аптечных рабочих, которые в целях „общественного здравия“ изготовляют лекарства.

Аптекаря твердо надеются на сочувствие общества.

„Всеобщий российский союз фармацевтов не сомневается в том, что все общество не только не об‘явит бойкота владельцам аптек, принужденным уволить служащих по их собственной вине, но окажет на будущее время поддержку, дабы не повторялась фармацевтическая забастовка, забастовка безнравственная, лишающая ни в чем неповинное болеющее население необходимой лекарственной помощи и вместе с тем позорящая все фармацевтическое сословие в глазах культурных и цивилизованных наций“.

Так говорят аптекаря. Язык понятный, как понятно, к какому, именно, обществу обращаются аптекаря. Совет Рабочих Депутатов, Союз союзов, союз медицинского персонала и союз фармацевтов уже об‘явили им бойкот; теперь аптекаря ищут лиц, согласных с ними в том, что забастовка „вещь безнравственная“ и т. д., при чем ссылаются на сочувствие заграничных товарищей.

„Считаем нелишним указать на письмо иностранных товарищей, изложенное в газете «Herold» в № от 8 ноября с. г., в котором все германские медицинские союзы выразили русским кондиционирующим бастовавшим фармацевтам свое крайнее порицание“.

Напрасно аптекаря ищут сочувствия за границей. На их сиротскую долю найдется достаточно реакционного элемента и здесь.

Но не пора ли, господа, снять маску и открыто заявить в чем дело? Вся суть в том, что фармацевты прибегают к „безнравственной забастовке“ как единственному средству для достижения удовлетворения своих законных требований, они хотят завоевать и возможность жить и — главное возможность изготовлять лекарство, вместо той бурды, которую они изготовляют при нынешних отвратительных условиях.

А вам, господа аптекаря, это — невыгодно. Inde ira.

Не надейтесь же, гг. аптекаря, на сочувствие общества! Этого вы не добьетесь, несмотря на ваш лепет о свободах, ибо общество сумеет различить, где происходит борьба за эти свободы и где этим пользуются как модной шляпой, которую нынче одевает каждый проходимец, чтобы казаться нарядным джентльменом. Общество поймет, кто вы.

И если вы хотите сочувствия вашим действиям, то адресуйтесь непосредственно к хулиганам и к черной сотне.

Там вас примут с распростертыми об‘ятиями.

Лев К—о.

Партия правового порядка.

Проникнуть в заседание „партии правового порядка“ — задача нелегкая. Во-первых, обязательно нужно иметь повестку, а затем пришлось пройти „сквозь строй“ студентов белоподкладочников, ревностно исполнявших роль полицейских.

При входе же публике вручают прокламацию, на которой, повидимому, по ошибке выпущена подпись: „цензурой с восторгом одобрено“. В ней, между прочим, предостерегают „граждан“ от „поступков, недостойных человека и гражданина“.

Что подразумевали под недостойными поступками „правопорядочники“, — об этом не трудно догадаться по ходу прений.

Самый зал представлял весьма любопытную картину. На трибуне сидели какие-то партикулярные, никому неведомые господа, состав которых разнообразился несколькими членами русского собрания. На местах публика, как на подбор, „партийная“. Какие-то окончательно вышедшие в тираж старики в штатском и военном пришли с чадами, домочадцами и расположились по-семейному. В первом ряду блистал пристав; последний присутствовал вдвойне: и как член партии правового порядка и как блюститель порядка вообще. Впрочем, точную грань между полицейским и правовым порядком вряд ли взялись бы провести даже сами члены партии.

В чем задачи партии? На эту тему начались речи.

Говорили все на знакомом наречии, выращенном и выхоленном в русском собрании.

Один оратор долго говорил насчет свободы.

— Свобода нам, конечно, нужна, а только к чему же крамольничать. Насильно мы свободы не получим; а будем себя вести хорошо, нам все дадут.

В таком смысле распинался оратор и закончил призывом к доверию правительству, которое „все даст, что можно“.

Собрание осталось очень довольно оратором, но пуще всех довольным остался пристав, выразивший свое удовольствие широкой одобрительной улыбкой.

Один из ораторов заговорил и о рабочем вопросе.

— Что касается 8-часового дня, то об этом, конечно, и говорить нечего, — это абсурд, — авторитетно заявил „оратор“.

Собрание согласилось.

— Но все-таки позаботиться о рабочих мы должны, — продолжал „правопорядочник“. Собрание расчувствовалось и приняло во внимание предложение позаботиться о рабочих. Все шло хорошо. Ораторы говорили. Семейная публика слушала. Тоска назойливо и прочно распространялась по залу. Но вот публика ожила. Какой-то наив-

ный оратор заговорил о всеобщем избирательном праве. Протестующий шум и свист раздался по адресу оратора, не к месту вздумавшего сыпать бисер. Впрочем, наиболее конфузливые члены полицейского, то бишь правового, порядка мотивировали протест: это не к порядку дня.

Оратору кончить не дали.

Затем с трибуны кто-то залепетал о единении с целью протестовать против министра иностранных дел.

Это было принято и, вероятно, легло в основу программы.

Говорили, говорили, потом, видимо, всем надоело.

Об'явили перерыв.

Прислушиваюсь к отдельным группам.

— Позвольте, что такое рабочие, осмелюсь спросить? Я сам рабочий, 34 года в департаменте работаю.

— Значит, вы пролетарий?

— Нахал.

Подхожу к другой группе.

— Это все только крамольники, да...

Оратор не договорил, но все поняли, что он хотел сказать. Формула понятная. Молчаливо и одобрили.

Чем больше говорили, тем все туманнее и туманнее становилась „программа".

Чего они хотят?

Не погромов ли — мелькнуло было у меня в голове.

Я отогнал от себя эту мысль. Но скажу по совести — вынес такое впечатление, что „партия", повидимому, не прочь от такого развлечения.

Л. Львов.

К созыву IV с'езда Р. С.-Д. Р. П.

Нами получена заметка тов. Корецкого по вопросу о порядке дня с'езда. Товарищ пишет:

„Судя по происходящему на крестьянском с'езде, союз того же наименования имеет все задатки сделаться единственным и верным представителем среднего и зажиточного крестьянства.

„Я, лично, склонен думать, что союз сможет об'единить крестьянскую массу, революционный путь которой укажет наша пролетарская партия.

„Крестьянский с'езд формулирует революционные стремления крестьянина-собственника, его классовые требования.

„Выступление союза с формулировкой этих требований ставит партию в вполне определенные отношения к крестьянскому движению.

„Теперь на очередь должна быть поставлена не аграрная программа, вокруг которой царит хаос, а тактика по отношению к союзу.

„Наша аграрная программа сыграла свою роль: она выяснила крестьянству его собственную позицию, дала точку опоры для крестьянского движения. На большее она и не посягала.

„Теперь тактика партии может быть определена в нескольких словах так: революционизировать крестьянскую массу через союз с пролетарской точки зрения.

„Я предложил бы и схему тактической резолюции. Вот она. Партия признает в лице крестьянского союза единственного и верного выразителя революционных стремлений крестьян-собственников.

„Поскольку союз стремится к полному раскрепощению крестьян от власти помещиков и чиновников, постольку он встретит в своих действиях, направленных к этой цели, поддержку партии.

„Теперь не наше дело формулировать практические задачи крестьянской мелкой буржуазии, коль скоро она выдвинула в этом отношении собственный авангард. Думаю, что замена в порядке дня «аграрной программы» крестьянским союзом — имеет смысл. Желательно было бы, чтобы товарищи высказались по этому поводу."

Редакция, полагая, что товарищ неверно оценивает значение и роль как нашей аграрной программы, так и крестьянского союза, присоединяется к просьбе товарища высказываться по этому вопросу.

Хроника.

— Неприкосновенность жилищ. 12 ноября, в 6 часов утра, в квартиру члена бюро рабочих печатного дела и депутата Совета Рабочих — А. А. Симановского — ворвалась полиция во главе с приставом 2-го участка Васильевской части и начала производить обыск. Найдено и арестовано много №№ „Известий Совета Рабочих Депутатов", кроме того, взяты „нелегальные" брошюры, прокламации и прочее.

Обыск произведен по предписанию жандармского управления. Совершая это насилие, полиция заявляла, что протестующие против их действий „не понимают конституции".

А. А. Симановский после обыска арестован.

— Вчера, 12 ноября, утром к одному из 14 депутатов Выборгского района, товарищу Макару, явилось трое полицейских. Тов. Макару, на основании горького опыта не ожидавшему от этого появления ничего доброго, удалось уйти. Агенты „тайного правительства" (Трепов, Игнатьев, Рачковский и К°) об'яснялись с товарищем Р., жившим в одной комнате с тов. Макаром. Полицейские, как оказалось, пришли арестовать тов. Макара, чтобы немедленно посадить его в заключение административным порядком, по распоряжению градоначальника, на 6 недель... Что же, если не удалось сегодня, так значит арестуют Макара завтра? Вот она — гарантия личной неприкосновенности. Вот она — свобода стачек!

— Опричина. В одной из квартир дома № 39 по Лейхтенбергской улице праздновали 10 ноября в тесном кружке рабочей среды свадьбу товарища. Расквартированный в этой местности отряд казачьих войск, прослышав о вечеринке, нагрянул во двор дома и потребовал „угощения". Конечно, им было отказано в вымогательстве. Тогда казаки набросились на вышедшего к ним товарища и начали бить. Его жена с целью освобождения от избиения мужа бросилась к казакам, но ей ударом нагайки был вышиблен глаз. Рассвирепевшая банда продолжала избивать и прохожих за воротами дома, при чем жестоко пострадала одна девушка.

— Дополнением к высочайшему приказу, отданному по флоту 7 ноября 1905 года, лейтенант Петр Шмидт увольняется со службы.

— Нам сообщают, что во время погрома в Вятке были убиты следующие лица: гимназист 8 класса Ясинский, городской судья Коробов, окончивший городское училище Брудный, аптекарский ученик Катаев, конторщик магазина Уткина Лучинин, воспитанник 5 класса реального училища Палкин, доверенный дома Таратина Шиляев, техник Черных, реалист Налетов и Грехова. Кроме того, 19 человек более или менее тяжело раненых находятся теперь в местной больнице на излечении.

— Жертвы освободительного движения. 11 ноября около 2 часов дня по Бассейной ул., по направлению к Пескам, проходившая публика была свидетельницей, как проводили под усиленным конвоем несколько партий кронштадтских матросов и солдат крепостной артиллерии.

— Оплата благонадежности благонадежных чиновников почтово-телеграфного ведомства. Главное управление почт и телеграфов вошло с представлением в Государственный Совет, которым испрашивается кредит в полмиллиона рублей на выдачу пособий чиновникам почтово-телеграфного ведомства. Как мы слышали в главном управлении почт и телеграфов, начальник последнего М. П. Севастьянов сказал, что пособия будут выдаваться только тем членам ведомства, которые „хорошо себя ведут" — конечно с точки зрения г. Севастьянова, как бывшего делопроизводителя департамента полиции. Любопытно по какой таксе будет оцениваться „благонадежность"

— Во время всеобщей политической забастовки подвоз жизненных припасов в столицу был прекращен, в виду чего продукты первой необходимости сильно вздорожали. На это время всем почтово-телеграфным чиновникам главной петербургской конторы было выдано пособие. Служащим же в городских телеграфных конторах в этом пособии почему-то было отказано. Мотивирует это начальство тем, что служащие в городских почтово-телеграфных конторах получают два раза в год, к Пасхе и Рождеству, наградные от различных банковских и других торгово-промышленных учреждений. Спрашивается: законны ли подобные поборы? Как оказывается, однако, этими „санкционированными начальством наградными" пользуются только заведывающие конторами, уделяя себе львиную долю и бросая гроши своим подчиненным. Но любопытнее всего, что начальство не только ничего не имеет против этого, но даже учитывает эти поборы в свою пользу.

— На митинге в Тенишевском зале помимо отмены смертной казни постановлено упразднить Шлиссельбургскую крепость и освободить томящихся там борцов за свободу. Средством для уничтожения этого избрана опять таки резолюция. Не соблаговолят ли, кстати, участники митинга таким же путем упразднить Петропавловскую крепость, Кресты и многие подобные учреждения? Бумаги и слов для резолюции, вероятно, еще не мало осталось в распоряжении резолюционных революционеров. Не пора ли, однако, от слов перейти к делу?

— На С.-Петербургском вагоностроительном заводе. На воскресенье, 13 нояря, в 11 час. утра, в слесарно-сборной мастерской Петербургского вагоностроительного завода за Московской заставой назначен митинг рабочих. В мастерских завода все время находится 300 казаков, которые были вытребованы по просьбе директора Коробко для наблюдения за „порядком" и правильным течением работ.

— Двойник Крушевана. Вероятно, многие знают, что у Крушевана есть ближайший друг и однокашник, некий г. Пиленко. Этот двойник г. Крушевана в настоящее время раз'езжает по России с агитационными целями в духе своего учителя. Г. Пиленко, как нам передают, высказывает глубокое убеждение, что реакция скоро возьмет верх, и тогда только начнется расправа с будирующими общественными элементами. Поможет-де в этом деле крестьянин, который все царские манифесты о свободе считает подложными и верит только манифестам, которые угрожают кнутом и ссылками. Само по себе мнение г. Пиленко неинтересно, но важно, что гг. Крушеваны и Пиленко находятся в близких отношениях с „охранительными слоями" и точно отражают мнение этих слоев.

— В бюро всероссийского национального фонда по оказанию помощи настоящим и бывшим узникам Шлиссельбургской крепости избраны: Короленко, Горький, Засулич и др.

— В воскресенье, 13 ноября, в 4 ч. дня в народном доме Нобеля (Выборгск. ст., Нюстадская, 11) состоится общее собрание рабочих древообрабатывающего производства. Бюро—Гороховая, д. 23, кв. 50; прием записи в члены от 7 до 10 ч. вечера по будням и в праздники от 10 ч. у. до 6 ч. вечера.

— 22 ноября в большом зале консерватории состоится музыкально-литературный вечер в пользу политических амнистированных, устраиваемый комиссией по амнистии, избранной Союзом союзов и обществом помощи политическим ссыльным и заключенным.

— Начальник главного управления почт и телеграфов находится в настоящее время в затруднительном положении. Каждый день на его имя получаются телеграммы приблизительно такого содержания:

„Предлагаю вам в самый непродолжительный срок подать прошение об отставке. Чиновник шестого разряда (такой-то)". Затруднительное положение г-на Севастьянова затрудняется еще тем, что собственной властью чиновников, посылающих ему такие телеграммы, он уволить не может, а управляющий министерством внутренних дел, со своей стороны, также отказывается от всяких репрессий в этом отношении.

— Автономия средней школы. По почину нового министра народного просвещения в министерстве в настоящее время разрабатывается вопрос об автономии средних учебных заведений. В намеченной программе, между прочим, предполагается расширить права педагогического совета, при чем должность директора заведения будет замещаться лицом, избранным советом. Предполагается также упразднить должность попечителей учебных округов.

— Трогательное единение аптекарей с полицией. В Знаменской аптеке маг. фармации Юргенса (Невский, 83) отказано за участие в последней политической забастовке 17 служащих фармацевтов. Штат пополняется туго. Желающих занимать места товарищей не находится. Работают преимущественно военные фельдшера, большинство которых переодето в штатское платье, дабы не обращать внимание публики на посторонний элемент, за правильное изготовление лекарств которого нельзя поручиться. Работа производится под полицейской охраной. Дежурят в лаборатории 4 городовых, а у под'езда околоточный, старший дворник и городовые.

— Уволенные из Матвеевской аптеки за участие в политической забастовке служащие фармацевты приняты обратно.

— Во вторник, 15 ноября, в театре Яворской состоится спектакль в пользу союза служащих фармацевтов.

— 11 октября, накануне, как предполагают, опубликования нового закона о печати, от редактора-издателя „Одесского Листка" В. В. Навроцкого взят залог в размере 5 тысяч рублей, в виду освобождения газет от предварительной цензуры. Невольно зарождается сомнение, действительно ли правительство намерено издать новый закон о печати или оно просто обманывает общество. Необходимо напомнить, что о предстоящем опубликовании нового закона заявили сами лица, стоящие во главе правительственных учреждений.

— Молебен для хулиганов. В районе Забалканского и Загородного проспектов расклеены анонимные печатные об'явления, приглашающие публику на молебен, назначенный в 12½ час. дня на углу Клинского проспекта и Верейской улицы в воскресенье, 13 ноября. Молебен этот, как об'ясняется в об'явлении, вызывается „дарованными манифестом населению благами" и, что особенно характерно, „чуждыми истинно-русским людям революционными движениями и забастовками". Следует отметить, что названный район—рассадник хулиганства. Ночлежные дома, чайные, постоялые дворы здесь в изобилии. Очевидно, что в указанном „углу" соберутся обитатели и посетители этих заведений. Помолятся и с благословения служителя церкви выразят свой протест чуждым истинно-русским людям „революционным движением и забастовкам" посредством нечуждых им погромов, грабежей и других патриотических манифестаций. Интересно, будет ли „молиться" с хулиганами полиция. Если такого предписания ей сделано не было, то можно надеяться, конечно, что все обойдется благополучно. Иначе подобный молебен может кончиться многими панихидами. Не достаточное ли количество их было за последнее время?

— 14 артистов Народного дома получили отказ от управляющего театральной труппой г. Алексеева за участие в союзе сценических деятелей.

— По слухам, президент американского федерационного рабочего союза, насчитывающего свыше трех миллионов членов, послал графу Витте депешу следующего содержания: „В настоящую минуту, когда весь мир приветствует победу русских рабочих на пути к свободе, сердца американских рабочих, в свою очередь, преисполнены радостью за своих далеких собратьев. Но торжество свободы и справедливости не должно отражаться насилием и преступлением, и если русские рабочие поставят себе задачей подавить ужасные погромы, организуемые темными силами, то они стяжают себе еще большую благодарность всего культурного мира. Безопасность жизни каждого человека, к какой бы национальности он ни принадлежал, должна быть гарантирована, если рабочие хотят, чтобы завоеванная ими свобода была им действительно обеспечена. От имени не только трех миллионов организованных рабочих, но и всех рабочих Соединенных Штатов, я прошу вас, граф, передать эту депешу вашим согражданам—нашим братьям рабочим".

3.000.000 американских граждан просили Витте быть только посредником при передаче телеграммы. Но граф Витте счел за лучшее утаить от русских рабочих адресованное им их американскими собратьями приветствие. Впрочем, конфискация частной корреспонденции одно из обычных мероприятий нашего правительства.

— Депутат рабочих экспедиции заготовления государственных бумаг Ушаков заявил 11 ноября министру финансов, что ни одна партия исполненных работ (депозитов, вексельной, гербовой бумаги и т. п.) не будет выпущена из здания экспедиции, если рабочим не будут выданы все деньги пенсионной кассы. Министр обещал удовлетворить требования рабочих.

— На-днях в помещении уездного мирового судьи 4 уч. разбиралось дело по обвинению в краже меди двух рабочих Александровского Невского механического судостроительного завода гг. Сурина и Иванова. По просьбе защитника обвиняемых С. О. Грузенберга был вызван целый ряд инженеров, со слов которых выяснилось, что на заводе существует организованная инженерами черная сотня, занимавшаяся сыском и провокацией. Обвиняемые в краже рабочие были за недоказанностью обвинения оправданы. Вместе с тем выяснилось, что по настоянию инженеров гг. Постоева, Сухих, Храмых и др. за политические убеждения было уволено 250 рабочих. За доставку прокламаций и распространение их инженеры создали даже таксу. Рабочие гг. Сурин и Иванов привлекли к третейскому суду всех 15 инженеров, культивировавших среди рабочих завода сыск и провокацию. Третейский суд состоится на-днях.

— К автономии императорской духовной академии. 11 ноября у обер-прокурора синода г. Оболенского в присутствии профессоров Петербургской, Московской и Казанской духовных академий состоялось совещание, на котором рассматривался новый устав духовных академий применительно к новым веяниям. Все присутствующие пришли к единодушному соглашению о необходимости для академий автономий. В виду того, что разработать и провести новый устав займет слишком много времени, решено провести лишь пока несколько пунктов этой программы и гарантировать студентам академии введение автономии еще в текущем году. Пока многие студенты академии уезжают в отпуск, так как занятия в текущем году едва ли возобновятся.

— Во всех петербургских парикмахерских вывешено об'явление, что с 10 ноября работа в этих заведениях должна производиться: в будни с 9 ч. утра до 9 ч. веч., перед праздниками и воскресеньями до 10 час. веч., а в праздники и воскресенья с 1 час. дня до 8 час. вечера. Но это только на бумаге, на самом же деле хозяева заставляют своих подмастерьев работать попрежнему с $7^1/_2$ час. утра до поздней ночи.

— Из Петербурга командируются в провинцию лесоводы и таксаторы для установления убытков, причиненных казенным лесным дачам во время последних беспорядков. По сведениям, полученным нами в главном управлении по землеустройству, убытки эти по предварительному подсчету равняются $2^1/_2$ миллионам рублей.

— К третейскому суду над профессорами П. Шепелевым и Н. Шиллером. В настоящее время получено официальное уведомление от проф. Харьковского технологического инст. П. Шепелева о согласии принять вызов на пред'явленный ему суд чести. Г-ну П. Шепелеву пред'явлено пострадавшим проф. С. И. Гавриловым обвинение в измене той части профессоров института, которые были уволены бывшим „знаменитым" директором Харьковского технологического института, устроившим форменный разгром вверенного ему учреждения. Сам же д. с. с. Шиллер, занимающий в настоящее время пост члена совета министерства народного просвещения, до сих пор упорно отказывается от третейского суда. Было даже время, когда все газеты получили „циркулярное уведомление" о воспрещении подымать вопрос о суде чести над г. Шиллером в печати, и г. Шиллер с этой стороны был неприкосновенен. В настоящее время предвидится развязка этому возмутительному делу о разгроме института.

— Комитет общества вспомощ. студ. Спб. университета в виду крайней нужды среди студентов университета, обусловленной исключительными современными обстоятельствами, обращается к сочувствующим лицам с просьбою о пожертвованиях обществу деньгами и платьем (преимущественно пальто). Пожертвования принимаются дежурными студентами из совета старост в коллегии императора Александра II (Филология, 2).

— Вопрос о защите иностранных подданных. Проживающие в России иностранные подданные, главным образом англичане и немцы, чрезвычайно встревоженные разыгравшимися в разных местах России кровавыми событиями, обратились к представителям своих правительств с целым рядом ходатайств о защите их жизни и имущества. По этому поводу в хорошо осведомленных иностранных сферах уверяют, что между отдельными правительствами уже произошел предварительный обмен мнениями по вопросу о всесторонней защите интересов иностранных подданных. Уверяют, что особенно встревожено английское правительство, которое частным образом и запросило русское правительство о тех мерах, которые оно намерено принять в целях успокоения иностранцев. Хотя ответ русского правительства был вполне удовлетворительный, однако, иностранные дипломаты тщательно разрабатывают вопрос о возможных совместных шагах на случай, если события в России примут угрожающий для иностранцев характер.

— Совет Рабочих Депутатов потребовал от городского общественного управления отчета в израсходовании тех 15.000 руб., которые были назначены думою на продовольственную помощь семьям рабочих. Городской голова, удовлетворяя означенные требования депутатов, представляет следующие данные об израсходованных городом на продовольственное дело городских сумм.

Приступая к исполнению постановления думы, город обратил внимание на то, что рабочее население, страдающее безработицей, нуждается в выдаче бесплатной пищи не только в пригородах, каков район Путиловского завода, но и в самой черте города, каковое население, прежде всего, и должен обслуживать город; на этом основании и была открыта бесплатная столовая на Выборгской стороне, на оборудование которой, включая сюда и содержание, израсходовано 4.000 руб. По 1 ноября из этой столовой отпущено 12.902 обеда и 5.240 бутылок молока для детей. Каждый обед обошелся по четыре с половиной коп., а молоко снятое по 3, а цельное по 6 коп. за бутылку; в общем расход на обеды составил 1.360 р. При организации продовольственной помощи в Петергофском пригороде, в районе которого живут рабочие Путиловского завода, то здесь город встретил затруднение. Район этот расположен за чертою города, и городская комиссия по благотворительности, на которую было возложено продовольственное дело семьям рабочих, долго не могла найти лица для заведывания столовой. Город поэтому ограничился помощью существующим здесь частным столовым. В общей сложности частными столовыми отпущено за счет города несколько десятков тысяч обедов, при чем ими представлены подробные отчеты. На пособие частным столовым в общем израсходовано 1.521 руб. В последние дни комиссия прислала помощь открытым по частной инициативе питательным пунктам для детей того же Путиловского района. Город будет платить по 10 коп. в день за каждого ребенка, при чем в среднем он предполагает выдавать на это доброе дело не менее 225 руб.

— Благие пожелания. Городская дума, как известно, сложила в порыве восторга по случаю 17 октября 300.000 р. недоимок больничного и адресного сбора. Десятки тысяч недоимщиков продолжают, однако, уплачивать по требованию местных властей недоимки и без особого извещения управы. Взыскания приостановлены не будут—„извещать" же управа не собирается.

— 13 ноября, в 3 ч. дня, на высших женских курсах состоится собрание столичных кондитеров булочных и пекарей, где будет поднят вопрос об организации их профессионального союза и будут обсуждаться политические и экономические вопросы. Вход будет допускаться по паролю.

— 11 ноября совет Вольно-Экономического Общества при участии членов Общества и представителей некоторых союзов обсуждал вопрос об организации помощи голодающим в губерниях, пострадавших от неурожая в настоящем году. Дело это, как известно, уже неоднократно и с успехом велось Вольно-Экономическим Обществом. На этот раз предположена организация на более широких началах, с целью использовать по возможности все образовавшиеся за последнее время союзы и привлечь представителей от всех обществ и общественных учреждений. Вольно-Экономическим Обществом организован комитет из двух членов от совета (Л. Ю. Явейн и Г. А. Фальборк) и трех избранных от Общества (Б. Э. Кетриц, Э. Э. Анерт и Н. А. Окунев). В состав комитета входят представители от обществ и союзов, пожелавших принять участие в общей работе на помощь голодающим. Комитет обращается с просьбою к союзам, обществам и общественным учреждениям примкнуть к работе и избрать своих представителей в комитет помощи голодающим. Ко всему русскому обществу комитет шлет призыв откликнуться кто чем может в настоящий тяжелый момент, переживаемый нашим сельским населением. Адрес комитета: угол 4 роты и Забалканского проспекта, дом И. В.-Э. О.

— В учительский забастовочный комитет прислано несколько сообщений о том, что во время истекшей забастовки места бастовавших замещались другими учителями. У. З. К. заявляет таким заместителям, что не преследует их в настоящее время

лишь вследствие того, что не было сделано своевременно извещения, но впредь будут употребляться все имеющиеся в распоряжении бастующих учителей средства против столь недостойного образа действий. Учителя должны понять, что в настоящий момент нет среднего положения, надо итти или с правительством, или с народом. „Мы выбрали последнее, забастовка есть одно из средств борьбы за свободу народа, и всякий препятствующий ее осуществлению явится нашим врагом“.

— 13 ноября, в 1 час дня, в помещении уч. Шрекника (Загородный, 58) состоится экстренное собрание членов союза сотрудников периодических изданий для обсуждения вопроса о пересмотре устава союза.

— Отмена еврейского митинга. Митинг о еврейских погромах в России, назначенный на 13 ноября, отлагается.

Поправка. Вследствие типографской ошибки напечатанный вчерашний рассказ „Как его убили?“ подписан инициалами О. Д., вместо полного имени О. Дымов.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

Резолюция сходки воспитанников С.-Петербургской духовной семинарии 12 ноября 1905 г.

Мы, воспитанники семинарии, собравшись на сходку 12 ноября сего года, решили приступить к учению с 15 ноября при условии обязательного выполнения постановления настоящего собрания.

Воспитанники, прежде всего, находят невозможным гарантировать в будущем непрерывное течение занятий; они предвидят необходимость сообразоваться с ходом событий в России вообще (общественных движений, революции и пр.) и в частности в семинарии.

Условия же, при которых может быть восстановлено более или менее правильное функционирование учебных занятий, таковы:

А. В области взаимоотношений между преподавателями и воспитанниками:

1) Гуманное отношение к воспитанникам (особенно в младших классах).

2) Преподаватели не должны позволять себе третировать и издеваться над воспитанниками; не возбуждать и не разжигать среди них религиозных и национальных страстей.

К сожалению, воспитанники не могут не высказать своего порицания преподавателям Р—у и П—у, не стеснявшимся в выражении нехристианских чувств по отношению к нерусским национальностям, и С—у, третировавшему воспитанников. Воспитанники заявляют, что в будущем такие явления вызовут самые энергичные протесты (в случае надобности соответствующие факты будут представлены).

В. В области учебной:

1) Установление, по соглашению с преподавателями, целесообразных методов спрашивания.

2) Справедливая, беспристрастная оценка ответов и сочинений, последние подаются воспитанниками без подписей и обязательно возвращаются преподавателями.

С. В области взаимоотношений между воспитанниками и инспекцией:

1) Относительная свобода посещений церковных служб. Не преследовать за отдельные случаи, если только не возводится в систему нехождение в церковь.

2) Относительная свобода выхода из семинарии в урочное время (по соглашению с инспекцией) и полная свобода выхода во внеурочное время.

3) Отмена проверок (обязательная явка за ужином).

4) Уничтожение контроля над ученической корреспонденцией.

5) Свобода кружков и организаций, свобода рефератов с участием посторонних референтов в стенах семинарии.

6) Свобода издания ученических журналов.

7) Свобода чтения книг и выписки газет и журналов, русских и заграничных.

8) Свобода посещения всех публичных библиотек, чтений, рефератов, театров, митингов и др.

9) Официальное признание существования товарищеского суда.

10) Необязательное ношение форменного платья.

11) Передача ученической библиотеки в руки воспитанников.

12) Доступ в фундаментальную библиотеку и физический кабинет; обновление последнего.

13) Введение выборного начала в мастерских, музыкальном и живописном классах; обеспечение их определенным содержанием.

14) Санкция института выборных старост, учреждаемого для непосредственного сношения с начальством во время недоразумений, конфликтов и пр. (Устав о них будет разработан особо.)

15) Гласность педагогических и хозяйственных собраний, для чего на них присутствуют выборные от семинарии с правом совещательного голоса.

16) Пять воспитанников: Быстров, Калачов, Константинов, Магура и Соколов, осужденные товарищеским судом, должны быть уволены из семинарии с правом держать экзамены отдельно от воспитанников и без включения в общий список.

17) Урегулирование быта низших служащих в семинарии путем улучшения пищи, прибавки жалованья и аккуратной выдачи последнего; упорядочение отношений между ними и их непосредственным начальством, для чего предоставляется им право выбора вахтера.

Кроме того, воспитанники считают необходимым прибавить: предоставить правлению семинарии ходатайствовать в течение настоящего учебного года: 1) об уничтожении разрядов и переводных экзаменов, 2) о допущении в высшие учебные заведения окончивших 4 класса существующего типа духовных семинарий, 3) об уничтожении обязательного изучения обличения раскола, как предмета, потерявшего обязательное значение с провозглашением свободы совести, и 4) о безусловной свободе хождения в церковь.

Воспитанники обеспечивают круговой порукой неприкосновенность товарищей, выступавших на сходках в качестве ораторов, председателей и пр.

В заключение воспитанники семинарии думают, что они будут поняты корпорацией педагогов, не раз заявлявших о своем желании итти навстречу потребностям воспитанников.

Резолюция принята на сходке большинством 267 против 32 и одного воздержавшегося высказать определенное мнение.

---

10 ноября в 5 гимназии состоялась сходка, созванная директором по инициативе совета старшин. Порядок дня был принят следующий:

1. Отчет старшин за время забастовки.
2. О присутствии на сходке V класса.
3. О прекращении забастовки.
4. О функциях старост.
5. Об организации учащихся.
6. Частные академические вопросы.

Прослушав отчет старост, сходка приступила к рассмотрению 2 пункта порядка дня и постановила: допускать 5 класс к участию на сходках с правом совещательного голоса.

Забастовку решили прекратить во вторник 15 ноября.

Утвердили следующий проект института старост, выработанный „временным бюро старост ср.-уч. зав. г. Спб.“:

Совет старост является исполнительным органом общих сходок и посредником между педагогическим персоналом и учащимися, выражая интересы и нужды последних.

Права и обязанности старост:

1. Совету старост предоставляется право собирать, всякий раз, как он найдет нужным, общую сходку.

Примечание. Право созыва сходки принадлежит и самим учащимся в количестве, установленном общей сходкой (в 5 гимн. 25 ч.).

2. В случае фактической невозможности созыва общей сходки совет старост должен созвать учащихся на частной квартире.

3. При необходимости немедленного решения какого-нибудь вопроса совету старост предоставляются права общей сходки.

Примечание. При первой возможности совет старост обязан созвать общую сходку, которая санкционировала бы его действия и постановления.

4. Совет старост о всех своих действиях дает отчет общей сходке.

5. Совет старост доводит до сведения педагогического совета постановления сходок.

6. Все заявления отдельных классов делаются через старост.

7. На обязанности совета старост лежит учреждение третей-

ского суда, для разрешения конфликтов между педагогическим персоналом и учащимися.

Примечание. В случае исключения учащегося, по заявлению последнего, совет старост обязан требовать третейского суда.

8. Совету старост предоставляется право входить в сношение с советами старост других ср.-уч. зав.

Организация выборов старост.

1. Старосты выбираются по классам в количестве двух человек от каждого из трех старших классов.

Примечание 1. Параллельные отделения этих классов, там где они существуют, рассматриваются как отдельные классы.

Примечание 2. Выборы производятся на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

2. Выбранные старосты в своей совокупности образуют совет старост данного училища.

Примечание. Совет старост выбирает председателя и секретаря.

3. Старосты выбираются на 1 год, при чем по решению общей сходки могут происходить перевыборы.

4. Неприкосновенность личности старост гарантируется круговой порукой.

Затем разбирался вопрос об организации учащихся. Ряд ораторов призывал учащихся к вступлению во „Всероссийский внепартийный социалистический союз учащихся ср.-уч. зав.". Была изложена его программа.

В заключение выставили ряд академических требований.

1. Немедленное возвращение Н. Н. Михайловского, уволенного за председательствование на прошлогодних ученических собеседованиях.

2. Совет старост должен присутствовать на заседаниях педагогического совета с правом совещательного голоса при обсуждении вопросов, непосредственно касающихся учеников.

3. Введение лекционной системы преподавания в старших классах.

4. Необязательность изучения зак. бож. и мн. др.

Постановления настоящей сходки переданы старостами в педагогический совет.

В военно-медицинской академии с 12 ноября начались экзамены.

Среди солдат.

В то время, как „Новое Время" уверяет, что волнения среди армии — выдумка „крамольников", теперь каждый день обнаруживаются все новые и новые случаи проявления этого недовольства. Замечающееся среди войск недовольство особенно ярко проявилось в 1-й и 2-й батарее 26-ой артиллерийской бригады, где солдатами пред'явлены начальству следующие требования:

1. Человеческое обращение.
2. Сокращение срока службы до 2 лет.
3. Свободное безбилетное увольнение со двора.
4. Свобода собраний для обсуждения своих нужд.
5. Свободное посещение солдатами театра и проч.
6. Уничтожение военных судов.
7. Допущение частных защитников в военные суды до упразднения их.
8. Не налагать на солдат строгих дисциплинарных взысканий.
9. Удаление всех сверхсрочнослужащих фельдфебелей и унтер-офицеров.
10. Уничтожение пользования казенной прислугой.
11. Уничтожение всех работ.
12. Бесплатная пересылка солдатских писем.
13. Не вскрывать солдатских писем.
14. Уничтожить обыски в казарме.
15. Пользоваться отпуском во всякое время года не менее 2 месяцев.
16. Бесплатный проезд в отпуск.
17. Свободный доступ в казармы всяких книг.
18. Выписка на казенный счет газет и журналов.
19. Устройство для солдат библиотеки из книг разных отделов и читальни при ней.
20. Свободный доступ в библиотеки, общественные и частные.
21. Не посылать на усмирения во время рабочих, крестьянских и солдатских волнений.
22. Лучшая организация медицинской помощи.
23. Немедленное увольнение всех кончивших срок службы и запасных.
24. Пособие в размере 150 рублей каждому запасному при увольнении его домой.
25. Немедленная приостановка насильственных взысканий податей с семейств запасных.
26. Никто из участвовавших в забастовке не должен пострадать.
27. Удаление командира 1-ой батареи 26-ой бригады подполковника Маколинского, стрелявшего в товарищей.
28. Освобождение всех арестованных товарищей, наказанных в дисциплинарном порядке по политическим делам.
29. Увеличение жалованья до 3 руб. в месяц для рядовых и до 5 для унтер-офицеров.
30. Улучшение пищи: улучшить качество хлеба; ввести большее разнообразие в пищу.
31. Немедленное введение чайного довольствия (3 фунта сахару и 1/4 фунта чаю на человека в месяц).
32. Отдельный прибор посуды для каждого солдата.
33. Улучшение одежды: 2 пары штанов в год, мундир на год; вместо сапог 13 руб. в год, теплые портянки на зиму, 2 гимнастерки и погоны; 2 пары теплых перчаток; фуражка ежегодно; более теплые шинели или фуфайки теплые; платье, соответствующее погоде.
34. Постельное белье, подушки из перьев, одеяла, теплое и летнее.
35. 3 пары нижнего белья.
36. Казенная стирка белья.
37. Еженедельная баня.
38. Отдельная кровать для каждого.

Волнение среди солдат военно-электротехнической школы.

10 ноября солдаты обсуждали свои экономические нужды, 11-го с утра началось волнение среди них.

Они возмущаются недобросовестным отношением командира роты, который задержал солдатские деньги, как-то: кормовые, жалованье и наградные за работы во время забастовок. Это все они заявили командиру роты, который на это ответил криком. Тогда солдаты еще упомянули о невыданных с марта месяца шинелях, башлыках, рубахах и т. п.

Просили доложить начальнику школы. Командир роты удалился и, явившись вновь, прочитал солдатам устав, где грозит расстрел через два в третий. Несмотря на это, солдаты потребовали вторично начальника школы. Командир роты вышел и, явившись, заявил, что начальника школы нет дома. Солдаты ответили свистом.

Командир роты должен был удалиться.

Офицеры после ухода командира роты не показывались на глаза солдатам, как бы нарочно спрятались.

11 ноября в роте электротехников была устроена солдатами забастовка. Выставлены три требования:

1) Выдача задержанного жалованья за два месяца.

2) Выдача экономных денег, полученных от продажи оставшихся продуктов.

3) Выдача одежды.

Все требования исполнены. Забастовка продолжалась 3 часа. Началась в 12 часов. Командир не отказал себе в удовольствии обозвать всех солдат „крамольниками", за что и был награжден свистками и шиканьем. К забастовке примкнули даже так называемые „жервисты", сторонники командира Жерве. У солдат состоялся недавно митинг в 30 человек, на котором обсуждался вопрос об организации.

В настоящее время все солдаты электротехнической роты приготовились к обыску.

Профессиональные союзы.

В пятницу 11 ноября на совместном собрании депутатов союза медицинского персонала и бюро союза фармацевтов была принята следующая форма бойкота тех аптек, где удалены служащие фармацевты за участие в политической забастовке и где не удовлетворены пред'явленные союзом фармацевтов экономические требования:

„Об'единенное собрание депутатов союза медицинского и бюро союза фармацевтов считает своим нравственным долгом довести до сведения населения г. Петербурга, что владельцы нижеследующих аптек не только не принимали участия в освободительном движении, охватившем все слои русского общества, но всячески противодействовали проведению в жизнь освободительных начал, не стесняясь даже такими постыдными средствами, как обращение к помощи полиции и черной сотни (Гордон — Знаменская и Пушкинская аптека Гаккеля), как увольнение всего штата служащих фармацевтов и замена их лицами, ничего общего с фармацией не имеющими. Кроме того, во многих аптеках (следуют названия аптек) существующие условия труда настолько обременительны, что исключают физическую возможность добросовестно приготовлять лекарства. Такого рода отношение гг. аптекарей может гибельно отразиться на народном здравии.

„В виду вышеизложенного, в личных интересах больных не пользоваться лекарствами бойкотируемых аптек".

Принятую форму бойкота решено обнародовать: во всех общественных учреждениях, во всех аптеках, во всех фабриках и заводах, во всех больницах и лечебницах, на всех митингах и собраниях, во всех театрах и увеселительных местах.

— Бюро союза учителей средних школ предлагает учителям и учительницам средне-учебных заведений вступать в состав союза, образовавшегося на почве профессионально-политического об'единения в апреле 1905 года (см. записку в „Образовании" 1905 г., № 4).

Новые члены в СПБ. принимаются по рекомендации 2 членов союза и баллотировке в общем собрании.

Членам союза в провинции предлагается образовывать группы и сообщать свои фамилии, место преподавания и адреса в бюро союза в виду предстоящего в январе 1906 г. всероссийского с'езда членов союза для окончательной выработки устава и об'единения действий.

Состав бюро: Н. В. Балаев (В. О., 13, л., 34), А. А. Добиош (Университет, Физический институт), А. Я. Закс (Моховая, 4), А. Л. Липовский (В. О., 5 л., 34), Г. А. Лучинский (В. О., 14 л., 47), Н. Н. Михайловский (Торговая, 7), А. Я. Острогорский (Моховая, 33), М. Н. Стоюнина (Кабинетская, 20).

Просим провинциальные газеты перепечатать.

— Союз чиновников, несмотря на запрещения свыше, усиленно готовится к проявлению активной деятельности. Группа чиновников агитирует в пользу присоединения союза чиновников к Союзу союзов; большинство стоит за сохранение самостоятельности.

— 14 ноября в 7 час. в Вольно-Экономическом Обществе состоится собрание союза учащихся в зубоврачебных школах и зубных врачей. Вход только по повесткам.

— Первое собрание союза всех служащих в нотариальных конторах петербургского окружного суда состоялось в зале губернской земской управы, куда собралось много как высших, так и низших служащих в нотариальных конторах.

В состав бюро для составления устава избраны: И. С. Вольман, М. А. Курелюк, И. К. Грицевич, А. Ф. Карпов и г. Бобков.

Профессиональный союз среди конторщиков.

10 ноября в Соляном Городке состоялось общее собрание союза конторщиков и бухгалтеров под председательством Замятина. Предстояли выборы нового совета, так как прежний совет сложил с себя обязанности, и обсуждение текущих дел. Секретарь совета Лучинин прочел краткий отчет о деятельности совета и росте союза со дня возникновения его.

Огородников предлагает выработать раньше организацию на федеративных началах и затем избрать согласно уставу совет.

Пока же, до выработки организации, рекомендует избрать временный совет.

Вопрос ставится на обсуждение, и после долгих прений баллотировкой решено избрать временный совет.

Делегат от Балтийской железной дороги сообщает, что 38 бастовавших служащих в бухгалтерии уволены администрацией. После сношения с министром на имя начальника службы сборов была получена телеграмма: „Согласно приказанию начальника управления железной дороги прошу вас воздержаться от проведения в исполнение распоряжений моих от 7 сего ноября об увольнении некоторых служащих вверенных вам служб". Дальше рекомендуется „спокойствие и усердие". Сообщается об увольнении делегата бухгалтеров и конторщиков на Ижорских заводах; предлагается бойкот главному бухгалтеру Барбашеву. Тов. Сигов предлагает передать вопрос совету, находя, что бойкотировать нужно управление, в лице генерала Гросса, а не главного бухгалтера.

Вопрос передается на рассмотрение совета и поручается делегатам Ижорских заводов от имени союза конторщиков и бухгалтеров разослать в Кронштадт и в порт предложение не занимать мест уволенных служащих на Ижорских заводах.

Проект организации поручено выработать совету, с указанием на общее стремление примкнуть к борющемуся пролетариату и желательности приспособления организации к боевым задачам времени. В заключение была выражена благодарность ушедшему совету.

От союза чинов с.-петербургской столичной полиции.

В единении — сила.

Товарищи околоточные надзиратели и городовые. В последние дни, как вы видите сами, везде устраиваются союзы. Цель всякого союза — защита интересов известной корпорации от произвола и насилия. Все, что творится перед вашими глазами в настоящее время, должно убедить вас в огромном значении союзов вообще. Одна железнодорожная забастовка доказывает, какая сила и стройность хранится в союзах, — на десятках тысяч верст прекращается вся жизнь, точно по мановению волшебного жезла.

Союз это — могучее средство, с которым бороться единичным личностям невозможно. Союзом достигается то, чего никогда не достигнет один человек никакими усилиями, ходатайствами и просьбами. Все корпорации нынче об'единились, и Союз союзов, эта гигантская сила, творит все, что пожелает, для блага об'единившихся. Одна лишь корпорация совершенно разрознена и стоит в стороне от всех — это полиция.

И потому нам живется так плохо. Нас никто из обывателей не считает за людей, начальство с нами творит что угодно. Давая нам грошевое содержание и зная вперед, что при тех требованиях, которые оно нам пред'являет, мы не можем жить на наше жалованье, оно тем самым заставляет пользоваться унижающими нас подачками обывателя. Оно знает, что благодаря этому вселяет в обывателя неуважение к нам, переходящее подчас в ненависть. Кроме того, начальство заставляет нас выполнять такие поручения, которые выгодны только ему и идут во вред обывателям, между тем как по-настоящему все наши полицейские обязанности должны сводиться только к одному—к священной обязанности охраны личности и имущества обывателя, а никак не интересов начальства.

Начальство ведет с нами такую политику для того, чтобы всегда иметь в своих руках послушное орудие, которым оно может распоряжаться, как пожелает; оно отлично сознает, что, поставив нас в такие условия, тем самым закрепостило нас, ибо, если бы мы захотели переменить службу, то сделать этого не в состоянии, — нас никуда не примут: а потому надо дорожить полицейской службой и делать все, что прикажут, иначе— выгонят, и помирай с голоду. И мы, обезличенные, униженные, покорно несли до сих пор свою тяжелую службу. Мы лучшие годы своей жизни посвятили ей; но начальству нет до этого никакого дела. Когда мы будем ему ненужны, т. е. состаримся, оно нас вышвырнет за борт, как ненужный хлам, совершенно не заботясь о том, умрем ли мы с голода на улице или в полицейской богадельне, которую построит Клейгельс себе на потеху на наши же деньги. Сколько товарищей ушло в отставку, не получив никакой пенсии или получив какие-нибудь гроши. Доказательством этому служит последний приказ об эмеритальной кассе, собранной из наших же грошей. Куда девались

эти 1.200.000 рублей? На каком основании их с нас удерживали, если устав о кассе почти 20 лет не могут утвердить? Да, после оставления службы мы совсем не обеспечены; состоя же на службе, мы рискуем ежедневно, что по воле начальства останемся без куска хлеба. Вспомните нашего товарища Галайшу, изгнанного Треповым не только со службы, но даже высланного из пределов С.-Петербургского генерал-губернаторства. А за что? За то, что он пред'явил свои человеческие права. Одним словом, вы видите сами, как заботится правительство о нас за нашу службу. И такое положение будет продолжаться до тех пор, пока мы не сплотимся, а будем так же разрознены, как теперь. Нас в столице почти 500 человек околоточных, да городовых до 2.000; подумайте, какая это сила будет, если мы об'единимся. Правительство нам бросило теперь подачку, прибавило 10 рублей в месяц жалованья; но разве это дает нам возможность жить честно, состоя на службе? Разве это может обеспечить нашу старость, наши семьи? Оно хочет нас этим обмануть, что заботится о нас; не идите на эту приманку. Сторицей выколотит из вас правительство эти 10 рублей.

Товарищи, подумайте хорошенько об этом, раз'ясните все это городовым. У нас слишком мало времени на размышление, быть может осталось уже только несколько дней, события идут быстрым ходом, и не успеем мы оглянуться, как можем быть выброшены на улицу; нам надо об'единиться во что бы то ни стало, и чем скорее, тем лучше. Соберитесь у себя по участкам, потолкуйте, поговорите с соседями. Не верьте, если вам скажут, что вас призывают с преступной какою-либо целью, не против государя императора мы хотим что-либо замыслить, его особа должна быть равно для всех нас священна, но вас приглашают оглянуться на себя, так как мы все до сих пор делали не то, что надо, т. е. не служили для пользы обывателя, не защищали его, как бы то должно было на самом деле, а служили начальству, которое преследовало свои личные корыстные цели и довело нашу родину до того бедственного положения, в котором она теперь очутилась, а нас до того, что нас за людей никто не считает; когда дети наши подрастут, им стыдно будет признаться, что их отцы были полицейские чины, которых заклеймили прозвищем „черносотенников", и это клеймо без вины перейдет и на них.

Итак, товарищи, соединимся и, благословясь, дружно примемся за работу. Да поможет нам бог.

Весьма желательно, чтобы ответы на предложенные ниже вопросы были изготовлены в 2—3-дневный срок; просят ответить:

1) сколько в участке желающих вступить в союз, отдельно околоточных и городовых, и

2) избрать в районе каждого участка более подходящее помещение, где бы можно было собираться если не всем околоточным, то хотя выборным от каждого участка по одному.

От редакции. И среди чинов полиции, на которых возложены самые гнусные обязанности отживающим режимом, начинает пробиваться сознание необходимости организации для отпора самодержавной власти своих начальников. Но одного этого сознания мало. За ним должно последовать и, надеемся, последует сознание своего гражданского долга. И перед чинами полиции, порвавшими с принципом „не сметь свое суждение иметь", должен теперь встать вопрос: с народом, борющимся за свободу, или против народа и за кучку его бесстыдных угнетателей?

Из жизни рабочих.

— 11 ноября в центральном комитете Союза союзов делегат от нарвских мануфактур бывш. Штиглица сообщил, что рабочие этого общества пред'явили дней 10 назад к администрации завода требование о введении 9-часового рабочего дня вместо 11-часового и увеличения жалованья на 15%.

Сначала директор обещал было удовлетворить, но потом заявил, что увеличить жалованье невозможно, а рабочий день согласен сократить на полчаса. Рабочие не согласились. Тогда вывешено было об'явление, что через 2 недели все рабочие будут рассчитаны.

До срока фабрики закрыты.

Рабочие требуют открытия фабрик и готовы приступить к работам на старых условиях. В Нарве 6 заводов, рабочих до 35.000. Все рабочие организовались в союзы. Если фабрики не будут немедленно открыты, все рабочие решили забастовать. Делегат просил Союз союзов посодействовать, чтобы фабрики были открыты.

Центральный комитет Союза союзов постановил: предложить делегату общества нарвских мануфактур обратиться к Совету Рабочих Депутатов как к органу, ведающему все дела рабочих организаций. Если же явится необходимость, центральный комитет со своей стороны примет все возможные меры.

11 ноября вечером делегат обратился в исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов и, пред'явив полномочие союза рабочих на фабриках и заводах г. Нарвы, заявил о решении рабочих войти в состав депутатского совета. Делегату Исполнительным Комитетом было предложено участвовать в Совете в качестве депутата от рабочих г. Нарвы.

На Трубочном заводе (В. О.).

Рабочие никак не могут разобраться с выборами депутатов. Депутаты выбраны, но не признаются начальником завода.

Так, когда они явились к нему с требованиями, между прочим, с требованием работать в царский день 14 ноября, то начальник завода не принял их, заявив:

— Я не знаю вас. Может быть, вы с улицы пришли.

Таким образом, снова пришлось возвратиться к вопросу о выборе депутатов, который тянется вот уже две недели и которому конца не предвидится.

В 1-ой мастерской выбран давно депутат.

Начальник мастерской, штабс-капитан Нефедов, отказался утвердить его, находя выборы неправильными.

Рабочие произвели вторичные, правильные выборы, и снова был выбран в депутаты тот же рабочий. Однако, и на этот раз г. Нефедов отказался утвердить его, заявив, что это дело начальника завода; начальник же завода ясно определяет, что начальник мастерской должен утверждать депутата.

Выходит, что с рабочими поступают, как с мячиком, перебрасывая из рук в руки.

Теперь, когда начальник завода не принял депутатов, рабочие обратились к начальникам мастерских с требованием утвердить выбранных.

То же самое требование было пред'явлено и к г. Нефедову в третий раз, но и на этот раз он отказался утвердить, говоря:

— Потому не могу утвердить, что депутат мастеровой, а не рабочий. Выбирайте из рабочих, а не из мастеровых,—при этом он перечислил некоторых лиц, желательных ему в депутаты; но рабочие не желают.

Таким образом, дело остановилось. Администрация бюрократит. Ей хочется выдвинуть депутатами из рабочих малосознательных и запуганных людей.

Каковы же ее успехи?

Шт.-кап. Нефедов предлагал „портфель депутата" с такими условиями, лично им переданными при аудиенции, приглашенным лицам, что те признали условия неприемлемыми.

Условия эти сводятся к требованию ничего не делать без ведома и разрешения его и сообщать вперед ему, Нефедову, о поднятых рабочими вопросах; впрочем, все эти условия можно будет точнее узнать от самого г. Нефедова, так как рабочие намерены поместить следующее об'явление в газетах:

„Трубочный завод. 1-ая мастерская. Рабочие приглашают в депутаты гражданина, способного занять эту должность. За условиями обращаться к начальнику мастерской штабс-капитану Нефедову".

На Резвоостровской мануфактуре Воронина.

Рабочие продолжают бастовать, настаивая на введении 8-час. рабочего дня и удовлетворении экономических требований. Мануфактура — это одно из тех учреждений, где полновластно царит самая беззастенчивая эксплоатация.

До сих пор, напр., работа производилась в две смены: первая смена (женская) работала с $5^1/_2$ утра до 11 дня и затем с 3 дня до 9 вечера, вторая (мужская) с 11 дня до 3 дня и с 9 вечера до 3 утра; таким образом, женщины работали

в общем $11^1/_2$ час., мужчины 10 часов. Расчет производился следующим образом: дневную работу женщины продолжал мужчина ночью.

Общая их выработка за сутки делилась пополам, и каждый получал одинаковый заработок. Таким образом, женщина, работая на $1^1/_2$ часа дольше мужчины, оплачивала этим „прибавочным" трудом ночной труд мужчин, за который фабрикант должен был бы расплачиваться из собственного кармана. Это обстоятельство, между прочим, и служит причиной того, что на продолжении забастовки особенно настаивают женщины. Пред'явив свои требования, рабочие заявили, что они не желают иметь никаких разговоров с управляющим и требуют, чтобы приехал один из акционеров: Воронин, Лютш, Чешер.

10 ноября после долгих отнекиваний управляющего требование это, наконец, было исполнено, и в 11 часов утра на фабрику явились Воронин и Лютш, но появление „просвещенных" радетелей промышленности ничуть не изменило дела. Явившихся депутатов господин Воронин встретил грубыми окриками: „Кто вы такие, недавно работаете, а бунтуете, у меня по 10 лет работают", „убирайтесь к чорту" и т. п. изысканными выражениями жаргонного языка. На этом разговор прекратился. Собраться на митинг не удалось, так как фабрика была закрыта, а во дворе были спрятаны казаки, а около фабрики расхаживал со сворой шпионов околоточный Глазов, известный своим чрезмерным усердием. К 3 часам рабочие снова собрались для переговоров с фабричным инспектором. Последний наговорил кучу жалких слов, обещая поговорить с фабрикантом о разрешении собираться, говорил, что вновь образованное министерство позаботится о рабочих, с которыми, конечно, необходимо теперь считаться, ибо „ведь вы сила" и т. д. Сладкие речи были встречены довольно таки сурово, и рабочие разошлись с тем, чтобы на другой день собраться снова.

11 ноября на заводе снова состоялось собрание, на котором было постановлено продолжать забастовку. Настроение рабочих бодрое.

Бельгийское общество.

В виду об'явления директора Бельгийского общества о том, что уволенные делегаты принимаются на службу, делегатское собрание постановило с 8 ноября приступить к работам с утра, о чем и были оповещены служащие и рабочие. Однако в этот день никто в помещение правления допущен не был, и об'явление директора было сорвано. В ответ на вызов со стороны администрации решено было опять бастовать всем составом, не входя ни в какие переговоры с правлением. Около 3 часов дня правление прислало на собрание служащих и рабочих опять то же об'явление, но уже не от инженеров, как было в первый раз, а от имени и за подписью самого директора. Сейчас же было созвано в помещении правления общее собрание всех рабочих и служащих, которое решило приступить к работам, оставляя все возникшие вопросы открытыми.

В виду того, что начальник станции г. Бласс, мастер Дейтлерсен и старший машинист Оржелас своим поведением за время забастовки восстановили против себя рабочих и служащих (напр., г. Бласс заявил: „Или правление принимает обратно уволенных делегатов — тогда я ухожу, или я останусь, но делегаты ни в каком случае приняты быть не могут"), рабочие и служащие потребовали удаления вышеуказанных лиц из состава служащих Бельгийского общества. Правление не отказало в выполнении этого требования, но просило отсрочить на 3 месяца отставку. В виду состоявшегося постановления г. Бласс подал было в отставку с обязательством через 3 месяца очистить вовсе место, но, узнав о заготовленной для него рабочими тачке, утром 11 ноября поспешил взять расчет и удалиться.

Мастер Дейтлерсен еще 9-го получил расчет.

Расквитаться осталось только с г. Оржеласом, так как он не высказывал намерения удалиться своевременно и самостоятельно. В виду этого, тачка, заботливо приготовленная для г. Бласса, была применена к г-ну старшему машинисту.

В 4 часа дня 11 ноября состоялась торжественная процессия: рабочие с криками „ура" ловко выкатили г. Оржеласа из ворот станции на Введенку, предварительно окатив его смазочным маслом и вываляв в золе.

Во вторник, 8 ноября, произошло первое столкновение между хозяином паровой фабрики белья Олиф и рабочими (около 300 чел.).

Белошвейки вырабатывают от 15 — 18 р. в месяц, работая от 8 ч. утра до 8 ч. вечера, с перерывом на обед, заготовщики и закройщики, находящиеся сравнительно в льготном положении, получают помесячно от 16—40 руб. и работают $9^1/_2$ часов.

Вечером 10 ноября работницы и рабочие выбрали 4 депутатов для переговоров с хозяином, которому заявили следующие требования: 1) Неприкосновенность депутатов и уплата за время забастовки при условии, что никто рассчитан не будет. 2) Повышение расценок белошвейкам и гладильщицам на 5 коп. с дюжины (получали до сих пор по 40 к. с дюжины). 3) Прибавка 5 р. в месяц тем рабочим, которые состоят на месячных окладах. 4) Отмена вычетов за право пользования хозяйскими машинами и возвращение сумм, раньше уплаченных работницами за это право (хозяин взимает ежемесячно с каждой работницы 1 р. 30 к. — 1 р. 50 к. за право пользования машинами, а фабрика существует 16 лет). 5) Вежливое обращение. 6) Раздача работы всем одинаково без выбора. 7) Прием работы во все время рабочего дня, а не с 10—5 ч., как установлено. 8) Беспрепятственная выдача кипятку в течение всего дня.

Сегодня хозяин огласил свои уступки:

Гладильщицам и белошвейкам: 1) за стоячие отложные воротники по 5 к. с дюжины; 2) за другие сорта: где требовали 5 к., прибавлено 3 к., где 3—прибавлено 2 к.—ничего; 3) за машины будут высчитывать меньше на 2 к. с человека (90 коп. в месяц).

Оратор социал-демократ выяснил собравшимся работницам положение вещей, и решено отстаивать свои требования до конца. Хозяин обещался „подумать".

Между прочим, работницы уличили хозяина в мошенничестве: по правилам работницы через него покупают нитки, иголки и стеарин, при чем он берет с них двойную—тройную цену. Когда работницы поставили ему это на вид, он сказал: „Ну, это потом".

Фабрика закрыта, рабочих приглашают получить расчет, и вместе с тем хозяин идет на уступки. Пока рассчитан машинист Забродин, не пред'являвший к хозяину никаких требований, за одно выражение солидарности рабочим в их борьбе.

Решено послать депутата в Рабочий Совет.

Телефонная фабрика Эриксон.

11 ноября происходило собрание рабочих фабрики Эриксон. Обсуждался вопрос: продолжать ли забастовку, возникшую после политической забастовки, или нет? Председатель сообщил категорический отказ директора на требования рабочих принять обратно на фабрику трех амнистированных рабочих и разрешить собрания в помещении фабрики по окончании работ. Была произведена тайная — шарами — баллотировка, при чем оказалось 124 голоса за прекращение забастовки и 170 против. Второе требование — предоставить помещение фабрики для собраний было вновь подтверждено собранием единодушным поднятием рук. Затем было решено взять в конторе заработанные деньги, а двухнедельный расчет требовать с директора судом.

Александровский завод Николаевской ж. д.

11 ноября закрыт Александровский завод. Мастерские заняты войсками. На заводе в двух отделениях — паровозо и вагоностроительном работает около 2.000 человек. Расчет, согласно вывешенному об'явлению, будет производиться с 16/XI по отдельным цехам, при чем рабочие будут впускаться в контору по ярлыкам. Последнее время среди рабочих завода шли оживленные толки о введении 8-ч. рабочего дня, вследствие чего начальником службы тяги Михиным было предложено начальнику дороги Турцевичу закрыть завод, что и было принято последним. По слухам, счетоводный отдел, из солидарности к выбрасываемым на улицу товарищам рабочим, отказывается составлять счета, мотивируя свой отказ краткостью назначенного срока. Идут митинги как среди рабочих, так и среди служащих.

— На докладе министра финансов о принятии некоторых мер для улучшения быта рабочих экспедиции заготовления государственных бумаг 11 ноября последовала следующая резолюция:

1) Лицам, прослужившим в экспедиции 15 и более лет, предоставляется право не оставлять службы в экспедиции, прекратить участие в пенсионной кассе и получить собственные взносы с процентами и 95% приплаты казны с процентами. Холостым же и вдовам бездетным выдать 75% пособия, причитающегося семейному участнику, но, во всяком случае, не менее собственных их взносов с процентами на них.

2) Лицам, которым была назначена пенсия по уставу бывшей вспомогательной кассы и которые поступили вновь на службу, предоставляется, в случае оставления ими службы в экспедиции, получать пенсию согласно устава пенсионной кассы или, не оставляя службы, получить собственные взносы с 1 июля 1899 г. по 1 ноября 1905 г. с процентами и с процентами на капитал их пенсии за то же время, сохраняя при этом за собою право на пенсию, назначенную им по уставу бывшей вспомогательной кассы.

Рабочие экспедиции остались довольны этим раз'яснением, и работы в экспедиции пошли правильно.

— В понедельник, 7 ноября, ровно в 12 ч. дня, согласно постановлению Фед. Комитета Партии и Совета Рабочих Депутатов, начаты были работы на табачной фабрике Режи на Малом пр. (около 200 человек). Ставши на работу, работницы потребовали от администрации увольнения известной шпионки-работницы. Ее убрали, но вечером депутатка была вызвана в контору, и там ей сообщили об оставлении шпионки на фабрике, грозя закрытием фабрики. Работницы отказались, и во вторник фабрика была закрыта. Когда все собрались в среду брать расчет, то администрация, выдавши его 11 „зачинщикам", в том числе и депутатке, начала всячески уговаривать остальных стать на работу. Однако, работницы вызвали фабричного инспектора и настояли на том, чтобы всем был дан расчет. Работницы продолжают бастовать и, вероятно, своим единодушием заставят администрацию принять всех.

— На общем собрании рабочих столярно-ящичной фабрики бр. Вязьминских, в Флюговом пер., 6 ноября было единогласно постановлено: „В виду грубого, бессердечного и бесчеловечного отношения ко всем рабочим инженера Марка Моисеевича Вязьминского удалить его с фабрики". Лишь заступничество другого Вязьминского, пользующегося любовью рабочих, избавило его от удовольствия покататься на тачке.

Мастерские Варшавского вокзала.

Окончательного решения рабочими о 8-часовом дне еще нет. В пятницу, 11-го, в день приема депутации министром путей сообщения, работали 9 час., в субботу — до 3 часов, однако, среди рабочих господствует убеждение, что решение будет в пользу 8-часового дня и что во вторник, 15-го, оно уже войдет в жизнь. Войска, как и вчера, охраняют все входы во двор и на линию, и без именных нумерованных билетов („на право нахождения на станционной территории") никто не пропускается.

В словолитнях Лемана и Бертгольда.

После второй политической забастовки две большие словолитни (Бертгольда и Лемана) хозяева об'явили закрытыми. Нынешний год, начиная с января, ознаменовался целым рядом забастовок: у Лемана было 8 забастовок, из которых 4 экономических, 1 политическая, 2 политических и экономических одновременно и 1 из солидарности к московским товарищам в течение 6 дней. В октябре словолитня Лемана примкнула к первой всеобщей политической забастовке, а когда 21-го эта забастовка была окончена, лемановцы дружно повели экономическую, поддерживая след. требования: 1) отмены обысков; 2) уничтожения штрафов; 3) уплаты за забастовку; 4) ограничения числа чернорабочих. Товарищеская солидарность и участие лемановских рабочих в октябрьской политической забастовке сильно испугали хозяина, особенно, когда ему стало известно, что большинство из них входит в союз рабочих печатного дела. Леман пытался убедить рабочих „бросить политику" и организовать свой союз при благосклонном содействии хозяев (об этом см. № 3 „Нов. Жизни"), но все его подходы и заигрывания разбились о твердую пролетарскую решимость его рабочих. Лемановцы категорически заявили, что будут действовать согласно постановлениям союза и Совета Раб. Деп. Стойкость рабочих подействовала на хозяина: он об'явил об отмене обысков, а на остальные требования обещал дать ответ 28 октября. Рабочие с 24-го работали до 29-го, ожидая ответа. Но, как и водится, Леман своего обещания не сдержал и 29-го заявил, чтобы рабочие еще подождали ответа до 2 ноября. В ответ на такое издевательство лемановцы 31-го начали забастовку. В тот же день Леман вывесил об'явление, что, если до 2 ноября они не выйдут на работу, то будут рассчитаны. 5 ноября товарищи-лемановцы заявили, что возьмут расчет, если хозяин: 1) уплатит за все время забастовки, 2) за 2 недели вперед, 3) выдаст штрафной капитал. Леман согласился заплатить лишь за 3 дня забастовки, а в остальных требованиях отказал. Лемановцы стойко держатся и отказываются брать расчет.

Рабочие словолитни Бертгольда выдержали в текущем году 6 забастовок — политических и экономических. Во время забастовки из солидарности с московскими товарищами бертгольдцы пред'явили и экономические требования: 9-час. рабочий день и повышение расценок. Несмотря на угрозы хозяина рассчитать рабочих и выписать новых из-за границы, где у Бертгольда есть несколько заведений (в Берлине, Вене и Штутгарте), товарищи-бертгольдцы 7 дней твердо держались и одержали победу: их требования были удовлетворены.

Подобно Леману, и Бертгольд пытался разрушить классовое самосознание и солидарность рабочих, предлагая им основать „отеческий" союз, но также безуспешно.

2 ноября бертгольдцы примкнули ко второй политической забастовке, несмотря на угрозы хозяина немедленно закрыть словолитню. 7 ноября бертгольдцы заявили, что они заканчивают политическую забастовку по постановлению Совета Р. Д. и ведут теперь забастовку из солидарности с товарищами-лемановцами. Бертгольдцам также об'явлен расчет, которого и они, подобно лемановцам, не берут. Рабочие обеих словолитен товарищески поддерживают друг друга; они надеются продержаться недели 3.

Но оба хозяина решили прибегнуть к обычному средству, каким не брезгуют фабриканты, — к найму штрейкбрейхеров. У них имеются словолитни в Москве (у Бертгольда — Милютинский пер. д. Арбатской, у Лемана — уг. Леонтьевского и Чернышевского пер.), а у Бертгольда, как мы уже сказали, и за границей. Они заявили рассчитанным товарищам, что у них нет нужды в новых рабочих, что они выпишут из своих словолитен.

Между прочим за границу послано обращение в центральный орган германской социал-демократии с тем, чтобы он уведомил и предостерег германских товарищей от невольного штрейкбрехерства по отношению к русским товарищам.

На Николаевской железной дороге.

Рабочие Невского района главных вагонных мастерских Николаевской жел. дороги хотели устроить 8 ноября у ворот мастерских митинг. Их встретила, однако, здесь рота солдат под командой штабс-капитана г. Литке. Г. Литке прежде всего сорвал об'явление за подписью начальника мастерских, приглашавших рабочих на митинг. Затем г. Литке потребовал допустить его произвести обыск в обойных мастерских. Тщательно обшарив все углы, г. Литке и его помощники обнаружили несколько трехцветных флагов, оставшихся после 50-летнего юбилея мастерских. Не удовлетворившись первым обыском, произведенным в присутствии солдат, полиции и администрации, г. Литке потребовал ключи от кладовых, ища везде „революционных флагов", но и здесь ничего, кроме трехцветных „патриотических" флагов г. Литке не обнаружил. Несмотря на свою „неудачу", г. Литке счел необходимым составить протокол. Из-за истории с флагами, митинг рабочих, конечно, не состоялся.

Из партийной жизни.

В субботу, 12 ноября, состоялось первое собрание вновь образованной коллегии агитаторов Невского района (фракции „большинства"). На собрании обсуждался вопрос об организации агитации в районе. Признано необходимым привлечь к работе все имеющиеся в районе агитаторские силы из среды рабочих

Для менее подготовленных предположено организовать специальные „агитаторские кружки". Занятия в этих кружках будут двоякого рода: 1) по общей программе для пропаганды в кружках высшего типа и 2) специальные — по разработке тем агитационных речей, технике агитаторского дела и т. д. Члены агитаторской коллегии, занимаясь в этих кружках, будут руководить и ораторскими выступлениями их посетителей.

Признано необходимым сделать агитацию более содержательной и приблизить ее к жизни. Агитаторская коллегия решила обратиться к организаторам района и их помощникам с просьбой доставлять возможно чаще (желательно ежедневно) сведения о положении дел на отдельных заводах, о настроении рабочих, о наиболее выдающихся фактах заводской жизни, а также отчеты о собраниях и пр. Сведения эти будут использованы как материал для агитационных речей и листков, а также и для партийной печати. С этой целью из состава агитаторской коллегии выделена особая литературная группа (из 7 чел.), члены которой ежедневно в определенные часы будут дежурить при агитаторском „штабе" Невского района. При штабе же установлены ежедневные дежурства агитаторов, чтобы спрос на ораторов мог удовлетворяться своевременно.

В виду того, что в деятельности митинговых агитаторов после интенсивной работы во время стачки наступает сравнительное затишье, решено пользоваться агитаторами также для чтения лекций перед рабочими и, в особенности, для занятий в агитаторских кружках.

Наиболее удачные лекции и речи было предложено издавать в виде брошюр и листовок.

Одесса.

(Корр. „Новой Жизни".)

6 ноября был знаменательным днем в жизни одесской социал-демократии. У нас произошло, наконец, после $2^1/_2$ лет ожесточенной борьбы полное об'единение всех местных социал-демократических сил. Акт об'единения произошел следующим образом. Периферии, начиная с революционных октябрьских дней, стали настойчиво требовать об'единения. Переговоры продолжались недолго: в течение одного дня была выработана схема об'единения; подробности же должна была выработать комиссия после обсуждения этой схемы периферией. 5 ноября в двух аудиториях университета большевики и меньшевики обсуждали эту схему об'единения. Первый вопрос был поставлен следующим образом: считают ли товарищи необходимым, желательным и возможным об'единение, которое должно привести к слиянию? После разностороннего обсуждения в аудитории меньшевиков вопрос был поставлен на баллотировку и принят единогласно при долгих криках ура. То же произошло и в соседней аудитории большевиков, и там большинством голосов, при 12 воздержавшихся, при тех же радостных криках, вопрос был решен в утвердительном смысле.

6 ноября было заседание обеих фракций в полном составе, где разбирался подробно план об'единения, пункт за пунктом. Заседание закончилось выбором об'единенной комиссии из 10 человек, которая должна выработать новый план единой организации. План этот будет временный до тех пор, пока произойдет всероссийское слияние. Существовавшая до сих пор группа и комитет сложили с себя теперь полномочия. Вот этот план: 1. Одесский Комитет и Одесская Группа Российской Соц.-Дем. Рабоч. Партии об'единяются в одну организацию под общим названием „Об'единенный Одесский Комитет Р. С.-Д. Р. П. 2. Директивы Центр. Комит. и Организ. Комисс. Р. С.-Д. Р. П. впредь до об'единения обеих фракций обсуждаются и решаются на тех же основаниях, как и все другие вопросы, возникающие внутри организации. 3. Об'единенная организация для своего внутреннего устройства устанавливает следующие основания: 1) Выборность всех руководящих коллегий. 2) Постоянная их отчетность перед всеми членами организации. 3) Право запроса руководящих коллегий. 4) Право инициативы. 5) Опрос всех членов организации в вопросах, касающихся ее открытых массовых выступлений, не требующих экстренных решений. 6) Подчинение меньшинства каждой коллегии и всей организации большинству. 7) Подчинение всех членов организации решениям центральной руководящей коллегии низших и высших учреждений. 4. На с'езды и конференции, организуемые Организац. Комисс. или Центр. Комит., а также на об'единенный с'езд обеих фракций об'единенная организация посылает представителей обоих течений. 5. Соответствующие районные и подрайонные комитеты, а также заводские комитеты, всякие цехи, центры и группы сливаются и об'единяют свои связи; точно так же сливаются пропагандистские, агитаторские, технические, крестьянские и военные группы. 6. На время, до установления новых организационных норм и выборов руководящих коллегий, по обеим организациям производятся выборы представителей во временную об'единенную комиссию по 5 человек от каждой организации, которой и поручается осуществить слияние обеих организаций и реформировать внутренний строй организации, определяемый решением всех членов об'единенной организации.

Одесская Группа Р. С.-Д. Р. П.
Одесский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Уже намечена газета, которая перейдет в руки об'единенной партийной организации. Работа идет усиленным темпом. Митинги происходят ежедневно. Главные вопросы, стоящие теперь у нас на очереди,— это организация профессиональных союзов и образование Совета Рабочих Депутатов.

Театр и музыка.

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР.

„Невод", комедия в 5 д. *кн. А. Сумбатова.*

Сидевшая около меня на вчерашнем представлении барыня после третьего акта сердито заметила: „Все это, что тут происходит, мы каждый день в газетах читаем; только дома, с газетой, сидеть удобнее".

Ворчливая барыня сделала пьесе кн. Сумбатова правильную оценку. Она ошиблась только в одном. Газеты писали об этом прежде; теперь революция заставила их заняться более серьезным делом, чем обличительство хищений и хищников — титулованных и чиновных.

Всех этих отставных губернаторов, глупых, надуваемых „как пузырь" своими чиновниками особых поручений и жаждущими „карьеры" супругами, этих наживающихся на счет благотворительности Пирятиных, этих будирующих, но приросших к людям старого режима, предводителей, этих Дальневых „с обще-земской бородкой", воплощающих гражданскую скорбь автора (измеряется в гомеопатических дозах), все это не ново, все это видано, неревидано.

Есть в пьесе попытка создать сильный и демонический образ. Это — Сусанна. Она много говорит о цепях и о том, что она не хочет цепей. Она рвет и те светские цепи, которые налагают на нее рождение, и „партийные цепи Васильевского острова". Она и любить не хочет, потому что любовь свяжет ее крылья. Но на протяжении пяти актов Сусанна ничего не делает, только говорит про цепи. Когда же, наконец, совершает свой первый поступок, то никаких цепей не рвет, а попросту, без видимой причины и достаточного основания, бросается на шею молодому карьеристу. Попытка создать демоническую девицу оказалась „попыткой с негодными средствами".

Исполнена была эта ненужная комедия хорошо. Оно и немудрено. Кн. Сумбатов не сумел написать хорошей пьесы, но актер Южин создал множество хороших ролей.

Эти роли, сшитые опытным театральным портным, хорошо сидели на привычных к таким ролям исполнителях. Все играли хорошо и ровно.

Два слова об Аполлонском. Он был великолепен в эпизодической роли шантажиста и наглого проходимца. Чувство меры помогло ему удержаться от балагана, на который легко было сбиться. Говорят, он уже несколько времени как перешел на характерные роли. Слава богу! Повидимому, теперь он вознаградит публику за то, что столько лет терзал ее в ролях любовников и героев.

Успеха „Невод" не имел. Даже александринскую публику теперь нельзя удовлетворить таким лепетом.

Я. Чужой.

НОВЫЙ ТЕАТР.

11 ноября поставлена была в „Новом театре" комедия князя В. В. Барятинского „Кочургин в деревне". Это продолжение „Пляски жизни", забавлявшей петербургскую публику в течение двух сезонов. Новая комедия написана тем же легким „благирующим" тоном, который составляет пикантность диалогов в пьесах кн. Барятинского. Содержание комедии — сатира нравов. И опять, как и в „Пляске жизни", у автора двойное отношение к изображаемым им нравам и типам. С одной стороны, чиновная аристократия, бюрократы высшего и низшего ранга — против них автор направляет все свои стрелы. С другой — родовитая знать, которую он или добродушно высмеивает, как пустых, но добрых малых, или идеализирует, как рыцарей правды, творящих добро под маской шутливого отношения к жизни — и главное к себе. По этому рецепту написана новая комедия „Кочургин в деревне". Герой, преобразившийся в деревне из светского прожигателя времени в обожаемого всем уездом предводителя дворянства, продолжает жить шутя, покоряя и ослепляя всех своим тоном enfant terrible, для которого нет ничего святого. На самом деле он чтит все заветы „добра и правды" и идеален во всех отношениях: идеальный предводитель дворянства, идеальный муж, затем благодетель рода человеческого; он спасает учительницу от преследований наглого земского начальника, сражается с губернатором и темными силами бюрократизма. Он становится, конечно, жертвой своих светлых начинаний — его не утверждают предводителем, и торжествует его соперник — один из столпов темной силы. Так же идеальна его жена — урожденная княжна. Это левый фланг аристократии, которую автор отстаивает с большой нежностью — противопоставляя его развращенной, корыстной бюрократии.

В пьесах князя Барятинского публике нравится, однако, главным образом, то, что направлено против чиновничества, от губернаторов до низших канцелярских и полицейских чинов. В „Кочургине в деревне" тоже успех имел третий акт, где происходят забавные сцены между губернатором, земским начальником и правителем канцелярии: они втроем обделывают свои дела и строят козни против невыносимого для них своей порядочностью Кочургина. Когда же на первый план выступает идеальный герой, его столь же идеальная жена с ее демократическими увлечениями и учительница, еще более идеальная в своем служении „маленькому, но честному долгу", то столько добродетели — становится нестерпимо. Сам Кочургин в художественном смысле удачная фигура: соединение высокого джентльменства с „благой" создает жизненный и привлекательный образ. Хорошо, что он сам себя несколько вышучивает, отмечая тем самым то, что в нем есть отживающего. Он добропорядочен, но не силен и умеет только брезгливо отходить от нечистоплотного в своем кругу, т. е. от проделок чиновничества. Бороться с ним он не в силах. Он только отмечает свою рознь от других и уходит. Это симпатично, но слабо. Таким князь Барятинский изображает своего излюбленного героя — и в этом свой стиль.

Сыграна была комедия хорошо. Все представители бюрократии были очень типичны и забавны. Особенно хорош был г. Аркадьев в роли земского начальника, главным образом в сцене подобострастного доноса губернатору на Кочургина и остроумно искаженного рассказа о сцене с учительницей в лесу. Г. Шмидт был типичный губернатор, г. Диевский очень тонко изобразил необыкновенно глупого и необыкновенно наглого молодого чиновника. Кочургина играл г. Горин-Горяйнов — вдумчиво, стараясь создать стильный образ благирующего аристократа. Г-жа Яворская внесла в роль графини веселость и задор и с большим жаром произнесла в последнем действии обличительный монолог против аристократического безделья. Автора много вызывали после третьего действия, самого удачного в пьесе.

Зин. Венгерова.

Иностранный отдел.

Из Франции.

18 ноября 1905 года.

Стачка портовых рабочих кончилась; после двухдневной мирной борьбы рабочие вновь принялись за работу. Некоторые, выставленные стачечниками требования, как-то: повышение заработной платы, гарантия свободы слова вне мастерских, будут удовлетворены; но главнейшее требование — „возвращение в арсеналы уволенных товарищей" — не удовлетворено, и в этом пункте рабочие безусловно потерпели поражение. Мы сейчас увидим почему.

Поведение правительства во время стачки было возмутительное. Не успели еще рабочие покинуть своих мастерских, не успели еще прекратить работы, как на места забастовки начали стягиваться со всех сторон многочисленные войска, жандармерия и полиция, точно к берегам Франции приближалась страшная неприятельская сила; но и во все время стачки, несмотря на вполне мирный характер ее, несмотря на поразительное хладнокровие и спокойствие рабочих, вся армия в портовых городах была мобилизована в ожидании лишь удобного случая расстрелять рабочих. Такой случай, повторяю, благодаря поведению рабочих не представился. К величайшему огорчению буржуазии, жертв не было. Провокация не удалась. Тогда морской министр Томесон прибег к другому приему, приему, который социалистический депутат Аляр заклеймил в парламенте словами: „шантаж насчет голода" Томесон обратился к рабочим с воззванием, в котором,

правда, не решился назвать их „братцами“, но в котором горячо и с чувством уверял их в своей заботливости, сочувствии и любви к классу эксплоатируемых; под влиянием-то этих благородных чувств, а также в высших интересах республики и отечества Томесон предупреждает, что, если стачечники не примутся за работу в четверг*), все они будут уволены. Характерно, что угроза эта высказана была не только морским министром, но и всеми решительно буржуазными газетами, от националистических и монархических до крайних радикал-социалистических; все они с поразительным единодушием, забыв свои разногласия и интриги, убеждали правительство не считаться с требованиями стачечников, об‘явить нарушенным договор найма, заключенный между рабочими и государством — хозяином; спешной работы на арсеналах,— говорили они,— теперь нет, а если бы таковая и оказалась, то ее значительно дешевле и быстрее могут выполнить частные предприниматели. В этом аргументе столько же правды, сколько и неправды. Правда, что спешной работы в портовых арсеналах, принадлежащих государству, теперь нет, что государству значительно дороже обходится их содержание, чем если бы оно сдавало работу частным предпринимателям. Это признал сам президент совета министров Рувье; но это-то и доказывает, что государство, следовательно, имеет известный интерес владеть собственными арсеналами, иметь постоянно под рукой 25.000 рабочих, которые бы в случае военной тревоги могли бы немедленно выполнить заказы. Правительство пользуется этим аргументом — интересами национальной обороны, — чтобы подчинить рабочих портовых арсеналов казарменной дисциплине, чтобы лишить их фактически свободы стачек и союзов. Отсюда также уже становится понятным, почему в данном случае угроза голодом оказала влияние на стачечников, и почему, с другой стороны, правительство все-таки принуждено было пойти на уступки. Уже бывший морской министр ввел для портовых рабочих 8-часовой рабочий день.

Но ведь не первый раз и не только во Франции хозяин (будь это частный предприниматель или государство) угрожает своим забастовавшим рабочим выбросить их на улицу, оставить их без куска хлеба, если они не прекратят немедленно забастовки, и тем не менее рабочие добиваются своего. Почему же этот раз угроза подействовала?

Причина — в неорганизованности и недостаточной сознательности портовых рабочих. В этой категории французского пролетариата еще слишком мало развито классовое сознание. Социалистических групп в портовых городах очень мало, а там, где они существуют, число членов их слишком незначительно. В профессиональные организации входит лишь слабое меньшинство занятых в арсеналах рабочих; сами же профессиональные организации слишком проникнуты духом экономизма и анархизма. Анархизм же по сущности своей менее всего пригоден и способен к широкой организации рабочих. Сигнал к стачке подал город Брест; там-то и произошли события, вызвавшие протест портового пролетариата; но в Бресте среди рабочих преобладает анархическое течение. Когда началась стачка, в самом Бресте на 4.000 занятых в арсенале рабочих забастовало всего около 700 человек, тогда как в других городах, присоединившихся к Бресту из чувства солидарности, пропорция эта значительно выше. Так, напр., в Тулоне забастовали почти все рабочие. Более всего шумевшие брестские анархисты оказались наименее организованными. Не было также единодушия и в формулировании самих требований; правда, все стачечники одинаково энергично требовали принятия обратно в арсеналы уволенных в Бресте рабочих; все они одинаково протестовали против лишения их свободы слова; но в то время как федеральный комитет, заседающий в Тулоне, прибавил к этим требованиям ряд других, как-то: повышения заработной платы (максимум ее теперь — 3 фр. 60 сант., около 1 р. 40 коп.), увеличения пенсии рабочим, достигшим 50-летнего возраста (теперь эта пенсия равняется 50 фр., т. е. 18 руб. в месяц) и т. д., шербургские стачечники печатно высказались против выставления этих требований; они же первые и непосредственно, а не через свой федеральный комитет, вошли в переговоры с министром и решили прекратить стачку. За ними мало-по-малу последовали и другие города.

Федеральный комитет имел также намерение в начале стачки пригласить и другие корпорации рабочих, занятых в государственных предприятиях, присоединиться к портовым рабочим; среди этих корпораций спичечники — наиболее организованный и сознательный элемент. Но в то время, как стачка портовых рабочих уже кончалась, Рувье поспешил провести в парламенте закон о сокращении рабочего дня спичечников до 9 часов. Так велик страх буржуазии перед одной только возможностью стачки сознательных и организованных рабочих.

И нет сомнения, что будь портовые рабочие организованы политически и экономически, сознай они свои истинные классовые интересы, — они могли бы одержать блестящую победу.

Социалистическая фракция в парламенте интерпеллировала правительство по поводу только что закончившейся стачки. И тут опять, как и в печати, обнаружилось трогательное единодушие всех буржуазных фракций в их вражде и ненависти к рабочему классу. 445 депутатов одобрили действия правительства, и только 86, в том числе все социалисты, высказались против министерства Рувье. Знаменательный и приятный факт, обнаружившийся во время этих дебатов,— это разрыв, который, мы надеемся, будет окончательный, фракции Жореса с буржуазной левой, это все более и более заметный поворот Жореса к революционному, т. е. гедистскому, направлению в партии.

Линдов.

*) Стачка началась во вторник.

„Berliner Tageblatt‘y“ телеграфируют из Петербурга от 10 ноября: „На своей вчерашней аудиенции у государя граф Витте подвинул на шаг вперед финляндский вопрос, так как ему удалось добиться назначения т. с. Герарда, расположенного к финскому народу, на пост генерал-губернатора. Главная трудность состояла в утверждении списка сенаторов. Финны требовали принятия en bloc всего списка, что было отклонено нелюбимым в Финляндии статс-секретарем Линднером. Теперь надеются, что Герард уладит это дело соответственно желанию финнов“.

Как сообщают „Berliner Tageblatt‘y“ из Варшавы, ожидают через десять дней снятия военного положения в Польше.

Из Букареста телеграфируют в „Neue Freie Presse“: „Портовый комендант из Брайла донес правительству, что туда прибыл русский почтовый пароход с большим числом революционеров и желает забрать матросов „Потемкина“ и отвести их в Россию, дабы они могли участвовать в русской революции. Правительство приказало портовому коменданту воспрепятствовать высадке революционеров. Прошлой ночью возникли беспорядки среди русских матросов на пароходах „Бессарабец“ и „Килия“. Матросы отказывают в повиновении начальству и прекратили всякие работы“.

Польша и Литва.

Ченстохов. Генерал-губернатор Скалон и Шатилов (корр. „Новой Жизни“). Еще не успело русское общество оправиться от тяжелых впечатлений черносотенных погромов, как ему уже готовятся новые испытания: „Варфоломеевы дни в Царстве Польском“. В данную минуту нам доставлены факты из Петроковской сатрапии генерал-провокатора Шатилова, из города Ченстохова.

Ченстохов — 80-тысячный город, с преобладающим рабочим населением, сравнительно благополучно отпраздновал дни „конституции“. Были многолюдные (до 20 тысяч.) шествия с красными знаменами, устроенные социалистическими организациями. Были грандиозные тысячные веча на рынках. Войска и полиция отсутствовали. В городе за все это время царствовал образцовый порядок. Отношения обывателей к войскам и войск к обывателям были прямо-таки дружеские.

Но вот в Ченстохов проникли первые вести об еврейских погромах. Попыталась было администрация устроить погром и здесь, но это не удалось. Пролетариат польский слишком хорошо организован, а черные сотни здесь численно ничтожны.

Тогда здешние сатрапы решили испробовать иной ход.

Господин Скалон и господин Шатилов — храбрые генералы и не сдаются: не удалось одно, надо испробовать другое. И вот ими приготовляется грандиозная провокация: железопрокатный завод „Гантке“ в Ченстохове об‘является заводом для изготовления повстанческого оружия. Поздно ночью завод окружается войсками в количестве 2.000 человек. Производится обыск, в результате которого найдены: железные кочерги, палки с железными наконечниками и несколько револьверов допотопной системы.

Несмотря на такие мизерные результаты, в телеграфное агентство не постыдились передать, что „в посаде Ракове, близ Ченстохова, на заводе «Гантке» произведенным полицией обыском обнаружено тайное изготовление холодного оружия, часть которого найдена в жилых фабричных домах. Отобрано 37 пик и 23 сабли“.

Что касается сабель, то это несомненная ложь; наконечники же были.

Но и этого мало. И вот во вторник, 9 ноября, завод „Гантке“ в 2 часа дня был снова окружен и опечатан, как завод, изготовляющий повстанческое оружие, а инженеры завода под охраной эскадрона драгун, как мятежники, препровождены в городскую ратушу и заключены под стражу. 2.000 рабочих с семьями, бастовавшие в продолжение 3-х недель политической забастовки, выброшены без куска хлеба на улицу. Для апофеоза на завод „Гантке“ посланы казаки. Приехали они во вторник, 9 ноября, числом 9 сотен с 4 митральезами. Целый день не выгружались из поезда. На платформе вокзала происходили такие сцены: пьяный казак кричит проходящему пассажиру: „Эй, ты, антилигент, поди сюда, дай запомню твою рожу, погоди, наскочишь на шашку“. В другом конце платформы казак ораторствует: „Мы и Варшаву знаем и Ченстохово знаем, 10 тысяч вырежем, одну оставим“. Проходящий мимо казачий офицер не обращает на оратора никакого внимания. Между тем некоторые из казаков уже отправились в город и забавляются: становятся перед воротами домов и, когда оттуда кто-нибудь выходит, тычут в лицо нагайкой и посвистывают: фюит! Малейший протест — и на протестанта сыпятся удары нагайки. На другой день, в среду, можно было видеть „разгуливающих“ (не патрульных) казаков, которые окружали отдельных рабочих и избивали их. И все без малейшего повода, без скопления даже 2 человек. Под влиянием казаков озверели и солдаты: „Эй ты, пан, с.... сын, — кричит солдат, — чего руки в карманах держишь, — вынимай!“ и удар прикладом следует за неисполнение этого идиотского приказа (начальство подозревает в кармане каждого обывателя браунинг). „Эй ты, пан... — следует ругательство покрепче прежнего, — не сметь ходить с палкой“, и палка или зонтик разламываются на мелкие куски, так что жители обязаны ходить руки по швам, даже без зонтиков. И это не единичные факты, нет, это целая система.

Для чего же нужна эта система? А вот для чего: прочтите полковой приказ, он гласит: „Генерал-ад‘ютант Скалон приказал принять к неуклонному исполнению, первое: толпы манифестантов, громил, грабителей и всякие иные скопища рассматривать как банды мятежников и расстреливать их до полного уничтожения и второе: не дозволять нигде никаких сходок и митингов; в случае обнаружения таких недозволенных собраний рассеивать их огнестрельным оружием № 17. Подлинную подписал: ген. Шатилов. Верно: начальник генеральн. штаба подполковник Дмитревский“.

В Вильне забастовка в учебных заведениях усилилась, все мужские и женские учебные заведения забастовали. Попечитель учебного округа пригласил учителей и родителей для совместного совещания о возможности продолжать занятия.

В Вильне 8 ноября забастовали ломовые извозчики. Требования, пред‘явленные ими, заключаются в следующем: 1) рабочий день должен заключать в себе 12 часов, $1^1/_2$ часа на обед; 2) повышение заработной платы на 1 р. в неделю; 3) не ночевать при лошадях; 4) в случае болезни каждый рабочий получает за первые две недели свою прежнюю заработную плату, а за следующие $2^1/_2$ месяца заработок в половинном размере; 5) полная бесплатная медицинская помощь; 6) плата полностью за время забастовки; 7) никто не может пострадать за забастовку.

В Варшаве несколько месяцев тому назад начала выходить прогрессивная русская газета „Западный Голос“, которая вскоре принуждена была заявить о самовольном прекращении, потому что ее безжалостно душила местная цензура. Теперь она пожелала возобновить свое существование, вышла в свет и сейчас же была приостановлена генерал-губернатором за „вредное направление“. „Вредное направление“ газеты заключается в том, что, становясь на точку зрения тех русских, которые стоят против усиленного обрусения и угнетения Польши, она критиковала в своей передовой статье введение военного положения, говоря: „Военное положение не успокоит польский народ, а возмутит самые умеренные элементы его“.

Очевидно, такими мерами наше правительство желает доказать справедливость своей официальной ссылки на „русских людей края“, будто бы жалующихся на сепаративные стремления поляков“.

В Варшаве 10 ноября забастовали железнодорожные рабочие станции Прага. Причиной забастовки является неуплата им жалованья за время минувшей забастовки. Рабочие станции Варшава из чувства солидарности также забастовали. Если их требования не будут удовлетворены, то грозит на некоторых железнодорожных ветвях приостановка движения.

В Заславле вооруженные толпы крестьян рубят леса князя Сангушко. Произошла перестрелка с лесной стражей, которая отступила. По телеграфу вызваны войска.

В Ковенской и Сувалкской губерниях во многих местах вспыхнули крестьянские бунты. Крестьяне-литовцы отказываются платить подати, оказывая вооруженный отпор полицейским властям. В Олькениках вооруженные крестьяне разнесли все сельские школы, разбили казенные винные лавки, местная полиция разбежалась. В Тумене крестьяне ворвались в школу, уничтожили все бумаги, и когда явился тамошний ассесор (пристав), то его арестовали и держат под стражей. В Руде крестьяне грабят помещичьи имения, забирают скот, увозят рожь и сено. В огромном количестве распространяется воззвание за подписью „крестьянского союза“, призывающего прогнать помещиков, забрать их имения, пото-

му что земля должна быть не частной, а общей собственностью, прогнать полицию, чиновников, закрыть русские школы и требовать начального обучения на литовском языке.

В Вильне забастовали 9 ноября рабочие местных скотобоен. Выставлены требования экономического характера.

В Вильне небезызвестная писательница г. Зеганд-Дубельд ходатайствовала перед губернатором о разрешении ей поставить в городском театре в пользу амнистированных одну из своих пьес; губернатор ответил отказом.

Виленский вице-губернатор Безобразов подал прошение об отставке. На подачу этого прошения повлиял последний циркуляр, предписывающий администрации ряд мер, направленных к ограничению прав публичных собраний.

В Гродне. Находящиеся под арестом взбунтовавшиеся солдаты 1-ой и 2-ой батарей 26-й артиллерийской бригады, о которых было уже упомянуто в „Новой Жизни", пред'явили следующие требования. Приводим более интересные из них:

1) Человеческое обращение, улучшение пищи.
2) Сокращение срока службы до 2 лет.
3) Свобода собраний для обсуждения своих нужд.
4) Свободное посещение солдатами театров, библиотек и пр.
5) Уничтожение военных судов и смертной казни.
6) Уничтожение пользования казенной прислугой.
7) Уничтожение всех работ.
8) Бесплатная пересылка солдатских писем.
9) Не вскрывать солдатских писем.
10) Уничтожить обыски в казарме.
11) Пользоваться отпуском во всякое время года не менее 2 месяцев.
12) Бесплатный проезд в отпуск.
13) Свободный доступ в казармы всяких книг.
14) Выписка на казенный счет газет и журналов.
15) Устройство для солдат библиотеки из книг разных отделов и читальни при ней.
16) Не посылать на усмирение во время рабочих, крестьянских и солдатских волнений.
17) Лучшая организация медицинской помощи.
18) Немедленное увольнение всех кончивших срок службы и запасных.
19) Пособие каждому запасному при увольнении его домой.
20) Немедленная приостановка насильственных взысканий податей с семей запасных.
21) Никто из арестованных не должен пострадать.
22) Увольнение командира бригады Миколинского, стрелявшего в товарищей.
23) Освобождение всех арестованных товарищей, наказанных в дисциплинарном порядке по политическим делам. Товарищи! Мы не пойдем на занятия, пока не будут исполнены наши справедливые требования. Товарищи! Начальство нам скажет, что наши требования не могут быть удовлетворены из-за отсутствия денег, которые надо брать у крестьян и рабочих. Товарищи! Вспомним, сколько десятков тысяч получают наши бездарные генералы Куропаткин, Каульбарс и др.! Товарищи! Мы имеем такое право требовать человеческой жизни и будем бороться все вместе, пока не добьемся удовлетворения наших требований. Бодро, товарищи! Все за одного и один за всех.

Областной отдел.

ФИНЛЯНДИЯ.

(Корреспонденция „Нов. Жизни".)

Гельсингфорс.

В виду того, что наша либерально-буржуазная пресса почти игнорировала значение финляндского пролетариата и финляндской социал-демократической партии в „бескровной" революции в Финляндии, мы считаем нужным обратить внимание читателей „Новой Жизни" именно на главную роль финляндского рабочего класса в этом грандиозном освободительном движении, увенчавшемся, как известно, полной победой финского народа.

Правда, пока еще большая часть уступок остается на бумаге, так как еще сидят на своих местах почти все достойные сподвижники Бобрикова и Плеве в порабощении Финляндии.

Осуществление всех пока еще бумажных уступок зависит, главным образом, от дальнейшей борьбы финляндского пролетариата, который, несомненно, добьется и от финляндской буржуазии введения однопалатной системы народного представительства, основанного на общем избирательном праве. За такую реформу, не за две палаты, уже высказывалась на упомянутых митингах большая часть членов конституционной партии, конечно, главным образом, под влиянием требований социал-демократической партии.

Инициатива всеобщей забастовки, первоначально лишь для оказания поддержки русскому пролетариату, всецело принадлежит финляндской социал-демократии. Надо отдать справедливость и финляндской конституционной партии, которая немедленно поняла положение вещей и примкнула к забастовке. Поэтому в Финляндии мы были свидетелями всеобщей забастовки — забастовка пролетариата, буржуазии и чиновников. Но буржуазия немедленно добилась исполнения своих требований, т. е. восстановления конституции, тогда как пролетариату предстояла еще борьба за созыв национального (учредительного) собрания, что совершенно не входило в программу конституционной партии, стоявшей на почве „законности", т. е. желавшей преобразования средневековой организации сейма посредством самого сейма, как указано в основных законах Финляндии. Поэтому буржуазия настаивала на окончании забастовки, когда еще пролетариат считал нужным продолжение ее. За последние дни уже очень ясно сказывалась классовая борьба — борьба социал-демократической и конституционной партий за власть забастовки. Вся власть фактически находилась в руках рабочих. Они организовали для поддержания порядка т. н. „национальную" или „красную гвардию", во главе которой национальным забастовочным комитетом был поставлен капитан Кок. Лишь благодаря большому хладнокровию и такту последнего, дело в последний день забастовки не дошло до очень серьезных столкновений между студентами (частью т. н. „студенческой гвардии") и красной гвардией, при чем вина всецело была на стороне первых и их начальника капитана Теслева. Вообще рабочие поддерживали порядок превосходно. „Красная гвардия" не прекратила своего существования с окончанием забастовки. По воскресеньям происходят ее парады.

20 ноября (нов. ст.) состоится в Таммерфорсе чрезвычайный с'езд финляндской социал-демократической партии, которая будет обсуждать вопросы об ее отношении к сейму и т. п. Об этом конгрессе мы будем говорить в следующих письмах, а теперь приведем в русском переводе самый важный из обнародованных за время революции актов — т. н. „таммерфорский манифест".

Вот содержание „таммерфорского манифеста".

Комитет, назначенный для защиты интересов и прав народа предложил на утверждение всеобщего митинга в Таммерфорсе 1 ноября (нов. ст.) следующие пункты:

1.

а) Немедленно должны оставить свои посты жалкие ставленники русской бюрократии, позорно попиравшие ногами не только законы, но и самые священные правовые понятия народа.

б) Вместо вышедшего в отставку правительства, гельсингфорские жители должны выбрать временное правительство из числа лиц, пользующихся доверием народа.

Выборы должны производиться посредством открытого голосования на народном собрании. В голосовании имеют право принимать участие все жители столицы, достигшие 21-летнего возраста, без различия пола. Избранное таким образом правительство немедленно приступает к отправлению своих обязанностей *).

Главной задачей временного правительства является созыв национального собрания, впредь до чего оно не должно приступать к проведению таких реформ, которые в значительной степени потребовали бы затраты народных средств; с другой же стороны, правительству должно быть предоставлено полное право пользоваться средствами для осуществления всех мероприятий, направленных к защите самостоятельности страны. Все мероприятия правительства безусловно должны отличаться гласностью, и правительство за свою деятельность ответственно перед национальным собранием.

2.

В виду того, что привилегированные классы в различных местностях Финляндии в эти дни энергично добиваются созыва представительного собрания, пролетариат заявляет, что он ни под каким условием не может одобрить представительства, составленного согласно ныне действующему сеймовому уставу. Если же, несмотря на это предостережение, будет созвано классовое представительство, финляндские рабочие теперь же настойчиво обращают внимание господствующих классов на то, что события этих дней повторятся в гораздо больших размерах немедленно после обнародования созыва сейма **)

Тотчас же должно быть созвано законодательное национальное собрание. В новых основных законах должно быть указано, что будущее народное представительство должно состоять из одной палаты. При составлении национального собрания все достигшие 21-летнего возраста не лишенные судом гражданских прав граждане и гражданки должны иметь равное и прямое избирательное право и право быть избранными.

Городские магистраты и сельские общинные управления должны заблаговременно позаботиться о том, чтобы на практике не могло явиться никаких препятствий, которые, хотя бы в самой незначительной степени, затруднили или замедлили созыв национального собрания.

Мы уважаем и любим благородный русский народ, но от всей души ненавидим русскую низменную бюрократию, которая за последние годы пыталась обрусить нашу родину. Мы отнюдь не имеем особенного желания отложиться от великой России, если только мы получим гарантии того, что правление Российским государством перейдет в руки лучших элементов русского народа и если ход событий не вынудит такого отложения. Но во всяком случае мы требуем признания за Финляндией, даже если она и останется нераздельной частью Российского государства, полной самостоятельности в области законодательства и самоуправления.

3.

Мы, применяя на практике принципы истинной демократии, требуем:

а) Граждане должны иметь право собраний для обсуждения общих дел. Не должно допускаться никакого, даже лишь формального, надзора со стороны правительства.

b) Граждане должны иметь право беспрепятственно основывать союзы и общества политического, экономического или культурного характера. Достаточно одного лишь заявления об их основании.

с) Должна быть немедленно признана свобода печатного и устного слова, без всяких ограничений.

Мы обращаемся с этой прокламацией ко всему финскому народу, мы призываем всех тех, кто пострадал от политического или социального гнета, единодушно сплотиться на почве тех могучих идей, духовным знаменем которых является эта прокламация. В ней высказано все, что является дорогим для всех друзей истинной свободы и человеческих прав.

Итак, граждане, будьте готовы, если потребуется вашей кровью подписать все вышеизложенное!

Наблюдатель.

*) 4 ноября (н. ст.) на митинге были выбраны 24 кандидата из различных партий, но в тот же день был получен манифест о созыве чрезвычайного сейма и восстановлении конституции.

**) В день прекращения всеобщей забастовки было опубликовано нижеследующее об'явление центрального забастовочного комитета за подписью начальника нац. гвардии Кока:

„Сознавая, что благополучие отечества требует в данную минуту сохранения мира, национальный забастовочный комитет об'являет забастовку законченной". Таким образом, рабочие, очевидно, желали избежать серьезных столкновений с буржуазией.

Гродно.

(Корр. „Новой Жизни".)

Сообщаю интересные данные о волнениях среди местных артиллеристов. Работа среди войск местного гарнизона уже издавна ведется. За последнее время шла широкая агитация в войсках, и вдруг заволновались запасные солдаты артилл. и выставили целый ряд требований; главное было — увольнение их домой. Солдаты действительной службы решили их поддержать. 5 ноября подполк. Маколинский, командир 1-й бат. 26-й арт. бригады, попытался задержать в своей казарме одного солдата, подозреваемого им в агитации. Товарищи по батарее ему не дали. Тогда он выхватил револьвер и 2 раза выстрелил в воздух; после этого он и фельдфебель были выброшены солдатами из казармы. Узнав о случившемся, солдаты 2-й бат. вооружились и выбежали на двор. К ним прислали для усмирения пехотинцев Вятского полка, но артиллеристы их начали звать к себе. Вятские начали колебаться. Тогда начальство немедленно отозвало их.

Вечером на дворе бригады военно-рев. орг. был созван митинг из солдат всей бригады. Говорило 27 ораторов. Митинг прошел очень удачно. Между прочим, на митинге было об'явлено о требованиях (с известными раз'яснениями) для солдат, выработанных военно-рев. организацией. Солдаты слушали ораторов очень внимательно и одобряли их замечаниями: „верно, правда" и т. п. Ночью были арестованы все солдаты 1-й и 2-й батарей: они и по сие время находятся под арестом. Арест их произвел волнение в других частях войска.

6-го появился печатный листок в.-рев. орг. с перечислением солдатских требований. Всех их 38, отметим наиболее важные: сокращение срока службы до 2-х лет, свобода собраний, не посылать на усмирения, неприкосновенность солд. корреспонденции, право получать всевозможные книги и газеты, уничтожение института казенной прислуги, вольных работ, улучшение пищи и одежды, удаление подполк. Маколинского, уничтожение военных судов и т. п. Листок очень понравился солдатам. На след. день в.-р. орг. выпустила второй печатн. листок по поводу ареста артиллеристов. Было устроено также собрание, на котором присутствовало свыше 100 солдат из всех частей гарнизона. 8 ноября на фабриках, заводах, мастерских, по магазинам, на улице раздавались пригласительные карточки на митинг от имени ком. „Бунда". Отозвалось около 3—4 тыс. человек (евр. и христиан). Говорили трое ораторов: 1-й „о революции и контр-революции", 2-й о необходимости народной милиции и 3-й изложил то же самое по-русски. Затем была принята предложенная к-том резолюция, в которой требуется: 1) предание суду всех администраторов, игравших активную или пассивную роль в последних погромах; 2) полная демократизация обществ. и государств. строя в России, широкое областное самоуправление для Польши и др. областей и культурно-национальная автономия. Митинг состоялся в большой синагоге, порядок был образцовый.

С. Д.

Одесса.

По примеру своих товарищей других городов, одесские рабочие взялись за организацию такого же органа рабочего самоуправления. 6 ноября состоялось большое собрание рабочих, представителей всех заводов, мастерских гор. Одессы, так наз. „авторитетов". Было свыше 300 человек. Собрание было созвано местными организациями. Председательствовал известный всему рабочему люду Одессы — рабочий. Перед открытием собрания приветствовали вернувшихся из ссылки товарищей рабочих. Долгие аплодисменты, рабочие целуются с жертвами произвола. Затем выясняется цель и значение Совета. Совет об'единяет, организует, вообще руководит классовой борьбой пролетариата как экономической, так и политической его борьбой. Товарищ, приехавший из Петербурга, докладывает об устройстве и работе питерского Совета Рабочих. Доклад очень интересен и захватывает всех рабочих. После обстоятельного ознакомления с Советом, единогласно выносится резолюция, что для дальнейшей борьбы одесским рабочим необходимо об'единенное представительное учреждение всех рабочих районов. Дальше разбирается вопрос об отношении Совета к партии. Одни говорят, что Совет должен быть учреждением беспартийным. Мотивируют это тем, что только таким образом можно действительно об'единить всех рабочих; что для правильного выступления вовсе не необходима наклейка партии и т. д. Противники этого мнения говорят, что политич. руководитель должен определить свое отношение к существующим партиям. Пришли к тому решению, чтоб предоставить самому Совету определяться. Затем разбирался проект устава Совета Рабочих. („Южн. Обозр.".)

Архангельск.

(Корр. „Новой Жизни".)

Об'явление пресловутой „свободы" всколыхнуло гадов и в нашем захолустье. Инстинктивно они поняли, что достаточно луча истинной свободы, чтобы прекратилось их „обычное занятие" — высасывание крови из трудящегося люда. Поняв это, они с остервенением хищников набросились на всех, кому дорога свобода, и кровью их хотели залить свой страх за будущее. После мирной демонстрации 6 — 7 тысяч граждан всех классов и возрастов, разные эксплоататоры, истинные враги и паразиты общества, путем подкупа и водки подняли темные массы и организовали из них черную сотню. Архангельская черная сотня проявила себя, как всякая черная сотня: под прикрытием национального флага и царского портрета она набросилась на учащихся детей, когда они мирно собрались в городском сквере, зверски избила их, а затем не менее зверски расправилась с манифестантами в честь свободы — двух из них, Гольдштейна и Покотилову, убила и нескольких изувечила. Полиция и губернские власти тоже оказались на высоте своего положения: полиция в усиленном составе сопровождала черную сотню и охраняла... черную же сотню, а, по словам, некоторых очевидцев, даже руководила побоищем; вице-губернатор Хрипунов целовался на улице с черносотенцами... Все это в порядке вещей, все это не удивляет нас, обывателей, хотя и возмущает все наше существо. Но вот что сверх нашего понимания, сверх нашего возмущения, — это поведение нашего городского общественного управления.

На экстренном заседании его 21 октября был поднят вопрос об участии члена гор. управы Антонова в делах черной сотни и о принятии мер к успокоению жителей. Когда один гласный заявил, что для успокоения общества следовало бы Антонову покинуть свой пост члена управы, неистовые крики: „Зачем рвать наш русский флаг, зачем рвать портрет нашего царя?" и т. п. Так кричали разжиревшие буржуа, которым столько же дела до русского флага, сколько адмиралу Алексееву до блага России, которую он вовлек в несчастную войну, а теперь, когда русский народ стонет от этой войны, купил имение на юге Франции и поселился там навсегда. В порыве „благородного" возмущения за порванные флаги дума не поднялась выше воззрений Антонова и не исключила его из своей среды; только 2 гласных, гг. Кримчевский и Шмаков, протестовали против присутствия в думе черносотенного элемента и тут же сложили с себя звание гласных.

После всего этого дума напечатала воззвание к жителям города, призывая их к занятию обычными делами, избегать ссор и т. п., при чем всем обижаемым обещается заступничество властей (г. Хрипунова?) Злою усмешкою над нами, обывателями, звучит это обращение управы, в среде которой сидит Антонов, и, быть может, пишет это воззвание!

Голос.

Киев.

(Корр. „Новой Жизни".)

2 ноября в киевских главных мастерских Юго-Западных жел. дор. происходило собрание выборных от мастеровых и рабочих этих мастерских.

Собрание единогласно признало:

1) Необходимость периодических собраний выборных.

2) Необходимость общих собраний мастеровых и рабочих в помещении киевских главных мастерских.

3) Необходимость совместного депутатского собрания от киевских главных мастерских и от управления Юго-Западных жел. дор. — для обсуждения общих нужд и выработки устава профессионального союза.

4) Необходимость скорейшего ответа на требования киевских главных мастерских к администрации Юго-Западных жел. дор.

5) Обратиться к администрации Юго-Западных жел. дор. с требованием о принятии соответствующих мер и немедленному выполнению вышеозначенных положений.

Такие же собрания происходили в бобринских и одесских главных мастерских; собрания эти приняли резолюции, аналогичные с пунктами 1, 2, 4 и 5 резолюции собрания выборных киевских мастерских.

Вообще практикуемая администрацией Юго-Западных жел. дор. система откладывания и затягивания решения вопросов, касающихся улучшения быта служащих, и стремление отделываться одними только обещаниями вызывает среди низших служащих и рабочих все возрастающее раздражение, которое несомненно вызовет новые осложнения.

Камышин, Саратовской губернии.

(Корр. „Новой Жизни".)

На народных митингах, происходивших здесь в последнее время, между прочим, решено было: 1) существующую полицию заменить городской милицией и 2) выбрать новый состав городской думы на основах всеобщего голосования. Были составлены резолюции и через уполномоченных переданы в городскую думу, ту самую думу, которую решили удалить. Ну, а дума в своем заседании 31 октября уполномочила городского голову Синельщикова (которым, кстати сказать, все камышане недовольны) лично передать эти „ходатайства" саратовскому губернатору для утверждения.

Но г. Столыпин - Балашевский, очевидно, „не понял", о чем говорит дума, и предложил ей: „в случае предоставления городским правлением в мое распоряжение необходимых средств на временное усиление существующей полиции, мною мог бы быть усилен (!) состав камышинской полицейской команды".

Но этого явного издевательства оказалось мало для наших „отцов". Они решили жаловаться на Столыпина и решили послать телеграмму на высочайшее имя.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 13

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ВТОРНИК, 15 НОЯБРЯ
(28 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

От Федеративного Совета

Петербургского Комитета и Петерб. Группы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Пролетариат Петербурга в своей классовой борьбе выносит тяжкие удары об'единенного крупного капитала. Десятки тысяч рабочих выброшены на улицу.

Товарищи рабочие! Пролетарская борьба сильна солидарностью и вазимной поддержкой. Все за одного и один за всех: вносите определенные отчисления с каждой получки для поддержки товарищей, рассчитанных за борьбу за 8-часовой рабочий день.

Граждане! Спешите с помощью и вы все, кому дорого сохранение сил пролетариата, передового борца русской революции, сил, так беспощадно расхищаемых капиталистами и правительством.

Для централизации дела сборов и распределения их, по инициативе Федеративного Совета, учреждена Комиссия о безработных при Совете Рабочих Депутатов. Пожертвования просят направлять в редакции „Новой Жизни", „Начала", „Русской Газеты" и прямо в Комиссию. Приглашаем все столичные и провинциальные газеты и союзы немедленно открыть подписку для Комиссии о безработных.

Адрес Комиссии: Торговая ул., д. № 25, кв. № 2. На получаемые деньги будут выдаваться росписки за печатью Совета Рабочих Депутатов.

Федеративный Совет

Петерб. Комитета и Петерб. Группы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

14 ноября 1905 г.

С.-Петербург.

15-го ноября.

Неудавшаяся провокация.

Постановление Совета Рабочих Депутатов, которое мы печатаем в настоящем номере, знаменует чрезвычайно важный этап в развитии революции.

Союз правительства и буржуазии делает попытку разбить пролетариат, пользуясь истощением его сил. На об'явление о введении на фабриках и заводах Петербурга восьмичасового рабочего дня революционным путем буржуазия отвечает „локаутом".

Заговор составлен! Против стачки решено бороться массовым расчетом рабочих. Казенные заводы закрываются вместе с целым рядом заводов частных. Десятки тысяч рабочих выброшены на мостовую. Петербургский пролетариат, истощенный предыдущей борьбой, хотят провоцировать на новую битву при условиях, самых невыгодных для него.

Совет Рабочих Депутатов, следуя указаниям представителей социал-демократии, решил раскрыть перед рабочими заговор контр-революции и предостеречь петербургский пролетариат, чтобы он не дал заманить себя в ловушку. На вызов к борьбе в одиночку он ответил призывом к об'единению борьбы по всей России, он ответил немедленными мерами к укреплению союза революционных рабочих с революционным крестьянством, с теми частями армии и флота, которые начинают восстание во всех концах России.

В такой момент больше, чем когда-либо, важно направить все усилия на об'единение армии революции по всей России, важно сберечь силы, использовать захваченные свободы для увеличенной во сто раз агитации и организации, подготовиться к новым решительным битвам. Пусть самодержавие соединяется с реакционной буржуазией! Пусть буржуазия либеральная (представленная с'ездом земских и городских деятелей в Москве) вотирует доверие правительству, которое лицемерно говорит о свободе и давит военной силой Польшу за требование самых основных гарантий свободы!

Союзу самодержавия и буржуазии мы должны противопоставить союз социал-демократии и всей революционной буржуазной демократии. Социалистический пролетариат протягивает руку борющемуся за свободу крестьянству и зовет его к общему, согласованному натиску во всей стране.

Вот в чем состоит громадное значение постановления Совета Рабочих Депутатов. Мы, социал-демократы, должны позаботиться о том, чтобы вся партия пришла на помощь Совету Рабочих Депутатов. Мы стремимся не к одному только демократическому перевороту. Мы боремся за социализм, т. е. за полное освобождение трудящихся от всякого, не только политического, но и экономического угнетения. Мы об'единяем в своей партии

только тех, кто признает эту великую цель и ни на минуту не забывает о подготовке сил к ее достижению.

Но мы, социалисты, именно ради достижения нашей социалистической цели стремимся к самому решительному проведению демократической революции, к завоеванию полной свободы ради успешной борьбы за социализм. И потому с революционными демократами, которые не торговаться хотят с правительством, а бороться, которые не урезать хотят революцию, а довести до конца, — с такими людьми мы должны итти рука об руку, хотя и не сливаясь с ними. Да здравствует же союз социалистического пролетариата и всего революционного народа! Все силы реакции, все покушения контр-революции сломятся перед их общим натиском.

Н. Ленин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В заголовке социал-демократических изданий, печатаемых без гнета цензуры, на священных красных знаменах, под которыми выступают стройные ряды пролетариев и за которые бестрепетно погибали Кононов в Томске, Бауман в Москве, Афанасьев в Иваново-Вознесенске и бесчисленное множество других социал-демократов, наконец, на венках, которыми отдается последняя дань уважения погибшим борцам за пролетарскую свободу,— всюду мы пишем: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

В этих четырех словах заключен глубочайший смысл, которого не исчерпаешь ни в газетной статье, ни в книге, ни в многотомном сочинении. В развитие смысла именно этих слов вырабатываются социал-демократические программы, составляются организационные уставы, пишутся тысячи брошюр и книг, издаются листки, газеты и журналы. И вся деятельность социал-демократической партии должна находиться в неослабном, строгом, безусловном соответствии с ее лозунгом: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Этим лозунгом партия говорит прежде всего, что она партия пролетариата, что она борется за интересы людей, живущих продажей своей рабочей силы,—за интересы пролетариата, который один является верным, стойким и последовательным борцом за освобождение человечества от всякого гнета и эксплоатации. Только победа пролетариата приведет к действительному осуществлению в жизни принципов братства, равенства и свободы. Именно, борясь за свои классовые интересы, пролетариат борется за интересы всего человечества. Поэтому не может быть членом нашей партии тот, кто не понимает противоположности интересов пролетариата и буржуазии, кто стремится сгладить, затемнить классовые противоречия, кто не хочет стать на точку зрения интересов рабочего класса. Борьба социал-демократии—это именно есть борьба рабочего класса против всякого рода эксплоататоров.

Но партия рабочего класса, которая в борьбе за освобождение пролетариата борется за свободу и счастье всего человечества, не может отвергать выходцев из других классов, которые сумели отрешиться от узко-эгоистических интересов своего класса и стали в своей борьбе за счастье человечества на точку зрения пролетариата. Сознательный пролетариат смотрит на таких людей как на своих товарищей и единомышленников, как на равноправных членов партии. У нас в России, где выходцы из других классов играли в партии до последнего времени еще большую роль, чем в других странах, вопрос этот давно решен партией в том смысле, что в ней не должно быть различия в правах между интеллигентом и рабочим, что все члены партии должны быть равноправны.

Мы призываем соединяться пролетариев всех стран. Это значит, что социал-демократия об‘единяет под своим знаменем сознательный пролетариат всех государств, всех наций, всех народностей, профессий, вероисповеданий и обоих полов. Поэтому, если ты проповедуешь вражду пролетариата своей страны против пролетариата других государств, — уходи от нас, ты не социал-демократ. Если ты стоишь за то, чтобы люди, говорящие одним языком, имели больше прав, чем люди говорящие другим языком,—уходи от нас, ты не социал-демократ. Если ты сеешь недоверие и рознь между пролетириями разных вероисповеданий,—уходи от нас, ты не социал-демократ. Если ты хочешь ограничить права других профессий, чтобы построить свое благополучие на угнетении менее обученных рабочих, мы не можем считать тебя товарищем социал-демократом. Наконец, если ты смотришь на женщину как на рабыню, которая должна подчиняться мужчине и не должна иметь равных прав с ним, мы не можем принять тебя в свою партию.

Социал-демократия призывает пролетариат соединяться. Соединяйтесь—это значит: действуйте массой, как один человек! Один за всех, все за одного! В единении сила рабочего класса, единением он победит. В каждой стране должна быть только одна нераздельная партия пролетариата. Но для единения нужна организация. И так как все члены партии по самому существу своему равноправны, то значит единственно принципиально-правильное организационное начало для социал-демократии есть демократизм. Для того же, чтобы вся партия могла выступать как один человек, необходим централизм. Демократический централизм—единственно правильный принцип организации социал-демократической партии.

Что же такое демократический централизм?

И прежде всего, что такое демократизм?

Первый признак демократизма—равноправие всех членов организации. Но, чтобы организация могла выступить как один человек, необходимо, чтобы принималось общее решение, обязательное для всех членов организации. И пока еще не придумано иного способа достичь этой цели, как введение решений по большинству голосов. Правда, в этом случае товарищи, оставшиеся в меньшинстве, вынуждены бывают подчиниться решению, которое они считают неправильным. Получается впечатление, будто здесь возникает неравенство прав, и встречаются люди, которые говорят, что обязательны для всех только единогласные решения. В старину наши народники умилялись перед тем фактом, что на деревенских сходах решение всегда бывали единогласны. Но как достигалось это единогласие? На вопрос одного статистика, был ли приговор общества о переделе земли единогласным, получил ответ от общества: „Да, единогласным“. Когда же статистик стал опрашивать крестьян порознь,

то от некоторых получил ответ: „Был против передела, да выволочку дали, тогда согласился“.

Всякий поймет, что единогласие, достигаемое выволочкою, не есть действительное единогласие. Еще больше противоречит принципам социал-демократии мнение, будто меньшинство вольно подчиняться или не подчиняться решениям большинства, — тогда партия не сможет выступать как один человек, она разобьется на кружки и группы, она пойдет против своего девиза, против призыва: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ И всякий здравомыслящий человек понимает, что, подчиняясь большинству, меньшинство вовсе не терпит ущерба своим правам: в одном вопросе ты остался в меньшинстве и подчинился, в другом вопросе, может быть сегодня же или завтра, ты окажешься в большинстве, и тебе подчинятся другие. Сегодня ты даешь, завтра тебе дают, — где же тут нарушение равноправия?

Итак, при демократизме все члены партии равноправны, все имеют одинаковый решающий голос в партийных делах. Но как, каким способом осуществляется это право? Есть разные способы. Может быть, для каждого частного вопроса опрашивается мнение всех членов? На первый взгляд это самый полный демократизм. Но фактически осуществим и полезен он бывает только в самых первобытных, очень маленьких обществах и в небольших кружках. Крестьяне очень маленькой деревни могут решать все мирские дела единогласно. Но чуть мирское дело начинает развиваться, этот первобытный демократизм оказывается уже непригодным, он исчезает уже в том случае, если обществу приходится назначить особого пастуха для деревенского стада. Пастуху поручается надзор за скотиной, на него возлагаются известные обязанности и права, и было бы нелепостью, если бы ему не дали никакой самостоятельности, если бы он не мог решить сам, в какое время гнать скотину на водопой или на открытое место, или под тень деревьев. Точно так же, пока российская социал-демократия состояла из отдельных кружков, всякий кружок решал всякое дело сообща, но такая практика стала невозможной, как только кружки начали сплачиваться в партию. Тотчас оказалось, что для отдельных обязанностей нужно назначить отдельных людей с особыми правами и нужно подчиняться решению этих людей, как петербургские рабочие в октябрьском движении подчинялись решениям Совета Рабочих Депутатов. Значит ли это, что равноправие было нарушено? Нет, это значит только, что в октябрьском стачечном движении петербургские рабочие перешли от первобытного демократизма к демократическому централизму.

Следовательно, демократический централизм отличается от первобытного демократизма тем, что особо выбранные для определенных обязанностей лица наделяются и особыми правами. Общее же равноправие охраняется правом контроля для одних и обязанностью давать отчет для других. Подобный порядок предстоит теперь провести и в организации Р. С.-Д. Р. Партии.

„Еще только предстоит провести!—скажет читатель:— так значит, до сих пор этот порядок не проводился? Значит, до сих пор наша партия организовывалась противно основным принципам социал-демократической рабочей партии? Значит, она не была социал-демократической, или, значит, она не была партией?“

Хотя этот вопрос, надеемся, скоро станет вопросом только исторической оценки, но о нем стоит сказать несколько слов, тем более, что каждый член партии должен знать ее историю.

Первый партийный с‘езд провозгласил только идейное образование нашей партии. Мы и после с‘езда оставались раз‘единенными между собой. Партийной организации не было, был ряд кружков и групп. Этим кружкам приходилось работать во время высшего разгула деспотизма, полного бесправия русских обывателей в расцвет полицейских гонений, шпионства и сыска. Такой политической атмосферы не знала уже ни одна европейская страна ко времени образования социал-демократических партий в Европе. И нам пришлось применяться к российским условиям. Были перепробованы всякого рода способы организоваться. Оказалось, что легче всего избежать ударов полиции, если должностные лица партии, комитетчики и прочие, будут связаны с остальной массой не формальным разграничением прав и обязанностей, а чисто-деловым. Контроль и отчетность осуществлялись, опять-таки, не формально, а лишь на деле, именно тем, что неумелые или недеятельные члены комитетов и вообще должностные лица теряли влияние на массу, масса уходила от них. Это отражалось, конечно, страшно вредно на ходе работы, но иного пути тогда не было. Точно так же партийная газета, бывшая фактически Центральным Органом партии, являлась таким органом не на основании формального права, а только в силу своего фактического превосходства над другими органами. Ненормальность такого положения сознавалась большинством соц.-демократов, но на втором с‘езде партии оказалось возможным внести очень ограниченную поправку в дело организации: только центральные учреждения—Центральный Комитет и редакция Центрального Органа — были выбраны представителями комитетов и должны были стать подотчетны партийному с‘езду. В местной работе положение осталось прежним. Последнее время меньшевиками было предложено расширить проведение принципа формальной зависимости местных центров от ближайшей периферии, но, в то же время, по странному противоречию, они пошли несколько назад, не поставив редакцию Ц. О. в зависимость от местных организаций: в уставе, принятом их общерусской конференцией, нет ни слова о правах и обязанностях редакции Ц. О. Предложение Организационной Комиссии—поставить местные комитеты в зависимость от районных комитетов — также не являлось еще полным осуществлением демократического принципа: высшие должностные лица (местные комитетчики) ставились в зависимость от низших должностных лиц (районных комитетчиков), а рядовые члены партии, рабочие - социал-демократы, попрежнему не имели бы формальных прав по отношению к должностным лицам.

Октябрьские события сделали возможным (а следовательно и необходимым) дальнейшее, более полное осуществление демократического централизма в организации. В признании этого факта, вероятно, не будет разногласия между большевиками и меньшевиками. Спор может возникнуть только относительно частностей и подробностей, и тут мнения большевиков и меньшевиков могут перепутаться; образуется новое большинство и новое меньшинство; а обязанность всех сознательных социал-

демократов — не допустить нового раскола в партии. Нелепость раскола из-за частных вопросов организационного характера станет еще более ясной, если мы вспомним, как лихорадочно развивается в наше время политическая жизнь России, как быстро меняется положение партии, выдвигаются новые фактические задачи, нарастают новые потребности. Невозможное или ненужное вчера становится возможным и необходимым сегодня. Всякий из нас, оставшийся сегодня в меньшинстве и вынужденный подчиниться общему решению, может рассчитывать, что завтра его взгляды получат преобладание в партии. Раскалываться при таких условиях — это значит итти на разрыв рядом с завтрашним своим противником против своего завтрашнего единомышленника. Вряд ли я ошибусь, если скажу, что уже и нынешнее фракционное деление держится в известной мере не на принципиальных расхождениях, а на личных и кружковых связях, традициях и симпатиях. Среди нынешних меньшевиков найдутся люди, принципиально стоящие ближе к большевикам, чем к членам своей фракции, и обратно. Выступление из кружкового подполья на широкую арену публичности — самый удобный момент, чтобы забыть прошлые счеты и начать смотреть вперед, только вперед.

А впереди бездна работы. Буржуазия сплачивается, организуется. Ее классовое самосознание растет не менее быстро, чем сознательность пролетариата. Близок момент торговой сделки бюрократии с земским либерализмом, — момент, когда остатки крепостничества в союзе с буржуазией совместными силами обрушатся на пролетариат. Необходима мобилизация всех наших сил. В такой момент нельзя утешать себя мыслью, что мы не тратим сил на междуфракционную борьбу, что мы только соперничаем в положительной работе. Это соперничество все-таки является расточительностью, бесплодной растратой сил, когда устраиваются два предприятия там, где достаточно одного, когда силы распределяются не только сообразно интересам общего дела, но и в зависимости от интересов междуфракционной борьбы.

Фракционное дробление нашей партии является камнем преткновения для дальнейшего об'единения российской социал-демократии — для слияния с национальными соц.-демократическими организациями. Какая громадная экономия сил была бы нами достигнута, если бы всюду, от Гельсингфорса до Тифлиса, Вильны и Варшавы, все социал-демократы, весь сознательный пролетариат всей России слились в одно могучее целое, и вся эта масса стала бы выступать по одному общему решению, как один человек! Но как можем мы предложить подобное слияние национальным партиям, когда не можем уладить собственного внутреннего конфликта?

И как мелки, как жалки, в конце концов, поводы к этому конфликту, если сопоставишь их с грандиозностью ежедневно развертывающихся событий! С одной стороны, льется кровь сотен и тысяч, с другой — идет жалкий спор о клочках прав и обязанностей во взаимоотношениях между солдатами одной армии. С одной стороны, раздор из-за тактики по отношению к жалкому булыгинскому творению, успевшему умереть до своего рождения, с другой — борьба миллионов людей за свет, за жизнь, за счастье и свободу. Класс против класса! — вот в чем нерв и смысл переживаемой нами эпохи. И если признание этого смысла не покроет собою всех частных эпизодов нашей борьбы, если оно не окажется определяющим моментом всей нашей теперешней деятельности, то история скажет о нас: „Они были плохими социал-демократами! Они не следовали неуклонно и строго своему девизу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»“.

Галерка.

Русская печать.

* * * Вышел первый номер „Начала“. Приветствуем товарища по борьбе. В первом номере обращают на себя внимание блестящее описание ноябрьской стачки, принадлежащее тов. Троцкому, и статья о задачах нашей партии.

Организация пролетариата, — говорится в этой статье, — база всей нашей дальнейшей деятельности. Под'ем общественного интереса и общественной энергии, созданный революцией, нам в этом отношении открывает величайшие возможности. На что в другое время потребовались бы годы, то теперь можно сделать в месяцы, даже недели. Весь рабочий класс фабрик и заводов должен войти в социал-демократическую партию. Но и к сельскому пролетариату нам теперь более, чем когда-либо, открыт доступ. Надо покрыть всю страну политическими клубами и профессиональными организациями рабочих. Надо ввести рабочих в политическую жизнь, устраивая повсюду митинги и собрания. Надо всеми силами способствовать развитию рабочей прессы.

Наиболее широкое и энергичное использование политических прав — наилучшая гарантия против возврата к прежнему бесправию. И, если на почве мирного парламентарного развития Западной Европы классовая организация пролетариата создала революционную силу, неминуемо ведущую к политической катастрофе, то нет сомнения, что классовая организация пролетариата в России во время революции усилит революционную энергию и увеличит политические возможности революции.

Мы не сомневаемся в том, что такая организация вырастет: она уже создается. Теперь больше, чем когда-либо, на партии лежит долг тесно об'единиться внутри и резко отмежеваться снаружи. Сплоченность и верность программе — вот главный залог успеха.

* * * На другой день после 9 января освобожденцы не могли выдумать ничего более умного, как предложить мыслящим офицерам тотчас же выйти в отставку. „Сбросьте же, гг. офицеры, ваши опозоренные мундиры и сложите ваше оружие!“ Такой комический выход, конечно, ни к чему не привел. Те немногие революционные элементы, какие были тогда среди офицеров, предпочли остаться в мундирах и в мундирах продолжать агитацию. Прошло 10 месяцев, и то, что говорилось освобожденцами, повторяется теперь „Сыном Отечества“. Освобожденцы же, в лице „Нашей Жизни“ — ну, не ирония ли это судьбы? — принуждены втолковывать „Сыну Отечества“, насколько его призывы нелепы.

Если бы такое предложение исходило от правительственного агента-провокатора, оно было бы вполне понятно, так как правительству не может быть желательно присутствие на действительной службе у него офицеров, резко порицающих его действия и не желающих стать по его приказанию врагами народа. Протестующие элементы правительство всегда старалось всеми силами и способами выкуривать из всех казенных и общественных учреждений, и тем более оно не может допустить существования их в армии, которая служит для него главнейшей опорой.

Это доказала вся предшествовавшая политика высшего военного начальства, это доказывает и буря в военных сферах,

вызванная протестом 12 гвардейских офицеров, и меры, принятые с целью розыска этих смелых протестантов.

С 9 января прошло целых 10 месяцев энергичной организационной работы. Мыслящие офицеры успели за это время составить свой союз, который деятельно ведет пропаганду и служит страшной угрозой всем палачам народа. Правительство с ужасом следит за его развитием и не знает, как предотвратить готовящийся ему страшный удар. А мы, защитники народа, предлагаем офицерам „спасать свою честь“ выходом в отставку и переходить в ряды безоружных людей!

Что же, правительство за это может быть только благодарно нам и втайне посмеется над нашей наивностью. Мы же совершаем крупную политическую ошибку, парализовать вредное действие которой может только такт и ясное сознание своего назначения самих офицеров.

Запоздали сантименты „С. О.“, но запоздали и уверения „Нашей Жизни“. Не на скромные протесты анонимных офицеров опирается теперь революция, а на растущую революционность солдат. Выйдут ли в отставку анонимы, героически раскрыв свои планы, или же останутся при оружии — не в их руках судьбы движения. Те же, в чьих руках эти судьбы, никогда не сложат оружия.

* * * В „Самарской Газете“ бывший матрос рассказывает о бунте черноморцев 3 ноября 1903 г.

С утра разнеслась весть по экипажам, что за ворота не пускают с обыкновенными белыми билетами, а по приказанию Чухнина должны быть какие-то красные. Красных же билетов никто не выдавал. Это сильно озлобило матросов. К вечеру, когда вернулись матросы с казенных работ, у ворот второй дивизии собралась толпа матросов человек до трехсот. Стали переругиваться с дежурным у ворот. Выругали, освистали и загикали дежурного офицера. Кто-то из толпы бросил камень в фонарь, зазвенели стекла разбитого фонаря. Это послужило сигналом. Толпа заволновалась, послышались крики: „А, красные билеты!“ „Мы вам дадим красных билетов!“ „Бей их!“ „Ура!“ Камни, доски, палки, дрова, все, что попадало под руки, летело в окна, двери, ворота, фонари. Матросы выбегают из экипажей, присоединяются к начавшим.

Громкое ура, свист, звон разбиваемых окон, стук все увеличиваются и увеличиваются. Вот минута затишья; не слышно голосов. Только звенят окна, да слышатся глухие удары в двери, и потом опять долгое, мощное „ура!“. Добрались до офицерских квартир, выбили окна, разбили посуду, порвали подушки, подожгли в одном месте. Офицеров — ни одного, как вымерли.

Говорят, что они запрятались в погреба. Добрались и до военно-морского суда, выбили все окна. Вышел дежурный горнист, стал трубить тревогу. Вырвали рожок, положили его; в одном месте послышались звуки марсельезы, — то организованным удалось сплотиться. Слышатся крики: „На арестный дом!“

— Освободить товарищей! В город, в город! Бери винтовки и в город! — А могучее „ура“ не прекращает греметь. Свист, стук и крики сливались в одно. Вот забили тревогу в соседнем Брестском пехотном полку. Где-то близко раздавалось особенное, короткое, сухое трррра! Это дали залп будущие унтер-офицеры с крейсера „Память Меркурия“. А грозное, могучее „ура“, звон стекол, треск пехотного барабана не прекращаются. Вот совсем близко от нас показались белые огоньки, и снова послышалось характерное трррра! То опять будущие унтер-офицеры дали залп по своим братьям-матросам. Шум смолк. Стали разбегаться по экипажам. Кое-где слышны были возгласы: „За винтовки, мы им дадим проклятым знать, как стрелять в своих!“ Но никто не слушал. Снова прорезало ночную мглу и раскатилось тысячами отголосков в соседних горах характерное, сухое трррра! Кто-то жалобно вскрикнул. То опять дали залп и на этот раз убили такого же несчастного, забитого матроса, каковы и сами будущие унтер-офицеры. Паника усилилась. Через некоторое время, когда все матросы были в экипажах и во дворе достаточно было патруля, присланного с кораблей, пришли офицеры. Как приниженно и жалко выглядели они, просто противно было смотреть на них. Зашел к нам мичман Высокосов, командир 4 роты, и начал: „Братцы! Что вы делаете? Теперь такое время, царь-батюшка, царица-матушка и я плачу, а вы...“ — „Пошел вон, кровопийца!“ — крикнул ему кто-то; на всех лицах была написана злоба.

Мичман ушел. Во дворе его кто-то угостил камнем в бок. Часов до 11 кое-где еще раздавался звон разбиваемых окон, то кто-нибудь из патруля тайком пустит камень в окно, кто-нибудь извнутри экипажа запустит доской. Изредка раздавались залпы, вероятно, для острастки. На другой день пошли осматривать дело рук своих. Везде валялись обломки столов, рам, битое стекло, пух из офицерских подушек. В экипажах почти ни одного целого стекла. Офицерские квартиры и помещение суда представляли ужасное зрелище. В квартирах офицеров, в некоторых совсем выбиты рамы и только беспомощно болтаются занавески, в других рамах застряли пудовые камни. В суде ни одного целого стекла. Ворота выломаны, устои для ворот также. Решетка в некоторых местах согнута. Все вместе выглядело, как будто выдержало жаркую бомбардировку...

Через несколько дней начались аресты предполагаемых зачинщиков, потом суд над ними.

О реорганизации партии.

II.

Постановление Ц. К. нашей партии о созыве IV с‘езда Р. С.-Д. Р. П., напечатанное в № 9 „Новой Жизни“, делает решительный шаг к полному осуществлению демократического начала в партийной организации. Выборы делегатов на с‘езд (являющихся первоначально с совещательным голосом, но затем получающих, несомненно, решающий голос) должны быть произведены в один месяц. Всем организациям партии следует, таким образом, приступать как можно скорее к обсуждению вопроса о личностях кандидатов и о задачах с‘езда. С возможностью новых попыток умирающего самодержавия отнять обещанные свободы, напасть на революционных рабочих и особенно их вождей следует непременно считаться. Поэтому вряд ли уместно (за исключением разве особых случаев) опубликование настоящих фамилий делегатов. От псевдонимов, к которым нас приучила эпоха политического рабства, не приходится еще отказываться, пока черносотенцы остаются у власти. И кандидатов к делегатам не мешало бы выбирать, — опять-таки, по-старому, „на случай провала“. Но на всех этих конспиративных предосторожностях мы не будем останавливаться, ибо товарищи, знакомые с местными условиями работы, легко сладят со всеми затруднениями, которые могут возникнуть в этом отношении. Товарищи, богатые опытом революционной работы при условиях самодержавия, должны притти на помощь своими советами всем тем, кто начинает социал-демократическую работу при новых „свободных“ (свободных пока еще в кавычках) условиях. Само собою разумеется, что при этом со стороны членов наших комитетов требуется много такта: прежние формальные прерогативы теперь неизбежно теряют значение, и необходимо заново начинать сплошь да рядом „с начала“, доказать широким слоям новых товарищей по партии всю важность выдержанной социал-демократической программы, тактики, организации. Нельзя забывать, что до сих пор слишком часто имели дело только с выделившимися из данного социального слоя революционерами, теперь же мы будем иметь дело с типичными представителями массы: эта перемена требует перемены приемов не только пропа-

ганды и агитации (необходимость большей популярности, уменье подойти к вопросу, уменье раз'яснить самым простым, наглядным и действительно убедительным образом основные истины социализма), но и организации.

В настоящей заметке мне хотелось бы остановиться на одной стороне новых организационных задач. Постановление Ц. К. приглашает делегатов на с'езд от всех партийных организаций и призывает всех рабочих социал-демократов вступать в такие организации. Для того, чтобы это благое пожелание осуществилось на деле, недостаточно простого „приглашения" рабочих, недостаточно простого увеличения числа организаций прежнего типа. Нет, для этого необходима самостоятельная творческая выработка всеми товарищами сообща новых форм организации. Тут нельзя указать никаких заранее определимых норм, ибо все это дело новое; тут должно найти себе приложение знание местных условий и, главное, инициатива всех членов партии. Новая форма организации или, вернее, новая форма основной организационной ячейки рабочей партии должна быть безусловно более широкая по сравнению со старыми кружками. Вероятно, кроме того, что новая ячейка должна быть менее строго оформленной, более „свободной", „lose", организацией. При полной свободе союзов и при полной обеспеченности гражданских прав населения мы бы должны были, конечно, основывать повсюду социал-демократические (не профессиональные только, а политические, партийные) союзы. При теперешних условиях надо стремиться к тому, чтобы приблизиться к этой цели всеми путями и средствами, какие только окажутся в нашем распоряжении.

Надо немедленно разбудить инициативу всех партийных работников и всех рабочих, сочувствующих социал-демократии. Надо тотчас же организовать везде и повсюду рефераты, беседы, митинги, массовки с сообщением о IV с'езде Р. С.-Д. Р. П., с изложением задач этого с'езда в самой популярной и доступной форме, с указанием новой формы организации с'езда, с призывом всех социал-демократов принять участие в выработке на новых началах действительно пролетарской социал-демократической партии. Такая работа даст массу указаний опыта, выдвинет в две-три недели (если энергично повести дело) новые социал-демократические силы из среды рабочих, оживит в гораздо более широких слоях интерес к социал-демократической партии, которую мы решили теперь перестроить заново вместе со всеми товарищами-рабочими. Немедленно будет поставлен на всех собраниях вопрос о создании союзов, организаций, групп партии. Каждый союз, организация, группа тотчас выберет себе бюро или правление или распорядительную комиссию, одним словом, центральное и постоянное учреждение для ведения дел организации, для сношения с местными учреждениями партии, для получения и распространения партийной литературы, для сбора взносов на партийную работу, для устройства собраний, лекций, рефератов, наконец, для подготовки выборов делегата на партийный с'езд. Комитеты партии позаботятся, конечно, о помощи каждой такой организации, о снабжении ее материалом для ознакомления с тем, что такое Р. С.-Д. Р. Партия, какова ее история и ее теперешние великие задачи.

Далее, пора позаботиться также о том, чтобы создавать местные хозяйственные, так сказать, опорные пункты рабочих соц.-дем. организаций в виде содержимых членами партии столовых, чайных, пивных, библиотек, читален, тиров *) и проч. и проч. Нельзя забывать, что, кроме „самодержавной" полиции, рабочих социал-демократов будут преследовать „самодержавные" хозяева, рассчитывая агитаторов, и потому устройство базы, возможно более независимой от произвола фабрикантов, вещь крайне важная.

Вообще говоря, теперешним расширением свободы действия мы, социал-демократы, должны пользоваться всячески, и чем обеспеченнее будет эта свобода, тем энергичнее будем мы выдвигать лозунг: „В народ!". Теперь инициатива самих рабочих будет проявляться в таких размерах, о которых мы, вчерашние конспираторы и „кружковики", не смели и мечтать. Теперь воздействие идей социализма на массы пролетариата идет и будет итти такими путями, которых мы зачастую совершенно не в состоянии будем проследить. Соответственно таким условиям, надо будет заботиться о более правильном распределении социал-демократической интеллигенции **), чтобы она не толклась зря там, где движение уже встало на ноги и обходится, если можно так выразиться, своими силами, чтобы она шла „в низы", где работа тяжелее, условия труднее, нужда в опытных и знающих людях сильнее, источников света меньше, политическая жизнь бьет слабее. „В народ" мы должны теперь итти и на случай выборов, в которых примет участие все население даже самых глухих углов, и (это еще более важно) на случай открытой борьбы, чтобы парализовать реакционность провинциальной Вандеи, чтобы обеспечить распространение по всей стране, во всех массах пролетариата тех лозунгов, которые будут исходить из крупных центров.

Конечно, всякая крайность вредна; для вполне прочной и „образцовой", по возможности, постановки дела часто придется нам еще и теперь концентрировать лучшие силы в том или ином важном центре. Опыт покажет, какую пропорцию следует соблюдать в этом отношении. Наша задача теперь не столько выдумывать нормы для организации на новых началах, сколько развернуть самую широкую и смелую работу, чтобы подытожить и оформить на IV с'езде данные партийного опыта.

Н. Ленин.

---

*) Я не знаю соответственного русского слова и называю „тиром" помещение для стрельбы в цель, где есть запас всякого оружия, и всякий желающий за маленькую плату приходит и стреляет в цель из револьверов и ружей. В России об'явлена свобода собраний и союзов. Граждане в праве собраться и для учения стрельбе, опасности от этого никому быть не может. В любом европейском большом городе вы встретите открытые для всех тиры,—в подвальных квартирах, иногда за городом и т. п. А рабочему учиться стрелять, учиться обращаться с оружием весьма-весьма не лишне. Разумеется, серьезно и широко взяться за это дело мы сможем лишь тогда, когда будет обеспечена свобода союзов и можно будет тягать к суду полицейских негодяев, которые посмели бы закрывать такие учреждения.

**) На III с'езде партии я выражал пожелание, чтобы в комитетах партии приходилось, примерно, 8 рабочих на 2 интеллигентов. Как устарело это пожелание!

Теперь надо желать, чтобы в новых организациях партии на одного члена партии из социал-демократической интеллигенции приходилось несколько сот рабочих-социал-демократов.

Федор Афанасьевич Афанасьев.

(Некролог.)

Еще одна жертва озверелой реакции. 22 октября в Иваново-Вознесенске во время „разрешенного“ митинга рабочих на р. Талке, в буквальном смысле слова, растерзан толпою черносотенцев и казаков испытанный борец социал-демократии, ткач Федор Афанасьевич Афанасьев, известный в рабочих кругах Иваново-Вознесенска под именем „отца“. И по своему возрасту (ему было 47 лет) и по тому почету и влиянию, какими пользовался покойный среди рабочих Иваново-Вознесенска, он вполне заслужил это прозвище.

Ф. А. стоял в рядах активных борцов за освобождение рабочего класса более двадцати лет, посвятив таким образом всю свою жизнь борьбе за идеалы социал-демократии. Крестьянин Нарвского уезда, Петербургской губ., Ф. А. уже в юношеском возрасте покидает родную деревню и приезжает в Петербург, где и начинает работать на ткацких фабриках.

Уже в восьмидесятых годах Ф. А. участвовал в рабочих кружках, оставшихся после разгрома „Народной Воли“. В конце восьмидесятых годов, с возникновением в Петербурге социал-демократических кружков, руководимых интеллигенцией, главным образом студентами, Ф. А. вступает в ряды социал-демократии. Благодаря его недюжинному уму, энергии и беззаветной преданности идее социализма, из Ф. А. скоро выработался хороший пропагандист и организатор.

В мрачную эпоху конца восьмидесятых годов, когда, повидимому, погас последний луч надежды на лучшее будущее, Ф. А., никогда не терявший веры в это лучшее будущее, деятельно занимается пропагандой идей социализма среди рабочих Петербурга и организацией сознательных рабочих в кружки. Под его руководством воспиталось не одно поколение агитаторов-рабочих, разнесших потом, частью добровольно, частью вследствие принудительных высылок, идеи социал-демократии по всей России. В 89 году разрозненные социал-демократические рабочие кружки Петербурга об‘единяются в одну группу, во главе которой становится Рабочий Комитет. Ф. А. был одним из первых и самых деятельных членов этого комитета. С возникновением комитета начинают возникать и районные организации рабочих кружков. Ф. А., много способствовавший об‘единению первых социал-демократических рабочих кружков, был одним из первых сторонников публичного выступления социал-демократии. При его непосредственном участии было организовано первое выступление петербургских рабочих на публичную арену, сначала поднесением адреса и демонстративными похоранами Шелгунова, а затем первым празднованием 1 мая в 1891 г.

В 1891 г. Рабочий Комитет командировал Ф. А. в Москву для организации там рабочих социал-демократических кружков и для установления связи между ними и Петербургским Комитетом. Уже дело начало налаживаться, как весною 1902 года в Москве случился большой провал, и Ф. А. принужден был покинуть Москву. Осенью 1892 г. Ф. А. был арестован в Петербурге и отправлен в Москву. После долгого предварительного заключения его „по высочайшему повелению“ приговорили на один год в Кресты. Из Крестов Ф. А. вышел в 1896 г., но не на волю, а с высылкой на место родины. На родине, в деревне, при самой неблагоприятной обстановке, без средств, почти без связей с внешним миром, Ф. А. не падает духом: обучает детей, ведет пропаганду среди крестьян и рабочих соседних фабрик. Как только ему представилась возможность покинуть деревню, он уезжает в город. В городе он снова попадает в тюрьму, хотя не надолго. Последующая деятельность Ф. А. почти всецело связана с Иваново-Вознесенском и его окрестностями. Последнее время Ф. А. состоял под судом по социал-демократическому делу, и только ужасная смерть избавила его от нового издевательства, именуемого в России судом над политическими.

Смерть застигла этого славного борца за социал-демократические идеалы на боевом посту. Он был одним из деятельных членов и секретарем Иваново-Вознесенского Комитета Р. С.-Д. Р. П. и депутатом рабочих в Стачечном Комитете. Личность Ф. А. была хорошо известна мрачным силам черной сотни Иваново-Вознесенска, и они устроили на него специальную охоту. Когда озверелая толпа черносотенцев, предводительствуемых полицией и казаками, оставила почти до смерти растерзанного Ф. А., чтобы пуститься в преследование за другими, он приподнял голову; толпа заметила это и с криком: „Жив еще!“ бросилась снова на лежащего и докончила свое злодеяние. „Жив еще!“. Да дух его еще жив, и он не умрет, он будет передаваться из поколения в поколение и скоро восторжествует над мрачными силами, сразившими его тело!

М. Б.

Москва.

(По телефону из Москвы.)

— Сегодня состоялось собрание газетчиков; прочитан был проект устава союза, который одобрен и собранием утвержден. Избран совет союза газетчиков, который и пред‘явит издателям мотивированные требования.

— Московский союз еврейской интеллигенции решил созвать всероссийский еврейский с‘езд. Названный с‘езд не будет партийным, а должен представлять собой все русское еврейство, а также собрать представителей трудящихся классов для выяснения их нужд и отношений к остальному населению (?).

На с‘езде должно выясниться также отношение евреев к переживаемым Россией событиям, а также должны быть изысканы радикальные меры к прекращению погромов. Избрано бюро. Предполагается на этих же днях командировать в провинцию уполномоченных лиц, которые должны будут там агитировать в пользу с‘езда, раз‘яснить его смысл и истинное значение.

— Из Ташкента телеграфируют „Р. Сл.“, что в местных саперном и стрелковом батальонах среди нижних чинов произошли беспорядки.

— В „Вечерней Почте“ помещено письмо помощника московского градоначальника бар. Будберга, которым он старается опровергнуть сообщение газеты о разгроме редакции, сообщившей, что разгром этот учинен черносотенцами.

Редакция заявляет, что произведение г. Будберга она направляет к прокурору, а его самого привлекает к уголовной ответственности за клевету.

— Среди московского духовенства замечается теперь усиленное движение против митрополита московского и коломенского Владимира.

— Забастовка служащих 2-го общества конно-железных дорог продолжается. Служащие решили не возобновлять работ до

тех пор, пока их не уравняют в правах с городскими конно-железными служащими.

— На крупном механическом заводе Гужона рабочие вывозили инженеров на тачках. Владелец рассердился и хотел об'явить рабочим расчет, но рабочие предупредили желание хозяина и сами об'явили забастовку.

— В главной московской таможне забастовали рабочие шостаковской артели. Вследствие этого все московские чайные фирмы лишены возможности получить чай с таможни.

— На московском водопроводе ежедневно происходят митинги, клонящиеся к забастовке. От Крестовской заставы и до Алексеевской водокачки на каждом шагу стоят и ездят усиленные пехотные и казачьи патрули, усиленно разгоняющие всякую „толпу".

— Полиция в Москве отбирает оружие у населения. Производят обыски. Лица, у которых находят револьверы, штрафуются по 200—300 руб.

— 16 ноября закрывается коломенский машино-строительный завод. Выбрасывается на улицу 7 тысяч рабочих.

— На общем собрании русских общественных деятелей печатного дела закрытой баллотировкой 31 голосом против 4 постановлено печатать все без цензуры.

— На механическом заводе Коппера целую неделю продолжается забастовка, начавшаяся после об'явления расчета всему литейному цеху. Хозяин пытался подкупить рабочих, но безуспешно.

— Из Асхабада телеграфируют „Русскому Слову": „«Закаспийское Обозрение», со слов «Русского Туркестана», сообщает, что солдаты 2-го закаспийского железнодорожного батальона на общей сходке постановили: «выразить порицание войскам, стрелявшим в народ, выразить сочувствие товарищам-ташкентцам». К ним примкнули все части, исключая казаков".

— Наборщики университетской московской типографии просят заявить от их имени, что они принуждены работать в „Московских Ведомостях" исключительно вследствие материальной нужды, возмущаясь черносотенным направлением этого органа. Наборщики „Московских Ведомостей" обращаются к своим товарищам с просьбой поддержать их и об'явить бойкот как органу г. Грингмута, так и „Русскому Листку" и „Дню".

— Сегодня забастовали московские ломовые извозчики, до сих пор усердно избивавшие всех забастовщиков. В 4 часа дня в Гавриковском переулке и на дворе Московско-Казанской железной дороги состоялись митинги ломовых. Выработан ряд экономических требований.

— Сегодня утром состоялось собрание служащих-приказчиков в пивных лавках. Собрание решило организовать союз служащих в пивных лавках.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Варшава (случайная).—Вацлав Серошевский предается военному суду за статью, призывающую организовать милицию.

Ставрополь-Кавказский (случайная).—Общее собрание членов общества содействия народному образованию в Ставрополе, обсудив в заседании одиннадцатого ноября современное положение в России и вопрос о мерах к успокоению страны, признало необходимым: 1) провозглашение полной амнистии всем осужденным, привлеченным к суду по политическим и аграрным делам и за религиозные убеждения; 2) уничтожение смертной казни; 3) отмену военного положения, усиленной охраны и исключительных судов; 4) немедленное удаление от должностей и предание суду всех административных лиц, виновных в подстрекательстве черной сотни против интеллигенции, евреев, поляков, армян, учащихся и в прочих деяниях того же рода, в непринятии мер против погромщиков-грабителей и убийц и в частности удаления от должности и предания суду генерала Трепова, ростовского градоначальника Пилара, атаманов кавказского и лабинского отделов, Кубанской области, Браткова и Воронянского; 5) уничтожение цензуры, установление полной свободы печати с ответственностью только перед судом присяжных и основания периодических изданий явочным порядком и 6) созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права. Председатель комитета общества Георгий Праве.

Борисоглебск (собств. корр.), 14 ноября.—Вчера в имении князей Волконских после семидневных страшных мучений скончался член борисоглебской социал-демократической группы Александр Григорьевич Дубровин, изувеченный, расстрелянный казаками. По распоряжению администрации, полиция отказывает в выдаче тела. Покойный поехал с специальною целью внести сознательность в движение, отговаривая от поджогов и грабежей.

Петербург, 14 ноября.—Нас просят заявить, что слух о решении с.-петербургских фабрикантов и заводчиков ввести девятичасовой рабочий день лишен всякого основания.

Севастополь, 14 ноября.—С внешней стороны все тихо, но положение напряженное. К матросам в казармы перешла саперная рота. Сейчас ораторы-матросы сняли к себе резервный батальон. Вчера вечером с крейсера „Очаков" сняты командир и офицеры. На броненосцах „Ростислав" и „Три Святителя" никаких волнений не происходит и сочувствия к мятежникам не замечается. По высочайшему повелению, командование гарнизоном вверено корпусному командиру Закомельскому. Матросы сегодня устроили у себя на площади парад с музыкою.

Севастополь, 14 ноября.—Перемен в ходе событий нет. Матросы, не признавая начальства, несут правильную службу. По городу расхаживают флотские патрули с ружьями, охраняя порядок и арестовывая матросов, не имеющих билетов. Сегодня же по случаю табельного дня матросами без начальства устроен был парад у Владимирского собора. В городе пока спокойно. В городе ходят разноречивые слухи, которые, однако, нельзя проверить. Сейчас прибыл сюда из Симферополя Литовский полк и из Феодосии часть Виленского полка.

Москва, 14 ноября.—Сегодня арестованы председатель и все члены бюро закрывшегося крестьянского с'езда на основании положения об усиленной охране. В бюро крестьянского союза жандармскою полицией произведены обыски и выемка. Арестованных 8, среди них писатели: Чириков, Тан (Богораз) и приказчик фирмы „Мазут" Курнин.

Рестораны третьего разряда вновь открылись, официанты остальных ресторанов решили бастовать до полного удовлетворения требований.

Желая сократить уличное попрошайничество и хулиганство, городская управа составляет доклад об общественных работах для безработных.

Москва, 14 ноября.—Забастовавшие рабочие колбасных заведений снова стали на работу.

Сегодня состоялся митинг кухарок, пред'явивших требование воскресного отдыха.

Симферополь, 14 ноября.—Аграрных беспорядков в Днепровском уезде нет; есть только брожение.

Самара, 14 ноября.—Арестанты губернской тюрьмы, во время вечернего чая, разбили двери и окна, обезоружили стражу, испортили водопровод и потушили электричество. Вызваны войска. Из арестантов есть убитые и раненые. Несколько арестантов бежало.

Скопин, 14 ноября.—Вспыхнули аграрные беспорядки в селе Дубово, Скопинского уезда. Прибыли войска; зачинщики арестованы.

Москва, 13 ноября.—О народном образовании и местных языках с'ездом принята следующая резолюция: „Исходя во 1) из принципа свободы слова, провозглашенного в манифесте 17 октября основным законом, 2) из того убеждения, что успех дела начального обучения и образования, как показал опыт Норвегии и других стран, находится в прямой зависимости от того, ведется ли начальное обучение на родном языке или нет, и 3) из того постановления, которое сделано было уже на с'езде и принято в видах гарантии прав национальностей, населяющих империю, с'езд признает необходимым теперь же ввести до созыва народных представителей, по мере возможности, местные языки: литовский, латышский, эстонский и малорусский в преподавание в низших народных школах, а также отменить все циркуляры и распоряжения, касающиеся местных языков". С'езд закрылся в 11 час. ночи.

Владивосток, 13 ноября. — Среди пленных, доставленных из Японии, заметно усиливается брожение, вызываемое задержкою во Владивостоке вследствие невозможности для железной дороги сразу отправить всех на родину. Новые транспорты с пленными все прибывают.

Вчера на Чуркином мысе, где задержано до 1.000 пленных портартурцев, один офицер, встретив пьяного солдата из пленных, демонстративно не отдавшего честь, остановил его. Солдат разразился площадной бранью. Выведенный из терпенья, офицер шашкою уложил солдата. Отомстить за убитого бросилась толпа солдат, пытавшихся зажечь офицерское собрание с находившимися там четырьмя офицерами, вынужденными отстреливаться из револьверов. В результате три убито и один избит. Число пострадавших солдат неизвестно. Порядок восстановился лишь с прибытием на Чуркин мыс оренбургских казаков.

Говорят, что семь главных зачинщиков и 40 участников арестованы.

Киев, 13 ноября. — Свято-Троицкий монастырь опубликовал воззвание против еврейских погромов, призывающее к умиротворению.

Ростов-на-Дону, 13 ноября. — Биржевой комитет, установив убытки лиц, пострадавших от погромов и поджогов 18 — 22 октября в 7 миллионов рублей, из которых два от сгоревшей недвижимости, один от уничтоженной движимости и четыре от товаров, считая необходимым для восстановления торговой жизни города правительственную помощь, возбуждает ходатайство ассигновать безвозвратно 200.000 р. из коробочного и свечного сбора для раздачи еврейским приказчикам, ремесленникам и служащим и организовать однородную специальную помощь христианам этой категории. Постановлено ходатайствовать о десятилетнем кредите в 1 миллион для торговцев, а также испросить уменьшения наполовину сумм раскладочного специального сбора и разрешения торговать по текущим промысловым свидетельствам до июня 1906 года.

Суджа, 13 ноября. — В северной части аграрное движение еще не закончилось; с западной части уезда приходят тревожные слухи.

Ялта, 13 ноября. — Слушание дела о ялтинском погроме назначено на 22 ноября.

Вольск, 13 ноября. — Разбросаны письма о разгроме 14 и 15 ноября еврейских магазинов и квартир, отмеченных крестами. Магазины заколачиваются. Полицеймейстер об'явлениями призывает к спокойствию.

Состоялось соглашение торговцев с приказчиками о совершенном прекращении торговли в праздники; нарушившие это соглашение будут платить штраф в пользу бедных.

Козлов, 13 ноября. — В уезде начались аграрные беспорядки: на хуторах и опытных полях Козловского земства местные крестьяне уводят и делят весь скот. Земский телефон порван.

Кременчуг, 14 ноября. — В уезде организовалось отделение всероссийского крестьянского союза, в состав которого вошло уже свыше 1.500 крестьян.

Одесса, 14 ноября.—Делегаты почтово-телеграфных чиновников выехали на всероссийский с'езд в Москву.

Забастовали команды барж и пароходов русско-дунайского пароходства, находящихся в плавании. Забастовка длится трое суток, началась она в Браилове, при чем румынские власти вывели забастовщиков в Рени, где они теперь находятся. Пред'явлены требования политического характера.

Совет университета возбудил ходатайство о признании ношения студентами формы необязательным.

Нижний-Новгород, 14 ноября. — Забастовали трамваи и электрическая станция.

Губернатор отказался утвердить постановление думы о предоставлении городскому управлению контроля над деятельностью полиции.

Киев, 12 ноября. — В двадцатых числах ноября здесь открываются частные высшие женские курсы.

Саратов, 13 ноября. — 11 ноября, около часу дня, в доме Аплавина взорвалась бомба в квартире служащего на железной дороге Одинцова. В этот день к нему зашел бывший студент Прокофьев; не застав Одинцова, он остался его ждать. Вскоре раздался взрыв бомбы, которая или была принесена Прокофьевым, или находилась в квартире Одинцова. Часть дома совершенно разрушена. Прокофьев получил громадные ожоги и ушибы, был подброшен взрывом бомбы. По слухам, он уже умер. Несколько лиц, случайно находившихся во дворе, получили легкие поранения. Одинцов скрылся. Место происшествия осматривали прокуроры палаты и суда и власти. Ведется следствие.

Варшава, 13 ноября. — Сегодня открылись все варшавские театры.

В пять часов вечера в контору мельхиоровой фабрики Норблина ворвалось 6 человек воров. Угрожая револьверами, они приказали чиновникам не шевелиться, взяли из отпертой кассы 2.000 р., ранили сопротивлявшегося кассира и скрылись.

Кельцы, 12 ноября. — По официально проверенным сведениям телеграмма от 10 ноября о разгроме гминного управления в Келецком уезде и казенной винной лавки в Стопницком — неверна; случаев разгрома гминных управлений в Келецкой губернии не было. Разгромлена лишь казенная винная лавка в деревне Слупе.

Курск, 13 ноября. — Под председательством председателя губернской земской управы Раевского состоялось совещание губернской управы с председателями уездных управ по вопросу об изыскании мер к прекращению аграрного движения в Курской губернии. Признано необходимым образовать в уездах комитеты в составе уездного предводителя дворянства, председателя управы, городского головы и исправника и просить администрацию о предоставлении в распоряжение комитетов воинских команд, по возможности кавалерийских частей. При невозможности получения воинских частей просить об ассигновании за счет казны сумм для найма конной охраны. При отказе в ассигновании сумм, отнести расходы на местные средства. Признано необходимым предоставить членам комитетов, земских и городских управ право беседы с крестьянами для выяснения манифестов 17 октября и 3 ноября, немедленное прочтение манифестов в церквах и широкое распространение их в населении, отмена введенного положения усиленной охраны, ограничивающего право собраний для предвыборной агитации, а равно скорейший созыв Государственной Думы, которою должен быть рассмотрен аграрный вопрос.

Шуан-Чен-Пу, 13 ноября. — Начальник штаба 1-ой армии генерал-лейтенант Эверт об'являет: „В виду предстоящего расформирования штаба манджурской армии, вся переписка и остатки денежных сумм, из коих командующим армией, генерал-ад'ютантом Куропаткиным, назначаются пособия ампутированным чинам, будут переданы в Александровский комитет о раненых, из'явивший согласие продолжать это дело на тех же основаниях, которые ранее были опубликованы. А потому всем ампутированным чинам следует по расформировании штаба обращаться в Петербург в Александровский комитет о раненых как за справками по возбужденным ходатайствам, так и за получением разрешенных пособий и с возбуждением новых ходатайств“.

Томск, 13 ноября. — Директором мужской гимназии об'явлено, что занятия в низших классах, по желанию родителей, отложены до возобновления занятий в реальном и коммерческом училищах, которые закрыты на неопределенное время.

Москва, 13 ноября. — Сегодня утром забастовали ломовые извозчики на товарных станциях Николаевской, Ярославской и других дорог. Требования извозчиков экономические.

Администрация Коломенского машиностроительного завода, вследствие постоянных за последнее время беспорядков рабочих, решила 15 ноября закрыть завод.

Баку, 13 ноября. — Расклеено об'явление губернатора, воспрещающее демонстрации, манифестации, митинги и собрания на улицах и площадях. Митинги разрешаются в закрытых помещениях при известных условиях.

Короча, 13 ноября. — Бахтеевское общество из 250 домохозяев составило приговор с требованиями увеличения землепользования, уравнения в правах с другими сословиями, упразднения земских начальников, всеобщего образования за счет правительства, введения подоходного налога, упразднения волост-

ных судов, право избрания церковных причтов и амнистии всем политическим преступникам.

Суджа, 13 ноября. — Беловское сельское общество из 813 хозяев составило и представило в земскую управу второй приговор с требованиями упразднить становых приставов, урядников и стражников, содержание которых ложится большим бременем на население, уничтожить сословность, обновить состав земских уездных и губернских управ избранием гласных не от лиц, владеющих имущественными цензами, а от всего населения, и безотлагательно увеличить площадь крестьянского землепользования.

Москва, 14 ноября. — К еврейскому вопросу. С'езд признал, что для развития провозглашенных манифестом 17 октября начал гражданской свободы и свободы совести должно быть ныне же установлено равноправие евреев, влекущее за собою отмену действий всех законов, правил и циркуляров, ограничивающих их права. С'езд, по предложению профессора Лучитского, признал необходимым, чтобы государство пришло на помощь населению, разоренному еврейскими погромами.

Плоцк, 13 ноября. — Началось крестьянское движение в гмине Вильно; агитация ведется в широких размерах. Волостной сход уничтожил русские гербы над управлением.

Кирсанов, 14 ноября. — Крестьянские погромы утихли. Большинство сел возвращает награбленное. Разорены многие имения, где отношения с землевладельцами не оставляли желать ничего лучшего. Тюрьма и арестный дом переполнены. Причинами погромов послужили острая земельная нужда и революционные прокламации.

Тифлис, 14 ноября (офиц. корр.). — 13 ноября в час ночи на северном моле Потийского порта всеми рабочими порта при участии граждан разгружен баркас с оружием, переноска которого в город и другие места обнаружена пограничной стражей, вступившей с разгрузчиками в перестрелку, продолжавшуюся с 4 до 6 ч. утра. Ранен один стражник. Задержано 10 туземцев, из которых двое тяжело ранены. В месте выгрузки обнаружены 54 ящика патронов и 21 ящик с заграничными винтовками.

Севастополь, 14 ноября. — Крепость об'явлена на военном положении. Об'явление подписано комендантом Неплюевым.

Владивосток, 13 ноября. — Распоряжением коменданта выгрузка из судов спиртных напитков воспрещена, равно воспрещена продажа их в городе до декабря, с наложением штрафа на нарушителей до 3.000 рублей.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Токио, 13 ноября („Daily Telegraph"). — Русское правительство отказалось отправить посла для переговоров с Китаем; эти переговоры поручены посланнику в Пекине. Русские приобретают пароходы для установления в ближайшем времени правильного пароходного сообщения с Дальним Востоком, включая Корею.

Париж, 14 (27) ноября. — Сегодня в 12 ч. 25 м. утра под председательством Фабра открылось заседание суда по делу о соучастии Кассанель, Валлина, Малато и Гарвея в покушении на жизнь президента Лубэ и короля испанского в улице Роган. Допрашивается 30 свидетелей при большом стечении публики.

Будапешт, 14 ноября. — Перед зданием политехнической школы, закрытой в субботу, была устроена студентами демонстрация. Студенты бросали камни в полицейских чинов, ходивших патрулем около школы. Затем произошло столкновение на Сандорской площади между полицией и студентами, к которым присоединилась толпа. Обе стороны обменялись выстрелами, при чем было ранено несколько человек. Вследствие демонстраций, чтение лекций в университете приостановлено. (Корр. бюро).

Константинополь, 13 ноября. — Прибывшая сегодня в Митилену международная эскадра заняла таможню и телеграфную станцию (Вольф).

„Избиратели".

13 ноября в помещении Тенишевского училища состоялось собрание избирателей-„цензовиков", созванное конституционно-демократической партией. Вход на собрание допускался по повесткам, которые поручено было проверять швейцару и двум городовым.

К назначенному времени на собрание явилось человек 200, избрали председателем Е. И. Кедрина и начали обсуждать „программу и тактику" конституционно-демократической партии.

Обсуждали долго, и, чем больше обсуждали, тем меньше в собрании оставалось членов. К $10^1/_2$ ч. веч. от 200 человек осталось не более 75.

В общем „обсуждение" шло гладко, и все пункты „программы" принимались и одобрялись. Застряли только на польском вопросе, законе божием и Учредительном Собрании.

Какой-то „демократ", которого все величали „Ермилом Васильевичем", ни за что не хотел дать полякам автономии, и, сколько его ни убеждали „уступить", Ермил Васильевич стоял на своем.

Кончилось тем, что Ермил Васильевич поссорился с председателем, а полякам автономии все-таки не дал.

Благополучнее кончился спор о законе божием. После речей ряда ораторов, умолявших собрание „не лететь на всех парах по-французски" и доказывавших, что подражать Англии в этом отношении „до глупости абсурдно и смешно", собрание единогласно постановило закона божия из числа обязательных предметов в начальной школе не исключать.

Последним рассматривался вопрос об Учредительном Собрании. Ораторы старались доказать, что „кадеты" идут по этому вопросу в „ногу" с „крайними социалистическими партиями"

Доказательства эти возмутили, однако, одного офицера конституционалиста-демократа с университетским значком.

— Помилуйте, — взмолился он, — ведь здесь сидят сотрудники „Начала" и „Новой Жизни". Они и так, наверное, нас вышутят, а после ваших речей они еще напишут, что мы боимся социал-демократов и стараемся доказать, что мы заодно с ними.

Поднимается спор, с кем заключить „союз". Один из ораторов доказывает, что наиболее естественными союзниками „кадетов" являются социалисты-революционеры, так как социал-демократическая партия—не русская.

Председатель в свою очередь старается доказать, что „Государственная Дума с учредительными функциями" — это почти все равно, что Учредительное Собрание.

Один из представителей печати раз'яснил собранию, что это не все равно...

Подымается спор. В конце концов большинство соглашается, что разница, действительно, есть.

Снова подымается спор, итти ли только в Учредительное Собрание или „принять" пока Государственную Думу.

Один из ораторов упрекает и крайние партии в том, что они заранее предсказывают, что конституционно-демократическая партия изменит народу. На это представитель одной из крайних партий заявляет, что „кадеты", в лице заседающих в Москве земцев, уже изменили народу.

Замечание это производит, повидимому, на „кадетов“ сильное впечатление, и эти в пику крайним партиям решают не итти в Государственную Думу, а требовать вместе с крайними партиями Учредительного Собрания.

Одним из присутствующих вносится предложение сообщить решение собрания московскому с‘езду. Предложение это встречает, однако, решительную оппозицию.

— Помилуйте,—говорит один из „ораторов“,—сегодня я высказался за Учредительное Собрание, потому что мне заявили, что, если я не буду за Учредительное Собрание, я стану предателем. Ну, а завтра я могу изменить свое мнение, если 2—3 хороших оратора мне раз‘яснят противное. Все зависит от ораторов...

Собрание, повидимому, с этим соглашается и решает телеграммы не отправлять.

По окончании собрания кандидат прав С. Л. Минковский обращается к представителям печати с просьбою не забыть упомянуть, что он сказал: „Э!“, то-бишь внес какую-то поправку в какой-то параграф „программы“.

Охотно исполняю его просьбу...

Я. Л.

Заседание Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов.

14 ноября 1905 года.

Заседание начинается сообщением председателя о текущих делах: 1) По поводу уволенных приказчиков из магазина Харчева. И. К. отправил депутатов с требованием обратного приема всех 20 товарищей. В случае отказа, И. К. употребит все меры, чтобы заставить принять их обратно. 2) У некоторых товарищей, помогавших печатать 6 номер „Известий“, ночью производились обыски, после которых их арестовали. В участке им заявляли, что арест произведен для снятия допроса, после которого часов через 10—11 их освобождали. 3) По поводу закрытия типографии „Труд“ представитель союза печатного дела вместе с представителем типографов отправились к градоначальнику с требованием открыть запечатанную типографию, иначе все работники печатного дела в Петербурге забастуют. Градоначальник обещал дня через два открыть типографию, так как она опечатана до осмотра вещественных доказательств.

Председатель внес предложение от Федеративного Совета Р.С.-Д. Р. П. совместно организовать комиссию для помощи безработным. И. К. постановил учредить такую комиссию, выбрав трех лиц, которые вместе с представителями Партии (также по 3 человека) образуют ее.

Эта комиссия должна установить регулярные дежурства по районам. И. К., по поручению Совета, приступает к рассмотрению резолюции, долженствующей окончательно формулировать проект по введению особых положений по поводу закрытия заводов.

Окончательная формула принята следующая:

„Граждане! Более ста тысяч рабочих выброшены на мостовую в Петербурге и других городах.

„Самодержавное правительство об‘явило войну революционному пролетариату. Реакционная буржуазия соединяется с самодержавием, намереваясь голодом заставить рабочих смириться и расстроить борьбу за свободу.

„С. Р. Д. заявляет, что этот невиданный еще расчет массы рабочих есть провокация со стороны правительства. Правительство хочет вызвать пролетариат Петербурга на одиночные вспышки; правительство хочет воспользоваться тем, что рабочие других городов еще недостаточно тесно сплотились с петербургскими и разбить тех и других поодиночке.

„С. Р. Д. заявляет, что дело свободы в опасности. Но рабочие не поддадутся на эту провокацию правительства. Рабочие не примут сражения в тех невыгодных условиях, в которых хочет навязать им сражение правительство. Мы должны приложить и приложим все усилия, чтобы об‘единить всю борьбу и всероссийского пролетариата и революционного крестьянства, и армии, и флота, которые геройски подымаются уже за свободу.

„В виду этого С. Р. Д. постановляет.

„1) Все закрытые заводы должны быть немедленно открыты и все рассчитанные товарищи приняты обратно на свои места. Все слои народа, не на словах, а на деле дорожащие свободой, приглашаются поддержать это требование.

„2) Для поддержания этого требования С. Р. Д. считает необходимым обратиться к солидарности всего российского пролетариата и, в случае отказа в выполнении требования, призвать его к всеобщей политической забастовке и другим видам решительной борьбы.

„3) В целях подготовки этого выступления С. Р. Д. поручено Исп. Ком. немедленно, путем посылки делегатов и другими способами, войти в сношение с рабочими других городов, с железнодорожным, почтово-телеграфным, крестьянским и другими союзами, а также с армией и флотом.

„4) По выполнении этой предварительной работы И. К. сзывает экстренное собрание С. Р. Д. для постановления окончательного решения по поводу забастовки.

„5) Петербургский пролетариат предложил всем рабочим и всем слоям общества и народа всеми средствами, материальными, нравственными и политическими, поддержать рассчитанных рабочих“.

В Совете Рабочих Депутатов.

На заседании 12 ноября С. Р. Д. по вопросу о введении 8-часового рабочего дня революционным путем Исполнительным Комитетом была предложена резолюция следующего содержания:

„Решение Совета Рабочих Депутатов ввести 8-часовой рабочий день революционным путем встретило упорное сопротивление об‘единенных капиталистов.

„Правительство г. Витте, которое стремится сломить силу пролетариата, стало на защиту капитала и этим самым превратило вопрос о 8-часовом рабочем дне в Петербурге в вопрос общегосударственный.

„А это приводит к тому, что петербургские рабочие отдельно от рабочих всей страны не могут сейчас осуществить постановление Совета Рабочих Депутатов.

„Посему Совет Рабочих Депутатов считает необходимым временно приостановить немедленное повсеместное проведение революционным путем 8-часового рабочего дня.

„К этому Совет прибавляет: что завоевано, то должно отстаиваться и впредь; где возможны, по мнению отдельных заводов, дальнейшие завоевания, там они должны быть взяты; борьба отдельных заводов, если они сочтут нужным ее продолжать, встретит, разумеется, материальную и моральную поддержку других заводов. Что же касается повсеместного введения 8-часового рабочего дня, то оно остается задачей нашей борьбы.

„В целях разрешения этой задачи необходима всероссийская организация пролетариата.

„Совет Рабочих Депутатов считает необходимым на-ряду с повсеместной агитационной и организационной работой использовать, между прочим, предстоящий в Москве с‘езд рабочих организаций для того, чтобы придать борьбе за 8-часовой рабочий день всероссийский характер“.

Резолюцию защищали председатель г. Хрусталев и член Исполнительного Комитета, представитель Социал-Демократической Рабочей Партии, г. Яновский.

Резолюция была принята большинством против 6-ти голосов.

Окончательное принятие этой резолюции было отложено до следующего дня.

Сделаны фактические сообщения о закрытых заводах и фабриках.

В общем выяснилось, что оставшихся без работы насчитывается до 100.000 рабочих.

Затем приступлено к вопросу о мерах для открытия закрытых заводов и фабрик.

Одним из депутатов предложено как мера заставить капиталистов открыть заводы об‘явить всеобщую забастовку петер-

бургских рабочих сроком на 2—3 дня. Мера эта признана бесцельной.

Также не встретило сочувствия предложение забастовки в Петербурге без срока, до открытия заводов.

Большое сочувствие встретило предложение вызвать всеобщую всероссийскую забастовку.

Предлагавшие эту меру исходили из того, что закрытие заводов является прямым последствием об'единения капиталистов с правительством, ставшего на защиту капитала и превратившего вопрос о 8-часовом рабочем дне в вопрос общегосударственный, так что закрытие заводов уже является мерой борьбы правительства со всем русским пролетариатом.

В виду сложности и серьезности вопроса был назначен перерыв, чтобы была возможность делегатам по районам обсудить вопрос, а Исполнительному Комитету выработать резолюцию.

По возобновлении заседания был сделан опрос всем районам. Выяснилось следующее:

Невский район призывает ко всеобщей всероссийской забастовке.

Московский район: пока ничего определенного не выяснилось, необходимо предварительно обсудить на районном собрании.

Нарвский район бастовать безусловно не может, слишком изголодались, но к общей политической забастовке примкнут.

Василеостровский район: если требования об открытии заводов не будут удовлетворены, согласны на всеобщую забастовку.

Петербургский район: согласны присоединиться.

Выборгский район: если после 3 дней заводы не будут открыты, согласны на забастовку.

За это время будет произведен опрос всех рабочих.

Городской район согласен только на всероссийскую забастовку.

Союз работников печатного дела, союз конторщиков, железнодорожный комитет, союз фармацевтов готовы примкнуть к всероссийской всеобщей забастовке. Из союза приказчиков присоединится только часть.

После опроса были оглашены выработанные вчерне И. К. тезисы резолюции, в которых, исходя из того, что закрытие заводов является провокацией со стороны правительства с целью вызвать на борьбу петербургский пролетариат до об'единения с пролетариатом всей России, И. К. признает единственной мерой потребовать немедленного открытия всех заводов, в противном случае немедленно приступить к организации всеобщей всероссийской забастовки.

Все тезисы приняты единогласно, при чем поручено Исполнительному Комитету после литературной обработки тезисов резолюцию огласить в печати.

Затем была окончательно принята выработанная уже и выше напечатанная резолюция о временном приостановлении введения 8-часового рабочего дня революционным путем.

Перед закрытием заседания одним из депутатов была предложена и единогласно принята приветственная телеграмма севастопольским матросам и солдатам.

Хроника.

— А. А. Симановский, Никольская, Самсонов и др., арестованные 12 ноября по делу о печатании „Известий Совета Рабочих Депутатов“, по требованию союза раб. печ. дела и союза защиты свободы печати, освобождены из дома предварительного заключения вечером 13 ноября. К Симановскому пред'явлено обвинение по I ч. 126 ст. (участие в „преступном сообществе“). Допрос производил жандармский генерал Иванов.

— К возвращению политических ссыльных. Товарищи, возвратившиеся из сибирской ссылки, передают следующие подробности своего освобождения. Когда и до них долетела весть об отвоеванных у правительства „свободах“, было решено, не входя ни в какие переговоры с местными властями, тотчас же всем собраться в далекий путь и ехать в „Россию“ — главным образом в Петербург и Москву. В Сибири в настоящее время остались только те из политических ссыльных, которых задержала осенняя распутица или семейные обстоятельства.

Выехавшие, таким образом, из Енисейской губ. повстречались дорогой с партией голландских рабочих, занимавшихся транспортированием товаров к устью Енисея и теперь возвращавшихся на родину. Когда из разговоров выяснилось, что эти случайные спутники — голландские социал-демократы, между ними и нашими товарищами сразу установилась тесная идейная связь, и платформа ст. „Тайга“ огласилась бодрыми звуками импровизированного хора, дружно исполнившего несколько раз международную песнь пролетариата „Интернационал“.

— 13 ноября состоялось неожиданное увольнение в запас флота матросов 14-го, 18-го и других флотских экипажей, квартирующих в Петербурге. Уволены в запас матросы призыва 1898, 1899 и 1900 годов, так что некоторые из уволенных прослужили на действительной службе 5 и 6 лет, вместо обычных семи. Через пять лет службы уволены имеющие свидетельства об окончании сельской школы и чрез шесть лет не имеющие таковых свидетельств. Большинство уволенных уроженцы Черниговской, Каменец-Подольской и Симбирской губерний. На проезд до родины каждый из них получил кроме воинских предложений законные кормовые, т. е. по 16 коп. в сутки на человека. Всего уволено в запас из всех квартирующих экипажей в Петербурге более 500 человек. Некоторые из уволенных, имея намерение остаться на жительстве в Петербурге, обратились к своему непосредственному начальству с просьбой позволить им остаться в казармах на несколько дней, до приискания работы и квартир, но разрешения на это со стороны начальства не последовало. Всем уволенным в запас начальство приказало тотчас же очистить казармы, как только состоялось распоряжение об их увольнении в запас.

— Два правительства. Бывший одесский градоначальник Нейдгардт, уволенный за организацию черносотенного погрома, назначен, как мы узнали из безусловно достоверного источника, нижегородским губернатором. Гр. Витте уверяет, что это назначение состоялось без его ведома и согласия. Оставляя последнее уверение на совести гр. Витте, уверяющего, когда ему это нужно: „я — это правительство“, „правительство — это я“, — считаем необходимым отметить, что существование тайного русского правительства, управляющего всеми делами, подтверждается ныне самим председателем совета министров. Г. Витте уверяет, что, „возмущенный“ назначением Нейдгардта, он отправил письмо государю, но ему ответили, что приказ о назначении Нейдгардта уже подписан и отменен быть не может.

— Свобода собраний. 13 ноября в общежитии женского медицинского института должен был быть прочитан реферат по аграрному вопросу. Вход в общежитие допускался только по билетам, которые выдавались в чрезвычайно ограниченном количестве. Несмотря на это, полиция, разузнавшая какими-то путями о предполагавшемся собрании, явилась в 7 час. вечера в здание общежития и не допускала никого туда проникнуть.

— В морском министерстве, по слухам, учреждаются две новые должности товарищей морского министра.

— В совете министров поставлен на первую очередь вопрос о подчинении генерал-губернаторов совету министров и о лишении их права доклада помимо министра внутренних дел и председателя совета министров. Одновременно возбуждается вопрос и об усилении ответственности генерал-губернаторов за незаконные действия. В местах, об'явленных на военном положении, незаконными действиями будут считаться всякие репрессии, не вызванные крайней необходимостью. Одновременно предполагается сохранить и в местах, об'явленных на военном положении, полное действие всех законов и только усилить ответственность за насилие и преступления против собственности.

— Свобода печати. Вышедший 13 ноября первый номер юмористического журнала „Пулеметы“ конфискован полицией. В типографию товарищества печатного и издательского дела „Труд“ в 2 ч. дня в воскресенье явился старший инспектор типографий вместе с местным участковым приставом и понятыми. Явившиеся пред'явили владельцу типографии бумагу, в которой с.-петербургский градоначальник, на основании распоряжения управляющего министерством внутренних дел П. П. Дурново, предписывает закрыть типографию „Труд“ за напечатание в ней первого номера сатирического журнала „Пулеметы“. Типография опечатана. Хранившиеся в типографии, печатающей несколько периодических изданий, руко-

писи и клише арестованы. В ночь с 13-го на 14-е арестован также редактор журнала Н. Г. Шебуев.

— По выходе в свет № 7 „Известий Совета Рабочих Депутатов“ и по печатном доносе „Нового Времени“ о способе печатания этих „Известий“, с.-петербургский градоначальник г. Дедюлин об‘явил приставам всех участков, что, если в какой-либо из типографий, находящихся в районе того или иного участка, будет напечатан следующий номер „Известий“, то пристав того участка будет подвергнут самому строгому взысканию, включительно до удаления со службы. Пристава приглашали владельцев типографий и просили принять меры к недопущению печатания „Известий“. Большинство типографов отказалось поручиться за то, что типография не будет захвачена и, таким образом, номер не будет отпечатан.

— „Новое Время“ и рабочие. 13 ноября в помещении Вольно-Экономического Общества состоялось собрание рабочих завода Однер и Бейер для образования профессионального союза. Присутствовавшего на собрании сотрудника от „Нового Времени“ рабочие постановили единогласно просить удалиться из собрания.

— Бойкот. Рабочие Балтийского завода постановили: не покупать папирос фабрики „Лаферм“ за то, что администрацией фабрики об‘явлен расчет всем рабочим.

— Праздничная торговля. Систематическое уклонение торговцев от новых правил о праздничной торговле вызывает резкий протест со стороны приказчиков. Вечером 13 ноября, в воскресенье, когда хозяин бакалейной лавки в доме 34 на 6 Рождественской ул. ответил отказом на требование прекратить торговлю, окна в ней были перебиты, и лавку волей-неволей пришлось закрыть.

— Деятельность черной сотни. Наши черносотенные патриоты не дремлют; по примеру пролетариата и они пытаются организоваться в „союз“. 13 ноября в Соляном Городке был созван, при деятельном содействии полиции, митинг „союза русского народа“. Состав собрания — самый разношерстный; преобладали сенновские и гостинодворские хозяева и приказчики, было значительное число лиц духовного звания, там и сям мелькали гусарские и иные военные мундиры. Публика при входе строго фильтровалась при помощи сложной системы контроля, первое звено которого являл собою помощник пристава. Представители прогрессивной печати на этот митинг допущены не были. У под‘езда всем проходящим назойливо раздавались прокламации (с пометкою: „дозволено цензурою 29 октября 1905 г.“), составленные обычным в этих случаях языком, при чем сквозь строки ясно сквозит призыв к погрому против „крамольников“.

— Нас просят сообщить, что никаких пособий во время забастовки почтово-телеграфные чиновники главной петербургской конторы не получали.

— Депутация союза защиты свободы печати получила от прокурора Камышанского ответ, что 15 ноября Н. Г. Шебуев будет освобожден и что типография „Труд“ будет распечатана.

— Союз защиты свободы печати постановил отправить к гр. Витте депутацию по поводу ареста и предания военному суду в Варшаве Серошевского за напечатанное воззвание об осуществлении свободы, не дожидаясь правительства. Серошевский предан суду по статье, карающей каторжной работой.

— Слухи о намерении теперешнего русского правительства отменить ограничительные постановления о евреях в целом или в части, как мы узнали из безусловно достоверного источника, ни на чем не основаны. Г. Витте считает „неудобным“ даже затронуть „еврейский вопрос“, так как в высших сферах его и без того называют, по его словам, „жидовским министром“.

— Ходят упорные слухи, что военное положение в Польше решено продлить еще на две недели, что потом решено действовать в примирительном духе, дать отставку варшавскому генерал-губернатору Скалону и князя Святополк-Мирского назначить на его место.

— Собрание дворников. Столичные дворники, которым до сих пор приписывали видную роль в погромах и в полицейских безобразиях, начинают тяготиться этой ролью и хотят показать, что они не отстают от прочих граждан. По крайней мере, в собрании своем 13 ноября они наглядно доказали, что гражданские чувства в них говорят не менее, чем в других. Отношение же их к текущим событиям заслуживает полного приветствия. Они наотрез отказались подписаться под адресами по поводу манифеста 17 октября, мотивируя тем, что на деле еще свободы нет, хотя она и возвещена на бумаге, а во-вторых, потому что один адрес, по их мнению, призывает к участию в черной сотне, против чего они категорически протестуют. Таким образом, столичные дворники оказались по своим воззрениям выше членов русского собрания.

— Во многих аптеках во время последних забастовок выломали окна за черносотенные стремления их владельцев. В виду этого так называемый „всеобщий российский союз фармацевтов“, состоящий исключительно из фармацевтов-штрейкбрехеров и аптекарей-черносотенцев, на одном из своих собраний постановил, чтобы на будущее время у них существовала круговая порука на случай битья окон, и, таким образом, убыток от разбитых стекол будет раскладываться на всех. Очевидно, аптекаря чувствуют, что их стекла еще будут разбиваемы.

— В театре „Фарс“. 13 ноября в театре „Фарс“, на Офицерской улице, во второй раз шла пьеса „Дни свободы“ — злободневное обозрение Пальмского и Валентинова. Во время представления явился к дирекции театра полицейский пристав с какой-то официальной бумагой и требовал прекращения спектакля. За кулисами слышался такой диалог: представитель полицейской власти говорит: „Запретите, по крайней мере, артистам говорить от себя, а только лишь по пьесе“. Один из артистов возражает: „Ну как же мне не говорить, когда по пьесе у меня нет ни одного слова“. Представление все же состоялось.

— 13 ноября по Николаевской ж. д. состоялась отправка пулеметов и снарядов в места аграрных беспорядков.

— Прокурорский надзор с.-петербургского окружного суда отказал цензурному ведомству в преследовании редактора журнала „Зритель“ за № 10 в виду щекотливости при доказательстве сходства каррикатурных изображений с действительными портретами.

— Собрание рабочих и работниц завода Посселя состоится во вторник 15 ноября в 2 ч. дня в помещении Василеостровского театра.

— К изданию нового закона о печати. Нам сообщают, что в новый закон о повременной печати включен след. параграф: „Иллюстрированные издания подчиняются предварительной цензуре“.

— 15 ноября по предварительному сообщению полиции состоится общее собрание в театре рабочих Василеостровского района, для обсуждения вопроса об организации социал-демократического клуба.

— Во вторник 15 ноября, в 8 ч. веч., в Лиговском народном доме состоится лекция д-ра Уварова по гигиене: „Жилище“. Плата за вход 5 к.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

В горном институте.

На-днях состоялось заседание совета профессоров по вопросу об открытии института. Скорейшее открытие признано совершенно необходимым, также как признано необходимым допущение в институте митингов. Советом избрана депутация из профессоров Никитина и Яковлева к новому министру промышленности и торговли Тимирязеву. Министр выразил депутации свою солидарность с постановлением совета профессоров: сказал, что поднимет этот вопрос в совете министров, но за успех не ручается, так как со стороны других министров ожидает оппозиции.

— Назначенная на 14 ноября в 11 ч. утра сходка слушательниц женского медицинского института не могла состояться, так как полиция, мотивируя тем, что институт закрыт, никого внутрь не пропустила.

— На совещании организационного комитета технологического института, состоявшемся в субботу 12 ноября была вынесена следующая резолюция:

„Организационный комитет технологического института, за невозможностью сейчас собрать сходку, на основании резолюции студентов-технологов от 27 января 1905 года, от имени своих товарищей заявляет, что введение в Польше военного положения и об‘яснение этого акта стремлением поляков к отделению от России является гнусным провокаторским приемом правительства, с целью вызвать недоверие между двумя народностями и тем ослабить волну всего русского освободительного дви-

жения. Организационный комитет технологического института видит в польском народе соратника в борьбе за лучшее будущее всей России, выражает ему сочувствие и полное признание автономии в свободном русском государстве".

— 12 ноября состоялось собрание совета профессоров с.-петербургского университета, на котором обсуждался вопрос о государственных экзаменах. Совет профессоров постановил: для лиц, оканчивающих в этом году университет, произвести зачет восьмого семестра и выдать увольнительные свидетельства. Таким образом, с открытием университета государственные экзамены могут состояться. Вопрос об открытии университета в совете профессоров не возбуждался, так как храм науки все еще находится в руках полиции. Столовая университета в настоящее время тоже закрыта, и открытие ее также зависит от какого-нибудь околоточного.

Среди солдат.

В управлении казачьих войск отчислен от управления, вместе с прочими товарищами, писарь Палилов за подачу петиции об улучшении положения. Начальство не только не удовлетворило просьбы подавших петицию, но еще ухудшило их положение. Принимавшие более активное участие в подаче петиции уволены как политические преступники и препровождены под конвоем в распоряжение местных бригад. Читать либеральные газеты начальство воспретило чуть ли не под угрозой смертной казни.

Нам сообщают, что солдаты петербургской местной команды, расположенной в Петропавловской крепости, по целым неделям с августа прошлого года не видят божьего света. В праздник свободных от служебных обязанностей отпускают только на 6 часов, с 2 час. дня и до 8 час. вечера, при этом некоторых отпускают только под конвоем на 1 или 2 часа. Тем, кто посмеет просить, чтобы их уволили на более продолжительное время, прибавляют постов, но кто остается дольше разрешенного им срока, накладывают арест от 5 до 30 суток, смотря в каком расположении духа находится комендант крепости генерал Эллис.

Кормят скверно, а обращение начальника команды капитана Г. Норбекова с солдатами самое возмутительное.

К волнению среди солдат военно-электрической школы.

11-го вечер и ночь прошли спокойно.

Начальство не беспокоило солдат своим присутствием.

12-го с утра началось удовлетворение требований.

Выдали жалованье, кормовые, а остальное обещали удовлетворить завтра.

К вечеру солдаты организовали подписку в пользу рабочих, пострадавших от забастовок, отчисляя 5% с полученных денег.

День 12-го прошел спокойно.

13-го утром солдаты занялись составлением письма, при чем высказывали солидарность с солдатами 1-й и 2-й батарей 26-й артиллерийской бригады.

Это письмо попросил участник подписки, „жервист", т. е. сторонник командира роты Жерве, старший унтер-офицер Хрящев, оказавшийся провокатором.

Он представил это письмо начальству.

Солдаты, возмущенные поступком Хрящева, потребовали от него возвращения письма; он дал „честное слово" принести его.

Хрящев вошел в помещение начальства и там остался, заявив начальству, что солдаты хотят его убить.

По слухам, письмо это отправлено к военному прокурору.

Солдаты составили другое письмо, отправили его с деньгами в „Нашу Жизнь".

Вечером состоялся митинг.

Нам доставлены в редакцию солдатские требования, в пользу пред'явления которых правительству идет теперь движение в различных воинских частях Петербурга:

1) Сокращение срока службы: в армии и гвардии на два года, во флоте на три.

2) Право посещать в форме все публичные собрания и места наравне со всеми гражданами.

3) Полная отмена телесных наказаний в войсках, дисциплинарных батальонах и военных тюрьмах.

4) Уравнение в правах на военной службе всех национальностей и вероисповеданий.

5) Беспрепятственное увольнение со двора в будни с 4 час. пополудни до 11 час. вечера, в праздники с 8 час. утра до 12 час. ночи всем без исключения, кроме находящихся в карауле, дежурных и дневальных.

6) Право читать и держать в казарме все книги, газеты и журналы. Отмена обязательного представления книг для подписи ротному командиру.

7) Ненаказуемость сотрудничества в газетах и журналах.

8) Полная отмена цензуры писем, получаемых нижними чинами.

9) Свобода совести. Отмена обязательной присяги и исполнения церковных обрядов.

10) Уничтожение военно-полевого и военно-окружного судов и подчинение всех военно-судебных дел общегражданскому суду.

11) Выборный полковой суд с представителями: от штаб-офицеров 1, от обер-офицер. 2 и от нижних чинов 3. С равным правом голоса для всех.

12) Право подавать жалобы на ближайших и высших начальников в полковой и окружной суд.

13) Наложение ареста свыше 5 суток только по приговору полкового или окружного суда.

14) Право подавать коллективные жалобы в полковой и окружной суд и высшему начальству.

15) Право защищаться при малейшем поползновении со стороны начальника ударить.

16) Вежливое обращение начальников с подчиненными. Замена „ты" более вежливым „вы".

17) Воспрещение офицерам пользоваться нижними чинами для домашних услуг (уничтож. институтов денщиков).

18) Сохранение чинопочитания только в казарме и на службе. Вне казармы полная отмена его.

19) Продолжительность ежедневных занятий не должна превышать 8 час. с необходимыми перерывами. Все перерывы в совокупности должны быть не менее 3 часов. Начало занятий не ранее 8 утра и окончание не позже 4 час. пополудни.

20) Исполнение необходимых хозяйственных работ должно производиться исключительно во время, назначенное для занятий.

21) Предоставление права всем без исключения нижним чинам держать экзамены во все юнкерские и военные училища.

22) Для производства фельдфебеля обязательный образовательный ценз не ниже городского училища.

23) Устройство в каждом полку и части библиотек, которые должны находиться в заведывании нижних чинов.

24) Участие выборных нижних чинов, наравне с офицерами, в контролировании расходов хозяйственных сумм.

25) Улучшение пищи. Отпускать на каждого нижнего чина на ежедневное продовольствие не менее 25 коп.

26) Улучшение обмундировки и помещений.

27) Увеличение ежемес. жалованья до 3 р. рядовому, до 5 ефрейтору, до 8 младш. унтер-офицеру и до 10 старшему унтер-офицеру.

Профессиональные союзы.

От бюро союза медицинского персонала и союза служащих фармацевтов.

Об'единенное собрание депутатов союза медицинского персонала и бюро союза фармацевтов считает своим нравственным долгом оповестить население г. Петербурга, что владельцы нижеследующих аптек не только не принимали участия в освободительном движении, охватившем все слои русского общества, но всячески противодействовали проведению в жизнь освободительных начал, не стесняясь даже такими средствами, как обращение к помощи полиции и черной сотни, увольнение всего штата служащих фармацевтов за участие в политической заба-

стовке и замена их лицами, ничего общего с фармацией не имеющими. Кроме того, во многих аптеках (Аларчинской — Шуппе, Александро-Невской — Абрамсона, Андреевской — Пеля, Аничковской — Дица, Введенской — Крангальса, Торговой — Лавцевича и Чугунной — Штрамера) существующие условия труда настолько обременительны, что исключают физическую возможность добросовестно приготовлять лекарства. Такого рода отношение гг. аптекарей может гибельно отразиться на народном здравии.

В виду вышеизложенного — в личных интересах больных не пользоваться лекарствами бойкотируемых аптек:

Брезинского, Знаменской—Юргенса, Каменностровской—Вакса, Московской—Конгейма, Петропавловской—Валькера, Рождественской—Лунца.

Союз драматических и музыкальных писателей.

В собрании союза драматических и музыкальных писателей, состоявшемся 13 ноября под председательством И. Н. Потапенко, постановлено созвать всероссийский с'езд драматических и музыкальных деятелей. Организация с'езда, а также привлечение к участию в нем возможно большого числа делегатов от театральных обществ поручены особому бюро союза. С'езд предположено созвать в декабре текущего года. Кроме того, собрание решило выразить благодарность членам жюри по конкурсу премии имени А. Н. Островского.

Учредив премию имени Островского (600 р.), союз имеет целью дать провинциальным театрам наиболее интересные пьесы и наиболее отвечающие духовным запросам современной публики.

Митинг сапожников и башмачников.

13 ноября в помещении Большеохтенского театра собрались на митинге сапожники и башмачники.

Из речей ораторов выяснились требования, которые должны быть выставлены союзом.

Пункты эти сводятся к следующему:

1) Нормальный восьмичасовой рабочий день.
2) Повышение заработной платы.
3) Гигиенические помещения.
4) Всесословное участие в Государственной Думе.
5) Правильная организация союзов и безусловная свобода собраний.
6) Созыв Учредительного Собрания на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.
7) Принятие мер к умственному и моральному развитию башмачно-сапожного цеха.
8) Организация юридической помощи.
9) Учреждение бюро для приискания занятий и заработков.
10) Улучшение тяжелого в настоящее время положения ремесленных учеников и другие вопросы экономическо-политического характера.

Из жизни рабочих.

12 ноября в общем собрании рабочих Балтийского завода был предложен вопрос об организации социал-демократического клуба. Участники собрания, в количестве 6.000 человек, все, как один, подняли руки за желательность такого учреждения. При вопросе, откуда достать средства для устройства клуба, многие предлагали обратиться к Партии. Но одному товарищу, участнику собрания, пришла в голову счастливая мысль: уделить праздничный день на работу в заводе и весь заработок отчислить на организацию клуба. Мысль принята при восторженных аплодисментах. В воскресенье, 13 ноября, все 6.000 человек приступили к работам на Балтийском заводе и заработали 8.000 руб. На эту цифру 14 ноября заарендовано помещение для клуба на 6 лет.

В Петербурге существует несколько артелей факельщиков. Экономическое положение их невыносимо. Факельщики, недовольные платою, решили 10 ноября забастовать. Хозяева накинули факельщикам 10 копеек за каждые похороны.

Под влиянием московской забастовки петербургская домашняя прислуга сделала попытку забастовать. Пока забастовка ограничивается немногими случаями, но весьма возможно, что она разрастется.

Среди петербургских прачек замечается сильное брожение, имеющее целью урегулирование экономического их положения. Подумывают об учреждении профессионального союза.

Приказчики магазина компании Богородско-Глуховской мануфактуры, помещающейся на Садовой улице 25, принимали участие в политической забастовке. Результатом этой забастовки явилось увольнение представителем фирмы трех приказчиков. Остальные приказчики решили поэтому 11 ноября забастовать.

Петербургские трубочисты бастуют. Хозяева до сих пор не удовлетворили их требований.

Среди рабочих Обуховского завода в ночь с 12-го на 13 ноября был произведен ряд обысков. Искали оружия. Обыск был произведен очень тщательно: обыскивали помойные ямы; опрокидывали кадки с водою и т. д. Всего обыскано 15 квартир. Почти везде находили револьверы. В двух квартирах отобрали снаряды. Листки и нелегальные брошюры также отбирали. Обыскиваемых не арестовывали. С обыском приходили без всякого разрешения судебной власти, даже без прокурора: в квартиру ночью вваливались помощник пристава, околоточные, городовые, дворники и начинали обыск. Словом, картина знакомая — времен Плеве и Трепова. „Действительная же неприкосновенность личности", очевидно, пасует перед более „действительными" положениями об усиленной охране.

В заметке Карточной фабрики вкралась неточность: бойкот был об'явлен не г. Лемчужникову, а г. Абакумову, ныне подавшему в отставку; г. же Лемчужников пошел охотно на требования рабочих о 8-часовом труде и сложении штрафов.

Столичные модистки деятельно готовятся к образованию своего союза. На-днях состоялось собрание модисток, на котором обсуждалось их положение. Выяснив их печальное экономическое положение, ораторы призывали к об'единению в союз, так как только организованными возможно бороться с все более надвигающейся эксплоатацией. Собрание с этим согласилось и выбрало временное бюро, которому поручена выработка устава. В среду 16-го состоится следующее собрание.

На фабрике роялей Шредера.

Рассчитывают рабочих за введение революционным путем 8-часового рабочего дня. Хозяин фабрики пожелал было выбрать из среды рабочих комиссию в 14 человек и поручить ей обратный прием рабочих, которые согласились бы работать на старых условиях, но рабочие отнеслись к этой мысли несочувственно.

На фабрике механического производства обуви.

На состоявшемся 12 ноября митинге рабочих сапожного цеха товарищества механического производства обуви за Московской заставой вынесли следующую резолюцию:

„Мы, рабочие сапожного цеха товарищества механического производства обуви, решили бастовать до тех пор, пока не удовлетворят наши требования, и не подходить к фабрике в отдельности проситься, и доверяем вести переговоры нашим выборным депутатам“.

Путиловский завод.

Настроение на заводе приподнятое. Возможна забастовка. Массовое увольнение рабочих лесообделочной и корабельной мастерских возмутило остальных рабочих: они требуют принятия уволенных. Они отправили депутацию к директору Белоножкину, которая заявила ему протест рабочих по поводу репрессивных мер и потребовала открытия мастерских, мотивируя тем, что уволенные рабочие невиновны в выносе начальника и мастера, что в поступке этом замешаны лица, даже непричастные к заводу.

Директор, как это всегда бывает, скрещивает руки и винит правление в репрессии, говорит, что инициатива исходила от правления, но правление молчит.

Рабочие в четверг, 10 ноября, решили не останавливаться перед общей забастовкой всего завода, чтобы заставить правление заговорить и исполнить их требование. В пятницу 11 ноября рабочие-столяры, в количестве 200 человек, уже забастовали.

В типографиях Киршбаума.

Рабочие типографий Киршбаума на общем собрании 13 ноября постановили, между прочим, огласить путем печати поступок корректора Тарасова, принудившего угрозой немедленного расчета накладчиков и помощн. машинного мастера отпечатать в дни первой политической забастовки „Записки министерства финансов“.

14 ноября в 10 часов утра, в Соляном Городке состоялось собрание рабочих аптек и аптекарских магазинов. Ораторы указывали на необеспеченное положение рабочих, на продолжительность рабочего дня (от 7 часов утра до 9 часов вечера), которая страшно их изнуряет.

„Хозяева нас выбрасывают, как только им заблагорассудится. Но чтобы добиться улучшения нашего положения, нам необходимо об‘единиться, так как отдельных людей им всегда легко выбросить. Последуем же примеру фармацевтов и остальных рабочих гор. Петербурга“.

Собрание с этим согласилось и вынесло следующую резолюцию:

„Мы, рабочие, служащие в аптеках и аптекарских магазинах, обсудив наше положение и убедившись в малоуспешности единичной и разрозненной борьбы, пришли к решению, на собрании 14 ноября, образовать профессиональный союз аптекарских рабочих, учреждение которого, по нашему мнению, единственно может об‘единить нас в борьбе с хозяевами и, таким образом, поможет нам достигнуть наших желаний“. Избрано бюро из 9 человек, которому поручена выработка устава.

На Трубочном заводе.

Собрания рабочих на Трубочном заводе фактически не осуществляются, так как начальником завода ген.-майором Аграновичем изданы треповские правила насчет собраний.

Во 1-х разрешается собираться только в столовой, вмещающей до 1.000 человек, а рабочих около 7.000. Общего собрания нельзя поэтому устроить за неимением помещения. На дворе, под открытым небом ген.-майор Агранович не разрешает собираться.

Во 2-х собрание может продолжаться лишь в течение $1^1/_2$ часов, и то только утром.

В 3-х—и это самое главное,—начальнику завода должно быть заявлено о вопросах, имеющих быть обсуждаемыми, при чем он контролирует собрание, и вся ответственность за ход его падает на депутата, просящего разрешения. Собрание закрывается тотчас, как только оно „выходит из программы“.

Рабочим поставлены преграды и в общениях друг с другом и с прочими мастерскими. Уборная и та подвергается контролю, чтобы не было разговоров.

Но рабочие не могут, конечно, не перекинуться словом друг с другом в этой уборной. И вот какой случай произошел у рабочих 1-й мастерской сначала в уборной, а затем в канцелярии мастерской.

Рабочий Воронов, не называя имен, говорил товарищам о тех рабочих, которые портят общее дело, указывая, насколько такие лица вредны рабочим. Один из присутствовавших при этом разговоре черносотенных рабочих, Тапталов, пошел к начальнику мастерской шт.-кап. Нефедову и заявил о расчете, указав на виновников своего ухода Воронова и Цыбульского, как на своих врагов, а сам удалился.

На другой день начальник мастерской г. Нефедов потребовал к себе рабочих Воронова и Цыбульского по делу Тапталова, кричал на них, приказывал говорить „до тонкости суть дела“ и т. д.

В настоящее время следствие по „делу“ Воронова производится.

Спб.-Варшавская жел. дор.

Петербургские депутаты от служащих и рабочих С.-Петербургско-Варшавской жел. дор. 13 ноября окончили составление проекта устава, носящего название „Как организоваться железнодорожным служащим“. В начале этого устава есть воззвание к товарищам железнодорожникам следующего содержания:

„Товарищи!

„Предлагая Вам на обсуждение проект устава нашей дороги, мы считаем необходимым, для начала действия союза, всем служащим и рабочим теперь же, не откладывая ни на один день, приступить к выборам уполномоченных и организации местных комитетов, как это уже и сделано в Петербурге. На всех дорогах петербургского узла идет быстро организация союзов, то же в Москве и других городах. Все сознали, что «под лежащий камень вода не течет», что нужно самим поработать над своим благополучием, а не ждать только «милостей» от начальства. Устав союза будет выработан при участии представителей от всей линии, а потом представлен явочным порядком, куда следует, но ожидать, пока он будет утвержден министром, нельзя. Пройдут месяцы, пока это будет достигнуто, а за это время многое может случиться. Последние события показали, как опасна наша неорганизованность: то тут, то там возникают беспорядочные забастовки, при отсутствии единодушия не достигающие цели; воздействуют ощупью, наугад, порывами, тратится по мелочам огромная сила, без пользы пропадает драгоценная энергия; в Вильне не знают, что делается в Петербурге, Петербург не знает, что творится на линии. Так жить нельзя! Поэтому немедля приступайте к делу об‘единения. При обсуждении проекта устава просим вносить в него всякие поправки и особенное внимание обратить на вопрос организации центрального органа союза, как наиболее трудный. О всех поправках и о ходе дела организации местных комитетов просим не отказать поставлять в известность председателя нашего общего собрания и организационной комиссии А. И. Репьева (С.-Петербург, Загородный пр., 21) Служба сборов Спб.-Варшавской ж. д., и лично и письменно.

„Скорее и дружнее за дело, товарищи! Только об‘единенные и сплоченные мы можем надеяться на существенное улучшение крайне неудовлетворительного положения огромного большинства из нас, только тогда сможем спокойно работать и быть уверенными в завтрашнем дне.

„Петербургские депутаты служащих и рабочих Спб.-Варшавской жел. дор.“.

В переплетных мастерских Кирхнера и Гаевского.

После октябрьской стачки почти во всех переплетных мастерских была выдана рабочим заработная плата за время забастовки в половинном размере, но в переплетных мастерских Кирхнера (около 500 рабочих), Гаевского (около 250) и Винклера администрация отказалась платить рабочим за

время забастовки; кроме того, у Кирхнера депутату рабочих Ерошину был об'явлен расчет к 15 ноября. В пятницу 11 ноября рабочие названных мастерских обратились к своей администрации с требованием уплаты за время забастовки; и у Гаевского, и у Кирхнера рабочим в этом требовании было отказано (относительно мастерской Винклера у нас нет еще сведений), и рабочие в пятницу же прекратили работу. У Кирхнера кроме $^1/_2$ платы за октябрьскую забастовку рабочие требуют: во-первых, чтобы депутат их, Ерошин, был оставлен в мастерской, и, во-вторых, чтобы им была уплачена половинная плата за 7 ноября; дело в том, что в этот день рабочие явились в мастерскую, согласно постановлению Совета Рабочих Депутатов, в 12 часов, но хозяин не позволил им начинать работу в этот день и потребовал, чтобы они начали работу лишь во вторник, желая, таким образом, выразить свой протест против деятельности Совета Рабочих Депутатов. В субботу в мастерской Кирхнера была „получка"; платили не по полной поденной плате, а лишь по $^9/_{10}$.

Собрание рабочих Балтийского судостроительного завода.

13 ноября, в 10 час. утра, рабочими Балтийского судостр. и механ. завода был устроен митинг в Василеостровском театре. Митинг был разрешен градоначальником под наблюдением пристава. Депутат Балтийского завода обратился в Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов с вопросом, как поступить, если полиция будет присутствовать на собрании. Исполнительный Комитет постановил следующее:

„Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов от имени Совета Рабочих Депутатов заявляет, что на собрании полиция не должна присутствовать вовсе. В случае невозможности удаления полиции из собрания, следует собрание распустить".

Так как полиция на собрании не присутствовала, а была только у входа и ни во что не вмешивалась, собрание состоялось. Рабочих собралось около 3.000 человек.

1) Доклад депутатов от Совета Рабочих Депутатов. 2) По вопросу об отношении к рассчитанным товарищам решили поступить так, как решит С. Р. Д. Между прочим, собрание решило бойкотировать кофейную в Гавани на Большом просп. за отношение ее содержателя к рабочим; бойкотировать фабрику Лаферм, не покупать папиросы этой фабрики за то, что рассчитаны рабочие этой фабрики.

Из партийной жизни.

Н.-Новгород.

(Корр. „Новой Жизни".)

Несколько слов о партийной работе.

Как только после „святой недели" здешней забастовке явилась возможность выйти из подполья, местный об'единенный комитет большинства и меньшинства Социал-Демократической Рабочей Партии энергично принялся за работу.

Собрания, привлекающие массу народа, шли до последнего времени, собственно, без всякой системы. В последнее же время явилась необходимость, а вместе с ней и возможность систематизировать эти народные собрания. Темы собрания стали заранее публиковаться в местных газетах. Так велись беседы: „антисемитизм и погромы", „социализм", „8-часовой рабочий день", „разбор программы конституц.-демокр." и т. д.

Митинги эти открыты для всех и собирают чрезвычайно пеструю публику, зал часто не вмещает всех желающих (вместимость его 1.400 человек).

На-ряду с этими пестрыми по составу собраниями соединенным комитетом в последнее время организуются чтения и беседы по вопросам партийной программы и о событиях дня специально для рабочих. Вход на эти собрания по билетам, раздаваемым бесплатно по заводам, фабрикам и мастерским. Так устроена была первая в этом духе беседа на тему: „Причины народных бедствий".

Комитетом лекторов выработана следующая программа:

1) социализм (в 3 лекциях); 2) самодержавие (история и характеристика); 3) свобода слова, печати и т. д.; 4) системы представительства и организация центрального управления; 5) местное самоуправление, выборный суд и школьный вопрос; 6) финансовая и налоговая система; 7) демократическая республика; 8) законы охраны труда и продолжительности рабочего дня; 9) государственное страхование рабочих; 10) аграрная программа; 11) история рабочего и революционного движения в России; 12) международный характер рабочего движения; 13) милитаризм и рабочий класс; 14) отделение церкви от государства и школы от церкви; 15) русский либерализм.

Об'единенным комитетом выпускаются также летучие листки, расходящиеся в массе („к гражданам", „к солдатам", „к крестьянам", „к евреям", „красное и белое знамя" и т. д.). Во множестве экземпляров расходится программа II с'езда.

Помимо всего этого, комитет большинства партии раскидывает сеть рабочих клубов по окраинам. Для этой цели снимаются просторные квартиры, скромно оборудываются, снабжаются библиотечками (издания „Молота", „Буревестника" и т. д).

Это центр организационных рабочих районов, где с ними ведутся беседы по вопросам организации и читаются лекции для подготовки их к роли агитаторов. Работа партии идет хорошо, едва хватает организаторских и ораторских сил.

Будем надеяться, что, выйдя из подполья на свет, мы найдем новые силы, новые свежие дарования, новую энергию, новых работников.

Петербург.

На районном собрании большевиков Нарвского района 12 ноября в порядок дня были поставлены и обсуждались вопросы: 1) о размере партийных взносов, 2) план организации боевой дружины и распределение оружия между нею и партийными работниками, 3) конфликт по вопросу о сборе денег на вооружение, произведенном на Путиловском заводе, между делегатами Совета Рабочих и инициаторами сбора рабочими-социал-демократами.

Районное собрание постановило: по первому вопросу: считаясь, с одной стороны, с тем, что продолжительные и частые забастовки глубоко ослабили материальное положение товарищей, а также, что почти всем товарищам придется платить взносы в профессиональные организации, и с другой—с тем, что буржуазия, поддерживавшая освободительное движение пролетариата, пока ей это было выгодно и необходимо, теперь, несомненно, в такой поддержке не только откажет, но и будет всячески тормозить борьбу пролетариата, что освобождение рабочих есть дело их только самих, что потребности партии растут не по дням, собрание Нарвского района устанавливает такую норму взносов: товарищи, зарабатывающие менее 15 руб. в месяц, от обязательных взносов освобождаются; получающие от 15 до 30 р. платят в партию $^1/_2$%; зарабатывающие от 30 до 50 р. платят 1%; при заработке от 50 до 75 р.—2%; от 75 до 100 р.—3%; и все получающие больше 100 р. в месяц—4%; но комитеты мастерских в отдельных случаях могут для отдельных лиц уменьшать взносы или освобождать от них.

По второму вопросу собрание постановило передать вопрос на решение боевой организации Нарвского района, т. е. коллегии боевых организаторов. В третьем пункте порядка дня обсуждался конфликт по вопросу о

сборе на вооружение. Инициатива сбора исходила от товарищей социал-демократов, цель сбора указывалась определенно. Но делегаты от некоторых мастерских в С. Р. Д. возбудили вопрос о перераспределении денег на другие цели, а не на одно вооружение, а также о передаче денег в партию через С. Р. Д. По этому вопросу районное собрание постановило: принимая во внимание, что цель сбора указывалась определенно, что инициаторами сбора были социал-демократы, что организацией боевых дружин занимается Р. С.-Д. Р. П., собрание считает справедливым и необходимым требовать передачи всех денег в Федеративный Совет Р. С.-Д. Р. П. прямо и не отсчитывая на цели, не указанные раньше организации сбора. Кроме того, районное собрание выбрало трех лиц для соглашения с товарищами-меньшевиками Н. р. и согласования действий обеих фракций по этому вопросу.

— 11 ноября на собрании заводского комитета лаборатории (снаряжательный отдел) единогласно принята резолюция, выражающая недоверие Совету Раб. Деп. как политическому руководителю пролетариата и приглашающая его стать союзом профессиональных организаций. 14-го состоялось новое собрание комитета, на котором обсуждался ряд вопросов из нашей партийной жизни. Между прочим, и вопрос о реорганизации партии. Большинство высказалось за проведение выборного начала снизу и до самого верху, 3-й предлагали сохранить невыборность П. К-а. По вопросу о типе организации Выборгского района при полном выборном начале голоса разделились. Комитет предлагает поставить этот вопрос на обсуждение общего собрания всех заводских к-в Выб. района, которое будет на-днях.

Письма в редакцию.

Мы получили от бойкотированного аптекаря Гордона длинное письмо, в котором он выражает неудовольствие по поводу помещенных о нем в „Новой Жизни“ заметок.

Не отрицая факта избиения делегатов от союза фармацевтов, г. Гордон доказывает свою непричастность к самому факту избиения и высказывает недовольство по поводу состоявшегося постановления о бойкоте его.

Мы помещаем подлинное письмо его по следующим соображениям:

Все заметки об аптеке Гордона помещены нами на основании официальных заявлений, имевших место в Совете Рабочих Депутатов, Союзе союзов, союзе медицинского персонала и союзе фармацевтов.

Производить следствие мы не имеем ни возможности ни желания.

Критиковать постановления названных учреждений, на основании заявления г. Гордона, мы не находим никакой возможности.

В виду всего этого, мы рекомендуем г. Гордону восстановлять истину путем тех учреждений, которые подвергли его бойкоту.

Редакция.

М. г., господин редактор!

Мы, нижние чины 50 п. р. бригады и запасных батальонов, просим вас поместить в вашей уважаемой газете следующее письмо:

Начальник 50-й бригады отдал второй раз приказ офицерам раз‘яснить нижним чинам бригады и батальонов манифест 17 октября. Неужели генерал Вестман думает, что солдаты 50-й бригады и запасных батальонов так глупы, что сами не могут себе об‘яснить манифест? Нам не нужно об‘яснений офицеров. Офицера могут только ввести солдат в заблуждение: довольно их об‘яснений. Нам не надо советов, как истребить своих драгоценных братьев, борющихся за свободу. Довольно крови уж и так. Довольно сирот, довольно подкупать солдат за 15 коп. стрелять в сотни борцов за свободу, довольно, уж и так достаточно солдаты опозорили себя! Кровь наших братьев падет на головы наших солдат, и пора нам перестать слушать об‘яснения „начальников“.

Нижние чины 50-й п. р. бригады и запасных батальонов.

М. г., г. редактор!

В вашей газете (№ 10 от 11 ноября) помещена заметка по поводу участия служащих женской аптеки в забастовке и моего отношения к ним. Заметка эта, не говоря уже об оскорбительной форме, совершенно не соответствует действительности. Поэтому прошу вас исправить следующие „неточности“:

1) Ни одна из служащих мною не была уволена, и я совершенно не понимаю, откуда взят неимевший места факт.

2) Не состоя членом всеобщего российского союза фармацевтов, я не считала себя в праве уволить кого бы то ни было за неявку на службу к установленному союзом сроку (в 9 час. утра 7 ноября), хотя я получила извещение от вышеупомянутого союза. Аптека моя была закрыта в течение всего времени, на которое была об‘явлена забастовка (т. е. до 12 часов 7 ноября) и по просьбе делегатов от служащих фармацевтов, желавших выразить протест по поводу ареста некоторых их товарищей, была закрыта и после общей политической забастовки до следующего утра, когда другие аптеки кругом были открыты.

3) Хотя я никогда не подписывала никаких заявлений в такой безграмотной форме, как „первая гражданка первой женской аптеки“, но всегда присоединяюсь к тем, кто выражал политический протест и никакие мои поступки моим заявлением не противоречили. Из изложенного видно, что редакция „Новой Жизни“ была введена в заблуждение и это, конечно, не откажется удостоверить, поместив мое письмо.

Более подробные обстоятельства дела, взгляд мой на забастовку аптеки вообще, а женской — в частности, характер и форма забастовки аптеки будут изложены на-днях в общей прессе и в одном из фармацевтических журналов.

Учредительница первой женской аптеки

А. Лесневская.

От редакции. Помещая письмо г-жи Лесневской, мы должны отметить, что оно не совпадает с известными редакции фактами. За участие в забастовке получили отказ 6 служащих женщин-фармацевтов, фамилии которых известны редакции. Всем упомянутым лицам г. Лесневская сообщила, что через две недели они должны уйти. Это факт. В какие переговоры со служащими вступала аптекарша потом — этого мы не знаем, да это и не изменяет дела.

Что касается письма, в котором говорилось о „первой гражданке первой женской аптеки“, то наш сотрудник присутствовал на собрании союза фармацевтов 3 ноября в театре Комиссаржевской, где это письмо от имени г-жи Лесневской читалось.

Милостивый государь,

г-н редактор!

Прошу поместить в вашей уважаемой газете следующее письмо:

Вечером 31 октября в церкви св. Косьмы и Дамиана, на Кирочной улице, что при л.-гв. Саперном батальоне, совершалось богослужение храмового праздника; во время миропомазания были наряжены солдаты того же батальона. Молящихся в церкви было так много, что солдаты не могли удерживать напирающих сзади людей, хотя и прилагали к тому все свои усилия. Священник этой церкви отец Г., видя, что солдаты не могут удерживать напирающих сзади людей, закричал на них: „Ослы, бараны, для чего вас тут поставили идиотов!“ — и, оставив миропомазание, с сжатыми кулаками подошел к одному из унтер-офицеров и, задыхаясь, проговорил: „Зачем ты смотришь, болван, мерзавец, я тебя после всенощной под арест посажу!“. Я думаю, что духовному пастырю, при совершении им богослужения, совсем неуместны такие выражения.

Сравнивать солдат, созданных по образу и подобию божию, совсем не в духе духовного отца, тем более голова которого украшена митрою. Что касается до угрозы „посажу под арест“, то это часть чисто строевая и ни в коем случае не должна касаться духовного отца, назначение которого только прощать, но не наказывать. Еще следует добавить: когда в числе других людей подошел к миропомазанию солдат, то смиренный отец закричал: „Ты солдат и можешь ждать“; остальные солдаты, видя, что батюшка так враждебно настроен по отношению к ним, боясь быть посаженными под арест, удалились без миропомазания.

Иностранный отдел.

Вопрос о всеобщей стачке в Германии.

Всеобщая политическая стачка как средство борьбы уже давно, конечно, известна в Европе. В Бельгии она была в 1897 г. успешно проведена и дала некоторые практические результаты в смысле значительного расширения избирательного права. Повторная попытка такой стачки с одинаковой целью в 1902 г. окончилась безрезультатно, благодаря, главным образом, ошибочному шагу наших бельгийских товарищей, поспешивших заключить союз с представителями радикальной буржуазии, которые были весьма бойки на словах, а когда дошло до дела, поспешно ретировались и охотно помирились с поражением. Это поражение побудило тогда многих товарищей скептически относиться к действительности такого приема борьбы, как всеобщая политическая стачка. Но вскоре все убедились, что причина поражения заключалась не в самой стачке, а в упомянутой тактической ошибке бельгийской социал-демократии. С тех пор вопрос о целесообразности всеобщей стачки для завоевания политических прав пролетариатом стал одним из самых насущных вопросов партийной жизни: он служил предметом обсуждения в печати, на собраниях, на с‘ездах, принимались различные резолюции, которые, при всем различии точек зрения относительно оценки этого приема борьбы, почти все обнаруживали неуверенность относительно возможности проведения такой стачки при существовании массы неорганизованных рабочих.

Январско-февральская почти всероссийская стачка, вспыхнувшая как ответ русского пролетариата на кровавое воскресенье 9 января, сильно повлияла на умы наших немецких товарищей и вселила в них большую уверенность в фактическую осуществимость всеобщей стачки. Но как всегда бывает при таких случаях, отказ от прежнего скептицизма сопровождался в некоторых социал-демократических кругах переходом в другую крайность, и старая анархическая, давно осужденная международной социал-демократией, тактика всеобщей стачки, как приема борьбы против власти капитализма, вновь ожила.

Это заставило наших немецких товарищей вынести вопрос об осуществимости, целесообразности и действительности всеобщей стачки на обсуждение общего с‘езда партии, состоявшегося в августе с. г. в Иене. Принятая на этом с‘езде резолюция Бебеля ясно и полно выражает отношение социал-демократии к этому средству борьбы. Осуждая всякое увлечение всеобщей стачкой, как всеспасительным средством — каковой анархический взгляд пропагандировался товарищем Фридбергом, — резолюция признает всеобщую стачку как вполне целесообразный, при известных условиях, прием борьбы и выражает уверенность в возможности ее проведения, если ее идея предварительно будет достаточно распространена в массе. Это было, конечно, только теоретическое решение вопроса. Практическое осуществление этого решения еще не предвиделось в ближайшем будущем. Германская действительность осенью этого года еще не указывала на близость каких-нибудь бурных дней. Всем, конечно, было ясно, что защитники всеобщей стачки имели ее главным образом в виду на тот случай, если реакционное правительство осмелится отнять у немецкого пролетариата всеобщее избирательное право или урезать его, что считалось весьма вероятным. Но семимильные революционные шаги русского пролетариата отбили у представителей германской реакции (по крайней мере, на время) всякую охоту посягать на священное право немецкого народа. При таком положении дел вопрос о всеобщей забастовке был этой осенью для наших немецких товарищей более теоретическим, чем практическим. И поэтому при обосновании своей резолюции Бебель счел нужным пояснить, что принятием его резолюции товарищи не обязуются немедленно сделать какие-либо шаги в этом направлении, что вопрос этой резолюцией только решается „в принципе“, чем дается партийному правлению и центральному правлению профессиональных союзов указание сговориться на этот счет при наличности благоприятных условий. Но наша октябрьская стачка и последовавшие за нею события сильно придвинули „к конкретному“ вопросу о всеобщей стачке в Германии. Немудрено, конечно, что пример стойкости русского пролетариата повлиял ободряющим образом на наших немецких товарищей. К тому же русская революция выдвинула для немецкой социал-демократии один чрезвычайно серьезный и безотлагательный вопрос, к которому всеобщая стачка может иметь весьма близкое касание. Это вопрос о возможности попытки со стороны германского правительства вмешаться в тяжбу между русским народом и русским правительством и послать свои войска для подавления революции в России. Еще неизвестно, какой ответ даст немецкая социал-демократическая партия на запрос, сделанный по поводу этого Р. С. Д.-Р. П. Но само собой понятно, что с приближением такой опасности для русской революции немецкий организованный пролетариат не преминет пустить в ход всеобщую стачку, средство, выдержавшее столь бле-

стящую пробу русской суровой действительности. В немецких социал-демократических кругах вопрос о всеобщей стачке стал поэтому очередным вопросом партийной практики, и уже делается попытка для конкретизирования теоретического решения вопроса, данного в принятой на иенском с'езде резолюции Бебеля.

В виду этого некоторые „осторожные" представители партии, не чуждые бернштейновского оппортунизма, ополчились против этого, как называют, „нового направления", видя в нем „нарушение решения с'езда". „Только в принципе,—кричат они,—был решен вопрос о всеобщей стачке в Иене"; а тут „революционные романтики" уже начинают серьезно задумываться о проведении всеобщей стачки в ближайшем будущем. Не трудно однако убедиться, что то, что оппортунисты называют новым направлением, есть в сущности старое направление немецкой революционной социал-демократии, направление оправданное теоретически и испытанное всей историей партии. Для гг. оппортунистов теория — одно, а практика другое. Принято-де только „в принципе", а о проведении принятого в исполнение не смейте думать, даже когда условия жизни требуют этого! Новый образчик оппортунистического доктринерства.

С другой стороны, разговоры о всеобщей стачке сильно обеспокоили капиталистов, и их орган „Deutsche Arbeitgeber-Zeitung" („Немецкая Газета Работодателей") вопит: „Отечество в опасности" и требует репрессивных законов для „предотвращения" надвигающегося бедствия. Консервативная „Post" требует ни более ни менее, как запрещения союзов и стачек, по крайней мере, для железнодорожных рабочих и служащих. Раздаются также голоса за введение „каторжного закона", с которым правительству очень не посчастливилось в 1899 г., так как рейхстаг отклонил его en bloc и не счел нужным внять просьбе министра Посадовского передать его на обсуждение комиссии. Одним словом, взбаломутилось консервативное болото Германии и распространяет вокруг миазмы поползновений на народные права.

Но как будто слышится при этом бессильный скрежет зубов и злобный крик Мефистофеля: „Vorbei, Vorbei!" Прошло время! Русская революция дает сильное предостережение германским власть имущим, и едва ли кто осмелится по соседству с революцией провоцировать народ посягательством на его права.

Д-он.

В Берлинской думе под председательством городского головы (Oberburgermeister) состоялось учредительное собрание представителей разных религий для образования комитета помощи пострадавшим от погромов в России. В своем воззвании учредители апеллируют к чувству сострадания, но ни словом не обмолвились о виновниках и непосредственных устроителях погромов, „боясь внести лишнее раздражение". Осторожные филистеры оказались в данном случае plus royalistes que le roi même, ибо, как известно, само русское правительство вынуждено было в своем „сообщении" признать наличность участия полиции и войска в подвигах черной сотни. Социал-демократ Зингер ответил поэтому на приглашение вступить в этот комитет отказом и прислал об'яснительную записку, что он, при всем своем сочувствии к деятельности комитета, не считает для себя возможным участвовать в нем, так как он намеренно скрывает в своем воззвании главное обстоятельство, а именно то, что резня и грабежи повсюду были организованы и устроены русскими властями.

Проводя параллель, по поводу земского с'езда, между русской революцией и великой французской революцией, „Frankfurter Zeitung" пишет: „Однако, мы еще до сих пор не слышали, чтобы между заседающими в Москве русскими либеральными помещиками нашелся хоть один виконт де-Ноайль, который посоветовал своим товарищам отказаться от всех привилегий и льгот дворянства, который бы, таким образом, рекомендовал повторение парижского 4 августа 1789 года. На московском с'езде нет недостатка в громких словах и звучных фразах, но нет того идеализма, того воодушевления, которое в начале великой французской революции охватывало все сословия: мещанство, духовенство и дворянство".

Иностранная буржуазная печать, приветствуя „мудрую тактику успокоения" земского с'езда, с особой радостью отметила, что петербургская биржа достойно оценила поворот земцев и ответила на него повышением государственных бумаг. Но радость эта была недолгая. „Под напором обстоятельств" биржа через день снова вернулась к понижающей тенденции. Плачутся на это некоторые сердобольные буржуазные газеты, особенно близко стоящие к финансовым сферам Европы.

Польша и Литва.

В Варшаве. 10 ноября ночью происходило собрание рабочих на улице Когай в частной квартире. Узнав об этом, явился патруль; солдаты начали ломать двери, но они оказались очень крепкими, тогда порешили стрелять в окна, в результате чего ранили одну женщину.

В Варшаве по ночам опять начали дежурить патрули из рабочих, так как распространились слухи, что полиция организует погром.

В Варшаве на Сольной улице 11 ноября ранен солдат, который на прошлой неделе убил четырех рабочих.

В Варшаве 11 ноября забастовали снова рабочие газовых заводов. Причина забастовки чисто экономического характера.

В Варшаве организуется „русский прогрессивный клуб". Цель его заключается в об'единении тех русских людей в Польше, которые симпатизируют освободительному ее движению.

В Седлецкой губернии аресты и ссылки в пределы России продолжаются. На-днях в Стердыне арестовано около 15 человек, велено им в 24 часа покинуть город и отправиться в Екатеринославскую губернию. Распоряжения издает местный исправник, окруженный двумя драгунскими офицерами.

В Островце издано предписание, по которому домовладельцы обязаны днем и ночью сторожить телеграфные столбы. Неповинующиеся этому предписанию наказываются 3-месячным тюремным заключением или 3.000 руб. штрафом. Домовладельцы отказываются исполнять это предписание, мотивируя свой отказ тем, что войско, особенно по ночам, вызывающе себя держит, и, следовательно, жизнь сторожей будет находиться в опасности.

В Петроковской губернии губернатором запрещена охота, а у охотников отнято оружие. У страха глаза велики: администрация в охотниках видит опасных „революционеров" и лишает их возможности заработка.

Из Томашева-Раевского сообщают, что на телеграфных станциях не принимают телеграмм, отправляемых на имя гр. Витте с просьбой снятия военного положения, если эти телеграммы не подписаны местным цензором.

В Ченстохове рабочие завода „Гантке“ вооружились именно потому, что полиция распространяет слух о том, будто „черная сотня“ намерена на-днях бить рабочих и грабить их дома. Это вооружение рабочих, не желающих итти на верную смерть, и послужило поводом закрытия завода и увольнения 3.000 рабочих, о котором упоминается в предыдущем номере „Новой Жизни“ в корреспонденции из Ченстохова.

В Ковне рабочие самостоятельно, без содействия полиции, решили 10 ноября „очистить город“ от хулиганов. Они ловили их и передавали в руки полиции, а менее испорченных брали на поруки, обещая пристроить их к делу, найти им работу.

В Ковне 8 ноября прекратились занятия во всех учебных заведениях. Причиной забастовки послужило увольнение ученика гимназии за „неблагонадежность“, выступившего в качестве оратора на рабочем митинге.

Ковенский социал-демократический комитет „Бунда“ оповещает следующее:

„Так как ходят слухи, что ковенский комитет «Бунда» принимал участие в какой-то сделке лесопромышленников на торгах, мы заявляем: так как никакие отношения с лесопромышленниками, кроме разве руководства стачкой их рабочих, если они у них имеются, не входят в интересы пролетариата, а потому, конечно, и в программу действий социал-демократического комитета, а шантажем с.-д. организации не занимаются,— ковенский комитет «Бунда» никогда ни в какие отношения и сношения с лесопромышленниками не входил“.

Эти инсинуации по адресу „Бунда“, вероятно, распускает тамошняя полиция, чтобы дискредитировать его в глазах пролетариата. Дешевая, гнусная выходка.

В Ново-Александровском уезде Ковенской губернии толпа крестьян-литовцев в 500 человек окружила Антолептский женский монастырь. Этот монастырь принадлежал раньше католикам. Крестьяне без всяких насилий предложили монахиням покинуть монастырь, мотивируя свое предложение тем, что он выстроен на литовские деньги. Монахини раз‘ехались.

Областной отдел.

Минск.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Митинг новобранцев.

Местная группа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии организовала своеобразный митинг, на котором присутствовали только новобранцы, взятые на службу в текущем году. Оратором обсуждались злободневные вопросы политического характера, вопросы о противодействии войском борющемуся пролетариату, о значении присяги на верность отечеству, о пропаганде в казарме и т. п.

Присутствующие на митинге новобранцы пришли к заключению, что присяга на верность отечеству обязывает их бороться вместе с пролетариатом против самодержавно-полицейского строя и за проведение пролетарских идеалов в жизнь.

Для того, чтобы будить сознание товарищей по службе, нужно вести постоянную и усиленную пропаганду в казарме, выясняя значение политического момента несознательным товарищам.

Когда новобранцы расходились, настроение у всех было приподнятое. Пелись революционные песни.

Кроме этого митинга, группой был созван другой митинг, на котором присутствовало около 1.000 человек организованных рабочих; обсуждался вопрос о профессиональных союзах.

К волжским судоходным служащим.

Временный комитет по организации первого свободного союза служащих волжского бассейна обращается к вам, матросы, кочегары, лоцмана, водоливы, масленщики, штурвальные, капитаны, машинисты, помощники, конторщики, бакенщики, агенты, постовые старшины и начальники постов с следующим предложением. Высочайший манифест 17 октября 1905 г. положил резкую грань между прошлым временем и настоящим. Добытые народом основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов вносят яркий луч надежды на упорядочение нашего существования.

Товарищи! До 17 октября мы имели только одно право — терпеть и надеяться на будущее. Время молчаливого терпения и караемого протеста прошло, наступило светлое время права совместной дружной борьбы с тем гнетом и произволом, которые десятки лет давили наше существование.

Товарищи! Дружно соединяйтесь в одну трудовую семью, смело выступайте на борьбу с общим нашим врагом — капиталом. Победа за нами.

Необходимость организации свободного союза волжских судоходных служащих для всех очевидна. Временный комитет, приступая к осуществлению этой организации, считает необходимым ознакомить всех вас с основными положениями ее.

Цель союза — об‘единение волжских судоходных служащих для совместной защиты интересов всех вообще, каждого в отдельности. Союз будет иметь один центральный комитет в одном из волжских пунктов по выбору самих служащих. Члены комитета избираются самими служащими путем всеобщей и прямой подачи голосов; из своей среды члены комитета избирают председателя и должностных лиц; одновременно с членами комитета тем же порядком избирается состав товарищеского суда чести и комитет по оказанию материальной помощи забастовавшим товарищам. На обязанность центрального комитета возлагается: защищать и отстаивать интересы членов союза перед хозяевами-работодателями, основывая свои требования на тех инструкциях и указаниях, каковые будут преподаны комитету общим с‘ездом служащих, и опираясь твердо на дружную в решительный момент поддержку этих требований со стороны всех без исключения участников союза. Одной из первых задач деятельности комитета следует признать скорейшее осуществление старинного вопроса обеспечения служащих на случай старости, увечья, неспособности к труду и семейств служащих на случай смерти работника союза. Установление нормы служащих на судах, размера жалованья, при чем на первую же очередь должен быть поставлен вопрос об увеличении жалованья низшим судоходным служащим. Устройство наемных контор, больниц, пенсионных касс. Изыскание средств путем обложения.

Вот краткое перечисление основных положений проектируемой организации.

Весьма возможно, товарищи, что хозяева теперь же пойдут навстречу некоторым нашим требованиям, да и идут уже, но не обольщайтесь этими обещаниями: без правильной, дружной организации союза служащих эти обещания надолго могут остаться таковыми. Хозяева прекрасно чувствуют, что на них надвигается могучая рать тружеников-работников, в виду чего и принимают меры. Верить этим волкам, спешно переодевающимся в овечьи шкуры, особенно не приходится. Временный комитет, конечно, далек от мысли пред‘являть свои обвинения всем без исключения волжским хозяевам, и между ними есть люди, чутко прислушивающиеся к нуждам служащих и своевременно удовлетворяющие эти нужды. Комитет говорит лишь о большинстве.

Заканчивая настоящее обращение, комитет просит товарищей, разбросанных по городам и селам Поволжья, зимующих с караванами в затонах, откликнуться на наш призыв; тех же товарищей, которые имеют возможность быть в Нижнем-Новгороде 6 ноября, комитет просит в общее подготовительное собрание, имеющее быть в 11 часов утра в биржевом зале.

О деятельности комитета и о постановлениях собраний все будут извещены через посредство поволжской печати, которая не откажет, конечно, комитету в помещении этих сведений.

Временный комитет по организации союза волжских служащих.

Нижний-Новгород,
3 ноября 1905 г.

Нижний-Новгород.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Нижегородская дума, классовый состав которой очень определенен, в октябрьские дни пыталась занять своеобразную позицию „беспартийного“ учреждения. Когда на Благовещенской площади десятки тысяч рабочих Нижнего-Новгорода и Сормова праздновали первую победу пролетариата, когда с семи трибун раздавались свободные речи, дума постановила удаление казаков, ассигновку на народный университет 100.000 р. Но „радость“ отцов города скоро прошла, и она оседлала коня беспартийности. Эта беспартийность выливается в своеобразные формы. В частном совещании думы 24 октября гг. гласные топали ногами, кричали „вон!“ — когда гл. Волков указал на то, что „свободы не дарованы, а завоеваны кровью“. В этом же совещании один из гласных, Ремлер, доказывал „беспартийным“ людям, что они напрасно боятся „красных“. „Они борются за социализм... А что такое социализм?.. Социализм такой порядок, при котором всем будет жить хорошо, не будет нищеты, не будет чрезмерных богатств. Так всякий человек, я думаю, должен только желать такого порядка“. Какая буря поднялась после этих слов!.. Вскакивают „беспартийные“ гласные: Бугров, Зайдель и др. и в исступлении кричат: „Никогда этого не будет! Не допустим!...“ и т. п.

Один из митингов в народном доме постановил обратиться к гор. голове с требованием денег на организацию милиции соц.-дем. комитетом. Голова отказал и предложил сначала сговориться представителям соц.-дем., соц.-рев. и конституц.-демокр. об общей организации охраны. Тогда он созовет экстренное заседание думы. Сговорились, но из этого ничего не вышло. Вместо возбуждения вопроса об организации милиции, в думе 25 октября заговорили об учреждении умиротворительного комитета из состава гласных. Комитет этот выбран и до сих пор составляет обращение к гражданам.

27 октября в этот комитет мира приглашались представители партий соц.-дем., соц.-рев., конст.-дем., „белых“ и т. д. Председатель комитета Сироткин обратился к представителям партий (прежде всего и главным образом к соц.-дем. — она больше всего беспокоит людей „беспартийных“) с предложением высказаться по вопросу, для решения которого и образован комитет. Представитель соц.-дем. указал на важное значение широкой агитации, которую ведут соц.-дем. Она обессиливает черную сотню... Она привлекает все новые и новые массы к тем задачам, которые ставит соц.-дем. Правда, думе эти задачи не могут быть особенно приятны. Но и та цель, какую ставит себе комитет мира, в значительной мере достигается. Предупреждается возможность бессмысленного погрома со стороны темных слоев населения. Комитет мог бы содействовать „миру“, предоставив соц.-дем. для собраний городские помещения на окраинах, откуда сравнительно немногие попадают на митинги, происходящие в центре. Последовал, конечно, категорический отказ, — партиям комитет помогать не может, потому что он „беспартийный“. Хотя гг. беспартийные предусмотрительно и сговорились молчать, когда явятся представители партий, но...

Некоторые из гласных интересовались, намерены ли соц.-дем. устраивать в ближайшем будущем уличные манифестации... Соц.-дем. на этот вопрос не счел нужным ответить. Другие находили желательным ходатайствовать об увеличении полиции, воинских патрулей... Соц.-дем. было заявлено, что подобное заявление со стороны думы будет принято соц.-дем. как мера, провоцирующая беспорядки; что даже попытка думы организовать милицию будет так же встречена, как вызов... Дума может ассигновать средства, но организация должна быть предоставлена партиям...

Конст.-дем. в этом заседании предлагали свои услуги комитету мира по организации лекций, очевидно, в качестве тоже „беспартийных“ людей.

Немало комплиментов во время заседаний было направлено по адресу соц.-дем. Какой смысл и цена этих комплиментов, — ясно без всяких об‘яснений...

Все эти попытки буржуазной думы пойти навстречу революционному движению пролетариата кончились, как и следовало ожидать, самым позорным образом. В одном из последующих заседаний дума постановила: 1) увеличить жалованье полиции, 2) заведывания полицией в руки городского самоуправления не брать.

Юризань-завод, Уфимской губ.

(Корр. „Новой Жизни“.)

О манифесте 17 октября мы узнали окольным путем. Рабочие прошли по всем цехам и оповестили товарищей об обновлении многострадальной России. Мы обратились с требованием к управляющему завода, чтобы он приостановил на несколько часов завод, что и было исполнено.

Происходили величественные манифестации и на улицах. На знаменах надписи: „Да здравствует свобода!“

Чтобы убедиться, действительно ли дан манифест, рабочие послали уфимскому губернатору телеграмму, на которую последовал утвердительный ответ. Настроение было праздничное, приподнятое, рабочие поздравляли друг друга, пели „марсельезу“, некоторые из товарищей произносили речи, в которых об‘ясняли что такое свобода слова, свобода союзов и т. д. Прошли по улицам с красными флагами, во время шествия то и дело произносились возгласы: „Вечная память товарищам, павшим в борьбе за свободу!“ „Да здравствует свобода!“ „Долой насилие и произвол!“

Некоторые из рабочих предложили священнику О. Шелдовицкому, чтобы он отслужил панихиду по павшим товарищам в борьбе за великое дело, но „смиренный“ пастырь отказался. Он предпочитает деятельно вести вместе с некоторыми местными кулаками черносотенную агитацию против рабочих, интеллигентов, студентов и вообще против „крамольников“.

Орехово-Зуево.

(Корр. „Новой Жизни“.)

19 и 20 октября здесь тоже была об‘явлена политическая забастовка на 2 дня для выражения солидарности всеобщей забастовке. Прошла забастовка в полном порядке. По Никольской ул. 2 дня дефилировали манифестации с красными знаменами, происходили митинги. Казаки и полиция отсутствовали; черная сотня тоже ничем себя не проявила. В забастовке принимали участие все здешние фабрики. У нас на фабриках (Саввы Морозова) после 1 ноября предполагалась общая забастовка, но администрация с 31 октября сама закрыла фабрики на неопределенное время и всем рабочим предложила расчет, мотивируя это тем, что с февраля месяца в разное время общий заработок повышен на 100 т. р. Хотят, очевидно, профильтровать рабочих, как это было на фабр. Викулы Морозова, где было в конце-концов выброшено 150 человек. Рабочие решили расчета не брать. Настроение пока мирное, происходят каждый день собрания, на которых читаются рефераты. На одном из собраний поймали 3 черносотенников, которые откровенно сознались, что пришли сорвать собрание и что ореховские лавочники вооружаются и организуются в черную сотню под руководством полиции. Арестовать задержанных полиция отказалась.

Лавочников-черносотенцев рабочие решили бойкотировать, и теперь лавочники шлют в собрание рабочих письма, в которых отрицают свою причастность к черной сотне.

Вышний-Волочек.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Собираемся свободно, ораторов не хватает. Бастует фабрика Прохорова, на которой все рабочие — женщины. Плата была по 4 р. 50 к. в месяц, при 12-часовом рабочем дне на всем своем.

Когда Прохоров на место мюлей ввел ватера, то всех мужчин прогнал и набрал девочек и женщин. Теперь и они догадались забастовать.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 14

С.-ПЕТЕРБУРГ.
СРЕДА, 16 НОЯБРЯ
(29 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

В самом непродолжительном времени в Москве начнет выходить новая Соц.-Демократ. Газета

„ВПЕРЕД“.

Разделяя программу Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии, находясь под непосредственным контролем партийных учреждений и признавая задачею дня сделать программу и тактику партии достоянием всего рабочего класса, редакция приложит все усилия к тому, чтобы сделать газету и в отношении литературной формы и по цене доступной самому широкому кругу читателей. Редакция приглашает всех товарищей — и особенно товарищей, работающих в Московском районе,—не отказать в своем содействии присылкой статей и корреспонденций.

По делам издания и редакции обращаться в отделение конторы „Новая Жизнь“, в Москве.

С.-Петербург.

16 ноября 1905 г.

Сделка буржуазии с правительством.

Заседавший в Москве целую неделю с‘езд „земских и городских деятелей“ имеет большой политический интерес. Это не был с‘езд одной определенной политической партии. Это был парламент нескольких фракций либеральной буржуазии.

Крайнюю левую с‘езда занимали конституционалисты-демократы, ряды которых „украшали“ фигуры профессоров и публицистов, еще так недавно в сумерках полицейско-самодержавного строя сходивших за действительных демократов из рядов буржуазии, за истинных борцов за гражданскую свободу. Теперь, слушая речи этих „маститых деятелей свободы“ об опасности „анархии“, об опасности „хозяйственной дезорганизации страны“, если революция, руководимая крайними партиями не будет остановлена, если не наступит „умиротворение“, иные наивные интеллигенты протирают от удивления близорукие глаза...

На правой заседали уже откровенные сторонники партии „правового порядка“, отнюдь не претендующие на демократизм и открыто взывающие к сильной, — хотя бы и „либеральной“,—власти для подавления революции.

Союз тех и других, блестяще доказывающий, что сила классовых интересов руководит политикой, „идеи“ же лишь облекают эти интересы в более или менее красивый наряд, создал тот парламент либеральной буржуазии, который, опираясь на современное правительство, собирается продиктовать свои законы России.

Революционный пролетариат должен отнестись к этой по существу контр-революционной попытке буржуазии с величайшим вниманием, с величайшей бдительностью, ибо она, пожалуй опаснее попыток подавить революцию „черносотенной“ реакцией. Мобилизация деятелями полицейского самодержавия бессознательных элементов мелкой буржуазии и реакционных элементов крупной буржуазии в черносотенные „патриотические“ партии может создать еще несколько новых погромов, сопровождаемых разбоями и грабежами. Но погромы только ускорят вооружение народа и никогда не убьют его революционного духа, его стремления к свободе. Революция станет только более кровавой.

Чтобы прекратить революцию, либеральные помещики и капиталисты намерены действовать иными путями, испытанными уже в истории революций других стран. „Земские и городские“ деятели, т. е. либеральная буржуазия, стояли в оппозиции к правительству, пока оно было самодержавно-полицейским. Их оппозиция выражалась речами, которые они говорили из-за спин борющегося революционного пролетариата, да посылкой „адресов“ и депутаций к министрам и царю.

Теперь, когда самодержавие пало под напором революции, либеральная буржуазия из „оппозиционной“ партии готова стать правительственной: „земские и городские деятели“ постановили вступить в политическую сделку с правительством. Они высказались против созыва Всенародного Учредительного Собрания из боязни, что Учредительное Собрание, созванное революционным народом, учредит демократическую республику. Они высказались за конституционную монархию.

И для учреждения конституционной монархии, при которой либеральная буржуазия получит, конечно, преобладающее политическое значение, либеральные помещики и капиталисты предлагают свое содействие правительству Витте: оно отныне может назначить администрацию для проведения в жизнь „начал манифеста 17 октября“ из их среды.

За эту услугу правительство должно созвать Государственную Думу всеобщими, прямыми и равными выборами с тайной подачей голосов. И Дума прежде всего займется выработкой конституции, проект которой должен быть утвержден императором. Дума же займется умиротворением деревни путем прирезки надельной земли.

До созыва же Думы должна быть прекращена „черносотенная политика“, т. е. отменено военное положение в Польше и других местах, уничтожена повсюду усиленная охрана и дана гражданская свобода, об‘явленная в манифесте 17 октября.

Таково содержание сделки с правительством, проектированной с‘ездом „земских и городских деятелей“ в Москве. Для заключения ее избрана особая делегация к графу Витте. А недели через две должен собраться в Петербурге новый с‘езд либеральных помещиков и капиталистов, очевидно, для осведомления о результате переговоров и дальнейших действий по „умиротворению страны“, т. е. по закреплению господства буржуазии. Политический смысл этого хода либеральной буржуазии ясен. Она хочет привлечь на свою сторону „уступками“ в области политической свободы и экономических отношений—в особенности земельных — „умеренные“ элементы буржуазной демократии и, в частности, крестьянство. Если либеральной буржуазии, таким образом, удастся изолировать революционный пролетариат, сделать его одиноким в борьбе за полную демократизацию общественного и государственного строя, то дело революции затормозится, быть может, на долгий срок, в течение которого у кормила конституционно-монархической России будет стоять буржуазия.

Но не слишком ли прост этот расчет, гг. либералы?

В противовес контр-революционной тактике буржуазии революционный пролетариат, борющийся под знаменем Российской Социал-демократической Рабочей Партии, должен выставить свою революционную тактику. „Парламенту“ помещиков и капиталистов он противопоставит свой парламент революционного рабочего класса и революционного крестьянства. И этот революционный народ доведет до конца дело великой российской революции.

П. Румянцев.

Войско и революция.

Восстание в Севастополе все разрастается. Дело близится к развязке. Борющиеся за свободу матросы и солдаты устраняют начальство. Порядок поддерживается полный. Правительству не удается повторить кронштадтской гнусной проделки, не удается вызвать никаких погромов. Эскадра отказалась уйти в море и грозит городу, если попробуют усмирять восставших. Командование „Очаковым“ принял лейтенант в отставке Шмидт, отставленный за „дерзкую“ речь о защите с оружием в руках свобод, обещанных в манифесте 17 октября. Сегодня, 15-го, должен был окончиться, по сообщению „Руси“, срок, назначенный для сдачи матросам.

Мы стоим, следовательно, накануне решительного момента. Ближайшие дни — может быть, часы — покажут, победят ли вполне восставшие, будут ли они разбиты или будет заключена какая-нибудь сделка. Во всяком случае, севастопольские события знаменуют полный крах старого, рабского порядка в войсках, того порядка, который превращал солдат в вооруженные машины, делал их орудиями подавления малейших стремлений к свободе.

Миновали безвозвратно те времена, когда русская армия — как это было в 1849 году—шла усмирять революцию за пределами России. Теперь армия бесповоротно отпала от самодержавия. Она еще не вся стала революционной. Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось *свое* движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду. Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательство над человеком. И эта казарма становится очагом революции.

Севастопольские события не одиноки и не случайны. Не будем говорить о прежних попытках прямого восстания во флоте и в армии. Сопоставим с севастопольским пожаром петербургские искры. Вспомним те солдатские требования, которые намечаются теперь в различных воинских частях Петербурга (они напечатаны во вчерашнем номере нашей газеты). Какой замечательный документ этот список требований! Как ясно показывает он, что армия рабская превращается в армию революционную. И какая сила удержит теперь распространение подобных требований во всем флоте и во всей армии?

Петербургские солдаты хотят добиваться улучшения пищи, одежды, помещений, увеличения жалованья, сокращения срока службы и времени ежедневных занятий. Но среди их требований еще больше места занимают другие, которые мог пред‘явить только солдат-гражданин. Право посещать в форме все собрания „наравне со всеми гражданами“, право читать и держать в казарме *все* газеты, свобода совести, уравнение в правах всех национальностей, полная отмена всякого чинопочитания вне казармы, уничтожение денщиков, уничтожение военных судов и подчинение всех военно-судебных дел общегражданскому суду, право подавать коллективные жалобы, право защищаться при малейшем поползновении со стороны начальника ударить. Таковы главнейшие требования петербургских солдат.

Эти требования показывают, что армия уже солидарна, в громадной своей части, с восставшими за свободу севастопольцами.

Эти требования показывают, что лицемерные речи прислужников самодержавия о нейтралитете армии, о необходимости держать армию в стороне от политики и пр., что эти речи не могут рассчитывать ни на малейшее сочувствие солдат.

Армия не может и не должна быть нейтральной. Не втягивать армию в политику — это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивали армию в реакционную политику, превращали русских солдат в прислужников черной сотни, в пособников полиции. Нельзя стоять в стороне от общенародной борьбы за свободу. Кто относится к этой борьбе равнодушно, тот поддерживает бесчинства полицейского правительства, обещавшего свободу, чтобы издеваться над свободой.

Требования солдат - граждан суть требования социал-демократии, требования всех революционных партий, требования сознательных рабочих. Вступление в ряды сторонников свободы, переход на сторону народа, обеспечит победу дела свободы и осуществление солдатских требований.

Но для того, чтобы эти требования были осуществлены действительно полно и прочно, надо сделать еще маленький шаг вперед. Надо свести вместе, в одно целое, все отдельные пожелания солдат, замученных проклятой казармой - каторгой. А сведенные вместе эти требования будут означать: уничтожение постоянного войска, замену его всеобщим вооружением народа.

Постоянное войско везде и во всех странах служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага. Постоянное войско повсюду стало орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы. Не будем же останавливаться в нашей великой освободительной революции на одних частных требованиях. Вырвем зло с корнем. Уничтожим совершенно постоянное войско. Пусть армия сольется с вооруженным народом, пусть солдаты понесут в народ свои военные знания, пусть исчезнет казарма и заменится свободной военной школой. Никакая сила в мире не посмеет посягнуть на свободную Россию, если оплотом этой свободы будет вооруженный народ, уничтоживший военную касту, сделавший всех солдат гражданами и всех граждан, способных носить оружие, солдатами.

Опыт Западной Европы показал всю реакционность постоянного войска. Военная наука доказала полную осуществимость народной милиции, которая может стать на высоте военных задач и в оборонительной и в наступательной войне. Пусть лицемерная или сентиментальная буржуазия мечтает о разоружении. Пока есть на свете угнетенные и эксплоатируемые, мы должны добиваться не разоружения, а всеобщего народного вооружения. Только оно вполне обеспечит свободу. Только оно вполне свалит реакцию. Только при условии этого преобразования свободой воспользуются на деле миллионы трудящихся, а не одни лишь горстки эксплоататоров.

Н. Ленин.

Русская печать.

*** Убеждая телеграфных чиновников оставаться попрежнему вне закона, правительство сослалось на Запад и при этом, разумеется, передернуло. В официальном сообщении сказано:

Лица, состоящие на государственной службе, не могут образовывать союзов, касающихся их служебной деятельности, ибо без соблюдения служебной дисциплины немыслимо существование никакого государственного строя.

Далее правительство уверяет, что „ближайшим примером может служить решение подобного вопроса во Франции“, где Рувье будто бы об‘яснил, что „образование чиновниками союзов, последствием которых могли бы быть стачки“,— совершенно недопустимо. И „палата депутатов почти единогласно согласилась с правильностью заслушанного заявления“.

Во всей этой ссылке на Запад нет — говоря языком официальных опровержений — ни единого слова правды. Еще раз правительственное сообщение оказалось правительственным извращением.

По справке парижского корреспондента „Биржевых Ведомостей“ —

право образовывать союзы принадлежит чиновникам во Франции, как и всем гражданам, по закону, и Рувье не мог ничего сказать даже против союзов, последствием которых „могли бы“ являться стачки. Он высказался против стачек чиновников, что вполне естественно с его стороны, но не против их права составлять союзы. В его речи есть такое место: „Свобода союзов принадлежит, по закону 1901 г., всем чиновникам, свободою же составлять синдикаты пользуются те агенты, которые служат государству по его промышленным предприятиям, но не представляют его власть“. Таким образом, дебаты шли вовсе не о праве составлять союзы или синдикаты, а только о синдикатах чиновников, то есть о такой форме союзов, которая, по специальному закону 1884 г., сопряжена с особыми правами и преимуществами перед простыми ассоциациями.

Но и тут взгляды премьера разошлись с воззрениями палаты. Палата, —

вопреки словам автора русского правительственного сообщения, и не думала соглашаться с заявлениями и об‘яснениями Рувье. Одиннадцать лет тому назад, в 1894 г., палата по подобному же вопросу свергла министерство Казимира Перье, желавшего ограничить свободу союзов государственных служащих. И Рувье теперь избег кризиса только потому, что ему дали вывернуться. Он должен был признать в принципе, что отказывать чиновникам в синдикатных правах огулом нельзя, что вопрос надо всесторонне изучить. По вопросу о распространении на государственных служащих и рабочих закона 1884 г. имеется в палате выработанный проект, и Рувье должен был согласиться, чтобы этот проект был поставлен на ближайшую очередь.

Бедный г. Дурново! На кого-то он сошлется теперь? Разве только на пример Турции, тоже — кстати — „конституционного“ государства.

*** Что должно делать правительство? Кажется, ответ ясен: не уступать, пока возможно держаться. Наивно думать, что придворная камарилья, под влиянием газетных угроз, раздаст то, чем владеет, и пойдет прочь, славя господа. Помещики в дворцовых передних — а нужно ли повторять еще раз, что Россией правят о н и, а не словообильный гр. Витте? — могут рассуждать только так: пока нас не схватили за шиворот, нечего итти на уступки. Пока есть еще штыки и нагайки, которые готовы нас слушаться, проваливаться в небытие рано. Уступки начинаются там, где кончается возможность давить. Не уступок добивается революция, а захвата политической власти. Час этого захвата уже близок. Близок час, когда придворная камарилья—все эти Дурново, Треповы, Игнатьевы, Стишинские и т. д. останутся с пустыми руками, лицом к лицу с вооруженным народом, который, игнорируя их,— вот как теперь в Севастополе — сам создаст и обеспечит порядок. Для истинных друзей демократии не может быть иного пути, как, игнорируя отжившую власть, строить ей в противовес новую. И только либеральное недомыслие способно все еще „верить“, все еще топтаться на месте и заглядывать в глаза камарилье: не уступит ли чего даром?

Вот, например, аграрный вопрос. Как относятся к нему либералы? „Русь“ пишет:

Конечно, без Думы одному правительству нельзя было бы провести широких аграрных реформ. Но не о них теперь и речь. Теперь задача чисто временного характера: успокоить крестьян на время до Думы, показав на убедительных фактах,

что правительство решилось серьезно улучшить положение их. Между тем, даже и отмена выкупных отложена на два года, как оказывается, ради чисто бумажных соображений — избежать в росписи дефицита, как будто и действительно можно ожидать реальных поступлений по этой статье. На покупку же крестьянам земли через Крестьянский банк дано всего 30 милл., т. е. около 30 коп. на душу крестьянского населения.

Три гривенника на крестьянскую душу — для правительства помещиков это щедро! Нищему подают и пятак, и когда он просит еще — грозят отправить в участок. Но „Русь“ все еще думает, что правительство способно „одуматься“. Она все еще надеется убедить:

Правительство не отдает себе отчета в положении России. Его поведение нам кажется прямо непонятным.

Вот уже это, извините, напраслина. Политика придворных кругов вполне ясна и логична. Если говорить о сумбуре, то он в умах тех людей, что все еще мечтают о соглашениях. Мы немножко накинем, вы немножко уступите, смотришь, и ударили по рукам.

Может быть, и сторгуетесь, господа? Но утвердит ли эту сделку народ?

I.

Поэт рабочему.

Я поэт, и был поэт,
И поэтом я умру.
Но видал я с детских лет
В окнах фабрик поздний свет,
Он в уме оставил след,
Этот след я не сотру.
Также я слыхал гудок,
В полдень, в полночь, поутру.
Хорошо я знаю срок,
Как велик такой урок,
Я гудок забыть не мог,
Вот я звук его беру.
Почему теперь пою?
Почему не раньше пел?
Пел и раньше песнь мою.
Я—литейщик, формы лью,
Я—кузнец, я стих кую,
Пел, что молод я и смел.
Был я занят сам собой,
Что ж, я это не таю.
Час прошел. Вот час другой.
Предо мною вал морской,
О, рабочий, я с тобой,
Бурю я твою — пою!

К. Бальмонт.

II.

Начистоту.

Кто не верит в победу сознательных смелых рабочих,
Тот играет в бесчестно-двойную игру.
Он чужое берет, на чужое довольно охочих,
Он свободу берет, обагренную кровью рабочих.
Что ж, бери, всем она, но скажи: „Я чужое беру“.
Да, свобода для всех, навсегда, и однакож вот эта свобода,
И однакож вот эта минута — не комнатных душ,
Не болтливых, трусливых, а смелых из бездны народа,
Эта воля ухвачена с бою, и эта свобода —
Не застольная речь краснобая, не жалкий извилистый уж.

Это кровь, говорю я, посмевших и вставших рабочих,
И теперь, кто не с нами, тот шуллер продажный и трус.
Этих мирных, облыжно-культурных, мишурных и прочих
Я зову: „старый сор!“ И во имя восставших рабочих
Вас сметут. В этом вам я, как голос прилива, клянусь!

К. Бальмонт.

По поводу.

I.

Волна духовного возрождения народа погружает в глубину забвения все неподвижное и мертвое, выкидывает прочь из быстрого русла жизни людей легковесных и пустых и, вовлекая в свой радостный поток все живое и чуткое, смывает с души человека едкую пыль старой жизни...

Но легковесное и пустое, не находя себе места на празднике новой жизни, все-таки не хочет помириться с необходимостью своей гибели, желает напомнить кому-то, что оно еще живо, и, не умея сказать ничего путного, говорит что-то пошлое...

Так, например, недавно старинный увеселитель мещанской публики „Гейне из Тамбова“ напечатал в „Сыне Отечества“ небольшую глупость в стихах; в ней он, потешая зрителей, издевается над Бальмонтом.

Зачем это нужно печатать в серьезной газете, — не знаю, но думаю — только затем, чтобы публика вспомнила автора и улыбнулась ему. Любя подавать милостыню, она, вероятно, удовлетворила скромное желание своего забавника.

Можно бы не обращать внимания на эту ничтожную выходку маленького человечка, но в ней скрыто нечто более значительное, чем весь он,— черта, рисующая омертвение мещанской души.

Всегда неискренние—мещане лишены веры в искренность людей.

Измеряя все явления жизни узкой и тесной мерою своего эгоизма, они неспособны понять, как может Бальмонт печатать свои стихи в органе рабочей партии.

Они привыкли относиться к рабочему, как к человеку низшей расы, и даже теперь, когда он дал свободу их языкам, они все еще не видят в нем своего освободителя, и восхищение поэта силою рабочего недоступно их дряблой душе.

Невежественные, они не знают, что Бальмонт давно предал проклятию, облил ядом презрения их суетливую, бесцветную жизнь, полную трусости и лжи, прикрытой выцветшими словами, тоскливую жизнь полумертвых людей. Им непонятен чистый восторг поэта, наконец увидавшего смелую, бодрую армию строителей новой жизни, красивой и свободной. Они не могут вместить в свои души эту радость живого человека, который, наконец,

почувствовал, что на земле есть люди, кроме мещан, отравивших всю жизнь своей пошлостью, почувствовал силу пролетария и поклонился ему искренним поклоном поэта.

Душа мещанина—как маленький, засаленный кошелек, набитый стертыми монетами, — золото поэзии она вмещает лишь после того, как оно побывает в пробирной палатке излюбленного критика, ревниво охраняющего душу мещанскую от всего, что может нарушить мертвое равновесие ее...

Приятно видеть врагов уродами!

М. Горький.

О реорганизации партии.

III.

В первых двух очерках мы останавливались на общем значении выборного начала в партии и на необходимости новых организационных ячеек и организационных форм. Теперь рассмотрим еще один крайне насущный вопрос, именно: вопрос о партийном об'единении.

Ни для кого не тайна, что громадное большинство рабочих социал-демократов крайне недовольно партийным расколом и требует об'единения. Ни для кого не тайна, что раскол вызвал некоторое охлаждение рабочих социал-демократов (или готовых стать социал-демократами) к социал-демократической партии.

На то, что „верхи“ партии об'единятся сами, рабочие почти потеряли надежду. Необходимость об'единения была признана официально и III с'ездом Р. С.-Д. Р. П. и конференцией меньшевиков в мае текущего года. С тех пор прошло полгода, а об'единение почти не двинулось вперед. Неудивительно, что рабочие стали проявлять нетерпение. Неудивительно, что „рабочий один из многих“, писавший об об'единении в „Искре“ и в брошюре, изданной „большинством“ („Рабочие о партийном расколе“, издание Ц. К. Женева, 1905 г.), погрозил, наконец, социал-демократической интеллигенции „кулаком снизу“. Одним социал-демократам (меньшевикам) эта угроза тогда не понравилась, другие (большевики) нашли ее законной и в основе вполне справедливой.

Мне сдается, что теперь настала пора, когда сознательные рабочие социал-демократы могут и должны осуществить свое намерение (не говорю „угрозу“, ибо это слово отдает обвинениями, демагогией, а мы изо всех сил должны избегать и того и другого). В самом деле, теперь настала или настает, во всяком случае, пора, когда выборное начало можно применять в партийной организации не на словах, а на деле, не как красивую, но пустую фразу, а как действительно новое начало, действительно обновляющее, расширяющее и укрепляющее партийные связи. „Большинство“ в лице Ц. К. прямо призвало к немедленному применению и введению выборного начала. Меньшинство идет тем же путем. А рабочие социал-демократы составляют гигантское, подавляющее большинство во всех с.-д. организациях, учреждениях, собраниях, митингах и т. д.

Значит, теперь есть уже налицо возможность не только убеждать об'единиться, не только добиваться обещаний об'единиться, а об'единить на деле простым решением большинства организованных рабочих и в той и в другой фракции. Тут не будет никакого „навязывания“, ибо в принципе необходимость единства признана всеми, и рабочим предстоит лишь практически вырешить принципиально вырешенный вопрос.

Ведь отношение интеллигентской и пролетарской (рабочей) функции в социал-демократическом рабочем движении, пожалуй, довольно точно можно выразить такой общей формулой: интеллигенция хорошо решает вопросы „принципиально“, хорошо рисует схему, хорошо рассуждает о необходимости сделать... а рабочие делают, претворяют серую теорию в живую жизнь.

И я ни капли не впаду в демагогию, нисколько не унижу великой роли сознательности в рабочем движении, ни в чем не ослаблю гигантского значения марксистской теории, марксистских принципов, если скажу теперь: мы создали и на с'езде и на конференции „серую теорию“ об'единения партии; товарищи рабочие! помогите нам претворить эту серую теорию в живую жизнь! Идите в громадном числе в партийные организации. Сделайте из нашего IV с'езда и из меньшевистской второй конференции внушительный и грандиозный с'езд рабочих социал-демократов. Займитесь вместе с нами практически вопросом о слиянии, — пусть в этом вопросе, в виде исключения (это такое исключение, которое подтверждает обратное правило!), будет на одну десятую теории и на девять десятых практики. Право же, такое пожелание законно и исторически необходимо и психологически понятно. Мы столько времени „теоретизировали“ (иногда — нечего греха таить — впустую) в атмосфере эмигрантщины, что, ей богу, не мешает теперь несколько, немножечко, чуть-чуть „перегнуть лук в другую сторону“ и двинуть вперед немножечко больше практику. В вопросе об об'единении, о котором в связи с причинами раскола мы извели уйму чернил и бездну бумаги, в этом вопросе подобный прием безусловно уместен. В частности мы, эмигранты, соскучились по практике. И притом же мы написали уже весьма хорошую и полную программу всей демократической революции. Давайте же об'единимся и для дела этой революции!

Н. Ленин.

Москва.

(По телефону из Москвы.)

Сегодня, 15 ноября, в 4 часа утра, вернее ночи, состоялся многолюдный митинг почтово-телеграфных чиновников. Собрание решило отправить графу Витте телеграмму с жалобой на действия управляющего министерством внутренних дел г. Дурново, запретившего всероссийский с'езд почтово-телеграфных чиновников, и с ультиматумом, — что, если в течение 12 часов не будет дан удовлетворительный ответ, то об'явлена будет общая почтово-телеграфная забастовка.

День прошел в чрезвычайной ажитации. Со стороны администрации были приняты „решительные меры“: помещения почты и телеграфа наполнились войсками, что, конечно, способствовало не успокоению, а ежечасному возрастанию волнения. Наконец, наступил предельный срок для получения ответа от графа Витте — 4 часа пополудни, но ответа ни от кого и ниоткуда не было. Всероссийская почтово-телеграфная забастовка была об'явлена, все служащие московских почт и телеграфа прекратили свои занятия.

— В Москве получено известие, что началась забастовка всех сибирских почтово-телеграфных учреждений.

— Почта и телеграф в Москве не работают, и трудно сказать, когда там приступят к работе. Настроение среди служащих крайне приподнятое и возбужденное. Главной причиной стачки почтово-телеграфных служащих, помимо знаменитого циркуляра Дурново, является исключение со службы энергичных организаторов почтового союза гг. Парфеменко, Миллера и др. товарищей по организации союза, в количестве 25 человек. Войска и полиция не допустили устроить собрание союза в здании почты. Почта и телеграф опустели. Но чиновники, как говорят, собрались в другом, заранее условленном месте, куда явились войска и полиция; собравшимся предложено было разойтись. Чиновники ответили, что не разойдутся, если даже к ним применят насилие.

— В „Московской Газете" напечатано: „Федеративный Совет Московского Комитета и Московской Группы Российской Социал-Демократической Партии предлагает всем рабочим митингам и собраниям следующую резолюцию: «Грозное движение пролетариата нанесло уже смертельный удар царскому правительству. Эта революционная борьба пролетариата со всем старым строем теперь поддержана не менее громадным движением крестьянства. По всей Руси разлилось оно широким потоком и готово смести феодальные и крепостнические опоры царского самовластия. Но за последние дни появились еще более грозные призраки. Волнения кронштадтских матросов задавлены, но уже проявилось недовольствие и волнение в двух морских экипажах в Петербурге. Ныне неудовольствие в войсках переходит в открытое восстание. По слухам, восстала манджурская армия, а на юге пылает уже несомненный революционный пожар. Весь флот и сухопутные войска восстали. Севастополь уже в руках наших восставших товарищей. День окончательного, решительного боя близится. В виду этого (такое-то рабочее собрание) постановляет усиленно готовиться к тому, чтобы открыто вступить в решительный бой под руководством Российской Социал-Демократической Рабочей Партии с царским правительством за народное самодержавие, за демократическую республику и призывает всех солдат и всех, кто стоит за полное народовластие. Будем же все готовиться поддержать наших товарищей солдат и матросов! Да здравствует беспощадная борьба пролетариата, крестьян и армии против царского правительства! Да здравствует вооруженное восстание! Да здравствует демократическая республика!»"

— Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия печатает сегодня в „Московской Газете" следующее: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Федеративный Совет Московского Комитета и Московской Группы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, приветствуя бодрое революционное настроение товарищей типографских рабочих, подчеркивает необходимость беспощадного бойкота всех газет и листков черносотенного направления. Но вместе с тем, Федеративный Совет находит, что в интересах самой Социал-Демократической Партии необходима полная свобода печати для всех остальных партий, независимо от их направления".

— Вследствие продолжающейся забастовки служащих на винных складах, Москва сегодня осталась более, чем наполовину, неудовлетворенной в требованиях „казенного вина". Многие лавки совершенно расторговались и принуждены временно закрыться. В 12 часов служащие в казенных винных лавках собрались на митинг для выработки, с своей стороны, экономической программы.

— Вчера поздно вечером в театре „Олимпия" состоялся митинг домашней прислуги. Громадное большинство присутствующих составляли женщины, но было много и мужчин, корридорных, швейцаров, дворников и т. п. Митинг открыла одна из женщин.—Я предлагаю, товарищи,—говорила ораторша,—потребовать от хозяев введения 8-часового рабочего дня, отдельной светлой комнаты, права принимать гостей и один свободный день в неделю. Согласны, товарищи? — Согласны, конечно, согласны!—раздались крики. Далее говорил дворник, доказывавший, что они нанимались к домовладельцам, а не к полиции исправлять полицейские обязанности. Собрание согласилось с оратором, и дворники единогласно решили отказаться от полицейских функций. За поздним временем и утомлением собрание отложено. Была однако вынесена резолюция, которой собрание присоединяется к общей борьбе за волю, землю и труд. Память погибших борцов за освобождение была почтена вставанием и пением гимна: „Вы жертвою пали в борьбе роковой".

— На-днях забастовали рабочие громадной фабрики Покровской мануфактуры, в Дмитровском уезде. Рабочие пред'явили ряд требований и между другими немедленное удаление со службы директора завода, 3 механиков и др. из состава фабричной администрации.

— Состоялось собрание домашней прислуги, присутствовало более 1500 чел. Тут были кухарки, горничные и мужская прислуга. Решено выразить сочувствие крестьянам и рабочим, борющимся за свободу, за землю и за лучшую жизнь. Образовавшийся союз домашней прислуги решил вступить вместе с братьями рабочими на путь борьбы за освобождение. В собрании поднят был вопрос, нужно ли принимать в свою среду дворников, так как они слуги полиции, а потому враги народа. Были возражения. Говорили, что не все дворники полицейские в душе и что многие из них не виноваты, что полиция превращает их в черносотенцев. Можно и на душу дворника повлиять и доказать, что служить полиции значит итти против своего же народа.

— Рабочие Прохоровской мануфактуры устроили многолюдное собрание и постановили выразить сочувствие крестьянскому союзу, борющемуся за правду, за право, за волю, за землю. Они, рабочие, полны самых горячих пожеланий своим братьям-крестьянам и верят, что результаты борьбы создадут им новую счастливую жизнь.

— Рабочие сахарного завода, фабрики красок Посовецкого, двух чугуно-литейных заводов и др. на собрании постановили выразить сочувствие севастопольским матросам и солдатам, борющимся за освобождение, а также крестьянскому союзу, борющемуся за землю, и волю и за созыв Учредительного Собрания.

— На собрании Московского союза деятелей печатного дела были сделаны весьма интересные сообщения, касающиеся главным образом заявления, сделанного А. И. Гучковым на бывшем с'езде городских и земских деятелей, по поводу „новой цензуры" рабочих. Г-н Гучков, оказывается, не все сказал с'езду. В типографии Кушнарева должно было набираться воззвание г. Гучкова от партии 17 октября. Наборщики типографии не отказались его набирать, а заявили управляющему типографии, что воззвание г. Гучкова они наберут, но просят, чтобы им было разрешено выпустить свое воззвание, в котором по пунктам будет разобрано произведение г. Гучкова. Управляющий типографией согласился при условии, что наборщики не будут употреблять резких „революционных" выражений. Наборщики этим не удовольствовались и отказались набрать воззвание Гучкова. Был и другой интересный случай. Знаменитый историк Иловайский должен был выпустить номер газеты „Кремль". Наборщики не соглашались набирать, так как содержание „Кремля" было возмутительное. Тогда Иловайский пошел на уступки и согласился выбросить многие „черносотенские" выражения; набрали „Кремль", тогда печатники отказались его печатать. Иловайский обращался в типографии гг. Романова, Прянишникова, Левинсона и др., но безуспешно. Отказались также наборщики набирать воззвание „Православные христиане". Что касается наборщиков „Моск. Вед.", то они заявляют, что решили присоединиться к наборщикам газеты „День" и т. п. изданий, а затем уже совместно бросят работу и не станут набирать черносотенных произведений.

— В „Вечерн. Почте" помещено письмо нижних чинов Гренадерского полка и московского гарнизона к „своим братьям крестьянам", в котором они приветствуют крестьянский союз и заявляют, что из своего солдатского жалованья в $47^1/_2$ коп. собрали в пользу союза 12 р. 50 к.

— Бюро московских об'единенных союзов устраивает митинг протеста против ареста членов организационного бюро всероссийского крестьянского с'езда.

— Время отправления депутации с'езда городских и земских деятелей в Петербург к графу Витте еще не определено. И. И. Петрункевич отправился в Петербург, откуда будет телеграфировать о дне выезда депутации из Москвы в лице С. Я. Муромцева и Ф. Ф. Кокошкина. Бюро с'езда в настоящее время разрабатывает проект об осуществлении свобод. Вечером состоялось заседание организационного бюро с'езда, на котором был выработан текст и послана телеграмма графу Витте по поводу происшедшего ареста членов организационного бюро всероссийского крестьянского с'езда.

— Сегодня по Москве циркулируют упорные слухи, исходящие из солидного источника, о том, что московские генерал-губернатор Дурново и градоначальник барон Медем увольняются

в отставку. Отставка их ставится, по слухам, в связи с допущением всероссийского крестьянского с'езда. К вечеру слухи стали принимать все более и более определенные формы.

— По сведениям, полученным из административных источников, арест членов бюро крестьянского с'езда состоялся вследствие полученного из Петербурга предписания управляющего министерством внутренних дел Дурново.

— Официанты продолжают бастовать, хотя и умерили свои требования. В некоторых первоклассных ресторанах посетителям подаются горячие и холодные кушанья, при чем подают владельцы ресторанов, управляющие и метр'д'отели.

— Кучера и кондуктора 2-го общества конно-железных дорог продолжают бастовать. Администрация отказала в требованиях служащих. Теперь служащие просят месячного отпуска с сохранением содержания и два раза в год награды.

— Студенты сельско-хозяйственного института, собравшись на сходку, постановили выразить служащим „2-го общества конок" горячее сочувствие, так как студентам особенно часто приходится пользоваться услугами „конок" именно этого общества.

— В училище живописи, зодчества и ваяния произошли большие волнения по следующему поводу. Воспитанники училища заметили из окон, что в грозном — „боевом порядке"—на училище надвигается рота солдат. Смятение среди воспитанников началось огромное: наскоро стали приниматься меры сопротивления; сами учащиеся вооружились чем было возможно, а все входы и окна были забаррикадированы. Начальник училища кн. Львов тщетно пытался успокоить воспитанников: волнения среди них не только не прекращались, но ежечасно увеличивались. Кн. Львов отправился к градоначальнику, от которого привез удостоверение в гарантии безопасности как училища, так и учащихся. Но и эта мера не имела желанного для начальства результата: баррикады не снимались и воспитанники не разоружались. После этого училище было об'явлено закрытым до января и учащиеся распущены.

— 14 ноября началась забастовка служащих Софийской детской больницы. Как ни жестока эта забастовка, но она явилась положительно вынужденной: много раз настойчиво служащие просили улучшить их действительно тяжелое положение, многократно они приносили жалобу на ближайшую низшую администрацию, в числе которой особенно деспотично обращалась с ними экономка, но городские заправилы оставались ко всему глухи.

— Бюро союза равноправия женщин получило от вице-председательницы женского союза в Финляндии следующее известие: „В настоящее время все политические партии в Финляндии без исключения вставили в свою программу политические права женщин. Все партии сошлись на признании необходимости предоставления избирательных прав всем женщинам, замужним и незамужним, на равных основаниях с мужчинами. Кроме того, все партии согласились также предоставить женщинам права быть членами будущего финляндского демократического парламента".

— В ночь на вчерашнее число близ станции „Вишняки" Московско-Казанской железной дороги на товарный поезд, находившийся в движении, напала толпа, которая, произведя несколько револьверных выстрелов, взломала один из вагонов и похитила несколько мест чаю. Когда поезд был остановлен, нападавшие скрылись. На полотне около поезда был найден неизвестный молодой человек с раздробленной рукой и ногой. Молодой человек, не приходя в сознание, скончался. При нем оказался 6-зарядный револьвер, из которого была выпущена одна пуля.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Москва (копия телеграммы, отправленной гр. Витте).„—Ваше сиятельство! министр внутренних дел, господин Дурново, вступил на путь отрицания дарованных свобод 17 октября и, применяя к нам 788 статью — увольнение от должности без прошения — провоцирует освободительное движение вашего же министерства. Так как министр вступил на путь беззакония, то всероссийский с'езд делегатов почтово-телеграфных служащих не считает своих товарищей уволенными и меру, принятую по отношению к ним, игнорирует. Констатируя только факт, мы апеллируем к обществу, союзам, пролетариату, крестьянству и, если намеренное обострение не будет в течение 12 часов предупреждено вашим сиятельством, то мы, снимая с себя всякую ответственность, поддержим наше право единодушной забастовкой. Уполномоченный с'езда делегат Роде Червинский".

Тифлис (собств. корр.).—Двадцатого начнет выходить наша газета „Кавказский Рабочий Листок". Пошлите статьи, корреспонденции, немедленно. Ртищевская, 11, Шаумяну.

Севастополь, 14 ноября.—Волнения в Севастополе начались с того, что матросы, недовольные запрещением участвовать в народных митингах, привлекавших десятки тысяч населения, собрались в пятницу на площади, между флотскими казармами и казармами Брестского полка для обсуждения своих нужд. В пять часов вечера к ним присоединились окончившие работу портовые рабочие в количестве нескольких тысяч человек. Чтобы прекратить митинг, была командирована рота Белостокского полка и рота матросов с одного из судов. Прибывший контр-адмирал Писаревский приказал стрелять, если бунтовщики не разойдутся. Тогда один из матросов, прибывший для усмирения, произвел в упор три выстрела. Одним легко ранен контр-адмирал Писаревский, другим случайно убит штабс-капитан Шейн. Митинг окончился в 7 часов вечера. Решено было устроить в субботу демонстрацию с участием матросов и солдат. Многих прибывших офицеров разоружили. В субботу утром матросы высыпали из казарм и соединились с нижними чинами Брестского полка, те и другие были без оружия. К ним присоединились рабочие, производившие работы в порту. Около полудня собравшиеся демонстранты устроили шествие по городу в образцовом порядке с оркестром музыки впереди и красными флагами; пройдя центральную Екатерининскую улицу, демонстранты, при звуках „Боже царя храни", прошли мимо нескольких вооруженных рот Белостокского полка, расположившихся на площади против Исторического бульвара. Роты Белостокского полка, бывшие при офицерах, взяли на караул, пропустили мимо себя демонстрантов, произнесших несколько речей в Историческом бульваре, и затем удалились в казармы. Демонстранты последовали за ними, но, полагая, что они попадутся в засаду, они в том же порядке повернули в город и затем вернулись в свои казармы. Вечером были арестованы прибывшие в казармы комендант крепости генерал Неплюев и исполнявший обязанности начальника дивизии генерал Седельников. Оба, спустя несколько часов, были освобождены с возвратом оружия. Ночью Брестский полк был перевезен в лагерь. Часть нижних чинов полка перебежала во флотские казармы. Утром, в воскресенье, в виду забастовки железной дороги, прибыл пешком батальон Литовского полка из Симферополя и остановился на северной стороне. Воскресенье прошло спокойно. Сегодня прибыла рота Виленского полка из Феодосии. Утром на плацу перед казармами, в присутствии матросов и солдат Брестского полка и саперной роты, поселившихся во флотских казармах, было отслужено молебствие по случаю рождения императрицы Марии Федоровны с парадом. Командовал флотский кондуктор. День прошел спокойно. Запасный батальон также был на стороне матросов.

Относительно судовых команд слухи разноречивы. Одно неоспоримо: во время демонстрации на крейсере „Очаков" развевался красный флаг. Движение железной дороги, в виду порчи стрелок, прекращено между Севастополем и Симферополем. По городу расклеены об'явления о военном положении в крепости. Главнокомандующим назначен комендант крепости генерал Неплюев. Жители в панике бегут, хотя торговля и деятельность в городе не прекращаются. Оба пехотных полка — Брестский и Белостокский—расположены у лагеря. Дворец главного командира охраняется казаками. Начальствующие лица раз'езжают с конвоем казаков.

Севастополь, 14 ноября.—Город об'явлен на осадном положении. Власть главнокомандующего по крепости и городу передана начальнику крепости Неплюеву. Из Одессы и других городов прибывают войска. Вечером должна была уйти из Севастополя эскадра, но не вышла. Магазины и рестораны открыты. Почта из Симферополя получена на лошадях.

Севастополь, 15 ноября. — Говорят, что командование крейсером „Очаковым" принял на себя отставной лейтенант Шмидт. Дума заседает каждый день и возбудила ходатайство об охране города.

Батум, 15 ноября. — По случаю перевозки тела убитого в Одессе студента Клдиашвили в городе все закрыто. В процессии участвовали все организации с красными флагами в полном порядке.

Запасные Херсонского полка отпущены домой.

Нижний-Новгород, 15 ноября.—Получаются тревожные известия об аграрном движении в уездах. В некоторые пункты отправлена военная сила. Местами образуются крестьянские союзы. Благодаря деятельной пропаганде крайних партий крестьяне примыкают к ним. Слухи о возможном закрытии Сормовских заводов вызывают тревогу. Останется масса безработных.

Тифлис, 15 ноября.—Нижние чины саперного батальона на вчерашнем митинге во дворе казармы пред'явили ряд требований начальству, обещавшему удовлетворить главнейшие, если слово „требование" будет заменено словом „просьба".

Моршанск, 15 ноября. — В уезде происходят аграрные беспорядки, с каждым днем обещающие принять более острый характер. Для предупреждения погромов в наиболее опасных пунктах поставлены отряды казаков, пехоты и уездных стражников.

Москва, 15 ноября.—Здесь вознакла торгово-промышленная политическая партия. Ядро партии составляют наиболее крупные фабриканты Центрального района. Партия поставила своей задачей полное содействие правительству в деле проведения начал манифеста 17 октября и ограждения закономерного правопорядка: сохранение целости России; регулирование дарованных манифестом свобод; созидательную деятельность Государственной Думы.

Варшава, 15 ноября.—Все фабрики работают, кроме газового завода, на котором продолжается забастовка вследствие невыполнения заводом требования рабочих удалить отказавшихся в свое время бастовать. Завод обслуживается солдатами. Сегодня в кафедральном костеле совершена панихида по Мицкевичу. Молящиеся разошлись спокойно.

Тверь, 15 ноября.—Забастовали пекаря и портные. Требования экономические. На фабриках митинги происходят в полном порядке. В городе спокойно.

Новороссийск, 15 ноября. — Сегодня в 9 час. утра на сборщика казенных лавок, когда он нес деньги в казначейство, напали вооруженные грузины. Сборщик тяжело ранен. Разбойники вскоре пойманы в лесу казаками.

Люблин, 15 ноября. — Вчера вечером неизвестными злоумышленниками выстрелами один земский стражник убит, другой тяжело ранен.

Екатеринбург, 15 ноября. — Состоялось несколько многолюдных митингов. Часть рабочих бастует. Своевольно вводится восьмичасовой рабочий день.

Организуется отдел всероссийского союза педагогов.

Саратов, 15 ноября. — Тревожные слухи о готовящемся сегодня избиении интеллигенции не подтвердились. Началась забастовка женской прислуги, требующей сокращения рабочего дня, улучшения пищи, отдельных помещений, вежливого обращения. Рабочие организуют профессиональный союз рабочих металлического производства.

Аграрное движение утихает.

Второго декабря открывается областной с'езд землевладельцев.

Одесса, 15 ноября. — Опубликовано об'явление градоначальника. „Об'являю во всеобщее сведение, что вследствие непрекращающихся неразрешенных законом сборищ с участием посторонних лиц в университетских зданиях, Новороссийский университет временно закрыт, и никакие сборища в нем допускаемы быть не могут". Университет охраняется войсками. Началась забастовка домашней прислуги. Забастовщики ходят по квартирам и снимают прислугу.

Сувалки, 15 ноября. — Временным генерал-губернатором Сувалкской губернии генерал-майором Гульковским изданы обязательные постановления обычного характера, нарушение которых карается тюремным заключением до трех месяцев и штрафом до 3.000 рублей. В городах настроение спокойное.

С начала лета продолжается революционное брожение в некоторых гминах литовских уездов — Мариампольского, Волковышского, Владиславского и Кальварийского,—выражающееся в разгромах винных лавок, в насильном закрытии начальных училищ, насилиях над полицией, демонстрациях, уничтожении портретов, срывании русских гербов и в распространении революционных воззваний.

Дубовка, 15 ноября. — Дума постановила дать безработным общественную работу. Ассигновано на это 3.000 рублей. Митинги продолжаются. Наняты обыватели для охраны мирных жителей от нападения хулиганов.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Константинополь, 14 (27) ноября. — Международная эскадра, отправленная для демонстрации в Митилену, выполнила свою вчерашнюю программу. Как видно из полученных английским, русским и греческим посольствами известий, высадка войск и занятие Митилены последовали без сопротивления. На острове все спокойно. И в Константинополе также царит полное спокойствие.

Вчера вечером великий визирь посетил русское посольство, но самого посла не застал и беседовал только с драгоманом. Положение остается без перемен. (Корбюро).

Афины, 14 (27) ноября. — По сведениям из Митилены, суда европейских держав вошли в порт, не сделав обычного салюта. Вследствие бури, они стали на якорь в бухте, после чего высадили 400 человек, которые заняли таможню, телеграф и др. части города. Турецкий гарнизон удалился из казарм, которые теперь охраняются австрийским отрядом (Гавас).

Вена, 15 (28) ноября. — Сегодня состоялось открытие рейхсрата. Зал заседаний и трибуны были переполнены. При напряженном внимании присутствующих встал министр-президент Гауч и заявил, что правительство вносит проект временного ассигнования на полгода и что оно настаивает на заявлении, сделанном им относительно единства армии, которого программа нового венгерского министерства нисколько не поколебала. Что касается соглашения с Венгрией, то оно будет поддерживаться до тех пор, пока венгерское правительство будет исполнять обязательства, заключенные им с предшествующими венскими кабинетами, при чем со стороны Австрии не будет сделано никаких новых уступок.

Затем министр-президент указал на национальное соглашение, установленное в последнюю сессию Моравского сейма, между обеими народностями и выразил убеждение, что этот счастливый успех явится поощрительным примером для других провинций со смешанным населением.

После этого министр-президент перешел к изложению принципов, положенных в основание проекта избирательной реформы, который правительство, по всей вероятности, внесет в рейхсрат в феврале будущего года. По его словам, для национальностей, составляющих меньшинство, правительство представит рейхсрату план распределения избирательных округов, соответствующих национальным условиям страны.

Гауч предложил выработать новый парламентский устав для обеспечения правильного течения государственной деятельности. По словам министра-президента, необходима также и реформа палаты господ. Само собой разумеется, что осуществление столь обширной реформы не может быть достигнуто, пока путь загроможден неисполненными государственными задачами такого значения, как временная роспись доходов и расходов.

Вена, 15 (28) ноября. — Сегодня во всей Австро-Венгрии социал-демократы устроили демонстрации организованных рабочих масс в пользу введения всеобщего, прямого и равного избирательного права. Большая часть фабрик и контор закрыты. Здесь рабочие собрались на площадь Карла, где построились в ряды. Около 10 часов утра около 2.000 рабочих чехов-националистов пришли к парламенту с национальными флагами, приветствуя чешских депутатов криками „ура". Спустя четверть часа головной отряд процессии подошел к парламенту. Депутация вошла внутрь здания, чтобы вручить министру-президенту и президентам обеих палат петицию о реформе избирательного права. Между тем, мимо парламента, вдоль Рингсштрассе, про-

ходила процессия в 200.000 человек. Огромная толпа, кроме того, собралась смотреть на рабочих. Процессия прорвала полицейский кордон, но затем была оттеснена. Шествие продолжалось в полном порядке без всяких инцидентов. В рейхсрате, отвечая на речь главы депутации, президент Соттер заявил, что законодательство ставит своей главной задачей откликнуться на поступающие в парламент со стороны всех слоев общества заявления о необходимости расширения избирательного права. Когда рейхсрат сможет определить свое отношение к этому вопросу, то депутация согласится с президентом, что столь глубокая при своеобразных политических и национальных отношениях Австро-Венгрии реформа может только тогда получить удовлетворительное разрешение, когда парламент приступит к выполнению тяжелой и ответственной задачи в полном спокойствии, не подвергаясь влиянию предвзятых мнений. Депутация может вполне довериться рейхсрату, президент будет всеми силами поддерживать его в этом деле. Демонстрация продолжалась всего $4^1/_2$ часа. В $2^1/_2$ часа участники разошлись без инцидентов.

Шанхай, 14 (27) ноября („Ивнинг. Пост"). — По поводу пред'явленных Японией требований Китай сделал следующие контр-предложения: Ляодунский полуостров уступается в аренду Японии на тот же срок, на какой он был уступлен России; полоса военных действий возвращается Китаю; японская железнодорожная стража заменяется китайскою, состоящей из войск, обученных иностранными инструкторами; эвакуация Манджурии завершается в течение полугода; открытие Манджурии для торговли определяется соглашением Китая с державами; степень участия Китая в эксплоатации железной дороги увеличивается.

Берлин, 14 (27) ноября. — В зале заседаний палаты депутатов собрался сегодня первый с'езд германских городских деятелей. Присутствовали представители почти всех крупных городов. Главным предметом совещания был вопрос о мерах против вздорожания мяса.

Христиания, 4 (17) ноября. — Сегодня состоялось в стортинге принесение присяги королем. Президент стортинга Бернер произнес речь, в которой предложил королю присягнуть конституции, дабы он мог осуществлять власть, предоставленную королю основными законами. Король Гаакон принес присягу, после этого Бернер произнес приветственную речь.

Письма в редакцию.

В дополнение к заметке, помещенной в „С. О." от 10 ноября, мы, фельдшерицы и фельдшера Николаевской детской больницы, считаем необходимым опубликовать следующее. Когда мы собрались говорить с Н. И. Вятлинским по поводу увольнения товарища Добросердовой, то он позволил себе уклониться от истины по адресу этой последней. После того, как мы выслушали об'яснение товарища Добросердовой, мы пожелали говорить с директором вновь, но он отказался об'ясняться с нами в виду присутствия фельдшера, который с самого начала высказал сомнение в справедливости его слов и, вероятно, для своей защиты приказал позвать дворников (!).

12 ноября собравшиеся врачи пригласили для об'яснения фельдшериц, но с условием, чтобы фельдшер при этом не присутствовал, на том будто бы основании, что он не имеет официального документа на это звание. Мы отказались, а через некоторое время фельдшер получил бумагу об увольнении.

Приняв это увольнение еще одного товарища за окончательный ответ, мы постановили ни в какие дальнейшие об'яснения с директором не входить и 17 ноября коллективно оставляем службу.

Фельдшерицы (11) и фельдшер (1) Николаевской детской больницы.

Милостивый государь,

господин редактор!

В № 12 издаваемой вами газеты „Новая Жизнь", в отделе „Хроника", помещена заметка, смыслом которой мне и еще 14 инженерам Невского судостроительного завода приписывается роль черносотенцев. Я категорически протестую против приписываемого мне и товарищам-инженерам образа действий. Я заявляю, что ничего общего с черной сотней не имею и никого за политические убеждения с завода не увольнял.

Инженер Н. Сухих.

Милостивый государь,

господин редактор!

Не откажите поместить в вашей уважаемой газете нижеследующее. Т-во крестьян Смоленской губ., Юхновского у., Федотовской вол., купило у владельца села Ступеньки г. Каховского землю за 20.700 р., выдав 7.300 р. задатку. Т-во обратилось, кроме того, в Крестьянский банк за ссудой в 8.000 р., в каковой ссуде т-ву было отказано. Теперь владелец земли собирается продать ее в другие руки, а об-во рискует остаться без земли и без внесенных уже денег.

На телеграмму, посланную в октябре месяце товарищу министра финансов, ответа не получено. 14 ноября была послана товарищу министра еще одна телеграмма с оплаченным ответом.

Пока что — в деревню посылаются войска, пулеметы...

Мы спрашиваем: на каком основании банк отказывает выдать ссуду?

Доверенный о-ва

С. А. Я—в.

Милостивый государь,

г. редактор!

Будьте добры напечатать в вашей уважаемой газете нижеследующее письмо. Мы, сознательные городовые гор. С.-Петербурга, желаем огласки всех тех гадостей и несправедливостей, которые творятся над нами и на которые мы должны отвечать молчанием, боясь лишиться последнего куска хлеба. Оклад городовых делится на три разряда: 1) в 25 руб.; 2) прослужа не менее 10 лет — 30 руб. и 3) прослужа не менее 15 лет — 35 руб., и так до гробовой доски. Вступая на службу, городовой должен обмундироваться, что составляет 100 руб. при нищенской плате. Но все это еще ничего, ибо кому трудящемуся хорошо живется на Руси.

В 1885 году была основана эмеритальная касса среди городовых с вычетом по 3% с рубля. 20 лет уже существует эта касса, но отчетов никаких не делала. Куда же эти трудовые крохи пошли,—в точности неизвестно. Но интересно то, что бывший градоначальник г. Клейгельс купил дешевенькое именьишко, что-то вроде 1.000.000 руб. Полицеймейстера и им подобные хорошенькие, кругленькие человечки понастроили дачки и домишки. Вероятно, все эти господа следовали пословице, что „с миру по нитке — голому рубашка". Но так как начальство нашло все-таки плату слишком высокой, то придумало еще вычет в размере 10 коп., в каждую получку, на богадельню для старых городовых. И вот богадельня выстроилась. Но кто же там обитает? Что за инвалиды? Да там все обитает почтеннейшая публика, высшая полицейская свора, с женами и всем домашним скарбом, страдающая несмолкаемой алчностью к грабежам и еле двигающими ногами от разврата. Да, это действительно почтенные инвалиды! И действительно, образцовая богадельня! Старичкам же городовым, вместо отдыха в богадельне, пришлось, по распоряжению заботящегося начальства, во время забастовок отдыхать только 6 часов в сутки. Но, как и всегда, вечно заботящееся начальство наградило за это городовых по 15 к. в сутки, тогда как приставам, своим однокорытникам, за то, что они лежа на боку

приказывали охранять их особу, платили по 3 руб. в сутки, кроме жалованья.

Поэтому мы, городовые гор. С.-Петербурга, требуем: 1) немедленной выдачи всех высчитанных денег за 20 лет; 2) чтобы богадельня была отдана в пользование инвалидов-городовых; 3) чтобы была пенсия за выслугу лет; 4) чтобы обращались с нами, как с людьми.

Товарищи-рабочие, не вините нас за то, что мы служим этому мундиру. Нужда заставляет нас! Но знайте, что мы тоже люди и желаем лучшей доли в жизни. Поэтому мы желаем, чтобы жилось посвободней.

Да здравствует святая свобода!

Да здравствует союз между рабочими и нашей группой городовых!

Группа сознательных городовых.

Господин редактор!

Честь имеем вас просить поместить в вашей уважаемой газете следующее. Мы, торговцы пригорода Нарвского района, считаем себя крайне обиженными. Мы слышали и даже знаем, что в черте города торговцами установлен праздничный отдых по воскресным и праздничным дням. Мы же, торговцы, почему-то всего этого лишены и не причислены к тем православным торговцам города, которым дана праздничная свобода. Наш район насажден преимущественно мелкими хозяевами, которые по доброму соглашению ни в каком случае не согласятся закрыть свои убогие лавки. В виду этого мы лишены всякой свободы и отдыха. Мы ведь тоже люди и также трудимся, как и городские торговцы, почему же нас так обошли? В виду всего этого, мы, торговцы деревни Волынкиной, решили прибегнуть за содействием к вашей уважаемой газете. Просим вас, господин редактор, помогите нам уважаемой печатью.

Торговец.

М. г., господин редактор!

Не откажите поместить в уважаемой вашей газете нижеследующее.

Во все участковые управления г. СПБ. разосланы воззвания от союза чинов с.-петербургской столичной полиции о присоединении к таковому, с просьбою ответить на предложенные в том же воззвании вопросы. Адрес указан: „Ответ передать тем же лицам, от которых получили настоящее воззвание“, но воззвания эти были разосланы по почте; в виду этого адрес остался неизвестным.

12 сего ноября околоточные надзиратели и городовые, собравшись в числе 168 человек от разных участков, обсудив между собою настоящее время, когда вся Россия занята освободительным движением от царящего над ней бюрократического произвола и насилия, которые равно распространяются и на нас и к нашему прискорбию исполнителями этого являемся мы, на собрании постановили просить союз чинов СПБ. столичной полиции указать адрес, куда сообщать ответы на предложенные вопросы в воззвании, сообщив таковой тем же порядком, т.-е. через дежурного околоточного надзирателя.

Покорнейшая просьба другие газеты перепечатать.

168 подписей.

Мы получили следующий циркуляр.

Ненормальные взаимоотношения учащихся и учащих, созданные тенденциозными стремлениями правительства, пагубно отзываясь на постановке, ходе и результатах занятий, привели к тому, что жить и учиться при данных условиях стало невозможно.

Теперь, когда под дружным натиском пролетарских сил, сплоченных единою великою идеею социализма, рушится дряхлый полицейски-бюрократический строй, средняя школа, стремясь к скорейшему завоеванию благ, могущих быть достигнутыми лишь путем коренной ломки подгнивших устоев анормального режима, должна единодушно подняться и стать на стражу и защиту своих интересов.

Идя навстречу желанию учащихся сплотиться в одну могучую семью, группа студентов решила основать „Голос Средне-Учебных Заведений“, орган, основною целью своею имеющий установление духовной связи между ныне разрозненной учащейся молодежью, развитие ее самосознания и поддержку ее в борьбе с устаревшим школьным порядком.

Призываем поэтому всех товарищей, воспитывающихся в средне-учебных заведениях, сочувственно отнестись к нашему начинанию и не отказать нам в поддержке путем присылки всевозможных сообщений о современном положении школьного быта.

Приглашая в качестве сотрудников воспитанников средне-учебных заведений, редакция считает долгом своим предупредить их, что кроме чисто фактических сведений, орган будет помещать статьи публицистического и беллетристического характера, имеющие отношение к жизни учащихся.

NB. Редакция „Голоса Средне-Учебных Заведений“ присоединилась ко всем постановлениям „союза в защиту свободы печати“.

Редактор: студ. инст. гражд. инж. *Я. М. Арданский.*

Адрес редакции: Фонтанка, 108, кв. 39.

От редакции. Приветствуя орган передовой молодежи, выражаем пожелание успеха в деле сплочения сил молодой гвардии интеллигентного пролетариата. В тесной идейной и организационной связи с партией пролетариата будя мысль, воспламеняя сердца товарищей учащихся, побуждая их на борьбу под знаменем социализма, молодой орган внесет свою немалую долю меду в соты российской революции.

Поправка. Во вчерашнем номере „Новой Жизни“ вкралась опечатка. В отделе „Письма в редакцию“ по поводу письма Гордона сказано: „мы помещаем подлинное письмо“, следует читать: „мы не помещаем подлинного письма“.

Нам доставлено для опубликования следующее воззвание:

К русскому обществу.

Мы, народные учителя латыши, собравшись в количестве около 1.000 человек на с‘езд в Риге, выражаем свой энергичный протест против лифляндского губернатора Звегинцева, который в телеграмме от 3 ноября утверждает, что латыши стремятся к вооруженному восстанию и основанию самостоятельного государства. Мы заявляем, что это обвинение не соответствует действительности и об‘ясняется тем, что губернатор не знает местных обстоятельств и находится под влиянием реакционного немецкого дворянства, местной немецкой административной и полицейской власти. Агитация реакционных немецких элементов стремится к тому, чтобы лишить латышское население всех политических прав, выставить латышей как сепаратистов, продлить в Прибалтийском крае господ-

ство феодальных порядков и предать край во власть военного генерал-губернатора (в лице ген. фон-Поппена, который, принадлежа к местной немецкой аристократии, не может быть беспристрастным в местных отношениях). Мы заявляем, что латыши не хотят отделиться от России, они примыкают к общерусскому освободительному движению и требуют широкого местного самоуправления, права самоопределения для каждой национальности и удовлетворения своих культурных нужд. Возлагая на правительство ответственность за последствия репрессивных мер в Прибалтийском крае, мы требуем отмены усиленной охраны в Лифляндии и отмены военного положения в Курляндии. Мы апеллируем к русскому общественному мнению в уверенности, что встретим справедливую оценку политического положения в Прибалтийском крае.

Председатель собрания *В. Зеленко.*

Телеграмма севастопольцам от Совета Рабочих Депутатов.

14 ноября Исполнительный Комитет, согласно постановлению Совета Рабочих Депутатов, послал следующую приветственную телеграмму в Севастополь на имя лейтенанта Шмидта.

„Совет Рабочих Депутатов от имени петербургского пролетариата шлет горячий привет севастопольским солдатам и матросам, решившимся, следуя славному примеру потемкинцев, стать на борьбу за свободу в братском союзе с рабочими.

„Да будут севастопольские события примером для солдат всей России, как забастовка петербургских рабочих в защиту кронштадтских матросов—примером для рабочих всей России. Тогда союз революционного пролетариата и революционного войска положит конец всем остаткам самодержавия и водворит на развалинах его свободный демократический строй“. Телеграмма эта не доставлена.

Письмо к одесским товарищам.

С чувством глубокого нравственного удовлетворения мы прочитали о вашем об‘единении. Особенно радостно то обстоятельство, что об‘единение произошло под давлением широких масс одесского пролетариата. Вы первые, товарищи, после двух с половиной лет партийного раздора выступили на путь об‘единения. Будем надеяться, что клич „единая Российская Социал-Демократическая Партия“, вырвавшийся из груди одесского пролетариата, разольется широкой волной с берегов южного моря до „хладных финских скал и пламенной Колхиды“. Примите же, об‘единенные товарищи, наш горячий и братский привет и поздравьте от нашего имени всех товарищей рабочих.

Группа проживающих в Петербурге социал-демократов одесситов.

Петербург. 14 ноября.

Вопросы улицы.

II.

О „гегемонии“ пролетариата и о задачах партии.

Вовлечение широких народных масс в русло революционного потока и сплочение этих масс вокруг пролетариата как авангарда революционной борьбы — такова двуединая задача социал-демократии в переживаемой Россией революции.

Только движение широких масс дает необходимые предпосылки ликвидации старого режима. Только сплочение этих масс вокруг лозунгов класса, единственно способного довести революцию до конца, вокруг лозунгов социал-демократического пролетариата, осуществляет эту ликвидацию в решительных и бесповоротных формах.

Вопрос о том, как народ рассчитается со старым режимом, — кардинальнейший вопрос текущего момента. Вопрос этот решается различно разными классами в зависимости от их социального положения и определяет собою тактику и политику каждого из них. Пролетариат особенно заинтересован в этом вопросе, ибо для него вопрос о форме ликвидации старого режима есть вопрос о том, будет ли его политическое влияние на ход и исход русской революции соответствовать степени его „материального“ участия в разрушении старого здания. Новому государственному строю российский пролетариат пред‘явит длинный и кровавый мартиролог своих потерь и для него вопрос в том, насколько недалекое будущее оплатит затраты сегоднешнего дня.

Пролетариат вынес всю революцию на своих плечах и потому не только имеет право, но и должен, не имеет права и возможности отказаться от того, чтобы окончательное крушение произошло в формах, наиболее ему выгодных.

„Террор, — говорит где-то К. Маркс о 1793 г. во Франции, — был только наиболее плебейским способом рассчитаться с монархией“. Пролетариат российский заинтересован в том, чтобы новое общество, которым беременна старая, еще живущая Россия, рассчиталось с существующим строем тоже „по-плебейски“, по-пролетарски. Это не значит, конечно, чтобы та форма „плебейского расчета“, которая была возможна и годна для Франции 1793 г., была возможна и годна для России 1905 г... Нет!

По-плебейски рассчитаться со старым режимом для России значит рассчитаться с ним в рамках, в пределах движения „улицы“. Всякий другой способ „рассчитаться“ с существующим порядком явно будет попыткой буржуазии использовать движение революционного народа и „материальной“ затраты пролетариата в своих классовых целях. Народные массы, стихийно ведущие борьбу с недостаточно оформленными политическими стремлениями и представлениями, и представляют для этих целей буржуазии наиболее удобный материал.

Буржуазия не хочет и боится народного движения вообще, но раз оно имеется налицо, то неорганизованное, неоформленное, оно ей гораздо выгоднее. Поскольку оно не организовано, не оформленно, не пропитано до конца демократическими лозунгами, оно способно только расчистить место и роковым образом оказывается бессильным к моменту постройки нового здания. Это здание берется строить буржуазия и строить его по-

буржуазному, для буржуазии, загоняя народ опять в те же подвалы, в каких держал его старый режим. Сознательность и организованность народных масс в момент буржуазной революции являются главными врагами буржуазии не только потому, что это—условие действительного и окончательного уничтожения старого здания, но и потому, что обозначают действительное влияние этих масс на постройку и стиль нового здания, обозначают невозможность отвести в этом новом здании для масс только подвалы и клоповники.

Поэтому-то одно вовлечение народных масс в революционный поток их, мы сказали бы, „вульгарная“ революционность, не обеспечивает еще действительного народовластия, не обеспечивает той формы ликвидации старого, которая наиболее выгодна пролетарским и пролетаризирующимся массами в целях их дальнейшей борьбы за полное экономическое и политическое раскрепощение. Иначе говоря, широкое участие народных масс в освободительном движении не значит еще, что это участие не может быть использовано буржуазией, не позволяет еще думать, что старый строй будет ликвидирован в рамках движения „улицы“...

Только сплочение этих масс вокруг социал-демократического пролетариата гарантирует им максимальный размах революции, обеспечивает доведение революции до конца, до самодержавия народа, охраняет от измены и своекорыстия либеральной и радикальной буржуазии.

Гегемония пролетариата на „улице“, т. е. гегемония его политических лозунгов и его практического руководства—единственная гарантия того, что „улица“ разовьет всю присущую ей силу, что она пойдет мимо и впереди буржуазно-либеральных и радикальных знамен, что революция будет доведена до конца, а не истечет кровью в буржуазных соглашениях с монархией.

Гегемония „улицы“ в решении вопросов ликвидации полицейского государства и гегемония пролетариата на „улице“ это — единственный способ наложить пролетарский отпечаток на ход и исход Великой Русской Революции, это наиболее действительный метод использования 20-летней работы при невозможных условиях самодержавия, выполненной российской социал-демократией; это, наконец, то, в чем российский пролетариат учтет столетнюю историю пролетария западно-европейского.

Мы не имеем здесь возможности, к сожалению, подробно остановиться на истории этой идеи „гегемонии пролетариата“ в недлинной, но чрезвычайно богатой и поучительной истории российской социал-демократии, равно как и на той роли, которую эта идея сыграла в общественном движении последних 10—15 лет в деле формировки и дифференцировки наших политических партий и программ. Во всяком случае история идейной жизни русского общества в дореволюционную еще эпоху ясно показывает, что эта идея была идеей доминирующей и что главнейшие антипролетарские течения выросли и обособились под давлением именно этой идеи, в борьбе именно с ней („идеализм“, „возрождение естественного права“, „освобожденство“ вообще).

Мы напомним во всяком случае два факта из недавней истории, которую всегда полезно вспоминать. В 1889 г., присутствуя впервые на международном социалистическом конгрессе в качестве представителя российской социал-демократии, т. Г. В. Плеханов заявил: „Русская революция восторжествует как движение рабочего класса или не восторжествует вовсе“ (цитирую на память). Что значат эти слова в устах т. Плеханова? Только ли то он хотел отметить, что непосредственными борцами за политическую свободу явятся пролетарии, что она будет добыта непосредственно руками пролетариев?

Рабочий вопрос в жизни русских муниципалитетов.

III.

Переходя к вопросу о размерах заработной платы городских рабочих в России, мы и здесь наблюдаем такие же безобразные факты, как и в вопросе о длине их рабочего дня. Петербургская городская управа в одном из своих докладов признает, что „существующие нормы окладов нередко недостаточны для удовлетворения даже самых насущных жизненных потребностей, состоящих в необходимой пище, жилище, и одежде“ („Изв. Пет. Гор. Думы“, 1905, № 18, стр. 1344). Пожелания управы в этой области сводятся лишь к тому, чтобы „лица, работающие на пользу города, получали вознаграждение отнюдь не ниже средней заработной платы, существующей на трудовом рынке за однородную работу“ (там же). Будучи относительно низкой (по сравнению с рыночной оплатой труда), заработная плата петербургских городских рабочих и абсолютно недостаточна. Из ходатайства комиссии по водоснабжению мы узнаем, например, что „многие рабочие при СПБ. городских водопроводах получают жалованье по 16—18 руб. в месяц, и такое малое жалованье ставит их в тяжелые материальные условия, крайне вредно отражающиеся как на здоровье, так и на моральном их состоянии“ и „представляется несоответственным как работе их, так и вообще стоимости жизни в столице, на что, впрочем, указывается и самими рабочими в их заявлениях“ (там же, стр. 1339). Относительно заработка служащих городских конок управа свидетельствует, что „при постоянно возрастающей дороговизне, существующие нормы содержания слишком недостаточны даже для удовлетворения весьма скромных в общем потребностей этих служащих“ (стр. 1323). Точно так же и во всех других отраслях петербургского городского хозяйства сами муниципальные органы отмечают совершенную недостаточность заработной платы, ее полное несоответствие жизненным потребностям рабочих и тот вред, который проистекает отсюда как для рабочих, терпящих лишения и нужду, так и для самого муниципалитета, лишенного возможности делать подбор более надежных и знающих работников.

В других городах точно так же наблюдается слишком низкая оплата труда городских рабочих по сравнению с его рыночной оценкой и несоразмерность этой оплаты с действительными нуждами рабочих. В Самаре рабочие городского пожарного обоза в своей петиции на имя городской управы, „сравнивая размеры своих окладов

Нет! Если Плеханов хотел сказать этой фразой что-либо большее, чем простое констатирование общеизвестного факта о „материальной“ роли пролетариата в буржуазных революциях, т. е. если в этих словах есть смысл (а он несомненно есть), то он только таков: торжество русской революции есть торжество политически оформленного пролетариата в ней самой, есть гегемония социал-демократического пролетариата среди общественных сил, создающих ее. В такой несколько неясной формулировке была провозглашена эта идея, и дальнейшее развитие тактических взглядов российской ортодоксальной соц.-демократии было дальнейшим закреплением, развитием, выяснением и конкретизированием этой идеи. Ей было посвящено „Что делать?“ Н. Ленина, она лежала в корне политической физиономии старой „Искры“, наконец, она удостоилась и удостаивается особенно ярых нападок оппортунистов соц.-демократии. (Ср. Мартынов, „Две диктатуры“.) Наконец, на III с'езде Р. С.-Д. Р. П. она была закреплена в той резолюции, которая, констатируя, что „пролетариат неизбежно примет в революции самое энергичное участие, которое определит ее судьбу“, подчеркивала, что сообразно этому энергичному участию пролетариат должен „сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении России“. Далее, эта резолюция определенно и ясно формулировала, что „только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России“ *).

*) См. резолюцию о вооруженном восстании.

Несомненно эта идея — боевая идея ортодоксального революционного с.-демократизма. И это прекрасно понимали и понимают буржуазные идеологи. Борьба либеральной и радикальной буржуазной демократии за свое политическое самоопределение, выполненная, как известно, в форме освобожденческого „идеализма“, была борьбой прежде всего и раньше всего с этой идеей. „Никто не имеет права претендовать на руководящую роль в великом освободительном движении России“,—так, приблизительно, заявил г. Булгаков по адресу пролетариата немедленно после того, как стал исповедывать принципы либерализма, хотя бы и евангелизированного *). А это было еще в 1903 г. Несомненно, и т. Плеханов и пр. Булгаков знали что говорили, когда первый в 89 г., как революционный с.-демократ, говорил о торжестве русской революции как о торжестве сознательного пролетариата внутри нее; когда второй в 1902 г., как демократ, говорил о торжестве ее помощью подчинения пролетариата демократической программе буржуазии.

В процессе революции эта гегемония пролетариата реализуется в разных формах, и осуществление этой гегемонии, при следующем же выступлении революционных масс, является нашей злободневной задачей. Только на этой почве, на почве наших практических революционных задач, может решаться и вопрос о реорганизации и легализации партии. Ибо партия растет в процессе революции и в меру того, как она отвечает на ее запросы.

До последнего дня революционное выступление масс в большой степени характеризовалось применением того метода политической борьбы, который зовется политической забастовкой. Для всех и, прежде всего, для с.-демократов должно быть ясно, что мы теперь переживаем

*) См. С. Булгаков. „От марксизма к идеализму“, пред.

с средним заработком одноремесленников, работающих на стороне, находят, что последние получают в $1^1/_2$ и 2 раза более их, просителей“ („Сам. Лист. Об'явл.“, 1905, № 142). Пожарные служители того же обоза напоминают, что получаемое ими содержание (163 руб. в год) было назначено еще более 10 лет тому назад: „в течение этого времени продукты первой необходимости вздорожали почти в три раза, и потому содержать себя и свою семью на это жалованье нет возможности“ („Самар. Газ.“, 1905, № 19). В Одессе печать отмечает крайне недостаточную оплату труда местных муниципальных рабочих и низших служащих. То же самое в Тифлисе: „Наши городские рабочие, — заявил один из тифлисских гласных,—получают ограниченную плату, всего 15—16 руб. в месяц, чего, конечно, при дороговизне тифлисской жизни недостаточно для удовлетворения насущных потребностей рабочего“ („Тифл. Лист.“, 1905, № 17). Аналогичные данные имеются о Саратове, Ярославле и т. д.

При незначительности основного размера заработной платы она почти нигде не восполняется периодическими прибавками. По крайней мере, в Петербурге, с его миллионным бюджетом, из всех городских рабочих и низших служащих (по телефону, конкам, водоснабжению, освещению, садовому хозяйству, типографии, бойням и пр.) только одна категория, по имеющимся у нас сведениям, пользуется периодическими прибавками. Эта исключительная привилегия выпала почему-то на долю служащих арестного дома, — должно быть, потому, что петербургская дума, очевидно, считает сие учреждение наиболее почтенным и полезным из всех городских „предприятий“... Впрочем, и здесь „прибавка“ сводится к столь жалким крохам, что и она, по свидетельству заведующего учреждением, „мало прельщает“ тех, для кого она установлена.

Что касается других городов, то лишь о Тифлисе мы имеем сведения более благоприятные, а именно: для городских рабочих там с нынешнего года установлены прибавки по пятилетиям: за первое пятилетие службы— 10 проц. основного оклада, за второе — 20 проц., за третье — 30 проц. и после четырех пятилетий—50 проц. („Кавказ“, 1905, № 48).

Пример Тифлиса остается одиноким, чего, впрочем, и следовало ожидать, зная, как низок даже основной оклад вознаграждения городских рабочих в самых крупных и богатых центрах.

С вопросом о длине рабочего дня и размерах заработной платы тесно связан еще один весьма важный для рабочих вопрос. Это — вопрос о сверхурочных работах. Уже на основании предыдущих данных о положении городских рабочих можно предсказать, какое решение этого вопроса встретим мы в хозяйстве российских

ту эпоху, когда в массах растет сознание о необходимости дополнить эту форму борьбы новой, более резкой и решительной. Политическая забастовка является великолепнейшим средством организации своих и дезорганизации вражеских сил. Но арена политической забастовки будет ареной последней схватки. Политическая забастовка — великолепный, чисто пролетарский, метод борьбы — создает условия, невозможные для действия старого режима, демонстрирует силу и роль пролетариата в общественной жизни, но не определяет еще режима нового, но не дает еще возможности использовать все силы пролетариата. Политическая забастовка — по преимуществу средство дезорганизации старого, но не организация нового.

В ней недостаточно еще элементов творческих; пока пролетариат прибегает только к ней, это значит, что он не взял, не нашел нужным еще взять в свои руки акушерского ножа, чтоб решительным ударом освободить новую жизнь из старых рамок.

Но нет сомнения... Пролетариат самой жизнью, самим опытом политических забастовок идет к сознанию необходимости дополнить, осложнить политическую забастовку новым методом борьбы. Контр-революция, в лице „черной сотни“, заставляет „улицу“ переходить в действительное наступление.

Грядущее наступление „улицы“ — таков первый пункт порядка дня, и партия должна готовиться к нему.

Осуществить гегемонию в этих новых условиях, реализировать, по мере сил и возможности, не только идейное, но и практически организационное руководство „улицей“, общедемократическим движением — это значит, между прочим, обезопасить пролетариат и от руководства „беспартийных“, „независимых“ и прочих организаций и личностей. А вряд ли кто из социал-демократов станет отрицать важность этой задачи.

Политическая забастовка, октябрьские дни засвидетельствовали гегемонию наших лозунгов, нашей тактики, нашей идеи о русской революции. Эта роль была подготовлена всей работой соц.-демократии, до сих пор по преимуществу носившей пропагандистско-агитационный характер, лишь в малой степени, применительно лишь к условиям работы, организационный.

Теперь перед соц.-демократией стоит задача — применительно к новым условиям развить свою организационную работу настолько, чтоб при грядущем наступлении оказаться в подобающей ей роли и практических руководителей. Это значит усилить наш организационный размах настолько, чтоб сделать ненужными для пролетариата внепартийных несоциал-демократических „политических вождей“, внепартийные несоц.-демократические „Рабочие Советы“ и пр., которые, если не видеть в них зачаток чего-то гораздо большего, представляют фактически подмену соц.-демократического руководства руководством несоциал-демократическим.

Таким образом, перед соц.-демократическим пролетариатом стоит еще невыполненная задача — явиться действительным, признанным практическим вождем масс в той же мере, в которой он уже является их идейным руководителем.

„Улица“ выступит, и мы должны быть готовы дать ей не только лозунги, но и суметь реализовать нашу тактику своим организационным влиянием на нее.

Но организация, сплочение революционных масс вокруг соц.-демократического пролетариата зависит исключительно от его собственной организованности.

Вопрос об упрочении нашего влияния на массу разрешается только упрочением нашей собственной организации.

Уплотнение массы вокруг нас есть вопрос об уплотнении наших собственных рядов.

муниципалитетов. Там, где рабочий день доходит порой до $^3/_4$ суток, где он равняется 15, 16, 17 и даже 18 часам, там для хозяев попросту не существует надобности в разделении работ на „урочные“ и „сверхурочные“, — здесь всякая работа — урочная, и количество ее определяется лишь пределами физической выносливости организма рабочего.

Обращаемся к санитарно-гигиеническим условиям жизни городских рабочих. Мы знаем, что программа соц.-дем. партии требует „надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями“, и т. д. Само собою разумеется, что это требование предполагает предварительное уничтожение теперешних органов местного самоуправления (в частности, лабазническо-домовладельческо-квартиронанимательских дум) и замену их новыми избранными всем населением местности путем всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов. Что касается нынешних органов местного самоуправления, то для характеристики их поведения в занимающем нас вопросе, достаточно сказать, что многие городские управления не считают болезнь своих рабочих уважительной причиной для отпуска. Если еще петербургское городское управление признает за своими рабочими (впрочем не за всеми, — рабочие по освещению, например, почему-то исключены) право быть больным без риска выгона со службы и без лишения жалованья в течение $10^1/_2$ — 12 дней, то другие городские управления не проявляют и такого минимального внимания к здоровью рабочих. Так, например, рабочим самарского пожарного обоза пришлось специально выяснять в заявлении на имя городской управы следующую, казалось бы, не требующую выяснения истину:

„Так как они (рабочие), как и всякий человек, могут подвергнуться каким-либо болезням, то просят определить срок, в течение которого они не должны быть уволены по болезни, во всяком случае не менее двух недель, а при болезнях более серьезных — по совету врача“.

Некоторые муниципалитеты вычитают с заболевших рабочих часть жалованья. Например, рабочие городского ассенизационного обоза в Саратове получают жалованье за время болезни лишь в половинном размере. Между тем, — как выяснилось в заседании местной думы 16 февраля, — „труд их каторжный“, работают по ночам, в атмосфере сплошной заразы, „каждый час рискуя заболеть“. А в то же время высшие служащие саратовского городского управления, работая в неизмеримо более легких условиях, „получают жалованье во время болезни в полном размере до четырех месяцев“ („Приволжский Край“, 1905 г., №№ 34 и 35).

Работать вплотную и без перерыва над реорганизацией наших организаций—это единственный метод упрочивать и усиливать наше влияние на общедемократическое движение.

Три начала должны лечь, нам кажется, в основу этой важной, насущнейшей работы: принципиальная выдержанность, демократизация организации, централизация действий.

В меру того, как на базе ясно сознанной соц.-демократической политики и, если угодно, „прямолинейно" с.-демократической тактики, мы будем широко раскидывать петли своей демократической организации и об'единять, централизовать ее действия — в этой же мере будет партия расти как руководящая сила русской революции.

Принципиальная выдержанность партии может быть гарантирована не „ортодоксальностью" отдельных членов партии, а лишь совместною работой всех членов партии в ее организационных ячейках. Член партии — член организации, ответственной, как таковая, перед партией за свою идейную и практическую работу. Таков должен быть первый принцип реорганизации партии.

Демократизация организации — это значит не только применение выборного начала в постройке здания партийных учреждений, но и открытое вступление в партию, открытое примыкание к ней, это значит ответственность каждого соц.-демократа за действия соц.-демократической партии. Таков второй принцип.

Наконец, централизация — это значит, что соц.-демократическая партия не только партия обсуждения, но партия действия координированного и всегда считающегося с интересами всей борьбы, это значит — подчинение частичных и временных интересов отдельных групп пролетариата общим интересам всей борьбы и всей партии.

Таков третий принцип.

Немедленная реорганизация партии на этих началах даст нам возможность итти в ногу с революцией и обеспечить организованному пролетариату ту роль, которую он в ней призван сыграть.

Юрий Каменев.

К постановке аграрного вопроса.

I.

Многие склонны упрекать и уличать российскую социал-демократию в том, что она на протяжении каких-нибудь полутора лет совершенно изменила свою позицию в аграрном вопросе.

На втором с'езде она „соглашалась" „отдать" крестьянам „только" те земли, „которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для закабаления"; а на третьем с'езде она „согласилась", наконец, „отдать" крестьянам все земли, включая и помещичьи.

Одни по этому поводу кричат чуть ли уже не о банкротстве социал-демократии; другие покровительственно похлопывают ее по плечу, приговаривая: „Ну, вот, давно пора! Мы очень рады, что вы стали, наконец, на единственно-верную точку зрения — на точку зрения социалистов-революционеров".

Имеются, впрочем, и социал-демократы, для которых сочетание нашей аграрной программы и тактической резолюции III с'езда является каким-то „скверным делом" и которые готовы сокрушенно вздыхать каждый раз,

---

Безобразие этого положения, когда над грошевым бюджетом больного рабочего экономное городское управление производит операцию искусственной урезки, станет особенно ясным, если мы вспомним, что ведь во время болезни расходы рабочего как раз должны возрастать, так как, кроме обычных затрат, приходится делать экстренные — на лечение и пр. В этих случаях городское управление, относись оно к своему рабочему не так эксплоататорски, должно бы было, конечно, не только не урезывать его заработок, а, напротив, оказывать ему поддержку.

Одной из первых форм такой поддержки является обеспечение рабочих и их семейств бесплатной врачебной помощью. Но насколько гор. управления не сознают этой своей обязанности, мы видим из того, что еще недавно петербургский муниципалитет, в лице гор. управы, высказался против сложения с городских рабочих больничного сбора, наивно полагая, что „сбор этот, в сущности, является страхованием (?) этих лиц на случай болезни, так как предоставляет им право на бесплатное лечение в городских больницах" („Изв. Пет. Гор. Думы", 1905 г., № 20, стр. 1749). Мотивы, по которым наши муниципалитеты не считают себя обязанными специально обеспечивать врачебной помощью своих рабочих, определенно вскрываются перед нами в ответе самарской гор. управы на просьбу рабочих гор. пожарного обоза о бесплатном лечении их, их жен и детей. „Что касается лечения, — отвечает управа, — то оно городом доставляется бесплатно всем гражданам, нуждающимся в том; для этого учреждены амбулатории думских врачей и для некоторых болезней — больница". Вследствие этого самую просьбу рабочих самарская управа считает „поставленной по недоразумению" („Сам. Лист. Об'явл.", 1905, № 142). Между тем „недоразумение", несомненно, заключается в ответе управы, а не в просьбе рабочих: управа, очевидно, упускает из виду то обстоятельство, что гор. управление в данном случае является не только гор. управлением, но и хозяином-собственником предприятия и, в качестве такового, обязано специально обеспечить врачебной помощью своих рабочих и их семьи.

Что касается жилищного вопроса, то имеющиеся у нас факты показывают, что и в этой области гор. управления склонны игнорировать нужды своих рабочих. Так, в Баку городские мостовщики, после неоднократных заявлений на имя управы о полной непригодности и антисанитарном состоянии отведенных им городом квартир, вынуждены были подкрепить свои заявления забастовкой („Баку", 1905, №№ 38 и 78). Об отвратительном состоянии жилищ городских рабочих имеются сведения также из Тифлиса („Кавказ", 1905, № 48).

Относительно обеспечения городских рабочих на случай старости, увечья и т. п., более благоприятные сведе-

когда заходит речь о постановке аграрного вопроса в партии.

Но... „страшен сон, да милостив бог". Не следует только ограничиваться одними лишь словами; нужно рассматривать смысл „программы" и „резолюции" в определенных условиях места и времени российской действительности, и тогда окажется, что как громовые, так и покровительственные речи с.-р-ов по нашему адресу— просто проявление их обычной и безграничной политической развязности и что никакого „скверного дела" в сочетании „программы" и „резолюции" не имеется.

Обычная в наши дни фраза: „Россия переживает революцию буржуазную" подлежит расчленению при более близком рассмотрении дела. Для всей России в целом речь идет о революции политико-правовой; непосредственная цель ее: самодержавие народа при полном политическом равноправии и при полной свободе самоопределения для наций, входящих в состав империи. Но для деревни задача момента этим, конечно, не исчерпывается; там речь идет о революции социальной прежде всего.

Наш город характиризуется более или менее развитыми капиталистическими отношениями; наша деревня— более или менее значительными остатками крепостничества как государственного, так и помещичьего.

Деревня, конечно, тоже вовлечена уже в круговорот товарного хозяйства; крестьянин все еще может очень мало покупать, но он давно уже вынужден очень многое, если почти не все, производимое им, продавать. Но сельско-хозяйственный капитализм в общем влачит в России жалкое существование и лишь кое-где успел развиться отдельными оазисами, главным образом, на юге и юго-востоке, сравнительно поздно заселенных и не знавших крепостного строя. Дело идет, следовательно, об избавлении деревни от сковывающих ее остатков старых производственных отношений, т. е. о перевороте социальном.

Эти-то черты российской действительности продиктовали второму с'езду Р. С.-Д. Р. П. его аграрную программу. Пункт этой программы наиболее „пикантный", как известно, гласит:

„Учреждение крестьянских комитетов для возвращения сельским обществам тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права, и служит в руках помещиков орудием их закабаления"...

Почему именно „отрезки"? Да потому, что в области производственных отношений в деревне „отрезки"—наиболее яркий символ крепостничества, наиболее кабальное выражение его. Все остальные пункты программы имеют также в виду те или иные остатки государственного или помещичьего крепостничества, а вся аграрная программа может быть формулирована так: долой все и всяческие остатки крепостничества в деревне!

Таков лозунг, таков путь, по которому идет российская революция и по которому она может пройти в определенный промежуток времени то или иное пространство в зависимости от соотношения общественных сил. Дело нашей программы — точно и ясно определить направление этого пути. Дело нашей тактики — точно и ясно определить в данный момент, что именно и как подлежит революционному осуществлению. Программа рассчитана на долгий промежуток времени; тактика может меняться каждый день. Программа II с'езда точно и ясно определила путь; тактическая резолюция провозгласила: на этом пути мы поддерживаем революционное крестьянство „вплоть до конфискации помещичьих, церковных, монастырских и удельных земель". Резолюция эта была формулирована, принимая во внимание „разра-

---

ния имеются лишь из Владикавказа, где гор. управлением выработан проект страхования тех гор. рабочих и служащих, „работа которых сопряжена с риском потерять здоровье от внешних насильственных событий или от заражения". В других городах нет и таких проектов, а петербургские гор. деятели пресерьезно убеждены, что „при наличности закона, предоставляющего потерпевшему право иска с владельцев предприятия о вознаграждении за вред или убыток", нет надобности в каких-либо страхованиях („Изв. Пет. Гор. Думы, 1905, № 18, стр. 1319). Зачем, мол, еще страхование какое-то; „закон" есть — и довольно!

В некоторых городах существуют пенсионные кассы для гор. служащих, но это в большинстве случаев совершенно архаические учреждения, дающие чисто фиктивное обеспечение. В итоге же создается следующее положение гор. рабочих, охарактеризованное „Одесскими Новостями" в таких словах:

„Обеспечения на случай старости, болезни, неспособности к труду нет, и сплошь и рядом усердному и добросовестному труженику, отдавшему лучшие годы жизни гор. службе, в случае серьезной болезни, неспособности к труду или старости, приходится остаться без куска хлеба, так как нельзя же считать серьезной помощью единовременную подачку от города в этих случаях в размере каких-нибудь 100 или 150 руб!"

Заканчивая характеристику положения гор. рабочих мы должны сказать еще несколько слов о правовом положении их. Уже из того, что читатели видели выше, можно предсказать все дальнейшее. Если материальная обстановка, в которой протекает труд и жизнь муниципального рабочего, является поистине жалкой и полускотской, то само собой понятно, что о „правах человека и гражданина" и об уважении работодателей к этим правам и говорить не приходится. Полнейшая подчиненность гор. голове, управе и заведующим предприятиями, атмосфера „господства и произвола одних, бесправия и рабской зависимости других" (слова наемных служащих тифлисского гор. управления), униженность и приниженность, — вот в какие „правовые" условия ставят наши муниципалитеты эксплоатируемых ими рабочих. Прием и увольнение рабочего зависит вполне от личного усмотрения начальства, и когда, напр., некоторые категории городских рабочих в Петербурге потребовали, чтобы прием и увольнение рабочих производились при участии их выборных, либеральное городское управление наотрез отказало, без всякой мотивировки, заявив, что это „недопустимо".

Для наглядной характеристики правового положения городских рабочих и отношения к ним администрации приводим следующие возмутительные факты из деятельности „доверенного ярославской городской управы по

стающееся теперь крестьянское движение", неминуемо, несмотря на свою стихийность и политическую бессознательность, обращающееся „против существующего строя и против всех остатков крепостничества вообще".

Но, позвольте, ведь это значит: „землю народу!", это значит стать на точку зрения с.-р.! Да, это значит: „землю народу", но это вовсе не значит стать на точку зрения с.-р. От последней точки мы далеки попрежнему.

С.-р-ы говорят: русское крестьянство в массе — насквозь пропитано общинным духом. „Земля ничья, земля божья" — вот его символ веры. Отдайте ему землю — всю землю, — он превратит ее в общинную собственность и будет обрабатывать ее на началах трудового хозяйства. Это будет, конечно, не социализм, но... тут с.-р., правда, немного запинаются, но затем все-таки решительно выпаливают: но это все-таки нечто вроде социализма, это будет социализация.

Наша позиция ничего общего не имеет с этой позицией. „Шире дорогу развитию производительных сил, ибо оно неотвратимо ведет человечество к социализму!" — вот наш наиболее общий лозунг. Пусть даже вся земля перейдет в руки крестьянства, пусть произойдет даже всероссийский уравнительный передел. Пусть! Окажется ли подобный переворот в противоречии с этим нашим лозунгом при данных условиях места и времени? Нисколько! Капитализм, как высшая форма товарного хозяйства и как высшая форма развития производительных сил, влачит у нас в земледелии жалкое существование; всевозможные остатки крепостничества, которые держат развитие производительных сил на средневековом уровне, цветут пышнейшим цветом. Пусть крестьянское движение сметет с лица земли не только эти бесчисленные остатки, не только реакционно-крепостническое помещичье хозяйство, но даже и базисы сельско-хозяйственного капитализма. Сузится или расширится в конечном счете путь для развития производительных сил? Безусловно расширится! Бросьте на одну чашку весов истории всю темную массу остатков крепостничества, а на другую русский сельско-хозяйственный капитализм — что перетянет? Ясно: первая чашка, а не вторая.

Значит: конфискация в пользу крестьянства всех земель „вплоть до помещичьих, церковных, монастырских и удельных" не противоречит нашему программному лозунгу: „Шире дорогу развитию производительных сил!"

Но почему же в таком случае тактическая резолюция гласит: „Социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства"? Почему „поддержку"? Почему не руководительство? И что именно произойдет, если крестьянство доведет при нашей поддержке до конца свои революционные мероприятия?

Об этом — до следующего раза.

И. Г-г.

Роль пропаганды и ее постановка.

Разыгравшиеся революционные события в России несомненно ставят перед Р. С.-Д. Р. П. ряд неотложных практических задач, требующих скорейшего разрешения. Начавшаяся революция показала всю мощь социал-демократии и, вместе с тем, в известном смысле, слабость нашей партии. В этой революции пролетариат всей массой открыто и решительно выступил на арену политической борьбы; он выступил во весь свой могучий рост перед своими врагами и грозно заявил, что отныне

заведыванию городскими — рабочими и ассенизационными обозами", некоего Скорнякова.

„С рабочими, — сообщает местная газета „Северный Край" (№ 189), — Скорняков обращается, как чистый крепостник-помещик, ходит с нагайкой, которой и будит на работу косцов. И беда тому, кто не встанет во-время, — не избежать ему хлестких ударов скорняковской нагайки. Не любит Скорняков, чтоб рабочие ему «перечили». Всякое, иногда кажущееся, неповиновение влечет за собой расчет. Даже невинные просьбы, показавшиеся выскочке-эксплоататору неумеренными, не проходят безнаказанно... Кормит рабочих отвратительно... «Никогда сыты не бываем» — говорят рабочие" („Сев. Кр.", 1905, № 189).

Газета добавляет, что этот суб'ект с плантаторскими замашками пользуется особым расположением и покровительством члена городской управы, который санкционирует его полное издевательство над рабочими. Вот вам права человека и гражданина!..

IV.

Подводя итоги имеющимся у нас данным о положении городских рабочих, мы видим, что положение это даже в крупнейших и богатейших центрах страны характеризуется сплошь отрицательными признаками: чрезмерно продолжительный рабочий день, превышающий очень часто „тот предел ($11^1/_2$ час.), за которым эксплоатация сил рабочего, даже по мнению таких компетентных знатоков вопросов эксплоатации, как чины министерства финансов, — представляется бесполезной" *); крайне низкая заработная плата, не соответствующая рыночной оценке труда и не покрывающая издержек самого жалкого существования; совершенное отсутствие охраны жизни и здоровья рабочего и обеспечения его и его семьи на случай неспособности к труду; невозможное правовое положение с гнетущей зависимостью от работодателя и т. д.

Словом, положение муниципальных рабочих в России нисколько не лучше, чем положение рабочих в частных предприятиях. Как отдельные буржуа эксплоатируют рабочих на своих фабриках и заводах, так же и буржуазные органы нынешнего городского управления эксплоатируют рабочих, занятых в городских предприятиях. На первый взгляд, казалось бы, должно бы быть иначе: ведь городские думы так охотно кричат о своей любви к трудящимся классам и пр. Кроме того, гласный городской думы, казалось бы, не может быть лично заинтересован в отнятии у рабочего возможно большей доли прибавочной ценности, производимой его трудом, как заин-

*) С. Прокопович. „К рабочему вопросу в России", стр. 106.

судьбы русской революции находятся в его руках. Фактическое влияние социал-демократии на пролетариат, как и следовало ожидать, было громадно, если не исключительно: все его действия и отношение к нему правительства и буржуазии как нельзя резче подчеркнули правильность теоретических положений и тактической позиции, занятой пролетариатом под влиянием социал-демократии.

И все же, несмотря на это, масса революционного пролетариата официально не считает нашу социал-демократическую партию единственной своей партией, формально она целиком не идет еще под знаменем социал-демократии.

Чем же это об'яснить? Чем об'яснить, что, несмотря на громадное влияние нашей партии на пролетариат в его первом открытом выступлении, она осталась как бы в роли третьего лица, что революционный пролетариат не признал ее своей единственной партией? Несомненно, об'ясняется это тем, что широкие пролетарские массы, хотя бы и революционные, мало знакомы или совершенно незнакомы с сущностью социал-демократии, с ее задачами и целями, другими словами, мало сознательны в классовом отношении, ибо пути и цели, которые указываются развитым классовым самосознанием пролетариата, суть как раз те пути и цели, которые проповедываются социал-демократией. Причина же того, что революционная пролетарская масса недостаточно сознательна, недостаточно социал-демократична, лежит, конечно, в том, что нашей социал-демократии приходилось все время действовать конспиративно, в подполье. Ее могучий голос был сдавлен и не гремел на просторе, как гремит он теперь.

Теперь, когда революционным путем сам же пролетариат осуществил известную долю свободы, партия должна немедленно воспользоваться этой свободой и с удесятеренной энергией, в широком масштабе нести проповедь социал-демократии в широкие массы пролетариата, будить этой проповедью его классовое сознание, призывать под свое знамя. Другими словами, она должна повсеместно широко поставить дело пропаганды. И в той мере, в какой мы будем осуществлять это дело — мы должны приложить все усилия к успешному его осуществлению — рабочие будут считать социал-демократическую партию своей, рабочей партией и притом единственной своей партией.

Стихийная борьба пролетариата и подпольная деятельность социал-демократии революционизировала рабочие массы; соц.-дем. работа создала, кроме того, известное количество рабочих - социал-демократов, но последние представляют из себя хотя и влиятельную, все же маленькую кучку в общей массе пролетариата.

Широкая социал-демократическая агитация, массовые собрания, митинги, которые теперь происходят повсеместно, еще больше революционизируют массы, все более широкие слои рабочего класса вовлекают в водоворот социально-политической борьбы, создают известное социал-демократическое настроение, симпатии, чувства, но мало воздействуют на сознание, на ум. Это — дело пропаганды. С этой целью мы предлагаем всем местным организациям немедленно приступить к устройству ряда систематических лекций для рабочих по 100, 300, 500 человек на аудиторию с более или менее постоянным составом из рабочих с известными социал-демократическими симпатиями или просто с определенным революционным настроением. Курс этот должен быть невелик — пять-шесть лекций, не больше. В этих лекциях в систематическом порядке должны быть изложены слушателям социал - демократическая программа - maximum, т. е. ко-

---

тересован в этом частный предприниматель. Но это лишь на первый взгляд — по существу же эксплоататорские стремления гор. управлений вполне об'яснимы. Дело в том, что, если отдельный гласный городской думы, как таковой, повидимому, и не заинтересован в том, чтобы рабочий местного канализационного гор. обоза или другого гор. предприятия работал возможно дольше, а получал возможно меньше, то как представитель буржуазии он вообще и всегда заинтересован в том, чтобы длина рабочего дня не понижалась и заработная плата не повышалась, так как изменение той и другой в одной отрасли производства может повлечь такое же изменение в прочих отраслях, и капитал должен будет кое-чем поступиться. Кроме того, ведь главный контингент наших городских управлений, если не считать отдельных лиц, составляют фабриканты, торговцы и домовладельцы, т. е. представители вполне определенных классовых интересов, люди с вполне определенной классовой политикой и вполне определенным отношением к пролетариату. Колупаев и Разуваев, как за конторкой в лабазе, так и на думском кресле, останутся Колупаевым и Разуваемым, — и там, и здесь они одинаково будут плевать на нужды рабочих. С другой стороны, им желательно возможно более сократить расходы из городской кассы, в которую они уплачивают налоги, при чем сокращение, разумеется, должно падать не на солидное жалованье городского головы и членов городской управы, а на грошевую заработную плату городских рабочих...

Вывод ясен: ждать, что городские управления будут добровольно заботиться о своих рабочих и удовлетворять их нужды, было бы так же наивно, как полагать, что капиталист может без давления со стороны рабочих пойти навстречу их требованиям. Опыт самих городских рабочих указывает им верный путь к скорейшему отстаиванию своих интересов. Когда понимание этих интересов в среде городских рабочих России несколько прояснилось, когда их классовое самосознание стало подниматься, они начали применять те же средства самозащиты и борьбы, что и остальной пролетариат. И результаты получились аналогичные. Пока городские рабочие терпели и молчали, городские „отцы“ преспокойно грели себе стулья в залах заседаний городских дум и в течение не года-двух, а целых десятилетий совершенно игнорировали интересы муниципальных рабочих. Когда же рабочие заговорили и выступили со своими требованиями, подкрепляя их более или менее энергичными действиями, до забастовки включительно, картина изменилась, и городские „отцы“ встрепенулись. В Петербурге, Москве, Одессе, Баку, Тифлисе, Самаре, Саратове, Полтаве и т. д. в текущем году, под влиянием острого брожения среди городских рабочих, муниципалитеты должны были выйти из состояния полного равнодушия к интересам своих

нечная цель классовой борьбы пролетариата, сущность социалистического строя, необходимость диктатуры пролетариата как условия социального переворота; сущность современного буржуазного общества и государства, их классовый характер, борьба за обладание политической властью и пр.; далее, социал-демократическая программа - minimum: тактика по отношению к правительству и по отношению к различным партиям и организациям. Лекции должны отличаться наибольшей популярностью и возможной краткостью, иллюстрироваться наиболее яркими историческими примерами из жизни Западной Европы и России и закончиться кратким резюме всего курса с призывом к организации под знаменем Р. С.-Д. Р. П. В виде плана мы предлагаем с своей стороны следующую программу таких лекций:

После каждой лекции открываются беседы пояснительного свойства.

Такие лекции следует строго отличать от обычных рефератов перед разнородной аудиторией, сопровождающихся дебатами и полемикой с представителями других партий. Такие рефераты могут быть устраиваемы, по мере надобности, помимо пропагандистских лекций и на-ряду с ними, но ни в каком случае не должны заменять этих лекций, так как мало подготовленная, плохо разбирающаяся аудитория на таких рефератах обращает внимание почти, главным образом, на внешнюю сторону дела, между тем как на лекциях слушатели спокойно усваивают содержание лекции, путем пояснительных бесед разбираются в нем и, таким образом, учатся и, притом, учась, приобретают известные знания в определенном, систематическом порядке.

Не ограничиваясь этой широкой пропагандой, следует немедленно же приступить к устройству повсеместно рабочих политических клубов с библиотекой и читальней. В этих клубах должны вестись более или менее систематические беседы по наиболее трудным вопросам партийной программы, тактики и организации, а также осведомление товарищей-слушателей обо всем, что происходит в партии. Таким образом, могут быть образованы кружки, численностью в 30—50 человек, разумеется, из рабочих, более сознательных и активных социал-демократов. По самому существу своему беседы эти отличаются большей серьезностью и более детальны.

Наконец, для наиболее развитых и активных рабочих социал-демократов следует устраивать, под руководством опытных партийных работников, пропагандистские курсы, где они могли бы самостоятельно готовиться к роли пропагандистов и агитаторов в своей же рабочей среде.

Курсы эти должны быть поставлены в тесную органическую связь с занятиями в клубах и ни в каком случае не должны быть оторваны от живой практической работы партии.

Резюмируем все сказанное: социал-демократическая агитация революционизирует пролетарские массы, вовлекает в борьбу, создает у них социал-демократические симпатии и настроения; широкая пропаганда превращает эти симпатии и настроение в более или менее последовательное и устойчивое миросозерцание, создавая, таким образом, партийную среду, поддающуюся организации и партийной дисциплине. Пропаганда дальнейшая (клубы, беседы) вырабатывает из среды рабочих вполне определенных активных партийных работников, несущих те или иные функции в общей партийной работе, наконец, пропагандистские курсы создают из пролетарской же среды кадры социал-демократических учителей и воспитателей из рабочего класса.

С. Федорович.

рабочих. Насколько широко разливалось порой общее недовольство городских рабочих и насколько сильно оно беспокоило городских „деятелей“, можно заключить хотя бы из того, например, что должностные лица петербургского городского управления особо отмечают в своих докладах и рапортах думе те отдельные случаи, когда некоторые категории рабочих сохраняли спокойствие. Так, отмечается добродетельное поведение садовых рабочих, которые, — по словам их начальства, — „никаких демонстративных действий не проявляли и продолжали (во время январской забастовки) исполнять свои обязанности неукоснительно“ („Изв. Пет. Гор. Думы“, 1905, № 18, стр. 1338). А комиссия по надзору за освещением даже „находит справедливым“ выдать три тысячи целковых служащим по керосиновому и газовому освещению за то, что они в январе „в течение всего времени длившихся уличных беспорядков... не только не прекращали работ, но, напротив, усиленно исполняли таковые“ (там же, стр. 1289). Три тысячи целковых в награду за неучастие в забастовке получили петербургские фонарщики от своей буржуазной управы!...

Что забастовка муниципальных рабочих производит очень сильное впечатление на органы городского управления, на буржуазное население города и на правительственную администрацию,—это не удивительно. Городские предприятия, по большей части, обслуживают столь важные стороны промышленной и домашней жизни, что каждый час их бездействия переворачивает вверх дном все обывательское существование. Забастовка конки, водопровода, газового завода, канализации и пр. вносит полное смятение в повседневную жизнь обывателя. Кто бывал на улицах большого города в дни забастовки трамваев, конок, освещения, кто видел эти темные улицы и толпы растерянных буржуа на них, тот понимает, что значит стачка городских рабочих, какие жизненные интересы она захватывает, какое потрясение она производит.

Надо заметить, что муниципальные рабочие России вообще довольно добродушно относились до последнего времени к своему тяжелому экономическому положению. К открытому протесту и к стачке они относились более чем осторожно и обыкновенно предпочитали мирную сделку. Об этом свидетельствует, например, петиция городских рабочих в Самаре, в которой они, по их выражению, „не желая обострять отношений с городским управлением забастовкой, обращаются к чувству справедливости городской управы“ и излагают ей свои нужды („Сам. Лист. Об‘явл.“, 1905, № 142). О том же свидетельствует и поведение муниципальных рабочих в других городах, где они всегда охотно шли на мирные переговоры. И не вина городских рабочих, если их мирные заявления игнорировались, клались под зеленое сукно управских кан-

К крестьянскому движению в Грузии.

IV.

„Первый долг каждого социалиста—выступать против постоянных армий во всех случаях. Кто грешит против этого долга, тот изменяет делу пролетариата“ (К. Каутский). Эту политическую аксиому как нельзя лучше, восприняло грузинское крестьянство, которое, несмотря на опасность быть задушенным в крови, ведет упорную борьбу на этой почве с самодержавным правительством.

Ежегодно, к моменту призыва, деревни и города Тифлисской и Кутаисской губерний превращаются в арены кровавых столкновений между правительственными агентами-вербовщиками и революционным крестьянством, наотрез отказывающимся давать новобранцев на „убой“. Уже в 1889 г. к призыву не явилось в Тифлисской губ. 534 человека, в Кутаисской — 733 человека.

Особенно резкий характер приняли эти столкновения в прошлом году. В Кавсургетию (Тифлисской губ.) были отправлены казаки для привлечения новобранцев силой, но вооруженное население прогнало их. В Гурии войска были встречены демонстрантами. В Кутаисе, в день призыва, местной с.-д. организацией была назначена демонстрация, прошедшая с большим успехом, хотя и не без жертв. В Батуме собравшиеся уже новобранцы отказались итти на службу. Произошло столкновение.

Новобранцы бились целых два часа, но под конец „храброе“ войско взяло верх.

На-днях крестьяне селения Бандза (Ново-Сенакии) заявили: „Пока не будет созвано Учредительное Собрание, до тех пор население не отдаст ни одного солдата, ни одного рубля налога“.

Само правительство, устами кавказского наместника, признается, „что большая часть побегов со службы нижних чинов вверенного мне округа, совершенных за последние годы, об‘ясняется, главным образом политическими причинами“. Поэтому наместник обращается ко всем бежавшим и предлагает вернуться обратно на службу, так как „манифестом 17 октября дарованы незыблемые основы государственной свободы“...

Но это едва ли изменит положение вещей в крае.

Грузинское крестьянство еще в марте текущего года на многочисленных сходах заявляло Султан-Крим-Гирею (помощник наместника): „Постоянное войско — тяжелое бремя, тяготеющее, главным образом, над крестьянством“. Поэтому последнее включило в число своих минимальных требований „уничтожение постоянного войска и замена его народной милицией“. „Не нужны нам солдаты, — говорили они Султан-Крим-Гирею, — нет надобности в постоянной армии; когда явится нужда, мы пойдем все, как один человек, на войну“.

Выяснив свою принципиальную позицию в этом вопросе, гурийское крестьянство перешло и к практическому осуществлению „народной милиции“. В настоящий момент оно, в случае надобности, может выставить от 15.000 до 25.000 хорошо вооруженного войска.

Систематическому бойкоту подвергает крестьянская Грузия вообще все местные правительственные учреждения, революционно вводя на их место собственные органы самоуправления.

В мировых учреждениях Грузии в течение 1903—05 годов не разбиралось ни одного дела. Обращавшиеся

целярий и если сами городские управления приводили их к сознанию, что необходимо применить иную тактику, более решительную и определенную.

Изучая движение муниципальных рабочих, происходившее в нынешнем году в целом ряде городов, приходится отметить слабую организованность его. За исключением лишь отдельных городов (главным образом Москвы и отчасти Одессы), в требованиях городских рабочих мы не находим единого отношения даже с таким общепризнанным пунктом пролетарской программы, как 8-часовой рабочий день, и в то время, как рабочие городских мастерских Одессы выдвигают этот пункт на первый план, муниципальные рабочие Самары и даже Петербурга требуют лишь 10-часового рабочего дня, при чем в Самаре рабочие городского пожарного обоза 10-часовой рабочий день понимают в смысле работы от 6 час. утра до 6 час. веч. с перерывами в $1^1/_2$ часа на обед и $^1/_2$ часа на чай („Сам. Лист. Об‘явл.“, 1905, № 142). Такую же разноголосицу мы видим и по другим экономическим вопросам — по вопросу о сверхурочных работах и пр.

Далее, для многих городских рабочих остается еще неясной связь между „политикой“ и „экономикой“. Многие рабочие городских предприятий еще не уяснили себе того несомненного факта, что безобразные материальные условия, в которых протекает их жизнь и труд, тесно связаны с существующей организацией городского самоуправления, где думы и управы избираются лишь людьми состоятельными, имеющими в городе дома, торговые заведения и т. д. Какой защиты своих интересов может желать муниципальный рабочий от городской думы, составленной из трактирщиков, лабазников плюс два-три „интеллигента“ из домовладельцев или квартиронанимателей? Рабочие гор. мастерских Одессы, например, уже поняли суть вопроса и в своем заявлении на имя одной из думских комиссий открыто заявили:

„Подавая в городскую управу требования об улучшении быта городских рабочих на пользу всего городского населения, мы глубоко убеждены, что все наши нужды в полном об‘еме только тогда будут удовлетворены, когда гласные будут выбираться не маленькой группой домовладельцев, а всеми жителями Одессы как богатыми, так и бедными“.

Добившись упразднения теперешних городских дум и управ и замены их новыми, составленными из выборных от всего населения, городские рабочие добьются совершенного изменения деятельности и политики гор. муниципалитетов; они добьются и того, что те городские предприятия, в которых им приходится работать, будут обслуживать все население города, а не одних богачей, как это делается теперь. Возьмите план любого большого города и посмотрите, как расположена в нем канализационная сеть, где имеются хорошие мостовые, как идут

к правительственному суду подвергались наказанию народного суда. Подвергнутым бойкоту чиновникам предлагали в двухнедельный срок оставить службу и переселиться в другое место. От сельских старшин отбирались их знаки и строго-настрого предписывалось „впредь не вмешиваться в дела“.

Так же поступали с стражниками, лесничими, об‘езчиками и другими правительственными агентами.

Ослушаться предписаний „местных властей“, действительных доверенных народа, означало навлечь на себя строгое наказание. Бойкот чиновников распространился и на учителей министерских школ.

Выдворив в большинстве селений чиновников, крестьянство решило покончить и с учреждениями. Министерские школы были закрыты. Полицейские и сельские управления разгромлены. Дела уничтожены.

Разгром правительственных учреждений происходит обыкновенно с некоторой торжественностью. Крестьяне 2—3 соседних деревень, соединившись, с красными знаменами, вооруженные кто чем попало, идут к намеченному учреждению. С криком „ура“ они набрасываются на здание, выдворяют служащих, достают „дела“ и тут же уничтожают их. Портрет Николая II подвергается той же участи. Сорвав вывеску, крестьяне с пением революционных песен расходятся.

Упразднив деятельность правительственных учреждений, отказавшись от услуг администрации и полицейского суда, грузинское крестьянство фактически порвало всякие сношения с представителями старого строя, и уже 3 года, как народ сам фактически управляет своими делами через посредство особых выборных органов или местных социал-демократических организаций, пользующихся неограниченным доверием и авторитетом у грузинского крестьянства.

Интересны также отношения, установившиеся в Грузии между крестьянами и церковью.

Самодержавное правительство само взяло на себя задачу пошатнуть авторитет церкви и ее духовных представителей в Грузии.

Изгнание родного языка из грузинских церквей, превращение церкви в орудие обрусения, замена грузинских священников русскими, смотрящими на религию с казенно-полицейской точки зрения, все это оттолкнуло население от церкви.

Защита интересов помещиков и деревенских кулаков, в ущерб интересам крестьянства, кровавое подавление движения при деятельном участии духовного коллегиума, при экзархе Феофилакте, когда крестьяне с оружием в руках не допускали духовных властей закрывать грузинские церкви, окончательно озлобили крестьян „против духовенства“.

В этом же смысле действовало и обирание крестьян духовенством — всевозможные требы, храмовые денежные сборы, натуральные повинности, страшная эксплоатация безземельных крестьян, обрабатывающих монастырские и церковные земли, и т. д.

В 1903 году крестьяне об‘явили бойкот духовенству.

По постановлению местных комитетов или общественного суда — крестьянам предписывалось не платить духовенству за требы, а также и храмовые деньги. В некоторых деревнях было назначено для священников определенное жалованье. Священники прибегают к помощи полиции, за что подвергаются наказанию со стороны общественного суда. У некоторых из них, по предписанию суда, отбирались мешки, наполненные приношениями мирян, и содержимое раздавалось бедным.

водопроводные трубы, провода электрического освещения и проч. Все это сосредоточено в центре города, в богатых кварталах, где в красивых домах живут сытые и праздные люди, а на окраинах, в местах, где скучены убогие лачуги рабочего люда, — ни мостовых, ни хорошей воды, ни электрического света, ни трамвая...

Но добиваясь полного преобразования городских учреждений, муниципальные рабочие должны помнить, что организация местного самоуправления на демократических началах возможна лишь при такой же организации управления государственного. Чтобы городская дума и управа могли быть составлены из представителей бедного населения, чтобы на выборы в них не могли оказать давления и проводить своих кандидатов правительственные чиновники и капиталисты, необходимо, чтобы и центральное государственное управление велось выборными от всего населения. Чтобы городская дума могла получить денежные средства, нужные для улучшения условий труда городских рабочих и вообще для мероприятий на пользу беднейшего населения города, необходимо введение подоходного налога на имущества и капиталы, а такой налог правительство введет лишь в том случае, если в нем, в правительстве, главную роль будут играть те же выборные от трудящихся классов.

Одним словом, серьезное улучшение условий труда муниципальных рабочих немыслимо без преобразования всего государственного строя на вполне демократической основе. А такое преобразование может произвести лишь Всенародное Учредительное Собрание, избранное путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Его то и должны добиваться муниципальные рабочие России вместе с остальным пролетариатом. Но для политической борьбы, для борьбы за новый государственный строй, им придется примкнуть к определенной политической партии, чтобы действовать не ощупью, не бестолковым стадом, а сознательно и дружно. А в настоящее время лишь одна партия выражает собой истинные интересы рабочего класса и идет в бой за них, — это партия российской и международной социал-демократии. Присоединяйтесь же к ней, пролетарии России, присоединяйтесь все, не исключая и товарищей городских рабочих!

Г. Алексинский.

„Священнослужители“, лишившись самых доходных статей, отказываются от совершения обрядов.

Эта своеобразная „забастовка“ духовенства не особенно смутила крестьян, уже не дорожащих обрядовой стороной.

Общество, как целое, начало заступать место священников при заключении брака, при похоронах...

В результате на с‘езде священнослужителей 13 апреля 1905 г. большинство решает примкнуть к „социал-демократии“.

По требованию крестьян, они не упоминают имени царя, а в некоторых селениях они даже принуждены были вместо пропущенных слов вставлять: Имеретинско-Мингрельский Ком. Р. С.-Д. Р. П.“...

В общем нужно заметить, что грузинское крестьянство совершенно справедливо рассматривает религию как частное дело каждого, почему и требует отделения церкви от государства и передачи ее в руки верующих.

М. М. Шах.

Из жизни рабочих.

Митинг рабочих завода Посселя.

15 ноября в помещении Василеостровского театра состоялся митинг рабочих завода Посселя.

Подавляющим большинством голосов рабочие выработали следующие требования к администрации завода:

„Мы, рабочие завода Посселя, согласны приступить к работам, если будут удовлетворены следующие требования:

„1) Восьмичасовой рабочий день.

„2) Никто не должен пострадать за настоящую забастовку, а также и за прошлые; рассчитанные рабочие должны быть приняты на свои старые места.

„3) Отменить все штрафы, за исключением опозданий; опоздания высчитывать равномерно жалованию.

„4) Минимальная плата—мастеровым 1 руб. 80 коп., рабочим 1 руб., женщинам-работницам 75 коп.

„5) Комиссия из рабочих и администрации завода для определения расценок работ и об увольнении из завода рабочих.

„6) Страхования рабочих.

„7) Собрания должны быть не менее одного раза в неделю в помещении завода.

„8) Уплата жалованья за время последней забастовки: средний наш заработок.

„9) Удалить следующих лиц из завода: мастера Тешнера, фельдшера Наркевича и одного слесаря.

„10) Рабочие и работницы, уехавшие в деревню во время этой забастовки, не должны быть приняты обратно, а заменены раньше рассчитанными и живущими в Петербурге.

„11) Бесплатная медицинская помощь для рабочих и работниц и их семейств за счет завода, с сохранением содержания во время болезни; посещение доктором больных на квартирах рабочих и бесплатный отпуск лекарств, а также постоянные кровати для рожениц—жен и самих работниц.

„12) Поставить постоянного человека кипятить воду и следить за чистотой; вода должна быть невская.

„13) Один фунт сахару выдавать на каждого человека“.

В конце собрания рабочие приняли следующую резолюцию:

„Царское правительство закрытием фабрик и заводов бросает вызов всему революционному пролетариату. Все силы русской революции должны сплотиться, чтобы решительным ударом ответить на брошенный вызов.

„Мы, рабочие завода Посселя, выражая полное согласие с решением Совета Рабочих Депутатов, заявляем о своей готовности по первому призыву Российской Социал-Демократической Рабочей Партии вступить в решительный бой за свободу“.

По поводу севастопольских событий вынесена следующая резолюция:

„Страшные удары военных восстаний подрывают в корень последний оплот разрушающегося самодержавия. Властный протест против царства гнета и бесправия, начатый пролетариатом, пронесся по всей русской земле.

„Восставшие в Севастополе товарищи матросы, солдаты и рабочие открыто выступили в рядах революционной армии на борьбу за счастье и свободу России.

„Приветствуя их, открыто выступивших против гнетущего произвола, мы выражаем готовность дальнейшей борьбы под руководством Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Поддержим наших товарищей!“

На собрании присутствовали: помощник пристава и околоточный надзиратель.

На Путиловском заводе.

Мастер механической мастерской Путиловского завода И. Сибиряков прислал в союз мастеров и техников следующее заявление:

„9 ноября в кузнечной мастерской Путиловского завода между рабочими и служащими распространился ложный слух о моей якобы агитаторской деятельности в сфере рабочих механической мастерской, где я звал рабочих, с состоявшегося в этот день митинга, итти с оружием в руках в кузницу для снятия работающих кузнецов. Слух этот распускал мастер кузнечной мастерской Е. Бауер. Сообщаю об этом в союз мастеров и техников и прошу вынести приговор о деятельности г. Бауера и принять меры, чтобы он не мог продолжать свои темные дела, занимая место мастера. Очень бы хотелось, чтобы поступок г. Бауера стал известен всему обществу“.

От союза была послана повестка Бауеру с просьбой явиться на собрание 12 ноября, но последний прислал письмо, уклоняясь от прямого ответа.

Союз решил выбрать комиссию из 3 человек, в составе гг. Лемана, Романова и третьего лица, не принадлежащего к союзу, которым поручено разобрать это дело и восстановить честь члена союза.

Увольнение мастера Невского судостроительного завода.

В бюро союза мастеров и техников было прислано заявление мастера Невского судостроительного и механического завода Нотатчи, прослужившего 15 лет на заводе, который просит союз выяснить причины его увольнения. Союз решил вопрос этот обсудить в следующем общем собрании.

Александровский завод.

Администрация завода не подчинилась требованию рабочих о введении восьмичасового рабочего дня и 12 ноября закрыла завод, хотя рабочие накануне решили уже забастовать, и на следующий день присоединились к ним лишь рабочие вагонных мастерских и служащие цеховых контор. Служащие ночью 14 ноября распустили сторожевую охрану и испортили телефонное сообщение внутри завода и с центральной городской станцией. Поэтому завод стал, администрация потребовала войска, которые теперь охраняют завод.

— От служащих правления Ряз.-Уральской ж. д. получено через Московский район Петербургского Комитета Российской Социал-Демократической Партии 145 руб. для более нуждающихся забастовщиков союза рабочих сапожного дела.

— 14 ноября, на собрании союза рабочих сапожного цеха в количестве 2.000 человек принята следующая резолюция: „Мы, рабочие фабрики «Товарищества механического производства обуви», доверяем своим депутатам лично об‘явить администрации вышеозначенной фабрики постановление рабочих, что мы отказываемся ходить отдельными группами к воротам фабрики для переговоров; мы доверяем своим депутатам об‘яс-

няться с администрацией относительно выставленных нами наших требований.

„Мы же, рабочие, постановили впредь не приступать к работе до тех пор, пока все наши рассчитанные товарищи не будут вновь приняты без исключения и чтобы выбранные нами депутаты были утверждены администрацией фабрики“.

— На состоявшемся собрании 11 ноября мы, портовые рабочие, признали, что для защиты наших экономических и правовых интересов и в целях скорейшего освобождения труда от власти капитала необходимо об'единение, а посему решили организовать профессиональный союз портовых и кораблестроительных рабочих, — для чего тут же выработали временное бюро, поручив ему выработать проект нашего устава и принять все необходимые меры для скорейшего проведения его в жизнь.

— Из Ковно приехали делегаты от железнодорожных мастерских Варшавской дороги, чтобы войти в более тесную связь с петербургскими товарищами на случай совместных действий.

— 13 ноября были, между прочим, следующие митинги:

На Охте состоялся первый митинг у рабочих легкого финляндского пароходства; присутствовало человек 150. Уровень сознательности, конечно, очень низкий, но настроение хорошее и оратора слушали внимательно. Оратор — социал-демократ — говорил о политической борьбе пролетариата и о значении последних забастовок.

В 2 часа в клубе Нобеля состоялась лекция одного социал-демократа о либеральном движении вообще и о конституционно-демократической партии в частности. Ждали кого-нибудь из конституционалистов-демократов, но их не было. 2-й оратор дополнил и несколько популяризировал содержание речи докладчика.

Недурно прошел митинг на очень сером заводе „Новая Бавария“. Присутствовало человек 200, говорили два наших оратора. Настроение хорошее.

13 ноября в народном доме в Сестрорецке была назначена лекция г. Половцева из партии правового порядка. Докладчик начал скучно рассказывать об английском законодательстве о стачках. Рабочие уже через 5 минут начали его прерывать, а через 10 встал один рабочий и заявил, что нечего им это слушать, что у них, рабочих, есть свои нужды, для обсуждения которых есть и свои ораторы, социал-демократы. „Правовой порядок“ должен был ретироваться и уступить место оратором-социал-демократам, которые в 4 речах разобрали ряд вопросов. По поводу вопроса одного из рабочих, как это происходит, что в свободной Франции рабочие все-таки подвергаются расстрелу, наш оратор говорил о классовой борьбе. Следующие речи были посвящены вопросам о современном состоянии русской революции и о крестьянском движении, об истекших забастовках. Специальная речь была посвящена вопросу о роли пролетариата в нашей революции.

— 14 ноября в Василеостровском театре с 10 часов утра происходил митинг рабочих Трубочного завода. Местные депутаты познакомили рабочих с последними решениями Совета Рабочих Депутатов. Точку зрения Совета по вопросу о 8-часовом рабочем дне, о массовом расчете рабочих и резолюцию Совета по этим вопросам собрание нашло безусловно правильными. Затем говорили по поводу недавнего инцидента с некоторыми мастерами, которых вывезли на тачке, и о тех репрессиях, которые местная администрация намеревается применить к подозреваемым в этом деле рабочим. В заключение собранием была принята следующая резолюция:

„Мы, рабочие Трубочного завода, собравшись 14 ноября в Василеостровском театре для обсуждения своих нужд, пришли к следующим выводам: 1) не пред'являть сейчас своих экономических требований заводской администрации, а ждать общего выступления рабочего класса всей России на борьбу против существующего политического строя, ибо только при таком дружном выступлении пролетариата возможно удовлетворение желательных экономических требований; 2) об'явить заводской администрации требование не увольнять наших товарищей за забастовку; 3) поддержать уволенных товарищей материально; 4) предоставить решение вопроса о стачке на нашем заводе Совету Рабочих Депутатов; 5) делать отчисления в Стачечный Комитет в размере 1% с рубля“.

После этой резолюции социал-демократы говорили речи на общеполитические темы. Речи встречались рабочими сочувственно. Митинг закончился в 2 часа. Присутствовало около 1.500 человек.

— В типографии морского министерства бюрократия не унимается. Начальник типографии, контр-адмирал Неделькович, крайне возмущен тем, что рабочие слушаются „каких-то“ делегатов от союза печатного дела и по заявлению их бастуют, чем приносят казне неисчислимый убыток. Генерал заявил рабочим, что, если они снова забастуют, то он совокупно с капитаном II ранга Зилотти выдаст всем вольным рабочим расчет, а наберет на работы матросов. Матросы будут делать только срочную работу, а всю остальную работу казна будет отдавать г. Кротову, служащему в морском министерстве чиновником и имеющему свою переплетную мастерскую, в которой, кстати сказать, еще работают 12 часов в сутки. Штрафы, взимаемые с рабочих, ни в какую книгу не вносятся, а отдаются безотчетно во власть начальника. Собрания в типографии не допускаются.

Завод Франко-Русского общества.

В общем собрании литейной мастерской завода рассматривался вопрос об увеличении заработной платы чернорабочим. Поводом для обсуждения вопроса послужило то, что мастер назначил повышенную плату чернорабочим, а администрация отклонила ее. Единогласным решением общего собрания решено требовать для чернорабочих уравнительно-пропорционального участия их в получении платы от каждого отлитого пуда металла. До этого времени чернорабочие находились в положении поденных, и так как не были заинтересованы непосредственным участием в работах подмастерьев, то наблюдалось отсутствие компенсации труда между первыми и последними. Рабочие литейной мастерской твердо решили сгладить эту рознь и, в случае отказа администрацией их требования, забастовать. Представители от мастерской в лице Мальцева, Маркелова и Черегородцева вступили от собрания в переговоры с директором завода Радловым. Требование удовлетворено. На этом же собрании Маркеловым был сделан доклад о выдаче нуждающимся вознаграждений в забастовочное время. Оказалось, что из 175 рабочих к помощи прибегло с 4-го по 9 ноября всего лишь 7 человек и израсходовано только 7 р. 70 к. По вопросу об улучшении санитарных условий и обстановки литейной мастерской решено организовать комиссию от рабочих и администрации для совместного обсуждения положения; в настоящее время комиссия приступила к работам. Решено также на собранные в разное время среди рабочих 800 р. открыть библиотеку. Для этой цели тоже выбрана комиссия из четырех рабочих и пользующегося общими симпатиями рабочих инженера Разумского. В собрании рассматривался вопрос о ненормальности положения так называемых учеников мастерской, когда зачастую рабочий „до седых волос“ оставался „учеником“. Решено ввести в заводе периодические экзаменовки чрез особую комиссию в составе представительства от рабочих и администрации. С этим требованием собрания дирекция завода также согласилась. Было возбуждено старое требование, занесенное, как особый параграф, в заводский устав о выдаче определенного количества молока рабочим плавильной мастерской. Необходимость выдачи вызывается невероятно удушливой атмосферой от газов меди во время плавления. При переговорах инженер Бельский, известный своею преданностью интересам предпринимателей, заявил: „Ну, это — детский вопрос“. Ему раз'яснили его „детское“ непонимание вопроса и заметили: „Если бы вы подышали этой атмосферой, то запели бы другое“. Смущенный инженер ретировался.

Собрание служащих и рабочих Балтийской и Псково-Рижской жел. дор.

14 ноября в помещении Вольно-Экономического Общества состоялось общее собрание служащих и рабочих Балтийской и Псково-Рижской жел. дор. На собрании был прочитан исторический обзор деятельности „Всероссийского железнодорожного союза“, к которому в настоящее время уже примкнули все без исключения ж. д. Был прочитан устав этого союза. Попутно разбирался вопрос о том, как организоваться служащим Балтийской и Псково-Рижской ж. д. Затем сообщались собранию фактические данные о последней забастовке и освещались причины,

заставившие некоторые отдельные службы Балтийской ж. д., как-то: 1) службу пути, 2) службу движения и 3) коммерческую службу, отстать от своих забастовавших товарищей. Из речей ораторов выяснилось, что главными виновниками неприставших к забастовке оказались: начальник службы движения г. Щербаков, начальник дороги инженер Каянус и начальник конторы г. Никитин, которые терроризировали своих служащих репрессивными мерами. Во время речи одного из ораторов председатель собрания заявил, что один из товарищей убедительно просит дать ему в очередь сказать краткое слово „по существу". Слово было дано, и оратор сказал следующее: „Товарищи! В нашем собрании присутствует представитель полиции. Это незаконно! Свобода собраний и слова куплена ценою крови наших братьев, а потому ни на какие компромиссы с полицией мы пойти не можем и уступать своих свобод ни на иоту. Сообщаю вам, товарищи, что по постановлению «Совета Депутатов Рабочих» ни одно собрание не должно происходить в присутствии полиции, а потому я предлагаю собранию удалить полицию или заседание прекратить". Присутствовавший пом. пристава что-то промямлил, но его быстро оборвали, а затем после десятиминутного перерыва собрание, в виду отказа пристава удалиться, закрылось.

Фабрика Гергарда.

Эксплоатация и условия работы на текстильных фабриках вообще ужасные, но у Гергарда ухитряются перещеголять всех. Работа производится 2-мя сменами по 9 часов без всякого перерыва, при чем не имеют достаточного количества рабочих и очень часто заставляют работать 2 смены кряду. Работают больше женщины, заработок ничтожный: для поступающих 35 к., потом повышение до 40—50 к., и это длится год и два. Опытные работницы получают от 65 до 75 к., мужчины не более 1 рубля. Плата поденная. Стачкой в июле добились прибавки 5 коп. в день. Неудивительно, что нужда заставляет работать по две смены, хотя более сознательные рабочие ведут борьбу против этого. Штрафы произвольны. 2—3 минуты опоздания складывают и потом высчитывают, а опоздавших на 15 мин. не впускают, заставляя терять день. Но и это кажется недостаточным. Каждый день пускают машины на 10—15 мин. раньше 4 час. утра и при смене оттягивают столько же. Если сменяющийся не вышел, приходится полчаса и больше работать, пока подыщут нового, за что не платят ничего. Машины длиннее, чем в других фабриках (550 шпенделей), ход быстрый, а материал плохой, ежеминутно рвущийся, что делает работу напряженной и спешной до крайности, тем более, что число рабочих на станках и пр. сильно сокращено (вместо 4 — 2, вместо 12, 7—8 детей с'емщиков шпулек). Шпенделя не ремонтируются, что при спешности приводит к частым порезам, а за время болезни не платят.

Положение детей еще хуже. В паспортах, как известно, приписывают года, так что работают совсем малолетние. Чтобы им не работать 9 часов кряду, без перерыва, они работают так: 1-я смена с 4 до $8^1/_2$ утра, 2-я с $8^1/_2$ до 1 часу дня; 1-я с 1 часу до $5^1/_2$, 2-я — с $5^1/_2$ до 10 ч. веч. Детей часто бьют, таскают за волосы и т. п., так что у них постоянно плач и стон.

Грубость в обращении еще велика, хотя и сократилась под влиянием борьбы рабочих. Ко всему этому присоединяются теснота, отсутствие достаточной вентиляции и крайне скудное электрическое освещение, отсутствующее во время сбора рабочих на фабрику и зажигаемое за 5 мин. до начала работы. Кадочки для воды стоят на каждой лестнице, но воды в них нет, они поросли мхом, и рабочие томятся от жажды, ибо бежать в верхний этаж или вниз некогда, да и не позволяют. За последние дни стачки и митинги сильно всколыхнули ткачей и прядильщиков. Забитые, боявшиеся слово сказать мастеру, подымаются теперь на борьбу за свободу и лучшую жизнь.

Интерес к митингам возрос, а также заметно стремление об'единиться и организоваться.

Металлический завод.

13 ноября. Рабочие просили администрацию позволить собраться им в мастерской для обсуждения своих дел. Управляющий заявил, что ворота завода в воскресенье будут заперты и если, несмотря на это, рабочие захотят собраться, то войска откроют пальбу по ним.

Известно, что 4 ноября депутаты Металлического завода ходили на канатную фабрику „Нева", с целью предложить товарищам рабочим примкнуть ко всеобщей политической забастовке, но их там окружили скрывавшиеся войска и в числе 14 человек отправили в Выборгскую часть; под давлением требования рабочих арестованных освободили. Но через несколько дней полиция, имевшая тайный приказ арестовать троих из них на две недели, снова задержала одного из них, а остальных двух никак не могут поймать.

Три депутата с Металлического завода 12 ноября ходили за об'яснением к градоначальнику, но тот не принял их.

Новый Арсенал.

С 1 ноября здесь введено увольнение рабочих на пенсию. Размер последней определяется числом прослуженных лет на заводе. Проработавший пять лет и уволенный будет получать 5 р., проработавший 20 лет столько же рублей станет получать пенсии. Все офицеры Нового Арсенала постановили между собой бойкотировать делегата от рабочих Крапивина. Они единогласно решили подать всем в отставку, если названный делегат будет принят на работу.

Поздравляем храбрых вояк с принятым решением.

Табачная фабр. „Гаванера".

В 11 час. 13 ноября состоялось собрание рабочих и работниц. Оратор говорил о развитии капитализма.

— Народный дом Нобеля. 13 ноября состоялось собрание рабочих фабрики Эриксона по поводу требования администрации не устраивать митингов и отказаться от приема трех амнистированных. Рабочие решили на приеме не настаивать, а от подписки не устраивать митингов отказаться. По окончании обсуждений были прочтены социал-демократами 2 лекции: 1) о конст.-демократической партии, 2) о с'езде земских и городских деятелей и о крестьянском с'езде.

— Металлический завод Растеряева. 13 ноября, по окончании работы, на заводе состоялся громадный митинг. С пением марсельезы, с развевавшимся красным знаменем рабочие группами входили в собрание, приветствуемые шумными аплодисментами и криками „ура". Ораторы социал-демократы произнесли речи о крестьянском с'езде, о черносотенном движении и пр. Решено бойкотировать лавки Арефьева на Тимофеевской, 10, и Чербакова на Александровской, 7, где раздавались черносотенные прокламации. Один из ораторов ознакомил рабочих со смыслом с'езда земских и городских деятелей, призывая рабочих организоваться в самостоятельную рабочую партию, имя которой социал-демократия.

Собрание единогласно решило присоединиться к товарищам, рабочим города Нарвы, постановили не пить водки и пива и тем самым не давать денег в казну.

— 14 ноября в одном из помещений службы пути Николаевской ж. д. состоялось собрание выборщиков дороги для выслушивания докладов представителей дороги о всероссийском железнодорожном с'езде сент. — окт. с. г.

Докладчики гг. Галати и Елизаров осветили: первый — ту часть работ с'езда, которая касалась чисто профессиональных нужд служащих (пенсионной кассы); второй — работы с'езда по вопросу о правовом положении и быте служащих, а также резолюции общеполитического характера.

Затем поднят был вопрос о собраниях, так как многими присутствовавшими были сделаны заявления о препятствиях, встречаемых устроителями собраний со стороны жандармерии и городской полиции.

Тут произошел небольшой инцидент, так как с „галерки" (выборщики — все народ солидный и с весом — а в публике

было несколько низших служащих) раздался голос, требовавший слова. Обладатель голоса пытался даже осуществить свое право голоса революционным путем. После неудачной попытки он взял свои оскорбительные для председателя слова обратно и получил с соизволения собрания возможность говорить к великому удовольствию „галерки“.

По вопросу о собраниях принята следующая резолюция:

„Собрание выборщиков, считая своей обязанностью поставить всех избиравших их в полную известность о работе делегатов с'езда и собрания выборщиков, признает необходимым, чтобы начальником дороги было сделано немедленно распоряжение об отводе помещений для свободных собраний служащих и рабочих, без разрешения администрации дороги и полиции как для вышеуказанных целей, так и для обсуждения всех своих остальных нужд, при чем должны быть приняты меры к тому, чтобы ни местная, ни железнодорожная полиция на эти собрания допускаема не была. Помещения для собраний должны быть открываемы в неслужебное время по заявлению устроителей собраний беспрепятственно“.

Согласно заявлению забастовочного комитета Александровского механического завода, собрание делегировало двух своих членов к начальнику дороги с требованием об отводе помещения для имеющего сегодня состояться собрания комитета.

Хроника.

14 ноября, ночью, солдаты военно-электротехнической школы в числе 230 чел. арестованы солдатами Павловского полка, пришедшими в составе 4-х батальонов.

Только маленькая часть солдат из всего количества 280 челов. осталась в казарме, остальные же отведены в Петропавловскую крепость.

По слухам, Семеновский и Егерский полки отказались итти арестовывать солдат военно-электротехнической школы.

— Мы получили от одного морского офицера следующее письмо, которое мы и воспроизводим без всяких комментариев: „Морской министр, в виде предостережения, отдал приказ, коим воспрещается отпуск офицеров. В приказе не делается ни для кого исключения, из чего следует заключить, что он относится ко всему корпусу офицеров, от мичманов до адмиралов включительно. А если это так, то почему контр-адмирал в. к. Александр Михайлович пребывает в отпуску в Ай-Тодоре в Крыму. Он — младший флагман черноморского флота. Почему же он не на своем посту, где возмутились матросы? В недавнем своем приказе, прощаясь с пресловутым торговым мореплаванием, он возвестил, что отныне посвящает себя исключительно службе во флоте. Как же он понимает эту службу?“ Вот он, старый режим!

— Приказ. Воспроизводим без комментариев следующий приказ:

„4 ноября 1905 г. Приказание по л.-гв. Измайловскому полку. Командир полка приказал: 1) Впредь до распоряжения с представлением об увольнении нижних чинов в кратковременный отпуск не входить. 2) Для чтения нижних чинов разрешается в ротах иметь только следующие газеты: «Правительственный Вестник», «Русский Инвалид», «Новое Время», «Слово» и «Свет». 3) Конных ординарцев в служебные наряды в ротах не назначать. Полковой ад'ютант штабс-капитан Разгильдеев“.

— Закон об амнистии и охранное отделение. На прошлой неделе прибыл в Петербург Н. А. Морозов, просидевший в Шлиссельбургской крепости 24 года.

Н. А. был арестован, 25 лет от роду, за участие в журнале „Народная Воля“ в качестве редактора, как член исполнительного комитета партии, и, наконец, за участие в подкопе на Московско-Ярославской ж. дор., незадолго до проезда по ней императора Александра II. За все эти преступления Н. А. Морозов был присужден к бессрочной каторге, которая была заменена впоследствии заключением в крепости.

Первые три года своего заключения Н. А. Морозов отбывал в одном из равелинов Петропавловской крепости (в так называемом „каменном мешке“). Его товарищ Клеточкин не выдержал этого заключения и скончался в той же крепости, а Н. А. Морозов был переведен в Шлиссельбургскую крепость.

Здесь Морозов был совершенно изолирован. Муки одиночества усугублялись еще и тем, что в первые годы заключения он не получал даже никаких книг. Затем крепостной режим несколько изменился, и Морозову была предоставлена возможность заниматься естественными науками. Плодом этих занятий явились привезенные им труды по истории естественных наук. Труды эти признаны профессорами за ценный вклад в сокровищницу литературы по упомянутой отрасли науки.

На-днях оказалось, что Н. А. Морозов получил полную амнистию, при чем восстановлен во всех своих правах.

Из Петербурга он решил поехать к своей престарелой матери в Молокский уезд, Ярославской губ., но охранное отделение вместо паспорта снабдило его лишь проходным свидетельством, которое выдается обыкновенно бродягам, и с тем условием, чтобы он явился в местной полиции. Н. А. Морозов отказался от этого „благодеяния“ и поручил ведение своего дела прис. пов. О. О. Грузенбергу.

В настоящее время состоялось распоряжение охранного отделения о выдаче Н. А. Морозову временного (на 3 месяца) паспорта, до получения из сената всех документов Н. А.

— Дело Германа Лопатина. Известный узник Шлиссельбургской крепости Герман Лопатин и товарищи по заключению обратились с поручением к прис. повер. О. О. Грузенбергу принять на себя ведение дела по поводу допущения неправильностей при применении к ним закона 21 октября об амнистии. С юридической точки зрения, постановление, по которому Герман Лопатин и другие, после отбытия тяжкого наказания, должны быть подвергнуты еще и ссылке — противозаконно. В акте об амнистии указано, что для лиц, приговоренных к смертной казни или к бессрочной каторге, должны быть применены каторжные работы не свыше 15 лет и затем 4 года ссылки на поселение.

Между тем, по настоящему делу Лопатин и его товарищи, как известно, пробыли свыше 20 лет в Шлиссельбургской крепости, что по закону считается более тяжелым наказанием, чем каторжные работы. Таким образом, простая уравнительность требует, чтобы сверхшестилетнее сидение было им зачтено, и необходимость назначения нового наказания сама собой отпадает.

Требования по этому делу будут заявлены О. О. Грузенбергом в министерство юстиции, а затем в правительствующий сенат.

— Граф Витте вызвал варшавского генерал-губернатора Скалона, который на-днях прибудет в Петербург и сделает доклад о состоянии края.

— В воскресенье, 13 ноября, в час дня в зале Шредера должно было состояться общее собрание временного бюро „союза служащих в кредитных учреждениях С.-Петербурга“. Собравшаяся к этому времени толпа человек в полтораста была крайне разочарована заявлением полицейского пристава I-го Спасского участка Пчелина, который категорически заявил, что собрания не допустит „в виду того, что пол зала Шредера может рухнуть“. Разговоры о том, что о собрании заблаговременно сообщено градоначальнику и что последним оно разрешено в указанном зале, нисколько не смягчило г. Пчелина, напиравшего на то, что он не может этого взять „на себя“. И г. Пчелин со „слабым полом“ победил. Таким образом, полицией было сорвано заседание. Для характеристики приведем маленькую историю из очень недавнего прошлого об этом же приставе Пчелине. Несколько времени тому назад городская техническая комиссия осматривала один из залов для маскарадов (в районе того же Пчелина), и когда комиссия заявила, что разрешения на открытие маскарадов дать не может, пока все необходимые работы в нем не будут приведены в образцовый порядок, тот же г. Пчелин выступил вперед и скромно заявил: „Я все беру «на себя» и ручаюсь, что через два-три дня все недочеты будут исправлены“. И разрешение было дано. Какая бескорыстная услужливость! Ах, г. Пчелин, г. Пчелин! Не много ли вы берете „на себя“?.. По нынешним временам такое переусердие даже „начальством“ не поощряется.

— Свобода собраний. Назначенное на 14 ноября, в помещении союза приказчиков (Демидов пер., 5), общее собрание булочников и пекарей для образования профессионального союза опять не могло состояться, так как они не были впущены в помещение из боязни обвала потолков.

Булочников и пекарей собралось около 2.000 человек. Все они отправились в Василеостровский театр, где предполагали устроить митинг, но помещение театра оказалось занятым и булочникам пришлось разойтись.

Раньше полиция разгоняла собрания при содействии дворников, но теперь и эти последние отказались от этой чести. Пришлось прибегнуть к содействию неодушевленных предметов. Знаменательно.

— Свобода собраний. 15 ноября на высших женских курсах собралась публика (преимущественно учащаяся молодежь) слушать реферат тов. соц.-дем. „о революции". Почти в самом начале референт сообщил, что „организационное бюро" просит публику разойтись, так как этого требует полиция. Часть публики бросилась к выходам. Кое-как порядок собрания был восстановлен после того, как выяснилось из заявления все того же организационного бюро, что директор курсов „разрешает" продолжать собрание с одним только условием: разойтись по первому его, директора, заявлению. Референт снова начал продолжать прерванную речь, но явился на собрание директор Фаусек и заявил, что полиция требует распущения собрания, что около здания раз'езжают патрули казаков. Публика снова заволновалась. Часть ее требовала продолжения. Однако, сам товарищ от чтения реферата отказался и предложил разойтись, приняв резолюцию, протестующую против действий полиции.

Как выяснилось, во все время, кроме двух полицейских околоточных, стоявших на улице, около здания курсов никакой „вооруженной силы" не было.

Получалось впечатление, что истинными виновниками, сорвавшими собрание, были не полицейские, а организационное бюро.

— Свобода слова. На посланную от имени Совета Рабочих Депутатов приветственную телеграмму севастопольским матросам и солдатам по поводу последних событий из управления почт и телеграфов получена телеграмма, адресованная городскому Совету Рабочих Депутатов следующего содержания: „Ваш № 193008 Севастополь, на основании параграфа 62 телеграф. прав., передаче не подлежит". Это, вероятно, на основании манифеста 17 октября.

— Казаки в роли усмирителей. 29 октября в Прибалтийском крае произошли аграрные беспорядки, для уничтожения которых были приглашены казаки. Последние столь усердно взялись за свое дело, что совершенно разгромили усадьбу „Юрит" (Адзельской волости, Лифляндской губ., Валковского уезда) и усадьбы „Сайков" и „Лобань" (Венденского уезда). Казаки с местными властями в лице писарей волостного правления врывались в дома, убивали, грабили, насиловали женщин, изувечивали стариков и детей и так вошли в роль „усмирителей", что не оставили камня на камне, учинив убытки свыше 200.000 руб. Когда все успокоилось, поощрявшие грабежи владелец соседнего имения фон-Вульф, управляющий имением „Аа" г. Бетигер куда-то скрылись. Также бежали и волостные писаря. По полномочию потерпевших защитником О. О. Грузенбергом возбуждено в с.-петербургской судебной палате уголовное преследование против военных властей по обвинению в бездействии и попустительстве. Также пред'явлен и гражданский иск об убытках в 200.000 руб.

— Амнистия. Псковская администрация, неизвестно по каким соображениям, всех освобожденных политических отправляет этапным порядком, очевидно, не признавая „свободы передвижения". В министерство внутренних дел поступают ежедневно заявления от родственников „освобожденных" и имеющих быть освобожденными прекратить дикий произвол псковских властей. Заявления эти направляются министерством внутренних дел в министерство юстиции, а там куда-то исчезают, и наоборот — поданные в министерство юстиции направляются в министерство внутренних дел для той же участи.

— В последнее время двери казарм флотских экипажей Петербурга, по приказанию начальства, не только запираются на ночь замками, но подпираются еще изнутри толстыми бревнами.

— Реформа Государственного Совета подвигается довольно туго. В настоящее время выяснено, что члены Совета по выбору будут получать 10 тысяч руб. в год, и что всех членов по выбору будет около 100 человек. Столько же будет по назначению. Для уравнения количества членов обеих категорий из нынешнего состава Государственного Совета будут выделены некоторые члены с званием неприсутствующих. В настоящее время вырабатывается схема выборов в члены Гос. Сов. в неземских губерниях.

— 15 ноября в Государственном Совете рассматривался проект министра юстиции об уменьшении наказания за преступления против веры. Проект предлагает в качестве высшей меры наказания 6 месяцев заключения в смирительном доме. Недурное время выбрали сановные мужи.

— Почтово-телеграфному ведомству постановлено увеличить бюджет на 400 тысяч рублей для увеличения окладов нижним чинам упомянутого ведомства.

— В пятницу, 18 ноября, в 7 ч. вечера, состоится собрание агитаторов обеих фракций.

— Черная сотня. 20 октября на углу Невского проспекта и Лиговской улицы произошел следующий печальный случай. Толпа подозрительных людей под предводительством какого-то господина в фуражке чиновника набросилась с угрожающими криками на проходивших в этом месте трех студентов Петербургского университета. Двое из них успели скрыться, а один, студент 2-го курса юридического факультета, Анатолий Несмелов, бросился, ища спасения, в колбасный магазин Курбатова. Из толпы выделилось человек двадцать под предводительством того же чиновника, ворвались в колбасную и, схватив Несмелова, вытащили его на улицу, повалили на землю и стали немилосердно бить. Неизвестный чиновник особенно усердствовал и нанес Несмелову кастетом удар в правый висок. Последствием удара явилась рана в 4 сантиметра длиною с надломом височной кости. В бесчувственном состоянии Несмелов был доставлен в клинический повивальный институт, где и пролежал довольно продолжительное время.

Пострадавший и его товарищи обратились к прис. пов. Грузенбергу с просьбой выяснить это дело, а также личности принимавших участие в этом возмутительном избиении. Произведенным дознанием, под непосредственным наблюдением представителя от прокурорского надзора, выяснилось, что неизвестный господин в форменной фуражке — чиновник государственного контроля Николаевской железной дороги Сегень (по происхождению поляк) раньше служил в канцелярии градоначальника. После описанной истории Сегень явился на службу и стал хвастать перед товарищами своим патриотическим воодушевлением и подвигом. Рассказал, как он повлиял на толпу расправиться со студентами, и в конце концов показал собственноручную рукопись прокламации, призывающей „русский народ — бить до смерти студентов, интеллигенцию и прочую сволочь". Рукопись эту Сегень передал одному из сослуживцев с просьбою отпечатать несколько экземпляров на пишущей машине. Товарищ, однако, отказался это сделать, и упомянутый „документ" находится в настоящее время в распоряжении прокуратуры.

— Авантюра на реке Ялу. Еще до начала несчастной войны с Японией дворянин Ланской был приглашен „русским лесным товариществом на реке Ялу" в лице статс-секретаря Безобразова, адмирала Абаза, г-на Матюнина и Вонлярлярского — на должность контролера по делам пресловутого товарищества.

Прибыв на место службы, Ланской в первые же дни службы обнаружил целый ряд невероятных злоупотреблений со стороны агентов товарищества и, в частности, разного рода притеснений местных жителей. Например, насильственное отобрание огромного количества леса от японцев, сопровождавшееся даже вооруженным нападением на японских лесопромышленников; полнейшее игнорирование местных властей и проч.

Обо всем этом Ланской доносил много раз как в местное отделение товарищества в Порт-Артуре, так и в Петербург, но неожиданно для себя, вместо поощрения за свою службу и предотвращения серьезных осложнений с японцами, он получил приказание сдать должность и был уволен со службы.

В настоящее время Ланской пред'явил иск к товариществу о вознаграждении за убытки, вызванные досрочным увольнением его, в сумме десяти тысяч рублей.

Отстаивать этот иск в петербургском окружном суде будет присяжный поверенный Я. Н. Лихтерман.

Настоящий процесс обещает выяснить многие темные стороны этой авантюры на Дальнем Востоке, повлекшей за собою войну с Японией, обошедшуюся так дорого для России.

— Еще в конце октября представители формирующейся в настоящее время „Независимой Рабочей Партии" обратились к графу Витте с запросом о том, подходит ли о. Георгий Гапон под амнистию и возможно ли в настоящее время его возвращение в Петербург. Граф Витте дал ответ в том

смысле, что против возвращения о. Гапона он вообще решительно ничего не имеет, но в данное время он это возвращение все-таки считает излишним. Отец Гапон уже прибыл в Россию и находится в Финляндии.

— Брожение в Манджурской армии. По частным сведениям, полученным с Дальнего Востока, брожение в Манджурской армии все более и более разрастается. Владивостокские события нашли отголосок и в других местах. Так, в Харбине арестовано несколько офицеров и солдат. Причины ареста сохраняются в тайне, но обстоятельство это произвело большую тревогу. Китайцы, населяющие Северную Манджурию, бегут на юг, опасаясь начала серьезных беспорядков. Местные власти продолжают свою старую систему управления. Торговля падает с каждым днем. Словом, экономическое положение Северной Манджурии все более и более падает. Брожение захватывает и прилегающие к Манджурии части Сибири. События владивостокские в действительности были серьезнее, чем это представляется по официальным телеграммам. Огнем уничтожена недвижимая собственность почти всех китайцев, сгорело много имущества других иностранцев, между прочим, сгорели походные заметки некоторых военных агентов при русской армии. Китайское правительство намерено требовать вознаграждения для своих подданных в размере 2 миллионов рублей.

— Щедрость синода. Служителя Исаакиевского собора обратились в хозяйственное управление синода с просьбою об улучшении условий своей службы и главным образом об увеличении содержания (они получают 18 руб. в месяц на своем продовольствии). На-днях настоятель собора, Соболев, об'явил всем служителям, что синод выдает им единовременное пособие по 5 руб. на каждого, но с предупреждением, если сторожа еще раз обратятся с коллективным прошением,— они будут все уволены.

Сторожа предполагают на это решение ответить забастовкой.

— В помещении Рождественских курсов 15 ноября должен был быть прочтен реферат. В назначенный час зал аудитории переполнен. Референт всходит на кафедру и начинает говорить. Не проходит пяти минут, и речь обрывается на полуслове. Слышится таинственный шопот и потом громкое заявление: „Мне передают, что собрание, по требованию полиции, должно быть закрыто. Если же публика не оставит немедленно зала заседания, то будет применена вооруженная сила". После короткого обсуждения положения собрание считает необходимым само закрыться. Часть присутствующих протестует. Директор курсов заявляет, что организаторы собрания обещали ему, при требовании полиции, распустить собрание и что по улице раз'езжают патрули. Публика покидает медленно зал. Против главного входа в помещение курсов стоят полицейские чины. У ворот в полной боевой форме с воинственным видом стоит офицер. „Наверное, во дворе спрятаны против «внутренних» врагов такие же вооруженные солдаты" — слышатся замечания в толпе.

— Музыкант из кантонистов лейб-гвардии Гренадерского полка Иван Иванович Мочалин арестован 5 числа по подозрению в распространении среди товарищей „Известий Совета Рабочих Депутатов", которых при обыске у него не оказалось. Между прочим, полковым начальством была вызвана мать Мочалина, от которой потребовали указать товарищей его из „вольных". Перепуганная старуха отделалась незнанием. За это свидание с Мочалиным не разрешается и передачи ему самого необходимого из с'естных припасов не принимают.

— Дело об убийстве кн. Накашидзе. 19 ноября в главном военном суде будет слушаться дело об убийстве бакинского губернатора князя Накашидзе. По этому делу пять человек приговорены к смертной казни и, как известно, приговор, благодаря своей несправедливости, вызвал в обществе глубокое возмущение. Защитником А. С. Зарудным подана кассационная жалоба от имени всех осужденных. В главном военном суде защитниками выступают А. С. Зарудный и О. О. Грузенберг.

— К исчезновению писем на почте. На-днях в особом присутствии с.-петербургской судебной палаты будет слушаться дело почтальона Л. Баузина, который обвиняется в том, что бросил в ретирад, с целью уничтожения, пачку (71) писем. Обвиняемый заявляет, что поступок этот вызван не ленью, а переутомлением от непосильной работы.

— Учительский Забастовочный Комитет об'являет: „Место заведующей библиотекой Народного дома императора Николая II Евгении Васильевны Бруггер, уволенной за забастовку 15—18 октября, об'является под бойкотом".

— В Петербург приехал освобожденный из тюрьмы при благосклонном участии черной сотни убийца Баумана шпион Федотов.

Г. Федотов в надежде славы и добра расхаживает по митингам и сходкам.

— Градоначальник распорядился, чтобы булочные были открыты по праздникам целый день. Между содержателями булочных, решившими, как известно, ограничить торговлю в праздничные дни, и полицией происходит на этой почве ряд конфликтов.

— Среди художников. Художники начинают об'единяться. На-днях в собрании общества взаимопомощи русских художников решено посредством воззвания привлечь всех русских художников к организации в союз. Собрание долго обсуждало вопрос, кого считать художниками, и в конце концов постановило, что художниками могут считаться только лица, получившие свидетельства от академии художеств и от рисовальных школ или экспонировавшие на выставках. В целях об'единения большего числа русских художников, решено устроить митинг, на котором будет выработана платформа и разрешен вопрос о вступлении художественного союза в Союз союзов. Митинг художников предположено устроить в дворянском собрании, так как рассчитывают на большое количество участников. Нарождающийся союз имеет целью бороться за свободу художественного творчества и автономию академии и художественных школ.

— По просьбе г. Петропавловского сообщаем, что доклад его в Союзе союзов читался не им лично, а с его слов.

— Боязнь бойкота Совета Рабочих Депутатов расшевелила управское болото.

Проект устройства биржи труда, давным-давно гуляющий где-то по министерствам, предположено ныне вытащить на свет божий; член управы Бузов, прямо ссылаясь на требование депутатов, настаивает на немедленном введении таксы на предмет первой необходимости: мясо, хлеб и т. д.; наконец, член управы Дмитриев — член политического клуба и партии правового порядка—усиленно взывает о необходимости постройки новых рынков в рабочих районах за Обводным каналом. Одним словом, вся управа способна обратиться к Совету за „предписаниями", подобно одной из столичных газет.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— Группа студентов петербургского университета намерена выпустить в скором времени „Сборник биографий борцов за свободу".

Рождественские курсы.

12 ноября заседал „училищный" совет Рождественских курсов и вынес следующее решение, вывешенное теперь на стенах помещения, как об'явление для общего сведения слушательниц:

„Училищный совет в заседании 12 ноября большинством постановил: считать училище, в виду, с одной стороны, категорического отказа дамского лазаретного комитета в предоставлении здания комитета под собрание с участием посторонних лиц и, с другой стороны, нежелания слушательниц продолжать занятия без права устройства митингов и закрытых собраний в зданиях комитета, временно закрытым".

Следовало бы совету профессоров в интересах своей личной выгоды отстаивать требование слушательниц, чтобы на митингах поучиться хотя маленькому гражданскому мужеству отстаивания справедливых и необходимых по времени требований, и во всяком случае озаботиться грамотным и удобопонятным изложением своих постановлений.

— 13 ноября, в ответ на резолюцию сходки 12 числа, правление семинарии официально об'явило семинарию вновь закрытой. Инспекция приглашала воспитанников раз'езжаться.

Вчера же семинаристами была созвана совещательная сходка, где единогласно решено: игнорировать немотивированное заключение правления.

— Технологический институт. 15 ноября снята, наконец, военная охрана, окружавшая около месяца технологический институт. Студенты снова допускаются в помещения института. Время начала занятий попрежнему в туманной неизвестности.

— Ксениинский институт. Воспитанницами ксениинского института составлено следующее заявление обществу, которое они просят огласить: „Мы переживаем время, когда общество, ища свободы и правды, освещает все темные углы старого режима и когда рождается новый политический строй, новые требования и взгляды. Следует обратить внимание и на средние учебные заведения, в особенности же на женские институты с их исключительным режимом, который убивает малейшее проявление самостоятельности мысли, индивидуальности. Но мы более не кисейные барышни. Мы сознаем, что учиться и развиваться при подобных условиях немыслимо и всеми силами мы протестуем против институтского режима, против отживших традиций, которые нас душат и губят. На основании сказанного, мы требуем наравне с нашими товарищами учащимися автономии, дающей возможность нормально развиваться, и надеемся, что союзы учителей и родителей поддержат нас в наших справедливых и разумных требованиях“.

К этому заявлению присоединился Смольный и другие институты.

В армии.

В Петербурге имеется военно-исправительная тюрьма, известная среди матросов под именем „Морской бутылки“. Начальство при всяком удобном и неудобном случае пугает матросов этой тюрьмой.

Обращение в тюрьме с заключенными ужасное. Работать матросов заставляют сверх сил, а кормят их отвратительно, отнимают у них 1/3 часть ежедневного заработка, но деньги эти отнюдь не идут на улучшение пищи. Платят матросам за работу: токарю 6 к., портному 4, слесарю 5 и т. д. в день, а работать заставляют от 8 час. утра до 6 вечера.

Матросы не имеют даже возможности пользоваться в тюрьме чаем и сахаром.

В письме, полученном нами об этой тюрьме от группы матросов, они умоляют „Союз союзов“ позаботиться об улучшении их положения и оказать им хоть какую-нибудь помощь.

— После того, как по распоряжению властей было найдено необходимым учреждение патрулей для охраны города, по войскам Павловского пехотного полка был об‘явлен приказ главнокомандующего о ежедневной выдаче каждому солдату патруля 15 коп. Но заведующий хозяйственной частью этого полка распорядился о том, чтобы назначенные к выдаче солдатам деньги были задержаны под предлогом передачи всей суммы на улучшение солдатского стола. Такой приказ действовал с 13 по 31 октября. По возвращении из Кронштадта, войска Павловского полка возмутились указанным приказом и 14 ноября потребовали выдачи каждому из них по 15 коп. ежедневно. Их требование удовлетворено, и выдача вознаграждения будет произведена 15 ноября, так как 14 числа, по случаю праздника, эта выдача не могла быть произведена.

Нам пишут из г. Кальварии, Сувалкской губернии:

„Зашевелился 112 пехотный уральский полк. 8 ноября солдатики приготовились обедать. По обыкновению им подали щи из прошлогодней капусты, в которой свободно копошатся черви. Это видно даже невооруженным глазом.

„Еще в июле текущего года, во время ученья солдат, полковник Скворцов, просматривая расход людей, обратил внимание на то, что в погребе с капустой работает два человека.

„На вопрос полковника штабс-капитан Васильев ответил, что: «два солдата отделяют капусту от червей». Удивившись этому явлению, полковник заметил, что при нем все время дается солдатам прекрасная капуста. Фактом служит то, что солдаты до сих пор ни разу... не жаловались...

„Присутствовавшие офицеры не возражали.

„И вот, 8 ноября, солдаты потеряли терпение и открыто запротестовали. Случилось это так:

„Зловонье котла, в котором готовились щи, побудило солдат отказаться от обеда и поднять крик протеста. Обратились они к фельдфебелю: «Давай хорошей пищи».

„Мигом заерзал весь полк. На крики солдат сбежались офицеры, убедившись воочию, что «обед» действительно пригоден только для свиней. Явился и временно командующий полком подполковник Ивашкевич, выстроивший всех в шеренгу, и «просил не шуметь».

„Батальонный командир, капитан Янушкевич, обращавшийся постоянно к солдатам не иначе, как с отборной площадной бранью, на этот раз чуть ли не со слезами на глазах просил солдат не волноваться.

„Из 16 рот только одна согласилась обедать. Все же остальные открыто протестовали. Начальство совершенно растерялось“.

Профессиональные союзы.

В союзе адвокатов.

В состоявшемся 14 ноября заседании союза адвокатов — после ознакомления с докладом о втором адвокатском с‘езде в Москве (5—7 октября) — был поставлен на обсуждение вопрос о дальнейших задачах адвокатского союза.

Очень немногие стояли за сохранение за союзом прежней профессионально-политической роли; некоторые говорили, что союз отжил свое время и должен распасться; наконец, несколько ораторов, преимущественно социал-демократы, настаивали на том, чтобы союз адвокатов обратился исключительно на путь профессиональных задач. В заключение один из последней группы ораторов внес от группы адвокатов следующее заявление: указав на то, что профессионально-политические союзы сыграли свою роль и заменяются теперь политическими партиями, заявление продолжает, что „существование адвокатуры, в современном ее виде, зиждется лишь на строе частной собственности и потому требует сохранения в неприкосновенности буржуазно-капиталистического строя, что адвокатура, как целое, никогда не сможет перейти на пролетарскую точку зрения, что единственно об‘единяющими адвокатуру могут быть признаны лишь идеи политического освобождения русского государства; что в области политических идей, неразрывно связанных с социально-экономической их базой, действуют разнородные политические партии, которые уже расслаивают адвокатуру и втягивают ее в свои ряды, не оставляя места для недифференцированных политических союзов“. На основании этого, в заявлении предлагается союзу адвокатов „устранить из своей программы социально-политическую платформу и признать себя исключительно профессиональным союзом, некоторые выступления которого в силу их массового характера, могут приобретать политическое значение“.

Собрание постановило предложить петербургскому бюро союза войти в центральное его бюро с предложением созвать в непродолжительном времени всероссийский с‘езд адвокатов для пересмотра его программы и целей.

Союз служащих в канцеляриях мировых судей.

На состоявшемся 14 ноября в помещении камеры мирового судьи 42 участка собрании служащих в канцеляриях мировых судей Петербургского округа обсуждался вопрос об экономическом и правовом положении служащих. Было решено добиваться того, чтобы все служащие считались состоящими на городской службе. Minimum оклад для письмоводителя определено в 100 р., писцам по 50 р., а для сверхштатных по 35 р. в месяц. Рассыльные должны получать не менее 25 р. с казенной обмундировкой и даровым проездом по городским конкам,

а также с бесплатным отпуском лекарств из городских больниц. На службу в канцеляриях мировых судей должны быть допущены все лица без различия пола. Мировые судьи не должны увольнять служащих без постановления с'езда мировых судей.

Для детальной разработки всех этих требований выбрана особая комиссия из 9 лиц, труды которой будут доложены на общем собрании, которое состоится на-днях.

В союзе мастеров и техников.

На состоявшемся 12 ноября общем собрании членов союза мастеров и техников первым рассматривался вопрос об отношении мастеров к рабочим.

По этому поводу высказалось несколько ораторов, указывавших на необходимость слиться с рабочими воедино, ибо интересы мастеров близки с интересами рабочих. Для этой цели ораторы предлагали союзу мастеров и техников об'единиться под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, как самой сильной, и итти рука об руку с ней.

Далее говорил оратор, упрекнувший своих товарищей в том, что союз мастеров и техников до сих пор не примкнул к Совету Рабочих Депутатов.

Присутствовавший здесь представитель от союза инженеров говорил также о необходимости мастерам итти в Совет Рабочих Депутатов.

В виду того, что на этом собрании присутствовало очень мало членов, то было решено вопрос этот отложить до следующего собрания. Вместе с тем, решено было привлечь к участию в союзе невошедших еще мастеров, которых в Петербурге насчитывается до 3.000 человек. Членов же союза насчитывается всего 300 человек. Для этой цели союз выработал следующую инструкцию:

„Союз мастеров и техников в целях большего единения между членами, привлечения участников в союз по возможности со всех фабрик и заводов, а также имея в виду расположение большинства крупных фабрик и заводов на окраинах города, открывает следующие районы:

„1) Нарвский, 2) Московский, 3) Невский, 4) Выборгский, 5) Петербургский, 6) Василеостровский, 7) Сестрорецкий, 8) Колпинский и 9) Центральный.

„Из представителей фабрик и заводов, находящихся в районе, образуется районное бюро, которое ведает всеми делами района.

„На обязанности районного бюро лежит: 1) привлечение в союз членов со всех фабрик и заводов данного района, 2) устройство еженедельных районных собраний, 3) разрешение на этих собраниях всех дел, не требующих обсуждения общего собрания, 4) устройство чтений и рефератов по вопросам общественной и политической жизни, 5) приглашение рабочих депутатов для совместного разрешения недоразумений между мастерами и рабочими.

„Из членов районных бюро выбираются делегаты, образующие совет союза.

„Для ведения текущих дел союза избирается общим собранием исполнительное бюро“.

На собрании была избрана комиссия, которой было поручено подыскать помещения для районных собраний.

Союз литографов.

13 ноября в Василеостровском театре происходило с 1 часа дня заседание союза литографских рабочих Петербурга. Рассматривался вопрос о возможности введения во всех литографиях восьмичасового рабочего дня. Были собраны по этому поводу фактические сведения по отдельным заведениям.

Во время собрания союза литографских рабочих произошел следующий случай. Хотя в помещении было очень темно, но зоркие, очевидно, привыкшие к сыску глаза проникшего в собрание полицейского пристава заметили четырех лиц в костюме солдат. Через рабочих пристав вносит в собрание альтернативу: „Я требую немедленного удаления из собрания нижних чинов, или заседание должно быть закрыто“. Выясняется, что один из них, Харламов, пострадавший от полицейских преследований, как организатор литографских рабочих, и отправленный потом на Дальний Восток, исключен из списка солдат как раненый. И относительно остальных трех устанавливается, что они принадлежат к составу рабочих литографов и не желают порывать с союзом связи. Единогласно решено: „Собрание находит не только возможным, но и необходимым присутствие указанных лиц в заседании“. Решение передается приставу; в своем ответе он просит продолжать заседание, а ко мне, как представителю газеты „Новая Жизнь“, через того же рабочего обращается с особой просьбой: „Убедительно прошу о происшедшем не сообщать в газете“. Конечно, я счел для себя невозможным входить в содержание „убедительной просьбы“ полицейского чина.

Среди древообделывающих рабочих.

С 4 часов дня по тому же вопросу о борьбе за 8-часовой рабочий день в помещении Народного дома Нобеля происходило при участии полуторатысячной массы собрание союза древообделывающих рабочих. Были сообщены фактические данные.

Затем было прочитано письмо столяров, работающих в Кронштадском порте, и через их представителей внесен их сбор в стачечный фонд. Кронштадцы присоединены к союзу. Один из присутствующих сделал такое заявление: „Следует пожалеть мелких предпринимателей и не вводить у них восьмичасового дня, так как они не могут конкурировать с крупными предпринимателями“. На это резонно заметили, что мелкие фабриканты такие же паразиты, как и крупные, и что пусть они гибнут или от борьбы между собой или натиска пролетариата. Один из ораторов сказал прекрасную речь: „Я слышал, что здесь говорили о двух трусливых зайцах. Согласен, что самодержавие и буржуазия—трусливые зайцы, пожирающие чужую капусту. Но я утверждаю, что самодержавие и буржуазия представляют собой одного и того же трусливого зайца, во все лопатки удирающего от грозного движения пролетариата“. И выяснив затем связь между самодержавием и капитализмом, оратор призывает товарищей к борьбе за восьмичасовой рабочий день. Также хороша была и речь председателя о значении „8 часов работы, 8 — отдыха и 8 — свободных“ часов для рабочих. Собрание единогласно утвердило решение всеми мерами добиваться, где это возможно, восьмичасового рабочего дня.

Союз рабочих золото-серебряного производства.

12 ноября в Соляном Городке состоялось собрание рабочих золото-серебряного производства. Собранию было сообщено об образовании контр-союза, союза хозяев мастерских и мастеров того же производства. Затем был обсужден и принят проект устава союза, выработанный временным организационным бюро. Вновь образовавшийся Союз является союзом чисто пролетарским—действительными членами могут быть только подмастерья золото-серебряного производства. Одной из главных задач союза будет поддержка членов во время стачек; с этой целью образовывается особый стачечный фонд, в который отчисляется 50% всех поступлений, кроме пожертвований со специальным назначением. После принятия проекта устава собрание выслушало двух ораторов социал-демократов. Последние, указав на связь экономической борьбы с политической, на зверства правительства, имевшие место уже после 17 октября, на измену буржуазии делу свободы, на спешную организационную работу буржуазии и на предстоящий ее союз с правительством против пролетариата, призывали рабочих сплотиться под знаменем Р. С.-Д. Р. П. для борьбы за Учредительное Собрание, избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. На этот призыв собрание единодушно ответило громкими аплодисментами. Затем, по предложению одного из рабочих, все члены временного организационного бюро были выбраны членами временного правления союза. Помимо того, два члена союза были выбраны в Совет Рабочих Депутатов. Решено послать в Москву делегата на всероссийский с'езд профессиональных союзов.

13 ноября на собрании рабочих заводов Однера и Бейера по обсуждении вопроса о профессиональном союзе была вынесена следующая резолюция:

„Обсудив вопрос о значении профессиональных союзов, мы, рабочие завода Бейера и Однера, единогласно признали необходимость учредить профессиональный союз нашего производства. При этом мы признаем, что задачей профессионального союза является улучшение положения рабочих и усиление их в борьбе с хозяевами, но в то же время мы заявляем, что временное улучшение не есть полное освобождение рабочего класса от гнета капитализма, от нищеты и безработицы. Такое освобождение может быть достигнуто лишь при осуществлении социалистического строя. Поэтому мы находим необходимым не ограничиваться профессиональной борьбой, а вместе с ней вести борьбу за социализм и демократическую республику в рядах той партии, которая является истинной представительницей интересов рабочего класса, т. е. Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии".

Для выработки устава собрание выбрало комиссию из 6 человек, по 3 с каждого завода.

Из партийной жизни.

(Корр. „Новой Жизни".)

Баку.

Бакинский Ком. Р. С.-Д. Р. П. сделал первый шаг к об'единению всех местных с.-д. сил.

На междурайонном собрании принята по предложению К-та почти единогласно (140 челов.) следующая резолюция:

I.

Разрешение вопроса о расхождении между „большинством" и „меньшинством" возможно лишь партией в целом.

II.

В настоящий момент возможно и необходимо лишь соглашение по вопросу об об'единения общих выступлений местного пролетариата.

III.

Для организации общих выступлений и руководства ими, выступлений, которые одинаково выдвигаются как Бак. Ком., так и Бак. Союз., обе соц.-дем. организации образуют Федеративный Совет.

1) Федеративный Совет является решающим и руководящим органом, опирающимся на волю об'единенного междурайонного собрания в границах тех вопросов (организаций общих выступлений), для которых оно составляется. О своих действиях Ф. С. дает отчет об'единенному междурайонному собранию.

Примечание: состав междурайон. собрания об'единенного определ. в 3 пункте.

2) Ф. С. организует летучки, массовки, митинги, демонстрации, всеобщ. забастовки, лекции, библиотеки и др. формы выступления пролетариата, необходимо вытекающие из целей, которые перед ним поставлены (намеченных 3-м пунктом). Он же немедленно организует боевую дружину и вооружение, распределяет агитаторские силы (предоставляемые в его распоряжение обеими сторонами) и выпускает листки чисто практического характера.

3) Ф. С. составляется из равного числа представителей той и другой стороны, избранных об'единенным междурайонным собранием, состоящим также из равного числа представителей обеих сторон.

4) Междурайонное собрание, признавши необходимым, для подготовки почвы к партийному об'единению фракций большинства и меньшинства, сближение аналогичных организационных ячеек на почве практических вопросов, высказывает желание, чтобы районные и заводские организации устраивали совместные собрания для обсуждения практических вопросов движения.

Самарский Ком. Р. С.-Д. Р. П. заявляет, что „в задачи Комитета Р. С.-Д. Р. П. не входит закрывать театр, так как это грозит 150 чел. остаться без заработка. Поэтому Комитет предупреждает товарищей, что во время действий не прерывать их песнями борьбы". („Сам. Газ.").

На собраниях борской интеллигенции, бывших 5 и 6 ноября в пользу Самарского Комитета Р.С.-Д.Р.П., собрано 112 р. 80 к., каковые и переданы кассиру Комитета.

Театр и музыка.

Во вторник, 22 ноября, в Большом зале консерватории состоится интересный музыкально-литературный вечер, в котором примут участие артисты императорских и частных театров: Лидия Берленди, Ида Альберг, М. Г. Савина, В. Ф. Комиссаржевская, М. Н. Кузнецова-Бенуа, В. В. Стрельская, А. М. Давыдов, В. Н. Давыдов, П. В. Самойлов, Н. Н. Ходотов. В литературной части вечера выступает ряд известных писателей. Сбор с вечера поступит целиком в пользу нуждающихся политических амнистированных. Билеты заблаговременно продаются в магазине К. М. Шредера, от 11 до 6 час. вечера.

В „Новом Театре" готовится к постановке драма Е. Чирикова— „Евреи", отданная автором в Петербурге в исключительную собственность Л. Б. Яворской. Первое представление назначено на среду 23 ноября.

Из иностранных газет.

Как сообщают иностранные газеты, новый министр путей сообщения вырабатывает теперь проект, по которому вся железнодорожная сеть России будет разделена на 4 самостоятельных округа, наподобие военных округов. Во главе каждого из этих железнодорожных округов (Петербургского, Московского, Харьковского и Сибирского) будет стоять особый железнодорожный директор, которому будут подчинены несколько товарищей директоров и целый штаб чиновников. Не думает ли новый министр введением этого внешнего сходства ее с военным ведомством предотвратить возможность железнодорожной стачки? Хотя он имел возможность на опыте своего предшественника убедиться, что военный призрак мало пугает железнодорожных рабочих, так как милитаризация железных дорог (введение военного положения для рабочих и служащих) в феврале скорее ускорила сплочение рабочих и вместе с ним и забастовку. Но уж такова природа бюрократа, что даже опыт безуспешности самых внушительных мер не может поколебать в нем веры в чудодейственную силу грозной внешности.

Польша и Литва.

„Times" воспроизводит текст следующего секретного циркуляра, разосланного варшавским генерал-губернатором военным губернаторам десяти польских губерний:

„Прежде всего рекомендую вам рассматривать агитаторов, смутьянов и организаторов сборищ как бунтовщиков и расстреливать их, пока все не будут истреблены; затем воспретить всякие публичные митинги и сборища—буде же таковые, несмотря на запрещение, состоятся, расстреливать толпу с помощью огнестрельного оружия. Вообще, вы должны помнить, что энергичный образ действий, независимо от последствий, есть не только долг ваш, но и единственный способ подавить возмущение".

Полагаем, что этот классический приказ не нуждается ни в каких комментариях!..

Варшавская администрация прилагает все усилия, чтобы натравить одну часть населения на другую—русских на поляков, поляков на евреев, устроить избиения, погромы, грабежи. Она прибегает к системе провокаторства в различных формах, не стесняясь в своих действиях ни перед явной организацией черносотенных элементов, ни перед тайной, подпольной разнообразной работой, вроде печатания прокламаций, скрепленных лже-подписью и печатью Польской Социалистической Партии (P. P. S.), призывающих народ к немедленному восстанию, революции.

Неудивительно! Администрация хочет оказаться на высоте своего „охранного" положения: при малейшем возмущении народа направить на него штыки и пули, устроить кровопролитие. И тогда правительство окажется на высоте своего положения, окажется необходимым то военное положение, которое теперь накинуло свою петлю на шею исстрадавшегося народа.

Жажда этого кровопролития у администрации так сильна, цель так привлекательна, что все средства кажутся посильными и „гуманными". Переодевание городовых; ночные отчаянные возгласы каких-то суб'ектов: „Выходите, защищайтесь! Вас будут сейчас резать!" Стрельба из револьверов по ночам; стрельба в толпу рабочих со стороны мчавшегося на лихаче переодетого полицейского; таинственные знаки на домах и т. п. Все это творится в стране, где пресса, скованная цензурными исключительными уставами и временными постановлениями, не может дать надлежащего освещения происходящих событий.

Вполне понятно и естественно, что под влиянием такой „политики" паника, страх и ужас среди населения растут не по дням, а по часам, что нервное напряжение достигло крайних пределов, что темная туча, как угроза, висит над головой и готова разразиться кровавым потоком.

Такое состояние будет продолжаться до тех пор, пока не будет снято военное положение и не уйдут его вдохновители, алчущие слез и крови.

В Вильне два офицера Окского полка, гг. Огородников и Степанов, оповещают в газетах, что „не могут служить гражданским властям и что не могут поднять руки на народ, среди которого выросли".

Военное положение в Царстве Польском железным кольцом сковало грудь народа, так что немыслимо было торжественно почтить память великого борца за свободу, Мицкевича, по поводу пятидесятилетней годовщины его смерти. День этот был ознаменован в Варшаве лишь тем, что подножие почти было усыпано цветами и что все газеты посвятили ему свои выпуски. То же самое происходило и в других городах и деревнях края: решено в костелах, на панихиде, да в семейном кругу отдать должное поэту, в надежде на то, что скоро падут железные оковы, засияет свобода, и народ сможет торжественно почтить память ее поборника.

В Вильне околоточные надзиратели обратились к полицеймейстеру с требованием опубликования фамилий тех полицейских, которые пытались вызвать еврейский погром в городе. Те же надзиратели обратились с воззванием к народу, в котором указывают на то, что не все полицейские—враги народа и что „не всегда мундир является мерилом нравственного достоинства человека".

В Варшаве начинается брожение среди местной полиции. На-днях несколько сот околоточных надзирателей подали полицеймейстеру заявление, в котором настоятельно требуют освободить их от унизительных обязанностей производить политические обыски и присутствовать при них. Далее они требуют улучшения своего материального положения, так как то жалование, которое они сейчас получают, недостаточно, и это влечет за собою взяточничество, на которое справедливо нарекает местное население.

Областной отдел.

Село Петровское, Тамбовской губ.

(Корр. „Новой Жизни".)

В ночь с 6 на 7 ноября был подожжен неизвестно кем хутор Антошин, находящийся в версте от села Петровского, Тамбовской губ. и уезда. Хутор сгорел, при чем не было никаких аграрных беспорядков. Управляющий его немедленно заявил земскому начальнику 4 участка г. Комзину, в ведении которого состояли командированные в этот участок казаки, и высказал подозрение на жителей с. Петровского. Комзин крикнул казаков и отправился чинить суд и расправу. Прискакали в Антошин, взглянули на пожарище и избили всех торчавших из любопытства, при чем не были пощажены даже дети. Следствие, веденное таким образом, виновных, однако, не обнаружило. „В Петровское!"—крикнул Комзин. Здесь управляющий имения г. Трофимовой, к которому заехал г. Комзин, любезно сообщил имена „неблагонадежных", по его мнению, крестьян и дал кое-какие практические советы. Скачет земский с опричниками к сельскому старосте и начинает допрашивать его: „Кто поджег?"—„Не знаю". Долго бился Комзин, но безрезультатно. „Созвать сельский сход!" Созвали. Выходит земский. „Шапки долой! Говорите, кто поджег хутор, кто зачинщик?"—„Не знаем". —„Как так не знаете, когда это дело ваших рук! Если вы не скажете и не выдадите зачинщиков, будете расстреляны и имущество ваше сожжено".—„Ей богу, не знаем, ваше высокоблагородие!"—„Еще раз спрашиваю, и это будет последний раз".— „Не знаем".—„Пли!"—Дружный залп из 45 винтовок. Крестьяне в ужасе бегут в лес. Свищут нагайки, стон, крики, плач. „Жги дома!"—раздается команда Комзина. Опричники бросаются поджигать дома, и зарево освещает село. Каждую хату приходится поджигать отдельно, так как пламя, благодаря снегу, не перекидывается. Опричники работают, а земский стоит и любуется. Пытающихся спасти имущество, помочь раненым товарищам, всякого показавшегося на улице немилосердно избивают. С гиком носятся опричники, пламя и кровь на пути их. Эта оргия продолжалась до вечера. До вечера не давал перевязать раненых, число которых доходит до 25, и многие из них несомненно умрут. Кроме того, 3 убито и 20 домов сожжено, а, между тем, никаких улик против жителей с. Петровского нет.

Так заключил Комзин „следствие" по делу сожжения хутора Антошин. Что дальше будет, не знаем, ибо одному аллаху известно, что взбредет в голову земскому. Теперь все село пусто: жители разбежались, а имущество и скот в уцелевших от огня домах уничтожены.

Анатолий.

Луганск.

Центр каменноугольной промышленности, в котором функционируют таких два завода, как Гартманский и Патронный, город с 30-тысячным населением до погрома, остался совершенно в тени в прессе, несмотря на то, что в черные треповские дни от этого города осталось одно воспоминание... Тут не только, согласно свыше выработанной всероссийской программе, грабили, убивали, но жгли, жгли до тла, не пощадили даже женской гимназии, жгли, терзали, насиловали... Во всю ширь работали каменобродцы (с окраин города) и ежедневно, на виду у всех, продавали награбленное с публичного торга... „Золотые часы—рупь с полтиной,—кто больше!"... „Ботинки—шесть гривен"... Да, была игра!..

Восьмилетнюю дочь купца Кр. человек 30 негодяев заставили держать свечу, а мать подверглась насилию!.. Девочка со страха лишилась языка, а мать при смерти... Никого не пощадили, даже подростков 15-летних! А исправник Миклашевский, знаменитый, прославившийся избиением младенцев в Екатеринославе, „сосланный в наказание" в Луганск, тут довершил удар: как только погром немного утих, он собрал „главных зачинщиков", человек 50... еврейских юношей и засадил их в тюрьму. Город оцепенел, застыл, умер... Все попряталось, бежало.

Среди белого дня грабители теперь останавливают вас, грабят и, если вы полагаете, что достаточно показать им на груди

крест, чтобы отпустили вас,—ошибаетесь; вас самым наглым образом растегивают и ищут более вещественных доказательств. Так поступили они с крестьянином А., меня же спасла кокарда и... бегство. Быть бы мне убитым, если бы обыскали и меня таким же образом... Вот что было и есть в Луганске. („Одесск. Нов.")

Белосток.

Результаты амнистии: по распоряжению временного генерал-губернатора освобождены все арестованные за нарушение обязательных постановлений. Но не освобождены десять человек „политических". Последние возмутились такой несправедливостью и произвели разгром камер, печей, окон. Когда против протестантов проявили военную силу, они об'явили „голодовку", решив не принимать никакой пищи вплоть до удовлетворения их требований.

Борисоглебск.

Аграрное движение возрастает, охватило почти всю помещичью часть уезда и перешло в соседний Новохоперский уезд. Вице-губернатор Богданович отдал приказ меньше арестовывать, а больше стрелять; войсками убито до ста человек, ранено очень много. Озлобление растет. Крестьяне хлеб увозят, постройки сжигают, а владельцам предлагают добровольно „отречься" от земли и уволиться из усадеб; упорствующих изгоняют. Сильно ранен револьвером земский начальник Бунин. Телефон в уезде прерывают. Землевладельцы в панике и с'езжаются в город. Обыватели опасаются нападения крестьян на город, хотя характер движения не дает основания для этого. („Сар. Дн.")

Саратов.

(Корр. „Новой Жизни".)

10 ноября в помещении фельдшерской школы общества санитарных врачей состоялось собрание, организованное местным Комитетом Р. С.-Д. Р. П. На собрании, под председательством уполномоченного Комитетом М. Б. Самсонова, был прочитан П. М. Мерситовым доклад по аграрному вопросу,—первый из серии публичных рефератов, организуемых местным Комитетом. Реферат и прения прошли очень оживленно. В публике преобладали рабочие.

Остановившись на технических преимуществах крупных сельских хозяев, докладчик привел между прочим статистические данные о сравнительной производительности мелких и крупных землевладельцев, из которых видно, что употребление машин увеличивает производительность хозяйств в 40 раз слишком *). Исходя из выставленных положений, референт указал, что наблюдаемый кой-где рост мелко-крестьянского хозяйства и потери, испытываемые от заокеанской конкуренции главным образом крупным европейским хозяйством, отнюдь не доказывают преимуществ мелких сельских хозяев над крупным и что господство последнего над первым так же несомненно, как и в области чистой индустрии. Это доказывается в особенности тем, что область сельского хозяйства быстро сократилась; происходит отделение от земледелия и превращение в индустриальную промышл. целых отраслей сельского хозяйства,—например, винокурение, пивоварение, свекло-сахарное производство и пр.

*) Н. Ленин. „Аграрный вопрос и «критика» Маркса".

С Урала.

(Корр. „Новой Жизни".)

Несомненно здешний рабочий гораздо серее русского, несмотря на всеобщее обучение, введенное земством; он менее отзывчив на злобы дня, не так скоро становится сознательным, так как нигде в условиях жизни промышленного пролетариата нет таких сильных следов крепостничества, как здесь; собственно на Урале в большинстве случаев нет еще рабочего движения в нашем смысле, как продукта развитой капиталистической промышленности; здесь последней только еще предстоит разбить оковы, сдерживающие ее.

Чтобы обеспечить за собой достаточное количество дешевых рабочих рук, в 1861 г. заводчики связали рабочих „Уставной грамотой", по которой обязались давать им выгон для скота, лес на постройку и топливо и землю под огород, если они будут работать на заводе и исполнять определенный „урок". Фактически это означало восстановление крепостного права, ибо без земли, на одной заводской работе, рабочие должны бы были умереть с голоду, ибо плата тогда доходила до 2—3 руб. в мес., даже до 50 коп.

Владельцам такое положение дел было выгодно до тех пор, пока рабочее население было немногочисленно; теперь оно сильно разрослось, прилив рабочих из России всегда возможен, а между тем заводчикам надо выдавать угодья каждому местному уроженцу, если только он исполнит „урок", который, при возросшей производительности труда с 61 года стал крайне невелик. Так как производство железа здесь ведется на дровах, лес же вот уже 2 столетия усердно истребляется, то можно представить себе ярость заводчиков-магнатов, принужденных отдавать часть леса рабочим, и все прижимки и урезки, практикуемые ими в этой области. А тут, как нарочно, ни каменного угля, ни нефти нет на Урале, дешевый подвоз их, до постройки жел. дор. Челябинск—Царицын, немыслим. И вот, чтобы сохранить в своих руках весь лес, заводчики просят о перечислении всех своих рабочих в мещан, к которым Уставная грамота, понятно, применяться не будет. Для рабочих же это будет прямо смерть, ибо заработная плата здесь не выше 10—15 руб. в месяц, и без угодий им не прожить. Рабочее население сильно разрослось, а заводы не только не расширяются, но под влиянием конкуренции юга даже уменьшают производство или остаются на прежнем уровне, а между тем они обязаны дать работу всем желающим из местных уроженцев. И водворяется такой порядок, что каждому рабочему приходится работать не более 3 дней в неделю или 5—6 часов в сутки; поэтому-то рабочие здесь так горячо стоят за 8-часовой раб. день: они надеются, что при введении его, они будут работать полную неделю и зарабатывать не 10—15 р., а 30—40 руб.

Если бы заводским рабочим Урала были отведены достаточные земельные наделы, то часть из них бросила бы работу на заводе и занялась бы земледелием, зато другая всецело посвятила бы себя заводской работе, при чем тотчас исчезла бы та нищенская заработная плата, которая теперь тормозит всякое развитие производительных сил Урала. Но такое наделение землей для „королей железа" представляет непосредственную потерю, и их близорукая алчность никогда не примирится с этим. Из этой алчности и вытекают упомянутые проекты о переводе всех рабочих в мещан. Рабочие говорят, что при первой попытке осуществления этих проектов произойдет, как выражаются здесь, „большое кровопролитие", а при таких условиях вопрос станет ребром не только о надлении рабочих землей, но и о самом праве собственности всех этих гг. Демидовых, Ферторов, Белосельских и пр.

Нельзя забывать, что здешние латифунды основаны на поссессионном праве, которое ничем не отличается от феодального и, само собою, стоит на дороге развитию капиталистических отношений...

Вот почему, хотя здесь сейчас пульс политической жизни бьется слабо, по социальным противоречиям, которые свили здесь себе гнездо, этот край не может быть Вандеей, наоборот, нигде может быть само развитие капитализма так настойчиво не ставит дилеммы: либо упадок и крепостничество, либо сметение старых основ жизни и торгово-промышленный расцвет.

Челябинск.

(Корр. „Новой Жизни".)

18 октября вечером ст. Челябинск узнала о манифесте 17 октября. Сейчас же состоялся первый свободный митинг в зале I класса, в котором приняли участие, главным образом, в Челябинске пассажиры и высшие агенты различных служб дороги.

На другой день состоялся громадный митинг рабочих, начавшийся панихидой по погибшим борцам за свободу. Под красными знаменами собралось до 4.000 рабочих, пропевших траурный марш погибшим борцам. После речей, произнесенных исключительно социал-демократическими ораторами, встреченных громом рукоплесканий и криков одобрения, рабочие, признавая только себя хозяевами дороги, постановили провезти всех пассажиров-переселенцев 4 класса до места их назначения бесплатно. Сейчас же была составлена телеграмма к начальникам дорог—Самаро-Златоустовской и Сибирской—с требованием озаботиться и сделать распоряжение, чтобы переселенцев не беспокоили на промежуточных станциях. Любопытно то, что телеграмма о постановлении пошла за подписью даже местного станционного жандармского ротмистра!

После панихиды возле мастерских рабочие пошли с красными знаменами в город (в 2 верстах от станции), где закрыли все магазины и лавки на 3 дня для празднования своей победы. Из собора на площадь были вынесены иконы и отслужена панихида.

К 3 часам демонстрация кончилась, а в 4 из темных нор стала выползать черная сотня. Полиция распространяла слухи, что „жиды“ вытащили из собора иконы и на площади танцевали перед ними.

Около 5 час. вечера толпа черносотенцев с царским портретом начала громить еврейские магазины и частные квартиры. Погром продолжался всю ночь при полном бездействии гарнизона и содействии полиции. Ген. Поруцкий, начальник гарнизона, любовался из окна, как против его квартиры разбивали магазины, и на требования принять меры, заявлял, что никакого погрома нет... Погром частных квартир закончился на другой день около 9 час. утра. Жестоко был избит д-р Тефтель и один учитель, пытавшийся остановить погромщиков; 8 человек рабочих-ораторов были изувечены черносотенцами при помощи казаков и солдат.

К 10 час. утра толпа черносотенцев и пригородных крестьян около 2000 двинулись на станцию громить поселок и забастовщиков. Однако, тревожный свисток созвал до 500 чел. рабочих, вооружившихся кто чем, и они, предводительствуемые военным д-м Д. Д. Ерофеевым, разогнали трусливых негодяев.

Тем не менее, черносотенцы ловили рабочих поодиночке и избивали. Жестоко был избит проф. П. А. Козьмин (томского технол. института) на виду у солдат возле станции; и если бы не защита рабочих и артиллерийского офицера, возвращавшегося из Манджурии, его растерзали бы в клочья.

Черносотенные гады, однако, затаили злобу мести и неделю спустя, 27 октября, с десятью казаками, напали ночью на вагон, где жил д-р Ерофеев. Вагон был буквально изрешетен пулями казацких винтовок, и только благодаря счастливой случайности доктор остался цел.

Очевидец.

Двинск. Вопрос о легализации социал-демократического движения, с целью привлечения наибольшего числа сторонников, давно уже служит предметом горячих дебатов в рядах самой партии. Теперь, когда вопрос этот решен уже в положительном смысле и быть социал-демократом не есть „преступление“, рабочим предстояло разрешить проблему, как вылезть на свет из-за конспирированного подполья. Для этого решено открыть в Двинске политический клуб с читальней и библиотекой, а также организовать популярные лекции по экономике, законоведению, истории и проч. („С.-З. Край“.)

— Организуются и скоро начнут функционировать несколько профессиональных рабочих союзов. Пока уже известны союзы кожевников и железнодорожников, которые, по слухам, присоединяются к местному Комитету Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии. („С.-З. Край“.)

Минск. Минская Группа Р.С.-Д.Р.П. обратилась в городскую думу с заявлением следующего содержания: „Принимая во внимание, что одной из причин погромов является некультурность и невежественность населения, и что одним из самых важных средств предупреждения погромов является поднятие культурного уровня населения и что работу в этом направлении выполняла до сих пор с наибольшей интенсивностью рабочая партия, мы обращаемся к думе с ходатайством отвести нам для больших митингов, а также для небольших собраний для чтения лекций по общественно-политическим вопросам современности,—соответствующие помещения. Выражаем надежду, что минская городская дума, по примеру других городов, пойдет навстречу этому ходатайству“.

Баку. Первый разрешенный администрацией народный митинг соц.-демократ. партии состоялся в воскресенье 30 октября, в первый день снятия военного положения. На нем, после речей ораторов соц.-демократов, была принята след. резолюция: „Митинг требует немедленного отозвания войск и казаков. Если же правительство решится раздавить Гурию, митинг заявляет, что все собравшиеся здесь вместе с социал-демократической организацией Кавказа и под ее руководством примут все меры, дабы поднять самое широкое и активное революционное выступление и в городах и в деревнях Кавказа для противопоставления силам правительства более обширных, чем Гурия, сил“, и 2) „митинг констатирует необходимость энергической борьбы с этой контр-революцией для успешного проведения в жизнь уже добытых свобод и расчищения почвы для дальнейшей борьбы. С этой целью митинг считает необходимым потребовать от правительства немедленного смещения и предания суду всех старых администраторов как организаторов контр-революции и принять в самом скором времени меры к организации народных вооруженных дружин для непосредственной борьбы с контр-революцией“. („Баку“.)

Г. Вязники, Владимирской губ.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Рабочие ткацко-полотняной фабрики Демидова—числом около 750, забастовали с 9 ноября.

Пред'явлены следующие требования:

1) Восьмичасовой рабочий день.

2) Удаление заведующего и его помощника за грубое обращение.

3) Совместное решение администрации фабрики с депутатами рабочих вопросов о приеме и увольнении рабочих, а также и установление расценка.

4) Улучшение медицинской и санитарной частей на фабрике.

5) Освобождение женщин от работ по случаю беременности на 6 недель с полною платою за это время.

6) Выдача квартирных денег не менее одного рубля.

7) Устройство фабричной школы в городе и нек. др.

Соглашения между рабочими и хозяевами пока не произошло.

Ростов н.-Д. 9 ноября в мастерских Владикавказской жел. дороги собралось на политический митинг около 5.000 человек железнодорожных мастеровых и рабочих и вообще трудящийся класс городов Ростова и Нахичевани на-Дону.

Митинг был весьма оживленный. Председательствовал П.Н.Шведов, который предложил следующую программу дня, выработанную Советом Рабочих Депутатов: 1) значение настоящей забастовки, 2) значение Совета Депутатов, 3) общее политическое положение страны и отношение к нему рабочих организаций, 4) городская дума и городская милиция и 5) общая резолюция митинга.

Но прежде чем обратиться к программе дня, приступлено было к выяснению, какие фабрики и заводы бастуют.

Опросами установлено было, что бастуют в этот день фабрики: Асмолова, Кушнарева, Асланди, Ростовско-Донская; заводы: Токарева, Дутикова, „Аксай“, Картожинский, Мартен, Лейкина, Нитнера, Емельянова, Максимова, Киреева, Закштейн, Кипман, Рысс, главные мастерские Владикавказской жел дороги, завод „Дон“, мельница Парамонова, частные столярные мастерские, кондитерские Филиппова и Панина.

Кроме того, во время митинга постепенно прибывали депутаты вновь забастовавших заводов и фабрик: Пастухова, манной фабрики Панченко, Шмелева и К°, депо Юго-Восточных жел.

дорог, Попова-Миесерова, Ежова и контор управления Владикавказской железной дороги.

Получены были также сведения о переговорах, идущих между служащими ростовских банков и контор.

После этого целый ряд ораторов коснулся программы и осветил ее всесторонне.

Митинг постановил примкнуть к резолюции „Сов. Раб. Деп.“ предыдущего дня, которая гласит:

„Совет Рабочих Депутатов, обсудив в собрании 8 ноября вопрос о необходимости решительного протеста против новых зверств правительства, постановляет немедленно об‘явить двухдневную всеобщую политическую забастовку. Забастовка должна начаться с утра 9 числа и продолжаться до 11 ноября. Забастовка рабочих и работниц табачных фабрик продолжится дольше“. („Донск. Речь“.)

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(б)

Новая Жизнь

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 октября — 3 декабря
1905 г.

ВЫПУСК
III

ИЗД-ВО «ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б)

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 ОКТЯБРЯ — 3 ДЕКАБРЯ

1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. ОЛЬМИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ
Л. КРАСИНА, М. ЛИТВИНОВА,
ИС. ГУКОВСКОГО и Е. СМИТТЕН

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

№№ 15 — 21

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД — 1926

Ленинградский Гублит № 7497. Тираж 10.125 — 11 л. Заказ № 510.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 15.

	Стр.
С.-Петербург. Крестьянский союз. *П. Румянцев*	1
Освободительное движение в армии. *Полевой инженер*	2
Совершенно верно! *Алексеев*	4
Из истории феодального класса. *И. Степанов*	—
Русская печать	5
Мещане. *К. Бальмонт*	6
Умрите во-время! *А. Тихонов*	7
Москва	—
Телеграммы	9
От союза почтово-телеграфных служащих	10
К аграрному вопросу	—
Хроника	11
В учебных заведениях	12
Профессиональные союзы	13
Из жизни рабочих	14
Письма в редакцию	16
Иностранный отдел	17
Польша и Литва	18
Областной отдел	19

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 16.

С.-Петербург. Чашки весов колеблются. *Н. Ленин*	21
Интернационализм революций. *В. Волгин*	—
Русская печать	22
Дело „о преступном сообществе". *Е. Чириков*	23
Учитесь у врагов. *Н. Ленин*	25
Москва	26
Телеграммы	27
Главный морской штаб об'являет телеграмму	29
Главный морской штаб об'являет дополнительную телеграмму	—
Городское самоуправление. *W.*	—
Против хозяйственной дезорганизации. *И. Степанов*	30
А они злятся. *Алексеев*	32
Она ушла... *Яков Годин*	—
В каменном городе. *Е. Яшнов*	—
О реальной политике. *Рожков*	35
Страничка из истории	37
Профессиональные союзы	40
Из партийной жизни	42
Новое выступление русских ревизионистов	43
В армии	44
Забастовка почтово-телеграфных служащих	45
Хроника	46
Преступление	48
Два еврейских митинга. *Лев К-о*	—
Письма в редакцию	49
Иностранный отдел	50
С'езд Финляндской Социал-Демократической Партии *Наблюдатель*	51
Польша и Литва	—
Областной отдел	52

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 17.

	Стр.
С.-Петербург. Самодержавная эксплоатация. *П. Румянцев*	55
Правительственное сообщение. *К. П—ов*	56
О голове русского Самсона. *Андрей Вольский*	—
Севастопольское одоление. *Н. Адамович*	57
Настало время! *Алексеев*	59
Русская печать	60
Революция идет. *Б. Радин*	61
Телеграммы	62
Москва	—
Манифест первого всероссийского почтово-телеграфного с'езда	64
Почтово-телеграфная забастовка	65
Хроника	66
Из партийной жизни	67
В учебных заведениях	—
В армии	68
Профессиональные союзы	69
Из жизни рабочих	71
Судебная хроника	72
Театр и музыка	—
Иностранный отдел	—
Польша и Литва	73
Областной отдел	—

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 18.

С.-Петербург. Революционная канцелярщина и революционное дело. *Н. Ленин*	77
К учительскому с'езду. *И. Г.*	78
Заметки о мещанстве. *М. Горький*	—
Русская печать	80
Признаки благонамеренности *И. Орловский*	81
Телеграммы	83
Москва	—
Почтово-телеграфная забастовка	86
В Совете Рабочих Депутатов	87
В армии	—
Хроника	—
В учебных заведениях	89
Профессиональные союзы	90
Из жизни рабочих	—
Иностранный отдел	92
Областной отдел	93

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 19.

С.-Петербург. Умирающее самодержавие и новые органы народной власти. *Н. Ленин*	95
Г. Струве и политическое благородство. *А. Богданов*	96
Русская печать	98
У кадетов в гостях. *М. Рейснер*	—
Вопросы дня	100
Новая победа революции. *П. Р.*	—
Телеграммы	101

	Стр.
Москва	104
Областной с'езд учителей в Петербурге	—
Еще одна буржуазная партия. *Б. Радин.*	105
Из истории феодального класса. *И. Степанов.*	106
О наших убийцах. *Алексеев.*	107
К вопросу о профессиональных союзах. *Ю. Леонидов.*	108
Из партийной жизни	111
Из жизни рабочих	113
Профессиональные союзы	116
Хроника	119
В армии	121
К вопросу о всеобщем избирательном праве	—
Театр и музыка	—
Письма в редакцию	123
Финляндия	124
Иностранный отдел	125
Областной отдел	126

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 20.

С.-Петербург. „Творчество" правительства. *П. Румянцев.*	129
Опасный путь. *А. Богданов.*	130
Вопросы дня	132
Сиятельные хулиганы. *Б. Радин.*	135
С.-Петербург, 23 ноября	136
Телеграммы	—
Москва	137
В армии	—
Вниманию городовых	138
Хроника	139
В учебных заведениях	—
Из партийной жизни	—
Профессиональные союзы	141
Из жизни рабочих	144
В контору газеты „Новая Жизнь" поступили следующие пожертвования	145
Областной с'езд учителей в Петербурге	146
Письма в редакцию	147
Иностранный отдел	—
Областной отдел	—

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 21.

С.-Петербург. Избирательный закон в Гос. Думу. *Ю. Адамович.*	151
Социализм и анархизм. *Н. Ленин.*	152
Русская печать	153
Завоевания революции	—
Вопросы дня	—
На десятой версте от столицы... *П. Эдиет.*	154
Девочка. *Мирэ.*	155
Несколько слов „Сыну Отечества". *И. Г.*	—
Ольга Михайловна Генкина. *Вен. Краснов.*	156
Телеграммы	158
Москва	—
В армии	159
От редакции	160
Хроника	—
Из партийной жизни	163
Профессиональные союзы	—
Из жизни рабочих	165
Судебная хроника	167
Письма в редакцию	169
Иностранный отдел	—
Областной отдел	170

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 15

Новая Жизнь

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ЧЕТВЕРГ, 17 НОЯБРЯ
(30 ноября) 1905 г.

БОЙКОТ.

Место заведующей библиотекой народного дома императора Николая II Евгении Васильевны Бруггер, уволенной за забастовку 15—18 октября, об'является под бойкотом.

Учительский Забастовочный Комитет.

В виду того, что, несмотря на требование Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов,

ФИРМА ХАРЧЕВА
(Садовая ул., 25)

уволенных товарищей обратно на службу не приняла и в назначенный ею срок никакого ответа не дала, И. К. С. Р. Д., возмущенный поведением братьев Харчевых, об'являет их делу самый строгий

БОЙКОТ

и призывает все слои населения поддержать энергично это решение.

С.-Петербург.

17 ноября 1905 г.

Крестьянский союз.

Правительство, получившее обещание поддержки со стороны либеральной буржуазии, начинает все смелее и беззастенчивее преследовать „крайние партии“ посредством испытанных приемов полицейско-самодержавного режима. Полицейские обыски и аресты, „на основании положения об усиленной охране“, т. е. самое наглое нарушение неприкосновенности личности и жилища, возвещенной в манифесте 17 октября, становятся вновь обычными. Из числа таких правительственно-полицейских набегов на граждан останавливает на себе внимание арест в Москве всего состава бюро крестьянского союза.

Это—дерзкий вызов крестьянскому движению, организовать которое пытается союз. Последний с'езд союза, между прочим, постановил: „На преследование крестьянского союза, имеющего целью осуществить народные требования с наименьшими жертвами, союз ответит отказом в уплате податей и поставке рекрутов и запасных; потребует из сберегательных касс и банков все свои вклады и крестьянские капиталы и закроет все винные лавки“.

Вызов брошен, и дерзость его находит себе некоторое об'яснение в промелькнувшей в газетах полицейской мотивировке ареста: „Бюро союза не было избрано крестьянами, и потому деятельность его нелегальна“. Если это об'яснение имеет какой-либо смысл, то только один: правительство рассчитывает, что крестьянский союз не в состоянии будет осуществить свою угрозу.

Основателен ли этот расчет, покажет ближайшее будущее. Здесь же необходимо указать, что для осуществления активного бойкота правительства нужна могучая всероссийская организация, тесно связанная одним руководящим центром. Представляет ли собой такую организацию крестьянский союз? И какова вообще его роль в революционном движении народа?

Крестьянский союз образовался сравнительно недавно по инициативе некоторых представителей буржуазной демократии, охваченной „союзным“ движением. Учредителям союза, благодаря энергичной деятельности, удалось за короткое время созвать два крестьянских с'езда, которые до известной степени определили программу и тактику союза, но очень мало сделали для его организации.

Союз не представляет собою учреждения, примыкающего к какой-либо одной определенной партии. В крестьянских с'ездах принимали участие и представители некоторых социал-демократических крестьянских комитетов и социалисты-революционеры. Точно также на местах члены крестьянского союза ведут политическую работу вместе с социал-демократами или социалистами-революцонерами. Сообразно с этим, союз почти не имеет в деревнях своих строго определенных комитетов или других учреждений.

Руководящее влияние как в бюро союза, так и на с'ездах принадлежало, как мы сказали, представителям буржуазной демократии. Это имеет свое об'яснение. Крестьянство заключает в себе так много мелкобуржуазных элементов, что было бы утопией думать об организации крестьянской социал-демократической партии. Пролетарские же элементы крестьянства, по мере роста их классового сознания, становятся, конечно, в ряды Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. За-

дачей Партии по отношению к крестьянству может и должно быть лишь общее руководство его революционной борьбой за демократический строй, „за волю и землю“.

Поэтому-то социал-демократы должны образовывать на местах революционные крестьянские комитеты и входить в состав образовавшихся уже революционных крестьянских союзов, местных и центральных, чтобы проводить в них лозунги революционной борьбы пролетариата, чтобы согласовать тактику революционного движения деревни и города, превратить его в один могучий поток, смывающий все препятствия, воздвигнутые самодержавным строем на пути к демократической республике.

Крестьянский союз представляет собой зачаток революционной организации крестьянства, которая при правильном развитии и умелом руководительстве может сыграть немалую роль в деле российской революции. К осуществлению этого руководительства и должна быть направлена деятельность социал-демократии по отношению к крестьянскому союзу.

В постановлениях последнего крестьянского с‘езда, состоявшегося в Москве 6—8 ноября, сказалось ясное стремление союза согласовать свою революционную деятельность с революционной борьбой рабочего класса, и даже в самом выборе средств борьбы—стачка и бойкот—сказалось влияние пролетарского движения. Однако, крестьянский союз не должен забывать, что революционный пролетариат, борющийся под знаменем социал-демократии, не ограничивает свою борьбу этими средствами; не должен забывать, что только вооруженный революционный народ в состоянии дать отпор реакции и довести дело революции до конца.

П. Румянцев.

Освободительное движение в армии.

Повторяю то, что говорил в прошлый раз: так, как армия жила до сих пор, дальше жить нельзя; стоять на месте — значит итти назад; необходимы живые, энергичные и радикальные реформы, которые помогли бы армии сбросить свою старую, тесную, истасканную одежду-кожуру, дали бы ей возможность расправить свои мужественные и сильные крылья и с обновленными силами, с ясным сознанием своего истинного долга честно начать служить защите действительных народных прав и интересов.

При этом обновлении, конечно, мы не можем вовсе отказаться от серьезного и строгого пересмотра вопросов вообще о необходимости государственной армии, ее назначении, о способах ее комплектования, ее численного и командного состава, о возможности и желательности завоевательно-династических или им подобных „патриотических“ войн,—однако, в примерной программе реформ, самых неотложных, давно уже назревших, настойчиво требующих своего реального и возможно скорого осуществления, в этой первой освободительной программе русской армии, необходимо должны обладать преимуществом вопросы практической жизни, вопросы бытовые и социальные перед вопросами международного права, вопросами теоретическими и отвлеченными.

Пользуясь любезным разрешением редакции газеты „Новая Жизнь“, я обращаюсь ко всем товарищам-военнослужащим и ко всем невоенным, интересующимся поднимаемыми мною вопросами, с низким поклоном, с задушевною просьбою не оставить моей наскоро, под влиянием сильного волнения, так сказать, начерно набросанной программы без обсуждения, идейной и личной поддержки в деле возможно широкого ее распространения, развития и возможно скорого и полного реального осуществления.

Русская армия, начиная с многочисленных, обездоленных и бесправных нижних чинов и кончая самыми высшими ее чинами, имеет право требовать безотлагательного, без уверток, компромиссов и паллиативов исполнения следующих требований:

1. Немедленной отмены силы и действия законодательных, циркулярно-административных и иных распоряжений, ограничивающих судебною и административною ответственностью права всех без исключения военнослужащих:

а) по участию их в общественной и политической жизни страны вообще, следовательно и по участию в выборах народных представителей в Учредительное Собрание, Государственную Думу и другие конституционные установления;

б) по непосредственному участию военнослужащих в политических, партийных и научных союзах и обществах, во всевозможных бессословных общественных, литературных, музыкальных, драматических, художественных, фотографических, спортивных и т. п. клубах;

в) по участию военнослужащих в чествованиях и манифестациях, имеющих общественный, политический и научный характер, а также по произнесению ими публичных речей по всем научным, техническим и политическим вопросам, а также по чтению ими в клубах, союзах, на митингах, сходках и в помещениях, специально для этого нанятых, платных и бесплатных лекций по всем вышеуказанным вопросам;

г) по непосредственному участию военнослужащих в промышленной и коммерческой жизни страны, а также по участию их в потребительных союзах и товариществах, не имеющих официального и военного характера;

д) по добровольному и свободному заключению военнослужащими бессословных браков, без представления реверса или материального обеспечения и без одобрения и часто даже известного давления на выбор невесты со стороны непосредственного, ближайшего начальства.

2. Разрешения в неслужебное время носить общегражданское платье, не принуждая этим младших чинов стесняться в своей личной и общественной жизни и не затрудняя их отданием чести и не на службе.

3. Немедленного уничтожения строевых служебных и материальных особенных прав и преимуществ всех гвардейских, как пеших, так и конных, и артиллерийских и инженерных частей; введения гвардии в общую линию производства.

4. Немедленного и радикального уничтожения всех титулов, как присвоенных известным воинским чинам и званиям, так особенно родовых—баронских, графских и княжеских—с заменою их в обращении, как младших

к старшим, так и старших к младшим, лишь наименованием чина или звания: фельдфебель Беседин, поручик Матвеев, генерал Мищенко. Введения вежливого обращения начальствующих нижних и офицерских чинов ко всем своим подчиненным отнюдь не на „ты“, а на „вы“ без различий происхождения, сословных, образовательного ценза и т. д.

5. Уничтожения награждения, за исключением чисто военных заслуг, орденами, награждения, связывающего чинопроизводство и создающего благодарную почву для всевозможных интриг, подкопов, сплетен, вносящих в среду товарищей разлад, зависть и другие человеконенавистнические чувства, отмены вычетов на благотворительные дела за пожалованные ордена.

6. Полного и радикального уничтожения всевозможных официальных и полуофициальных вычетов, свивших себе прочное и уютное гнездышко в отдельных строевых частях, штабах и управлениях, как-то:

а) обязательных вычетов на офицерские собрания, с неизбежным биллиардом, карточными столами, водочною стойкою, танцовалкою и часто вольнонаемным оркестром духовой музыки, и таких же обязательных вычетов на офицерские библиотеки, представляющие собою архивные сборники уставчиков, приказов и наставлений;

б) вычетов на обязательную школу, обязательную подписку на субсидируемые, покровительствуемые военным ведомством и специально военные официальные издания, журналы и газеты;

в) вычетов на постановку, реставрирование и возобновление всевозможных военных и правительственных памятников, музеев, церквей . . .

г) возмутительных вычетов на встречи, проводы, обеды отдельным частям и начальникам, на похороны и венки совсем незнакомых и неизвестных генералов и т. д.

7. Уничтожения искусственного, механического сплачивания военнослужащих в особенную, привилегированную и замкнутую касту, уничтожения обязательных военных собраний—полевых, батальонных, батарейных и гарнизонных, преследующих, образно выражаясь, также как и сословные браки и сословные военно-учебные заведения, цели, так сказать, особенного искусственного подбора военной расы, военного общества. Уничтожение таких официальных собраний вытекает как простое логическое следствие из права военнослужащих на свободу союзов, и в то же время эта реформа возвратит в строй неисчислимое множество нижних чинов, проходящих обязательную воинскую повинность в офицерской чайной лавочке, за собранскою стойкою или в роли официантов этих собраний.

8. Уничтожения офицерских заемных капиталов с выдачею на руки собственникам наличными деньгами вкладов офицерских и классных чинов и отмены обязательных взносов вперед: эти капиталы, первоначальная цель коих была, так сказать, сберегательная, в настоящее время весьма мало отличаются от пенсионных рабочих касс и простых закладных, незаметно и мало-по-малу затягивающих военнослужащих в мертвую петлю неоплатных долгов, процентов, взносов на погашение и обязательных вычетов по чину.

9. Немедленного пересмотра положения о дуэлях и официальных судах общества офицеров, особенно способов выборов членов этих судов непременно из числа офицеров известных чинов и положений, позволяющих старшему начальству бесконтрольно распоряжаться не только на службе, но и в частной жизни своими безответными подчиненными. Немедленного из‘ятия из ведения этих судов разбирательств столкновений офицеров и частных лиц, а также материальных претензий торговцев и промышленников. Суды общества офицеров—это один из оплотов искусственно создаваемой корпоративно-дворянской сословности и кастовой отчужденности, и они непременно должны пасть из числа первых архаических учреждений в армии.

10. Гласного пересмотра и ограничения сроков и способов обязательной выслуги лет на действительной службе офицерами, чиновниками и военно-медицинским персоналом за полученное ими специальное образование в военных училищах, учебных школах, парках и академиях. Этот способ постепенного, бесконечного и насильственного закабаливания на военной службе всего мыслящего, работающего и талантливого, давно уже представляет наболевшую рану армии, и многим из нас он не дает возможности открывать рта, гласно протестовать против возмутительных насилий отдельных частей войск и отдельных офицеров, так как предусмотрительно вырывает у нас из рук единственно возможное оружие нашей борьбы — добровольный и свободный, по собственному желанию, выход в запас и в отставку и возвращает нас если не ко временам петровским, то, по крайней мере, к николаевским, невольно напоминая горестную судьбу М. Ю. Лермонтова, Полежаева, Ф. М. Достоевского, Т. Г. Шевченко и многих, многих других.

11. Предоставления лицам с соответствующим образовательным цензом отбывать обязательную воинскую повинность в офицерских чинах *).

12. Сравнения чинов, служебных прав и преимуществ классных инженерных и артиллерийских чиновников, военно-медицинских и военно-ветеринарных врачей с таковыми же офицерскими.

13. Немедленной отмены ограничений в производстве в чины и в назначении на хозяйственные и высшие командные должности, связанных с религией и национальностью военнослужащих; полного и гласного пересмотра правил и законоположений о производстве, принимая во внимание, что в армии не должны засиживаться дряхлые, старые, отставшие от дела элементы. Для устранения этого должны быть, с одной стороны, установлены периодические испытания, а с другой стороны, баллотировка низшими чинами кандидатов на высшие командные посты.

14. Полного преобразования хозяйственной части в войсках, представляющей ныне, из-за несоразмерных штатных отпусков, непрерывный ряд юридических преступлений в виде хотя бы сплошных фиктивных отчетов, представляемых в контроль, и так называемой домашней или черновой отчетности, правильность которой поверяется ближайшими воинскими же начальниками. Совершенной переработки положения о хозяйстве в войсках, основанного на широко проводимом принципе взаимного недоверия хозяйственных чинов воинской части друг к другу,

*) Редакция считает нужным оговорить свое несогласие с этим требованием автора, которое дало бы лишнюю привилегию имущим слоям общества.

а потому требующего сложных, неимоверно хитрых и запутанных отчетов и поверок.

15. Полной и безотлагательной отмены нового „крепостного права“ — пользования деньщиками, вестовыми, посыльными для личных надобностей и почетными часовыми на под‘ездах и у ворот военноначальников. Это глубоко вкоренившееся зло самым обидным образом унижает звание воина и человека - гражданина.

16. Полной автономии ротной артели от канцелярии и командира батальона, батареи и полка; уничтожения часто практикующихся перечислений из ротных артельных сумм и заработных солдатских денег в суммы по улучшению быта писарей, на приобретение в собрание граммофона или на что-либо им подобное; самого строжайшего контроля над выдачей нижним чинам жалования, аммуничных, заработных и личных денег; по возможности предоставления нижним чинам лично получать с почты свои деньги, денежные пакеты, посылки.

17. Преобразования батальонных и полковых школ введением в курс обучения начатков географии, истории и законоведения; действительного разрешения офицерам и чиновникам чтений для солдат с туманными картинами на всевозможные темы; такого же разрешения подготовки желающими офицерами нижних чинов к экзаменам на первый классный или на офицерский чин, на прапорщика запаса, домашнего или начального учителя и т. д.

18. Преобразования, на началах гражданской свободы, солдатских читален и библиотек, уничтожения оскорбительного для нижних чинов контроля за их внеслужебным чтением и разрешения доступа в казармы книгоношам, продавцам и частным лицам для свидания с родственниками и знакомыми.

Вот та, примерная, программа неотложных реформ в армии, которая может служить выражением задушевных мыслей и затаенных желаний лучшей части армии, и обсуждения, критики, расширения и дополнения которой ждем мы от товарищей военных и от руководителей освободительного движения русского рабочего пролетариата.

Пролетарии и воины, соединяйтесь!..

Полевой инженер.

Совершенно верно!

„Манифеста 17 октября добились мы, а не правые или левые фланги“,—заявил на нынешнем земском с‘езде г. Кузьмин-Караваев. Некоторые из товарищей очень возмущались этим заявлением и видели в нем нахальное желание „либерального“ земца вылезти перед русским народом в качестве освободителя и благодетеля. Но я лично нахожу, что возмущаться не из-за чего и что г. Караваев совершенно прав: да, манифеста 17 октября добились они, земцы.

Той фактической свободы, которая захвачена уже и продолжает захватываться нацией, — ее добился революционный пролетариат, но манифеста 17 октября, этого акта российской государственной мудрости, представляющего собою пустой набор неопределенных звуков, — подобного манифеста добились, разумеется, земцы и вообще либералы. Ведь правительство отлично видит, как трусливы наши либеральные „деятели“ и как готовы они на всякую сделку, на об‘ятия и поцелуи с тем самым полицейским, который недавно еще колотил их по шее. Правительство видит, что гг. либералы еще больше ненавидят революцию, чем монархию, и, надеясь

Из истории феодального класса.

(Современные политические партии.)

I.

Нелегко разобраться в основных силах русской революции, пока революция еще не закончилась. Нейтральная позиция невозможна. Немыслимо то хладнокровное отношение к делу, которое всегда до известной степени необходимо для об‘ективного наблюдателя.

Но, с другой стороны, не приходится выжидать, когда уляжется революционный прилив. Жизнь требует, чтобы мы теперь же, пока исторические события не завершились, пока перелом еще не закончен, уяснили себе смысл этих событий, чтобы мы внесли в свои действия всю сознательность, какая только возможна в данный момент.

Мы должны оценить силы наших врагов и их тайных союзников, мы должны учесть свои силы и силы своих искренних и фальшивых друзей. Мы социологически должны разобраться в современных событиях, т. е. вскрыть те общественные классы и части классов, которые стоят за этими событиями.

Эта задача не представляла бы особой сложности, если бы борьба шла только между двумя классами—феодально-полицейским и буржуазным. В действительности она много сложнее. Оставим в стороне классы колеблющиеся, промежуточные и бессознательные, оставим те элементы, которые господствующей силе пока удается направлять на освободительное движение, но которые рано или поздно выступят против этой силы. Все же и тогда содержание современной революции далеко не исчерпывается борьбой между феодальным и буржуазным обществом: к ней присоединяется еще борьба за социалистическое общество. Носители этого общества ставят перед собой совершенно самостоятельные цели, они организуются в самостоятельную силу, отношения их к феодальному и буржуазному строю совершенно иные, чем у носителей буржуазного строя.

Итак, перед нами борьба трех классов: феодального, буржуазного, пролетарского; борьба трех общественных форм, или, если угодно, способов производства: феодального, капиталистического, социалистического *). У ка-

*) Мы пока оставляем в стороне мир мелкобуржуазный. У него нет собственной инициативы, он в течение известного времени следует (особенно в городах) за представителями феодального класса, с которым его связывает его „докапиталистичность“. „Бей купцов (т. е. крупных предпринимателей), студентов и пролетариев“, гласит одна весенняя черносотенская прокламация. „Купец, студент, пролетарий“ действительно харак-

на поддержку либеральных буржуа, оно пытается обмануть революционный народ, пытается оттянуть время, пока не сторгуется с буржуазией. В этих, и только в этих, видах и появляются из недр государственной мудрости подобные указы и манифесты. Если бы либеральные земцы не трусили революции или, по крайней мере, не обнаруживали так явно и так позорно своей трусости и своей готовности предать и продать интересы народа, тогда и правительство вело бы себя совершенно иначе.

Тогда у него не могло бы возникнуть и мысли о возможности надуть революционный народ или отказать ему в его требованиях. Тогда оно, вероятно, само бы давным-давно капитулировало перед народом. Теперь же между русской революцией и русским правительством втирается либеральная буржуазия, суетится, торгуется и клянчит у той самой власти, которую на словах отрицает.

Правительство, конечно, очень довольно этой поддержкой и опорой и пользуется ею как лишним барьером против надвигающейся революции. Не будь под ногами у революции трусливо-либеральной буржуазии, мы давно бы имели настоящую свободу. А теперь мы получаем манифесты. И г. Караваев прав. Манифест 17 октября, такой манифест, появился лишь благодаря либералам! Совершенно верно!

Алексеев.

Русская печать.

*** Граф Витте и его кабинет — не более как новостильная ширма, за которой спрятан застенок. „При царе Иване IV вся страна была разделена на область земщины и область опричины“, — ядовито говорит „Русь“. У нас земщины нет, если не играть каламбурами и не признать такой „земщиной“ земских сочинителей резолюций. Но опричина у нас процветает и даже перестала скрываться.

Вчера графу С. Ю. Витте,—сообщает „Слово“,—представлялась депутация от одного из столичных союзов. В беседе с членами этой депутации председатель совета министров, между прочим, сказал, что военное положение в Польше лишает его возможности принимать те меры по отношению к этому краю, которые он считал бы необходимыми.

— Вот, например, арест и предание военному суду писателя В. Серошевского, которого я очень ценю, был мне неизвестен, и узнал я об этом из частного сообщения.

Хорошо — запишем на память. В Польше управляет застенок, и сам премьер сознается, что

— без Скалона я там ничего, решительно ничего, не могу сделать.

В Польше вы не можете без Скалона. В России вы не можете без Игнатьева. На Кавказе вы не можете без Воронцова. В Сибири вы не можете без Кутайсова. На востоке вы не можете без Линевича. В Петербурге не можете без Дедюлина. Амнистировать не можете без Манухина. Разрешать союзы без Дурново. Наделять землею без Кутлера. Да, что же он, в конце концов, может, этот новый Симеон Бекбулатович, бумажный князь несуществующей земщины, и не миф ли все его полномочия?

Мы утверждали это в самом начале, в первые медовые дни политики „прямоты и искренности“.

Теперь, по нашим стопам, запоздало тянутся либералы.

Если гр. Витте — не правительство, — меланхолически говорит „Русь“,—то он стоит не на достаточной высоте для того, чтобы претендовать на доверие общественно-земских кругов, и самому графу Витте не должно делать вида, будто он есть правительство.

ждого свои особые идеалы, особые цели, особые символы. Феодальное общество символизируют «нагайка, пуля. ятаган». Буржуазное общество символизируется фабричной трубой, конторской книгой и счетами. Но, странное дело, символы предыдущего строя в нем не исчезли,— принуждение сохранилось,—эти символы лишь несколько задернуты покровом и получают толчок для своей деятельности от фабричной трубы, конторской книги и счетов. Наконец, символ социализма — красное знамя. Фабричная труба, как выражение мощного развития производительности общественного труда, сохранилась. Сохранилась и бухгалтерская книга и счеты, как выражение рациональности в организации общественного производства. Они даже выделяются рельефнее, потому что лишь в социалистическом строе и получает осуществление общественная рациональность общественного производства. Принуждение и его символы совершенно исчезли.

У социалистического строя наверху, разумеется, нет представителей. В настоящее время наверху разыгрывается борьба лишь между представителями феодального и буржуазного общества. В каждом из этих двух лагерей имеется своя центральная фигура, свой герой. Феодальное общество нашло себе олицетворение в мрачной пародии на мрачного герцога Альбу — в генерале-от-полиции Трепове; в герои буржуазного общества просится Фигаро-Витте, который решил, что он может сделаться приказчиком буржуазного класса. В ближайшие недели все внимание „общества“ будет, вероятно, захвачено этой борьбой. Но не в ней дело, не наверху решается исход борьбы. Здесь он только получает себе выражение. Интриги и коллизии наверху — это лишь пена на поверхности явлений. „Олицетворения“ общественных сил слишком легко отрываются от сил, которые они „олицетворяют“, утрачивают всякую связь с ними. Все Фигаро, как показывает история этого персонажа, неспособны быть представителями одной идеи, одного принципа. Гибкость — основное свойство их натуры. Они, действительно, могут быть приказчиками капиталистического строя, но они без труда уживаются и среди полуразрушенных феодальных отношений.

Останавливаясь лишь на случайных и временных воплощениях феодального и буржуазного строя, невозможно решить, на чьей стороне будет победа. Необходимо обратиться к той области, где нет места случайности, нет места временным непредусмотримым приливам и отливам, к той области, где господствует строгая закономерность. Короче говоря, мы должны перейти к самим общественным силам с их идеями (в смысле Лассаля: идея феодального, идея буржуазного класса и т. д.), с их принципами и стремлениями.

терны для капиталистического мира в отличие его от докапиталистического. В деревне дело с мелкобуржуазными элементами много сложнее. Но об этом пока лишь мимоходом.

А что если правительству желательно, чтобы гр. Витте делал вид, будто он-то и есть правительство.

Ведь допустима и такая возможность.

*** Пока земцы торгуются с графом Витте и кабинет взывает к успокоению, люди-звери в полицейских мундирах продолжают хозяйничать в стране. Никогда не приходилось слышать о таких зверских расправах, какие, под наблюдением губернаторов, совершаются теперь над крестьянами. В Борисоглебском уезде, куда выехал бывший уфимский вице-губернатор Богданович, —

крестьяне, — по словам „Сына Отечества", — были отданы в полное и безграничное распоряжение озверелой полиции, солдат и казаков. Все законы были уничтожены. Манифест 17 октября, казалось, был издан где-то на другой планете. „Действительная неприкосновенность личности" звучала здесь самой убийственной иронией... В воздухе царил только один клич: „бить!"

И люди-звери били, истязали, убивали. Били плетьми (многих — в 6 плетей!!!), секли розгами, нагайками с вплетенными проволоками и свинцовыми наконечниками, увечили ружейными прикладами, резиновыми хлыстами.

Били взрослых, били подростков, женщин и стариков. Засекали всех до бесчувствия, многих до смерти. В селе Александровке были перепороты все домохозяева, начиная с крайнего двора. И это только за одну попытку свезти хлеб у соседнего помещика! Старосту этого села, который телеграммой просил у губернатора (!) защиты против казацкой орды, г. Богданович приказал арестовать; теперь его пытают, кто его научил послать телеграмму.

И все это делалось не при нападении крестьян на усадьбы помещиков, а после, когда, по указанию полиции, помещиков и мироедов, заподозренных в „грабеже" крестьян выхватывали поодиночке из изб и, несмотря на отсутствие улик, предавали зверскому истязанию. В селе Павлодаре замучено таким образом до смерти 7 крестьян, в селе Алешках—5, в селе Липягах—9. Это — все достоверные, основанные на показаниях очевидцев, сведения. Зловещие слухи называют еще многие другие села, обагренные кровью убитых, называют десятки и даже сотни замученных.

В селе Алешках крестьян истязали в присутствии самого исправника Ламанского. Истязуемым внушалось, что они „предаются телесной казни по указу его императорского величества государя императора".

Злодейства подчиненных не оставались незамеченными их начальством. Каждому из участников выдано в награду 5 руб., не считая угощения водкой; убийцам же пожалована двойная награда: деньги и повышение по службе. Рядовые производились в унтер-офицеры, младшие унтер-офицеры производились в старшие...

Читайте это, солдаты! Братьев и отцов ваших за то только, что они голодают, и за то, что они еще беззащитны, убивали, зверски пытали, безжалостно замучивали на смерть. И палачи еще не наказаны. Ни Богданович, ни исправник Ламанский не только не сидят в тюрьмах, но даже не смещены со своих мест. Долго ли еще это продолжится? Долго ли кровавые лапы будут обдирать всю Россию? До тех пор, пока весь народ — рабочие, крестьяне, солдаты — не потребует суда над убийцами — не бумажного сенаторского суда, а настоящего, выборного, народного — распущения казачьих полков, воспитанных для грабежа и убийства, и замены развращенной полиции вооруженной народной охраной.

Мещане.

Мне больно. Это ли есть мир?
И эти люди — вправду люди?
Не к мелким дьяволам на пир
Попал я — в шарлатанском чуде?
Рабы друг друга предают,
Чтоб побрататься в яме тесной.
Нет, этим — вправду нужен кнут,
Не их телесный, — мой словесный.

II.

В русской истории на наших глазах повторился парадокс, который уже не один раз имел место в западноевропейской истории: в решительный момент у феодального режима оказалась лишь ничтожная кучка принципиальных сторонников. Вчерашние друзья торопятся отречься от него, его „идеологами" выступают лишь заведомо проданные души, его главную материальную силу составляет пока бессознательная масса, которую в бурные эпохи, как наша, лишь на короткое время можно оберечь от искры сознательности.

Все реки крови, пролитые за последние дни издыхающим старым режимом, не могут смыть того факта, что он держится на голом насилии, опирающемся на бессознательность. Старый строй утратил свою идею. Но никакой режим не может существовать без идеи.

При каждом определенном общественном строе один определенный класс является господствующим классом: при феодальном — поместное дворянство, при капиталистическом — буржуазия. Идея господствующего класса стремится стать господствующей идеей данного общества. Она определяет строй моральных понятий, общий характер юридических норм. Исходным пунктом в развитии господствующей идеи является та форма производства, носителем которой служит господствующий класс. Так, и основная идея, и все производные идеи буржуазии, „третьего сословия", родились в капиталистическом предприятии. „Принципом" этого предприятия является присвоение прибавочного труда формально (юридически) свободных наемных рабочих. Стремясь сделаться господствующим, этот принцип породил требование свободы промышленности, а из него вытекли и требования всех буржуазных свобод: только осуществление их и обещает сделать капиталистическое предприятие господствующей формой производства (или, говоря иначе, капиталистический способ производства—господствующим способом производства), а буржуазию — господствующим классом.

Теперь понятно, почему ни один режим не может существовать без идеи. Смена господствующих идей является отражением смены господствующих способов производства. Режим утратил идею — это значит: соответствующий класс утратил опору в экономических отношениях. Он не только осужден на погибель,—он уже погиб энономически. Режим утратил идею — это значит: политическое господство соответствующего класса является пережитком, оно неминуемо рухнет от первого же серьезного потрясения.

Конечно, эти методологические замечания еще не дают анализа современных общественных сил, они дают лишь общую схему анализа. Перейдем теперь к самому анализу.

И. Степанов.

(Продолжение следует.)

Я думал видеть лес дубов,
Иудин вижу я осинник.
Не стан бойцов, — кагал бесов,
На коем сыщик именинник!

К. Бальмонт.

Умрите во-время!

Вот уже семь дней и семь ночей наши помещики и дворяне изливают на страну потоки своего красноречия, и все-таки роковой вопрос: что делать? — вопрос их существования попрежнему стоит перед ними во всей своей грозности. С каждым днем становится все яснее, что они вообще не в силах его решить. Они бессильны действовать и потому так много говорят.

Встревоженные надвигающейся грозой, чуя близкую гибель, они покинули свои насиженные дворянские гнезда и собрались на с'езд, чтобы еще раз общими силами попытаться ремонтировать свой истасканный организм, обновить свою сморщенную, вялую душу и найти свое место в борьбе, которая кипит вокруг.

Но для борьбы нужны силы, нужны стальные мускулы, огненный дух!

А их силы растрачены на пустую, распутную жизнь, их мускулы ослабли от вековой праздности и лени, и вместо огня в груди их — гнилушка. Они столетия жили насилием, рабством, и рабство сгубило их. Оно убило в них свободную, творческую мысль и заменило ее пошлой рассудительностью, готовой оправдать все, что угодно, итти за всяким, с кем сила. Рабство развратило их сердце, в нем умерли сильные страсти, рождающие героев, и в душе их остался мелкий эгоизм и чуть теплые привязанности. И теперь силы их чувства хватает лишь на то, чтобы брызгать фонтаном красивеньких фраз, но, увы, ее мало, чтобы двигать тяжелое колесо истории. Они, быть может, инстинктивно чувствуют свое ничтожество и, чтобы сорвать его, увешивают себя яркими, но линючими лохмотьями либеральных фраз.

Ожиревшие от праздности, они тщетно пытаются затянуть свое одряхлевшее тело в блестящие латы идейности, на свою слабую грудь они одевают броню лжи и на старую, плешивую голову натягивают парик учености. Для вящшего обмана они выбрасывают знамя политических свобод!

Они лгут и повторяют старую, уже обличенную ложь!

Не впервые это знамя взвивается в руках буржуазии! Русский пролетариат помнит уроки истории и не поддастся обману! Правда, он еще молод и неопытен, но он уже знает, что ничего нельзя ждать хорошего из Назарета буржуазии, что будущее принадлежит ему и будет завоевано только им самим!

Он пришел в мир, чтобы разметать старые, разбойничьи гнезда помещиков и замки буржуа и создать новую жизнь, о которой мы не смеем теперь и мечтать.

Новую жизнь, где не будет больше литься человеческая кровь, где не будет больше ни политического, ни экономического гнета, где падет вековое, позорящее землю владычество человека над человеком и где будет царить справедливость и красота.

Он пришел создать будущее!

И каждому из нас надо теперь же решить вопрос о том, оставаться ли и дальше в тесных стенах старого строя или итти с пролетарием строить величественный дворец будущего.

Жизнь, неумолимая как древний сфинкс, поставила этот вопрос с беспощадною ясностью и нашим дворянам, но, зажатые между реакцией и революцией, они бессильны его решить. Итти вперед за революцией — у них нет сил, итти назад к правительству — нет смелости, и, беспомощные, они топчутся на месте. Теперь становится очевидным, что у них нет мудрости и отваги Эдипа, и потому их участь решена. Они погибнут! Мы это знаем, они это чувствуют!

Новый хозяин жизни — пролетарий — сметет их в яму прошлого, как сметают старый, ненужный хлам с засоренного места, и возьмет себе их духовное наследство.

За свою долгую жизнь они тайно от народа скопили немало богатств ума и красоты, и эти богатства будут единственным достоянием, которое останется от них!

И вот, в благодарность за эти сокровища, забыв на минуту, что мы враги, мне хочется указать им их единственный выход, дать им хороший совет:

Умрите красиво и во-время!

Соберите остатки вашей чести, вашего мужества, найдите в себе смелость сознаться, что вы обреченные на гибель, и перед лицом будущего откажитесь от себя!

Отдайте народу все, что украли у него ваши предки и что принадлежит ему по праву. Отдайте ему волю, отдайте землю, ведь все равно он отнимет это у вас рано или поздно, и этот народ вспомнит о вас если не с благодарностью, то с уважением!

Я знаю, меня не послушают, ибо история делается не великодушием и красивыми жестами, а беспощадной борьбой интересов, но все-таки мне жаль этих обреченных людей, и хочется еще раз напомнить им мудрые слова философа:

Умрите во-время!

А. Тихонов.

Москва.

(По телефону из Москвы.)

16 ноября.

— Из Никополя телеграфируют „Русскому Слову“: „Целый ряд крестьянских обществ составил приговоры о присоединении к всероссийскому крестьянскому союзу“.

— Из Воронежа телеграфируют той же газете: „В Бобровском уезде идет деятельная агитация в пользу присоединения к крестьянскому всероссийскому союзу. На сельских сходах составляются в этом духе приговоры“.

— Из Саратова телеграфируют той же газете: „Ремесленное собрание единогласно постановило исключить из почетных членов епископа Гермогена, находя, что изданием «Братских Листков» он восстанавливает темную массу против интеллигенции“.

— Из Севастополя телеграфируют в ту же газету: „Вторым приказом коменданта крепость об'явлена в осадном положении. Вчера прибыли войска из Феодосии, Евпатории и Керчи. Ждут войск из Одессы и два полка из Екатеринослава. Город принимает вид военного лагеря. Настроение среди мятежников мирное. Среди офицеров, особенно молодых, царит глубокое убе-

ждение, что величайшее несчастье может быть предупреждено благожелательными переговорами с матросами относительно удовлетворения их экономических требований".

— Московская уездная земская управа послала в министерство внутренних дел отзыв о невозможности созвать в настоящее время земское собрание.

— Рабочее правление внесло в думу заявление о том, что ходят слухи, будто город намерен пустить по линиям 2-го общества городских конно-железных дорог свои вагоны. В виду этого рабочее правление категорически заявляет городской управе, что ни один городской служащий не будет исполнять работу, которая может помешать товарищам добиться той правды, в пользу которой они забастовали.

— Рабочие заводов Бромлей обращаются ко всем своим товарищам московским рабочим с просьбой оказать им немедленно посильную поддержку, так как они пострадали за то, что революционным путем осуществили сорокадвухчасовой непрерывный еженедельный отдых. Они сделали первый шаг и предлагают остальным рабочим помнить, что это не их личное дело, а дело всего рабочего класса. Пожертвования просят отправить не Стачечному Комитету, с которым они не имеют ничего общего, а на имя одного из рабочих.

— На-днях состоялось совещание рабочих фабрики Эмиль Циндель, созванное для выяснения вопроса об отношении к мастеру Добролотову. Собранию был доложен ряд возмутительных действий этого мастера по отношению к рабочим. Решено было немедленно через депутацию потребовать смещения Добролотова; а в случае отказа рабочие решили сместить его своими средствами. По докладу депутатов было обнаружено резкое за последнее время отношение мастеров к рабочим. Имеются пока непроверенные слухи, что администрация фабрик ищет повода, чтобы закрыть завод. Депутаты рабочих решили принять предупредительные меры.

— Московская Группа Российской Социал-Демократической Партии через „Московскую Газету" заявляет, что теперь, когда партии этой не приходится задыхаться в тисках конспирации, когда явилась возможность выйти из подполья и ввести планомерную работу выяснения классового сознания пролетариата при ярких лучах дневного света, она решила основать партийные и рабочие клубы, имеющие своею целью способствовать об'единению и организации социал-демократии на местах, выработке их классового сознания и удовлетворению их духовных запросов. Так как для образования клубов нужны средства, то партия обращается ко всем, кому дороги интересы рабочего класса, оказать материальную поддержку этому начинанию.

— Днем 15 ноября, под председательством Парфененко, был об'явлен открытым с'езд делегатов почтово-телеграфных организаций. Явилось 73 делегата. Во время собрания в бюро поступило несколько депеш, которые в виду их важности были оглашены. В этих депешах сообщалось, что иркутские и томские товарищи, не выждав срока забастовки, возмущенные арестом своих делегатов, „забастовали". Эта телеграмма была встречена оглушительными аплодисментами. С'езд решил немедленно перейти к обсуждению вопроса о забастовке. Бюро доложило о предварительном совещании 14 ноября, на котором было решено послать телеграмму С. Ю. Витте с требованием принять обратно уволенных товарищей и отменить циркуляры Севастьянова и Дурново. Срок для ответа был назначен 15 ноября в 6 час. вечера, в каковой срок обещано приступить к общей забастовке. В виду того, что к назначенному сроку ответа получено не было, с'езд перешел к забастовке. Единогласным решением по всем линиям была послана следующая депеша: „Ответа от Витте о принятии уволенных не получено. Бастуйте. С'езд продолжается". Подлинная депеша подписана всеми присутствующими на с'езде делегатами. После этого состоялся перерыв, и заседание с'езда началось вечером. На вечернем заседании председательствовал тот же Парфененко, сообщивший, что он был вечером в почтамте и там работа окончательно будет прекращена 16 ноября. Одна из делегаток заявила, что на телеграфе работы окончены и там работает рота сапер. В провинции, по получении известия из Москвы, началась всеобщая забастовка. Председатель выразил убеждение, что к концу заседания ни одна почтовая, ни одна телеграфная контора работать не будет. Целый ряд делегатов сообщил о развитии организации среди почтово-телеграфных чиновников в провинции. Теперь брожение и недовольство охватило всех и повсюду. Во многих городах уже были частичные забастовки.

— Московская дума выбрала в комиссию по выработке устава народного университета в Москве: Мануилова, Вишнякова, Герценштейна, Алекс. Гучкова и других.

— Предполагавшийся в половине ноября с'езд представителей профессиональных союзов откладывается до декабря.

Центральным пунктом программы с'езда будет обсуждение организации мер для борьбы рабочих за экономические и политические права.

— На происходящем теперь почтово-телеграфном с'езде обсуждался 16-го вопрос, к какой политической партии следует примкнуть союзу. Присутствовавшие социалисты-революционеры и социал-демократы настаивали на присоединении к их партиям, но большинство высказывалось за то, что союз этот только профессиональный и таким должен остаться в виду слишком разнообразного состава членов. Вопрос о платформе остался открытым.

— Доктор Кулябко-Корецкий внес в Пироговское общество предложение бойкотировать всех лиц администрации, принимавших участие в организации и проведении погромов. Инициатива, по мнению Кулябко-Корецкого, должна исходить от 10-го Пироговского с'езда, который должен в скором времени состояться.

— На происходившем на-днях собрании служащих телеграфа постановлено обратиться к работающим на станциях с предложением прекратить работы, во избежание репрессивных мер со стороны союза.

Членами союза раздаются листы, чтобы собирать подписи абонентов телефонной сети, выражающих свой протест против дирекции телефона, которая отказывается пойти навстречу справедливым требованиям служащих.

— В Московском уезде забастовал Коломенский машиностроительный завод. Рассчитано заводом более 8.000 рабочих. Забастовал Шелковский мануфактурный район.

— В настоящее время идет реорганизация Московского Стачечного Комитета. Из него ушли все непролетарские группы. Остался пока из числа последних только железнодорожный союз.

— Московский союз инженеров и техников, пересмотрев свою платформу, решил изменить ее, поставив в основу Учредительное Собрание на основах четырехчленной системы, при чем осуществление Учредительного Собрания возможно лишь революционным путем.

— Забастовали фабрики Доброва и Набгольц и крупная суконная фабрика Щукина.

— Второе общество конно-железных дорог из-за забастовки теряет ежедневно 3.000 рублей выручки и 400 рублей за прокорм лошадей. Общество ответило рабочим, что удовлетворит все их требования полностью лишь в том случае, если получит разрешение переустроить свою сеть на более доходную электрическую тягу.

— 15-го в 12 час. ночи на заседание с'езда почтово-телеграфных чиновников явилась полиция и предложила им разойтись или позволить переписать всех присутствующих. Участвующие предпочли разойтись. Сегодня утром, когда началось заседание с'езда почтово-телеграфных чиновников, явились драгуны и стали разгонять собравшихся. Собрание успело только заслушать доклад о том, что движение началось повсеместно, за исключением Тамбовского и Казанского округов.

— 16-го в Москве нельзя было достать ни одной наемной кареты, так как кучера каретного извоза забастовали. 17-го ожидается начало забастовки легкового и ломового извозов.

— 15-го утром на своей квартире арестован известный земский статистик Д. И. Соловьев, который всего несколько месяцев тому назад вернулся из провинции, куда был выслан административным порядком.

— Настроение банкового и коммерческого мира вновь стало тревожным. Близкое будущее внушает в этом мире серьезные опасения. Деятельность в банках и на товарном рынке сведена теперь до минимума.

— „Русскому Слову" телеграфируют из Варшавы: „Политические обыски и аресты все увеличиваются. Произведено несколько групповых арестов членов разных партий. Обыски производятся еженощно во многих домах в целях найти типографию. В ссылку, по преимуществу в северные губернии, ежедневно отправляются десятки лиц. Провозимые по городу политические конвоируются вскачь несущимися драгунами с обнаженными шашками".

— Телефонная забастовка продолжается. В ремонтной мастерской убраны все станки и инструменты, и здесь установлен

ряд кроватей. В ремонтной мастерской живут 105 телефонисток, не присоединившихся к забастовке товарищей. Администрация приобрела за свой счет телефонисткам ночное и постельное белье и не выпускает их никуда. Во дворе станции телефона стоят войска. На самой станции живут и саперы, посильно исполняющие должность механиков. Однако, и среди оставшихся 105 идет сильное брожение. К забастовавшим 43 телефонисткам присоединилось еще 80. Наш корреспондент беседовал с директором телефонного общества Седергреном, специально выписанным по случаю забастовки из Стокгольма. Седергрен об'яснил, что бездействие многих телефонных аппаратов происходит оттого, что рабочие, забастовав, успели ночью снять 20.000 распределительных колпачков. В Москве общество имеет в запасе всего лишь 5.000 таких колпачков, и, пока не прибудут заказанные за границей другие колпачки, телефонное действие не может правильно функционировать. Забастовщики упорствуют, имея на своей стороне симпатии всей Москвы. Администрация телефона остается непреклонной и на уступки итти не желает. Инженеры собирают в пользу забастовавших барышен средства, повысив свой подоходный налог в пользу Стачечного Комитета на 1/3. Вечером распространился слух, что администрация пошла на уступки. Действительно, телефонная администрация, избрав из своей среды 5 человек, предложила забастовщикам избрать из своей среды такое же количество делегатов и совместно приступить к обсуждению пред'явленных требований.

— Из города Харбина правлением Пироговского общества получена следующая телеграмма за подписью 115 врачей: „С полей Манджурии, залитых кровью братьев, мы приветствуем освобождение от гнета. Упорной борьбой добыта свобода, пусть же наше Пироговское общество, которое всегда идет в первых рядах борцов за свободу, работает с новой энергией над укреплением завоеванного правопорядка. Здесь образовался комитет для оказания помощи пострадавшим врачам. Одновременно переводим вам 850 руб“.

— Комитет общественной помощи голодающим отправил врачебный отряд в Холмский уезд Рязанской губернии.

— Из Казанской губернии получены сведения о том, что там среди народа свирепствует тиф. Комитет отправил врача для выяснения размеров нужды в помощи.

— Из разных мест России поступают просьбы от желающих помогать личным трудом. Таких заявлений уже 174. Комитет в настоящее время располагает деньгами в сумме около 75 тыс. р., в числе коих 3.675 р., поступивших с 9 сентября по 1 ноября н. г.

— На московском телеграфе в настоящее время работают все же пять телеграфистов и саперы. Дело, однако, не клеится. Агентские телеграммы для газет опоздали на 13 часов; частные телеграммы опаздывают еще больше. Утром на Николаевском, Казанском и Курском работал правительственный телеграф, но с полудня и он прекратил свои действия.

— В Осташковской земской больнице врач начал говорить с собравшимися крестьянами на политическую тему. Один из толпы выскочил с ножом и хотел убить врача, но остальные предотвратили убийство.

— В „Вечерней Почте“ напечатана следующая резолюция: „Мы, рабочие Покровской мануфактуры и крестьяне Ольховской и Ильинской волостей, собравшись в количестве 6.000 чел. и выслушав речь нашего товарища о крестьянском движении, высказываем свое полное сочувствие братьям крестьянам, восставшим на борьбу за землю. Земля — собственность народа. Только борьбой возьмем мы матушку-землю. Только в единении в борьбе за нее достигнем мы цели“. Резолюция подписана 22 делегатами - выборными.

— Московская фондовая биржа сегодня закончилась в ужасном состоянии. Понижение всех ценностей громадное. Панику вызвали слухи из частных источников о том, что Черноморский флот в огне; сгорел один броненосец.

— 15-го вечером в обоих театрах „Аквариума“ состоялся многолюдный митинг наборщиков и типографских рабочих, привлекший до 8.000 участников. Митинг резко распался на две части. Первая часть была специально посвящена типографским вопросам. Выяснилось, что свобода слова осуществлена в полной мере и типографии совершенно игнорируют цензурный комитет. Решено присоединить к крупным типографиям, осуществившим свободу слова, и все мелкие под угрозой бойкота. Собрание принципиально решило уйти из Стачечного Комитета и перейти в Совет Рабочих Депутатов. Вторая часть с'езда была посвящена злобам дня. Собрание отнеслось отрицательно к с'езду городских и земских деятелей и нашло, что представители цензовых классов приняли самое незначительное участие в освободительном движении.

— Крупный механический завод Бари уплатил всему своему огромному штату инженеров за время забастовки. Инженеры, не считая себя в праве принять уплаченную им сумму в размере 600 рублей, направили ее в Совет Рабочих Депутатов.

— В доме А. М. Каткова, где помещается, между прочим, и русское собрание или союз русских людей, завтра открывается делегатский с'езд землевладельцев. С'езд предполагает бойкотировать все газеты, за исключением „Русского Листка“ и „Дона“, представители которых получили монопольное право присутствовать на заседаниях с'езда.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Грязи (случайная). — 15 ноября назначено общее собрание служащих рабочих ст. Грязи, Юго-Восточных ж. д., о котором просилось разрешение 10 ноября жандармским ротмистром, на основании высочайшего манифеста 17 октября, но 13 ноября получена телеграмма от тамбовского губернатора Лауница такого содержания: „Давно уже имели время переговорить о всех нуждах; категорически запрещаю всякие сборища; довольно; в случае ослушания употребить силу“. Между прочим, в Козлове и Борисоглебске идут собрания. Обращаемся к министерству высочайшего манифеста 17 октября с протестом и просим разрешить собрание.

Делегаты: Сысоев, Шингарев, Туркин, Шулаев.

Гельсингфорс, 16 ноября. — Министр статс-секретарь по делам Финляндии Линдер назначен членом Государственного Совета.

Волхов, 16 ноября. — Аграрное движение началось в Красниковской волости. В уезд высланы казаки и солдаты.

Сызрань, 15 ноября. — На случай возможных аграрных беспорядков в уезде губернатором присланы сюда две роты солдат.

Витебск, 16 ноября. — В виду отказа принять обратно уволенных семинаристов, мужская гимназия продолжает бастовать. К ней присоединилась женская Александровская гимназия. Мариинская женская гимназия закрыта по распоряжению директора.

Забастовали трамваи и все легковые извозчики. Требования последних сводятся к следующему: снятие одного пути трамвая, уменьшение взимаемого городской управой налога на 50% и упразднение обязанности возить бесплатно чинов полиции.

Владимир губ., 16 ноября. — Очередное губернское земское собрание назначается на 19 ноября. Организуются союзы земских служащих и приказчиков.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Берлин, 15 ноября (от нашего корр.). — Заместитель Трепова, Дурново, начинает возбуждать опасение в заграничных денежных сферах. Боятся, что его „меры“ — политика арестов и избиений — добьют русский кредит. Даже органы, настолько лояльные, как, напр., „Vossische Zeitung“, советуют отставить его и заместить человеком посовременнее.

Обсуждая нынешнее положение дел в России, „Vossische Zeitung“ говорит, что в настоящее время самый трудный из всех русских вопросов заключается в том, заместят ли земцы освобождающийся пост министра внутренних дел человеком, пользующимся их доверием, если граф Витте пойдет навстречу желаниям земцев и удалит Дурново с занимаемого им поста. Если земцы не выполнят этой задачи, то они покажут свою неспособность направить государство по конституционному

фарватеру. Во всяком случае положение чрезвычайно серьезное, так как и влияние Дурново, повидимому, очень сильно. „Berliner Tageblatt“ говорит, что арест организационного бюро крестьянского с'езда последовал по инициативе Дурново и свидетельствует о происках последнего против графа Витте. Другие газеты также высказываются в том смысле, что арест этот способен только вызвать новое недоверие. Так, „Vossische Zeitung“ указывает, что мера против бюро крестьянского с'езда не целесообразна с точки зрения самого правительства. Кабинет, за действия которого отвечает граф Витте, имеет все основания избегать политических мер, содействующих возбуждению общественного мнения.

Константинополь, 15 ноября. — 600 моряков, входящих в состав международной эскадры, высадились на Митилене. Однако, из них возвратились потом назад 500 человек, так как присутствие их, повидимому, оказалось излишним. Остальные 100 моряков остались, заняв таможню и телеграфную станцию.

Поправка. Во вчерашнем номере, в статье тов. Федоровича „Пропаганда и ее организация“, по недосмотру, пропущена следующая программа:

I. О социализме.

а) Современная всемирная борьба рабочего класса. б) Конечная цель этой борьбы — осуществление пролетариатом социалистического строя путем захвата политической власти. в) Сущность и основы этого строя. г) Социал-демократия, как авангард борющегося пролетариата, является его единственным вождем и руководителем в мировой борьбе рабочего класса за свое полное освобождение.

II. Сущность современного общества и государства.

а) Классовое устройство общества, два важнейших непримиримых класса в современном обществе — буржуазия и пролетариат. б) Государство как организация классового господства. в) Политическая власть как орудие такого господства; указать на важнейшие моменты западно-европейских революций, в частности французских, когда пролетариат выступал совместно с буржуазией или отдельно от нее. г) Необходимость для пролетариата борьбы за обладание политической властью, демократическая республика, как наиболее выгодный для пролетариата политический строй, при котором он может довести свою борьбу до окончательной победы; исторические примеры, обнаруживающие неумение, в силу отсутствия ясно сознанных задач и целей пролетариата, использовать те временные победы, которые выпадали на его долю. д) Социал-демократическая политическая программа - minimum. е) Социал-демократическая экономическая программа - minimum. ж) Общий взгляд социал-демократии на значение и важность программы - minimum.

III. Современное положение России и социал-демократическая тактика.

а) Картина начавшейся революции в России. б) Силы, вызвавшие эту революцию, — несовместимость социально-экономического содержания с самодержавной формой. в) Соотношение общественных сил: роль пролетариата и социал - демократии в российской революции. г) Тактика социал-демократии по отношению к правительству: вооруженное восстание, Временное Революционное Правительство, созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, без различия пола, вероисповедания и национальности.

IV. Крестьянское движение и социал-демократия.

V. Тактика по отношению к другим несоциал-демократическим партиям и организациям.

а) Отношение к мелкобуржуазным партиям (С.-Р., П. П. С. и др.). б) Отношение к буржуазным организациям (к.-д., земск. и городск. деятел., партии правового порядка). в) Антисемитизм и национализм с точки зрения социал-демократии.

VI. Профессиональные рабочие союзы и другие рабочие организации с неопределенной политической программой или без всякой программы — трэд-юнионизм, синдикализм и анархизм.

VII. Краткое резюме всего курса применительно к выводу — организуйтесь под знаменем Р. С.-Д. Р. П.

От союза почтово-телеграфных служащих.

Товарищи!

Нам бросили новый вызов!

Наши делегаты арестованы в Москве!

С'езд сорван! Ему не дали возможности закончить работу.

Вся почтово-телеграфная Россия ответила на это забастовкой. Забастовала Москва, забастовала Сибирь и целый ряд других городов.

Неужели мы останемся простыми зрителями?

Неужели и на этот вызов правительства мы ответим молчанием, как это было до сих пор?

Нет и нет!

Мы все, как один человек, бросим наши аппараты, наши столы, за которыми потеряли здоровье, потеряли лучшие дни нашей жизни.

Не хотим мы больше быть рабами!

Мы не дадим лишить нас права союзов, которое признается за остальными гражданами.

Мы добьемся неприкосновенности личности наших делегатов.

Мы добьемся настоящей свободы!

Во имя товарищеской солидарности, во имя гражданской порядочности, во имя общего дела, присоединяйтесь к забастовке, чтобы никто не смел звать нас изменниками и черносотенниками. Бастуйте же, товарищи!

Да здравствует всеобщая почтово-телеграфная забастовка! Да здравствует всероссийский почтово-телеграфный союз!

Комитет почтово-телеграфного союза.

К аграрному вопросу.

16 ноября товарищ прочел в собрании партийных товарищей — рабочих и интеллигентов — доклад об аграрном вопросе. Докладчик указал, что стремление к социализму со стороны угнетенных классов наблюдалось уже в далекой древности, но до того времени, пока на арену жизни не выступил класс наемных рабочих-пролетариев, этот социализм был не чем иным, как невинной утопией. Политической же силой социализм стал лишь тогда, когда капиталистический строй создал класс, который самой силою вещей толкается на борьбу с теперешним общественным строем.

В противоположность социалистам-революционерам докладчик доказывал, что только пролетариат является тем классом, который способен и будет бороться за осуществление социализма в действительности, а не только в мечте. Опыт всех стран Европы и Америки доказывает, что социалистическое движение превращается из утопического в грозную политическую силу лишь там, где крупное машинное производство создало класс наемных рабочих.

Эксплоатируются, конечно, не одни только наемные рабочие, не одни только пролетарии, эксплоатируются и кустари, и ремесленники, и крестьянство. Но порвать совершенно с теперешним общественным строем, стать под знамя социализма способен только пролетариат, ибо к этому побуждают его самые условия производства.

Крестьянство способно вести борьбу с помещиками, способно и будет бороться за „землю и волю“, но не способно бороться за социализм. И это опять-таки лучше всего доказывается историей всех стран мира.

Каждый крестьянин представляет из себя мелкого буржуа, который всегда стремится превратиться сначала в „хозяйчика“, а потом и в „хозяина“.

Анализируя программу социалистов-революционеров, докладчик прежде всего обращает внимание на противоречие между изложением аграрной программы в „Революционной России“ и „Сыне Отечества“ (в статье „Наша программа“, № от 15 ноября). В то время, как в первом из этих изданий говорится о социализации земли, во втором говорится о национализации, при чем в одном месте эти термины совершенно как бы отождествляются...

Говоря о программе с.-р. по существу, докладчик доказывает невозможность проведения в жизнь идеи „уравнительных пере-

делов" при существовании капитализма и указывает на неопределенность термина „трудовое крестьянство".

В заключение своего доклада докладчик указывает, что социал-демократы готовы бороться вместе с крестьянами за „всю волю и всю землю", как они боролись вместе с теперешними „кадетами" за свержение самодержавия, готовы поддержать крестьян в их борьбе против гнета помещиков, но дороги пролетариата и крестьянства очень скоро разойдутся. Крестьянство, получив „землю и волю", успокоится и сделается оплотом реакции, как это имело везде место, а пролетариат будет продолжать итти своей длинной дорогой, пока не осуществится конечная цель его стремлений — социалистическое государство...

Хроника.

— Получены частные известия, что Черноморский флот приступил к бомбардировке Севастополя.

— Назначенное на 16 ноября заседание совета министров в Царском Селе под председательством государя не состоялось.

— Свобода собраний. Для того, чтобы иллюстрировать настоящий характер „незыблемых свобод, дарованных манифестом 17 октября", полиция совершает ежедневно разбойничьи набеги на Вольно-Экономическое Общество. 16 октября, по приказу градоначальника, полиция снова разогнала собрание, на котором одним товарищем социал-демократом читался доклад об аграрном вопросе. Явившиеся в огромном количестве к зданию Вольно-Экономического Общества конные и пешие опричники потребовали от вице-председателя общества проф. Явейна „распущения" собрания. На замечание г. Явейна, что собрание закрытое, представитель полиции заявил, что до сведения градоначальника „дошло", что хотя действительно собрание и закрытое, но публика допускается не по „именным повесткам", а по билетам... В случае отказа собравшихся разойтись, полиция грозила применить силу. В виду того, что к тому времени, когда явилась полиция, докладчик закончил уже чтение доклада, собрание решило разойтись.

— На-днях вернулся из-за границы политический эмигрант И. М. Шнапир, привлекавшийся по делу Киевск. Ком. Росс. Соц.-Дем. Партии и „Организации «Искры»" 1902 года. Его адрес можно узнать у его сестры, проживающей в Гомеле, Могилевск. губ., по Ветряной улице, № 12, О. М. Шнапир.

— Развлечение скучающих казаков. 15 ноября в час дня вспыхнул пожар за Невской заставой (в селе Смоленском) на Спасской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуре. К месту пожара собралась большая толпа народа. Когда пожар был потушен и толпа начала расходиться, впереди ее оказался полупьяный суб'ект, обнаживший кинжал и размахивавший им. Этого было достаточно, чтобы немедленно появился наряд казаков, который против Невского судостроительного завода (очевидно, излюбленное местечко казацкой расправы) врезался в толпу и начал ее избивать нагайками. В это время из толпы раздался револьверный выстрел, как говорят, произведенный провокатором. Выстрел еще более озлобил соскучившихся от безделия казаков, и избиение начало производиться еще беспощаднее. Когда толпа разбежалась, т. е. некого было уже избивать, казаки успокоились.

— Военные прогулки казаков по улицам города продолжаются; даже появившиеся со вчерашнего дня старые знакомые петербуржцев—конные полицейские—ведут себя гораздо скромнее. Например, около двух часов ночи на углу Невского и Литейного (16 ноября) скопилась толпа человек 10—15; характер сборища не носил характера революционного, тем не менее проезжавшая мимо банда казаков бросилась на тротуар, рассыпая направо и налево удары плетьми. Остановить храбрый натиск было некому, и в результате — вышибленный глаз у какой-то девицы и несколько избитых прохожих.

— „Официальные сообщения". В „Правительственном Вестнике" от 15 ноября напечатано „официальное сообщение", явно искажающее события, происшедшие 6 ноября на Невском судостроительном заводе. Никаких увещаний казаками рабочих, остановивших трамвай, не происходило, а казаки без лишних слов обнажили шашки и начали ими увещевать народ. В ответ на эти „увещания" и раздался револьверный залп со стороны рабочих из столовой. Войска (казаки и пехота) дали тогда не один, а несколько залпов. Далее в официальном сообщении говорится, что среди рабочих оказалось: восемь раненых и один убитый. Это тоже неверно. Раненых оказалось свыше 30 человек, из которых лишь 8 человек воспользовались услугами заводского лазарета. Что же касается убитого (очевидно Николая Клемчинского), то он оказался на завтра же живым и в настоящее время поправляется. Так пишутся „официальные сообщения" и то через неделю после события.

— В Петербург приехал варшавский Трепов—генерал-губернатор Скалон. Положение его пошатнулось, ждут со дня на день его отставки. Плохо вел „политику". Чересчур уж прозрачной стала его провокаторская деятельность, направленная к тому, чтобы вызвать восстание в Польше, а затем подавить ее освободительное движение. Добыты и всюду оповещены его драконовские временные „распоряжения" и его кровожадные войсковые „приказы", его знаменитые слова: „бить и убивать всех недовольных существующим режимом". Пора „положить предел" варварским его инстинктам!

— Товарищ, находившийся с 14 марта по 12 августа в Д. П. З., в Шараповском коридоре, убедительно просит товарищей по заключению, имеющих ныне возможность предоставить ему какой-либо письменный труд, принять участие в его судьбе. Предложения просят адресовать в редакцию „Н. Ж." для передачи С. А. Я—ву.

— В субботу, 12 ноября, в конторе редакции журнала „Практическая Медицина" произошел „бунт". Для усмирения пяти наборщиков, желавших получить заработную плату за забастовочные дни в размере 4 рублей, издателем г. Этингером был вызван наряд полиции — пять околоточных и 15 городовых под предводительством помощника пристава. Издатель почтенного журнала, поскупившийся выплатить своим рабочим 4 рубля, оказался много щедрее по отношению к полицейским: помощник пристава получил „на чай" чуть ли не вдвое больше, чем просили рабочие.

— В совещание о продовольственной помощи крестьянам г. Гурко было внесено, по приказанию министра внутренних дел Дурново, предложение лишить продовольственной помощи все села и деревни, участвовавшие в аграрных беспорядках. Представители министерства финансов и контроля не сочли возможным поддерживать этот наглый и бесстыдный проект. Они потребовали от г. Гурко, чтобы он изложил свое предложение письменно и дополнил его подробной мотивировкой. Г. Гурко обещал это сделать. Мы же не откажем себе в удовольствии, в свое время, воспроизвести этот документ целиком в назидание и поучение крестьянам.

— Первые шаги И. И. Толстого. Администрация императорского С.-Петербургского университета, на основании распоряжений министра народного просвещения и спб. градоначальника, в среду, 16 ноября, открыла студенческую столовую имени О. Ф. Миллера. Столовая начинает функционировать на началах полицейского характера, указанных в циркуляре министра народного просвещения попечителю учебного округа в следующей форме: „Уведомляю ваше превосходительство, что, по соглашению с спб. градоначальником, я разрешаю открыть студенческую столовую имени О. Ф. Миллера с тем, чтобы при первом же собрании в ней посторонней публики столовая была немедленно закрыта и чтобы допуск в нее производился исключительно по студенческим билетам. Об изложенном, а равно и о словесном заявлении ректора С.-Петербургского университета, что в столовой, которая будет открыта ежедневно до 5 час. пополудни, митинги допущены не будут, мною одновременно с сим сообщено спб. градоначальнику".

Такое распоряжение министра народного просвещения является прямым нарушением автономии университетской столовой и явным противоречием с положениями об открытии ее, утвержденными советом профессоров, и отдачей столовой под контроль полиции. Столовая комиссия, считая невозможным функционирование столовой при возвещенных условиях, решила отправить депутатов к министру и градоначальнику с просьбой из'ять полицейский надзор, предоставив столовую в ведение студентов, в противном случае столовая комиссия столовую немедленно закроет.

У входа в столовую 16 ноября дежурили околоточный, городовой и суб'ект в „гороховом" пальто.

— 15 ноября в первом департаменте правительствующего сената были заслушаны представления прокуроров судебных палат о возбуждении уголовного преследования против минского

губернатора Курлова и исправлявшего должность ставропольского губернатора камер-юнкера Вельяминова за полнейшее бездействие власти во время происходивших во вверенных им губерниях избиений и погромов. Правительствующий сенат, выслушав доклад обстоятельных представлений прокурорского надзора, в ярких красках обрисовавшего деятельность гг. Курлова и Вельяминова, постановил потребовать от них в месячный срок об'яснения по существу пред'явленных им обвинений, после представления коих, согласно закону, и может состояться постановление о предании суду.

— Забастовка почтово-телеграфных служащих. 15 ноября в Петербурге, в главном телеграфе, в аппаратной, 2 смены служащих, разбившись на группы, направились в мужскую дежурную для решения вопроса о присоединении к всероссийской почтово-телеграфной забастовке. Большая часть служащих мужчин успела проникнуть в дежурную, остальная часть служащих, между прочим, почти все женщины, были остановлены начальником Дьяковым, и им проникнуть в дежурную не удалось. Собравшиеся принуждены были разойтись, назначив собрание на 16-е. 16-го утром в почтамте, в отделении городской экспедиции, собралось человек 15 членов почтово-телеграфного союза для обсуждения вопроса о проведении забастовки. Они были встречены очень грубо экспедитором Н. С. Фоем, который при помощи некоторых чиновников, своих приспешников черносотенцев, вытолкал собравшихся, при чем были пущены кулаки. Собраться не удалось, но решено присоединиться к всероссийской почтово-телеграфной забастовке. Отделение городской экспедиции решило начать забастовку сегодня вечером. Делегаты союза решили собраться вечером для обсуждения технической стороны проведения забастовки.

— К забастовке почтово-телеграфных чиновников. С утра 16 ноября главное здание почтамта и телеграфа охраняется солдатами. У входа в почтамт стоят полицейские и сторожа. В главном большом зале производились все операции. Газетные экспедиции также функционируют. Все городские петербургские почтово-телеграфные и телеграфные учреждения производят операции без задержек.

— В ожидании новой железнодорожной забастовки администрация Балтийской ж. д. принимает меры против сношений между собою рабочих. Внутренняя телефонная сеть приведена в бездействие, назначенное собрание этой дороги не состоялось, так как полицеймейстер самолично требовал от рабочих удостоверения личности и повесток, и, конечно, рабочие уклонились от такого близкого знакомства с полицией.

— Несмотря на то, что работы по переустройству станции С.-Петербурга, Николаевской железной дороги, пока не пошли дальше составления сметы на производство их и, как говорят, долго еще и не пойдут, так как исчисленная сметой на переустройство сумма в 12 миллионов рублей не может быть отпущена казной, в виду недостатка в ней денег, несмотря на это, назначения на главные должности к переустройству уже состоялись. Так, кроме заведывающего работами инженера Кнорринга, назначенного на эту должность с 5 августа с. г., с содержанием 8.000 руб. в год, назначен еще гражданский инженер Минаш архитектором-художником для разработки проектов, шаблонов, архитектурных форм, с жалованием 3.000 рублей в год, с первого сентября сего же года.

— К сведению союза врачей. При Сестрорецком оружейном заводе имеется лазарет и врач, но насколько это учреждение и врач (д-р Гричев) соответствуют своему высокому назначению, видно из следующего типичного факта. У рабочего Шустрова 12 ноября захворал опасно ребенок; д-р Гричев, к которому обратился рабочий за помощью, потребовал с него „гонорар“, отказываясь навестить больного ребенка, пока не получит денег. Когда же Шустров с трудом достал у одного из товарищей рубль и принес его врачу, то последний „рассердился“ за незначительность суммы; явившись к больному, этот врач констатировал скарлатину и перевел ребенка в заводский лазарет, а рабочему Шустрову запретил ходить на работу, мотивируя свое запрещение тем, что его ребенок болен заразной болезнью. Казалось бы, что гораздо целесообразнее было произвести надлежащую дезинфекцию, а не заставлять рабочего лишаться своего заработка и, благодаря этому, голодать целую семью. Деятельность д-ра Гричева, по словам рабочих, вообще отличается крайней халатностью по отношению к больным и грубостью ко всем рабочим. Подобные факты не единичные в практике этого служителя медицины; он никогда не лечит больных рабочих без особого вознаграждения с их стороны, несмотря на то, что он считается заводским врачем и получает определенное жалованье. Союзу врачей следовало бы обратить особое внимание на такого „коллегу“.

— В настоящее время в Петербург начали с'езжаться учителя низших школ и другие деятели по народному образованию, которые будут принимать участие в предстоящем с'езде. С'езд открывается с воскресенья, 20 ноября, с 1 часу дня. Помещение для первого заседания пока еще не найдено, второе же заседание 21 ноября будет происходить в Соляном Городке. На с'езд соберется около 1000 человек.

В конце текущей недели выйдет первый номер „Вестника всероссийского союза учителей и других деятелей по народному образованию“.

— Петербургская государственная сберегательная касса и все ее городские отделения (за исключением отделения в Пассаже, Невский пр., 48) со дня второй забастовки операции производят во все дни недели, за исключением понедельников, с 10 час. утра до 3 час. дня.

— На железных дорогах в настоящее время со дня на день ожидается забастовка. Вчера в городе распространился слух о том, что забастовали Балтийская и Варшавская железные дороги. Слух о состоявшейся забастовке оказался преждевременным, но не лишенным основания, так как за последние дни среди служащих заметно сильное брожение. 16 ноября, в виду предполагавшейся забастовки, вокзал Варшавской железной дороги охранялся усиленным караулом войск. Движение поездов в течение всего дня совершалось нормальным порядком. Между прочим, правительство озаботилось обучением солдат железнодорожного батальона на случай возможности забастовки железных дорог, и с этой целью отходящие поезда сопровождают войсковые части.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— 15 ноября 1905 г. в здании 7-й гимназии состоялось собрание родителей учащихся 3-х старших классов этой гимназии. Целью собрания было выяснить отношение родителей к требованиям учеников, выставленным в резолюции от 2 ноября. О настроении собравшихся можно судить по их отношению к ораторам. Особенно сочувственно был принят преподаватель г. Загребин, затронувший в своей речи столь важные в педагогической области вопросы, как-то, напр., свобода собраний, чтение газет и журналов, институт старост и уничтожение внешкольного надзора. „В наше время, — говорил Загребин, — нервных детей успокаивали валерьянкой, а теперь подавай им сходки да собрания.

„Я, как опытный педагог, предложил бы прибегнуть к старому средству. Против чтения газет я ничего не имею, но начальство должно смотреть, какие газеты приносят. А то в новых газетах пишутся разные зажигательные статьи, которые оказывают вредное влияние на учащихся. Требование учеников об учреждении института старост я считаю невозможным, так как ученики будут думать, что они тоже взрослые и наравне с педагогами. С требованием об уничтожении внешкольного надзора я вполне согласен, но настаиваю на обязательности формы для учащихся. А чтобы ученики были всегда настороже, предлагаю преподавателям носить штатское платье и следить за учениками тайным образом“.

Таково, приблизительно, содержание речи г. Загребина, который в заключение предложил исключить агитаторов, заметив, что после этого ученики будут вести себя благопристойно. В результате родители постановили удовлетворить следующие требования учеников: необязательность формы, уничтожение внешкольного надзора, однако, без вступления гг. педагогов в тайную полицию, чтение газет, курение и свободу кружков для самообразования при обязательном участии в них преподавателей, которые бы давали правильное направление. В остальных пунктах постановлено отказать. Но тут гимназическое начальство, по какой-то случайности оказавшееся либеральнее родителей, заявило, что оно будет хлопотать о разрешении общей сходки. После этого собрание разошлось.

— В шестой гимназии. В петербургской шестой гимназии в настоящее время закрыты VI, VII и VIII классы в виду волнений учеников. В первых пяти классах занятия продолжаются. Директор совещается с родителями учеников.

Профессиональные союзы.

От союза почтово-телеграфных служащих.

Бюро служащих почтово-телеграфных учреждений Петербурга и Петербургского округа 13 ноября обратилось к товарищам с воззванием следующего содержания:

„Товарищи!

„Иркутский генерал-губернатор, на требование Дурново об аресте и предании суду забастовавших служащих нашего ведомства, отвечал, что он не может исполнить этого требования, так как сам сочувствует тяжелому положению почтово-телеграфных тружеников.

„Начальник Смоленского округа Кравчуг доносит в главное управление об отношении смоленского губернатора, заявляющего о необходимости улучшения быта чинов Смоленского округа.

„Пора же, наконец, и нам самим заявить о своих нуждах.

„Неужели мы так забиты, настолько потеряли человеческое достоинство, что писаря интендантского управления, связанные военной дисциплиной и на-днях подавшие петицию, ушли дальше нас?

„Помните, что ничего нельзя ждать от начальства, говорящего сегодня об увеличении штатов, а завтра увольняющего за штат около тысячи наших товарищей, голодавших, болевших и непосильно работавших в манджурских полевых учреждениях. Это же самое начальство не стесняется для подавления настоящего брожения между чинами прибегать к подкупу и организации между нами черной сотни.

„В Москве образовался всероссийский союз почтово-телеграфных служащих.

„Задачи этого союза следующие:

„1) улучшение материального положения,

„2) создание между начальствующими и служащими отношений, в которых не было бы места произволу,

„3) образование капитала путем ежемесячных взносов для выдачи возвратных и безвозвратных ссуд более нуждающимся членам союза в тяжелых жизненных случаях,

„4) поднятие умственного и нравственного уровня служащих путем общественных собраний, популярных лекций, музыкальных вечеров и постановкой любительских спектаклей.

„Вот главные цели союза, к участию и распространению которого должен стремиться каждый порядочный служащий, без различия его политических убеждений.

„В Москве на-днях состоится с'езд делегатов. Проникнемся же мыслью, что это работники за наше общее благо, и дадим им уверенность в нашем единодушии и готовности поддерживать выработанные ими требования всеми мерами.

„Пусть не пугает нас забастовка, если таковая понадобится, ибо, по справке в союзе авдокатов, законов, карающих стачки, нет, а меры, вроде увольнения, к массе неприменимы.

„В союзе все наше будущее, а потому сплотимся и заявим о своем участии в нем".

Комиссия, избранная союзом думских врачей, закончила на-днях выработку проекта автономного управления института думских врачей. Сущность этого проекта сводится к следующему: вся сфера медицинской помощи бедному населению столицы должна перейти в руки коллегии думских врачей, которые, кроме того, должны иметь своих представителей в достаточном количестве на совещаниях санитарной комиссии с правом решающего голоса. Думские врачи каждой амбулатории составляют собрание, управляющее амбулаторией. Собрание избирает на определенный срок старосту из числа врачей, на которого возлагаются обязанности по ведению текущих дел амбулатории. На обязанности думского врача лежит подача медицинской помощи недостаточному населению столицы. Думский врач выбирается совещанием и представляется на утверждение санитарной комиссии из врачей, имеющих за собой не менее 3-х лет научно-практической деятельности в лечебных заведениях и не позже 10 лет по окончании ими курса. Увольнение думского врача происходит только с согласия совещания думских врачей. Предельный срок службы думского врача в занимаемой им должности не должен превышать 25 лет. Думский врач должен непременно жить в районе назначенного ему участка.

В союзе служащих в правительственных учреждениях.

Бюро союза служащих в правительственных учреждениях созывает на 17 ноября, в 8 час. веч., в Петровском коммерческом училище общее собрание для рассмотрения проекта устава всероссийского союза служащих в правительственных учреждениях. На собрании будет также обсуждаться вопрос о том, какой тактики должен будет придерживаться союз в виду новых условий его деятельности, созданных последними актами правительства. Далее, намечены вопросы о взаимном страховании и других формах круговой поддержки на случай репрессий по отношению к членам петербургского отделения союза. На собрании будет также открыта запись новых членов. Вход в собрание по повесткам.

От организационного бюро союза защиты свободы библиотек.

Признавая ненормальным существующее законоположение о библиотеках вообще и о бесплатных библиотеках-читальнях в частности, как одно из наиболее уродливых наследий отжившего строя, мы организуем союз в целях немедленного проведения явочным порядком полной свободы библиотечного дела в России. Просим всех деятелей (столичных и провинциальных) в области библиотечного дела, желающих вступить в союз, заявить об этом письменно с приложением адреса. О дне созыва первого учредительного собрания будет об'явлено своевременно. Просят направлять заявления в редакцию „Нашей Жизни" в бюро союза защиты свободы библиотек.

Союз зубных врачей и учащихся зубоврачебных школ.

1 ноября в помещении Вольно-Экономического Общества собрались зубные врачи и учащиеся зубоврачебных школ для того, чтобы выработать свою определенную платформу и об'единиться в профессионально-политический союз. На собрании выступали делегаты от партии социал-демократов и социалистов-революционеров, при чем ораторы, отстаивая каждый принципы своей партии, раз'ясняли присутствовавшим широкое значение профессионально-политических союзов в переживаемый момент, связь между экономической и политической борьбой и необходимость немедленного активного участия в общей работе. Речь представителя партии социал-демократов, товарища Абрама, произвела сильное впечатление. Товарищ Абрам указал, главным образом, на то, что социал-демократическая рабочая партия, как представительница интересов пролетариата, доказавшего уже свою силу и мощь в борьбе с самодержавным игом, только одна неустанно борется и будет бороться до последней капли крови за демократическую республику и за царство будущего — социализм. В заключение собрание вынесло следующую резолюцию:

„Признавая, что вне партийных организаций немыслима политическая борьба, мы, зубные врачи и техники г. Петербурга и учащиеся зубоврачебных школ, образуем социал-демократический союз, признающий программу Р. С.-Д. Р. П. и входящий в число партийных организаций. В целях об'единения всех товарищей по профессии и выяснения их политического самосознания, при союзе и под его руководством организуется широкий политический клуб и беспартийная профессиональная организация кассы союза. Выработку устава поручаем бюро при содействии представителей Р. С.-Д. Р. П. Поручаем бюро немедленно опубликовать в партийной печати о возникновении союза, с указанием адресов, по которым могли бы обращаться желающие вступить в число его членов".

В союзе служащих спб. контрольной палаты.

Вновь организованный „союз служащих спб. контрольной палаты" выработал уже несколько пунктов будущего устава.

Союз имеет целью об'единить служащих спб. контрольной палаты для защиты и улучшения правового и материального положения товарищей. В программу включен и следующий пункт: деятельное содействие проведению в жизнь начал, намеченных манифестом 17 октября.

Новый союз на первых своих шагах встретил деятельное противодействие со стороны высшего начальства, которое категорически заявило, что считаться с этим союзом не будет и уволит от службы всех его членов. Несмотря на это, союз продолжает развиваться и крепнуть, и на-днях состоялось уже собрание союза, на котором председателем организационного бюро П. А. Шульманом доложен был на обсуждение поступок начальника почтового отделения г. Лебединского, доведшего 16 октября до сведения управляющего о политической неблагонадежности своего сослуживца г. Иванова. Собрание, разобрав поступок г. Лебединского, вынесло следующую резолюцию: „Общее собрание служащих с.-петербургской контрольной палаты, признав в поступке Лебединского факт доноса, каковое деяние является несовместимым с званием порядочного человека и противным правилам чести и долгу, постановило 32 голосами против одного выразить ему порицание, о чем довести до сведения начальства и союза чиновников". На одном из ближайших заседаний союза будет рассматриваться вопрос об отношениях служащих в спб. контрольной палате к союзу чиновников.

В союзе приказчиков.

13 ноября состоялось 3 собрания: соединенное собрание 1, 5, 10 и 15 кружков, соединенное собрание 2, 9, 12, 13 и части 11 кружка (общим числом 300 чел.) и соединенное собрание торговцев с'естными припасами.

В кружковых собраниях разбирался вопрос о деятельности совета союза приказчиков. Принята следующая резолюция: „В настоящее тревожное время политических забастовок всего пролетариата вообще и приказчиков в частности совет союза приказчиков бездействовал. Такое же отношение со стороны совета проявляется до настоящего времени во всех сторонах жизни союза. Об'ясняется это желанием совета устранить более деятельных членов, непониманием самых насущных интересов союза и неумением вести дела союза. Исходя из этого, кружки 1, 3, 10, 15 единогласно, 2, 9, 12, 13 и часть 11 (все против 3 при одном воздержавшемся) протестуют против такого постыдного для союза приказчиков поведения совета и пред'являют к совету наше категорическое требование: сложить с себя обязанности и предоставить общему собранию сделать выборы тех лиц, которые, по мнению членов союза, будут истинными защитниками и выразителями интересов союза".

Собрание приказчиков, торгующих с'естными припасами, вынесло следующую резолюцию (250 — 300 ч.): „Мы, собравшиеся приказчики, колбасники, фруктовщики, мелочники и булочники, собравшись на общее собрание 13 ноября, единогласно постановили требовать от хозяев осуществления полного праздничного отдыха.

„В случае неудовлетворения нашего требования, мы заявляем, что будем бороться за праздничный отдых всеми путями и, в случае нужды, прибегнем к забастовке. Сроком для приведения в исполнение нашего требования назначаем 20 ноября.

„Что касается нормировки рабочего дня для всех торгующих с'естными припасами, мы требуем 12-час. раб. день с 2-часовым перерывом на обед".

Тут же было постановлено праздновать 1 мая как день праздника международного пролетариата и требование закрытия казенных винных лавок в праздничные дни. Винные лавки, портерные и трактиры решено в праздники закрывать своими силами.

Из жизни рабочих.

На Александровском механическом заводе при Николаевской ж. д.

Администрация Александровского механического завода, как у нас уже сообщалось, закрыла завод, отказала своим 4.000 рабочим, предложив им получить расчет. Заводские штатные служащие (около 400 человек) отказались выдать расчет рабочим, мотивируя это тем, что они не могут способствовать своей администрации выбросить на улицу и оставить без куска хлеба своих товарищей. Тогда начальник тяги Николаевской ж. д. С. И. Михин приказал служащим в главном счетоводстве Николаевской ж. д. произвести этот расчет. Последние тоже отказались от этой работы из солидарности к своим товарищам. Тогда тот же С. И. Михин нанял 30 человек со стороны и поручил им произвести расчет рабочих. Рабочие категорически отказались получить деньги, мотивируя свой отказ тем, что эти 30 человек не в курсе их рабочих дел. Вчера, 15 ноября, состоялось собрание 52 человек представителей забастовочного комитета, которые постановили: общий расчет не принимать, так как рабочие не доверяют вновь назначенным счетоводам, при чем рабочими-депутатами было заявлено требование, чтобы весь расчет рабочих был проверен забастовочным комитетом. Сегодня, 16 ноября, рабочие получали расчет лишь за предыдущие две недели, при чем согласно постановлению забастовочного комитета рабочие еще не получили за текущие две недели и причитающиеся суммы из фонда сберегательной и вспомогательной кассы. Высшее начальство Николаевской ж. д. об'явило, что с постановлением „забастовочного комитета" считаться не будет и примет „свои меры". В чем заключаются эти меры, пока еще покрыто тайной неизвестности, но ходит слух, что в самом недалеком будущем весь забастовочный комитет в 52 человека будет арестован. Энергические действия С. И. Михина, очевидно, нашли себе применение.

Охтенский завод взрывчатых веществ.

Администрация завода с начальником ген.-м. Липницким во главе ведет усиленную агитацию с целью вызвать раздоры в среде рабочих. На руках у рабочих, „довольных настоящим порядком вещей", появились черносотенные воззвания к „православным людям", приглашающие их бить бунтовщиков — врагов батюшки царя; сознательные рабочие-социал-демократы ведут контр-агитацию, но пока черносотенное влияние имеет перевес. Войска, стоящие для охраны заводов, все более и более раздражаются поведением начальства и пищей. В целях успокоения приняты меры к недопущению в среду солдат не только партийных, но и либеральных газет. Войсковому начальству в этом деле деятельно помогает администрация завода. Один из наиболее смелых газетчиков, продающий, несмотря на „запрещение", запретные издания, не допускается к заводу на далекое расстояние. Газеты проносятся там контрабандным путем и, благодаря запрету, читаются почти всеми с особым интересом и вниманием.

На категорические требования рабочих принять обратно уволенных товарищей-депутатов начальник завода ген.-м. Липницкий заявил, что он скорее решится прекратить производство и закрыть завод навсегда, чем принять обратно „этих бунтовщиков". Работы производятся, но нерегулярно.

С.-Петербурго-Варшавская ж. дор.

Служащим, рабочим и мастеровым С.-Петербурго-Варшавской жел. дор. 15 ноября об'явлен следующий служебный приказ, за № 134.

Приказом по министерству путей сообщения, от 15 октября сего года за № 715, я перемещен на должность начальника Николаевской железной дороги.

Расставаясь с С.-Петербурго-Варшавской железной дорогой после десятимесячной на ней службы, считаю своей обязанностью принести душевную благодарность всем сотрудникам, содействовавшим мне в исполнении обязанностей по управлению дорогой в переживаемое всей Россией трудное время.

Желаю всем служащим, мастеровым и рабочим здоровья, успехов на трудовом поприще, а С.-Петербурго-Варшавской железной дороге процветания на пользу дорогой нашей родины.

Начальник дороги инженер О. Турцевич.

Правитель канцелярии К. Измайлов.

— Служащие, мастеровые и рабочие С.-Петербурго-Варшавской жел. дор. требуют ревизии сберегательной кассы. Комиссия из выборщиков, назначенная для пересмотра кассы, должна была начать свои действия 5 ноября, но вследствие забастовки

была отложена заместителем начальника дороги Энжаном на неопределенное время. Для того, чтобы неопределенное время стало определенным, к начальнику этой дороги инж. М. Ф. Валуеву была назначена комиссия из делегатов служащих и рабочих названной дороги.

13 ноября комиссия была у начальника дороги. Начальник дороги заявил выбранным делегатам, что созвать выборщиков он не может, но обещал обратиться с ходатайством к министру путей сообщения Немешаеву. Очевидно, последний не окажет препятствий, и, таким образом, в недалеком будущем разрешится этот острый вопрос.

Семянниковский завод.

После случая избиения казаками рабочего Н. Клемчинского (6 ноября) на Невском судостроительном (Семянниковском) заводе один из депутатов завода, Владимиров, доложивший на одном из последующих митингов о поступке пристава Жалдыбина, подвергся его „немилости". Везде и при всяком случае Жалдыбин преследует Владимирова. 14 ноября, в день получения расчета, Владимиров был удален Жалдыбиным из столовой завода; в столовой было в это время много других, но Жалдыбин требовал удаления одного только Владимирова, угрожая, в случае отказа, призвать на помощь казаков; когда последние по зову Жалдыбина окружили Владимирова, то он удалился, видя, что Жалдыбин преследует только одну цель: придраться к случаю искалечить своего противника.

Александровский завод.

Завод вчера охранялся войсками и казаками. Забастовали все рабочие, за исключением заведующих мастерскими и их помощников. Забастовщики находятся сравнительно в хорошем положении, так как почти все имеют взносы в ссудо-сберегательных кассах, могущие обеспечить их на долгое время. Рабочие мастерских Николаевской железной дороги, тесно связанные с заводом, также забастовали. Они потребовали от администрации завода вместе с делегацией комитета Николаевской железной дороги немедленного увольнения начальника петербургской товарной станции г. Подгоричани.

Путиловский завод.

Призрак забастовки подействовал на администрацию завода, и она частично приступает к удовлетворению требований рабочих. Она решила открыть корабельную и лесообделочную мастерскую, решила принять обратно уволенных рабочих. Принимая их, она применяет метод „сортировки", „выделяет" „опасный элемент". Мастера дают пропуски в мастерские только тем рабочим, которых они считают „благонадежными". Рабочие протестуют. Вчера состоялось их собрание, на котором решено потребовать прекращения этого метода, применяемого уже издавна на заводе.

— Рабочие фортепианной фабрики Шредера решили судебным порядком взыскать с хозяина деньги за две недели вперед, согласно 104 ст. устава о промышленности.

Ведение процесса передано юрисконсульству Совета Рабочих Депутатов.

— На переплетных фабриках и типографиях Кирхнера и Гаевского экономическая забастовка продолжается.

Рабочие обратились к своим товарищам переплетчикам с следующим воззванием:

„Товарищи!..

„Мы бастуем из-за нежелания хозяев принять наших делегатов на фабрику и уплатить за забастовку. Товарищи - переплетчики, мы обращаемся к вашей солидарности и просим вас не поступать на наши места и не исполнять заказов от Кирхнера и Гаевского.

Рабочие Кирхнера и Гаевского".

— В красильном заведении Голоевского рассчитано 11 человек за забастовку.

— На заводе Струка рассчитано 10 человек.

— В четвертой мастерской Трубочного завода экстренно производится следствие. Рабочие вывезли на тачке мастера Королева.

Следователи отыскивают виновных. Авансом рабочим грозят расчетом, если они выступят на защиту „виновных". В следствии особенно выдается по яркости своих приемов полковник Данилов.

— На табачной фабрике Режи после расчета рабочих с уплатой денег за две недели вперед хозяин „из'являет согласие" открыть фабрику и принять почти всех. За бортом хозяин рассчитывает оставить депутатов и 11 человек „первых забастовщиков". Исходя из пролетарской солидарности — „один за всех и все за одного"—рабочие не соглашаются купить свое „довольство" такой ценой.

— На телефонной фабрике, как уже сообщалось в газетах, об'явлен расчет. Любопытно отметить, что он вызван „особыми причинами". Управляющий фабрикой Эспергази, член союза инженеров, потребовал от рабочих полной гарантии неприкосновенности его личности и отказа от устройства митингов. При этом от рабочих потребована была расписка в исполнении указанных обязательств. Рабочие отвергли требование, и г. Эспергази не постеснялся об'явить расчет без уплаты денег за две недели вперед согласно 104 ст. уст. о пром.

Находя это расторжение договора незаконным, рабочие Эриксона обратились к юрисконсульству Совета Раб. Деп. о взыскании 2-недельного заработка по суду.

Видимо лавры г. Чешера волнуют г. Эспергази.

— В газетах сообщалось, что дворники решили освободиться от несения „почетной" полицейской службы. Но часть полицейских агентов не теряет еще надежды удержать дворников в своем лоне. Особенно в этом отношении старается василеостровский пристав.

Интересы дворников он близко принимает к сердцу. Так, 6 ноября на митинге рабочих Трубочного завода был арестован один из товарищей социал-демократов, приехавший из Одессы. Дворник Трубочного завода позволил себе при аресте физическое насилие. Рабочие на насилие дворника ответили тоже насилием. И тогда на защиту дворника выступил пристав, любезно снабдив его револьвером.

На Путиловском заводе.

14 ноября вечером на Путиловском заводе происходили митинги в трех мастерских: паровозо - механической, минно - сборочной и лафетно - снарядной. Митинги начались докладом депутатов о последнем собрании Сов. Раб. Деп. Затем выступали ораторы, исключительно социал-демократы из фракции большинства. Ораторы указывали на то, что севастопольские события— это отклик армии и флота на защиту пролетариатом кронштадтских товарищей солдат и матросов. Только под дружным планомерно-организованным натиском вооруженного восстания, во главе с передовым борцом революции — пролетариатом, сплотившимся под единым знаменем Р. С.-Д. Р. П., рухнет самодержавие. После ряда речей митингами были единодушно приняты следующие резолюции:

„Мы, рабочие Путиловского завода, приветствуем революционно - восставших товарищей — севастопольских солдат и матросов. Мы видим в этом важный этап по пути к освобождению России от кровавого самодержавия. Войску принадлежит средство направить русскую революцию по наименее кровопролитному пути. Путь этот — единение революционной армии с революционным народом, во главе которого борется пролетариат под знаменем Р. С. - Д. Р. П. Да здравствуют:

Вороженное восстание!
Р. С.-Д. Р. П.!
Демократическая республика!"

По вопросу о крестьянском движении вынесена следующая резолюция:

„Вслед за революционным пролетариатом поднимается и крестьянство. Сотни тысяч крестьян уже вступили в борьбу за землю и волю. Пролетариат—враг всякого угнетения и союзник всех, кто борется за свободу. Он должен протянуть руку вос-

ставшему крестьянству, чтобы помочь ему добиться всей земли и полной воли. Мы, рабочие Путиловского завода, шлем товарищеский привет восставшим крестьянам, а наших братьев пролетариев деревни мы зовем об'единиться с нами под знаменем Р. С.-Д. Р. П., в рядах которой пролетариат города и деревни рука об руку пойдет в борьбу за социализм".

В этот же день на Путиловском заводе рабочими принято решение отказаться на 3 мес. от водки и других спиртных напитков. Нарушившие в первый раз подвергаются штрафу в 3 р., за второй—5 р. и в третий — бойкоту. Штрафные деньги поступают в стачечный фонд.

Петербургские полотеры представили хозяевам следующие требования: 1) прибавка жалованья, 2) двухчасовой перерыв для обеда, 3) работа длится от 7 ч. утра до 6 час. веч., после этого часа работа производится за отдельную плату (15 коп. в час), 4) в воскресные и праздничные дни работа не производится, 5) улучшение квартирного довольствия и 6) без согласия артели служащие не увольняются. Большинство хозяев отказалось удовлетворить требования, поэтому полотеры об'явили, что с 16 ноября они приостанавливают работы.

Письма в редакцию.

М. г.

г. редактор!

Прочитав в № 13 „Новой Жизни" решение рабочих Балтийского завода—не покупать папирос фабрики т-ва „Лаферм"—мы решили из'ять из продажи в нашей кофейне папиросы вышеозначенной фабрики впредь до снятия бойкота. Предлагаем другим кофейным присоединиться к бойкоту.

Управляющий „Café de Venise"
Леон Хублар.

Невский, 68.

—

В № 11 „Новой Жизни" в отчете по политическому делу П. А. Кракова о защитительной речи уважаемого товарища О. О. Грузенберга говорится лишь, что она носила юридический характер, при чем отдельно ему приписываются следующие слова: „Если б даже согласиться с постановлением швейцарского союзного совета, так П. А. Кракову должно быть пред'явлено обвинение по 129 ст., но не по 102 и 100".

Как оборванная струна может испортить лучшую симфонию, так тем более оборванная человеческая мысль, благодаря отдельному неверному слову, может получить совершенно неправильное освещение. И потому приведенные слова не только не дают верного представления о блестящей защитительной речи О. О. Грузенберга, но умаляют ее гражданский характер.

Защита П. А. Кракова, добиваясь полного его оправдания, не могла говорить, что к нему должно быть пред'явлено какое-либо обвинение. Товарищ Грузенберг между прочим высказал следующую мысль: „Если бы прокурор придавал хотя какое-нибудь значение постановлению швейцарских властей, на которые так усердно ссылается, то тогда он пред'явил бы обвинение в распространении народовольческих идей, т. е. по ст. 129, однако ни жандармская власть ни прокурор не сделали этого, потому что постановление о высылке Кракова из Швейцарии не заключает в себе ссылки на какие-либо доказательства".

В виду того общественного значения, какое имела защитительная речь О. О. Грузенберга именно для данного политического момента и для раз'яснения вышеуказанных его соображений, я позволяю себе привести отрывок из начала его речи:

„Закон поставил Кракова перед Вами, и только во имя закона Вы можете причинить ему страдание. Кто дал право копаться в душе Кракова, стараться отгадать его заветные думы и стремления? Они вне судебной оценки. Вы можете судить его только за действия. И когда с этой законной точки подойти к делу, то нельзя не высказать глубокого возмущения, что у Кракова напрасно отняты 1½ года жизни в стенах Петропавловской крепости. Разве полтора года тому назад не было сразу видно, что его не за что держать, не в чем обвинять? Все это дело—результат глубокого невежества жандармских властей, которые, поглощая миллионы народных денег на борьбу с мыслями и идеями, не знают партий, их исповедующих, за них боровшихся и погибших. Жандармы знают, какая мысль жгла мозг Кракова, когда он переходил русскую границу: мысль—совершить террористический акт. И эта же власть, обвиняя его в принадлежности к народовольческой партии, даже не попыталась выяснить — да существует ли партия народовольцев. Вместо того, чтобы искать, собирать доказательства для своего обвинения, жандармская власть делала только одно: таскала на допросы Кракова, несмотря на то, что он каждый раз отказывался подписывать протокол... Что может быть безнравственнее, чем итти к подсудимому, выманивать у него показание для того, чтобы на основании собственных слов его накинуть ему на шею петлю?" Далее товарищ Грузенберг, разбирая юридическую сторону дела, доказывал, что „пред'явление обвинения по 100 и 102 ст. есть результат невежества прокуратуры".

В дополнение к нашему отчету мне хочется отметить еще одну характерную черту этого процесса. Товарищ прокурора Гессе добивался не только прочтения акта осмотренных книг, но даже осмотра другого дела о г-же Негрескуль с выписками из жандармских протоколов допроса свидетелей и т. п. И лишь благодаря решительному протесту О. О. Грузенберга, палата, согласившись с ним, не ввела в дело, подобно обвинительному акту, совершенно непроверенного, темного материала...

Владимир Беренштам.

М. г., г. редактор! Не откажите в любезности напечатать на страницах ближайшего номера Вашей многоуважаемой газеты следующее наше заявление, подаваемое нами в совет русского театрального общества.

„На собрании артистов Народного дома уполномоченный Р. Т. О. Владимир Федорович Ромашков заявил, что Россия без смертной казни «существовать не может».

„Мы, нижеподписавшиеся члены Общества, категорически заявляем, что иметь уполномоченным человека с убеждениями палача мы не желаем.

„Сообщаем наше заявление во всеобщее сведение, так как не сомневаемся, что найдутся желающие присоединиться к нему. Шабельский, Вера Языкова, Прокофьева, Трофимов, Евдокимов, Лианов, С. Берг, Вронская, Е. Борецкая, Красовский, Неволин. Василенко, Козырева, Н. Урванцев, Жданов, В. Сераковский, П. Баратов, А. Сурин, Г. Сурин-Арсиков, А. Сашин, Кондрат Яковлев, П. Гайдебуров, Колычев, Боярская, Богуславская, Ив. Григорьев, Кутаисов, Винсерский, М. Степанов, А. Бежоева, Я. Кручинин, Л. Лейферт, М. Мячин, Адрианов, Гловацкий, Карпов, Ланин, Козырев, Троянова, Гурская, Ив. Мишин, Рудина, Кондратьева, Михайлов, Дарьял, М. Кириков, М. Диевский, В. Целерицкая, Васильева Боне, Далина, Всеволод Блюментальтамарин, М. Палянин, Л. Садовников-Ростовский, В. Инсаров, Иосиф Герц, М. Циммерман, Крюков, Киенский, Ставский, Павловский, Клеманский, Николай Мальский, Александров, С. Маковецкий, Е. Рощина-Инсарова, Денисьев, Октавин-Вепринский, В. Вадимов, Гаярова, Ларина, Полякова, Агуляньский, Лидия Яворская, Мордвинов, Грузинский, Ирлатов, Назаров, Эльдинова, Хворостов".

М. г., г. редактор! Не откажите в любезности на страницах Вашей многоуважаемой газеты поместить и наше заявление о том, что и мы, нижеподписавшиеся артисты СПБ. попечительства о народной трезвости, присоединившиеся к всероссийскому союзу сценических деятелей, просим вычеркнуть наши фамилии из списка членов учредителей.

Всецело присоединяемся к заявлению гг. Коммиссаржевской, Красова, Бравича, Озаровского и др.

Артисты СПБ. городского попечительства о народной трезвости: В. Трофимов, А. Угрюмов, А. Шабельский, Вас. Голубев, Е. Борецкая, В. Евдокимов, Вера Языкова, Л. Красовский, О Вронская, С. Берг, Г. Н. Гришин, А. Лианов, О. Прокофьева, П. Стоянов.

К обществу.

Граждане!

На заводе военно-врачебных заготовлений рассчитывают рабочих... Целые сотни семейств по произволу казнокрадов начальников обречены на голодовку. Медленно, с наслаждением казнит начальник Чубыкин своих рабочих: 4 ноября рабочие каждый день идут к заводу за расчетом, но царьку Чубыкину нужно подольше продлить свое наслаждение издевательством над рабочими, а потому ежедневно получают расчет не более 10 человек. При расчете в книжках делаются пометки: „за неявку на работу". Разве это не издевательство: закрыть завод, приставить к воротам солдат со штыками и обвинить рабочих в неявке на работу! Паразит, разжиревший на краже нашего пота, судит нас за дело борьбы всего русского народа, за забастовку, избавившую сотни кронштадтских моряков от смертной казни. Чубыкин казнит нас за то, что мы не стали по его приказанию работать на второй же день забастовки, но не ему, паразиту, судить рабочих за их революционную борьбу! Нет, не далек уже день суда народного над этими палачами!.. Голодом хотят смирить нас гг. Чубыкины, но пусть они знают, что голодный враг опаснее врага сытого! Граждане! Военный министр, под ведением которого находится наш завод, делегатам, посланным узнать: откроется завод или нет, сказал: „Открытие завода зависит от начальника завода Чубыкина — я не при чем"...

И вот, по милости этого начальника, 600 человек стали лицом к лицу с нищетой и голодом. Граждане! мы надеемся, что вы не оставите нас вашей моральной и материальной поддержкой. Мы со своей стороны бодро и смело глядим в глаза ожидающим нас лишениям, и лозунг: „Да здравствует демократическая республика и борьба за социализм" более чем когда-либо остается нашим лозунгом.

Рабочие завода военно-врачебных заготовлений.

Иностранный отдел.

Из Франции.

25 (12) ноября.

Русская революция пугает всемирную буржуазию. Русская революция заходит слишком далеко... Строй, который по справедливости называли „жандармом европейской реакции", падает, разрушается с неудержимой, роковой силой. Белый флаг востока, флаг „мира", „порядка", „спокойствия", покраснел; блестящий красивый фасад пал, и за ним на глазах всего мира обнаружился старый, гнилой разлагающийся организм. Самодержавие предстало перед всей Европой во всей своей бедности, слабости, бессилии. Ему ли защищать теперь троны Австрии и Германии, ему ли по силам выручать французскую буржуазию от угрожающего ей рабочего напора?

А французская буржуазия боится особенно, боится за свое социальное господство, боится потери союзника, боится плохого примера, боится за деньги... Каждое поражение русских армий в Манджурии все больше и больше рассеивало иллюзии здешней буржуазии... Мелкие и средние рантье, владельцы русских бумаг, верить не хотели, все ждали чудес, молились на план Куропаткина... После каждого поражения они утешали себя надеждами на будущие победы. За день до падения Порт-Артура они говорили: „Порт-Артур не капитулирует". Порт-Артур капитулировал. „Россия отомстит на море".

Сгнозилось ясно, что государственный механизм в России нуждается в поправке, что его отказывающиеся работать колеса нуждаются в „либеральном" масле. Но когда российское самодержавие упорно отказывалось даже от подмасливанья... либералов, когда 9 января царское правительство ответило на мирную рабочую манифестацию нагайками и пулями, тогда французская буржуазия вся целиком вознегодовала, тогда идеологи ее возвещали urbi et orbi: „Наконец-то Франция стала Францией, Францией Великой революции, республики, прав человека и гражданина". Вся буржуазия (за исключением монархистов) присоединялась к социалистам на митингах протеста, которые устраивали последние, вся буржуазия угрожала порвать союз с Россией, не давать больше ни одного су своим „союзникам и друзьям", вся буржуазия стала сторонницей русского освободительного движения и, потеряв окончательно веру в силу русского оружия, уже начала сближаться с Англией, Италией, Испанией.

Но по мере того, как в России все больше и больше развертываются революционные события, по мере того, как либералы все чаще и чаще „братски" протягивают руку правительству, а рабочий класс все резче и энергичнее отстаивает свои пролетарские требования, во Франции в это время, в буржуазной Франции место сочувствия, экстазов, восторгов занимает еще глухой, но упорный ропот: „Деньги! Наши деньги!". Лавочники, чиновники, кабатчики, мелкие и средние рантье, словом, все те, деньги которых исчезли в бездонных карманах самодержавия, все дружным хором, без различия партии, вопиют: „Деньги, деньги, деньги!" Куда тут до принципов! Бонапартист ругает самодержавие, кричит: „Да пусть хоть Россия республикой будет, лишь бы нам деньги вернули". Республиканские органы не прочь бы увидеть в России хотя бы военную диктатуру, хотя бы 18-е брюмера какого-нибудь российского авантюриста, но лишь бы только деньги вернули. Антисемит Дрюмон впадает в отчаяние: „Думаете ли вы,—пишет он с горечью,—что крестьянское большинство будущего Учредительного Собрания займется расплатой с французскими кредиторами погибшего строя?"

Радикальная буржуазия еще надеется, что революция остановится, что конституция 17 октября будет последним словом ее; радикал Можан хвалит русских рабочих за то, что они в первой всеобщей стачке выставляли только политические, общенациональные требования, надеется, что русский рабочий, добившись политической свободы, примется за работу, начнет обогащать Россию, даст ей возможность продолжать „честно" уплачивать свои долги. Радикал-социалист Клемансо ругает графа Витте за то, что он не спешит осуществлением конституции, за то, что дает буре усиливаться... А продажный редактор мелкобуржуазной „социалистической" газеты Жеро-Ришар умоляет либералов принять, то есть широко раскрыть об'ятия „премьеру", скорей восстановить порядок.

Только социалисты, одни социалисты говорят с полным правом буржуазии: „Случилось то, чего мы ожидали, чего мы хотели. Не наше дело, не дело наших русских товарищей спасать теперь от всеобщего краха те деньги, которые французские капиталисты дали России на усиление в ней реакции, на содержание башибузуков-казаков, на кровопролитную манджурскую войну... Вы, капиталисты, дали России чуть ли не 13 миллиардов, — значит вы этого хотели: пеняйте же только на себя, если будущее революционное правительство прекратит уплату вам ренты, декретирует банкрот... Революции нужны деньги,—

а какое лучшее средство для нее иметь деньги, как не банкрот? Разве Великая французская революция не поступила так же?"

И в последнем номере органа французской социалистической партии „Le Socialiste" Поль Лафарг пишет, что даже нынешнее правительство в России, если оно продержится еще 6 месяцев, должно будет декретировать банкрот, хотя бы частичный. В июне текущего года профессор Байод, член прусского статистического бюро, писал, что русский министр финансов обратился к иностранным экономистам с запросом о том, как отнесутся в их странах к частичному понижению процентов русского займа.

Час расплаты наступает, и французский рантье, так мало интересовавшийся, так мало знавший раньше Россию, с жадностью набрасывается теперь на газеты, чтоб скорее и прежде всего прочитать телеграммы из России, и как хмурится он, как огорчается, как дрожит, читая про рабочий класс в России, читая про роль социал-демократической партии, читая, что русский рабочий уже научен горьким опытом французских товарищей в июньские дни 1848 года... Французский буржуй боится, боится за деньги, боится плохого примера...

В рабочих кругах во Франции только и говорят про русскую революцию, благоговеют перед ней! В ней видят они могущественный импульс своей классовой революционной борьбы, они помнят слова Маркса, что русская революция будет прелюдией к всемирной социальной революции, готовятся к ней... Больше решительности, больше энергии проявляется в их действиях. Агитаторы из всеобщей конфедерации труда говорят пролетариям: „Мы назначили завоевание 8-часового рабочего дня на 1 мая 1906 г., а наши русские товарищи уже проводят его революционным путем; у нас преследуют профессиональные синдикаты рабочих и служащих в государственных предприятиях, а в России наши товарищи уже открыто устраивают их... Учителя вступают в социал-демократические организации, почтово-телеграфные служащие, не как рабочие, а как свободные граждане, требуют своей доли благосостояния и счастья".

И с какой искренней радостью, с каким торжеством приветствуют наши французские товарищи появление в России, в самом Петербурге, первого социал-демократического свободного органа печати — „Новой Жизни".

Линдов.

Польша и Литва.

В Варшаве, как известно, по распоряжению варшавского генерал-губернатора Скалона, арестован и предан суду известный писатель Серошевский. Поводом к его аресту послужил факт опубликования в „Kuryerze Codziennym" („Ежедневном Курьере") следующего воззвания: „Граждане! Свободы достоин только человек свободный, человек, которого насилие обратило в узника, но дух которого непреклонно стремится к осуществлению своих прав. Не верьте обещаниям, не ждите разрешений; стремитесь к немедленному осуществлению прав, добытых самопожертвованием и мужеством рабочего народа. Пусть газеты выходят без цензуры, как это нам обещано; пусть собираются на площадях и всюду, где это возможно, многолюдные веча, пусть совещаются на них о способах осуществления нужд и учреждений законодательных. Пусть каждый, не щадя сил и средств, приложит все старания для достижения последней победы. Но, прежде всего, пусть освободят из тюрем братьев наших, дорогих нашему сердцу борцов; пусть уничтожат немедленно военное положение. Пока оно существует, все обещания останутся обманчивым миражем".

Одновременно с этим воззванием Серошевский поместил в той же газете второе воззвание: жертвовать в пользу социалистической партии (P. P. S.).

Поэтому Серошевский предан военному суду по статье, которая грозит лишением всех прав и ссылкой в каторжные работы.

В Варшаве арестован писатель Френкель, вице-редактор газеты „Nowiny" („Новины"), за то, что держал у себя на квартире нелегальные издания.

Сувалкским генерал-губернатором издано следующее обязательное постановление: „Пекари, торговцы мясом, рабочие по пекарням и на скотобойнях, портные, рабочие на кожевенных и щетинных заводах, а равно и рабочие других мастерских за прекращение, по предварительному между собой соглашению, работ, с какою бы то ни было целью, подвергаются в административном порядке заключению до 3 мес. в тюрьме (или крепости). Город Сувалки, 3 ноября 1905 года. Времен. генерал-губернатор Сувалкской губернии генерал-лейтенант Гульковский".

Аналогичные „постановления" изданы генерал-губернаторами остальных губерний Царства Польского.

В Вильне.

Городская дума препроводила губернатору проект организации городской милиции. Губернатор принципиально соглашается ввести ее, но требует, чтобы она была вооружена не огнестрельным и холодным оружием, а деревянными палками.

Черносотенцы, при содействии полиции, вооружаются огнестрельным и холодным оружием, а городскую милицию предполагают вооружить деревянными палками. Хороша самооборона — хорош противовес!

В Вильне.

Забастовали рабочие всех таможенных лесопильных заводов. Забастовщики пред'явили исключительно экономические требования. Некоторые из предпринимателей решили уже удовлетворить эти требования.

В Ковне.

Состоялся многочисленный митинг еврейских рабочих, организованный ковенским социал-демократическим комитетом „Бунда".

В Вильне.

По слухам, сюда отправился знаменитый черносотенник Крушеван, под псевдонимом Иванова, со специальной миссией устроить погром. Этот черносотенник, вероятно, найдет там подготовленную тамошней администрацией почву для своих гнусных похождений.

Думаем, что местные рабочие встретят достойным образом черносотенного вождя.

Происходил митинг железнодорожных служащих, на котором была вынесена следующая резолюция: „Мы стремимся к достижению народного представительства, мы добиваемся созыва Учредительного Собрания на основаниях всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права".

Областной отдел.

Двинск.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Соц.-демократическое влияние быстро растет у нас и выражается массовым вступлением рабочих в ряды партии. 6 ноября был организован местным ком. Р. С.-Д. Р. П. митинг в одном из свадебных зал. Собралось так много народу, что часть стояла на улице. Ораторы говорили о современном положении России, о кронштадтских событиях; предложена и единогласно принята резолюция с протестом против введения в Польше военного положения. Над трибуною, с которой говорили ораторы, нижние чины держали два знамени. На одном из них надпись: „Мы требуем Учредительного Собрания“, на другом, украшенном черным крепом в память кровавых октябрьских дней: „Росс. Соц.-Дем. Раб. Пар.“. Во время перерывов хор рабочих исполнил несколько революционных песен.

По окончании собрания одним из товарищей было предложено организовать в один из ближайших дней уличную демонстрацию. Масса отнеслась к этому сочувственно. Аналогичного характера собрание было устроено в том же помещении и 12 ноября.

После некоторого затишья вновь стали ходить слухи о готовящемся еврейском погроме. Среди войска двинского гарнизона раздаются листки с призывом бить „жидов“, говорят о приезде провокаторов, организующих черносотенцев. Но самооборона тоже организуется очень деятельно и в случае надобности выставит свои легионы еврейских и христианских рабочих против темных сил реакции.

Бр.

Крестцы (Новгородской губернии).

(Корр. „Новой Жизни“.)

В нашем околотке все сильнее проявляются гонения на представителей крайних партий, в частности соц.-демократической, со стороны наших земских заправил.

Руководит этим делом „либерал“, председатель земской управы г. Храповицкий. Первой жертвой явился агроном г. Залога. Над ним был устроен оригинальный „суд“. „Судьи“ — новгородская губернская земская управа в полном составе, 9 агрономов, председатель крестецкой земской управы г. Храповицкий. Председательствовал председатель губернской управы г. Колюбякин, „обвинял“ г. Храповицкий. Роль „присяжных“ играли, очевидно, агрономы. „Суд“ происходил при закрытых дверях. Все усилия обвинителей направлялись к тому, чтобы заставить „преступника“ отречься от своих убеждений и подчиниться гегемонии земства. Главные мотивы, выставленные „прокурором“, — якобы нерадивое отношение Залоги к земству и возбуждение населения против последнего. Агроном без разрешения „чинов“ рассылал по уезду опросные листки по аграрному вопросу хотя и самого мирного характера, но все же возбуждающие население. Говорилось также о том, что социал-демократы совсем не могут служить в земстве, ибо они „против него“. „Обвиняемый“ пытался доказать, что он не противник земства, что он приветствует его постольку, поскольку оно действует в интересах народа. Обвинялся Залога еще и в том, что он публично говорил о несправедливости земского обложения и этим подрывал доверие к земству и т. д...

В конце концов был вынесен „приговор“ о переведении г. Залоги из Крестецкого уезда в другой уезд, хотя можно с уверенностью сказать, что его и там едва ли долго потерпят.

Вторая жертва гонений — народные учителя. Последние на предложение г. Храповицкого присоединиться к политически-профессиональному союзу, на заседании школьной комиссии ответили, что они уже присоединились к профессиональному союзу, а потому таковое предложение не принимают. На это г. Храповицкий, при закрытых дверях, сказал приблизительно следующее: „Я сейчас буду говорить с вами, господа, не как Александр Павлович, а как председатель управы. Я вижу, что среди вас есть элементы крайних партий, идущих в разрез с желаниями земства, а потому заранее советовал бы им уходить со службы земства и для своей деятельности подыскивать более подходящие учреждения“. Не приходится сомневаться, что этот приговор скоро будет приведен в исполнение.

Наконец, намечаются и служащие канцелярии и, видимо, этим пока ограничится „прогрессивная“ деятельность земства по части завоевывания доверия населения.

Гродно.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Арестованные артиллеристы переведены в Августово (Сувалкской губ.) за исключением 12—15 чел., из которых часть находится под арестом в Вятских казармах, а часть — на военной гауптвахте. Следствие ведет военный следователь капит. Городыский. Ожидается приезд прокурора Виленского военно-окр. суда Дорошевского, прославившегося своей кровожадностью в процессах Леккерта и Маньковского.

Сегодня, 14 ноября, состоялось созванное В.-Рев. Орг. собрание солдат из всех частей гродненского гарнизона (кроме казаков); присутствовало 140 чел. (многие стояли на улице, за теснотой помещения, и не могли проникнуть на собрание). Говорили оратор от В.-Р. Орг. и несколько солдат.

Солдатами принята след. резолюция: „Мы, солдаты гродненского гарнизона, собравшись в числе 140 чел. на политический митинг и обсудив события в гродненском гарнизоне и в войсках всей России, высказываем свое глубокое негодование по поводу ареста наших товарищей-артиллеристов и заявляем, что их требования — наши требования и что мы будем стойко бороться за полное их удовлетворение. Мы выражаем также свое сочувствие и полную солидарность с теми матросами и солдатами, которые (в Одессе, Кронштадте, Севастополе и др.) восстали против начальства и правительства и присоединились к революционному рабочему народу, защищающему свои человеческие права и требующему свержения правительства и созыва Всенародного Учред. Собрания“.

— 12-го вечером в зале Сапочинского состоялся рабочий праздник по поводу 8-летней годовщины „Бунда“. Присутствовало 700—800 чел. Зал был декорирован красными флагами. На стене, около трибуны ораторов и президиума, выделялись на красном фоне портреты Маркса, Лассаля и Бебеля. Рабочие и работницы были все с красными бантиками. В 8 часов президиум открыл собрание. Оркестр музыки проиграл туш, затем при аккомпанементе музыки хор пропел „Марсельезу“. После нескольких горячих слов товарища из президиума о погибших товарищах все присутствующие встали с своих мест, музыка заиграла похоронный марш, а хор пропел: „Вы жертвою пали в борьбе роковой“. Затем начались речи, пение, танцы.

На праздник явился и непрошенный гость—полицеймейстер. На вопрос, что тут происходит, ему ответили: „празднование 8-летней годовщины «Бунда»“. Ему об'яснили, что указ от 12 октября о собраниях мы не признаем, что будем продолжать свою борьбу попрежнему и т. д. При уходе полицеймейстер просил, чтобы ему предоставили возможность поговорить с кем-нибудь из бундовской организации (за неприкосновенность личности он ручается)...

Поправка. В № 12 „Новой Жизни“ в нашу корреспонденцию вкралась досадная опечатка: на солдатском митинге говорило не 27 ораторов, а только 2-ое.

Сестрорецк.

(Корр. „Новой Жизни“.)

После последней забастовки мы узнали, что решено:

Завод закрыть по распоряжению главн. арт. правления.

Тогда предложили снять остальных рабочих: электрических, водопроводных, кучеров и т. п. Избрали, уполномочили трех человек и привели в исполнение. Тотчас же от генерала по телефону пришло известие: по распоряжению главн. арт. правл. завод открыт, принимайтесь за работу с 2 час. дня. Вышли. Работаем. Но генерал, как истый бюрократ, остался верен себе. На другой же день он вызвал депутатов (избранных в Совет

Р. Д.) и стал допрашивать по очереди: „Ты был в числе тех, которые пришли снять рабочих электрических и водопроводных? или знаешь кто был?“ Депутаты отвечали, что „снимавшие“ были на то уполномочены всеми рабочими, а кто они — не скажем. Недовольный ответом, генерал позвал полковн. Голубицкого и сказал ему: г. полковник, поручаю вам заняться сыском, отыскать и наказать виновных.

И ходит с портфелем п. Голубицкий из мастерской в мастерскую, вызывает по одному, кого найдет нужным, и показания заносит в протокол. Пример заразителен, и как бы с его превосходительством не случилось за усердие того, что случилось с генералом Гроссом.

Слоб. Покровская, Сар. губ. Характерную для настоящего момента картинку дает „Сар. Дневник“:

Сельский сход 6 ноября. Общее число присутствующих достигало по меньшей мере 3.000. Около двух часов бушевал сход, обсуждая способы борьбы с хулиганами, грабителями и т. п. и о полиции.

Было предложено несколько проектов самообороны. Один из них был одобрен сходом; вот его пункты:

1) В случае грабежа, погромов домов, краж и т. п. в вечернее, ночное и другое время жители должны оказывать содействие друг другу, выскакивая на улицу, на защиту обязательно.

2) Лица могут не являться на защиту лишь в случае болезни.

3) Все же находящиеся в домах должны выходить на улицу при первом крике или выстреле.

4) Выстрелы без всякой причины на улицах или во дворах не должны производиться.

5) Лица, не явившиеся (согласно 2 пун.), без уважительных причин на помощь, подвергаются штрафу в сумме трех рублей.

6) Деньги, полученные в виде штрафа, вручаются одному выборному из общественников и должны поступать на поддержку пострадавшим от грабежа или погрома.

7) Подписавшиеся должны указать грабежи, кражи, погромы домов в период с 1900 по 1905 г. включительно.

Оглушительные крики согласия:

— Согласны! Согласны! Хорошо и т. п.

И начался общий хаос непонятного крика и гвалта.

Староста после долгих усилий добивается трехсекундного молчания и спрашивает:

— Как же милиция должна поступать с теми грабителями или ворами, которые будут „утикать“—убегать?

— Убивать! Убивать! — точно по команде рявкнула громада.

Один из ораторов предлагает быть осторожными и не уничтожать старой полицейской власти.

— Полицию не надо! Долой ее! Всю долой! Не надо нам ее!

И. Н. Иванов (председатель волостного суда), став на эстраду, говорит:

— Господа, уничтожение зла у нас началось; пусть полиция, пока не переделан закон, пусть она будет...

— Не надо, не надо!—точно по команде полк солдат, рявкнула громада.

И. Н. Иванов старается успокоить взбушевавшуюся и яростно настроенную громаду. Но она неумолчно ревет:

— Не надо! Не надо полицию!

— Она воров развела! С ворами из половины работала. Довольно!

— Сходи прочь! Не будем слушать тебя! Уходи! — неистово кричит множество голосов. Но г. Иванов не оставляет занятой им позиции. Он в позе проповедника или оратора жестом руки старается усмирить старичков; староста, в свою очередь, беспрерывно звонит колокольчиком и кричит во все горло:

— Помолчите!.. Помолчите!..

И. Н. Иванов. — Мне староста разрешил говорить... Теперь свобода слова...

Но в это время новые крики и свистки:

— Вывести его! вывести его! Вывести! Чего он про пустое говорит! Полицию защищать!.. Вывести!..

Когда сходу было доложено, что земский начальник не утвердил приговор Покровского об-ва об отобрании земли у местного духовенства, поднялись такие крики, такой гам...

— Да что он нам земский!

— Какое он право имеет... Это наше дело! Довольно потер нам шею!

— Опоздал!

— Теперь новое положение!

И т. п.

Весьма недружелюбно было встречено ходатайство попечителя Троицкой церкви Пономаренко о назначении квартирных денег из общих сумм для священника.

— Отказать!—загремел сход.

Далее сходу докладывается о злоупотреблении местных чинов полиции: пристав получил из кассы волостного правления 105 руб. на содержание своего письмоводителя Шуленко; последний расписывался за полицейского сотского.

— Отобрать!—закричал негодующе сход.

Пристав слободы ходатайствовал перед сходом об оказании ему пособия на канцелярские расходы (бумага).

Но сход категорически отказал.

На одном из прежних сходов сл. Покровской была выбрана комиссия для выработки наказа выборщикам в Гос. Думу. Комиссия приняла следующие пункты:

I. Изменить существующий порядок выборов вообще и выборов в Государственную Думу—в особенности. Выборы должны быть всеобщими, равными, тайными и прямыми. Никто не имеет права пользоваться несколькими голосами, не должно быть для выборов никакого имущественного ценза.

II. Всеми мерами и способами стараться, чтобы все обещанные манифестом 17 октября льготы и свободы немедленно были проведены в жизнь.

III. Снять всякую опеку с российских граждан и в первую голову уничтожить институт земских начальников.

IV. Уничтожить все сословные привилегии. Волость должна состоять из всех живущих в ней граждан, которые несут все общественные расходы и все пользуются равными правами в общественном самоуправлении.

Грузия. Как передает газ. „Цноб. Пурц.“, 2 ноября в Душетском воинском присутствии закончилась жеребьевка. Воинскому присутствию со стороны молодежи были пред'явлены следующие условия:

1) Освобождение политических преступников из душетской тюрьмы.

2) Двухлетняя служба в войске, а для туземцев — в пределах Тифлисской губернии.

3) 5 рублей жалованья солдату и казенная одежда.

Если эти условия не будут приняты, они отказываются явиться на службу.

Присутствие ответило, что рассмотрение и удовлетворение этих требований не зависит от него. Тогда призываемые отказались принести присягу и разошлись по домам.

— В сурамском призывном участке закончилось жеребьеметание. Явились немногие. Большинство из них, по вынутии жребия, скрылись и не явились к принятию присяги.

Одесса. Корреспондент „Коммерч. Росс.“ сообщает следующий курьезный факт.

В одну южную деревню явился социал-демократ и пожелал устроить там митинг. Об этот дошли сведения до урядника. Урядник призвал к себе приезжего и потребовал от него доказательства, что он социал-демократ; у того такового, конечно, не оказалось. Тогда урядник заявил: „Если доставите бумагу, что вы член с.-д. партии, я вам разрешу митинг; если не доставите—не разрешу. Теперь всякий народ шляется“. Товарищ обратился за „свидетельством“ в Одессу, откуда ему таковое за надлежащей подписью и выслали.

Редактор-издатель *Н. М. Минский*.

Издательница *М. Ф. Андреева*.

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 16

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ПЯТНИЦА, 18 НОЯБРЯ
(1 декабря) 1905 г.

Новая Жизнь

С.-Петербург.

18 ноября 1905 г.

Чашки весов колеблются.

Состояние, переживаемое Россией, часто выражают словом анархия. Это неверное и лживое обозначение выражает на самом деле то, что в стране нет никакого установившегося порядка. Война новой, свободной, России против старой, крепостнически-самодержавной, идет по всей линии. Самодержавие уже не в силах победить революции, революция еще не в силах победить царизма. Старый порядок разбит, но он еще не уничтожен, и новый, свободный, строй существует непризнанный, наполовину таясь, сплошь да рядом преследуемый опричниками самодержавного строя.

Такое положение вещей может протянуться еще не мало времени; оно неизбежно будет сопровождаться проявлениями неустойчивости и шатания во всех областях социальной и политической жизни; в этой мутной воде неизбежно будут пытаться ловить рыбу люди, враждебные свободе и прикидывающиеся теперь друзьями свободы в интересах военной хитрости. Но это переходное положение тем вернее приведет к полной и решительной победе революционного пролетариата и крестьянства, чем дольше оно продолжится. Ибо ничто не просвещает до такой степени самых темных масс города и деревни, ничто не возбуждает до такой степени самых равнодушных и самых сонных, как это затяжное разложение самодержавия, осужденного всеми и признавшего свое осуждение.

О чем говорят последние политические события — эта новая и великая стачка почтово-телеграфных служащих, этот рост брожения и революционной организации в армии и даже полиции, эта победа бессознательного и скованного дисциплиной войска над армией свободы в Севастополе, это невиданное еще падение курса государственных бумаг? Они говорят о том, что самодержавие выпускает свои последние выстрелы, расходует свои последние резервы. Даже биржа, верноподданная, буржуазно-трусливая и буржуазно-жаждущая окончания революции, биржа не верит „победителям“ под Севастополем. Эти события говорят о том, что революционный народ неуклонно расширяет свои завоевания, поднимая новых борцов, упражняет свои силы, улучшает организацию и идет вперед к победе, идет вперед неудержимо, как лавина.

Оружие политической забастовки совершенствуется; этим оружием учатся теперь владеть новые ряды работников, без которых единого дня не может существовать современное культурное общество. Сознание необходимости свободы в армии и полиции продолжает расти, подготовляя новые очаги восстания, новые Кронштадты и новые Севастополи.

Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем. Восстание Крыма побеждено. Восстание, России непобедимо.

Пусть же готовятся рабочие-социал-демократы к еще более великим событиям, которые возложат на них гигантскую ответственность!

Пусть не забудут, что только крепко сплоченная социал-демократическая партия может вести к победе пролетариат России рука об руку с социал-демократическим пролетариатом всего мира!

Н. Ленин.

Государственный банк выдавал сегодня под залог ренты всего 37 руб. 27 коп. Правительство Витте знает, что восстание в Севастополе и забастовка телеграфистов не последние удары революции, и предпочитает помещать свои деньги в более надежных ценностях, чем русские государственные бумаги.

Интернационализм революций.

Когда могучий социальный поток проносится над отживающей культурой известного исторического периода, то робкие души ищут покоя и спасения в незаметности своего существования, безличность делается их девизом.

Все же сильные элементы группируются вокруг знамени будущего, которое тем выше поднимается, чем сильнее разгорается борьба; призыв об'единиться, сбросить оковы охватывает все большие и большие массы, которые в такие моменты истории становятся господами положения; революция это—праздник толпы.

Античный мир выдвинул маленькую кучку людей, которая, подняв знамя во имя универсальности, попала в темп истории; призыв: несть эллин и иудей, раб и господин, заставил смолкнуть суровые и узкие положения римского права.

Из всего хаоса разрушения, в котором смешалась греческая культура, вакхическая мистика Востока и железная гражданственность Рима, выделилось одно: христианство, провозгласившее идейно-религиозный интернационализм.

Прошли века; то, что было прогрессивно, отжило свои светлые черты: средневековье, освободившее личность из-под бесконтрольной власти государства, близилось к концу, его идеалы доживали свой век в уединенных замках и монастырях, весь мир как бы распался на крохотные ячейки. Папа пытался об'единить его, но то, что удалось Христу, было невозможно для его намѣстника: христианство, совершив свою историческую миссию, стало реакционно. Зато в самом строе были зачатки будущих идеалов: в песнях трубадура и в кабинете ученого зародились идеи гуманизма. Платон и Гомер показали единство с прошлым, философия, выйдя из узких рамок схоластики, наметила руководящую идею эпохи: идейно-культурный интернационализм.

Снова вековая работа материальной культуры и идейная надстройка начинает давать трещины. Сначала они были невелики: английская революция XVII века не нашла отклика в других странах и сама носила несколько смешанный характер — торжества новых буржуазных идей под маской религиозно-реформатской деятельности.

Через полтора века культура сделала огромные успехи, и Великая французская революция пронеслась над всем миром, как могучая буря. Она уничтожила старый строй, родила новый и заложила в него первые зачатки падения.

Революция 1789 года — это первый переворот в новой истории, который играет интернациональную роль, но, бурная и разрушительная, она не дала Европе положительных решений, зато пошатнула феодально-монархические идеалы, и ее преемник, Наполеон, практически разрушил старые курятники немецких князей, главный оплот европейской реакции.

Чтобы судить об интернациональном влиянии французской революции, достаточно вспомнить, что и в нашем диком отечестве она нашла себе отклик сначала в виде идейных течений и конституционных потуг Александра I, потом в виде смелого порыва декабристов.

Но самое важное ее значение для будущего было в том, что она, открыв широкое поле для классовой борьбы, наметила ее зачатки,—идейные вожди пролетариата поняли его особые непримиримые интересы.

Уже следующая революция, 1848 года, разыгралась на другой канве; Маркс характеризует ее следующими словами: „Февральская революция свергла конституционную монархию в действительности и господство буржуазии в идее“.

Эта революция нашла уже не только идейный, но и реальный отклик по всей Европе, он был ослаблен и искажен, но показал огромный прогресс культурного об'единения сравительно с концом XVIII века.

Атмосфера революционной борьбы конца 40-х годов выразилась в величайшем мировом призыве: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ Этот призыв стереть национальные границы, разбить личные цепи провозгласил материально-культурный интернационализм грядущей социальной революции.

Быстро, как пылинки стали к магниту, стягивались пролетарские силы вокруг нового знамени. Трудна была борьба с силами реакции. Идейно побежденная буржуазия была еще крепка на деле и упорно разбивала первые попытки: под ее ударами пал интернационализм, в крови была утоплена парижская коммуна. Но ход исторического развития нельзя остановить штыками, и интернациональная борьба пролетариата, как единого мирового класса, начинает координироваться. Потому-то Великая российская революция, совершаемая рабочим классом, и приковывает напряженно-испуганное внимание буржуазного Запада и вызывает крик торжества в груди каждого рабочего.

Культурное единство наций уже так тесно, все интересы так сплелись, что социальное движение в одной стране необходимо вызывает отклик в другой. Посмотрите на западно-европейского революционера, с какой жадностью он хватается за каждое известие о русских событиях. Девятое января перевернуло всю внутреннюю французскую политику; петербургская кровавая баня расколола Bloc, поставив ребром вопрос о положении в нем социалистов; агитация по поводу русских дел послужила, как злобно отмечают буржуазные газеты, платформой для об'единения гедистов и жоресистов в одну социалистическую партию, в программе которой восторжествовали революционные принципы.

А как сжались трепетные сердца буржуазных политиков, когда над героем „Потемкиным“ взвился красный флаг, символ свободы и борьбы, показавший, что близок час, когда падут последние твердыни рабства! И, ему подражая, маленький крейсерок германского флота „Цезарь“ отсалютовал Вильгельму грязной тряпкой вместо имперского флага. Теперь же развиваются события более крупного калибра и находят быстрый отклик. Ничтожный деспот маленькой Черногории спешит дать куцую конституцию, убоявшись судьбы своего покровителя. В Австрии наносятся монархизму удары тем же оружием — политической стачкой. Пролетариат других стран внимательно следит за развитием движения, которое должно сбросить оплот мировой реакции, уничтожить интернационального жандарма; что готовит к этому близкому празднику рабочий класс — вот загадка для европейской буржуазии.

Странный сфинкс стоит перед ней, готовый к прыжку. Сейчас или с новой бурей придет разгадка, это неведомо никому, но ясно лишь одно: Россия представляет теперь огромный костер, готовый зажечь гигантский мировой пожар. Так вперед же, товарищи! Пусть нам принадлежит честь первых ударов буржуазному строю, мы не готовы к его разрушению, но там, на развалинах коммуны, готова вспыхнуть красная, социалистическая революция; пойдем же до конца во имя ее: долой сделки, да здравствует борьба до конца!

В. Волгин.

Русская печать.

*** Брожения в деревнях нет. Голода нет. Да, собственно говоря, и аграрного вопроса нет. Послушать „Новое Время“—так все это выдумано революционерами. Нельзя, видите ли,

отождествлять со всем крестьянством кучку громил, несомненно знающих, чего они хотят, но ведущих за собою толпу обезумевших, а иногда и прямо обманутых людей, совершенно не сознающих, что они делают.

Газета негодует при мысли, что крестьянское самосознание может проявляться в таких ужасах, как

в разгроме владельческих усадеб, в осквернении церквей,

и особенно — страшно даже и подумать! —

в вырезывании языков у живых лошадей и в переламывании ног у коров.

Переломить ногу корове — на такое ужасное преступление крестьянин, разумеется, неспособен. Но вот, когда ноги переламывались, языки вырезывались и глаза выкалывались не у коров, а у людей — тогда не возникало сомнений, что это делал народ, а не мерзавцы, нанятые полицией. С божьей помощью, каков оборот!

Через абзац говорится:

Я глубоко убежден, что в указе 3 ноября мы уже имеем решение аграрного вопроса, и ни минуты не сомневаюсь, что, если бы крестьянству можно было спокойно и обдуманно высказаться по этому вопросу, то оно всецело примкнуло бы к этой программе.

А как же дополнительные наделы, о которых так хлопочет крестьянство?

По моему глубокому убеждению, наделять землей какого-нибудь бездельника только потому, что и у него сократился надел 61 года, значило бы беспутно расхищать государственное достояние.

Убеждения — хорошая вещь, а тем более глубокие убеждения. Из глубины их немудрено и не досмотреть, что „бездельников“ с сократившимися наделами в России 30 миллионов, и что имения великих князей и помещиков не суть государственное достояние. Что же касается казенных земель, то боже упаси допустить, что доходы с них расхищаются. Все идут на нужды народа.

Впрочем, убеждения — убеждениями, а и деньги вещь не плохая, можно и „бездельников“ наделить,

если теперешним собственникам земли будет возмещена ее стоимость по добросовестной оценке, не преуменьшенной в виду происходящих теперь погромов и беспорядков.

Содрать с крестьян деньги и наградить ими помещиков — вот верный путь для того, чтобы охранить „государственное достояние“. „По моему глубокому убеждению“, крестьяне скажут спасибо.

* * * Диалог на современные темы. Беседуют председатель комиссии о печати г. Кобеко и репортер „Биржевых Ведомостей“.

Отрывок первый.

Кобеко.

Что же—революция продолжается! Теперь забастовка почты и телеграфа. Готовятся... Крайние партии жаждут волнений. Но не довольно ли крови... Чего они хотят?

Репортер.

Крайние партии — не поклонники насилия ради насилия. Кто вызывает революцию — не тот ли, кто не уступает старого режима без боя? Революционные партии не начинают с „сильных средств“, прибегая к ним только тогда, когда нет иного исхода, когда полумеры преступны, как задерживающие процесс оздоровления....

Отрывок второй.

Репортер.

Будет ли сохранено главное управление по делам печати?

Кобеко.

— Да. Но не в таком количестве останутся в Петербурге его чиновники. Они будут раскассированы по провинции, где потребуется учредить как несколько цензурных комитетов (в университетских городах), так и—всюду—отдельных цензоров, для наблюдения за печатью и немедленного донесения прокурору о замеченных преступлениях и принятии мер к конфискации преступных сочинений...

Отрывки дополняют друг друга. Второй — ключ к пониманию первого. Неприятно, что революция продолжается, когда в принципе было уже решено сохранить все по-старому: и оклады, и штат, и полномочия. И вдруг все пойдет прахом. Печальна меланхолия увядания.

Ждем беседы в „Биржевых Ведомостях“ о других вянущих ведомствах, напр. департаменте полиции. Или там настроение бодрее?

Дело „о преступном сообществе“.

(Из архива Департамента Препон.)

Обвинительный акт. В конце прошлого, 1904-го, и начале сего, 1905-го, годов в столицах, С.-Петербурге и Москве, а равно во многих провинциальных, особливо приволжских, городах местная администрация обратила внимание на многочисленные обеды и ужины, устраиваемые различными лицами по преимуществу так называемых свободных профессий, с соучастием неблагонадежных элементов, как-то: бывших студентов, бывших курсисток, лиц административно-сосланных или ранее бывших в ссылках и находящихся под негласным надзором. Тогда же было замечено, что среди обедавших и ужинавших, помимо совместного вкушения пищи, существует какая-то тайная связь преступного характера, почему, согласно распоряжения петербургского Департамента Препон, местными охранными отделениями и членами сыскной полиции был установлен самый тщательный надзор. 5 ноября прошлого года было с несомненностью установлено, что на сих обедах и ужинах говорятся речи дерзкого характера, направленные к дискредитированию правительственной власти, и произносятся тосты явно преступного характера, имеющие в легко скрытой форме намерение ниспровергнуть в более или менее отдаленном будущем существующий в Российской Империи государственный строй. Из поступающих от агентов сыской полиции сведений выяснилось, что почти на всех обедах и ужинах, о коих помянуто выше и кои именовались участниками „политическими банкетами“, принимают наиболее активное участие следующие лица: 1) присяжный поверенный Василий Алексеев Болтунников, 2) приват-доцент Сосулькин, 3) девица Надежда Довериева, 4) студент Иван Молодятников, 5) землевладелец князь Валериан Николаевич Потрясаев и некоторые другие лица, имена и фамилии коих остались невыясненными. За вышеозначенными лицами был установлен особливо-тщательный негласный надзор, в результате коего было установлено, что девица Надежда Довериева проживает в России по подложному паспорту, выданному якобы канцелярией бывшего виленского генерал-губернатора князя Святополк-Мирского, в действительности же означенная девица есть проживающая на нелегальном положении ино-

странная подданная, вдова мануфактур-советника Конституциева, находящаяся в интимных отношениях с известным русским эмигрантом Петром Струве, издающим за границею нелегальный орган под именем „Освобождение“. По донесении о том в Департамент Препон последним было сделано распоряжение немедленно арестовать означенную девицу Довериеву и произвести в занимаемой ею квартире обыск. В ночь с 19 на 20 февраля сего года дом, где проживала девица Довериева, был оцеплен чинами охранного отделения и местного жандармского управления, а полковник Живодеров совместно с товарищем прокурора г. Тормазом, приставом Костоправовым и несколькими понятыми направились к квартире вышеозначенной девицы, г-жи Довериевой. На просьбу отпереть дверь изнутри последовал женский голос, произнесший: „кто там?“. В виду того, что вслед за этим вопросом в квартире последовали шум и крики, явно направленные к сокрытию преступления, полковник Живодеров приказал унтер-офицеру Усову и вахмистру Поленову взломать двери, что и было ими исполнено без промедления. Когда полковник Живодеров и товарищ прокурора г. Тормаз с понятыми вошли внутрь квартиры, то застали там всех вышепоименованных лиц и еще лицо духовного звания, оставшееся невыясненным, при чем присяжный поверенный Болтунников, приват-доцент Сосулькин и князь Потрясаев жевали какие-то бумаги, с видимым намерением проглотить оные и таким путем сокрыть какие-то документы. Присяжный поверенный Болтунников сокрыл имеющийся в его рту документ с помощью глотания, что же касается приват-доцента Сосулькина, то последний сего совершить не успел вследствие того, что вахмистр Поленов побудил означенного приват-доцента Сосулькина, путем своевременного легкого нажатия горла, выплюнуть содержимое. На вопрос, с какою целью последний жевал бумагу, приват-доцент Сосулькин от ответа уклонился, а бывшая рядом с ним девица Довериева произнесла слова: „все равно, всего не с‘ешь“. При рассмотрении отобранного у г. Сосулькина и по возможности восстановленного документа, последний оказался программой партии, именующей себя „Партией политического освобождения“ и имеющей целью в более или менее отдаленном будущем ниспровержение существующего политического строя. Об‘явив всех присутствующих арестованными, прибывшие приступили к обыску, при чем под кроватью, занимаемой девицею Довериевой, было обнаружено до 108 пудов различных „резолюций“ преступного характера, явно свидетельствующих о принадлежности всех поименованных лиц к „Партии политического освобождения“. На вопрос, с какою целью все означенные лица собрались в квартире г-жи Довериевой,—князь Валериан Николаевич Потрясаев произнес: „находимся в гостях, на именинах у хозяйки квартиры“; когда же полковник выразил сомнение, что тезоименитство Надежды бывает только однажды в году, а именно: 17 сентября, то князь Валериан Николаевич Потрясаев заметно смутился и ничего не ответил. На вопрос, обращенный к девице Довериевой, действительно ли она девица Довериева, а не какое-либо иное лицо, последняя дала утвердительный ответ, а когда полковник Живодеров показал ей фотографический портрет, снятый с нее за границею, и спросил: „не знакомо ли ей лицо сие по фотографии и не есть ли означенное лицо вдова мануфактур-советника Конституциева, — г-жа Довериева, густо покраснев, признала: „Это моя сестра, мы очень похожи друг на друга, и нас легко смешать не только властям, но даже и родным“.

При личном обыске, произведенном в присутствии понятых, у означенных выше лиц было обнаружено: в наружном кармане шубы князя Потрясаева — свернутый вчетверо, видимо бывший в долгом употреблении, 15 № нелегального органа „Освобождение“ за 1903 год; у лица, именующего себя девицей Довериевой, найдено сокрытое под лифчиком письмо с пометкою „Штутгарт 23/II н/с“, начинающееся словами: „Милая Конституция“ и оканчивающееся словами „твой Петр Ст.“ (фамилия написана неразборчиво, но нет оснований отвергать, что написано — „Струве“); в жилетном кармане студента Молодятникова был обнаружен правильной формы небольшой продолговатый кусочек сплава свинца и олова, по показанию эксперта, очень похожий на старую стертую типографскую букву „о“; на вопрос, что это за предмет и с какою целью студент Молодятников имеет его при себе, последний дерзко ответил: „чорт его знает“. Когда вахмистр Поленов и унтер-офицер Усов приступили к личному обыску двух неизвестных лиц, повидимому, рабочего и лица из духовного звания, студент Молодятников как бы нечаянно погасил лампу, и в происшедшей темноте последовал выстрел, вместе с тем лицо из духовного звания нанесло полковнику Живодерову сильный удар в голову тупым орудием, как впоследствии выяснилось, рамою от портрета китайского императора, и в происшедшем переполохе именующая себя девицею Довериевой, студент Молодятников и два лица неизвестного звания успели скрыться и до сих пор не обнаружены.

Остальные, затем, лица были схвачены без особого сопротивления и, по составлении надлежащего протокола, под усиленным конвоем были препровождены в местный тюремный замок.

На основании вышеизложенного и вещественных доказательств: 1) 108 п. 17 ф. резолюций преступного характера, 2) изжеванной приват-доцентом Сосулькиным „Программы партии политического освобождения“, 3) номера 15 нелегального журнала „Освобождение“ за 1903 год, 4) письма, начинающегося словами: „Милая Конституция“, 5) свинцовой буквы „о“ и 6) обломков рамы от портрета китайского императора, поименованные лица: а) присяжный поверенный Болтунников, б) приват-доцент г. Сосулькин и в) князь Валериан Николаевич Потрясаев привлекаются к делу по обвинению их в преступном сообществе, именующем себя „Партией политического освобождения“ и имеющем в более или менее отдаленном будущем ниспровержение существующего в Империи строя и в оказании вооруженного сопротивления при их задержании в ночь с 19 на 20 февраля сего года в квартире скрывшейся, именующей себя девицею Довериевой, по Мещанской улице в д. № 4, т. е. по ст. ст., и предаются суду Н-ской судебной палаты с сословными представителями.

Показания обвиняемых. Присяжный поверенный Болтунников показал: на обедах и ужинах, называемых „политическими банкетами“, не раз присутствовал, но не слыхал, чтобы когда-либо произносили там революционные речи или тосты, и сам оных не про-

износил. На означенных обедах и ужинах участвовал без заранее обдуманного намерения и никаких косвенных целей не преследовал, помимо желания утолить голод и жажду, в чем не находил ничего предосудительного. После одного из таких ужинов не помнит кто именно, действительно, говорил, что „не надо царя“, но говорил это не в том смысле, что отрицал самодержавие, а исключительно имея в виду, что царь уже имеется, и нет никакого основания желать еще одного царя. Будучи в хмельном состоянии, действительно, пел, но отнюдь не „Марсельезу“, а „Боже, царя храни“, но лишь другим напевом. С девицей Довериевой познакомился на балу в Дворянском собрании, случайно наступив ей на платье и заговорив по сему поводу. В ночь на 20 февраля зашел к ней, случайно проходя мимо, выпить чашку чая. Г. Сосулькина знает только по его научным трудам в области физиологии и впервые в тот день узнал при обыске, что именно это и есть известный физиолог Сосулькин. С князем Потрясаевым знаком поверхностно, познакомился в „Аквариуме“ и никак не предполагал, чтобы он мог примыкать к какому-нибудь преступному сообществу. Что было под кроватью у девицы Довериевой, не знал и к найденным там „резолюциям“ никакого отношения не имел. Что проглотил при обыске, не знает, ибо сделал это машинально.

Приват-доцент Сосулькин показал: на обедах и ужинах присутствовал, но ел мало, ибо страдает отсутствием аппетита; причина его посещения сих обедов была психологическая: в последний год он страдал боязнью одиночества и искал шумного общества; на одном из банкетов говорил о конституции, но отнюдь не политической, а физиологической; предполагает также, что тайные агенты, быть может, присутствовавшие на банкетах в виде лакеев, по своему низкому развитию могли спутать часто цитируемое слово „консистенция“ со словом „конституция“. С девицею Довериевой познакомился на публичной лекции и питал к ней влечение, намереваясь впоследствии, по защите диссертации, вступить с означенной девицей в законный брак. О связи ее с русским эмигрантом Петром Струве ничего не знал. Жевал случайно подвернувшуюся под руку „Программу партии полит. освобождения“ по той причине, что еще с гимназической скамейки имел привычку жевать различные предметы, как-то: резину, бумагу и пр. Потребовал записи в протокол, что вахмистр Поленов причинил ему боль сдавлением горла и ущемлением сонной артерии.

Князь Валериан Николаевич Потрясаев показал: к преступному сообществу никогда не принадлежал и не мог думать, чтобы лица, в кругу которых он проводил время с 19 на 20 февраля, имели при себе огнестрельное оружие. С девицей Довериевой познакомился в ресторане „Метрополь“, куда 5 ноября прошлого года поехал ужинать и где происходил, как для него потом выяснилось, банкет по поводу введения судебных учреждений 1864 года. 19 февраля был день рождения девицы Довериевой, а не тезоименитство, как он показал первоначально от волнения, и он, князь Потрясаев, заехал поздравить ее, как это он считал благопристойным для воспитанного человека. Относительно 108 пуд. 17 ф. резолюций преступного характера, найденных в квартире г-жи Довериевой, показал, что возможно, что они куплены для предполагаемой переклейки квартиры, о чем он слышал от г-жи Довериевой неоднократно. Что касается найденного у него в кармане 15 номера нелегального органа „Освобождение“, то захватил его случайно в отхожем месте губернской земской управы, но не с преступной целью распространения, а лишь потому, что при катарральном состоянии желудка он вынужден всегда иметь при себе газету без различия какого-либо направления. Кто были скрывшиеся лица, кроме Довериевой и Молодятникова, не знает, но предполагает, что именно их-то присутствие и послужило поводом привлечь его, князя Потрясаева, к обвинению в каком-то политическом преступлении. Представил свидетельство о благонадежности, выданное ему, князю Потрясаеву, одесским градоначальником от 10 сентября 1903 г.

Сообщил *Евгений Чириков.*

Учитесь у врагов.

Буржуазные демократы „Нашей Жизни“ открыли поход против „смеси марксизма и барбаризма“. Мы очень советуем всем сознательным рабочим присмотреться внимательно к рассуждению радикальных демократов.

Ничто не помогает в такой степени уяснению политической сущности явлений, как оценка их противниками (конечно, если эти противники не безнадежно глупые люди).

„Нашей Жизни“ не нравится „борьба одной части Р. С.-Д. Р. П. с Петербургским Советом Рабочих Депутатов“, или, точнее, борьба соц.-дем. против „беспартийных“ классовых организаций, как выражается сама газета. Пролетарии должны об‘единяться, — говорят наши радикалы. Значит... значит, правы деятели Совета, которые „стремятся об‘единить весь пролетариат, без различия политического вероисповедания“. И радикалы с торжеством изобличают нас в противоречии с нашим же собственным принципом „классовой борьбы“.

Учитесь у врагов, товарищи-рабочие, сочувствующие образованию беспартийной рабочей организации или хотя бы безразлично относящиеся к этому желанию! Вспомните Коммунистический Манифест Маркса и Энгельса, который говорит о превращении пролетариата в класс по мере роста не только его об‘единения, но и его сознательности. Вспомните пример таких стран, как Англия, где классовая борьба пролетариата с буржуазией идет везде, шла всегда, при чем пролетариат все же оставался разрозненным, его избранники подкупались буржуазией, его сознание развращалось идеологами капитала, его сила распылялась отпадением аристократии рабочих от рабочей массы. Вспомните все это, товарищи-рабочие, и вы придете к убеждению, что только социал-демократический пролетариат есть пролетариат, сознавший свои классовые задачи. Долой беспартийность! Беспартийность всегда и везде была орудием и лозунгом буржуазии. Мы можем и должны итти, при известных условиях, вместе с пролетариями бессознательными, вместе с пролетариями, принимающими непролетарские учения (программу „социалистов-революционеров“), — но ни в каком случае и никогда не должны мы

ослаблять нашей строгой партийности, ни в каком случае и никогда не должны забывать и позволять забывать, что вражда к социал-демократии среди пролетариата есть остаток буржуазных воззрений среди пролетариата.

Н. Ленин.

Москва.

(По телефону из Москвы.)

17 ноября.

Почтово-телеграфный с'езд.

Вчера и утром и вечером в Москве происходили заседания всероссийского с'езда почтово-телеграфных чиновников. На заседаниях присутствовали все делегаты средней полосы России, а также делегаты Харбинского, Енисейского, Красноярского округов и других мест Восточной Сибири. Во время заседания делегаты получили ряд телеграмм, извещающих их о положении дел. К забастовке присоединились Чита, Самара, Пермь. Из Оренбурга была получена телеграмма о том, что на военном совете решено заменить забастовавших почтово-телеграфных чиновников саперами. В Ташкенте саперы работают очень усердно, но из их усердия ничего не выходит. В Харькове поломаны аппараты и схемы, и потому ничего по телеграфу передавать нельзя. В Сибири полная остановка телеграфа и почты—в Томске, Иркутске, Омске, Тайге и в Ново-Николаевске. В других местах Сибири идет частичная забастовка. С'езд заслушал два приветствия: от депутации рабочих Петербурга и депутации Московского Стачечного Комитета. Обе депутации призывали пролетариат, к которому несомненно принадлежат и почтово-телеграфные чиновники, к общей борьбе за общее благо. Оба приветствия были покрыты долго несмолкавшими аплодисментами. Вечернее заседание открылось гастролью полицейского пристава, который пред'явил присутствующим следующую бумагу от градоначальника: „До сведения моего дошло, что в историческом музее должно состояться заседание неразрешенного начальством с'езда почтово-телеграфных служащих. Предлагаю местному приставу принять соответствующие меры и предписываю на основании высочайшего указа 12 октября 1905 г. закрыть заседание, в случае если оно будет открыто, и составить протокол". Бумага была прочтена, но присутствующие подчиниться ей не пожелали. Были отправлены только два депутата к градоначальнику. В 12 часов ночи в зале заседания появилась полиция во главе с исправляющим должность полицеймейстера приставом Ермоловым. Пристав хотел говорить, но ему не дали, и он во главе своего отряда удалился. К этому времени вернулись депутаты от градоначальника и принесли известие, что ни градоначальник, ни почтдиректор ничего против с'езда не имеют и не запрещают его, но и не разрешают. Разрешение должно последовать от министра-президента г. Витте, к которому и рекомендовано обратиться. С своей стороны бар. Медем взялся ходатайствовать в Петербурге о том, чтобы все уволенные чиновники московских почты и телеграфа были приняты обратно, но при непременном условии, что в момент удовлетворения этого требования почтово-телеграфных служащих забастовка должна прекратиться.

После произведенной баллотировки в состав депутации к графу С. Ю. Витте вошли: Двужильный, Залуцкий, г-жа Рак и почтальон Назин. Сегодня депутация выехала в Петербург. На обязанности депутации лежит поставить в известность графа Витте о том, что союз почтово-телеграфных чиновников уже образовался и существует, а затем—о том, что почтово-телеграфные чиновники будут бастовать до тех пор, пока все их уволенные товарищи не будут приняты обратно. Депутация должна посетить также и управляющего министерством внутренних дел П. Н. Дурново, которая должна представить ему в истинном свете отношение к нему почтово-телеграфного мира.

На сегодняшнем заседании было решено, между прочим, отдать себя самих под суд, чтобы выяснить легальность существования союза. С'езд занимался дальше вопросом о том, следует ли получать жалованье 20 числа текущего месяца, и решил этот вопрос в положительном смысле. Были разрешены еще и экономические вопросы.

„Вечерняя Почта" печатает сегодня следующий документ: „Циркулярно. Начальникам почтово-телеграфных контор Московского округа. Начальник главного управления почт и телеграфов в виду получения во многих телеграфных учреждениях так называемых телеграфных записок, скрытно обмениваемых между чиновниками, предлагает иметь строгое наблюдение за недопущением такого нарушения существующих правил. К платным же депешам применять § 62 телеграфных правил. Начальник округа (такой-то), делопроизводитель (такой-то)".

— Почта и телеграф в Москве закрыты и охраняются войсками. Доступ публики в здание почтамта и телеграфа прекращен. Военные телеграфисты оказались не в состоянии удовлетворить своей работой даже потребности правительства. Забастовка почтово-телеграфных служащих распространилась и на все московские вокзалы.

— С'езд почтово-телеграфных чиновников со всех концов России продолжает получать приветствия и выражения сочувствия со стороны товарищей. Сегодня получены следующие сообщения: Щиты. Все забастовали — военная охрана. Самара. Все провода выключены на воздух и аккумуляторы выключены. Пермь. Батарейные провода перерезаны, коммутаторы уничтожены. Восстановление крайне затруднительно. Оренбург. Сейчас происходит военный совет, хотят ввести для работ саперов, которые ничего не умеют. Харьков. Поломаны все аппараты, в порядок приводит механик Леонтьев. Симбирск. В Томске нет сношений с учреждениями Иркутска, Омска и учреждениями др. пунктов Сибири. Из Петербурга получено приветствие и выражение полного сочувствия.

— Крестьяне 14 селений Волоколамского уезда на общем сходе пришли к заключению, что при существующих порядках жить стало тяжело; необходимо, чтобы государственными делами ведали не чиновники, а выборные от всего народа лица, что существующее положение о Государственной Думе никого не удовлетворяет и не может удовлетворить. По мнению крестьян, необходимо: 1) чтобы избирать в Думу мог весь народ без различия сословия, нации, пола, в возрасте не менее 20 лет; 2) особый комитет из выборных от народа должен избирать должностных людей; 3) народные представители должны иметь право обсуждать и решать все государственные дела, а министры должны давать отчет народным представителям за все свои действия. Волость должна быть отменена, и в решении крестьянских дел могут принимать участие все живущие в деревне; 4) все сословные ограничения упраздняются; 5) губернские и уездные учреждения должны находиться в ведении земства; все казенные, частные, удельные и монастырские земли передаются в народное пользование на условиях, выработанных народными представителями в Государственной Думе. Обязательно всеобщее образование за счет государства.

— В Москве сегодня распространился слух, что государственная сберегательная касса подвергнется разгрому. Слух этот вызвал панику. Все стремились брать свои вклады. Касса удовлетворила всех своих вкладчиков и выдала им деньги. Тут же успокаивали публику тем обстоятельством, что кладовая кассы устроена в помещении Государственного банка и так фундаментально, что не боится даже взрыва. Кроме того, сберегательная касса, уплачивая вкладчикам 3 проц., сама наживает 4 проц., и эта операция уже дала в запасный капитал более 100.000.000 руб. Эти красноречивые доводы все же не могли успокоить публику.

— Нам сообщают из достоверного источника, что прокурор не нашел оснований к возбуждению преследования против арестованных членов организационного бюро крестьянского союза.

— В непродолжительном времени в Москве будет издаваться новая газета „Вперед", издаваемая А. П. Сусловым. Задача газеты—выяснение вопросов социально-экономических и политических всего пролетариата: рабочего, крестьянского и интеллигентного. Девиз газеты: „Дело освобождения рабочих есть дело самих рабочих". Газета будет издаваться при ближайшем участии рабочих и крестьян.

— В театре „Олимпия" состоялся первый митинг профессиональных союзов. На митинге присутствовало более 1.500 человек. Кардинальным вопросом на митинге был вопрос: должны ли быть союзы партийными? Большинство присутствующих высказалось за беспартийность союзов.

— Бывший товарищ московского городского головы И. А. Лебедев подал, уже как гласный, заявление в думу о том, как избежать миллионного дефицита, образовавшегося в смете на 1906 г. вследствие улучшения материального положения городских рабочих. И. А. Лебедев утверждает, что бояться дефицита вовсе не приходится, так как улучшение материального положения рабочих, несомненно, отразится на продуктивности работы и покроет вызываемый улучшением расход. И. А. Лебедев против того, чтобы для сбалансирования дефицита дума подняла цену на воду, газ и т. п. Это заявление указывает на коренной поворот в мыслях почтенного гласного.

— Дворники Мясницкой части письмом в редакцию „Московской Газеты" обращаются ко всем своим товарищам и предлагают назначить день для собрания, на котором предположено обсуждение их профессиональных нужд.

— Группа солдат Екатеринославского полка—в собеседовании с полковым священником о. Орловым—просила его раз'яснить значение манифеста 17 окт. О. Орлов в категорической форме заявил, что манифест этот их, солдат, не касается. Солдаты протестовали против этого, заявив священнику, что они такие же граждане, как и все остальные. Один из сильно увлекшихся в споре солдат бросил в о. Орлова подушкой.

— Настроение в Москве крайне тревожное. Исключение со службы членов всероссийского почтово-телеграфного союза, арест членов крестьянского с'езда—вызывают общее негодование, и слухи о могущей возникнуть с 21 числа забастовке в Москве становятся более настойчивыми.

— 17-го в доме Капкова открылся всероссийский с'езд землевладельцев. Заседания с'езда происходят в строжайшей тайне. Только сотрудники „Русского Листка" и „Дня" имеют доступ на заседания. Другим газетам с'езд, по своем закрытии, великодушно предоставил пользоваться стенографическими отчетами „собственного стенографа с'езда". С'езд открылся в 8 ч. вечера. Доминирует популярный дворянин Павлов. Всех присутствующих набралось около 200 человек. Тут и кн. Щербатов, и Бодиско, и гр. С. Д. Шереметев и много других, имена коих ты, господи, веси. Боевым номером программы с'езда является проект закона об ограничении прав евреев.

— 17-го в 5 часов утра арестован товарищ председателя общества взаимопомощи официантов Пудовкин. Депутации официантов, явившейся к градоначальнику с ходатайством за Пудовкина, последний заявил, что арестует и вышлет из Москвы всех членов разных организационных бюро, пропагандирующих стачки. В виду этого заявления московские официанты, решившие сегодня встать на работу, продолжают бастовать.

— Общество любителей духовного просвещения после оживленных прений о церковной реформе постановило: „Выразить в принципе глубокое сочувствие уже решенному созыву всероссийского церковного собора: 1) просить, приблизительно, обозначить время созыва собора, но не ранее, как представлены будут материалы и вопросы для обсуждения на соборе из всех углов России, 2) просить о разрешении епархиальных с'ездов в каждой епархии для выработки материалов собора и 3) просить об образовании особой комиссии, куда бы для подбора поступали материалы всего строя церковной жизни, а не поручать это дело синодским чиновникам".

— Как узнало „Русское Слово", священник-делегат от трех сел Воронежской губернии, бывший на всероссийском крестьянском с'езде и говоривший там речи, теперь арестован.

— 16 ноября в типографию Пашкова поступила книга „Духовный Цветник" издания Маврицкого. Наборщики, не сочувствуя некоторым местам книги, отказались набирать ее. Владелец типографии, найдя заявление наборщиков правильным, возвратил книгу издателю. Все другие московские типографии тоже отказались набирать „Духовный Цветник".

— На Варварке бастующая номерная прислуга ходила по подворьям и снимала прислугу. У „Киевского подворья" стоявший на посту городовой принялся разгонять толпу. Тогда один из толпы выхватил у городового шашку и стал наносить ему удары. Городовой отделался сравнительно легко.

— „Московская Газета" сообщает, что управляющий типографией Левенсона и К°, некий Тульский, стал во главе изменников и, как вор, украдкою от сознательных рабочих отпечатал две черносотенных прокламации с цензурной пометкой.

— Вновь назначенный товарищем министра народного просвещения Герасимов—директор дворянского пансиона-приюта при московской 7-й гимназии.

— В Москве об'единились в союз владельцы гостиниц без крепких напитков и меблированных комнат.

— Во многих казенных винных лавках Москвы сняты вывески и лавки закрыты. В остальных посетителям выдают не более 1 бутылки на человека.

— Метельщики городских конно-железных дорог пред'явили ряд экономических требований и дали городской управе 7 дней срока на ответ, угрожая, в случае неисполнения их требований, забастовкой.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Севастополь.

15 ноября, 10 ч. 55 м. пополудни.

Спб. командиру корпуса жандармов.

Копия департ. полиции.

Сего 15 ноября, 3 ч. 20 м. дня, начался артиллерийский бой: 10 мятежных судов и засевших в казармах матросов с оставшимися верными судами эскадры, полевой батареей, сухопутными войсками. В 5 ч. 30 м. бой окончен. Бунтовавшие суда сдались. Их предводитель отставной лейтенант Шмидт арестован. Утоплен мятежный пароход. Поврежден миноносец. Крейсер „Очаков" горит. Мятежники окружены. Потери неизвестны. В городе ранены случайно несколько жителей, но порядок полный.

Ротмистр Васильев.

Москва, 16 ноября.—Относительно забастовки почтамта и телеграфа собраны следующие сведения: увольнение 5 чинов почтово-телеграфного ведомства повлекло за собой забастовку чинов. Забастовка руководится местным почтово-телеграфным союзом. Первыми забастовали чиновники почтамта в 4 часа 15 ноября; забастовщики произвели шум, в виду чего были вызваны войска и полиция. Сегодня в почтамте никаких операций не производилось. Здание почтамта охраняется войсками. На телеграфе большая часть чиновников забастовала вчера в 6½ часов вечера; они покинули аппаратный зал и, не пред'явив никаких требований, удалились. Небольшой частью незабастовавших чинов телеграфа и воинскими частями действие местного телеграфа поддерживается до сего времени. Прием депеш производится без препятствий, доставка телеграмм адресатам не производится, в виду отказа рассыльных выходить на улицу из опасения нападения со стороны забастовщиков.

Вчера открылся с'езд делегатов почтово-телеграфных организаций, который, обсудив положение, об'явил всероссийскую почтово-телеграфную забастовку, разослав во все концы России депешу.

Владимир, 17 ноября.—Почтово-телеграфные чиновники вчера в 8 вечера начали бастовать; сегодня в конторе военная охрана. Телеграф в уездах сегодня работает.

Варшава, 17 ноября.—Вчера забастовали правительственные телеграф и почта. На третьей версте от Варшавы к Петербургу перерезали правительственные провода, сегодня исправленные. Сообщение восстановлено.

Москва, 17 ноября.—Выборные московского общества старообрядцев, приемлющих священство по Рогожскому кладбищу, постановили гласно заявить, что им ничего неизвестно об организации и существовании союза, присвоившего себе широкое наименование союза старообрядцев. Никто из них в составлении воззвания, опубликованного в одной из московских газет, участия не принимал. Заявление это подписано всеми 24 выборными, в том числе: Кузнецовым, Рахмановым, Рябушинским, Расторгуевым, Трындиным.

Московский Стачечный Комитет реорганизовался, рабочие группы об'единились; делегатский совет и прочие группы образуют свое представительство.

Гродно, 17 ноября.—В уезде начинаются аграрные беспорядки; в городе спокойно, настроение удрученное и тревожное; городовые бастуют.

Москва, 17 ноября.—Рабочие главной складной таможни, получив удовлетворение, стали на работу. Некоторые московские банкиры подняли вопрос об организации собственной частной почты на время стачки. Сегодня по этому поводу состоялось частное совещание представителей кредитных учреждений.

Администрация фабрики тов. Даниловской мануфактуры надеется, что на-днях рабочие приступят к работе.

Забастовали рабочие на шелковой фабрике Жиро, пред'явив ряд требований. На забастовавшей фабрике тов. московской Голутвинской мануфактуры рабочим об'явлен расчет.

Сегодня возвратилась городская депутация, ездившая просить графа Витте о прекращении в Москве грабежей, разгромов фабрик и домов. Граф Витте беседовал с депутатами 40 мин. и обещал полное содействие. Граф Витте отнесся сочувственно к ходатайству депутации о восстановлении должности полицеймейстера и об образовании при генерал-губернаторе неофициального совета из общественных представителей.

Сегодня открылся всероссийский с'езд землевладельцев; присутствует 200 человек; представители печати не допущены, печати будут предоставляться стенографические отчеты. Цель с'езда: ходатайствовать перед правительством о восстановлении прочного порядка и законности в сельских местностях, прекращения беспорядков решительными актами администрации и суда. С'езд выставляет на своем знамени православие, самодержавие, совещательный характер Государственной Думы, преимущество русской народности, свободное пребывание в России всех народов и ограничения для евреев. С'езд осуждает золотую валюту.

Сегодня делегаты почтово-телеграфного с'езда утвердили проект своего союза и отправили депутацию к графу Витте требовать возвращения уволенных служащих. С некоторых вокзалов сняты забастовщиками почтово-телеграфные отделения. Сегодня депутаты почтово-телеграфного с'езда просили генерал-губернатора разрешить им собрания, но генерал-губернатор им отказал, заявив, что это дело министра.

Ковно, 17 ноября.—На продолжавшихся с 16 по 17 ноября выборах в городскую думу, для избрания 32 гласных и 10 кандидатов, оказались избранными всего 25 гласных. Для избрания недостающего числа гласных будет назначено новое собрание.

Москва, 16 ноября.—С возвращением Шипова состоится собрание политического союза 17 октября; наборщики, бойкотировавшие союз за протест против созыва Учредительного Собрания, согласились отпечатать воззвание, которое вышло в типографии Кушнерева. На собрании артистов московской балетной труппы решено учредить комитет защиты интересов артистов против администрации для улучшения материального положения артистов казенного балета.

Сегодня вечером состоялось предварительное собрание учредителей открывающегося завтра всероссийского союза землевладельцев; союз по направлению примыкает к правой.

Московские репортеры и хроникеры газет образуют союз и приглашают в него товарищей из других городов для образования всероссийского союза. Водка и спирт в Москве все распроданы; даже в колониальных магазинах все запасы были разобраны в один день.

Выезд за границу усиливается.

Москва, 16 ноября. — Заводы братьев Бромлей, Гоппер и Московский Металлический закрыты на неопределенный срок. Рабочие забастовали вновь на фабрике Белова, Константинова и Филиппова с сыновьями; приступили к работам на фабрике Лыжина, Моргунова и Соколова и братьев Носовых. Администрация фабрики Абрикосова сыновей сократила рабочее время на полтора часа и сделала прибавки к жалованью. Рабочие приступили к работам.

Предполагавшийся в Москве в ноябре всероссийский с'езд делегатов профессиональных рабочих союзов переносится на декабрь. Сегодня забастовали кучера и рабочие московских каретных заведений.

Берлин, 16 ноября. — Официально сообщается, что всякое телеграфное сообщение с Россиею прервано.

Гельсингфорс, 16 ноября. — По слухам, циркулирующим в здешнем русском обществе, с.-петербургским поездом прибыла в Гельсингфорс партия хулиганов, человек 150, с целью устройства беспорядков. Говорят, что к ним присоединяются смещенные чины прежней гельсингфорской полиции; газеты советуют рабочим держаться в стороне от этих элементов.

Юрьев, 16 ноября. — Среди крестьян наблюдается брожение, беспорядков нет. Сегодня назначено предвыборное совещание городского духовенства.

Вязники, 16 ноября. — Состоявшийся с разрешения земского начальника Никологорский волостной сход Вязниковского уезда для совещания о выборах в Государственную Думу, обсуждая свои нужды и потребности, постановил: выборы в Государственную Думу должны быть произведены всеобщие, равные и прямые с тайной подачей голосов. Земли казенные, удельные и церковно-монастырские должны отойти к народу. Духовенство должно быть на жалованьи, с отменою поборов, роняющих религию. Обучение должно быть бесплатным во всех учебных заведениях, на счет государства. Должен быть введен прогрессивный подоходный налог, с отменою прямых и косвенных. Волостные и земские сборы должны пополняться прогрессивным налогом. Институт земских начальников должен быть отменен. Подлинный подписали выборные крестьян в количестве 102 от 2.399 душ.

Крестцы, 17 ноября. — Крестьянами порублен лес у помещика Железнова. На место для следствия прибудет губернатор.

Берлин, 16 (29) ноября. — В рейхстаг поступила записка прусского министерства земледелия, заключающая в себе исследование повышения цен на мясо в 1905 году. Повышение это, достигшее никогда небывалых размеров, является результатом, главным образом, повышения цен в тех странах, откуда в Германию ввозится мясо, а также некоторым сокращением местного предложения. Повышение цен лишь в незначительной степени сократило потребление, вследствие чего нет никакого основания прибегать к исключительным мероприятиям. Германское сельское хозяйство, как и до сих пор, будет иметь возможность покрывать главную часть спроса на мясо, если сохранится и впредь применение достаточных мер против эпизоотии и вся действующая система экономической политики.

Гельсингфорс, 17 ноября. — Абоский шведский рабочий союз выбрал комиссию, чтобы совместно с другими партийными группами условиться и постановить об образовании общеконституционного союза. Финский рабочий союз в Або отверг это предложение. Вазаские рабочие постановили на сходке учредить особый рабочий конституционный клуб.

Гельсингфорс, 17 ноября. — Сенат постановил представить на высочайшее воззрение прошение вазаского губернатора Книповича об увольнении его в отпуск и в отставку, а также прошение нюландского губернатора полковника Львовского о четырехмесячном отпуске.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Токио, 17 (30) ноября. — „Times". — Маркиз Ито в беседе с журналистами в Сеуле энергично восстал против мнения, выраженного несколькими японцами, будто новый договор передал Корею во власть Японии и уничтожил Корейскую империю. Маркиз Ито согласился с тем, что управление иностранными делами перешло в руки Японии, но зато весь остальной государственный механизм попрежнему остается в руках корейского императора. На Японии теперь лежит громадная ответственность — оправдать доверие иностранных держав, ведя Корею с мягкой тактичностью по пути прогресса.

Константинополь, 17 (30 ноября). — Положение вопроса о финансовом контроле остается без изменений. С Митилены ничего нового не сообщается. Здесь, как и во всех других местах, царит полное спокойствие.

Париж, 16 (29) ноября. — „Times" и „Journal des Débats" полагают, что характер речи Вильгельма II об'ясняется желанием потребовать увеличения военных кредитов. Поэтому речь не должна вызывать беспокойства. Некоторая вызванная ею тревога об'ясняется, по мнению „Débats", лишь крайне запутанным политическим положением Европы, благодаря внутренним событиям в России.

Главный морской штаб

об'являет телеграмму, полученную 17 ноября утром, за № 197, от командующего войсками Одесского военного округа генерала барона Каульбарса нижеследующего содержания:

Морскому министру.

Вице-адмирал Чухнин сообщает от 9 часов утра 16 ноября: предполагалось дело закончить 15 ноября без кровопролития, окружив дивизию войсками, предложив ультиматум безусловной сдачи, но мятежники начали наступательные действия с 14-го на 15-е, захватив миноносец „Свирепый" и три номерных, которые и подошли к „Очакову". Все эти суда и „Очаков" подняли красные флаги, после чего был поднят на „Очакове" сигнал: „Командую флотом, Шмидт". Потом Шмидт на миноносце „Свирепый" прошел вдоль эскадры с криками „ура"; с эскадры ответа не получил, подошел к порту и освободил арестованных им. В течение утра вооруженные команды из дивизии продолжали занимать мелкие суда, стоящие у порта без команд, и где военной охраны не было. Во время обеда вооруженные партии на шлюпках с „Очакова" вошли на броненосец „Пантелеймон", на котором не было оружия, и, захватив офицеров, свезли на „Очаков". Пришлось поневоле допускать подобные действия мятежников, так как флот был по требованию командира 7 корпуса обезоружен, в виду неблагонадежности команд. После полудня наступательные действия усилились. Одно за другим суда, стоящие вдоль восточного берега южной бухты, стали заниматься ими и поднимать красные флаги.

Предполагаемый план пришлось оставить и приступить к решительным действиям, чтобы не ухудшить положения дела. В течение суток офицеры, где возможно, захватывались в плен и свозились на „Очаков" с тем расчетом, что, ежели будет масса офицеров на нем, то по нему огня не откроют; при чем собранным офицерам Шмидт об'явил, что за всякое действие войск будет вешать офицеров. В три с половиною часа открыли огонь из полевых орудий по судам, находящимся в южной бухте и имеющим красные флаги, которые сейчас же были спущены, а также открыли огонь по шлюпкам с мятежниками; в ответ на то Шмидт поднял сигнал: „Имею много пленных офицеров". После потопления одной шлюпки с мятежниками „Очаков" открыл огонь, на который немедленно последовал ответ с батарей северной стороны и с тех судов эскадры, которым сегодня были выданы ударники. Миноносец „Свирепый" пошел в атаку, но, встреченный сильным огнем с крейсеров „Капитан-Сакен" и „Память Меркурия", броненосца „Ростислав", немедленно был выведен из строя, а также два номерных, из которых один утоплен. „Очаков", едва успев сделать шесть выстрелов, поднял белый флаг. Эскадра прекратила стрельбу, на „Очакове" начался пожар. Посланы были шлюпки для перевозки раненых и спасения людей. Шмидт, переодевшись матросом, бежал, но был захвачен. Когда началась стрельба, минный транспорт „Буг" стоял в южной бухте и имел 300 боевых мин; опасаясь взрыва, сам затопил себя. Капитан 2 ранга Славочинский, находившийся при командире 7 корпуса, поехал на транспорт, но по дороге был тяжело ранен. В то время, как шла стрельба по „Очакову", полевые батареи обстреливали флотские казармы, откуда отвечали огнем. Число раненых пока не выяснено. „Очаков" продолжает гореть. Пожар потушить нельзя. Только что получена телеграмма от начальника штаба адмирала Чухнина, капитана 1 ранга Бергеля, что ночью около 1.500 человек сдались с 10 пулеметами Брестскому полку и казармы заняты войсками.

Главный морской штаб

об'являет дополнительную телеграмму:

В дополнение № 197 доношу копию телеграммы вице-адмирала Чухнина от 3 ч. 50 м. дня. Казармы, в которых находились мятежники, окончательно заняты войсками к 6 часам утра 16 ноября, всех сдавшихся и снятых с „Очакова" до двух тысяч человек, среди которых большее число подлежащих увольнению в запас и призывавшихся в казармы в момент мятежа. Считавшийся утонувшим номерной миноносец найден у берега; на „Очакове" пожар прекратился, остался на воде, внутренность выгорела. В городе Севастополе спокойно.

Генерал барон Каульбарс.

Городское самоуправление.

15 ноября соединенные бюро Союза союзов, заседавшие в Вольно-Экономическом Обществе, высказались за полную несостоятельность петербургской думы в разрешении выпадающих на ее долю сложных вопросов современности и за необходимость новых выборов в эту думу. 17 ноября петербургская дума, ознакомившись с этим решением, бурными рукоплесканиями встретила заявление гласного Лоранского (чиновного инженера горного ведомства), что „Союз союзов в настоящее время пользуется не уважением, а презрением всего русского общества".

Этот взаимный обмен любезностями, характерный с точки зрения того промежуточного положения, которое занимает сейчас наша буржуазная интеллигенция, характерен и для нашей думы, представительницы петербургских крупных капиталов. Последняя вообще является поучительным примером того, во что вырождаются, с достижением зрелого возраста, юношеские порывы молодой буржуазии, и в упомянутом заседании блестяще поддерживала свою карикатурную репутацию.

В этом отношении любопытен прежде всего инцидент, вызвавший крылатое слово Лоранского и заключавшийся в том, что гласный граф Тизенгаузен (он же сенатор) упрекнул гласного де-Плансона, участвовавшего в прениях Союза союзов о негодности думы, в некорректности. По мнению титулованного представителя домовладельцев, де-Плансон обязан был выразить свою солидарность с городским управлением демонстративным уходом из собрания. Нас удивило не столько это дикое и неприличное заявление и встретившее его сочувствие большинства думы, сколько та вялость и беспочвенность, с которой отстаивали права де-Плансона на критику городского самоуправления „левые" члены его — г.г. Кедрин, Ходский, Федоров. Общая атмосфера собрания, видимо, такова, что здоровый, смелый протест показался бы в ней неуместным, и провести „либеральные" идеи возможно, только тщательно закутав их в благонамеренные лохмотья. Так поступил и гласный Кедрин при внесении в заседание заявления о необходимости для думы выступить посредником между фабрикантами и рабочими.

„В вечерних газетах напечатано, что многие петербургские фабрики и заводы, в том числе и казенные, закрылись. Вследствие этого, по одним сведениям, 75.000, а по другим до 100.000 человек остались без работы. Принимая в расчет количество семейных рабочих, следует признать, что в настоящее время в Петербурге находится не менее 150.000 лиц, лишенных обычных средств к существованию и не имеющих чем прожить сегодняшний день.

„Такое положение вещей есть громадное народное бедствие.

„Для предотвращения последствий безработицы, по сведениям газеты «Русь» (см. среда, 16 ноября), организовалось среди группы гостинодворских купцов особое бюро для сбора пожертвований в пользу безработных и нуждающихся рабочих, собравшее до сих пор 900 рублей. Одновременно производятся среди товарищей уволенных рабочих добровольные отчисления некоторого процента с заработной платы. Но оба эти средства помощи громадной массе нуждающихся, очевидно, недостаточны.

„Между тем дальнейшее продолжение безработицы грозит бедствиями не только для удаленных от работы, но также и для всего остального населения столицы, потому что в громадной армии безработных, под влиянием острой нужды и голода, могут возникнуть беспорядки, при которых имущество жителей подвергается серьезной опасности. Как известно, в таких случаях наша полиция всегда отсутствует и является на место тогда, когда охранять уже нечего.

„Нельзя не обратить серьезного внимания также и на напечатанную в № 229 газеты «Сын Отечества» резолюцию «Совета Выборных Депутатов» от 13 ноября 1905 г., в которой, между прочим, сказано, что в случае отказа открыть заводы придется прибегнуть «ко всеобщей политической забастовке и другим видам решительной борьбы.

„По точному смыслу городового положения, с.-петербургская городская дума является законной представительницей всего населения Петербурга и потому не может остаться равнодушной к столь крупному явлению, как закрытие множества фабрик, безработица и голодная нужда десятой части обывателей.

„Обсуждая ту роль, которую может играть дума в этом деле, я пришел к убеждению в необходимости немедленно выступить в качестве примирительницы между работодателями и рабочими.

„Вследствие этого я предлагаю учредить немедленно особую подготовительную комиссию, которой, по примеру существующих за границей примирительных, посреднических, третейских камер, поручить войти в прямые отношения, с одной стороны, с теми владельцами фабрик и заводов, которые прекратили работы, а с другой — с представителями рабочих, с целью выяснения и урегулирования всех спорных между работодателями и рабочими вопросов“.

Несмотря на тот жупел предстоящих погромов и революций, которым гласный Кедрин попытался испугать собрание (а может быть, и сам напугался), последнее с поразительным хладнокровием отнеслось к вопросу о жизни и смерти сотен тысяч людей. Решение выбрать посредническую комиссию было, конечно, принято единогласно, но в этом единогласии ярче всего отразилась глубокая уверенность думы в том, что комиссия не даст никаких результатов и не помешает тут же присутствовавшим заводчикам продолжать, под руководством правительства, выполнение своего плана подавления петербургского пролетариата. Исторические воспоминания об епископе Кентерберийском, будто бы примирившем хозяев и рабочих во время великой доковой стачки в Лондоне, не вызвали никакого впечатления. Им, очевидно, не поверили, и тусклая атмосфера равнодушия, скептицизма и сознания полной бессмысленности вмешательства в борьбу рабочих за свободу была рассеяна на минуту только правдивым словом крупного пивовара Дурдина, веско заявившего, что старания комиссии, по его мнению, ни к чему не поведут. Поэтому самому он, очевидно, не встретил и возражений против ее выбора.

Комиссия не вызовет к себе ничьего доверия, заявил гласный де-Плансон. После того, как ораторы думы высказались против прокормления даже жен бастующих рабочих, так как эти жены поддерживают своих мужей в решимости продолжать стачку, после того, как дума не согласилась на вооружение милиции и допустила увольнение управою, по мановению пальца г. Дурново, своих служащих, никто не отнесется серьезно к выбранной ею „примирительной“ комиссии.

Последнее указание относится к увольнению за последнюю телефонную стачку инж. Константинова и трех других лиц. Отдельный запрос по поводу этого увольнения сделал гласный Шнитников. Содержание этого запроса следующее:

„Служащими телефонной сети, примкнувшими к окончившейся 12 ноября политической забастовке, была получена следующая повестка: «Во исполнение предложения управляющего министерством внутренних дел и согласно постановлению городской управы, управление телефонной сети предлагает вам явиться к 2 час. 6 с. ноября на центральную телефонную станцию, при чем предваряет, что в случае невыполнения этого и отказа от исполнения своих обязанностей, к 7 ноября вы будете считаться уволенными от службы на телефонах. Спб. 5 ноября 1905 года».

„С 17 октября с установлением в России свободы совести все направленные против нее ограничительные меры уничтожены, и министр внутренних дел, обратившись к с.-петербургскому городскому голове на основании § 49 с предложением уволить лиц, путем забастовки выразивших свои политические убеждения, нарушил права лиц, признанные манифестом 17 октября. Такое нарушение произвел и городской голова, подчинившись неправильному требованию министра. Из этого следует, что распоряжение об увольнении ряда служащих на телефоне недействительно и что все они должны считаться состоящими попрежнему на службе. Как известно, последняя забастовка имела характер политический, хотя, конечно, и стесняла обывателей. Можно так или иначе судить о ее целесообразности в данном случае. Всем, однако, известно, что предыдущая политическая забастовка явилась главным средством уничтожения старого строя и что она более, чем что-либо другое, вынудила у правительства акт 17 октября. Последовавшее за этим актом введение военного положения в разных местностях России явилось первой попыткой правительства к реакции, к уничтожению тех свобод, которые только что у него были взяты. Направленная против такой реакции забастовка была, следовательно, отдельным фазисом в освободительной борьбе России против старого строя. Поэтому грозить увольнением лицам, принявшим участие в забастовке, значило противодействовать освободительному движению. Что к такой мере прибег министр внутренних дел, это понятно, но избранник самоуправляющегося общественного учреждения, и особенно учреждения, на каждом шагу страдавшего от стеснения прежнего строя, не должен был ни в каком случае выступать в такой роли. Прошу городского голову сообщить, какие меры им приняты к восстановлению уволенных служащих телефонной сети в тех должностях, которых они незаконно лишены“.

Подробностей происходивших прений передавать не будем. Слишком они были пошлы и вялы. Напрасно де-Плансон указывал на то, что на основании § 62 договора города с министерством неисполнение предписания правительства могло бы повлечь за собою только штраф не свыше 300 р.; напрасно Шнитников пытался прибегнуть к тактике запугивания, указывая на популярность Константинова и возможность возникновения, в связи с его удалением, беспорядков на телефоне, собрание проявило чисто буржуазный пассивный стоицизм и чуть ли не единогласно отвергло предложение о немедленном возвращении уволенных. Вопрос о них благополучно сдан в юридическую комиссию.

Упомянем еще о прекрасно гармонировавшем с общим тоном заседания ответом городского головы на запрос о том, чем задерживается доклад об улучшении быта городских служащих. По об‘яснению г. Резцова, жизнь идет быстрее работы управы, и всякое мероприятие, измышленное ею, оказывается уже в момент своего рождения устарелым.

Утешим петербургскую думу. Так всегда и всюду происходит дело в буржуазном обществе. Петербургские рабочие сумеют, конечно, ускорить роды реформы городской управы.

W.

Против хозяйственной дезорганизации.

Прошу редакцию напечатать следующее письмо, которое попало ко мне вследствие какого-то недоразумения.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО П. Б. СТРУВЕ.

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович! Слова бессильны, чтобы выразить Вам всю мою признательность. Среди хаоса современных партий я чувствовал себя, как евреи, окруженные со всех сторон амаликитянами, моавитянами и прочими племенами. Я долгое время не знал, куда мне итти: к „союзу ли 17 октября“, или к „партии правового порядка“, или в здание государственного коннозаводства, что на Поварской. Признаюсь, все это мне претило, — я человек высокой культуры, с тонко развитым вкусом, аристократ не только по происхождению, но и по натуре. Вы явились передо мной, как огненный столп перед евреями. Вы вскрыли передо мной сокровенное существо, всю истинно - консервативную, staatserhaltende, как говорят немцы, сущность конституционных демократов. Отныне, с той речи, которую Вы произнесли в московском литературно - художественном кружке, с того ужина, которым я вместе с другими чествовал Вас, я—Ваш, берите меня! *).

Я—Ваш потому, что Вы смело бросили лозунг глубокий, тонкий лозунг, который, наконец-то об‘единит всех нас в борьбе с крайними партиями. Не ограничиваясь застольною речью, Вы печатно повторили этот лозунг („Русск. Вед.“ № 299). Итак, скорее за дело! Да здравствует борьба за право, свободу, политическое равенство и порядок!

---

*) А как жаль, что Вас не было на ужине, которым 17 октября мы чествовали манифест. Без Вас никого не нашлось, чтобы выступить против дезорганизации хозяйства. Напротив, пили за стачечников и собрали несколько десятков рублей на продолжение забастовки,—на усиление дезорганизации!!!

Впрочем, простите мне, глубокоуважаемый Петр Бернгардович! Долгое участие в собраниях на Поварской наложило на меня неизгладимый отпечаток. Я в значительной мере утратил свой вкус и потому употребил вульгарное выражение: „борьба за порядок“. Нет, надо говорить впредь: „борьба против хозяйственной дезорганизации“. Ах, какая это великая мысль!

Крайние партии ведут борьбу против государства. А Вы еще лет 7 тому назад, задолго до путешествия за границу, которое отмечено нашим милым ужином (не правда ли, ведь мило у нас? Ах, приходите скорее с М. М. Ковалевским, — опять будет ужин!), твердо и мужественно заявили: государство есть организация не только господства, но и порядка, и даже прежде всего порядка. Вы с поразительной глубиной показали нам, какое широкое применение должно получить Ваше воззрение на государство: напр., оно именно, как организация порядка, провело крестьянскую реформу.

Но за границей Ваш горизонт расширился, и прежние приложения Вашего метода по сравнению с новейшим применением кажутся невинной забавой высокого политического ума, детской шуткой гениального государственного мужа.

Я знаю, Вы не договорили мысль до конца по чисто педагогическим соображениям. Но поверьте, я пока лучше Вас знаю Россию, поверьте, нет никакой нужды останавливаться на полдороге; поверьте, что, чем решительнее Вы скажете последнее слово, тем больше будет успех, тем скорее около нас сформируется мощная армия, офицера которой не уместятся даже в здании коннозаводства, а не то что в литературно-художественном ресторане.

Как Ваш ученик с конца прошлого десятилетия, любовно следивший за всеми новыми изгибами Вашей мысли, я позволю себе надеяться, что могу дать новое движение начатому Вами делу.

Итак, государство есть организация порядка, der Ordnung. Но лишь глупый городовой может думать, что этот „порядок“ есть только тот чисто внешний порядок, за которым его приставили наблюдать. Нет, это нечто несравненно более глубокое, к постижению чего ведет только идеалистическая философия. Это — именно Ordnung, строй, устройство данного общества, — или данное современное устройство общества. В этом смысле немцы говорят: „bürgerliche, kapitalistische Ordnung“, т. е. „буржуазный, капиталистический строй“.

Никакое хозяйство немыслимо при отсутствии порядка. Охраняя порядок, современное государство — и глупый городовой — охраняет не только господ капиталистов, но и хозяйство вообще: ведь в данное время хозяйство вообще возможно лишь в форме капиталистического хозяйства, а потому охрана капиталистического хозяйства есть охрана хозяйства вообще. Организуя порядок, государство обеспечивает от потрясений хозяйственную организацию страны.

Боже мой! Какие широкие горизонты открываются перед нами! Будем последовательными, — и от всех этих „партий правового порядка“ останутся только рукописи, не набранные типографщиками, которым крайние идеи совсем свернули голову. Все члены этих партий перейдут к нам.

Итак, будем последовательными и мужественными, как подобает истинным гражданам!

Разве январские стачки не дезорганизовали хозяйственную жизнь Петербурга? Конечно, да! И не правильно ли поступила организация порядка, применив 9 января мужественные меры для восстановления дезорганизованной хозяйственной жизни? Разумеется, да! И не распространили ли последующие ответные стачки хозяйственную дезорганизацию на всю жизнь страны? Какие могут быть на этот счет сомнения!

Или возьмем Баку! Крайние партии поселяли вечное брожение, забастовки следовали за забастовками, нефтяное производство не развивалось, а падало. Правильно ли поступило государство, обратившись за помощью к татарам, которые никогда не вносили в хозяйственную жизнь дезорганизующего элемента? Наивный вопрос! Несомненно, да!!

Правда, в борьбе с дезорганизацией татары увлеклись и спалили вышки. Это, конечно, эксцесс. Но государственная ссуда быстро исправит временное нарушение хозяйственной жизни, которому, право же, не такая уж высокая цена, раз за него покупается прочный порядок. Ценой временной дезорганизации устраняется источник хронической дезорганизации.

Только озлобленные и близорукие крайние могут уверять, будто главным и чуть не исключительным хозяйственным дезорганизатором является „изжившее себя государство“. Какая наглая ложь! И в Кишиневе, и в Томске, и в Одессе, и в лице своих вершин, и в лице своих мелких исполнителей, — везде и всегда наше государство выступало как страж порядка, как непреклонный блюститель хозяйственной организованности. Пусть в Ростове, Одессе и других городах гибли капиталы: гибелью отдельных капиталов спасался капитал вообще, разрушением отдельных хозяйственных единиц охранялось хозяйство вообще.

Выводы ясны. Глубокоуважаемый Петр Бернгардович! Откажитесь от своего скептицизма, поверьте, что русское общество политически много выше, чем вы думаете. Скорее за дело! Пока не окончился земско-городской с‘езд, внесите за своей авторитетной подписью резолюцию следующего содержания: „Признавая, что государственное банкротство угрожает окончательной хозяйственной дезорганизацией страны; признавая, что при современных условиях борьба с этой дезорганизацией требует огромных расходов, — с‘езд уполномочивает правительство заключить новый заем на каких угодно условиях и обязуется, что члены с‘езда употребят все свое влияние, чтобы Государственная Дума признала этот заем“. Ручаюсь, резолюция будет принята чуть не единогласно.

В заключение еще одно замечание. Дорогой Петр Бернгардович, почему Вы так пессимистически смотрите на городского рабочего? Почему Вы зовете нас только в деревню, на борьбу с социалистами-революционерами? Неужели Вы думаете, что нам не удастся вызвать городских рабочих из-под влияния социал-демократов? *). Зная народ, Вы, Петр Бернгардович, не в обиду Вам будь сказано, слишком кабинетный человек; помните, как

*) Согласно отчету „Русск. Вед.“ (№ 298), определенный призыв к борьбе с социалистами-революционерами исходил не от г-на Струве. Кто с большей точностью мог по окончании ужина описать ужин: автор ли печатаемого открытого письма или репортер „Русск. Вед.“, — для решения этого важного вопроса современной истории у нас нет достаточных данных.

И. С.

Вы рассказывали о том, как провели лето в деревне Смоленской губернии, как пили молоко у крестьян и расспрашивали, что значит продавать „ульи на убой“. Ах, как все это было мило, наивно! Но из любви к Вам посоветовал бы ограничиться тем, что Вы станете давать нам лишь руководящие указания, лозунги и менее говорить о житейских делах. Итак, зная народ, не могу разделять Вашей безнадежности. Пойдем к городскому рабочему и в простых словах скажем ему следующее: хозяйство возможно теперь только как капиталистическое хозяйство; организованность хозяйства немыслима без его развития; капиталист будет развивать его лишь при том условии, если предприятие дает ему не меньше 10% прибыли; при рабочем дне меньше 11 часов и при заработке больше полтинника в день капиталист не получит своих десяти проц., следовательно, начнется хозяйственная дезорганизация. Неужели Вы думаете, что наш добрый, хороший, симпатичный, готовый на самопожертвование рабочий не согласится с Вами? Ведь это так ясно!

Но ради нашего общего дела не старайтесь запугивать рабочего тем, что „фабриканты заколотят фабрики и переселятся за границу вместе со своими капиталами“. Покаюсь, я на одном рабочем митинге, выступив с Вашим лозунгом, повторил эту фразу и разом увидал, что дело проиграно. „Не уедут, — сказали мне. — А если уедут, то почти без капиталов: зданий и машин не утащишь с собой, а ведь в них крупнейшая доля капитала“.

Я не обижаюсь на Вас, мой дорогой, что Вы подвели меня своей неосторожностью. Не будем смущаться неудачами. Итак, скорее за дело,—и в деревне и в городе!!

Бывший член собраний в здании коннозаводства, теперь непреклонный конституционалист-демократ и постоянный член литературно-художественного кружка. Не подписываюсь, чтобы не показаться навязчивым: еще скажут, будто я пробираюсь в губернаторы.

* * *

Считая своим долгом воспроизвести это письмо, я, однако, не могу взять на себя ответственности за истолкование идей г. Струве.

И. Степанов.

А они злятся.

(Из дневника русского пролетария.)

День первый.

А они злятся... Боже ты мой, как злятся все эти буржуи! Так и зашипели все, так и забрызгали слюной, так и завопили в один голос,—без различия „фракций“, — от либеральных до радикальных.

Встретился я на-днях с одной конституционной демократкой. Во время-оно числилась „марксисткой“,—по каким основаниям—неизвестно. Должно быть по таким же, по каким одна молодая дама, прочитав рассказы Горького, заявила:

— Ах, как мне хочется в босяки!

Так вот, говорю, — встретился с конституционной демократкой. Ужасно недовольна появлением первой легальной пролетарской газеты:

— Это, — говорит,—возмутительно, это бог знает что такое! Так оскорблять почтенных людей, так отзываться о Спенсере и Мальтусе, называть их мещанами! Это грубо, это значит понижать уровень культуры. Как

Она ушла...

Она ушла и не придет.
Смертельно бледны наши лица.
Неся глухую боль, ползет
Зловещих мыслей вереница.

Мы залпы слышали вчера.
Весь день в бессильном страхе ждали...
И темной ночью — до утра
Ее по городу искали.

В сырых мертвецких, на столах,
Средь мук и стонов без предела,
В обезображенных телах
Мы не нашли родного тела.

Терзаньям не было конца...
Проклятья с бледных губ срывались...
Ожесточенные сердца
Еще сильней ожесточались.

Она ушла и не придет...
Молчит холодная столица.
Глухое горе нас гнетет,
Смертельно бледны наши лица.

12 ноября 1905 г. *Яков Годин.*

В каменном городе.

I.

Это был вечер того самого дня, когда по улицам Петербурга с утра медленно ходили десятитысячные мирные армии с красными знаменами.

Это был темный, осенний вечер. По небу перебегали бледные отсветы уличных огней, а ближе к земле тьма сгущалась и над самым городом стояла, как пролитые с неба чернила, и фонари горели, словно тусклые спички.

Из города по Петергофскому проспекту и дальше по шоссе валили густые толпы народа, возвращавшегося с демонстраций и митингов. Над улицами висел многоголосый говор. Людские волны плескались в каменные стены и заборы, скучивались в темных переулках, вновь расходились и вновь собирались. Мелькавшие во мраке возбужденные лица рабочих казались лицами привидений, которые только недавно вышли из темных могил жизни.

В тени под какими-то воротами слышался дрожавший голос старика.

— Мне семьдесят три года. Жизнь прошла — ровно голодная собака пробежала. С детства до старости — в сырых подвалах да в душной мастерской. Холод, голод, издевательства. Отец мой и деды мои жили еще хуже — крепостными холопами... Отца барин запорол

могут культурные люди страны пойти в вашу партию, публицисты которой отрицают даже общепризнанные научные авторитеты. Что делать после этого культурным людям, как им итти в вашу партию?..

— Да мы их и не приглашаем, сударыня.

— Что, что такое? Разве ваша партия не ставит себе целью собирать все культурные элементы страны...

— Ни в коем случае, ибо наша партия не салопница, собирающая об'едки и куски мнимой буржуазной культуры. Наша партия — партия людей „некультурных", партия массы. И эта масса несет с собой новую, совсем иную культуру, новую науку, не имеющую ничего общего с выдумками ученых буржуазных фокусников, новую философию, новую политику, право, словом, новую жизнь. И ваши „культурные" люди, почтительно приседающие при имени Спенсера, для этой новой жизни не подойдут— они будут на ней, что сырость на камне, что ржавчина на стали.

День второй.

А они все злятся, эти буржуи. И до чего приятно любоваться этой бессильной злостью. Я вполне теперь понимаю героя „мещан" Тетерева, когда он говорит Безменову:

— Не хочу я, о, мещанин, чтобы ты смотрел на меня со спокойным удовольствием. Мне приятнее, когда ты глядишь на меня с беспокойным неудовольствием.

Вот, они именно так и глядят на проснувшихся пролетариев: недовольно и беспокойно. Вполне понятно, почему они так беспокоятся, — ведь для них куда выгоднее было бы, если бы не было социал-демократов, а были бы только конституционал - демократы. Сторговались бы они со своими „хозяевами" насчет земского собора. Созвали бы его с помпой: впереди бегут курьеры, затем духовенство идет в облачении, колокола звенят, оркестр играет патриотические песни, и либералы, благодетельствуя народ, выносят ему „конституцию", — народ, конечно, стоит на площади на коленях и принимает „Куцую" с благодарностью; два купца с бородами лопатой подносят хлеб-соль от московского биржевого комитета; бабы кричат: „Отцы вы наши, благодетели!.."

И вдруг все эти картины оказываются неосуществимыми: явились какие-то рабочие и организуют свою партию, как будто одной конституционно - демократической недостаточно...

День третий.

Встретился опять с той же дамой.

— Почему,—говорит,—рабочие недовольны программой конституционно-демократической партии? Ведь там, кажется, и социальный вопрос разрешается в самом прогрессивном духе: даже о прирезке земли есть особый пункт. И вдруг нас обвиняют, что мы буржуазные интересы отстаиваем, что наша партия наполовину из крупных помещиков, князей да графов состоит! Это удивительно!

— Ничего нет удивительного, сударыня. Нисколько не удивителен для рабочих даже тот факт, что помещики земли крестьянам дать хотят: ведь, я полагаю, лучше земли прирезать, чем самому быть мужиками прирезанным. Ведь один из ваших же либералов на земском с'езде достаточно ясно выразился, что лучше отдать крестьянам часть земли и жить в деревне, как на даче, чем не отдать и сидеть в ней, как в крепости, под прикрытием казаков и пулеметов!

Дама рассердилась и ушла.

до смерти. А вот сына моего, сына... убили в январе вон там, у мостика. За то, что горяч был, не стерпел такого житья и к царю пошел... Да что же это, в самом деле, на-вечно что ли в собачьем ошейнике нас хотят держать?! Будет, помучились!..

Маша и Иван шли дальше, и глухой голос старика затерялся в шуме толпы. Откуда-то издали доносился тягучий гул криков. Или, может быть, это в груди еще звучали отзвуки давешнего.

Минут через пять они встретили нового оратора. Окруженный густой толпой, он стоял на возвышении под фонарем, в переулке. Его резкие слова больно царапали сердце и зажигались во тьме искрами гнева. Говорил он о том же, о чем и старик, и видно было, что всюду в неисчислимых толпах рабочих господствует одно могучее неукротимое чувство.

— Нашими руками, товарищи, построены все эти огромные города. Нашими руками создано все, чем наслаждаются богачи. На наших терпеливых спинах воздвигнуты многочисленные чиновничьи канцелярии. В нас—вся сила государства. И за это за все нас хлещут нагайками, стреляют из ружей, нас загнали в самые плохие жилища, нам позволено питаться только самой скверной пищей, с нами, что хотят, то и делают. Долгой, упорной борьбой мы кое-что завоевали и сегодня как раз праздновали самую крупную победу свою. Но что же нам обещают? Свободу слова? Но этим правом пользуется и ребенок. Свободу собраний и союзов? Но опять-таки это право каждого человека. Свободу совести — то же самое. Неприкосновенность личности? Но это лишь обещание, которое ни в каком случае не будет выполнено. Поверьте мне, завтра же нас начнут расстреливать ни за что. Вы помните этот кровожадный приказ: „патронов не жалеть!"? Я убежден, он останется в силе, так как старые законы не отменены. Итак, мы пока ничего не получили...

Голос звучал еще громче, и слышно было, как жадно ловили все каждое слово.

— Товарищи! Наши убитые братья, наши бледные дети, наши задавленные жизнью отцы — все протягивают к нам руки и просят настойчиво, мужественно продолжать борьбу. Победа близка. Слышите, как гудит народ! В его сердце уже проснулось сознание своей силы и права. Он не хочет больше терпеть и расправляет усталые плечи. Мы все заодно, товарищи! Пусть рабочий для рабочего будет братом! И тогда ни пули, ни нагайки не помешают нам завоевать украденное у нас счастье!..

Толпа зашумела. Словно ветер всколыхнул вершины дремучего леса. Кто-то крикнул:

— Марсельезу!

И через несколько мгновений эта вольная песня уже веяла своими могучими крыльями над предместьем. Гордые, грозные, зовущие звуки настойчиво стучались в

День четвертый.

А они злятся все больше и больше. Производят розыск о наших сотрудниках и спрашивают паспорта. Это становится даже забавно: „демократическая интеллигенция“, и вдруг паспорта спрашивают, — вот до чего может довести „культурных“ людей их бессильная злость!..

День пятый.

Опять конституционно-демократическая дама. Пришла и уж не ругалась. Плачет.

— Голубчик,—говорит,—не можете ли вы устроить как-нибудь, чтобы кончились эти ссоры? Поймите же, ведь нам надо об‘единиться против общего врага. Голубчик, уговорите вы ваших рабочих, чтобы они с нами об‘единились. Ну, что им стоит оставить на время свою партию и перейти к нам? Ведь на время только, поймите, только на время, пока конституции не добьемся. Там пусть опять отдельную партию устраивают. А пока пусть у нас будут. Ведь и названия-то партий почти одинаковы: у них социал-демократическая, а у нас конституционно-демократическая, — обе, значит, демократические, — из-за чего же ссориться? И программа у нас совсем похожа на ихнюю: мы нарочно так составляли, чтобы слова похожие были, знаете, как столяры осину под дуб разделывают. А тактика так уж совсем почти одна: вы идете путем революции, а мы путем эволюции. Революция и эволюция— только всего и разницы, что в одной букве. Уговорите вы ваших рабочих эту букву выкинуть, снять ее. Голубчик, ведь они, я думаю, согласятся это сделать.

— Сомневаюсь.

— Но отчего же? Снять одну букву! Неужели это так трудно?

— Сударыня, для того, кто привык появляться среди публики одетым в штаны, очень трудно снять их и гулять нагишом.

При слове „штаны“ бывшая марксистка упала в обморок, и разговор, таким образом, был прерван.

День шестой.

Все злятся. Мне даже становится их жаль. Жаль этих маленьких человечков и вспоминается Шиллер:

„Век породил нам эпоху великую, —
Боже, как горько
В этот великий момент видеть
ничтожных людей!“

Великий народ борется за свободу. Батальоны пролетарской гвардии один за другим уходят на поле битвы. Победить или умереть! Торжественный миг, — один из тех поднимающих душу моментов, которых давно уже не переживала буржуазная Европа. Торжественно и сурово движутся пролетарские массы, а эти маленькие человечки с обстриженными ногтями и душами выглядывают из своих дыр и щелей с „беспокойным неудовольствием“. Они недовольны, они недовольны! В то время, когда великая драма кровью пишется на страницах истории, они что-то копошатся, „вырабатывают“ какие-то жалкие проекты, резолюции и думают, что они делают дело, что они — соль земли, цвет национальной культуры. Несчастные маленькие человеки!..

День седьмой, и восьмой, и девятый и т. д.

А они все злятся и злятся... Я боюсь, что они лопнут от злости, не дождавшись своей „конституции“...

Алексеев.

темные окна домов и наполняли сердца всех таким захватывающим восторгом единения, что Маше казалось, будто поет небо, поет земля, поют мертвецы на близком кладбище.

В ее груди бурной волной поднялась радость. Теперь она знает, верит, что недалек час расплаты за прошлое. Все оскорбленное, обманутое, усталое расцветет ясной улыбкой. Камня на камне не останется от этой тесной и холодной тюрьмы, которую люди зовут жизнью.

И ее былые страдания станут только сном — и не вернутся никогда...

II.

А до сих пор Машу часто мучил тяжелый кошмар молодости, затоптанной в уличную грязь каменного города.

Сначала — фабрика, это огромное, ядовитое чудовище. С раннего утра она отравляла ее душным воздухом, грохотом, механической работой, наглой грубостью и цинизмом. Одиннадцать часов в сутки. Этого было слишком достаточно, чтоб затянуть слабенькое сердце в тинистое болото. Ее подруги одна за другой бросали неугомонные фабричные станки, мотавшие бесконечную пряжу, — и уходили на улицу... Там лучше, там веселее! Пусть впереди ждет жестокая расплата, зато сегодня можно смеяться, петь и плясать... Ушла и она.

Быстро прошел угар первого месяца призрачной „свободы“. Потянулись вереницы ночей, когда смрадное пьяное дыхание купивших впивалось ей в губы. По лицу скользили поцелуи—липкие, словно горячие жабы, щекотали ласки — отвратительные, словно теплые ползающие змеи, и дрожали сдавленные слова—грязные, словно тонконогие пауки с огромными глазами. И ночи были бездонные,—как пропасти, черные и страшные до ужаса.

Однажды осенью отчаяние взметнуло свои клейкие волосы и обняло ее. Испуганно бросилась она на темные улицы, бродила вдоль каналов, в которых дрожала черная вода, и прижималась к граниту набережных. Но он был холоден и жесток, как и люди; снизу угрюмо смотрела сырая могила, а вверху блестели, словно злые очи дьявола, электрические фонари. И в тени, в воротах огромных домов, как будто висели в петлях застывшие согнутые трупы... И, пробегая мимо, она узнавала себя, себя, себя...

Дошла до Невы. С середины длинного моста слышно было, как направо и налево глухо рычал город, словно надсмотрщик над рабами. Ветер размашисто бросал волны, и они пугливо-ласкаво лепетали где-то внизу, разбиваясь об устои. Казалось, мгновения ночи тихо, печально, одно за другим падали в неизбежность, в темные колодцы смерти. И звали волны:

— Не думай... Позади—страдания, впереди—отдых... Не думай, не думай...

О реальной политике.

III.

Ни в чем настоящий реализм социал-демократической программы, одинаково чуждый как политической близорукости либералов, так и утопизма социалистов-революционеров, не проявляется с такой яркостью, как в аграрном вопросе.

Рассматривая либеральные проекты решения этого в полном смысле слова наболевшего вопроса современной русской действительности, легко подметить в них то отсутствие принципиальности, тот характер компромисса, ту половинчатость, которые типичны для политически близоруких буржуа, тщетно стремящихся посадить заплату на одежду, безнадежно изношенную. Выкуп части частновладельческой земли по „справедливой“ оценке, ведь, это — такая же безнадежная запоздавшая мера, как попытки земского с‘езда договориться с правительством и прекратить революцию. Поздно, господа! Революция идет вперед и дойдет до конца, и нет такой силы, не исключая и всеобщего избирательного права,—тем более в урезанном вами виде, — нет такой силы, которая остановила бы победный ход революционного движения. Полное торжество революционного движения — вопрос времени, не больше, и думать при таких условиях о соглашениях с правительством и о „справедливой“ оценке — значит просто не видеть ничего дальше своего носа. Тем хуже для вас!

Аграрная программа социалистов-революционеров заключает в себе два основных пункта: 1) экспроприацию всех земель без выкупа их, 2) социализацию земли, т. е. передачу ее в пользование общин и товариществ, состоящих из лиц, прилагающих к ней свой личный труд, при чем исключается возможность отчуждения (продажи, залоги и т. д.) земли, и государству предоставляются такие права, как право вселения в многоземельные общины из малоземельных, право сохранить за собою часть земли для наделения избыточного населения общин и тех одиночек, которые не хотят жить в общине, и право определять цену участка, покидаемого лицом, выходящим из общины и получающим при этом за свой участок денежное вознаграждение.

Социализация земли по плану социалистов-революционеров, очевидно, представляет собою не что иное, как первый шаг к социализму, потому что здесь подчеркивается принцип общинности и, кроме того, проводится полное уничтожение продажи и залога земли, т. е. земля из‘емлется из товарного обращения, составляющего основной признак капиталистического хозяйства. С точки зрения социал-демократии, такой проект не выдерживает ни малейшей критики именно по своей утопичности. В самом деле: мы уже говорили, что в настоящий момент может итти речь только о политической революции, и о социальной революции, хотя бы частичной, нечего и мечтать; а, ведь, предложения социалистов-революционеров и являются не чем иным, как частичной социальной революцией. Социалисты-революционеры не считаются с тем, что в буржуазном обществе, если только оно не находится накануне перехода от капитализма к социализму, нельзя из‘ять землю из товарного обращения, — это просто неосуществимо или осуществимо только на бумаге и то ненадолго; они не хотят знать того, что конкуренция отдельных общин и товариществ на хлебном рынке неминуемо вызовет старую экономическую дифференциацию, что буржуазное правительство даже в демократической республике будет служить интересам буржуазии и исполь-

---

Маша постояла, затихла и послушно, как ребенок, перегнулась через решетку. Но нежданно чья-то крепкая рука схватила ее. Рядом стоял высокий человек. Его большие глаза близко, с ласковым недоумением заглядывали в душу. И, когда она бессильно заплакала, стараясь спрятать свое лицо, он тихо шептал:

— Ну будет... ну ладно... все пройдет...

Ветер шумел, шли люди и уносили во тьму думы, преступления, заботы свои. Капля за каплей стучалось в грудь одинокое страдание ночное. Небо было молчаливо, а город кругом вереницами огней и гулом звуков проклинал слабых, падающих.

— „Да,— говорил он.— Страшно одному среди этого жестокого моря. Но, ведь, людей так много. Небольшая горсть их довольна, а девять десятых унижены и оскорблены. Это — наши братья. Нужно быть ближе к ним, к теплому огню человеческого сердца...

„Чего бояться, раз рука об руку с нами миллионы? Тут не место отчаянию. Нужно бороться и надеяться...“

Маша слушала уверенный ласковый голос и почувствовала, что среди каменного города у нее есть не только враги, но и друзья. И потом в забытьи куда-то пошла за ним и рассказала об ужасе беззащитного надломленного сердца.

А он говорил:

— Сейчас мы идем только двое. Но скоро придет время, когда встанут из своих подвалов полузадушенные дети истомившейся жизни. Подымется грозная рабочая армия. Она сбросит с земли ржавые цепи, которыми опутали ее сильные и богатые, — и свое выстраданное право на счастье осуществит...

. . . . . .

И вот теперь, когда во тьме ночной единодушная восторженная песня рабочей толпы заглушила наглый хохот сытого города, — Маша почувствовала, что это правда. Ничто не сломит пробудившейся железной воли народа. Скоро падет царство тюрьмы, грабежа и убийства.

Кругом как будто сама ночь посылала в город победные голоса свои, и небо над ним свешивало кровавые отсветы. Сердце у нее билось редко и упрямо, словно молот по раскаленной стали...

III.

Бежали недели, месяцы... Поверхность жизни как будто затихла. Многим казалось, что все начинает итти попрежнему. Правительство близоруко успокоилось и продолжало свою испытанную тактику. Вновь по ночам, как воры, бродили жандармы. Всюду бросались в глаза иудины лица шпионов. „Смуты и волнения“ не беспокоили больше ничьих сердец, и поэтому тяжелый кулак гнета вновь повис над головой России.

зует социализацию, если бы ее и удалось произвести, в пользу буржуазии, что, словом, с этой попыткой социализации произойдет такое же фиаско, какое не раз наблюдалось в истории утопического социализма.

Положите в основу решения аграрного вопроса принцип социал-демократической программы, гласящей, что очередная задача заключается в том, чтобы достигнуть социалистического строя посредством устранения, насколько то возможно, болезненных для пролетариата сторон в развитии капитализма, — и для вас все будет ясно, и от всякого утопизма, как и от политической близорукости, вы вполне избавитесь. Надо только стать на классовую точку зрения пролетариата и принять во внимание конкретные условия революционной эпохи.

Городской пролетариат — рабочие фабрик и заводов — заинтересован в повышении благосостояния крестьянской массы прежде всего потому, что, благодаря этому, повышается покупательная способность крестьянства, получающего возможность потреблять большее количество фабрикатов; затем, обеспеченный крестьянин не пойдет на фабрику конкурировать с рабочим, не будет, подобно теперешнему пауперу, сбивать цену на рабочие руки и вносить дезорганизацию в более сознательный фабричный пролетариат.

Не менее заинтересован в хозяйственном под'еме крестьянства деревенский пролетариат, сельско-хозяйственные рабочие, которые также избавятся от экономического соперничества пауперов, согласных и на отработочную аренду и на ничтожное вознаграждение за каторжный труд.

Нужно ли прибавлять, что интересы полукрепостной крестьянской трудовой массы совпадают в этом отношении с интересами городского и сельского пролетариата? Даровая, не сопровождаемая выкупом нарезка земли крестьянам стоит, таким образом, как необходимый пункт программных требований социал-демократии по аграрному вопросу.

В каких же размерах должна быть произведена эта нарезка? Здесь есть два предела: необходимый минимум и возможный максимум. Необходимый минимум определяется потребностью в уничтожении всех остатков крепостного хозяйства и права в деревне: сюда относятся отработочная продовольственная аренда и принудительный характер крестьянской земельной общины. Земельная община должна быть свободным союзом, каждый член ее должен обладать правом свободного выхода с выделом ему участка, экономически равного его наделу, при чем, разумеется, для соблюдения интересов общины можно дозволить ей отделять этот участок с краю мирских владений для устранения чересполосицы, а все спорные случаи должны разрешаться судом. Отработочная продовольственная аренда устранится, когда трудовое крестьянство получит землю в количестве, обеспечивающем ему пропитание. Конкретные потребности этого наделения землею (вопросы о том, сколько надо взять земли в данной местности и какой именно) должны быть определены местными выборными крестьянскими комитетами.

Таков необходимый минимум аграрных требований. Ему место в программе социал-демократической партии, за него пролетариат борется и будет бороться с крестьянством до конца всеми ему доступными средствами.

Но обстоятельства могут создать возможность повысить эти минимальные требования, еще более увеличить благосостояние крестьянства. Это особенно возможно в революционную эпоху. Из обстоятельств этой эпохи вытекает максимум требований — передачи всех земель

На самом деле это затишье было лишь кажущимся. Жизнь мчалась вперед на своих железных колесах. Затаенная борьба кипела по всему фронту на тысячи верст. Дух самосознания и свободы, словно вешнее тепло, проникал в самые темные щели. Надежнейшие опоры старого порядка колебались. Пролетарская армия росла, крепла и сплачивалась. Вообще — все предвещало близкую бурю, но „верхи“, напуганные прошлым, не желали делать никаких уступок народу („черни“, как они звали народ втихомолку): надеялись на солдатские патроны, забывая о Пушкинском „Воеводе“...

Гроза приближалась.

Раз утром Иван, прощаясь, крепко обнял Машу, так, что она задрожала и долго не могла успокоиться, и сказал:

— Ну, родная, не забывай! Кто знает: увидимся или нет...

Несколько сухих горячих поцелуев словно были сорваны чужой рукой. Потом он торопливо ушел. Звуки тяжелых шагов бесследно умерли на лестнице.

Маша долго стояла на верхней ступеньке. Снизу назойливо вползал смрад и гомон рабочих квартир. Что-то огромное, жалкое и грязное копошилось там и завывало на разные голоса. И ей захотелось крикнуть им своей больной грудью, что теперь, сегодня, нужно перестать плакать, нужно собрать все надежды свои и из них, как из стали, вылить крепкую, неукротимую веру.

Этот день Маше нужно было провести дома. Время тянулось медленно и пугливо. Приходили люди, брали что нужно и исчезали. В глазах каждого светилась затаенная решимость, и шаги их звучали по лестнице твердо и мерно.

Их комната помещалась в верхнем этаже высокого дома. Маша смотрела в окно на бескрайную перспективу крыш, высоких труб, на дымный воздух, который висел над домами, как рваные тряпки. Иной раз ветер гнал эту мглу с одного квартала на другой, и тогда казалось, что крыши двигаются и меняют свой тусклый взгляд. Они становились еще угрюмее, и их холодная тяжесть кричала о глухих безвестных убийствах, спрятанных каменным городом, о насилии, разврате, одиночестве, отчаянии...

На минуту мелькали кровавые призраки воспоминаний, и измученное сердце больно сжималось. Потом горячая верующая радость снова заливала его широкой волной. Те, у кого она, погибавшая, нашла привет и ласку, те, которых она полюбила, как братьев, — они сметут, наконец, с длинных улиц всю накопившуюся грязь.

В сумерки, когда впереди и позади тревожно прогудели свистки заводов и со страхом пролепетали что-то их далекие отзвуки, — над улицами сразу встала настороженная тишина. Маша взглянула к Нарвской площади. Пыльные остовы фабричных труб, словно ночные сторожа, через крыши туманно смотрели на нее,

в руки трудового крестьянства. Содействовать этому требованию крестьянства пролетариат, конечно, будет, что и показано в резолюциях нашего III с'езда и конференции товарищей - меньшевиков. Но одно дело — содействие и другое — программное требование. Недаром резолюция III с'езда признана тактической, а не программной. Это понятно и естественно: программные требования необходимы и неизбежно-осуществимы, тактические — только внушают некоторую надежду на осуществление. И надо прибавить, — именно некоторую надежду, вытекающую исключительно из условий революционной эпохи, из возможности полной победы пролетариата и крестьянства. Эту возможность можно предвидеть, этой победы надо ждать, ее необходимо добиваться, но — надо смотреть трезво в глаза действительности — полная победа пролетариата и крестьянства при капиталистическом хозяйстве и буржуазном социальном строе проблематична. И потому, признавая во всей полноте тактическое значение резолюций III с'езда и конференции, не надо превращать их в программные требования социал-демократической партии. Мы не должны быть утопистами даже в самой малой степени. Ведь партия существует не только для данного момента, ее деятельность и ее значение должны быть длительны, постоянны. Горе той партии, которая, увлекшись демагогией, подчинит свою программу утопическим мечтаниям, вызванным возбужденными революцией инстинктами. Такая партия будет потом надолго дискредитирована, несмотря на временные, может быть и головокружительные, успехи. Вот почему я предсказываю крушение и разложение партии социалистов-революционеров в недалеком будущем. Ее утопические мечты разлетятся прахом, погибнут от соприкосновения с жизнью, и партия распадется на свои составные элементы. Те из социалистов - революционеров, которые искренно проникнуты социалистическими идеалами (я верю, что таких много), примкнут к социал-демократии; другие элементы уйдут в анархисты и в число радикальных буржуа. Анархические и ревизионистские социалистические элементы создают утопический и демагогический оттенок в программе социалистов-революционеров, а элементы радикально-буржуазные приводят к оппортунизму, выражающемуся в разных конференциях с либералами и в участии в либеральных союзах.

Рожков.

Страничка из истории *).

С тех пор, как русская революция вышла на улицу и разразилась рядом грандиозных демонстраций, массовой террористической борьбой и частичными попытками вооруженного восстания, мы неоднократно указывали, что единственный путь для пролетариата добиться радикальных политических преобразований, это — путь революционной борьбы до конца, низвержения самодержавия, учреждения временного революционного правительства. Мы неоднократно указывали, что путь соглашения с самодержавием, который предпочитает крупная буржуазия, антидемократичен, что он знаменует собой отказ от революции, ликвидацию революции, удовлетворение интересов незначительной кучки капиталистов за счет интересов всего остального народонаселения. И не только интересам народа вообще изменяет буржуазия, входя в соглашение с самодержавием; она изменяет в равной мере и интересам широких кругов буржуазии — главным образом

*) Перепечатано из № 16 „Пролетария".

а откуда-то сзади им тревожно подмигивали вечерние тени, и дома, с'ежившись, боязливо жались друг к другу.

Мгновения бежали своими маленькими ножками по пустым улицам, по холодным камням мостовых, куда брошено так много мыслей, скорби, слез...

Чрез полчаса где-то внизу, в глубине лестниц, прозвучал отрывистый крик:

— Началось! Там, на площади!..

Маша вздрогнула и прильнула к стеклу. На земле уже чутко молилась ночь. Она трепетала над городом своими черными крыльями. Ничего не видно. — Иди, создавай себе горизонты! Иди, завоевывай их!

Напряженно прислушиваясь, Маша раскрыла форточку. Издали доносился мерный, тяжелый и грозный гул. Словно море подошло к городу, и огромные волны с грохотом бились в гранитные набережные. Временами гул затихал, и тогда было слышно, как сотни ног торопливо бежали по камням улиц и раздавались громкие голоса.

Потом загудел колокол. Как будто с далекого неба сорвались его частые медные крики, сорвались и упали на тихие дворы и снова взлетали и кружились в хороводе с тревогой и неизвестностью. Над душой человеческой пели они пьяную песню о смелости и самозабвении. Маша нервно вздрагивала, и ее руки судорожно хватались за переплет окна, словно она хотела птицей улететь туда — к ним...

Вдруг где-то далеко раздались сухие отрывистые звуки, как удары палками по забору. Маша задрожала еще сильнее и бросилась вон. Запирая дверь, она подумала, что прошлое теперь окончательно умерло... Или смерть или победа.

Выбежала на улицу. Выстрелы уже затихли, и только колокола гудели всюду. На минуту она заметила старика, который стоял по середине улицы, подняв кверху руки. Кто-то, задыхаясь, догонял ее. Казалось, вся улица стремится в город, где во тьме ночной идет последняя борьба униженных за свое счастье.

Бежала и Маша. Мелькали дома, переулки. Цепь фонарей кончалась вдалеке светлой точкой, и сердце рвалось туда — к неведомому будущему.

А там, в городе, на улицах трепетала безумная радость. О ней пели колокола. На небо падали розовые отсветы, словно заря проснувшейся надежды. И уже носилась над площадями, как ветер, пока еще темная бесформенная свобода...

Е. Яшнов.

мелкой буржуазии, т. е. интересам своего же класса. Группа выделяется из класса и предает его существенные интересы ради своих частных интересов, ради привилегий. Мы имели также случай указывать, как в известные исторические моменты, при определенном сочетании общественных сил, крупно-капиталистические группы буржуазии оказываются не в состоянии отрешиться от своих узко-групповых интересов и подняться до классовой точки зрения. Именно этот групповой эгоизм, эта неспособность взять на себя крупную историческую задачу толкает известные круги буржуазии в об'ятия монархии, заставляет их менять борьбу на соглашение, отрекаться от своих младших братьев и таким путем брать в конце концов то, что им соблаговолит уступить самодержавие. Исход соглашения между двумя общественными элементами зависит от реальной силы этих элементов. Вступая в соглашение с самодержавием, крупная буржуазия тем самым отделяется от своего класса. Интересы буржуазии как класса несовместимы с существованием монархии как самостоятельной силы; поэтому между классом буржуазии и монархией не может быть соглашения, между ними может быть только борьба. Но, раз отделившись от своего класса, крупная буржуазия утрачивает самую реальную силу, на которую она могла бы опираться. Ее успехи могут зависеть лишь от того, насколько она нужна монархии как союзница против демократии, насколько само существование монархии побуждает ее к уступкам буржуазии. Таким образом, вступая на путь соглашения с самодержавием, буржуазия становится на тот скользкий путь торга, на котором очень легко и совсем проторговаться.

Как известно, страны более передовые являют странам отсталым картину их будущего. Россия — самая отсталая среди крупных европейских стран, и с того момента, как она вступила на путь капиталистического развития, она начала проделывать все то же, что раньше ее проделали опередившие ее соседи. Поэтому нам очень поучительно знакомиться с историей Западной Европы, ибо эта история является для нас своего рода „книгой пророков", где намечены возможности политического развития России. Нужно уметь только вычитать эти возможности, чтобы вынести поучительные уроки из богатейшего опыта европейских народов. И одним из этих уроков является в высшей мере нравоучительная, как бы нарочно придуманная для назидания россиян, судьба теории соглашения. Именно прусская буржуазия в 1848 г. проделала совершенно такой же опыт „соглашения" с самодержавием, какой собираются проделать теперь в России государственные мужи нашей буржуазии. И прусский опыт наглядно показал, какой реальный смысл имеет соглашение с монархией, силы которой ослаблены внутренним или внешним потрясением, но далеко еще не сломаны. Перед лицом предстоящего соглашения либеральных земцев с правительством своевременно и уместно напомнить в общих чертах плачевный исход прусской революции.

18 марта 1848 г. вспыхнуло в Берлине восстание. После упорной баррикадной борьбы войска вынуждены были на другой день оставить Берлин. Город вместе с королем оказался во власти буржуазии. Ее поддерживало 400-тысячное население, в ее руках оказались склады оружия. Повсюду в стране началось крестьянское движение. Обстановка для коренного переворота была в высшей степени благоприятная. Перед буржуазией было два пути: вооружить поголовно все население и прежде всего, следовательно, многочисленный фабричный и ремесленный пролетариат, арестовать короля, перекинуть революцию на всю страну; или же удовлетвориться победой дня, закончить на этом революцию, войти в соглашение с самодержавием. В другой момент, быть может, прусская буржуазия сумела бы подняться до высоты стоявших перед ней задач и довела бы так удачно начатую революцию до конца. Но перед ней рисовались картины февральской революции в Париже — этой, в значительной мере, пролетарской революции, перед ней рисовались картины недавнего бунта силезских ткачей, она со скрытым опасением смотрела, как на главных улицах Берлина толпились рабочие — вчерашние победители на баррикадах. И страх перед подрастающим врагом пересилил ненависть к врагу дряхлеющему. Буржуазия в страхе отшатнулась от решительной и последовательной революции и пошла на соглашение с монархией. На другой же день после победы началось предательство буржуазии.

Она прежде всего поспешила обеспечить себя и свою „священную собственность"... не от самодержавия, нет, от пролетариата. Оружием из цейхгауза снабдила она только лиц, „имеющих самостоятельные источники дохода", т. е. только буржуа. И эта гражданская гвардия прежде всего обрушилась на „бунтовщиков" пролетариев. Но и этой охраны казалось недостаточно, и вот, 30 марта, по просьбе буржуазии, король вытребовал обратно в Берлин полк кавалерии и два батальона пехоты. Так начала буржуазия разменивать свою победу на соглашение с „обожаемым монархом"!

В то время, как буржуазия употребляла все усилия, чтобы погасить революционное настроение рабочих, и не могла налюбоваться на свое первое буржуазное министерство Кампгаузена и Ганземана (немецкие Петрункевичи и Родичевы), реакция собирала свои силы и готовила контр-революцию. Реакционная клика понимала, что, раз буржуазия встала на путь соглашения, она вынуждена будет сама заботиться об уничтожении всех и всяких революционных проявлений, а тем самым отрежет себя от народа, ждавшего радикальных преобразований, и вынуждена будет в конце концов принять то, что ей даст монархия.

22 мая открылось „национальное собрание", которое должно было выработать конституцию. Правительство назвало его „собранием, выбранным для соглашения с короной относительно конституции". Это собрание было почти сплошь буржуазное*): в него попало только 16 представителей дворянского сословия; оно являлось представителем и выразителем интересов буржуазии, той самой буржуазии, которая завладела властью после революции 18 марта. Ему оставалось только властью выразить волю своего

*) Здесь кстати указать на тот классовый инстинкт, который проявила масса, т. е., главным образом, мелкая буржуазия: пролетариат был еще очень не многочислен во время выборов. Приступив впервые ко всеобщим выборам, население Пруссии выбрало 31 купца, 28 самостоятельных ремесленников, 68 крестьян, 41 лицо свободных профессий, 146 чиновников, 28 городских служащих, 52 духовных, 4 офицеров, 1 коммивояжера, 1 ремесленного подмастерья, 1 рабочего и 16 дворян. При этом следует заметить, что чиновники, среди которых преобладали юристы (98 чел.), по большей части являлись представителями интересов буржуазии.

класса, об'явив себя учредительным собранием и взяв на себя задачи закрепить завоевания революции в интересах своего класса. Но перед этим собранием представителей „народа“ носилась идиллическая картина соглашения, и они отказались превратиться в суверенное учредительное собрание, предпочтя остаться, по выражению Маркса, собранием „соглашателей“. И как бы в доказательство своего разрыва с событиями мартовских дней, собрание отвергло большинством 19 голосов предложение официально признать заслуги борцов 18—19 марта перед отечеством.

Так уже в первые дни после мартовского восстания буржуазия оттолкнула от себя самого деятельного своего союзника — пролетариат. Но страх за „священный институт частной собственности“, который вооружил буржуазию против рабочих, не исключал еще возможности борьбы. Буржуазия могла привлечь на помощь многочисленный класс населения, изнывавший под тягостью феодальных поборов и повинностей, жаждавший вырваться из мрака средневековья и обосновать свое благополучие на буржуазном принципе частной собственности: классом этим было крестьянство. Уже вскоре после мартовских дней начало оно волноваться, нападая на замки феодалов и уничтожая документы, касающиеся феодальных повинностей крестьян. Все лето продолжалось крестьянское движение. Крестьяне послали в „палату соглашения“ 60 своих представителей, они завалили эту палату рядом адресов и петиций, и, если бы она имела мужество призвать крестьянство к борьбе, она имела бы в своем распоряжении грозную армию, способную смести все пережитки средневековья вместе с королем и „благородным рыцарским сословием“. Но палата мечтала не о революции, а о соглашении с монархом, этим ярым защитником феодализма. И когда был поставлен на очередь вопрос об уничтожении крепостных повинностей крестьян, собрание не решилось посягнуть на „частную собственность“ и „права“ дворянства и предоставило крестьянам лишь право выкупа повинностей. Чтобы избавиться от многовекового грабежа, крестьянам предоставлялось „право“ откупиться от грабителей. Естественно, что крестьянство отвернулось от этого собрания торгашей, продававших интересы своего класса за милости монархии. Так мало-по-малу палата соглашения оттолкнула от себя все революционные элементы. Надежда страны превратилась в ее позор.

Между тем реакция не теряла времени. Понемногу сплачивала она свои силы, рассеянные мартовскими событиями, и готовила контр-революцию. Сама буржуазия в своем лакейском восторге перед принципом соглашения помогала ей в этом. Мы уже видели, как вскоре после 18 марта по просьбе берлинских буржуа была возвращена в город часть войск. Вскоре после открытия собрания усилиями той же буржуазии был возвращен из Англии, куда он вынужден был уехать после 18 марта, ненавистный всему народу принц прусский, наследник престола, будущий император, Вильгельм I. С его возвращением реакция приобрела вождя, способного сплотить ее силы для контр-революционного удара. И, действительно, правительство понемногу готовило государственный переворот. Незаметно стянуло оно в окрестности Берлина армию в 40 — 50 тысяч человек и, пользуясь постоянным присутствием около здания, где заседала палата, волнующейся толпы (в значительной мере дело рук провокации), начало указывать устами министерства, что собрание терроризуется берлинским населением, что достоинство собрания подвергается опасности и т. п. К сентябрю — октябрю реакция была уже во всеоружии и только ждала удобного случая. События не заставили ее ждать. 1 ноября было получено в Берлине известие о взятии восставшей Вены войсками Виндишгреца. Реакция восторжествовала в Австрии, ей оставалось только восторжествовать в Пруссии, а эгоизм и близорукость буржуазии подготовили это торжество. Немедленно было назначено новое министерство гр. Бранденбурга, дяди короля и ярого реакционера-солдафона. 9 ноября новый министр прочел собранию послание короля, в силу которого заседания палаты переносились из Берлина в маленький городок Бранденбург, а пока отсрочивались до 27 ноября.

Теперь, наконец, буржуазия поняла, к чему привело ее пристрастие к соглашению. У нее была еще последняя возможность прибегнуть к революционному пути, призвать население к активному сопротивлению. Берлинские рабочие призывали собрание к этому решительному шагу, обещая защищать его до последней капли крови. Еще существовала вооруженная гражданская гвардия, еще берлинское население готово было поддержать палату в ее борьбе и, если бы не удалось победить, можно было, по крайней мере, спасти честь собрания и вынудить у правительства более существенные уступки. Но принцип соглашения настолько развратил этих „правителей народа“, настолько пропитал их чувством лакейской лойяльности, что они отвергли все революционные предложения и решили оказывать „пассивное сопротивление“. Правительство поняло, что оно может сделать еще один шаг. 11 ноября постановлением министерства была распущена гражданская гвардия, эта последняя опора собрания. И здесь берлинские рабочие призывали эту буржуазную милицию к сопротивлению, обещая ей свою поддержку. Но лойяльные герои отказались от поддержки пролетариата и аккуратно сдали правительству свое оружие. Чтобы окончательно добить противника, правительство ввело осадное положение, приостановив действие законов о печати, союзах, собраниях. Еще несколько дней собирались злосчастные депутаты, гоняемые из помещения в помещение полицией и истощая свои силы бесконечным пустословием. И когда, наконец, правительству надоела эта комедия и оно послало солдат, чтобы разогнать штыками остатки карикатурного собрания, тогда, в последнюю минуту, это собрание вотировало отказ от платежа податей. Мера, которая могла возыметь революционное действие несколько месяцев тому назад, оказалась теперь лишь жалкой пародией английской и американской революции.

Когда остатки палаты собрались 27 ноября в Бранденбурге, они провели несколько дней в беспорядочных и пустых прениях, пока, наконец, правительство не распустило окончательно палаты. Вместе с роспуском собрания король пожаловал стране конституцию, заключавшую в себе свободу прессы и собраний, свободу религии, ответственность министерства, всеобщее избирательное право и ряд других требований: но на-ряду со всеми этими демократическими требованиями в конституцию была введена двупалатная система. Получилось что-то

вроде „основного государственного закона“ наших земцев, только с ответственным министерством — все-таки несколько либеральнее. Но прочным оказывается только то, что завоевано силой и что сила же умеет отстоять. Пожалованная „милостью монарха“ конституция оказалась весьма непрочной. В мае 1849 г. она была уже заменена действующей и поныне конституцией, основанной на трехклассной выборной системе, — на самом жалком из всех избирательных законов, по выражению Бисмарка. Так кончилась печальной памяти история соглашения прусской буржуазии с монархией.

Не правда ли, поучительный урок? Как будто нарочно заставила история пережить Пруссию эту трагикомедию, чтобы дать наглядный образец российской буржуазии чего не делать. Редко какой-нибудь общественный класс имел перед собой такой поучительный пример, редко имел он такую возможность избежать политической ошибки, не повторять промахов своих собратий „делать историю“ по кратчайшему пути, а не по пути наименьшего сопротивления. Но для этого русской буржуазии вообще, русской крупно-капиталистической буржуазии в особенности, необходимо отрешиться от своих групповых интересов, подняться до интересов всего класса, отрешиться от теории соглашения, подняться до теории самодержавия народа. Сумеет ли это сделать наша буржуазия? Мы имеем слишком много оснований сомневаться в этом. Разве... разве только ее принудит к этому сам класс буржуазии, масса мелкобуржуазных элементов, поднявшихся делать радикальную революцию во имя своих радикальных потребностей.

Только в том случае решительная победа русской революции может быть вполне обеспечена, если судьбы ее возьмет в свои руки пролетариат, поднимая и присоединяя к себе крестьянскую массу.

Это — трудная, но великая задача, и за выполнение ее рабочие будут бороться с удесятеренной энергией, бороться до последней капли крови.

Профессиональные союзы.

Среди железнодорожников.

В Варшаве начальник службы движения Привислинских железных дорог Проскуряков, созвав подчиненных ему служащих, преимущественно русских, в помещение клуба, предложил им принять заранее приготовленную резолюцию следующего содержания:

„1) Заявить протест против требований поляками автономии для Польши и подтвердить, что все приведенные в правительственном сообщении мотивы по поводу введения военного положения в крае основательны и согласны с истиною.

„2) Огласить, что русские служащие на Привислинских дорогах составляют только одну треть общей цифры служащих и что правительство, в своих целях и для пользы русского дела, должно увеличить число русских людей на Привислинских дорогах, по крайней мере, до 50 процентов, а также расширить их права и преимущества по службе.

„3) Выразить порицание делегатам служащих за их протежирования на с‘езде полякам и требование для них политических прав и на будущее время этим лицам полномочий не давать.

„4) В интересах русского дела просить товарищей русских впредь в забастовках с поляками не участвовать а, в случае стремления к осуществлению таковой, противодействовать всеми имеющимися средствами под охраной молодцов-казаков, составляющих славу и гордость русской армии“.

Настоящая резолюция была принята единогласным упорным молчанием всех служащих присутствовавших на собрании русских людей.

Телеграммой она разослана на все станции русских железных дорог

В ответ на эту телеграмму циркулярно разослана телеграмма следующего содержания:

„Циркуляр - телеграмму из управления Привислинских железных дорог за № 78 считаем поданной от группы, организованной начальственными лицами, стремящимися лишь внести рознь в дружную семью железнодорожников и тем разбить стремление наше к улучшению быта.

„Виленское бюро всероссийского железнодорожного союза“.

По этому поводу петербургским окружным комитетом всероссийского железнодорожного союза разослано следующее сообщение:

„Петербургский окружной комитет всероссийского железнодорожного союза, получив сведения о возмутительном поведении во время общей забастовки железных дорог некоторых товарищей, служащих на Привислинских дорогах, которые во все время забастовки не только вводят разлад в общее железнодорожное дело, но даже позволяют себе прибегать к насилию, явно нарушая постановления железнодорожного союза, вызывая этим справедливое негодование товарищей - поляков, а потому комитет рекомендует огласить в печати фамилии всех тех нарушителей товарищеской солидарности и противников общего железнодорожного дела для принятия подлежащих мер противодействия со стороны окружного петербургского комитета и всех железных дорог“.

---

14 ноября в здании службы пути Николаевской ж. д. состоялось совещание выборщиков Николаевской ж. д. Первым рассматривался вопрос о собрании. Утром 14 ноября в Соляном Городке должен был состояться митинг железнодорожных служащих. Явившаяся в Соляной Городок полиция допускала, однако, митинг лишь при условии не касаться на нем вопросов государственных.

Устроители митинга признали эти условия неприемлемыми и распустили митинг.

Собрание одобрило действия устроителей митинга и после некоторых прений вынесло следующую резолюцию: „Совещание выборщиков Николаевской ж. д., считая своею обязанностью поставить избирателей в полную известность о работах делегатского с‘езда и собраний выборщиков, признает необходимым, чтобы начальником дороги было сделано немедленное распоряжение об отводе помещения, без испрошения разрешения администрации дороги и полиции, для свободного собрания служащих и рабочих как для вышеуказанной цели, так и для обсуждения всех своих остальных нужд, при чем должны быть приняты меры к тому, чтобы ни местная, ни железнодорожная полиция на эти собрания допускаемы не были. Помещение для собрания должно быть открываемо во внеслужебное время по заявлению устроителей беспрепятственно“.

Посланным с этой резолюцией к начальнику дороги делегатам было заявлено, что железнодорожная администрация ничего не имеет против собраний служащих и назначает для этой цели или здание Александровского завода, занятого в настоящее время полицией, или здание службы пути. Собрание остановилось, конечно, на последнем.

Оживленные прения вызвал вопрос об избрании членов в местное организационное бюро для организации второго всероссийского железнодорожного с‘езда. Цель бюро — разбитие всей Николаевской линии на участки; в каждом участке образовать отделы, которые из своей среды изберут выборных для второго всероссийского железнодорожного с‘езда, предполагаемого в марте, и для организации, впоследствии, союза железнодорожных служащих, взамен существующего ныне секретно и по отдельным группам служащих Николаевской дороги, состав которых превышает 16 тыс. человек.

Одним из делегатов был прочитан доклад о бывшем железнодорожном делегатском с‘езде и выяснены причины, по которым с‘езду пришлось заняться общеполитическими вопросами. Собрание выразило с‘езду благодарность за его деятельность.

— 14 ноября состоялось собрание зубных врачей, зубных техников и учащихся зубоврачебных школ гор. Петербурга. На собрании обсуждался вопрос об организации союза зубных врачей. По первоначальному проекту устава союза, составленному организационным бюро, в число членов союза входят представители данной профессии без различия политических убеждений, но в практической деятельности руководятся программой Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии и посылают делегата в Совет Рабочих Депутатов. Получалось, таким образом, безысходное противоречие: союз беспартийный, признающий, вместе с тем, программу Соц.-Дем. Партии, но организационно связанный не прямо с партией, а с Советом Р. Д. Противоречие это на собрании 14 ноября было детально выяснено ораторами социал-демократами. В виду того, что большинство членов собрания стояло за то, чтобы союз был политическим, представитель соц.-дем. партии предложил союзу определенно принять партийную программу и войти в число партийных организаций. Социалисты-революционеры настаивали, наоборот, на том, чтобы союз ограничился принятием общедемократической платформы, т. е. чтобы он остался, другими словами, на уровне буржуазного демократизма. Это предложение, разумеется, встретило горячий протест со стороны социал-демократов, поддержанный громадным большинством собрания. В заключение была принята, по предложению представителя Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. резолюция такого рода:

„Признавая немыслимой политическую борьбу вне партийных организаций, мы, зубные врачи, зубные техники и учащиеся зубоврачебных школ гор. Петербурга, образуем социал-демократический союз, признающий программу Р. С.-Д. Р. П. и входящий в число партийных организаций. В целях об'единения всех товарищей по профессии и выяснения их политического самосознания при союзе и под его руководством будут устраиваться политические клубы и беспартийные профессиональные организации, кассы, професс. союзы и пр.

„Поручается бюро совместно с представителями Р. С.-Д. Р. П. выработать устав союза и опубликовать в партийной печати о возникновении союза“.

P. S. Не можем не отметить странный характер полемики соц.-революционеров на этом собрании. Полемизируя, один из них настолько исказил слова одного оратора, что, по требованию представителя Р. С.-Д. Р. П., должен был публично взять свои слова назад и „извиниться“, что, надо сказать, он очень охотно исполнил.

Общее собрание петербургских чертежников.

В воскресенье, 13 ноября, в зале общества инженеров (Серпуховская улица, 10) временным организационным бюро было созвано собрание петербургских чертежников с целью организации профессионального союза и для выяснения своих экономических нужд.

Собрались чертежники из различных фабрик и заводов. После избрания председателя и секретарей собравшиеся приступили к обсуждению вопроса об организации союза.

После выяснения этого положения был прочитан и единогласно принят следующий устав возникающего союза чертежников, имеющего следующие цели: 1) защиту правовых и экономических интересов своих членов, 2) содействие улучшению материальных и нравственных условий их жизни, 3) способствовать их умственному развитию.

Непосредственными задачами союза являются: 1) повышение окладов жалованья и определение их минимума, 2) введение комиссий из среды чертежников для определения окладов, контроля над приемом и увольнением товарищей и т. д., 3) установление однообразного рабочего дня, 4) учреждение третейских судов, составленных поровну из чертежников и администрации для решения спорных вопросов, 5) улучшение санитарных условий и т. д.

Членами союза могут быть лица обоего пола без различия национальности и религии, занимающиеся чертежным трудом.

Стачечный фонд образуется из отчислений не мене 50% всех поступлений, кроме специального назначения.

Этот фонд идет на поддержку стачечников и их семейств и составляет до момента стачки неприкосновенный капитал.

После принятия этого устава было приступлено к выбору депутатов от различных фабрик и заводов в совет союза. Выбор этот состоялся.

Затем, по предложению одного из ораторов, было принципиально решено выборных исполнительного комитета союза отправить в Совет Рабочих Депутатов, в единственную инстанцию, отражающую цель и стремления пролетариата.

Наконец, по вопросу отношения чертежников к текущим событиям была вынесена следующая резолюция:

„Принимая во внимание, что союз чертежников является организацией пролетарской, организационное собрание союза чертежников признает, что полное освобождение пролетариата может быть только делом политической борьбы самого пролетариата; но так как единение и некоторый экономический минимум являются необходимыми условиями для окончательной борьбы и победы, то собрание признает также и необходимость профессиональной борьбы. Союз является организацией беспартийной; признавая профессиональные союзы лишь предварительной организацией для окончательной политической борьбы, — союз ставит своей целью приближение профессиональной борьбы к борьбе политической, для чего он и обращает самое серьезное внимание на образование боевого стачечного фонда и на скорейшее политическое самоопределение своих членов для вступления их в действующие политические партии“.

Вновь организующийся „союз служащих в кредитных учреждениях г. С.-Петербурга“ на первых уже шагах начинают тормозить господа, которым этот союз кажется неудобным, союз не по карману. Председатель правления Международного банка г. Хрулев, получающий ежегодно жалованья до 25.000 и столько же наградных, пригласил к себе человек 30—40 своих „надежных“ сослуживцев и заявил им, что он не допустит участия своих служащих в указанном союзе, а виновных в участии лишит наградных и авансов и затормозит их в движении по службе. Клевреты г. Хрулева вполне согласились со своим патроном, но остальные служащие, узнав об упомянутой беседе, запротестовали. Таким же антагонистом оказался директор русского для внешней торговли банка г. Кестлин, который воспретил всем своим служащим, вообще, участвовать в каких-либо союзах. Тот же г. Кестлин приказал арестовать во время октябрьской забастовки депутатов, явившихся к нему в банк для того, чтобы об'явить там о решении своих товарищей. Таковы эти два кредитных деятеля, стоящие во главе многочисленных служащих, которые особой нежности к гг. Хрулеву и Кестлину не питают и для участия в своем союзе, очевидно, не пригласят.

Резолюция, вынесенная рабочими „Тов. механического производства обуви“ на собрании 16 ноября 1906 г.:

„Принимая во внимание, что наш союз есть учреждение, задавшееся целью об'единить всех рабочих сапожно-кожевенного цеха для успешной борьбы с капиталистами, мы, рабочие «Товар. механич. производства обуви», учреждая его (союз), организовали бюро при союзе для переговоров с администрацией, которая должна вменить себе в обязанность считаться с бюро как с организацией сапожно-кожевенного цеха; а поэтому мы, рабочие «Товар. механич. производства обуви», на собрании 16 ноября постановили не выходить на работу, пока администрация не вывесит об'явления о приеме всех рассчитанных рабочих и не снесется с нашим бюро, которому только мы и должны подчиниться — стать на работу или нет.

„И администрация должна принимать рабочих по указанию нашего союза, а не своих любимцев, по своему личному произволу“.

В комитет Красного Креста по подаче первой помощи поступило прошение от санитаров ком. перв. помощи с нижеследующими требованиями:

1) Прибавка 5 руб. жалования всем санитарам ком. перв. помощи с сохранением, согласно подписке, прибавки жалования через 5 лет.

2) Отвод семейным санитарам отдельных казенных помещений или же выдача квартирных денег не менее 6—7 р. в месяц.

3) Выдача денежного пособия санитарам, получившим увечье и оказавшимся неспособными к труду при исполнении служебных обязанностей, не менее четверти годового оклада.

4) Иметь право пользоваться, прослужа не менее трех лет, ежегодно месячным отпуском с сохранением содержания.

5) В случае заболевания санитара или его семейства, помещать в лечебные заведения Красного Креста, с сохранением 4-месячного содержания по общему положению.

6) Выдача двух пар сапог и одной пары галош, что крайне необходимо как санитарам станции, где наблюдается частая порча сапог во время уборки карет, так и санитарам центральной станции, вследствие частой ходьбы.

7) Установление сроков обмундирования, по окончании которых обмундирование оставалось бы в пользу владельца оного.

8) Изменение настоящей формы и замена ее более упрощенной.

Следуют 24 подписи.

Воззвание бюро тружеников трактирного промысла.

Мы, члены учредительного бюро, избранного на общем собрании Т. Т. П. в Соляном Городке 9 октября, постановили обратиться ко всем труженикам трактирного промысла со следующим воззванием:

Товарищи Т. Т. П.

Тяжело и унизительно наше положение. В настоящее время все трудящиеся классы в России об'единяются на защиту своих прав. Трудящиеся всей России борются за удовлетворение своих насущных экономических и гражданских нужд. Необходимо и Т. Т. П. защитить самих себя. Помощи нам ждать неоткуда. Только сами мы, об'единившись в одну семью, можем успешно бороться со своими притеснителями.

Товарищи! Трудно положение трудящихся классов, но положение Т. Т. П. еще труднее. У каждого работника есть один хозяин, у нас таких хозяев много: и содержатель заведения, и администрация, и каждый гость требуют от нас услуг и считают себя хозяевами.

Товарищи! Защитить Т. Т. П. могут только Т. Т. П. Об'единимся в один тесный братский союз без различия нашей работы, пола, возраста, религии и национальности, и сами будем защищать себя.

Исходя из всего вышесказанного, мы обращаемся ко всем труженикам трактирного промысла и предлагаем избрать от каждого заведения по одному человеку. Эти выбранные соберутся в Соляном Городке в 11 ч. дня 22 ноября и там приступят к окончательному обсуждению средств борьбы за удовлетворение своих нужд.

Примечание. Мы приглашаем об'единиться в один союз всем Т. Т. П., как-то: ресторанов, трактиров, гостиниц, кухмистерских, клубов, вокзалов, пристаней, садов, чайных, кофейных, портерных, столовых, духанов.

Мы приглашаем всех служащих этих заведений: официантов, поваров, мальчиков, полотеров, судомоек.

Бюро Т. Т. П.

9 ноября 1905 года.

Всероссийский професс. союз печатного дела.

13 ноября, в помещении школы печатного дела состоялось учредительное собрание лиц, занимающих административные должности в печатных заведениях. Присутствовало более 300 человек. Решено организовать союз под названием: „Российский профессиональный союз деятелей печатного дела". В союз могут входить и наборщики, но группами, не менее 50 человек. Затем были выбраны 15 человек в совет союза для ведения дел союза, а также 6 человек в ревизионную комиссию. Союз действует с 13 ноября.

---

15 ноября в помещении Вольно-Экономического общества состоялось собрание бронзовщиков. Председатель во вступительной речи познакомил собравшихся с задачами союза: 1) борьба за экономические и правовые интересы рабочих-бронзовщиков; 2) поднятие их умственного и нравственного уровня; 3) взаимопомощь. Союз ставит также своей целью введение восьмичасового рабочего дня, уничтожение сверхурочных работ, уничтожение поштучной платы, введение расценочных комиссий, сокращение срока ученичества, установление минимальной платы и т. д.

Собрание весьма сочувственно отнеслось к организации союза и приступило к выбору правления.

Аптекарские рабочие обратились с воззванием и товарищам рабочим, в котором указывается на тяжелые условия своего труда, — просят помощи и принятия аптекарских рабочих в общую рабочую организацию.

Из партийной жизни.

АГИТАЦИЯ В ВЫБОРГСКОМ РАЙОНЕ.

Агитация Выб. района, организационная и техническая сторона которой по многим причинам до сих пор была поставлена неудовлетворительно, принимает теперь более правильный, как в идейном, так и в организационном смысле, характер. Этому особенно способствует затишье, которое наступило после революц. под'ема, а также постановка общегородской организации агитации и распределения сил по районам, чего до сих пор не было. Отчеты из других районов, дающие возможность воспользоваться опытом товарищей, а также статья в № 12 „Н. Ж." заставляют невольно задуматься более серьезно над постановкой агитации, имеющей теперь такое громадное значение в нашей партийной работе. Желательно было бы, чтобы и отчеты и статьи этого рода появлялись на страницах „Н. Ж." возможно чаще.

На собраниях агитаторской коллегии В. Р. 11 и 13 ноября (коллегия состоит из 13 лиц: 9 интеллиг. и 4 раб.), бывших продолжением одно другого, было признано, что совещания агит. колл. должны носить характер обсуждения намечаемых тем и установления определенного плана речей, чтобы они не носили случайного и несвязного характера.

Речи должны быть возможно более популярными, а иностранные слова сопровождаться об'яснениями.

Абстрактные, а потому трудные понятия предлагалось конкретизировать жизненными фактами, при чем каждый агитатор заранее должен устанавливать в намеченной теме такого рода понятия и подыскать подходящие картины. То же самое и относительно „скучных" мест в речи, то есть таких, которые почему-либо не могут затронуть глубоко душу несознательной части рабочих. Их было бы желательно также оживлять фактами и сравнениями.

Особенно подчеркнута была необходимость сделать речи гораздо содержательнее, глубже и определеннее. В революционное время бросались лозунги, произносились пылкие, но часто очень поверхностные и довольно неопределенные, по отношению к основной мысли, речи.

Теперь надо углубить сознание и закрепить сделанное в рев-ые дни. Агит-ая коллегия признала также в высшей степени целесообразным: прежде чем итти на какой-нибудь завод, ознакомляться с условиями труда на нем, средним уровнем развития рабочих, общим настроением и вообще с индивидуальной физиономией данного завода. К этому сделаны были уже агит. колл. некоторые шаги, и с помощью организаторов собраны такого рода сведения, которые и передавались агитаторам. Что касается чисто-технической стороны дела, то было постановлено в воскресные и праздничные дни, когда бывает много митингов, всем агитаторам дежурить в штабе от 10 ч. до 3 ч. дня.

Об остальных митингах осведомлять по данным адресам.

Темы, намеченные для обсуждения, в результате которого были предложены планы речей, принятые коллегией с дополнениями, следующие:

1) 8-часов. рабоч. день и закрытие заводов.

План (в сокращенном виде).

— Значение 8-час. раб. дня, его введение и результаты: закрытие зав. и расчеты.

— Борьба фабрикантов против 8-час. раб. дня (пр.-эк. п-ия; союз 72 фабрикант. металл. зав.).

— Провокационная роль прав-ва (казенные заводы).

— Результаты: среди раб. замечаются колебания; усиление „черной сотни" (листки и проч. факты с Выб. Р.).

— Необходимость организации в:

а) проф. союзы

б) С.-Д. Р. Партию.

— Практические шаги против фабрикантов и рабочих, которые соглашались на предл. фабр-ми сделки:

бойкот продуктов и их самих.

2) О крестьянском с'езде.

План (в сокр. виде).

— Аграрные беспорядки и стихийность движения (гл. обр. вначале).

— Агр-ое движение принимает постепенно более опред. форму (примеры).

— С'езд.

— Требования и пожелания крестьян.

Отм. 1) Демократичность треб-ий и конс. (сравнить с половинчатостью либ. партий).

2) Способ борьбы (приближаются к пролетарским).

— Крестьяне—союзники прол-та.

— Роль пролет-та и отношение его к крестьянству.

— Как соц.-дем-ия отстаивает интересы крест-ва.

— Демократич. диктатура крест-ва и пролетариата.

3) С'езд зем. и гор. деятелей.

План (в сокр. виде).

— Краткая история либерализма за этот год.

— С'езд, половинчатый характер их требований и способа борьбы

— Соц.-д-ия и ее отношение.

В ближайшем заседании агит. колл. решено обсудить следующие вопросы:

1) Образование специального кружка из агитаторов - рабочих, которые будут слушать высшую пропаганду, а в разработке речей присоединяться к общему собранию.

2) По примеру тов. Невск. района установить ежедневные дежурства в штабе для экстр. случаев и в виду невозможности в прот. случае удовлетворительно поставить техническую сторону.

Что касается чтения лекций и пропагандистских занятий, то фактически эти 2 функции разделены так. обр.: лекции предназначены для более обширного и более меняющегося состава слушателей, пропаганда—для более узкого и постоянного.

Лекции — если будет возможно в зависимости от слушателей, желательно поставить в связь друг с другом, но, однако, каждая из них должна носить вполне законченный и цельный характер: публика может прийти иная; пропаганда, рассчитанная на непременно постоянных слушателей, должна установить теснейшую связь между речами и непременно выполнить определенную программу.

Впрочем, в полности вопрос об этом пока не обсуждался ни в Р. К. ни в других коллегиях.

На собрании Ремесленного (общегородского) Районного Комитета, 14 ноября, в порядок дня были поставлены вопросы:

1) реорганизация Районного Комитета;

2) организация агитации;

3) реорганизация пропаганды и другие вопросы.

По пункту первому сначала обсуждался вопрос о способах образования районного комитета, а затем о взаимоотношении между районным комитетом и другими районными учреждениями.

На обсуждение собрания было предложено три проекта выборов районного комитета, из которых каждый обсуждался отдельно. После дебатов единогласно был принят проект, сводящийся к следующему.

Все выборные заводские комитеты, соединившись вместе с коллегиями пропагандистов и агитаторов, образуют районное собрание, которое из своей среды избирает комитет (проект некоторых членов Петербургского Комитета).

Мотивы предпочтения этого проекта таковы:

Во-первых, районное собрание, которое должно созываться периодически для выборов, для выслушания, обсуждения отчета о деятельности районного комитета и контроля над ним, а также для совещания по вопросам партийной жизни, поведет к сближению и ознакомлению товарищей между собою.

Во-вторых, районное собрание, где будут участвовать представители различных отраслей ремесла, будет парализовать ту тенденцию к обособленности и профессионализму, которая легко может развиться в нашем районе.

В-третьих, наконец, это устраняет опасность, что в районный комитет попадут малосознательные и неспособные элементы: если допустить выборы от отдельных цеховых комитетов, то типографщики или словолитчики, напр., пошлют убежденного социал - демократа, а белошвеи или прачки весьма и весьма сомнительного.

По вопросу о взаимоотношении Районного Комитета к районному собранию единогласно было принято, что первый является руководящим органом, а вовсе не исполнительной комиссией, которую предлагал один из членов Петербургского Комитета: собрание пользуется правом контроля над деятельностью комитета и последний обязан давать ему периодические отчеты.

Таким образом, наш Районный Комитет высказался за принципы демократического централизма, на которых останавливается тов. Галерка в статье: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" („Нов. Жизнь" № 13).

По вопросу об агитации решено прежде увеличить число кружков для подготовки агитаторов из рабочих (раньше уже был организован один), затем организовать коллегию агитаторов, которая руководила бы агитацией всего района и распределяла силы. Решено далее использовать профессиональные союзы для выяснения на их собраниях социал-демократической программы. Наконец, постановлено устраивать митинги в чайных, столовых, трактирах и т. д. В настоящее время это вполне возможно, ибо и раньше уже такие митинги устраивались (напр., словолитчиками и ювелирами).

Остальные вопросы за поздним временем не обсуждались.

В Исполнительный Комитет С. Р. Д. поступила просьба-заявление рабочих Сестрорецкого оружейного завода, которое мы приводим ниже:

„Мы, рабочие Сестрорецкого оружейного завода — запасные, призванные во время последней мобилизации по распоряжению администрации, были оставлены при заводе. Несмотря на окончание войны, начальство заявило нам 15 ноября, что мы должны во время забастовок оставаться при заводе и всецело подчиняться военным властям, с предупреждением, что кто не женат, не имеет права (!) вступать в брак (?!). Но мы все категорически отказались от исполнения каких бы то ни было «предупреждений» и повиновения военным властям. По этому поводу и просим Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов снестись с воинским начальником и потребовать немедленного уничтожения «военного положения» на нашем заводе, основываясь на том, что наши другие товарищи, подведенные под «военное положение», в настоящее время от него освобождены.

„Еще раз просим вас, товарищи, принять все меры к освобождению нас из-под ярма самодержавия.

Делегат Сестр. оруж. зав."

— 17 ноября состоится митинг в народном доме Нобеля рабочих Геслеровского завода в 6 час. вечера.

Новое выступление русских ревизионистов.

14 ноября в Лиговском народном доме В. В. Водовозов прочел доклад на тему: „Организация социал-демократической партии в Германии". Докладчик сделал по адресу германской социал - демократии два критических замечания: он решительно высказался против того течения в германской социал - демократии, которое стремится поставить в известные границы свободу критики внутри партии. Остановившись далее на недавно принятом партией порядке, при котором выставление кандидатур при выборах в германский рейхстаг поставлено под контроль центрального правления партии, докладчик увидел и в этом противоречие с общим демократическим строем партии.

После докладчика г. Прокопович прочитал краткий доклад об организации бельгийской социал-демократии. Первый оппонент, возражавший докладчику, указал, что за флагом „свобода критики" зачастую скрывается стремление контрабандным путем провести в классовую социалистическую партию пролетариата багаж мелкобуржуазных демократических идей. Этому стремлению партия должна решительно противостоять. Точно так же и существующее установление контроля партии над выставлением местных кандидатур при выборах в германский рейхстаг вызвано случаями проникновения в рейхстаг под социал-демократическим флагом мелкобуржуазных идеологов-демократов, как это было с пастором Гере. Гере снял с себя поповскую одежду, но шкура-то у него осталась старая. Второй—не

столько оппонент, сколько защитник референта — горячо вступился за свободу критики.

Третий оппонент указал, что картина, нарисованная докладчиком, далеко не полна: строй германской социал-демократии характеризуется не одним демократизмом, но и централизмом. Докладчик совершенно упускает из виду существенное различие между добровольным союзом, каким представляется всякая политическая партия, и принудительным союзом—государством. В последнем — всякое ограничение свободы критики является гнетом, не находящим никакого оправдания, в первом—свобода критики необходимо ограничивается основными положениями партийной программы. Программа—единственная основа добровольного союза партии. Раз она падает, лишается всякого смысла и самый союз — партия. Поэтому нельзя оставаться членом партии и в то же время отрицать основные положения партийной программы. Члену партии ведь всегда представляется возможность выйти из партии и критиковать затем самые ее основы. Внутри же партии свобода критики, конечно, признается, но не безусловно. Деятельность партии должна быть централизована, деятельность отдельных членов и частей должна быть под контролем целого партии. С этой точки зрения совершенно понятен и контроль, который партия установила над выставлением местных кандидатур. Иначе партия потеряла бы свой единый и целостный характер, а в нем— его сила. Те, кто выступают за неограниченную свободу критики внутри партии, на самом деле служат не партии, а совершенно посторонним для нее целям. И это блестяще подтверждается на референтах. Они — не социал-демократы. Они чужды партии. Вчерашние конституционалисты-демократы, они сегодня провозглашают свободу критики, чтобы завтра под флагом этой свободы проникнуть в партию и изменить ее классовую, ее социалистическую основу.

В армии.

14 ноября состоялся митинг солдат военно-электротехнической школы, на котором, кроме требований, перечисленных в № 13 „Новой Жизни“, решено требовать удаления провокатора унтер-офицера Хрящева.

— Нам доставлено интересное письмо матроса одного из кронштадтских флотских экипажей, с учебного судна „Воин“, на которое он переведен как „подозрительный“, и которое служит для арестованных моряков „плавучей предварилкой“.

„Здесь арестованных матросов находится 109 человек, из которых 4-го экипажа 97 человек, а остальные 7-го экипажа и переведены из петербургских экипажей. Сидеть скверно, помещение тесное, спим почти друг на друге, кормят хуже, чем пользовались в экипаже, читать ничего не дают, со всех сторон стоят часовые и зорко следят за всем. Не позволяют даже курить... Очень уж интересно нас провожали из экипажей: построили нас в шеренги, спереди полуроты армейских и столько же сзади, да с боков в две шеренги «армяки с ружьями». Мы думали, что нас поведут прямо на «тот свет». Жители вздыхали и ахали, слышны были плач женщин и вздохи мужчин, многие из нас были бледны, но сознание своего великого призвания, сознание, что хоть и умрем, то все-таки за святое великое дело, делало нас бодрыми.

„На пристани загнали нас в баржу, закрыли сверху крышки и потащили неизвестно куда. В барже покоя не было, кто молился перед смертью, кто ругался на все, поминая всех святых, кто орал песни. Мы думали, что нас привезут в Петербург, но привезли на форт «А» к Сестрорецку. На форту провели один день, потом перевели на «Воин», стоим в Военной гавани. Всех арестованных моряков 3.000 человек. Теперь не знаем, что суд и следствие покажет? Но ведь военный суд — это чисто «шемякинский». Спасибо русскому обществу и братьям рабочим, которые, по слухам, поддерживают нас, моряков, неудачно выступивших на борьбу с царизмом и произволом, и тем не дают развиться аппетиту тех господ, которые жаждут нашей крови.

„Писем не получаем, наверное, задерживают. Из 4-го и 7-го экипажей сделали тюрьму, а что осталось команды, ту перевели в первый экипаж. Как я, так и все мы шлем искренний привет братьям пролетариям“.

Воспроизводим также следующий характерный приказ.

Копия с копии.

Приложение к приказу по полку № 317, 7 ноября 1905 г. № 150/119.

ПРИКАЗ

по 50-й пехотной резервной бригаде.
Г. С.-Петербург.

Из личных расспросов нижних чинов вверенной мне бригады и запасных пехотных батальонов я убедился, что они неверно понимают смысл Высочайшего Всемилостивейшего Манифеста 17 сего октября, поэтому предписываю командирам полков и командующим запасными пехотными батальонами лично (в присутствии всех гг. офицеров и нижних чинов) прочесть манифест и об'яснить его значение и смысл каждого слова, особенно тщательно раз'яснив пункт 1-й—неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов. Об'яснить, насколько этот пункт относится для всех военно-служащих от генерала до рядового.

Об'яснить, что всем военным, находящимся на действительной службе, воспрещаются законом всякие сходки и союзы, коллективная подача жалоб, обсуждение каких-либо политических или служебных вопросов.

Нижние чины должны твердо знать, что в порядке военной службы никаких изменений не последовало, военные законы остались те же, и нарушение их военно-служащими карается так же строго.

По выходе в отставку или перечислении и запас военнослужащие получают все права, дарованные Высочайшим Манифестом, а пока они на службе, каждый должен твердо помнить свою присягу и свой святой долг защищать до последней капли крови веру православную, царя и святое отечество от врагов внешних и внутренних, поддерживать полный порядок и свято хранить воинскую дисциплину.

Ни в одной стране нет войска, где бы не было строгой дисциплины.

Только то государство и может жить и развиваться, где есть строго дисциплинированное войско, только там каждый может быть уверен в безопасности и неприкосновенности личности и имущества и ненарушимости законов.

Иностранные газеты воспроизводят текст воззвания, выпущенного вернувшимися из японского плена во Владивосток офицерами: „Мы терпели холод и голод и вынесли всякие раны. Многие из нас остались на всю жизнь калеками. Но не это служит причиной наших величайших мучений. Причины последних состоят в том, что солдаты и офицеры шли на смерть, не зная для какой цели от них требуют, чтобы они пожертвовали своей жизнью. Нас беспрестанно обманывали, даже тогда, когда дело касалось нашей частной жизни. После позора тяжелого пленения, после ряда поражений и унижений мы заявляем, что мы больше не в состоянии дальше выносить господствующий в России режим порабощения и насилия. Во имя армии, которая затоптана в грязь, благодаря самодержавию и своекорыстию бюрократии, мы требуем действительной политической свободы, неприкосновенности личности, свободы печати, свободы слова и равноправия всех национальностей. Мы требуем такой конституции, которая гарантирует народу полную свободу. Помните, товарищи, что всем своим позором, всеми своими униженьями мы обязаны нашему самодержавному режиму“.

В понедельник, в 2 часа дня, солдаты военной электротехнической школы вызваны во двор якобы для об'яснения с начальством. Как только солдаты вышли, тотчас же был выстроен Семеновский полк для ареста. Семеновцы отказались арестовать, то же и егеря, только павловцы окружили их и повели в манеж Петропавловской крепости; электротехники были без шинелей и фуражек; и то и другое им выбросили из окон. Манеж, куда их поместили, холодный, нетопленый, совершенно

пустой, только на полу набросана солома. Арестованные просят газет: настроение хорошее.

Гарнизон крепости по поводу арестованных электротехников волнуется и требует их освобождения; 7 человек из них арестовано.

Как устраиваются солдатские бунты.

На-днях в 4-ой роте Преображенского полка офицеры об'явили, что в наступающий полковой праздник будет усилено угощение не в пример прошлым годам, но за это солдаты не должны сами выходить в этот день в отпуск из казармы и принимать у себя гостей не смеют. Это вызвало общий протест; солдаты решили не подчиняться распоряжению о добровольном аресте; если же запрут, то обещали разнести все и все-таки выйти на волю.

В том же Преображенском полку существует нелепое, нигде непредусмотренное правило, чтобы нижние чины отдавали честь при встречах, становясь во фронт даже перед младшими офицерами, начиная с подпоручика. Что это? Неужели мало и „уставных" нелепостей в воинском чинопочитании, чтобы нужно было вводить еще дополнительные дикие правила?

В тех ротах Преображенского полка, которые расположены на Кирочной улице, введена особая должность коменданта, и для охраны его священной особы наряжается караул, что весьма стесняет солдат, и так уже достаточно обремененных всякой караульной службой. Между прочим, по рассказам караульных солдат, этот самый комендант во время обеда в офицерском собрании всегда кладет перед собой заряженный револьвер и шашку: на своих солдат не надеется.

Офицеры Преображенского полка всячески стараются не допустить своих солдат до общения с соседями по казармам — гвардейскими саперами, так как эти последние заражены вольным духом и даже недавно выгнали из своих казарм казачью охрану. В этих целях они ходят по пивным и изгоняют оттуда сапер. На этой почве происходят иногда столкновения и нарушения воинского чинопочитания.

В лейб-гвардии саперном батальоне происходят недоразумения между нижними чинами и командиром полка, пока на „экономической" почве. Вырабатываются требования, сходные в общем с подобными же требованиями, заявленными в других полках. Недавно командир получил письмо за подписью „35 унтер-офицеров"; он собрал тогда всех унтер-офицеров и начал убеждать их, чтобы они заявили требования лично ему, а не пользовались какими-то газетами, где печатают всякие небылицы. При этом он предложил назвать себя тому, кто прельстился на жалкие гроши и напечатал в газете „Нов. Ж." неправду; тогда один унтер-офицер заявил, что это писал он и писал совсем не из-за денег, а для того, чтобы обнаружить правду. Другой унтер-офицер указал на то, что среди офицеров остаются безнаказанными такие люди, как Фролов, а с нижних чинов взыскивают за всякий пустяк. Командир запретил касаться „государственных" вопросов и заговорил о пищевом довольствии. Между прочим, он сказал, что нужно до 900—1000 р. ежемесячной прибавки, чтобы улучшить содержание батальона и что такой расход теперь невозможен (он забыл сказать, что сам-то он попрежнему получает не менее 500 р. в мес). На замечание, что солдаты не умеют себя вести и от них только и слышишь ругань площадными словами, получил ответ: „ругаться нас научили сами гг. офицеры".

Солдаты начинают рассуждать с начальством! Давно пора!

В ночь с 16 на 17 ноября в Царском Селе произведены аресты солдат Кирасирского, Гусарского полков и Стрелкового батальона; арестованы предполагаемые главари брожения, принявшего определенную форму и результатом которого явился ряд требований; одним из пунктов петиции является категорический протест против навязывания солдатам полицейских обязанностей.

Забастовка почтово-телеграфных служащих.

Организационное Бюро с'езда почтово-телеграфных служащих разослало следующую телеграмму: „Циркулярно, по всем железнодорожным станциям как Москвы, так и других узлов.

„Мы, члены всероссийского почтово-телеграфного с'езда, просим товарищей железнодорожных телеграфистов, механиков и надсмотрщиков помочь в успехе нашей забастовки. Для успеха необходимо полное прекращение действия по правительственным проводам, а также прекращение приема правительственных и частных телеграмм по железнодорожному телеграфу, содействия в передаче наших циркуляров членам почтово-телеграфного союза.

Организационное бюро с'езда".

Телеграмма эта была задержана упр. Моск.-Винд.-Рыб. ж. д., по распоряжению заведующего телеграфом Сузина.

— Забастовка на почтамте. 17 ноября, в третьем часу дня, забастовали все чиновники и служащие на главном почтамте за исключением г-ж Л. М. Большевой и К. Н. Каменской, при чем последняя нисколько не растерялась и, обращаясь к директору Глаголеву, громогласно заявила, что всех почтамтских бунтовщиков (около 600 человек) необходимо перестрелять. Перестрелять никого здесь не перестреляли, но к этим двум особам была применена химическая обструкция, но и последнее средство не уменьшило служебного рвения двух ярых контр-забастовщиц. Желая их напугать, в залах почтамта было взорвано несколько петард, но и это не напугало этих храбрых, передовых женщин. Между прочим, почтамтские служащие об'явили бойкот экспедиторам гг. Фой и Карпову. Первому за то, что он избил депутата, второму за несочувствие товарищам. Также об'явлен бойкот экспедитору из отставных полицейских надзирателей г. Силковскому, обвиняемому в шпионстве. Когда толпа служащих почтамта начала расходиться, в догонку им раздались голоса начальства, в лице гг. Глаголева и Хреновского, заявивших, что кто завтра утром не придет на работу, будет исключен со службы. В три часа дня почтамт был благополучно закрыт при благосклонном участии полиции и кавалерийских раз'ездов, которые заняли все входы и выходы, а также двор почтамта. К забастовавшим примкнуло также 200 человек почтальонов, находившихся на почтамте для разборки и разноски прибывшей почты. Забастовали также и все служителя почтамта. Как и следовало ожидать, начальника главного управления почт и телеграфа г. Севастьянова в это время не было. В четвертом часу дня депутаты от почтамтских чиновников двинулись сообщать по отделениям о начавшейся общей почтовой забастовке, и большинство отделений немедленно закрылось, и чиновники разошлись.

— Почтово-телеграфная забастовка. 17 ноября, в 9 час. утра, вновь пришедшая в главную телеграфную контору смена служащих, не приступая к работам, вместе с ночной сменой удалилась почти в полном составе: из 200 человек осталось работать человек 10. Телеграммы принимаются попрежнему, но с предупреждением, что будут переданы, по возможности. Телеграф переполнен войсками. Замена тел-стов электротехнической ротой не представляется возможной, так как почти все низшие чины засажены в Петропавловскую крепость. В главном почтамте служащие также постепенно бросают работу. К 3 часам дня все телеграфы были закрыты.

Проведению забастовки почтово-телеграфных служащих много помогли петербургские рабочие. Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов в экстренном заседании 16 ноября принял определенную резолюцию мобилизовать районные штабы и снять почтово-телеграфных чиновников в заводских отделениях.

В 3 часа дня, 17 ноября, в центральном почтамте был подан юзовским аппаратом сигнальный призыв к забастовке. Большинство по первому сигналу примкнуло к забастовке. Меньшинство же вынуждено было приостановить занятия, так как химическая обструкция сыграла свою роль. В настоящее время к забастовке примкнули: телеграфисты, почтовые чиновники, почтальоны, рассыльные, почтовые шорники, почтовые кучера, почтовые двор-

ники; пока штрейкбрехерами являются представительницы прекрасного пола. Некоторые из них уже дошли совсем до непрекрасных поступков.

Активные меры начальства привели к тому, что забастовала и саперная рота, когда один из солдат-сапер, выразивши свое сочувствие забастовщикам, был арестован.

Об'явив забастовку, отделение почтово-телеграфного союза обратилось к Исполнительному Комитету Совета Рабочих Депутатов с просьбой устроить общее собрание для выработки мер дальнейшей борьбы.

Петербургская полиция приняла все меры, чтобы запретить собрание. Полиция, привыкнув систематически разгонять собрания в Вольно-Экономическом Обществе, вызвала усиленные наряды конной и пешей полиции к Вольно-Эконом. Обществу для разгона „забастовавших чиновников". По расследованию оказалось, что в Вольно-Экономическом Обществе назначено заседание низшего и средне-медицинского персонала. „Забастовщики-чиновники" не были открыты, и собрание состоялось.

На собрании присутствовало до 700 чел. почтово-телеграфных служащих.

На собрании была получена телеграмма от федерации почтово-телеграфного союза с пожеланием полной победы и предложением открыть подписку во всем мире в пользу стачечников. Собрание через Финляндию решило послать благодарственную телеграмму.

Собрание приняло резолюцию продолжать забастовку до полной победы.

Окончание забастовки может быть об'явлено московским с'ездом.

После закрытия собрания состоялось заседание бюро почтово-телеграфного союза, которое решило обратиться с двумя воззваниями к обществу и служащим в государственных учреждениях.

Воззвания будут напечатаны в следующем номере.

Хроника.

В первой половине декабря начнет выходить новая газета „Голос". Редакция состоит из студентов. В газете примут участие студенты: Аполлонов, А. А. Богуславский, И. Д. Богданов, Бразоль, Богуславский, Войтинский, Гапеев, Дорошенко, Замятин, А. Каплан, М. Мелик-Шахназаров, Тихонов, Энгель и др.

Кроме студентов, в газете будут участвовать: Ю. Адамович (Орловский), В. Базаров, А. Богданов, Н. Ленин, А. Луначарский, М. Ольминский, Б. Радин, П. Румянцев и др.

— Телеграмма графа Витте. В ответ на ходатайство редакции одной из варшавских газет о разрешении возобновить газету, приостановленную распоряжением местной власти, от графа С. Ю. Витте получена телеграмма следующего содержания: „Генерал-ад'ютанту Скалону законом предоставлено право приостановки газет; поэтому в настоящем деле я ничего не могу сделать". Телеграмма эта подтверждает с официальной стороны, что генерал-губернатор совершенно независим в своих действиях от премьер-министра. Все законы подчиняются личному усмотрению генерал-губернатора. Борьба против такой безапелляционной власти генерал-губернаторов тем более необходима, что последними, неимеющими обыкновенно никакого административного опыта, большей частью руководят мелкие невежественные чиновники.

— Финансовые затруднения. Нам сообщают, что за последние дни происходят частые совещания между графом Витте и министром финансов г. Кутлером. Одновременно в министерстве финансов происходят спешные работы по выяснению государственных ресурсов. Цель того и другого выяснить степень серьезности переживаемого финансового кризиса. Надежда на заключение внешнего займа помимо Государственной Думы окончательно рухнула. В финансовых сферах уверяют, что та часть резолюции крестьянского с'езда, в которой сказано, что народ не признает займы, заключенные правительством без его согласия после 10 ноября, и которая прошла почти незамеченной в русской печати, за границей произвела большое впечатление.

— По слухам, частные банки отказывались 18 октября принимать под залог ренту. На бирже рента упала до 79.

— Биржа. Последние события в Севастополе вызвали небывалое падение цен на бирже. Финансовые сферы в тревожном настроении. Ожидаются крупные банкротства.

Действие банковых операций весьма осложнила почтово-телеграфная забастовка. 18 октября в главном управлении почт и телеграфов происходило совещание банковых деятелей по вопросу о способе корреспонденции банковских учреждений с различными городами империи и за границей во время забастовки.

— По распоряжению начальника завода военно-врачебных заготовлений небезызвестного Чебыкина подвергнут трехнедельному аресту младший механик завода инж. Архипов за участие в политической забастовке.

— В виду закрытия многих заводов в С.-Петербурге масса рабочих обречена на голодовку. Совет Рабочих Депутатов, организуя помощь безработным, поручил Исполнительному Комитету образовать комиссию о безработных. Первое собрание комиссии состоялось 16-го ноября; в комиссию входят 3 члена Исполнительного Комитета, по 3 члена от двух фракций социал-демократической партии, 3 от партии социалистов-революционеров и по 2 члена от семи районных штабов. На собрании обсуждался вопрос об организации выдачи денежных пособий безработным.

При этом решено обследование нужды безработных поручить районным штабам, выдачу же денег производить как на штабных квартирах, так и через депутатов от фабрик и заводов. Денежные средства районные штабы будут получать непосредственно из центральной кассы Совета Рабочих Депутатов, куда и будут поступать все средства, собираемые в обществе.

Кроме того комиссии о безработных поручается при посредстве кооптирования отдельных лиц из общества заняться организацией в фабрично-заводских районах столовых для выдачи обедов безработным. Столовые решено открывать при районных штабах и организующихся в настоящее время районных клубах.

Для изыскания необходимых средств решено посредством публикаций в периодических изданиях привлечь общество к сбору денежных сумм в фонд безработных, приступить к устройству платных спектаклей, лекций, лотерей и т. п. Кроме того, одновременно с организацией помощи безработным товарищам решено посредством анкеты произвести обследование фабрично-заводского быта рабочих Петербурга. Выработка опросного листа отложена до ближайшего собрания комиссии, на котором будет также разработана такса распределения денежных выдач и другие руководящие начала для районных штабов, поскольку это касается организации помощи безработным.

— В иностранных посольствах. Прекращение почтово-телеграфного сообщения вызвало сильную тревогу в дипломатическом корпусе, который опасается оказаться совершенно отрезанным от своих правительств. Некоторые из представителей иностранных держав еще вчера поспешили отправить своим правительствам подробные донесения о внутреннем положении России. В иностранных посольствах преобладает убеждение, что в России недостаточно оценивают серьезность положения и что нарастающие с колоссальной быстротой события уже выдвинули на очередь вопрос о защите иностранных подданных средствами иностранных держав.

— Комитет конституционно-демократической партии созывает на 18 ноября учредительное собрание петербургской группы этой партии. Вместе с этим, комитет призывает земских и городских деятелей присоединиться в видах некоторых общих целей к конституционно-демократической партии; цели эти: проведение в жизнь созыва Учредительного Собрания на основании всеобщего, равного, тайного и прямого голосования и полная политическая амнистия. Цели эти, по мнению комитета, должны об'единить земско-городские партии московского с'езда и другие партии, невозлагающие надежд на переговоры с правительством.

— Новые обязанности городовых. Уже несколько дней по распоряжению высшего начальства возле казенных винных лавок учреждены посты городовых. Группа гласных находит, что охрана „народной трезвости" не должна входить в обязанности полиции и, если министерство финансов опасается за целость своего имущества, то может исходатайствовать установление постов часовых у своих учреждений — винной монопо-

лии. Между прочим, отвлечение городовых на охранение винных лавок еще раз, по мнению гласных, подтверждает необходимость передачи полиции в ведение города.

— В женской гимназии Е. М. Гедда производится директриссой своеобразный сыск. Для установления политической благонадежности учениц их опрашивают: не имеют ли они братьев, учащихся в „революционных“ 2-ой и 5-ой гимназиях и Человеколюбивого общества. Фамилии подверженных пагубному влиянию своих братьев — записываются.

— „Свобододействующие“ в третьем реальном училище. Созданная г. директором училища д. с. с. Ал. Фед. фон-Гертманом партия „свобододействующих“, которые обещают быть „добродетельными“ даже без разрешения им сходок, внесла такой разлад в мирное течение академической жизни, что можно со дня на день ожидать опасных осложнений. Ученики и преподаватели боятся друг друга, стараются избегать более или менее острых вопросов. Недоверие полное, и ученикам остается проводить свои требования только явочным порядком. Слово „шпион“ так и висит в воздухе. Особенно опасны родственники г. инспектора, ученики 7 и 6 классов, самые ярые члены партии „свобододействующих“. При них ученики не решаются говорить о том, что может послужить к обвинению преподавателей в нарушении циркуляров. Ученики приходят к заключению, что необходим бойкот преподавателей-доносчиков и учеников, подозреваемых в шпионстве. Единственное радикальное средство к умиротворению обеих партий — уход г. А. Ф. фон-Гертмана, о чем ученики и постановили на последней сходке.

— Амнистия. В „Сыне Отечества“ за 16 ноября появилась вопросительная заметка насчет местопребывания и судьбы Вейценфельда. До последних (октябрьских) событий Вейценфельд, осужденный в каторжные работы по процессу Гершуни, находился в Перми, в губернской тюрьме, где есть каторжное отделение, в котором на время войны было сосредоточено большое число осужденных. Вместе с Вейценфельдом сидел и Григорьев, по тому же процессу. Амнистия их, вероятно, не коснулась. Интересно знать, затем, какая судьба постигла Фруму Фрумкину, осужденную на 11 лет каторги за покушение на ген. Новицкого 27 мая 1903 года. 14 июня состоялся суд. Зимой 1903—1904 гг. Фрумкина сидела в Бутырской (Центральной) тюрьме в Москве, ожидая отправки на Сахалин, куда она была назначена. Возникшая война задержала отправку. Фрумкина продолжала сидеть в Москве, подвергаясь разным унижениям и издевательствам начальства.

— Одним бывшим чиновником переселенческого управления министерства внутренних дел получено следующее письмо *).

ОТ БЮРО.

Мы от дела мясников и торговцев, собравшись в собрание 6-го ноября этого года обсуждали политическую благонадежность, населения нашего и решили следующее. Вы не служете давно, куда-то отлучаетесь часто из дому и от кого-то получаете деньги; говорят что от лиц, желающих свергнуть правительство и нашего батюшку Царя. Потому, мы решили вас бойкотировать и принять подавляющие меры по отношению к вам. Об этом уведомляем вас. Берегитесь!

Письмо не показывайте полиции тогда немедленно-же займемся вами.

От членов бюро

В. Н.

Любопытно, что черносотенцы создают уже свою социальную теорию. Революционеры — все, кто не служит, часто уходит из дому и получает от кого-то деньги. Из всего русского населения, кажется, сыщики ближе всего подходят к черносотенной характеристике „неблагонадежных“.

— 19 ноября, в 3½ часа дня, в зале Тенишева состоится общее собрание всех членов всероссийского союза сценических деятелей. Вход свободный. Все сценические деятели, присутствующие в этом собрании в качестве членов союза, пользуются правом решающего голоса. Будут произведены выборы временного бюро.

*) Сохраняем правописание подлинника.

— Из подвигов градоначальника. 15 ноября в театре г-жи Яворской состоялся спектакль в пользу служащих фармацевтов. Об этом спектакле было об‘явлено за несколько дней в афишах, а в день спектакля также в некоторых газетах. Вечером, когда спектакль уже близился к концу, вдруг появилась полиция и об‘явила, что она конфискует весь сбор, потому что градоначальник не был извещен об этом спектакле. После переговоров с г. Яворской удалось отстоять понесенные расходы на устройство спектакля, а все остальное было конфисковано.

— На-днях образовался Польский союз естествоиспытателей и врачей г. Петербурга, имеющий целью содействовать общественным и научным учреждениям, а также и частным лицам в разработке всевозможных вопросов, касающихся прошлого и настоящего Польши.

— „Ушедший“ из академии генерального штаба проф. Кузьмин-Караваев — один из членов „освободительного“ движения среди гг. либералов — делает „недурную“ карьеру. По слухам, в ближайшие дни он получит назначение на должность министра юстиции. Очевидно, наступило время не только „переговоров“ с правительством, но и совместной работы с ним.

— Среди адвокатов. Среди некоторых адвокатов, которым случилось вести за последнее время много дел рабочих, возникла мысль образовать центральную консультацию присяжных поверенных с тем, чтобы в ее помещении на-ряду с присяжными поверенными дежурили и делегаты от рабочих и чтоб консультация совершенно безвозмездно вела дела рабочих, имеющие принципиальное значение. В эту консультацию должны были бы обращаться рабочие пока с 12 крупных заводов, а впоследствии дело должно было бы расшириться до роли рабочих секретариатов. Однако, существующие окраинные консультации, уже работающие над вопросом о превращении своем в районные рабочие секретариаты и делающие уже шаги для соответственного соглашения с Советом Рабочих Депутатов, настояли на том, чтобы вопрос об открытии центральной консультации был поставлен на обсуждение общего собрания всех окраинных консультаций. Собрание это состоится в воскресенье, 20 ноября.

— Начальник главного управления почт и телеграфа г. Севастьянов получил десять тысяч рублей на ремонт своей казенной квартиры. Это после того, как гг. телеграфным и почтовым чиновникам тем же г. Севастьяновым было отказано в единовременной выдаче нескольких рублей, о которых они просили в виду вздорожания с‘естных припасов во время последней забастовки.

— В думу поступило от инженеров и врачей Механического завода заявление следующего содержания:

„В виду закрытия некоторых заводов по Шлиссельбургскому шоссе, обозначилась нужда в продовольствии детей и женщин рабочего населения.

„Желая открыть столовые и зная, что из средств, ассигнованных на этот предмет думою, есть остаток, просим оказать нам помощь в размере по 6.000 руб. в месяц; обед будет обходиться не свыше 7 коп. и ежедневно будет выдаваться не менее 3.000 обедов или бутылок молока“.

— От союза чинов Спб. полиции. Большое число чинов Спб полиции (околоточные надзиратели и друг.) об‘единились в союз. Организационное бюро союза выработало уже следующие требования:

I) На полицию могут быть возлагаемы обязанности, указанные исключительно основными законами, вследствие чего всякие явные и тайные приказы, циркуляры и т. п., как неимеющие силы закона, уничтожаются.

II) Жалованье чинам полиции должно быть увеличено вдвое, т. к. при существующем жалованьи и обязательных вычетах взятки, даже сопряженные с насилием, являются необходимыми и как бы санкционированными.

III) Переход полиции в ближайшем будущем в ведение городского управления.

IV) Гласное дознание о том, где находится эмеритальный капитал, собираемый в течение 20 лет.

V) Учреждение корпоративного суда.

VI) Замещение свободных должностей приставов и т. п. служащими в полиции по выборам; приток выгнанных из армии офицеров должен быть немедленно прекращен.

— Свобода печати. Как известно, недавно председатель цензурного комитета Катенин вызвал к себе управляющего типографией „Народная Польза“ А. П. Гольдберга для об‘яснений по поводу неподчинения его действующему, по мнению

Катенина, цензурному уставу. Катенин заявил А. П. Гольдбергу, что он считает своим долгом привлечь его к законной ответственности. Председатель цензурного комитета сдержал свое слово. А. П. Гольдбергом получена в настоящее время повестка от мирового судьи 49 участка, приглашающая его явиться 22 ноября в камеру (угол Лиговки и Свечн. пер.) по обвинению по статьям 29, 26 и 90 уст. Улож. о наказаниях.

— Правительственное расследование о действиях губернаторов Курлова и Слепцова окончено. Чиновники—ревизоры, командированные для следствия, представили уже в высшие сферы плоды своих трудов. „Правительственное сообщение“ испечено и на этих днях появится в „Прав. В.“. О характере его, конечно, лишне говорить.

— Несмотря на постановление союза владельцев печатных и др. заведений, владелец типографии Вейерман, состоящий членом означенного союза, отказывается заплатить своим рабочим деньги за октябрьскую политическую забастовку.

— Союз владельцев переплетных заведений, в виду невозможности притти к каким-либо соглашениям с забастовавшими рабочими больших переплетных фабрик, решил всем своим составом войти в союз владельцев печатных и др. заведений.

— Администрация типографии Винеке решила все штрафы и вычеты из заработка рабочих, удерживаемые за различные упущения, проступки и т. п., направлять в бюро союза рабочих печатного дела для фонда безработных.

— В технологическом институте. 16 ноября, по настоянию директора технологического института, было сделано распоряжение о снятии военной охраны у входов в институт. Этой охраны за последнее время не было видно снаружи, так как солдаты стояли у каждого входа в институт в местах, скрытых от глаз публики.

— Пост херсонского губернатора вместо уволенного Левашева предложено графом Витте занять землевладельцу этой губернии и одному из земских деятелей, г. Малаеву. Малаев согласен, в принципе, принять предлагаемое место, но поставил ряд условий, среди которых главными выставлены удаление всего наличного состава служащих в разных губернских учреждениях.

— От одного из прибывших с Кавказа лиц мы слышали, что начальник Закавказских жел. дорог Ивановский, в целях прекращения забастовок, составил список рабочих, способствовавших организации забастовок, и передал его генералу Ширинкину для примерного наказания этих лиц; Ширинкин вполне сочувственно отнесся к мысли Ивановского и просил наместника утвердить эту меру.

Преступление.

Сегодня совершается преступление против народа, против его интересов. Правительство 17 октября санкционирует и осуществляет безумные проекты бюрократической России — России г.г. Плеве, Коковцевых, Сипягиных и т. д. и т. д.

Когда в Баку кончилась грозная борьба пролетариата с капиталом, на помощь последнему поспешило правительство в лице министра финансов г. Коковцева. Не испрашивая согласия ни у Государственного Совета, ни в комитете министров, г. Коковцев обещал выдать нефтепромышленникам 40-миллионную ссуду. Теперь г. Витте—этот „конституционный“ министр,—выдает первую половину этой ссуды — 20 миллионов рублей.

Гг. нефтепромышленники в праве торжествовать.

В ту минуту, когда ужасный кризис грозит всей стране, когда неурожай охватил значительную часть страны, и голод, ужасный и мрачный, державно идет по деревням и селам, в ту минуту, когда перед страною стоят огромные уплаты по дальневосточным затеям, когда кредит страны окончательно подорван, когда курс государственной ренты упал до 79 р., — в эту минуту гг. нефтепромышленники получают из почти пустого сундука казны 20.000.000 рублей народных денег в виде ссуды.

Повторяю — на наших глазах совершается величайшее преступление... Но безнаказанное ныне правительство должно помнить, что завтра ему придется отвечать пред грозным судьею — перед свободным народом.

Г. Коковцев говорил, а правительство г. Витте, очевидно, осмеливается повторять и теперь, что выдача ссуды необходима, так как казна терпит убытки от того, что промыслы не работают? Но разве г. Витте до сих пор не познал могучей силы пролетариата? Или он забыл, чьей победе он обязан своим калифством на час? Где сила, где нравственный авторитет у нынешнего правительства, чтобы оно осмелилось утверждать, что события в Баку не повторятся? Но тогда где гарантии, что эти кровные народные миллионы не пропадут?

Совершается преступление...

Два еврейских митинга.

Оба в Соляном Городке. Первый — 16 ноября — был созван союзом равноправия евреев. Первыми выступили члены бюро союза. Они призывали к об‘единению под флагом союза равноправия всего еврейского народа, уверяя, что их платформа заключает в себе очень много хороших вещей, между прочим, и демократизм. Особенно напирая на последнее, ораторы с апломбом заявляли, что их программа как будто только и создана для об‘единения всего еврейского народа.

Попытки об‘ять необ‘ятное оказались, как и следовало ожидать, покушением с негодными средствами. Выступивший затем ряд ораторов — представителей самых различных революционных партий — не удовлетворился наличностью „демократизма“ в программе. Оппоненты членов бюро с неумолимой логичностью доказали, что союз, являющийся союзом буржуазии, отнюдь не может претендовать на об‘единение всего еврейского народа уже по одному тому, что пролетариат не может стать под одним флагом с буржуазией; что для пролетариата, прочно стоящего на девизе: „пролетарии всех стран, соединяйтесь“, нет и не может быть делений на национальности и никаких подразделений.

Далее, ораторы доказывали, что теперь, когда идет борьба за право граждан, когда идет борьба за низвержение негодного правительства и за установление народовластия, при котором не может быть даже и вопроса об отдельных нациях, — что теперь может быть речь только о правах всех; что для успешного и скорейшего уничтожения произвола должно быть об‘единение всех угнетенных без различия национальности.

Тем не менее, в воздухе пахло обычной резолюцией по поводу погромов, и только случай помешал буржуазии прибегнуть к этому „испытанному“ и излюбленному средству.

Представитель союза фармацевтов предложил собранию высказаться по поводу поступка некоторых аптекарей евреев, обнаруживших черносотенные таланты во время забастовки. Следующий оратор фармацевт назвал наиболее видных предводителей аптекарей — Гордона, Гаккеля и Абрамсона. Последний, присутствовавший на собрании, запротестовал и потребовал третейского суда над оратором. Суд этот скоро состоится.

К этому времени управляющий Соляным Городком заявил, что пора расходиться и для убедительности начал гасить электрические фонари.

Публика разошлась на сей раз без резолюции.

Второй митинг, созванный Союзом союзов, предназначен был вопросу о погромах.

Ораторы, очевидцы из разных городов, стали передавать подробности. Описания кровавых событий, однако, не произвели большого впечатления, ибо все то, о чем они говорили, всем уже давно известно из газет. Какой вообще имело смысл передавать то, что печать уже осветила со всех сторон?

Результат от этих речей получился скорее отрицательный, ибо в вялой передаче „очевидцев-делегатов“ кровавые ужасы предстали в крайне бесцветном виде.

Поправить дело взялись организаторы, горячо доказывавшие, что погромы вещь гнусная, и призывавшие к протесту.

Один оратор, участник прошлого кишиневского погромного процесса, доказывал, что на правосудие кишиневского правительства нечего рассчитывать; в подтверждение этого он рассказал, как пристрастно производилось следствие, или, вернее, гнусная комедия следствия, по делу о погромах. Закончил оратор призывом к об‘единению с пролетариатом, для осуществления чего предложил итти нога в ногу с последним.

Публика согласилась охотно.

Мне вспомнилось 9 января, вспомнилось и 30 октября. Эта публика, „об‘единившаяся с пролетариатом“ 17 ноября путем аплодисментов — эта публика 9 янв. не была на улицах; из „этой“ публики никто не числился в списках погибших; не

было вовсе этой публики в столице 30 октября, когда пролетариат, об'единившись в боевые дружины, собирался дать отпор черной сотне; в этот день она не нашла нужным соединиться с пролетариатом, а предусмотрительно воспользовалась гостеприимством финляндцев.

А когда погром не состоялся, главным образом, благодаря пролетариату, она „из'явила согласие" на об'единение... до следующего погрома, вероятно.

Оратор не говорил, каким способом можно об'единиться, но для меня было ясно, что способ один: это резолюция.

Она вероятно и была составлена в надлежащей форме.

Как пойдут, нога в ногу, пролетариат с оружием и буржуазия с резолюцией — этот секрет остался в стенах аудитории.

Я, лично, не берусь решать этот вопрос, ибо он праздный; хождения нога в ногу не будет уже потому, что когда придет момент действовать, резолюция, без сомнения, поедет в Финляндию вместе с буржуазией. Скатертью дорога. Пролетариат справится сам.

Лев К—о.

Письма в редакцию.

Граждане!

К вам обращаемся мы, маленькие люди, ученики ремесленных мастерских, с горячей просьбой помочь нашему делу, делу освобождения от эксплоатации хозяев и насилия пьяных подмастерьев, которым доставляет великое удовольствие дернуть ученика за ухо, ударить по лицу и т. п. и в такой форме проявить свою власть.

Среди всевозможных лишений, побоев, работы не по силам, приходится жить 5 — 6 лет, — это значит 5 — 6 лет приносить хозяину пользу, а взамен получать колотушки и об'едки, которые остаются от хозяйского стола.

Мастерские и те уловия жизни, в которых ученики находятся столько лет, развращают их и толкают в ряды хулиганов, воров и т. д. Под угрозою быть избитыми, учатся лицемерить, обманывать и делать, вообще, то, что противно честности и порядочности. Если к этому прибавить гигиенические условия, при которых мы живем, напр., несколько недель, а иногда и по месяцам не ходим в баню, спим на голом полу, на грязных нарах и т. д., работу до позднего вечера, а иногда и ночью, огромное количество насекомых и редкую смену белья, то получится картина не человеческой жизни, а какой-то каторги.

Да, эта каторга! тем более страшна, что так живут не сильные и взрослые, а маленькие и слабые. Редко, когда выходит из такой жизни порядочный, честный человек, человек сильный телом, сильный духом.

Жизнь эта кладет тяжелую печать на характер и внешность человека. Самые лучшие и молодые годы (от 10 до 17 лет) губятся ею во имя эксплоатации и жадности хозяев. Мы, ученики одной из петербургских обойных мастерских, от имени многочисленных наших несчастных товарищей, призываем общество оглянуться на нашу горемычную долю и помочь нам.

Дальше жить так нельзя.

Довольно у нас хулиганов, так что плодить новых — значит увеличивать ряды черной сотни.

Нет, так не может быть! Нам нужны сознательные, развитые и порядочные граждане-рабочие! А для того нужно изменить условия жизни учеников. Мы призываем рабочих-ремесленников, прося их помощи, так как им лучше известна наша жизнь.

Помогите, товарищи, своим молодым товарищам.

Ученики одной из петербургских обойных мастерских.

М. г., г. редактор!

Прошу г. редактора напечатать и мое письмо в Вашей уважаемой газете:

Терпи казак — атаманом будешь!

Такая наша участь: терпи и молчи, если хочешь в полиции служить. Наше начальство только и заботится о нас, что веселят только обещанием — потерпи, подожди, скоро, скоро вам добавка жалованья будет по 5 рублей. Эту радость, когда-то всю команду собравши, наш начальник резерва об'явил следующими словами: „Вот, господа, я вам об'являю большую радость,— это прибавка жалованья городовым по 5, а околоточным по 10 руб.". А теперь тот же начальник об'явил: „Вы, господа, еще не радуйтесь, что вам прибавят, об этом только думают, проект начали разрабатывать". Наверно, с этою прибавкою будет так же, как и с нашей эмеритальной кассой, проект которой за 20 лет не могло выработать наше уважаемое начальство. Но, господа, наше начальство знает, что мы до забастовки не просили такой прибавки и что уже то время прошло, чтобы соловья баснями кормить.

Но вы уже, начальники, довели нас до такой низости, что дальше некуда итти. Вы за эти несчастные 25 руб. требуете не только наших физических сил, но и чтобы мы свою душу, свою совесть отдали, служа вашим личным корыстным целям. Этому настал конец. Вы ведь не можете вернуть нам нашу молодость и нашу чистую, никем незапачканную совесть. Наши требования следующие:

1) Уничтожить казарменные помещения.
2) Увеличение жалованья вдвое, без всяких вычетов.
3) Отмена боевой дисциплины.
4) Отмена конвоирования арестованных и человеческое обращение с нами.

Сознательные городовые.

М. г., господин редактор!

Прочитав в № 14 издаваемой Вами газеты письмо „группы сознательных городовых", покорнейшая просьба дополнить таковое нижеследующим:

В означенном письме сказано: наградили городовых по 15 коп. в сутки, а приставам по 3 руб.; здесь вкралась ошибка: приставам по 2 руб., а это заботящееся начальство себе назначило по 3 руб.

В приказе по полиции № 221 об'явлено: городовым по 15 коп., околоточным надзирателям по 50 коп., обер-офицерам по 1 р. 50 коп., штаб-офицерам по 2 руб., а генералам по 3 руб. в сутки сверх жалованья. С этим приказом пришлось примириться: ведь есть хочется, а если против пойдешь, то завтра со службы долой!.. Прошло дней двенадцать, последовало новое распоряжение, которое подтвердило, что начальство заботится только о себе и о своих приближенных. Управляющий канцелярией градоначальника от имени последнего, телеграммой, от 31 октября сего года за № 320, сообщил, что делопроизводителям, письмоводителям и тому подобной братии, за якобы усиленную службу, назначено по 1 р. 50 коп., а писцам по 30 коп. в сутки. По случаю забастовки железных дорог, почта доставляема не была, никто не приезжал и не уезжал, прописки и отметки не было, так в чем же заключалась их усиленная служба? А за таковую назначено по 1 р. 50 коп. Городовые же имели отдых всего по 6 часов, а околоточные надзиратели целыми сутками на ногах находились и подвергали себя случайным опасностям. Когда же произошел захват типографии „Нового Времени", градоначальник секретным циркуляром поручил установить наблюдение за типографиями, для ареста лиц, могущих явиться в таковые, при чем поручил наблюдение учредить через околоточных надзирателей, одетых по-штатски. Для чего же наружной полиции переодеваться?

Городская управа ежегодно отпускает деньги за содействие к успешному взысканию городских сборов: адресного, больничного и прописочного, — для выдачи в вознаграждения чинам столичной полиции, принимавшим участие в означенном деле, к праздникам рождества христова и св. пасхи. Но, в действительности, те лица, которые взыскивают эти деньги, никогда награды не получ ли. Деньги эти поступают в полное распоряжение градоначальника, а он распределяет их по своему усмотрению, и вот ежегодно пристава, их помощники, делопроизводители, письмоводители, паспортисты и писцы, два раза, в виде премии, получают по солидному кушу. Где же тут справедливость? Разве это не произвол? Пусть знает общество, что действительно хорошо живется служащим в полиции, но не всем, и только ради куска насущного переносим весь этот произвол и гнет. И мы в сердцах своих питаем надежду на приближающуюся святую свободу.

Околоточные надзиратели.

Иностранный отдел.

Из тайной канцелярии.

Весьма своевременным надо считать опубликование газетой „La Preusa“ в Буэнос-Айресе тайного договора между Россией и Германией в 1871 году. О существовании какого-то тайного соглашения между Россией и Германией появлялись не раз со времени прусско-французской войны догадки в германской и австрийской печати. И каждый раз такие подозрения решительно опровергались с официальной стороны, как выдумки досужей фантазии газетных репортеров. Обнародованный документ показывает, какую цену имеют официальные правительственные опровержения вообще, и заставляет более чем подозрительно относиться к опровержениям германского правительства относительно намерения императора Вильгельма II двинуть свои войска в Россию для подавления революции в Польше и на других наших окраинах. Документ, о котором идет речь и который мы приводим полностью, доставлен в редакцию „La Preusa“ в подлиннике кем-то, который похитил его из тайной канцелярии русского министерства иностранных дел. Как передает названная газета, французское министерство иностранных дел уверено в подлинности этого договора, о котором оно до сих пор понятия не имело. Вот дословный перевод этого чрезвычайно интересного документа:

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ
Министерства Иностранных Дел
в С.-ПЕТЕРБУРГЕ.
№ 2. *11 марта 1871 года.*

Именем Всевышнего.

Уполномоченный ад'юнкт, тайный советник Вильям де-Вестман, снабженный полномочием Его Величества Императора России, с одной стороны, и с другой стороны — Канцлера Германской Империи Отто фон-Бисмарк-Шенгаузен, снабженный полномочием Его Величества Императора Германии, короля Пруссии.

Обменявшись своими мандатами, которые найдены составленными правильно, пришли к соглашению по следующим статьям.

Ст. 1. Со дня взаимной проверки и утверждения настоящего договора устанавливаются мир и дружба между Его Величеством русским Императором с одной стороны, и Его Величеством германским императором, прусским королем, с другой, — равно как между их наследниками и преемниками, их государствами и их подданными, на веки вечные.

Ст. 2. Их Величества, Император России и Император Германии, король Пруссии, желая обеспечить мир и благо своим народам, которыми править они призваны Божьей Милостью, будучи убежденными, что дружественный союз есть лучшая гарантия за прочность их государств и за спокойствие названных народов, заключают настоящий договор и обязуются не заключать и не подписывать конвенций, аллианса или договора с другой державой без предварительного на этот счет соглашения между собою.

Ст. 3. Условлено, что договаривающиеся высокие державы обязуются во всякое время и при всяком случае действовать только по взаимному соглашению, в настоящем и в будущем.

Ст. 4. В случае, если одна из высоких договаривающихся сторон вынуждена будет силой обстоятельств поднять оружие против какого-либо государства, Их Величества Император России и Император Германии, король Пруссии, констатируя великое значение такого случая, моментально об'единяют свои армии и несут все военные тяготы в равной мере.

Ст. 5. Их Величества Император России и Император Германии, король Пруссии, заключили конвенцию для определения числа и состава своих армий и для установления силы и числа своих военных судов, которые они при случае намерены об'единить. Эта конвенция приложена к настоящему договору. Она имеет ту же силу и ту же ценность, как если бы она была дополнительной частью.

Ст. 6. Главнокомандующий для союзных армий назначается на то время и то место, на которые требуется назначение, по соглашению договаривающихся высоких держав.

Ст. 7. Если в будущем между Германской Империей и Австрией возникнут разногласия, которые будут угрожать общему миру, если последует война и если союзные армии Их Величеств Императора России и Императора Германии, короля Пруссии одержат победу, то мир может быть заключен между названными державами только при соблюдении следующих условий:

1) Австрийская Империя отказывается в пользу Германской Империи от всех своих прав и титулов на области Богемии, герцогства Силезии, Моравии и герцогства Зальцбург. 2) Названная держава отказывается в пользу России от всех своих прав и титулов на области Галиции и Далмации.

Условлено, что Германская Империя, равно как Россия приобретают приведенные области на вечные времена в полное суверенство и полную собственность.

Ст. 8. Его Величество обязуется, в тот день, когда завоевание упомянутых в ст. 7 провинций в пользу России станет совершившимся фактом, уступить Его Величеству Императору Германии, королю Пруссии, города и порты Телвиси, Либаву, Виндаву, Митаву и Ригу, равно как часть Курляндии, по прямой линии от Риги до Юрбурга на Неман, отказываясь от всех своих прав на названные города и порты, равно как на упомянутую часть Курляндии, в пользу Германской Империи.

Ст. 9. С этого же дня Германская Империя приобретает названные города, порты и области в полное суверенство и полную собственность.

Международная комиссия, состоящая из представителей договаривающихся высоких сторон, в равном числе с каждой, должна изменить границы названных областей соответственно вышеприведенным статьям.

Ст. 10. В обмен за области, города и порты, которые перечислены в ст. 8 и которые уступаются Его Величеством Императором России, — Германской Империи, Его Величество Император Германии, король Пруссии, заявляет, что он отныне будет считать недействительными свои обязательства по договору 1856 года и обязуется поддерживать вооруженной силой все завоевания России на востоке.

Ст. 11. Раздел областей завоеванной Турции составит особый предмет нового договора, который Их Величество Император России и Император Германии, король Пруссии, намерены заключить впоследствии.

Ст. 12. Так как настоящий договор есть акт, заключенный между Их Величествами и вытекает непосредственно из их суверенной воли, то Их Величества обязуются строго соблюдать все пункты и считают всякое действие, которое нарушает пункты этого договора, нарушением принятых на себя обязательств.

Ст. 13. Так как настоящий договор в своих статьях касается всего содержания договора, заключенного Их Величествами в 1866 г., то последний сим об'является несуществующим.

Ст. 14. Настоящий договор ратифицируется и обмен ратификации происходит в Берлине, в течение шести недель, если это окажется возможным.

Полагаясь на это, названные уполномоченные подписались и приложили свои гербовые печати.

(Подписи) де-Вестман.
де-Бисмарк.

Сверено: Директор департамента восточных дел
тайный советник П. Штрементоф.

Из истории одного моста.

Когда в прошлом году в печати появилось известие, что парижане предполагают (теперь уже: предполагали) поставить у себя памятник Л. Н. Толстому и одна из наших газет заметила, между прочим, что памятник этот будет третьим по счету, воздвигнутым в столице Франции иностранцу, „Новое Время“ заявило устами какого-то „Памятующего“:

„Нет, перечень не полон. В Париже в 1900 г. открылся громадный памятник в ознаменование деятельности третьего иностранца, нашего соотечественника, именно императора Александра III“.

Под памятником „третьему иностранцу“ „Памятующий“ разумел известный мост через Сену, открытый одновременно с последней всемирной выставкой.

Вслед за „Памятующим“ по тому же вопросу высказался, помнится, в „Новом Времени“ присяжный его высказыватель г. Скальковский.

В результате — длинная - предлинная и, разумеется, — нельзя выше—патриотическая история сооружения и наименования пресловутого моста. В нашем распоряжении имеется ныне некоторый материал для заключительной ее главы. Вот он (будьте готовы ко всему, нововременские патриоты!):

„В Париже, — сообщают нам наши французские товарищи, — возникает кружок лиц, поставивших себе целью добиться переименования «моста Александра III» в «мост Русской Революции». Нельзя сомневаться, что при том сочувствии, которое встречает у нас — не только у социалистов, — у громадного большинства французов, вообще, — пробуждающийся русский пролетариат, при той ненависти, которую единодушно питает теперь Франция к его вековым врагам и притеснителям, это удастся нам очень скоро. Мост Александра III в центре Парижа — да ведь это очевиднейшее недоразумение! Оно должно быть рассеяно, заглажено...“

И, чего доброго, в самом деле рассеют и загладят его.

Известно:

Француз — дитя,
Он вам, шутя,
Создаст кумир...

Сколько же монументов в ознаменование деятельности иностранцев тогда в Париже?

Шекспир — раз,
Вашингтон...

Впрочем, пусть уж ведет счет г. Скальковский. Ему там, на месте, виднее.

Chinchilla.

С‘езд Финляндской Социал-Демократической Партии.

(Корр. „Новой Жизни“.)

20 — 22 ноября (нов. ст.) в Таммерфорсе состоялся чрезвычайный с‘езд Финляндской Социал-Демократической Партии: в помещении рабочего союза собралось более 300 представителей от 130 рабочих союзов, входящих в состав партии. Эта молодая партия, образовавшаяся в 1899 г., за последнее время и в особенности благодаря той решающей роли, которую сыграл пролетариат в октябрьской революции, теперь пользуется огромным значением в Финляндии. Об этом красноречиво свидетельствует, между прочим, то внимание, с которым к нынешнему с‘езду отнеслась буржуазная печать: более 10 буржуазных газет отправили своих специальных корреспондентов. Гельсингфорская газета „Huofouestadesbladet“, называвшая еще в 1900 г. рабочую демонстрацию комедией и т. п., теперь говорит о желательности „крепкого содействия“ социал-демократов на сейме при проведении реформы народного представительства. Поэтому, по словам газеты, другим партиям нечего считаться с постановлением с‘езда, запретившим буржуазным партиям в списки сеймовых кандидатов вносить социал-демократов.

Чрезвычайный с‘езд собрался для решения, главным образом, вопроса об отношении партии к предстоящему чрезвычайному сейму. В связи с этим вопросом разбирался вопрос о реформе народного представительства. Кроме того, было выбрано вместо выбывшего правления партии новое и местопребыванием его назначен Гельсингфорс вместо Або.

Самые горячие дебаты вызвал вопрос об отношении к сейму. Записалось около 170 ораторов; в первых же речах сказались два противоположных направления; также не могла прийти к соглашению и комиссия, на заключение которой был передан этот вопрос. Большинство 7 членов ее настаивало на необходимости у астия в выборах, но под тем условием, чтобы буржуазные партии в тех городах, в которых рабо ие будут принуждены участвовать вместе с ними в выборах, выставили число с.-демократических кандидатов, пропорциональное числу рабочего населения, и чтобы депутаты буржуазных партий обязались содействовать проведению реформы народного представительства, согласно желанию рабо их (т. е. однопалатной системы на основе общего избирательного права). Депутаты рабочих обязаны на сейме следить за проведением реформы. Рабочие должны, в случае необходимости, готовиться ко всеобщей забастовке. Меньшинство же комиссии (5 членов) предложило рабочим воздержаться от выборов, чтобы не оказать поддержки тому сейму, которого они не одобряют. Рабочие должны готовиться ко всеобщей политической забастовке.

Здесь следует заметить, что при нынешней плутократической системе выборов с т. н. „лестницей голосов“ (т. е. с maximum в 10, 15, 25 и т. п. голосов в некоторых городах), рабочие не могли бы самостоятельно провести своих депутатов, они должны были бы соединиться при выборах с буржуазными партиями, от усмотрения которых зависело бы выставить рабочих депутатов. Р. Социал-Демократическая Партия и в прошлом году воздерживалась от участия в выборах; несмотря на это, конституционная партия выбрала в городское сословие 3 соц.-демократов.

Перед окончательным решением вопроса с‘езд постановил следующее: партия во всем своем составе должна подчиниться решению с‘езда, каковым бы оно ни было. При голосовании большинство — 191 голосов — высказалось за „избирательную“ забастовку, меньшинство — 96 голосов — за участие в выборах. При этом оказалось, что к меньшинству принадлежала большая часть правления и вообще городских депутатов, к большинству — сельские рабочие депутаты. Зна ительная часть меньшинства осталась при особом мнении.

Разумеется, финляндская социал-демократия при той строгой дисциплине, которая царит в ней, подчинится решению с‘езда.

Второй вопрос — о реформе народного представительства решен с‘ездом без прений: правление партии уполномочило назначить комитет для составления проекта реформы, который должен быть передан сейму. Этот же комитет должен будет составить заключение и по поводу важнейших законопроектов правительственного предложения, заключения сеймовых комиссий и т. п.

В числе многочисленных приветствий, полученных с‘ездом, следует отметить адрес Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. который был восторженно принят с‘ездом, прокричавшим в честь нашей партии троекратное ура. В адресе Ц. К. высказывалось пожелание о совместной борьбе российского и финляндского пролетариата для окончательного свержения самодержавия. По поводу этого предложения с‘езд единогласно постановил поручить правлению партии вступить в постоянную корреспонденцию с Ц. К. Очень отрадно подобное сближение.

Наблюдатель.

Польша и Литва.

Гнусные выходки провокаторов, не разбирающих средств для достижения своих целей, продолжаются в Варшаве и принимают подчас чудовищные формы. На-днях там совершился факт, встревоживший местное население, и, как многие говорят, он был руководим опытной рукой ловкого провокатора. Вечером, 13 ноября, в кофейню гостиницы „Бристоль“ были брошены с Каровой улицы два разрывных снаряда. Раздался страшный, оглушительный взрыв. Среди посетителей произошло смятение и давка. Серьезных поранений никто не получил, взрыв не причинил и ощутительных повреждений самого помещения, несмотря на то, что один снаряд упал возле буфета, а другой на середину залы. Спустя лишь полчаса появилась полиция и войско, начался обы ный допрос, не принесший никаких положительных результатов Оказалось, что никто не видел никаких подозрительных лиц, не видел их ни городовой, стоящий на Каровой улице возле здания гостиницы „Бристоль“, ни околоточный надзиратель со своего поста у театра „Элизеум“. Невольно поэтому зарождается мысль, что здесь действовала опытная рука, и, в момент ее действия, сознательно закрывались глаза блюстителей порядка. Наша мысль находит свое подтверждение в целом ряде, если не аналогичных по форме, то аналогичных по существу, фактов последнего времени, когда местная администрация путем всевозможных провокаторских гнусностей пытается вызвать, „создать революцию“, чтобы этим об‘яснить необходимость введения и продления военного положения, чтобы подавить освободительное, сознательное движение.

Стремление вызвать погромы потерпело полнейшее поражение. Однако, потерпев неудачу в крупных центрах, достойные слуги темных сил направили свои усилия на провинциальные

города, на местечки и даже на деревни, чтобы там, в надежде на меньшую степень сознания масс, достигнуть намеченной цели. Приводим факт, разыгравшийся на-днях в Седлеце. В городе появился артиллерийский офицер со знаком отличия на груди. Офицер этот заходил в еврейские магазины, таинственно сообщал, что скоро во всем Царстве Польском, а также и в Седлеце, произойдет грандиозный погром, что „черная сотня“ уже вполне организована в России, она вооружена и приближается к границе Польши. Далее сообщал, что войско получило тайное предписание—приказ выступить совместно с черной сотней, что единственным спасением от верной смерти и гибели является немедленное вооружение местного населения и совместное нападение на войско, пока оно еще не присоединилось к „черной сотне“. Многие было поверили, но рабочие арестовали офицера-героя и узнали в нем учителя из сельско-приходской школы соседнего городка.

Но кто был вдохновителем мнимого героя? Счастливый вопрос, не требующий ответа, ибо этот ответ понятен для всех.

В Варшаве обращение войска с населением напоминает обращение охотника с дичью. Днем, 13 ноября, проходил патруль солдат в сопровождении полицейского по Волынской улице. Патруль останавливал прохожих и обыскивал их. Натолкнувшись на какого-то рабочего, не пожелавшего подвергнуться обыску и начавшего убегать, патруль, по приказанию полицейского, произвел в него шесть выстрелов. Пули не попали по назначению: рабочий повернул в боковую улицу, зато оказался смертельно раненым 74-летний старик. Патруль бросился в погоню за убегающим, который, как показалось ему, проник во двор больницы св. Станислава. Солдаты вошли во двор, затем в больничную контору, разбили в ней несколько окон, обыскивали присутствующих.

На-днях в Варшаве рабочие-сионисты устроили собрание, на котором произносились самые невинные речи. Явилась полиция и войско, и 36 человек было арестовано. В Кутно арестован присяжный поверенный Вонсовский и несколько рабочих на собрании, созванном по поводу организации профессионального союза. В Митаве 13 ноября уездным начальником запрещено устройство литературно-музыкального вечера в память Мицкевича, без всякого повода закрыт литературный клуб „Lutnia“, прекращены лекции в народном университете — словом, приостановлена всякая общественная жизнь. Во многих местах Царства Польского началось массовое движение против правительственной школы, против обучения на русском языке. Особенно сильно сказывается это движение в среде крестьян. Крестьяне отправляют своих депутатов в начальные школы, которые требуют упразднения преподавания на русском языке; созывают гминные веча и единогласно решают прекратить взносы в пользу этих школ, увольняют учителей, постанавливают не отправлять своих детей в школы. В Вильне 12 ноября состоялся целый ряд собраний рабочих всевозможных профессий, созванных местным комитетом „Бунда“ для организации профессиональных союзов. Основаны следующие союзы: 1) приказчиков, 2) рабочих печатного дела (наборщиков, накладчиков, литографов, граверов, переплетчиков и т. п.), 3) рабочих по дереву (столяров, токарей, резчиков, обойщиков, бондарей и пр.), 4) рабочих обуви и кожаных изделий (сапожников, заготовщиков, шорников), 5) портных всех отраслей. Во главе каждого союза стоит бюро от 4 до 8 лиц, выбранное общим собранием. Организуются еще и другие союзы. В Вильне на-днях состоялся митинг в память Мицкевича, на котором произносились революционные речи на польском, литовском, еврейском и русском языках. Митинг окончился пением революционных песен.

Областной отдел.

г. Ямбург.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Собрание крестьян-делегатов.

14 ноября в ямбургском народном доме уездной управой, с либеральным председателем, бароном Тизенгаузеном, во главе, был устроен крестьянский митинг. Имелось в виду путем совместного обсуждения неотложных крестьянских нужд предотвратить возможность острых аграрных конфликтов. С этой целью сельским обществам предложили прислать своих делегатов по одному или по два на общество. Крестьяне отозвались на приглашение очень охотно, и на митинг с'ехалось до 300 крестьян. Накануне митинга были выработаны подробная его программа, речи, резолюция, был намечен и председатель — сам барон Тизенгаузен. Посторонним лицам было решено не давать слова, таким образом, были приняты все меры, чтобы ничто не помешало „сближению“. Но — „крестьянская невоспитанность“ перевернула все вверх дном. Прежде всего крестьяне решительно отказались иметь председателем не выборное лицо. Пришлось допустить выборы, план которых, после продолжительного шума и криков, был принят такой: каждая волость выбрала делегата, а последние, все вместе, избрали из своей среды председателя — торговца Голубева. Появление его в этой роли было, однако, встречено протестом со стороны части крестьян, выставлявшей другого кандидата, молодого крестьянина, повидимому, не из зажиточных. Одним словом, при всех выборах проявилась самая ожесточенная партийная, вернее, классовая борьба. Признанный, наконец, всем собранием в качестве председателя, г. Голубев на самом деле оказался совершенно неподходящим для этой роли. Беспорядок царил в течение всего митинга ужасный.

Барон Тизенгаузен прочел доклад о положении крестьян Ямбургского уезда, по содержанию своему очень жиденький. Говорилось в нем о земельной нужде, о необходимости наделить крестьян землей частью казенной, а частью за счет помещичьей — на „необременительных“ условиях. Упоминалось также о необходимости „всеобщего“ избирательного права. Едва был прочитан доклад, как начали выступать делегаты - крестьяне и прочитывать свои доклады, а также резолюции, принятые в их обществах. Крестьянские пожелания и требования оказались, конечно, гораздо радикальнее, касались они решительно всех сторон крестьянской жизни. Всеобщее избирательное право с необходимым дополнением оказалось во всех докладах на первом месте. Каждое требование в отдельности со стороны собрания встречало самое решительное сочувствие. Крики „правда“, „верно“, „принимаем“ и шумные аплодисменты не прекращались все время. В заключение все высказанные пожелания были сведены к следующей резолюции, единодушно принятой собранием: „Собрание выборных от деревень Ямбургского уезда, по обсуждении своего положения, постановило: 1) Признавая, что чиновничий строй, опозоривший и разоривший нашу землю, есть виновник народных бедствий и народной темноты, собрание требует, чтобы власть была передана полностью в руки выборных от народа. 2) Собрание, признавая всех граждан России равноправными, требует всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права как в законодательное собрание, так и в земские и городские учреждения. 3) Для установления основного закона Российской Империи признает необходимым немедленный созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. 4) Собрание, находя площадь крестьянского землевладения недостаточной, требует передачи удельных, кабинетских, монастырских, церковных и частно-владельческих земель в руки крестьянских обществ на основании закона, выработанного выборными от народа. 5) Собрание признает необходимым об'явить воды свободными для рыбной ловли каждому. 6) Собрание, признавая существующую систему обложения податями неправильной и несправедливой, постановило прекратить выкупные платежи и требовать введения прогрессивно-подоходного налога. 7) Собрание считает необходимым уничтожение существующей полиции и возложение забот о поддержании общественного порядка на сельские общества. 8) Полная амнистия всем пострадавшим за политические и религиозные убеждения. 9) Отмена смертной казни. 10) Отмена военного положения и усиленной охраны. 11) Введение всеобщего обязательного образования за счет государства во всех учебных заведениях как высших, так и низших. 12) Закрытие казенных винных лавок“.

По поводу некоторых политических требований сильно восставала часть собрания, немногочисленная, но сильно шумевшая. По ее настоянию, слово „самодержавно-полицейский“ строй пришлось заменить чиновничьим; восставала она также против Учредительного Собрания, но после примирилась с ним. Резолюцию решено послать графу Витте с тем, чтобы он передал государю. Дальше собрание не было расположено итти. Когда один из учителей заикнулся о крестьянском союзе, послышались крики: „Не надо никаких союзов“. Следует отметить, что крестьяне участвовали в первом митинге.

После перерыва митинг принял другое направление. Стали разбирать деятельность земства. Со всех сторон сыпались обвинения, главным образом, в излишней и неправильной трате денег, в плохой отчетности и в пренебрежении интересов крестьян ради помещиков. Был предложен и принят собранием целый ряд самых решительных мер. Решено уничтожить ассигнование раз'ездных денег полиции, уничтожить должность агронома, сократить жалованье членам управы, отменить пенсию земским служащим, кроме учителей и т. д. В заключение было решено произвести по волостям выборы для заведывания земскими делами. Председатель управы воспротивился этой мере, как „незаконной", и, вероятно, она не будет приведена в исполнение. Что касается отчетности, то было решено, чтобы управа печатала подробный отчет и рассылала по сельским обществам.

Все высказанные пожелания по требованию крестьян были занесены в протокол, который в тот же вечер был отпечатан в большом количестве и роздан делегатам.

Петергофский уезд.

(Корр. „Новой Жизни".)

7 ноября с. г. в селе Клопицах, Губаницк. волости, Петергофск. уезда, состоялся народный митинг. Весьма подробно и обстоятельно говорилось о русско-японской войне, о причинах, послуживших к ее возникновению, о том, как она велась, к чему привела и чему научила; выяснялся смысл манифеста 17 окт., „даровавший" свободы; указывалось на избиение „черной сотней" интеллигенции, на погромы и на то, в какой мере осуществляются возвещенные манифестом „свободы".

Подробно был разобран манифест от 3 ноября в связи с правовым и экономическим положением крестьянства.

В заключение говорилось о двух последних забастовках, о необходимости крестьянам присоединиться к пролетариату, борющемуся за созыв Учредит. Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Была предложена и принята соответствующая резолюция. Слушатели благодарили ораторов и выразили желание собираться для выяснения местных общих нужд. Присутствовали крестьяне из окрестных деревень, Ронковиц и Олохова.

8 ноября состоялся митинг в деревне Везиково, той же волости, Петергофского уезда. Помимо местного населения явились крестьяне из соседних деревень Ромболово, Пекколово и Тарасово. С напряженным вниманием аудитория слушала ораторов, говоривших на те же темы, что и в Клопицах. Здесь, кроме того, указывалось на то, что разгромы и поджоги имуществ помещиков не улучшают положения крестьянства. Была предложена и принята резолюция бороться за созыв избранников народа на основах 4-членной формулы.

9 ноября состоялся митинг в деревне Волосово (ст. Балт. ж. д.), Губаницк. волости, Петергофск. уезда. Помимо местных крестьян собрались жители соседних деревень (Логиново, Заколья, Рогатино Царскосельск. у.). Принята резолюция о созыве Учредительного Собрания.

10 ноября состоялся митинг в деревне Лисине, Губаницк. волости, того же Петергофск. уезда. Здесь главное внимание ораторами было обращено на нужды деревни. Предлагался целый ряд мер практического характера. По окончании речей аудитория оживленно обсуждала затронутые ораторами вопросы. Оживленные лица, страстные речи — все это создало такой тон, который редко приходится наблюдать даже на городских митингах. Митинг в Лисине надолго останется памятным всем его участникам; по сознательности, оживлению он превзошел все ожидания.

11 ноября состоялся митинг в селе Губаницах, той же волости, того же уезда. Митинг собрал очень много народа и также прошел особенно удачно. Принята резолюция о созыве Учредительного Собрания.

13 ноября с. г. состоялся митинг в деревне Тешково, Бегуницкой волости.

Мерв (Закасп. обл.)

(Корр. „Новой Жизни".)

Не стану описывать, как в нашем далеком захолустье протекли дни празднования отвоеванных „свобод"; у нас — только в меньшем, разумеется, масштабе — происходило то же, что и в остальных русских „градах и весях". В течение 10 дней на улицах устраивались мирные демонстрации с красными флагами и револ. песнями, собирались митинги в городском саду, как раз напротив дворца местного богдыхана — уездного начальника и т. д. Отмечу только некоторые характерные подробности. Когда железнодорожное движение было дружно прекращено по всей средне-азиатской линии, Мургабская ее ветвь, идущая от Мерва до Кушки по бесплодной пустыне, рисковала остаться совершенно без питьевой воды. Поэтому забастовочный комитет, входя в положение населения долины Кушки, постановил допустить исключение для этой ветви, разрешив отправить на все мургабские станции несколько поездов — „водянок", развозящих в особых чанах питьевую воду.

Далеко не так мягко отнеслись делегаты железнодорожных рабочих к поступку начальника ст. Мерв, который имел дерзость задержать весьма нужную телеграмму, адресованную в комитет. Решено было арестовать его, посадить в товарный вагон и с наложенными пломбами переправить в Асхабад. Но он спасся бегством от этого позора.

Тифлис. Коалиционный митинг трех социал-федералистических партий, действующих на Кавказе, собравшийся в воскресенье в Дидубе, был посвящен преимущественно польскому вопросу, и потому все ораторы, подчеркивая то обстоятельство что поляки и евреи больше всех других наций выносили на своих плечах всю тяжесть дикого национального гнета, так как они своим экономическим и культурным развитием стояли выше всего остального населения России, рассматривали польский вопрос в связи с вопросом об окраинах.

Митинг большинством, против четырех голосов, вынес следующую резолюцию:

„Соединенный митинг партий социал-революционеров, грузинской социал-федералистической и армянской революционной федерации „Дашнакцутюн", собравшись 6 ноября в Тифлисе, постановил: 1) Выразить глубокое сочувствие польскому народу, самоотверженно борющемуся за свое политическое и экономическое освобождение и вместе со всей трудовой Россией добивающемуся установления демократического государственного строя, при котором не будет места национальному гнету.

„2) Выразить глубокое негодование современному правительству, так вероломно поспешившему отнять у польского народа даже те крохи свободы, которые об'явлены 17 октября.

„Названные партии приглашают все борющиеся элементы России к солидарной работе для осуществления истинного народовластия, основанного на принципах демократически-федеративной республики". („Баку".)

Минск. В Минске добровольная пожарная дружина охотников решила, что, так как она призвана защищать население от пожаров, то она должна защищать его также от погромов, которые являются не меньшим стихийным бедствием. А потому охотники постановили просить своего вновь избранного начальника об оказании содействия в надлежащем вооружении. Кроме того, они решили в случае погрома явиться в полной форме и в сопровождении пожарного обоза, чтобы обливать водой толпу громил" („С.-З. Сл.".)

Г. Лохвица, Полтавской губернии.

1 и 2 ноября состоялось общее собрание местной группы Р. С.-Д. Р. П. для реорганизации работы как в городе, так и в уезде, в целях работ легализации применительно к настоящему моменту.

После речей было приступлено к реорганизации работы. Было решено:

1) Все кружки, в которых велась пропаганда, об'единить в один и вести с ним занятия на современные темы, дабы таким образом подготовить кадры агитаторов для широкой работы в деревне.

2) Устраивать по возможности чаще массовки и митинги.

Затем тов. из Спілкі прочел собранию доклад о том, как и когда она образовалась, достижению каких целей она способствовала, где и какие имеются организации Спілкі, и между прочим предложил вниманию собрания проект устава новоорганизующегося Херсонского ком. Спілкі. После небольших прений, собрание единогласно вынесло следующую резолюцию:

„Лохвицкая Группа Р. С.-Д. Р. П., собравшись 1 ноября 1905 г. для реорганизации работы как в городе, так и в уезде, заслушав предложения тов. из Спілкі о реорганизации работы в деревне и рассмотрев проект устава Херс. ком. Спілкі, — постановила:

„Принять во внимание упомянутый проект устава, снестись с уездными организациями Полтавск. губ. и вместе с ними возбудить в Спілке вопрос об организации Полтавского ком. Спілкі".

Кроме этого, местная группа решила просить Областн. Ком. о посильной помощи людьми, руководством и средствами.

Лохвицкая Гр. Р. С.-Д. Р. П.

Елисаветград. На конференции Добровеличковского района, Елисаветградского уезда, бывшей 6 ноября текущего года, на которой присутствовало 13 членов*) с решающим голосом, 3 с совещательным, член „Спілкі" и член Елисаветградского Комитета — оба с решающим голосом, был выработан следующий порядок дня:

I) Проверка мандатов.

II) Доклад делегатов о работе (настроение крестьян и техническая сторона деятельности).

III) Доклад товарища из „Спілкі".

IV) Вопрос о присоединении к „Спілке".

V) Аграрный вопрос.

VI) Вопрос о Государственной Думе.

После принятия указанного порядка дня и проверки мандатов, начался доклад делегатов. Из их слов выяснилось, что в данное время Добровеличковский район охватывает следующие населенные пункты: Гладосы, Заборы, Тишковку, Акацатову, Ново-Добрянку, Лепнянку, Эрделевку, Песчаный Брод и др. с населением в 50.000 — 60.000 чел., из которых 1.500 — 2.000 посещают массовые собрания.

*) 3 крестьянина организованных не могли явиться на конференцию.

В каждом пункте соорганизован центральный кружок, состоящий из 2—6 человек, на обязанности которых лежит вся практическая местная работа, кроме этого, в некоторых из упомянутых пунктов функционируют пропагандистские группы, в некоторых деревнях число таких групп доходит до 6, с 50 — 60 чел. в каждой.

Социал-демократические идеи легко воспринимаются молодежью, гораздо труднее стариками, в особенности крестьянами-собственниками.

Крестьяне очень интересуются современными событиями, причиной возникновения одновременного повсеместного погрома как против евреев (в этих местах антисемитизм совершенно отсутствует), так и против интеллигенции и студентов. Не менее этого они интересуются и своими ближайшими задачами, например, Государственной Думой, формами политической агитации, способами борьбы с синдикатом помещиков.

К Государственной Думе крестьяне относятся в высшей степени подозрительно и категорически высказываются за Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; последние лозунги уже очень хорошо усвоены крестьянами.

Затем перешли к 3 пункту порядка дня. Товарищ из „Спілкі", в кратких чертах набросал исторический очерк возникновения этой группы, указал на ее цели и задачи, а самое главное, старался выяснить товарищам, что взгляд на „Спілку" как на группу с националистическим оттенком, совершенно ложен.

Потом начали обсуждать вопрос о присоединении к „Спілке". После обмена мнений была вынесена следующая резолюция: „Полнейшее об'единение при подробном выяснении всем работникам сущности „Спілки", до тех же пор — связаться и сноситься с ней".

Что касается 5 пункта, т. е. аграрного вопроса, то конференция согласилась с резолюцией 1 общерусской конференции.

За недостатком времени многие намеченные в порядке дня вопросы были рассмотрены очень поверхностно. („Комм. Росс.")

Редактор-издатель ***Н. М. Минский.***

Издательница ***М. Ф. Андреева.***

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 17

С.-ПЕТЕРБУРГ.
СУББОТА, 19 НОЯБРЯ
(2 декабря) 1905 г.

Новая Жизнь

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Р. С.-Д. Р. П.

Товарищи!

Революционный пролетариат мощным натиском на самодержавие завоевал себе свободу союзов. Теперь партия может выйти из подполья. Ее кадры должны приумножиться и сложиться в еще более грозную общественную силу.

Университетская социал-демократическая группа Спб. Комитета Р. С.-Д. Р. П. приглашает всех товарищей с.-д. студентов и студенток университета открыто вступить в ее ряды. Запись новых членов производится ежедневно в столовой университета от 1—5 час. избранным на общем собрании бюро группы, в состав которого вошли:

А. Я. Каплан.
П. Н. Севрук.
А. Н. Замятин.
Н. В. Аполлонов.
В. А. Энгель.

От редакции.

К нам поступают заявления от наших подписчиков и читателей по поводу тех препятствий, которые полиция и почтовое ведомство ставят распространению „Новой Жизни“ в некоторых городах. Жандармы и полицейские разных рангов отбирают номера нашей газеты у обывателей и газетчиков и запрещают ее продажу в киосках и магазинах. Почтовое начальство соперничает в этом деле с царской опричниной: оно истребляет попадающие в его руки номера, задерживает рассылку их подписчикам, иногда отказывается принимать денежные переводы в нашу контору, ссылаясь на то, что „Новая Жизнь“ будто бы запрещена.

Предлагая читателям - друзьям не доверять этим слухам и протестовать против наглого нарушения в некоторых местах свободы печати, об‘явленной манифестом 17 октября и фактически осуществленной революционным пролетариатом, мы обращаемся к местным учреждениям нашей партии с просьбой организовать на местах продажу и распространение нашей газеты, помимо почтовых учреждений.

Мы просим товарищей - читателей и всех друзей свободного слова по возможности документально устанавливать факты похищений номеров „Новой Жизни“ властями и сообщать нам имена этих грабителей чиновников и агентов правительства для привлечения их к суду и пред‘явления исков об убытках.

С.-Петербург.

19 ноября 1905 г.

Самодержавная эксплоатация.

Самодержавное государство не только наложило на весь народ ярмо непосредственного политического гнета, не только прямым насилием выколачивало из разоренного и обнищавшего народа миллиарды рублей, которые шли на привольную и развратную жизнь толпы светских и духовных чинов самодержавного правительства, но и выступало в роли предпринимателя - эксплоататора.

На казенных фабриках и заводах, железных дорогах, во всевозможных правительственных учреждениях работают многие сотни тысяч — до $1^1/_2$ миллионов — рабочих и служащих. В эксплоатации этих тружеников правительство шло впереди частных предпринимателей — капиталистов; точно так же подавало оно пример частным слугам капитала в подавлении попыток рабочих бороться против эксплоатации организованно — посредством союзов и стачек. Штрафы, расчеты, а то и прямые избиения — как это было, например, в Златоусте — „казенное“ начальство практиковало столь широко, что иные отдельные капиталисты с завистью и сокрушением вздыхали о том, что они не обладают силой правительственной репрессии.

Политический гнет самодержавия в значительной мере ослаблен победой революционного пролетариата, но эксплоататорскую роль правительство продолжает играть неуклонно. Первыми приступили к расчету рабочих - забастовщиков казенные заводы: Семянниковский и Обуховский. Управление казенных железных дорог до последней возможности не останавливалось перед полицейско-шпионскими приемами, боролось против стремлений железнодорожных служащих организоваться в союз и улучшить свое жалкое и бесправное положение. Теперь правительство хочет задавить организацию почтово - телеграфных служащих, этих поистине белых рабов государства, несущих каторжный труд за нищенское вознаграждение.

Из всех учреждений разлагающегося самодержавного государства почта и телеграф поставлены у нас наиболее безобразно. Правительство извлекает из почтово-телеграфной монополии ежегодно миллионы рублей дохода, тогда как в культурных странах давно уже почта и телеграф служат не источником государственных доходов, а только средством скорых и дешевых сношений между гражданами.

Русское правительство предпочитает из культурного предприятия получать доход, но зато плата за корреспонденцию у нас высока, почтово-телеграфных учреждений недостаточно, корреспонденция доставляется медленно и неаккуратно. И помимо всех этих „удобств“ российской почты, на почтово-телеграфное ведомство возложены полицейские обязанности.

Во всех крупных городах существуют при почтово-телеграфных конторах так называемые „черные кабинеты“. В них заседают жандармы и „особые“ чиновники, которые пересматривают всю корреспонденцию прежде, чем доставить ее адресатам или отправить по назначению. Ищут „нелегальщины“, устанавливают „преступные“ связи и т. д. Письма бесцеремонно вскрываются и, „смотря по надобности“, копируются, фотографируются, а то и совсем конфискуются, телеграммы также подлежат особой цензуре.

Кто из товарищей не испытал на себе этого наглого издевательства? Кто не получал писем со следами грязных рук грязных служителей полицейского произвола? Кто не испытал злобы, наталкиваясь на почтово-полицейскую рогатку, поставленную между гражданами и свободным словом, которое приходилось получать контрабандой?

Самодержавное правительство, превратившее одно из могучих и необходимых средств развития культурной и экономической жизни страны в орудие наживы и полицейского сыска „крамолы“, не забыло и тружеников почтово-телеграфного дела. Оно довело эксплоатацию и порабощение их до крайней степени, рассчитывая, что нищета и систематическое принижение личности убьет в служащих почты и телеграфа всякую способность сопротивления.

Правительство еще раз ошиблось. Угрозы и репрессии не остановили организации почтово-телеграфного союза. На запрещение с‘езда и увольнение товарищей работники почтово-телеграфного дела ответили всеобщей забастовкой.

Приветствуем новых товарищей по борьбе! Она скоро научит их, что улучшить свое экономическое положение они смогут лишь при демократическом строе. Дерзкий и лживый ответ, данный гр. Витте непринятой депутации, о котором сообщает сегодняшний телеграф, только еще раз подтверждает эту старую истину.

Становитесь же, работники почты и телеграфа, в ряды пролетарской армии, которая под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии борется за свободу и благо всей России, всех теперь угнетенных классов.

П. Румянцев.

Правительственное сообщение.

Об‘явленное 28 минувшего октября в губерниях Царства Польского военное положение, по удостоверению варшавского генерал-губернатора, имело уже, несмотря на короткий срок его применения, осязательные результаты, произведя желаемое отрезвляющее впечатление на крайние политические кружки и введя в жизнь края некоторое успокоение, начавшееся в Варшаве и затем распространившееся на прочие местности Привислинского края; в некоторых же уездах Радомской и Петроковской губерний замечавшееся бурное движение начало стихать после отправки туда соответствующих отрядов войск.

Вследствие сего, генерал-ад‘ютант Скалон ходатайствовал о снятии в губерниях Царства Польского военного положения.

По рассмотрении вопроса этого в совете министров и по докладе государю императору сообщения генерал-губернатора, его императорское величество высочайше повелеть соизволил: военное положение во всех губерниях Царства Польского отменить.

Правительство надеется, что благоразумные элементы края помогут поддержанию наступившего там сравнительного успокоения, которое должно дать полякам возможность, наравне со всем населением России, принять участие в широкой творческой работе на пользу родины.

„Об‘явленное 28 октября военное положение произвело отрезвляющее впечатление“. Это верно: те немногие

О голове русского Самсона.

Современное русское революционное движение поражает наблюдателя многообразием и в то же время своеобразностью своих форм. В западно-европейских революциях всюду почти повторялась одна картина: непросвещенная чернь разрушает Бастилии, строит баррикады, разгоняет солдат и при громких кликах провозглашает смерть старого строя и рождение нового. А просвещенная буржуазия, разряженная и расфранченная, отправляется говорить речи на развалинах, чтобы заручиться любовью народа и местечками в парламенте. Трагедия и комедия шли рука об руку. С улиц только что унесли убитых „блузников“, сражавшихся, как львы, умиравших, как умеют умирать герои—молчаливо, гордо, радостно. Ослепительно блеснула зарница свободы—и светом своим озарила мрак последних минут. Море света впереди,—есть ли время умирающему понять ужас смерти? Так умирал, вероятно, Моисей, увидевший после сорокалетнего странствия долгожданную обетованную землю. Близится, растет, надвигается что-то великое... Только оно владеет мыслью, только оно поет и говорит в ликующей душе. На могучих орлиных крыльях летит свобода, и в ее об‘ятиях незаметно погасает жизнь—жизнь борца-человека.

Тени убитых витают над городом. Победители настроены торжественно и благоговейно: ведь на только что разбитых цепях остались следы мозга и крови тех, кто погиб, не испытав торжества победы. Грусть и радость сплетаются воедино: все чувствуют, что над миром еще раз пронеслась сурово-величавая правда жизни, еще раз свершилась жестокая и непреклонная трагедия борьбы. „Говорите тише: мертвецы еще не остыли. Ликуйте сильнее: свобода уже завоевана“. Так чувствуют те, кто в грязной блузе, в изорванном платье возвращается в свою жалкую каморку с кровавых полей революции.

Такая глубина чувства, такое торжество победившего разума выпадает на долю людям лишь один, два раза в столетие.

А в уютных салонах тем временем совершается фарс. Любвеобильные супруги красноречивых адвокатов примеряют мужьям новые фраки. „Повернись только, направо! Вот так хорошо—ведь тебе придется быть одним из четырехсот законодателей народа! Сделай жест свободолюбия,—растопырь руки так, как будто хочешь

слои польского населения, которые после 17 октября ликовали по случаю „дарования незыблемой гражданской свободы“, — несомненно, отрезвели. Несмотря на короткий срок применения военного положения, даже самые доверчивые либералы, надо думать, окончательно убедились, что только гарантированная народным вооружением, отвоеванная революционным путем свобода может дать возможность полякам наравне со всем населением России принять участие в широкой творческой работе на пользу родины. Правительство не без основания надеется на благотворное влияние благоразумных элементов края: эти элементы — польский пролетариат, руководимый социал-демократией, принял уже самую благоразумную тактику. Они не доставили удовольствия правительству воспользоваться плодами провокации, они не ответили на введение военного положения немедленным восстанием и не дали возможности генералу Скалону залить кровью восставшей Польши пожар русской и польской революции. Польские пролетарии твердо стояли на своем решении — рука об руку с русским пролетариатом вести борьбу против общего врага за общую свободу. Они прекратили местную польскую забастовку до нового общего удара всероссийской революции.

Правительственное сообщение благоразумно умалчивает, почему любитель беспощадной стрельбы—генерал Скалон ходатайствовал о снятии военного положения, и „ходатайство“ было уважено кем следует. Снятие военного положения стало необходимостью после того, как революционный пролетариат России ответил на него новой политической забастовкой и доказал, что против каждого покушения на свободу со стороны правительства у него найдется верное революционное оружие.

К. П — ов.

Севастопольское одоление.

Правительство еще раз победило. В Севастополе царит „порядок“. Восставшие матросы сдались; лейтенант Шмидт взят в плен. Над мятежным городом опять развевается правительственное знамя „порядка“, опять господствуют Чухнин и Неплюев, готовящие кровавые приговоры тем самым матросам, которые вчера, руководимые чувством благородства и великодушия, пощадили их, отпустив из плена. Господствующие классы никогда не прощали великодушия тем, кого они привыкли считать своими рабами. И севастопольские „мятежники“, отпустив на волю г. Неплюева и К°, заслужили этим более жестокое возмездие, чем открытым восстанием против старого порядка.

Полвека тому назад старый — но, увы, все еще живущий — порядок потерпел в Севастополе военный разгром. Разгромили его чуждые державы, но эти державы невольно являлись представителями нового порядка— порядка конституционно-демократического — того самого порядка, за который борется теперь Россия. Теперь борцами за прогресс, за новый мир выступают прогрессивные, творческие силы самого русского общества, и полуистлевший самодержавный строй напрягает все свои силы, чтобы сломить молодые побеги, чтобы продлить, хотя на день, хотя на час, столь дорогую ему обстановку произвола. И на этот раз он еще победил. Сегодняшний день принадлежит ему. А завтра?

Старый порядок проявляет пока свою силу только в борьбе с своими же подданными — особенно с безоружными гражданами. Христолюбивое воинство, позорно бежавшее перед натиском японцев, проявляет неукротимое мужество в борьбе с бунтующими рабочими, крестьянами, интеллигентами. Офицеры, разоблачившие свое невежество и бездарность в настоящей войне,

---

в свои об‘ятия заключить все человечество! Всунь в петлицу красный цветок—теперь красное в моде! Ах, зачем у тебя такой большой живот? Нужно надеть корсет—защитнику народа подобает быть тощим! Усвой себе твердость походки. Теперь садись и приготовляй завтрашнюю речь!“ И целую ночь бегает по бумаге бойкое перо новорожденного гражданина, который, однако, был, есть и останется лишь потомственным почетным гражданином. Молчаливый город, утомленный кровью и упоенный победой, сулит ему великие перспективы: собрание народных представителей... аплодисменты слева, аплодисменты справа... министерское кресло впереди. Шампанского же сюда, чорт побери! Тост за народ, который умеет выбирать хороших адвокатов!

А в темных переулках движутся фигуры: то несут на носилках раненых и умирающих „блузников“. Это падает кровавая роса только что занявшегося утра свободы. Через два, три дня о ней забудут. Мещанское солнце буржуазного благополучия высушит ее...

Самое ужасное в западно-европейских революциях было то, что благоразумный адвокат почти всегда добивался своих целей: при момощи пролетариата пролезал в парламент, запасался министерским портфелем и от имени народа обуздывал народ. Пролетариат развивал необычайную революционную энергию: взволнованное чувство подымалось так высоко, что уже не делало различий между правдой и ложью, слепо верило громкой фразе, не требовало от вожаков движения немедленных и осязательных дел. Критика отсутствовала, обещания принимались за факт. О подробностях не любили спорить: уважаемый гражданин Б. стоит в принципе за социализм,—он только находит, что социалистический строй можно ввести не ранее, чем через 2000 лет. Но раз он зовет себя социалистом—почему рабочим не выбрать его в депутаты?.. Вооружение народа... Ах, это поведет к разногласиям. Не будем спорить о мелочах: выберем того, кто стоит за народ вообще. Пролетариат забывал о мелочах, но буржуазия твердо помнила их и вязала из них сети, в которых вскоре запутывалась только что завоеванная свобода. Вооружение народа— мелочь. Прекрасно. Но в таком случае вооружение солдат—тоже мелочь. Господин генерал, пустите в ход эту свинцовую мелочь против народа, который собрался, чтобы рассуждать только о великих делах! Народ удовлетворяется широкими обещаниями свобод, он не поинтересуется маленькими параграфами точных законов. Господин прокурор, протрите ваши очки и извлеките свод законов, который вы со страха недавно закинули

изощряют свой военный гений на мирно гуляющей публике, на не отдавших честь солдатах. Победоносная армия уравновешивает позор Ляояна подвигами во время еврейских погромов, позор Мукдена — оргией военного положения в Польше, позор Порт-Артура— бойней в Кронштадте и Владивостоке. И нет такого позорного воспоминания из русско-японской войны— а все эти воспоминания полны позора—которое не было бы залито кровью русских граждан—на Кавказе, в Польше, в самой России, кровью армян, евреев, поляков, кровью рабочих, интеллигентов, крестьян.

Но каждая такая „победа“ христолюбивого воинства есть новое поражение, поражение, более глубокое и серьезное, чем Порт-Артур и Мукден, вместе взятые. Ибо каждая такая „победа“ толкает в ряды революции все более и более широкие слои русского общества.

9 января, как по мановению волшебного жезла, революционизировало всю массу пролетариата. Прошло 10 месяцев, — и разрозненная, пестрая, малосознательная масса рабочих превратилась в сплоченную, дружную армию революции, армию, у которой друзья старого порядка могли бы поучиться многому по части организованности, дисциплины, боевой готовности. Черносотенные подвиги правительства окончательно толкнули на путь революции интеллигенцию и широкие слои еврейского населения. Военное положение довершило революционизирование Польши, как несколько месяцев тому назад оно же сделало Кавказ могучей крепостью революции. Режим гнета и репрессий вооружил против правительства Финляндию и Прибалтийский край.

Но оставалась еще громадная масса крестьянства, которая могла и должна была решить роковую тяжбу между старым и новым порядками. Куда пойдет эта масса? На чью сторону она встанет? Чью чашку весов перетянет она, решая участь России? На эти вопросы никто не мог дать прямого ответа. Мы учитывали революционные элементы в крестьянстве, предвидя, что борьба выдвинет именно их на первый план, и мы призывали крестьян под красное знамя революции. Наши противники учитывали в крестьянстве элементы реакционные, на них строили они свои расчеты, давая крестьянам такой перевес в Гос. Думе, желая перетянуть их под трехцветное знамя порядка.

События разрешили эти сомнения. Крестьянское движение оправдало наши расчеты, правительство оправдало наши ожидания. С обычным умом и дальновидностью двинуло оно против крестьян свое всесильное средство— казаков и пулеметы. И крестьянское движение окончательно вовлечено в круговорот всероссийской революции. Последняя социальная опора ускользнула из-под ног самодержавия.

Что же остается в руках старого порядка? „Войско!— самоуверенно кричат треповидные герои, бия себя в грудь, увешанную крестами за Ляоян, Кишинев, Мукден, Баку, Порт-Артур, Одессу и др. подвиги.—Войско!“ — Войско? Посмотрите на это войско, на ваше последнее убежище! Где оно? Разве не показали Владивосток и Кронштадт, Одесса и Севастополь, что у правительства нет больше флота? что весь флот перешел на сторону революции? Разве не показал Харбин, манджурская армия и японский плен, что и сухопутных войск у правительства становится все меньше? Главная масса войск находится там, на Дальнем Востоке, и правительство не решается его вернуть, ибо оно знает, что это войско в большей мере усилит ряды революции, чем ряды реакции. Разве каждый день не показывает, как трещит по швам военная организация, как сухопутная сила внутри европейской России постоянно распадается на армию революции и армию контр-революции?

Этого могут не понимать только люди, лишенные разума от рождения или утратившие его в долголетней

в угол. Там на каждой странице вы найдете по несколько „мелочей“, на основании которых вы можете дюжинами арестовывать нахальных писак и пылких агитаторов. Действуйте же скорее этими крючками! Пролетарии в порыве великодушия оставили их в наших судах и канцеляриях. Они не хотели спорить по поводу их, так как вместе с винными торговцами, банкирами, адвокатами, учителями и дамами нашего общества делали более важное дело: спасали все человечество, кроме самих себя. Вы должны отблагодарить рабочих за их великодушие, господин прокурор, и при помощи „мелочных“ параграфов наградить их казенными квартирами... Так рассуждала буржуазия и так действовала на другой день после революции. Пролетарий-гигант победил мечом; буржуазия подкрадывалась к нему, когда он отдыхал после битвы, выкалывала ему глаза булавкой. Это называлось „действовать законными способами“.

Горек был час пробуждения.— Самсон, проснись, ведь ты—победитель! Где твой хлеб, где твое право? „Избранники народа дадут мне то и другое: мой недавний друг, гражданин Б., красноречивый адвокат богатых и бедных, поклялся мне в том своей лысиной“.— Самсон, проснись! Ты слышишь лязг железа? То тебе куют кандалы.— „Неправда. Это, вероятно, мой другой друг, мясной торговец В., точит ножи, чтобы, согласно своему обещанию, передать всех своих быков и раздать мясо бедным“. — Самсон, Самсон, несчастный богатырь! Проснись — ведь твои руки и ноги уже привязаны к кольям... Он просыпается, наконец: ноги и руки недвижны, глаза не видят, груди больно и тяжело. На груди его пляшут победную пляску его „дорогие друзья“, приветствуя „твердый порядок“ и „законную власть“ от имени избравшего их народа.

История западно-европейских революций полна такими примерами. Сколько канатных плясунов и героев фразы попало в „галлерею замечательных людей“ на широкой спине европейского рабочего! И сколько человеческих жизней продано было ими с молотка, под гром рукоплесканий таких же, как они, дешевых народных представителей!

Русская революция в этом отношении не похожа на другие. Долгие годы самодержавного режима вырыли громадную пропасть между „командующими классами“ и народом. Английская, французская, немецкая буржуазия заполняли эту пропасть совместными собраниями, газетными статьями, где говорилось об общем благе народа, слащавыми собеседованиями. Всюду и везде

беспорочной службе. Всякий же человек, способный разбираться в событиях, видит ясно, что севастопольское одоление—это Пиррова победа, что еще такая победа—и треснувшее по швам здание самодержавия рассыплется в прах.

Н. Адамович.

Настало время!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

У польского писателя Немоевского, в его рассказах из жизни рабочих, есть одна небольшая вещь, носящая заглавие: „Подземный праздник“.

В рассказе этом описывается торжество открытия нового рудника в каменноугольных копях. Глубоко под землей, в темных коридорах, среди непроницаемых стен из угля и камня, собрались толпы рудокопов. В подземной часовне ксендз произносил речь перед толпой рабочих.

„И говорил он,—пишет автор,—не как судья, не как проповедник, не как учитель, а как простой человек, не находящий слов, чтобы затронуть ими сердца таких же, как он, простых людей... Говорил он, как человек, который вместе с ними разделит до конца их страдания. И потому слова его дышали не только великой простотой, но и великой правдой...“

Ксендз рассказывал рабочим о первых христианах, о том, как их преследовали, истязали, мучили, как скрывались они в подземных катакомбах от своих врагов.

„И настало время, когда вышли они из тех подземельев, стали громко возглашать и творить свою истину, и мир, который не послушал их призыва, погиб, а который послушал, жить начал лучшей жизнью...“

С христианами первых веков сравнивал ксендз стоявших перед ним рудокопов, говоря, что и они, как и те, спускаются в подземелья, терпят там тяжкий труд и страдания и добывают свет и тепло, силу, жизнь и благо для всех людей. И, быть может, не один из них падет в подземелье, и никто не знает, придется ли ему еще раз увидать вечером месяц, всходящий над землей. „Но те, которые выйдут, выйдут, как эти первые христиане, и мир, который не будет их жизнью жить, погибнет, а который начнет жить их жизнью, не погибнет, пока будет существовать земля!“.

Воскресает в памяти всегда этот рассказ Немоевского, когда раздумаешься о судьбах пролетарского движения в России, о судьбах нашей социал-демократии. Как долго, мучительно долго пришлось ее деятелям, этим лучшим бойцам за свободу и счастье пролетариата, пробыть в душном и темном подземелье полицейско-самодержавного государства. А когда в минуты острых вспышек народного негодования они покидали свои катакомбы и водружали на глазах у всей страны свои красные стяги, штыки обращались на них, гремели выстрелы, отворялись двери Бастилии, и несчастные трупы бойцов уносили с поля битвы—не в катакомбы, а в могилы...

Но настало время! Выход из подземелья открыт, брешь пробита в замурованных стенах, можно выходить на свет, на воздух,—выходить не одиночными бойцами, а громадной массой,—широкой, как река в весеннее половодье, торжественным грозным потоком. Соединяйтесь же, пролетарии! Настало время! Сквозь бреши катакомб уже появились первые отряды пролетарской армии, и красные знамена их реют в утреннем воздухе. И багровому свету их отвечают алые краски зари, вспыхнувшей на небосклоне.

проводилась одна и та же мысль: нет различия классов—есть лишь различие способностей. Речи буржуазных журналистов были усыпляющим морфием, который неуклонно, последовательно вспрыскивался в мозг рабочего. Русская буржуазия не могла пустить в ход этого испытанного средства, потому что русское правительство находило его опасным для себя.

Каждому своему верноподданному оно дало заповедь молчания. Буржуазные либералы не могли читать свои елейные проповеди рабочему и мужику, ибо за такую дерзость ближайший городовой отвел бы их немедленно в участок. Народ оставался наедине с самим собой и приучился свои думы приноровлять к своим чувствам. А чувство у него было одно: непрерывная боль физических мук и нравственных оскорблений, наглый гнет фабричных и земельных королей над его телом и душой. Классовые противоречия впивались в него каждый час, каждую минуту его жизни. О согласии интересов ему никто не говорил. Разве иногда батюшка загнет в проповеди насчет „звезд, разнствующих во славе“; но так как батюшкам полагается говорить по-славянски, то выходило так же понятно, как если бы читалась древне-индийская рукопись. Ясно было одно: ты обязан слушаться, так как ты—сиволапый. И кроме этого—никаких об'яснений, никакой научно-обставленной лжи, рассчитанной на то, чтобы уловить человеческий рассудок. Русское правительство приучило русскую буржуазию смотреть на разум рабочего, как на никчемную, никому ненужную вещь. Буржуазия поверила и предоставила этот разум самому себе. Она думала, что всемогущая полиция сумеет устеречь его. А разум-то взял—да и загорелся...

Западной социал-демократии приходилось тратить годы на то, чтобы победить буржуазное направление мысли, воспитанное в рабочем буржуазной наукой и прессой. Русский социал-демократ не встречается с этим препятствием: российские буржуа так глубоко презирали рабочего, что не считали даже нужным основательно тонко, продуманно обманывать его. Довольно с него фальшивых весов и двойной бухгалтерии! Тратиться еще на фальшивую науку для какого-нибудь Ваньки—излишняя роскошь! Поэтому, когда агитатор приходил в рабочую квартиру, ему оставалось только оформить то, что в бессонные ночи неясными отрывками приходило в голову каждому из присутствующих. Социал-демократической идее приходили на помощь сотни воспоминаний, из которых каждое скребло душу чувством гнева и позора. Борьба классов, вечная вражда, непримиримый бой,

Соединяйтесь же, русские пролетарии! Настало время! Соединяйтесь в одну крепкую и многомиллионную пролетарскую партию под знаменем международного социализма, — того великого социализма, который уничтожит рабов и господ, сделает всех только людьми.

Как первые христиане из катакомб, выходят теперь русские пролетарии на поверхность родной земли. Но не позволят они исказить свое учение, превратить его в лишнее орудие эксплоатации, как это сделали с религией христиан. Мы сами будем оберегать наше пролетарское учение, наше знание, нашу веру и не поручим ее охрану людям в длинных одеждах с крестами на платье и с злобой в сердце. И если христианский мир погибает перед нами, хотя о процветании его очень много молились, — погибает и разлагается под циничновеселый звон буржуазного золота, то наш новый пролетарский мир будет стоять вечно, хотя о нем и не будут возноситься купленные за деньги моления. Не волей небес, а силой самой жизни будет держаться он, нося в себе самом источник своего вечного существования! Соединяйтесь же, пролетарии! Настало время выйти из подземельев и творить свою истину открыто пред очами вселенной! Настало время! Настало!..

Алексеев.

Русская печать.

*** „Начало“ разбирается в положении, созданном октябрьскими днями.

На-ряду с официальным правительством Витте продолжает существовать другое, тайное и безотчетное, в руках которого еще до сих пор вся военная и административная сила государства. Там собрались последние остатки самодержавия. Они потеряли игру и должны были сдать карты в другие руки. Но они еще не могут примириться с тем, что они побеждены. Они с злорадством встречают каждую неудачу Витте, видя в этом поражение нового, либерального принципа и забывая, что они сами должны были ему подчиниться, так как вне его им грозила неминуемая гибель. Они подбивают новое правительство к старой рекационной политике и в то же время делают его ответственным за вызванные этим революционные последствия. Бессильные восстановить старый режим, они делают беспрерывно реакционные набеги, без общего плана, без ясно сознанной цели, только чтобы проявить себя, удовлетворить чувство мести и потому, что никак не могут свыкнуться с тем, что все теперь становится иначе, чем как оно было раньше. Они боятся революции и все же не хотят примириться с либерализмом.

Либерализм они презирают, революцию — ненавидят. Вся реальная политическая борьба — не типичная ли это черта происходящей теперь революции—в отличие от других, прежних — идет мимо либеральных слоев. Борются остатки феодализма с грозно нарастающей демократией. Либерализм же остается в сторонке и только говорит, говорит...

*** У казачества нашелся заступник — П. Бородин в „Нашей Жизни“, рисующий идеологию казака в мирно-идиллическом свете.

Идеал каждого казака — служить только на войне; в мирное время — быть вольным и заниматься хозяйством.

По тому, что нам приходится наблюдать, вернее будет обратное. Идеал каждого казака воевать в мирное время, на войне же заниматься хозяйством. При всех больших отступлениях, напр. при Ляояне, при Мукдене, казаки прилежно обогащались, занимаясь мародерством и грабежом. Таков способ казацкого „производства“.

*** У кого нет отправной точки, с которой он глядит на события, тот неминуемо наговорит глупостей. Такой грех часто случается со всеми либеральными органами, но особенно часто—с „Новостями“. У этой беспартийной газеты все решается по суб‘ективному методу. Разразилась телеграфная стачка. Обсуждая это событие,

---

да ведь это не он говорит, этот чужой человек без имени, — то говорят отцы, дети, братья, каждый по-своему, на языке одинакого горя и никем необлегчаемой нужды. И быстро внедрялись в умы великие истины социализма, властно овладевая всем существом пролетария...

Самодержавное правительство оказало незаменимую услугу русской революции. Оно запретило слово. Но его запрета послушалось лишь лживое, трусливое слово либеральных краснобаев, спрятавшееся за семью запорами барских квартир. Смелое слово классовой борьбы продолжало раздаваться—и никакие преследования не смогли заглушить его. Таким образом, в конце концов, оказалось, что правительство остановило лишь пропаганду буржуазной лжи. Правда, у правительства были свои ораторы, но беда в том, что они проходили курс наук у местного пристава,—а это немножко мало, даже и по русским условиям. Получалась просто пропаганда глупости.

Чем тяжелее гнет, тем ярче и могучее протест. Русский пролетариат поразил весь мир своей сплоченностью и, что самое главное,—своей классовой сознательностью. Он не поддается на удочку красивых фраз,— слишком поздно они пришли, слишком ясно видно, что они сколочены наспех, ad usum asini (для употребления ослам). И в этой самостоятельной классовой политике пролетариата—одна из главных характерных черт русской революции. Это может служить порукой, что богатырь-победитель не сделается снова слепым и несчастным рабом хитроумного буржуазного карлика.

Российская социал-демократия может быть довольна своей работой. Но она должна быть благодарна русским буржуа за тот неоцененный дар, который они ей предоставили. Этот дар—голова русского рабочего, выброшенная ими за порог жизни. Мы 16 лет тому назад подняли ее—и теперь голова русского пролетария стала сокровищницей героизма и самопожертвования, хранительницей великих идеалов будущего, стала той великой силой, которая кровью и мечом вписывает новые блестящие страницы мировой истории.

Андрей Вольский.

„Новости“ ничего умней не придумали, как указать на ее „опасности“.

Отдельные части необ'ятного государства оказались, видите ли, раз'единенными, разобщенными, предоставленными на усмотрение местных властей.

Освобожденные из-под контроля графа Витте, который, очевидно, не особенно дорожит основами гражданской свободы, но интересуется по крайней мере биржевым курсом русских бумаг, — все эти помпадуры плевенского закала неизбежно натворят множество непоправимых бед, и поэтому страшно даже подумать, какие последствия может вызвать почтово-телеграфная забастовка. Всю страну как бы окутала непроглядная тьма, под покровом которой могут совершиться величайшие преступления...

Подумаешь, какая опасность! Как будто помпадуры и помпадурчики и под бдительным наблюдением графа Витте не ухитряются устраивать избиений. В октябре почта работала, по телеграфу так и мчались депеши, и это не остановило громил. К чему плести заведомый вздор?

*** В то время, как в „низах“ общества самосознание все более повышается, в верхах идет обратный процесс. Матросы стали гражданами. А что же офицеры? В „Нашей Жизни“ г. Навигатор дает ответ на вопрос.

Этот горе-офицер однажды с гордостью показывал всем штаны, лопнувшие у него от натуги при проучивании тростью „этих пьяных мерзавцев“, как величал он матросов, отпущенных погулять на берег и за которыми он был послан с судна.

Надо заметить, что столь возмущавшийся матросским пьянствованием сиятельный мичман не иначе сам возвращался с берега, как, что называется, „в лежку“, и „мерррзавцы“ же должны были его на руках выносить из шлюпки.

Этот же милый мальчик, стоя на ночных вахтах, занимался „проверкой однообразия высоты“ подвешивания командных коек (постелей): чуть которая-нибудь из них оказывалась ниже, он перерезал в головах веревки, на которых койка подвешивается (аршина на два от полу), и сонный матрос валился кувырком на палубу, зачастую ударяясь головой о расположенную тут же якорную цепь.

Короче говоря, — резюмирует автор, —

вылощенный, по-французски болтающий в гостиных, господин, вступив на палубу, моментально преображался в какого-то разнузданного хулигана, у которого от интеллигентного „офицерства“ оставались лишь сюртук да фуражка, — остальное все поглощалось ругательствами, криками, мордобойством, пьянством и самыми цинично-пошлыми разговорами в кают-компании.

Революция идет.

I.

Революция идет, никто ее не в силах остановить.

Еще в среду телеграф принес известие, что вся почтово-телеграфная Россия забастовала. Долго молчали эти рабы капиталистического государства, эксплоатировавшего их хуже любого фабриканта и заводчика! Долго они молча и безропотно теряли за своими кожаными сумками и столами здоровье, молодость, лучшие часы жизни. Грубое начальство, каторжная работа, нищенское содержание, в перспективе голодная старость — вот удел этих рабов государства, худшего из эксплоататоров.

Полицейское государство не только эксплоатировало их труд, но и заставляло их служить орудием в руках сыска, заставляло следить за корреспонденцией, вскрывать чужие письма, быть невольными слугами охранного отделения!

Революционный пролетариат, грозно поднявший знамя борьбы против всех видов эксплоатации, увлек за собой и телеграфных служащих. Из запуганных, робких, молчаливых рабов, дрожавших при виде начальства, они стали смелыми гражданами, борцами за свободу.

„Не хотим мы больше быть рабами!“ — раздается вопль из исстрадавшейся груди. „Мы добьемся настоящей свободы“, — смело заявляет петербургский комитет почтово-телеграфного союза и призывает всех товарищей к забастовке.

Революционный пролетариат может только приветствовать это первое выступление нового отряда борцов за свободу, за лучшую жизнь, этих новых гробокопателей старого режима! Дружней, новые товарищи, вы позже всех выступили на арену борьбы, постарайтесь же в будущем быть в первых рядах!

А вы, г. Витте и К°, не дремлите! Скорее издавайте указы, циркуляры, распоряжения об арестах, сочиняйте манифесты! Может, еще один новый отряд перекинете в наши ряды.

За вашу работу вам скажет спасибо Великая Русская Революция.

II.

„Товарищи рабочие, не вините нас за то, что мы служим этому мундиру. Нужда заставляет нас! Но знайте, что мы тоже люди и желаем лучшей доли в жизни. Поэтому мы желаем, чтобы жилось посвободней. Да здравствует святая свобода! Да здравствует союз между рабочими и нашей группой городовых!“

Вот каким языком заговорили городовые. Вчера еще они арестовывали, били по участкам борцов за свободу, избивали на улицах мирных граждан, сегодня сами присоединяются к „крамольникам“, призывают к солидарной с рабочими борьбе. Вчера они были оплотом самодержавия, оплотом монархии, сегодня они вольные граждане, друзья народа, враги его врагов.

Такова логика революции. Нас не удивит то, если завтра сыщики из охранного отделения, унтер-офицеры, служащие в жандармском управлении, чины департамента полиции забастуют и из врагов народа заявят себя его друзьями. Революционная армия — это бесспорная сила, демократическая Россия — это факт, что же удивительного, что к ним все льнут, что с демократией, и только с ней, все хотят связать свою судьбу!

Революция идет, идет неудержимо!

Число врагов старого режима с каждым днем все возрастает.

И крестьянство, и армия, и чиновничество, и полиция — все вовлекаются в освободительное движение, все роют могилу старому режиму.

А г. Витте и К° все пишут указы и пишут...

Может, и они забастуют?

Ведь теперь это лучшее средство спасти репутацию „умного человека“.

Б. Радин.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Белозерск, 18 ноября. — В уезде начались аграрные беспорядки. Крестьяне открыто вырубают казенные и частные леса, препятствуя владельцам эксплоатировать свои лесные дачи. Землевладельцы, опасаясь погрома крестьянами, просят военной помощи. Причина движения — почти открытая агитация на почве экономической.

Москва, 18 ноября. — Представители банков и банкирских контор обратились к биржевому комитету, прося оказать содействие для восстановления почтового сообщения. Будет созвано собрание выборных биржевого общества.

Царицын, 18 ноября. — Запрещение присоединиться к всероссийскому почтовому союзу и арест некоторых членов центрального бюро союза в Москве вызвали забастовку чинов местного телеграфа, начавшуюся 15 ноября в 6 час. веч. 70 телеграфистов заменены незначительным числом почтовых чиновников. Телеграф работает с затруднениями. Забастовщиками преследуются цели экономические и политические.

Москва, 18 ноября. — Сегодня закрыта 5-я гимназия.

Администрация завода Добровых и Набгольц уволила 25 чел. рабочих, которых потребовали принять обратно. Требование рабочих было отклонено, и вчера забастовали парфюмерные фабрики Брокар, Ралле, Сиу, Остроумова, Чепелецкого и об'явили рабочим, что ими составлены и выработаны правила относительно рабочих депутатов, забастовок, болезненных случаев и общих вопросов фабрично-заводской жизни.

Для соглашения интересов городских рабочих и города образована примирительная камера в виде смешанной комиссии из рабочих и служащих. Новый кандидат в городские головы Иван Гучков определил свою программу 4 тезисами: отзывчивость думы на все крупные события жизни, но строго в рамках местных нужд, широкое регулирование бюджета, забота о своих выборных и защита их, поддержка интересов служащих и пользование ими в качестве экспертов.

Городское управление решило штрафовать второе конное общество жел. дор. на 2.400 р. в сутки, если к 25 ноября не будет восстановлено движение путем соглашения с рабочими.

Председателем всероссийского с'езда землевладельцев избран князь А. Г. Щербатов, товарищами председателя Чемодуров и Павлов. После молебствия весь с'езд в составе 170 чел. исполнил „Боже царя храни". С'езд устроил большую овацию юрисконсульту союза, присяжному поверенному Никольскому за защиту самодержавия.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Париж, 18 ноября (1 декабря). — По делу о покушении на президента Лубе и испанского короля присяжные заседатели вынесли всем подсудимым оправдательный вердикт. Об'явление приговора встречено громом аплодисментов. Малато и прочие подсудимые были немедленно освобождены.

Москва.

(По телефону из Москвы.)

18 ноября.

Московские газеты сообщают:

Заседание первого всероссийского с'езда почтово-телеграфного союза 16 ноября. Чрезвычайно интересным и важным моментом с'езда было появление двух делегатов от Петербургского Совета Рабочих Депутатов.

С'езд, по предложению председателя Парфененко, приветствовал их громовыми аплодисментами.

Один из них сказал:

„Приветствуем вас от имени Петербургского Совета Рабочих Депутатов, от имени революционного пролетариата Петербурга, приветствуем ваши первые и решительные шаги в деле освободительного движения.

„Товарищи, на спине своей, ценой крови, пролетариат вынес ту крупицу победы, которая выражена была манифестом 17 октября. Пролетариат идет дальше и упорной борьбой добьется Учредительного Собрания.

„Реакционная, темная Россия чует и видит гибель свою; всеми силами она стремится задавить революцию и прежде всего злейшего врага своего — революционный пролетариат. Правительство вступило в гнусный союз с фабрикантами и заводчиками; последние, рассчитывая на поддержку правительства, выбросили в Петербурге на мостовую свыше 70 тыс. рабочих. Им нужна материальная и моральная поддержка. Первыми закрылись казенные заводы; правительство думает голодом заставить пролетариат смириться или броситься в отчаянную, одиночную схватку. Революционный пролетариат уже неоднократно устами Петербургского Совета Раб. Деп. и Росс. Соц.-Демокр. Раб. Парт. заявлял, что решительный бой он даст тогда, когда это будет угодно пролетариату.

„Мы не поддадимся на провокацию правительства, — сказал петербургский революционный пролетариат, — и призвал всю пролетарскую Россию к тесному и полному сплочению за Учредительное Собрание и 8-час. рабочий день; он призвал к созданию вместе с революционным крестьянством и другими честными борцами за свободу единой мощной армии, которая на щите своем вынесет Учредительное Собрание. С этой целью, товарищи, мы и приглашаем вас установить с Советами Рабочих Депутатов прочную и тесную связь".

После того слово было дано представителю Московского Стачечного Комитета, сказавшему:

„Я пришел приветствовать почтово-телеграфный с'езд от лица Московского Стачечного Комитета, той организации, под руководством которой шла и окончилась великая всероссийская октябрьская забастовка. Я пришел приветствовать один из первых с'ездов, на котором собрались делегаты пролетариата и от далекого Иркутска, и от прекрасных, но залитых человеческой кровью Кавказа и Крыма, от «мятежной» братской Польши, величавой Волги и холодного Ледовитого океана.

„Давно уже носится в воздухе идея об'единения пролетариата всей России. Тотчас же по окончании октябрьской забастовки Московский Стачечный Комитет послал в Петербургский Совет Рабочих Депутатов своего представителя с предложением подумать и поработать над великой идеей единения пролетарских сил. Теперь я рад, что мне приходится говорить тотчас же после петербургских товарищей. Петербуржцы всегда шли во главе общего дела и теперь они снова выступают в роли наших путеводителей. Они делают это для того, чтобы об'единенный пролетариат силой добился созыва Учредительного Собрания на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Это Собрание и создаст молодую, свободную, истинно демократическую, республиканскую Россию. Это Собрание серьезно займется аграрным вопросом, укажет путь к прекращению многовекового земельного голода крестьян; там же будет положен конец варварским формам и приемам эксплоатации рабочих. Свободы и прав для народа, все для народа посредством народа — вот наш девиз. Об'единение и вооружение пролетариата — вот наши средства. Социализм — вот наше знамя.

„Итак, да здравствует Учредительное Собрание!

„Да здравствует об'единенный пролетариат всей России!

„Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, под руководством которой пролетариат ведет свою борьбу!"

При каждом из этих лозунгов собрание поднималось с места, потрясая залу громом аплодисментов.

После того собрание снова перешло к обсуждению организационных вопросов.

Пробыв на с'езде некоторое время, петербургские товарищи заявили, что они по делам уходят; один из них обратился к с'езду с прощальным приветствием:

„Я второй делегат Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Прежде чем уйти, хочу в свою очередь сказать несколько прощальных и в то же время приветственных слов. Мы, пролетариат Питера, приветствуем начало вашей борьбы. В этой борьбе мы называем вас своими товарищами, высказывая искреннее пожелание — не отставайте! не останавливайтесь на полпути, а рука в руку, шаг в шаг с рабочим классом идите в его борьбе за политическую свободу, необходимую для всех наций и классов нашей многовынесшей и многострадальной, но теперь

потерявшей терпение родины. Данный момент является минутой всероссийской об'единенной борьбы на пути расчищения душной атмосферы, которая окружает все и, как гиря, висит над всеми нами.

„И с целью, дабы набросить полог организаций на города всей России, мы и посланы Петерб. Сов. Раб. Деп. Товарищи! Борющийся за свое освобождение пролетариат не раз видел в своих передних рядах служащих и рабочих железнодорожников. И теперь, уходя с вашего с'езда, мы глубоко убеждены, что в нужный момент всеобщей политической борьбы вы тоже все будете на своих местах. Итак, до скорого свидания в об'единенных рядах организованного пролетариата!“

Под гром аплодисментов собрание просит уходящих делегатов передать петербургским товарищам свой привет и готовность к борьбе в рядах пролетариата всей России.

— Рабочие Спасо-Сетунской мануфактуры ковровых изделий, собравшись на митинг 17 ноября, постановили: „1) никакими обещаниями правительство гр. Витте не заставит нас доверить ему интересы рабочего класса и трудового крестьянства, 2) рабочий класс вместе с трудовым крестьянством будет всеми средствами стремиться к тому, чтобы было созвано Учредительное Собрание на основах четырехчленной формулы, 3) только Учредительное Собрание удовлетворит экономические нужды рабочих, передаст всю землю в пользование крестьянских общин и установит истинное народовластие в России“.

— Забастовки в Москве представляются в таком виде: завод Бромлей бастует с 8 ноября; крупный машино-строительный завод Гоппера с 9 ноября; товарищество московских металлических заводов бастует с 12 ноября. Администрация крупной фабрики „Доброва и Набгольц“ уволила 25 рабочих. Рабочие попросили принять уволенных обратно и потребовали расчет за два месяца. Вчера забастовали рабочие крупных заводов бр. Кертинг. Рабочие этих заводов установили 8-часовой рабочий день. Администрация об'явила, что будет вычитать с рабочих за прогульные дни, будет штрафовать. Затем администрация заявила, что через четырнадцать дней об'являет расчет. Парфюмерная фабрика Брокар удовлетворила только часть требований, кроме уплаты за время забастовки. Невский стеариновый завод бастует с 3 ноября. Крупные парфюмерные фабрики, как Брокар, Остроумов, Ралле, Чепелевецкий и Сиу, выработали совместно правила об отношениях к своим рабочим. Эти правила признают стачки, болезни и т. п. Но рабочих они вряд ли удовлетворят. В товариществе мануфактуры Бутикова работы прекращены насильно забастовщиками. Две мануфактуры, Голутвинская и Даниловская, бастуют с 12-го, но на последней рабочие стали на работу с сегодняшнего дня. Суконная фабрика Досужева бастует с 12 ноября. Товарищество Вознесенской мануфактуры Константинова возобновило работы с 17 ноября. Рабочие здесь не выдержали забастовки. Не выдержали забастовки и рабочие шелковой фабрики Жира, но фабрика начала расчет и заявила, что закрывается на неопределенное время. Не выдержали месячной забастовки и рабочие фабрики Симона. Администрация согласилась уплатить лишь за первые 6 дней забастовки.

— Забастовали все московские шляпники и картузники, пред'явившие хозяевам требования об увеличении на 20% жалования и сдельной платы. Забастовщики требуют назначения квартирной платы и установления 10-часового рабочего дня в будни и 8-часового накануне праздников. Увольнение рабочего должно производиться с согласия остальных рабочих данной мастерской. Хозяева пошли на уступки и приняли все предложенные условия, кроме последнего.

— 18-го пресловутый с'езд землевладельцев открылся по особому церемониалу. Сначала было отслужено молебствие, а затем все присутствующие хором исполнили „Боже, царя храни“. Совет с'езда был дополнен следующими лицами: графом А. В. Салтыковым, кн. В. Г. Голицыным, кн. А. Г. Щербатовым, кн. А. А. Куракиным, кн. А. А. Ширинским-Шихматовым, графом. В. Ф. Дорер, П. Е. Комаровским, кн. В. А. Голицыным, графом В. П. Орловым-Давыдовым и П. А. Звегинцевым. С'езд начался чтением ряда телеграмм, извещающих почтенное собрание об аграрных безпорядках. Аграрное движение охватило в настоящее время 26 губерний. Юрисконсультом с'езда был избран присяжный поверенный В. Б. Никольский, который тут же произнес речь в защиту самодержавия. Во время этой речи все присутствующие кричали „ура“, некоторые плакали, и все обнимались друг с другом. После речи присяжного поверенного В. Б. Никольского было заслушано приветствие от графа Апраксина (уполномоченный от „Русского Собрания“). Московские газеты принципиально отказываются печатать о заседаниях с'езда, не желая пользоваться услугами „собственного стенографа с'езда“. Впуск в помещение с'езда производится под самым строгим контролем, дабы внутрь не попали „крамольники“.

— С линий почтово-телеграфный союз получил уведомления, что товарищи всюду единодушно откликнулись на призыв союза и решили забастовать. Имеются сведения о предательских действиях некоторых телеграфистов, но это исключительные и единичные случаи.

— Некоторые из московских типографий категорически отказываются печатать произведения, на которых имеются надписи „с разрешения цензуры“ или „с благословения митрополита московского“ и т. д.

— В Москве получено сведение, что священник, присутствовавший на крестьянском с'езде в качестве делегата от трех сел Воронежской губернии, арестован.

— В Стачечный Комитет поступило приглашение присоединиться ко всеобщей забастовке, назначенной на 21 ноября. Предложение это не встречает однако сочувствия. Союз союзов высказывается против забастовки.

— В Москве уже третий день закрыты все винные лавки.

— Городская управа решила послать второму обществу „конок“ ультиматум, что, если только в 8 ч. утра 25 ноября не начнутся рейсы на линиях этого общества, то управа будет штрафовать второе общество по 20 руб. за каждый рейс каждого вагона, долженствующего ходить по линиям общества согласно заключенному с городом контракту.

— Сегодня состоялось совещание представителей банков и банкирских контор, посвященное вопросу о забастовке почтово-телеграфных чиновников. Попутно разговорились и о текущих делах. Констатировано, что за последнее время деятельность банков носит исключительно ликвидационный характер. Банки торопятся обзавестись деньгами, чтобы удовлетворить вкладчиков, массами требующих свои вклады обратно. Учет векселей даже из 9% производится в самых незначительных размерах и на небольшие суммы. Было указано, что забастовка ужасно отражается на деятельности финансовых учреждений. Из-за границы поступают самые удручающие вести о русском кредите. В конце-концов было решено просить почтово-телеграфных чиновников, в лице их стачечного комитета, о прекращении забастовки.

— Состоялось экстренное делегатское собрание представителей московских союзов по поводу ареста представителей крестьянского союза. Постановлено назначить на 23 ноября особый митинг для выражения протеста против происшедшего насилия, а также для рассмотрения вопросов: о положении в Польше и протеста против смертной казни.

— Союз инженеров и техников пред'являет иск к местной администрации, которая при совершении обыска „арестовала“ книжную библиотеку и многие бумаги, считая совершенно излишним, затем, возвратить то, что администрации не принадлежит...

— Сегодня забастовали рабочие более 30 кожевенных заведений, которые пред'явили требования об увеличении их содержания на 4% и обязательно 10-часовой рабочий день; улучшение санитарных условий в заведениях и т. д. Рабочие особенно жалуются на санитарные условия: нечем дышать, мало света и т. д.

— Забастовка чиновников и служащих московского главного почтамта и правительственного телеграфа, начавшаяся с вечера 15 ноября, вчера, 16 ноября, распространилась и на московские вокзалы Московского узла железных дорог.

— Забастовавшие чиновники и служащие главного почтамта и правительственного телеграфа вчера группами ходили по вокзалам железных дорог и требовали закрытия станционных почтовых и телеграфных отделений, снимая служащих в них и работающих в почтовых вагонах раз'ездных чиновников. Отделения тут же закрывались, равно как и почтовые вагоны, при чем двери последних были запечатаны, и для охраны их приставлены сторожа. Почта из Москвы вчера не отправлялась; прибывшая по железным дорогам почта не разгружалась. Не могли быть отправлены и вышедшие номера газет.

— Сегодня опять состоялось собрание официантов. Выяснилось, что рестораторы, торгующие по 2 и 3 разрядам, пошли на уступки и согласились на все условия, пред'явленные официантами. Идут на уступки и владельцы ресторанов 1 разряда. Сегодня открыт трактир Бубнова, в котором служит около 200 официантов. Крайне странно ведут себя владельцы ресто-

ранов „Яр“ и „Эрмитаж“, которые пошли на уступки, но просят обождать. Говорят, что между ними существует тайное соглашение.

— Вчера заседание с‘езда почтово-телеграфного союза происходило во дворе Демидовского дома. В начале заседания явилась полиция и просила прекратить митинг. Тогда с‘езд командировал из своей среды 12 делегатов к почт-директору с просьбою убрать полицию. Почт-директор заявил делегатам, что он ничего не имеет против митинга и что полиции он не думал приглашать. Посланные, вернувшись, передали этот ответ, и тогда присутствующие вторично просили полицейских удалиться, что те и исполнили. Около 12 часов дня с‘ездом были отправлены двое делегатов к московскому генерал-губернатору, который делегатов не принял, а выслал к ним своего чиновника Воронина. Последний заявил, что генерал-губернатор разрешить с‘езда не может, так как разрешение может быть дано только министром внутренних дел. Далее Воронин убеждал делегатов прекратить забастовку, чтобы иметь возможность получить 20-го жалованье, а затем утешил делегатов тем, что впредь собрания почтово-телеграфного с‘езда будут разгоняться нещадно до расстреливания включительно. Впечатление на делегатов эта речь не произвела. На с‘езде было выражено требование уничтожения иностранного отделения, которое, в сущности, является на почте филиальным отделением охранного отделения. Избрана комиссия из 10 членов для выработки экономических требований. В состав комиссии вошли представители разных округов.

— В дневном заседании всероссийского с‘езда делегатов почтово-телеграфного союза было заслушано известие об аресте членов организационного бюро крестьянского с‘езда и вынесена следующая резолюция: „Всероссийский почтово-телеграфный с‘езд выражает свой протест против ареста руководителей бывшего всероссийского крестьянского с‘езда, требует немедленного их освобождения, на основании манифеста 17 октября, и порицает беззаконные действия как петербургских, так и московских властей“. С‘езду было доложено о возмутительном отношении властей к тайне и неприкосновенности частной переписки. Ораторы иллюстрировали свои слова наглядными примерами. По этому вопросу с‘езд вынес следующую резолюцию: „Первый всероссийский с‘езд почтово-телеграфного союза протестует против нарушения тайны частной корреспонденции во всех ее видах, также — задержания ее, осмотра и выемки, помимо постановления судебных властей“. Вопрос о порядке установления бойкота отдельных лиц и учреждений решен таким образом: „Местный комитет после разборки всего относящегося к делу материала решает в принципе вопрос о бойкоте, устанавливает форму его, и затем решение местного комитета вступает в силу лишь по рассмотрении дела окружным комитетом союза“.

— Во всех сегодняшних московских газетах помещено следующее письмо московского градоначальника: „Не откажите поместить в вашей газете, что напечатанная в № 228 „Вечерней Почты“ заметка о том, что барон Медем обещал ходатайствовать в Петербурге за уволенных от службы почтово-телеграфных чиновников, является ни на чем не основанным вымыслом. Барон Медем“.

— Московские банки получили известие из Петербурга, что ходатайство банков об установлении своего почтового сообщения по крайней мере хоть с заграницей встречено правительством сочувственно, при чем для банковской почты разрешено давать особые вагоны и военную охрану.

— 17-го по Москве стали упорно циркулировать слухи, что для почтамта станет работать одна из артелей, обеспечивающая правильное исполнение своих обязанностей крупным залогом.

— Рабочие Спасо-Сетунской мануфактуры ковровых изделий, собравшись на митинг 17 ноября, постановили: „1) никакими обещаниями правительство графа Витте не сумеет заставить нас доверить ему интересы рабочего класса и трудового крестьянства, 2) рабочий класс вместе с трудовым крестьянством будет всеми средствами стремиться к тому, чтобы было созвано Учредительное Собрание на основах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов, 3) только Учредительное Собрание удовлетворит экономические нужды рабочих, передаст всю землю в пользу крестьянских обществ и установит истинное народовластие в России“.

— Арестованный вчера товарищ председателя общества взаимопомощи официантов Пудовкин ныне освобожден и арест его об‘яснен недоразумением.

— В Москве зародились новые союзы: 1) билетеров и вешальщиков, 2) рабочих механического и хирургического инструментального производства.

— В „Олимпии“ состоялся вчера митинг служащих в музыкальных магазинах, на котором было решено присоединиться к союзу торгово-промышленных служащих. Рассматривались некоторые из экономических вопросов и вопрос о положении мальчиков и служащих. Решено бойкотировать следующие издания: „Московские Ведомости“, „День“, „Московский Листок“ и „Русский Листок“. Присутствующие обязались не только самим не читать перечисленных изданий, но и не давать никому из своих близких.

— К с‘езду городских и земских деятелей. Бюро по организации с‘езда заседает ежедневно, и в его работах принимают участие до 10 членов с‘езда, оставшихся в Москве. Первоначальные проекты законоположений о собраниях, союзах, печати и необходимых мерах к обеспечению действительной неприкосновенности личности, согласно манифесту 17 октября, теперь пересматриваются, и в них вносятся дополнения и редакционные поправки. Раньше, чем комиссия для представления гр. С. Ю. Витте выедет из Москвы, И. И. Петрункевич будет иметь беседу с гр. Витте по вопросам, касающимся с‘езда. Кроме представления резолюций с‘езда, комиссия возбудит ходатайство перед гр. Витте об освобождении от ареста членов бюро крестьянского союза.

— Кроме 43 уволенных, прекратили службу 80 телефонисток. В среде забастовавших говорят о том, что будто бы правление общества принимает серьезные меры к тому, чтобы внести в ряды забастовщиков дезорганизацию; правление некоторым забастовавшим инженерам, уже уволенным, вновь предложило выгодные командировки, кому на с‘езд каких-то телефонных обществ в Стокгольме, иным в другие места. Говорят, будто бы эти предложения инженерами отклонены. „Русск. Слово“.

Манифест первого всероссийского почтово-телеграфного с‘езда.

В настоящее время почтово-телеграфная забастовка охватила всю Россию. Совершенно излишне доказывать, сколь серьезными последствиями угрожает она государственной и общественной жизни страны. Перед лицом всего русского трудящегося народа первый всероссийский почтово-телеграфный с‘езд заявляет, что всякую ответственность за все эти последствия он возлагает на русское правительство, в лице министра внутренних дел г. Дурново. Случилось и на этот раз то самое, что неизбежно должно было случиться при господстве современного самодержавного бюрократического режима и что уже неоднократно случалось в других областях. Мы, работники почт.-телегр. дела, бастуем не потому, что это нам приятно или выгодно, а потому, что не можем поступить иначе и не можем дальше выносить того, что выше наших сил. Мы доведены до крайних степеней изнурения нашей почти беспрерывной и напряженной работой. Мы принуждены продавать все свои силы за грошевое жалованье, находясь весь наш век на положении безответных рабов, которые обязаны беспрекословно исполнять всякие приказания всесильного и бесконтрольного начальства вплоть до постыдного перехватывания чужих писем и других явных нарушений закона. Мы обязаны молча взирать на то, как главное управление почт и телеграфов всевластно и без нашего согласия распоряжается миллионами наших трудовых денег (эмеритальная касса), мы уже много лет тщетно добиваемся возврата нам нескольких миллионов процентов, успевших нарасти до настоящего времени на эти наши деньги. Неся на себе тяжелую, непосильную работу, часто связанную с опасностью для нашей жизни, мы принуждены со страхом ожидать наступления старости, которая почти для всех нас сопряжена с нищетой. Мы живем, не видя никаких просветов ни в настоящем, ни в будущем и постоянно встречая всякие препятствия со стороны начальства в наших стремлениях к улучшению не только нашего существования, но и самого дела. Бывает же предел всякому терпению! Мы терпели, мы просили, мы „ходатайствовали“, мы доказывали, но все наши голоса глохли где-то в министерских канцеляриях; с своей стороны наше начальство сделало все, чтобы наглядно доказать нам, что все

избранные нами способы при ныне существующих политических условиях совершенно не могут привести к намеченной нами цели. Только тогда, после долгих размышлений и колебаний, мы, как и весь рабочий народ, вынуждены были прибегнуть к забастовке. Мы, как и другие, не могли не понять, что никакие улучшения нашего положения совершенно невозможны без коренных преобразований России. Мы, как и другие, не могли не присоединиться к общенародным политическим требованиям, отчасти нашедшим свое отражение в манифесте 17 октября. Мы, как и другие, на своем собственном горьком опыте очень быстро убедились, что толкования манифеста находятся в руках того же министра внутренних дел, бывшего сотрудника Плеве, и что собственной властью и произволом этого министра манифест для нас вовсе отменен. Таким образом, мы, работники почтово-телеграфного дела, произволом министра лишены права быть русскими гражданами. Мы лишены теперь г. министром права соединяться в союз; заседания нашего с'езда ежедневно пытается разогнать полиция, а наших представителей увольняют без прошения со службы. Кто же истинный виновник почтово-телеграфной забастовки, от которой в настоящее время страдает вся страна? Неужели в ней виноваты те самые работники, которые всю ее тяжесть несут прежде всего на своих же плечах? Пусть нас обвиняет правительство, нас оправдает трудящийся народ! Мы смело выставляем на нашем знамени те самые экономические и политические требования, которые уже выставлены на его знаменах. И мы верим, что они будут выполнены, потому что эти требования не только наши, но всего трудящегося народа.

Организационное бюро первого всероссийского делегатского с'езда почтово-телеграфных работников.

Почтово-телеграфная забастовка.

— 18 сего ноября к председателю совета министров являлись депутаты от с'езда почтово-телеграфных чиновников, но не были приняты, при чем от имени графа С. Ю. Витте им было передано, что действия почтово-телеграфных чиновников, выразившиеся в забастовке, составляют проступок против долга и нарушают основные понятия государственной службы; ни в одной цивилизованной стране не допускаются подобные поступки, и повсюду к устранению их были бы принимаемы меры правительственного воздействия; председатель совета министров не считает возможным ни принять, ни выслушать явившихся к нему лиц и рекомендует им обратиться к непосредственному их начальству (СПА).

— К почтово-телеграфной забастовке. 18 ноября на главном телеграфе работы производили лишь 50 телеграфисток из постоянных служащих и курьер Колмач, работавший также по передаче депеш. Все усилия заставить их забастовать оказались тщетными. Вчера из всех петербургских почтово-телеграфных отделений работали лишь 2-е, 7-е, 33-е и 53-е. 18-го днем служащие указанных почтово-телеграфных отделений были сняты, и отделения закрылись. Почтово-телеграфные отделения с 18 ноября не работали, за исключением газетной экспедиции на Варшавской дороге, которая днем была также снята. На Николаевском вокзале депутатов от чиновников встретили войска, но почтамт и телеграф были все-таки сняты. Работает лишь телеграф при министерстве путей сообщения под надзором солдат и 25-е отделение (на Фонтанке). Около главного почтамта весь день толпятся чиновники, курьеры и сторожа. Выбиты окна у чиновника Хреновского (в здании почтамта). В общем забастовка проходит спокойно. К забастовавшим чиновникам присоединились 500 сторожей почтамта, требующие увеличения с 12½ руб. до 30 р. в месяц, форменную одежду и человеческое к себе отношение. К забастовщикам присоединилось 100 почтовых и 70 телеграфных учеников, требующих также улучшения своего положения. Почтово-телеграфные чиновники требуют освобождения из-под ареста своих депутатов: И. Муравского, Н. Павлова и г. Вдовина.

— В главном почтамте 18 ноября работы почти не начинались. В 9 час. утра на работу явились экспедитор Колчев, Зороглова и Микульша. В 2 часа дня были сняты с работы служащие старого городского почтового отделения (Загородный, 14). Заведующий отделением г. Сленков грозил арестовать пришедших снимать с работы делегатов почтово-телеграфного союза. Чиновник Шмидт, когда к нему обратились со словом: „Товарищи, кончайте работу“, ответил: „Какого чорта вы нам товарищи“...

— Во время прекращения работы в главном почтамте в зал ворвался помощник пристава второй Адмиралтейской части шт.-кап. Пырский с криком: „Убирайтесь вон, а не то заставлю стрелять“.

— 18 ноября главный почтамт весь день охранялся войсками.

— Явившимся на работу 18 ноября нескольким почтово-телеграфным чиновникам помощн. директора главного почтамта Хреновский заявил, что работы начнутся не ранее вторника.

— 18 ноября днем в почтовом отделении Николаевского вокзала прием заказной корреспонденции производился беспрепятственно. В телеграфном правительственном отделении находилось на дежурстве несколько женщин-телеграфисток, которые, однако, к работе не приступали, ибо бастовала главная контора. У кассы пассажирских билетов вывешено об'явление, что продажа билетов на станцию Севастополь временно прекращена.

— 17 ноября в 8 час. веч. в помещении Вольного Экономического Общества состоялось многолюдное собрание почтово-телеграфных служащих. Присутствовало не менее 700 человек. Настроение собравшихся приподнятое и бодрое. С глубоким вниманием выслушиваются и покрываются бурными и страстными аплодисментами речи ораторов, призывающих к борьбе за свои человеческие права...

Особенно сильное впечатление произвела на присутствующих речь старика-служащего, подчеркнувшего историческое значение этой специальной забастовки, как нового фактора борьбы не только в России, но и Европе, и призывавшего всех женщин занять товарищеское место в общих рядах борцов за свободу...

Представитель Совета Рабочих Депутатов в горячей речи призывал новых союзников пролетариата стойко и самоотверженно бороться за свои права путем единодушной забастовки. Оратор указывает, что почтово-телеграфные чиновники выступают на арену борьбы при сравнительно благоприятных условиях. Твердыня самодержавия рухнула под натиском революционного пролетариата, остается закрепить захваченные позиции, и тогда настанет светлое будущее...

Один из ораторов указывает, что само правительство указало почт.-телеграфн. чин. тот путь, при помощи которого они должны бороться. Запретив им организоваться в союзы, арестовав их делегатов, поместив в „Правительственном Вестнике“ пресловутое „правительственное сообщение“, — оно ясно дало всем понять, что единственный способ защитить свои права — это общая почтово-телеграфная забастовка...

Бурю восторгов вызывает у собрания нижеследующее оглашаемое председателем письмо французского почтово-телеграфного союза:

„Товарищи - россияне!

„Служащие почтово-телеграфных учреждений Французской республики с живейшим сочувствием услышали о вашем выступлении на борьбу за свои гражданские и служебные права. От всей души приветствуя вас, мы выражаем горячее желание вашей полной победы. Нам известно ваше материальное положение и ваша неподготовленность к начатой борьбе, поэтому мы позволяем себе предложить вам немедленно устроить всемирную почтово-телеграфную подписку для образования забастовочного фонда“.

В ответ на это письмо собрание постановило послать французским товарищам следующее письмо:

„Товарищи - французы! Мы вас от всей души благодарим за ваше желание притти нам на помощь. Мы убеждены, что мы все достигнем общей цели, если будем едины в борьбе за наши идеалы. Высказываем горячую благодарность за поддержку, которую будем все всегда оказывать друг другу в тяжелые минуты“.

Собрание единогласно постановило обратиться ко всему русскому обществу и ко всем общественным организациям с призывом поддержать борьбу почтово-телеграфного союза за их попранные гражданские права, указав на ту громадную роль, которую его выступление сыграет в освободительном движении.

В заключение собранием была принята следующая резолюция: „Петербургское отделение всероссийского союза почтово-телеграфных служащих считает для себя обязательным решения делегатского с'езда в Москве и тех организаций, которые он из себя выделит, и об'являет всеобщую забастовку впредь до прекращения ее делегатским с'ездом".

Для образования забастовочного фонда собрание решило отчислять 3% своего месячного жалованья.

На улице около здания Вольно - Экономического Общества все время, пока происходило собрание, гарцовали конные жандармы и городовые.

Хроника.

— В заседании совета министров от 16 ноября по вопросу об открытии высшеучебных заведений решено было не открывать высших школ и не возобновлять в них занятий вовсе в этом полугодии. Это постановление доведено было до сведения начальников конфиденциальным путем. Им также сообщено было, что вряд ли можно ожидать возобновления занятий и в будущем полугодии; студентам выдается отпуск до 15 января.

— Среди членов центрального комитета конституционно-демократической партии, в состав которого входят наиболее „радикальные" элементы партии, существует разногласие не только по вопросу об Учредительном Собрании, но и о прямом избирательном праве. Некоторые члены комитета склоняются к мысли, что Россия еще не доросла до прямых выборов...

— Торг продолжается. На-днях г. Витте пригласил к себе одного из видных деятелей конституционно-демократической партии, весьма любезно откликнувшегося, конечно, на приглашение временщика, и имел с ним продолжительную беседу о современном политическом состоянии России. Между прочим, г. Витте сообщил, что им получена от одного видного общественного деятеля, фамилию которого он счел неудобным назвать, обширная докладная записка о необходимости немедленно сместить 24 губернатора. Ознакомившись с этой запиской, г. Витте, по его словам, безусловно согласился с автором ее, что указанных губернаторов нельзя терпеть ни одной минуты. „Но войдите в мое положение,—патетически восклицал г. Витте,—мне некем заменить этих губернаторов, никто ко мне не идет, никто не желает занимать губернаторских постов. Не могу же я оставить Россию без губернаторов, и волей-неволей мне приходится держать на службе заведомых негодяев. У меня 10.000 советников и ни одного помощника. Поверьте хоть вы мне, что положение мое самое отчаянное, и помогите мне". Собеседник г. Витте обещал со своей стороны сделать все возможное, чтобы уничтожить „пропасть" между конституционно - демократической партией и председателем совета министров. Но для этого, заявил он, граф должен пойти на некоторые уступки... Торг, стало-быть, в полном разгаре.

— В военно-окружном суде. Дело о покушении на убийство бывшего генерал-губернатора разбиралось в военно-окружном суде 18 ноября при закрытых дверях.

Представители печати обратились к председательствовавшему в заседании генералу Арбузову с заявлением следующего содержания:

„В виду современного положения печати и важности слушающегося сегодня дела, те или иные сведения о нем, несомненно, в печати появятся. Мы, представители петербургской периодической печати, в виду высочайшего манифеста 17 октября, просим вас разрешить нам присутствовать на заседании".

Заявление это подписали сотрудники: „Новой Жизни", „Нашей Жизни", „Биржевых Ведомостей", „Петербургской Газеты", „Петербургских Ведомостей", „Слова" и „S.-Pb. Zeit.".

На заявление получен был следующий ответ от председательствовавшего: „В виду постановления распорядительного заседания суда от 1 ноября сего года о слушании дела во всем его об'еме при закрытых дверях, не имею права допустить в заседание посторонних лиц, хотя бы представителей печати. Ген.-м. Арбузов".

— От'езд сенатора Кузьминского. Сенатор Кузьминский, командированный по высочайшему повелению в г. Одессу, в пятницу выехал по назначению. От очень осведомленного лица, близко стоящего к сенатору, мы узнали, что инструкция, данная сенатору, была выработана советом министров и предоставляет ему очень широкие полномочия в отношении предания суду должностных лиц, виновных в октябрьском погроме. Расследование продолжится, по предположению г. Кузьминского, от 3 до 4 недель.

— Союз приказчиков доводит до сведения товарищей-приказчиков членов союза, что для входа на общее собрание, имеющее быть 20 ноября с 10 час. утра, в здании Соляного Городка, необходимо пред'являть повестку с печатью союза приказчиков. Лица же, имеющие повестки без печати союза, допускаться ни в коем случае не будут.

— Варшавское бюро всероссийского железнодорожного союза публикует фамилии тех служащих в службе движения Привислинских железных дорог, которые подписали гнусную телеграмму, сообщенную во вчерашнем номере „Новой Жизни", в отделе „Профессиональные союзы".

Вот эти лица: Проскуряков, Строков, Матвеев, Хмельницкий, Соколов, Карпов, Грелов, Шепелев, Колпаков, Копплъ и Рыжов.

— Благодарность „за хорошее поведение" В „Собрании узаконений и распоряжений правительства" от 18 ноября опубликовано распоряжение, об'явленное министерством финансов правительствующему сенату, об избрании на 1906 г. газеты „Новое Время" для помещения в оной „всякого рода публикаций".

— В течение последних дней главным управлением по делам печати выдано разрешение на издание в Петербурге 26 новых газет. Разрешения выдаются с большим удовольствием. Главное управление, повидимому, весьма довольно, что некоторые лица признают его существование.

— Камарилья и не думает об уступках. Ставленник ее, управляющий министерством внутренних дел Дурново, опозоренный и ошельмованный всей страной, совещается с военным министром Редигером о том, как бы лишить газеты возможности печатать сведения о солдатских восстаниях.

— Цензура умирает. По всем учреждениям главного управления по делам печати разослан циркуляр о предстоящем сокращении штата служащих.

— Младшие счетоводы экономического отдела министерства путей сообщения предполагали составить петицию об улучшении своего положения, об увеличении жалованья (теперь они получают 600 р.) и т. д. Старшие счетоводы, получающие по 3.000 р. в год, сообщили своевременно „куда следует" о замыслах своих младших товарищей. В результате экономический отдел был временно закрыт. Главный начальник отдела пр.-доц. Грибовский (сотрудник „Слова") предложил младш. счетов. достигнуть соглашения со старшими счетов., так как он не хочет оказывать на них никакого давления. Старшие же счетоводы с уменьшением своих окладов совершенно не согласны. Положение чиновников отдела неопределенное.

— На-днях в отделе сельско-хозяйственной статистики главного управления земледелия и землеустройства чиновником особых поручений Дм. Мих. Бодиско пачками раздавались курьерам черносотенские воззвания „Свящ. союза народной самоохраны". Раздававший просил распространять их возможно шире.

— 18 ноября прибыла в Петербург депутация с'езда земских и городских деятелей в составе: Ф. Ф. Кокошкина, С. А. Муромцева и И. И. Петрункевича для „переговоров" с г. Витте.

— Служащие Спб. о-ва страхований вопреки желанию администрации, которая „почему-то" упорно противодействовала их намерению, собрались для обсуждения возмутительного факта введения полиции в здание о-ва для ареста депутатов Стачечного Комитета союза конторщиков и вынесли резолюцию, которая опровергает напечатанное в газетах заявление администрации, будто „полиция явилась по собственной инициативе". Не имея пока данных назвать определенно лицо, сыгравшее роль доносчика, и выяснить, действовало ли оно по личной инициативе или же под давлением кого-либо из администрации, служащие об'являют этому поступку свое презрение. Интересно, что администрация с своей стороны также ждет, но не того, кто привел полицию, а того, кто из служащих сообщил об этом возмутительном факте печати (появились заметки в „Новой Жизни" и „Нашей Жизни") с тем, чтобы выбросить за двери общества это лицо, по мнению начальства, „вредящее делу".

— 17 ноября в частном манеже на Николаевской улице состоялось собрание старших дворников 3 участка Московской части, посвященное вопросу об отделении дворников от администрации. На собрание проник пристав 3-й части и пытался убедить дворников, что ему, как „отцу", можно доверить их ходатайство перед высшим начальством. Дворники, однако, не прониклись отеческими чувствами пристава и решили отложить вопрос на неопределенное время, чтобы потом обсудить его при более благоприятных условиях. Сотрудники газет на собрание не допускались стоявшим у дверей собрания приставом.

— На бирже. Понижательное настроение на бирже 18 ноября продолжалось. Дивидендные бумаги, еще державшиеся накануне, сильно поколебались. Насколько сильное влияние оказали события в Севастополе и почтово-телеграфная забастовка на настроение финансовых сфер, видно из состояния ренты во время главных поражений минувшей войны и теперь:

После сдачи П.-Артура	89
„ Мукдена	89½
„ Цусимы	83½
17 ноября	79
18 ноября	78

Подобное падение ценностей не наблюдалось даже в турецкую кампанию. Многие заводы получили телеграфные сообщения, что в виду небывалого падения русских ценностей, грозящего общим финансовым крахом, они принуждены временно воздержаться от торговых сношений с этими заводами.

— 19 ноября в 8½ ч. вечера в зале о-ва архитекторов (Мойка, 83) состоится собрание окончивших Рижский политехнический институт по поводу инцидента между профессорами и студентами названного института.

— В дополнение ко вчерашней заметке, что начальник главного управления почт и телеграфов г. Севастьянов получил десять тысяч рублей на ремонт своей квартиры, мы узнали, что кроме этого им на-днях было получено от своего высшего начальства еще 1500 руб. за забастовочные дни, в виду вздорожания провизии. Очевидно, из всех революционных требований своих сослуживцев г. Севастьянов признает лишь получку вознаграждения за забастовочные дни, конечно, лишь в той степени, посколько оно касается его лично.

— Дело Е. А. Шабельской. 22 ноября в третьем отделении С.-Петербургского окружного суда будет слушаться дело Е. А. Шабельской, обвиняемой в подлоге векселей на сумму свыше 100.000 р. от имени бывшего товарища министра финансов В. И. Ковалевского. В качестве свидетелей по делу выступают: А. С. Суворин, О. К. Нотович, Н. А. Скроботов, А. В. Амфитеатров, директора для внешней торговли банка — братья Рафаловичи, Нобель и др.

— Центральное бюро с.-петербургских профессиональных рабочих союзов помещается, начиная с субботы 19 ноября, в Соляном Городке, вход с Пантелеймоновской. По всем делам, касающимся профессиональных рабочих союзов, обращаться по будням от 7 до 9 часов вечера, по праздникам от 10 до 12 утра.

— Заседание центрального бюро профессиональных рабочих союзов состоится в пятницу, в 8 часов вечера, в помещении Технического общества (Соляной Городок). Помимо делегатов, получивших повестки, просят союзы, еще не присоединившиеся, прислать по два уполномоченных. Заседание закрытое.

— Бюро союза рабочих печатного дела устраивает собрание переплетчиков в субботу, 19 ноября, в Соляном Городке (Пантелеймоновская, 2). Начало в 7 час. вечера.

— В понедельник, 21 ноября, в 3 часа дня состоится собрание фото-цинкографов в помещении бюро союза рабочих печатного дела (Торговая, 25, кв. 2).

— Часть слушателей военно-юридической академии отправлена в Кронштадт для присутствования при разборе дела о тамошних беспорядках.

— Стараются! Обращаем внимание союза инженеров и техников на нижеследующий циркуляр начальника Спб.-Варшавской ж. д. инженера Валуева.

„М. П. С. Правление С.-Петербурго-Варшавской ж. д. Канцелярия, 12 ноября 1905 г. № 127. О доставлении списка агентов, кои не являлись на службу в дни последней забастовки служащих.

„Из докладов начальников служб по поводу последней политической забастовки служащих, последствием которой было временное прекращение движения поездов на Спб.-Варшавской ж. д. (с 2 по 7 ноября), я пришел к убеждению, что вообще большинство агентов являлось на службу и занятия, где это было возможно, шли беспрерывно, но, к сожалению, нашлась хотя и незначительная группа штатных служащих, умышленно уклонившихся от занятий.

„В виду этого, прошу гг. начальников служб сообщить мне, в каких службах, отделах и станциях линии это имело место, и доставить именные списки агентов, умышленно прекративших занятия, для удержания с таких лиц за дни забастовки жалованья, причитающегося им к уплате в текущем ноябре месяце. Начальник дороги, инженер Валуев. Правитель канцелярии К."

— В первой половине октября во время восьмидневной забастовки служащими I и II групп с.-петербургских конно-железнодорожных дорог, городской управе была подана петиция с требованием об улучшении их экономического быта. Управа обещала удовлетворить пред'явленные требования не позже 1 ноября. Между тем, требования эти до сих пор не удовлетворены. В виду этого представители служащих этих групп (с 1 ноября обе группы соединены в одну) на частном своем совещании 13 ноября постановили: „Если до 1 декабря 1905 года требования, изложенные в петиции, не будут удовлетворены, то не позже первой половины декабря устроить всеобщую забастовку по всем линиям конно-железных дорог Петербурга, впредь до удовлетворения изложенных в петиции требований".

Из партийной жизни.

I. Петербургский Комитет постановил пересоздать партийную организацию в Спб. по принципу выборности всех учреждений от низу до верху.

II. Не предрешая деталей плана, Спб. Комитет предлагает всем членам партии приступить немедленно и самым энергичным образом к созданию более широких, новых, низших учреждений партии, не стесняясь формой (с.-д. клубов, с.-д. заводских собраний, с.-д. групп и т. п.).

Новые партийные организации приглашаются немедленно выбрать свои правления, начать работу и приступить к созданию высших местных учреждений партии.

III. Спб. Комитет распустится и сдаст полномочия новому местному центру, когда указанная организационная работа приведет к его созданию.

П. К. Р. С.-Д. Р. П.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

В 6-й гимназии. Целый ряд требований воспитанников об открытии гимназии, пред'являемых и директору и попечителю округа, не был удовлетворен: с 12 ноября 6-й, 7-й и 8-й классы закрыты. Совет старост решил открыть гимназию для занятий собственной властью с 18 ноября. В виду такого решения ученики старших классов были приглашены в этот день в Екатерининский сквер, откуда, после незначительного сопротивления полиции, они проникли в помещение гимназии и составили сходку. После выяснения возмутительной роли директора Мора, сходка пришла к заключению о необходимости требования его удаления из гимназии. Решено по этому поводу апеллировать посредством особых обращений к родителям и к обществу.

— 17 ноября в спб. 5-й гимназии состоялась сходка. В начале сходки была почтена вставанием память погибших борцов за свободу. В виду отказа со стороны педагогического совета допустить старост на свое заседание при обсуждении ученических требований, сходка решила провести явочным порядком ряд требований, между которыми находятся следующие: 1) ученикам принадлежит право свободных сходок; 2) в свободное от занятий время в помещении гимназии, по усмотрению совета старост, устраиваются лекции, рефераты, собрания и вечеринки; 3) по соглашению с отдельными преподавателями ввести в старших классах репетиционную систему преподавания; 4) греческий язык в VIII классе необязателен; 5) число уроков по латинскому языку сокращается до двух и т. д. Кроме того, сходка поручила

совету старост при первой возможности провести в жизнь следующие требования: 1) отмена процентных ограничений при поступлении в гимназию товарищей-евреев; 2) введение в гимназический курс старших классов социально-политических и естественных наук, а также черчения и рисования, как предметов необязательных; 3) уменьшение платы за обучение. Сходка закончилась пением марсельезы. 18 ноября приступили к проведению в жизнь требований, которые было решено провести явочным порядком. Настроение у всех учащихся повышенное.

Организационное бюро слушательниц высших женских курсов просит исправить неточности в заметке о неудавшемся реферате в здании курсов 15 ноября, искажения действительности:

1) Бюро не просило публику разойтись, а сочло своим долгом заявить о приходе и угрозе полиции товарищу-референту, которым и был поставлен на обсуждение и баллотировку вопрос о распущении собрания, результатом чего было решение собрания разойтись, вынеся резолюцию протеста.

2) Сделанное после указанного решения заявление о „разрешении“ директора курсов продолжать собрание исходило не от организационного бюро, а от частных лиц, превратно истолковавших слова директора, что и было опровергнуто самим директором по просьбе организаторов собрания (меньшевист. группы)

3) Хотя на улице действительно было всего несколько полицейских, зато двор был наводнен солдатами.

Таким образом очевидно, что впечатление корреспондента, кто были „истинные виновники, сорвавшие собрание“, — неверно.

— Студенты IV курса Петербургского историко-филологического института на сходке 7 ноября постановили не начинать занятий до тех пор, пока им не будет гарантирована возможность устройства митингов.

В армии.

Приказ командующего по 2 гвардейской пехотной дивизии ген.-майора Троцкого.

„Бывший музыкантский ученик, ныне рядовой 2 роты лейб-гвардии Гренадерского полка Иван Мочалин, получив вне полка одну из прокламаций революционной партии (речь идет об „Известиях Совета Рабочих Депутатов“), не только не представил ее начальству, но, возвращаясь в полк, предложил таковую для прочтения встретившемуся с ним на полковом дворе рядовому 13 роты Тимофею Осмачку.

„Будучи малограмотным, Осмачка передал прокламацию для прочтения рядовому своей же роты Митько, а когда этот последний признал содержание прокламации преступным, то Осмачка разорвал прокламацию и бросил ее в отхожее место. На другой день по возвращении со службы рядовой Осмачка, посоветовавшись с рядовым Митько, доложил обо всем своему взводному.

„За правильное понимание своих обязанностей и честное отношение к своему делу произвожу рядовых Осмачку и Митько в ефрейторы. Рядового же Ивана Мочалина предписываю арестовать на один месяц смешанным арестом и впредь до увольнения в запас установить за ним в роте особый надзор, не отпуская его до поздних часов со двора“.

Любопытно, в какой чин будет произведен за „правильное понимание своих обязанностей“ ген.-м. Троцкий?

— Распространившиеся в городе слухи об освобождении 140 арестованных солдат электротехнической роты, как мы узнали из достоверного источника, лишены всякого основания.

В понедельник 14 ноября в 18-м, 14-м и 8-м флотских экипажах были распространены нижеследующие требования матросов:

От матросов.

Находя существующий порядок нашей жизни невозможным, мы, матросы Балтийского и Черноморского флота, пред'являем к высшему начальству и на суд общества следующие требования:

а) Увеличить отпускаемые теперь приварочные деньги с 8—6 к. в день на человека до 15 коп., т. к. в настоящее время мы пользуемся только плохим обедом, не имея ужина.

б) Все продовольствие должно быть в распоряжении команды, которая выбирает по одному артельщику от роты, которые и покупают все пищевые продукты, без участия гг. офицеров, под контролем выбираемой командой комиссии. Деньги на довольствие должны храниться у казначея экипажа. Всякая экономия от довольствия должна быть употреблена на улучшение пищи по усмотрению команды.

в) Ротные харчевые суммы не должны превышать 300 рублей, а имеющийся излишек должен быть по усмотрению команды употреблен на улучшение быта матросов. Чарка, канцелярские ротные принадлежности, мелкий ремонт рот и ротное имущество не должны приобретаться на ротные харчевые суммы. Огород не должен существовать, а все отпускаемые на него от казны суммы поступают в прибавление к продовольствию, и те же артельщики покупают необходимые овощи.

Ежемесячно выдавать на каждого $^1/_4$ фунта рассыпного чая и три фунта сахару.

г) Для варки пищи должны быть введены паровые котлы по образцу новых казарм 8 флотского экипажа. В помещении столовой, которая должна быть изолирована от кухни, ввести образцовую чистоту — тарелки для каждого и столы по образцу столовой штаба сводного отряда в Петербурге.

д) Баня с мылом должна быть на счет казны, а также и стирка белья в специальных машинах.

II.

а) Ежегодно должно выдавать в полное распоряжение каждого два срока существующего обмундирования, но из материалов высшего качества. Носильного белья выдавать по три пары в год, при чем нательные рубахи должны быть так называемые нагасакские, все обмундирование должно быть аккуратно пригнано каждому в экипажных швальнях или делаться по заказу.

б) На обувь должны выдаваться деньги в количестве не менее 12 рублей каждому на руки по полугодно.

в) При увольнении в запас выдавать каждому по 25 руб. на покупку статского платья.

III.

В казармах повсюду должно быть введено: паровое отопление с соответствующей вентиляцией, везде электрическое освещение, теплые коридоры, деревянные крашеные полы с дорожками в проходах; для всех, вместо нар, койки со шкафиками по образцу некоторых экипажей; опрятные и теплые отхожие места; окраска стен в рост человека масляной краской.

IV.

Срок службы должен быть не более 4 лет. Молодых матросов следует основательно обучать грамотности, относясь к ним гуманно, как к пришедшим получить от службы полезные знания для дальнейшей жизни. Специалистов не следует задерживать для береговой службы.

V.

Каждый матрос на берегу и в море должен получать не менее 7 руб. в месяц жалованья. Половина заработанных денег поступает в распоряжение команды на улучшение пищи, а другая на руки работавшим.

а) Справка должна быть в 9 час. утра, так как все наряды исполняются с 12 час. дня. Ворота для всех свободных от службы должны открываться во всякое время.

Посторонние лица не должны иметь препятствий для посещения казарм.

б) В библиотеках, которые должны быть при каждом экипаже, следует иметь всю современную литературу и возможно большое количество наиболее распространенных газет и журналов.

в) Следует ввести общеобразовательные и специальные курсы по желанию команды.

Разрешить бесконтрольное собрание и сходки нижних чинов для обсуждения своих нужд. Разрешить женитьбу нижних чинов на действительной службе.

VI.

Гг. офицеры должны обращаться с нижними чинами вежливо и обязательно на „вы“, существующие формы разговоров упразднить и допускать свободный разговор нижних чинов с офицерами.

а) Титулование и отдание чести гг. офицерам вне службы не обязательно. Не взыскивать за ношение статского платья вне службы.

б) Вестовых от гг. офицеров отобрать.

Заключение в одиночных карцерах должно быть отменено, а проступки наказываются неувольнением за ворота или стоянием под винтовкой.

в) В течение 4-летней службы каждый должен пользоваться отпуском в 3 месяца на родину с проездом на счет казны.

д) Вся почтовая корреспонденция должна пересылаться бесплатно, как это введено для мобилизованных частей.

VII.

Следует обязательно удалить со службы всех сверхсрочнослужащих нижних чинов и кондукторов флота.

Должны быть освобождены все политические и против религии преступники из нижних чинов. Тех людей, принадлежащих к команде броненосца „Князь Потемкин Таврический“, которые вернутся в Россию, не преследовать законом. Разрешить нижним чинам свободное посещение всех публичных мест, а также собраний, сходок и митингов.

Все нижние чины должны пользоваться одинаковыми правами со всеми гражданами в общественной жизни страны.

VIII.

Настоящие требования, вследствие стесненного положения, при котором они собирались, могут иметь важные пропуски, а потому мы приглашаем наших товарищей, имеющих что-либо добавить, поместить свои добавления также печатно.

Приглашаем также и всех товарищей — нижних чинов армии— присоединиться к нам и полностью высказать свои нужды.

Требовиния эти в тот же день сделались известны морскому начальству. Во вторник, как говорят, в экипаж приезжала комиссия офицеров. Пока что в 14 экипаже полностью удовлетворен 2-й пункт требований.

М. г. г. редактор. От души благодарим Вас, что Вы поместили ту и другую наши статьи и излагаем Вам следующие два инцидента. 1) 6 ноября с. г. нас вообще как будят по положению в 6 час. утра, мы кое-как попили чаю, как говорится во флоте „по горячке“, т. е. кто успел напиться чаю, а кто и нет, и потом в 6 ч. 20 м. утра нас погнали на двор; но для чего мы этого не знали, отсчитавши 13 человек отправили т. е. „погнали“, как скот в новую Голландию, что стоит на Адмиралтейском канале. Придя туда, мы не знали для какой цели мы пришли; подошло время к 11 час. дня т. е. обед на флоте, конечно мы придерживаемся флотскому порядку. Тогда мы стали просить старшего квартирмейстера Филиппенко, чтобы он нас вел на обед, но в это время пришел баталер Цитко, который заведывает приемом провианта, он был все это время в трактире, так что он был и сыт и пьян; но мы между прочим были голодны. Мы обратились к нему с просьбою чтобы он нас отпустил на обед, но он на эту просьбу сказал так: „Я вас продержу до 3 часов дня, и вы должны принять провиант, а тогда пойдете обедать“, что нас сильно покоробило, и мы все пошли своевольно обедать, за что теперь и преданы суду, как бунтовщики.

2) 16 ноября с. г. вечером мы содержащиеся под караулом, как отданные под суд, получили в 6 ч. вечера ужин. При этом матрос 2 роты Пав. Чесноков получил ужин подобный помоям; Чесноков заявил, что этот ужин не хорош, потребовал дежурного офицера лейтенанта Мясоедова-Иванова, который и не замедлил явиться. Первое, что он спросил, это зачем его „побеспокоили?“ Ему об'яснили причину, тогда он вдруг начал подступать к Чеснокову с кулаками, не разберя в чем дело, конечно, он не ударил его, потому что Чесноков во-время отошел от него со словами: „Бить нельзя, а отправь куда следует, если я виноват“, за что он его хотел арестовать, но благодаря своим товарищам этого не сделал. В это время принесли ужин вторично, но он был подменен и вслед за ужином пришел и фельдфебель Петр Иванов, который и начал уверять, что вся пища варится одинаково; между тем тот, кто приносит ужин, слышал распоряжение фельдфебеля Иванова, чтобы ужин давали „арестантам“ самый наихудший. Мы просим Вас войти в наше положение и обратить внимание, как о матросах так и о армии. Неужели все эти притеснения будут продолжаться долго, пора все это кончить, мы ждем перемен в нашей жизни и освобождения от этого тяжелого ига. Граждане, вторично просим вас помочь нам

Матросы.

Профессиональные союзы.

Союз работников телефонного дела.

Городская управа и управление телефонной сети, признавая союз тружеников телефонного дела вредным явлением, решили совершенно игнорировать интересы и требования этого союза. Такое отношение городской управы только сильнее побудило молодой союз сплотиться и настоятельно требовать удовлетворения их общего желания — возвращения уволенных товарищей. Для окончательной выработки программы действий рабочие и служащие телефонной сети собрались 18 ноября в выставочном помешении Технического общества и, под председательством Н. Н. Константинова, устроили митинг.

В собрание явились делегаты от почтово-телеграфных служащих и в ярких словах охарактеризовали сущность и цель первой всероссийской почтово-телеграфной забастовки. Собрание единодушными аплодисментами приветствовало ораторов.

Представители от городских общественных управлений в своих речах указывали на необходимость всем служащим, одинаково эксплоатируемым городским управлением, организовать общий союз.

Затем И. К. Лебедев доложил собранию о тех доводах, коими руководствовалась управа при исключении со службы двух инженеров. Мотивы заключаются в том, что управа должна была бы по контракту заплатить штраф в размере 300 р., если бы не уволила этих лиц. И. К. Лебедев предложил товарищам собрать между собой эти деньги, если только это обстоятельство является препятствием к возвращению товарищей на службу.

Собрание единогласно выразило согласие, но один из присутствующих абонентов М. Г. Колонна-Бэрлинский просил присутствующих разрешить ему собрать эту сумму среди знакомых абонентов, на что собрание ответило громким „спасибо“.

В заключение собрание единогласно приняло следующую резолюцию:

„Союз работников телефонного дела г. С.-Петербурга, образовавшийся явно и гласно в присутствии представителей печати и гласных думы, признает себя вполне законной и правомочной организацией. Поэтому союз энергично протестует против образа действий городской управы и городского головы, стремящихся игнорировать союз, не отвечая на его письменные заявления и запросы. Выставив вполне определенные, в резолюциях и программе, цели его деятельности и свои справедливые требования, союз до сих пор не получил никакого удовлетворения.

„Вновь настаивая на возвращении своих несправедливо уволенных товарищей: Н. А. Жданова, Н. Н. Константинова, Е. З. Евангулова, А. И. Чижова, Иозуа и Тележникова, а также на удалении инженеров Н. Л. Семеновича, Л. И. Толлозко и Э. А. Иллюнга, союз решил обратиться непосредственно к думе, предлагая, как временную, впредь до разработки плана реорганизации предприятия, меру—передать управление телефонной сетью совету, составленному из представителей от города и комитета союза.

„Неудовлетворение этих требований до 25 ноября вынудит союз сложить с себя ответственность за последствия, так как все работники телефонного дела до последней степени взволнованы и раздражены и положительно не в силах спокойно работать.

„В виду того, что ни управа, ни городской голова не желают обратить внимание на неудовлетворительную постановку телефонного дела и на тревожное настроение его работников, союз постановляет: просить гг. абонентов и гласных внести настоящее заявление в ближайшее заседание думы“.

В союзе служащих в правительственных учреждениях.

В настоящее время выработан проект устава всероссийского союза служащих в правительственных учреждениях.

1. Союз ставит себе основной задачей об'единение, для посильного участия в общем освободительном движении, сторонников преобразования государственного строя России на демократических началах, при всеобщем, равном и прямом избирательном праве, с закрытой подачей голосов.

В числе ближайших своих задач профессионально-публичного характера союз намечает:

а) деятельную работу по изменению приказных порядков и приемов деятельности правительственных учреждений на началах права и в интересах всего народа;

б) отстаивание начал законности в области взаимных служебных отношений и

в) защиту неот'емлемых прав личности служащего как полноправного гражданина.

Союз состоит из местных, по городам и уездам, отделов, об'единяемых, по возможности, в губернские организации.

Члены каждого отдела союза группируются в кружки, преимущественно по учреждениям.

Союз среднего и низшего медицинского персонала.

На одном из последних собраний общ. врачей, служители больниц окончательно разошлись с либералами и теперь организовывают свой самостоятельный союз.

17 ноября в Вольно-Экономическом Обществе состоялось собрание больничных служителей. Из речей выяснилась необходимость союза, указывалось на то, что средний и низший медицинский персонал может и должен итти вместе с пролетариатом, а не с либеральными обществами врачей.

Собранию предложены были 7 основных пунктов, которые должны послужить руководящими для временного бюро, обязанного составить устав союза.

Главный из этих пунктов заключается в том, что союз ставит своей целью достижение в больницах демократической автономии.

Осведомленные лица сообщили, что Совет Рабочих Депутатов соглашается допустить в число своих членов и представителей низшего и среднего медицинского персонала.

Под конец собрание шло более оживленно, в прениях стали принимать участие и представители от служителей.

Затем выбрано временное бюро для составления устава. От каждой больницы в бюро решено допустить 2 выборных представителей. В союз войдут более 18 больниц. Из этого числа представители от 10 больниц заявили, что по незначительному числу не считают себя в праве выбирать членов бюро. Остальные больницы тут же произвели выборы. Временное бюро уполномочено собранием приглашать всех лиц, которых оно считает полезными при составлении устава.

Следующее общее собрание для обсуждения устава предполагается устроить через неделю.

Председательствовал на собрании врач больницы св. Николая — Трошин.

Из союза приказчиков.

16 ноября состоялось соединенное собрание кружков 1, 5, 10, 12, 14, 15 и части 3-го.

Присутствовало 300—350 чел.

Жгучим вопросом за последнюю неделю в союзе приказчиков является вопрос о переизбрании членов совета в виду того, что „старый совет“ не удовлетворяет запросам жизни союза и не проявляет той активности, которая необходима для успешной деятельности союза.

При открытии заседания был заслушан доклад делегатов тов. приказчиков-мясников от Пантелеймоновского, Литовского, Сенного и др. рынков — о желании их доверителей примкнуть к союзу, в целях борьбы за улучшение экономического положения. Заявление делегатов встречено громом аплодисментов.

Общему собранию была прочтена резолюция 1 кружка, вынесенная 13 ноября, о необходимости переизбрания совета (смотри № 16 „Новой Жизни“). Резолюция встречена громом аплодисментов. В речах ораторы указывали на необходимость иметь во главе союза лиц сознательных, передовых, которые могли бы как защищать профессиональные интересы союза, так и давать идейное освещение направлению деятельности союза. Речи ораторов передовой партии встречались взрывами аплодисментов; 2 речи в защиту „старого совета“ едва были дослушаны до конца. Председателем собрания был предложен список кандидатов в „новый совет“, зарекомендовавших себя полезной деятельностью в целях союза. Собрание признало намеченных кандидатов желательными при всеобщем одобрении.

Тов. приказчикам рекомендуется запрашивать списки кандидатов — Демидов 5, кв. 54. Эти списки будут разосланы вместе с повестками на общее собрание 20 ноября и раздаваться в зале заседания в день собрания.

17-го состоялось соединенное заседание 6 и 11 кружков—постановления аналогичны, заседанию 16 ноября. Список кандидатов в „новый совет“ одобрен единогласно.

— В воскресенье, 20 ноября, в 10 час. утра состоится общее собрание союза приказчиков для выборов членов нового совета в здании Соляного Городка (вход с Пантелеймоновской, № 2); просят пожаловать всех членов союза. Вход только по повесткам. Повестки отбираются при входе контролерами. Во избежание недоразумений союз приказчиков извещает публику, что посторонние лица на собрание допускаться не будут.

В 6 час. вечера в том же помещении состоится общее собрание приказчиков всех родов торговли. (Зал прямо из дверей.) В зале направо будет устроено собрание приказчиков, торгующих с'естными припасами.

Собрание приказчиков, торгующих с'естными припасами, назначенное на 11 ч. утра, откладывается на 6 ч. вечера.

---

13 ноября состоялось собрание рабочих деревообрабатывающей промышленности; предмет обсуждения — 8-часовой рабочий день. Депутаты некоторых фабрик и мастерских сделали по этому вопросу краткие доклады.

На фабриках Свирского и Мельцера 8-часовой рабочий день введен, хозяева после некоторых колебаний уступили. На фабрике Платонова вводят революционным путем 8-часовой рабочий день; хозяин не соглашается; для ведения переговоров выбрана комиссия из 10 человек, настроение бурное, есть надежды на успех. У Линднера вводят революционным путем; за первые три дня хозяин согласился уплатить полностью. Рабочие фабрики Кон вводят революционным путем 8-часовой рабочий день, но с понедельника; очевидно, придется временно примириться с 9-часовым днем. Рабочие фабрики Шредер получили расчет за последнюю политическую забастовку. У Розенкранца работают 10 час. У Голинга со 2 ноября 8-часовой рабочий день вводится революционным путем. 12 ноября об'явлен расчет, настроение бурное. У Майера удалось установить только 9-часовой рабочий день. У Волковского из-за 8-часового рабочего дня бастуют со 2 ноября, настроение бодрое, хотя положение рабочих тяжелое, просят у союза поддержки, названы четыре штрейкбрехера: Август Березняк, Эдуард Ренерин, Иосиф Яснов и Меус; собрание постановило бойкотировать их.

После докладов несколько ораторов выяснили важность для рабочих 8-часового рабочего дня. Собрание поручило бюро союза оказывать поддержку рабочим, борющимся за установление 8-часового рабочего дня. Постановлено основать стачечный фонд. Решено вводить 8-часовой рабочий день там, где это возможно; для повсеместного же введения подождать более удобного момента. На собрании было прочтено письмо, присланное из Кронштадта от рабочих новоадмиралтейской мастерской. Кронштадтские столяры, 41 человек, просят собрание принять их посильное пожертвование и разрешить им вступить в союз. Просьба удовлетворена. С 5 ноября, дня основания союза, по 13 ноября в союз вступило 459 человек. Записываться можно в бюро союза, Гороховая ул., д. 23, кв. 50. Вступительный взнос 50 коп.

Из жизни рабочих.

Путиловский завод. Вагонная мастерская.

16 ноября, в 6 ч. веч., по окончании работ в мастерских завода состоялись митинги, на которых было около половины рабочих завода. Если не считать одного совершенно неудачного соц.-революционера, наивно пытавшегося приклеить к резолюции практического характера свою „землю и волю“, то все 8 ораторов, выступавшие от лица Социал-Демократической Рабочей Партии, весь митинг вынесли на своих плечах.

Василеостровский гвоздильный завод.

У нас на заводе, несмотря на то, что завод официально закрыт, работает около 100 человек посторонних рабочих — изменников общему делу. Попытки возмущенных товарищей прекратить работу встретили казацкие нагайки.

Рабочие гвоздильного завода продолжают бастовать, и часть их покидает Петербург и уезжает в деревню...

Петербургский район.

В № 4 „Начала“ сообщается, что Петербургский Районный Комитет „меньшинства“ постановил образовать вместе с Петербургским Р. К. „большинства“ федеративный совет Петербургского района. Аналогичное решение было принято Петербургским Районным Комитетом „большинства“ приблизительно месяц тому назад, и П. Р. К. „б“ тогда же выбрал трех представителей в федеративный совет района. Случайные обстоятельства задержали образование фед. р. с. Совет на-днях начнет функционировать.

В Петербургском районе устроен социал-демократический клуб. В клубе будет устроена читальня, устраиваются массовки, собрания заводских групп и пр. Более подробные сведения о клубе будут сообщены в близком будущем.

Т-во механического производства обуви.

Резолюция, вынесенная на собрании 17 ноября 1905 г. рабочими „товарищества механического производства обуви“ и посланная администрации той же фабрики:

„Мы, рабочие фабрики, на собрании 17 ноября единогласно заявили своим депутатам, чтобы они немедленно об‘явили администрации наше постановление, так как мы не вновь поступающие рабочие, а уже многие убили силы свои в вашей фабрике, то администрация немедленно прекратила бы набор.

„А согласно нашему постановлению дала свисток, и мы каждый знаем свое место. Что же касается остальных требований, то это известно в посланной нами администрации резолюции от 15 ноября 1905 г. «Принимая во внимание, что наш союз есть учреждение, задавшееся целью об‘единить всех рабочих сапожно-кожевенного цеха для успешной борьбы с капиталистом, мы, рабочие „товарищества механ. произ. обуви“, учреждая союз, организовали бюро при нем для переговоров с администрацией, которая должна вменить себе в обязанность считаться с ним, с бюро, как с организацией сапожно-кожевенного цеха».

„Поэтому мы, рабочие, на собрании 16 ноября постановили не выходить на работу, пока администрация не вывесит об‘явления о приеме всех рассчитанных рабочих и не снесется с нашим бюро, одному которому только мы и должны подчиниться: приниматься за работу или нет. И администрация должна принимать рабочих только по указанию нашего союза, а не любимцев по своему личному произволу“.

P. S. К заявлению, посланному администрации, прилагаются пропуски записавшихся на работу, добровольно возвращаемые рабочими, из‘являющими желание не приступать к работе, прежде чем не будут приняты все рассчитанные товарищи.

Нов. Арсенал.

15 ноября, в 5½ ч. вечера, по окончании работ рабочие собрались на улице, против Арсенала, в саду обсудить возмутительный случай расчета депутата Крапивина. Первый оратор призывал рабочих заступиться за выгнанного депутата и потребовать его возвращения. Затем Крапивин передал свой разговор с начальством: что его-де рассчитали за чересчур усердное исполнение обязанностей депутата. Под конец говорил с.-д., который, указав на возможность расчета администрацией лучших и более сознательных рабочих без всякого с их стороны повода (подобно тому, как поступили с Крапивиным), призывал рабочих к солидарности, убеждал их в необходимости всем выступить на защиту Крапивина.

Завод Дюфлона.

31 октября рабочие завода Дюфлона установили у себя революционным путем 8-часовой рабочий день; решение было принято открытой баллотировкой, но после того, как хозяин упрекнул рабочих, что они „как бараны“ идут за кучкой агитаторов, рабочие закрытой баллотировкой (всеми голосами против одного) подтвердили свое первоначальное решение.

2 ноября рабочим был об‘явлен расчет через две недели. 5 ноября во время „получки“ хозяин завода уговаривал рабочих стать на старых условиях (10 ч.) на работу, называл их „братцами“, „друзьями“, обещал никого не рассчитывать и выдать рабочим, для раздачи наиболее нуждающимся, 500 р., вместо платы за время стачки. Под угрозой расчета рабочие 8 ноября начали опять работать 10 часов. Об‘явление о расчете было снято. 9 ноября рабочие послали к хозяину депутацию с просьбой выдать им обещанные 500 р., но г. Дюфлон в очень грубой форме отказал депутации и отказался от своих слов. Когда депутаты сообщили товарищам о разговоре с хозяином, то рабочие вновь, закрытой баллотировкой (100 против 11), решили ввести 8-часовой рабочий день. На следующий день появилось об‘явление о расчете, и 16 ноября все рабочие получили расчет.

За Невской заставой.

17 ноября за Невской заставой товарищ социал-демократ прочел лекцию о социалистах-революционерах. Рабочие внимательно выслушали анализ программ соц.-рев. и соц.-дем. и были очень довольны раз‘яснением вопроса.

После лекции товарищ Николай говорил о буржуазной печати и настроении рабочих.

„Пролетариат чутко стоит настороже. Пролетариат научился понимать родные звуки правдивого слова и отличать их от крокодиловых слез буржуазных болтунов. Пролетариат, взявший штурмом первые позиции самодержавной обороны, не падет теперь духом, теперь — когда еще один могучий удар об‘единенных сил, и мы вступим в предверие новой жизни... Нам говорят, что пролетариат голодает, что он заложил все и скоро пойдет на какие угодно уступки. Итак, не имея сил одолеть рабочего в открытой схватке, наши враги хотят взять нас измором. Они угрожают голодом... Но когда же не голодал русский рабочий?“

Указав на целый ряд исторических примеров, где борцы за свободу переносили и не такие лишения, что без долгой, упорной борьбы и многих жертв свобода нигде, никогда завоевана не была, что смешно пугать голодом борцов за свободу, всегда готовых за эту свободу умереть, товарищ закончил: „Пусть же буржуазная печать не пишет слезливых статей о подавленном настроении рабочих. Эти статьи не нужны нам. Мы знаем, какой теперь момент и какое должно быть у нас настроение. Мы стоим на посту и чутко следим за врагом. Не время подавленности и уныний... Знайте, гг. буржуа, рабочий также горд, также смел и силен. Поверьте, он не пойдет к вам просить униженных подачек... Если же вы будете продолжать везде и всюду заявлять, что рабочий накануне сдачи, мы ответим вам одним словом — посмотрим!“...

Рабочие разошлись в самом хорошем настроении.

Гребной порт.

На заводах Гребного порта работы производятся при девятичасовом рабочем дне и войсковой охране. Особенное неудовольствие своей грубостью и репрессиями вызывает среди рабочих подмастерье С. Н. Туторский.

Судебная хроника.

В военно-окружном суде.

Дело о покушении на ген.-м. Д. Ф. Трепова.

9 января 1905 года утром в Сестрорецк приехал из Петербурга неизвестный молодой человек. При выходе из вагона (III класса) у него в руках находился коричневый чемодан и связок с постелью. С вокзала он отправился в пансионат, где и снял меблированную комнату. Здесь он сразу возбудил подозрение как у прислуги, так и у содержательницы пансионата. Когда ему швейцаром Орловским была пред'явлена книга для записи звания и фамилии, он смутился, но затем, оправившись, назвал себя полтавским мещанином, торговцем Захаренко. При обыске у него была найдена зарядная коробка с 7 боевыми зарядами к револьверу Браунинга, письмо и паспортная книжка на имя Маркова. Захаренко был отправлен в канцелярию местного пристава, где был произведен осмотр его вещей. Будучи в нервном состоянии, он расхаживал по комнате и несколько раз громко крикнул: „рушилось".

Найденное при обыске письмо, по признанию задержанного, было написано им к своему товарищу. В этом письме, за подписью Б. Маркова, говорилось о том, что он принадлежит к боевой организации партии социалистов-революционеров и приехал в Петербург с целью совершить целый ряд террористических актов. Отнятый револьвер оказался заряженным и на нем была выгравирована надпись: „По делам вашим воздастся вам". Кроме того в вещах Захаренко были найдены две паспортные книжки и разные документы. Все они доказывали, что задержанный не Захаренко, а Борис Марков. В виду того, что Захаренко был задержан в тот момент, когда собирался уехать в Петербург, где мог, как член боевой организации, совершить террористический акт, он был допрошен в качестве обвиняемого, но отказался дать какие-либо показания по этому делу. При дальнейшем расследовании выяснилось, что Марков окончил Барнаульское горное училище и служил в управлении по постройке Кругобайкальской железной дороги.

Кроме того, было выяснено, что Марков имел сношения с революционером Леопольдом Бауманом, приезжавшим к нему в Сестрорецк. Выяснилось это следующим образом:

В ночь на 26 февраля произошел взрыв в меблированных комнатах „Бристоль" на углу Вознесенского пр. и улицы Гоголя. Силою взрыва во всех четырех этажах были выбиты стекла в 34 окнах. Прилегающая часть Вознесенского пр. была завалена досками, кусками мебели и разными вещами, выброшенными силою взрыва. В комнате оказался обезображенный труп мужчины. В домовой книге жилец этой комнаты был прописан под фамилией великобританского подданного Артур-Генри-Мюр Мак-Кулона. Здесь же были найдены осколки от разорвавшегося снаряда, который, по мнению экспертов, мог быть употреблен как метательный снаряд. Он был рассчитан на 45 ф. магнезиального динамита. По полученным от нашего посла в Лондоне сведениям оказалось, что Артур-Мюр Мак-Кулон, получивший заграничный паспорт, никогда из Англии не уезжал и состоит актером в одной из трупп, играющих в Северной Англии; паспорт же его попал в руки иностранца, заподозренного в революционных замыслах.

Путем дальнейшего следствия и допроса свидетелей выяснилось, что лицо, погибшее во время взрыва, был Верховский, принадлежавший вместе с Бауманом к боевой организации.

В середине января 1905 г. охранное отделение обнаружило конспиративные сношения именовавшего себя Мак-Кулоном с целым рядом лиц, из которых только дочь ст. сов. Мария Леонтьева проживала в Петербурге под своей фамилией, а прочие прибыли сюда с чужими паспортами. В феврале же месяце охранное отделение получило сведения, что группа, составляющая фракцию „партии социалистов-революционеров", подготовляет ряд последовательных террористических актов по отношению к некоторым высочайшим особам и государственным сановникам, при чем указывалось, что в числе первых жертв „боевой организации" намечен ген.-м. Трепов. По тем же сведениям стало известно, что во главе организации стоит известный революционер Сергей Барыков, проживающий под фамилией Е. Уланова. С. Барыков состоял в близких отношениях с Пр. Волошенко, Агаповым, мещ. Иосифом Жемайтис, Сидоренко, Т. Леонтьевой. После взрыва в „Бристоле" за всеми этими лицами был установлен усиленный надзор.

14 марта Агапов, одетый в армяк извозчика, выехал из дому и остановился на Морской ул., где проезжал несколько раз мимо дома ген.-губерн. Трепова. Во время стоянки Агапова по Морской прошел Подновский и отдал письмо посыльному (Сидоренко), который избрал заблаговременно для себя место на углу Почтамтского переулка. Получив письмо, Сидоренко подошел к извозчику Агапову и, поговорив с ним, поехал на Алексеевскую улицу. Здесь против дома 18 они остановились, поговорили несколько минут, и „посыльный", не расплачиваясь, ушел, а „извозчик" остановился на другой стороне Мойки, наблюдая за квартирой ген.-м. Трепова. В 5 часу дня Агапов от'ехал, а его место занял другой „извозчик", оказавшийся впоследствии Запольским. В течение нескольких дней и „извозчики" и „посыльный" зорко следили за квартирой генерал-губернатора, за Мариинским дворцом, где происходили заседания комитета министров, а также за квартирой министра вн. дел Булыгина. Все эти данные заставили охранное отделение перейти от наблюдения к делу.

17 марта на улице были задержаны: Агапов, Запольский, Жемайтис, Леонтьев, Волошенко, Моисеенко, Сидоренко и Барыков; в то же время в Москве были арестованы жена Барыкова и дочь.

При задержании перечисленных членов боевой организации только один Сидоренко оказал сопротивление. Когда к нему подошли чины охранного отделения Кирсанов, Коняев и Григорьев и схватили его за руки, он пошел раньше спокойно, но затем, освободив руку, выхватил револьвер и произвел выстрел, при чем легко ранил Григорьева. В этот же день был произведен обыск в квартире Леонтьевой, где были найдены материалы для приготовления взрывчатых снарядов. Леонтьева после ареста сошла с ума.

В виду амнистии, обвинение пред'явлено только к 3 лицам: Б. Маркову, Б. Подновскому и Сидоренко. Первые два обвиняются по 2 ч. 126 ст. уг. ул., а Сидоренко, кроме того, еще обвиняется по 279 ст. XXII кн. св. военн. пост. Дело началось слушанием 18 ноября и продлится 3 дня. Подсудимых защищают присяжные поверенные: Н. Д. Соколов, К. Винберг и Зарудный.

Театр и музыка.

24 ноября в „Драматическом театре" идет новая пьеса Г. Бара: „Другая", с трудом вытащенная из когтей цензуры, испугавшейся последнего акта, где проводится идея обновления жизни путем революции.

В Новом театре г-жи Яворской на-днях пойдет пьеса О. Дымова „Бюрократическим путем", политический шарж в одном действии.

Иностранный отдел.

Шовинизм немецкой буржуазии. „Ад. Вагнер, известный профессор политической экономии в берлинском университете, произнес речь на собрании лиги германских студентов, где он указывал, что ненависть Англии к Германии всецело основана на зависти. Германия должна иметь сильный флот, как гарантию ее независимости, и немецкие рабочи-должны помнить, что, если Германия будет разбита, рабочие больше всех будут страдать от этого. Есть не мало лиц, жее

лающих, чтобы Германия была разбита, и есть не мало лиц, занимающих высокие посты и делающих все возможное, чтобы привести Германию к этому. Неужели кто-нибудь верит, что Англия будет соблюдать нейтралитет чужих гаваней? Англия в течение веков препятствовала гуманному развитию морских законов, так что и теперь еще процветает морской разбой. Нет народа, более лицемерного и грубо-эгоистичного, чем англичане. Указав, что Англии выгодно раз'единить Германию и Францию, проф. Вагнер отметил, что немецкие финансы, о которых он в праве говорить, как специалист, находятся в превосходном состоянии и позволяют увеличить флот". („Daiby Telegraph").

Когда конкуренция угрожает карману буржуазии, она делается ужасной патриоткой. Но что характерно для нашего времени, это — попытки убедить рабочих, что в их интересах увеличение армии и флота. Будьте патриотами, рабочие, говорит буржуазия, а то, если мы не сможем с вас драть шкуру, кто же вас, бедных, тогда обдирать будет?

Престиж русских властей за границей.—Рим: „Серьезное положение в России вызвало здесь глубокое впечатление. Особенно беспокоются об опасном положении на юге России, где живет много итальянцев. Правительство послало инструкции консулу, чтобы он принял меры для защиты жизни и имущества итальянцев. Многочисленные запросы, обращенные в русское посольство, оказались бесполезны, так как посланник об'явил, что у него нет сведений, но он думает (!!), что отчеты, опубликованные прессой, преувеличены". Лондон: „Из Петербурга прибыло судно «Вильям Бэли», привезшее 23 английских беглецов. Все это семьи английских мастеров и служащих, работающих на петербургских мануфактурах. Они оставили столицу 4-го, когда угрожала революция, так как английский посланник заявил им накануне, что он не может поручиться за их безопасность".

Итак, иностранец уже не полагается на неприкосновенность своих граждан в России. Скоро они вынуждены будут вмешаться активно для их защиты: прислать военные суда, высаживать дессанты, охранять своими караулами дома своих сограждан. Мы идем быстрыми шагами к положению Турции не только внутри страны, но и в международных отношениях.

Русские нравы в Испании. „12 ноября в Барселоне группа офицеров гарнизона, сочтя себя оскорбленной карикатурами, появившимися в одном каталонском журнале, напала на редакцию газеты „Cucat". Офицеры захватили все бумаги и другой редакционный инвентарь, выбросили все это на улицу и зажгли. Из редакции „Cucat" офицеры отправились в редакцию другой каталонской газеты „Veu Cabalhanha", куда они проникли, вскарабкавшись на балкон. И здесь они все сожгли. Ген.-губернатор пытался успокоить офицеров и восстановить порядок, но офицеры успокоились только, разгромив обе редакции".

Не выписать ли их к нам в Россию?

Польша и Литва.

В Варшаве. Генерал-губернатор Скалон издал распоряжение „немедленно разыскать" типографию Польской Социалистической Партии (P. P. S.), где печатается орган ее „Robotnik" („Работник"). Розыски не увенчиваются успехом, зато много арестованных. На-днях арестован рабочий, который раздавал прокламации партии „Proletaryat" (Пролетариат), призывающую сапожников отказываться брать работу на дом и требовать от хозяев открытия мастерских. В понедельник, 14 ноября, отправлена в Москву партия политических ссыльных, в состав которой вошли инженер Гурцман, член „Социал-Демократической Партии Польши и Литвы", присужденный к 15-летней каторге за оказание вооруженного сопротивления в тайной типографии этой партии; затем Комаровский, Филипович, Прохонович и Надальный, члены Польской Социалистической Партии (P. P. S.), за известное вооруженное нападение на патруль, охранявший карету, в которой находился Окшея.

В Ченстохове, на железнопрокатном заводе „Гантке", по мнению местной администрации, изготовлялось, якобы, повстанческое оружие. Об этом было своевременно сообщено в „Новой Жизни". Приводим теперь дополнительные сведения. Следствие ведется очень энергично. Оно не приносит желательных для администраци результатов. Подозрения не оправдываются. Инженеры арестованы и содержатся в казармах драгунского полка. Их не освобождают. Родственников и знакомых к ним не допускают. Телеграмма, отправленная родственниками на имя гр. Витте с просьбой разрешить свидания, задержана местным губернатором Шатиловым. Фабрика окружена войском и казаками. Около 2.000 рабочих выброшено на улицу. Они терпят нужду и голод, так как другие фабрики их не принимают.

В городе ежедневные многочисленные аресты. На-днях арестованы инженеры: Павлович, Завада, Сецинский, доктор Гедрых, Воренский и многие другие. Губернатор издает приказ „расстреливать собрания, сходки". Прохожим не дозволяется носить палок и держать руки в карманах. По улицам снуют пешие и конные патрули. Многие дворы даже частных домов заняты войсками. Словом „военное положение".

Областной отдел.

Тверь.

(Корр. „Новой Жизни".)

В тверской тюрьме в настоящее время находятся 5 рабочих, обвиняемых по делу о политическом убийстве рабочего Волнухина; из них Соколов, Богатов и Петров в убийстве, Егоров в подстрекательстве и Швецов в пособничестве. Вот уже 2 года, как обвиняемые томятся в тюремном заключении, кроме Егорова, который был арестован 6 июня 1904 г.

Дело происходило в 1903 г. во время диктаторства в г. Твери известного человеконенавистника жандармского полковника Уранова, наводнившего все тюрьмы Тверской губ. политическими заключенными.

Но чем сильнее был „урановский террор", тем больше образовывалось тайных кружков рабочих.

К одному из таких кружков и принадлежали вышесказанные 5 рабочих, а в их числе и 17-летний рабочий фабрики Берга Швецов.

В обвинительном акте говорится, что Швецов пришел к начальнику тверского жандармского отделения Николаевск. жел. дор. Щербовичу-Вечар и предложил ему свою „правительственную службу", в роли шпиона на фабрике Берга.

Вскоре Швецов склонил рабочего своего кружка Волнухина поступить к нему помощником, пообещав ему большие деньги.

Швецов и Волнухин поселились на правах хозяев на конспиративной квартире местной организации.

Руководителем кружка был высланный из Петербурга административным порядком крестьянин Тверского уезда Егоров, по прозвищу „Фома", вскоре заметивший, что за ним и конспиративной квартирой следят. Тогда рабочие единодушно решили, что для сыщиков из рабочих не должно быть пощады, что их следует убивать. Швецов испугался, решил пожертвовать Волнухиным и донес на него Егорову.

При содействии Швецова рабочие выследили посещение Волнухиным жандармского управления. Убийство Волнухина было решено бесповоротно.

Деятельное участие в нем принял Швецов. Из обвинительного акта видно, что 10 ноября 1903 г. трое рабочих — Соколов, Михаил Петров и Богатов, по окончании работ, в 7 час. вечера, отправились к Нечаевской мельнице, а вслед за ними туда же Швецов привел Волнухина. И Волнухин был убит вышеупомянутыми тремя рабочими.

На другой день полицией на огородах, близ мельницы, был найден труп Волнухина. Вместе с обвиняемыми, были привлечены еще 12 лиц по обвинению в принадлежности к социал-демократической партии, но дело о них по манифесту 17 октября прекращено. И обвиняемые два года сидят в тюремном заключении, и, несмотря на манифест 17 октября, над ними до сего времени не изменена мера пресечения.

В особенности возмутительно это по отношению к Егорову. В деле нет никаких положительных улик для обвинения Егорова в подстрекательстве.

Двинск.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Идет деятельная организация партийных клубов и профессиональных союзов. Основан клуб железнодорожного союза, где читаются лекции для социал-демократов рабочих.

Так же дело поставлено и в других клубах. Имеются читальня и библиотека. Кроме союза железнодорожного организованы также союзы кожевников и приказчиков. Приказчики-христиане на учредительном собрании союза выразили желание, чтобы союз их был социал-демократический.

— Из деревни чуть не каждый день являются крестьяне с просьбой явиться к ним. 2 волости уже были собраны и вынесли следующий приговор.

„Мы, крестьяне Колунской волости, согласны с требованиями городских рабочих и наказываем нашим выборным сговориться с партией рабочих, как и когда нам действовать.

„Выборных будем слушаться, что скажут будем исполнять.“

Такой же почти приговор вынесен и сходом Ликсненской волости.

Выборные из пяти волостей уже организовались в союз.

Мало сил, иначе можно было бы организовать весь уезд.

Газеты наши раскупаются по повышенной цене, нарасхват.

В Валовской волости.

(Макарьевского уезда.)

(Корр. „Новой Жизни“.)

9 ноября происходило собрание представителей 15 деревень Валовской волости (Макарьевского уезда, Костромской губ.) в количестве 60 человек. На собрании этом принята следующая резолюция:

Мы, крестьяне Валовской волости, представители пятнадцати деревень, обсудив наше положение, пришли к такому заключению:

Теперешняя нищета и горе крестьянское происходят главным образом потому, что крестьяне задавлены от царского правительства страшным количеством налогов—выкупных платежей и косвенных налогов.

Выкупные платежи мы платим нашему правительству вот уже в течение нескольких десятков лет совершенно напрасно. Нам, измученным, приходится платить за те деньги, которые правительство заплатило дворянам за переданную крестьянам землю. Деньги эти были промотаны дворянством и заплачены по долгам, а мы теперь сорок лет и платим за этих праздных лентяев.

Косвенные налоги правительством взимаются тоже, главным образом, с бедного крестьянского люда. Мы платим акциз на табак, на спички, керосин, водку, сахар и проч. Из-за угоды богачам правительство уступило таможенные пошлины, которые приходится выплачивать нам же, при всяких даже мелочных покупках. Половина нашего нищенского дохода идет на то, чтобы платить косвенные налоги. Выходит так, что, хотя и пишут, что мы не крепостные, а мы те же крепостные, только дерет немилосердно с нас оброк не помещик, а царское правительство.

Заявляем во всеуслышание, что выкупные платежи и косвенные налоги это—вековое преступление нашего правительства перед народом.

Мы долгое время спали непробудным сном. Этим сном воспользовались наши угнетатели.

Теперь мы просыпаемся. Теперь мы сверху донизу видим, как с бедняка дерут все, чтобы не дать ему ничего. Этого не должно быть. Выкупные платежи должны быть отменены. Да мало того,—они должны быть возвращены народу путем налога на крупные имения. Косвенные налоги—этот невидимый, крестьянский насос—должны быть заменены прогрессивным подоходным налогом.

Другое наше безысходное крестьянское горе заключается в безземелии. У нас нет клочка земли, нужного для безбедного существования. Все лучшие земли заняты уделом, монастырями и помещиками. Мы требуем, чтобы все эти земли отошли в крестьянское владение. Но спрашивается: какие для этого избирать нам пути? Хлопотать ли через земских, как делают некоторые наши товарищи, хлопотать ли через уездные или губернские земства или к самому царю послать своего уполномоченного? Нет. Это мы до сих пор делали. Крест теперь навсегда над этим мы ставим. Земский и все прочие чиновники—это все те же баре-помещики, пьющие нашу кровь. А про царя мы знаем, что рабочих он беспощадно расстреливает; крестьян велит судить самым строгим образом и все только говорит, что надежда наша крестьянская на сыновей царевых—предводителей дворянства.

Мы теперь две заповеди запоминаем. Первая. С нашим теперешним царским правительством говорить не надо; требований к нему пред'являть не надо никаких, потому что даст только тогда, когда силой встанем перед ним. Это особенно ясно мы видим из последнего царского манифеста об отмене выкупных платежей. Он для своего собственного спасения и дает мизерные уступки. В манифесте это очень ясно видно. Там царь сначала ругает волнующихся крестьян, а потом, потом им же все-таки делает уступки.

Так что же нам говорить с царем, который все время говорит „божиею милостью“ и этими словами только прикрывает народное угнетение?

Один выход. Надо готовить народные силы к нещадной борьбе с нашим бесчеловечным правительством; надо смотреть и разглядывать, как борется с царским правительством городской рабочий класс и вместе с этим рабочим классом, руководимым Российской Социал-Демократической Рабочей Партией, пролившим уже реки крови за народную свободу, должны мы бороться, его должны мы поддерживать.

А еще надо помнить вот что: если мы теперь напишем только наши требования, а не грудью их возьмем, так правительство постарается все наши дорогие требования так выполнить, что будет не свобода, а новая петля.

Запишем, мы кровью запишем, что с нашим царским правительством надо одно только дело делать—его надо свергнуть силой нашего народного восстания и на место царского самодержавия поставить свое, народное самодержавие, демократическую республику, когда правительство будет состоять из честных, стойких народных депутатов, избранных всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, и депутаты эти будут действовать открыто перед миллионами глаз народа.

Ближайшая же наша задача вот какая. Нам надо об'единиться и дружным восстанием свергнуть все существующие сельские власти, прекратить все и всякие платежи государству и земству и учредить революционные крестьянские комитеты. Забрав все волостные и земские дела по земельному пользованию и общему управлению, мы выработаем в этих комитетах свои крестьянские реформы, а подкрепой им будет наша народная вооруженная сила.

Требования свои, которые мы выработаем в комитетах, мы пред'явим общему российскому временному революционному правительству, которое выберет восставший народ из среды истинных народных борцов, кровью заплативших за дело свободы.

Постановляем это наше решение опубликовать во всеобщее сведение, чтобы все слышали и знали, что думают валовские крестьяне.

Мы были бы изменниками своих еще темных братьев крестьян, если бы думу свою святую замолчали и не рассказали им, измученным и голодным!

9 ноября 1905 года.

Архангельск. 1 ноября из архангельского уездного по воинской повинности присутствия по требованию призываемых рекрутов был удален член городской управы, архангельский купец Ф. Антонов, как главный виновник в подстрекательстве к 18 и 19 октября. Дело это сложилось при следующих обстоятельствах. Когда рекруты вошли в присутствие, то заметили за столом г. Антонова, на что из толпы рекрутов раздались возгласы: „Долой народного убийцу Антонова, мы не желаем его видеть“. Антонов после этого встал и удивленно спросил, в чем его вина. Но ему единогласно ответили: „Просим удалиться из присутствия и не быть на наших глазах“. Председатель комиссии обратился к рекрутам с просьбой сказать, кто из них недоволен г. Антоновым, и предложил выйти вперед. В ответ на это рекруты прокричали: „Удалите г. Анто-

нова". В виду такого категорического требования председатель и члены комисси предложили г. Антонову, не раздражая рекрутов своим присутствием, удалиться, что г. Антонов и сделал, выйдя в сопровождении околоточного надзирателя, сдавшего его потом поджидавшему у здания присутствия патрулю-солдату для доставления на квартиру. („Сев. Кр.").

Киев. В пятницу, 11 ноября, состоялось собрание депутатов рабочих по дереву. Присутствовали 21 депутат от рабочих и 5 представителей местных организаций: один от социалистов-революционеров и 4 социал-демократических, в том числе от „Бунда" и украинской социал-демократии. На обсуждение был поставлен вопрос о том, кто может быть действительным членом союза. Были выдвинуты две точки зрения. Предполагалось включить в союз лиц, живущих своим трудом, т. е. рабочих всех мастерских и кустарей-одиночек. Но представители с.-д. настаивали на необходимости включить в союз лишь чистых пролетариев, мотивируя свое предложение тем, что кустарь одиночка—переходная форма от собственника к пролетарию и в каждый данный момент может стать не только собственником, но и эксплоататором чужого труда.

В конце дебатов поставлены на голосование две резолюции:

1) Действительным членом союза может быть всякий живущий продажей своей рабочей силы и принадлежащий к данной профессии. За резолюцию голосовало 13 депутатов и 4 представителя организаций.

2) Действительным членом союза может быть всякий, живущий своим трудом, в том числе и владеющие средствами производства, но не эксплоатирующие наемный труд. (8 депутатов и 1 пр. орг.). („Киев. Нов.").

Витебск. Наш корреспондент сообщает, что в Витебске началась стачка извозчиков (руководит стачкой группа Р. С.-Д. Р. П.), забастовал трамвай, а также гимназии. С 17-го должна начаться забастовка официантов.

Редактор-издатель ***Н. М. Минский.***

Издательница ***М. Ф. Андреева.***

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 18

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 20 НОЯБРЯ
(3 декабря) 1905 г.

Новая Жизнь

С.-Петербург.

20 ноября 1905 г.

Революционная канцелярщина и революционное дело.

Вопрос об Учредительном Собрании естественно и неизбежно должен был выдвинуться в нашем революционном движении. Чтобы окончательно смести остатки старых, крепостнических учреждений самодержавной России, чтобы определить порядки новой, свободной, России, нельзя себе представить иного цельного и последовательного пути, кроме созыва Всенародного Учредительного Собрания. Правда, жизнь редко осуществляет полностью цельные и последовательные лозунги, она вносит всегда много непредвиденного, усложняющего, запутывающего развязку, смешивающего старое с новым. Но тот, кто искренно хочет покончить со старым и умеет добиваться этой цели, должен ясно определить значение Учредительного Собрания и бороться всеми силами за его осуществление в полном и чистом виде.

Партия сознательного пролетариата, социал-демократия, уже в своей программе, принятой на втором с'езде в 1903 году, выдвинула требование Учредительного Собрания. „Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, — гласит последний отдел нашей программы, — твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и экономических преобразований“ (создание демократического государственного строя, охрана труда и т. д.) „достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом“.

Из этих слов ясно видно, что наша партия обращает внимание не на одни только формальные, но и на материальные условия созыва Учредительного Собрания, т. е. такие условия, которые действительно делали бы собрание всенародным и учредительным. Мало ведь назвать собрание „учредительным“, мало созвать народных представителей, хотя бы избранных на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, хотя бы при обеспеченной на деле свободе выборов. Кроме всех этих условий надо еще, чтобы Учредительное Собрание имело власть и силу учредить новые порядки. История революций знает такие примеры, когда собрание числилось учредительным, а на деле реальная сила и власть были не в его руках, а в руках старой самодержавной власти. Так было во время германской революции 1848 г., и потому „учредительное“ собрание той эпохи, пресловутый франкфуртский парламент, и приобрело позорную репутацию презренной „говорильни“: это собрание болтало о свободе, декретировало свободу, а реальных мер к устранению учреждений власти, уничтожающих свободу, не принимало. Вполне естественно, что это жалкое собрание жалких болтунов либеральной буржуазии бесславно сошло со сцены.

Теперь в России вопрос о созыве Учредительного Собрания стоит на первом месте в ряду политических вопросов дня. И теперь, именно, насущнейшее значение приобретает реальная сторона этого вопроса. Не столь важно то, будет ли Учредительное Собрание созвано (на это даже министр-маклер, гр. Витте, согласится, пожалуй, завтра), а то, будет ли оно действительно всенародным и действительно учредительным.

В самом деле, уже опыт нашей революции, несмотря на то, что она только еще начинается, показал наглядно, какие проделки возможны со словами и с обещаниями вообще, с лозунгом Учредительного Собрания в частности. Припомните недавний с'езд земцев и горожан, „кадетов“, в Москве. Припомните их знаменитую формулу: Государственная Дума с учредительными функциями для выработки конституции с утверждения государя... Даже буржуазно-демократическая печать отметила внутреннюю противоречивость и нелепость этой формулы. „Учреждать“ новый государственный порядок „с утверждения“ главы старого правительства, ведь это значит узаконять две власти, две равные (на бумаге) верховные власти: власть восставшего народа и власть старого самодержавия. Понятно, что равенство между ними чисто кажущееся, что „соглашение“ между ними определяется на деле перевесом силы на той или иной стороне. Либеральные буржуа узаконяли, след., в своем „идеальном“ плане перехода от новой России к старой сосуществование двух равных враждебных борющихся друг против друга сил, т. е. узаконяли вечную, безысходную борьбу.

Это противоречие необ'яснимо с точки зрения простой формальной логики. Но его вполне об'ясняет логика классовых интересов буржуазии. Буржуазия боится полной свободы, полного демократизма, ибо она знает, что сознательный, т. е. социалистический, пролетариат воспользуется свободой для борьбы против господства капитала. Буржуазия хочет поэтому, в сущности, не полной свободы, не полного самодержавия народа, а сделки с реакцией, сделки с самодержавием. Буржуазия хочет парла-

ментаризма, чтобы обеспечить господство капитала, а не бюрократии, и в то же время она хочет монархии, постоянного войска, сохранения известных преимуществ бюрократии, чтобы не дать революции дойти до конца, чтобы не вооружить пролетариат, — понимая под вооружением и непосредственное вооружение оружием и вооружение полной свободой. Противоречивое классовое положение буржуазии между самодержавием и пролетариатом неизбежно порождает, независимо даже от воли и сознания тех или иных отдельных лиц, бессмысленные и нелепые формулы „соглашения". Лозунг Учредительного Собрания оказывается превращенным в фразу, великое требование восставшего за свободу пролетариата низведено до комедиантства; так оскверняет буржуазия все и вся на свете, подменяя борьбу торгашеством.

Радикальные буржуа „Нашей Жизни" не понимают этой неизбежно-лживой и мишурной постановки вопроса либералами, когда они расписывают с серьезным видом выработку „проекта" созыва Учредительного Собрания гг. Фальборком и Чарнолусским, а затем и центральным бюро Союза союзов. Смешно писать такие „проекты", господа! Вы идете по дороге „кадетов", предавших революцию. Вы забываете, что бумажные проекты, подобно всяким конституционным иллюзиям, развращают революционное сознание народа и ослабляют его боевую энергию, ибо центр тяжести вопроса затушевывается, вся постановка его извращается. Ведь вы не пропаганду политической азбуки ведете,—вы ставите вопрос практически, на это указывает самый характер затеянного вами обсуждения проекта „представителями крайних и умеренных партий". Это маниловщина, почтенные демократы из буржуазии, когда вы, с одной стороны, признаете желательность того, чтобы Учредительное Собрание имело всю „полноту" власти, а с другой стороны, пытаетесь соединить крайние партии с „умеренными", т. е. желающих такой полноты с нежелающими.

Долой мишурные облачения! Довольно с нас лживых либеральных фраз! Пора размежеваться. Направо—самодержавие и либеральная буржуазия, которых сплотило фактически то, что они не хотят передачи Учр. Собранию всей власти единой, полной и нераздельной. Налево — социалистический пролетариат и революционное крестьянство или, шире, вся революционная буржуазная демократия. Они хотят полноты власти для Учр. Собрания. Они могут и должны заключить для этой цели боевой союз, не сливаясь, конечно, друг с другом. Им нужны не бумажные проекты, а боевые меры, не организация канцелярской работы, а организация победоносной войны за свободу.

Н. Ленин.

К учительскому с'езду.

Сегодня открывается областной с'езд учителей северных губерний низшей и средней школы, созываемый петербургским отделением всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. Союз этот — один из тех, которые создались в эпоху пресловутой весны. Переходный общественный момент, который породил эти организации, наложил на них печать политической двусмысленности.

Заметки о мещанстве.

IV.

В ту пору, когда мягкосердечные мещане осторожно пытались пронести во тьму народной жизни, мимо глаз стоокого Цербера - государства, тускло горевшие светильники своих добрых намерений; в то время, когда ренегаты, опьяненные мстительной злобой, цинично плясали разнузданный танец торжества своего над могилами павших героев, а мещане безразличные наслаждались покоем и крепким порядком в серой мгле все победившей пошлости,—в эту пору государство снова хлопотливо стягивало грудь народа железными обручами рабства...

Дряхлый демон России, прокурор церкви христовой, слуга насилия и апологет его, сладострастными руками фанатика вцепился в горло страны и душил ее и в безумии восторга кричал:

— Велико и свято значение власти! Она служит для всех зерцалом правды, достоинства, энергии!

И вводил церковные школы в дополнение к земским начальникам.

Это было нагло, но многие находили, что это сильно и талантливо, — иногда цинизм выгоден мещанам, они находят его красивым.

Власть, подобно Цирцее, превращает человека в животное. Стремление ко власти свойственно только людям ограниченным, только тем, кто неспособен понять красоту и великую мудрость внутренней свободы, той свободы, которая неспособна подчиняться и не хочет подчинять. Властные люди вообще тупы, а когда они могут действовать безнаказанно, в них просыпается атавистическое чувство предка - раба, и они как бы мстят за его страдания, но мстят не тем, кто заставляет страдать, а тем бесправным людям, которые отданы государством под власть его представителей, — а так как Россия слишком долго была страною рабов — в ней представители власти более, чем где-либо, разнузданны и жестоки...

Когда люди, незадолго перед этим чувствовавшие, что кто-то энергично вырывает власть из их рук, снова увидали себя владыками,—они бросились на страну, как звери, и ненасытно стали сосать кровь ее покорных людей, они вцепились жадными когтями в ее огромное неуклюжее тело и грабили, истязали, душили людей, как варвары-завоеватели, истощали ее, как бациллы гноя зараженный организм. Это было время буйного торжества животных, тем более злых, что еще недавно они трепетали от страха.

Страна, казалось, скоро задохнется.

Но, сгибаясь под тяжестью насилия, ослепленный невежеством, ленивый с отчаяния народ жил и молча наблюдал. Тяжелая жизнь выработала в нем нечеловеческую выносливость, изумительную способность пассивного сопротивления, и под гнетом злой силы государства он жил, как медведь на цепи, молчаливой, сосредоточенной жизнью

Инициаторы этого общественного движения выдвинули знаменитую „внепартийную“ политическую платформу, принятую впоследствии всеми организациями, вошедшими в „Союз союзов“. Одна только партия в общеоппозиционном русском движении при самом возникновении союзов поднимала свой голос против подобной организации их. Это была партия социал-демократическая. Политические профессиональные союзы на внепартийной платформе, говорили ее представители,—это или политическое недомыслие, или политическая ловушка. Ибо внутри многочисленных профессий, об‘единяющихся в эти союзы, имеется несколько более или менее развитых политических течений. При наличности же развитой и открытой политической жизни внепартийных политических организаций не может и не должно быть. Кто говорит политика, тот говорит партия. И нет такой „внепартийной“ платформы, которая не оказывалась бы на поверку, в более или менее скрытом виде, платформой партийной. Об‘единять различные партийные течения на такой, якобы внепартийной, платформе значит в действительности провозглашать в профессиональном союзе гегемонию одной какой-либо партии и тем самым принуждать представителей других партий или совсем уходить из союза, или жертвовать своей партийной платформой. Пусть же, говорили представители социал-демократии, союз будет чисто-профессиональный: в необходимой теперь мобилизации всех общественных сил он и в таком виде сыграет свою организующую и об‘единяющую роль; руководство же политической борьбой предоставим политическим партиям, и только им.

Голос социал-демократии не встретил тогда громкого отклика среди широких слоев российской интеллигенции, бросившейся, очертя голову, во „внепартийные“ союзы.

Инициаторы союзов оказались безусловно правы в том отношении, что слои эти стояли на низкой ступени политического развития и не сумели разглядеть, куда они идут в действительности.

Но последние месяцы, пережитые Россией, должны были сильно подвинуть вперед политическое развитие русского общества. Революционный размах пролетариата дает теперь мощные толчки процессу кристаллизации политических партий и властно ставит точки над всеми i. На резко поставленный вопрос: како веруешь? теперь никто не имеет права отвечать „внепартийной“ платформой.

И различные группы, входящие во „внепартийные“ союзы, начинают понимать неотвратимое требование момента: союзы трещат по всем швам под усиливающимся напором обостряющейся партийной борьбы, „тяга“ в партии обозначается все яснее и яснее. Теперь никто уже не может отрицать того, что эти „внепартийные“ союзы оказались просто-напросто секциями партии конституционалистов и „демократов“ — партии либеральной буржуазии. Предсказания и предупреждения социал-демократии сбылись вполне. Революционно-настроенные элементы российской интеллигенции, приютившиеся под сенью „внепартийных“ союзов и не ушедшие из них до сих пор, попали в западню. Они должны, наконец, понять это, а, поняв, порвать всякую политическую связь с чуждой им партией, делающей из них свою агентуру.

Союзы должны стать тем, чем они только и могут быть в современном обществе: чисто профессиональными

пленника, не забывая о свободе, но не видя дороги к ней.

Народ по природе сильный и предприимчивый, — он долго ничего не мог сделать своими крепкими руками, туго связанными бесправием; неглупый,—он был духовно бессилен, ибо мозг его своевременно задавили темным хламом суеверия; смелый,—он двигался медленно и безнадежно, ибо не верил в возможность вырваться из плена; невежественный,—он был тупо недоверчив ко всему новому и не принимал участия в жизни, подозрительно косясь на всех.

И во что он мог верить? Все новое приходило к нему со стороны барина—давнего врага, и всегда в этом новом он должен был чувствовать нечто не для него, но против него. Когда он немного выучился грамоте и стал читать маленькие книжки, он чувствовал в них всегда одно: настойчивое желание господ видеть его добрым, трезвым, мягким.

— Все люди — братья, все равны, — доказывали ему авторы книжек.

А вокруг него стояли исправники, земские начальники, становые, урядники—ели его хлеб, брали с него подати, секли его розгами, а за чтение книжек сначала просто били по зубам, а потом даже начали сажать в тюрьму.

— Не в силе бог, а в правде!—утешали его добрые господа, а он от применения к его спине силы по неделям сесть не мог.

— Надо любить ближнего, как самого себя! — убедительно, и даже порой красиво, поучали его люди из города, а их отцы и братья в деревнях старались возможно дешевле купить его труд и просили начальство сочинить построже законы о найме сельско-хозяйственных рабочих.

— Не бей свою жену, ибо она хотя и женщина, но тоже человек; учи детей грамоте, ибо „знанье—радость, знанье—свет“, не пей водку: она разрушает организм, и не воруй! — говорилось в книжках.

Мужик читал это и видел: господа спокойно берут его жену на должность коровы — кормить ее молоком своих детей, его жена беременная моет за гривенник полы в усадьбе, дочь его при первом же удобном случае развращают, и, вообще, к жителям деревни господа относятся менее внимательно и бережливо, чем, например, к своим лошадям, собакам и другим домашним животным. Он видел, что господам, действительно, очень полезна грамота, но школа, устроенная ими для его детей, ничего хорошего не дает им, а только отбивает от работы. И видел, что господа, поучая его не пить водку, сами с большим наслаждением разрушают свои организмы и водкой, и вином, и обжорством, и развратом. И видел, что его кругом обокрали.

— Не будь жаден! — говорили ему и все повышали аренду на землю, все понижали плату за труд.

организациями. Только на этой почве они и смогут играть ту важную роль, которая выпадает на долю профессиональных союзов в капиталистическом обществе, потому что только на этой почве они смогут об'единить действительно всех или почти всех представителей каждой профессии. Но не нужно политических „внепартийных“ двусмысленностей: политическая платформа может быть принадлежностью только партии.

Перед открывающимся сегодня учительским с'ездом также встает этот вопрос. Он должен решить, сохраняет ли он свою якобы внепартийную платформу.

Если с'езд причисляет себя к нашей либеральной буржуазии, то пусть он найдет мужество открыто заявить об этом.

Обращаясь же к революционно-настроенным элементам с'езда, мы говорим им: требуйте и боритесь за то, чтобы всероссийский союз превратился в союз чисто профессиональный. Это даст возможность всем труженикам школьного дела слиться на профессиональной почве в одну сильную организацию. И это положит конец недопустимой в наши дни политической двусмысленности всероссийского союза. Оставаясь же в союзе в его теперешнем виде, вы играете на руку российской буржуазии, открыто поднимающей теперь знамя реакции против российской революции. Если успех революции вам дорог, вам нет места в политической организации либеральной буржуазии.

Революционный пролетариат, истинный представитель последовательного демократизма, зовет вас под свои красные знамена! И мы хотели бы верить, что вы не останетесь глухи к зову его!

И. Г.

Русская печать.

*** Соглашение революционных демократов — таковы задачи минуты. Об'единение, конечно, не в том смысле, чтобы в тумане утопической беспартийности потонули все классовые различия и рассыпались грани программы. Пусть партии останутся на позициях, не изменяя ни программы, ни тактики. Но боевой союз нужен. Итти вместе нельзя. Но пришла пора быть вместе. В частности, рабочий пролетариат, конечно, никогда не откажется протянуть руку тем группам, которые не только словесно подымут знамя последовательной демократии. Он готов на наступательную борьбу бок о бок с революционным крестьянством, революционным городским населением и сознательною частью солдат. Оттолкнет он от себя только тех, кто под шумихой демократических заявлений скрывает лицемерие и бессилие.

Демократизм так разлился в воздухе, что теперь на путь революции зовет даже и „Русь“, хотя, конечно с осторожными оговорками:

Необходимы такие политические рамки, в которых дальнейшая социальная перестройка России была бы обеспечена в мирных и наиболее справедливых, т. е. иначе демократически-правовых, условиях.

Это та платформа, на которой все партии освободительного движения могут соединиться в один всенародный орган, чтобы оказать немедленно давление на бездействующее правительство и властно побудить его к проведению в жизнь обещанного, и тем избавить страну от грозящей анархии, которая иначе будет губительна для всех.

Если же правительство и этого не послушает, то такой орган соединенных освободительных партий и имеющий доверие всех был бы всегда наготове сам перенять из рук правительства уходящую власть.

Книжки резко противоречили всему складу мужицкой жизни, и поступки господ тоже противоречили морали книжек, написанных ими. В самом факте появления какой-то особенной литературы, нарочито сочиняемой „для народа“, уже есть нечто подозрительное, как и вообще во всех действиях мещан, направленных к торжеству „общего блага“.

Мещане, — повторяю, — во что бы то ни стало хотят жить в мире со всем миром, спокойно пользуясь плодами чужого труда и всячески стараясь сохранить то равновесие души, которое они называют счастьем.

Что же, кроме лжи и лицемерия, можно внести в „общее благо“, обладая такой психологией? И это „общее благо“, как его представляют себе мещане, — огромное, топкое болото, оно покрыто густой плесенью добрых намерений, над ним вечно стоит серый, мертвый туман лживых слов, а на дне его — задавленные люди, живые люди, обращенные в орудия обогащения мещан. Это „общее благо“ пахнет кровью и потом обманутых, порабощенных людей.

Жизнь ставит дело просто и ясно: общее благо невозможно, пока существует хозяин и работник, подчиненный и командующий, имущий и неимущий.

Или все люди, — несмотря на яркое различие их душ, — товарищи, политически и экономически равные друг другу, или вся жизнь — отвратительное преступление, гадкая трагедия извращенности, процесс, не имеющий оправдания...

Сколько ни кропи море духами, оно все-таки даст запах соли, и, конечно, немного бы сделали добрые мещанские книжки, если бы они учили только добродетелям, выгодным для мещан, и если бы, кроме книжек, не было других влияний, способных своей силой возбудить мысль даже в камне.

По степям, мимо деревень, как гигантские железные черви, рассыпая огненные искры, с торжествующим грохотом поползли локомотивы и вагоны, пожирая хлеб мужика. Около деревень хмуро встали красные стены заводов и фабрик, угрожающе поднялись в небеса огромные трубы, черный дым кощунственно летел к жилищу бога, не боясь его гнева. В барских усадьбах явились машины, они сеяли, жали, косили, отнимая стальными руками работу у человека, и человек, чтобы не умереть с голода, шел с поля в широко открытую жаркую пасть фабрики. Там вокруг него хлопотливо, шумно, правильно вертелись колеса, двигались поршни, зловеще гудело железо, и всё, все плоды земли, всё рожденное ею — камень, дерево и сама она — все превращалось в золото и уходило куда-то далеко прочь от человека, оставляя его истомленного, усталого с одним куском хлеба и без копейки на старость.

Рев плавильных печей, визг станков, глухие удары молота, сотрясавшие землю, бесконечное движение ремней и всюду ярко пылающий красивый, веселый огонь, все это было грандиозно, страшно подавляло человека своей

В том и другом случае организованное общество на первых же порах своей деятельности даст русскому народу возможность бросить наконец роковой, исторически гнетущий его „худший шанс“ и пойти к светлому будущему лучшим путем, с наименьшей затратой сил и средств, без крови и насилий.

У кого хватит сил и мужества — пусть становится на путь революции. Кажется, теперь ясно, что иного пути быть не может. Весь вопрос в том, кто же кроме пролетариата и крестьян окажется достаточно смелым?

*** „Доверие“ иссякло в конец. Недавние сторонники кабинета начинают, наконец, прозревать.

Для всех, кроме „Нов. Вр.“, — говорит „Русь“, — давным давно уже стало ясным, что правительство не столько лечит больной организм, сколько бередит его. Общество сначала выжидало, надеялось, потом, не без самоотвержения даже, советовало, предлагало, упрашивало... Теперь с этой стадией надежд, кажется, уж покончено. Общество может рассчитывать только на свои собственные силы. Эти силы есть, они уже работают, и прислушиваться к правительству можно разве в том отношении, чтобы знать, с какой стороны собираются вложить новую палку.

Пока это—слова. Но революция идет полным ходом, и все большие и разнороднейшие слои втягиваются в ее водоворот.

*** Если верить „Петербургской Газете“, то правительство предполагает забастовать.

— В какой мере правительство сознает важность переживаемого момента? — спросили мы одного из видных сановников. — Неужели и теперь имеются еще надежды успокоить страну правительственными сообщениями и всякого рода обещаниями, недомолвками и проч.?

— Могу вам сказать одно: кризис не за горами. Это вопрос ближайших дней. Не забывайте, что сильнее всяких революций банкротство, а мы накануне такового. Земельные банки первые окажутся в трагическом положении... Учетные последуют за ними. Почтово-телеграфная забастовка повлечет за собой всеобщую забастовку. Брожение в войсках только еще началось, но уже началось. Сейчас начинают говорить, что либеральные земцы готовы оказать поддержку гр. Витте. Но теперь едва ли такая поддержка принесет уже пользу. Будет ли г. Кузьмин-Караваев министром или не будет — от этого ровно ничего не изменится. Ведь не изменилось же положение университетов от того, что вместо генерала Глазова сделался министром гр. Толстой. Не изменит ничего и уход г. Дурново. Им еще не жертвуют, но легко пожертвуют. А дальше что? Вместо того, чтобы делать уступки за уступкой и всегда после событий, а не до них, лучше просто уйти...

Не совсем конечно уйти — об этом наверху не подумают, а временно укрыться в подножье и там—готовить погромы. Так сказать, экскурсия к хулиганам „в целях привлечения таковых к оказанию возможного содействия“. Так пишут в исходящих за номером. Мы можем быть уверены в том, что и теперь „весьма доверительно“ составляются соответствующие доклады.

— Кстати, в каком положении вопрос о хулиганах? Кажется, был представлен проект нового закона. Или отложен до Думы?

— Вероятно. К нам на рассмотрение закон о хулиганах не поступал. Да и какой для них закон? Они скоро сами начнут издавать законы. Сейчас ведь от них проходу нет на улицах...

Вариация на манчестерские мотивы: laissez faire, laissez passer... хулиганов.

Признаки благонамеренности.

Хулиганская эпопея, повидимому, еще не закончилась. Наступило только „перемирие“, а черная сотня собирает свои силы для новых подвигов. Черносотенная агитация ведется попрежнему, и не сегодня, так завтра мы можем опять сделаться зрителями подвигов этих устоев „порядка“.

лихорадочной жизнью и невольно возбуждало в нем острый, разрушительный вопрос:

— Зачем так? Для кого?

И он начинал понемногу догадываться, что весь этот механически правильно, но бессмысленно действующий ад создан и приведен в движение ненасытной жадностью тех людей, которые захватили в свои руки власть над всей землей и над человеком и все хотят развить, укрепить эту власть силою золота. Они обезумели от жадности, сами стали глупыми и жалкими рабами своих фабрик и машин, своих векселей и золота, зарвались, запутались в сетях дьявола наживы, как мухи в паутине, и уже не отдают себе отчета — зачем все это им? — и не видят отупевшие, не могут видеть возможности жить иначе, — иной жизнью, красивой, свободной, разумной. Они плывут безвольно, как утопленники, в отвратительном потоке бессмысленной и противной суеты, окутанные едким дымом и запахом человеческого пота, окруженные жадным лязгом железа и стонами людей, которые служат при железе для того, чтобы увеличить золото в карманах мещан, золото, умертвившее душу мещанина, золото — металлического бога ограниченных и жалких людей.

Человек увидел и понял, что его руки создают все, а он не имеет ничего, кроме нищенского права с'есть столько хлеба, сколько нужно, чтобы снова работать и наконец — создав в течение жизни неисчислимое количество богатств — издохнуть с голоду. Человек задумался, потрясенный очевидностью. — Кто он, создающий так много лишнего и неимеющий необходимого? Хозяин жизни или раб ее?

Человек работал на фабрике и видел, как из бесформенных кусков руды его труд создает машины и ружья, как бессильные, тонкие, робко дрожащие нити соединяются в плотную крепкую ткань и веревки; человек протестовал против жадности капитала и видел, что из ружей, им же сделанных, убивают его товарищей, что из веревок делают петли для его друзей.

Всюду вокруг ярко смеялся над ним красный, злобно веселый могучий огонь и возбуждал к жизни необоримую силу человека, мысль его. Капитал, раздевая его тело, превращал человека из раба — хозяина кусочка бесплодной земли в свободного нищего, из пассивного страдальца, поражавшего мир терпением, в пылкого, упорного борца за свое право быть человеком, а не доходной статьей мещан.

И он начал свою великую борьбу.

Жестокость богатства так же очевидна, как и глупая жадность его. Неразборчивый, как свинья, капитал пожирает все, что видит, но нельзя с'есть больше того, сколько можешь, и однажды он должен пожрать сам себя — эта трагикомедия лежит в основе его механики. Сила капитала — механическая грубая сила; этот ком золота, точно ком снега, брошенный под гору, вовлекая

В калейдоскопе недавних дней, ознаменовавшихся особенной разнузданностью людей (?гм!) „порядка“, мне невольно бросился в глаза один факт—мелкий, частный факт, но зато весьма характерный. В № 5 нашей газеты сообщалось, как один молодой человек, желая спастись от черносотенного сброда, вынужден был надеть рваную шапку извозчика и прикинуться пьяным хулиганом.

Не правда ли, яркая картина нашей культурности?

Облик хулигана как единственное спасение для порядочного человека, облик хулигана как вернейший признак благонамеренности!

Признаки благонамеренности имеют у нас свою историю. В конце 50-х годов Герцен описывал в „Колоколе“ такой случай. Приехал к нему из Петербурга некий профессор — приехал, конечно, тайно, с соблюдением величайшей конспирации. Конспирировал он уже с того момента, как начал хлопотать о заграничном паспорте. И вот, чтобы не возбудить подозрения относительно цели его поездки, чтобы проявить несомненные признаки благонамеренности, сей ученый муж, беседуя с полицейским приставом, рассказывал ему скабрезные анекдоты.

Герцен с ужасом восклицает: каково же это общество, каков этот политический строй, где человек бывает вынужден украшать свою гражданскую физиономию похабными анекдотами!

Так было около полувека тому назад, когда в России царила еще традиция высочайше утвержденного мракобесия николаевских времен.

Но вот хлынула волна реформ — называемых, по иронии, великими реформами. Россия, казалось, двинулась вперед в смысле культурности. И что же? Каковы стали признаки благонамеренности? А вот каковы. Для доказательства своей благонамеренности человек 70-х годов должен был, по словам Щедрина, совершить четыре акта гражданской добродетели:

1) Жида окрестить,
2) Подделать вексель,
3) Двоеженство учинить,
4) Поступить на содержание к содержанке.

И вот святая Русь бросилась на этот путь культурного развития. Мало-по-малу все активные элементы (инертные массы не в счет) разделились на два лагеря: политических (неблагонамеренных) и уголовных (благонамеренных). И чем быстрее шло общественное развитие, тем резче разделялись эти два лагеря. В наши дни эта борьба настолько обострилась, что старые щедринские нормы благонамеренных оказались недостаточными. Уголовный характер благонамеренных пришлось поднять на несколько ступеней выше. И от современного гражданства требуются признаки благонамеренности приблизительно следующего свойства:

1) Жида растерзать,
2) Изувечить не менее трех интеллигентов,
3) Произвести растрату казенных или общественных сумм,
4) Быть членом одной из черносотенных организаций.

Лица, удовлетворяющие этим признакам, заслуживают вполне звания граждан свободной России, им, мне кажется, можно предоставить и право выборов в Государственную Думу—хотя бы в качестве представителей слоев населения, обойденных законом 6 августа!

И. Орловский.

в себя всякую дрянь, увеличивается в об‘еме от движения, но само движение слепо, безвольно и не может иметь оправдания, когда оно давит и уничтожает миллионы людей...

По пути к самоуничтожению капитал, развиваясь, захватывает на служение своим интересам и государство, оно растворяется в нем, теряет свой животно-самодовлеющий характер власти ради власти, и короли ныне покорно служат интересам фабрикантов и лавочников. Капитал похож на чуму, которая одинаково равнодушно убивает водовоза и губернатора, священника и музыканта. И как чума, — сам по себе он не нуждается в оправдании бессмысленности своего роста,—механически правильно сортируя людей на классы, независимо от своей воли развивая их сознание, он сам создает себе непримиримых врагов, раздражая человека своей жадностью, как дурак раздражает быка красным. Зло жизни, он не стесняется своей ролью, он цинично откровенен в своих действиях и, нагло говоря грохотом машин — все мое! — равнодушно развращает людей, искажает жизнь. Таков он есть, он не может быть иным, и это хорошо, потому что просто, всем понятно и очень быстро создает в душе представителя труда резко отрицательное, непримиримо враждебное отношение к представителю капитала.

Но для мещан капитал — идол, сила и необоримая власть, и они раболепно служат ему, довольные теми об‘едками, которые пресыщенное животное бросает им под стол, как собакам. Они не обижаются на это — чувство человеческого достоинства не развито у мещан, ослепленные блеском золота, они служат господину не только из страха пред силой его, но уважая силу, и не только служат,—что естественно, ибо и мещанин любит есть много и вкусно, — но подслуживаются, что уже противно. Мещане всегда моралисты, и вот, сознавая моральную наготу своего кумира, смутно чувствуя преступность его бытия, они пытаются подложить смягчающие вину философские основания под этот процесс насилия, истязания и убийства миллионов людей ради накопления золота в карманах десятков. И доказывая право капитала грабить, убивать, они думают скрыть факт своего соучастия в грабежах и убийствах.

— Иначе нельзя! — говорят они.

— Можно! — отвечают им социалисты.

— Ах, это мечта! — возражают мещане и снова жульничают, всюду выискивая доводы, способные подтвердить вечную необходимость деления людей на богатых и бедных и незыблемость такого порядка, одинаково унижающего и рабочего и, капиталиста, и самих мещан.

Эти жалкие попытки трусливых холопов остановить колесницу истории грудами лживых слов, брошенных по пути ее движения, иногда действительно замедляют ход жизни, затемняя и запутывая медленно растущее в массе народа сознание своего права, и вот почему нужно всегда помнить, как свое имя, что истинный враг жизни не капитал — стихийная, глупая, безвольная сила, а холопы его, почтенные мещане, желающие в интересах своего

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Варшава, 18 ноября. — Почтово-телеграфная забастовка распространилась на губернские и многие уездные города края. При помощи телеграфистов из саперных батальонов слабое сообщение между городами поддерживается. С Берлином и Веной сообщение прекращено вследствие утомления ограниченного числа лиц, работавших на аппаратах. С Петербургом, Москвой и Одессой сообщения нет. Накопившиеся депеши отправлены вчера железными дорогами.

Забастовка на газовом заводе прекратилась, сегодня приступлено к работам.

Москва, 19 ноября. — Сегодня открылся с'езд русских агрономов; завтра будет обсуждаться аграрный вопрос.

Варшава, 19 ноября. — Положение в почтово-телеграфных конторах края не изменилось; экстренные сношения с Петербургом совершаются по индо-европейскому телеграфу через Лондон.

Москва, 19 ноября. — Московская духовная семинария сегодня закрылась.

Москва, 19 ноября. — Рабочие приступили к работам на заводах: Добровых, Набгольц, на московском рафинадном Келлер, на фабриках Симонов и Филиппов с сыновьями. На московском металлическом заводе начался расчет рабочих. На заводе Вежхельд правление в виде опыта установило 9-часовой рабочий день условно, до 1 января 1906 года.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Берлин, 19 ноября (2 декабря). — Из Джорджтауна (Британская Гвиана) сообщают, что возмутившиеся рабочие в доках осадили здание, в котором находится губернатор с местными войсками и командующими ими полковником и офицерами. Положение очень тревожное. Прибытие канонерской лодки ожидается с крайним нетерпением.

Афины, 18 ноября (1 декабря). — Сегодня утром прибыл из Митилены русский контр-миноносец. Офицер с него сообщил здешним журналистам, что вчера губернатор Митилены прибыл на борт австрийского броненосца и представил адмиралу Риперту официальную телеграмму из Константинополя о том, что Порта принимает установление европейского контроля в Македонии с изменением некоторых условий. Адмирал ответил, что, если Порта не примет всех без исключения требований держав, международная эскадра в полдень, в воскресенье, займет острова Лемнос и Имброс.

Джорджтаун (Британская Гвиана), 19 ноября (2 декабря). — Здешние портовые рабочие, устроившие портовую стачку, находятся последние два дня в полном восстании, грабят лавки; пришлось употребить военную силу, которая стреляла по восставшим, очень много раненых и убитых. На дом, занимаемый губернатором, сделано нападение. Продолжение беспорядков грозит серьезной опасностью белому населению.

Мадрид, 18 ноября (1 декабря). — Морэ поручено составление кабинета, который образовался под его председательством. В состав кабинета вошли: Романонес — министр внутренних дел, герцог Альмадора — иностранных дел, Люнье — военный, Сальвадор — финансов, Гассэ — общественных работ, Санта-Мария-Парадес — народного просвещения, Гарция Приэто — юстиции. Портфель морского министра вакантен.

Москва.

(По телефону из Москвы.)

19 ноября.

— „Московская Газета“ передает следующий факт. Вчера на Никитском бульваре состоялось собрание забастовавших официантов, собравшихся для обсуждения своих нужд. Полиция разгоняла собравшихся и арестовала председателя и депутатов союза. Градоначальник Медем заявил арестованным, что для них заготовлены пулеметы и что вообще против них будут приняты самые крайние меры.

личного счастья доказать массам народа невозможность иного порядка жизни, примирить рабочего с его ролью доходной статьи для хозяина и оправдать жизнь, построенную на порабощении большинства меньшинством...

Роль примирителя — двойственная роль, и мещанин — вечный пленник внутреннего раздвоения. Все, что он когда-либо выдумал, носит в себе непримиримые и подлые противоречия. Он в одно время дает человеку бутылку водки и книжку о вреде алкоголя, взимая с того и другого товара известный процент в свою пользу. Он говорит о необходимости строить тюрьмы гуманно. Признавая женщину всячески равной мужчине, он из соображений „реальной политики“ — т. е. политики скорейшего и во что бы ни стало установления твердого порядка — лишает ее права голоса, несмотря на то, что его супруга, вероятно, не менее, чем он, жаждет торжества порядка и равновесия души. Он готов принять в свои об'ятия свободу, но обязательно в качестве законной супруги, дабы „в пределах законности“ насиловать ее, как ему угодно. Он обладает, как все паразиты, изумительной способностью приспособления, но никогда не приспособляется к истине. Он способен видеть и принять только правду факта, и ему чужда и непонятна правда человеческого стремления к творчеству фактов.

Всего ярче открывается его пестрая, искаженная холопством перед силой, отравленная неустанной жаждой покоя и довольства, маленькая, скучно-честолюбивая, липкая душа — в эпохи народного возбуждения, когда он, серый, суетливый и жадный, жутко мечется между черным представителем гнета и красным борцом за свободу, стараясь скорее понять — кто из этих двух победит? Где сильнейший, на чью сторону мог бы скорее стать, дабы водворить порядок в жизни, установить равновесие в душе своей и урвать кусок власти?

Жалкое существо, и если б оно не было так вредно, о нем не следовало бы говорить, но о нем необходимо говорить больше всего, как это ни противно.

Мещане — лилипуты, народ — Гулливер, но если его запутать всеми нитками лжи и обмана, которые находятся в руках этого племени, он должен будет потратить лишнее время для того, чтобы порвать эти нитки.

Наши дни не только дни борьбы, но и дни суда, не только дни слияния всех работников правды, свободы и чести в одну дружину непобедимых, но и дни раз'единения со всеми, кто еще недавно шел в тылу армии пролетариата, а теперь, когда она одержала победу, выбегает вперед и кричит:

— Это мы победили! Мы представители народа! Пожалуйста, давайте нам место, где бы мы могли сесть, чтобы торговаться с вами. Мы продаем русский рабочий народ — сколько дадите?

Они, вероятно, скоро продадут, потому что просят дешево...

М. Горький.

— Против дома градоначальника на Тверском бульваре собралась большая толпа безработных рабочих, требовавших от градоначальника билетов для бесплатного проезда на родину. Отряд городовых под начальством околоточного рассеял толпу.

— Телеграфисты Московского узла железных дорог получили от организационного бюро почтово-телеграфного с'езда следующую телеграмму: „Мы, члены почтово-телеграфного с'езда, просим товарищей железнодорожных телеграфистов, механиков, надсмотрщиков помочь в успехе нашей забастовки. Для успеха необходимо полное прекращение действия по правительственным проводам, а также прекращение приема правительственных военных и частных телеграмм по железнодорожному телеграфу и содействие передаче циркуляров членам почтово-телеграфного союза".

— Вчера на главном телеграфе скопившиеся за последнее время депеши, адресованные частным лицам, администрация предполагала разослать при содействии полиции. Один из почтово-телеграфных чиновников был командирован с кипою таких депеш в управление 1-го уч. Мясницкой части. Чиновник прибыл в помещение участка и просил полицию разослать депеши адресатам через наемную артель посыльных. Полиция еще не успела ничего предпринять, как в участок явились 10 делегатов из числа забастовавших почтово-телеграфных чиновников. Во дворе участка и в Кисельном пер. в это время собралась толпа забастовщиков до 150 человек. Делегаты предложили полиции сейчас же выдать им чиновника, прибывшего с депешами, в противном случае угрожали разгромом участка. Разгромить участок им не удалось, потому что прибыли жандармы и их рассеяли, а чиновника, под охраной жандармов, через некоторое время отправили обратно на телеграф с неразосланными депешами. Забастовщики все время ютились группами в переулке и следили за отправлением чиновника обратно на почту („Русский Листок").

— Вчера прибывшие в Москву с почтовыми поездами вагоны на всех железных дорогах были отцеплены от состава поездов и поставлены на запасные пути, где невыгруженная почта охранялась войсками. Следовавший из Петербурга в Севастополь курьерский поезд с почтовым вагоном при остановке на московской станции Курского вокзала выгрузил почту, предназначавшуюся для Москвы („Русский Листок").

— Московские банки получили из Петербурга известие, что вопрос об организации банками своего почтового сообщения для сношения, главным образом, с заграницей, получил уже там разрешение, и правительство, с своей стороны, предоставило в распоряжение банков железнодорожные вагоны и военную охрану.

— В „Русских Ведомостях" студент-техник Самцов сообщает возмутительные сведения об избиении рабочих фабрики Ионова, что на Николо-Ямской улице. 17 ноября, в 4 часа дня, драгуны, выстроившись по тупику, где фабрика, оставили узкий проход и, пропустив большую часть рабочих, начали избивать шедших сзади. Били жестоко, зверски по головам шашками и нагайками. Избиение прекратилось после возгласа „довольно!", повторенного офицером, командовавшим драгунами, и приставом первого участка Рогожской части Тувиным.

— Во всех сегодняшних газетах помещено следующее письмо: „Совет всероссийского с'езда старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, доводит до всеобщего сведения, что никакого участия в союзе, именующем себя «союзом старообрядцев», воззвание которого помещено в № 208 «Московских Ведомостей», не принимает и никакого отношения к нему не имеет. За председателя Михаил Бриллиантов, члены совета: Павел Рябушинский и И. А. Пуговкин".

— С'езд союза почтово-телеграфных чиновников начал свое заседание 18 ноября чтением приветственных телеграмм от почтовых и телеграфных служащих Средней Азии, Сибири и Закавказья. В этих телеграммах заявляется, что почтово-телеграфные чиновники готовы итти на какие-угодно жертвы, чтобы добиться желанного конца. Далее был поставлен вопрос о политической платформе с'езда. С'езд единогласно принял следующую формулу, определяющую цель, задачи и платформу союза почтово-телеграфных чиновников: „Союз имеет целью коренным образом улучшить материальное и служебно-правовое положение почтовых и телеграфных служащих, а также защитить их корпоративные интересы. Для этого союз стремится к установлению такого порядка, при котором выработка всех правительственных законоположений и мероприятий, касающихся служащих почтово-телеграфного ведомства, находилась бы в руках самих служащих. В виду того, что такой порядок, даже и при измененном манифестом 17 октября государственном строе России, невозможен, союз и выставляет требования полной свободы и созыва Учредительного Собрания на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования для выработки основного государственного порядка". В начале выработанного затем обращения к народу почтово-телеграфный с'езд заявляет, что всякую ответственность за все последствия почтово-телеграфной забастовки он возлагает на русское правительство в лице графа Витте. Далее обращение обрисовывает те причины, которые заставили начать забастовку. Оно указывает на униженное положение почтово-телеграфных чиновников, принужденных исполнять самые постыдные приказания начальства, до перехватывания частных писем включительно. Они, т. е. почтово-телеграфные служащие, убедились, что исполнение манифеста 17 октября находится в руках бывшего сотрудника Плеве, и от произвола этого сотрудника с'езд сам пострадал. Теперь чаша терпения переполнилась. Кто же истинный виновник забастовки? Неужели те работники, которые несут тяжесть забастовки на своих плечах? Обращение кончается словами: „Пусть нас обвиняет правительство, нас оправдает трудящийся народ".

— В Москве организовался союз клинических служащих по найму. В союз вошло более 700 человек. Была выработана программа экономических требований, которые затем были представлены по начальству. Начальство в удовлетворении требований отказало.

— Училище живописи, ваяния и зодчества занято в настоящее время войсками, приглашенными туда директором училища кн. Львовым. Приглашение вызвано следующими обстоятельствами: 16 ноября в здание почтамта были вызваны войска. Училище живописи, ваяния и зодчества находится на Мясницкой улице, против почтамта. Когда войска показались на Мясницкой, воспитанники, предполагая, что войска направляются к ним в училище, быстро забаррикадировали двери, и боевая дружина училища хотела встретить непрошенных гостей залпами. Против воли за баррикадами оказались и директор и педагогический персонал. Когда дело раз'яснилось, воспитанники, по настоянию директора, покинули училище, а его заняли войска, продолжающие оставаться там и поныне.

— Совет Рабочих Депутатов печатает воззвание к рабочим электрических обществ с просьбой присоединиться к ним и превратить отдельные вспышки в один общий пожар. Воззвание просит оказать материальную поддержку общему делу, просит, далее, присоединиться ко всеобщей политической забастовке, которая окончательно сметет отживающий свое время самодержавный политический строй.

— Вчера в театре „Аквариум" собрались рабочие, приказчики и писцы винных складов для обсуждения своих нужд. Были выработаны требования: уволить со службы заведующего первым винным складом, установить государственное страхование рабочих винных складов, устроить комиссию из рабочих и представителей администрации складов для совместного обсуждения претензий рабочих, уничтожить штрафы, прибавить 25% жалованья и заработной платы всем рабочим, предоставить полную свободу собраний. Текст резолюции решено представить чиновнику министерства финансов Левицкому, приехавшему специально, чтобы уладить недоразумение с рабочими винных складов.

— „Вечерняя Почта" пишет: „В то время, как организация рабочих идет открыто, капиталисты, как боязливые мыши, при соблюдении самой строгой конспирации, в тиши роскошных кабинетов, собираются и составляют союзы в целях борьбы с рабочими.

„Об одном таком союзе-синдикате мы сообщаем:

Протокол собрания фабрикантов кондитерского производства 22 октября 1905 года.

Присутствовали: т-во Эйнем, торг. д. Тиде, торг. д. Сиу и К°, т-во Абрикосова с-вей, И. Л. Динг, т-во Ж. Борман, торг. д. И. Д. Иванов, торг. д. Васильев с-вья, Т. Д. Яни, В. И. Жуков, Зайцев, т-во Реноме Леоновы и т. д.

1) В виду вздорожания многих материалов, топлива, поднятия заработной платы рабочим и неизбежности сокращения рабочего дня, а также вследствие замечаемого об'единения и солидарности в требованиях среди рабочих, работающих на разных фабриках, председатель высказался за желательность об'единения и солидарности в действиях кондитерских фабрикантов и необходимость равномерного для всех фабрик поднятия цен прейс-куранта, что и принято собранием единогласно.

Затем было приступлено к рассмотру требований рабочих по порядку.

2) Относительно продолжительности рабочего дня собрание высказалось, что, хотя, вероятно, в скором времени придется сократить число рабочих часов, тем не менее постановило вопрос этот окончательно не решать и обождать рассмотрения его на общем биржевом собрании фабрикантов. Пока же установить минимальный 10-часовой рабочий день.

3) Уничтожение сдельных работ и сверхурочных признано невозможным, но за сверхурочные работы решено платить вдвое.

4) Уничтожение обыска признано невозможным единогласно.

5) Уничтожение штрафов большинством собрания признано нежелательным.

6) Относительно сохранения жалованья во время болезни рабочего, решено жалованье выдавать сполна до одного месяца, если рабочий доставит о своей болезни записку в контору фабрики от фабричного врача или врача, известного фабрике. После же одного месяца болезни решено выдавать 50% жалованья еще в течение 2 месяцев, если рабочий прослужил на фабрике не менее 6 месяцев.

7) Отмена непосильных работ для женщин принята собранием единогласно.

8) Беременным женщинам, проработавшим на фабрике не менее одного года, постановлено давать отпуск на время родов 1 месяц, с сохранением содержания.

9) Учреждение комиссии, которая рассматривала бы недоразумения по поводу найма и увольнения рабочих, собрание решило отклонить.

10) Относительно устройства библиотеки для рабочих на каждой фабрике собрание высказалось за желательность этого устройства и решено, по возможности, устраивать библиотеки.

11) Сохранение жалованья во время стачек решено отклонить.

12) Устройство яслей и отпуск женщин для кормления детей решено отклонить.

13) Относительно отпусков рабочим собрание пришло к следующему решению: всем рабочим, прослужившим на фабрике не менее 2-х лет, может даваться отпуск на 10 дней один раз в два года с сохранением содержания. От этого правила по особо важным причинам допускаются исключения.

14) Отпуск лекарств рабочим по рецептам частных врачей и посещение фабричным врачем больных на дому—признано желательным.

15) Циркуляры о повышении цен решено разослать и крупным провициальным фабрикантам с просьбой присоединиться.

Председателем было доложено собранию письмо от т-ва Ж. Борман, в котором оно просит дать ответы на вопросы, указанные в письме, интересующие петербургских фабрикантов".

— В „Московской Газете" напечатано:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Товарищи! Царское правительство и наши злейшие враги—капиталисты открыто об'единились в одну шайку и готовятся общими усилиями сломить рвущийся к свободе геройский пролетариат.

На наших братьев, петербургских рабочих, обрушились первые удары этой подлой шайки. Правительство и капиталисты по общему уговору закрыли несколько десятков фабрик и заводов и выбросили на улицу больше ста тысяч рабочих. План царского правительства и хозяев ясен: они хотят голодом смирить революционный пролетариат.

Фабрики и заводы продолжают закрываться. То же грозит Москве и другим пролетарским городам России. Правительство и капиталисты бросили пролетариату дерзкий вызов. Пролетариат примет его. Петербургские рабочие потребовали немедленно открытия всех фабрик и заводов и возвращения рассчитанных рабочих. Если это требование не будет выполнено, весь российский пролетариат должен, как один человек, ответить на вероломный удар правительства всеобщей политической забастовкой.

Мы уверены, что московские рабочие, когда понадобится, первые отзовутся на призыв петербургских товарищей. Мы не сомневаемся в этом и приглашаем вас теперь же готовиться к близкой борьбе. А рассчитанным петербургским товарищам мы должны немедленно оказать помощь. По копейкам, по грошам соберем эту помощь, товарищи! Пусть видят все, что мы, рабочие, составляем одну дружную семью! Пусть убедятся в этом и наши враги!

— На-днях состоялось собрание представителей бюро московских профессиональных союзов. Продолжительные прения вызвал вопрос об отношении союзов к партиям. Отдельные члены бюро настаивали на необходимости для союзов примыкать к определенной политической партии в виду того, что экономическая борьба неизбежно связана с борьбой политической; большинство однако склонилось к той мысли, что принятие союзами партийных программ ослабит их внутреннюю силу. Кроме того, нужно иметь в виду, что для широких масс профессиональных рабочих, при их нынешнем культурном развитии, весьма трудно разобраться не только в деталях, но даже и в основах партийных учений. Последствием этого может быть ослабление и численного состава союза. Обсуждался также вопрос о том, следует ли профессиональным союзам в случае недостатка своих собственных средств прибегать к общественной благотворительности для поддержания товарищества. Вопрос разрешен в утвердительном смысле, при чем оговорено, что обращение к благотворительности допускается в самых крайних случаях.

Программа вопросов, подлежащих обсуждению с'езда, следующая: 1) доклады представителей отдельных союзов и организаций, 2) о мерах к установлению постоянной связи между отдельными обществами, союзами и организациями, о слиянии обществ. союзов одинаковых промыслов и занятий; 3) учреждение всероссийского бюро, об'единяющего местные союзы и ведущего пропаганду идей профессионального об'единения, разрабатывающего статистику профессионального движения, издающего газету и проч.; 4) задачи профессиональной борьбы, поддержка безработных, поддержка стачек, юридическая помощь членам, просветительные задачи союзов. К с'езду готовятся следующие доклады: 1) существующие законодательства об охране труда и задачи профессионального движения в области рабочего законодательства и экономической политики; 2) профессиональные союзы и 8-часовой рабочий день; национальный вопрос в профессиональном движении; штрейкбрехерство; роль профессионального движения в классовой борьбе пролетариата вообще и в современный момент в частности; 3) профессиональные движения и политическая борьба; 4) профессиональные союзы и Государственная Дума; 5) города и земства в отношениях к рабочему классу и его нуждам: а) как предприниматели, б) как органы самоуправления; 6) органы печати и другие виды литературы профессионального движения.

— Сегодня состоялся большой митинг почтово-телеграфных чиновников, привлекший более 2.000 человек. Собрание единогласно постановило выразить протест против произвола властей, выразившегося в неразрешении почтово-телеграфного с'езда. Решено воздержаться от получки 20 числа жалованья. Затем было решено обратиться к обществу с об'яснением истинного положения служащих в богатом почтово-телеграфном ведомстве.

— Корпорация городских служащих получила от городских конно-железных дорог заявление, в котором они обвиняют заведующего „конками" Боровского в целом ряде хищений, продолжавшихся несколько лет.

— В Москве сегодня получено известие, что депутация с'езда городских и земских деятелей будет принята графом Витте лишь во вторник. В среде деятелей с'езда это известие произвело скверное впечатление, так как деятели предполагают, что премьер-министр перестает интересоваться деятельностью с'езда.

— Как мы вчера передавали, на заводе бр. Кертинг, что в селе Всесвятском, произошли беспорядки из-за поведения администрации завода при установлении 8-часового рабочего дня. На завод вызваны казаки, но прекрасно вооруженная дружина из рабочих намерена дать отпор казакам. Жители Всесвятского, принадлежа к черносотенцам, стали во враждебные отношения к рабочим. Рабочие предупредили жителей села, что в случае, если только сельчане будут продолжать свою черносотенную деятельность, они подожгут село одновременно в пяти местах.

— Всероссийский союз землевладельцев продолжает свои заседания днем и вечером, но под строжайшим секретом. Двери катковского дома, где происходят заседания, охраняются чрезвычайно тщательно, и внутрь пускают с большой оглядкой. До

чего заседания с'езда ведутся тайно, видно из того, что сегодня отказали в выдаче сведений даже представителям черносотенных газет. Лицо, на которое возложена обязанность переговариваться с корреспондентами, отказывает в выдаче сведений потому, что якобы стенографические протоколы заседаний с'езда еще не проверены. Стороной удалось узнать, что пока с'езд не делал еще никаких постановлений и присутствующие только обмениваются мнениями. С'езд, по слухам, продолжится еще около недели, а затем будет командирована депутация от с'езда к графу С. Ю. Витте.

— Сегодняшнее заседание думы открылось заявлением 17 гласных об обсуждении вопроса о том, как избежать массовых казней в Севастополе. Черносотенный элемент во главе с г. Шмаковым попытался сорвать этот вопрос. Вопрос был поставлен на баллотировку и отклонен 68 голосами против 50. Удалось только добиться, чтобы вопрос этот, как не стоящий на повестке, был снят с очереди. Затем состоялись выборы городского головы, при чем 103 голосами против 21 избран Николай Иванович Гучков.

— „Примирительная камера" никак не может организоваться при Малковском общественном управлении. Рабочие города, избранные в эту комиссию, категорически заявили управе, что, если только примирительная камера не начнет действовать в самом непродолжительном времени, то рабочие ответят забастовкой. Вообще среди городских рабочих идет сильное брожение. Особенно возмущены рабочие тем, что город выдает им всего 5 руб. квартирных, когда, естественно, за эту сумму никакой квартиры не найти.

— Положение дел с почтово-телеграфной забастовкой скверное и с каждым днем осложняется все больше и больше. Чиновники твердо решили продолжать забастовку по крайней мере еще дней 20, а то и больше, до тех пор, пока их требования не будут удовлетворены. Почтово-телеграфное начальство не принимает мер к прекращению забастовки, а наоборот, усугубляет ее: так, с'езд получил из Петербурга извещение, что с'езд начальством не разрешен, равно как не признано существование почтово-телеграфного союза; мало того, начальник главного управления почт и телеграфов распорядился уволить в Москве еще 9 почтово-телеграфных чиновников. Увольнение состоялось на основании 788 ст., т. е. как неблагонадежных, без права поступления на службу вновь. Почтдиректор приглашает чиновников приступить к работе и взывает к их благоразумию. На телеграфе ровно никого нет. Последние телеграфные чиновники ушли, а остались лишь вольные телеграфисты, которые не могут работать на иных аппаратах, кроме аппарата Морзе, а этот последний не может передавать на дальние расстояния. Помимо того, на телеграфных линиях на проволоку набросана еще железная проволока, и таким образом ток уходит в землю. Таким образом изолированы телеграфные линии вдоль полотна Курской дороги. Сообщение с Петербургом Москва поддерживает только посредством телефона, но телефон, по слухам, должен сегодня в три часа ночи прекратить свое действие.

— Сегодня одна из небастующих телефонисток окончила жизнь самоубийством, об'яснив в предсмертной записке свою смерть угрызением совести.

Почтово-телеграфная забастовка.

Ответ графу С. Ю. Витте от депутатов первого всероссийского делегатского с'езда почтово-телеграфных работников.

Ваше сиятельство, исполняя возложенное на нас поручение с'езда 18 ноября, мы явились в Петербург со специальной целью передать Вам коллективное заявление наших товарищей. На нашу просьбу о личном свидании Вы, ваше сиятельство, соблаговолили ответить нам не чем иным, как отказом.

Мы не можем принять Вашего ответа иначе, как за выражение пренебрежительного отношения не только к нам, но и ко всем работникам почтово-телеграфного дела. В Вашем ответе, переданном нам через Вашего уполномоченного, г. Вуича, мы усматриваем не что иное, как простую перефразировку всем известных циркуляров г. Дурново. Вашему сиятельству не может быть неизвестным, какое впечатление произвели на все почтово-телеграфное ведомство эти циркуляры и другие распоряжения нынешнего министра внутренних дел, сыгравшие роль последней капли, переполнившей чашу нашего терпения.

Из Вашего заявления мы не можем не видеть, что Ваше сиятельство таким образом констатируете свою солидарность с г. министром внутренних дел и, как глава кабинета, берете на себя ответственность за все последствия забастовки, провоцированной г. Дурново, независимо от того, остается или не остается этот последний на посту министра внутренних дел.

При такой постановке вопроса мы не можем не видеть, что какие-либо надежды на удовлетворение наших скромных требований мирным путем совершенно теряют почву, и нам, работникам почтово-телеграфного дела, больше ничего не остается, как рассчитывать в будущем исключительно на свои собственные силы, — другими словами, продолжать забастовку до тех пор, пока не будут удовлетворены следующие наши требования:

1) Отмена всяких мер, принимаемых правительством в целях противодействия организации и деятельности союза и с'езда,

и 2) Прекращение всяких репрессивных мер по отношению к отдельным членам союза и немедленное возвращение товарищей, уволенных за принадлежность к союзу.

Формулируя таким образом наши справедливые требования, считаем долгом обратить внимание Вашего сиятельства, что мы, добиваясь их удовлетворения со стороны правительства, лишь присоединяемся к тем общерусским требованиям о немедленной гарантии действительной неприкосновенности личности, свободы союзов и собраний, которые столько раз уже были обещаны правительством на бумаге и столь недвусмысленно нарушаются на деле. Таким образом, мы выставляем на нашем знамени те самые требования, которые уже выставлены на знаменах всего трудящегося народа, от лица организационного бюро первого делегатского всероссийского почтово-телеграфного с'езда.

Этим мы и заканчиваем миссию личных переговоров с Вашим сиятельством.

Инженер *Двужильный.*
Инженер *А. Залуцкий.*
Телеграфистка *А. Рокк.*

19 ноября, в первом часу дня, в присутствии нескольких тысяч человек чиновников почт и телеграфа, почтальонов и сторожей происходило собрание почтово-телеграфного союза. В целом ряде речей ораторы указывали на ту сплоченность, которую обнаружили все чиновники и служащие спб. почты и телеграфа в количестве 6.000 человек. К забастовщикам примкнули все без исключения городские почтовые и телеграфные отделения за исключением единичных случаев; в конце концов все штрейкбрехеры были сняты и примкнули к забастовке; в настоящее время вся Россия отрезана от Петербурга. Бурный восторг вызвали депутаты от всероссийского почтово-телеграфного союза, прибывшие из Москвы и передавшие привет от своих товарищей. Такие же привет и уверения в солидарности были переданы двумя делегатками от финляндских почт и телеграфов, которые примкнули к русским товарищам. Также примкнул к всероссийской забастовке датский кабель, о чем доложено собранию. Представитель датского кабеля, присутствовавший на собрани, заявил, что кабель готов бастовать до тех пор, пока это необходимо будет русским товарищам. Долгие рукоплескания раздались в ответ на это заявление. Собрание постановило для более крепкой организации выбрать по одному человеку из каждых десяти (из общего числа 6.000 человек), что составит 600 человек, из которых будет состоять комитет союза. Из этих 600 человек решено выбрать 60 человек для бюро союза. До этих выборов старое бюро и комитет функционируют на прежних основаниях. Союзом организован стачечный денежный фонд для материальной поддержки бедствующих товарищей. Со своей стороны было доложено, что Совет Рабочих открывает для фонда кредит в 3000 руб. Собранию было доложено, что администрация главного почтамта обещала дать своим служащим для собрания свободный зал; решено этой любезностью не воспользоваться. Собрание вынесло следующую резолюцию: бастовать до удовлетворения требований всех почтово-телеграфных служащих России. Забастовка продолжается.

---

19 ноября петербургский почт-директор г. Глаголев издал приказ, в котором извещает служащих, что им усилен наряд войска и полиции, а потому как чиновники, так и почтальоны могут считать себя в полной безопасности и не бояться угроз. Вместе с тем г. Глаголев „предупреждает", что неявившиеся 20 ноября служащие „будут признаваться нежелающими работать", и их места будут замещаться кандидатами и „лицами, предлагающими (!) свои услуги почтамту". Мы бы дали г. Глаголеву на будущее время совет сочинить что-нибудь поумнее.

— Начальником главного телеграфа разослан следующий приказ: „Начальникам почтово-телеграфных округов, отделов перевозки почт по жел. дор. и упр. городским телеграфом в С.-Петербурге и Москве.—В изменение предыдущих распоряжений г. управляющий мин. вн. дел продлагает вам выдать жалованье только тем, которые, оставаясь верными долгу службы, продолжали исполнять свои обязанности. Остальные будут удовлетворены причитающимся содержанием по восстановлении порядка и по разборе, кто виновен и кто подчинилси ей по малодушию и под угрозой насилия. Севастьянов. Адамович".

— На Николаевском вокзале у кассы почтового отделения стоит солдат. Продажа почтовых знаков не производится.

В Совете Рабочих Депутатов.

Заседание 19 ноября.

Председатель сообщает, что командированные Советом в Москву делегаты вступили в тесные сношения как с почтово-телеграфным, так и крестьянским союзами по вопросу о всеобщей политической забастовке.

Делегат от ревельского Совета Рабочих Депутатов, приветствуя петербургский пролетариат, передает просьбу от ревельского Совета установить более тесное с ним сношение, чтобы одновременно выступать на борьбу с правительством.

Далее, председатель в кратких словах обрисовал то безвыходное положение, в которое попали правящие сферы вследствие почтово-телеграфной забастовки. Бастуют все города, кроме Тамбова, а сегодня выключен датский кабель, соединявший Петербург с Лондоном. Россия отрезана от Западной Европы. Завтра представители иностранных держав, раз'единенные со своими метрополиями, представляют правительству коллективную ноту. На бирже паника. В Петербурге бастуют 5.000 служащих из 5.200 чел. Особенно дружно примкнули к забастовке низшие служащие: почтальоны, рассыльные и др. Г. Дурново пытается вступить в переговоры с забастовщиками, но неудачно.

Представитель почтальонов дополняет, что почтальоны единодушно бросили сумки и не возьмут их, пока не дадут им права союзов.

Сообщается об аресте 8 человек из 28 почтового отделения.

Ставится вопрос, в какой форме может быть оказана помощь Совета для прекращения передачи правительственных сообщений по железнодорожному телеграфу. Совет принимает предложение Исп. К. обратиться к железнодорожным телеграфистам с воззванием—не передавать никаких телеграмм, кроме относящихся к движению.

Правительство намерено вступить в соглашение с страховым обществом Гергард и Гей о перевозке почты в почтовых вагонах. Солдатам, порвавшим в Москве телефоны, за которые их засадили, оно уже не доверяет. Необходимо так или иначе помешать этой перевозке. Совет предлагает Исп. К. вступить по этому поводу в переговоры с железнодорожным союзом.

Далее единогласно было постановлено ассигновать из средств Совета авансом в стачечный комитет почтово-телеграфного союза 2500 руб.

Постановлено увеличить представительство от районов в Исп. К. с 2 до 4 чел.

После перерыва читаются сообщения из районов о положении дел на фабриках и заводах.

Между прочим, делегат Семянниковского завода сообщает, что на собрании рабочих решено отказаться от проведения революционным путем 8-ч. раб. дня до тех пор, пока российский пролетариат не завоюет его под знаменем социал-демократии.

Делается доклад об образовании комиссии безработных. Деятельность последней будет направлена, между прочим, на устройство столовых, с читальными залами, на производство анкет о положении рабочих и т. д. Собрание разрешает израсходовать на учреждение столовых 10.000 руб.

В заключение обсуждался вопрос о присутствии полиции на митингах и собраниях. За последнее время полиция пытается ввести в практику свое присутствие. Только Совет Р. Д. был избавлен пока от подобных попыток. Из сообщений выясняется, что в тех случаях, когда собрание представляет силу, благодаря количеству присутствующих или же по своему влиянию, всегда удается оградить собрания от присутствия полиции. Совет единогласно постановил ни при каких условиях не допускать присутствия полиции на собраниях и требование ее о распущении собрания не исполнять; о собраниях посылать предупреждения градоначальнику.

В армии.

— Все писаря главного управления казачьих войск, недавно подававшие своему начальству петицию об улучшении и изменении условий службы, уже разосланы по различным пехотным полкам для дальнейшего отбывания службы в строю.

— К восстанию матросов. По делу об участии матросов и нижних чинов сухопутного войска в беспорядках г. Кронштадта ведется в настоящее время целый ряд следствий. Следствие над ними производится следователем военно-сухопутного ведомства. Попутно производится целый ряд следствий лицами гражданского ведомства по поводу участия в беспорядках, происшедших одновременно с восстанием.

— К „бунту" на ст. Ярославль. На-днях в главном морском суде будет слушаться дело о „бунте" матросов на станции „Ярославль". Дело это еще недавно рассматривалось в кронштадтском военно-морском суде. Из числа 21 обвиняемых 16 были оправданы. Обвиненные 5 матросов приносят жалобу в главный суд. В жалобе указывается на то, что военный суд не уделил достаточного внимания при постановлении приговора.

— В № 16 „Нов. Жизни" в заметку о Преображенском полке вкралась ошибка — дело идет не о 4-ой роте, а о 4-ом батальоне названного полка.

— В Преображенском полку арестовано 25 человек солдат, 10 человек находится на гауптвахте, 15 заключены в Петропавловскую крепость. Причиной ареста послужило брожение по случаю последних событий в Севастополе и других местах России. По слухам, предстоят аресты еще и других солдат.

Хроника.

— Старая жертва царизма. Когда после варварских подвигов Муравьева-Вешателя в Польше Александр II посетил Францию в 1867 году, то, несмотря на строгости тогда всесильной полиции, народное негодование все-таки вылилось наружу, — молодой поляк Березовский выстрелил из плохенького пистолета в Александра II во время его прогулки в Булонском лесу. Наемный суд приговорил Березовского к смертной казни, но он был „помилован" — ее заменили пожизненной каторгой. Забытый, он страдает там и теперь, но возбужденное общественное мнение Франции подымает вопрос об освобождении Березовского. Пресансэ, председатель Лиги защиты прав человека и гражданина, получил следующее письмо за подписью известных французских деятелей.

„Господин президент. Мы, нижеподписавшиеся, думаем, что наша обязанность, как людей, понимающих страдания человечества, указать вашей Лиге и рекомендовать вмешаться в судьбу ссыльного Березовского. Вы знаете его преступление: в 1867 году он ранил пистолетным выстрелом лошадь царя Алекеандра, гостя Наполеона III.

„Он тридцать восемь лет страдает в Каледонии за этот жест. Быть может, завтра он умрет, посылая проклятие республике.

„В тот момент, когда даже царь Николай возвращает своих ссыльных, необходимо дать свободу Березовскому. Мы пола-

гаем, что общественная совесть должна требовать вмешательства и кассировать приговор, если теперь наше правительство решится поддержать русскую тиранию.

Лоран Тояд; Тивие, депутат; Дежант, депутат; Бретон, депутат; Е. Шантала, художник; Л. Д'Мерр; Лериков; Э. Морель.

— Жена лейтенанта Шмидта, Доминикия Гаврииловна Шмидт, убедительно просит всех, кто знает что-либо о судьбе ее сына, Евгения Петровича, сообщить об этом по адресу редакции „Новой Жизни" или по личному ее адресу (уг. Климова пер. и Прядильной ул., д. № 1, кв. 16), где в настоящее время находится молодой Шмидт, или что произошло с ним во время севастопольских событий.

— В Париж телеграфируют из Киева, что начальник военного округа категорически отказался употреблять войска против стачечников и об'явил, что будет действовать так, как ему подскажет совесть.

— Забастовка городовых. 17 ноября городовые одной из столичных рот собрались во дворе казармы и потребовали к себе ротного командира—офицера, которому пред'явили следующие требования:

1) устранение одного из фельдфебелей — околоточного; 2) устранение из их среды заведомых шпионов; 3) более справедливое распределение нарядов и 4) отмену посылки городовых в 3-й Петербургский уч. для замены забастовавших там городовых.

Начальство испугалось „бунта" со стороны городовых и немедленно удовлетворило все пред'явленные требования.

— Союз приказчиков просит товарищей членов союза, не получивших повесток на собрание 20 ноября в Соляном Городке, прийти туда. По установлении их принадлежности к союзу, им будет предоставлен свободный доступ на собрания.

— По частным сведениям некоторые части манджурской армии спешно эвакуируются для усиления войск внутри империи в виду всех событий последнего времени; первый армейский корпус, форсированно двинутый, будет уже на месте в последних числах текущего ноября.

— Закаспийская область и Кузнецкий уезд, Саратовской губ., об'явлены в положении усиленной охраны.

— Из области „свобод". Рабочий практических мастерских морского инженерного училища в г. Кронштадте И. И. П., проработав 1 год 8½ месяцев, уехал в Финляндию. Возвратившись с родины, он долгое время не мог найти работы и, наконец, стал промышлять „поденным" трудом. 3 ноября совершенно неожиданно его арестовала кронштадтская полиция. Не найдя никаких фактических данных для обвинения И. И. П., полиция, вместо освобождения его из-под ареста, отправила этапным порядком в петербургскую финляндскую паспортную экспедицию, где он был задержан „до получения бумаг от кронштадтской полиции".

— На Николаевской жел. дороге. 17 ноября вечером состоялось собрание комитета служащих Николаевской железной дороги, на котором, между прочим, рассматривался вопрос об отношении комитета к решениям бюро первого делегатского железнодорожного с'езда. По этому вопросу было постановлено, чтобы бюро с'езда согласовалось с решениями комитета Николаевской жел. дор. В случае отказа бюро, было решено, что все члены комитета, вошедшие в состав бюро, выйдут из состава его.

Далее был заслушан доклад представителя Александровского механического завода о расчете всех рабочих и закрытии завода. Комитет решил войти к начальнику Николаевской дороги в переговоры и постановил требовать немедленного открытия завода, принять обратно всех рассчитанных рабочих и выяснить существующее положение служащих и рабочих завода.

В случае же увольнения рабочих, было решено требовать, чтобы выдача расчета была произведена по существующим правилам, т. е. с уплатою впредь за две недели средней заработной платы и пенсионного взноса полностью. Если администрация дороги на это не согласится, то комитет решил предложить всем служащим Николаевской жел. дор. от Петербурга до Москвы потребовать свои вклады из пенсионной кассы обратно.

— 17 ноября в службе сборов Николаевской железной дороги комиссия под председательством помощника начальника дороги инженера Лесневского приступила к выяснению степени предполагаемой виновности служащих Втюрина, Нагеля и Бурлакова в устройстве химической обструкции, имевшей место в службе во время второй железнодорожной забастовки.

Служащие должны были отвечать на следующие вопросы: 1) Знаете ли вы Втюрина, Нагеля и Бурлакова? 2) С какой стороны вы их знаете? 3) Не являлись ли они в отдел и не возбуждали ли служащих против начальства, не вели ли агитации против правительства? 4) Не разбрасывали ли в службе прокламаций? 5) Чем об'ясняете первую железнодорожную забастовку? Чем об'ясняете вторую ж.-д. забастовку?—На все предложенные вопросы служащие отвечали так, что комиссия при всем ее желании ничего не могла найти в деятельности Втюрина, Нагеля и Бурлакова, ничего такого, что подтвердило бы предположения начальства о виновности этих лиц. На вопросы о причинах возникновения железнодорожных забастовок большинство опрошенных ответило, что причины эти известны всем и каждому, так что и ответы их нового ничего не выяснят.

— К делу о покушении на Д. Ф. Трепова. Начавшееся 18 ноября дело о покушении на Д. Ф. Трепова продолжается. В субботу, 19 ноября, только к 10 часам вечера закончилось чтение разнообразной литературы, захваченной сыскной полицией во время обысков, произведенных у членов боевой организации партии социалистов-революционеров. Прения сторон начнутся с утра 20 ноября.

Кроме выступающих защитников подсудимых присяжных поверенных А. С. Зарудного, Н. Д. Соколова и К. В. Винберга, выступит также московский присяжный поверенный Муравьев, прибывший с этой целью в Петербург 19 ноября.

— Дело об убийстве бакинского губернатора Накашидзе будет слушаться в главном военном суде в четверг 24 ноября.

— К делу о „Пулемете". Дело редактора сатирического журнала „Пулемет" Н. Г. Шебуева будет слушаться в петербургской судебной палате с сословными представителями 30 ноября. П. Г. Шебуев привлекается к судебной ответственности по 1 части 103 и по 128 ст. Угол. улож., а также по 1036 ст. Улож. о наказ. Мерой обеспечения явки его к суду взят залог в 3.000 рублей. Кроме г. Шебуева, к ответственности в равной степени привлекается художник Грабовский. Дело ведет присяжный поверенный С. П. Марголин.

— Либеральные потуги. Собравшийся 18 ноября в Солянном Городке „союз инженеров Литейного района" с 8 ч. веч. до 12 ч. ночи занимался словопрениями по вопросу о том, как организовать денежные сборы в пользу „голодающего пролетариата".

Судили и рядили на все лады, предложения сыпались за предложениями. Одни рекомендовали прекратить уплату квартирного налога, пожертвовав эти деньги в стачечный фонд; другие предлагали применить такую же меру к „чаевым" дворников и швейцаров; третьи... но всего и не перечесть. В конце концов было решено снабдить желающих подписными листами для сбора пожертвований среди городских обывателей.

— Петербургские банки организовали при ближайшем участии товарища министра торговли Федорова собственную почту. Специальные артельщики развозят корреспонденцию банков во все города России и за границу. Временный почтамт устроен на бирже.

— В пользу амнистированных. В воскресенье, 4 декабря, в зале Павловой, состоится спектакль в пользу освобожденных борцов за свободу, устраиваемый В. В. Корсаковой. Представлено будет: „Преступление и наказание". Билеты можно получать в магазине Шредер, Невский, 52.

— С'езд инородцев. 19 ноября в Петербурге приступил к занятиям с'езд представителей различных народностей России, добивающихся автономии — территориальной или национальной. На с'езде присутствуют представители от поляков, евреев, литовцев, армян, грузин, киргизов, татар (Казань), эстов, латышей, малороссов, белоруссов и др. В программу его внесены, главным образом, те вопросы, в желательном разрешении которых освободительные стремления отдельных народностей встречаются или совпадают. На первом собрании были сделаны сообщения о развитии национально-политического движения и о положении политических партий отдельных народностей.

Предполагается заняться обсуждением следующих вопросов: 1) Средства обеспечения мирного сожительства народностей России для предупреждения всяких поползновений на насильственное преобладание какой-либо одной над другими. 2) Федерализация государства в связи с вопросами о равноправности и автономии народностей России. 3) Вопросы, вызываемые предстоящим созывом Государственной Думы. 4) Согласование действий отдельных народностей для достижения тех или иных экономных прав и степень возможного участия каждой в таких действиях. 5) Совместные действия на случай непризнания за какой-нибудь национальностью полноты прав, достигнутых другими, и пр.

С'езд продолжится несколько дней.

— „Свобода" стачек и административный произвол. В „Ведомостях С.-Петербургского Градоначальства" от 19 ноября опубликовано следующее обязательное постановление петербургского градоначальника, вступившее в силу со дня его опубликования:

1) Воспрещается принуждать кого бы то ни было к прекращению работ и обычных занятий и к участию в забастовках, а также мешать, угрозами или силою, продолжению работ и срывать рабочих или служащих на фабриках, заводах, в торговых и промышленных предприятиях и общественных учреждениях.

2) Виновные в нарушении настоящего постановления подвергаются градоначальником в административном порядке штрафу до 500 руб. или аресту до 3 месяцев.

— Министр юстиции уведомил министерство внутренних дел, что при составлении проекта указа 21 октября имелось в виду освободить от административного взыскания всех лиц, подвергнутых взысканию правительственными властями до 17 октября. Вследствие чего „милости", дарованные п. 6 сего указа, распространяются также и на лиц, на которых наложено административное взыскание на основании особых законоположений. С таким толкованием „милостей" 21 октября не согласился, однако, департамент полиции, а вслед за ним и управляющий м. в. дел.

— Цензура существует. Театральные афиши попрежнему представляются на цензуру градоначальника. Об'ясняется это тем, что типография императорских театров, неизвестно на каком основании присвоившая себе монополию печатания афиш, не выпускает их без „разрешительной пометки" градоначальника.

— Выборгская консультация помощников присяжных поверенных вошла в Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов с предложением создать при районных и профессиональных рабочих организациях рабочие секретариаты. В виду важности возбужденного вопроса, мысль о котором возникала уже в Совете Рабочих Депутатов, Исполнительный Комитет решил поставить его на очередь в ближайшее время. С своей стороны инициаторы набирают кадры товарищей, готовых работать на новом поприще, и заняты выработкой плана организации рабочих секретариатов.

— Нас спрашивают: неужели не заслужил амнистии „политический преступник" Пинхус Дашевский, покушавшийся на жизнь русского, знаменитого вождя черносотенцев, органического „жидоеда", Паволакия Крушевана? В мае 1903 года он был приговорен к 5-летним работам в арестантских ротах.

— На фондовой бирже вчера, во время собрания, произошла почти паника. Вызваны были войска, и биржа была очищена. Причиной паники была констатирована искусственная котировка государственным банком ренты, а именно: государственный банк через своих агентов не разрешал продажу ренты по действительной биржевой цене. В виду же того, что частные банки требовали от владельцев ренты исключительных доплат, вследствие резкого падения ренты (в виду севастопольских событий), — эти последние, т. е. владельцы, были вынуждены предложить в продажу имеющуюся у них ренту. Продажа состояться не могла вследствие причины, уже выше сказанной,—это и вызвало сначала недовольство, а в дальнейшем бурный протест. В результате биржа не состоялась. („Русь".)

— Принудительная подписка. В настоящее время по городу и за городом разгуливают полицейские надзиратели и предлагают всем лавочникам, торговым учреждениям, домовладельцам и др. лицам, имеющим какой-либо имущественный ценз, подписаться на „газету" „Ведомости С.-Петербургского Градоначальства". Отказывать полиции по старым традициям почти никто не рискует, и подписка идет на славу. Очевидно, г. Кривошлык (редактор „Ведомостей С.-Петербургского Градоначальства") полагает, что свобода печати немыслима без принудительной подписки. По крайней мере, по отношению к газете г. Кривошлыка.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— На общей сходке в 3 реальном училище, происходившей неделю тому назад, ученики единогласно постановили, что правильное течение жизни в их училище невозможно при нынешнем директоре А. Ф. фон-Гефтмане. Но директор попрежнему остается, хотя волнения в училище с каждым днем все увеличиваются. 18 ноября ученики 7 класса отказались присутствовать всем классом на уроке естественной истории, преподавателю которой, А. Д. Григорьеву, выражено порицание за незнание предмета. 19 ноября в среднем коридоре разбиты стекла, что вызвало переполох в младших классах. Директор, повидимому, сознает справедливость требования сходки и не показывается среди учеников; инспектор не пользуется никаким авторитетом, а одни воспитатели не в силах справляться с тревожным настроением.

— Ученики V гимназии, придя утром 19 ноября для занятий, нашли двери ее закрытыми. Поводом к закрытию гимназии послужило проведение учащимися в жизнь явочным порядком некоторых своих требований, после отказа педагогического совета обсуждать их совместно со старостами. Все учащиеся возмущены закрытием гимназии. Настроение у всех чрезвычайно возбужденное.

Бойкот проф. электро-технического института инженеру Л. И. Толлочко.

17 ноября состоялось собрание студентов IV и V курсов электротехнического института, созванное по поводу увольнения со службы в управлении телефонной сети бывшего товарища инженера Н. А. Жданова. Собрание решило выразить сочувствие своему товарищу Н. А. Жданову, а также и прочим служащим телефонной сети, уволенным исключительно за политические убеждения, и вынесло следующую резолюцию:

„Полагая, что долг гражданина обязывает всеми мерами способствовать освободительной борьбе и что обнаруженные факты вполне устанавливают противоречивую и реакционную деятельность главного инженера телефонной сети Л. И. Толлочко, мы, студенты электротехнического института, не считаем возможным иметь его своим преподавателем, тем более, что он вызвал и безусловное осуждение со стороны своих подчиненных. В виду этого, мы предлагаем г. Толлочко покинуть место преподавателя в электротехническом институте. В случае же, если г. Толлочко этого предложения не примет, — на лекции к нему не ходить, экзаменов у него не держать и литографированных его курсов не приобретать".

Об этом постановлении собрание постановило довести до сведения совета института и местной группы академического союза, а также известить товарищей студентов.

— Министр народного просвещения удовлетворил просьбу студентов С.-Петербургского университета об открытии столовой на прежнем основании, т. е. о беспрепятственном допущении в столовую и посторонних лиц.

С 17 ноября у здания столовой полицейского наряда уже не было, но к 5 час. веч. появился околоточный.

Собрания и митинги в помещении столовой, по словам министра народного просвещения, никоим образом допущены быть не могут и о каждом таком собрании полиция должна быть поставлена в известность.

— К открытию женских курсов. Третьего дня в помещении курсов женского политехнического института, под председательством П. Н. Ариан, состоялось заседание совета общества изыскания средств для технического образования женщин. Обсуждался вопрос о дне открытия названных курсов. Постановлено: открыть их в январе наступающего года. Затем решили уведомить слушательниц, что, если они во-время не внесут плату за право слушания лекций, то места их будут заняты кандидатками из оставшихся „за бортом".

Профессиональные союзы.

В контрольной палате.

18 ноября служащие с.-петербургской контрольной палаты в количестве свыше 200 человек собрались на общее собрание в помещении палаты, при чем все старшие чины, начиная с начальников отделений, демонстративно отсутствовали, что и было должным образом отмечено многими ораторами.

Собрание единодушно признало необходимость более прочной организации и постановило образовать союз служащих в спб. контрольной палате. Избранному бюро поручено разработать вопрос о деталях организаиии и об отношении союза к общему союзу чиновников. Когда начальник палаты узнал о состоявшемся собрании, то заявил, что жалеет о том, что не мог узнать об этом до собрания, которое не допустил бы, пригласив для этого войска с пулеметами. Храбрый начальник немедленно поехал к государственному контролеру Философову с жалобой на своих чиновников, но г. Философов иначе посмотрел на это дело, и г. начальник палаты ушел разочарованным.

— Временное бюро „союза служащих контор и экспедиций периодическ. изданий П - га" в виду назначенного на воскресенье, 20 ноября, общего собрания союза об'являет конторы и экспедиции закрытыми.

Собрание будет посвящено пересмотру проекта устава. Лица, не имеющие повестки, благоволят обращаться до $11^1/_2$ ч. утра в конт. газ. „Наша Жизнь" (Невский, 19).

Бюро тружеников трактирного промысла.

Товарищи! Предприниматели, наши „хозяева", не уступят без борьбы ни единного золотника нашей свободы и нашего счастья. Уже есть явные признаки об'единения этих черносотенцев для борьбы против нас, тружеников, на чьих плечах и спинах выросли их капиталы. Черносотенная организация предпринимателей не остановится в своей жадной мести ни перед чем. Уже были случаи устранения членов союза. Пока у нас нет еще возможности дать отпора этим паукам, выпившим столько нашей крови. Отпор мы им дадим, однако, очень скоро общей силой нашей союзной организации. Сейчас же, товарищи, не оставляйте на улице ни одного из своих: складывайтесь из ваших трудовых грошей и отдавайте их уволенному товарищу, чтобы ни один из вас не падал духом, чтобы ни один не рисковал ничем, чтоб все были смелы и бодро отстаивали свое право на новую жизнь.

Не бойтесь угроз! Всех не уволят! Докажем же, что пред силой нашего единения предприниматель беспомощен. Докажем, что мы можем не только работать, но и бороться, что мы — товарищи, что мы — союз, что мы все пойдем за одного и каждый из нас — за всех! Больше смелости, товарищи, и больше единения! Недолга борьба.

Бюро.

— Бюро тружеников трактирного промысла прислало следующую телеграмму своим московским товарищам:

— „Бюро шлет от лица союза привет своим московским товарищам, вместе с ними скорбя и негодуя за незаконный арест товарища-борца Пудовкина. Товарищи! Недолга борьба, ее не оставим мы на половине и борцы-труженики выйдут из нее победителями. Смелей, товарищи, и от нас привет Вам.

Бюро".

В центральном бюро профессиональных рабочих союзов.

18 ноября в помещении Технического общества состоялось заседание центрального бюро профессиональных рабочих союзов для выяснения задач и целей организующегося бюро союза профессиональных союзов. На собрании присутствовало шестнадцать представителей от профессиональных рабочих организаций, а также представители от интеллигентных профессиональных союзов, соединившихся с пролетариатом для совместной борьбы с капиталистами. Одни ораторы говорили за то, чтобы центральное бюро было руководящим, как, например, Совет Рабочих Депутатов, другие же сводили деятельность бюро к техническим, так сказать, вспомогательным обязанностям в организационной работе всей пролетарской массы.

В виду позднего времени, решение этого вопроса было отложено до следующего собрания, и присутствовавшие занялись выяснением вопроса о составе центрального бюро.

Было решено, чтобы в бюро были допущены по три представителя от каждого пролетарского профессионального союза. Баллотировка должна производиться по числу членов, впредь до выяснения этого вопроса в каждом профессиональном союзе отдельно.

При обсуждении вопроса о допущении в состав центрального бюро партийных работников поднялись горячие дебаты, и было решено допустить по три человека от каждой фракции с совещательным голосом.

Решено было на заседания бюро допускать теперь же представителей социалистической печати; вопрос же о присутствии на заседании представителей буржуазных газет пока отложить.

Секретариат бюро состоит из девяти лиц, которые на этом же заседании и были временно избраны. На обязанности секретариата лежит: выдача справок по делам, касающимся профессиональных рабочих союзов, подыскивать помещения, организовывать рабочих и дежурить. Следующее заседание центрального бюро профессиональных рабочих союзов назначено в пятницу, 25 ноября, в помещении Соляного Городка, в 8 часов вечера. Заседание будет закрытое.

— 20 ноября выйдет первый номер еженедельного справочника под названием „Профессиональный Союз", издаваемый центральным бюро профессиональных рабочих союзов.

— Собрание союза часовщиков. В воскресенье, 27 ноября, в помещении Вольно-Экономического Общества, в 6 час. вечера, состоится собрание вновь организующегося союза часовщиков — подмастерьев и приказчиков часовых магазинов. Вход по повесткам.

Из жизни рабочих.

На заводе Айваза.

Рабочие механического завода папиросных машин Айваза устроили 19 ноября митинг, на котором была принята следующая резолюция:

„Мы, рабочие завода Айваза, на митинге 19 ноября, обсудив настоящее положение России, а также факт закрытия заводов и фабрик, единогласно постановили отчислять $^1/_2$-дневный штучный заработок в пользу наших товарищей, борющихся за 8-часовой рабочий день, а также против 72 сатрапов во главе с Витте. Далее, мы постановляем не употреблять спиртных напитков, имея в виду подорвать материальные средства правительства. Нарушивший это постановление подвергается штрафу в размере пяти рублей. Деньги поступают в пользу фонда стачечного комитета".

На митинге говорили речи ораторы-рабочие этого завода, принадлежащие к партии социал-демократов.

— К усилению стачечного фонда. Наборщики газеты „Новая Жизнь" (типографии „Народная Польза") об'явили бойкот казенной продаже питей, решив в течение трех месяцев, с 22 ноября по 22 февраля, совершенно не употреблять водки. Товарищ, нарушивший это постановление, штрафуется: в первый раз 1 рублем и второй 3 руб.; в третий раз нарушивший обещание бойкотируется товарищами.

Штрафные деньги поступают на усиление стачечного фонда.

В состав этого симпатичного союза вошли следующие товарищи: И. А. Дзинев, В. А. Пуздранков, Б. Дратва, Филиппов, Гассыло, Григорьев, Козловский, Курочкин, Е. Михайлов, А. Самойлов, Д. Перов, В. Васильев, А. Захаров, Ильченко, В. Чурбанов, Г. Ганберг, А. Гаврилов, Чернобров, Колесников, Уваров, Ф. Утинов, М. Ворошилов, В. Ефимов, Гусаров, Молчанов, Алексеев, Логинов, Богданский, К. Вяткин и К. Мальцев.

Завод Речкина.

Рабочие завода Речкина дружно провели решение работать воскресенье, 20 ноября, с тем, чтобы весь заработок пошел частью на безработных товарищей, частью в заводский фонд

на будущие нужды рабочих завода. В продолжение целой недели вели они переговоры с администрацией завода, добиваясь разрешения воскресной работы. В субботу получили они это разрешение. В субботу же состоялось собрание фабрикантов, под председательством г. Нобеля. Это собрание принципиально обсуждало вопрос о разрешении воскресных работ со специальными целями (на рабочие клубы, на безработных и т. п.). Решили господа фабриканты этот вопрос отрицательно. Зная о предполагаемой воскресной работе на заводе Речкина, они из собрания же телефонировали директору завода, чтобы тот запретил воскресную работу. Директор, только что разрешивший эту работу и уже распустивший рабочих (в субботу оканчивают работу на заводах в 2 ч.), отказался от всяких переговоров по этому поводу. Управляющий же заводом вывесил об'явление, что правление завода запрещает работу на-завтра, воскресенье, 20 ноября.

— После забастовки (2 — 7 ноября) рабочие и работницы вязально-чулочной мастерской Альтшулера были приглашены (9 ноября) получить расчет через две недели без об'яснения мотивов. Но вслед затем решение закрыть мастерскую было изменено: постановлено рассчитать только четырех работниц: Елену и Марию Гасуль, Тилю Левин и Рахиль Симкович, которые, подчиняясь решению С. Раб. Деп., отказались работать лично и заставили выполнить решение С. Р. Д. своих товарищей. Хотя расчет был об'явлен через две недели, но заведующий мастерской Давид Гольдберг уже 14 ноября выгнал из мастерской этих четырех девушек, заявив, что не хочет видеть у себя в мастерской „людей, стремящихся к республике", и при этом ругал их площадною бранью. Возмущенные таким поведением, изгнанные девушки решили подать на Гольдберга в суд и обратиться в Совет Рабочих Депутатов с просьбой о помощи и бойкоте г. Гольдберга и хозяина мастерской Альтшулера.

Резвоостровская мануфактура.

На резвоостровской мануфактуре Воронина 16 числа возобновились работы. Рабочие добились 9-ч. раб. дня вместо 10-ч. для мужчин и 11½ для женщин.

— Рабочие Чудовского портланд-цементного завода 16 ноября решили выбрать в Совет Рабочих Депутатов своих делегатов, подчиняясь, таким образом, в своих действиях постановлениям Совета. Последние политические забастовки оказали большое влияние на сознание рабочих, занятых в цементном производстве. Все попытки до сего времени по организации цементных рабочих не увенчивались никаким успехом, и только самые последние события в движении революционного пролетариата пробудили сознание наших товарищей и заставили трезво взглянуть на окружающую жизнь и значение революционных выступлений российского пролетариата. Рабочие цементного завода поручили своим делегатам войти в сношения с Советом Рабочих Депутатов по вопросу о присоединении их кассы к общей кассе Совета.

В государственной типографии.

Октябрьская и ноябрьская забастовки не прошли бесследно для рабочих и служащих в государственной типографии. По распоряжению начальника Чунихина со всех месячных рабочих произведен вычет за три дня забастовки. Эта мера предлагается начальством типографии для предотвращения повторений забастовок. Впрочем, в ответ на требование рабочих не вычитать за забастовочное время, Чунихин, после совещания с заведующим хозяйственной частью, Никольским, заявившим о себе, как о стороннике интересов рабочих, распорядился: „Служащим и рабочим, не участвующим в столовой типографии, разрешено г. государственным секретарем от 21 октября 1905 г. выдать разницу соответственно той, какую получили участники столовой, происшедшей от повышения цен на продукты с 14-го по 26 октября 1905 г., что и выразилось в количестве 39 коп. на каждого, в чем каждый из рабочих и расписался". Под прикрытием государственного секретаря Чунихин и Никольский допускают жестокую насмешку над рабочими. Они нашли позволительным в своем издевательстве над тружениками назначить по 3 коп. в день на каждого. Неужели эти господа думают остаться безнаказанными?! Товарищи заявляют, что от бывшего начальника выборгской тюрьмы Чунихина и его приспешника Никольского они ничего другого, кроме плоского издевательства, и не могли ожидать.

— На Семянниковском заводе. Расчет рабочих Невского судостроительного и механического завода закончен. Рабочие пред'являют к администрации завода иск, в виду того, что расчет был произведен вопреки правилам ныне действующих законов, без выдачи двухнедельной заработной платы вперед. Всего рабочих рассчитано более 6.000 человек. На-днях в правлении завода будет обсуждаться вопрос об открытии завода.

Машиностроительный завод И. Л. Семенова.

На установление рабочими революционным путем 8-часового рабочего дня хозяин завода инженер-механик И. Л. Семенов ответил расчетом всех рабочих и угрозой, что ни один из этих рабочих не найдет работы ни на одном из машиностроительных заводов в Петербурге; г. Семенов опирался на постановление союза заводчиков по металлу, об'единившихся для совместной борьбы с развивающимся рабочим движением. Рабочие не могли противопоставить организации хозяев своей организации и вынуждены были со вторника, 15 ноября, возобновить работу на старых условиях (9 час.). Во вторник же после работы на заводах состоялось собрание рабочих, принявших устав заводской профессиональной организации; вопрос об образовании профессиональной кассы был решен в положительном смысле еще в октябре, но последние события отодвинули этот вопрос на задний план. Основные положения устава „кассы борьбы рабочих завода И. Л. Семенова" таковы:

Касса борьбы имеет целью защиту профессиональных интересов ее членов и поднятие их умственного уровня. Членами кассы могут быть рабочие завода (отнюдь не могут быть члены заводской администрации), признающие цели кассы и принимающие ее устав. Члены кассы уплачивают: 1) вступительный взнос: чернорабочие и малолетние — 50 коп., взрослые рабочие механики — 1 рубль и 2) членские взносы в размере 2% заработка. Для того, чтобы вступить в кассу, необходима рекомендация двух членов ее и согласие большинства. Члены кассы, перестающие вносить членские взносы, считаются выбывшими из кассы через 2 месяца после уплаты последнего взноса; при этом их взносы не возвращаются им. Исключение из кассы производится по постановлению ⅔ общего собрания членов кассы; исключенным членам кассы возвращаются сделанные ими в течение последнего ½ года взносы (за вычетом 25%, см. ниже) и их вступительный взнос. Если кто-либо из членов кассы уходит с завода, то ему возвращаются его взносы за последние ½ года (за исключением 25%) и вступительный взнос. Из кассы выдаются пособия ее членам: 1) во время безработицы и 2) во время забастовок. Делами кассы управляет администрация, избираемая из членов кассы на общем собрании членов кассы; администрация избирается на 6 месяцев (в первый раз на 3 месяца), ответственна перед общим собранием членов кассы и дает ему отчет о своей деятельности не реже раза в месяц. Из сумм, образующихся из членских взносов, производится отчисление: а) 10% в распоряжение Р. С.-Д. Р. П.; рабочие постановили первоначально отчислять 10% на политическую борьбу и передавать эти деньги в распоряжение той партии или тех партий, к которой или к которым по своим воззрениям примыкают члены кассы; так как сторонников других политических партий, кроме социал-демократической, на заводе нет, то деньги эти и постановлено передавать в распоряжение Р. С.-Д. Р. П.; деньги эти пойдут, главным образом, на партийные нужды завода; б) 10% в центральный стачечный комитет, теперь Совет Депутатов Рабочих; в) 5% на устройство при кассе библиотеки.

В кассу выразило желание войти больше половины рабочих завода. После ближайшей получки рабочие внесут вступительные и членские взносы. Такая же касса образуется на-днях на

заводе Теодора. В близком будущем предполагается преобразование целого ряда заводских профессиональных касс в один союз рабочих по металлу, который противопоставит организованной силе капитала организованную силу труда и даст рабочим возможность прочно установить 8-часовой рабочий день.

Иностранный отдел.

Прения по поводу отделения церкви от государства во французском сенате.

Перед французским сенатом проходит теперь отделение церкви от государства,—самая важная реформа современной Франции. Вотировка 4 параграфа, который передает в руки религиозных ассоциаций, т. е. католической церкви, все здания для отправления служб, ценностью не менее 150 миллионов рублей, вызвала оживленные прения.

Еще бы! Этим страшно ослаблялся бы удар, который радикалы собирались нанести Риму.

Министр религий Биэнвеню-Мартен указал, что при конкуренции между двумя религиозными ассоциациями, например, между католиками и протестантами, решение будет принадлежать не епископу (еще бы!), а государственному совету, хотя с мнением епископов будут считаться.

Такая постановка вопроса дала повод Клемансо произнести блестящую речь. 4 параграф,—говорил старый борец,—создание оппортунистов Бриана, Пресансэ и клерикалов; он фактически не разрушает Конкордата, он оставляет за церковью собственность, которая никогда не принадлежала ни государству, ни церкви, а населению; он под видом пенсий оставляет жалованье, и попы снова идут на содержание народа. Право на владение религиозными зданиями будет раздавать государственный совет, т. е. административная юстиция, а разве допустим административный суд*) в свободном государстве? „Вслушайтесь—административная юстиция, ведь сочетание этих двух слов просто бессмысленно. Я вижу перед собой теоретиков церкви и государства, а не свободы... Но близок день, когда старый союз церкви и государства падет перед развитием человеческого сознания, которое требует, чтобы человек освободил свою совесть и личность!“ Талантливого оратора наградили аплодисментами, а реакционный параграф проголосовали: 254 голоса за и 6—против. Все эти попытки реформаторства со стороны буржуазии показывают, что существующий строй вынужден делать уступки пролетариату, который все крепче и крепче налегает на государственную машину, а тронуть ее страшно,—старая, заржавленная,—она работает по инерции, готовая развалиться каждую минуту. Французский радикализм, как щедринский медведь, обещал большое кровопролитие, а лишь чижика разорвал,—да, во Франции рвут лишь бумагу Конкордата, а не его содержание. А Клемансо поражает громовыми речами и консерваторов, и радикалов, и особенно социалистов, так как его попытка пойти рядом с пролетариатом, увлекшая год тому назад и некоторых наших наивных товарищей, разбита жизнью и осуждена французской рабочей партией.

В. Волгин.

*) Эта язва Франции, конечно, и подобия не имеет нашего административного „суда“.

Борьба за освобождение Македонии.

По сообщению болгарских газет, 10 ноября в Софии состоялось об‘единение двух родственных по своей цели (освобождение Македонии) революционно-демократических организаций: „внутренней“, действующей преимущественно в Македонии, и „внешней“ – в Болгарии.

После долгого раздора между названными организациями, вредно отразившегося на успехах борьбы, главари их, наконец, убедились, что дальше так итти нельзя, и подали друг другу руку.

По словам софийского „Дневника“, об‘единение состоялось пока принципиально, но после разрешения некоторых вопросов, чисто организационного характера, произойдет полное слияние обеих организаций под общим директивом „внутренней“.

Весть об об‘единении произвела на болгарское общество очень отрадное впечатление.

Конгресс южнославянских писателей и публицистов.

Сербские и болгарские газеты сообщают, что 7 ноября в Белграде состоялся, проектированный еще весною, конгресс южнославянских писателей и публицистов. На конгрессе, продолжавшемся три дня, присутствовало 14 болгарских, 4 хорватских, 1 словенский и много сербских писателей и публицистов. Конгрессом был решен вопрос об организации южнославянского союза писателей и публицистов. Выбрана комиссия из 12 членов для выработки устава, который будет представлен на рассмотрение следующего конгресса, имеющего быть в Софии.

Стачка публицистов в Белграде.

Сотрудником „Белградск. Нолине“ Мандилами был опубликован факт фальсификации стенографических отчетов скупщины по распоряжению председателя Симы Катич. Желая заткнуть рот неприятному публицисту, Катич воспретил ему посещать заседания скупщины. Сотрудники всех газет — в том числе и иностранных — потребовали снятия этого воспрещения. Председатель отказал. Тогда сотрудники демонстративно покинули зал скупщины и решили не посещать ее заседаний и не писать ничего о них. Бюро скупщины идет уже на мировую, и стачка публицистов скоро прекратится.

Рекомендуем этот факт вниманию наших публицистов, которым придется заседать в качестве корреспондентов в будущем „парламенте“.

Лягушки, просящие царя.

Революция, происшедшая в последнее время в Норвегии, открыла норвежскому народу редкую в истории возможность учредить свободный республиканский строй. Но судьба страны попала в руки верхов буржуазии, а эти верхи поторопились выбрать себе короля. „Times“ очень откровенно раз‘ясняет смысл этого монархизма.

„Норвежцы,—пишет эта газета,—смотрят назад на свое прошлое, отмеченное конституционной свободой и мощной национальной жизнью. Они смотрят вперед, стремясь к поддержке этих традиций и главным образом к развитию естественных богатств путем сильной промышленности. Они благоразумно примкнули к монархическому принципу, как дающему в настоящий момент лучшее обеспечение прогресса и порядка. Они выбрали себе государя, который, как они уверены, поможет им сохранить все, что достойно сохранения в их наследии“.

Рыбак рыбака видит издалека. Английская буржуазия, также как и норвежская, прекрасно понимает, что для буржуазных лягушек новый царь будет спокойным чурбаном.

Областной отдел.

По Дону.

(Корр. „Новой Жизни".)

Мощная волна революционного движения заставила ожить даже самые захолустные станицы. Наиболее же она отразилась в углепромышленном районе Александровско-Грушевском.

Движение здесь началось еще летом, когда забастовали приказчики торговых заведений.

В последнее время, в особенности после обнародования манифеста о свободах, был устроен ряд митингов, на которых в качестве ораторов выступали учителя и рабочие-шахтеры. Буржуазия в целях борьбы с митингами поручила четырем доверенным купцам (фамилии их известны) организовать черную сотню.

Шахтеры, выведенные из терпения невыносимым гнетом и каторжным трудом, начали волноваться.

25 октября шахтеры рудника „Русское Общество" пред'явили требования и забастовали; с своего рудника они направились к руднику бывш. Шушпанова известить здешних рабочих о забаставке. Управляющий, созвав всех рабочих, как того требовали пришедшие, предложил им дать отпор последним. Возмущенные таким предложением, обе массы бросились громить контору. Погром мгновенно принял общий характер, как только присоединились остальные рудники. Громили, главным образом, заводские лавки, являющиеся средством эксплоатации и закабаления. Против них вылилось все озлобление возмущенной массы. Машинные отделения погрому не подвергались.

В конце дня к рабочей массе примешались черносотенные элементы и пытались увлечь ее на погром города, но попытки не имели успеха: лишь самая незначительная часть наименее сознательных рабочих подпала влиянию черносотенной агитации. Отдельные группки человек в 10 — 20 пытались проникнуть в город, но были отражены самообороной; толпа громил оставила на месте 6 убитых и 2 раненых.

Обвинение во всем происшедшем пало на учителей, головы которых уже оценены.

В станице Нижне-Чирской обнародование манифеста было отпраздновано манифестациями. Здесь, очевидно, политическая рознь настолько слабо развита, что обе манифестации — революционная и патриотическая — очень миролюбиво встретились и устроили общий митинг в народном доме.

В станицах Кагальницкой и Усть-Медведицкой учащейся молодежью были устроены манифестации с красными флагами.

Бахмутский уезд, Екатеринославской губ.

(Корр. „Новой Жизни".)

Маленькие, разбросанные в Донской степи поселки, окружающие изолированные друг от друга рудники и заводы, с прекращением железнодорожного движения оказались окончательно отрезанными от внешнего мира. Глухой отзвук грандиозных событий, происходивших в городах, порою случайно докатывался до заброшенного местечка и жадно воспринимался рабочим населением.

Но лишь в незначительной части его, преимущественно в среде квалифицированных (занятых сложным трудом) рабочих, проявлялось сознательное отношение к событиям, и накоплявшаяся энергия готова была перейти в активное дело борьбы. Громадное большинство шахтеров, в большинстве случаев не потерявших еще прочной связи с деревней, лишь смутно и глухо чувствовало выступление на борьбу родственных ему по классовому братству сил.

Тяжелые условия одуряющего двенадцатичасового труда, самая первобытная, неприкрашенная эксплоатация, находящая себе опору в промежуточном положении большинства шахтеров полусобственников, полупролетариев, все это не могло остаться без влияния на психику горнорабочих, являющихся одним из отсталых кадров пролетариата.

Как по всей России, так и у нас, полиция—эта первая рука заводской и рудничной администрации — почувствовала, что с манифестом 17 октября, вырванным у самодержавия усилиями революционного народа, начинает колебаться ее власть, основанная на насилиях и хищении. Не прячась даже в тени, она спешно мобилизовывала и провоцировала черносотенные элементы, тот подвижной слой Lumpenproletariat'a (пролетариата босяков), который то и дело пополняется частичными местными кризисами и, зажатый в тяжелых тисках безработицы, падает все ниже и ниже. С прекращением железнодорожной забастовки черносотенные банды открыто перебрасывались с завода на завод. Грабежи и разгромы происходили при деятельном участии казацких орд и полиции, предварительно до погрома собиравшей усиленную дань с местного торгового населения „за охрану".

В печати уже указывалось, что в некоторых местах организованным рабочим не только удавалось тушить заботливо разжигаемый властями пожар, но даже предупреждать его возникновение. Так это было, например, и в поселке Енакиево, Бахмутского уезда, где расположен гигантский металлургический завод Русско-Бельгийского общества. Глухие, смутные слухи о том, что повышение цен на некоторые предметы первой необходимости может явиться исходной точкой для черносотенной агитации, заставили местную группу Р. С.-Д. Р. П., на собранном в здании школы митинге, откликнуться на этот вопрос, при чем масса пришла к решению уладить возникший с торговцами конфликт путем соглашения. Сознание черносотенными элементами того, что рабочие завода не только не пойдут за ними, но и дадут им отпор, устранило возможность грабежей; были только незначительные дебоши хулиганов.

На соседних к поселку рудниках эти дни прошли спокойно. Лишь полиция усиленнее обыкновенного следила за горнорабочими, опасаясь вместе с администрацией, как бы отраженная волна разыгрывавшихся вдали событий не достигла заброшенных рудников и не подняла рабочую массу против свирепствующей здесь бесчеловечной эксплоатации. С одного из рудников (инженера Пирогова) была рассчитана огулом почти треть рабочих после стачки,—не вследствие сокращения производства, а в „наказание" за забастовку. Произвол полиции рудника не знает границ, доходя до истязания рабочих плетью в арестном помещении. Третирование личности рабочего, бессмысленные ругательства и непомерные штрафы—таковы черты деятельности этого инженера, известного широким кругам местного рабочего населения, кроме того, своею славною деятельностью в качестве усмирителя казацкими и пехотными силами мирной январской забастовки.

Сознательной, планомерной борьбе за улучшение своего положения и против подобных черносотенных представителей администрации суждено развиться со всею силою только теперь, когда вышедшая из подполья партийная работа встретит для себя в среде горнорабочих широкое поприще. Интенсивное и немедленное расширение организационной и пропагандистской работы является очередным и насущным вопросом на рудниках и заводах донецкой полосы.

Л. Н.

Минск.

(Корр. „Новой Жизни".)

Редакция „Северо-Западного Края" сообщает, что 17 ноября, вечером, явилось в помещение редакции человек 30 вооруженных рабочих, занявших входы в редакцию, типографию и квартиру редактора и заявивших от имени Минской Группы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, что приступают к набору и печатанию прокламаций. Напечатав несколько тысяч листков „К русскому народу" и „К солдатам", подписанных Минской Группой Р. С.-Д. Р. П., пришедшие к утру удалились. Вследствие вышеуказанного, № от 18 ноября вышел с большим запозданием и в меньшем количестве экземпляров.

Такое проявление среди минских рабочих самодеятельности, энергии и сознания своей правоспособности свидетельствует о том, что принцип революционного самоуправления и среди провинциальных рабочих завоевывает права гражданства.

— Минская Группа Российской С.-Д.Р.П. в газете „Северо-Зап. Край" от 18 ноября доводит до всеобщего сведения, что Минская Группа всеобщей забастовки на 18 ноября не об'являла.

В той же газете Минский Комитет Бунда опровергает слух об об'явлении всеобщей политической забастовки.

Вильна.

(Корр. „Новой Жизни“.)

18 ноября на первом солдатском митинге, устроенном представителями почти всех частей, расквартированных в Вильно, ораторы-солдаты указывали на крайне невыносимое экономическое положение и поэтому призывали солдат к об‘единению и выработке требований. Были затронуты политические вопросы, при чем призывы ораторов к политической борьбе были покрыты громкими аплодисментами.

Киев.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Киев пробудился после октябрьских революционных дней. В разное время то тут, то там устраиваются митинги, организовываются профессиональные союзы рабочих, до сих пор и признаков жизни не подававших, образуется Совет Рабочих Депутатов.

Для обсуждения ответа на резолюцию общего присутствия дорог по поводу пред‘явленных 17 октября к управлению юго-западных жел. дорог требований, утром, 13-го сего ноября, в помещении паровозного цеха, открылся митинг мастеровых и рабочих мастерских. Ответ рабочих, выработанный делегатами и изложенный в 35 пунктах, был принят единогласно. Относительно же пункта о свободе собраний общее присутствие дорог выработало ограничительные условия, но собрание постановило настаивать на исполнении всех пред‘явленных требований.

После этого собрание перешло к обсуждению общих вопросов и после ряда речей, произнесенных ораторами с.-д., приняло следующую резолюцию: „Мы, железнодорожные рабочие, собравшись на митинг 13 ноября, признаем, что, пока не будет созвано Учредительное Собрание путем всеобщего, прямого равного и тайного голосования, наши требования как экономические, так и политические, удовлетворены быть не могут. Поэтому мы, организуясь под знаменем Р. С.-Д. Р. П. выражаем свою готовность примкнуть к борьбе с отживающим строем, об‘явленной пролетариатом всей России, и шлем свой привет товарищам в Петербурге и Польше“.

После об‘явления резолюции решено было устраивать подобные митинги еженедельно.

Литературная деятельность социал-демократии не отстает от деятельности практической. Кроме с.-д. газеты „Киевское Слово“, у нас имеется еженедельный с.-д. журнал „Южная Неделя“, журнал популярный, для рабочей массы и для крестьян. В № 3 в приложении напечатана программа партии, принятая на II с‘езде. В журнале на обложке помещено извещение о созыве IV партийного с‘езда. Третий номер вышел без цензуры „в виду того, что цензура сильно тормозила выход в свет“ предстоящего номера. Вообще же киевская пресса подчиняется цензуре.

Что касается столичных с.-д. органов, то они пользуются громадным успехом, судя по количеству расходящихся номеров.

Каково настроение в городе? Возбуждение умов не улегается. Все понимают, что революция „est en marche“, революция идет. Революционеры делают свое дело, хулиганы держат население в страхе, бесчинствуют, грабят, подкалывают, действуя чаще группами в несколько человек. После октябрьских дней началась организация самообороны. Таковая учреждена при вольном пожарном обществе (неофициально), насчитывается больше 1000 человек. Студенты университета и политехникума образовали „академический легион“, в него входит более 600 человек. Кроме того, образовались и образуются и частные группы самообороны.

Университет закрыт до января, политехникум открыт, но чего-чего, а занятий там не происходит.

С—ва.

Гродно.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Гродненским Комитетом „Бунда“ 8 ноября был организован многолюдный митинг в здании синагоги; было до 4 тыс. человек, преимущественно рабочих. Резолюция, принятая поднятием рук, резко подчеркивает роль правительства как организатора массового убийства граждан в октябрьские дни и выставляет следующие пункты:

„Мы требуем: 1) предать суду всех администраторов как высших, так и низших, игравших активную роль в последних погромах; 2) полной демократизации общественного и государственного строя в России, широкого областного самоуправления для Польши и других областей и национально-культурной автономии.

„Мы высказываем свое глубокое убеждение, что только восставший народ, с организованным пролетариатом во главе, свергнет правительство гнета и насилия и революционным путем созовет Учредительное Собрание на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования“.

Редактор-издатель ***Н. М. Минский.***
Издательница ***М. Ф. Андреева.***

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 19

С.-ПЕТЕРБУРГ.
СРЕДА, 23 НОЯБРЯ
(6 декабря) 1905 г.

Новая Жизнь

В самом ближайшем времени начнет выходить в С.-Петербурге еженедельная социал-демократическая газета

„ЕВРЕЙСКИЙ РАБОЧИЙ“.

Программа газеты—программа Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России (БУНД).

Подписная цена на 1 г. — 4 р., на 1/2 г. — 2 р., на 3 м. — 1 р.

Редактор - издатель *М. Г. Кипман.*

Исполнительный Комитет С. Р. Д. в засед. 22 ноября признал необходимым в виду наступающего государственного банкротства, чтобы рабочий класс и все бедные классы населения брали свои вклады из сберегательных касс и требовали всяких расплат, в том числе и получения заработной платы, звонкой монетой.

С.-Петербург.

23 ноября 1905 г.

Умирающее самодержавие и новые органы народной власти.

Растет восстание. Растет бессилие, растерянность, разложение самодержавного Виттевского правительства. Растет вширь и вглубь организация самых различных групп, слоев и классов народа, организация революционных и контр-революционных сил.

Таково современное положение. Его можно выразить словами: организация и мобилизация революции. За морским сражением в Севастополе следуют, без всякого перерыва, сухопутные сражения в Воронеже и Киеве. Вооруженное восстание в этом последнем городе делает, видимо, еще шаг вперед, шаг к слиянию революционной армии с революционным пролетариатом и студенчеством. Об этом свидетельствует, по крайней мере, сообщение „Руси“ о митинге в 16.000 человек в Киевском политехническом институте под охраной саперного батальона восставших солдат.

Вполне естественно, что при таких условиях даже либеральная буржуазия, всеми силами души жаждущая сделки с самодержавием, начинает терять терпение, терять веру в „великого“ акробата Витте, оглядываться налево в поисках силы, способной осуществить переворот, который стал безусловной необходимостью.

Крайне поучительна в этом отношении позиция „Руси“. Газета ясно видит, что „события начинают скапливаться в такую же лавину, как и перед 17 октября“. И вот она, с одной стороны, обращается к тем же земцам, показавшим растерянность, бессилие и беспомощность не меньше, чем самодержавное правительство. „Русь“ зовет земцев „не медлить“ и принять „участие в надвигающихся событиях“, чтобы „дать исходу этих событий мягкие, наименее убыточные, наиболее благоприятные для страны формы“. С другой стороны, та же „Русь“ спорит со „Словом“, заявляет, что „никто не верит, чтобы нынешнее правительство при нынешних обстоятельствах могло созвать Государственную Думу“. „Теперь, — говорит „Русь“, — надо думать о создании правительства, которое могло бы созвать Думу“.

Итак, либеральная буржуазия, под давлением революционного пролетариата, делает еще шаг влево. Вчера она выражала намерение торговаться с Витте и вотировала (на земском с‘езде) условное доверие ему. Сегодня доверие к Витте иссякает, и капитал требует нового правительства. „Русь“ предлагает всем освободительным партиям создать особый всенародный совет депутатов, который бы стал „мощным средством давления на правительство, если оно покажет себя еще (!!!) способным к работе, и уже готовым органом власти народа, чтобы временно перенять обязанности правительства в случае полной неспособности и краха последнего“.

Орган власти народа, временно перенимающий обязанности правительства, которое потерпело крах, называется на простом и ясном русском языке временным революционным правительством. Такое правительство должно быть временным, ибо его полномочия истекают с созывом всенародного Учредительного Собрания. Такое правительство должно быть революционным, ибо оно заменяет правительство, потерпевшее крах, заменяет его, опираясь на революцию. Самая замена не может произойти иначе, как революционным путем. Это правительство должно стать „органом власти народа“, осуществляя везде народом выставленные требования и заменяя сейчас же, немедленно, всех и повсюду старые „органы власти“ самодержавия и черносотенцев органами власти народной—т. е либо уполномоченными временного революционного правительства, либо выборными во всех тех случаях, когда возможны выборы, разумеется, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Мы очень рады тому, что либеральная монархическая буржуазия пришла к идее временного революционного правительства. Мы рады этому не потому, чтобы мы считали либералов перешедшими на сторону революции, чтобы мы поверили вдруг в их искренность, стойкость и последовательность. Нет, мы рады этому потому, что это очевидный и несомненный признак силы революции. Значит, революция стала силой, если даже либеральная монархическая буржуазия сознала теперь необходимость появления временного революционного правительства.

Мы не забываем, конечно, что либералы не столько желают учреждения такого правительства, сколько грозят им самодержавию, как грозит покупатель продавцу обещанием уйти в другую лавку. Уступите нам, г. Витте, или мы уйдем во временное революционное правительство, „мягко“ именуемое: „общим советом депутатов“ или „всенародным советом депутатов“! Только этим желанием еще и еще торговаться об‘яснима та кажущаяся нелепость и бессмыслица, что „Русь“ об‘являет правительство Витте неспособным созвать народных представителей и в то же время, единым духом, допускает возможность того, что это правительство „покажет себя еще способным к работе“.

Нет, господа либералы, не такие теперь времена, чтобы могли удаться хитрости, чтобы могло остаться неразоблаченным двуличие! Народ борется с самодержавием, которое обещало (17 октября) свободу, чтобы издеваться над свободой, чтобы надругаться над свободой. Временное революционное правительство есть орган борющегося за свободу народа. Борьба за свободу против попирающего свободу правительства есть (на известной ступени развития этой борьбы) вооруженное восстание, которое и идет теперь в России по всей линии. Временное революционное правительство есть орган восстания, об‘единяющий всех восставших и политически руководящий восстанием. Поэтому говорить о возможности и необходимости временного революционного правительства и в то же время допускать сделку со старым, подлежащим смене, правительством—значит либо путать, либо предательствовать. Подумайте в самом деле, господа публицисты „Руси“: неужели найдутся такие дурачки среди сторонников революции, которые добровольно приняли бы в состав временного революционного правительства людей или представителей партии, допускающих „работоспособность“ старого правительства и продолжающих забегать к нему с заднего крыльца, торговаться с ним? Подумайте: выиграла бы или проиграла русская армия, если бы она включила в свои ряды патриотическую молодежь Манджурии? Вероятно, проиграла бы, ибо манджурские патриоты предали бы россиян японцам. И революционный народ России проиграет, если „патриоты“, монархически настроенные патриоты денежного мешка (т. е. либеральные буржуа), предадут его самодержавию Витте.

Пусть для либеральной буржуазии временное революционное правительство есть простая угроза самодержавию. Для социалистического пролетариата, для революционного крестьянства и для всех тех, кто решительно и бесповоротно становится на их сторону в борьбе за свободу, это—великая и серьезнейшая задача, которая с каждым днем становится все более насущной. Октябрьская революция, в связи с последующими военными восстаниями, до того обессилила самодержавие, что органы новой народной власти стали самопроизвольно расти на почве, разрыхленной политической стачкой, удобренной кровью борцов за свободу. Эти органы—революционные партии и боевые организации рабочих, крестьян и других, ведущих действительно революционную борьбу, народных элементов. Эти органы осуществляют на деле союз социалистического пролетариата с революционной мелкой буржуазией. Этот боевой союз должны мы теперь расширить и укрепить, оформить и сплотить, чтобы органы новой власти были готовы к грядущему повторению 17 октября, чтобы все борцы за свободу по всей России выступали тогда с общей программой немедленных политических преобразований, организованные, выдержанные, ясно сознающие цель, отгородившие себя от всех предателей, от всех колеблющихся, от всех праздноболтающих. Для нас, представителей социалистического пролетариата, предстоящий демократический переворот есть лишь один из шагов к великой цели социалистического переворота. Памятуя это, мы не сольемся никогда с мелкобуржуазными партиями или группами, как бы искренни, революционны и сильны они ни были; мы твердо знаем, что на пути к социализму рабочий и хозяйчик неизбежно будут неоднократно расходиться. Но именно в интересах социализма мы приложим теперь все силы, чтобы демократический переворот осуществился быстрее, полнее и решительнее. Мы заключим и заключаем для этого временный боевой союз со всей революционной демократией для достижения нашей общей ближайшей политической цели. Мы входим для этого, сохраняя строго свою партийную особность и самостоятельность, и в Советы Рабочих Депутатов и в другие революционные союзы. Да здравствуют новые органы власти народа! Да здравствует единый, верховный и победоносный орган народной власти!

А радикальным буржуа мы скажем на прощанье. Вы болтаете, господа, об органах власти народа. Властью может быть только сила. Силой в современном обществе может быть только вооруженный народ и вооруженный пролетариат во главе его. Если бы сочувствие свободе доказывалось словами, тогда пришлось бы, пожалуй, считать сторонниками свободы даже авторов манифеста 17 октября. Если оно доказывается делами, — тогда единственным таким делом является теперь содействие вооружению рабочих, содействие образованию и укреплению действительно революционной армии. Выбирайте же, господа: в переднюю ли г-на Витте, чтобы клянчить кусочки свободы, чтобы торговаться из-за урезывания свободы,—или в „органы власти народа“, или во временное революционное правительство, чтобы беззаветно бороться за полную свободу. Выбирайте!

Н. Ленин.

Г. Струве и политическое благородство.

Когда наши товарищи из „Начала“ отметили новый политический поворот г-на Струве,—его резкий переход от заигрываний и комплиментов по адресу нашего рево-

люционного пролетариата к угрозам голодной смертью за „дезорганизацию хозяйственной жизни“, — и поставили этот резкий переход в связь с происходившими как раз перед этим переговорами г-на Струве с г. Витте,—тогда г. Струве, повидимому, серьезно обиделся. Особенно, кажется, его задело выражение „политическое предательство“—товарищи из „Начала“ по свойственной соц.-демократам всех стран склонности к недвусмысленным и точным формулировкам применили именно эту характеристику к поведению г. Струве. Г. Струве счел необходимым ответить нашим товарищам — ответить пока печатно, так как другие способы возражения, наиболее охотно применяемые либеральной буржуазией в эпоху революций для полемики с социалистами — пушки, ружья и т. п., находятся пока еще не в руках нашего будущего министра. Вот что говорит почтенный либерал:

„Голодную смерть рабочим готовят те, кто из партийных политических расчетов подбивает их на экономически бессмысленные, пагубные для них действия, которые в то же время являются политическими авантюрами за счет рабочего класса и всей страны. Пусть не говорят нам о достославной октябрьской забастовке: ее историческое величие и значение и состоит именно в том, что ее никто не поднял, никто не сделал, что она родилась и протекла как необходимое, могучее и согласное усилие всех народных сил, рвущихся к свободе и на свободу. «Сегодня спасительная и достославная, — писал я, — завтра забастовка может явиться губительной и преступной». И если это верно относительно общей политической забастовки, то еще более это приложимо к отдельным забастовкам, затеваемым без всякого соображения с экономическими условиями данного момента. Такие забастовки самоубийственны для рабочих, и те, кто хотя бы только не удерживают рабочих всеми силами от подобных самоубийственных действий, берут на себя тяжкий грех. Я говорю это вам «громко и отчетливо», гг. публицисты «Начала», и то же самое по существу я говорил вашим единомышленникам еще в заграничном «Освобождении». Призывы к «беспорядку», сводящемуся к бессмысленным и пагубным забастовкам, эти призывы, раздающиеся со столбцов «Начала», в настоящее время либо легкомысленны, либо преступны“...

Увлеченный своим благородным негодованием, почтенный деятель говорит то, чего нет и не было и что какой-нибудь наивный и грубый пролетарий, незнакомый с „нравственно-политическим идеализмом“ либеральных буржуа, назвал бы „наглой и бесчестной клеветой“. Мы же скажем только, что почтенный деятель ошибся в расчете: он забыл, что времена подполья миновали, что теперь уже нельзя на социал-демократию „валить, как на мертвого“, что ложь будет обличена перед широкими массами. Где и когда со страниц „Начала“ или других социал-демократических органов раздавались призывы к „бессмысленным и пагубным забастовкам“, „затеваемым без всякого соображения с экономическими условиями данного момента“?

История дела такова.—Социал-демократия горячо поддерживала октябрьскую всеобщую забастовку — это бесспорно,—но, как признает сам г. Струве, эта забастовка была „спасительна и достославна“. Затем социал-демократия участвовала в об‘явлении петербургской забастовки по поводу военного суда в Кронштадте и военного положения в Польше. Может быть, эта забастовка была „бессмысленная и пагубная“, „без всякого соображения“ и т. д.? Результаты ее, однако, налицо: матросы спасены от смертных приговоров, военное положение в Польше снято, армия и польский народ запомнят, как русский пролетарий шел на голод из солидарности с их делом. Затем правительство, побежденное дважды, решило сломить петербургский пролетариат во что бы то ни стало и, выбросив на улицу десятки тысяч рабочих казенных заводов, пыталось вовлечь петербургских рабочих, утомленных и истощенных борьбою, в новую всеобщую забастовку, которая кончилась бы их поражением. Но российская социал-демократия, „сообразив экономические условия данного момента“, предостерегла петербургский пролетариат от грубой провокации, удержала его от „пагубной при данных условиях забастовки“ и предложила ему столковаться с пролетариатом всей России относительно общего выступления на случай, если правительство будет упорствовать в своей провокации. Может быть, это-то и есть „бессмысленный призыв“, г. Струве? Следовало ограничиться только „криком“ о „безумной игре“ правительства, что, по вашим словам, вы обязаны делать?

Но скажите, милый, искренний г. Струве, когда и кого испугали ваши „крики“?

Теперь социал-демократия поддерживает почтово-телеграфную забастовку. И здесь, по вашему собственному признанию, причиной забастовки является „тупость или провокаторский расчет“ г-на Дурново. Тут тоже надо было, очевидно, „кричать о безумной игре“, а не бороться реально? Ах вы... герой, г. Струве!

Кто же „дезорганизует хозяйственную жизнь“ России: насквозь негодное, провокаторски действующее правительство, или организованно борющийся против него революционный пролетариат? Агенты, вопиящие о „бессмыслии и пагубности“ упорного продолжения этой борьбы, или партия, организующая для нее рабочий класс и призывающая его к массовому выступлению, когда „экономические“, а также и политические „условия данного момента“ обещают победу?

„Правду следует говорить всем и о всех“, проповедует г. Струве. Верно, очень верно, почтенный либерал; но не слишком ли оторванной является эта идея от всего остального содержания вашего „ответа“.

На вопрос „Начала“, от чьего имени и о чем г. Струве вел переговоры с г-ном Витте, г. Струве отвечает:

„Я говорил с графом Витте от своего имени.

„Я говорил, я доказывал ему, что России необходимо всеобщее избирательное право. Только это я говорил графу Витте.

„Вот мое «предательство». Я охотно, громко признаюсь в нем перед русским рабочим классом, но вам, гг. публицисты „Начала“, вам это мое «предательство» — я бросаю в лицо“.

Гордо и благородно! Настоящий маркиз Поза! Г-н Струве приходил к г-ну Витте только затем, чтобы сообщить ему, что России необходимо всеобщее избирательное право... Ну, а как принял г-н Витте это, очевидно, необычайно новое для него сообщение? Был ли он окончательно подавлен „доказательствами“ на эту тему г-на Струве или ограничился вопросом, сколько раз

г-н Струве в своем „Освобождении“ доказывал диаметрально противоположную идею?

Г-н Струве говорил „только“ об этом... Блажен, кто верует... И мы были бы от‘явленными скептиками, если бы не поверили на-слово г-ну Струве, который только что доказал свою строгую правдивость высоко-нравственным заявлением, что „правду надо говорить всем“, а также архи-добросовестным изложением тактики социал-демократии по отношению ко всеобщим забастовкам. Да, мы верим, глубоко верим правительственному г-ну Струве.

И я лично, когда-то позволивший себе сомневаться в твердости политических убеждений г-на Струве и называть его „флюгером либерализма“, я открыто заявляю: да, теперь политически-программная искренность и непреклонность Петра Бернгардовича Струве для меня так же несомненны, так же недосягаемо высоки в моих глазах, как аналогичные свойства Алексея Сергеевича Суворина-отца. Народ русский запомнит эти славные, честные имена!

А. Богданов.

Русская печать.

*** Кн. Мещерский вновь меняет свой курс. Он заключил мир с конституцией и находит, что реакционные заговорщики — в Москве и Царском селе — „делают работу революционеров“.

Как бы в подтверждение моих слов, — пишет кн. Мещерский, — я сегодня слышал от одного, два дня присутствовавшего в Москве на с‘езде землевладельцев, помещика рассказ об его впечатлениях.

— Я приехал с надеждами, а уехал неудовлетворенный, — рассказывал он мне, — и даже разочарованный. Я ожидал практических мыслей, а два дня слышал только академические и лирические речи, пополам с нападками на правительство.

Всего фальшивее звучат на этом с‘езде витиеватые речи против манифеста 17 октября в устах лиц, соединившихся во имя порядка и поддержки престола. Это и бестактно и непатриотично, ибо это — игра в руку врагам русского государства.

А уже постановление ходатайствовать о созыве земского собора за два месяца до созыва Государственной Думы, — это более чем бестактно — это грубая нелепость.

Не нелепость, а простая попытка отстоять свои карманные интересы, непримиримые с народной свободой, хотя бы и с ноготок ростом.

*** Товарищ Парвус в „Русской Газете“ очень кстати раз‘ясняет солдатам, каковы причины военных восстаний.

Кто не знает казарменного гнета? Кого бьют? Солдата. Кем помыкают? Солдатом. Над кем издеваются безусые мальчишки, только что вышедшие из юнкерского училища? Над солдатом же. И его же обижают — на пище, на одежде, на всем. Как же не дать солдатам собраться, обсудить свои нужды и принять меры, чтобы не было обиды и обирательства?

Военные восстания в значительной степени оттого и происходят, что солдаты рвутся к слиянию с народом, чтобы принять участие в общей политической жизни страны, а их держат в рабстве. За участие в народных митингах их штрафуют и не дают устраивать собственных митингов.

Нет у солдат другого пути добиться политических прав, как тот, которым шли рабочие.

Если станут солдаты приходить массами на народные собрания, то волей-неволей полиции придется с этим примириться. Примириться с этим придется также и военному начальству.

Надо солдатам устраивать также собственные митинги. На них обсуждать казарменные нужды и общие политические.

Пора солдатам понять, что нельзя им улучшить свою жизнь, пока в стране — гнет и бесправие. Пока бьют крестьян и рабочих — будут бить и солдата. Пока обворовывают народ, будут обкрадывать и солдата — на пище, одежде и всем. Пусть же на солдатских собраниях почаще обсуждают вопрос, как уничтожить произвол и бесправие.

У кадетов в гостях.

(Учредительное собрание петербургск. группы 18 ноября.)

Не скажу, чтобы меня встретили особенно приветливо:

— Как, вы, соц.-дем., и пожаловали к нам? Да разве вам была прислана повестка?

— Как же, повестку я получил, — был скромный ответ: — надеюсь, вы позволите мне поучиться и послушать?

— О, пожалуйста, конечно...— И я в качестве представителя „крайних“ партий приютился у репортерского столика...

И я был вознагражден. Редко я проводил время с большим удовольствием, как среди этих милых „кадетов“, этих прелестных политиков, столь же наивно циничных, сколь искренно непонимающих пагубного и нетерпимого социалистического „догматизма“.

О, они начали свое обращение к присутствующим вступить в партию совсем не так, как это сделали бы пресловутые „соц.-дем.“ Эти последние по своему „упорству“ и „фанатизму“ первым делом пред‘являют программу и только тех принимают в партию, кто ее искренно разделяет и признает для себя безусловно обязательной; оттуда и столь прославленная пролетарская „дисциплина“...

Но у милых кадетов совсем иначе... В противном случае они не были бы той особой породой людей, которая стоит совершенно отдельно от — употребляю термин П. Н. Милюкова — „низших элементов“ или — как упоминалось тоже — „народной гущи“.

Как мудрые политики, прекрасно знающие цену своим собственным обещаниям, кадеты старшие начали с того, что об‘явили свою собственную программу для себя же необязательной...

Приглашая вступать в ряды к.-д., П. Н. Милюков предлагал не стесняться тем, что программа, быть может, не соответствует убеждениям и взглядам отдельных лиц или даже целых партийных групп... Почтенный историк об‘яснял этот факт чисто исторически... Партия сама сводная... Были освобожденцы, были земцы, потом соединились... Местные комитеты явились раньше и установили свои взгляды, одни слишком правые, другие слишком левые, учредительный московский с‘езд был неполон по составу, между правыми и левыми выбрал серединку... Даже самое название партии, как слишком иностранное и непонятное для „низших элементов“, должно быть еще переведено на русский язык...

И Родичев, со свойственной ему манерой избалованного любимца кадетов, бросил несколько слов насчет того, что-де программа не „догма“, а согласие с ней может быть только „принципиальное“...

Но наши старшие кадеты не сообразили одного. Наша петербургская интеллигенция — кадеты младшие — еще не прошла того полного курса политической мудрости, который освобождает сознательных либералов от всяких программ, совершенно излишних при наличности общего классового интереса.

Посыпались возражения. И первый Н. И. Кареев не без удивления спросил: „Кто же от нас направо и кто налево? Программа оказывается не только удивительной пестроты, но дает прямо полный спектр всех цветов. Присоединение к такой партии немыслимо“.

На это было достодолжно отвечено неопытному в политике ученому:

У нас есть и правые, и левые, даже социалисты,—расхваливал либеральную лавочку Милюков. — Направо мы не идем только до предела, где начинаются „односторонние классовые интересы“, налево — где „требуют демократической республики, социализации средств производства и (sic) национализации земли“... Наши социалисты— тоже социалисты настоящие, только они затрудняются присоединиться к крайним партиям, так как не считают указанных требований „вопросами практической политики“; „принципиально“ они сходятся с левыми, но на „практике“... идут вместе с „индивидуалистами“... Мы требуем социальной реформы, — закончил Милюков свое исповедание веры.

И П. Б. Струве решил явить собранию в своей особе поучительный образец „социализма“ и „индивидуализма“ и провозгласил „гибкость“ программы почетной особенностью к.-д. в отличие от „неподвижности“ программы „догматиков“; не „догма“, а „идея“ должна руководить истинными политиками, и эта „идея“ делает то, что люди, „несмотря на их свободное отношение к отдельным вопросам“, тем не менее, каким-то непостижимым путем сходятся на одной общей „социал-политической программе“... Вполне резонно заметил по этому поводу проф. Брант, что, если есть такое „свободное отношение“, то и „партии нет“. Такого „свободного отношения“ не может быть, например, со стороны члена партии по отношению к вопросу о всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве.

В ответ на последнее замечание посыпался целый град доводов в пользу необязательности программы к.-д. для самих же к.-д. Тут говорилось (Милюков) и об излишнем „доктринерстве“, и о том, что в таком случае надо „отсечь“ многие провинциальные элементы партии, которые очень „ценны“, и о том, что „живая жизнь“ непримирима с „формализмом“, что „принципы“ — одно, а „момент“ — другое... Эти рассуждения подкреплялись далее (Струве) тем соображением, что самые разногласия могут происходить на основе „кадетства“, т. е. „конституционализма“ с одной стороны, и „демократизма“ с другой, что можно голосовать за „одно“ а думать и защищать „другое“; наконец, отстаивалась (В. Гессен) полная „свобода“ членов партии, как „частных лиц“ или „ученых“; приводились примеры „свободы“ от партийной программы на самых верхах кадетского Олимпа.

— Вот у нас, — восклицал Струве в полном сознании своего кадетского превосходства,—два члена московского бюро (или комитета?) были даже против отмены выкупных платежей, другие за косвенную подачу голосов, а я сам даже не имею собственного мнения по вопросу о прямых выборах, а голосовал за — и сделал это просто из партийной дисциплины (!?); это вопрос сейчас неразрешимый, и нельзя слишком формально смотреть на вещи.

Так разливались люди, созревшие уже в „реальной политике“, кадеты старшие, вкусившие от древа познания и справа и слева, с непостижимой легкостью порхали они по всем важнейшим принципиальным вопросам, и в руках искусников то зажигался самый кровавый цвет, то вспыхивал ослепительный белый, то играл прелестный „спектр“, по выражению почтенного Кареева. И когда неофиты кадетства, кадеты младшие, — не возрастом, но кадетским опытом, — в полном недоумении и поражении взирали на ловкие фокусы старших и не без честной наивности вопрошали — до каких же пор, до какой границы итти налево? — то им с непобедимым цинизмом возвещался классический ответ Милюкова по поводу народовластия: „Этого вопроса никогда нельзя довести до конца, у народного верховенства пределов нет, здесь всегда можно итти дальше и дальше; когда же говорят о государстве конституционном — это значит не о республиканском“... (!?) Как будто нет конституционных республик (!?).

Казалось, выхода из возникших недоумений не было никакого: право-лево, обязательность и необязательность, свобода от программы и ее наличность — все это так перемешалось, что положительно никакой возможности образовать партию не оказалось. Особенно подобное настроение возросло и сделалось напряженным, когда в самой программе отдельные члены к.-д. стали находить и „неполноту“ и „неясности“ и „противоречия“, и нельзя сказать, чтобы раз'яснения бюро хоть сколько-нибудь помогли делу.

Надо было или разойтись или назначить новое собрание, чтобы выяснить, наконец, вопрос, есть ли партия к.-д. — партия или просто пестрая коалиция людей, призванных, как это и припомнил Изнар, образовать из себя „будущее правительство“ после революции, когда, добавим мы, „гидра мятежа и восстания“ будет придушена.

Но... практический инстинкт либеральной буржуазии скоро заговорил среди учредительного собрания петербургских к.-д. По мудрому слову убеленного сединами Арсеньева: дескать, время ли препираться о программах, когда налево организуются—дух компромисса и примирения снизошел на старших и младших, и так как последние ради примирения возмущенной совести требовали, чтобы программа для партии была обязательна, то старшие уступили, и единогласно было решено:

Считать программу партии для ее членов обязательной!

Спрашивается, почему бы нет?

Ведь всякий знает, что это делается ради приличия, а то и в самом деле, как говорил Франк, подумают со стороны, что у кадетов программа только вывеска!

О, российские милые либералы, индивидуалистические социалисты и монархические демократы, свободные от всяких догм и классовых интересов, скажите, что чувствовали вы, когда по неопытности и наивности один из ваших заговорил о героической „классовой“ борьбе слева, о необходимости итти против „класса“ справа вместе с „классом“ слева. Почему так неловко вдруг почувствовало себя все собрание, и только общими фразами о „демосе“, о „народе“ и ответили ваши мудрецы на неловкий запрос одного из неофитов?

Вы прекрасно знаете почему. Есть только два класса, которые уже более полустолетия ведут между собой мировую борьбу: пролетариев и капиталистов. Вы против—класса справа?—почему же вы в таком случае не с классом слева?

Я отвечу за вас, — потому что вы не против класса справа, а вместе с ним.

М. Рейснер.

Вопросы дня.

Привилегированные штрейкбрехеры.

Дня два тому назад в „Новом Времени“ появилось анонимное об‘явление „петербургского почтамта“—почтдиректор устыдился его подписать—в котором приглашались „желающие“ заменить стачечников на почте и телеграфе. „Желающим“ была обещана „благодарность“. Слово „благодарность“, как известно, имеет на нашем официозном языке определенный смысл — взятки или „на-чая“. Мы не знаем, о такой ли „благодарности“ говорил г. „Почтамт“, но что предлагаемая им „работа“ стоит на одном нравственном уровне со взяткой (если не ниже)—это ясно всякому уважающему себя человеку. Почтово-телеграфные служащие уже ответили надлежащим образом всем этим господам-офицерам, студентам, дамам, — квалифицируя их поведение как черносотенную услугу реакции. Имена этой публики, вероятно, вскоре появятся в печати и будут навсегда пригвождены к позорному столбу. Но мы хотели бы обратить внимание всех честных людей и, в частности, наших товарищей рабочих на одно обстоятельство. Этот мелкий, но гаденький случай штрейкбрехерства отражает, как в капле воды, всю мерзость и растление старого порядка. Почтово-телеграфные служащие, доведенные до крайности непомерным трудом, нищенским вознаграждением, унизительными полицейскими функциями, навязываемыми им начальством, примкнули к освободительному движению, убедившись, что только преобразование всего политического строя может избавить их от каторжных условий труда. И вот являются „студенты“ и „дамы“, „офицеры“ и „профессора“ (вроде пресловутого Мартенса), раздушенные, разряженные, неспособные ни к какому производительному труду, но зато готовые к полицейским услугам властям, являются в качестве штрейкбрехеров, чтобы помешать почтово-телеграфным служащим добиться сколько-нибудь человеческих условий существования. Конечно, усилия всех этих помадных героев только лишний раз докажут, как мало нужны они на свете. Но как низко нужно пасть, какие надо иметь глаза и какие лбы, чтобы итти на „работу“, от которой с омерзением начинают отворачиваться даже городовые!

К истории одного документа.

Во вчерашнем номере „Сына Отечества“ (№ 235) напечатан приговор 80 домохозяев Графчинского общества, Лысогорской волости, Аткарского уезда. В приговоре говорится, как и в других публикуемых социалистами-революционерами крестьянских приговорах, о передаче всей земли „в уравнительное пользование всего трудящегося народа“, но добавляется:

„Желая осуществить свое право на пользование землей владельца Рябинина, в количестве 900 дес., постановили об‘явить эту землю народною собственностью и приступить к временному разделу между общественниками впредь до утверждения будущим Учредительным Собранием“.

Уже при одном внимательном чтении приговора поражает противоречие, заключающееся в опубликованном „С. О.“ тексте. С одной стороны, постановили об‘явить землю Рябинина „народною собственностью“, а с другой—приступить к ее же разделу „между общественниками“. Об‘яснение этого странного противоречия надо искать не в опубликованном газетой соц.-революционеров тексте, а в подлиннике приговора Графчинского общества. Пишущий эти строки видел этот подлинник и может засвидетельствовать, что опубликованный „С. О.“ текст представляет собой плохую и неискусную переделку подлинного документа. В последнем, утверждаю я, прямо и определенно говорится, что крестьяне, составлявшие приговор, постановили об‘явить землю Рябинина „собственностью Графчинского общества“, — и вот, два последние слова кем-то зачеркнуты, а на место их поставлено: „народною собственностью“. При помощи небольшого „исправления“ обычное заявление мелких крестьян-собственников о желании поделить помещичью землю между домохозяевами превращено, ни больше ни меньше, как в стремление к „социализации земли“.

Пишущий эти строки и еще несколько лиц знакомы с подлинником приговора и своевременно заявляли об его искажении одному из товарищей по революции, социалисту-революционеру, ссылавшемуся в публичном собрании на этот документ. И товарищ по революции социалист-революционер, в качестве оправдания, сослался на то, что переделка была произведена не здесь, документ был получен в переделанном виде из Саратовской губ. Но это, конечно не меняет дела, тем более, что самая подделка в техническом отношении настолько явна и груба (по чернильным мужицким каракулям карандашная надпись интеллигентской руки), что не заподозрить надежность документа было бы невозможно даже для самого детски доверчивого человека. Советуем товарищам по революции, членам редакции „С. О.“, не быть столь „доверчивым“ и раньше, чем публиковать документы, убеждаться в их подлинности.

Новая победа революции.

Из печатаемых ниже телеграмм читатели-товарищи узнают о новой победе революции над разлагающимся полицейско-самодержавным режимом. По требованию железнодорожного союза и под угрозой новой всеобщей железнодорожной стачки, правительство отказалось от намерения убить в Кушке инженеров, примкнувших, очевидно, к общему восстанию русского народа. Революция не позволила список бесчисленных преступлений самодержавного правительства увеличить еще одним. Но правительство старого режима, заявлявшее о желании вступить на конституционный путь, фатально, почти непроизвольно, в силу закона инерции, идет по старому пути насилия, эксплоатации и подавления проявлений политической и гражданской свободы.

И все больше и больше разрастается народный протест против правительственного гнета, расширяется и углубляется революционная борьба народа. Телеграммы сообщают, что войска во многих уже городах открыто стали на сторону революционного народа. Борьба становится уже неравной... Не народ восстал на правительство, а

правительство идет против народа. Но правительство, восставшее против народа, больше уже не правительство.

Мы приветствуем всех революционных товарищей, борцов за русскую свободу.

П. Р.

ТЕЛЕГРАММЫ.

— Исполнительный комитет Сов. Раб. Деп. получил следующие телеграммы:

Киев.

Центр города и Подол в руках правительственных войск. Печерский плац и крепость в руках восставшего народа. К народу присоединилось 1.000 сапер и часть войск. В городе баррикады.

Новороссийск.

Город в руках восставших войск. Город распланирован солдатами на участки — полный порядок сохраняется восставшими. Войска призывают рабочих присоединиться к восстанию.

— Получены сообщения по телеграфу:

Екатеринодар.

Арсенал в руках восставших войск. 16.000 ружей захвачены. Часть роздана в городе. Другая отправлена для вооружения новороссийского пролетариата.

Елизаветполь.

Здесь начался военный бунт.

На собр. Спб. ком. всеросс. почт.-телегр. союза 22 ноября единогласно принята, по заслушании телеграммы о полевом суде в Кушке, след. резолюция: „Предание полевому суду инж. Соколова и его товарищей на ст. Кушке. Этот новый акт грубого, кровавого произвола является издевательством над всеми свободами, обещанными манифестом 17 октября и ясно показывает, что бумажные обещания ничего не стоят. Мы выражаем глубочайшее наше негодование по поводу гнусного факта, мы требуем немедленной отмены полевого суда над Соколовым и другими, мы требуем полной отмены полевых судов. Мы выражаем наше полное сочувствие товарищам ж.-д. служащим и рабочим, готовым дружно бастовать в поддержку своих требований. Сила наша — во взаимной поддержке, в единении. Все за одного — один за всех!

Долой произвол!

Долой насилие!

Спб. комитет всеросс. почт.-телегр. союза".

Телеграмма. Москва. — Центральное бюро железнодорожного союза. Сообщите немедленно, в каком положении дело о предании полевому суду Соколова и товарищей. Можно ли надеяться на дружную забастовку дорог, если суд не отменят? Согласятся ли железнодорожники на всеобщую забастовку, в связи с другими событиями в России, если даже отменят суд над Соколовым? Телеграфируйте немедленно, необходим ваш ответ для принятия того или иного решения Советом Депутатов.

Исполнительный Комитет Совета Депутатов.

Телеграмма. С.-Петербург, графу Витте, министру путей сообщения Немешаеву, военному—Редигеру, вн. дел.—Дурново, Кушка — коменданту крепости, по всем станциям сети русских и финляндских дорог. Копия. Начальн. дорог получены телеграммы о полевом суде в Кушке над товарищами железнодорожниками — инж. Соколовым и другими — в целях смертной казни. Требуем немедленной отмены смертной казни над ними и полевого суда или опровержения подлинности известия; при неполучении немедленного ответа, будем вынуждены забастовать, несмотря на единодушное желание избежать забастовки. Предупредить забастовку и самые ужасные связанные с ней последствия возможно лишь немедленным ответом. Все последствия забастовки будут лежать на вас.

Балтийский комитет железнодорожного союза.

Телеграмма из Спб. № 1168, 21 ноября. Срочная.

От Пскова до Печор нач. ст.; нач. депо Рига тов., нач. 3 отд. П-бг, нач. тяги и заведыв. передвиж. войск.

Для надобности местной губернской администрации, по распоряжению псковского губернатора из Пскова до Печор будут отправляться воинские команды очередными поездами или экстренными. Если для отправки этих команд, по получении извещения от псковского губернатора, не будет подходящего очередного поезда, то поручаю нач. ст. Псковск. назначать экстренные поезда, состав двух классовых вагонов.

О настоящем распоряжении поручаю г. Николаеву сообщить псковскому губернатору и войти с ним в соглашение об отправке команд. Щербаков.

Из Самары. Телеграмма № 3877. По всем станциям российских железных дорог.

Москва, центральное бюро железнодорожного с'езда, инженеру Романову. С.-Петербург Николаевская — Елизарову — передать Михаилу Дмитриевичу Орехову.

Товарищи!

Кровь леденеет в жилах. Не давайте совершиться акту возмутительного насилия, смертной казни над нашими товарищами инженером Соколовым и другими служащими. Мы требуем немедленно отмены смертной казни, предания суду коменданта крепости Кушки. Если смертная казнь не будет отменена тотчас же до 12 часов ночи, то именем всего святого призываю товарищей к немедленной забастовке.

Долой произвол!

Долой насилия!

Председ. самарского комитета Авсеев.

Из Варшавы. Телеграмма. С.-Петербург Прейсу, копия Псков Зовинскому, Двинск Смирнову, Вильно Ковальскому.

О своих действиях просим ставить нас в известность. Варшавское бюро. Председатель Дементьев. Заместитель его Егоров. Секретарь Владимиров, заместитель Лизим, казначей Варламов, запасной член бюро Егерт.

Телеграмма из Москвы, Московско-Яр.-Арх. жел. дор. Экстренно.

С.-Петербург, графу Витте, министрам: путей сообщения — Немешаеву, военному — Редигеру, копия в главный штаб. В Кушку—коменданту крепости, Самара — Авсееву и по всем службам российских железных дорог.

Получена копия телеграммы Руина о полевом суде в Кушке над железнодорожным служащим в целях смертной казни. Требуем немедленной отмены смертной казни над ним или опровержения подлинности известия. Свыше всякой меры. При неполучении немедленного ответа будем вынуждены забастовать, несмотря на единодушное желание избежать забастовки. Предупредить последнюю и самые ужасные связанные с ней последствия возможно лишь немедленным ответом. Все последствия забастовки будут лежать на вас. Трех тысяч человек.

Телеграмма из управления Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д.

Экстренно. 22 ноября. Спб. Премьер-министру гр. Витте, министрам Дурново, Редигеру. Копия по всем станциям русских жел. дор. и управлениям всех русских ж. д. Москва, центр. бюро ж.-дорожного с'езда союзов и Стачечному Комитету, Советам Рабочих Москвы и Петербурга, союзу инженеров. Имеем сведения, что в Кушке азиатской предают смертной казни инженера Соколова с товарищами. Требуем немедленной отмены смертной казни с заменой гласным судом. Ответ должен последовать немедленно и категорически. Замедление или отсутствие ответа повлечет начало всеобщей железнодорожной забастовки. Ответа ждем по указанному адресу железнодорожного телеграфа до 8 час. веч. 22 ноября. Общее собрание служащих Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор. под председательством Романова. Коссовский.

Телеграмма (послана со станции С.-Петербург). Петербург, графу Витте, министру Немешаеву. Копия по всей линии Варшавской железной дороги и по всей сети российских железных дорог, всем комитетам, Совету Рабочих Депутатов в Петербурге, Кушка—коменданту крепости. Получив депешу о назначении военно-полевого суда над инженером Соколовым с другими товарищами, требуем немедленной отмены жестокой меры, с заменой гласным судом. Приведение в исполнение этой жестокой меры повлечет за собой забастовку со всеми ужасными последствиями. Петербургский Комитет С.-Петербурго-Варшавской жел. дороги.

Телеграмма из С.-Петербурга № 1266, 22 ноября, 5 ч. дня. Начальникам казенных и управляющим частных железн. дорог. Об'явите служащим, подавшим депеши о приостановке полевого суда над инженером Соколовым, что эти депеши мною лично безотлагательно сообщены военному министру. Министр путей сообщения Немешаев.

Телеграмма из С.-Петербурга № 1288, 22 ноября 8 ч. веч. (В. срочно). Гг. нач. и управл. жел. дор. По распоряжению военного министра исполнение приговора над Соколовым и другими приостановлено, и дело будет вновь пересмотрено. Министр путей сообщения Немешаев.

Генерал-лейтенант Меллер-Закомельский телеграфирует из Севастополя (отправлено 19 ноября в 2 час. 45 мин. дня):

В городе тихо, спокойно. Портовые рабочие 4.000 человек начали работать. Чего-либо серьезного в ближайшем будущем ожидать нельзя. Несмотря на свою многочисленность и отличное вооружение, мятежники, обнаружив вначале значительное упорство, в военных действиях выказали полное малодушие и неумелость. Потери в людях ничтожны, меньше чем где-либо при усмирении безоружной или плохо вооруженной толпы. Следственная комиссия начинает разбор арестованных для распределения их по категориям виновности; большинство — матросы, саперы, одиночные люди других частей, частные лица. больше евреи. Рабочие в бунте участия не принимали, вопреки слухам, распространяемым о том революционерами".

Командир 49 пех. Брестского п. полковник Думбадзе телеграфирует из Севастополя (отправлено 19 ноября в 6 ч. 35 м. пополудни):

„В полку убит рядовой, ранено двое, у революционеров убитых 3, раненых 4 матроса. По слухам, число раненых увезенных жителями, гораздо больше".

Варшава, 21 ноября. — Забастовка в почтово-телеграфных конторах продолжается. По словам „Курьера Поранного" вчера состоялась сходка почтового персонала, на которой постановлено:

1) образовать комитет из казначея и его помощника и секретаря для изыскания средств к существованию во время безработицы, 2) всем присутствующим записаться в члены всероссийского почтово-телеграфного союза и 3) назначить новую сходку на 22 ноября.

РОССИЯ.

Саратов, 22 ноября. — Сегодня в половине первого дня в доме губернатора неизвестная женщина тремя выстрелами из револьвера убила генерал-ад'ютанта Сахарова. Убийца задержана и заявила, что исполнила приговор летучего боевого отряда партии социалистов-революционеров.

Воронеж, 18 ноября. — В 1 час дня в пригородной слободе Придаче загорелись здания арестантских военных рот и дисциплинарного батальона, подожженные арестованными. Все здания в огне. Разгромлена казенная винная лавка. Прибывшими из города войсками многие бунтари побуждены были бросить оружие и сдаться. Пожар начал распространяться на частные постройки.

Воронеж, 19 ноября. — Пожар зданий дисциплинарного батальона, перешедший на торговые ряды и частные постройки слободы Придачи, продолжается. Бунтовавшие частью сдались войскам и арестованы, частью оцеплены войсками. К организации бунта, повидимому, заранее были привлечены арестанты городской тюрьмы. Вечером загорелась тюрьма: в прибывших пожарных арестанты начали стрелять из окон залпами, почему тушение прекращено. Пожар продолжается, замок окружен войсками.

Варшава, 22 ноября. — По словам „Курьера Варшавского", жирардовская фабрика закрылась, так как вся администрация, состоявшая из немцев, принуждена была выехать за границу, вследствие бойкотирования рабочими, которые потребовали, чтобы делопроизводство велось на польском языке. 7.000 человек осталось без работы.

Вчера состоялась сходка польских юристов, продолжавшаяся с 11 ч. утра до 2 ч. ночи. Предложенная забастовка для достижения полонизации судов отвергнута большинством 529 голосов против 158.

Варшава, 20 ноября. — Со снятием военного положения вчера прекратилось движение патрулей по Варшаве. Вместе с тем об'явлено постановление генерал-губернатора, которым, между прочим, воспрещаются сходбища и собрания на открытом воздухе, кроме предусмотренных законом 12 октября, уличные манифестации, затрудняющие движение, ношение при себе всякого рода оружия, препятствование учащимся посещать школы и подбрасывание взрывчатых веществ, вызывающих тревогу среди населения. Виновные подвергаются штрафу в 500 рублей или трехмесячному аресту. Забастовка на почте и телеграфе продолжается. По распоряжению управляющего министерством внутренних дел жалование за текущий месяц будет удержано и забастовавшие будут удовлетворены только по восстановлении порядка и разборе степени виновности каждого.

Орел, 18 ноября. — Два дня в Брянске и Орле забастовка телеграфистов. Работают только высшие чины и ученики

Моршанск, 19 ноября. — Три дня нет газет. Слухи, циркулировавшие за последние дни об аграрных беспорядках в уезде, оказались преувеличенными. Серьезных погромов не было. Положение остается напряженным и тревожным.

Царев, 19 ноября. — В Цареве сегодня состоялось в городской управе собрание мещан, на котором обсуждался манифест 3 ноября совместно с местными земельными нуждами. Постановлено ходатайствовать о нарезке казенных участков.

Астрахань, 20 ноября. — Погода теплая. Пароходные общества „Самолет", „Волжское" и „Кавказ и Меркурий" прекратили рейсы.

Пенза, 19 ноября. — Во время бывших в губернии аграрных беспорядков разграблено и разрушено более десяти владельческих усадеб; в том числе сожжена большеверховская экономия Нарышкина, пострадали от грабежа две исторические усадьбы: первого пензенского губернатора Ступишина — село Любятино и имение Лермонтова — Тарханы.

Юрьев-Польский, 19 ноября. — Третий день нет почты. Местная почтово-телеграфная контора работает.

Третьего дня состоялось большое собрание уездного и городского духовенства. Обсуждалось отношение церкви к государству.

Аграрных беспорядков нет.

Владимир, 19 ноября. — К здешней почтово-телеграфной забастовке присоединились Шуя, Иваново-Вознесенск, Муром, Меленки, Гороховец и Переславль-Залесский. Здесь работают на телеграфе 2 ученика и 2 солдата.

Шеломов, 17 ноября. — Статс-секретарю графу С. Ю. Витте от имени череповецкого чрезвычайного земского собрания послана телеграмма следующего содержания:

„Заявляем вашему сиятельству, что череповецкое чрезвычайное земское собрание, созванное управою для умиротворения населения и установления способов охранения общественного порядка, было нарушено и принуждено было разойтись, кончив занятия благодаря тому, что сегодня, 17 ноября, присутствовавшая в публичном заседании толпа, во главе которой стоят бывшие учителя Виноградов и Чумаков, нарушили порядок криками — „долой земство!“ — в ответ на речь одного из них, Виноградова, громогласно об'явившего, что земских учреждений и правительства не существует и что эта толпа должна вступить в отправление обязанностей от лица всего народа, выбрать председателя и открыть временные комитеты в волостях. Просим убрать и предать суду самозванцев как нарушителей порядка и общественного строя, возбуждающих невежественную толпу; в силу постоянной агитации названных лиц, земские учреждения перестали функционировать. Просим принять решительные меры к восстановлению порядка.

Председатель земского собрания предводитель дворянства Игнатьев, председатель уездной управы Н. Сомов. Члены управы П. Попов, Демидов“.

Новгород, 19 ноября. — Новгородская дума отправила председателю совета министров графу С. Ю. Витте следующую телеграмму:

„Новгородская городская дума, считая, что выработанные московским с'ездом резолюции не отвечают мнениям и желаниям большинства населения, и высказывая полную уверенность думы в том, что манифест 17 октября есть акт непреклонной и непреложной воли нашего обожаемого монарха, что правительство употребляет и употребит все силы к скорейшему осуществлению этой воли государя,—признает безусловно необходимым просить правительство: 1) безотлагательно созвать с'езд уполномоченных уездных и губернских земских собраний и городских дум для содействия правительству к скорейшему созыву Государственной Думы и вообще к проведению в жизнь реформ, возвещенных манифестами 6 августа, 17 октября и 3 ноября, и 2) поручить немедленно же уездным земским собраниям приступить к подготовительным работам в виде собирания сведений и исследования на местах по вопросу об оказании существенно необходимой помощи малоземельным и безземельному сельскому населению.

Городской голова Соловьев“.

Киев, 21 ноября. — 17 ноября вновь сформированная при пятом понтонном батальоне рота отказалась заступать в караул и, несмотря на принятые командиром батальона меры, утром 18 ноября вышла, разобрав ружья, на улицу. К взбунтовавшейся роте вскоре присоединились и другие части саперной бригады. Бунтовщики направились в город с целью присоединить к себе и другие части войск, квартирующих в городе, и поддерживать забастовавших рабочих местных заводов и железнодорожных мастерских. Против взбунтовавшихся команд были высланы наряды казаков, которые были встречены огнем. Около казарм 45 Азовского пехотного полка бунтовщики были встречены залпом 168 пехотного Миргородского полка, выставленного для преграждения им пути; залпом убито несколько десятков нижних чинов, число раненых неизвестно. Бунтовщики разбежались, при чем часть их в числе 200 человек арестована.

Воронеж, 19 ноября. — Пожар в слободе Придаче стих. Кроме сгоревших до тла зданий дисциплинарного батальона, где погибли канцелярия и имущество всех офицеров и батальонного командира, выгорел базар, несколько дворов и волостное правление. Арестанты в тюрьме сдались. Убито два нижних чина из команды и два арестанта, ранены два надзирателя и несколько арестантов. Канцелярия и дела тюрьмы сгорели.

Скопин, 19 ноября. — В некоторых местностях Скопинского уезда наблюдается аграрное брожение: рубят лес и угрожают землевладельцам насилиями.

Москва, 22 ноября. — Завтра будет опубликовано обязательное постановление градоначальника, угрожающее штрафом до 500 р. и арестом до 3 месяцев всем забастовщикам, принуждающим других оставить работы и снимающим с занятий служащих и рабочих разных учреждений и предприятий.

Сегодня освобождена часть арестованных деятелей почтово-телеграфного союза.

На Николаевской жел. дор., под сильной войсковой охраной, под руководством почт-директора, началась разгрузка скопившихся на этом вокзале 21 вагона почтовой корреспонденции.

Владимир, 20 ноября. — Сейчас арестовано 7 почтово-телеграфных чиновников и 2 студента по делу забастовки.

Васильков, 21 ноября. — В Белой Церкви телеграф примкнул к забастовке. Васильковская почтово-телеграфная контора функционирует все время.

Москва, 21 ноября. — Сегодня арестованы председатель почтово-телеграфного с'езда — Парфененко и члены бюро почтово-телеграфного союза. С'езд выбрал новое бюро. Забастовка почты, телеграфа и междугородного телефона продолжается.

Московские рабочие организации формируют Совет Рабочих Депутатов по примеру С.-Петербургского и выходят из Стачечного Комитета.

Сегодня забастовали повара ресторанов, гостиниц и ломовые извозчики.

Сегодня в здании судебных установлений под председательством старшего председателя палаты Арнольда состоялся митинг чинов магистратуры, мирового и следственного институтов. Митинг остановился на резолюции, смысл которой сводится к тому, что дальнейшее развитие государственных и общественных начал в России должно быть основано на манифесте 17 октября. Чины судебного ведомства, как стоящие вне партий, враждующих теперь по экономическим и социальным вопросам, видят в манифесте необходимое развитие освободительных реформ императора Александра II и радикального преобразования в частности. Судебные уставы 1864 г. вполне соответствуют идее правового порядка, но суд ждет обновления их в духе судебных уставов 1864 г. Суду предстоит теперь охрана прав отдельных лиц и групп населения от всяких посягательств и восстановление нарушенных прав. При всей невозможности быстро провести в жизнь все реформы и сменить должностных лиц, привыкших к произволу, чины суда видят открытым для населения путь законной мирной борьбы. Население проникнется сознанием, что насилие и игнорирование закона отделяет наступление неприкосновенности личности и свобод.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Дрезден, 20 ноября. — Сегодня утром состоялось 7 социал-демократических собраний с целью протеста против действующей избирательной системы. Когда демократы, в числе более 15.000, пытались пройти в центральную часть города, они были рассеяны полицией при помощи холодного оружия. Толпа около 1.000 человек произвела демонстрацию перед королевским дворцом и также была рассеяна полицией: многие ранены, большое число арестованных. Однородные демонстрации в Хемнице были предупреждены полицией.

Токио, 21 ноября. — В смету государственных расходов в Японии на будущий год включены один миллион фунтов стерлингов на сформирование четырех новых армейских корпусов, два миллиона на починку военных судов, 2.200.000 на работы в Порт-Артуре. Общая сумма государственных расходов на будущий год определена в 103 милл. фунт. ст., из которых 80 милл. представляют перерасход, вызванный войною.

Париж, 19 ноября. — По сведениям газеты „Matin“, в ближайшем заседании палаты будет возбужден вопрос о молчании правительства во время заявления социалиста Самба о русском кризисе. В парламентских кругах это молчание об'ясняется отсутствием на скамье министров Рувье. Утренняя печать совершенно не комментирует инцидента.

Женева, 20 ноября.—В квартире, занимаемой русскими, произошел взрыв, которым несколько человек ранено. Прибывшие на место происшествия чины судебного ведомства произвели обыск, при чем нашли в квартире взрывчатые вещества, небольшую бомбу, тайную типографию и некоторое количество подложных паспортов.

Москва.

(По телефону 22 ноября.)

— Вчера состоялось групповое собрание членов крестьянского союза. Вынесена была следующая резолюция: „Считая необходимым выразить свое негодование по поводу действия правительства по отношению к членам бюро крестьянского союза и в виде протестов, согласно постановлению с'езда крестьянского союза, призываем взять из сберегательных касс и банков свои сбережения и крестьянские капиталы, употребляемые правительством для противозаконных целей и для учинения насилия над народом. Все наши братья, все друзья народа должны таким же способом выразить свой протест против лжи правительства". Следуют многочисленные подписи.

— 20 ноября в реальном училище Фидлера состоялся многочисленный митинг техников. Присутствовало около 1.500 чел. На собрание явились представители социал-революционной партии и значительные группы умеренных элементов. Эти две партии сплотились для того, чтобы убедить корпорацию техников отказаться от принятой на предыдущем митинге платформы социал-демократов, но их старания оказались безрезультатными, хотя прения велись крайне ожесточенно. Собрание осталось при той же программе, так как признало ее единственно отвечающей интересам пролетариата. На собрании докладывался инцидент с г. Шмулевичем, который не только уволил служащих за забастовку, но и предлагал другим конторам не брать их на службу. Наиболее горячие ораторы предлагали об'явить Шмулевичу бойкот. Но умеренная партия взяла верх, и инцидент со Шмулевичем решено передать на обсуждение Совета Рабочих Депутатов и в организационную комиссию.

— Московская городская управа выдала уже 4.000 семьям запасных свыше 200.000 рублей и возбуждает ходатайство о возмещении этого расхода военным ведомством.

— Сегодня в доме Демидова, во дворе, состоялся митинг почтово-телеграфного союза. Не успел начаться митинг, как во дворе дома появились солдаты, имевшие приказание рассеять хотя бы силою оружия собравшихся. Но на этот раз победа осталась за почтовыми чиновниками: благодаря дружному, энергичному и решительному образу действий участвующих на митинге, войска были выведены, и митинг дальше продолжался беспрепятственно. Был произнесен целый ряд речей, раз'яснивших присутствующим положение дел и отношение к забастовавшим правительства. Вначале, под влиянием производимых арестов, настроение было довольно угнетенное, но затем присутствующие подбодрились, и митинг закончился при твердой решимости продолжать забастовку до полного удовлетворения всех требований служащих почты и телеграфа и приема на службу обратно всех уволенных чиновников — членов союза. Большое оживление внесли в настроение собравшихся прибывшие из Финляндии депутаты, привезшие известие, что из сочувствия к своим русским собратьям забастовали все почтово-телеграфные учреждения Финляндии. Дальше депутаты призывали собравшихся продолжать забастовку, уверяя, что через несколько дней забастовавшие добьются полного удовлетворения всех своих требований. Был прочитан целый ряд телеграмм из разных городов: Иркутска, Ташкента, Армавира, Воронежа, Иваново-Вознесенска, сообщающих о движении забастовки и твердой решимости не отступать перед репрессиями правительства. Телеграмма из Ташкента извещает, между прочим, что начальник местной почтово-телеграфной конторы арестован за отказ принять телеграмму, адресованную властями на имя государя. В пользу забастовавших чиновников почты и телеграфа идут грандиозные сборы пожертвований, растущие не по дням, а по часам. Редакции собирают по нескольку тысяч рублей ежедневно. Также крупные пожертвования собираются в пользу бастующих телефонных служащих. Телефонная администрация пыталась находить частных монтеров и даже с этой целью обращалась в технические конторы. Так, между прочим, обратились в контору Леве, но и эта контора, получив угрожающее письмо, решительно отказала. Телефонная администрация выписала монтеров из Швеции, но шведы, приехав в Москву и узнав в чем дело, решительно отказались работать и потребовали от корпорации телефонных служащих удостоверение, что они даже в течение получаса не работали на московском телефоне. Это удостоверение шведы, по их словам, должны представить своим корпоративным организациям в Стокгольме.

— Судебный следователь по особо важным делам, рассмотрев документы и переписку, отобранные при аресте в порядке усиленной охраны агронома А. В. Тесленко, присяжного поверенного А. Ф. Сталя, дворянина А. С. Белевского, агронома С. М. Блеклова, мещанина В. Т. Богораза (Тана), дворянина А. П. Левицкого, дворянина Е. И. Чирикова и отставного поручика Д. И. Соловьева, нашел, что на основании отобранных документов привлечение их к следствию по 129 статье уголовного уложения не представляется возможным, что поэтому дальнейшее содержание их под стражей не может иметь места, и поэтому постановил всех этих лиц, арестованных за участие в крестьянском с'езде, из-под стражи по настоящему делу освободить. Одновременно с об'явлением этого постановления содержащимся под стражею членам крестьянского союза об'явлено постановление градоначальника, барона Медем: заключить их как лиц общественно вредных вновь под стражу согласно ст. 21 положения об усиленной охране, впредь до выяснения обстоятельств дела.

Областной с'езд учителей в Петербурге.

21 ноября открылся в зале Павловой областной с'езд учителей и деятелей по народному образованию северных губерний. Председателем с'езда избран В. А. Герд, а тов. предс. Н. И. Коробка.

Почтив вставанием память убитых за свободу и выразив свое сочувствие матросам и всем сознательным частям войск, присоединившимся к борьбе за свободу, с'езд принял следующую резолюцию по поводу почтово-телеграфных чиновников: „Областной с'езд учителей шлет свой горячий привет товарищам по борьбе, почтово-телеграфным работникам, и поздравляет их с той энергией и единодушием, с каким они, защищая права своего союза, выступили на борьбу за великое дело свободы личности. Он шлет, вместе с тем, негодование и презрение министерству Витте за его провоцирующую политику и требует удаления Дурново".

Заслушав далее доклад В. В. Водовозова: „Характеристика настоящего политического момента", значительная часть которого была посвящена доказательству, что Государственная Дума не имеет ничего общего с Учредительным Собранием, с'езд единогласно принял следующую резолюцию: „Исходя из убеждения, что: 1) манифест 17 октября, вырванный всенародной политической забастовкой у обанкротившегося самодержавия, не внушает ни малейшего доверия к искренности давшей его власти; 2) что данными им обещаниями нельзя было бы удовлетвориться даже в том случае, если бы можно было рассчитывать на их исполнение,—областной учительский с'езд считает необходимым, чтобы учителя не отказывались в виду этого манифеста от деятельного участия в великом революционном движении нашего времени. Ближайшею целью, которую должно ставить себе революционное движение, не может быть Государственная Дума с учредительными функциями, хотя бы избранная всеобщим голосованием, но действующая в рамках существующего политического строя. Ею должен оставаться созыв Учредительного Собрания, избранного всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, без различия пола, национальности и религии, как верховного и полномочного выразителя народной воли".

Оживленные прения вызвал доклад Н. И. Коробки: „О политической забастовке учителей". В прениях принял, между прочим, участие ряд учителей-провинциалов, которые сообщили чрезвычайно интересные сведения о том новом настроении крестьян, которое наблюдается в последнее время в деревне. После 17 октября во многих местах были устроены многолюдные митинги, на которых говорились и принимались очень сочувственно политические речи и резолюции политического

характера. После продолжительного обсуждения собрание приняло по вопросу об участии учителей в забастовке следующую резолюцию, предложенную тов. Гольденбергом: „Принимая во внимание несомненное намерение правительства превратить манифест 17 октября в фикцию и восстановить в той или иной форме старый режим; принимая во внимание несомненные результаты всеобщей политической октябрьской забастовки; принимая во внимание, что дальнейшая борьба за политическую свободу может снова принять в ближайшем будущем форму всеобщей политической забастовки; принимая также во внимание всю важность забастовки учителей в деревне, каковая забастовка в принципе была принята последним с'ездом крестьянского союза,—областной с'езд учителей северных губерний постановляет: 1) по первому призыву революционного пролетариата, как передового борца за народную свободу (впоследствии, по настойчивому требованию с.-р. подчеркнутые слова были заменены словами „по первому призыву революционного пролетариата и революционного трудового крестьянства"), дружно примкнуть ко всеобщей политической забастовке и 2) усиленной агитацией и организацией сил немедленно начать подготовлять самое широкое проведение в жизнь этого постановления".

Следующим был заслушан доклад В. В. Кирьякова: „О контрреволюционном движении в деревне". По этому поводу с'ездом были приняты следующие две резолюции:

I. „Областной учительский с'езд признает, что ответственность за октябрьские зверства, направленные против передовых элементов общества и евреев, падает на русское правительство. Администрация не только всюду потворствовала грабителям и убийцам, но во многих пунктах явно руководила ими и защищала их. С'езд усматривает в погромах организованную попытку вызвать в невежественных массах контр-революционное движение, толкая их на путь преступления. Клеймя позором поведение правительства, с'езд признает долгом народных учителей с удвоенной энергией бороться за его ниспровержение и усиленно работать над развитием политического сознания темных масс. Признавая, далее, что широкое распространение еврейских погромов вызвано на-ряду с провокацией правительства также пропагандой человеконенавистничества, которая издавна ведется реакционными элементами общества, с'езд призывает учителей со всей энергией выступить против всяких проявлений национальной розни и призывать к дружному единению все населяющие Россию народы, к борьбе за свободу и власть народа".

II. „1. Принимая во внимание, что в состав т. н. «черной сотни» входит часто политически-несознательная часть населения, центр тяжести борьбы с черносотенцами должен быть перенесен на предупредительные меры. 2. Наилучшей из предупредительных мер следует признать широкую политическую пропаганду и агитацию среди несознательных элементов деревни и города. 3. Средствами такой пропаганды и агитации могут служить: митинги, популярные лекции, чтение и распространение газет, книг, брошюр и листков, выясняющих вопросы о политической и экономической свободе и обрисовывающих современное политическое положение страны. 4. В целях же самообороны следует сорганизовать местные боевые дружины из сознательных элементов населения, связывая их в тесный боевой союз с окружающими местными боевыми дружинами".

В последнем заседании 21 ноября были заслушаны доклады А. И. Овсянникова: „О профессиональной тактике" и товарища А. Я. Гуревича: „О рижском конгрессе".

Еще одна буржуазная партия.

Буржуазные партии растут, как грибы. Вспугнутые широким ростом революционного пролетарского движения, устрашенные небывалым размахом крестьянского восстания, буржуи всех родов и толков переполошились, стали организовываться, вырабатывать программы, учреждать партии. Гегемония пролетариата в революционной борьбе и гегемония социал-демократов в идейном руководстве пролетариатом не дают им покою. Трусливая буржуазная душа хорошо понимает, к чему может привести даже при демократическом перевороте это господство ее заклятого врага—пролетариата. Но чтобы противопоставить организованной и сплоченной силе рабочего класса другую силу, необходимо немедля приняться за приведение в боевое положение собственных рядов, необходимо организоваться.

Буржуазия это делает довольно энергично.

Вслед за конституционалистами-демокр., партией правового порядка и торговопромышленной партией образовалась партия „свободомыслящих", программа которой появилась в воскресном номере „Руси". Кто явился учредителем этой новой партии—остается во мраке неизвестности, так как „организационный комитет" не нашел нужным об этом довести до сведения лиц „без различия национальности, исповедания, пола и общественного положения", которых он приглашает войти в ряды партии. Этот ущерб пополняется, однако, тем, что учредители партии выработали детальную программу, в которой подробно рассматривают даже такие вопросы, каких консулов должна иметь освобожденная Россия, как нужно относиться к восточному вопросу, как должно быть организовано преподавание внутри университетов и т. д., и т. д. Недоговоренного почти ничего не осталось, и представление о целях партии получается полное.

Философские основы партии выражаются в тезисе: „В области государственного строительства прочный фундамент дают только идеи и стремления общечеловеческие", поэтому партия полагает, что, „когда исповедываемые нами (партией) начала проникнут в сознание масс, исчезнет гнет и произвол. Исчезнет гнет политический, национальный, общественный, капиталистический, классовый и сословный".

Исходя из этих „общечеловеческих" стремлений, „партия свободомыслящих ставит своей задачей утверждение в России демократической конституционной монархии", так как партии достоверно известно, что русский народ республики не хочет!

Эти же „общечеловеческие" соображения приводят партию к следующей не совсем общечеловеческой (т. к не раз говорилось в этом роде старыми славянофилами) мудрости: „Идея царя, как идея высшей справедливости и могущества государства, в настоящее время имеет глубокие корни в народных массах".

Вполне понятно, что установление этой „идеи высшей справедливости" уже само собой решает тактику новорожденной партии. Высшая „справедливость" дает реформы из „общечеловеческих" соображений, поэтому в противовес социал-демократам, которые „стремятся к социальной революции и необходимым условием успеха считают революцию политическую, завоевание пролетариатом диктатуры", свободомыслящие буржуа решительно против всяких диктатур.

Конституционная монархия как цель ближайшего политического переустройства, выпрашивание „милостей" свыше как тактики — все это не новость для революционного пролетариата.

Новая партия только в несколько иных словах перефразировывает то, что уже до нее сказали „кадеты" и честные маклеры, московские „земцы и думцы". Новым в партии является только то, что все эти буржуазные прелести подносятся под особенно подслащенным „обще-

человеческим“ соусом. Но стоит только покопаться несколько в этой „общечеловечности“, чтобы открыть недвусмысленную классовую шкуру.

Вот несколько примеров из программы „общечеловеков“.

Ратуя за всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, г-да „свободомыслящие“ сейчас же оговариваются, что это право должно быть „ограничено лишь необходимыми социальными признаками, как-то: оседлостью, принадлежностью к воинскому званию, составу полиции, преступностью и т. п.“. Первое из этих ограничений специально направлено против рабочего класса, из которого громадное большинство не имеет по условиям капиталистической эксплоатации оседлости. Не раз европейские буржуа пользовались этим замаскированным средством ограничить политические права пролетариата. Г-да „общечеловеки“ оказались в этом вопросе простыми подражателями своих европейских собратьев. Лишение войска права голоса, ни на чем не основанное ограничение всеобщности подачи голосов, опять, главным образом, отразится на представительстве народных низов — главных поставщиков пушечного мяса.

Предусмотрительные буржуа из новой партии идут дальше: они устанавливают предельный возраст для избирателя — 25 лет, вероятно, из тех же соображений, из которых европейская буржуазия будет настаивать на повышении этого возраста. Ведь возраст от 20 до 25 лет наиболее благоприятный для восприятия революционных идей, поэтому всеми силами надо отстранить их от выборов. Буржуазный коготок и тут обнаружился. Шила в мешке не утаишь, гг. „общечеловеки“.

Вероятно, из соображений „гуманных и соответствующих интересам всех классов“, как формулируются в воззвании мотивы, руководящие партией в ее реформаторской деятельности, „свободомыслящие“ считают необходимым „оставление войск в боевой готовности, насколько это требуется интересами защиты государства от внешних врагов“. Из дальнейшего выясняется, что эти вооруженные силы нужны гг. „общечеловекам“ для защиты тех „солидно обставленных по понятиям агентур и представительств на иностранных рынках и портах“, о которых трактует 67 пункт их программы. Не менее они будут нужны и для защиты „увеличенного штата консульств“. Буржуазная сущность новых „гуманистов“ и тут проявилась в их стремлении использовать в целях капитала все силы государства и обеспечить „постоянными войсками“, главная тяжесть которых ложится на рабочих и крестьянство, рынки „отечественной промышленности“.

Далее идут такие же перлы: высказываясь за прогрессивный подоходный налог, предусмотрительные буржуа (хотя и свободомыслящие) прибавляют на всякий случай, что введение его нужно там, „где он совместим с природой налога“. Пролетарии хорошо знают на опыте западно-европейской политической жизни, что почти везде „подоходный налог“ оказывается „несовместимым“, когда чувствительно бьет по карману командующих классов.

С косвенными налогами дело обстоит так же: нужно заменить „возможно большую часть их прямыми налогами“. Опять оставлена лазейка. Да, очень и очень предусмотрительны гг. либеральные, свободомыслящие, или как они там еще называются, буржуи. Привыкшие к коммерческим уловкам, к оставлению всяких лазеек при заключении контрактов и договоров, они и в политику вносят эти свои излюбленные приемы.

Но кого они думают обмануть?

Не пролетариат ли, которому они обещают ввести 8-часовую норму, „варьируя ее в сторону увеличения или уменьшения“ (опять лазейка), и установление сверх-

Из истории феодального класса.

(Современные политические партии.)

Продолжение *).

III.

История феодального строя неразрывно связана с историей дворянско-поместного класса, история последнего — с историей той экономической формы, которую мы назовем поместьем.

Кстати сказать, я беру термины „феодальный режим“, „поместье“, как ходячие термины, хотя, быть может, вкладываю в них отчасти свое содержание. Я определяю и, по меньшей мере, описываю, какое значение придаю этим терминам. При таких обстоятельствах для меня не имеют никакого значения бесконечные споры о том, существовал ли „феодализм“ в России и даже существовал ли он на Западе Европы.

В своем чистом виде поместье характеризуется двумя основными особенностями: во-первых, вся хозяйственная жизнь в нем построена на принудительном труде; во-вторых, все экономические явления оцениваются с потребительской точки зрения. Поместье существует для того, чтобы доставить феодалу приличествующее прокормление. Если потребности феодала расширяются количественно, — напр., вследствие возрастания его семьи, — он просто увеличивает размеры оброков и барщин. Так же поступает он и в том случае, когда его потребности развиваются качественно, — напр., когда с развитием обмена новые предметы входят в употребление и, следовательно, повышается тот минимальный уровень, который все еще считается „приличествующим“ для феодала.

Из своей колыбели, из поместья с натурально-хозяйственным строем всех отношений, феодал несет с собою свою потребительскую точку зрения через всю историю и остается верным ей даже среди капиталистического производства. Феодал вообще символизируется желудком, но при товарном хозяйстве, когда обмен делает возможным быстрый (качественный) рост потребностей, он символизируется уже непомерно разросшимся гипертрофированным желудком.

Из двух основных особенностей поместья — принудительный труд и исключительно потребительская точка зрения на хозяйственные явления — вытекает еще одна характерная черта как всего уклада экономической жизни поместья, так и феодальной психики. Мы имеем в виду отсутствие расчетливости, рациональности в хозяйстве поместья и отсутствие соответствующих свойств в психике феодала.

*) См. № 15.

урочных и ночных работ всецело по желанию самиу рабочих?

Может, они надеются, что крестьянство им поверит, когда они обещают выкупить „на началах справедливой, основанной на определении хозяйственной доходности земель, компенсации причиненного владельцам ущерба“, то самое крестьянство, которое, не спросясь мнения гг. „свободомыслящих“, берет землю, оставляя заботу о возмещении „ущербов“ тем, которые сотни лет выжимали из него последние соки?

Нет, гг. буржуи, обмануть вам никого не удастся. Вас уже давно раскусили и революционный пролетариат и революционное крестьянство. Мантия „общечеловеков“ и гуманистов, не раз уже появлявшаяся на арене истории, когда революционный народ ценой собственной крови отвоевывал себе свободу, а торгашеская буржуазия стремилась в своих классовых целях использовать его победу, — теперь у нас никого в заблуждение не введет. Работа российской социал-демократии тому порукой. Не даром наши партии в течение десятка лет в своей прессе, в миллионах листков, в многотысячных собраниях разоблачали „общечеловеческие“ речи либералов всех толков; не даром она развивала классовую нетерпимость в пролетариате; они знали, что в момент революционной ликвидации выползет особенно много этих буржуазных „пенкоснимателей“, под красивыми общими фразами проводящих свой не особенно красивый товар; они знали это и вели ожесточенную агитацию против затемнения пролетарских голов „межклассовой“ ложью. И они с гордостью могут сказать, что эта работа его исполнена удовлетворительно. Теперь российский пролетариат уже трудно уловить на такие наивные удочки, как программные заявления гг. „свободомыслящих“.

Не лучше ли вам, гг. свободомыслящие, бросить все эти и вам и нам ненужные „общечеловеческие“ фразы, открыто заявить о своей буржуазной сущности, присоединиться к торгово-промышленной или констит.-демократ. партиям и начать по всей линии кампанию против революционного пролетариата. Ведь „догматики“ социал-демократы из „узко-классовых“ интересов пролетариата все равно вас разоблачат, и выйдет только один конфуз.

Будьте же действительно „свободомыслящими“ и заявите свободно, кто вы на самом деле есть.

Мы все равно вас хорошо знаем, и молчать о вас не имеем никакого основания.

Б. Радин.

О наших „убийцах“.

(Из дневника русского пролетария.)

...Читал газету, — наткнулся на сообщение о митинге табачников, происходившем в Москве.

В конце митинга, — рассказывалось в газете, — говорил солдат. Он сказал приблизительно следующее: „Мы — ваши убийцы, мы — убийцы ваших отцов, жен и детей, мы обращаемся к вам, не оставьте нас, идите к нам и раз'ясните нам, что солдат и рабочий — братья“.

Сознательный пролетариат давно уже исполнил и продолжает исполнять эту бесхитростную просьбу солдата. Геройски борясь за свободу великой страны, пролетариат борется и за освобождение ее от отупляющей мозг и душу казармы, от оплевания и унижения, от бесславной жизни сильного одичавшего животного, запертого в темную клетку и время от времени выпускаемого оттуда для пожирания людей. Армия должна быть народом и народ должен быть армией, — говорит пролетариат,

---

В этом отношении поместье представляет полную противоположность капиталистическому предприятию. В последнем всякое хозяйственное явление должно получить количественную оценку, все „факторы“ производства должны выступить в рациональном соотношении, отчетность должна быть поставлена так, чтобы во всякий момент можно было учесть капиталистические результаты капиталистического хозяйствования. Лишь при такой постановке дела капиталистическое предприятие и может удовлетворить своему капиталистическому предназначению: после каждого оборота капитал будет возвращаться к предпринимателю, увеличенный приращиванием, прибылью, созданной неоплаченным трудом наемных рабочих. Словом, утверждая, что предприниматель видит в своей собственности капитал, мы тем самым уже утверждаем, что он стремится рационально организовать свое производство. Потому-то символами капиталистического общества и являются, между прочим, бухгалтерская книга и счеты.

Не такова хозяйственная позиция феодала. Поместье для него — исключительно источник „прокормления“ в самом широком значении этого слова. Все хозяйственные мероприятия диктуются не головой, а желудком, не рассудком, а лишь аппетитом.

Воспитанная многими веками, в ряду длинного ряда поколений, психика феодала сохраняется и среди упрочившихся капиталистических отношений. С развитием буржуазных, экономических и политических форм, аппетиты феодала вырастают до колоссальных размеров. Но нерациональность, нерасчетливость, как основные свойства феодальной психики, остаются во всей своей силе. Из источника прокормления поместье зачастую незаметно для феодала превращается в фонд прокормления. Дворянин еще при наличности крепостного строя нередко, в буквальном смысле, проедает свое поместье *).

Я не буду говорить о том, как возникло и развилось новейшее полицейское государство. Скажу только, что оно сложилось по образу и подобию поместья. Иначе оно и быть не могло. Господствующим, правящим классом полицейского государства является феодальное сосло-

*) Отметим кстати, что наша характеристика феодалов вполне совпадает с прочно установившимися представлениями о дворянстве. Последнее, как утверждают, „проело“ выкупные суммы, „проело“ и „проедает“ ссуды из Дворянского банка. Но решится ли кто-нибудь утверждать, что буржуа тоже вообще „проедают“ свои фабрики, свои имения, свои субсидии и ссуды из банков? Таким образом, и обыденное словоупотребление отмечает выясненное коренное различие буржуазной и феодальной психики. — Отметим еще, что в „Пошехонской старине“ госпожа Затрапезная в своем хозяйствовании руководствуется уже не феодально-потребительской, а буржуазно-приобретательской точкой зрения. Но любопытный факт: Затрапезная — дочь купца. Художник как будто подчеркивает неспособность дворянства отрешиться от потребительской точки зрения.

и самое первое, самое важное, самое главное, за что он сейчас ведет свою борьбу,—это за то, чтобы русское войско, матрос, пехотинец, драгун, артиллерист, — все войско было избавлено от страшной обязанности звериного братоубийства.

Армия!.. Когда думаешь о ней, представляются две картины: революционный народ радостным, живым потоком устремляется под красные значки пролетарских батальонов... Армия — народ, охраняющий народную свободу, день и ночь стоит под ружьем, на страже, зорко следя за врагами нации. И каждый из этих солдат-граждан может повторить слова великого французского революционера:

— Бывают времена, когда самая дорогая, самая священная вещь для гражданина — ружье. Расстаются с жизнью, но не расстаются с ружьем...

И рядом с этой картиной представляется другая. Промозглым осенним утром в спертой атмосфере казармы-тюрьмы будят серое человеческое стадо. Тупо и покорно, с затаенным отвращением в сердце и с послушанием на лице берут они свои ружья, двигаются по улицам, прячутся, как воры, в дворах и подвалах, чтобы выйти оттуда навстречу беззащитной толпе голодных людей и по жестокому приказу начальника бросить холодный свинец смерти в сердца, пылающие братской любовью и жаждой свободы, раздробить черепа, под которыми жила лишь неустанная дума о счастьи родины, исколоть штыками тела, иссохшие от голодовки.

Армия — часть народа, и лишь насилием да обманом можно заставить ее быть палачем революционного народа. Солдат — сын народа — может ли он сознательно истреблять других сынов его, истреблять своих братьев? Ведь сознательные пролетарии, борющиеся за свободу,— лучшие дети нашей несчастной страны, и как может войско убивать этих лучших и честнейших, смелых и благородных! Часть нации, убивающая лучший цвет этой же самой нации,—это ли не ужас, это ли не безумие?! Где та мать, которая сама пожирала бы детей своих, где то растение, которое истребляло бы прекраснейшие цветы свои?!..

Только беспощадным насилием, только гнуснейшим обманом можно превратить войско в братоубийцу. Но не вечен обман, и насилие рано или поздно встречает отпор и возмездие: пуля и штык, которые старались направить на друзей свободы, обращаются против врагов ее. И армия находит свой народ, а революционный народ — свою армию.

...Во время похорон убитого в Москве социал-демократа Николая Баумана за гробом его шла группа солдат с двумя офицерами. Когда гроб опускали в могилу, они почетной стражей охраняли ее... Близок тот день, когда вся русская армия почетной и грозной охраной сомкнется на страже народной свободы!

Алексеев.

К вопросу о профессиональных союзах.

В Америке, Австралии и Европе, в последней на всем протяжении от Норвегии до Италии и от Пруссии до Британских островов, словом везде, где политическая жизнь вылилась в более или менее нормальное русло парламентской борьбы и где в большей или меньшей степени обеспечены основные права человека, существуют профессиональные рабочие союзы. Под названием трэд-юнионов (Англия), геверкшавтов и геверкферейнов (Германия), рабочих синдикатов (Франция) и проч. кроется

вие. Один из феодалов ставится главой государства, но, памятуя свое феодальное происхождение, по крайней мере, на первых порах старается разыгрывать роль лишь „первого между равными“, т. е. просто главы феодалов. Феодал не мог выдумать новых форм; он просто перенес формы, сложившиеся в поместьи, в широкую область государственных отношений. Поместье — колыбель всех учреждений, всех норм, всех идей полицейского государства; потому-то это государство и можно назвать не просто полицейским, а феодально-полицейским. Принуждение поместья разрастается в полицейское принуждение государства. Потребительская точка зрения на поместье восполняется потребительской точкой зрения на государство. „Поместье существует для помещика“ дополняется новой формулой: „государство существует для дворянского сословия“, а в позднейшее время: „для первого среди феодалов“. „Мое поместье, мои люди“, „моя земля (территория), мой народ“.

Ниже мы познакомимся с некоторыми последствиями феодального происхождения монархии.

IV.

Так называемая „крестьянская“ реформа расшатала отношения, основанные на принудительном труде юридически-несвободных крестьян. Феодальное хозяйство стало немыслимо. Отныне сельско-хозяйственное производство возможно вообще лишь или в форме мелкобуржуазного хозяйства или в форме капиталистического предприятия; крупное производство — лишь в последней форме *). Крестьянская реформа, хотя и неполно, но все же выразила стремление распространить принципы буржуазного хозяйствования и на область земледелия.

Дворянство, если оно не хотело порвать связь с сельским хозяйством, должно было построить хозяйство на новых, на капиталистических началах.

Часть дворянского сословия сделала героическую попытку вылезть из своей феодальной шкуры, приспособиться к отношениям вольного найма, переродиться в рационально-хозяйствующих буржуа. Дворяне начинают говорить о системах земледелия, о рациональных методах удобрения, выписывают сельско-хозяйственные машины от Бутенопа, семена и туки из-за границы, читают работы по агрономии. Как известно, для большинства эти попытки окончились полным крахом. Исход, как нельзя более, естественный. Наследственно-потребительская психика делает дворянина органически неспособным к рациональному хозяйствованию. У него нет „уменья считать“. Все хозяйствование „по английскому образцу“ оказалось не производственной деятельностью, а лишь новым напра-

*) Да простят мне апостолы „артельных начинаний“, что я результаты их деятельности приравниваю к нулю.

одна и та же сущность: организация рабочих, которая на свой страх и риск (а не через посредство органов законодательства) ведет борьбу с предпринимателями, но ведет ее не по всему фронту сразу; рабочие выступают и группируются по профессиям: механические рабочие борются с владельцами механических фабрик, рабочие металлургических производств—с собственниками металлургических заводов и т. д. Постепенно лишь накопляются успехи: то здесь, то там рабочие одерживают победу, не обходится дело и без поражений. В этой борьбе нет таких крупных шагов вперед, как в тех сражениях, которые дает в парламентах своим противникам партия—носительница интересов рабочего класса. Но та поддержка, которую оказывают рабочие союзы рабочей партии, существенна: осуществляя местами те требования, которые пред'являются пролетариатом всей страны, они подготовляют почву для политической борьбы, они поднимают материальный уровень жизни рабочего класса и повышают его интеллигентность. Зато рабочая партия составляет опору рабочих союзов; она охраняет политическую свободу, которая, при обычной дряблости либеральных партий, плохо обеспечена, пока на страже ее стоят одни представители капитала.

Удовлетворяя законным требованиям пролетариата, она не лишает почвы профессиональных союзов, а, напротив, дает им возможность направить все свои силы на завоевание еще не взятых позиций. Мало того, законодательная охрана труда значительно изменяет в пользу рабочего соотношение спроса и предложения на рынке труда: „Если бы фабричное законодательство не ограничило ночного труда, не отменило труда детей, а отчасти и женщин,—пишет один из знатоков германского профессионального движения,—условия рынка труда были бы менее благоприятны для рабочего, и можно было бы сомневаться в том, достигло ли бы тогда профессиональное движение тех успехов, которых оно добилось теперь“.

Как же должна относиться партия к профессиональному движению?

В той стране, в которой как профессиональное, так и политическое рабочее движение достигло высокой степени развития, в Германии, лишь постепенно и после долгой борьбы противоположных мнений установился тот взгляд социал-демократии на профессиональные союзы, который в наши дни можно считать господствующим. Сначала, притом, в особенности среди той фракции социал-демократии, которая об'единилась вокруг Фердинанда Лассаля, а после его смерти вокруг Швейцера, отношение к профессиональному движению было либо крайне недоверчивое, либо явно враждебное. Был момент, когда лассальянцы готовы были об'явить членов и руководителей союзов врагами рабочего класса. Этот момент давно миновал. Не имеет уже защитников (если не считать редких исключений) и другая точка зрения, которой придерживался когда-то и маститый вождь германского пролетариата — Август Бебель. Он говорил... но лучше предоставим слово ему самому... „Хотя за профессиональными союзами и признавались особые задачи,—говорил Бебель на собрании литографских рабочих в мае 1900 г. о первых десятилетиях развития профессионального движения в Германии,—но среди членов партии был распространен взгляд на них как на своего рода подготовительную школу, которая должна была вербовать рекрутов для социал-демократии. Некоторые оказывали им поддержку именно на этом основании. Я сам вначале смотрел на союзы именно с такой точки зрения“.

Эти взгляды вполне об'яснимы, если принять во внимание условия политической жизни Германии в конце 60-х, в 70-х и 80-х годах. Урезанная законом и почти

влением вековой, исключительно потребительской деятельности. Воображая, что он хозяйствует, дворянин в действительности лишь продолжал потребление, растрачивал средства на неудачный каприз.

Лишь небольшая часть дворянства приспособляется к новым условиям хозяйствования. Она организует свою сельско-хозяйственную деятельность на капиталистических началах и сливается по своим интересам с крупной сельской буржуазией. Живучесть мелкобуржуазных форм производства в земледелии дает возможность возродить отношения принудительного труда если не прямо, то косвенно (кабала - аренда и ссуды под отработки). Поскольку создаются таким образом формы, промежуточные между феодальными и развитыми капиталистическими, постольку и сельская буржуазия занимает промежуточную позицию между собственно-феодальным классом и крупнопромышленной буржуазией. Во всяком случае эта часть дворянства откалывается от ранее целостного дворянского сословия.

Другая часть дворянского сословия постепенно находит себе место уже в чисто-капиталистических отношениях капиталистического общества. Она более или менее решительно порывает все связи с земледелием и, по меньшей мере, не в них находит главный источник существования. Капиталистическое развитие частью создает новые сферы для приложения умственного труда, частью до колоссальных размеров расширяет старые сферы. В дореформенное время существовали лишь слабые зачатки интеллигентных профессий; теперь представители умственного труда составляют громадную армию. Без преувеличения можно сказать, что лишь капиталистическое развитие превратило положение адвоката, литератора, инженера, техника, банковского служащего и т. д. в профессию относительно широких слоев населения. Все эти группы, как целое, самым непосредственным образом заинтересованы в дальнейшем развитии капиталистического способа производства, или, говоря иначе, в устранении всех помех развитию буржуазного общества, всех пережитков феодальной эпохи хозяйственного развития. Не только судьба каждой из этих профессий, но судьба каждого отдельного их представителя неразрывно связывается с судьбами буржуазного общества: постараемся представить себе, напр., как всякое серьезное промышленное потрясение отражается на положении инженеров, управляющих фабрик и т. д. Коротко говоря, эти группы, порожденные капиталистическим развитием, всецело втягиваются в отношения буржуазного общества, их психика настраивается на капиталистический лад. Здесь мы встречаем все оттенки буржуазного либерализма: от невинной умеренной фронды и до решительного буржуазного демократизма, — или до „политического радикализма“, как выражаются его представители.

уничтоженая судебной практикой и полицейским произволом свобода союзов не давала почвы для развития рабочих организаций, а душная атмосфера правительственной реакции заставляла социалистов направить все свои силы в сторону политической борьбы. Отвести экономической борьбе такое же место, как и политической до отмены закона против социалистов (1890), было почти так же непрактично, как бессмысленно было у нас поддерживать то „политическое“ течение, которое известно под названием „экономизма“. Пока не было политической свободы, профессиональным союзам могла быть отведена одна только роль: они должны были „вербовать рекрутов для социал-демократии“. Вне этой роли они являлись лишними, вредными. Были и другие причины отрицательного отношения к профессиональным союзам. Если Лассаль полагал, что первые же выборы, произведенные на основании всеобщего избирательного права, дадут социал-демократам подавляющее большинство мест в парламенте, то немудрено, что последователи его требовали, чтобы все наличные силы их партии были отданы политической борьбе. Марксисты не разделили этого оптимизма Лассаля, но и многим из них тогда казалось, что социальная революция более близка, чем она была в действительности: ее должна была, конечно, совершить политическая партия; профессиональный союз, стоящий на почве существующего хозяйственного строя, борющийся за те блага, которые и без него — и притом в близком будущем—даст рабочему классу политическая партия, профессиональный союз здесь, конечно, не при чем. Повторяю, эти суждения произносились в такое время, когда профессиональное движение встречало почти непреоборимые преграды в политическом законодательстве Германии, когда борьба за элементарные политические права была настоятельно необходима, и я не думаю, чтобы людям, высказывавшим их, можно было бросить упрек в том, что они замедлили ход развития рабочих союзов.

Изменились обстоятельства, изменились и взгляды. После 1890 г. основание профессиональных организаций стало возможным, после 1901 года, когда промышленный пролетариат Германии получил полную свободу союзов, оно перестало встречать препятствия в законе. Промышленный под‘ем конца 90-х годов создал благоприятную почву для развития рабочих союзов, и даже кризис, которым началось двадцатое столетие, не остановил их быстрого роста. Партия не была еще достаточно сильна, чтобы отвоевать у буржуазии все, что позволяли взять обстоятельства. На помощь пришли союзы, к которым ежегодно присоединялись новые сотни тысяч рабочих. Повысить заработную плату в той именно отрасли производства, в которой благоприятная кон‘юнктура рынка дала предпринимателям высокую прибыль, партия не в состоянии, зато это может сделать профессиональный союз. Правда, при одном только условии: он должен, по возможности, об‘единять всех занятых в данной отрасли промышленности рабочих, и для этого он должен быть политически-нейтральным. Союз, начертавший на своем знамени слово „социализм“, не в состоянии в настоящее время охватить весь пролетариат, представители которого сидят в рейхстаге не только на крайней левой, но и рядом с черными рясами католических священников, тяготеющих к центру. Самые задачи профессиональных рабочих организаций (о них мы побеседуем в одной из следующих статей), наконец, таковы, что о конечных целях рабочего движения союзам не приходится заботиться. Это мешает, конечно, каждому члену союза, в качестве сторонника партии, стремиться к осуществлению социалистического идеала, и социал-демократия поэтому может вести среди членов союза свою политическую агитацию; но требовать присоединения

Среди интеллигентных профессий представители дворянства занимают по численности не последнее место. Они тоже откалываются от феодального мира и феодального класса и решительно примыкают к основным классам буржуазного общества. Если они еще не совсем утратили связь с землевладением, они принимают участие в делах своего сословия и составляют в нем либеральное крыло. Вообще говоря, ничто не бросает более яркого света на корни либерализма дворянских собраний в отдельных губерниях, чем статистические данные о мобилизации дворянского землевладения.

Судьбы дворянского сословия могут послужить для нас иллюстрацией того, какие перевороты претерпело „сословие“ в ходе исторического развития. В эпоху полной силы феодального строя экономическое значение понятия „дворянин“ было вполне ясно и определенно. Это — землевладелец, глава феодальной хозяйственной единицы, владелец земли и людей, вносящий в хозяйствование потребительскую точку зрения. В экономическом отношении один дворянин вполне равен другому. Все они об‘единены общностью психики, развившейся на основе феодального способа производства. Понятие „дворянское сословие“ вполне совпадает с понятием „феодальный класс“.

Не то теперь. Звание „дворянин“ превратилось в пустой ярлык, который ничего не говорит об экономической сущности того, на кого он налеплен. Ярлык этот прикрывает самые разнородные элементы: на-ряду с чисто буржуазными по своему классовому положению и стремлениям—элементы действительно феодальные. Это—пустое название, которое служит лишь для того, чтобы на него, как мы скоро увидим, могли опираться паразитические притязания. Под названием „дворянин“ чисто искусственно соединяются представители феодального и буржуазного класса.

Разложение феодального сословия, его раскол на классы очевидны даже для такой буржуазно-феодальной помеси, как „Слово“. Весной она удачно заметила, что у нас уже невозможен созыв земского собора, в котором представители выбирают и заседают по-сословно. В таком земском соборе повторилось бы явление, имевшее место во Франции 1789 г.: представители дворянского сословия перешли бы к представителям буржуазии.

Итак, феодальное сословие — главная опора, правящая сила феодально-полицейского государства, подточена экономическим развитием, разломилась, утратила крупную часть своих элементов. Мы, таким, образом об‘яснили, почему это государство в решительный момент оказалось так слабо, почему от него отреклись недавние сторонники, почему у него так мало принципиальных друзей. Но вместо того перед нами встает новый, совершенно противоположный вопрос: да как же держался полицейский режим

союза к партии было бы с ее стороны непростительной ошибкой, придавать социалистическую окраску профессиональным союзам она не должна.

Возвратимся к русским условиям. Революция еще не миновала, прокатилась по всей стране новая волна народного возмущения, более могучая, более организованная и сознательная, чем все предыдущие, но и она не последняя. Попрежнему на первом плане стоят вопросы политической жизни, в тесном смысле слова. Как же должна смотреть российская социал-демократия на нарождающееся профессиональное движение? Поддерживать его, бороться с ним, ставить ему политические цели или предоставить его самому себе? Наш ответ таков: пока российский пролетариат не приобрел полной политической свободы в том виде, в каком понимает ее социал-демократия, политическая партия должна стремиться всячески использовать возникающие профессиональные союзы для своей агитации, не извращая, однако, сущности этих союзов, не превращая их в политические организации. Когда же пролетариат вынесет из происходящей борьбы полную победу, наша партия должна будет занять в отношении к союзам то положение, в которое стали наши немецкие товарищи. Для интересов рабочего класса профессиональные рабочие союзы полезны, и дело партии не препятствовать их развитию, а, напротив, способствовать их росту и процветанию. Различными путями и пользуясь различными средствами, политическая партия и профессиональные союзы идут, несомненно, к одной цели. Союзы поднимают материальный и духовный уровень рабочих, закаляют их в постоянной борьбе с капиталом, наглядно раскрывают перед пролетариатом классовые противоречия современного общества и приучают его к созидательной деятельности; партия, об'единяя вокруг своего знамени все большее число рабочих, сознательно и неуклонно ведет их к социализму. И в этом смысле мы можем вполне присоединиться к словам заключительной речи председателя пятого конгресса свободных немецких профессиональных союзов Бомельбурга: „Социал-демократическая партия и профессиональные рабочие союзы образуют одно целое!“.

Ю. Леонидов.

Из партийной жизни.

На собрании Семянниковского подрайонного комитета 18 ноября обсуждался вопрос о реорганизации партии, и была вынесена следующая резолюция:

„Признавая в принципе желательным реорганизацию партии сверху донизу на выборном начале и создание новых широких форм организации, подрайонный комитет не считает возможным сразу разрушить старые организационные основания, созданные предыдущей конспиративной работой, и последовательно провести в жизнь выборную систему в партийных учреждениях; для заводской семянниковской организации, как временную меру, комитет предлагает следующий план: все организованные рабочие Семянниковского завода и не входившие раньше в организацию, но желающие теперь примкнуть к ней рабочие социал-демократы данного подрайона, имеющие поручительство двух членов организации, избирают по цехам заводский или подрайонный комитет (в Семянниковском подрайоне заводский и подрайонный комитет понятия тождественные, ибо один только Семянниковский завод входит в состав этого подрайона), каждые 10 избирателей — одного члена заводского комитета. Избранный комитет, в случае надобности, кооптирует в свою среду организаторов, пропагандистов, агитаторов, не входящих в состав избирательного собрания. Комитет имеет права руководящего органа в течение одного месяца, после чего назначаются новые выборы“.

Данная резолюция принята 15 голосами, при 1 воздержавшемся и 3 против.

Дальнейшее обсуждение вопроса о реорганизации партии будет предметом следующих собраний подрайонного комитета.

до настоящего времени, и существуют же силы, которые сознательно поддерживают его?

Ответ дадут ближайшие главы.

V.

Группы дворянства, втянутые в чисто-буржуазные отношения буржуазного общества, не составляют всего дворянского сословия. Большая и, возможно, большая часть его чисто паразитически приспособляется к капиталистическим отношениям. Наследственно потребительская психика ставит перед ней такую дилемму: или социальная и, пожалуй, даже физическая смерть — или паразитическое приспособление. Припомните трагедию обитателей „Вишневого сада“. Здесь вся противоположность между чисто потребительской психикой умирающего слоя и капиталистической психикой нового класса обрисована с такой силой, что нам, экономистам, лишь приходится констатировать слабость своих приемов изображения действительности. Спасение для героев „Вишневого сада“ так просто: им стоит лишь отказаться от воззрений на свою собственность как на предмет потребления, стоит взглянуть на нее как на капитал; им самим не придется даже практически осуществлять капиталистические принципы, потому что за это борется энергичный представитель нового буржуазного мира. Но для владельцев „Вишневого сада“ такой исход невозможен. Они гибнут как жертвы своей социальной психики.

Реформа нанесла серьезный удар дворянству уже по одной той причине, что она значительную часть земли разом превратила в деньги и облегчила передвижение той части, которая осталась в дворянских руках. Получив выкупные суммы, немалая доля дворянства обошлась с ними так же, как обходилась с поместьями. Поместье — фонд потребления, и деньги, уплаченные за часть поместья, не капитал, а тоже фонд потребления. Но поместье, земля, на известной границе начинают оказывать сильное сопротивление потребительской деятельности. Напротив, деньги потребляются легко и безропотно, не делая никаких заблаговременных предостережений вошедшему в потребительский раж дворянину; притом у него нет „уменья считать“. В результате — выкупные платежи быстро „проедены“. Но аппетит развился с едой, он возбуждается роскошью презренных „купчишек“, гордость не позволяет отставать от них в потребительском размахе, потребительская психика не дает понять того, что потребление капиталистов не затрагивает капитала и даже не останавливает накопления. Добываются ссуды под землю, сдаются леса на сруб, продаются части именья, — и потребление идет дальше...

Дворянин, действительно, разоряется. Капиталистическое развитие вытолкнуло его в мир, где царь — деньги,

На собрании пропагандистской и лекторской коллегии Невского района обсуждался вопрос о реорганизации пропагандистской и лекторской коллегий в районе.

Из сообщения членов коллегии выяснилось, что пропагандистская деятельность в Невском районе за последние две недели, в сравнении с предшествующим периодом, сделала значительные успехи. Так, число кружков за указанный промежуток времени утроилось; численность отдельных кружков колеблется от 10 до 50, что, в среднем, на один кружок дает цифру в 20 — 25 чел.

Соответственно росту числа кружков и численности их состава увеличилось, более чем вдвое, и число членов пропагандистской коллегии.

Быстрое возрастание числа кружков и количества организованных рабочих послужило внешним толчком, обусловившим необходимость внутренней реорганизации пропагандистской коллегии. Существующий план ее организации не был рассчитан на широкий количественный состав и поэтому в ближайшем будущем мог бы явиться препятствием для дальнейшего как количественного, так и качественного развития деятельности. Необходимо, чтобы пропагандисты стояли как можно ближе к рабочей массе; чтобы организация самой пропагандистской коллегии способствовала наиболее широкому и глубокому проникновению в рабочую среду отдельных членов коллегии.

Исходя из такого рода соображений, собрание признало целесообразным разбить существующую ныне единую пропагандистскую коллегию на 6 подрайонных ячеек, соответственно числу имеющихся подрайонов; каждая подрайонная ячейка будет обслуживать исключительно свой подрайон, благодаря чему облегчится закрепление отдельных пропагандистов за их кружками. Далее, подрайонные коллегии, имея представительство в подрайонных комитетах, разрешат, если и не в полной мере, то хоть отчасти, вопрос об организационном сближении пропагандистов с рабочими.

Подрайонные пропагандистские коллегии выбирают представителей в районную коллегию, иначе называемую исполнительной комиссией, задачей которой будет обслуживание пропагандистской работой в районе во всем ее об'еме.

Что же касается представительства пропагандистской коллегии в районном комитете, то таковое будет осуществляться через ответственного пропагандиста, избираемого или исполнительной комиссией, или общепропагандистским районным собранием.

Новая форма организации явится более гибкой и емкой сравнительно с существующей и, следовательно, не будет служить препятствием для развития пропагандистской работы.

Затем собрание признало необходимым организовать штаб-квартиру для пропагандистов, что тут же и было приведено в исполнение.

Что касается коллегии лекторов, то собрание признало нужным, чтобы районная лекторская коллегия, в интересах централизации всей лекционной системы пропаганды, вошла в состав коллегии лекторов при Ц. К., не порывая однако же организационной связи со своим районом.

— Из числа членов союза конторщиков и бухгалтеров образуется самостоятельная социал-демократическая группа. Группа предполагает обратиться к Центральному Комитету Российской Социал-Демократической Партии с просьбой допустить на партийный с'езд двух представителей.

— 18 ноября состоялось собрание университетской с.-демократической группы при Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. П. для обсуждения вопроса о реорганизации группы в связи с реорганизацией партии. Сначала был сделан доклад организатором группы о планах реорганизации. Затем приступлено к обсуждению, результатом чего и было принятие следующего плана: 1) представитель от университетской группы в об'единенной с.-демократической организации студентов Петербурга выбирается общим собранием группы, 2) общим собранием выбирается также и комитет с.-демокр. группы.

Соотношение между комитетом и общим собранием университетской группы определяется следующей резолюцией: „Руководящим органом социал-демократической группы Спб. университета является комитет, избранный общим собранием.

Комитет подотчетен общему собранию, периодически им созываемому.

В случае массового выступления комитет созывает, если возможно, общее собрание, которому в этом случае принадлежит право давать директивы.

По желанию известного количества членов группы, комитет обязан созвать общее собрание и на таковом комитет может быть во всякое время переизбран.

Затем был поставлен на обсуждение вопрос об изменении деятельности группы, при чем задачи группы были определены следующим образом: руководительство демократическим движением в Петербургском университете; выработка партийных

но история не дала ему необходимых свойств для того, чтобы быть министром капиталистического мира, чтобы фактически управлять от имени царя — денег.

Сословие не может примириться с таким исходом, как умирание. И вот здесь-то формула „государство принадлежит дворянству“ приобретает всю свою действенную силу, выступает во всей своей цинической обнаженности. Она не может встретить отпора, потому что правящие силы полицейского государства включительно до самых вершин и даже чем выше, тем более, памятуют свое феодальное происхождение, сохраняют в неприкосновенности потребительскую психику, об'единяются со всем дворянством общностью воззрений на цель государства. „Государство существует для дворянина“, — и дворянство превратилось в сословие государственных паразитов. Дворянство не выполняет теперь никаких экономических функций, которые лежали на нем в эпоху полной силы феодального строя, и потребительская точка зрения решительно заменилась паразитической. Утопическому „праву на труд“, выдвинутому западно-европейским пролетариатом более полустолетия тому назад, дворянство противопоставило „право на приличествующее прокормление без труда“. Это — идея дворянского сословия, не приспособившегося к чисто-буржуазным отношениям буржуазного общества.

Я не стану приводить многочисленных адресов и ходатайств, в которых паразитическая психика нашла себе яркое выражение. Напомню лишь в качестве иллюстрации прошлогодний адрес Курского губернского дворянского собрания. Мы бедны и беднеем материально, но мы богаты исконной верностью, говорится в адресе. Можно ли представить себе более красноречивый язык? Феодальное государство уже почти год втянуто в разорительную войну; флот погиб, Порт-Артур накануне падения, финансы истощены, — и в такое-то время дворянство считает позволительным упомянуть о своей „бедности“, т. е. о специфически-дворянской бедности, о феодально-потребительской бедности. В переводе на простой язык это значит: полицейское государство! Мы постараемся выручить тебя из беды, но не думай, что материальными средствами: нет, мы слишком бедны для того. Мы окажем тебе моральную поддержку. Но зато помни, что меж нами существует круговая порука: как только ты справишься, вспомни, что мы обеднели.

Велика же должна быть сила паразитических аппетитов, если они не могли помолчать даже в самое тяжелое время для феодально-полицейского государства.

И. Степанов.

(Продолжение следует.)

работников, организация студенческого социал-демократического клуба и поддержка других партийных учреждений в их партийных функциях. При чем было постановлено, что вышеизложенные решения подлежат окончательному утверждению следующего общего собрания группы, которое будет пополнено вновь поступившими членами. Для временного заведывания делами группы, для созыва общего собрания и записи новых членов было выбрано бюро, в состав коего вошли: А. Я. Каплан, П. Н. Севрук, А. Н. Замятин, Н. В. Апполонов, В. А. Энгель. На состоявшемся заседании бюро, после собрания группы, им было выработано обращение к товарищам.

Баку.

(Корр. „Новой Жизни".)

Дела бакинской администрации плохи. Темная масса мусульманского населения, которая до сих пор была в руках администрации орудием борьбы против местного освободительного движения, начинает, наконец, просыпаться, как это видно из следующего воззвания Мусульманской Соц.-Дем. Группы.

Кавказский Союз Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К БОРЦАМ СВОБОДЫ.

Товарищи! 20 октября в патриотической манифестации принимала участие кучка хулиганов-мусульман во главе с архихулиганом Годжи-Асланом Ашуровым, который дошел до такого энтузиазма, что вынес и свой судовой флаг „Нина". Этот представитель черной сотни, сторонник русского самодержавия, продал свою нацию и совесть! Этот изменник, раз'езжая по городу, кричал во всю свою ослиную глотку, что-де генерал-губернатор разрешил мусульманам безнаказанно бить армян и евреев. Его гнусные цели были тут же разоблачены группой мусульман, которые немедленно, собрав толпу, раз'яснили, к чему вообще стремятся подобные Ашурову темные личности. Мы, мусульмане, участники политической манифестации 19 октября, искренно делившие и делящие радость всего передового общества, протестуем против Ашурова и, возмущенные гнусной агитацией этого провокатора, умоляем всех наших иноверных товарищей не считать Ашурова членом мусульманского общества. Сами мы неустанно ведем и будем вести борьбу против его провокации, в случае нужды не остановимся и перед радикальной мерой против этой гадины.

Товарищи! Вы сами могли убедиться, каков был состав патриотического шествия, организованного Юницким, Ашуровым и пр.: среди манифестантов не было ни одного мусульманина, на котором можно было остановиться глазу — это были жалкие отщепенцы мусульман, ничем не отличавшиеся от тех пьяных русских, которые составляли подавляющее большинство манифестирующей толпы (казаки, солдаты, переодетые городовые, полицейские, дворники, пьяные хулиганы и отщепенцы мусульман во главе с Ашуровым и мещанским старостой Джебраиловым).

Мусульманская Соц.-Дем. Группа Бак. Комитета.

Из жизни рабочих.

Словолитни Лемана и Бертгольда.

Более чем двухнедельная экономическая стачка внесла в ряды рабочих словолитни Лемана и Бертгольда некоторое замешательство и неуверенность в собственных силах. Поэтому комиссия, избранная для руководства стачкой, решила пойти на компромисс с хозяевами, тем более, что эти последние согласились удовлетворить все основные требования рабочих (отмена штрафов, отмена обысков, ограничение числа учеников и т. д.), кроме требования уплатить за все время забастовки.

На общем собрании словолитчиков, состоявшемся 18 ноября, большинством 72 голосов против 45 была принята резолюция, в которой рабочие заявили, что „они станут на работу лишь в том случае, если хозяева выдадут им авансом все деньги, причитающиеся за время забастовки, при чем вычеты из заработной платы могут производиться не ранее получения январского заработка". Вслед за тем были избраны делегаты для вручения хозяевам этой резолюции и ведения с ними переговоров. Явившиеся на собрание словолитчиков ушаковцы предложили стачечникам воспользоваться денежным вспомоществованием из средств „независимой" рабочей партии. Это предложение, к немалому изумлению гг. ушаковцев, было встречено собранием гробовым молчанием. Первый оратор — социал-демократ—доказывал, что словолитчики, как члены союза раб. печ. дела, могут прибегать только к помощи союза, как граждане и политически-сознательные люди — к содействию Р. С.-Д. Р. П., которая является единственной истинной выразительницей классовых интересов российского пролетариата. Отвечая на эту речь тов. социал-демократа, ушаковец заявил, что „независимая" рабочая партия борется на два фронта: с одной стороны, против самодержавной бюрократии, с другой стороны, против социал-демократического самодержавия; тирания царизма отнюдь не хуже тирании „какого-то никому неизвестного комитета". Мы не хотим, чтобы рабочее дело находилось в руках интеллигентов. Социал-демократы опираются в своей деятельности на кучку сознательных рабочих и в то же время забывают всю серую рабочую массу. Опираясь на меньшинство, с.-д. стремится, тем не менее, навязать свои лозунги всему пролетариату, она стремится насильственно подчинить своему влиянию весь рабочий класс. Далее оратор пытался доказать, что беспрерывные экономические и политические забастовки, не приведя рабочих к победе, лишь истощили их силы, обездолив множество семей (здесь г. „независимец" впал в тон телеграммы: „братцы-рабочие"). И виноваты в этом с.-д., потому что они хотят вызвать забастовку во что бы то ни стало, виноваты „интеллигенты", которые деспотически вмешиваются в рабочую жизнь. „Наш девиз, — заключил оратор, — состоит в том, что освобождение рабочих есть дело самих рабочих". Речь ушаковца изредка прерывалась ироническими замечаниями из толпы, но в общем была выслушана со вниманием. Говоривший вслед социал-демократ выяснил в длинной речи демагогический характер ушаковской агитации. „Что касается в частности «никому неизвестного комитета», то господам «независимцам» следовало бы помнить, что вследствие существования самодержавного режима социал-демократия должна была до самого последнего времени замыкаться в рамках конспиративного подполья, что неизбежно приводило к некоторой разобщенности между с.-д. и широкими пролетарскими массами. Но как только изменились политические условия, партия немедленно заговорила о реорганизации на демократических началах, об открытом выступлении, о полном слиянии социал-демократии с пролетариатом". Об'яснив, далее, смысл брошенного социал-демократам обвинения, будто они хотят подчинить рабочее движение интеллигентскому влиянию, оратор перешел к следующему пункту обвинительного акта, прочитанного г. „независимцем". „Нас, — сказал он, — обвиняют в том, что мы опираемся на наиболее сознательную часть рабочего класса. Но разве это обвинение?! Мы гордимся тем, что самые энергичные, самые талантливые, самые отважные рабочие становятся под наше всемирное знамя! Мы не игнорируем остальной массы, но и не преклоняемся перед ней; мы не хотим растворяться в массе, наоборот, с.-д. хотят довоспитать ее до себя, хотят сделать ее сознательной. Если бы, следуя тактике гг. Ушаковых, Зубатовых и tutti quanti, стыдились выносить свои лозунги ко всему пролетариату, то нет сомнения, что рабочий класс до сих пор не об'явил бы себя решительным врагом царизма, он до сих пор пережовывал бы жвачку чистого экономизма". Затем оратор указал, что лозунг — „освобождение рабочих есть дело самих рабочих", которым так гордятся ушаковцы, есть лозунг, украденный у социал-демократии и вслед затем изгаженный полуграмотными „теоретиками реакционного „независимства". „Социал-демократия, — сказал оратор, — привыкла к борьбе и нападениям со всех сторон, но эта борьба лишь закаляет ее энергию и эти нападения лишь увеличивают ее силу. Все выше реют знамена международной социал-демократии, все шире круг ее сторонников. Настанет день, — быть может, очень скоро, — когда ее знамя сделается символом победы угнетенного и униженного человечества над различными формами векового рабства, символом торжества международного социализма!".

Несмолкаемые аплодисменты... Ушаковцы ушли, недоумевая и досадуя на „непонятливость" тов.-словолитчиков.

На бумагопрядильной фабрике тов. Говард.

Рабочие с.-петербургской новой бумагопрядильной фабрики товарищества Говард, на которой на-днях об'явлен расчет всем служащим, пред'явили к т-ву целый ряд исков, обвиняя администрацию фабрики в недоплатах. Недоплаты эти накопились вследствие того, что кроме обыденного 10½-часового рабочего дня рабочих заставляли становиться на занятия за пять минут до гудка.

Кроме того, рабочих также произвольно заставляли дважды в неделю чистить машины, на что, в общем, уходило минимум еще полчаса, и заставляли накануне двунадесятых праздников работать каждый раз лишние полчаса. Итого за десять лет у рабочих накопилось около 1.000 лишних часов, которыми до сих пор администрация завода пользовалась бесплатно.

Рабочим, пытавшимся протестовать против такого произвольного пользования рабочей силой, администрация грозила репрессиями, до увольнения включительно.

Несколько раз местный фабричный инспектор на заявления рабочих посещал фабрику в указанное выше время и констатировал, что рабочие правы.

Тогда, со своей стороны, администрация фабрики начала принимать меры, которые заключались в доносах, последствием чего являлись аресты рабочих. Так, некоторые из них просидели 30 дней в предварительном заключении по доносу администрации фабрики и лишь тогда были выпущены на свободу, когда рабочие свидетели, выставленные администрацией, поклялись в том, что они ложно показывали против своих товарищей по наущению А. А. Говарда и под влиянием угроз администрации. Последнего пострадавшие рабочие, кроме того, хотели привлечь к уголовной ответственности, по соглашению обеих сторон остановились на третейском суде, который состоится на-днях.

Сестрорецкий завод (Др. 12).

Рабочие Сестрорецкого оружейного завода обратились в Совет Рабочих Депутатов со следующим заявлением:

„Мы, рабочие Сестрорецкого оружейного завода—запасные, призванные во время последней мобилизации, и по распоряжению администрации были оставлены при заводе. Несмотря на окончание войны, начальство заявило нам 15 ноября, что мы должны во время забастовок оставаться при заводе и всецело подчиняться военным властям, с предупреждением, что кто не женат, не имеет права (!) вступать в брак (?!). Но мы все категорически отказались от исполнения каких бы то ни было „предупреждений“ и повиновения военным властям. По этому поводу и просим Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов снестись с воинским начальником и потребовать немедленного уничтожения „военного положения“ на нашем заводе, основываясь на том, что наши другие товарищи, подведенные под „военное положение“, в настоящее время от него освобождены.

На Александровском механическом заводе при Николаевской железной дороге.

Собрание депутатов от уволенных рабочих и штатных служащих Александровского механического завода постановило отправить депутацию к министру путей сообщения Немешаеву, чтобы заявить ему лично свои требования.

С этой целью 16 ноября, вечером, депутация из семи человек: рабочих гг. Геллиха, Попова, Любимова и Кислякова и трех инженеров Б. С. Анисимова, Г. Н. Дементьева и К. И. Добронравова явилась на квартиру к г. Немешаеву; их принял дежурный чиновник, заявивший депутатам следующее: „Господин министр через несколько минут уезжает с докладом к Витте, а потому зайдите завтра вечером: г. министр охотно с вами поболтает часика полтора“.

Депутаты на это ответили, что они не пришли болтать, а им вверена защита интересов 4.000 рабочих, которые выброшены на улицу благодаря произволу администрации Николаевской железной дороги. Юркий чиновник смутился, и аудиенция состоялась. Депутация пред'явила следующие требования:

1) уплату рабочим и служащим завода вознаграждения за две недели, со времени об'явления закрытия завода; 2) уплату за ноябрь, за сдельную работу, не как за поденную работу; 3) уплату денег из вспомогательной кассы рабочим, прослужившим менее десяти лет. На первое требование министр заявил, что это дело начальника дороги г. Трусевича (который, между прочим, всецело находился под влиянием начальника тяги Николаевской железной дороги инженера Михина, враждебно настроенного против рабочих). Остальные требования министр обещал обсудить. Между прочим, г. Немешаев предупредил, что беседует с депутатами как с частными лицами, так как он не староста завода.

Просьба депутатов о разрешении всем рабочим и служащим собраться на заводе для обсуждения своего положения не была удовлетворена Немешаевым. Депутаты также просили, чтобы расчет не производился так, как он производится теперь (по партиям в 10 человек). Немешаев обещал распорядиться произвести расчет всем рабочим в два дня.

Заводские депутаты в количестве 52 человек решили об'явить бойкот инженеру Михину и об'явить, что места уволенных служащих Александровского завода находятся под бойкотом. Михин надеется, что, когда соберется Государственная Дума и страсти улягутся, открыть завод. Господин Михин, очевидно, совсем не в курсе политического движения, так как совершенно не понимает, что творится вокруг него.

Собрание рабочих Семянниковского завода.

19 сентября в 12 ч. дня состоялось собрание рабочих Невск. судостроительного и механ. завода для решения вопроса, на каких условиях рабочие считают возможным приступить к работам. В первом пункте порядка дня был поставлен отчет комиссии по переговорам с заводоуправлением. Было сообщено, что правление завода согласно открыть завод только при полном согласии рабочих стать на работу на прежних условиях: 10-час. дня с запрещением всяких митингов и собраний и при условии, чтобы все переговоры велись выборными от мастерских после утверждения последних заводской администрацией.

После сообщения был поставлен в первую голову вопрос, считает ли собрание себя полномочным для решения данного вопроса в виду того, что из общего числа 7.000 рабочих Семянниковского завода присутствуют лишь 2.000 человек, и после прений, из которых выяснилась полная невозможность собрать всех рабочих в заводе вследствие упорного нежелания администрации допустить какие-либо собрания в заводе до решения вопроса об открытии завода, а также того, что в данном помещении во всяком случае 7.000 не поместятся, и явилось лишь 2.000, хотя оповещены были по возможности все,—собрание решило вопрос о своей полномочности утвердительно.

По вопросу о продолжении полномочий старых делегатов или выборе новых на условиях, предложенных администрацией, собрание постановило: вести переговоры уже раз выбранными и зарекомендовавшими себя с самой хорошей стороны старыми делегатами.

Особенно горячие прения возбудил вопрос об условиях работы и 8-час. рабочем дне. Целый ряд ораторов выяснял современное положение дел и необходимость принять пока старые условия. „Нам необходимо, чтобы вся линии боевого фронта была прямой линией, и сделать ее таковой есть 2 способа — или подвинуть вперед отсталых или отодвинуть назад зарвавшихся вперед. Первый способ совершенно неприемлем, так как работающих на старых условиях—большинство,“—говорили ораторы. И принимая во внимание постановление Р. С.-Д. Р. П. и С. Р. Д. о мобилизации всех сил для новой битвы и временном прекращении борьбы за 8-ч. рабочий день, собрание приняло следующую резолюцию:

„Мы, рабочие Невского судостроительного и механического завода, на собрании в Соляном Городке 19 ноября 1905 г. решили:

„Принимая во внимание: 1) что всеобщее введение 8-ч. рабочего дня возможно лишь путем закона, явившегося в результате выступления всего российского пролетариата, 2) что такое выступление возможно лишь при широкой организованности пролетариата, как политически в Р. С.-Д. Р. П. и экономически—в профессиональные союзы, 3) что закрытие заводов имело целью, обессилив рабочих, разбить их организации, решили:

не отказываясь при первой возможности снова вступить в борьбу, приступить к работе на старых условиях.

„При этом мы требуем от заводоуправления принять на работу всех рабочих и поручаем передать это наше решение заводоуправлению через старых наших выборных делегатов".

Завод металлических изделий Хаймовича.

Рабочие завода металлических изделий г. Хаймовича бастуют уже в течение всей этой недели, вынужденные к тому категорическим отказом хозяина исполнить какие бы то ни было требования. Кроме того, владелец завода г. Хаймович с 9 ноября об'явил всем рабочим расчет за попытку ввести 9-часовой рабочий день революционным путем. На собрании рабочих завода металлических изделий г. Хаймовича, состоявшемся 19 ноября в Василеостровском театре, были единогласно приняты следующие постановления:

1) Продолжать забастовку за 9-час. рабочий день.
2) Получать расчет 23 ноября.
3) Требовать немедленной уплаты за забастовочное время; в случае же неудовлетворения, взыскать с хозяина судебным порядком.
4) Препятствовать всеми мерами работе литографщиков, которые также должны участвовать в общей борьбе.
5) Требовать увеличения расценки на 25%.
6) В особенности не следует допускать расчета отдельных рабочих и строго придерживаться лозунга „один за всех и все за одного".
7) Выразить полное одобрение резолюции Совета Рабочих Депутатов, принятой 12 ноября, и полную готовность принять участие во всеобщей российской политической забастовке по первому призыву Р. С.-Д. Р. П. и С. Р. Д.
8) Отчислять в стачечный фонд 2% с заработка.

Да здравствует Российский Пролетариат!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Фабрика Гаванера.

По требованию рабочих на фабрике устанавливается 10-часовой рабочий день вместо 11-часового. Попытка рабочих отдать выработку полдня своей работы в праздник на помощь безработным товарищам встретила со стороны администрации решительный отказ, мотивированный тем, что у предпринимателя „не хватает оборотного капитала".

У железнодорожников.

18 ноября из Двинска приехали в Петербург делегаты для ознакомления с проектируемым уставом организации союза служащих и рабочих Спб.-Варшавской железной дороги.

Собрание делегатов служащих и рабочих Спб.-Варшавской жел. дор. 18 ноября постановило, для об'единения деятельности всех петербургских местных комитетов союза, организовать Совет Петербугских Депутатов.

Новый Арсенал.

18 ноября был вывезен на тачке главный слесарь лафетной мастерской, Смирнов, за свое шпионство. Смирнов был любимцем начальства, пользовался неограниченным доверием и не подвергался обыску при выходе с завода.

В роковой для него день Смирнов налил в бутылку масла и преспокойно вышел, не будучи обыскан. Рабочие заподозрили его в воровстве, уличили и, накрыв мешком, посадили в тачку, дали в руки белый флаг (эмблема черной сотни) и, выкатив на улицу, свалили на мостовой. Смирнов уволен с завода.

Гребной порт.

На собрании рабочих Нового Адмиралтейства и Гребного порта, 9 ноября, в Соляном Городке была вынесена следующая резолюция по отношению к командиру порта Кузьмичу:

„Командир спб. порта адм. Кузьмич не может быть терпим рабочими в качестве начальника, так как в ответ на справедливые требования адмирал Кузьмич издевался над рабочими и призывал их к погромам. Сознание рабочих, как чувство человеческого достоинства, слишком выросло, чтобы потерпеть такое отношение. Если адм. Кузьмич не уйдет в отставку, то мы об'являем ему бойкот (т. е. не будем выполнять его приказаний, не будем входить с ним в какие бы то ни было отношения и т. д.). О нашем постановлении сообщаем Совету Рабочих Депутатов с предложением примкнуть к бойкоту".

Охтенские пороховые заводы.

6 ноября был митинг, присутствовало около 2.000 чел. Оратор с.-д. говорил о русском рабочем движении, о политической и экономической борьбе и о социализме. Призывал в ряды Р. С.-Д. Р. П., призывал пороховских рабочих к солидарности со всем пролетариатом. Вначале речь оратора прерывалась возгласами: не надо нам политики и т. д. Но затем все слушали политическую речь со вниманием... Здесь же была принята резолюция, порицающая действия начальника завода взрывчатых веществ Липницкого и требующая приема уволенных товарищей. На митинге и в других местах были распространены „Известия Совета Рабочих Депутатов". Некоторые малосознательные рабочие, увидав там слова „долой самодержавие", были возмущены. Пользуясь этим настроением в мастерской Голландеров, рабочие: Филиппов, Кочешков, мастер Александров и писарь Ильин составили воззвание патриотического содержания. В нем они призывают рабочих отслужить молебен о здравии царя и принести верноподданнейшие чувства через гр. Витте. Некоторые мастерские подписали это воззвание, большинство же подписаться отказалось. Молебен все-таки был назначен на субботу. Явилось всего человек 200 из 5.000 рабочих. Здесь начальник завода заявил, что он ездил с адресом от пороховских рабочих к генерал-инспектору артиллерии, но тот адреса не принял, сказав, что здесь нет подписей рабочих или их выборных. Поэтому начальник завода предложил произвести по мастерским выборы депутатов для вручения адреса инспектору. Но каков же был позор начальства и верноподданных холопов, когда рабочие от выборов делегации отказались. Распространенные с.-д. по поводу адреса прокламации раз'яснили рабочим характер и цель его, а также несвоевременность и странность выражения верноподданнических чувств.

В назначенный для сбора делегатов день на сборный пункт явилось только 3 выборных из 22 мастерских, и явившийся туда же начальник завода сказал, что адрес не может быть подан в виду явного нежелания большинства рабочих. Таким образом заводское начальство, видимо ожидавшее от верноподданнических чувств рабочих орденов и повышений, попало в очень неприятное положение. Рабочий Филиппов, собиравший подписи под адрес, на другой же день удрал к себе в деревню.

И вместо выражения верноподданнических чувств на пороховом заводе, на 21 ноября назначено собрание рабочих по вопросу об образовании профессионального союза.

Таким образом, черносотенная кампания не удалась... И у пороховских рабочих глаза открываются, и они скоро будут в рядах борющегося революционного пролетариата.

Фарфоровый завод.

Лекция, назначенная социал-демократами в 12 час. дня 21 ноября на Фарфоровом заводе (за Невской заставой), не могла состояться в силу того, что пьяный околоточный не только усадил на передних скамьях переодетых полицейских, но и пригласил на завод сильный отряд казаков, которые и разогнали собравшихся.

Обуховский завод.

Несмотря на воскресный день, Обуховский завод 20 ноября был в полном ходу, вечером всюду горело электричество, машины безостановочно работали: это обуховцы стали к станкам, чтобы праздничным заработком помочь выброшенным на улицу товарищам-семянниковцам.

Ст. Лесснер.

17 ноября, по окончании работ, состоялся митинг. Ораторы с.-д. говорили о профессиональных союзах, их значении и задачах. Была принята резолюция: „Мы, рабочие завода Стар. Лесснера, собравшись 17 ноября, обсудив совместно заводские дела внутреннего распорядка, нашли необходимым разобрать и дела внешнего распорядка, т. е. касающиеся поведения правительства и фабрикантов; нашли их провокацией со стороны правительства (об'единение правительства с заводчиками и фабрикантами, чтобы совместно подавить рабочее движение и тем ослабить революционные силы). Усмотрев, как начало этого действия, закрытие многих фабрик и заводов, мы единогласно постановили: 1) вступить в ряды Р. С.-Д. Р. П.; 2) организоваться в профессиональные союзы; 3) приступить к 3-месячному бойкоту водки и пива. Нарушивших это постановление первый раз подвергнуть штрафу в 3 р., во второй раз — в 5 р., а в третий раз уволить с завода; 4) по первому призыву С. Р. Д. и Р. С.-Д. Р. П. присоединиться ко всеобщей политической забастовке. Клянемся, что с оружием в руках будем бороться за демократическую республику, за Учредительное Собрание (всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов), будем бороться до последней капли крови, призывая солдат и матросов в наши ряды для защиты прав человека и гражданина дорогой нашей родины“.

Постановление рабочих фабрик Гука.

Мы, рабочие фабрики Гука, собравшись на общий митинг 20 ноября постановляем: вносим 200 руб. на стачечный фонд и 100 руб. на безработных.

И постановляем единогласно отчислять по одному % с заработанного рубля в заводскую кассу и третью часть из этой суммы отчислять в стачечный фонд и на безработных.

Бумажная фабрика Печаткина.

На бумажной фабрике Печаткина 21-го т. м. состоялся митинг. В целом ряде речей товарищами соц.-дем. выяснялись значение современного момента, ближайшие задачи пролетариата, тактика соц.-дем. по отношению к буржуазным партиям, крестьянский вопрос и т. д. Речи товарищей соц.-дем. выслушивались с живейшим интересом и полным сочувствием, и в результате была принята след. резолюция: „В настоящее время, когда мы, рабочие, ценой голодовок, проливаемых наших слез и крови ведем упорную борьбу за окончательное уничтожение старого строя произвола и бесправия, — представители крупной буржуазии — земцы и думцы — на с'ездах своих принимают решения соединиться с нашим врагом — правительством Витте, чтобы вместе с ним остановить нашу дальнейшую борьбу за демократическую республику. В то же время крестьяне вступают в ряды русской революционной армии для борьбы вместе с пролетариатом за достижение полной свободы. Нас не удивляет и не пугает новое предательство либеральной буржуазии, ибо, сплотившись в единую классовую Р. С.-Д. Р. П. и идя нога в ногу с революционным крестьянством, мы найдем достаточно сил, чтобы добиться своих целей, а потому мы, рабочие, заявляем, что по первому призыву Совета Депутатов и Р.С.-Д.Р.П. мы выступим смело вместе с революционным крестьянством на последнюю схватку со всеми гнилыми остатками самодержавного строя против всех врагов, на борьбу за демократическую республику, как путь к социализму. Да здравствует об'единенная борьба русского пролетариата под знаменем Р. С.-Д. Р. П.! да здравствует социализм!“

По принятии резолюции, председателем была сказана речь о вреде пьянства в настоящий момент общей борьбы, и рабочие постановили не пить вина пока в продолжение трех месяцев; нарушивших решение собрания подвергать штрафу на первый раз в 1 р., во второй — 2 р., а в третий раз — подвергать бойкоту.

К концу митинга был поднят вопрос об уплате администрацией жалованья за три дня забастовки. Явившийся по предложению депутатов директор г. Самарин заявил, что так как последняя забастовка была политической и была приурочена к спасению матросов-кронштадцев, то рабочие не должны требовать никакого вознаграждения от фабриканта, тем более, что на последнем и без того лежит масса всяких платежей, податей и т. п. На это рабочими было замечено, что уж кому-кому, но не фабриканту бумаги жаловаться на теперешние смуты и борьбу, так как ведь последняя способствует появлению всяких куцых конституций, возникновению новых газет и след. развитию бумажного дела; директору, получающему ежемесячно 900 р., легко предлагать рабочим отстаивать своими спинами матросов, отказывая им в 3-дневной заработной плате. После таких заявлений директор счел себя оскорбленным и удалился во-свояси.

Достоин замечания инцидент с соц.-революционерами. Явившись в начале митинга, они заявили требование во имя свободы мнения дать им слово. Когда председателем был поставлен на баллотировку вопрос, желает ли собрание выслушивать ораторов соц.-рев., то собрание подавляющим числом голосов заявило о своем нежелании. На обвинения соц.-рев. в нетерпимости товарищем соц.-дем. было заявлено, что никакая свобода мнений не обязывает собрание выслушивать тех лиц, взгляды которых собранию хорошо известны и видимо не находят сочувствия; собрание имеет право заниматься тем, что оно считает для себя нужным, — в данном случае углублением своих соц.-дем. взглядов. После заявления соц.-рев. удалились. В перерыве и в конце митинга рабочие развлекались пением революц. песен.

Рабочие типографии А. Ф. Маркса, желая притти на помощь бастующим товарищам переплетных фабрик Кирхнера и Гаевского, решили устроить подписку среди сочувствующих товарищей по типографии. Подписной лист стал быстро наполняться подписями, но когда дошел до фальцовочной мастерской, то старшая мастерица г-жа Кюн забила тревогу и побежала с доносом в контору. И выборные получили от администрации выговор.

Товарищи! Вторжение администрации в ваше право жертвовать деньги куда и кому вы желаете и устраивать с этой целью денежные сборы есть нарушение ваших гражданских прав. И вы всеми силами должны защищать это право против полицейско-сыщических поползновений хозяев установить еще какой-то контроль за расходованием рабочими их кровных заработков. До сих пор разрешение требовалось на всякого рода денежные сборы в целях сыска и противодействия всякой общественной самодеятельности и революционному движению, а в том числе и стачкам.

Поэтому теперь, когда вы завоевали ряд свобод и право стачек, вы не должны останавливаться в своем поступательном движении ни перед какими второстепенными препонами, всюду расставленными издыхающим строем; вы должны снести эти препоны, как пыль.

Последние забастовки в текстильном производстве привели к уменьшению рабочего дня на целый час. На многих фабриках (Российской бумагопрядильне, Триумфальной, Спасской, Петровской и др.) рабочий день продолжается $10^1/_2$ часов вместо $11^1/_2$ часов.

Несколько дней тому назад на текстильной фабрике Кожевникова также введен $10^1/_2$-часовой рабочий день.

Профессиональные союзы.

Полицейский союз.

Нижние полицейские чины, подхваченные общей волной об'единения в сплоченные организации, образуют свои профессиональные союзы, устраивают забастовки, пред'являют требования.

И петербургская полиция, несмотря на необходимость конспирироваться от чиновного начальства, образовала свой союз, об'единяющий околоточных надзирателей, полицейских надзирателей, городовых участков, резерва, рот и служителей полицейских домов. В союз приглашают и конную полицию, но до сих пор агитация черносотенного начальства удерживает еще этих полицейских от присоединения к общему об'единению. В настоящее время ко всем чинам полиции рассылаются воззвания от бюро союза с приглашением присоединяться к выра-

ботанным уже требованиям, при этом предлагается вносить в листок требований свои поправки. Требования эти следующие:

1) Возвратить вычтенные (в течение 20 лет, неизвестно для какой цели) деньги из жалованья с процентами околоточным и полицейским надзирателям, городовым и служителям, прекратить дальнейшие вычеты с 1 декабря 1905 г. и возвратить вычеты по 15 и 10 коп. на богадельню немедленно.

2) Увеличить жалованье околоточным и полицейским надзирателям до 100 руб., городовым до 50 руб. и служителям до 25 руб. в месяц и выдавать таковое 20 числа.

Выдавать наградные деньги и проценты с городских сборов за труды по взысканию адресного и больничных сборов *) пропорционально получаемому жалованью между всеми служащими.

В виду сильной дороговизны квартир выдавать квартирные деньги или предоставлять квартиры в натуре.

Наградные деньги выдавать к рождеству этого года. Подачки и всякого рода вознаграждения частных лиц преследовать строго, как начальствующими лицами, так и товарищами, по произведенному тщательному дознанию. В случае обнаружения увольнять от службы беспощадно, не отдавая под суд и гласности. Если бы обыватель пожелал вознаградить кого-либо из полицейских чинов, не исключая и начальствующих лиц, то должен таковое представить при заявлении г. градоначальнику с тем, чтобы таковое поступало в собственность собрания чинов полиции.

3) Жалуемые деньги за усиленную службу чинов полиции, если они будут выдаваться и в будущем, т. е. с 1 декабря с. г., то распределять их исключительно между членами наружной полиции пропорционально получаемому жалованью, не исключая из этого числа служителей полицейских домов.

4) Разрешить учредить собрание низших чинов полиции и к нему устав для обсуждения насущных нужд и нашего положения.

5) Должности помощников приставов, смотрителей полицейских домов и их помощников, письмоводителей и паспортистов в участках замещать околоточными надзирателями петербургской полиции без ограничения вероисповедания и национальности, а отнюдь не принимать посторонних лиц и исключенных из полков офицеров на эти должности, не имеющих абсолютно никакого понятия о полицейской службе. На должность околоточных надзирателей принимать вполне соответствующих лиц, тоже без ограничения вероисповедания и национальности, вполне грамотных, без всяких протекций, и замещать заслуженными и грамотными городовыми.

6) Ввести вежливое обращение начальства с околоточными и полицейскими надзирателями, городовыми и служителями и отменить доныне существовавшее обидное, дерзкое, грубое, крикливое обращение, сопровождающееся разными угрозами.

7) Чтобы высшее начальство, по расследовании причин и при участии нескольких членов от собрания, увольняло со службы околоточных надзирателей, городовых и служителей или подвергало дисциплинарному взысканию или предавало суду, смотря по важности проступка или преступления, а не ограничивалось бы только одними рапортами гг. приставов, так как один человек может ошибиться или отнестись пристрастно к подчиненным.

8) Увеличить штат околоточных надзирателей и городовых во всех участках для того, чтобы облегчить их службу, непременно давая один свободный день в неделю, так как они круглый год днем и ночью несут службу. Отменить вечерний рапорт, где такие существуют.

9) Отменить смотр обмундирования, так как таковые изготовляются на свой счет.

10) Предоставить околоточным надзирателям пользоваться бесплатными канцелярскими принадлежностями и книгами, относящимися до службы.

11) Отменить отдание чести городовыми военным офицерам, кроме полицейских, так как их это отвлекает от прямой обязанности на посту, а прикладывать руку к головному убору всем, обращающимся к ним.

12) Прекратить через околоточных надзирателей раздачу и продажу разных частных поручений, как-то: театральных билетов, ведер, швабр, блуз и разных надписей по просьбе разных учреждений.

13) Назначить пенсии околоточным надзирателям, городовым и служителям за службу 15 лет, а в случае неспособности к службе по болезни и ранее. Предоставить право детям околоточных надзирателей, городовых и служителей бесплатно учиться во всех учебных заведениях за счет города. В случае болезни или смерти члена семейства выдавать пособие.

14) Требовать, чтобы дежурный околоточный надзиратель, где много работы, имел писца в его распоряжении.

15) Отменить разводку арестованных городовыми (после 6-часовой стоянки на улице), а заменить это служителями по примеру Москвы.

*) Эти % % ежегодно назначаются городом в вознаграждение полиции, собирающей эти поступления в городскую кассу, но в полиции они распределяются, как и все другие награды, только между приставами, их помощниками и старшим начальством, нижние же чины ничего никогда не получали.

3-й участок Петербургской части.

Освободительное движение захватило, как известно, даже и городовых. Движение началось уже месяца 1½ назад.

Сообщаем некоторые данные о движении в 3-й Петерб. части.

14 ноября состоялось собрание городовых в 30 чел. — собрание на кухне при части. Обсудили нужды и стали вырабатывать требования. Успели сговориться вот на чем:

1) Требовать, чтобы начальство не заставляло городовых обращаться с публикой бесчеловечно и грубо.

2) Прибавки жалованья; сейчас оклад 25 р. и 4 р. квартирных. Требовать 30 руб. и 7 руб. квартирных.

3) Требовать 60 руб. в год на одежду или казенной одежды.

4) Не заставлять городовых разводить арестованных по участкам.

5) Вежливое обращение со стороны начальства.

6) Возвратить на руки взносы в эмеритальную кассу. С каждого городового теперь высчитывают 9 р. 40 к. в год. Вычеты идут уже около 20 л. Куда же расходуются деньги — неизвестно. Городовые никакого пособия или пенсии из кассы не получают.

Намечен был и еще целый ряд требований, но явившийся на собрание пристав помешал окончить. Между прочим, на уверения пристава о том, что градоначальник заботится о них, городовые дружно отвечали: „Довольно уже, вышли из веры, не верим градоначальнику... Клейгельс купил на наши деньги имение...“.

Удалось еще до прихода пристава выбрать двух депутатов для сношения с другими участками.

На другой день думали опять собраться, при чем должны были притти на это собрание и городовые из других участков. Шли городовые и околоточные из 4-ой роты, из 1-й адмиралтейск., из 4-го Московск. и из 1-го Нарвского. Но пристав 3-го уч. Петерб. части расстроил митинг, разослав наиболее активных и сознательных городовых чорт знает куда и задержал их на весь вечер.

Совещания вроде того, которое было в 3-м уч., происходили и в других участках.

В 8-ой же роте был митинг с числом участников до 300 чел. Идет усиленная подготовка к общей забастовке.

С 13 октября все городовые в виду усиленных „трудов“ получают сверх содержания по 15 к. в день.

Дворники III уч. Казанской части в собрании 20 ноября постановили:

„Избрать четырех депутатов, предоставив им полномочие пред'явить властям требования: 1) полной и безусловной отмены всех обязательных постановлений и приказов петербургского градоначальника, относящихся прямо к дворникам; 2) безусловной отмены ныне практикующейся системы административных взысканий, а чтобы все проступки дворников, как частные, передавались на рассмотрение подлежащих судебных учреждений; 3) чтобы полицейские власти ни в каком случае не имели права отвлекать и вызывать дворников для исполнения каких бы то ни было полицейских обязанностей вне района их служебных обязанностей, каковые относятся только к дому в коем они служат дворниками; 4) чтобы полиция не имела права требовать исполнения различных секретных и устных прика-

заний, безразлично какой бы формы таковые ни были и откуда бы ни исходили. Вообще требовать, чтобы дворники не находились, как теперь, в непосредственном произвольном и совершенно бесконтрольном подчинении полиции, а лишь состояли бы исключительно и только частными служащими домовладельцев. Вместе с сим депутатам поручено: 1) созывать общее собрание дворников 3 уч. Казанской части, когда это потребуется; 2) входить в соглашение с депутатами дворников других участков города Петербурга по вопросам, относящимся к их нуждам. Внести на обсуждение депутатов от всех участков вопрос о созыве общего собрания всех дворников города Петербурга для организации общего союза дворников и об'единения требований дворников всех отдельных участков Петербурга".

В союзе служащих в правительственных учреждениях.

Собрание членов союза служащих в правительственных учреждениях 17 ноября привлекло более пятисот человек участников. Несмотря на свое сравнительно недавнее возникновение, идея союза быстро привилась и распространилась в провинции. За последнее время бюро получило целый ряд писем от разных лиц о желании примкнуть к союзу, который является единственным средством борьбы мелких служащих с деспотизмом, царящим особенно в провинциальных правительственных учреждениях. Ведомства, от которых получены выражения солидарности с идеей союза, крайне разнообразны: удельное ведомство, акцизное, податная инспекция, казенные палаты, контрольные палаты, управления портовых рабочих, винные склады, лесничества и т. д. Получены даже письма от чиновников особых поручений при губернаторах. Особенно тяжелое впечатление производят письма вольнонаемных служащих.

„Я, как вольнонаемный,—пишет один,—близко знаком с правовыми и экономическими условиями провинциальных канцелярских сошек. Я нахожу, что эти условия, в особенности правовые, еще печальнее условий рабочих на фабриках и заводах.

„Улучшить быт вольнонаемных—вопиющая нужда. Им нужно пособить, так как они беспомощны".

Все провинциальные чиновники жалуются на окружающую их затхлую атмосферу, на приниженность, задавленность и на „начальников, представляющих из себя все тех же самодержцев".

В первую очередь был рассмотрен устав союза. Своей задачей союз ставит об'единение, для посильного участия в общем освободительном движении, сторонников преобразования государственного строя России на демократических началах при всеобщем, равном и прямом избирательном праве с закрытой подачей голосов. В состав союза входят служащие (обоего пола) в правительственных учреждениях как штатные, так и вольнонаемные. Денежные средства союза назначаются на расходы по организации и на поддержку общего освободительного движения. Наконец, члены союза обязуются оказывать нравственную и материальную поддержку сочленам, пострадавшим за действия, стоящие в тесной связи с союзом. Для этого выработано положение о взаимном страховании членов — пока петербургского отдела. Уволенный от службы товарищ получает страховое вознаграждение в размере полугодового оклада содержания, но не более 600 р., выплачиваемое в течение 6 месяцев со дня увольнения. Для образования основного капитала страхового фонда все члены отдела облагаются вступительным страховым сбором в следующем размере: получающие не более 500 р. в год — 1 р.; свыше 500 — 2 р.; свыше 1.000 — 3 р.; свыше 1.500 — 4 р. и свыше 2.000 — 6 р.

В заключение обсуждался самый животрепещущий вопрос о тактике союза в виду новых условий его деятельности, созданных последними актами правительства. Горячие прения вполне осветили личность большинства членов союза, оставшихся попрежнему „столоначальниками" и очень мало утративших бюрократическую окраску. Две, три свежих, горячих речи, а остальное — монотонное переливание из пустого в порожнее. Все сводилось к тому, что тактика союза не должна изменяться, что открываться, как это сделали и делают другие союзы, не следует и т. д. Нашлись даже ораторы, которые уверяли, что никаких новых актов со стороны правительства не последовало, значит и тактику нечего изменять. Говорило человек 10, а остальные (человек 400), хотя и молчали, но было ясно видно по выражению лиц и характеру аплодисментов, что они больше желали бы устроить похоронную или взаимопомощи кассу, нежели сорганизоваться в единицу политического характера.

В таком духе вынесена и резолюция: „Тактика союза, как целого, остается неизменной и ни в какой степени не зависит от актов правительства, каковы бы они ни были, а изменяется лишь от хода освободительного движения. Тактика отдельных членов союза должна стоять в зависимости от личного решения каждого члена союза".

Собрание рабочих переплетного дела.

Нам доставлено следующее воззвание:

Товарищи петербурские переплетчики, брошюровщики, фальцовщики и фальцовщицы! Теперь, когда вся страна проснулась от своего долгого тяжелого сна, когда вся рабочая масса заявила: нет, довольно кабалы, довольно гнета хозяев-эксплоататоров, грабивших рабочую массу под прикрытием самодержавия, довольно насилий и мрака проклятого отжившего строя, поддерживаемого при содействии капиталистов-хозяев; теперь, когда под ударами революционного народа—рабочих самодержавие отступило, а хозяева, поняв, что с падением самодержавия наступает начало конца эксплоатации рабочих масс, стали организовываться в союзы и картели для борьбы с законными требованиями рабочих, — петербургские брошюровщики, переплетчики, фальцовщики и фальцовщицы в свою очередь выступают на борьбу со старым гнилым строем — с одной стороны, с самодержавием, прикрывающим грабеж и насилия хозяев, с другой стороны, с хозяевами-капиталистами, поддерживающими своего верного союзника — самодержавие. А для успешности борьбы об'единяются в союз, чтобы об'единенными войти в пролетарскую семью русских рабочих, чтобы дружной работой помочь задаче об'единения мирового пролетариата в одну тесную братскую семью; итак, да будет девизом нашим: пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Бывшее 2 ноября учредительное собрание союза петербургских переплетчиков, брошюровщиков, фальцовщиков и фальцовщиц приняло следующую резолюцию:

Союз петербургских переплетчиков, брошюровщиков, фальцовщиков и фальцовщиц представляет один из отрядов революционного петербургского пролетариата, борющегося за улучшение своего политического и экономического положения. В своей борьбе союз петербургских переплетчиков, брошюровщиков, фальцовщиков и фальцовщиц признает как насущную ближайшую задачу — завоевание политической свободы, необходимой в целях прочной организации пролетариата для борьбы с господствующим классом капиталистов-хозяев, закабаливших рабочих и наживающихся на счет их каторжного труда. Признавая, что эта же задача поставлена петербургским борющимся пролетариатом, чувствуя себя солидарным с петербургским пролетариатом и во всех других задачах, выдвинутых последним, союз посылает своих делегатов в Совет Рабочих Депутатов, являющийся в данный момент выразителем интересов петербургского пролетариата и его передовым борцом.

Учредительное собрание союза петербургских переплетчиков, брошюровщиков, фальцовщиков и фальцовщиц поставило на очередь вопросы:

1) об организации бюро для разрешения конфликтов между рабочими и работодателями, установлении минимума заработной платы, урегулировании спроса и предложения рабочего труда;
2) о взносах;
3) о приискании квартиры для заседания бюро и общих собраний союза;
4) о выборе исполнительной комиссии;
5) об обеспечении безработных.

Избранные: 1) депутат Совета Рабочих Депутатов Андрей Алмазов.

2) Кочнов
3) Гаврилов
4) Тимофеев
5) Дешкин
} члены организационного бюро.

О месте собрания, которое произойдет в понедельник, 21 ноября, рабочие будут своевременно извещены.

19 ноября в одной из аудиторий Технического общества состоялось собрание рабочих переплетного дела, посвященное вопросу об отношении переплетчиков к союзу рабочих печатного дела. Собрание решило организовать бюро из пяти лиц для представительства в этом союзе. Кроме того, на очередь был поставлен вопрос о забастовке на переплетных фабриках гг. Кирхнера и Гаевского, начавшейся с 11 ноября и продолжающейся до настоящего времени, и о материальной поддержке забастовавшим товарищам этих двух фабрик. Из речей ораторов выяснилось, что владельцы этих фабрик прибегают к разным гнусным способам для борьбы против забастовщиков, желая дискредитировать движение рабочих. В пользу забастовавших товарищей тут же было собрано более 300 руб. Далее в собрании было прочитано следующее письмо от рабочих переплетной мастерской товарищества печатни С. П. Яковлева, разукрашенное красными знаменами с инициалами Р.С.-Д.Р.П.

„Товарищи!

Шлем вам свой сердечный привет!

Душевно радуемся за вашу пролетарскую борьбу под знаменем нашей социал-демократической рабочей партии.

Товарищи! Открыто заявляем вам и просим: не уступайте нашим угнетателям-капиталистам ни одной пяди наших рабочих интересов.

Пусть эти обжоры Кирхнер и Гаевский подавятся душившею их злобою, видя вашу стойкость и неуступчивость.

Товарищи! благодаря вашей энергии и сплоченности, мы, все отставшие от вас, станем также бодро, смело, согласно и энергично выступать против своих выжимателей, эксплоататоров на защиту своих рабочих правовых интересов.

Товарищи! в трудную для вас минуту мы придем к вам на помощь, дабы общими силами и солидарностью окончательно сломить наших кровожадных эксплоататоров честного труда и доказать им, обожравшимся нашим трудовым потом, чтобы они помнили раз навсегда, что мы теперь уже больше не рабы, которые молчаливо могут переносить издевательства проклятой бюрократии. Нет, мы теперь свободные граждане, имеющие свободные права для защиты своих интересов.

Вперед, товарищи! Вперед! Да здравствует дружный натиск на капиталистов! Да здравствует переплетчик-пролетарий!"

В заключение собрание приняло следующую резолюцию:

„Мы, собравшиеся рабочие переплетного дела, обсудив положение о современном движении, пришли к заключению о необходимости присоединиться к существующему уже союзу рабочих печатного дела для борьбы с хозяевами-капиталистами. Мы считаем, что единственной защитницей рабочего класса является Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, и мы вступаем под красное знамя этой партии.

Вместе с тем, мы выражаем свое сочувствие товарищам-рабочим фабрик Гаевского и Кирхнера за стойкую борьбу для улучшения своего положения; выражаем свое порицание этим фабрикантам, которые призвали войско и полицию для удаления забастовщиков. Выражаем свое единодушное согласие не исполнять неоконченную на этих фабриках работу и об'являем бойкот на все произведения этих двух фабрик".

Хроника.

— Исполнительный Комитет Совета Раб. Депутатов через центральный комитет Союза союзов получил пока 2.000 руб. в помощь забастовавшим товарищам почтово-телегр. союза.

— С целью устройства национального фонда для помощи узникам Шлиссельбургской крепости центральным комитетом Союза союзов организуется комиссия, в которую намечены 12 лиц.

— Ассигновано 25 р. в помощь вновь организовавшемуся союзу модисток.

— 22 ноября гр. Витте представлялась депутация от земских конституционалистов.

— Основания нового закона о печати, утвержденного вчера государственным советом, следующие: явочный порядок. Лицо, желающее издавать газету, обязано заявить губернатору (градоначальнику). Через 2 недели губернатор обязан выдать разрешение. (Если издание не на русском языке—через 2 месяца.) Ответственным редактором не может быть лицо моложе 25 лет, опороченное по суду или приговору сословия. В заявлении должны быть указаны: название газеты, ее программа, типография, имя ответственного редактора, удостоверение о его непорочности по суду или приговору сословия. Номера газеты могут быть арестованы только в случае, если не указаны редактор и типография. Определенное количество номеров должно быть одновременно с выходом из типографии пред'явлено цензору, который, в случае наличности признаков преступности, возбуждает уголовное преследование. По постановлению суда № может быть задержан в местах продажи. Судебные дела решаются на основании нового уголовного уложения. Кроме того, предусмотрены наказания от 300 руб. штрафа до 1 г. 4 мес. тюремного заключения за призыв к восстанию, призыв к стачке, возбуждению одной части населения против другой.

— Свобода собраний. В понедельник 21 ноября в гимнастическом зале театра невского общества народных развлечений должно было состояться профессиональное собрание ткачей. Несмотря на то, что о собрании было за три дня заявлено градоначальнику, явившиеся были встречены нарядом околоточных, которые заявили, что собрание не разрешено. Когда же возмущенные устроители отправились к приставу, последний также категорически ответил, что он собрания не допустит. На возражения устроителя, что соблюдены все формальности и что после манифеста 17 октября странно подобное поведение полиции, пристав невозмутимо возразил: „манифест—одно, а закон—другое,—я не разрешаю". И тут же по телефону отдал приказ о вызове наряда казаков. Собравшиеся принуждены были разойтись.

— В заседании 22 ноября Исп. Ком. С. Р. Д. официальный представитель партии заявил: „Товарищами, приехавшими с юга 22 ноября, привезены вести: войска готовы к восстанию. Ждут сигнала из Петербурга".

— Исп. Ком. Сов. Р. Д. постановил не допускать на заседания Совета представителей газеты „Русь" в виду того, что эта газета, кивая в сторону революции, не имела в то же время мужества напечатать дословно революционное обращение почтово-телеграфного союза.

— В сегодняшнем, 23 ноября, номере „Прав. В." должно появиться правительственное сообщение, смысл которого сводится к следующему: в виду отказа крестьян от платежей, правительство не в состоянии выдать обещанные 500.000 руб. в пособие почтово-телеграфным служащим.

— 22 ноября в 8 ч. веч. состоялось экстренное заседание Государственного Совета.

— В последнем заседании уголовного кассационного департамента правительствующего сената слушалось дело о 59 крестьянах, обвинявшихся в разгроме воронежской экономии княгини Юсуповой графини Сумароковой-Эльстон. Добиваясь безуспешно в течение последних нескольких лет от княгини Юсуповой, богатой землевладелицы, владеющей 300 тысячами десятин земли, предоставления аренды на льготных условиях, крестьяне прилежащих к экономии княгини Юсуповой деревень начали в нынешнем году сильно волноваться. 16 марта они уже открыто начали собираться с целью принять меры к улучшению своего материального положения. Когда толпа достигла больших размеров, крестьяне направились к волостному правлению и на увещания урядника разойтись стали кричать, что они пойдут в экономию княгини Юсуповой добывать свои права; что у них есть новый закон, разрешающий забирать у помещиков землю и имущества, что даже сам царь призывает их на это дело: помочь ему в борьбе с помещиками, при чем указывали на газету, которая оказалась „Биржевыми Ведомостями", в № 55 которой была помещена статья под заглавием „Крестьянские беспорядки". Затем, дойдя до экономии, крестьяне начали требовать от управляющего сдачи всего имущества, когда же в этом им было отказано, то начался разгром; грабили все, что могли. Так продолжалось 2 дня; на третий день приехал губернатор с войсками, и беспорядки прекратились, а 19 марта на сходке крестьяне стали перед губернатором на колени и просили прощения. Харьковская судебная палата, рассматривавшая первоначально это дело, 14 крестьян оправдала, а остальных 45 человек приговорила к тюремному заключению; правительствующий сенат приговор палаты утвердил.

— Организационный комитет профессионального союза портовых кораблестроительных рабочих об'являет товарищам, что 24 ноября, в 6½ час. вечера, состоится первое учредительное собрание союза в квартире № 7 по Витебской, дом № 16/9.

Тот же организационный комитет обращается к товарищам рабочим с следующим обращением:

„Товарищи! К вам мы обращаемся, вам говорим: об'единяйтесь! Вам говорим: спешите организоваться! Помните, товарищи, что каждый из нас в отдельности—ничто, что с нами господа капиталисты могут сделать все, что им угодно, что их, сытых и праздных, не остановит наше страданье, наше мученье. Спешите, товарищи, примыкайте к нам! Помните, что никто, кроме своих же братьев-рабочих, не поможет, не захочет вам помочь. Мы зовем вас, мы говорим вам: в единении—сила, и только соединенной дружной борьбой мы добьемся лучшей доли, мы добьемся счастья. Организационный комитет профессионального союза портовых кораблестроительных рабочих".

— В полиции. В Московской части, в 3-м участке, имел место следующий факт. Околоточный приказал городовому перевести арестантов из одной части в другую. Городовой отказался исполнить приказания, мотивируя свой отказ тем, что его дежурство кончилось. Околоточный записал городового в арестную книгу и отправился к приставу. Городовой за ним. Когда околоточный подал приставу арестную книгу, городовой вырвал ее из рук и сказал: „Постой, я сам расскажу, как было дело". Между приставом и околоточным произошли очень резкие препирательства, в результате которых городовому был об'явлен расчет. Присутствовавшие здесь городовые заявили, что до тех пор, пока их товарищ не будет принят обратно, они отказываются выполнять свои служебные обязанности. Забастовавшие разоружены.

— Нам сообщают, что по ассигновкам с.-петербургского градоначальника для дополнительного денежного довольствия войск выдано из казначейства с 13-го по 31-е октября 194.000 р. „Усердие" и „доброе поведение войск" в наши смутные дни оплачиваются в Петербурге сообразно чину в следующем размере: генералам 3 р. в сутки, штаб-офицерам—2 р., обер-офицерам 1 р. 50 к., унтерам—30 коп. и рядовым 15 к.

— Фонд политич. клубов. При Союзе союзов основан особый фонд для помощи политическим клубам рабочих. Взнос—5 р.

— По инициативе студентов медицинского института организуется педагогический кружок для занятия с прислугой. Многие уже из'явили желание поступить в члены этого кружка. На-днях состоится собрание членов кружка, где и будет окончательно выработана его программа.

— Администрация Александровского завода Никол. жел. дор., решив открыть завод, предполагает, как мы слышали из достоверного источника, произвести при обратном приеме „фильтрацию" рабочих и служащих. Отказано будет в приеме 140 лицам.

— За Невской заставой с военно-казацкой охраной стало немного потише. Только изредка по Шлиссельбургскому тракту попадаются конные и пешие патрули. Но зато в заводских дворах размещены внушительные отряды солдат. Завод Паля почему-то особенно ревниво оберегается: кроме внутренней стражи, у ворот дежурят часовые. На Станционной улице учрежден временный казачий пост, чины которого держатся очень нахально, постоянно задирая прохожих.

— Предстоящее собрание. Сегодня в 8 ч. веч. в лиговском доме гр. Паниной состоится доклад г. Мазуренко: „О крестьянском союзе и о крестьянском с'езде".

— Директор железопрокатного завода последовал примеру гг. военного и морского министров. Г. Герберц отказался признавать депутатов. Этого мало. Он пошел дальше гг. Бирилева и Редигера. Последние, не признавая депутатов, в то же время вели с ними переговоры, как с депутатами. На языке министров это называется „последовательным проведением политики".

Г. Герберц решил быть логичным до конца. Он вызвал 16 ноября депутатов в правление и заявил:

„Скажите моим старым рабочим, что я вас депутатами не признаю и с такими негодяями, как вы, я разговаривать не буду".

— Центральный комитет (Форштанд) немецкой социал-демократической партии обратился к членам партии с призывом открыть подписку в пользу жертв реакции в России. Предыдущая подписка, вызванная январскими событиями, дала 64.000 р.

— На Спб. Варшавской жел. дор. служащие, рабочие и мастеровые уже в продолжение многих лет ходатайствуют об открытии библиотеки, но начальство всячески препятствует этому. Прежний начальник дороги инж. Турцевич отнесся несколько сочувственнее, чем другие начальники, к устройству библиотеки и даже отвел помещение над медицинским кабинетом и пожертвовал несколько десятков книг, но библиотека все-таки не может быть открыта, так как начальство ищет и не может найти „благонадежного человека", которому бы можно было доверить заведывание этой библиотекой.

Не пора ли железнодорожному начальству Спб. Варшавской жел. дор. снять сердечное попечение с интеллектуальной жизни своих служащих, рабочих и мастеровых?

К об'единению партии.

П. К. Р. С.-Д. Р. П. в собрании своем 22 ноября принял по предложению Пет. Федер. Совета следующие резолюции.

1) П. К. для возможно быстрого слияния партии по всей линии настаивает на немедленном слиянии партийных центров.

2) П. К. постановил немедленно приступить к полному слиянию своей организации и организации П. Гр., не ожидая ни с'езда, ни конференции, ни слияния центров.

3) П. К. для проведения слияния в жизнь избирает со своей стороны членов в Организационный Комитет, состоящий из равного числа членов от П. К. и П. Гр. Орг. К-т должен выработать согласованный устав, основанный на проведении выборного начала снизу доверху. Устав должен быть утвержден на общем собрании К-та, Группы и всех Районных Комитетов „большинства" и „меньшинства". Решения этого собрания обязательны для обеих организаций.

П. К. Р. С.-Д. Р. П.

— 15 ноября на собрании Федеративного К-та Р. С.-Д. Р. П. было постановлено: сохраняя наши организации вплоть до полного об'единения на с'езде с другою фракциею нашей Партии отдельными, признать желательным в интересах сближения обеих фракций: 1) федерацию параллельных организаций во всех ячейках, а 2) устройство общих партийных клубов. По отношению же к Выборгскому району Фед. К-т решил пойти несколько дальше. Принимая во внимание низкий уровень сознательности у рабочих на Выборгской стороне, с одной стороны, и известную спутанность организационных связей (благодаря широкому движению во время последних забастовок)—с другой, Фед. К-т согласился на то, чтобы в районный союз с.-демократов, который Выборгская организация меньшинства предполагала устроить 16-го, входили бы и большевики. Необходимое условие: голосование по фракциям и выборы союзом двух (больш. и меньшев.) Районных К-тов, лишь федерирующих между собой. Таковое компромиссное решение об'ясняется, конечно, желанием Фед. К-та избежать той борьбы из-за влияния на нейтрально настроенных рабочих, которая необходимо должна была бы начаться с момента устройства одною фракциею открытого районного союза, куда приглашались бы все рабочие, сочувствующие соц.-демократии.

На происходившем в тот же вечер собрании Район. К-та меньшинства решение Фед. К-та резко критиковалось как компромиссное и не решающее вопроса. Собрание постановило 17 голосами против 3 предложить Район. К-ту большинства полное слияние всех организаций в районе. Район. К-т большинства в заседании 16-го единогласно отверг план слияния всех организаций до с'езда, считая возможным удовлетвориться предыдущим решением Пет. К-та устраивать об'единенные организации с меньшевиками повсюду, где устройство отдельных вызвало бы чересчур большие трения. Присутствовавшие на собрании тов. из меньшинства согласились тогда на план Фед. К-та. Предложение нашего Район. К-та не устраивать пока районного союза, удовлетворившись устройством районного клуба, т. е. учреждения не организационного, а лишь, так сказать, просветительного, меньшевики отвергли. Было решено устроить общий районный союз, но выборов в Районные К-ты решено было пока (до окончательного выяснения планов реорганизации Партии у большевиков и меньшевиков) не производить.

Первое собрание, назначенное на 16-е, не могло состояться, так как полиция сорвала собрание, так что пока вопрос о районном союзе остается открытым.

Вопрос же о федерировании решен у нас в районе так:

1) помимо заседаний Районных К-тов каждого в отдельности, будут устраиваться совместные заседания (голосование, конечно по фракциям), для ведения же текущих работ федерируют, собираясь очень часто, комиссии человек по 5 с той и с другой

стороны. Устраивать же часто совместные заседания обоих Комитетов трудно, так как наш К-т и теперь состоит из 14 человек, а кроме того, теперь в него войдут еще по одному представителю от каждого заводского собрания.

Коллегии пропагандистов и агитаторов решено об'единить, устраивать совместные собрания, совместно распределять силы и т. д. Директивы Федеративного К-та проводятся всеми, если же П. К-т и Группа дают разные директивы, то каждая половина проводит директиву своего центра.

В армии.

Брожение среди войск распространяется и на кавалерийские полки.

Еще во время октябрьской забастовки первый эскадрон Конно-Гвардейского полка отказался выйти в ночной наряд к Зимнему дворцу и вышел только утром. Несколько дней тому назад третий эскадрон того же полка ответил молчанием на троекратное приветствие своего командира.

Характерно, что начальство ничем не решается отвечать на такое нарушение „воинской дисциплины".

— Чины саперной бригады получили от электротехников, томящихся в манеже Петропавловской крепости, следующее письмо:

„Дорогие товарищи, глубоко растрогало нас ваше письмо. Безмерно рады, что мы не одиноки. Сейчас живем при ужасных условиях, бывают моменты, что остаемся даже без черного хлеба.

„Валяемся на мокром и холодном полу манежа. Духом бодры и готовы к более худшим лишениям. Арестованы мы, как наверное знаете, за заявление своих законных нужд.

„Надеемся, дорогие товарищи, что вы примете все меры к освобождению нас из стен крепости. Держать нас могут под каким угодно караулом в наших казармах. В некоторых газетках („Свет") появились заметки, будто мы освобождены, но, судя по принимаемым мерам и ходу следствия (допрашивают 3—4 человека в день), и не думаем о скором освобождении. Вся надежда на вас.

„Шлем привет нашим товарищам, чинам саперной бригады".

Арест всей электротехнической школы вызван участием воспитанников ее в подписке в пользу семей погибших борцов.

М. г., господин редактор.

Мы, с.-петербургские матросы, убедительно просим поместить в уважаемой вашей газете письмо следующего содержания:

Во исполнение предписания его превосходительства младшего флагмана командующего свод. отрядом в Спб., для руководства нижним чинам, отданы приказы по экипажам отряда следующего содержания:

„Заметив, что приказы моих предшественников о воспрещении нижним чинам ходить по некоторым улицам и садам, видимо, не исполняются, предписываю к исполнению следующее: нижним чинам воспрещается ходить по Невскому, по Большой Морской, в Таврический, Александровский и Летний сады, по Конно-Гвардейскому бульвару и по набережным: Дворцовой, Адмиралтейской и Английской, а также, чтобы по улицам люди не ходили, держась за руки".

Подлинные приказы подписали командиры экипажей отряда: Руднев, Дабич и Яковлев.

Теперь разберемся, представляется ли возможность руководствоваться нижним чинам вышеприведенным приказом. Если, допустим, нижнему чину нужно пройти из крюковских казарм в здание главного морского штаба, то какую он улицу должен выбрать для следования в здание штаба? По Морской ходить воспрещается, по Конно-Гвардейскому бульвару тоже, а также и по набережным: Английской, Дворцовой и Адмиралтейской. Если бы матросы крюковских казарм вздумали исполнять вышеприведенный приказ, то пришлось бы ограничиться выходом из казарм только до Крюкова канала, что печально отозвалось бы на душе матроса, любящего свободу.

Или, может быть, приказ этот отдан в целях познакомить с морской шлюпочной практикой каждого моряка-матроса, т. е. каждого идущего хотя бы в здание главного штаба заставить сесть в лодку в Крюковом канале и отправиться уже морским путем, но ведь этим путем только достигнешь набережной Невы, где строго воспрещается ходить.

Скажите, товарищи добрые люди, исполняя подобные этому приказы наших доблестных начальников, не лишаемся ли мы совершенно свободы?

Матросы крюковских казарм.

К вопросу о всеобщем избирательном праве.

19 и 20 ноября в Мариинском дворце под председательством гр. С. Ю. Витте состоялись экстренные заседания совета министров, посвященные вопросу о расширении избирательных прав населения в Государственную Думу.

На заседание 19 ноября были приглашены представители земских конституционалистов, главным образом из правого крыла их, с правом совещательного голоса. Гг. земцы, конечно, приняли приглашение г. Витте, и гг. Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, С. А. Муромцев, В. Д. Кузьмин-Караваев, М. В. Красовский и др. отправились в качестве „парламентеров" убеждать министров „уступить". Долго и горячо доказывали они сановникам самодержавия необходимость осуществления всеобщего, равного и тайного избирательного права. Те самые люди, которые еще так недавно были принципиальными противниками всеобщего голосования, ныне, под давлением революционного движения, явились его ходатаями.

Однако, по вопросу о прямом избирательном праве земские либералы высказались отрицательно. Лишь один С. А. Муромцев доказывал необходимость осуществления четырехчленной формулы во всем ее об'еме.

Сановники весьма внимательно выслушали речи земских конституционалистов и в заседании 20 ноября занялись их критикой. С необыкновенным единодушием члены совета министров доказывали невозможность и „опасность" осуществления всеобщего избирательного права и после продолжительных разговоров самым категорическим образом высказались против всяких значительных расширений избирательных прав населения, предоставленных ему законом 6 августа.

Из трех проектов „расширения" системы выборов совет министров остановился на проекте чиновника министерства внутренних дел С. А. Крижановского, сущность которого сводится к следующему. Ценз квартиронанимателей определяется не по тому разряду, как было предложено раньше, а по 3-му, ценз промысловый по 2-му разр., ценз имущественный: в городах с населением до 25 тысяч к выборам допускаются владельцы имущества в 300 р., а в городах с населением свыше 25 тыс. человек — 1000 р. Лишение чиновников избирательных прав отменяется, при чем избирательными правами пользуются служащие в государственных и общественных учреждениях, получающие в столицах 1200 р. в год, а в провинции 900 р. Крестьяне попрежнему участвуют как в общих выборах, так и в специально-крестьянских; число представителей от рабочих в Думе определено цифрой 21 человек.

Таким образом, сообщение „Торгово-Промышленной Газеты", органа г. Витте, о намерении правительства гр. Витте произвести выборы в Государственную Думу по системе всеобщего избирательного права, — безусловно ложно и может быть об'яснено лишь желанием ввести население в заблуждение и хотя этим путем достигнуть „успокоения".

Театр и музыка.

„Евреи", пьеса *Чирикова.*

Задача театра, вообще говоря, — представлять жизнь прямо, т. е. реалистически, или при помощи символов, таким образом, чтобы она являлась более яркой и в то же время более прозрачной, чем жизнь, как она есть в действительности.

За яркостью, пожалуй, недалеко ходить: любая мелодрама может потрясти невзыскательную публику набором особенно бьющих по нервам эпизодов. Но мы требуем от сцены не только большой яркости, в смысле выбора интересных, болеее или менее захватывающих положений, но и большей прозрачности; нам надо, чтобы мы глубже и яснее поняли если не всю жизнь в ее целом, то одну какую-либо ее сторону; в этом смысле театр обязательно должен быть поучительным. Не прописей, не проповеди моральной хотим мы от сцены, но уроков жизни, возможно более значительных, разнообразных, глубоких, говорящих не только уму, но главным образом чувству; чтобы сердцем поняла публика что-либо, до той поры относительно чуждое, странное. Художник должен сконцентрировать краски, но вместе с тем и распределить их так, чтобы логика вещей и отношений выступала с совершенной определенностью.

Но можно ли сгустить, сценически сгустить, краски такого и без того кроваво-яркого, ослепительно-багрового явления, как подлые и зверские погромы евреев?

Казалось бы, нет! И тем не менее лишь очевидцы представляют себе ясно весь угнетающий и роковой трагизм искусственно разожженной, дикой формы гражданской войны. Да и то и очевидец с безумным ужасом, собственными глазами видевший ужасы черносотенных расправ, не всегда умеет заглянуть в души, в переживания и жертв, и палачей, и закулисных организаторов. Для того, чтобы глянуть и туда, нужно быть художником. Художник имеет ключи к человеческим душам и может раскрыть их и нам, и тогда вырастут в глазах наших не только ужасы происходящего, но и его причины. Чего не может договорить наш художник-писатель, то договорит художник-артист. Я надеюсь, что в этом смысле сегодняшнее представление „Евреев“ Чирикова полностью, в „Новом Театре“, сможет дать публике новое по мучительному—и все же, пожалуй, для многих еще недостаточно мучительному вопросу.

„Евреи“ одна из тех немногих пьес, которая заглядывает в самую душу нашей энергичной, но хаотической и страшной, и радостной действительности.

А. Луначарский.

МИХАЙЛОВСКИЙ ТЕАТР.

„Дочь моря“, пьеса *Г. Ибсена.*

„Дочь моря“ вместе с „Комедией любви“ и „Норой“ являются самым страстным панегириком свободе женщины, какой только раздавался в современной литературе. Подобно Жорж-Занд и другим борцам свободы в эпоху романтизма, Ибсен заботится не об экономическом или политическом уравнении женщины в правах с мужчиной, а единственно об освобождении женской души в сфере интимной жизни — семейной и любовной. Но обычная формула романтиков: свобода женщины во имя свободы любви—Ибсена не удовлетворяет. Любовь кажется суровому норвежскому моралисту чем-то подозрительным, каким-то сердечным посягательством на свободу духа. Ведь любовь есть стремление к слиянию с чужой волей, отказ от державных прав одинокой и гордой души во имя живущего вне, как идеала — и поэтому перед судом высшего индивидуализма любовь является ущербом, умалением личности. Свобода любви для Ибсена почти то же, что свобода отдачи себя в рабство. Есть чувство более достойное свободной души, чем любовь. Это — чувство самоопределения и самоуважения. Кто любит женщину, тот невольно стремится поработить ее. Утверждает свободу только тот, кто верит ей. Доверие представляет большую ценность, нежели страсть, вера побеждает любовь.

Эта идея, в которой так странно переплелось современное свободолюбие с устарелым захолустным квакерством, чрезвычайно искусно воплощена в образе „дочери моря“, вольнолюбивой Эллиды, вышедшей по расчету замуж за скромного и доброго Вангеля и страстно, с юношеских лет, влюбленной в таинственного капитана, такого же вольного сына морей, как она сама. После долгой разлуки Эллида встречает друга детства, которого считала погибшим, и он, во имя любви, требует, чтобы она пошла за ним, оставив нелюбимого Вангеля. Это требование во имя любви на языке Ибсеновской символики означает, что любовь сама по себе — чувство требовательное, деспотическое, порабощающее. Вангель, заботясь о своей жене, запрещает ей соединить свою судьбу с человеком, которого он считает опасным авантюристом, но своим запрещением он еще сильнее раздувает в Эллиде огонь своеволия и жажду приключений.

Наконец, в роковую минуту, уже перед третьим звонком на пароходе, с которым хочет уехать Эллида, Вангелю приходит мысль испытать последнее средство. Он решается предоставить Эллиде свободу выбора, он признает за ней права на самоопределение. И тут совершается чудо. Вся любовь Эллиды к чужестранцу бесследно исчезает перед блаженным сознанием своей собственной самостоятельности. Счастье обрести неприкосновенную цельность своей личности оказалось сильнее, нежели счастье внешнего соединения. Доверие победило любовь.

Такова эта глубокая по замыслу и холодная пьеса, горящая негреющими лучами, похожая на многоцветное и мертвое северное сияние.

Поставлена была пьеса весьма тщательно, чуть ли не после 96 репетиций, но эта усидчивая работа не пошла впрок молодым, неопытным ученикам Театральной школы. Только высокоталантливые художники могут долго работать над одной и той же картиной, не рискуя засушить ее... Только актрисы, вроде Сарры Бернар, могут после ста репетиций играть, отдаваясь вдохновению минуты. Для недавно принятых на михайловскую сцену учеников многочисленные репетиции оказались железными рамками, отнимавшими у них свободу движений и чувства. Заученно двигались по сцене деревянные фигуры, воспроизводя интонации и жесты, те самые, какие 96 раз им показывал их учитель — режиссер г. Дарский. И это было тем досаднее, что двигались эти деревянные фигуры на фоне удивительно нежных и прекрасных декораций г. Головина. В особенности прекрасна была декорация 1-го действия, с ярко-алой усадьбой, освещенной заходящим солнцем и верандой, усыпанной снегом роددендров, с серебряными горами вдали, нависшими над фиолетовыми фиордами. Яркие красочные пятна, среди бледных северных сумерек, производили незабвенное впечатление, глубоко гармонирующее с бескровными и до безумия смелыми образами ибсеновской фантазии.

Л. Вилькина.

Письма в редакцию.

Постановлением правления Витебской духовной семинарии мы, в количестве 15 человек, уволены из семинарии за участие в семинарском движении, выразившемся в мирной забастовке, а также за участие в разрешенной губернатором „еврейской похоронной процессии, носившей характер революционной демонстрации“ (как говорят наши обвинители), в частности за то, что шли во время этой процессии, „имея красный значек на груди“.

Пусть общество скажет нам за наши „преступления“ свое „да, виноваты“.

Уволенные из семинарии: И. Автусов, Ив. Кузьмин, Н. Збитковский, М. Зарецкий, Евг. Сченснович, Кон. Борковский, Михаил Щербаков, Николай Черепнин, Ф. Дубицкий, П. Садовский, Е. Сеньковский, Гр. Игнатович, В. Стуканов, Н. Пригоровский, В. Смирнов.

М. г., г. редактор.

17 числа ноября м. правление Петерб. дух. семинарии вынесло, по требованию воспитанников, мотивированное, точнее, многословное заключение относительно резолюции собрания семинаристов 12 ноября. „Правление семинарии полагало бы напомнить еще раз, что... взаимной дружной работой возможно достигнуть улучшения как семинарской, так вообще русской жизни“, говорится в постановлении правления. Хотя и печально, но нужно сказать правду, что все эти красивые фразы большею частью остаются только на бумаге. Каждая попытка воспитанников, имеющая тенденцию устранить изжитые условия, улучшить правовое положение, встречает непреодолимое препятствие со стороны официального начальства.

Дальше сказано: „Проникая в личные отношения учащих и учащихся, гуманность должна проходить чрез все содержание преподаваемых наук, не стесняя, однако, свободы научных убеждений“... Если под последними словами разумеется право преподавателей сеять идейную ненависть, вражду к евреям, полякам; законность призывов к истреблению всех „крамольников“; право безнаказанно развивать теорию разрешения еврейского вопроса путем уничтожения целой нации и т. д. и т. д., то семинаристы раз навсегда заявляют, что такой „свободы научных убеждений“ они не признают. Нас глубоко возмущает всякое посягательство на священное право нации на существование и на полное ее самоопределение.

Другое дело, если идея человеконенавистничества исходит из грязных, темных источников, из развращенного Страстного бульвара—Эртелева переулка. Но в школе—среди чистого юношества—это не допустимо.

Почти все пункты резолюции семинаристов снабжены подобными комментариями.

Требования, кроме незначительных, урезаны и ограничены.

Категорически не приняты: 1) передача уч. библиотеки в распоряжение воспитанников; 2) свобода посещения митингов, свобода организаций, кружков, имеющих политический оттенок; 3) свобода рефератов на социально-политические темы; 4) подача сочинений без подписей. Товарищеский суд признан под условием, чтобы санкция приговора принадлежала правлению семинарии.

Вечером того же числа воспитанники на сходке постановили:

„В виду того, что правление семинарии отвергло наиболее кардинальные требования резолюции 12 ноября, воспитанники, собравшись на сходку, заявляют, что всякие меры паллиативного характера не могут служить достаточной гарантией нормального течения учебн. занятий, что никакие компромиссы невозможны. Воспитанники еще раз констатируют постановление 12 числа и настаивают на необходимости удовлетворения всех пунктов упомянутой резолюции.

„Вместе с тем собрание, обратив внимание на царящую анархию в современной школе, в частности в духовной, на массовое увольнение семинаристов, закрытие семинарий, относит это печальное явление исключительно невнимательности и нежеланию духовного начальства и правлений семинарий итти навстречу духовным запросам воспитываемого юношества“.

Дух. семинария закрыта на неопределенное время, или, выражаясь канцелярским языком, „впредь до особых распоряжений“.

Семинаристы раз'езжаются.

17-го же числа в Петерб. семинарию приезжал митрополит для беседы. Семинаристы были созваны в зал, и здесь он держал к семинаристам речь; последняя воспитанниками признана бессвязной, нелогичной и очень бестактной. Рассчитанная на умиротворение, успокоение умов, „беседа“ вызвала возмущение и негодование среди воспитанников.

Митрополит достиг своей цели: последние нити доверия оборваны. Семинаристам в отстаивании своих прав нужно полагаться только на свои силы.

Группа петерб. семинаристов.

М. г., г. редактор.

Мы, подмастерья ювелирного дела, работающие в мастерской г-на Тилемана, прочитав в вашей уважаемой газете призыв от Федеративного Совета спешить с помощью, кому дорого сохранение сил пролетариата, движимые полною солидарностью к нашим товарищам, передовым борцам за свободу, постановили:

1) просить у г-на Тилемана разрешения отработать в воскресенье 20 ноября полдня в пользу наших товарищей базработных, которое и получили немедленно и с полным сочувствием;

2) заработанные деньги

от подмастерьев	33 р. 3 к.
от хоз. г. Тилемана.	5 „ — „
от старш. г. Николаева . .	3 „ — „
итого	41 р. 3 к.

просим редакцию „Новой Жизни“ передать в комиссию о безработных для распределения между более нуждающимися товарищами.

Привет вам, честные борцы за свободу! Вы не останетесь беспомощными. Нам дорого сохранение ваших сил, товарищи.

Просим уважаемую редакцию не отказать напечатать нашу искреннюю благодарность г-ну Тилеману за такое симпатичное отношение к нашей просьбе.

Подмастерья мастерской г. Тилемана.

М. г., г. редактор.

Дети: Женя, Теня, Мима, Маня, Коля посылают бедным детям рабочих, оставшихся без хлеба за преследование добрых начал, по 25 коп. каждый от своих сбережений и наша тетя Оля от своих скромных средств 1 рубль. Всего 2 р. 25 к.

Семейство Г.

Товарищи! С чувством негодования узнали мы, что 21 студент, забыв всякое понятие о порядочности и долге гражданина, соединились с правоведами (понятие о чести которых уже всем хорошо известно), дерзко вмешались в самоотверженную борьбу народа с реакционным правительством и, таким образом, стали на сторону черносотенных элементов и тем самым запятнали имя студентов, которое до сих пор шло всегда рука об руку с пролетариатом впереди освободительного движения.

Мы уверены, что эти 21 человек принадлежат к достаточно уже опозорившей себя корпорации „Денница“.

Товарищи-старосты! Мы обращаемся к вам, требуя немедленного тщательного расследования этого подлого поступка и предания этих врагов свободы товарищескому суду.

Мы убеждены, что к нашему требованию присоединятся и другие наши товарищи.

Просим другие газеты, напечатавшие извещение Совета Депутатов Рабочих, перепечатать и это письмо.

Студенты унив.: И. Левшин, Р. Домбровский, Г. Гроссен, К. Даукин, Р. Вержбицкий.

Финляндия.

Пора открыть глаза.

(Из жизни Свеаборга.)

В воскресенье 30 октября 1905 г. нижние чины Свеаборгской крепостной артиллерии решили собраться и заявить коменданту о своем духовном пробуждении.

Узнав о готовящемся, комендант крепости, генерал-лейтенант Кайгородов, приказал привести нижних чинов артиллерии срока 1901 и 1902 гг., как более развитых, в церковь к обедне, где, по приказанию того же коменданта, готовым к услугам начальства священником была сказана проповедь на тему: „бога бойтесь, царя чтите".

После обедни вышедшие из церкви нижние чины смешались с собравшимися к этому времени на плацу солдатами других сроков службы, но на этот раз поговорить с комендантом не удалось, ибо пора было итти обедать. После обеда получено было приказание коменданта вести нижних чинов срока 1901 и 1902 гг. на плац строем. Когда роты были выведены, то по приказанию коменданта были оцеплены пехотой в полной боевой аммуниции. Обезопасив свою драгоценную особу, комендант нашел в себе достаточно храбрости произнести перед солдатами речь, сущность которой сводилась к тому, что царь даровал русскому народу так много милостей, что надо его чтить.

При этом же комендантом было сообщено, что им уже послана в Петербург телеграмма с ходатайством увольнения выслуживших срок нижних чинов в запас.

После этого нижние чины были распущены по ротам, где им было предложено ротными командирами представить через фельдфебелей требования, которые они желали заявить коменданту, обещаясь, что частью, в пределах власти, исполнят их сами, частью же ходатайствовать об их исполнении.

Требования эти были представлены в тот же вечер. Один список их был доставлен мне.

Считаю нужным предать гласности этот замечательный документ, сохраняя орфографию и выражения подлинника:

„1) Об увольнении нижних чинов в запас армии дать ответ в трехдневный срок.

2) Сверхсрочно-служащих: фельдфебелей и фейерверкеров удалить со службы, а заместить действительно-служащими.

3) Улучшение довольствия: а) пища приготовлялась чтобы в действительности усиленная (а не 1/2 фун. мяса для улучшения пищи) т. е. сало, масло, крупа, мука и т. п. б) чайное довольствие выдавалось для ниж. чинов с таким расчетом, чтобы хватало на выданное время и доброкачественное, а не какие-нибудь отбросы как выдает теперь один фн. чая стоим. 96 коп. дачка 2 зол. чаю и 8 зол. сах. в день.

4) Обмундирование производилось чтобы по положению: мундир на 2 года, шинель—2 год., фуражка—2 г., шаровары ежегодно, а не как производится теперь дадут с новобранства обмундирование служи чини и в запас в этом-же поезжай *).

5) Честь отдавать при исполнении служебных обязанностей, а на улице при проходе в первый раз,—и чтобы г.г. офицеры не ставили нас бесчувственной скотиной и не подвергали насмешкам.

6) Проступок сделанный солдатом чтобы не решался без ведома солдат, а то у нас принято так провинился солдат доложили а он (начальник. Прим. мое) на то время был в ссоре со своей барыней и вот чтобы на чем нибудь сорвать свою злобу он набрасывается на бедного солдата и выливает на нем всю свою злобу: облает как позволяет русский язык и арест на всю власть.—Удалить.

7) Курение табаку разрешалось чтобы по всюду а не как теперь что солдату разрешено курить только в отхожем месте.

8) Увольнение нижних чинов в город и повсюду было чтобы беспрепятственно а не как это делается теперь: надо напр. сапожного товара иди к маркетантам купи, но как же купить товар плохой цена дорогая; купил значит носить не чего, а не купил ходить не вчем, а в город увольнения нет „горе наше" **).

9) Жандармерия для честных людей не нужна. Я солдат значит и блюститель порядка, а его к чорту лишние сплетни и кляузы. Из-за этих блюстителей порядка бедному солдату солоно достается, вернулся из города выпивши заметил жандарм значит прием под арест а то еще и под суд.

10) Уставы составленные и за подписями генералов полковников и капитанов отменить не нужны нам эти истязания нам надо тот устав в котором будет подпись (сиволапого мужика из деревни государствен. дума).

11) Журналы взыскания на нижних чинов уничтожить не медленно же а писать взыскания действительным преступникам как скажем наши заведывающие а на дальнем востоке командующие и главнокомандующие которые обрали последние капли крови у бедного мужика а армию оставили голу и нагу а после заключения мира поразехались лечится кто заграницу кто куда этих преступников судить надо.

12) Жалованье доходило чтобы до японского или германского войска как например в Японии подпоручик получает 15 руб. а рядовой 5 руб. в месяц это еще приблизительно, а у нас рядовой 45 к. в два месяца а подпоручик 45 руб. в месяц. За что какие особые подвиги *).

13) Отпускаемые от интенданства довольствие и обмундирование надо чтоб попадало нам в руки, а не кормить целую стаю прожорливой птицы.

14) Фельдфебель кто он такой не фабричный ли рабочий нет я фельдфебель я хозяин роты что хочу то и делаю да вдобавок получаю жалованье 32 р. в месяц, не считая сколько кормлю. Долой шкур **) да здравствует действительно служащий.

15) Помещение солдатское казармы в которых стоять только скотине ***) в таком количестве как солдаты а (не ?) молодым полным здоровья людям от чего в последствии временно являются заболевания и насекомые (вши блохи) и не обойтись потому спят солдат на солдате. Дай нам вольные квартиры или такие помещения, как и офицерские с большими окнами.

16) Доктора—военные врачи подавали чтобы помощь своевременно и лекарства соответствующих болезни а не как теперь, что если обрубил палец дают касторки и т. п.

17) Газеты были чтобы выписаны в каждую роту ****) на артельные суммы мы хочем знать что делается на родной Русси, а также и приказы по войскам попадали чтобы в наши руки. Нам надо знать что делается и в военном ведомстве.

18) Для несения караульной службы в зимнее время были чтобы теплые сапоги (валенки из шерсти).

19) При увольнении в отпук для свидания с родственниками ни какой пошлины *****) за проезд по железным дорогам не взимать, а если я казенный человек, то должна быть и дорога казенная даже с прибавкой путевых как это приходится слышать в приказах по части, что вот такому полковнику капитану и т. п. за проезд по железной дороге до Петербурга столько то ******).

---

*) Дают при поступлении на службу перелицованную уже фуражку, которая через год превращается в блин, и заставляют затем солдата делать себе новую за собственные деньги, иначе угрожая репрессиями за то, что выходит в строй неряшливо одетым.

**) Отпуски в город особенно сильно были стеснены в этом году приказами коменданта.

*) В оригинале особенно крупными буквами.

**) Шкурами называют всех сверхсрочно служащих, т. е. оставшихся добровольно на службе после отбытия требуемого общею воинской повинностью срока.

***) В этом году приезжал начальник штаба войск гвардии и Петерб. воен. округа генерал-майор Мешетич. Командир пехотного Свеаборгского полка показал ему невозможные в гигиеническом отношении казармы, где расположена часть пехоты. Но инспектирующий генерал даже не вошел в казарму для осмотра, ограничившись замечанием, что в Старой-Руссе еще хуже. Там пехота вступает прямо после больных в занимавшиеся последними помещения. Характерно это сопоставить с заявлением солдат о плохом помещении.

****) Для охраны порядка в крепости комендант издал осенью приказ, которым разрешал к выписке только газеты русские и строго патриотического направления. Газета „Наша Жизнь" и „Сын Отечества" не были допущены к выписке даже в офицерское собрание.

*****) Платы.

******) Интересно при этом вспомнить, что адмирал Бирилев, будучи назначен главнокомандующим Тихого океана, несмотря на Цусиму, доехал до Владивостока исключительно с целью получить громадные генеральские прогонные и под'емные, которые он получил, несмотря на то, что везли его даром на экстренном поезде. Автор.

20) Солдатское собрание необходимо нужно потому что надо переговорить наши нужды и высказать свои мнения. Вперед братцы с Богом".

Справедливость этих требований настолько очевидна для всякого непредубежденного человека, что сознали их и офицеры Свеаборга. Собравшись в понедельник в военное собрание на сходку, офицеры всего гарнизона крепости обсудили все требования нижних чинов и, одобрив их, пригласили затем коменданта крепости, при чем предложили ему, подписав эти требования, издать соответственный приказ. Комендант после долгих настояний, наконец, согласился. Приказание по свеаборгскому гарнизону вышло 1 ноября за № 205 следующего содержания:

„Об'явить, что 1 сего ноября, выслушав доклад гг. офицеров гарнизона, обсудивших нужды нижних чинов, и находя этот доклад основательным, приказал в согласии со всеми пунктами, выработанными гг. офицерами, принять к неуклонному исполнению нижеследующее:

1) Об'явить нижним чинам, призванным из запаса и срока службы 1901 г., что ходатайство об увольнении их в запас армии его превосходительством возбуждено.

2) Пересмотреть цены в лавках маркитантов и дать в каждую роту прейс-курант. Установить постоянный и действительный контроль.

3) Дать возможность желающим ходить в баню, хотя бы и за деньги, обязательно каждую неделю.

4) Назначить день для стирки белья для каждой части и на каждой неделе. Комиссии решить этот вопрос обязательно в скорейшем времени и открыть другие прачечные в частях войск.

5) Улучшить качество чая, не выходя из размеров отпускаемой на это суммы.

6) Об'явить, что о разрешении продавать в солдатских лавочках спиртные напитки его превосходительством будет возбуждено ходатайство.

7) Пересмотреть прейс-курант в солдатских лавочках и возможно удешевить цены на продукты и установить однообразные цены в частях. При солдатских лавках иметь обязательно сапожный товар и приклад. Открыть отделение солдатской лавочки на Стрелковом о-ве и в каждой роте вывесить прейс-куранты.

8) Разрешить увольнение нижних чинов в город по одиночке.

9) Изыскать в частях войск средства к тому, чтобы всем нижним чинам были выданы казенные постельные принадлежности.

10) Писем не вскрывать *), а денежные письма выдавать не менее одного раза в неделю.

11) Согласно решения общества офицеров, строго обращать внимание на принятие чести, отдаваемой нижними чинами, а также обратить внимание гг. офицеров, врачей и чиновников на вежливое обращение с нижними чинами.

12) Маты **) постепенно заменить соломою, которую менять по положению.

13) Частям войск гарнизона изыскать средства на отпуск мыла для бани и для стирки белья.

14) Не назначать в субботу после обеда и в праздники на хозяйственные работы, кроме экстренных.

15) Прибыль от буфета употреблять исключительно на нужды нижних чинов и расход об'являть в приказе (Прик. по В. В. 1899 г. за № 290).

16) Производить работы с 8—11 ч. утра и с 2—5 ч. вечера, кроме экстренных случаев, а в мастерской по урочному положению, сообразно с временем года.

17) Не стеснять прогулок нижних чинов по крепости, за исключением набережной.

18) Начальнику крепостной жандармской команды принять меры к ограждению внутреннего быта и службы нижних чинов от вмешательства чинов команды.

19) Офицерам не менее раза в неделю раз'яснять нижним чинам значение текущих событий и статей периодической печати.

20) Выдавать нижним чинам прочную и исправную одежду

21) Производить смену караула и должностных лиц в 11 час. утра

22) Разрешить курить близ казарм и в общественном саду.

23) Командирам частей приискать подходящие помещения для устройства солдатских собраний с библиотекой и читальней, но без спиртных напитков.

24) В случае отпуска на годовые вещи *) от интендантства деньгами, выдавать эти деньги под ответственность ротного командира на руки нижним чинам **):

25) Разрешить увольнять в кратковременный отпуск не свыше месяца не более 7% от роты и команды и в канцеляриях не задерживать бланок на льготный проезд для от'езжающих в отпуск.

26) Выдавать деньги за всякие инженерные работы, согласно сметы.

27) Выдавать усиленное довольствие в течение 10 дней, считая начало такового с 23 октября, так же, как таковое довольствие выдавалось в 22-м армейском корпусе. Хлеб выдавать свежий и незалежалый. Разрешить ротным командирам устанавливать вид хлебного довольствия (с лотка или нет): по желанию нижних чинов роты.

28) Не задерживать выдачу в роты нашивок и галунов на все сроки мундирной, дабы избавить нижних чинов от траты на этот предмет. Разрешить заводить на свой счет мундирную одежду, строго придерживаясь формы.

29) Подтвердить о строжайшем исполнении всех правил при наложении дисциплинарных взысканий начальствующими лицами.

30) Лист о припасах всегда иметь на кухне. Предоставить ротам выбрать двух нижних чинов на каждый месяц для проверки продуктов при выдаче артельщиком дежурному по роте.

31) За заявление нижними чинами претензий и просьб в установленном порядке не подвергать за это взысканию подавшего.

32) Поставить нижних чинов в известность о номере „Русского Инвалида", где говорится об улучшении быта нижних чинов.

33) Улучшить освещение в помещениях нижних чинов настолько, чтобы нижние чины могли заниматься своими делами".

Таким образом, начальство и на этот раз обходит кардинальные вопросы молчанием и думает отделаться полумерами, да и то изложенными весьма туманно.

А в то же время, как мне передавали, сообщается в ротах по приказанию коменданта, что всю смуту эту затеяли жиды... Комментарии излишни, намерения понятны.

С. Д.

*) Несколько месяцев тому назад комендантом, в виду охраны порядка в крепости, предписано было ротным командирам все письма, получаемые на имя нижних чинов, вскрывать и прочитывать.

**) Маты, сплетенные из соломы, заменяют матрацы. Они очень жестки и тоже были введены комендантом.

Примеч. автора.

*) Годовыми вещами называются вещи, отпускаемые ежегодно: товар для шитья сапог, холст для белья и галстух.

**) В этом году интендантство отпустило товар на сапоги не натурой, а деньгами. Солдаты просили о выдаче им денег на руки, но комендант категорически приказал закупать товар частям войск. Артиллерией был товар закуплен негодный, но под давлением начальства часть рот его приняла.

Примеч. автора.

Иностранный отдел.

Рим.

(Корр. „Новой Жизни".)

Положение здешнего русского чрезвычайного и полномочного посла, бывшего министра юстиции Н. В. Муравьева, день ото дня становится все более щекотливым.

Встреченный прошлой зимой в Италии единодушным свистом всей передовой прессы, как нельзя лучше посвященной в его позорное прошлое, он и в высших кругах был принят с исключительной холодностью. Теперь, после происшедшего за последние месяцы в России, холодность эта грозит смениться прямой враждебностью. Нерусские дипломаты в Риме, которых присутствие в их семье такого „выдающегося" члена крайне стесняет, выражают удивление по тому поводу, что петербург-

ское правительство медлит с его отозванием. Еще более удивляются, они, конечно, тому, что Муравьев не уходит сам. Патрицианская аристократия открыто его чуждается.

Нечего и говорить о свободолюбивом римском пролетариате. Он видит в нашем после олицетворение ненавистного режима произвола и насилия и ждет только случая показать, на чью сторону склоняются его симпатии—сторонников этого режима, ныне падающего, или врагов его—борцов за свободу. Никогда еще ни с одним представителем иностранной державы римской полиции не было столько хлопот, сколько с Муравьевым. Палаццо Феоли на Корсо, где он живет, обращено в форт и охраняется днем и ночью, а при выездах посла целые эскадроны охранителей—явных и тайных—следуют за ним.

Областной отдел.

Колпино.

(Корр. „Новой Жизни".)

Ижорский Адмиралтейский завод лежит всего в 25 верстах от Петербурга, но в глухой провинции. Какая разница с какими-нибудь Обуховским или Семянниковским заводами! Рабочие этих последних полны героических замыслов, живут полным размахом революционной борьбы:—они—авангард петербургского пролетариата, а колпинцы? Среди молодежи процветают разные физические состязания, царят знаменитые драки, и вразброд, и „стенка на стенку". Так коверкает начальственно-хозяйский гнет душу рабочего и воспитывает в нем почтение перед физической силой. Завод—механический, но есть в нем некоторые мастерские, не требующие обученных рабочих. Начальство постаралось понабрать туда массу голодного, темного деревенского люда, готового работать на каких угодно условиях.

Все, что они претерпели, пока не попали сюда на работу,—было в десять раз хуже. Они еще не отдохнули, душа еще не отошла, как говорится, и они пока неспособны ни на какой протест, ни на какую борьбу за общие интересы. Они-то вот и встретили ломами и кирпичами рабочих передовых мастерских, когда те подошли к бронезакалочной, чтобы призвать их к забастовке из солидарности с другими рабочими. И жмет начальство эту темную массу и помыкает рабочими, как душе угодно. Распоряжается заводом генерал Гросс—тот самый, которому об'явлен бойкот за увольнение революционно-настроенных мастеров-инженеров. Генерал чувствует себя настоящим помещиком-барином. С рабочими-депутатами он хочет—говорит, хочет—нет.

В ответ на требование рабочих выдать плату за дни забастовки ответили присылкой сотни донцов, но неудачно: казаки сошлись с рабочими. За это, говорят, сотня подверглась дисциплинарным взысканиям; и на место ее привели сотню гвардейского атаманского полка: эти уже не „жалели" нагаек...

Черная сотня время от времени пытается действовать. Были замечены попытки к поджогам домов рабочих, при чем выстрелы разогнали хулиганов. Рабочие, среди которых много охотников, стали вооружаться для отпора хулиганам, ходят патрулями по улицам. Казаки деятельно помогают хулиганам. Между прочим, на-днях крестьяне-колонисты жестоко поколотили казаков, которые в пьяном виде вздумали накинуться на рабочих с шашками. Стоявшие в Колпине матросы относятся к избиению рабочих очень неодобрительно. Как ни жмет, однако, ген. Гросс, как ни привыкли гнуть перед ним рабочие (в последнее время больше, правда по старой привычке)—все же начинают пробуждаться и колпинцы.

Трудно им было развиваться. Такие важные для жизни нашей партии годы, как 1898, 1901, 1903—ознаменованы для колпинских рабочих тяжелыми потерями: в эти годы жандармы разрушали те попытки организации, какие предпринимали наши партии среди колпинских рабочих. Это были небольшие сравнительно кружки, выследить которых местным жандармам ничего не стоило: всякого они знали в лицо да притом—рабочая молодежь не соблюдала никакой конспирации, никакой осторожности, и „кружки" так и ходили гурьбой по улицам: смотри, кто хочет. Понятно, что при таких условиях организации держались недолго, а при крайнем постоянном недостатке сил для обслуживанья Петербурга—в Колпино партийные работники социал-демократы попадали лишь очень редко. С 1903 г., например, до последнего времени не было ничего организованного. Летом уже возникли кружки. Работали с.-демократы. Устраивались довольно большие собрания за пределами селения, но потом кто-то выдал место и время собрания, и Гросс послал казаков; к счастью, он поспешил—рабочие только еще начали собираться, и казакам не пришлось „действовать". Такие собрания бывали и в последнее время. Было на колпинском заводе кое-какое движение в 1901 году—как отзвук обуховских событий. В „январские дни" чел. 500 рабочих двинулось было из Колпина в Питер на подмогу, но были остановлены войсками. Все эти движения, как видно, были движением лишь наиболее передового слоя рабочих. Еще при начале сочувственной забастовки в октябре невозможно оказалось привлечь всех рабочих к общему делу без резких столкновений.

Но все-таки забастовали. Собраний Гросс не позволял никаких. 18-го рабочие решили все же устроить митинг перед заводом; он прошел воодушевленно, хорошо; затем развернули красное знамя и пошли по улицам. Революционные песни рабочих впервые огласили улицы забитого посада. Сзади рабочих ехало чел. 30 казаков, которые их пока не трогали. Но вот у полицейской части из двора выезжает сотня с офицером и с криком кидается на рабочих, хлеща нагайками. Многие рабочие были сильно побиты. С тех пор там не было ни одного митинга. Гросс опять забрал власть, и вот, когда петербургские рабочие решили вводить 8-часовой рабочий день революционным путем, колпинские делегаты поняли это так: пойти к Гроссу и поговорить с ним, как бы это начать работать 8 часов. Разумеется, он и разговаривать не стал об этом, а сами рабочие изменить время работы не решились, боясь угрозы закрытия завода. Но, наконец, решились рабочие, плюнули на Гросса с его казаками и устроили митинг в самом заводе 15 ноября в 6 час. вечера.

После речей агитаторов социал-демократов митинг принял резолюцию: „Мы, рабочие Ижорского Адмиралтейского завода, собравшись на митинг 15 ноября в 6 час. веч. в механ. мастерской Ижорского завода, шлем привет севастопольским матросам, солдатам и рабочим, дружно вставшим за рабочее дело". Митинг прошел оживленно; по случайным причинам на нем было чел. 500—600; могло бы быть гораздо больше. Ближайшим результатом этого митинга было желание немедленно и прочно связаться с партией: и вообще рабочие завода и в частности делегаты его в Совет Рабоч. Деп. (их 9 чел.) чувствуют себя страшно оторванными от общей борьбы.

Москва.

(Корр. „Новой Жизни".)

16 ноября в театре „Олимпия" состоялся митинг, устроенный бюро профессиональных союзов по вопросу об отношении таких союзов к политическим партиям. Необходимость подобного обсуждения была очень настоятельна в виду резкого расхождения мнений по этому вопросу даже внутри нашей партии.

В деле организации и руководства профессиональными союзами Московский Комитет Партии проводит ту мысль, что союз должен об'единять в себе по возможности всех рабочих данной профессии, независимо от принадлежности или непринадлежности к нашей партии; затем—союз должен быть вполне самостоятелен в делах своей чисто-профессиональной деятельности, своей рабочей политики, но он должен подчиниться руководству Соц.-Дем. Партии во всех случаях общепролетарских политических выступлений. Признавая в данный политический момент неизбежными подобные выступления, товарищи наши старались провести всюду в жизнь эти взгляды и лишь там, где провести их не удалось, они вступали в беспартийные союзы, стремясь взять руководство ими в свои руки и направлять борьбу по пути, намеченному социал-демократией.

Деятельность увенчалась некоторым успехом: под руководством нашей организации находятся союзы столяров, булочников, кондитеров и техников, формально заявившие в своих уставах о том, что в деле общепартийных выступлений они признают руководство Р. С.-Д. Р. П. Такое формальное заявление принималось после детального выяснения вопроса на больших митингах. Все эти союзы приняли нашу программу-минимум

как основу своей экономической и политической борьбы; союз столяров отчисляет даже часть своих доходов (10%) в пользу Моск. Комитета.

Но не все смотрят так. Приходилось работать при наличности контр-агитации не только либералов и соц. революцион., но и наших товарищей соц.-демократов. Митинг прошел очень живо. Оба взгляда в рядах социал-демократии были обоснованы особыми докладами, но вынести какую-либо резолюцию митинг не мог, главным образом потому, что мешали представители соц.-рев. В трехтысячной толпе их было всего небольшая кучка, но в конце митинга они подняли такой крик и шум, что продолжать занятия было невозможно. Нужно сказать, что только такая „тактика" — срывания митингов в тех случаях, когда они чувствуют свою слабость,—соц.-революционерами практикуется здесь сплошь и рядом.

Ростов-на-Д.

(Корр. „Новой Жизни".)

Рабочий пролетариат г. Ростова-на-Д. и Нахичевани сорганизовал Совет Рабочих Депутатов, к которому примкнуло огромное большинство фабрик, заводов и мастерских.

Свою деятельность С. Р. Д. начал организацией двухдневной всеобщей политической забастовки в виде протеста против гнусного избиения казаками, по распоряжению полицейской власти, беззащитных рабочих и работниц табачных фабрик.

На заседаниях 7 и 8 ноября С. Р. Д. выработал следующие резолюции:

„Совет Рабочих Депутатов, в собрании 8 ноября, обсудив вопрос о необходимости решительного протеста против новых зверств правительства, постановляет немедленно об'явить 2-дневную всеобщую забастовку. Забастовка должна начаться утром в среду 9 ноября и продолжаться до утра пятницы 11 ноября. В дни забастовки рабочие и работницы должны собираться на митинг в столовой железнодорожных мастерских и в Новопоселенском саду.

Забастовка рабочих и работниц табачных фабрик продолжается и дальше.

Совет Рабочих Депутатов снова призывает всех рабочих, не выбравших еще своих представителей в Совет, немедленно выбрать их и прислать в Совет для общего ведения забастовки.

От имени всех ростовских и нахичеванских рабочих и работниц Совет Рабочих Депутатов требует:

1) немедленной отмены усиленной охраны,

2) немедленного удаления казаков из города,

3) предания суду градоначальника и чинов полиции, виновных в избиениях,

4) немедленной отставки ростовской и нахичеванской городских дум, предательская и трусливая политика которых по отношению к организации народной милиции, отказ немедленно вооружить население сделали возможным безнаказанное избиение казаками беззащитных женщин.

Совет Рабочих Депутатов".

Во время забастовки происходили многолюдные митинги, протекавшие в образцовом порядке. Говорили преимущественно с.-д-ты.

На митингах все время царили необыкновенный под'ем и полное единодушие.

Забастовка, охватившая почти весь пролетариат, прошла очень дружно, и цель ее протеста несомненно достигнута.

Никаких столкновений с войсками и полицией не было.

Собравшись на заседание 10 ноября, С. Р. Д. постановил:

1.

Совет Рабочих Депутатов признает необходимым, чтобы рабочие всех фабрик и заводов приступили к работам утром 11 ноября.

Забастовку продолжают рабочие и работницы табачных фабрик. Продолжать забастовку могут и те рабочие, которые начали ее до всеобщей забастовки.

Совет постановляет, по мере возможности, помогать всем, кто будет уволен за участие в забастовке.

2.

Совет Рабочих Депутатов предлагает всем товарищам-рабочим передать в стачечную кассу рабочих табачных фабрик свой однодневный заработок или собрать в их пользу по подписным листам.

3.

Совет Рабочих Депутатов выражает свое порицание ростовским газетам, из которых „Приазовский Край" и „Южный Телеграф" совсем не печатают резолюций Совета, а „Донская Речь" печатает их с сокращениями. Совет признает неотложною необходимостью издание собственного органа.

4.

Совет Рабочих Депутатов Ростова и Нахичевани шлет свой горячий привет Совету Рабочих Депутатов в Петербурге.

Он постановляет немедленно завязать тесные сношения с петербургскими товарищами, чтобы рука об руку с ними вести борьбу за общее рабочее дело.

5.

1) Совет Рабочих Депутатов об'единяет всех рабочих городов Ростова и Нахичевани для защиты их общих интересов и организует их общие выступления.

2) Совет Рабочих Депутатов состоит из представителей всех заводов, фабрик и ремесл.

3) Касса Совета Рабочих Депутатов составляется из добровольных пожертвований. Деньги расходуются по решению комиссии.

4) Совет Депутатов заседает в столовой мастерских Владик. жел. дор.

5) Все вопросы решаются большинством голосов.

6) Совет Рабочих Депутатов выбирает исполнительную комиссию для организации текущих дел.

Совет Рабочих Депутатов.

Решено приступить к изданию самостоятельного органа, который вполне отражал бы интересы пролетариата.

Забастовка табачных фабрик продолжается. Рабочие всех прочих фабрик, заводов и мастерских дружно поддерживают товарищей, отчисляя в их пользу часть заработной платы. Напр., вчера завод Токарева, на котором работает всего 100 человек, собрал 65 руб. в пользу бастующих. Можно надеяться, что табачные фабриканты, решившие было закрыть фабрики, пойдут на уступки.

Местное отделение Союза союзов собрало между своими членами известную сумму в пользу бастующих табачных работников и работниц и присоединилось к протесту против возмутительного произвола, вызвавшего политическую забастовку.

Минск.

(Корр. „Новой Жизни".)

15 ноября состоялся суд общества офицеров известного 239 Окского полка над тремя бывшими офицерами—прапорщиками запаса, находившимися в толпе манифестантов 18 октября. Хотя подсудимых и коснулась амнистия, однако общество офицеров судило их своим судом и приговорило к исключению из офицерской коллегии полка. В состав судебной комиссии, в количестве семи человек, вошли, между прочим, участники и руководители минского расстрела манифестантов у вокзала: командир батальона, подполковник Курганов и офицеры—Иванов и Запасов. Эти же почтенные офицеры давали и свидетельские показания о подсудимых.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 20

Новая Жизнь

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ЧЕТВЕРГ, 24 НОЯБРЯ
(7 декабря) 1905 г.

В самом непродолжительном времени начнет выходить в г. Москве большая ежедневная соц.-демократическая газета

„БОРЬБА“.

Ближайшее участие в газете будут принимать: Б. Авилов, Ю. Адамович, Г. Алексинский, Л. Андреев, В. Базаров, А. Богданов, Н. Валентинов, В. Вересаев, А. Вольский, И. Гольденберг, М. Горький, В. Жданов, В. Канель, В. Ксандров, М. Ландау, К. Левин, Н. Ленин, А. Луначарский, М. Лунц, П. Малянтович, П. Маслов, Н. Никольский, М. Ольминский, М. Покровский, Н. Рожков, П. Румянцев, И. Степанов, С. Суворов, М. Таганский, В. Фриче, И. Херасков, С. Цейтлин, Е. Чириков, В. Шанцер, В. Шулятиков, С. Юшкевич и другие.

Условия подписки с доставкой и пересылкой на 1906 год:
на год — 8 руб., на полгода — 4 руб., на три месяца — 2 руб., на один месяц — 75 коп.

Для организованных рабочих гор. Москвы будут вскоре выработаны и опубликованы особые льготные условия подписки.

Подписная цена со дня выхода газеты по 1 января 1906 г. — 50 коп.

Главная контора „БОРЬБЫ“ — Москва, Никитские Ворота, 27 — для приема подписки и об‘явлений открыта ежедневно в будни от 10 до 5 час. дня.

Подписка принимается также в отделениях конторы при книжном магазине „ТРУД“: в Москве — Тверская, 38 и в С.-Петербурге — Невский, 60.

Для личных об‘яснений редакция и главная контора „БОРЬБЫ“ — Москва, Никитские ворота, 27 — открыты ежедневно в будни от 3 до 4 ч. дня.

Редактор-издатель *С. Скирмунт.*

Бюро Комитета Об‘единенной Организации студентов высших учебных заведений Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. назначает собрание К. О. О. по вопросу о слиянии фракций на четверг 24 ноября в 2 часа дня.

Бюро К. О. О.

С.-Петербург.

24 ноября 1905 г.

„Творчество“ правительства.

„Все идет нормально“. Революционный народ, впереди которого борется революционный пролетариат, продолжает организовываться и вооружаться для новых завоеваний в области гражданских прав и политической свободы и для противодействия „черносотенным“ бесчинствам самодержавного правительства.

Агенты самодержавия, чувствующего близость своего конца, употребляют последние усилия для организации контр-революции. Подкуп, провокация, спаивание водкой, угрозы, разжигание национальной и религиозной ненависти, словом вся низость приемов „политики“, созданная веками рабства народа и кровопийства самодержавного режима, пускается в ход, чтобы заставить бессознательные элементы народа и подонки буржуазного общества соединиться против революции.

Деятели „черносотенной“ реакции заполняют правительственные ряды сверху донизу. И чем выше ранг и чин черносотенца, тем большее упорство и энергию проявляет он в своей деятельности, направленной против свободы и прав народа. Ибо в высших слоях правительства „черносотенство“ переходит уже в настоящую политику. Это — „охранительная“ политика. Она охраняет возможность для небольшой кучки родовой и финансовой знати насильничать над русским народом и эксплоатировать рабочий класс; она охраняет возможность для громадной, обнаглевшей, жадной, неспособной к производительному труду толпы чиновников и полицейских всех ведомств и чинов питаться соками российских граждан, угнетать их, издеваться над их терпеливостью. Год революции не мог устранить этой, так сказать, естественной контр-революционной армии.

Но в то же время самодержавное правительство не может не отступать перед напором победоносного революционного пролетариата. Оно оставляет одну позицию за другой с тем, чтобы укрепиться при помощи либеральной буржуазии на следующей. Но каждая позиция оказывается недостаточно крепкой перед могучим шествием революции. С другой стороны, черносотенные элементы правительства не дают ему достаточно укрепиться на этом так называемом конституционном пути.

Каждая возвещенная правительством свобода, каждая реформа с целью якобы учреждения конституционного, правового порядка выходит из правительственной лаборатории в таком изуродованном виде, что даже либеральная буржуазия открещивается от таких реформ сверху. Революционный же пролетариат встречает негодованием и новым революционным протестом эти правительственные попытки вступить в сделку с умеренными либералами - буржуа для подавления общими силами народной революции.

Законопроект о „свободе“ печати, принятый в Государственном Совете, — одно из последних правительственных творений этого рода. Это еще одна трагикомическая попытка правительства сковать бумажным законом свободу граждан, взятую революционным пролетариатом.

И, конечно, закон о печати направлен, прежде всего, против тех органов, которые отстаивают интересы пролетариата, против тех средств борьбы революционного пролетариата, которыми он победил самодержавное правительство. Наказанием денежным штафом или тюремным заключением грозит правительство „за призыв к восстанию, призыв к стачке, возбуждение одной части населения против другой“. Затем прокуроры или цензоры, как бы их ни переименовал новый закон, получают возможность привлекать газеты к суду, а суд может приостанавливать издание до решения дела. Одновременно с привлечением к суду цензор может конфисковать номера газеты.

Таков намордник, который изготовило правительство для свободного слова. Он имеет „европейский“, цивилизованный вид. Но все же это все тот же старый самодержавный намордник. Мы слишком хорошо знаем и наш суд, который послушен всякому приказанию полицейского начальства, и наших цензоров и наше „новое“ уголовное уложение, чтобы хоть минуту сомневаться в значении для свободы российской печати вообще и социал-демократической в частности нового закона.

Кого же думает обмануть правительство? Неужели оно столь наивно, что допускает возможность подчинения новой узде, новому произволу со стороны фактически свободной печати?

А за этой попыткой правительственной изобретательности по части „успокоения общества“ следуют другие. Прошел слух, что в совете министров отвергнуты всеобщие выборы в Государственную Думу, а только понижен имущественный ценз сравнительно с установленным законом 6 августа да предположена особая избирательная „курия“ для рабочих, которым уделяется два десятка мест в Думе среди пяти сотен представителей крупной и мелкой буржуазии.

И опять мы спрашиваем: кого правительство намерено обмануть, создавая для пролетариата в будущем российском парламенте, если бы такой оно было в силах собрать, особый загончик?

А пока правительство упражняется в этом бумажном „творчестве“, революция зреет и ширится. И черносотенная контр-революционная деятельность верных слуг самодержавия только ускоряет ход событий. Отовсюду идут вести об открытом восстании народа за дело свободы. Войска присоединяются к этому восстанию. И буржуазный мир, на поддержку которого так сильно рассчитывало правительство, отвечает на рост революции по-своему. Барометр буржуазии—биржа—все падает. Курс государственной ренты и других бумаг все понижается. Надвигается грозный призрак государственного банкротства.

Да, гг. правители и гг. либералы, это анархия, это — дезорганизация общественной жизни России. Но прекратит ее не нынешнее правительство, хотя бы усилившее свой состав лидерами из рядов „конституционалистов-демократов“, а победивший под знаменами единой российской социал-демократии революционный народ.

П. Румянцев.

Опасный путь.

В 6 номере „Начала“ напечатана статья тов. Ф—а „К вопросу об об‘единении Партии“. В № 7 по поводу нее имеется редакционная заметка, в которой статья рекомендуется вниманию читателей как такая, которая „ставит интересные вопросы и будит партийную мысль“. Мимоходом поясняется при этом, что статья не выражает взглядов редакции, что редакция выскажется вскоре сама, а пока приглашает широкие круги товарищей принять участие в обсуждении вопроса. Мы последуем приглашению редакции „Начала“.

Партийное слияние „большинства“ и „меньшинства“ фактически уже совершается, самопроизвольно и революционно. Низы партии об‘единяются, не заботясь о том, идут ли на это верхи. Верхи уступают давлению снизу, и обособленные центры „большинства“ и „меньшинства“, местные и общепартийные, доживают, повидимому, последние дни. Переходное состояние представляет картину полного организационного хаоса, над которым, как творящее божество, господствует одна идея, одно желание: „да будет партийное единство!“

Мы приветствуем эту могучую партийную волю, мы радостно идем по пути, властно указанному ею. Но верные лозунгам строгого революционного социал-демократизма, мы должны и в ней выяснять и разделять элементы стихийности и сознательности, стремясь подчинить первые последним. Иначе может получиться такая об‘единительная оргия, в которой исчезнут границы и смешаются очертания партии сознательного революционного пролетариата, в которой сотрутся и расплывутся великие организующие лозунги, ярко вырезывающиеся на красном знамени революционной социал-демократии.

Что сказали бы вы о господе-боге, если бы он в 6-й день творения, заметивши в только что созданной природе достаточное количество противоречий и расколов, настолько увлекся бы идеей об‘единения, что слил бы воедино сушу и воду, переженил бы рыб на птицах, животных на растениях? Как известно, бог был умнее: он понимал, что смешать—не значит организовать. Он выделил из природы то, что в ней было наиболее сознательного и революционного, и организовал все это в образе человека; а человек уже сам повел дальнейшую, об‘единительную и творческую работу.

Мы с грустью должны констатировать, что тов. Ф— не последовал хорошему примеру господа-бога. В статье тов. Ф—а царствует такой об‘единительный энтузиазм, в котором утрачивается мысль о границах и мерах. Он отрекается от „снежной чистоты наших принципов“, он

зовет в социал-демократическую партию не только социал-демократов, но и тех, кто „лишь склоняется к социал-демократической точке зрения“. Он предлагает такие широкие рамки об‘единения, через которые в партию без труда может влезть вся почти революционная демократия и даже часть нереволюционной. Он смешивает сушу и воду, не замечая, что из этого ничего не может получиться, кроме скверного болота.

Хотя предложения тов. Ф—а не отличаются определенностью, — в них много „ли — или“, — но несомненный центр тяжести их представляет созыв „учредительного с‘езда“ на необыкновенно широких началах. Он ставит, напр., вопрос, следует ли сделать принципиальной основой созыва этого с‘езда признание целиком программы партии, принятой II с‘ездом, или „признание только общих положений партии с об‘явлением пересмотра аграрной программы партии или других ее частей“. Товарищ Ф—, очевидно, не договаривает, а сущность вопроса заключается в том, не пригласить ли социалистов-революционеров, ибо „признание общих положений партии“ у них, несомненно, имеется благодаря тому, что их программа в общем списана с социал-демократической, коренное же искажение классовой точки зрения легко уложить в рамки заранее об‘явленного „пересмотра аграрной программы партии или других ее частей“. Это тем несомненнее, что заранее об‘явленный, как одна из основных задач учредительного с‘езда, пересмотр аграрной программы, очевидно, означает пересмотр коренной, принципиальный.

Польских социалистов-революционеров (P. P. S.) товарищ Ф— прямо предлагает пригласить на „учредительный с‘езд“, под тем предлогом, что они отказались от требования отделения Польши от России, а в этом, по его мнению, заключался „главный пункт разногласия с росс. соц.-демократией“. Все остальные разногласия и особенности, делающие из P. P. S. партию не социал-демократическую вообще, тов. Ф — считает „неглавными“. Это для его настроения в высокой степени характерно.

Далее, тов. Ф — предлагает пригласить на „учредительный с‘езд“ (помимо национальных социал-демократических партий — Бунда, Латышской С.-Д. П., С.-Д. Польши и Литвы и т. д.) представителей следующих организаций:

„... 3) представителей профессиональных рабочих союзов, стоящих на точке зрения социал-демократии;

„ 4) представителей временных («свободных») профессионально-политических рабочих организаций или представительств (Советы Рабочих Депутатов, пролетарские стачечные комитеты и пр.), которые примут приглашение на социал-демократический с‘езд, став на точку зрения социал-демократии“.

Тут дважды повторяется весьма темная формула „стоящие на точке зрения социал-демократии“, темная, конечно, не сама по себе, а по тому сочетанию, в котором она выступает. Как известно, „Советы Рабочих Депутатов“ и выборные стачечные комитеты неизбежно или почти неизбежно состоят из представителей разных партий (социал-демократы, социалисты-революционеры, „независимые“ революционные пролетарии и т. п.). Что означает по отношению к подобным организациям выражение „стать на точку зрения социал-демократии“? Пояснения приходится искать в предыдущем и, очевидно, именно в словах: „рабочие организации, лишь склоняющиеся“ к таковой точке зрения. Но тогда на социал-демократический с‘езд свободно пройдут не только рабочие с.-р.-ские, „гапоновские“ и разные „независимские“ организации, в своей программе и тактике действительно „склоняющиеся“ к социал-демократизму и, однако, отделенные от него путаницей и неопределенностью своих взглядов, — пройдут даже либеральные „рабочие союзы“ и „рабочие партии“, организуемые гг. Прокоповичами и им подобными: ведь и они в своих программах берут за основу программу-minimum социал-демократии, смягчая ее разными „по возможности“, „постепенно“ и т. д. и прибавляя в то же время некоторые намеки даже на программу - maximum. Они смело заявят, что они „склоняются“ к нашей точке зрения и „становятся“ на нее, идя на наш с‘езд: и тов. Ф— не в силах будет их опровергнуть.

Тов. Ф— в сущности сам предвидит все это и заранее убеждает нас, что бояться тут нечего, что из с‘ездов профессиональных союзов рождались хорошие социал-демократические партии, а что касается возможной путаницы идей и политических принципов, то — „отбросим вечный страх за их снежную чистоту“ и „положимся на здравый классовый инстинкт пролетариата!“ Он ставит нам в пример немецких марксистов, которые на Готском с‘езде „примирились со включением в программу партии некоторых заведомо несостоятельных лассальянских идей“, которые и продержались в программе 20 лет. „Они пошли на эту жертву, — прибавляет тов. Ф—, понимая, что жизнь сама отбросит пустую шелуху мелкобуржуазных утопий и сохранит и выростит лишь здоровое зерно научного социализма“. И далее он продолжает: „Сам Маркс не боялся «компромиссов» и был одним из деятельных вождей Интернационала, хотя программа и тактика последнего во многом расходились с идеями социал-демократии. Или мы хотим непременно быть plus royalistes que le roi (более монархистами, чем король)?“

Так нельзя!.. Вся эта аргументация, апеллирующая к тому отдаленному прошлому, когда социал-демократия еще только начинала складываться, когда развитие мирового капитализма было на много ступеней ниже, чем теперь, и время было мирное, а не революционное, — вся эта аргументация представляет одну сплошную, вредную ошибку. Разве можно сравнивать период затишья, когда „мелкобуржуазная утопия“ могла мирно храниться в программе и постепенно отмирать в течение 20 лет, и эпоху революции, когда она неизбежно попытается прямо воплотиться в жизни и может в несколько месяцев погубить дело революции? Разве можно теперь, при несравненно большей сложности общественных отношений и несравненно большей остроте общественных противоречий, ограничиваться тем уровнем политического сознания, который мог быть достаточен 30 лет тому назад? Разве можно в то время, когда все группы общества стремительно идут вперед в своем политическом развитии, воспитываясь месяцами в большей мере, чем прежде десятками лет, — разве можно именно тогда итти назад в этом развитии? Так нельзя, тысячу раз нельзя!

Мелкобуржуазные утопии — не пустая, невинная „шелуха“, а серьезнейший вопрос революции, грозная опасность на ее пути. Это вопрос громадной важности — будет ли деревенский пролетарий становиться под знамя

всего пролетариата для борьбы против своей деревенской и всякой иной буржуазии и всего буржуазного строя, или целью его борьбы станет устройство мелкого собственного хозяйства на кусочке „национализированной“ земли, которую даст ему в надел во всяком случае еще буржуазное государство. Это вопрос громадной важности—будет ли пролетариат городов твердо и неуклонно бороться против всего буржуазного мира, ясно сознавая весь смысл и об‘ем своей социалистической борьбы, или это социалистическое сознание будет затемнено смешением социализма с буржуазной национализацией земли и стремлением не сплотить сельский пролетариат воедино с городским, а „помочь“ ему наделением его землею и превращением его в самую жалкую и плохую мелкую буржуазию. Это вопрос громадной важности — будет ли тактика пролетариата в революции строго выдержанной и неуклонной, чуждой всяких компромиссов и колебаний, что возможно лишь при условии „снежной чистоты принципов“, или она будет дряблой, неуверенной, оппортунистичной, что неизбежно при равнодушии к „снежной чистоте“ и при смешении в одной партии чистых революционно-пролетарских и путанных мелкобуржуазно-утопических элементов. Все это важнейшие вопросы, от них зависит сила русского пролетариата и судьба русской революции.

Нет, долой всякую путаницу, мы не хотим иной социал-демократической партии, кроме состоящей из социал-демократов, кроме партии сознательного революционного пролетариата в полном смысле этого слова.

Мы не согласны с товарищами из редакции „Начала“, что статья товарища Ф—а „будит мысль и ставит интересные вопросы“. Так будят мысль, такие вопросы ставят уже давно социалисты-революционеры и представители политически неопределившихся элементов рабочего и интеллигентного пролетариата; но толку из этого нет и ожидать нельзя.

Да здравствует строгая определенность, да здравствует „снежная чистота“ принципов сознательно-революционной пролетарской социал-демократии!

А. Богданов.

Вопросы дня.

Революция и армия.

„Мы сдавим армию стальными тисками дисциплины, мы вытравим из нее живое чувство, живую мысль. Мы создадим из нее дисциплинированного зверя и за ее стальной щетиной мы укроемся от ударов российской революции. И сам народ, в лице самого здорового, самого сильного миллиона сыновей своих, будет держать себя в рабстве“.

Таков был план. И пока народное возмущение вспыхивало отдельными огоньками то здесь, то там, план удавался: солдат-чужак тупо и злобно давил и расстреливал восстававших.

Но, об‘ятый ужасом и гневом, встал весь народ. И нет теперь такого полка, такого батальона, такой роты, „нижние чины“ которой не насчитывали бы среди своих родных, среди своих друзей восставших и борющихся. И план, казавшийся столь хитрым, оказался детски-наивным как раз в тот роковой момент, когда умирающему самодержавию пришлось смотреть на него, как на свой va banque... Вооруженных сынов народа можно было противопоставлять кучкам безоружного народа. Но армия как целое против всего восставшего народа — нелепый абсурд!

Солдат, пронзающий штыком своим грудь рабочего за то, что сердце, бьющееся в ней, загорелось жаждой свободы, не может не знать, что тем же пламенем горят теперь сердца и там, откуда он сам пришел, быть может, сердца его собственных братьев. И штык дрожит в его руке.

И роли меняются. Орудие порабощения народа — армия — становится орудием его освобождения. Штык, отточенный на охрану твердыни самодержавия, судорожно рвется свалить самодержавие в могилу, которую вырыл ему революционный пролетариат. Невольный вековой палач народных прав и вольностей смело и грозно поднимает меч мщения и за народ и за себя самого.

Кронштадт, Владивосток, Севастополь, Воронеж, Киев, Ревель...

И огненной змеей бежит по всей России от гарнизона к гарнизону победный клич: армия присоединяется к революционному народу!

Одно военное возмущение за другим, одна кровавая баня за другой. Одна победа умирающего самодержавия за другой... победа над своим собственным, над своим последним защитником!

Гнусное издевательство ротного командира над саперами, пред‘явившими требование человечного обращения...

Бурный протест возмущенного батальона...

Шествие по улицам Киева под красным знаменем революционного пролетариата, забастовавших солдат и об‘явивших из солидарности с ними массовую политическую стачку киевских рабочих... Упорная, но неравная кровавая борьба восставших с полком рабов, засевших в засаде...

Где они, те силы, которые могли бы свести на-нет громадный смысл этих событий? Где они, те силы, которые могли бы остановить события и превратить киевское восстание — в случайный бунт, итоги которому подводятся каким-нибудь простым постановлением военно-полевого суда, введением какого-нибудь военного положения?

Их нет, этих сил. Не умирающему абсолютизму остановить лавину революции, так быстро покрывающуюся против нее же выкованной стальной щетиной. И она докатится до конца.

Революционный народ завладевает своим детищем — армией. Безоружный, он сумел расшатать до основания твердыню абсолютизма. В братском союзе с армией — он снесет ее с лица земли раз и навсегда.

И освобождение народа в союзе с армией будет полным освобождением и самой армии. Ибо революционизированная армия перестает быть армией. Свободная Россия, победившая в союзе с ней, будет знать только одну военную силу — силу всеобщего народного вооружения.

Так план противопоставить миллион штыков всему народу дает свой неизбежный итог: революционизированная армия в об‘ятиях революцинного народа!

Кто хозяин страны?

Газета „Слово“ — все знают, что это за газета — очень недовольна стачкой почтово-телеграфных служащих. Но, в отличие от своих собратьев, эта газета не грозит стачечникам казаками или штрейкбрехерством, а обращается к „хозяину“ страны — к массе крестьянства. „Вот-вот придет хозяин, — пишет „Слово“, — придет наш общий кормилец, крестьянин-хлебороб... Не скажет ли он вам: эй, бедные господчики, скидывайте-ка мундирчики... Обрядили вас не по уму-разуму шитыми кафтанами, так вам и житье нужно барское“. И дальше: „Затем и хочет он сам начать хозяйствовать, что прежние хозяева, на место помещиков, слишком много новых господ понаделали“.

Нам нравится эта точка зрения. К сожалению, здесь есть недомолвка. Ведь не одним хлебом живет общество, но и платьем, и домами, и всякой утварью. Следовательно, если — что совершенно правильно — считать вместе со „Словом“ хозяином страны действительного производителя благ жизни, то к „крестьянину-хлеборобу“ надо прибавить и рабочего. А тогда и получится то, что мы всегда говорим: освободить Россию вполне от „новых“ и „старых“ господ, которых „слишком много понаделали“, может только диктатура пролетариата и крестьянства. В частности, мы не можем не выразить удовольствия, что газета, которую мы привыкли считать выразительницей реакционных тенденций в обществе, признает за крестьянином право „начать самому хозяйствовать“. Крестьянин начал уже это делать на значительном пространстве России, убирая и „прежних хозяев“, и „наделанных ими новых господ“. Думаем, что авторитет „Слова“ в известных кругах ускорит снятие военных положений и отозвание генерал-ад‘ютантов и военной силы вообще, деятельность которых направлена против настоящих хозяев страны, а потому, естественно, незаконна.

Кто виноват?

Телеграф принес известие, что в Саратове выстрелом из револьвера убит неизвестной женщиной генерал-ад‘ютант Сахаров. Ген. Сахаров был одним из тех генерал-ад‘ютантов, которые были посланы для подавления волнений среди обнищавших, полуголодных крестьян. Всего день-два тому назад „Московская Газета“ сообщала, как работал этот генерал в с. Хованщине. Явившись в это село, ген. Сахаров потребовал от крестьян выдачи „зачинщиков“. „Со стороны крестьян выступили два оратора с целью выяснить положение дел — сельский староста и председатель волостного суда, но немедленно же были избиты казаками до потери сознания“. После этого „губернатор стал вызывать крестьян «по списку» и допрашивать“. Допрос был таков: „Признавайся, — поджигал, грабил?“ — Нет, ваше превосходительство. — „Ага! Казаки!“ Являлись на сцену казаки и били, били посменно, до потери сознания, отрубали куски мяса от лица, вырывали волосы, бороды и затем сажали в кутузку.

Поведение ген. Сахарова и подведомственного ему губернатора было диким нарушением закона. Против нарушителей закона каждый имеет право и обязанность защищать свою честь, жизнь и имущество. Когда нарушителем закона является частное лицо, его действия называются преступлением и, по действующим еще законам, подлежат преследованию государственной власти. Когда нарушителем закона выступает сама государственная власть, ее действия называются контр-революцией и могут быть исправлены только революционной самообороной граждан. Ген. Сахаров первый перешел от разбора дела, т. е. от преследования преступников (по терминологии существующего законодательства), к нападению на мирных граждан; он первый начал гражданскую войну и — пал одной из первых жертв ее. Пусть же подумают те, кому придется судить „убийцу“ ген. Сахарова: кто виноват в этом убийстве?

Что такое партия правового порядка?

К гр. Витте явилась делегация от партии правового порядка, с проф. академиком и проф. И. И. Янжулом во главе. Делегация эта предлагала услуги „многих членов партии“, желающих „потрудиться“ — по части замены бастующих почтово-телеграфных служащих. Этих „добровольцев“ не смущает ни грязная роль штрейкбрехеров, ни презрение общества, которое навлечет на них подобное поведение. Они „борются“ по-своему за тот старый и столь дорогой их сердцу „порядок“, при котором так легко и безнаказанно можно было обделывать всякие делишки. Они рвут и мечут против людей, которые пришли разрушить этот „порядок“. Рабочие хотят свободы — долой рабочих, и вот проф. Янжул надевает казенную шашку и револьвер, лезет на облучок почтовой кареты, рядом с ним садится сыщик Кшепщицюльский в роли кучера, и почта действует.

В речи почтенного „ученого“ академика нас поразило отсутствие одного лозунга, свойственного всем черносотенцам. Он ни словом не обмолвился, нужно ли „бить жидов“. Пробел этот прямо бросается в глаза — и можно было бы подумать, что параграф „бей жидов“ не входит в программу его партии... если бы... если бы не маленький инцидент.

Инцидент произошел в конке. Ехала „жена полковника лейб-гвардии Преображенского полка А. В. Михайлова“, ехала и во всеуслышание ругала „жидов“. Генерал Трепов, — говорила она, — обещает по 5 руб. за голову убитого жида (ого! г-н Трепов, неужели? и из ваших личных капиталов?), а я, мол, пять бы голов жидовских генералу даром дала! (а еще говорят, что хулиганы за деньги только работают!)

В вагоне была публика, плохо усвоившая идею дарованной нам свободы слова, и речь дамы закончилась полицейским протоколом. При этом выяснилось, что проф. Янжул, то бишь г-жа Михайлова, ехала „на заседание партии правового порядка“ и что эта госпожа имеет отношение к партии правового порядка и уверенно проповедует черносотенные идеи.

Что же такое Михайловско-Янжуловская партия правового порядка?

Правительство искренности.

Правительство князя Мирского было правительством „доверия“, правительство гр. Витте хочет быть правительством „искренности“. В свеже-испеченном своем сообщении оно вполне искренно сообщает русскому народу то, что народ и без того уже знает давно, то, что он постиг своими собственными боками. Администрация наша „обширна“, — пишет правительство графа Витте, — „воспитана“ она не на „нормах правового порядка“, а „на иных началах“ (под этими „иными“ началами, конечно, подразумевается нагайка, взятка, донос, произвол, насилие и прочее, чем прославилась наша „обширная“ администрация).

Констатируя эти давно известные русскому народу факты, правительство графа Витте „искренно“ сознается в трудности введения „правового порядка“ через посредство такой обширной и столь дурно воспитанной им администрации, а потому и предлагает русскому народу — вы думаете, наверно, сместить администрацию и заменить ее выборными от народа? — нет, просто подождать, пока администрация не перевоспитается. А для того, чтобы она могла перевоспитаться, правительство графа Витте предлагает ей упражняться в применении „прежних“ законоположений в духе манифеста 17 октября, т. е. в применении нагаек, усиленной охраны и сыска к „незыблемым основам гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов“. Нагайка, арест и погром применительно к неприкосновенности личности, выемка и обыск в редакции и типографии применительно к свободе слова, отряд конных жандармов применительно к свободе собраний и одиночная камера применительно к свободе личности — такова текущая политика министерства искренности.

Чтобы не оставить в умах подданных никакой возможности сомнений и неудомений, русское правительство говорит им громко и ясно: „Признано необходимым разработать меры против некоторых проявлений беспорядков, угрожающих государственной и общественной безопасности. Утверждение этих узаконений должно последовать в ближайшем времени“.

Так говорит с нацией правительство графа Витте.

Начиная свое сообщение с „незыблемых основ гражданской свободы“, оно заканчивает обещанием новых нагаек. Как щедринский Иудушка, оно „возводит горе“ свои очи, устремляя их к „небесному царствию“ свободы, а в душе замышляет новое злодейство, горше прежнего.

Довольно лицемерия, довольно лжи, — все равно, кроме сенатских, да синодских столоначальников никто не поверит, никто не умилится проявленной графом Витте любви к свободе. Никто не поверит, ибо все знают, что свобода сойдет на поля и равнины России не из кабинета теперешнего временщика, а из лачуг городского пролетариата, из хат революционной деревенской бедноты.

„Между выраженным с наибольшей (sic) искренностью (!!) принципом гражданской свободы и осуществлением его в точных правилах законов не может не пройти некоторое время“, — заявляет правительство графа Витте. Совершенно справедливо, — заговорим мы, — но это „некоторое время“ вполне исчерпывается тем временем, какое понадобится революционному пролетариату для мобилизации его сил. А что эта мобилизация идет гигантскими шагами, об этом граф Витте знает не хуже нас.

В мире мерзости...

Русскому обывателю, как известно, запрещено было всегда думать. Неблагонамеренный обыватель думал тайно, конспиративно и подвергался за это всем казням египетским.

Благонамеренный слушался начальства и не думал. Потребность в мышлении заменяло ему специальное расписание, выдаваемое из участка. По этому расписанию обыватель заучивал раз навсегда, в каких случаях жизни кричать „ура“, в каких „караул“ и т. п. Так он дожил до наших дней. Начались небывалые события, расписанием непредусмотренные. Обыватель растерялся, но только и умел, что твердить „ура“ и „караул“. И всякий раз, когда благонамеренный обыватель сталкивается с новыми веяниями, новыми идеями, новыми политическими требованиями, он беспомощно мечется и кончает тем, что бежит в участок.

Дня два тому назад в газетах появились сразу две телеграммы, весьма характерные для этой психологии благонамеренных обывателей. В будущем таких телеграмм появятся десятки. Землевладельцы Новохоперского уезда шлют слезинку гр. Витте, приглашая его „принять все (?) меры к установлению покоя, порядка, не стесняясь требованиями крайних партий“. Еще откровеннее поступило череповецкое земское собрание, послав тому же гр. Витте донос на бывших учителей Чумакова и Виноградова. „Просим убрать (sic!) и предать суду самозванцев (!!), — вопят череповецкие земцы, — как нарушителей порядка и государственного строя, возбуждающих невежественную толпу“.

Было бы, конечно, странно удивляться политическому невежеству и безграмотности наших пошехонцев, но весьма характерна одна черта, свойственная всем благонамеренным элементам, всем друзьям порядка. Почему эти господа оказываются не в силах противопоставить идейной агитации „самозванцев“ свою идейную агитацию? Почему на речи и митинги революционеров реакционеры могут отвечать только доносами и воплями „караул“? Почему на мирные демонстрации они в силах реагировать лишь погромами, грабежами, убийствами? Почему этот „тысячелетний“, „освященный традицией“ строй держится лишь постольку, поскольку его подпирают штыки, нагайки, тюрьмы и жандармский застенок? А ну-ка, подумайте — почему? Не потому ли, что переживший самого себя „порядок“ потерял всякое нравственное влияние, всякое уважение и может быть лишь искусственно поддержан, как 90-летняя фрейлина?

К отмене судебной власти.

Судебный следователь по особо важным делам признал, что „не представляется возможным“ привлечь к судебной ответственности членов последнего крестьянского с‘езда, арестованных недавно в Москве. Состава пре-

ступления не оказалось, арестованных пришлось выпустить. Властям оставалось только извиниться и возместить все последствия незаконного ареста. Кажется ясно — и законы логики и законы Российской империи (у нас это редкость!) примирялись в этом выводе. Но оказывается, что для московского градоначальника закон не писан — ни закон государственный, ни тем более закон логики. Он приказал — ничтоже сумняся — опять арестовать освобожденных членов крестьянского с'езда и запереть их в тюрьму „впредь до выяснения обстоятельств дела". Нужды нет, что судебный следователь „выяснил" отсутствие преступления — наш барон этим не смущается, он передаст дело своему околоточному — тот-то уж найдет все, что прикажут.

Этот инцидент весьма поучительно сравнить с опубликованным во вчерашних же газетах „правительственным сообщением". „До обновления порядка государственной жизни России, — говорится здесь, — должны оставаться в силе и действовать прежние законоположения, применяемые в духе манифеста 17 октября". Что у нас действуют „прежние законоположения" — в этом, конечно, никто не может сомневаться. Весь вопрос был лишь в том, куда девался пресловутый „дух" 17 октября. И вот оказывается, что этот „дух" воплотился в полицию. Он „оздоровлял" уже Россию посредством погромов, теперь он фактически отменяет судебные органы. Строго говоря, „правда и справедливость" на Руси вряд ли пострадает от подобного отстранения официального правосудия, но нас сильно интересует народный карман. Государству грозит банкрот, Государственный банк уже отказывается покупать свои же бумаги — не сегодня-завтра правительство окажется без денег. Надо спасать „отечество", надо сокращать расход. Так уже упраздните прежде всего, гр. Витте, судебное ведомство... за ненадобностью. Ведь, околоточные, право, скорее и дешевле „выяснят обстоятельства дел"!

Сиятельные хулиганы.

Лейб-гвардия графа Витте мобилизуется! Правительство хулиганов, „черной сотни", шпионских банд и полицейских провокаторов напрягает все силы, чтобы натравить на революционный пролетариат все темные силы народа, расколоть боевые ряды революционной армии, внести междоусобицу в среду своих злейших врагов.

Все средства оно мобилизовало для этого: спаивание, подстрекательство, роздача оружия, открытое учреждение под покровительством полиции „хулиганских" союзов, наконец, печатное слово. Сотни тысяч воззваний „с разрешения цензуры" и на средства полиции печатаются открыто с призывом „бей жидов, студентов, рабочих и всех социалистов".

Революционный московский пролетариат, в лице Московского союза печатного дела, решил не печатать развращающих массы черносотенных листков. Петербургские наборщики последовали их примеру, и помещаемое ниже воззвание титулованных хулиганов гр. Орлова-Давыдова и графини Мусин-Пушкиной ни один из них не согласился набирать. Хозяева заставили набрать учеников, но печатные экземпляры, по постановлению Исполнительного Комитета С. Р. Д., конфискованы. Воззвание направлено специально против социал-демократов и, в частности, против нашей газеты. Чтобы не дать повода черносотенным „сиятельствам" утверждать, что мы побоялись опубликовать их призыв, мы решили перепечатать этот поучительный документ целиком. Вот полный текст:

Братья рабочие!

Опять борьба, опять кровь изнуренных голодом, измученных душой, вас вновь зовут на бой. Но кто же зовет вас? Ваши новые цари—социал-демократы. Русский царь дал всем свободу, а вы избрали себе других царей—социал-демократов. Царь смягчил всем налоги, а ваши цари вновь наложили и взимают их не на ваши нужды, а на свои. Где эти сотни тысяч ваших денег в Совете Рабочих Депутатов? Где хлеб для вас?

Вам говорят: бастуйте, голодайте. Так спросите ваших царей, социал-демократов, голодают ли они?

Откуда те газеты социал-демократов: „Русская Газета", „Начало", „Новая Жизнь", где клевещут на рабочих, что рабочие жаждут братской крови. На ваши деньги издают эти газеты, вас подставляют вновь под пули и штыки, чтобы озлобить вас против войск и войска против вас.

А вы слушаете их и льете братскую, драгоценную кровь. Разве мало вам той крови, пролитой на полях Манджурии, разве мало вам трупов, сваленных вражеской рукой? А вам говорят: мало, убивайте снова, но уже братской рукой.

Лейте же родную кровь, но этой кровью вы зальете свою свободу. Вы утонете в крови, а вместо вас, ваши новые цари найдут себе других рабов. Они не утонут, они не пойдут вместе с вами. Вы нужны им для того, чтобы заслонить их от удара.

Царь зовет вас в Государственную Думу, а ваши цари зовут вас на смерть. Царь хочет вашего совета, а они лишь жаждут вашей крови.

Рабы! Вам разбили ваши цепи, а вы куете их для себя. Вы просите на ваши деньги хлеба, а они дают вам газету. Читайте же газету, а ваши цари, социал-демократы, будут есть ваш хлеб.

На оригинале подписано:

Орлов-Давыдов, Сергиевская, 17, граф. Мусина-Пушкина, Франц. набереж., 14 и типогр. Тренке и Фюсно.

Слушайте, тов. пролетарии, к вам обращается новый граф-хулиган со старым панибратским „братья-рабочие". Слушайте речи сытого графа и беснующейся с жиру графини к голодающим „братцам"!

Они беспокоятся, что ваши деньги в руках Совета Рабочих Депутатов и социал-демократов!

Подсчитайте, товарищи, сколько миллионов и миллиардов кровных народных денег поглотила сиятельная графская фамилия вместе со своими лошадьми, содержанками, об'едающимися устрицами „графенками" и остальной их славной компанией.

Они спрашивают, голодают ли социал-демократы, зовущие вас к голоду!

Спросите их хулиганское сиятельство, сколько крестьян они высекли, сколько вдов и сирот они пустили по миру за то время, когда социал-демократия в борьбе за свободу и социализм шла на виселицу, в тюрьмы, в ссылку. Жирный граф и рыхлая графиня беспокоятся, что на ваши деньги издаются социалистические газеты!

Интересно знать, на какие средства думал граф издать свое хулиганское воззвание! Не на трудовые ли деньги, заработанные им и графиней в поте лица своего?

Вам, товарищи, граф напоминает о потоках крови, пролившейся в Манджурии (по чьей вине, граф? Может, также социал-демократии?)? Вы помните, товарищи, кто был истинным виновником этих невинных жертв, этих

сотен тысяч трупов? Если помните, то напомните скорее об этом всем графам-хулиганам!

Не помогли правительству пушки и пулеметы.

Может ему помогут писатели - хулиганы из графов и графинь?

Б. Радин.

С.-Петербург, 23 ноября.

Вследствие многочисленных полученных и продолжающих поступать от служащих на разных железных дорогах телеграмм с ходатайством о приостановлении исполнения приговора над инженером Соколовым и другими лицами, осужденными, будто бы, военно-полевым судом в крепости Кушке к смертной казни, о происходящем в названной крепости был запрошен и. д. туркестанского генерал-губернатора. Генерал-лейтенант Сахаров сообщает, что он не имеет никаких известий из Кушки и что им приняты меры к скорейшему получению таковых.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Телеграмма в Спб. из Самары.

По всей линии Сам.-Злат. ж. д., всем станциям российск. жел. дор. Москва, винд. упр. инж. Романову. Спб. ник. Елизарову и Орехову.

Товарищи, так как исполнение приговора над Соколовым и другими товарищами приостановлено, но не отменено, то просим товарищей немедленно начать забастовку с 12 часов ночи на 23 ноября, выставив требования отмены смертной казни и военно-полевых судов. Движение воинских и санитарных поездов продолжать беспрерывно, пассажирские поезда должны развести пассажиров до места назначения, но выдачу билетов вновь не производить, телеграф должен поддерживать сношение и обслуживать аппараты по отправл. воинских поездов.

Председатель Самарского железнодор. комитета.

Телеграмма из Петербурга. По всем ст. железн. дор. Самара Осееву. Москва центр. бюро железнодорожного союза. В ответ на телеграмму номер 3877 сообщаем, что казнь инженера Соколова и товарищей приостановлена. Орехов, Елизаров.

Самара—элеватор. Осееву. Подавали ли вы телеграмму о Соколове? Телеграмма вызвала недоразумение. В чем дело? Елизаров.

Устное сообщение по телеграфу из Москвы.

Предположена забастовка в 10 час. утра. По получении ответа Витте решили устроить демонстративное шествие в 3 ч., но угроза военного суда остановила. Решено ждать 5 ч. вечера, когда соберутся конференции всех дорог Московского узла и всех партий для совещания. Постановили вначале забастовку, теперь перерешают со всеми партиями, не знаю как там постановят; не можете ли сказать ваши мнения узла и партий.

Преждевременно. Согласны, кажется, на 2 недели.

Телеграмма. В Спб. из Селицы Спб. ник.—Елизарову. По имеющимся сведениям, комендант крепости Кушка об'явил крепость в осадном положении. Назначен военно - полевой суд над нач. уч. инж. Соколовым и некоторыми другими служащими ср.-аз. ж. д. в целях смертной казни за забастовку. Телеграмма нач. области командиру вызвала ответ, что пока имеется лишь письменное приказание команд. войсками, которое одновременно телеграфируем. Представляя однако возможность обстоятельств, способных вызвать эти исключительные меры, имея в виду, чти полевой суд назначен сегодня, 22 ноября, умоляем ваше превосходительство сделать экстренное распоряжение о приостановке полевого суда и расследовать дело в обычном порядке. Убедительно просим лиц, причастных передаче настоящей телеграммы, доставке срочно военному министру. За нач. дор. Руин, Осеев.

РОССИЯ.

Москва, 23 ноября.—Совет Рабочих Депутатов постановил об'явить всем рабочим, чтобы они не вводили 8-часового рабочего дня, так как это может помешать организации союза; Совет командировал в провинцию депутатов для скорейшего устройства союза.

Ростов-на-Дону, 20 ноября.—Группой банковских и торговых предприятий проектируется основать кредитное учреждение, товарищество на вере, специально для оказания помощи пострадавшим от погромов, чтобы содействовать восстановлению торговли. Первоначальный капитал сто тысяч, паями по сто рублей. Банк впоследствии преобразуется в торговое общество взаимного кредита.—Забастовка табачных фабрик закончилась, рабочие добились значительных уступок.

Киев, 21 ноября.—15 ноября в 6 ч. 30 м. вечера забастовал телеграф; прием депеш и почтовой корреспонденции прекращен совершенно. Телеграф занят войсками.

18 ноября взбунтовались две роты четвертого и пятого понтонных батальонов. В 5 ч. утра роты эти, вместе с присоединившеюся к ним военно-телеграфной ротою 14 саперного батальона, с ружьями и боевыми патронами двинулись в казармы пятого понтонного, седьмого и четырнадцатого саперных батальонов и Курского пехотного полка, где к ним присоединились еще несколько рот; затем с хорами музыки они направились на станцию Киев Второй и оттуда к городу. На еврейском базаре шествие закончилось кровопролитием. Бунтовщики предаются военно-полевому суду. Убито с обеих сторон 14 человек, посторонних убито 12, раненых около 80.

20 ноября Киев об'явлен на военном положении. 19 и 20 ноября газеты, за исключением „Киевлянина", в виду пред'явленных цензурных требований, не выходили.

20 ноября на полтавской линии прекратилось движение. Политехнический институт закрыт.

21 ноября с утра открыт прием почтовой корреспонденции.

Черный Яр. (Астрах. губ.), 22 ноября. — В Черноярском уезде обнаруживается аграрное движение. Двести человек из села „Обильного", очень бедного земельными угодьями, выехали в степь, решив распределить между собой по полторы десятины на душу земли калмыков. На место беспорядков выехал исправник.

Крестьяне села „Цацы" угрожают казенному хутору; приняты меры к вызову войск из Царицына.

Варшава, 23 ноября — Положение дел на почте и телеграфе не изменилось. Вчера удалось восстановить сообщение с Данцигом. В купеческих сферах возник проект устроить частную почту.

Вчера забастовало 800 рабочих варшавского винного склада на Праге.

Вчера вышел первый номер „Курьера Поденного" под новой редакцией. Газета об'явила себя органом Польской Социалистической Партии. По словам „Варшавского Дневника", в штабе Варшавского округа предполагается издавать солдатскую газету. Пробные номера будут выпущены до нового года.

Волковышки, 22 ноября.—В селении Бартниках разбиты гминное управление и гминный суд.

Чистополь, 23 ноября. — В Чистопольском, Лаишевском и Спасском уездах начались беспорядки. Вызваны из Казани войска.

Дмитровск, Орл. г., 22 ноября.—Сегодня местные трепачи и прядильщики, вследствие недавнего уменьшения заработной платы, прекратили работы; это обстоятельство вызвало тревогу. Закрылись все магазины и лавки. Торговцы собрали между собой 400 р. на покупку предметов первой необходимости для беднейших рабочих.

Калуга, 22 ноября.—Городская дума постановила увеличить городскую полицию пешими и конными городовыми.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Нью-Иорк, 21 ноября (4 декабря). — Сегодня произведена внушительная траурная манифестация по поводу еврейских погромов в России. Процессия, тысяч в сто евреев, с крепом на рукавах прошла по улицам, хоры синагог исполняли при этом погребальные песнопения под музыку оркестров, находившихся в обшитых черною материею павильонах.

Москва.

(По телефону 23 ноября.)

— Забастовка почты и телеграфа. В экстренном заседании об аресте Миллера и других было сообщено: Рано утром на Демидовский двор явилась какая-то женщина, которая расспрашивала, где находится квартира № 10. Не придавая этому никакого значения, ей указали квартиру. Через некоторое время явились чиновники охранного отделения и арестовали всех названных лиц. Одни из собравшихся предлагали немедленно итти к пересыльной тюрьме и требовать освобождения арестованных. Другие рекомендовали им отправить несколько депутатов (к градоначальнику и к почт-директору К. Г. Радченко) с просьбой принять меры к освобождению заключенных. „Это недостойно нас. Мы не должны никого просить и никому кланяться!“ — раздались голоса. Отвергнуто и предложение силою освободить задержанных. „С каждым подобным арестом,— заявил один оратор,—мы делаемся сильнее, с каждым таким ударом мы теснее сплочиваемся, на место вырванной из нашей семьи жертвы встанет другой, еще более сильный, еще более закаленный в борьбе. Вчера арестовали членов нашего бюро, сегодня выбрали новое бюро, к вечеру арестуют это, мы выберем третье, и так до тех пор, пока у нас останется хоть один человек. Общество на нашей стороне, наше, можно сказать, отчаянное положение налицо перед всеми. Мы расстраиваем свое здоровье на службе, отдаем правительству всю жизнь, а оно игнорирует наши ходатайства и говорит: «Прочь, ты— раб и без разговоров неси непосильный труд». Довольно! Узурпаторство Дурново, Севастьянова и Витте нам надоело, мы видим, что на нас глядят, как на рабов. Я повторяю: довольно!.. Товарищи, не уступать, не итти на работу!..“ Затем собранию было доложено о том, что Франция собрала в пользу русских почтово-телеграфных служащих 60.000 фр. и что из чувства солидарности забастовал датский кабель, соединяющий Россию с Западной Европой. Говорили речи и представители социал-демократической партии и социал-революционеров. Говорили также делегаты, приехавшие из Баку, Томска и Иркутска. Все приезжие решили остаться в Москве до тех пор, пока кампания не будет доведена до конца. Многие из столичных правительственных учреждений просят почтово-телеграфных служащих прислать им подписные листы для собрания пожертвований в пользу бастующих. Вчера же на собрании нуждающимся служащим были розданы билеты на получение обедов. Сообщено, что в купеческом клубе собрано в пользу бастующих 200 руб.; собраны деньги также среди членов общества взаимного кредита. Врач в военной форме передал в забастовочную кассу 16 руб.

— В ответ на известное думское постановление об удалении из Москвы казаков, из канцелярии московского генерал-губернатора получено уведомление, что распоряжение о наряде казаков не касается генерал-губернатора, а исходит от военного начальства. Назначение же казаков в наряды происходит главным образом от недостатка других кавалерийских частей.

— На Московском почтамте работа не клеится, хотя туда записалось более 700 добровольцев, желающих поступить на службу в почтовое ведомство. Из всего огромного числа желающих, как оказалось, нет ни одного, который имел бы образование, равное 4-м классам средней школы. Громадное число добровольцев было очень обескуражено тем, что до получения места необходимо прослужить два-три месяца безвозмездно. Биржевой комитет и некоторые крупные торгово-промышленные фирмы посылали на почтамт своих артельщиков, но из их усердия ничего не вышло.

— По сведениям статистического отделения московской городской управы, в прошлом октябре месяце в Москве убито 23 мужчин и 1 женщина, тогда как в прошлые месяцы и годы число убитых колебалось от 1 до 2.

— Сегодня состоялось первое заседание только что организованного Московского Городского Совета Рабочих Депутатов. Присутствовало около 170 депутатов рабочих и по несколько представителей от партий С.-Д., С.-Р. Принимая во внимание, что каждый депутат избран от 500 рабочих, цифру об'единенного в Москве Советом Депутатов пролетариата уже в данный момент надо считать свыше 80.000. В ближайшие дни ожидается значительный прирост числа депутатов от происходящих теперь районных рабочих собраний. Заседание открылось приветом делегатов Петербургского Совета Рабочих Депутатов и подробным докладом его о рабочем движении в Петербурге с 9 января до последней политической забастовки. Доложены факты из области московского стачечного движения, о массовом увольнении рабочих депутатов, намечены приемы организационной борьбы с отдельными фабрикантами, их коалицей, принята резолюция по поводу введения революционным путем 8-час. рабочего дня. Московский Совет Рабочих Депутатов приглашает товарищей временно, до окончания организации пролетариата всей России, отказаться от 8-часового рабочего дня, требовать открытия тех фабрик, которые закрыты администрацией за проведение 8-часового дня, предостерегать пролетариат против провокации правительства, желающего вызвать рабочий класс на столкновение раньше, чем он закончит работу по своей организации. В целях ускорения этого дела Совет Рабочих Депутатов решил немедленно отправить делегатов по значительным городам России для агитации и установления постоянных связей с образовавшимся Советом Депутатов. Избрана временно исполнительная комиссия для ведения очередных дел. Состав ее определен: по два рабочих депутата с каждого района и по два представителя от социалистических партий, ведущих организационные работы среди пролетариата. Присутствие представителей этих партий признано необходимым в виде гарантии от того, чтобы рабочее движение не подпало под руководство буржуазных партий. Настроение общего собрания было приподнятое, признавались чрезвычайная важность возникающей организации и крупная роль, принадлежащая ей в борьбе за интересы пролетариата.

В армии.

В главном штабе.

Мелкие служащие (около 200 человек) уже несколько раз в этом году подавали прошения начальнику главного штаба об улучшении их положения. Особенно настойчиво указывалось на невозможное состояние казенных „квартир“, которые помещаются в сырых и темных подвалах и не ремонтируются по 15 лет. В квартирах тесно, на одной кровати помещается по 2 человека. Отхожих мест совсем не имеется. Затем просили освещения. Начальство обещало произвести в „квартирах“ ремонт, но до сих пор ничего не предприняло, других же помещений не отводит за „неимением помещений“. Между тем генерал Левашев занимает 23 комнаты, ген. Васильев 20, остальные „чины“ от 6 до 11 комнат; а в здании на Дворцовой площади 9 генералов занимают весь второй этаж (около версты длиной). Жалованье увеличено на 2 рубля, с 11 до 13. Освещения не дано.

Смотритель здания главного штаба ст. сов. Парейский увольняет со службы сторожей и дворников за то, что они не величают его „превосходительством“.

Революция развивается... Приехавший из Ревеля передает, что в последнее время среди войск местного гарнизона происходили многочисленные митинги. На одном из последних была принята резолюция о присоединении войск к борющемуся за свои права народу. „Власти“, конечно, переполошились: „государственное“ преступление было совершено — нарушена профессиональная обязанность... В прежние времена разговор был бы короток—сотни виселиц разрешили бы все затруднения. Однако, теперь применить силы не решились и прибегли к хитрости. Под ничтожным поводом три полка, в которых

замечался крамольный дух, были вызваны без оружия из казарм. Последние немедленно были заняты казаками, которые захватили все оружие. По возвращении солдаты были арестованы в казармах, под караулом казаков.

В казармах лейб-гвардии Семеновского полка усердно распространяются начальством среди солдат благодарственные письма, полученные полковником Мином по поводу его доблестного „дела“ на углу Гороховой и Загородного просп. 18 октября.

Из жизни того же полка сообщают, что в понедельник, 21 октября, там можно было наблюдать следующее умилительное зрелище:

Какой-то, по словам солдат, „вольный“ господин из Москвы в присутствии полковника Мина и не менее знаменитого капитана Зыкова произнес речь к солдатам, облобызал Мина и Зыкова и обнялся с ними.

Затем восторженно настроенные нижние чины качали всех поименованных лиц en trois и кричали „ура“, любуясь величественной картиной болтавшихся в воздухе рук и ног Мина, Зыкова и „вольного“ их сподвижника.

Все это так подействовало на воображение солдат, что они совершенно забыли содержание речи и никак не могли нам передать толком того, что собственно говорил расходившийся „вольный“ господин.

Тем лучше!

Мы, солдаты Александро-Невского пехотного резервного полка, желаем поделиться своими мнениями и мыслями с товарищами солдатами и всеми гражданами России, желаем рассказать им, как скверно нам живется и сказать, чего мы хотим.

21 ноября по полку был издан приказ за подписью полковника Генюка, в котором выражается благодарность и дается денежная награда в 5 рублей унтер-офицеру нашего полка Эверсу за правильное понимание им своих служебных обязанностей. А Эверс сделал только то, что предал своего знакомого, который, доверившись ему, рассказывал о всех беззакониях и неправде и давал иногда газеты для чтения. По-нашему это называется предательством, и на это способны только провокаторы-каины, а по мнению нашего „умного“ начальства—это благородное дело. За него благодарят и дают деньги.

А еще недавно был посажен под арест на 10 дней рядовой Владимир Л. за то, что вмешался в игру солдат. А в тот же день, когда был издан приказ об его аресте, офицеры нашего полка тоже играли в карты и у них произошел скандал и драка. Были даже пущены в ход стулья. Полковник, наказавший рядового Владимира Л., присутствовал при этом „кровопролитии“ и ничего офицерам не сделал.

Заставляют теперь нас, по приказу командира, генерала Вестмана, нести полицейскую службу по охране. Бывает, что в продолжение пяти суток не приходится раздеваться. Ноги болят, все тело ноет от тежести одежды. Из жаркой мастерской завода и фабрики выгоняют на улицу на холодный ветер... Что им за дело до нашего здоровья?!

Часто мы говорим друг с другом и обсуждаем все наши нужды, и теперь мы пришли к таким выводам:

1) Мы энергично протестуем против тех полицейских обязанностей, которые возложили на нас.
2) Мы хотим, чтобы срок службы был не более 2 лет.
3) Жалованье должно быть не менее 3 рублей в 2 месяца.
4) Необходимо улучшить пищу и одежду.
5) Увольнение сверхсрочных фельдфебелей и других служащих.
6) Немедленное увольнение выслуживших срок в запас.
7) Занятия должны продолжаться не более 3 часов в сутки.
8) Поверка должна быть в 9 часов утра, чтоб можно было свободно располагать своим временем.
9) В свободное от службы время солдат—гражданин, он имеет право посещать все народные собрания и митинги, он не должен отдавать чести офицерам.
10) Свобода собраний и слова для обсуждения своих нужд.
11) Вежливое обращение с нижними чинами.
12) Свободный доступ в казарму всех, без исключения, книг и журналов.
13) Неприкосновенность солдатской переписки.

Пусть все гг. начальники вспомнят, что уже лопнуло терпение у многих наших товарищей в армии и во флоте. Лопнет скоро и наше терпение.

Группа солдат Алекс.-Невск. пехотн. резерв. полка.

Вниманию городовых.

22 ноября в нашу редакцию из канцелярии петербургского градоначальника было доставлено два произведения „по приказанию его превосходительства“. Гражданин Дедюлин однако усумнился в том, что его произведения будут приняты редакцией „Новой Жизни“, и поэтому он свои статьи снабдил „препроводительною“ бумажкою, со ссылкою на чудодейственную 138 ст. уст. о ценз. и печати. Очевидно, гражданин Дедюлин еще продолжает верить в силу этого устава.

Редакция „Новой Жизни“ однако несколько иначе смотрит на этот устав.

Революция, победная и мощная, смела не только самодержавие, но и весь тот порядок, который оно установило.

Вместе со всей системою пал и пал безвозвратно, смеем уверить в этом гражданина Дедюлина, и устав о печати.

Затея градоначальника Дедюлина открыть себе страницы „Новой Жизни“ при помощи законов о цензуре рухнувшего самодержавного режима—затея бесплодная.

Но тем не менее мы помещаем произведения гр. Дедюлина потому, что мы хотим отдать их на суд сознательных городовых, которые доставили нам эти сведения.

Вот эти произведения:

От канцелярии градоначальства.

В № 16 газ. „Новая Жизнь“ в отделе хроники помещена заметка о „внезапной конфискации“ полициею сбора от спектакля, устроенного 15 сего ноября в „Новом театре“, в пользу союза служащих фармацевтов, потому будто бы, что градоначальник не был извещен об этом спектакле.

Указанному обстоятельству газетой придан тенденциозный характер, так как здесь имели место не специальное распоряжение градоначальника и не конфискация денег, примененные исключительно к данному случаю, а обычное исполнение полициею установленного, известного и дирекции „Нового театра“, порядка, основанного на распоряжении министра внутренних дел, действующего с 1901 года и заключающегося в том, что весь чистый сбор от благотворительных спектаклей должен быть вручен по окончании вечера полиции, под росписку, для представления денег вместе с оправдательными документами градоначальнику, который и передает эти деньги по назначению, согласно указанию жертвователя.

От канцелярии градоначальника.

В № 18 газеты „Новая Жизнь“ помещена заметка, озаглавленная „Забастовка городовых“, в которой сообщается, будто бы 17 ноября городовые одной из столичных рот собрались во дворе казармы и, потребовав к себе ротного командира—офицера, пред‘явили ему ряд требований, между прочим, об отмене высылки городовых в 3-й Петербургский участок для замены забастовавших там городовых.—Начальство, якобы, испугалось „бунта“ и немедленно удовлетворило все пред‘явленные требования.

Вышеприведенное газетное сообщение вымышлено: никакой забастовки городовых в 3-м участке Петербургской части не было, никакого собрания городовых ни в одной из столичных рот для пред‘явления требований начальству не происходило и никакие огульные требования городовых им не удовлетворялись.

За распространение ложных сведений редакция привлекается к судебной ответственности в установленном порядке.

Мы не вдаемся в разбор этих „произведений“. Мы призываем сознательных городовых — тех, кто понял необходимость борьбы с произволом, тех кто собирался на митинге, тех, кто вместо просьб обратились с требованием к полицейским властям, — самим выступить с протестом против утверждений гр. Дедюлина.

Хроника.

— Началось то, о чем говорили: банкротство. Владелец завода Айваз заявил, что он прекращает выдачу заработной платы рабочим, так как „Северный банк“ отказался производить учет по его бумагам. Хозяин предложил рабочим работать в долг. Рабочие находятся в крайне затруднительном положении. С одной стороны, рабочим необходимы деньги для житья, с другой — рабочие боятся ничего не получить в случае банкротства хозяина.

— По рассказам возвращающихся из Финляндии запасных солдат, во время совершавшихся там октябрьских событий казармы их осаждались массою сыщиков и переодетых жандармов, которые все усилия употребляли к тому, чтобы направить солдат на финнов. Провокаторы запугивали солдат, рассказывая им, что финны решили совершенно вырезать и перестрелять русские гарнизоны. Кровопролитие не имело места только потому, что русские солдаты, в огромном большинстве, в восторге от финнов и, вспоминая о них, говорят, чго финны народ „правильный“.

— Забастовка почтово-телеграфных служащих. 23 ноября забастовка почтово-телеграфных служащих продолжалась. Сортировка писем производилась, как и накануне, добровольцами-провокаторами, среди которых, между прочим, находятся: кн. Оболенская, кн. Кочубей, гр. Мордвинова и др. Почту по домам 22 и 23 ноября также разносили „добровольцы“. Из многих домов этих „отечественных патриотов“ самым безцеремонным образом выгоняли. Кроме того, многие лица обратились в почтамт с требованием не передавать никому их корреспонденции.

— За Московской заставой, на Забалканском пр., № 89—91, полиция и войска заняли 22 ноября помещение союза рабочих механического произв. обуви; рабочие не имеют возможности собраться; в помещение не допускают даже депутатов, хотя помещение снято у домовладельца рабочими и деньги за него уплочены.

— Земцы у Витте. Надежда земцев повлиять на правительство путем „переговоров“ с г. Витте, как и можно было ожидать, оказалась тщетной. Г. Витте принял земскую депутацию крайне холодно и даже не пожелал с ней говорить по поводу затронутых в представленной ею записке вопросов. Председатель совета министров обещал дать земской депутации ответ по существу письменно через несколько дней.

— 22 и 23 ноября в сберегательных кассах происходила усиленная выдача вкладов.

— Митинги санитаров Кр. Креста земских орган., вернувшихся с Дальнего Востока, состоятся 24 и 25 ноября в 10 час. утра в народном доме Нобеля (Нюстадская, 11). Приглашаются на митинги все прибывшие и местные санитары, фельдшера и низший медицинский персонал.

— В комиссию о безработных поступило от рабочих Спб. металлического завода через депутатов 1467 р. 43 к.

— В субботу 26 сего ноября в 8 ч. вечера состоится собрание литографских рабочих в помещении бюро союза рабочих печатного дела (Торговая ул., д. № 25).

— Кондуктора городских конно-железных дорог постановили отчислять из своего жалованья в пользу безработных по копейке с рубля. Если это постановление будет исполняться всеми кондукторами, которых насчитывается около 7000 человек, то — считая среднее жалованье кондуктора в 30 р. в месяц — мы получим солидную сумму в 2000 р. ежемесячных взносов.

— 22 ноября в 8½ часов вечера на Среднем проспекте околоточный 2-го участка Вас. части Шлявас счел оскорбленной „честь своего мундира“ одним выражением со стороны проходивших рабочих. Раздались свистки, явились городовые и хотели арестовать оскорбителя, но другие товарищи этого не допустили.

— Свобода слова. 22 ноября в „кутузку“ при охранном отделении были привезены два товарища рабочих, арестованных на собрании за Нарвской заставой за „свободу слова“.

— Член союза конторщиков и бухгалтеров Москвин получил 20 октября от участкового пристава бумагу, в которой приглашается подвергнуться аресту при полиции на 1 мес., по распоряжению градоначальника, „за участие в незаконном сборище, согласно закону 8 янв. 1901 г.“; участие в незаконном сборище состояло в том, что Москвин с 2-мя лицами участвовал в делегации, посланной союзом конторщиков во время второй забастовки по различным учреждениям, при чем в русском обществе торговли аптекарскими товарами она была, по распоряжению администрации о-ва, арестована полицией на несколько часов для выяснения личности. По поводу предстоящего ареста совет союза конторщиков отправил 2 депутации с требованием об освобождении Москвина от ареста: к градоначальнику и к администрации русского общества. Сегодня канцелярия градоначальника сообщила представителю союза, что градоначальник „приостановил наложение взыскания на Москвина впредь до нового рассмотрения дела его министром внутр. дел“.

— В Петербурге получена частная телеграмма из Симферополя о том, что севастопольские повстанцы будут преданы полевому суду.

— По полученным частным сведениям, в Тимском уезде, Курской губернии, начались большие аграрные беспорядки. Масса имений разграблена и сожжена. Помещики в паническом страхе покидают на произвол судьбы свои имения. Под‘ездные пути испорчены. Войска и вообще помощи никакой нет.

— Прибывший 22 ноября из Москвы курско-харьково-севастопольский поезд сформирован в Москве. С юга в Москву поезда не прибыли; где они задерживаются, администрация скрывает.

— „Смелый газетчик“, о котором у нас сообщалось в 15 номере „Новой Жизни“, просит напечатать, что 1) ему об‘явлено было не „запрещение“, а „предостережение“ и 2) что запрещено ему было продавать газеты на заводе только после появления в „Новой Жизни“ названной заметки.

Таким образом, этот газетчик все-таки лишился своего единственного заработка.

— Союз инженеров ассигновал 1000 р. в Совет Рабочих Депутатов для помощи почтово-телеграфному союзу.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

Совет старост Спб. университета на заседании 17 ноября по вопросу о выпускных свидетельствах принял следующую резолюцию: „Совет старост, не имея возможности выслушать решение общеуниверситетской сходки по вопросу о выборке выпускных свидетельств и представляя за ее отсутствием мнение студенчества, об‘являет студентам VIII семестра, что считает выборку недопустимой, так как, получая выпускные свидетельства и вместе с тем право на держание государственных экзаменов, студенты VIII семестра идут против принципиального решения сходки 27 сентября, высказавшейся против зачета семестров без прослушания их, и покидают университет в момент обострения политических отношений“.

Из партийной жизни.

Согласно постановлению Петербургского Комитета и Петербургской Группы Р. С.-Д. Р. П. 23 ноября было первое заседание Организационной Комиссии, выбранной по равному числу из обеих коллегий, для выработки условий слияния и для согласования уставов обеих организаций. После конституирования комиссии приступлено было к выработке общего организационного устава. Пока во всех вопросах достигнуто полное соглашение. В ближайшем будущем комиссия кончит свои работы и передаст окончательное решение на рассмотрение междурайонного собрания обеих фракций.

Нарвский организатор П. К. Р. С.-Д. Р. П. просит нас сообщить, что им получено для передачи Федеративному Совету Нарвского района 216 руб. 40 к., собранные на специальную цель в ново-механической, старо-механической и сборочной мастерских Путиловского завода.

Саратовским Комитетом Р. С.-Д. Р. П. вынесены следующие постановления, принятые также периферией Комитета на собрании 15 ноября:

I. Избрать 7 член. Комитета, предоставив им право кооптировать еще 2.

Комитет избирается на 3 мес.

Функции Комитета установлены в следующем виде:

II. Комитет выполняет при содействии коллегий, составляющих организацию, постановление общих собраний организации.

III. Об'единяет деятельность организации, для чего назначает в каждую коллегию из своей среды представителя.

IV. Является осведомляющим аппаратом.

V. На обязанности Комитета лежит: следить за политической жизнью как г. Саратова и губернии, так и всей России и выработка планов кампании для активного вмешательства в политические события.

VI. Комитет вырабатывает планы деятельности на более или менее продолжительный срок.

VII. Упомянутые в пункте V планы кампаний и в пункте VI планы деятельности организации представляются на утверждение общих собраний. В случаях, не терпящих отлагательства, когда невозможно созвать общее собрание организации или опросить коллегии, Комитет действует на свой страх, но после обязан отдать отчет о своей деятельности и поставить вопрос о доверии. Если собрание выразит недоверие, Комитет немедленно подает в отставку.

Принципиальные предложения приняты, а частности отложены до следующего собрания.

Порядок приема членов в организацию установлен следующий:

1) Коллегии пополняют свой состав автономно, руководясь при этом § 1-м устава. В пределах коллегии каждый вновь принятый товарищ пользуется правом решающего голоса. После испытания вновь принятых членов на работе, коллегия предлагает общему собранию организации утвердить данных членов. В случае согласия собрания, последние делаются полноправными членами партии и приобретают решающий голос на общих собраниях организации. До того же момента они пользуются только совещательным голосом.

Примечание. Члены партии, работавшие в других городах, имеют решающий голос, как только примкнут к работе в одной из коллегий, не нуждаясь в утверждении общего собрания.

Саратовская организация Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, напоминая свой боевой клич партии „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, обращается с горячим товарищеским призывом ко всем рабочим соц.-демократам г. Саратова, не входившим до сих пор в партию, немедленно вступить в ее ряды, усилив тем позицию пролетариата в дальнейшей борьбе за свободу и, в конечном счете, за социализм.

— 18 ноября состоялось собрание заводских комитетов нашей партии в Выборгском районе. Кроме членов 14 уже сорганизованных комитетов на собрании присутствовали также наиболее сознательные рабочие с тех заводов и фабрик, на которых еще нет оформленных организаций. Всего же было около 100 человек.

Порядок дня, принятый собранием: 1) вопрос о предстоящем партийном с'езде; 2) реорганизация нашей партии и 3) способы борьбы с черною сотнею и провокаторами.

По первому вопросу был заслушан доклад одного из товарищей о плане созыва с'езда, предложенного Центральным Комитетом, и после некоторого обсуждения была единогласно по пунктам принята следующая резолюция: „Мы, члены заводских комитетов Выборгского района, собравшись в числе 100, приблизительно, человек, постановили: I) Мы признаем, что решение Центрального Комитета привлечь к участию в предстоящем партийном с'езде представителей от организованных рабочих социал-демократов вполне своевременно и безусловно необходимо. II) Признавая раскол в нашей партии губительным для нее, мы настойчиво приглашаем товарищей из меньшинства принять участие в этом с'езде, который должен выработать решения, обязательные для всей партии. III) Мы присоединяемся к мнению Центрального Комитета о том, что для устранения конкуренции и дрязг необходимо, чтобы число представителей от большинства и меньшинства на с'езде было бы равное“.

Затем одним из товарищей были изложены собранию 3 наиболее популярных проекта реорганизации нашей партии, после чего началось продолжительное, детальное, по пунктам, обсуждение этих проектов. Единогласно было постановлено пока членов Районного Комитета выбирать не на общем собрании всего района, а по заводам. Все товарищи констатировали далеко недостаточное знакомство друг с другом и с партийными работниками, что и делает для них невозможным выбирать кого-либо не из среды рабочих их завода или партийных работников, специально занимающихся с ними. Большинством всех против 11 постановлено, что не заводские комитеты, а заводские социал-демократические собрания должны выбирать представителей в Районный Комитет. Товарищи указывали на необходимость везде, где только возможно, устраивать прямые выборы и высказывались за полную компетентность заводских собраний, выбирающих заводский комитет, выбирать и Районный. Это тем более, что право выбора депутата на с'езд предоставлено ведь всем членам партии. Выборы в С.-Петербургский Комитет единогласно решено пока производить по районам (причина—неосведомленность), при чем выбирать должен Районный Комитет. Здесь получаются не прямые выборы, но это признано неизбежным злом в виду все той же неосведомленности и незнакомства широких масс членов партии друг с другом. Оживленно обсуждался вопрос о праве участия во всех организациях лиц, не работающих на том или ином заводе. Сначала раздавались голоса, что заводские организации могут состоять лишь из рабочих данного завода. В ответ на это указывалось, что заводским организациям могут быть полезны интеллигентные лица; далее указывалось на значительное число безработных рабочих, говорили о роли интеллигенции в развитии нашей партии, о важности для пролетариата не отталкивать от себя тех лиц, которые решительно становятся на точку зрения пролетариата. Единогласно была принята резолюция, открывающая двери всех организаций для всех членов партии на общепринятых условиях. Вопрос о кооптации лиц в выборные учреждения был решен так: 4 голоса высказались за кооптацию с решающим голосом, все же остальные за кооптацию лишь с совещательным голосом. Затем был разобран, не стоящий в порядке дня, вопрос об устройстве партийных касс при заводских комитетах, при чем было решено отчисление в пользу организации 2% с заработка. В виду позднего времени собрание пришлось закрыть.

Несмотря на то, что это было первое собрание в подобном составе, что большинству из тов-щей никогда не приходилось участвовать в обсуждении и решении партийных вопросов, собрание протекло в полном порядке, и все вопросы были, по единогласному отзыву присутствующих, обсуждены и решены серьезно и с полным пониманием дела. Решено в ближайшем же будущем собрать второе собрание.

— 17-го состоялось соц.-демократическое собрание рабочих с небольшой игрушечной мастерской (всего 48 чел.) Лейземана на Черной речке. На собрании присутствовал 21 чел., которые все решили вступить в партию и выбрали заводский комитет из 5 человек.

— 19-го на заводе Парвиани после окончания работ рабочие собрались и постановили: 1) не пить водки, 2) отдать полдневный заработок в распоряжение комиссии о безработных. Если же кто не будет платить, то решено тех не считать товарищами, требовать их увольнения и даже вывозки на тачке.

— 18 ноября состоялось заседание Василеостровского Районного К-та П. К. Р. С.-Д. Р. П., на котором присутствовало 17 человек, в числе которых находились ответственный организатор, помощники его, ответственный пропагандист (он же агитатор), районный секретарь и представители заводских комитетов. По избрании председателя собрания был выработан следующий порядок дня: 1) отчет о деятельности членов Районного Комитета; 2) может ли справиться, т. е. направлять и руководить всей работой района, один ответственный организатор при ее быстром расширении вширь и вглубь, и нужен ли второй, который бы входил в общегородской Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. с правом решающего голоса; 3) о постановке в районе пропаганды, т. е. о приспособлении ее к теперешней работе и согласовании с агитацией; 4) о введении в заводские комитеты по одному ответственному пропагандисту и агитатору данного завода, с правом решающего голоса; 5) о замене оста-

вившей работу по болезни организатора товар. Л. другим организатором; 6) директивы и принятые соответствующие резолюции Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.; 7) о прикреплении организационно рабочих к партии, которые уже затронуты агитацией социал-демократии, но в партию не входят, т. е. как лучше использовать нашу агитацию для партии, которая имеет огромный успех среди малосознательных и бессознательных рабочих; 8) об устройстве везде, по возможности, Федеративных Комитетов из представителей товарищей меньшинства и большинства; 9) распределение клуба, т. е. в какие дни можно назначать собрания и какие. После небольшого доклада товарища председателя, состоявшего в том, что предлагаемый порядок дня был выработан на собрании организаторов и уже приняты соответствующие резолюции, но в виду того обстоятельства, что они обсуждались одними только организаторами, составляющими только часть Р. К., и поэтому принятые ими резолюции не могут иметь решающего значения, они вносятся на рассмотрение всего состава Р. К., который может их отвергнуть, принять и вносить поправки—было приступлено к разборке всех вышенамеченных вопросов в порядке дня: 1) отчет ответственных пропагандиста и агитатора: за прошедшую неделю состоялось свыше 15 пропагандистских кружков, число членов которых колеблется между 15—30. Далее выяснилось, что пропаганда в Василеостровском районе велась неудовлетворительно, что заставило пропагандистов заняться вопросом об улучшении пропаганды и выработать программу пропаганды, состоящую из шести лекций, расположенных в известном порядке, с которым согласился Р. К., те же самые лекции разработаны в более популярной форме для менее сознательных рабочих, для которых необходимо элементарное изложение основ программы социал-демократии и ее отношения ко всему окружающему. Пропагандистами же Василеостровского района выражено желание, по возможности, сливать небольшие кружки в один для экономии сил, что Районный Комитет и принял к сведению. Из отчетов организаторов и представителей заводских комитетов выяснилось, что на Патронном заводе состоялось 3 собрания организованных рабочих, на которых перебывало более 90 человек. На Гвоздильном заводе ничего не могло состояться, так как все рабочие раз'ехались по деревням устраивать там революцию в виду закрытия завода. На остальных заводах крупных собраний, специально устроенных организаторами, не было, за исключением митингов и собраний, устраиваемых рабочими с целью бойкотировать винные лавки и отработки день и полдня в пользу безработных. Второй вопрос — об одном или двух ответственных организаторах. При обсуждении этого вопроса выяснилось, что пока еще работа на Васильевском острове не так широка, чтобы являлась необходимость делить район на два, так как при двух ответственных организаторах необходимо район разделить на два, а из этого выйдет только дробление сил, что в настоящее время совсем не желательно. Была принята следующая резолюция: в виду невполне еще развернувшейся работы на Васильевском острове решено оставить пока одного ответственного организатора, поручив ему подобрать себе дельных помощников для всех подрайонов, а самому не брать на себя подрайонной работы. 3) В третьем вопросе согласились с изложенным в отчете ответственным пропагандистом планом пропаганды, так как этот план совпадал с принятым на собрании организаторов. Была принята следующая резолюция: в виду изменившихся условий работы в настоящее время, того, что нельзя уже удовлетворить рабочих сухой пропагандой, которая велась до сих пор, — пропаганда должна вестись в форме лекций, а не бесед. 4) Принята следующая резолюция: для концентрации и упорядочения пропаганд. и агитаторской работы на заводах решено предложить заводским комитетам ввести в свою среду, с правом решающего голоса, ответственного пропагандиста и агитатора. 5) ... 6) Были прочитаны резолюции и сделан небольшой доклад ответственным организатором о решениях Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Резолюция о реорганизации была принята единогласно без обсуждений, остальные же не обсуждались за поздним временем. 7 вопрос возбудил очень много прений, после которых была принята следующая резолюция: для того, чтобы расширить влияние партии и ее организации на широкие слои рабочего касса и прикрепить их к партии организационно посредством агитации и пропаганды и вообще расширить связи среди рабочих, решено предложить всем заводским комитетам Василеостровского района снимать особые квартиры для устройства кружковых лекций, которые служили бы как бы политическими клубами данного завода 8) По этому вопросу была принята резолюция Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. о желательности Федеративных Комитетов и т. д.

Выборное начало у нас в районе уже проводится. На заводе Гука организованными рабочими всего завода был избран заводский комитет. 19 ноября состоялось общее собрание организованных рабочих Ливазовского завода, на котором был также избран заводский комитет, которому было поручено подыскивать квартиры для собраний, или нанять для этого особую квартиру, если другой не будет; делать сборы в пользу партии, из которых половина взносов идет в пользу Петербургского Комитета, а вторая половина остается в распоряжении заводского комитета для своих нужд. Общее собрание всех организованных рабочих должно созываться еженедельно, на котором должны быть прочитаны лекции. Заводский комитет обязан сноситься с Районным Комитетом и осведомлять его о всех делах заводской жизни, а также осведомлять всех организованных рабочих о деятельности Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. и т. д. и т. д.

Несмотря на то, что наши капиталисты заключили свой союз с целью противодействовать введению 8-часового рабочего дня рабочими революционным путем, все же те хозяева, у которых есть работы по горло, не выдерживают и начинают итти на уступки и под влиянием стойкости рабочих. Так, например, на столярной фабрике Платонова рабочие узнали косвенным образом, что у хозяина имеются срочные заказы и очень много, решили бастовать до тех пор, пока 8-часовой рабочий день не будет введен на фабрике. Хозяин сначала просил их подождать несколько дней и вообще в продолжение всей забастовки и насильственного введения 8-часового рабочего дня держал себя слишком мягко, из чего можно было вывести, что ему не хотелось „раздражать“ рабочих. Но, наконец, не удержался и 18 ноября ввел 8-час. рабочий день. Торжественно приехал фабричный инспектор, и ввели это в книжки условия найма, только с условием, что 8-часовой рабочий день дается только на полгода. Но рабочие обрадовались и этому. Они говорят, что, если мы поработаем полгода на этих условиях, то тогда у нас не отберешь однажды завоеванное. В честь этой крупной победы рабочие устроили митинг, на котором развевались красные знамена, а потом они пошли со своими знаменами к рабочим других заводов и фабрик и, рассказывая о своей победе, призывали их к упорной борьбе за 8-часовой рабочий день, и многие заводы под влиянием этого решают упорно бороться за достижение 8-часового рабочего дня.

Некоторые из наших заводчиков хотят начать играть роль благодетелей. Так, например, у Беккера, когда рабочие бастовали в первой и во второй забастовках, хозяин не соглашался уплачивать за дни забастовки, а теперь вдруг он выдал в виде пособия рабочим: холостому по рублю, женатому без детей—2 р., имеющему детей—3 р. Но рабочие понимают уже таких благодетелей и не желают таких подачек, и естественно у них возбудился вопрос: следует ли отдать ему обратно брошенную кроху. На-днях у них состоится собрание, на котором будет решен этот вопрос. Можно без сомнения сказать, что рабочие бросят хозяину в лицо его лицемерный „подарок“ и будут дальше настаивать на своем требовании об уплате за дни забастовки.

Профессиональные союзы.

22 ноября состоялось собрание фармацевтов социал-демократов, был выработан следующий порядок дня: 1) о реорганизации партии, 2) об отношении к профессиональному союзу, 3) выборы временного бюро.

Был поднят вопрос о полном открытом выступлении фармацевтов социал-демократов и оглашении фамилий и адресов временного организационного бюро, как это имело место в студенческих организациях.

Предложение это большинством голосов было отклонено, и решено пока об'явить только адрес, где будет производиться запись в члены партии.

Что касается профессионального союза фармацевтов, то он должен остаться беспартийным, несмотря на то, что среди фармацевтов уже есть много социал-демократов.

Затем было приступлено к выборам временного бюро, в состав которого вошли 7 фармацевтов.

На-днях посредством партийных органов будет сообщен адрес временного бюро.

Союз конторщиков и бухгалтеров.

Совет союза конторщиков и бухгалтеров, согласно постановлению 20 ноября, предлагает членам союза вновь произвести выборы делегатов по одному от каждого учреждения, насчитывающего не менее 10 членов союза. В учреждениях, в которых имеется членов союза более 25, по одному делегату от каждых 25. Члены-одиночки и члены в учреждениях, в которых менее 10 членов союза, будут приглашены особо по повесткам для совместного выбора делегатов. Выборы должны быть произведены в течение 5—6 дней. О результатах выборов просят немедленно сообщать в бюро совета—Казанская, д. 40 (Курсы обиход. знаний).

— По поручению организационного комитета союза квартиронанимателей покорнейше прошу поместить в газете „Новая Жизнь" нижеприведенный список лиц, принимающих запись в число членов союза квартиронанимателей: Е. Ф. Кербах, 6-ая рота, д. 22, кв. 26; Е. А. Коллет, Екатерингофский пр., 59, кв. 26; В. В. Кондратович, Шпалерная ул., 64, кв. 9; Н. А. Мамай, Выб. ст. М. Самсониевский пр., 3, кв. 23; С. Д. Матренинская, 4-я линия, 19, кв. 14; К. И. Околович, Б. Разночинная ул., 6, кв. 7; А. В. Петров, Б. Колтовская ул., 14, кв. 10; Н. В. Петров, Знаменская ул., 23, кв. 12; А. М. Пунин, Пантелеймоновская ул., 8, кв. 60; В. Б. Черепанов, Рижский пр., 13, кв. 52; Г. В. Юргенсон, Баскова ул., 10, кв. 32.

---

21 ноября состоялось собрание конторщиков социал-демократов для организации „социал-демократической группы конторщиков", с целью распространения среди конторского пролетариата с.-д. учения и привлечения его в ряды Р. С.-Д. Р. П. На собрании присутствовали представители обеих фракций: „большинства" и „меньшинства", а также „Бунда" и Р. Р. S., и решено было, что группа ближайшей своей целью ставит пропаганду (образование кружков и лекций), которая должна вестись вне фракционных разногласий, вопросы же агитации остаются пока открытыми, и в этих вопросах каждая фракция действует пока самостоятельно. Для привлечения в группу новых членов и организации в ближайшем будущем общего собрания конторщиков социал-демократов избрано временное бюро, в состав которого вошли следующие лица: А. Г. Огородников, В. А. Федоров, И. И. Зунделевич.

В четверг, 24 ноября 1905 г., в $7^1/_2$ час. вечера, в выставочном павильоне Соляного Городка (вход с Пантелеймоновской) состоится общее собрание служащих и рабочих при спб. гор. общ. управлении для обсуждения и решения вопроса об учреждении союза городских работников.

Товарищей просят при входе представлять какое-либо доказательство принадлежности к составу гор. служащих и рабочих, без чего никто не будет допущен в собрание.

— Бюро тружеников трактирного промысла, заслушав отчет о собрании трактиро-промышленников, напечатанный в № 230 газеты „Новости", нашло недостойным тон заметки, где, между прочим, сказано: „Вопрос о праздничном отдыхе «человеков», существующих на семирублевом жалованьи, и примазыванием к счету подгулявшего посетителя и другими человеческими фортелями—решен трактирщиками в смысле прибавки «человекам» жалованья и вообще улучшения их быта". Бюро, признав общее направление газеты „Новостей" как бы совпадающим с интересами трудящихся групп, воздерживается от порицания редакции и выражает его автору заметки, который, кроме того, явно сочувственно отнесся к организующемуся черносотенному союзу предпринимателей-капиталистов.

Союз артистов.

— Член союза артистов, заведующий труппой театра Коммисаржевской, г. Бравич, пригласил к себе 20 ноября другого члена союза, артиста того же театра Колычева, как выяснилось из разговора, — для снятия допроса о том, говорил ли он, Колычев, на последнем заседании союза об эксплоатации артистов антрепренерами, владельцами и заведующими трупп. На вопрос Колычева, что руководит г. Бравичем — полицейский сыск или товарищеская любознательность—г. Бравич заявил, что никому до этого нет дела, но что с этих пор Колычев может больше в театр не являться и получить жалованье, если угодно, до конца сезона. На вопрос возмущенного Колычева: „почему?" г. Бравич нагло ответил: „Вы расходитесь во взглядах со всем театром (Колычев соц.-дем.), а впрочем—я не желаю давать вам об'яснения по поводу вашего увольнения". За товарища вступился частным образом Жданов (один из членов союза и членов бюро); ответ г. Бравича дословно был таков: „Хотел и уволил. Физиономия его мне не по вкусу".

В союзе садовников.

20 ноября состоялось общее собрание садовников. Председателем собрания был избран приват-доцент С.-Петербургского университета Святловский. Присутствовал также оратор с.-д. Лавров. По предложению последнего, принят такой порядок дня: 1) рассмотрение и утверждение устава профессионального союза садовников; 2) выбор должностных лиц; 3) выбор представителей союза в общие пролетарские организации; 4) выработка инструкций правлению и казначею; 5) как желательно решать вопросы в бюро Союза союзов: пропорциональным большинством членов в каждом союзе или большинством союзов.

Вопрос о целях и задачах союза вызвал самые горячие прения между Святловским и Лавровым. В уставе, предложенном Святловским, не было почти ни одного пункта чисто-экономических требований, выставляемых всем сознательным пролетариатом. Поэтому Лавров стал доказывать присутствующим необходимость выставления вполне ясных, определенных требований и настаивал именно на необходимости внесения в устав, кроме того, что там есть, еще следующих пунктов.

Для достижения своих целей союз стремится частным соглашением с хозяевами или путем законодательным добиться законов и реформ, обеспечивающих:

1. 8-часовой рабочий день.
2. Установление минимума заработной платы.
3. Еженедельный 42-часовой непрерывный отдых.
4. Ежегодный отпуск на 1 месяц с сохранением содержания.
5. Воспрещение труда детей моложе 16 лет.
6. Воспрещение сверхурочных работ и пользования услугами садовников, не входящими в круг их обязанностей.
7. Государственное страхование за счет хозяев—на случай старости, увечья или смерти.
8. Бесплатная медицинская помощь для служащих на счет хозяев с сохранением полного содержания за время болезни.
9. Распространение надзора фабричной инспекции, выбранной обоюдно.
10. Учреждение третейских судов и примирительных камер, составленных поровну из служащих и хозяев для разбора споров и недоразумений.

Внесение этих пунктов в устав Лавров мотивировал тем, что всякий член союза, желающий улучшить свое положение, должен знать точно, чего он будет добиваться, каков ближайший идеал его требований.

После речи Лаврова Святловский обращается к собранию и говорит:

— Я не как председатель, а, как частное лицо, должен предупредить вас, что товарищ Л. предлагает вам принять программу-минимум Р. С.-Д. Р. П. — программу передовых политических людей, которую вы еще не можете понять и сознательно к ней относиться, и потому предлагаю не терять напрасно времени, т. к. впереди еще много более важных вопросов.

Лавров об'яснил собранию, что, во-первых, неправильно думает Святловский, что выяснение этих вопросов есть трата времени. Наоборот, собрание должно требовать самого детального выяснения целей и задач и, только поняв все, принять то или другое

решение вопроса. Затем Л. заявил собранию, что он не предлагает никому из собравшихся пристать к партии с.-д., а лишь формулировал тот ряд простых, понятных всякому требований, которых собрание не только должно добиваться, но никто не может от них отказаться. Напрасно товарищ Святловский думает, что сюда собралось стадо баранов, лишенных способности думать: — Я уверен, что последний безграмотный среди вас прекрасно все это понимает и будет настаивать на включении в устав этих требований, ибо они так просты и желательны.

Видимо, велико было желание Святл. во что бы то ни стало отклонить эти требования. После первой неудачи Святл. попробовал доказать, что в деле садоводства 8-часовая работа немыслима, и, кроме того, вызовет раскол между садовниками и репрессии со стороны хозяев. Затем С. стал говорить, что теперь рано требовать 8-часового труда, а что постепенно и впоследствии они дойдут до этого. Все старания Святл. не имели успеха, так как Лавров доказал присутствующим, что двусменная 8-часовая работа в садовом деле — самое правильное решение вопроса и что о преждевременности этих требований не может быть и речи, так как с точки зрения хозяев весь устав союза преждевременен, а все, что садовникам дано, — это достаточно, по их мнению. Но садовники, становясь на точку зрения пролетариев, не могут согласиться со Святловским.

Вопрос был поставлен на баллотировку, и приведенные пункты прошли большинством 54 голосов против 34.

Прив.-доцента Святловского очень удивило такое решение, и он, по предложению двух садовников, заявил собранию, что не может быть, чтобы такой важный вопрос был решен в этом смысле и притом таким незначительным большинством, и предложил перебаллотировать вопрос, так как, по его мнению, многие воздержавшиеся выскажутся против.

Лавров, в свою очередь, тоже выразил удивление, что не все высказались за внесение предложенных пунктов и, протестуя против тенденциозности председателя, предложил снова поставить вопрос на баллотировку. На этот раз все пункты приняты большинством 90 голосов против 35.

Далее Л. предложил внести в устав следующий пункт: для участия в решении общих всему пролетариату вопросов союз посылает своих представителей в общие организации.

На это председатель С. заявил, что этот пункт в уставе имеется дальше. Устав был прочитан, но такого пункта не оказалось в нем. Лавров опять предложил внести его. Тогда С. обращается к собранию со словами:

— Это, товарищи, значит, что вы примыкаете к Совету Рабочих Депутатов и дожны устроить забастовку...

Лавров об'яснил собранию, что подобное коверкание мыслей со стороны председателя некрасиво и что иметь своих представителей в Союзе союзов и Совете Рабочих Депутатов — это значит быть в курсе всех современных событий и не отставать на десятки лет от кипучей в настоящее время жизни. В результате было решено этого пункта не внести в устав, а обязать правление иметь своих представителей.

Митинг дворников.

20 ноября в 1-м участке Выборгской части на районном собрании дворников, в числе нескольких сот человек, было единогласно решено присоединиться к требованию всех петербургских дворников, выработанному 13 ноября в Соляном Городке. Между прочим, они пред'явили приставу 1 уч. Выб. ч. следующее требование от себя:

Его высокоблагородию
господину приставу 1 Выборгской части.

Ваше высокоблагородие, как вам известно, что во всем городе разные забастовки и беспокойствия. Доходит очередь и до нас; но мы, прежде чем начинать свою забастовку, обращаемся как к своему ближайшему начальнику и надеемся, что вы сделаете от вас зависящее распоряжение. Если же вами это будет отказано, то мы, дворники Выборгской части 1 участка, будем просить Совет Рабочих Депутатов в следующем: вверенного вам участка паспортист Алексей Кузьмич Блейзизен, по нашему мнению, должен быть доволен своей справедливостью. Ему не надлежит быть паспортистом, а быть каким-нибудь сосуном, его ли дело сортировать дворников, а именно: есть некоторые безграмотные, и у него все сходит, он пошлет на квартиру писца и все обделает, а некоторые, хорошо грамотные, но бедные, значит, не годятся быть дворниками. Кто хочет быть дворником, тот должен раньше снести последнее пальто в заклад и снабдить сосуна, ненавидимого дворниками Алексея Кузьмича. Что, разве мы должны обеспечивать его семейство; да коснись, дворник не успел отметить жильца в течение трех суток, то обязательно — протокол, а у тех же безграмотных дворников и по 3 месяца сходит, и все шито и крыто.

А потому, мы, дворники Выборгской части 1 участка, требуем от вас, как начальника, жалеющие вас, просим сделать распоряжение об увольнении паспортиста из вверенного вам участка. Если же вами не будет исполнена наша общая просьба, то мы, при первом случае, напечатаем это во всех газетах и сделаем для Блейзизена бойкот.

Да здравствует свобода дворников Выборгской части 1 участка!

Долой Кузьмича! Союз дворников.

Во время собрания дворников в помещение вошел околоточный Пегас и начал возражать: „А ежели ваши требования не будут выполнены, что вы сделаете, неужели забастуете?“ (этот околоточный стоит и против корпоративных требований своих коллег). Дворники попросили его удалиться. Но тут двое из собрания приняли сторону Блейзизена и восстали против его увольнения; одному из них, старанием паспортиста, управа выдала медаль „за усердную службу“, другой состоит кандидатом на получение. Протеже Блейзизена были удалены из собрания, их решено бойкотировать.

Был также сделан запрос, куда девали домовые книги за 25 лет. Эти книги пожертвовали в общество „Красного Креста“, но, по наведенным справкам, названное учреждение их не получало.

---

20 октября состоялось заседание зубоврачебной социал-демократической группы, на котором, после долгих обсуждений, была принята следующая резолюция:

Социал-демократическая зубоврачебная группа ставит своей задачей об'единение всех лиц этой профессии. Для этой цели группа организует профессиональный союз для защиты профессиональных интересов и расширения прав.

Союз будет беспартийный, чтоб обхватить всех желающих бороться в рядах этого союза.

До сих пор, благодаря неясной, вернее неправильной формулировке резолюций, большинство товарищей по профессии думали, что организуется социал-демократический профессиональный союз, и следовательно, каждый член союза обязан быть социал-демократом, или иначе он не может быть членом этого союза. На самом же деле это не так. Союз предполагалось назвать „социал-демократическим“ только потому, что организовали его социал-демократы, центр его был социал-демократический, но союз оставался быть беспартийным, только профессиональным.

Думаю, что вновь выработанная резолюция достаточно ясно указывает на то, что союз является профессиональным, об'единяет лиц, принадлежащих к зубоврачебной профессии без различия их политических убеждений.

Вся ошибка вышла из-за слова „союз“, вместо которого должно было стоять слово „группа“. В прежних резолюциях говорилось: „Соц.-демократический союз зубных врачей, техников и т. д. организует при себе профессиональный союз“ и т. д., а следовало написать: „Соц.-демократическая зубоврачебная группа организует профессиональный союз“ и т. д.

Товарищи! Обратите внимание на все вышесказанное. Не придирайтесь к словам, вникайте в суть дела и не мешайте делу об'единения на профессиональной почве.

Товарищи соц.-рев., не поняв или не желая понять истинного смысла образования нашего союза, до сих пор агитировали против образования профессионального союза.

Теперь же недоразумения устранены, и желающие вступить в профессиональный союз вступят в него, не вступившие же покажут только то, что они не желают вступить в союз только потому, что этот профессиональный союз организован соц.-демократами, а не соц.-революционерами, т. е. дерутся из-за дирижерской палочки.

Должно быть, и тов. соц.-рев. согласятся, что никто не виноват в том, что у соц.-демократов раньше явилась мысль об образовании профессионального зубоврачебного союза, и если они не являются инициаторами этого дела, то из этого не следует, что надо мешать ему.

Итак, товарищи, об'единимся в профессиональный зубоврачебный союз, чтобы иметь возможность отстаивать наши профессиональные интересы.

Конечно, всякий профессиональный союз в известные моменты выставляет также политические требования, и о том, каковы эти требования будут в нашем союзе, покажет будущее.

В союзе учителей.

В бюро петергофского отдела союза учителей поступило следующее заявление:

„Прошу бюро передать на обсуждение союзников следующий факт; член союза, учительница 1 класса Высоцкого 2-кл. училища, Екатерина Михайловна Нежалово-Иванова передала ученику своей школы нелегальную брошюру «Женская доля» и «О событиях 9 анваря» для прочтения старшими в семье.

„Факт этот сообщен мне письмом членом союза Ф. И. Петровым, подтвержден 6 ноября с. г. самою г. Нежаловой-Ивановой при посещении мною училища.

„Неотложно необходимо передать на обсуждение товарищей этот факт, чтобы выяснить взгляд большинства и постановить принципиальное решение по 2 вопросам: 1) совместимо ли с профессиональной этикой педагога ознакомление детей своей школы с нелегальной литературой и 2) пользование учениками как посредниками для распространения этого рода литературы среди местного населения.

Инспектор народных училищ И. В. Павлов.

8 ноября 1905 г.

Петергоф".

В ответ на это бюро отправило в комитет петергофской группы всероссийского учительского союза такое раз'яснение:

„Обсудив вопрос, поставленный группой относительно поступка г-жи Нежаловой-Ивановой, бюро союза постановило: 1) согласиться с решением группы, что в настоящее время подразделения литературы на легальную и нелегальную не должно быть; 2) вопрос о профессиональной этике в данном случае отпадает, так как брошюра была дана ученику для передачи другим определенным лицам.

Председатель бюро Я. Д.".

Союз приказчиков.

Деятельность настоящего состава совета союза вызвала многочисленные нарекания. Резолюции отдельных кружков требовали его перемены.

В виду этого на 20-е было созвано общее собрание союза. После выборов председателя и его помощника председатель совета сказал вступительное слово, призывая собрание к серьезной работе на пользу союза и к вдумчивому отношению к предстоящим перевыборам. Затем секретарь совета дал отчет о деятельности союза. Отчет этот, сшитый на живую нитку, вызвал невообразимый беспорядок. Четыре часа шли пререкания на тему: „кто виноват". Большинство членов совета признавали свои ошибки и свою полную неосведомленность в делах, но старались свалить вину на секретаря, казначея и еще нескольких лиц, которым „поручили" всю работу по составлению отчета и приведению дел в порядок. Большинство участников собрания потеряли самообладание. Черносотенные элементы не преминули, конечно, использовать царящую анархию для того, чтобы проявить себя должным образом. Разобрать что-нибудь было невозможно. Председатель и его помощник, не будучи в состоянии справиться с расходившейся массой, — сложили с себя обязанности и предложили избрать нового председателя, более опытного.

Выбор нового председателя — женщины — вызвал со стороны известных элементов протест: „долой бабу!" — однако, протестанты, почувствовавшие свою малочисленность и бессилие, демонстративно, при общем поощрении, покинули залу заседания, чем в значительной мере способствовали водворению порядка. Оказалось, что „баба" взяла в руки собрание.

Собрание, избрав комиссию из 19 человек для расследования дел союза, приступило к избранию нового состава совета. Подсчет голосов был поручен особой комиссии.

В этот момент собранию было доложено об аресте товарища-приказчика из колбасного магазина Кронберга (или Шеффера?), ходившего с группой товарищей закрывать магазины на основании постановления общего собрания о праздничном отдыхе. Арест был произведен после насильственного закрытия 2-х магазинов Иванова (Садовая, 72) и Сергеева. Постановлено немедленно требовать по телефону освобождения арестованного товарища, если не подействует, послать внушительную депутацию в участок с категорическим требованием немедленного освобождения. Затем было единогласно постановлено иметь делегатов в Совете Рабочих Депутатов, и тут же, при бурных овациях собрания, было избрано 10 делегатов.

Вновь избранному совету союза поручено избрать из своей среды двух представителей в центральное бюро союзов и на с'езд професс. пролет. союзов, имеющий состояться в Москве.

Рассмотрение остальных пунктов порядка дня в виду позднего времени было отложено до следующего ближайшего заседания, которое поручено созвать вновь сформировавшемуся совету.

Вечером 21 ноября в Соляном Городке состоялся митинг приказчиков, на котором присутствовало до 4000 человек. Представители „партии правового порядка", очевидно, решили дать здесь своим противникам битву и увлечь приказчичью массу за собою.

Однако, их планы потерпели крушение. Товарищи социал-демократы выпукло чертили провокационность лозунга правовой партии: „порядок и терпение".

Собрание закончилось восторженными криками: „да здравствует борьба", „да здравствует революция" и „да здравствует социал-демократия".

Совет союза приказчиков в одном из своих заседаний постановил: не допускать представителей газет „Нового Времени", „Света" и „Слова" на заседания союза.

20 ноября, несмотря на это, на общем собрании союза приказчиков в числе представителей печати оказался и сотрудник газеты „Слово", который отказался подчиниться установленному постановлению. В виду этого, собрание постановило силою удалить сотрудника „Слова".

В ответ на это сотрудник „Петербургского Листка", заявив, что „вся пресса — одна семья", тоже покинул зал заседания.

Присутствовавшие же на собрании представители и сотрудники „Новой Жизни", „Начала", „Русской Газеты", „Новостей", „Вечерней Почты" и „Голоса Жизни" подали президиуму следующее заявление: „Сотрудник «Петербургского Листка» Ялгубцев самым бесцеремонным и самозванным образом заявил от имени присутствующих представителей прессы, что они, возмущенные резолюцией собрания по поводу удаления сотрудников «Нового Времени», «Слова» и «Света», покидают зал собрания. Против подобной самозванной выходки г. Ялгубцева мы считаем своим долгом протестовать и выразить нашу солидарность с резолюцией, принятой советом и собранием" Сотрудники: „Русской Газеты" — А. Львов, „Вечерней Почты", „Голоса Жизни" и „Русской Газеты" — Лесной-Агафонов, „Новостей" (подпись неразб.), „Новой Жизни" — Н. Гарри, Валин, Сергеева, „Начала" (подпись неразборчива).

Из жизни рабочих.

Обуховский завод.

21 ноября в помещении оптической мастерской Обуховского завода состоялось собрание рабочих, выбранных мастерскими в целях учреждения профессионального союза рабочих, занятых в металлургическом производстве.

Собрание было созвано по инициативе рабочих социал-демократов. После реферата товарища Николая собрание приступило к обсуждению вопроса об уставе союза.

Ораторы социалисты-революционеры настаивали на внесении в устав професс. союза по металлу требования поддержки „трудового крестьянства". Желающих ознакомиться с аргументацией такого более чем странного проявления с.-револ. программных чувств отсылаем к вчерашнему (от 20 числа) номеру „Сына Отечества", где, кстати сказать, отчет о собрании составлен настолько мастерски, что при известном невнимании может получиться совершенно неправильная картина инкриминируемого заседания.

Согласившись с ораторами социал-демократами по вопросу о том, что цель професс. союза — защита профессиональных интересов рабочих, занятых в металлическом производстве, собрание отвергло предложение с.-рев. внести в устав поддержку трудящихся вообще и, признав принципиально желательным устройство союза беспартийного, избрало из своей среды комиссию из 15 чел., которой поручило выработать устав союза, связаться с остальными заводами Петербурга и принять участие в общем учредительном собрании проф. союза, которое Совет Рабочих Депутатов намерен устроить. Избранная комиссия уполномочена пригласить с совещательным голосом представителей партий.

Типография Дрейдена.

Рабочие типографии Дрейдена (Литейный, 60) нас просят сообщить следующее:

Ноября 22 дня 1905 года.

Мы, нижеподписавшиеся работники типографии А. Дрейдена, Литейный, 58 и 60, печатники, наборщики и граверы, желая итти на помощь нашим товарищам, выброшенным на улицу хозяевами разных предприятий, дали настоящую подписку в следующем: 1) не пить водки и вообще спиртных напитков в течение 3 месяцев; 2) гарантировать данное обещание штрафом в пользу безработных в размере: 1-й раз — 1 р., 2-й раз — 2 р.; 3) отчислять еженедельно, начиная с настоящей недели, 2% с получаемого нами заработка, во все время забастовок.

Все означенные деньги направлять через доверенного в редакцию газеты „Новая Жизнь", с назначением в „общий фонд для безработных".

Подписи: В. Бобров, Г. Фельдман, В. Ларионов, М. Лукин, М. Козлов, С. Мурыгин, И. Виноградов.

На заводе Тильманса.

На заводе Тильманса состоялся 18 ноября митинг, в котором участвовало более 200 человек.

Темами речей были: последняя резолюция Совета Рабочих Депутатов о севастопольских событиях, о крестьянском движении и об аграрной программе социал-демократии. После ряда речей на митинге единогласно принята резолюция:

„Полное единение рабочего класса является необходимейшим условием успеха его борьбы, в нашей солидарности залог нашей победы. Царское правительство, закрывая заводы, выбрасывает на улицу наших товарищей. Все рабочие должны требовать открытия заводов и возвращения на них рассчитанных рабочих. Выбрасывая на улицу лучших борцов революции, царское правительство наносит удар великому делу борьбы за свободу.

„Все силы русской революции должны сплотиться, чтобы решительным ударом ответить на брошенный вызов. Мы, рабочие завода Тильманса, присоединяясь к решению Совета Рабочих Депутатов, заявляем о своей готовности по первому призыву Р. С.-Д. Р. П. вступить в решительный бой за свободу.

„Да здравствует единый рабочий класс!

„Долой царское правительство!

„Да здравствует революция!"

Карточная фабрика.

21 ноября на Карточной фабрике за Невской заставой состоялся митинг. Говорили с.-д. и с.-р. Выяснилась необходимость для работниц и рабочих Карточной фабрики организоваться в профессиональный союз. Выбрана комиссия для разработки устава, и в ближайшем будущем предполагается учреждение и самого союза. Затем произносились речи на общие темы. Специальная речь была посвящена женскому вопросу в связи с общим положением рабочего класса. Настроение, принимая во внимание, что митинги на Карточной фабрике еще только начинаются, довольно бодрое.

От союза нарвских рабочих.

Присоединясь к общему голосу, требуем немедленного освобождения всех незаконно арестованных делегатов почтово-телеграфного союза. 98 подписей. Г. Нарва, 21 ноября 1905 года.

В № 9 нашей газеты, в сообщении о собрании рабочих Карточной фабрики, вкрались неточности. Рабочие и работницы названной фабрики просят сообщить, что: 1) помещение для собрания им было отведено дирекциею добровольно; 2) депутаты не поднимали вопроса о двойственном поведении директора Лемтюжникова, но лишь указали на перемену в обращении с его стороны, что об'ясняли интригами мастера Цубе; 3) порядки, введенные г. Лемтюжниковым на фабрике, не изменились, и 4) с директором договаривались не о нормировке рабочего дня, а об отмене штрафов.

Митинг рассыльных в камерах мировых судей.

21 ноября в камере мирового судьи 40 участка (Васильевский остров) состоялся митинг рассыльных, служащих в камерах мировых судей г. Петербурга. Первым обсуждался вопрос об увеличении жалованья. Было определено каждому вновь поступившему платить жалованья в месяц 25 руб. и через каждые пять лет по пяти рублей прибавки, до максимума 35 руб. Кроме того, выдача обмундировочных денег и бесплатный проезд по городским конкам. Для осмотра квартир рассыльных избрать особую комиссию, которая бы занялась определением годности в санитарном отношении отведенных для рассыльных помещений при камерах мировых судей.

Помимо этого, рассыльные хотят, чтобы свободные комнаты отдавались в распоряжение их, а не письмоводителей, как это делается теперь.

В контору газеты „Новая Жизнь" поступили следующие пожертвования:

1) В пользу амнистированных „политических преступников".

4 ноября.

С митинга с.-д. в Бежецке 12 р. 50 к.; от неизвестного 3 р. 50 к.; через Е. Данилова 9 р. 25 к.

8 ноября.

От неизвестного 50 к.

11 ноября.

От неизвестного 3 р.

16 ноября.

От М. Щаповой и Е. Менкеля 7 р., кроме того, получено пожертвование платьем и бельем.

17 ноября.

От пассажиров сибирского поезда 200 р.

18 ноября.

От Мало-Вишерских гражд. 20 р. 21 к.

19 ноября.

От врача Гагеш 1 р. Всего—256 р. 96 к.

2) В пользу шлиссельб. заключенных.

14 ноября.

От неизвестной 100 р.

3) В пользу семейств убитых рабочих.

9 ноября.

От машинистов и кочегаров И. К. П. Р. И. 31 р.

4) Для стачечного комитета.

8 ноября.

От г. Левитана 10 р.

11 ноября.

От фельдшериц л-цы врачей специалистов 4 р.

12 ноября.

От неизвестн. 5 р.

14 ноября.

От Комара 1 р.

18 ноября.

От И. Г. Михеева за декабрь 5 р. Всего — 25 руб.

От 19 — 21 ноября.

5) Пожертвования в пользу безработных.

От группы служащих контроля сборов Ряз.-Ур. ж. дор. 38 р. 70 к., Безобразовой 10 р., В. Ш. 1 р., N. 2 р., Г. Л. 10 р., Петрашевского 5 р., группы чиновников Дворянск. и Крестьянского банков 17 р., семейства Г. 2 р. 50 к., N. 50 к., В. И. 5 р., служащ. и рабоч. разн. зав. 91 р. 88 к., служащих правления Владикавказской жел. дор. 108 р. 50 к., доктора М.—7 и 15 р., Г. Я. 30 р., Н. Подгорского 3 р., А. А. Р—ной 3 р., служащих юридического отдела Ряз.-Ур. жел. дор. 26 р. 85 к., рабочих мастерской О. Рихтера 9 р. 25 к., рабочих Сестрорецкого оружейного завода: инструмент. мастер. 65 р. 20 к., механической 69 р. 60 к., образцовой 60 р. 50 к., приборной и калильной 13 р. Всего — 592 р. 48 к.

22 ноября.

В комиссию о безработных.

От подмастерьев ювелирной мастерской Тилемана 33 р. 3 к., хозяина Тилемана 5 р., старшего г. Николаева 3 р. Всего—41 р. 3 к.

6) В пользу евреев, пострад. от погр.

20 ноября.

От В. И. 5 руб.

7) В пользу почтово-тел. служ.

20 ноября.

От врача Гагеш 1 р.

17 октября.

От неизвестного 4 р., Ивана Орлова 1 р., слушательниц мед. инст. 6 р. 70 к., Веденеева 5 р., Сенаторской 5 р., Слепороцкого 2 р., Клазенова 2 р., Абутковой 2 р., С. Моргуновой 5 р., коммерческих курсов 8 р. 25 к., Поддубной 1 р., В. Я. 14 р. 70 к., Януля 1 р. 50 к., прапорщика запаса и студента технолога 10 р., Алекс. Власова 17 р., Д. Л. 5 р., от неизвестного 20 р., собрано в студ. столовой Спб. университета 12 р.
Итого—122 р. 25 к.

18 октября.

От Матизен 4 р., Честухиной 2 р., швейцаров Ефремова и Данилова 3 р., Е. 10 р., Х. 5 р., служащих парикмахерской „Делери" 3 р., Азархи 3 р., разносчика Вас. Денисова 1 р., Ларинской гимназии 2 р., курсистки 5 р., В. Кузнецова 5 р., Петрова 1 р., Якова Васильева 40 к., издательство „Молот" 50 р.
Итого—94 р. 90 к.

5) В пользу комиссии о безработных.

14 ноября.

От Г. А. 50 к., Ершовых 10 р., Стуколкина 5 р., Чичаговой 10 р., курсистки 1 р., Романовской 3 р., Колышкина и Острова 1 р. 50 к., Ст. Унив. 1 р., служ. типографии Этингера 10 р. 65 к., неизвестного 5 р., неизвестного 3 р., неизвестного 1 р. Итого — 49 р. 65 коп.

16 ноября.

От N. 5 р. 25 к, бывш. рабоч. фаб. Паля Семенова 3 р., дворника К. С. 8 р., С. и М. 4 р., Подкопаева 2 р., товарища 4 р. 50 к., Комаровой 5 р., слушательниц бабушек и врачей Надежд. курс. 11 р. 92 к., М. Агулянского 5 р., жены подполковника Т. С. 25 р., Ксении 12 р., студента 5 р., М. Т. 5 р., П. Н. 3 р., Алексеева 50 р., г-жи Янкевич и Шедловской 5 р., служащих магазина „Au bon marché" 8 р., Х. 1 р., Болдина 3 р., Зенкевича 2 р., А. Э. 1 р., М. А, 1 р., Рапоппорта 5 р. 20 к., Бургина 1 р., Четверых 3 р., Соболева 3 р., д-ра Л. В. 2 р., д-ра Я. В. 2 р., д-ра Я. Л. 1 р. 50 к., д-ра Б. 2 р., неизвестного 10 р., неизвестного 1 р., приказчиков одного из магазинов Апраксина рынка 23 р. 5 к. Итого — 222 р. 92 к.

22 ноября 1905 г.

Пожертвовано в комиссию о безработных.

От З. 15 р., Колышкина 3 р., А. П. 1 р., разносчика Ив. Сергеева 1 р., Н. Покровского 7 р. 50 к., З. О. 5 р., через Цветаева 4 р. 65 к., студентов Л. и В. Б. 2 р. 50 к., группы служащих в правл. общ. Ряз.-Ур. ж. д. 214 р. 10 к., М. Т. К. 6 р., неизвестного 2 р. 40 к. Всего—262 р. 15 к.

В стачечный фонд.

От Н. Покровского 7 р. 50 к.

Областной с'езд учителей в Петербурге.

(Окончание, см. 19).

Утреннее заседание 22 октября открылось сообщением Л. И. Лутугина о намерении русского правительства судить севастопольских повстанцев полевым судом. С'ездом по этому поводу принята следующая резолюция, предложенная президиумом, с поправками тов. Яновского: „В виду намерения правительства гр. Витте применить полевой суд и смертную казнь к матросам и другим гражданам, участвовавшим в севастопольском восстании, с'езд призывает всех русских граждан встать на страже судьбы и жизни севастопольцев, наших братьев в борьбе за политическую свободу. С'езд призывает всех русских граждан об'единиться вокруг лозунгов: «Долой исключительные суды, военные и гражданские, долой смертную казнь!», и правительство гр. Витте даст ответ пред народным гневом, если оно осмелится применить смертную казнь к севастопольцам, выступившим на борьбу за право человека и гражданина".

Затем представитель Партии С.-Р. г. Бунаков прочел доклад „Об аграрном вопросе", в котором он доказывал необходимость „национализации земли в форме социализации". Точку зрения докладчика поддерживали гг. Мякотин, Пешехонов, Норский и др., а возражали ему тов. Мартынов, Гольденберг, Яновский, Алексеев.

Г. Пешехонов от имени Партии С.-Р. предложил с'езду принять следующую резолюцию: „В интересах наиболее полного торжества демократии, в интересах немедленного улучшения невыносимого положения трудящихся масс и в интересах грядущего торжества социализма, мы считаем необходимой национализацию земли в форме ее социализации, т. е. обращение всей земли в общенародное достояние, для передачи ее при посредстве демократически организованных территориальных единиц в уравнительное пользование трудящегося населения".

Тов. Яновский в свою очередь предложил с'езду принять следующую резолюцию: „Российское крестьянство, закабаленное азиатским абсолютизмом и придавленное безземелием, восстает против векового угнетения. Оно требует перехода всей земли в руки крестьянства. Такая реформа несомненно двинет вперед развитие производительных сил, подкопает сословное крепостничество и сделает невозможным возврат к абсолютизму. Но переход земли в руки крестьянства не решает аграрного вопроса как части общего социального

вопроса, так как при сохранении частной собственности на средства производства дальнейшая пролетаризация сельских производителей является неизбежной. Только социализм решает аграрный вопрос. Поэтому, поддерживая лозунг перехода всех частновладельческих земель в руки крестьянства, мы и далее должны работать над об'единением сельского пролетариата и тех мелко-собственнических слоев деревни, которые становятся на точку зрения пролетариата — с рабочим классом городов для дела социалистического переворота".

С'езд большинством голосов отвергнул обе „партийные" резолюции и постановил присоединиться к следующей резолюции по аграрному вопросу последнего крестьянского с'езда: „Прекратить бедствия народа, проистекающие из недостатка земли, может только переход земли в общую собственность всего народа, с тем, что пользоваться ею будет только тот, кто будет обрабатывать ее силами своей семьи, без наемного труда".

В вечернем заседании, 22-го, был заслушан обстоятельный доклад тов. Яновского по рабочему вопросу. Речь докладчика была покрыта бурными, долго несмолкаемыми аплодисментами. В том же заседании г. Овсянников прочел доклад о профессиональнык союзах, в котором докладывал, что подобные союзы должны иметь не только профессиональный, но и политический характер. Огромное большинство говоривших по этому поводу ораторов, главным образом с.-д., напротив, доказывало невозможность функционирования в настоящее время проф. союзов с „политической программой". С'езд отнесся весьма сочувственно к предложению из'ять „политику" из профессиональных союзов, но, не считая себя в праве реорганизовать всероссийский союз учителей, постановил принять доклад г. Овсянникова к „сведению" и выразил пожелание, чтобы возбужденный вопрос был представлен на рассмотрение ближайшего всероссийского с'езда учителей.

Выслушав сообщение о приговоре военного суда по делу Маркова и др., с'езд принял следующую резолюцию:

„Мы приветствуем товарищей Маркова, Барышанского и Трофимова, приветствуем новых мучеников свободы .И, прощаясь с дорогими товарищами, прощаясь «не надолго», — мы верим в это, мы это знаем, — клянемся бороться с деспотизмом, бороться до конца, пока последние следы наглого произвола и народного бесправия не исчезнут с лица русской земли".

По поводу известного письма к гр. Витте череповецкого земства собрание единогласно приняло следующую резолюцию: „Областной с'езд выражает свое презрение череповецкому земству, взявшему на себя шпионские функции, и обращается к населению с предложением убрать это земство".

Единогласно же собранием были приняты следующие постановления: 1) провести полное игнорирование каталогов для библиотек и читален, 2) полное игнорирование деятельности ученого комитета мин. нар. просв., 3) учителя при преподавании не должны считаться с министерской программой, 4) в местностях с нерусским населением преподавание должно вестись на языке местного населения, 5) ограничительный прием евреев должен быть немедленно упразднен.

После этого председатель об'явил заседания с'езда оконченными. Представитель Партии Социал.-Революц. приветствовал с'езд от имени этой партии.

Представитель Петербургского Комитета Российской Социал-Демократической Партии тов. Алексеев в свою очередь сказал следующее:

„Приветствуя с'езд учителей от имени Р. С.-Д. Р. П., высказываю одно пожелание: вот вы, народные учителя, разойдетесь после с'езда по своим школам, приметесь за работу и будете содействовать великой русской революции. Если эта буржуазная революция не оправдает утопических грез и фантазий некоторых из вас, то пусть они не впадают в уныние. Пусть знают они, что, чем бы ни завершилась русская революция, каков бы ни был ее исход, один борец во всяком случае останется на поле революции и будет продолжать борьбу. Этот борец — пролетариат. Всякая революция есть момент долгой и великой истории классовой борьбы, но только пролетариат есть тот класс, интересы которого не могут быть удовлетворены никакими политическими переменами, и, свершив их, он всегда идет дальше, вперед. Быть может, скоро он будет одинок в своей борьбе, но, одинокий, он будет един и силен своею сплоченностью и своею непримиримостью. Непримиримо будет вести он борьбу до конца, и после его победы камня на камне не останется от буржуазного общества, в котором мы живем. И на развалинах старого мира будет создан мир новый, светлый, прекрасный и вечный. Имя ему социализм. Да здравствует социализм!" (Бурные, долго несмолкаемые аплодисменты. Крики: „Да здравствует социализм".)

Письма в редакцию.

М. г., г-н редактор!

Прошу не отказать дать место в вашей уважаемой газете следующей заметке.

Узнав из одной столичной газеты о диком факте исключения педагогическим советом учениц 2-х старших классов женск. гимназии принцессы Ольденбургской за то, что они хотели „ввести в гимназии некоторые формы автономного управления", мы, глубоко возмущенные этим подлым, несправедливым поступком педаг. совета, призываем товарищей вспомнить о тех мерах, которые мы обещали применить в случае исключения хоть одного из учеников, борющихся против полицейско-бюрократического режима в школе.

Ученики VII кл. 1 и 3 реальн. уч.

Прочитав в газете „Нов. Ж." (№ 19) воззвание Федеративного Совета Пет. Ком. и Петербург. Группы Р. С.-Д. Р. П. о необходимой помощи десяткам тысяч рабочих, выброшенных на улицу вследствие борьбы с капитализмом, — с радостью иду на помощь этим борцам за святую свободу. Я счастлив, что могу поддержать их упорное стремление к свободе хоть такой скудной лептой, как препровождаемый при сем 1 рубль из солдатского жалованья.

Писарь управления стрелковой части.

Иностранный отдел.

Конституция в Черногории.

В связи с обнародованным недавно манифестом князя Николая о даровании черногорскому народу конституции 14 ноября были назначены выборы депутатов в скупщину. В основу их положен принцип всеобщего избирательного права, но с некоторыми ограничениями, направленными против рабочих и крестьян. Так, например, право быть избирателями принадлежит всем черногорским гражданам, достигшим 21 года и пользующимся гражданскими и политическими правами, тогда как в депутаты могут быть выбираемы только граждане не моложе 30-ти лет и платящие прямого налога не менее 15 франков в год.

Областной отдел.

Сестрорецк.

(Корр. „Новой Жизни".)

В воскресенье, 20 ноября, в Сестрорецке в помещении народного дома состоялся митинг. Было до 1.000 человек рабочих... Неудача последнего митинга не остановила членов партии „правового порядка". Только на этот раз в дело была двинута, видимо, вся тяжелая артиллерия: приехало целых 5 „членов". Митинг начался с того, что с.-д. произнес речь на тему о современном положении вещей в связи с резолюцией Совета Рабочих Депутатов и тактикой с.-д. Речь была встречена дружными аплодисментами, а заключительные возгласы: „да здравствует демократическая республика!" да здравствует социализм!" „да здравствует Р. С.-Д. Р. П.!" были восторженно подхвачены всем собранием... Затем у столика появилась фигура Б.-Пушкина. Крики: „вон!" „долой!" сопровождали

каждое слово оратора. Все усилия с.-д. восстановить порядок и убедить товарищей выслушать до конца были напрасны. Б.-Пушкину удалось сказать: „Мой долг привел меня сюда... Я говорю не тем, которые кричат...“ и затем он вынужден был ретироваться. После этого раздалось приказание: „ведите его“, и пред изумленные очи аудитории предстала фигура вольноопределяющегося с завязанным глазом и тремя георгиевскими крестами. Он был в Манджурии, все видел, был ранен... Эта ужасная война... Он доброволец. Пошел во имя благолюбимой родины... Надо успокоить... Слишком много крови... Он принужден, как солдат, как человек присяги, стрелять в своих братьев... Или „закатить“ себе пулю в лоб.

Речь несколько раз прерывалась нетерпеливыми возгласами, смехом, ироническими вопросами. Только обещание говорить по часам и „утомлять“ собрание только 2 минуты дало возможность г. „добровольцу“ с грехом пополам закончить свою речь. Ответная речь с.-д. снова была покрыта аплодисментами и революционными возгласами. Следующий оратор из партии „правового порядка“ был выслушан только до половины. „Мы это слышали“, заявили рабочие и криками попросили замолчать. Снова отвечал с.-д., снова полное внимание, полный порядок и, в заключение, аплодисменты... Еще один „член“ партии „правового порядка“. Предварительно с рабочих берет обещание выслушать его в течение 5 минут. Соглашаются. Оратор говорит „по бумажке“, критикует „прямое“ избирательное право, но так неудачно, что и в свою очередь разделяет участь своих товарищей. Надо сказать, что почти перед каждым оратором из п. п. п. с.-д-ту приходилось убеждать рабочих быть терпеливыми и выслушать.

Еще один „член“ хотел говорить и даже просил с.-д., называя его „голубчиком“, выпросить у рабочих для него слово, но с.-д. не внял просьбе „голубчика“ из партии п. п.

В заключение была принята следующая резолюция, предложенная с.-д.: „Выражая свою полную солидарность с постановлением С. Р. Д., мы, рабочие Сестрорецкого оружейного завода, считаем нужным заявить, что готовы снова выйти на борьбу за окончательное уничтожение самодержавно-полицейского строя, за демократическую республику по первому призыву Р. С.-Д. Р. П. и Сов. Раб. Деп“. Эта резолюция принята единогласно.

Рига.

(Корр. „Новой Жизни“.)

С 10 по 15 ноября состоялся в Риге конгресс народных учителей-латышей, с'ехавшихся из Курляндии и северной части Лифляндии. Собралось около 1000 человек.

Конгресс, рассчитанный первоначально на два-три дня, затянулся гораздо дольше. Характерно, что для того, чтобы иметь возможность с'ехаться в Ригу из глухих углов Курляндской и Лифляндской губерний, учителям пришлось об'явить и провести трехдневную учительскую забастовку.

Обилие, разнообразие и важность всех вопросов, которые были предложены на обсуждение конгресса, вполне об'ясняют продолжительность его заседаний. Говорились и приветственные речи, характеризующие настоящий исторический момент и роль народного учителя в современной политической жизни России; был поставлен и единодушно разрешен вопрос о политическом партийном самоопределении латышских народных учителей; обсуждались вопросы о местном самоуправлении и общем управлении государства, об изменении податной системы, о праве национального самоопределения, об отношении церкви к государству и школы к церкви, о демократизации школы, о различных типах школы переходного периода и о тактике борьбы с администрацией, как школьной, так и общей, о программах и методах преподавания в обновленной школе; о дошкольном обучении и воспитании, о внешкольном образовании, наконец о профессиональных союзах учителей и средствах профессиональной борьбы.

Интересно отметить, что, несмотря на разнообразие тем и обилие поставленных на обсуждение вопросов, прения все время носили характер настоящей, чисто европейской деловитости, и собрание, несмотря на свое искреннее и горячее воодушевление к политической борьбе, ни на минуту не отрывалось от почвы реальной исторической действительности. Приводились яркие иллюстрации, ставились чисто практические предложения, требовались точные указания места, времени, действующих лиц.

Так, по поводу немедленного введения новых программ преподавания, независимо от какой-либо административной регламентации, было высказано опасение, что учителя не могут справиться с этой задачей раньше, чем не будут изданы новые руководства и учебники. „Если народные учителя,—ответил товарищ-председатель,—до сих пор не научились говорить с народом и учить детей без казенных руководств и учебников, то они никуда не годятся, они не могут быть народными учителями... Министерские училища должны отказаться от казенных субсидий, мы не можем продавать государству воспитание своих детей. И если министерство откажется выдавать жалованье учителю обновленной школы, то само население должно поддерживать его и школу из общественных сумм“. „Народные учителя, вступающие на путь политической борьбы, должны твердо помнить, что революционные волны могут снести и поглотить их, они должны смело глядеть в глаза исторической правде. И те учителя, которые и после постановления о бойкоте администрации, будут считаться с предписаниями начальства,—не учителя, а палачи народа“.

Одна из первых резолюций, единогласно принятая конгрессом при оглушительных рукоплесканиях, гласит: „Признавая огромное значение классовой борьбы пролетариата за общие идеалы всего человечества, конгресс выражает свою полную солидарность со стремлениями и идеалами Социал-Демократической Рабочей Партии и обязуется всеми доступными средствами поддерживать пролетариат в его борьбе“.

Исходя из этого своего отправного пункта, с'езд принял следующую резолюцию о народной школе: „Принимая во внимание, 1) что народную школу посещают, главным образом, дети материально необеспеченных классов, 2) что интересы неимущих классов требуют развития классового самосознания,—собрание признает, что задача народной школы не только давать детям возможно большую сумму знаний, но и воспитывать из них сознательных граждан, которые в состоянии будут понять и отстаивать свои политические и экономические интересы. Для проведения же этого постановления в жизнь необходимо:

„1) освободить народную школу от какой бы то ни было школьной администрации и отдать ее в ведение местного коммунального учреждения, не считаясь с нынешней школьной администрацией,

„2) ввести всеобщее и обязательное обучение в народной школе для всех детей в возрасте от 8—14 лет, при чем дети должны получать одежду и содержание от общества, 3) ввести преподавание всех предметов на родном языке, оставив русский язык лишь в качестве одного из предметов преподавания, 4) ввести в программу народной школы преподавание политической экономии и законоведения и согласовать программу народной школы с программой средней школы“.

О школе переходного периода и школе будущего:

I. „В виду того, что теперешняя школьная администрация не может содействовать народному образованию, а, напротив, лишь тормозит его, конгресс постановляет вполне игнорировать учебную администрацию со всеми ее предписаниями и программами, а заведывание школами передать в руки общества, обладающего правом всеобщего, равного, прямого и тайного голосования“.

II. „Принимая во внимание, 1) что школа имеет как местное, так и общегосударственное значение, 2) что о содержании школы должно заботиться не только местное коммунальное учреждение, но и все государство, конгресс заявляет, что обновленная школа сможет существовать и привольно функционировать только тогда, когда в России будет установлено демократическое правительство с широким местным самоуправлением, при условии свободы самоопределения для всех национальностей и удовлетворения их культурных нужд (как язык, литература, искусство), при чем местное самоуправление должно быть согласовано с общегосударственной системой управления“.

III. „Принимая во внимание, 1) что в хорошем содержании школ заинтересовано как местное самоуправление, так и государство, 2) что имущие классы получают свой доход с неимущих, конгресс признает, что как во всем государстве, так и в местном самоуправлении должен быть введен подоходный прогрессивный налог“.

По вопросу о религии в школе:

„В виду того, 1) что современная религия и наука противоречат друг другу, 2) что религия—дело свободной совести, религии же вообще нельзя обучать,—конгресс признает, что церковь следует отделить от школы, равно как и от государства, и преподавания закона божия в школе быть не должно“

Резолюция о свободе национального самоопределения гласит:

„Принимая во внимание, что латыши, как и всякая другая национальность, кроме общих нужд, имеет еще свои культурные нужды, конгресс убежден, что при установлении местного самоуправления должны быть приняты во внимание эти культурные нужды и, как каждая национальность, так и латыши, будут по возможности об‘единены в одно общее областное самоуправление“.

В заключение нужно сказать, что латышские народные учителя, уже давно вступившие в ряды политических борцов под знаменем С.-Д. Р. П., особенно популярной среди местного населения, уже теперь достигли крупного успеха: администрация, долго и тщетно боровшаяся с этим народным движением, уже начинает признавать свое бессилие и лишь указывает учителям, что народные сходки и митинги не должны мешать правильному течению школьной жизни. Именно так, в рядах революционного пролетариата, под знаменем партии, выражающей его идеалы, должен итти народный учитель. На этом пути завоюет он и правовое положение для себя и политическую свободу для народа. Латышские народные учителя об‘единяются между собою на почве профессионального союза, с народом—на почве политической программы С.-Д. Рабочей Партии.

Самара.

(Корр. „Новой Жизни“.)

После знаменитых октябрьских дней наш город сильно переменил свою физиономию: все, что раньше пряталось в подполье, теперь выглянуло на свет божий. Деятельность Комитета Р. С.-Д. Р. П. стала почти легальной. Его влияние громадно не только среди широких рабочих масс, но и среди буржуазных элементов общества. Открытые митинги стали у нас обычным явлением. В народном доме имени Пушкина 4 раза в неделю собирается рабочий люд Самары и крестьяне окрестных деревень послушать революционеров-ораторов. Два раза в неделю митинги сзываются Комитетом нашей партии, и эти собрания отличаются особенной многолюдностью. На этих собраниях бывает до 6 тысяч человек. В последнее время комитет решил устроить ораторскую школу, где будут выступать товарищи пропагандисты перед небольшой публикой в 100—200 человек; многие еще не привыкли выступать на больших собраниях.

На митингах бывает много военных офицеров и в особенности солдат.

Недавно возникло движение среди грузчиков и чернорабочих, которые потребовали от биржевого комитета, чтобы им уплатили за дни октябрьской забастовки. Народ это, по большей части, темный, и полиция пыталась направить движение на путь погрома, однако и среди грузчиков нашлись люди, которые отнеслись отрицательно к идее погромов и взамен этого предложили своим товарищам: 1) об‘единиться в союз грузчиков и чернорабочих, 2) обратиться к крайним партиям с просьбой помочь в этом деле и взять нужды и интересы грузчиков и чернорабочих под свою защиту. Было устроено несколько собраний грузчиков, на которых выступали ораторы от Комитета нашей партии.

Чтобы предотвратить возможный погром, было решено обратиться в комитет общественной безопасности, чтобы последний способствовал удовлетворению требований грузчиков об уплате за забастовочные дни. Затем решено обратиться к „отцам“ города, чтобы немедленно были организованы общественные работы, которые хоть отчасти удовлетворят нужды безработного люда, наводнившего Самару.

Теперь Комитет принимает деятельное участие в забастовке почтовых чиновников.

Наша самооборона состоит из 600 вооруженных и организованных товарищей.

Царскосельский уезд.

По мере того, как революционная волна крестьянского движения, разливаясь, охватывает все большие и большие пространства,—в душу наших землевладельцев проникают страх и беспокойство. Именитые феодалы нашего уезда вдруг утратили веру в своих доселе робких и безответных данников-крестьян. Страх, а затем и паника усилились после того, как в владениях барона Ф. (ст. Сиверская) была найдена безграмотная прокламация черносотенского пошиба, извещавшая, что 10 ноября будет произведен погром всех имений. Этого вполне было достаточно, чтобы вспугнуть наших помещиков; недовольство крестьян всем давно уже было известно, и в памяти владетельных господ стали вставать грехи прошлого: вековой гнет крестьян, издевательства, экзекуции... Они решили „предотвратить погром“. 10 ноября в имении графа С. (село Орлино) у управляющего собрался совет убоявшихся: „светлейший“ князь В. (один из самых крупных землевладельцев нашего уезда), управляющие имений барона Ф. и местного стекольного завода, земский доктор Г. и др. Но в самый разгар их беседы приехал пристав и сообщил, что собрание не разрешается исправником. Несмотря на запрещение, все-таки решили обсудить положение дел. Пристав нагло заявил, что он будет присутствовать не как „власть имущий“, а как гость (!),—и собрание, примирившись с таким „гостем“, горячо начало обсуждение своих дел. Доктор Г., снискавший себе в уезде славу „красного“, сообщил собранию, что теперь такие времена, что все порядочные люди организуются в партии, а следовательно—почему бы и нам не примкнуть к какой-либо партии? Недолго спорили: самой подходящей для них партией явилась „партия правового порядка“; к той же партии следует привлечь и крестьян, а пока что нужно все-таки „предотвратить погром“. Было решено итти навстречу нуждам крестьянства и прежде всего сделать крестьянам „кой-какие“ земельные уступки: облагодетельствованные таким образом крестьяне, конечно, и сами не захотят погромов.

На следующее собрание непременно нужно пригласить и самих крестьян...

Оно состоялось 18 ноября. Должно быть „случайно“, но только на собрании оказались все тузы и толстосумы наших богатых сел, никакого отношения к земледелию не имеющие. Все эти „крестьяне“—владельцы заводов и торговых предприятий—охотно согласились во всем со своим организатором, но резолюции не вынесли, решив отложить это до другого, более удачного и более многочисленного „с‘езда“.

Слухи об этих „с‘ездах“ дошли и до наших крестьян. Дошли также слухи и еще об одном „радикальнейшем средстве“ барона Ф. предотвратить смуты и погромы: призыве казаков в уезд...

Все это вызвало живейшие толки в широких слоях крестьянства. Ненависть к казакам очень сильна, и появление их в уезде вызовет действительное, а не в фантазиях лишь барона революционное движение крестьянских низов.

Гельсингфорс.

(Корр. „Новой Жизни“.)

В Гельсингфорсе, на Сенатской площади, в воскресенье, 13 ноября, рабочие социал-демократы и члены обществ трезвости устроили грандиозный митинг протеста против решения городских уполномоченных увеличить полицейский резерв на 700 человек.

Эта мера была принята, якобы, для поддержания порядка в городе, но на самом деле, как верно отметил товарищ Микко Пинрайнен, направлена против национальной гвардии рабочих т. наз. „красной гвардии“, организованной капитаном Кок. Последняя была образована при самом начале стачки рабочими действительно для поддержания порядка и действительно во все время стачки образцово его поддерживала. „Красная гвардия“ не вооружена.

„Рабочие,—говорил оратор,—и их «красная гвардия» освободили страну от диктатуры, а ныне ее хотят подавить при помощи полицейского резерва, который хотят создать городские уполномоченные под предлогом поддержания порядка и защиты

сейма, этого подгнившего учреждения... И для создания этого резерва предлагают 600.000 марок, взятых из карманов рабочих"...

Затем была принята следующая резолюция:

1) Организованные рабочие считают позором и провокацией предложение городских уполномоченных об ассигновании 600.000 марок на усиление кадров полиции и требуют немедленного уничтожения этого постановления.

2) Предложение капитана Жеслева о создании „гвардии защиты" является провокацией против народа. Решение об устройстве ее немедленно должно быть уничтожено.

3) „Красной гвардии" должно быть высказано самое глубокое одобрение. Она не распускается.

4) Если городские уполномоченные не исполнят этих требований, то рабочие умывают руки во всем, что может явиться последствием этого.

Затем говорило несколько других ораторов, при чем одна женщина-оратор заметила, что, если капиталисты начинают оттачивать мечи, то и рабочие последуют их примеру. Затем демонстранты в полном порядке направились к квартире председателя городских уполномоченных, директора банка Нормен, где „красная гвардия" со своим знаменем стала „на страже" у ворот, в то время как три депутата вошли в дом и прочли г. Нормен принятую резолюцию. Последний уверял депутатов, что намерение временно образовать усиленный полицейский резерв совсем не направлено против организованных рабочих, и обещал в первом же заседании сообщить городским уполномоченным принятую резолюцию. После этого демонстранты мирно разошлись по домам. Эта демонстрация еще раз подчеркнула тесную сплоченность партии рабочих, когда дело идет о защите своих классовых интересов, а прозвание „бобриковские младенцы", которым рабочие ораторы метко окрестили городской магистрат, является в настоящее время ходким словечком во всем городе.

Из Бахмута (Екат. губ.) сообщают, что местные черносотенцы и провокаторы ведут в настоящее время на базарах усиленную агитацию среди крестьян; смысл ее таков: известная царская милость (?) насчет выкупных платежей дадена, мол, в награду за еврейские погромы и избиения, бывшие по всей России в конце октября.

Редактор-издатель ***Н. М. Минский.***

Издательница ***М. Ф. Андреева.***

ПЯТНИЦА, 25 НОЯБРЯ
(8 декабря) 1905 г.

№ 21

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

Новая Жизнь

Российская
Социал-Демократическая
Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Союз бронзо-литейного цеха

оповещает, что состоится собрание в воскресенье, 27 ноября, в 10 час. утра, Соляной Городок, Техническое общество. Вход по билетам. Билеты можно получать: Коломенская ул., дом 31, кв. 16. Желающие примкнуть жестяники могут прислать депутатов.

С.-Петербург.

25 ноября 1905 г.

Избирательный закон в Гос. Думу.

На приеме делегатов „партии правового порядка“ гр. Витте заявил, что вопрос об избирательной системе в Гос. Думу принципиально решен. Всеобщее избирательное право отвергнуто. В основу выборов положен закон 6 августа, расширенный в духе обещаний манифеста 17 октября. Правительство бросает народу перчатку. Мы возвращаемся к дооктябрьскому положению дел.

В чем состояла сущность закона 6 августа? Против чего восставал пролетариат России, ответив на Гос. Думу грандиозным революционным взрывом?

Закон 6 августа означал подтасовку общественных сил, подмену прогрессивных элементов общества элементами реакционными, черносотенными. Дума 6 августа должна была мобилизовать черносотенные силы и представить их в роли выразителей интересов всего общества. В самом деле. Путем грубого передергивания цифр городское население подавлялось сельским, так что на 500 с лишним депутатских мест городам предоставлено было только 36. Мало того. Крупные города, особенно города промышленные, культурные, играющие передовую роль в жизни страны, подавлялись городами провинциальными, отсталыми. Таким образом, какому-нибудь Курску, Воронежу и т. п. дано было относительно гораздо большее представительство, чем Петербургу, Москве, Одессе или Варшаве. Провинциальное купечество — эти Разуваевы и Колупаевы, — герои „первоначального накопления“ получали непомерные привилегии по сравнению с более прогрессивной крупной буржуазией промышленных городов. Путем искусственной подтасовки цифр черносотенные элементы подавляли элементы прогрессивные.

То же самое — и в еще большей мере — было осуществлено и в деревне. Произвольное распределение отдельных групп избирателей в разных местностях, в зависимости от революционного или реакционного характера данной группы, проведено до мельчайших подробностей. Этим путем „мирное“, „спокойное“ крестьянское население севера и востока получало абсолютное большинство в губернских избирательных собраниях. Напротив, в западных — особенно в Прибалтийских губерниях, а также в губерниях промышленных и „бунтарских“, крестьяне были подавлены перевесом землевладельческих и купеческих голосов. Так, по всей России, по всем губерниям и уездам, до последнего глухого уголка, были подобраны и предусмотрены все цифры. Приступая к столь существенному преобразованию государственной жизни, — говорилось в мемории совета министров, — необходимо вперед знать возможный состав будущей Гос. Думы, убеждения и дееспособность ее членов. И все это было предусмотрено, — быть может, в департаменте полиции были даже намечены желательные кандидаты.

Все было предусмотрено и намечено. Только одного не предусмотрели. Не предусмотрели того, что придет действительный хозяин страны, о котором совсем забыли в законе, сметет, как карточный домик, хитроумные построения чиновников. И так случилось. В бурные октябрьские дни закон 6 августа был опрокинут, а с ним заодно был низвергнут и вековой самодержавный порядок. Правительство, не пожелавшее дать пролетариату избирательное право, должно было заплатить за это ценою своего самодержавия. Самодержавие было разбито; оно вынуждено было признать это открыто в манифесте 17 октября. Октябрьские события заставили правительство дорого заплатить за свое упрямство. Они дали ему, казалось, хороший урок.

Но кого история обрекла на гибель, у того она отнимает разум. Урок прошел даром. Реакция доказала, что она ничему не научилась. После шести недель упорной борьбы, изрешетившей весь старый порядок, из затхлых тайников канцелярии выползает опять тот же самый закон 6 августа, то же издевательство над массой рабочих и крестьян. Недомыслие или провокация? Но для того, чтобы провоцировать на открытое восстание, нужно иметь силу для подавления этого восстания. А события каждый день показывают, что сила старого порядка тает, как лед под лучами весеннего солнца. Но если это недомыслие, если это неспособность правительства понять

грозный исторический момент, то этим самым оно санкционирует ту силу, которая стремится его низвергнуть, ибо власть, неспособная понять потребностей момента, тем самым подписывает себе смертный приговор.

Пролетариат и крестьянские массы выставили свои требования — прямые, ясные требования — созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. От этого минимума они не отступят ни на шаг. Правда, и при свободе и парламентаризме борьба не прекратится — упорная классовая борьба пролетариата за его полное освобождение от гнета капитала, но это будет борьба, введенная в русло законности, борьба, какую мы видели в Западной Европе. Но чтобы была возможна такая борьба, необходимо право всякого гражданина на участие в государственной жизни и политике страны через непосредственно выбранных им представителей. И этого русский пролетариат добьется. Правительство упрямится. Уроки революции его еще не научили. Оно уже заплатило за свое упрямство ценой самодержавной власти. Но у него есть еще власть, а следовательно, оно ее еще может потерять.

Ю. Адамович.

Социализм и анархизм.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов постановил вчера, 23 ноября, отклонить просьбу анархистов о допущении их представителей в Исполнительный Комитет и Совет Рабочих Депутатов. Причину этого постановления сам Исполнительный Комитет изложил следующим образом: „1) во всей международной практике с'езды и социалистические конференции не имеют в своем составе представителей анархистов, как не признающих политической борьбы в качестве средства для достижения своих идеалов; 2) представительство может быть от партии, а анархисты не партия“.

Мы считаем решение Исполнительного Комитета в высшей степени правильным шагом, имеющим громадное и принципиальное и практически - политическое значение. Конечно, если бы рассматривать Совет Рабочих Депутатов как парламент рабочих или как орган самоуправления пролетариата, тогда отказ допустить анархистов был бы неправилен. Как ни ничтожно (к счастью) влияние анархистов в нашей рабочей среде, все же некоторое число рабочих на их стороне, несомненно, имеется. Составляют ли анархисты партию, или организацию, или группу, или вольный союз единомышленников, это — вопрос формальный, не имеющий серьезного принципиального значения. Наконец, если анархисты, отрицая политическую борьбу, сами просятся в учреждение, ведущее эту борьбу, то такая вопиющая непоследовательность показывает, конечно, лишний раз всю шаткость миросозерцания и тактики анархистов. Но исключить за шаткость из „парламента“ или „органа самоуправления“, разумеется, нельзя.

Решение Исполнительного Комитета кажется нам вполне правильным и нисколько не противоречащим задачам этого учреждения, его характеру и составу. Совет Рабочих Депутатов не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей.

В эту боевую организацию входят, на началах временного, неоформленного боевого соглашения, представители Российской Социал - Демократической Рабочей Партии (партии пролетарского социализма), Партии „Социалистов-Революционеров“ (представители мелкобуржуазного социализма или крайняя левая революционной буржуазной демократии), наконец, много рабочих „беспартийных“. Эти последние являются, однако, не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энтузиазмом, энергией и самоотвержением. Поэтому вполне естественно будет включение в Исполнительный Комитет и представителей революционного крестьянства.

По существу дела Совет Рабочих Депутатов является неоформленным, широким боевым союзом социалистов и революционных демократов, при чем, конечно, „беспартийная революционность“ прикрывает целый ряд переходных ступеней между теми и другими. Необходимость в таком союзе очевидна для ведения политических стачек и других, более активных, форм борьбы за насущные, признанные и одобренные гигантским большинством населения, демократические требования. Анархисты в таком союзе будут не плюсом, а минусом; они внесут лишь дезорганизацию; они ослабят этим силу общего натиска; они еще „могут спорить“ о насущности и важности политических преобразований. Исключение анархистов из боевого союза, проводящего, так сказать, нашу демократическую революцию, вполне необходимо с точки зрения и в интересах этой революции. В боевом союзе место только тем, кто борется за цель этого союза. И если бы, например, „кадеты“ или „партия правового порядка“ набрали даже по несколько сот рабочих в свои петербургские организации, — Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов едва ли бы открыл свои двери представителям подобных организаций.

В об'яснение своего решения Исполнительный Комитет ссылается на практику международных социалистических с'ездов. Мы горячо приветствуем это заявление, это признание идейного руководства международной социал - демократии со стороны органа Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Российская революция уже приобрела международное значение. Противники революции в России уже входят в заговоры с Вильгельмом II, со всякими мракобесами, насильниками, солдафонами и эксплоататорами в Европе против свободной России. Не будем и мы забывать о том, что полная победа нашей революции требует союза революционного пролетариата России с социалистическими рабочими всех стран.

Международные социалистические с'езды не даром приняли решение о недопущении анархистов. Между социализмом и анархизмом лежит целая пропасть, которую тщетно пытаются представить несуществующей провокаторствующие агенты сыскной полиции или газетные прислужники реакционных правительств. Миросозерцание анархистов есть вывороченное наизнанку буржуазное миросозерцание. Их индивидуалистические теории, их индивидуалистический идеал находятся в прямой проти-

воположности к социализму. Их взгляды выражают не будущее буржуазного строя, идущего к обобществлению труда с неудержимой силой, а настоящее и даже прошлое этого строя, господство слепого случая над разрозненным, одиноким, мелким производителем. Их тактика, сводящаяся к отрицанию политической борьбы, раз'единяет пролетариев и превращает их на деле в пассивных участников той или иной буржуазной политики, ибо настоящее отстранение от политики для рабочих невозможно и неосуществимо.

В теперешней российской революции задача сплочения сил пролетариата, организации его, политического обучения и воспитания рабочего класса выдвигается вперед особенно настоятельно. Чем больше бесчинствует черносотенное правительство, чем усерднее работают его агенты-провокаторы над разжиганием дурных страстей темной массы, чем отчаяннее хватаются защитники заживо разлагающегося самодержавия за попытки дискредитировать революцию посредством организуемых ими грабежей, погромов, убийств из-за угла, посредством спаиванья голытьбы, — тем важнее эта задача организации, падающая прежде всего на партию социалистического пролетариата. И мы употребим поэтому все средства идейной борьбы, чтобы влияние анархистов на русских рабочих осталось столь же ничтожным, каким оно было и до сих пор.

Н. Ленин.

Русская печать.

*** Официозный орган русского министерства иностр. дел — „Journal de St.-Petersbourg" — поместил в № 310, без всяких комментариев, след. заметку из „Energie Française":

Что думать о Максиме Горьком, который, не являясь, строго говоря, другом евреев, до сих пор всегда защищал их и теперь, под влиянием последних событий, вынужден резко выступить против них! Возбужденный призыв, который он напечатал в первом № своей газеты „Новая Жизнь", превосходит по резкости все, что можно было предполагать; вся его программа сводится к крику: „смерть жидам!"

Как известно, сейчас же после выхода № 1 нашей газеты, где была перепечатана черносотенная прокламация, всю Европу облетела сплетня о юдофобском характере „Новой Жизни". Сплетня эта была пущена корреспондентом „Daily Telegraph" и тогда же была опровергнута и раз'яснена многими влиятельными иностранными газетами. Но если англичанин мог впасть в заблуждение относительно цели перепечатки прокламации, то петербургский официоз этим оправдан быть не может. Следовательно, „Journal de St.-Petersbourg" сознательно напечатал клевету, желая использовать имя М. Горького для антисемитской агитации и оправдания такой агитации со стороны своих патронов. Раз'яснять моральную ценность таких приемов излишне. Мы отметили только этот факт, чтобы пригвоздить к позорному столбу хулиганствующую газету и тех, кто скрывается за ее спиной.

Завоевания революции.

Как-никак, а почти годовой период революции заставил даже реакционные элементы признать завоеванные позиции и исходить в своих требованиях из этих завоеваний. Так, например, все реакционные организации приняли платформу 17 октября, т. е. признали ограничение самодержавной власти и установление гражданских свобод. Этот шаг вперед сопровождался некоторым просветлением реакционной мысли, и благонамеренные элементы начинают что-то соображать. Если верить г-ну Сыромятникову из „Слова", то имущие классы

не верят ни в силу, ни в уменье, ни в добрую волю правительства оградить их достояние. А раз только для имущих классов выгоднее войти в сделку с революцией, чем с правительством,—дело правительства проиграно. Если граждане сами должны разбирать письма в почтамте и разносить их по домам, это значит, что правительства не существует и ему не зачем существовать. Добровольные почтальоны подразумевают добровольную полицию, добровольное войско (национальную гвардию), третейский суд и т. д. и т. д., подразумевают, одним словом, замену государства обществом. Тогда для чего же содержать дорого стоющее и непроизводительное правительство?

Но не подумайте, что „Слово" готово примкнуть к революционному движению и путем „сделки" спасать „имущие классы". О, нет. По крайней мере, сегодня еще нет. Но и то, что предлагает „Слово" на сегодня, свидетельствует о том, что революция учит и реакционеров.

— „Пора нам, наконец,—восклицает «Слово»,—сбросить маски друг с друга и подсчитать, сколько нас за порядок и сколько врагов наших, безумных или злых, не понимающих, что продолжение беспорядков означает либо военную диктатуру и бесповоротную реакцию, либо окончательное разложение государства и междоусобную резню!

„Пора нам, наконец, сбросить маску и с правительства и поставить ему ультиматум: или доказать нам на деле, что оно имеет определенный план мероприятий, или пусть оно признает свою несостоятельность и уступит место другим, которые бы не играли в политику, а осуществили бы на деле великие задачи, только намеченные манифестом 17 октября".

Совершенно верно. Правительство доказало полную неспособность „умиротворить" страну, т. е. дать такие реформы, после которых политическая борьба могла бы войти в нормальное русло парламентской борьбы. Теперь же вопрос может быть разрешен только борьбой, и борьба разгорается.

Вопросы дня.

Белосотенцы.

Торговля народной свободой в полном ходу. 22 ноября из московского магазина галантерейного либерализма, именуемого с'ездом зем. и гор. деятелей, прибыли в город Петербург три опытных коммивояжера: „Иван Петрункевич, Сергей Муромцев и Федор Кокошкин". Они привезли с бобой условия торговой сделки между правительством и либералами. В заголовке условий значится: „его сиятельству господину председателю совета министров, графу Сергею Юлиевичу Витте". Тон коммивояжеров чрезвычайно возвышенный и благородный. Чтобы

иметь возможность продать товар своего либерализма с наибольшей прибылью, они, как и полагается опытным продавцам, показывают его лицом.

„За все время существования и деятельности с'езда,— усердствуют наши коммивояжеры, — он в своих резолюциях указывал государственные преобразования, безусловно необходимые для устроения и умиротворения страны".

В переводе на обычный язык гостиного двора это значит: товар первый сорт, износу не будет!

Все несчастья „страны" и „правительства" происходили, по заявлению приказчиков русского либерализма, исключительно оттого, что правительство не обращалось в магазин под фирмой „Земский С'езд, Петрункевичи Братья и К°.

„К сожалению, никогда еще указания с'езда не принимались во внимание правительством своевременно и в полном об'еме... Это не могло, конечно, остановить неизбежного исторического хода вещей (да неужели? Какая скромность!), но лишь замедляло и осложняло его к громадному ущербу как для всей страны, так и для авторитета власти".

Последнее, пожалуй, справедливо: заключи правительство своевременную сделку с земско-городской буржуазией, они, быть может, сумели бы совместно изыскать средства к усилению „авторитета власти", усевшись рядышком на пролетарской шее. Но если это и было возможно, то во времена до революции, теперь же, в ее разгаре, пролетарская шея поднялась слишком высоко, чтобы ее могли оседлать граф Витте и Иван Петрункевич с К°.

Но коммивояжеры не понимают этого и продолжают надрываться:

„Себе в убыток продаем, видит бог, себе в убыток!" — кричат они, перелагая этот зазывной крик в следующие округленные фразы на имя „его сиятельства":

„С'езд не есть партия и говорит не от имени какой-либо партии или класса. Те условия умиротворения страны, которые он указывает, — не партийные домогательства, не «уступки», которых земские и городские деятели требуют для себя".

Продавая „себе в убыток" залежавшийся товар своего либерализма и заботясь лишь об интересах „почтенной публики", коммивояжеры, разумеется, ставят „цены без запроса".

„Не требуя ничего для себя, с'езд ничего не может уступить (подлинное выражение) из выставленных им условий".

— Ни копейки уступить не можем-с! — притворяются приказчики, делая убежденное и искреннее выражение лица. Но Витте, конечно, не поверит. Он в этих делах опытен, он хорошо знает, что, коли со всех полок магазина лезет в глаза одна и та же надпись: „цены без запроса" — значит за полцены отдадут. Пройдет немного времени — и на тех же полках будет написано: „По случаю перехода в новое помещение (№ 3 дума „с учредительными функциями") дешевая продажа".

Знает Витте и не торопится, даже в разговор не вступает. Земцы к нему и так и сяк подходили, а „граф выслушал, но ответа не дал" (см. отчет об аудиенции земцев у Витте).

Торговля, таким образом, в полном ходу. Сначала правительство сторговалось с черной сотней, покупая ее по пятиалтынному да по косушке за человека. Пример черной сотни подействовал заразительно и возбуждающе на сотню белую, дворянско-либеральную, и она выслала трех главарей уговориться насчет цены.

На десятой версте от столицы...

(Памяти жертв 9 января.)

* * *

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы,
И целует болотный туман...
В январе эти птицы видали,
Как солдаты на поле пришли,
Как всю ночь торопливо копали
Полумерзлые комья земли;
Как носилки одну за другою
С мертвецами носили сюда,
Как от брошенных тел под землею
Расступалась со свистом вода.
Как холодное тело толкали
Торопливо в рогожный мешок,
Как в мешке мертвеца уминали,
Как сгибали колена у ног...
И видали зловещие птицы
(Не могли этой ночью заснуть),
Как бледнели солдатские лица,
Как вздыхала солдатская грудь...

* * *

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы,
И болотный целует туман...
Под глубоким, пушистым налетом
Ослепительно-белых снегов
Мертвецы приютилися — счетом
Девяносто рогожных мешков...
Нераздельною, братской семьею
Почиют они в недрах земли:
Кто с пробитой насквозь головою,
Кто с свинцовою пулей в груди...
И зловещие видели птицы,
Как в глубокий вечерний туман,
Запыленные, грязные лица
Приходили на этот курган...
Как печально и долго стояли
И пред тем, как с холма уходить,
Все угрозы кому-то шептали
И давали обет отомстить!..

* * *

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...

Пусть торгуются. Все равно сделке не бывать. В ответ на хулиганские завывания черной сотни и умильные ужимки сотни белой красная сотня все выше вздымает свой пролетарский стяг. И все честное, все смелое, искренно жаждущее свободы стремится под этот флаг, и красная сотня превращается в огненные миллионы революционных бойцов.

Несколько слов „Сыну Отечества“.

„Сын Отеч.“ упорно продолжает кричать чуть ли не в каждом номере, что „Новая Жизнь“ оклеветала „партию“ социал-революционеров насчет преклонения перед стихийностью вообще, насчет отношения к аграрному террору в частности.

Совершенно напрасно кричит „Сын Отечества“. „Начало“ указало уже ему на то, что из социал-революционерских брошюрок не трудно было бы привести цитаты насчет истинного отношения „партии“ социал-революционеров к аграрному террору, и закончило свою справедливую отповедь словами sapienti sat, но „Сын Отеч.“ не унимается.

В своей статье „Аграрное движение“ („Н. Ж.“ № 11) я дал характеристику этого движения в Саратовской губ. вообще, в округе села Николаевский Городок в частности. Аграрное движение в Саратовской губ. вообще носило стихийно-разрушительный характер; если и были примеры сознательного, планомерного ведения дела, то они буквально тонут в общей картине. Социал-революционеры же вечно на всех перекрестках кричали, что руководство крестьянским движением в Саратовской губ. в их руках, что там они утвердились прочнее, чем где-либо в России, и т. д. и т. д. Чего же вам нужно, господа? Ведь одно из двух: если действительно вы работали в Сарат. губ. чуть ли не 5 лет, если действительно в ваших руках было крестьянское движение хоть не во всей губ. (это, конечно, были просто ваши обычные 35 тыс. курьеров), но хоть в одном уезде, но хоть в значительной части какого-нибудь одного уезда, и если вы там вели деятельную агитацию против аграрного террора, то почему же общая картина руководимого вами движения носит в такой степени стихийно-разрушительный характер? Или же аграрное движение в Сарат. губ. не ваших рук дело, а просто обычное крестьянское стихийно-разрушительное движение, а вы — вы просто пытались к нему примазаться, но руководство им хотя бы в слабой степени захватить не смогли.

Рядом с общей картиной движения я дал характеристику движения в с. Николаевский Городок. Вы смеетесь, господа? Всего, мол, одно село? Вы иронически называете это село „отныне историческим“? Что же делать? Ведь на ваш... „размах“ с.-д. никогда и не претендовали. В с. Ник. Городок они действительно создали организацию, действительно руководили движением, а не движение тащило их за собой, и действительно провели то, что к проведению было намечено. Если саратовские социал-демократы не достигли таких результатов в других местах Сарат. губ., то ведь саратовские с.-д. никогда и не заявляли, господа, что в их распоряжении 35 тыс. курьеров!

Очень жаль, конечно, что нашу с вами полемику по этим пунктам нельзя сейчас документировать. Где найдешь теперь ваши листки, все ваши листки, которые циркулировали в Саратовской губ. в последние годы?

Его любят зловещие птицы,
И болотный целует туман...
В мае птицы зловещие эти
У кургана видали народ,
И мельканье противное плети,
И пронзительный пули полет;
Как, измучившись тяжкой борьбою
И неравной, — толпа поддалась,
Как кровавое знамя родное
Казаком было втоптано в грязь...
Но зловещие птицы узреют —
И близка уже эта пора! —
Как кровавое знамя завеет
Над вершиной родного холма!..

П. Эдиет.

Девочка.

Из-за угла показалась разношерстная толпа. Она наполнила улицу от одного ряда каменных домов до другого, теснясь и толкаясь, работая локтями, наваливаясь друг на друга и подталкивая друг друга — все вперед, все вперед! Все были в диком смятении, прокликали врагов отечества и распевали угрожающие песни. Ото всех пахло водкой. Лица были красные и возбужденные, с бессмысленными глазами.

Передовые отряды уже хозяйничали на окраинах города: грабили и поджигали бедные дома, скучившиеся и покорно растворявшие свои двери перед натиском дикой силы, разоряли убогие лавчонки, убивали всех и каждого, окрашивали свои руки человеческою кровью... Рыжеватые облака дыма, перерезанные кое-где огненными молниями, грозно окутывали горизонт.

Все вперед! все вперед! Туда, где жертвы не могут сопротивляться и отвечают на насилие нечеловеческими стонами! К преступлениям!.. На чудовищный праздник смерти!.. Толпа валила, напирала и развертывалась, с оглушительными криками, перекидываясь ругательствами и бесстыдными шутками... Мрачные, страшные люди разговаривали о девушках. На деревьях на-ряду с желтыми красовались свежие, темнозеленые листья, как нетронутые плоды. Была ранняя осень, серенькое небо и ласковый холодок. В помутневшем воздухе вырисовывалась высокая колокольня. Бесформенное выцветшее облако застыло в небе над колокольней.

Девочку в ситцевом платочке, несшую картонку с платьем, живо смяли, и она упала с недоумевающим коротким криком на грязную мостовую, под тысячу ног, под тысячу смертоносных пинков. Картонка была разда-

„Еще в нынешнем году,—пишет нам член аграрной группы Сарат. К-та Р. С.-Д. Р. П,—я видел листок, в котором крестьяне... призывались к протесту «кто как может».

Иначе говоря, ваша партия, господа, выдавала саратовскому крестьянству carte blanche именно в тот период движения, когда аграрный террор практиковался уже на широкую ногу. Что же это? Не преклонение перед стихийностью?

Или спросите любого члена аграрной группы Саратовского Комитета Р. С.-Д. Р. П., на какой почве приходилось ему главнейшим образом вести борьбу с вашими товарищами в деревне; они все отвечают: на почве аграрного террора.

Вы утверждаете противное? Вы говорите, что и вы проповедывали крестьянам организацию прежде всего забастовки, бойкот, борьбу на сходах и т. д.? И здесь не могу согласиться с вами, господа, ибо ваши товарищи в Саратовск. губ. систематически высмеивали эти лозунги, давно уже выставленные соц.-демократией, и именно соц.-демократы отстаивали их в деревне в борьбе с вашими товарищами и встречали всегда сочувственный отклик среди крестьян.

Может быть, за последнее, сравнительно, время под влиянием соц.-дем.-ой агитации, под влиянием грандиозного забастовочного движения, вы, действительно, тоже начали выдвигать эти лозунги. Вы это утверждаете. Не верить вам не так чтобы очень ловко было, но и верить вам целиком в виду вышеизложенного тоже, согласитесь, нелегко. Еще маленький пример: вы утверждаете, что ваши дружинники отстояли в Балашовском уезде от поджога паровую мельницу Унковского; а нам вот сообщают, что, напротив, рабочие с мельницы Унковского чуть не три дня отстаивали мельницу от ваших дружинников, желавших ее сжечь. Ну, что тут будешь делать?

Нет, господа, еще и еще раз: Sapienti sat. Ведь всякий знает, что проповедь аграрного террора практиковалась всегда широко вашей „партией". Теперь вы уже больше не преклоняетесь перед стихийностью? Очень хорошо! Начинаете понимать, что аграрный террор вещь в высшей степени вредная? Прекрасно! Искренно радуемся за вас, выравнивайтесь на здоровье! А насчет того, что у вас фактически никогда не было 35 тыс. курьеров, чтобы действительно руководить крестьянским движением, так этим особенно не смущайтесь: мы-то ведь всегда знали, что их у вас нет.

И. Г.

Ольга Михайловна Генкина.

Нет больше милой, хорошей Ольги Генкиной, нет больше одного из товарищей по партии. 16 ноября на станции Иваново, Моск.-Яросл. жел. дороги, она была растерзана толпой подкупленных полицией черносотенников. Впервые известие о ее смерти мы прочли в № 10.665 „Нового Времени". Освещение этого ужасного события сделано „по-нововременски"—тут есть и „народ" и „рабочие", возмущенные ее революционной деятельностью, тут есть и рыцари-жандармы, „тщетно пытающиеся спасти ее", тут есть, наконец, и еврейский тип ее лица, как одна из причин ее смерти,—одним словом, есть все, чем полно каждое правительственное сообщение о зверствах черной сотни...

влена. Девочка, не потеряв еще сознания, ощущала ужасную боль во всем теле. От страха и неожиданности она ничего не могла сообразить. Темнорусая головка пачкалась в грязи.

Чьи-то руки нащупали барахтавшееся детское тело. Мужчина с длинными щетинистами усами вытащил девочку из-под тысячи ног и поволок ее в сторону, под ворота большого желтого дома, с тусклым фонарем и мирно спавшими неосвещенными окнами. Толпа, топая, гикая, перекликаясь и бесчинствуя, уходила все дальше, увлекаемая инстинктом разрушения, ослепленная своим невежеством.

Девочка раскрыла свои распухшие голубые глаза. Ей казалось, что какие-то невидимые клещи стискивали ее горло, ситцевый платочек развязался, с губ закапала кровь. Под воротами было сыро, зловонно и грязно.

Мужчина с искаженным лицом пододвинулся к ней ближе и дрожащими пальцами ухватился за ее юбку. Глаза его подмаргивали и косили, как у зверя, когда он вцепится в свою добычу.

Девочка закричала. Что-то невероятно уродливое, неслыханное, чудовищное зародилось в ее сознании: она стала понимать. Дикие крики неслись уже издали, из темной бездны всколыхнувшегося города... крики убийства и крови!.. Горизонт пылал ярче.

К девочке подходили мужчины и грубыми руками стискивали опозоренное тело. Она металась и стонала, потные руки зажимали ее крошечный дрожащий ротик. Они накидывались с леденящими душу словами и жестами на маленькое тело, валявшееся в уличной грязи. Потом вставали и, рыча, как звери, шли дальше—к предсмертным проклятьям... к кровавому зареву смерти!..

Девочку торопливо завернули в изорванное тряпье и бросили на середину улицы. Несколько желтых листьев с печальным шорохом перекатывались по неподвижному телу. На черную, слегка подмерзшую землю медленно стекали струйки еще теплой крови. В небе лучисто заблестели две-три серебряные звездочки.

На окраинах города все еще не затихнул разгром.

И там, и тут, и везде!.. Сваленные в кучи трупы! Сожженные дома! Насилие и преступление! Не останавливаются убийцы, обезумевшие в своем ослеплении... Не боятся гнева земли! Не боятся ее проклятья! Не ведают про солнце угнетенных, солнце рабов и обездоленных, которое взойдет над миром!

Мирэ.

И, читая эти лживые, немые строчки, чувствуешь, как мучительно сжимается сердце, как обливается оно кровью, как в голове толпится целый рой страшных, тяжелых мыслей. Чувствуешь, что случилось нечто безумное, ужасное, непоправимое... Пред глазами стоит целый ряд картин, залитых кровью зверски убитой мученицы-революционерки.

Вот она, молодая, бесстрашная, полная силы и энергии, перевозит из города в город оружие для революционеров. Ничего не подозревая, она оставляет на станции свой чемодан, а сама идет в город, где ее ждет какое-нибудь революционное дело. Чемодан наполнен револьверами, и жандармы в ее отсутствие уже узнали это...

Вот она, в ужасе и страхе, вместе со своей подругой вбегает в здание вокзала, преследуемая обезумевшей от ярости и вина толпой натравленных на нее полицией черносотенников. Страшный клик: „смерть, смерть жидовке“ потрясает воздух. Пьяные зверские лица, сжатые кулаки, дикий рев — вот что стоит за ее спиной, — а впереди немые, официальные лица жандармов, которые „пытались успокоить народ“.

Смерть, неминуемая смерть, как страшный кошмар, стоит уже за ее спиной, и кругом нет ни одного дружеского лица, нет ни одной дружеской руки... Она и еще одна, такая же беззащитная девушка, ее подруга, предоставлены судьбе, отдаются на глазах людей в жертву страшным зверям... Это бушующее море купленных за деньги и обезумевших от пьяного угара людей — оно хочет, оно жаждет крови... Воспаленные глаза, дикий вой и гул... Смерть приближается неумолимо и грозно...

А жандармы?! Они со злорадным удовольствием созерцают дело своих рук, они радуются, что их план убийства близок к окончанию.

„Они пытались успокоить народ,—говорит корреспондент продажного Виттевского официоза, — но ничто не помогло“.

„Когда несчастная девушка в ужасе искала спасения в бегстве, жандармы схватили ее и вытолкнули озверевшей толпе“,—так сказали мне товарищи, знающие подробности этой ужасной драмы...

„На под‘езде станции приезжая девушка, — говорит корреспондент,—в один миг была разорвана озверевшей толпой“...

Исполняя вначале сравнительно несложную техническую работу, она сумела и в это маленькое дело внести обычные для нее энергию, любовь к делу и уменье.

Я встретил ее впервые осенью 1903 года, когда она исполняла функцию организатора техники при одном из районов города Петербурга. Я помню ее милое, прекрасное лицо, вечно смеющееся, помню ее большие черные горящие молодостью и жизнью глаза, помню ту атмосферу энергии и жажды жизни, которая всегда окружала ее.

Помню, как-то я сказал ей, что техническая работа мне надоела, что я хотел бы более интересной и живой работы.

„Всякая работа и жива и интересна — нужно только отдаться ей всей душой“,—отвечала мне Ольга.

Да! Она умела отдаться и отдавалась делу всей душой.

Как вполне сознательная социал-демократка, она не могла принимать горячего участия в академических движениях своих товарок и участвовала в них постольку, поскольку их можно и нужно было использовать в целях социал-демократического движения.

Весной 1904 года она была арестована первый раз и пробыла в доме предв. заключ. 5 месяцев. Под залог 1000 р. она была освобождена, и по манифесту ее дело было прекращено.

С осени 1904 года она снова стояла на боевом посту партийного работника, в качестве одного из организаторов района. Многие рабочие, особенно из Выборгского района, до сих пор с любовью вспоминают „Соню“ — это было ее партийное имя.

9 января она была арестована во второй раз и пробыла в „предварилке“ три месяца. В самый же день выхода из тюрьмы она, радостная и веселая, улыбаясь всему бодрому и живому, остановилась у ворот тюрьмы и крикнула проходившему мимо офицеру: „Долой самодержавие!“. За это через несколько дней она вновь была арестована и, просидев около месяца, была освобождена.

Оставаться в Петербурге ей было нельзя, так как все сыщики великолепно знали ее. Она поехала в Нижний-Новгород, где продолжала все с той же силой и энергией свою революционную работу в рядах нашей партии. Это было в апреле или мае 1905 года.

7 сентября она была арестована в четвертый и уже последний раз и в половине октября, кажется, по амнистии, была освобождена. Не знаю, где она работала этот последний месяц в своей так безвременно и трагически оборвавшейся жизни. Утверждение корреспондента продажной газеты о том, что она работала в Иваново-Вознесенске 3 года и была известна тамошним рабочим „как ярая революционная пропагандистка“, утверждение, на котором построен весь лживый рассказ о ее смерти, есть выдумка самого корреспондента. Такой же выдумкой являеется ее, якобы, еврейская наружность. Ольга Генкина была чисто русской, и в ее прекрасном лице я не замечал ни одной еврейской черты.

Но ведь без этих вымыслов не могла быть написана картина „суда народа над его врагом“!

Но не удастся вам, лживые и продажные люди, извратить смысл этой ужасной драмы, не удастся вам оклеветать народ и рабочих — вам никто не верит!

Ольга Генкина отдала делу рабочего класса всю свою молодость, все свои силы и знания, она отдала ему самое ценное и дорогое — свою жизнь.

И долго будет помнить русский рабочий прекрасный образ дорогой девушки, убитой за его счастье, его свободу и его великую борьбу.

Спи же спокойно, любимый, дорогой товарищ! Твоя смерть совпала с новой зародившейся жизнью — жизнью русского революционного войска, и скорая неминуемая победа ждет твоих братьев по духу и делу. Уже близится грозное, могучее всероссийское восстание, и оно сумеет отмстить за твою загубленную жизнь!..

Вся твоя жизнь, твоя энергия, преданность делу и самоотверженность вселяют в нас страстную жажду продолжать работу и вести ее так же неуклонно, как вела ее ты.

Вен. Краснов.

ТЕЛЕГРАММЫ.

В Совет Рабочих Депутатов.

Из Велюня, 24 ноября. (Копия.)

От глубины души нашу общую благодарность дельным борцам, поддержавшим нас в стремлениях к свободе и автономии Польши. Выборные Велюнского уезда и города: Годлевский, Красницкий, Храловский, Михниковский, Даревский, Ерчинский, Гордин, Тарновский, Кик, Панашек, Пытлевский, Миклашевский, Яковицкий, Сокульский, Блажевский, Пржигадский, Крушевский, Юнковский, Банковский, Кокчинский, Дужинский, Вальковский.

РОССИЯ.

Спасск (Казанской губ.), 16 ноября. — В уезде начались аграрные беспорядки. В нескольких экономиях крестьяне самовольно рубят лес; вызваны войска.

Юрьев-Польский, 23 ноября. — В виду того, что крестьяне прекращают уплату повинностей, в том числе земских, и так как, вследствие тревожного настроения, частные владельцы тоже значительно сократили платежи, земская касса пустует месяцами, задерживая расчеты. Предполагается созыв экстренного собрания.

Липецк, 20 ноября. — (Запоздала вследствие приостановки телеграфного сообщения).—В уезде происходят аграрные беспорядки.

Васильков, 23 ноября. — В селе Ольшанице происходит самоуправная рубка крестьянами леса удельного ведомства, которая прекращается военной силой.

Белосток, 24 ноября.—Сегодня по случаю похорон жертв пожара на всех фабриках приостановлены работы; магазины закрыты. На месте пожара большие сходки рабочих; несчастье приписывают отсутствию выходов. Во всем здании была одна деревянная лестница, моментально сгоревшая.

Майкорский завод, Пермск. губ., 21 ноября. — Настроение Иквинских волостей, Соликамского уезда, тревожное. Происходит массовое хищение лесов графа Строганова.

Суджа, 24 ноября. — Погромы в северной части уезда прекратились. Производятся обыски и аресты.

Киев, 24 ноября.—Крестьянами разгромлено в Прилукском уезде пять имений. Постройки разрушены и сожжены. Хлеб и имущество увезены.

Саратов, 24 ноября. — В местных средне-учебных заведениях происходит забастовка в старших классах. Родительское собрание в 1.200 человек постановило принимать участие в деятельности педагогических советов и произвести выборы представителей.

В виду постоянных грабежей и нападений город организует ночную стражу.

Покушавшийся на жизнь местного вице-губернатора Кноля Забржаники оказался рабочим Бокшановым.

Суммы, 24 ноября. — В уезде начались погромы.

Воронеж, 24 ноября. — Учебные занятия в большинстве средних учебных заведений приостановлены до января. В некоторых решено продолжать занятия только в первых четырех классах.

В город прибыли Скопинский полк и артиллерия.

При мастерских Юго-Восточных железных дорог состоялся ряд митингов, в которых участвовало около 400 делегатов от всех линий Юго-Восточных дорог.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Стокгольм, 22 ноября.—По словам „Aftonbladet", морское министерство намерено отправить в русские воды два военных судна для охраны шведских подданных. Контр-миноносец „Pailander" выйдет завтра к С.-Петербургу, на нем возвратится к месту своего служения шведский посланник в С.-Петербурге. Другой контр-миноносец выйдет вместе с торговым судном в Ригу, в распоряжение местного шведского консула.

Вашингтон, 24 ноября (7 дек.). — Сегодня секретарь государственного казначейства Соединенных Штатов Шоу представил конгрессу отчет по исполнению бюджета за фискальный год до 30 июня 1905 года.

Доходы за этот период достигли 697.101.270 долларов, расходы 720.105.498 долларов; дефицит, таким образом, равен 23.004.228 долларам. По сравнению с 1904 фискальным годом доходы увеличились на 12.886.896 долларов, расходы же сократились на 5.879,447 долларов. Доходы на 1906 фискальный год определяются в 738.590,515 долларов, расходы в 746.590.515 долларов. Дефицит, таким образом, равен 8 миллионам долларов.

Бумажных денег в обращение было выпущено в течение последнего фискального года на сумму 637.750.000 долларов. Золотой запас казначейства 9 октября достиг суммы 739.898.600 долл. впервые в Соединенных Штатах. Никакое другое государство никогда не имело в своем распоряжении столь огромных запасов драгоценного металла.

К концу года в Соединенных Штатах оперировали 5831 банк с капиталом в 810.654.075 долл.

Г. Шоу в своем отчете указывает на полное истощение запасов серебра. В настоящее время новые серебряные доллары чеканятся из старых монет, которые будут из'яты из обращения.

Ввоз в Соединенные Штаты в год достиг 1.117.512,629 долл., при чем пошлины было получено 262.060.528 долл. Вывоз за то же время выразился в сумме 1.518.561.720 долларов.

Вена, 22 ноября (5 декабря). — Слухи о посредничестве Италии между Портой и державами неверны. Италия принимает участие в манифестации в полном согласии со всеми остальными державами.

Москва.

(По телефону 24 ноября.)

— Московский биржевой комитет получил от представителей крупных торгово-промышленных фирм предложение обратиться к министру внутренних дел с требованием принять все меры к прекращению почтово-телеграфной забастовки. Эти меры должны заключаться в немедленном удовлетворении всех вполне справедливых и законных требований почтово-телеграфных чиновников. Представители торгово-промышленных фирм предупреждают, что эта почтово-телеграфная забастовка может вызвать общий крах.

— В московском военном училище проподаватель Джурковский беседовал на уроке с юнкерами и между прочим сообщил о забастовке в Петербургском Константиновском училище. Двое юнкеров нашли такую речь нарушением присяги и донесли по начальству. В результате г. Джурковский был уволен, а два других юнкера (не жалобщики) были разжалованы.

— Пожертвования в пользу бастующих телеграфисток и почтово-телеграфных чиновников стекаются со всех сторон и в очень большом количестве. Некоторые обыватели предлагают бастующим у себя обеды. За два последних дня таких предложений поступило около 300.

— Забастовка почти всюду прекратилась. Первыми стали на работу рабочие мануфактурных и суконных фабрик. Забастовка прекратилась, главным образом, по настоянию Совета Рабочих Депутатов, который рекомендовал не настаивать больше на 8-часовом рабочем дне. Теперь рабочие трудятся в течение 10 часов, что значительно облегчает переговоры между администрацией заводов и фабрик и рабочими.

— Градоначальник начал приводить в исполнение свою угрозу арестовывать всех снимающих других с работ и для начала арестовал четверых дворников.

— Городская управа рассмотрела об'яснения 2-го общества конок относительно невозможности сойтись со своими забастовавшими служащими и нашла их безусловно неосновательными. В виду этого город с сегодняшнего числа начал штрафовать 2-е общество конок за каждый неиспользованный вагоном рейс по 20 р.

— Московский цензурный комитет возбудил уголовное преследование по 103 ст. (оскорбление величества) против редактора-издателя „Новостей Дня" за статью, помещенную в номере названной газеты от 20 ноября.

— Сегодня командированный из Петербурга инспектор почт и телеграфов призвал к себе почтово-телеграфных чиновников и убеждал их начать работу. Убеждения этого господина были довольно грубы: он стучал ногами, размахивал кулаками и грозил выслать всех в 24 часа из Москвы. Конечно, на служащих эти убеждения не произвели никакого действия, и они, не дождавшись конца речи, вышли из комнаты, где маленький юпитер остался один. Забастовка не прекратилась.

— Московские добровольцы, предложившие безвозмездно свои услуги московскому почтамту, уже успели вознаградить себя за свой неблагодарный труд. Сегодня пропал ценный пакет с 13.000 рублей в нем. Вследствие этого неожиданного реприманда, администрация почтамта сразу отказалась от услуг добровольцев. Теперь решено впредь принимать только таких добровольцев, которые сумеют представить солидные рекомендации.

— Товарищ министра юстиции Чаплин командирован в Москву для наблюдения за следствием по делу членов организационного бюро крестьянского союза и для расследования дела об их аресте.

— Все крупные московские типографы выписали для себя из-за границы наборные машины. В виду этого в Москве открывается школа для изучения работы на наборных машинах.

В армии.

Сегодня спешно высланы — на официальном языке, откомандированы — из Петербурга в местные армейские бригады 7 писарей главного интендантского управления: Ульянов, Попов и Иванов в Тамбов, Боголюбов в Казань, Сутугин и Анюховский в Тверь. Пострадавшим не дали даже собрать скудные пожитки.

Что же за причина начальственного гнева, обрушившегося на поименованных выше „военных чинов"? Официально—сокращение штата. На самом же деле боязнь, что они окажут „вредное влияние" на военную среду. Дело в том, что эти „писаря" присоединили в „Биржевых Ведомостях" свои имена к требованию политической амнистии. Таковы солдатские „права". По мнению начальства, солдат не гражданин, а или пушечное мясо, или воин, или полицейский и тюремщик в мирное время. Но времена рабской подкупности армии прошли, господа!

Ранним утром 24 ноября здания 14 и 18 флотских экипажей (у Поцелуева моста) были оцеплены конно-гвардейцами, Преображенским и Измайловским полками „в их полной боевой готовности". Около 9 часов утра во двор экипажей в'ехали ломовые извозчики числом около 15. Непосредственное военное начальство 14 эпипажа в лице ротных командиров об'явило матросам, чтобы они приготовили свои вещи для отправки на вокзал и чтобы они сами были готовы для переезда в Кронштадт. Матросы, взволнованные этим совершенно неожиданным распоряжением, не подчинились приказу. Они мгновенно составили в своей столовой общую сходку и единодушно пришли после короткого обсуждения к следующему решению: „До тех пор, пока не будет снято, с официальным об этом распоряжением правительства, военное положение с Кронштадта, они не оставят Петербурга и не переедут в Кронштадт". Кроме того, матросы потребовали немедленного удаления конно-гвардейцев, расположенных возле казарм экипажей. Тотчас после об'явления матросами их решения, около 11 ч. утра, явились адмиралы: Нидермиллер и Барташевич и обратились к матросам с приказанием немедленного подчинения распоряжению. 14 флотский экипаж выделил из своей среды уполномоченного представителя, который вступил от имени матросов в переговоры с начальством. Он заявил о категоричности решения экипажа и о твердости намерения всех матросов. „Довольно уже с нас той крови, которую мы проливали по вашему распоряжению. Вы готовите нам западню, ссылая нас, как в тюрьму, в город, находящийся на военном положении", — закончил делегат от матросов. В ответ на страстную горячую речь матроса Нидермиллер „прослезился" и заявил, что он слишком ясно понимает положение матросов, но что без верховной власти он ничего не может сделать для них. Представители министерства покинули здание флотского экипажа около 12 часов дня. Вслед за их от'ездом были удалены патрульные конно-гвардейцы. Около 4 часов вечера ломовые извозчики выехали из ворот экипажа с пустыми телегами, получив вознаграждение за даром потерянное время.

Матросы остались на своих местах.

В казарме матросов 8 экипажа творится что-то невообразимое. 24 ноября Бирилев отдал распоряжение, чтобы матросы этого экипажа все выступили 25-го в 11 ч. утра в Кронштадт. Такой же приказ отдан и по другим экипажам.

Причиной спешного удаления матросов из Петербурга является, по слухам, надвигающаяся всеобщая забастовка. Начальство боится, что в случае какого-либо „столкновения" матросы перейдут на сторону рабочих. Матросы заявили начальству, что не хотят выступать из Петербурга. Начальство пригрозило, что будет отправлять их по-трое. Но сочло необходимым сообщить о настроении матросов „высшим сферам".

Командир лейб-гвардии Гренадерского полка отдал такой приказ:

В виду того, что в газетах „Биржевые Ведомости", „Русь", „Новости", „Наша Жизнь" и „Новая Жизнь" попадаются часто статьи и заметки, направленные к увеличению и распространению смуты и беспорядков и часто совершенно ложные, командир полка приказал эти газеты в обращение среди нижних чинов не допускать, а рекомендовал „Новое Время", „Слово", „Свет" и особенно „День" и „Голос Правды".

Мы можем только благодарить „предупредительного" командира полка; его приказ, мы убеждены, только усилит интерес нижних чинов к запретным газетам.

Письмо стрелкового полка рабочим и служащим петербургских конно-железных дорог: „1905 г. октября 9. Восточно-Сибирский стрелковый полк. Русский остров в районе гор. Владивостока.— Всех пожертвований привезли нам в полк на восьми подводах и все пожертвования были без исключения большинством полушубки, сапоги, кожаные валенки, белья теплого и тельного.

„Конечно, вы извините, может быть, мы по безграмотности своей чего-нибудь и нескладно напишем. Конечно, у нас в полку на все существует обдуманный нашим начальством большой порядок. По получении такого количества подарков назначили особую комиссию, т. е которая вещь годится солдату, а много оказалось и негодных для солдат. Таких вещей, например: полушубков нет, все оказались негодными, российского товара сапоги тоже оказались негодными, кроме так называемых «осташов», из белья тоже много оказалось негодного для солдат. И вот все эти негодные вещи поступили в собственность нашему незабвенному начальству. Вы не подумайте, наши дорогие благодетели, что и нам не досталось. Досталось нам, например, одна пара «осташов» на 42 человека. Да не подумайте, дорогие, что мы получаем одно только жалование. Нет, мы в апреле месяце 1905 г. работали окопы на своем острове и заработали от своего начальства по 13 коп. на человека за все лето, от апреля до сентября, потому что при начале нашей работы нам было об'явлено приказом по полку по норме, которой работают «вольные люди»—китайцы и корейцы. И вот за то мы и получили по 13 коп. на человека. Вы, может быть, скажете, кто эти, т. е. из высших благодетелей, начальство? Командир полка Линдстрем, начальник дивизии Модль, комендант крепости генерал-лейтенант Казбек".

Это письмо прислано в ответ на отправленные кооперацией конно-железных дорог пожертвования для войск.

Настроение петербургских войск.

В „Temps“ телеграфируют из Петербурга: „Я хотел проверить те мрачные слухи, которые циркулируют в обществе о недовольстве войск и о беспокойстве об этом великого князя Николая Николаевича.

„Я обратился к одному из гвардейских офицеров, и он мне сообщил следующие сведения: бесспорно, что вмешательство рабочих в судьбу кронштадтских моряков произвело самое «печальное» влияние на настроение солдат. «Мы делаем все возможное, чтобы бороться с этим движением: усиливаем присмотр за казармами, сокращаем отпуски, но тем не менее везде царствует сильное беспокойство».

„Другой офицер был еще более пессимистичен; теперь уже боятся, что войска примкнут к рабочим в случае новой стачки, особенно если приговоры над моряками будут приведены в исполнение“.

Волна революционного движения за последнее время охватила и войска. В Варшаве, Сосновицах, Ломже и других местах, после снятия военного положения, происходят митинги солдат, на которых раздаются революционные речи, выставляются экономические требования, а в некоторых городах, например в Лодзи, солдаты категорически отказываются принимать участие „в усмирении манифестантов“. В Лодзи 20 ноября состоялся многочисленный солдатский митинг, после чего все ораторы, в количестве двенадцати человек, были арестованы и отправлены в комендантское управление. В Сосновицах две роты железнодорожного батальона отказались принимать пищу, мотивируя свой отказ недоброкачественностью доставляемых продуктов, потребовали увольнения местного интендантского чиновника, заведывающего местным продовольственным пунктом. Со стороны начальства последовал категорический отказ исполнить это требование. Солдаты, возмущенные отказом, избили жестоко фельдфебеля и дежурного офицера. Несколько солдат арестовано.

От редакции.

В среду вечером и вчера днем в редакцию попало каким-то таинственным путем несколько писем. По расследовании оказалось, что письма доставлены дворником, которому они были выданы в участке. Какая-то „власть“ распорядилась рассылкой корреспонденции через городовых по участкам и раздачей ее дворникам, специально вызванным для этой цели. Мы немедленно обратились к почт-директору со следующим заявлением:

Г-ну директору почт и телеграфов.

Милостивый государь!

Нам доставлена корреспонденция — в том числе не мало открытых писем — через полицию и дворника. Мы решительно протестуем против этого акта грубого нарушения неприкосновенности частной переписки. Мы не считаем полицию и институт дворников учреждениями, заслуживающими хотя бы элементарного доверия, и передачу в их руки наших писем считаем самоуправством и нарушением закона. Мы отказываемся от получения корреспонденции при посредстве полицейского контроля и требуем, чтобы немедленно была прекращена выдача нашей переписки полицейским чинам.

Редакция „Новой Жизни“.

Мы приглашаем все общественные учреждения и частных лиц, уважающих себя или, по крайней мере, дорожащих неприкосновенностью своей переписки, протестовать против такого бесцеремонного обращения с частной корреспонденцией.

Господ же домовладельцев мы приглашаем запретить своим дворникам исполнять эту новую полицейскую функцию, противозаконно навязанную им участком.

Хроника.

— Товарищей, из'явивших согласие работать по хронике в газете „Новая Жизнь“, заведующий отделом хроники просит сегодня собраться в редакции в 11 часов утра.

— Гр. Витте, стараясь втереть очки либеральным болтунам, посещающим его переднюю, все время уверял, что реакционные мероприятия последнего времени—дело рук нескольких „негодяев“, примазавшихся к престолу, и что он сам лишь жертва „придворных интриг“. Беседуя со своим давнишним приятелем, г. Иосифом Гессеном, редактором „либерального“ журнала „Право“, г. Витте жаловался, что его никто не поддерживает в его борьбе с „темными реакционными силами“...

Нужно ли говорить, что „кадеты“ и пр. либеральные болтуны слушали речи гр. Витте и... верили им. А какую на самом деле цену имеют слова г. Витте — лучше всего обнаружилось в заседании Государственного Совета 22 Ноября во время обсуждения новоиспеченного закона о печати. Гр. Витте на этом заседании защищал наиболее реакционные пункты проекта закона от нападок... г. Дурново.

Характер „деятельности“ г. Витте выяснился, таким образом, вполне, и дальнейшее хождение гг. либералов к г. Витте на поклон отныне нельзя рассматривать иначе, как сознательное предательство.

— Об анархистах. 22 ноября анархисты, явившись в заседание Исполн. Комитета, в настоятельной форме требовали для себя места и представительства в Совете Раб. Депутатов, требуя, в случае отказа, мотивировки в печати.

Резолюция И. К. В виду того, что: а) в Сов. Раб. Деп. не существует рабочих анархистов, интересы которых требовали бы присутствия анархистов в смысле идейного руководства;

б) в международной практике анархисты не допускаются на социалистические с'езды, конгрессы, конференции и т. д., так как они отрицают политическую борьбу как средство освобождения рабочего класса;

с) в Совете Раб. Депут., кроме представителей от заводов, фабрик, промышленных заведений, профессиональных союзов,— есть представители от партий—анархисты не партия;

принимая во внимание все вышесказанное, Исполн. Комитет отвечает анархистам, что их представительство в Сов. Раб. Депут. не может быть осуществлено.

— Конституционное министерство нашло, что права, предоставленные администрации самодержавным правительством, слишком недостаточны. Новый министр путей сообщения Немешаев начал с того, что учредил специальную комиссию по разработке общего дисциплинарного устава для железнодорожных служащих.

— Революция делает свое дело. Гг. буржуа, забыв о своих „патриотических“ чувствах, бегут за границу. Из одного Петербурга за октябрь и ноябрь месяцы спаслось за границу более 30.000 человек. Но, как истые буржуи, эти господа спасают не только свою шкуру, но и свой кошелек. В последние дни из кладовой Государственного банка взято почти 40 миллионов золотом—вклады же в иностранные банки быстро возрастают. Так, в Лионский кредит внесено на последней неделе около 18 милл. рублей. Кто же ведет государство к банкротству?

Из Ростова-на-Дону в последний месяц бежали за границу свыше 600 буржуев.

— Совет министров решил поддерживать свое постановление о недопустимости образования союза почтово-телеграфных чиновников. В силу этого из петербургского почтамта выброшены на улицу несколько сот человек „за умышленную неявку на службу“. Министр Дурново, вписавши этим преступлением свое имя на черную страницу истории, не ограничился одним увольнением. По его распоряжению петербургский градоначальник получил предложение немедленно выселить из казенных квартир всех бастующих чиновников и почтальонов.

— Нас извещают о двух штаб-квартирах черной сотни за Невской заставой: 1) село Смоленское, Палевский проспект, трактир Васьянск—собрания ежедневно во все часы дня и ночи. 2) на углу Мариинской улицы в круг дежурного городового.

— Товарищи-фармацевты Владимирской аптеки Гаммермана, согласно постановлению бюро союза фармацевтов и Совета Рабочих Депутатов, об'явили бойкот служащему этой аптеки

провизору Гринблат, как злостному штрейкбрехеру. Он мешал забастовке в аптеке Юргенса; изгнанный оттуда, он продолжает свою позорную деятельность во Владимирской аптеке.

— В министерство юстиции поступают почти со всех округов донесения прокуроров судебных палат о незаконных действиях местной администрации. Прокуроры настойчиво просят министерство о назначении сенаторских ревизий, так как без этого беспристрастного расследования истина не может быть раскрыта, благодаря сильному давлению высшей администрации на население.

— Как мы слышали, судебные следователи в провинции поставлены в чрезвычайно трудное положение; благодаря массовым беспорядкам, число производящихся следствий сильно увеличивается, а производство их встречает большие препятствия; свидетели совсем не являются, а по аграрным делам даже и обвиняемые не обращают никакого внимания на призыв к следователям; принятие же насильственных мер к приводу следователи считают несвоевременным и невозможным.

— В Германии готовятся! Немецкая социал-демократическая партия решила организовать манифестации в пользу реформы прусских избирательных законов, которые представляют из себя грубый анахронизм на явно классовой подкладке. Консервативный журнал „Der Deutsche" пишет по этому поводу, что в Германии невозможны теперь революционные события, подобные мартовским дням 1848 года и русскому революционному движению. Если социал-демократы решатся устроить уличную манифестацию, то это будет уголовное преступление, и исполнительный комитет партии будет арестован. И власти не ограничились только угрозами; газеты сообщают, что выработан план мобилизации войск на случай народного движения; Берлин разделен на участки, и каждая часть войск хорошо осведомлена о своем назначении. Если восставшая толпа двинется к центру города на приступ дворца и правительственных зданий, то она будет быстро разделена на группы и отброшена к предместьям. Полиция, желая произвесть генеральную репетицию своего военного плана, уже пользовалась двумя случаями: празднествами по случаю брака кронпринца и в день приезда испанского короля Альфонса XIII; последнему репетиции в привычку, на нем французские анархисты пробовали свои бомбы, репетиция берлинской полиции оказалась удачной: получены блестящие результаты; мирную толпу рассеяли вполне, согласно плану генерального штаба, поэтому решено принять его окончательно для подавления восстания. Итак, Вильгельм II занимается кукольной комедией на спинах берлинских жителей, он забыл, какая разница между мирно гуляющей толпой и идущей в бой революционной массой,—мы не сомневаемся, что немецкие товарищи об'яснят ему эту разницу на деле.

— В некоторых банкирских конторах и частных банках (как напр., в Межд.-Коммерч.) отказываются в последние дни менять бумажные деньги на звонкую монету, мотивируя это отсутствием запасов золота.

— Т-во „Бр. Нобель" перевело на-днях из Государственного банка в один из заграничных банков 2 миллиона рублей. Г. Нобель был приглашен по этому поводу к министру финансов для „беседы". Долго убеждал г. министр г. Нобеля не делать этого, но „нефтяной король", выяснив современное положение денежного рынка в России, заявил, что иначе он поступить не может. Тогда министр попросил г. Нобеля, по крайней мере, не оглашать своей беседы с ним.

— Последнее 20-е число сильно ударило по карману мелкую железнодорожную сошку, работающую в различных управлениях и службах железных дорог Петербургского узла. В большинстве этих учреждений служащие получали к своему 30-или 40-рублевому жалованью еще дополнительные 15 — 20 рублей за особые вечерние занятия. 20 ноября очень многие из служащих за вечерние занятия вместо 15 — 20 рублей получили 5 — 8 рублей. Начальство вычло, не скупясь, за дни забастовки.

Всюду усиленно обсуждается слух, что в некоторых учреждениях начальство предупредило служащих о том, что им могут и не выдать жалованье полностью 20 декабря.

— Управлением Николаевской железной дороги от 18 ноября получена телеграмма следующего содержания:

„В виду прекращения работ на Коломенском заводе, находящемся при станции «Голутвин», Московско-Казанской железной дороги, указанная дорога с сего числа прекращает погрузку у себя и прием от соседних дорог грузов для указанного завода, а также слагает ответственность за срочную доставку уже принятых по этому направлению".

— Миссию ген.-ад'ютанта Сахарова по „усмирению Саратовской губернии" призван выполнить ген.-ад. Максимович — неудачный варшавский генерал-губернатор.

— „Частные лица" не дают покоя и ген. Линевичу. По крайней мере недавно он предписал начальникам отдельных частей принять меры к тому, чтобы армии были изолированы от влияния частных лиц, под разными предлогами появляющихся среди войск.

Поможет ли это, однако, делу? Уж на что, кажется, „охраняли" и Чухнин, и Бирилев, и Драгомиров — однако революция сняла все рогатки этих господ, и армия день ото дня все сильнее, все мощнее входит в общее русло освободительной борьбы.

— „Обновление" администрации, кажется, наиболее полное, предполагается в Александровском комитете о раненых — этом „тихом пристанище" неудавшихся государственных людей. Отсюда предполагается уволить 35 генералов и адмиралов, так как их места необходимы для „героев" русско-японской войны.

— „Русская Газета" сообщает, что один из крупных сановников, принимавший депутацию от чиновников почтово-телеграфного ведомства, выразился, что правительство не может сейчас значительно увеличить содержание, так как „оно не надеется получить налоги" (за достоверность сказанного редакция „Русс. Газ." ручается).

— Свобода собраний и действительная неприкосновенность личности. В пятницу, 18 ноября, около 10 ч. вечера, в дом № 9 — 11 по Ораниенбаумской ул., в кв. № 23, в которой происходят собрания членов Р. С.-Д. Р. П. Петербургского района, явилась полиция. Когда на требования пред'явить повестки ей ответили, что присутствующие в помещении явились по личному и устному приглашению, а не по повесткам, полиция потребовала, чтобы собравшиеся немедленно разошлись, в противном случае она прибегнет к силе. Собрание вынуждено было разойтись. Трое товарищей отправились в помещение 2-го участка Петербургской части для того, чтобы выяснить, на основании какого закона полиция считает себя в праве вторгаться в частное помещение и разгонять закрытое собрание. Пристав 2-го участка сослался на циркуляр министра внутренних дел, разосланный по полиции в раз'яснение закона 11 октября 1905 года; из ближайшего ознакомления с этим циркуляром выяснилось, однако, что контролю полиции подлежат лишь такие частные собрания, которые обсуждают вопросы экономические, социальные и политические и созываются не по именным приглашениям; так как в наши собрания являются лишь члены нашей организации по личным именным билетам или гости по билетам, выдаваемым в каждом отдельном случае по личной рекомендации членов организации, то собрания могут, на основании закона 11 октября и раз'ясняющего его циркуляра, происходить беспрепятственно. Товарищ Н. В. Дорошенко (студ. юр. фак.) подал приставу письменное заявление о том, что таковые собрания будут происходить и впредь, на что пристав 2-го участка ответил, что препятствий к этому со стороны полиции не будет. В том же помещении собралось затем 6 товарищей, мирно обменивавшихся впечатлениями за стаканом чая; на лестнице продолжали стоять четверо городовых, и, кажется, старший дворник. Через некоторое время городовые опять явились в помещение, где происходило раньше собрание, и потребовали, чтобы собравшиеся там 6 товарищей разошлись; после кратковременного разговора полиция решила, однако, удалиться; трое городовых остались в передней, один из городовых вышел на лестницу и оставил за собой дверь открытой; один из товарищей крикнул из соседней комнаты: „Зачем двери не закрыли? закройте". Один из городовых: „Ну ты, шут, не кричи, а то за шиворот и в двери". Тогда товарищ Бокий (студ. горн. инст.) вышел в переднюю и со словами: „Какой у вас номер?" хотел взглянуть на № городового; последний в это время размахнулся и ударил т. Бокия кулаком в висок и в глаз, при чем непечатно выругался. У т. Бокия брызнула кровь. В это время городовой ударил еще товарища Оленчикова (артист); городовые выхватили шашки, и товарищи наши вынуждены были удалиться. В полицию товарищи подали письменное заявление о происшедшем. Пристав 2-ой части заявил, что городовой будет подвергнут дисциплинарному взысканию и „честным словом" заверил, что собрания впредь могут происходить беспрепятственно. — В субботу, 19 ноября, у ворот дома появилось „гороховое пальто", украшавшее улицу до 11 часов. Утром в участок был вызван т. Белкин, снимаю-

щий эту квартиру и предоставляющий ее для собраний организаций; т. Белкин подписал заявление, поданное накануне т. Дорошенко.

Фамилия городового, ударившего тов. Бокия и Оленчикова,— Зубарев, его номер — 2.415.

— Группа С.-Д. Р. П., собравшаяся на первом представлении „Евреи", шлет горячее приветствие автору пьесы и борцу за социализм, выражая негодование по поводу ареста членов крестьянского союза и еще раз заявляет, что только вооруженное восстание освободит Россию от насилия самодержавия.

— Очередное заседание Совета Рабочих Депутатов, назначенное на субботу, переносится на воскресенье, 27 ноября, в 7 час. вечера, в Вольно-Экономическом Обществе.

— Своеобразный бойкот. Согласно постановлению общей академической сходки, студенты Спб. духовной академии бойкотировали всенощное богослужение, которое 19 ноября совершал ректор академии по назначению еп. Сергий.

— „Волнения" в армии уже сказались: испрашиваемый военным ведомством кредит на 1906 год в сумме 37 миллионов руб. на улучшение довольствия нижних чинов окончательно утвержден Государственным Советом.

— К инциденту в придворно-конюшенном ведомстве. Как уже было сообщено, министр иностранных дел барон Фредерикс „взглянул на дело иначе", чем грозный генерал фон-Гринвальд, и обещал расследовать причины недовольства низших служащих ведомства.—Для этой цели 10 ноября им был послан фл.-ад. кн. Оболенский, который тоже „посмотрел на дело иначе". Расследование превратилось в странную трагикомедию. Допрос снимался с каждого отдельно, при чем записывались лишь „угодные" и „подходящие" показания. Запугивание дошло до того, что, когда один из „преступников" попросил дать ему показание для проверки, то сиятельный следователь, разгневавшись за такую дерзость, заставил его, под угрозой немедленного увольнения со службы, стать на колени и, земно кланяясь, молить о пощаде и прощении за нахальство. Не трудно угадать, к какому результату приведет подобное „расследование".

Вот уж, поистине, чем ближе к фонарю, тем темнее!

— На-днях настоятель церкви Покрова за вечерней предложил присутствующим отслужить молебен о здоровьи государя, так как, по его словам, недавно на государя было покушение. К сожалению, он не сказал, где, когда и кем было произведено покушение, и не указал источников этого сведения.

— Великий князь Борис Владимирович выбыл за границу.

— Денежный отчет комиссии о безработных будет помещен в понедельник, 28 ноября, в газетах: „Новая Жизнь", „Начало" и „Русская Газета".

— Вести о забастовке прислуги в Москве, а затем и начавшаяся частичная забастовка прислуги в Петербурге вызвали среди хозяев буржуа некоторые предупредительные меры. „Господа", вместо того, чтобы позаботиться об улучшении экономического положения своих рабов и усиления их заработной платы, избрали путь обхода. Они спешат сократить номинальное число прислуги путем выписки их из домовых книг. „Будет забастовка, придут снимать прислугу и снимут одну, прописанную по книге, — одна, две непрописанных останутся на местах батрачить"...

— Приводим далеко не полный список лиц, принимавших безвозмездное участие в работе в петербургском почтамте:

Е. Н. Белау, камергер С. Н. Казнаков, Н. П. Покровский, контролер контроля императорского двора Н. Н. Панов, д. с. с. А. М. Остроградский с 2 дочерьми, М. К. Рейтерн, барон М. И. Велио, О. А. Рейтер, инженер-электротехник О. Б. Каттерфельд, д. с. с. А. М. Рембелинский, барон Ф. Т. Ропп, фрейлина Е. П. Васильчикова, кн. Е. Ф. Кропоткина, барон А. Э. Штейгер, вд. д. с. с. Е. А. Вулих, дочь д. с. с. А. М. Каркунова, ген.-от-артил. Л. Е. Адамович, дочь д. с. с. Е. В. Бауер, камерг. С. Ф. Ладыжинский, В. А. фон-Регон, ген.-м. А. Б. Ганике, княгиня Т. М. Гагарина, заслуж. профессор М. Н. Дайвянов, жена д. с. с. Л. Митропольская, баронесса Е. К. Медем, В. П. Гурьева, баронесса М. М. Медем, профессор Н. Ф. Мертенс, инженер В. А. фон-Раабен, жена его Н. фон-Раабен, жена штабс-капитана Н. фон-Раабен, Е. Е. Ячнекова, фрейл. Е. А. Пантелеева, М. В. Пантелеева, шталмейстер А. Пантелеев, инж. п. с. М. Н. Петров, г-жа Горемыкина, ген. Э. Тунуельман, фон-Адлерфлуг, дочь д. с. с. А. Н. Крузе, старший ревизор департамента железнодорожной отчетности государственного контроля А. В. Кушинников, ст. сов. Шевырев, студенты Новоторцев и Гогенштам.

— Ходатайство профессоров. В министерство народного просвещения снова поступило ходатайство совета профессоров Спб. университета о принятии в число студентов и перевод из других университетов лиц, окончивших духовные семинарии, реальные училища и пр. Первое такое ходатайство бывшим временно-управляющим министерством г. Лукьяновым было отклонено по причине истечения срока приема и перевода. Ныне совет профессоров, ссылаясь на постановление о продолжении срока приема, по причине забастовки, до 15 октября, вновь возбуждает прежнее ходатайство.

— В последние перед забастовкой дни в главном почтамте была засада сыщиков при отделе выдачи писем до востребования. Сыщики, с разрешения почтового начальства, положили в отдел пакет с какими-то литерами и остались в зале ждать того, кто, по их расчетам, должен был явиться за письмом с этими литерами. Результаты этой засады, к сожалению, неизвестны.

— 23 ноября в 7 час. вечера у ворот завода Сименс и Гальске — в то время, когда начали выходить по окончании работ мастеровые — появились пять пьяных конно-гвардейцев в полном вооружении и стали издеваться над рабочими. Последние, собравшись вместе, потребовали, чтобы воины немедленно удалились. Требование было исполнено.

— В субботу, 29 ноября, в 8 часов вечера в заседании Лесного общества (здание главного управления Землеустройства и Земледелия, у Синего моста) Г. Н. Высоцким будет сделано сообщение: „О аграрной политике вообще и в российском лесовладении в частности".

Идеологи „черной сотни".

Партия правового порядка никак не может успокоиться. На собрании 23 ноября (в Соляном Городке) ее идеологи пытались кому-то (?) доказать, что единство и неделимость России — в страшной опасности, так как крайние партии будто бы настаивают на разделении страны на 49 отдельных частей, сообразно с количеством царских титулов („самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский" и проч.). Поэтому по отношению к Финляндии Государственной Думе необходимо будет отменить все ее вольности и предать „беспощадному суду" князя Оболенского (?) за то, что он представил царю на подпись последний манифест по финляндским делам. (Предать суду г. Оболенского, несомненно, следует, — только, разумеется, не по этому поводу.) Что же касается Польши, то знаменитый своим лжесвидетельством по Гульскому инциденту г. Кладо, в видах необходимой государственной обороны, рекомендовал эту часть империи, как „выскочившую из механизма пружину", поставить опять на место.

Но самая интересная часть заседания была посвящена рабочему вопросу. Несколькими ораторами было констатировано, что в России теперь уже существует два правительства: с одной стороны, совет министров с графом Витте во главе, а с другой — Совет Рабочих Депутатов, находящийся всецело во власти „так наз. соц.-демократов" (Бобрищев-Пушкин серьезно уверен, что русские соц.-демократы „не настоящие"). Эта-то „шайка ненастоящих соц.-дем." будто бы „бросила перчатку" партии правового порядка, которая и поспешила ее поднять.

Однако оратор находил, что его партия отовсюду окружена этими врагами, „с булатом в одной руке и с бомбой в другой" (ах, как страшно!), что партия его еще очень слаба, что бороться ей с ненастоящими соц.-демократами, прекрасно организованными, весьма трудно, что его товарищи уже устали и делают теперь последнюю попытку спасти (?) общество.

В целях борьбы партии необходимо подробно ознакомиться с тактикой своих врагов соц.-дем. — Желаем успеха, господа-черносотенцы!

ПОЖЕРТВОВАНИЯ

в Комитет Рабочих Депутатов тем несчастным женам и детям, мужья и отцы которых пали жертвой за свободу, и бастующим нашим товарищам, которые выброшены на произвол судьбы.

Рабочие охтенских пороховых заводов:

От мастерской азотной кислоты:

А. Иванов 50 к., А. Болтоногов 1 р., Л. Пироженок 20 к., Н. Семирюков 50 к., В. Трофимов 50 к., С. Иванов 1 р., В. Уса-

нов 1 р., А. Кольников 20 к., М. Петров 10 к., Д. Малов 20 к., И. Константинов 50 к., А. Васильев 10 к., М. Кувшинов 20 к., С. Марченок 20 к., К. Волков 20 к., А. Кошкин 20 к., Д. Нозаров 20 к., Я. Ильин 1 р. 25 к., П. Тюрин 10 к., О. Фатеев 50 к., А. Захаров 45 к., Е. Кузнецов 50 к., Н. Матюшин 15 к., В. Гаврилов II 25 к., М. Молчанов 40 к., И. Озолен 10 к., А. Игнатьев 1 р. 50 к., И. Сергеев 20 к., П. Степанов 20 к., Д. Иванов 10 к., Н. Ткачев 10 к., С. Пашков 10 к., Ф. Емельянов 10 к., В. Киселев 10 к., Е. Елисеев 10 к., Ф. Семенов 15 к., Д. Сергеев 20 к., А. Харитонов 10 к., М. Игнатьев 40 к., В. Пушков 10 к., И. Светлов 10 к., А. Никольский 10 к., Д. Лменицкий 10 к., П. Крысин 10 к., А. Бычков 15 к., П. Арестаулов 10 к., Н. Васильев 20 к., М. Сорокин 20 к., Н. Юшин 15 к., Н. Петсин 15 к., П. Трофимов 10 к., Е. Иванов 25 к., С. Миронов 10 к., С. Позняков 10 к., Г. Дворецкий 20 к., Я. Шмидт 15 к., Ф. Марков 10 к., Н. Журавлев 10 к., Н. Семенов 15 к., А. Митрофанов 20 к., Х. Юнисов 10 к., П. Матюшин 10 к., Н. Минин 10 к., П. Корнильев 20 к., И. Евсеев 10 к., С. Иванов 10 к., А. Кунагин 10 к., В. Гаврилов I 20 к. Итого 17 р. 65 к.

Всего по 23 ноября 465 р. 05 к.

23 ноября в контору газеты „Новая Жизнь" поступило в пользу комиссии о безработных:

От Явко 5 р., Петрова 3 р., неизвестного 1 р. 20 к., писаря Х. 1 р., А. К. 1 р., К. Г. Варенцовой 1 р., В. А. Г-на 3 р., С. В. 50 к., Б. 5 р., студента Егиазарова 2 р., Марты Пэрнэ 5 р., Николая Пэрнэ 6 р., Р. Нарет 1 р. 70 к., г. Шпака 400 р.

В пользу амнистированных:

От К. Касторского 2 р.

В пользу забастовавших почтово-телеграфных чиновников:

От врача Н. И. К. 10 р.

Из партийной жизни.

В Выборгском районе лекторская коллегия Ц. К. начала чтение систематического курса о социализме. До настоящего времени прочитано четыре лекции по 1½—2 час. каждая. Собрания в зависимости от размеров помещения посещаются слушателями в количестве от 40 до 600, 700 чел. Рабочие с интересом следят за чтениями; по окончании лекции всегда задают вопрос: когда состоится следующая?

— 21 ноября состоялось второе общее собрание приказчиков социал-демократов. Ответств. агитатор Ремесл. района сделал доклад о важнейших этапах развития Р. С.-Д. Р. П. („Раб. Дело", „Раб. М.", „Искра", „Вперед", „Пролетарий"). Оратор подробно остановился на разногласиях между „большинством" и „меньшинством", на борьбе за третий с'езд и необходимости полного об'единения двух фракций на предстоящем IV с'езде.

Вслед за тем собрание выслушало сообщение того же тов. о трех планах реорганизации партийных учреждений, при чем план тов. Петрова (ремесленные собр. избирают ремесленные комитеты; общее собр. ремесленных комитетов изб. Районный Комитет) встретил наибольшее сочувствие. Решено в ближайшем будущем приступить к избранию ремесл. комитета.

Во вторник 22 ноября происходило собрание социал-демократической группы фармацевтов (чел. 50). Представитель от П. К-та сделал обстоятельный доклад о насущных задачах партии: реорганизации партийных учреждений путем широкого применения выборного начала, создание широких партийных организаций в низах, открытого выступления. Докладчик также известил собрание о состоявшемся постановлении Федеративного Совета и П. К-та приступить к немедленному слиянию партийных организаций обеих фракций. Доклад и извещение о слиянии были встречены очень сочувственно. В виду позднего времени, собрание разбирало лишь вопрос об организации группы фармацевтов. Было решено выбрать временное бюро, на обязанность которого возложить привлечение в группу всех товарищей фармацевтов-социал-демократов, а также подготовку будущего общего собрания (уже с новыми членами), на котором и будет выбран постоянный комитет группы.

Вторым в порядке дня был поставлен вопрос об отношении социал-демократии к профессиональным союзам вообще и в частности об отношении социал-демократической группы фармацевтов к фармацевтическому союзу. Было решено: 1) прежде всего добиваться окончательного выхода фармацевтического союза из либерально-буржуазного Союза союзов. В принципе это было решено еще на общем собрании союза фармацевтов, но дело тормозит представитель от союза фармацевтов в Союзе союзов; 2) решено агитировать за признание союза фармацевтов организацией исключительно профессиональной и 3) так как союз фармацевтов есть организация пролетарская, то войти в пролетарский союз профессиональных союзов.

Профессиональные союзы.

Обращение к почтово-телеграфным изменникам от Исп. Ком. Сов. Раб. Деп.

Мы обращаемся к Вашему товарищескому сознанию и призываем Вас немедленно присоединиться к Вашей общей товарищеской борьбе.

Мы убеждены, что это наше предложение должно своим призывом к Вашему чувству и долгу направить Вас на верный товарищеский путь.

В противном случае нам придется избрать иной путь, менее желательный и более для Вас неприятный, который уже наверное достигнет цели.

Исп. Ком. Сов. Раб. Деп.

Почтово-телеграфная забастовка.

Петербургское отделение всероссийского почтово-телеграфного союза чиновников постановило подвергнуть бойкоту следующих почтово-телеграфных чиновников, активно противодействовавших забастовке и выдававших полиции активных деятелей забастовки: Послелова, Усса, Шварца и Калинина.

В ночь с 21-го на 22 ноября арестованы за пропаганду забастовки на Пряжке следующие почтово-телеграфные чиновники: Мурза, Позднеев и Трошин (почтальон).

На состоявшемся вчера, 22 ноября, собрании бюро союза почтово-телеграфных чиновников постановлено выразить свой протест правительству по поводу об'явления Киева и Киевской губернии на военном положении.

В четверг, 24 ноября, в 4 часа дня, происходил митинг почтальонов. Собрались депутаты и вообще руководители стачки. Констатировано собранием, что из всех почтово-телеграфных служащих почтальоны лучше всего проводят забастовку. Держатся твердо, решили забастовку продолжать. Высказывалось мнение, что забастовка почтальонов есть центр-забастовка, потому что без них почтамт не может функционировать. Разноска почты требует месяцев выучки, чтобы она велась правильно. Помогают забастовке дворники, которые по просьбе забастовавших почтальонов отказываются разносить почту, а они являются наиболее подготовленными для этой работы. Надо еще иметь в виду, что почтальоны не только разносят письма, но занимаются и их сортировкой.

21 ноября происходило первое заседание временного организационного бюро союза дворников и швейцаров г. Петербурга.

На заседании было вырабатано воззвание, утвержден проект устава, избраны председатель, секретарь и казначей и составлен порядок дня общего собрания, которое состоится в недалеком будущем.

За справками и подробностями просят обращаться к Гембаргу в помещении студенческой столовой от часу до трех. (Биржевая лин., д. 6.)

Митинг дворников.

20 ноября происходил митинг дворников 1-го участка Васильевской части. Митинг прошел очень оживленно. Из речей ораторов было ясно, что необходим союз, и тут же был рассмотрен проект устава. Проект был единогласно одобрен. Узнав, что в этот день происходит собрание дворников Нарвского участка, собрание избрало депутацию, которая приветствовала бы их и предложила бы им присоединиться к союзу.

Любопытно, что полиция, узнав о собраниях дворников, предлагает им для этой цели помещения в участках.

Союз прислуги.

Наконец и самая бесправная и приниженная часть тружеников — домашняя женская прислуга г. Петербурга — решила организоваться в союз.

Вначале они намеревались обратиться с просьбой об улучшении их быта к Витте, но позднее передумали, небезосновательно решив, что свои силы, как бы слабы они ни были, все же надежнее, чем „помощь“ г. Витте. Пока выборные делегатки, собравшись, наметили следующие пункты, которые должны лечь в основу их будущего профессионального союза:

1) Вежливое обращение „господ“.

2) Уничтожение совмещений разных должностей в одном лице, как-то: няньки, горничной, кухарки и прачки и т. п.

3) Установление обязательных и сверхурочных часов труда (с 7 ч. утра до 10 ч. вечера—и вне этого работа должна оплачиваться по часам).

4) Требовать праздничного отдыха не менее 2 раз в месяц.

5) Требовать помещения, удовлетворяющего санитарным условиям и отдельного от кухни.

6) Улучшения пищи, не допускать кормления прислуги хозяевами впроголодь, как это часто практикуется; выдавать при условленном жалованьи так наз. горячее, т. е. чай, сахар и булка, — утром и вечером.

7) Вменить господам в обязанность заявлять о расчете за 2 недели вперед и рассчитывать по условию. При отказе без всякой причины — выдавать месячное жалованье.

8) Требовать при уходе с места выдачи аттестата, соответственно услугам и беспристрастной оценки.

9) Не печатать об‘явлений о приискании места в „Новом Времени“, а также обратиться через посредство печати ко всем желающим иметь прислугу с предложением не помещать своих приглашений занять место на страницах „Нов. Вр.“.

Лица, передавшие эти сведения редакции „Новой Жизни“, просят другие газеты перепечатать сведения об организации союза прислуги.

Вместе с тем основатели союза обращаются с горячим призывом ко всей прислуге г. Петербурга о том, чтобы они везде и всегда пропагандировали идею союза.

Исполнительное бюро почтово-телеграфных служащих выпустило следующее воззвание:

Товарищи!

Несмотря на малодушие некоторых из нас, явившихся 23-го на работу и подавших прошение о принятии уволенных вновь на службу, общее настроение бастующих не изменилось. Подавляющее большинство забастовавших твердо решило продолжать стачку до полного удовлетворения всех пред‘явленных требований. Положение дел следующее: телеграф бастует полностью (более 1.200 человек), почтальоны все (1.500 человек), городские отделения—также. Среди чиновников почтамта обнаружилось, к сожалению, колебание, вызванное материальным недостатком — с одной стороны, и страхом быть уволенными— с другой. Но все-таки большинство бастует. Общее количество бастующих свыше 5.000 человек. В стачечный фонд союза поступило уже свыше 10.000 руб. Нет сомнения, что сумма эта с каждым днем будет быстро возрастать. Нуждающиеся в помощи обращаются в исполнительное бюро.

Товарищи! Будьте стойки! Держитесь сами и поддерживайте других. Помните, что наше дело — дело всей России и что весь народ — за нас. Еще немного — и победа на нашей стороне.

Исполнительное бюро Спб. отделения всероссийского почтово-телеграфного союза.

24 ноября 1905 г.

Союз конторщиков и бухгалтеров.

22 ноября состоялось очередное заседание совета союза конторщиков и бухгалтеров. Были выслушаны доклады комиссий библиотечной (и образовательной), по приисканию занятий и квартирной; рассматривался вопрос об аресте товарищей; о выборе делегатов в С. Р. Д. и в центральное бюро профессиональных союзов. Решено было организовать библиотеку для конторщиков. На эту цель совет ассигновал единовременно 50 руб., впоследствии будут устраиваться в пользу библиотеки благотворительные вечера, лекции, рефераты и т. п. Решено организовать общеобразовательные курсы (по социальным наукам, естествознанию и бухгалтерии). Одному из членов союза, пострадавшему за политическую забастовку, выдано пособие— 30 руб. Решено снять для союза квартиру (на Почтамтской ул., 17) в 11 комнат за 225 р. в месяц. Предполагается отдавать это помещение в пользование другим пролетарским союзам: банковскому, страховому, союзу служ. в правит. учрежд. и др., которые уже выразили желание снимать помещение союза конторщиков, таким образом будет покрыта часть расхода на квартиру.

Далее собрание рассматривало инцидент с тремя товарищами, которые были 4 ноября схвачены полицией при выходе из конторы „Русского общества торговли аптекарскими товарами“, куда явились для приглашения служащих названного общества присоединиться ко всеобщей политической забастовке. Полиция, удостоверив их личность, отпустила, но потом оказалось, что они приговорены полицией к аресту на месяц „за участие в сборище для действий, противных общественному порядку, т. е. за нарушение обязательного постановления, изданного 8 марта 1901 г.“. Совет на прежнем заседании командировал депутатов к градоначальнику для заявления ему о незаконности ареста товарищей и требования немедленной отмены „приговора“.

Депутаты 3 раза не были допущены к градоначальнику и оставили ему письменное заявление от имени совета. Одновременно администрации „Русского общества“ совет предложил также принять все меры для отмены ареста. Так как ответа от градоначальника к назначенному сроку не получено, то совет постановил, что он не допустит ареста товарищей, кроме того войдет в сношение с союзами фармацевтов и врачей для бойкота „Русского общества торговли аптекарскими товарами“, участие администрации которого в аресте товарищей несомненно.

В следующем заседании совета, которое состоится в воскресенье 27 ноября, в 6 час. веч., будут временно выбраны 5 представителей в Совет Рабочих Депутатов и 3 в „бюро профессиональных союзов“, выбор же постоянных представителей отложен до времени полной реорганизации союза, который будет разбит на группы по роду занятий (страховые, банковские, заводские и др.). Эти группы и будут непосредственно от себя посылать представителей в совет союза конторщиков, а также и в С. Р. Д.

23-го числа некоторые члены совета узнали из канцелярии градоначальника, что дело об аресте товарищей градоначальником приостановлено.

Народный дом гр. Паниной.

Доклад г. Мазуренко о крестьянском союзе привлек 23-го в зал гр. Паниной много публики. Докладчик в начале своей речи указал на непартийность всероссийского крестьянского союза; туда, по словам г. Мазуренко, входят и представители украинской радикальной партии (Спілка), и социалисты-революционеры и представители интеллигентских (толстовских) поселков Черноморск. губ. и др. Союз стремится к возможно широкому

достижению „свободы“, к об'единению и организации крестьянства; его программа ближе всего подходит к программе партии с.-р. Характерным является то, что толчком к основанию союза послужила предпринятая московским губернатором и некоторыми реакционными помещиками попытка склонить крестьян к составлению патриотических адресов с выражением готовности продолжить войну. Это создало почву для агитации; крестьяне приступили во многих местах к составлению приговоров противоположного характера. С этой целью в мае месяце в Москве состоялся первый с'езд крестьян; на майском с'езде возникла мысль об организации всероссийского союза крестьян. Докладчик, касаясь истории возникновения союза, особенно подробно остановился на Донской области, где к организации крестьянства им было приступлено ранней весной; он для этой цели использовал манифест 18 февраля об улучшении крестьянского быта; многие общества Донецкого округа, Криворожской волости, в июне месяце, собираясь на сходы, выносили приговоры с требованием Учредительного Собрания и уничтожения частной собственности на землю. На первом учредительном с'езде всероссийского крестьянского союза присутствовало 100 крестьян и около 25 интеллигентов; по словам докладчика, выбирали наиболее бедных; в Москве организация крестьянства велась при строго конспиративных условиях; на Дону открыто. Указывая на костромской с'езд, где преобладали интеллигенты во главе с г. Левицким, докладчик сравнивает постановления этого с'езда с резолюциями остальных крестьянских по губерниям совещаний: в Костромской губ. принята программа, очень близкая к конституц.-демократич.; каждый акт государственный должен быть, по мнению к.-д., одобрен Государственной Думой и главой государства утвержден; что касается аграрной программы, то костромские настаивают при национализации земли на выкупе ее, в то время как подавляющее большинство крестьянских представителей (владимирск., московск., воронежск., курск.) высказались за Учредительное Собрание на основе 4-членной формулы и за национализацию без выкупа. Но на с'езде слышались и другие голоса; так, представитель одной губернии, крестьянин, указал на то, что и у крестьян имеются большие участки частных земель, а потому нужно дать им за землю скромную плату. На первом учредительном с'езде 31 июля были представители из 22 губ., на делегатском с'езде всероссийского крестьянского союза 6—10 ноября из 27 губ. Что касается сферы влияния крестьянского союза, то имеются следующие данные: Черноморская губ. (около $1^1/_2$ мил. населения) вся захвачена; в Полтавской и Харьковской — около миллиона чел.; недавно началось в Сибири сильное движение: там с'ехались представители 50 волостей по 2 с каждой волости и решили присоединиться к союзу. В заключение докладчик указал на то, что крестьянский союз ставит себе главной целью сорганизовать крестьянство; товарищи же из „Спілки“, соц.-рев. и соц.-дем. рекомендуют нам сейчас присоединиться к восставшему пролетариату; мы же выдвигаем организационную работу; нужны не хаотически-разбросанные ряды, а стройно-организованные.

„Теперь, когда к общему движению примыкает армия, когда все охвачено пожаром, помогите нам сорганизовать крестьянство, ибо нам нужно готовить свои силы для захвата власти для того, чтобы восторжествовала власть народа“.

В комиссию о безработных.

В комиссию о безработных поступило от рабочих Спб. металлического завода через депутатов 1.467 р. 43 к.

К железно-дорожным телеграфистам.

Товарищи! Всю Россию охватила революционная забастовка почтово-телеграфных служащих. Вместе с ней то там, то здесь запылало зарево солдатских восстаний. Царское самодержавие пошатнулось в своих основах: штыки, защищавшие его, повернулись против него; капиталисты, снабжавшие его деньгами, лишили его кредита!

Революция сделала новый шаг. Еще один камень выбит из-под ног русского самодержавия. Самовластие царя на краю гибели. Еще одно усилие—и самодержавие царя сменится самодержавием народа.

За вами очередь, товарищи! Вам, железно-дорожные телеграфисты, необходимо поддержать товарищей-забастовщиков.

Во имя товарищеской солидарности, во имя борьбы за улучшение своей доли, во имя борьбы за всенародное Учредительное Собрание, Совет Рабочих Депутатов призывает всех вас поддержать революционную борьбу, начатую пролетариатом.

Ни один из вас не должен передавать правительственных телеграмм. Только служебные телеграммы и никаких иных.

Все как один! Да здравствует революционная борьба!

Ни одной телеграммы, кроме служебных!

Исполнительный Комитет
Совета Рабочих Депутатов.

Союз мастеров и техников.

— В собрании союза мастеров и техников 19 ноября решено послать своих представителей в Совет Рабочих Депутатов. Депутатами избраны: Иогансен (Пут. з.), Яковлев (Пут. з.) и Вержбинский (Э. Т.).

По вопросу об отношении к С. Р. Д. в собрании были большие дебаты. Некоторые настаивали на автономности союза, говоря, что С. Р. Д. не имеет права навязывать свое решение не только союзу м. и т., но даже рабочей массе. Собрание, однако, большинством против 6 голосов приняло следующую резолюцию:

„Союз мастеров и техников постановил присоединиться к великой революционной армии в целях борьбы за Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного и прямого голосования и освобождения труда из под ига капитализма, для чего посылает своих депутатов в С. Р. Д.“

Во время заседания был сделан сбор в пользу одного безработного, но собрание постановило передать эти деньги в комиссию по безработным и отправить туда нуждающегося. Кроме того, союз охотно откликнулся на призыв Исполнительного Комитета С. Р. Д. дать работу нуждающимся.

— Группа социал-демократов зубоврачебной профессии в целях борьбы за профессиональные интересы организует внепартийный союз. Устав союза будет на-днях опубликован.

Из жизни рабочих.

Петербургский район.

I.

На фабрике Васильева и Люцедарского произошел такой случай. Мастер Вунге дал расчет рабочему Саратову, подозревая его в принадлежности к социал-демократической партии. Но расчет необходимо было мотивировать уже не полицейскими соображениями, а потому г. Вунге сослался на недостаток работы. Тогда значительная группа рабочих этой фабрики решила бороться против произвола мастера. На своем собрании группа рабочих вынесла резолюцию, где, вскрывая истинную причину расчета Саратова, рабочие предложили г. Вунге убраться из стен фабрики 23 ноября к 12 часам дня. Эта резолюция была вручена Вунге, но он не обратил на нее внимания. Тогда известная часть рабочих схватила мешок и хотела посадить в него своего мастера Вунге. Во время борьбы Вунге ранил себе руку, продавив стеклянную дверь. Вскоре явились полиция и казаки. По доносу Вунге были арестованы рабочие: Саратов, Алексеев, Карманов и еще несколько других. До сих пор они не освобождены. Рабочие фабрики возмущены до крайней степени. Вероятно, будут бороться за освобождение своих товарищей.

Новый Арсенал.

В Новом Арсенале недавно рабочие выкатили в тачке рабочего Смирнова, уличенного в краже масла. Рабочие находили, что это кладет тень на всех товарищей.

Поступок рабочих обсуждался в собрании офицеров арсенала, и полковник Блажовский настаивал на приеме рабочего Смирнова обратно. Рабочие заявили протест — они не желают иметь

в своей среде воров. В толпе кто-то к этому добавил, что на место Смирнова следует принять честного работника, уволенного делегата.

Для обсуждения этого вопроса рабочие решили устроить собрание.

23 числа вечером рабочие арсенала обратились к начальнику арсенала Индутному об отводе помещения для собрания рабочих и об обратном приеме делегата от завода в Совете Депутатов Крапивина. Начальник завода отложил ответ до 24 ноября, так как, по его словам, вопрос о помещении требовал сношений с главным артиллерийским управлением. До обеда 24 ноября работа на заводе производилась обычным порядком. При возвращении рабочих после обеденного перерыва они нашли здание арсенала оцепленным войсками, не допускавшими рабочих внутрь завода. Войска и полиция разгоняли рабочих — „мерзавцев", по словам командовавшего военными силами помощника пристава 1 участка Выборгской части. Согласно об'явления, завод закрыт вследствие того, что рабочие по окончании работ „собрались и шумели". О дне расчета будет об'явлено.

Что касается делег. Крапивина, то, по заявлению Индутного, он уволен за „грубые" слова. Товарищи-рабочие — выборные делегаты—утверждают, что „дерзкие" слова были следующие:" „Вы принимаете рабочих арсенала, но не принимаете из выборных". Эти слова были сказаны деп. Крапивиным г. Индутному.

Завод Розенкранца.

18 ноября в Выборгском районе на заводе Розенкранца был митинг. Говорили 2 оратора с.-д. Один оратор, обрисовав эконом. и полит. положение России, полное безденежье, отсутствие власти у центрального правительства, указал на необходимость единства и пролетарской солидарности и на международное значение русск. революции. Другой говорил о выгодности для пролетариата данного соотношения сил. Сделав краткий обзор западных революций, он указал, что нигде еще не было такой сильной и самостоятельной рабочей партии, и что это служит лучшей гарантией действительной победы революции. Речи встречались с огромным сочувствием; когда оратор призвал вступать в члены Р. С.-Д. Р. П., то масса выразила желание тут же записаться. В конце была принята резолюция:

„Мы, рабочие зав. Розенкранца, собравшись 18 ноября, постановили:

„Правительство в союзе с капиталистами выбросило на улицу десятки тысяч наших товарищей.

„Правительство своею провокацией еще раз показало, что оно нам такой же враг, как и капиталисты, что оно желает ослабить наши ряды и что ждать от него каких бы то ни было милостей нечего.

„Поэтому мы, рабочие, для успешной борьбы с правительством и капиталистами постановили:

„I) Вступить в ряды Р. С.-Д. Р. П., как единственной партии, выражающей интересы пролетариата.

„II) Организоваться в професс. союзы.

„III) По первому призыву Р. С.-Д. Р. П. и С. Р. Д. присоединиться ко всеобщей политической забастовке и под их знаменем вести до конца борьбу за Учредительное Собрание и демократ. республику.

„Мы призываем присоединиться к рядам борющегося пролетариата все революционное войско и восставшее крестьянство".

Затем восторженно принято предложение не пить казенного вина, чтобы лишить правительство и этой материальной поддержки.

На заводе есть черная сотня. Ораторы выяснили ее сущность, говорили, что с рабочими черносотенцами нужно бороться внесением в их среду сознательности.

На заводе распространяются черносотенные листки о кронштадтских событиях. Листки изданы в типографии Суворина (Эртелев, 13). Милое единение.

Митинг кончился при пении рабочей марсельезы.

На Путиловском заводе.

16 ноября состоялся ряд больших митингов в пяти мастерских: вагонной, паровозо-механической, литейной и модельной. Кроме товарищей, работавших в этих мастерских, присутствовали многие из других мастерских.

Речи ораторов, исключительно социал-демократов, принимались с огромным энтузиазмом.

Настроение весьма приподнятое.

После ряда речей, главной темой которых был новый провокаторский прием двух союзников: капиталистов и самодержавия, — локаут рабочих с целью вызвать их на решительный бой в более удобную для буржуазии и Витте минуту, путиловцами единогласно была принята резолюция:

„Мы, рабочие Путиловского завода, собравшись на митинге 16 ноября и обсудив резолюцию Совета Рабочих Депутатов, пришли к единогласному решению:

„Вполне убежденные в необходимости единого, дружного и планомерно-организованного выступления пролетариата и всего революционного народа, мы выражаем свою полную солидарность с постановлением Совета Рабочих Депутатов и полную готовность выступить на борьбу по первому призыву Совета Рабочих Депутатов, руководимого Российской Социал-Демократической Рабочей Партией.

„Да здравствуют восставшие пролетариат, крестьянство и армия!

„Да здравствуют временное правительство, демократическая республика и Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!"

---

22 ноября к Нарвскому Районному Комитету Р. С.-Д. Р. П. явилось 12 рабочих завода Недермейера с заявлением, что все рабочие завода, кроме нескольких человек, „желают вступить в члены Р. С.-Д. Р. П., так как принимают ее программу и видят в ней истинную выразительницу интересов пролетариата".

Гвоздильный завод.

24 ноября в 2 ч. дня в Василеостровском театре состоялось собрание рабочих Гвоздильного завода, посвященное, главным образом, выяснению своих заводских нужд.

После почти 4-недельного перерыва работ (завод закрыт с 1 ноября) администрация в надежде, что она достаточно заставила своих рабочих изголодаться, чтобы смирить их упорство и, следовательно, насильничать во-всю, решила открыть завод и об'явила о приеме на работу. Но, не довольствуясь даже тем, что возвращение на работу было об'явлено на прежних условиях, администрация решилась использовать свою привилегию сытых над голодными и отказала в приеме обратно 82 человек, конечно, самых лучших товарищей, в том числе 3 избранных депутатов и нескольких старост. Но, очевидно, администрация недостаточно оценила силу власти души над пустым желудком своих рабочих. Изголодавшиеся рабочие все же решили не бросать на холодной улице своих непринятых на завод товарищей и на собрании своем в Василеостровском театре в результате тайной баллотировки, произведенной с возможной тщательностью, постановили громадным большинством— не приниматься за работу до тех пор, пока все товарищи-рабочие не будут приняты.

По выяснении такого результата баллотировки собранием решено довести до сведения администрации свое постановление в следующей форме через двух выборных старост. „Мы, рабочие Гвоздильного завода собравшись вчера, 24 ноября, в Василеостровском театре, после обсуждения последних действий заводской администрации — непринятия обратно 84 человек наших товарищей (в том числе всех наших депутатов и некоторых старост), постановили тайной баллотировкой не приниматься вновь за работу до тех пор, пока все рабочие не будут приняты обратно. Поэтому предлагаем администрации во избежание печальных последствий не настаивать на открытии завода до тех пор, пока постановление собрания не будет выполнено.

„Ответ свой администрации предлагается вывесить к завтрашнему дню у заводских ворот. Это наше постановление поручаем довести до сведения администрации Гвоздильного завода нашим старостам (следуют фамилии и подписи председателя и депутатов)".

По решении заводских дел товарищами социал-демократами произнесены были две речи: о современном моменте, единении пролетариата с революционным крестьянством и восставшим войском для борьбы со всеми остатками самодержавно-полицейского строя и о необходимости для пролетариата в целях успеш-

ности этой борьбы организовываться и сплотиться в единую социал-демократическую рабочую партию. Речи ораторов собрание приветствовало рукоплесканиями. К концу собрания, по предложению председателя, рабочие постановили воздержаться от питья водки на время общей борьбы. Последним постановлением собрания было подвергнуть бойкоту лавочника Игнатия Дорофеевича Шувалова за то, что, радушно открывая свои двери перед рабочими-покупателями во время работы, он отказывает им в кредите в самое тяжелое для них время — во время забастовки. Собрание предлагает всем товарищам-рабочим присоединиться к этому бойкоту.

Металлический завод Растеряева.

В среду, 16 ноября, на Мет. зав. происходило собрание рабочих — социал-демократов и сочувствующих (70 человек)—для создания организации.

Сначала говорили 2 оратора о современном моменте, необходимости организоваться, а также о демократическом начале в организации и способах проведения его в жизнь.

Далее был поставлен вопрос о выборах зав. ком.

Несмотря на неполный состав собрания, последнее большинством голосов постановило возможным и желательным произвести выборы сейчас же.

Из 30 намеченных кандидатов 10 прошли и составили зав. к.

Пятница, 18 ноября. Происходило заводское собрание социал-демократов Металлического завода. При открытии член зав. к. произнес краткую речь о значении и принципах организации. Затем слово было предоставлено лектору, читавшему о социализме.

Воскресенье, 20 ноября. Собрание зав. ком. Металлического завода.

Вначале сделан был отчет о собрании всех заводских комитетов, бывшем за день перед тем. Затем установлены были отчисления в социал-демократическую кассу в 2%, при чем 50% из собранных денег решено отдавать в Районный Комитет, а остальные 50% оставлять в кассе зав. ком. Выбраны были секретарь, казначей и библиотекарь.

Секретарю было поручено в ближайшие же дни произвести записи в социал-демократическую партию.

После некоторых рассуждений о функциях заводского комитета, о нуждах завода и необходимости вести подробный отчет о происходящем на заводе, перешли к выработке порядка дня на ближайшее заводское собрание.

1) Положение заводского комитета.

2) Отчеты о том, что произошло в партии и в частности в выборном районе. Сумма, собранная Металлическим заводом на безработных, равняется 1.467 руб.

Понедельник, 21 ноября. На собрании рабочих Металлического завода (также некоторых и от других заводов) преимущественно социал-демократами читались лекции о социал-демократии и политической борьбе. По окончании член заводского комитета сделал краткий отчет о партийной реорганизации. Впрочем, речь свою ему кончить не удалось, так как вошедший помощник пристава вызвал среди присутствующих шумное негодование и еле удрал под криками: „держи, лови его"... Часть стала расходиться, и в виду затянувшегося собрания оно было закрыто.

Суббота, 19 ноября. Митинг на Металлическом заводе, начавшийся, как обычно, пением марсельезы и водружением красных знамен на возвышении, прошел успешно. Ораторы—социал-демократы—говорили о комиссии безработных, выясняя ее значение и указывая на то, что вопрос о безработных—особенно острый теперь благодаря нашей политической коньюнктуре — всегда будет существовать, пока существует капиталистический строй.

Затем говорили о том, как стоит теперь вопрос о политической стачке.

Сказано было несколько слов о Гапоне и том направлении, которое принимает „гапонада".

Ораторы социалисты-революционеры осведомили о крестьянском с'езде, не приминув, конечно, ругнуть социал-демократов и поставить вопрос так, как будто они имеют исключительную монополию на крестьян, о которых социал-демократы совсем забыли (впрочем тов. рабочие отлично помнили, что на предыдущем собрании очень подробно говорилось о крестьянском с'езде). Один из ораторов социалистов-революционеров, рассказав о „трудовом крестьянстве", так увлекся, что вскричал: „Кто желает итти вместе с труд. крест., подымите руки!" Многие подняли руки. „Я счастлив,—продолжал оратор,—что многие руки поднялись. Я так и напишу в этом смысле резолюцию".

Завод Тильманса.

На заводе Тильманса одним из товарищей были принесены для продажи книги социал-демократического направления. Их не хватило, и последние продавались по 15 к. вместо трех. Малое количество их вызывало жалобы рабочих, что продают, „только своим". И лишь заявление, что скоро доставят больше, прекратило неудовольствие.

Сестрорецкий чугуно-литейный завод.

22 ноября состоялся первый митинг на Сестрорецком чугунолитейном заводе, который еще не примыкал к общей борьбе пролетариата и не участвовал в забастовках ни разу. Только после последней он послал делегата в Совет Рабочих Депутатов. На митинге участвовали все рабочие, находившиеся в это время в заводе. Оратор социал-демократ говорил о социализме, как конечной цели борьбы пролетариата, о средствах и ближайших задачах рабочего движения, о его значении. После митинга было принято единогласно решение делать отчисления в стачечный фонд. Рабочие горячо благодарили оратора и просили устроить еще митинги и прислать ораторов. Замечался большой под'ем настроения.

Завод Осипова.

У нас усиленно мобилизуются силы „черной сотни". Руководят делом управляющий Кошурников и директор Неокесарийский. Газеты у нас изгоняются: об'явлено, что за пронос газет будет назначаться штраф.

Удивительные порядки царят на заводе Осипова.

Путиловский завод.

22 ноября на заводе происходили митинги. Решено делать отчисление 3% заработка в пользу безработных.

Одна из наиболее отсталых мастерских — мартеновская, просит ораторов устраивать почаще митинги, заявляя, что черносотенцев, если бы они вздумали сорвать митинг, рабочие выбросят из мастерской.

Судебная хроника.

Дело о покушении на Д. Ф. Трепова.

20 ноября в 12 часов ночи закончилось разбирательством в военно-окружном суде дело о заговоре против бывшего генерал-губернатора Д. Ф. Трепова.

На судебном следствии подсудимые открыли свои настоящие фамилии. Сидоренко оказался сыном полковника Е. А. Трофимовым, 19 лет, студентом юрьевского ветеринарного института; Подновский—дворецкий мещанин Шевель Давид Шимкович Барышанский, 32 лет. На вопрос председателя о виновности подсудимые заявили, что они виновными себя не признают, но подтвердили, что принадлежат: Марков и Барышанский—к партии социалистов-революционеров, а Трофимов — к боевой организации крайней партии.

Из свидетелей не явились все 13 „филеров" (сыщиков), о которых охранное отделение сообщило, что они командированы в разные города империи. Несмотря на протесты защиты, суд постановил огласить письменные показания всех сыщиков, которые, как указывала защита, никогда в суд не являются по политическим процессам. На чтение этих показаний и протокола осмотра литературных произведений партии социалистов-

революционеров ушло 2 дня, и только в воскресенье, 20 ноября, начались прении сторон.

Протокол—гектографированный оттиск обозрения литературы социалистов-революционеров, составленный в петербургском жандармском управлении при участии прокуроров-специалистов по политическим делам. Копия этого протокола обыкновенно прилагается ко всем делам о социалистах-революционерах, равно как такие шаблонные осмотры прилагаются к делам о социал-демократах.

Прокурор требовал чтения этого протокола полностью, но защита возражала против чтения тех частей протокола, которые или не подкрепляются имеющимися при деле подлинными изданиями партии социалистов-революционеров, или же относятся к изданиям других революционных организаций. Издания партии социалистов-революционеров были представлены лишь благодаря настойчивым ходатайствам защиты. Департамент полиции прислал в суд все номера „Революционной России", какие только у него нашлись, но нашлись у него далеко не все номера.

Исполняющий должность военного прокурора полковник Лопатин в своей речи пытался доказать, что партия социалистов-революционеров, вводящая в свою тактику террор, есть партия анархическая, стремящаяся создать вокруг себя „полную пустыню". Как таковая—она не может быть терпима ни в какой культурной стране и, с другой стороны, является угрозой всей цивилизации. Военный прокурор уверял, что террористические действия боевой организации направляются против министров и других лиц высшей администрации потому лишь, что они являются представителями власти, без всякого соображения, вред или пользу приносит народу деятельность того или другого из них. Вообще все наше революционное движение должно вызывать самый резкий отпор со стороны благомыслящих людей. Недаром бывший политический каторжанин Караулов высказался на с'езде в Москве против революции. Недаром приват-доцент и „ученый человек" Струве характеризовал тактику наших революционеров как смесь якобинства и анархизма. Лев Толстой тоже отрицательно относится к революционному движению. Не имеет оно корней в народе. Вот социалисты-революционеры на первом месте в своей программе выставляют интересы крестьян, а последние арестовывают агитаторов социалистов-революционеров и представляют их по начальству. Охарактеризовав таким образом общее направление партии, прокурор указал затем, что ко времени ареста всех трех подсудимых боевая организация партии несомненно располагала для своих преступных целей взрывчатыми веществами и складами оружия, и что подсудимым об этом было известно. Доказывая принадлежность подсудимых к боевой организации и осведомленность их о том, что в распоряжении организации имеются взрывчатые вещества, прокурор неизменно ссылался на агентурные сведения охранного отделения. Для доказательства же того, что найденная в пассажирских вещах на станции Белосток недоделанная бомба принадлежала подсудимому Барышанскому (Подновскому), прокурор сослался на документ, не имеющийся при деле: „К делу не приложен журнал филеров,—говорит прокурор,—но если б он был приложен, то из него было бы видно, что бомба принадлежит Барышанскому. Да и чем докажет защита, что бомба ему не принадлежала?"

В заключение своей речи прокурор требовал применения к Барышанскому и Маркову 2 ч. 126 ст. Уг. улож., а к Трофимову 18 п. положения об усиленной охране и 279 ст. XXII кн. Свода военных постановлений.

Из представителей защиты первым говорил присяжный поверенный А. С. Зарудный, который на основании подробного анализа литературных произведений партии социалистов-революционеров устанавливал, что программа партии и ее деятельность не имеют ничего общего с анархизмом. Террористический элемент в программе партии является проходящим и вызывался теми ужасными стеснительными условиями, в которые самодержавие ставило общественную деятельность. Ссылаясь на речи Гершуни и Сазонова, статьи Рубановича и письма Брешко-Брешковской, защитник протестует против обвинения боевой организации в пристрастии к насилию и указывает, что к террору социалисты-революционеры пришли после больших колебаний, что необходимость прибегать к нему принимается ими как тяжкое бремя, и что все видные теоретики и практики терроризма всегда энергично высказывались против террористических приемов борьбы в странах, обладающих политической свободой. Тактика партии по отношению к крестьянам, интеллигенции, учащейся молодежи, солдатам и офицерам является не бунтарской и стремится внести во все сферы революционного движения начало организованности и обратить народное недовольство от мести отдельным представителям власти и имущих классов к протесту против общего политического уклада государства. На место произвола самодержавия социал-революционеры стремились создать демократический правовой порядок. И если прокурор утверждает, что деятельность социалистов-революционеров была направлена к разрушению правового порядка и водворению анархии, то он оказывается в прямом противоречии с тем докладом С. Ю. Витте, который государь повелел принять к „руководству" и в котором категорически сказано, что до 17 октября правового порядка в России не было и что таковой надлежит еще создать.

В настоящее время, когда закладываются основы правового порядка, не могут признаваться преступными люди, самоотверженной деятельности которых Россия обязана тем, что произошел разрыв со старым режимом и даны обещания создать гарантии правового порядка.

Затем защитник переходит к юридическому анализу тех последствий, которые должны вытекать из закона 21 октября об амнистии по отношению к деяниям, предусмотренным 2 ч. 126 ст., в законе об амнистии неупомянутой. Анализ приводит защитника к убеждению, что раз не является преступной та цель, ради которой создалась та или иная организация, то не может быть наказуемо, как государственное тяжкое преступление, и хранение этой организацией взрывчатых веществ и оружия. 17 октября самодержавие перестало существовать, и теперь нельзя карать никого за то, что он запасался оружием для борьбы с этим, ныне не существующим режимом.

Переходя к защите Маркова, Зарудный отмечает недостаточность данных для обвинения Маркова, открыто заявившего о своей принадлежности к партии социалистов-революционеров и о своем желании вступить в боевую организацию—для обвинения его в том, что он был уже принят в эту организацию и в чем-либо на деле проявил эту принадлежность. Разбивая доводы прокурора в этом направлении, Зарудный подробно останавливается на значении того материала, который доставляется сыщиками.

Защитник Барышанского пр. пов. К. В. Винберг указывал на то, что ни один свидетель не дал в доказательство вины его подзащитного ни одного показания. Узнав из обвинительного акта, что главным доказательством принадлежности Барышанского к боевой организации является нахождение в его вещах бомбы, К. В. Винберг самым тщательным образом перерыл все восемь томов следственного производства и нигде не нашел ни малейшего указания на то, на чем основано обвинение, что вещи, среди которых нашлась бомба, действительно принадлежали Барышанскому. Защитник ожидал такого доказательства во все время судебного следствия, ждал услышать доказательство в речи прокурора, но из нее убедился в противоположном. В деле доказательств нет, и прокурор ссылается на то, „что могло бы в деле быть".

Защитник Трофимова Н. Д. Соколов, в развитие доводов Зарудного о временном характере террористического элемента в деятельности социалистов-революционеров, остановился на истории русского революционного движения, из которой видно, что переход от пропагандистско-агитационного движения в народе к террористической деятельности совершился в конце 70-х годов под влиянием жестокой репрессии правительства на мирную общественную деятельность.

Как бы ни понимать программу всей партии социалистов-революционеров, несомненно одно, что боевая организация задачей своей деятельности ставила не ниспровержение общественного строя, а устранение того самодержавного режима, который 17 октября официально перестал существовать.

По отношению к обвинению Трофимова в покушении на жизнь агентов, арестовавших его, защитник отметил, что оно покоится исключительно на показаниях трех сыщиков, из которых ни один на суд не явился. Шаткость обвинения усугубляется еще тем, что показания сыщиков противоречат одно другому. Каждый из них старается доказать, что главная опасность грозила ему, что именно в него был направлен выстрел Трофимова. Последний отрицает намерение убить кого-либо, но признает факт выстрела; он не отрицает того, что он оказал задержавшим его вооруженное сопротивление, тем не менее, мы не имеем здесь состава даже 270 ст. Уложения о нак., так как сыщики не могут считаться чиновниками, о которых говорит закон.

Военно-окружной суд, после 4-часового совещания, приговорил Маркова к 4 годам, Барышанского к 7 годам и Трофимова (Сидоренко) к 10 годам каторжных работ, с лишением всех прав состояния.

Письма в редакцию.

Дорогие товарищи! В № 19 „Новой Жизни" сказано, будто, устанавливая особый порядок для Выборгского района, Федеративный Совет „принимал во внимание низкий уровень сознательности у рабочих на Выборгской стороне". В действительности же Федеративному Совету никогда и в голову не приходило бросать подобный упрек по отношению к одному из наиболее проникнутых духом соц.-дем. району. Во избежание недоумения товарищей прошу напечатать эту записку.

Товарищ председателя член Федеративного Совета *Юрий Ларин.*

Г. редактор!

Просим дать место следующему: В № 12 „Новой Жизни" в отделе хроники помещена заметка о судебном разбирательстве по поводу кражи меди рабочими Семянниковского завода Суриным и Ивановым; в конце заметки говорится: „Обвиняемые в краже рабочие были за недоказанностью обвинения оправданы. Вместе с тем, выяснилось, что по настоянию инженеров гг. Постоева, Сухих, Хромых и др. за политические убеждения было уволено 250 рабочих. За доставку прокламаций и распространение их инженеры создали даже таксу. Рабочие Сурин и Иванов привлекли к третейскому суду всех 15 инженеров, культивировавших среди рабочих завода сыск и провокацию. Третейский суд состоится на-днях!" Мы считаем нужным заметить следующее:

1. Увольнение 250 тов. состоялось не по настоянию инженеров, а по усмотрению заводоуправления, при чем полит. убеждения в увольнении никакой роли не играли.
2. Инж. Сухих и Хромых никаких отношений к черносотенному элементу не имеют, и указание их сослуживцев-свидетелей лишено всякого основания.
3. Третейский суд по поводу провокаторской деятельности 15 инженеров места не имел, и, насколько нам известно, в будущем не предстоит.

Делая эти фактические указания, необходимые для восстановления истины, мы можем добавить только одно — у нас и без того много хулиганов и черносотенцев, чтобы искать их среди порядочных людей.

Депутаты корабельной мастерской Семянниковского завода: *Владимиров, Латышев.*

М. г., г-н редактор!

Во вчерашнем № 19 „Новой Жизни" помещена заметка о митинге техников, на котором обсуждался инцидент с г. Шмулевичем, уволившим служащих за забастовку.

Так как, судя по адрес-календарю, в Петербурге имеется всего один техник, носящий эту фамилию — инженер путей сообщения П. К. Шмулевич, то эта заметка может кинуть позорную тень на мое имя.

Поэтому прошу Вас не отказать напечатать эти несколько строк. Я, инженер путей сообщения П. К. Шмулевич, ничего общего, кроме фамилии, с господином, о котором говорится во вчерашней заметке, не имею и никаких своих служащих за забастовку не увольнял и не мог уволить хотя бы по той простой причине, что у меня никаких служащих, кроме домашней прислуги, живущей по несколько лет, не имеется

С совершенным почтением *Петр Шмулевич.*

Иностранный отдел.

Падение консервативного министерства в Англии.

Телеграф принес известие об отставке кабинета Бальфура. Это событие очень крупное, оно оказывает влияние не только на английскую политику, но и на мировую. Консерваторы находились у власти двадцать лет, с 1886 г., лишь с маленьким перерывом, во время последнего министерства Гладстона с 1892 по 1895 год. Это владычество консервативных идей началось очень знаменательно незабвенным кровавым воскресением 13 ноября 1887 года, когда произошла такая редкая для Англии вещь, как столкновение вооруженной силы с народом, и тогдашний лидер социалистов Джон Бернс был арестован и получил 6 недель тюремного заключения.

К падению своему консерваторы пришли тоже через кровь,—с бурской войны министерство держалось с трудом, лишь опираясь на раздутый шовинизм.

Уже во время последних выборов в парламент, хотя консервативная партия и получила большинство депутатских мест, но большинство избирателей в стране имели либералы, затем каждые новые частичные выборы приносили новые удары: консерваторы не всегда теряли депутатские места, но всегда теряли голоса. Это такой важный признак перемены в настроении страны, что с ним невозможно не считаться, и Бальфур благоразумно отступил, не дожидаясь выборов, которые нанесли бы его кабинету страшный удар.

Сама консервативная партия распадается на две части под давлением агитации Чэмберлена за покровительственные пошлины. Эта кампания так непопулярна в широких кругах английского населения, что кабинет Бальфура не решился поддержать своего Джо, но, боясь потерять такую большую политическую силу, Бальфур в речи в Ньюкестле пытался согласить свою таможенную политику с протекционизмом. Соединение таких несоединимых вещей, конечно, смешно, и Чэмберлен отверг подобный союз в своей бристольской речи.

Ход Чэмберлена ясен — он понимает, что, несморя ни на какую ловкость, несмотря на большинство семидесяти голосов в палате, консервативная политика пала, она не популярна, ибо сейчас же вызывает у народа представление о бурской войне, давшей лишь разочарования; о протекционизме, который угрожает голодом большинству населения; и консерваторы хотят передать власть либералам именно в этот трудный момент.

Сэр Генри Кемпбель-Баннерман, как лидер либеральной партии, принимает премьерство. Поэтому недурно теперь вспомнить то, что он обещал когда-то народу, будучи в оппозиции. В конце 1901 года он говорил по поводу бурской войны, этого гвоздя империалистической политики: „Хорошо говорить об автономии, которую мы предоставим бурам. Но полагаете ли вы, что люди, которые видели свои фермы разграбленными, очаги поруганными, жен и детей истребленными, внезапно превратятся в довольных и счастливых граждан, доверяющих будущему? Мы гордимся положением нашей страны. Мы готовы защищать и расширять ее, но, как либералы, мы не верим ни в прочность, ни в преуспевание империи флибустьеров, лжецов и бахвалов, империи, которая,

преследуя свои выгоды, попирает права и чувства своих соседей... Я сторонник старых обычаев и старых традиций нашей нации, свободных от всяких покушений утвердить права на первенство и привилегии. Я сторонник правил чести и свободы. Меня не увлекает блестящая мишура, в которую хотят нарядить Англию. Желание наше—видеть нашу нацию великой нацией, но средство для этого мы видим не в завистливых взглядах, не в захвате достояния других народов, не в трате миллионов на легкомысленные авантюры".

Так говорилось четыре года тому назад, теперь приходит время провести либералам их принципы в жизнь, а английская жизнь требует многих реформ, — прежде всего парламентских: вопрос о всеобщем избирательном праве — вопрос дня, ибо Англия оказалась позади континента. Уничтожение или, по крайней мере, реформа палаты лордов назрела давно; в области социальных реформ — вопросы рабочего страхования, 8-часового рабочего дня, последний вопрос в частном виде для чернорабочих выступал в английском парламенте два раза— в 1897 и 1901 году по инициативе Чэмберлена—и оба раза был им же предательски провален. Политическое положение Англии, надо думать, при ближайших выборах еще осложнится самостоятельным выступлением рабочего класса, который начинает чувствовать необходимость независимой от буржуазных партий политики.

В. Волгин.

Областной отдел.

Н.-Новгород.

(Корр. „Новой Жизни".)

Нижний-Новгород до последних дней продолжает оставаться каким-то оазисом идиллии свободы среди всероссийских ужасов. Известие о назначении сюда Нейдгардта как ушатом холодной воды обдало прекраснодушного обывателя. Идиллии, конечно, придет конец.

Комитет Р. С.-Д. Р. П. по несколько раз в неделю устраивает громадные митинги в помещениях, уступленных городской думой. Собираются митинги и на заводах; очень недурно работают рабочие клубы.

За последние дни особое внимание привлекают забастовки: почты и телеграфа, трамвая и электрической станции и казенного винного завода.

Причиной забастовки трамвая и станции послужило увольнение нескольких организаторов профессионального союза.

Забастовка винного завода оставила город без водки. Рабочие этого завода до сих пор почти совсем не тронуты пропагандой и представляют очень разрозненную и неподвижную массу.

Несколько недель тому назад зашевелились и они, составили петицию о своих нуждах — довольно скромных, обычных для рабочих, еще не ставших твердой ногой на путь борьбы. Петицию они подали администрации, а та положила ее под сукно.

Это последнее обстоятельство и привело к забастовке: рабочие отобрали от сторожей ключи и заперли на замок все склады и помещения завода.

В числе пред'явленных требований значится: 8-часовой раб. день, месячный отдых с сохранением платы роженицам (2 недели до родов и 2—после), участие рабочих и контроль их при найме новых рабочих. Особенно заинтересованы рабочие в последнем требовании.

Таким образом, эта забастовка двинет инертную еще массу на прямой путь борьбы.

В Нижнем до сих пор за пределами пролетарского движения оставалась громадная, асболютно нетронутая и неорганизованная масса — это армия грузчиков волжских судов. В последнее время явилась возможность соорганизовать и сплотить и ее.

Задача эта нелегкая, ибо культурный уровень этих пролетариев слишком низок. Масса эта, однако, должна быть немедленно сорганизована, ибо иначе ею сплошь да рядом пользуются заплечные мастера черной сотни. Она стоит слишком близко к босячеству, и только яркий свет пролетарского самосознания спасет ее от роли орудия погромов и разбойничьего братоубийства.

С заводов Южного Урала.

(Уфимский уезд.)

(Корр. „Новой Жизни".)

Район, в котором происходило это движение, считался до сих пор особенно благонадежным в политическом отношении, так как в нем при патриархальности отношений между заводской администрацией и местным населением полновластно царила „легенда о добром царе", как единственной опоре бедного люда. Политического брожения в нем до октября 1905 г. не замечалось. Политической агитации не велось почти до 1904 г.

В Уфимском уезде 5 крупных металлургических заводов: Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Миньярский, Симский, Балашевский. Заводы эти являются влиятельными центрами для соседних сел, тесно связанных с ними своими экономическими интересами, всей своей жизнью, и события, происшедшие в заводах, заводских селах, неминуемо должны отразиться на населении всего района, население которого далеко превышает 100.000 жителей.

В „октябрьские дни" в большей части из поименованных заводов происходили впервые за все время их существования рабочие демонстрации с красными знаменами, пением революционных песен и значительными митингами. На митингах говорились речи преимущественно агитационного политического содержания местными рабочими и служащими. Большинство ораторов говорило на тему о необходимости активного участия для местного населения в борьбе русского пролетариата с царским правительством. Всюду речи такого содержания производили громадное впечатление и вызывали огромное воодушевление.

В последних числах октября должны были произойти в волостных сходах выборы выборщиков в Булыгинскую Государственную Думу; и во всех вышепоименованных заводах правительственная система выборов потерпела полное крушение. В одних из них сходы просто отказывались выбирать, делая постановление, что только выборы, произведенные на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования могут считаться действительным выражением воли населения. В других заводах (Симском и Миньярском) шли еще дальше. Волостные сходы, не признавая за собою полномочий решать вопросы такой важности, высказывались принципиально за всеобщее, равное, прямое и тайное голосование, осуждали принципиально Булыгинскую Думу, как попытку со стороны правительства надеть новые цепи на исстрадавшийся русский народ, и отдавали вопрос о Думе на обсуждение сельских сходов, на которые приглашались все жители, достигшие 20-летнего возраста.

Особенной стройностью, удивительной в виду кратковременности политической агитации в них, отличалось движение в Симском (около 6.000 жит.) и Миньярском (около 7.000 жит.) заводах, расположенных друг от друга приблизительно в 20 верстах.

Стройные шествия со знаменами, отличное пение, воодушевленные политические речи произвели на местное население громадное впечатление. Сельские сходы, созванные по вопросу о Думе, высказались за всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, единогласно признали возмутительной попытку правительства надуть народ Булыгинской Думой и тут же избрали уполномоченных, намеченных волостными сходами, которых об'явили своими кандидатами в члены Государственной Думы с учредительными функциями, и поручили им бороться в дальнейших инстанциях (уездном, городском с'езде) против Думы 6 августа, против всех стоявших за нее, как против узурпато-

ров народной воли. На обоих заводах был избран почти единогласно тов. Малоземов, инженер, служащий в местном районе, политические взгляды которого стали хорошо известны широким слоям населения Симского и Миньярского заводов после октябрьских митингов, где он заявил себя приверженцем с.-д. рабочей партии.

Движение в заводских селениях отразилось на соседних селах. Увлеченные примером своих центров, ближайшие селения стали собирать сходы для обсуждения вопроса о Думе, об Учредительном Собрании и постановляли приговоры, аналогичные по содержанию вышеприведенным.

К сожалению, мы не имеем сведений о событиях, происходящих в описываемом районе, за последние две недели. Постараемся сообщить их в возможно близком будущем.

Сообщение из Риги.

Выслушав речь оратора Ф. К. по поводу воззвания С. Р. Д. в Петербурге и о современном положении России, мы на митинге 19/20 ноября, во 1) выражаем свое негодование новой провокации Витте и капиталистов и подлой измене делу народной свободы со стороны либеральной буржуазии и с'езда земских и городских деятелей, заключивших постыдный союз с правительством против народа; во 2) мы шлем свой братский привет и горячее сочувствие петербургским товарищам в их геройской борьбе и рады поддержать их посильной лептой и 3) мы с нетерпением ждем прибытия в Ригу делегатов от С. Р. Д., чтобы наш Ф. П. имел возможность своевременно осведомить нас о предстоящем выступлении всероссийского пролетариата.

Старая Русса.

(Корр. „Новой Жизни".)

Нам сообщают, что старорусская уездная земская управа разослала недавно всем учителям народных школ следующий циркуляр:

„Из многих волостей поступают заявления от крестьян, что им советуют задерживать платежи повинностей в тех видах, чтобы добиться от правительства сложения или уменьшения сборов.

„При подобных сообщениях указывают на то, что советы эти идут из земских школ от учителей.

„Управа полагает, что здесь есть какое-нибудь недоразумение, так как вряд ли учителя не понимают, что, советуя плательщикам не платить сборов, они тем самым лишают земство возможности аккуратно выплачивать им содержание за их труд в школе".

И затем, далее:

„Управа решила, в тех волостях, где прекратилось поступление сборов, прекратить и уплату содержания тем из учителей, относительно которых у нее имеются указания, что ими давались советы о задержании сборов. Председатель Карцев".

Так понимают свою задачу земцы в наши дни освободительной борьбы. Характерно то, что у старорусской управы, повидимому, имеется штат шпионов, доставляющих ей „сведения"...

Харьков.

С 18—19 ноября вся жизнь здесь замерла, город об'явлен на военном положении, вокзал занят войсками, площади заняты артиллерией, улицы казаками; заводы забастовали, в зданиях депо и заводов идут митинги; устроили свой митинг и солдаты, собрали до 5.000 человек; настроение у них хорошее, они передали рабочим, что стрелять в них не будут и что они, как их севастопольские товарищи, хотят вместе с рабочими бороться за лучшую долю, за свободу, за социализм. („Начало".)

Редактор-издатель *Н. М. Минский*.

Издательница *М. Ф. Андреева*.

ИЗД
ПРИБОЙ

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(б)

Новая Жизнь

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 октября — 3 декабря
1905 г.

ВЫПУСК
IV

ИЗД-ВО «ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б)

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 ОКТЯБРЯ — 3 ДЕКАБРЯ

1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. ОЛЬМИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ
Л. КРАСИНА, М. ЛИТВИНОВА,
ИС. ГУКОВСКОГО и Е. СМИТТЕН

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

№№ 22—28

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД — 1926

Ленинградский Гублит № 17.464. Тираж 10.130—12 л. Заказ № 510.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 22.

С.-Петербург. Россия и Европа. *Г. Алексинский.* . . . 1
Социалистическая партия и беспартийная революционность. *Н. Ленин.* . . . 2
Русская печать . . . 3
Вопросы дня . . . 5
Фабричные работницы. *Б. Н-ов.* . . . 6
Телеграммы . . . 7
Москва . . . 8
В Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов. 10
Железнодорожная забастовка . . . —
В армии . . . 11
Почтово-телеграфная забастовка . . . —
Хроника . . . 12
В учебных заведениях . . . 13
Из партийной жизни . . . 14
Профессиональные союзы . . . 15
Из жизни рабочих . . . 17
Письма в редакцию . . . 18
Театр и музыка . . . 19
Финляндия . . . —
Областной отдел . . . 20

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 23.

С.-Петербург. Социальная революция. *А. Луначарский.* 23
Русская печать . . . 25
По поводу. *М. Горький.* . . . 26
Вопросы дня . . . 27
Прошлое офицера. *Офицер.* . . . 30
Телеграммы . . . 31
Хроника . . . 32
От бюро союза рабочих печатного дела . . . 33
Совет Рабочих Депутатов и черная сотня . . . —
Железнодорожная забастовка . . . —
В армии . . . —
Из партийной жизни . . . —
Профессиональные союзы . . . 36
Из жизни рабочих . . . 37
Письма в редакцию . . . 38
Театр и музыка . . . 39
Иностранный отдел . . . —
Польша и Литва . . . —
Областной отдел . . . 40

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 24.

С.-Петербург. Реакционные покушения. *П. Румянцев.* . 43
Русская печать . . . 45
Из истории феодального класса. *И. Степанов.* . . . 46
Вопросы дня . . . 48
Телеграммы . . . 50
Москва . . . 51
Протест представителей 9 газет . . . 52
Хроника . . . —
В армии . . . 54
Профессиональные союзы . . . 55
Из партийной жизни . . . —
Из жизни рабочих . . . 58
Письма в редакцию . . . 59
Иностранный отдел . . . 60
Польша и Литва . . . 62
Областной отдел . . . —

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 25.

С.-Петербург. Профессиональное движение и социализм. *Ю. Адамович.* . . . 65
Русская печать . . . 66
Формула. *Осип Дымов.* . . . —
Вопросы дня . . . 68
Телеграммы . . . 71
Москва . . . 72
В Совете Рабочих Депутатов . . . 73
К общепартийному с'езду. *Г. Алексинский.* . . . —
Хроника . . . 74
В учебных заведениях . . . 76
В армии . . . —
Из партийной жизни . . . 77
Профессиональные союзы . . . 78
Из жизни рабочих . . . 80
Иностранный отдел . . . 81
Финляндия . . . 82
Областной отдел . . . 83

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 26.

С.-Петербург. Капитализм и социализм. *А. Луначарский.* 87
Барцелонская всеобщая стачка. *В. Тотомианц.* . . . 88
Русская печать . . . 90
Вопросы дня . . . 92
По этапу. Картина недавнего прошлого. *Е. Яшнов.* . . —
Москва . . . 94
Телеграммы . . . 97
В заседании Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов . . . 98
От редакции . . . 99
Из партийной жизни . . . —
В армии . . . 101
В учебных заведениях . . . 102
Хроника . . . —
К почтово-телеграфной забастовке . . . 105
В примирительной камере . . . —
В обществе судоходства . . . —
В женском благотворительном обществе . . . —
Польский социалистический митинг P. P. S. . . . 106
„Наука“ на службе у с.-р-ов . . . —
Профессиональные союзы . . . —
Из жизни рабочих . . . 109
Письма в редакцию . . . 113
Иностранный отдел . . . 115
Финляндия . . . 117
Областной отдел . . . —
Судебная хроника . . . 120

Стр.

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 27.

Манифест 123
С.-Петербург. Государственная Дума в Прибалтийском крае. *Г. Алексинский.* 124
Социалистическая партия и беспартийная революционность. *Н. Ленин.* 125
Русская печать 127
Вопросы дня 128
В устойчивости сила. *П. Ларионов.* 130
От редакции 131
Телеграммы . . . . . —
Москва 133
К созыву IV с'езда Р. С.-Д. Р. П. 134
К забастовке почтово-телегрефных служащих . . . . . —
Городское самоуправление. *W.* 135
К аресту Хрусталева 136
Хроника . . . . . —
В армии 137
Профессиональные союзы . . . . . —
Из партийной жизни 138
Из жизни рабочих 139
Письма в редакцию 140
Иностранный отдел 140
Областной отдел 141
Судебная хроника 143

Стр.

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 28.

С--Петербург. Социализм и религия. *Н. Ленин.* . . . 146
Русская печать 147
Вопросы дня 149
Очередной с'езд или об'единительный. *Сталь.* 150
Телеграммы 151
Москва 152
Хроника 153
Театр и музыка 155
„Капитал" против правового порядка . . . . . —
От Совета Рабочих Депутатов к солдатам 156
В армии . . . . . —
Письма в редакцию 157
Профессиональные союзы . . . . . —
К забастовке почтово-телеграфных служащих 158
Из жизни рабочих . . . . . —
Иностранный отдел 159
Финляндия 161
Областной отдел . . . . . —

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 165

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 177

СУББОТА, 26 НОЯБРЯ
(9 декабря) 1905 г.

№ 22

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

Новая Жизнь

Российская
Социал-Демократическая
Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

В воскресенье 27 ноября

в 3 часа дня в помещении Женских Коммерческих Курсов г-жи Грюнталь, Серпуховская ул., № 6, кв. 19,

состоится

учредительное собрание профессионального союза модисток.

С.-Петербург.

26 ноября 1905 г.

Россия и Европа.

Гигантские взмахи русской революции, вспоенной кровью и слезами пролетарских масс, потрясают одряхлевшее тело буржуазной Европы. Взоры европейских народов прикованы к таинственно-зловещим грозовым тучам, скопившимся над русскими равнинами, которые еще недавно были, казалось, так тихи, немы и безмолвны. И каждый класс европейского общества по-своему смотрит на развертывающуюся в России революцию, по-своему учитывает ее успехи.

Симпатии европейской реакции, конечно, целиком на стороне реакции русской. Феодально-помещичья Германия с Вильгельмом II во главе, с нескрываемой тоской взирает на погибающее в России самодержавие. Как выразилась в своем письме известная Берта Суттнер, „немецким реакционерам в высшей степени по душе самодержавный режим, и если уж пришлось отказаться от него в своей собственной отчизне, то все же им любо, чтобы существовал он хоть в России“.

Выражение симпатии европейской реакции к русскому самодержавию не ограничивается обменом сочувственных слов—при первой возможности оно принимает и более решительные формы. Так, в дополнение к военному положению, об‘явленному в Польше русским правительством, немецкое правительство стягивало у польской границы свои войска.

Если реакционные элементы Европы по самому своему существу, по природе своей враждебны освобождению России, то с европейской буржуазией дело обстоит не так просто. Деспотический строй России, с безобразной финансовой системой, с разорением производительных сил, с постоянной возможностью финансового краха, с постоянной перспективой банкротства, не мог не вызывать недоверия и сомнений у европейской буржуазии, вложившей свои капиталы в русские предприятия, на которых эта буржуазия могла наживаться как нигде больше, и дружески ссужавшей самодержавное правительство за громадный процент. Европейская буржуазия стала сомневаться в русском самодержавии как в исправном плательщике и была бы не прочь иметь на его месте более надежного должника. Оттого-то либерально-буржуазная печать Запада и выражала такое „горячее“ сочувствие „либеральному движению“ в России, надеясь, что это движение приведет к передаче правительственной власти в руки „честных буржуа“, которые честно и аккуратно будут за счет русского народа платить проценты и погашать векселя, выданные европейским банкирам русским самодержавием. Но видя неожиданный размах революции и растущую силу русского пролетариата, убеждаясь с каждым днем, что он — вождь движения в России, что его стремления дают тон и окраску всему ходу и исходу революции, европейские буржуа обеспокоились. С одной стороны, стала исчезать надежда на полную и своевременную уплату по купонам, с другой— стал возникать смертельный страх, что удары грома, гремящие над Востоком Европы, перекатятся и на ее Запад, и кто может сказать, что тогда будет? Быть может, вместо получения по векселям придется увидать, как все они будут признаны фальшивыми, и начнется великий и грозный суд над всеми их обладателями?

Европейская буржуазия боится, нескрываемо боится, как бы пример русского пролетариата не заразил пролетариат французский, немецкий, австрийский. Что страх этот вполне основателен, в этом убеждают события. Бациллы революции сквозь пограничные таможни, сквозь цепи пограничной стражи проникли уже из России на Запад. „На мрачном Востоке наступает день, и начинается весна народов, — говорил тов. Элленбоген на с‘езде Австрийской Социал-Демократической Партии в Вене. — Разбиты цепи, и от Ледовитого океана до Кавказа гремит призыв к свободе“...

„С тех пор, как пришли известия из России, наше место не здесь, а на улицах Вены“, — говорил другой член с‘езда, и в тот же вечер на улицах Вены происходила грандиозная социал-демократическая демонстрация.

В Германии успехи русской революции, победы русского пролетариата уже встречают отклики. Под влиянием всеобщей стачки в России среди германской социал-демократии пересматривается вопрос о тактическом отношении к этому средству борьбы и об его применении на практике. Под влиянием требований всеобщего избирательного права, единогласно раздающегося из уст русского пролетариата, немецкие товарищи готовятся к протесту против устарелых избирательных законов, господствующих в Пруссии, в этом оплоте германского феодализма и реакции.

В рабочих кругах Франции, — как читали вы уже в сообщении из Парижа („Нов. Жизнь“ № 15), — только и говорят про русскую революцию, благоговеют перед ней. В ней они видят новый могучий призыв для себя, толчок для своей борьбы, и они готовятся к этой борьбе. Они знают слова Маркса о том, что политическая революция в России может быть прологом к революции социальной на Западе.

И, заслышав первые раскаты революционной грозы в России, европейский пролетариат насторожился, как старый боевой конь, услыхавший орудийные залпы. Во французском парламенте социалист Самба публично заявил о том, что рабочая партия Франции всеми силами души сочувствует нашей революции и возлагает на нее громадные надежды. И напрасно г. Рувье, министр-биржевик, старался „загладить“ впечатление, вызванное этими словами, напрасно он и буржуазная пресса негодовали и вопияли по поводу заявления Самба. Французский пролетариат знает истинную причину этого негодования французской буржуазии, и в социалистическом органе „Humanité“ Жорес прямо и определенно раскрыл ее карты.

„Мы прекрасно понимаем, — говорит он, — почему правая и центр сочли слова Самба о симпатии к русским революционерам преступлением. Мы хорошо знаем, почему эти элементы требовали официального неодобрения со стороны министров социалистскому оратору и русской революции... Истинная причина негодования — это страх перед последствиями русской революции: опасаются отголоска ее и в Европе. Если русская революция увенчается успехом, исчезнет тяжесть, которая во всей Европе давила развитие демократии и социализма; великое политическое и социальное движение охватит все умы, обновит и реформирует все государства“.

Вот почему пролетарии Европы так радуются победам своих русских братьев. Они видят в этих победах начало конца, они учатся у русской революции, готовясь воспроизвести ее у себя в размерах более широких, более грандиозных.

Огненные вспышки революционной битвы в России рассекают таинственную мглу мировой истории, освещают ее будущее. И при мысли о нем, об этом долго жданном, но еще неизведанном будущем, великим восторгом загорается исстрадавшаяся душа международного пролетариата. Она узрела конец мучений, завидела грядущее счастье.

Г. Алексинский.

Социалистическая партия и беспартийная революционность.

I.

Революционное движение в России, охватывая быстро новые и новые слои населения, создает целый ряд беспартийных организаций. Потребность в об‘единении прорывается тем с большей силой, чем дольше ее давили и преследовали. Организации, в том или ином, часто неоформленном, виде, возникают постоянно, при чем характер их чрезвычайно оригинален. Тут нет резких рамок, подобных рамкам европейских организаций. Профессиональные союзы принимают политический характер. Политическая борьба сливается с экономической, — напр., в виде стачки, — создавая слитные формы временных или более или менее постоянных организаций.

Каково значение этого явления? Каково должно быть отношение к нему социал-демократии?

Строгая партийность есть спутник и результат высоко развитой классовой борьбы. И, наоборот, в интересах открытой и широкой классовой борьбы необходимо развитие строгой партийности. Поэтому партия сознательного пролетариата, социал-демократия, вполне законно воюет всегда с беспартийностью и неуклонно работает над созданием принципиально выдержанной, крепко сплоченной социалистической рабочей партии. Работа эта имеет успех в массах по мере того, как развитие капитализма раскалывает весь народ все глубже и глубже на классы, обостряя противоречия между ними.

Вполне понятно, что настоящая революция в России породила и порождает так много беспартийных организаций. Революция эта — демократическая, т. е. буржуазная по своему общественно-экономическому содержанию. Революция эта ниспровергает самодержавно-крепостнический строй, освобождая из-под него строй буржуазный, осуществляя, таким образом, требования всех классов буржуазного общества, будучи в этом смысле революцией общенародной. Это не значит, конечно, чтобы наша революция не была классовой; конечно, нет. Но она направляется против классов и каст, отживших и отживающих с точки зрения буржуазного общества, чуждых этому обществу, мешающих его развитию. А так как вся хозяйственная жизнь страны стала уже во всех ее основных чертах буржуазной, так как гигантское большинство населения живет уже на деле в буржуазных условиях существования, то противореволюционные элементы естественно малочисленны до мизерности, являются поистине „горсткой“ по сравнению с „народом“. Классовый характер буржуазной революции проявляется поэтому неизбежно в „общенародном“, неклассовом, на первый взгляд, характере борьбы всех классов буржуазного общества против самодержавия и крепостничества.

Эпоха буржуазной революции отличается и в России, как и в других странах, сравнительной неразвитостью классовых противоречий капиталистического общества. Правда, в России капитализм развит теперь значительно выше, чем в Германии 1848 года, не говоря уже о Франции 1789 года, но не подлежит сомнению, что чисто капиталистические противоречия еще в очень и очень сильной степени заслоняются у нас противоречиями

„культуры“ и азиатчины, европеизма и татарщины, капитализма и крепостничества, т. е. на первый план выдвигаются такие требования, выполнение которых разовьет капитализм, очистит его от шлаков феодализма, улучшит условия жизни и борьбы и для пролетариата, и для буржуазии.

В самом деле, если всмотреться в те требования, наказы, doléances, которые в бесчисленном множестве составляются теперь в России на каждом заводе, в каждой канцелярии, в каждом полку, в каждой команде городовых, в каждой епархии, в каждом учебном заведении и проч., и проч., то мы легко увидим, что громадное большинство их чисто „культурные“, если можно так выразиться, требования. Я хочу сказать, что это собственно не специфически классовые требования, а требования элементарно правовые, требования, не разрушающие капитализм, а, напротив, вводящие его в рамки европеизма, избавляющие капитализм от варварства, дикости, взятки и прочих „русских“ пережитков крепостного права. В сущности и пролетарские требования ограничиваются в большинстве случаев такими преобразованиями, которые вполне осуществимы в рамках капитализма. Пролетариат российский требует сейчас и немедленно не того, что подрывает капитализм, а того, что очищает его и ускоряет, усиливает его развитие.

Разумеется, особое положение пролетариата в капиталистическом обществе ведет к тому, что стремление рабочих к социализму, союз их с социалистической партией прорывается со стихийной силой на самых ранних ступенях движения. Но собственно социалистические требования стоят еще впереди, а на очереди дня—демократические требования рабочих в политике, экономические требования в пределах капитализма в экономике. Даже пролетариат делает революцию, так сказать, в пределах программы-минимум, а не программы-максимум. О крестьянстве, этой гигантской, всеподавляющей своей численностью, массе населения, нечего и говорить. Его „программа-максимум“, его конечные цели не выходят за пределы капитализма, который еще шире и пышнее развернулся бы при переходе всей земли ко всему крестьянству и ко всему народу. Крестьянская революция есть в настоящее время буржуазная революция,—как бы ни „оскорбляли“ эти слова сантиментальное ухо сантиментальных рыцарей нашего мещанского социализма.

Очерченный характер происходящей революции порождает беспартийные организации вполне естественно. Отпечаток внешней беспартийности, видимость беспартийности неизбежно приобретается при этом всем движением в целом—но только видимость, конечно. Потребность в „человеческой“, культурной жизни, в об‘единении, в защите своего достоинства, своих прав человека и гражданина охватывает все и вся, об‘единяет все классы, обгоняет гигантски всякую партийность, встряхивает людей, еще далеко-далеко неспособных подняться до партийности. Насущность ближайших, элементарно-необходимых прав и реформ отодвигает, так сказать, помыслы и соображения о чем-либо дальнейшем. Увлечение происходящей борьбой, увлечение необходимое и законное, без которого невозможен успех борьбы, заставляет идеализировать эти ближайшие элементарные цели, рисует их в розовом свете, облекает даже их иногда в фантастический костюм; простой демократизм, дюжинный буржуазный демократизм, принимается за социализм и зачисляется „по ведомству“ социализма. Все и вся как будто „беспартийно“; все и вся как будто свивается в одном „освободительном“ (на деле: освобождающем все буржуазное общество) движении; все и вся приобретает легкий, легонький налет „социализма“, особенно благодаря передовой роли социалистического пролетариата в демократической борьбе.

Идея беспартийности не может не одерживать при таких условиях известных временных побед. Беспартийность не может не становиться модным лозунгом, — ибо мода беспомощно тащится в хвосте у жизни, а самым „обычным“ явлением политической поверхности именно и кажется беспартийная организация, беспартийный демократизм, беспартийный стачкизм, беспартийная революционность.

Спрашивается теперь, как должны относиться к этому факту беспартийности и к этой идее беспартийности сторонники, представители разных классов? — должны не в суб‘ективном смысле, а в об‘ективном, т. е. не в том смысле, как следует к этому относиться, а в том смысле, какое отношение к этому факту неизбежно складывается в зависимости от интересов и точек зрения различных классов.

Н. Ленин.

(Продолжение следует.)

Русская печать.

*** В № 238 „Сына Отечества“ мы прочли следующее:

В передовой статье редактор „Tribune Russe“ обращает внимание международного социализма на важность в данный момент аграрного вопроса в России. Он не находит разногласий между социал-демократами и социал-революционерами настолько непримиримыми, чтобы из-за них стоило делить социалистическую армию на два воюющих лагеря. Он призывает авторитетных теоретиков международного социализма заняться немедленно аграрным вопросом в России и бросить на чашку весов раздора между русскими фракциями свое мнение „без задора, без капральской претенциозности, а главное, без всякого пристрастия“.

Такой компетентный социалист-революционер, как редактор „Tribune Russe“, нашел вдруг, что разногласия наши с соц.-рев. по аграрной программе не непримиримы? Но кто же, спрашивается, должен примириться? Соц.-рев. сделают уступки, откажутся называть мелкобуржуазную земельную реформу социалиамом и признают за нею лишь значение переходного момента? Так, что ли? Соц.-рев. готовы признать, что единственно надежно-социалистическим элементом в деревне является сельский пролетарий, и что, только организуя по мере развития капитализма в деревне ее обездоленных батраков, можно создать армию истинного аграрного социализма? Соц.-рев. готовы согласиться с тем, что все виды замаскированной частной собственности являются тормозом по пути к обобществлению производства и что при наличности частной собственности, хотя бы и замаскированной, рост имущественного неравенства, экономического индивидуализма и эксплоататорского капитала неизбежен? Очевидно, соц.-рев. готовы согласиться со всеми этими положе-

ниями, иначе мы не представляем себе, как может совершиться примирение?

Что касается призыва, обращенного почтенным русским трибуном в Париже к „авторитетным теоретикам международного социализма“, то условия, пред'явленные при этом, совершенно не исполнимы. „Без задора!“ Но что называется социал-демократическим задором на языке с.-р.?—Указание на то, что они путанники. Что такое капральская заносчивость?—Признание научного социализма — научным, а мелкобуржуазных утопий — утопиями! Наконец, что такое „беспристрастие“? Не могут же наши европейские товарищи дойти до такого беспристрастия, чтобы не признать в русских социал-демократах своих товарищей по убеждениям? Будет очень хорошо, если авторитеты международного социализма примут предложение „Tribune Russe“, но пусть они заранее знают, что в награду получат от социал-революционеров название „заносчивых, задорных и пристрастных капралов“.

*** Чудесная газета „Новое Время“. Всегда с истинно-эстетическим удовольствием ее читаю.

Помню, как-то один известный русский художник потащил меня с собою в какую-то трущобу, сборное место парижских хулиганов. Присмотревшись к окружавшим меня персонажам, я даже оторопел: „Да ведь это скоты какие-то!“ — „Скоты, скоты! — подтвердил художник, с блестящими от удовольствия глазами: — но сколько характерности!“

Например, г. Табурно сам лично „предупреждал одного чиновника“ о бедах, которыми грозит государству крестьянское недоедание, пропасть нужды, в которую валится и валится русское крестьянство.

Но политика, которой держались высшие сферы, была другая. Они считали, что невежественной, бесправной, забитой экономически массой можно лучше пользоваться для своих целей, совершенно забывая, что никакие искусственные преграды не в состоянии остановить естественного стремления человека к улучшению собственного существования, к освобождению от всякого гнета и насилия. Они не принимали в расчет характера необузданной массы, которая, раз тронувшись с места, не останавливается ни перед чем в своем движении и, не узнавая ни своих, ни чужих, лавиной обрушивается на все, встречающееся на пути.

И вот теперь налицо достойные плоды этой, в сущности, безнравственной политики.

Читатель, конечно, ни на минуту не сомневается, что столь мудрый политик, как Табурно, немедленно укажет и истинно „нравственную“ аграрную политику. Читатель не ошибется. Конечно, крестьянину очень помогло бы наделение его землею. Но Табурно считает этот вопрос идиотством, да и меру эту можно, по его мнению, обойти. „Дело, в сущности, не в многоземельи“, замечает он; по Табурно оказывается, что дело в недостатке у крестьян скота! Итак, дадим крестьянам скот! Но где взять этот скот? Конечно, г. Табурно известно, что правительство располагает весьма внушительным количеством скота в недрах официальной и рептильной бюрократии, но нельзя же в самом деле раздать этот скот крестьянам для унавоживания полей и поднятия их урожайности. Загадить Россию этот скот сумел, но удобрить ее он не в силах. Но Табурно ищет, упорно ищет выхода. Земли дать нельзя, скота дать нельзя, но есть еще один путь: путь „медленного и постепенно-культурного прогресса“. Пусть же земля остается у вельмож, дворян и монастырей, пусть правительственный скот попрежнему загаживает Россию, отнюдь оную не удобряя, крестьянин подождет и, потуже затянув брюхо, медленно и постепенно начнет изучать хорошие книжки по агрономии и, наверное, научится как поднять урожайность своей жалкой полоски земли даже и вовсе без скота!

Но Меньшиков интереснее Табурно. Он ужасно, ужасно недоволен Витте:

Не пробуя серьезно вступить в борьбу с бунтом, гр. Витте допустил неслыханное подстрекательство к нему. Надев канцелярскую шапку-невидимку, правительство исчезло с поля битвы. Оно предоставило страну ее самым страшным инстинктам и дало последним самую опасную возможность сложиться в бурю.

Коренная ошибка С. Ю. Витте в том, что он боится сделать ошибку. Он, видимо, подавлен громадной и слишком новой ролью. Он или не вошел в нее или сразу вышел. Великие роли требуют того таланта, которого секрет— бесстрашие. Может быть, потому великие люди и реже ошибаются, что не боятся ошибок. Доверившись своему разуму, они делают не плохой выбор. Представьте себе Петра Великого или Наполеона, которые нуждались бы во мнении г. Кокошкина. Решительность, конечно, не спасает великих людей от ошибок, но дает возможность им, кроме ошибок, наделать великих дел. Вы скажете: но гр. Витте еще не об'явлен великим человеком. Нельзя требовать от него решительности Наполеона. Да ведь и не требуют, отвечу я, но ждут. Роль, как хотите, такова, что за нее не должен браться человек, не притязающий на величие. Для людей, делающих историю, кроме всего прочего, необходимо „безумство храбрых“.

Гр. Витте, на которого так авторитетно обрушился Меньшиков, конечно, напрягши чело, вчитывается в драгоценные строки и ищет указания. И щедрый Меньшиков готов помочь, частью прямым советом, частью сопровождаемым тонкой улыбкой намеком:

„Вооруженное восстание“ — вот до жестокости ясный лозунг анархии. Чем должна бы ответить на него мужественная власть? Прежде всего, недопущением самозванных правительств, расплодившихся, как грибы. Засим — запрещением политических стачек, имеющих характер мятежа. Затем деятельным судебным преследованием анархистской пропаганды. И главное — возможно скорым созывом Государственной Думы, не пугаясь даже учредительных ее функций. Почему, в самом деле, Учредительное Собрание воображать непременно в форме какого-то конвента? Может быть, оно окажется гораздо солиднее, чем само правительство, гораздо тверже его, гораздо преданнее идее власти, чем сама власть.

Читатель понимает, конечно, что все, что касается Думы, не мечта Меньшикова, а намек, тонкий намек. Уж конечно поймет же Витте, что на бога надейся, а сам не плошай.

Витте недавно жаловался, что людей нет, и даже в губернаторы, говорит, и то некого назначить. „А между тем в «Новом Времени» все министры по уму“. Пусть высочайшая власть только свистнет: Меньшиков — иди спасай! Он встанет и спасет. Наденет „треугольную шляпу и серый походный сюртук“ и анархию усмирит и Chambre introuvable найдет. Потому что, если „храбр“ он лишь на словах, то уж за „безумство“ его можно поручиться. А Витте слишком умен, а потому трус. Потому что умному министру по нынешнему времени никак невозможно не быть трусом.

*** В № 343 „Нашей Жизни“ П. Струве сообщает:

За спиной нации совершается или уже совершился торг. Мои предположения относительно политики графа Витте, к сожалению, сбылись. Граф Витте готов сбросить с себя „конституционную“ маску. Он заключил с реакционным дворянством договор: оно дает ему (вероятно на небезвыгодных условиях) те свои

заложенные имения, по которым просрочены платежи; граф Витте отдает эти имения крестьянам для того, чтобы пролить масло на расходившиеся волны аграрного движения. Взамен заложенных имений, которые через казну поступят в пользу крестьян „на предмет“ их успокоения, испуганные дворяне со своими тульскими матадорами во главе получат от правительства реакцию и репрессии, достаточный размер которых вполне обеспечен усердием сотрудника графа Витте г. Дурново.

Что касается г. Струве, то он находит такой „торг за спиной нации—безнравственным“.

*** Благонамеренная пресса изобрела новый способ борьбы с почтово-телеграфной забастовкой: она уверенным тоном сообщает заведомо ложные сведения, надеясь, очевидно, обескуражить бастующих и подбодрить „начальство“. Вчера во многих газетах было напечатано:

В главном почтамте, 24 ноября, большинство служащих приступило к работам. Поступает масса прошений от уволенных забастовщиков. Разборка почты производилась при помощи добровольцев. Корреспонденция получалась со всех вокзалов. Почтальоны приступили к разноске посылок и денежных пакетов.

Газета „Слово“ развивает это заведомо ложное сообщение и с апломбом заявляет:

Почтово-телеграфная забастовка кончилась или кончается в ближайшем будущем. Предупредить ее наши „громовержцы“, заискивающие у „товарищей“, не сумели. Если почтово-телеграфная забастовка явилась неоспоримым общественным бедствием, то ей помогло само общество, а правительство только любезно не отказалось от помощи.

Всем, конечно, известно, к чему привела попытка заменить стачечников „добровольцами“. Кроме кражи в Москве 13.000 руб., никаких положительных результатов она не дала. А вот, что касается „помощи“ „самого общества“, так это штука любопытная. Кто „помогал“ подорвать стачку? Городовые, графини и княжны, дворники (за исключением сколько-нибудь сознательных), чиновники, их жены и родня, т. е. правительственные агенты с их чадами и домочадцами. А кто помогал поддерживать стачку? Пролетариат всей России, масса интеллигенции, широкие слои „общества“ — те самые, что прогоняли непрошенных сиятельных почтальонов и протестовали против гнусного штрейкбрехерства. Так что напрасно гг. публицисты „Слова“ пытаются противопоставить общество стачечникам, а тем более правительству. То „общество“, которое „помогало“ г-ну Севастьянову, живет и кормится в правительственных канцеляриях и передних, а действительное русское общество ясно и открыто высказало свое презрение этим паразитам.

Вопросы дня.

Две волны.

События, переживаемые нашей родиной, непосредственно отзываются в Западной Европе. И не только в ее политике и социальных отношениях, но и в обывательской жизни европейских городов дают свой отпечаток русские события. Наиболее наглядно отражаются они в характере и форме русской эмиграции, в вольном и невольном выселении „подданных Российской империи“ за пределы России.

Еще недавно западно-европейский обыватель имел дело с русским политическим эмигрантом, с эмигрантом-революционером. С подложным паспортом, под носом у зоркого пограничного жандарма, а то и без всякого паспорта, просто при содействии опытного контрабандиста, спасались из родной страны те, кто больше всего любил эту страну, болел за нее всем своим сердцем, думал о ней неустанную сыновнюю думу. Убегая на время от когтей самодержавия, русский революционер и на Западе не успокаивался, не прекращал своей работы по подготовке русской революции. В одной из провинциальных газет („Киевск. Газ.“) рассказывается, как происходила эта работа:

„Во всех крупных городах Западной Европы функционировали группы содействия. Во главе каждой такой группы стояло 2—3 эмигранта. Главная цель этих групп — пропаганда и агитация среди русской учащейся молодежи, среди рабочих выходцев из России. Здесь вполне свободно и безопасно образовывались пропагандистские кружки в 10 — 15 человек. Здесь спокойно занимались по строго выработанным программам, знакомясь и усваивая идеи научного социализма, историю революционного движения в России и т. д., и т. д. Русская «нелегальная» литература, орган соц.-демократов— «Искра» и «Вперед», затем «Пролетарий», орган социалистов-революционеров — «Революционная Россия», «Последние Известия», листки заграничного комитета «Бунда» и сотни различных брошюр по тактическим, организационным, программным вопросам — все это открыто и свободно распространялось среди русских, живущих или учащихся за границей. Все партии имели повсюду своих представителей, свои кружки, свои организации“.

Слушатели этих западно-европейских университетов русской революции массами возвращались на родину, рискуя тюрьмой, ссылкой, а то и головой. Вернувшись, они применяли свои теоретические знания к делу, и многие из них становились выдающимися борцами революции на родине.

Поток революционной эмиграции теперь прекратился. Русский пролетариат победоносной борьбой возвратил бедной родине ее сынов, пополнив ими свои ряды. Но вместо этого потока на старуху-Европу нахлынула с восточной границы новая волна:

„Теперь города Западной Европы,—пишет та же газета,— снова наполняются беглецами из России. На этот раз бежит уже бюрократия, бежит крупная и мелкая буржуазия. Она испугалась революции, она ее не желает, но теперь уже не в силах остановить ее.

„Эмиграция за границу приняла колоссальные размеры. Бегут не только вырезываемые евреи и армяне, бегут коренные русские — помещики, дворяне, заводчики, фабриканты, рантье и т. д. Все это длинной вереницей потянулось сюда, при чем во главе стали четыре эмигрировавших великих князя. Бегут — сломя голову, с ужасом озираясь назад, не бежит ли за ними сама революция“.

На этот счет они, конечно, могут пока быть спокойны. У русской революции пока еще слишком много дела на родине, чтобы она стала бегать за князьями и заводчиками по парижским кафе-шантанам. О том, какие размеры принимает бюрократическо-коннозаводческая „эмиграция“, можно судить по тому, что из одного Петербурга, как уже сообщалось в „Нов. Жизни“, за октябрь

и ноябрь удрало за границу больше 30 тысяч буржуев.

Перед потоплением корабля с него раньше всех спасаются крысы,—это давно известно, и нет ничего удивительного в том, что жадные и трусливые буржуазные крысы, питавшиеся кровью и мясом трудящихся масс, уже побежали с насиженных мест в паническом страхе. Они думают избежать революции, спастись за пределами России. Наивные мечты! Русская революция — начало другой, более грозной и более великой революции — всеевропейской. Русская революция—сигнал, призывный набат! Из Петербурга в Париж, из Парижа в Берлин и Вену, все быстрее и огромнее помчится революционный смерч, все захватывая на своем пути. И куда денетесь вы от него, трусливые крысы русской буржуазии, русской бюрократии? В Турцию, Персию, Тибет, в пустыни Сахары, в ущелья Кордильеров? Но ведь там нет ни кафешантанов, ни публичных домов—это первое, а второе—великая революция со временем проникнет и туда, ибо она есть владычица мира, вся вселенная принадлежит ей, от вершин Гималайских гор до недр Везувия.

Куда же вы денетесь, крысы?

Фабричные работницы.

Положение работниц на фабриках и других промышленных предприятиях, как всем, без сомнения, известно, значительно хуже положения рабочих тех же предприятий. Помимо общих тяжелых условий работы, на работниц ложится гнетом низкая заработная плата, оскорбительное отношение к ним мастеров и других заводских „начальников“, их издевательства над женской скромностью и свирепые штрафы; но кроме того, к сожалению, и не всегда товарищеское отношение рабочих.

Чтобы не быть голословным, приведу примеры:

На Петербургской стороне существует фабрика конторских книг и переплетных изделий Отто Кирхнера. Там работает около 300 мужчин и 200 „девочек“, как говорят мастера и все рабочие. Так же называют себя и сами женщины, хотя среди них работают не только подростки, но и взрослые. Работают они в переплетном, позолоточном, фальцовочном, конторском отделениях.

Рабочий день на фабрике продолжается с 7 час. утра до 6 час. вечера, с перерывом на обед в 1 час. Работа сдельная, но некоторые из рабочих и работниц работают и поштучно.

В то время, как рабочие получают от 1 р. 15 коп. до 1 р. 40 к. в день, а чернорабочие от 70 коп. и до 1 руб., женщины получают лишь 50—55 коп. и только через два-три года 60 коп. Последний размер назначается по усмотрению мастера часто тем работницам, которые миловидны, понравились ему и снисходительны к его обхождению. Непокорных, неугодных мастеру часто рассчитывают с фабрики.

На работниц ни за что, ни про что сыпятся штрафы. Помимо штрафов за опоздание на работу, штрафы пишутся за громкий разговор, за смех, за то, что наступила кошке на хвост, не расслышала или не поняла слов мастера-немца. Размер штрафов — 30, 50 коп. и даже 1 рубль. После январской забастовки многих работниц рассчитали, а между тем они в общей массе не понимали, что такое забастовка, и лишь подчинялись ей по необходимости.

Мастера на каждом шагу ругают работниц грубыми словами, говорят им сальности, относятся к ним чуть ли не как к проституткам и даже сулят затрещины и зуботычины.

У бедных тружениц истощилось терпение, и они, наконец, послали письмо к хозяину с просьбой обуздать мастеров, но ответа не последовало, и мастера продолжают свою политику. Особенно отличается мастер, кажется, второго отделения.

В типографии Бенке работает 15 фальцовщиц. Получают они 12 коп. с тысячи экземпляров. Раньше получали по 15 коп., но добрый хозяин сбросил 3 коп. Дневной их заработок достигает 30 — 50 коп. Но большую долю получки с'едают непомерные штрафы. Мастер тоже безобразно ругается и относится к работницам, как к проституткам.

На Карточной фабрике за Невской заставой мастер принимает работниц на работу по усмотрению и даже по записке живущей с ним конторщицы из бывших работниц. Лишь работницы, которые ей понравятся, могут рассчитывать на прием.

То же грубое отношение и лицеприятие мастеров при постановке на работу встречается на табачных фабриках. Зачастую только приглянувшиеся работницы ставятся на первые номера и получают хорошую плату, а непригожие, потерявшие на работе привлекательность и здоровье, держатся в загоне или увольняются с фабрики.

Работницы везде работают в тех же условиях, как и рабочие, они так же принуждены отдавать свои силы эксплоататорам-капиталистам, и их жизненной задачей является та же борьба с капиталом. Они — равноправные товарищи рабочих, но слабее надарены от природы мускульной силой и выносливостью в работе.

Мужчины-рабочие должны относиться к ним, как к товарищам, поддерживать их и заботливо охранять от надругательств.

А между тем есть факты, показывающие, что рабочие недостаточно ясно сознают это.

Так, на той же фабрике Кирхнера рабочие не считаются с мнением работниц, они смотрят на них, как на „девочек“ - подростков, не говорят им о собраниях своих, не предупреждают о стачках. В январе 1905 г. они не раз'яснили им, что такое стачка. Прекращая работу, мужчины молча одеваются и уходят, а девушкам предоставляют самим разбираться в происходящем.

Поступая так, рабочие делают ошибку, ибо каждый сознательный человек должен делиться своим опытом и знанием с окружающими, а не отговариваться тем, что это серая масса. Необходимо поднять до своего уровня такую несознательную массу; этим облегчится общая работа.

Девушки говорят, что при удалении их без причины с работы за них не заступаются мужчины. Понятно, что среди работниц возникла мысль организовать свой женский союз, дабы отстаивать себя своими силами.

В единении сила, у всего пролетариата одни задачи и цели, а здесь вредная раз'единенность, которой могут воспользоваться капиталисты. И действительно, у Кирхнера, когда 1 ноября рабочие хотели собраться в фа-

брике для обсуждения своих дел, им не дали помещения, а когда собрание открыто было во дворе, то была приглашена полиция, и митинг прерван. А на другой день рабочим и работницам отвели для собрания подвал со складом отбросов материала. Точно также говорят, что хозяин соглашается ввести лишь 9-часовой рабочий день, но с уничтожением 15-мин. перерыва на завтрак и с сокращением обеденного перерыва до получаса. Помимо этого, он всегда может заменить неугодных ему рабочих работницами, и этому можно помешать только организацией совместной тех и других.

Среди наборщиков часто встречается недружелюбное отношение к наборщицам, на них смотрят только, как на конкуренток. Этого не должно быть, ибо работница трудится для своего пропитания, она также содержит свою семью. Лучше честный труд, чем проституция... Борьба с этим злом буржуазного строя есть одна из задач пролетариата.

С большим удовлетворением отмечаем, что наборщики типографии Бенке выступили на защиту своих товарок. Они призвали мастера на собрание и потребовали, чтобы он прекратил свое грубое отношение к фальцовщицам и извинился перед ними. Мастер подчинился требованию под угрозою бойкота.

Сознательные рабочие Кирхнера начали поговаривать о защите своих товарок от грубостей мастера и несправедливых штрафов. Они могут последовать примеру рабочих типографии Бенке.

Все рабочие должны помогать работницам и словом и делом, организовать их и звать к партийной работе. Пролетариат выполняет великую задачу своего освобождения, и он не должен раздроблять свои силы.

Б. Н—ов.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Варшава, 24 ноября. — Корпорация присяжных поверенных в Варшаве образовала союз прогрессистов польской адвокатуры и будет издавать свой орган „Трибуна“.

Ромны, 24 ноября. — В Бобринской волости крестьяне на сходах вырабатывают и пред'являют требования к помещикам о повышении заработной платы и понижении арендных цен на землю. Громившие 21 ноября хутор Пивня арестованы при содействии местных крестьян, в остальных местностях также усиленно дебатируются вопросы о земле.

Саратов, 24 ноября. — Уездное земское собрание присоединилось к резолюции московского с'езда земских и городских деятелей. Сегодня возобновились работы на почте, телеграфе и телефоне; приступили к работам все чиновники.

Киев, 24 ноября.—На заводах Гретер, Криванек, Южно-Русском и Арсенале работы сегодня возобновились; здешнее отделение партии правового порядка основывает свой еженедельный орган „Правопорядок“.

Москва, 25 ноября. — Добровольцы в почтамте произвели разборку почты, и фирмы, имеющие собственные ящики, получили почту.

На бирже произведена разборка почты, адресованной торговым фирмам городского района, при помощи представителей нескольких фирм. Под влиянием такого положения вещей около 300 почтовых чиновников выразили согласие работать, несмотря на продолжающуюся забастовку большинства.

Сегодня по распоряжению градоначальника пожарные и городовые разносили по Москве частные телеграммы, накопившиеся в телеграфе за время забастовки. Телефонное сообщение с Петербургом действует. Работают саперы, чиновники частями тоже решили приступить к работе.

Торгово-промышленная партия уже насчитывает 20.000 членов.

Сызрань, 24 ноября. — Сегодня с большим трудом начал работать телеграф; все почтовые служащие уволены. Служащие с семьями выселены с казенных квартир.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Белград, 25 ноября.—Какой-то турок пытался вчера вечером убить русского консула Тухолку в Призрене ятаганом, но остановлен консульским кавасом.

Константинополь, 23 ноября. — Слухи о том, будто Митилена и Лемнос уже освобождены от оккупации, лишены всякого основания. Вчера было занято таможенно-телеграфное ведомство в Кастроне — главном пункте Лемноса. Занятие произошло согласно ранее выработанной программе и не сопровождалось никакими инцидентами. Отряд международной эскадры, осуществивший оккупацию, должен был, вследствие неблагоприятных условий в местном порте, бросить якорь в ближайшей бухте.

Париж, 23 ноября (6 декабря). — Здесь состоялся митинг почтово-телеграфных служащих в пользу права составлять союзы, в котором им правительство отказывает. На этом митинге самые убежденные сторонники этого права заявили, что право образовать союзы независимо от права устраивать стачки: последнее совершенно недопустимо для чиновников. Напоминают здесь о том, что во время единственной во французской истории стачки почтово-телеграфных служащих в 1899 г., окончившейся неудачей после 24 часов, помощник государственного секретаря почт и телеграфов заявил, что не желает вступать в переговоры с забастовавшими, так как считает их мятежниками.

Константинополь, 23 ноября.—В виду событий в Одессе и Севастополе и возможности появления мятежных судов, в Босфоре приняты те же меры, как и во время истории с „Потемкиным“; при входе в Босфор находится теперь несколько миноносок. (Корбюро.)

Константинополь, 23 ноября. — Сегодняшнее совещание послов продолжалось более четырех часов. В ближайшем времени Порте будет передана ответная нота. (Корбюро.)

Стокгольм, 23 ноября. — Как сообщают из Гельсингфорса, сенат решил в заседании 23 ноября поручить особой комиссии выработку нового закона о выборах в сейм. Вице-президент Мехелин заявил, что сенат должен принять меры к восстановлению в стране порядка, отменить при этом реформы и расширение принципа финляндской автономии. Законы о применении русского языка в государственной школе должны быть изменены, и национальный язык должен быть применен в полной мере.

Лагора, 23 ноября (6 декабря). — Владельцы магазинов устроили в Кангре собрание, на котором подписали соглашение не продавать более европейского сахара. Такие же собрания происходили и в других местах. Опасаются серьезных изменений на громадном сахарном рынке в Индии, так как большое собрание браминов запретило индусам потребление ввозимого сахара. (Рейтер.)

Константинополь, 22 ноября (5 декабря) — Султан признал вчера финансовый контроль в Македонии; представители держав будут называться членами комиссии, под условием, что в эту комиссию войдет еще одним членом турок. Инструкция делегатам должна вступить в силу с некоторыми изменениями, которые внесет Порта. Соответствующую ноту Порта передала вчера вечером австро-венгерскому послу.

Париж, 23 ноября (6 декабря). — Сенат принял 181 голосом против 102, при кликах „браво“ и возгласах в честь республики на скамьях левой, закон об отделении церкви от государства.

Париж, 23 ноября (6 декабря). — На пред'явленный в палате депутатов вопрос о том, будет ли применен двухгодичный срок службы к призывным 1905 г., военный министр Этьен заявил, что, если не встретится препятствий, они будут распущены в 1907 г.

Москва.

(По телефону 25 ноября.)

— Вчера ночью на Камер-Коллежском валу был произведен по направлению к Металлическому заводу револьверный выстрел. Из завода выехал казачий патруль. Появление казаков было встречено револьверными залпами. Произошла схватка. Из толпы было четверо арестовано: конторщик Волков, служащий на этом заводе, домовладелец Кубышкин и крестьяне Дудолин и Горюнов. У последнего найден кинжал, а у Кубышкина и Дудолина — револьверы. Через несколько минут толпа перелезла через забор фабрики с целью нападения на фабрику, но была рассеяна. Тогда толпа пошла за железнодорожную насыпь и открыла перестрелку по фабрике, но затем была вторично рассеяна.

— В течение вчерашнего дня телеграммы с телеграфа отправлялись в канцелярию градоначальника, а оттуда уже разносились по домам городовыми и пожарными. Таким путем было разослано 3.000 телеграмм.

— Сегодня администрация московских казенных винных складов уведомила всех служащих этих складов, что начальство решило удовлетворить все их экономические требования.

— Вчера в московской городской думе состоялось частное совещание группы гласных из „крайней левой" в количестве 27 человек. На обсуждение был поставлен вопрос о том, возможно ли оставаться в составе „черносотенной думы", каковой она сделалась в самые последние дни. После долгих и оживленных прений решено для пользы дела все-таки остаться в думе, чтобы портить „черносотенный концерт".

— Вчера вечером арестован председатель телефонного союза инженер Багокуриан. Кроме того, арестован один средний техник телефона, преданный товарищем. При обыске искали пресловутые „телефонные колпачки", без которых исправление телефонной сети невозможно.

— Первый делегатский с'езд всероссийского почтово-телеграфного союза печатает в сегодняшних газетах следующее обращение к обществу: „Уже с 15 ноября дружно начатая, дружно продолжается забастовка почтово-телеграфных рабочих... Петербургское правительство упорствует... но мы бодры и борьбы не боимся. Мы бодры потому, что поняты, — потому, что нам верят, что мы боремся и страдаем не за себя и не для себя только, а для всех и за всех. Мы — со всеми, кому дороги счастье и свобода нашей великой родины. Мы бодры сознанием, что мы только отряд грозной армии русского освободительного движения, что наша борьба только часть борьбы всех трудящихся классов России за свободу и счастье. Мы бодры радостным ощущением того сочувствия, которое выражено нам всеми трудящимися людьми, всем русским обществом, всеми его культурными, прогрессивными элементами без различия политических убеждений и партий и взглядов, и всем, кто нам сочувствует, кто оказал и оказывает посильную поддержку, мы шлем свое горячее товарищеское спасибо. Пусть растет и крепнет могучая связь всех людей труда. Мы уже ощущаем ее все возрастающую прочность и мощь и в борьбе своей бодры этим радостным ощущением; не боимся страданий и поражений и горячо верим, что через страдания, в борьбе вся Россия идет верным и прямым путем к окончательной и радостной победе. А тем, кто мешает этому победному шествию, мы выражаем свое горячее негодование и обещаем им борьбу в союзе со всеми представителями труда и честной мысли, всем этим странным, несомненно, фальсифицированным „курсисткам" и „студентам" и другим добровольцам полицейской службы, этим лицемерным представителям партии правового порядка, которые во главе с ученым академиком Янжулом сконфузили даже графа Витте добровольным предложением своих услуг. Мы протестуем против таких господ и им подобных и приглашаем всех друзей освободительного движения в партиях, союзах и всяких других организациях вырабатывать активные формы борьбы с ними. Особенно горячее негодование и протест выражаем шведско-датско-русскому телефонному обществу и постараемся всеми силами поддержать наших товарищей, служащих в этом обществе. Мужайтесь, товарищи! В борьбе мы все обретем силу. Все трудящиеся люди — мы с вами! Все борцы за свободу — мы с вами, вам принадлежат наши силы, и у нас надежда только на ваши силы. Будем же бодры и мужественны до конца, до тех пор, пока все наши требования не будут удовлетворены! Да здравствует борьба! Да здравствует союз для борьбы! Подписано: „Делегатский с'езд".

— Вчера вечером состоялось общее собрание делегатов профессиональных союзов. На собрании обсуждался вопрос относительно мер, какие должны быть приняты против тех торгово-промышленных фирм, которые посылают своих служащих в почтамт для разборки писем. Решено, по предложению союза служащих в торгово-промышленных заведениях, обратиться к служащим с воззванием, в котором указать им на то, что стыдно и позорно брать на себя должность забастовавших почтово-телеграфных чиновников, так как этот поступок может нанести крупный вред забастовавшим чиновникам. Далее решено об'явить бойкот всем тем фирмам, которые посылают служащих на почтамт. Вопрос о бойкоте будет передан на обсуждение каждого профессионального союза в отдельности. От союза рабочих в типографиях поступило заявление, что уменьшение рабочего дня до девяти часов увеличило цену на произведения периодической печати на 25%. Вопрос о слиянии центрального бюро профессиональных союзов с Советом Рабочих Депутатов. Принципиально это слияние признано желательным, но подробно этот вопрос будет разработан во всех пролетарских союзах. Собрание решило разбить все союзы по секциям: по труду, производительности и т. д. Таких секций будет всего 44.

— Все московские газетчики начали с сегодняшнего дня бойкотировать „Русское Слово" и „Русские Ведомости". Бойкот выражается следующим образом: газетчики не торгуют названными газетами, и, кроме того, некоторые из газетчиков дежурят у редакции „Русского Слова" и „Русских Ведомостей" и не допускают в редакции и конторы никого из публики. У кого видят в руках номера бойкотируемых органов, вырывают из рук и рвут. Газетчики распространяют слух, что бойкот вызван экономическими обстоятельствами.

— Дела в московском почтамте настолько запутаны, что, по словам чиновников, если даже все чиновники станут на работу, то пройдет, по крайней мере, не меньше двух недель, пока все дела будут приведены в порядок.

— О волнениях в Богодуховском, Лебединском, Луцком и Старобельском полках в Харькове корреспондент „Русск. Слова", между прочим, пишет: 16 ноября в городе настроение было уже очень напряженное. Новобранцы, принятые на военную службу, единодушно отказались принять присягу и с пением „Марсельезы" и других революционных песен ходили по городу. На все просьбы администрации принять присягу новобранцы отвечали категорическим отказом. Поздно вечером, 16 ноября, по городу распространился слух, что началось брожение и среди солдат местных четырех пехотных полков, а 17 ноября это брожение вылилось в открытую уличную демонстрацию.

17 ноября, в 5 часов утра, по приказанию старшего унтер-офицера, два батальона Богодуховского полка, выстроившись на дворе казарм, без всякого начальства, под звуки известного марша „Тоска по родине" вышли со двора и направились по Старо-Московской улице на Москалевку, где расположены остальные два батальона Богодуховского полка, чтобы, соединившись с ними, итти к Старобельскому и Луцкому полкам. Богодуховский полк, проходя по Старо-Московской улице, мимо казарм Лебединского полка, послал туда депутатов с предложением присоединиться к их демонстрации. Лебединцы ответили полной готовностью и стали одеваться, богодуховцы же, обещая зайти за ними на обратном пути, направились к своей первоначальной цели. Ожидавшие на Москалевке своих товарищей-богодуховцев остальные два батальона этого полка встретили демонстрантов громким „ура". Одновременно с демонстрантами в казармы прибыл извещенный о случившемся полковой командир. Поздоровавшись с солдатами, полковой командир ласково стал расспрашивать, что им нужно и зачем это они так нехорошо поступают. На это солдаты пред'явили командиру 38 пунктов требований, куда входили: немедленный отпуск запасных по домам; отмена караулов и всякого несения полицей-

ских обязанностей; вежливое обращение и много других требований, касающихся внутреннего распорядка полковой жизни. Перепуганный командир полка клялся, что он выполнит все требования солдат, за исключением только тех, выполнение которых не от него зависит. Солдаты же продолжали настаивать на главном требовании — немедленном отпуске домой. Командир полка вынужден был дать слово, что 20 ноября все запасные будут отпущены по домам. Но и после этого обещания солдаты продолжали волноваться и на приказание командира выстроиться не обращали никакого внимания, а когда командир повторил свой приказ три раза и, увидя полную его безуспешность, стал уже просить солдат, чтобы они пожалели его и возвратились в казармы, только тогда нестройными рядами солдаты возвратились обратно в казармы. В этот же день на митинге паровозостроительного завода, на трибуне под знаменем „Земля и воля", впервые открыто в Харькове выступил делегат от солдат местных полков приблизительно с следующими словами: „Братцы! мы, солдаты, много страдали оттого, что нам приходилось стрелять в своих же братьев, но отныне больше этого не повторится, и вы можете на нас надеяться. Мы с вами!" Эта краткая речь была приветствована бурными аплодисментами. В ночь на улицах Харькова, несмотря на военное положение, патрули отсутствовали. По слухам, в 2 часа ночи на Москалевке состоялся солдатский митинг, на котором было решено устроить снова демонстрацию, если 23 ноября весь запас не будет распущен, а в эти дни ни один из запасных не должен выходить в патрули и на охрану губернатора. Во всех участках города с утра 18 ноября забастовали городовые, пред'явив 15 пунктов требований. Главным пунктом городовые выставили повышение жалованья до 30 рублей в месяц. В этот же день из Чугуева в Харьков прибыло 600 человек драгун. По городу в громадном количестве распространялись прокламации к солдатам. 19 ноября не вышли газеты. Магазины сплошь все закрыты. Хлеб страшно вздорожал. За недостатком солдат, отказавшихся итти на охрану города, по улицам, для устрашения публики, взад и вперед возили пушки. Две пушки поставлены у вокзала. Собравшуюся около железнодорожных мастерских публику солдаты разгонять отказались. Поставленный патруль из солдат на железнодорожном мосту, вопреки распоряжению начальства, свободно пропускает всех по мосту.

20 ноября все наличное войско харьковского гарнизона единогласно отказалось нести какую-либо службу и потребовало немедленного отпуска по домам. На заявление начальства, что в настоящее время на линии нет движения, солдаты из'явили готовность итти из Харькова пешком. Волей-неволей военное начальство должно было подчиниться требованию солдат и распустить всех запасных четырех местных полков. Вечером 20 ноября харьковский вокзал переполнился солдатами. В городе упорно циркулируют слухи, что на-днях, за отсутствием войск. военное положение будет снято.

— Всероссийский железнодорожный с'езд. Для предстоящего 26 декабря III с'езда уполномоченных всероссийского железнодорожного союза центральным бюро намечена следующая программа: 1) общий обзор положения дел союза; 2) заслушание докладов о положении дел союза на каждой дороге в связи с последней забастовкой; 3) рассмотрение программы и устава (организация союза) союза; 4) вопрос о созыве делегатского всероссийского железнодорожного с'езда для выработки основных законоположений о железнодорожных служащих и рабочих; 5) вопрос о пенсионной, сберегательно-вспомогательной кассах и государственном страховании; 6) о мерах, какие должны быть приняты союзом для поддержания выставленных железнодорожными служащими и рабочими требований; 7) о железнодорожных стачках; 8) об отношении всероссийского железнодорожного союза к крестьянскому и рабочим союзам, партиям и другим организациям; 9) выборы членов центрального бюро союза. В виду важности и многочисленности предстоящих обсуждению вопросов, касающихся лишь исключительно железнодорожных служащих и рабочих, бюро союза постановило посторонних союзу лиц на III с'езд не приглашать. Центральное бюро союза просит по возможности заранее прислать в бюро доклады, имеющие быть представленными на обсуждение с'езда. Вместе с тем бюро просит не позднее 10 декабря представить сведения о числе членов союза на дороге и сообщить, поставлено ли дело союза на дороге в настоящее время совершенно открыто, или же союз и теперь находится в прежнем положении. Центральное бюро обращается ко всем комитетам с просьбой выслать на организацию с'езда по 25 руб.

— Союз газетчиков. Воззвание к обществу от союза московских газетчиков. „Граждане! В борьбе за улучшение нашего положения мы, московские газетчики, прибегаем к бойкоту. Бойкот самое главное оружие нашего союза. Нужда, беспрерывная работа и в праздники, и в будни, под дождем и в холод заставили нас организоваться в союз и выступить на борьбу за лучшую долю. Мы об'явили с 25 ноября бойкот «Русск. Вед.» и «Русскому Слову». Два эти органа, которые на своих страницах писали много горячих статей в защиту рабочего люда, когда мы требовали сбавки полкопейки с номера, т. е. коснулись их кармана, отказались удовлетворить наши требования. Граждане, вы в газетах найдете все постановления и действия нашего союза. Мы, московские газетчики, стремимся урегулировать цены газет и журналов. Мы будем бороться за таксу газетных цен. Для вас, граждане, также важно, чтобы «Зритель», «Стрелы» и др. не продавались по 15 и 20 коп. благодаря кулакам, вроде Анисимова и др. Итак, граждане, мы, газетчики, питаем глубокую надежду, что вы не откажете в поддержке в справедливой борьбе нашему народившемуся союзу, крепнущему и который подал братски руку всем союзам, всему народу, борющемуся с материальным и политическим гнетом нашей родины. Итак, 25 ноября бойкот «Русск. Вед.», «Русск. Слову», если они не удовлетворят наших требований, и мы вас, граждане, считаем союзниками в этом бойкоте. Совет союза московских газетчиков. P. S. Просим товарищей-типографских рабочих перепечатать в других газетах".

— Почтово-телеграфная забастовка. В заседании с'езда делегатов почтово-телеграфного союза было предположено каждому бастующему чиновнику выдавать по одному рублю, каждому почтальону или курьеру по 50 коп. в сутки. Для справедливого распределения помощи с'езд решил образовать комитет, состоящий из почтальона, курьера и двух чиновников почтово-телеграфного ведомства. В виду того, что в Москве общество откликнулось на просьбу о помощи забастовавшим, решено дать циркулярные депеши в другие города, чтобы и там был организован сбор пожертвований.

В конце заседания делегаты от Польши огласили следующее заявление: „Мы, служащие в почтово-телеграфных учреждениях Царства Польского, образуем отдельный союз под названием: «Польский союз служащих почты и телеграфа» с централизацией в Варшаве и присоединяемся федеративно к всероссийскому почтово-телеграфному союзу, принимая его политическую платформу: а) требование созыва Учредительного Собрания в Петербурге на основах всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, без различия пола и национальности, б) требование автономии Царства Польского с сеймом в Варшаве, выбираемым на тех же принципах четырехчленной формулы".

— Сегодня забастовала золото-канительная фабрика Алексеевых, насчитывающая 1.500 рабочих. Рабочие пред'явили ряд экономических требований: 10-часовой рабочий день вместо нынешнего 11-часового, повышение заработной платы на 10%, установление минимальной поденной платы в 1 рубль и уплата денег за забастовку.

— Сегодня состоялось собрание телефонных служащих. На собрании был прочитан ряд гнусных провокаторских заметок, появившихся в московских газетах. Решено бойкотировать следующие издания: „Московский Листок", „Русский Листок", „Московские Ведомости" и „День". От адвокатов телефонные служащие получили извещение, что в настоящее время более 100 абонентов городского телефона пред'являют телефонному обществу иски.

— Так как город с сегодняшнего дня начал штрафовать 2-е общество городских конно-железных дорог по 20 руб. за каждый несовершенный вагоном рейс, то весь 20-тысячный залог „конок" 2-го общества был использован в течение часа. По контракту же общества с городом значится, что, если залог не будет пополнен в течение семи дней, все предприятие второго общества переходит в собственность города.

— В виду того, что железнодорожный телеграф передает противообщественного характера телеграммы правительства, всероссийский комитет железнодорожного союза и центральное бюро по улучшению быта железнодорожных служащих Московско-Ярославско-Архангельской дороги разослало по всем телеграфным линиям телеграммы с предложением железнодорожному телеграфу прекратить прием и отправку правительственных, частных и шифрованных телеграмм. Против нарушителей этого предложения будут приняты крайние репрессивные меры.

— На московский почтамт сегодня пускают только тех, кто имеет там свои ящики для корреспонденции. Для других, а тем паче для добровольцев-почтовых чиновников, почтамт решительно закрыт. Эти добровольцы черносотенцы причиняют каждый день почтамту все новые и новые огорчения. Так, сегодня в деятельность добровольцев должна была вмешаться сыскная полиция. Дело в том, что некоторые добровольцы, украв несколько писем на почтамте, учинили с ними ряд шантажей. Пострадали солидные и серьезные люди. Пострадало и несколько дам.

Сегодня в Москве, наконец, открылись все рестораны, торгующие по первому разряду. Хозяева ресторанов привели свою угрозу в исполнение и уволили всех своих служащих, а затем тут же приняли их обратно, но на значительно лучших условиях, чем раньше. Таким образом, служащие - официанты добились осуществления своих требований, пред'явленных перед забастовкой.

— Так как московские газетчики привели в исполнение свою угрозу относительно бойкота „Русского Слова“ и „Русских Ведомостей“, то между всеми московскими издателями состоялось соглашение не продавать никаких газет газетчикам. В виду этого газетчики ходили по городу в течение всего дня без газет, а газеты продавались в конторах, редакциях и книжных магазинах.

— Почт-директор Радченко никак не может решиться расстаться со своими чиновниками. Так, он в газетах об'являл, что с 22 ноября все чиновники будут уволены. Теперь на почтамте появилось новое об'явление, в котором г. Радченко, сомневаясь, чтобы его чиновники читали газеты, говорит, что теперь им назначен новый срок на 25 и 26 ноября. 25-го должны явиться низшие служащие, а 26-го — старшие. Часть почты была отправлена сегодня на биржу, где крупные финансовые тузы, как Вогау, Герман, Рябушинский, собственноручно разбирали узлы, пакеты и письма. Правительственный телеграф работает при помощи саперов.

— Вчера в почтамте был арестован почтово-телеграфный чиновник В. Ф. Керновский и помещен в дежурной комнате чиновников экзекуторской части.

— Служащим в московских винных складах разрешено разобрать обратно всю пенсионную кассу. Разрешение это не касается продавцов в винных лавках и администрации складов.

В Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов.

Резолюция, принятая Исполнительным Комитетом по поводу последних событий. Принимая во внимание, что петербургский организованный пролетариат твердо решил выступить в решительный бой с остатками погибающей монархии, принимая во внимание, что рост революционного движения, с одной стороны, надвигающееся неминуемо государственное банкротство, с другой, делают выгодным для пролетариата несколько отсрочить решительное выступление, призывает все сознательно-революционные слои населения сорганизоваться и об'единиться с ними в боевые свои действия для успеха революции и заявляет, что в данный момент Петерб. Сов. Раб. Деп. не дает еще сигнала к этому решительному общему выступлению 25 ноября.

Железнодорожная забастовка.

Москва. Центральное Бюро железнодорожного союза. Романову; Спб. Лиговка 9, г. Орехову.

Настроение ожидательное и приподнятое, телеграфируйте немедленно, какое решение приняло Центральное Бюро в виду событий на Риго-Орловской и Юго-Западных.

За председателя бюро союза Полесских дорог Бадей.

Постановление заседания Исполнительного Комитета 25 ноября: Состав Центрального Бюро Комиссии по 3 человека: от Исполнительного Комитета, от обеих фракций Р. С.-Д. Р. П. и от партии С.-Р. Состав районных бюро: 4 члена Исполнительного Комитета из района, по 2 человека от каждой партии.

По вопросу комиссии о безработных:

1) Комиссия о безработных есть учреждение нейтральное.

2) Суммы, собираемые специально для комиссии о безработных, поступают в центральную кассу комиссии о безработных, о всех поступающих суммах И. К. своевременно осведомляется.

3) Деньги, поступающие в стачечный фонд С. Р. Д., распределяются по постановлению И. К-та. Исп. К-т или Совет Д-в отчисляет в комиссию о безработных определенную часть этих средств.

Решено единогласно послать телеграмму ко всем профессиональным союзам и социалистическим организациям Запада и Америки с просьбой поддержать материально бастующих товарищей в России.

Балтийская и Псково-Рижская железная дорога. По ст. б. Порта, Гапсальск, Сонда, СПбург, сл. сборов и главн. бухгалт. г. Балашову и Лутугину. Валк, инж. Бабаеву. На деп. Р.-Орл. дор. № 3370.

В виду того, что в непродолжительном времени предстоит последний страшный бой для завоевания всех политических свобод, сходка не согласилась бастовать по частному случаю и вообще до распоряжения Узлового Комитета. Председ. бюро М. Соловейчик.

Телеграмма из Челябинска в Петербург 25 ноября № 2462 9 ч. 10 м. По всем станциям русских ж. д. Графу Витте.

Протокол собрания 18 ноября 1905 г. Мы, свободно собравшиеся служащие ст. Челябинск, Сибирской ж. д., обсуждая свои нужды, пришли к следующему заключению: в виду слишком тяжелого положения всей России, для успокоения и умиротворения народных масс постановили требовать: 1) отмену военного положения по всей России и Царстве Польском, 2) отмену смертной казни и полевых судов, 3) амнистии всем пострадавшим за политические и религиозные убеждения, и полагаем, что без исполнения настоящих требований, являющихся требованиями всего народа русского, не наступит мир и успокоение. Председатель Машинский, секретарь Овчинников.

Петербург из Риги. По всем станциям российских ж. д. Москва, Центр. Бюро жел. дор. союза Романову. Петербург, Елизарову и Орехову. Петербург и Москва. Совету Рабочих Депутатов, Москва, Центр. Бюро почтово-телеграфного союза. Товарищи! Нам брошен наглый вызов на наше требование отмены военного положения. Нам отвечают введением его во всей Лифляндии и многих губерниях. Наше мирное собрание разогнано с угрозой стрельбы. Об'являем на Риго-Орловской дороге забастовку с 8 час. вечера сего дня, 24 ноября. Просим товарищей поддержать всеобщей забастовкой. Рижское Центральное Бюро служащих и рабочих. Председатель Бюро Падлиш.

Телеграмма. В Спб. из Валка. Ст. Петербург Лутугину Балашову. Риго-Орловская жел. дор. забастовала; причина военное положение. Телеграфируйте решение Петербургского Комитета и Узлового. Ейшинский.

Телеграмма № 970. По всем ст. российских ж. д. Москва, Центр. Бюро железнодорожного союза — Романову; СПБ. — Лутугину, Елизарову и Орехову и Москва — Центр. Бюро почтово-телегр. союза; Валк — Ейшинскому, собрание служащих и рабочих всех служб станц. Рига тов. Балт. ж. д. единогласно постановило присоединиться к товарищам Риго-Орловск. дор. и об'явить забастовку в 11 час. утра 25 ноября. Председатель собрания Козлов.

До вечера 25 ноября забастовали сл. жел. дор.: 1) Курско-Харьковско-Севастопольская, 2) Риго-Орловская, 3) Харьково-Николаевская, 4) Юго-Западная, 5) Юго-Восточная, 6) Самаро-Златоустовская, 7) Сызрано-Вяземская. Полесская — со ст. Ковель и Ревель ждут сигнала ко всеобщей забастовке, высказываясь против забастовок по частному поводу.

Резолюция жел.-дор. совета Петербургского узла.

Обсудив предложение самарских и рижских товарищей присоединиться к всеобщей забастовке и имея в виду, что реакция растет, что правительство всеми мерами старается возвратить обратно все добытое 1-ой всероссийской забастовкой и с этой целью даже не отказывается от явно провокаторских поступков и распоряжений, Спб. областной совет союза жел.-дор. служащ. и рабочих считает всеобщую железнодорожную забастовку неизбежной, но, признавая необходимость единства действий, необходимость строгой дисциплины, призывает товарищей не назначать никаких сроков для об'явления забастовки, а, заявив свою готовность примкнуть к таковой, ждать общего решения железных дорог.

Принимая же во внимание, что только строго организованная забастовка может иметь успех, теперь областной совет полагает, что рассылать от отдельных комитетов циркуляры, телеграммы помимо центральн. бюро ж.-д. союза отнюдь не следует допускать, чтобы тем не растрачивать наши боевые силы по частям.

В армии.

Нам передают о возмутительном факте насилия над солдатом-денщиком генерала-майора Z... Генерал Z..., возвратившись из клуба „подвыпивши", подсторожил сквозь прощелину кухонной двери, что денщик читает „Русскую Газету", и, отворив бешено двери, генерал набросился на денщика и, злобно шипя „мерзавец-социалист", жестоко избил.

15 ноября нижние чины спб. конвойной команды отказались выйти на обед. Испугавшись „бунта", явился в казармы начальник команды полковник Лебедев, которому нижние чины свой отказ обедать мотивировали тем, что они не желают постной пищи, выдаваемой в известные дни еженедельно. Кроме того, они потребовали некоторое улучшение в пище вообще.

Начальник команды их требование обещал исполнить немедленно. 40 человек той же команды, находившиеся в означенный день на дежурстве в пересыльной тюрьме на Шпалерной улице, также отказались есть в обед привезенную из команды вонючую рыбу и об'явили забастовку. В течение трех часов конвоировать арестованных было некому.

Был вызван в тюрьму начальник команды полковник Лебедев, который просил солдат приступить к занятиям, обещая немедленно там же, в тюрьме, приготовить им другой обед. К четырем подали солдатам другой, отлично приготовленный обед, после чего забастовку прекратили.

После вышесказанного „бунта" теперь конвойная команда всегда получает превосходный обед.

„Пуганая ворона куста боится": нынешнее правительство боится не только волнений среди военно-морских сил, но даже одной возможности таковых.

Стоило капитану Рудневу, флигель-ад'ютанту, при этом заявить о том, что у него в 14 экипаже „неспокойно", и министерство немедленно распорядилось 8, 14 и 18 экипажи отправить в Кронштадт. Как известно, 24 матроса отказались выполнить этот приказ и спокойно остались в своих казармах, заявив, что „начальство само вызывает бунт". Однако, начальство, убравши днем 24 ноября патрули от казарм, вовсе не думало отказываться от своих требований, — это было не больше, как военная хитрость: нужно было усыпить бдительность врага. И действительно, ночью „начальству" удалось осуществить свой план. Внезапно казармы матросов были окружены семеновцами, и под конвоем последних нижние чины 8, 14 и части 18 флотских экипажей были отправлены на баржи для следования в Кронштадт.

Требование матросов о снятии военного положения в Кронштадте оставлено без удовлетворения.

Интересно, что герой Чемульпо — капитан Руднев, — заявив о ненадежности вверенного ему экипажа, немедленно „счастливо" заболел.

3.000-й вооруженный отряд у Пскова. Псковской губернской администрацией получены сведения, что к Печерам идет отряд вооруженных людей, с обозами в составе 3.000 человек, по направлению к Пскову. Навстречу этому отряду и двинуты войска в количестве около 600 человек. („Наша Ж.").

Арест солдат в Шлиссельбурге. В шлиссельбургском местном гарнизоне арестовано 18 чел. солдат, которые хотели возвратить свободу заключенным в крепости и не „удостоившимся" амнистии. („Свободное Слово").

Почтово-телеграфная забастовка.

25 ноября в Соляном Городке состоялось многолюдное собрание почтово-телеграфных служащих.

Из фактических сообщений, сделанных в собрании, выяснилось следующее. Благодаря провокаторской деятельности правительства, не останавливающегося ни перед какими средствами для привлечения наиболее темных, невежественных и забитых элементов к работе, часть служащих начала работать. Само правительство не особенно доверяет, однако, этим предателям общего дела, и это особенно рельефно выразилось в одном из почтово-телеграфных отделений, где начальство не допустило штрейкбрехеров к производству операций по получению и отправке денежных пакетов, говоря, что оно не решается доверить деньги тому, кто предал своих товарищей.

Положение тех добровольцев-провокаторов, которые взялись заменить почтово-телеграфных служащих, не из приятных. Из многих домов сиятельных графинь и княгинь, разносивших корреспонденцию, выгоняли. В одной из окраин забастовщики надели сиятельной провокаторше почтово-телеграфную сумку, говоря, что, если она хочет исполнять почтальонские обязанности, она должна носить почтальонскую сумку.

Главному директору почт и телеграфов подан ряд заявлений от жителей с просьбой прекратить доставку им корреспонденции чрез дворников, городовых и „добровольцев". Несколько кредитных учреждений отказались от услуг почты, пока не кончится забастовка, из опасения, что нынешние почтово-телеграфные добровольцы прикарманят их корреспонденцию простую и в особенности денежную.

Насколько эти последние опасения имеют за собой почву, показывает случай в выборгском почтово-телеграфном отделении, где какой-то „доброволец", „приставленный" к приему простой корреспонденции, стал самозванно принимать денежную и затем... скрылся.

Делегат от почтово-телеграфных служащих Царства Польского, прибывший 24 ноября из Варшавы, сообщает, что с 17 ноября в Царстве приостановлены во всех почтовых и телеграфных конторах, за исключением нескольких отделений в окрестностях Лодзи, все операции. Польские почтово-телеграфные служащие решили бастовать до тех пор, пока их русские товарищи не постановят прекратить забастовку.

Делегат от почтово-телеграфных служащих Петергофа и Лигова сообщает о готовности его товарищей поддерживать борьбу до полной победы.

Один из членов Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов сообщает, что в Вильне почтамт разнесен, а в Либаве — почтово-телеграфная контора находится в руках забастовщиков. Из других провинциальных городов получаются сведения о готовности всех продолжать забастовку.

Все ораторы, говорившие в собрании, высказываются за продолжение забастовки. В ряде речей, то пламенно-страстных, то безыскусственно-простых, ораторы доказывают необходимость ее продолжения и преступность прекращения ее теперь, когда многие из товарищей пострадали за общее дело...

Напрасно просит председатель несколько раз высказаться тех, кто против забастовки, в собрании не находится ни одного, кто бы пожелал говорить о желательности ее прекращения.

Речи всех ораторов покрываются бурными аплодисментами. Необыкновенно трогательную и восторженную овацию устраивает собрание председателю Совета Рабочих Депутатов тов. Хрусталеву.

После трехчасового совещания председатель ставит на баллотировку вопрос о том, продолжать ли забастовку или прекратить ее. И собрание большинством всех голосов (около 2.500 человек) против... одного отвечает: „продолжать".

На баллотировку ставится следующая резолюция, которая также принимается большинством всех голосов против 10 — 15:

„Совет министров, закрывая глаза на правду, заявляет: «Забастовка почтово-телеграфных служащих прекращается».

„Собрание почтово-телеграфных тружеников т. н. «конституционному» кабинету Витте, Дурново и т. д. отвечает: «Забастовка почты и телеграфа продолжается».

„Рассмотрев свое правовое и экономическое положение, собрание почтово-телеграфных служащих пришло к глубокому убеждению, что улучшение и коренное изменение положения тружеников почт и телеграфа может быть лишь делом рук их самих, об'единенных с этой целью в профессиональный союз.

„С другой стороны, видя опытных полицейских министров, как Дурново, на работе в погоне за товарищами-борцами, защитниками свободного почтово-телеграфного дела, которых арестовывали и увольняли, — собрание единодушно присоединяется в борьбе к ним и постановляет:

„Продолжать российскую почтово-телеграфную забастовку вплоть до удовлетворения права на союз и отмены всех насильственных мер по отношению ко всей почтово-телеграфной семье". (Громкие продолжительные аплодисменты.)

По принятии этой резолюции, председатель выясняет ту ответственность, которая лежит на принявших ее: они явятся самыми гнусными предателями и изменниками, если приступят к работе раньше, чем это будет постановлено всеми.

В заключение собрания бюро сообщает, что все сведения о ходе забастовки будут им помещаться в газетах: „Начало", „Новая Жизнь", „Русская Газета" и „Сын Отечества".

В пятницу, 25-го, 5 почтово-телеграфное отделение (Измайловский пр.) было открыто, и производился прием телеграмм и писем. Работали под охраной взвода солдат. Публики, однако, было очень мало — очевидно, всякий справедливо рассуждал, что письма с таким же успехом могут и дома пролежать.

Экспедиция по пересылке казенных посылок и периодических изданий также работала; посылки доставлялись преимущественно ломовиками. У ворот стоит городовой, внутри же взвод солдат.

Хроника.

— Гр. Витте заявил, что, в случае удовлетворения требований почтово-телеграфных забастовщиков или увольнения г. Севастьянова, он немедленно подаст в отставку.

— „Зараза" распространяется. Сербские социалисты, как сообщает „Temps", организуют на 3 декабря (нов. ст.) чудовищную демонстрацию на улицах Белграда и в провинции, чтобы бороться против проекта закона о промышленности, идущего в разрез с требованиями рабочего класса. Если скупчина (народное собрание) примет этот проект, не изменив согласно требованию рабочих, то они угрожают всеобщей стачкой, которая должна охватить всю Сербию.

— „Сын Отечества" опровергает пущенный иностранными газетами и переданный „Русью" слух о повешании лейтенанта Шмидта. Шмидт и его сын находятся под арестом. П. П. Шмидт вовсе не ранен, таким образом, и слух о его попытке бежать, переодевшись матросом, оказывается выдумкой. Преждевременный спуск на броненосце „Очаков" флага, вызвавший замешательство в революционной эскадре, был, как утверждает „Сын Отечества", делом рук одного из пленных офицеров, за которым не усмотрели.

— Конституционное правительство Витте, удивительно заботящееся о величии России, когда ему приходится иметь дело с Польшею, умеет, где нужно, и пресмыкаться. По словам московских газет, германскому подданному, которому в Москве во время беспорядков отрубили палец, администрация уплатила 35 тысяч рублей. А сколько платит правительство графа Витте за отрубленную голову рабочего?

— Трем рабочим с завода Нобеля присланы на квартиры билеты следующего содержания:

„25 ноября 1905 г., в 8 час. вечера, в помещении зала Нобеля состоится собрание избирателей в Госуд. Думу для предварительного обсуждения вопросов программы и выборной тактики.

„В собрании этом примут участие как избиратели по закону 6 авг., так и те, которые получат избирательные права при ожидаемом расширении контингента избирателей.

„Без пред'явл. наст. повестки никто допущен не будет.

„При сем рассылается программа конст.-демокр. партии, как материал для обсуждения собрания".

Кроме последнего добавления, очень характерно, что все три билета присланы финнам, которые по-русски почти не умеют говорить, а след., будут подписывать, не понимая. Послушных клиентов вербуют себе „кадеты".

— К открытию реального училища и вольного университета. Председатель правления временного комитета по открытию общественного реального училища, академик И. Р. Тарханов-Моуравов, нам сообщает, что 26 ноября, в 9 час. вечера, состоится заседание правления в доме коммерч. училища Е. Ф. Шрекник (Загородный пр., 58). Обсуждению подлежат вопросы: 1) выбор депутатов для ходатайства перед министерством народного просвещения об ускорении утверждения реального училища по выработанному уже плану. 2) Проект выработки вольного университета в связи с проектируемой средней школой, а также 3) вопрос о солидарности и педагогической единственности учащего персонала.

— От союза приказчиков. Председатели I и X кружков приглашают товарищей-членов собраться в помещении союза в воскресенье, 27 сего месяца, в 9 час. утра.

— От с.-петербургского педагогического общества взаимной помощи. На основании постановления московского с'езда представителей учительских обществ взаимопомощи на рождестве 1902 — 1903 гг. и на основании постановления общего собрания петербургского педагогического общества взаимной помощи созвать второй с'езд представителей учительских обществ в С.-Петербурге на рождественских каникулах 1905 — 1906 гг., правление спб. педагогического общества приглашает все учительские общества принять участие в с'езде в Петербурге 29 — 31 декабря сего года. Главная задача с'езда — разрешить давно назревшую потребность: 1) полной внутренней реорганизации существующих учительских обществ взаимопомощи и 2) об'единение их во всероссийскую организацию — на началах материальной взаимопомощи и обслуживания духовных и правовых потребностей. Число делегатов должно быть по расчету один на сто, излишек свыше 50 считается за полные сто. Делегатский взнос три рубля. Правление просит возможно скорее сообщить имена избранных делегатов и их адреса. С.-Петербург. Чернышев пер., д. 16, кв. 34.

— По слухам, в тот же день, когда появился номер „Пулемета" с кровавым отпечатком руки на последней странице, министр внутренних дел лично обратился к министру юстиции Манухину с просьбой сделать распоряжение о привлечении г. Шебуева к уголовной ответственности. Министр юстиции пригласил к себе высших чинов министерства и просил их высказаться по поводу юридической квалификации этого „преступления" Шебуева. Как говорят, министры не нашли в указанном поступке Шебуева признаков государственного преступления и находили тут лишь оскорбление Трепова. Однако, судебные власти нашли возможным подвести поступок Шебуева под уголовный закон, и следствие уже, как всем известно, началось и скоро окончится.

— Возложение на членов суда исполнения следственных обязанностей. Специальным законом, изданным на-днях, на членов окружного суда возложено исполнение обязанностей по производству предварительных следствий. Однако, эта мера самому министру юстиции кажется неудобной. Члены суда, обремененные чрезмерно работой, не в состоянии будут исполнять еще побочные работы. Кроме того, и в политическом отношении эта мера представляется опасной; окружные суды, представляющие в настоящее время довольно сплоченную корпорацию, не могут быть равнодушными зрителями происходящего ныне в государстве движения, и во всяком случае высокое звание судьи не охотно променяют на звание следователя, сделавшегося в последнее время, благодаря искажениям уставов 1864 года, покорным орудием министерства.

— 24 ноября. Пожертвовано в комиссию о безработных: от повара К.—5 р., Ивановой—25 р., Багрова—9 р. 60 к., С.—1 р.,

служащих экспедиции „Новой Жизни“—11 р. 77 к., Воеводина—1 р., Иванцова—1 р., Медведева—1 р. Всего 55 р. 37 к.

— Польский митинг. Сегодня в Соляном Городке в 8 часов вечера состоится польский митинг, в котором примут участие видные представители рабочей партии и прогрессивной интеллигенции: Плохоцкий, Упяновский, Струницкий, Гольде-Стружецкая. Последняя специально прибыла из Прусской Польши; это знаменитая ораторша, справедливо названная „сиреной социализма“. Главным вопросом, подлежащим разбору на митинге, является автономия Польши (Учредительное Собрание в Варшаве).

Комиссия о безработных.

Комиссией о безработных открыты следующие районные штабы:

В Выборгском районе. Оренбургская ул., д. 27, деревянный дом, дежурство ежедневно от 10 час. утра до 10 час. вечера.

На Васильевском острове. Уг. Среднего просп. и 12 линии. Столовая Дервиз, дежурство ежедневно от 10 час. утра до 5 час. дня и от 7 — 10 час. вечера.

В Городском (центральном) районе. Лиговка, д. 80, кв. 31, дежурство ежедневно от 10 — 2 ч. дня и от 6 — 10 час. вечера.

За Нарвской заставой. Уг. Новосивковской и Петергофского шоссе, д. 2 — 4, дежурство ежедневно от 10 — 2 час. дня и от 6 — 10 час. вечера.

На Петербургской стороне. Уг. Газовой и Пудожской ул., д. 2 — 3, кв. 4. Федоров, дежурство ежедневно от 10 — 2 час. дня и от 6 — 10 час. вечера.

За Московской заставой. Забалканский просп., д. 89—91, кв. 24, дежурство ежедневно от 10 — 2 час. дня и 6 — 10 час. вечера.

Сверх того открыты 3 столовые:

1) Больш. Болотная, д. 8, кв. 39.

2) Васильевск. остр., 19 линия, д. 6, кв. 26.

3) Невская застава, Мартыновская ул., чайная „Порт-Артур“.

Всех безработных просят за помощью и за чеками на обеды обращаться в штабы; необходимо удостоверение депутата.

Центральный штаб комиссии о безработных: Торговая ул., д. 25, кв. 6.

Предвыборная агитация русского собрания.

Идейный и административный ценз черносотенцев — русское собрание — открывает предвыборную агитацию. Оно выпустило воззвание к избирателям в Государственную Думу, в котором после трех эпиграфов обычного тона для „истинно-русских людей“ излагает свою программу.

Исходным пунктом программы является общее положение: „Царское самодержавие не отменено манифестом 17 октября 1905 г. и продолжает существовать на Руси и при новых порядках, и Госуд. Дума не призвана и ни в коем случае не может изменять что-либо в основных законах. Признавая задачею Думы деловую разработку и обсуждение законодательных предположений и деловой надзор за действиями исполнительных властей, русское собрание полагает своим долгом содействовать выбору в Думу всех разделяющих этот взгляд и принимающих следующие положения“.

Положений всего 13, в них изложены и подробно развиваются уже известные всем взгляды черносотенцев русского собрания на господство православной церкви, господство русской народности и языка и подчиненную роль остальных народностей. На этом основании „все племенные вопросы должны разрешаться сообразно степени готовности отдельной народности служить России и русскому народу“.

Еврейский вопрос выделен и должен разрешаться законами и мерами управления особо от других.

В том же духе говорит воззвание о „боевой готовности“ на море и суше, хозяйственной, финансовой и экономической политике.

Выступая со своим кратким изложением основ самодержавия в конституционной России, русское собрание надеется, что примкнувшие к нему русские люди составят громадное большинство в будущей Думе.

Воззвание заканчивается лозунгом: „Россия для русских“.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— На „Педагогических курсах“. Состав слушательниц „Педагогических курсов“ разбился теперь на три лагеря: партия большинства („группа 211-ти“), высказывающаяся за открытие курсов без допущения митингов; партия меньшинства, настаивающая на открытии курсов для народных митингов и не желающая в этом вопросе подчиниться большинству; третья „группа диких“, в политических отношениях не признающая подчинения большинству, а в академическом—признающая этот принцип.

Убийство студента технологического института Людвика Парневского на Обводном канале озверелыми хулиганами в тот момент, когда, возвращаясь домой после занятий с детьми рабочих, заступился за поруганную честь молодой девушки, создает вполне справедливое озлобление против поведения полиции, порожденное возмутительным отношением к происшедшему факту постового околоточного надзирателя, который не принял не только никаких мер к ограждению личности убитого, но своей непозволительной пассивностью и недопущением лиц, бегущих на помощь к пострадавшему, как бы сознательно содействовал факту самого убийства.

Добавим, что это убийство не было „минутным событием“, оно продолжалось около пяти минут: Парневского закололи ножами, наносили ему удары и в то время, когда он лежал на земле.

Студентами уже приняты самые энергичные меры к установлению личности этого околоточного надзирателя, с целью привлечь его к судебной ответственности.

Одновременно с этим профессора технологического института, вместе с директором г. Вороновым, постановили вчера внести нижеследующее заявление в городскую думу: „Профессора и преподаватели технологического института, пораженные трагической кончиной своего ученика, студента пятого курса, Людвига Парневского, с чувством глубокого горя воздают дань уважения и любви покойному. Парневский мирно возвращался со своей бескорыстной работы, которую он приносил на пользу рабочих, как учитель их детей, и на пути вступился за женщину, на которую напали какие-то люди.

„За свою деятельную любовь к беззащитному человеку, исполняя свой долг гражданина, пал наш младший товарищ, как новая жертва зверского насилия и темноты. Пусть злодеи, совершившие это преступление, знают, что они подняли руку на защитника правды, принадлежащего к семье студентов, которые так самоотверженно отдают себя на служение обездоленным классам населения. Факт убийства Парневского лишний раз доказывает, что современная полиция не в состоянии ограждать даже самую жизнь граждан на улицах Петербурга. При таких условиях жители города силой вещей вынуждаются сами заботиться каждый о своей защите против нападений. В то же время они должны настойчиво добиваться передачи полиции в ведение городской думы, которая, как орган самоуправления, должна организовать деятельную охрану жизни и безопасности жителей города Петербурга“.

Совершившийся факт еще раз красноречиво доказал необходимость городской милиции, о чем справедливо заявляют профессора технологического института.

— Совет старост студентов Петербургского университета, узнав о том, что в числе прочей „фешенебельной публики“ в почтамте работают студенты, единогласно постановил бойкотировать этих господ и по вопросу об исключении их из университета постановил не считать их студентами и, по мере выяснения их фамилий, требовать от совета профессоров исключения штрейкбрехеров из университета.

На имя председателя совета старост заслушано следующее заявление: „Уважаемый товарищ! События последнего времени, в частности постановления московского с'езда земских и городских деятелей, вызванная ими переоценка своих воззрений на социальную роль интеллигенции и внимательное изучение социалистических теорий привели меня к убеждению в невозможности принимать участие в революционной борьбе под знаменем иной партии, нежели социал-демократической, и заставили меня выйти из числа членов студенческой конституционно-демократической партии. Будучи выбран в старосты юридического факультета по списку этой партии и потому не считая себя

более в праве нести обязанности старосты, уведомляю вас о своем выходе из числа членов совета старост.

„С совершенным уважением“ (подпись).

Старосты - социал-демократы встретили это заявление аплодисментами.

Из партийной жизни.

23 ноября Выборгский район фракции меньшинства производил выборы представителя на предстоящую конференцию. После всестороннего обсуждения вопроса о слиянии фракции в единую Р. С.-Д. Р. Партию был выбран 61 голосом из 117 делегат с решающим голосом, которому было поручено собранием добиваться на конференции полнейшего и немедленного слияния фракции при условии полного осуществления принципа выборного начала на основе демократизма при организации партии.

Резолюции, принятые 18 ноября на собрании агитаторов и кружковых представителей при Об'единенном Комитете либавских соц.-демократических организаций (Латышской Соц.-Дем. Раб. Партии, Всеобщего Евр. Союза в Литве, Польше и России [Бунда] и Российской Соц.-Дем. Раб. Партии):

1) „По вопросу о местном об'единении собрание выражает свое полное доверие и одобрение тактике местных соц.-дем. организаций, решившихся об'единиться для совместного ведения соц.-дем. работы в Либаве, и обращается к Центральным Комитетам Росс. С.-Д. Р. П., Бунда и Латышск. С.-Д. Р. П. с предложением созвать в возможно близком будущем общий об'единительный с'езд соц.-демократических партий России для полного их об'единения и создания единой Российской С.-Д. Р. П.“ (Принято всеми против двух. Всего присутствовало 200 человек).

2) По вопросу о петербургских безработных товарищах.

„Собрание шлет горячий братский привет петербургским товарищам, выражает свое сочувствие и солидарность их геройской борьбе за экономическое и политическое освобождение рабочего класса и обещает всеми силами и средствами поддерживать борцов, выброшенных на улицу жадностью и алчностью фабрикантов и гнусною политикой издыхающего царизма.

Долой самодержавие!
Да здравствует 8-час. рабочий день!
Да здравствует демокр. республика!
Да здравствует социализм!

Резолюция принята единогласно. По второму пункту было решено открыть на всех фабриках и заводах сбор в пользу петербургских безработных. Собранные деньги будут на этой неделе отправлены.

Пропаганда и агитация в Василеостровском районе (фракция большинства).

Партийная работа в Васил. районе, кроме организаторской, разбивается на три отдела: митинговая агитация, лекции и кружковая пропаганда. В отношении к агитации коллегией агитаторов обращено особенное внимание на то, чтобы речи отдельных ораторов, кроме известных лозунгов, заключали в себе конкретное содержание, посвящались бы отдельным вопросам, исчерпывая их по возможности широко и глубоко, и все вместе, продолженные в течение одного, двух митингов, исчерпывали главнейшие пункты соц.-демократической программы и тактики.

Коллегия агитаторов расширена привлечением агитаторов-рабочих, с которыми на первое время устраиваются подготовительные беседы на темы агитационного характера.

Для большей успешности в прививке широким пролетарским массам соц.-дем. мировоззрения устраиваются периодические лекции, при чем для двоякого рода аудиторий: для лиц, входящих сейчас или бывавших в кружках, и для более широких масс, ограничивавшихся до сих пор лишь посещением митингов. Для первых читаются лекции на темы, особенно сейчас важные и выдвигаемые событиями дня, как-то: сущность революций (иллюстрации на примерах западно-европейских революций) и наши тактические задачи по отношению к дальнейшему ходу русской революции; существующие буржуазные партии, критика их программ и наша тактика по отношению к ним; аграрная программа соц.-дем. и т. д.; для вторых — ряд популярных лекций по главнейшим пунктам соц.-дем. программы, начиная с социализма, программы-минимум и т. д.

Помимо того, не прекращаются пропагандистские занятия в кружках, которые лишь стремятся расширить до пределов 30—35 человек, поскольку это допустимо внешними условиями—размерами рабочих квартир. Пропаганда носит полуагитационный характер, поскольку изложение приспособляется к современным крупным событиям и замыкается в рамки 6 — 7 лекций. Принятая коллегией программа пропаганды включает в себе следующие главные темы:

1) Пролетариат и социализм.
2) Ближайшие задачи русского пролетариата.
3) Буржуазные партии в России и тактика соц.-дем. по отношению к ним.
4) Крестьянство и аграрная программа соц.-дем.
5—6) Западно-европейские революции и судьба русской.
7) История русского освободительного движения, история российской соц.-демократии и ее партийная жизнь.

Деталировка программы предполагается следующая.

Вступление. Современное экономическое и политическое положение России. Понятие о классах. Реформа и революция. Революция как борьба классов за политическое преобладание.

I. Пролетариат и социализм. Пролетариат и буржуазия как детища капиталистического строя. Переходность общественно-экономических форм (феодализм и капитализм). Анализ капиталистического строя: частная собственность на средства производства и индивидуальность распределения. Рост капитализма: 1) растущее противоречие классовых интересов буржуазии и пролетариата (борьба капиталов, уничтожение промежуточных слоев, безработная армия и т. д.); 2) противоречие между организованностью производства на фабрике и анархией общественного распределения; кризисы. Бесполезность буржуазии в производстве. Неизбежность краха капиталистического строя и наступление социализма. Социальный переворот. Диктатура пролетариата. Характерные черты социалистического строя. Социал-демократия как авангард пролетариата.

II. Ближайшие задачи пролетариата. Классовый характер современного государства. Политическая борьба — есть борьба классов. Необходимость для пролетариата—в целях достижения социализма—полного уничтожения существующего полицейского строя и замены его правовым порядком. Различные формы правового порядка: конституционная монархия, парламентская монархия, буржуазная республика, демократическая республика. Несовместимость с идеалом пролетариата никаких других форм правового порядка, кроме демократической республики. Политическая программа-minimum соц.-дем. Главные пункты этой программы: а) основные свободы, б) всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, возможные и существующие уклонения от него, с) народная милиция. Связь между политической и экономической частями программы - minimum. Экономическая программа-minimum и главные ее пункты: а) 8-часовой рабочий день, б) государственное страхование и с) прогрессивный подоходный налог и т. д. Возможность полного осуществления программы - minimum лишь при завоевании демократической республики.

III. Буржуазные партии в России и тактика соц.-дем. по отношению к ним. Класс и партия. Происхождение различных групп буржуазии: финансовая буржуазия, крупная земельная, промышленная буржуазия, мелкая и лица свободных профессий. Партия правового порядка как выразительница интересов крупного чиновничьего мира и ее программа. Торгово-промышленный союз крупной финансовой и крупной промышленной буржуазии. Партия к.-д. как выразительница интересов крупной земельной и промышленной буржуазии и ее программа. Конституционная монархия как maximum политических требований торгово - промышленного союза и партии к.-д. Лица либеральных профессий и их полуклассовый характер. Политический радикализм Союза союзов и его программа. Тактика социал-демократии по отношению к этим партиям.

IV. Крестьянство и аграрная программа соц.-дем. Проникновение капитализма в деревню и дифференциация крестьянства. Наши задачи по отношению к сельско-хозяйственному пролетариату и крестьянству вообще: уничтожение всех остатков феодального строя в политическом и экономиче-

ском положении крестьянства. Аграрная программа соц.-дем. Вопрос о конфискации земель и крестьянских комитетах. Аграрная программа соц.-рев. и ее критика. С.-р. как партия мелкобуржуазная.

V. *) Западно-европейские революции и судьбы русской. Картины западно-европейских революций. Их классовый характер. Роль пролетариата и буржуазии в них. Ознакомление на картинах из революций с понятиями и функциями вооруженного восстания, временного правительства и учредительного собрания. Российская революция и ее отличия от западно-европейских. Задачи пролетариата в этой революции. Его тактика. Неизбежность вооруженного восстания. Задачи временного правительства и учредительного собрания. Мировое значение российской революции.

VI. История русского освободительного движения, история российской социал-демократии и ее партийная жизнь.

— На собрании Невского Районного Комитета 24 ноября обсуждался вопрос о технической постановке пропаганды и агитации. Выяснилось, что постановление о разделении общерайонной пропагандистской коллегии по подрайонам привело к временной дезорганизации пропагандистской работы. Подрайонные пропагандистские коллегии оказались (кроме Семянниковского подрайона) не связанными с подрайонными организаторами, в виду чего некоторые кружки не могли быть обслужены пропагандистами. Кроме того, оказалось, что личный состав некоторых из этих коллегий не удовлетворителен.

В виду этого было постановлено: 1) связать подрайонные пропагандистские коллегии с подрайонными организаторами, для чего эти коллегии должны выбрать из своей среды пропагандиста, ответственного за техническую постановку пропаганды; 2) идейное руководство пропагандой оставить в общерайонной коллегии, где попрежнему под руководством ответственного пропагандиста должен происходить разбор пропагандистских тем.

На этом же собрании выяснилось также, что митинговые ораторы, в виду малого числа митингов, взялись за чтение лекций и рефератов, а также предлагают свои услуги в качестве пропагандистов в кружках высшего типа. Было постановлено использовать их силы для пропагандистской работы. Затем на обсуждение собрания был поставлен вопрос о клубах и об об'единении с меньшинством. Но, за недостатком времени, оба эти вопроса были отложены до следующего собрания.

— Комитет социал-демократической зубоврачебной группы приглашает членов группы и лиц зубоврачебной профессии (зубных врачей, дантистов, зубных техников и учащихся в зубоврачебн. школе) для выработки и утверждения устава беспартийного профессионального союза. Собрание назначается на 28 ноября в помещении эстонского о-ва (Офицерск., 54) в 8 час. веч. Вход по повесткам, последние можно получать в редакции газеты „Новая Жизнь“ от 3—5 час. дня.

Бюро фармацевтов социал-демократов заявляет, что запись товарищей, желающих вступить в социал-демократическую группу фармацевтов будет производиться по Николаевской ул., дом 29, кв. 28, от 11 до 1 часу у товарища Пинус.

Организатор Нарвского района П. К. Р. С-Д. Р. П. просит нас сообщить, что им получено для передачи Федеративному Совету Нарвского района 37 р. 25 к., собранные в ново-снарядной мастерской Путиловского завода на специальную цель.

---

*) В зависимости от имеющегося в распоряжении каждого пропагандиста материала, данная лекция может быть разбита на две.

Профессиональные союзы.

В ответ на „приказ“ министра Немешаева, изданный 14 ноября, Ревельское отд. союза жел.-дор. служащих заявляет:

„Г. министр говорит о необходимости укрепить в среде служащих начала законности и справедливости. Это не так: укреплять можно то, что есть, а наше высшее и низшее начальство en masse (мы не говорим поголовно) много лет стремилось уничтожить всякую законность и справедливость и водворить вместо них произвол и усмотрение.

„Поэтому законность и справедливость надо не укреплять, а насаждать.

„Затем министр обещает нам в самом непродолжительном времени провести законодательным путем:

„1) положения, определяющие права, обязанности и ответственность железнодорожных служащих, а равно и нормировку рабочего дня и обеспечение праздничного отдыха;

„2) ведомость нормальных максимальных и минимальных окладов по районам дорог;

„3) снабжение служащих квартирами, обеспечение их обмундировочным и суточным довольствиями, установление правил о выдаче пособий и улучшение постановки врачебной помощи;

„4) учреждение образовательных и просветительных учреждений с участием, между прочим, и выборных служащих.

„Мы вполне допускаем, что министр надеется, что те правила, которые будут созданы его доверенными людьми, нас удовлетворят.

„Но мы уверены, что эти правила нас так же мало удовлетворят, как мало удовлетворяли и принимавшиеся до сего времени меры.

„Все, что нам дадут доверенные люди г. Немешаева, все это будут одни паллиативы.

„Поэтому мы требуем, чтобы все проекты, которые будут составлены, были присланы на дороги и там рассмотрены особыми выборными от служащих. Если одновременно с отзывами выборных г. министр пожелает выслушать мнение советов, то мы желаем, чтобы эти мнения также были рассмотрены выборными от служащих“.

Затем, в заявлении указывается еще несколько частных требований, как, например, распределение ассигнованных казною 15 милл. руб. с участием выборных от служащих и пр.

Союз булочников и кондитеров.

В союз войдут булочники, бараночники, калачники, пекаря, хлебники, кондитера, пирожники, пряничники, шоколадники, конфетники, мармеладники и друг. На бывшем на-днях собрании решено выставить следующие требования: 1) 8½-час. раб. день, 2) 36-час. праздничный отдых во все воскресные дни, двунадесятые праздники, 1 мая (праздник труда), 19 февраля, 9 января, 3) уничтожение сверхурочных работ, хотя бы и за плату, 4) уничтожение хозяйского стола и квартиры, 5) жалованье мастерам не менее 18-ти, кондитерам 15 рублей в неделю, 6) обязательно еженедельные расчеты по книжкам, 7) отмена штрафов, при чем в случае порчи товара хозяин лишается права делать вычеты самовольно без участия товарищей-подмастерьев, 8) санитарное улучшение и соблюдение чистоты в помещениях булочных, пекарен и квартир и улучшение содержания учеников, 9) число мальчиков для каждой булочной устанавливается правлением союза по соглашению с представителями от хозяев, 10) учеников брать не моложе 15 лет и на срок не более 3 лет и не заставлять мальчиков исполнять работы, неимеющие отношения к ремеслу, 11) ни один хозяин не имеет права увольнять подмастерьев без согласия всех товарищей, 12) в случае ликвидации предприятия или его сокращения хозяин обязан предупредить рабочих за 2 недели или уплатить им жалованье за это время вперед, 13) в случае болезни хозяин обязан до 3 месяцев платить жалованье рабочему полностью и после выздоровления принять его обратно, 14) в случае призыва к отбыванию военно-учебного сбора хозяин обязан после сбора принять его обратно, 15) устройство третейского суда, 16) обязательное государственное страхование рабочих за счет предприятия, 17) требования эти проведет союз.

В воскресенье 27-го в здании Василеостровского театра состоится снова собрание для принятия устава.

Союз портовых рабочих.

24 ноября в 6½ час. вечера состоялось учредительное собрание союза портовых рабочих. На очереди дня был поставлен вопрос о целях и значении профессиональных союзов для рабочих. Выступавшие ораторы говорили о том, что задачи профессиональных союзов являются временными и служат делу пролетариата в его освободительном движении лишь постольку, поскольку они обнимают собой интересы рабочего класса в непосредственной его борьбе с капиталистами. Так как основное положение каждого отдельного союза заключается в девизе: „Все за одного и один за всех", то этим достигается та солидарность в борьбе с капиталом, без которой невозможно какое бы ни было частичное завоевание трудящегося класса. Но профессиональный союз, как таковой, не представляет собой той конечной цели, на которую должно быть обращено все внимание пролетариата; чрез его посредство об'единившиеся пролетарии лишь получают возможность с успехом поддерживать свои интересы данного временного положения и победоносно вести ту борьбу с капиталом, которая ведет к социализму. На примере известной стачки 1903 года, охватившей собой всех рабочих угольных копей в Англии, было иллюстрировано значение борьбы об'единенных сил пролетариата. Покрытая сетью профессиональных союзов, Англия добилась того, что предприниматели не могли найти необходимых рабочих рук в соседней Бельгии, рабочие которой не могли не поддержать своих товарищей в борьбе. Собрание отвечало на речи ораторов дружными аплодисментами. Устав в настоящем заседании не рассматривался. В члены правления союза были избраны: председателем Федор Данилов, кандидатом Ефим Андреев, секретарем Николай Лазарев, кандидатом, Андрей Кок, казначеем Павел Попов, канд. Филимон Кулаков, библиотекарем Людвиг Смогур и канд. Семен Богачев. В ревизионную комиссию вошли: Петр Козырев, Владимир Попов, Самсон Никифоров и Константин Кирянин.

К моменту открытия заседания в члены союза портовых рабочих записалось 192 человека.

Союз служащих в городском общественном управлении.

Поход, предпринятый петербургской думой против наиболее сознательных и энергичных служащих городского общественного управления, осмелившихся „инако думать", нежели гг. буржуи петербургской думы,—побудил служащих об'единиться в профессиональный союз.

24 ноября в Соляном Городке состоялось под председательством В. А. де-Плансона первое учредительное собрание этого союза. Собралось свыше 1.500 человек рабочих и служащих водопровода, конки и др. городских предприятий.

Ряд ораторов доказывал необходимость об'единения служащих городского общественного управления для борьбы за свои экономические и правовые интересы. Наибольший успех из всех ораторов имел товарищ-метельщик, произнесший сильную и яркую речь о настоящем политическом моменте, о современном революционном движении пролетариата и о целях и задачах Российской Социал-Демократической Партии. Речь тов. произвела такое сильное впечатление на собрание, не желавшее вначале слушать „политических" речей, что заключительные слова этой речи: „Да здравствует Росс. Соц.-Дем. Партия" были подхвачены всем собранием, и зал огласился криками: „Да здравствует"...

Стремление попавших на собрание представителей партии правового порядка „втереть очки" несознательным еще рабочим или сорвать собрание, несмотря на все их старания, не удалось.

Собравшиеся поняли, где правда, и ответили партии правового порядка тем, что изгнали из зала собрания ее представителя пр. пов. Бобрищева-Пушкина с криками: „провокатор, вон!".

Вопрос об образовании союза решен собранием единогласно в утвердительном смысле. В ближайшем будущем состоятся собрания служащих и рабочих отдельных городских предприятий, на которых будет обсуждаться выработанный бюро проект союза.

В союзе инженеров.

19 ноября в Соляном Городке состоялось под председательством Л. И. Лутугина общее собрание союза инженеров. По предложению председателя, собрание единогласно постановило приветствовать московский почтово-телеграфный с'езд. Затем Лутугин сообщил, что число выброшенных фабрикантами и заводчиками на улицу рабочих достигает уже 16.140 человек, из которых на один Невский завод приходится 6.200. Собрание постановило оказать немедленную помощь нуждающимся рабочим. По вопросу об отношении к ген. Гроссу, продолжающему, несмотря на об'явленный ему бойкот, занимать свое место, собрание постановило потребовать от администрации завода немедленного его удаления. От городского головы инженера Н. Л. Резцова решено потребовать вторичного об'яснения и, если оно опять не будет дано, сделать заключение о его поведении по отношению к уволенным им инженерам по имеющимся у бюро союза материалам. В заключение собрание постановило оказать материальную помощь вновь организующимся рабочим клубам.

---

21 ноября состоялось василеостровское районное собрание союза инженеров и техников. Выслушав доклад г. Дымшица о необходимости реорганизовать союз из политического в профессиональный, собрание постановило признать необходимым скорейшее разрешение этого вопроса и предложить центральному бюро союза внести этот вопрос на рассмотрение ближайшего общего собрания союза.

Союз телефонных работников.

В Петербурге образовался „союз работников телефонного дела", поставивший в своей программе следующие цели:

1) Об'единение всех работающих в телефонном предприятии и защиту их интересов, как служебных, экономических, так и общечеловеческих.

2) Существенное улучшение быта служащих.

3) Учреждение ссудо-сберегательной кассы для выдачи мелких краткосрочных ссуд и безвозвратных пособий наиболее нуждающимся.

4) Учреждение товарищеского суда.

5) Улучшение телефонного предприятия в техническом, административном и правовом отношениях и реорганизация всего его строя на автономных началах, с предоставлением руководительства выборному совету от служащих и городского общественного управления.

6) Устранение недопустимой в таком обширном и живом деле централизации и канцелярской волокиты в интересах служащих, абонентов и всего населения.

В качестве испытательного органа союзом избран комитет из 5 лиц и 2 кандидатов и депутатов от каждого отдела службы, в пропорции одного на 50 человек.

Приветствуя своих товарищей телефонного дела, комитет союза приглашает их также об'единиться в местный союз и войти в сношение с Комитетом для общей работы во всей стране с лозунгом:

„Все за одного и один за всех".

Члены комитета работников телефонного дела
в гор. С.-Петербурге.

Союз лесоводов.

Второй всероссийский с'езд лесоводов и лесных техников созывается на 4—6 декабря. Товарищей, желающих сделать доклады, просят заявить организационному бюро с'езда 1, 2 и 3 декабря от 11 до 2 часов дня по адресу—Вольное Экономическое Общество, Забалканский, 33. Туда же обращаться за всеми справками и заявлениями по поводу предстоящего с'езда.

Предполагаемая программа с'езда: 1) история возникновения и развития союза лесоводов и лесных техников, 2) акт 17 октября 1905 г., 3) организация союза и его платформа, 4) средства осуществления целей союза, 5) организация помощи голодающим, 6) отношение союза к применению судом смертной казни, 7) текущие вопросы.

Бюро союза лесоводов и лесных техников.

— В воскресенье, 27 ноября, имеет быть учредительное собрание союза чертежников в зале училища Петра и Павла (Большая Конюшенная, 10), в 12 ч. дня. Приглашаются все чертежники и копировщики СПБурга. Программа дня следующая: 1) профсоюзы, 2) предложение выраб. устава, 3) об'явление об открытии союза, 4) об'явление о членах, вступивших в союз, 5) запись вступающих, 6) отношение к С. Р. Д., 7) отношение к тек. событиям С.-Д. Р. П.

Из жизни рабочих.

От Невской районной комиссии о безработных.

По постановлению комиссии о безработных, учрежденной Федеративным Советом Р. С.-Д. Р. П. совместно с Исполнительным Комитетом Совета Рабочих Депутатов, за Невской заставой образовано ее отделение—Невская районная комиссия о безработных, на собрании которой 24 ноября было постановлено:

1) Комиссия предлагает всем заводам и фабрикам Невского района выбрать по мастерским уполномоченных, по раздаче пособия. Все нуждающиеся должны обращаться за удостоверением степени нужды к уполномоченным, и только по пред'явлении этих удостоверений районная комиссия через особых заводских и мастерских кассиров будет выдавать вспомоществование.

2) Районная комиссия постановила: организовать на время безработицы бесплатную столовую для получения обедов, в которой районная комиссия будет выдавать особые чеки через заводских или мастерских кассиров.

3) Районная комиссия постановила, кроме устройства столовых, открыть текущий счет в лавочках, в которых, по мере надобности, рабочие могли бы получать различные товары по чекам, выдаваемым от комиссии заводскими или мастерскими кассирами.

Невская районная комиссия о безработных.

Охтенские казенные заводы.

Как ни патриархальны нравы в охтенских казенных заводах, однако, усиленные попытки военного начальства удержать рабочий пролетариат от участия в современном революционном движении потерпели полное фиаско.

Оба охтенских завода: пороховой и взрывчатых веществ, сходясь в основной цели, что необходимо во что бы то ни стало противодействовать проникновению сознания в среду рабочих, — однако, резко расходятся в своих средствах.

Начальник завода взрывчатых веществ генерал Л., получивший уже некоторую „популярность“, заслуживает внимания, чтобы на нем несколько остановиться.

Истинный сын старого режима и быстро понявший, что притеснение подчиненных и рабочих есть „отличие по службе“, он усердно взялся за дело, согнул всех и вся в бараний рог и, заслужив внимание высшего начальства, „не в пример прочим“ получил генерала.

Грубое и бесцеремонное обращение его с подчиненными и постоянная ругань и сыск против рабочих, а в последнее время даже площадная ругань, направленная по адресу многих из них, не могли не вызвать должного протеста среди чиновников военного ведомства, осужденных бывшим режимом на вечное рабство и не успевших еще подняться до важности настоящего момента и организоваться на почве своего угнетенного положения.

Не то мы замечаем среди рабочих завода, очевидно, опередивших свое начальство и „осмелившихся“ или, по крайней мере, попытавшихся сорганизоваться для дружного протеста против начальнического произвола.

Начальник Л. (19 октября), поверивший было по наивности в истинность манифеста 17 октября и разрешивший рабочим собраться для обсуждения своего положения, быстро переменил тактику, поговорив с инспектором пороховых заводов, приехавшим случайно на завод. После этого разговора Л. взял назад свое обещание и не только не разрешил собраться, но немедленно потребовал войско „на всякий случай“, которое и по днесь стоит и охраняет завод „от неприятелей“. Но этого ему показалось мало. Он вспомнил старину и, воспользовавшись полной анархией в высших сферах вообще, а в артиллерийском ведомстве в частности, поехал туда и очень легко добился „приказа“ уничтожить крамолу в корне и рассчитать всю механическую мастерскую.

Таким образом, с легкой руки генерала Л., в охтенском заводе взрывчатых веществ возникла 24 октября первая забастовка, тогда как общая забастовка в Петербурге в это время была прекращена. Первые дни работы шли наполовину, так как Л., призвав к себе по одиночке некоторых из мастеровых механической мастерской, под угрозой окончательного расчета и отдачи их в руки полиции, заставил их дежурить у котлов и машин. Но вскоре забастовка стала всеобщей, и завод стал совершенно до 4—6 ноября. Затем произошла обычная бюрократически-полицейская фильтрация, и в результате — 6 старых мастеровых (двое из них выборные) оказались за бортом, после 10—18-летней непрерывной работы. Характерно, что все рассчитаны за „ненадобностью“.

Несколько иначе стоит дело в соседнем пороховом заводе. Начальник этого завода генерал С., стремясь к той же общей цели — сохранить умственное целомудрие рабочих, применяет, однако, меры противоположные — à la Витте, всячески стараясь охранять и опекать рабочих и делая им частичные прибавки и улучшения, чтобы только предотвратить „la fatalité malheureuse“. Но „крамола“ чутка и не внемлет начальническим пожеланиям и приказам. Она делает свое.

Опека и тут лишний раз подтвердила свою негодность. Когда рабочие, желая собраться для обсуждения своих вопросов, стали ходить по мастерским, приглашая товарищей на собрание, начальство стало на ноги и поставило все преграды, начиная со строгого расследования и прокурорского допроса лиц, ходивших по мастерским, и кончая предупреждением в некоторых мастерских не ходить на собрания.

Но самое главное впереди. После первой сходки, примкнувшей к общему пролетарскому движению, по инициативе трех черносотенцев (вероятно, не собственной), возникла мысль покаяться перед богом за совершенные на общем собрании „грехи“, и пущена в ход подписка точь-в-точь такого содержания: „Братья, православные христиане! Мы все давали присягу перед богом на верность государю, помазаннику божию. Теперь же появились какие-то люди, которые, под видом оказания нам помощи и благодеяний, восстанавливают нас против помазанника божия, говоря, чтобы мы присоединились к их красному флагу. А что такое этот красный флаг — вы сами знаете... Такими их словами сердца многих из нас возмущены. Мы не желаем итти против помазанника божия, а желали бы сделать следующее:

„1) Зная, что без помощи свыше мы слабы и немощны, желаем отслужить молебен, будем просить помощи божией.

„2) Желаем повергнуть к стопам его императорского величества выражение верноподданнических чувств через графа Витте“.

Начальство, разумеется, с распростертыми об'ятиями пошло навстречу подобному начинанию и, вопреки обычаю и законам, разрешило ходить по мастерским и приглашать всех на молебствие за такое богоугодное дело. Молебствие наполовину состоялось. Осталось только принести через Витте верноподданнический адрес. Начальство опять приняло живое участие и, не спрося, конечно, никого, нашло, что „удобнее“ адрес принести не через Витте, а через великого князя — главного начальника артиллерии. Оно сфабриковало приличествующий случаю верноподданнический адрес и намеревалось через выборных из мастерских послать его великому князю. Но не тут-то было... Рабочие порохового завода, при всей своей отсталости, не могли не понять значения такого позорного адреса и почти in corpore отказались от участия в поднесении адреса: из более чем 13 мастерских выборных для этой цели послали только три мастерские, да и то под внушением своих начальников, остальные мастерские наотрез отказались.

Так началась „печальная история“ событий на этих заводах. Остается пожелать полного успеха и восстановления своего доброго имени рабочим, запятнавшим себя за последнее время из-за кучи хулиганов и получивших не вполне заслуженное название черносотенцев.

Московский район.

22 ноября администрация Спб. товарищества механического производства обуви, совместно с приставом 1 участка Нарвской части и помощником пристава, закрыла помещение, где собирались рабочие, имея целью разрознить сплоченные ряды рабочих, организованных в союз сапожного цеха. Вышеупомянутые „власти“ мотивировали закрытие помещения тем, что на собраниях рабочими читались такие газеты, как „Новая Жизнь“ и „Русская Газета“, и как раз власти уследили в руках рабочих тот № газеты, где была напечатана заметка о „союзе против рабочих“.

Владелец фабрики, не желая упустить момента, об'явил, что он откроет фабрику, но с условием, что пригласит рабочих по своему выбору. Рабочие, получившие приглашение работать, вернули пригласительные листки, отказавшись от приглашения.

Однако, благодаря тому, что организация на фабрике еще недавно, а также и невозможности столковаться за отсутствием помещения, часть рабочих 24-го встала на работу. 25 числа некоторые мастерские, собравшись в помещении фабрики, вынесли резолюцию: 1) не работать до тех пор, пока все товарищи возвращены не будут (выброшено 400 человек), 2) пока администрация не признает депутатов, уполномоченных для переговоров с нею. Пред'явив свои требования, рабочие бросили вновь работу.

Завод пневматических машин.

Рабочие завода в числе 70 человек на общем собрании единогласно решили пред'явить к администрации следующие требования:

„Мы, нижеподписавшиеся рабочие завода товарищества пневматических машин, пришли к единогласному решению выставить нижеследующие требования:

1) С 1 декабря перевести всех рабочих на поденное жалованье с содержанием старого оклада.

2) Рабочее время распределить следующим порядком: от 7 часов утра до 12 часов и с 1 часу 30 мин. до 6 часов и в субботу от 7 ч. до 2 час., считая субботу за полный день.

3) Отмена штрафов за курение.

4) Вежливое обращение с рабочими со стороны администрации завода.

5) Администрация завода может рассчитать рабочего только с соглашения всех рабочих или указать причину отказа.

6) Не принуждать рабочих, а также учеников после свистка чистить машины, убирать мастерскую и т. п.

7) При переводе ученика с одной работы на другую работу не сбавлять его прежней заработной платы.

8) Выдавать жалованье рабочим во время работы.

9) Бесплатное пользование лекарствами во время болезни.

10) За опоздание до 5 минут не штрафовать.

11) За забастовку никто не должен быть рассчитан.

12) Уплатить за 7 ноября за полдня (от 1 ч. 30 мин. до 7 час.).

В случае, если не удовлетворите наше требование, то мы решили прекратить работу“.

Следует 70 подписей.

Вследствие этого 24 ноября на заводе было вывешено от администрации следующее об'явление:

„В виду того, что рабочие, несмотря на наше об'явление от 7 сего ноября, нарушили вчера правила внутреннего распорядка тем, что самовольно прекратили работы, причинив тем заводу убытки, настоящим заявляется всем рабочим расчет на основании п. 4 ст. 104 устава о промышленности.

„Рабочие приглашаются немедленно представить свои расчетные книжки в контору для вписания расчета“.

Письма в редакцию.

М. г., г. редактор!

Не откажите поместить в Вашей уважаемой газете следующее заявление.

Мы, нижеподписавшиеся, узнав о возмутительном факте провокаторской деятельности „приват-доцента“ Спб. университета Б. В. Никольского и видя в его обращении к солдатам Семеновского полка с благодарностью за „самоотверженные“ действия 18 октября — день, когда был тяжело ранен приват-доцент Тарле, этим же полком был убит студент и расстреляна безоружная толпа — не только поступок, недостойный звания приват-доцента, но и деяние, уголовно наказуемое (возбуждение одной части населения против другой), выражаем ему свое глубокое презрение.

Вместе с тем, выражаем полную нашу уверенность, что совет университета не замедлит освободить академическую среду от дальнейшего пребывания в ней г. Никольского.

Прив.-доц. П. Лященко, пр.-д. А. Рихтер, пр.-д. В. Комаров, пр.-д. Н. Н. Каракаш, Т. Фризендорф, А. Добиаш, К. Баумгардт, К. Дерюгин, Н. Соковнин, Ж. Ионич, Д. Рождественский, С. Яковлев, В. Бенешевич, пр.-доц. В. Сперанский, Г. Клюсс, А. Мулюкин, В. Святловский.

М. г., г-н редактор!

В № 15 „Новой Жизни“ помещена статья „Умрите во-время!“ за подписью А. Тихонов. Так как в первые годы моей литературной деятельности мне случалось подписывать свои статьи не только псевдонимом моим, А. Луговой, но и моей настоящей фамилией, А. Тихонов, то и теперь некоторые из моих читателей ошибочно предположили, что упомянутая статья в „Новой Жизни“ принадлежит мне. Во избежание подобных недоразумений, не откажите поместить мое заявление: все, что мне приходится печатать, я уже много лет подписываю исключительно моим литературным именем.

А. Луговой.

Открытое письмо

всем уволенным товарищам из ср.-уч. зав.

(В частности 15-ти витебским семинаристам и 7 — 8 классам гимн. пр. Ольденбургского).

Организационное бюро петербургских семинаристов от лица товарищей шлет сердечный привет всем исключенным из ср.-уч. зав. Наши симпатии, наше сочувствие на стороне свободолюбивой молодежи. Вы — истинные дети освобождающегося народа, достойные граждане молодой России. Товарищи, мужайтесь! Не теряйте смелости в предстоящей борьбе. Будущее за нами. Грядущая революция могучими руками схватила гидру абсолютизма со всеми его порождениями и покончит с ним навсегда. Революционный народ сотрет с лица родной земли все формы гнета и насилия... Близок день свободы; заря — предвестница великих дней — уже занялась...

P. S. Произвольному и бессмысленно-жестокому правлению Витебской семинарии и администрации гимназии Ольденбургской бюро выражает свое презрение и негодование. Оно протестует против массового исключения, против бесчеловечного распоряжения судьбами молодежи.

Орг. бюро Петерб. семинаристов.

Г. редактор!

В № 255 „Петербургской Газеты“ сказано, что на московском с'езде крестьян делегат от Ярославской губ., Рыбинского уезда, высказался, что аграрный вопрос не является краеугольным камнем потому только, что местные жители живут отхожим промыслом.

Я не сомневаюсь в том, что рыбинский делегат не был выразителем нужд целой губернии, не сомневаюсь и в том, что он вовсе не был выбран крестьянами, как представитель, уверен, что делегат был послан власть имущими сказать на московском с'езде, что вот как у нас: ни аграрного вопроса, ничего прочего — нипочем, все обстоит благополучно, ждут выполнения дарованных манифестом благ.

Но, между прочим, малоземелье, налоги, дорогая арендная плата помещичьей земли гонят нас на отхожие промыслы, и от аграрных брожений не застрахована Ярославская губерния. Манифест 3 ноября нам не дал земли, а нам нужна земля и

земля. Оценочная цена Крестьянского банка у нас 40 р. дес., а купить у помещика — нужно платить 200 р. за дес.: где взять для доплаты 160 р. На Государственную Думу надежды мало: каких может дать выборщиков 4 раза профильтрованное крестьянство.

Крестьянин Яросл. губ., Мышкин. уезда, Новоникольской волости

Федор Алексеев.

---

20 ноября состоялось заседание временного организационного бюро союза страховых и транспортных обществ. Собрание постановило отчет о своем заседании поместить только в следующих газетах: „Русская Газета", „Начало", „Новая Жизнь", „Сын Отечества", „Наша Жизнь", „Русь" и „Биржевые Ведомости". 22 ноября вечером отчет, составленный нами по поручению собрания, был передан только в след. редакции: „Начала", „Новой Жизни", „Нашей Жизни" и „Руси". Тем не менее, указанный отчет 23 ноября появился в „Новом Времени". Каким образом мог попасть экземпляр нашего отчета в „Новое Время" помимо воли собрания — для нас остается загадкой.

Помимо того, отчет появился в искаженном виде, хотя ясно, что редакция при составлении отчета пользовалась нашим подлинником. Существенно изменены след. места, а именно: бывшие на собрании лица названы уполномоченными от разных страховых обществ, тогда как в действительности уполномоченными явились только представители К° „Надежда", а от остальных обществ были приглашены отдельные лица, разделяющие убеждение в необходимости организовать такой союз, т. е. невыбранные и случайные представители. Кроме того, неверно указано „Новым Временем", что почти во всех страховых обществах существует 9-часовой рабочий день без перерыва и с вечерними обязательными занятиями gratis. В действительности на заседании было констатировано, что эти условия работы являются не общим правилом, а исключением.

По поручению временного организационного бюро союза страховых и транспортных обществ:

25 ноября 1905 года.

В. А. Федоров.
М. Л. Тагеев.

Мне тоже в среду вечером или, вернее, в 6 часов, были доставлены два письма из-за границы и на мой удивленный вопрос, каким образом — кто принес, получила ответ, что городовой принес. Хотя мне было и приятно получить — письма были от сына — но невольное чувство неловкости, обиды и протеста шевелились в моей душе, но я не знала, что сделать. Теперь же охотно присоединяюсь к протесту, выраженному в „Новой Жизни", и требую неприкосновенности моей корреспонденции и рассылки ее только через почтальонов, искренно уважая и сочувствуя бастующим работникам, желающим единением и самопожертвованием добиться улучшения как личной жизни, так и политической. Вдова статского советника

София Григорьевна Доливо-Добровольская.

Симбирская 17, 7.
25 ноября.

Театр и музыка.

26 ноября в Новом театре Яворской состоится спектакль с „специально благотворительной целью". Идут: „Бюрократическим путем", политический шарж О. Дымова (в первый раз), „Зеленый попугай" и „M-elle Фифи".

Финляндия.

Гельсингфорс.

(Корр. „Новой Жизни".)

Переживаемое нами революционное время представляет подавляющее обилие материала для обозревателя — „наблюдателя" — общественной жизни в Финляндии.

Почтово-телеграфная забастовка отразилась и здесь: 30 ноября (нов. ст.) началась телеграфная забастовка в Выборге, а 1 декабря по всей Финляндии.

Финляндские телеграфные станции, на которых служат 283 чиновника и 100 низших служителей, составляют финляндское отделение российского телеграфного ведомства. Финляндские телеграфные служащие, среди которых много женщин, бастуют исключительно из чувства солидарности со своими русскими товарищами. Ими была принята следующая резолюция: „1) Выражая решительный протест против попытки путем насилия отменить самим государем дарованную всем без исключения свободу союзов, мы заявляем о своей полнейшей солидарности с союзом русских почтово-телеграфных служащих и поддерживаем все его требования; потому мы обязуемся продолжать забастовку вплоть до получения достоверного известия о прекращении ее центральным бюро в Москве.

„2) Мы все обязуемся немедленно снова прекратить работу, если кто-нибудь из нас из-за забастовки будет подвергнут каким-либо репрессиям".

1 декабря (нов. ст.) состоялось назначение нового финляндского сената, т. е. местного финляндского правительства. Наконец-то утвержден представленный конституционной партией еще во время революционной забастовки список новых сенаторов, вместо вышедших по требованию восставшего народа в отставку раболепных исполнителей беззаконных „предначертаний" российской бюрократии. Во главе нового сената стоит бывший сенатор Лео Мехелин, выдающийся финляндский политический деятель, которого постоянно травила русская реакционная печать („Новое Время", „Московские Ведомости", а при Бобрикове и его жандармский лейборган „Финляндская Газета") за учение о финляндском государстве и финляндской конституции. В 1890 г. ему пришлось оставить сенаторский пост, в 1903 г. Бобриков выслал его из Финляндии, он был лишен пожизненной пенсии. Когда в 1900 г. одна из наших либеральных газет хотела поместить портрет г. Мехелина, то цензура не разрешила этого. Времена меняются. Теперь этому „опасному революционеру" — в сущности же человеку с самыми умеренными взглядами — было поручено составить новое правительство. 5 новых сенаторов было выслано покойным сатрапом из Финляндии, при чем один из них, ректор Гельсингфорского университета, проф. Вреде, был подвергнут Плеве даже ссылке в Россию. Кроме того, по крайней мере, столько же членов нынешнего сената было лишено своих должностей. Новые сенаторы принадлежат к конституционной, т. е. шведской и младо-фенноманской партиям; один из них — народный учитель Кари, очень видный и энергичный член социал-демократической партии, бывший секретарь ее правления, а по убеждениям последователь Бернштейна.

Интересно, допустит ли партия его дальнейшее пребывание в ее рядах. Еще до его назначения мнения финляндских социал-демократов расходились по этому вопросу. Шведская рабочая газета „Arbetaren“ вполне одобряет вступление Кари в буржуазное правительство. На таммерфорском с‘езде председатель, перед закрытием последнего заседания, выразил от имени партии благодарность за интенсивную и плодотворную деятельность Кари, которому вскоре, может быть, предстоит оставить партийную службу. Так или иначе, самый факт назначения на такую должность одного из вождей социал-демократической партии свидетельствует о признании финляндской буржуазией и русским правительством большого значения партии.

Впрочем, необходимо заметить, что эта партия в Финляндии существовала все время легально, ее газеты до революции были, подобно буржуазным, подвергнуты предварительной цензуре, она не издавала нелегальных прокламаций и т. п.; словом, ее положение до самого последнего времени не соответствовало положению и роли нашей партии. В Финляндии русское правительство всегда отличалось значительно большей терпимостью по отношению к пролетариату, чем у нас.

Возвращаясь к новому сенату, мы должны указать, что в Петербурге было сделано одно крупное изменение: вычеркнут из списка г. Свинхувуд, выдающийся адвокат. Он был признан слишком „радикальным“ должно быть за блестящую речь, которую он произнес весной в защиту г. Хохенталя, убившего прокурора сената Ионсона.

Наконец-то вышел в отставку и министр статс-секретарь Линдер, креатура Бобрикова. Он получил целый ряд настойчивых телеграмм от конституционной партии. Требование финляндской партии активного сопротивления было последним: на следующий день г. Линдер покинул свой пост.

Наблюдатель.

Областной отдел.

Нижний-Новгород.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Еще одна новая победа пролетариата, еще новый факт бессилия правительства перед мощной силой общественного движения. Злосчастная камарилья пытается встать на прежний „испытанный“ путь, но то там, то здесь почва выскальзывает из-под ее ног, и она торопливо отступает, прикрываясь от стыда и злобы вуалью нелепых предлогов.

Недавно газеты облетело возмутившее всех известие о назначении одесского главы черносотенцев — Нейдгардта — нижегородским губернатором. Правительство уверяло, что приказ о назначении уже подписан и отменен быть не может. Но жизнь, та новая жизнь, которой лихорадочно живет теперь Россия, сказала свое решительное слово: „Нейдгардта не будет!“.

Лишь только было получено известие о назначении одесского громилы нижегородским губернатором, как начались многочисленные митинги протеста, которые беспрерывно длились неделю. Как это ни странно, но первый протестующий голос раздался из деревни. Вот приговор козихинского волостного схода, Балахн. у., постановленный еще 1 ноября, когда ходили только слухи о Нейдгардте: „Наслышаны мы, что в нашу Нижегородскую губ. назначается губернатором одесский градоначальник Нейдгардт, а так как при службе его в Одессе были допущены в городе беспорядки, сопровождавшиеся кровавыми событиями, почему и постановили: губернатором в нашу губернию Нейдгардта мы не желаем“.

Я не буду распространяться о протестах местного „общества“, городской думы (даже чиновники выразили протест и решили бойкотировать нового губернатора), — все они имели значение резолюций и угрозы не заключали. Активной, грозной для правительства силой выступил и в данном случае пролетариат. Он категорически заявил, что, если „мясник Нейдгардт“ появится в нижегородских палестинах, политическая общая забастовка будет неизбежна. Сормовские рабочие на митинге 18 ноября решили „за назначение губернатором человека, которому «вся Россия указывает один путь — путь в каторгу», выразить негодование правительству, бросившему этим назначением вызов всей России, наносящему этим назначением России пощечину“. „Такого оскорбления, — говорится в заключении резолюции, — Россия не может, не должна переносить, и мы, сормовские рабочие, приглашаем всех граждан достойным образом ответить на циничный вызов правительства. Долой мясника Нейдгарадта, обагренного человеческой кровью!“.

„Да будет известно явному и тайному правительствам, — говорится в другой резолюции, — что мы, рабочие Курбатовского завода, вместе с рабочими всего города, в дружном единении с соц.-дем. организацией, не допустим, чтобы убийца одесский был убийцей нижегородским. Нейдгардт не будет губернатором в Нижнем, как не будет нигде губернатором. Мы и вся Россия примем к этому свои меры. Долой Нейдгардта! Под суд его!“.

Собрание общества приказчиков, помимо протеста по поводу Нейдгардта, постановило „во избежание назначения губернатором вообще агента правительства, потерявшего ныне всякий авторитет, принять меры к тому, чтобы эта должность была замещена не иначе, как по выбору всего населения губернии путем всеобщего, прямого равного и тайного голосования“.

Температура общественного негодования была настолько велика, что общая политическая забастовка становилась неизбежной.

И она имела бы тем больший успех, что все общество было бы на стороне протестантов. Правительство убоялось, и в результате — опубликованное на-днях известие о том, что Нейдгардт нижегородским губернатором не будет.

Киев.

(Корр. „Новой Жизни“.)

В последнее время в различных частях местного гарнизона началось сильное брожение, главным образом, под влиянием последних вестей из Кронштадта, Владивостока, Гродно, Севастополя и др. Вместе с тем усилились и репрессии начальства, которое арестовывало в казармах целые роты. Местная Военная Организация Р. С.-Д. Р. П., кроме обычной агитации, стала усиленно распространять и специальные листки. Наконец положение обострилось до того, что взрыв стал неизбежен, и хотя Военная Организация стремилась было по некоторым соображениям удержать его на время, но провокаторское поведение офицеров могло вызвать стихийный бунт, и потому решено было перейти к действиям. Последней каплей явилось надругательство начальства над солдатами одной из саперных рот. Видя сильное брожение в ротах, командир предложил выбрать депутатов и прислать к нему для об‘яснений. Когда депутаты явились, на них были направлены револьверные дула самим командиром и бывшими здесь офицерами и депутатам приказали встать на колени и целовать пол... Этому приему офицеры обучались, очевидно, во время погромов от своих сотоварищей — хулиганов.

По поводу этой гнусной выходки Военная Организация выпустила листок, в котором, указывая на назначение военно-полевого суда по законам военного времени над арестованными участниками движения, говорит:

„Вдоволь натешившись над ними, арестованными, безоружными, вырвав их из нашей среды, «начальство» велит расстрелять их...

„Солдаты! Братья! Неужели совершится это зверское преступление? Неужели они — наши товарищи — герои, вставшие за наше общесолдатское дело, падут под нашими же пулями?

„Солдаты - товарищи, не быть по сему! Пусть вырванные от нас наши братья-герои, пусть толстые стены крепости и дикая свора начальства отделили их от нас, но они не одиноки, они не одни! Духом мы с ними!..

„И мы не можем, мы не должны допустить, чтобы совершилось зверское преступление. Мы не дадим расстрелять наших братьев-солдат.

„«Все за одного и один за всех», — так говорили вы сами, сознав всю тяжесть своей каторжной жизни...

„Настало время делом подкрепить слова.

„Мы все должны заявить протест, мы все должны об'единиться, требуя отмены военно-полевого суда, требуя амнистии нашим товарищам - солдатам. Мы не будем нести никакой службы, мы не будем исполнять никаких приказаний начальства, пока военно-полевой суд не будет отменен, пока мы не увидим освобожденными наших товарищей.

„Мы обратимся к рабочим, мы обратимся к обществу, и они всеобщей забастовкой поддержат наше требование: амнистии нашим товарищам.

„Так поступили петербургские рабочие, вырвавшие из когтей правительства наших кронштадтских товарищей матросов. Итак, еще раз вспомнив: «все за одного и один за всех», мы, солдаты, об'являем забастовку до удовлетворения нашего требования. И да будет девизом нашим на эти дни: «отмена военного положения, отмена военно-полевого суда, амнистия нашим товарищам!»“.

Далее следуют некоторые критические указания...

18-го утром саперные роты, расположенные в крепости, восстали. Среди них были распространены призывные листки военных организаций. К восставшим саперам присоединились телеграфная и понтонная роты. Предполагалось сначала пойти в арсенал, соединиться там с рабочими, устроить общий митинг и разослать депутатов по войскам и фабрикам с предложением присоединиться, но потом решено было самим пойти по городу и „снимать“ войска из казарм. По настроению войск были уверены, что стрелять не станут; даже казаки накануне присылали депутацию с заявлением, что они не станут стрелять, если против них войска не станут действовать. Товарищу из Военной Организации, переодетому в солдатскую одежду и руководившему движением, пришлось убеждать солдат взять с собой „на всякий случай“ сумки с патронами и зарядить винтовки. Соединившись вместе, солдаты, с музыкантами впереди, под звуки марсельезы, направились к Киеву; по дороге остановились у казарм Курского полка, часть которого со своим оркестром присоединилась к ним. Характерно, что, когда один из оркестров по команде унтера заиграл было „народный гимн“, солдаты заставили прекратить игру и прогнали унтера. Далее направились в Демиевку (пригород Киева), чтобы соединиться с конно-горным артиллерийским дивизионом, который должен был захватить с собой и орудия. Однако, начальство, пронюхавши о положении дел, еще ночью обезоружило артиллеристов, сняло замки с орудий и, разбивши солдат на отдельные группы, заперло их. Здесь присоединилась к движению еще одна саперная рота. Вся эта полуторатысячная масса солдат направилась в город. Через несколько времени им преградили дорогу три сотни казаков. Командир саперной бригады обратился было к солдатам с речью. На его „здорово ребята“ часть солдат было гаркнула „здравия желаем, вашество“, но выступили наши агитаторы, и командир должен был поспешно ретироваться; раздвинулись и казаки, и восстанцы двинулись дальше. На Жилянской улице подошли к казармам 33-й артиллерийской бригады, которую и хотели снять. Но здесь артиллеристы были тоже заперты, хотя часть все-таки присоединилась. Двинулись дальше к еврейскому базару, около которого расположены казармы нескольких пехотных полков. Около базара войска были окружены казаками. Генерал Драке, командовавший „охраной“ во время погрома, обратился к солдатам с речью, а казаки тем временем стали теснее замыкать свое кольцо. Но раздалась команда, заиграла музыка, и отряды восставших двинулись вперед. Казаки опять отступили. В это время к солдатам присоединилась масса рабочих только-что забастовавшего Южно-Русского завода, находящегося тут же, на пути движения солдат. Было уже 2 часа дня. Войска вместе с громадной толпой народа двинулись на Бибиковский бульвар, к казармам Азовского (недавно переведенного сюда из провинции) полка.

Навстречу им вышла учебная команда азовцев. Ее стали приветствовать. Вдруг послышалась команда. Передние ряды азовцев стали на одно колено. Раздался прицельный залп, за ним другой, третий, четвертый... На площади творилось что-то ужасное! Толпа шарахнулась назад, смяла восстанческие войска, так что они только через несколько времени могли частью сравняться и, отступая, отстреливаться. Но, не имея сил удержаться, и они должны были рассеяться. Все происшедшее производило ошеломляющее впечатление. Особенно после двух отступлений казаков ничего подобного никто не ожидал. Тут сказалась провокаторская тактика местной сатрапии: не хотели расстреливать солдат в самом начале, пока они были одни, и ждали, когда к ним присоединятся рабочие и публика; последние больше всего и пострадали, так как стреляли, главным образом, по тротуарам. Убитых насчитывают до 30, раненых до 100 чел. Но, несмотря на этот отпор, дух восставших войск вовсе не упал, даже наоборот. И это не фраза. Это знает и администрация, об'явившая Киев на военном положении.

Для характеристики настроения приведу первую же за расстрелом сцену. На улице по тротуарам валяются трупы, „Скорая помощь“ убирает раненых. По сторонам в строю стоят солдаты Миргородского полка, призванного для усмирения. Около них собралась толпа рассеянных повстанцев - солдат. Ведутся агитационные разговоры, передаются листки с требованием не слушать офицеров, ведущих солдат против народа. Один из офицеров пытается действовать путем убеждений; он берет листок и начинает разбирать: „Смотрите, братцы, — говорит он, обращаясь к солдатам, — здесь в самом начале написано «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия»— ну, скажите, братцы, какое дело солдатам до Рабочей Партии, что нам рабочие“. В ответ из солдатских рядов раздается: „Рабочие — наши братья, мы сами рабочие. А ты не братец, а враг наш“. „Верно, верно“,—подхватывают по рядам. Миргородцев уводят в казармы.

Кирсановский уезд (Тамб. губ.).

Сообщают, что в уезде появился новый Пугачев, как называет народ предводителя восставших крестьян. Во главе 3-тысячной толпы он обходит селения и помещичьи усадьбы, сжигает имения, хлеб раздает крестьянам, отбирает землю; в Салтыковой он уже был и разгромил имение Соловьева, был в Инжавитье и в других местах.

Против „Пугачева“ были высланы из Тамбова казаки и солдаты, но и они, как говорят, перешли на его сторону.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 НОЯБРЯ
(10 декабря) 1905 г.

№ 23

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

Новая Жизнь

Российская
Социал-Демократическая
Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

26 ноября, в 12 час. дня, помещение Совета Рабочих Депутатов было окружено войсками, и в 5 час. арестован председатель Совета, товарищ Хрусталев-Носарь.

С.-Петербург.

27 ноября 1905 г.

Социальная революция.

Революционный энтузиазм—прекрасная вещь, и способствовать его росту—прямая обязанность всякого революционера. Однако — даже такое священное чувство имеет свои дурные стороны, потому что ничего абсолютного нет на свете. Социал-демократия встречает в революционном энтузиазме не только могучего союзника, но иногда и препятствие к проведению в массы строгой, не всегда льстящей желаниям нашего сердца истины.

Чистым представителям революционного энтузиазма или революционной фразы выпадает на долю легкое дело. Приятно бросать в разгоряченную толпу непосредственно или через газету огненные призывы и все обещать, обещать, не обинуясь: „Будет вам и свобода, будет и равенство и братство и всеобщее счастье, все вам союзники, весь трудящийся люд встанет заодно и приведет к торжеству социализма и в деревнях и городах“. Приятно говорить так, дав волю безбрежному энтузиазму, приятно и слушать, чувствуя себя окруженным золотым туманом надежд и предвкушений. Но нет ничего вреднее хотя бы и самого благородного, но некритического пафоса. Птицы сирены, которые, когда поют, сами себя забывают, могут оказаться помимо своего желания отвратителями бодрости революционной мысли.

Соц.-дем.—прежде всего представитель революционной мысли. Для нее грядущее зависит не от преходящих настроений толпы, какой бы серебряной пеной, какими бы кипящими брызгами ни играло оно, а от столкновения общественных сил, удельный вес которых определяется прежде всего и главнее всего степенью экономического развития страны и вообще цивилизованного мира. Часто соц.-дем. приходится играть роль каркающего ворона. Приятно ли разным „с боку припекам“, временно увлеченным могучим потоком пролетарского движения, и разным демократам „тоже - социалистам“ слышать, как против них предостерегают рабочий класс, как их газеты порочат как возможных, вероятных изменников? Приятно ли рабочему, еще чувствующему себя наполовину собственником и крестьянином (а таких много), слышать резкую характеристику крестьян как прекрасных союзников в деле борьбы за демократический строй, но несомненных недругов (в значительной своей части) истинному социализму?

Одним хотелось бы заразить пролетария своей суб‘ективностью, впрочем искренней и восторженной любовью к свободе; им хотелось бы, чтобы пролетарий поверил в ее самоуверенность, в то, что она наивысшее благо на земле, в то, что все, стремящиеся к полной свободе,—естественно братья. Но является соц.-дем., и краски царства тускнеют, а свобода, политическая свобода уже не кажется рабочему вратами рая, а только необходимым оружием для дальнейшей борьбы. Свобода оказывается лишь первой станцией, за которой тянется еще тернистая дорога, предстоит упорная и страшная борьба.

Другие восторженно уверяют, что, раз завоевав свободу, социализм завоевать уже будет легко, так как „весь трудящийся люд“ несомненно проникнется его идеалами. Но это грандиозное и могучее целое, этот стомиллионный русский трудящийся люд, при прикосновении соц.-демократической критики, распадается на свои элементы, и перед лицом своей огромной и святой задачи пролетарий видит себя одиноким: дело твоего освобождения, дело освобождения всего мира может быть лишь делом твоих пролетарских рук.

Не на почве этого скептицизма, этого критически-холодного анализа соц.-демократия строит свой тем более могучий призыв: пролетарии, организуйтесь! В единении ваша сила, в единении именно пролетариев между собою! А в классовом одиночестве, выясненном рабочему соц.-демократией, она утешает его, показывая ему многочисленную семью его братьев пролетариев других национальностей.

Когда революции еще не было налицо, когда соц.-демократия лишь самоотверженно подготовляла ее и горячо ожидала, она твердила: сначала, как предтеча настоящей, социальной революции, придет в России политическое освобождение страны, которое выдвинет на первое место буржуазию; в этом перевороте роль главной революционной силы сыграет пролетариат, но он ограничится завоеванием свободы и в промежуток, отде-

ляющий торжество свободного капитала от его гибели, займется постепенно со всей энергией делом организации своих сил.

Крикливые анархисты вопили о том, что социал-демократия, таким образом, сознательно отдает пролетариат на службу буржуазии. Прекраснодушные „эс-эры“, пожимая плечами, негодовали на недоверие к крестьянскому богатырю, который произвольно, единым взмахом осуществит царствие божие на земле. Но социал-демократия держалась своей научной точки зрения. Она строжайше различала оба момента. Она учила, что было бы страшным грехом допустить в рабочих массах веру в то, что армия политического освобождения, состоящая не только из пролетариата, но также из мелкой и средней буржуазии, захочет и сможет осуществить идеалы, присущие лишь рабочему классу. Идеализировать буржуазную революцию значит способствовать распущению пролетариата во всенародной армии политического освобождения. Нет, пролетарии, по учению социал-демократии, должны были памятовать, что они, будучи одним из батальонов этой армии, являются единственной армией социализма, и что, завоевав свободу, они должны будут продолжать работать над усилением этой части пролетарской армии

Социал-демократия считала не меньшим грехом допустить в рабочих равнодушие к политической буржуазной революции, она боролась с ядом анархизма, в каком бы виде ни вливался он в уши рабочих, потому что свобода есть необходимая для дальнейшей борьбы предпосылка, а не борясь за нее, пролетариат никогда не добился бы сколько-нибудь широкой свободы.

Но революция разразилась. Гадаемое будущее стало реальной действительностью. На мгновенье некоторые социал-демократы, главным образом давно оторванные от России эмигранты, не оценивали сразу всего ее размаха: они слишком просто и теоретично приложили прежнее принципиально совершенно верное положение к действительности. Буржуазия идет к власти и достигнет ее; пока она идет к ней, пролетариат должен поддерживать и подталкивать ее; когда она займет власть—пролетариат поведет против нее правильную осаду, как партия крайней оппозиции.

Но на деле выяснилось, что буржуазия боится сколько-нибудь широкой демократической свободы, что она с первых шагов трусит, изменяет, колеблется, лицемерит, что она еще менее способна на настоящую, жестокую, беспощадную борьбу с беспощадно жестокой реакцией, чем Ламартины и Кампгаузены, что свобода может быть завоевана и гарантирована только низами демократии, встряхнуть, поднять, организовать которые способен лишь пролетариат. Не будучи еще социальной, русская революция сразу почти стала по преимуществу пролетарской. Первый этап—свободу—русскому народу придется завоевать под командой сознательного пролетариата.

Эту необходимость для сознательного пролетариата взять в свои руки фактическое руководство революцией, фактическую революционную власть сначала не все поняли. Но, присмотревшись к жизни, и менее решительные стали быстро приближаться к вышеизложенной точке зрения.

Но что же теперь? Если пролетариат, сорганизовавшись в процессе революции, добьется власти—выпустит ли он ее из рук? Не будет ли последний решительный удар против политического гнета первым ударом против капитала? Не приступит ли победоносный пролетариат немедленно к ряду реформ, выходящих за рамки революционной борьбы с реакцией и осуществления программы - минимум? Не пойдет ли вперед пролетариат, ни минуты не передохнув на станции „Свобода“, прямо к станции „Социализм“?

Невозможного тут ничего нет. И сперва в „Искре“, теперь в „Начале“ на этот вопрос был дан некоторыми товарищами довольно категорический утвердительный ответ.

И вот поднялся переполох! Обрадовались прежде всего путанники из партии соц.-рев. Им показалось, что некоторые наши товарищи чуть-чуть что не становятся на их точку зрения, они усмотрели было изменение позиции русской с.-д. партии по коренному вопросу и роковое разногласие в среде социал-демократов. Весь этот шум—пустая болтовня. Смысл строгого разграничения общенародной буржуазной революции и пролетарской социальной—остается в силе; дело идет лишь о возможном ускорении темпа событий, а, как известно, определение темпа—это сказал еще Каутский—зависит в сильной мере от темперамента. Одним пресловутый „промежуток“ кажется очень значительным, в глазах других он сокращается до минимума. Одни думают, что социальная революция в Европе, непременное условие единовременной социальной революции в России, будет чрезвычайно сложным длительным процессом,—другие, повидимому, представляют себе его как бурный катаклизм. О серьезном разногласии может кричать только русская буржуазная демократия, которая по примеру своих западных сестер и во сне видит разногласие социал-демократов. Идея возможности быстрого наступления социальной революции напугала демократов до ужаса. Они стали пресерьезно представлять нам векселя, якобы гарантирующие им продолжительный Galgenfrist (висельный срок). „Разве Маркс не писал, что сначала буржуазия должна добиться полноты власти, а уж потом придет ей капут, а вы не хотите нам дать хоть перед смертью полнотой власти натешиться“ — плачутся демократы из „Нашей Жизни“. Соц.-демократы не гарантируют ни власти, ни спокойствия за буржуазией, они всегда готовы итти так далеко, как будет возможно, и с такой быстротой, какая будет мыслима. Однако ни уменьшать в глазах рабочих трудностей предстоящей борьбы, ни выдавать временных союзников за их братьев по оружию соц.-демократия никогда не станет. Успокаивая свой страх, буржуазные публицисты отрицают решительно возможность социальной революции в России, в виду недостаточной капиталистической зрелости страны, слабой концентрированности капиталов. Но никто и не мечтает о немедленной организации всего производства на чисто социалистических началах. Дело может итти лишь о том, чтобы „обезглавить“ капитализм, обобществив те отрасли производства, которые уже более или менее созрели для этого.

Таким образом создан будет громадный экономический центр, который будет могуче регулировать экономическую жизнь страны, способствуя тому, что отдельные еще не социализированные элементы производства станут

быстро подыматься по культурной лестнице к полному и законченному социалистическому строю, шагая разом через несколько ступеней.

Само собою разумеется, что необходимой предпосылкой для таких успехов пролетарской революции является сплоченность, организованность и сознательность всего русского пролетариата. Но и этого мало: социальная революция в России возможна лишь в связи с европейской социальной революцией. Многое однако заставляет думать, что она может притти скорее и неожиданнее, чем предполагают. Во всяком случае ни один соц.-дем. не станет давать зарока на какой бы то ни было срок. Буржуазная политическая и пролетарская социальная революции могут оказаться совпадающими по времени, я разумею последние звенья первой и первые второй; не в том выразится истинное, требуемое соц.-дем. строгое различение буржуазной и социальной революций, что рабочие, закончив первую, назначат себе приличный стаж перед второю, а в чистоте социал-демократической организации пролетариата, в ее безусловной независимости. Различие между обеими революциями не во времени, а в той роли, которую будут играть в той и другой различные классы. Пусть социальная революция тесно примыкает к политической—все же огромное большинство теперешних союзников рабочего класса станет его противниками.

А. Луначарский.

Русская печать.

*** Я не советовал бы „Руси“ верить „экспертам“ на социал-демократию из „Нашей Жизни“. Доверившись опытности этих господ, считающих себя как бы нашими соседями, „Русь“ печатает в № 31 следующее:

В статье г. Троцкого доказывается, что „непрерывная революция становится для пролетариата законом классового самосохранения“. Это — теория меньшевиков, противополагаемая „большевикам“, стоящим за эволюцию.

Это развязное сообщение, разумеется, совершенный вздор. Тов. Троцкий говорил, что пролетарская революция может, не останавливаясь на первом этапе, продолжить свой путь, тесня эксплоататоров, а Ленин указывал на то, что политическая революция есть лишь первый шаг. Публицисту из „Нашей Жизни“ захотелось увидеть тут противоречие; но он же говорит, что, сделав первый шаг, мы остановимся, или хотя бы приостановимся; и он же говорит, что, в виду предстоящего нам непрерывного марша, мы вовсе не должны делать первого шага. Все недоразумение возникло, во-первых, от ужаса „Нашей Жизни“ перед самым именем социальной революции, во-вторых, от ее желания отыскать какое-нибудь острое и пикантное разногласие между соц.-дем. и, в-третьих, от образного выражения тов. Троцкого: „одним ударом“. В № 10 „Начала“ тов. Троцкий совершенно недвусмысленно раз‘яснил свою мысль.

Полная победа революции означает победу пролетариата, — пишет тов. Троцкий.

Эта последняя, в свою очередь, означает дальнейшую непрерывность революции. Пролетариат осуществляет основные задачи демократии, — и логика его непосредственной борьбы за упрочение политического господства ставит перед ним в известный момент чисто-социалистические проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революционная непрерывность. Это не один „удар“, это не день и не месяц, это целая историческая эпоха. Было бы нелепостью заранее учитывать ее продолжительность.

В уже цитированной нами заметке „Русь“ в несколько туманной форме противопоставляет друг другу социал.-демокр. и умеренно-революционную тактики:

Непрерывно и постоянно кипеть в котле великих событий— никакая страна, никакой народ не может. Нужны осуществимые цели для революционного действия и затем планомерная эволюция в определенном направлении. Социал-демократия упрекает демократическую интеллигенцию за промахи ее тактики. Но в настоящую острую пору освободительного движения большой вопрос, чья тактика в состоянии повредить движению: тактика „предметной“ революции, имеющей в виду определенную цель, или „непрерывное“, „в интересах самосохранения“ революционное действие, которое в некотором роде может стать искусством для искусства? Нужна решимость для революции, но нужна решимость и после нее. Есть ли эта „потусторонняя“ решимость у фракции „Начала“?

Все это немножко темно. „Руси“ хотелось бы, чтобы революция поставила себе „предметную цель“, а интересный и желанный „предмет“ есть, разумеется, буржуазный „правовой строй“. А потом „эволюция“, нечто вроде мирной полусоциалистической бернштейниады. „Нужна решимость для революции, но нужна решимость и после нее“. Да, нужна: после политической освободительной революции нужна решимость как можно скорее и полнее совершить революцию социальную, и эта „потусторонняя“ решимость имеется, конечно, у „фракции «Начала»“, как имеется она у всей Российской Социал-Демократической Рабочей Партии!

*** „Революционная“ „Наша Жизнь“ боится революции, но делает вид, будто совсем не она, — нет, боится „буржуазия“. И вот этой-то трусливой буржуазии храбрый революционер Р. Б. старается об‘яснить в № 344, что революция совсем не страшна.

Как началась русская революция? Торжественным ходом мирных рабочих и их жен и детей к „батюшке-царю“ с всеподданнейшим прошением. — Как продолжалась русская революция в октябрьские дни? — Простым прекращением работ, тихим возвращением в собственный угол, молчанием и— голодовкой. Это — революция! — А какова контр-революция?— Вспомните Киев, Одессу, Томск и десятки или сотни тех несчастных городов и местечек, где революция слаба, а контр-революция сильна!

В этом, конечно, много правды. Но тайный страх г. Р. Б. заставляет его ради успокоения буржуазии, а в том числе и себя самого, продолжать в таком духе:

Революционеры, конечно, выражаются очень „сильно“, и устно и письменно. Призывы к „вооруженному восстанию“, „бесконечной революции“, „захвату власти“, „захвату земли“ встречаются часто в революционных изданиях, но попытки к осуществлению этих призывов делаются только там, где революционной организации нет или она в самом младенческом состоянии. Чем сильнее революционная организация, тем менее она склонна к легкомысленным авантюрам.

Р. Б. хочется уверить себя, что все это так только, „кривые словца“ и что чем сильнее будет организация революционного пролетариата, тем дальше будет она от „захвата власти“. Мудрец, вроде мудрецов из „Нашей Жизни“, Луи Блан постоянно повторял своим друзьям рабочим: „главная мудрость рабочего революционера— не слушать буржуазию“. Но мы не склонны быть столь мудрыми дипломатами, напротив, мы можем поручиться, что революционный пролетариат не даст ни минуты

передышки буржуазии, его натиск не ослабеет ни от каких реформ, ни от каких мер, возможных в недрах ненавистного ему капиталистического строя, его революция не будет, конечно, „бесконечной“, как безграмотно выражается г. Р. Б., но она будет непрерывной, концом же ее, несомненно, будет захват власти, диктатура пролетариата. Демократическая республика будет лишь этапом на этом пути.

*** Г. Н—ов в „Новом Времени“ констатирует опасность положения:

Пролетариат вооружается.

Кто бывал за последнее время на рабочих митингах, слышал постоянно раздающийся призыв к оружию и наблюдал, с каким энтузиазмом рабочая масса воспринимает идею вооруженного восстания, тот может составить себе ясное представление о том, какая это грозная, организованная сила, готовая двинуться по первому сигналу своих вожаков.

На энергию правительства г. Н—ов не надеется вовсе:

Наше правительство, с своей стороны, обнаруживая полную растерянность и ничем не оправдываемую медленность в осуществлении необходимейших реформ, прямо ведет страну к революции.

Г. Н—ов призывает общество к самозащите. С этой целью он рекомендует:

дружины из образованных и энергичных людей, способных в открытом, честном словесном турнире с противником внести просветление и идею права в темные массы, — нужнее всего России в настоящий критический момент.

Г. Н—ов повествует даже о каких-то мнимых успехах дружин партии правового порядка, о каком-то заседании, которое началось враждебно к ним и кончилось их триумфом. Об этом триумфе их я и не слыхал. Знаю о другом „триумфе“, именно: из собрания городских служащих, начавшегося, действительно, отказом слушать политические речи, был выгнан с криками: „вон провокатора!“ гр. Бобрищев-Пушкин, один из атаманов новоременских дружин. Подобные факты, вероятно, не редки, потому что г. Н—ов уже бормочет что-то насчет спаивания соц.-дем. всякого рода хулиганов, которые будто бы и препятствуют дружинникам растолковать рабочим, что их истинные друзья сидят в редакции „Нового Времени“.

*** Гр. Витте вывел из терпения даже своих французских буржуазных друзей. Ультра-буржуазное „Figaro“ пишет:

Но существует ли в России какое-нибудь правительство? Вот вопрос, который в праве задать себе правительство цивилизованных стран, когда оказывается, что всякое почтовое и телеграфное сообщение со всей Российской империей прервано.

Прошел целый месяц, а дух манифеста (17 октября) ни в чем еще не осуществился. В течение целого месяца граф Витте, который, нам казалось, так хорошо начал, не получил или вернее не взял ни одного императорского декрета, который заключал бы в себе хотя бы одну из столь громко возвещенных гарантий.

*** Биржевая паника и тщетные попытки Государственного банка искусственно поднять цену бумаг путем участия в биржевой игре вызывают негодование газеты „Слово“.

Государственный банк, — пишет эта газета, — держит более 25 проц. своего разменного фонда, обеспечивающего внутренний выпуск кредитных билетов, за границей в разных банках на текущем счету. Банки эти употребляют средства Государственного банка на репортные операции в целях поддержки курса русских фондов, т. е. покупают наши бумаги с обязательством продавца снова их взять по определенной цене в известный срок. При падении (особенно резком) курсов вполне возможно разорение этих продавцов, разорение и банков, имеющих средства Государственного банка на своем счету, да и вообще возможны такие комбинации, при которых фонд Государственного банка начнет исчезать: биржевая игра—опасная игра, особенно когда ведет ее неумный игрок.

Между тем разменный фонд, обеспечивающий кредитные билеты и правильное золотое обращение, нужен вовсе не для поддержки курса старых государственных займов. Если перевод за границу русских денег все более и более будет возрастать (а это неизбежно при революции), разменный фонд уйдет в обращение вместо кредитных билетов. Последует сильное

По поводу.

II.

Мне присланы разными лицами несколько писем,— все они написаны в истерическом, воющем тоне, со страниц их брызжет темный, жуткий страх. Ясно чувствуешь—те, кто писал, переживают тяжелые дни и часы, видишь, что много мучительно-острых мыслей режет их сердце, пугает их сон.

— „... Что случилось с этим добрым русским народом, почему он вдруг стал кровожадным зверем?“—спрашивает дама, приславшая письмо на дорогой, пропитанной духами бумаге.

— „Забыт Христос и его учение, поругана проповедь любви, нет уважения к человеку... — мрачно сообщает „дворянин Ф.“ из Сум. И осведомляется:—Вы довольны?“

— „Где же плоды проповеди любви к ближнему, где влияние школы и церкви?—спрашивает Х. Бровцын из Тамбова. — Одни ругаются и грозят смертью, другие только жалуются и вопят, все взволнованы, всем тяжело и больно, всем жутко жить в эти великие трагические дни“.

Я не могу отвечать каждому порознь и отвечаю всем сразу.

Наступили дни возмездия, господа, дни расплаты за ваше преступное невнимание к жизни народа. Все, что вы чувствуете, все, что вас мучает, — вы заслужили. И я могу только одно сказать вам, одного пожелать,— чтобы еще глубже, еще с большей силой вы впитали, поняли, пережили весь ужас этой жизни, созданной вами. Пусть сердца ваши дышат страхом, пусть кошмары давят ваш сон, пусть все безумное и жестокое, что творится в нашей стране, жжет вас, как огонь, — вы стоите этого. Это или погубит вас, или — быть может— очистит от грязи и пошлости все честное и здоровое, что осталось в душе вашей, которую вы так мало берегли, наполняя ее жадностью, властолюбием, ложью и всяческой скверной.

Сударыня! Вы хотите знать, что случилось с народом? У него лопнуло терпение. Он долго молчал, долго неподвижно подчинялся насилию, он терпеливо держал всю вашу жизнь на своей спине раба, и вот — больше не может! Он сбросил еще далеко не всю тяжесть, насильно возложенную на него, — вы рано испугались, сударыня!

И почему бы — давайте говорить откровенно — почему не быть ему зверем? Что сделали вы для того, чтобы он не был таким? Вы чему-нибудь разумному научили его, что-нибудь доброе посеяли в душе его?

Вы всю жизнь только брали его труд, его последний кусок хлеба, брали легко и просто, не понимая, что вы берете; вы жили, не спрашивая себя—чем, чьею силой

уменьшение количества денежных знаков в стране, ибо они будут выменены на золото, а золото увезено за границу. Наступит общий денежный кризис. Дисконтный процент возрастет в самой сильной степени, что окончательно убьет промышленность и торговлю. Останется два выхода: или приостановить размен, выпуская, сколько потребуется, кредитных билетов для надобностей торговли и промышленности, или обеспечить приток капиталов из-за границы обратно в Россию. Во всяком случае, серьезные меры надо предпринять раньше, чем исчезнет разменный фонд, ибо, если его сохранить, остановив размен, — с приведением в порядок наших дел возможно восстановление золотого обращения, иначе мы опять на десятки лет очутимся при неразменном бумажном обращении.

Когда кризис угрожает карману наших „имущих", они становятся очень радикальны в критике правительственных мер. Но вот насчет положительных мероприятий дело у них идет туго. Казалось бы ясно: нынешнее правительство, в качестве того же самодержавия, слегка разбавленного медовыми речами, не вызывает доверия в своих кредиторах. Исправность фирмы „Российское государство" гарантируется платежеспособностью общества, но когда скверное управление делает это общество неплатежеспособным, тогда остается выбирать: либо банкротство, либо устранение правительства, приведшего к разорению. „Слово" тоже не прочь устранить... правительство Витте с тем, чтобы вернуться к „твердой" власти (на почве 17 октября, конечно, теперь все сидят на этой „почве"). Но при этом „Слово" благоразумно забывает, что банкротство государственного хозяйства России создано всецело старым порядком, и если финансовые фокусы оказались бессильными спасти страну от разорения, то не благодаря „радикализму" Витте, а благодаря отсутствию радикальных преобразований. Пережитки самодержавной России потерпели крушение в роли „управителей", — ergo, судьбы страны должны быть отданы в руки ее хозяина, — а наши финансисты—распущены, за ненадобностью.

Вопросы дня.

Тульские помещики и петербургские фабриканты.

Обычная манера реакционеров всех стран и времен — говорить от лица народа, клясться его именем. Прежде это было чрезвычайно легко и не вызывало никаких затруднений. „Народ безмолствовал", значит любой хулиган и черносотенник, в особенности из „благородного сословия", имел широкую возможность лгать и клеветать на всю страну от имени народа, не опасаясь, что ему бросят в физиономию соответствующий эпитет. Теперь дело обстоит не так просто: народ не только не безмолствует, но, наоборот, заставляет смолкнуть лжецов и клеветников.

Но старая привычка берет свое, и то один, то другой черносотенник выползает из своей дыры и бормочет разные непристойности от имени народа. При этом, разумеется, происходит соответствующее разделение сфер компетенции, а именно, помещики, эксплоатирующие и истязающие своих крестьян, говорят от имени русской деревни, в то время как фабриканты и заводчики, специализирующиеся на высасывании соков из своих рабочих, говорят от имени рабочего класса.

24 ноября ездили в Царское Село депутаты от тульского губернского земства: граф Бобринский, князь Урусов и еще 4 тульских помещика без титулов. От имени Тульской губернии они заявили, что „крестьяне тульские сознают, что помощи они могут ждать не от злых или сбитых с толку людей, которые своими лживыми посулами пытались отторгнуть их от нашего общего отца и государя; помощи наше крестьянство ждет от царя и через царя". Радуясь за крестьян, что с них сложили давно уже выплаченные ими выкупные платежи, тульские

вы живы. Вы дразнили голодного и нищего богатством ваших нарядов, когда жили на даче, около мужиков, вы смотрели на них, как на людей низшей расы. Они все это понимали. Они довольно чуткие люди и не очень уж злые, но вот вы разозлили их, наконец. Это ведь очень просто: пируя на глазах нищих, нельзя ожидать от них благодарности; ваше пение, ваша музыка не могли облагородить голодного, ваше снисходительно-брезгливое отношение к мужику не могло воспитать в душе его уважения к вам. Что вы сделали для него? Вы позаботились о том, чтобы он был мягче сердцем? Вы ожесточали его. Вы хотели, чтоб он был умнее? Вы не думали об этом. Мужик был для вас рабочее животное, иногда вы забавлялись им как дикарем, вы никогда не смотрели на него как на человека, что же удивительного, что он зверь для вас?

Сударыня! В вашем вопросе не только ваше незнание жизни, в нем есть и лицемерие грешника, который уже чувствует, что согрешил, но еще не хочет искренно покаяться.

Вы знали, вы не могли не видеть, как живет мужик. Человек, которого бьют, рано или поздно даст сдачи; человек, которого не жалеют, — не может жалеть, — это ясно. Хуже, — это справедливо. Поймите меня — ужас не в том, что бьют, а в том, что не могут не бить, не в том ужас, что не жалеют, а в том, что не могут жалеть.

Как можете вы искать жалости в сердце, где вами посеяна месть?

Сударыня! В Киеве добрый русский народ выкинул из окон дома Бродского вместе с мебелью гувернантку и бережно сохранил канарейку в клетке. Подумайте над этим — маленькая желтая птица вызвала что-то вроде сострадания к себе, а человек был выкинут из окна. Сострадание, видимо, есть, но человек, должно быть, не заслужил его — вот где ужас и трагедия. Сударыня! Уверены ли вы в своем праве требовать, чтобы с вами обращались как с человеком, если вы сами всю жизнь относились к человеку без жалости, без сострадания, не признавая в нем равного себе?

Вы пишете письма, вы грамотны; вероятно, вы читали книги, изображающие жизнь мужика? Чего вы хотите от него для себя, если, зная, как он живет, вы не могли изменить его жизнь к лучшему? И вот, он изменил вашу жизнь к худшему, заставив вас дрожащей от страха рукой писать полные отчаяния письма к человеку, который — вы бы должны это знать — не захочет рассеять ваш страх, не захочет утешать вас, нет!

Возмездие естественно. Мы живем в стране, где людей до сего дня секут, хлещут нагайками, забивают палками до смерти, где ломают ребра, бьют по лицу ради забавы, где нет предела насилиям над людьми, где формы мучений разнообразны до отвращения, до безумного стыда...

помещики с уверенностью заявляют, что „те 80 миллионов, которых вследствие этой меры не досчитается казна, будут с готовностью восполнены всеми классами населения“.

В конце своей речи тульские дворяне впадают в пафос и возглашают:

„Страна очнулась! Наш голос да будет поглощен общим хором земств, городов и народа, которые воскликнут: нам нужен царь свободный и крепкий, нам нужна Государственная Дума сильная и разумная, дабы в измученной России водворились, наконец, мир, труд и порядок“.

Вот чего хочется тульским помещикам. Посмотрим теперь, чего хочется питерским фабрикантам. Они выпустили только что новое ходатайство к правительству и в нем, разумеется, тоже говорят от лица народа.

„Опыт последнего года убедил нас,—пишут фабриканты,—что действительно благоразумное большинство рабочего класса желает мирного труда, что постоянные волнения последнего времени повергают рабочий класс в безвыходную нужду“.

Это совершенно справедливо: благоразумная и честная часть пролетариата, без сомнения, искренно жаждет мирного труда, но она прекрасно понимает, что при самодержавном режиме такой труд немыслим, и потому пролетарии скорее готовы обречь себя на „безвыходную нужду“ забастовок, на гибель во время демонстраций и восстаний, чем превратиться в смирных и покорных рабов и снова терпеть гнет, произвол и издевательство.

Гг. фабриканты бесстыдно лгут, уверяя, что теперешнее рабочее движение в России создано „крайне незначительной группой лиц, являющихся подстрекателями и зачинщиками беспорядков“ и „побуждающих рабочих к волнениям, пользуясь для этой цели угрозами и насилием“.

Наглую и бесстыдную ложь фабриканты довершают еще более бесстыдной клеветой, утверждая, будто „рабочие из‘являют готовность указать зачинщиков и подстрекателей“, т. е. попросту сделать донос на самих себя и своих товарищей. Уверяя правительство, что в петербургских рабочих живет стремление к доносам, петербургские фабриканты совершенно несправедливо укоряют правительство, с одной стороны, в том, что оно недостаточно широко пользуется доносами, „так как в настоящее время полицейские протоколы, хотя и составляются, но не влекут за собою никаких (будто бы?) последствий“, а с другой, не применяет „действующих законов“ (о стачках и пр.), которые „обладают, конечно, недостатками“, но имеют не мало и достоинств, ибо помогают гг. хозяевам сгибать в бараний рог своих голодных рабочих. И от лица „благоразумного большинства“ рабочего класса петербургские фабриканты убедительно просят правительство „применять“ эти законы во всей силе и открыть по всей линии борьбу с революционным пролетариатом. Наивные люди! Неужели они не понимают, что русское самодержавие и без их совета сделало бы это, если бы имело для этого силу. Но силы-то и нет!

Жизнь замечательных людей.

(№ 1. Адмирал Дубасов.)

Московский генерал-губернатор Дурново уволен в отставку. Преемником его назначен адмирал Дубасов. Опубликовываем, как полагается в этих случаях, краткую биографию адмирала:

Год рождения, место оного, имя и отчество нам неизвестны,—интересующихся отсылаем к энциклопедическим словарям, где все сие, несомненно, отмечено.

Народ, воспитанный в школе, так похожей на лубочное изображение адских мук, народ, воспитанный кулаками, розгами и нагайками, не может быть мягкосердечен. Человек, которого в участке топтали ногами, становится способен топтать ногами подобного себе. В стране, где так долго царило бесправие, трудно народу сразу признать силу права, невозможно требовать справедливости от него, незнакомого с нею. Это надо понять, это так же просто, как жестоко. Все естественно там, где обществом и вами, сударыня, допускались без протеста все ужасы насилия над людьми. Люди теперь глубже чувствуют, и косой взгляд, брошенный вами сегодня на вашу горничную, равен пощечине, которую давал ваш отец своему лакею пятьдесят лет тому назад. Люди растут, и растет в них чувство достоинства, но с ними обращаются все еще как с рабами, и животное не исчезает в них.

Сударыня! Не требуйте от людей того, чего вы им не давали. Вы не имеете права на сострадание, ибо вам оно неведомо. Народ мучали и мучают все, кто имел и имеет один золотник власти над ним. Теперь, когда ваше бездарное правительство довело страну до анархии, все ее темные силы почувствовали призрачность той власти, которая давила их века, и вот они поднялись, встали и мстят всем за все, что вытерпели в долгую ночь бесправия.

Но есть в стране другая, светлая сила, озаренная великой мыслью, охваченная яркой мечтой о царстве справедливости, свободы, красоты... А, впрочем, сударыня, тому, кто родился слепым, я не могу передать на словах красоту и величие моря...

Люди, которые говорят и пишут о любви к ближнему, всегда были глубоко противны мне, как лицемеры и лгуны, — я слишком хорошо знаю жизнь для того, чтобы верить им.

Эх, господа! Имейте мужество быть правдивыми! Ведь все так ясно, так понятно.

Когда вы говорите о любви, вы вашей сладкой речью хотите только заговорить зубы ваших ближних, оскаленные голодом и злобой, вам кажется, что, смягчив любовью сердца озлобленных и угнетенных вами, вы можете ослабить силу их справедливой мести. Вы лицемерите, когда зовете братьями людей, которых вы поработили, вы лжете, проповедуя любовь к тем людям, в сердцах которых вы сами же посеяли зависть, ненависть и злобу.

Вы искренни, конечно, когда советуете ближним вашим — люби нас. Но вы скрываете за этими словами другие, более правдивые слова: несите терпеливо, не возмущаясь, без ропота тяжелый гнет труда, унижения, нищеты, возложенный нами на ваши спины. Но вы все

Фамилия—известна и уже указана выше (Дубасов).

Боевые подвиги:

а) На море:

1) В 1877 году г. Дубасов в чине лейтенанта взорвал на Дунае турецкий монитор, за что награжден Георгием.

2) В 1885 году, при открытии канала, он же посадил на мель русский крейсер „Африка". Чем награжден, неизвестно.

3) Командуя крейсером „Мономах", произнес непечатные слова по адресу товарища-офицера (лейтенанта П.). Обошлось без дуэли. Год, месяц и число точно неизвестны.

4) В 1896 году, командуя флотом на Дальнем Востоке, занял Порт-Артур, который русское правительство обязалось не занимать.

б) На суше:

1) В середине 80-х годов г. Дубасов (в звании флигель-ад'ютанта) подрался на кронштадтской пристани с г. Замысловским, директором ораниенбаумского пароходства.

2) В то же приблизительно время и в том же Кронштадте г. Дубасов побил угольного чиновника, за что был уволен в отставку.

3) В половине 90-х годов г. Дубасов, вновь принятый на службу и находясь в Берлине в качестве русского морского агента, подрался с немецким жандармом, вследствие чего должен был покинуть Берлин.

4) В 1900 году во время пожара казенных складов в Петербурге г. Дубасов лишился своей адмиральской мебели, хранившейся в этих складах. За сгоревшую мебель адмиралу, конечно, было выдано вознаграждение от казны в размере 190.000 руб.

Примечание. Это было в министерство Сипягина, на сестре коего женат г. Дубасов.

5) В 1904 году участвовал в парижской конференции по поводу известного сражения победоносной русской эскадры с флотилией английских рыбачьих лодок близ Гулла. За горячую защиту чести русского флота на этой конференции возведен в звание генерал-ад'ютанта.

6) В 1905 году, как испытанный и надежный „боец", командирован в Черниговскую губ. для усмирения голодных и безземельных крестьян. Результаты экспедиции еще неизвестны.

Общий итог боевых заслуг адм. Дубасова выражается, таким образом, в следующих данных:

Взорванных судов	1
Посаженных на мель	1
Занятых крепостей	1
Полученных субсидий	1

Сражение на море — 1 (с лейтенантом П.).

Сражений на суше — 3 (с директором пароходства, угольным чиновником и берлинским жандармом).

Экспедиций против „внутренних врагов" — 1 (сколько предстоит в будущем, неизвестно).

Год, месяц и число смерти пока неизвестны.

Таков послужной список московского генерал-губернатора. Всякий, познакомившийся с этим списком, согласится, конечно, что лучшего кандидата отыскать было бы трудно.

Подвиги пламенного патриотизма.

Чтобы подорвать забастовку почтово-телеграфных работников, почтенная администрация обратилась к содействию добровольцев-патриотов. Графини и генералы, бароны и профессора, а, глядя на них, и лакеи не титулованные в порыве патриотического усердия стали предлагать свои услуги для упаковки посылок, разноски писем, бандеролирования, штемпелевания и прочих операций.

Многие обыватели, естественно, с подозрением отнеслись к замене почтовых тружеников лакействующими учеными и неучеными патриотами, предвкушая ее возможные плоды.

И, действительно, служение добровольцев нуждам общества и государства выразилось прежде всего в массовой потере чужих писем, валявшихся порой по улицам.

Но этого мало — патриотическое усердие некоторых добровольцев выразилось еще более определенно. В Москве кем-то из волонтеров, спасавших отечество, были украдены 13 тысяч руб. („Нов." № 235). В дальнейшем развитии патриотическая деятельность добровольных штрейкбрехеров в Москве приняла такие формы, что, по словам газет, в нее „должна была вмешаться сыскная полиция". Дело в том, что некоторые добровольцы, украв несколько писем в почтамте, учинили с ними ряд шантажей. Пострадали солидные и серьезные люди. Пострадало и несколько дам („С. О." № 239).

В Петербурге один доброволец производил по случаю почтовой забастовки прием простой и заказной корреспонденции, но к доставке ее не приступал, скрывшись неизвестно куда с письмами и пакетами, полученными им от доверчивых людей, словом, добровольное содействие почтовому ведомству в его нелепой и бесславной борьбе со стачечниками выразилось в целом ряде гнусностей, и „истинный патриотизм" еще раз оказался в ближайшем родстве с хулиганством, шантажем и воровством.

нагло лжете, когда говорите своим рабам: мы тоже любим вас.

Рабов — нельзя любить! Их можно только презирать или бояться.

И вот вы учите рабов любви из страха перед ними.

Евангелие? Его страницы давно захватаны грязными руками насильников, правда его стерта лицемерами, но вы и за него хватаетесь, как за оружие для защиты своей от прилива справедливости, облеченной в такие жестокие формы вашей ложью, вашим лицемерием.

В сердцах у вас нет любви, там тесно улеглись три стооких жабы, ревниво охраняющие дремотный ваш покой и равновесие души от вторжения жестокой правды жизни и творческого чувства, в сердцах у вас три цербера — Жадность, Пошлость, Ложь.

И нет у вас уважения к человеку — как можете вы уважать другого, когда не уважаете себя?

Я не оправдываю жестокости, которую вы сами сделали законом жизни, я только говорю, что в стране, где все вы так долго допускали произвол и насилие, — в этой несчастной стране среди вас нет правых, нет достойных сострадания...

М. Горький.

Прошлое офицера.

Безумные атаки на улицах Петербурга, геройский подвиг корнета Фролова, испытание массового огня по живым мишеням, спортивный прием снимания с фонарей пулей студентов-ораторов и многое другое заставляет задуматься и спросить себя: — кто эти офицеры и плод какого они воспитания?!

Я остановлюсь на контингенте более развитых офицеров, окончивших кадетские корпуса. Об окончивших другие гражданские учебные заведения говорить не буду — их капля в море.

Я постараюсь дать яркую картину, рисующую кадетское воспитание, до того момента, когда офицер может крикнуть: бей—и бьют, стреляй—и стреляют.

Восемь лет тому назад я окончил кадетский корпус и отлично помню все детали оригинального кадетского воспитания. Я остановлюсь на более выдающихся, как наиболее волнующих теперь мою душу.

С горькими слезами везет мать своего десятилетнего ребенка в корпус. Чуткое сердце матери подсказывает недоброе. Нередко корпус находится от дома в сотнях, тысячах верст, родительский глаз отсутствует, да кроме того, воспитание на казенный счет обязывает родителей не вмешиваться в дело воспитания их кровного сына.

Оставшись один среди незнакомых детей, мальчуган чувствует себя угнетенно. Бой барабана, крик команды: направо, налево, марш—наводит на него столбняк, он машинально все это исполняет и машинально со всем свыкается.

На помощь растерявшемуся мальчугану являются старшие товарищи, которые сначала постараются отобрать от него все лакомства—последнюю утеху и память о матери, а потом начинают издеваться над ним и бить. Привыкший дома к побоям, тычкам, мальчик переносит издевательство и побои без слез, за что и попадает в сонм лучших кадет, а воспитанный на несколько иных началах, чем крепостнические, конечно, заливается горькими слезами и сразу попадает в немилость с кличкой: нюня, плакса!

Подобное издевательство и побои называются на языке кадет „посвящение в кадеты“ и традиционно передаются из поколения в поколение.

Таким образом, с самого начала формируется группа лучших кадет, и они-то вершат делами остальных. Кому неизвестно, какую роль в пансионах играют эти полухулиганы. Бороться с ними не могут малыши, а старшие уважают традиции!

В корпусе семь классов, и в порядке старшинства они подчиняются друг другу в дисциплинарном отношении. Воспитатели видят в этом залог будущей дисциплины и воинского подчинения, а потому очень этому сочувствуют. Подчинение младшего старшему состоит в полном рабстве и доходит до мерзейших обязанностей, как, например: ношение для старшего мягкой бумаги в ватерклозет или езда верхом в то же учреждение!! При прохождении старших вставать, оказывать им полное почтение даже в тех случаях, когда они изволят над вами издеваться и бить. Разговаривая со старшим, стоять смирно, по всем правилам военного искусства.

За неисполнение этих обязанностей существует чуть ли не единственное наказание—это избиение, или одним человеком, или целым классом.

Избиение производится при отвратительнейшей обстановке. Перед битьем являются ораторы с циничными речами и обильным потоком глупости!

Бьют непременно по лицу, не стесняясь силой удара, напротив того, хвастаясь им. Случалось, что плюгавенький кадет седьмого класса бьет солидного юношу пятого класса, случайно отставшего от него, и чтоб ударить его по лицу, он должен подпрыгнуть или просто встать на подставку, чем также не брезговали! Какая гадость!! Мороз идет по коже при одном только воспоминании об этих ужасных сценах!! Воспитатели об этих побоях знали и, довольные видимой тишиной и порядком, не протестовали. Все обстоит благополучно, докладывали они ревизующим лицам!

Если же избиваемый пожелает протестовать против избиения и постарается найти правосудие среди старших кадет, то, во-первых, он такового не найдет, а во-вторых, получит кличку Иуды и будет избиваем тем, кому только не лень!

Воспитание в корпусе, как и в других учебных заведениях, надо думать, имеет целью „умственное и нравственное развитие“ детей. Вот этого-то я и не видел в моем корпусе. У нас все сводилось к тому, чтобы создать физически здорового и дисциплинированного кадета. Для первой цели существовал режим, а для второй—строй, карцера и особые специфические наказания, вроде спарывания погон. Пресловутая честь мундира внедрялась с малых лет, и спарывание погон, как наказание, считалось тягчайшим. Приводилось в исполнение это наказание перед строем при ошеломляющей обстановке, и только отчаянный кадет переносит это столь тяжкое наказание без слез. Вид кадета без погон на меня, малыша, производил впечатление опозоренного преступника. Он совершенно отделялся от кадет. Обедал за отдельным столом, не накрытым скатертью, деревянной ложкой и из деревянной чашки,— между тем как вообще столы накрывались скатертью и существовали серебряные ложки и фаянсовая посуда. Какая беспросветная тьма!

Я повторяю, что умственное и нравственное развитие в загоне, а последнее, пожалуй, и вовсе отсутствовало. Разговоры кадет не шли дальше грязной женской юбки и сальных анекдотов. Отпускные кадеты рассказывали о своих грязных похождениях и с гордым самохвальством шагали в лазарет после таких похождений, лечась от секретных болезней. Непользовавшиеся правом отпуска видели в этом героизм, и расстроенное их воображение требовало от них желания найти образ женщины среди младших товарищей. Таким образом нарождались обожание и ревность на почве любви, кончавшиеся иногда печально!

Чтение книг к кадетам не прививалось, и если читали, то всякую гадость, которую приносили отпускные кадеты. Газет вовсе не читали (библиотека не выписывала), а приходилось иногда прочесть на дежурстве любимого офицера „Новое Время“ или „Русский Инвалид“. Судите, читатель, какая масса материала для развития! Полное отсутствие знания окружающей жизни. Сведения о текущих событиях по рассказам воспитателей-офицеров, своеобразно освещавших положение вещей.

Уроки готовились так, чтобы их только сдать и отделаться от них. В каждом классе имелся такой юноша, который вел списки спрошенных и вычислял вероятность быть спрошенным вторично, и, соображаясь с этой вероятностью, все готовили уроки.

Карты, вино, словом, все, имеющее прекрасное воспитательное значение, готовило и готовит достойных защитников родины от врагов внешних, а особенно от внутренних.

Офицер.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Воронеж, 26 ноября. Вследствие заявления купцов-евреев, в общем собрании воронежского биржевого общества принципиально разрешен вопрос о допущении евреев на выборные должности биржевого комитета без ограничений, определенных уставом.

Белосток, 22 ноября. От взрыва мотора на фабрике цикория Кагана произошел пожар с человеческими жертвами.

Белосток, 23 ноября. По окончании пожара цикорной фабрики найдено 8 обуглившихся трупов. Во время пожара свыше 10 рабочих получили увечья и поранения.

Москва, 25 ноября. Сегодня на бирже состоялся митинг. Оратором выступил коммерсант Зензинов, предлагавший от лица торгово-промышленного мира обратиться к правительству с требованием прекратить почтово-телеграфную забастовку путем удовлетворения требований почтово-телеграфных чиновников, на стороне которых, по заявлению оратора, все симпатии общества. Участвующими на митинге была избрана комиссия из 3 лиц, которые уполномочены обсудить совместно с городской управой вопрос о посылке депутации к графу С. Ю. Витте.

Сегодня арестованы инициатор почтово-телеграфного союза Двужильный и все бюро с Кохановским во главе.

Ростов-на-Дону, 25 ноября. Экстренное собрание биржевого комитета, банков и купечества, во избежание грозящих при дальнейшей почтово-телеграфной забастовке окончательного разорения без того уже совершенно разоренной после бывших погромов местной торговли и неминуемых массовых крахов, признало необходимыми немедленные уступки забастовавшим и по телефону обратилось к графу Витте и министрам финансов и торговли с соответствующим ходатайством, одновременно прося о распоряжении Государственному банку увеличить кредиты частным банкам.

Чистополь, 26 ноября. Крестьянские волнения в уезде усиливаются. Некоторые усадьбы сожжены. Хлеб и скот разграблены. На место беспорядков прибыли губернатор и казаки.

Казань, 26 ноября. Городская дума в заседании от 23 ноября постановила обратиться к графу Витте со следующей телеграммой: „Волнения народные и аграрные беспорядки в здешней губернии поддерживаются отчасти сомнением в проведении общественных реформ, возвещенных манифестом 17 октября. Казанская дума видит спасение в немедленном созыве Государственной Думы и просит вас, граф, сообщить, когда будут опубликованы правила для выборов уполномоченных. Неведение угнетает умы населения и губит строй жизни страны“.

На эту телеграмму граф С. Ю. Витте ответил, что правила о выборах в Государственную Думу будут опубликованы в непродолжительном времени.

Лондон, 25 ноября (8 декабря). Отсутствие известий из России считается здесь доказательством того, что положение стало критическим. Продолжение телеграфной забастовки с ее разорительными последствиями производит здесь очень тяжелое впечатление.

Вашингтон, 25 ноября (8 декабря). Подтверждается, что крейсер „Миннеаполис“ будет стоять в готовности у Азорских островов, чтобы в случае надобности отправиться в русские порты для защиты американских граждан. (Рейтер).

Из Москвы. Московского узла телефонисты, не исключая и Николаевской д., отказались от приема и передачи шифрованных телеграмм. Управление южной части.

Самара. Председателю комитета моск. центр. бюро, инженеру Романову, инжен. Елизарову и Орехову по всем ст. ж. д. Ташкент, генер.-губерн. Сахарову.

Получено извещение из Асхабада, причина предполагается на митинге. Кушка отрезана, наказание на несколько дней отложено — не знают.

Ярославль. Графу Витте. Министру путей сообщения Немешаеву и Редигеру, копия центр. бюро М.-Яр.-Арх. ж. д. ко всем станциям российск. ж. д. Коменданту крепости Кушка.

Возмущенные беззаконием коменданта крепости Кушка, требуем немедленно сообщить, в каком положении суд над инженер. Соколовым с товарищами, и указать причину отдачи их под суд. Выражаем полную солидарность с протестом всех откликнувшихся сослуживцев и готовы поддержать ее участием во всероссийской забастовке. Вопиющий произвол заставляет нас требовать для водворения порядка в отечестве скорейшего созыва Учредительного Собрания путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Общее собрание всех служащих ярославск. группы в числе 2.000 человек.

Балашово. Министру путей сообщения. военному министру, председат. комитета министр. и по всем русским ж. д.

Мы, служащие и рабочие ст. Балашово, в количестве 500 челов., узнав о произвольном действ. коменданта крепости Кушка, о предании наших товарищей Ср.-Аз. дор. военно-полевому суду, глубоко возмущены и горячо протестуем против такого произвола из‘явлением, что продолжение такого произвола может вызвать крайние меры. Председат. собрания Урбановский.

Из Владивостока. Подана 24 ноября, 4 ч. 45 м. пополудни. Вне очереди. Москва, союз дор., Самара, Комитет жел. дор., Спб. Захарову, Орехову. Общим постановлением служащих и мастеровых рабочих Уссурийской дороги решено присоединиться к забастовке по приглашению союза железн. дор., всех дорог немедленно дальнейшего указания нашим действиям. Точным в ясных и определенных выражениях имеющихся депешах не ясно условия забастовки. Ожидаем указания. Исполнительный Комитет Уссур. жел. дор.

Из Харькова. Курско-Харьково-Севастопольская жел. дор., телеграмма № 6.607. ‘С.-Петербург. Бюро железнодорожного с‘езда, председателю Михаилу Дмитриевичу Орехову. Говоров арестован. Протестуйте. Комиссия для выработки устава не состоялась. За его арестом Александров.

Из Москвы в Спб.

В виду подачи по железнодорожным проводам целого ряда правительственных противообщественного характера, а также имеющих целью противодействовать почтово-телеграфной забастовке, телеграмм, местный комитет всероссийского жел.-дор. союза и центральное бюро по улучшению быта служащих и рабочих М.-Яр.-Арх. ж. д. постановили прекратить прием и передачу всех подобных правительственных телеграмм, а также и всех шифрованных. К тем из телеграфистов, которые нарушают постановление, будут применены крайние репрессии. Настоящее постановление разослать для сведения дорогам и станциям, в центральное бюро всерос. ж. д. союза и Советам Рабочих Депутатов и в центр. бюро всерос. почтово-тел. союза. Местный комитет М.-Яр.-Арх. ж. д.

Телеграмма послана от соединенного собрания делегатов служащих и рабочих московского узла.

Из Омска, по Сам.-Злат. № 4.387.

25 ноября, 2 час. 5 мин.

Москва. Винд. Служба тяги — инжен. Романову, копия Риго-Орлов. Баулин. Спб. Ник. Елизарову и Орехову.

Отвечайте срочно, что предполагаете предпринять по отношению записок Риго-Орловск, просящей поддержки всеобщей за-

бастовки по случаю введения военного положения в нескольких губерниях.

Станц. Балтийск. жел. дор. Ревельскому бюро союза. Копия риго-орловскому стачечному комитету и начальн. Балтийск. дорог.

На основании постановления центрального московского бюро узлового спб. комитета, к забастовке на орловской дороге присоединиться нельзя.

В С.-Петербург из управления южной части Ташкента.

Телеграмма № 1609.

Самара, председателю комитета; Москва, центральное бюро, инженеру Романову. С.-Петербург, Николаевская, Елизарову и Михаилу Дмитриевичу Орехову. По всем станциям российских железных дорог, Ташкент, генерал-губернатору Сахарову. Получено извещение из Асхабада. Причины наказания не знаю. Предполагается участие на митинге. Кушка отрезана. Наказание отложено, но на сколько дней не знаю.

Инженер Осипов.

Из управления Московско-Виндаво-Рыбинск. жел. дор. Срочно. Телеграмма № 8.858: В Петербург. Самара. Элеватор. Асееву. Рига. Управление комитета; копия Минск управление Либаво-Романской жел. дор. Реверелли, Метелину. С.-Петербург Елизарову, Михаилу Дмитриевичу Орехову.

Московский железнодорожный узел депешей № 261 уведомил в своем решении не об'являть забастовки теперь и просит забастовавшие дороги стать на работу. Созывается всероссийская конференция железнодорожного союза для обсуждения способов устранения частных забастовок, без предварительного согласия других дорог.

Романов.

В Союз союзов, копия частному поверенному Винаверу. В ночь на 23 ноября приказом генерал-губернатора Сахарова, порядк. 221 ст. об усиленной охране при участии казаков арестовано 10 человек, в том числе состав единственной передовой газеты „Русский Туркестан", Морозова, Борейма, Печера, а также членов комитета по устройству митингов, помощник присяжного поверенного Кржевского, частного поверенного Михель, кроме того техника Сакальского, прапорщика запаса Зурабова. Делегат корпорации адвокатов об'явил, что, в случае непризнания прокурорским надзором вины арестованных, он их вышлет из края административным порядком. Во имя начал свобод, возвещенных хотя бы только манифестом, заявляем по полномочиям ташкентского общества против грубого беспочвенного нарушения принципа неприкосновенности личности, жилища и свободы, просим содействовать освобождению арестованных, лучших представителей освободительного движения. Приказано также арестовать врача Чернобородова, железнодорожного делегата Гольдберга, которым удалось пока скрыться.

Сахаров мотивирует аресты об'явлением восстания.—Это одно явно заведомое извращение фактов. Сейчас дело передано петербургскому надзору. Сахаров отказывается освободить их, пользуясь положением об усиленной охране. Средне-Азиатско-Ореноургская жел. дор. бастует уже 10 дней, требуя удаления генерала Сахарова, и не прекратит забастовки, пока не освободят арестованных. Одновременно телеграфируют протест Витте, Редигеру. Напряженное состояние общества по этому поводу. Рядом известный вам инцидент в Кушке, где комендант об'явил осадное положение, приговорил к смертной казни, лишь временно приостановленной, инженера Соколова, техника Симонова, слесаря Лазарева, достигает таких пределов, что малейший повод угрожает столкновением безоружной толпы с казаками, от которых ничего, кроме бойни, ожидать нельзя. Просим энергично добиваться полной отмены казни, освобождения заключенных — только эти два факта могут дать необходимую здесь победу над редким произволом власти и успокоить взволнованное и возмущенное. Телеграфируйте: Ташкент — Рейсеру.

Присяжный поверенный Ливенсон, присяжный поверенный Гринблюм, пом. присяжн. повер. Рейсер.

Хроника.

— Об'явлена особая высочайшая благодарность всем казачьим войскам за их самоотверженную, неутомимую, верную службу царю и родине как на театре войны, так и при поддержании порядка внутри империи.

— От Исполнительного Комитета Сов. Раб. Депутатов. 26 ноября царским правительством взят в плен председатель С. Р. Д. тов. Хрусталев-Носарь.

С. Р. Д. временно избирает нового председателя и продолжает готовиться к вооруженному восстанию.

— Реформа судебного ведомства на первое время коснется, по слухам, лишь мировой юстиции; так, у земских начальников будут сняты судебные функции, которые перейдут к мировым судьям, по избранию. Вопрос же о „сословных представителях", которым даже самодержавное правительство смело вручало судьбу политических преступников — борцов,— по настоящее время остается открытым. Очевидно министерство юстиции предпочитает сохранить „самодержавные формы" на случай реакции.

— Слухи о назначении „профессора" — либерала Кузьмина-Караваева министром юстиции затихают. Вероятно, „новый" курс — курс открытой реакции — находит неудобным пользоваться услугами этого деятеля.

— Влияние Муравьева в судебном ведомстве. Несмотря на то, что статс-секретарь Муравьев давно покинул министерство юстиции, однако, его влияние странно продолжает отражаться на судьбах чинов судебного ведомства. В последнее время все высшие должности по судебному ведомству продолжают замещаться бывшими секретарями г. Муравьева. Например, директор департамента Щегловитов, обер-прокурор сената Демчинский, товарищ обер-прокурора Кемпе, прокурор виленской палаты Короткий и многие другие. В особенности быстро двинулся г. Короткий, он уже прокурор палаты, а товарищи его все еще следователями.

— Военное положение в Польше снято, но правительство продолжает „готовиться". В четверг 24 ноября с вечерним поездом Петербурго-Варшавской железной дороги отправлен вагон ружейных боевых патронов для надобностей войсковых частей, расположенных в Царстве Польском.

— В виду появившихся подписных листов для сбора пожертвований за подписью Совета Старост, Совет Старост Спб. У-та сим об'являет, что никаких подписных листов он не пускал и считает таковые подложными.

Секретарь совета Н. Кузьмин.

— Экономическая история Великой французской революции. Экономическая история французской революции почти не изучена, существуют лишь немногочисленные монографии. Первая попытка общего освещения экономической жизни революции принадлежит Жоресу в широко задуманной „Социалистической истории Франции в XIX в."; под его же влиянием была создана специальная комиссия при министерстве народного просвещения для изучения экономических вопросов революции. На-днях состоялось заседание этой комиссии под председательством известного историка Олара (Aulard). Из отчета секретаря Карона (Caron) видно, что работа двигается быстро, — через три, четыре месяца появятся первые шесть томов трудов комиссии, в течение 1906 года должны также появиться целый ряд изданий. Комиссия жалуется на трудность сбора материалов, особенно о провинциальной жизни,— нам, русским, участникам нашей великой революции, следует позаботиться о будущих историках и выдвинуть вопрос общего музея и архива революции, тем более, что его зачатки были уже положены в Женеве.

— Свобода собраний. 25 ноября, в 10 час. вечера, в клуб рабочих Выборгского района (что на Оренбургской ул.), где помещается и „комиссия для безработных", явился околоточный. На улице около дома, говорят, находились городовые. Пришел он затем, чтобы узнать, не происходят ли теперь в доме незаконные собрания. В доме никого не оказалось.

— Члены центрального бюро всероссийского и центрального комитета Союза союзов приглашаются в экстренное заседание в воскресенье 27 ноября, в 4 часа дня, в помещение союза инженеров (Загородный, 23).

— В Петербурге происходят совещания инородцев. Участвуют представители четырнадцати народностей, входящих

в состав России. Главная цель этих совещаний чисто платонического характера: узнать ближе друг друга и, если бог поможет и дьявол не запретит, об'единиться на „почве культурности". Шаткая почва, господа инородцы! „Культурность" — мягкий фундамент, излюбленное место диких оргий „темного диавола", ненавистника всяких утопических „об'единений" и платонических пожеланий...

— На заседание Совета Рабочих Депутатов 26 ноября прежние билеты недействительны. Повестки товарищи делегаты получат на штабах.

— Выдача денег за билеты на несостоявшийся вечер 23 октября (14 ноября), производящаяся в конторе газеты „Новая Жизнь", будет прекращена во вторник 29 ноября.

— В воскресенье, 27 ноября, в $2^1/_2$ ч. дня, состоится на частных Спб. счетоводных коммерческих курсах М. В. Побединского (Невский, 102) лекция М. В. Бернацкого „Проекты национализации земли".

— У входа в помещение 8-го почтово-телеграфного отделения по Екатерининскому каналу дежурит наряд городовых, никого не пропуская в здание. Около 12 часов дня наблюдалось бегство „барышень" и других почтовых чинов: оказалось, что в 8-м отделении применена химическая обструкция.

От бюро союза рабочих печатного дела.

— Вчера, 26 ноября, около полудня в доме № 25, по Торговой улице, где помещаются Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов и бюро союза рабочих печатного дела, явились жандармы и полиция во главе с прокурором в сопровождении солдат и казаков, запрудив всю улицу.

Сперва опричина направилась в квартиру Совета Рабочих Депутатов, произвела там обыск и арестовала председателя Совета Рабочих Депутатов Хрусталева, отправив его под сильным конвоем неизвестно куда.

Затем опричина ворвалась в наше бюро (союза рабочих печатного дела), и один из предводителей опричины, на требование дежурного члена бюро Афоничева, пред'явить ему соответствующее предписание об обыске, велел его арестовать и пригрозил: „Всех согну в бараний рог!". Задержав председателя союза Кисилевича, казначея Кингсена и др. лиц, находившихся в помещении бюро, опричина приступила к обыску.

Мы, члены бюро союза рабочих печатного дела, протестуем против этого грубого насилия со стороны правительства, месяц тому назад „даровавшего" на бумаге полную гражданскую свободу, и призываем товарищей-рабочих и все общество к энергичной самозащите от агентов старого порядка, тем более, что насилие, совершенное сегодня над нами, является лишь одним из многочисленных случаев дикого произвола опричины над народом, освобождающимся от многовекового рабства.

Члены бюро союза рабочих печатного дела.

Совет Рабочих Депутатов и черная сотня.

На заводах распространяются листки, в которых „группа рабочих Петербурга" пытается подорвать доверие рабочих к их депутатам, распуская нелепые басни о том, что депутаты будто бы растратили деньги, выданные им для раздачи пособий нуждающимся. В частности, в этих листках затрагивается личность нашего уважаемого товарища Хрусталева. Мы не считаем нужным полемизировать с „группой рабочих", под именем которой, вероятно, скрывается пара полицейских или граф Орлов-Давыдов с графиней Мусиной-Пушкиной, которые, как писала недавно „Русская Газета", неудачно пытались выпустить листок, направленный тоже против Совета Рабочих Депутатов, — неудачно потому, что наши товарищи наборщики отказались его набирать.

Хулиганские клеветы на Совет Рабочих Депутатов не приведут ни к чему. Отчеты Совета печатаются в газетах и на каждую выданную сумму имеются расписки как от депутатов, так и от лиц, получивших пособие от депутатов; и товарищи рабочие знают, что они в любой момент могут проверить как наличность кассы, так и количество выданных пособий.

„Группа рабочих" говорит: „кто этот Хрусталев—мы не знаем. Знаем только, что он не Хрусталев, и что хорошие, честные люди не станут скрывать себя!".

Кто Хрусталев — известно всем товарищам рабочим, известно и полиции. Хрусталев никогда и ни перед кем не скрывался, и мы вполне согласны с тем, что будь „группа рабочих г. Петербурга" хорошими и честными людьми, они не стали бы скрывать себя, а подписались бы под листком своими фамилиями.

Кассир Исп. К-та Сов. Раб. Деп. *Введенский.*

Железнодорожная забастовка.

На Николаевском вокзале вывешено об'явление, что по причинам, независящим от Средне-Азиатской дороги, движение товарных и пассажирских поездов в местном и прямом Кавказско-Каспийском сообщении в обоих направлениях на Средне-Азиатскую дорогу прекращено.

25 ноября в В. Э. О. состоялось собрание служащих и рабочих железных дорог. На очереди был поставлен вопрос об организации областного совета и комитета. После долгих прений товарищей было поставлено на голосование следующее предложение: признает ли настоящее собрание необходимым считать общее собрание правильно избранных комитетов узловых дорог своим советом, который решает общие вопросы, относящиеся к данному узлу. Принимается единогласно. Затем был поставлен вопрос об исполнительном органе и должен ли таковой иметь решающий голос. По поводу данного вопроса было принято единогласно, чтобы от комитетов каждой дороги были избраны из своей среды по несколько лиц, которые составят бюро, являющееся исполнительным органом, ответственным перед узловым советом для выполнения тех дел, которые укажет ему совет. Не переходя к дальнейшим вопросам порядка дня, был выдвинут вопрос о всеобщей забастовке, так как со всех концов России получаются тревожные телеграммы по поводу полевого суда над инженером Соколовым и товарищами, при чем телеграммы адресовываются не к комитетам или в бюро, которые должны быть осведомлены о ходе событий, а к отдельным лицам, стоящим близко к делу, — Орехову и Елизарову. Затем была прочитана масса телеграмм по поводу военно-полевого суда и об'явления Лифляндской губ. на военном положении с просьбой присоединения к забастовке. Большинство высказалось против частичных забастовок, так как они только провоцируют общее движение российск. железных дорог, и по поводу этого жел.-дор. советом петербургского узла была вынесена резолюция, помещенная во вчерашнем номере „Новой Жизни".

В армии.

В числе арестованных в казармах флотских экипажей оказалось лицо, назвавшее себя сотрудником „Нашей Жизни". Всего арестовано 15 матросов.

Из партийной жизни.

Проект устава Спб. организаций Р. С.-Д. Р. П., выработанный Организационным Комитетом П. К. и П. Г. Р. С.-Д. Р. П.

1. Членом Спб. организации может быть всякое лицо, признающее программу Р. С.-Д. Р. П.: а) обязующееся подчиняться решениям партийных учреждений, б) делающее правильные взносы в кассу организации.

2. Низшей партийной орг. является подрайонное собрание. Крупные заводы и фабрики приравниваются к подрайонам. Районным организациям предоставляется организовывать в случае необходимости заводские собрания.

Примечание. В случае постановлений организации, непредусмотренных уставом типа, вопрос об их положении в организации решается Петерб. Комитетом.

3. В состав заводского и подрайонного собрания входят все, ведущие с.-д. работу в подрайоне или на заводе.

4. Подрайонное собрание выбирает подрайонный центр; заводское собрание—заводской центр.

5. В состав районного собрания входят все с.-д., ведущие работу в районе.

6. Районн. собрание выбирает районн. комитет. Как временная мера, в случае технической невозможности организовать такие выборы, голосование всего состава Р. К. происходит в подрайонных собраниях. Р. К. избирается тайной подачей голосов из числа всех членов партии, кандидатуры которых будут выставлены.

7. Р. К. руководит всей партийной деятельностью в данном районе, в пределах общепартийных и общегородских директив. Р. К. периодически созывает районное собрание, которому дает отчет во всей своей деятельности. Районное собрание обсуждает отчет и все текущие вопросы партийной жизни, по которым выносит постановления для руководства Р. К. По требованию трети членов районного собрания Р. К. должен быть переизбран. В случае невозможности созвать районное собр., Р. К. созывает в тех же целях подрайонн. собрание.

8. Спб. Комитет выбирается общим собранием всех Р. К. Спб. Ком. руководит всей партийной деятельностью в городе, в пределах общепартийных директив. Спб. Ком. периодически созывает общее собрание всех Р. К., которому дает отчет во всей своей деятельности. Общее собрание всех Р. К. обсуждает отчет и все текущие вопросы партийной жизни, по которым выносит постановления для руководства Спб. Ком. По требованию трети членов общего собрания всех Р. К. Спб. Комитет должен быть переизбран. В случае требования двух Р. К., Спб. комитет обязан созвать общее собрание всех Р. К.

9. Спб. Комитет организует специальные группы: боевую, военную и др.

10. Все учреждения выбираются первоначально на 6 недель.

Примечание. Все учреждения могут пригласить тов. с совещательным голосом.

11. Все вопросы решаются простым большинством голосов.

12. Число членов Р. К. не должно превышать 25 человек; число членов Спб. К. 30 человек.

13. Студенческие и другие интеллигентские соц.-дем. организации имеют собственные выборные центры. Представительство этих центров в общем районном собрании устанавливается Спб. Комитетом.

14. Всякое высшее учреждение может делегировать в каждое низшее учреждение одного или нескольких представителей с совещательным голосом.

15. Районн. Ком. передают в центральную кассу 50% своих доходов.

16. На об'единит. с'езд петерб. организация посылает представителей на основе пропорционального представительства сообразно числу голосов, поданных за две тактические платформы, выдвигаемые обоими течениями в партии.

Для проведения в жизнь слияния организации П. К. и П. Г., на основе выработанного устава, учреждается временный Орг. Ком., по равному числу из П. К. и П. Г. Орг. Ком. руководит работой по слиянию всех организаций.

О. К. является до выбора нового Спб. Комитета политическим руководителем соц.-дем. движения в городе.

П. К. и П. Г. пока остаются в прежнем виде для содействия О. К. в деле политического руководства и ведения текущей работы.

Для слияния по районам учреждаются Районные О. К. по равному числу от существующих районных комитетов. Районные Комитеты обеих фракций до выбора нового Р. К. устраивают совместное собрание для обсуждения и ведения текущих дел.

Орг. Ком. П. К. и П. Г. Р. С.-Д. Р. П. извещает партийные центры, что по вопросам устава и условий слияния местных партийных организаций достигнуто полное соглашение. Орг. Ком. настойчиво рекомендует Ц. К. и О. К., а также редакциям „Новой Жизни“ и „Начала“, немедленно об'единиться на равных для обеих сторон основаниях и выработать условия немедленного слияния местных организаций всей России и созыва общепартийного об'единительного с'езда.

— В последнем отчете Р. К. В. О., помещенном в „Новой Жизни“, есть заявление, которое не делал Р. К. Там сказано, что прежняя программа пропаганды найдена Р. К. неудовлетворительной, и поэтому им принята другая программа. Р. К. никогда не обсуждал программы пропаганды и новую программу не принимал, что касается прежней программы, то мы, рабочие-члены Р. К., можем дать такой отзыв:

Все рабочие, которых мы знаем, оставались очень довольны прежней программой пропаганды и просили ответственную пропагандистку дать нам эту программу, так как по ней легко запоминать знания и говорить. Мы, рабочие Р. К., будем требовать, чтобы новая программа не вводилась. Если прежняя программа не введется, то число рабочих будет отнято от организации.

Прежней ответственной пропагандистке, которая сложила свои обязанности, выражаем благодарность за данные нам ясные знания.

Рабочие-члены Р. К.: Ц. . . . .
И. . . . .
А. . . . .

---

25 ноября состоялось соед. собрание комитетов Городского района обеих фракций. По выяснении числа присутствующих оказалось, что как с той, так и с другой стороны многие из товарищей не могли явиться по разным причинам. Не было, между прочим, ни одного человека от ремесленников, которые до сих пор выделены в особый Ремесленный район.

В порядке дня, предложенном комиссией, выбранной из числа членов прежнего „Федеративного Совета Городского района“, значились следующие пункты: 1) вопросы об условиях слияния; 2) о соединении Ремесленного и Городского районов; 3) разделении Городского района на две части; 4) о клубах. По первому пункту дня, выслушав доклад одного из членов организац. комиссии, собрание решило не обсуждать в виду позднего времени доклад и ограничиться лишь вопросами к докладчику, с целью фактического раз'яснения отдельных пунктов предложенного устава. По второму и третьему вопросам собранием почти единогласно было постановлено: 1) желательно соединение Городского и Ремесленного районов, 2) независимо от того, будут ли слиты или нет эти районы, необходимо разделить Городской район на 2 части (по Гороховой ул. и линии Царско-Сельск. ж. дор.), в виду неудобств, связанных с раскиданностью по выяснению средств, имеющихся в распоряжении большинства и меньшинства районов, решено было немедленно открыть 2 больших соц.-демокр. клуба в каждой части разделенного района; для осуществления этого были соединены клубные комиссии обеих фракций, и всем членам районного собрания было предложено содействовать возможно скорейшему проведению в жизнь этого решения, не увлекаясь устройством крошечных клубов „своего“ подрайона или завода и не разбивая, таким образом, имеющихся средств.

Устав колпинского соц.-дем. политического рабочего клуба.

25 ноября состоялось собрание учредителей соц.-дем. рабочего колпинского клуба, чтобы окончательно составить устав клуба. Еще раньше рабочие высказывались о необходимости такого собрания, где они могли бы входить в общение друг с другом, учиться разбираться в экономических и политических вопросах и вырабатывать из себя вожаков и борцов за интересы рабочего класса. Председатель собрания выяснил еще раз ту огромную роль, которую должны сыграть политические клубы в настоящее время, когда приближается та всероссийская политическая стачка, которая нанесет последний роковой удар старому строю, и когда необходимо будет приступить к выборам в Учредительное Собрание. Получив возможность при помощи клубов собираться и обсуждать экономические и политические вопросы, мы, рабочие, будем в состоянии об'единиться

и научиться видеть, что наши интересы, интересы рабочего класса, совершенно противоположны интересам буржуазии, капиталистов, которые угнетают рабочий люд. Так как история окончательно показала, что спасти нас может только социализм, то мы решаем в нашей борьбе за свободу итти под знаменем Росс. С.-Д. Рабочей Партии, как единственной истинной представительницы интересов угнетенного рабочего класса. Только под ее руководством мы сорганизуемся в одну мощную армию пролетариата, которая завоюет весь мир!

Затем собрание единогласно приняло следующий устав:

О членах клуба.

§ 1. Действительным членом клуба может быть каждый, признающий руководство в политической и экономической борьбе Р. С.-Д. Р. Партии (без различия пола, национальности; возраст с 15 лет).

Участвующие:

§ 2. Все участвовавшие в учредительном собрании при открытии клуба считаются действительными членами клуба.

§ 3. Новые действительные члены принимаются общим собранием членов клуба по рекомендации 3 действительных членов клуба при отсутствии мотивированного протеста. Совершившие бесчестный поступок исключаются общим собранием, при условии, если за исключение выскажется большая половина из всех присутствующих членов клуба.

§ 4. Членом посетителем может быть каждый политически честный человек, уплативший соответствующий взнос.

Средства клуба.

§ 5. Средства клуба составляются из членских взносов, пожертвований и доходов (лекции, концерты и др. предприятия, устраиваемые клубом).

Задачи клуба.

§ 6. Задачи клуба — обсуждение вопросов политической и экономической жизни и удовлетворение потребностей общения и саморазвития рабочих.

§ 7. С этой целью клубом устраиваются рефераты и беседы, лекции, дискуссионные собрания, организуются библиотеки и читальни и т. д.

§ 8. Клуб нанимает помещение постоянное, а также и на отдельные случаи под лекции, спектакли и т. д.

Членский взнос.

§ 9. Действительные члены платят 1 р. вступительного взноса и 50 коп. ежемесячно.

§ 10. Члены-посетители платят ежемесячно 30 к. и пользуются правом посещать лекции, рефераты, пользуются читальней и библиотекой.

За единичный вход в клуб взимается плата в 5 коп.

Управление.

§ 11. Общее руководство клубом принадлежит собранию действительных членов клуба.

§ 12. Для руководства хозяйственной жизнью клуба избирается общ. собранием членов правление на 3 мес. из 7 членов (по требованию половины членов клуба производится переизбрание); для об'единения деятельности клуба с Р. С.-Д. Р. П. правление приглашает в свой состав двух выборных представителей от районного союза Р. С.-Д. Р. П. с правом решающего голоса.

§ 13. Общее собрание членов клуба созывается правлением по его собственной инициативе или по требованию 25 действительных членов клуба.

§ 14. Собрание считается законным, когда на нем присутствует не менее половины всего состава членов клуба.

§ 15. Все вопросы решаются простым большинством.

Колпинский район.

Колпинские Ижорские заводы.

В последнее время на заводах настроение рабочих было подавленное, вследствие произвола и насилия „известного" бойкотируемого г. Гросса. После одного митинга этот усердный администратор дошел до того, что вывесил об'явление, в котором оповещал рабочих, что никаких митингов он не допускает; что им будут приняты решительные меры, и митинги будут разогнаны военной силой. Несмотря на это, наиболее сознательные товарищи-рабочие решили устроить митинг, чтобы поднять настроение и выяснить товарищам необходимость организоваться и сплотиться под знаменем Р. С.-Д. Р. Партии. В виду этого на 24 ноября в половине 6 ч. был назначен митинг в механической мастерской, а перед этим были распространены прокламации соц.-дем. партии. В назначенное время рабочие собрались и ожидали, по обещанию Гросса, появления вооруженной силы. Один из товарищей, социал-демократ, стал говорить, призывая всех об'единиться и нанести последний удар одряхлевшему строю. В это время появился офицер-надзиратель, и масса, ожидавшая вслед за ним появления казаков, поддавшись панике, благодаря провокаторским крикам и выстрелу, разбежалась. Однако, другой товарищ соц.-дем. вместе с частью рабочих успел остановить бегущих, и митинг продолжался. Говорили о сущности и задачах социал-демократии, об Учредительном Собрании, демократической республике, о необходимости для рабочих клуба и т. д. В общем, митинг поднял настроение, и рабочие ждут не дождутся следующего митинга, открытия клуба, а пока записываются в социал-демократические кружки.

Сестрорецк.

24 ноября на митинге в Сестрорецком заводе говорили два оратора социал-демократа. Темами речей были рабочее движение и социализм; современный политический момент и его значение для России и всего мира; приближающаяся новая всеобщая политическая забастовка и вооруженное восстание; буржуазные партии и пролетарская. Товарищи Сестрорецкого завода просят об устройстве еженедельно митингов и агитационных собраний.

В 21 номере нашей газеты была помещена заметка о Сестрорецком чугуно-литейном заводе. Заметка эта вызвала недоумение многих товарищей. Недоумение это об'ясняется очень просто. Не нужно смешивать оружейный Сестрорецкий завод, рабочие которого, по своей сознательности и организованности, как это известно товарищам, стоят в первых рядах революционного пролетариата, борющегося под знаменем Р. С.-Д. Р. П., с Сестрорецким чугуно-литейным заводом за Нарвской заставой, к которому и относится помещенная в 21 номере заметка. Там, действительно, 22-го числа этого месяца был первый митинг, и рабочие, надо надеяться, организуются и примкнут к общей борьбе.

— В пятницу 25 ноября в с. Сестрорецке в помещении народного дома состоялась вторая лекция товарища Ф. Ф. по программным вопросам Р. С.-Д. Р. П. Серия лекций по программным вопросам устраивается местным зав. ком. специально для организованных рабочих с. Сестрорецкого оружейного завода. Присутствовало свыше 300 человек. Сегодня, 27 ноября, в помещении народного дома состоится обычный воскресный митинг.

Двинск.

21 ноября происходило собрание Двинского Ком. Р. С.-Д. Р. П. вместе с „периферией" (т. е. районными центрами и „сходкой" агитаторов и пропагандистов); на собрании присутствовало 59 человек. Собрание обсуждало вопрос о с'езде. Почти единогласно было постановлено послать делегата и на конференцию, созываемую Организ. Комиссией, и на с'езд, созываемый Центр. Ком., с совещательным голосом, в виду того, что организация здесь смешанная. По вопросу о созыве об'единительного

с'езда собрание обсуждало три проекта: 1) проект т. Рядового (см. „Н. Ж." № 5), 2) проект Петербургского К. (созыв с'ездов „б-а" и „м-а" на одинаковых основаниях, — представительство от организованных рабочих по 1 делегату на 300 человек, и слияние затем обоих с'ездов в один об'единительный союз) и 3) проект Организационной Комиссии (конференции „м-а" и „б-а" передают свои решения на обсуждение организаций; и лишь после этого обсуждения созывается об'единительный с'езд); 35 человек высказалось за проект Рядового, 10 — за проект П. К., остальные воздержались от голосования.

По вопросу об отношении к Бунду и другим национальным с.-д. организациям единогласно принято следующее постановление: „Собрание признает в высшей степени важным слияние в ближайшем будущем всех социал-демократических организаций, работающих в России; предлагает конференции и с'езду обсудить вопрос о том, как осуществить это пожелание; считает необходимым, чтобы на страницах партийной прессы немедленно начата была дискуссия по этому вопросу; чтобы центральные учреждения партии обратились в центральные учреждения национально-социал-демократических организаций с предложением совместно обсудить этот вопрос и предложили бы этим организациям высказываться по вопросу об об'единении на страницах нашей партийной прессы".

Во вторник 22 ноября опять происходило собрание К-а вместе с „периферией"; обсуждался вопрос о реорганизации партии. Собрание единодушно признало необходимым проведение выборного начала снизу доверху; все члены организаций в районе выбирают районный центр—„районн. сходку"; собрание районных центров и комиссии агитаторов и пропагандистов, т. е. так называемое периферийное собрание, выбирает местный комитет; в принципе признаны, правда, желательными прямые выборы к-а всеми членами организации, но такие выборы признаны в настоящее время нецелесообразными. Решение это принято всеми голосами против шести, комитет избирается на 3 месяца, имеет право кооптации $^2/_3$ голосов, но число кооптированных членов должно быть меньше числа выборных членов К-та; по требованию $^1/_3$ организованных рабочих или $^1/_3$ периферии производятся новые выборы в комитет.

Профессиональные союзы.

— Баллотировочная комиссия общего собрания союза приказчиков, состоявшегося 20 ноября, извещает членов союза, что по подсчету избирательных листков в совет и в кандидаты к ним выбраны следующие лица:

В совет: Козловский И. И. 535 голосами, Пирожков В. Ф. 517, Чванов П. С. 487, Сергеева В. 446, Прозоров А. М. 432, Садовников Н. Л. 431, Трусов А. Ф. 418, Иванов А. А. 409, Киселев Г. П. 402, Берлин И. С. 398, Ржечицкий В. М. 399, Носов Н. Е. 389, Гарри Н. 388, Смирнов Ф. Г. 377, Агафонов И. А. 374, Максимов Ф. А. 361, Калинин В. В. 359, Ильин А. А. 352, Аксенов А. А. 354, Козловский А. И. 334, Милоз Д. Т. 330, Михеев П. И. 326, Тимофеев М. Н. 324, Пожарский Д. А. 318, Захаров И. В. 302.

В кандидаты: Смольский И. П. 294 голосами, Леонтьев-Кинц Л. 282, Шаронов А. О. 264, Вильсон К. Х. 262, Куликов П. Я. 260, Левитин Г. О. 255, Капралов Н. В. 238, Митрофанов 232, Соловьев П. П. 227, Кульбах Э. 220.

— Среди городовых некоторых участков ходит по рукам следующее воззвание: „Товарищи! За что нас презирает общество, за что глумятся над нами рабочие, чем повинны мы? Бросив деревню, где осталась самая тощая песчаная полоска и старая дряхлая изба, мы, не сознавая своих интересов, под давлением нужды, вырвавшись из душной проклятой казармы, попадаем в другую казарму—полицейскую. Весь позор за преступные деяния наших обезумевших властей тяжелым бременем падает на нашу голову и неимоверно гнетет нас, наших жен и детей. В чем мы виноваты? В том ли, что стоим 18 часов в сутки на посту и, запыхавшись в кровавом поту, бегаем целый день, подчас исполняя гнусные приказания? В том ли, что в душных клоповниках участковых казематов, где тлетворное дыхание давит железным кольцом грудь заключенных, давили нещадно своими сапогами свободу, или в том, что, по приказанию высших властей, поддерживаем активно или пассивно варваров свободы — черную сотню? Да, не велика наша заслуга перед обществом, мы достойны глубокого презрения. Нет, тысячу раз, нет. Мы больше не пособники этих грязных в человеческой крови вампиров народа, которые ополчились, как в старину опричники, на крестьянство и рабочих. Это главная сила, которая заставляет трепетать их мелкую душу, и они то клеветой, то циничным обманом почти на каждом шагу стараются затормозить сознание рабочих масс. Товарищи! наша задача всех сознательных городовых без различия партийности по возможности сомкнуться, если не в открытую организацию, то по крайней мере в подпольную, постепенно мобилизуя свои силы на борьбу с правительством черной сотни. Мы призываем стать в наши ряды всех сознательных городовых, зная, что интересы материальные могут быть тогда лишь удовлетворены, когда уничтожим бюрократию. Только с уничтожением существующего государственного порядка, мы сможем реформировать полицию на демократических началах, тем самым охраняя интересы всего общества. Для этого нам единственный выход— это примкнуть к освободительному движению и вместе с народом завоевать себе свободу. Для этого мы предлагаем составить вооруженные групповые отряды и в момент нападения черной сотни на общество дать ей надлежащий отпор. Мы больше не городовые, а свободные граждане, вставшие с оружием в руках против общего врага. Группа сознательных городовых шести участков".

Союз поваров.

Во вторник 29 ноября, в $8^1/_2$ час. веч., в здании Василеостровского театра состоится собрание поваров для записи в члены союза.

Положение поваров одно из самых скверных. Они работают по 17—18 часов в сутки (а в случае экстренных заказов и больше), не имея праздничного отдыха. Особенно эксплоатируются ученики-подростки. Последние работают не менее взрослых, получают же за это 3—5 руб. в месяц. Для борьбы с такой эксплоатацией повара решили организовать союз. Союз по проекту будет бороться за свои профессиональные и правовые интересы, будет содействовать умственному и нравственному развитию своих членов и оказывать им материальную помощь. В интересах охраны рабочих от физического и нравственного вырождения, а также в интересах укрепления их сил к борьбе за освобождение рабочего класса союз будет бороться за:

1) Повышение заработной платы и установление ее минимума.

2) Сокращение рабочего дня путем введения двойной смены.

3) Запрещение предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничение рабочего времени подростков (16—18 лет) 6 часами.

4) Вознаграждение труда учеников.

5) Государственное страхование поваров на случай старости или полной или частичной потери способностей за счет специального фонда, составленного путем особого налога на предпринимателей.

6) Запрещение предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы.

7) Распространение надзора фабричной инспекции на заведения и участие выборных от поваров и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов.

8) Надзор органов местного самоуправления с участием выборных от поваров за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых поварам предпринимателями.

9) Учреждение правильно организованного санитарного надзора во всех заведениях при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей, бесплатной медицинской помощи для поваров за счет предпринимателей с сохранением содержания во время болезни.

10) Обязательность обратного приема поваров, призванных к отбыванию военно-учебного сбора.

11) Установление уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда.

В члены союза не принимаются лица, поступившие на работу во время забастовки взамен забастовавших, лица, поступившие за низшую плату, взамен уволенных товарищей, и лица, обвинен-

ные товарищеским судом в неблаговидных поступках. Не принимаются также предприниматели.

Вступительный взнос 1 рубль, а ежемесячный 50 коп. 50% всех доходов поступают в запасный капитал, который идет только на поддержание стачечников и их семейств.

Из жизни рабочих.

Фабрика Алексеева.

Со вторника 22 ноября ящичная фабрика Алексеева (за Невской заст.) забастовала, требуя повышения расценок (на 20%), 10-часового рабочего дня и др.

Через два дня прибавили 3%. Забастовка продолжается.

Орудийный завод.

26 ноября освобожден из-под ареста депутат от рабочих Канов, арестованный во время второй забастовки.

Мастерская Олофа.

Рабочие и работницы белошвейной мастерской Олофа собирались 19 и 23 ноября. Хозяин, г. Олоф, не довольствуясь получением со своих рабочих прибавочной ценности, учредил для себя следующие доходные статьи:

1) Работницы могут покупать материал для работы, нитки и стеарин только через него, при чем на катушке ниток хозяин наживал 30 к., а на куске стеарина от 5—7 коп.

2) Сбор со своих мастериц за пользование машинами по 2 р. в месяц.

3) За пользование полом и воздухом мастерской с тех, которые работали с своими машинами, — по 1 р.

Так дело шло несколько лет, пока рабочие и работницы, захваченные общим движением, не об'единились и не огласили дела в печати. Хозяин же, считая себя благодетелем рабочих, не преминул обидеться за такую их черную неблагодарность. Созвав „неблагодарных", хозяин потребовал, чтобы они в печати же опровергли свои слова, иначе он привлечет их к суду „за клевету".

К его искреннему негодованию рабочие и работницы сделать это отказались. Г. Олоф прибегнул к старому, испытанному другу — начальству. Но, увы! И старые друзья изменяют: приглашенный фабричный инспектор раз'яснил, что сделать для г. Олофа ничего не может, так как он не прав. Г. Олофу осталось прибегнуть к последнему средству — к подкупу, что он и сделал, по частям призывая мастериц и обещая прибавку, только чтобы они не шли вместе со всеми. Когда и эта попытка разбилась о солидарность рабочих и работниц, хозяин давал отступного, чтобы только замять это дело, сначала 200 р., потом 250, 300 до 400 р. „Неблагодарные"—отказались и от такой милости.

Г. Олоф винил „во всем" злонамеренных агитаторов и, желая умиротворить зазнавшихся работниц, намеревался уволить депутаток и не допускать посторонних подстрекателей на собрания; встретив дружный отпор со стороны работниц, принужден был оставить свои поползновения.

В таком положении находилось дело до 19 ноября. Около этого времени появились в мастерской разногласия, которые вызвали в конце концов вывоз на тачке одной, стяжавшей славу наушницы, мастерицы.

После всех событий состоялось 2-е собрание. 1-е — 19-го и второе собрание, общее, было 23 ноября. На этом собрании оратор с.-д., представив в истинном свете поведение хозяина, указал на необходимость и силу солидарности на примерах из окружающих событий и из жизни самой мастерской (которая недавно только добилась 9½-часового рабочего дня вместо 11 ч.). В результате принята была резолюция (единогласно), выражающая порицание хозяину, солидарность рабочих и твердое их намерение, если не теперь, в виду надвигающейся всеобщей забастовки, так потом, требовать хотя бы судом деньги с хозяина. Кроме того, решено отчислять 5% в пользу безработных и образовать кружки с целью подробного знакомства с программой Р. С.-Д. Р. П.

Завод Хаймовича.

26 ноября вывешено об'явление от конторы завода, приглашающее рабочих записаться на работы на старых условиях, т. е. 10-часовой рабочий день.

Новый Арсенал.

Начальник кузнечной мастерской Нового Арсенала после последней забастовки организовал в мастерской черную сотню при благосклонном участии рабочего Соболева, бывшего депутата комиссии Шидловского. Данная директива гласит: при первом появлении в мастерской рабочих-забастовщиков — избивать нещадно.

Металлический завод.

Окончив работы 25 ноября, рабочие Металлического завода сошлись в заводской столовой, чтобы обсудить некоторые профессиональные вопросы.

Рабочие мирно обсуждали свои дела, когда в столовую влетел полицейский пристав с грозным приказанием сейчас же прекратить собрание. Не дождавшись ответа, полицейский чин демонстративно удалился и позвал войска, припрятанные поблизости до поры до времени.

Войска оцепили столовую и дали первый сигнал предупреждения...

Рабочие разошлись немедленно, чем предупредили неминуемое кровопролитие.

Товарищество механического производства обуви.

22 ноября администрация Спб. товарищества механического производства обуви, чтобы разрознить ряды сплоченных рабочих и организованных в союз сапожного цеха, совместно с приставом 1-го участка Нарвской части и помощником закрыли помещение, где собирались рабочие, мотивируя это тем, что на собрании читались газеты „Новая Жизнь" и „Русская Газета" со статьею о союзе против рабочих.

Владелец хотел открыть фабрику и стал набирать рабочих по выбору, тогда принятые возвратили приемные листки. Но вследствие недавно начавшейся там организации, хотя и были там митинги и частные собрания, где обсуждались вопросы о необходимости борьбы, как экономической, так и политической, рабочие почувствовали себя разрозненными, вследствие закрытия собрания, и просили работать 24 ноября. Но вследствие того, что они вынесли резолюцию не приниматься за работу, пока не примут всех и признают депутатов, которые будут улаживать всякие недоразумения между администрацией и рабочими.

Пневматический завод.

Мы, рабочие завода пневматических машин, в виду отказа владельца завода удовлетворить пред'явленные нами требования, об'являем, согласно нашему постановлению, забастовку впредь до удовлетворения наших требований; вместе с тем мы постановляем ни в каком случае не соглашаться на предложение владельца завода отработать 2 недели на старых условиях и получить расчет только за эти две недели, мы требуем выдать немедленно расчет за две недели вперед. Самый завод, а также тех рабочих, которые решатся нарушить наше постановление о забастовке, мы об'являем под бойкотом.

Путиловский завод.

25 ноября днем и вечером на Путиловском заводе происходили митинги, отличавшиеся особенной многочисленностью. Впервые произошел митинг в паровозо-сборочной. За несколько минут до митинга начальник мастерской, захлебываясь от удовольствия, рассказывал, как избивают на митингах казаки рабочих, и говорил, что в его мастерской не было и не будет ни одного ми-

тинга. Вдруг свисток, машины останавливаются, и он к своему ужасу узнает, что именно сейчас в его мастерской произойдет митинг. Растерянный и озлобленный, он бросается сначала к смотрителю завода за казаками, а потом к директору с той же просьбой, но и здесь и там получил отказ. Рабочие были весьма довольны как митингом, так и сюрпризом черносотенцу-начальнику мастерской. Митинг в паровозо-механической мастерской начался предложением депутата расследовать обвинение рабочего Ивана Рабизо в провокации и шпионстве. Одним из товарищей было заявлено здесь же, что Рабизо выдал социал-демократический кружок, арестованный на Гутовой даче в д. № 43 из 14 ч. Еще несколько товарищей заявили, что тот же Рабизо выдал 50 чел. гапоновцев в Яре после 9 января и другой социал-демократический кружок из 20 с лишним человек. Рабизо, оправдываясь, сослался на то, что он был на одной из демонстраций знаменосцем, рисковал жизнью во имя свободы, идя в первых рядах, но он был сейчас же уличен товарищами во лжи, так как в указанный им день они видели его все время работающим в заводе. Рабочие дали ему один день срока для расчета. Оратор социал-демократ предложил не выносить сейчас решения, но избрать несколько лиц, детально рассмотреть „за“ и „против“ обвинения. Предложение было принято, и собрание перешло к обсуждению вопросов о порядке дня. В этот же день состоялись митинги в ново-снарядной, лафетной, пушечной; у чернорабочих выступали исключительно ораторы социал-демократы, только в паровозо-механической говорил социалист-революционер, базируя речь на аграрной программе, но успеха не имел. Темами речей товарищей были: тактика социал-демократии, классовый характер современного общества, класс и партия, отношение пролетариата к крестьянству, касса безработных.

Попытка черносотенцев сорвать митинг в пушечной не удалась, хотя несколько стекол было разбито камнями, но паники, как рассчитывала черная сотня, не произошло. Зато ночью тысячная толпа обходила мастерские и на тачках вывозила из завода черносотенцев, в число которых попал и один пашковец, призывавший к смирению, самоусовершенствованию и непротивлению злу.

Письма в редакцию.

Мы, солдаты Петропавловской крепости команды артиллерийского склада, желая помочь безработному и голодающему пролетариату г. Петербурга, единогласно решили при получении нами жалованья сделать посильные взносы на это святое дело.

Прилагая собранные 8 р. 30 к., просим наших товарищей-солдат откликнуться на призыв комиссии о безработных и делать посильные отчисления от своих скудных получек и не стесняться малою помощью, памятуя русскую пословицу: чем богаты, тем и рады.

Не нужно забывать, что они борются за общее народное дело и стремление к свободе, что нам так же дорого, как и им.

Нижние чины команды петербургского артиллерийского склада.

Г. редактор!

Просим дать место следующему: в настоящее время правительство все силы свои напрягает для того, чтобы подавить в России восставший революционный народ. Для этого организует черные сотни, состоящие из подонков общества и сыщиков. Мы, зная организаторов этих черных сотен, об'явим им, что, если погромы повторятся хотя один еще раз, как в массовых, так и в единичных случаях, если хотя капля крови прольется, как-то: интеллигентов, студентов, курсисток, рабочих или же евреев, то мы, сознательные агенты охранных отделений против (означенных) организаторов черных сотен применим меры, выработанные нашей группой. Гг. черносотенцы, все ваши черносотенские поступки не что иное, как желание попереть неот'емлемые права человечества — волю, свободу, собрания, союзы, печать, неприкосновенность личности и свободу слова. Подобное желание может быть только у деспотов, человеконенавистников или варваров. Мы, сознательные агенты, презираем вас и высказываем свое негодование, потому что ваши черносотенские действия ложатся всей своей тяжестью на нас, сознательных агентов. Мы призваны защищать человечество от террора, а не быть террористами, довольно с вас и того, что вы, скрываясь за нашими спинами, заставляете нас следить за каждым шагом общества, вы, забравшие нас в свои окровавленные руки, пользуясь нашим голодом и голодом наших семей, — заставляете нас терроризовать общество, следя за каждым его шагом, тогда как террор вызывает всецело правительство и его ставленники временщики.

Вы, угнетатели рода человеческого, вербуя нас для охраны человечества, заставили нас выполнять демонические замыслы, заглядывать в душу человека, вы, изверги, сознаете, что, раз в ваши руки попал человек, он уже не в силах вырваться из ваших кровавых тисков, иначе эти тиски раздавят его. Пусть же это будет так, пусть на нас смотрит общество, как на негодяев, но все же вы не убили в нас души: мы все принадлежим обществу и вместе с ним будем бороться за свободу человека. Вы знаете, что, оставляя ряды ваши, мы нигде не будем приняты и мы должны скитаться, как Иуда-предатель, мы, обезличенные вами, так пусть же кровь наша и несчастья наши падут на вас и ваше потомство, а мы тот же пролетариат и в его же рядах помрем, в борьбе против вас, изверги.

Группа агентов российских охранных отделений.

К товарищам-агентам, не примкнувшим к нашей группе, будут применены меры, как к организаторам черных сотен.

От редакции: принадлежность автора этого письма к охранному отделению редакцией проверена.

Г. редактор!

В № 19 „Новой Жизни“ мы прочли письмо наших бывших товарищей, 15 человек, уволенных правлением Витебской духовной семинарии за участие в похоронной процессии. Просим напечатать наше письмо к уволенным:

Товарищи! Шлем вам горячий привет! Не унывайте! Уж близко время, когда революционная борьба пролетариата и крестьянства создаст для всех нас вполне свободную школу и сметет с лица земли всех тех презренных крыс, которых не коснулось даже горячее дыхание революции.

Да здравствует революция!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствует социализм!

Бывшие „воспитанники“ Витебской духовной семинарии.

Мечеслав Бинасик, Михаил Шаповалов.

Милостивый государь,

г. редактор!

В 20 номере „Новой Жизни“ напечатана заметка под заглавием „Союз артистов“, в которой опорочено мое имя. Я скажу. По существу:

Во-первых, я не член союза сценических деятелей; во-вторых, я пригласил к себе для разговоров не „члена союза сценических деятелей“, а статиста „Драматического театра“, студента 2 курса юридического факультета Спб. университета г. Колычева; в-третьих, я не нянька актеров „Драматического театра“, и каждый из них (в труппе до 50 человек) может и, конечно, придерживается тех убеждений, какие ему по душе, а потому и до убеждений г. Колычева мне нет никакого дела, и они меня совершенно не интересовали и не интересуют. При нашем разговоре был свидетель, и ложь легко может быть обличена; в-четвертых, дирекция „Драматического театра“ передала это дело в совет старост спб. университета, о чем было заявлено в газетах („Сын Отеч.“ 23 ноября и др.), редакция „Новой Жизни“ должна это знать.

Льщу себя надеждой, что редакция „Новой Жизни“ во имя справедливости, которой, конечно, она служит, не откажет поместить это письмо в ближайшем номере.

С совершенным почтением

П. Бравич.

Через посредство вашей уважаемой газеты заявляем почтово-телеграфному ведомству, что мы отказываемся от получения всякой корреспонденции, адресованной на наше имя, до окончания забастовки почтово-телеграфных служащих и решительно протестуем против вручения нашей корреспонденции добровольцам, как лицам, не заслуживающим доверия.

Я. Федорова, Н. Иващенко, Е. Пономарева, Т. Пантелеева, О. Мшурина, Е. Кац, А. Гапеева, Камягина, Ю. Лупунль, А. Максимович, Коханова, Ф. Мажорова, М. Мушн, А. Доминская, Трубина.

Театр и музыка.

НОВЫЙ ТЕАТР.

(Дирекция Л. Б. Яворской.)

Евреи.

Пьеса в 4 актах *Е. Н. Чирикова.*

В революционную эпоху, переживаемую нами, чрезвычайно своевременна постановка такой пьесы, как „Евреи". Независимо от ее специального значения, как картины „безумия и ужаса" еврейских погромов, пьеса эта имеет и более широкий смысл, так как, созерцая ее, зритель как бы присутствует на митинге, где разрешаются важные и крупные социально - политические вопросы. Пишущий эти строки убежден, что посещение театра в день постановки „Евреев" может не мало послужить развитию политического сознания зрителей. Они увидят перед собой многоразличные типы русской общественности, они услышат представителей разнообразных мнений и партийных доктрин. Услышат пылкую проповедь сиониста Нахмана, этого поклонника национальной самостоятельности, не замечающего, что его горячие речи и фантастические грезы могут лишь послужить на руку тем, кому выгодно разобщение и раздробление международного пролетариата на особенные национальные группы. Созерцая „евреев", услышите вы и культурника-либерала в лице д-ра Фурмана, считающего социализм неосуществимой „утопией" и мирно уживающегося со своим мягкотелым либерализмом посреди бездны нищеты, насилия и страданий. И встанут перед вами рядом с Нахманами, Фурманами и иными, подобными им, фигуры людей, стоящих уже всецело на пролетарской точке зрения. Борух Френкель, его сестра Лия, жених Лии, Березин, и рабочий Изерсон являются в пьесе выразителями и защитниками идеалов пролетариата. В особенности, характерна фигура Изерсона. Крепкая и цельная, несокрушимо убежденная стоит она перед зрителями, и отрывистые, суровые истинно-пролетарские слова исходят из ее уст. Твердо верит Изерсон, что не вечно будет продолжаться эксплоатация человека человеком, что настанет пора, когда эксплоататорам придется расстаться со своей властью над рабочими массами. И эта твердая вера рабочего невольно передается слушающим его речи.

Алексеев.

Иностранный отдел.

Новое дипломатическое издевательство.

Буржуазно-монархическая Европа десятки лет издевается над несчастными и измученными Македонией и Арменией. Недостаточно издевательства и насилия со стороны всякого турецкого запти (жандарма). Нет! На помощь константинопольскому султану для усмирения восставших, порабощенных народов Турецкой империи всегда являются султаны и правительства всех европейских стран, от России до Англии.

Всякий раз, когда Армения или Македония поднимались против гнета, когда европейские дипломаты замечали, что угрожает опасность больному и умирающему султану, они являлись усмирителями македонских и армянских восстаний. Усмирив и задушив руками султана освободительное движение, дипломатия каждый раз об'являла о введении реформ в Македонии. И вот целые годы „вводятся" реформы в Македонии, под контролем европейской жандармерии. Что это за реформы и что это за контроль?

Реформ никаких,—контроль чисто финансовый, для обеспечения европейских займов, без конца заключаемых обанкротившимся самодержавным султанским правительством.

Банкиры при помощи своих правительств стремятся обеспечить проценты и погашения займов.

Ни о каких реформах, ни о каком политическом освобождении Македонии не помышляет серьезно буржуазная Европа. Россия и Австрия, занятые внутренними делами, Россия, занятая еще манджурской авантюрой, считали, что момент для раздела Турецкой империи еще не наступил. Поэтому армянские и македонские восстания, как нарушающие дипломатические планы европейских кабинетов, всегда подавлялись при содействии России и Австрии. Болгарское руссофильское и австрофильское правительство распускало и арестовывало все македонские комитеты, закрывало турецкую границу для свободного перехода македонских чет из Болгарии в Македонию.

Самодержавное русское правительство не хочет больше создавать „вторую свободную Болгарию", влияя на которую, оно думало когда-то получить ключ к Черному морю.

Это оно об'явило официально. В 96-м году во время армянского восстания, когда турецкие башибузуки уничтожали целые армянские города и деревни, армяне обратились за помощью к „защитнику и покровителю братьев-христиан", русскому правительству, прося его спасти их.

Ответ был ясен и короток: не хочу создавать второй Болгарии!

И македонские революционеры поняли, что только организованной борьбой смогут они добиться свободы. И действительно, через несколько лет вспыхнуло новое восстание в Македонии, охватившее почти все вилайеты (округи). Красный султан растерялся. Но на помощь ему поспешил русский дипломатический агент в Константинополе, и султан, заручившись поддержкой русского правительства, прибег к испытанному средству: — он снова залил Македонию кровью.

В то же время болгарское правительство получило ноту с определенными инструкциями. Руссофильское правительство того времени (сторонники прогрессивно-либеральной партии, вскормленной миллионами азиатского департамента) с готовностью исполнило приказание своих господ и всеми способами стало преследовать македонские комитеты. Вот как вводились „реформы" в Македонии.

И настоящая демонстрация европейских эскадр около островов Метилены и Имброса и одновременная нота болгарскому правительству с предложением принять меры против македонских комитетов никакой свободы, никаких реформ македонскому народу не несет,— это новое дипломатическое издевательство.

Если свобода Македонии и Армении и зависит от больших европейских государств, то она не может быть получена при помощи самодержавной России и полумонархической Австрии. Только свободная—демократическая—Россия даст возможность вздохнуть свободно и Македонии и всему Балканскому полуострову. Тогда и болгарский пролетариат, болгарская социал-демократия, которая с первого дня своего возникновения находится в близком родстве с социал-демократией российской, сможет поддержать дело македонской свободы, руководимое теперь так называемой „внутренней македонской организацией". Что представляет из себя эта „внутренняя организация" — как-нибудь в другой раз.

Ника Ломов.

Польша и Литва.

В Варшаве, после снятия военного положения, революционная жизнь разливается широким потоком. Происходят ежедневно митинги на местных фабриках и заводах, созываются организационные собрания. В день „снятия диктатуры" по Маршалковской улице прошла процессия рабочих с красными флагами и революционными песнями. Но не обошелся этот день и без „прискорбных событий". Какой-то рабочий обратился к проходящему патрулю со следующими словами: „Куда

идете? Ступайте домой, ведь военное положение снято". Последовал выстрел, и рабочий упал, смертельно пораженный пулей. Другой случай имел место вечером. Было назначено собрание сапожников с целью основания профессионального союза. Явилась полиция и потребовала разойтись. Присутствующие ответили отказом, мотивируя свое поведение снятием военного положения. На это последовал ответ: „Временные постановления еще остаются в полной силе. Расходитесь! в противном случае будет применена военная сила". Через несколько минут, когда рабочие еще не могли посоветоваться относительно дальнейшего своего поведения, ворвались в собрание казаки, которые приступили к избиению собравшихся. Несколько человек опасно ранено.

Со снятием военного положения не прекращаются репрессивные меры администрации, не прекращаются аресты.

Во Влоцлавке, например, арестованы доктор Крашевский, Гаак и др. за распространение нелегальной литературы. В Ракове на фабрике „Ганке" положение дел остается попрежнему. Арестованные инженеры не выпущены на свободу; родственникам их не разрешают свиданий, фабрика все время охраняется войсками и 1800 рабочих лишены всякого заработка. Произвол и насилие властей и войска господствуют „по-старому", как будто в силу закона инерции. Приводим факт, имевший место в Лубедзицах, Петроковской губернии. Полиция арестовала ксендза Жака, и по предписанию губернатора он был отправлен в Оборский монастырь. Перед от'ездом его, на вокзале, собрались прихожане, чтобы проститься с любимым наставником. Вдруг явился отряд драгун, который и приступил к избиению собравшейся публики. Предводительствовал отрядом железнодорожный жандармский офицер.

Заявление 30.000 поляков.

Правительственные сообщения от 30 октября (12 ноября) и 6 (19) ноября 1905 года, стараясь оправдать распространение военного положения на все Царство Польское и приостановление в нем пользования правами и преимуществами, которые признаны за населением конституционным манифестом 17/30 октября 1905 года, обвиняют нас, поляков, в „мятежных замыслах" и „посягательстве на целость государства".

В виду этого заявляем:

Когда манифест от 17 (30) октября даровал конституционную свободу жителям Империи и Царства Польского, мы, поляки, приняли его с доверием и надеждою, что период обид и беззаконий, совершаемых в нашем крае в течение многих лет, миновал, а пробил час справедливости, час признания за нами всех гражданских прав и восстановления нашей автономии, ни в чем не нарушающей целости государства.

Не только не проявилось никаких сепаратистических стремлений, сопряженных с желанием вызвать вооруженное восстание против России, но, напротив, утвердилось всеобщее убеждение, что, основанный на законе и справедливости, союз польского народа с русским может принести обеим сторонам неисчислимые пользы, что он создаст эпоху мира, возрождения и укрепит оба народа.

Свидетельствуя перед русским общественным мнением об этом нашем воззрении, которое единственно логично и правдиво, мы протестуем самым решительным образом против правительственных сообщений и заключающихся в них обвинений и об'являем, что мы их признаем актами, стремящимися ради интересов реакции и бюрократии к возбуждению розни двух народов, которые путем свободы могли бы достигнуть согласия и укрепить одержанные права.

Приблизительно число собранных до сих пор подписей — тридцать тысяч. К каждой подписи присовокуплен адрес. — Забастовка почты замедляет возвращение листов, высланных в отдаленные местности Царства Польского.

Варшава, в ноябре 1905 года.

Областной отдел.

(Корр. „Новой Жизни".)

Ростов (Ярославск. губ.).

19 и 20 ноября происходили митинги, устроенные Ростовской Группой Р. С.-Д. Р. П. (при Ярославском Ком.). На первом митинге, 19-го, было человек 300. Ораторы говорили о политике правительства со дня издания манифеста, о том, как „неуклонно" проводятся начала „действительной неприкосновенности личности", „действительной гражданской и политической свободы". Говорили о с'езде городских и земских деятелей, о партии порядка, о красном и белом знамени. Слушатели были, главным образом, рабочие.

21-го общенародный митинг привлек массу слушателей: зал земской управы был битком набит. Оратор ознакомил собрание с крестьянским союзом, с решениями с'езда этого союза и выяснил отношение к нему Р. С.-Д. Р. П. Было много крестьян, и речь оратора все время прерывалась возгласами; „верно", „правда". Потом говорили о движении в армии и о тактике пролетариата. Когда окончились речи, была предложена и принята резолюция, в которой говорится, между прочим, что присутствующие на собрании „приложат все силы к тому, чтобы образовать прочный союз городского рабочего класса с деревенскою беднотою для борьбы под знаменем Р. С.-Д. Р. П. за полное экономическое и политическое освобождение". Особенно интересовались крестьяне, и ораторы все время к ним обращались. В конце митинга раздалось несколько „патриотических" голосов, но их никто не поддержал.

Второй митинг состоялся благодаря с'езду народных учителей и учительниц Ростовского уезда. Обсуждался вопрос о присоединении к всероссийскому союзу учителей и об отношении к крестьянскому союзу. Большинство ораторов говорило о необходимости вступать в ряды крестьянского союза, чтобы помогать ему в его борьбе. Крестьянин-учитель сказал: „Крестьянский союз—несокрушимая каменная гора. Обопритесь об нее, и вы будете несокрушимы". Соц.-дем.—оратор от Группы—указывал на другую задачу народных учителей. Необходимы в деревнях революционные крестьянские комитеты. Пусть теперь же возьмутся за подготовку их—словом и делом. Пусть народные учителя свяжут себя с классом, революционным до конца. Пусть свяжут себя с борьбою Рабочей Партии.

Третьим был митинг приказчиков. Начало союзу уже положено.

На всех митингах было распространено много соц.-дем. литературы, особенно для деревни давали щедро, а крестьяне просили побольше.

Из нескольких окрестных деревень приезжали за ораторами соц.-дем.

Прибавлю еще, что в казармах ростовской артиллерийской бригады митинги устраиваются открыто, и запретить их — значило бы поднять восстание бригады.

Кострома.

(Корр. „Новой Жизни".)

20 ноября состоялось первое полное собрание Совета Рабочих Депутатов города Костромы; присутствовало до 135 делегатов. Собрание открылось выбором постоянного председателя (тов. Малышева-Пожарного) и двух секретарей.

После весьма оживленного обмена мнений постановлено считать Совет окончательно организовавшимся. Было постановлено в качестве исполнительного органа Совета избрать особую исполнительную комиссию; в нее выбраны трое товарищей с Зотовской фабрики, четверо с Кашиной, один с Чумаковской (махорочн.). Выборы с Михиной пока отложены. Кроме того, в комиссию на правах полноправных ее членов с правом решающего голоса и в самом Совете постановлено пригласить двоих представителей от местного Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. Решено пригласить товарищей Степанова и Афанасьева.

Исполнительной комиссии поручено выработать проект устава Совета, а также и Стачечной Кассы, пополняемой из процент-

ных отчислений от заработка. Исполнительной комиссии также поручено издание и редакция постоянного органа Совета „Известий Совета Рабочих Депутатов гор. Костромы".

Идет деятельная организация также и профессиональных союзов.

Собрание делегатов профессионального союза служащ. губернского земства от 20 ноября постановило ассигновать 200 руб. на поддержку недостаточных забастовочников костромской почтово-телеграфной конторы и 100 рублей в распоряжение Совета Депутатов Рабочих г. Петербурга на поддержку выброшенных на улицу более 100 тысяч рабочих. Первое постановление—отказано в выдаче жалованья. Кроме того предположено образовать из ежемесячных отчислений особый фонд для поддержки борющихся за правовые и экономические улучшения.

20 ноября собрание типографщиков. Был выработан устав профессионального союза работников печатного дела; выбран представитель в Совет Рабочих Депутатов, выбрана временная комиссия для записи членов и созыва общего собрания в целях окончательной организации.

Происходят учредительные собрания вновь образующихся союзов слесарей, серебряных и часовых дел мастеров, портных, а также служащих в гостиницах и ресторанах. Союзы этих цехов в скором времени начнут действовать.

20—21 ноября состоялись обычные социал-демократические митинги в Михинском сквере, привлекшие каждый до 2 тысяч человек. Один из ораторов социал-демократов знакомил слушателей с задачами и значением вновь организовавшегося местного Совета Рабочих Депутатов, указывал на важность Совета, как собственного правительства рабочих, и его громадное значение в деле борьбы рабочих за экономическое и правовое положение. Указывалось на важность для Совета руководства партией передового пролетариата в лице Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Другие ораторы социал-демократы раз'яснили слушателям всю важность настоящего момента, когда борец за всенародную свободу российский пролетариат получил сильное подкрепление со стороны братьев крестьян и солдат. Один оратор говорил о неизбежности и близости вооруженного восстания и замены правительства Витте временным революционным правительством. В самом недалеком будущем в Костроме созывается митинг чиновников. Количество их определяется приблизительно в 400 чел. Как говорят, некоторые чины полиции хотят непременно посетить этот митинг в качестве слушателей.

Саратов.

(Корр. „Новой Жизни".)

В Саратове забастовка началась в 1 реальном училище 9 ноября. Вскоре к ним примкнули и остальные учащиеся. В городе теперь не функционирует ни одно саратовское учебное заведение. Даже низшие, в которых публика постарше возрастом, примкнули к нам. Общие требования: 1) свобода собраний, 2) свобода союза, 3) отмена классного и внеклассного надзора, 4) лекционная система преподавания, 5) учреждение товарищеского суда, 6) возвращение товарища Матанцева — ученика аткарск. реальн. училища, уволенного за забастовку.

Аткарские учебные заведения примкнули к нам. До 18 ноября в учебных заведениях шли сходки каждого учебного заведения по отдельности, на которых постоянно присутствовало по несколько депутатов от стачечного комитета.

В пятницу, 18 ноября, состоялась общая сходка учащихся в фельдшерской школе. Присутствовало до 1.500 человек. На этом собрании единогласно решено присоединиться к всероссийскому союзу учащихся и об'явить бойкот некоторым главарям свобододействующих (всего их здесь до 200—250 чел.). На этом собрании принято следующее постановление:

„Мы, учащиеся всех средне-учебных заведений г. Саратова, собравшись на сходку в количестве 1.500 чел., приняли следующую резолюцию: — признавая, что единственным средством борьбы за наши элементарные требования, необходимые для дальнейшей борьбы за свободную школу, является забастовка, решили бастовать вплоть до удовлетворения всех наших требований во всех учебных заведениях города Саратова.

„В виду полной солидарности интересов учащихся, мы решили поддерживать всех пострадавших за забастовку товарищей всеми возможными для нас средствами".

Настроение бодрое. Забастовкой руководит центральный стачечный комитет.

Лаудон.

(Лифляндской губ., Венденского уезда.)

2 ноября с. г. состоялось в имении Лаудон народное собрание, в котором участвовало около 2.000 жителей местного населения. После долгих переговоров и рассуждений собрание приняло следующие резолюции:

1) Игнорировать Государственную Думу и требовать созыва народных представителей на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

2) Требовать отмены усиленной охраны и военного положения.

3) Освободить всех политических „преступников", равно и тех, которые заключены за так называемые религиозные преступления.

4) Освободить наши народные школы от управления чиновников и передать их в руки волостного общества. Все предметы преподавать на родном, латышском языке, исключая русский язык, как учебный предмет. Закон божий исключить из программы народных училищ.

5) Раз'единить школу и церковь, отделив последнюю от государства.

6) Волостное правление должно прекратить все сношения с местными администраторами, как-то: комиссарами по крестьянским делам, начальниками уезда, губернатором и т. д., до тех пор, пока не будет выбрано новое представительство местного самоуправления на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7) Не платить налогов лифляндской дворянской ландратской коллегии, а равно и лифляндскому дворянскому поземельному кредитному обществу, впредь до выяснения отношений в делах самоуправления губернии между крестьянством и дворянством. Отказаться от арендной платы помещику и лютеранскому пастору за арендуемые усадьбы.

8) Всю продажу спиртных напитков, равным образом и местный пивоваренный завод, закрыть не позже 5 ноября с. г.

9) Не дозволять помещику продавать лес для отплыва, но требовать продажи его для дров местным крестьянам за умеренные цены.

Киев.

В ответ на военное положение, введенное в Киеве, 9 самых крупных заводов об'явили стачку, в том числе железнодорожные мастерские арсенала, заводы Греттера и Южно-Русский. Но благодаря военному положению нельзя было собрать ни одного митинга, и местной социал-демократической организации приходится довольствоваться незначительными конспиративными собраниями. Несмотря на это тяжелое для местных пролетариев обстоятельство, стачка проводится дружно, и вот уже пятый день, как заводы стоят, бережно охраняемые воинскими патрулями. Общий обывательский фон города мало изменился. Военные власти не стесняют мирного обывателя в праве свободного передвижения по улицам города. („Начало".)

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ВТОРНИК, 29 НОЯБРЯ
(12 декабря) 1905 г.

№ 24

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

Новая Жизнь

Российская
Социал-Демократическая
Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

На-днях выходит из печати новая книга

„Из истории студенческих волнений“.

Чистый доход с издания поступает в стачечный фонд.

Студентам и учащимся скидка. Обращаться от 12—2 ч.: 1) Вас. Остр., 14 л., д. 45, кв. 30. 2) 5-я рота, д. 28, кв. 12.

Склад издания: Т-во „Общественная Польза“, Б. Под'яческая, 39.

Число экземпляров ограничено.

Комиссия о безработных Выборгского района об'являет:

I) В виду недостатка средств, пособия выдаются с 27 ноября на следующих основаниях:

а) Холостым выдавать чековый билет на обед в 15 коп. и деньгами 10 к., всего в день 25 к. каждому.

Примечание 1-е. На первое время чековый билет на обед выдается в 10 коп. и деньгами 15 коп.

Примечание 2-е. Обеды получаются в выборгской народной столовой (Нобель).

б) Мужу и жене бездетным чековые билеты на обед по 15 коп. и деньгами по 10 коп., всего обоим 50 коп. в день.

в) Мужу, жене и одному ребенку — мужу с женой по 25 коп., ребенку — 15 к., всего 65 к. в день.

г) Мужу, жене и двоим детям — мужу с женой по 25 коп., детям по 10 к., всего 70 коп. в день и т. д., прибавляя на каждого ребенка по 10 коп.

II) Для определения степени нужды обращающихся за пособиями рабочих в помощь депутатам по заводам и фабрикам должны быть образованы комиссии по одному человеку с каждой мастерской, на заседания которых районная комиссия имеет право делегировать своих членов.

III) Деньги и чеки на обеды выдаются сроком на два дня.

В состав районной комиссии входят 4 члена Исп. Ком. при С. Р. Д., 4 члена Р. С.-Д. Р. П. (2 от большинства и 2 от меньшинства) и 2 члена от партии с.-революционеров.

Денежные пособия и чеки на обеды выдаются на Оренбургской ул. № 27, в помещении бюро профессион. союза волокнистых веществ.

От Исполнительного Комитета Спб. отделения всероссийского телеграфного союза.

Временно управляющий министерством внутренних дел г. Дурново заявляет, что образование союза почтово-телеграфных работников не может быть и не будет разрешено, и что после правительственного раз'яснения все примкнувшие к союзу лица являются „изменниками“ и „мятежниками“. На это Исполнительный Комитет Спб. отделения всероссийского почтово-телеграфного союза отвечает: что союз существует и будет существовать, и что разрешения временно управляющего министерством внутренних дел не требуется, так как союз образовался явочным порядком, на основании манифеста 17 октября. Поэтому „изменниками“ и „мятежниками“ являются не почтово-телеграфные работники, а г. Дурново, явно нарушающий манифест. На этом основании почтово-телеграфные работники с таким же правом бросают эти оскорбительные слова обратно в лицо г. Дурново.

Исполнительный Комитет Спб. отделения всероссийского телеграфного союза.

С.-Петербург.

29 ноября 1905 г.

Реакционные покушения.

В последние дни правительство предприняло целый ряд мер, которые не могут уже оставлять ни в ком сомнения, какова цена бумажным обещаниям „свобод“. Сперва мы читали в правительственных сообщениях и пресмыкающихся газетах, что следует повременить, не выражать нетерпения, ибо реформы делаются не вдруг, и пока-что надо жить под старыми законами, которые будут применяться „в духе манифеста 17 октября“. „Дух“ этот достаточно обнаружил свое скверное происхождение. Хулиганство и черносотенство властей всех рангов, подавлявших попрежнему политическую свободу граждан; провокация темных элементов народа с целью разжечь национальную, религиозную и политическую вражду между отдельными его частями; самое грубое, порой зверское нарушение неприкосновенности личности и жилища граждан; наконец, прямой грабеж и убийство— вот чем ознаменовалось время после манифеста 17 октября. А между тем правительство продолжало жаловаться, что отсутствие „спокойствия“ мешает его работе по части созидания гражданской „свободы“, и, обращаясь

к „благомыслящей части общества“, винило во всем социал-демократов и других революционеров.

Теперь маска сброшена. Правительство заговорило опять языком бравого полицейского пристава, полагающегося на всемогущество своего „тащить и не пущать“. „Приказ“ управляющего министерством внутренних дел Дурново по поводу забастовки почт.-тел. служащих показывает, что на своих чиновников и „вольно-наемных“ правительство смотрит с точки зрения устава о гарнизонной службе. По мнению министра, почтово-телеграфные работники должны безропотно, по „долгу службы и присяги“ нести свой каторжный труд за нищенское вознаграждение, которое не избавляет от голода, болезней и преждевременной смерти их самих и их семьи. Стремление к организации в союз для защиты своих интересов, защиту нагло попранных общегражданских прав путем забастовки правительство называет „изменой“ и „бунтом“; бунтовщикам оно грозит судом, а пока что выбрасывает их с семьями на улицу, обрекая на голодную смерть.

Расчет ясный: правительство полагает, что еще молодой, неокрепший союз почтово-телеграфных служащих не в состоянии будет обеспечить уволенных товарищей, у которых, конечно, не может быть своих сбережений от нищенского жалованья. Часть будет выкинута за „борт“ государственной службы, другая, испугавшись голода, смирится. Этот не хитрый, но гнусный план, возможно, удастся. Правительство может тогда торжествовать победу. Но не рано ли? Ведь из многотысячной армии служащих в государственных учреждениях и те, которые не подчинятся „приказу“ не участвовать в союзах и забастовках, и те, которые, затаив злобу за попранные права личности — гражданина и готовя месть за пережитый позор измены товарищам, оставшимся твердыми, вновь возьмутся за служебную лямку, — все ясно поймут, что нынешнее правительство есть правительство гнета и насилия, и что, только свергнув его, добившись действительно демократического государственного строя, труженики смогут получить гражданские права и улучшить свое экономическое положение.

Стремление со стороны правительства лишить общегражданских прав служащих в государственных учреждениях не ограничивается, конечно, почтой и телеграфом. Правительство высказывалось уже, что все чиновники не имеют права участвовать в союзах. И если оно уделило особое „внимание“ работникам почты и телеграфа, то об‘ясняется это, конечно, громадным значением для общественной и государственной жизни почтовой и телеграфной службы. Это внимание разделяют с почтой и телеграфом также и железные дороги. „Новое Время“, попрежнему хорошо осведомленное о намерениях правительства, сообщает, что сегодня в Государственном Совете рассматривается проект „временных правил о стачках“.

Готовится закон, который тюрьмой будет наказывать „подстрекательство“ к стачке и участие в ней служащих на железных дорогах, на правительственном и железнодорожном телеграфе, на телефоне общего пользования, в правительственных учреждениях и „вообще в таком предприятии, прекращение или приостановление деятельности коего угрожает безопасности государства или создает возможность общественного бедствия“. К предприятиям двух последних родов легко можно отнести водопроводы, бойни, осветительные заводы, арсеналы, казенные верфи и т. п. Если к этому прибавить, что в тюрьму хочет правительство тащить также тех стачечников, которые „снимают“ менее сознательных или менее мужественных товарищей, то станет ясно, какую „свободу“ стачек изготовило правительство, приглашавшее граждан к терпению.

И здесь план правительства ясен. Оно хочет вырвать из рук пролетариата и всех тружеников вообще оружие, которым они победили самодержавие. На место фактической свободы, завоеванной революцией, правительство хочет поставить „бумажную“ свободу, ограниченную законом, который дает право попрежнему давить борьбу граждан за их права и интересы.

„Временные правила“ о печати, получившие уже силу закона, еще раз раскрывают эти намерения правительства. Новые „правила“ дают правительству „законное“ основание судить и сажать в тюрьму за возбуждение в повременном издании к устройству или продолжению забастовок рабочих, служащих на железных дорогах, телеграфе, телефоне, в правительственных учреждениях, учащихся в учебных заведениях; тюрьмой же или арестом наказывается непочтительное отношение к „правительственным установлениям“ или возбуждение путем печати в обществе тревоги; ссылку на поселение или арестантские роты правительство сулит за возбуждение в печати войск к нарушению обязанностей военной службы и т. д. и т. д. Словом, новый закон предоставляет полный простор привлекать газеты к суду каждый день за каждую политическую статью. „Даруемая“ им свобода печати получит еще более полное освещение, если указать, что закон требует представления номеров в цензуру и дает право суду приостанавливать издания до судебного приговора, а по приговору прекращать издание совсем. В то же время для газет и журналов, печатаемых не на русском языке, устанавливается двухмесячный (!) срок для ответа администрации на заявление об издании, и для изданий, печатаемых вне городов, сохраняются в силе все старые цензурные правила.

Таковы новейшие покушения правительства на свободу политической и гражданской жизни народа. Возвестив в манифесте 17 октября, что „отныне“ каждый закон должен получать утверждение народных представителей, правительство пытается посредством изданных старым бюрократическим способом временных правил создать себе „законную“ почву для насилий над гражданами и для политического гнета.

Но для чего и для кого понадобился этот обман? Кто теперь поверит в законность этого явного беззакония, в спасительность изданных самодержавным правительством законов, хотя бы и временных, и подчинится им? Не лучше ли правительству ограничиться насилием, так сказать, в чистом виде? Известиями об арестах и обысках по положению об усиленной охране, о разогнанных полицией рабочих клубах, митингах, собраниях, лекциях и т. д. опять пестрят газеты.

Но чем откровеннее становится реакция, чем гнуснее становятся правительственные приемы подавления народной революции, тем настоятельнее необходимость союза всех революционных сил для дружного натиска на общего врага. И в этом союзе пример должен показать рабочий класс, об‘единившись под знаменем Р. С.-Д. Р. П.

П. Румянцев.

Русская печать.

*** Финансовый гений „Нового Времени"—г. Табурно — занялся, наконец, вопросом о наделении крестьян землею, хотя, как известно, еще на-днях заявлял, что вопрос этот можно обойти. Можно обойти, но можно и не обходить. Для такого человека, как Табурно, ничто не трудно.

Было бы весьма просто,—пишет он,—как это советуют крайние партии, отнять нужные земли у владельцев, но правительство, раз оно хочет остаться лойяльным, не может, разумеется, итти по революционному пути. Оно не может в настоящее время произвести принудительного отчуждения, возмещая стоимость отчужденных земель процентными бумагами. В каждом отдельном случае придется итти по пути добровольного соглашения, уплачивая, смотря по желанию владельца, или процентными бумагами, или наличными деньгами, при чем, если добровольным соглашением не удастся установить цены, то таковая должна быть определена тем же порядком, каким по существующим законам оцениваются земли, подлежащие принудительному отчуждению.

Заметьте это грациозное вступление: правительство не может отнять, оно не может платить процентными бумагами. Об ином отнятии г. Табурно не удостаивает и упоминать, вопрос для него лишь в том, платить ли бумагой или золотом. Ответ несомненный — золотом! По расчету автора,

сумма, за которую государству придется уплачивать проценты, будет около 4 миллиардов 300 миллионов рублей; считая по 4,5% годовых (щедр г. Табурно!), получим, что ежегодный платеж по всей сумме составит около 200 милл. руб. Распределяя эту сумму на крестьянское население, получим на душу около 2 р. 30 к., или на среднюю семью около 10 руб. Понятно, что такой налог будет непосилен для крестьян, и мне кажется, в первые десять лет было бы едва возможным брать с крестьянской души более 50 коп., или около 50 милл. руб.

Видите, как дешево, по крайней мере „первое время".

Исходя из этого расчета, государству пришлось бы доплачивать из общих ресурсов ежегодно около 150 милл. руб. Но не одно увеличение земельных наделов вызовет государственные расходы. Помимо наделения землей, нужно будет часть крестьян расселить, так как настоящее распределение земель по губерниям не соответствует земельной нужде крестьян. На этот предмет придется ассигновать не менее 500 милл. руб. Значит, платежи государства увеличатся до 175 милл. руб. в год.

Из каких источников возможно будет покрыть этот новый расход?

Да, это вопрос. Ведь единственным реальным источником государственных доходов является все тот же труд крестьянства и рабочего класса. Если вы скажете: крестьянство будет платить гг. помещикам 50 милл., а остальное уплатит государство, то не придется ли вам добавить: „взяв необходимую сумму с того же крестьянства"?

Правда, можно сократить некоторые расходы, но общий дефицит, по г. Табурно, достигает 370 милл. рублей! С ним не так легко справиться.

*** 17 октября, по Меньшикову, — блистательная победа революции, которую она, конечно, не могла одержать своими силами.

У революционеров не было ни одной пушки, ни одного штыка. Где уж тут сражаться „грудь с грудью" с властью, у которой и штыков и пушек сколько угодно.

Победы достигнуты благодаря поддержке родственных между собою, по меньшиковской этнографии, национальностей: японской и еврейской; конституция 17 октября должна была бы быть напечатанной на японской бумаге еврейским шрифтом. Как бы то ни было, цель достигнута, и дальше итти и не за чем и опасно.

Французская революция шутя истребила слабого „Людовика Капета", но, ринувшись к власти, вдруг ударилась о маленького капрала и расшиблась на смерть. Одним словечком: „Feu!" сказанным во-время, он покончил с великой смутой.

Как страшно! Но ведь наши слабые „Людовики Капеты", кажется, уж столько раз, начиная с 9 января, произносили маленькое словечко „Feu!",—что революция могла к нему несколько привыкнуть. Впрочем, по словам Меньшикова, правительственной реакцией теперь „и не пахнет". Если что грозит революционерам, — то это реакция народная. Эту последнюю реакцию Меньшиков представляет себе очень своеобразно:

Представьте, что крестьянам ничего не выгорит и что деревенские мятежи вызовут репрессии со стороны власти. Ответственность за репрессии упадет не только на власть, но и на подстрекателей. Тогда кроме поместного класса на вас ополчится народ.

Итак, правительственной реакции ни в каком случае не будет, ею и не пахнет. Просто, правительство розгами и пулями потопит в крови народное движение, а тогда начнется „народная" реакция.

Но если даже состоится черный передел, до аграрного социализма дело уж никак не дойдет, так как мужик „упрется лбом" в захваченную землю и захочет быть хозяином ее. Эта мысль, сама по себе верная, аргументируется у Меньшикова со свойственным ему грациозно отвратительным и развязным бесстыдством. По его мнению, народ уже пресыщен социализмом:

Народ в сущности уже пережил эту утопию. В хороших крепостных хозяйствах мужики работали с прохладцей. Они не имели своей собственности, но помещик заботился о них, как о племенном скоте. И сравнительно с теперешним, крестьяне были куда богаче, однако тяготились, тосковали.

Не иметь собственности, работать с прохладцей и быть чьим-нибудь племенным скотом — вот социализм г. Меньшикова!

*** По поводу разнесшихся в воскресенье слухов о новой правительственной аграрной реформе газета „Новости" пишет:

Во вчерашних газетах напечатан слух о том, что правительство решило поступиться казенными и удельными землями в пользу крестьянской массы. В среде рабочих масс г. С.-Петербурга этот слух породил весьма оживленные толки, газетные заметки комментировались с живейшим интересом. И нужно сказать, что комментаторы, в особенности в первое время (с утра), приходили к весьма преувеличенным выводам.

Этой мерой правительство разобьет революционную массу... Крестьянство, удовлетворенное в своей главной нужде, отпадет от революции и встанет на сторону правительства. А за ним пойдет и войско, так как огромный процент солдат—крестьяне. Останутся одни рабочие и интеллигенты, которых не трудно будет обуздать.

Но уж к вечеру переоценка грядущего мероприятия стала выясняться. Группы рабочих, разделившись по „землячествам" констатировали совершенно противоположное.

— В центральных губерниях чувствуется наибольшая нужда в земле, а между тем в этих-то губерниях казенных и удельных земель почти нет или они имеются в самом незначительном количестве. Главная масса земель тут принадлежит помещикам. Относительно других земель слух говорит, что отойдут к крестьянам только наиболее обремененные долгами. Значит, придется переселяться в Самарскую, Уфимскую, Оренбургскую и сибирские губернии.

Таково положение, установленное рабочими из крестьян, положение, сразу охладившее интерес к аграрному законопроекту. И если утром еще многие собирались „поскорее" в деревню,

чтобы быть на месте при разделе земли, то к вечеру все уже говорили: „Нет, это не то!“

Само собою, об удовлетворительном разрешении аграрного вопроса сверху не может быть и речи. Верить в это могут только такие наивные люди, как Толстой, упорно твердящий всем интервьюерам, что никаких аграрных беспорядков нет — все газетчики врут, а правительство немедленно уладит все недоразумения, поняв, что нельзя больше опираться на силу, и оперевшись на любовь. Но провокаторские аресты и слухи об аграрной реформе, одновременно взволновавшие публику на последних днях, показывают, что политика правительства — все та же политика грубого насилия и жалких, ничтожных реформ. Это понимают теперь не только революционеры, но вся Россия, и голос старика из Ясной Поляны звучит в ушах русских людей страшным диким диссонансом, болезненно печальным для поклонников великого писателя.

*** Перечислить грехи многогрешного гр. Витте очень легко. Этим занялся, между прочим, и г. Глинка в „Слове“. В его фельетоне небезынтересна следующая антитеза:

Посмотрим теперь, что проделывает С. Ю. Витте в качестве председателя комитета министров. Лишившись портфеля министра финансов, он начинает будировать и становится в лагерь оппозиции, ратует за законность!.. Пользуясь указом 12 декабря 1904 г., С. Ю. Витте вносит на обсуждение комитета вопрос об исключительных мерах и без всяких обиняков осуждает как усиленную охрану, так и военное положение. Затем спешит разослать журнал комитета во все редакции, и получается такое впечатление—С. Ю. Витте осуждает те меры, которые правительство же применяет в разных частях России!.. С. Ю. Витте на стороне законности!..

Но проходит еще полгода, гр. Витте является на посту первого, или вернее сказать, единственного министра, и те же осужденные им исключительные меры применяются в самых широких размерах.—Не проходит недели, чтобы правительство гр. Витте не ввело где-либо военного положения...

*** Напуганный кровавым бредом истинно-русской Амалии из „Московских Ведомостей“, г. П—в из „Жизни“ взывает:

Мы требуем от правительства открыто отречься от солидарности с безумцами, заявить, что власть не опирается на хулиганские орды, что будут приняты меры к обузданию взбесившегося зверя. Это покажет преступность замысла врагов народа. Со своей стороны, московское духовенство сегодня же должно протестовать против кощунского обращения оборотня, сделавшегося из Карла-Амалии истинно-русским человеком. Сегодня же в церквах священники должны раз‘яснить народу, что Грингмут не апостол бога любви, а книжник и фарисей, распинающий Христа.

Пословица говорит: „на бога надейся, а сам не плошай“, мы же скажем „Жизни“: „ни на бога, ни на власть, ни на служителей божиих не надейтесь, а сами не плошайте“. Хотите, чтобы все кровожадные Амалии на свете стали не страшны? — Способствуйте всеми силами вооружению народа и просвещению войска.

*** Кроме „Жизни“, из первого № которой мы сделали предыдущую выписку и о передовице которой смотри в отделе „Вопросы дня“, Москва обогатилась социал-демократической газетой „Борьба“. От души приветствуем нового товарища по оружию.

1 № газеты весьма богат содержанием и украшен рассказом М. Горького: „И еще о чорте“.

Редакция „Борьбы“ стоит на точке зрения социал-демократии „большинства“, но с полной симпатией относится к идее об‘единения. В посвященной этому вопросу статье тов. Рожков пишет:

Последовательный ход русской революции постепенно устранил если не все, то почти все тактические и организационные разногласия. В самом деле: в тактическом отношении нас, главным образом, разделяли вопросы о Государственной Думе, вооруженном восстании и временном правительстве. Но Булыгинская Дума превращена революционным пролетариатом в бездушный труп, и сколько бы ни пытались воскресить ее правительство графа Витте и придворная камарилья, безнадежность по-

Из истории феодального класса.

(Современные политические партии.)

Продолжение *).

VI.

Виды и формы расширения дворянского потребительского фонда государством — общеизвестны. Прежде всего — прямые воспособления. Здесь на первый план выступает Дворянский банк. Дворянство хочет пользоваться кредитом, который создан развитием капиталистического общества, но оно не хочет пользоваться им на капиталистических основаниях. Паразитический характер использования капиталистических отношений выступает с полной определенностью: преувеличенная оценка земли, повышение процентного повышения ссуды (а потом ссуды и процентов) к стоимости земли, проценты ниже обычного в чисто-капиталистическом обороте, рассрочки и пересрочки уплаты долга, всевозможные ухищрения с той целью, чтобы, несмотря ни на что, удержать имения в дворянских руках, т. е. спасти дворянина от неизбежной в капиталистическом обществе расплаты за некапиталистическое хозяйничанье. Всею своею тяжестью такое хозяйничанье в интересах „бедного“ дворянства ложится, конечно, на „податные сословия“, на крестьян и рабочих.

К видам прямого воспособления относится и устройство дорогих дворянских пансион-приютов, крупную долю расходов по которым несут опять-таки податные сословия („общегосударственный счет“), и содержание специально-дворянских высших учебных заведений. Эти учреждения преследуют троякого рода цели *): 1) Избавить дворянство от расходов на образование, которые в буржуазном обществе довольно высокие. 2) Из‘ять дворянство из-под действия „свободной конкуренции“. Хотя некоторые дворянские заведения обращают больше внимания на танцы и тому подобные изящные искусства, чем на науку, они выдают питомцу такой же диплом, как учебные заведения в точном значении этого слова. В этом случае, как и в предыдущем, дворянин некапиталистически приспособляется к капиталистическим отно-

*) См. №№ 15 и 19 „Новой Жизни“.

*) Кстати сказать, в некоторых специально-дворянских заведениях один питомец обходится раз в пять и больше дороже, чем во „всесословных“ заведениях.

добных попыток не подлежит сомнению. Этим устраняется первый пункт тактических разногласий. Различие взглядов на вооруженное восстание было скорее мнимым, кажущимся, чем реальным: ведь, в сущности, обе фракции имели в виду в качестве очередной, ближайшей задачи вооружение народа, с целью сделать пролетариат во всякую данную минуту готовым к активному выступлению, самый же момент выступления и его конкретные подробности должны были определиться сообразно обстоятельствам. Остается, следовательно, только вопрос об участии во временном правительстве. Надо надеяться, что будущий IV с'езд разрешит этот вопрос. Думаем, что жизнь, точнее, ход революции подсказывает его решение: если, как мы глубоко в том убеждены, революция в России дойдет до своего естественного конца, разовьется последовательно и логически, то торжество революционного пролетариата и крестьянства сделает необходимым участие во временном правительстве представителей социал-демократической партии. Логика совершающихся на наших глазах и при нашем участии событий слишком красноречиво говорит за такое решение вопроса, чтобы можно было предвидеть в данном отношении непримиримые разногласия.

По отношению к заигрываниям революционных кадетов, тов. Покровский высказывается следующим образом:

Как опоздавший пассажир хватается за вагон уже тронувшегося поезда, „кадеты" стараются хоть как-нибудь, хоть сбочку, прицепиться к революции, чтобы не отстать. Но революция безжалостно отбрасывает их от себя,—направо к „чисто-буржуазным элементам", сильным, по крайней мере, своею тупою пассивностью. Что может дать эта кучка? Что она рабочим принесет, кроме трусости, половинчатости и затаенных буржуазных инстинктов? И как бы ни старались они внушить наивным людям, что они то же самое, что и революционеры, только поблагоразумнее,—им не поверят ни рабочие, ни крестьяне. И русская революция, в частности русская социал-демократия, ответит им на все их заигрывания то, что германская социал-демократия в лице Бебеля ответила одному из их товарищей, прочившему Бебеля себе в союзники: „Я прошу этого русского либерала не хватать меня за полы".

* * * Издавна известно, что, когда барин начинает разоряться, первым начинает грубить ему его же лакей. Это в порядке вещей, ибо лакей ближе всего знаком с интимной стороной жизни барина. Неудивительно поэтому, что по мере дезорганизации правительства и падения его престижа в стране и за границей „Новое Время" все решительнее и решительнее начинает „дерзить". Не проходит дня, чтобы в „Маленьких письмах" или других отделах этой газеты не появлялись насмешливые или пренебрежительные вылазки по адресу г-на Витте и его соратников, от которых отдает, однако, и провокацией „ежевых рукавиц".

Я все ждал,—пишет г. Суворин в № 10670, что г. Хрусталев арестует графа Витте, его министров, градоначальника и т. д. Мне казалось, что для сего наступил благоприятный момент,—именно почтово-телеграфная забастовка, оторвавшая Петербург от России и Европы. Правительство, во главе которого стоял г. Хрусталев, имело полную возможность произвести необходимые аресты и отправить своих генерал-ад'ютантов и флигель-ад'ютантов в провинции для занятия мест губернаторов и генерал-губернаторов.

Чует литературная крыса, что пора укладывать чемоданчики и готовиться бежать с тонущего корабля. И вот на страницах „Чего изволите?" появляется восторженный гимн революции:

Революция дает необыкновенный под'ем человеку и приобретает множество самых преданных фанатиков, готовых жертвовать своей жизнью. Борьба с нею потому и трудна, что на ее стороне много пыла, отваги, искреннего красноречия и горячих увлечений. Чем сильнее враг, тем она решительнее и мужественнее, и всякая победа ее привлекает к ней множество поклонников. Кто этого не знает, кто не знает, что она привлекательна, как красивая и страстная женщина, широко расставляющая свои об'ятия и жадно целующая воспаленными устами,—тот не бывал молод.

Что касается клубничной оценки революции, то тут г-ну Суворину и книги в руки. А вот его политические восторги перед переворотом весьма интересны. Тем более интересны, что они сопровождаются великой заботли-

---

шениям, заменяя для себя свободу конкуренции привилегией. 3) Искусственными мерами укрепить феодальный дух в сословии, окончательно подточенном экономическим развитием и утратившем былую однородность своего классового положения и своей социальной психики.

Но прямое государственное воспособление, отличаясь особой демонстративностью, не имеет такого значения, как воспособление косвенное. „Государство существует для дворянина"—это значит прежде всего: все наилучше оплачиваемые должности принадлежат дворянскому сословию и все замещаемые преимущественно дворянами должности оплачиваются выше всех остальных. Все высшие должности в армии, флоте, государственном управлении замещаются дворянами. Бужуазному принципу, свободе конкуренции, не оказывается места в государстве, получающем питание из буржуазного общества. И на сравнительно неважных должностях дворянское звание считается равносильным образованию: там, где от инославного требуется окончание средней школы, для дворянина достаточно пресловутое „домашнее образование". Правящие силы феодально-полицейского государства видят свою основную задачу не в создании и охране общих условий капиталистического производства, как того требует развитая буржуазия, а в обеспечении дворянству приличествующего прокормления.

Потребительская точка зрения дает знать о себе в головокружительных окладах, для которых нет никакого рационального об'яснения. Так, наши командующие войсками в Манджурии получали (да, кажется, и теперь получают) по 108 тысяч рублей в год, т. е. по 300 (напишу буквами: триста) рублей в день. Постараемся представить себе, что значит эта цифра. 25 р.—эта сумма много превышает обычный ежемесячный заработок русского рабочего даже в лучше оплачиваемых профессиях. Но представим себе невероятного рабочего, который начал получать подобную плату в начале царствования Ивана Грозного. Он не должен ни пить, ни есть, ни одеваться, словом, не должен тратить ни копейки—и лишь к нашим дням, живя и неустанно работая в течение 360 лет, он заработал бы сумму, которую податные сословия уплачивают одному командующему в течение года.

Но этим оклады командующих еще не исчерпываются. Так, для семьи одного командующего во все время войны снимался дом, за что казна уплачивала 20 (двадцать) тысяч в год не в зачет жалованья. Сюда не входят многие статьи довольствия натурой — пользование роскошными поездами, препятствующими передвижению войск, и т. д. *).

*) Что все это не оправдывается никакими рациональными соображениями, доказывает пример японцев. Их командующие,

востью о материальном положении „нового правительства“. Вот послушайте:

Стремясь к разорению государства, чтобы победить старое правительство, новое, еще не севшее в кресла гр. Витте, может очутиться в положении нищего вместе со всем государством.

Марта, Марта, печешься ты о многом, не думаешь ли ты, что „новое правительство“ будет печатать в „Новом Времени“ казенные об‘явления?

Вопросы дня.

Русское правительство в борьбе с почтово-телеграфной забастовкой.

Все, что есть в стране мало-мальски сознательного и элементарно-порядочного, всецело стоит на стороне забастовавших чинов почтового ведомства. Все, у кого мозг не окончательно окостенел, понимают, как трудно было решиться им на стачку, как трудно было подняться людям, заваленным с утра до ночи работой, получающим гроши, необеспеченным и зависимым. И если уж эти люди, привыкшие ко всему, не вытерпели и встали на отчаянную борьбу против насильников, значит им не было иного выхода. Все, кажется, понимают это, не исключая даже и таких групп населения, как московские биржевики, которые, по сообщению газет, решили обратиться к Витте с заявлением о необходимости удовлетворить требования забастовщиков. Все, повторяем, понимают это, только русское правительство, по обыкновению, ничего не желает понять и продолжает испытывать терпение народа. Приказом по ведомству почт и телеграфов от 26 ноября, министерство внутренних дел, т. е. г. Дурново, заявляет о том, что образование общего союза почтово-телеграфных служащих (фактически существующего) не будет „терпимо“, и об‘являет об увольнении со службы всех забастовавших чиновников: только те из них будут иметь счастье вновь быть принятыми на службу самодержавного правительства, которые отрекутся от „союза“ и окажутся участниками забастовки по „малодушию“ или из страха перед „подстрекателями“. Другими словами, каждый из стачечников, кто согласится сам себе плюнуть в лицо и стать изменником начатому делу, получает от г. Дурново завидное право снова превратиться в „человека 20-го числа“, снова заседать в „черном кабинете“ бок-о-бок с сыщиком и жандармом, шныряя по чужим письмам и служа иудиным целям сыска и шпионства.

Желая сломить упорство своих недавних рабов, г. Дурново натравливает на них „непосредственное начальство“, заявляя, что почт-директоры, начальники округов и иные начальствующие лица, „входившие в какие бы то ни было соглашения с «мятежниками», должны оставить службу в почтово-телеграфном ведомстве“ („Слово“ № 314). Что же касается „зачинщиков“ и „подстрекателей“ и тех, кто прибегал к мерам обструкции (порча проводов, ломка аппаратов и т. д.), то их г. Дурново будет привлекать к суду за „служебные преступления“.

Некоторые „начальствующие лица“ почтового ведомства в провинции уже предвосхитили провокаторские планы г. Дурново и, с своей стороны, приняли меры к воздействию на забастовщиков. Так, в Вильне, по телеграфным сообщениям, начальство распорядилось о выселении почтово-телеграфных служащих из казенных квартир; в результате виленское почтово-телеграфное управление подверглось разгрому, — этого, что ли, добивались виленские провокаторы? Московская администрация пошла по стопам виленской и арестовала состав бюро почтово-телеграфного с‘езда. Разумеется, это не привело к пре-

---

Спуститесь вниз, к рядовым, которые вынесли всю тяжесть войны, которые больше всего поплатились своей кровью и поплатятся достоянием, потому что они — почти сплошь представители „податных сословий“. На действительной службе — фантастически низкое „жалованье“, цифру которого я, к сожалению, так и не мог установить: два-три рубля в год. Возвратился солдат искалеченным, — после бесконечных хлопот и оскорблений — „пособие“ в два-три десятка рублей и таких же размеров „пенсия“, пенсия, на которой поколел бы мопс, воспитанный в „порядочном“ доме.

И так везде и повсюду. Наверху — маленькая кучка развивает свою потребительскую деятельность; внизу — масса настоящих работников (кто не знает, напр., фигуры почтового служащего?) с нищенскими окладами.

Феодально-полицейское государство принадлежит дворянину.

VII.

В феодально-полицейском государстве многие должности создаются не потому, что явилась нужда в соответствующей деятельности, а затем, чтобы дать известным группам лиц приличествующее прокормление. Например, одним из мотивов при учреждении должности земских начальников было желание приютить разоряющееся дворянство. Точно также многие выслужившиеся высшие чиновники не выходят в отставку, — при чем им пришлось бы довольствоваться сравнительно скромной пенсией, — а назначаются членами в сенат и Государственный Совет, где они получают от 7 до 12 тысяч рублей ежегодно, хотя о них наперед известно, что они уже неспособны ни к какой деятельности. Перед нами опять выступает чисто потребительская точка зрения на государство.

Еще ярче паразитизм выступает в следующих фактах. В марте истекающего года сделаны надлежащие ассигнования на облесение Квантунской области. В апреле получил утверждение детально разработанный штат, с приличествующими окладами, лесничества той же области. В мае одно лицо назначено членом суда в Порт-Артур и получило прогонные деньги за проезд нескольких тысяч верст до места своей службы. Весь анекдотический комизм таких назначений будет понятен, если напомнить, что уже с мая прошлого года вся Квантунская область, за исключением Порт-Артура, была в японских руках, а в декабре прошлого года и Порт-Артур сдался японцам.

неизменно разбивавшие наших великолепных генералов, получали по 5.800 руб. в год, т. е. в полтора раза меньше, чем наши в месяц.

кращению стачки, а, наоборот, лишь придало ей новую силу. С'езд немедленно выбрал новое бюро и твердо решил продолжать борьбу до тех пор, пока не будут удовлетворены все требования: не будет признан союз, освобождены арестованные и принятые на службу уволенные, и пока не будут убраны с занимаемых ими „тронов" министр Дурново и начальник почт и телеграфов Севастьянов. Стойкость забастовщиков вызывает общее уважение всех сознательных элементов, и материальные средства для поддержки стачечников притекают в небывалом дотоле количестве.

Вообще, борьба идет во всю, и, чем бы она ни окончилась, почтово-телеграфная забастовка в ноябре 1905 г. составит одну из замечательнейших страниц в истории русской революции.

Истинные демократы.

В воскресенье, 27 ноября, в Москве вышел первый номер газеты „Жизнь". В об'явлении об издании этой газеты сказано:

„Примыкая к левому крылу конституционно-демократической партии, мы будем отстаивать радикальные политические и экономические реформы в интересах трудящихся масс".

В передовой статье газета рекомендует себя как орган „истинно демократический". Две главные задачи истинной демократии газета определяет так:

Во-первых, воспользовавшись революционной волной, сделать завоевания политической свободы наиболее обеспеченными, возвращение к старым формам невозможным; во-вторых — связать стремление к земле со стремлением к политической свободе, словом—лозунг „Земля" превратить в другой, более величественный и благородный:

„Земля и воля!".

Тогда рабочий класс возьмет от революции восьмичасовой рабочий день и охрану труда; крестьянство — землю, а вся Россия — волю!

Против „истинно демократической" программы, пожалуй, ничего нельзя было бы возразить. Социал-демократия, провозгласившая первой задачей дня временный боевой союз всех революционно-демократических элементов, могла бы приветствовать появление органа действительно решительных и цельных демократов, способных с неослабной энергией дойти по крайней мере до конца демократической революции в России.

Но, к нашему удивлению, мы узнаем, что левое крыло освобожденцев, к которому „примыкает" „Жизнь", об'единяет представителей чистой демократии и марксистов, которые, по тем или другим причинам, не могут вступить в современную социал-демократию.

Что это такое за марксисты? Какие причины могут заставить марксиста отказаться от вступления в социал-демократы и „примкнуть" к буржуазной демократии? Демократическая каша на наш взгляд совершенно испорчена этим марксистским маслом. Газета „Жизнь" находит для пролетариата единственный выход из беспросветного рабства и безнадежной нищеты—социализм, и социал-демократия — его естественный вождь.

Но ведь социалистический переворот касается не одного рабочего класса. Он радикально изменит жизнь и условия всего населения страны.

Каким образом возможно признавать конечною целью социализм и примыкать к буржуазной демократии, которая тем и отличается от с.-д., что не признает его конечной целью? Темнота этого странного положения еще более сгущается в наших глазах, когда мы узнаем об отноше-

---

Таким образом, должности явно превращаются в простой предлог для получения „пропитания".

Сверху паразитическая психика распространяется вниз и захватывает все ступени служилой иерархии, проявляется везде, где только оказывается малейшая возможность для этого. Феноменальное казнокрадство неотделимо от феодально-полицейского строя. Здесь оно не представляет ненормального явления, случайного уклонения. Нет, оно является нормой, оно неразрывно связано с психикой феодального класса, с его потребительскими, паразитическими воззрениями на государство. Народ существует для того, чтобы прокормить правящую монархию. Но получает ли она приличествующее прокормление в форме установленного жалованья или же посредством непредусмотренных прямо законом махинаций, — это ведь лишь различие методов использования народа. Такие махинации не воровство, не казнокрадство; это, именно, лишь действия, не предусмотренные писанным законом, но открыто санкционируемые „обычным правом" феодально-полицейского государства. Западные соседи далеко оставили за собой такой период истории, и велико же было их изумление, когда при заказе артиллерийских снарядов наши соотечественники прямо потребовали приписать к счетам 10 проц. в качестве вознаграждения за „посредничество". Для них непонятен если не самый паразитизм, то такая феодальная откровенность паразитизма. Последствия известны: неразрывающиеся снаряды, „старые галоши" вместо военных судов, гнилая и недостаточная пища, гибель десятков тысяч солдат и матросов.

К этому присоединяется „неумение считать". Нерациональность хозяйствования следует за феодалом как тень. Он органически неспособен рационально организовать государственное хозяйство, да еще такое сложное, как хозяйство капиталистического общества.

Паразитическое хозяйничанье немыслимо без охраны, без сложного аппарата для принуждения. Феодальное государство на известной ступени развития капиталистического общества неизбежно превращается в ярко выраженное полицейское государство. Создаются всевозможные охранные отделения, корпусы жандармов, цензура, специальные газеты, бесчисленные полицейские учреждения, которые все преследуют лишь одну цель: гарантировать для паразитических классов паразитическое потребление. Армия получает такое же специфически-охранное назначение.

Таким образом, паразитические классы создают вокруг себя целую сеть учреждений, судьба которых неразрывно связывается с существованием паразитических классов. Единство интересов сплачивает все эти элементы в еди-

нии наших марксистов-буржуазных демократов к правому крылу бывшего союза освобождения. Вот что пишет о них газета:

„Мы согласны, что это плохие революционеры, но революционная буря — дело нескольких лет, а движение вечно. И в этом движении они никогда не выступят со своими узко-сословными и классовыми интересами.

„Они совершенно сознательно и искренно примкнули к программе, признавшей как экспроприацию земли, так и рабочее законодательство, близкое к программе-minimum социал-демократов.

„Их имена, талант и образование еще не раз пригодятся освободительному движению. Нам часто придется не соглашаться с их тактикой, полемизировать с их идеями, но мы никогда не согласимся признать в них «врагов народа»“.

Итак, в том „движении“, которое наступит по окончании революционной бури, те самые публицисты, которые считают социализм единственным спасителем из беспросветного рабства и безнадежной нищеты, отводят почетную роль умеренным элементам крупной буржуазии.

Мы не сторонники теории внеклассовой партии. Мы боимся, что на стороне принятой с'ездом программы останутся только выдающиеся в правительственном отношении группы из командующих классов, а что широкие слои буржуазного и землевладельческого общества уйдут в свои чисто классовые партии. Промышленники, как класс, отвернутся от рабочей программы, замлевладельцы— опять таки, как класс, — от аграрного законодательства, и в партии останутся только отдельные лица, переросшие свое классовое положение.

Кто же эти странные демократы, в пояс кланяющиеся и земцам направо и соц.-дем. налево? Кто они? Плохие ли марксисты, переодевшиеся буржуазными демократами, чтобы сыграть „исторически необходимую“ роль, как переодевались некогда некоторые социалисты, пытаясь основать чисто демократическую подпольную партию „Народного Права“? Или это плохие буржуа, буржуазная чистота которых потерпела от пламени социалистической мысли, и которые не могут со спокойною совестью работать над осуществлением своих истинных идеалов, не подкрасив их социалистическими румянами?

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Мариуполь, 18 ноября. (Случайная, запоздала из-за забастовки). — Члена земского с'езда, доктора Греневича, вернувшегося из Москвы, по распоряжению генерал-губернатора арестовали и отправили в Полтавскую тюрьму.

Самара. Элеватор, Осееву, Рига. Упр., комитет Паулиш. Копия. Минск. Упр. Спб. Елизарову, Орехову. Московский железнодорожный узел депешей № 261 уведомил о своем решении не об'являть забастовки теперь и просил забастовавшие дороги встать на работу. На пятое декабря созывается всероссийская конференция ж.-дор. союза для обсуждения способов устранения частичных забастовок без предварительного согласия других дорог.

Москва, 26 ноября.—Сегодня уволены со службы в почтамте 67 чиновников и 667 почтальонов и низших служителей, при чем об'явлено, что кто из остальных завтра не явится на службу, также будет уволен. Для возобновления деятельности почтамта командированы чиновники из провинции.

Вышний-Волочек, 27 ноября.—Рабочие Прохоровской мануфактуры заставили угрозами директора фабрики Ахумова отказаться от должности.

Директора фабрики Рябушинских и Ганешина толпа рабочих выволокла из конторы на двор и убила его. На обеих фабриках требовали немедленного возврата штрафного капитала. Из Твери присланы войска. Аграрные беспорядки в уезде утихли.

ное паразитическое целое. При малейшей попытке нарушить безмятежный процесс паразитического потребления вся эта армия охватывается поистине паразитической злобой и приходит в движение. О ее действиях в наши дни говорить не приходится: они у всех на глазах.

Разумеется, паразитизм феодалов не стоит особняком в истории. Последняя, в особенности в XIX веке, выдвинула на сцену буржуазный паразитизм. Но исходные точки, экономические и психологические предпосылки здесь совершенно иные.

VIII.

Политическая позиция феодалов так ясна и определенна, с такой непринудительной логикой диктуется их потребительским положением, что я могу ограничиться на этот счет самыми краткими замечаниями.

Всякий общественный класс стремится к тому, чтобы сделаться господствующим классом, чтобы подчинить всю политическую жизнь своим интересам. Достигнув первых ступеней самосознания, он уже стремится к тому, чтобы ему или его представителям во всех делах принадлежало последнее, решающее слово.

Для пролетариата, сильного не только сознательностью, но и численностью, средством является вообще избирательное право, восполняемое референдумом, и полнота верховной власти парламента.

Для феодала такая организация политической власти равносильна смертному приговору. Поэтому чистокровный феодал, не поддавшийся капиталистическим влияниям, — сторонник самодержавия, оставляющего решающий голос за феодалами.

Но среди феодального класса, как отмечено выше, существуют группы, которые уже в значительной степени обуржуазились. К ним примыкают те группы буржуазного класса, которые паразитически, и некапиталистически приспособляются к капиталистическим отношениям феодально-полицейского государства (вспомним, например, поставщиков казны!). Двойственности их экономического положения соответствует двойственность политической позиции. Участие народных представителей в государственном управлении необходимо, с этим ничего не поделаешь. Но следует сословно организовать представительство и предоставить ему лишь роль совещательного учреждения. Решающий голос остается там же, где был и раньше. Буржуазному обществу делается уступка, но при известных условиях лишь кажущаяся уступка.

Мне далека мысль утверждать, что наши современные „славянофилы“ — Д. Н. Шипов, М. А. Стахович (по со-

Ростов-на-Дону, 26 ноября.—С окончанием навигации здесь остается около 3.000 безработных. Биржевым комитетом возбужден вопрос об организации им помощи помещением и продовольствием. Решено организовать общественные работы.

Варшава, 27 ноября.—На приглашение начальника почтово-телеграфного округа вчера явилось на службу незначительное число лиц, остальные будут уволены. Сообщения по правительственному телеграфу с С.-Петербургом все еще нет; сегодня восстановлено сообщение с Вильно, на Киев сообщение правильное.

Яранск, 27 ноября.—Почтово-телеграфная забастовка тяжело отразилась на торговле, промышленности, крестьянском населении по сбыту сельскохозяйственных продуктов, потому что торгово-промышленный мир остался изолированным от центров промышленности, не получая денежных переводов на покупку товаров.

Плоцк, 24 ноября. — В Празнышском уезде крестьяне селения Еднерожец рубят казенный лес и свозят материал в свои усадьбы, оказав сопротивление начальнику земской стражи. Туда посланы войска.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Тулон, 26 ноября (9 декабря).—Среди матросов недавно построенного русского миноносца начались волнения.

Тулон, 26 ноября. — Волнения среди матросов русского миноносца подавлены с помощью французских рабочих верфи.

Париж, 28 ноября (11 декабря).—В совете министров Рувье об'яснил, что конференция в Алжесирасе откладывается до начала января, так как делегаты султана не могут прибыть в Алжесирас к 7 (20) декабря.

Париж. 26 ноября (9 декабря). - По сведениям „Matin“, в ближайшем заседании палаты будет вызван инцидент по поводу молчания правительства во время заявления социалиста Семба о русском кризисе. В парламентских кругах молчание это об'ясняется отсутствием Рувье на скамье министров. Утренняя печать совершенно не комментирует инцидента о Польше в резкой речи Семба. В настоящий момент крупных событий в России общественное мнение особенно обеспокоено известиями о возможных финансовых затруднениях.

Москва.

(По телефону 28 ноября.)

— Сегодня состоялось заседание нового Совета Рабочих Депутатов. Кардинальным вопросом был вопрос об окончательной организации совета. Решено понизить норму для рабочих групп, имеющих право присылать в совет своих депутатов. Фабрика или завод, насчитывающие 400 рабочих, приобретают это право. Обсуждался также вопрос о присоединении к Совету Рабочих Депутатов представителей профессиональных союзов. Принципиально предложение это возражений не встретило. Остался пока невыясненным только вопрос, можно ли предоставить последним право решающего голоса. При баллотировке этого вопроса голоса разделились поровну. Перебаллотировка будет произведена в следующем заседании.

Далее обсуждался вопрос о всеобщей политической забастовке. Некоторыми ораторами указывалось, что организовать теперь всеобщую забастовку затруднительно по финансовым условиям. В настоящее время насчитывается 16 тысяч человек безработных: их надо поддерживать, что требует очень крупных затрат. С другой стороны, указывалось на то, что арест Петербургского Совета Рабочих Депутатов может вызвать забастовку петербургских рабочих. В таком случае Московский Совет постановил также немедленно об'явить забастовку. Предварительно Московский Совет снесется с Петербургским. Что же касается частичных забастовок, то Совет высказался против последних, мотивируя свое решение тем, что частичные забастовки лишь ослабляют силы рабочих, в то время, как необходимо все эти силы собрать для организации действительно внушительной, колоссальной, всеобщей всероссийской политической забастовки. К этой последней рабочий народ должен приготовиться и выступить во всеоружии всех своих сил. Эта забастовка может свершиться сейчас только в том случае, если будет дан сигнал из Петербурга.

общениям газет, летом к ним поразительно близко подходили гг. Стишинский и Штюрмер, что после всего изложенного представляется весьма вероятным), итак, я не думаю утверждать, будто гг. Шипов и Стахович совершенно сознательно руководствуются желанием укрепить разрушенное феодальное господство. Меня интересует вообще социальная, а не индивидуальная психология, вопрос, какие классы пойдут за данной программой, а не вопрос, как ее обосновывают ее авторы.

В настоящее время программа эпигонов славянофильства представляет чисто исторический интерес. Критиковать ее не приходится. Сами представители „славянофильства“ признали, что они не могли бы опираться на земства и думы, — т. е. не имеют широко разветвленных корней даже в тех учреждениях, где представлены только феодалы и буржуа. Но если гг. Шипов и Стахович невозможны как министры буржуазного класса, то они совершенно немыслимы как министры современного русского общества.

Они были бы возможны лишь после первых побед контр-революции, как — вопреки их воле — переходная ступень к решительным зверствам реакции, как ширма, за которой втихомолку могли бы организоваться силы старого строя, не особенно провоцируя своих противников.

Возможна ли у нас такая контр-революция, ответ на это может дать лишь изучение других классов русского общества.

В своей статье, посвященной феодальному классу, нам не приходится касаться политических программ, идущих левее программы „шиповцев“. За ним стоят уже лишь немногочисленные представители феодального сословия, еще решительнее втянутые в буржуазный оборот, стоят дворяне, переставшие быть феодалами, примкнувшие к буржуазному классу. Свою окраску более левые программы приобретают уже не от этих отрезанных от феодального класса ломтей, а от буржуазных групп буржуазного класса. Выяснение этих программ должно быть сделано в иной связи.

А теперь сделаем вывод. Феодальный класс и феодальный режим безвозвратно погибли. Идее новых классов он может противопоставить лишь свои аппетиты. В своей предсмертной борьбе он может еще наделать много зла, но все это не спасет его, а лишь обострит условия его окончательного падения.

И. Степанов.

— Центральное бюро по созыву всероссийского с'езда представителей профессиональных союзов постановило назначить этот с'езд на 29 декабря.

— Началось брожение среди пожарных. Последние недовольны возложением на часть их товарищей службы на почте во время забастовки. Пожарные заявляют, что они не хотят на себя навлекать бойкот со стороны общества, и особенно негодуют на командировку 42 своих товарищей на гастроли в гор. Сапожков.

— Корреспонденты „Русского Слова" телеграфируют: Ростов-на-Дону. Соединенное собрание биржевого комитета представителей банков и купеческого общества послало гр. Витте телеграмму с настойчивой просьбой о немедленном соглашении с бастующими почтово-телеграфными работниками, предсказывая в случае продолжения забастовок неминуемость экономической катастрофы. Местный Государственный банк принужден печатно уверять панически настроенных вкладчиков сберегательных касс в целости их сбережений. В городе войска пополнились прибытием еще новой батареи.

— Владимир губ. Дурново предложил губернатору передать дело о шести арестованных телеграфных чиновниках начальнику округа для возбуждения против них преследования по 344 и 384 ст.ст. Улож. Арестованные чиновники еще не освобождены.

— Рязань. Командированный сюда помощник начальника тамбовского почтово-телеграфного округа выдал забастовавшим чиновникам подписку, что они за забастовку не пострадают, и об'явил новое, значительно сокращающее рабочие часы, расписание службы. Чиновники, внимая интересам публики, согласились помнить эту капитуляцию начальства и сегодня в первом часу дня стали на работу.

— Воронеж. По приглашению городового, казаки избили двух крестьян и заступившегося за них моряка Шаповалова. Вчера ночью Шаповалов выстрелом из револьвера убил виновного в своем избиении городового. Он арестован.

— Курск. Запасные Грайворонского и Обоянского полков, отказавшиеся служить охраной экономиям, по приказанию генерал-ад'ютанта Дубасова, получили полный отпуск.

— Почтово-телеграфный с'езд выпустил воззвание к обществу. Ночью арестованы 10 делегатов нашего с'езда. Диким произволом желает правительство сломить нашу борьбу за улучшение своей участи и освобождение любимой нашей родины от самодержавного гнета. Наше дело теперь—дело общее, дело всего народа, всей России, насилуемой преступной камарильей, во главе с Дурново! Но времена рабства прошли, и мы твердо верим, что теперь все общество, принявшее уже нашу сторону, поддержит нас в этой борьбе не на жизнь, а на смерть.

— Вчера на Мясницкой и Чистых прудах с утра собирались довольно большие группы почтово-телеграфных чиновников. В то время, когда под'езжали почтовые фуры с корреспонденцией, вынутой из почтовых яшиков, в толпе, стоящей на бульваре, послышались по адресу ехавших нелестные эпитеты; сопровождавший фуру патруль жандармов, по приказанию офицера, бросился на толпу и начал нагайками и саблями плашмя разгонять толпу. При столкновении серьезно ушиблен почтово-телеграфный сторож Зотов. Толпа разбежалась по бульвару и из-за решетки свистом, палками и камнями провожала патруль. Через десять минут появились солдаты и жандармы и стали разгонять всех стоящих на улице.

— Сегодня закрыты первая и пятая мужские гимназии. Закрытие вызвано брожением среди учеников этих учебных заведений.

— Московская казенная палата разослала всем торговопромышленным фирмам предложения немедленно внести сполна всю сумму причитающегося с них промыслового налога. В противном случае казенная палата угрожает взысканием тройного против суммы налога штрафа и привлечением виновных к административной ответственности.

В московском купеческом мире получены сегодня известия о массовых торговых крахах во многих крупных провинциальных городах. Отказываются платить крупные солидные фирмы.

— Главный комитет крестьянского союза в настоящее время печатает обращение ко всему крестьянству. В этом обращении предлагается крестьянам собраться в 1-й день праздника рождества христова и составить приговоры о посылке делегатов на открывающийся в Москве 15 января 1906 года всероссийский крестьянский с'езд.

— На бирже сегодня под влиянием полученных из провинции сведений о массовых крахах произошла паника. Бумаги падали с головокружительной быстротой. Сегодняшний биржевой день разорил многих спекулянтов. Говорили, между прочим, о крахе одной крупной московской фирмы. Пассив достигает нескольких миллионов.

— Образовалось общество для помощи голодающим крестьянам, которым отказано в пособиях за участие в беспорядках.

— 26 ноября в квартиру г. Курнина, председательствовавшего на крестьянском с'езде, явились судебный следователь по особо важным делам г. Головня и прокурор суд. палаты и пред'явили к г. Курнину обвинение по 126 ст. Г. Курнин отказался от дачи показаний. В виду болезненного состоянии г. Курнина, последний подвергнут домашнему аресту.

— Журнал университетского центрального органа будет выходить еженедельно под названием „Накануне".

— 27 ноября в Москве состоялся целый ряд митингов и политических собраний. На многих из них присутствовали солдаты. Об участии последних лицами, кому ведать сие надлежит, сделаны представления в комендантское управление, штаб округа и командующему войсками.

— Финляндский уроженец Ляурикойт, арестованный в помещении московского почтамта за пропаганду забастовки, на основании обязательного постановления градоначальника, подвергнут последним аресту при полиции на два месяца.

— В бюро крестьянского союза ежедневно из разных краев России поступают сведения об усиленных арестах крестьян на местах.

— Из Воронежа телеграфируют „Русск. Слову": 27 ноября, в 1 час дня, среди заключенных в арестантских исправительных ротах начались волнения. Главные требования заключенных—уменьшение срока пребывания в тюрьме. Были вызваны казаки и полиция. Обещание все уладить, данное начальником тюрьмы, пока успокоило заключенных.

— На фабрике бр. Рябушинских, в Вышнем-Волочке, рабочими были пред'явлены различные требования, которые были отчасти удовлетворены. За последнее время движение среди рабочих возобновилось, и дня три-четыре тому назад к инж.-механику Ганешину явилась группа рабочих, пред'явившая новые требования. Во время переговоров с последними инженер Ганешин был убит.

Протест представителей 9 газет.

Мы, представители петербургской печати, реферировавшие митинг железнодорожников 27 ноября в Соляном Городке, протестуем против извращения фактов некоторыми говорившими ораторами соц.-рев. и пристрастия председателя, соц.-рев., который не останавливал во-время этих ораторов и вмешивался, под конец собрания, в ход прений. Представитель „Начала"—Браиловский, „Биржев. Вед."—Галынец, „Русск. Газ."—Кузнецов, „Петерб. Газ."—Совинский, „Слова"—Домашнев, „Торг.-Пром. Газ."—Михайлов, „Нов. Жизни"—И. Лесниченко, „Своб. Слова"—Коссовский, „Петерб. Лист."—Рабковский.

Хроника.

— Арестованный 26 ноября председатель Совета Рабочих Депутатов тов. Хрусталев заключен в Петропавловскую крепость, которая после этого приведена в боевую готовность на случай, если туда явятся рабочие освобождать тов. Хрусталева. Главные ворота крепости закрыты, караулы увеличены, из арсенала на двор выдвинуты пушки.

— Круглая печать Совета Рабочих Депутатов арестована полицией. Она об'является отныне недействительной. За председательское бюро Совета Рабочих Депутатов: Введенский.

— Назначенное на 25 ноября собрание литографских рабочих не могло состояться, так как помещение бюро союза печатного дела, где должно было происходить собрание, было захвачено царской юстициею и полициею, производившей там обыск в связи с арестом товарища Хрусталева. На противоположной стороне улицы была выстроена в боевом снаряжении рота

стрелков. По улице ходили патрули и разгоняли публику. В соседних дворах были спрятаны солдаты. Таковы „дарованные“ свободы!

— Сегодня, 29-го ноября, состоится собрание исполн. бюро спб. отделения всероссийского почтово-телеграфного союза.

— В помещении Совета. Из помещения Совета Р. Д. все похищено хулиганскими представителями „законного российского правительства“ вплоть до старого платья, пожертвованного в комиссию о безработных для нуждающегося люда; унесено не только все сколько-нибудь стоющее, даже чистые листочки бумаги: обрадовались, что овладели помещением без замка „на законном основании“ и что свидетелей не было, кто бы уличил хищение; даже с'едена часть бывших там в тючках булок, предназначенных жертвователями в столовые для бедняков...

Неужели российское правительство уже настолько обанкротилось, что не может накормить хоть хлебом свою голодную полицейскую свору. Тогда пусть переходят на службу Совета,—это будет выгодней, не придется вламываться в квартиры, чтоб захватить старые вещи и жертвованные для бедняков булки.

Помещение носит отвратительные следы хулиганского дикого разгрома и разорения...

Так действует „законное правительство“.

— В некоторых газетах появились искаженные сведения о происшедшем 26 ноября в союзе рабочих печатного дела, а именно, что арестованы некоторые члены бюро союза, как, напр., председатель Кисилевич, казначей Кингсен и др. Это неправда. Был произведен обыск прокурором и присными, никто арестован не был: был задержан только на несколько часов один из дежуривших товарищей „для выяснения личности“, а на самом деле представители „законности“ мстили за законное заявление товарища, что он требует прокурорского предписания; казалось, это формальное требование должно было бы признаваться и хулиганской шайкой в серых мундирах, нагло ворвавшейся в союз и перерывшей и поставившей там все вверх дном, как ей и подобает... Но эта шайка теперь действует, не желая даже прикрываться и тенью какой бы то ни было формальной законности, тем хуже для них...

Близится день, когда возмущенная народная сила раздавит своей пятой этих отвратительных пресмыкающихся.

— Свобода собраний. Работа начальника города и верных его агентов полиции поражает все петербургское общество своим безобразием. В воскресенье, 27 ноября, имело быть разрешенное г. градоначальником собрание профессионального союза модисток. В начале собрания появился полицейский чин, подтвердивший разрешение градоначальника на это собрание, и остался дежурить при входе. Через несколько минут появляется пристав и от имени градоначальника требует немедленного закрытия собрания. Публика, не понимая, что сей сон означает, отправляет депутацию к градоначальнику. Представитель полиции дает собранию срок в 5 минут, угрожая, что, если собрание в течение 5 минут не разойдется, он применит военную силу. Если же собрание разрешит полиции присутствовать в помещении заседания—то собрание может продолжаться. Вопрос этот был поставлен на голосование; вынесли принципиальное решение не допускать присутствия полиции на собраниях и распустить собрание.

— Свобода собраний. 27 ноября в Выборгском районе состоялся большой рабочий митинг. Не все еще ораторы успели произнести намеченные речи, как без всякого предупреждения были введены солдаты и выстроены в колонну. Митинг сейчас же закрылся и рабочие разошлись. Рабочие по пути выражали свое негодование и много говорили о необходимости хорошенько подготовиться к решительному бою, чтобы окончательно свергнуть самодержавие.

— Приглашаются товарищи-рабочие завода Пек притти к выборным своих десятков за справкой по одному очень важному делу не позже среды 12 ч. утра.

— Варшавские делегаты почтово-телеграфных чиновников внесли в бюро всероссийского союза почтово-телеграфных чиновников следующее заявление: „Мы, служащие в почтово-телеграфных учреждениях Царства Польского, образуем отдельный союз под названием: «польский союз служащих почты и телеграфа» с централизацией в Варшаве и присоединяемся федеративно к всероссийскому почтово-телеграфному союзу“.

— Финансовый крах. Мы узнаем из достоверного источника об интересном факте, красноречиво характеризующем финансовое положение правительства. Оно заняло на кратковременный срок пятнадцать миллионов рублей в берлинской банкирской конторе „Мендельсон и К°“ по векселю с уплатой в год 24%, т. е. 2% в месяц. Главный интерес этого факта заключается в том, что контора „Мендельсон и К°“ дала не свои собственные деньги, а принадлежащие графу Витте, который, таким образом, полученные от правительства деньги одолживает тому же правительству на ростовщических условиях.

Россия, таким образом, в финансовых кругах пользуется меньшим доверием, чем, напр., маленькая Сербия, которая на-днях сделала заем в 70 миллионов с уплатой в год 4½%.

Россия одновременно с этим употребляет все усилия заключить заграничный заем под залог водочной монополии.

Бегство. Польские газеты сообщают, что города Краков и особенно Львов „буквально наводнены“ беглецами из Киева, Одессы, Житомира и др. городов юга России. В одном Львове насчитывают около 12.000 человек, преимущественно евреев, пострадавших во время минувших погромов. Ежедневно прибывают новые и новые жертвы насилий и произвола. Местное население дает приют и оказывает материальную поддержку несчастным. Не только во Львове и Кракове, но и в других провинциальных городах функционируют „комитеты вспомоществования“. Но, в общем, положение беглецов весьма плачевно.

— Во вторник 29 ноября, в зале Тенишевского уч. состоится литературно-музыкальный вечер с благотворительной целью при участии: Иды Альберг, Андрусова, Андреева, Амираджара, Баратова, Башкина, Ведринской, Гусева-Оренбургского, Гурович, А. М. Давыдова, Измайлова, В. Ф. Коммиссаржевской, Кузнецовой-Бенуа, Мальского, Петрова, Проценко, Рославлева, Скитальца, Синилова, Тартакова, Чуминой и Бернардской Начало в 8 час. вечера.

— От бюро союза книгоиздателей для борьбы за осуществление свободы печати.

„Союз книгоиздателей для борьбы за осуществление свободы печати в общем собрании 27 ноября с. г., рассмотрев временные правила о печати 24 ноября 1905 г., постановил:

„В виду того, что означенными временными правилами существенным образом нарушены коренные начала свободы слова, извращены «незыблемые основы» гражданских свобод и сохранены прежние законы о печати по отношению к непериодическим изданиям—попрежнему осуществлять фактически свободу печати“.

— Нам передают из достоверных источников, что в аресте делегатов крестьянского с'езда весьма почтенную роль играл знаменитый дворянин Павлов. После окончания с'езда достойный член русского собрания был с визитом у графа Витте и сообщил ему, что резолюции на крестьянском с'езде были приняты исключительно под давлением интеллигентов, и что истинное крестьянство высказывалось против конфискации земель и за сохранение существующего строя. Убеждая графа принять меры против руководителей с'езда, являющихся вдохновителями аграрных движений, дворянин Павлов указывал на то, что при пассивном отношении правительства к аграрному движению, оно может перейти в открытую аграрную революцию. Спустя короткое время были арестованы члены бюро крестьянского союза.

— По слухам, министерство вн. дел решило оказывать помощь голодающим крестьянам только тех губерний, где не было аграрных беспорядков.

— Монахи Александро-Невской лавры лихорадочно следят за течением освободительного движения. Прокламации черной сотни, раньше распространяемые при благосклонном участии некоторых монахов, теперь ими уничтожаются, а знаменитая в треповском стиле речь св. Владимира вызвала негодование. Нам сообщают из достоверных источников, что в случае, если епископы начнут новую агитацию против освободительной борьбы хотя бы и по постановлению св. синода, монахи откажутся исполнять лежащие на них обязанности.

— Сорванная лекция. Третьего дня (27 ноября) в театре Невского общества народн. развлеч. около 3000 рабочих Обуховского и Фарфорового заводов собрались к 1 часу дня послушать лекцию: „Значение профессиональных союзов“. Хотя разрешение на чтение этой лекции было заранее получено от градоначальника, слушатели были не мало удивлены, когда им пришлось проходить в зал через усиленную охрану солдат 24 Псковского полка, расставленных с ружьями по коридору.

В самом зале оказалась полиция, а на дворе и на улице гарцовали казаки. При такой обстановке нечего было, конечно, и думать о чтении лекции. Переговоры с приставом ни к чему не привели. Раздались негодующие возгласы: „долой полицию". Организаторам ничего не оставалось делать, как об'явить, что лекция состояться не может. Собравшиеся рабочие в порядке разошлись.

— 27 ноября, в 3 часа дня, в одном ресторане в районе Васильевского острова состоялось небольшое собрание легковых и ломовых извозчиков. По прочтении доклада по вопросу об организации профессиональных союзов, собрание после долгих дебатов решило начать агитацию среди всех извозчиков С.-Петербурга за организацию профессионального союза извозчиков. Выбрана комиссия из семи человек, которая займется выработкой проекта устава.

— 26 ноября состоялось собрание петербургской группы Латышской Социал-Демократической Рабочей Партии. На обсуждение был внесен проект устава. Устав организации в общих чертах сходен с уставом Р. С.-Д. Р. П.

— 27 ноября в Соляном Городке состоялось собрание рабочих бетонного производства, созванного по инициативе редактора газеты „Профессиональные Союзы".

Целый ряд ораторов указывал рабочим на необходимость сосредоточить свои силы исключительно на экономической почве.

Затем несколько ораторов — социал-демократов доказывали необходимость политической борьбы и для профессиональных союзов. Предложенная одним из товарищей резолюция, благодаря обструкции зубатовцев, не прошла. Принята была резолюция об учреждении союза, имеющего целью исключительно экономическую борьбу.

Для выработки устава избрана комиссия из семи человек. На собрании городовые и служащие Соляного Городка раздавали публике черносотенный листок „Об'единение".

— 27 ноября, вечером, на углу Садовой улицы возле дома № 5 хулиганы напали на оратора — рабочего, говорившего в тот же день утром на митинге рабочих металлического производства.

Стоявший вблизи городовой наблюдал равнодушно эту сцену. Когда же рабочий вынул револьвер и этим испугал хулиганов, городовой погнался за ним. Рабочему удалось убежать.

— От союза инженеров в союз почтово-телеграфных служащих поступило в пользу забастовщиков 1.000 р. Для той же цели поступило: по листам 36 и 37 союза инженеров от разных лиц—90 р., от Г. Т. через С. П.—50 р. Всего 1.140 р.

— В воскресенье, 27 ноября, в 1/2 2 часа дня, в Вольно-Экономическом Обществе состоялось заседание „комиссии о голоде". Собрание открыл председатель г. Фальборк. На очередь был поставлен вопрос о комиссии учащихся, согласных оказывать содействие „голодному комитету". Записалось в комиссию около 200 человек. Выслушав доклад г. Фальборка, комиссия утвердила проект предложенной организации. Затем был поднят вопрос об организации сборов. Представитель газеты „Сын Отечества" предложил себя и еще нескольких сотрудников газет для сбора денег в городских учреждениях. Решено организовать сбор среди частных лиц посредством писем, открыть сбор через газеты и путем воззваний.

— Нас просят сообщить о новом подвиге русских башибузуков, жертвою которых стал сегодня, 28 ноября, вечером крестьянин Тверской губ. Вас. Фед. Федоров. Проезжая около 8 часов по Ружейной улице на Петербургской стороне, он заметил казака, который неистово бил кого-то. Федоров сказал казаку: „Товарищ! как вам не жалко бить людей?" Пьяный казак бросился вслед за Федоровым и стал наносить удары нагайкой по голове. Спасаясь от разбойника, Федоров соскочил с извозчика и вбежал в портерную. Зверь-человек ворвался туда же и стал бить Федорова медной рукояткой нагайки. Пом. пристава 1 уч. Петербургской части Касаткин, к которому обратился Федоров, проявил редкую в наше время со стороны полиции гуманность, помог обмыть кровь на голове пострадавшего и послал околоточного для опроса свидетелей на месте происшествия. На голове у Федорова оказались три раны, хотя в боях ни под Мукденом, ни под Ляояном он не участвовал. Когда же, наконец, прекратятся на улицах Петербурга воинские подвиги пьяных сынов Дона?

— Лекция Маргулиеса. 26 ноября в зале Тенишевского училища Маргулиес прочел лекцию на тему „Тактика женщин в освободительном движении". Не подкрепив обстоятельно положений, лектор предложил женщинам организоваться в союз и независимо от этого войти активными членами в те политические партии, которые стоят за федеративный строй России и за политические права женщины. Таковыми являются „две крайние пролетарские и радикальная партия". Выступало много оппонентов, главным образом социал-демократов, считающих, что женщина может добиться не только политических прав, но и полного своего освобождения, как личности.

— В № 20 „Новой Жизни" в числе пожертвований в комиссию о безработных от 19—21 ноября помещено пожертвование под общей рубрикой „от служащих и рабочих разных заводов 91 р. 88 к.". По просьбе жертвователей опубликовываем теперь детально.

От служащих главной химической лаборатории Охтенского порохового завода 17 р. 3 к., от рабочих втулочной мастерской Охтенского завода взрывчатых веществ 10 р. 27 к., от мастеров и рабочих старой кислотной мастерской пороховых заводов 6 р. 95 к., от рабочего опытной мастерской пороховых заводов 30 к., от мастерских электротехнической, механической и чертежной бездымного отдела пороховых заводов 57 р. 33 к.

25 ноября 1905 года поступило пожертвований:

1) В пользу союза почтово-телеграфных служащих от М. А. М. 1 р. 50 к., от рижского студента 1 р., от студента А. Н. 5 р., от З. У. через политехника 10 р. Итого 17 р. 50 к.

2) В пользу Совета Рабочих Депутатов собрано на счетоводных курсах, на лекциях Бернадского и Тотомианца, 15 р.

3) В пользу стачечников от Семенова 5 р.

4) В пользу семейств и сирот рабочих, павших в борьбе за свободу, от кондукторов Балтийской жел. дор. 22 р. 91 к.

5) В комиссию о безработных от А. Давыдовой 3 р., от Лопуцкой два золотых обручальных кольца, через товарища 1 р., от Толстой 1 р., от студента 2 р., от Н. Н. 1 р. 40 к., от студента А. Н. 5 р., от К—ой 3 р., от разных лиц 4 р. 40 к., Т. Н. Д. 10 р. Итого 30 р. 80 к.

В пользу организованных рабочих, выгнанных из заводов, через Моск. отд. к-ры „Новая Жизнь" 79 р. 15 к., от Шпака 400 р.

В армии.

Просим поместить уважаемую редакцию несколько слов о нашей солдатской жизни. Просим также перепечатать все газеты.

Кормят нас в 1-й гв. арт. бригаде очень плохо, в постные дни, среду и пятницу, варят щи, на котел для 150 чел. полагается 15 ф. рыбы, половину которой украдут, конечно, получаются такие щи, что есть невозможно, и выльешь в ушат, сам же ешь один хлеб. А с солдат требуют, чтобы он был бодрым и веселым, а как быть таким, когда живешь впроголодь. А начальство только и знает, что за худобу и бледность сажает под арест, либо под ранец ставит. Как обращается с нами начальство, всякому известно—что с собаками, а правды искать не у кого, и мы все молчим. Сами знаете, что 17 октября вышел манифест и все получили хоть небольшую свободу, у нас же в казарме стали стеснять еще больше. Раньше увольняли до позднего вечера, теперь совсем нет свободы. Нас заставляют стрелять в наших братьев только потому, что они хотят свободы, той свободы, что и нам нужна. Братцы, зачем же будем стрелять братьев и сестер. Теперь уж и так на нас смотрят и показывают, как на братоубийц. Давайте же, братцы, присоединимся к нашим братьям и сестрам: их дело—наше дело.

Группа солдат-артиллеристов.

— В редакциях одесских газет получено письмо от солдата, который стрелял во время севастопольских событий в контр-адмирала Писаревского и капитана Штейна. Он рассказывает, что он был в числе тех солдат, которые были вызваны для усмирения возмутившихся. „Когда контр-адмирал Писаревский отдал нам приказ стрелять, я, — рассказывает автор письма, — потерял терпение и выстрелил сначала в контр-адмирала Писаревского, а затем в капитана Штейна. Меня арестовали тут же и под сильным конвоем отправили в воинскую тюрьму. По дороге нас остановила толпа солдат и матросов и стала расспрашивать меня, за что я арестован. Когда я сказал, что я стрелял

в двоих, чтобы предупредить убийство сотен людей, меня немедленно освободили, и теперь я нахожусь на свободе и в полной безопасности".

Среди кронштадтских матросов.

В Кронштадте среди расквартированных там флотских экипажей проводятся начальством „реформы". Команды экипажей в полном составе переводятся в новые помещения — второй экипаж на место седьмого, седьмой на место второго и т. д.

В седьмом экапаже помимо этого применяются для искоренения строптивого духа дисциплинарные меры. Матросов выстраивают на молитву и по команде заставляют всех петь. Раньше было замечено, что некоторые матросы уклоняются от участия в общем хоре. Затем по команде, шеренгами по шести человек, матросы направляются в столовую и там должны во фронт встать около столов и только по новой команде садиться за стол и брать ложки.

Приводим выдержки из приказа по лейб-гвардии Преображенскому полку от 23 ноября 1903 г.

По строевой части: завтра, к 9 час. утра, выслать в градоначальство и в охранное отделение от е. в. роты по одному взводу под начальством унтер-офицеров.

1 муз. хора горн. муз. ряд. зв. Василия Федорова за то, что, найдя на улице рукопись гнусного содержания, не пред'явил ее начальству, а сохранил у себя, предписываю подвергнуть смешанному аресту на 30 суток с тем, чтобы он содержался попеременно простым, строгим и усиленным арестом по 5 суток.

— 26 ноября состоялось собрание 63 солдат Преображенского полка. Вынесена была следующая резолюция: „Мы, солдаты Преображенского полка, собравшись в количестве 63 человек и обсудив возмутительный факт насилия над нашими товарищами, арестованными „за пропаганду и подстрекательство к открытому восстанию против существующего государственного строя", постановили выразить свое негодование и полное презрение к администрации нашего полка за ту шпионскую и провокаторскую деятельность, посредством которой они преследуют почти каждого из нас, и либеральному правительству произвола и насилия, основанного на манифесте 17 октября и санкционирующего произвол сатрапов. Не закрепляя документально подписями нашего голосования, мы передаем его устно и просим не отказать напечатать во всех газетах".

Профессиональные союзы.

— В лештуковской скоропечатне Яблонского при уплате денег за октябрьскую забастовку наборщикам, средняя поденная плата была высчитана не за 2 полных недели работы, а за две последние недели, в которые вошли и нерабочие дни забастовки, что значительно понизило среднюю заработную плату.

В той же типографии 27 октября был заявлен 10 чел. накладчиков расчет, при чем при расчете 10 ноября было удержано за пять дней ноябрьской забастовки. В последнем случае интересен юридический казус: чему в фабричном законодательстве по вопросу о предупреждении за две недели рассчитываемых рабочих придается более значения — сроку ли в 2 недели или заработку за этот же срок?

В первом случае может получиться такой казус: рабочему заявляют расчет, на другой день об'является всеобщая забастовка продолжительностью больше 2 недель, и рассчитываемый не получает ни копейки и не имеет возможности за это время приискать себе нового места.

В последнем же случае — дни забастовки должны быть оплачиваемы, когда расчет заявлен был до забастовки.

Как мы слышали, дело это будет передано на рассмотрение суда.

— В соединенном заседании представителей примирительной камеры при союзе рабочих печатного дела и представителей от совета союза владельцев печатных заведений было разобрано дело об увольнении после ноябрьской забастовки в типографии Голике и Вильборга 6 человек рабочих.

На заседании присутствовали представители от обеих заинтересованных сторон — от рабочих и от владельцев.

По выслушании их и по оглашении сведений, доставленных всеми рабочими фабрики, было принято следующее постановление: из 6 уволенных рабочих немедленно возвратить на работу 4 (Кирилова, Козлова, Старкова и Пронина). При этом представителю г. Голике было поставлено на вид, что так как владельцам типографии было раньше предложено совету союза владельцев разобрать настоящее дело, то состоявшееся постановление для него обязательно. Но уволенные рабочие все еще не приглашены г. Голике на работы.

— Рабочие переплетной Кирхнера бастуют с 11 ноября. Хозяину были пред'явлены требования: 1) принятие уволенного депутата Ерошина, 2) уплата за забастовку в октябре в половинном размере заработной платы, как это делается в других заведениях. Явившимся для переговоров члену союза рабочих печатного дела и члену Совета Рабочих Депутатов г. Кирхнер заявил, что он подчиняется постановлению союза владельцев переплетных, где постановлено заплатить рабочим не за время забастовки, а за день манифеста 17 октября. Депутата же Ерошина вернуть отказался. Рабочие на это решили продолжать забастовку.

— Владелец типографии „В. Кене и Комп." отказывается платить рабочим за октябрьскую забастовку, несмотря на постановление союза владельцев печатных и др. заведений, где он состоит членом.

Собрание рабочих по обработке дерева.

На 27 ноября назначено было собрание рабочих по обработке дерева. Собравшиеся в количестве 700 человек, выбрав председателя, приступили к обсуждению вопросов, намеченных в выработанном бюро союза порядке дня. В это время один из присутствующих заявил, что в собрании находится сотрудник „Слова". Председатель, указав на реакционность газеты, предложил собранию обсудить этот вопрос. Собрание единогласно решило предложить сотруднику удалиться. В это время пристав 3-го участка, не обращая внимания на протесты членов организационного бюро, врывается в зал и кричит, что, если собрание, не допускающее присутствия полиции, не разойдется, то сейчас же будет применена вооруженная сила. Произошла паника. Часть рабочих бросилась к выходу, где уже стоял отряд гвардейцев. Такой произвол полиции особенно удивителен потому, что в соседних залах Соляного Городка шли собрания печатников и бронзовщиков, и полиция там не присутствовала, ибо, как она мотивировала, те собрания немногочисленны. Бюро союза, составив протокол о случившемся, передало его градоначальнику и, кроме того, решило обратить внимание общества на провокаторскую деятельность полиции по отношению к рабочим.

— Правление союза рабочих портных, портних и скорняков извещает членов союза, что по вторникам и пятницам от 6—10 час. веч. в помещении правления (Большой Казачий пер., д. 6, кв. 41) назначается дежурство адвоката союза. Члены союза пользуются его помощью бесплатно. Кроме того правление просит членов союза получить заранее членские билеты (месячн. взнос по 30 к.), так как вход на общее собрание будет по членским билетам.

Из партийной жизни.

В надежде, что редакция „Н. Ж." на страницах своей газеты откроет обсуждение вопросов партийной жизни и в частности вопросов, связанных с созывом с'езда партии, Тамбовская Группа Р. С.-Д. Р. П. просила поместить в одном из ближайших номеров следующее заявление Группы:

„Мы считаем дело об'единения партии столь существенным и своевременным, что готовы приветствовать всякий шаг в этом направлении, кем бы он ни был сделан. К сожалению, попытка Ц. К. не удовлетворяет нас. Прочтя послание его «Ко всем партийным организациям и ко всем рабочим социал-демократам»

(«Новая Жизнь» № 9) и обсудив его в делах местной Группы Партии, мы пришли к следующим выводам: раз план, предложенный Ц. К., таков, что «в одно время и одном месте должны собраться с'езды обеих частей партии для разрешения вопроса о партийном об'единении», то мы желали бы, чтобы этот план был принят и Организационной Комиссией, так как только при этом условии имеет смысл с'езжаться делегатам «большевистских» организаций к указанному сроку. В послании Ц. К. об этом согласии О. К. определенно ничего не сказано, наоборот, что последняя предложила свой план и намерена его осуществить. Далее, в интересах действительного об'единения партии, мы считаем более целесообразным созвать не два с'езда одновременно и в одном месте, а один с'езд, который служил бы полным отражением соотношения фракционных направлений в партии и который стал бы учредительным с'ездом и положил бы начало единой партии. Для осуществления этого плана необходимо обеим частям партии предварительно договориться о способе выборов на этот об'единенный с'езд. При таких условиях не надо было бы прибегать к искусственному устранению части партийных организаций от участия в решении вопросов, подлежащих рассмотрению с'езда, как это проектируется Ц. К-ом в целях достижения равенства голосов. Наконец, если будут созваны два фракционных с'езда, то они войдут в состав общего с'езда по фракциям «большинства» и «меньшинства». Но тогда в каком положении окажутся те организации, которые уже на местах успели об'единиться и покончить с фракционными счетами, хотя бы тот же об'единенный Одесский Комитет. Тамбовская Группа считает необходимым, чтобы все партийные организации были своевременно извещены о том, согласилась ли другая часть партии принять участие в с'езде на основании плана, предложенного Ц. К., чтобы таким образом была гарантия того, что будет с'езд обеих частей партии.

„Местная Группа Партии об'единяет собою все работоспособные социал-демократические элементы без различия их фракционных направлений. „Тамбовская группа Р. С.-Д. Р. П.".

От редакции: Товарищи тамбовские находятся, видимо, в некотором заблуждении. Созыв фракционных с'ездов намечен прежде всего меньшевиками. Как видно из воззваний Ц. К. о созыве IV с'езда, конференция меньшевиков созвана раньше, чем мы созвали IV с'езд (большевистский). Для ускорения слияния оставалось одно: отсрочить меньшевистскую конференцию до 10 декабря, чтобы их конференция состоялась в одно время и в одном месте с нашим с'ездом. Меньшевики отклонили это. Теперь необходимо созвать большевистский с'езд, чтобы с'езды обеих фракций выработали окончательно условия созыва об'единительного с'езда. Тамбовским товарищам мы можем также сообщить, что как раз в последнее время центры обеих фракций (Ц. К. и О. К.) обсудили план немедленного полного слияния. Оно не удалось, ибо меньшевики отказались принять наше предложение о слиянии редакций обеих с.-д. газет на началах равенства. Теперь поставлен будет вопрос (вызывающий немало трудностей) о слиянии практических центров без слияния редакций.

Тамбовские товарищи спрашивают, будут ли участвовать на нашем с'езде организации меньшевистские и слитные. Отвечаем: первые—вероятно, нет; вторые—вероятно, да, но может быть с совещательным только голосом (с'езд, конечно, дал бы им решающий голос, но некоторые слитные организации, по имеющимся сведениям, решают участвовать в фракционных с'ездах лишь с совещательным голосом). Тамбовской Группе, если она не фракционная, следовало бы участвовать и на меньшевистской конференции и на большевистском с'езде, чтобы везде отстаивать свои взгляды. Пользуемся случаем предупредить тамбовских и других товарищей, что IV с'езд Р. С.-Д. Р. П., созываемый Центр. К-том, назначен на 10 декабря. Являться в Петербург следует 8 декабря. Поволжье, центр и запад производят или готовят уже выборы. Следует спешить. В порядке дня с'езда, вероятно, будет стоять на первом плане слияние б-ва с м-вом, затем реорганизация партии и, наконец, перемены в условиях, определяющих тактику партии.

— 25 ноября на втором соединенном собрании пропагандистов „большинства" и „меньшинства" Выборгского района выяснилось, что придется вести троякого рода пропаганду: 1) для широкой, случайной, непостоянной публики на вполне законченные темы, 2) систематические занятия для членов партии с средним развитием, 3) лекции высшего типа. Ведутся более или менее правильные занятия в Выборгском районе в 18 кружках; сорганизованы еще 14 кружков. Число рабочих на кружках бывает различное, начиная с 10—15 и кончая 500—600 (500—600 чел. пока один кружок).

— На собрании невского районного комитета в расширенном составе 26 ноября представитель комитета прочел выработанный О. К. проект устава Спб. организации партии, мотивировав каждый пункт устава. Затем собрание перешло к обсуждению проекта устава по пунктам. § 1 вызвал оживленные прения по вопросу о том, необходима ли для вступления в организацию рекомендация старых членов. Некоторые товарищи находили ее излишней и даже вредной, так как она, по их мнению, затруднит доступ в организацию. Тем не менее большинством голосов необходимость рекомендации была признана, и в этом смысле постановлено агитировать на предстоящем междурайонном собрании за дополнение к § 1 проекта устава, обсуждение §§ 2 и 3 проекта заняло немного времени, и оба они были приняты. Но так как времени оставалось мало, а обсудить предстояло еще 12 пунктов, то собрание решило, вместо них, поставить на обсуждение принципиальное положение: должны ли выборные учреждения быть руководящими или исполнительными по отношению к избравшим их собраниям. По этому вопросу говорило лишь три оратора, отстаивавшие точку зрения Организационного Комитета. Против не говорил никто. Когда затем вопрос был поставлен на голосование, последнее дало следующие результаты: за признание выборных учреждений: руководящими—39 голосов; исполнительными—1 голос; воздержался—1. В конце собрания были произведены выборы в предстоящее межрайонное собрание.

— Список изданий Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. за время от 1 ноября 1903 г. по 1 ноября 1905 г. В главной типографии в России изданы следующие издания: Извещение о II с'езде (л.) 80.000, Всеобщие стачки на юге 10.000, Сердечный циркуляр 10.000, Самодержавие на скамье подсудимых 20.000, Извещение о II с'езде (брош.) 20.000, К деревенской бедноте 10.000, Ко всем гражданам России 20.000, Задачи революционной молодежи 4.000, Речь Л. Гольдмана 10.000, „Искра" № 53 5.000, Ко всем российским рабочим 20.000, „Искра" № 54 5.000, Война против войны 20.000, „Искра" № 55 5.000, В ожидании успехов 20.000, Пролетарский праздник 20.000, Первое мая 135.000, „Искра" № 59 5.000, Война и революция (ч. I—II) 10.000, „Искра" № 60 5.000, „Искра" № 61 5.000, О войне с Японией 10.000, Рабочее дело в России 10.000, „Искра" № 62 5.000, К товарищам по поводу казни Плеве 34.000, Либералы и пролетариат 15.000, Новая мобилизация 15.000, Порт-Артур и Ляоян 15.000, Кто должен победить 20.000, Две Европы 10.000, Манифест Коммунистической Партии 10.000, Ко всем рабочим и работницам 80.000, К товарищам по партии 3.000, Правда о войне 40.000, Купля-продажа 48.000, Слово и дело самодержавия 48.000, Политическое обозрение 10.000, „Социал-Демократ" № 2 10.000, Война и революция (ч. III) 10.000, Об'единение буржуазной демократии 5.000, Первый шаг 50.000, „Социал-Демократ" № 3 8.000, В бой за свободу 40.000, Эрфуртская программа 8.000, Крестьяне, к вам наше слово 30.000, Какое страхование нам нужно 27.000, Извещение о конференции 20.000, Они заговорили 26.000, К гражданам, по поводу манифеста 18 февраля 20.000, На первое мая (песенник) 10.000, Первое мая (листок) 69.000, К партии (л. о III с'езде) 10.000, Наши задачи (л.) 11.000, Всенародное Учредительное Собрание 30.000, Открытое письмо 3.000, Новые царские милости 100.000, Царь последыш 10.000, Извещение о III с'езде 20.000, Одна, а не две палаты 20.000, Царская казна и народный карман 6.000, Красное знамя (2-е изд.) 5.000, Три конституции 64.000, „Рабочий" № 2 8.000, Самодержавие царя или самодержавие народа 5.500, Ближайшие требования и конечная цель 8.000, К гражданам 30.000. Итого 1.475.500.

Резолюция об'единенного собрания Бакин. Ком. и союза бакин. раб. Р. С.-Д. Р. П.

Собравшись на об'единенное междурайонное собрание в количестве 309 человек и обсудив детально вопрос об об'единении на почве практического выступления, собрание вынесло следующую резолюцию:

1. Общее собрание рабочих считает необходимым не только об'единение на почве практического выступления, но и полное организиционное слияние. Вопрос о полном слиянии может быть решен только партией в целом, на партийном с'езде, который состоится в самом ближайшем будущем, из выборных каждой организации. Пока же собрание решает сделать только первый шаг к предлагающемуся слиянию партии на следующих условиях:

а) каждое районное собрание выбирает представителей на общее междурайонное собрание, в равном количестве, не больше 60 челов. с каждой стороны. Организаторы и агитаторы должны быть выбраны теми районами, в которых они работают.

2. Общее м.-р. собрание, состоящее из равного числа представителей, выбирает из своей среды Исполнительную Комиссию в таком количестве, какое оно найдет нужным, поровну с каждой стороны.

3. Исполнительный Комитет исполняет волю общего м.-районного собрания, руководя работой от одного собрания до другого, в пределах директив, поставленных общ. меж.-районным собранием.

Исполнительный Комитет распределяет агитаторов, организует митинги, массовки, летучки, демонстрации, забастовки, вырабатывает темы для агитаторов, намечает лекции, устраивает библиотеки, профессиональные союзы, боевые дружины и т. д.

4. Немедленно же приступить к об'единению на почве практической работы всяческих организаций, как заводских кружков, районных собраний и т. д.

5. Ни та, ни другая сторона не имеет права выступать без соглашения на то другой стороны, в кругу тех вопросов, на почве которых состоялось об'единение.

Конференция северных комитетов.

21—23 ноября в г. Москве состоялась конференция северных комитетов Р. С.-Д. Р. П. Московский Окружной Комитет отказался присутствовать на конференции, мотивируя свой отказ тем, что все вопросы, рассматривающиеся на конференции, будут рассмотрены и на с'езде, созываемом в ближайшем будущем, и потому комитет не находит возможным отрывать теперь от работы сил. Не приехали на конференцию и представители Курского Комитета по неизвестной причине и Орловско-Брянского, хотя и обещали приехать к 22 числу в Москву. Таким образом, приняли участие в конференции: комитеты Нижегородский (2 представителя, из них 1 от Сормова), Тульский (2 представителя, один от периферии), Тверской (1 представитель), Иваново-Вознесенский (1 представитель), Ярославский (2 представителя, из них один от Ростовской группы), Костромской (3 представителя, из них 2 от периферии), Владимирская окружная организация (1 представ.) и Московский Комитет (2 представителя). Присутствовали и принимали участие в конференции, кроме того, московский представитель Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П., раз'ездной агитатор северного района и еще один агент Ц. К.

Первый день посвящен был отчетам об организации и деятельности комитетов. На следующий день, по принятии порядка дня, конференция приступила к обсуждению вопросов, вошедших в порядок дня. Всего заседаний было 5. Порядок дня принят следующий: 1) с'езд и об'единение партии, 2) об об'единении с национальными соц.-дем. партиями (С.-Д. П. и Л., Бунд, Латышская С. Д. П.), 3) программные вопросы (аграрная программа), 4) о реорганизации партии, 5) тактические вопросы: а) отношение к крестьянскому вопросу, б) профессиональные союзы, в) отношение к Советам Рабочих Депутатов и т. п. рабочим организациям, г) отношение к разным представительным учреждениям: а) Государственной Думе, b) земствам и городским думам, д) подготовка к вооруженному восстанию, временное революционное правительство и революционное самоуправление, е) партизанская война с правительством и черной сотней, ж) отношение к так называемым прогрессивным партиям: к.-д., земцам, крестьянскому союзу, гапоновцам и пр., з) отношение к с.-рам. 6) работа в деревне, 7) работа в войсках, 8) партийная литература.

Привожу важнейшие резолюции. По вопросу о выборах на с'езд и об'единении партии приняты директивы Центрального Комитета, при чем приняты еще следующие положения: 1) пропагандисты, агитаторы и другие коллегии при комитете, состоящие из членов партии, принимают участие в общих с организованными рабочими избирательных собраниях, 2) регистрация членов партии для выбора на с'езд производится следующим образом: членом партии является тот, кого организация зачисляет в свои ряды. Условия приема должны быть: признание программы и устава, подчинение партийным с'ездам и партийным центрам, взносы в партийную кассу членских взносов. По вопросу о самом с'езде признано следующее: оба с'езда (меньшинства и большинства) собираются отдельно и каждый отдельно выясняет свое отношение к важнейшим вопросам, поставленным в порядок дня с'езда. Затем оба с'езда избирают из своей среды по равному числу лиц с правом решающего голоса и затем сливаются в один с'езд, установив следующие обязательные начала этого слияния: 1) меньшинство с'езда обязано подчиниться большинству его, 2) меньшинство с'езда получает право лойяльного проведения своих взглядов в партии, 3) центр избирается на с'езде, 4) тактические разногласия не должны раскалывать партии.

По вопросу об об'единении с национальными с.-д. партиями конференция постановила: предложить избранному на с'езде центру, ознакомившись обстоятельно с программой, тактикой и организацией национальных с.-д. партий, ознакомить с ними всю партию и выяснить условия об'единения с ними.

По вопросу об аграрной программе признано необходимым: принципиальную часть программы оставить без изменения; пункт об отрезках заменить пунктом о возвращении крестьянам всех тех земель, которые служат в руках землевладельца орудием закабаления крестьян, определив точно, что это за земля; пункта с требованием всей земли крестьянству ни в коем случае не вносить в программу.

Тактическую резолюцию III с'езда нужно изменить в том отношении, чтобы в ней ясно было подчеркнуто, что Р. С.-Д. Р. П. поддерживает крестьянское движение только до тех пор, пока оно будет революционным, определив более точно эту революционность, и что захват помещичьей и крупновладельческой земли поддерживается и потому, что в настоящий момент помещичье землевладение является опорой реакции, и следовательно в данный момент борьба с ним есть, стало-быть, борьба с реакцией, контр-революцией и остатками крепостного порядка.

Желательно издание с'ездом к резолюции комментария, конкретизирующего методы агитации на местах и раз'ясняющего смысл резолюции.

Необходимо в особых тактических резолюциях совершенно точно определить: 1) отношение Р. С.-Д. Р. П. к национализации земли, указав на условия, когда она возможна и желательна, 2) отрицательное отношение партии к аграрному террору, проповедуемому с.-рами.

Об отношении к крестьянскому союзу постановлено: 1) Р. С.-Д. Р. П. поддерживает движение, поскольку оно революционно, 2) если оно принимает платформу какой-либо политической партии не с.-д., Р. С.-Д. Р. П. свое отношение определяет так: она вступает с союзом в известные соглашения, поскольку он революционен, и критикует его недостаточную революционность в случае проявления таковой.

По отношению к филиальным отделениям союза Р. С.-Д. Р. П. придерживается следующего: 1) там, где нет их, Р. С.-Д. Р. П. создает революционные крестьянские комитеты; 2) где отделения эти имеются, на-ряду с ними создаются рев. крест. комитеты, и они воздействуют на отделение кр. союза с целью революционизирования его и подчинения рев. кр. комитету; 3) где имеется сильное отделение союза и им захвачен весь район, необходимо воздействие на него в целях превращения его в революционный крестьянский комитет.

По вопросу о революц. крестьянских комитетах и об организации сельского пролетариата конференция стоит на почве резолюции III с'езда.

По вопросу о реорганизации партии. Принципиально необходима безусловная выборность всех низших групп с правом ввода в них от комитета своих лиц, которые по истечении определенного срока работы либо окончательно принимаются группами, либо должны быть удалены оттуда комитетом. Местные центры с правом пополнять свой состав кооптацией. Ц. К. предоставляется право ввода туда своих лиц.

Вопросы местного активного выступления обсуждаются конференцией активных с.-д. работников (на местах) и решаются

2/3 голосов. Члены конференции имеют право инициативы. Такие конференции созываются периодически, экстренные ее собрания созываются по требованию хотя бы одного районного собрания. Конференция выражает желание, чтобы с'езд установил право комитетов самим устанавливать время, в которое может быть проведена демократизация их организации в зависимости от местных условий жизни организации и выдержанности местных социал-демократических работников. Комитеты избираются от с'езда до с'езда с обязанностью давать полный отчет о работе организации не реже раза в 3 месяца.

Профессиональные союзы. Конференция находит необходимым: 1) бросать в массы лозунги об организации профессионального союза там, где существует мелкое ремесло и кустарная промышленность, 2) где социал-демократия не может охватить широких масс иначе, как помощью организации в профессиональные союзы, 3) где среди широких масс проявляется тенденция организоваться в такие союзы. При этом необходимо фактически взять союз в руки с.-д., стараясь, где возможно это, скрепить признание этого руководства союзом при общепролетарских его выступлениях уставным путем. Недопустимо выставление союзом неопределенных политических платформ. Если нельзя закрепить сознательно подчинение руководству с.-демократии в уставе, то должно устраивать союзы беспартийные.

По вопросу о Сов. Раб. Депутатов. С. Р. Д. необходимо создавать только там, где организация иным путем не может руководить массовыми выступлениями пролетариата, или там, где необходимо отколоть массу, попавшую под руководство буржуазных партий. С. Р. Д. должен являться партийным техническим аппаратом для проведения в массу политического руководства С.-Д. Р. П. Поэтому необходимо захватывать его в свои руки и приводить его к признанию программы и политического руководства Р. С.-Д. Р. П.

Гос. Дума. При нынешнем положении дел, при огромном поднятии революционной волны необходимо активно бойкотировать Думу, как бы она ни именовалась, и бороться за Учредительное Собрание, созданное революционным путем.

Городские думы и земства. В виду того, что думы и земства являются организациями классового господства командующих классов, не следует вступать ни в какие сношения и переговоры с думами, а пред'являть к ним в революционные моменты революционные требования сложить свою власть и передать свои полномочия революционным комитетам для вооружения народа и подготовки выборов в думы на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

По вопросу о вооруженном восстании и временном революционном правительстве конференция стоит на точке зрения III с'езда.

Революционное самоуправление возможно лишь при вооруженном восстании. Бойкот властей, неплатеж податей, невыполнение повинностей должны проводиться и сейчас. Выбор депутатов должен производиться только для проведения бойкота и выполнения нужд деревни, а отнюдь не для переговоров с властями.

Борьба с черной сотней и партизанская война с правительством. Рекомендуется: 1) вести агитацию среди массы черносотенцев с целью отколоть бессознательно примкнувшие к ней элементы, 2) публиковать широко списки вдохновителей и руководителей черной сотни и бороться с ними путем бойкота и выселения их из мест их деятельности, 3) публиковать списки офицеров, убивающих народ и солдат, 4) систематически уничтожать вдохновителей черной сотни, делая для них невозможным пребывание в местах их деятельности, 5) давать вооруженный отпор в случаях выступления черной сотни, 6) публиковать списки черносотенных рабочих, 7) систематически бороться путем террора с казаками и полицией, поставивши эту борьбу под контроль организации и вступая в нее с ведома и согласия местных центров.

Отношение к либералам — необходима резолюция с самой резкой критикой действий к.-д., п. п. п., союза 17 октября и т. п., при чем должна быть подчеркнута их контрреволюционная роль. Отношение к с.-р. то же, что и на III с'езде, но вступление в соглашения предоставить местным центрам. Что касается партий, работающих среди пролетариата и пытающихся совлечь его с революционного пути (гапоновцы и независимая рабочая партия), нужно особенно резко подчеркнуть необходимость борьбы с ними.

О работе в войсках: 1) Организация с.-д. среди солдат не может сливаться с организациями с.-р., что не мешает совместно действовать всем революционно настроенным солдатам. 2) Необходимо при бюро Ц. К. организовать специальное военное бюро для постоянных сношений между местными военными организациями. Необходимо, чтобы в это бюро сообщались все связи с военными, передвижение войсковых частей, переезды членов военной организации. При бюро группа пропагандистов и агитаторов для специальной работы в войсках. 3) На с'езде необходимо создать конференции из работающих в армии с участием члена Ц. К. для выработки общего плана организации, создание военного центра выработки плана работы, общих однообразных требований, за которые необходимо теперь агитировать в армии. 4) Издать брошюру с изложением и освещением фактов движения... 5) Во всех соц.-дем. органах открыть широкий отдел из армии.

О партийной литературе.

1) Ц. О. должен быть руководящим, а не дискуссионным, стоящим под непосредственным руководством Ц. К. Редакция Ц. О. выбирается на с'езде. Все партийные организации обязаны доставлять материалы (резолюции) в Ц. О.

2) Кроме Ц. О. должны получить самую широкую возможность лойяльного существования дискуссионные органы, проводящие свои взгляды на вопросы, по которым существуют разногласия в партии.

3) Необходимы областные органы, находящиеся под контролем Ц. К. или под контролем комиссии, выбранной комитетами данного района.

4) Местные с.-д. органы должны организоваться под контролем Presskommission (таковой необходимо создать).

5) Ц. К. должен об'единить книгоиздательскую деятельность под своим контролем, руководством и содействием. Все литераторы передают свои произведения лишь партийным книгоиздательствам.

6) Членам партии должно быть безусловно воспрещено участие в буржуазных органах. Непартийные литераторы допустимы только как беллетристы.

Необходимо избрать на с'езде специальную комиссию (Presskommission) для руководства всей издательской деятельностью партии.

Желательно, чтобы на-ряду с легальным Ц. К. временно, до полной легализации партии, существовал нелегальный.

Вопрос об областном агитац. центре снят с очереди. Почти во всех организациях, представленных на конференции, крайний недостаток в работниках.

Из жизни рабочих.

Александровский завод.

Рабочие Александровского завода решили заработок последнего забастовочного дня, 28 ноября, уделить в пользу матери своего убитого товарища.

Явившись в этот день к заводу, рабочие нашли его ворота запертыми; на заявление рабочих о желании приступить к работам администрация ответила отказом. Рабочие с пением революционных гимнов пошли по направлению к с. Михаила Архангела.

Последовавшие затем утренние переговоры с непосредственным начальством не повели ни к чему — рабочим рекомендовали за раз'яснением обращаться к начальнику тяги.

Пороховые заводы.

На Охтенских пороховых заводах масса рабочих, до сих пор неподвижная и забитая, пробует сознательно отнестись к окружающему. На-днях начальник завода ген. Сухинский затеял посылку верноподданнической телеграммы: послали по заводу подписной листок, — однако, кроме начальствующих лиц, никто не подписался. Тогда был отдан приказ явиться выборным от мастерских к генералу. Они явились и раз'яснили его превосходительству, что рабочие считают для себя неудобным и несвоевременным посылать верноподданнические телеграммы теперь,

когда их товарищи по всей России об'явили войну правительству. Если же начальство само желает поставить на вид, кому следует, свою неукоснительность и благонадежность, то оно может это сделать самостоятельно, не вмешивая рабочих. Ген. Сухинский был неприятно поражен. Теперь между рабочими идет усиленная агитация в пользу образования профессионального союза и рабочего клуба.

Металлический завод.

Вечером 25 ноября на Металлическом заводе должна была состояться обычная лекция, устроенная коллегией. Через полтора часа после ее начала перед аудиторией предстал пристав и заявил: „пора кончать!" Лектор и слушатели энергично протестовали против поведения полиции, но, во избежание кровавого столкновения, принуждены были подчиниться и прервать лекцию. На улице стояли уже войска „в полной боевой готовности", а черносотенцы, как только рабочие вышли из завода, занялись швырянием камней вдоль улицы, и по приказанию молодого „прапора", командовавшего взводом, горнист протрубил в рожок троекратный сигнал „к стрельбе". Только вполне корректное поведение спокойно расходившихся в разные стороны рабочих предупредило подготовлявшееся кровопролитие.

Столярная фабрика Матвеева.

(Выборгская сторона.)

До второй забастовки мы все жили врозь, жили, как подобает несознательным людям—хозяин издевался над нами без всякого стеснения, а мы терпели.

Вторая забастовка нас встряхнула, и работа закипела; но и хозяин не зевал. Забастовка выдвинула среди нас лучших товарищей,—хозяин их выгнал, как выгнал из употребления „Русскую Газету". И вот в ответ на хозяйский произвол мы, обсудив свое положение совместно с товарищами—социал-демократами, решили требовать:

1) принятия обратно рассчитанных товарищей: депутата Вилюма, Николая Михайлова, Василия Бирюханова;
2) прибавки 20%;
3) уплаты за 4 дня 2-й забастовки;
4) выдачи получки каждые две недели: 1-го и 15-го;
5) расчет рабочего не может производиться без согласия выборных от рабочих;
6) человеческого отношения.

Эти требования были пред'явлены нами хозяину, который, встретя в нас организованную силу, уступил по всем пунктам. Эта победа закрепила у нас влияние социал-демократии, и мы решили также стать под знамя этой партии. Согласно уставу партии, мы выполняем теперь все требования устава, необходимые для того, чтобы стать действительными членами партии (так, установлен членский взнос и т. д.). Итак, да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия! Да здравствует наша победа, товарищи!

Рабочие фабрики Матвеева.

Завод Семенова.

26-го ноября на заводе Семенова был устроен митинг. Оратор—социал-демократ—посвятил свою речь критике земского либерализма и поведению конституционалистов-демократов на последнем с'езде в Москве. Затем, во второй своей речи о независимой рабочей партии, он, говоря о гапоновцах, вскрывал идейное родство пропаганды Гапона с завываниями партии правового порядка о „свободе и порядке". Что касается ушаковцев, то оратор, указав на то, что Ушаков — ставленник и духовный сын сыщика Зубатова, указал далее на „эластичность" и буржуазность его политической программы. В заключение оратор призывал сознательных товарищей-рабочих вскрывать истинную физиономию „независимцев" в широких слоях рабочей массы.

Малая Охта.

— Неприкосновенность личности. В субботу на одной ткацкой фабрике, на Малой Охте, во время обеденного перерыва, в здании фабрики происходил митинг. По выходе ораторов из фабрики, их окружили солдаты (15 челов.) с приставом и отправили в участок. Там товарищи отказались назвать свои имена. Через полчаса туда явились трое рабочих депутатов от фабрики с требованием освобождения арестованных, угрожая, в противном случае, разнести фабрику. Пристав обещал немедленно освободить ораторов, если они назовут себя. Он заявил, что это ему нужно для составления протокола, будто бы на администрацию фабрики, за допущение сходки на фабрике.

— 27 ноября состоялось собрание рабочих заводов металургической промышленности для организации профессионального союза. В порядок дня был, по предложению одного из рабочих—социал-демократа, включен пункт: как рабочие должны реагировать на арест председателя Совета Рабочих Депутатов Хрусталева? По этому пункту говорили два товарища, которые, обрисовав современное положение дел в России и указав на ту провокаторскую цель, которой руководилось правительство при аресте Хрусталева, предложили собранию следующую резолюцию:

„Признавая в аресте представителя Совета Рабочих Депутатов новый шаг по пути реакции вплоть до военной диктатуры, которою черносотенное правительство хочет раздавить рабочее движение, несущее стране полную свободу, мы, рабочие заводов Бейера, Однера, Вестингауза и Арматурного, на собрании 27 ноября выражаем полную готовность отстаивать добытую нашей кровью свободу и призываем всех товарищей-рабочих, приняв дерзкий вызов правительства, готовиться к борьбе вплоть до вооруженного восстания, к борьбе под знаменем Р. С.-Д. Р. П. Вперед на борьбу, за Учредительное Собрание, демократическую республику и социализм!".

Резолюция эта была при шумных аплодисментах принята подавляющим большинством.

В бронзо-цинко-литейной и граверной, а также в типографии и фабрике каучуковых штемпелей Эд. Эд. Новицкого с 16 сего месяца введен 9-часовой рабочий день. В цинкографии этого же владельца рабочий день — 8-часовой.

— Мы, рабочие типографии „Народная Польза", в своем общем собрании 27 ноября с. г., узнав об аресте товарища—председателя Сов. Раб. Депут. Хрусталева-Носаря, вторжении в С. Р. Д., а также о незаконном насильственном вторжении и обыске в союзе рабочих печатного дела, постановили выразить свое полнейшее негодование к образу действий отживающего самодержавного режима и продолжать революционную борьбу до окончательной над ним победы пролетариата.

Письма в редакцию.

В № 241 газеты „Сын Отеч." сказано: „Вышедшую же сегодня газету «Борьба», с яркой соц.-дем. окраской, газетчики подвергли до вечера бойкоту, но затем состоялось соглашение, и газета бойко продавалась". (По телефону 27/XI.) Удостоверяю, что 27-го, в 8—9 час. утра, в Москве, я видел „Борьбу" у газетчиков и сам покупал ее, а в 2 ч. дня, у Николаевского вокзала, газетчик требовал уже 7 коп., вместо 4 коп. за экземпляр.

М. Ольминский.

М. г., г. редактор!

Я получил от сестры лейтенанта Петра Петровича Шмидта, г-жи Избаш, письмо, в котором она пишет:

„Со времени ареста П. П. Шмидт был допрошен один только раз, в продолжение девяти часов без следователя, обязанность которого передана была артиллерийскому офицеру. Нижние чины допрашиваются тоже не следователем, а следственной комиссией, состоящей из двадцати человек, между которыми все офицеры и только 4 юриста. При допросе комиссия разбивается, и в одно время допрашивается много лиц. Желательно иметь следователя, который дал бы возможность нижним чинам давать показания свободно, без страха давления начальства, так как это имеет пагубное влияние на результаты следствия.

„Я имею серьезное основание опасаться, что дело брата желают выделить из общего производства, чтобы ускорить решение.

„Вот почему я умоляю обратить все внимание на это обстоятельство и оказать возможно скорей ту помощь, которая в вашем распоряжении и в ваших силах.

„Я умоляю обратить внимание на судьбу моего брата".

В ответ на этот вопль исстрадавшегося сердца, я обращаюсь ко всем борющимся за свободу России с призывом употребить все усилия, чтобы не дать совершиться злодейскому делу в Севастополе. Я призываю на защиту так нагло попираемых прав человека и гражданина.

Л. Лутугин.

P. S. Другие газеты прошу перепечатать.

Милостивый государь, г. редактор!

В 23 номере „Новой Жизни" напечатано письмо г. Бравича, в котором он негодует на ложное опорочение его имени.

Однако, „ложно" только то, что г. Бравич—член союза сценических деятелей, это ошибка хроникера: г. Бравич ушел из союза, как только заметил, что союз организуется чисто пролетарский и прибрать его к рукам, как это делалось со всеми прежними попытками актеров соединиться, не удастся ни г. Бравичу, ни другим подобным ему выжимателям актерского пота.

Я же, А. Колычев, действительно, не только состою членом „союза сценических деятелей", но и имею честь быть в его бюро. Что касается того, что я не актер, а статист, то это уже ложь г. Бравича, это доказывается моим выступлением в ролях.

Перейду к вопросу об убеждениях: правда, г. Бравичу не было дела до них, пока я не высказывался, но, когда на актерских собраниях я стал говорить против гнета представителей капитала—антрепренеров и директоров, призывать актеров бороться с ними и, перешедши от слов к делу, принял деятельное участие в организации союза, то г. Бравич моими убеждениями заинтересовался и реагировал на них чисто по-хозяйски: выкинул меня из труппы.

Напоминаю г. Бравичу, что уволен я на другой же день после выбора меня в бюро союза.

А. Колычев.

P. S. В некоторых газетах появились заметки, что мне предложено жалованье до конца сезона, и негодовать мне, мол, нечего. Не говоря уже о том, что мне это было предложено в крайне оскорбительной форме подачки, вследствие чего я на подобную комбинацию не согласился, я протестую против такой постановки вопроса. Главный ущерб мне причинен не материальный, а художественный. Положение начинающего актера очень тяжело: он целыми годами бывает вынужден играть микроскопические роли, пока как-нибудь не выделится. Тяжелее всего первый год, а так как меня выгнали среди сезона, когда труппы заполнены, я теперь себе места не найду, то в будущем году мне придется тянуть лямку сначала.

Милостивый государь,

господин редактор!

Прошу Вас опубликовать в Вашей газете, что я желаю дать обед шести детям забастовавших почтово-телеграфных служащих на время политической забастовки. Обед в час дня. Просил бы о желании сообщить накануне.

Примите уверения в совершенном уважении К. Л. Фельи.
Лиговская, 85, кв. 6.

Товарищи!

Просим поместить в вашей газете заметку о том, что наборщики типографии Демакова отказались набирать черносотенное воззвание совета братства к народу великой России „Свобода и порядок" и просят товарищей из других типографий не набирать и не печатать этого и ему подобных воззваний.

За наборщиков, выборный *Л. Сергеев.*

Московский Металлический завод.

Мы, рабочие т-ва Московского Металлического завода (Гухсон), бастуем с субботы 12 ноября. Нами выставлены требования учреждения комиссии депутатов, 8-часовой рабочий день и т. д. Хозяин решил для борьбы с нашей забастовкой применить решительные меры: он закрывает завод на неопределенное время с 21 ноября. Через несколько времени мы останемся, может быть, на долгое время без заработка и без всяких средств. Мы обращаемся ко всем товарищам—рабочим, мы обращаемся ко всем гражданам, сочувствующим рабочему делу, с просьбой о помощи. Помогите же нам, из чувства сострадания к голодным рабочим, помогите нашей борьбе, общей борьбе с угнетением и за свободу. Не давайте хозяину победить нас и снова сделать свой завод центром черносотенников, каким он был до сих пор.

Рабочие т-ва Московского Металлического завода.

Пожертвования просим направлять: в Спб, в главную контору „Новая Жизнь" (Невский, 68), а в Москве в контору „Моск. Газеты" (Арбат, д. Общества).

Иностранный отдел.

Борьба буржуазии с рабочими синдикатами во Франции.

На одном из самых оживленных мест Парижа, на площади Республики, стоит Биржа Труда — центр французского рабочего движения, — осиное гнездо, по мнению буржуазии. Против этого очага революции ведется боевая кампания.

Чтобы понять, как сложилась та ненависть буржуазии к профессиональному движению, надо проследить развитие рабочих организаций и их отношение к государству.

Теперь вся Франция покрыта сетью рабочих организаций, но это создалось далеко не сразу. В 1890 году насчитывалось 1.006 синдикатов с 140.000 членов; через десять лет число организаций возросло до 3.287 с 600.000 членов; в настоящее время во Франции насчитывается около 5.000 профессиональных организаций, которые об'единяют около миллиона членов.

Синдикаты служат исходным пунктом дальнейшей организации рабочего класса, и группировка совершается по двум направлениям: синдикаты одной и той же профессии организуют общий синдикат, называемый Национальной Федерацией Труда, все биржи труда образуют Федерацию Бирж Труда, основанную в 1893 году, об'единяющую теперь около 100 бирж, — все они группируются вокруг Парижской Биржи Труда, как вокруг центра.

Такое об'единение слишком слабо концентрировало силы пролетариата, и потому на конгрессе в Лиможе в 1895 году было решено создать Всеобщую Конфедерацию Труда (Confédération générale du travail), способную об'единить все рабочие силы страны: биржи труда,

рабочие синдикаты, ремесленные федерации и т. п. Сначала к конфедерации примкнуло лишь 25 организаций, и хотя об'единение не закончено и до сих пор, но оно значительно расширилось, и нет такого промышленного центра Франции, где бы не было об'единяющей организации.

Управление делами Конфедерации находится в руках выборного комитета, в который входит по три делегата от каждой национальной федерации труда, по два делегата от каждой районной федерации и по одному — от каждого отдельно примыкающего синдиката. Члены этого комитета образуют три комиссии: первая комиссия — администрации и инициативы, вторая — комиссия стачек и организации всеобщей стачки, третья — комиссия рабочей газеты и пропаганды.

Биржа Труда об'единяет теперь около 48% всех синдикатов, их основная задача — борьба экономическая, борьба за человеческое существование рабочего при современном буржуазном строе: за уменьшение рабочего дня, за возвышение заработной платы, против возвышения цен на продукты первой необходимости.

Главной заботой всякой Биржи Труда является подыскание работы для безработных. С этой целью в хорошо организованных Биржах Труда существует специальное статистическое бюро, в котором всегда можно справиться, где есть в данный момент потребность в рабочих руках. Биржи таких крупных городов, как Марсель, в год доставляют работу 31 тысяче рабочих. С этой же целью Биржи разных городов находятся в постоянных сношениях и выдают пересылаемым с одного места на другое рабочим путевые издержки (viaticum).

Для возможности контроля над такими путешествующими искателями работы, на фабрике или в каждой мастерской одному из синдикованных рабочих специально поручено отмечать в книжке, которой снабжен путешествующий, был ли последний в данном заведении, и какие от того получились результаты. Почти в каждом городе Биржа входит в соглашение с какой-нибудь гостиницей, которая берется за умеренную цену давать пристанище и кормить проезжающих рабочих. Но некоторые Биржи Труда, как, например, в Нанте, решили воспользоваться этим свободным временем рабочих для их умственного развития. С этой целью они устроили специальные залы со складными кроватями, в которых каждый вечер проезжающим рабочим читаются лекции, преимущественно по социальным вопросам.

Кроме того, Биржи выдают рабочим во время безработицы и во время стачек пособие, также не остаются без помощи и пострадавшие от несчастных случаев.

Вообще деятельность Биржи Труда очень разнообразна. Сюда входит и организация стачек и агитация против законов, идущих в разрез с интересами рабочего класса, создание новых синдикатов и кооперативных обществ, организация экономических и юридических справок, устройство библиотеки и социального музея. Но это еще не все.

Каждая Биржа Труда считает предметом первой необходимости умственное развитие и профессиональное совершенствование своих членов.

И нужно отдать им справедливость, опыт показал, что научное, художественное и профессиональное воспитание народа может быть с большим успехом передано Биржам Труда. Когда дело Дрейфуса так ясно показало все убожество умственного уровня армии, то Биржи Труда направили свою деятельность и в эту сторону: на парижском конгрессе Бирже в 1900 году были выражены пожелания, чтобы кроме курсов для взрослых были еще Биржами Труда устроены школы для начального обучения детей синдикованных рабочих, чтобы таким образом спасти их от влияния буржуазной морали *), так настоятельно внушаемой детям в официальных школах. На том же конгрессе было решено не прерывать сношений с теми из синдикованных рабочих, которые уходят на военную службу, и стараться продолжать оказывать на них моральное влияние; как мы увидим дальше, это-то и есть главная причина борьбы буржуазии против синдикатов.

Обыкновенно, чем Биржа богаче, тем лучше у нее поставлено обучение. Биржа города Тулузы, получающая ежегодную субсидию от муниципалитета в 10.820 фр., открыла 16 курсов и типографскую мастерскую. За успешное учение эта Биржа выдает награды рабочим и из удачных работ делает специальные выставки.

Парижская Биржа Труда, одна из самых богатых, вошла в соглашение с политехнической ассоциацией (Association Polytechnique), профессора которой ведут для рабочих курсы промышленные, электричества, коммерческой бухгалтерии, стенографии, черчения, механики, прикладной химии, практической геометрии и алгебры, торгового и промышленного права, постройки автомобилей, а также языков, немецкого и английского.

Биржи, менее состоятельные, ограничиваются тем, что предлагают своим членам слушать лишь несколько курсов, которые соглашаются читать бесплатно университетские профессора.

Эдуард Пети, один из серьезных деятелей по народному образованию во Франции, в своем докладе министру 26 июня 1898 года сказал: „Биржи Труда становятся действительно рабочими университетами“, — и оспаривать этого никто не стал.

На почве всей этой культурно-материальной работы, синдикаты приобретают влияние на самые широкие слои рабочих масс и, опираясь на это влияние, развивают свою революционную деятельность, которая уже начинает вызывать страшное беспокойство у буржуазных политиков. Этой деятельности мы коснемся в следующей статье.

В. Волгин.

Как телеграфируют „Magdeb. Zeit.“ из Петербурга от 25 ноября, Витте имел длинный разговор с Гучковым, гр. Гейденом и Стаховичем (как с представителями умеренного течения в земстве), и с Милюковым, Родичевым и Струве (как с представителями радикального?! течения). Все эти лица советовали ему введение всеобщего избирательного права и предоставление Государственной Думе компетенции Учредительного Собрания.

---

*) Во французских начальных школах мораль является предметом преподавания. На уроках морали детям об'ясняются их гражданские и семейные права и обязанности.

Польша и Литва.

В Варшаве „день траура“ по поводу еврейских погромов прошел спокойно. „Бунд“ оповестил, что считает излишним об'явление в этот день забастовки. Зато в три часа дня состоялась своеобразная манифестация юношей и детей с красным флагом. Молодые манифестанты прошли с революционными песнями по Пекарской, Пивной и др. улицам. На Вонском Дунае выступил против манифестантов пеший отряд солдат, напавший на детей. Были избитые и искалеченные, в том числе ученик сапожника Маркевич.

Усиленная охрана в Варшаве действует „во всю“. Приводим возмутительный факт. По Иерусалимской аллее проходит рабочий Келишек с палкой в руках. Навстречу ему попадается какой-то солдат в полном вооружении. Заметив палку в руках рабочего, солдат, ссылаясь на распоряжение генерал-губернатора, потребовал, чтобы рабочий отдал ему свою палку. Когда рабочий пытался сопротивляться, солдат выхватил палку и избил его прикладом!

Варшавские рабочие на насилие отвечают насилием, и деятельность провокаторов, шпионов и других темных личностей сделалась довольно опасной. На-днях рабочие убили провокатора Владыгу, шпиона Носка и старшего городового Шобранского.

Областной отдел.

Иваново-Вознесенск.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Черные дни в Иваново-Вознесенске далеко еще не минули. После погрома и массовых убийств лучших представителей рабочих почти всем оставшимся в живых руководителям местного движения пришлось бежать отсюда, чтобы не подвергнуться участи зверски истерзанных товарищей. Черносотенное настроение распространилось на некоторых фабриках (Гарелина, Бурылина и др.), откуда были выброшены все более или менее сознательные рабочие. Казаки и переодетая полиция сделались полными хозяевами города. Выходить на улицу стало опасно не только ночью, но и днем. Группа в несколько человек черносотенников останавливала всех мало-мальски заподозренных в принадлежности к организации и со словами: „Ты за сицилистов или за белого царя?“ обыскивали. Достаточно было не иметь крестика на шее, чтоб быть нещадно избитым. Тут же подоспевали „желтые“ и нагайками поучали: „Вот тебе «долой полицию», а вот «долой царя»“. От всех проходящих требуют прицепить белую ленточку в знак своей „лойяльности“. После 7—8 часов вечера нельзя пройти по улицам города, чтобы не быть обысканным и избитым казаками. На мосту, соединяющем Иваново с рабочим поселком Ямы, установлены патрули, которые по вечерам не пропускают никого, не обыскав и не избив. Если же находят оружие, то заколачивают до смерти.

Но все это бледнеет перед ужасной трагедией, разыгравшейся на-днях.

Утром 16 ноября была арестована на вокзале товарищ-девица, везшая из Москвы оружие, а с ней вместе задержана сопровождавшая ее К. Случай этот вызвал необычайное возбуждение среди извозчиков и ломовых, которые почти сплошь черносотенники. Весь день они толпились у конторы, куда арестованных увели на допрос, требуя выдачи жертв на растерзание. Но арестованные были допрошены, о них началось судебное следствие, и жандармам пришлось их ограждать. Кровожадные же инстинкты толпы искали удовлетворения и скоро проявились на приехавших следующим, вечерним, поездом молодой женщине и мужчине, которые подверглись избиению, очевидно, только за выдавшую их внешность евреев. Избиение было самое зверское. Женщина с вокзала была доставлена уже мертвой, изуродованной до неузнаваемости в черно-рабочую больницу.

У покойной вся голова и лицо в глубоких ранах, нанесенных ей, видно, крючками и железными палками ломовых извозчиков. Я насчитал их до 15-ти. Все лицо обезображено.

О покойной пока установлено только, что она Ольга Михайловна Генкина. Передают, что ехала она из Петербурга и что при ней было много денег, но неизвестно, с какими целями и к кому она ехала. По трупу я мог установить лишь, что ей лет 25, среднего роста, лицо смуглое, волосы черные, курчавые. Одновременно с ней сделался жертвой черносотенников мужчина, доставленный с слабыми признаками жизни в больницу, который назвал себя Семеном Кривым. Он до сих пор не приходит в сознание и едва ли оправится. Очевидцы передают, что избиение на вокзале происходило при полном бездействии полиции и жандармов. Энергичное же содействие переодетой полиции несомненно. Теперь на вокзале разгуливают казаки и вооруженные железными палками черносотенники,—вероятно, для „охраны“. Жизнь приезжающих буквально в опасности. Трудно себе представить даже военное положение с более жестоким режимом и полицейским произволом.

Своеобразная резко классовая группировка местного населения содействует этому как нельзя лучше. С одной стороны, полное единение крупных фабрикантов с охранителями, „желтыми“ казаками и черной сотней, являющейся в их руках орудием противодействия социал-демократической организации, а на другом полюсе—десятки тысяч рабочих, рабов капитала, ютящихся в загородных лачужках. „Общества“, интеллигенции или других промежуточных слоев здесь нет—стесняться, значит, некого. Сообщу еще два факта из действий черной сотни. Первый имел место вчера: с поезда извозчик везет приехавшего господина с женой. Доехав до безлюдного переулка, он слезает и требует от седоков денег под угрозой, что кликнет своих, и они будут убиты. Господин отдает все свои деньги и тем спасается с женой от неминуемой смерти. А вот другой случай: несколько хулиганов врываются днем в женскую гимназию и требуют от учащихся денег. Напуганные „наставники“ со страху убегают, а хулиганы, отобрав у кого что можно, беспрепятственно уходят. Несомненно, что полиция знает обо всем этом, но молчит, не вмешивается.

Но белый террор естественно должен был вызвать красный, и нельзя сказать, чтобы он не возымел своего действия. После нескольких удачных покушений на казаков, эти „желтые“ рыцари боятся теперь заезжать в рабочие кварталы, словно во вражий стан. Черносотенное настроение на фабриках начинает сменяться сочувствием социал-демократии. Расчет сознательных рабочих был всецело на руку фабрикантам, которые воспользовались бессилием и дезорганизованностью массы, чтоб ухудшить условия работы (выдаются плохие основы и т. п.). Рабочие на своих спинах почувствовали различие между руководством черной сотни и социал-демократии. Масса высказывается за возвращение к работе изгнанных сознательных рабочих. Вчера на фабрике Бурылина рабочие собрались на дворе и пред'явили директору свои требования. На фабрике Никона Гарелина состоялось собрание в 400 человек, на котором говорил наш товарищ о черной сотне. Рабочие требуют возвращения выброшенных по настоянию черносотенцев товарищей... Организация начинает восстановляться при условиях, трудность которых трудно себе даже вообразить. Необходим прежде всего дружный отпор черной сотне и казакам, а оружия нет. О проведении широкого демократизма в организации, разумеется, не приходится и думать. Рады бы наладить конспиративный аппарат. Провести же выборное начало в низах при столь колеблющемся настроении массы—значило бы выдать всех организаторов черной сотне. Скоро приступим к устройству профессиональных союзов.

Одесса.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Вот уже месяц прошел со времени кровавых одесских дней, а жизнь до сих пор не может войти в нормальную колею. И неудивительно, так как гарантий того, что наступил мир, а не перемирие, не имеется. Те самые городовые, которые в черные дни занимались грабежом и убийствами, которые расстреливали студентов и на глазах у публики зверски добивали раненых, стоят и теперь на своих постах в качестве блюстителей порядка. Участников погрома—черносотенцев не задерживают, хотя при желании это было бы очень легко сделать, так как они, ничуть не стесняясь, по целым дням кутят в винных и пивных погребах, пропивая награбленное. Повидимому,

их не задерживают умышленно—авось их услуги еще понадобятся. В местных газетах каждый день описывают десятки случаев хулиганских подвигов. После шести часов жизнь в городе замирает, магазины закрываются,—улицы пустуют—только разгулявшиеся патриоты-хулиганы раз'езжают с дикими песнями на извозчиках, наводя ужас на обывателей. Окраины города совершенно пустуют, там большинство домов разгромлено, а из неразгромленных обыватели выселились в центр города.

Все требования со стороны жителей, домовладельцев, союзов, о перемене полиции и об учреждении городской милиции, остаются гласом, вопиющим в пустыне, и, как бы в насмешку, новый градоначальник вместо милиции предлагает увеличить штат городовых и ночных сторожей. В общем положение теперь хуже, чем до погрома, так как прежде имелась хоть горсть вооруженной самообороны, теперь оружие конфисковано.

Носятся упорные слухи, что револьверы, отнятые у самообороннщиков, хранятся у черносотенцев,—имеются и подтверждения, так как прежде хулиганы избивали свои жертвы, а теперь расстреливают их.

Череповец (Новгор. губ.).

(Корр. „Новой Жизни".)

24 ноября в зале III кл. станц. Череповец, Спб.-Вологодской ж. д., состоялся митинг служащих дороги и рабочих депо. Выступали ораторы с.-р. и с.-д. В своих речах ораторы указывали на необходимость об'единения и приглашали слушателей немедленно организоваться и присоединиться к всероссийскому железнодорожному союзу. Все речи встречались очень сочувственно.

В самом начале собрания была удалена местная полиция в лице 3 жандармов, из которых один усиленно просил позволить ему остаться и послушать не как жандарму, а как человеку и гражданину. Вообще же, жизнь в этом убогом городишке проснулась и потекла более быстрым темпом. Почти в каждое воскресенье в местном Соляном Городке происходят митинги крестьян, на которых выступают местные ораторы соц.-дем. После известного инцидента, уже оглашенного в печати, с учителями Чумаковым и Виноградовым, из которых последний на земском уездном собрании призывал земцев, как не уполномоченных всем народом, а лишь его частью, распустить собрание и предоставить свое место истинным выразителям его интересов—избраникам на основе всеобщего и т. д. избирательного права—все население разделилось на 2 враждебные партии, из которых консервативная, в лице Сомина, не брезгает прибегать к доносам. Губернская управа уже вызвала к себе для об'яснений по этому поводу ветеринарного врача г. Квятковского, ходят темные слухи, что вышел приказ арестовать тайно от населения г. Виноградова, т. к. местные крестьяне заявили, что ни в коем случае не допустят, чтобы пострадал „их" учитель.

Здесь сильный спрос на литературу, особенно крестьянскую; крайне нужны также люди, которые могли бы правильно поставить работу и войти в определенные сношения с П. К. Р. С.-Д. Р. П.

25-го в городе состоялось 2 реферата на тему „О программе социал-демократии" и второй для учащихся „Современное освободительное движение и роль в нем интеллигенции с марксистской точки зрения", давшие 64 руб. 79 к. сбору.

Петровские заводы (Екатеринославской губ.).

(Корр. „Новой Жизни".)

На здешних рудниках и заводах царит неслыханная эксплоатация вместе с самым беззастенчивым полицейским произволом. С появлением на Веровском руднике нынешнего состава администрации—инженеров Дарского и Пирогова—и без того тяжелые условия труда шахтеров еще более ухудшились: была сокращена заработная плата, установлены вычеты с рабочих за подвоз воды и т. п. Вместе с тем стали достигать неслыханных размеров штрафы, и, как венец всего, на руднике воцарилась атмосфера доносов, предательства и полицейского сыска. Этот сыск опутал своей сетью даже частную жизнь рабочих. Достаточно малейшего заявления полицейского надзирателя для немедленного расчета рабочего; в пылу рвения этот надзиратель ходит по ночам под окнами рабочих домиков; вымогательства им у шахтеров взяток, под угрозою расчета с рудника, сделались самым заурядным явлением; наконец, стало практиковаться и прямое избиение рабочих в „кордегардии". Такая деятельность местной полиции с полной гармонией дополнялась административными „мероприятиями" инженеров. Забастовка на руднике в начале этого года дала возможность с особою яростью развернуться жандармско-полицейскому характеру этих „мероприятий". По окончании этой забастовки, во время которой рудник был наводнен солдатами и казаками, началась расправа с рабочими. Было рассчитано несколько сот рабочих по одному указанию полиции. Инженеры, однако, не хотели отставать от полиции. Веровский рудник все время находился в стороне от партийной пропаганды, и понятно, что у инженеров, пользовавшихся низким уровнем сознательности шахтеров, были развязаны руки для самой первобытной эксплоатации. Однако „крамола" оказалась и здесь, но, благодаря своевременно принятым мерам, „опасность" была устранена: по доносу служащего в конторе Ш., виновный в прикосновенности к Р. С.-Д. Р. П. был уволен. За практикантами - студентами был установлен, конечно, самый доподлинный сыск. Отметим, кстати, для характеристики физиономии инженера Пирогова следующий факт: работавший здесь летом студент горн. инст. А. Оцуп был уволен официальным письмом инженера за то, что доносчика Ш. назвал доносчиком.

Томск.

(Корр. „Новой Жизни".)

На-днях в телеграммах проскользнуло известие о том, что томским епископом Макарием раздаются пожертвования и деньги всем пострадавшим в смутное время в городе Томске. Для того, чтобы ясно обрисовать личность епископа Макария, прошу редакцию поместить в ближайшем номере „Новой Жизни" настоящее мое письмо, очевидца всех томских ужасов. Епископ Макарий открыто содействовал администрации во главе с губернатором Азанчеевым - Азанчевским в деле „искоренения крамолы" и устройстве еврейского погрома. Губернатор, организовав черносотенцев, подкупал их деньгами, поил их водкой, доставил им бочку керосину для поджога здания, в котором спаслись от толпы озверевших хулиганов „крамольники", а Макарий после молебствия сказал черносотенцам напутственное слово и благословил их на борьбу с жандармами, поляками, студентами и интеллигенцией. Вот та роль, которую сыграл Макарий в томской контр-революции; теперь же он, подобно саратовскому Гермогену, московскому Владимиру и многим другим, хочет раздачей пожертвований и денег пострадавшим искупить свою вину перед человечеством. На это есть один ответ: подобные Макарию люди нетерпимы ни в среде духовенства, ни в среде общества; Макарий должен быть удален и привлечен к судебной ответственности за те преступные деяния, которые не могут быть искуплены никаким наказанием. Общество же, для того, чтобы еще более заклеймить таких лиц, каковы томский губернатор Азанчеев - Азанчевский и епископ Макарий, должно их бойкотировать. Итак, бойкот человеконенавистникам Макарию и Азанчеву - Азанчевскому, а также и другим чинам томской полиции, принимавшим участие в качестве агитаторов и руководителей черного движения в кровавые дни.

P. S. Прошу другие газеты перепечатать настоящее письмо.

Киев.

(Корр. „Новой Жизни".)

Волна освободительного движения коснулась... братии святой киево-печерской обители...

Это факт, читатель.

В одном из монастырских „удобств“ большими печатными буквами, воспроизведенными от руки, появилась надпись такого содержания:

„Братия монашествующаяся и послушники! Не пора ли и нам свергнуть иго крепостничества, исходящее от нашего монастырского начальства! Братия, поднимемся за свободу!“

Всполошились отцы - архимандриты, наставники, благочинные и прочее монастырское начальство и учинили сыск: кто дерзновенный начертал эту надпись? Пока виновного не нашли!

Среди же монашествующих и послушников Киево-Печерской лавры происходит сильное брожение: ежедневно между младшей монастырской братией происходят совещания, но это делается под покровом темной ночи.

Начальство решило искоренить крамолу, и шпионство тут в полном разгаре.

Виновных в „разговорах“ и „суждение имеющих“ начальство назначает на черные работы или вовсе выгоняет из монастыря.

Редактор-издатель ***Н. М. Минский.***

Издательница ***М. Ф. Андреева.***

СРЕДА, 30 НОЯБРЯ
(13 декабря) 1905 г.

№ 25

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

Новая Жизнь

Российская
Социал-Демократическая
Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

С.-Петербург.

30 ноября 1905 г. [1]).

Профессиональное движение и социализм.

Относительная свобода, которую отвоевал революционный пролетариат у самодержавного порядка, выдвинула на первый план вопрос об организации рабочих масс для дальнейшей борьбы — борьбы экономической и политической. Два типа организации, соответствующие этим двум типам борьбы пролетариата, — организации профессиональные и политические — возникают сами собою, как продукт назревшей потребности, и перед сознательными социал-демократами, организаторами и руководителями рабочего движения, встает вопрос об отношении профессиональных союзов к социал-демократии. Правильное решение этого вопроса весьма важно, а между тем, в рядах самой социал-демократии он решается далеко неодинаково. В то время, как на одном крыле пропагандируется идея основания партийных профессиональных союзов, на другом крыле ютятся сторонники чисто профессионального движения и выдвигается формула, что „партией рабочего класса может быть только сам пролетариат“ („Рабочий Голос“ № 1).

Пролетариат играет двойственную роль в современном обществе. Являясь, по существу, носителем будущего общества, социалистического строя, он выходит из недр общества буржуазного и в недрах этого общества живет, борется и пробивает себе трудный путь к социализму. Шаг за шагом отвоевывая одну позицию за другой, сплачиваясь для борьбы за ближайшие, первейшие нужды, подвигается пролетариат на этом пути, превращаясь из разрозненной пестрой массы рабочих в крупнейший класс, сознающий свои политические интересы и могучий этой классовой сознательностью. Однако, отдельные группы пролетариата лишь постепенно вовлекаются в этот процесс развития, и в то время, как передовые рабочие нашего времени являются вполне сознательными поборниками социализма, вполне сознательными членами социал-демократической партии, громадная масса лишь в большей или меньшей степени затронута социалистическими идеями, а многие и многие рабочие еще совершенно чужды и социализму и всякой „политике“.

Вот это двойственное положение пролетириата в буржуазном обществе, толкающее его верхи в политическую партию, а низы в профессиональные союзы, ограничивающиеся защитой экономических интересов, — плохо укладывается в голове тех друзей рабочего класса, которые, увлекаясь успехом массового движения, готовы пожертвовать ради него правильной теорией. Неспособные усвоить диалектику научного социализма, они неспособны разобраться и в диалектике общественного развития. Противопоставляя социал-демократическую партию рабочей массе или, употребляя выражение газеты „Рабочий Голос“, противопоставляя идейную работу социал-демократии классовой борьбе пролетариата, эти „социал-демократы“ на деле стремятся принизить сознательную социал-демократическую деятельность до уровня стихийного движения массы, растворить ее в этом движении. И плодом этого увлечения стихией является пропаганда чисто-профессиональных организаций, обособление отдельных групп рабочих в замкнутых союзах и построение на этих обособленных ячейках рабочей партии, какой-то арифлетической суммы профессиональных союзов, той партии, которая, по мнению творцов этой утопии, будет „самим пролетариатом“.

Чисто-профессиональные, несоциал-демократические, союзы являются первыми ступенями рабочего движения, зачаточными формами его организации. Они начинают возникать, как только широкие массы пролетариата приходят к сознанию своих ближайших экономических интересов, к сознанию необходимости дружной борьбы против эксплоатации. Профессиональные союзы являются естественными формами так называемого рабочего движения. Однако, движение, вращающееся вокруг интересов определенной профессии, по необходимости является групповым движением. Об‘единить в класс пролетариат никакая профессиональная формула не может. Интересы, об‘единяющие весь класс пролетариата, его политические интересы, современная практика рабочего движения нам не показывает. Они могут быть познаны только посредством теории. И такой теорией, освещающей интерес и задачи рабочего класса, является научный социализм, представляющий, конечно, в свою очередь продукт развития современного общества, в частности, движения рабочего класса. Таким образом, и социализм и рабочее движение — плод единого процесса общественного развития, и соединение их, как указывает Эрфуртская программа, представляет то, что мы называем социал-демократией.

Однако, это соединение рабочего движения с социализмом, или, просто говоря, проникновение рабочего движе-

[1]) Начиная с этого № до последнего включительно, дата передовой в настоящем издании исправлена.

ния идеями социализма, представляет продолжительный процесс, заполняющий весь капиталистический период истории. Момент, когда понятия рабочего движения и социалистического движения будут тождественными, когда „партией рабочего класса «будет» сам пролетариат“, — этот момент будет моментом социалистического переворота. На пути же к этой конечной цели пролетариата соединение рабочего движения с социализмом становится задачей той части рабочего класса, которая уже прониклась идеями социализма и представляет организованный авангард пролетариата, т. е. социал-демократическую партию. Задачи этой партии: насыщение рабочего движения, а, следовательно, и самой характерной его формы—профессионального движения — социализмом; пробуждение социал-демократического сознания в рабочих „цеховиках“; привлечение их и целых союзов в ряды партии как сознательных социал-демократов. Ясно, что лозунг „партийные профессиональные союзы“ сузил бы и состав этих союзов и сферу влияния социал-демократии на стихийное рабочее движение. Этому лозунгу мы должны противопоставить другой: широкие профессиональные союзы, охватывающие по возможности всех рабочих, идейная пропаганда социал-демократии в целях превращения этих союзов в социал-демократические, а следовательно, уже могущие войти в партию. Партия, опирающаяся на социал-демократические рабочие организации — профессиональные и другие,— явится действительной политической рабочей партией, способной руководить классовой борьбой пролетариата и осуществить великую задачу „превращения пролетариата в класс“, способной совершить тот переворот, который, освобождая рабочий класс от векового рабства, освободит и все человечество от всякого рабства и всяких классовых делений.

Ю. Адамович.

Русская печать.

* * * Во время всех революций, имевших до сих пор место, ближайший к власти класс, т. е. буржуазия, всеми правдами и неправдами стремилась захватить и удержать за собою руководство революционным движением. И это ей удавалось, она сладко пела об общей задаче, стоящей перед народом, об общем враге, о неминуемом поражении в случае разделения народных сил. Революционный народ не раз уже доверял свою судьбу таким противоестественным „блокам“, как, например, временное правительство, вышедшее из февральской революции. Но добившись первых успехов на плечах пролетариата, правое крыло начинало ковать изменческие ковы, входило в союз с побежденной реакцией и, улучив момент, топило в крови своего доверчивого левого союзника.

На этот хитрый путь выступила теперь буржуазная газета „Русь“. Она пишет:

Против идеи о необходимости устройства теперь же всенародного органа освободительного движения, который, об'единив в себе все организованные силы его, несомненно удесятерил бы их и тем был бы безусловно в состоянии довести борьбу до окончательного торжества демократических форм в государстве самым скорым и наилучшим путем,—против этой идеи, необходимость скорейшего осуществления которой для полного успеха идущей революции ясно видна всем, никто по существу, конечно, не возражает.

Для об'единения в такой орган от партии не требуется и никаких принципиальных уступок или компромиссов, так как о к о н ч а т е л ь н ы е т р е б о в а н и я у всех одинаковы.

Последнее утверждение для умной газеты, пожалуй, уж чересчур нагло! Как? У просвещенной буржуазии и у революционного пролетариата одни и те же окончательные требования? Такое утверждение было бы смешно, если бы оно не было так цинично. „Русь“ продолжает:

Формула.

Об этом обещал рассказать сегодняшний реферат. Конечно, вся русская колония была заинтересована. О референте говорили, как о сильном и странно мыслящем уме. Примыкал он к партии „—ов“, но это было только внешнее касание.

Чтение происходило, как обычно, в зале ресторана „Zum Stern“. К девяти часам стали собираться.

Дымящий сумрак, днем прятавшийся в расщелинах гор, в лесах, которые гудели пчелами и ветром, надвинулся и разлился, как благовоние, по городу. Нижние горы умерли, но воскресли три вечно снежные вершины. Словно алой кровью налились. Солнце прощалось с ними долго, нежно и любовно ласкало их. Они не стыдились своей любви, и все, все вокруг на десятки и даже сотни верст знали, что вот вечернее солнце прощается с тремя вершинами снежных гор.

Потом вдалеке надвинулись густые, но не страшные туманы: это было ночное одеяло для нижних зеленых гор. Снежные же вершины не нуждались в нем: они спят под открытым небом. Теперь было похоже на то, что мощный трон из розового мрамора висит в небе, как чудесный монумент, поднявшийся над человечеством. И чуть-чуть намечалась жутко-счастливая мысль: вот сейчас явится Кто-то, о, Кто? — и воссядет на трон, и прострет руки вдаль — направо и налево — и, остановившись, застынет музыка заката во веки, во веки...

Но, сверху хаос времени, текла, переливаясь из бездны в бездну, вся материя вселенной, связь солнца с снеговыми вершинами слабела, и вот уже потухла кровь гор, стало плоско и безотрадно в небе. Укрепились звезды.

В садиках, перед домами, запахли цветы, пышные розы, словно засияли в темноте, и тоже, как чудесные цветы, вспыхнули в траве зеленоватые, похожие на волшебство, на огоньки Ивановых червячков. Это были даже не огоньки—это были таинственные песни, спетые в таких высоких тонах, что их воспринимало уже не ухо, а глаз.

Вечерний воздух делался все сквознее, тоньше; в нем носились звуки, как луна в толпе облаков. Долетал отдаленный бой часов, в колодцах бормотала вода несвязную речь, смолкавшую только днем. И раздавался стук молодых шагов: русская молодежь отправлялась слушать реферат о том, как е г о убили...

* * *

Вдоль длинного стола усаживались, не снимая шапок, ждали, оглядывали входящих. Окна были открыты настежь, но уже чувствовалось, что будет жарко. Два больших ацетиленовых фонаря, как две сошедшие на

Необходим лишь отказ отдельных партий в известных пределах от самостоятельности действий и подчинение их одному общему органу. Партии, конечно, согласятся на это, так как этот временный отказ от самостоятельности вознаградится во много раз большими результатами и огромной экономией сил.

Партии, конечно, не согласятся на блок с умеренной буржуазией, потому что подобный союз не только мог бы плачевно отразиться на социалистической сознательности и социалистической борьбе пролетариата, но и неизбежно ослабил бы энергию разрушительного революционного натиска на правительство.

По изображению „Руси", революционные партии большие чудачки:

Революционным партиям такое об'единение—это ясно всем — не только выгодно, но прямо необходимо для скорейшего и полнейшего успеха их дела. Но будучи необходимо для успеха всего дела освободительного переворота, такое об'единение тем не менее глубоко неприятно иным представителям социал-демократической партии, которые и обрушились на него с нескрываемым раздражением.

Не чудачки ли? Всем, а в том числе и нам, ясна выгодность союза для них же самих, и они же ругаются! С.-д. партия зовет революционную демократию к временному боевому союзу с пролетариатом. Сломив правительство, этот революционно-демократический союз мог бы совершенно заново построить здание действительно свободной России.

Но просвещенные капиталисты чувствовали бы себя неособенно обеспеченными в этом здании. Они мечтают лишь о том, чтобы войти в старое, немного отремонтированное здание, вступив во-время в переговоры с теснимым врагом, поэтому лозунг беспощадной борьбы с правительством не приемлем для „свободолюбивых" капиталистов. Несмотря на все экивоки и вуали, наброшенные на умеренную тактику, ее смысл и суть вполне ясны из следующей тирады „Руси":

Правительственная организация представляет собой во всяком случае результат накопления огромных сил и еще далеко нерастраченных; поэтому, если есть возможность перевести эту до сих пор еще самую сильную организацию на службу делу осуществления широко-демократических принципов в государственном устройстве России, то было бы странно и наивно не желать этого и требовать во что бы то ни стало бесполезного разрушения. Это все равно, как если бы строитель при перестройке здания отказался пользоваться оставшимся от прежней постройки хорошим материалом и стал бы наоборот затрачивать свое время и силы на бессмысленное разрушение его.

Но еще бессмысленнее требовать осуществления народовластия непременно путем вооруженного восстания. На указание возможности мирного перехода власти теперешнего бессильного и неспособного к делу и работе правительства в руки народа путем своевременной организации авторитетной и мощной народной власти, мы получили в ответ,— не надо разрушать правительство, оно еще сдастся и очень пригодится тогда буржуазии.

* * * Анархисты, ответившие на постановление С. Р. Д. выдержанным, в духе постановлений международной соц. партии, заносчивым и по обыкновению пустым письмом, нашли неожиданно защитника и поклонника в Суворине-отце, который пишет в „Маленьком письме" от 29 ноября:

Совет Рабочих Депутатов не допустил в свою среду представителя анархизма. Воображаю, как обрадовалось правительство гр. Витте, как оно было довольно, увидев такую политическую зрелость в правительстве, которое с ним конкурирует. „Руку, товарищи!". Но ведь анархизм в своем учении стоит выше всякой социал-демократии и социал-революционеров.

Не правда ли, недурен этот сикофант и провокатор, из глубины своей низости измеривший относительную высоту программ и идеалов передовых партий?

* * * Суворин-отец недоволен вялостью общества и правительства и старается применить в качестве прижигания примеры революционной энергии.

Меня спрашивают в письмах, как это я мог похвалить Хрусталева-Носаря, назвав „этого еврея" (??) способным и энер-

---

землю луны, висели под самым потолком; необычный белый свет вызывал особый налет на мысли.

У маленького столика, где будет читать Охотин, стояла черная классная доска, она приводила в некоторое смущение.

Приходили юноши, большей частью без крахмального белья, без часовых цепочек. Прически девушек были небрежны, отсутствовал корсет, обращаясь с подругами, говорили: „господа".

У входа сидел Берг (брат того, известного) и эмигрант Лохнин. Они останавливали:

— За вход полтинник.

Это значило пятьдесят сантимов. Но говорилось это не ради шутки, а чтобы удобнее считать.

Пришел Малахов, у него поседели виски; он мог подробно рассказать почти про все тюрьмы России. Пришла красавица полька с сестрой, которую она называла „коллежанка". Указывали на Черемисова, бывшего офицера, который замешан в громком процессе и приговорен к расстрелянию. У окна виднелась угрюмая голова Скорняковского, бежавшего с каторги и вчера неудачно сдавшего „полудокторский" экзамен. Повидимому, эта неудача больше удручала его, нежели одиннадцать лет русской каторги. В изящном плаще, небрежно накинутом на плечи, и широкополой шляпе, медленно оглядываясь, вошел анархист Б—ий, гроза мирной жизни по ту сторону гор. Глядя на этого красивого высокого человека, обычного участника студенческих хоров, не верилось, что это против него три государства Европы принимали строжайшие меры бдительности, не щадились люди, деньги, посылались экстренные поезда, летели шифрованные телеграммы. Потом явился сам К., руководитель могучего союза рабочих; от цынги, которая не покидала его в продолжение восьми месяцев, у него выпали все зубы, кроме четырех нижних спереди. Он насаживал на крайний зуб папиросу — так ходил, разговаривал. Было несколько безобидных дезертиров, променявших манджурский поход на здешний фабричный труд.

К маленькому столику подошла полная, пожилая девушка, поставила стакан и бутылку лимонада. За столиком появился Охотин.

* * *

Кажется, его звали иначе, но здесь это никого не интересует. Ему было не более двадцати четырех лет, лицом он походил на умного и злого орангутанга. Выдавалась вперед нижняя челюсть и строго глядели черные умные глаза. Охотин постоянно был окружен несколькими пожилыми девицами; это его свита, они берегли его, заботились о его удобствах, до хрипоты спорили

гичным, когда он „из кожи лез, чтобы разорить и пустить по миру Россию". Отвечаю. Потому, что я не вижу на противной стороне людей, которые „из кожи бы лезли" для того, чтобы спасти Россию. Не вижу. Я не вижу, чтоб молодежь, чтоб средний возраст призывался к работе. Я вижу спокойных людей, тихо рассуждающих, плохо и неуверенно действующих, то но они сами еще не решили, революционеры они или нет. Когда я узнаю, что у революции есть какие-то „летучие отряды", есть „ораторы", есть несокрушимая энергия и бесстрашие, когда я узнаю, что в какую-то Кушку, за тридевять земель, приехали агитаторы, мне становится стыдно за общество, которое бежит и трусит, и за правительство, которое пребывает неизвестно где и неизвестно зачем.

Само собою разумеется, что в руках Суворина дань удивления перед энергией революционеров превращается в подстрекательство. Но прижигания старого коновала не заставят захворавшую клячу подняться на свои разбитые ноги, и аттестаты Суворина только увеличивают престиж революционеров в глазах эксплоатируемых и ужас в сердцах эксплоататоров.

Вопросы дня.

Негодные средства.

— Няня, вава! — пищит младенец Сережа, расквасивши нос о притолоку.

— Ах, скверная притолока! Побей ее!

И Сережа дубасит кулаченками притолоку.

Младенец вырастет и поймет. Государственные младенцы никогда ничего не поймут.

Составитель опубликованных на-днях временных правил о повременных изданиях задался целью пересчитать все притолоки, о которые расквашивали свои носы в течение последнего года наши государственные Вани и Сережи: тут вы найдете (отдел VIII, §§ 4, 5 и 6) и возбуждение к забастовкам на железных дорогах, телеграфе, телефоне и в правительственных установлениях, тут же вам напомнят о забастовках учащихся, об оскорблении войск и т. п. Невдомек государственным младенцам, что проникавшие в печать выражения презрения и негодования по адресу духовных преемников палача Сашки Фролова не отражают и сотой доли того негодования, которое накопилось в народе по отношению к мундирным котам. Не понимают наши младенцы и того, что забастовки в различных отраслях труда вызваны общим невыносимым положением трудящихся: печать же заговорила о забастовках только после того, как они разлились по Руси таким могучим потоком, что замалчивание их стало невозможным.

Тюрьма, ссылка, каторга, кулаки, нагайки и пули, — все эти целебные средства, которые только и имеет в своей аптеке русское правительство для уврачевания народных болезней, все они пускались в ход против забастовщиков.

Но рабочий класс не останавливался перед жертвами и добился фактической свободы стачек.

И вот, — вероятно, в развитие манифеста 17 октября, — сделано теперь первое законодательное покушение на завоеванную свободу. Стачки не запрещены, но запрещено возбуждать в печати к устройству и продолжению стачек. Далее, вероятно, последуют законы о прочих свободах, возвещенных манифестом. Будет возвещена свобода союзов, но... не для устройства забастовок. Будет об'явлена свобода слова, но за речи в пользу забастовки будет грозить тюрьма. Ни говорить, ни печатать мотивов в пользу забастовок, ни устраивать союзы на случай забастовки, — ничего этого законы о „свободах" не допустят, и в то же время будет, вероятно, торжественно возвещено, что забастовки не составляют

с его противниками. Даже, когда надо было переезжать на новую квартиру, они укладывали его вещи.

Охотин стал у доски и строго оглядел собравшихся. Тотчас же две девицы из свиты такими же глазами глянули на толпу. Кашель прекратился. Послышалось, как звякнула монета о тарелку. На Берга и Лохнина шикнули.

— Милостивые государи, — начал Охотин, — темой моего сегодняшнего реферата является насильственная смерть министра X. (он назвал фамилию очень известного деятеля). Я укажу на связь этого события с моей теорией мирового устроения и — нет ли у кого часов?

Тотчас же две пожилые девушки быстро обернулись к сидящим, и обе, осторожно подойдя, положили перед Охотиным двое часов — одна справа, другая слева.

Инцидент вызвал легкий смешок. Охотин возвысил голос и, усиленно двигая челюстями, стал говорить, откидывая рукой волосы.

Что такое радость? Философия до сих пор не дает на это ответа. Он полагает, что радость в первичной основе своей похожа на добывающую промышленность. В давние времена земля, представляя огромный ненаселенный осколок, таила в себе все виды и формы радости. Так таит чернозем всю будущую силу колосьев. Извлечение этих скрытых сил и комбинация извлеченных элементов—вот формула радости. Человечество создает как бы воздушный замок, опирающийся на землю, но уходящий в облако. Идет великое соперничество человека и природы. „Я создала свой мир",—говорит природа. — „А я свой",—гордо отвечает человек. (Две пожилые девы, забывшись, тоже откинули рукой волосы назад). Дома́, золото, бриллианты, электричество и арсенал идей — все добыто из недр, вырвано из чернозема, и строится здание великой радости.

— „Но самое ценное, что добыто из земли, это—кровь человеческая. Дорогое и ароматное вино, оно тщательно розлито в бутылки, в тела наши. Мы, люди, только сосуды для драгоценной жидкости. Мы передаем ее им из дряхлеющих тел в новые крепкие; мы всегда настороже, тщательно бережемся, как бы жадная земля не с'ела без остатка то, что усилиями тысячелетий мы выкачали из недр на поверхность.

„Кровь человеческую нельзя проливать потому, что это противоречит принципу мировой радости. Но... — референт поднял палец, а девы — брови, — но..."

Он отпил лимонаду и, опершись обеими руками о край стола, начал в кратких и сильных словах характеризовать печальную деятельность покойного.

— Предположим,—сказал он далее и взял в руки мел,— что сумма мировой радости выражается через „S", всего людей, которых так или иначе могла коснуться его железная рука „n", а численное значение жизни каждого равно...

преступления. Ловко! Недаром мы полтора месяца ждали возвещения о проведении в жизнь манифеста, недаром полтора месяца скрипели перья в петербургских канцеляриях.

Правда, новыми правилами о печати карается тюрьмой возбуждение к забастовке только (!) в предприятиях, приостановка которых „создает возможные общественные бедствия". Но что такое „общественное бедствие" с точки зрения господствующего класса — буржуазии? С ее точки зрения, общественным бедствием является всякое уменьшение предпринимательской прибыли. И суды, которым предстоит толковать закон, прекрасно поймут этот смысл „общественного бедствия". Какими бы соловьями ни разливались либералы о прелестях независимого суда (на английский или американский образец), — они никого не обманут. Пример передовых капиталистических стран показывает, что так называемые независимые судьи являются в буржуазном обществе таким же послушным орудием буржуазии, каким являются наши судьи в руках администрации.

Запрещение стачек, которые, якобы, грозят вызвать „возможное общественное бедствие", запрещение, уже возвещенное „временными правилами о повременных изданиях", является грубой попыткой лишить пролетариат свободы стачек вообще. Временные правила могли бы явиться для рабочего класса серьезной помехой в его борьбе с капиталом. Но, принимая во внимание, что они должны проводиться в жизнь теми силами, которыми располагают наши нынешние государственные Вани и Сережи, приходится признать данный случай покушения на свободу пролетариата покушением с негодными средствами.

Армия рвется на родину.

Во вчерашних газетах находим следующие известия, заимствованные из иностранной печати:

„По последним сведениям «Matin» из Манджурии, там творится нечто ужасное. Дисциплины в армии никакой; солдаты бунтуют чуть не каждый день. Харбин буквально разграблен; положение генерала Линевича очень трудное".

„New York Herald", подтверждая это последнее известие, добавляет, что генерал Линевич настоятельно требует, чтобы правительство поскорее вернуло армию в Россию, т. к. иначе он не может ручаться за безопасность офицеров. По словам „Herald'a", генерал Линевич телеграфировал, что, если ему не пришлют судов, он возьмет транспорты, какие подвернутся. За доставку в Россию спрашивают теперь по 300 р. с души. Месяц тому назад один английский синдикат предлагал транспортировать войска из Манджурии по 78 р. с души, но с тех пор цены сильно повысились. Теперь тот же синдикат спрашивает уже по 130 р. Но правительство находит, что это слишкои дорого.

„Herald" уверяет, в Манджурии грозит разыграться грандиознейший скандал, не имеющий прецедента в военной истории всего мира.

Армия рвется на родину. Родина призывает армию. А правительство... торгуется!

Да и как же ему не торговаться? Ведь каждый шаг, сделанный манджурской армией по пути к родине, каждая верста, пройденная ею от Харбина до Петербурга, есть шаг русской революции. Все сведения, доходящие до нас из Манджурии, от несчастной, измученной армии, от братьев-пролетариев и крестьян, загнанных туда нашим правительством, говорят об одном и том же. Они говорят о том, что армия рвется на родину...

Он говорил и, поднимаясь на носках, выводил на доске формулу, сложную и страшную формулу, ту самую, на основании которой среди бела дня бомбой был убит министр.

Все насторожились, подобрались. Об этих странных и таинственных формулах Охотина давно уже говорили. Почуялось нечто жуткое, совсем не смешное. Анархист Б—ский надел пенснэ и поднялся. К. снял папиросу с зуба и, прищурившись, глядел на доску. Берг даже раскрыл рот. Черемисов, забывшись, положил руку на чье-то плечо и навалился. Красивая полька невозмутимо переписывала формулу.

А она все усложнялась. Появились даже логарифмы. Охотин злыми умными глазами глядел на слушателей и четко, звонко, медленно излагал выводы. Большие чувственные губы двигались в преувеличенной мимике. Он стоял некрасивый, сильный, как молодой гений, смутно чующий даль просветов.

— Вы видите, господа,—этот член,—он дважды подчеркнул его мелом, — весьма незначительная дробь. При увеличении знаменателя — что неизбежно — значение всей дроби еще понизится. А она, как помните, выражает собой коэфициент ценности жизни г. Х. Итак, — он стукнул мелом по доске, — итак, по малости этот член мы можем отбросить, зачеркнуть без того, чтобы чем-либо нарушить истинность всей формулы.

Вдруг Охотин остановился и странно опустил руку. Сразу стало тихо; все услышали, как в колодце на дворе, несвязно бормоча, падала вода. Эти звуки, еще несозревшие в музыкальности, потом долго помнились. Так в странной и напряженной тишине протекли почти три минуты.

* * *

Через открытые окна давно уже влетала в зал ресторана всякая ночная мошкара. Яркий белый свет фонарей под потолком неотразимо привлекал. Налетали мелкие мушки, которых никогда не замечаешь, прилетел, дрыгая длинными ногами, нерешительный и всегда встревоженный наездник; жестко ударился о стекло маленький бронзового цвета жучек; он несколько раз уже падал на землю, но с угрюмой решимостью поднимался и летел вновь. Влетели даже два комара, проснувшиеся в саду. И вилась, быстро-быстро дрожа крыльями, красавица бабочка из отряда шелкопрядов.

Там, наверху, у горячих и матово-блестящих шаров, тоже шло свое особое собрание, велся странный разговор. Временами, когда верхнее собрание делалось „многолюдным" и оживленным, ложились трепетные легкие быстрые тени на лица нижних. Словно мысли рождались, не уловленные рефератом.

Армия рвется на родину!.. Армия знает, что делается на родине, армия слышит стоны и проклятия пролетариата, восставшего против гнета самодержавия. Кому же, как не манджурской армии, откликнуться на призыв революционного пролетариата? Манджурская армия на себе самой испытала все бремя, все иго русского правительства, пославшего ее на бойню, забросившего ее на поля далекого Востока, подвергшего ее всему безумию и ужасу войны, всем бедствиям бессмысленного похода средь голода, холода, болезней и смерти.

Армия рвется на родину... Да здравствует революционная манджурская армия!

Покушение на свободу стачек.

В подполье министерских канцелярий готовится новое покушение на свободы, завоеванные революционным пролетариатом; на этот раз дело идет об ограничении свободы стачек. До недавнего времени стачка сама по себе, независимо от сопровождавших ее явлений, считалась по закону „преступлением". За нее налагались варварские кары, сопровождавшиеся, кроме того, диким надругательством над личностью, оскорблениями, побоями. Но стачки стали уже неизбежным орудием борьбы для рабочего, и, несмотря на самые жестокие меры, стачки пришлось в конце концов признать „законными". Упорная борьба миллионов рабочего люда добилась свободы стачек.

Но не мытьем, так катаньем, признавая свободу стачек, правительство старается обставить ее такими стеснениями, что „свобода" опять превращается в неволю. В самом деле, по законопроекту, обсуждаемому советом министров, стачки не допускаются в отраслях промышленности, имеющих общественно-полезный характер (жел. дороги, водопроводы, электрические станции, почта и телеграф и пр.). Мы уже не говорим о том, что понятие общественной полезности может быть произвольно растянуто на любое предприятие, присмотримся только к самой сути этого из'ятия, и мы увидим, что оно страдает хронической болезнью всех порождений наших канцелярий — бессмыслицей.

Действительно. Какой аргумент заставляет признать свободу стачек? Тот, что капиталистическая эксплоатация по необходимости стремится ухудшить положение рабочего, извлекает из него максимум прибавочного труда. Только путем борьбы, — а сильнейшим орудием этой борьбы является стачка, — могут рабочие отстоять свою позицию и завоевать себе лучшие условия труда. И допуская свободу стачек, тот же совет министров должен признать, что только свободная борьба труда с капиталом может хоть сколько-нибудь регулировать эксплоатацию, когда правительственная власть защищает одни лишь интересы капитала. И вдруг оказывается, что длинный ряд производств, где рабочие точно так же эксплоатируются, как и во всей остальной промышленности обойден свободой стачек. Почему? Потому ли, что государственная власть берет на себя обязанность регулировать эксплоатацию труда? Потому ли, что в этих производствах труд рабочего впредь будет огражден особым законом? Потому ли, что рабочий здесь будет поставлен в образцово хорошие условия, так что у него не будет ни малейшего повода добиваться лучшего? Потому ли? Нет, отвечает г. Витте, просто потому, что это „общественно-полезные" производства. Ну, а чем вы связываете фабрикантов, какие жертвы для любезного „отечества" должны принести они в дополнение к жертвам, приносимым рабочими? Никаких. Рабочие лишаются права стачек, фабриканты становятся бесконтрольными хозяевами над рабочими, отечество спасено, и акции „общественно-полезных" предприятий котируются на бирже по

Никто не замечал насекомых и непонятной толкотни у света. Тем неожиданнее показалось появление шелкопряда.

Должно быть, он повредил свои кровлей складывающиеся крылья. Насекомое опустилось ниже и резко очертилось на фоне черной доски.

Охотин не заметил его, но вдруг оно очутилось у самой дроби, которою „в виду малости можно пренебречь".

Он несколько раз отмахнулся, желая прогнать; шелкопряд кружился мягкими и тяжелыми взмахами, натыкаясь на доску и касаясь телом страшной формулы. Охотин махнул еще раз неосторожно, задел, насекомое скользнуло вдоль доски и с тихим стуком, который был услышан во всей зале, упало мертвым. Так как, падая, оно коснулось мертвым крылом белых букв, то тоненькой струйкой посыпалось несколько крупинок мела.

В зале стало тихо; за окном в колодце, бормоча, лилась вода. Губы Охотина искривились; он стоял, опустив голову и приложив руку ко лбу. Думал.

Гуще собралась мошкара, ударяясь о горячее стекло фонарей, и побежали по стенам, по углам, по лицам этих людей, кующих звенья в истории России, побежали трепетные быстрые тени, словно новые мысли рождались.

Охотин поднял голову и глазами встретился с Б—ским. Красавец-анархист, сняв пенснэ, смотрел в упор; поймав потухший взгляд референта, он довольно громко рассмеялся.

Охотин медленно провел рукой по голове.

Потом он стал продолжать выкладки; его голос сразу потускнел, потерял свою силу. Референт словно перестал верить себе. Кое-кто закашлял, начали говорить о постороннем. Две девицы, недоумевая, переглянулись.

Через несколько минут Охотин вяло закончил реферат. Ему аплодировали, задвигались стулья, стали уходить.

В дверях он столкнулся с Б—ским, хотел что-то сказать, но раздумал.

Хозяин ресторана подошел и нечисто стер с доски. Потом потушили фонари, и верхнее собрание тоже закончилось. Насекомые улетели, рассеявшись в темном воздухе.

Обрывки формулы, осколки букв, как разбитые черепки, всю ночь сторожили труп шелкопряда.

Осип Дымов.

тройной цене. Теперь, по крайней мере, ясно, из кого состоит „общество“ и „отечество“, для которых „полезны“ подобные законы. Буржуазия и ее правительство — вот это „отечество“. Но, к счастью, рабочий класс России отвык уже считаться с подобного рода запретами и из‘ятиями. Можно быть уверенным, что и этот продукт чиновного глубокомыслия останется только на бумаге, подобно всем другим покушениям этого сорта.

Самое легкое дело.

Самым легким делом в России, как известно, считается государственное управление. Достаточно быть лихим кавалеристом, иметь хорошую „посадку“, густые усы и вид „без послабления“, чтобы занять важный и ответственный пост по руководству государственной машиной и быть признанным разрешать самые сложные вопросы народной жизни. Само собой разумеется, что разрешение вопросов при таких условиях упрощается до чрезвычайности:

Рабочий вопрос!!! Генерала Трепова сюда! — И генерал Трепов разрешает рабочий вопрос.

Аграрный вопрос!!! Генерала Сахарова сюда! — И генерал Сахаров разрешает вопрос аграрный.

Как разрешаются генералами и адмиралами вопросы государственной жизни, видно, например, из следующего сообщения, напечатанного на-днях в „Руси“:

„Орел, 25 — XI. Командированный по высочайшему повелению генерал-ад‘ютант Дубасов, ознакомившись на совещании у губернатора, в присутствии представителей администрации и земства некоторых уездных городов, с положением аграрного движения в губернии, расположением воинских частей, отправленных в места беспорядков, организацией уездных команд и полицейской стражи, вооруженных ружьями, и, выразив пожелание о возможном сокращении продажи вина из казенных лавок, в тот же вечер выехал в Петербург“.

Просто и хорошо: ознакомился с расположением воинских частей по селам и деревням и, убедившись, очевидно, что расположение их самое основательное, со спокойной совестью поехал докладывать, что по аграрной части в Орловской губ. все обстоит как нельзя быть лучше.

Так действуют русские генералы, судьбой предназначенные вести Россию к счастью и благу, и немудрено, что правительство всем сердцем уповает на генеральскую премудрость. Пошли, например, слухи, что готовится военная диктатура для единовременного разрешения всех вопросов сразу и навсегда, — и в газетах сейчас же появилось весьма правдоподобное известие: „С Дальнего Востока экстренно вызван генерал Мищенко, который получает назначение быть военным диктатором“.

Почему бы генералу Мищенко и не быть всероссийским диктатором, коли адмирал Дубасов мог сделаться московским генерал-губернатором? Человек Мищенко — лихой, „казачий генерал“, совершал набеги на китайцев, — значит, управлять Россией ему вполне пристало.

Впрочем, есть одно небольшое препятствие: даже при наибольшей опытности по части „расположения воинских частей“ необходимо все-таки, чтобы эти „части“ были покорны и „располагались“ там, где это требуется по соображениям генеральских мозгов, в противном же случае никакая опытность в деле истребления „внутренних японцев“ не поможет. Как вы, в самом деле, „расположите“ по крестьянским деревушкам да по рабочим кварталам те „части“ войск, с которыми русским генералам приходилось иметь дело в Кронштадте, Севастополе, Киеве, Хабаровске, Новороссийске и с которыми им, без сомнения, еще придется иметь дело во многом множестве других городов?

Нет, видно, недостаточно иметь крепкое телосложение, густые усы, да генеральский чин, чтобы бороться с революцией.

Пора, значит, генералам сложить оружие.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Кременчуг, 26 ноября. — Сегодня здесь восстановилось нормальное движение почтовых и пассажирских поездов; забастовки в местной почтово-телеграфной конторе не было. Восстановилось почтово-телеграфное сообщение с Полтавой.

Плоцк, 27 ноября. — Учителя сельских школ ввели преподавание своих предметов на польском языке.

Волковышки, 27 ноября. — В Посаде Пильвишках и селениях Гиже и Поезеры разбиты гминные управления и училища. Земские стражники насильно разоружаются крестьянами.

Сумы, 29 ноября. — Владельцы покидают уезд, во многих экономиях рабочие и прислуга снимаются; лес, сады и запасы расхищаются.

Владимир, 28 ноября. — Епархиальный с‘езд губернии в составе 130 человек высказался за полное удовлетворение требований семинаристов и постановил ходатайствовать перед синодом о доступе семинаристов в университет, об уничтожении бальной системы, о введении суда чести, избрании классных старост, о разрешении собраний и посещения театра. С‘езд выбрал 3 делегатов для поездки в Петербург с целью лично поддержать ходатайство в синоде. Семинарию решено открыть после рождества, если будут сделаны некоторые ослабления режима, что архиерей обещал.

Варшава, 28 ноября. — Вчера в течение всего дня на улицах Варшавы появлялись манифестанты с красными флагами. Для водворения порядка были вызваны войска, которые разгоняли толпу без насилия. Положение в почтово-телеграфном ведомстве не изменяется. По словам „Курьера Варшавского“, сегодня забастовала прислуга в гостиницах.

Дмитровск (Орловской губ.), 28 ноября. — Прибыл орловский вице-губернатор Бельгард.

В имении известного земского деятеля графа Гейдена, где крестьяне разобрали экономический хлеб, агитация велась арестованным теперь учителем местной школы.

Дмитровск (Орловской губ.), 28 ноября. — Сегодня по инициативе предводителя дворянства Васича, в присутствии орловского вице-губернатора Бельгарда, в виду тревожного положения города и уезда, состоялось совещание из представителей администрации и многих городских и некоторых уездных обывателей. В городе опасаются погрома. Торговля идет ненормально. Крестьяне не дают помещикам перевезти запроданный хлеб в город.

Чистополь, 29 ноября. — С прибытием казаков (?) беспорядки в уезде стали затихать.

Киев, 26 ноября. — Сегодня получены здесь из Петербурга агентские и частные телеграммы за 15, 16, 17, 18, 19 ноября; часть получена почтой.

Плоцк, 26 ноября. — Сегодня почтово-телеграфные чиновники приступили к работе.

Тяньцзин, 25 ноября (8 декабря). — Китайская комиссия для изучения конституционного строя иностранных государств выехала сегодня отсюда за границу.

Новгород, 29 ноября. — Назначенное на 11 декабря губернское земское собрание отложено губернскою управою до 9 января.

Петрозаводск, 29 ноября. — Сегодня открыто губернское земское собрание; управой вносится до 150 докладов.

Организуется союз земских служащих.

Владимир, 29 ноября. — Сегодня открылось губернское земское собрание при 28 гласных из общего состава 73.

Владимир (губернский), 29 ноября. — На открывшемся губернском земском собрании поднят вопрос об облегчении обложения надельных земель и об общем сокращении сметы. Вопросы эти переданы в комиссию. Заслушано заявление приехавшей из Орехова рабочей депутации, ходатайствующей о выдаче полностью пособия семьям запасных, жены которых работают на фабрике. Ходатайство это удовлетворено.

Темир-Хан-Шура, 27 ноября. — Начавшаяся 16 ноября забастовка почтово-телеграфных служащих 26 ноября закончилась.

Болхов, 29 ноября. — На совещании землевладельцев, созванном председателем уездной управы, постановлено ходатайствовать о скорейшем принятии мер к заключению сделок с крестьянами через посредство Крестьянского банка. В уезде неспокойно. Некоторые помещики держат на свой счет вооруженную стражу.

Калуга, 29 ноября. — Сообщение газеты „Русское Слово" о забастовке Сызрано-Вяземской дороги противоречит истине.

Суджа, 28 ноября. — После некоторого затишья в погромах, сделана была попытка разграбить экономию помещика Давыдова, но, благодаря подоспевшим драгунам, разгром остановлен.

Делегатами ж. д. Царства Польского отправлена следующая телеграмма из Варшавы № 1266: „По всем ст. российских ж. д., Москва — Центр. бюро жел. дор. с'езда Романову; С.-Петерб.— Ник. Елизарову и Орехову; С.-Петерб., Москва—Совету Рабочих Депутатов; Москва—Центр. бюро почт.-тел. союза. Копия. Рига—Р.-Орл. Паулишу.

„Получили телеграмму 24 ноября Центр. бюро служащих и рабочих Риго-Орл., приглашающую ко всеобщей забастовке для поддержки протеста против военного положения Лифлянд. и др. губ. Ожидаем постановления Центр. бюро железнодорожного союза.

„Делегаты жел. дор. Царства Польского".

Москва.

(По телефону 29 ноября).

— Лейтенант П. Шмидт в Очакове. Одесский корреспондент „Русского Слова" пишет: В субботу, 19 ноября, в 5 час. утра, к Очаковской крепости подошел военный транспорт „Дунай", на котором доставлен из Севастополя арестованный отставной лейтенант П. П. Шмидт. На „Дунае" развевался черный флаг, приспущенный до половины мачты. По требованию командира транспорта к борту прислали катер „Инженер". В это время на палубу „Дуная" под конвоем вывели из тюремных помещений П. П. Шмидта и его 17-летнего сына. Шмидт сделал попытку без посторонней помощи спуститься со сходни транспорта, но в бессилии упал. У него ранена и забинтована нога. Матросы подняли Шмидта на руки и снесли бережно на катер. За отцом последовал и его сын. Катер „Инженер" доставил арестованного отца и сына к морской крепостной батарее в Очакове, где их заключили в угловой, так называемый „чумный", каземат. Стража при Шмидте состоит из жандарма и двух нижних чинов. В крепости Шмидта посадили на солдатскую пищу, но очаковский узник протестовал. Тогда получено было распоряжение выдавать недавнему командующему Черноморским флотом офицерскую пищу и... даже папиросы.

— В „Вечерней Почте" солдаты волнующегося резервного батальона пишут, что забастовки произошли у них из-за дурной пищи. „Дело в том, что, согласно приказа по гарнизону от 19 октября №№ 292, 299 и 308, нам полагается «усиленное довольствие», т. е. вместо полуфунтовой порции мяса на каждого чина в день должна быть выдаваема фунтовая, без исключения постных дней; тем не менее, мы в таком порядке получали по 20 ноября, а после 20-го нам опять стали давать полуфунтовую. Вчера же, как постный день, нам совсем порции не дали, а вместо порции предложили какой-то злокачественный горох, есть которого положительно невозможно. Принимая во внимание, что мы только за эти «несчастные порции» служим,— порешили устроить забастовку. Явились в столовую на обед, мы прежде всего пожелали видеться с командиром батальона, но он почему-то не пришел. Тогда мы попросили дежурного офицера, который сейчас же явился и не только не спросил нас, в чем дело, но даже стал ругаться, приговаривая, что постную пищу нам дали «по недоразумению»... С такими словами он и удалился; мы, в свою очередь, тоже, с криком «ура» и со свистом, разошлись. Потом опять собрались в телеграфную роту, где нам и вынесли резолюцию: что будем получать впредь до особого распоряжения фунтовые порции, не взирая на постные дни; помимо того и чайное довольствие, и что подобные «недоразумения» не повторятся. Фельдфебеля же довольствующей роты и артельщика, а также и дежурного по кухне унтер-офицера командир приказал по батальону арестовать на пять суток каждого, мотивируя тем, что они виноваты в том, что горох грязный и что обед такой невкусный, а относительно того, что обед невкусный, потому что без мяса; словом, он свалил, как говорят, «с больной головы, да на здоровую». Мы не можем не об'явить против этого протеста, вследствие которого мы надеемся, что командир отменит свой «приговор», а в случае неудовлетворения наших справедливых желаний мы оставляем за собою свободу действий. Обращая внимание нижних чинов других частей, как нас эксплоатирует наше начальство, — присовокупляем, что нам с нашим начальством необходимо бороться и бороться, ибо в «борьбе обретаем мы право свое». Нижние чины третьего резервного батальона"

— Вчера вечером было сообщено в штаб округа, что на митингах, происходивших в разных местах, присутствовало много солдат. Последние братались с рабочими и уходили с митингов вместе с ними значительными группами. По слухам, в артиллерийские казармы была послана рота Астраханского полка.

— Газета „Борьба" сообщает, что вчера состоялось заседание делегатов всероссийского союза почтово-телеграфных работников. Собрание постановило: „Продолжать забастовку до тех пор, пока коварное правительство не исполнит всех требований, пред'явленных к нему; в случае же ареста кого-нибудь из делегатов—заменять его другим".

— Вчера близ почтамта собрались бастующие служащие, начавшие швырять камнями в выезжавшие из двора почтовые фуры. Жандармы очистили прилегающие к почтамту улицы.

— По распоряжению градоначальника г. Медема, во все полицейские участки вместе с деловыми бумагами рассылается новая рептилия—газета „Колокол", по два экземпляра в каждый участок. Рекомендуется просвещать этою газетою арестованных.

— На-днях чинами почты и телеграфа в Смоленске была получена под видом „официальной" телеграммы от бюро союза почтово-телеграфных служащих следующая телеграмма: „Забастовка кончилась, депутаты едут". Смоленские чиновники, однако, не поверили этой телеграмме и потребовали, чтобы то же самое было сообщено им условным шифром. Им обещали, но обещание это до сих пор не выполнено. Подлог, таким образом, не удался.

— „Русское Слово" сообщает: „Представители крайних партий категорически заявляют, что сообщение, будто бы ими принято решение срывать заседания и лекции умеренных рефрантов, ни на чем не основано. Ни одна партия в своих заседаниях такого решения не принимала.

— Газета „Жизнь" сообщает: „Лицо, вчера приехавшее из Киева, нам передает: брожение в войсках продолжается. Солдаты ходят по улицам, обнявшись со студентами и рабочими. На улицах можно встретить и такие сцены: солдат на коленях просит у рабочих и у публики прощения, что по недомыслию своему стрелял в народ. Грандиозная демонстрация,—два полка с музыкою во главе, с рабочими, замыкавшими шествие, про-

шли по всему городу,—произвела глубокое впечатление. Перед этим шествием расступились пулеметы".

— Той же газете лицо, прибывшее из Иркутска, передает, что среди запасных воинских чинов в Сибири обнаруживается сильное брожение. В Иркутске запасные отказываются ходить в патрули, особенно в скверную погоду, говоря, что в такую погоду порядочный хозяин и собаки не выгонит на улицу. Во многих местах запасные заявляют, что, если их не отпустят со службы, то они сами раз'едутся по домам. Настроение возвращающихся из Манджурии сильно приподнятое.

— Из Тулы „Русск. Ведом." сообщают. Здесь образовалась новая политическая партия—„Тульский союз за царя и порядок". Своими основными принципами союз об'являет неприкосновенность монархии, народное представительство на основе манифестов 6 августа и 17 октября, недопустимость Учредительного Собрания, целость и единство государства. В воззвании „Ко всему населению Тульской губернии", напечатанном в местных „Губернских Ведомостях", союз призывает не верить „злым людям" и „смутьянам", которые стремятся захватить власть в свои руки и, обманывая народ своими обещаниями, открыто научают его не повиноваться царской власти.

Корреспонденты „Русск. Слова" телеграфируют:

— Курск. Волнения в местном гарнизоне продолжаются. Призывные 1901 года настойчиво требуют отпуска.

— Воронеж. В Воронеже черносотенники, притихшие было, провоцируют солдат, подбрасывая листки, якобы от имени рабочих, с угрозами избиения.

Ими же избит до полусмерти дисциплинарец. Полиции удалось собрать часть ружей, розданных дисциплинарцами жителям.

— Воронеж. Закрыты реальное училище и мариинская гимназия. Забастовала торговая школа. Ученики требуют немедленного возвращения уволенного учителя Щедровицкого. Вчера арестована неизвестная девушка., якобы бросавшая в казармы прокламации с призывом к восстанию.

В Совете Рабочих Депутатов.

Заседание 27 ноября.

В первую очередь ставится вопрос об аресте председателя Совета товарища Хрусталева. Депутат Франко-Русского завода в прочувственной речи призывает Совет ответить на этот новый факт правительственного произвола всеобщей политической забастовкой. За необходимость протеста в этой, именно, форме высказываются и некоторые другие ораторы. Допуская, что арест Хрусталева—одно из проявлений надвигающейся реакции, они доказывают необходимость дать теперь же отпор. Большинство ораторов сходится на том, что арест Хрусталева провокаторский прием правительства, желающего вызвать рабочих на борьбу, когда они еще не готовы, с целью дезорганизации сил. Каждый новый день увеличивает силы революции, уменьшает силы правительства. Арест Хрусталева частное явление, всегда найдутся более общие поводы, которые неизбежно вызовут всероссийскую забастовку — последний, решительный бой. Арест отдельных лиц не может парализовать ход революции, раз на сцену выступили массы. Лучшая поддержка для товарища Хрусталева—продолжать то дело, которому он отдавал все свои силы.

Исходя из этих соображений, Совет единогласно принимает резолюцию, выработанную Исполнительным Комитетом: „26 ноября царским правительством взят в плен председатель С. Р. Д. тов. Хрусталев-Носарь.

„С. Р. Д. временно избирает нового председателя и продолжает готовиться к вооруженному восстанию".

Товарищ солдат—председатель финляндских батальонов—сообщает о полном сочувствии своих товарищей делу революции.

Представитель Польской Партии Социалистов передает приветствие Совету от собрания польских товарищей.

Представитель крестьянского союза передает приветствие крестьянского с'езда.

Сообщается о революционном брожении среди гвардейских солдат.

Сообщаются следующие телеграммы:

„По всем ст. росс. ж. д. и другие места. Общее собрание служащих, поденных и штатных Валк, согласно постановлению центрального московского бюро и узлового комитета, признает забастовку в настоящее время без сочувствия всех других дорог недостигающей цели. В виду того же, что на ст. Рига жизни обслуживающих поезда угрожает опасность, собрание постановило не обслуживать уч. Валк—Рига. Возмущаясь, однако, введением военного положения в Лифляндии и других местах, собрание требует отмены такового, отмены военного полевого суда, смертной казни и усиленной охраны и готово поддержать эти требования при условии всеобщей забастовки.

Председатель собрания Эйтинский".

„С.-Петербург. Забастовка фельдшеров, ожидают вызова столичных товарищей. Дайте подробные указания для совместного действия освободительного движения. Чита. Союз фельдшеров".

Собрание приступает к выборам председателя. И. К. предлагает выбрать временный президиум из трех лиц. Из числа кандидатов открытым голосованием подавляющим большинством выбираются в члены президиума три товарища—социал-демократа, один представитель партии и два депутата. По настоянию с.-р-ов, недовольных, что их кандидаты остались за флагом, и некоторых других лиц, производится перебаллотировка по запискам. Результаты получаются те же. Представитель с.-д. получил 260 голосов, 2 тов. делегата соц.-дем. 208 и 182; кандидат с.-р.-ов—72 (из общего числа голосующих 302). Об'явление результатов выборов встречается громкими аплодисментами.

В том же заседании было постановлено поручить И. К. вместе с представителями партии с.-д., с.-р. и крестьянского союза выработать манифест к народу с предупреждением о возможности правительственного финансового краха и с предложением брать обратно вклады из сберегательных касс, требовать обмена бумажных денег на звонкую монету.

На случай невозможности по полицейским условиям для Совета устраивать общие собрания И. К. передаются функции Совета, при чем состав И. К-та в этом случае пополняется двумя представителями от каждого района и по одному от профессиональных союзов.

Сообщения с фабрик и заводов. Металлический завод. Собрано 1467 руб. в пользу безработных. Фабрика Хаймовича. Рабочих рассчитывают. Фабрика Блигкен-Робинсон. Работают по-старому 11 часов. Администрация выбрасывает с завода сознательных рабочих, черная сотня не дает собирать митингов. Фабрика механического производства обуви. После 4-недельной забастовки рабочие приступили к работе. Но так как всех рабочих не приняли, то 26-го снова забастовали. Администрация закрывает завод на неопределенное время.

К общепартийному с'езду.

Общепартийный с'езд представителей российской социал-демократии все ближе и ближе. Каждый товарищ обязан приложить все усилия к тому, чтобы с'езд этот был организован возможно полнее и лучше, чтобы заранее была гарантирована успешность и плодотворность его работы. С'езд должен быть действительно общепартийным, ему предстоит громадная задача об'единить расколовшуюся партию и превратить ее в могучий истинно-революционный аппарат, приводящий в движение все пролетарские массы страны. Все местные организации пусть немедленно, сию же минуту, возьмутся за работу по подготовке с'езда, пусть теперь же выбирают своих делегатов.

Но как производят эти выборы на общепартийный с'езд? Этот вопрос порождает серьезные недоумения среди некоторых партийных работников, как читатели могли убедиться из напечатанного во вчерашнем номере „Новой Жизни" письма тамбовских товарищей.

Если бы обе фракции—и „большинство" и „меньшинство"—существовали повсеместно в виде отдельных, изолированных организаций, тогда вопрос разрешался бы проще. Тогда каждая местная организация каждой фракции выбирала бы своих представителей совершенно независимо от другой фракции, и вопрос о соединении этих представителей в одном общепартийном с'езде мог бы быть разрешен путем договора между фракциями.

Но в тех местностях (напр., в Одессе, Саратове), где уже произошло полное организационное слияние двух фракций, а также и там, где (как у нас, в Петербурге) это слияние дело ближайших дней, вопрос этот значительно усложняется. В этом случае приходится избрать иной путь. При слиянии организаций говорить о посылке каждой фракцией особых делегатов уже нет возможности, ибо пришлось бы для производства таких выборов снова устроить временное разделение фракций. Раз произошло слияние организаций, предвыборная агитация уже не может и не должна происходить на почве прежних фракционных делений, и ее приходится перевести на почву идейной борьбы. Если в слившейся местной организации существуют представители различных идейных течений, то было бы чрезвычайно опасно затушевывать их и не давать им простора для открытой борьбы. Нет никакого сомнения в том, что и при полном слиянии фракций тактические взгляды „большевиков" и „меньшевиков" имеют значительные различия между собой. Необходимо принять во внимание, что тактические разногласия наши касаются как раз тех вопросов, которые будут обсуждаться на предстоящем с'езде. Естественно желать, чтобы на с'езде были представлены соответственно своей численности все идейные группы, имеющиеся среди российской социал-демократии. Исходя из этого соображения, Организационный Комитет Петерб. Ком. и Петерб. Гр. Р. С.-Д. Р. П. и включил в условие об'единения местного „большинства" и „меньшинства" особый параграф о пропорциональном представительстве на с'езде.

В силу этого параграфа, предвыборная агитация и выборы на с'езд должны производиться на основе тактических платформ, и число представителей должно определяться пропорционально количеству голосов, поданных за ту или другую платформу. Такая постановка предвыборной агитации и самих выборов полезна и целесообразна во многих отношениях.

Во-первых, будет избегнута случайность представительства, так как подача голосов будет определяться уже не личными связями того или иного кандидата, а свойствами той тактической платформы, которую выставляют он и его сторонники. Далее, сами выборщики при таких условиях будут привыкать разбираться в идейных течениях и тактических разногласиях и будут посылать делегатов как выразителей определенной платформы. Предвыборная агитация, таким образом, будет способствовать выяснению „общественного мнения" партии, и сами делегаты явятся на с'езде представителями определенной идейной группы. Думать, что такая агитация и такие выборы могут помешать слиянию организаций, нет оснований, так как опыт Запада показывает нам, что борьба тактических платформ может уживаться с организационным единством партии.

Остается наметить практический способ осуществления пропорционального представительства на с'езде. Осуществить его всего лучше таким образом: на предвыборных собраниях выступают сторонники той или иной тактической платформы, выясняют их сходство и различие и после обстоятельного выяснения предлагают собранию высказаться за ту или другую. Результатом голосования производится подсчет, и на основании его определяется количество представителей от той и другой группы. Самое же назначение представителей производится по спискам кандидатов, выставленным всеми идейно состязающимися группами.

Предлагаем товарищам повсюду, где произошло слияние организаций, принять план пропорционального представительства, выработанный Орг. Комитетом Пет. Ком. и Пет. Гр. Этот план обеспечивает полноту представительства, устраняет его случайность и гарантирует права меньшинства, — вообще дает наиболее широкую возможность учесть общественное мнение партии и определить волю действительного большинства ее членов.

Г. Алексинский.

Хроника.

— В г. Минске Государственный банк в течение уже недели отказывает крупнейшим банкирам в выдаче денег по текущим счетам, и, конечно, по причинам, ничего общего не имеющим с отсутствием рабочих сил касс. Банкиры, вследствие настойчивых требований своих вкладчиков—заводчиков и фабрикантов, принуждены были отправиться в Петербург, чтобы здесь настоять на выдаче необходимых сумм. Хотя деньги здесь и были им выданы из главного отделения Государственного банка, но банкиры не уверены в том, что в ближайшем времени им снова не придется производить невольные наезды в Петербург, так как в минском отделении Государственного банка денег пока хватает лишь на выдачу вкладов по сберегательным книжкам.

— Прославившийся кровавой бойней, устроенной по случаю манифеста минчанам 18 октября, губернатор Курлов, отставки которого единодушно потребовало все минское общество и о котором сам Витте ответил депутации, что „Курлов невыносим", после кратковременного от'езда из города снова благополучно вернулся на-днях в г. Минск, окружил себя сотнями казаков и принялся по-старому за управление вверенной ему губернией. Возмущенное таким издевательством над собой, минское общество послало депутацию к гр. Витте, состоящую из представителей города и Либаво-Роменской ж. д., с категорическим требованием убрать Курлова, в противном случае неизбежны беспорядки в городе и полная забастовка Либаво-Роменской жел. дороги.

— 29 ноября экипаж яхты „Штандарт" переведен в целях ограждения от „вредных влияний" из казарм 18 флотского экипажа в казармы гвардейского экипажа.

— К сегоднешнему № „Пет. Вед." была заготовлена в отделе печати выписка из „Гражданина", где кн. Мещерский, ничтоже сумняшеся, валит все беды, переживаемые русским народом, на рабочих, крестьян, евреев и т. п. Выписка заканчивается словами: „Перечисленного слишком довольно, чтобы доказать, что Россия в эту минуту не только вышла из семьи цивилизованных наций, но вышла из семьи зверей, чтобы стать ниже их". К этой тираде наборщики прибавили скромный, но справедливый вопрос: „А кто все это создал?", и отказались печатать № без этого прибавления. Сиятельный князь заупрямился, и №№ „Пет. Вед." и „Рассвета" сегодня не выйдут. Если и завтра его

сиятельство откажется выбросить эту заметку или напечатать ее с прибавлением наборщиков, то и завтра №№ не выйдут, и так далее... Рабочие мотивируют свой поступок постановлением союза работников печатного дела не печатать черносотенных произведений.

— Союз переплетчиков заручился разрешением градоначальника на предмет устройства собрания. 28 ноября собрались в количестве около 2000 человек в Соляном Городке. Перед открытием собрания вдруг является пристав с предписанием „градоначальника", что на этом собрании должна присутствовать полиция. Это заявление вызвало ужасную суматоху, все чувствовали, что над ними совершается грубое насилие. Тогда один из товарищей, в присутствии полиции, заявил от имени Совета Рабочих Депутатов, что решено принципиально не допускать полиции вторгаться в наши собрания. Публика, озлобленная, с криком „долой полицию!" покидает зал заседания.

— 27 ноября, в воскресенье, в начале 5 часа веч., на 5 Рождественской, возле дома № 10, произошла следующая возмутительная история. По панели шел какой-то офицер с нарядно одетой дамой. Шедший навстречу солдат, не заметив, повидимому, офицера, не отдал чести. Остановив солдата, офицер начал ругать, грозить солдату; солдат, испугавшись, начал убегать, тогда офицер выстрелил в него. Собралась публика. Храбрый офицер вскочил на извозчика и, угрожая ему револьвером, заставил его гнать лошадь во всю прыть, одновременно стреляя в публику, которая хотела его задержать. Из публики было ранено 4 человека. Задержанный на углу 2 Рождественской и Греческого проспекта, офицер был отправлен в комендантское управление, откуда он, вероятно, был отпущен, предварительно награжденный егорием за храбрость.

— Судя по слухам, циркулирующим среди чинов судебного ведомства, на пост прокурора С.-Петербургской судебной палаты был намечен прокурор Московской палаты фон-Клуген. Министр юстиции считал его самым подходящим кандидатом на эту должность, однако, назначение это не состоялось, так как в виде крайне редкого исключения утверждение этого кандидата не последовало.

Я. Г. Гуревич привлекает к ответственности редактора „Сына Отечества" за ложное сообщение о разрушении „баррикад" директором и служителями во время устроенной учениками сходки.

— Бюро союза инженеров извещает, что в среду 30 ноября, в 8 час. вечера, состоится общее собрание в помещении Соляного Городка (Пантелеймоновская, 2). Программа: 1) доклад судебной комиссии, 2) организационные вопросы, 3) текущие дела.

— 29 ноября в экстренном заседании кабинета министров рассматривался „проект особых исключительных правил водворения в стране порядка".

— 29 ноября состоялось заседание совета министров, посвященное редактированию выработанных советом правил о выборах в Государственную Думу. Содержание этих правил мы в свое время сообщили. Как известно, громадное большинство совета министров, во главе с „либеральным" премьером гр. Витте, высказалось против всеобщего избирательного права. Часть министров осталась по этому вопросу при „особом мнении", которое и будет представлено государю вместе с мнением большинства. Вопрос в Царском Селе, впрочем, предрешен в смысле согласия с мнением большинства. Опубликование выработанных советом „правил" последует в начале будущего месяца.

— В Прибалтийском крае введено генерал-губернаторство „для скорейшего водворения в сих губерниях порядка и для успешнейшей разработки всех общих вопросов местной жизни". Генерал-губернатору предоставляются обычные в подобных случаях права. На пост генерал-губернатора назначается, по слухам, ген. Соллогуб.

Генерал-губернаторам и градоначальникам, по принадлежности, в местностях, не об'явленных в исключительном положении, при наличности чрезвычайных обстоятельств, угрожающих общественному порядку и спокойствию, предоставлено: издавать обязательные постановления по вопросу о хранении и продаже оружия и налагать своей властью взыскания. Кроме того, воспрещен привоз оружия из-за границы и Финляндии.

На Петербургской стороне образовался политический клуб околоточных надзирателей.

25 ноября, в 10 час. утра, состоялось небольшое собрание заводчиков „о надвигающемся крахе крупных промышленных предприятий, вследствие государственного банкротства, и о революционном методе борьбы, путем которого рабочие насильно вводят 8-часовой рабочий день".

Посторонние лица были удалены. После долгих дебатов собрание пришло к заключению, что при современном положении России, когда вместо порядка царит полная анархия и насилие над обывателями, единственным выходом для избежания краха промышленности и государственного банкротства является созыв Государственной Думы на основе манифеста 17 октября. Что же касается пред'явленных рабочими требований о введении восьмичасового рабочего дня, то собрание решило, что не следует озлоблять рабочих, а удовлетворить некоторые из их требований.

— Назначенное на 27 ноября в 8 час. веч. в народном доме Нобеля собрание конституционалистов-демократов не было допущено местным приставом, по распоряжению градоначальника. Нам, между прочим, удалось слышать следующий разговор одного кадета с дежурившим в народном доме приставом. „Партия во всех отношениях желательная, кроме пользы от нее ничего не будет. Вот здесь было собрание рабочих—пришлось звать и казаков и солдат, а когда вы собираетесь, я вот их отпускаю. Мой товарищ—пристав—присутствовал на предыдущем собрании, ему очень понравилось. Да и я с программой согласен", — говорил полицейский, тот самый, который разогнал при помощи солдат собрание рабочих казенных заводов, происходившее за час перед этим здесь же, у Нобеля. Кадеты были вполне согласны с полицейским, согласны они были также с предложением пристава просить градоначальника отменить свое распоряжение о недопущении собрания. Причиной недопущения, по словам пристава, является допущение тов. рабочих с.-д. на предыдущее собрание. Все кадеты с нетерпением ожидали приезда какого-то Евгения Ивановича (Кедрина, кажется),—как он решит, так мы и поступим. Явившийся Евгений Иванович не согласился просить градоначальника. „Не желаю говорить с градоначальником! Составим протест!" И они составили протест, приняли резолюцию и... разошлись. „А когда мы соберемся опять?"— спросил один недоумевающий кадет. — „Когда получим возможность, когда будем гарантированы!"—отвечал лидер. Вероятно, гг. кадеты резолюциями и протестами добьются свободы собраний.

— Анкета по вопросам средней школы. Бюро „союза учителей средней школы", желая осветить жизнь средне-учебных заведений Петербурга и провинции, просит родителей, педагогов, учащихся и всех лиц, могущих сообщить ему точные сведения по нижеследующим вопросам, направлять их по адресу председателя бюро А. Л. Липовского (В. О., 5 лин., 34) или секретаря Г. А. Лучинского (В. О., 14 л., 47). Вопросы: 1) закрытие средне-учебных заведений (причины, случаи насилия над учащимися, время, на которое заведения были закрыты); 2) организации учащихся (сходки, собрания старост и т. п.); 3) какие формы организации учащихся разрешены; 4) были ли родительские совещания и к каким привели результатам; 5) какие требования к педагогическим советам пред'явили учащиеся, родители?

— „Человики в футлярах" продолжают вести старую политику. На этих днях из реального училища принца Ольденбургского были уволены четыре воспитанника, подозреваемые в „агитации", и в тот же день выселены из пансиона. Возмущенные этим, ученики 8-й и Ларинской гимназии 29 ноября забастовали впредь до принятия уволенных товарищей. Во все гимназии посланы депутаты с предложением присоединиться к протесту. Можно ожидать забастовки средне-учебных заведений.

— Из Вологды 27 ноября получена следующая телеграмма:

„В бюро почтово-телеграфного союза, по всем станциям российских железных дорог.

„Приветствуя почтово-телеграфных борцов, открыто и смело вступивших путем забастовки в борьбу за попранные права об'единяться в союзы, мы глубоко протестуем против принятых правительством репрессивных мер к забастовавшим, вроде увольнения со службы и невыдачи за половину месяца жалованья, как то имело место в Вологде, вместе с тем шлем горя-

чее пожелание товарищам-борцам не складывать оружия до полного удовлетворения их требования и выражаем уверенность, что вы встретите необходимую поддержку всех борющихся за свои права.

„Служащие и рабочие ст. Вологда.“

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

В лесном институте вывешено следующее об‘явление:

„Совет института в заседании своем 15 сего ноября признал возможным допустить студентов IV курса к окончательным испытаниям без дослушания лекций конца второго полугодия с тем условием, чтобы практические работы (по лесоустройству, частному лесоводству, инженерному искусству, лесной технологии) были исполнены до экзаменов, без требования выполнения их в стенах института“.

Профессорская коллегия лесного института, насчитывающая в своем составе членов „Союза союзов“, как видно, идет навстречу бюрократическому правительству, фабрикуя „скороспелых“ чиновников.

В 6-й гимназии.

23 ноября, в 7 час. веч., было назначено собрание родителей учеников 3-х старших классов.

Пред началом заседания произошел возмутительный случай. Так как темой совещания родителей стоял вопрос о возобновлении занятий в последних классах, приостановленных по распоряжению директора Мора без всяких на то оснований, то решено было проникнуть в собрание представителям классов и нескольким студентам, бывшим воспитанникам гимназии, чтобы охарактеризовать в собрании личность директора и осветить его образ действий. Но, по распоряжению предусмотрительного Мора, они не были допущены в зал заседания. Старостам удалось известить об этом родителей. В ожидании ответа и старосты и студенты вынуждены были остаться у под‘езда. Вот на эту-то группу в 11 человек и вызвана была якобы от имени родителей полиция. Полицейский чин заявил присутствующим, чтобы они немедленно удалились от дверей здания; в противном же случае обещал применить насилие. Родители, возмущенные наглостью прикрытого их именем распоряжения, потребовали составления протокола. Так как директор настаивал на недопущении в собрание нежелательных ему лиц и требовал пред‘явления ему резолюции к 11 часам утра 24 числа, то в собрании раздавались голоса за закрытие заседания. Но в виду важности вопроса решили продолжать совещание и вынесли резолюцию, в которой категорически отвергли предложение директора дать подписи за своих сыновей в их отказе от выставленных ими раньше требований, санкционировали институт старост гимназии, разрешили классные и общие собрания, отвергли необходимость инспекции и выразили необходимость введения лекционной системы преподавания.

Собранием же учреждено бюро из 6 человек, которые должны участвовать в педагогическом совете, собирать родительские собрания и т. п.

Этому же бюро вменено в обязанность употребить все усилия для немедленного открытия занятий в трех последних классах гимназии.

В армии.

Копия.

Командир
крейсера 1-го ранга
„Очаков“.
Ноября 15 дня 1905 года
№ 1.
г. Севастополь.

Петр Петрович
Шмидт
(выдавленная печать).

Севастопольскому Градоначальнику.

Сообщаю Вам, что у меня находится значительное число лиц офицерского звания арестованных. Городской патруль сегодня арестовал моих трех граждан—матросов, и пока Вы не вернете этих людей мне, я не даю пищи арестованным мною офицерам.

Командующий флотом гражданин Шмидт.

На конверте было:

„Севастопольскому Градоначальнику.
От гражданина П. Шмидта.

Очень нужное“.

Подлинник отправлен Шмидтом с матросом с „Очакова“. Прежде чем посыльный дошел до управы, началась бомбардировка. Посыльный решил переждать исхода и после неудачи передал в Комитет Р. С.-Д. Р. П.

P. S. Подлинник имеется в архиве Севастопольского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Копия.

Командир
крейсера 1-го ранга
„Очаков“.
Ноября 15 дня 1905 года
№ 2.
г. Севастополь.

Для гласного обнародования.

Г-ну городскому голове.

Мною послана сегодня государю императору телеграмма следующего содержания:

Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и перестает повиноваться вашим министрам.

Командующий флотом
гражданин Шмидт.

Подлинник отправлен Шмидтом с матросом с „Очакова“. Прежде чем посыльный дошел до управы, началась бомбардировка. Посыльный решил переждать исхода и после неудачи передал в Комитет С.-Д. Раб. Партии.

P. S. Подлинник имеется в архиве Севастопольского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Копия.

В случае каких-либо насилий со стороны казаков по отношению к гражданам, я вынужден буду принять решительные меры.

Командующий флотом
П. Шмидт.

Это об‘явление было опубликовано в 5.000 экземпляров.

От редакции. Печатаемые выше документы, относящиеся к последнему восстанию в Севастополе, показывают, сколько выдержки, дисциплины и благородства обнаружили „бунтовщики“. Поддерживая в городе образцовый порядок, не допуская никаких бесчинств и насилий над мирными гражданами, они и по отношению к врагам своим держались тактики открытых действий без всякой жестокости. Они вступали в переговоры, только отвечая репрессией на насилия со стороны властей. Насколько эта тактика была выгодна для дела восстания, показали события—власти захватывали и нападали врасплох на восставших. Но что в ней много гуманности и благородства по отношению к врагу — бесспорно. Заслуживал ли он такого отношения?

— Морское начальство в Кронштадте заботится, что называется, во всю о просвещении матросов. Хорошие книги, честные идейные газеты во флотские экипажи, понятно, не пропускаются, но зато раздается ежедневно печатный листок „Голос Правды“, в котором раз‘ясняется матросам современное положение в России и все проявления революционной жизни народа с черносотенной точки зрения. Надо отдать справедливость, эта начальническая макулатура среди большинства матросов успеха не имеет, хотя они и испытывают сильный голод книжный и газетный.

— Отправка матросов флотских экипажей из Петербурга все еще продолжается. Вчера вновь отправлены отряды из крюковских казарм на Балтийскую дорогу. Команды, которые остаются для надобностей Петербурга, переводятся в Гвардейский экипаж. В Петербурге в общем останется около 300 человек.

По слухам, в крюковских казармах расквартированы будут казаки.

— Нам сообщают из Варшавы, что солдаты л.-гв. Уланского полка отказались разгонять манифестантов в воскресенье 27 ноября. Брожение среди солдат этого полка за последнее время усилилось. Несмотря на бдительный надзор начальства, прокламации Польской Социалистической Партии (P. P. S.) имеют широкий доступ в казармы. Эти прокламации оказывают свое действие; солдаты на-днях выставили ряд требований, направленных к улучшению их экономического положения и к устранению дерзкого обращения со стороны офицерского персонала. Но главное требование солдат сводится к тому, чтобы их освободить от полицейских функций, связанных с положением об усиленной охране в Царстве Польском.

— В Кронштадте солдат крепостной артиллерии третьяго батальона был дневальным во время беспорядков. Когда солдаты вернулись с обеда и потребовали вызова начальства для пред'явления своих требований, дневальный, не зная в чем дело, все время находился на своем посту. Несмотря на то, что он никакого участия в восстании не принимал, он обвиняется по 112 ст. На требование солдата от военного следователя назначить ему какой-нибудь защиты последовал грубый отказ.

— Солдатские бунты. В Проскурове (Киевской губ.) взбунтовался 2-й пехотный полк. Солдаты отказываются повиноваться начальству и уничтожают боевой материал. („Новости.")

Из партийной жизни.

Резолюция о партийном об'единении, принятая на собрании делегатов всех групп Курского Комитета Р. С.-Д. Р. П. 17 ноября 1905 г.

В виду того, что

1) развитие революции в России, вызывая отчаянное сопротивление всех защитников самодержавно-крепостнического строя и организуя все классы и слои буржуазии, требует крайнего напряжения сил пролетариата для успешной борьбы за свои классовые интересы;

2) что существующий в настоящее время среди российской соц.-демократии разлад не только уменьшает ее боевую силу, но и деморализует широкие малосознательные массы рабочего класса, подрывая основной пролетарский принцип—„пролетарии всех стран, соединяйтесь!";

3) что в настоящее время ни вопросы тактики, ни вопросы организации не могут вызывать, благодаря событиям последнего времени, таких крупных разногласий, которые оправдывали бы разлад,—

мы заявляем, что считаем изменой нашему общему пролетарскому делу те действия отдельных членов, как „меньшевиков", так и „большевиков", которые, разжигая вражду между товарищами, препятствуют об'единению всех сил российской социал-демократии в одну партию.

Мы горячо приветствуем заявление Ц. К. о его решимости способствовать делу об'единения и присоединяемся к предложенному им плану (напечатанному в № 9 „Новой Жизни"), который является наиболее простым и наиболее верным путем для скорейшего выхода из настоящего невыносимого положения.

Резолюция Курского Комитета Р. С.-Д. Р. П. о профессиональных союзах, принятая также собранием делегатов всех групп Курского Комитета 17 ноября 1905 г.

Принимая во внимание:

1) что революционная борьба сознательной части пролетариата России пробудила классовое самознание широких масс рабочего класса и вызвала в этих массах стремление к организации для защиты своих интересов;

2) что победа, одержанная в октябрьские дни революционным пролетариатом над самодержавно-полицейским порядком, создала возможность организации широких масс рабочего класса,—

Курский Комитет Р. С.-Д. Р. П. постановил: немедленно приступить к организации профессиональных рабочих союзов на следующих основаниях:

а) непосредственной целью союзов является борьба за улучшение экономического положения рабочих данной профессии;

б) в этой области профессиональные союзы совершенно автономны;

в) не ставя своей непосредственной целью политическую борьбу и стремясь об'единить всех рабочих, независимо от степени их политического развития и классового самосознания, профессиональные союзы в то же время признают, что в случае политического выступления своего, как союза, в целом и создающейся, благодаря такому выступлению, необходимости примкнуть к какой-либо политической партии, они останавливают свой выбор на Р. С.-Д. Р. П., как единственной представительнице истинных интересов пролетариата России.

От редакции. Некоторую непоследовательность, допущенную в пункте в) резолюции Курского Комитета, следует, вероятно, отнести к неудаче формулировки. „Признать" руководительство Р. С.-Д. Р. П. в случаях общих политических выступлений могут только сами профессиональные союзы.

— 27 ноября состоялось собрание 3 и 4 подрайонов городского района фракции „большинства".

На обсуждение был предложен следующий порядок дня: 1) обсуждение проекта устава Спб. организации, выработанного Организационным Комитетом П. К. и П. Г. Р. С.-Д. Р. П.; 2) проведение этого плана в жизнь и установление размера взносов при поступлении в партию; 3) о клубах; 4) отношение к гапоновским обществам и 5) отношение к аресту тов. Хрусталева.

Вследствие затянувшегося обсуждения проекта устава и недостатка времени были рассмотрены лишь первые два вопроса. Перед обсуждением проекта устава тов. ответственным организатором был сделан собранию краткий доклад о существующем типе организации, о новых условиях жизни партии и о тех основных началах, которые были положены в основу „проекта устава". Затем собрание перешло к обсуждению по пунктам предлагаемого проекта устава. Прения и возражения встретили §§ 3, 5, 7, 8 и 16.

При чтении § 3 „проекта" тов. ответственный организатор пояснил, что, по мысли О. К., в подрайонное или заводское собрание должны входить, во 1-х, все рабочие с.-д. подрайона и во 2-х, все те, кто хотя и не рабочий и не живет в данном подрайоне, но принимает в нем ближайшее участие в с.-д. районе. Собрание, соглашаясь в принципе с мыслью О. К., нашло, однако, очень неясным редакцию этого §. С целью исправить неудачную редакцию этого § были предложены 2 поправки, но собрание решило лишь констатировать неясность редакции § 3, как и связанного с ним § 5, постановив исправление редакции их передать О. К. или особой комиссии, если таковая впоследствии будет выбрана. При обсуждении § 7 возник вопрос о значении решений районного собрания, которые, как сказано в „проекте", принимаются Р. К. „для руководства". Собрание постановило констатировать неясность сказанного выражения. При обсуждении следующих слов этого же параграфа „по требованию трети членов районного собрания Р. К. должен быть переизбран", выяснились две точки зрения: одни стояли за то, чтобы не предоставлять меньшинству такого права, другие, соглашаясь с мнением О. К., находили лишь нужным, чтобы требование $^1/_3$ членов было всякий раз мотивировано и предварительно перед переизбранием Р. К. были допускаемы прения по изложенной третью мотивировке. На голосование были предложены два соответствующих изменения. Собранием принято второе мнение, и в цитированные выше слова решено вставить слово „мотивированному" („по мотивированному требованию" и т. д.). § 8 подвергся обсуждению с точки зрения принципиальной допустимости двухстепенных выборов в партии, а также с точки зрения тех результатов, которые могут дать двухстепенные выборы. Собрание постановило присоединиться к мнению О. К.

§ 16 понят в том смысле, что голосование на об'единительный с'езд будет не по фракциям, а одно общее для всей Спб. организации. Остальные §§ „проекта устава" были приняты собранием без возражений, в редакции, предложенной О. К.

Вступительный партийный взнос определен в 20 коп. При вступлении решено требовать рекомендации 2 членов. При заявлении рекомендующих членов, что вновь вступающий член не имеет средств уплатить вступительный взнос, последний установлено не брать.

К об'единению партии.

(Корр. „Новой Жизни".)

На состоявшейся только что областной конференции северных комитетов Р. С.-Д. Р. П. обсуждался вопрос об об'единении с национальными с.-д. партиями. Все мы жаждем этого об'единения, все мы приложим усилия к тому, чтобы лозунг наш — „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" не оставался пустым звуком. Мы понимаем глубокий исторический и революционный смысл такого об'единения.

Но мне хотелось бы указать на одну сторону дела. Все мы, русские социал-демократы, за небольшими, редкими исключениями, очень мало знакомы или совершенно незнакомы с программой, тактикой, организацией и деятельностью национальных социал-демократических партий. Причин тому много, и для всех они ясны. По-моему, даже и при прежних условиях можно было и следовало уделять больше места в нашей партийной литературе ознакомлению нас с жизнью этих партий. Теперь необходимо пополнить этот пробел. Необходимо теперь же открыть отдел в наших социал-демократических органах („Новая Жизнь", „Начало", „Борьба", „Русск. Газ.", „Вперед", „Моск. Газ."), в котором помещались бы статьи, имеющие целью ознакомить широкий круг социал-демократических работников с этим важным вопросом. Мы говорили об об'единении, а не знаем хорошенько, с кем об'единяемся, насколько эти социал-демократические партии являются в действительности социал-демократическими. Прошу товарищей из Бунда, П. С.-Д., Л. С.-Д., У. С.-Д. уделить побольше внимания нам, членам Р. С.-Д. Р. П., и приблизить час об'единения.

Член Р. С.-Д. Р. П. Емельян.

— На третьем собрании приказчиков социал-демократов, состоявшемся 25 ноября, продолжалось обсуждение проектов реорганизации партийных учреждений, при чем после оживленных прений был принят единогласно план тов. Петрова.

Вслед за тем собрание избрало из своей среды секретариат из трех лиц, которому поручило: 1) вести запись новых членов в Р. С.-Д. Р. П. и 2) созвать следующее общее собрание не позже 5 декабря 1905 г. для избрания цехового комитета; это второе постановление было мотивировано необходимостью прочно сорганизоваться до третьего партийного с'езда. В своей заключительной речи отв. агитатор рем. района, приветствуя вновь создавшуюся организационную ячейку, указал, что именно теперь, в тот момент, когда революция делает все новые и новые завоевания, необходимо, чтобы каждый, кто принимает соц.-дем. программу, был организационно связан и идейно подчинен социал-демократической партии. Обязанность каждого личными энергией и мужеством способствовать окончательному успеху того дела, которое освободит российский пролетариат от цепей самодержавия и которое явится могучим рычагом дальнейшего международного социалистического движения, дальнейшей борьбой за завоевание социальной республики.

— Отчет прихода и расхода Петербургского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии с 25 октября по 25 ноября 1905 г.

Приход: к 25 октября в кассе оставалось 495 р. 2 к. Поступило: от Б. А. собрано на вечере 15 р., чрез финанс. комиссию 1.400 р., от товарищей художников 350 р., чрез т. Н. Л. от мин. финанс. 273 р. 90 к., чр. ремесленный район от О. П. 150 р., чр. орг. ремесл. района 5 р., от противника социал-дем. 20 р., чр. т. Н. Л. поступило: от жен. союза равнопр. 12 р., собрано тт. технолог. на мит. 11 р., районный сбор 20 р. 75 к., от товар. за чтение литературы 1 р. 55 к., чр. фин. ком. от Р. П. на стачечн. 25 р., от неизвестного на стачечник. 16 р., от женского союза равноправия 20 р., на стачечников 6 р., чр. рем. р. от О. П. для словолитч. 20 р., чр. тов. А. Я. на стачечн. 20 р., в пользу семейств убитых рабоч. 31 р., в пользу амнист. тт. с.-д. 9 р. 25 к., от неизвестного для амнист. тов. 6 р. 65 к., от Айвазского заводского к-та 5 р. На специальную цель: от рабоч. Путил. завода 305 р. 35 к., чр. т. Н. Л. поступило: от мин. финанс. 187 р., бестужевок 45 р., неизвестного 10 р., Л. 100 р., чр. В.-О. р. от Б. 5 р., по подписному листу 16 р. и 281 ф. м. 60 п., с вечера 18 р. 13 к., чр. агитаторов из Парижа 40 р., чр. пропаганд. гор. района 20 р., по карточке Фед. Ком. 39 р. 65 к., из У-нь Тамб. губ. чр. мин. фин. 70 р. — всего 3.769 р. 20 к. и 281 ф. м. 60 п.

Расход. Выдано: на спец. цель 856 р. 13 к. и 281 ф. м. 60 п., за литературу 120 р., больш. техника 299 р., м. техника 32 р., на клубы 150 р., агитаторам 298 р., воен. организ. 130 р., организациям: Невск. р. 54 р., Нарв. 124 р., гор. 120 р., Москов. 97 р., Вас.-Остр. 150 р., Выборг. 150 р., Петерб. 111 р., ремесл. 55 р., окружн. 41 р. 25 к., молодежи 20 р., в помощ товарищам 71 р. 99 к., конспиративные расходы 51 р. 90 к., в комиссию: о безработных 102 р.—Всего 3.038 р. 27 к. и 281 ф. м. 60 п. Остается в кассе к 25 ноября 730 р. 93 к.

— 27 ноября поступило: 1) в стачечный фонд от В. М. 20 р., 2) в комиссию о безработных от рабочих типографии 1 р. 50 к. Итого 21 р. 50 к.

— 28 ноября поступило пожертвований: 1) в пользу комиссии о безработных от: группы служащих Ряз.-Ур. ж. д. 93 р. 77 к., К. И. Л. 35 р., П. И. 4 р., Конст. Люциан. Фельи 25 р., бывших лицеистов 9 р., детей 13 р. 87 к., неизвестной с Жуковской ул. 1 р., Кольварского 15 р. 15 к., общеобразоват. курс. (сбор) 2 р. 24 к., митинга в Сестрорецке (сбор) 9 р. 11 к., Смирновой 10 р., Галиной 3 р., П. Слабоженюка 40 к. Итого 221 р. 54 к.; 2) в пользу почтово-телеграфн. служащих от группы служащих бухгалтерии в правл. Ряз.-Ур. ж. д. 12 р. 90 к., от группы служащих в технич. отд. Ряз.-Ур. ж. д. 24 р., от доктора Немировского 2 р. 10 к. Итого 39 р.; 3) в стачечный фонд от смоленского землячества 50 р.; 4) в пользу амнистированных от М. П. Доливо-Добровольской 2 р. 65 к. Всего за 28 ноября получено 313 р. 19 к.

Профессиональные союзы.

В Союзе союзов.

28-го состоялось заседание Ц. бюро и комитета всеросс. и спб. Союза союзов. Делегаты, отправленные на заседание московского Союза союзов 27 ноября, сообщили, что московское заседание вынесло следующую резолюцию:

„Соединенное заседание московского Союза союзов, членов Ц. бюро и делегатов из Спб. в заседании 27 ноября постановило:

„1) Созвать 10—12 декабря в Спб. IV делегатский с'езд, сделав главными вопросами этого с'езда: а) обсуждение ближайших задач и тактики Союза союзов в дальнейшей политической борьбе, б) установление более живой и тесной связи между отдельными союзными организациями и в частности провинциальными Союзами союзов, в) создание особого информационного органа для согласования действий Союза союзов с другими политическими организациями и партиями, принимающими участие в общей революционной борьбе.

„2) Пригласить на этот с'езд, кроме обычных делегатов от отдельных союзов, входящих в общесоюзную организацию, также и представителей от местного Союза союзов, от социалистических партий, студенческих организаций, союза почтово-телеграфных служащих, С. Р. Д. (Моск. и Спб.) и польских союзов.

„3) Предложить с'езду дать право решающего голоса всем приглашенным делегатам".

После доклада делегатов собрание перешло к текущим делам. Выяснилось, что „крайние" партии, которым было предложено явиться на заседание Союза союзов для совместного обсуждения вопросов тактики, не дали своего ответа, но что по всем признакам эти партии не пожелают явиться. Решено было в таком случае и „правые" партии не приглашать. Собрание перешло к вопросу об аресте председателя С. Р. Д. Хрусталева и репрессиях по отношению к почтово-телеграфному союзу. Постановлено опубликовать по этому поводу от имени С. с. протест. В обращении к обществу собрание говорит: „Арест председателя С. Р. Д. Хрусталева-Носаря и увольнение со службы почтово-тел. служащих за участие в забастовке Ц. бюро и комитет всеросс. и спб. Союза союзов рассматривает как демонстративное заявление со стороны правительства. Оно намерено силой подавить освободительное движение и силой же отобрать от народа те гражданские права, которые завоеваны им упорной борьбой. Ц. бюро и комитет призывает русское

общество принять эту правительственную демонстрацию, как наглядное доказательство того, что политическая свобода не может быть получена народом иначе, как путем вооруженной борьбы за свободу.

„Для ослабления сил нашего противника в этой борьбе могучим средством явится всеобщая политическая забастовка.

„Центральное бюро и комитет признает необходимым для всех живых элементов страны деятельно готовиться к этой забастовке и одновременно к последней вооруженной схватке с врагами народной свободы“.

Представителем союза конторщиков была предложена поправка: вместо „вооруженная борьба“—„вооруженное восстание народа“. При баллотировке за эту поправку высказались представители всех пролетарских союзов, но гг. либералы подавляющим большинством эту поправку провалили.

У красильщиков.

27 ноября в народном доме Нобеля состоялось 2-е собрание рабочих красильных заведений Петербурга. Всего таких заведений в Петербурге около 20; рабочих в них около 600. В этой отрасли промышленности занято много женщин, так, напр., у Пеклие работают в большинстве женщины. Положение занятых здесь рабочих отчаянно скверное. Эксплоататорские инстинкты предпринимателей так велики, что они пользуются трудом детей: у того же Пеклие работают 13-летние девочки. Штрафы налагаются по малейшему капризу „начальства“. В так наз. „глухие“ месяца, т. е. месяца, когда работы меньше, часть рабочих рассчитывается, выбрасывается на улицу: предприниматели-буржуи напились крови и пота рабочих досыта в разгар сезона. В гигиеническом отношении помещения мастерских возмутительны. Работа в красильнях крайне вредно отзывается на здоровьи, и здесь необходимо требовать устройства усовершенствованной вентиляции и других приспособлений, уменьшающих вредные условия труда. Отсутствие подобных приспособлений ведет к гибели занятых здесь рабочих; так, напр., у Данцигера в бензинном отделении сгорел рабочий; то же самое произошло у Колосова и в Синем Кресте. Волна профессионального движения в последнее время захватила и красильщиков. На первом собрании 20 ноября, где присутствовало около 150 чел., было решено для защиты своих экономических и правовых интересов образовать профессиональный союз, было выбрано временное бюро из 14 тов. для выработки устава. 21 ноября на собрании бюро был выработан проект устава. На собрании 27 ноября, на котором присутствовало свыше 200 человек, проект устава был принят. Решено, чтобы в течение недели бюро сделало все подготовительные работы и чтобы собрание в ближайшее воскресенье было учредительным. Собрание вр. бюро назначено на четверг, 30 ноября.

Цель союза: 1) об‘единение всех рабочих красильных заведений для: а) общей борьбы за свои профессиональные и правовые интересы, б) содействия умственному, нравственному и профессиональному развитию; в) материальной, юридической и медицинской помощи своим членам. Союз будет добиваться повышений заработной платы, уничтожения поштучной платы, 8-час. раб. дня и т. д. Вообще союз будет стремиться к осуществлению всей экономической программы - минимум Р. С.-Д. Р. П. Союз устраивает лекции, концерты и т. п. Денежные средства союза составляются из вступительных взносов в размере 25 к., ежемесячных—25 к., единовременных и различных доходов.

В конце собрания решено было пригласить в союз гладильщиков и чистильщиков, занятых в красильных заведениях.

Союз печатников.

Бюро союза рабочих печатного дела решило произвести обследование быта рабочих в типографиях, литографиях, переплетных мастерских и пр. Бюро считает, что только полное ознакомление с экономическими и культурными условиями рабочих печатного дела даст союзу возможность выработать тариф и ввести 8-часовой рабочий день. Для этой цели выработаны уже опросные листы с 59 вопросами по следующей программе: санитарно-гигиенические условия работ; отношение администрации к рабочим; рабочий день, заработная плата, помощь больным и пр.

Союз баньщиков.

В банях Мелковой (В. О., 17 линия, д. 38) работает в мужском отделении 11 баньщиков; все они поступили на службу с залогом в 25 рублей, но жалованья не получают, т. к. при поступлении им был гарантирован „доход“ рублей на 20—25, но на деле он не превышает 6—7 руб. Кассир Дударев говорит, что, кто хочет, тот может служить, а кто не хочет—пусть уходит, разговоры же с „хозяйкой“ не приведут ни к чему, т. к. она „испугается“ и не „выйдет“ к ним (баньщикам). Вопрос об организации—насущный вопрос для баньщиков.

---

27 ноября состоялось заседание правления союза рабочих по обработке волокнистых веществ. Союз этот, имея в виду охватить все ткацкие и мануфактурные производства г. Петербурга, сорганизовал в некоторых местах, как на Выборгской стороне и за Невской заставой, районные отделения для записи членов и другой мелкой работы. В союз уже записалось человек 600. Члены правления заявляли, что многие откладывают запись в союз до получки.

Решения правления: производить дополнительные выборы в правление от тех фабрик, от которых еще нет представителей; из имеющихся в кассе 150 руб. не выдавать пособий впредь до образования солидной суммы; заняться организацией концертов, лекций и т. п. для увеличения средств союза.

На этом же собрании принято предложение адвокатов об оказании юридической помощи членам союза.

В воскресенье состоялось собрание служащих Николаевской жел. дор. Жандармы, по требованию собрания, были удалены. Ораторы - железнодорожники говорили о пенсионной кассе, об организации железнодорожного союза, о черной сотне, о Государств. Думе и т. п.

Некоторые рисовали ужасное положение рабочих на выгрузных и погрузных дворах. Получают там жалованья 60 к. в день, ютятся в тесных каморках, спят на 5 кроватях 10 человек и т. п.

Принята следующая резолюция: „Мы, служащие и рабочие товарной станции, возмущенные приговором над инженером Соколовым, арестами крестьянского бюро и председателя Депутатов Рабочих Хрусталева, выражаем по этому поводу свое глубокое негодование и презрение к такой деятельности правительства. Признавая, что только об‘единением мы можем отстоять свободу и право, находим необходимым вступать во всероссийский союз железнодорожных служащих и рабочих, который только один защищает нас от произвола правительства и администрации“.

В союзе конторщиков 27 ноября состоялось экстренное собрание совета союза конторщиков и бухгалтеров по вопросу о реорганизации союза. Было признано, что союз не может существовать в настоящем своем виде и должен быть расчленен на более мелкие группы, которые будут сходиться вместе в союзе конторщиков. Было 3 предложения производить группировку: 1) по профессиям, 2) по районам, 3) по условиям труда. Было принято первое, и решено разделить союз на следующие группы: банковскую, страховую и транспортную, службу в правительственных учреждениях, железнодорожную, службу в общественных учреждениях, торгово-промышленную и фабрично-заводскую. Вскоре будут созваны делегаты от торгово - промышленных предприятий по вопросу о раздроблении торгово-промышленной группы на более мелкие подгруппы.

Общее собрание союза вольнонаемных служащих в правительственных учреждениях предполагается в среду 30 ноября. За подробными справками просят обращаться в союз конторщиков (Казанская, 40): ежедневно от 7-ми до 8-ми час. вечера.

Из жизни рабочих.

Митинг железнодорожников.

27 ноября, в 7 часов вечера, состоялся митинг железнодорожников, сопровождавшийся несколько неприятными инцидентами. Председателем на собрании был „соц.-революционер", человек, повидимому, очень склонный к произнесению речей. По парламентским обычаям, главная обязанность председателя руководить собранием; это, кажется, и забыл председатель, несколько раз выступавший в этом собрании в качестве оратора. Председатель, между прочим, вычеркнул из списка ораторов тов. соц.-дем., когда было решено не обсуждать 2-ой пункт программы дня (професс. союзы на Западе), по которому должен был говорить товарищ, несмотря на то, что тов. после такого решения с согласия председателя был записан вторым по 3-му пункту (отношение проф. союза к партиям).

Выступавшие ораторы „соц.-революционеры", начав с „мягкого" тона, к концу собрания перешли в другой тон: они уверяли публику, что социал-демократы борются сейчас против крестьянства, что лозунг соц.-дем. „земля и воля"—дутый лозунг; сообщали публике еще и другие „истины". Когда один из присутствовавших референтов хотел сделать заявление, что это, мягко выражаясь, неправда, то один из „соц.-рев.", чуть ли не сам председатель, кричал на референтов: „долой их!" Возмущенные всем этим, присутствовавшие представители 9 петербургских газет составили протест, который печатается в сегодняшнем номере.[1])

Здесь же гг. „соц.-рев." предлагали принять резолюцию насчет „социализации"; тов. соц.-дем. предлагал собранию не принимать резолюции, так как соц.-дем. за недостатком времени не выяснили своей программы. Собрание бурными аплодисментами выражает свое согласие. „Соц.-рев." настаивают на принятии резолюции. В конце концов, в виду поднявшейся суматохи, собрание закрывается, и резолюция о „социализации" остается непринятой.

Московско-Виндаво-Рыбинская жел. дор.

Собрание служащих дороги, состоявшееся в Вольно-Экономическом Обществе 27 ноября, представляло особый интерес.

На собрании присутствовали и рабочие и служащие Московско-Виндаво-Рыбинского ж.-д. узла. Вопросом дня было присоединение ко всероссийск. железнодорожному союзу. После долгого обсуждения этого вопроса собрание решило:

„1) Общее собрание по вопросу о присоединении к всероссийск. железнодорожному союзу, с программой 1-го всероссийского железнодорожного делегатского с'езда, единогласно постановило: а) мастеровые, рабочие главных мастерских и депо присоединяемся к союзу. Часть из нас—социал-демократы входят в союз с тем, что в вопросах политических и тактических будут следовать указаниям партии; б) входя в союз, заявляем, что необходимо созвать железнодорожный с'езд делегатов, избранных согласно расчету одного на каждые 100 человек; в) мастера, помощники и их заместители присоединяемся к всероссийскому железнодорожному союзу и подтверждаем заявление мастеровых и рабочих о необходимости созыва с'езда. Конторы, мастерские и депо, конторы, служащие и рабочие главного склада присоединяемся также к всероссийскому железнодорожному союзу и подтверждаем необходимость созыва всероссийского железнодорожного с'езда. 2) О настоящем постановлении сообщить для оглашения на местных собраниях всех служащих и рабочих петербургской сети и для сведения служащих всех прочих железных дорог Петерб. узла".

Дальше особенно бурные прения вызвал последний акт железнодорожного провокатора Немешаева, решивший соединить в одно управления Московского и Петербургского железнодорожного узла. Этот акт имеет целью выбросить за борт ряд служащих за участие в освободительном движении. По поводу этого принято следующее решение:

„Общее собрание служащих и рабочих М.-В. Р. ж. д., обсудив постановление правления о слиянии Московского и Петербургского управлений и предстоящее увольнение служащих и рабочих, решило: смотреть на это постановление, как на старание разбить наши силы, воспользовавшись излюбленным средством реакции—репрессиями". В ответ на такие действия собрание постановило заявить, что оно ничего не иметт против слияния управлений, но предоставить правлению сократить штаты за счет получающих солидные оклады услужливых рабов администрации. Присутствующие в собрании решили вступить в союз для ведения борьбы за освобождение России от гнета и произвола, для обновления ее путем передачи всей земли в руки трудящегося народа.

Несмотря на замечание товарища с.-д., что резолюция, вопреки желания собрания, выражает точку зрения одной партии с.-р., председатель счел возможным настаивать на принятии этой резолюции, как внепартийной... Далее обсуждалось предложение В.-Э. О. о помощи голодающим, при чем собрание решило отчислить $^1/_2$% ежемесячного жалованья в пользу голодающего крестьянства, а 1% в пользу безработных, пострадавших от забастовок. Это решение об'явить всем служащим ж. д. и начать отчисление с 20 декабря. По отношению к забастовавшим почтово-телеграфным товарищам и товаро-железнодорожникам принято следующее: „Мы, ж.-д. служащие и рабочие М.-В.-Р. ж. д., высказываем полное сочувствие забастовавшим товаро-железнодорожникам и почтово-телеграфным служащим за борьбу с произволом. Но мы сознаем, что нужен один сильный, могучий удар всех трудящихся классов, который разрушит произвол и на его обломках создаст свободу и социализм".

Гвоздильный завод.

Рабочие Гвоздильного завода на собрании в Василеостровском театре постановили не возобновлять работ на заводе, пока не будут возвращены все 84 непринятых при открытии завода товарищей-рабочих. Постановление это было принято 24-го и передано через старост директору завода.

На следующий день утром администрация выполнила пред'явленные к ней требования. Рабочие стали на работу. К обеду, однако, выяснилось, что 13 человек из 84 все же не приняты и в их числе депутаты и несколько старост. Сейчас же после обеда в заводе состоялось собрание, на котором постановлено снова прервать работы, пока и эти 13 человек не будут приняты. Администрация совершенно не ожидала такого исхода и была поражена проявлением такой солидарности после продолжительной забастовки. В субботу рабочие, убедившись, что товарищи еще не приняты, на работы опять не становились. Нужно заметить, что в Василеостровском районе Гвоздильный завод считался одним из отсталых.

Собрание рабочих завода Гейслера. На собрании зав. Гейслера 27 ноября в народном доме Нобеля обсуждался вопрос о квартирной плате, об открытии завода, о бойкоте водки и об аресте товарища Хрусталева. По последнему вопросу собрание решило поручить Совету Раб. Деп. выработать меры к освобождению товарища Хрусталева; кроме того, собрание постановило, что, если правительство не даст возможности собираться С. Р. Д., то собрание предлагает Исполнит. Ком. Совета в таком случае принять на себя функции и полномочия Совета. Вопрос о квартирной плате вызвал в собрании разногласия. Одни ораторы предлагали, основываясь на постановлении С. Р. Д., не платить за квартиру, другие, указывая на то, что в данном случае забастовка не всеобщая, а царская юстиция и полиция быстро выселяют неплатящих, предлагают платить. Но все сходились на том, что платить нечем. Как быть? После долгих дебатов решено было передать этот вопрос на разрешение С. Р. Д.

На собрании из речей товарищей рабочих выяснилась вся гнусная и провокаторская политика администрации. Завод Гейслера закрыт за проведение революционным путем 8-час. раб. дня. Рабочие уволены. Теперь администрация открывает завод, но производит, под предлогом сокращения работ, обычную в таких случаях полицейскую фильтрацию. 100 человек оказываются выброшенными на улицу (всех рабочих 400). Рабочие решили не приступать к работам, пока не будут приняты все товарищи. Решено также в виду безуспешности предыдущих депутаций, обращавшихся к администрации с предложением открыть завод, таковых больше не посылать. Здесь же на собрании было выяснено, по меньшей мере, возмутительное поведение г. директора. „До тех пор не пущу завод, пока мне не поклонитесь",—говорит он рабочим. Ишь чего захотелось толстопузому!

[1]) Напечатан в № 24. Прим. к наст. изд.

Бедственное материальное положение, подлое поведение администрации—все это так подействовало на рабочих, что не удивительно, если предложение одной горячей головы ворваться силой в завод и применить к администрации физическое воздействие было встречено одобрительно. Товарищу-депутату стоило некоторого труда убедить собрание, что принятие этого предложения вызовет напрасное пролитие крови. После продолжительных споров было решено пред'явить директору ультиматум об открытии завода; в случае отказа, рабочие оставляют за собой свободу действий.

К концу собрания по вопросу о бойкоте казенки была принята следующая резолюция: „В целях лишения царского правительства доходов от продажи водки и вина, для скорейшего низвержения царского самодержавия, мы постановили: не пить крепких напитков". Нарушившие это лишаются помощи комиссии о безработных.

Спб.-Варшавская ж. д.

Депутатами Спб.-Варшавской ж. д. на заседании 18 ноября по поводу вчера напечатанного циркуляра начальника Спб.-Варшавской жел. дор. М. Ф. Валуева единогласно принята следующая резолюция:

„Мы, петербургские депутаты Спб.-Варшавской железной дороги, обсудив циркуляр начальника дороги М. Ф. Валуева от 12 ноября за № 127, пришли к заключению, что подобный циркуляр по существу весьма оскорбителен для железнодорожных служащих и отнюдь не способствует столь необходимому в настоящее время успокоению. Не входя в рассмотрение вопроса о степени умышленности отдельных лиц при непосещении ими службы, мы заявляем, что последняя политическая забастовка являлась выражением солидарности служащих с общим освободительным движением, а поэтому принципиально не может быть допущено разделение служащих какой бы то ни было службы на две группы благонадежных и неблагонадежных.

Депутаты Спб.-Варшавской жел. дор.".

Митинг рабочих казенных заводов.

27 ноября в народном доме Нобеля состоялся общий митинг рабочих заводов: артиллерийского, гильзового, снаряжательного, орудийного и арсенала.

Присутствовали также рабочие завода Гейслера, у которых после этого митинга должно было происходить собрание. На митинге было тысячи две народу. Говорили ораторы тов. с.-д. Товарищ с.-д. сделал анализ буржуазных партий. Указав на реакционность партии правового порядка, на консерватизм торгово-промышленной партии, на эфемерный либерализм, на склонность к резолюциям конст.-демократов, на позицию радикалов между двумя стульями, тов. указал, что пролетариат, который ничего не имеет, кроме красного знамени, не входит ни в одну из этих партий. Партия пролетариата—это соц.-демократия. Другой тов. соц.-дем. указал, что в революционные эпохи появляются различные господа, которые очень хотят быть вождями. Таков, напр., Гапон. Но сплачиваться можно вокруг программы, а не вокруг лиц. Следующий тов., указав на то, что последний оплот самодержавия—войско—колеблется, что финансы страны накануне краха, предлагал быть наготове. „Стройтесь в штурмовые колонны!" закончил оратор. Только что начал свою речь следующий оратор соц.-рев. несколько странным указанием на сознательные (?) формы крестьянского движения, как раздались крики: „Солдаты идут!" Оказалось, что пристав под тем предлогом, что собрание занимается больше разрешенного времени, ввел в помещение собрания солдат в полном боевом снаряжении. В виду этого собрание принуждено было разойтись.

Трубочный завод.

26 ноября 1905 г. в мастерской № 10 Трубочного завода депутатом было вывешено на стенке этой мастерской об'явление о собрании мастеровых и рабочих Трубочного завода в Василеостровском театре в воскресенье 27 ноября, в 10 ч. утра. Спустя 15 минут об этом кем-то было сообщено начальнику мастерской Г. Е. Фракману. И вот, дипломированный инженер-технолог, как сумасшедший, прилетел в мастерскую к депутату и стал в присутствии всех ругать его отборными словами. Такой „чисто русской" ругани, какая лилась из уст этого изящного, раздушенного бюрократа, позавидовал бы ломовой извозчик. В результате депутат был оштрафован. Так возмутительно оскорбляет рабочих уверенное в своей безнаказанности начальство.

Несмотря на такой нрав, этот „великолепный" инженер предлагал рабочим свою помощь для того, чтобы они могли „разобраться" в рабочем вопросе, который он хорошо, по его словам, изучил. Не у ломовых ли?

Василеостровский район.

В Василеостровском театре происходил в воскресенье 27-го ряд митингов. Утром собирались рабочие Трубочного завода, днем—балтийцы, затем рабочие Посселя. Собрания открывались сообщениями об аресте председателя Сов. Раб. Деп. Хрусталева и о разбойничьем набеге на помещение Исполнительного Комитета и комиссии о безработных. В дальнейших речах ораторов указывалось на значение этого акта в связи с другими провокационными приемами правительства — насильственной высылкой петербургских матросов в Кронштадт, натравливанием черных сотен, изданием новых временных правил против печати и т. п. проявлениями позорной деятельности возрастающей реакции. Под угрозой надвигающегося натиска всех врагов народного освобождения, рабочие призывали организоваться и сплотиться вокруг лучших защитников пролетарских интересов и быть готовыми в решительный момент дать последнее сражение самодержавно-полицейскому строю. Речи ораторов встречались сочувственными аплодисментами; настроение было приподнятое, возбужденное. На митинге Патронного завода оратором выступал возвратившийся с востока запасной. Он указывал на бедственное положение нескольких сотен возвратившихся товарищей-запасных.

Оратор призывал товарищей рабочих настаивать на принятии на заводы тех из числа запасных, которых вырвали против их воли, чтобы проливать кровь свою в Манджурии. „Сердца наши и там вдалеке были с вами, со всеми теми, кто мечтал о лучшей жизни для русского народа",—закончил оратор-солдат.

Решено требовать, чтобы запасные была приняты на прежние места, а для оратора-солдата и его товарищей тут же была собрана денежная помощь.

Иностранный отдел.

Франко-испанские шпионы.

Процесс Малато.

Париж, 1 декабря (18 ноября).

Шарль Малато—анархист; он принадлежит к той категории анархистов-индивидуалистов, которые решительно высказываются против „пропаганды делом". Для них идея — самый могучий двигатель масс, пропаганда — самое разумное средство борьбы, народные стихийные восстания — самое высшее революционное проявление анархической идеи. Идеалисты, прежде всего, непреклонные искатели вечных принципов, они легко примиряют Толстого с революцией, Христа с социализмом. Это — писатели, художники, ученые, литераторы.

Малато — пропагандист-литератор; на народных собраниях и в печати он неустанно борется со всякими видами гнета, со всеми проявлениями авторитета государства, капитала или церкви, он чутко отзывается на всякую неправду, всякую несправедливость, всякую эксплоатацию, всякое подавление человеческой личности. Он считал Дрейфуса невинным и горячо защищал Дрейфуса, действуя вместе с Рейнаком, Гюйо, Трарье и другими „социалисто-едами". Но вместе со всеми социалистами, со всеми порядочными людьми протестовал и вел кампанию против испанского правительства, подвергшего в Монжуишской тюрьме средневековой пытке нескольких рабочих. Он не

любит коронованных особ — и не боится высказывать это; он глубоко презирает слабоумного, жестокого и развратного короля Испании, Альфонса XIII, — и не скрывает этого. Он пользуется большой популярностью среди анархистов Франции, Испании и Италии; его любят даже не разделяющие его воззрений рабочие за его прямой, открытый нрав, за его рыцарское великодушие и безукоризненное благородство.

Словом, Малато обладает всеми необходимыми качествами, чтобы быть на плохом счету у полиции всех стран. Его изгнали из Италии под предлогом, что он француз; его изгнали из Франции под предлогом, что он итальянец *); его изгнали из Испании, вероятно, потому, что он не испанец. Наконец, Франция приютила его, но франко-испанские шпионы с этим никак помириться не могут.

Шпионы отечеств не признают: границы для них не существуют; шпионы Австрии, Германии и других стран имеют свободный приезд в Россию; шпионы России роются в бумагах тайных полиций Берлина и Парижа, как у себя дома. Уже знаменитый кенигсбергский процесс обнаружил те тесные связи и общие цели, которые об'единяют шпионов всех стран в одну семью злоумышленников. Для них нет законов. Русский консул в Берлине присутствует на обыске, производимом германской полицией у русского эмигранта. Всем известно, что в Париже после грандиозного митинга, на котором около 10.000 рабочих протестовали против преступления самодержавного правительства 9 января, русские шпионы бросили несколько бомб на площади Республики. Полиция производила анкету, но, само собой разумеется, виновников „покушения" не нашла. Бомбы были ей лишь повод произвести обыски у нескольких русских эмигрантов.

Вообще, бросанье бомб один из излюбленных приемов тайной полиции в деле „излавливания" невинных. Полицейские бомбы отличаются двумя замечательными свойствами: взрывая, они обыкновенно щадят высокопоставленных лиц, роскошные хоромы, дворцы и церкви и как нарочно попадают в рабочих, простых прохожих или глазеющую толпу. Бросателей бомб усердная полиция обыкновенно не находит, но зато арестует массу „соучастников", раскрывает все нити заговора. Испанские шпионы особенно искусные мастера в деле бросания бомб. Накануне приезда Альфонса XIII в Париж запиренейские „шпики" обратились с запросом к своим парижским коллегам: „Нельзя ли по поводу торжества организовать в Париже покушение?". Ответ получился милостивый: „С нашим удовольствием".

Сказано — сделано. В ночь с 31 мая на 1 июня, когда Лубэ возвращался с Альфонсом из оперы, в толпу была брошена бомба, убившая одну лошадь и поранившая несколько человек из свиты. Французский президент и испанский король остались целы и невредимы. Покушение дало массу работы телеграфным служащим. Со всех концов мира, от всех коронованных особ полетели в Мадрид и Париж телеграммы сочувствия, поздравления, негодования... На месте покушения найдена была еще одна бомба, которая каким-то чудесным образом не взорвалась и дала возможность экспертизе установить форму взорвавшейся бомбы, форму еловой шишки. Оказалось, что за несколько дней до покушения Шарль Малато получил из Испании несколько таких „шишек".

„Шишки" эти он передал другим лицам, записанным в книгах сыскного отделения под рубрикой „опасных".

Эти лица — Валлина, Эрвей, Коссанель, Валлина — студент-медик, некогда осужденный в Испании за революционную пропаганду на 8 лет тюрьмы и бежавший оттуда во Францию; он продолжал поддерживать сношения с испанскими анархистами и лишь один из подсудимых высказывался за „пропаганду делом". Англичанин Эрвей, имеющий вид протестантского пастора, кабинетный ученый, философ, химик, филантроп. Это — анархист в жанре известного географа Элизэ Реклю. Коссанель—сапожник, сын коммунара, умеренный республиканец и совсем не анархист, но очень привязан лично к Малато. Все они друг с другом знакомы, изредка встречались, обменивались работами — и только.

Всех их, тотчас же после 1 июня, арестовали, держали в предварительном заключении, невероятно долго тянули следствие, все в поисках за главным виновником — некиим анархистом Фаррасом, вероятно, существующим только в воображении сыщиков. Мифического Фарраса так-таки и не нашли, а „соучастники" продолжали бы еще долго сидеть в тюрьме, если бы „общественное мнение" не заговорило. Вся передовая Франция — от анархистов, социалистов до радикалов — запротестовала. Газеты и народные митинги требовали немедленного суда над „виновными". 27 ноября начался, наконец, процесс, но то был суд не над „виновными": Малато, Эрвеем и др., а над „обвинителями", не над анархистами, а над шпионами. Суд присяжных, гласный, открытый для всех. Суд продолжался несколько дней; он начался бесконечно длинным дефиле шпионов, агентов тайной полиции, кабатчиков, консьержей и подобной компании. Все они путали, врали, противоречили друг другу. Один слышал, как Коссанель говорил: „Не вернуться Альфонсу XIII живым в Испанию"; другой видел Валлина и Фарраса несущими бомбы в Булонский лес; третий видел, как Малато бросил в сточный канал какую-то подозрительную бутылку; четвертый знал, что Эрвей готовил взрывчатые вещества.

Шпионы очень гордились тем, что знали о готовящемся покушении, знали даже, кто готовит его, следили шаг за шагом за всеми подсудимыми, были осведомлены о полученных анархистами из Испании шишках для бомб и т. д... „Позвольте, — спрашивает их защитник Малато, Вильм, — вы говорите, что знали все нити и перипетии готовившегося покушения; куда же девались ваши сноровка и наблюдательность в самый критический момент? Отчего не помешали вы преступникам совершить их преступленье? А что, если б бомба взорвала Лубэ и Альфонса?.." Увы! На этот ребром поставленный вопрос сыщикам нечего ответить; они скромно опускают глаза, прячутся за профессиональной тайной, уверены, что бомба не должна была взорвать ни Лубэ, ни Альфонса. Из показаний обнаружилось, что „шишки" посланы были из Испании в деревянных ящиках, а получены были в Париже завернутыми в бумагу.

Куда ж девались ящики? Это тайна тайной полиции. Зачем понадобилось анархистам выписывать из Испании одни только шишки для бомб, которые в Париже можно достать в любой лавочке? Это тоже тайна тайной полиции.

После шайки шпионов и сыщиков свидетельствует плеяда известнейших во Франции и далеко за Францией политических деятелей, ораторов, литераторов, все друзей или знакомых Малато, Эрвея, Валлина... Перед судом дефелируют г-жа Северин, один бывший испанский министр, один испанский депутат республиканец Леру, Себастьян Фор, Жан Грав, Шарбонель, Чиприяни, Рошфор, Жорес и проч., и проч... Все они приносят свою дань уважения к Малато, все они считают его неспособным на террористический акт, все они считают его достаточно мужественным и благородным, чтоб не отрекаться от своих актов и слов, все они рассказывают о бесчисленных проделках международной полиции.

Адвокаты и эти свидетели превратились в обвинителей, и бедному растерявшемуся прокурору пришлось только оправдываться, оправдывать полицию. Прокурору пришлось требовать для „подсудимых" смягчающих обстоятельств, пришлось закончить свою речь словами: „А все-таки, господа, я считаю вас честными людьми".

Надо полагать, что и присяжные считали этих „злодеев" анархистов совсем честными людьми, потому что они всех их оправдали. Надо полагать, что этот громкий процесс послужит уроком для всех государств, тратящих народные деньги на содержание тайной полиции. Недалеко то время, когда преступное и позорное учреждение исчезнет без следа.

*) Мать его француженка, а отец—итальянец.

Финляндия.

Гельсингфорс.

(Корр. „Новой Жизни".)

В настоящеее время в полном разгаре сеймовые выборы; уже в городское и духовное сословия выбрана большая часть депутатов, в крестьянское же выборы только начинаются. Если еще в прошлом году конституционная партия имела значительный перевес над правительственной старофенноманской пар-

тией, то теперь, когда бобриковский режим потерпел окончательное крушение, старофенноманская партия, начавшая во время мирной революции заигрывать с социал-демократами, потерпит несомненно еще большее поражение. Мы в свое время сообщим о результатах выборов, теперь же укажем только на то, что в выборах при нынешней системе участвует лишь очень незначительное число лиц, и они далеко не отличаются таким оживлением, как на Западе. Социал-демократическая партия, в силу решения тамерфорского с'езда, совершенно воздерживается от участия в выборах. Правда, воздержания от выборов не признают т. н. „конституционные" рабочие, образовавшие на-днях союзы рабочих не-с.-демократов. Эти новые организации имеют своей целью борьбу с „террором социалистов" и т. п. В Финляндии уже давно существуют либеральные союзы рабочих, в которые входит и масса нерабочих, это т. н. „Arbetets vänner" („Друзья труда"). С развитием рабочего движения эти общества начали терять почву под собою; за последние же недели, когда рабочая партия наглядно показала свою силу, снова повелась усиленная агитация против „организованных" рабочих, и явились в разных городах Финляндии оригинальные союзы „конституционных рабочих". Вообще финляндский пролетариат за неделю всеобщей политической забастовки внушил такой страх буржуазии, что последняя всячески начала организовываться против него. В свое время тамерфорский с'езд высказался против всякого насилия со стороны рабочих по отношению к сейму, точно также и вожди „Красной гвардии" заявили о мирных целях пролетарской гвардии. Тем не менее гельсингфорские гласные своим решением „временно", главным образом для охраны сейма, увеличить на 700 человек полицию (т. н. полицейский резерв) и ассигновать с этой целью сумму в 600.000 мар. вызвали сильное раздражение среди рабочих, которые и протестовали против этой меры уличными демонстрациями. С другой стороны, буржуазия организовала в Гельсингфорсе для охраны „личности", „собственности" и т. п. довольно многочисленную т. н. коммунальную охрану, во главе которой стоят бывшие офицеры. Дело может окончиться, как уже и указывалось в рабочих газетах, очень грустно, если „временная" полиция и „гражданская охрана" во время мирных рабочих демонстраций, направленных против сейма, сыграют провокаторскую роль по отношению к Красной гвардии. Справедливость требует заметить, что внешняя гельсингфорская полиция производит пока самое выгодное впечатление по сравнению с „низвергнутой" полицией порабощения страны.

Преувеличенные и лишенные основания слухи о предстоящих мерах воздействия со стороны пролетариата на сейм и т. п., может быть, напугали русские военные власти, приславшие сюда и в Выборг пулеметы (в Гельсингфорс—20). Интересно, против кого они предназначены—против финляндцев или же русских солдат, которые и здесь, как известно, не отличаются мирными нравами. Уже известны читателям требования свеаборгских солдат, вчера сообщалось в газетах о брожении среди войск в Выборге.

В телеграммах передавались уже слухи о приехавших сюда из Петербурга хулиганах-гастролерах. Очень естественно, что уволенная русская полиция не может сидеть сложа руки и принимает энергичные меры к организации черной сотни среди подонков русского населения. 6 декабря (нов. ст.) бывший полицейский комиссар Викентьев выкинул чисто провокаторскую штуку: он явился на вокзал в ненавистной полицейской форме проводить своего друга, бывшего комиссара Гросса, прославившегося здесь своей жестокостью.

На вокзале было много публики, встречавшей нового генерал-губернатора Герарда. В., по словам свидетелей, вел себя особенно вызывающим образом. Толпа пошла за ним по улицам, и В., сделав несколько выстрелов из револьвера, скрылся в русской казарме. Дело кончилось ничем, но ясно, что бывший полицейский умышленно хотел устроить скандал во время приезда генерал-губернатора. На случай подвигов черносотенцев достаточно „Красной гвардии", показавшей во время забастовки, что она сумеет поддержать образцовый порядок. „Парады" этой гвардии не понравились и. д. генерал-губернатора барону фон-Зальцу, который в особом приказе указал на то, что „Красная гвардия", проходя мимо казарм, „раздражает" солдат.

Областной отдел.

Ярославль.

(Корр. „Новой Жизни".)

В настоящее время почти вся рабочая часть населения города прекратила свою деятельность. С 21 ноября парализованы более 10 цехов, не считая фабрик и заводов, прекративших свою деятельность еще за две недели до начала забастовки почтово-телеграфных служащих.

20 ноября прекратили работу пекаря, кузнецы и сапожники, через два дня к ним присоединились извозчики и прислуга. Постепенно забастовка стала разрастаться, принимая угрожающие размеры, пока не охватила всей промышленной жизни города. Среди буржуазной части населения царит полнейший ужас. Опасаются новых погромов со стороны черной сотни и их покровителей, а также и всеобщей забастовки железнодорожных служащих.

В виду такого положения вещей многие фирмы принуждены были ликвидировать свои дела и покинуть город...

В здании манежа устраиваются грандиозные митинги, на которых присутствует, кроме рабочих, масса интеллигенции и солдат.

Преобладающий элемент ораторов—социал-демократы. Порядок образцовый. Полиция и казаки отсутствуют. Все время здания охраняются организацией боевой дружины, состоящей преимущественно из рабочих и частью интеллигенции. Мужская гимназия и фельдшерская школа закрыты.

Среди солдат Фанагорийского полка тоже происходит брожение. Запасные требуют немедленного отпуска „по домам" и выражают неудовольствие на грубое обращение офицеров и прочего начальства.

Недавно произошел следующий случай. Для прекращения забастовки и митингов на Корзинкинской мануфактуре на фабрику были командированы солдаты; однако, по прибытии на место назначения они отказались предпринимать что-либо против забастовавших рабочих, отчего были возвращены обратно. Администрация опасается открытого протеста и всеми силами старается задавить начавшееся недовольство.

На заводе Свечникова войска.

Собрание губернского земства, по инициативе кн. Д. И. Шаховского, решило ассигновать 50 тысяч рублей на дело политического воспитания населения Ярославской губернии: на устройство лекций и распространение популярных брошюр. Для осуществления этой идеи в помощь губернской земской управе избрана комиссия из десяти гласных.

Саратов.

(Корр. „Новой Жизни".)

После временного затишья, которое явилось следствием событий 19—20 октября, работа местного соц.-демократического Комитета снова закипела. Почти ежедневно и в нескольких местах сразу происходят собрания рабочих. Агитаторов и пропагандистов буквально рвут на части. Организуются беспартийные профессиональные союзы легковых и ломовых извозчиков, портных, служащих губернского земства и т. д. В народной аудитории на происходившем там собрании извозчиков, принимавших деятельное участие в черносотенном погроме, речи ораторов, говоривших о смысле о причинах еврейских погромов, покрывались дружными аплодисментами, и в заключение ораторов даже качали. Собранием союза ломов. и легк. извозчиков было постановлено исключить из числа членов-учредителей известного в Саратове организатора черных сотен, старьевщика Уварова. На собрании ремесленников после слов товарища Гальперина: „я—социал-демократ" поднялся шум и крики: „Не надо!" „Говорите!" Голос с хор: „Раз'ясните, что такое значит слово «социал-демократ»?" Шум стихает, и после раз'яснения раздаются дружные аплодисменты и просят оратора продолжать. Оратор говорит, и речь опять покрывается аплодисментами. В чайной на Пешем базаре, где ютятся саратовские босяки, также часто устраиваются Комитетом митинги, на которые являются жители с „гор", заселенных мелким реакционным

мещанством, босяки, приезжие крестьяне, словом—весь тот забитый, невежественный элемент, из которого составляются отряды „черной сотни". Речи ораторов с.-д. слушаются с большим вниманием. Просят устраивать митинги как можно чаще.

На одном из митингов, по просьбе крестьян, тов. Самсонов говорил об отношении правительства к нуждам деревни и закончил свою речь приблизительно следующими словами: „У нас здесь в саратовской тюрьме сидит больше тысячи человек крестьян. За что их томят? За то, что они хотят жить почеловечески, за то что они добиваются свободы!" На это раздается гром аплодисментов и крики: „Нас много, мы соединимся, мы победим!"

Воронеж.

(Корр. „Новой Жизни".)

Наш город переживает крайне тревожное время. В уездах сильное крестьянское волнение. Прибыл ген. Струков для расследования. 18 ноября почти одновременно произошли беспорядки в дисциплинарном батальоне, находящемся в пригородной слободе Придаче, в версте от города, и в губернской тюрьме. Условия жизни солдата вообще у нас в России тяжелы, но условия жизни солдат дисциплинарного батальона положительно невыносимы. Мордобитие и порка—явление нередкое. В здешнем дисциплинарном батальоне уже раньше замечалось недовольство условиями жизни. Недавно солдаты дисциплинарного батальона „бастовали" и пред'являли требования улучшить условия жизни. Следствием этого явилось то, что у них отобрали оружие и сложили в цейхгауз.

18 числа за обедом была подана каша, масла к ней не дали. Это послужило толчком. Поднялся шум. Явился офицер Давыдов; выслушав требование, сказал им, чтобы они не забывали, что они арестанты. На это один солдат сказал ему: „Но, ведь, мы люди". Произошло резкое об'яснение, кончившееся тем, что Давыдов выстрелил в говорившего. Солдат упал. По слухам, он тут же умер. Офицер тотчас вслед за выстрелом скрылся, воспользовавшись общим смятением. Вслед за этим начались беспорядки. 1-я рота, бывшая на хорошем счету, так как состоит из лучших, по мнению начальства, солдат, призванная усмирять, присоединилась к возмутившимся. Офицеры, переодевшись в статское платье, вместе с семьями бежали в город. Солдаты разобрали отобранное оружие, освободили арестованных и подожгли здание батальона. После этого солдаты решили итти в город, но так как о случившемся было уже известно в городе,—их не пустили, и они принуждены были вернуться. Тут уже начались бесчинства. Некоторые из солдат, не желавшие присоединиться к возмутившимся, были убиты; была разграблена казенная винная лавка, и человек 150 перепилось. Войска приближаться не решались. К тому же надо прибавить, что Липецкий пехотный полк стрелять отказался (они тоже недавно выражали недовольство условиями жизни, и к ним приезжал уговаривать ген. Струков). Казаки, привыкшие нападать только на безоружных, конечно, не подходили близко, а занимались охотой на убежавших из сл. Придачи солдат и по прилегающим к слободе полям.

Ежеминутно до города доносились залпы из ружей (забавлялись пьяные солдаты), т. к. город стоит на горе, — вся картина пожара была как на ладони. Оружие раздавалось солдатам направо и налево. Спрашивали: „Ты для кого берешь—для рабочих?" и, если ответ получался утвердительный, давали охотно. Кто таким образом получил оружие—неизвестно. Несомненно, много попало хулиганам. Около 6 часов вечера в тот же день произошло возмущение арестантов в тюрьме. Они обезоружили надзирателей и заперлись во дворе тюрьмы. Здание тюрьмы подожгли сверху. Сюда прибыли казаки и несколько рот Липецкого полка. Началась перестрелка, продолжавшаяся до 7 часов утра. У арестантов, повидимому, кроме оружия, отнятого у надзирателей, было еще оружие, доставленное с воли. В перестрелке ранен фельдфебель Лип. полка в ногу и рядовой в грудь навылет. Со стороны арестантов тоже есть убитые и раненые. Всю ночь до города доносились залпы со стороны острога, стоящего на окраине города, и взрывы ящиков с патронами в дисциплинарном батальоне. К утру следующего дня здания дисциплинарного батальона сгорели. Войска еще не входили.

Сейчас положение дел таково. Большая часть солдат дисциплинарного батальона явилась с повинной в город к начальству, некоторые ходят по городу и просят на хлеб, так как давно не ели. Говорят, начальство их не принимает. Немногие остались в дисциплинарном батальоне, а значительная часть, взяв оружие, отправилась искать пропитание в соседние деревни. Ходят пока еще непроверенные слухи о нападении на усадьбы помещиков.

Арестанты губернской тюрьмы сдались. Их сковали по двое и посадили в нижний, уцелевший от пожара, подвальный этаж. В городе в больницах есть раненые: около 16 человек солдат и несколько арестантов. В городе тихо. Раз'езжают конные и пеш е патрули. На помощь к имеющейся пехоте и казакам прибыла кавалерия. Ходят слухи об об'явлении города на военном положении.

Курск.

(Корр. „Новой Жизни".)

Революционное движение среди крестьян большинства уездов Курской губернии, носящее, к сожалению, пока в значительной степени стихийный характер, в сильной степени обеспокоило наших аграриев-дворян. Оно и понятно: землю отнимают, скот угоняют, хлеб и другое имущество увозят, усадьбу сжигают... Бывают случаи и некоторого членовредительства. Но вот ирония судьбы! Этого рода неприятностям, насколько известно, подвергались как раз некоторые члены известной тупо-реакционной „народной партии порядка", как, напр., кн. Касаткин-Ростовский, который был одним из вдохновителей черной сотни, устроившей в Курске погром интеллигенции и евреев, или — один из земских начальников, который через день после того, как усердно распространяли прокламации названной партии о необходимости избивать врачей и других земских работников, был жестоко сам избит крестьянами... Имения этих двух героев разгромлены до основания. Итак, дворяне обеспокоены, мечутся из стороны в сторону, ищут средства от революции. Некоторые из них, как, напр., корреспондент „Русского Листка" г. Буй-Тур, влиятельный член губ. управы, как его рекомендует эта газетка, стали требовать введения в Курской губ. даже военного положения для подавления крестьянского восстания... Под влиянием такого настроения губ. управа устроила совещание председателей уездных управ Курской губернии, которые 12 ноября вынесли следующее постановление:

„1) Признать, что принятие мер к ограждению безопасности населения и охране имущества как в смысле предупреждения, так и прекращения беспорядков, должно быть предоставлено ведению уездных комитетов в составе: уездного предводителя дворянства, председателя уездной управы, городского головы и уездного исправника; на эти комитеты возлагается распоряжение воинскими частями на местах и посылка войск в те местности, где это окажется нужным; 2) признать, что во все уезды должны быть посланы воинские части (желательно кавалерийские) и что в случае неимения достаточного количества войск на местах должно быть со стороны начальника губернии возбуждено ходатайство о присылке таковых в губернию.

„3) Предоставить комитетам нанимать конных и пеших стражников, на коих можно было бы возлагать охрану безопасности жителей и имущества в уездах, для чего признать необходимым отпуск средств из казны в сумме 15 тыс. руб. в месяц на всю губернию.

„4) В случае отказа в выдаче средств из казны, признать полезным введение с надлежащего разрешения особой земской охраны, каковая находилась бы в распоряжении уездных комитетов. Средства на это должны быть, по мнению 6 членов совещания, отпущены уездным земством, по мнению 4 членов — из добровольного страхового капитала, по мнению 1-го—губ. земством и по мнению 2-х — частными лицами; 5) просить местного преосвященного и губернатора о том, чтобы население губернии немедленно же было ознакомлено всеми способами с высоч. манифестами 17 октября и 3 ноября 1905 г.; 6) признать желательным, чтобы члены уездных комитетов, члены уездных земских и городских управ могли бы беспрепятственно устраивать собеседования с крестьянами, которым об'яснялся бы смысл и значение вышеуказанных высочайших манифестов; 7) признать необходимым

усиление на местах следственной власти и привлечение к ответственности как лиц, виновных в беспорядках, так и подстрекателей к оным; 8) признать, что только скорейшее созвание Государственной Думы, которая поставила бы в первую очередь разрешение аграрного вопроса, может вывести страну из переживаемого всеми опасного и гибельного положения; 9) признать, что положение об усиленной охране, введенное в губернии, в виду приближающегося времени выборов в Государственную Думу, стесняя население в праве свободного созвания предвыборных собраний, может лишить его возможности обдуманно и зрело воспользоваться предоставленным населению важнейшим правом избрания достойных представителей в Государственную Думу; 10) просить председателя губ. управы отправиться в Петербург и ходатайствовать перед графом Витте и министром Дурново о скорейшем удовлетворении постановлений совещания".

Итак, курские помещики, в лице председателей уездных земских управ, нашли средство от революции... Земцы, целый месяц смотревшие сквозь пальцы на черносотенную пропаганду некоторых предводителей дворянства, земских начальников, попов, вспомнили теперь, при свете пылающих усадеб, о манифесте 17 октября и о необходимости ознакомить с ним крестьянское население. Но, повидимому, они так же поздно вспомнили о нем, как и те, которые сочиняли его. О манифесте же 3 ноября крестьяне узнали своевременно, но интересовались им не больше, чем прошлогодним снегом. Нет, гг. курские аграрии, вряд ли вам поможет даже сам преосвященный, служивший молебен для черносотенцев перед погромом 19 октября и призываемый вами теперь для ознакомления населения с двумя упомянутыми манифестами! Быть может, усадьбы ваши перестанут пылать, быть может, бессмысленное уничтожение имущества прекратится, но революция на этом не остановится.

В Курске пока еще царит полное спокойствие, особенно энергично поддерживаемое тем, что введено положение об усиленной охране: после погрома не было еще ни одного митинга. Но это спокойствие лишь видимое, и при первом благоприятном случае оно, без сомнения, нарушится. Пока же можно отметить обнаружившееся брожение среди солдат: запасные артиллерийского горного парка, в количестве около 1.000 человек, призванные из запаса еще во время войны, не распущены до сих пор. Поэтому они об'явили своему начальству, что, если 20 ноября их не отпустят, они разгромят все артиллерийское имущество, разгонят всех лошадей и даже будут город громить... Начальство успокаивает их разными обещаниями, но те твердо решили стоять на своем.

Среди рабочих некоторых ремесленных мастерских, а также среди торговых служащих замечается стремление к об'единению путем устройства профессиональных союзов, из которых два в ближайшие дни начнут уже функционировать.

Киев.

Убиты 18 ноября:

Микирь Махмет, рядовой 33 артил. бригады; Овчаренко Василий, рядовой Миргородского полка; Хоряков Адриан (тоже); Рага Василий (тоже); Алекебев Тимофей, рабочий; Сатановский Мордух (портной); Солдатенко Василий, торговец; Острозецер Липа, слесарь; Комаров Даниил, рабочий; Стогняка Кузьма, рабочий; Карненко Иван II, токарь Южно-Русского машиностроительного завода; Добровольский Кирилл, маляр из того же завода; Крикун Иван, столяр оттуда же; Пономаренко, сапожник.

Кроме этих 14 человек, в роте Миргородского полка, действовавшей против восставших, на Галицком базаре убито 9 человек. Вчера в 3 час. дня состоялись похороны этих последних на Лукьяновском кладбище. Убитым отданы были воинские почести.

Раненые находятся в больницах:

Кисилевский Захарий, Лыков Герасим и Рейсах Генрих — все три рядовые 14 саперного батальона. Шапаренко Михаил и Скворцов Александр — рядовые 4 понтонного батальона; Тюрюканов Андрей, рядовой 5 понтонного батальона; Рыбак Еремей, артиллерист 33 бригады; Дузак Мирон, Петрусенко Александр, Александров Павел и Заслонов Василий — все 4 из Миргородского полка; Мельник Василий, 7 саперного батальона рядовой; Мироненко Амвросий, Кастрицкий Егор, Любченко Сергей, Прокофьев Михаил, Бондарев Михаил, Байдак Илья, Стадниченко Афанасий, Митиненко Иван, Фастовская Хая — все частные лица; Эндруда Кирилл и Лященко Николай, рядовые 4 понтонного батальона; Кушнир Василий, 5 понтонного; Егоров Николай, студент у-та; Огиевская Мария, гимназистка; Мандль Яков, ученик коммерческого училища; Сенокосов Фома, вагоновожатый трамвая; рабочий Грипюк Петр; торговец Гонпирштейн Гирш, Матковский Ипполит, Строцкий Станислав, Звольский Владимир, Ничипоренко Максим, Мирошниченко Павел, Манюк Савва, Куписюк, Дрозденко Василий.

Всего в двух городских больницах раненых 39 человек. Некоторое число раненых есть в госпитале и в частных больницах. Легко раненые лечатся на дому. Цифра таких раненых, судя по записям „скорой помощи" и заявлению частных врачей, делавших перевязки, не ниже 40—50. Общая цифра пострадавших на Галицком базаре свыше 110 человек. („Киев. Газ.")

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ЧЕТВЕРГ, 1 ДЕКАБРЯ
(14 декабря) 1905 г.

№ 26

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

Новая Жизнь

Российская
Социал-Демократическая
Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Бывшие служащие помещика Булгака, несчастные жертвы помещичьего произвола,

ОБ'ЯВЛЯЮТ БОЙКОТ

владельцу имений—Чегринка, Новый Быхов и Бересневка, Могилевской и Минской губерний,

Эммануилу Иосифовичу Булгаку

за систематическое удаление всех служащих раньше условленного срока (прибегая к обману, нагайкам и публикациям в волостных правлениях) для удержания заработанных ими денег.

Потерпевшие умоляют Совет Рабочих Депутатов заставить черносотенного помещика-хищника возвратить их кровавые деньги.

Покорнейше просим другие газеты перепечатать это об'явление.

В воскресенье
в Народном Доме Нобеля,
Нюстадтская улица, 12,
будет собрание рабочих живописно-малярного ремесла. Собрание начнется ровно в час дня и продолжится до 3 час.

Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. в заседании 30 ноября 1905 года постановил:

1) Немедленно произвести выборы представителей фракции „большинства" на предстоящий с'езд как от Комитета, так и от всех работников местной организации.

2) Выборы от всех членов организации произвести, согласно предложению Ц. К., по расчету 1 представителя от каждых 300 работников местной периферии.

3) Выборы производить в районных и подрайонных собраниях (соответственно местным условиям) по общему списку кандидатов, при чем всем членам организации предоставляется право вносить в этот список желательных кандидатов.

Комитет предлагает всем членам организации принять самое деятельное участие в выборах, чтобы содействовать возможно полному представительству местных работников на предстоящем с'езде.

Пет. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

30 ноября 1905 года.

Комитет Императ. Вольно-Экономического Общества и общественных организаций для помощи голодающим, надеясь на помощь общества в страшном бедствии неурожая, постигшем 23 губернии с 20 миллионами крестьян, открыл, кроме своей главной кассы на Забалканском пр., д. 33, свои филиальные отделения, принимающие с благодарностью пожертвования на всякую сумму, в следующих местностях города:

1) у секретаря комитета, Б. Э. Кетрица (Преображенская ул., д. 42, кв. 34) до 11 час. утра;

2) у бухгалтера комитета А. М. Безбородова (Калашниковская наб., 30);

3) у Ал. Дм. Рухлова (Невский пр., 27, в Росс. обществе) 10—4 часов;

4) у Ник. Ив. Лутугина (Галерная ул., 32, служба сборов Балт. ж. д.) 10—4 час.;

5) в гимназии М. Н. Стоюниной (Кабинетская, 20) в будни 10—2 час.;

6) в книжн. магазине Мелье (Цинзерлинга) Невский пр., д. 20, Голландской церкви;

7) в Геологическом комитете (Вас. остр., 4 линия, д. 15) у Н. Ф. Погребова, от 2—4 час.

С.-Петербург.

1 декабря 1905 г.

Капитализм и социализм.

Буржуазия боится за свое будущее. Я говорю прежде всего о русской буржуазии—она с таким удовольствием готовилась взять в свои руки кормило правления. К сожалению, она должна констатировать, что в борьбе за свободу на первый план, как самая организованная и могучая сила, выступил пролетариат. Страх ее перед пролетариатом еще более усилился, когда она узнала, что соц.-дем. партия решила поддерживать требования крестьянского населения относительно передачи земель народу. Ужас буржуазии достиг своего апогея, когда среди с.-д. возникла и окрепла мысль об организации временного правительства из элементов крайней революционной демократии, т. е. представителей пролетариата и крестьянства. Буржуазия прекрасно сознает, что деятельность этого временного правительства будет направлена не только против реакции, но и против буржуазии. Временное правительство, состоящее из представителей пролетариата и крестьянства, по меньшей мере нейтрального в борьбе городских рабочих с промышленным капиталом, немедленно примет целый ряд мер к безотлагательному осуществлению соц.-дем. программы - минимум. Уже это само по себе не может быть приятно для господ капи-

талистов, но этого мало. Ряд мер для облегчения положения городской и сельской бедноты, широкая агитация, широкая пропаганда идеи демократической республики и непререкаемого народного суверенитета, пущенная в ход со всеми гигантскими ресурсами, предоставляемыми современным государством,—несомненно, обеспечат политическое господство низов населения над верхами также и в грядущем Учредительном Собрании.

Буржуазия привыкла рассматривать государственную машину как свой служебный аппарат, государство в руках революционной демократии, государство в руках большинства нации, идейно руководимого злейшим врагом буржуазии—соц.-дем.,—это нечто совершенно новое и страшное.

Пугаясь открывающихся с этого пункта перспектив, буржуазия старается доказать, что соц.-дем., ставя перед собою подобные задачи, уклоняется от собственных своих принципов. Цитируя положение Маркса, что прежде, чем пролетариат сможет повести серьезную атаку для завоевания государственной власти, эта власть должна оказаться в руках буржуазии, русская буржуазная пресса старается уверить и себя и других, будто это одно из существеннейших и непреложных краеугольных положений научного социализма. На деле же это положение является скорее индуктивным выводом, чем принципом, претендующим на абсолютность. Сделаем, например, такое предположение: в Западной Европе разражается социальная революция, в России же самодержавие сохраняет еще власть в своих руках: неужели при этих условиях торжествующий интернациональный пролетариат ограничился бы тем, что отдал бы судьбу России в руки крупной буржуазии? Это явная нелепость.

Когда французский пролетариат в 48 году выставил против трехцветной республики идею республики красной, Маркс указал те причины, которые делали осуществление этого идеала для того времени невозможным: 1) французский пролетариат неясно различал еще свою классовую обособленность и склонен был заключать противоестественные союзы для достижения таких целей, достигнуть которые он должен исключительно своими силами; 2) Франция являлась в то время передовой страной; остальная континентальная Европа тянулась за нею в хвосте политически и экономически: социальная же революция мыслима лишь как интернациональная. Для России положение совершенно другое, и пролетариат может рассчитывать теперь на настоящие и прочные успехи.

Но существует другое, действительно непреложное положение научного социализма: социализм осуществим только на почве, подготовленной капитализмом. Капитал разрушает маленькие одноклеточные хозяйственные организмы, он сплавляет их вместе и организует промышленные колоссы, он растит экономические силы человечества, делает возможным неслыханное развитие машинной техники и создает небывалое могущество человека над природой. Но с этими созданными капиталом волшебными силами, обеспечивающими за человечеством хозяйственное могущество в таких пределах, о каких прежде не смели и мечтать, представители капитала не в состоянии сладить. В руках капитала царственный скипетр экономической власти над природой не дарует счастья человечеству, но эта власть созрела и ждет того часа, когда ее возьмет в свои руки созданный капиталом могучий противник буржуазии, мессия-освободитель человеческого рода—пролетариат.

Но, кроме этого могучего врага, капитал создал себе и других врагов. Мелкие буржуа—владельцы мелких хозяйств, которые гибнут и лопаются под страшным прес-

Барцелонская всеобщая стачка.

Вопрос о всеобщей стачке, с необычайной силой всплывший в последнее время, принадлежит к самым спорным в теоретическом смысле.

Ответить, что такое всеобщая забастовка, не так легко, тем более, что между частичной и всеобщей стачкой нельзя провести вполне ясной грани, как нельзя ее провести между экономической и политической стачкой.

Поэтому особенно ценным является знакомство с характером всеобщей стачки в Западной Европе. Мы остановим здесь внимание читателей на стачке в Барцелоне в феврале 1902 года, когда город остался без воды, света, хлеба и мяса, что случается редко.

Эта стачка представляет довольно типичный пример того, как протекают всеобщие стачки на Западе, и мы приведем ее описание со слов одного корреспондента, тем более, что оно не вошло в нашу книгу: „Формы рабочего движения“.

„Телеграф уже вкратце сообщил вам, — писал этот анонимный корреспондент, — о тревожных событиях, происходивших в Барцелоне и соседних с ней городах. Ко времени получения настоящей корреспонденции движение, вероятно, будет подавлено, порядок восстановлен, и цветущая столица Каталонии войдет в обычную колею своей примерно трудовой жизни. Но душевное состояние, переживаемое в эти дни правительством, аристократией, буржуазией и рабочим классом, заставляет подробнее остановиться на явлениях, исключительных по своей грандиозности, отложив освещение их до другого раза.

„В «El Liberal», издающейся не только в Мадриде, но и в Барцелоне, Севилье и Бильбао, 20 февраля телефонируют: «В разных местах происходят схватки между стачечниками и войсками. Со всех сторон непрестанно слышатся выстрелы. Тревожные сообщения цензура задерживает. Наша редакция положительно блокирована». В «El Imparcial» читаю: «Из телефонной станции слышна перестрелка. Мы, можно сказать, среди разгара рево...» (здесь звук прерывается). Последняя телеграмма вечернего «El Geraldo de Madrid»: «...Это—настоящая революция... Ужасное зрелище»...

„По привычке испанского правительства свободное телеграфное и телефонное сообщение прервано между Барцелоной и Мадридом, что способствует распусканию преувеличенных слухов.

„Неудивительно, если в последние дни циркулировали и даже принимались на веру вести, будто самые большие магазины на бульваре Rambla и в улице San Fernando разграблены, будто некоторые фабрики разрушены и подожжены, будто командующий войсками округа, генерал Бархес, ранен.

„Весь сыр-бор загорелся из-за так называемых металлургических рабочих, часть которых, человек 400, месяца

сом капиталистической конкуренции, вопиют против капитала. Идеал их позади,—в тех временах, когда этот пресс еще не давил их, когда они мирно существовали в своих обособленных маленьких домиках, каждый за своим обособленным маленьким делом. Чувствуя, что единичными силами бороться с капиталом было бы смешно, они об'единяются в союзы, они создают свои утопии, которые на первый взгляд как-будто смахивают на социализм: та же ненависть к крупной буржуазии и капиталу, те же лозунги равенства и братства всех обездоленных. Но на самом деле все эти утопии экономически глубоко реакционны. Представители гибнущих классов мечтают о сохранении мелкого индивидуального хозяйства. Им хотелось бы только обобществления кредита, организации рынка, словом, мер относительного коллективизма для охраны их маленьких уголков, для приостановки экономического процесса, ведущего к торжеству крупной промышленности. Как в старину цеховое право воспрещало иметь батраков более известного количества, так и теперь органической частью реакционно-социалистических утопий является законодательное воспрещение наемного труда. Эти наивные Иисусы Навины хотят остановить солнце. Именно такова и аграрная программа социал-революционеров, родных братьев всяких прудонистов и радикал-социалистов.

Но, если бы им и удалось остановить „солнце", мы—социалисты, мы, представители промышленного пролетариата, должны были бы протестовать против этого искусственного тормоза на пути экономического развития сил человечества. Конечно, между социал-демократами и всякого рода радикал-социалистами не только возможны, но и естественны союзы для борьбы с политической реакцией и властными замашками жадного капитала, но и такие союзы, особенно частые и прочные во Франции, к сожалению, обыкновенно вредно отражаются на чистоте экономических идеалов пролетарской партии. Так свихнулся, например, Габриэль Девиль, один из ученых марксистов Франции, заявив, что так называемые гибридные хозяйства, т. е. такие, в которых хозяин, хотя бы то и наряду с наемниками, работает собственными руками,—вполне допустимы и при социалистическом строе, и что меры для защиты их против конкуренции крупного капитала не противоречат ортодоксальной социалистической программе.

Русская социал-демократия никогда не вступит на подобный путь. На ее знамени написано „социализм", и она не подменит этого светлого идеала никакой тусклой мещанской утопией.

Капиталу предстоит в России сделать еще огромную работу. Россия еще и теперь нуждается в высшей мере в капиталистической выучке. При известных условиях, которые мы неоднократно перечисляли, т. е. при демократической республике, высшей степени сознательности и организованности пролетариата, при политической поддержке его со стороны крестьянства и наличности социальной революции в Западной Европе,—возможны, конечно, как мы уже писали, немедленные меры к обобществлению созревших уже для него отраслей промышленности. Но капиталу останется громадная область мелкого производства, где ему предстоит только еще подготовить почву для социализма.

„Так вот как! Значит, вы отдаете на жертву всем мукам процесса роста капитализма большую часть России? Вы отмахиваетесь от 100 миллионов ваших сограждан и ничего не хотите предпринять для них?" — Ничуть не бывало: социал-демократия примет, конечно, все меры,

---

два тому назад вступила в стачку вследствие нежелания предпринимателей согласиться на девять часов работы, т. е. сбавить один час. Около 10.000 рабочих, занятых в Барцелоне той же отраслью промышленности, тщетно предлагали хозяевам уменьшить на час трудовой день. С тех пор брожение стало распространяться, и, наконец, в воскресенье 17 февраля в городе состоялось 44 митинга, на которых была принята резолюция о всеобщей забастовке.

„Одновременно выпущенная в огромном количестве экземпляров прокламация подлила масла в огонь. «Миновал, — между прочим, говорилось в ней, — карнавал, эта жалкая выставка роскоши и расточительности, которую наши эксплоататоры ежегодно устраивают, чтобы вдвойне оскорблять нищету, голод и холод, переносимые нами. Между тем как золото пригоршнями бросалось на конфетти, серпантин, костюмы, балы и рестораны, а шампанское лилось потоком, тысячи и тысячи тружеников нуждались в хлебе и крове.. Все промыслы доведены до истощения, фабричное дело порабощено, жизнь стала невозможна для бедного рабочего... Наш долг — положить конец терпению, мольбам, добрым приемам; наша неотложная обязанность—предпринять энергичные и решительные действия, которые вознаградили бы титанические усилия механиков, вот уже десять недель бесплодно борющихся против жестокой буржуазии, ободряемой сознанием отсутствия солидарности между рабочими... Восстанем, товарищи, честный народ! Бросим работу все, от подметальщика до машиниста, от слуги до наборщика, — словом, все, кто трудится. Пусть никто не двинется с места, пусть прекратится все, и пусть ответом на отказ кровопийц будет молчание и всеобщий голод. Без пищи, питья, освещения, чистоты — наши враги сдадутся».

„С раннего утра 17 февраля усиленные выкрикивания названия одной из радикальных газет разбудили барцелонских обитателей. То был условленный сигнал, и стачечники стали высыпать на улицу, сходиться в центре и на окраинах. Без всяких колебаний та или другая кучка направлялась в известную сторону, несомненно, повинуясь заранее выработанному плану мобилизации. Шопотом что-то передавали рабочие друг другу,—вероятно, лозунг всеобщей забастовки. На площадях собрались многочисленные толпы, пылавшие гневом и негодованием.

„К девяти часам магазины торопливо стали запираться; те, которые медлили, поплатились дорогими стеклами; в других, упорно сопротивлявшихся, товары были изломаны и изорваны. Рабочие набросились на служанок, возвращавшихся с рынков, и отняли у них корзины с провизией, затем осадили бойню и, захватив несколько мясных туш, разодрали их на части и наделили своих женщин и детей. Только к полудню выехало несколько повозок с мясом под охраной жандармов.

„Некоторые фабрики начали было работу, но на них не хватило и половины рабочих. Те, которые явились, с чув-

сделает все от нее зависящее, чтобы поставить капитал в рамки гуманного, строго проводимого в жизнь законодательства; она сделает все от нее зависящее, чтобы облегчить мучительный переходный период, но она никогда не включит в свою программу ни одной меры, которая клонилась бы к приостановке или замедлению процесса. Против включения подобных мер в аграрную программу или в программу для защиты ремесленников всегда боролось левое ортодоксальное крыло социал-демократических партий всего мира. Никакие ламентации, никакие взрывы негодования со стороны прекраснодушных мечтателей или сладкоречивых демагогов не побудят нас затемнить истину и отказаться от трезвого взгляда на вещи.

Пропаганда и агитация могут, конечно, способствовать переходу сотен, может быть, тысяч мелких собственников на чистую социалистическую точку зрения, но доказать миллионным массам совершенную безнадежность мечтаний об укреплении мелкого хозяйства, разрушить создавшуюся на его почве индивидуалистическую психологию, экономически подготовить производство к переходу в руки всего общества может один только стихийный учитель—капитализм.

Капитал должен сыграть свою роль, прежде чем он сыграет ее до конца—немыслимо полное осуществление социализма. Но политического господства представителей капитала мы не должны допустить.

Такая комбинация, безусловно, мыслима и даже неизбежна, что бы ни говорили испуганные буржуа, с одной стороны, и лишенные научного понимания действительности, пылкие верхогляды—с другой.

А. Луначарский.

Русская печать.

*** В № 243 „Сына Отечества“ г. Рафаилов пытается полемизировать с товарищем Лениным. Некоторые места статьи Рафаилова могут навести читателей, даже соц.-революционеров, на весьма грустные размышления. Так, напр., г. Рафаилов пишет:

Ленин дальше говорит, что „мысль о возможности уравнительного замлепользования при существовании капитала и товарного хозяйства есть заблуждение“. Но мы полагаем, что это заявление с его стороны просто описка. При современном несомненном господстве капитала и товарного хозяйства в огромной части России существует уравнительное землепользование. Конечно, местами принцип уравнительности терпит нарушения, но все-таки в общем он оказывается достаточно живуч.

Итак, в настоящее время „уравнительное землепользование“ в общем господствует, лишь терпя кое-какие исключения! Ну да, такое уравнительное землепользование возможно, конечно, и при капиталистическом строе, но неужели г. Рафаилов посмеет утверждать, что оно хоть на один золотник облегчает тяжесть нищеты, давящей крестьянские массы? Неужели это уравнительное землепользование может считаться хоть одним здравомыслящим человеком за препятствие к капиталистическому расслоению крестьянства? Ссылаясь на современные деревенские порядки, ставя свое утопическое „уравнение“ на одну доску с обрывками фискально-общинных цепей, г. Рафаилов, сам того не замечая, сервирует свои уравнительные мечты под горьким соусом иронии.

Далее г. Рафаилов говорит:

Мы глубоко убеждены, что проведение принципа социализации земли нанесет очень серьезный удар массовой нищете. Оно даст трудовому крестьянству необходимую передышку, чтобы взяться за дальнейшее строительство своей судьбы.

ством страха переглядывались и, в конце концов, удалялись в одиночку, либо партиями. Выходили вагоны трамвая, но в них вскакивало по несколько суб'ектов, и после энергичного перешоптывания с машинистом и кондуктором вагоны устремлялись обратно в парк; экипажи останавливались и отсылались домой. Эмиссары забастовщиков шныряли всюду: повидимому, все было предусмотрено, и даже в самые отдаленные уголки города доходили приказания, слепо исполнявшиеся. Группы женщин с красными и черными флагами в руках двигались по окраинным фабрикам и заводам, окруженные рабочими, и заставляли бросать работу.

„В продолжение нескольких часов сборища свободно распоряжались Барцелоной, не давая, однако, воли хищническим инстинктам некоторых подстрекателей. Наконец, показались отряды конных и пеших жандармов. Поднялась беготня, послышались вопли, выстрелы. Паника овладела мирным населением, запершимся в своих квартирах.

„В виду грозного характера беспорядков, губернатор передал власть командующему войсками округа. Силы, имевшиеся тут в его распоряжении, вскоре оказались недостаточными для города с 650-тысячным населением и с рабочим контингентом тысяч в 150; поэтому военный министр поспешно отправил туда гарнизон из Вильянуэва, Таррагоны, Лериды, Реуса, рискуя оставить эти города без защиты. Войска прежде всего заняли водопроводные бассейны, газовые и электрические заводы, а также стратегические пункты, из опасения помощи со стороны ближайших крестьян. Конная guardia civil после полудня местами поддерживала правильную перестрелку с забастовщиками, вооруженными револьверами и камнями, при чем было не мало раненых и несколько убитых. В Cruz Cubierta устроена была баррикада, с которой долго поддерживался огонь против отряда пехоты, и только в виду решения солдат взять приступом позицию защитники рассыпались. В курьерском поезде, встреченном градом камней, не осталось ни одного стекла; было несколько попыток устроить сход с рельсов поезда, идущего в Бадалону. На второй день вышел один вагон трамвая; из толпы был сделан выстрел в машиниста; находившиеся на платформах солдаты ответили залпом и ранили несколько человек. Нередко происходили между стачечниками и не приставшими к ним товарищами побоища, пускались в ход ножи и револьверы. Нет надобности перечислять многочисленные схватки, крупные насилия, театром которых была в последние дни и продолжает быть Барцелона. Как всегда бывает при подобных обстоятельствах, много убитых и раненых оказалось среди совершенно непричастных к беспорядкам; между потерпевшими попадаются старухи, а также малолетние дети, из любопытства высунувшиеся из окна.

„По словам очевидцев, тяжелую картину представляет теперь богатая столица Каталонии. Магазины, фабрики, мастерские, кафэ, театры закрыты; на тротуарах много

Мы также убеждены, что передача всех земель народу даст ему „передышку“, мы тоже считаем эту передышку необходимой. Нам нравится это выражение г. Рафаилова: социализация ли, национализация ли или просто индивидуалистический черный передел,—все это дает лишь передышку, а дальше вновь вступят в силу законы капиталистического развития, которые через образование сельской буржуазии и сельского пролетариата приведут и деревню к социализму, не передышке уже, а концу капиталистического чистилища.

*** Корреспондент газеты „Русь“ специально ездил к одному из буржуазных мудрецов и „победителей“ Маркса—профессору Масарику в Праге. Само собой разумеется, проф. Масарик сказал г-ну Орловцу, корреспонденту „Руси“, как раз то, что г-н Орловец хотел услышать от проф. Масарика. В первой части интервью Масарик обрушился на русское правительство:

Всякое правительство уступает народу свою власть только под влиянием очевидной необходимости и каждый раз отчаянно торгуется с народом. Когда я гляжу на события в России, я отчетливо вижу эту торговлю. Правительство дает народу копейку, народ требует рубля. Подымается беспорядок. Правительство дает вторую копейку и поддерживает беспорядок, чтобы свалить причину его на либералов и революционеров. Ваше правительство, видимо, хочет остановиться на трех копейках, но не больше, и старательно поддерживает хаотическое состояние страны.

Вторая часть, как и следовало ожидать, направлена против революционеров, при чем выдержан обычный для просвещенной буржуазии беспристрастный и даже как-будто дружественный тон!

Профессор прошелся по кабинету и, словно отвечая на свою внутреннюю мысль, задумчиво заговорил:

— Я знаком со многими революционерами и долго присматривался к ним, изучал их. Революционер — прежде всего человек идеи, следовательно теоретик. Он борется за свою идею смело, жертвует жизнью, отдает идее всего себя, но... он не может созидать. Революционер или гибнет или сталкивает правительство, а затем... становится втупик. Сбросить он может, но практически создать вместо сброшенного новое он не может. Правительство же есть орган прежде всего практический. Оно умеет управлять (чего не умеет революционер), и это-то уменье есть в его руках козырь. В вашей революции я не вижу созидательной работы. Революционер добился своего, и теперь вам необходима тяжелая серьезная созидательная работа, необходима Дума, которая начала бы созидать; а между тем я не вижу у вас кабинетной работы, вижу лишь революционную. Не имея точки опоры, и революционер не может остановить свой ход из боязни потерять приобретенное. Благодаря отсутствию созидателей, в стране возникает хаос, и реакция гордо говорит: — „Смотрите! Мы управляли, и все шло тихо, мирно, а пришли революционеры, и что же они дали стране, кроме хаоса?“.

Но ведь революционеры еще далеко не у власти, как же они могли „дать“ этот порядок. Немножко терпения, пр. Масарик!

Заключительный аккорд все тот же—на нем сходятся и Масарик, и „Русь“, и „Новое Время“.

Вам необходимо собрать возможно скорее Думу и начать созидать новый государственный строй.

Предполагается, конечно, Дума, избранная по плану и под надзором фальшиво-конституционного правительства Витте.

*** Недалеко от Масарика ушел радикал Клемансо, к которому „Русь“ тоже отправила „человека“. Те же надоевшие уже жалобы на двойную политику Витте. Положительная программа Клемансо—это программа наших Петрункевичей. О Петрункевиче, кстати, Клемансо выразился так: „чем он не министр?“. Надежды Клемансо таковы: надо разрешить две задачи:

1) образование сильного правительства, которое обладало бы доверием народа и потому способно водворить порядок, и 2) вопрос аграрный.

разбитых и вывороченных фонарей, опрокинутых скамей для гуляющих. Под теплыми лучами южного солнца сверкают каски кавалеристов, треуголки жандармов, штыки пехотинцев. Толпы,—разношерстные, нервно оглядывающиеся, скрывая свое скудное оружие, — то принимают угрожающее положение, то разбегаются, преследуемые войсками. В довершение тягостного впечатления, ежеминутно видны носилки Красного Креста, скрывающие под своим покровом убитого или раненого. А немногие прохожие, осмелившиеся показаться на улице, боязливо озираются, на каждом перекрестке натыкаясь на штыки.

„Обыватели стараются запастись возможно большим количеством провизии и в особенности хлеба, которого вскоре, полагают, не хватит. В немногих лавках, охраняемых полицейскими,—их снабдили ружьями системы Ремингтон,—с'естные припасы страшно вздорожали. Хлебники, пользуясь паникой, тоже неимоверно повысили цену: так, хлебец, стоющий 10 сантимов (около 3 коп.), продается иногда по 5 реалов (около 40 коп.). Такой произвол усилил ярость народа, разнесшего несколько пекарень.

„Из дюжины слишком издающихся в Барцелоне газет с понедельника 17 февраля ни одна не выходила. В четверг издатели получили «распоряжение» ген. Вархеса немедленно возобновить издание: в противном случае они будут считаться прекратившимися до восстановления нормального положения и конституционных гарантий. Но выпуск газет пока немыслим, так как наборщики и печатники примкнули к общему движению и грозят не оставить камня на камне в типографии, которая возобновит работу.

„20 февраля состоялось совещание консулов, решивших сообщить своим правительствам о ненормальном состоянии Барцелоны. Возможно, что в порт придут иностранные суда для защиты жизни и имущества своих соотечественников.

„В виду угрожающей перспективы, многие семьи тайком оставили Барцелону, преимущественно морским путем. В последнем экстренном поезде все места были разобраны, но выехало только два пассажира,—так велико опасение показаться на улице“.

Так обыкновенно протекают всеобщие стачки, особенно в Испании, где правительство в той же мере ретроградно, в какой жестоко. В других странах, особенно в Голландии, они не носят столь революционного характера, хотя инициаторами их, на-ряду с социалистами, являются и голландские анархисты.

В России всеобщие стачки, начавшиеся с 1903 года, были чисто политическими. Их необычайная удача высоко подняла значение этой формы пролетарской борьбы в глазах западно-европейской социал-демократии. Российский пролетариат показал пример всему миру.

В. Тотомианц.

По-моему, разрешение вопроса рабочего еще терпит — он будет делом вашей будущей Думы. Что вопрос этот обострился — это работа крайних партий, которые из собственного интереса не преминут дать правительству „божеский срок“, если только они убедятся в том, что правительство искренно решилось вступить на путь конституционных реформ. Тогда прекратятся и забастовки, это пагубнейшее для правильного хода дел явление.

Не терпит отлагательств аграрный вопрос.

Прощение недоимок не есть даже паллиатив, а тем менее его разрешение: это простое признание правительством существующего факта. С крестьянина у вас в большинстве случаев и брать нечего. На нет — и суда нет. Ему нужно больше земли, чтобы действительно помочь ему в его полном обнищании. А земля у вас есть, даже не трогая помещиков, что потребовало бы серьезных затрат. Начните с раздачи земель государственных, монастырских и удельных. Для подобной операции и денег не нужно.

Уж подлинно—как аукнется, так и откликнется: западно-европейское буржуазное эхо повторяет лишь последние слова наших земцев.

Почтительно выслушав советы, „человечек“ из „Руси“ спросил у француза, как обстоит дело насчет „аржан“. Но Клемансо, сурово наморщив лоб, сказал, что об этом теперь и речи быть не может. „Устройтесь, тогда и денег дадим,—сказал он:—и не только министерству Витте, но и министерству Петрункевича дадим, только сперва устройтесь“. Так сотрудничают в „Руси“ Масарик и Клемансо.

*** Газета „Начало“ решительно высказывается за отсрочку всеобщей стачки для планомерной подготовки ее как решительного боя с врагами свободы. Газета аргументирует следующим образом:

Всеобщая забастовка теперь — это сознают все — должна обобщить протест против отдельных частных проявлений „режима 17 октября“ и поставить на своем знамени замену этого лживого режима действительной политической свободой, осуществимой лишь после снесения до основания прогнившего здания самодержавия. Но если так, то испытанная в октябре форма политического движения явится совершенно недостаточной. Результаты октябрьской борьбы развенчали иллюзии, сохранявшиеся в обоих лагерях: на стороне реакции исчезла иллюзия задержать революцию путем полуконституционных уступок, на противоположной стороне испарились либеральные иллюзии о „бескровной“ революции, о революции, совершенной путем только стачки. Начатое теперь движение не сможет остановиться на самой границе между забастовкой и восстанием, ибо, дойдя до этой границы, оно слишком мало прибавляет еще к той дезорганизации и анархии, которые с октября месяца явились постоянным состоянием неистово борющегося самодержавия.

Именно в виду своего характера решительного боя забастовка, по мнению наших тов. из „Начала“,

потребует такой организованности и согласованности действий, подготовка которых требует известного времени. Ограничиваться приблизительной одновременностью начала действий движение не сможет. Необходимо, чтобы они, будучи разнообразны по своему характеру, политически дополняли и развивали друг друга. А для этого нужна известная подготовительная работа.

Вопросы дня.

Биржа и революция.

Во вчерашних газетах находим чрезвычайно важные известия о событиях биржевого мира. На парижской бирже под влиянием почтово-телеграфной стачки невероятная паника. „Биржа обезумела от страха, и ценности летели вниз с головокружительной быстротой“. Понижение ценности бумаг достигает 15% — 18%. Та-

---

По этапу.

Картина недавнего прошлого.

I.

Приехали в N. вечером.

Наш вагон отвели куда-то в сторону от вокзала. За окнами в сыром полумраке на грязном фоне тающего снега смутно маячили лабиринт рельс, груды шпал, цистерны и вагоны. Где-то порывисто вздыхал удалявшийся паровоз и таяли вдали отзвуки его свистка.

Потом у дверей раздались грубые голоса и звон стали: пришла конвойная команда. Темною цепью она выстроилась около выхода. Вот, по рельсам, по снегу пробежали кровавые краски,—это над толпой нахмуренных солдат трепетно зажглись два факела. Черные тени ночные в дикой пляске прыгали кругом, и тьма, как пьяная, шаталась направо и налево.

В глазах моего знакомого старика-сектанта вспыхнули и остановились две острые искорки. Он напряженно смотрел в стекла, и на лице его я снова увидел то поражавшее меня и раньше спокойствие, которое говорило о том, что человек непоколебимо до конца пойдет своей дорогой.

Нас осторожно вывели, пересчитали и, наконец, окруженные солдатами, мы пошли —тихо, без разговоров, словно заговорщики. Частые звуки шагов беспорядочно хлябали по талому снегу; факелы хрипло шипели, и впереди однообразно брякали ножные цепи у обреченных на каторгу.

Этап!.. Какое жуткое, трагическое настроение охватывает меня, когда вспомню, как плелись мы, толпа людей, вырванных из разных углов жизни, по темным дорогам мира. Шли рядом—развратник, изнасиловавший ребенка, сектант, единственною виною которого была пламенная вера в справедливого бога, политический, с юным мужеством отдававший всю свою жизнь за благо меньших братьев, и т. д. и т. д.

Тесно, плечо к плечу, шли мы, окруженные штыками, залитые красным светом факелов, и каждый уносил в душе собственный, неведомый другим мир надежд, замыслов, горя... Нас перевозили из города в город, пока все не попадали в предназначенные им каменные мешки за № таким-то. Тут, как ненужный хлам, складывались все надежды, а свободная душа увядала...

— „Антихрист! — шептал мне на ходу старик. — Распространился он теперь по всей Руси. Куда ни обратишь очи,—всюду слуги его отмеченные... Вона! — и он протянул руку к солдатам.— И везде, везде...

„И скрыл поэтому господь свою правду-истину. Говорят — на Синае, говорят — где-то за морем в иноверной земле. Только нет ее у нас. Подменили, людей

кого падения не бывало с конца 80-х годов, — замечает „Н. Ж.“ и говорит: „О займе, конечно, теперь и речи быть не может, хотя еще накануне октябрьской железнодорожной забастовки в Петербурге были закончены переговоры и выработаны условия огромного займа в один миллиард марок“.

Одновременно с иностранной биржей и внутренний денежный рынок России резко реагирует на события, разыгрывающиеся в стране. Кредитные учреждения и банки сокращают свою деятельность, отказываясь принимать многие ценности. Из провинции приходят сведения о крахах „солидных“ фирм. В Петербурге лопнула контора Альванг. Вихрь кризиса мчится по стране. Государственный банк об‘явил вчера о повышении учетного процента на $^1/_2{}^0/_0$. Эти ничтожные на первый взгляд полпроцента — важнейший показатель переживаемого кризиса. Эти полпроцента, об‘явленные Государственным банком, доказывают, что общая система всего хозяйства страны пришла в расстройство, и высшее кредитное учреждение империи вынуждено публично и официально заявить, что платежеспособность российской торговли и промышленности стоит под сомнением и нуждается в более верном обеспечении, чем то, которое доселе считалось достаточным.

Каково общественно-политическое значение всех этих фактов? Черносотенные патриоты, конечно, будут считать их делом рук „забастовщиков“ и „крамольников“. Но люди, знакомые с историей, знают, что каждая революция в каждой стране сопровождалась аналогичными явлениями. Все эти крахи, эта биржевая паника, как нельзя лучше показывают, что хозяйственная жизнь страны не может нормально развиваться, что ее развитие стало в коренное и непримиримое противоречие с теми политическими формами, в которых живет страна, что производственные отношения не соответствуют этим политическим формам и ломают их. И самые забастовки, беспрерывно тянущиеся по всей стране и то и дело переходящие в открытую борьбу пролетариата с самодержавием, говорят о том же. Напрасно Петр Струве плачется о дезорганизации народного хозяйства социал-демократами. Эта дезорганизация есть прямое следствие того конфликта между экономическим базисом и политической надстройкой, который мы наблюдаем, и революционное движение есть лишь одно из внешних проявлений этого конфликта. Он подготовлен самой жизнью, и оттого-то мы, участники и деятели русской революции, можем спокойно смотреть вперед. Нашу революцию остановить нельзя, ибо могучее давление жизни всего хозяйственного организма страны толкает ее вперед.

Суд над министерством финансов.

Дело г-жи Шабельской о подделке векселей большого юридического интереса не представляет, но зато оно имеет огромный общественный интерес. Оно развернуло пред обществом ту грязь, которая царствует в министерстве финансов. Получается впечатление, что вдруг упала стена, и обделывавшие за ней свои делишки люди попались врасплох; они суетятся, мечутся, чтобы скрыть свою позорную наготу, а могут прятаться лишь один за другого, чем еще ярче оттеняют свои физиономии.

Главный герой дела о поддельных векселях господин Ковалевский, человек с прошлым, на которое постоянно ссылается, — он просидел два года в крепости по делу Нечаева, потом... потом стал ренегатом и на этом поприще добрался до товарища министра. Попав на такое

обманули, в цепи антихристовы заковали, и стали люди, как скоты под‘яремные. А сила антихристова блюдет их, учит, судит, проповедует...“

С обеих сторон тянулись темные силуэты смиренных домишек. Глухая окраина провинциального городка дремала, словно сонное царство, разучившееся мечтать, в убожестве доживающее дни свои. Факелы бросали кругом летучие огненные пятна: как будто взмахивали крыльями огромные бабочки. Прохожие пугливо сторонились, и выли на дворах встревоженные собаки.

Робким эхом отвечала ночь мимоидущим людям. Оторванные от целого мира, мы шли, и мало-по-малу пробуждались в глубине души чуткие одинокие мысли. — Лязгайте, цепи! Сердца человеческого вы не закуете, напряженную думу духа народного не погасите. Он неудержимо проникает всюду, разрушает тюрьмы, разбивает цепи, свергает старых идолов... Он не остановится перед заставами с надписью: не сметь!

— Бодрствуй! — шепчет снова старик. — Беспокой жизнь! Разыскивай истину господню всюду. Каждого спроси: нет ли у него хоть кусочка правды? Всякий камень на пути подыми и, если он годен на дело божие, прилепи его к прочим, а если нет, то обеими руками брось в лицо силе антихристовой...

Незаметно улица перешла в большую дорогу. Вместо домов дремали в тишине по сторонам вереницы темных деревьев. Вскоре налево мелькнули редкие и тусклые огни.

— Вот она, тюрьма-матушка! — сказал кто-то.

Все затихли.

II.

Я попал в двухместную камеру вместе с рабочим с юга. Он шел на 5 лет в Архангельскую губернию и уже полтора года провел в тюрьме. Высокий, худой, с впалыми щеками и, кажется, в чахотке.

Жестяная лампочка бросала на стены робкий полусвет. Откуда-то издали из коридоров доносился заглушенный разговор, а за толстой дверью, казалось, стоял кто-то, прислонившись и затаив дыхание. Я тоже прижал ухо к дереву. И почуялось, будто кирпичи стен, пол, потолок и чугунные лестницы — все тихо стонет, задыхается и звенит ржавой сталью затаенных слез.

— Когда я так слушаю, — сказал товарищ, — мне все кажется, что сотни рук царапают стены.

Потом он закашлялся, схватился за грудь и, покачиваясь, как пьяный, долго стоял на одном месте. Наконец, тихо проговорил:

— А что теперь делает жена?..

И стал молчаливо ходить из угла в угол.

Я залез на стол к окну и раскрыл форточку. Во тьме, в сырой мгле вечера, перебивая друг друга, звучали го-

место, он сделался совершенным идеалистом и увлекся „кристальной душой“ г-жи Шабельской. Он так высоко ценил „благородного ангела“, что возил его с собой в командировки, на народные денежки конечно, хлопотал о ночной торговле крепкими напитками в ее театре и тому подобное.

Парочка „кристальных душ“ скоро так столковалась, что за приличную мзду Шабельская через Ковалевского помещала молодых людей в высшие учебные заведения, раздавала чины и места и, должно быть, субсидии, особенно для себя. Но мало, Шабельская принимала участие и в решении государственных вопросов! Все это прекрасно очертили „благородные свидетели“, не верить им нельзя, это все люди с титулами, князья и княгини; впрочем выяснилось, что и они занимаются какими-то темными коммерческими делами.

Учет поддельных векселей производился среди людей большого света, при поддержке начальника сыскного отделения Чулицкого. Словом, Ковалевский может смело сказать: „Нас собралась небольшая, но теплая компания“.

Есть и мораль у басни сей: если бы Ковалевский не пожадничал, банки бы „списали“, сыщик Чулицкий помог бы, и не было бы скандала, и г. Ковалевский, вместе с остальными „птенцами“ Витте, занял бы пост конституционного маклера... виноват, министра.

Москва.

(По телефону 30 ноября.)

— Вчера, ровно в 5 час. дня, всякое сообщение с Москвой по всем проводам телефона прекратилось. Путем телеграфных допросов установлено, что на участке Тверь — Москва срезаны все четыре провода обеих цепей.

— На 1 декабря экстренно созывается заседание организационного бюро общеземских с'ездов.

— Священник села Мытники Рузского уезда В. Лукин, по удостоверению местных крестьян, отбирает у них популярные издания на политические темы и взамен их предлагает воззвания „истинно-русских людей“ о борьбе с врагами отечества в лице интеллигенции.

— Резолюции Московского Совета Рабочих Депутатов. Обсудив движение в войсках, выразившееся в таких грозных формах, как севастопольское и подобные ему восстания, а также волнения в манджурской армии, Московский Совет Рабочих Депутатов принял следующую резолюцию: „Московский Совет Рабочих Депутатов шлет горячий привет всем братьям-воинам, поднявшим вместе с пролетариатом знамя борьбы за общую свободу. Кровь солдат смешалась с кровью рабочих и отныне неразрывно связывает их. Народ никогда не забудет дорогих имен славных севастопольцев и других братьев-воинов, восставших против самодержавного гнета. Честь и слава живым героям, честь и слава павшим! Уже недалек тот день, когда пролетариат, революционное крестьянство и лучшая часть армии соединенными силами опрокинут ненавистное царское правительство. Пытаясь отдалить этот неизбежный конец, правительство не брезгает никакими средствами. Оно морит голодом на Дальнем Востоке полумиллионную армию, боясь ее возвращения в Россию. Выражая свое презрение трусливому царскому правительству, М. С. Р. Д. обращает внимание всего народа и всей армии на это гнусное преступление наших палачей. Спасти наших несчастных детей и братьев, изнывающих в далекой Манджурии, может лишь ускоренное падение царского правительства. Поэтому М. С. Р. Д. призывает московский пролетариат с удвоенной энергией организоваться и готовиться к решительному выступлению, которое должно сопровождаться всенародным вооруженным восстанием и кончиться полным освобождением всего угнетенного народа“.

— На этих днях происходили три собрания студентов и студенток социал-демократов обеих фракций, на которых был разработан устав общестуденческого социалистического клуба, выбрано временное бюро из десяти членов и даны ему инструкции. Бюро ежедневно будет принимать всякие заявления и производить запись кандидатов в члены клуба.

— Письмо в редакцию „Русского Слова“. „В Телефоне «Нового Времени» от 23 ноября, № 455, напечатано: «Разборку

лоса. Расспрашивали кого-то из нашего этажа, сколько нас, откуда, куда и т. д., и рассказывали о себе. И здесь, за высокой каменной стеной, теплилась эта своеобразная вечерняя жизнь тюрьмы. Хилый цветочек, питающийся крохами воспоминаний, затоптанный грубой ногой, лишенный солнца! И сколько их по лицу родины нашей!

Пробил звонок к поверке. Где-то вдали раздался тяжелый топот. Слышно было, как грубые звуки, словно пауки, переползали из одного коридора в другой. И за ними по пятам следовали то надрывавший душу скрежет запоров, то тревожные мгновения пронзительной тишины.

Товарищ лежал на койке, а я бесцельно рассматривал стены. Сколько замазанных и заскобленных надписей! Каждый из этих иероглифов прятал за собой целую изломанную жизнь. За каждым таятся в прошлом безумные глаза кошмаров, одиноких длинных ночей. О, тюрьма! Скоро ли проклянет тебя человечество и сотрет с лица земли!

Наконец, грохот шагов добрался до нашего коридора. Кто-то раскрыл дверное окно, и темный неведомый взгляд, как летучая мышь, скользнул по нашим лицам.

Потом загремела дверь и распахнулась. Торопливо вошел надзиратель и тряхнул решеткой окна, а на пороге их стояла целая свора, окружая жесткую, затянутую в мундир фигуру с деревянным лицом.

— Нужно встать! — резко сказала она.

Товарищ не двинулся и ничего не ответил.

Прозвенело несколько молчаливых мгновений. По деревянному лицу проползла злобная тень и спряталась где-то в гнилой тине его души.

Двери захлопнулись, и железный засов взвизгнул.

III.

Товарищ стоял у форточки и разговаривал со старым сектантом. Я попрежнему ходил вдоль стен и прислушивался к голосам тюрьмы. Из-за двери доносился непрерывный тихий рокот, словно стиснутое холодными камнями, там бессильно плескалось море страданий человеческих.

— Сила антихристова... — говорил товарищ. — Это похоже на правду. Разные Плеве, Победоносцевы и их шайка, обманывая всех именем божьим, царствуют над Россией. Они заперли Правду за железные решетки, разогнали ее далеко „за море“. А сами во тьме, как звери, пожирают добро народа и пьют его кровь. Крестьяне голодают чуть не каждый год, а рабочий все время живет впроголодь и не разгибает спины. И под видом заботы о благе народном народ обворовывают, бьют, держат в невежестве, как будто вся их забота сводится к тому, чтобы столкнуть его в пропасть.

В ночной тишине голос звучал хрипло и звонко. Казалось, море стиснутого стенами гнева прорвало щель и журчит бурным ручьем.

и доставку денежной корреспонденции в почтамте взяли на себя чиновники Государственного банка». Чиновники московской конторы Государственного банка выражают глубокое негодование тем чиновникам, если таковые есть, которые взяли на себя гнусную роль предателей товарищей почтово-телеграфных чиновников, борющихся не только за свои права, но и за права всех русских чиновников. Просим другие газеты перепечатать". (Следует 150 подписей).

Корреспонденты „Русского Слова" телеграфируют:

— Курск. В Щигровском и других уездах беспорядки подавляются оружием. По слухам, крестьян порют. В Новооскольском уезде разграблены 51 имение, уцелели 5.

— Воронеж. В Воронеже расклеено губернаторское об'явление, призывающее успокоиться и не верить слухам о готовящихся погромах. Граждане, однако, продолжают вооружаться.

— Воронеж. На вчерашнем железнодорожном митинге принята резолюция, протестующая против военно-полевых судов над восставшими солдатами и матросами. Постановлено ответить всеобщей забастовкой, если убитый городовой будет похоронен торжественно.

— Владимир. губ. Вчера открылся с'езд конституционно-демократической губернской группы. Вязниковское общество сельского хозяйства присоединилось к крестьянскому союзу и выбрало делегатов.

— Союз газетчиков вошел в думу с ходатайством о сдаче стоянок для продажи газет непосредственно союзу.

— Присяжный поверенный Л. П. Ковалевский по уполномочию учредительного собрания союза московской домашней прислуги вошел в думу с ходатайством о немедленном закрытии контор по рекомендации прислуги на места и об устройстве городской посреднической конторы.

— Из местечка Турийск, Волынской губ. В бюро крестьянского союза получены сведения о черносотенной деятельности священника Ивана Барановича, препятствующего распространению программ и книжек, издаваемых крестьянским союзом, а также организации местного отделения союза. Когда в местечке и окрестностях произведены были погромы против евреев и интеллигенции, названный священник в церкви прочел проповедь крестьянам и выразил свою радость по поводу того, что народ узнал истинных врагов своих — евреев, поляков и студентов и что он сумел с ними справиться.

— Артист театра Корша А. В. Бороздин сообщает, как достоверный факт, что 26 ноября в Сандуновских банях был подвергнут бойкоту со стороны банщиков г. Грингмут. Бойкот выразился в том, что все банщики поголовно отказались раздевать и мыть редактора „Моск. Вед.".

— Крестьяне Московского уезда сожгли несколько дач. Так, близ станции „Химки", Николаевской дороги, сожжена дача покойного земского начальника Станицкого, при чем крестьяне весьма определенно высказывались, что землю они считают своей и что осуществлению этого права мешает лишь наличность построек, которые они потому и жгут.

Близ ст. „Кучино", Московско-Нижегородской дороги, сожжено несколько дач известного в прежнее время земского деятеля И. И. Шаховского.

— Вчера был назначен общесудебный митинг, который должен был открыться в 8 ч. вечера в Екатерининском зале. В 4 час. дня прокурор суда заявил секретарю совета присяжных поверенных, что митинга он допустить не может, так как ему известно, что на митинг собирается также и посторонняя публика. С наступлением вечера к зданию судебных установлений начала стекаться публика, среди которой были и лица, не принадлежащие к судебному ведомству, в том числе и офицеры. У здания суда стоял отряд полиции, а в боковом дворе скрыты жандармы. Швейцар не пропускал публику внутрь. Тогда из думы был вызван гласный Левицкий, член совета присяжных поверенных, и митинг решено было устроить хотя бы и в менее удобном помещении названного совета, но и г. Левицкий в здание суда допущен не был. Стали раздаваться голоса за то, чтобы устроить митинг на улице, но предложение это было отвергнуто. После этого к фон-Клугену была отправлена депутация из г. Левицкого и пом. прис. поверенного Коссовского. Прокурор потребовал ручательства, что никто из посторонней публики на митинг допущен не будет. Депутаты заявили, что они не видят надобности давать прокурору какие-либо ручательства, так как в помещении совета хозяин — совет. Поэтому депутаты потребовали немедленного открытия помещения совета. Фон-Клуген отказал. Депутаты заявили, что в таком случае они вынуждены будут устроить митинг во дворе. Прокурор заявил, что он в таком случае прибегнет к содействию полиции. Депутаты заявили, что они слова прокурора немедленно сообщат собранию, на что фон-Клуген сказал: „Зачем вам это сообщать? Это совсем не нужно, просто сообщите, что я не могу допу-

---

Но они забыли, что так долго продолжаться не может. Терпение народа истощается, и скоро миллионы обездоленных вырвут зубы кровожадным зверям, которые столетиями грызут их. Вы говорите: царство антихристово разрушит только бог... Неправда! Народ сам сумеет стряхнуть с своего тела горсть обнаглевших владык!..

Товарищ закашлялся и умолк.

„Вот, — думал я, — человек, одной ногой стоящий, может быть, в могиле. Его целые годы держат в тюрьме, отрывают от семьи, увозят, наконец, в глухой далекий край. И что же, удалось ли сломить его силу? О нет, ни на волос! Попрежнему сердце его как стальное, и душа горит неугасимой верой. А сколько таких людей среди миллионов рабочих и крестьян! Какая же власть может осилить эту несокрушимую народную волю! Ни тюрьмы, ни ссылки, ни кровавые расправы не спасут произвол от неизбежного позорного конца".

Думы тихо скользили по душе — тюремные думы, которые день и ночь монотонно журчат, как лесной ручей. Раздвигались каменные стены, и уносилось сердце туда, в родные места, заглядывало в окна далеких друзей, заглядывало к ним в душу, чтобы узнать, какие радости приносит им упорная борьба и не сулит ли будущее близкой победы...

Бежали безмолвные часы. Было уже поздно. Товарищ уснул. В тишине я услышал за окном звон колокольчика и взобрался к форточке. Примолкшая мартовская ночь, как черная птица, плыла вверху, протянув над миром широкие крылья. Мимо тюрьмы по большой дороге кто-то ехал. Удалявшийся колокольчик ласково смеялся и рассыпал во тьме серебро свое. — Длинны русские дороги... Погоняй, ямщик!

— Есть кто-нибудь? — спросил я.

Никто не ответил.

Снова стал слушать звенящую песенку. Длинны, темны и извилисты русские дороги... Но мечта о свободе, как этот серебряный звон, летает всюду. В самые глухие углы проникает она. Измученных людей зовет она к близкому счастью... Погоняй же шибче, жизнь, коней своих! Скоро минует холодное темное время!

Я закрыл форточку, разделся и лег спать. Внизу, где помещались карцера, кто-то пел. Очевидно, один из обывателей сырых прогнивших ям коротал ночь песней. Тихо переливались звуки среди каменных стен, и слышалась в них неукротимая тоска молодости по свободе. Засыпая, я разобрал слова:

„Пилил он цепи дни и ночи,
В окне решетку разломал
И в час урочный, полуночный,
Из замка мрачного бежал"...

Е. Яшнов.

стить митинга". Собравшиеся на митинг, по возвращении депутатов, постановили не итти на провокационную удочку администрации и на улице митинга не устраивать.

— Вчера при исправлении внешней телефонной сети у Крестовской заставы был жестоко избит телефонный инженер Энглунд. Эта расправа вызвана тем, что Энглунд дал забастовавшим телефонным служащим честное слово не приступать к работам до окончания телефонной забастовки и теперь нарушил слово.

— Вчера в типографии Мамонтова администрацией арестован первый номер сатирического журнала „Жало". Та же типография привлечена к ответственности за напечатание программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

— Лицо, известное редакции „Жизни" и приехавшее из местечка Турийска, Волынской губ., сообщает, что местный священник произнес с церковного амвона проповедь, в которой призывал избивать евреев, поляков и студентов. Когда под влиянием проповеди произошел затем еврейский погром, священник громко выражал свою радость по поводу того, что народ узнал своего истинного врага. Епископ волынский преосвященный Антонин приказал отпечатать проповедь турийского священника и распространяет ее среди паствы.

— „Жизнь" узнала из достоверного источника, что пыл черносотенцев, собравшихся на молебствие у Чудова монастыря и желавших затем произвести погром, был охлажден заявлением находящихся на площади солдат, что они примут самые энергичные меры против черносотенцев и даже, в случае надобности, будут стрелять.

— Митинг мясников и рыбников. В „Олимпии" состоялся митинг служащих у мясников и рыбников. На митинге было человек 500. Первый говорил оратор с.-д. Он раз'яснил собранию, кто их враги и кто друзья, долго останавливался на черносотенной агитации священников, раз'яснил, к чему стремятся так называемые „крамольники". Собрание выражало ему одобрение. Затем организатор мясников и рыбников огласил устав союза служащих у мясников. Устав был принят и избраны члены правления союза. Затем говорили рыбники, выразившие желание об'единиться с мясниками в один союз. Предложение это встречено было собранием рукоплесканиями. Затем говорили несколько ораторов о необходимости единения и дружной борьбы против хозяев. По окончании текущих дел слово было предоставлено ораторам на общие темы. Один из ораторов говорил о японской войне, ее причинах и гибельных последствиях, раз'яснял виновность в этих бедствиях русского правительства и призывал к борьбе с ним.

— На Чистых Прудах вчера собирался митинг почтово-телеграфных чиновников. Нарядами жандармов и полиции собравшиеся были рассеяны.

— В Москве бастующими чинами почтамта произведено несколько нападений на пожарных, занимавшихся разноскою корреспонденции. Один из пожарных отстреливался и ранил забастовщика.

— Почтово-телеграфный делегатский с'езд продолжает свои заседания. Многие делегаты уже раз'ехались. С'езд решил твердо и неуклонно продолжать забастовку до полного удовлетворения требований.

— Московская губернская земская управа так стеснена в средствах, что принуждена была прекратить выдачу пособий семьям запасных.

— В четвертой гимназии произошли серьезные беспорядки. Воспитанники побили стекла и шумели. Воспитанников младших классов гимназическое начальство отпустило по домам, а воспитанников старших классов арестовало при гимназии. Бастует также и пятая гимназия.

— Сегодня вечером состоится митинг московских трубочистов. На митинге будут обсуждаться вопросы экономического характера.

— Вчера арестованы почтово-телеграфные служащие Ляуриайнен и Книгин.

— Сообщают, что харьковская дума постановила: „В виду того, что правительство не платит жалованья почтово-телеграфным чиновникам, выдать им из городских средств 10 тысяч рублей и требовать немедленного предания суду Дурново, как провокатора, который не считается с благополучием родины, который является главным нарушителем существующего закона и виновником всех государственных бедствий". Затем были сообщены телеграммы из разных концов России о ходе забастовки. Сведения произвели на собрание очень благоприятное впечатление. Оказывается, в большинстве пунктов забастовка проходит с полным успехом. Сибирь — та просто оказывается непоколебимой. В заключение собрания принята резолюция: „Обратиться ко всему мыслящему обществу, ко всем домовладельцам и лавочникам с просьбою обождать с требованием квартирных денег, а также за продукты и дрова с почтово-телеграфных чиновников до уплаты им правительством денег". Кроме того, это же собрание постановило бойкотировать газеты „Московские Ведомости", „Русский Листок" и „Московский Листок", при чем бойкот должен выражаться в том, что почтово-телеграфные чиновники не будут пересылать этих газет по почте.

— „Жизнь" сообщает, что лицо, прибывшее из Томска, утверждает, что бывший томский губернатор Азанчевский не может выехать из Томска, так как железнодорожные служащие категорически отказались везти поезд, в котором поедет Азанчевский.

— Вчера днем казначей жанд. упр. М.-Курской дороги, штаб-ротмистр Загорский, прошел в буфетную комнату вокзала и занял отдельный столик. В тот момент, когда официант отправился за карточкой кушаний, ротмистр Загорский выстрелил себе в висок из револьвера. Загорского со слабыми признаками жизни доставили в Басманную больницу. При нем найдена следующая записка: „В смерти моей прошу никого не винить. Стреляюсь собственноручно. Проиграл много казенных денег".

— Вчера рабочие Ярославских железнодорожных мастерских в количестве 500 человек направились толпой к домам Тучкова, Китова и Гзовского. Эти дома населены исключительно хулиганами. Толпа была вооружена. На Краснопрудской улице толпа была встречена засадой полицейских. Произошла свалка. Рабочие бросали в полицейских камнями и стреляли. Ранено несколько городовых.

— Вчера среди чинов московской пожарной команды произошло большое движение вследствие привлечения пожарных на почтовую службу. Из семнадцати пожарных команд взято 42 пожарных и 6 вестовых. Городская управа, куда пожарные подали по этому поводу свое заявление, нашла, что оно имеет больше политическую, чем экономическую, подкладку, и оставила его пока без рассмотрения.

— В седьмом отделении окружного суда присяжные заседатели подали заявление, в котором указывают, что „правосудия не может быть там, где политические и социальные реформы далеко отстают от требований развивающейся народной жизни, где судебная власть не покоится на началах единства, независимости и самостоятельности суда, где отсталые уголовные законы и искаженные судебные уставы грозят обвиняемому бо́льшими наказаниями до суда, чем после него".

— Из Рязани телеграфируют „Русскому Слову":

„В Пронском и Ряжском уездах, в имениях Кисловского, Дрошусова, Макарова, Лаптевой и некоторых других, произошли аграрные беспорядки. Посланы казаки".

— Из Ростова-на-Дону той же газете телеграфируют:

„Близ селения Кушевки крестьянами, начавшими аграрные беспорядки, сожжен завод областного предводителя дворянства Денисова. Близ Сулина разгромлен огромный чугуно-литейный завод Пастухова. Из Ростова часть войск отправлена в другие города Донской области. Заславский пехотный полк и батареи, пришедшие было в Ростов на постоянное пребывание, экстренно выведены в Харьков и Киев и заменены новою батареей и казачьим полком. Говорят, что среди ушедших началось брожение".

— Из Саратова телеграфируют „Русск. Слову":

„Известное распоряжение Дурново о лишении продовольствия крестьян, обвиняемых в аграрных беспорядках, вызвало в земстве общее негодование. Камышинское и Балашовское уездные земства категорически отказались выполнить это требование. Упорно циркулируют слухи о чуме в степях Новоузенского уезда среди киргизов. Много смертных случаев".

— Собрание профессионального союза столяров постановило: выразить сочувствие почтово-телеграфным чиновникам и поддержать их материально, произведя для этого на митинге сбор, выразить негодование по поводу ареста Хрусталева и Совета Рабочих Депутатов, а также бюро крестьянского с'езда, требовать немедленного освобождения арестованных, а равно и крестьян, пострадавших в аграрных беспорядках.

— Вчера в $11^1/_2$ час. вечера выехал к месту службы вновь назначенный ярославский губернатор А. А. Римский-Корсаков.

Губернатор хотел с вокзала послать в Ярославль телеграмму, но чины железнодорожного телеграфа отказались передавать эту телеграмму.

— 19 ноября, в 12 час. ночи, в комнате нового фельдфебеля штаба Моск. военного округа шумели, кричали и хохотали сидевшие там старший писарь Третьяков, только что уволенный в этот день в запас фельдфебель, писарь Баюков и еще два писаря. Один из писарей подошел к фельдфебельской комнате и сказал в дверь: „Чего вы раскричались? Нельзя ли потише — спать невозможно". На эти слова выбежал Баюков, догнал писаря и, схватив его за шею, начал бить, а новый старший писарь Третьяков нарядил жандарма, вручившего Прокофьеву записку об аресте, написанную на ранее заготовленном бланке за подписью заведующего командой. Этим арестом возмутилась вся команда и не допустила ареста. На следующий день команда представила требования: 1) немедленное смещение вновь назначенного старшего писаря Третьякова; 2) увеличения содержания сверхштатных писарей до размеров, получаемых штатными; 3) улучшения пищи, исключив довольствующихся из общего писарского котла наборщиков типографии штаба, конных вестовых и вольнонаемных служащих в числе около 100 человек, вследствие тесноты кухни и столовой; 4) выдачи чайного и банного довольствия и постельного белья; 5) правильного назначения на дежурства и нестеснения в отпусках в свободное от занятий время. Заведующий командой был смущен, но обещал внимательно рассмотреть эти требования. Затем, 21 ноября, он произвел допрос команды поодиночке, после чего команда была выстроена, и заведующий об'явил ей, что увольнение Третьякова не зависит от него. Затем говорил заведующий хозяйственной частью. Он сказал: „Стеснять отпусками я никого не буду, — можете в неделю хоть два раза ходить удовлетворять свои потребности. Я хорошо сознаю, что вы люди молодые, что вы — не монахи... Но только помните присягу: боже вас спаси, если вы пойдете на митинги: тогда никому пощады не будет". Заведующий хозяйственной частью сообщил при этом, что Третьякову будет положено наказание— пять нарядов по команде, а Прохорову — четыре, с предоставлением жаловаться на Баюкова за побои. Затем прибыл дежурный генерал Тюлин, начавший кричать, что никто, кроме него, не смеет увольнять фельдфебеля: „Этого вольнодумства, я вижу, вы нахватались на митингах. Я все знаю, до меня все слухи доходят. Так знайте—я никого щадить не стану"! Кончилось, однако, тем, что все требования, за исключением первого, генералу пришлось удовлетворить. Далее, примеру писарей последовали также солдаты-наборщики, работающие в типографии штаба, пред'явившие также свои требования. Последние частью уже удовлетворены, и месячное жалованье наборщиков с 1 р. 50 к. увеличено до 4 р. 50 к. („Борьба").

ТЕЛЕГРАММЫ.

Со ст. Русса М.-В. Р. ж. д. получены следующие телеграммы:

С.-Петербург. Управляющему дорогами, копии начальнику движения пути; Русса. — Начальнику 3 участка движения.

Сегодня Берновым распространяется по станции среди населения составленное им провокаторское воззвание „Люди русские, православные", призывающее восстание против поляков, жидов и армян, как врагов России, добивающихся ее гибели. Обращаюсь с просьбой, во избежание могущего произойти погрома станции фанатизированной такими воззваниями толпой и во имя безопасности жизни служащих и семейств их, принять экстренно зависящие меры к прекращению преступной и опасной пропаганды Бернова, который, пользуясь полной безнаказанностью, почти уже месяц ведет ее систематически, неотступно.

С.-Петербург. Управляющему дорог, начальнику движения.

Подтверждая телеграмму инженера Доманского за № 1054—81 о допущении Берновым расклейки провокаторских воззваний, прошу распоряжения, в предупреждение погрома и беспорядков на станции, указать средства к укрощению Бернова. Воззвания, расклеенные на станции, сняты.

Из Гомеля. Вне очереди графу Витте. Копия министру внутренних дел Дурново и министру путей сообщения Немешаеву, Совету Депутатов Рабочих, по всем русским жел. дор. Москва, центральное бюро почтово-телеграфного союза.

Общее собрание служащих Либаво-Ром. требует о немедленном удовлетворении нужд почтово-телеграфных чиновников и служащих, освобождения арестованных. Поддерживаем вполне справедливые требования почтово-телеграфных работников, в случае неудовлетворения таковых не ручаемся за отчеты; серьезные последствия; пока будем задерживать почтовые вагоны с корреспонденцией до получения ответа. О-во служащих ст. Гомель.

Петербург. Университет, проф. Слезкину.

Петровско-разумовская группа академического союза настоятельно просит центральное бюро произвести из средств союза немедленное отчисление в пользу почтово-телеграфного союза, снестись с местными группами по телеграфу. Бюро группы.

По всем станциям российск. жел. дор., передать почтово-телеграфным чиновникам.

Товарищи! Не смущайтесь увольнением нас от службы, об'единим наши силы, в этом победа. Будем бороться до последнего.

Почтово-телегр. чиновники Царства Польского.

РОССИЯ.

Владимир, 29 ноября. — Губернское собрание в виду тяжелого положения деревни решило понизить оценку надельных земель наполовину и из сметы исключить 190.000 рублей дорожных расходов.

Симбирск, 30 ноября.—После продолжительной забастовки сегодня первый день открылись почта и телеграф. В уездах самовольная порубка леса, изредка грабежи и поджоги. Человеческих жертв нет. В городах спокойно, публика привыкает к митингам.

Луга, 30 ноября. — Земские сборы поступают крайне плохо. В случае отказа земству в правительственной ссуде в 100.000 р. придется закрыть некоторые школы и медицинские пункты.

Бердичев, 30 ноября. За последние дни замечается сильное требование вкладов из сберегательных касс и частного банка.

Киев, 30 ноября. — Газета „Киевское Слово" продана Фину за 38.000 р.

Юрьев-Польский, 30 ноября. — Продовольственный капитал разобран почти весь.

Аграрные беспорядки вспыхивают в разных местностях уезда, ограничиваясь рубкой леса и свозом заготовленных дров. Крестьяне своей властью сменяют старшин, выбирают новых и игнорируют земских начальников.

Саратов, 30 ноября. — В селе Дурникине, Балашевского уезда, на сельском сходе, собранном для убеждения крестьян вернуть срубленный и расхищенный у соседнего помещика лес, внезапно раздался выстрел, которым убита лошадь под начальником казачьего раз'езда, командированного для содействия при обысках и возвращении похищенного. Раз'езд произвел по толпе залп: убито 4, ранено 10 крестьян. Для расследования происшествия немедленно прибыл генерал-ад'ютант Максимович вместе с губернатором. По убитым в присутствии прибывших властей отслужена торжественно панихида. В тот же день отслужен молебен с многолетием государю. Похищенное возвращено крестьянами добровольно. Семьям убитых генерал Максимович назначил от имени государя пособие. Начато судебное расследование происшествия.

Москва, 30 ноября. — Вчера вечером на станции Перово Московско-Казанской жел. дор. произошла форменная стычка между 50 вооруженными грабителями и сторожами станции. Перестрелка продолжалась 2 часа. Сторожа отступили. Разграблено более 40 вагонов. Грабители скрылись, когда из Москвы подоспела в поезде рота солдат.

Волковышки, 29 ноября. — Разбиты гминные управления в селениях Кетурвлоках и Новиниках. В последнем сожжены дела, книги и документы.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Берлин, 29 ноября (12 декабря). По инициативе профессоров Гарнака и Бергмана, вчера в прусской палате депутатов состоялось совещание по вопросу об оказании помощи немцам, пострадавшим вследствие беспорядков в России.

Вена, 28 ноября (11 декабря). Отвечая на дальнейшие запросы в палате депутатов, министр-президент заявил, что Порта в принципе приняла проект введения финансового контроля в Македонии, но реформы до сих пор не проведены в жизнь.

В заседании Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов.

В порядке дня были поставлены следующие вопросы:

1) о московском рабочем с'езде;

2) о представительстве партии в С. Р. Д. и в Исполнит. Комитете;

3) о предоставлении Исп. К-ту права на издание от имени С. Р. Д. листков, воззваний и пр. в случаях неотложных;

4) о комиссии о безработных;

5) обращение 15 рабочих из инструментальной мастерской к Исп. К-ту за помощью для устройства кооператива;

6) о доставке сведений в газеты и телеграфные бюро;

7) о предложении президиума призвать пролетариат к устройству сборов в пользу жертв русского царизма в казармах;

8) упорядочение сношений Исп. К-та с отдельными делегатами;

9) упорядочение сношений с провинцией;

10) юридическая консультация при С. Р. Д.

Пользуясь тем, что с'езд в Москве отложен до конца декабря, Исп. К-т снял с очереди дня первый пункт.

№ 1. Перед рассмотрением вопросов, поставленных в порядке дня, были прочитаны следующие документы.

В Рабочее Правление.

С.-Петербург, казака Полтавской губ., жителя местечка Яготина, Якова Григорьева Зубенка

Прошение.

Лучшие годы моей жизни, молодость я провел на службе в Яготинском имении князей Н. В. и Вл. Н. Репниных, в должности счетчика-конторщика, всего 28 лет, за что имею аттестацию; сего года, 22 октября, я уволен от занимаемой должности князем В. Н. Репниным без всяких причин...

Оставшись теперь без всяких средств к существованию с 8 душами неспособного к труду семейства, больной, я обращаюсь к Правлению, покорнейше прошу не отказать подать руку помощи в несчастном положении, повлиять на князей Репниных в выдаче мне вспомоществования и, если возможно, предоставить мне какое-нибудь канцелярское место...

Постановлено ознакомить Сов. Раб. Деп. с этим документом.

№ 2. Городское открытое письмо о помощи жене без вести пропавшего товарища с фабрики Хаймовича — постановлено передать заявление в комиссию о безработных.

№ 3. Проект устройства восстания, предложенный неизвестным. Исп. Комит. за последнее время получает значительное количество предложений подобного рода; Исп. Ком. не входит в их рассмотрение.

№ 4. Читается след. письмо от товарища-делегата, посланного Исп. К-том по России.

„Дорогие товарищи! Из Москвы поехал в Киев; в Киеве застал всеобщую забастовку; сейчас же было введено военное положение, что помешало киевлянам созвать Сов. Раб. Депутатов, потому пришлось с моей миссией выступить в расширенном Исполн. Бюро. Вынесена резолюция о полном согласии с постановлением Пет. Сов. Раб. Депут. Сборов в пользу рабочих нельзя пока установить из-за всеобщей забастовки в Киеве. Затем был в Одессе; здесь в Сов. Деп. выступил с нашим предложением. Была вынесена резолюция о согласии с нашими постановлениями".

Делается заявление о спорной делегации в И. К. и в С. Р. Д. товарища от электрических осветительных предприятий. Исп. Ком. предлагает обсудить этот вопрос в районе и выработанный ответ предложить в заседании Сов. Раб. Деп.

По вопросу о представительстве партий постановлено оставить в силе старое решение, т. е. в заседаниях Исп. Ком. как и в Сов. Раб. Деп. участвуют с правом совещательного голоса: по 2 представ. от фракции б-ва и м-ва, 2 представителя от партии с.-р., по 2 представителя от центральных учреждений партии соц.-демократов и партии соц.-революционеров, по 1 представителю от Бунда и P. P. S. Итого 14 чел.

Признано желательным в интересах дела, чтобы представители от партий по возможности были постоянными членами заседаний. За президиумом (председательское бюро) остается право приглашения по специальным вопросам лиц, намеченных президиумом.

По вопросу о представительстве партий в заседаниях С. Р. Д. остается в силе прежнее постановление, т. е. партиям предоставляется право:

1) на присутствие по 10 членов с совещательным голосом (всего 30 чел. — 10 от фракции б-ва, 10 от фракции м-ва и 10 от партии с.-р.);

2) на присутствие по 25 агитаторов (от б-ва, м-ва и с.-р.) без права голоса.

Постановлено: 1) учредить строжайший контроль, передать именные списки, как делегатов, так и агитаторов всех районов, контролю; 2) как в Исполнительном Комитете, так и в Совете Рабочих Депутатов никто из посторонних не имеет права присутствовать; 3) выделить президиум; члены президиума присутствуют в Исполнительном Комитете не как представители партий, заводов и союзов — партии, заводы и союзы, члены которых входят в состав президиума, делегируют новых представителей в Исполнительный Комитет. Понятно, возник вопрос относительно представительства союзов в Исполнительном Комитете и Совете Рабочих Депутатов.

Постановлено: союзы, имеющие в своем составе 1.000 человек, имеют право на представительство в Сов. Раб. Депут. от каждых 500 чел. — 1 делегат, в Исп. К-те все союзы представлены 1 делегатом с правом решающего голоса.

В экстренных случаях делегаты имеют право поручить свое представительство заместителям-кандидатам.

Вопрос о представительстве ж. д. Предложено железнодорожным союзом выработать нормы представительства и передать на обсуждение следующего заседания И. К.

Относительно почтово-телеграфного союза постановлено: пока оставить на старых условиях.

По 3 пункту постановлено: предложить Совету Рабочих Депутатов оставить за Исполнительным Комитетом право, в случаях неотложных, выпускать от имени С. Р. Д. листки, воззвания и пр. ко всем слоям населения, без призыва к определенным действиям, под контролем редакционной группы Исполнительного Комитета.

По 4 пункту решено предоставить вопрос о решении взаимоотношений между центральным бюро комиссии о безработных и районным бюро той же комиссии этим обоим учреждениям. Взаимоотношения между Исп. К-том и комиссией о безработных остаются старые, т. е. в комиссии о безработных участвуют 3 представителя от И. К. В виду того, что двое из представителей не имеют возможности участвовать в ком. о безработных от И. К., постановлено заменить их представительство представительством 2 вновь избранных товарищей.

По 5 пункту постановлено: рассмотрев просьбу 15 рабочих инструментальной мастерской военно-врачебных заготовлений, Исполнительный Комитет пришел к заключению, что кооперативная мастерская, устроенная рабочими, доход с которой они хотят обращать в свою пользу, не может быть поддержана представителями рабочего класса, так как рабочие, устраивая мастерскую на таких началах, неизбежно сами превратятся в эксплоататоров. Поэтому предложение рабочих отклонено.

Рассмотрение др. вопросов отложено до след. заседания.

От редакции: Печатаемой ниже статьей тов. И. Б. мы открываем дискуссию по вопросу о реорганизации учреждений нашей партии в связи с изменившимися условиями ее политической борьбы. Вопрос этот приобретает громадное практическое значение не только для Петербурга, но и для всей России. В этой дискуссии редакция предоставляет авторам свободу мнений, откладывая на некоторое время помещение статьи, выражающей ее собственные взгляды на организационный вопрос.

Из партийной жизни.

К проекту переустройства местной организации.

На-днях состоится междурайонное собрание обеих фракций, в котором будет рассматриваться проект устава нашей организации, составленный Организационным Комитетом.

Хорошо понимая необходимо-компромиссный характер проекта, я, тем не менее, думаю, что можно было бы найти иную платформу для соглашения, что можно было бы найти иные нормы, нормы более жизненные, более приспособленные к условиям настоящего переходного момента, с одной стороны, и, тем не менее, привлекающие более широкие круги рабочих соц.-демократов к активной партийной деятельности — с другой.

Согласно проекту, немногочисленный (не свыше 25 челов.) Районный Комитет избирается районным собранием, т. е. собранием всех социал-демократов данного района.

Для всякого очевидно, что как бы мало членов партии у нас ни было в составе этих районн. собраний, тем не менее уже сейчас должны входить многие сотни, а пожалуй и тысячи лиц. А ведь через две недели число членов нашей партии может и должно удвоиться.

Петербургская же полиция, хорошо уяснившая себе смысл и значение манифеста 17 октября, за последнее время препятствует устройству даже таких ничтожных (сравнительно) собраний, которые мы созываем в наших штабах.

Через месяц должен состояться общепартийный с'езд, который выработает общий устав партии, а, след., настоящий устав будет иметь силу, как это неоднократно указывалось в комиссии, лишь на очень непродолжительное время, почему и не было нужды класть в основу районной организации собрания, возможность устройства которых более чем сомнительна. Кроме того, несомненно, что, благодаря непривычке к обсуждению партийных вопросов у широких слоев рабочих социал-демократов, благодаря их полному незнакомству еще друг с другом и с активными партийными работниками, первые собрания по необходимости будут носить чисто совещательный характер. Да и сама комиссия несомненно сознавала это, постановляя, что „как временная мера, в случае технической невозможности организовать такие выборы (т. е. в районных собраниях. *И. Б.*), голосование... производится по подрайонным собраниям“.

Припомним еще, что „крупные заводы и фабрики приравниваются подрайону“ (§ 2), и увидим, что эти дополнения-поправки, вынужденные жизнью, свидетельствуют о том, что комиссия сама не верит в возможность создания в ближайшее время такой широкой базы, как районное собрание. Один довод есть за внесение в устав пунктов, выражающих не столько конкретные возможности, сколько наши пожелания. „Нужно дать лозунг стремиться к созданию широких организаций, б. м. будущих избирательных округов“. Это верно, но, 1) лозунги вовсе не обязательно давать именно в уставе, а 2) я боюсь, как бы такое постановление не привело к весьма нежелательному результату, а именно к затруднению рабочим доступа в партию, что облегчало бы устройство собраний всех соц.-демократов.

Мы ведь еще далеко не отделались от представления о члене партии, как активном революционере. Вообще я думаю, что то решение поскорее растворить наши естественно сложившиеся заводские организации в более широких, районных и подрайонных, которое ясно сквозит в уставе, лишь терпящем заводские собрания, — несколько преждевременно. „Свобода“ наша весьма сомнительного свойства; профессиональных организаций, могущих взять на себя целый ряд задач, выполняемых теперь партийными заводскими организациями, как, напр., устройство библиотек, еще мало, вербовка членов в партию производится преимущественно по заводам... Об'единению нескольких заводов в один подрайон часто будут препятствовать как отсутствие естественной связи между заводами, так и само по себе многочисленное заводское собрание.

Перехожу к составу Районных и Петербургского Комитетов.

Принцип, положенный в основу, есть след.: каждое выборное учреждение является руководящим по отношению к избравшей его коллегии.

Этот принцип обратен тому, на котором построен, напр., Совет Раб. Депутатов и который руководящим коллективом делает более или менее многочисленное „собрание“, избирающее для выполнения текущей работы Исполнительную Комиссию, подотчетную собранию.

Указанный принцип несколько ограничен тем, что избирающее собрание не только обсуждает вопросы, не только заслушивает отчет, но и „выносит постановления для руководства Комитета“.

По отношению к Районным Комитетам ясно, что именно у них, а не у собрания, будет находиться в руках все руководство. Районные собрания пока нет возможности собирать, след. контролировать деятельность Районного Комитета и „выносить для его руководства постановления“ придется в целом ряде неодновременно собирающихся заводских и подрайонных собраний. Эта раздробленность избирающих коллегий дает Комитету возможность быть полным хозяином в районе. „Число членов в Районном Комитете не свыше 25 чел.“ (§ 6).

Такой Районный Комитет будет, конечно, не только руководить, но и вести всю ответственную работу в районе, поэтому он по необходимости должен будет состоять в значительной своей части из членов старых Районных Комитетов, т. е. профессионалов. Это необходимо ведет к тому, что он будет так же оторван от жизни, так же мало осведомлен, а след. и так же мало будет способен являться руководителем, как и теперешние Районные Комитеты. Если же в Районный Комитет будут избраны почти сплошь рабочие с заводов (конечно, и в этом случае многие заводы останутся без представительства), то им все равно придется приглашать на свои собрания профессионалов (рабочих и интеллигентов) — все равно несущих на себе фактически всю массу работы в районе.

Мой план таков: Районный Комитет состоит из 60—70—80 человек. Такая коллегия будет часто собираться и может быть собрана в любой момент. Она состоит почти сплошь из рабочих с заводов и фабрик, при чем составлена так, что в ней соберется действительно весь цвет активного и сознательного пролетариата района.

Выбрав соответствующую (это не трудно) систему выборов, мы должны достигнуть того, чтобы в Районном Комитете были представители почти от всех фабрик и заводов района в числе, соответствующем роли данного завода в соц.-демократической жизни района. Такая, регулярно выбирающаяся, конечно, прямыми выборами, коллегия близка к массе, пользуется ее полным доверием, работоспособна, все знает и все может своевременно решить и сделать.

Коллегии пропагандистов и агитаторов могут иметь в таком Р. К-те одного-двух-трех своих представителей. Этот Районный К-т выбирает (не только из своего состава, конечно) Исполнительную Комиссию человек из 10—12, которая и возьмет на себя всю массу технической работы. Разделение, так сказать, законодательной и исполнительной власти упорядочит работу и сделает заседания более плодотворными. Создав такую коллегию Р. К-та, мы сразу втягиваем в партийную активную работу все лучшие силы сознательного пролетариата, а через них втягиваем в партийную жизнь и широкие массы рабочих социал-демократов.

Но эта масса останется равнодушной к партии, если проектированный Комитетом немногочисленный и, необходимо, полуинтеллигентский Р. К. будет созывать для дачи отчета и обсуждения вопросов заводские и подрайонные собрания. Сознание же того, что „по требованию 1/3 членов районного собрания (это при целом десятке несвязанных между собой заводских и подрайонных собраний?) Р. К-т должен быть переизбран, есть весьма слабая связь между избирателями и Р. К-том.

Перехожу к общегородскому К-ту. Согласно проекту, он состоит из 30 человек, выбираемых на общем собрании всех Районных К-тов. К этому его составу приложимо все то, что я сказал о Районных Комитетах, плюс еще одно: по проекту

П. К-т выбирается двухстепенною подачею голосов. Я предлагаю: коллегия П. К-та состоит из 60—70—80 лиц, выбираемых порайонно прямою подачею голосов.

Технически дело я предлагаю устроить так. Число представителей, падающее на долю каждого района, определяется заранее сообразно числу организованных рабочих. В среднем оно будет равно 10 чел. на район.

Общий список кандидатов в П. К. со всего района проводится по всем подрайонным собраниям тем же порядком, который комиссия установила для выбора в Р. К-т. Выбранными считаются лица, получившие наибольшее число голосов, полученное по суммировании результатов голосования во всех подрайонах.

В моем плане есть только один недостаток — это районное представительство. Но этот недостаток, конечно, не может и в сравнение итти с двухстепенною подачею голосов.

По сравнению с составом Районных Комитетов, Петербургский Комитет (по моему плану) будет, наверное, иметь в своей среде много профессионалов, но много и товарищей с заводов. Профессионалы же будут как раз те, которые, активно работая в рабочей массе, живя ее жизнью, более других призваны руководить социал-демократическим движением в городе.

Существование и при Петербургском Комитете Исполнительной Комиссии, ведущей текущую работу, дает всем членам Петербургского Комитета возможность сознательно и внимательно относиться к своим серьезным и ответственным обязанностям.

30-ти же головый Петербургский Комитет слишком уже компромиссен.

Как и теперешний, он будет оторван от жизни, не осведомлен о положении дел, двухстепенные выборы не гарантируют ему доверия массы. Завзленный практическою работою, он будет плохим руководителем и т. д.

Часто указывают на неработоспособность больших коллегий, называют их „долгими парламентами“ и т. д. Но существование и деятельность Совета Рабочих Депутатов опровергают это возражение. Он дееспособен в составе 300 и больше человек, а я предлагаю всего 60—80.

Дело не в количестве членов, а 1) в их качестве и 2) в тех условиях, в которых они работают, в тех функциях, которые они несут. Я предлагаю радикально обновить состав наших, уже достаточно скомпрометированных коллегий и, отделивши власть законодательную от исполнительной, поставить деятельность новых учреждений в нормальные рамки.

Мой план обеспечивает тесную связь Районных Комитетов с Петербургским Комитетом и делает совершенно излишним параграф устава, гласящий: „всякое высшее учреждение может делегировать в каждое низшее своего представителя“... немножко пахнущий „добрым, старым временем“.

Недостаток времени не позволяет мне развить положительную сторону проекта. А она велика и важна. Важнее же всего, конечно, единая организация, которая, об'единивши наши силы, поможет петербургскому пролетариату легче и скорее осуществить те колоссальные задачи, которые ставит перед ними наша революция.

И. И. Б.

— В понедельник, 28 ноября, состоялось собрание студенческой социал-демократической группы при лесном институте. Обсуждался вопрос о слиянии фракции „большинства“ и „меньшинства“. После обмена мнений вопрос был решен в пользу слияния, и приступили к выбору членов в социал-демократическое бюро. 30 ноября, в 3 часа дня, назначена сходка студентов лесного института в студенческой столовой.

Выборгский район.

23 ноября.

Известие о грандиозных событиях, происходящих на юге, постановление Испол. Ком. о „расплате“ и радостная весть об об'единении партии привели товарищей Выборгского района к решению устроить в этот день митинги в целом ряде заводов. На экстренном предварительном собрании агитаторов — „бывших“ большевиков и меньшевиков—был выработан проект речей:

1) Значение и сила пролетариата в русской революции: a) завоевания пролетариата (октябрьские дни), b) движение захватывает все слои (войско), c) влияние движения на общ. жизнь (падение ренты и проч.), d) постановление Исполнит. Ком.

2) Значение и характер будущей политической забастовки.

3) Международный характер русской революции. (Факты о Германии [Дрезден], Англии, Австрии и проч.).

Митинги состоялись на заводах Растеряева, Парвиайнен, Лесснер (2 завода), ящичном.

По окончании митинга на Растеряевском заводе, прошедшего с большим воодушевлением, рабочие двинулись громадной толпой с красным знаменем и с пением революционных песен вплоть до Безбородкинского проспекта.

Товарищи, собравшиеся на ночную работу, приветствовали шедших из окна криками, махая руками и фуражками.

Настроение было восторженное и передалось даже шедшим на тротуарах обывателям, некоторые из которых присоединились к толпе.

Воззвание партийных техников.

Товарищи!

Изменившиеся условия революционной борьбы, упразднившие подпольную технику, оставили не у дел товарищей, работавших в этой области. Все они желали бы посвятить свои силы делу Партии. Свою готовность отдать лучшие силы делу Партии многие из них уже доказали (так, некоторые товарищи сидели в тюрьме уже по два раза). Некоторые из них, имея достаточный запас теоретических знаний, слишком неопытны, чтобы приступить к делу пропаганды. Другие же, посвятив себя исключительно технике, не имели возможности пополнить пробелы в теории. Как те, так и другие нуждаются в руководстве опытных товарищей. Мы просим товарищей организовать занятия на широких началах с помощью руководителей. В номере первом „Начала“ товарищи сами указывают на задачу Партии: „Громадную умственную и революционную энергию, накопившуюся в этой среде (интеллигенции), использовать в рядах социал-демократической партии“.

Итак, долг товарищей помочь нашей готовности стать полезными для Партии и утилизировать наши силы.

Для выяснения этого вопроса мы полагали бы необходимым устроить общее собрание товарищей-техников. Товарищи-техники! посылайте свои заявления в редакцию.

Группа техников.

В комитете об'единенной организации высш. учебн. зав. при П. К. Р. С.-Д. Р. П.

Выяснилось, что § 3 проекта устава, выработанного Организационным Комитетом, вызывает различные толкования фразой: „все ведущие с.-д. работу в подрайоне или на заводе“. По мнению членов К. О. О, эта фраза дает возможность распространить ее содержание и на „ведущих с.-д. работу в подрайоне или на заводе“, но не удовлетворяющих § 1 устава.

Поэтому признана более удачной такая редакция этого параграфа: „§ 3. В состав заводского и подрайонного собрания входят все члены (см. § 1) организаций данного завода или подрайона“.

Соответственно такому изменению, и § 5 устава признано редактировать в более ясной, по мнению собрания, форме:

„§ 5. В состав районного собрания входят все члены организаций данного района“.

В § 7 возбуждает недоумение фраза: „по требованию трети членов районного собрания Р. К. должен быть переизбран“.

Если Р. К. избирается простым большинством, то во всякий момент по избрании может существовать треть собрания, недовольная составом Р. К. Поэтому было бы целесообразнее редактировать это место § 7 так: „по требованию трети районного собрания может быть поднят вопрос о переизбрании Р. К., и, в случае признания районным собранием солидности мотивов для переизбрания, таковое должно состояться“. Были сделаны еще кое-какие поправки, которые будут внесены при обсуждении проекта устава на междурайонном собрании.

В армии.

Преображенский полк.

В Преображенском полку начальство „старается". Оно все еще верит, что меры „предупреждения и пресечения" достаточны для того, чтобы искоренить дух „крамолы". Однако, времена изменились, и в настоящее время солдаты, в которых сознание своих гражданских обязанностей все ярче и ярче проявляется, преподносят начальству довольно неожиданные сюрпризы. В последнее время в полку начальство занялось особенно ретиво „изгнанием" газет. Чтение их об'явлено „преступлением", и солдаты, замеченные в этом занятии, исчезают неизвестно куда. Этот „мирный" прием начальства вызвал, однако, среди солдат глубокое недовольство, и 29 ноября 4 батальон отказался нести караульную службу.

Попутно с этим солдаты решили добиться изменения „отношений" офицеров к нижним чинам. Для первого раза они пред'явили, в числе других требований, требование об увольнении пяти офицеров. К забастовавшему батальону присоединились 9 и 10 роты.

Патроны отобраны, но винтовки оставлены.

Мы, нижние чины 111 пехотного Донского полка, ср. службы 1901 и 1902 годов, в числе 175 человек, собравшиеся для обсуждения своих житейских интересов, принуждены довести до сведения тех лиц, коих касается, нижеследующее.

Четвертый месяц наступил со дня заключения мирного договора с Японией, и на полях далекой Манджурии покоится прах наших родных братьев, родственников, товарищей и знакомых, положивших живот свой за царя и родину. Те из них, которые остались в живых, являются на родину нередко ранеными, изувеченными и совершенно неспособными к труду, где в глухих своих деревушках остаются без всякого почти покровительства начальства. Плач и негодование родителей, жен и детей убитых и изувеченных поражает и наши сердца. Что касается и нас, задержанных на службе нижних чинов, то правительство обыкновенно не сознает деревенскую нищету и не слышит вопли наших изнеможенных и убитых нищетой родителей и тем не заботится об увольнении нас в запас армии. Несмотря на то, что в нашем полку людей в достаточном количестве хватает для несения службы, кроме задержанных, начальство спит. Слышим мы только одни обещания с августа месяца 1904 года, повторяемые неоднократно и с течением времени изменяемые. Начальство нам приневерилось, да и нельзя ему верить, так как не держит в точности данное слово, а постоянно изменяет его, основываясь на разных обстоятельствах. Планы нашей жизни прорваны, а у некоторых даже цели жизни в достижении к лучшему сделались недоступными по случаю долгой службы и уплыва молодых лет. У нас, в России, службы действительной больше, чем в соседних нам государствах, но правительство тем еще не удовлетворилось и не может расстаться с несчастною жертвою, раз попавши в свою пасть. Родители наши крайне разорились, высылая нам последние гроши и нуждаясь в нашей помощи. Среди всеобщего негодования задержанных последовало распоряжение штаба округа об увольнении нижних чинов срока службы 1901 года—1 февраля 1906 года, с 1902 года по постановлении в строй молодых солдат. Между тем в распоряжении ничего не упомянуто относительно нижних чинов, служащих на сокращенных сроках службы по образованию. Права по образованию когда-то были, но в настоящее время, как видно, что все сгнили. Все откладывается на потом, что можно сделать сейчас. Такой поступок начальства обостряет большую только ненависть к себе, которой в настоящее время и так не мало напитаны. Довольно считать солдата беспонятным, довольно пить его кровь, довольно угнетать его, довольно слез и плача, как по покойнику, родителей, отправляющих своего сына на службу. Да здравствует Государственная Дума, да здравствуют ее новые порядки, где не будет столько слез, ни плача, ни такого ужасного эгоизма начальства, которое само сыто, а голодному не верит.

Просим прочих гг. Редакторов не отказать перепечатать в своих газетах.

С почтением 175 чел. Подписываться боимся из-за опасности наказания.

26 ноября 1905 г.
г. Мариамполь.

Артиллерия. Царские холопы-командиры прибегают к самым разнообразным средствам, чтоб внушить солдатам мысль о том, что они не все равны. Какое, мол, дело, напр., канониру до старшего фейерверкера! В „преданной" царю и отечеству гвардейской артиллерии, куда в последнее время проник дух недовольства, один командир батареи изобрел следующую табель для увольнения со двора: канониру разрешается уходить до 10 ч. в., бомбардиру до 11 час., мл. фейерверкеру до 12 ч., стар. фейерверкеру до 1 ч. ночи.

Разделяй и властвуй! Но эту не особенно хитрую механику понимают даже несознательные солдаты. Это не пройдет, командиры-опричники! Прочь!

Лавры флигель-ад'ютанта полк. Мина не дают покоя командирам некоторых частей гвардейской стрелковой артиллерийской дивизии. Один из них, шт.-кап. Х., перед своей частью произнес речь, в которой, указав на восстание солдат в Севастополе, Киеве и др. местах и на возможность такового в Петербурге, призывал стрелять, если потребуется даже в своих товарищей. Речь свою он закончил, конечно, „ура". Слабое, жиденькое „ура!" было ему ответом. После ухода командира солдаты обсуждали между собой его речь.

„Масла подливаешь! Ишь что — стрелять! Сам будешь расхлебывать!" — говорили солдаты.

Польские газеты сообщают, что в Острогожске состоялся многочисленный солдатский митинг, на котором произносились революционные речи и выставлялись требования освобождения солдат от исполнения полицейских функций. После митинга солдаты отправились на гауптвахту и освободили арестованных.

Доблестный генерал в роли наставника.

Генерал-майор Преско, 12 ноября, прибыл в лагерь Усть-Ижоры с целью проститься с увольняемыми в запас нижними чинами восточной сибирской телеграфной роты.

После обычных приветствий, собрав вокруг себя солдат, доблестный генерал обратился к ним со следующими словами:

„Вот вы теперь уходите в запас в настоящее смутное время, вы, конечно, знаете, что государь дал большие вольности, очень большую и большую свободу. Мы только должны его благодарить и благодарить. Но в настоящее время вместо того, чтобы оставаться благодарным государю, народ приходит в смятение. Кто же виноват этому смятению? Жиды и поляки! Они-то бунтуют, они подстрекают к бунту. Чего же они хотят? Россией править! Желаете ли вы, чтобы Россией правил какой-нибудь Гинсбург и Пженшлиский?! Нет! нет! Они бы то угнетали и разоряли народ! Народ этого не желает. Если примыкают русские к бунту, забастовкам, то это лишь мастеровые, которые только сидят в трактире за бутылкою пива. А вот что теперь творится в деревне. Мне недавно рассказывал знакомый помещик, приехавший из провинции. Крестьяне кричат: «Отпустите к нам царя, которого держит какая-то Государственная Дума и ни о чем слушать не хочет».

„Вы держите себя в стороне от смуты для блага России, увещевайте, уговаривайте, удерживайте. Вы помнить должны, что не распространяются свободы манифеста на военных".

Прослушав достопримечательную речь генерала, солдаты, вернувшись в казарму, подшучивали и высмеивали эти знаменитые изречения. Роль наставника потерпела поражение.

Из недавнего прошлого. Накануне отправки матросов 14 экипажа в Кронштадт разыгралась следующая сценка. В помещение экипажа хотел проникнуть офицер-командир, но часовой преградил ему вход. „Не имею права,—заявил он,—пропустить вас без разрешения выбранного командира". Угрозы и крики офицера не произвели на часового никакого действия. В это время правительственный командир получил от выбранной экипажем команды, заседавшей в канцелярии, приглашение явиться туда для переговоров. Офицер хватает себя за голову и патетически кричит: „Как, как вы говорите, от какой команды, что это значит?" Однако, отправился. „От имени всего экипажа об'являю вам, что вы отстранены от командования им, и

вместо вас я избран временным командиром экипажа, — заявляет матрос".—„Ах, вот как, — заявляет растерявшийся офицер, — я этого не знал. Извините!" При полном безмолвии окружающих, правительственный командир покинул здание экипажа.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— Студенты университета, живущие в коллегии Александра II, обсуждали вопрос о добровольце из их среды Волковиче, разносившем почту. Волкович заявил, что принадлежит к партии правового порядка и, как убежденный ее член, считает своим „долгом" работать на почтамте во время забастовки. „Государство в опасности, необходимо успокоение" — и Волкович „сожалеет, что ему пришлось мало поработать". Собрание единогласно решило выразить Волковичу порицание и об'явить ему самый строгий бойкот. „Доброволец" в тот же день убрался из коллегии.

По вопросу о приеме корреспонденции, которую приносят в коллегию, решено изгонять всех добровольцев и почты не принимать до окончания забастовки.

— На заседании совета старост спб. университета 24 ноября было прочитано письмо одного из неприбывших товарищей-старост на имя председателя совета Замятина. Содержание письма таково: „Уважаемый товарищ, события последнего времени, в частности постановления московского с'езда земских и городских деятелей, вызванная ими переоценка своих воззрений на социальную роль интеллигенции и внимательное изучение социалистических теорий привели меня к убеждению в невозможности принимать участие в революционной борьбе под знаменем иной партии, нежели социал-демократическая, и заставили выйти из числа членов студенческой конституционно-демократической партии. Будучи избран в старосты юридического факультета по списку той партии и потому не считая себя более в праве нести обязанности старосты, уведомляю вас о своем выходе из числа членов совета старост.

С сов. почт." (подпись).

Этот поступок товарища был встречен аплодисментами со стороны старост-социал-демократов.

В 5 гимназии.

27 ноября в 5 гимназии состоялось собрание родителей старших классов по поводу сходки, назначенной учениками на следующий день. Собрание разбилось на 2 части. Реакционная часть настаивала на недопустимости никаких сходок. „Блестящие" речи по этому поводу говорили инженер Лесников и студент университета Громов, который оказался также в числе „родителей". Последний категорически протестовал против всяких „сходок", которые даже в университете „вредят делу". Блестящие речи и убедительные доводы едва не дали победу гг. реакционерам, и прогрессивной части большинством только против 2 голосов удалось провести резолюцию о желательности сходок. Использовав „благородные" приемы борьбы, гг. реакционеры решились на последнее уже „неблагородное" средство — попытались сорвать собрание, но им не удалось и это.

28 ноября состоялась сходка учеников (пришло 160 ч.). Было постановлено не признавать за „родительскими" собраниями решающего для учеников значения, не отступаться перед „начальством" от своих прежних требований. Так как на одного из товарищей пало подозрение в штрейкбрехерстве во время почтамтской забастовки, то для точного расследования этого вопроса была выбрана комиссия из нескольких товарищей. Настроение у собравшихся было чрезвычайно приподнятое: во время перерывов и по окончании пелась: „марсельеза", „варшавянка" и пр.

— В учительский институт по выбору воспитанников ревизором „дела о февральской забастовке" назначен академик Ольденбург. Воспитанники условием прекращения академической забастовки ставят удовлетворение их минимальных требований, изложенных в 7 пунктах: возвращения всех исключенных за политические убеждения, за забастовку, уничтожение интерната и пр.

— Родительский кружок Введенской гимназии обсуждал вчера в Соляном Городке два вопроса: 1) о закрытии гимназии (решено открыть ее в четверг) и 2) об участии родителей в педагогическом совете (решено послать депутацию). Характерно отношение кружка к свободе слова и к деятельности казацких орд. Говорить о продолжении забастовки учеников никому не позволялось; что же касается казаков, то оказывается, что, по мнению кружка, эти доблестные воины „бьют только тех, кого нужно".

Постановление совета старост 5 Спб. гимназии.

Выражая свое негодование по поводу акта возмутительного насилия администрации училища принца Ольденбургского (увольнение 4 товарищей за пред'явление к администрации академических требований), совет старост требует немедленного возвращения исключенных товарищей. Не имея возможности забастовать во имя протеста и солидарности с другими товарищами (гимназия закрыта педагогическим советом), 5 гимназия выражает свое сочувствие пострадавшим товарищам и солидарность забастовавшим.

Хроника.

— Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов опять помещается на Торговой ул., д. 25, кв. 2.

— Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов об'являет, что слухи об аресте денег Совета Депутатов неосновательны. Деньги все целы.

— 29 ноября квартира для собраний рабочих Петербургской стороны в четвертый раз подверглась нападению полиции. Около десятка городовых и казаков с винтовками вошли в самую квартиру. Двор был переполнен городовыми, на улице гарцовали казаки.

— Член бюро союза рабочих печатного дела и заведующий хозяйственной частью товарищ Голынский, исчезнувший неизвестно куда с 26 ноября, оказался заключенным в дом предварительного заключения по приказанию жандармского управления.

— „Дятел" так жестоко клюнул правительство, что его тут же и запретили; очевидно он разнился характером от щедринского дятла, который пил запоем и символизировал академию наук, пища двадцать два года генеалогию Лешего (сказка: „Орел Меценат"—русской публике она мало знакома, так как была издана нелегально). Просматривая „покойного Дятла", мы нашли несколько важных об'явлений о потерянных вещах и сбежавших псах и, желая услужить заинтересованным лицам, перепечатываем их: „Сбежал Наместник". Кличка Алексеев. Особые приметы—неприличны. Нашедшего просят доставить в „Народный Суд". „Сбежало чучело из синода, кличка „Пергамент", нашедшего просят хранить находку в тайне.

В виду телеграфной забастовки нам приходится также перепечатать несколько телеграмм, тем более, что они прибыли по беспроволочному телеграфу:

1) Копенгаген: „Здоров ли Коля?" 2) Копенгаген: „Скоро ли выезжаете?" 3) Монте-Карло: „Рулеточный принц монакский предлагает для отдыха от государственных трудов роскошно отделанные помещения для всех отставных монархов. Помещения уже все сняты". Четвертая телеграмма из Берлина нам кажется простым недоразумением, это известная русская пословица: „от хорошей жизни никуда не полетишь" — и здесь знают очень хорошо, что можно летать лишь от двух вещей: от легкомыслия и от... апельсинов.

Остальное больше разговоры о событиях наших дней, и странно, что они не понравились сильным мира сего.

— Обер-прокурор первого департамента сената Добровольский вчера уволил без прошения и. о. помощн. обер-секретаря графа П. М. Толстого за принадлежность его к всероссийскому союзу служащих в правительственных учреждениях.

— Второе издание газеты „Сын От." с 1 ноября переименовывается в „Земля и Воля".

— П. Б. Струве, недавно упрекавший правительство в безнравственности, — с нынешнего дня работает в „чистом“ органе г-на Проппера. Эволюция г. Струве совершается удивительно быстро.

— Государственный банк об'являет, что его конторы и отделения будут взимать по всем учетно-ссудным операциям на полпроцента выше ныне взимаемых.

— Ген.-ад'ютант Клейгельс в свое время на средства нижних чинов полиции выстроил богадельню, которая заполняется чиновниками градоначальства.

Нижние чины недоумевают, почему же с их жалованья делаются вычеты на содержание этой богадельни?

— Победа городовых. Тревожное настроение столичных городовых заставило их начальство пойти на уступки, удовлетворив часть их требований: решено увеличить их жалованье „за усиленные труды“ по 30 коп. в день.

— Прибытие донцов. Третьего дня для усиления охраны столицы прибыло „с берегов тихого Дона“ еще две сотни казаков.

— В ночь с 29 на 30 ноября из многих почтовых ящиков в различных частях города была вынута вся корреспонденция.

— Самоуничтожение русской Бастилии. Заграничные газеты сообщают через Эйдкунен: на-днях произошло восстание в Шлиссельбургской крепости, войска требовали освобождения тех политических заключенных, которые были из'яты из амнистии. Это подготовилось постепенно, — выпущенные шлиссельбуржцы и родственники оставленных в крепости единогласно рассказывали о сочувствии, которое они встретили у гарнизона и местных жителей. Теперь, когда падает весь старый строй, рушатся и его символы.

— Армия пробуждается. В Варшаве началось восстание среди сапер из-за скверной пищи и плохого помещения, они разгромили кухню, перебили окна в казармах; но начальство оказалось скромно, никого не арестовали, боясь вызвать большие беспорядки.

Начинается брожение среди войск, расположенных в Кексгольме. А в Люблине часть солдат Рязанского пехотного полка устроила уличную демонстрацию с красными флагами. Движение в войсках настолько серьезно, что германский посланник поднял перед русским правительством вопрос об охране газовых заводов в Варшаве, которые принадлежат германским подданным.

— В одном из офицерских кружков Петербурга возникла мысль об издании с началом нового года военно-прогрессивной газеты. Газета поставит себе целью возможно полное раскрытие жизни солдата и всецело будет служить интересам обновления армии.

Во главе газеты встанут несколько офицеров, работающих и теперь в повременных изданиях.

Им придется, вероятно, оставить службу, так как, думают, что высшее военное начальство вряд ли помирится с „внутренним“ врагом.

— Нам сообщают, что 600 пограничных солдат на русско-австрийской границе устроили забастовку. Начальство растерялось, граница лишилась „охраны“. Воспользовавшись этим удобным случаем, перенесли 20 пудов оружия в Польшу.

— Министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев занялся составлением сведений о количестве недополученной по случаю забастовок в 1905 г. столичными рабочими против обычной нормы заработной платы. Приблизительный подсчет, сделанный, по поручению министра, фабричным инспектором Литвиновым-Фалинским, дал внушительную цифру.

— Газ. „Самарканд“ пишет, что в Ташкенте много говорят о тяжком обвинении, печатно пред'явленном помощнику военного генерал-губернатора ген. Захарову в том, что он приказал казакам зашить пули в концы нагаек, сопровождая это приказание наставлением не очень жестоко бить гимназистов и гимназисток.

— „Киевские Новости“ приводят следующую справку: согласно последней международной торгово-телеграфной конвенции, Россия, в случае бездействия почт и телеграфов, обязана платить 3—5 миллионов в сутки.

— На-днях выйдет первый номер ежедневной соц.-демократ. газеты „Edasi“ на эстонском языке. Адр. редакции и конторы: Загородный пр., № 1, кв. 4. Подписка принимается от 10—4 ч. дня и 7—9 час. вечера.

— 28 ноября состоялось заседание совета профессоров, на котором проф. Никитин предложил программу для работ по составлению нового устава горного института на началах автономии, предоставленной высшим учебным заведениям временными правилами.

Предложение проф. Никитина принято, и решено поручить детальную разработку отдельных пунктов следующим членам совета:

пр. Никитину (положение по управлению институтом, его правах, целях);

Липину и Курнакову (о преподавателях);

Бауману и Яковлеву (об учащихся); Шредеру, Яковлеву и Асееву (об учебной части);

Никитину (о средствах института).

— Министерством путей сообщения получены с Дальнего Востока, с мест расположения наших манджурских армий, тревожные телеграммы. Служащие на Китайско-Восточной и Сибирской железных дорогах усиленно просят не задерживать угольных поездов, направляемых в Сибирь, так как от этой задержки отсрочивается возвращение войск с войны на родину. Солдаты, узнав, что им придется снова ждать возвращения дни и недели из-за железнодорожных забастовок и отсутствия угля, вследствие тех же забастовок, грозятся, судя по телеграммам, сами расправиться с железнодорожными служащими в случае, если отправление на родину будет задерживаться. Министерство путей сообщения намерено принять все меры, чтобы возвращение войск не задерживалось.

— По министерству внутренних дел, как нам сообщают, по примеру других ведомств, предполагалось за время происходивших в Петербурге забастовок выдать всем низшим служащим, получающим не более 75 рублей, пособие в размере месячного оклада.

Вследствие недовольства служащих с высшим окладом, было решено выдать всем, без исключения, семейным по 25 рублей, и холостым по 20 рублей.

Все это разрешилось в конце концов следующим неожиданным распоряжением. Вместо пособия, все чиновники получили бесплатное разрешение приобрести револьверы Браунинга (обыкновенно за это взимается около 1 руб. 50 коп.) и иметь их постоянно при себе.

— Управлением Николаевской железной дороги получена телеграмма от 27 ноября следующего содержания:

„Вследствие забастовки рабочих на рудниках Семеновск.-Ивановского общества при ст. Ступки и французского и Южно-Русского общества при ст. Деконская, Курско-Харьково-Севастопольская железная дорога с 24 ноября впредь до уведомления о возобновлении работ прекращает погрузку на своих станциях и прием от соседних дорог всех грузов, следующих на пост Пшеничный и станции Ступки, Деконская для сказанных обществ, и слагает ответственность за срочную доставку грузов.

— По слухам, в недалеком будущем в учреждениях государственного контроля делопроизводства и контроля предстоят большие сокращения штатов, и, будто бы, к сокращению в первую очередь подлежит женский персонал служащих.

— В счетоводстве службы пути Николаевской ж. д. одно из начальствующих лиц, г. Скрыдлов, ведет усиленную агитацию против железнодорожных делегатов. Однако, его „черносотенная“ деятельность остается безуспешною.

— Интересное распоряжение. Слишком яркий свет печати режет непривычный глаз судейских чинов. Это и вызвало новое распоряжение. Дело в том, что до сих пор все репортеры имели возможность всегда обращаться в канцелярии судебной палаты с целью ознакомления с обвинительными актами тех дел, которые впоследствии печатались во время их разбора. Теперь же последовало в судебной палате такое распоряжение: „не допускать больше судебных репортеров к ознакомлению с судебными делами“. Очевидно, что повредил манифест, так как до него все шло „тихо да гладко“, а теперь пошли шероховатости.

— Жалоба городовых. 29 ноября поступила жалоба в правительствующий сенат через петербургского градоначальника одного из нижних чинов петербургской полиции Павла Соколова. В жалобе последний просит отменить распоряжение градоначальника об отказе ему, а также и всем остальным нижним чинам петербургской полицейской команды, выдать обратно те сборы, которые взимают с городовых в проектируемую пенсионную кассу, которая, несмотря на 20-летние

проектирования, тем не менее до сих пор не осуществляется. В жалобе еще сопоставляются уставы прочих касс, по которым пенсионные деньги являются принадлежностями только самих вносителей. Намерение же градоначальника в настоящее время изменить характер предполагаемой кассы и сделать ее „кассой пособия“ на случай болезни или смерти, по мнению жалобщика, не основано на законе, так как возникает вопрос: как же отнестись к тем лицам, которые в настоящее время вышли в отставку? Оказывается, что те лица могут причислиться к категории потерявших здоровье, а иногда и жизнь, от долгой службы. Жалоба эта хотя и подана от имени одного лица, но в ней указано, что предлагается отменить распоряжение градоначальника в полном его об‘еме. Вместе с тем необходимо признать все суммы эти подлежащими назначению всем городовым. Таким образом, судьба этой жалобы имеет отношение ко всем нижним чинам полиции петербургской команды. Павел Соколов, как нам передают, на-днях вышел в отставку.

— 30 ноября рабочие Ново-Адмиралтейства пришли на работу к обычному времени, но, в виду возможности наводнения, прекратили работы в 11 часу дня.

— В четверг, 1 декабря, в 8 час. веч., в большой аудитории Педагогического музея (Соляной Городок) состоится публичная лекция А. П. Нечаева по психологии на тему: „Гигиена умственного труда“.

— Покушение с негодными средствами. „Партии прогрессивных паралитиков“ (партии прав. пор.) спокойно не сидится. Вчера ей удалось всеми правдами и неправдами заманить к себе на собрание часть рабочих закрытого Нового Арсенала (на Выб. стор.). „Паралитики“ сообщили, что они уже обращались к ген. Индутному, прося его открыть Арсенал, на что и получили согласие, но при условии, что принимать рабочих будут не сразу, а партиями (т. е. путем „фильтрации“). Партия предлагала рабочим дальнейшее свое посредничество в этом смысле, но после речей с.-д. ораторов собрание категорически отклонило это посредничество и, признав, что закрытие Арсенала является провокаторской попыткой царского правительства вызвать рабочих на улицу, решило вопрос об открытии Арсенала передать на рассмотрение Совета Рабочих Депутатов.

— Лекция Бернацкого. 27 ноября М. В. Бернацкий закончил курс из 8 лекций „Основные моменты современной экономической политики“. Последняя лекция на тему: „Проекты национализации земли“. Лектор, обладая большой эрудицией, в живой и общедоступной форме дал исторический очерк, как поставлен был вопрос о национализации земли в литературе. Потом, перейдя к положению русской деревни и указав, что товарное производство расслоило крестьянское население, что 12% мужчин и 34% женщин пролетаризировано, и что, с другой стороны, народилась крупная крестьянская буржуазия, он провел мысль, что различные части населения деревни различно отнесутся к вопросу о национализации земли. Дальше лектор остановился на том положении, что весь земельный фонд, даже при условии экспроприации частновладельческой, удельной, государственной земли, поверхность которой составляет 63 миллиона десятин, увеличит земельный фонд крестьян только на 33%. Поэтому для того, чтобы поднять благосостояние деревни, необходимо ввести интенсивную обработку земли. Интенсивная обработка требует капиталов. Если земля будет национализирована, то крестьянин, не являясь собственником, не будет иметь кредита. Следовательно, национализация земли требует национализации части капиталов, что при буржуазной форме государства является утопией.

— Певчие церкви Знамения за участие и пение патриотических песен на черносотенном собрании „Союза русского народа“ получили по 5 руб. Дороговато! В Курске по 50 коп.!

— В виду присоединения к Николаевской железной дороге вновь построенной линии С.-Петербург — Вологда, штаты управлений и служб Николаевской железной дороги с 1 января 1906 года будут увеличены на несколько сот человек.

— Управлением Николаевской железной дороги получена телеграмма от 22 ноября следующего содержания:

„Вследствие заявления администрации акционерного общества Сулинского чугуно-плавительного завода о прекращении приема грузов, адресованных названному заводу, юго-восточные дороги с 20 сего ноября прекратили погрузку у себя и прием от соседних дорог всех грузов, адресованных на ст. Сулин для названного завода“.

— На митинге латышей, состоявшемся в Петербурге, принята следующая резолюция:

„С чувством глубокой душевной тревоги мы узнали о том, относительно возможности чего еще так недавно сомневались. Желанная мечта заклятых врагов народной свободы стала неприглядною действительностью. В Лифляндской губернии введено военное положение. Уже летом латышский народ, при первом проявлении стремления его высвободиться из-под тяжести семисотлетнего ига немецких дворян и бюрократического режима, фактически был отдан во власть носителей рыцарской крови: верные друзья реакции выхлопотали для Лифляндской и Курляндской губерний положение усиленной охраны, а потом в Курляндской губернии было введено и военное положение, тогда как немецким дворянам Лифляндской губернии, по вступлении Звегинцева в должность лифляндского губернатора, разрешено было стать во главе казацких шаек в качестве жандармов-добровольцев. Однако, истязания несчастных народных жертв не насытили хищнических инстинктов потомков средневековых грабителей. Многочисленные факты грубейшего надругательства над человеческою личностью лифляндских сельских жителей со стороны слуг полицейского режима и систематическая их травля жандармами-добровольцами, повидимому, были лишь прелюдией к той печальной трагедии, какая, может быть, еще разыграется. Когда революционный дух охватил Россию, прибалтийские бароны и фоны, отчаявшись в возможности отстоять высоты своих средневековых замков, вспомнили о панацее от всех зол— военном положении. Но политика растерявшегося самодержавия породила в них неуверенность в возможности осуществить свой адский замысел по отношению к Лифляндской губернии без об‘явления латышей сепаратистами. Поклонники феодализма и самодержавно-полицейского строя нашли достойного исполнителя своего гнусного предательского плана в лице первенствующего в губернии бюрократа, который уже в телеграмме от 3 ноября утверждал, что латыши стремятся к вооруженному восстанию и основанию самостоятельного государства. В ответ на эту низкую ложь, резко расходящуюся со всеми данными из общественной жизни латышского народа в последнее время, между прочим, последовал энергичный протест со стороны собрания народных учителей. Однако, ложные доносы, а особенно непосредственные сношения главарей прибалтийской рыцарской банды с родною петербургской камарильей, вызвали отдачу Лифляндской губернии во власть царского сатрапа.

„Если мы верим, что уже близок час победы, если всех нас переполняют чувства ужаса и жалости при мысли о неизбежных жертвах новой башибузукской кровожадности, то тем дружнее всех нас об‘единяет одно чувство удвоенной ненависти к смертельным врагам народной свободы и решимость бороться до конца. Мы требуем упразднения военного положения в Лифляндской и Курляндской губ., а равно немедленного удаления от должности лифляндского губернатора Звегинцева, и единодушно выражаем свой решительный протест всем угнетателям народа; но в то же время мы более, чем когда-либо, сознаем необходимость поддержки нашего народа в его борьбе с теми от‘явленными врагами народной свободы, почтенная деятельность идейной и кровной родни которых в мире бюрократических мерзостей и искоренения российской крамолы всем так известна. Поэтому мы обращаемся к русскому обществу, ко всем российским организациям, выступающим под знаменем свободы, в уверенности, что они, отзывчивые на единичные жертвы дикого произвола, окажут поддержку третируемому врагами всеобщей свободы латышскому народу, который во имя лучшего будущего России под знаменем социализма, вместе со всем российским пролетариатом, льет кровь в первых рядах борцов за народ и сеет родную почву могилами мучеников всем нам дорогой свободы.

Группа латышей в Петербурге“.

P. S. Просят перепечатать и другие прогрессивные газеты.

— Во время событий в Севастополе крепость была об‘явлена на военном положении, считая с 13 ноября. Об этом узаконении грубейшего произвола в городе министр Дурново донес сенату лишь через 9 дней после фактического осуществления.

— С 28 октября по 20 ноября с. г. канцелярией с.-петербургского генерал-губернатора выдано 985 заграничных паспортов.

— В Павловском юнкерском училище попечительное начальство приняло все меры к тому, чтобы до юнке-

ров не дошло никакого известия о волнениях в армии. Отпуски почти совершенно запрещены. В последние дни запрещено чтение газет, даже реакционных. Газетчики не допускаются до училища на ружейный выстрел.

— Сообщают, что правительство не падает духом и вооружается. Так, „Русь" передает, что сделан крупный заказ известной оружейной фабрике Браунинга на револьверы системы этой фирмы для вооружения ими полиции и жандармерии. Данный заказ превышает 100.000 штук.

Пожертвования 29 ноября 1905 г.

1) В пользу почтово-телеграфных служащих от группы служащих Обуховского сталелитейного завода 9 р., служащих страх. отд. К° „Надежда" 4 р. 60 к.—Всего 13 р. 60 к., 2) в пользу „потемкинцев" Як. Порховника 2 р., 3) в стачечный фонд служащих страх. отд. К° „Надежда" 90 р. 85 к., 4) в комиссию о безработных Як. Порховника 5 р., приказчиков 2 р., служащих постройки Бологое-Полоцкой ж. д. 12 р. 20 к., служащих правления т-ва „Нефть" 20 р. 10 к., В. 5 р., служащих акц. общ. „Гвоздь" 57 р., наборщиков газеты „Русь" 39 р., собрано на митинге в народн. доме Лефорта 6 р. 55 к., кавказца А. С. Р. 1 р., поручика запаса Молчанского 10 р., мастеровых и рабочих мастерской эфира Охт. порох. зав. 6 р. 20 к., Гирша Когоновича 1 р., П. А. Л. 10 р., лесничего Н. А. Ширского 5 р., М. Е. Зайцевой 1 р.—Итого 181 р. 5 к.—Всего за 29 ноября 287 р. 50 к.

К почтово-телеграфной забастовке.

На центральном почтамте работа производится переодетыми городовыми, сыщиками и штрейкбрехерами. Большинство ящиков переполнены. Беспорядок небывалый. На телеграфной станции телеграммы принимаются только срочные. Телеграммы укладываются в пакеты и отправляются не по телеграфу, а нарочными. Помощник делопроизводителя городского телеграфа г. Бондаренко едет уж пятый раз со срочными телеграммами. Почтово-телеграфных отделений насчитывается в Петербурге 57, из них работают всего 8. Вместо уволенных 300 человек принято много женщин без всякой подготовки. Почтальоны почти все уволены. Некоторых служащих принимают обратно с вычетом за дни забастовки.

— 29 ноября собрание полотеров (до 3.000 человек) единогласно постановило забастовать в виду того, что их настойчивые, неоднократные требования оставлялись предпринимателями без удовлетворения. 30 ноября группа полотеров, человек 200, снимала с работы товарищей, или не знавших о забастовке, или отказывавшихся бастовать.

В примирительной камере.

Рабочие государственной типографии пред'явили к генералу Чунихину требование уплатить за все время октябрьской забастовки, угрожая в противном случае 23/XI начать забастовку с 12 ч. дня. Генерал утром не впустил рабочих в типографию. Тогда началась новая забастовка, приведшая ген. Чунихина в примирительную камеру рабоч. печатного дела. Примирительная камера состоит из 3 представителей от рабочих: Афоничев, Боркин, Симановский и 3 владельцев типографий И. Эфрон, Тихонов и Шутов. Примирительная камера вынесла 25 ноября такие решения:

1-ое: уплатить наборщикам за все время забастовки, т. е. с 23 ноября по момент возобновления работ, каковые должны быть начаты 28 ноября в понедельник.

2-ое: предложить государственной типографии и Тимофееву миролюбиво разойтись. Стороны пришли к следующему:

Тимофеев подаст прошение об увольнении с выдачею ему пособия, каковое ему и было выдано тут же в триста рублей; по поводу этого случая никто не должен быть уволен из государственной кассы.

В тот же день решено другое дело: о типографии „Труд".

Дело в следующем:

Рабочий Пацюк был уволен из типографии „Труд" за отказ взять сверхурочную работу. Пацюк обратился с жалобою в примирительную камеру, которая и вынесла следующее решение:

Обратить внимание тип. „Труд", что становиться на сверхурочные работы есть право, а не обязанность рабочего; 2) предложить типографии „Труд" взять Пацюка обратно и уплатить ему за две недели, в течение которых Пацюк оставался без работы.

В обществе судоходства.

В повестке стоял вопрос „о реорганизации технической части во флоте". Получив эту повестку, признаться, мы были так наивны, что ожидали услышать в заседании общества мнения специалистов о недостатках русского флота, узнать, почему постройка судов в России обходится дороже, чем за границей, а по качеству они оказываются ниже всех; почему суда не могут развивать достаточной скорости, почему осадка их оказывается ниже предполагаемой, почему дорого стоящие броненосцы переворачиваются вверх дном, одним словом, почему десятки миллионов народных денег тратятся правительством на никуда негодные корыта. Однако, пришлось разочароваться. Комиссия по „реорганизации технической части во флоте", состоящая из судовых инженеров, усердно, но своеобразно занималась „рабочим вопросом". Говорилось о том, выдавать ли наградные рабочим, уволенным за какие-либо проступки, либо вследствие приостановки постройки благодаря „постоянным забастовкам". Затем обсуждалось устройство судостроительных заводов, указывалась необходимость устройства новых мастерских при этих заводах, усовершенствованных кранов и т. д. В заключение было сообщено утешительное известие, что морское министерство в настоящее время занимается теми же вопросами, т. е. „переливанием из пустого в порожнее".

В женском благотворительном обществе.

В субботу, 26 ноября, в зале собрания „Русского женского взаимно-благотворительного общества" гг. Е. И. Кедриным и А. А. Кауфманом были прочитаны доклады о программе конституционно-демократической партии. В речи г. Кедрина, как в капле воды, отразилась вся каучуковая политика гг. „кадетов". Оратор излагал перед собранием I и II отделы программы: „Основные права граждан" и „Государственный строй", и здесь мы могли услышать мудрые поучения вроде того, что „программа не есть нечто постоянное, свыше посланное", а что она может изменяться во всякое время, смотря на... ну, хотя бы по капризу петербургской погоды, что; так как русский народ „желает монархического строя", то поэтому „мы" должны быть монархистами, хотя многие из „нас" в душе республиканцы, что вопрос о том, требовать ли созыва Думы или Учредительного Собрания, — не вопрос программы, а вопрос тактики, и т. д. и т. д. без конца. Интереснее всего было заявление оратора о том, что он лично против предоставления избирательного права (кому бы вы думали?) лицам неграмотным... Это заявляется рядом с требованием всеобщего избирательного права! Кажется, сам г. Булыгин мог бы позавидовать смелости этого salto mortale г. Кедрина. Собрание из женщин-членов упомянутого общества было сильно заинтересовано отношением к.-д. партии к вопросу об избирательном праве женщин. Галантный г. Кедрин успокоил собрание обещанием поднять этот вопрос на следующем с'езде и подать свой голос за избирательное право женщин, за что он был награжден дружественными аплодисментами. Хорошо все, что хорошо кончается. За г. Кедриным г. Кауфман развивал „финансовую и экономическую политику партии", аграрное и рабочее законодательство. Всем было ясно и понятно, что истинными спасителями России являются „кадеты", что программы крайних партий, „требующие отмены косвенных налогов, 8-часового рабочего дня, отчуждения в пользу крестьян всех дворянских частновладельческих земель без выкупа", были бы гибелью для страны, что в экономической политике нужна особенная гибкость и приспособляемость к обстоятельствам и т. д. Шумные аплодисменты покрыли речь оратора, и в результате многие члены „женского общества" записались в „кадетский" корпус.

Польский социалистический митинг P. P. S.

По поручению петербургского комитета Польской Социалистической Партии (P. P. S.) союзом прогрессивной польской молодежи в субботу был созван митинг в Соляном Городке. На этом митинге присутствовало около 600 человек, преимущественно поляков. Председательствовал Стружецкий. Первым референтом выступила знаменитая ораторша Гольде Стружецкая, „Сирена социализма". Постоянной ареной ее агитации является прусская Польша, и только за последнее время она выступила в русской Польше. В красивой речи ораторша нарисовала картину революционной борьбы в Польше, начиная с первых чисел октября вплоть до последних дней. Она характеризовала неутомимую деятельность Польской Социалистической Партии (P. P. S.), самоотверженно борющейся с царским правительством не только в городах, но и в деревнях Царства Польского. Она указывала на то, что введение военного положения отнюдь не ослабило активности этой партии: ежедневно на фабриках и заводах происходили многочисленные митинги, ежедневно печатались и разбирались нарасхват листки партии. Настроение польского пролетариата в период диктатуры генерала Скалона и его помощников повысилось и теперь достигло крайнего революционного напряжения. Юноши и даже дети дышат мщением. Во всей Польше пролетариат вооружается... Формируются отряды косиниеров. Плывут обильные пожертвования на вооружение. Все усилия царского правительства провоцировать это сознательное движение, вызвать погромы и грабежи, организовать черные сотни потерпели полную неудачу. Отряды самообороны, организованные пролетариатом, решительными мерами прекратили эти попытки. Пролетариат сознал глубину переживаемого революционного момента, и никакая сила не может затуманить и отвлечь его в сторону: не пошел он навстречу дешевым эффектам националистов-демократов, пытавшихся внести яблоко раздора в ряды его. Он об'явил царскому правительству войну, он громогласно заявил о своем желании низвергнуть это ненавистное правительство, избавить несчастную страну от гнета и насилия и потребовать немедленно, на-ряду с созывом Учредительного Собрания, на основании всеобщего избирательного начала, в Петербурге для Российской империи, созыва такого же и на основании такого же начала Собрания в Варшаве для Царства Польского, с целью установления для него полной автономии (самоуправления). Единственным союзником в этой борьбе польского пролетариата является пролетариат русский. С ним и единственно с ним он пойдет к верной победе, теперь же он ждет только сигнала, готовясь и вооружаясь. „Помогите вооружиться ему!"—заключила свою речь ораторша. Следующим оратором выступил Плохоцкий, редактор известного „Przed Swit'a", органа Польской Социалистической Партии (P. P. S.), который указал на естественную связь общих стремлений пролетариата русской Польши, прусской Польши и Галиции, об'единенного единой по духу и мысли Польской Социалистической Партией (P. P. S.). Говорили еще Уляновский, поэт Бальмонт и др. Они приводили много фактов, характеризующих произвол и насилие Скалонов и Максимовичей, порождающих ужасы и панику в среде „мирных жителей", но не в рядах революционного пролетариата, который на насилие отвечает борьбой за свои права.

Митинг закончился поздно ночью следующею резолюцией по поводу арестов в Совете Рабочих Депутатов: „Собрание, организованное петербургским комитетом Польской Социалистической Партии (P. P. S.), выражает братское сочувствие Совету Рабочих Депутатов, протестует против нового насилия самодержавного правительства, вырвавшего товарища Хрусталева и других депутатов из рядов революционной партии".

„Наука" на службе у с.-р-ов.

(Реферат г. Норского на тему: „Настоящий момент и партия соц.-рев.")

Референт ставит себе задачу выяснить взаимодействующие силы в настоящей борьбе и определить равнодействующую этих сил.

В напыщенных выражениях, злоупотребляя фигурой повторения, начинает он свое „выяснение".

Правительство Витте—правительство авантюризма—бессильно.

Истинным правительством, голосу которого внемлют и повинуются, является Совет Рабочих Депутатов.

Референт видит силу С. Р. Д. именно в том, что он является представителем всех партий.

Другая сила—это крестьянство.

Референт начал развивать аграрную программу.

Мы укажем только несколько блесток „научной аргументации".

Положение 1. С.-д. суживают понятие класса.

Слой, группа, класс — пестрит в речи референта; наконец, он разрешается положением: цемент класса — обездоленность; несмотря на ежеминутные заявления референта: „мы говорим ясно, определенно", он уклоняется от определения понятия класса.

Положение 2. Социал-демократы, отступая под напором жизни, изменяют свои воззрения на аграрный вопрос. В качестве аргумента приводит следующее:

Энгельс в 40 годах считал крестьян невеждами и даже идиотами. Сорок лет спустя он уже не считал их такими невеждами.

Положение 3. Референт пользуется официальной французской статистикой, т. к. она чужда партийных интересов. Французское правительство — беспартийно — это ценное открытие.

Весь реферат был щедро сдобрен цитатами из Каутского, Либкнехта, Чупрова, Тугана-Барановского и т. д.

Референт закончил „научный" реферат призывом всех социалистических партий стать под их знамя, на котором написано: „Земля и Воля", знамя, которое уже об'единило революционный пролетариат и „революционную интеллигенцию", которая не смогла „оторваться от своей матери — буржуазии".

Таким образом родство „революционной интеллигенции" с буржуазией установлено одним из ее сынов.

Профессиональные союзы.

— Бюро первого всероссийского союза сценических деятелей заявляет, что поступок дирекции драматического театра с А. К. Колычевым следует признать возмутительным насилием над личностью и свободой убеждения. Бюро надеется еще, что дирекция примет немедленные меры для установления нормальных отношений к своим служащим и восстановит в правах тов. А. Колычева.

Одновременно редакцией получено заявление о том, что Колычеву предложено было не посещать кулис театра вследствие солидарности труппы и дирекции в нежелании иметь Колычева в своей среде: во 1) по причине недостаточно корректного отношения к товарищам, во 2) в виду его небрежного отношения за последнее время к делу и своим обязанностям. Ни к союзу сценических деятелей, ни к политическим убеждениям г. Колычева вышеупомянутая просьба не посещать кулис нашего театра не имеет никакого отношения.

Следуют подписи: М. Ведринская, О. Голубева, Е. Горная, Е. Козмининова, В. Коммиссаржевская, М. Кондратьева, Н. Коптева, Е. Карчагина, Е. Пащинская, А. Пивоварова, И. Рудина, З. Холмская, Н. Арбатов, В. Александровский, А. Амальгин, К. Бравич, Т. Василенко, В. Гардин, Д. Грузинский, А. Зобнин, А. Иванович, Н. Красов, В. Логинов, А. Любаш, М. Михайлов, А. Нелидов, П. Слонов, Н. Уралов, Н. Урванцов А. Феона, Н. Попов, П. Рудин.

— Нас просят напечатать:

В союз служащих в правительственных учреждениях вошли как служащие штатные, так и вольнонаемные. В настоящее время намечается отдельный союз, исключительно состоящий из вольнонаемных. Для нас образование отдельного союза вольнонаемных кажется решительно ничем невызванным. Такой союз мог бы образоваться только при том условии, если бы со стороны союза чиновников не было предложения (см. устав), которое мы считаем вполне искренним, войти вольнонаемным служащим в состав союза чиновников. Образовывая отдельный союз, вольнонаемные служащие, должно быть, не сознают, как много они теряют для себя и вместе с тем лишают союз чиновников элемента, который представляет собою наиболее активную силу, так как этот элемент более всего обездолен и страдает при нынешнем режиме.

Вольнонаемный.

(Член союза служащих в правительственных учр.).

— 29 ноября на собрании поваров ораторы блестяще обрисовали весь ужас положения поваров, не имеющих возможности даже выспаться в течение всей своей жизни, не говоря уже об их человеческом праве иметь возможность хоть несколько часов ежедневно и один день в неделю посвятить себе или своей семье. Их призывали к могучему средству борьбы — единению между собою и к об'единению со всеми им подобными пролетариями. Бурными аплодисментами были встречены речи; решено единогласно организовать союз. Затем перешли к чтению проекта устава. На двух пунктах пришлось остановиться. Во-первых, вопрос о принятии в союз женщин: он остался открытым. Второй вопрос — о хозяевах. В уставе есть пункт, гласящий: „В члены союза не принимаются предприниматели, у которых работает кто-либо из членов союза". Явился вопрос: считаются ли предпринимателями те из поваров, которые для облегчения своего труда берут на свой счет мальчиков, и принимать ли их в союз. Решили не принимать в союз только владельцев заведений, а подобные повара могут вступать в него. Избрано временное правление из 10 человек и казначей. Тут же приступлено к записям в члены; за недостатком времени записалось только около ста человек. Запись временно будет приниматься: 1) Мойка, 39, у Н. М. Мельникова от 1—3-х, 2) Миллионн. ул., 31, у Яблокова от 1—3-х, 3) Прядильная, 3, кв. 12, у Слуцкого Марка от 11—1 и 4) Галерная ул., 41, у Пахнева от 10 до 1 часу. Выбраны 2 депутата в Совет Рабочих Депутатов.

— В четверг 1 декабря в помещении Соляного Городка в 8 час. вечера назначено общее собрание союза низшего медицинского персонала для утверждения устава. Вход по повесткам.

— Движение в пользу организации профессионального союза белошвеек началось недели 4 тому назад. Было выбрано временное бюро, которому поручено было разработать проект устава. 27 ноября происходило собрание, специально посвященное уставу. Бюро великолепно справилось с своей задачей, и проект устава представляет из себя стройное целое. Общее собрание назначено на субботу 3 ноября в 8 часов вечера (Фонтанка, 96, кв. 67). Вход по именным повесткам, которые можно получить у секретаря союза (Фонтанка, 96, кв. 67) ежедневно от 8 до $10^1/_2$ часов вечера. Там же можно узнать все, касающееся союза.

— В воскресенье, 27 ноября, в 12 часов дня, в помещении союзов: шапочников, белошвеек и рубашечников (вязальщиков) должно было состояться общее собрание профессионального союза шапочников. За полчаса до собрания на двор было пригнано несколько нарядов полиции с приставом во главе, который, ворвавшись в залу, где уже собралось человек 70, заявил, что, если через полчаса присутствующие не разойдутся, то он разгонит их силой. Протесты бюро союза ни к чему не повели, и товарищи разошлись.

Следующее собрание союза назначено на воскресенье, 4 декабря, в 11 час. утра (Фонтанка, 96, кв. 67). Вход по именным повесткам, которые можно получить у секретаря союза (Фонтанка, 96, кв. 67) по понедельникам, четвергам и субботам от 8 до $10^1/_2$ часов вечера. Там же всевозможные справки по делам союза.

— Начинается движение в пользу организации союза и среди корсетниц. 27 ноября состоялось собрание небольшого кружка корсетниц, которые наметили план организации профессионального союза. Решено выпустить листок к товарищам-корсетницам. В воскресенье, 4 декабря, назначено второе собрание. Интересующиеся товарищи-корсетницы приглашаются на это собрание. Адрес собрания можно узнать (Фонтанка, 96, кв. 67) ежедневно от 8 до $10^1/_2$ часов вечера.

Союз художников.

10 и 11 ноября в двух группах художников, собравшихся независимо друг от друга, решено было приступить к организации всероссийского профессионально-политического союза художников. Приняты следующие положения:

1) Целью союза является об'единение русских художников в общий всероссийский союз художников для борьбы за полную свободу развития искусства и превращение его в достояние всего народа.

2) Для успеха указанной борьбы союз художников присоединяется к требованию, выставляемому всей прогрессивною частью русского народа и в частности остальными профессионально-политическими союзами, т. е. к требованию Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права без различия пола, вероисповедания и национальности.

Деятели в области живописи, скульптуры, зодчества, иллюстрации, гравюры, прикладного искусства и художественной критики, желающие примкнуть к союзу, приглашаются пожаловать в пятницу 2 декабря в 8 часов вечера в помещение общества поощрения художеств (Морская, 38) на собрание для выработки устава союза. Вход в собрание только по именным повесткам, которые можно получать: 1) в обществе взаимной помощи русских художников (Мойка, 83), 2) у Е. С. Зарудной-Ковас (Каменноостровский проспект, 24, от 3 до 7 ч.).

Союз чертежников.

27 ноября в собрании чертежников был принят следующий порядок дня: 1) о профессиональных союзах, 2) предложение выработанного устава, 3) об'явление союза открытым, 4) запись новых членов, 5) отношение к Совету Раб. Депут., 6) отношение собрания к текущим событиям. По первому пункту порядка дня социал-демократ, товарищ Николай в речи, вызвавшей гром аплодисментов, выяснил отношение социал-демократии к профессиональным союзам и звал чертежников, не замыкаясь в узкой сфере экономических профессиональных интересов, „раствориться в волне пролетарского революционного движения".

Принята резолюция: „Принимая во внимание, что союз чертежников является организацией пролетарской, собрание признает, что полное освобождение пролетариата может быть только делом политической борьбы самого пролетариата. Но так как единение и некоторый экономический минимум являются необходимыми условиями для окончательной борьбы и победы, то союз признает также и необходимость профессиональной борьбы. Союз является организацией беспартийной, но, признавая профессиональный союз лишь предварительной организацией для окончательной политической борьбы, союз ставит своей целью приближение профессиональной борьбы к борьбе политической, для чего он обращает самое серьезное внимание на образование боевого стачечного фонда и на скорейшее политическое самоопределение своих членов для вступления их в действующие политические партии".

Устав союза принят единогласно. Союз считается открытым с 1 декабря.

По вопросу об отношении к Совету Рабочих Депутатов не было вынесено определенного решения в виду того, что присутствующие не были знакомы с сущностью вновь возникшей пролетарской организации — бюро профессиональных союзов. На темы общеполитического характера говорили два оратора — из них один член С.-Д. Р. П. Его речь закончилась лозунгом: „Да здравствует союз чертежников с революционным социалистическим пролетариатом!".

Собрание разошлось в ½ шестого вечера, приняв такую резолюцию: „Мы, чертежники, собравшись около 400 человек, обсудив современное положение вещей, пришли к таким выводам: правительство явно повернуло в сторону реакции. Всевозможными репрессивными мерами оно старается подавить всякое свободное движение и вернуть старую систему произвола и насилия. Собрание энергично протестует против таких мер, как арест председателя С. Р. Д., видя в нем дерзкий вызов правительства народу. Собрание требует полной отмены смертной казни, военного положения и исключительных судов и требует полной амнистии всем так называемым „политическим и религиозным преступникам".

Союз служащих в правительственных учреждениях.

26 ноября в Тенишевском училище состоялось первое делегатское собрание союза. Теперь в петербургском отделе союза до 1.500 человек. Численность его растет с каждым днем (в конце октября было всего 200 членов). Лучше всех представлена в союзе контрольная палата, служащие которой вступили в союз всем своим составом (254 ч.). Слабее всех пред-

ставленными в союзе являются собственные канцелярии его и ее величеств (из обоих учреждений 2 члена). В бюро союза за последнее время присланы письма из 68 городов с просьбой принять их в союз для организации местных отделов. Приезжали в Петербург делегаты от отделов в Вильне, Москве, Самаре и Перми для установления постоянных сношений с петерб. отделом. Со стороны правительства начинаются репрессии: на днях уволен от службы в сенате обер-прокурором Н. А. Добровольским (бывш. гродненск. губернатором) по соглашению с г. Манухиным и при ближайшем участии г. Дедюлина граф П. М. Толстой—один из учредителей и организаторов союза.

Собрание постановило выразить свой протест правительству в лице г-на Добровольского, который попрал гражданские права товарища Толстого.

Большинство ораторов высказалось за то, что союз должен готовиться к ожидаемой политической забастовке. Было выбрано новое бюро из 12 лиц и комитет из 10 лиц для организации взаимного страхования членов союза; бюро была поручена подготовительная работа к всероссийскому с'езду делегатов союза, организация исполнительного комитета, разработка вопроса об отношении союза чиновников, как политического союза, к профессиональным союзам, и в частности к союзу вольнонаемных служащих в правительственных учреждениях. Собрание поручило также бюро войти в сношения с союзом почтово-телеграфных служащих для установления между обоими союзами постоянной связи.

— Нам доставлено воззвание „Ко всем конторщикам, служащим в страховых и транспортных обществах в С.-Петербурге". В воззвании между прочим сказано:

„Профессиональное движение только тогда сможет успешно преследовать свои цели улучшения быта конторщиков и защиты их интересов, когда к нему примкнет вся масса конторщиков, занятых в однородных предприятиях, без различия их политических убеждений. Первым шагом должно быть поэтому об'единение внутри отдельных предприятий. На таких основаниях уже об'единились служащие правления С.-Петербургской компании «Надежда», образовавшие товарищеский союз. Выработанный ими устав может быть взят за образец, как нормальный, при чем каждое общество, принимая этот устав, может внести поправки соответственно особым условиям и численности служащих в предприятии. Особой чертой этого устава является то, что каждый служащий становится членом союза. Для вступления в союз не требуется никаких особых заявлений, и каждый поступающий на службу в правление компании уже тем самым становится членом союза, — этим обеспечивается действительное товарищеское общение между всеми служащими.

„Когда на таких основаниях образуются союзы служащих в отдельных предприятиях, тогда они об'единятся и составят вместе союз служащих в страховых и транспортных обществах. Для проведения в жизнь намеченного плана образовано временное организационное бюро, состоящее из выборных представителей служащих компании «Надежда» и временных представителей, приглашенных для этого от других страховых обществ. По мере образования союзов по отдельным предприятиям временные представители их в бюро будут замещаться выборными.

Временное организационное бюро союза служащих в страховых и транспортных обществах".

— Официанты первоклассных гостиниц, ресторанов и буфетов в Петербурге, преимущественно татары, ознакомившись с 28 пунктами экономических требований, пред'явленных московскими официантами к своим хозяевам, нашли эти требования неосуществимыми и решили образовать профессиональный союз и пред'явить к своим хозяевам следующие экономические требования:

1) За всякий инвентарь и белье официанты не отвечают, и никаких кружечных сборов не должно взиматься. 2) Хозяин обязан платить по 10 руб. жалованья каждому официанту, носящему фрак. 3) Хозяин обязан давать официантам квартиру или по 5 руб. каждому. 4) Мальчикам платить жалованье не менее, как по 5 руб., и давать комнату. 5) Хозяин обязан кормить прилично два раза в день. 6) Больные официанты и мальчики получают жалованье в продолжение двух месяцев с сохранением за собою места. 7) За провинность без ведома товарищей и старшего не наказывать. 8) Не препятствовать носить усы. 9) Вежливо обращаться с прислугой. 10) Неуплаченные счета посетителей хозяин принимает на себя. 11) Официантам за поденную работу хозяин платит в ресторане — по 3 руб., вне ресторана — по 5 руб. 12) Хозяин, желая уволить кого-либо из служащих, обязан заявить об этом служащему за один месяц ранее.

— Швейцары второклассных ресторанов и пивных, не попавшие в союз домовых швейцаров, а равно и в союз официантов, хотя обязанности их приходится исполнять и им, обращаются к Союзу союзов с просьбой принять меры к организации профессионального союза швейцаров петербургских ресторанов, гостиниц, пивных и меблированных комнат.

— В зале Тенишевского училища собрались рабочие обойно-мебельного цеха для организации союза. Сначала обсуждался письменный ответ хозяев на следующие пред'явленные им требования:

1) 9-часовой рабочий день. 2) Заработная плата с 1 января до 1 августа не менее 2 р., а с 1 августа по 1 января не менее 2 р. 50 к., но для только что окончивших учение не менее 1 р. 50 к. 3) Сверхурочные работы отменить. В исключительных случаях считать каждый сверхурочный час за два, а праздничный день за полтора. 4) а) Отменить месячное жалованье и заменить поденной платой с 1 января 1906 года; б) отменить хозяйские харчи и квартиры; в) выдать расчетные книжки; г) расчет производить каждые две недели и по соглашению. 5) а) Заявлять об отказе за две недели раньше; б) держать учеников не более одного ученика на двух подмастерьев; в) учеников принимать в учение не моложе 14 лет и не более как на 4 года; в) для учеников сверхурочные работы отменить совсем; г) не заставлять учеников исполнять обязанности домашней прислуги; д) вменить в обязанность неграмотных учеников посылать в воскресные школы; е) хозяин не должен отказывать вышедшим из учения в течение 1 года. 7) Улучшить санитарное состояние мастерских. 8) Вменить в обязанность вежливое обращение с подмастерьями и учениками. Ответ на требование должен последовать в течение 7 дней от вышеозначенного числа.

Хозяева нашли возможным исполнить только производить расчет каждые две недели, улучшить санитарные условия мастерских и вежливо обращаться с рабочими, словом то, что не касается их кармана. Обсудив их ответ, рабочие решили ни от одного требования не отказываться и предупредить хозяев, во избежание могущих произойти последствий, исполнить все их требования.

Затем 2 оратора говорили собранию о целях и значении профессиональных союзов и о преимуществах организованной об'единенной борьбы с хозяевами. После этого читался и по пунктам принят проект устава с экономической программой-минимум Р. С.-Д. Р. П. Выбрали временное правление, и тут же многие записались в члены союза.

В Союзе союзов.

25 ноября состоялось собрание центрального комитета Союза союзов. Присутствовали члены сибирского отделения Союза союзов. Получена была телеграмма из Москвы следующего содержания: „Воскресенье, 27 ноября, в 12 часов дня, в Москве открывается конференция для совещания о привлечении всей провинциальной России к участию на всероссийском с'езде Союза союзов в Петербурге 10 декабря". Намечены были делегаты, которые 26 ноября должны выехать в Москву. Делегатам даны полномочия с решающим голосом. Вносится предложение подвергнуть бойкоту в печати почтово-телеграфных чиновников и инженеров штрейкбрехеров. Решено предложить от имени Союза союзов всем отдельным профессиональным союзам присоединиться к бойкоту чиновников и инженеров штрейкбрехеров.

Дальше обсуждались некоторые параграфы выработанного проекта созыва Учредительного Собрания. Один из ораторов указал, что, когда комиссия приступила к выработке проекта, она предполагала, что Учредительное Собрание будет созвано существующим правительством, теперь же не подлежит сомнению, что Учредительное Собрание будет созвано временным революционным правительством, которое уничтожит всякую власть старого режима. В зависимости от этого крупного и коренного изменения внесены были редакционные поправки в выработанный проект. Представители Сибири привели целый ряд доказательств, указывающих на необходимость внести

в проект самоопределение областей, основываясь на этнографических особенностях Сибири. Второй вопрос возник также о национальной автономии, но собрание сочло себя некомпетентным решить эти вопросы и решило предоставить решить их Учредительному Собранию.

Дальше собрание решило пригласить представителей следующих партий для совместного обсуждения проекта об Учредительном Собрании: социал-демократов, большинство и меньшинство, представителей из „Бунда", социалистов-революционеров, Исполнит. Комит. Совета Рабочих Депутатов, радикальной партии, конституционной демократии и др. В заключение собранию было предложено принять желающих вступить в Союз союзов представителей от эстонцев и татар. Приняты единогласно.

В „академическом союзе университетской группы преподавателей".

26 ноября в заседании группы университетских преподавателей академического союза рассматривалось предложение проф. А. Брандта об организации лекций в группах. Так как Брандт очень боится, что „слушатели будущей вольной высшей школы в случае сосредоточения курсов в одном здании не преминули бы обратить его в помещение для митингов, а затем вновь появились бы городовые у входа и вольная школа была бы закрыта", то он рекомендует вести чтение курсов передвижным образом. Свое (оказывается) новое предложение Брандт вносит потому, что студенчество отклонило уже его проект о митингах, обставленный чуть ли не полицейскими условностями и ограничениями. Предложение встретило резкие замечания. В результате в протокол было занесено: „Сочувствуя идее вольного университета, собрание не находит возможным провести предложение Брандта в жизнь".

В заседании группы союза был возбужден также вопрос об „академике-профессоре" Янжуле, запятнавшем себя штрейкбрехерством в разноске корреспонденции во время почтово-телеграфной забастовки. Многие из присутствующих, очевидно, стеснялись резкой формы возбужденного вопроса и, вероятно, думали обойти его „гробовым молчанием", но настойчивость автора заявления заставила вымучить из себя какое ни на есть решение. На вопрос: „Как реагирует преподавательская группа академического союза на поступок Янжула?",—собрание с значительными потугами ответило: „Просить центральное бюро академического союза об'явить, что он (союз) не терпит в числе своих членов подобных Янжулу лиц". Тот же „пикантный" вопрос о студентах, фамилии которых советом университетских старост уже выставлены у позорного столба, почему-то перенесен на рассмотрение будущего заседания.

Из жизни рабочих.

Типография „Бирж. Вед.".

В типографии газеты „Биржевые Ведомости" наборщиками установлена двухсменная работа по 9 часов в каждой смене. Раньше наборщикам приходилось работать по 16—18 часов в сутки с перерывом 2 часа на обед. Пока рабочий день в две смены введен в виде опыта на один месяц, при чем на наборщиков ложится материальная сторона этого опыта. Со следующего месяца две смены будут установлены, и наборщики перейдут от сдельной платы на ежемесячный оклад. От новой системы работы газетное дело нисколько не страдает.

Типография Эрлиха.

Мы, рабочие типографии инженера Эрлиха, в собрании своем 29 ноября сего года постановили решительно протестовать против ареста товарища Хрусталева и заявляем солидарность нашу с товарищами Совета Рабочих Депутатов и просим примкнуть остальных своих товарищей *).

Следуют 33 подписи.

*) Просим другие газеты перепечатать.

— В типографии С. Х. Золотухина (ред. изд. „Всемирного Технического Обозрения", Гороховая, 12). После ноябрьской забастовки наборщикам была сбавлена заработная плата (вместо прежних 18 к. в час—16 к.). На протест рабочих Золотухин призвал дворников, и рабочие были удалены из типографии. Уволенные обратились в союз раб. печ. дела с просьбой защитить их интересы и бойкотировать вставших на их места наборщиков, которые были предупреждены о произволе г. Золотухина. Член примирительной камеры при союзе, явившийся в типографию Золотухина для выяснения инцидента, был крайне грубо принят эксплоататором подполковником со словами: „Никаких я ваших союзов не признаю; в вашем союзе я не состою и не позволю никому распоряжаться в моей типографии". Однако, членом примирительной камеры было установлено, что в данной типографии у рабочих не имеется расчетных книжек, что тариф, принятый союзом владельцев печатн. зав., не вводится, расчет выдается без предупреждения. „Какие же теперь законы соблюдаются!" - заявил увертливый аферист. В ближайшем заседании союза р. п. д. будут вырабатываться формы воздействия на тех владельцев типографий, которые, подобно Золотухину, в своей прожорливости акул не желают признавать ни законов, ни капиталистических организаций, ни рабочих союзов.

Типография „Труд".

Мы, рабочие типографии товарищества печатного и издательского дела „Труд", на собрании 29 ноября 1905 г. постановили единогласно требовать немедленного освобождения товарища Хрусталева какими бы то ни было мерами по указанию Совета Рабочих Депутатов.

На фабрике Воронина, Лютш и Чешер потребовали увольнения мастера, но на все требования хозяин ответил отказом. Явившись на работу 26 ноября, рабочие нескольких мастерских решили проучить мастера Тереба. Если бы не заступничество хозяина, которое вызвало некоторое замешательство в рабочих, его бы выкатили. Но, воспользовавшись минутой, мастер сумел убежать. Вслед за ним исчезли и другие мастера. Во всей крахмальной мастерской, где происходила расправа, об'явлен расчет (70 чел.). Мы, остальные рабочие, возмущены поступком хозяина и готовы во что бы то ни было поддержать товарищей.

С завода Крейтона.

26 ноября рабочие завода Крейтона вывезли на тачке рабочего токаря Пикунова. Пикунов — член партии правового порядка, бывший зубатовец. Деятельность его за последнее время ознаменовалась следующим: доносами полиции и администрации, клеветой на депутатов, клеветой на Совет Рабочих Депутатов, на интеллигентов, курсисток и т. д.

Прокатившись на тачке, Пикунов вызвал полицию и вместе со своим приятелем Павлом Максимовым жаловался на рабочих, желая выместить обиду, нанесенную катаньем, обвиняя депутатов в смутьянстве, в преступной агитациии, в распространении противоправительственных листков и т. д.

Максимов уже сегодня заявил о том, что берет расчет. Оно и лучше.

Спб. Металлический завод.

28 ноября в ново-механической мастерской должен был состояться митинг, и товарищи рабочие по обыкновению за несколько времени до гудка стали собираться в громадную импровизированную аудиторию. Но до сих пор не ставившая никаких препятствий устройству митингов администрация вдруг почему-то пожелала на этот раз проявить свои начальнические инстинкты, и когда оратор хотел пройти в растворенные настежь ворота завода, то был остановлен четырьмя церберами, заявившими, что никаких посторонних в завод пропускать не велено.

Положение было критическое. Рабочие толпились на улице и на дворе, большая часть ждала оратора в мастерской, неко-

торые начали уже расходиться... и только благодаря энергии и настойчивости тов. „Шаляпина" удалось проникнуть в завод через проходную контору сквозь строй заводских сторожей и привратников. Уже подходя к мастерской, их встретила кучка рабочих, высланная митингом с требованием пропуска оратора.

Митинг начался без четверти 7.

В своей первой речи оратор начал с указания своеобразного характера р. революции и того особого интереса, который она представляет для вдумчивого человека с точки зрения анализа группировки современных общественных сил. Он сравнивал нашу, по существу своему буржуазную, революцию с бывшими революциями других стран и в развитии международного капитализма, в широком развитии обмена и кредита находил те новые материальные условия, которые дают возможность с другой точки зрения, чем обыкновенно, освещать совершающийся переворот. Трепет и страх за свое благополучие, охватившие р. буржуазию, заставляют ее посылать слезные прошения Витте о скорейшей ликвидации р. революции.

Этот же трепет и страх, переданные по электрическому кабелю на Запад, заставляют беспокойно оглядываться и хвататься за кошелек и буржуазию западно-европейскую — такова одна сторона — и все растущая сознательность и солидарность всемирного пролетариата, с бьющимся сердцем наблюдающего борьбу пролетариата России, — такова другая сторона современного международного положения. Но то, что только поднимается на Западе, то уже происходит в России.

Мобилизация всех контр-революционных и революционных сил, которая началась на Западе, — совершившийся факт в России, и как 2 хищные зверя, которые перед тем, как броситься друг на друга, прилегли к земле, как бы воспринимая от нее новые силы, — так прилегли к источнику своей силы — пролетариат и самодержавные останки в России, прилегли и затихли и глядят друг на друга, кто первый бросит вызов...

Те самые братские узы всемирного родства, которые так крепко спаяли наших буржуев с буржуями Западной Европы, эти узы обмена и кредита — они могут превратиться в те цепи, которые потянут за собой в пропасть всех скованных ими, раз только один из скованных свергнется вниз. „И в трусливом трепете перепуганных буржуев,—кончил свою речь оратор,— в ускоренной мобилизации всех революционных сил Европы и в растущей солидарности мирового пролетариата я вижу приближение последней бури, те победные клики, которые теперь потрясают всю Россию, тот змеиный шопот, который раздается по всей Европе, то „не позволю", которое говорит немецкий пролетариат своему правительству, когда оно хочет послать войска в русскую Польшу, то „будем мы русские", которое раздается на улицах австрийских городов, — это все отзвуки далеких громов всемирной схватки. Огонь, который теперь горит в ваших глазах, это отблеск далеких пока еще, но все приближающихся и приближающихся зарниц великой социальной революции, которая положит конец всякому угнетению, всякой эксплоатации, всякому насилию".

Следующие ораторы выясняли современное положение дел в связи с арестом тов. Хрусталева, подробнее останавливались на решении С. Р. Д. не платить обязательств по долгам, заключенным нашим правительством после 10 ноября сего года, и предложении о востребовании назад рабочими своих вкладов из сберегательных касс...

В конце митинга единогласно была вынесена следующая резолюция:

„Мы, рабочие Металлического завода, на митинге 28 ноября, обсудив современное положение вещей в связи с новой провокаторской вылазкой правительства в виде ареста тов. Хрусталева, постановили: заклеймить презрением новое насилие правительства, подтвердить еще раз свое прежнее решение готовиться к новой последней борьбе за окончательное уничтожение всех остатков самодержавия, за демократическую республику и социализм единственно возможным в настоящее время путем — путем вооруженного восстания по призыву Р. С.-Д. Р. П. и Совета Рабочих Депутатов".

После окончания митинга толпа разошлась под звуки рабочей марсельезы...

Зав. Гольдберга.

19 ноября с. г. нашим товарищам литейной и кузнечной мастерских заявлен расчет яко бы за неимением работы. Мы, рабочие завода, видя в этом новое издевательство капиталиста над рабочими, протестуем против подобных проделок и заявляем, что не позволим этого сделать, предпочитая вовсе прекратить работу, чем оставить часть товарищей на улице, где по милости правительства и капиталистов армия безработных достигла ужасных размеров. В виду этого, мы рабочие зав. И. Г., обращаемся к товарищам печатного дела, работающим в типографиях этого же капиталиста:

Товарищи! Гнет, который лежит на нас, рабочих завода Гольдберга, — этот самый гнет лежит и на вас, потому что мы находимся у одного капиталиста, и то, что проделал хозяин у нас сегодня, то он может проделать у вас завтра.

Следовательно, чтобы бороться с ним, необходимо об'единиться для совместной борьбы.

Товарищи! В случае наше требование будет неисполнено, мы прекратим работу. Товарищи! Мы надеемся, что вы во имя солидарности рабочего класса поддержите наш протест.

Узнав из газет об аресте нашего товарища, председателя С. Р. Д. Хрусталева, мы, рабочие завода И. Гольдберга, глубоко возмущены этим насилием устаревшего полицейского режима. Мы требуем немедленного освобождения тов. Хрусталева и всех арестованных за политические убеждения.

Долой произвол и насилия! Да здравствует свобода!..

Следуют подписи депутатов и кандидатов.

Невский судостроительный завод.

После митинга рабочих, состоявшегося 19 ноября, уполномоченные от рабочих Невского судостроительного завода обратились к правлению со следующим заявлением: „Мы, нижеподписавшиеся выборные рабочих Невского судостроительного завода, уполномочены рабочими просить правление товарищества открыть снова завод, при чем рабочие выражают согласие возобновить работы на нижеследующих условиях: 1) они обязуются не прекращать самовольно работ; исключением может служить только всеобщее прекращение работ на всех заводах С.-Петербургского района; 2) обязуются не устраивать никаких митингов на заводской территории; 3) подчиняются во всем правилам внутреннего распорядка, существующим на заводе, как по отношению к продолжительности и распределению рабочего времени, так и по отношению существующих расценок; 4) предоставляют право правлению прекратить договоры о найме при первом нарушении указанных выше условий, и, в случае нарушения, правление может произвести расчет с рабочими по день закрытия завода. Подписали выборные от рабочих: Н. Суханов, А. Владимиров, С. Семенов, И. Латышев, С. Петровский, Фейгин, Пантюхин, Попов, Трофимов, Берг".

24 ноября состоялось совещание правления, на котором решено: „В ответ на это заявление рабочих Невского завода правление постановило, при этих предложенных уполномоченными рабочих Невского завода дополнительных условиях найма, открыть завод". Назначен срок возобновления работ 25 ноября.

Таким образом является надежда, что завод начнет функционировать.

— Бывший рабочий Семянниковского завода Николай Алексеев был призван из запаса во время последней мобилизации в действующую армию и назначен к отправлению на Дальний Восток. По болезни он был, однако, направлен сначала в Николаевский госпиталь, а затем прикомандирован к 18 саперному батальону. При расчете на заводе Алексеев обратился к полковнику, заведующему заводом, с такими словами: „Г. полковник, поедемте вместе на Дальний Восток защищать родину, там и вам будет лучше, чем здесь". Заподозрив в этих словах оскорбление, заведующий Семянниковским заводом написал рапорт с жалобой на оскорбление командиру 18 саперного батальона. Командир отправил Алексеева под арест. Просидев в тюрьме две недели, на третью Алексеев узнал, что командир Подчертков предает его суду. В ожидании суда проходит четвертая, пятая и шестая недели. Товарищи Алексеева по призыву уже распущены по домам, а он все томится в заключении.

Наконец, на седьмую неделю Алексеев под конвоем доставляется на суд 18 саперного батальона, который приговаривает его к восьми суткам ареста. Всего в заключении Алексеев пробыл 58 суток. Как на причину замедления разбора дела, указывают на то, что Подчертков страдает алкоголизмом и всегда бывает пьяным. „Хотя мы, солдаты, и входим в положение больного, ненормального человека, — пишут нам из саперного батальона,—но отказываемся переносить в дальнейшем его издевательства над нами". Поэтому нижние чины 18 саперного батальона, обсудив свое положение в связи с рассказанным случаем, постановили: „Долой полковника Подчерткова, долой кровопийц!"

Пироксилиновый завод морского ведомства.

Этот завод не без основания считался одним из самых отсталых. Правительство усиленно отрезывало его от внешних влияний — часовых никогда не снимало с постов. Хуже тюрьмы. Даже в тюремный двор впускается посторонняя поблика, если этого требует дело. Здесь же никого и никогда. В стенах этого завода царит в буквальном и переносном смысле удушливая атмосфера, доводящая до отравления организма и атрофии мозга. Но давно известно, что на штыки идеи не улавливаются, и, как бы плотно штыки ни смыкались, жизнь пробьет брешь и прорвется. Пироксилиновый завод проснулся позже других— тем с большей юностью и молодым задором рабочие реагируют на всякое посягательство администрации. 16 ноября у них на заводе пустили лист в пользу пострадавших от стачки. Указатель кислотной мастерской Лукин не пропустил его в свою мастерскую. 18-го после работы все рабочие этого отделения высыпали во двор, окружили Лукина, намереваясь вывезти его на тачке. Лукин вынул револьвер и финский нож и сказал: „Убью—кто подойдет". „Больше пяти зарядов не хватит, а все же его вытащим",—был ответ рабочих. Произошла свалка — Лукин ранил одного товарища в руку и все же сам очутился за воротами разоруженный.

Делу дали ход. Явился помощник командира порта Колонс и министр Бирилев; говорят, что последний отдал приказ: уволить всех из кислотной. Но не тут-то было. Настроение таково: либо завод прикроют, либо никто не будет удален.

В воскресенье в 3 ч. рабочие этого завода собрались в Василеостровском театре на митинг. Председатель об'явил собрание открытым и тут же заявил, что собрание носит характер закрытого, то есть, что вход посторонним, в каком бы наряде они ни были, запрещается. Он имел в виду полицию. Помощник пристава, тем не менее, остался. Тогда стали баллотировать вопрос, может ли продолжаться митинг в присутствии полиции. Единогласно принято решение: „Нет, долой полицию!". Помощник пристава заявил, что соответствующей бумаги при нем не имеется, но что ему поручено не оставлять зал, пока собрание не прекратится. Он из'явил желание переговорить с местным приставом по телефону, прося сделать перерыв на 10 минут. В промежутке этого времени говорило двое товарищей с того же завода, говорили об инциденте с Лукиным, о товарищеской солидарности, об эксплоатации, указывали, что таких заводов, как их, выделывающих, как выразился товарищ, „чертовщину", всего семь.

Вернувшийся помощник пристава заявил, что намерен остаться. В ответ товарищ-оратор взял слово. Он говорил о постановлении Совета Рабочих Депутатов, указывал на органическую связь их с этим Советом, раз у них там имеется свой представитель. „Решение не допускать полицию принято не потому, что мы боимся в ее присутствии говорить свободно, мы говорим и тогда, когда на нас наводят пулеметы, но мы просто не хотим! Мы завоевали себе свободу собраний, у нас на митингах не бывала полиция, а теперь, когда они заметили, что мы устали, что мы хотим передохнуть, — они решили воспользоваться моментом и отнять то, что было взято борьбой и кровью братьев".

Голосование показало, что собрание на стороне оратора. Полиция об'явила, что закроет собрание. Но председатель сказал, что он сам закрывает собрание, так как собрание не желает присутствия полиции.

Завод Эриксона.

После закрытия завода, вследствие введения революционным путем восьмичасового рабочего дня, администрация решила произвести фильтрацию. Рабочие протестовали. Администрация уступила, но потребовала не устраивать митингов и т. п. На собрании 29 ноября тов. эриксоновцы приняли такую резолюцию: „Не признавая себя побежденными, мы решили все же приступить к работам на тех условиях, какие нам предлагает администрация, в виду крайнего истощения бывшими забастовками; мы требуем от администрации уплаты за все время забастовки, которая была вызвана самой администрацией". Работы возобновляются 30 ноября.

У железнодорожников.

В заседании комитета Николаевской железной дороги 29 ноября между другими вопросами был поднят также вопрос о праздничном отдыхе служащих товарной конторы.

Было решено войти в соглашение с другими дорогами на ближайшем собрании С.-Петербургского узла и ввести отдых революционным путем.

По поводу ареста тов. Хрусталева принята следующая резолюция: „Комитет Николаевской железной дороги в заседании 29 ноября, обсудив арест председателя Совета Рабочих Депутатов Хрусталева, выражает свое глубокое негодование новому акту произвола правительства. Хрусталев арестован жандармами, следовательно элементарнейшее право гарантии личности нарушено.

„Подобные акты произвола все учащаются: арестован наш товарищ делегат Харьково-Николаевской железной дороги Говоров и много других. Ясно видно, что правительство с пути мнимо благих начинаний свернуло на реакционный путь и попрежнему творит свои злодеяния. Мы еще раз повторяем, что свобода и право в стране возможны только по созыве Учредительного Собрания на основании всеобщего, прямого, тайного и равного голосования".

Балтийская железная дорога.

На-днях начальство Балтийской ж. д. получило извещение, что вопрос о выдаче служащим денежного вспомоществования за время забастовки будет разрешен общим присутствием дорог, кредитная же сторона вопроса должна быть решена советом местного управления дороги. Это „извещение", однако, сделалось известным далеко не всем служащим.

Местный комитет службы сборов всероссийского союза железнодорожных служащих и рабочих, узнав об этой бумаге и получив с нее копию, решил немедленно же созвать общее собрание служащих, каковое и состоялось 26 ноября в 4 ч. дня в здании службы. После подробных и продолжительных прений по поводу ходатайства служащих о вспомоществовании и полученной бумаги вынесены были две резолюции:

I.

„В виду того, что наше ближайшее начальство не доводит до сведения служащих (как это произошло в данном случае) подлинные телеграммы и отношения, близко касающиеся интересов низших железнодорожных служащих, мы требуем, чтобы оно впредь пред'являло в копиях подобные бумаги нашим представителям местного комитета службы сборов всероссийского союза железнодорожных служащих и рабочих и прочитывало эти бумаги по отделам".

II.

„Считая, что настоящее тяжелое материальное наше положение вызвано самим правительством, которое само заставило нас прибегнуть к забастовке, мы, группа служащих службы сборов, заявляем, что получение пособия есть наше право, а не милость начальства, и что таковое должно быть выдано без исключения всем, пожелающим его получить, а не отдельным лицам «по степени их причастности к забастовке».

„Товарищей, согласных с нами, просим присоединиться".

В Охтенском пороховом заводе.

В состоявшемся общем собрании рабочих милинитового отделения порохового завода решено изменить рабочий календарь для увеличения количества рабочих дней в году. С этой целью исключены из списка праздничных, прогульных дней все „табельные дни". Мотивировали рабочие свое решение тем, что „уж слишком много по русскому календарю отведено времени ничегонеделанию". С этим своим постановлением они обратились к начальнику мастерской, чиновнику Лысенко, который заявил, что утверждение решения зависит не от него, а от начальника заводов генерала Липницкого. Бравый генерал не счел даже нужным входить в расследование возбужденного вопроса, а лишь выругался по чину. Рабочие Охтенских заводов указывают также и на произвольные действия заведующего отделом взрывчатых веществ, Сафонова. При полумесячном расчете рабочих своей мастерской он выдал плату им не за 9 дней, как, например, в капсульной мастерской, а за $8^1/_2$ дней.

Завод Франко-Русского общества.

По распоряжению заводской администрации, инженеру Дефонтье было предложено перейти из механической мастерской в чертежную. Такое предложение мотивировалось открыто тем, что должность Дефонтье в механической мастерской упраздняется. Но для рабочих завода было ясно, что, если пользующемуся общими симпатиями всей массы инженеру Дефонтье предложено перейти к воротам (чертежная мастерская расположена близ входа в завод), то для администрации ничего не стоит и „выбросить его за ворота". Вместе с тем стало известным, что Дефонтье предлагается менее выгодное и интересное для него положение потому, что „он назначал высокие расценки за сдельные работы, всегда поддерживал интересы рабочих и вообще избаловал их". Но, „если я избаловал рабочих в механической, — совершенно верно заметил Дефонтье, — то точно то же произойдет и с чертежниками", и отклонил предложение администрации о перемене должности. В ответ на действия дирекции завода состоялось общее собрание рабочих двух мастерских: механической и сборочной, которое пришло после рассуждений по возбужденному вопросу к требованию увольнения от занимаемых ими должностей инженеров: Бельского, его помощника Чижевского, Брикса и Свечина, как людей, не отвечающих интересам рабочих.

В этом же собрании решено первый воскресный день провести всем за работами и всю заработную плату отчислить в пользу безработных, уволенных за последнее время из многих фабрик и заводов.

В собрании выяснилось, что в заводе наблюдается количественный рост приверженцев Гапона и что они пред'являют претензии на самостоятельное „партийное" существование.

В связи с этим вопросом находится постановление общего собрания о замене института старост завода „рабочим советом".

Патронный завод.

Рабочие патронного завода обращают внимание своих товарищей патронного завода на деятельность бывшего рабочего 2-й мастерской, известного под кличкой Армяшки, находящегося в самых близких сношениях с явной и тайной полицией, и предостерегают от всяческих сношений с ним.

Фабрика Паля.

Рабочие механического отдела во время проведения товарищами-рабочими 8-часового рабочего дня работали по-старому $10^1/_2$ ч.

Об'ясняется это тем, что выборщик механического отдела продал интересы рабочих за ежемесячную прибавку в 5 р., обещанную ему механиком Шиттке, и, злоупотребив доверием рабочих, усердно агитировал за старые порядки. Теперь, под покровительством г. Шиттке и изменника-выборщика, на фабрике деятельно организуется черная сотня. Товарищ, сделавший это сообщение, добавляет: „Стыдно, товарищи, итти на уступки гг. Шиттке, когда весь российский пролетариат восстал как один человек против существующих законов и гнета капитала".

Завод Сименс и Гальске.

Рабочие завода Сименс и Гальске 20 ноября постановили угрозою штрафа прекратить употребление водки, дающего огромный доход правительству.

Завод Бека.

Оригинальные меры борьбы с деятельностью Совета Рабочих Депутатов приняты администрацией завода Бека. Тамошние рабочие решили отчислять известный % своего заработка в стачечный фонд. Теперь помощник мастера Зыков, подобрав себе компанию из малосознательных и частью даже черносотенных элементов, подходит к отдельным рабочим и всячески старается отговорить их от этих отчислений. Пользуясь своим положением помощника мастера, он пускает в ход угрозы; сознательные рабочие возмущены его деятельностью.

Механический завод Тильманса.

На механическом заводе Тильманса между рабочими и администрацией произошел ряд столкновений. Солидарность рабочих и стойкость их победили. Директор сначала не хотел уплатить рабочим за субботу 5 ноября и собирался уволить двух рабочих депутатов: Петрова и Перельштейна. Но рабочие грозили общим уходом, и директор уступил: отказался от расчета депутатов и выдал плату за все время сполна.

Резолюция заводов Однера и Бейера, принятая 20 ноября.

Мы, рабочие заводов Однера и Бейера, принимая выработанный нами устав профессионального союза, постановляем:

1) Немедленное об'единение рабочих заводов Однера и Бейера происходит на основе принятого нами устава.

2) На наш устав мы смотрим, как на устав временный.

3) Общий для всей металлургической промышленности устав будет выработан комиссией, составленной из представителей всех заводов металлургической промышленности.

4) Когда будет выработан и принят устав профессионального союза всей металлургической промышленности и таким образом возникнет общий профессиональный союз металлургической промышленности, — все члены нашего об'единения перейдут в этот общий союз.

Больница св. Николая.

Движение низших служащих против некоторых лиц больничной администрации приняло в последние дни резкие формы. Уже с конца октября вполне определенно выразилось недовольство служителей главным врачем больницы Реформатским. 21 и 22 ноября в больнице произошли серьезные осложнения.— 21-го выяснилось, что один из служителей под давлением старшего надзирателя Фаренбаха собирал подписи под „бумагой" такого содержания: „Мы, нижеподписавшиеся, не высказываемся против автономии, но заявляем, что главный врач Реформатский для нас хорош".

Подписи собирались тайно, и открытие этой „бумаги" произвело невероятную бурю среди служителей, которые, собравшись толпой, начали искать служителя, собиравшего подписи. Последний заблаговременно скрылся, т. к. его грозили избить.

Затем толпа служителей, вооружившись грязной тачкой, осадила надзирателей Свидерского и Фаренбаха и потребовала, чтобы они немедленно оставили службу в больнице; потребовала у них выдачи „бумаги"; грозила вывезти их на тачке.

Перепуганные надзиратели кое-как умолили служителей „не трогать" их, удалились из больницы и теперь боятся туда возвращаться.

22 ноября попечителю больницы доктору Бари было пред'явлено совершенно категорическое единогласное требование о немедленном удалении со службы старшего надзирателя Фаренбаха, главного врача Реформатского и служителя, собиравшего подписи. Общее приподнятое настроение служащих говорит, что неисполнение требований поведет к печальным результатам.

Явившемуся на собрание главному врачу Реформатскому заявили, чтобы он немедленно удалился из собрания. В случае же нежелания удалиться добровольно — предлагали ему выехать из больницы „на тачке“.

Вечером 22-го было опять собрание служителей, на котором, между прочим, решено пока не бастовать.

Бельгийское общество.

Служащие и рабочие Бельгийского общества электрического освещения пред‘явили правлению через председателя соединенных собраний г. И. Чихачева ряд требований, сущность которых сводится к следующему:

1) Учреждение, выборной от всех отделов и администрации, комиссии по 5 человек с каждой стороны с выборным председателем. Круг компетенции комиссии в общих чертах: выяснение и разрешение недоразумений, вытекающих из нарушения правовых и материальных интересов служащих и рабочих.

2) Увеличение и улучшение существующих ныне квартир служащих и рабочих. Устройство вентиляций.

3) Улучшение материального положения служащих и рабочих: а) ежегодная прибавка и б) установление минимального оклада жалованья: конторщикам — 35 р. в месяц, проверщикам счетчиков — 50 р.; помощникам — 35 р.; установщикам счетчиков — 35 р.; районным монтерам — 50 р., не считая проездных; углевозам и смазчикам — 28 р.; кочегарам — 30 р. в месяц, при чем должны быть учреждены должности помощников машинистов с минимальным окладом в 40 р., которые замещаются смазчиками; угольщикам уличного освещения — 30 р., со снабжением их теплым платьем: полушубками, валенками, теплыми шапками и рукавицами; трансформаторам и пайщикам — 45 р. с сохранением проездных по 5 р. в месяц, кроме экстренных раз‘ездов; слесарям — 40 руб.; коллекторам — 33 р.; монтерам станции — 50 р. и фильтровщикам — 30 р. в месяц. Минимальные оклады должны быть введены с 1 декабря с. г. Вопрос о ежегодных прибавках оставить на усмотрение администрации, но в настоящее время должна быть произведена прибавка всем служащим и рабочим об-ства, оклад которых не увеличится вследствие установления минимума. Размер прибавки не менее 10% (в целых рубл.), но не менее 5 рублей.

4) Замена свидетельства с прежнего места службы, требуемого при поступлении на завод, пробной работой на станции.

5) а) 7-часовой рабочий день для фильтровщиков, в виду особо тяжелых условий их работы; б) полуторную плату за сверхурочную работу и за работу в праздники, причем месяц считается в 25 дней по 9 часов для рабочих и по 7 ч. для конторщиков, служащих в лаборатории и фильтровщиков; в) оплату, как за сверхурочную работу, дежурства двух монтеров при службе дежурств с 8 час. дня (время закрытия конторы службы) до 12 ч. ночи; также должно оплачиваться и дежурство в садах, у абонентов и пр. Поденные рабочие, прослужившие 3 года в службе дежурств по строительной части, переводятся на месячные жалованья, каковые исчисляются из расчета поденной платы, умноженной на 25.

6) При болезни служащего либо рабочего — сохранение полного оклада содержания в течение двух месяцев и половинного оклада в течение последующих двух месяцев. Лечение и отпуск лекарств за счет об-ства во все время болезни.

7) Вознаграждение за 10-летнюю службу в об-стве в размере годового оклада жалованья последнего года; при оставлении службы ранее 10 лет—месячный оклад за каждый год службы, при чем уволившимся не более чем на 6 месяцев засчитывается их прежняя служба.

8) Ежегодный двухнедельный отпуск всем без исключения служащим и рабочим, прослужившим не менее года, с правом пользования таковым через 2 года месячным и сохранением жалованья.

9) Для углевозов сохранить норму в 500 п. угля на каждый день со станционного двора и в 400 п. со двора Семеновского полка.

10) Ведение конторского хозяйства выборным от служащих.

Администрация завода удовлетворила все эти требования, за исключением обозначенных в пунктах 1-ом и 7-ом.

Письма в редакцию.

Милостивый государь,
господин редактор!

17 ноября с. г. я был приглашен суд. следователем 2 уч. Речицкого уезда в камеру его при Лоевском волостном правлении в качестве свидетеля по имевшему место у нас в Лоеве антиеврейскому погрому 22 октября.

От дачи показаний я отказался по следующим, перечисленным в протоколе судебного следствия, причинам:

1) Виновником всех антиеврейских погромов, имевших место в 60 городах и местечках, является русское правительство, которое прибегло к этому, как к последнему позорному контрреволюционному средству; 2) что лоевский погром не является исключением, а сорганизован местными агентами правительства; 3) что русское правительство аналогично в своих последних действиях с вором, укравшим что нибудь, бегущим по улице и кричащим: „Держи вора!“ После совершения им преступления оно также посылает своих агентов для обнаружения якобы виновных в погромах, результатом чего является привлечение отдельных жертв самодержавно-полицейского режима к ответственности.

Я дам свои показания только свободному беспристрастному суду, которому придется, вероятно, разбирать и это дело.

Принимая во внимание, что судебным следователем может быть мое вышеизложенное показание не приобщено к делу, я почтительно прошу не отказать поместить таковое в редактируемой Вами газете „Новая Жизнь“.

С сов. почт. *Гирша Гурвич.*

М. г.,
господин редактор!

Не откажите поместить в Вашей уважаемой газете нижеследующее:

Могучее движение рабочего класса пробудило к жизни и самосознанию даже наиболее забитые и темные элементы общества: стряхнув с себя многовековую спячку, встают на защиту своих человеческих прав солдаты, полицейские, чиновники. В этом дружном хоре рабочего люда до сих пор недоставало одних только нас — низших чинов жандармской службы. Товарищи-жандармы! Лучше поздно, чем никогда! Мы должны по примеру всего рабочего люда об‘единиться в союз для защиты своих экономических, правовых и политических интересов. Вынужденные из-за куска насущного хлеба нести тяжелую, непривлекательную службу, мы ведем невеселое существование, будучи необеспечены материально, будучи лишены многих прав, которыми пользуются все граждане. Кроме казенной квартиры, мы получаем 15 р. в месяц; на эти деньги мы и содержим свои семьи, да еще для себя должны приобретать на свой счет белье, теплую зимнюю одежду и сапоги. Отчего это так? А оттого, что начальство наше эксплоатирует нас. По уставу полагается сроком на два года шинель, мундир, фуражка, две пары шаровар, зимняя верблюжьего сукна тужурка и теплые сапоги. Все это имущество, согласно уставу, после двухлетней носки поступает в нашу собственность. Начальство же ничего знать не хочет: шинель, мундир, шаровары оно заставляет носить до тех пор, пока они не придут в полную негодность. Алчное начальство отнимает у нас износившееся тряпье, продает его с торга, а то и нам же непосредственно, и пополняет нашими грошами свои кошельки. А там, глядь, одежда значится в описи „пришедшей в негодность“, и концы в воду... Другая часть нашего имущества — зимняя тужурка, теплые сапоги (всегда шитые не по ноге) — это, по разумению нашего „милостивого“ начальства, „срока не имеет“ и предназначается только на случай инспекторских смотров, которые бывают 2 раза в год. Так ли это полагается, даже по нашему закону?.. И при всем том нас не перестают „пробирать“ „за изнашивание мундирной одежды“. Где же справедливость, и где же, товарищи, конец нашему терпению? Из-за каких же благ мы тянем нашу тяжелую лямку? Ведь начальство наше, пользуясь нашей тяжелой зависимостью, с помощью „военной дисциплины“ делает из нас „бессловесную тварь“! После опубликования

манифеста 17 октября „жандармский полковник на одной из линий Юго-Зап. ж. д. собрал всех нас, станц. жандармов, и произнес прочувственную речь: „Строго следить теперь (!?) за политическими преступниками!“—„Как же теперь? После манифеста-то?“ — спросил один из наших. — „Не рррассуждать! Я приказываю!“—Товарищи! Души своей, помните, мы не обязаны продавать ни за 15 р., ни за какие деньги. Мы обязываемся „блюсти порядок“, но мы не хотим, мы не позволим, чтобы из нас делали врагов народа, врагов своего отечества, врагов тех, кто борется за нашу общую свободу. Товарищи, об‘единяйтесь и организуйтесь. В об‘единении сила!

Станционный жандарм Юго-Зап. ж. д.

Милостивый государь,
господин редактор!

Покорнейше прошу поместить по поводу поправки работницы Карточной фабрики в № 20 Вашей уважаемой газеты нижеследующее:

Я выступаю не в целях полемики с товарищами, рабочими и работницами, и не оскорбленное самолюбие автора заметки, помещенной в № 9, мною руководит, а желание сказать, что рабочие заблуждаются в своем отношении к директору Лемчужникову. Не все ли равно, по своему ли почину или под влиянием мастера Цубе переменил обращение директор? Факт тот, что перемена в обращении к рабочим была, о чем на собрании и говорилось, и даже она есть, несмотря на то, что по требованию рабочих мастер Цубе уволен с фабрики. Доказательством этого служит следующее: с утверждения опекунского совета заведующего фабрикой на ней введен 8-час. рабочий день, но г. Лемчужников, по своей инициативе, увеличил его снова до 10-часового. Сверхурочные работы пока введены в двух отделениях. В одном отделении работа оплачивается как сверхурочная — двойной платой по 18 к. в час, а в другом — ординарной по 8 к. час. Директор, милостиво разговаривая с работницами и рабочими, об‘ясняет необходимость сверхурочной работы обычной уловкой капиталистов и их помощников — спешностью заказов. Сами же рабочие и работницы говорят о возможности распространения сверхурочной работы и на другие отделения.

Если депутаты не говорили с директором о нормировке рабочего дня, то им предстоят еще эти разговоры. При директоре Лемчужникове мало изменились к лучшему условия жизни работниц и рабочих: казармами и карточными домиками заправляет все тот же „полицмейстер“, который был при старом директоре, казармы не ремонтированы в течение 7 лет, несмотря на заявления рабочих, в них сыро, грязно и холодно. Они не ремонтируются и теперь. Рабочие и работницы платят по 2 р. 50 к.—4 р. 50 к. за комнату и должны еще платить за мелкие поделки казенным печникам, столярам, стекольщикам. Окна в прачечной вместо стекол забиты старыми железными листами.

Некоторые состоятельные рабочие за свой счет ремонтировали свои каморки, в то время как „полицмейстер“ не только имеет хорошее помещение, но завел табуны коз и свиней, которые уничтожают огороды рабочих, живущих в домиках.

Извиняюсь перед товарищами работницами и рабочими в неточности моей заметки в № 9, с уважением отношусь к их стремлению к истине, но мне кажется, что они переоценивают действия директора. Он прежде всего представитель капиталиста и безусловно действует в его интересах.

Б. Нелидов.

М. Г. Не откажите поместить в Вашей газете письмо, имеющее целью выяснить мотивы, которые побудили часть студентов выпускного курса медицинской академии отказаться от держания государственных экзаменов.

Надо заметить, что относительно экзаменов на 5 курсе происходил ряд собраний. На первом из них было решено большинством против 5 не держать экзаменов при современных условиях. Когда же выяснилось, что на курсе имеется несколько человек, которым угрожает немедленная воинская повинность, избрана была комиссия из товарищей для определения числа таковых. Оказалось, что их 5 человек, и созванное по этому поводу второе собрание разрешило им держать экзамены, как единственный исход из столь печального положения. Но здесь обнаружилось, что на курсе находится еще 10 человек, которые, по соображениям „семейного характера“, во что бы то ни стало будут держать экзамены. На 3 и последнем собрании, происходившем через 3 дня после второго, уже $^3/_4$ курса (всего 65 человек) постановили приступить 12 ноября к экзаменам.

$^1/_4$ же считает для себя невозможным думать только, как бы добыть вывеску лекаря в то время, когда народ ведет решительную борьбу с отживающим самодержавным строем, который, спасая себя, прибегает к крайним средствам произвола и зверского насилия в виде организованных администрацией погромов, военного положения и проч. репрессий.

Вывести угнетенную страну на путь спокойной и счастливой жизни может только Учредительное Собрание, созванное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Кроме этого, чувство товарищеского долга не позволяет нам экзаменоваться в академических зданиях, доступ в которые закрыт для студентов остальных курсов.

Подписи всех оставшихся в Петербурге: В. Борисов, Бритнев, Голдобин, Манухин, Наумов, Павловский, Сервирог, Стромберг, Федынский.

М. Г. Не откажите поместить в вашей уважаемой газете следующее письмо:

В последнее время до нас стали доходить странные слухи о шестой гимназии. Мы, как бывшие воспитанники, не могли отнестись к ним безучастно и решили проверить их, явившись на собрание родителей, назначенное на 23 ноября.

Недопущенные по распоряжению директора не только на собрание, но даже в здание гимназии, мы отправили на имя председателя записку с просьбой возбудить перед собранием вопрос о нашем допущении. В ожидании решения нашей участи, мы оставались у „порога“ гимназии. Скоро явилась полиция с любезным предложением разойтись, при чем из слов представителей власти выяснилось, что присутствие наряда вызвано просьбой директора по телефону от имени родителей и что в случае нашего неповиновения будет употреблена сила. Угроза не была приведена в исполнение, так как после часового ожидания нам „любезно“ разрешили войти в переднюю нашей негостеприимной alma mater. Когда мы выразили свое удивление по поводу бессмысленного и жестокого обращения к „законной власти“, оказалось, что родители ничего подобного не постановляли и никаких поручений господину директору не давали. Интересно выяснить, по чьей же просвещенной инициативе полиция едва не приступила „к исполнению своих служебных обязанностей“?

Директором 6 гимназии состоит Я. Г. Мор.

Группа бывших воспитанников: В. Голубев, В. Груздев, Г. Кричевский, С. Мучник, С. Томилин, С. Хацкелевич, М. Фарфель.

Копия.

Г. консерватору горного института Н. П. Покровскому.

Горному инженеру отправлено от нижеподписавшихся лиц следующее заявление:

Мы, нижеподписавшиеся студенты горного института, узнав о Ваших подвигах в рядах почтовых штрейкбрехеров и считая такие поступки подлыми и уместными лишь для титулованных черносотенцев и наемных хулиганов, требуем немедленного удаления Вашего из института.

В. Половников, А. Строгальщиков, Ив. Знаменский, П. Матвеев, Б. Стахевич, А. Гапеев, В. Мефферт, А. Миронов, В Зверев, И. Седов, В. Новожилов, Б. Сажин, Макс, Кострикин, Николай Шадлун, Евг. Ананьин, Ал. Вертячих, С. Свистунов, Г. Бушман, В. Гербаненко, А. Замятин.

С.-Петербург.
27 ноября 1905 г.

Иностранный отдел.

Борьба за всеобщее избирательное право на Западе.

В разных странах Западной Европы в самом разгаре теперь борьба за всеобщее избирательное право. Всюду во главе этой борьбы стоит пролетариат, который больше всех других классов населения страдает от лишения политических прав. Длинный ряд более или менее мирных и более или менее воинственных выступлений пролетариата с требованием всеобщего избирательного права проходит по истории последних десятилетий почти во всех конституционных странах Европы. И теперь наступил момент, когда упорная борьба пролетариата за это свое политическое право должна завершиться победой.

Уже давно прошли те времена, когда для отстаивания народных прав в европейских государствах выступал весь народ без различия классов. Чем дальше, тем резче диференцируются классы и тем меньшее участие в борьбе за народные права принимают непролетарские слои населения. Уже весьма слаба была поддержка пролетариата со стороны свободолюбивой части буржуазии в 90-х годах в Австрии и Бельгии в борьбе за всеобщее избирательное право. И отчасти благодаря слабости этой поддержки и в некоторых случаях благодаря трусости и предательскому образу действий „политических союзников из либерального общества", пролетариату не удалось тогда провести свое требование сполна и лишь добиться некоторого расширения избирательного права. Теперь же о поддержке со стороны либеральной буржуазии нечего и говорить. Пролетариат стоит совершенно одиноким в этой борьбе; но тем больше возросли его энергия и настойчивость, и, несмотря на отчаянное противодействие со стороны почти всей буржуазии, успех борьбы можно считать обеспеченным повсюду. Приходится признать, что еще теперь не грешит против истины положение Лассаля, что всеобщее избирательное право есть идея четвертого сословия.

Долгая и энергичная агитация, которую австрийская социал-демократия вела в рабочем классе Австрии, и многочисленные внушительные заявления от всех рабочих союзов, клубов и собраний вынудили у правительства признание, что существующая избирательная система не отвечает потребностям времени и что оно склонно в самом недалеком будущем внести в парламент законопроект об избирательной реформе. Такое признание - обещание могло, конечно, вполне успокоить чернильных борцов свободолюбивого общества и побудить их к „выжидательной тактике". Но не таково настроение революционного пролетариата. Он твердо помнит, что „недоверие есть величайшая добродетель демократии". С удесятеренной энергией возобновилась агитация, и скоро для всего рабочего класса Австрии требование всеобщего избирательного права стало насущнейшим требованием, которое должно быть немедленно удовлетворено сполна. 28 ноября (н. ст.) во всех городах и промышленных центрах Австрии состоялись грандиозные демонстрации рабочих с одним общим лозунгом, лозунгом всеобщего избирательного права; а в Вене 250 тысяч рабочих, с депутациями от множества рабочих союзов (социал-демократических) во главе, двинулись к парламенту, к палате господ и к дому министра-президента и заставили последнего дать категорическое заявление, что правительство внесет еще в продолжение этой сессии законопроект о всеобщем избирательном праве. А в парламенте, который в этот день начал свои заседания, министр-президент Гауч подробно изложил взгляд правительства на этот вопрос и всенародно подтвердил уступку правительства.

Почему австрийское правительство уступило?

На этот вопрос тов. Дащинский дал в своей парламентской речи ясный и полный ответ: „Три обстоятельства были главными мотивами в решении правительства: рост революции пролетариата в России, дворянская революция и отношение к ней короля в Венгрии и организованное рабочее движение в Австрии". И когда один из консервативной партии воскликнул: „Разве нас тоже разбили японцы?" тов. Дащинский ему ответил: „Да, и вы, господа, побиты японцами. Там, где русский абсолютизм был разбит на-голову японцами, там вместе с ним были разбиты все самодержавные элементы Западной Европы. Нет нужды, что японцы не посылали своих снарядов в наш «соломенный амбар» (так называют в Австрии палату господ— верхнюю палату). Удары, которые на Дальнем Востоке сыпались на голову царизма, весьма чувствительны для всех маленьких царьков, властвующих еще в Европе".

Но буржуазное большинство австрийского рейхстага не может простить своему „обожаемому" монарху, что он согласился дать народу такое важное право „без капли пролитой крови". Апологеты „мирной эволюции", щедрые на обещания всех благ под условием спокойствия и порядка, не могут успокоиться, что пролетариату удалось без жертв, „без баррикадного боя", вынудить у правительства уступку. Верные престолу и постоянно „доверяющие мудрому правительству", они теперь, как один человек, ополчились на мягкого, уступчивого премьера и обвиняют королевскую власть и министерство в союзе с революционерами: „Der König absolut, wenn er unseren Wollen thut".

Русская революция дала наглядный урок европейскому пролетариату, как надо бороться за свободу и народные права; и один призрак ее сделал уступчивыми полуабсолютистские власти Австрии. Но и русская контр-революция оказалась учительницей Запада. Австрийские антисемиты переняли тактику наших черносотенцев, и их главарь, городской голова Вены д-р Люгер, призывал венцев к избиению евреев в ответ на социал-демократическую демонстрацию.

Победа, конечно, обеспечена за нашими австрийскими товарищами, но она еще ими не одержана. Им предстоит еще упорная борьба с реакционной партией, вокруг которой группируется почти вся буржуазия.

Буржуазия из кожи лезет вон, чтобы вызвать пролетариат на уличный бой. Пускаются в ход самые гнусные провокации. Она жаждет крови, пролетарской крови.

Наши товарищи сознают также, что и на категорическое обещание правительства нельзя вполне полагаться, тем более, что в программной речи министра-президента имеются весьма подозрительные места, заставляющие думать, что уступчивое правительство оставляет за собой лазейку, как-то: плюральная система голосов, требование оседлости и др.

В первом фазисе происходит пока борьба за всеобщее избирательное право в союзной с Австрией—Венгрии. И там пока приходится пролетариату быть одиноким в этой борьбе. Не так давно, всего несколько месяцев тому назад, когда венгерские радикалы вступили в борьбу с королевством за венгерскую независимость, вожди этой борьбы, с целью вовлечь в нее народные массы, не скупились на обещания, и в числе других обещали также введение всеобщей избирательной системы для самостоятельности венгерского парламента. Коалиция оппозиционных партий, буржуазный блок для завоевания автономии, тоже стояла на первых порах на платформе всеобщего избирательного права. Но это продолжалось недолго. Скоро одна за другой буржуазные партии начали относиться „критически" к столь „радикальной" реформе, как введение всеобщего избирательного права. И чем больше росла сила оппозиционного блока, чем ближе он стал к победе, тем быстрее шла его изменническая политика, и в последнее время буржуазные газеты Венгрии не постеснялись открыто выступить против всеобщего избирательного права. Социал-демократия разоблачала самым беспощадным образом это гнусное вероломство. И обман народа не удался.

Рабочие Будапешта также прибегли отчасти к русским приемам. Наборщики отказались работать для газет, высказывающихся против священного права народа. Это подействовало. И на последнем собрании оппозиционной коалиции уже раздавались голоса, советовавшие буржуазным партиям быть „благоразумными" и внести в свои программы пункт о всеобщем избирательном праве.

В германских государствах, главным образом в Пруссии и в Саксонии, борьба только начинается. Социал-демократия уже об'явила во всеуслышание, что партия трех миллионов избирателей не потерпит больше такого урезывания народных прав, какое представляют собой жалкие избирательные системы прусского и саксонского ландтагов. В Дрездене уже состоялась манифестация рабочих по этому поводу.

Полиция действовала „по-русски": напала с шашками наголо на безоружную толпу, ранила многих и разогнала манифестантов. Но и наши товарищи готовятся действовать „по-русски". Вопрос о всеобщей стачке стоит на очереди.

Пролетариат решил бороться до конца, и его мало смущает то, что он в своей общепризнанной справедливой культурной

борьбе не встречает поддержки ниоткуда. Благоразумная часть немецкой буржуазии советует своим правительствам уступить, пока не поздно. А упорная и стойкая реакция мечет гром и молнию и вопит об исключительных законах, о репрессиях, о твердой руке правительства, о недопущении возможности всеобщей стачки. Уморительная картина, как эти рыцари реакции измышляют всевозможные средства против революции! „Измышляйте какие угодно запреты революции, — отвечает им наш братский орган „Leipziger Volkszeitung“ — Неужели вас не убедит пример России, что и при самых строгих запретах всеобщая стачка удается. Революция не поддается запрету“.

Стачка и демонстрация рабочих в Белграде.

Самоотверженная борьба русского революционного пролетариата передается, как электрический ток, пролетариату других стран. Все чаще и чаще телеграф приносит известия о борьбе европейского пролетариата с бюрократией и капиталистами. Стачки и демонстрации распространяются, как пожар, из одного государства в другое.

По сообщению болгарских и сербских газет, на-днях белградские рабочие, узнав, что в скупщину (парламент) внесен консервативный законопроект о рабочих союзах, решили всеми силами бороться против его проведения. По этому поводу софийской „Вечерной Пощи“ телеграфируют из Белграда:

„22 ноября, в 9 часов утра, рабочие устроили величественную демонстрацию. Около десяти тысяч рабочих с двумя красными знаменами шли по улицам с песнями и криками: «Долой закон о союзах! Да здравствует рабочая солидарность! Да здравствует русская революция!»

„Демонстранты, обойдя все главные улицы, прошли мимо дворца и направились к скупщине, где и остановились. Депутация из пяти членов, во главе с социалистическим депутатом Ляпчевичем, явилась к премьер-министру, председателю скупщины и министру торговли. Премьер-министр ответил депутации, что для удовлетворения рабочих законопроект будет изменен, но не будет взят обратно. Вождь рабочих Павичих сообщил ответ министра демонстрантам и предложил в то же время всеобщую забастовку. Рабочие с восторгом встретили предложение о забастовке и разошлись спокойно“.

Берлин. На браваду имперского канцлера Бюлова относительно внешней политики Германии тов. Бебель дал от имени немецкого рабочего класса весьма внушительный ответ: „Если Вы не позаботитесь о том, чтобы отечество, которое пролетариат должен защищать от внешнего врага, будет стоить этой защиты, то в случае войны рабочий класс еще подумает, нужно ли ему пойти на защиту страны“. Буржуазия, привыкшая смотреть на рабочих как на пушечное мясо, пришла в неописуемое негодование, когда ей было заявлено, что пролетарии не склонны слепо итти на убой, а предварительно подумают, действительно ли война в том или другом случае необходима и действительно ли стоят на карте интересы народа. Такое „патриотическое“ возмущение благородных рыцарей эксплоатации вполне естественно и не ново в Германии. Но нервность и раздражительность, обнаруженная при этом правительством и буржуазными партиями, указывают на то, что теперешнее состояние в Германии крайне напряженное и что вопрос войны не есть теперь для Германии чисто академический вопрос. В виду этого и социал-демократия должна будет, конечно, усилить и несколько видоизменить свою агитацию против войны. „Leipziger Volkszeitung“ пишет по этому поводу: „Наша агитация против войны вступает теперь в новую стадию. До сих пор мы главным образом старались выяснить массам настоящий характер войны. Этого было достаточно до тех пор, пока возможность войны к нам не стучалась в дверь. Но теперь положение изменилось...

...„Старая Европа корчится в родовых муках перед новой исторической эпохой. Старое варварское правление на востоке падает, а образцовое феодальное государство на юго-востоке трещит по всем швам. Предстоит банкротство России и вместе с ним страшное, небывалое в Европе экономическое потрясение. Политическое озлобление в нашей стране с страшной силой толкает ко взрыву... Кто может теперь сказать, что будет в ближайшие месяцы?.. И в этом вихре событий социал-демократия представляет собою единственный спокойный полюс и надежное убежище для угрожаемой культуры. Война, вопреки воле социал-демократии, теперь уже вещь невозможная: пусть это запомнят раз навсегда правящие классы... И в тот момент, когда господствующие классы позовут народ на защиту отечества богачей, и партия в ответ на это призовет к массовой стачке, тогда произойдет нечто обратное, чем в 1813 году...“

Париж. У кучеров компании городских карет „Урбэн“ на-днях состоится митинг протеста против новых притеснений компании. Дело в том, что, согласно договору, каждый кучер, у которого записано 330 рабочих дней в году, получает премию в 200 франков. За 320 дней получает 150 франков, а за 310—100 франков. На этот раз компания, однако, решила сократить эти премии с 200.000 франков, которые ей пришлось бы выдать, до 25—30.000. С этой целью выработано было очень простое средство: как только какому-нибудь кучеру предстояло получить премию, у него отнималась возможность закончить необходимое количество рабочих дней. Для этого достаточно было только отправить в починку его карету. Эта мера стала применяться регулярно. Кареты систематически отнимались у кучеров до тех пор, пока им уже не было больше возможности заработать себе премию. Кучера заявляют, что они решили об'единиться для защиты своих прав, не остановятся и перед судом.

Анжер. Вследствие увольнения двух рабочих здесь вспыхнула забастовка. Число бастующих доходит до 1.200 человек. На место забастовки посланы войска.

Капштадт. На конгрессе фермеров Оранжевой реки, который состоится в ближайшем будущем, будет внесено предложение, чтобы, в виду уменьшения числа местных рабочих, правительство озаботилось ввозом индусов. „Argus“ замечает, что предложение это идет со стороны не „капиталистов-космополитов“, стремящихся только набить себе карманы на счет Южной Африки, но от ассоциации голландских фермеров, члены которой хорошо знают, в чем тут дело. Нет основания предполагать, чтобы трансваальские фермеры высказались по этому важному вопросу иначе, чем их собратья.

Польский вопрос и Германия.

Одно высокопоставленное лицо в Берлине, беседуя с корреспондентом Гемрэ указало, что польский вопрос, выдвинутый на первый план русскими событиями, может сделаться интернациональным.

„Уже много лет все три государства, имеющие польских подданных, смотрели на этот вопрос исключительно с точки зрения внутренней политики, и целые десятки лет уже заинтересованные государства не обменивались между собой мнениями по этому поводу. В настоящее время автономия Польши составляет исключительно русское дело. Прусские поляки, пользующиеся у нас политическим равноправием, прекрасно понимают, что пройдет много лет, пока их братья в России получат такие же свободы.

„Что же касается до экономической борьбы между немцами и поляками, то не в ней вообще суть дела, и не вопрос языка или другие подобные требования заставят их попытаться изменить положение. Поэтому мы можем быть вполне спокойны и считать последние сенсационные новости просто тенденциозной попыткой попугать нас разными трудностями.

„Говорят, что в австрийском парламенте будет сделана интерпеляция по этому вопросу; будем надеяться, что венское правительство прольет возможно больше свету на это дело“.

Но корреспондент Гемрэ замечает, что такой оптимизм отнюдь не составляет общего явления в Германии и что очень многие сомневаются в пригодности польской политики в Пруссии. Результаты ее совершенно противоположны намерениям правительства, и германизация, по общему мнению, не имеет никакого успеха. Многие открыто требуют реформы прусской

системы в польских провинциях, так как продолжение прежней политики представляет серьезную опасность.

В „Leipziger Volkszeitung“ пишут из Японии: „В то время как поражения русских войск на поле битвы ускорили железную поступь русской революции и встряхнули народы порабощенной России, впавшие в отчаяние, в Японии победоносная война привела к противоположным последствиям, и это не первый случай в мировой истории. Квасной патриотизм и милитаризм процветают теперь в Японии; на славную армию и «гордый флот» жертвуются миллионы, а ничтожные свободы народа попираются. В последнем номере газеты «Токийский Социалист» говорится, что социалистическое движение в Японии почти погасло, социалистической партии не существует, есть только так называемая «партия государственного социализма». Газета «Хокуген» после нескольких приостановок издания и постоянных полицейских придирок понесла большие материальные потери и в конце концов перестала выходить. Из социалистических газет остался один «Социалист». Социалистов преследуют, несмотря на то, что они были почти единственной группой, одобрившей заключение мира с Россией. Несмотря, однако, на все преследования, идею социализма в Японии нельзя искоренить. «Социалист» говорит, что, хотя в настоящее время социалистам приходится молчать, так как все население опьянено национализмом и патриотизмом, все же под слоем золы тлеют угли, и придет время, когда они вспыхнут могучим пламенем“.

„Právo Lidu“ сообщают, что австрийское правительство следует по стопам царского правительства: оно хочет, повидимому, подавить рабочее движение в пользу всеобщего избирательного права военной силой. На-днях прибыло в Прагу два галицийских полка в полной военной готовности.

Финляндия.

Гельсингфорс.

(Корр. „Нов. Жизни“.)

Сегодня, 10 декабря (нов. стиля), состоялись парад и митинг „Красной гвардии“ на Сенатской площади. Пролетарская гвардия, в рядах которой стоит 6.000 рабочих, сегодня торжественно утвердила принятый правлением Финляндской Социал-Демократической Партии и начальством гвардии проект устава (13 §).

Начальник гвардии в Гельсингфорсе, товарищ Луото, прочел пункт за пунктом устав, а гвардия единогласно одобрила его по пунктам. Приведем в переводе некоторые наиболее интересные пункты.

§ 1. Целью Красной гвардии является защита жизни граждан и государственной и частной собственности от всякого насилия; в случае всеобщей забастовки Красная гвардия должна защищать мирные демонстрации рабочих и свободу собраний, слова и печати, с какой бы стороны ни грозила опасность.

§ 5. В виде резерва Красной гвардии будет организована, в случае необходимости, так называемая Национальная гвардия.

§ 13. В виду того, что ближайшей целью социал-демократической партии является достижение нравственными средствами народного представительства, соответствующего народной воле, Красная гвардия будет распущена, коль скоро финский народ получит представительство, состоящее из одной палаты и основанное на всеобщем, равном и тайном избирательном праве, и наступят столь мирные времена, что больше не будет надобности в защите гвардии.

Красная гвардия входит в состав соц.-демократической партии; своих офицеров и даже высшее начальство выбирают сами солдаты, финансовой частью гвардии заведует выбранный ею посредством тайной подачи голосов комитет из 7 членов. После утверждения гвардией устава начальник Красной гвардии во всей Финляндии товарищ-капитан Кок произнес следующую речь:

„Братья и товарищи!

„Людей следует ценить не по счастью и успехам, которые иногда выпадают на их долю, а по тем жертвам, которые они приносят для достижения своих целей. Наши русские братья помогли нам, а сами себе еще не могли они помочь. В своей борьбе за свободу они пожертвовали всем, а в награду за все свои жертвы они получили виселицы и тюрьмы. Как это ни ужасно, русское правительство все еще прибегает к жестоким мерам. До нас дошли слухи о том, что предполагают казнить лейтенанта Шмидта и его товарищей. Смертная казнь так ужасна и несправедлива, что нам теперь нечего об этом распространяться. Зато мы выражаем им свое глубочайшее сочувствие, а их преследователям — осуждение.

„Но в то же время мы не должны забывать и себя: из нашей среды несправедливо и незаконно выхвачен один из наших братьев рабочий Килле Прокеппе *), и наш долг сделаться защитниками, судьями его поступка. Наш нравственный долг требовать, чтобы его немедленно привезли из России в Финляндию. Солидарность рабочего класса должна быть настолько сильной и могучей, что мы и все рабочие в Финляндии должны, как один человек, возвысить свой голос в его защиту. Если будет оскорблен один из них, то мы все должны чувствовать оскорбление. Теперь, когда все остальные не забыли его, мы должны помнить, что он теперь страдает там, где-то вдали от нас. Пусть знают блюстители закона, что мы ждали уже достаточно долго и что всякому терпению есть предел. Теперь мы будем ждать окончательного ответа. «Да здравствует солидарность финляндского пролетариата!»“

В ответ на речь своего начальника гвардия огласила Сенатскую площадь громогласным „ура“.

Грандиозный смотр гвардии закончился рабочим маршем, который был исполнен прекрасным оркестром Красной гвардии и всем безоружным пролетарским воинством, певшим его с обнаженными головами. Затем, под звуки оркестра со своими многочисленными красными знаменами, гвардия стройными рядами промаршировала по главным улицам в один парк, откуда она разошлась по домам. Все время царил образцовый порядок. Чудное зрелище представляло шествие рабочих, растянувшееся, по крайней мере, версты на две.

Рабочими ведется усиленная агитация в целях удаления из фабрик и заводов рабочих, принадлежащих к „конституционному рабочему союзу“, на которых их товарищи соц.-демократы естественно, смотрят как на штрейкбрехеров.

На этой почве на-днях разыгрался здесь на одном механическом (машинном) заводе конфликт, окончившийся локаутом, и 500 рабочих окажутся выброшенными на улицу к рождеству. Такое же „великодушие“ высказал один завод в Або по отношению к рабочим, потребовавшим удаления одного мастера. Об этом подробно поговорим в другой раз.

Упомянем еще об одном факте. 20—30 рабочих механической мастерской правительственных железных дорог в Гельсингфорсе должны были вычеркнуть свои имена из списка „конституционного рабочего союза“, так как их товарищи обещали их выгнать из мастерской.

Наблюдатель.

Областной отдел.

Новоторжский у., Тверской губ.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Освободительная волна захватила и наш край. Разговоры по поводу последних манифестов уже давно велись среди крестьян. Но последние события заставили зашевелиться такие слои крестьянства, которые до сих пор спали глубоким сном.

20 ноября на волостном сходе Прямухинской волости рассматривалась программа прямухинского крестьянского союза

*) Убивший летом в Выборге жандармского полковника Крамаренко, прославившегося своей жестокостью, присужден военным судом к смертной казни, но помилован, т. е. подвергнут пожизненному заключению.

и после долгих и горячих обсуждений принята. Весть о союзе в волости с каждым днем все более привлекает внимание крестьян. Деревни, где до сих пор нельзя было появиться с свободным словом, теперь сами устраивают собрания и приглашают на них знакомых ораторов из местной интеллигенции и крестьян. Черная сотня, в лице Кулакова и Попова, как будто присмирела и ждет и слушает, что и как говорит православный народ о кулаках и духовенстве.

Жажда слушать свободную, живую речь растет во многих деревнях нашего края, но беда в том, что нет доступных ораторов, людей свободных, которые могли бы раз'езжать по деревням и беседовать с крестьянами. Среди местных людей хотя и есть ораторы, но они люди занятые и не всегда могут ехать на собрание, а совсем посторонних людей крестьяне неохотно слушают и с недоверием относятся. Программа союза такова:

1) Созыв Учредительного Собрания на основании всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

2) Введение самоуправления во всех областях и местностях.

3) Действительная неприкосновенность личности и жилища.

4) Свобода совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.

5) Свобода передвижения и промыслов.

6) Уничтожение сословий и уравнение всех перед законом.

7) Об'явление полной амнистии всем борцам за свободу.

8) Отмена смертной казни.

9) Всеобщее, обязательное и бесплатное обучение и снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

10) Сокращение срока военной службы до одного года и замена постоянного войска всеобщим вооружением народа.

11) Отделение церкви от государства и школы от церкви.

12) Отмена прямых и косвенных налогов и введение прогрессивного налога на доходы и наследства.

13) Введение 8-час. рабочего дня для всех рабочих по найму.

14) Государственное страхование рабочих и крестьян без наемных работников.

15) Уничтожение частной собственности на землю и средства производства и передача их в распоряжение всего народа.

16) Образование комиссии из крестьян, которая рассмотрит, какие земли отобрать у частных владельцев бесплатно и какие выкупить за счет государства и распределить равномерно между крестьянами.

Союз определяет немедленно провести в жизнь:

1) Выкупных и государственных налогов не платить. Земский сбор сдавать в волостное правление на распоряжение волостного схода.

2) Не служить полиции, упразднить ассигновки жалования сотским и десятским, которых рассчитать по 1 декабря.

3) Требовать от всех чиновников вежливого обращения со всеми выборными лицами волости, не исполняя предписаний и приказаний.

4) Новобранцев к отбыванию воинской повинности не отправлять до тех пор, пока не будут возвращены с Дальнего Востока на родину все запасные.

5) Состав волостного суда переменить.

6) С жалоб, подаваемых в суд, взимать сбор на просветительные цели.

7) Пред'явить к земскому начальнику иск за растраченные общественные суммы.

8) По возможности ничего не покупать в лавках кулаков-торговцев, устроив свои общественные потребительские лавки; приговором закрыть казенные винные лавки и пока совсем не покупать вина. Не наниматься, по возможности, к помещикам на работу. А если наниматься, то за плату: $1^1/_2$ руб. — мужчине и 1 руб. — женщине за 10 час. работы.

9) Потребовать возврата всех продовольственных капиталов и из'ять из ведения земского начальника общественные хлебозапасные магазины; вынуть все вклады из сберегательных касс и разменять бумаги на золото; бумажных денег избегать.

Полицейских чинов в дома к себе не пускать и корму ни им, ни их лошадям не давать и не продавать.

Ростов - Дон.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Общественно-политическая жизнь ростовцев стала открыто проявляться всего только с месяц.

„Порядки“ у нас были настолько строги, что только такие кровавые события, как погром 18 — 20 октября, в состоянии были взломать твердую кору обывательской замкнутости ростовцев и пробудить в них чувство самосознания и общественности.

Жаль только, что сознание это так дорого обошлось.

Передавать подробности „варфоломеевских ночей“ и слишком тяжело и бесцельно: их и без того знает вся читающая, вся мыслящая Россия.

Необходимо лишь „для памяти“ отметить то „участие“, с которым отнеслось к событиям 18 — 19-го наше городское управление.

В день начала погрома гласные городской думы, вместе с соборным духовенством, прошлись мимо разграбляемых магазинов и домов в церковь. А когда гор. голове граждане заявили о необходимости требовать удаления из города казаков, стрелявших в самооборону и ободрявших грабителей, гор. голова Хмельницкий отказался что-нибудь сделать. Больше того: он отказался даже подписать протокол об участии полиции и казаков в погроме, несмотря на то, что сам, стоя на подоконнике своего кабинета, видел, как казаки содействовали разбитию находящегося напротив магазина Цвета и как они стреляли в самооборону рабочих Владикавказской жел. дороги.

Ничего также не было сделано городским управлением и после того, как 7 ноября казаки избили нагайками работниц и работников местных табачных фабрик.

И хотя граждане протестуют, хотя союзы всех организаций выражают презрение нашему муниципалитету, он все-таки крепко держится на своем месте, и только трое гласных отказались быть в числе таких позорных избранников.

Полиция занялась было организацией второго погрома и начала с этой целью раздавать гектографированные листочки, но это выплыло наружу; опровергая это „обвинение“, полиция привлекает теперь к ответственности местную газету „Донская Речь“, которая рада случаю представить доказательства суду.

Чернигов.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Очень важным показателем глубины и силы современного освободительного движения является его могучее, захватывающее влияние на провинцию. Развившись, как рабочее движение, в крупных промышленных центрах, оно встряхнуло всю Россию до самых далеких углов и пробудило все классы и слои общества. Чернигов—довольно глухой провинциальный город, но и в нем мы видим быстрый рост освободительного движения, особенно в последние месяцы.

В Чернигове около 3 тысяч рабочих, занятых преимущественно в мелких мастерских, где их жестоко эксплоатируют. Социал-демократическая группа организовала стачечное движение, которое началось с 1 мая и продолжалось до осени почти всегда успешно. В течение всего лета происходили (за городом) социал-демократические митинги, на которые собиралось свыше 500 рабочих. 6 августа митинг был разогнан казаками, многие были избиты и ограблены.

Местные либералы вообще ведут себя скромно. Даже сочинением резолюций в „весенний“ период занимались довольно слабо. На земских и думских собраниях государственные „вопросы обсуждали в закрытых заседаниях. На 5 мая было назначено публичное обсуждение этих вопросов в заседании библиотечного общества; публики собралось свыше 500 человек, но собрание было разогнано полицией при содействии казаков; несколько человек арестовано.

В сентябре организовался союз земских служащих. Первым его постановлением было потребовать от губернской управы, чтобы она или возвратила на службу или выдала трехмесячное жалованье одному статистику, арестованному 5 мая и впоследствии уволенному по предписанию губернатора. Управа колебалась, началась забастовка земских служащих, которая

с 17 октября слилась с общей политической забастовкой. Управа в принципе согласилась исполнить требование союза, но нашла необходимым провести вопрос чрез земское собрание.

7 октября забастовала, а затем и закрылась черниговская духовная семинария. В своей петиции к синоду семинаристы требовали доступа в университеты и полного преобразования всего учебно-воспитательного строя духовных школ. На последнем своем собрании (8 окт.) они признали необходимость „борьбы с существующим политическим строем России“ по примеру „революционной борьбы пролетариата“. Вслед за семинарией устроили политические забастовки и другие учебные заведения, мужская и женская гимназии, фельдшерская школа, епархиальное училище.

С 15 октября рабочие соц.-демократы стали захватывать общественные здания для политических митингов: сначала губернскую управу, потом статистическое бюро, городскую думу, народный дом. Во время митинга 17 октября в здание статистического бюро ворвались солдаты и, в виду отказа разойтись, приготовились стрелять; когда участники митинга стали расходиться, их избивали прикладами в бюро, а на улице встретили выстрелами; прискакавшие казаки устроили жестокое побоище нагайками и шашками.

В этот же день (17 окт.) началась всеобщая политическая забастовка по призыву социал-демократической организации. Были закрыты почти все магазины, мастерские, общественные учреждения, учебные заведения, водопровод и электрическая станция.

После об‘явления „конституционного“ манифеста (17 окт.) в Чернигове начались свободные митинги, привлекавшие тысячи народа как из города, так и из окрестных деревень. Происходили они в здании городской думы, в ремесленном училище, в летнем театре и в синагоге. Сначала беспорядочные и бурные, они затем были правильно организованы социал-демократической группой, которая на целом ряде собраний выясняла значение текущих событий, задачи рабочего класса и программу социал-демократической партии. Один митинг был устроен и социалистами-революционерами.

В 20-х числах октября стало известно, что в городе подготовляется при деятельном участии полиции еврейский погром. Была организована оборона (свыше 400 человек), в которую вошла как еврейская, так и русская рабочая масса и несколько десятков крестьян. Погром был назначен на 23 октября и произошел по всем правилам административно-хулиганского искусства. Сначала — патриотическая манифестация, с губернатором во главе, затем разгром магазинов, избиение евреев и интеллигентов при благосклонном попустительстве полиции и войска. Не удался только разгром квартир. Когда масса громил, грабивших лавки на базарной площади, разделилась на отдельные шайки и двинулась в соседние улицы, навстречу ей раздались залпы отрядов обороны и быстро ее рассеяли. Погром был подавлен. Одновременно были организованы еврейские погромы в уездных городах и во многих селах.

Еще раньше этих событий (в начале октября) возникло в Черниговской губернии крестьянское аграрное движение, которое к концу месяца приняло огромные размеры.

Киев.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Брожение среди понтонных саперных батальонов возникло на почве недовольства условиями солдатской жизни и усилилось под влиянием севастопольских событий.

Дикая выходка командира 3 роты 5 понтонного батальона штабс-капитана Смирнова, заставившего трех солдат под дулом револьвера молиться на себя и целовать пол в знак подчинения и смирения, явилась каплей, переполнившей терпение раба-солдата.

Протест, так или иначе, должен был вылиться в каких-либо внешних формах. Идея общей забастовки и коллективного пред‘явления требований высшему начальству наиболее встречала сочувствие.

В массе была уверенность, что солдат в солдата стрелять не будет, опасались только казаков и то далеко не все.

Опасения были напрасны. Уральцы не стреляли, и когда восставшие солдаты шли под звуки военного оркестра по Большой Васильковской улице и навстречу им появился отряд уральцев, то только меньшинство стало заряжать винтовки,— до такой степени не верилось в исполнение угрозы.

Вообще преобладало мирное настроение, при снимании частей насилия не было — действовали словом увещевания. В одном случае побили офицеров, когда последние во время прохождения восставших войск стали задерживать тыловые части.

На замечания отдельных лиц, что найдутся солдаты „верные долгу“ (быть рабами) и будут стрелять,— солдаты усмехались: до такой степени это казалось им невероятным; и я был свидетелем, как при громких криках „ура“ слились солдаты, после первого расстрела, с солдатами Миргородского полка, который был веден офицерами усмирять „бунтовщиков“.

Расстрел восставших сознательных солдат был произведен учебными командами Азовского и Миргородского полков под начальством своих полковых командиров.

Солдаты шли не на бой, а на мирную демонстрацию. Это подтверждается тем, что при обращении высшего военного начальства солдаты отвечали по установленной форме, дневальных и караульных не снимали, даже, во избежание насилий, не освобождали арестованных.

И вот мудрое начальство не поняло или, вернее, не хотело понять из боязни за собственную свою шкуру. Это начальство, откармливающееся и откармливающее своих близких солдатским пайком, при необычайной воровской наглости — трусливо до подлости. Само собой разумеется, что ему надо было создать из мирной демонстрации обиженных и обдираемых ими солдат — создать военный бунт, устроенный „крамольниками — социал-демократами“, а солдат („эта серая сволочь“) должен быть вполне доволен своим положением; солдат в деревне „хлебает тюрю лаптем“. Так думает военное начальство... До 25 ноября в „больнице чернорабочих“ умерло 5 человек. В ночь на 25-е один из числа раненых солдат, при перевозке его из больницы, был отбит и увезен товарищами.

Батум.

Батумская полиция подала следующее заявление военному губернатору области:

Долголетним тяжелым нашим трудом мы заслужили не только неуважение, а даже презрение общества. Виной этому служит старый бюрократический строй полиции и совершенное игнорирование общественного элемента. Полицейский чиновник, удрученный и приниженный грубым обращением начальства, измученный тяжелой дневной и ночной работой, не обеспечен даже насущным хлебом. Общество нас не уважает, презирает, некоторых преследует, убивает и даже покойников не удостаивает обыкновенных похорон. При этом положении дел не только нельзя служить, но жить нельзя. Мы вполне сознаем, что никакая полицейская служба не может пойти без содействия населения, между тем, очутившись между молотом и наковальней, мы не видим выхода из этого положения в близком будущем: с одной стороны, общество, не уважая нас, отказывает нам в содействии, и потому ни одно преступление не поддается выяснению, а с другой — слышим укоры и даже угрозы начальства, требующего открытия преступлений. Такое невыносимое тяжелое положение не может продолжаться, и потому пред‘являем нижеследующую программу требований. Если требования эти не будут выполнены до 1 января 1906 года, мы все решили забастовать и к службе не приступать.

„Программа требований“.

1) Передать полицию городскому самоуправлению, а до решения этого вопроса законодательным путем Государственной Думой допустить при полицеймейстере депутатов от населения, чтобы все дела обсуждались и решались в присутствии последних.

2) Из‘ять от полиции все косвенные обязанности:

а) Жандармские политические дела.
б) Взыскание денег.
в) Вручение повесток и вообще все обязанности рассыльных.

3) Поставить полицейских чинов в такие рамки, чтобы они при своем старании приобрели уважение и расположение общества.

4) Принимать в полицию лиц с большим разбором и с цензом не ниже прогимназического курса или городского училища („Черномор. Вестн.").

Далее следуют еще 15 пунктов требований более частного характера.

Из голодных краев.

Из деревни сообщают, что голод наступает с неуклонной быстротой. Из Тульской губернии сообщают:

Епифанский уезд, Тульской губернии, посетил неурожай всех хлебов и трав, вследствие чего население уезда уже и в настоящее время терпит сильную нужду в продовольствии, а также в корме для скота. Между тем средства помощи голодающему населению пока крайне ограничены; помощь от казны и земства при общем обеднении будет несомненно недостаточна.

Со станции Куркино, Тульской губ., пишут:

Крестьян постиг в нынешнем году полный неурожай; в приходе масса крестьян нуждаются в скорейшей помощи. Особенно удручающее впечатление производят дети школьного возраста. Детская смертность была велика и в прошлые, урожайные, годы, в этом же году, по всей вероятности, она достигнет ужасающих размеров.

Из Псковской губ. пишут:

Земская управа исчислила недостаток хлеба в 700 тысяч пудов на основании данных статистического бюро. Волостные правления показали необходимость ссуды в 600 тысяч пудов. Податной инспектор высказал мнение, что, если будет приостановлено взыскание выкупных платежей, то ссуда не потребуется. Уездный с'езд определил ссуду в 400 т. пудов и распорядился составить списки.

Судебная хроника.

Правительствующий сенат.

Борьба рабочих с капиталом.

25 ноября в уголовном кассационном департаменте правительствующего сената слушалось интересное дело о беспорядках, происходивших в 1904 году на пенькопрядильных фабриках города Карачева вследствие неблагоприятного положения, в которое были поставлены рабочие произволом фабрикантов. Экономическое положение рабочих и причины, побудившие их перейти к активным мерам, рисуются в следующем виде. Заработная плата для прядильщиков на фабриках города Карачева в последние годы равнялась 80 коп. в день. Но вдруг 22 мая 1904 года на всех фабриках были вывешены об'явления об уменьшении с 3 числа июня заработной платы до 70 коп. На первых порах такое об'явление не вызвало, повидимому, среди рабочих прядильщиков, которых оно касалось, какого-либо неудовольствия, так как они продолжали работы, и никаких неприязненных действий в отношении владельцев фабрик не проявлялось до 24 мая. С утра же этого дня среди прядильщиков на фабрике Боевых начались какие-то переговоры, при чем они старались держать в тайне от администрации фабрики содержание своих совещаний и затем об'явили приказчику о желании их видеть хозяина Петра Боева. По прибытии последнего на фабрику прядильщики пред'явили ему просьбу о снятии об'явления и об оставлении существовавшей 80-коп. поденной платы и после 3 июня; когда же Боев на это не согласился, то прядильщики прекратили работу и разошлись по домам. То же самое почти одновременно последовало и на фабрике Дракина. В тот же день, уже во время обеденного отдыха, около 2 часов дня, на фабрику Голутвина явился прядильщик ее Скорбилин и стал требовать прекращения работы, при чем рвал нитки у работавших на фабрике прядильщиков и кричал: „Бросайте работу!". После этого рабочие просили Голутвина снять об'явление о понижении платы, а когда Голутвин в этом требовании отказал, то рабочие фабрики прекратили работы и ушли. Прекратив работы на фабриках Боевых, Дракина и Голутвина, прядильщики фабрик, образовав толпу, отправились на другие фабрики Дракиных и здесь потребовали прекращения работ, при чем эта толпа разбила стекла и рамы в окнах домов Дракиных. От фабрик Дракиных толпа, возросшая уже до значительных размеров, человек до 700, направилась к фабрике купцов Боевых и на требование полиции „разойтись" кричала: „Фабриканты нас притесняют; вы не видите, когда нас обижают хозяева, а когда мы их обижаем, останавливаете; через нас они нажили деньги, через нас должны быть и нищими", и продолжали шествовать к фабрике Боевых, а по прибытии на эту фабрику участники совсем испортили прядильные машины; ворвавшись в кухню и контору при фабрике, разбили здесь стекла в окнах, уничтожили фабричные книги и несколько домовых на имя владельцев фабрики Боевых обязательств, разбили и испортили находившуюся в этих помещениях мебель, а из прилегавшей к конторе лавки, предварительно разбив двери ее, выбросили вещи, полученные в виде заклада за выданные рабочим вперед в счет заработанной платы деньги, и затем эти вещи были унесены и часть их передана собственникам их, а часть бесследно исчезла; в то же время хранившаяся в лавке пенька, около 200 пудов, была кем-то из толпы подожжена, но прибывшими на место беспорядков чинами полиции пожар был потушен при самом начале его, так что обгорела лишь незначительная часть пеньки. Помимо расхищения и повреждения фабричного имущества, толпа тогда же причинила некоторым из служащих на фабриках насильственные действия.

По этому делу привлечено к суду 27 человек рабочих. Харьковская судебная палата, где это дело впервые рассматривалось, признала виновность 10 лиц в преступлении, предусмотренном 269 ст. Улож. о нак., доказанной и приговорила к заключению в арестантские отделения с лишением всех прав; остальные же подсудимые были оправданы.

Осужденные принесли в правительствующий сенат кассационную жалобу, в которой указывают на то, что палата основала свой обвинительный приговор исключительно на показаниях чинов полиции, явно заинтересованных, в интересах личного прохождения полицейской службы, на их обвинении.

Затем, по мнению жалобщиков, палата не установила в приговоре тех особых признаков, которые должны характеризовать преступление, предусмотренное ст. 269 Улож. о нак., и отличать таковое от проступка, предусмотренного 38 ст. Уст. о нак. Правительствующий сенат, выслушав заключение товарища обер-прокурора П. А. Кемпе, нашел жалобу неосновательной и оставил ее без последствий.

Дело В. И. Ковалевского и А. С. Шабельской.

28 ноября закончилось после 6-дневного разбирательства известное дело бывшего тов. мин. финансов В. И. Ковалевского и „писательницы и антрепренерши" А. С. Шабельской.

История этого процесса представляет собою яркую картину современного русского правосудия. Дело это назначалось к слушанию уже 5 или 6 раз, но г. Ковалевский, имевший достаточно оснований желать „замять" это дело, каждый раз перед самым началом суда уезжал за границу и неожиданно заболевал. Русский суд, оказывавшийся всегда достаточно влиятельным для того, чтобы задерживать того или иного „политического преступника", уклоняющегося от суда, на этот раз, благодаря „связям" г. Ковалевского, оказывался не в состоянии заставить бывш. тов. министра финансов явиться на судебное разбирательство. „Обществу" все это, разумеется, было хорошо известно, но это нисколько не мешало г. Ковалевскому пользоваться большим влиянием в этом обществе. Под его председательством происходили либеральные „митинги", редакторы буржуазных газет не находили возможным помещать в своих изданиях компрометирующие его заметки и т. д.

Само „дело" гг. Ковалевского и Шабельской представляется в высшей степени простым. Корреспондентка „Нового Времени", посылавшая в газету г. Суворина корреспонденции из Вены и Берлина весьма определенного характера, познакомилась в Вене с Максимилианом Горденом. Г-жа Шабельская рекламировала Гордена, тогда еще никому неизвестного публициста, в „Новом Времени", а тот в свою очередь дал ей возможность вращаться в полусветских „салонах", рекомендуя ее как известную русскую писательницу...

Во время одной из поездок г. Ковалевского за границу он познакомился с г-жей Шабельской. Репутация сотрудницы „Нового Времени“ к тому времени уже совершенно определилась, и уверение г. Ковалевского на суде, что он не знал, с кем имеет дело, не имеет за собой никакой почвы.

Познакомившись с г-жей Шабельской, г. Ковалевский „влюбляется“ в нее и начинает уговаривать ее переехать в Петербург. Г-жа Шабельская после некоторых колебаний принимает приглашение тов. министра финансов, переезжает в Петербург и здесь устраивает „салон“, где русский сановник отдыхает от своих трудов... Некоторое время между ними царствует мир и тишина.

Г-жа Шабельская, как „возлюбленная“ влиятельного сановника, пользуется большим влиянием в обществе. В Баку ее встречают — как выяснилось на суде — с особой торжественностью, как предполагаемую жену тов. министра финансов. В самом министерстве она — свой человек. В главном управлении неокладных сборов и казенной продажи питей она является посредницей между начальством и каким-то суб‘ектом, желающим получить какой-то казенный подряд.

Словом, в течение нескольких лет г-жа Шабельская оказывается деятельной помощницей тов. министра финансов, помогает ему устраивать сношения с нужными людьми, этим последним дает возможность в свою очередь завязывать сношения с г. Ковалевским и т. д.

„Общество“, разумеется, все это знает, но считает это в порядке вещей: во-первых, в том месте, где вращались Ковалевский и Шабельская, это „принято“, и, во-вторых, буржуазная мораль все это допускает.

Но вот на бирже начинают появляться векселя г. Ковалевского. Сначала они появляются в довольно ограниченном количестве и не возбуждают ни в ком сомнения. Все, к кому обращается г-жа Шабельская с просьбой реализировать вексель г. товарища министра финансов, с удовольствием исполняют эту просьбу, считая вполне естественным оказать влиятельному сановнику это „маленькое одолжение“.

Но векселей оказывается уже слишком много. Начинают возникать подозрения. К г. Ковалевскому начинают пред‘являться иски, он запутывается и... заявляет, что векселя за его подписью, реализованные г-жей Шабельской, подложны.

Г-жа Шабельская предается суду. Векселя суд поручает расследовать опытным в этом деле экспертам, но последние не приходят ни к какому соглашению. Одни говорят, что подпись г. Ковалевского подделана мужчиной, другие — женщиной, и т. д.

В суде свидетели рисуют омерзительную картину нравов и сделок, которые совершаются „там внутри“, за кулисами „бюрократической машины“.

Г-жа Шабельская не признает себя виновной, уверяя, что все векселя выданы Ковалевским. В высшей степени характерным для характеристики „либерализма“ гг. адвокатов представляется речь защитника В. И. Ковалевского — прис.-пов. Карабчевского, произнесенная им на суде. „Либеральный адвокат“ не стеснялся ссылаться на „политические убеждения“ г. Ковалевского и на то, что он за эти „убеждения“ пострадал в юности.

Прис. поверенные, несмотря на их старания и на огромный потраченный ими труд, оказываются не в состоянии разобраться во всей грязи „дела“ Ковалевского-Шабельской. Векселя оказались подделанными — этот факт установлен судом — но кто их подделывал — Шабельская или сам Ковалевский — это установить не удается... И присяжные заседатели выносят Шабельской оправдательный вердикт, ибо у них нет ни малейшего основания считать виновной во всей этой истории Шабельскую, а не кого-либо другого...

Редактор-издатель ***Н. М. Минский.***

Издательница ***М. Ф. Андреева.***

ПЯТНИЦА, 2 ДЕКАБРЯ
(15 декабря) 1905 г.

№ 27

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

Новая Жизнь

Российская
Социал-Демократическая
Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Союз рабочих **бронзо-литейного и жестяницкого профессиональных цехов** приглашает членов союза и депутатов от всех мастерских, а также и желающих вступить в члены союза на молебен в воскресенье, 4-го декабря, в 10 часов утра. Вход по квитанциям. Фонтанка, д. № 99, кв. № 51.

МАНИФЕСТ.

Правительство на краю банкротства. Оно превратило страну в развалины и усеяло их трупами. Измученный, изголодавшийся крестьянин не в состоянии платить подати. Правительство на народные деньги открыло кредит помещикам. Теперь ему некуда деваться с заложенными помещичьими усадьбами. Фабрики и заводы стоят без дела. Нет работы. Общий торговый застой. Правительство на капитал иностранных займов строило железные дороги, флот, крепости и запасалось оружием. Иссякли иностранные источники — исчезли казенные заказы. Купец, поставщик, подрядчик, заводчик, привыкшие обогащаться на казенный счет, остаются без наживы и закрывают свои конторы и заводы. Одно банкротство следует за другим. Банки рушатся. Все торговые обороты сократились до последней крайности.

Борьба правительства с революцией создает беспрерывные волнения. Никто не уверен больше в завтрашнем дне.

Иностранный капитал уходит обратно за границу. Уплывает в заграничные банки и капитал „чисто-русский". Богачи продают свое имущество и спасаются за границу. Хищники бегут вон из страны и уносят с собой народное добро.

Правительство издавна все доходы государства тратило на армию и флот. Школ нет. Дороги запущены. Несмотря на это, нехватает даже на продовольственное содержание солдат. Проиграли войну отчасти потому, что не было достаточно военных запасов. По всей стране подымаются восстания обнищавшей и голодной армии.

Железнодорожное хозяйство расстроено, кассы железных дорог опустошены правительством. Чтобы восстановить железнодорожное хозяйство, необходимы многие сотни миллионов.

Правительство расхитило ссудо-сберегательные кассы и роздало вклады на поддержку частных банков и промышленных предприятий, нередко совершенно дутых. Капиталом мелких вкладчиков оно ведет игру на бирже, подвергая его ежедневному риску.

Золотой запас Государственного банка ничтожен в сравнении с требованиями по государственным займам и запросами торговых оборотов. Он разлетится в пыль, если при всех сделках будут требовать размена на золотую монету.

Пользуясь безотчетностью государственных финансов, правительство давно уже делает займы, далеко превосходящие платежные средства страны. Оно новыми займами покрывает проценты по старым.

Правительство год за годом составляет фальшивую смету доходов и расходов, при чем и те и другие показывает меньше действительных, чтобы по произволу высчитать избыток, вместо ежегодного недочета. Бесконтрольные чиновники расхищают и без того истощенную казну.

Приостановить это финансовое разорение сможет только, после свержения самодержавия, Учредительное Собрание. Оно займется строгим расследованием государственных финансов и установит подробную, ясную, точную и проверенную смету государственных доходов и расходов (бюджет).

Страх перед народным контролем, который раскроет перед всем миром финансовую несостоятельность правительства, заставляет его затягивать созыв народного представительства.

Финансовое банкротство государства создано самодержавием так же, как и его военное банкротство. Народному представительству предстоит задача по возможности скорее произвести расчет по долгам.

Защищая свое хищничество, правительство заставляет народ вести с ним смертную борьбу. В этой борьбе гибнут и разоряются сотни тысяч граждан, и разрушаются в своих основах производство, торговля и средства сообщения.

Исход один — свергнуть правительство, отнять у него последние силы. Надо отрезать у него последний источник существования: финансовые доходы. Необходимо это не только для политического и экономического освобождения страны, но, в частности, и для упорядочения финансового хозяйства государства.

Мы поэтому решаем:

Отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья уплаты золотом, а при суммах

Граждане, требуйте освобождения председателя Сов. Раб. Депутатов тов. Хрусталева!

меньше пяти рублей — полновесной звонкой монетой.

Брать вклады из ссудо-сберегательных касс и из Государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом.

Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий.

В настоящее время правительство распоряжается в границах собственного государства, как в завоеванной стране.

Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом.

Совет Рабочих Депутатов.
Главный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза.
Центральный Комитет и Организационная Комиссия Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.
Центральный Комитет Партии Социалистов-Революционеров.
Центральный Комитет Польской Социалистической Партии (P. P. S..)

С.-Петербург.

2 декабря 1905 г.

Государственная Дума в Прибалтийском крае.

Русское правительство вступает на путь положительного творчества. Видя, что попытки произвести контрреволюцию при помощи черной сотни окончились полнейшей неудачей и лишь довершили тот великий позор, которым покрыто самодержавие перед целым миром, видя, что армия открыто и повсеместно становится в ряды борющегося пролетариата, правительство графа Витте еще и еще раз пробует обмануть народ жалким подобием „конституционных“ мероприятий. Недавно был опубликован закон о печати, с которым уже знакомы наши читатели; теперь готовится целый ряд других столь же жалких выкидышей бюрократического мышления, а третьего дня появился указ об учреждении „народного представительства“ в Прибалтийском крае. Об этом указе мы и считаем нужным сказать в настоящей статье.

Как известно, Прибалтийский край является одной из самых выдающихся в революционном отношении областей России. Он вполне прочно завоеван революцией, и не только в городах, но и в сельских местностях Прибалтийского края революционное движение имеет вполне определенный пролетарский характер благодаря тому, что им руководит соц.-дем. Ярко обозначившийся социал-демократический характер революционной борьбы в Прибалтийском крае и гигантские успехи партии в деле организации этого движения об‘ясняются, конечно, особенностями экономического развития края, свойствами экономических отношений, преобладающих в прибалтийских губерниях. Значительное развитие капитализма, властно вторгшегося в сельско-хозяйственное производство всего края, резко выраженный процесс пролетаризации прибалтийского крестьянства создали чрезвычайно благодарную почву для прививки там социал-демократических идей, и можно с уверенностью утверждать, что революционное крестьянство Прибалтийского края идет под одним социал-демократическим флагом с революционным пролетариатом прибалтийских городов.

Тщетно правительство старалось вырвать этот флаг, напрасно оно пыталось всеми мерами задавить движение: последнее было неистребимо и с каждым днем, с каждой неделей росло и крепло. Напрасно прибалтийские бароны-помещики, в придачу к русским казакам, выписывали особых опричников из Германии, организуя целые отряды вооруженной стражи. На вооружение помещиков городской и сельский пролетариат Прибалтийского края отвечал тем, что организовывался и вооружался сам, применяя детально разработанные и удивительно совершенные в техническом смысле планы борьбы.

Убеждаясь в бесплодности насильственного подавления прибалтийского движения, русское правительство пускается на хитрость. Оно „отменяет“ (указом 28 ноября) военную власть виленского генерал-губернатора в двух губерниях Прибалтийского края, Курляндской и Лифляндской, и одновременно учреждает новую специальную должность временного прибалтийского генерал-губернатора, подчиняя его сатрапии, кроме тех двух губерний, еще третью — Эстляндскую. Сущность этой реформы, совершаемой под флагом заботы о местных нуждах, заключается, таким образом, в том, что раньше Курляндия и Лифляндия были подчинены виленскому генерал-губернатору, а теперь они получают специального сатрапа, который одновременно будет расправляться еще и с Эстляндией. Сделано это перенесение сатрапии из Вильны в Ригу для „скорейшего водворения в сих губерниях порядка“ и для „об‘единения всех существующих в означенных местностях властей“. А для „успешнейшей разработки всех общих вопросов местной жизни, оставление коих без удовлетворительного разрешения содействует распространению смуты“, русское самодержавие вводит в Прибалтийском крае „народное представительство“ по булыгинскому образцу. Это „народное представительство“ состоит при особе прибалтийского генерал-губернатора, и в состав его входят выборные люди по паре от дворянского ландтага каждой из трех губерний, по паре от каждой городской думы губернских городов тех же губерний и по паре от крестьянства каждой губернии.

Представители дворянства и городов избираются прямо, а представители „народа“, конечно, пропускаются через

особый фильтр многостепенных выборов. Словом, получается Булыгинская Государственная Дума в уменьшенном размере. Для представителей крестьянства при этом обязательно „знание ими русского языка". И если принять во внимание, что прибалтийское крестьянство сплошь состоит из латышей и других инородцев, то само собой очевидно, что это условие (знакомство с русским языком) является совершенной нелепостью. Проще, казалось бы, „временному" генерал-губернатору обучиться латышскому языку, чем населению громадного края учиться говорить на том языке, на каком будет выражать свою административную мудрость временный прибалтийский богдыхан. Но русское правительство думает иначе, и „для успешнейшей разработки всех общих вопросов местной жизни" оно учреждает при особе генерал-губернатора „народное представительство" из шести помещиков, шести купцов и шести крестьян, „знающих русский язык".

Чтобы оценить во всем блеске эту великую реформу, надо прибавить, что тем же указом генерал-губернатору предоставлено право „разрешать своею властью окончательно все вопросы, возникающие при производстве означенных выборов", т. е., говоря другими словами, превратить выборы в пустую комедию. Сверх того, генерал-губернатор может „приглашать к участию в учрежденном сим указом совещании сведущих лиц", т. е. на каждого „народного представителя" посадить в эту „государственную думу" по десятку русских чиновников и полицейских, в качестве „сведущих" людей.

Таков состав вновь учреждаемого собрания народных представителей Прибалтийского края. Этому блестящему собранию „сведущих" и „знающих русский язык" генеарл-губернаторских ставленников предоставляются и соответствующие права, а именно: они могут получать от своего временного богдыхана „предложения" (почему не „указы"?) о „рассмотрении" и „разработке" местных вопросов „с тем, чтобы составленные совещанием и одобренные (!!!) генерал-губернатором предположения препровождались им к министру внутренних дел для дальнейшего направления".

Такова вновь сфабрикованная прибалтийская „конституция". Согласно ей, в Прибалтийском крае в целях „водворения порядка" учреждается, таким образом, модель Булыгинской Государственной Думы из 18 говорящих по-русски манекенов местного происхождения, разбавленных „сведущими" чиновниками и представляющих проекты дальнейших реформ в том же духе на „одобрение" начальства. А для того, чтобы деятельность этого собрания народных представителей Лифляндии, Курляндии и Эстляндии шла более успешно, в распоряжение временного прибалтийского сатрапа отдаются „все находящиеся в этих губерниях войска с предоставлением ему прав командующего войсками военного округа, а в местностях, об'явленных на военном положении, присваемые в таких местностях права военного начальства и особые права и обязанности административных органов гражданского ведомства по охранению государственного порядка и общественного спокойствия".

В указе, конечно, нет никаких из'ятий из этих необ'ятных пределов военной власти временного генерал-губернатора, и, таким образом, 18 народных представителей (6 пар „чистых" и 3 пары „нечистых") наравне со всем миллионным населением края оказываются всецело в руках этой власти.

Заранее можно сказать, как встретит местная социал-демократия и руководимое ею революционное население прибалтийских губерний это новое покушение самодержавного правительства. Если дворяне в своих ландтагах и домовладельцы и купцы в думах губернских городов, быть может, и соблазнятся заманчивой перспективой состоять при особе временного сатрапа и сочинять проекты „законодательных предположений", поднося их на „одобрение" своего военачальника, то революционный пролетариат и крестьянство всего края сочтут этот государственный акт насмешкой и издевательством над верховными правами народа. И они с негодованием отбросят эту фальшивую „реформу", как всероссийский пролетариат отбросил Булыгинскую Думу. Революционное движение в Прибалтийском крае не успокоится, не стихнет — и в этом порукой энергия, решимость, сознательность и честь наших товарищей — социал-демократов, руководящих этим движением. Наоборот, оно разгорится еще грознее, и новое прибалтийское генерал-губернаторство скоро придется из „временного" переименовать в кратковременное.

Долой военное положение в Прибалтийском крае! Долой и жалкую копию фальшивой Булыгинской Думы!

Г. Алексинский.

Социалистическая партия и беспартийная революционность.

(Окончание) [1])

Как мы уже показали, беспартийность есть порождение — или, если хотите, выражение — буржуазного характера нашей революции. Буржуазия не может не тяготеть к беспартийности, ибо отсутствие партий среди борющихся за свободу буржуазного общества означает отсутствие новой борьбы против этого самого буржуазного общества. Кто ведет „беспартийную" борьбу за свободу, тот либо не сознает буржуазного характера свободы, либо освящает этот буржуазный строй, либо откладывает борьбу против него, „усовершенствование" его до греческих календ. И наоборот, кто сознательно или бессознательно стоит на стороне буржуазного порядка, тот не может не чувствовать влечения к идее беспартийности.

В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий. Беспартийность есть равнодушие к борьбе партий. Но это равнодушие не равняется нейтралитету, воздержанию от борьбы, ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных; „воздержаться" нельзя в капиталистическом обществе от участия в обмене продуктов или рабочей силы. А обмен неминуемо порождает экономическую борьбу, а вслед за ней и борьбу политическую. Равнодушие

[1]) См. № 22 „Новой Жизни". Прим. к наст. изд.

к борьбе отнюдь не является поэтому на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует. Кто был равнодушен в России к самодержавию до его падения во время октябрьской революции, тот молчаливо поддерживал самодержавие. Кто равнодушен в современной Европе к господству буржуазии, тот молчаливо поддерживает буржуазию. Кто равнодушно относится к идее о буржуазном характере борьбы за свободу, тот молчаливо поддерживает господство буржуазии в этой борьбе, господство буржуазии в рождающейся свободной России. Политическое безразличие есть политическая сытость. „Безразлично", „равнодушно" относится к куску хлеба человек сытый; голодный же всегда будет „партийным" в вопросе о куске хлеба. „Безразличие и равнодушие" к куску хлеба означает не то, чтобы человек не нуждался в хлебе, а то, что человеку всегда обеспечен хлеб, что он никогда не нуждается в хлебе, что он прочно пристроился к „партии" сытых. Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплоататоров.

Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая. Это положение, в общем и целом, применимо ко всякому буржуазному обществу. Конечно, надо уметь применять эту общую истину к отдельным частным вопросам и частным случаям. Но забывать эту истину в такое время, когда все буржуазное общество в целом восстает против крепостничества и самодержавия, значит совершенно отказываться на деле от социалистической критики буржуазного общества.

Русская революция, несмотря на то, что она находится еще в начале своего развития, дает уже немало материала для подтверждения изложенных общих соображений. Строгую партийность всегда отстаивала и отстаивает только социал-демократия, партия сознательного пролетариата. Либералы наши, представители взглядов буржуазии, терпеть не могут социалистической партийности и слышать не хотят о классовой борьбе: вспомнить хотя бы недавние речи г. Родичева, в сотый раз повторившего то, что говорило и переживало как заграничное „Освобождение", так и бесчисленные вассальные органы русского либерализма. Наконец, идеология промежуточного класса, мелкой буржуазии, нашла себе яркое выражение во взглядах русских „радикалов" разных оттенков, начиная от „Нашей Жизни", р.-д. („радикалы-демократы") и кончая „социалистами-революционерами". Эти последние запечатлели свое смешение социализма и демократизма всего яснее в аграрном вопросе и именно в лозунге „социализации" (земли без социализации капитала). Известно также, что, терпимые к буржуазному радикализму, они нетерпимы к идее социал-демократической партийности.

В нашу тему не входит разбор того, как именно отражаются интересы различных классов в программе и тактике русских либералов и радикалов всех видов. Мы только мимоходом затронули здесь этот интересный вопрос и должны перейти теперь к практически-политическим выводам об отношении нашей партии к беспартийным организациям.

Допустимо ли участие социалистов в общепартийных организациях? Если да, то на каких условиях оно допустимо? Какую тактику следует вести в таких организациях?

На первый вопрос нельзя ответить безусловным, принципиальным: нет. Неправильно было бы сказать, что ни в каком случае и ни при каких условиях участие социалистов в беспартийных (т. е. более или менее сознательно или бессознательно буржуазных) организациях недопустимо. В эпоху демократической революции отказ от участия в беспартийных организациях равнялся бы в известных случаях отказу от участия в демократической революции. Но несомненно, что социалисты должны ограничить узкими рамками эти „известные случаи", что они могут допускать подобное участие силой при строго определенных, ограничительных условиях. Ибо, если беспартийные организации порождаются, как мы уже говорили, сравнительной неразвитостью классовой борьбы, то, с другой стороны, строгая партийность есть одно из условий, делающих классовую борьбу сознательной, ясной, определенной, принципиальной.

Охрана идейной и политической самостоятельности партии пролетариата есть постоянная, неизменная и безусловная обязанность социалистов. Кто не исполняет этой обязанности, тот на деле перестает быть социалистом, как бы искренни ни были его „социалистические" (на словах социалистические) убеждения. Участие в беспартийных организациях для социалиста допустимо лишь как исключение. И самые цели этого участия и его характер, условия и т. д. должны быть целиком подчинены основной задаче: подготовке и организации социалистического пролетариата для сознательного руководства социалистической революцией.

Обстоятельства могут заставить нас участвовать в беспартийных организациях, — особенно в эпоху демократической революции и, в частности, такой демократической революции, в которой пролетариат играет выдающуюся роль. Такое участие может оказаться необходимым, напр., в интересах проповеди социализма перед неопределенно - демократической аудиторией или в интересах совместной борьбы социалистов и революционных демократов против контр-революции. В первом случае такое участие будет средством проведения своих взглядов; во втором — боевым соглашением ради достижения определенных революционных целей. В обоих случаях участие может быть лишь временное. В обоих случаях оно допустимо лишь при полном ограждении самостоятельности рабочей партии и при обязательном контроле и руководстве всей партии в целом над „делегируемыми" в беспартийные союзы или советы членами и группами партии.

Когда деятельность нашей партии была тайной, осуществление такого контроля и руководства представляло из себя гигантские, иногда почти непреодолимые трудности. Теперь, когда деятельность партии становится все более открытой, осуществлять этот контроль и это руководство можно и должно самым широким образом и непременно не перед одними „верхами", но и перед „низами" партии, перед всеми организованными рабочими, входящими в партию. Отчеты о выступлениях социал-демократов в беспартийных союзах или советах, рефераты об условиях и задачах такого выступления, резолюции партийных организаций всяческого типа по поводу таких выступлений должны непременно войти в практику рабочей партии. Только подобное реальное участие

в направлении всех подобных выступлений может противопоставить на деле работу истинно-социалистическую работе общедемократической.

Какую тактику должны мы вести в беспартийных союзах? Во-первых, пользоваться всякой возможностью для заведения самостоятельных связей и пропаганды всей нашей социалистической программы. Во-вторых, определять ближайшие политические задачи момента с точки зрения самого полного и решительного осуществления демократического переворота, давать политические лозунги в демократической революции, выставлять „программу“ тех преобразований, которые должна осуществлять борющаяся революционная демократия в отличие от торгующейся либеральной демократии.

Лишь при такой постановке дела может быть допустимым и плодотворным участие членов нашей партии в беспартийных революционных организациях, создаваемых сегодня рабочими, завтра крестьянами, послезавтра солдатами и т. д. Лишь при такой постановке дела мы в состоянии будем выполнить двоякую задачу рабочей партии в буржуазной революции: довести до конца демократический переворот; расширить и укрепить кадры социалистического пролетариата, которому нужна свобода для беспощадной борьбы за низвержение господства капитала.

Н. Ленин.

Русская печать.

*** Господин С. Н. в статье „Храбрые фабриканты“, в газете „Наша Жизнь“, сопоставляет энергию революционного пролетариата с растерянностью, царящей в лагере русских капиталистов. Он говорит:

Несмотря на раздробление своих сил, социалисты всех оттенков совершили колоссальную работу организации пролетариата и по праву могут гордиться своей работой.

Враг их, русский капитал и его представители, совершенно их недостоин, и, благодаря своей неорганизованности, борьба с ним поневоле приобретает характер партизанской войны, характер чего-то случайного и капризного. Если признать, что в нынешнем революционном движении есть элемент стихийный, или, как нынче говорят, „анархический“, то ответственность за него ложится, главным образом, с одной стороны, на правительство, с другой — на представителей промышленности.

Беспомощность и политическая дряблость последних поистине изумительны. Лозунг их политики — самодурство, связанное с трусостью, наглость, переходящая в каприз.

Сегодня они хотят основать либерально-промышленную партию, завтра они падают в об'ятия самодержавия. Сегодня они патриархально треплют „братцев-рабочих“ по плечу, завтра закроют фабрики. Одни мечтают о синдикате для нажима на рабочих, другие сторонятся синдиката, как некоего самочинного действия, противного устоям самодержавия. Идут бесконечные заседания, прения, споры и разговоры, а острый промышленный кризис быстро надвигается, грозя не только разорить промышленность, но, главным образом, оставить без заработка рабочие массы.

*** В той же газете г. Н. М. посвящает небезынтересную статью вопросу о надвигающемся государственном банкротстве. Автор не верит в возможность непосредственного наступления государственного банкротства в его чистой форме, т. е. в форме неплатежа государственных долгов, но зато нам грозит, по его мнению, другая, не менее тяжкая, предварительная форма банкротства:

Свободная наличность иссякла, а сумма чрезвычайных расходов, вызванных войной с Японией и ликвидацией этой войны, огромна. Расходы эти, точная цифра которых обществу даже неизвестна, не покрыты за отсутствием средств и за невозможностью достать их путем займа. Мы скорее преуменьшим, чем преувеличим, если примем цифру непокрытых чрезвычайных расходов в 400 миллионов рублей (уплата Японии за содержание пленных 140 миллионов рублей, погашение краткосрочных обязательств, выданных Мендельсону, — 150 милл. руб., расчет с поставщиками и т. д.). Полное бессилие правительства достать эту сумму, при нашей задолженности, в сущности, не особенно огромную, отсутствие кредита и нежелание западноевропейских банкиров вступать с правительством даже в переговоры о новом займе составляют истинное государственное банкротство, если под государственным банкротством понимать банкротство существующего режима. Раз правительство за счет государства принуждено прибегать к займам под ростовщические проценты на невыгодных условиях, оно — банкрот в истинном значении слова. Чем, как не банкротством, можно назвать те условия, на которых был заключен заем у Мендельсона?

Автор совершенно справедливо замечает, что банкротство

не должно выражаться в форме прекращения платежей по займам. Банкротство может выражаться и в других формах и, прежде всего, в полном разорении страны, разорении, которое приведет и казну к банкротству.

Г. Н. М. прибавляет:

можно с уверенностью сказать, что поступления за последние месяцы текущего года и первые месяцы будущего едва ли даже будут достаточны для покрытия даже текущих нужд. А между тем разорение страны продолжается, не останавливаясь, и правительство Витте своими провокаторскими мероприятиями стремится как можно скорее и как можно полнее выполнить это окончательное разорение.

*** Газета „Слово“, ставшая самым ярым защитником положений 17 октября (знает кот Васька, чье мясо с'ел!), пишет по поводу предстоящего оглашения избирательного закона:

В обществе распространяются самые противоречивые, частью тревожные, сведения, и до оглашения нового избирательного закона единственной порукой жизненности его остается участие в совещании совета министров таких общественных деятелей, как А. И. Гучков, Д. Н. Шипов, М. А. Стахович и М. В. Красовский.

Несомненно, эти лица являются достойными представителями наиболее обширных групп образованного общества.

Не правда ли, мило? „Представители наиболее обширных групп образованного общества!“ — „А кто же нас там представлял?“ — с недоумением спросят 95% русского народа, лишенных избирательного права 6 августа. — „Как кто? А Гучков? а Шипов? а Стахович? а Красовский?“ Прежде у нас провинившуюся щуку бросали в наказание в воду, теперь же в комиссию по устройству быта овец приглашают волков. Конституция!

Они публично выступили перед лицом великой русской революции в незавидной роли угодливых лакеев русского правительства. И напрасно они теперь бьют себя в перси, уверяя русский народ в своей революционности. Никто не поверит им, в какие бы благородства они ни драпировались. Пусть российский пролетариат запомнит неудавшуюся попытку либеральной буржуазии продать интересы народа графу Витте. Пусть российский пролетариат сопоставит этот факт с фактами из истории Запада, с теми изменами, которые устраивались буржуазией Западной Европы в моменты геройской борьбы наших западно-европейских братьев-рабочих с монархиями и „конституционными“ кабинетами, подоб-

ными кабинету графа Витте. Русский либерализм, в лице Петрункевича и комп., блистательно обнаружил свою предательскую натуру.

Единственный способ остается для либералов „очиститься“ и смыть с себя позор предательства: пусть они передадут земское и городское управление в руки местных революционных организаций, пусть отрекутся от дворянских привилегий и передадут свои земли в руки крестьян. Пусть они ассигнуют необходимые средства для вооружения пролетариата. Тогда мы поверим, что они переменили свою шкуру и серьезно намерены содействовать успеху революции.

Вопросы дня.

„Рабочий Голос“.

От появившейся на-днях на свет новой газеты „Рабочий Голос“ пахнуло на нас чем-то очень старым, давно знакомым. На минуту нам показалось, что мы вернулись лет на семь назад, что мы живем не в Петербурге, пережившем послеянварский период, а в Петербурге, видевшем только спячку 1896 года, что во главе движения стоят не крупные партии, а кучка интеллигентов и развитых рабочих, только что вышедших из кружков. И сама газета „Рабочий Голос“ показалась нам только легальной перепечаткой „Рабочей Мысли“ или „Рабочего Дела“. Прошло семь бурных лет, рабочее движение сделало невероятные успехи, пролетариат стал самым передовым классом, наложив свой отпечаток на весь ход и характер революции. Но некоторые люди, повидимому, ничему не научились и ничего не забыли. С упорством, достойным лучшего дела, повторяют они свои старые лозунги, навеянные преклонением интеллигента перед стихийным движением рабочей массы. Исходя из демагогического принципа, что рабочий класс сам, без помощи научной теории, дойдет до социализма, и что „интеллигенция“ только портит дело, внося в служение пролетариату „честолюбие и властолюбие“, — интеллигенты, приютившиеся на страницах „Рабочего Голоса“, рвут и мечут против всех сознательных элементов пролетариата: интеллигенции, социал-демократической партии и проч. Но если эти выродки являлись семь лет тому назад лишь образцом печального недомыслия, то теперь они играют глубоко-реакционную роль. Теперь, когда пролетариат занимает такую сильную позицию в борьбе со старым порядком, когда от него зависит успех демократизации России, когда, следовательно, нужно величайшее напряжение всех сознательных его элементов, — стараться теперь восстановлять несознательных рабочих против их сознательных товарищей, — значит играть на руку реакции. Реакция только скажет спасибо, если агитации „Рабочего Голоса“ удастся „совлечь“ рабочих с пути политической борьбы, убрать их из-под идейного влияния социал-демократии, замкнуть, разбив по группам, в чисто профессиональных союзах и, таким образом, превратить великую борьбу за демократический строй в мелочную борьбу отдельных цехов за их местные, непосредственные нужды. Это был бы лучший путь для восстановления прерогатив самодержавия, утраченных им 17 октября. Но мы думаем, что эта печальная миссия новой газете не удастся. Рабочие слишком хорошо понимают, что одним профессиональным движением им жить нельзя, что политическая рабочая партия — а такой может быть только социал-демократическая партия — одна только может об'единить разнородные профессиональные группы пролетариата на почве его классовых интересов и задач. И они поймут также, что „Рабочий Голос“, старающийся совлечь их с этого пути, оказывает плохую услугу пролетарскому движению, что этот „Рабочий Голос“ вовсе не является голосом рабочих и уж во всяком случае не является голосом сознательных рабочих.

Еще один болотный цветок.

До того момента, когда характер русской революции окончательно определился и когда пришлось окончательно определиться при новом более ярком освещении и русским общественным деятелям, профессор Милюков пользовался огромным уважением даже среди самой решительной и демократической части русского общества. Обильно валившиеся на его голову опалы, ссылки и аресты в связи с его замечательной научной деятельностью делали из него что-то вроде признанного вождя демократической интеллигенции; но при зареве революции во многих физиономиях, казавшихся достаточно решительными, неожиданно стали заметны такие бледные и розоватые оттенки, каких в дореволюционных сумерках никто за упомянутыми физиономиями и не предполагал.

Профессор Милюков летал довольно высоко, но уселся очень низко — в курятнике г. Проппера. Мы никогда не считали проф. Милюкова социалистом, мы никогда не надеялись встретить в нем „товарища“, но, каемся в нашей недальновидности, нам он казался возможным видным членом русской революционно-демократической „горы“. Но куда там! Г. Милюков не только не оказался на горе, он не удержался даже на таком сухом пригорке, как позиция „Нашей Жизни“ или московской „Жизни“, нет, проф. Милюков погряз в болото по самые уши.

В передовой статье новой милюковской газеты „Свободный Народ“, заменившей собою „Биржевые Ведомости“, „болотом“ называются крестьянские низы. Нет, настоящее, типичнейшее политическое болото—это именно та вязкая равнина между мрачными твердынями реакции и освещенною красной зарей революционной горой, та плоская равнина, на которой неблагоухающим цветком распустился „Свободный Народ“.

В той же передовице гг. из „Свободного Народа“ величают нас „друзьями-противниками“. Противники— да, друзья—нет, гг. болотные обыватели!

Позиция новой газеты определяется первой передовицей следующим образом:

Правительство, очевидно, своими силами (т. е. без помощи либералов. *А. Л.*) не может сдержать движения, а движение, столь же очевидно, развивается по инерции и не может остановиться само. Пропасть между двумя противниками расширяется с каждым днем, и все труднее становится предсказать исход их столкновения. Завершит ли русская революция весь логический, законченный цикл великих всемирных революций, чтобы прийти к их неизбежному, фатальному результату — усилению власти? Или какой-нибудь диктатуре удастся еще овладеть

движением на полдороге? В обоих случаях результат будет печальный, так как плоды русского освободительного движения при этом рискуют быть утраченными. Не исключена, однако, и третья возможность. Сознательные элементы общества, не потерявшие головы вместе с правительством и не подвергшиеся революционному гипнозу, могут еще попробовать вмешаться. От их участия, от степени их активности зависит, добьется ли освободительное движение наибольших результатов с наименьшими жертвами.

Итак, революционное движение развивается по инерции и не может остановиться. Нет, оно не не может, а не хочет, не смеет, не должно останавливаться: рабочая кровь лилась не для того, чтобы друзья г. Милюкова, „сознательные элементы", захватили в свои руки государство, чтобы спокойно и вольготно эксплоатировать трудящиеся классы. Запугивания диктатурой смешны. История не всегда твердит зады, и примерами прошлого без конкретного анализа нынешнего момента наши многоученые историки никого не испугают. Революция непреклонно решилась итти до конца, правительство, несомненно, будет сопротивляться до последней капли своей черной крови; какую же такую „активность" могут проявить сознательные элементы? Говорить направо и налево то сладкие, то страшные слова? — Словами не останавливают исторических процессов. Уж не решатся ли болотные обыватели под руководством Милюкова на настоящие активные действия, на замену оружия критики критикой оружия? Не применят ли они силу? Не вырвут ли они окровавленное оружие из рук самодержавия, не подавят ли они энергичными мерами неразумных и увлекающихся революционных вождей? Смешные вопросы! Где же сила этих „сознательных" элементов? Чем могут они импонировать обоим борющимся сторонам? Судьба героев срединного болота неизменно разыгрывается в две стороны: чаще всего, поколебавшись между отвращением к реакции и страхом перед революцией, они выбирают из двух зол меньшее и, выпросив маленькую уступочку у рыцарей тьмы, преблагополучно заключают с ними союз, продолжая бормотать о своей исторической мудрости, о научной трезвости своей политики и тяжко вздыхая над „необходимыми" жертвами, кровью которых обагрит почву нового „правового порядка" какой-нибудь Кавеньяк. Другой путь прекрасно характеризовал известный историк Парижской Коммуны Лисагарэ: характеризуя радикалов типа Клемансо и Луи Блана, он говорит: „Это были радикалы, которые до тех пор сопротивляются чрезмерной, по их мнению, энергии народа, пока, при содействии их невольного предательства, старому правительству не удается сломить ее, а потом сожрать и эти тряпичные души".

В ответ на решительный вопрос: „За революцию вы или против революции, с народом вы или против народа?" болотные мудрецы уклончиво отвечают:

Да, мы за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы; но мы против тех, кто об'являет революцию „непрерывной", потому что полагаем, что непрерывная революция — революция во что бы то ни стало — служит лишь целям реакции и укрепляет контр-революционные замыслы правительства.

Наивно-хитрый ответ: о революции во что бы то ни стало не говорит никто, говорят лишь о революции до конца, о завоевании демократической республики, о полном разгроме реакции, а не сделке с нею, которая не может быть ничем иным, кроме подлой измены народным интересам, по крайней мере для тех, кто, ведя болотную линию, в то же время говорит о свободном народе и как будто бы даже от имени свободного народа.

Горько, конечно, видеть недавно еще уважаемого проф. Милюкова на этом отвратительном пути. Но революция рядом со своим упоением, даруя нам так много товарищей и братьев, неизбежно приносит и печальные разочарования, прорывая глубокую борозду между людьми, шедшими до нее почти рядом, борозду, настолько широкую, что через нее уже не подашь руки.

Об'единение „правой".

Д. И. Шипов, бывший председатель Московской губ. земской управы, а ныне один из ярых сторонников „сильной" монархической власти, обратился на страницах газеты „Слово" с воззванием, приглашающим всех об'единиться в „союз 17 октября". Союз такой уже основан, при чем председателем „московского отделения центрального комитета" является сам г. Шипов, а председателем „петербургского отделения центрального комитета" — г. Корф. Этот двуглавый центральный комитет должен, очевидно, символически представлять двуглавый герб Российской монархии. Задача этого союза — об'единить все благонамеренные элементы для борьбы с революцией.

В настоящее время все, кому дорого мирное и свободное развитие нашей государственной жизни, — пишет г. Шипов, — должны прежде всего иметь в виду возможность надвигающейся анархии, опасность перехода власти в руки элементов, неспособных к творческой работе в деле государственного строительства, и страшное потрясение всего народного хозяйства, угрожающее экономической и финансовой катастрофой, которая может окончательно подорвать благосостояние всего народа и государства.

И вот, для предотвращения подобного „народного" бедствия г. Шипов предлагает поддержать то учреждение, которое, по его мнению, одно способно спасти Россию от „анархии" и „разорения". Учреждение это — сильная монархическая власть, опирающаяся на Государственную Думу, состоящую из „готовых сотрудничать" „представителей народа". В самом деле. Вот условия приема в „союз 17 октября". Партии или лица, желающие вступить в него, должны исповедывать следующие два „основных положения":

1-е: развитие и укрепление начал конституционной монархии с народным представительством, основанным на общем (?!) избирательном праве, а 2-е — вступление в Государственную Думу с целью государственного преобразования России мирным путем на основах, возвещенных в манифесте 17 октября, — путем последовательной законодательной деятельности и укрепления государственной власти.

Итак: с одной стороны — фиктивное „народное" представительство на началах „общего" (??), но не всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, с другой — укрепление монархической власти, — вот идеал людей 17 октября. Естественно, что этого идеала можно достичь только путем подавления противников и сплочения союзников. И вот, союз ставит своей задачей: во-первых, „противодействие революционной пропаганде", во-вторых, „об'единение общественных сил при предстоящих выборах в Государственную Думу... для взаимной поддержки кандидатов".

Политический горизонт проясняется. „Правые“ идут направо. Туманные контуры принимают вполне определенные очертания, и то, что недавно казалось умильно улыбающимся лицом, оказывается сжатым кулаком. Сжимайте же и вы кулаки, товарищи, сплачивайтесь и об‘единяйтесь вокруг своей партии, ибо день решительной битвы надвигается семимильными шагами.

В устойчивости сила.

Ясная и последовательная формулировка задач и тактики, строгая и точная постановка вопросов партийной работы издавна присуща единственно нашей социал-демократической партии. Этого не отрицают наши враги и политические противники. Филистерски окрещивая нашу партию „узко-классовой“, „нетерпимой“, „догматической“ и проч. и проч., они блестяще подтверждают факт нашей устойчивости и последовательности — и в этом заключается наша идейная сила.

Было бы большим политическим промахом с нашей стороны, если бы в настоящий момент, когда, более чем когда-либо, во всем особенно требуется ясность, мы из вполне устойчивого состояния пришли бы в колебательное движение. Правда, революционный период богат всяческими сюрпризами. Революция, разрушающая старую Россию и создающая новую, отодвигающая на задний план одни общественные группы и выдвигающая на авансцену другие, ведущая к полной перетасовке во взаимоотношениях общественных сил и политических партий, создающая самые неожиданные кон‘юнктуры, — эта революция в самом процессе своего развития создает достаточную почву для политического шатания. „Как мало прожито, как много пережито!“ Как мало прожили политически буржуазные политические союзы, партии, блоки, и как много они пережили политических измен и шатаний! Как, сравнительно, много прожила российская социал-демократия, и как мало пережито шатаний! Более того, социал-демократия может сказать с гордостью, что шатаний она не переживала никогда.

Сквозь строй буржуазных идеологий пронесли мы „идею четвертого сословия“, — и ни одного кусочка буржуазной грязи не прилипло к нашему пролетарскому знамени: оно осталось до последних дней красивым, чистым, без пятен.

Но, однако, не нужно обольщаться. И социал-демократия живет на земле, а не в воздухе, и ей грозит опасность свернуть с прямого пути на путь тех или иных уступочек под влиянием того хаоса, который создается выступлением на политическую сцену новых политических сил.

Передовая статья тов. Ленина в № 11 „Новой Жизни“, „Пролетариат и крестьянство“, как нельзя лучше подтверждает наши опасения.

Как имя автора этой статьи, так и те недоумения, которые эта статья вызвала у многих партийных работников, заставляют нас остановиться на ней.

Находясь, повидимому, под сильным впечатлением организованного выступления крестьянства под флагом крестьянского союза, товарищ Ленин, на наш взгляд, пошел гораздо дальше той границы, какую ставит нашей партии резолюция III с‘езда в ее отношении к крестьянскому движению. В самом деле, что говорит резолюция III с‘езда? Она говорит о поддержке крестьянского движения вплоть до конфискации частновладельческих земель. Эта резолюция вполне правильно определяет нашу тактику по отношению к крестьянскому движению. Как тактическая, резолюция эта имеет целью связать революционное крестьянское движение с революционным пролетарским движением в один могучий демократический поток. И с этой точки зрения, поскольку крестьянский лозунг „земля“ и лозунг „воля“ неразрывно связываются союзом „и“, и поскольку крестьянская „воля“ тождественна с „волей“ пролетарской, сознательный пролетариат, в лице социал-демократии, будет всеми силами поддерживать крестьянство. Но как только союз „и“ выпадает, или как только „воля“ крестьянская приобретет в одной из фраз резолюции смысл другой, нежели „воля“ пролетарская, социал-демократия не только не будет поддерживать, но, возможно, будет с ним бороться, как с контр-революционной массой. А ведь последнее вполне возможно. Вполне возможно, что, уцепившись за „землю“, крестьянство захочет „покоя“, и это будет достаточным основанием для того, чтобы с каким-нибудь генералом на белом коне подавить завоевания революции на долгое время. Поэтому тактическая резолюция III с‘езда, как таковая, при изменившейся политической кон‘юнктуре может и должна будет уступить место какой-нибудь другой резолюции.

Затем, резолюция, как вполне правильно указала на это передовица № 16 „Пролетария“, говорит о конфискации частновладельческих земель, не указывая форм ее распределения и форм землевладения и пользования.

Что же говорит товарищ Ленин в № 11? — „Все сознательные рабочие поддержат всеми силами революционное крестьянство. Все сознательные рабочие хотят того и добиваются того *), чтобы крестьянство получило всю землю и всю волю“. И в доказательство правильности своей мысли товарищ Ленин опирается на резолюцию III с‘езда. Нам кажется, что эти две фразы находятся как в логическом, так и в политическом несоответствии друг с другом. Не одно и то же поддерживать крестьянство в его требованиях и хотеть и добиваться этих требований? Нет, не одно и то же.

Поддерживать мы (при известных условиях) можем то, что написано на чужом знамени, хотеть и добиваться мы должны всегда и при всяких условиях того, что написано на нашем знамени.

А что написано на нашем знамени? Вся наша программа. Таким образом, товарищ Ленин весь вопрос переносит из области тактики в область программы. Иначе говоря, товарищ Ленин, идя последовательно, должен был бы предложить нашей партии изменить нашу аграрную программу введением в нее пункта: „вся земля и вся воля всему крестьянству“. Насколько возможно это сделать социал-демократам, мы сейчас касаться не будем, так как ответ товарища Ленина, быть может, разрешит возникшее недоумение. Затем товарищ Ленин не вполне правильно оценил крестьянский союз. Перспектива организованного крестьянского движения отвлекла, повидимому, его внимание от самого характера

*) Курсив наш.

крестьянского союза и тем лишила его возможности дать ему правильную оценку.

Поведение некоторой части „крестьянского“ с‘езда по отношению к социал-демократам, стремление этой части во что бы то ни стало выжить со с‘езда делегатов от Федеративного Совета Р. С.-Д. Р. П. и удаление со с‘езда даже представителей организованных рабочих социал-демократов дают достаточный материал для характеристики этого „крестьянского“ союза. Красной нитью прошедшее через работы с‘езда стремление либеральных воротил сузить действительный размах революционного крестьянского движения и „смягчить“ тактику не оставляет никаких сомнений насчет либеральных аппетитов.

Не восторгаться мы должны этим „крестьянским“ союзом, а последовательно революционной критикой его и усиленной работой среди крестьянства сделать этот союз действительно крестьянским и действительно революционным.

И блок социалистов-революционеров и либералов, предчувствовавших такую тактику социал-демократов, ничего другого не в силах был сделать, как удалить со с‘езда представителей соц.-дем. партии.

Мы далеки от того, чтобы винить в этом крестьянство, даже делегатов-крестьян (в большинстве они высказывались за оставление социал-демократов). Главные виновники — новые крестьянские опекатели. И с ними мы должны повести борьбу упорную и отчаянную.

И от того, насколько нам удастся вырвать революционное крестьянство из рук нереволюционных руководителей, будет действительно зависеть успех революции.

Итак, не теряйтесь же, товарищи. В нашей устойчивости — наша сила.

П. Ларионов.

От редакции.

Тов. Ларионов вполне прав, говоря, что в устойчивости сила и что теряться непозволительно. Но применяет он эти верные мысли несколько узко. Если партия на III с‘езде обещала крестьянам поддержку, когда они будут отбирать землю, то, разумеется, в момент разгоревшейся борьбы мы „хотим и добиваемся“ крестьянской победы. Если мы сегодня, предвидя борьбу студента с черносотенником, обещаем первому поддержку, то завтра, когда борьба вспыхнет у нас на глазах, мы будем „добиваться“ поражения черносотенников и сами сражаться с ними самым активным образом.

В крестьянстве и в крестьянском союзе есть, несомненно, и темные элементы, и реакционеры, и люди, слепо идущие за либералами, за социал-революционерами. Необходимость идейной борьбы с этими элементами, раз‘яснения им ошибок в их понимании демократизма и социализма подчеркнута особо в статье, взволновавшей товарища Ларионова. Но резолюции последнего крестьянского с‘езда показывают тем не менее крупный шаг в организации именно революционного крестьянства. Этот шаг подготовил и то боевое соглашение революционных рабочих и крестьян, о котором свидетельствует, между прочим, печатаемый нами сегодня „манифест“.

ТЕЛЕГРАММЫ.

С.-Петербург. Витте и Дурново, по всем станц. России. Опять произвол и насилие, опять издеваются над нашими товарищами царские опричники. До каких пор это будет продолжаться? Чаша терпения переполняется. Требуем немедленно освободить арестованных Хрусталева и Кисилевского.

Курский комитет ж.-д. союза.

По ст. Варшавской ж. д. товарищам Спб., г. начальнику телеграфа инженеру Белому, Елизарову и Орехову, Москва Казан. центр. бюро ж.-д. союза, Романову. Присоединяемся к солидарности казанских товарищей-телеграфистов, требуем справедливого расследования дела товарища нашего Гранатного. Да здравствует солидарность!

Виленцы.

Из Ковно. 1 декабря. По всем ст. росс. ж. д. С.-Петербург, начальнику телеграфа П.-В. ж. д. Москва, Центр. бюро ж.-д. союза Чистову, Спб., Никол., Елизарову и Орехову.

Начальник телеграфа, депешей от 29 ноября, по всем станциям Спб.-В. ж. д. сообщил, что им не будет допущено никаких несправедливостей, взысканий, увольнения или смещения, и просил верить ему и в случае чего обращаться к нему. Справедливы ли эти слова, сказанные вами в депеше за № 1250? Товарищи, у нас уволен старший телеграфист Гранатсон; за свой поступок может быть переведен, оштрафован, но никак не уволен. Поддержите труженика, который прослужил 19 лет на дороге. Требуйте немедленно его возвращения и вновь разбора дела.

Служащие ст. Ковно, Спб.-В. ж. д.

По всем росс. ж. д. Товарищам-телеграфистам, бюро всеросс. железнодорожн. почтово-телеграфн. союза. Каждый день нам бросают вызов наши враги. Вчера жандармская полиция нас таскала по конторам, сегодня наша ж. д. администрация уволила 5 наших лучших товарищей-телеграфистов, завтра, быть может, где ей угодно будет, выбросит за борт еще, кого она найдет нужным. Товарищи, решившись итти рука об руку и положить конец этому произволу во имя всеобщей свободы, мы не дадим наших товарищей в обиду, честно исполнявших свой долг, согласно с общим постановлением о непередаче шифрованных, частных и других депеш противообщественного характера. Мы все, как один человек, заявим о возвращении наших товарищей и удалении начальника телеграфа Гильбиха, виновника случившегося произвола, действия которого вам уже известны. Пусть наша солидарность послужит залогом в успехе нашей борьбы с произволом.

Телеграфисты ст. Москва пасс., Казанской дороги.

Петербург, редакция „Железнодорожника“. Покорнейшая просьба взять на себя обязанность передать центральному бюро всероссийского железнодорожного союза об организации членов этого союза и на постройке Оренбурго-Ташкентской дороги в южной части и с открытием временного комитета в Ташкенте, с оповещением об этом всех действующих комитетов. Записалось пока свыше одной тысячи человек. Временный ташкентский комитет просит вас отпечатать эту телеграмму для общего сведения и в виде оповещения. Просим о высылке всех программ, сведений и положений, выработанных союзами, так как все сведения о союзе приходится получать из газет и устных сведений. Адресовать: Ташкент, председателю Федорову.

Члены железнодорожного союза в числе 1.000 человек.

Ростов. Центральное бюро, С.-Петербург, штаб жандармов, графу Витте, министру путей сообщения, Ростов, управление Владикавказской жел. дор. По станциям российских железных дорог. Собрание служащих станции „Минеральные Воды“ вполне солидарно с содержанием телеграммы — Ростов бюро, за № 3829, и выражает крайнее неудовольствие генералу Данилову. Долой жандармов, да здравствует железнодорожный союз.

Собрание служащих.

Ростов-на-Дону, центральное бюро, Шведову. Петербург, штаб жандармов, копия: гр. Витте, министру путей сообщения. Ростов, управление Владикавказской жел. дор., генералу Данилову. По всем российским жел. дорогам, во все бюро. Баладжарский район союза служащих вполне солидарен с содержанием телеграммы из Ростова, центрального бюро, от 26 ноября, за № 3824, и выражает свое крайнее неудовольствие генералу Данилову, сделавшему слабую попытку умершего чиновника воспрепятствовать сношению телеграммами бюро и комитетов. Всем вместе взятым жандармам не удержать освободительного движения, а потому этот элемент при первой возможности нужно совсем выкинуть из жизни, как людей со взглядами старого режима, а миллионы, поглощаемые содержанием, употребить на нужды просвещения. Долой жандармов. Да здравствует железнодорожный союз.

Бюро района ст. Баладжары, Влад.

Из управ. южн. части. Министерство, министру путей сообщения. Копия. Центральн. Бюро Комитетов жел. дор.

Покорнейше прошу немедленно командировать уполномоченное лицо в Ташкент для разбора текущих дел. Начальство потеряло голову: потребовали войско и не желают удовлетворять законных просьб своих служащих.

Председатель Ташкентского Комитета Федоров.

Начальник управления ответил:

„Уволить Федорова, если он состоит на службе жел. дор., за подачу депеши".

Из Самары. — В С.-Петербургский и Московский Советы Рабочих Депутатов.

Самарский Совет Рабочих Депутатов, узнав, что правительство арестовало несколько членов П. С. Р. Д. с председателем во главе, находит, что правительство арестом желает вызвать пролетариат на преждевременное восстание и в потоках крови потопить революционное движение народа. Принимая вызов царского правительства, мы, представители самарского пролетариата, заявляем: на его варварские выходки будет присоединение самарского пролетариата к организованному вооруженному восстанию пролетариата всей России; вместе с этим мы шлем горячий товарищеский привет с.-петербургскому пролетариату, в лице выбранного им С. Р. Д., и выражаем братскую солидарность в его борьбе, ведущейся под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Самарский Совет Рабочих Депутатов.

Из Планской. По всем ст., раз'ездам М. от Черемхово до Планской. Копия. Спб., г. министру п. с. Немешаеву. Томск, нач. дор. инженеру Богациеву, с'езд делегатов Сибири. Москва бюро союза зиман. Удинск, собрание.

Товарищи! Мы на конце поголовного избиения солдатами, возвращающимися с Дальнего Востока, так как нечем вести состав с эшелонами, нет угля для паровозов, солдаты проявляют террор, полагая, что мы умышленно задерживаем их; просим все ст. от Черемхов пропускать угольные поезда вне очереди.

Спб. Копия Москва, „Русские Ведом.", „Тифлисский Листок", В.-Удинский Листок". Чита, редакция „Заб.". Харбин, „Харбинский Вестник".

Вчера вечером в городском театре, в присутствии представителей печати, состоялся митинг всех войск иркутского гарнизона. Собралось до 4.000 солдат и председательствовал унтер-офицер. Солдатами и офицерами было произнесено много великолепных речей. Решено пред'явить требования об улучшении экономического, служебного и правового положения солдат, в противном случае устроить мирную забастовку. Единогласно также весь гарнизон выразил желание присоединиться к требованиям всего русского народа об отмене смертной казни, военного положения и о немедленном созыве Учредительного Собрания путем четырехгранного голосования. В городе чрезвычайный под'ем духа, казаки и солдаты повсюду восторженно приветствуются населением. Черносотенников как не было.

Ергардт.

Из Минска, 26 ноября. Петербургский Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов, Торговая, 25.

22 ноября по болезни были выпущены из бобруйского дисциплинарного батальона несколько заключенных. По этому поводу весь батальон 900 человек потребовал освобождения. Оружие сохранил при себе. Начальству дал срок до 27-го, угрожая, что иначе батальон сам себя освободит. Клязьминский и Кремлевский полки отказываются усмирять. 24-го прибыл из Минска свежий батальон, по словам солдат, стрелять не будут.

Минская группа Р.С.-Д.Р.П. Председ. Минского Комитета всеросс. ж.-д. союза П. Галезагурия.

РИГА.

Телеграмма.

Подана 27 ноября, в 5 час. 40 мин. дня.

Петербург. Министру внутренних дел.

Забастовали все команды речных пароходов; нет сообщения с прибывающими судами. Необходимо прислать военный крейсер и два миноносца. Восставшие уезды сегодня прервали сообщение по Балтийской дороге. Войска можно прислать пароходом. Необходима быстрая присылка крупных сил. Ваши курьеры задержаны в Валке.

Губернатор *Звегинцев.*

РОССИЯ.

Бобруйск, 1 декабря. — Начавшееся 20 ноября брожение, основанное на неверном толковании манифеста об амнистии, среди рот дисциплинарного батальона, расквартированного в Бобруйской крепости, перешло в ночь с 24 на 25 ноября в открытый мятеж. Благодаря увещеваниям начальника 60 дивизии Ильинского и начальника дисциплинарного батальона Тонского, первая рота батальона отложилась от остальных трех рот мятежных дисциплинарцев. После переговоров, длившихся всю ночь, утром 25 ноября остальные три роты сдали оружие. В усмирении дисциплинарцев принимали участие лишь местные войска и вызванный из Минска батальон этих же войск.

Покров, 1 декабря. — Сегодня ночью фабричные рабочие казармы № 30 не допустили полицию арестовать, по постановлению судебного следователя, одного из убийц казаков в деревне Городищах. По подходившим войскам рабочие открыли стрельбу. Казаки в ответ дали несколько залпов. Есть убитые и раненые.

Киев, 28 ноября. — Арестованы председатель киевского бюро почтово-телеграфного союза Руссиянов, секретарь Бабиенко и несколько членов бюро. Ожидаются еще аресты.

Калиш, 28 ноября. — К почтово-телеграфной забастовке не примкнули начальник конторы и его помощник, за что на помощника произведено покушение. Ранен пулей почтальон, сопровождавший вместе с помощником почту.

Вчера за посещение училища облили серной кислотой реалиста.

Киев, 30 ноября. — Сегодня сенатор Турау произвел ревизию охранного отделения.

Владимир, 30 ноября. — Убитый в уезде на фабрике Бажанова агитатор был социал-демократ из Мурома. В 2 часа ночи толпа в 40 человек подошла к дому, где он спал, и вызвала его. Агитатор был буквально растерзан.

По слухам, в посаде Гаврилове, Суздальского уезда, на базаре убит агитатор, говоривший крестьянам речь.

Сызрань, 30 ноября. — Открыло действия бюро по эвакуации войск, которые здесь уже распределяются по всей России.

Владимир, 1 декабря.—Уволено 30 почтовых и телеграфных чиновников.

Варшава, 1 декабря. — Вчера возобновилось сообщение с Берлином и Веною. По словам газеты „Курьер Варшавский", вчера в 7 час. веч. в кавказский магазин Саркиза Эльбека, на

Маршаловской улице, явилось трое неизвестных, требуя для своей партии денег и угрожая местью, в случае отказа. Эльбек выстрелами из револьвера одного убил, а другого ранил и вместе с третьим лицом скрылся.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Белград, 30 ноября (13 декабря). — Министр иностранных дел взял обратно свое прошение об отставке, так как удалось устранить возникшие затруднения. Последние заключались в необходимости дать в скупщине об'яснения на запрос об отношении к Австрии. По слухам, решено, что министр ответит на запрос в тайном заседании скупщины.

Вашингтон, 29 ноября. — Прежний американский уполномоченный в Сеуле, находящийся в настоящее время здесь в качестве чрезвычайного посланника корейского императора, заявил, что получил из Кореи телеграмму, в которой император сообщает, что считает недействительным договор, недавно заключенный с японцами, так как согласие на этот договор было у него исторгнуто силою. Император не желает принимать договора в настоящей его форме и об'являет, что в Корее повторятся беспорядки, подобные тем, которые произошли там при подписании договора корейскими и японскими уполномоченными.

Токио, 29 ноября. („Daily Telegrapf"). Китайское правительство намеревается держать в Манджурии 100.000 человек войска, для которых будут приглашены японские офицеры. По этому поводу теперь в Пекине ведутся переговоры.

Константинополь, 29 ноября (12 дек.). — Врученною сегодня послам нотою Порта принимает все требования, изложенные в циркулярной ноте, между прочим, и финансовый регламент; в последний введены, впрочем, некоторые редакционные, но не принципиальные поправки. В ноте говорится, что тотчас по выработке державами соответствующих правил генерал-инспектор сделает надлежащие распоряжения. Между послами по этому поводу продолжаются переговоры. В ближайшем времени весь инцидент будет, вероятно, исчерпан.

Берлин, 29 ноября (12 декабря). — Демонстрации в пользу всеобщего избирательного права, организованные саксонскими социал-демократами, не остались без влияния на вторую палату саксонского парламента. Во время сегодняшнего обсуждения государственной росписи консерватор Беренс резко напал на правительство по поводу позиции, занятой им в вопросе об избирательной реформе. Министр поступает вопреки своей записке, в которой он осудил действующую избирательную систему. Повидимому, правительство не имеет искреннего желания реформировать выборы. Министерство лишь тогда выполнит свою задачу, если будет стремиться к устранению существующих несправедливостей. Министр возразил на это, что правительство готово взять на себя инициативу к устранению существующих недостатков избирательной системы, как только будет найден способ их устранения.

Москва.

(По телефону 1 декабря.)

— Члены бюро союза служащих Московско-Брестской железной дороги: Сыромятников, Поднарский, Торба, Николаевский, Войнович, Жуков и Курдюмов устранены без указания причин от должностей.

— В „Новостях Дня" сегодня напечатано:

„Юго-восточный комитет всероссийского железнодорожного союза разослал следующую экстренную депешу:

«На основании тайного циркуляра министра внутренних дел Дурново, губернаторам рассылается приблизительно следующий циркуляр: „Препровождая копию с предложения г. министра внутренних дел, предлагаю выяснить немедленно всех главарей, подстрекателей, руководителей политического и аграрного противоправительственного движения и других лиц в виде делегатов, арестовать их, заключить в местную тюрьму и поступить с ними согласно указаниям г. министра внутренних дел". Товарищи!.. Отечество в опасности. Манифест 17 октября произвольно отменяется. Пусть вся честная Россия мощно встанет на защиту попираемой свободы, которую мы так дорого купили. Мы с своей стороны готовы»".

— В войсках московского гарнизона сегодняшний день прошел очень неспокойно. Началось с Несвижского полка. Вчера около 8 час. вчера двести солдат 4 гренадерского Несвижского полка, расположенного в Хамовнических казармах, под звуки марсельезы отправились во двор Перновского полка, где к ним присоединились более ста человек перновцев. Отсюда решено было пойти к драгунам, но в казармах Сумского драгунского полка демонстранты были встречены офицером, приказавшим своим обнажить шашки. Демонстранты заявили ряд требований. Одно из главнейших их требований — предоставление солдатам всех свобод, завоеванных народом у правительства. После этого солдаты мирно разошлись по казармам. Начальство обещало сегодня вечером рассмотреть пред'явленные ими требования, а пока распорядилось отобрать у солдат боевые патроны. Сегодня утром солдаты Несвижского полка устроили у себя в казармах митинг. Командир полка хотел воздействовать на солдат при помощи фельдфебелей, но был освистан и вынужден спрятаться у себя в квартире. Для усмирения несвижцев был вызван эскадрон 3 Сумского драгунского полка. Несвижцы заперлись в казармах и, слухом, ждут к вечеру выручки со стороны казаков и артиллеристов, с которыми они будто бы находятся в сношениях. Сегодня же состоялись митинги в Таврическом гренадерском полку. Арестовано шесть писарей.

— Старший инспектор по делам печати об'езжает лично все московские типографии, и под угрозою закрытием требует от типографий, чтобы они обязательно представляли в цензуру все печатающиеся у них книги, брошюры и другие непериодические издания.

— На телефоне попрежнему бастуют монтеры и рабочие. Союз телефонных служащих получил от мирового судьи повестки по иску телефонного общества о выдаче инструментов. Решено ни за что инструментов не выдавать.

— В Москве в последние дни возникло несколько новых союзов, как-то: союз служащих во всех писчебумажных магазинах, фабриках и конторах, союз трубочистов и др. Кроме того, служащие 34 контор Нобеля, в числе $3^1/_2$ тысяч человек, единогласно постановили примкнуть к союзу торгово-промышленных служащих. „В единении сила".

— Один из московских журналистов явился сегодня в канцелярию московского градоначальника и подал заявление о выпуске им газеты. Чиновник особых поручений отказался принять это заявление, мотивируя свой отказ тем, что дело это не подведомственно градоначальнику, что таким путем газеты разрешать нельзя, ибо в таком случае может издавать газету всякий, кто только захочет. В это время к разговаривающим подошел проходивший мимо пом. градоначальника ген. Будберг. Журналист сослался на недавно опубликованный высочайший указ о печати, но и ген. Будберг подтвердил отказ, заявив, что дело это градоначальнику неподведомственно. Так как вполне законного заявления никто принимать не желает, журналист решил опустить его в кружку, висящую у под'езда градоначальства, с приложением к нему номера „Правит. Вестника", в котором напечатан указ о печати.

— Сегодня на московской бирже—настоящая паника. Векселей учтено мало. Из провинции денежных поступлений нет.

— Сегодня забастовали служащие всех магазинов, торгующих иконами, а также всех магазинов по продаже металлических изделий.

— Московский почт-директор предлагает чиновникам, исключенным за забастовку и желающим быть вновь принятыми на службу, подписывать прошения с обязательством не вступать в неразрешенные союзы и общества.

— Из Белгорода телеграфируют „Русскому Слову" от 30 ноября: „Вчера вечером 31-я артиллерийская бригада пред'явила следующие требования: удаление сверхсрочных со службы, улучшение пищи, выдача теплой одежды, отмена всех караулов, увеличение жалованья. Охрана на станции Белгород и конные патрули бригадою сняты. В общем настроение нижних чинов мирное".

К созыву IV с'езда Р. С.-Д. Р. П.

Товарищи! Близится время (10 декабря), назначенное для открытия IV с'езда нашей партии. Поэтому Ц. К. напоминает всем партийным учреждениям, не успевшим еще произвести выборы делегатов на с'езд, поспешить с выбором своих представителей на основаниях, изложенных в извещении о с'езде, опубликованном в № 9 „Новой Жизни" (кроме представителей, имеющих решающий голос по уставу партии, выбирается по одному делегату от каждых 300 партийных товарищей, принадлежащих к организации). Желательно, чтобы делегаты с'ехались в Петербург к 8 декабря.

Проекты порядка дня и доклады по отдельным пунктам проектированного порядка могут присылаться и раньше, до 8 декабря. Заблаговременное получение их Ц. К. облегчило бы, несомненно, предстоящую работу с'езда.

Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

К забастовке почтово-телеграфных служащих.

Товарищи! По имеющимся верным сведениям, все почтово-телеграфные труженики на всем пространстве необ'ятной России при поддержке сочувствующего им общества выдерживают забастовку твердо и дружно. Так что, несмотря на все ухищрения и репрессии гг. Дурново, Севастьянова и проч. насильников, ни телеграфное, ни почтовое дело не функционирует. Что же касается столицы, Петербурга, то хотя многие из забастовщиков, страха ради иудейского, и принялись за работу, постыдно изменив борцам-товарищам, тем не менее почтовая и телеграфная служба в Петербурге не восстановилась. Товарищи-борцы! Не падайте духом, продолжайте святое дело, не сдавайтесь ни на какие увещания начальства и черносотенцев. Еще немного усилий, и верная победа за нами. Хотя правительство и стремится, в лице гг. Витте и Дурново, уверить общество, что почтово-телеграфное дело приняло нормальный ход и забастовка прекратилась, но это чистейшая ложь, к которой так часто прибегают лица, стоящие ныне у власти.

Пока наши законные требования не будут удовлетворены, до тех пор всероссийская почтово-телеграфная забастовка будет продолжаться.

Мужайтесь, товарищи, и твердо верьте решению нашего всероссийского почтово-телеграфного с'езда.

Исполнительный комитет спб. отделения всероссийского почтово-телеграфного союза.

Воззвание к железнодорожным служащим С.-Петербургского узла.

Товарищи! Мы боремся за то же, за что боретесь и вы, — за свободу. Во имя скорейшего достижения общей цели мы просим вас, товарищи, оказать нам в нашей борьбе такое же содействие, какое оказывают ваши товарищи-железнодорожники Либаво-Роменской дороги. Товарищи, во имя единения, во имя общих интересов просим вас не пропускать вагонов с почтовой корреспонденцией.

Исполнительный комитет спб. отделения всероссийского почтово-телеграфного союза.

Петербургским товарищам, почтово-телеграфным работникам. От первого всероссийского почтово-телеграфного с'езда.

Товарищи! Почтово-телеграфные работники Москвы, почти всех городов русских, Польши, Сибири и Кавказа продолжают крепко стоять в борьбе за права человека и гражданина. Товарищи-петербуржцы! Неужели вам так мило и дорого наше прошлое рабство, тот произвол и насилие, которым вы всегда подвергались, что вы начинаете колебаться и частями становитесь на работу. Товарищи! Делегаты первого всероссийского почтово-телеграфного с'езда в первое свое заседание 15 ноября, клялись представителям Петербургского Совета Рабочих Депутатов продолжать борьбу до последней возможности. Товарищи! Не смущайтесь тем, что уважаемый председатель Совета Рабочих Депутатов товарищ Хрусталев арестован. Ни одна борьба не обходится без жертв. Этот акт гнусного насилия нашего издыхающего самодержавного правительства должен еще более придать вам силы к борьбе. Товарищи! Вы знаете, что наши борцы-руководители в числе 18 человек сидят по сырым тюрьмам, масса наших товарищей удалены из казенных квартир, их семьи выбрасываются на улицу. Вы все, если у вас есть хоть искра человеческого достоинства, должны требовать их освобождения, принятия на службу и признания нашего союза. Помните, товарищи, что на нашей стороне весь пролетариат, все союзы, общество и все, что есть умного и честного в России. Мы в первый раз вышли на борьбу и должны продолжать ее до полной победы, иначе нам грозит прежнее рабство и издевательство. Наше дело — дело правое и честное. Итак, товарищи, не становитесь на работу до полного удовлетворения наших требований. Об окончании забастовки ждите распоряжений московского бюро союза. Долой произвол и насилие! Да здравствует наш почтово-телеграфный союз!

Делегатский с'езд всероссийского почтово - телеграфного союза.

---

30 ноября состоялось заседание исполнительного бюро петербургского отделения всероссийского союза почтово-телеграфных чиновников, на котором обсуждались меры для более успешного проведения забастовки. Было предложено обратиться к организациям железнодорожных служащих с предложением помочь бастующим почтово-телеграфным служащим, отказываясь отправлять почтовые вагоны, не принимая привозимую с почт корреспонденцию и не отправляя полученной корреспонденции и на почтамт. Решено также обратиться с воззванием к публике о содействии проведению почтово-телеграфной забастовки путем денежной помощи, так как нужда уволенных со службы и бастующих чиновников растет с каждым днем, и получаемая в настоящее время помощь недостаточна. Исполнительное бюро пришло к заключению, что для более успешного хода забастовки надо принять более решительные меры в смысле активного противодействия исполнению работ на почте и телеграфе. Наконец, в бюро было доложено о ходе забастовки почтово-телеграфных чиновников в разных местностях и городах России: так, в Привислинском крае, Эстляндской и Курляндской губ., Вильне и его уездах забастовка идет блистательно, чрезвычайно успешно проходит забастовка в некоторых поволжских губерниях: Самарской, Саратовской, Уфимской. Слабо идет забастовка в некоторых центральных губерниях, где бастовавшие почтово-телеграфные служащие уже приступают к работам. Относительно полученной из Москвы телеграммы о том, что там более половины почтово-телеграфных служащих уже приступило к работам, выяснилось, что занятия на почте и телеграфе возобновлены не бастующими служащими, а выписанными из провинции, но работы идут очень неуспешно, так как вновь принятые служащие, незнакомые с местными условиями работы, не могут справиться с работой. Почтово-телеграфные конторы городов, где почтово-телеграфные служащие бастуют, депеши из Петербурга попрежнему не принимают. Чиновники, находящиеся в конторах, заявляют, что не будут принимать телеграмм до тех пор, пока не будут удовлетворены требования забастовавших служащих.

---

30 ноября уволено, приказом по управлению городских телеграфов, 85 человек телеграфистов главной конторы, не приступивших к работам до 29 ноября. Всего по 1 декабря уволено на главном телеграфе 105 человек.

---

1 декабря на главном почтамте работали почти все служащие, за исключением уволенных. Последние, несмотря на приглашение администрации приступить к работам, решили прошений не подавать до окончания забастовки.

---

1 декабря на главном телеграфе находилось уже большинство бастовавших телеграфистов; несмотря на это, телеграф бездействует, так как большинство городов России не принимает депеш. Чиновники ходят без дела; в аппаратных комнатах горячо обсуждаются события, связанные с забастовкой.

Группа бастующих чиновников почтово-телеграфного ведомства 30 ноября справлялась у управляющего городским телеграфом г. Дьякова, почему она не уволена вместе с другими чиновниками. Группа заявила, „что она не желает милостей", на что г. Дьяков ответил: „Ну, если вам так уже хочется, то и вы будете уволены".

27 ноября был арестован на Почтамтской улице телеграфист Калинин, обратившийся к охранявшим главный вход в почтамт с предложением содействовать забастовке. Калинин был арестован и до сих пор содержится под стражей.

Настроение у бастующей группы почтово-телеграфных служащих довольно бодрое. Усиленно говорят, что приступившие к занятиям почтово-телеграфные служащие опять примкнут к забастовке.

Уволенным почтово-телеграфным служащим до сих пор не выдают ни документов, ни жалованья за истекший месяц, чем служащие поставлены в безвыходное положение: во время забастовки иссякли их скудные средства, а отсутствие документов не дает возможности поступить на другую службу; не выдаются также вычеты из ссудо-сберегательной почтовой кассы.

В экспедиции городской почты уволены со службы чиновники, принимавшие хотя бы самое пассивное участие в забастовке; некоторые из них прослужили по 15 — 20 лет.

Работавший 30 ноября аппарат Бадо 1 декабря опять перестал действовать.

В забастовочный комитет петербургского отделения всероссийского почтово-телеграфного союза поступили 1 декабря следующие пожертвования в пользу бастующих почтово-телеграфных чиновников: из редакции „Сына Отечества" — 682 руб. 10 коп., из редакции „Наша Жизнь" — 313 руб. 96 коп., редакции „Начало" — 20 руб. 38 коп.

Бюро петербургского отделения „Всероссийского союза почтово-телеграфных служащих" получило 1 декабря сведения, что служащие на Либаво-Роменской ж. д. решили не отправлять с целью поддержания почтово-телеграфной забастовки почтовых вагонов. Передают, что служащие этой дороги отправили на имя С. Ю. Витте и мин. вн. дел Дурново записку с требованием немедленно удовлетворить почтово-телеграфных служащих; в случае отказа служащие возлагают на них ответственность за последствия.

Бюро петербургского отделения всероссийского почтово-телеграфного союза, как мы слышали, пред'явило к почт-директору Севастьянову требование о возвращении союзу удержанного им денежного пакета, который был прислан французскими почтово-телеграфными служащими для бастующих русских почтово-телеграфных служащих. В случае отказа бюро решило пред'явить к г. Севастьянову судебный иск.

Городское самоуправление.

Еще в 1902 г., с переходом конно-железных дорог II группы в ведение города Петербурга, служащим было обещано сохранить их прежние права, но это обещание исполнено не было. Засим, в начале 1905 года служащие обращались с особым ходатайством о своих нуждах в думу, но последняя лишь отчасти удовлетворила их требования. Наконец, в пятницу, 13 октября, забастовали конки II группы, а на следующий день, 14 октября, за ними последовали конки I группы, при чем движение восстановилось только 22-го. Результат был магический, и в среду, 30 ноября, гласные, имея перед собою об'емистый доклад комиссии по заведыванию и переустройству городских железных дорог об улучшении положения линейных и парковых служащих на конках, могли обсудить и решить этот давно наболевший вопрос.

С нашей точки зрения, он, впрочем, так и остался нерешенным. По заявлению комиссии, „забастовка конных дорог была вызвана экономическими интересами служащих и не имела вовсе политического характера. Служащие в настоящем случае только воспользовались моментом общих забастовок для пред'явления своих бытовых требований, в большинстве которых им было давно обещано, но не исполнено". Иными словами, большая часть коночных рабочих не успела еще полностью войти в широкий поток организованного рабочего движения. Если машинисты и кочегары, штучники и цеховые при мастерских выступили с требованием 8-часового рабочего дня, то конюхи, кучера, кондуктора и сторожа, т. е. наиболее многочисленные категории служащих, работающие не менее 12 часов в сутки, не пошли дальше пожелания о легком повышении заработной платы, небольшом увеличении отпусков и т. п. Так гласит, по крайней мере, доклад коночной комиссии. Эти умеренные требования служащих подвергнуты были еще ею урезкам, и в результате думе было предложено 30 ноября санкционировать среднее увеличение расходов на содержание личного состава конок не более как на 15,3%, считая с 1 ноября. До сих пор состав этот в числе 4.272 человек получал 1.572.994 р. в год, отныне последняя сумма должна вырасти до 1.813.532 р. При прежнем порядке город рассчитывал заработать на конках в 1906 г. 1.777.000 р. чистого дохода, теперь этот доход соответственно должен уменьшиться на сумму 240.537 р. 97 к., рабочие, следовательно, получат, наконец, „в среднем" оплату 1/2 своего тяжелого труда. Ясно, что вопрос об улучшении положения коночных служащих не решен, а лишь отложен до более энергичных и крупных требований с их стороны.

Понятно теперь, что доклад коночной комиссии, путем ничтожного сравнительно пожертвования снимающий хотя бы на время тяжелый камень с плеч думы, встречен был ею с живым удовольствием. Он принят был единогласно, а в заседании вообще господствовало самое идиллическо-филантропическое настроение. Начиная с торжествовавшего председателя коночной комиссии г. Сокова, гласные наперерыв выражали свои чувства любви к коночным служащим и непрестанной заботливости о нуждах их, „поскольку это, конечно возможно в большом коммерческом деле".

Да и как было не радоваться и не торжествовать! Гласные де-Плансон и Шнитников, подвергшие доклад коночной комиссии серьезной критике, ясно показали всему собранию, какие в сущности крохи оно бросает городским служащим. Если в „улучшенном" теперь положении их есть что-нибудь хорошее, то разве только по сравнению с прежним порядком вещей. Так, прежде им полагалось хворать не более 12 дней; теперь этот срок увеличен до 4 месяцев, но жалованье платиться будет только в течение первых 6 недель болезни, да и то г. Соков нашел нужным для успокоения собрания сообщить, что предположено особенно обращать внимание на медицинское свидетельствование при приеме на службу (дабы не принимать лиц со слабым здоровьем) и при заболевании. Дни отдыха ограничены для большинства персонала всего двумя в месяц, не считая полумесячного отдыха в год. Еще хуже (заявление Шнитникова) вознаграждение за труд; рабочей семье в Петербурге необходимо иметь не менее 30 р. в месяц; между тем, ни кучера, ни конюха, ни ряд других категорий служащих такого вознаграждения не получают. Ужасно положение „обтирщиц" (86 человек), работающих притом ночью. Плата им повышена всего с 11 до 12 руб. в месяц; в случае родов допускается отдых только на 9 дней, тогда как необходимо

было бы, в виду трудности работы, давать 1½ месяца отдыха до родов и 1 после них.

Эти и подобные указания не могли произвести впечатления на благодушно настроенную думу. Будь в ней представлен пролетарский элемент, дело обстояло бы, конечно, иначе. Теперь же господствующее настроение верно выразил нововременец Кривенко, заявивший, что, любя коночных служащих, нельзя забывать и всех других, о которых обязана заботиться дума, о городских плательщиках и бедноте Петербурга, которой придется улучшение быта этих служащих оплачивать предположенным к введению увеличением (на 1 коп.) проездной платы на конках. Замечания Шнитникова и де-Плансон были приняты не „к руководству", а „к сведению", т. е. просто-напросто отвергнуты.

Идиллия закончилась выражением благодарности (по предложению гл. Фальборка) городской коночной комиссии.

W.

К аресту Хрусталева.

Открытое письмо общего собрания союза инженеров и техников председателю Совета Рабочих Депутатов Хрусталеву-Носарю.

Товарищ Хрусталев!

Вы—действительно избранный, облеченный доверием народный представитель, и, арестуя вас, кучка преступных насильников, пока еще стоящая у власти, дерзко выступила против завоеванного народом права поручать своим представителям охрану своих интересов.

Но чем наглее попытки правительственного террора, тем смелее должны выступить все активные силы народа. Правительство, лишенное самого ничтожного доверия народа, вымещает свою злобу на отдельных представителях, наивно рассчитывая задержать великое революционное движение. Тем решительнее мы заявляем о своей солидарности с деятельностью Совета Рабочих Депутатов, которому Вы, товарищ, так плодотворно, так самоотверженно служили.

Следуют 274 подписи.

Возмущенные до глубины души новой, наглой провокаторской выходкой нашего отживающего правительства — взятием в плен председателя Спб. Совета Рабочих Депутатов товарища Хрусталева; „правительства", наивно думающего этим взятием в плен погасить революционное освободительное движение России; желающего этим преждевременно вызвать русский пролетариат на улицу и расстрелять его, мы, почтово-телеграфные работники Петербурга, заявляем свой решительный протест и категорически требуем немедленного освобождения товарища Хрусталева.

Исполнительный комитет спб. отделения всероссийского почтово-телеграфного союза.

В бюро союза рабочих печатного дела ежедневно поступает масса резолюций типографских рабочих по поводу ареста товарища Хрусталева и члена бюро союза — Голынского. Во всех резолюциях об'является о немедленном требовании освободить их, выражается негодование провоцирующему правительству и заявляется, что оба арестованные товарища рабочие представители—в своих действиях выполняли только волю своих избирателей. Таковы резолюции рабочих типографий: Клобукова, Ломковского, Яблонского, Стойковой, Фридберга, Эрлиха, Г. И. Зархи, Эттингера, Киршбаума, Крайза, „Народной Пользы", т-ва „Труд", акц. об-ва „Слово", „Общественной Пользы", городской типографии и др.

Во всех резолюциях высказывается готовность действовать согласно с постановлением Совета Рабочих Депутатов и союза рабочих печатного дела, хотя бы пришлось освобождать товарищей силой.

Хроника.

Наглость правительства начинает переходить всякие пределы. Вчера, 1 декабря, в помещении союза рабочих печатного дела должно было состояться собрание членов союза выборных машинных отделений типографий по вопросу о воскресном отдыхе и других экономических вопросах. Подобные собрания, по уставу союза, утвержденному правительством, происходят без предварительного заявления полиции и до сих пор происходили беспрепятственно. Несмотря на это, местная полицейская свора, по распоряжению градоначальника, не допустила собрания. На сделанные председателем союза попытки войти в переговоры по этому поводу с градоначальником, последний не соизволил даже подойти к телефону.

Лишнее доказательство того, насколько лживы все обещания и манифесты существующего правительства.

— По сообщению газеты „Daily Mail", пять министров с Витте во главе просили у царя отставки, но таковая им дана не была.

— Английские газеты сообщают, что Иркутск почти совсем сожжен. Во Владивостоке волнения снова вспыхнули. По депешам из Токио, в Харбине происходит настоящее сражение между восставшими и невосставшими войсками. Харбин горит.

— В настоящее время по Варшавской жел. дор. идет усиленная отправка золота. Золото отправляется исключительно в Вержболово и Ригу. Так, 24 ноября с поездом № 61 был отправлен один вагон, т. е. 700 п. золота, на Ригу и с поездом № 11 один вагон на Вержболово. 26 ноября отправлены 2 вагона на Вержболово с поездами № 1 и № 11; 27 ноября отправлены 2 вагона с поездом № 11; 29 ноября и 1 декабря отправлены с поездом № 1 по одному вагону на Вержболово.

— Собрание Совета Рабочих Депутатов состоится в Вольно-Экономическом О-ве в субботу, 3 декабря, в 7 час. веч.

Вход только по именным билетам. Посторонние лица не допускаются.

— „Крестьянский" союз партии правового порядка. Обеспокоенные разрастанием сил „всероссийского крестьянского союза", гг. черносотенцы решили организовать „свой" крестьянский союз. Комитет Литейной части партии правового порядка организовал 30 ноября в Соляном Городке общее собрание Литейного района. Вход усиленно охранялся студентом электро-техником Нестеровым и двумя какими-то суб'ектами с подозрительными физиономиями. Одним из главных деятелей и ораторов „союза" является „крестьянин", оказавшийся кучером какого-то великого князя (это обстоятельство он старается почему-то скрыть). Цель союза — „борьба с лже-крестьянами" всероссийского с'езда.

— Поступающие после забастовки в контору „Новой Жизни" письма носят явные следы вскрытия и вторичного заклеивания. Вложенных в письма, не исключая и заказных, почтовых марок не оказалось. Извещая об этом наших подписчиков, просим впредь присылать деньги исключительно переводами.

— Из вполне достоверных источников мы узнали, что с будущего года морской кадетский корпус будет „преобразован". „Преобразование" будет заключаться в его расширении; сословное начало морское ведомство считает необходимым сохранить. Преобразование, таким образом, будет заключаться в отягчении государственного казначейства новым добавочным кредитом.

— По имеющимся в министерстве финансов сведениям, постигший город Ростов еврейский погром сильно отразился на местной промышленности и торговле. Разграблено и сожжено 511 торговых заведений; убытки, по данным биржевого комитета, составляют крупную сумму в 7 миллионов рублей, из коих 2 миллиона падает на сожженную недвижимость, 1 миллион на сгоревшую движимость и около 4 миллионов на разграбленные и испорченные товары.

— Смета расходов по морскому ведомству с будущего года увеличена на 20 миллионов рублей сравнительно с прежними ассигнованиями. Почти вся имеющая быть ассигнованной сумма пойдет на постройку новых судов.

30 ноября в Соляном Городке, в 8 ч. вечера, было назначено собрание водопроводчиков. Едва первый оратор окончил свою речь о значении профессиональных союзов, как вошла

полиция. Считаясь с постановлением Совета Рабочих Депутатов, собрание разошлось после категорического нежелания полиции покинуть зал собрания.

— В виду того, что известие об исключении 4 воспитанников из реального училища пр. Ольденбургского после поверки фактов не подтвердилось, совет старост считает забастовку оконченной и приглашает товарищей приступить к занятиям.

Совет старост 8 гимназии.

— Редакцией получено письмо с предложением давать обед двум детям забастовавших почтово-телеграфных служащих на время политической забастовки.

К сожалению, лицо, сделавшее предложение, забыло приложить свой адрес.

— В пятницу, 2 декабря, открывается заседание военно-окружного суда в Кронштадте по делу кронштадтских матросов. Дело будет разбираться при открытых дверях.

— Лица, приехавшие из Риги, передают подробности о событиях последних дней. Об'явление в крае военного положения вызвало восстание. В Ригу прибыли латыши из ближайших городов и соединились с местным рабочим населением. Между революционерами и войсками произошли сражения. Горят правительственные здания. Масса населения уезжает. Вокзал и телеграф захвачены рабочими, несмотря на то, что там стояли войска. Из Либавы в Ригу посланы военные суда. („С. О.").

— „С. О." сообщает, что на-днях об'явлена мобилизация и уже собраны пластунские батальоны кубанского казачьего войска. Говорят, что они будут отправлены в Польшу. Это третья мобилизация кубанского войска. Первые два раза каждому казаку выдано было по сто рублей на обмундирование. Характерно, что правительственного распоряжения о мобилизации не опубликовано.

— Министр юстиции С. С. Манухин, как мы слышали, подал в отставку при следующих обстоятельствах: в последнее время в министерство юстиции стали в большом количестве поступать донесения чинов прокурорского надзора о незаконных действиях администрации, о попустительстве и бездействии полиции во время погромов и беспорядков. Эти донесения судебных деятелей вызвали, как на местах, так и в центральном управлении министерства внутренних дел, крайнее неудовольствие. Для проверки правильности прокурорских действий решено назначить сенаторскую ревизию. П. Н. Дурново согласился на ревизию, но потребовал, чтобы материал ее поступил на рассмотрение министерства внутренних дел. С. С. Манухин счел это нарушением своих прав, как генерал-прокурора сената, и подал прошение об отставке. Отставка принята. На место его назначается прокурор Киевской судебной палаты Лопухин.

— Партия полицейского, иначе правового, порядка старается завербовать в свою партию членов среди рабочих. Но попытки их разбиваются о здравый смысл рабочих. 29 ноября „партия" созвала рабочих арсенала в Соляной Городок для „об'явления" им о переговорах между ней и начальником арсенала. Последний согласен открыть арсенал, произведя надлежащую фильтрацию рабочих при обратном приеме. „Видите, мы заботимся о ваших интересах, вступайте в нашу партию",— говорил лидер партии пр. пов. Бобрищев-Пушкин, предлагая соответствующую резолюцию. „Если будете работать, то будете и обедать" — философствовали члены п. пр. пор. в ответ на указание тов. рабочих, что рабочие голодают по вине администрации. Рабочие сразу раскусил : всю „политику" этих господ и отказались принять предложенную резолюцию.

Негодующие на „неблагодарных" рабочих члены п. полицейского порядка принуждены были удалиться.

В армии.

— Из Кронштадта в настоящее время все армейские части войск, бывшие там до последних беспорядков, выведены и заменены новыми. Власти принимают всякие предосторожности и даже на караулы назначают солдат не из одной части, а из разных одновременно на один пост, при чем солдаты становятся вперемежку, так что стоящие по соседству солдаты не знают друг друга.

За последнее время как в Петербурге, так и в Кронштадте матросам, как „неблагонадежному элементу", затруднено свободное общение с солдатами других родов оружия, а в особенности с гвардейцами. Флотские команды теперь обезоружены: в каждой команде оставлено не более 10—15 ружей на всех матросов.

Профессиональные союзы.

Союз инженеров.

В заседании 30 ноября, в 9 часов вечера, под председательством Лутугина, после горячих дебатов по поводу ареста Хрусталева, была принята резолюция, предложенная организационным бюро союза.

После принятия резолюции председатель в горячих словах начертал картину переживаемого нами исторического момента: „В этот исторический момент пред мощной силой пролетариата, сознательно выступившего на мировую арену борьбы и диктующего уже свои постановления всей стране, правительство, закон которого — насилие и произвол, стремится посредством обмана и провокации вызвать замешательство в рядах пролетариата, создавая разбойничьи банды черной сотни. Оно будет подавлено и уничтожено тем оружием, которое стремится вырвать из рук пролетариата".

Делегат из Севастополя рассказал собранию о севастопольской трагедии, которая потрясла весь цивилизованный мир. Начав характеристику лейтенанта Шмидта, делегат в слезах закончил свою речь словами: „Слезы застилают мои глаза, а призрак смертной казни железным кольцом давит мое горло. Долой смертную казнь! И пусть позорный суд падет на голову гнусных палачей".

После краткого перерыва была вынесена резолюция следующего характера: „В настоящее время подготовляется новое гнусное злодейство: над взятым в плен раненым героем лейтенантом Шмидтом и его товарищами назначается военный суд. Шайка трусов, предававших родину, опозоривших ее в только что окончившейся войне с Японией, осмеливается поднять свои грязные руки над головою грозного борца. Да знают те, кто будет судить лейтенанта Шмидта и его товарищей, что их имена будут в кровавом списке палачей, и они ответят пред гневом народа".

Принята единогласно.

После доклада по организационному вопросу оратор Герасимов заявил: „Делегаты, присутствовавшие на общем собрании центрального комитета Союза союзов, не имели никакого права заявить от имени союза инженеров, что единственный путь к достижению созыва Учредительного Собрания—это вооруженное восстание. Я больше чем уверен, что делегаты говорили от своего собственного имени, так как большинство членов союза не может стать на этот революционный путь борьбы. Мы не желаем безобразной резни, и допустить ее никак нельзя".

Председатель. „Я этот вопрос снимаю с очереди в виду недостатка времени и как вопрос, затрагивающий реорганизацию союза и его самоопределение. Я дал вам ответ, что центральное учреждение союза говорило от своего имени, руководствуясь общим настроением членов союза. Вы говорите о расколе союза, так как крайние левые ведут туда, куда не могут итти правые.

„Вы упрекаете нас, что наше заявление о присоединении к вооруженному восстанию голословно — об этом вам скажут 350 подписей под письмом к товарищу Хрусталеву".

Речь эта встретила бурные аплодисменты.

Остальные вопросы, за поздним временем, были сняты с очереди и будут разбираться на следующем очередном собрании.

— В типографии Пожарова за отказ от сверхурочных работ был об'явлен расчет рабочему Никифорову. Несмотря на старание управляющего типографии мотивировать отказ другими причинами перед членами примирительной камеры при союзе рабочих печатного дела, это ему не удалось. Поэтому управляющего обязали принять Никифорова обратно с условием не об'являть ему расчета до 1 января 1906 г.; при этом

управляющим было принято предложение уплатить Никифорову за 1 день, потерянный не по его вине.

— Рабочие переплетных фабрик Кирхнера и Гаевского, бастовавшие более 2 недель, прекратили таковую по постановлению примирительной камеры, состоящей из представителей в равном числе от союза владельцев печатных заведений и союза рабочих печатного дела, на решение которой этот конфликт был вынесен как хозяевами, так и рабочими. В типографии Кирхнера было, между прочим, постановлено отменить обыски, против чего особенно сильно протестовал г. Кирхнер.

В настоящее время, по заявлению его, у него пропали альбом и большая плюшевая крышка, и г. Кирхнер требует от своих рабочих возмещения ему стоимости утраты, в противном случае грозит ввести обыски.

Но в праве ли Кирхнер требовать этого, раз не доказано, кем совершена покража, и не выяснено еще, не провокаторская ли это проделка администрации и мастеров, так противившихся отмене обысков.

— Нас просят напечатать: „В настоящее и недавнее прошлое время облегчена отчасти участь почти всего рабочего класса столицы, но только остались обойденными рабочие в кондитерских мастерских, носящие название «мужиков», на которых лежит почти вся работа в кондитерских. «Мужики» работают с 7 час. утра до 10 час. вечера за какие-нибудь 10 — 12 руб. в месяц. По окончании работы в мастерской те же «мужики» и мальчики обязаны разнести ночные заказы к 12 час. и даже нередко к 3 час. для удовлетворения прихотей тех, кому достаются легкие деньги на балы, свадьбы, именины и проч. семейные праздники, «мужики» и мальчики, ходящие с ночными заказами, на утро не имеют никакого облегчения работы. Эти труженики не осмеливаются возвысить свой голос и присоединить его к голосу всех трудящихся и обремененных товарищей-рабочих.

„В настоящее время хозяева-кондитера пришли в соглашение производить торговлю в магазинах с 12 час. дня до 7 час. вечера, но от этого участь нас, «мужиков» ничуть не облегчилась, потому что во время закрытия магазина в мастерской идет деятельная работа для заготовки товаров, а когда магазин откроется, то едва успеешь разносить покупки по домам, а в 7 час. магазин заперт, но он уже взял заказы с доставкою товаров на дом до 3 час. ночи включительно, и вот опять те же «мужики» обязаны доставить их в назначенное хозяином время, а в такие праздники, как, например, рождество и пасха, не только не имеем праздничного отдыха, но по неделям работаем, не смыкая глаз. Вот, в виду вышеизложенного, мы, «мужики» нескольких кондитерских, пришли между собой в соглашение и, не зная как облегчить свою горькую участь, пришли к решению посредством печатного слова поделиться своим положением с читающей публикой, авось найдутся добрые люди и подадут нам добрый совет“.

— Союз вольнонаемных служащих в правительственных учреждениях. 30 ноября состоялось первое общее собрание вольнонаемных служащих в правительственных учреждениях. Указывалось, что положение штатных и вольнонаемных служащих совершенно различное, интересы тех и других почти прямо противоположны. Штатные чиновники получают хорошее вознаграждение и пользуются многими привилегиями; кроме того, они являются непосредственным начальством вольнонаемных и в обращении с ними проявляют много произвола. Поэтому собрание признало необходимым организовать особый профессиональный союз, независимый от существующего уже „всероссийского союза чиновников“.

— Организационное бюро союза подмастерьев и приказчиков часового ремесла извещает, что запись членов в союз принимается: 1) в помещении бюро, Петербургская сторона, Введенская ул., дом № 1, кв. 22, с 9 до 9 час. ежедневно; 2) Столярный пер., дом № 8, кв. 2, от 8 до 9 час. вечера, кроме праздников; 3) в центральном бюро профессиональных союзов, в Соляном Городке, Пантелеймонская, уг. Фонтанки (вход с Пантелеймонской ул.), с 7 до 9 час. вечера ежедневно, кроме праздников.

— 27 ноября в собрании подмастерьев и приказчиков часового ремесла принят проект организационного устава, в котором был изменен пункт 17: ежемесячный взнос в 50 коп. заменен взносом в 1 руб.

Выбрано правление.

Из партийной жизни.

Колпинский район.

30 ноября в колпинских Ижорских заводах, в старо-трубочной мастерской Р. С.-Д. Р. П. был назначен в 6 ч. митинг. К этому времени во двор завода был пригнан отряд казаков. Несмотря на это, ровно в 6 ч. сознательные рабочие собрались вокруг ораторов и пропели раза два марсельезу.

Затем выступали три оратора с краткими речами, при чем первый из них предупредил товарищей, что боевая дружина расставила патрули, и чтобы они не поддавались панике. В конце была предложена резолюция, призывающая немедленно организоваться в виду готовящегося вооруженного восстания и требовать возвращения народного представителя Хрусталева. В это время председателя известили, что идут казаки, и вслед за тем в мастерскую вошли казаки, и раздалась команда: „Стрелки, вперед, стрелять по команде“. Рабочие побежали к противоположной двери и поспешили к выходу из завода, но скоро убедились, что попали в западню и окружены казаками.

Очевидно, желая выловить ораторов, всех поодиночке водили к дежурному офицеру, требовали номер и записывали фамилии.

Но ни одного оратора уловить этой гнусной компании не удалось. Так-то осуществляются начала, возвещенные в манифесте 17 октября.

Вообще несть числа всем тем пакостям, которые старается устроить г. Гросс колпинским рабочим.

Вот еще одна из гадостей этого ошельмованного бойкотом бойкого администратора, который всячески третирует рабочих, не признавая делегатов от рабочих, посылая их „к чорту“ и т. д.

Дело в том, что, желая помочь безработным, амнистированным и т. д., рабочие решили пожертвовать заработок одного дня. Быстро стали собираться рабочими подписи; но аргус, в лице г-на Гросса, немедленно решил „пресечь“ и запретил всякие сборы и пожертвования, а мастеру — сыщику и провокатору Шулейке, полицейскому надзирателю, приказал строго следить, чтобы никаких подписей и сборов не производилось.

Деятельность Гросса естественно вызвала негодование рабочих, от души ненавидящих этого дикого деспота; они постановили просить напечатать их следующее заявление:

„Мы, сознательные рабочие Колпинских заводов, глубоко возмущены той гнусной и вредной деятельностью опричника Гросса, благодаря которой все наши благие начинания встречают ярый отпор. Судьба нас, 5.000 рабочих, находится в руках наглого деспота. Так пусть же знает он, что близок день расплаты; так пусть же вспомнит он судьбу всех этих Сипягиных, Сахаровых и т. д. Чаша терпения начинает переполняться; пусть падут на голову г. Гросса все последствия его деятельности, раздражающей рабочих“.

В понедельник, 28 ноября, в помещение для собраний (клуб) Петербургского района Р. С.-Д. Р. П. часа в 4 дня ворвалось человек 15 городовых с приставом во главе. В зал, где находилось человек 20—30, вошел пристав и предложил немедленно разойтись.

Нашествие „вандалов“ совершено было, как значилось в протоколе, по заявлению старшего дворника о „незаконном сборище“, несмотря на то, что клуб открыт явочным порядком, и собрания происходили совершенно неконспиративно.

Во вторник, 29 ноября, часов в 5, опять пожаловали милые гости. Но на этот раз они вели себя более воинственно. Казаки в'ехали во двор. Одним из бравых сынов „тихого Дона“ предложено было дать залп в окна, чтобы вызвать панику среди собравшихся и расправиться с ними по-казацки. От этого удержал их один из полицейских, который предложил направиться в помещение клуба. Здесь во всех комнатах была расставлена стража, и собравшимся 20 товарищам предложено разойтись, что собрание и исполнило. Затем начался самый обыкновенный „конституционный“ обыск. Дверь в комнату хозяйки была взломана; в другой комнате были перерыты все ящики столов, украдены семь копеек, конфисковано несколько прокламаций к крестьянам. Кроме того одним из казаков сорван со стены портрет К. Маркса—„их царя“, как выразился этот

башибузук. Под протоколом хозяин квартиры оба раза отказался подписаться, мотивируя это тем, что под всякими враками подписываться не намерен. До поздней ночи у ворот в углу двора находились казаки, которые никого в клуб не пропускали. Поблизости на улице нередко можно увидеть теперь группы черносотенцев.

За Невской заставой.

Среди рабочих замечается сильное стремление детально уяснить те отрывочные знания, которые получены ими на митингах.

Рефераты, лекции охотно посещаются; отдельные группы рабочих сами предлагают агитировать различные темы. Коллегией агитаторов Невского района составлен и распространен среди рабочих список лекций и рефератов, которые могут быть прочитаны во всякое время. Рабочим самим предоставляется выбирать лекции и назначать место и время чтения.

В списке рефератов, между прочим, имеются следующие темы:

1) „Демократическая республика". 2) „Социалисты-революционеры с точки зрения классовой борьбы". 3) „Программа с.-д." 4) „Профессиональные союзы". 5) „Французская Коммуна". 6) „Пролетариат и крестьянство". 7) „Классовая борьба и социализм". 8) „Учредительное Собрание". 9) „Аграрный вопрос". 10) „Вооруженное восстание и временное революционное правительство". 11) „История русской социал-демократии". 12) „Аграрная программа". 13) „Аграрный вопрос". 14) „Диктатура пролетариата" и целый ряд других.

27 числа был прочитан реферат „Пролетариат и крестьянство". Пускали только по билетам. Товарищ, анализируя пролетариат и крестьянство, доказывал, что проводниками социалистических идей всегда являлись и являются рабочие.

Крестьянство, присоединявшееся к рабочим восстаниям, успокаивалось и изменяло рабочим, как только добивалось удовлетворения местных требований.

27-го же числа был прочитан реферат о „программе-минимум".

Рабочие высказывают желание, чтобы чтение рефератов было периодическое и производилось возможно чаще. Присутствуют большей частью рабочие Семянниковского и Обуховского заводов.

30 ноября состоялось первое об'единенное собрание агитаторов и лекторов Невского района. Обсуждались вопросы постановки агитации и пропаганды; решено обратить большее внимание на систематическое занятие с отдельными группами рабочих. Составлен список рефератов. Избрана комиссия для немедленного составления систематической программы занятий с отдельными группами и чтения рефератов. В назначении тем постановлено руководиться запросами рабочих.

Из жизни рабочих.

Типография Карлина.

Рабочие типографии Карлина, узнав постановление союза владельцев печатных заведений о введении во всех типографиях 9-часового рабочего дня, обратились к своему хозяину с требованием уменьшить $10^1/_2$-часовой день до принятой нормы, и, когда хозяином было отказано, рабочие сами ввели революционным путем 9-часовой день. На это хозяин ответил об'явлением рабочим расчета.

Среди железнодорожников.

С.-петербургский комитет Николаевской железной дороги всероссийского железнодорожного союза поступил гораздо проще, чем та комиссия под председательством помощника начальника дороги инженера Лесневского, которая на этих днях производила дознание о степени виновности служащих службы сборов Нагеля, Втюрина и Бурлакова в производстве „химической обструкции" в помещении службы. Комиссия вызвала по своему усмотрению только некоторых служащих и предложила им вопросы чисто полицейского свойства и ничего не выяснила. Комитет же поступил прямее, прислав вчера, 1 декабря, в службу сборов подписной лист с обращением ко всем служащим такого рода:

„Всероссийский железнодорожный союз.

„Комитет Николаевской железной дороги полагает, что только свободно высказанное мнение службы сборов может считаться действительным и решающим в вопросе о положении товарищей Нагеля, Втюрина и Бурлакова.

„В виду этого комитет предлагает всем служащим службы сборов откровенно и прямо высказаться, желают ли они или нет допущения к службе указанных выше товарищей.

„Каждый служащий службы сборов, желающий, чтобы эти лица были возвращены к службе, приглашается подписать свою фамилию на листе".

Лист через некоторое время был покрыт подписями служащих. Не подписалось несколько человек, принадлежащих к партии правового порядка.

Завод Гесслера.

Повидимому, угроза рабочих оставить за собой свободу действий в случае отказа в открытии завода, о чем говорилось на предыдущем собрании 27 ноября, отрезвляюще подействовала на администрацию завода. Администрация теперь принимает на завод всех рабочих, ставя им обычные условия: не устраивать забастовок (кроме всеобщей) и т. п.

На своем собрании у Нобеля 29 ноября рабочие Гесслера постановили приступить, в виду сделанных уступок, к работам со среды 30 ноября. Так как рабочие крайне нуждаются, решено переговорить с администрацией о выдаче ссуды из штрафного капитала. Несколько дней тому назад стачка была нарушена несколькими рабочими, которым собрание и выразило порицание; постановлено также, чтобы заработанные штрейкбрехерами деньги были переданы ими в стачечный фонд.

Тов. председатель собрания рабочих Эриксона предлагает бойкотировать и не принимать на завод Гесслера 5 эриксоновских штрейкбрехеров-черносотенцев (Серебряков, Кудорин, Кожин, Орлов и Жилкин). Большинство из них — ушаковцы. Один из них, Жилкин, бывший зубатовец-провокатор, во время забастовки натравливал несознательных на депутатов. Жена одного из штрейкбрехеров просит собрание простить ее мужа, так как виновата она: у нее дети больны тифом, есть нечего, и она заставила мужа выйти на работу. Собрание единогласно принимает извинение. Так как гесслеровцы во время забастовки получали помощь из стачечного фонда, то решено весь заработок первого же рабочего дня передать в стачечный фонд.

Патронный завод.

Окончив работы вечером 28 ноября, рабочие мирно разошлись по домам. У ворот остались четверо рабочих (двое из них депутаты). В это время с обоих концов Шпалерной ул. появилось по 4 конных жандарма. Один из них грубо приказал стоявшим у ворот: „разойдись!". Депутат Павел Мовшович в ответ на это заметил: „Мы никому не мешаем".

Услыхав такой дерзновенный ответ, усердный не по разуму жандарм с наскоку налетел на депутата и ударил его нагайкой. Депутат бросился во двор, но здесь его встретил заводский чиновник Барановский и приказал немедленно выйти со двора. „Зачем вы меня гоните под плети и копыта лошадей?"—возразил депутат. „Вытащите его вон!"—крикнул Барановский сторожам, показывая на Мовшовича. Сторожа, однако, не шевельнулись, заявляя этим, что они не принадлежат к „союзу чиновника с жандармами". Депутат спасся от дальнейших побоев.

По расследовании происшествия оказалось следующее. Рабочие Патронного завода любили выходить на улицу с пением революционных песен. Больно резал „незнакомый" мотив сиятельный слух гр. Шереметьева, живущего напротив завода. В этот день он устроил для рабочих засаду из дивизиона конных жандармов. Но так как, проведав о том, рабочие на этот раз разошлись без песен, то наемные палачи и захотели выместить свою неудачу на мирно стоявшем Павле Мовшовиче.

На собрании рабочих-стереотиперов, 27 ноября, постановлено проводить всеми средствами воскресный отдых для газетных рабочих. В конце собрания была принята следующая резолюция: „Находя, что союз рабочих печатного дела приносит нам пользу, защищая наши интересы, мы, рабочие-стереотиперы, присоединяемся к другим отраслям печатного дела, входящим в состав нашего союза, и всеми силами будем защищать дальнейшее существование и процветание нашего союза и никаких преград к дальнейшему его развитию не потерпим.

„Мы требуем немедленного освобождения товарища Хрусталева, как человека, пострадавшего за общие рабочие интересы, и поручаем бюро союза выработать меры на случай неисполнения нашего требования.

„Мы протестуем против вторжения полиции в помещение нашего союза“.

Мы, рабочие типогр. и переплетной мастерской Ж. Д. Ломковского, на собрании 29 ноября, вызванном дерзким и произвольным арестом уважаемого товарища нашего председ. Сов. Раб. Деп. и др., единогласно постановили:

Выражая свою глубокую признательность и непоколебимую преданность передовому борцу за свободу и лучшую жизнь председателю нашего пролетарского правительства Хрусталеву и всем товарищ., арестованным вместе с ним во время доблестной атаки царских опричников на наш Совет Рабочих Депутатов и союз рабочих печатного дела, мы в то же время, крайне возмущенные таким варварским поступком со стороны власть имеющих и видя в этом поругание гражданских прав, дарованных нам высочайшим манифестом 17 октября, выражаем свое сильное негодование и протестуем против такого вызывающего поведения властей старого отжившего режима и требуем немедленного освобождения арестованных товарищей Хрусталева и др. и заявляем, что, не находя нужным в настоящее время отвечать на провокаторский вызов правительства, мы, скрепя сердце и собирая силы наши, будем выжидать более удобного и верного момента нанести последний и решительный удар царскому правительству по первому призыву Совета Рабочих Депутатов.

Просим товарищей-рабочих печатного дела откликнуться на нашу резолюцию и примкнуть к ней.

Да здравствует свобода!

Да здравствует Всероссийское Учредительное Собрание!

Да здравствует Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Письма в редакцию.

М. г., господин редактор!

Сегодня в редакцию „С. О.“ мною послано следующее письмо:

„Покорнейше прошу редакцию исправить неточности, вкравшиеся в сообщения о собраниях чертежников 27 ноября и зубных врачей 28 ноября. В заметке о собраниях зубных врачей сказано (№ 243 „С. О.“): «Высказывались как представители с.-р., так и с.-д., при чем собрание согласилось со взглядами первых.» Это неверно. Собрание громадным большинством высказалось за резолюцию, предложенную мною. Резолюция же представителя с.-р. отвергнута. При дебатах с.-д. защищали по отношению к профессиональным союзам директивы Петербургского Комитета; с точки зрения этих директив составлена мною и резолюция, приведенная редакцией.

На собрании чертежников я защищал те же комитетские директивы. Профессиональный союз не должен включать в свой устав требований политических. Но члены союза не должны замыкаться в узкие рамки профессиональной борьбы, примыкая для борьбы политической к революционным партиям. Собрание согласилось с резолюцией бюро, к которой присоединился и я. Резолюция отстаивала беспартийный профессиональный союз.

С.-д. Николай, председатель „собрания зубных врачей, техников, дантистов и учеников зубовр. школ“.

М. г., господин редактор!

В заметке („С. О.“ № 243) о собрании союза чертежников, бывшем 27 ноября в зале Т. училища, имеется целый ряд неправильностей. Я, как председатель означенного собрания, прошу напечатать следующее:

1) Товарищ Николай в своей речи, охарактеризовав значение профессиональных союзов как организаций, могущих об'единить широкие массы, советовал не ограничиваться узкими рамками профессиональной борьбы и примкнуть для борьбы политической к революционной пролетарской партии.

2) Соц.-рев., говоривший всего 2—3 минуты и то не по существу предложенного вопроса, затрагивал вопросы аграрный и партийные, что, конечно, не могло быть допущено при обсуждении вопроса о проф. союзе. Обычная тактика ораторов с.-р. апеллировать к собранию (которое вовсе уже не так „шумно“ выразило желание слушать соц.-рев.) лишний раз показывает на их парламентарную невыдержанность.

3) Смысл газетной заметки таков, что собрание согласилось с мнением соц.-рев. Это следует считать абсолютно неправильным. Резолюция, принятая собранием, исходила из положений, защищаемых соц.-дем., в том числе и товарищем Николаем, на настоящем собрании.

Она была принята на первом собрании и своевременно напечатана в „Новой Жизни“.

Председатель собрания
союза чертежников *С. Зисман.*

Центральное бюро профессиональных союзов в настоящее время руководит 20-ю союзами. Я обращаюсь к Федеративному Комитету Р. С.-Д. Р. П. с просьбой раз'яснить, какое участие в создании профессиональных союзов должно принять Ц. Б. П. С.? Если оно ведет борьбу только экономическую, то должно ли оно выставить какую-либо минимальную программу экономического характера, например, в виде 8-часового рабочего дня. Должно ли Ц. Б. П. С. определить свою политическую физиономию, если оно есть истинный руководитель пролетарских масс, если оно ведет даже только экономическую борьбу? Ни того, ни другого из деятельности Ц. Б. П. С. не видно, за исключением услуги в виде доставки помещения для собраний. При таком положении дел вся деятельность каждого союза в отдельности зависит только от самих рабочих, входящих в члены бюро. Что ожидает в будущем все профессиональные союзы, если в правящих рядах Ц. Б. П. С. состоят такие лица, как г. Святловский?

Рабочий С. Д.

Иностранный отдел.

Восточный вопрос и русская политика.

Проведение македонских реформ, которых, к слову говоря, македонцы не требуют, ибо они положат оружие лишь при полном освобождении, все осложняется, интернациональный контроль оказался фикцией, избиения идут своим чередом, и теперь державы, пред'явив свои требования о действительных реформах, решили поддержать их морской демонстрацией.

Последним ответом на это была нота Высокой Порты от 9 ноября.

Порта, — утверждает нота, — исполнила все, что от нее зависело. Гильми-паша, назначенный в Македонию, ввел порядок везде, и непонятно, чего же еще хотят македонцы, чего требует Европа? Она хочет оскорбить султана, нарушить его суверенные права и независимость Турции? Абдул Гамид соглашается из чувства дружбы продолжить еще на два года права гражданских агентов,

надзирающих за проведением реформ в Македонии, но это возобновление будет последнее.

Если же державы захотят настаивать, то это вызовет недовольство общественного мнения Турции, и правительство предупреждает, что, если Европа будет продолжать заниматься македонскими делами, то европейцы и вообще христиане могут разделить судьбу армян. Заявление это более чем откровенное; все равно, что у нас пригрозить: вот ты посидишь в жидовской шкуре, — угроза очень обыкновенная со стороны господ губернаторов и иных властных хулиганов. Консервативный французский „Temps“ говорит по поводу турецкой ноты: „Мы хорошо знаем, что если убивают в Константинополе, то всегда по приказанию султана“ (совсем как про нас!). Но державы, несмотря ни на какие угрозы, решили произвести морскую демонстрацию у берегов Турции и заставить ее, если нужно силой, исполнить давно обещанные реформы. Лишь два императора воздержались от высылки грозных флотов к стенам Константинополя: один это — друг султана, Вильгельм II, покровитель мусульман; официально отсутствие германского флота об'ясняется некоторыми техническими затруднениями; другой — император всероссийский, Николай II; здесь об'яснений представлено не было, за исключением полуофициального сообщения в „Simplicissimus'e“ и заметки в „Зрителе“; и здесь и там сообщалось, что часть флота еще не починена на верфях Нагасаки, а черноморская эскадра занята демонстрацией перед севастопольской крепостью, — этим сообщением исчерпывается вся теперешняя русская политика на Востоке, она стала достоянием юмористических листков, а не серьезных обсуждений.

Русская политика на Балканском полуострове теперь фактически не существует, и это лучшее решение трудного вопроса; ее надо поставить заново, а для этого необходимо уничтожить все старое. Ни для кого не секрет, что русское правительство в течение последних двадцати пяти лет помогало Турции во всех избиениях: — с его поощрения резали армян и в Константинополе, и в Армении — это подтверждает ряд документов, опубликованных на Западе. Один из них — фотография армян, убитых вместе русскими и турецкими солдатами — даже была расклеена по всему Парижу, и русские сыщики ночью бегали ее срывать; македонцев и болгар всегда душили на глазах у русских послов и консулов.

Теперь пробуждается в Турции общественное движение. Его значение понимает султан, и все сведения из России строго воспрещаются, но они проходят, движение растет, и турецкие революционеры скоро пойдут нога в ногу с русскими, — здесь-то и лежит ключ к восточному вопросу: то, чего не могли и не хотели разрешить дипломаты, то разрешит революционное движение.

Освобождения от рабства надо искать не во внешних войнах, а в гражданских, в единственно святых и допустимых войнах. Близок день, когда македонский, армянский и турецкий революционеры пойдут вместе на общего врага. Близок день, когда Македония, подобно Финляндии, сбросит иго при поддержке всего революционного народа, ибо и Турция близка к пробуждению. И, не различая национальностей, свободная Россия всегда поддержит это освободительное движение.

Лишь тогда возможно будет урегулирование бесчисленных национальных вопросов, когда их станут рассматривать и разрешать с интернациональной точки зрения и когда самые вопросы внешней политики перейдут в руки свободного народа.

В. Волгин.

Англия.

Либеральное министерство.

После долгих-долгих лет либералы снова очутились у власти, — не в силу собственных заслуг, а благодаря расколу в рядах унионистской партии, вызванному империалистско-протекционистской агитацией Чемберлэна. Палата общин нынешнего состава доживает свои последние дни, и до общих выборов либеральному министерству не придется ни в чем обнаружить себя, но программа его последующей деятельности, в случае победы на общих выборах, достаточно ясна. Это будет министерство застоя. Во главу угла ставится охрана свободной торговли от святотатственных посягательств чемберлэновцев. В качестве очередных реформ выдвигаются поправки к школьному и питейному законам, проведенным сошедшим со сцены министерством, некоторое привлечение лэндлордов к несению бремени налогов, некоторое расширение самоуправления в Ирландии, лишь в отдаленной степени напоминающее автономию, и возвращение профессиональным рабочим союзам их прав, попираемых в последние годы судами. В области внешней политики руководящим принципом принимается, разумеется, поддержание мира. Портфель министра иностранных дел отдан сэром Г. Кемпбель-Баннерманом сэру Эдуарду Грэю, либералу-империалисту, к которому все консерваторы относятся с величайшим доверием и симпатией. Международные интересы британского капитала он будет отстаивать не менее усердно и не менее умело, чем маркиз Лэнсдоун. Военным министром сделан Холдэн, морским — лорд Твидмоузо. Оба они — либералы-империалисты. Министерство финансов отдано Асквиту, опять-таки либералу-империалисту.

Министром по ирландским делам будет радикал Дж. Брайс, министром по делам Индии — Джон Морлей, стойкий противник империализма, которому предстоит немало хлопот с главнокомандующим индийскими войсками лордом Китченером. Другой видный противник империализма, Ллойд-Джордж, получил министерство промышленности и торговли. Остальные назначения не представляют интереса. Либералы-империалисты, в общем, получили перевес над радикалами, радикализм которых, впрочем, не стоит медного гроша. Либеральный девиз: „мир, экономия, реформы“ останется лицемерной фразой. В случае надобности либералы будут столь же воинственны, как и их предшественники у кормила правления, которым они, скрепя сердце, соглашались вотировать деньги на южно-африканскую войну. По части реформ они будут одинаково экономны.

Предстоящие общие выборы покажут, согласен ли английский рабочий класс и впредь терпеливо сносить безраздельное господство буржуазии, или же и для него настала пора пробуждения от политической спячки. На выборах будет выставлено около 80 рабочих кандидатур,

в том числе 6 социал-демократических. Ожесточенная борьба между сторонниками свободной торговли и сторонниками протекционизма, которые приложат все усилия, чтобы уронить друг друга в глазах рабочих, поможет последним, на-ряду с агитациею наших товарищей и суровыми уроками царящей безработицы, протереть свои глаза и увидеть непримиримую противоположность своих интересов с интересами обеих политических фракций буржуазии.

Н. А.

Областной отдел.

Харьков.

(Корр. „Новой Жизни".)

День 23 ноября является крупнейшим событием в истории не только местного, но и всероссийского революционного движения. 23 ноября революционная армия демонстрировала вместе с революционным пролетариатом. В этот день солдат и рабочий братски протянули друг другу руки, и революционная армия открыто перешла на сторону народа. Революционный народ приветствовал армию на глазах растерявшихся властей. И это — при военном положении... Да, самодержавие доживает последние дни!

События 23 ноября — результат планомерной работы Федеративного Совета местных комитетов нашей партии. В этих событиях было всего менее стихийности и всего более сознательности и организованности; они доказали, что наша организация (Федер. Сов.) достаточно сильна и авторитетна для того, чтобы руководить политическими выступлениями рабочих масс.

Таким образом, возникший было у нас вопрос об образовании Совета Рабочих Депутатов падает сам собою.

Прежде чем перейти к описанию событий 23 ноября, скажу несколько слов о предварительной, незаметной работе нашей организации. 18 ноября состоялось собрание представителей всех частей войск местного гарнизона, на котором, совместно с представителем Фед. Сов., были выработаны требования для пред'явления высшему военному начальству.

Тогда же был составлен и подробный план выступления.

В общих чертах он сводился к следующему:

1) В 5 час. утра по призыву музыкантской команды выходить во двор и строиться эшелонами, 2) каждый полк собирает свои части и немедленно посылает летучие отряды в другие полки, 3) выступивший полк идет снимать полк, еще не выступивший, 4) всему гарнизону собираться на Николаевской площади, потребовать начальника дивизии и полковых командиров и пред'явить им выработанные требования, 5) не расходиться, пока требования не будут удовлетворены, и, в случае надобности, поддерживать их оружием.

На том же организационном собрании был в общих чертах разработан и план одновременного выступления харьковских рабочих. В ту же ночь состоялось заседание Фед. Сов., на котором было решено использовать это открытое выступление войск, при их содействии вооружиться и попытаться, заняв думу, об'явить временное правительство. На следующий день на организационном собрании выяснилось, что активные действия необходимо отложить до времени окончательной отправки запасных.

Предполагалось, и совершенно основательно, что они не примут участия в выступлении. Брожение среди запасных прекратилось, как только решено было их немедленно отпустить.

20 ноября состоялось вторичное собрание представителей отдельных частей войск гарнизона.

Обсудив выработанные требования, собрание решило устроить митинг, на котором уже окончательно назначит день, час и порядок выступления.

Митинг этот, под охраной вооруженной дружины, состоялся 22 ноября. Говорило 5 ораторов (4 с.-д. и 1 с.-р.). Настроение солдат было превосходное, боевое. Ведь, на этом митинге они, пожалуй, впервые услышали свободное, правдивое слово, впервые почувствовали себя гражданами, людьми, а не автоматами. После речей ораторов было решено 23 ноября в 5 час. утра выходить на Николаевскую площадь с музыкой и оружием в руках и пред'явить следующие требования:

1. Немедленное увольнение запасных и всех выслуживших установленный срок.
2. При увольнении в запас выдать каждому за охрану города вознаграждение в размере 50 руб.
3. При увольнении выдать каждому мундирн. одежду 1 срока.
4. Сокращение срока службы до 2 лет, считая таковой со дня приема в воинском присутствии.
5. Человеческое обращение со стороны начальствующих лиц: замена „ты" на „вы".
6. Отбывание воинской повинности на месте призыва.
7. Увеличение жалованья каждому рядовому до 3 руб. Унтер-офицерам до 5 руб.
8. Отпуск на улучшение пищи по 15 коп. на человека, чайное довольствие 3 фун. сахару и четверть фунта чаю на каждого человека в месяц.
9. Выдавать ежегодно каждому для носки мундирную одежду так: мундир, 2 пары шаровар, суконную рубаху, фуражку, 4 гимнастических рубахи, 4 пары нижнего белья, теплые портянки на зиму, теплое одеяло — все натурой или деньгами, по желанию.
10. Вместо сапог — ежегодно 13 руб. деньгами.
11. Ведение ротного хозяйства ротой.
12. Необходимо улучшение гигиенических условий в помещении, а также — каждому койка, подушка из перьев, матрац.
13. Обязательное устройство столовых с отдельной посудой для каждого.
14. Обязательная отмена всяких работ.
15. Обязательное обучение и притом специальными учителями, а не офицерами.
16. Выписка на казенный счет газет и журналов на языках всех национальностей, входящих в состав русского государства.
17. Заведывание библиотекой выборными от нижних чинов.
18. Свободное посещение библиотек, театров, публичных лекций и др. просветительных учреждений.
19. Свобода собраний, митингов для обсуждения своих нужд.
20. Свободный доступ в казармы книг по всем отраслям знания.
21. Бесплатная пересылка солдатских писем и посылок и воспрещение предварительного распечатывания и чтения писем начальствующими лицами.
22. Предоставление нижним чинам возможности непосредственно лично получать с почты свои деньги, денежные пакеты, посылки.
23. Безбилетный отпуск явочным порядком в свободное от занятий время и ношение неформенной одежды.
24. Отпуски во все время года с бесплатным проездом, сроком на 2 месяца ежегодно.
25. Разрешение сидеть при езде на конке.
26. Уничтожение казенной прислуги.
27. Стирка белья на казенный счет.
28. Выдача пособия при увольнении в запас по 100 руб.
29. Обязательное увольнение всех в марте месяце.
30. Удаление всех сверхсрочных служащих фельдфебелей и унтер-офицеров.
31. Замена дисциплинарного взыскания товарищеским судом.
32. Уничтожение дисциплинарных батальонов.
33. Полная амнистия всем солдатам, пострадавшим за убеждения и осужденным за проступки по дисциплине.
34. Обязательная выдача нижним чинам, возвращающимся ранеными и больными, а равно и уволенным по болезни с военной службы, денежного пособия в размере, вполне обеспечивающем их дальнейшее существование, и бесплатное воспитание и обучение их детей.
35. Уничтожение военных судов.
36. Отмена смертной казни.
37. Снятие военного положения во всех городах России.
38. Немедленное удаление казаков из сел и деревень, избивающих наших братьев и насилующих наших жен и сестер.
39. Удаление ген.-губ. Сенницкого, коменданта подполк. Горбунова, офицеров: Старобельского полка подп-в Ревуцкого, Малинку, кап. Овчинникова, Тимашева, врача Волковича, прапорщика Фомина; Богодух. полка: Абрамовича, К. Гассе, Зилиева.

40. Признавая, что рабочие и крестьяне борются за свободу, за освобождение нашей родины от произвола и насилия, за землю и волю, мы отказываемся от борьбы с так называемым „внутренним врагом“ и не поднимем оружия на своих братьев рабочих и крестьян.

41. Никто не должен пострадать за забастовку.

Граждане, будьте спокойны! Мы не допустим черную сотню воспользоваться обстоятельствами. Мы защитим мирных жителей от погромов.

Тогда же в Фед. Сов. возник вопрос о том, кому должно быть предоставлено общее руководство политическим выступлением войск и рабочих. Вся подготовительная работа велась соц.-демократией: все связи с войсками, главным образом, сосредоточены в ее руках; что же касается соц.-революционеров, то в данном случае они ровно никакого участия не принимали, а если и появились впервые на собрании 20 ноября, то совершенно случайно, по недоразумению. По всем этим соображениям Ф. С. высказался за избрание из своей среды трех товарищей диктаторов, которым и поручить техническое руководство предстоящим выступлением. Само собой разумеется, всякого рода политические директивы попрежнему должны исходить от Ф. С. Однако, Ф. С-ту пришлось сейчас же столкнуться с Ком. Борьбы, составившимся слишком поспешно 13 октября на „баррикадах“. Как известно, К. Б. состоит из 6 товарищей с.-д. (обеих фракций) и 3 соц.-рев. Ему принадлежит техническое руководство политическими выступлениями рабочих масс, охрана митингов, устройство демонстраций и т. д., ему же подчинена и вооруженная дружина, почти целиком состоящая из с.-д. Не желая в столь важный момент создавать излишние прения с с-рами и опасаясь с их стороны каких-либо самостоятельных шагов, а это было возможно постольку, поскольку они случайно узнали план нашей кампании, Федерат. Сов. решил передать техническое руководство делом Ком. Борьбы, ограничив состав его на это время 3 членами (2 с.-д. и 1 с.-р.). Таким образом Ком. Борьбы как таковой никакого участия в этом деле не принимал.

(Окончание следует.)

Прибалтийский край.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Движение в Прибалтийском крае все более расширяется и захватывает самые низы народных масс. По всему краю устраиваются ежедневно десятки народных митингов. Особенно бурным прошел митинг 19 ноября в г. Верро, где пытались выступать с речами представители местных групп констит.-демократич. партии. „Долой!“ — был ответ собравшихся на митинге, который принял резолюцию о необходимости немедленного вооружения для окончательной борьбы с самодержавием. Та же резолюция принята и в г. Валк, где постановлено было требовать от городского управления средств на покупку оружия. То же было в Каролен, Вериорге и Беллине. Почти половина волостных сходов в эстонской и латышской части Прибалтийского края пришла к решению, что только путем немедленного вооружения народа можно добиться свободы. К самодержавно-полицейскому режиму здесь присоединяется еще гнет со стороны немецких баронов. Крестьяне постановляют прекратить всякие сношения с представителями власти— полицией, комиссарами по крестьянским делам, судьями и пр., и не вносить никаких налогов, как государственных, так и местных. Многие решили также отказать Крестьянскому банку в платеже процентов по ссудам.

Уральская область.

(Корр. „Новой Жизни“.)

В последние два-три года от киргизов с лихорадочною поспешностью отбираются леса и земли для водворения безземельных крестьян внутренних губерний. Аграрные беспорядки, сопровождавшиеся нападением на помещичьи земли и на земли удельного ведомства, отразились страшно в киргизской степи. Киргизов выгоняют из их домов, из их хуторов (зимовок), и все годное для земледелия отдается переселенцам.

В одной Джиренькутекской волости отняли от киргизов земли в 354.883 десятины.

Недавно лесное ведомство отобрало от киргизов все леса, какие только были у них: „Калмак-Кырган“ в 243 десятины, „Бурма“ в 179 дес., „Джаман-Агач“ в 85 дес., „Уркач“ 165 дес., „Кок-Джида“ 775 дес., „Кара-Тугай“ 80 дес., „Мугоджары“ 250 дес., „Уркач-Пески“ 200 дес. На урочище „Кок-Джида“ 40 дес., „Баркын“ около 20.000 дес., „Кара-Агач“ 809 дес., „Кара-Агач-Пески“ 1.596$^3/_4$ дес. и „Чекбаксарай“ 90 дес.

Из этих местностей выселяли и выселяют насильно всех киргизов... Выселяют даже тех, которые живут по окраине этих лесных участков. Что же киргизам делать? Кто может остановить насилие переселенческих чиновников над ними? У них теперь не остается ни одной десятины пахотной земли, все отбирают переселенцам, когда 80% домохозяев-киргизов занимаются сами земледелием. Леса отобрали в казну безвозмездно, не оставив ни одного сучка для топлива, для того, чтобы сварить детям пищу.

Судебная хроника.

Русское правосудие.

Может ли человек быть приговорен к каторге на основании показаний агентов охранного отделения и найденной в почтовом ящике „прокламации“, неизвестно кем написанной и кем выпущенной? Этот вопрос пришлось разрешить уголовному кассационному департаменту правительствующего сената в одном из последних заседаний, и он разрешил его в утвердительном смысле.

Обстоятельства этого крайне интересного для характеристики русского правосудия дела таковы. В апреле 1904 г. А. Назаретянц, В. Кеворков и С. Григорьянц были преданы суду Тифлисской судебной палаты по обвинению в том, что в начале 1904 г. вступили в сообщество, „присвоившее себе наименование“ центрального комитета армянской самозащиты, зная, что таковой комитет поставил себе целью ниспровержение существующего в России государственного строя (ст. 126 угол. ул.). Независимо от этого, к Назаретянцу было пред'явлено обвинение в убийстве, по постановлению комитета, секретаря ахалцикского духовного правления (п. 13 ст. 1454, ул. о нак.), а к Кеворкову и Григорьянцу — в сокрытии совершенного Назаретянцом убийства (п. 14 ст. 1454).

Несмотря на отрицание подсудимыми своей виновности, палата, оправдав Григорьянца, признала Назаретянца виновным по 2 п. 126 ст. уг. ул. и 13 п. 1454 ул. о нак. и приговорила к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 6 лет и 8 месяцев, а Кеворкова — к заключению в крепость на 1 год. Постановляя это решение, палата основывала его на следующих соображениях: показаниями свидетелей ахалцикского уездного начальника и местного пристава Альтмуля и капитана Подгурского палата установила, что убитый Назарьянц состоял тайным агентом пристава Альтмуля и доставлял последнему сведения о лицах, причастных к революционному движению. Высланные из г. Ахалцика за несколько дней до убийства Назарьянца 17 членов революционного комитета армянской самозащиты считали убитого виновником их изгнания и просили (?) своих родственников рассчитаться с предателем. Члены местного армяно-грегорианского духовного правления также усматривали (?) в убийстве Назарьянца убийство политическое, хотя (!) он и пользовался, по их словам, репутацией пьяницы и развратника. Главным доказательством виновности названных лиц для палаты послужили, однако, не эти свидетельские показания — весьма характерные сами по себе — а прокламация, найденная... в одном из почтовых ящиков г. Тифлиса. В прокламации этой, озаглавленной „Последние терроры“, по словам обвинительного акта, речь идет о Назарьянце, при чем он характеризуется в ней как один из самых „отвратительных лиц“. „Это низкое творение, — говорится в прокламации, — ежедневно увеличивало свой предательский список новыми невинными жертвами

и осмеливалось произносить бранные слова по адресу нашей организации и везде распространял, что его должны убить. Проклятый не ошибся — он удостоился славной смерти предателей. 10 марта в 10 часов утра в помещении духовного правления его убили 17 кинжальными ударами. Убийцы на свободе".

На основании цитируемой прокламации палата, главным образом, и основывала свой вердикт. На приговор палаты Назаретянц и Кеворков принесли правит. сенату кассационную жалобу, в которой доказывали, что доводы палаты, на которых она строит свои обвинения, не основаны на фактах. Выбирая из обширного материала по делу одно и бракуя другое, палата должна была мотивировать свой выбор, чего, однако, она не сделала. Виновность по 126 ст. угол. ул. устанавливается характером убийства, для установления такового палата воспользовалась показаниями полицейских чиновников и прокламацией комитета. Нет гарантий, что прокламация, будто бы вынутая из почтового ящика, не была написана ad hoc и на самом деле не была никогда выпущена комитетом. Применение палатою виновности по 126 ст. предрешило невозможность перейти от 1454 ст. улож. о нак. к ст. 1455, вследствие чего особенно очевидна важность неправильного применения к делу 126 ст. угол. улож.

Правительствующий сенат оставил кассационную жалобу без последствий.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

СУББОТА, 3 ДЕКАБРЯ
(16 декабря) 1905 г.

№ 28

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

Новая Жизнь

Российская
Социал-Демократическая
Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ОТ РЕДАКЦИИ.

В ночь на 3 декабря в типографии всех газет, напечатавших манифест Совета Рабочих Депутатов, Крестьянского Союза, Росс. Соц.-Дем. Партии, Партии Социал.-Революционеров и Польск. Соц. Партии, явились царские опричники, требуя приостановки газет и угрожая в случае неповиновения занять типографии войсками.

Нам было пред'явлено следующее постановление:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ.

1905 года, декабря 2 дня. По указу его императорского величества, с.-петербургская судебная палата, по уголовному департаменту, в распорядительном заседании, в котором присутствовали: председатель д-та Ф. И. Гредингер, члены палаты: Л. В. Позен, В. В. Граве, и. д. прокурора П. К. Камышанский, секретарь Л. Ф. Зиверт, слушала: предложение прокурора судебной палаты от 2 декабря за № 6623, с сообщением главного управления по делам печати о наложении ареста и приостановлении № 27 газеты „Новая Жизнь".

Рассмотрев означенное сообщение, а равно приложенный к нему № 27 газеты „Новая Жизнь" и усматривая в напечатании статьи такового „манифеста" признаки преступного деяния, предусмотренного п.п. 1 и 3 ст. 129 угол. улож., по выслушании заключения и. д. прокурора судебной палаты,— определяет: руководствуясь п. *а* ст. 9, ст. 10, 11, 14, отд. VII врем. прав. о поврем. изд. (собр. узак. № 226 — 1905 года, ст. 1879) — оставить в силе распоряжение об аресте вышеназванного номера газеты „Новая Жизнь", приостановив издание означенной газеты в виду важности учиненного в ней преступного деяния, впредь до судебного приговора по настоящему делу, о чем уведомить прокурора судебной палаты, с передачею к его делам копии с сего определения. — Подлинное с подлежащими подписями.

С подлинным верно:
(Подпись неразборчива.)

Так вопреки всем обещаниям, указам, манифестам, законам топчется независимость и свобода печати.

Но, несмотря на угрозы, мы решили продолжать дело, порученное нам пролетариатом, пока прямое насилие лишит нас возможности разоблачить заговор царского правительства против народа и звать народ к революционной борьбе с самовластием.

Рабочие! мы отдаемся под вашу защиту.

Да здравствует свободное слово!

4 декабря с 10 час. утра в Соляном Городке, Пантелеймоновская ул., 2, собрание приказчиков, колбасников, фруктовщиков, булочников, сливочников и молочников.

Вход только по именным повесткам.

Союз приказчиков:
Демидов пер., д. 5, кв. 54.

Извещение от союза приказчиков.

При союзе приказчиков основано Посредническое Бюро для приискания мест приказчикам.

Союз приказчиков просит товарищей принять это к руководству и немедленно сообщать об открывшихся вакансиях в Правление союза (Демидов пер., 5, кв. 54). Лица, желающие иметь приказчиков по рекомендации союза, могут обращаться туда же. Постоянное дежурство.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Временное Организационное Бюро Всероссийского Союза канцелярских и вольнонаемных служащих в правительственных учреждениях уведомляет, что учредительное собрание союза, состоявшееся 30 минувшего ноября, постановило: считать союз открытым, принимать заявления от лиц, желающих вступить в члены союза. Тем же собранием для петербургского отдела установлен вступительный взнос в 50 коп. и членский — $^1/_2$% содержания. О дне и месте общего собрания членов союза будет об'явлено особо. Проект программы, утвержденный тем же собранием, выдается при записи членов.

Бюро временно помещается: Казанская, 40 (Курсы обих. знан.).

Временное Организационное Бюро.

Союз приказчиков об'являет, вследствие увольнения товарища за забастовку, строжайший бойкот на мануфактурные магазины И. Д. Коробкова:

1) Вас. Остр., Средний пр., д. 40.
2) „ „ угол Малого пр. и 11 лин.

Убедительно просят публику и особенно товарищей-рабочих проводить этот бойкот в жизнь.

С 21 ноября по постановлению хозяев Больше-Охтенского рынка торговля по воскресным и праздничным дням не производится. В улицах же лавки открыты. По соглашению с хозяевами приказчики Б.-Охтенского рынка решили пойти закрывать. Владельцы: лабаза Белавин, рыбной лавки Тюрин и приказчик сливочной Миронова Семенов указали полиции, кого из приказчиков арестовать, и настаивали на строжайшем наказании. За это союз об'являет строгий бойкот:

1) на мучной лабаз Белавина (Большая Охта, Горшечная ул.),

2) на рыбную торговлю Тюрина.

Просят публику, особенно товар.-рабочих, проводить этот бойкот в жизнь.

Союз приказчиков об'являет за увольнение 20 товарищей вторичный бойкот:

1) на розничный магазин Н. И. Харчева, товарищества под фирмой богородско-глуховской мануфактуры Захара Саввича Морозова (Садовая, 25);

2) на мануфактурную кладовую, торгующую под фирмой бр. Харчевых (внутри Апраксина двора, 10 корпус, 56 и 57).

Бойкот распространяется как на покупку товаров в означенных магазинах, так и на занятие мест, освободившихся вследствие увольнения товарищей. Союз приказчиков убедительнейше просит публику и товарищей проводить этот бойкот в жизнь.

С.-Петербург.

3 декабря 1905 г.

Социализм и религия.

Современное общество все построено на эксплоатации громадных масс рабочего класса ничтожным меньшинством населения, принадлежащим к классам землевладельцев и капиталистов. Это общество — рабовладельческое, ибо „свободные“ рабочие, всю жизнь работающие на капитал, „имеют право“ лишь на такие средства к существованию, которые необходимы для содержания рабов, производящих прибыль, для обеспечения и увековечения капиталистического рабства.

Экономическое угнетение рабочих неизбежно вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, принижения социального, огрубения и затемнения духовной и нравственной жизни масс. Рабочие могут добиться себе большей или меньшей политической свободы за свое экономическое освобождение, но никакая свобода не избавит их от нищеты, безработицы и гнета, пока не сброшена будет власть капитала. Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплоатируемых классов в борьбе с эксплоататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплоататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

Но раб, сознавший свое рабство и поднявшийся на борьбу за свое освобождение, наполовину перестает уже быть рабом. Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоевывая себе лучшую жизнь здесь, на земле. Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь.

Религия должна быть об'явлена частным делом—этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но значение этих слов надо точно определить, чтобы они не могли вызывать никаких недоразумений. Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии. Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно недопустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников. Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сию пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи. Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое пред'являет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви.

Русская революция должна осуществить это требование как необходимую составную часть политической свободы. Русская революция поставлена в этом отношении в особо

выгодные условия, ибо отвратительная казенщина политически-крепостнического самодержавия вызвала недовольство, брожение и возмущение даже в среде духовенства. Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казенщины и чиновнического произвола, против полицейского сыска, навязанного „служителям бога". Мы, социалисты, должны поддержать это движение, доводя до конца требования честных и искренних людей из духовенства, ловя их на словах о свободе, требуя от них, чтобы они порвали решительно всякую связь между религией и полицией. Либо вы искренни, и тогда вы должны стоять за полное отделение церкви от государства и школы от церкви, за полное и безусловное об'явление религии частным делом. Либо вы не принимаете этих последовательных требований свободы, — и тогда, значит, вы все еще в плену у традиций инквизиции, тогда, значит, вы все еще примазываетесь к казенным местечкам и казенным доходам, тогда, значит, вы не верите в духовную силу вашего оружия, вы продолжаете брать взятки с государственной власти, — тогда сознательные рабочие всей России об'являют вам беспощадную войну.

По отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом. Но мы основали свой союз, Р. С.-Д. Р. П., между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих. Для нас же идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело.

Если так, отчего мы не заявляем в своей программе, что мы атеисты, отчего мы не запрещаем христианам и верующим в бога поступать в нашу партию?

Ответ на этот вопрос должен раз'яснить очень важную разницу в буржуазно-демократической и социал-демократической постановке вопроса о религии.

Наша программа вся построена на научном и притом именно материалистическом мировоззрении. Раз'яснение нашей программы необходимо включает поэтому и раз'яснение истинных исторических и экономических корней религиозного тумана. Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма, издание соответственной научной литературы, которую строго запрещала и преследовала до сих пор самодержавно-крепостническая государственная власть, должно составить теперь одну из отраслей нашей партийной работы. Нам придется теперь, вероятно, последовать совету, который дал однажды Энгельс немецким социалистам: перевод и массовое распространение французской просветительной и атеистической литературы XVIII века.

Но мы ни в каком случае не должны при этом сбиваться на абстрактную, идеалистическую постановку религиозного вопроса „от разума", вне классовой борьбы, — постановку, нередко даваемую радикальными демократами из буржуазии. Было бы нелепостью думать, что в обществе, основанном на бесконечном угнетении и огрубении рабочих масс, можно чисто проповедническим путем рассеять религиозные предрассудки. Было бы буржуазной ограниченностью забывать о том, что гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества. Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма. Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе.

Вот почему мы не заявляем и не должны заявлять в нашей программе о нашем атеизме; вот почему мы не запрещаем и не должны запрещать пролетариям, сохранившим те или иные остатки старых предрассудков, сближение с нашей партией. Проповедывать научное миросозерцание мы всегда будем, бороться с непоследовательностью каких-нибудь „христиан" для нас необходимо, но это вовсе не значит, чтобы следовало выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее, чтобы следовало допускать раздробление сил действительно революционной, экономической и политической борьбы ради третьестепенных мнений или бредней, быстро теряющих всякое политическое значение, быстро выбрасываемых в кладовую для хлама самым ходом экономического развития.

Реакционная буржуазия везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов, которые решает теперь практически об'единяющийся в своей революционной борьбе всероссийский пролетариат. Эта реакционная политика раздробления пролетарских сил, сегодня проявляющаяся, главным образом, в черносотенных погромах, завтра, может быть, додумается и до каких-нибудь более тонких реформ. Мы, во всяком случае, противопоставим ей спокойную, выдержанную и терпеливую, чуждую всякого разжигания второстепенных разногласий, проповедь пролетарской солидарности и научного миросозерцания.

Революционный пролетариат добьется того, чтобы религия стала действительно частным делом для государства. И в этом очищенном от средневековой плесени политическом строе пролетариат поведет широкую, открытую борьбу за устранение экономического рабства, истинного источника религиозного одурачения человечества.

Н. Ленин.

Русская печать.

*** Газета „Жизнь" все еще верит в то, что Витте является в своем роде „русским Бисмарком". Она верит, что мы находимся накануне „серьезного эксперимента".

Сущность его будет заключаться в том, что крестьянство попытаются успокоить землей, наделив его ею до созыва Думы, с тем расчетом, чтобы оно не было облагодетельствовано

народным представительством. Умеренным классам населения будет предоставлена умеренная свобода; умеренная конституция укрепит кредит, и „крайние партии“ сделаются об‘ектом общего натиска буржуазии и крестьянства, под предводительством слегка задрапированного цезаризма.

Таков план „русского Бисмарка“. На этом, быть может, он сумеет сойтись с реакционными слоями придворной и дворянской партии, и при известной смелости, при широком размахе этот проект мог бы рассчитывать на временный успех.

Газета сомневается, однако, в возможности удачного исхода подобного плана. Наиболее важным в этом отношении она считает следующее „обстоятельство“:

Фабрично-заводский пролетариат и миллионы мелких тружеников, служащих в общественных и частных предприятиях, не могут примириться ни на чем ином, кроме широкой демократической конституции. Противопоставить им прочную, значительную по размерам, хорошо организованную буржуазию невозможно. Ее нет, Россия, по самому существу своему, — страна демократическая, и иных учреждений, кроме чисто демократических, в ней нет и быть не может.

Совершенно справедливо, конечно. Когда Витте брал в свои руки кормило правления, многие предполагали в нем настоящего Маккиавели. Думали, что он вобьет свою конституцию в оппозиционно-революционный блок, как острый клин; блок этот твердостью, как известно, не отличается, по составу своему он слишком разнороден, и вот, отколов конституцией все умеренное и жаждущее покоя, наш Маккиавели мог бы, опираясь на сочувствие имущих классов, надеть намордники на все головы революционной гидры, а тогда гениальный чудотворец сделался бы господином положения: он всегда мог бы грозить лишенным поддержки народных масс либералам обрушить на их трепетные головы грозу реакции, он мог бы также благоденствовать в качестве умеренно-конституционного министра.

Но граф Витте оказался просто-напросто чиновником, лишь на один вершок повыше других: отторг он от рыхлого блока только пару Шиповых и Бычковых, а при таких условиях с одной придворной камарильей да крупными феодалами, конечно, не сладишь с тем „обстоятельством“, о котором упомянула „Жизнь“. И если „Жизнь“ все-таки придает большое значение важному „эксперименту“, то потому, что мало надеется на стойкость того правого земского крыла освобожденцев, которому эта же газета воспела дифирамб в своем первом номере.

Впрочем, конечно, революционный пролетариат, найдя себе опору в революционном крестьянстве, не побоится графа Витте, даже нашедшего себе опору в либеральных земцах.

* * * А пока что земцы совсем переругались с Витте, и представительница либерального центра газета „Русь“ кончает свою сегодняшнюю передовицу следующим образом:

Правительство, по словам графа Витте, „озабочено лишь тем“, чтобы партии отдавали себе отчет в последствиях отказа правительству в поддержке. Партии отныне все, кроме придворных камарилий и личных поклонников премьера, должны знать, что если таковые последствия „ведут отечество“ к отставке гр. Витте и П. Н. Дурново, то не только pium desiderium, но и прямой долг русских людей, желающих действительного умиротворения родины, — содействовать ускорению подобных последствий.

Да, общественные группы могут „совершенно ясно дать себе отчет“: на гр. Витте нет никаких надежд.

Устроиться мы должны без него и против него с его компанией временных министров.

* * * Та же газета в статье „Некоторые перспективы“ дает недурную характеристику аграрной политики нынешнего „временного“ кабинета.

Против его развития правительство свою предупредительную деятельность уже закончило. Отмена выкупных, 30 миллионов на Крестьянский банк. Возможны впрочем еще покупки у нескольких крупных аграриев из придворной знати их имений, но это будет столько же для смягчения ропота крестьян, сколько и для смягчения такового же ропота на трудные времена крупных помещиков.

Меры борьбы: лишение погромщиков и их семей правительственного пайка в голодных губерниях (последняя мера Дурново); вояжи сановников, сколько их понадобится, в погромные губернии с генерал-губернаторской помпой и... военное положение.

Последствия — упразднение среднего землевладения в России „революционным путем“ снизу...

В той же статье для характеристики современного положения приводится такой разговор:

„Я отдаю вам фабрику, платите мне проценты на вложенный в нее капитал и владейте ею“. — „Мы не согласны — эти проценты нельзя выработать!“ — „Но тогда я закрою фабрику!“ — „На это мы тоже не согласны“. — „Но не могу же я работать в убыток“. — „Закрывайте, но знайте — тогда мы ее сожжем!“.

И где это слышала подобные разговоры „Русь“? Трогательны бывают крокодиловы слезы!

* * * „Русь“ окончательно изверилась в предстоящую Думу; она пишет:

Военное положение и цветок ее, диктатура, предлагаются для практики дела, а для надежд и мечтаний — Государственная Дума.

Но для нее правительство пропустило все сроки, и созвать ее так же невозможно для гр. Витте, как вернуть себе „доверие“, однажды рухнувшее...

* * * Пресловутая г-жа Варвара Архангельская продолжает свою убийственную полемику против соц.-дем. Особенно разобидело эту защитницу прав русских матрон предположение „Начала“, что она только недавно „спустилась“ в народные низы. Бурный протест г-жи Варвары Архангельской исполнен истинного комизма.

Если подразумевать под „народом“ исключительно пролетарский круг, в котором вращаются по большей части и сами социал-демократы, то я смело могу заверить, что я еще до сих пор из него и не поднималась. Ведь не могу же я, согласитесь сами, считать французских студентов и рабочих, среди которых протекала моя жизнь на благословенных берегах Сены, за представителей „буржуазии“! И по окончании мною университета не выходила я из священных катакомб, где и кипит, и бурлит, шумит и волнуется юная Россия в тяжкой борьбе с ненавистными врагами нашей отчизны. На протяжении двух с половиной лет, надеюсь, сотрудники „Начала“ не видали меня еще ни разу даже в так называемом „обществе“, так как минуты времени моего сочтены, и я не могу его тратить на „разговоры“.

Какой типичный тон. Словно прямо из комедии какого-нибудь Зудермана. А этот ядовитый намек на то, что товарищи из „Начала“ будто бы занимаются разговорами в „обществе“. Ох, уж эти благотворительные дамы, порхающие с „берегов благословенной Сены“ в „священные катакомбы“ и обратно.

* * * В сегодняшнем фельетоне газеты ученых кадетов старшего класса „Свободный Народ“, озаглавленном „Социализм и революция“, г. Ельяшевич отмочил такую фразу:

Рецепты социального переустройства всегда были наготове у „изобретателей наилучших обществ“ (Маркс). Оставалось только осуществить их... Пролетариат шел на бой, дрался, умирал.

Но социальный переворот не наступал. Это есть то, что принято называть „изменой“ буржуазии.

Г. Ельяшевич не потрудился, конечно, указать, с кем собственно дрался пролетариат и под чьими пулями умирал он, а дрался он обыкновенно, умирал он обыкновенно за ту самую свободу, овладев которой, буржуазия немедленно оборачивалась против своего геройского союзника. Рабочему классу приходилось умирать сначала за буржуазию, а потом от руки буржуазии. И самую позорную роль при этом играли те, кто льстил пролетариату накануне его победы, кто рядился народными трибунами и доказывал единство целей всей нации, а потом перебегал на сторону крупной буржуазии, ссылаясь на железную непреклонность законов истории. Вот что называется изменой буржуазии на всех языках.

* * * Нам пришлось сегодня полемизировать с газетой товарищей-меньшевиков „Начало“ по вопросу об об‘единении партии. Тем более уместным считаем мы подчеркнуть здесь, как ход революции сближает обе фракции Р. С.-Д. Р. П. и подготовляет почву для их полного слияния.

Революция смывает мелкие разногласия, расчищает почву для открытой борьбы, облегчает нахождение правильного пути при ярком свете всенародного восстания. Возможность открытого выступления партии стирает наши организационные разногласия. Мы все сходимся на принципе демократического централизма в построении партии. Мы сходимся и на требовании включения всех членов партии в те или иные партийные организации. Теперь революция смывает и некоторые из важнейших тактических разногласий между нами. В этом отношении мы должны приветствовать самым энергичным образом передовую статью „Начала“: „На новом повороте“. По поводу правительственного сообщения о близком созыве Государственной думы „Начало“ вполне справедливо говорит: „Организация и вооружение революционного народа“ — вот те задачи, которые с особенной остротою ставит современное положение.

„Борьба становится неизбежной. Пред революционным народом, свергнувшим Булыгинскую Думу, снова встает та же задача по отношению к Думе гр. Витте“. „Эта Дума должна быть низвергнута“. „Ясно, что Дума не может сыграть решающей роли в последней схватке умирающего режима с нарождающимся“. „Правительство ускоряет созыв Государственной Думы, чтобы в союзе с верхним слоем дворянства и промышленников организовать контр-революцию“.

Из этих, вполне правильных, положений „Начало“ делает столь же правильный вывод:

„Столкновение неизбежно. Чем менее обрисовываются реакционные планы правительства, тем яснее становится, что приближается тот момент, когда судьбу революции решат силы пролетариата и революционного крестьянства“. „Народ должен быть подготовлен к тому, чтобы защищать свои права не только от упорства самодержавия, но и от предательства думы гр. Витте, защищать не словами, не бесплодными средствами мирного воздействия, а вооруженной силой сплоченной и ясно поставившей свои цели революционной армии“.

Именно так! Эта тактика является теперь общей тактикой обеих фракций Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. И единство организационных взглядов, единство основных начал нашей тактики может и должно стать прочной опорой единства партии.

Вопросы дня.

Почтенный хамелеон.

Кто не знает Максима Максимовича Ковалевского, почтенного радикала, профессора, отставленного за свободомыслие? Его любовь к отечеству известна, ради нее одной он основал для поддержания российской науки свободную школу социальных наук в Париже. Но с первых же шагов этой „свободной“ школы в ней завелся какой-то странный дух — канцелярщина, мелкая реклама, а свободную науку отставные профессора читали часто по своим старым университетским литографиям. Нельзя отрицать, что рядом с этой халатностью были блестящие лекции, напр., самого Максима Максимовича, заезжих лекторов, вроде т. Ленина, привлекавших иногда буквально всю русскую колонию. Эти блестящие фейерверки еще больше пестрили школу, и она получила меткое прозвище социал-балагана.

Школа социальных наук в Париже была, несомненно, полезна тем, что привлекала молодежь, которая, выехав за границу, знакомилась с Западом, революционизировалась в эмигрантском кругу. Теперь эта школа закончила свое существование. 8 декабря (н. с.) была назначена лекция г. Ковалевского. До его прихода на эстраду вышла одна социал-демократка и заявила: „Мы должны потребовать у Ковалевского ответа, — правда ли, что он заявил на земском с‘езде, что он во Франции республиканец, а в России монархист“. Явился Ковалевский и стал читать лекцию о положении России; среди многих либеральных истин он заявил, что погромы являются прямым следствием забастовок и что рабочие — главные виновники неистовств черной сотни. Тут поднялся такой свист и крик „долой“, что почтенный радикал вылетел из школы, как бомба.

На вопрос об убеждениях он отвечал, что он монархист, так как в России „весь народ за царя“. Но, конечно, больше всего досталось крестьянам от профессора-помещика, он не может простить, что они „вчистую разгромили богатейшее имение князя Львова“.

На другой день после „события“ начальник русской науки прислал профессорам Русской школы отказ читать лекции и требование закрыть школу во избежание недоразумения с французами (?). — На-днях состоится собрание студентов, где дадут ответ г. Ковалевскому. Этот инцидент чрезвычайно характерен для русских либералов; уже „Matin“ отметила двойственность мнений Ковалевского; иностранцу непонятно лакейство наших либералов. Что заставляет метающего молнии оратора униженно ползать, лизать ноги всякому начальству, которое его благосклонно поманит пальцем? Что заставляет нагло лгать о „всем народе“? — Боязнь, боязнь, как бы пролетариат не сбросил буржуазию вместе с самодержавием в одну пропасть. А она глубока, и у трусов кружится голова от борьбы на самом краю.

Французские заботы о русских финансах.

Уже давно французская буржуазия с беспокойством следит за русскими финансами; чувствуется близкий крах, и бедные рантье трясутся.

И есть отчего, — „Temps“, орган либеральной партии, посвятил обычный еженедельный биржевой обзор русским делам (№ 16.245). Выводы, даже прикрытые флером дружбы, очень печальны.

Все русские бумаги пали до небывалой цены: 3% 1891 и 1896 долетели до 63,80 и 62,50; 4% — 77,50 и 77. Даже военный 5% заем, продававшийся во время поражений 505, упал до 460. Для Франции это крупный удар. Все русские долги к 1 января 1905 г. составляли 18.843.975.028 фр., т. е. приблизительно $7^1/_4$ миллиардов руб. Годовые проценты с них достигают 805 миллионов, т. е. около 17% всего бюджета, бюджета, кстати сказать, искусственно раздутого. Французские капиталисты имеют в своих руках почтенную цифру в 12 миллиардов — или, точнее, они ее имели, так как теперь она упала приблизительно до 8 миллиардов; об этом „Temps“ благоразумно умалчивает. Еще бы! — потерять 4 миллиарда, пустить в трубу столько сбережений ради прекрасных глаз „дружественного“ самодержавия.

И граф Панамский, Рувье, и граф Портсмутский, Витте, стараются доказать русскую кредитоспособность следующими аргументами: Россия уплачивает по внешним займам 500 миллионов процентов в год, т. е. в три года 1.500 миллионов. Где взять такой капитал? „Temps“ указывает: Государственный банк располагает за границей 751 милл.; далее финансовый агент в Париже (фамилия не упоминается, должно быть известный плут Рафаилович) сообщил одному журналисту (как все это достоверно!), что еще теперь казначейство имеет в различных иностранных кредитных учреждениях 554.600.000 франков. Всего, следовательно, за границей — 1.305.600.000 фр.

Но этот расчет с финансовой точки зрения — пуф: во-первых, здесь просто-напросто нехватает 200 миллионов, во-вторых, при расчете приняты лишь внешние займы; по внутренним же за три года проценты составят 2.415 миллионов. Но если Россия не сможет уплатить по внутренним займам, то она не уплатит и по внешним, так как даже частичная неуплата вызовет биржевую панику, все бумаги будут выброшены на рынок, в результате — крах.

„Temps“ отлично понимает это и загадочно говорит: „До тех пор, пока в России будет правительство, дипломатически признанное, оно не откажется от уплаты долгов“. Под этим подразумевается возможность временного революционного правительства; его хорошо знает французская буржуазия и с беспокойством ждет его появления в России.

Падают не только государственные ценности, но и частные, забастовки угрожают превратить их в крах бумаг — Сосновицы пали 1.272 — 1.200, Брянские с 547 на 480.

„Temps“, рассуждая о революционном движении и его влиянии на промышленность, говорит: „Промышленность живет под угрозой стачек и требований рабочего класса. То, что составляет лишь мечты рабочих цивилизованных стран Европы, есть минимум требований в России. Очень возможно, что, если революционное движение победит, русские рабочие получат сразу больше преимуществ, чем их европейские братья, которые пытаются постепенно реализовать свои желания“.

Ценное признание; рабочий класс знал это и раньше; ручательством служит хотя бы последний революционный манифест, слова которого упадут, как бомба, в среду французской буржуазии: „Мы решаем не допустить уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом“.

Вот оно „непризнанное дипломатически правительство“, оно заговорило, и его голос, как звуки набата, несется по всей России и Европе.

Очередной с‘езд или об‘единительный.

„Жизнь не ждет. Растущая революция требует немедленного об‘единения Партии, немедленного превращения ее в действительную Рабочую Партию..., если мы не хотим упустить из своих рук управления волной революции“ *), — пишет товарищ Ф — ъ.

Да! Жизнь не ждет, она мощно требует об‘единения Партии. И в то время, как наши центральные учреждения, О. К. и Ц. К., не могут никак столковаться, на каких условиях созвать об‘единительный с‘езд, жизнь разрешает уже сложный и трудный вопрос, дает нам разные формы этого об‘единения. Практические работники, которые каждый день сталкиваются с рабочей массой, которым каждый день приходится вести неустанную борьбу с социалистами-революционерами, гапоновцами и другими мелкобуржуазными и либеральными течениями, стремящимися совратить рабочих с правильного пути классовой борьбы, болезненно чувствуют необходимость слияния всех социал-демократов в одну тесную семью и этим слиянием удвоить наши ряды и учетверить наши силы.

Во многих местах России и у нас в Петербурге это стремление вылилось в разные формы федеративных советов, в которых обе фракции, „большинство“ и „меньшинство“, координируют работу центральных учреждений города. В эти федеративные советы входят представители комитетов. Низшие же организационные ячейки, как-то: заводские собрания, заводские и районные комитеты, остаются разделенными.

Исключение, насколько мне известно, представляют городской и выборгский районные комитеты нашей Партии, при чем в Выборгском районе произошло просто слияние обоих комитетов в один. Социал-демократические организации Одессы (комитет и группа) слились сверху донизу, выработав целый ряд условий общей работы.

На Урале — в Перми и Екатеринбурге — обе фракции, слившись, совместно выбрали свои заводские, районные и общегородские комитеты. Не станем долго останавливаться на первой форме — федеративной, которая получила наибольшее распространение. Такое соглашение ведет только к координации работы, а не к слиянию. Каждая организация ведет свою работу сверху донизу отдельно, затрачивая двойное количество сил.

Положительная сторона этих соглашений очевидна, и я о них говорить не буду. Нам нужно слиться, слиться возможно скорее и сообща подготовить с‘езд Партии.

*) „Начало“ № 6, „К вопросу об‘единения Партии“.

По нашему разумению, ближе всего подходит к требованию момента форма соединения, принятая на Урале.

Они сливают Партию воедино. На каждой фабрике, заводе и т. д. вместо двух организаций появляется одна; масса партийных работников—организаторов, агитаторов и проч. — вследствие этого освобождаются и могут приложить свои силы в других районах и даже городах и тем расширить и углубить социал-демократическую агитацию и пропаганду. При такой простой и нормальной форме слияния мы сойдемся без всяких компромиссов; сторонникам той и другой фракции не придется итти на уступки, приносить в жертву чистоту своих принципов ради практической пользы минуты. Слившись, мы будем продолжать нашу идейную борьбу везде и всегда, но... в пределах нашей Партии, подчиняясь решениям партийных с'ездов и не раскалывая анархически нашу организацию. Да! Такая форма слияния самая желательная! Но может ли она быть проведена помимо центральных учреждений Партии, частично? Не говоря уже о том, что частичное слияние еще не сливает всю Партию и придает ей странные ненормальные формы, Партия не представляет собою чего-то ясного и законченного, стройной демократической организации с центральным исполнительным органом во главе, которому вручена известная власть. Политические условия мешали Партии организоваться по принципу демократического централизма. Совет Рабочих Депутатов является ярким образчиком такой формы организации. Товарищи-меньшевики, всегда стоявшие за демократический принцип во что бы то ни стало, предпочли после III с'езда оставить неоформленной отколовшуюся часть Партии; они предоставили жизни выработать эту форму. Их центральное учреждение—„Организационная Комиссия"—не имеет никаких полномочий, его постановления необязательны для низших партийных учреждений, как обязательны постановления С. Р. Д. для выбравших их фабрик и заводов. Мы, большевики, бывшие всегда сторонниками демократического централизма, проводили его в жизнь настолько, насколько позволяли политические условия. При этих условиях выборным мог быть только Ц. К., избиравшийся на партийных с'ездах. Расширившиеся рамки политической жизни дают нам возможность провести выборное начало до самых низов, до заводских собраний включительно. Эти изменившиеся условия ставят перед Партией новую задачу, задачу перестройки нашей Партии, но эту дилемму может решить только с'езд: организовать Партию на новых началах, стараясь привлечь в нее широкие и сознательные слои пролетариата, все живые его силы, чтобы вступить во всеоружии в последний бой с самодержавием, использовать победы революции до конца.

Быстро движется жизнь, она не ждет нас, а мы все торгуемся, как нам слиться или созвать об'единительный с'езд. Нам приходится видеть, как Партия сама перестраивается на новых началах, как партийные работники местами сливают свои организации. Получается „организация-процесс". Обратите внимание на странное, ненормальное положение этих слившихся организаций (фактически они выходят из пределов партий). Одна организация, одно целое имеет два высших партийных учреждения.

Директивы Ц. К. для нас обязательны, для товарищей же меньшевиков указания их центрального учреждения „О. К." необязательны.

Товарищи-большевики, слившись, таким образом, с меньшевиками, порывают с принципами центрального руководства. А вся вновь образовавшаяся коллегия не может быстро и единодушно действовать по призыву центральных учреждений в важный политический момент. Прежде чем действовать, им нужно обсудить и голосовать предложение, как это принято слившимися организациями в Одессе. А пока мы будем обсуждать и баллотировать — момент упущен. У нас революция, товарищи, каждый день равен году! Об'единительный с'езд через месяц — это слишком долгий срок. Надо, чтобы Партия слилась раньше, слилась до с'езда и начала бы общую агитацию не за об'единительный, а за очередной с'езд. В порядке дня с'езда должны стоять только тактические и организационные вопросы. Программа, принятая на II с'езде Партии, должна остаться неизменной и должна быть принята как основа с'езда. Я думаю, что, понимая всю важность настоящего исторического момента, комитеты подчинятся призыву Ц. К. и О. К. слить свои организации и приступить к немедленной агитации за с'езд. Если наши центральные учреждения сговорятся по этому пункту, то желательно, чтобы комитеты были извещены об этом не только письменно, но и чрез посланных к ним агентов. На обязанности этих агентов будет лежать не только уведомить комитеты о решении центрального партийного учреждения, но и способствовать тому, чтобы это постановление было проведено в жизнь, т. е. помочь тем комитетам, где это понадобится, подготовиться к с'езду.

Я приветствую энергичный призыв товарища Ф—ъ к единению и немедленной организации с'езда, согласна, что на смену старым разногласиям жизнь выдвигает нам новые разногласия, потому что причина их не в злом роке, а в той классовой борьбе, которая ведется в пределах буржуазного общества. Но я не могу согласиться со взглядами товарища на необходимость компромиссов. С'езд должен быть социал-демократическим. Нам не надо увлекаться тем, что, „отказавшись от снежной белизны наших принципов", взяв только основы нашей программы, а не всю программу, мы об'единим большее количество пролетариев. Нет, товарищ! Тысячу раз нет! Наша сила не только в количестве членов, но и в строгости и выдержанности нашей программы и тактики — вот почему мы и руководим революционным движением пролетариата, вот почему Совет Рабочих Депутатов, являясь непартийным учреждением, об'единяя в своей среде либеральные и мелкобуржуазные элементы, следует нашим лозунгам революционной социал-демократии.

Сталь.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Воронеж. Копия всем комитетам и упр. Ю.-В. ж. д. по всем станциям русских ж. д. Центральный комитет всероссийского железнодорожного Союза союзов, СПБург Орехову, Елизарову, гр. Витте, редакциям газет: „Русские Ведомости", „Русское Слово", „Московская Газета", „Начало", „Новая Жизнь", „Сын Отечества", „Наша Жизнь".

На основании тайного циркуляра министра внутренних дел Дурново, губернаторами рассылается приблизительно следующий циркуляр: Совершенно секретно, господам начальникам полиции. Препровождая копии предложения министра внутренних

дел, предлагаем выяснить немедленно всех главарей, подстрекателей и руководителей политического и аграрного противоправительственного движения и других лиц в виде делегатов; затем арестовать их для заключения в местную тюрьму для поступления с ними согласно указаний господина министра внутренних дел. Товарищи! Отечество в опасности! Манифест 17 октября произвольно отменяется; пусть вся честная Россия мощно встанет на защиту попираемой свободы, которую мы так дорого купили. Мы с своей стороны готовы.

Юго-Восточный Комитет Всероссийского Железнодорожного Союза.

Москва, 2 декабря. — По всем станциям российских железных дорог, союзу почтово-телеграфных чинов, Совету Рабочих Депутатов.

Стачка почтово-телеграфных служащих, по сделанному заявлению их представителей, подавляющим числом городов и в том числе в Москве и Петербурге энергично будет продолжаться до последней крайности, несмотря на все усилия правительства и на распространяемые лживые известия. Железнодорожники и рабочие всеми мерами должны избегать таких действий, которые могли бы клониться к ущербу интересов товарищей почтово-телеграфных работников, поэтому центральное бюро всероссийского железнодорожного союза просит местные комитеты дорог неуклонно исполнять принятые уже на многих дорогах решения не передавать по железнодорожному телеграфу ранее указанных депеш и не допускать обращения почтовых вагонов; если власти будут предпринимать те или иные принудительные меры, служащие и рабочие должны всеми силами противодействовать, об'являя освобождающиеся места неподлежащими замещению, подвергая бойкоту всех лиц, которые будут этого заслуживать; кроме того, комитеты должны немедленно оказывать материальную помощь уволенным товарищам и созывать, где потребуется, общие собрания служащих и рабочих для выработки тактики борьбы с насилиями администрации. Списки лиц, подвергнутых бойкоту, немедленно предавать самой широкой огласке и обо всем доводить до сведения центрального бюро. Получив сведения о провокаторских действиях начальника службы телеграфа М.-Каз. дор. инженера Гильбиха, лично призывающего жандармов для составления протоколов на телеграфистов и представившего пятерых из наших товарищей к увольнению, центральное бюро постановило сообщить об его низких поступках во все общественные организации и союзы в целях об'явления ему самого широкого бойкота.

Центральное бюро железнодорожного союза.

Вильна. Товарищи-телеграфисты! Виленское бюро П.-Т. союза просит Вас передать эту записку по сети или дороге для распространения по почтово-телеграфным учреждениям.

Товарищи! Вильна, вопреки сообщениям некоторых газет, бастует, держится твердо, работает небольшое число изменников общему делу. Товарищи! Не падайте духом, крепитесь. Умирающее правительство в агонии. Еще натиск, и победа за нами.

Виленское бюро.

Рузаевка. Всем служащим всероссийского железнодорожного союза, копия начальнику телеграфа Гильбат.

Мы, служащие ст. Рузаевка, выражаем сочувствие уволенным телеграфистам и порицание уволившему их начальнику Гильбат, от которого требуем немедленного приема на службу уволенных наших товарищей и заявляем, что командируемые рузаевские телеграфисты и кандидаты не едут.

Ст. Рузаевка.

Пермь. Москва и по всей России, циркулярно.

Мотовилихинскими рабочими союза было пред'явлено требование освобождения арестованных шести товарищей, которое сегодня исполнено. Это первая победа, первое отступление правительства: дальнейший успех несомненен. Держитесь стойко. Пермь бастует до удовлетворения, относительно Перми не сомневайтесь, она выдержит много, а дальше не страшно.

Пермяки.

С.-Петербург. В бюро союза почтово-телеграфных служащих.

Ревельское отделение всероссийского союза почтово-телеграфных служащих сообщает, что 1 декабря были арестованы в своих квартирах — начальник инженер Вагин, председатель бюро (местного отделения) Гедройц. Сегодня же общее собрание отделения союза постановило: послать депутатов к губернатору, который распоряжением Дурново арестовывал, требовать немедленного освобождения и продолжать забастовку. Сообщая об этом, просим уведомить, в каком положении дело у вас в Петербурге и к какому решению пришло центральное бюро.

Москва.

(По телефону 2 декабря.)

К почтово-телеграфной забастовке. Митинги почтово-телеграфных служащих с каждым днем становятся грандиозней. Состоявшийся утром в „Олимпии“ митинг привлек более 4.000 служащих. Было сообщено о ходе забастовки в других городах России: повсюду твердое настроение. По поводу слухов, что телеграф в Москве работает, одним телеграфистом сообщено, что работает всего 8 человек телеграфистов и несколько дам, всего 8 проводов. Затем оглашается телеграмма, посланная через городовых почт-директором Никифоровым всем заведующим почтовыми отделениями, в которой последним предлагается явиться в почтамт для сдачи в казначейство имеющихся в отделениях денег, заказной и страховой корреспонденции. После обсуждения этого вопроса собрание решает в почтамт не ходить. Все ораторы призывают к стойкому продолжению забастовки. Особенно горячо приветствуются речи телефонистки Я., указавшей на сочувствие всего мыслящего общества, и представителя Московск. К. Р. С.-Д. Р. П., приветствовавшего собрание от имени Комитета, как молодых, но стойких борцов за освобождение. На собрании прочитано следующее письмо, полученное от арестованных служащих: „Товарищи! Шлем вам свой привет из-за каменных стен тюрьмы, горячо верим в вашу стойкость. В вашем мужестве черпаем новые силы. Победа близка. Вперед и ни шагу назад. Парфененко, Миллер, Акимов, Александров и Руднев. Бутырская тюрьма, полицейская башня“.

Выслушав вышеприведенное письмо, собрание постановило единогласно: „Продолжать забастовку до признания союза, освобождения арестованных и принятия обратно на службу всех уволенных“. Постановление это по единодушному желанию присутствующих было подкреплено клятвой: как один человек собрание обнажило голову и, подняв вверх правую руку, твердо произнесло: „клянемся“. О принятых постановлениях и данной клятве собрание уполномочило бюро известить арестованных.

— Газете „Борьба“ доставлено следующее печатное об'явление из Сухума: „Комиссия, избранная народом для организации самообороны и созыва митингов, извещает население г. Сухума, что 28 ноября ровно в 9 часов утра на бульваре состоится митинг. Предметы обсуждения на митинге: 1) избрание новой комиссии для временного заведывания делами города; 2) о предложении всей думе выйти в отставку; 3) об'явление всеобщей забастовки в случае, если управа и дума выйти в отставку откажутся.

— Газета „Борьба“ печатает любопытный документ, доказывающий, что военное начальство прибегает к серьезным мерам против беспорядка в войсках. Документ гласит, что за последнее время в печати и обществе очень часто возникают нарекания на снабжение офицерских чинов казенной прислугой. Главнейшие нападки сводятся к тому, что казенная прислуга представляет пережиток крепостного права и что существуют частые случаи грубого незаконного обращения с казенной прислугой не только со стороны офицеров, но и со стороны их семей. Положение казенной прислуги представляется в действительности скверным и легко могущим вызвать раздражение. В военном ведомстве предположено это положение о казенной прислуге пересмотреть.

— Командир 16 роты 222 пехотного Шацкого полка капитан Шаманский, подал следующий рапорт командиру того же полка: „Возвращая предписание за № 6366, доношу, что я не могу выполнить обязанность, возлагаемую на меня этим предписанием, так как мое содействие гражданским властям при современных событиях в государстве противоречило бы моему понятию о долге,

присяге и моей совести. Капитан Шаманский". Этот рапорт был подан по поводу вторичного командирования капитана Шаманского в г. Боровск, где в это время происходила забастовка рабочих на местных ткацких и набойных фабриках.

— На этих днях ночью в помещении казарм Несвижского 4 гренадерского полка состоялось собрание солдат вышеназванного полка всех 5 годов, в количестве 300 человек. На собрании главным образом обсуждались следующие вопросы: 1) о немедленном увольнении солдат 1901 и 1902 гг.; 2) о сокращении действительной службы, с набора текущего года, до 2 лет 8 месяцев; 3) о беспрепятственном пользовании свободным от занятий временем; 4) о свободном пользовании всеми газетами и журналами; 5) об увеличении жалованья и довольствия и 6) об уничтожении сверхсрочной службы и т. д. На другой день утром полковник, явившись в казармы, обратился к солдатам с просьбой не устраивать в казармах сборищ, которые походят на митинги, и к тому же само начальство знает солдатские нужды и по мере возможности будет их удовлетворять. Солдаты ничего не отвечали.

— Вчера в течение всего дня какие-то подозрительные личности раздавали на улицах прокламации, напечатанные в типографии „Московских Ведомостей". Прокламации приглашали явиться на Красную площадь к всенародному молебствию. При этом добавляется, что молебен назначен на 6 декабря — день тезоименитства государя императора. Мечта авторов ясна—они надеются, что после молебствия будет учинен погром.

— Социал-демократическая партия в Москве приступает к изданию сатирического журнала „Набат".

— Телефонное общество прибегло для производства на улицах телефонных работ к услугам подрядчика, у которого было 150 рабочих. Эти рабочие забастовали, требуя возвращения уволенных телефонисток. Администрация решила игнорировать требования рабочих и ищет теперь нового подрядчика.

— Писцы Московского окружного суда и Московской судебной палаты подали своему начальству петицию об улучшении своего материального положения, при чем просят назначить минимальный оклад в 35 рублей в месяц. Суд нашел требования писцов исполнимыми и решился сделать по этому поводу представление высшему начальству в Петербурге.

— При производстве обыска в помещении крестьянского союза пострадало также и организационное бюро союза торгово-промышленных служащих, которое также занимало комнату в разгромленном полицией техническом обществе. В союзе торгово-промышленных служащих взломаны все сундуки, все растрепано, и положительно нельзя установить, что взято полицией.

— Группа из 63 крупнейших оптовых фирм послала вчера телеграмму графу С. Ю. Витте, в которой указывает, что графу Витте, как недавнему министру финансов, должно быть прекрасно известно, какими бедствиями грозит стране, а особенно торгово-промышленному классу, продолжение почтово-телеграфной забастовки. Пройдет еще всего одна лишь неделя, и неминуемо возникнет всеобщая паника, будут сотни крахов среди торгово-промышленного класса.

— Вчера вечером состоялось соединенное заседание комитета аптекарей и союза фармацевтов-служащих. Вначале заседание происходило очень мирно, но спокойствие вдруг было нарушено, когда, при обсуждении требований служащих, аптекаря заявили отказ установить минимум жалованья для фармацевта. Страсти разгорелись. Инцидент может закончиться полною забастовкою всех фармацевтов Москвы. Исполнительный комитет фармацевтов решил, в случае забастовки, устроить для нужд населения медицинско-фармацевтические пункты во всех московских лечебницах.

— „Русским Ведомостям" телеграфируют от 1 декабря: „В Ростове, Ярославской губернии, происходит погром с избиением жителей. Грозят также служащим ст. Ростов. Последние просят немедленного распоряжения об охране".

— На четвертое декабря созывается соединенное заседание членов всех ученых, просветительных, профессиональных и прочих обществ города Москвы для обсуждения текущих политических событий и о выработке мер общественной борьбы с растущей правительственной реакцией. Собрание имеет целью об'единить все общественные силы для охраны завоеванных политических прав от посягательств правительства и для активной борьбы с проявлениями административного произвола.

— Совет московского отделения императорского технического общества решил пред'явить иск московскому градоначальнику об убытках, понесенных обществом вследствие ночного нападения жандармерии и полиции на помещение общества. В виду несоблюдения при производстве обыска требований закона, совет общества рассматривает действия администрации как кражу со взломом и преступное посягательство на общественное имущество, считая за это ответственным начальника полиции.

— Заключенный в тюрьме А. Ф. Стааль обратился в Моск. окружный суд с жалобой на незаконные действия администрации и судебного следователя.

— Следствие по делу кронштадтских беспорядков, ведущееся военным ведомством, закончено наполовину. Обвинения пред'явлены пока к 2 группам солдат кронштадтского гарнизона и касаются событий, происшедших до кронштадтских погромов 26 и 27 октября. Следствие, производимое морским ведомством, продолжается. Руководит следствием прокурор морского суда полковник Александров. Кроме матросов, следователями допрашиваются также и начальствующие лица. В городе спокойно. По улицам попрежнему ходят патрули и кавалерийские раз'езды, но уже в меньшем количестве. В классической гимназии после забастовки учащихся занятия идут только в 4 младших классах. Старшие же классы закрыты, как говорят, вследствие твердого решения учеников бойкотировать инспектора и одного из преподавателей.

— По распоряжению морского министра спешно начавший кампанию минный крейсер „Абрек" посылается в Ригу. Крейсер „Абрек" сравнительно небольшое судно, вооруженное 5 орудиями. Экипаж его состоит из 70 человек.

— Вследствие появившегося в заливе льда пароходное сообщение Кронштадта с Петербургом прекращается.

— Сегодня говорят, что епископ Трифон Дмитровский организует 6 декабря патриотическое молебствие на Красной площади. Для переговоров об этом духовном торжестве командирован в Петербург к митрополиту Владимиру один архимандрит.

— Сегодня на уличных столбах расклеены были патриотические воззвания под заглавием: „Война с Польшей или об'единение с Союзом союзов". Воззвание, конечно, анонимное, но из-под маски патриотизма явно торчат черносотенные уши истинно-русских людей. Указывая на обращение поляков к содействию Союза союзов в борьбе с правительством, анонимные провокаторы призывают русский народ „дать отпор дальнейшим посягательствам возрожденной Речи Посполитой на Литву и Малороссию". Далее они клевещут, что еврейские и польские деятели революционной партии стремятся ценой крови и гибели русских людей разрушить отечество ради восстановления Польши и ее владычества над русским народом.

Железнодорожные, почтово-телеграфные и другие забастовки устраиваются, якобы, для того, чтобы отрезать мятежную Польшу, „дабы мы не могли услыхать призыва со стороны наших братьев, которых будут резать бунтующие польские банды". Русский народ призывается к „самовольному движению", чтобы „смести в пух и прах врагов русского царя и русского народа". Бездействие в этом смысле правительства Витте они называют „неприятельским". Прокламация заканчивается призывом к графу Витте подавить польский мятеж, а для этого он должен дать России „национальное правительство".

В заключение следует угроза Витте: „если он не захочет России дать такое правительство, то перед русским народом станут задачи былого смутного времени, которые он, без сомнения, сумеет исполнить не хуже прежнего".

Хроника.

— Как мы узнали, в одном из последних заседаний совета министров рассматривался вопрос об открытии высших учебных заведений. Благодаря настойчивым требованиям министра народного просвещения графа Толстого, решено открыть все высшие учебные заведения 15 января 1907 года и произвести выпуск окончивших весною; вопрос же о допустимости митингов разрешен в том смысле, что митинги будут допускаться только в зданиях столовых или в других помещениях, нанятых за счет министерства народного просвещения здания же самих учебных заведений будут безусловно закрыты для всякого рода сборищ.

— Вчера, 1 декабря, в 6 час. веч. арестован депутат Гвоздильного завода на В. О. Алексей Осипов. Арестовали у ворот

завода и в сопровождении дворников и городовых повели в участок. По дороге рабочие Гвоздильного и Балтийского завода хотели освободить Осипова, но наскочили казаки и стали избивать нагайками. Осипов просил рабочих не вступаться за него, чтобы предотвратить кровавую расправу, и сам пошел в участок.

Директор Гвоздильного завода об'явил рабочим, что они могут приняться за работу только не иначе, как с подпиской частно не бастовать. Большинство рабочих записывается, не принимают только 8 человек под предлогом, что нет работы, и обещают взять, но после Нового года. Толпы рабочих стояли у ворот завода и на углах улицы.

— Сообщают, что восстание в Лифляндской губернии, особенно в Риге и Либаве, принимает угрожающие размеры. Вооруженные крестьяне целыми массами направляются в города, соединяются с рабочими и совместно выступают против войск. В среде последних замечается некоторая неустойчивость. Утверждают, что пехотный полк в Риге отказался стрелять в манифестантов в тот момент, когда они поджигали полицейское управление. Полиция в паническом страхе разбежалась. Все полицейские участки в Риге уничтожены, а бумаги и документы сожжены. Винные лавки преданы разрушению. Насилий с жителями не наблюдается. Рабочие сами следят и противодействуют погромам „черных масс". Стирается лишь с лица земли „все правительственное и казенное".

— 13-летний мальчик И. Степанов просит нас передать на суд читателей следующий возмутительный факт. 23 ноября, около 9 часов вечера, он шел от Николаевского вокзала по Невскому проспекту. Около Николаевской улицы он услышал звон разбитого впереди его стекла. На него немедленно налетел казак и с криком: „одна св....." с такою силою ударил мальчика нагайкою, что пробил теплое ватное пальто, одежду и до крови рассек тело. Когда мальчик пришел в себя, то у него не оказалось и конверта, с которым он был послан от хозяина. Надо заметить, что казак, когда наносил удар, отлично знал, что стекло разбито там, где мальчика и не было: пред нами просто наглое издевательство правительственной опричины.

— 1 декабря состоялось собрание тюремных надзирателей, созванное по инициативе группы сознательных надзирателей Дома предварительного заключения и Выборгской одиночной тюрьмы. Был прочитан организационный устав, выработанный группой, который незначительно был изменен в первых пунктах. Общая платформа организационного устава союза надзирателей — борьба за всеобщее право и за уничтожение тюремного казарменного режима, повышение месячной платы до 75 рублей и уничтожение обращения на „ты".

— Нам сообщили из весьма достоверных источников, что герой одесской кровавой бойни генерал Каульбарс при расстрелянии одесских обывателей не действовал самостоятельно, но по присланной директиве из С.-Петербурга. По его собственным словам, он принимал деятельное участие (как рассказывают в придворных сферах) вместе с палачом градоначальником Нейдгардтом в успокоении одесских обывателей. Так, за две недели до погрома Каульбарс усилил шпионский надзор за политически-неблагонадежным элементом среди войска, издав постановление для фельдфебелей, в котором „во имя интересов отечества и дисциплины" рекомендует развить за вознаграждение провокацию среди войска. За неделю до первого дня было издано Нейдгардтом под диктовку Каульбарса воззвание к „гражданам" г. Одессы с призывом к успокоению и с угрозою, „что возникновение каких бы то ни было беспорядков, нарушающих тишину и спокойствие граждан, будет подавлено немедля вооруженной силой".

Остается для общества неясным: откуда была получена срочная зашифрованная телеграмма в первый день грабежа и насилия на имя градоначальника?

— Заграничные газеты сообщают, что в Варшаве вчера началась забастовка городовых, распространившаяся и на всю полицию. Выставлены, кроме экономических требований, также и политические; они сводятся к освобождению чинов полиции от жандармских функций. Когда затем было предложено офицерам 6 гвардейского экипажа заменить бастующих приставов, а солдатам охранять участки, то последние наотрез отказались исполнить это требование, мотивируя тем, что „солдаты" не полицейские, что они призваны „защищать отечество от внешних, а не от внутренних врагов". Пришлось призвать казаков, которые в настоящее время и исполняют полицейскую функцию в Варшаве.

— Заграничные газеты сообщают, что революционное движение, охватившее либавских рабочих, сильнее всего проявляется в среде портовых. Несмотря на то, что порт охраняется войсками, рабочим удалось повредить телеграфные аппараты, газовые резервуары и другие сооружения. Благодаря забастовке рабочих электрической станции, в окрестностях порта ночью царит непроглядная тьма, и только пылающие костры с установленными вокруг солдатскими ружьями говорят о той борьбе, которая разыгрывается в порту.

— В Томске, по сообщениям заграничных газет, вспыхнул форменный бунт солдат тамошней железнодорожной бригады. Командир бригады и несколько других офицеров арестованы солдатами. Последние освободили своих товарищей, томящихся на гауптвахтах, провели их в казармы с оркестром музыки и революционными песнями.

— Убийца Парневского на свободе. Хулиган, жертвой дикой расправы которого пал студент Людвиг Парневский, после краткосрочного заключения в тюрьме судебным следователем, производившим дознание по этому делу, отпущен до дня судебного разбора на свободу.

— Царское правительство продолжает насильничать над свободной печатью. Не довольствуясь конфискацией № 1 сатирического журнала „Дятел", судебная палата в распорядительном заседании 1 декабря определила приостановить издание означенного журнала впредь до судебного приговора, найдя в статьях „Видения вдовицы" и в телеграммах из Копенгагена признаки преступных деяний, предусмотренных 1 ч. 106 и 1 ч. 103 ст.ст. уголовного уложения. Редактор „Дятла" Евг. Сно привлекается к ответственности.

— 1 декабря в Лиговском народном доме должен был состояться доклад В. Н. Сперанского на тему „Свобода собраний".

В этот день от градоначальника вышло распоряжение не допускать там никаких собраний и докладов, почему народный дом был окружен войсками: пешими и конными.

Минут за 15 до начала чтения доклада от градоначальника, однако, было получено разрешение на чтение с условием, чтобы присутствовала полиция.

Когда собралась публика до 400 человек и разместилась по своим местам, заняли места на задних скамейках человек 5 полицейских.

Такое вторжение полицейских без спросу присутствующих на собрании показалось очень обидным для публики, и она с криком: „долой городовых" просила отложить доклад до следующего раза.

Председатель отложил свой доклад со словами: „А может быть, настанет время, когда манифест 17 октября будет лучше соблюдаться «блюстителями порядка»".

Весь сбор, поступивший в кассу в количестве 20 рублей, с согласия рабочих направлен в фонд для безработных.

— Комментарии не нужны. 26 ноября на ст. Старая Русса прибыл из Новгорода тюк на имя командира 86 резервного батальона подполковника Гречановского. Тюк этот случайно был вскрыт на станции и заключал в себе несколько тысяч прокламаций черносотенного содержания.

Приглашенный на станцию подполковник Гречановский для составления протокола заявил, что прокламации эти ему присланы из главного штаба для распространения среди солдат. Комментарии не нужны.

— „Свобода печати". 2 декабря в типографии газеты „Русь" 5.000 экземпляров № 1 сатирического журнала „Пламя" по предписанию цензурного комитета захвачены полицией „для обнаружения в нем признаков преступлений, предусмотренных в 1 ч. 103, 128 и 106 ст. ст. угол. улож." (оскорбление величества и т. д.).

— Свобода собраний. В пятницу, 2 декабря, в помещении Вольно-Экономического Общества должно было состояться собрание конторщиков. Наученные горьким опытом, конторщики на этот раз соблюдали все формальности, необходимые для закрытого собрания; повестки все без исключения были именные, были составлены списки тех лиц, кому повестки посланы, был установлен самый строгий контроль, и тем не менее полиция придралась и об'явила, что собрание может состояться только при условии присутствия околоточного. На вопрос, какими „законами" он руководствуется, был дан ответ: „В противном случае употреблю силу".

Театр и музыка.

„Нора“ в театре Коммиссаржевской.

1 декабря в драматическом театре была представлена драма Ибсена „Кукольный домик“ („Нора“).

Я не буду распространяться о ней, так как эта драма уже много раз играна.

Отмечу только, что из всей беллетристической литературы, посвященной женскому вопросу вообще и положению женщины в семье в частности—это едва ли не самая яркая вещь. Смотря на Нору, думаешь: „Как хороша может быть натура женщины, несмотря на целые века рабства и унижения!“. Она жаждет подвига и истинной любви. Случай к подвигу представляется. Гельмер умрет, если они не поедут на юг,— нужны деньги, и Нора напрягает все свои силы, чтобы добыть их. Пришлось при этом подделать подпись отца — и Нора не задумывается сделать это. Но она и не подозревает, что она совершила преступление: ведь ее не учили законам; женщине это лишне и даже вредно.

Бедняжка Нора с радостью переносит всяческие лишения тайно от Гельмера, чтобы вернуть свой долг. Но вот ей об‘яснили, что она совершила преступление, и первое движение женщины Норы солгать, скрыть все это от мужа. Но обстоятельства сложились так, что „преступление“ неминуемо должно раскрыться. Остается одна надежда на истинную любовь к ней Гельмера. Утопающая Нора хватается за эту мечту, ей кажется, что сейчас начнется что-то великое, борьба великодушний между ней и Гельмером. Гельмер возьмет на себя ее преступление, а Нора умрет, чтобы не допустить этого и спасти его честь. Но она натыкается на черствый эгоизм своего обладателя, ценившего в ней только свою хорошенькую игрушку. Борьба последних дней воспитала в Норе из слабой женщины человека с горячим гордым сердцем. Она поняла свою унизительную роль и не примирилась с ней. Она хочет и должна добиться признания и уважения к ней общества. Для этого необходимо самостоятельно выступить на трудный, страшный, но и радостный путь борьбы. И Нора уходит; даже дети не удержали ее; она понимает, что такая, как сейчас, она плохая для них и воспитательница и мать.

Имеется и другой конец Норы, приделанный Ибсеном позднее под давлением воплей сантиментального норвежского общества о безнравственности и бессердечии Норы. Он таков: Нора идет в спальню проститься с детьми и возвращается оттуда со словами: „Не могу!“; она остается.

Приятно видеть, что в России еще ни один антрепренер не осмелился посягнуть на первоначальный конец Норы. Нечего и говорить, что в новой переделке Нора теряет весь свой смысл.

Теперь об исполнении. Г-жа Коммиссаржевская дала очаровательный образ сначала птички Норы, потом Норы, в которой просыпается человек. Особенно хороши были некоторые места вроде, напр., разговора с докт. Ранком и Тарантеллы, тут на первый план выступает у артистки красота. Истинная артистка при простоте и реальности своей игры должна суметь подчеркнуть для всей публики и красоту того образа, который создает она, так как в жизни красота часто проходит незамеченной для людей, затерянная среди других будничных черт.

И г-жа Коммиссаржевская выполнила свою задачу блестяще. Нежная, кокетливая, веселая, робкая, но с смелым сердцем, когда дело касается любимых людей, с достоинством и без малейшей рисовки, — она вполне воплотила в себе образ, созданный Ибсеном.

Но зато, что касается других исполнителей, они оказались скорее ниже своих ролей, чем украсили их. Г-н Красов в роли Гельмера был неудовлетворителен. Обидно было видеть рядом с очаровательной, умненькой Норой этого рыжего буржуа, деревянным, невыразительным голосом произносившего свой урок, а не роль. Непонятно, как Нора могла полюбить такого господина. Гельмер должен быть прежде всего красив: он эстет: все некрасивое его отталкивает, и именно потому, что он себя считает таким безупречно эстетическим человеком. Несмотря на такое неровное исполнение, пьеса имела и на этот раз большой успех.

А. Малиновская.

„Капитал“ против правового порядка.

Партии „правового порядка“ решительно не везет. После ряда неудачных гастролей на петербургских фабриках и заводах „партия“ устроила 30 ноября грандиозный спектакль в обществе для содействия русской промышленности и торговле, с участием всех своих „лидеров“: гг. Половцева, Бобрищева-Пушкина и Балинского. Публика на спектакль допускалась исключительно по билетам, которые выдавались лишь лицам, так или иначе доказавшим свою принадлежность к российской торговле и промышленности. Несмотря на такой „отбор“ публики, несмотря на то, что на собрании присутствовали одни лишь фабриканты и заводчики и их „прислужающие“, партия „прогрессивных паралитиков“ потерпела самое позорное поражение: петербургские фабриканты и заводчики отвергли все ее услуги, которые она им навязывала с большой настойчивостью...

Спектакль—иначе нельзя назвать заседание 30 ноября—начался с того, что известный своими приключениями в Сестрорецке член „правового порядка“ Л. В. Половцев прочел доклад о примирении фабрикантов и заводчиков с рабочими. Г. Половцев поделился прежде всего с присутствующими своими впечатлениями, вынесенными им из посещения различных рабочих „собраний, митингов и кружков“ (!).

Впечатления эти очень, очень неутешительны для партии „правового порядка“ и очень утешительны для русской революции. По словам докладчика, „песнь о вооруженном восстании — победный гимн, раздающийся при несмолкаемых аплодисментах во всех кружках, митингах и собраниях“. В виду такого „настроения“ рабочих г. Половцев умолял фабрикантов „примириться“ с рабочими, ибо,—рассуждал он,— лучше „кой в чем им уступить, чем вооруженное восстание“... Приведя далее ряд статистических данных из отчетов фабричных инспекторов о массовых нарушениях фабрикантами условий договора с рабочими, г. Половцев долго доказывал, что фабриканты не всегда „корректны“ по отношению к рабочим и что в их собственных интересах им следует быть корректнее, иначе социал-демократы окончательно „приберут рабочих к рукам“. Что „помириться с рабочими“ не так трудно,—в этом г. Половцев нисколько не сомневается. Цитируя „официозный орган“ Совета Рабочих Депутатов — „Новую Жизнь“ (sic), г. Половцев умолял фабрикантов не верить „всем этим резолюциям“, печатающимся в газете. „Новое русское правительство — Совет Рабочих Депутатов, — уверял г. Половцев, — потерпело уже поражение и его нужно окончательно доканать. Посредничество между фабрикантами и рабочими должно быть предоставлено петербургской городской думе. В заключение своего доклада г. Половцев не мог удержаться, чтобы не расхвалить свою партию. По его словам, она оказывает фабрикантам огромные услуги, ведя беспощадную борьбу с социал-демократической партией.

Чувствуя себя в своем кругу, г. Половцев распространился и сделал несколько любопытных сообщений о „тайнах“ партии „правового порядка“.

Оказывается, что у „прогрессивных паралитиков“ имеется несколько отрядов, которые тайно присутствуют на

всех рабочих собраниях и митингах, и несколько боевых вооруженных дружин. „Правовой порядок“ ведет упорную борьбу со всеми сознательными рабочими, не смущаясь тем, что членов его выгоняют из собраний (как это случилось с докладчиком и его коллегами), освистывают и т. д. Партия входит в соглашение с администрацией казенных заводов и старается склонить ее сделать рабочим мелкие уступки для того, чтобы „вырвать рабочих“ из рук с.-д. и таким путем уговорить их отказаться от их насущных требований и т. д.

Петербургские фабриканты оказались в высшей степени неблагодарными по отношению к партии „правового порядка“. Напрасно г. Бобрищев-Пушкин защищал всеми силами проект г. Половцева, напрасно всходил он 6 или 7 раз на кафедру и произносил громовые речи по адресу с.-д., то рисуя ее как чудовищного богатыря, для которого нет ничего невозможного, то всячески на нее клевеща; напрасно он умолял собрание соединиться с партией „правового порядка“ для того, чтобы „добить общего врага — с.-д.“. Собрание осталось неумолимым.

Ряд ораторов высмеял „прожекты“ гг. Половцева и Бобрищева-Пушкина, доказывая, что борьба труда с капиталом — неумолимый закон современного общественного строя, которого не в состоянии приостановить никакие проекты. Петербургские фабриканты оказались настолько сознательными, что сами признали, что у рабочих нет решительно никаких оснований доверять петербургской думе, состоящей почти исключительно из фабрикантов, торговцев и домовладельцев. Фабриканты всеми силами открещивались от партии „правового порядка“, уверяя, что эта партия не только не помогает фабрикантам бороться с социал-демократией, а портит все дело, внося в эту борьбу элемент предательства и способствуя тем самым тому, что „умеренные“ рабочие окончательно переходят к с.-д. Посылая, — жаловались фабриканты, — на митинги рабочих, на которых выступают с.-д. — „люди во всяком случае серьезные и знающие“, смехотворных ораторов, вроде г. Половцева, партия „правового порядка“ окончательно компрометирует все умеренные партии и способствует росту социал-демократии...

Как иллюстрацию к тому, насколько осуществима при теперешнем режиме даже такая невинная вещь, как примирительные камеры, — инж. Касперович рассказывает, что, когда варшавские и лодзинские фабриканты попытались устроить с представителями рабочих общее заседание, ген. Скалон им это строжайше запретил.

После долгого обсуждения собрание нашло, что никакое „примирение“ между рабочими и фабрикантами невозможно и что никакие „умеренные“ партии не в состоянии примирить их классовые интересы.

Единственное, что, по мнению собрания, могло бы хоть несколько ослабить острые формы борьбы и придать ей закономерный характер, это: 1) немедленный созыв представительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права; 2) действительная свобода собраний, без всяких из‘ятий; 3) удаление ген. Скалона. Что касается посредничества общественных учреждений, собрание нашло желательным, чтобы они взяли на себя почин организации примирительных камер между рабочими и фабрикантами.

Я. Л.

От Сов. Раб. Деп. к солдатам.

Совет Рабочих Депутатов отвечает солдатам. Братья-солдаты армии и флота! Вы часто обращаетесь к нам, Совету Рабочих Депутатов, за советом и поддержкой. Когда арестовали солдат Преображенского полка, вы обратились к нам за помощью. Когда арестовали учеников военной электротехнической школы, вы обратились к нам за поддержкой. Когда флотские экипажи высылались под конвоем из Петербурга в Кронштадт, они искали у нас защиты.

Целый ряд полков посылает к нам своих депутатов.

Братья-солдаты, вы правы! У вас нет другой защиты, кроме рабочего народа. Если за вас не вступятся рабочие, вам нет спасенья. Проклятая казарма задушит вас.

Рабочие — всегда за честных солдат. В Кронштадте и Севастополе рабочие бросались и умирали вместе с матросами. Правительство назначило полевой суд над матросами и солдатами в Кронштадте, — и тотчас же петербургские рабочие повсеместно прекратили работу.

Они согласны голодать, но не согласны молча глядеть, как истязают солдата.

Мы, Совет Рабочих Депутатов, говорим вам, солдаты, от имени всех петербургских рабочих:

Ваше горе — наше горе, ваши нужды — наши нужды, ваша борьба — наша борьба. Наша победа будет вашей победой. Одни и те же цепи сковывают нас. Только дружные усилия народа и армии разорвут эти цепи.

Как освободить преображенцев? Как спасти кронштадтцев, севастопольцев?

Для этого нужно очистить страну от царских тюрем, военных судов. Отдельным ударом нам не освободить преображенцев и не спасти кронштадтцев и севастопольцев. Нужно общим могучим натиском смести с лица нашей родины произвол и самовластие.

Кто может сделать это великое дело?

Только рабочий народ вместе с братскими войсками.

Братья-солдаты! Пробуждайтесь! Подымайтесь! Идите к нам! Честные и смелые солдаты, соединяйтесь в союзы!

Будите спящих! Тащите отставших, сговаривайтесь с рабочими. Связывайтесь с Советом Рабочих Депутатов. Вперед за правду, за народ, за свободу, за жен и детей наших!

Братскую руку протягивает вам

Совет Рабочих Депутатов.

В армии.

На-днях в одной из казарм состоялся митинг представителей всех революционных групп флота и армии. На митинге было до 40 чинов от разных частей войск.

Военное начальство, чтобы не допустить проникновения в среду матросов и солдат пролетарских газет, лишило права входа разносчиков газет в казармы и немилосердно рвет на куски все пролетарские газеты, поступающие через канцелярию с почты.

25 ноября арестован один матрос, который отсидел перед этим 14 месяцев в предварительном заключении. Теперь он заключен в Петропавловской крепости.

Несколько дней тому назад в гвардейской стрелковой батарее 1 артиллерийской бригады солдаты, возмущенные бесконтрольным расходованием так называемых „экономических“ (остающихся от экономии на солдатских пайках) денег, потребовали отчета в их расходовании. Перепуганный командир согласился на это. Солдаты выбрали 4 человек, которые, проверив расходные книги, нашли, что из „экономических“ денег выдаются наградные „шкурам“ — фельдфебелям. Заведывающий хозяйством просил солдат — ни более, ни менее как — „простить“ его за такое „заведывание“. Солдаты не намерены „прощать“ и вообще уступать начальству.

Нас просят обратить внимание на то, что в 1 артиллерийской бригаде до сих пор не выдают почему-то денег, полагаемых за наряды.

Письма в редакцию.

М. Г.

В газетах появилось сообщение, будто бы я выехал на жительство за границу.

Так как я никогда и нигде „наместником“ не был, в числе капиталистов не состою, видных административных постов не занимал, казенных денег не воровал и никаких погромов не устраивал, то не вижу никакой надобности покидать свою родину и пока благополучно пребываю в России.

Евгений Чириков.

Профессиональные союзы.

Союз извозчиков.

Ко всем петербургским легковым извозчикам.

Товарищи извозчики! Пришло и наше время об'единиться в союз. Вот уже сколько лет мы находимся в полной кабале у своих хозяев. Мы, как муравьи, должны тащить выручку, несмотря на то, в силах ли мы ее выработать или нет. Товарищи! Ведь каждый из нас знает, какова наша жизнь: с раннего утра работаешь то по колено в воде у коляски, то чистишь конюшню и приготовляешь лошадь, дабы быть опрятным извозчиком, и до поздней ночи бываешь на работе; но бывают дни, когда незадача — приезжаешь опять утром и некогда тебе поспать. А кроме того, нет нам житья и от полиции: каждый городовой тебе начальство и отовсюду тебя гонит и штраф тебе пишет, как хочет. Да, товарищи! Наша жизнь каторжная: работать 20 часов в сутки, не иметь одного свободного дня в году! Но что мы получаем за свой труд? Ничтожные гроши и зачастую и их не получаем: не задалось с'ездить, вычитают из жалованья; штраф пришел, опять из жалованья, и в результате за месяц ни копейки! Да и много ли наездишь при нашей таксе, которая нас, как собаку намордник, стесняет и вздохнуть свободно не дает. И живем мы без всякого сознания к окружающей нас жизни, а хозяева наши, к стыду их сказать, совсем не заботятся о нас: они заботятся только о своих карманах и выжимают из нас все, что только можно выжать, так, например, предметы кучерской принадлежности: шапки, шляпы, накидки, кушаки, мазь для экипажа и даже винты для подков заставляют эти предметы покупать нас на свой счет, вообще эксплоатируют нас как им хочется. Так было до сих пор. Но теперь наши братья рабочие завоевали право свободы союзов; это право они дали и нам, и мы всецело должны воспользоваться этим правом и устроить свой союз. Мы призываем товарищей к единению; в единени сила. Мы положим конец эксплоатации наших хозяев и разрушим все преграды, какие бы они ни поставили на нашем пути.

Организационный Комитет петербургских легковых извозчиков-работников.

Спб. 1 декабря 1905 г.

Союз дворников.

1 декабря в заседании временного организационного бюро союза дворников и швейцаров г. Петербурга было рассмотрено предложение общества домовладельцев и служащих по дому о соединении в союз. Бюро по этому поводу приняло следующую резолюцию:

„Временное организационное бюро союза дворников и швейцаров г. Петербурга, обсудив предложение члена общества домовладельцев и служащих по дому г. Эргардта о соединении, единогласно постановило: в виду того, что интересы домовладельцев и служащих по дому ни в чем не сходятся и даже являются прямо противоположными, ни в какие сделки с ними не входить и вести до конца борьбу за осуществление своих гражданских и профессиональных прав“.

Адреса бюро с.-петербургских профессиональных союзов.

1) Центральное: Пантелеймоновская, 2, Соляной Городок, помещение Технического Общества. Бюро рабочих союзов. Приемные часы: по будням от 7 до 9 час. вечера, по воскресеньям от 10 до 12 час. утра.

2) Союза рабочих портняжного дела: Большой Казачий переулок, д. 6, кв. 41. Приемные часы: по будням от 8 до 10 час. веч., по праздникам от 3 до 6 час. дня.

3) Союза рабочих печатного дела: Торговая, д. 25 кв. 2.

4) Союза подмастерьев и приказчиков часового ремесла: Введенская, д. 1, кв. 22.

5) Союза рабочих по обработке дерева: Гороховая, д. 23, кв. 50. Приемные часы: по будням от 7 до 10 час. веч., по праздникам с 10 утра до 6 час. веч.

6) Союза приказчиков: Демидов пер., д. 5, кв. 54.

7) Союза рабочих башмачного и сапожного дела: Моховая, д. 32, кв. 40.

8) Союза тружеников трактирного промысла: Екатерингофский пр., д. 59, кв. 33.

9) Союза низшего медицинского персонала гор. Петербурга: Свечной пер., д. 15, кв. 19, Ю. М. Хрусцинская.

10) Союза рабочих металлического производства: временно: Рижский проспект, д. 8, кв. 84.

11) Союза конторщиков и бухгалтеров: Казанская, д. 40. Курсы обиходных знаний.

12) Союза рабочих по обработке волокнистых веществ: Выборгская сторона, Оренбургская улица, д. 27. Приемные часы: ежедневно от 11 до 1 час. и от 6 до 7 час. вечера.

13) Всероссийского союза фотографов-работников: Литейный просп., д. 9, кв. 22.

14) Союза садовников: временное бюро: Большая Монетная, д. 22, кв. 2.

15) Союза портовых и кораблестроительных рабочих: Витебская, д. 16—9, кв. 7.

16) Союза электротехников: Казанская, д. 40.

17) Союза рабочих осветительн. производств: Забалканский, д. 50, кв. 26, Петров.

Сведения о вновь возникающих союзах, а равно запись в число их членов можно иметь:

По союзу парикмахеров: С.-Петербург, Загородн. пр., д. 4, кв. 28. Н. И. Г.

По союзу лепщиков: Выборгская сторона, Парголовская ул., д. 14, кв. 15, Ив. Турусов; Введенская, д. 12, кв. 10, Александр Палилов.

По союзу золото-серебреного производства: Боровая, д. 37, кв. 17, А. Павлов.

По союзу железнодорожных служащих и рабочих: Полтавская, д. 5, кв. 30, Сергей Александрович Брунковский.

По союзу прислуги: Соляной Городок, бюро рабочих союзов, для организационного кружка.

По союзу рабочих басонно-ткацкого дела: Мучной пер., д. 3, кв. 28, Егор Лазарев, или Караванная, д. 5, кв. 7, Егор Емельянов.

По союзу трубочистов: Выборгская сторона, Саратовская, д 22, кв. 5, Эмиль Томас.

По союзу служащих в конторах и экспедициях периодических изданий С.-Петербурга: Большая Под'ческая, экспед. газеты „Наша Жизнь“, Алекс. Аркад. Быков.

Просят остальные бюро доставить свои адреса.

Редакцион. Комиссия Центрального бюро спб. профессиональных рабочих союзов: В. В. Святловский, С. И. Сомов и Ев. А. Аксанов.

К забастовке почтово-телеграфных служащих.

2 декабря состоялось заседание исполнительного бюро петербургского отделения всероссийского почтово-телеграфного союза.

Между прочим, рассматривался возбужденный несколькими газетами вопрос о том, имеют ли редакции нравственное право посылать во время забастовки газеты на почтамт и вообще пользоваться его услугами в каком бы то ни было виде. Бюро, принимая во внимание, что газеты являются во время забастовки единственным средством для сношения между собою, решило вопрос в положительном смысле.

На-днях в Тенишевском училище состоится концерт в пользу бастующих и уволенных почтово-телеграфных служащих.

17 декабря состоится собрание уволенных и бастующих служащих на почте и телеграфе женщин, вызванное тем обстоятельством, что многие уволенные женщины подали прошения об обратном приеме их на службу. Выступавшие на собрании ораторы упрекали собравшихся в том, что женщины представляли во время забастовки реакционный элемент. Они все время колебались, внося разлад и дезорганизацию в общий ход забастовки. Было указано на почетное место, которое заняли русские женщины в освободительном движении России. Ораторы призывали служащих женщин не отставать от общего боевого настроения. Собрание постановило прошений не подавать.

5 декабря состоится в Петергофе делегатское собрание служащих железных дорог по вопросу об их отношении к почтово-телеграфной забастовке.

Из Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д. [1]).

По всем станциям российских железных дорог, союзов, почтово-телеграфный союз и в Совет Рабочих Депутатов. Стачка почтово-телеграфных служащих по сделанному заявлению их представителей, подавляющим большинством городов и в том числе в Москве и в С.-Петербурге энергично будет продолжаться до последних дней крайности, несмотря на все усилия правительства и на распространяемые лживые известия. Железнодорожники и рабочие всеми мерами должны избегать таких действий, которые могли бы клониться к ущербам, интересам товарищей почтово-телеграфных работников. Поэтому Центральное бюро всероссийского железнодорожного союза.

Вильно, 2 декабря. В ответ на провокаторскую телеграмму № 1139 из Ковно должна служить ответом следующая телеграмма:

По всем станциям железных дорог, С.-Петербург — начальнику телеграфа С.-Петербурго-Варшавской жел. дор., Москва — центральное железных дорог союза, Романову, С.-Петербург — Н. Елизарову и Орехову.

Обнаружив подачу телеграммы № 1139 со станция Ковно каким-то лицом, но не служащим станции Ковно, заявляем протест против самозванного действия помимо желания служащих указанной станции. Дело об увольнении старшего телеграфиста товарища Гранатман передано для расследования в Ковенский комитет союза служащих и рабочих С.-Петербурго-Варшавской жел. дороги.

Телеграфисты ст. Вильно [2]) просят местные комитеты дорог неуклонно исполнять принятые уже на многих дорогах решения не передавать по железнодорожному телеграфу ранее указанных депеш и не допускать обращения почтовых вагонов; если власти будут принимать те или иные принудительные меры, служащие и рабочие должны всеми силами противодействовать об'являя освобождающиеся места не подлежащими замещению, и подвергая решительному бойкоту всех лиц, которые будут этого заслуживать. Кроме того, комитеты должны немедленно оказывать материальную помощь уволенным товарищам и созывать, где потребуется, общие собрания служащих и рабочих, для выработки борьбы с насилиями администрации. Списки лиц, подвергнутых бойкоту, немедленно предать самой широкой огласке и обо всем доводить до сведения центрального бюро. Получив сведения о провокаторских действиях начальника службы телеграфа Московско-Казанской жел. дор. инженера Гильбиха, лично призывавшего жандармов для составления протоколов на телеграфистов и представившего пятерых из наших товарищей к увольнению, центральное бюро постановило сообщить об его низких поступках во все общественные организации в целях об'явления ему самого широкого бойкота.

Центральное бюро железнодорожного союза.

[1]) Начало телегр. из Москвы (см. отд. „Телеграммы", стр. 152).
Прим. к наст. изд.

[2]) Конец телегр. из Москвы (там же).
Прим. к наст. изд.

Из жизни рабочих.

Клуб франко-русских рабочих.

1 декабря в помещение клуба рабочих Франко-Русского завода явился полицейский чин и вступил с товарищем-председателем собрания в переговоры. „Так как вы должны были предупредить полицию о собрании у вас за три дня, то я требую разойтись". Товарищ ответил: „Вы врываетесь в наше помещение, мешаете нам обсуждать наши вопросы, подстерегаете каждый наш шаг. Неужели вы не понимаете всего безобразия ваших отношений к нам?! Ведь мы поступаем на законном основании: мы собираемся в своем собственном помещении, собрания наши закрытые, мы допускаем только лишь своих членов по именным повесткам". Серое пальто возражает: „В таком случае, я буду присутствовать у вас на собрании". Ему отвечают: „Мы не желаем этого. У нас нет ничего общего с полицией, и мы не снабжаем полициантов нашими повестками". Побрякивая шашкой, чин пробирается к выходу. „А я, кажется, знаю вас, — обращается он к председателю, — окольными путями до меня дошло, что вы предлагали своим товарищам вывезти меня на тачках из своего завода". Товарищ заявляет: „Нет, почетное ландо мы готовим для других негодяев". По дороге к выходу один из товарищей спрашивает у околоточного: „У вас есть дети?" „Есть". „Они учатся?" „Да,—горделиво отвечает чин, — в гимназии человеколюбивого общества". „Разве они не социал-демократы?" „Нет". „Ну, так будут ими. И когда-нибудь потребуют от вас отчета: папа, зачем ты насильничал?" Смущенный представитель ненавистного участка ничего не ответил и вышел. Собрание состоялось.

Металлический завод.

(Выборгский район.)

По окончании работ 28 ноября рабочие завода Растеряева устроили в мастерской митинг. Оратор социал-демократ об'явил об аресте председателя Совета Рабочих Депутатов Хрусталева. В настоящем аресте, говорил он, сквозит ясно определенная цель правительства, а именно: не дав рабочим материально оправиться, оно намерено вызвать вновь рабочих на преждевременную забастовку. Правительство этим маневром думает произвести между рабочими недовольство и раскол и тем ослабить организованную силу об'единенного пролетариата. Но социал-демократическая партия, продолжал он, слишком хорошо знает своего противника, чтобы попасть в грубую ловушку.

Оратор об'явил рабочим о скором издании С. Р. Д. манифеста с призывом не платить налогов.

Арестованные 3 ноября на канатной фабрике „Нева" рабочие депутаты с Металлического завода и освобожденные затем под давлением требования рабочих, спустя некоторое время были вновь тайно арестованы и в настоящее время томятся в заключении.

Новый Арсенал.

Рабочие удивлены новой „милостью" начальства. После того, как партии правового порядка не удалось их склонить на свою сторону, им назначили расчет и вместе с тем предоставили на 4 дня право бесплатного от'езда на родину. Между тем ораторы парт. пр. пор. на митинге 29 ноября уверяли, что они заставят г. Индутного открыть завод, если рабочие примут их программу действий.

Рабочие склонны видеть во всем этом желание правительства всякими правдами и неправдами ослабить сплоченность петербургского пролетариата.

Порт.

30 ноября происходило общее собрание портовых рабочих. Пред началом заседания в помещение ворвался представитель насилия, участковый полицейский чин, и потребовал распущения собрания. Рабочие энергично протестовали против этого возмутительного требования, указывая на полную его незаконность. Ссылки на закон 12 октября, разрешающий закрытые собрания, и указания на пример соседней квартиры, где в то время происходило собрание членов рабочего клуба Франко-Русского завода, не могли изменить упорства представителя застенка. Он твердил одно: „По распоряжению градоначальника я должен закрыть собрание. А франко-русским рабочим собрание разрешается потому, что у них — клуб, а у вас — союз. Кое-как удалось выпроводить непрошенного гостя. Большинством голосов собрание решило продолжать заседание, несмотря „ни на какие наглые требования башибузуков".

Балтийский завод.

1 декабря около 2-х часов дня рабочие судостроительной мастерской вывезли на тачке за ворота своего мастера Н. Г. Сергеева. Сергеев был заведующим всеми судостроительными работами, служил около 26 лет. Рабочие несколько раз делали попытку вывезти Сергеева, но он избегал; в 1901 году во время забастовки рабочие поколотили Сергеева, последнее время он не выходил на работу с октября. Рабочие несколько раз делали заявления на этого мастера администрации завода, на их заявления не обращали внимания. В заявлениях было указано, что Сергеев всех своих родственников и земляков ставил старшими или давал лучший заработок, требовали, чтобы им дали пробную работу и по ней определили их плату. Земляки горюют о своем благодетеле.

Рабочие хотели вывезти еще несколько мастеров разных цехов, но депутаты уговаривали их этого не делать в виду того, что завод может закрыться.

Начальник завода по этому поводу ездил с докладом к морскому министру, и 2 декабря по мастерским вывешено следующее об'явление:

„Вчера около двух часов пополудни мастеровые судостроительного цеха позволили себе, собравшись толпой, вывезти на тачке из мастерской на улицу заведующего судостроительными работами Н. Г. Сергеева.

„Кроме этого поступка, мастеровыми было учинено своеволие по спуску минного транспорта «Енисей» с намерением поднять на нем красные революционные флаги. По докладе об этом морскому министру его высокопревосходительство приказал об'явить мастеровым, что при малейшем проявлении вновь с их стороны какого бы то ни было своеволия, беспорядка, мешающего ходу работ, или насилия над личностью, завод будет закрыт на неопределенное время и мастеровые рассчитаны, при чем они не получат никакой платы за две недели вперед, так как закрытие завода вызвано не распоряжением правительства, а последовавшими со стороны мастеровых вызывающими незаконными действиями, при наличии которых правильное производство работ безусловно немыслимо. Заведующий судостроительными работами Н. Г. Сергеев ни в каком случае в настоящее время уволен с завода не будет".

2 декабря 1905 г., подписал начальник завода.

Иностранный отдел.

Из Франции.

Некогда, во времена инквизиции, жестоко преследовались и сжигались все те, которые не только скептически относились к существованию бога, но просто пытались проанализировать понятие о боге. Бог стоял вне, над человеческим разумом; в бога надо верить, богу надо поклоняться, богу надо молиться — и только; во имя бога совершались самые ужасные и чудовищные преступления, во имя бога устраивали варфоломеевские ночи, избивали детей, уничтожали лучшие произведения человеческого ума... В век капитализма и наемного труда просвещенная буржуазия искала в религиозности масс средство к большей эксплоатации их и находила в служителях церкви самых лучших пропагандистов смирения. Везде и всегда господствующий класс, будь это абсолютистски-феодальный или буржуазно-республиканский, христианский или магометанский, пытался развитием религиозных чувств в народе помешать пробуждению в угнетенных, подавленных и эксплоатируемых массах духа недовольства, протеста и восстания... По мере развития в пролетариате — городском или сельском — классового сознания религиозные предрассудки исчезают, религиозный дух смирения испаряется... К тому же та каста лиц, которая образует церковь (духовенство), все больше и больше стремилась к самостоятельной политической и экономической роли. Церковь обогащалась, приобретала земли, начинала сама производить и, пользуясь даровым трудом монахов и монашенек, производить дешевле, чем светские фабриканты. Французское духовенство обогощалось производством лучших вин и других товаров. Буржуазия покровительствовала церкви, пока последняя исключительно защищала ее буржуазные классовые интересы, но правящий капиталистический класс восстал против церкви, как только она явилась перед ним в образе опасной конкурентки, в образе копителя золота. Часть правящего класса стала антиклерикальной и тем еще больше способствовала проявлению в народе антирелигиозных чувств. Нет сомнения, что во Франции вера в бога все больше и больше падает, церковь жалуется, что народ становится распущенным, испорченным, буржуазным; для буржуазии это означает, что рабочий класс все больше и больше освобождается от ее опеки. Религия все больше и больше теряет в глазах буржуазии роль громоотвода.

Нужен другой громоотвод, нужно что-нибудь другое, идеальное, способное прикрыть безобразную наготу капиталистического общества; рабочий больше не верит в небесного бога, ему надо дать другого бога, и этот бог — отечество. Это последний заряд буржуазии; но именно потому, что он — последний, буржуазия пытается использовать его возможно лучше в своих интересах.

Что бы теперь рабочий ни предпринимал в защиту своих пролетарских интересов — в рядах правящего класса раздаются негодующие крики: рабочий посягает на цельность, на независимость, на свободу отечества. Требует ли рабочий 8-час. дня — он подрывает „богатство" отечества; требует ли он свободы союзов — он угрожает цельности отечества; ведет ли он свою политическую классовую борьбу — он играет на руку врагам отечества; устраивает ли с'езды с своими братьями-пролетариями из других стран — он нарушает национальное единство отечества; восстает ли в защиту попранных прав или для достижения новых прав — он изменяет отечеству. Наши отечественные фон-Вали и Клейгельсы, немецкие Вильгельмы и Бюловы, французские Рувье и Деруледы — все с трогательным единодушием поют гимны новому богу — отечеству, все воскуряют ему фимиам, но каждый по-своему. Фон-Вали—нагайками и пулями, Вильгельмы—тюрьмами и штрафами, Рувье... Бедный Рувье! Ему бы тоже хотелось почаще применять российские или германские способы воздействия! Венский городской голова Люгер уже готовится организовать у себя в Австрии свои национальные „черные сотни", а французские реакционеры уже мечтают о том блаженном дне, когда они смогут в интересах „patrie" перестрелять всех социалистов.

Парижский префект прогнал из Биржи Труда профессиональные организации, французское правительство предает суду вожаков этих организаций — и все это потому, что „отечество в опасности". Когда неделю тому назад депутат-социалист Мар-

сель Самба произнес в парламенте горячую, революционную речь, в которой отстаивал пролетарский интернационализм, все депутаты буржуазии — от правой до крайней левой — не могли сдерживать своего негодования. Как! Самба смеет говорить об отечестве не восторженно, не с слащавым пафосом, он смеет критиковать отечество, анализировать понятие отечества! Возмущенные патриоты требовали, чтобы председатель лишил оратора слова, бурно и демонстративно прерывали „святотатственную речь“ Самба. Но он, не смущаясь, продолжал говорить о том, что такое буржуазное отечество для рабочего, продолжал разбирать, что оно ему — мать или мачеха.

„С отечеством, — говорил он, — соединяют обыкновенно понятие о любви к природе, к родной почве, к красоте пейзажей... но рабочий на это замечает: красота пейзажей хорошая вещь, но я разве пользуюсь ею?.. Утренний гудок в 5 час. зовет меня на работу; я возвращаюсь с работы в 6 час. вечера, когда уже темно: когда же мне любоваться природой отечества? Наши патриоты часто говорят нам о грубости, жестокосердии немцев... Но разве у нас на заводах и фабриках иначе обращаются с рабочими? Разве французский старший мастер не так же жесток по отношению к рабочим, как и немецкий? Разве не французские войска убивали французских же рабочих во время стачки в Лонгьи? Нам говорят, что Франция — республиканское отечество, что у нас больше свободы, больше прав, чем в других странах. Но во всех северных заводах и фабриках требовали от рабочих, изгнанных из Лонгьи, удостоверения, что они не принимали там участия в стачке. Разве рабочий, умирающий с голоду за то, что участвовал в стачке, способен любить „отечество“, разве он пользуется в нем свободой? Говорят также: французское отечество — это дух французского народа, это вся наша литература, вся наша история, наше прошлое. Да, — отвечает на это рабочий: — литература — хорошая вещь, но я ее не знаю, я не получил необходимого воспитания, чтобы понимать литературные шедевры... и если бы я даже получил такое воспитание — у меня нет времени на чтение книг“.

На другой день продолжались дебаты по этому важному для пролетариата вопросу. Я не буду останавливаться на речах молодого карьериста Зэваэса или бонапартиста Лази. После них говорил Жорес.

„Какова, — спрашивает Жорес, — политика социалистической партии? Ее можно резюмировать в таких принципах, взаимно дополняющих друг друга: первый принцип — это необходимость довести до самой высшей точки оборонительную силу партии, организуя военные учреждения в гармонии с условиями существования республиканской демократии, с условиями роста пролетариата; армия должна слиться с народом, организованным в интересах своей обороны и своего блага, освобожденным от духа касты или класса; только тогда армия будет для всех защитницей общей свободы, а не защитницей только привилегий и капитала...

„Во-вторых мы хотим все больше и больше способствовать об'единению и росту деятельности пролетариев всех стран так, чтобы европейский пролетариат мог своим согласованным коллективным действием на правительства помешать в будущем войнам или, если он не сможет помешать им, обессилить во всех концах Европы те преступные правительства, которые вызвали бурю, чтобы он мог, наконец, уничтожить ту возмутительную европейскую систему гнета и беспорядка, которая держит общества под игом анархической конкуренции, рабочих под игом капитала, народы под игом войны.

„Мы хотим, наконец, как переходной стадии к этому лучшему строю, чтобы правительство Французской республики предложило всем правительствам учреждение международных третейских судов для разрешения могущих возникнуть конфликтов“.

Париж, 8 декабря.

„Китайцы зазнаются!“.

Шанхайский корреспондент „Times'a“, вернувшись в Китай после полугодового отсутствия, сообщает о пробуждении в китайцах мятежного духа, от которого грозит великая опасность их иностранным капиталистическим благодетелям, если державы не поспешат с мерами предупреждения и пресечения. После разгрома России Японией нравственность желтолицых сынов Небесной Империи удивительно испортилась: они возомнили себя истинными хозяевами страны и решили давать планомерный отпор „всем иностранным влияниям“. Побывавшие в Японии студенты, — разумеется, „полуобразованные“, — разглагольствуют о державных правах Китая и вредно влияют на поселян и купцов. Молодежь образовала „патриотическую лигу“. Враждебная иностранцам литература распространяется без всякого противодействия со стороны чиновников, устная пропаганда на всякого рода собраниях тоже не встречает помех. Областные правители обучают войска современным военным приемам, пользуясь услугами многочисленных японских инструкторов. Правительство затрудняет выдачу иностранцам новых концессий на разработку минеральных богатств страны, сооружение железных дорог и т. п. и обнаруживает поползновение отобрать уже выданные концессии. Заключение торговых трактатов с державами умышленно оттягивается. Идея бойкота иностранцев распространяется все шире и шире. „Китай для китайцев!“ — таков лозунг купечества, интеллигенции и чиновничества. Уменьшение иностранных гарнизонов на севере, удаление из китайских вод английской эскадры и излишняя сговорчивость Соединенных Штатов по делу о бойкоте американских товаров внушают, по словам корреспондента „Times'a“, китайцам ошибочное представление, будто они и вправду настоящие хозяева у себя дома. „Times“ в пространной передовице признает положение серьезным, но находит, что существование англо-японского союза достаточно гарантирует международному капиталу дальнейшую беззастенчивую эксплоатацию Китая. Одной из целей этого союза является „охрана общих интересов всех держав в Китае“, и если китайцы слишком зазнаются, союзницы не преминут принять соответствующие меры... разумеется, в интересах цивилизации и гуманности...

Серьезного противодействия „цивилизаторской миссии“ капитала патриотическое движение в Китае, конечно, не окажет. Само это движение является, в значительной степени, реакцией зарождающегося местного капитализма против вторжения капитализма заграничного производства: местные хищники хотят отстоять „свое наследие“, свою добычу, принадлежащую им „по праву“, от захвата ее хищниками космополитическими. Но с пролетарской точки зрения будет весьма и весьма недурно, если владыка-капитал получит в Китае маленький урок и признает, что есть пределы беззастенчивой эксплоатации даже „низших“ рас.

Н. А.

В центре борьбы между политическими партиями Венгрии стоит теперь вопрос о всеобщем избирательном праве. Поставлен был этот вопрос в центр политической жизни благодаря деятельной агитации социал-демократической партии. Буржуазный блок продолжает занимать по отношению к этому вопросу крайне неопределенное положение. Так называемая „Партия независимых“, устроившая 11 декабря (н. ст.) специальное собрание для выработки резолюции по вопросу о всеобщем избирательном праве, воспользовалась всевозможными увертками, чтобы избегнуть прямого ответа на вопрос. Орган Народной Партии высказывается категорически против „вульгаризирования“ избирательного права. Тем не менее и этот орган порицает образ действия „Партии независимых“ и называет их обсуждения и решения игрой словами.

Радикал Кошут старается изо всех сил удержать несогласных с избирательной реформой в коалиционной оппозиции, дабы „не создать почвы для лишних раздоров“, и таким образом фактически толкает всю коалиционную оппозицию к отказу от всеобщего избирательного права. Граф Андраши, один из виднейших представителей коалиции, изобрел новую политическую теорию и делает разницу между городским пролетариатом и сельским: первому он согласен „подарить“ избирательное право, но сельским рабочим он отказывает в этом. Социалисты на это ему ответили: „Граф Андраши забыл, что существует сильное чувство, которое называется пролетарской солидарностью, и что, руководимые этим чувством, промышленные рабочие отвергнут великодушный подарок графа“.

Финляндия.

Выборг.

(Корр. „Нов. Жизни“.)

В „конституционной“ Финляндии существуют чисто русские учреждения во всей их средневековой прелести: я говорю не о тюрьмах, а о солдатских казармах.

Вот, например, 7 Финляндский полк в Выборге. Офицерство тут совершенно, повидимому, не тронуто даже „кадетскими“ веяниями. Бьют солдат все офицеры без из‘ятия, бьют за малейшую провинность, бьют с аппетитом, с животным наслаждением. Разумеется, фельдфебеля и прочие холопы не отстают от начальства.

Аресты, карцер, гауптвахта — применяются со всей свирепостью. Солдат держат как в тюрьме. Им не дают отпусков „на волю“, опасаясь, очевидно, тлетворного влияния народа на них.

По целым неделям, а то и по месяцу, солдаты не выпускаются из опротивевших, ненавистных казарм. Как много мучений выносит солдат от ежедневной 10- или 12-часовой муштровки!

Все газеты, за исключением „Света“ и „Русск. Чтения“, подлежат беспощадному из‘ятию, как и все книги, кроме „жития святых“ и прочей чепухи; даже учебники математики, географии и т. п. не допускаются!

Не довольствуясь повседневным насилием над солдатом, офицеры всех рангов, вместе с разными каптенармусами и т. п., грабят и обдирают его беспощадно. Одежда выдается отчаянно скверная, латку на латку сажать приходится, так что даже „нитка не держится“. Впрочем, за бутылку водки или за соответствующую мзду выдается более свежая одежда. Пища отвратительная; вместо законного полуфунта, мясная порция весит от 14 до 20 золотников! Щи так скверны, что зачастую их выливают.

Все это выводит солдат из терпения. Как всегда, брожение начинается на почве экономических требований. В начале ноября 7 рота, а за нею и весь батальон „забастовали“, т. е. попросту — отказались от ужина. Начальство взволновалось небывалым „бунтом“ и тотчас переменило пищу. За последнее время среди солдат ходят листы с 32 пунктами требований экономического характера, очень популярными у солдат. Они готовятся в соответствующий момент начать настоящую уже забастовку с пред‘явлением этих требований.

Общее политическое брожение хотя и не в особенно сильной степени, но все-таки отражается на солдатах. Во время октябрьских и ноябрьских дней офицеры непрерывно вели беседы в казармах, „раз‘ясняя“ все по-черносотенному; солдаты относятся к этим речам с большим недоверием, вполне понятным.

Характерно отношение солдат к революционным действиям финнов в последних событиях. Демонстранты двинулись к губернаторскому дому с целью заменить русский флаг финским. Рота солдат — каждый со 120 боевыми патронами—была выстроена перед губернат. домом. Демонстранты были настроены мирно, и столкновения не произошло. Но в острый момент, когда можно было ждать стычки, солдаты взволнованно заявляли своим отделенным, что они стрелять не будут. Другие говорили, вернувшись в казармы, что стрелять они стали бы лишь в воздух, но никак не в людей.

Несомненно, что недалеко то время, когда и сюда, в этот темный, глухой застенок, проникнет свет революционной мысли, и тогда солдаты не ограничатся только „кашными“ бунтами, а перейдут к действиям более активным, более революционным. Уже идет глухое брожение, пока еще несознательное. Общий революционный натиск всего народа ускорит этот процесс. В борьбе своей против врага революционный народ России найдет в солдатах 7 Финляндского полка не врага, а верного союзника.

Гельсингфорс.

(Корр. „Новой Жизни“.)

11 декабря (нов. ст.). Здесь, по приказанию г. Дурново, уволено 37 лиц, служащих на здешней телеграфной станции, и 8, временно прикомандированных сюда из других местностей. В числе уволенных не мало русских. Финляндское общество относится с большой симпатией к бастующим, в газетах предлагается открыть сборы в пользу пострадавших, которые являются жертвами исключительно из-за своей солидарности с русскими товарищами. К сожалению, к забастовке примкнули не все телеграфные конторы: „Helsingfors Posten“ указывает, например, два незначительных города: Иенсу и Сердоболь. В Гельсингфорсе работали три лица — начальник станции Алексеев, его жена и одна девица, родственница главного начальника финляндского телеграфного отделения Нюберга. Станция здесь и в Выборге без всякой надобности охранялась солдатами. Лишившиеся своих мест отнеслись к суровому приговору спокойно. Они убеждены что их правое дело вскоре восторжествует. Каким сильным чувством солидарности проникнуты здешние служащие на телеграфе, показывает следующий факт: одна телеграфистка, которая долго была больна и потому не могла во-время записаться в число бастующих, заявила начальству по телефону, что она присоединяется к бастующим и потому хочет подвергнуться одинаковому с ними „наказанию“. Телеграфные станции в небольших городах будут закрыты, а „благонадежные“ штрейкбрехеры будут переведены сюда. Газеты сообщают о двух телеграфистах, которые добровольно заявили о желании „работать“ в Гельсингфорсе. Изменники бывают повсюду!

Наблюдатель.

Областной отдел.

Харьков.

(Корр. „Нов. Жизни“.)

22 ноября на соединенном заседании Ком. Борьбы и представителей вооруженной дружины был принят разработанный Ф. С. план активных действий и распределены силы; он сводился к следующему: районные организаторы с достаточным числом ораторов в ночь на 23 ноября отправляются в районные квартиры; в их распоряжение посылается вооруженная сила под начальством военных районных представителей. По получении приказаний из штаба (Ком. Борьбы), районные организаторы, совместно с ораторами, должны проникнуть во входящие в их районы заводы, дать тревожные гудки и, собрав массу, изложить ей весь план кампании. Ораторы в своих речах должны призывать рабочих поддержать революционную армию. Затем организаторы должны приложить все усилия к тому, чтобы привести массу на Павловскую площадь в полном порядке, правильными колоннами. В 5½ утра наш штаб находился уже на площади. Было еще совсем темно и тихо. День не обещал ничего особенного. Пробило 6... 7... Неужели ничего не будет? Неужели вся подготовительная работа пропала? Досада и стыд! Нет, не может быть, ведь солдаты клялись все, как один, 23-го утром выступить на Павловскую площадь. 8 часов... Мы собираемся уже распустить патрули, как вдруг получаем известие, что Старобельский полк с музыкой идет по Змиевской ул.; через 10 минут — новое известие: присоединился Лебединский и глазная команда. Очевидно, события развертываются так, как мы ожидали. План еще

не нарушен. Но как быть: снимать ли немедленно рабочих или же, согласно диспозиции, ожидать появления войск на Николаевской площади? Мы изменяем первоначальный план и рассылаем курьеров по районам с приказанием давать тревожные гудки и выступать на Павловскую площадь. Мы руководствовались при этом следующим соображением: выступление войск сильно замедлилось. Снялись еще не все части. Можно ожидать дезорганизации, вмешательства властей, а потому следует поднять дух войск присоединением рабочих. Так же смотрели на дело, как впоследствии выяснилось, районные организаторы и военная организация харьковского гарнизона. Таким образом, это распоряжение штаба шло навстречу желаниям всех товарищей.

Через несколько минут заревели тревожные гудки на паровозном заводе и у Саде; им откликнулись Бельгийский, Шапер, Шиманский, Цильстрем, Бельке и железнодорожные мастерские. Как и следовало ожидать, тревожные гудки и выступление рабочих сильно подняло настроение солдат. К лебединцам и старобельцам быстро присоединились батальон Богодуховского полка и некоторые нестроевые части. Между тем рабочие паровозного завода успели уже соединиться с рабочими завода Саде. Со знаменами и вооруженной дружиной во главе они выстроились в правильные колонны на Конной площади. Показались войска. Военный оркестр заиграл марсельезу. Смир-но! Войска выстроились во фронт. Наш комендант приветствует их от имени харьковского пролетариата.

На кар-а-ул!.. Революционная армия салютует нашим знаменам. Картина величественная, грандиозная. Между тем, наши разведчики донесли, что Харьковский мост занят казаками, драгунами и пулеметами. Решено было итти в обход по Молочной, через мост у газового завода и затем — по Конторской.

Под звуки марсельезы двинулись войска, за ними, на расстоянии 20—30 шагов, сомкнутыми, правильными колоннами, в полном порядке, со знаменами и вооруженной дружиной, двигались десятки тысяч рабочих. Шествие замыкал наш отряд карабинеров и бомбистов.

По дороге то и дело попадались казачьи раз'езды, их прогоняли штыками. Демонстрация росла. На Екатеринославской ул. в ней принимало участие не менее 50 т. человек. В особенности величественная картина открывалась с Университетской горки. Лес штыков, звуки марсельезы, красные знамена, вооруженные отряды, карабинеры и море голов...

И это — при военном положении!

Что же делали в это время власти?

Около 8 часов на Соборной площади ударили тревогу, и спешно выстроился только-что прибывший 1 батальон Охотского полка с пулеметами.

Генерал Нечаев обратился к ним с какой-то бессвязной речью, и растерявшийся полковник повел эту кучку солдат к Харьковскому мосту.

Через несколько минут мост был занят.

Тотчас же мы отдали приказ бомбистам зайти в тыл пулеметам и бросать бомбы, как только они приготовятся к стрельбе. Узнав, что мы идем на Москалевку, войска и пулеметы покинули Харьковский мост и спешно начали занимать Москалевский. Но они оказались плохими стратегами: мы прошли на Екатеринославскую.

Бравые генералы вынуждены были вновь передвинуть войска и пулеметы и занять Павловскую площадь.

Быстрым маршем двигались войска, за ними сомкнутыми колоннами рабочие. Голова демонстрации уже на Павловской площади.

Войска идут прямо на пулеметы. Навстречу бежит дивизионный генерал Нечаев.

— Опомнитесь, братцы, что вам надо? куда вы идете?

— За свободу! — раздаются отдельные голоса.

— Что вы, что вы? Пулеметы... 600 выстрелов в минуту...

Генерал силится смешать ряды, протискивается в строй, но его не пускают.

— Братцы, это все крамольники, не слушайте их, чего вы хотите?

Вперед выходит солдатик и читает „требования".

— Знаю, знаю, — истерическим голосом кричит Нечаев, — это прокламация.

— Нет, вашество, вы, очевидно, не знаете, это не прокламация, а требования военной организации харьковского гарнизона. — Солдатик продолжает читать. Генерал нетерпеливо слушает.

— „Отмена военного положения"...

— Что вы, что вы?

— „Признавая, что рабочие и крестьяне борются за свободу, за освобождение нашей родины"...

— Крамола... знаю, знаю, это все „Наша Жизнь" и „Сын Отечества"... Я присягал царю и отечеству, я... не могу, не могу.

— Так не можете?... Идемте, братцы!

Солдаты крестятся и двигаются вперед.

— Опомнитесь, что вы... 600 выстрелов в минуту...

Демонстрация двинулась... Ур-р-а, ур-р-а!..

Охотский полк и пулеметы смешались с толпой, дрогнул Богодуховский... Громовое ура публики и войск смешалось в один сплошной рев.

Несметная толпа проходит площадь. Музыка играет марсельезу. Окна и балконы домов усеяны народом.

Машут платками. Рукоплескания. С солдатами чуть ли не целуются. Вот революционно настроенная девица берет винтовку и марширует в ногу с солдатами.

Не зная как выразить свой восторг революционному войску, девицы гладят солдатские шинели, угощают конфетами, папиросами... Солдаты ликуют.

На Скобелевской площади демонстрация остановилась, товарищ-солдат произносит речь, в которой об'ясняет смысл и значение событий. Затем говорило еще несколько ораторов, и лишь к вечеру народ стал расходиться.

Настроение солдат превосходное. Пока никого не трогают. Несколько офицеров по требованию солдат удалено. Пища улучшена, предупредительность—удивительная...

Мы прилагаем все усилия, чтобы использовать во всей полноте события 23 ноября. Солдаты рвутся в организацию. Думаем пока устроить ряд митингов. Выпускаем листки к солдатам.

Теперь несколько слов вообще о ходе нашей работы.

Военное положение мы совершенно не признаем. Чуть ли не каждый день происходят митинги на разных заводах.

Особенно интенсивно пошла работа после федеративного соглашения обоих Комитетов Партии.

Политическая забастовка и день 23 ноября показали, какую силу представляет Федеративный Совет; его начинают признавать чуть ли не легально.

К нему обращается дума, население, ему предлагают деньги на образование милиции, его слушают, он повелевает.

Н—ай.

Тверь.

(Корр. „Новой Жизни".)

Организовавшийся в Твери Сов. Раб. Деп. принял на своем общем собрании проект устава, выработанный Тверск. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Большинством 193 против 5 С. Р. Д. признал за Р. С.-Д. Р. П. идейное и политическое руководство в революционной борьбе пр-та.

В своей резолюции он говорит: „Так как для успеха рабочего дела необходимо, чтобы все рабочие выступали единой массой, по заранее намеченному общему всем пути, общее собрание рабочих г. Твери находит необходимым, чтобы рабочими в их борьбе руководила одна партия. Обязанность партии, руководящей рабочим движением, — давать своевременно рабочей массе советы, раз'яснять ее положение и ее интересы и вообще указывать путь борьбы. Обязанность Сов. Раб. Деп. проводить в жизнь руководство партии, т. е. осуществлять на деле тот план борьбы, который будет предложен партией и принят товарищами-рабочими на их общем собрании (если таковые окажутся возможными). В виду всего вышеизложенного С. Р. Д. г. Твери об'являет: единой истинной представительницей интересов всего угнетенного народа он признает Р. Соц.-Дем. Раб. Партию и в своей дальнейшей борьбе будет следовать руководству именно этой партии".

В настоящее время С. Р. Д. развивает свою организацию; при нем открывается юридическая консультация для рабочих; собрания депутатов каждой фабрики и завода выбирают комиссии для урегулирования товарищеских судов. Поступили первые взносы в стачечный фонд.

2-недельная забастовка ремонтных рабочих Морозовской фабрики кончилась 24-го полной победой. Забастовавшие требовали,

чтобы фабрика нанимала их на равных правах с остальными рабочими, т. е. не через подрядчиков, а от конторы. В ответ на это требование контора об'явила, что совсем прекращает работы по ремонту и рассчитала подрядчиков. Без ремонта, однако, фабрика долго работать не могла, и администрации ее пришлось уступить.

Забастовка всех рабочих-портных также кончилась победою; настоящее время считается у хозяев - портных самым горячим по количеству заказов,— это заставило их склониться на уступки довольно скоро.

Бастовавшие булочники стали на работу, не дождавшись никаких облегчений в своих поистине тяжких условиях работы

На крупных фабриках и заводах Тв. Ком. продолжает устраивать митинги почти ежедневно. Они посещаются всегда очень охотно. С.-р. открыто выступать не решаются, ограничиваясь распространением на митингах своих прокламаций. Впрочем, на-днях на Каулинской фабрике говорил один с.-р., но был принят рабочими очень недружелюбно.

Черная сотня перестала совершать свои набеги на мирных граждан. Только в деревне помещик Хвостов—организатор черной сотни—продолжает свирепствовать над крестьянами. О его подвигах сообщают факты, по своей чудовищности достойные пера бытописателей эпохи крепостного права.

Тв. К. приступил к осуществлению переустройства партийной орг-ции на основе выборного начала. План реорганизации в общих чертах близок к плану, предложенному Ц. К. нашей партии. В заседании 27 ноября С. Р. Д. принял следующую резолюцию:

1. Приветствуя Петербургский Совет Рабочих Депутатов как представителя петербургского пролетариата, Тверской С. Р. Д. выражает Пет. С. Р. Д. пожелание, чтобы и он признал идейное и политическое руководство Р. С.-Д. Р. П. — единой представительницы интересов рабочего класса в его освободительной борьбе. Только под красным знаменем Р. С.-Д. Р. П. Пет. С. Р. Д. сможет и в грядущих выступлениях пролетариата стоять во главе его, идя по истинному пути к конечной цели. (Принято всеми против 4-х.)

2. С. Р. Д. г. Твери предлагает товарищам рабочим при всяких расплатах (как, напр., получении заработной платы, вкладов из сберегательных касс и т. п.) требовать выдачи денег звонкой монетой и отказываться брать бумажки.

3. Выслушав сообщение о том, что товарищи, работавшие у подрядчиков и забастовавшие с требованиями удаления подрядчиков и найма прямо от конторы, в настоящее время одержали победу и приняты от конторы, С. Р. Д. постановил особенно отметить то обстоятельство, что победа оказалась возможной только благодаря тому, что товарищей, работающих у подрядчиков, поддержали все рабочие Морозовск. фабр., об'явившие хозяину, что они не допустят, чтобы забастовавшие товарищи были заменены другими рабочими со стороны. „В единении сила рабочего класса".

4. По поводу заявления депутатов от стекольного завода Курова о том, что там до сих пор не приняты товарищи, уволенные за августовскую забастовку, С. Р. Д. постановил: довести до сведения хозяина стекольного завода, что все уволенные за забастовку должны быть немедленно приняты обратно.

Екатеринослав.

(Корр. „Новой Жизни".)

В городе происходил набор новобранцев. Настроение призывающейся молодежи очень повышенное и выразилось рядом инцидентов боевого характера. Новобранцев согнали для освидетельствования во временные казармы, оставляющие желать многого в смысле гигиенических условий. Несколько товарищей успели проникнуть в ряды призывающихся, и после энергичной агитации вся толпа, числом в 900 с лишним человек, единогласно потребовала перехода из этого „собачьего загона" в другое, лучшее помещение. „Присутствие" пыталось было подействовать уговорами, но, уступив по необходимости энергичным требованиям, вынуждено было забрать свои канцелярские атрибуты и переместиться в одно из городских учреждений.

14 ноября значительная толпа принятых рекрутов, овладев двумя-тремя вагонами трамвая и заполнивши их, торжественно мчалась по Екатер. проспекту, оглашая воздух звуками марсельезы и криками: „долой самодержавие!". После второго рейса против здания городской управы, во дворе которой держатся постоянно в запасе солидные отряды солдат и казаков, вагоны были остановлены, оцеплены, и рекруты под конвоем были отправлены под арест. Когда процессия проходила вблизи того здания, где продолжает еще производиться освидетельствование остальных рекрутов, стоявшая там толпа пыталась отбить арестованных товарищей и начала теснить солдат. Солдаты взяли ружья на перевес, а один из них дал холостой выстрел. Толпа не решилась оказать сопротивления и отошла, решив отправить к начальству делегацию с требованием об освобождении товарищей.

Происходившие 21, 22 и 23-го погромы и убийства оставили в населении глубокий след. Под влиянием пережитых в эти дни нечеловеческих ужасов все, кто имеет хоть малейшую возможность, отправляют свои семьи за границу; многие бедняки продают свой скарб и покидают Россию навсегда. По сведениям губернаторской канцелярии, выедет не менее 800 или 1000 еврейских семейств, из наиболее зажиточных.

Паника, явившаяся естественным последствием погромов, была еще значительно усугублена наглым вызовом, посланным офицерским собранием пяти полков редакции „В. Юга" за указание в отчете о погроме той роли, какую играли нижние чины и некоторые офицеры в грабеже и насилиях.

Многие очевидцы гнусных событий терроризированы этим вызовом и опасаются давать консультационному бюро показания, чтобы не подвергнуться насилию со стороны разоблачаемых героев этой позорной эпопеи. Тем не менее, расследование событий продолжается, а на-днях для этой же цели прибыли некоторые представители петербургской адвокатуры.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]).

А.

Або I, 36.
Абрамицын I, 180.
Абрамов II, 93, 111.
Абрамсон III, 48.
„Абрек“ (крейсер) IV, 153.
Абрикосова С-вей, т-во III, 84.
Авилов I, стр. IX, X.
Авсеев III, 101.
Автусов, И. III, 123.
Агапов, Григ. I, 65; III, 72.
Агафонов, И. А. IV, 36.
Агулянский III, 16.
Адамович, Ю. (Орловский) III, 46.
Адлер, В. I, 77, 187, 188.
Адрианов III, 16.
Азанчевский IV, 96.
Азанчеев-Азанчевский (томский генерал-губернатор) IV, 63.
Азовский полк IV, 119.
Айваз (завод) III, 90, 139.
Академия Художеств I, 14.
Акимов IV, 152.
Аксай (зав.) II, 199.
Аксельрод, П. Б. I, 16, 77; II, 32.
Аксенов, А. А. IV, 36.
Алафузовская больница в Петерб. I, 181.
Александр Второй III, 87.
Александров II, 13; III, 16, 115; IV, 31, 152.
Александровский механический зав. II, 13, 34, 136, 188; III, 14, 15, 114.
Александро-Невский резервный полк III, 138.
Алексеев I, 102; III, 90, 146, 147, 165; IV, 19, 110.
Алексеева (ф-ка) IV, 37.
Алексинский IV, 74, 125.
Алешки (село) III, 6.
Алиханов II, 27, 29.
Алмазов, Андрей III, 118.
Альтшулер (вязально-чулочн. мастерская) III, 91.
Амстердам I, 39.
Амфитеатров III, 67.
Андреев, Ефим IV, 16.
Андреев, П. II, 64.
Анисимов, Б. И. III, 114.
Антонов II, 73, 144; III, 74, 75.
Антушевич, О. II, 41.
Анюховский III, 158.
Аперт, Э. Э. II, 131.
Аплавин II, 153.
Аполлонов III, 46, 55.
Апраксин, граф III, 63.
Арабажин I, 17.
Арбузов (генерал) III, 66.
Арданский, А. М. II, 176.
Аргутинский-Долгоруков II, 28.
Аристова (завод) II, 34.
Арматурный завод IV, 59.
Арнольд III, 103.
Арнольди, К. П. I, 181; II, 43.
Арсенал (завод) II, 105; IV, 7.
Архангельский I, 16; II, 144; III, 74.
Архипов III, 46.
Асланиди (фабрика) II, 199.
Асмолова (фабрика в Ростове) II, 199.
Астраханский полк IV, 72.
Астрахань I, 153; III, 102.
Асхабад II, 38, 74, 152; IV, 31, 32.
Аткарск I, 142.
Атлас (завод) II, 34.
Аудэр II, 64.
Афанасьев (Иваново-Вознесенск) II, 146.
Афанасьев, Ф. А. II, 151.
Афоничев IV, 33.
Ашенбреннер, М. Ю. I, 33.

Б.

Бабов II, 28.
Бадей IV, 10.
Багокурман (инженер) IV, 8.
Базаров, В. III, 46.
Базунов I, 121; II, 1.
Баилов II, 75.
Байод III, 18.
Баку I, 18, 22, 37, 85, 142, 163, 188, 189; II, 29, 44, 75, 153, 196, 199.
Балибанова, М. С. I, 77.
Балаев, Н. В. II, 134.
Балашово IV, 31.
Балашовский III, 170.
Балтийская ж. д. I, 182; II, 189; IV, 76, 111.
Балтийский судостроит. механич. завод I, 91, 127, 186; II, 13, 34, 100, 104, 159, 161.
Бальмонт I, 6.
Бальфур II, 15.
Банковский III, 158.
Бар, Г. II, 107.
Баранович, Ив. IV, 95.
Барановский (завод) II, 68; IV, 139.
Баратов, П. III, 16.
Бари (врач) IV, 112.
Бари (завод) III, 9.
Баринов II, 44.
Бартошевич III, 159.
Барыков II, 64; III, 72.
Барышайский III, 147.
Басов, С. А. II, 43.
Батуев, А. II, 41.
Батум I, 13, 37, 62, 85; II, 28, 119, 174.
Баузин, Л. II, 193.
Баулин, П. I, 191.
Бауман II, 193.
Бауман, Леопольд III, 72.
Бауман, Н. Э. I, 39, 55, 141, 164; II, 9, 146.
Баумгардт IV, 18.
Бауэр, Е. II, 188.
Бахмут III, 93.
Бебель, А. I, 77, 164, 173; II, 164.
Бежаева, А. III, 16.
Безобразов II, 192.
Бейер (зав.) II, 157; IV, 59.
Бек (фабр.) II, 68; IV, 112.
Беккер (ф-ка) III, 141.
Бекман (завод) III, 68.
Белград II, 38.
Белозерск III, 62.
Белосток III. 158; IV, 31.
Бельгард (губернатор) IV, 71.
Белевский, А. С. III, 104.
Белова (ф-ка) Москва III, 28.
Белосток I, 38, 85; II, 15, 124, 198.
Бельгийское общество (электр.) I, 185; II, 11; IV, 113.
Бельгия II, 23.
Бельский (инженер) IV, 112.
Бенешевич IV, 18.
Бенке (типография) IV, 6.
Берг, С. III, 16; IV, 110.
Бергель (капитан) III, 29.
Бертгольд (словолитня) II, 49, 137.
Бердичев IV, 97.
Березин II, 65.
Березна II, 53.
Березняк, Август II, 70.

[1]) Римские цифры означают выпуски, арабские — страницы.

Березовский II, 87.
Беренштам, Ц. II, 94.
Берлин I, 109, 111; II, 7, 38, 175.
Берлин, И. С. IV, 36.
Бериодский IV, 104.
Бернов (черносотен.) IV, 97.
Бехтерев I, 43.
Биносик, Мечислав IV, 38.
„Биржевых Ведомостей" (типография) IV, 109.
Бирилев II, 34; III, 124, 161.
Блажевский III, 158.
Бланко (юв. маст.) II, 49.
Бласс II, 136.
Блеклов I, 160; II, 92; III, 104.
Блонд, О. И. II, 107.
Блюменталь-Тамарин, Всеволод III, 16.
Бобриков II, 142; IV, 19.
Бобринский, граф IV, 27.
Бобрищев-Пушкин II, 54; III, 147, 162; IV, 16, 26, 137, 155, 156.
Бобров, В. III, 145.
Бобруйск IV, 132.
Богатов III, 73.
Богачев, Семен IV, 16.
Богданов, А. III, 46.
Богданов, И. Д. III, 46.
Богданова (слес. маст.) II,49.
Богданский III, 90.
Богданович II, 2.
Богданов I, 44.
Богодуховский полк IV, 8, 162.
Боголюбов III, 158.
Богораз (Тан), В. Т. III, 103.
Богуславская III, 16.
Богуславский, А. А. III, 46.
Богучарский II, 64.
Бодиско III, 27, 66.
Боевых (ф-ка) IV, 120.
Бокий (студ.) III, 161.
Болгария II, 61.
Болтунников, В. А. III, 23, 24.
Болхов IV, 72.
Больница св. Николая IV, 112.
Большая Охта (зав.) II, 34.
Большева, Л. М. III, 45.
Бомбей I, 38.
Борейм IV, 32.
Борецкая III, 16.
Борисов II, 91; IV, 114.
Борисоглебск II, 37, 152, 198
Борковский, Кон. III, 123.
Борман, Ж. (ф-ка) II, 36; III, 84.
Бородин III, 60.
Бостанжогло II, 93.
Боярская III, 16.
Бравич III, 142; IV, 38, 60.
Бразоль III, 46.
Браиловский IV, 52.
Бранд, А. (профессор) IV, 109.
Брантинг I, 68.
Бреславль I, 85.
Брестский полк III, 29.
Бретон (депутат) III, 88.
Бриан II, 70.
Брикс (инженер) IV, 112.
Бриллиантов, Михаил III, 84.
Бритнев IV, 114.
Бродков II, 152.
Бродская, К. II, 64.
Бройтман, Э. II, 111.
Брокар (ф-ка) II, 105; III, 62, 63.
Бромлей (завод) II, 103; III, 8, 28, 63.
Бруггер, Е. В. II, 193; III, 1.
Брудный II, 129.
Бруснев I, стр. VII.
Брянск I, 189.
„Буг" (минный транспорт) III, 29.
Будапешт II, 154.
Будберг I, 106; II, 151.
Бузулук I, 91.
Булыгин I, 22, 41, 137; IV, 105.
Бунаков (с.-р.) III, 146.
Бунин (земск. нач.) II, 198.
Бурлаков III, 88.
Бурылина (ф-ка в Иваново-Возн.) IV, 62.
Бурцев II, 94.
Бутикова мануфактура III, 63.
Быков I, 181.

В.

Вагоностроительный завод II, 33, 101, 130.
Вадимов, В. III, 16.
Вакс (апт.) II, 66.
Валин III, 144.
Валк (гор.) I, 13; IV, 73.
Валуев III, 67; IV, 81.
Вальковский III, 158.
Вальян II, 71.
Вансовский (прис. пов.) III, 52.
Варламов III, 101.
Варламов (сыщик) I, 181.
Варшава I, 11, 12, 37, 38, 62, 72, 85, 108, 110, 111, 129, 142, 152, 162, 163, 188, 189; II, 6, 14, 35, 37, 61, 62, 71, 72, 91, 92, 123, 141, 152, 153, 164, 174, 197; III, 18, 27, 40, 51, 52, 73, 83, 101, 102, 136, 160; IV, 7, 39, 51, 62, 71, 77, 103.
Вареновские мастерские II, 100.
Варшавское бюро железнодорожн. союза III, 101.
„Варяг" (судно) II, 106.
Василеостровский гвоздильный завод III, 71.
Васильева-Бош III, 16.
Васильева, Евдокия II, 59.
Васильев, В. II, 107; III, 90.
Васильев (мастер) II, 12.
Васильев (ротмистр) III, 27.
Васильев (слесарн. маст.) II, 49.
Васильева С-я (торг. дом) III, 84.
Васильева и Моцедарского (ф-ка) III, 165.
Васильева (ф-ка) II, 68, 123.
Васильков (гор.) I, 12, 84; III, 103, 158.
Васич (предв. дворянства) IV, 71.
Васнецов I, 39.
Ватаци I, 40.
Вахрамеев (фабр.) II, 53.
Вашингтон II, 38.
Введенский IV, 52.
Вдовин III, 65.
Вежхельд (завод) III, 83.
Вейерман III, 48.
Вельяминов III, 12.
Вец П. II, 107.
Вейценфельд III, 47.
Велитченко II, 52.
Вена I, 39, 111, 187; II, 174.
Венгерова, З. I, 47.
Венгрия I, 187.
Вережников I, 20, 21.
Вересов, В. II, 34.
Вержбинский III, 165.
Вережбицкий, Р. III, 123.
Вернадский I, 86.
Веприк, Н. Л. II, 111.
Веселовский, Б. В. I, 77.
Вестингауз (завод) I, 185; II, 102; IV, 59.
Вестман (генер.) II, 162; III, 138.
Ветров, А. Я. I, 87; II, 10.
Вильна I, 42, 96, 189; II, 15, 72, 109, 111, 141, 142, 197; III, 18, 52, 94, 101; IV, 11, 108, 124, 152.
Вильсон, К. Э. IV, 36.
Вильямс II, 15.
Винавер, М. М. II, 1.
Винавер I, 121.
Винберг, К. В. III, 88, 168, 172.
Винеке (типография) III, 48.
Виндава I, 12; II, 91, 124.
Винный склад № 4 II, 36.
Виноградов, И. III, 145.
Виноградов III, 103.
Винсерский III, 16.
Витте I, 14, 15, 16, 18, 19, 30, 31, 36, 41, 64, 65, 70, 82, 83, 95, 105, 121, 124, 129, 138, 140, 141, 143, 145, 152, 160, 183, 184; II, 3, 6, 7, 9, 13, 38, 41, 42, 57, 59, 60, 61, 64, 65, 71, 75, 83, 87, 100, 116, 119, 126, 156, 157, 167, 168, 172, 191, 192; III, 5, 26, 46, 48, 52, 60, 61, 64, 65, 66, 77, 87, 95, 96, 101, 102, 121, 134, 137, 139, 146, 151, 154, 160; IV, 4, 5, 8, 12, 25, 31, 32, 46, 47, 48, 61, 70, 74, 85, 97, 124, 128, 131, 147, 148.
Витебск III, 9, 75.
Витебская дух. семинария III, 123.
Вишневский (фабр.) II, 126.
Вишняков III, 8.
Владивосток I, 141, 145; II, 6, 153, 154; III, 132; IV, 31, 71.
Владикавказ I, 85.
Владикавк. жел. дор. II, 200.
Владимир (город) I, 11, 61; II, 91; III, 27, 103; IV, 71, 72, 97.
Владимир митропол. II, 151.
Владимиров, А. IV, 110.
Владимиров, М. II, 48.
Владимиров (деп.) III, 169.
Владимиров III, 15, 101.
Владыга (провокатор) IV, 62.
Влоцлавка IV, 40.
Внуч III, 86.
Вогау IV, 10.
Водовозов, В. В. I, 16; III, 43, 104.
Военно-медицинская академия I, 14.
Военно-электро-техн. школа II, 158, 191.
„Воин" (учебное судно) III, 44.
Войнович IV, 133.
Войтинский III, 46.
Волгин, В. I, 35.
Волков II, 126.
Волковский III, 70.
Волковышки II, 91; III, 136; IV, 97.
Волконский II, 7.
Волнухин III, 73.
Вологда II, 6; IV, 75, 76.
Волосово (деревня) III, 53.
Волошенко III, 72.
Волхов III, 9.
Волькенштейн, С. А. I, 77.
Волькенштейн, Л. И. I, 33.
Волькенштейн I, 164.
Вольск I, 38, 94; II, 153.
Волынка (фабр.) II, 34.
Вольтер I, 58.
Вольф (типогр.) I, 71.
Вольфсон II, 66.
Вонлярлярский I, 192.
Воронеж I, 12, 84; III, 7, 95, 102, 103, 132, 158; IV, 31, 52, 73, 84, 95, 151.
Воронина (ф-ка) II, 34, 68, 135, 136; III, 64; IV, 109.
Воронцов, Н. II, 41.
Воронянский II, 152.
Ворошилов, М. III, 90.
Вреде (проф.) IV, 19.
Вронская III, 16.
Врублевский II, 93.
Всехсвятское (село) III, 85.
Втюрин III, 88.

Вунге (мастер) III, 165.
Вязьма I, 31.
Вязники (гор.) II, 199.
Вязьминский, М. М. II, 137.
Вятка I, 131.
Вяткин, К. III, 90.
Вятлинский, Н. И. II, 175.
Выборг, I, 38; IV, 19, 161.
Выборгский металлический завод I, 93.
Высоцкий, Г. И. III, 162.
Высшие женские курсы I, 14, 18.
Вышний-Волочек II, 166; IV, 50.

Г.

Гаванера (зав.) II, 100, 190; III, 114.
Гаврилов III, 118.
Гаврилов (проф.) II, 131.
Гаврилов, А. И. II, 106; III, 90.
Гаджи-Аслан Ашуров III, 113.
Гаевского (типограф.) I, 71, 93; II, 160; III, 15.
Гайдебуров, П. III, 16.
Гаккель II, 55, 66, 134; III, 48.
Галезачурия, П. IV, 132.
Галерный остров (зав.) II, 100, 102.
Галиция II, 14.
Галич, Л. I, 105, 178.
Галынец IV, 52.
Гальперин IV, 83.
Гамалея, А. II, 66.
Гамати II, 192.
Ганешин IV, 52.
Гантке (зав.) I, 165; III, 73; IV, 40.
Гапеев III, 46.
Гапон, Г. II, 192; IV, 81, 112.
Гарелина Ник. (ф-ка) IV, 62.
Гарин I, стр. VII.
Гарри, Н. III, 144; IV, 86.
Гартманский завод в Луганске II, 197.
Гассыло III, 90.
Гаттельсон, А. II, 107.
Гаярова III, 16.
Гвозделательный завод II, 34, 102; III, 141, 166; IV, 80, 154.
Гвоздов, П. I, 169.
Гедда, Е. М. III, 47.
Гейден I, 130, 161; II, 2, 61; IV, 71.
Гейслер (завод) II, 68.
Гелат II, 66.
Гелиос (завод) II, 11, 12.
Геллих (раб.) III, 114.
Гельд, Г. II, 111.
Гельсингфорс I, 12, 26, 38, 85, 109; II, 6, 28, 61, 91, 142; III, 9, 149; IV, 19.
Гельфонц, Л. II, 111.
Генкина, Ол. Мих. III, 156, 157; IV, 62.
Генюк (полковн.) III, 138.
Герард, Н. И. II, 10.
Герасимов III, 27; IV, 137.
Герберц III, 120.
Гергардт (ф-ка) II, 190.
Гергард и Гей (страх. о-во) III, 87.
Герд, В. А. III, 104.
Герман IV, 10.
Гертман, А. Ф. III, 47.
Гершуни I, 34; III, 47.
Герц, Иосиф III, 16.
Герцен III, 82.
Герценштейн, Д. I, 77; II, 66; III, 8.
Герцык II, 74.
Гессе, Ф. Ф. I, 189; II, 16.
Гессен, И. В. I, 41; II, 126.
Гесслера (завод) II, 33, 100; III, 43; IV, 139.
фон-Гефтман III, 89.
Гильдебранд II, 64.
Гиппиус, И. И. II, 12, 34, 35.
Главное артиллерийское управление I, 21.
Главный морской штаб III, 29.
Главное управление по делам печати III, 66.
Главное управление почт и телеграфов III, 67.
Глаголев III, 45, 87.
Гладков (надзират.) I, 180.
Глазов I, 116; III, 81.
Гловацкий III, 16.
Говард (т-во) бумагопрядильная фабрика III, 114.
Говоров (т-во) IV, 31, 111.
Голаевский (красильный завод) III, 15.
Голдовин III, 114.
Голике и Вильборг (типография) II, 67; IV, 55.
Голинг (ф-ка) III, 70.
Голицын, Б. Б. II, 10.
Голицын I, 107.
Голицын, В. А. князь III, 63, 65.
Головин I, 82, 160.
Голубев, Васил. III, 16.
Голубев III, 52; IV, 114.
Голубицкий (полковник) III, 20.
Голуб, Степан (рабоч.) II, 6.
Голутвинская мануфактура III, 28, 63; IV, 120.
Гольчинский IV, 136.
Гольберг (словолитня) II, 49.
Гольберг, Т. III, 90.
Гольдберг, А. П. II, 10; III, 47, 48, 146.
Гольденберг II, 111; III, 105.
Гольдеструтецкая IV 13.
Гольдштейн I, 15, 42, 53, 120, 121.
Гомель I, 160; II, 124; IV, 97.
Гомолицкий II, 125.
Гоппер (завод) III, 28.
Гордин III, 158.
Гордон (аптека) I, 181; II, 55, 66, 102, 134; III, 48.
Гордлевский III, 158.
Горемыкин I, 65.
Горный институт I, 18.
Гороховец III, 103.
Горький, М. I, 10, 15, 83; II, 123, 130.
Готлиб I, 14, 180.
Грабовский III, 88.
Граве, В. В. IV, 145.
Грантман IV, 158.
Гранатный IV, 131.
Грауэрт I, 97.
Грачев (ювелир. маст.) II, 48.
Гребной порт II, 13, 14, 100; III, 115.
Греднигер, Ф. И. IV, 145.
Грелов III, 66.
Греневич (доктор) IV, 50.
Гретер (завод) IV, 7.
Грехова II, 129.
Грибовский (приват-доцент) III, 66.
Григорьев, Егор II, 13.
Григорьев, Иван III, 16, 47, 72, 89, 90.
Григорьянц, С. IV, 143.
Гринблюм IV, 32.
Грингмут (ред. „Моск. Вед.") II, 45, 152; IV, 95.
Гринцейг, В. II, 107.
Гришин, Г. П. III, 16.
Гродко I, 192; II, 3, 142, 143; III, 19, 28.
Грожан, П. А. I, 99, 120, 168; II, 5.
Гросс (ген.-майор) I, 157, 166; II, 97; III, 126; IV, 97.
Гроссен, Г. III, 123.
Груздев IV, 114.
Грузенберг, О. О. II, 10, 94, 191; III, 16.
Грузинский III, 16.
Грузия I, 178, 180, 186; III, 20.
Грязи III, 9.
Губанцы (село) III, 53.
Гужон (зав.) II, 151.
Гука (ф-ка) III, 116, 141.
Гуковский I, стр. VIII, IX и X.
Гульковский (ген.-майор) II, 174; III, 18.
Гурвич, Г. IV, 113.
Гуревич, А. Я. III, 105.
Гуревич, Я. IV, 75.
Гурия I, 190; II, 27, 28, 29, 30.
Гурко III, 11.
Гурская III, 16.
Гурцман (С.-Д. П. Польши и Литвы) III, 73.
Гусаров III, 90.
Гусарский полк III, 45.
Гучков, А. И. I, 11, 40, 86; II, 40, 114, 172; IV, 127.
Гучков, Алексей III, 8.
Гучков, Иван (гор. голова) III, 62.
Гучков, Н. И. III, 85.

Д.

Дабич (командир) III, 121.
Давыдов (офиц.) IV, 84.
Далина III, 16.
Дан, Ф. I, 77.
Данилов, Федор IV, 16.
Даниловская мануфактура III, 62.
Даревский III, 1 8.
Дарский (инж.) IV, 63.
Дарьял III, 16.
Даукин, К. III, 123.
Дашевский, Пинхус III, 89.
Двинск I, 156; II, 35, 75, 199; III, 19, 74, 101.
Двужильный (инженер) III, 26, 86; IV, 31.
Девиль II, 71.
Дедюлин II, 97, 157; III, 138; IV, 108.
Дежанд III, 87.
Дейтлерсен II, 136.
Дементьев, Г. Н. III, 114.
Дементьев (Варинов) III, 101.
Демидова (фабр.) II, 199.
Демидов (Черепов.) III, 103.
Демчинский IV, 32.
Денисьев III, 16.
Де-Плансон IV, 135.
Де-Роберти II, 1, 93, 125.
Дерпт I, 51.
Дерюгин, К. IV, 18.
Десслер, Р. II, 107.
Дешкин III, 118.
Дефонтье (инж.) IV, 112.
Джунковский (ген.) I, 37.
Дзинев, И. А. III, 90.
Дидерихс I, 183.
Диевский, М. III, 16.
Динг, И. Л. (ф-ка) III, 84.
Дитвальд (ювелирн. маст.) II, 48.
Дмитровск II, 37, 90; III, 136; IV, 71.
Доби ш, А. II, 134; IV, 18.
Доброва (ф-ка) III, 8.
Доброва и Набгольц (ф-ка) III, 62.
Добровольский, И. Ю. I, 89.
Добровольский (обер-прокур.) IV, 102, 108.
Добровых (завод) III, 62, 83.
Доброметов, III, 8.
Добронравов, К. И. III, 114.
Добросердова II, 175.
Добротворский II, 54.
Добрянко II, 53.
Довернева, Надежда II, 23, 24, 25.
Долгиков, З. II, 107.

Долгоруков, князь II, 9, 57, 123.
Домашнев IV, 52.
Домбровский, Иосиф II, 13.
Домбровский Р. III, 123.
„Дон“ (завод) II, 199.
Донской 3-й полк IV, 101.
Дорер, В. Ф., граф III, 63.
Дорошевский III, 19.
Дорошенко, Н. В. III, 161.
Дорошенко (студ.) III, 46.
Досужева (сук. ф-ка) III, 63.
Драгомиров III, 161.
Драке (ген.) IV, 21.
Дракиных (ф-ка) IV, 120.
Дратва, Б. III, 90.
Дрюмон III, 17.
Дубасов II, 6; IV, 28, 52, 71.
Дубицкий, Ф. III, 123.
Дубовки I, 162; II, 174.
Дубровин, А. Г. II, 152.
Дужинский III, 158.
Думбадзе (полковн.) III, 102.
Дурдин III, 30.
Дурново I, 29, 40, 65, 162, 189; II, 40, 60, 83, 84, 119, 156, 169, 173; III, 11, 26, 66, 81, 86, 87, 97, 101, 102, 137, 160; IV, 12, 28, 43, 52, 85, 96, 104, 131, 133, 137.
Дутиков (зав.) II, 199.
Дюфлон (завод) II, 68, 123; III, 71.
Дымов, О. II, 132.
Дымина, И. К. II, 97.
Дьяков (почт.-тел. чин.) III, 12; IV, 135.

Е.

Евангулов II, 66.
Евангулов, Е. З. III, 69.
Евдокимов III, 16.
Егерт III, 101.
Егоров III, 73, 101.
Ежов (фабр.) II, 199.
Екатеринбург I, 13, 38, 163; II, 91, 174.
Екатерингофская (ф-ка) II, 34.
Екатеринодар III, 101.
Екатеринослав I, 13, 191, 192; IV, 163.
Екатеринославский полк III, 27.
Елизаров II, 190; III, 136; IV, 32, 33, 72.
Елисаветград I, 12, 84, 85, 110, 163; II, 6, 37, 38; III, 54.
Елисаветполь I, 37; III, 101.
Емельянов (зав.) II, 199.
Енисейск I, 85, 163; II, 62.
Епифанский уезд, Тульской губ. IV, 120.
Еремин II, 50.
Ермоленко, II, 126.
Ермолов III, 26.
Ерофеев, Д. Д. II, 199.
Ерчинский III, 158.
Ефимов, В. III, 90.

Ж.

Жак (ксендз) IV, 40.
Жалдыбин III, 15.
Жарков II, 66; III, 16, 69.
Жемайтис III, 72.
Женева I, стр. VI, VIII.
Жерве (командир) II, 158.
Жеслев (капитан) III, 150.
Живодеров (полковн.) III, 24.
Жилин (свящ.) II, 43.
Жилинский, Василий II, 59.
Жилкин IV, 139.
Жиро (шелк. ф-ка) III, 28, 63.
Житомир I, 110.
Жорес II, 70.
Жуков, В. И. (ф-ка) II, 84.

З.

Завинский III, 101.
Завод военно-врачебных заготовлений III, 17.
Завод Гейслера IV, 80, 81.
Завод Гольберга IV, 110.
Завод Крейтона IV, 109.
Завод пневматич. машин IV, 18.
Завод Сименс и Гальске IV, 112.
Завод Франко-Русского Общества IV, 112.
Завод Эриксон IV, 111.
Загородный, Я. II, 64.
Загребин III, 12.
Задонск I, 111.
Зазукская, Ф. II, 107.
Зазукский, И. II, 107.
Зайцев (ф-ка) III, 84.
Зайцев, Г. II, 41.
Закомельский II, 152.
Закс, А. II, 134.
Закштейн (зав.) II, 199.
Зализа II, 107.
Залкинд (с.-р.) I, 192.
Залога III, 19.
Залуцкий, А. (интернац.) III, 26, 86.
Замятин, А. Н. III, 46, 55.
Запольский III, 72.
Зарецкий, М. III, 123.
Зарудный, А. С. (пр. пов.) II, 193; III, 72, 88, 168.
Зархи, Г. И. (типогр.) IV, 136.
Заславль II, 91, 141.
Засулич, В. I, 77; II, 130.
Захаренко III, 72.
Захаров, А. III, 90.
Захаров, И. В. IV, 36.
Збитковский, Н. III, 123.
Звегинцев (губернатор) II, 176; III, 63; IV, 132.
Зеганд-Дубельд II, 142.
Зезголинский, П. II, 41.
Зеленко, В. II, 177.
Зелинский I, 86.
Зиверт, Л. Ф. IV, 145.
Зилотти (кап.) II, 189.
Зингер (нем. с.-д.) II, 164.
Златоуст II, 6; III, 55.
Золото-канительная фабрика Алексеевых IV, 9.
Золотухин, С. Х. IV, 109.
Зоркон, Ник. (рабочий) I, 120.
Зороглова III, 65.
Зубатов I, 56; IV, 32.
Зукуп I, 187.
Зунделевич, И. И. III, 142.
Зыков (капит.) III, 138.

И.

Иванисов II, 90.
Иванов, А. А. IV, 36.
Иванов, В. Л. I, 33.
Иванов, И. Д. (торг. дом) III, 84.
Иванов, И. Н. III, 20.
Иваново-Вознесенск I, 12, 153; II, 41, 151; III, 103; IV, 62.
Ивановский III, 48.
Игнатьев I, 30; II, 169; III, 103.
Игнатович, Григ. III, 123.
Ижорский Адмиралтейский завод III, 126.
Изаксон, К. II, 107.
Измайлов, К. III, 14.
Иллюнг, Э. А. III, 69.
Ильин, А. А. IV, 36.
Ильин (писарь) III, 115.
Ильченко III, 90.
Ильяченко, П. II, 80.
„Инженер“ (катер) IV, 72.
Инсаров, В. III, 16.
Институт гражданских инженеров I, 18; II, 97.
Инструментально-хирургический завод II, 36, 104.
Иоанн Кронштадтский I, 65.
Иогансен III, 165.
Иоганнесбург I, 112.
Иозуа (раб. телегр. дела) III, 69.
Ионич, Ж. IV, 18.
Иркутск I, 12, 38, 163; II, 61; III, 26; IV, 73.
Ирлатов III, 16.
Исаев, А. А. (проф.) I, 17, 124.
Ишим I, 12.

К.

Кавказ II, 109, 110.
Кагальницкая станица III, 93.
Казань I, 61, 97; II, 37, 38, 72; IV, 31.
Казбек (ген.-лейт.) III, 159.
Казенный завод врачебн. инстр. II, 68.
Казецкий I, 40.
Кайгородов (ген.) III, 124.
Калинин III, 163.
Калинин, В. В. IV, 36.
Калинкин (завод) II, 34.
Калинкинская бумагопрядильная мануфактура II, 102.
Калиш I, 51, 85, 110.
Калуга III, 136; IV, 72.
Камарилья III, 66.
Каменев, Ю. I, 116, 138.
Каменская, К. П. III, 45.
Камышанский II, 157; IV, 145.
Камышин II, 144.
Канов IV, 37.
„Капитан Сакен“ (крейсер) III, 29.
Каплан, А. Я. III, 46, 55.
Капралов, Н. В. IV, 36.
Каракаш, Н. Н. (пр.-доц.) IV, 18.
Караулов II, 62; III, 168.
Карачев (город) IV, 120.
Карбасников II, 64.
Кареев II, 45; III, 99.
Кари IV, 19.
Карлина (типография) IV, 139.
Карманов III, 165.
Карпов II, 65; III, 16, 45, 66.
Карпович II, 64.
Картен (ювел. маст.) II, 49.
Картожинский завод II, 199.
Карточная фабрика (в Петербурге) I, 20; II, 34, 35, 104; III, 145; IV, 6.
Касаткин-Ростовский, князь IV, 84.
Каспари I, 16, 93.
Касперович (ген.) IV, 156.
Касса борьбы рабочих завода Семенова, И. А. III, 91.
Кассовский III, 102.
Катав-Ивановский зав. II, 170.
Катаев II, 129.
Катков II, 173.
Каульбарс I, 96; III, 29; IV, 154.
Каутский, К. I, 49, 77, 105, 175; II, 186.
Кауфман IV, 105
Качаровский II, 79.
Кашира II, 61.

Каянца I, 96, 190.
Квелч II, 15.
Кеворков, В. IV, 143.
Кедрин, Е. И. II, 66, 154; III, 30; IV, 75, 105.
Кейр-Гарди II, 15.
Келлера (завод) III, 83.
Кельцы I, 38, 62, 111, 142; II, 7, 91, 124.
Кемпе (обер-прокурор) IV, 32, 120.
Кербал, Е. III, 142.
Керновский, В. Ф. IV, 10.
Керстен (ф-ка) II, 68.
Кертинг братья (завод) III, 63, 85.
Кетрия, Б. Э. II, 131.
Киао-Чжао II, 125.
Киев I, 10, 11, 13, 38, 51, 61, 85, 109, 130, 163; II, 6, 19, 61, 69, 91, 92, 144, 153; III, 75, 94, 95, 101, 103, 132, 158; IV, 7, 20, 40, 71, 72, 85, 97, 119.
Киенский III, 16.
Кизил-Арват II, 53.
Кик III, 158.
Кипман (зав.) II, 199.
Кирасирский полк III, 45.
Киреева (зав.) II, 199.
Кириков, М. III, 16.
Кириллов, В. II, 41; IV, 55.
Кирпичников I, 14.
Кирсанов I, 37; II, 154; III, 72.
Кирхнер, О. (перепл. фабр. тип.) I, 20, 93, 127; II, 68, 102, 160; III, 15, 119; IV, 6, 55, 138.
Киршбаум (типография) II, 160; IV, 136.
Кирянин, Константин IV, 16.
Киселев, Г. П. IV, 36.
Кисловодск I, 38.
Кисляков III, 114.
Клдиашвили II, 174.
Клейнборт, Л. М. I, 77.
Клейгельс II, 175; IV, 103.
Клейнерман (аптекарь) II, 47.
Клеманский III, 16.
Клемансо III, 17; IV, 91, 92.
Клемчинский, Н. I, 181; II, 42, 43, 57; III, 15.
Климов II, 8, 57, 95.
Клобуков (типография) IV, 136.
Клопицы (деревня) III, 53.
фон-Клуген IV, 75, 95.
Клюсс, Г. IV, 18.
Книпович (губерн.) III, 28.
Кнопка, Григ. II, 43.
Кобеко II, 54, 100; III, 23.
Ковалев I, 14.
Ковалевский (тов. мин.) III, 67; IV, 93, 120.
Ковалевский, Л. П. (пр. пов.) IV, 95.
Ковалевский, М. М. II, 61, 64; IV, 149.
Ковальский III, 101.
Ковна II, 141, 165, 189; III, 28.
Ковров II, 111.
Коган, О. А. I, 77.
Когнов III, 118.
Кожевникова (ф-ка) II, 34; III, 116.
Кожин IV, 139.
Козлов, М. III, 145.
Козлов (ж.-д.) IV, 10.
Козлов (гор.) II, 153.
Козлов (типогр.) IV, 55.
Козловский III, 90.
Козловский, А. И. IV, 36.
Козловский, И. И. IV, 36.
Козорезов, В. А. II, 74.
Козьмин, П. А. (профессор) II, 199.
Козырев, П. III, 16; IV, 16.
Козырева III, 16.
Кок, Андрей IV, 16.
Коковцев II, 58; III, 48.
Коконя I, 61.
Кокошкин, Ф. I, 82, 161; II, 172; III, 153.
Кокушкин II, 44.
Кокчинский III, 158.
Колесников III, 90.
Коллет, Е. А. III, 142.
Колмач (курьер) III, 65.
Коллона-Бэрлинский III, 69.
Колпаков II, 111; III, 66.
Колпино I, 45, 145; III, 126.
Колпинские Ижорские заводы IV, 35, 138.
Коломнинский машиностр. зав. III, 8.
Колонтай, А. М. I, 77.
Колчев III, 65.
Колычев (артист) III, 16, 142.
Кольцов I, 77.
Коморовский, П. Е. III, 63, 73.
Коморов, В. (пр.-д.) IV, 18.
Комзин II, 197.
Компания „Надежда“ I, 183.
Кондратович, В. В. III, 142.
Кондратьева III, 16.
Конинский I, 181.
Кононов II, 146.
Конотоп I, 108.
Константинов (инженер) III, 30, 69.
Константинов (сл. телеф.) II, 66.
Константинова (ф-ка, Москва) III, 28.
Константинополь I, 110; II, 7, 61, 154, 174.
Конституциева III, 24.
Коньков, Владимир II, 41.
Коняев III, 72.
Коппер (зав.) II, 152.
Коппль III, 66.
„Кореец“ (судно) II, 106.
Корецкий II, 129.
Коробка, Н. И. III, 104.
Коробов II, 129.
Коровин I, 39.
Короленко II, 130.
Короткий IV, 32.
Короча II, 91, 153.
Корсакова, В. В. III, 88.
Корф IV, 129.
Косовский IV, 52.
Кострома, I, 13, 38, 84, 110, 163, 164; II, 62, 91; IV, 40.
Котенин III, 47.
Кохановский IV, 31.
Кочешков (раб.) III, 115.
Кочкарев II, 125.
Кочубей III, 139.
Кошкиров II, 123.
Кравцевич II, 49.
Кравчук III, 13.
Крайз, Г. II, 111.
Крайзе (типограф.) IV, 136.
Краков IV, 53.
Краков, П. А. II, 43, 94; III, 16.
Крапивин III, 166.
Красина-Лушникова I, стр. VII.
Красицкий III, 158.
Красноярск I, 142.
Красов II, 65.
Красовский, М. В. I, 180; II, 40, 45, 124, 125; III, 16, 121; IV, 127.
Крашевский (докт.) IV, 40.
Крейтона (завод) IV, 109.
Крейт (зав.) II, 120.
Кременчуг I, 37, 84, 132; II, 153; IV, 71.
Кресты (тюрьма) I, 42.
Крестцы III, 9, 28.
Кржевский IV, 32.
Кржижановский, С. А. III, 121.
Криванек (завод) IV, 7.
Кривенко II, 45.
Кривошлык III, 89.
Кримчевский II, 144.
Кричевский IV, 114.
Кршивицкий, Л. II, 45.
Кромвель I, 113.
Кронштадт I, 38, 39, 47, 60, 61, 62, 99, 100, 109, 110, 117, 119, 184; II, 19, 63, 64, 66; III, 67, 70; IV, 74, 76, 101.
Кротов II, 189.
Кругляков, А. II, 59.
Кручинин, Я. III, 16.
Крушеван I, 11, 40, 121; II, 45, 59, 130; III, 18, 89.
Кушнерев (тип.) II, 172, 199.
Крушевский III, 158.
Крюков III, 16.
Кугель II, 65.
Кузнецов IV, 52.
Кузнецов III, 27.
Кузьмин, В. Г. II, 66, 101.
Кузьмин, Ив. III, 123.
Кузьмин-Короваев II, 75, 93; III, 47, 121; IV, 32.
Кузьминский (сенатор) II, 44; III, 66.
Кузьмич (адмир.) III, 115.
Куколь-Яснопольский II, 74.
Кулаков, Фил. IV, 16.
Кулеша II, 66.
Куликов, П. Я. IV, 36.
Кульбах, Э. IV, 36.
Куракин, А. А., князь III, 63.
Курбатовский завод IV, 20.
Куркино, Тульской губ. (станц.) IV, 120.
Курлов I, 116; III, 12, 48; IV, 74.
Курнин II, 126, 152.
Куропаткин (генер.) II, 153.
Курочкин III, 90.
Курск I, 29, 37, 75, 110, 163.
Курско-Харьково-Севастопольская дорога IV, 10.
Кусково II, 64.
Кутаис I, 37, 38; II, 37.
Кутайсов III, 16.
Кутлер II, 59; III, 46.
Кутно III, 52.
Кушка (станция) III, 100, 102; IV, 31, 32.

Л.

Лавров, П. II, 94.
Лавров (с.-д.) III, 142, 143.
Ладыженская II, 66.
Лазарев, Николай IV, 16.
Лазарев (раб. слесарь) IV, 32.
Лази II, 70.
Лангензипен (завод) II, 68, 100, 123.
Ланин III, 16.
Ланской II, 19.
Ларин, Ю. III, 169.
Ларина III, 16.
Ларионов, II, 36.
Ларионов, В. III, 145.
Ларионов, П. IV, 131.
Латышев (депут.) III, 169.
Латышев, И. IV, 110.
Лаудон IV, 41.
Лауниц (тамб. губернатор) III, 9.
Лафарг II, 69; III, 18.
Лаферм (ф-ка) II, 35, 100.
Лебедев (полковник) IV, 2.
Лебедев, И. А. III, 27.
Лебедев, И. К. II, 66; III, 69.
Лебединский III, 14.
Лебединский полк IV, 8.
Левашев (губернатор) III, 48.
Левенсон и К° (типогр.) III, 27.
Левитин, Г. О. IV, 36.
Левитский, А. П. III, 104.
Левицкий (тов. предс. крест. с'езда) I, 160; IV, 95.

Ледницкий (ген.) II, 102.
Лейземан (фабр.) II, 104.
Лейзерович (предв. черн. сотни) I, 191.
Лейкина (завод) II, 199.
Лейферт, Л. III, 16.
Леман (словолит.) II, 49, 137, 188.
Лемтюжников (дир. ф-ки) III, 145; IV, 114.
Ленин I, 29; II, 33; III, 21, 26, 46, 78, 95; IV, 90, 127, 130.
Леоновы (фабр.) III, 84.
Леонтьев (завод) II, 100.
Леонтьева (полит. заключ.) II, 64.
Леонтьева, Мария III, 72.
Леонтьева, Т. I, 65.
Леонтьев-Кинц, Л. IV, 36.
Лериков III, 88.
Лернер, И. II, 111.
Лерхова II, 35.
Лесман I, 17.
Лесневская, А. II, 66, 162.
Лесневский (инженер) III, 88.
Лесниченко IV, 52.
Лесной-Агафонов III, 144.
Лесной институт в Петербурге I, 16.
Лесснер (зав.) I, 150, 185; II, 12, 34, 68, 100.
Лианов III, 16.
Либава II, 91; IV, 11, 154.
Ливенсон (прис. пов.) IV, 32.
Лигер II, 33.
Лизим III, 101.
Линдер (министр ст.-секр. по делам Финляндии) III, 9; IV, 20.
Линдстрем (ком. полка) III, 159.
Линевич (ген.) II, 126; III, 161; IV, 69.
Липецк III, 158.
Липницкий (ген.) I, 16; III, 14; IV, 112.
Липовский, А. Л. II, 134; IV, 75.
Липяги (село Борисоглебск. у.) III, 6.
Литва I, 188; II, 71, 109, 141, 164, 196; III, 73; IV, 39.
Литвиненко II, 111.
Литвинов-Фалинский II, 36.
Литке (ш.-кап.) II, 137.
Лифляндия IV, 124.
Лихачев (гласный думы) II, 36, 61, 123, 125.
Лихтерман, Я. Н. II, 132.
Лишинский II, 125.
Лобко (генерал) I, 40.
Логинов III, 90.
Лодзь I, 72; II, 14, 72; III, 160.
Ломжа I, 141; III, 160.
Ломковского типография IV, 136, 140.
Лондон I, 13, 38, 39; II, 6, 7, 15, 38, 61, 92, 107, 124; IV, 31.
Лопатин, Герман I, 34, 86, 164, 181; II, 191; III, 168.
Лорис-Меликов II, 94.
Лосицкий, А. Е. I, 77.
Лоранский III, 29.
Лохвица (гор. Полт. губ.) III, 53.
Луга I, 162; IV, 47.
Луганск I, 62; II, 197.
Лукин, М. III, 145.
Луначарский, А. III, 46.
Лутугин. Л. И. II, 10; III, 146; IV, 16.
Луцкий полк IV, 8.
Лучинин II, 129.
Лучинский, Г. А. II, 134; IV, 75.
Любимов (раб.) III, 114.
Люблин II, 174.
Люксембург, Р. I, 77.
Лютш II, 136.
Лященко, П. IV, 18.
Лыжина (ф-ка) III, 28.
Лысенко IV, 112.
Львов (гор.) II, 40; IV, 53.
Львов, князь I, 82.
Львов, А. III, 144.
Львов, В. I, 77.
Львов, Л. I, 15, 119.

М.

Мазуренко I, 160; III, 120, 164.
Майер (ф-ка) III, 70.
Майзель, С. И. (аптек.) II, 47, 96.
Майзель I, 181; II, 43.
Майкарский завод III, 158.
Макар II, 129.
Максимов, Ф. А. IV, 36.
Макаров I, 14.
Македония II, 61.
Маковецкий III, 16.
Маколинский (ком. бригады) II, 142, 143.
Максвель (ф-ка) II, 34, 100.
Максимов, П. IV, 109.
Максимов (зав.) II, 199.
Максимович (ген.-губ.) III, 161.
Малаев III, 48.
Маланин I, 181.
Малахов (слес. маст.) II, 49.
Малоархангельск I, 12.
Малышев-Пожарный IV, 40.
Мальский, Николай III, 16.
Мальцев II, 189.
Мальцев, К. III, 90.
Мамай, Н. А. III, 142.
Мамиконян I, 40.
Манджурия II, 193.
Мануйлов II, 9.
Мануилов III, 8.
Манухин I, 15; IV, 108, 114.
Манухин, С. С. (министр юст.) IV, 137.
Марголин, С. П. III, 88.
Маргулиес II, 66.
Мариенгам I, 36.
Мариинск (гор.) I, 38.
Мариуполь I, 38, 85; IV, 50.
Марк, Фр. (словол.) II, 49.
Маркелов II, 189.
Марков II, 64; III, 72, 147, 167, 168.
Маркс, А. Ф. (типография) III, 116.
Маркс, К. I, 2, 105; II, 57, 177.
Мартен (зав.) II, 199.
Мартов, Л. I, 65, 77.
Мартынов I, 65, 77, 146.
Масарик IV, 91, 92.
Маслов, П. П. I, 77.
Мастерские варшавского вокзала II, 137.
Матвеев III, 66.
Маренинская, С. Д. III, 142.
Матюнин II, 192.
Машиностроительный завод Гоппера III, 63.
Машиностроительн. завод Семенова, И. Л. III, 91.
Машинский IV, 10.
Медем I, 11; II, 7, 172; III, 26, 64, 83, 104; IV, 72.
Мелик-Шахназаров III, 46.
Меллер II, 64.
Меллер-Закомельский (ген.-лейт.) III, 102.
Мельцер (завод) II, 68, 123; III, 70.
Менгер II, 86.
Менделеев, I, 140.
Менделсон II, 58.
Менжинский, В. II, 41.
Меньшиков I, 103; IV, 4, 45.
Мерв III, 53.
Меринг, Ф. I, 77, 105.
Металлический завод Птб. I, 128; II, 35, 100, 190; IV, 37, 73, 158.
Металлический завод Растеряева III, 167.
Метелкин, А. II, 41.
Меус III, 70.
Мешетич (ген.-майор) III, 124.
Мещерский, князь III, 98; IV, 74.
Мец I, 11.
Миклашевский III, 158.
Микульша III, 65.
Милов, Д. Т. IV, 36.
Милюков, П. Н. I, 35, 57; II, 21, 39, 92, 126; III, 99; IV, 61, 128, 129.
Мильеран II, 71.
Мин (генер.) I, 42, 120; II, 59, 66; III, 138; IV, 101.
Минковский, С. Л. II, 155.
Минск I, 61, 109; II, 165, 199; III, 53, 93, 127; IV, 74, 132.
Минская II, 66.
Миньярский (зав.) III, 170.
Миргородский полк IV, 119.
Мирабо I, 35.
Миронова (ф-ка) I, 189.
Мирский I, 139.
Митава I, 37, 62; II, 124.
Митрафанов IV, 36.
Митько III, 68.
Михайлов III, 16.
Михайлов (торг.-пр. газ.) IV, 52.
Михайлов, Е. III, 90.
Михайлова, А. В. III, 133.
Михайловский, В. I, 181; II, 43.
Михайловский Н. Н. II, 134.
Михеев, В. М. II, 40, 41.
Михеев, П. И. IV, 36.
Мехелин, Лео IV, 19.
Михель IV, 32.
Михин (инж.) III, 14, 114.
Михниковский III, 158.
Мицкевич, А. II, 45, 65.
Мишин, Ив. III, 16.
Мищенко (ген.) IV, 71.
Мовшович IV, 139.
Могилев I, 85.
Могилевский Совет Раб. Деп. IV, 87.
Модль (нач. дивиз.) III, 159.
Можан (фр. радик.) III, 17.
Мозырь I, 12.
Моисеенко, Б. Н. II, 64.
Мокиевский II, 66.
Молодятников, Иван III, 23.
Молчанов III, 90.
Мор (директор гимн.) IV, 76, 114.
Моргон II, 58.
Моргунова (ф-ка) III, 28.
Мордвинов III, 16.
Мордвинова, графиня III, 139.
Морев II, 64.
Морель, Э. III, 88.
Морозов IV, 32.
Морозов, Н. I, 181; II, 191.
Морозов, П. Я. II, 40.
Морозовская (ф-ка) II, 166; IV, 162.
Моршанск I, 142; II, 174; III, 102.
Москва I, 10, 12, 37, 38, 40, 42, 62, 83, 85, 86, 105, 111, 124, 141, 160, 162, 163; II, 6, 7, 21, 37, 38, 40, 44, 61, 63, 65, 73, 83, 91, 92, 123, 146, 151, 152, 153, 154, 167, 171, 172, 173, 174; III, 26, 27, 28, 62, 63, 64, 65, 83, 101, 103, 104, 126, 136, 158, 159, 189; IV, 7, 8, 31, 72, 94, 97, 108, 133, 152.
Московский металлический завод III, 28; IV, 60.
Моск.-Винд.-Рыбинск. ж. д. IV, 80.
Мочалин, И. И. II, 193.
Мочалин, Иван III, 68.
Мулюкин IV, 18.
Муравский, И. III, 65.
Муравьев (прис. пов.) III, 88.
Муравьев, Н. В. III, 125; IV, 32.
Муравьев-Вешатель III, 87.

Мурза III, 163.
Муром III, 102.
Муромцев I, 11, 107, 182; II, 125, 172; III, 66, 121, 153.
Мучник IV, 114.
Мурыгин, С. III, 145.
Мякотин III, 146.
Мясоедов I, 191.

Н.

Набоков I, 6.
Набгольц (ф-ка) III, 8, 62, 83.
Навигатор III, 61.
Навроцкий, В. В. II, 130.
Нагель III, 88.
„Надежда" (завод) I, 14.
Надеждина, А. В. II, 64, 65.
Назаров III, 16.
Назаретянц, А. IV, 143.
Назин III, 26.
Накашидзе II, 193; III, 88.
Налетов II, 129.
Нарва III, 145.
Нарвский зав. II, 100.
„Народная Польза" (типография) III, 47; IV, 136.
Народный дом Нобеля IV, 75, 81, 97.
Науман (завод) II, 34.
Наумов IV, 114.
Нахаловка I, 190; II, 17.
Нахичевань II, 199; III, 127.
Небогатов II, 59.
Неволин III, 16.
Невский стеариновый завод III, 63.
Невский, Степан (рабочий) II, 35.
Невский судостроительный завод II, 12, 34, 103, 188; IV, 110.
Негрескуль, М. II, 94; III, 16.
Нежалово-Иванова III, 144.
Нежданов, П. I, 77.
Нейдгардт I, 72, 96, 105; II, 9, 66, 110, 156; III, 170; IV, 20, 154.
Нелидов, Б. IV, 114.
Немешаев (министр путей сообщ.) II, 96; III, 15, 101, 102, 114, 160; IV, 15.
Немировский (Саратов) II, 123, 125.
Немоевский II, 45.
Неплюев (адм.) II, 173; III, 57.
Несвижский полк IV, 133.
Несмелов II, 192.
Нефедов (штабс-капит.) II, 135.
Нечаев (генер.) IV, 162.
Ни (англ. соц.-дем.) II, 15.
Нидермиллер (адмир.) III, 159.
Нижне-Чирская станица III, 93.
Нижний-Новгород I, 13, 110, 154; II, 16, 61, 75, 110, 153, 161, 165, 166, 174; III, 170; IV, 20.
Никитин (проф.) II, 157; IV, 103.
Никитин II, 190.
Никифоров IV, 137.
Никифоров, Самсон IV, 16.
Николай (с.-д.) IV, 140.
Николаев III, 101.
Николаевский IV, 133.
Николаевский Городок I, 155; II, 83.
Николаевская жел. дор. III, 88.
Никольск (гор.) I, 109.
Никольская, О. Я. II, 127, 156.
Никольский (жел.-дор. служ.) II, 44.
Никольский III, 91.
Никольский, В. Б. (юрисконсульт) III, 62, 63.
Никольский, Б. В. (прив.-доцент) IV, 18.
Нитнер (зав.) II, 199.
Нобель (зав.) II, 105, 130; III, 67, 91, 161.
Новая Бавария (завод) II, 100, 189.
Новая Бумагопрядильня (завод) II, 34.
Новгород I, 191; III, 103; IV, 72.
Новгород-Северск I, 12.
Новое Адмиралтейство (завод) II, 34, 36, 100, 102.
Ново-Адмиралтейский порт I, 185.
Новодворский II, 7, 125.
„Новое Время" (типография) III, 49.
Новозыбков II, 53.
Новониколаевск III, 26.
Новороссийск I, 12, 85; II, 174; III, 101.
Новорусский, М. I, 181.
Новоторжский уезд, Тверской губ. IV, 117.
Новочеркасск II, 124.
Новый Арсенал (зав.) II, 100, 190; III, 115, 165; IV, 37, 158.
Норбеков II, 158.
Норвегия, II, 61.
Норман (дир. банка) III, 150.
Норский III, 146; IV, 106.
Носк (шпион) IV, 62.
Носков I, 17.
Носов, Н. Е. IV, 36.
Носовичи II, 53.
бр. Носовых (ф-ка) III, 28.
Нотович, О. К. III, 67.
Нью-Иорк I, 13; II, 137.

О.

Оболенская, княгиня III, 139.
Оболенский, кн. (финляндск. ген.-губ.) II, 10, 59; III, 100.
Обуховский завод I, 19, 68, 95; II, 13, 33, 34, 50, 68, 103, 159; III, 55, 115, 144.
Овсянников, А. И. III, 105, 147.
Овчинникова (ювел. маст.) II, 49.
Огородников, А. Г. III, 142.
Огородников (офиц. Окск. полка) II, 197.
Одесса I, 10, 11, 12, 31, 37, 72, 83, 84, 85, 110, 163; II, 6, 38, 123, 138, 144, 174; IV, 20, 62, 74, 154.
Одинцов II, 153.
Однера (завод) II, 157; IV, 59, 112.
Озолин (завод) II, 33.
Окна (Подол. губ.) II, 111.
Околович, К. И. III, 142.
Окский 239-й полк III, 127.
Октавин-Вепринский III, 16.
Окунев, Н. А. II, 131.
Оленчиков III, 161.
Олейников II, 66.
Олохово (деревня) III, 53.
Олофа (мастерская) IV, 37.
Ольминский, М. III, 46.
Омск III, 26.
Орел III, 102; IV, 71.
Оренбург III, 26.
Орехово-Зуево II, 166.
Оржих, Б. А. I, 33, 141.
Орлов, отец III, 26.
Орлов-Давыдов, В. П., граф III, 63.
Орнатский II, 36.
Орудийный завод (Птб.) II, 34, 36, 179; IV, 37.
Осеев III, 136.
Осипов, А. IV, 153, 154.
Осипов (инженер) IV, 32.
Осипова (завод) III, 167.
Осмачко, Тимофей III, 68.
Остен-Сакен I, 65.
Островец (гор.) II, 164.
Острогорский, А. Я, II, 134.
Остроумов (директ. канц. синода) I, 16.
Остроумова (ф-ка) III, 62, 63.
Охотский полк IV, 162.
Охтенские заводы I, 20; III, 14, 115; IV, 17, 112.
Оцуп (студ.) IV, 63.
Очаков (город) IV, 72.
„Очаков" (крейсер) II, 152, 168, 173; III, 27, 29; IV, 12, 76.

П.

Павлов (дворянин) IV, 53.
Павлов, И. В. III, 144.
Павлов (слес. маст.) II, 49.
Павлов, III, 27, 62, 65.
Павловский (артист) III, 16.
Павловский (полковн.) II, 36.
Павловский (студент) IV, 114.
Павлодар (село) III, 6.
Пален, гр. I, 96.
Паль (фабр.) II, 34, 100; IV, 112.
„Память Меркурия" (крейсер) II, 149; III, 29.
Панин (кондит.) II, 199.
Панин, М. I, 77.
Панашек III, 158.
Пантух, М. З. II, 111.
Пантюхин IV, 110.
Панфиленко I, 65.
Панченко (фабр.) II, 199.
Параделов II, 6.
Парамонов (мельн.) II, 199.
Парвиайнен (завод) III, 140.
Парвус I, 77; III, 98.
Парейский, статский советник III, 137.
Париж I, 13, 16, 38, 39, 65, 85, 110, 112, 185; II, 7, 124, 154.
Парневский, Л. (студент) IV, 13.
Парфененко III, 62, 103; IV, 152.
Пастухов (завод) II, 199.
Пастухов, Н. И. II, 93.
Патронный завод II, 34, 36, 197; III, 141; IV, 112, 139.
Паулиш IV, 72.
Пашкова (типография) III, 27.
Пек (завод) II, 68; IV, 53.
Пекколово (деревня) III, 53.
Пеклие (завод) II, 68.
Пенза I, 12, 163; III, 102.
Переселенков, П. И. II, 74.
Переславль-Залесский IV, 103.
Пермь III, 26; IV, 108, 152.
Пернов II, 39.
Перновский полк IV, 1 3.
Перов, Д. III, 90.
Петербург всюду.
Петербурго-Варшавская железная дорога III, 14; IV, 32, 81.
Петербургская дух. семинария III, 123.
Петербургский металл. завод IV, 109.
Петров, А. В. III, 142.
Петров (матрос) II, 63.
Петров, Н. В. III, 142.
Петров (раб.) III, 73.
Петров, С. I, 189.
Петровские заводы (Екат. губ.) IV, 63.
Петровские мастерские (М.-К. жел. дор.) II, 40.
Петровское (село Тамб. губ.) II, 197.
Петрозаводск IV, 72.
Петроков I, 189.
Петропавловская крепость I, 87, 88; II, 130.
Петропавловский II, 99.
Петрункевич, И. И. I, 160; II, 8, 9, 21, 172; III, 64, 66, 93, 153; IV, 91, 92, 110.
Печаткина (бумажная ф-ка) III, 116.
Печенкин II, 120.
Печора IV, 32.
Пешехонов III, 146.
Пикулов (парт. пр. пор.) IV, 109.

Пилар-фон-Пильхау (рост. градоначальн.) II, 62, 152.
Пиленко II, 45, 130.
Пинрайнен, Микко III, 149.
Пинш (фабр.) II, 105.
Пирогов (инженер) IV, 63.
Пирожков, В. Ф. IV, 35.
Пироксилиновый завод морск. ведомства IV, 111.
Писаревский (адмир.) II, 173; IV, 54.
Питирим (курск. епископ) I, 37.
Пладис II, 107.
де-Плансон III, 29, 30; IV, 16.
Платонов, К. I, 49.
Плахотский IV, 13.
Плеве I, 22, 79, 186, 188; II, 142; III, 65, 84.
Плеханов I, 16, 77; II, 178.
Плонск II, 109.
Плоцк I, 61, 110, 111; II, 72, 154; IV, 51, 71.
Пневматический завод IV, 37.
Победоносцев I, 65, 116, 188; II, 44, 94.
Подвицкий II, 64.
Подгоричани III, 15.
Поднарский IV, 133.
Подновский III, 72, 167, 168.
Подновский (Барышанский) III, 167, 168.
Подол III, 101.
Пожаров (типогр.) IV, 137.
Пожарский, Д. А. IV, 36.
Пожницкий, М. I, 65.
Поздеев, И. Б. II, 74.
Позднеев III, 163.
Позен, Л. В. IV, 145.
Подносенский II, 64.
Подобедово (станция) II, 12.
Покровская мануфактура III, 9.
Покровский, Н. П. (консерв.) IV, 114.
Покровский (с.-д.) IV, 47.
Поленов III, 24.
Полесская жел. дор. IV, 10.
Политехнический институт II, 97.
Половцев, Л. В. II, 189; IV, 155, 156.
Полтава I, 31; II, 29, 91.
Полторацкий II, 9.
Поляков, К. П. II, 43.
Полякова III, 16.
Полянин, М. III, 18.
Польша I, 185, 188; II, 3, 11, 42, 59, 71, 84, 109, 141, 143, 145, 167, 196; III, 51, 73, 87; IV, 39, 62.
Поневеж I, 129, 133.
Пономарев, П. II, 41.
Попов (Иркутск) II, 124, 125.
Попов III, 159.
Попов (раб.) III, 114.
Попов (раб. Невск. судостроит. завода) IV, 110.
Попов, Влад. IV, 16.
Попов, П. (член управы) III, 103.
Попов, Павел IV, 16.
Попов-Миесеров (фабр.) II, 200.
Попрядухин II, 38.
Пороховые заводы (Птб.) II, 36, 102.
Поспелов III, 163.
Поспер, С. II, 45.
Посовецкий (фабр.) II, 172.
Поссе, В. А. (ред.) I, 16.
Поссе (зав.) II, 101.
Поссель (зав.) II, 104, 188.
Потрясаев, В. Н. III, 23, 24, 25.
Праве, Георг. II, 152.
Прасковея (Терск. обл.) II, 124.
Пржигадский III, 158.
Преображенский полк III, 45, 87; IV, 101.
Прессансэ III, 87.
Преско (ген.-майор) IV, 101.
Прибалтийский край I, 186.
Привислинский край II, 42.
Пригоровский, Н. III, 123.
Прозоров, А. М. IV, 36.
Прокопович II, 64; III, 43.
Проппер IV, 128.
Проскуров IV, 77.
Проскуряков III, 40.
Прокофьев I, 180.
Прокофьев (студ.) II, 153.
Прокофьева III, 16.
Пронин IV, 55.
Прохоровская мануфактура II, 166, 172.
Проценко (киевск. гор. голова) II, 7.
„Прут“ (корабль) II, 63.
Псков I, 29, 110; III, 101; IV, 120.
Псковско-Рижская жел. дор. II, 189.
Пуговский, И. А. III, 84.
Пудовкин III, 64.
Пуздранков, В. А. III, 90.
Пултуск I, 189.
Пульман (завод) I, 184.
Пунин, А. М. III, 142.
Путиловский завод I, 95, 149; II, 33, 100, 166, 188; III, 15, 71; IV, 37.
Пшибышевский, Станисл. II, 45.
Пчелин II, 191.
Пырский (штабс-кап.) III, 65.
Пытлевский III, 158.

Р.

Рабизо, Иван IV, 38.
Рабковский IV, 52.
Радин I, 101; III, 46.
Радлов II, 67, 189.
Радом I, 31, 61, 85.
Радченко IV, 10.
Разгильдеев (шт.-кап.) II, 191.
Рак III, 26.
Ралле (ф-ка) II, 126; III, 62, 63.
Растеряев (завод) II, 190.
Расторгуев III, 27.
Рафаилов IV, 90.
Рафаловичи, бр-ья III, 67.
Рахманов III, 27.
Рачковский II, 83.
Ржечицкий, В. М. IV, 36.
Ревель I, 12, 37, 109, 130, 163, 164; III, 132, 137.
Редигер I, 29; III, 66, 101, 102; IV, 32.
Режи (фабр.) II, 100, 103; III, 15.
Резво-Островская мануфактура III, 91.
Резников II, 44.
Резцов III, 30; IV, 16.
Рейсер IV, 32.
Ренерин, Эдуард III, 70.
„Реноме“ (ф-ка) III, 84.
Реформатский (врач) IV, 112.
Решт (гор.) I, 13.
Речица, II, 53.
Речкинский завод II, 33, 100; III, 90.
Рига I, 12, 84, 110, 163, 192; II, 6; III, 148, 171; IV, 72, 73, 124, 154.
Риго-Орловская жел. дор. IV, 10, 72.
Рим III, 125.
Римский-Корсаков (ген.-губерн.) IV, 96.
Рихтер, А. (прив.-доц.) IV, 18.
Ровное (мест.) I, 110.
Рогович I, 155; II, 40.
Рогачевка I, 11.
Родионов II, 6.
Родичев I, 162; II, 7, 8, 21, 123; III, 98; IV, 61, 126.
Рождественский (адмирал) II, 7.
Рождественский, Д. IV, 18.
Рождественские курсы II, 45.
Рожков IV, 46.
Розанов I, 103.
Розенбаум, М. I, 65.
Розенкранц (завод) II, 35, 100; III, 70, 166.
Ройз, Л. II, 111.
Рокк, А. III, 86.
Романов (раб.-путил.) II, 188.
Романов (приказч.) II, 66.
Романов (жел.-дор.) IV, 32, 72.
Ромболово (деревня) III, 53.
Ромашков, В. Ф. III, 16.
Ромны I, 141; II, 111; IV, 7.
Ронковиц (деревня) III, 33.
Росман II, 175.
Росс. Бумагопрядильня (фабр.) II, 100, 104.
„Ростислав“ (броненосец) II, 152; III, 29.
Ростов-на-Дону I, 31, 74, 111; II, 62, 153, 199; III, 127, 136; IV, 31, 51, 118, 132, 136.
Ростов (Ярославск. губ.) IV, 40, 153.
Рощина-Инсарова, III, 16.
Рувье II, 70, 71, 140, 169.
Рудина III, 16.
Руднев (командир) III, 121; IV, 11, 152.
Рузаевка IV, 152.
Руин III, 101, 136.
Румянцев, П. I, 3, 80; III, 46.
„Русское Общество“ (рудник) III, 93.
Руссо I, 58.
Рутковский II, 109.
Рябушинский III, 27, 84; IV, 10, 52.
Рязанов IV, 96.
Рыбинск I, 13, 37.
Рыжов III, 66.
Рысс (завод) II, 199.

С.

Савельев, I, 160.
Савой II, 44.
Садовников, Н. Л. IV, 36.
Садовников-Ростовский, Л. III, 16.
Садовский, П. III, 123.
Сазонов II, 64.
Саксония II, 42.
Сокальский IV, 32.
Сокульский III, 158.
Саламандра I, 183.
Салитан, Ц. II, 107.
Салтыков, А. В. граф III, 63.
Салтыков, С. Н. (изд. „Начало“) I, 77.
Самара I, 38; II, 19, 29, 110, 152; III, 26, 101, 136, 149; IV, 31, 50, 108, 132.
Самба (фр. соц.) IV, 2.
Самарин (директ. зав.) III, 116.
Самойлов, А. III, 90.
Самсонов (наборщик) II, 127, 156.
Самсонов (агит.) IV, 84.
Сан-Галли (завод) I, 45, 128, 150; II, 103.
Сандомир I, 163.
Спб. Варшавская дорога I, 182, 160.
Саратов I, 29, 84, 87, 110, 190; II, 6, 29, 61, 81, 82, 153, 198; III, 7, 102, 158, 165; IV, 7, 41, 74, 83, 96, 97.
Сахаров (ген.-ад'ютант) III, 133, 136; IV, 32, 71.
Сашин III, 16.
Свеаборг III, 124.
Светловский, В. (прив.-доц.) II, 10, 65, 66; III, 142, 143; IV, 18.
Свечин (инженер) IV, 112.
Свидерский (надзир. б-цы) IV, 112.
Свинхувуд IV, 20.
„Свирепый“ (миноносец) III, 29.
Свирского (ф-ка) III, 70.
Святополк-Мирский I, 16; II, 157.
Севастополь I, 163; II, 37, 38, 124, 152, 154, 173; III, 7, 27, 29, 57, 95, 132; IV, 76, 104.

Севастьянов II; 40, 129, III, 45, 47, 67, 137.
„Северный Край“ (типогр.) I, 155.
Севрюк, П. Н. III, 55.
Седлец III, 52.
Селезнев I, 180.
Семба IV, 51.
Семенова (завод) I, 128; II, 102, 123; IV, 59.
Семенович, Н. Л. II, 97; III, 69.
Семеновка II, 53.
Семенов, С. IV, 110.
Семеновский полк III, 44.
Семянниковский завод I, 21, 45, 151, 182, 185; II, 33, 34, 100; III, 15, 55, 87, 91, 114, 169; IV, 110.
Сеньковский, Е. III, 123.
Сераковский, В. III, 16.
Сервирог IV, 114.
Сергеева III, 144.
Сергеева, В. IV, 36.
Сергеев, Иван I, 65.
Сергеев, Н. Г. IV, 159.
Серебряков IV, 139.
Серошевский, В. II, 152, 157.
Сестрорецк II, 53; III, 19, 72, 147; IV, 35.
Сестрорецкий оружейный завод II, 53, 54; III, 43, 114, 147, 148; IV, 35.
Сестрорецкий чугуно-литейный завод III, 167; IV, 35.
Сибирь III, 26.
Сибом Роунтри II, 15.
Сидамон-Эристов (кад.) I, 121.
Сидоренко II, 64; III, 72, 167, 168.
Симбирск I, 110; II, 37; III, 26; IV, 97.
Сименс и Гальске (завод) I, 14; III, 162.
Симоновская ф-ка в Москве I, 11.
Симоновский II, 127, 129, 156.
Симона (ф-ка) III, 63.
Симонов (завод) III, 83.
Симонов (техник) IV, 32.
Симский завод III, 170.
Симферополь I, 12, 109; II, 6, 38, 61, 152.
Сипельщиков II, 144.
Сипицкий II, 48.
Сиц (ф-ка) III, 62, 63.
Скалон (ген.-губ.) I, 152.
Скалон I, 188; II, 14, 109, 141, 157, 191; III, 5, 18, 56, 57, 73; IV, 156.
Скальковский III, 51.
Скаржиско II, 72.
Скопин II, 152; III, 103.
Скроботов III, 67.
Скрыдлов IV, 103.
Слявочинский (капитан) III, 29.
Слепков (почт. чин.) III, 65.
Слепцов (губернатор) III, 48.
Слиозберг (юрисконс. союза фармац.) I, 41; II, 66, 127.
Словолитня Лемана и Бертгольда III, 113.
Смельский II, 50.
Смирнов, В. III, 123.
Смирнов (раб.) III, 115.
Смирнов, Ф. Г. IV, 36.
Смирнова (станция) II, 12.
Смогур, Людвиг IV, 16.
Смоленск II, 37, 91, 126; IV, 72.
Смоленское (село) I, 180.
Смольский, И. П. IV, 36.
Соболев II, 193.
Соболев IV, 37.
Совинский, IV, 52.
Соковнин, Н. IV, 18.
Соколов (инженер) III, 101, 136; IV, 32, 33, 79.
Соколов, П. Д. III, 72, 168.
Соколов (раб.) III, 73.
Соколова (ф-ка) III, 28.
Соллогуб (генерал) IV, 15.
Соловейчик, Д. II, 107.
Соловейчик, Ж. II, 107.
Соловейчик, М. IV, 10.
Соловьев (гор. голова) III, 103.
Соловьев, Д. И. III, 104.
Соловьев, П. П. IV, 36.
Соловьев (пристав) II, 73.
Соляной Городок I, 168; II, 21, 48, 64, 97, 100, 134, 157, 160; III, 40, 144; IV, 11, 75, 106, 107.
Сосновицы (станц.) I, 84, 152; III, 160.
Сосулькин (прив.-доц.) III, 23, 24, 25.
Спасск III, 158.
Спасская ткацкая и бумагопряд. наб. ф-ка II, 13.
Спасо-Сетунская мануфактура III, 64.
Спиро II, 66.
Сперанский, В. (пр.-доц.) IV, 18.
Ставрополь-Кавказск. II, 152.
Ставский III, 16.
Сталь, А. Ф. I, 160; II, 39; III, 104; IV, 153.
Старая Русса III, 171; IV, 97.
Старица I, 162.
Старков IV, 55.
Старобельский полк IV, 8.
Старовер (Потресов) I, 77.
Стародуб II, 53.
Старочеркасская станица II, 73.
Старый Лесснер (завод) III, 116.
Старый Оскол I, 163.
Стахович, А. А. II, 7, 8; IV, 127.
Стахович, М. А. III, 121; IV, 50.
Стеариновый завод II, 34.
Степанов, М. III, 16.
Степанов (офиц.) II, 197.
Стишинский II, 169.
Стойковой IV, 136.
Столярная ф-ка Матвеева IV, 59.
Столыпин I, 58; II, 144.
Стоюнина, М. Н. II, 134.
Стоянов III, 16.
Строков III, 66.
Стромберг IV, 114.
Струве, П. Б. I, 16, 42, 121, 126, 127, 138; II, 123; III, 30, 96 97, 99; IV, 4, 5, 61, 93, 103.
Струков (генерал) IV, 84.
Струк (ф-ка) II, 35; III, 15.
Струмилин, Ст. I, 77.
Стуканов III, 123.
Сувалки II, 141, 174; III, 18.
Суворин, А. С. II, 60; III, 67; IV, 47, 67.
Студжа II, 91, 153, 154; III, 158; IV, 72.
Султан-Крым-Гирей II, 28, 29.
Сумский драгунский полк IV, 133.
Сумы IV, 71.
Сурин, А. III, 16.
Сурин-Арсиков III, 16.
Сурот (мест.) II, 53.
Суслов, А. П. III, 26.
Сутугин III, 158.
Суханов, Н. IV, 110.
Сухих, Н. II, 175.
Сухум I, 38.
Сызрано-Вяземская дорога IV, 10, 72.
Сызрань I, 12, 37, 44, 85; II, 6, 124; III, 9; IV, 7.
Сыромятников (сотр. „Слова“) III, 153.
Сыромятников (фабр.) II, 100.
Сченснович, Евг. III, 123.

Т.

Табурно IV, 4, 45.
Тавтеридзе II, 93.
Таганрог I, 164.
Таганский I, 57.
Тагеев, М. Л. IV, 19.
Тайга III, 26.
Тамбов III, 87.
Таммерфорс II, 142.
Тан I, 31, 60; II, 32, 152.
Тарасово (деревня) III, 53.
Тарле, Е. В. II, 43; IV, 18.
Тарновский III, 158.
Тарханов-Моуравов IV, 12.
Татаринов II, 61.
Ташкент I, 39; II, 110, 151, 152; III, 26; IV, 32.
Тахчогло I, 34.
Тверь I, 62, 106; II, 174; III, 73; IV, 162.
Тегеран II, 124.
Тележников III, 69.
Темир-Хан-Шура I, 108; IV, 7.
Тенишевское училище I, 181; II, 154.
Теодор (завод) III, 92.
Тесленко, Н. В. II, 92; III, 104.
Тешково (деревня) III, 53.
Технологический институт I, 14, 18; II, 97, 157, 194; III, 48.
Тивие (депут.) III, 88.
Тидэ (торг. дом) III, 84.
Тизенгаузен, граф III, 29.
Тизенгаузен, барон III, 52.
Тилемана (мастерская) III, 123.
Тильманс (завод в Петерб.) I, 119; III, 145, 167; IV, 112.
Тимирязев II, 59, 90, 157.
Тимофеев (депут.-печ.) III, 118.
Тимофеев, М. Н. IV, 36.
Типография Золотухина IV, 109.
Типография Мамонтова IV, 96.
Типография Стасюлевича I, 127.
Типография Эрлиха IV, 109.
Тифлис I, 62, 84, 109, 142, 163, 190; II, 17, 27, 29, 154, 174, 175; III, 46, 53.
Т-во Вознесенской мануфактуры Константинова III, 62.
Т-во механического производства обуви III, 41, 71; IV, 37.
Т-во московских металлических заводов III, 63.
Токарев (завод) II, 199.
Токио I, 111; II, 6, 38, 154.
Толлочко II, 97; III, 69, 89.
Толстой, И. И. II, 59, 96; III, 11, 81.
Толстой, П. М. IV, 102.
Томашев I, 163; II, 164.
Томесон II, 140.
Томилин IV, 114.
Томск I, 85, 110; II, 38, 124, 146, 153; III, 26; IV, 154.
Томшик I, 188.
Торба IV, 133.
Тормаз III, 24.
Торнтон (ф-ка) II, 100.
Торопов, Ф. II, 41.
Торчилов (фабр.) II, 34, 69.
Тотово (зав.) II, 105.
Тотомианц, В. Ф. I, 77, 113.
Тояд, Лоран III, 88.
Трепов I, 14, 15, 17, 34, 36, 42, 44, 65, 83, 89, 114, 116, 138, 145, 189; II, 2, 10, 40, 59, 72, 83, 152, 169; IV, 71.
„Три Святителя“ (броненос.) II, 152.
Тригот, М. Н. I, 33.
Триумфальная фабрика II, 100.
Троицкий II, 73.
Трофимов (артист) III, 16.
Трофимов (судостроит. раб.) IV, 110.
Трофимов (учитель) III, 147.
Троцкий (ген.-майор) III, 68.
Троцкий I, 77; II, 148; IV, 25.
Трошин II, 66; III, 163.

Троянова III, 16.
Трубецкой I, 41, 161; II, 59, 125.
Трубочный завод II, 13, 34, 135, 160, 189; III, 15; IV, 81.
„Труд“ (типография) II, 155, 156; IV, 100, 109, 136.
Трусо, А. Ф. IV, 36.
Трындин III, 27.
Тувин III, 84.
Тула I, 10; IV, 73.
Тулон II, 140; IV, 51.
Турау, Е. Ф. II, 96.
Турцевич II, 136; III, 14.
Туторский III, 72.
Тюдор II, 68, 123.
Тэффи I, 9, 32, 114, 177.
Тяньцзин IV, 72.

У.

Уваров III, 90.
Угрюмов, А. III, 16.
Удорин IV, 139.
Уланов, Е. III, 72.
Ульман II, 11.
Ульянов III, 158.
Унеча (гор.) II, 53.
Университет (в Петербурге) I, 18.
Уляновский IV, 13.
Урал II, 198.
Уральский завод „Надежда“ I, 74.
Уранов (жанд. полк.) III, 73.
Урбановский IV, 31.
Урбен Гойе II, 69.
Урванцев, Н. III, 16.
Урусов I, 16, 91; IV, 27.
Усов III, 24.
Усс III, 163.
Усть-Катавский зав. III, 170.
Усть-Медведицкая станица III, 93.
Утинов, Ф. III, 90.
Уфа II, 53.
Ушаков (раб.) II, 36, 130.

Ф.

Фаберже (ювел. мастер.) II, 48.
Фабрика Бликген-Робинсон IV, 73.
Фабрика механическ. производства обуви IV, 73.
Фабрика Хаймовича IV, 73.
Фальборк II, 131; III, 78; IV, 54.
Фальк, Е. (Е. Волоцкая) II, 41.
Фаминцын I, 157.
Фарфель, М. IV, 114.
Фарфоровый завод III, 115.
Федоров, В. А. III, 142; IV, 19.
Федоров, Вас. Фед. IV, 54, 132.
Федоров (тов. минист.) III, 88.
Федоров-Забрежный, В. И. II, 126.
Федорченко Л. II, 41.
Федорченко, О. II, 41.
Федотов II, 193.
Федынский IV, 114.
Фейгин IV, 110.
Фельдман, Г. III, 145.
„Феникс“ (зав.) II, 100.
Феодосия I, 38; II, 74.
Ференбах IV, 112.
Фигнер I, 33, 65.
Филиппов (раб.) III, 90, 115.
Филиппова С-ья (ф-ка, Москва) II, 199; III, 28, 83.
Философов III, 90.
Финляндия II, 10, 52, 142; IV, 19.
Финн-Енотаевский I, 77.
Флотский экипаж 8-й III, 159.
Флотский экипаж 14-й III, 159.
Флотский экипаж 18-й III, 159.
Фой, Н. С. III, 12, 45.
Фомилиант, И. И. II, 95.
Франк (зав.) II, 100.
Франко-Русского общества завод I, 127, 185; II, 64, 67, 189; IV, 158.
Франц-Иосиф I, 21.
Франция II, 70, 139.
Френкель III, 18.
Фредерикс II, 84; III, 162.
Фридберг, Б. Н. II, 65; IV, 136.
Фризендорф IV, 18.
Фроленко, М. I, 181.
Фрумкина, Фрума III, 47.
Фурса II, 64.

Х.

Хаймовича (завод) IV, 37, 115.
Харбин II, 193.
Харчев (фирма) III, 1.
Харьков I, 50; II, 17, 37, 52, 61, 62, 124, 126; III, 26, 171; IV, 8, 9, 142, 143.
Хацкелевич IV, 114.
Хвостов, А. А. I, 64.
Хвостов (ген.-губ.) I, 42.
Хвостов (проф.) I, 86.
Хворостов III, 16.
Хетсон I, 12.
Хлодовский II, 74.
Хмельницкий III, 66.
Хованщина (село Сарат. губ.) III, 133.
Холм II, 84.
Холчев I, 126.
Хомутов II, 72.
Храловский III, 158.
Храповицкий III, 19.
Хреновский III, 45.
Хрипунова I, 34.
Хрусталев-Носарь I, 93; II, 155; IV, 11, 13, 33, 47, 81, 96.
Хрящов II, 158.
Хублар, Леон III, 16.
Худеков II, 45.

Ц.

Царев III, 102.
Царицын I, 110; II, 38; III, 62.
Царскосельский уезд III, 149.
Царство Польское I, 124, 129, 152, 189, 197; II, 13, 35, 45, 61, 62, 65, 72, 98, 123, 125, 126; III, 18, 52, 56; IV, 11, 40.
Цейтлин II, 64.
Целерицкий, В. III, 16.
Цикорная фабрика Когана IV, 31.
Циммерман III, 16.
Циндель (ф-ка) III, 8.
Цубе (мастер) III, 145.

Ч.

Чаплин III, 159.
Чарнолуский III, 78.
Чебыкин III, 46.
Челноков I, 108, 111.
Челябинск I, 162; II, 198.
Чемодуров III, 62.
Ченстохов II, 141, 165; III, 73.
Чепелевецкий (ф-ка) III, 63.
Черашкин (сл. маст.) II, 49.
Черепанов, В. Б. III, 142.
Черепнин, Николай III, 123.
Череповец, Новгородск. губ. IV, 63.
Чернигов I, 12, 108; II, 6; IV, 118.
Чернобородов IV, 32.
Чернобров III, 90.
Черногородцев II, 189.
Черный-Яр, Астрах. губ. III, 136.
Черных II, 129.
Чернышев, И. I, 77.
Чечерск II, 53.
Чешер (ф-ка) II, 34, 136.
Чижевский (инженер) IV, 112.
Чижов, А. И. II, 66; III, 69.
Чириков, Е. I, 7, 35; II, 104, 152; IV, 157.
Чистополь I, 110; III, 136; IV, 31, 71.
Чита I, 142, 162, 164; III, 26; IV, 36, 73.
Чистяков II, 36.
Чихачек IV, 113.
Чубыкин III, 17.
Чудовский портланд-цементный завод III, 91.
Чулицкий IV, 94.
Чумаков III, 103.
Чунихин III, 91.
Чураков I, 65.
Чурбанов, В. III, 90.
Чухнин (адмирал) III, 29, 57, 161.

Ш.

Шабельский III, 16.
Шабранский (городов.) IV, 62.
Щавли I, 129.
Шадринск I, 84.
Шаломов III, 103.
Щалон (гор.) II, 69.
Шаманин I, 65.
Шаманский (капитан) IV, 152.
Шанхай II, 7, 175.
Шаповалов, Михаил IV, 38.
Шаптала, Е. III, 87.
Шарапов, А. О. IV, 36.
Щатилов II, 141; III, 73.
Шафир II, 66.
Шах, М. М. I, 180.
Шаховский IV, 95.
Шац (пряд. завод) II, 34.
Шварц I, 11, 108; III, 163.
Шведов, П. Н. II, 199.
Швецов III, 73.
Щебельская, А. III, 67; IV, 93, 94, 120.
Шебуев, П. Г. III, 88; II, 157; IV, 12.
Шейн (шт.-кап.) II, 173; IV, 54.
Шелгунов II, 151.
Шелдовицкий (свящ.) II, 166.
Шепелец II, 34, 131; III, 63.
Щереметев III, 27.
Шиллер, П, II, 131.
Шиллеров, В. И. II, 64.
Шиляев II, 129.
Шиперович II, 66.
Шипов, Д. И. I, 40, 41, 86, 95, 108, 111; II, 39, 59; III, 121; IV, 50, 127, 129.
Ширинский-Шахматов, А. А. I, 16; III, 63.
Ширяев, В. П. II, 40.
Шитке (механ.) IV, 112.
Шлиссельбург I, 34, 87, 88, 181; II, 130; III, 139.
Шлявас (околоточн.) III, 139.
Шмаков II, 144; III, 85.
Шмидт, Д. Г. III, 88.
Шмидт, П. П. (лейтен.) II, 129, 168, 173, 177; III, 27, 29, 57; IV, 12, 65, 72, 76, 137.
Шмелев II, 199.
Шмулевич, П. К. II, 169.

Шнапир, О. М. III, 11.
Шнитников III, 30; IV, 135.
Шоф II, 66.
Шраг II, 123, 125.
Шредер (ф-ка) II, 68, 159; III, 15.
Шрекник IV, 12.
„Штандарт“ (яхта) IV, 74.
Штиглиц (завод) I, 150; II, 34, 69, 135.
Штуде (мастерские) II, 68.
Шуан-Чен-Пу II, 153.
Шуберт (ювел. маст.) II, 49.
Шукерт (зав.) I, 14.
Шулятиков II, 124.
Шульман, К. (ссыльн.) I, 65.
Шульман, Н. А. III, 14.
Шумахер I, 187.
Шуя III, 103.

Щ.

Щегловитов (мин. юст.) I, 64; II, 32.
Щедрин I, 32.
Щедровицкий (учитель) IV, 73.
Щенкин (гл. моск. думы) I, 30, 160; II, 9, 125.
Щербаков (нач. службы движения) II, 190; III, 101.
Щербаков, Михаил III, 123.
Щербатов, князь III, 16, 62, 63.
Щиты II, 16.
Щукина (ф-ка) III, 8.

Э.

Эберт (ген.-лейт.) II, 153.
Эйнем, т-во III, 84.
Эйтинский IV, 73.
Экваль (зав.) II, 102.
Экспедиция заготовления государственных бумаг I, 95, 145 181; II, 36, 102, 104.
Элленбоген (австр. с.-д.) IV, 1.
Эльдинова I I, 16.
Эльяшевич IV, 149.
Энгель, В. А. (студ.) III, 46, 55.
Энгельс I, 2, 105.
Эпштейн, В. Н. II, 40, 41.
Эриксон (ф-ка) II, 34, 136.
Эрлиха (типография) IV, 136.
Эстергази III, 15.
Эстляндия IV, 124.
Эттингер (издатель) III, 11.
Эттингера (типография) IV, 136.

Ю.

Юго-Восточная дорога IV, 10.
Юго-Западная дорога IV, 10.
Южно-Русский завод IV, 7.
Юзовка I, 37.
Юнковский III, 158.
Юргенсон, Г. В. II, 142.
Юрезань (завод Уфимск. губ.) II, 166.
Юрьев (гор.) I, 12, 109, 164.
Юрьев-Польский III, 102, 158; IV, 97.
Юшкевич, С. I, 77.

Я.

Яблонского (типогр.) I, 183; IV, 55, 136.
Явейн I, 10; II, 131; III, 11.
Яворская, Лидия III, 16.
Языкова, Вера II , 16.
Яковицкий III, 158.
Яковлев, В. I, 157.
Яковлев, Кондрат III, 16.
Яковлев (командир) III, 121.
Яковлев (проф.) II, 157.
Яковлев (рабоч. деп.) III, 165.
Яковлев, С. IV, 18.
Якубович-Мельшин I, 123, 181.
Якутск I, 37.
Ялгубцев I I, 144.
Ялта II, 124, 153.
Ямбург III, 52.
Янжул, И. И. (проф.) III, 133; IV, 8, 109.
Яни, т. д. (ф-ка) III, 84.
Янковский, П. К. II, 45.
Яновский II, 155; III, 146.
Япония II, 81.
Яранск IV, 51.
Ярославль I, 155; II, 29, 41, 53, 124; III, 87; IV, 31. 83.
„Ярославского Вестника“ (типография) I, 155.
Ясинский II, 129.
Яснов, Иосиф III, 70.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]).

I. Программа и тактика Р. С.-Д. Р. П.

1. Программный вопрос.

I, 24, 26 (Программа Р. С.-Д. Р. П., принятая на II с'езде); II, 181—183 (И. Г-г, „К постановке аграрного вопроса"); IV, 57 (Конференц. сев. комитетов); IV, 130, 131 (Ларионов, „В устойчивости сила"); IV, 146, 147 (Ленин, „Социализм и религия").

2. Вопросы тактики.

а) Задачи пролетариата в русской революции.

I, 1 (передовая статья); I, 54, 55 (Б. Радин, „Об организации"); I, 157 (Политич. забастовка и организ. пролетариата); II, 145, 146 (Н. Ленин, „Неудавшаяся провокация"); II, 177—181 (Каменев, „О гегемонии пролетариата и о задачах партии"); III, 95, 96 (Ленин, „Умирающее самодержавие и новые органы народной власти"); IV, 23—25 (Луначарский, „Социальная революция"); IV, 57 (Конфер. северн. комитетов); IV, 125—127 (Ленин, „Социалистическая партия и беспартийная революционность").

б) К легализации партии.

I, 100 (От редакции); I, 168 (ст. Гвоздевой); II, 199 (Двинск).

в) К об'единению партии.

I, 3 (П. Румянцев, „Большинство и меньшинство"); I, 57, 58 (Русская печать); I, 104—109 (Рядовой, „К делу об'единения"); I, 126 (Резолюция Иваново-Вознесенск. Комитета Р. С.-Д. Р. П.); II, 6 (О Совете Рабочих Депутатов); II, 30—32 (К созыву IV с'езда Р. С.-Д. Р. П.); II, 69 (Из партийной жизни); II, 147, 148 (Пролетарии всех стран, соединяйтесь); III, 120 (К об'единению партии Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.); III, 130—132 (А. Богданов, „Опасный путь"); II, 139 (Из партийной жизни); III, 140 (Собрание заводск. комитета Выборгского района); III, 163, IV, 14 (Из партийной жизни); IV, 34 (Орг. Ком., П.К. и П. Г. Р. С.-Д. Р. П.); IV, 35 (Двинск); IV, 46, 47 (Редакция „Борьбы" стоит на точке зрения); IV, 55, 56 (Из партийной жизни); IV, 57 (Конференция северных комитетов); IV, 73, 74 (К общепартийному с'езду); IV, 77, 78 (Из партийной жизни); IV, 149 (Нам пришлось сегодня полемизировать с газетой); IV, 73 (Алексинский, „К общепартийному с'езду"); IV, 150, 151 (Очередной с'езд или об'единительный?).

г) Партийные с'езды.

I с'езд Р. С.-Д. Р. П. II, 147.
II с'езд Р. С.-Д. Р. П. II, 33, 147, 181, 182; III, 77.
III с'езд Р. С.-Д. Р. П. I, 58, 108, 115, 137; II, 32, 57, 77, 171; III, 37, 63; IV, 130, 131.
К IV с'езду Р. С.-Д. Р. П. II, 30—32, 129, 149, 162; IV, 56, 87, 134, 150.

д) Р. С.-Д. Р. П. и Государственная Дума.

II, 2, 3 (Н. Рожков, „О реальной политике"); II, 57 (Ю. Каменев, „Две демонстрации"); IV, 58 (Госуд. Дума — Конференция сев. комитетов); IV, 149 (Нам пришлось сегодня полемизировать с газетой товарищей-меньшевиков).

е) Р. С.-Д. Р. П. и либеральная буржуазия.

I, 1 (передовая статья); I, 6 (Русская печать); I, 79, 80 (П. Румянцев, „Полемика"); I, 101 (Алексеев, „О внеклассовой лжи и классовой истине"); I, 137, 138 (Ю. Каменев, „Они становятся решительней"); II, 55 (П. Румянцев, „Задачи дня пролетарского движения"); II, 56 (Ю. Каменев, „Две демонстрации"); II, 57 (Русская печать); II, 167, 168 (Румянцев, „Сделки буржуазии с правительством"); III, 77, 78 (Ленин, „Революционная канцелярщина и революционное дело"); III, 95, 96 (Ленин, „Умирающее самодержавие и новые органы народной власти"); III, 96, 97, 98 (А. Богданов, „Г-н Струве и политическое благородство"); IV, 58 (Отношение к либералам—Конфер. сев. комитетов); IV, 66, 67 (Русская печать); IV, 87, 88, 89 (А. Луначарский, „Капитализм и социализм"); IV, 90 (Русская печать); IV, 125—127 (Ленин, „Социалистическая партия и беспартийная революционность").

ж) Р. С.-Д. Р. П. и партия радикалов.

II, 116—120 (Козырев о радикальной партии).

з) Р. С.-Д. Р. П. и „правительственные реформы".

I, 136, 137 (К. П-ов, „Три сатрапии"); I, 138, 139 (Б. Радин, „Маска сброшена"); I, 140—142 (Русская печать и А. П., „Впечатления"); I, 143 (Л. Львов, „Иные речи"); I, 158 (Послабление крестьянам); II, 89 („Свободы", проектируемые правительством); II, 169 (Русская печать); III, 81, 82 (И. Орловский, „Признаки благонамеренности"); III, 134 (Правительство искренности); IV, 43, 44 (П. Румянцев, „Реакционные покушения"); IV, 68, 69 (Негодные средства); IV, 70 (Покушения на свободу стачек); IV, 71 (Самое легкое дело); IV, 124, 125 (Алексинский, „Госуд. Дума в Прибалтийском крае").

и) Р. С.-Д. Р. П. и прогрессивная экономическая партия.

II, 22 (М. П. „Политическая партия капиталистов").

[1]) Настоящий указатель, посвященный вопросам программы, тактики, агитации, пропаганды и организации, составлен на основе руководящих статей и партийной хроники.

к) Р. С.-Д. Р. П. и профсоюзы.

I, 92, 93 (Хрусталев, „Профессиональные союзы“); I, 168—175 (Борисов, „О профессиональном движении и о задачах соц.-демократии“); III, 78—80 (И. Г., „К учительскому с'езду“); III, 108, 111 (Ю. Леонидов, „К вопросу о профессиональных союзах“); III, 126 (Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П.); IV, 58 (Конфер. сев. комитетов); IV, 65, 66 (Ю. Адамович, „Профессиональное движение и социализм“); IV, 77 (Резолюция Курского Комитета Р. С.-Д. Р. П.).

л) Р. С.-Д. Р. П. и Совет Рабочих Депутатов.

I, 13 (К вопросу о Совете Депутатов); I, 69 (Из партийной жизни); I, 100, 101 (Б. Радин, „Совет Рабочих Депутатов или партия?“); I, 125 (Резолюц. Невск. Районн. Комит. П. К. Р. С.-Д. Р. П.); I, 128 (Резолюция рабочего митинга на заводе Семенова, Спб.); I, 139, 140 (Н. Менделеев, „К вопросу о Совете Рабоч. Депут.“); I, 166—168 (П. П. Гвоздев, „Социал-демократия и Совет Рабочих Депутатов“); I, 169—171 (Рабочий К. Д., „О Совете Депутатов“); II, 49 (Невский Районн. Комитет Р. С. Д.-Р. П); III, 25, 26 (Ленин, „Учитесь у врагов“); III, 152 (Ленин, „Социализм и анархизм“); IV, 58 (Конференц. северн. комитетов по вопросу о Совете Рабоч. Депутатов).

м) Р. С.-Д. Р. П. и с-р.

II, 24 (Мелкобуржуазный и пролетарский социализм); III, 10 (К аграрному вопросу); III, 155, 156 (И. Г., „Несколько слов «Сыну Отечества»“); IV, 3, 4 (Русская печать).

н) Р. С.-Д. Р. П. о вооружении пролетариата.

I, 3, 4, 5 (Самойлов, „О народной милиции“); I, 28 (И. Г-г, „Какая милиция?“); I, 30, 31 (Галич, „Доверяем только милиции“); I, 77, 78 (По поводу событий в Кронштадте).

о) Р. С.-Д. Р. П. о крестьянском вопросе.

I, 53, 54 (Ближайшие задачи в деревне); I, 91 (Конференция по аграрному вопросу); I, 92 (Организация работы в деревне); I, 102 (Русская печать); II, 21 (П. Румянцев, „Два с'езда“); II, 23—26 (Мелкобуржуазный и пролетарский социализм); II, 77, 78 (Ленин, „Пролетариат и крестьянство“); II, 78—80 (Б. А., „Осуществим ли общий передел земли?“); III, 1, 2 (П. Румянцев, „Крестьянский союз“); III, 10 (К аграрному вопросу); IV, 14 (Крестьянство и аграрная программа); IV, 57 (Конф. северн. комитетов об отношении к крестьянскому союзу); IV, 130, 131 (Ларионов, „В устойчивости сила“).

п) Р. С.-Д. Р. П. о работе в армии.

I, 171—174 (Самойлов, „Революция и армия“); II, 168, 169 (Ленин, „Войска и революция“); III, 132 (Революция и армия); IV, 58 (Конфер. сев. комитетов о работе в войсках).

3. Организационный вопрос.

I, 171 (К вопросу о реорганизации партии); II, 32, 33 (Н. Ленин, „О реорганизации партии“); II, 149, 150 (Ленин, „О реорганизации партии“); III, 67 (П. К. Р. С.-Д. Р. П., Из партийной жизни); III, 111, 112 (Семянниковский подрайонный комитет); III, 140, 141 (Из партийной жизни); IV, 33—36 (Проект устава Спб. организаций Р. С.-Д. Р. П.); IV, 56, 57 (Резолюция об'единенного собрания Бакинск. Комитета и Союза бакинских рабочих Р. С.-Д. Р. П.); IV, 77 (Из партийной жизни); IV, 99, 100 (И. Б., „К проекту переустройства местной организации“).

4. Агитация и пропаганда.

I, 147 (От учредительного собрания об'единенных пропагандистской и агитаторской коллегий Невского района); II, 75 (Нижегородский Комитет „большинства“); II, 120—123 (Алексеев, „Как организовать агитацию?“); II, 137 (Коллегия агитаторов Невского района); II, 183—185 (Федорович, „Роль пропаганды и ее постановка“); III, 10 (Программа к статье „Пропаганда и ее организация“); III, 42, 43 (Агитация в Выборгском районе); III, 140, 141 (Василеостр. Районн. Комитет П. К. Р. С.-Д. Р. П.); IV, 14, 45 (Пропаганда и агитация в Василеостровском районе).

Партийная печать. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Ближайшие требования и конечная цель, IV, 56.
В бой за свободу IV, 56
В ожидании успехов IV, 56.
Война и революция (ч. 1-я и 2-я) IV, 56.
Война и революция (ч. 3-я) IV, 56.
Война против войны IV, 56.
Всеобщие стачки на Юге IV, 56.
Всенародное Учредительн. Собрание IV, 56.
Две Европы IV, 56.
Задачи революц. молодежи IV, 56.
Извещение о конференции IV, 56.
Извещение о III с'езде IV, 56.
Извещение о II с'езде (листок Р. С.-Д. Р. П.) IV, 56.
Извещение о II с'езде (брошюра) IV, 56.
„Искра“ № 53 IV, 56.
„ № 54 IV, 56.
„ № 55 IV, 56.
„ № 59 IV, 56.
„ № 60 IV, 56.
„ № 61 IV, 56.
„ № 62 IV, 56.
Какое страхование нам нужно IV, 56.
Красное Знамя IV, 56.
Крестьяне, к вам наше слово IV, 56.
Кто должен победить? IV, 56.
Купля-продажа IV, 56.
К гражданам по поводу манифеста 18 февраля IV, 56.
К гражданам IV, 56.
К деревенской бедноте IV, 56.
К партии (листок о III с'езде) IV. 56,
„К русскому народу“ (листок Минской Группы Р. С.-Д. Р. П.) III, 93.
К товарищам по партии IV, 56.
К товарищам по поводу казни Плеве IV, 56.
„К солдатам“ (лист. Минск. Гр. Р. С.-Д. Р. П.) III, 93.
Ко всем гражданам России IV, 56.
Ко всем рабочим и работницам IV, 56.
Ко всем российск. рабочим IV, 56.
Либералы. и пролетариат IV, 56.
Листок Киевской военной организации Р. С.-Д Р. П. IV, 20.
Манифест комм. партии IV, 56.
На 1 мая (песенник) IV, 56.
Наши задачи (листок) IV, 56.
Новая мобилизация IV, 56.
Новые царские милости IV, 56.
Об'единение буржуазн. домократии IV, 56.
Одна, а не две палаты IV, 56.
О войне с Японией IV, 56.
Они заговорили IV, 56.
Открытое письмо IV, 56.
Первое мая IV, 56.
Первое мая (листок) IV, 56.
Первый шаг IV, 56.
Политическое обозрение IV, 56.
Порт-Артур и Ляоян IV, 56.
Правда о войне IV, 56.
Пролетарский праздник IV, 56.
„Рабочий“ № 2 IV, 56.
Рабочее дело в России IV, 56.
Речь Гольдмана IV, 56.
Самодержавие на скамье подсудимых IV, 56.
Самодержавие царя или самодержавие народа IV, 56.
„Северо-Западн. Край“ (листок Р. С.-Д. Р. П. в Двинске) II, 75.
Сердечный циркуляр IV, 56.
Слово и дело самодержавия IV, 56.
„Соц.-Демократ“ № 2 IV, 56.
„ № 3 IV, 56.
Три конституции IV, 56.
Царская казна и народный карман IV, 56.
Царь-последыш IV, 56.

II. Революционное движение и действия правительства [1]).

Б.

Борьба за 8-часовой рабочий день I, 21, 44, 66, 70, 87, 94, 99, 127, 131, 146—151, 182, 184; II, 13, 33—36, 68, 69, 100—103, 127, 135, 136, 145, 155, 156, 159, 188, 195, 199; III, 42, 62, 63, 70, 71, 85, 87, 91, 92, 114, 141, 170; IV, 15, 60, 80, 118.

Борьба за отмену смертной казни I, 119, 147, 150, 184, 185; II, 63, 152; III, 102, 136, 146; IV, 10, 73, 117, 132, 137.

Борьба за реформу армии I, 171—174; II, 168; III, 2, 3, 4, 68, 98, 124; IV, 69, 70, 132, 142, 143.

Борьба за свободу печати I, 2, 29, 112, 113, 123, 145, 147; II, 44, 152; III, 9; IV, 53.

Борьба за созыв Учредительного Собрания I, 20, 28, 40, 54, 92, 133, 146; II, 2, 9, 29, 35, 39, 61, 72, 82, 91, 98, 99, 113, 126, 127, 154, 159; III, 19, 53, 62, 63, 64, 77, 94, 104, 152; IV, 9, 108, 118, 132.

Бойкоты:
- Бойкот водке и пиву III, 116.
- Бойкот инженеру Толочко III, 89.
- Бойкот казенной продаже питей III, 90.
- Бойкот лавочнику Шувалову III, 167.
- Бойкот „Московскому Листку“, „Русскому Листку“, „Московским Ведомостям“ IV, 9.
- Бойкот Исполн. Комитета Совета Рабочих Депутатов фирме Харчевых III, 1.
- Бойкот ф-ке Лаферм II, 157; III, 16.
- Бойкот инженеру Михину III, 114.
- Бойкот командиру полка Кузьмичу III, 115.
- Бойкот, об‘явленный служащими почтамта Фою и Карпову III, 45.
- Бойкот, об‘явленный Учительским Забастовочным Комитетом по поводу увольнения Бруггер, Е. В. III, 1.
- Бойкот провизору Гринблат III, 160, 161.
- Бойкот „Русскому Слову“ и „Русским Ведомостям“ IV, 8—10.
- Бойкот инженеру Гроссу II, 97; III, 126; IV, 16, 35, 138.
- Бойкот аптекам Гордон и Гаккель II, 55, 64, 107, 127, 134, 159.
- Бойкот союза приказчиков, об‘явленный магазинам IV, 145, 146.
- Бойкот фирмам, посылающим служащих на почтамт за корреспонденцией IV, 8.

Буржуазное либеральное движение I, 3, 6, 160, 161, 163; II, 1, 7, 9, 44, 45, 46, 52, 95, 167; III, 52, 154.

В.

Вооруженные восстания I, 77, 118; II, 9; III, 95, 98, 101, 102, 103; IV, 73, 89.

Вооруженные выступления I, 22, 45, 46, 73, 87, 96, 181, 189; II, 17, 18, 19, 82, 83; III, 11; IV, 142, 154, 161, 162.

Г.

Городские думы I, 11—13, 16, 31, 62, 63, 112, 118, 131, 163, 174; II, 6, 16, 38, 46, 52, 57, 60, 61, 72, 75, 95, 110, 124, 144, 167; III, 18, 28, 29, 30, 86, 103, 136; IV, 8, 9, 31, 96.

Государственная Дума I, 27, 41, 43, 106, 131, 133, 160; II, 39, 126, 154, 155, 168; III, 26, 104, 121, 151, 152, 170; IV, 13, 31, 41, 75, 85, 124, 125.

Государственный Совет I, 15, 16, 64, 122; II, 192; III, 130; IV, 44.

Д.

Движение в армии и флоте I, 47, 60, 61, 64, 67, 77, 78, 117, 118, 185; II, 14, 37, 59, 63, 64, 74, 75, 87, 88, 106, 110, 133, 142, 143, 149, 151, 152, 158, 173, 193, 194; III, 7, 8, 11, 15, 19, 27, 44, 45, 66, 68, 69, 87, 94, 95, 101, 103, 121, 124, 125, 132, 136—138, 159, 160; IV, 8, 9, 11, 20, 21, 33, 40, 51, 54, 72—74, 84, 85, 101, 103, 133, 137, 138, 142, 143, 154, 156, 161—163.

Движение среди учащихся в духовных семинариях II, 132; III, 123; IV, 18, 38, 71.

Движение среди учащихся средних учебных заведений I, 97, 165; II, 97, 98, 132; III, 9, 67; IV, 40, 75, 76, 102, 114.

Движение среди полиции II, 43, 134, 175, 176, 197; III, 49, 61, 88, 116, 117, 138; IV, 36, 113, 119, 154.

Движение среди чиновников I, 14, 40, 42, 44, 50, 108, 143, 145, 162; II, 47; III, 66; IV, 95.

Действия правительства и отклики на них:
- Аресты I, 129; II, 127, 149, 157, 164; III, 5, 8, 18, 27, 44, 45, 52, 64, 68, 73, 87, 103, 121, 139, 163; IV, 8, 10, 31, 32, 33, 40, 54, 55, 59, 132, 133, 135, 158.
- Арест бюро крестьянского с‘езда II, 152—172; III, 64, 104.
- Арест бюро крестьянского союза III, 1, 26, 27, 134; IV, 53.
- Арест депутатов почтово-телеграфн. с‘езда III, 65.
- Арест лейтенанта Шмидта III, 27; IV, 60.
- Арест Хрусталева-Носаря IV, 23, 52, 53, 59, 73, 78, 80, 81, 107, 109, 110, 131, 132, 134, 136, 137, 140, 150.
- Арест членов боевой организации III, 72.
- Арест членов Центрального Бюро почтового союза III, 103.
- Военный суд над Марковым III, 146.
- Закон 6 августа III, 82, 103, 130, 151, 170.
- Комиссия Тимирязева II, 96.
- Комиссия Шидловского I, 95.
- Кронштадтские события и отклики I, 77, 99, 109, 117—119, 144, 147, 150, 178, 184, 185, 186; II, 10, 60, 63; IV, 11, 55, 137, 153.
- Манифест 3 ноября II, 90; III, 53.
- Манифест 6 августа IV, 73.
- Манифест 17 октября I, 12, 13, 15, 20, 21, 27, 32—34, 37, 49, 53, 56, 63, 66, 86, 121, 129, 132, 136, 138, 140, 152, 153, 154, 158, 160, 181; II, 2, 6, 7, 9, 37, 38, 46, 53, 58, 60, 61, 62, 64, 66, 73, 75, 92, 95, 123, 125, 152, 153; III, 4, 5, 13, 20, 27, 30, 44, 53, 55, 57, 62, 64—66, 84, 89, 93—96, 103—105, 134, 135, 151, 152; IV, 13, 16, 26, 40, 43—45, 55, 68, 73, 85, 118, 129, 133.
- Об‘явление Киева на военном положении III, 136, 163; IV, 41.
- Об‘явление Польши на военном положении I, 129, 135, 136, 140, 143, 152, 184—186, 189; II, 59, 62, 72, 84, 126, 157, 168, 197; III, 5, 19, 51, 56, 57, 63, 97; IV, 1, 10, 32, 40.
- Об‘явление Привислинского края на военном положении I, 138; IV, 41.
- Об‘явление Севастополя на военном положении II, 154.
- Об‘явление Харькова на военном положении III, 171; IV, 9.
- Освобождение политических заключенных I, 12, 13, 42, 43, 56; II, 15, 43, 64.
- Отмена военного положения в Польше III, 56, 57, 102; IV, 39, 40.
- Погромы и избиения I, 10—13, 18, 19, 22, 23, 29, 31, 37, 39, 47, 48, 50, 51, 61—64, 66—68, 72—75, 77, 79, 84, 85, 89, 90, 96, 97, 98, 105, 106, 118, 119, 121, 130, 132, 141, 142, 153, 154, 163, 166, 180, 181, 188, 192; II, 13, 17, 34, 39, 40, 42, 43, 48, 50, 53, 55, 62, 63, 73, 91, 93, 109, 119, 129, 130, 153, 164, 165, 193, 197, 199; III, 6, 18, 19, 48, 49, 51, 53, 55, 84, 105, 134, 135, 136, 137, 158; IV, 21, 38, 40, 53, 63, 73, 74, 76, 77, 84, 85, 96, 102, 118, 119, 136, 153, 154, 163.
- Подавление севастопольского мятежа и отклики III, 27, 57, 59, 146.
- Постановление правительства о почтово-телеграфном союзе IV, 43, 44.
- Репрессии местных властей I, 6, 10, 14, 15, 16, 18, 37, 39, 40, 44, 56, 61, 63, 64, 66, 69, 75, 77, 78, 83, 85, 89, 95, 117, 123, 124, 132, 140, 141, 142, 144, 145, 152, 153, 154, 182, 184, 185, 189, 190, 191; II, 10, 13, 14, 34, 46, 59, 64, 72, 96, 97, 141, 152, 153, 156, 159, 166, 173, 191, 192, 193, 194, 196, 197; III, 9, 11, 14, 18, 44, 55, 62, 86, 119, 160, 161; IV, 37, 52, 53, 54, 55, 59, 81, 83, 84, 95, 96, 105, 132, 138, 143, 144, 154, 159.
- Распоряжение Трепова („патронов не жалеть“) I, 14, 15.
- Указ об учреждении „народного представительства“ в Прибалтийском крае IV, 124, 125.

[1]) Настоящий указатель, посвященный революционному движению и действиям правительства, составлен на основе конкретного информационного материала.

Ж.

Железнодорожное движение I, 62, 65, 106, 153, 160, 162, 182, 185, 192; II, 13, 34, 40, 44, 101, 107, 111, 137, 144, 160, 191; III, 40, 53, 100, 101, 102, 136, 139, 158; IV, 9, 11, 15, 31, 32, 50, 63, 81, 131—133, 139, 151, 152, 158.
Железнодорожная забастовка I, 12, 13, 14, 37, 50, 61, 75, 85, 89, 96, 182, 183; II, 17, 61, 62, 74, 126, 141, 151; III, 53, 63, 67, 136; IV, 10, 11, 32, 33.

И.

Исполнительный Комитет Петербургского Совета Рабочих Депутатов I, 44; II, 21, 33, 100, 127, 155, 156, 177; III, 1, 43, 45, 46, 87, 101, 119, 152, 163, 165; IV, 10, 17, 32, 33, 98, 100, 102.
Исполнительное Бюро почтово-телеграфн. служащих III, 164.
Исполнит. Комитет Спб. отделения Всероссийск. телеграфн. союза IV, 43. 134, 135.

К.

Крестьянское движение I, 2, 37, 51, 85, 106, 116, 117, 161, 162, 178, 179, 190; II, 9, 27, 28, 29, 30, 37, 39, 40, 62, 75, 81 — 83, 91, 111, 124, 126, 129, 141, 152, 153, 174, 186, 188, 197, 198; III, 7, 9, 15, 16, 20, 26, 28, 52, 53, 62, 63, 74, 100, 102 — 104, 119, 133, 136, 139, 155, 158; IV, 7, 18, 21, 31, 51, 63, 71, 72, 84, 95, 96, 97, 117, 118, 154.
Крестьянский союз II, 39, 62, 92, 129, 153; III, 1, 104, 164; IV, 40, 52, 83, 124, 136.
Крестьянский Революционный Комитет в Саратове II, 82.
Крестьянский союз партии правового порядка“ IV, 136.
Комитет крестьянского союза IV, 52.
Комитет борьбы в Харькове II, 18; IV, 143.
Комитет общ. помощи голодающим I, 106; III, 9.
Комитет защиты прав и общественной безопасности союза врачей Уссурийского края I, 141.
Комитет по организации первого свободного союза служащих Волжского бассейна II, 165.
Комитет по сбору пожертвований для пострадавших от беспорядков и погромов I, 11, 12, 13, 38, 40, 62; II, 38, 111, 164.
Комиссии:
Комиссия для оказания помощи безработным при Петербургском Совете Раб. Деп. II, 145, 155; III, 46; IV, 13, 17, 43.
Комиссия о голоде IV, 54.
Комиссия помощи амнистированным II, 93.
Комиссия по приисканию занятий при ЦБ деятелей по народному образованию II, 21.
Конференции и конгрессы:
Конгресс французской соц. партии II, 69.
Конгресс народных учителей-латышей III, 148, 149.
Всероссийская конференция ж.-д. союза IV, 50.
Конференция Добровеличковского района Елисаветградского уезда III, 54.
Конференция по аграрному вопросу I, 91.
Конференция ремесленников Районного Комитета П. К. Р. С-Д. Р. П. II, 48.
Конференция северных комитетов Р. С.-Д. Р. П. IV, 57, 78.

М.

Манифест Совета Рабочих Депутатов IV, 123, 124, 145.
Манифест I Всероссийского почтово-телеграфного с'езда III, 64, 65.
Митинги и демонстрации I, 14, 15, 16, 18, 21, 50, 51, 55, 57, 61, 70, 72—75, 86, 88, 89, 94, 96 — 98, 106, 107, 109, 118, 128, 130 — 132, 141, 142, 145, 146, 149, 150, 151, 153 –156, 163, 182, 185, 186, 190, 191; II, 9, 12, 14 — 18, 33 — 37, 44, 48, 53, 68, 72, 73, 99, 111, 123, 124, 126, 132, 142, 143, 151, 152, 159, 161, 166, 171, 172, 173, 174, 188, 189, 190, 199, 200; III, 5, 9, 18, 19, 26, 40, 43, 44, 48, 52, 53, 64, 71, 85, 93, 94, 95, 104, 116, 126, 127, 137, 139, 143, 144, 145, 147, 149, 150, 158, 163, 164, 166, 167, 169, 170; IV, 13, 20, 31, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 52, 53, 59, 63, 72, 73, 75, 80, 81, 89, 94, 95, 96, 100, 101, 104, 106, 109, 133, 142, 143, 152, 156.

О.

Отклики русской революции на Западе I, 21, 22, 38, 39, 48, 49, 71, 72, 109, 111, 114, 124, 129, 152, 186, 188; II, 6, 7, 41, 42, 60, 83, 154, 163, 164, 174; III, 9, 10, 17, 18, 51, 65; IV, 1, 2, 26, 31, 51.

П.

Партии:
Анархисты IV, 67.
Бунд.
Бунд (Птб.) I, 42, 57, 70, 73, 78, 167; IV, 14.
Варшавская организация Бунда IV, 62.
Виленский комитет Бунда III, 52.
Гродненская организ. Бунда II, 143; III, 19, 94.
Минский комитет Бунда III, 93.
Дрошакисты (армянская нац. партия) I, 190.
К.-Д.
Конституц.-демократ. партия (Костр. ком.) II, 91.
Конституц. - демократ. партия (Пет. ком.) I, 6, 40, 56, 57, 58, 59; II, 61, 64, 126, 127, 154; III, 46, 77, 99; IV, 12, 47, 75.
ЦК конституц.-демократ. партии II, 91; III, 66.
Народно-демократ. партия II, 127.
Партия правового порядка II, 53, 54, 61, 128, 129; III, 133, 144, 147, 148, 162; IV, 16, 136, 137, 154.
Польская Соц. Партия (ППС) I, 50, 72, 135, 167, 188; II, 72, 127; III, 131; IV, 73, 77, 106, 124.
Прогрессивно - экономическая партия I, 124; II, 22, 23, 61.
Радикальная партия II, 116; IV, 126.
С.-Д.
Бакинский Комитет Р. С.-Д. Р. П. II, 196.
Бакинский Федеративный Совет II, 196.
Бахмутская группа Р. С.-Д. Р. П. III, 93.
Бюро Комитета Об'единенной организации студентов Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. III, 129.
Варшавский Комитет Соц.-Дем. Партии Польши и Литвы I, 152.
Виленская группа Р. С.-Д. Р. П. II, 111.
Виленский об'единенный комитет Р. С.-Д. Р. П. и Бунда II, 111.
Витебская группа Р. С.-Д. Р. П. III, 75.
Владимирская окружная организация Р. С.-Д. Р. П. IV, 57.
Двинский Комитет Р. С.-Д. Р. П. II, 76, 199; III, 19; IV, 35.
Иваново-Вознесенский К-т Р. С.-Д. Р. П. II, 151; IV, 57.
Казанский Соц.-Дем. Комитет I, 73.
Киевская военная организ. Р. С.-Д. Р. П. IV, 20, 21.
Киевский Комитет Р. С.-Д. Р. П. III, 11.
Колпинский с.-д. политич. раб. клуб IV, 34—35.
Костромской Комитет Р. С.-Д. Р. П. IV, 40, 57.
Курский Комитет Р. С.-Д. Р. П. IV, 77.
Латышская С.-Д. Раб. Партия IV, 14, 54, 57.
Либавский об'единенный комитет Р. С.-Д. Р. П. IV, 14.
Литовская С.-Д. Партия IV, 57.
Лохвицкая группа Р. С.-Д. Р. П. III, 53.
Международное Социалистич. Бюро II, 10, 11.
Минская группа Р. С.-Д. Р. П. II, 199; III, 93, IV, 132.
Московская группа Р. С.-Д. Р. П. III, 8.
Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. I, 39, 125; II, 40, 73; III, 126; IV, 57, 152.
Федеративный Совет Моск. Комит. и Моск. группы Р. С.-Д. Р. П. I, 86, 125, 160.
Мусульманская соц.-дем. группа Бакинск. Комит. III, 113.
Нижегородский об'единенный Комитет Р. С.-Д. Р. П. II, 161.
Нижегородский Комитет Р. С.-Д. Р. П. III, 170; IV, 57.
Одесская группа Р. С.-Д. Р. П. II, 138.
Одесский об'единенный Комитет Р. С.-Д. Р. П. II, 138.
Одесский Комитет Р. С.-Д. Р. П. I, 72.
Организ. Комитет Р. С.-Д. Р. П. II, 11; IV, 34, 56, 73, 74, 77, 124.
Орловско-Брянский К-т Р. С.-Д. Р. П. IV, 57.
Петербургская группа Р. С.-Д. Р. П. III, 139.
Петерб. Комит. Р. С.-Д. Р. П. I, 20, 45, 90, 139, 140; II, 50, 162; III, 13, 41, 55, 67, 111, 112, 120, 139, 140, 141, 143, 163, 165; IV, 15, 78, 87, 100, 150.
Федеративный Совет Петерб. Комит. и Петерб. группы Р. С.-Д. Р. П. I, 13, 14, 20, 44, 54, 58, 69, 73, 91; 169, 186; II, 39, 40, 49, 63, 72, 137, 145, 155, 172; III, 71, 120, 163, 169, IV, 17, 31, 34, 140, 142, 143.

Польская с.-д. партия IV, 57.
Ростовская группа Р. С.-Д. Р. П. IV, 40.
Речи ораторов Р. С.-Д. Р. П. I, 13, 91, 128, 146, 148, 150, 185; II, 49, 54, 63, 98, 99, 127, 131; III, 41, 71, 85, 115, 116, 119, 126, 144, 145, 147, 148, 165, 166, 167; IV, 14, 16, 25, 35, 59, 138.
Саратовский К-т Р. С.-Д. Р. П. II, 83, 198; III, 140; IV, 83.
Самарский К-т II, 19, 110; III, 149.
Севастопольский К-т Р. С.-Д. Р. П. IV, 76.
Тамбовская группа Р. С.-Д. Р. П. IV, 55, 56.
Тверской К-т Р. С. Д.-Р. П. IV, 57.
Тифлисский К-т Р. С.-Д. Р. П. I, 190; II, 17.
Тульский К-т Р. С.-Д. Р. П. IV, 57.
Украинская С.-Д. Партия IV, 78.
Уфимский К-т Р. С.-Д. Р. П. II, 53.
Финляндская С.-Д. Партия II, 142; IV, 20.
Харьковский Федеративный Совет Р. С.-Д. Р. П. IV, 143.
Херсонский К-т Спілкі III, 54.
Центральный К-т Р. С.-Д. Р. П. I, 15; II, 10, 11, 30—33, 147, 149, 171; IV, 34, 56, 124, 134, 150.
Ярославский К-т Р. С.-Д. Р. П. I, 155; II, 53; IV, 40, 56.
Заграничные с.-д. партии.
Бельгийская соц.-дем. партия I, 66.
Немецкая С.-Д. партия III, 120, 161.
Центральный агит. к-т С.-Д. партии Саксонии II, 42.
С.-Р.
С.-Р. партия I, 91; II, 72, 78, 81, 82, 127; III, 41, 53, 100, 102, 104, 116, 127, 145, 146, 155, 165, 167.
Союз русского народа II, 157.
Спілка (Укр. рад. партия) III, 164, 165.
Сакартвелисты (грузинск. нац. партия) I, 190.
Торгово-промышленная партия (в Петерб.) II, 127, 174.
„Тульский союз за царя и порядок“(полит. партия) IV, 73.
Печать:
„Баку“ (газета) III, 53.
„Биржевые Ведомости“ II, 14, 83; III, 23, 66, 159; IV, 52.
„Братские Листки“ (орган духовенства. изд. в Саратове) III, 7.
„Борьба“(орг. Моск. Ком. с.-д. больш.) IV, 46, 59, 72, 159.
„Варшавский Дневник“ I, 162.
„Ведомости Спб. Градоначальства“ (пр. орг.) II, 95; III, 89.
„Ведомости Градоначальства“ (в Одессе) I, 84.
„Век“ (полит. газета, в Москве) I, 40.
„Вечерняя Почта“ I, 11, 62, 86; II, 59, 126, 151, 172; III, 26, 64, 84, 144.
„Возрождение“ (журнал) II, 17.
„Волховский Листок“ (в Новгороде, орг. бурж. либ.) I, 191.
„Вперед“, орг. Моск. Ком. орг. с.-д. больш. II, 167; III, 26, 163; IV, 5, 78.
„Всемирный Вестник“ (журнал) I, 145.
„Голос“ (птб. газета) III, 46.
„Голос Жизни“ (газета) III, 144.
„Голос Правды“ (реакц. газета) III, 159; IV, 76.
„Голос Средне-Учебных Заведений“ (орг. петерб. студенч.) II, 176.
„Гражданин“ (прав. орг.) II, 95; IV, 74.
„Губернские Ведомости“ (тульская газета) IV, 73.
„День“ (реакц. газета) II, 152; III, 27, 64, 159; IV, 9.
„Донская Речь“ (газета Ростова-на-Дону) III, 127.
„Духовный Вестник“ (Саратов) I, 84.
„Дятел“ (сатир. левый журнал) IV, 102, 154.
„Жало“ (сатир. журнал) IV, 96.
„Железнодорожник“ IV, 131.
„Жизнь“ (кадетская газета) I, 16; IV, 46, 72, 96, 128.
„Закаспийское Обозрение“ (газета) II, 152.
„Земля и Воля“ (птб. газета) IV, 102.
„Зритель“ (журнал) II, 157.
„Известия Совета Рабочих Депутатов г. Костромы“ IV, 41.
„Известия Совета Рабочих Депутатов“ (в Петербурге) I, 13, 14, 120, 159, 181, 184; II, 14, 60, 156; III, 68, 115.
„Из истории студенческих волнений“, птб. книга IV, 43.
„Искра“ (орг. Р. С.-Д. Р. П.) I, 56, 58; II, 32; III, 163; IV, 5, 24).
„Кавказ“ (офф. орг.) II, 28.
„Кавказский Рабочий Листок“ II, 173.
„Казбек“ (бурж.-либ. владикавказск. орган) II, 40.
„Киевлянин“ (реакц. газета) III, 136.
„Киевские Новости“ (газета) IV, 103.
„Киевское Слово“ (газета) III, 94; IV, 97.
„Колокол“ Герцена III, 82.
„Коммерческая Россия“ (одесская газета) III, 20.
„Кремль“ (газета) II, 9.
„Курские Губернские Ведомости“ (газета) I, 110.
„Курьер Варшавский“ (бурж.-либ.) I, 84; III, 102; IV, 71.
„Курьер Поденный“ (газета, орг. ППС) III, 136.
„Курьер Поранный“ (газета) III, 102.
„Мир“ (конст.-дем. газета) II, 61.
„Московские Ведомости“ I, 106, 140, 163; II, 9, 152; III, 64; IV, 9, 19, 95, 96.
„Московская Газета“ (орг. с.-дем.) II, 9, 172; III, 8, 27, 83, 85, 133; IV, 78.
„Московский Листок“ (прав.-либер. газета) II, 93; III, 64; IV, 9, 96.
„Новости“ (либеральн. газ.) I, 140; III, 60, 61, 142, 144; IV, 45, 77.
„Новости Дня“ IV, 133.
„Новое Время“ (реакц.газета) I, 58, 64, 114, 159; II, 45, 58, 60, 95, 133, 157, 191; III, 22, 50, 51, 66, 100, 144, 159; IV, 4, 19, 26, 44, 45, 47, 91, 94.
„Неделя“ (Птб.) I, 103.
„Наша Жизнь“ (газета) I, 16, 29, 57, 102, 174; II, 58, 83, 120, 128, 148, 149; III, 25, 66, 78, 159; IV, 4, 25, 126, 127, 147, 162.
„Начало“ (орг. с.-д.) I, 77; II, 145, 148, 154; III, 60, 71, 96, 97, 130, 132, 144, 171; IV, 12, 24, 41, 52, 78, 92, 135, 149.
„Народная Воля“ (газета) II, 191.
„Накануне“ (журнал универс. центр. орг.) IV, 52.
„Наборщик“ (журнал) I, 145; II, 45.
„Набат“ (моск. с.-д. сатир. журн.) IV, 153.
„Об'единение“ (черносот. листок) IV, 54.
„Одесский Листок“ II, 130.
„Освобождение“ (орг. Струве) I, 16 42; II, 123; III, 97; IV, 126.
„Петербургская Газета“ III, 66, 81; IV, 18, 52.
„Петербургские Ведомости“ III, 66; IV, 74.
„Петербургский Листок“ (реакц. газета) III, 144; IV, 52.
„Печатный Мир“ (птб. журнал) I, 145; II, 44.
Письмо стрелкового полка рабочим и служащим петерб. конно-жел. дороги III, 159.
„Пламя“ (сатир. журн.) IV, 154.
„Полевой Инженер“ (армейский орг.) II, 87.
„Право“ (орган к.-д.) I, 6.
„Правопорядок“ (орган Киевского отделения партии правового порядка) IV, 7.
„Правительственный Вестник“ I, 32, 152; II, 60, 61, 191; III, 65; IV, 133.
„Практическая Медицина“ (журнал) III, 11.
„Приазовский Край“ (донская газета) III, 127.
„Пролетарий“ (орг. Р. С.-Д. Р. П.) II, 10, 114; III, 163; IV, 5, 130.
„Профессиональный Союз“ (листок) II, 48.
„Последние Известия“ (листки загран. комит. Бунда) IV, 5.
„Пулемет“ (юм. журнал) III, 88, 156.
„Работник“ (газета, орг. ППС) III, 73.
„Рассвет“ (газета) IV, 74.
„Рабочий Голос“, IV, 65, 128.
„Раб. Дело“ (орг. Р. С.-Д. Р. П.) III, 163; IV, 128.
„Рабочая Мысль“ III, 163; 128.
„Революционная Россия“ (с.-р. орг.) III, 168; IV, 5.
„Родина“ (в Петерб.) I, 16, 93.
„Русская Газета“ I, 91, 159; II, 3, 145; III, 98, 144, 161; IV, 12, 52, 78.
„Русские Ведомости“ I, 10, 86, 106; II, 39; III, 84; IV, 8, 73.
„Русский Инвалид“ II, 191.
„Русский Листок“ (газета) I, 40; II, 152; III, 27, 64, 84; IV, 9, 84, 96.
„Русский Рабочий“ I, 120.
„Русская Община“ II, 79.
„Русский Туркестан“ (передовая газета) II, 152; IV, 32.
„Русское Слово“ I, 10; II, 40, 60, 73, 80, 93, 126, 152; III, 7, 64; IV, 8, 72, 73, 96.
„Русское Собрание“ (газета) III, 63.
„Русь“ (газета) I, 29, 103, 138; II, 58, 60, 169, 170; III, 5, 29, 80, 95, 96, 119, 159; IV, 25, 66, 67, 71, 91, 92, 105, 148.
„Русь Самодержавная“ (казанская газета) II, 73.
„Самарская Газета“ II, 149.
„Свет“ (птб. газета) I, 159; II, 95, 191; III, 144, 159.
„Своб. Слово“ (птб. газета) IV, 52.
„Свободный Народ“ (кадетская газета) IV, 128, 148.
„Север“ (журн.) I, 145.
„Северный Край“ (в Ярославле) II, 40, 41.
„Северо-Западный Край“ (газета в Минске) I, 12, 61; III, 93.
„Саратовский Дневник“ II, 81; III, 20.
„Слово“ (реакц. газета) II, 65, 191; III, 66, 95, 133, 144, 153, 159; IV 5, 27, 52, 55, 127, 129.

„Сын Отечества“ (орг. либ. бурж.) I, 5, 6, 79, 81, 102, 103, 141, 159; II, 148, 149; III, 6, 29, 47, 58, 100, 145, 155; IV, 3, 12, 59, 90, 102, 135.
„Торгово-Промышл. Газета“ (орг. мин. фин.) I, 80; III, 121; IV, 52.
„Трибуна“ (газета, орган союза прогрессист. польск. адвокатуры) IV, 7.
„Утро“ I, 86.
„Южная Неделя“ (киевск. журн.) I, 61; III, 94.
„Южные Ведомости“ (газ., Одесса) I, 84.
„Южный Телеграф“ (донская газета) III, 127.
„Финляндская Газета“ (жанд. орг.) IV, 19.
„Цнобис Пурцели“ (национал. груз. газета) II, 29.
Покушение на Трепова II, 10; III, 72, 88, 167, 168.
Польское движение I, 123, 124, 129, 152, 189; II, 14, 109, 141, 164; III, 52, 53, 57, 158; IV, 9, 13, 40.
Почтово-телеграфные забастовки III, 8, 9, 10, 12, 21, 26, 27, 30, 45, 46, 56, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 81, 83, 84, 86, 97, 102—104, 136, 137, 139, 158, 159, 160, 163—165, 170; IV, 5, 7—12, 19, 28, 31, 50, 51—53, 71, 72, 75, 78, 131—135, 152, 158.

Р.

Рабочее движение I, 11, 12, 14—16, 19, 20, 40, 43—46, 61, 64, 66, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 91, 93—95, 98, 106, 107, 126—128, 144—146, 148, 149, 153, 155, 180—183, 185, 186, 189; II, 12, 14, 33—37, 40, 54, 71, 100, 101—105, 110, 111, 113, 124, 135, 136, 143, 157, 159, 160, 161, 189, 190; III, 8, 9, 14, 15, 17, 28, 43, 64, 67, 70, 71, 84, 85, 86, 90, 91, 94, 102, 113—116, 126, 127, 136, 140, 141, 145, 165, 166, 167, 170; IV, 9, 15, 17, 18, 20, 53, 54, 55, 59, 60, 62, 111, 112, 120, 132, 138, 140, 158, 159.
Рабочие забастовки I, 11, 12, 14—16, 19, 43, 46, 55, 61, 62, 72, 74, 85, 86, 94, 110, 126, 130, 141, 142, 145, 150, 155, 163, 164, 181—184, 186, 189—192; II, 6, 9, 17, 38, 53, 60, 61, 66, 67, 91, 93, 97, 105, 124, 126, 130, 135—137, 141, 145, 152, 153, 159, 160, 166, 171—174, 188, 189, 199; III, 8, 15, 18, 19, 27, 28, 62, 63, 70, 83, 91, 93, 103, 113, 115, 119, 127, 170; IV, 17, 18, 37, 41, 60, 63, 71, 73, 79, 80, 83, 103, 118, 153, 162.

С.

Самооборона I, 11, 12, 28, 30, 38, 40, 41, 48, 63, 64, 68, 85, 88, 90, 97, 126—128; II, 124; III, 20, 94, 149.
Совет министров III, 66, 162; IV, 153.
Совет Московского университета II, 84.
Совет профессор. Петерб. университета III, 162.
Совет старост Петербургского университета I, 47; III, 67, 139; IV, 13, 32.
Советы рабочих депутатов:
Совет Выборгских Депутатов III, 29.
Совет Раб. Деп. в Киеве III, 94.
Совет Раб. Деп. в Москве II, 65, 136 137; IV, 51, 82, 94.
Совет Раб. Деп. в Одессе II, 144.
Совет Раб. Деп. в Петербурге I, 13, 20, 42, 44, 69, 86, 88, 91, 99, 120, 126, 139, 140, 143, 144, 147, 148, 150, 151, 157, 166, 169, 171, 181, 183—186; II, 6, 11, 13, 19, 34, 44, 49, 60, 64, 66, 72, 83, 93, 98, 99, 100, 102, 127, 131, 135, 137, 144, 145, 155, 161, 167, 189, 192, 193; III, 46, 62, 63, 65, 70, 84, 86, 87, 91, 95, 102, 119, 145, 147, 148, 152, 158, 161, 162; IV, 63, 80, 81, 96, 98, 106, 109, 136, 156, 163.
Совет Раб. Деп. в Ревеле III, 87.
Совет Раб. Деп. в Ростове II, 200; III, 15.
Совет Раб. Деп. в Самаре IV, 132.
Совет Рабочих Депутатов в Нахичевани и Ростове н/Дону III, 127.
Совет Раб. Деп. в Твери IV, 162.
Союзы:
Всеобщая конфедерация труда II, 71.
Всероссийский академический союз I, 65.
Всероссийский союз земледельцев III, 85.
Всероссийский крестьянский союз II, 39, 62, 92, 129, 153; III, 1, 104, 164; IV, 40, 52, 83, 124, 136.
Всероссийский союз железнодорожников II, 9; III, 40, 66, 74, 100; IV, 9, 10, 15, 31, 72, 79, 101, 102, 132, 133, 152, 158.
Всероссийский союз почтово-телеграфн. служащих I, 10; III, 10, 13, 56, 66, 67, 69, 85, 86, 90, 101, 104, 164; IV, 9, 16, 31, 43, 53, 72, 75, 131, 134, 135, 140.
Всероссийский союз служащих по ведомству государственн. контроля II, 63.
Гапоновский союз I, 182.
Московский союз еврейской интеллигенции II, 151.
„Священный союз учащихся средних школ“ I, 43.
Северный союз учащихся средних школ I, 43.
Союз адвокатов II, 194.
Союз банщиков IV, 79.
Союз билетеров III, 64.
Союз биржевых артелей I, 11.
Союз булочников и кондитеров I, 182; IV, 15.
Союз вешальщиков III, 64.
Союз владельцев мебельных и столярных фабрик II, 40.
Союз волжских служащих II, 165.
Союз вольнонаемных служащих IV, 79.
Союз газетчиков II, 9, 151; IV, 9, 95.
Союз дворников III, 143, 157.
Союз драматических и музыкальных писателей II, 159.
Союз деятелей изящных искусств II, 126.
Союз естествоиспытателей и врачей Петербурга III, 47.
Союз зубных врачей и учащихся в зубоврачебных школах II, 99; III, 13, 41, 144.
Союз защиты свободы печати I, 1, 40, 145, 159, 186; II, 44, 157.
Союз земских служащих IV, 72.
„Союз издателей“ II, 61.
Союз инженеров и техников I, 18, 65, 123, 157, 166; II, 50, 72; III, 8, 63, 88, 139; IV, 16, 75, 137.
Союз кожевников II, 199.
Союз конторщиков, письмоводителей, бухгалтеров I, 122; II, 44, 63, 134; III, 164; IV, 79.
Союз книгоиздателей I, 123, 186; II, 100; III, 48; IV, 53.
Союз книгопродавцев II, 62, 64.
Союз красильщиков IV, 79.
Союз лесоводов IV, 16.
Союз ломовых и легковых извозчиков I, 40; II, 93; IV, 83, 157.
Союз мастеров и техников II, 195; III, 165.
Союз медперсонала II, 44, 66, 127, 134, 158; III, 13, 70, 84; IV, 73.
Союз модисток II, 159; IV, 107.
Союз наемных работников книжного дела II, 62.
Союз нарвских рабочих III, 145.
Союз об'еднившихся московских писателей I, 107.
Союз оркестровых деятелей II, 48.
Союз переплетчиков IV, 75.
Союз петербургских официантов II, 66.
Союз петербургских переплетчиков, брошюровщиков, фальцовщиков и фальцовщиц III, 118.
Союз поваров IV, 36, 107.
Союз полицейских служащих II, 95, 134, 135; III, 47, 116, 117.
Союз польской радикальной молодежи I, 129, 130.
Союз портных, белошвеек, рубашечников I, 48; III, 52; IV, 83, 107.
Союз портовых и кораблестроительн. рабочих II, 189; III, 120; IV, 16.
Союз приказчиков и служащих торговых предприятий I, 93, 108; II, 6, 61, 63, 95, 99; III, 14, 52, 66, 70, 74, 88, 144; IV, 8, 12, 36, 145, 146.
Союз прислуги III, 164.
Союз прогрессивной радикальной польской молодежи II, 45.
Союз рабочих бронзо-литейного цеха IV, 123.
Союз рабочих механического и хирургического инструментальн. производства III, 64.
Союз рабочих печатного дела I, 16, 40, 71, 92, 93, 107, 147, 148; II, 9, 42, 63, 65, 67, 132, 172, 195; III, 52, 67; IV, 33, 53, 79.
Союз рабочих золото-серебряного производства II, 195.
Союз рабочих по обработке дерева II, 48, 195; III, 52; IV, 55, 96.
Союз рабочих сапожного и башмачн. дела I, 19; II, 97, 188; III, 52, 74.
Союз равноправия евреев III, 48.
Союз равноправия женщин II, 173.
Союз русского женского общества I, 65; II, 173.
Союз садовников III, 142.
Союз служащих в городском общественном управлении IV, 16.
Союз служащих в земских учреждениях II, 47; IV, 72.
Союз служащих в кредитных и банковых учреждениях II, 100, 191; III, 41.
Союз служащих нотариальных контор II, 134.
Союз служащих писчебумажных магазинов, фабрик и контор IV, 133.
Союз служащих с.-петербургск. контрольной палаты III, 13, 14, 90.
Союз служащих техническ. и электрических контор II, 62.

Союз сотрудников периодической печати I, 17.
Союз союзов I, 10, 15, 36, 41, 42, 64, 88, 91, 135, 147, 165, 166; II, 9 — 11, 48, 99, 127, 135; III, 29, 48, 63, 78, 79, 119; IV, 32, 76, 78, 108, 123, 137.
Союз страховых и транспортных обществ IV, 19, 108.
Союз строительных работ II, 19.
Союз сценических деятелей II, 65; III, 16, 47; IV, 106.
Союз телефонного дела III, 69.
Союз тружеников трактирного промысла II, 67; III, 42, 63, 83, 90, 142.
Союз учителей и деятелей по народн. образованию I, 17, 31, 89, 108; II, 32, 46, 99, 134; III, 78, 144; IV, 109.
Союз фабрикантов I, 111; II, 22; III, 85.
Союз фармацевтов I, 40, 89, 181; II, 11, 47, 64, 66, 127, 134, 158; III, 163.
Союз фотографов II, 48.
Союз художников II, 193; IV, 107.
Союз часовщиков III, 90.
Союз частных артельщиков I, 65.
Союз чертежников III, 41; IV, 107, 140.
Союз чиновников и служащих прав. учреждений I, 43, 44; II, 134, 194; III, 13, 70, 118; IV, 102.
Союз шапочников IV, 107.
Стачечные комитеты:
Стачечный комитет в Варшаве I, 188,
Стачечный комитет в Москве I, 62, 105, 142; II, 40, 62; III, 8, 26, 27, 62, 63.
Стачечный к-т в Петербурге I, 88, 125.
Стачечный комитет союза конторщиков (в Петербурге) III, 66.
Стачечный комитет в Ярославле I, 155.
Студенческое движеине I, 11, 12, 16 — 18, 45, 48, 63, 65, 72, 73, 86, 89, 123, 146, 147, 165, 182; II, 9, 45, 50, 63, 65, 72, 98, 109, 131 — 133, 157, 158, 173, 176, 193; III, 9, 13, 67, 68, 89, 93; IV, 13, 100, 102, 114.
Студенческие забастовки I, 12, 14, 15, 68, 73.
С'езды:
I с'езд Р. С.-Д. Р. П. II, 147.
II с'езд Р. С.-Д. Р. П. II, 33, 147, 181, 182; III, 77.
III с'езд Р. С.-Д. Р. П. I, 58, 108, 115, 137; II, 32, 57, 77, 171, 181; III, 37, 63; IV, 130, 131.
К IV с'езду Р. С.-Д. Р. П. II, 30 — 32, 129, 149, 162; IV, 56, 87, 134, 150.
С'езд Австрийской соц.-дем. рабоч. партии I, 187; IV, 1.
С'езд Финляндской соц.-дем. рабоч. партии, III 51.
Всероссийский еврейский с'езд II, 151.
Всероссийский жел.-дор. с'езд III, 88; IV, 9.
Всероссийский крестьянский с'езд I, 160, 163; II, 9, 21, 39, 40, 77, 126, 172; III, 1, 104, 105, 165; IV, 131.
Всероссийский почтово-телеграфный с'езд II, 153; III, 8, 26 — 28, 45, 62, 64, 65, 84, 85, 86; IV, 8, 96, 134.
Всероссийский с'езд землевладельцев III, 62, 63, 86.
Всероссийский с'езд лесоводов и лесных техников IV, 16.
Всероссийский с'езд общ-в взаимопомощи II, 44.
Всероссийск. с'езд старообрядц. III, 84.
Всероссийский учительский с'езд I, 60, 162.
Делегатский с'езд землевладельцев III, 9, 27, 28, 62, 63, 86.
Делегатский с'езд Союза союзов IV, 78, 79.
Областной с'езд учителей в Петербурге III, 78 — 80, 104, 146, 147.
С'езд городских и земских деятелей I, 160 — 163; II, 1, 7, 37 — 40, 57, 61, 91, 93, 125, 167; III, 64, 66, 77, 85, 153; IV, 7, 40, 94.
С'езд деятелей по народному образованию II, 46.
С'езд инородцев III, 88, 89.
С'езд кадетской партии IV, 95.
С'езд народных учителей и учительниц Ростовского уезда IV, 40.
С'езд общ-в взаимопомощи II, 44.
С'езд русских агрономов III, 83.
Черная сотня I, 3, 14, 18, 19, 44, 48, 58, 61, 66, 67, 70, 75, 86, 89, 114, 121, 153, 181, 191; II, 144, 151, 157, 165, 192; III, 81, 93, 105, 130, 134, 135, 156, 160, 166, 167; IV, 13, 17, 27, 33, 37, 38, 62, 84, 95, 97.

ИЗД
ПРИБОЙ